

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

ТОМЪ СХ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СХ.

1907

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1907

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

ОКТАБРЬ, 1907 Г.

ковскаго и Н. В. Гоголя. Вып. I. Изд. императорской академіи наукъ. Спб 1907. Ф.—6) Д. К. Треневъ. Сохраненіе памятниковъ древне-русской иконописи. Спб. 1907. А. Я.—7) Л. Никольскій. Историческій очеркъ авонской стѣнной живописи. Спб. 1907. А. Я.—8) Князь С. Д. Урусовъ. Записки губернатора. Спб. 1907. М. Г.—9) Н. А. Морозовъ. Откровеніе въ грозѣ и бурѣ. Спб. 1907. А. Б.—лова.—10) В. В. Святловскій. Положеніе вопроса о рабочихъ организаціяхъ въ иностранныхъ государствахъ. Вып. I. Профессиональные рабочіе союзы. 2-е изд. дополн. и исправл. 1906. М. К.—11) Сборникъ по мелкому кредиту. (Посвящается памяти П. А. Соколовскаго). Составилъ С. В. Вородаевскій. Спб. 1907. М. К.—12) Л. Дюпріе. Государство и роль министровъ въ Англіи, Германіи, Пруссіи и Франціи. Переводъ съ французскаго. Спб. 1907. В. Г.—13) Ипполитъ Тэнъ. Исторія французской революціи. Ч. I. Харьковъ. 1906. А. Б.—лова.—14) П. Митрофановъ. Политическая дѣятельность Юсіфа II. Спб. 1907. П. Б.—15) Росси, А. Крестьянское движеніе въ Сидціи. Изданіе «Популярно-научной бібліотеки». Спб. 1907. Я. Бирюнова.—16) С. П. Смирнова. Ворцы за свободу. Спб. 1907. А. Б.—лова.—17) Указатель важнѣйшихъ сочиненій по женскому вопросу. Изданіе «Союза равноправности женщинъ». М. 1907. Д.—18) Alexander Brückner. O literaturze rosyjskiej i naszym do niej stosunku dzis i lat temu trzystu. Szkic literacki. Львовъ и Варшава. 1906. А. Яцимирскаго.—19) Пьеро Орси. Современная Италия. Пер. съ итальянскаго О. Шенрокъ подъ ред. Г. Форстена. Спб. 1907. М. Александрова.—20) Pierre Martino, professeur agrégé des lettres au lycée d'Alger, docteur es lettres. L' Orient dans la littérature française aux XVII et XVIII siècle. Paris. 1906. А. Хах—ова.—21) Д-ръ Станиславъ Кутшеба, доцентъ Ягйлонскаго (?) университета. Очеркъ исторіи государственнаго и общественнаго строя Польши. Переводъ съ польскаго Ядвиги Пашковичъ. Спб. 1907. А. Яцимирскаго.—22) Проф. Л. I. Петражицкій. Университетъ и наука. Опытъ теоріи и техники университетскаго дѣла и научнаго самообразованія. Точъ I. (Теоретическія основы). Спб. 1907. В. Г.—23) Трусовичъ, Я. И. Западная и русская дипломатика и сфратистика древняго Востока. Составлено по программамъ и чтеніямъ проф. Дихачова и по другимъ источникамъ. Спб. 1907. Я. Бирюнова.

XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи 315

1) Четыре неизвѣстныхъ комедіи Менаандра.—2) Воскресшій Брюгге.—3) Галльскій вѣтухъ.—4) Эдгаръ-Алланъ По.—5) Для кого Викторъ Гюго написалъ «Les Misérables».—6) Японія и Америка.—7) Религіозная жизнь въ Соединенныхъ Штатахъ.—8) Стали ли мы лучше?—9) Международный парламентъ въ 2000 г.—10) Отовсюду.—11) Отношенія Испаніи и Ватикана во время революціи 1868 г.—12) Смерть Грнга и Сюлли Прюдома.

XVII. Смѣсь 347

1) Русскіе памятники въ Болгаріи.—2) Археологическія находки В. В. Хвойко въ Кіевѣ.—3) Шлиссельбургскіе документы.—4) Памятникъ первопечатнику Ивану Федорову.—5) Открытіе театральной школы имени А. С. Суворина.—6) Чествованіе В. М. Соболевскаго.—7) Чествованіе Е. В. Валабановой.—8) Двадцатипятилѣтняя дѣятельность геологическаго комитета.—9) Десятилѣтіе женскаго медицинскаго института.—10) Музей императора Александра III.—11) Даръ бібліотекъ петербургскаго университета.—12) Статистика «трамватической эпидеміи».—13) Положеніе о Пушкинскомъ домѣ.

XVIII. Некрологи 358

1) Вернардацци, А. О.—2) Боголюбовъ, М. П.—3) Вобрецькій, Н. В.—4) Голяковскій, П. В.—5) Дандевилъ, В. Д.—6) Кругликовъ, Г. Н.—7) Лобко, Л. Л.—8) Мусинъ-Пушкинъ, С. А.—9) Полиловъ, Н. Н.—10) Педова, О. Н.—11) Тобилевичъ, И. К. (Карпенко-Карый).—12) Чавчавадзе, И. Г.

XIX. Замѣтки и поправки 367

1) Отвѣтъ г-жѣ Людмилѣ Воткиной, князя Б. А. Щетинина.—2) По поводу замѣтки г. Шадрина и Кноблоха, М. Оглоблина.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ императора Павла I. Съ гравюры Дункортонъ.—2) Вокругъ тѣры. Историческій романъ Эмиля Гебгарта, члена французской академіи, переводъ съ французскаго Ек. Уманецъ. I—III.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЬ I.

Съ гравюры Дункортна.

ОКРОВАВЛЕННЫЙ ТРОНЪ ¹⁾.

(Историческій романъ изъ эпохи императора Павла I).

LXXII.

Слѣдствія императорской благосклонности.

ОГДА принцъ съ генераломъ своимъ сходилъ съ лѣстницы дворца, то послѣдній, задыхаясь отъ счастья, что величайшая опасность миновала благополучно, бросился принцу на шею, и при этомъ радостномъ движеніи съ него слетѣлъ парикъ.

Принцъ поднялъ парикъ. Дибичъ поцѣловалъ его руку.

Въ каретѣ онъ предался еще болѣе шумной радости, повторяя тысячу разъ:

— Благодареніе Богу, императоръ къ намъ милостивъ! Многолѣтняя придворная опытность не могла бы произвести такого дѣйствія, какое произвела ваша дѣтская простота и откровенность. Да! да! Но... не злоупотребляйте сею простотою, мой дорогой принцъ!

Огромное скопленіе экипажей, запрудившихъ всю набережную Невы передъ корпусомъ, поразило принца.

— Что это значитъ? Почему такой съѣздъ?—удивлялся принцъ.

Но баронъ Дибичъ только улыбался и самодовольно потиралъ руки.

Надо было видѣть комическое величіе, съ которымъ эта карикатура на человѣческое существо вышла изъ кареты и вступила

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», т. СІХ, стр. 689.

въ вестибюль и на лѣстницу корпуса, запруженные лакеями съ шубами ихъ господъ.

Пріемные покои помѣщенія, занятаго принцемъ, оказались наполненными посѣтителями. Тутъ были чины двора, дипломатическіе чиновники, генералы, наконецъ дамы разнаго возраста, но всѣ разряженные, бросающія томные, загадочные взоры на юнаго принца...

Едва принцъ показался, ему навстрѣчу поспѣшилъ камеръ-пажъ императора и поднесъ знакъ Мальтійскаго ордена.

Дибичъ украсилъ грудь Евгенія сверкающимъ брильянтами орденомъ и поздравилъ его.

— Но что долженъ я дѣлать съ этой толпой?—тихо спросилъ его принцъ.

Дибичъ, вздернувъ голову, похаживалъ вокругъ принца и кидалъ пренебрежительные, не зрящіе взгляды на толпу посѣтителей.

— Ничего, ваше высочество, ровно ничего!—сказалъ онъ въ отвѣтъ на вопросъ принца.—Вы можете осчастливить нѣкоторыхъ милостивыми вопросами. Но еще лучше будетъ, если вы сейчасъ же удалитесь во внутренніе покои, а мнѣ прикажете увѣдомить всѣхъ ихъ, что чувствуете себя крайне утомленнымъ и сегодня никого не можете принять.

— Очень радъ. Сдѣлайте такъ—согласился принцъ и удалился.

Когда черезъ четверть часа къ нему вошелъ Дибичъ, принцъ спросилъ:

— Что собственно вся эта комедія значить?

— Благосклонность императора!—торжественно поднимая палецъ кверху, сказалъ маленькій щелкунъ.—Благосклонность императора! Она сообщила вашему высочеству какъ бы нѣкую магнетическую силу. И вотъ со всѣхъ мѣстъ пылинки устремляются прилѣпиться къ вашему магниту. Но... не довѣряйте никому, ибо они всѣ лукавы, какъ кошки.

— Это очень скучно. Что имъ отъ меня надо, не понимаю! И вовсе не желаю быть какимъ-то магнитомъ для чиновной и придворной пыли. Я пріѣхалъ сюда учиться.

— Корпусъ вашъ дворецъ, принцъ.

— Я бы хотѣлъ быть простымъ кадетомъ.

— Во всякомъ случаѣ прежде должно вашему высочеству послѣ дороги отдохнуть. И я бы просилъ васъ оказать мнѣ высокую честь. Для отдохновенія пожалуйста сегодня вечеромъ ко мнѣ. Въ комнатахъ моихъ, въ веселомъ кругу знакомыхъ, обычно собирающихся въ семействѣ моемъ, кроткія забавы вамъ понравятся. Будутъ очень хорошенькія дѣвушки. Также будетъ начальникъ корпуса Клиngerъ и секретарь его величества Августъ-фонъ-Коцебу.

— Охотно буду,—сказалъ принцъ:—но лишь въ томъ случаѣ, если у васъ будутъ не начальникъ корпуса и секретарь его величества, а драматическіе авторы Коцебу и Клиngerъ.

— О, принцъ! въ кругу близкихъ и своихъ Клиндеръ совѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ въ корпусѣ. Въ комнатахъ монхъ это тотъ Клиндеръ, которымъ знаетъ его отечество, Германія.

— Я буду. Но вотъ что! Непремѣнно пригласите и ротмистра фонъ-Требра. Онъ страстный поклонникъ новой нѣмецкой драматургіи и мнѣ любопытно послушать его ученую бесѣду съ Клиндеромъ и Коцебу.

Чрезвычайное неудовольствіе изобразилось на фізіономіи Дибича.

— Если вамъ угодно, принцъ,—сказалъ онъ:—то я приглашу ротмистра.

LXXIII.

Амуръ и Психея.

Въ комнатахъ Дибича принцъ неожиданно нашелъ самое милое общество. Во-первыхъ, въ домашнемъ костюмѣ и домашней обстановкѣ принцъ совѣмъ не узналъ своего щелкуна. Исчезла карикатурная натянутость и важность. Это былъ милѣйшій, смѣшной старикашка. А жена его оказалась прямо восхитительной старушкой. Комнаты Дибича помѣщались на антресоляхъ и потому были малы, но уютны и наполнены самою смѣшною, старинною мебелью, множествомъ цвѣтовъ, кустовъ, деревьевъ въ фигурныхъ большихъ горшкахъ, убраны различными коврами, ковриками, подушками работы хозяйки, разными механическими картинами, фигуры на которыхъ двигались помощью заведенныхъ пружинъ и внутри играла музыка, букетами изъ самыхъ неожиданныхъ матеріаловъ—изъ хлѣба, пробокъ, стружекъ и т. под. подъ стеклянными колпаками. Множество собаченокъ, кошекъ, попугай, канарейки, ученая сорока, клестъ—оглашали комнаты различными звуками. У Дибича были взрослые женатые сыновья и дочери, явившіеся съ женами и чадами; кромѣ того, другіе нѣмцы и нѣмки привели своихъ дочерей, и принцъ нашелъ дѣйствительно цѣлый цвѣтникъ хорошенькихъ дѣвочекъ и дѣвушекъ. Сейчасъ же затѣялись разговоры, танцы, поднялся смѣхъ, играли аих *petits jeux* и принцу не пришлось внимать бесѣдѣ ротмистра фонъ-Требра съ Клиндеромъ и Коцебу о драматургіи, тѣмъ болѣе, что ротмистръ явился распарженный, накрахмаленный и высоко недоброежелательный ко всему и ко всѣмъ въ комнатахъ личнаго врага его и конкурента Дибича.

Онъ сталъ у печки, скрестивъ на груди руки, и отвѣчалъ односложно на всѣ обращаемые къ нему вопросы. Принцъ, увлеченный играми, скоро, впрочемъ, позабылъ и о немъ, и о нѣмецкой драматургіи.

Завѣдывалъ играми преподаватель миѳологии въ шляхетномъ корпусѣ, родомъ эльзасецъ, полковникъ фонъ-Обенхеймъ, необыкновенно бѣлокурый, тонкій, какъ хлыстъ, и сентиментальный. Онъ предложилъ играть въ Амура и Психею.

— Да! да! станемъ играть въ Амура и Психею! хоромъ закричала молодежь.

— Кто же будетъ Психеей?—спросилъ преподаватель миѳологии.

— Конечно, Лотхенъ! Конечно, Лотхенъ! Милая Лотхенъ! Прелесть Лотхенъ!

Дѣйствительно Лотхенъ, прелестная четырнадцатилѣтняя дѣвушка, напоминала Психею.

— Древніе представляли Психею,—закатывая глаза, нѣжнымъ теноромъ сталъ объяснять преподаватель миѳологии кадетскаго шляхетнаго корпуса полковникъ Обенхеймъ,—въ образѣ юной и прелестной красоты, полной граціи, являющей совершенство формъ и...

— *Ayant des ailes de papillon aux épaules!*—подхватила молодежь.—Мы знаемъ, знаемъ, и сто разъ слышали отъ васъ!—Гдѣ бабочкины крылья!—Несите крылья!—Фрицъ, гдѣ крылья?—Ахъ, Анета, я почемъ знаю!—Отто, принеси же крылья!—Они подъ кроватью у...—Косолапый Отто, бѣги же и лѣзь подъ кровать!

— Да, Психея имѣла радужныя крылышки мотылька на плечикахъ,—продолжалъ лекторально томный полковникъ: — чтобы обозначить подвижность души, символомъ коей является сіе легкое насѣкомое.

Отто, очевидно, слазилъ подъ кровать, потому что явился со слѣдами пыли на кафтанѣ и съ пухомъ на косѣ и принесъ крылья, которыя и привязаны были лентами къ плечикамъ заалѣвшей Лотхенъ.

— А кому же быть Амуромъ?

Поднялся споръ.

Но преподаватель миѳологии рѣшилъ, что это зависитъ отъ свободнаго выбора самой Психеи.

— Ибо душа свободна въ выборѣ предмета,—сентиментально пояснилъ онъ,—и никакія узы надъ нею не властны!

Мальчики стали кружкомъ около Психеи.

Она опустила глазки и конфузливомъ жестомъ пальчика указала на принца Евгенія.

— Принцъ будетъ Амуромъ! Ура!—закричали всѣ—Несите лукъ!—Гдѣ колчанъ со стрѣлами?—Отто, гдѣ колчанъ?—Я видѣлъ, что Фрицъ стрѣлялъ изъ лука сегодня въ кошку!—Фрицъ, ты стрѣлялъ! Гдѣ лукъ?—Онъ, кажется, въ темной комнатѣ, гдѣ... Т-с-с-съ! Какой онъ дуракъ!

— Древніе не всегда изображали Амура съ лукомъ и стрѣлами,—опять началъ объясненія преподаватель миѳологии:—его

изображали и съ горящимъ факеломъ и съ розой въ рукѣ или съ пальцемъ, положеннымъ на уста. Иногда его помѣщали на колесницѣ; запряженной львами, пантерами и тиграми, съ крыльями лазурными, пурпурными и золотыми.

— Но гдѣ же мы возьмемъ колесницу съ пантерами и львами!

— Три стула могутъ изображать львовъ и пантеръ!

— Или котъ Микромегасъ и котовна Пульхерія!

Всѣ эти предположенія были отвергнуты. И кота Микромегаса и котовну Пульхерію, весьма почтенныхъ и древнихъ четвероногихъ, оставили спокойно дремать на коврикѣ у камина. Принца вооружили лукомъ и колчаномъ и привязали ему къ спинѣ два гусиныхъ крыла, порядочно грязныхъ, ибо они служили для обметанія пыли съ механическихъ картинъ и стеклянныхъ колпаковъ надъ цвѣтами изъ необыкновенныхъ матеріаловъ.

Затѣмъ распредѣлили прочія роли: отца, матери и завистливыхъ сестеръ Психеи, наконецъ народа, сопровождающаго Психею во исполненіе оракула въ пустыню, къ дикой горѣ, гдѣ должно ее взять чудовище, назначенное въ супруги Психеѣ гнѣвной Венерой.

Началась игра.

Народъ плакалъ. Отецъ и мать, причитая, обнимали Психею, прощаясь съ нею. Сестры злорадно улыбались.

— *Le moune silence!* Мы забыли *le moune silence!*—вдругъ закричалъ кто-то изъ играющихъ.

— Да! да! Мы это забыли! Въ послѣднюю минуту прощанія наступило *le moune silence!*—Ну, къ чему это, Лора!—Ахъ, Катринхенъ, вы ничего не понимаете въ чувствахъ!...

Поднялся крикъ, споръ. Наконецъ рѣшили, что должно быть «*moune silence*» и помолчали добрыхъ двѣ минуты. Только Фрицъ не выдержалъ и фыркнулъ, за что и получилъ тумака отъ Отто.

Далѣе потребовалась «*un sentier escarpé*», по которой уходитъ на гору Психея, и «*les abymes*», на которыя она «*plonge avec effroi ses yeux*», ожидая, что изъ нихъ покажется чудовище, нареченное богами ей въ супруги. Скалистую тропинку устроили помощью стульевъ и дивана, разстоянія между ними названы были безднами, и Психея, подобравъ платице и показывая крохотныя ножки, вскарабкалась на это сооруженіе и пошла по стульямъ, боязливо бросая взоры въ воображаемыя пропасти. На диванѣ она должна была присѣсть и уснуть, утомленная раздражающими мыслями о чудовищѣ — *fatigué par ces pensées déchirantes*.

Во время ея сна дикая гора должна была превратиться въ великолѣпный дворецъ изъ золота, мрамора и кристалла, окруженный садомъ съ цвѣтами, боскетами, душистыми деревьями и повсюду должны были играть незримые инструменты. Все это было устроено очень быстро. Изъ ширмъ, шалей и эшарповъ надъ Психеей со-

орудили родъ шатра; обставили кругомъ горшками съ растеніями и завели музыку на механическихъ картинахъ; одна играла «Мальбука», другая менуэтъ, третья арію изъ «Орфея въ аду».

Психея пробудилась и стала выражать восхищеніе дворцомъ и садомъ и искать хозяина. Скрытый за китайской ширмой принцъ-Амуръ долженъ былъ изображать «нѣжный, невидимый голосъ» и сказать:

— Ici vous êtes souveraine! Désirez! ¹⁾.

Но вотъ наступаетъ ночь, и Психея ложится спать. Огонь въ комнатѣ былъ потушенъ. Долженъ явиться «l'Époux terrible».

— Ну, что же вы, принцъ! Идите же!—взволнованно зашептали дѣвочки и пихнули переконфуженнаго «ужаснаго супруга» къ Психеѣ.

Принцъ несмѣло двинулся въ темнотѣ, простирая руки, и вдругъ столкнулся съ горячими, дрожащими ручками Лотхенъ. Въ то же время эти ручки крѣпко охватили шею принца и притянули его голову къ трепетной груди такъ близко, что щеки мальчика ожгло горячее, ароматное дыханіе Психеи и онъ услышалъ, какъ безумно стучало ея сердечко. Голова мальчика закружилась, въ ушахъ зазвенѣло, разноцвѣтныя точки запрыгали передъ глазами. Онъ обнялъ Психею и покрылъ ея лицо поцѣлуями.

— Le monstre lui prodiguait de brûlantes caresses! ²⁾ послышался за ними взволнованный шопотъ дѣвочекъ, повторявшихъ фразу изъ учебника міеологіи.

«Монстръ» исчезаетъ. Наступаетъ утро. Психея пробуждается, щурясь отъ внесенныхъ свѣтчъ. Ея щеки пылаютъ, изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ прорывается томный пламень, едва очерченная грудь дышитъ неровно. Психея ищетъ своего супруга, восклицая:

— Si vous m'aimez, o monstre adorable, prouvez le moi en vous montrant à mes regards! ³⁾.

Но «monstre adorable», красный, растерянный, не смѣетъ поднять глазъ и прячется за спинами товарищей и товаровъ по игрѣ. Взрослые, слѣдящіе за игрой изъ сосѣдняго покоя, посмѣиваясь, переглядываются и качаютъ головами.

Дѣвочки совершенно поглощены игрой и подсказываютъ принцу:

— Скажите: O, Psyché! la curiosité souvent est l'écueil du bonheur! ⁴⁾.

— O, Psyché... началъ было тоненькимъ, дрожащимъ голосомъ принцъ, но въ это мгновеніе ротмистръ фонъ-Гребра вдругъ отдѣлился отъ печки и торжественно заявилъ:

¹⁾ Вы здѣсь повелительница! Желайте!

²⁾ Чудовище расточаетъ ей жгучія ласки!

³⁾ Если вы меня любите, обожаемое чудовище, докажите это, показавшись мнѣ на глаза!

⁴⁾ O, Психея! любопытство часто подводный камень счастья!

— Въ качествѣ воспитателя принца, я долженъ настаивать на прекращеніи этой странной игры, такъ какъ она противорѣчитъ инструкціямъ, даннымъ мнѣ его высочествомъ родителемъ принца на предметъ охраненія нравственности моего августѣйшаго ученика!

LXXIV.

Три воспитателя.

Слова ротмистра произвели чрезвычайное волненіе.

Игравшія дѣти подняли негодующій, плачевный вопль:

— Почему нельзя играть въ эту игру? Они всегда въ нее играли. И въ Язона и Медею! И въ троянскаго коня! И въ лабиринтъ съ Минотавромъ и Аріадной! И въ освобожденіе Андромеды Персеємъ! Они все это учили въ миѳологіи и знаютъ, что все это представляютъ въ Эрмитажѣ и смотритъ самъ государь! Остается еще самое интересное, а имъ запрещаетъ этотъ противный!

Еще должна говорить сестра Психеи и ее подучивать! Потому она прячетъ лампу и мечъ и ночью внезапно освѣщаетъ монстра съ цѣлью отсѣчь ему голову и видитъ Амура! Это такъ интересно! Они наливали въ чашку воды и спирта. Спиртъ горѣлъ, и Психея капаетъ на щеку Амуру! А потомъ еще работы, которыя Венера задаетъ Психеѣ! *Puiser à une fontaine une onde noire et fétide!*¹⁾ Это такъ смѣшно! Потому идти въ адъ къ Прозерпинѣ за коробкой, которую нельзя открывать! Это такъ интересно! Они насыпали въ коробку толченаго угля и, открывая ее, Психея вытряхивала себѣ на лицо уголь!

Дѣвочки окружили ротмистра и, пуская въ дѣло безсознательное кокетство, умоляли его позволить продолжать игру. Только Амуръ и Психея не говорили ни слова.

Ротмистръ былъ неумолимъ.

— Я долженъ замѣтить вамъ, ротмистръ, — сказалъ самымъ скрипучимъ голосомъ Дибичъ, вновь теряя добродушіе и превращаясь въ обычную деревянную, напыщенную фигурку: — я долженъ замѣтить, что я тоже имѣю честь быть воспитателемъ принца, уже по званію моему помощника начальника корпуса. И я не нахожу ничего предосудительнаго въ забавѣ дѣтей. Какъ бы иначе я и допустилъ сію забаву!

— Съ своей стороны, и я долженъ сказать то же самое, — вмѣшался преподаватель миѳологіи. — Миѳъ о Психеѣ и Амурѣ есть одинъ изъ возвышеннѣйшихъ въ баснословіи древнихъ. Это признано учеными давно. Этотъ миѳъ, какъ и другіе, я имѣю честь

¹⁾ Черпать изъ фонтана черную и смрадную волну!

преподавать благородному юношеству шляхетнаго корпуса и всегда снискивалъ признательность моего начальника, что его превосходительство, здѣсь самолично присутствуя, сами подтвердить имѣютъ!

— Да! да! да!—подтвердилъ генераль Клингеръ.—Миеологія преподается въ корпусѣ по высочайше утвержденной инструкціи!

— Въ виду сего,—подхватилъ преподаватель миеологіи,—замѣчаніе ротмистра я нахожу лично для меня обиднымъ и совершенно неосновательнымъ!

— Играйте, дѣти!—рѣшилъ Дибичъ.

— Да! да! пусть играютъ!—разсѣянно сказалъ Клингеръ, погруженный въ расчеты партіи пикета.

— Пусть играютъ, но только его высочество воздержится отъ участія въ сей странной игрѣ и играть не будетъ!

— Нѣтъ, будетъ играть принцъ!—наступая на ротмистра и тыча ему мимо носа пальцемъ,—крикнулъ Дибичъ.

— Нѣтъ, принцъ играть не будетъ!—тоже наступая и тоже тыча пальцемъ, кричалъ ротмистръ.

— Нѣтъ, бу-детъ!

— Н-нѣтъ не б-будетъ!

— Н-н-нѣ-ѣ-тъ б-б-у-у-детъ!

— Н-н-нѣ-ѣ-тъ н-не б-б-у-у-д-детъ!

— Я, какъ преподаватель миеологіи шляхетнаго корпуса, имѣя высочайше на сей счетъ преподанныя указанія, самъ предложилъ дѣтямъ сію забаву, развивающую воображеніе и сердце нѣжностью ужаснаго и ужасомъ нѣжнаго въ связи съ чистѣйшею нравственностью, коей сей миѳъ благоухаетъ!—кричалъ преподаватель миеологіи полковникъ фонъ-Обенхеймъ.

— Инструкціи корпуса для меня неизвѣстны, я соображаюсь съ инструкціями принца-родителя, поручившаго мнѣ нравственность августѣйшаго дитяти!—кричалъ въ отвѣтъ ротмистръ фонъ-Требра.—И во всякомъ случаѣ я завтра же представлю все на усмотрѣніе оберъ-гофмейстерины ея величества графини Ливенъ.

Едва ротмистръ произнесъ это имя, какъ воцарилось зловѣщее молчаніе.

Затѣмъ Дибичъ, перемѣнившимся голосомъ сказалъ, что, впрочемъ, не о чемъ спорить, такъ какъ все равно пора итти ужинать.

Дѣти хоромъ тоже заявили, что имъ ужъ и не хочется больше играть.

Клингеръ, оттолкнувъ карты, всталъ и, подойдя къ ротмистру, взялъ его подъ руку и увлекъ въ столовую, заговоривъ о системахъ воспитанія и свидѣтельствуя ему особенное уваженіе, какъ педагогу, о талантахъ и знаніяхъ котораго онъ много услышалъ еще утромъ отъ барона Дибича.

LXXV.

Тетушкинъ секретный кабинетецъ.

Сколько лестнаго ни говорилъ генералъ Клиндеръ за ужиномъ ротмистру фонъ-Требра, сколько ни старался смягчить его, представляя, что принцъ, въ юношеской невинности, обошелся, можетъ быть, во время игры фамиллярнѣе, чѣмъ допускала благопристойность, съ фрейлейнъ Лотхенъ, но что она сама, какъ дочь весьма почтенныхъ родителей, дышитъ невинностью первобытнаго рая, все же отвращеніе г. фонъ-Требра къ вечернимъ собраніямъ у Дибича побудило его доложить на другое утро оберъ-гофмейстеринѣ графинѣ Шарлоттѣ Карловнѣ о совершаемыхъ у Дибича безчинствахъ.

Кузидонъ уже никогда болѣе не видалъ своей Психеи!

Было сравнительно поздно. Въ сладкой дремотѣ принцъ Евгений нѣжился въ пуховой торжественной постели своей. На этотъ разъ спальня прогрѣлась стараніями истопника, съ которымъ принцъ уже успѣлъ вступить въ самую тѣсную дружбу. Несмотря на свой комическій русскій языкъ, онъ имѣлъ съ нимъ передъ сномъ долгую бесѣду, въ то время, какъ тотъ вторично, сидя на корточкахъ, топилъ печь покоя.

Ротмистръ вдругъ отдернулъ занавѣси кровати, со строгимъ выговоромъ за вчерашнее поведеніе.

— Вставайте, ваше высочество, вставайте, — говорилъ ротмистръ, — Вамъ придется дать отвѣтъ Шарлоттѣ Карловнѣ!

— Что такое? — вскакивая, спрашивалъ принцъ. — Какая Шарлотта Карловна?

Онъ ничего не помнилъ и не понималъ.

— О вашемъ непристойномъ вчера обхожденіи съ дѣвицей Лотхенъ уже извѣстно оберъ-гофмейстеринѣ ея величества!

Принцъ вспомнилъ вчерашнее и сладкіе золотые сны, которые снились ему всю ночь, когда онъ то ловилъ Психею, носясь за нею на крылышкахъ надъ цвѣтами, то обнималъ и цѣловалъ ее въ голубой парадной спальнѣ императрицы-тети, то вдругъ ротмистръ, въ видѣ чудовищнаго шмеля, вываленнаго въ толченомъ углѣ, нападалъ на нихъ и чернилъ нѣжныя, алыя щеки и радужныя крылышки Психеи! Принцъ весело засмѣялся этимъ снамъ.

— Смѣйтесь, ваше высочество, смѣйтесь! — строго сказалъ ротмистръ. — Какъ бы не заплакать.

— Ахъ, ротмистръ! А я еще самъ попросилъ Дибича пригласить васъ на вечеринку, чтобы вы могли поговорить съ Клиндеромъ и Коцебу о новой нѣмецкой драматургіи и философіи Канта! — сказалъ принцъ.

— Прошу ваше высочество помнить, что мы не въ Германіи. Я здѣсь только выполняю инструкцію вашего родителя, а драматургію и Канта оставилъ по ту сторону русской границы!

— И вы тоже! — горестно сказалъ принцъ и сталъ одѣваться.

Когда онъ былъ готовъ, ротмистръ объявилъ, что послѣ кофе они сейчасъ же должны ѣхать во дворецъ къ Шарлоттѣ Карловнѣ.

Мурашки пошли по кожѣ мальчика, когда онъ представилъ себѣ стараго грифона. Теперь онъ подѣзжалъ къ Михайловскому замку почти въ такомъ же состояніи, какъ наканунѣ Дибичъ.

Входя въ пріемную стражарей и серьезнѣйшей оберъ-гофмейстерины своей тетки, онъ про себя повторилъ молитву Дибича:

— Nun, Gott sei uns gnädig!

Шарлотта Карловна, выйдя, сначала окинула трепещущаго принца съ ногъ до головы взглядомъ точащей ядъ viperы и скорѣе сунула ему въ губы руку, чѣмъ подала ее для поцѣлуя.

Рѣзкимъ голосомъ, по-нѣмецки, принялась она читать ему длиннѣйшую предіку, выставляя на видъ все неприличіе вчерашняго его поведенія.

— Соучастница во вчерашней вашей непристойной игрѣ по моему приказанію уже подвергнута наказанію розгами. Что касается васъ, то сіе находится въ зависимости отъ высокой руки императрицы! Ея величество сами опредѣляютъ степень вины вашего высочества и соразмѣрное наказаніе!

Вслѣдъ за тѣмъ оберъ-гофмейстерина повела Евгенія въ покои императрицы-тети.

Императрица встрѣтила Евгенія разстроенная и сейчасъ же стала говорить о томъ, какъ она огорчена его дурнымъ поведеніемъ, о коемъ должна написать его родителямъ. Она говорила такъ проникновенно, что и сама наконецъ заплакала и принцъ сталъ проливать слезы, цѣлуя ея руки и платье и умоляя о прощеніи. Императрица наконецъ привлекла его къ себѣ и цѣловала въ лобъ, повторяя: «Какъ ты напоминаешь мнѣ моего брата!»

Послѣ этого принцъ уже не сомнѣвался, что тѣмъ дѣло и кончится.

Но вдругъ императрица встала и, вздохнувъ, кротко произнесла:

— Дѣлать нечего, пойдемъ!

Вслѣдъ за тѣмъ она крѣпко взяла его за руку и повела по холоднымъ великолѣпнымъ заламъ дворца. При прохожденіи мимо однѣхъ дверей въ щель ихъ мелькнули розовыя личики великихъ княженъ, и раздался ихъ громкій шопотъ:

— Его ведутъ въ секретный кабинетецъ.

Услышавъ слова о «секретномъ кабинетцѣ», его высочество, генераль-майоръ и шефъ драгунскаго полка, кавалеръ Мальтійскаго ордена, почувствовалъ себя очень непріятно.

Роковой тетупкинъ кабинетецъ находился въ отдаленнѣйшемъ уголкѣ дворца. Что тамъ произошло, на то въ анналахъ Россійской имперіи не сохранилось никакого указанія, и самыя тщательныя архивныя разысканія въ означенномъ направленіи ученыхъ изслѣдователей, надо думать, не дадутъ никакихъ результатовъ.

Извѣстно только, что когда императрица Марія Ѳеодоровна и принцъ Евгенийъ вышли изъ секретнаго кабинетца, изъ глазъ обоихъ капали крупныя слезы.

Единственное лицо, которому принцъ вечеромъ повѣдалъ все, что произошло въ кабинетцѣ, былъ истопникъ, но этотъ русскій простой мужикъ не оставилъ мемуаровъ, такъ какъ былъ неграмотенъ.

LXXVI.

Вечернее собраніе.

Принцъ Евгенийъ съ воспитателемъ барономъ Дибичемъ долженъ былъ присутствовать на вечернихъ, интимнѣйшихъ собраніяхъ императора, которыя отличались тѣмъ, что на нихъ все было совершенно такъ, какъ бывало на вечернихъ собраніяхъ Фридриха Великаго.

До начала собранія вся августѣйшая фамилія сошлась въ покояхъ императрицы. Ровно въ половинѣ седьмого съ шумомъ распахнулись обѣ половины двери и появился императоръ.

Съ легкимъ наклоненіемъ головы проходя мимо собравшихся, онъ отдалъ низкій поклонъ императрицѣ, ласково кивнулъ великой княгинѣ Аннѣ, супругѣ Константина Павловича, много страдавшей отъ бѣшенаго характера мужа, котораго нѣсколько сдерживалъ лишь страхъ передъ родителемъ, и съ особымъ благоволеніемъ быстро подошелъ къ принцу Евгению.

— Какъ поживаете, милостивый государь?—спросилъ онъ мальчика.—Освоились ли съ нашимъ климатомъ?

— Еще не совершенно, ваше величество, — отвѣчалъ Евгенийъ.

Странно, когда всѣ трепетали предъ Павломъ Петровичемъ, наоборотъ, принцъ чувствовалъ себя особенно непринужденно въ его присутствіи, вѣроятно, потому, что видѣлъ симпатію императора, который напередъ уже былъ склоненъ находить всякое слово мальчика необыкновенно остроумнымъ.

— Bravo, милостивый государь!—сказалъ императоръ, окинувъ присутствующихъ значительнымъ взглядомъ. — Что же мѣшаетъ вамъ, милостивый государь, освоиться совершенно? Наши морозы или наши оттепели?

— Быстрая смѣна тѣхъ и другихъ, ваше величество!

Императоръ засмѣялся и захопалъ въ ладони.

— C'est excellent! Нѣтъ, какъ онъ обученъ, а? Какъ обученъ!

И вдругъ, повернувшись къ императрицѣ, Павелъ Петровичъ подалъ ей руку и открылъ шествіе въ гостиную.

Пара за парой вся августѣйшая фамилія двинулась за нимъ.

Принцъ скромно оставался одинъ назади, такъ что дамой его оказалась оберъ-гофмейстерина графиня Ливенъ, одна имѣвшая право находиться при императрицѣ въ эти часы. Принцъ не только, однако, не рѣшился предложить руку Шарлоттѣ Карловнѣ, но пятился отъ нея, какъ отъ гремучей змѣи.

— Идите же! — прошипѣла она по-нѣмецки и безъ всякой церемоніи вытолкала принца въ двери.

Въ не очень большой парадной гостиной находились интимныя лица вечернихъ императорскихъ собраній. Тутъ былъ графъ фонъ-деръ-Паленъ, въ военномъ мундирѣ, статный, высокій; онъ показался принцу преклонныхъ лѣтъ, съ лицомъ пріятнымъ и внушительнымъ, на коемъ начертано было откровенное прямодушіе совершенно честнаго малаго... Въ мальтійскихъ малиновыхъ мундирахъ Строгановъ, Нарышкинъ, Кутайсовъ.

Оберъ-камергеръ Нарышкинъ былъ тучень и приземистъ; на устахъ его, какъ у балетныхъ танцовщиковъ, порхала любезная улыбка.

Напротивъ того, Строгановъ, низенькій, сухопарый, скорченный, олицетворялъ собою дипломата и придворнаго остряка, съ неизмѣннымъ успѣхомъ повторявшаго постоянно свои старые парижскіе анекдоты, рассказываемые имъ съ элегантною старыхъ салоновъ королевской Франціи.

Гости встрѣтили монарха съ натянутымъ благоговѣніемъ. Онъ обратился къ Палену, который при своей рослости принужденъ былъ наклониться къ государю. Павелъ Петровичъ что-то сталъ шептать ему, странно посматривая то на императрицу, то на великаго князя Александра.

Между тѣмъ Строгановъ и Нарышкинъ подошли къ принцу Евгению и пустились взапуски любезничать съ нимъ.

— Ваше высочество, конечно, не чужды искусствамъ, судя по отзыву его величества о отличномъ образованіи вашемъ? Пластическія искусства, формы прекраснаго въ краскахъ и мраморѣ, конечно, привлекаютъ ваше вниманіе?—говорилъ Строгановъ.

— Но и муза гармоніи, и Терпсихора, и Талія, — подхватилъ Нарышкинъ, — не были исключены изъ вашего образованія, принцъ?

— Если вамъ угодно осмотрѣть художественныя сокровища столицы, принцъ, то я могу быть вамъ полезенъ, думаю, какъ директоръ здѣшней академіи художествъ.

— Съ своей стороны, какъ директоръ театровъ, я могу служить съ этой стороны вашему высочеству!

— Скажите, принцъ, вы, конечно, знакомы съ французской школой живописи? Буше, Грѣзъ, Фрогосаръ... О! Какая прелесть сюжета и исполненія!.. Что вы скажете на этотъ счетъ, принцъ?

— Полагаю, что опера въ ваши лѣта всегда бываетъ любимымъ родомъ зрѣлицъ, хотя Вольтеръ и сказалъ: «Опера есть зрѣлище, столь же странное, сколь и великолѣпное, гдѣ глаза и уши болѣе бываютъ удовлетворены, нежели умъ, гдѣ приспособленіе словъ къ музыкѣ дѣлаетъ необходимыми самыя смѣшныя ошибки, гдѣ приходится пѣть ариетты при разрушеніи города и танцовать вокругъ могилы»,—цитировалъ Нарышкинъ.

— Прекрасно, графъ,—возразилъ Строгановъ;—но я напому вамъ строфу того же Вольтера:

Les Muses, filles du ciel,
Sont des soeurs sans jalousie:
Elles vivent d'ambrosie,
Et non d'absinthe et de fiel¹⁾.

— Однако извѣстная доза горечи и желчи необходима въ искусствѣ, особенно театральномъ, графъ! Какъ ваше мнѣніе, принцъ?

Евгеній хотѣлъ повторить нѣсколько сентенцій о драматургii, которыя запомнилъ изъ рѣчей господина Гагемана, театрального поэта и режиссера города Опшельна, но, взглянувъ на государя, замѣтилъ, что тотъ косится на своихъ придворныхъ остряковъ и показываетъ знаки неудовольствія.

Въ то же время въ умѣ его мелькнули слова Дибича:

— Не довѣряйте никому изъ придворныхъ. Всѣ они лукавы, какъ кошки.

Мальчикъ сказалъ громко:

— Я считаю себѣ не по плечу разговоры съ дипломатами и остряками, такъ какъ я еще только начинающій службу драгунъ.

Императоръ одобрительно потеръ руки и подалъ знакъ, чтобы сядились.

Самъ онъ сѣлъ съ императрицею на софѣ.

Всѣ прочіе помѣстились вокругъ стоявшаго передъ императорской четой круглаго, закусочнаго стола.

Евгенію указано было мѣсто противъ государя, милостиво ему подмигивавшаго.

Вечернія собранія Павла I, какъ было уже сказано, представляли точное воспроизведеніе привычекъ Фридриха II и состояли лишь въ томъ, что непрерывно разносились разныя закуски, причемъ императоръ отпивалъ изъ нѣсколькихъ рюмокъ разнаго вина и былъ словоохотливъ.

Говорилъ онъ только съ Строгановымъ, отъ котораго ожидалась аттическая соль.

И на этотъ разъ государь обратился къ графу:

¹⁾ Музы, дочери неба, сестры, чуждыя ревности. Онѣ питаются амброзіей, а не польнью и желчью!

— Скажи, Строгановъ, о чемъ ты насвистывалъ нашему родственнику?

— Государь, насвистываютъ только безголосыхъ соловьевъ,—сказалъ Строгановъ:—а его высочество имѣетъ въ себѣ орлиную кровь.

— Да, птичка невеличка, а ноготокъ остеръ! Онъ, кажется, уже царапнулъ васъ съ Нарышкинымъ?

— Его высочество пожелалъ скрыть отъ насъ свои познанія подъ драгунскимъ мундиромъ.

— Развѣ нельзя быть драгуномъ и обладать познаніями, Строгановъ?

— Лучшее доказательство послѣдняго, государь, самъ его высочество, генералъ-майоръ и шефъ драгунъ вашего величества.

— Да, да, онъ отлично обученъ, отлично обученъ!—повторилъ полюбившуюся фразу Павелъ Петровичъ, какъ будто рѣчь шла объ отлично натасканномъ щенкѣ.—Онъ обладаетъ познаніями, достаточными для его лѣтъ, хотя и не обучался якобинству у Ромма, а манерамъ у Теруанъ-де-Мерикуръ, какъ твой сынъ Павелъ!—кольнулъ Строганова государь въ самое больное мѣсто.

Сынъ Строганова въ разгаръ революціи очутился съ воспитателемъ своимъ Роммомъ въ Парижѣ, поступилъ въ клубъ якобинцевъ, участвовалъ въ осадѣ Бастиліи, присутствовалъ на засѣданіяхъ національнаго собранія, практически проходя курсъ политическихъ наукъ, какъ объяснялъ въ письмахъ къ отцу его премудрый Роммъ. По приказанію Екатерины, Строгановъ послалъ за сыномъ графа Кочубея, едва вытщившаго мальчика изъ революціонной клоаки.

Сказавъ колкость Строганову, императоръ хрипло захохоталъ. И такъ какъ все у него дѣлалось по часамъ, то вдругъ онъ поднялся съ мѣста, и въ то же время всѣ, какъ бы вслѣдствіе электрическаго тока, вскочили на ноги.

LXXVII.

Новый отецъ.

Императоръ удалился на одну минуту и, возвратясь, подаль императрицѣ руку, чтобы итти къ столу, накрытому въ сосѣдней залѣ.

Ужинъ начинался въ половинѣ девятого и оканчивался ровно въ девять.

Принцъ Евгенийъ за столомъ посаженъ былъ между графиней Шарлоттой Карловной и великой княжной Маріей.

За каждымъ стуломъ стоялъ пажъ.

За стуломъ императора—два камеръ-пажа въ малиновыхъ кафтаняхъ.

На одномъ концѣ стола стоялъ, облокотясь на свою трость, пажескій гофмейстеръ, чиномъ полковникъ; на противоположномъ концѣ—оберъ-гофъ-фурьеръ Крыловъ, въ томъ же чинѣ.

Оба—мальтійскіе рыцари.

Разговаривали за ужиномъ мало. Мѣшало обиліе стремительно обносимыхъ блюдъ. И такъ едва доставало времени отвѣдать кушанья.

Принцу Евгенію, кромѣ того, препятствовало насыщаться столомъ російскаго императора сосѣдство Шарлотты Карловны, одинъ взглядъ которой охлаждалъ кровь въ жилахъ мальчика.

Легкое прикосновеніе императора къ стоявшему противъ него блюду съ разнымъ мороженымъ служило предвареніемъ близости вставанія изъ-за стола, что происходило неизбѣжно по первому удару заповѣдныхъ девяти часовъ.

Аппетитнѣйшая внѣшность заключительнаго кушанья императорскаго ужина заставила принца забыть и сосѣдство Шарлотты Карловны и внимательное наблюденіе за нимъ черезъ столъ барона Дибича.

Не успѣли однако губы принца коснуться мороженаго, представлявшагося его жаднымъ взорамъ въ образѣ всевозможныхъ восхитительнѣйшихъ плодовъ жаркаго пояса, какъ наступила роковая минута вставанья.

Огромные часы столовой ударили медлительно-протяжнымъ боемъ. Императоръ поднялся. За нимъ всѣ вскочили, опять словно отъ электрическаго удара.

Поднялся и принцъ. Но онъ не могъ преодолѣть сразу силу стремленія къ мороженому, столь близкому къ устамъ его и уже ускользавшему, а поэтому нѣсколько мгновений оставался въ согбенномъ положеніи надъ своей порціей. Къ тому же шпоры его запутались въ скатерти, а пажъ стремительно выдернулъ стулъ.

Принцъ шлепнулся на полъ.

Принцъ и самъ не могъ удержаться отъ смѣха, да къ тому же онъ видѣлъ, еще не поднявшись съ пола, какъ императоръ подалъ примѣръ ко всеобщему хохоту.

Но внезапно лицо его нахмурилось. Онъ сурово что-то замѣтилъ великому князю Константину, смѣявшемуся больше всѣхъ.

— Не ушиблись ли вы, милостивый государь?—спросилъ онъ принца съ участіемъ, когда тотъ наконецъ всталъ на ноги. И съ недовольствомъ быстро вышелъ изъ залы.

Графиня Шарлотта Карловна бросила на принца строжайшій взглядъ.

Императрица-тетя проговорила, уходя:

— Vous êtes un étourdi, mon ami! ¹⁾

¹⁾ Какой вы вѣтренникъ, мой другъ.

Великіе князья продолжали смѣяться. Великая княжна Марія Павловна глядѣла на принца съ состраданіемъ, наследованнымъ отъ матери, полагая, что ему очень больно. Екатерина, болѣе чопорная, выражала на восхитительномъ своемъ личикѣ недоумѣніе. Супруга цесаревича качала головкой, а Елизавета, съ видомъ Гебы, ему умильно улыбалась.

Баронъ Дибичъ во время этой сцены попеременно переходилъ отъ отчаянія къ восторгу. А господа придворные при прощаньи кланялись принцу еще ниже, чѣмъ прежде.

Евгеній остался, наконецъ, съ одними пажами, которые, не обращая никакого вниманія на маленькаго императорскаго любимца, толпою кинулись на конфеты, оставленные по заведенному обычаю въ жертву ихъ хищничеству.

Такъ всегда бывало у Фридриха Великаго! Пажи исполняли обычай съ особымъ рвеніемъ, вовсе не потому, чтобы ихъ плѣняли конфеты, а лишь будучи освѣдомлены, что государю это угодно и пріятно, и такъ какъ пажи Фридриха Великаго всегда дрались за конфеты, то и они подняли шумъ, толкались, вырывали съ видомъ жадныхъ обезьянъ другъ у друга добычу и угощали другъ друга примѣрными пинками, щипками и затрепинами.

Принцъ стоялъ молча въ сторонѣ. И какъ же онъ завидовалъ пажамъ.

Между тѣмъ генералъ Дибичъ былъ поспѣшно потребованъ въ кабинетъ къ императору и долго тамъ оставался. Наконецъ онъ возвратился. Вся карикатурная фигурка его блистала загадочнымъ радостнымъ упоеніемъ. Миновали колоннады, мрачные коридоры, въ вечернемъ освѣщеніи особенно пугавшіе воображеніе, спустились по безконечнымъ лѣстницамъ и наконецъ сѣли въ карету.

Едва дверцы захлопнулись и карета съ грохотомъ откатилась отъ великолѣпныхъ дверей замка, миновала гулкіе своды проѣзда, прогремѣла по подъемному мосту, который вслѣдъ за нею сейчасъ же былъ поднятъ на ночь, когда замокъ обращался въ неприступную крѣпость; едва встревоженные галки и вороны въ старой Аннинской аллеѣ съ громкимъ крикомъ стали срывать съ вѣтвей и карета потонула въ мокромъ туманѣ гнилой оттепели,—какъ генералъ Дибичъ, вдругъ покинувъ свое мѣсто, сталъ на колѣни, прижалъ лицо къ рукамъ принца и, орошая ихъ слезами, заговорилъ, какъ пьяный, по-нѣмецки:

— Возлюбленный, добрѣйшій господинъ! Что я услышалъ въ кабинетѣ его величества! Возможно ли? Постижимо ли? Вѣроятно ли это?

— Да, что же это, ваше превосходительство? Что еще новаго?—вскричалъ принцъ съ нетерпѣніемъ.

— Ахъ, что же, какъ не то,— отвѣчалъ Дибичъ, сильно вскрикнувъ и покрывъ руки принца новыми поцѣлуями,— что же, какъ не то, что васъ ожидаетъ великокняжескій титулъ! Штатгальтерство! Вице-королевство!

— Что такое? Какъ? Я ничего не понимаю ровно! Объясните мнѣ все толкомъ, ваше превосходительство. Не за то ли все сіе мнѣ сваливается, что я самъ сегодня ловко шлепнулся за императорскимъ ужиномъ?

— Возлюбленнѣйшій, добрѣйшій, великодушнѣйшій господинъ мой и повелитель!—возопилъ Дибичъ, захлебываясь отъ душившихъ его восторженныхъ чувствъ.—Если я дѣйствительно первый возвѣщаю вамъ о новыхъ щедрѣйшихъ монаршихъ милостяхъ, коими государь въ скорости имѣетъ васъ осыпать, то какъ же благодарю моего добраго Бога, что мнѣ имъ дарована возможность быть счастливымъ вѣстникомъ моего принца! О, Gott! Gott! Gott!

Старикъ сталъ всхлипывать.

— Сядьте же, ваше превосходительство, и успокойтесь. Можетъ быть, вы передаете мнѣ и счастливыя вѣсти, но такъ безтолково, что я ничего понять не могу,— сказалъ принцъ.

Дибичъ усѣлся наконецъ на свое мѣсто, но нѣсколько времени только всхлипывалъ, вздыхалъ, сморкался и наконецъ проговорилъ:

— Императоръ хочетъ васъ усыновить!

Невозможно передать чувства ужаса и горести, наполнившія сердце мальчика, едва онъ услышалъ это счастливое, по мнѣнію Дибича, извѣстіе.

— Но ему должно еще спросить меня, желаю ли я быть усыновленнымъ!— вскричалъ принцъ.

— Добрѣйшій, милостивый господинъ,— всплеснувъ руками, изумился Дибичъ:—но кто же откажется отъ счастья быть усыновленнымъ могущественнѣйшимъ російскимъ императоромъ!

— Но у меня есть отецъ, котораго я обожаю, люблю и не промѣняю его ни на кого, будь онъ императоромъ вселенной!

— Вы наполняете меня горестнѣйшимъ изумленіемъ, мой добрѣйшій господинъ!— возопилъ Дибичъ.

— Не менѣе и вы меня, ваше превосходительство! Перемѣните отца! Возможно ли такъ издѣваться надъ сыновними чувствами! Пусть онъ ищетъ самъ себѣ отца, котораго, кажется, никто не можетъ назвать въ точности!

— О, что вы говорите!— въ полномъ ужасѣ восклицалъ Дибичъ.— Боже храни васъ отъ повторенія подобныхъ словъ!

— Мнѣ не надо ни штатгальтерства, ни вице-королевства, ни великокняжескаго титула! Пусть я останусь простымъ драгуномъ, но я не могу называть своимъ отцомъ чужого мнѣ человѣка!—говорилъ съ неудержимымъ порывомъ негодованія принцъ.

— Императоръ—отецъ, истинный отецъ своего народа и вашъ отецъ, покрывающій васъ тысячами милостей!— попробовалъ Дибичъ остановить потокъ несдержанныхъ словъ принца.

— Императоръ—умалишенный,—отрѣзалъ тотъ:— я это слышалъ въ Карлсруэ, слышалъ въ Ригѣ, а теперь вижу это отлично самъ!

Дибичъ отбросился въ глубь кареты, какъ будто передъ носомъ его грянула бомба, при чемъ парикъ слетѣлъ съ его черепа. Разинувъ ротъ, выпучивъ глаза, синій, сидѣлъ онъ, близкій къ обмороку, чувствуя уже кандалы на рукахъ своихъ, видя предъ собою казематъ, пыточную камеру, палачей и кнутмейстеровъ, Сибирь, висѣлицу!.. Невыразимая горестъ и гнѣвъ бушевали въ сердцѣ бѣднаго, одинокаго мальчика. Еще полчаса тому Павелъ Петровичъ не казался ему ни страшнымъ, ни безумцемъ. Напротивъ. Но теперь онъ чувствовалъ къ нему жгучую ненависть, какъ къ коварному тирану и сумасшедшему. Онъ вдругъ ощутилъ себя ничтожнымъ червякомъ, котораго давитъ ботфорта Павла. Императоръ лишалъ его отца, лишалъ и матери. Принцъ уважалъ императрицу Марію Ѳеодоровну, но развѣ могла она въ самомъ дѣлѣ замѣнить ему родную мать? Ярко представились ему ласки далекой родимой... Промѣнять ее на титулъ великаго князя? Никогда! И развѣ великіе князья и княжны признаютъ его своимъ братомъ?

Тутъ принцъ замѣтилъ, что карета уже недалеко отъ корпуса.

— Мы у дома, ваше превосходительство. Прошу васъ прійти въ себя!— съ истиннымъ величіемъ августѣйшей особы сказалъ мальчикъ.— И отнынѣ прошу мнѣ никогда ни словомъ не напоминать о предметѣ, мнѣ чуждомъ и о которомъ я и знать не хочу.

Дибичъ оправился, надѣлъ свой парикъ, пристально посмотрѣлъ на принца, и вдругъ глазки его загорѣлись волчьимъ свѣтомъ. Самымъ скрипучимъ своимъ тономъ онъ сказалъ:

— Исполню приказаніе вашего высочества, однако прошу васъ помнить, что если все сказанное вами будетъ мною доложено его величеству, то это можетъ повести къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ не только для васъ, но даже и для родителей вашихъ. Столь могущественный монархъ безъ большихъ хлопотъ лишитъ ихъ владѣній, столь близкихъ къ границѣ его имперіи, просто включивъ ихъ въ російскіе предѣлы. Кто осмѣлится воспротивиться сему, когда императоръ даже у Британіи не задумывается отнять ея индійскія владѣнія и двинуть туда своихъ казаковъ!

LXXVIII.

Кошмаръ.

Неспокоенъ былъ сонъ принца Евгенія въ эту ночь, не то, что въ первую ночь по прибытіи въ Петербургъ, когда онъ спалъ безъ всякихъ сновидѣній. Теперь сѣверная столица, мрачно-великолѣпный Михайловскій замокъ и Павелъ Петровичъ заразили дурными снами принца. Кошмаръ душилъ его всю ночь.

Ему снилось, что онъ и Психея—одно существо, и бродитъ по лабиринту коридоровъ, дворовъ, лѣстницъ, ледяныхъ залъ и сквозныхъ колоннадъ Михайловскаго дворца, гдѣ живетъ чудовище, предназначенное ему въ отцы. За колоннами прячутся Клингеръ, Дибичъ, Коцебу и фонъ-Требра и слѣдятъ за нимъ. Только это полу-люди, полу-волки и лисицы. Онъ хочетъ спастись и отъ соглядатаевъ, и отъ грозящаго ему чудовища, ищетъ, гдѣ спрятаться, и вбѣгаетъ въ огромную залу—тронную залу съ куполомъ, который поддерживаютъ атланты. Но это не камень, не статуи, это живые гвардейцы-колоссы. Въ залѣ—тронъ, на которомъ сидитъ Павелъ Петровичъ. А кругомъ стоятъ на колѣняхъ императрица, великіе князья и княжны и родители принца. На рукахъ и ногахъ у всѣхъ ихъ тяжелые кандалы. Съ воплемъ, рыдая бросается принцъ къ своимъ родителямъ, обнимаетъ и цѣлуетъ ихъ и требуетъ, чтобы сейчасъ ихъ освободили, сейчасъ сняли съ нихъ оковы.

Съ трона поднимается императоръ. Синій, какъ мертвецъ, онъ ужасенъ.

— *C'est excellent!*— говоритъ онъ сиповатымъ голосомъ.— Какъ онъ обученъ!

— Ваше величество, умоляю васъ, заклинаю всѣмъ святымъ, снимите оковы съ моихъ родителей и отпустите меня съ ними домой, въ Опфельнъ!—плачетъ принцъ.

— Невозможно, милостивый государь!—отвѣчаетъ императоръ, кривляя ртомъ и шеей.— Невозможно! И съ чего вы взяли, что это ваши родители? Ваши отецъ и мать, милостивый государь, мои ботфорты! Вотъ ваши родители! Знаете, какъ въ казацкой пѣснѣ поется? Наши сестры — пики, сабли востры! Поцѣлуйте мои ботфорты!

Императоръ снимаетъ ботфорты и остается въ однѣхъ подверткахъ. Онъ ставитъ ботфорты на тронъ и начинаетъ приплясывать, потирая руки и приговаривая:

— Браво! браво! браво!

Но вдругъ колоссы-гвардейцы, поддерживавшіе куполь, принимаютъ плечи. Куполь трескается, рушится, падаетъ. Адскій громъ... и принцъ просыпается съ мучительно бьющимся сердцемъ.

Въ раздвинутыя занавѣси кровати онъ видитъ, что это другъ его, истопникъ Прохоровъ, принесъ дрова, свалилъ ихъ передъ печкой и теперь сидитъ на корточкахъ и зажигаетъ лучинки.

— Прохоръ! Прохоръ!—зоветъ истопника принцъ.

— Такъ точно, ваше высочество! — отвѣчаетъ истопникъ обращиваясь.

— Прохоръ, идите близко!— проситъ принцъ.

— Сію минуту, ваше высочество, только растопки подложу.

— Оставляйте топки. Вы гремѣлъ. Я пугался, — со слезами на глазахъ говоритъ принцъ.

— Виноватъ, ваше высочество. Не извольте беспокоиться. Настыло очень, такъ я пораньше затопилъ. Такое зданіе, ваше высочество, совсѣмъ холодное зданіе.

— Идите близко,— повторяетъ принцъ.

Прохоровъ подходитъ къ кровати.

— Садитесь,— проситъ принцъ.— Говорите мнѣ о вашъ матушка и батюшка.

Прохоровъ садится на краешекъ кровати и начинаетъ рассказывать о своей деревнѣ, родителяхъ, любимой сестрѣ, о курочкѣ, необыкновенно ноской, котѣ, который умѣетъ глину ѣсть, о томъ, какъ въ овины хорошо картошки печь и съ саломъ ѣсть. Принцъ слушаетъ и успокаивается мало-по-малу.

— Я видѣлъ страшный сонъ, Прохоръ!— говоритъ онъ со вздохомъ.

— Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ, ваше высочество!—отвѣчаетъ истопникъ.— Вотъ печь растопится, обогрѣется кроватка ваша, и опять заснете. Я около васъ посижу, пѣсенку вамъ попою.

— Сидите, Прохоръ, сидите!— говоритъ принцъ.

И въ самомъ дѣлѣ истопникъ начинаетъ тихонько пѣть длинную пѣсню о худомъ киселѣ, — не то поетъ, не то приговариваетъ. Дрова въ печи разгораются, шипятъ, разрываются съ трескомъ, разсыпая искры, пламя воетъ, и теплые лучи согрѣваютъ остывшую комнату и кровать принца. Онъ свертывается клубочкомъ. Ему хорошо, тепло. И подъ пѣніе добраго мужика тринадцатилѣтній одинокій мальчикъ, генералъ-майоръ и шефъ драгунскаго полка, кавалеръ Мальтійскаго ордена, почти штатгальтеръ, великій князь и вице-король, принцъ Евгений Вюртембергскій сладко засыпаетъ и видитъ въ утреннемъ легкомъ снѣ кота, который умѣетъ ѣсть глину, хохлатую курочку и худой кисель въ большомъ горшкѣ, покрытомъ грубой самодѣльной крестьянской холстиной.

LXXIX.

Бѣлая Лилія.

Собственноручной запиской императрица-тетушка, по приказанію императора, звала принца на концертъ.

Генерала Дибича не было. Вызвался ѣхать съ принцемъ въ замокъ ротмистръ фонъ-Требра. Но ему этикетъ воспреещалъ появленіе при дворѣ, и онъ съ величайшей досадой принужденъ былъ уступить настояніямъ церемоніймейстера и покинулъ принца на волю судебъ у дверей концертной залы.

Уже слышались знакомые принцу звуки любимой увертюры императора, фанатическаго «глюкиста», изъ «Ифигеніи». И лишь только принцъ отворилъ дверь, его встрѣтили предупреждающія «с-с-с-съ!»

Опоздать къ назначенному сроку въ глазахъ Павла было преступленіемъ; но нѣтъ правила безъ исключенія.

«Непостижимо!» шептали другъ другу на ухо присутствующіе, когда императоръ, при видѣ принца, милостиво съ нимъ поздоровался, извинился, что концертъ начали безъ него, и пригласилъ занять свободное мѣсто въ первомъ ряду креселъ, возлѣ великой княгини Елизаветы. Стулъ принца находился на правомъ флангѣ, который огибался въ видѣ полукруга вторымъ рядомъ креселъ; въ образовавшемся тутъ узкомъ пространствѣ принцъ очутился сосѣдомъ съ одной стороны великой княгини, этой Гебы Олимпа Михайловскаго замка, если императрица являлась на немъ Юноной, прочія великія княжны и княгиня Анна—Граціями, великій князь Александръ—златокудрымъ Фебомъ, а Константинъ—Вулканомъ, хотя и не хромоногимъ.

Елизавета сіяла тихой улыбкой и одной ей свойственнымъ кроткимъ привѣтомъ коралловыхъ устъ. Но воображеніе принца заняла его другая сосѣдка, прехорошенькая дама съ простой прической бѣлокурыхъ, чудныхъ волосъ, убранныхъ незабудками.

Колѣна принца и незнакомки, благодаря узости пространства, соприкасались при всякомъ движеніи, и частыя извиненія со стороны принца подали первый поводъ къ разговорамъ во время антрактовъ.

Нарядъ этой сосѣдки былъ въ высшей степени изященъ; блескъ ея, очевидно, фамильныхъ драгоцѣнныхъ камней давалъ поводъ заключить о ея знатномъ происхожденіи; а то обстоятельство, что ея драгоцѣнности бросались въ глаза не количествомъ, а качествомъ, доказывало, что вкусъ этой прекрасной Бѣлой Лиліи направленъ былъ къ благородной простотѣ. Все это принцъ, при всей своей молодости, отлично сознавалъ и оцѣнилъ. Но не осмѣлился освѣдомиться ни у кого о имени незнакомки и удо-

влетворился наименованіемъ царицы цвѣтовъ, которое мысленно присвоилъ прелестной.

Незнакомка произвела на мальчика непостижимое впечатлѣніе; въ какіе-нибудь полчаса въ груди его родилось огромное, смѣшанное съ сладкой болью, таинственное чувство; и онъ боялся разспросами обнаружить передъ другими это чувство... Какъ будто драгоценную чашу, полную пьянящей, чудной, живоносной влаги несъ онъ теперь въ рукахъ своихъ и боялся ее расплескать. Будучи еще совершеннымъ ребенкомъ, принцъ не понималъ собственныхъ чувствъ, настоящія свойства которыхъ не могъ себѣ объяснить, несмотря на рано развитое воображеніе и на робость и застѣнчивость, которыя овладѣвали имъ каждый разъ при взглядѣ на хорошенькое женское личико.

Принцъ попеременно отвѣчалъ то на вопросы великой княгини Елизаветы, то на вопросы Бѣлой Лиліи, и самъ спрашивалъ насчетъ старомодно-костюмированныхъ артистовъ, стоявшихъ передъ ними, и, несмотря на ихъ непривлекательную внѣшность; поражавшихъ слухъ самыми восхитительными звуками.

Внезапно появилась среди этого кружка пѣвцовъ величественная красавица, вошедшая подъ руку съ мужчиною небольшого роста. Дивной игры, неоцѣнимые солитеры сверкали въ ея изящныхъ ушкахъ. Ея лѣнивыя движенія полны были граціи и нѣги. Оглушительныя «браво» и аплодисменты императора встрѣтили ее прежде, чѣмъ она успѣла издать первыя ноты очаровательнаго голоса. То была Шевалье.

Она запѣла знаменитую арію Глюка:

O malheureuse Iphigénie!
 Ta patrie est anéantie!
 Vous n'avez plus de roi...
 Je n'ai plus de parents!
 Mélez vos cris plaintifs
 A mes gémissement!
 Vous n'avez plus de roi,
 Je n'ai plus de parents!
 O malheureuse, malheureuse
 Iphigénie ¹⁾.

Пѣвица передала съ истиннымъ трагическимъ пафосомъ звуки, которые сами по себѣ составляли высшее проявленіе генія Глюка. Огромное впечатлѣніе отъ аріи раздѣлялось всѣми, бывшими въ залѣ, начиная императоромъ. Но принцъ видѣлъ только свою Вѣлую Лилію. И когда она вдругъ крѣпко сжала въ рукахъ

¹⁾ О несчастная Ифигенія! Твое отечество уничтожено! У васъ нѣтъ болѣе короля... А у меня болѣе нѣтъ родителей! Смѣшайте ваши жалобные крики съ моими словами! У васъ нѣтъ болѣе короля, а у меня не стало родителей! О несчастная, несчастная Ифигенія!..

вѣрѣ и прекрасные глаза ея наполнились слезами, онъ не могъ выдержать и, коснувшись ея платья, сказалъ:

— Что съ вами? Какъ вы волнуетесь?

— Оставьте,—прошептала незнакомка.—Пѣніе разнѣживаетъ мнѣ душу! И если бы вы знали, дитя мое, какой смыслъ приобретаютъ слова аріи въ этой обстановкѣ!

Въ антрактѣ она встала и увлекла принца въ одинъ изъ салоновъ, окружавшихъ залу. Она попросила его принести ей мороженого, но болѣе побуждала самого его ѣсть, сама чуть коснувшись издѣлій императорскаго кондитера. Она болтала, разспрашивала его, и принцъ въ дѣтскомъ простодушіи многое повѣрилъ ей такое, что ее, видимо, потревожило.

Но она не подала вида принцу и вдругъ, привѣтливо кивнувъ ему и наградивъ самымъ чуднымъ, сіяющимъ взоромъ и самой ласковой улыбкой, отъ которой сердце мальчика заняло и покатилося, встала, смѣшалась съ толпою придворныхъ и какъ въ воду канула. Напрасно потомъ принцъ искалъ ее, обѣгалъ всѣ салоны, прилежавшую колоннаду, лѣстницу, даже заглянулъ въ какую-то ледяную залу, наполненную бѣлыми призраками мраморныхъ статуй...

Прекрасная исчезла, какъ сновидѣніе.

LXXX.

Битва педагоговъ.

Образъ Бѣлой Лилии вытѣснилъ изъ сердца и воображенія принца Евгенія и Психею, и гродненскую хозяйку, и примадонну театра города Оппельна. Но въ корпусѣ его ожидало непріятное объясненіе съ генераломъ Дибичемъ на другой день.

День былъ воскресный и принцу надлежало явиться на высочайшій выходъ. Онъ собирался обновить прическу головы своей, и костюмеры ожидали его въ уборной, когда въ спальню вошелъ Дибичъ. Маленькій щелкунъ весь былъ красенъ отъ гнѣва.

— Прекрасно, ваше высочество!—заскрипѣлъ старикашка.—Вотъ какъ вы платите за труды мои и о васъ всѣ попеченія! Вы знаете, что я по обязанности моей имѣю сопровождать васъ во дворецъ всегда и что таково повелѣніе императора, и вы уѣзжаете безъ меня съ ротмистромъ, не имѣющимъ даже права пріѣзда ко двору.

— Я тутъ ни при чемъ, баронъ,—отвѣчалъ принцъ.—Васъ не было. А я и такъ опоздалъ къ началу концерта.

— Вы опоздали къ началу концерта?—въ ужасѣ сказалъ Дибичъ.—И что-же государь?

— Ничего. Былъ болѣе любезенъ, чѣмъ когда-либо.

— А! Удивительно! Непостижимо! Но, мой добрѣйшій господинъ, что же будетъ съ мной? Государь подумаетъ, что я пренебрегаю своими обязанностями,—и я погибъ!

— Но я же вамъ оставилъ записку,—сказалъ принцъ.—Я велѣлъ передать ее вамъ сейчасъ же.

— Не можетъ быть!

— Я сказалъ правду.

— Но я не получалъ записки.

— Между тѣмъ я приказалъ передать ее немедленно съ курьеромъ.

— О, что же вы писали тамъ?

— Я предлагалъ вамъ сейчасъ же ѣхать во дворецъ.

— Это непостижимо! Я записки не получалъ. И потому на концертъ не былъ! И вышло такъ, будто я своей должностью пренебрегалъ! И государь это, конечно, замѣтилъ! И я навсегда несчастнымъ сталъ!

— Почему же вы полагаете, что вы столь замѣтная особа при дворѣ?—уязвилъ маленькаго человѣка принцъ.—Государь, вѣрно, о васъ и не вспомнилъ.

— Вы обычно блистаете остроуміемъ, ваше высочество!—возразилъ Дибичъ.—Но если государь не замѣтилъ моего отсутствія, то это еще хуже.

— Что жъ, дѣло поправимое. Мы сейчасъ ѣдемъ на выходъ.

— Ёдемъ, ваше высочество! Но прежде я долженъ разслѣдовать непостижимую исторію съ письмомъ вашимъ! Я долженъ узнать, чье тутъ коварство!

Дибичъ поспѣшно вышелъ и черезъ минутъ двадцать вернулся еще болѣе красный и взбѣшенный.

— Коварство объявилось!—кричалъ онъ.—Коварство объявилось совершенно!

— Ну, въ чемъ дѣло?—улыбаясь спросилъ принцъ.

Маленькій человѣчекъ задыхался и только воздѣвалъ руки къ потолку, какъ бы призывая грома небесные на виновника коварства, которое объявилось.

— Записку вашего высочества... выговорилъ наконецъ Дибичъ.

— Ну, что такое? Говорите.

— Записку вашего высочества... задыхался Дибичъ.

— Ну! ну!

— Записку вашего высочества ротмистръ фонъ Требра запретилъ передавать и взялъ ее назадъ!—наконецъ проскрипѣлъ въ послѣдней степени возбужденія Дибичъ.

— Онъ не имѣлъ права этого дѣлать,—согласился принцъ.

— Но онъ это сдѣлалъ! Да! Ротмистръ это сдѣлалъ!

— Это дурно.

— Нѣтъ, ваше высочество, это есть преступленіе! Это—коварство и подлость! Это самый гнусный, недостойный званія офицера поступокъ! О-о-о-о!..

— Я тоже нахожу, что ротмистръ не долженъ былъ такъ поступать.

— Но онъ такъ поступилъ! Онъ взялъ записку обратно, якобы по приказанію вашего высочества, и спряталъ ее за обшлагъ. Но на концертъ не попалъ. И остался скотъ и дуракъ.

— Успокойтесь, баронъ. Можетъ быть, ротмистръ дастъ удовлетворительныя объясненія.

— Объясненія! О-о-о-о!.. Я у него потребую, дѣйствительно, объясненія его подлости! Я потребую! О-о-о-о! Гдѣ онъ? Вотъ онъ! Это онъ! Я слышу его голосъ!

И Дибичъ устремился въ сосѣдную комнату, гдѣ слышался голосъ ротмистра. Едва принцъ приступилъ къ своему туалету, какъ услышалъ ревъ словопренія между двумя ревнивыми педагогами.

Все громче и громче раздавался крикъ, и только что принцъ кончилъ свой нарядъ, чтобы ѣхать ко двору, какъ вбѣжалъ слуга и, задыхаясь, закричалъ:

— Ваше высочество! они схватились за волосы!

— Боже мой!—воскликнулъ принцъ.—Въ такомъ случаѣ г. фонъ-Требра погибъ. Хотя онъ и обладаетъ большою силою, но есть за что ухватиться, тогда какъ Дибичъ на дню столько разъ теряетъ парикъ, что ему и теперь ничего не стоитъ оставить его въ рукахъ противника. А схватить на собственномъ его черепѣ рѣшительно не за что!

Однако битва эта весьма заинтересовала принца, и онъ поспѣшилъ къ двери, за которой слышались дикіе крики, визгъ, стукъ и громъ падающихъ предметовъ, пыхтѣнье, согѣнье и звуки ударовъ по мягкому.

Вмѣстѣ съ своимъ костюмеромъ и двумя лакеями принцъ не безъ злорадства наблюдалъ въ замочную скважину битву педагоговъ.

Восхищеннымъ глазамъ его представлялась такая картина.

Генералъ Дибичъ, лишенный парика, лежалъ подъ столомъ; но и разорванное платье непріятели его свидѣтельствовало объ ущербѣ, понесенномъ въ кулачномъ бою.

Ротмистръ фонъ-Требра, подобно ощеренной кошкѣ, озирался кругомъ и швырялъ въ противника всѣмъ, что только могъ отдѣлать отъ своей особы. Предметы эти генералъ Дибичъ съ такой же энергіей возвращалъ обратно, такъ что шпага, табакерка, платокъ, парикъ перелетали отъ одного къ другому, и вся комната наполнилась пудрой.

Мало-по-малу мальчишеское злорадство и любопытство смѣнились у принца прирожденными чувствами долга, субординаціи и порядочности

— И эти люди должны служить тебѣ примѣромъ!—подумалъ онъ съ горестнымъ негодованіемъ.

И вдругъ, отворивъ дверь, вошелъ въ комнату, гдѣ происходило сраженіе.

Появленіе принца совершенно смутило педагоговъ. Ротмистръ поспѣшно сталъ собирать свои разбросанныя вещи. Генералъ вылъзъ изъ-подъ стола съ парикомъ въ рукѣ. Педагоги понимали, что они теперь въ рукахъ принца и что ихъ честь и дальнѣйшее служебное преуспѣяніе зависятъ отъ его молчанія.

— Господа,—сказалъ принцъ.—Художественное изображеніе вами битвы Гектора съ Ахиллесомъ покрыло васъ бранной пылью и совершенно разстроило вашъ туалетъ. Но я не могу ждать, когда вы сотрете съ себя слѣды вашихъ боевыхъ подвиговъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ потребуютъ нѣсколькихъ дней для исчезновенія. Поэтому я оставляю васъ здѣсь и уѣзжаю одинъ!

И принцъ повернулся къ педагогамъ спиной и вышелъ.

LXXXI.

На выходѣ.

На воскресномъ выходѣ императора изъ внутреннихъ покоевъ для слушанія въ дворцовой церкви литургіи обязательно присутствовали придворные, гражданскіе и военные чины. Послѣдніе собирались въ длинной галереѣ передъ аудіенцъ-заломъ.

Офицеры всѣхъ гвардейскихъ полковъ и высшій генералитетъ выстраивались по чинамъ.

Принцу Евгенію было назначено самое первое мѣсто. Возлѣ него стояли братья Зубовы—князь Платонъ, съ миной смиренной лисицы, упрямый быкъ графъ Николай и воспѣтый Державинымъ герой Кавказа графъ Валеріанъ. Великіе князья Александръ и Константинъ стояли впереди офицеровъ своихъ полковъ. Командиры и офицеры искали представиться принцу, и графъ Паленъ подводилъ ихъ къ нему одного за другимъ. Принцъ запомнилъ, со свойственною ему наслѣдственною памятью на имена и лица, генералъ-майора Бенигсена; командира Преображенскаго полка Талызина, о которомъ уже слышалъ, какъ объ одномъ изъ самыхъ чтимыхъ за благородство характера и просвѣщенный умъ въ русскихъ войскахъ; шефовъ полковъ: Кексгольмскаго—Вердеревскаго, сенатскихъ батальоновъ—Ушакова, перваго артиллерійскаго полка—Тучкова; затѣмъ командировъ гвардейскихъ полковъ: Уварова—Кавалергардскаго, Янковича - Демитріева — Конногвардейскаго, Депрерадовича—Семеновскаго, князя Вяземскаго—шефа 4-го батальона Преображенскаго полка; далѣе принцу представились того же полка полковники: Запольскій и Аргамаковъ, потомъ ка-

питаны Шеншинъ и баронъ Розенъ, поручики Марянъ, Леонтьевъ и два брата Аргамаковы; графъ Толстой, полковникъ Семеновскаго полка; адъютантъ великаго князя Александра Павловича князь Волконскій; поручики Савельевъ, Кикинъ, Писаревъ, Полторацкій, Ефимовичъ; Измайловскаго полка полковникъ Мансуровъ; поручики—Болховской, Скарятинъ, Кутузовъ; Кавалергардскаго полка полковникъ Голенищевъ-Кутузовъ; ротмистръ Титовъ; артиллерійскій полковникъ князь Яшвилъ; Татариновъ, Горголи, флотскій капитанъ командоръ Клокачевъ и еще нѣкоторые.

Представляя всѣхъ сихъ лицъ принцу, графъ Паленъ кратко аттестовалъ каждого съ лучшей стороны и закончилъ представленіе словами:

— Вотъ, принцъ, цвѣтъ ума, просвѣщенія, доблести и благородства нашей гвардіи! Вамъ представлена вся сотрапіе noble (почетная рота)! Всѣ наши «сорокъ пять», какъ мы ихъ прозвали между собою! Не правда ли, ваше высочество?—съ странной улыбкой спросилъ военный губернаторъ у великаго князя Александра.

Испугъ отразился въ большихъ близорукихъ глазахъ царственнаго юноши. Онъ вдругъ утратилъ свой обликъ олимпійца въ изгнаніи, сгорбился болѣе, нежели обыкновенно, и было что-то заячье въ поспѣшности, съ которой онъ скрылъ себя за фронтомъ офицеровъ.

Въ аудіенцъ-залѣ собравшіеся всѣ придворные и гражданскіе чины первыхъ пяти классовъ были,—что необходимо требовалось этикетомъ, введеннымъ государемъ,—во французскихъ кафтанахъ, глаzetовыхъ, бархатныхъ, суконныхъ, вышитыхъ золотомъ или, по меньшей мѣрѣ, шелкомъ, или со стразовыми пуговицами. Дамы были въ старинныхъ робахъ съ длиннымъ шлейфомъ и огромными фишбейнами на бокахъ, которые бабками ихъ были уже забыты.

Вдругъ распахнулись двери изъ внутреннихъ покоевъ его величества.

Слово «государь!» пробѣжало по заламъ и заставило всѣхъ вытянуться въ струнку.

Затѣмъ раздались громогласныя командныя слова, и одновременный стукъ ружей и палашей грянулъ по всему пути слѣдованія императора, вдоль коего построены были фронтомъ великорослые кавалергарды подъ шлемами и въ латахъ.

Императоръ появился въ большомъ нарядѣ магистра Мальтійскаго ордена, въ шляпѣ съ брильянтовой розеткой, въ ботфортахъ, въ огромныхъ съ раструбами перчаткахъ, съ перевязью, на которой вышиты были страданія Спасителя. Пажы несли край его черной траурной мантии. Четыре оруженосца-юноши въ золотыхъ шлемахъ и латахъ, въ пурпурныхъ плащахъ съ обнаженными мечами окружали монарха. Принцъ не могъ разобраться въ стран-

номъ впечатлѣніи, которое произвелъ на него этотъ невысокій челоуѣкъ съ некрасивымъ, курносымъ, желто-блѣднымъ лицомъ.

То было впечатлѣніе величія сана, носимаго съ фанатическимъ убѣжденіемъ въ сверхъестественныхъ полномочіяхъ, смѣшанное съ впечатлѣніемъ чего-то до нельзя страннаго, почти шутовскаго. Таково было и выраженіе лица властителя. Величіе во взорѣ и верхнемъ очеркѣ головы соединялось съ буффонской маской задраннаго круглаго носа и покривленнаго на сторону рта. Именно это смѣшеніе высокаго съ пошлымъ заставляло сердце холодѣть отъ неотвратимаго стихійнаго ужаса. То былъ монархъ, не столько освященный изліяніемъ благодати помазанія, сколько отмѣченный рокомъ древнихъ трагедій. И это жуткое, все нараставшее во время торжественнаго шествія чувство, видимо, было у всѣхъ. Рок-овое выраженіе установилось на всѣхъ лицахъ.

Члены августѣйшей фамиліи слѣдовали за императоромъ въ процессіи и за ними графиня Екатерина Литта, по первому мужу Скавронская, урожденная Энгельгардтъ, одна изъ племянницъ великолѣпнаго Таврическаго князя, и бывший польскій король Станиславъ Понятовскій, подъ золотою порфиною на горностаѣ, край которой несомъ былъ императорскимъ камеръ-юнкеромъ.

Императоръ остановился въ аудіенцъ-залѣ, на коврѣ подъ балдахиномъ. Первый, вызванный графомъ Паленомъ по имени и преклонившій передъ монархомъ колѣно, былъ арапъ Аннибалъ въ морскомъ мундирѣ, младшій сынъ извѣстнаго «арапа Петра Великаго».

Императоръ обласкалъ принца Евгенія и опять плѣнилъ его сердце. Невозможно передать обаятельности тѣхъ краткихъ милостивыхъ словъ, съ которыми онъ обратился къ принцу. Сказалъ императоръ съ замѣчательно-холоднымъ выраженіемъ лица и нѣсколько словъ господамъ Зубовымъ.

Какъ только императоръ удалился изъ аудіенцъ-залы, тотчасъ все хлынуло въ покои, гдѣ собрались для параднаго представленія императрицѣ дамы.

Никогда не виданное великолѣпіе туалетовъ поразило принца и дало высокое понятіе о блескѣ, строгости чина, изяществѣ и торжественности русскаго двора и о несмѣтномъ богатствѣ русскихъ вельможъ.

Глядя на это собраніе красавицъ, на изящныя формы и на ихъ старинные своеобразные костюмы, сверкашіе золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями, принцъ приходилъ къ убѣжденію, что здѣсь обычаи, тонъ, обликъ давно-прошедшихъ вѣковъ и новѣйшій вкусъ сочетались въ общее стремленіе доставить красоту, къ какому бы виду она ни принадлежала, подобающую ей дань удивленія. Здѣсь были типы женской красоты всѣхъ вѣковъ и народовъ. Революція, разрушившая европейское общество, до-

несла бурнымъ стремленіемъ своимъ въ Россію образцы аристократіи всѣхъ дворовъ. Въ сонмѣ дамъ, окружавшихъ императрицу, великихъ княгинь и княженъ, первенствовавшихъ среди нихъ не только саномъ, но и совершенствомъ чарующей прелести всѣхъ обаяній и чаръ античной прямо красоты,—въ этомъ сонмѣ были образцы и французской, и англійской, и итальянской, и испанской, и восточной женской красоты въ ея совершеннѣйшихъ типахъ и, наконецъ, красоты славянской, польской,—въ лицѣ хотя бы графини Юзефы изъ Мнишковъ Потоцкой, разведенной съ мужемъ своимъ, знаменитымъ маршаломъ Торговицкой конфедерации Щеннымъ-Потоцкимъ, но по особой благосклонности Павла имѣвшей пріѣздъ ко дворцу,—и красоты великороссійской.

Такъ думалъ восхищенный принцъ. И это восхищеніе достигло особаго напряженія, въ особенности, когда онъ увидѣлъ въ этомъ величественномъ собраніи знакомую ему юную сосѣдку концерта, дивную Бѣлую Лилію, которая въ этотъ разъ, въ залитомъ золотымъ шитьемъ и брильянтами старинномъ необыкновенномъ нарядѣ, являла еще болѣе признаковъ своего высокаго общественнаго положенія, но была такъ же прекрасна, какъ и наканунѣ.

И какъ же польщено было самолюбіе принца, когда она замѣтила мальчика и подозвала къ себѣ!

LXXXII.

Бѣлая Лилія предлагаетъ дружбу принцу.

Она просила принца сѣсть возлѣ и сказала, что онъ вчера повѣрилъ ей многое такое, что ее потревожило, внушило ей симпатію къ принцу, но въ то же время и опасенія.

— Не осмѣливаясь чѣмъ-либо затронуть высокое уваженіе къ августѣйшимъ родителямъ вашего высочества,—сказала далѣе незнакомка,—но просто какъ женщина, видя васъ, почти ребенка, на чужбинѣ, одного, среди отношеній сложныхъ и грозящихъ вамъ тысячами опасностей, я не могу не удивляться, какъ это родители рѣшились отпустить васъ сюда!

— Но они рассчитывали на родственное попеченіе обомнѣ императрицы-тети,—возразилъ принцъ. И вспомнилъ тетушкинъ «секретный кабинетецъ».

— Ахъ, мой милый принцъ!—сказала Бѣлая Лилія.—Если бы вы знали, подъ какой грозой стоитъ ваша тетя! Но полно объ этомъ.

Тутъ она съ грустью въ прелестныхъ очахъ взяла принца за руку и продолжала растроганнымъ голосомъ:

— Хотите вы имѣть меня другомъ? Я буду вашей охранительницей. Обращайтесь ко мнѣ всегда, если вамъ что покажется сомнительнымъ, если вы не будете знать, какъ вамъ поступить, или

въ отношеніи къ вамъ того или другого лица почувствуется вамъ перемѣна.

— Ваша доброта, ваше дружеское расположеніе ко мнѣ драгоценны для меня,—сказалъ принцъ, весь загораясь подъ чуднымъ взоромъ прелестной незнакомки и впивая, какъ чудную музыку, ея проникновенныя слова.—Но гдѣ я могу видѣть васъ?

— Я часто приѣзжаю ко двору,—отвѣчала Бѣлая Лилія.

И принцъ не осмѣлился спросить ее, можетъ ли онъ бывать въ ея домѣ и гдѣ собственно этотъ домъ.

— Я часто приѣзжаю ко двору,—повторила красавица:—но молчите о нашей дружбѣ. Подъ этимъ только условіемъ я съ вами не раззнакомлюсь. Обѣщаетесь?

— Обѣщаюсь!—сказалъ принцъ.—Но почему эта тайна?

— На первый разъ довольно вамъ узнать, что мы живемъ въ такое тяжелое время, когда самыя блестящія надежды бываютъ обманчивы и самыя ревностныя наши покровители становятся опасны. Да! да!—повторила Бѣлая Лилія.—Ревность покровителя можетъ грозить величайшей опасностью покровительствуемому. Она можетъ поставить его среди водоворота бурныхъ, противоположающихся стремленій, низвергнуть на невинную голову мщеніе тѣхъ, кому отъ того создалось препятствіе.

— До сихъ поръ я только однажды навлекъ на себя неудовольствіе императрицы-тети моимъ поведеніемъ, но съ тѣхъ поръ очень осмотрителенъ,—сказалъ принцъ, относя опасности, о которыхъ говорила Бѣлая Лилія, къ какимъ-нибудь шалостямъ, которыя могли бы лишить его царской милости.

— Бѣдное дитя! Невинное дитя!—съ грустью и состраданіемъ во взорѣ сказала красавица.—Онъ ничего не знаетъ и не понимаетъ.

Послѣднія слова задѣли самолюбіе мальчика, и онъ рассказалъ о дракѣ своихъ педагоговъ.

— Такимъ образомъ,—хитро улыбаясь, заключилъ онъ картинный рассказъ, заставившій искренно разсмѣяться его собесѣдницу,—я обоихъ держу теперь въ рукахъ.

— Да, вы оказались въ этомъ случаѣ мудрымъ принцемъ,—согласилась красавица.—Распря вашихъ педагоговъ передала вамъ въ руки властвованіе ими. Но борьба болѣе важная и за преимуществва болѣе существенныя совершается вокругъ васъ, мой мальчикъ.

— О, существеннѣйшее преимущество я уже получилъ,—сказалъ принцъ:—дружбу вашу.

— Вы ею пользуетесь, пока скромны!—положивъ пальчикъ на восхитительный подбородокъ, сказала Бѣлая Лилія.

— Я далъ уже вамъ обѣщаніе и исполню его.

Въ самомъ дѣлѣ принцъ могъ нарушить данный ей обѣтъ скромности, развѣ только увлекшись чувствами, которыми онъ

быль проникнуть къ ней самой, со всею силою, къ которой способно сердце тринадцатилѣтняго развитого мальчика.

Но онъ не могъ понять, въ какомъ отношеніи требуетъ скромности его новая пріятельница.

— Вы рассказали мнѣ достаточно о вашихъ наставникахъ,— продолжала она. — Но что вы скажете о князѣ Платонѣ Зубовѣ, шефѣ вашего корпуса? Вы съ нимъ познакомились?

— Въ первый же вечеръ моего приѣзда въ Петербургъ,— отвѣчалъ принцъ. И рассказалъ о своей бесѣдѣ съ княземъ.

— Но генераль Дибичъ предостерегалъ меня отъ сближенія съ княземъ,—закончилъ принцъ.

— Ага, онъ васъ предостерегалъ!—сказала красавица.—Но почему?

— Онъ говорилъ, что князь въ немилости у государя.

— Ага, онъ это говорилъ! Кого еще вы узнали изъ генераловъ и офицеровъ гвардіи?—продолжала она разспросы.

— Кого? О, я познакомился со всей *compagnie noble*, со всѣми «сорока пятью»,—безпечно отвѣчалъ принцъ.

Въ очахъ красавицы изобразился испугъ, и она взяла принца за руку, безпокойно озираясь кругомъ, не слышала ли кто послѣднихъ словъ принца.

— Мой другъ, что вы этимъ хотите сказать?—спросила она.— Откуда и что вамъ объ этомъ извѣстно?

— Что именно извѣстно?—удивился принцъ.

— Вы сейчасъ сказали... Почему вы это сказали?

— Я повторилъ только слова графа Палена, которыя онъ сказалъ мнѣ, представивъ почти четыре дюжины гвардіи офицеровъ, полковниковъ и генераловъ. Онъ называлъ ихъ всѣхъ кружкомъ «сорока пяти».

— Какая смѣлость! — какъ бы про себя произнесла Бѣлая Лилія.—Теперь особенно ясно для меня, какъ вы нуждаетесь въ опытной рукѣ, которая бы руководила васъ въ этомъ гибельномъ Дедалѣ!

— О, я въ самомъ дѣлѣ сегодня едва отыскалъ дорогу и чуть не заблудился среди всѣхъ этихъ лѣстницъ, колоннадъ, дворовъ, залъ и комнатъ,—сказалъ мальчикъ, полагая, что собесѣдница его говоритъ о Михайловскомъ замкѣ.

Они помолчали.

— Знакома ли вамъ исторія? — вдругъ спросила Бѣлая Лилія.

— Да,—отвѣчалъ, нѣсколько удивленный принцъ.

— Въ такомъ случаѣ вы должны содрогаться передъ судьбою молодыхъ англійскихъ принцевъ, которыхъ Ричардъ III велѣлъ бросить въ подвалы Тоуэра.

— Ахъ, эта сцена со всѣми подробностями мнѣ отлично знакома,—сказаль принцъ.—У насъ въ замкѣ, въ Карлсруэ, виситъ большая гравюра, изображающая это историческое событіе.

Красавица смотрѣла прямо въ глаза мальчику. Онъ также не мигая и не отрываясь смотрѣлъ въ ея прекрасные глаза.

Она вздохнула.

Въ эту минуту военный генераль со смуглымъ, горбоносымъ, восточнымъ лицомъ прошелъ мимо нихъ.

— Кто это?—спросилъ принцъ.

— Это?—разсѣянно оглянулась на проходившаго красавица.— Это князь Багратіонъ.

— Такъ это знаменитый князь Багратіонъ!—такъ громко и одушевленно сказалъ принцъ, что сподвижникъ великаго Суворова и герой итальянскаго похода конфузливо обратилъ въ его сторону маслинообразные глаза и, улыбнувшись, ускорилъ шагъ.

— Если хотите, принцъ, видѣть здѣсь что-либо замѣчательное,—наставительно сказала Бѣлая Лилія:—то вотъ смотрите на восходящее солнце Россіи.

Она указала глазами на великаго князя Александра.

— Его вы должны держаться, какъ спасителя! Онъ долженъ быть вашимъ идоломъ! Онъ, одинъ только онъ!

— Но этимъ я, пожалуй, нарушу заповѣдь «не сотвори себѣ кумира»,—сказаль принцъ.

— Не относитесь къ словамъ моимъ легко,—строго остановила его красавица.—Повторяю вамъ, Александръ—восходящее свѣтило русскаго небосклона. Правьте путь вашъ на него.

— А не на свѣтила вашихъ очей?—сказаль мальчикъ и переконфузился попыткѣ разыграть ухаживателя.

— Видите, какъ вамъ не идетъ это, мой дорогой мальчикъ,—сказала грустно Бѣлая Лилія.—Вы серьезное, чистое сердцемъ, честное дитя и будьте имъ. Бойтесь, кромѣ меня, всѣхъ придворныхъ дамъ. Бойтесь и повторять чужія слова, разъ ихъ точный смыслъ вамъ неизвѣстенъ, какъ вы повторили мнѣ сейчасъ слова графа Палена. Еще никому вы ихъ не повторяли?

— Никому.

— Изгладьте ихъ совсѣмъ изъ вашей памяти. Или... вы сказали, что знаете исторію. Помните вы изъ исторіи Франціи, кто тамъ назывался почетной ротой сорока пяти?

— Запомятоваль.

— Рота гвардіи Генриха III, состоявшая изъ сорока пяти человекъ.

— Ну, такъ что же?

— Ничего.

Незнакомка встала.

— До свиданія. Вы увидите меня еще сегодня на придворномъ маскарадѣ.

И она скользнула вонъ изъ залы, смѣшавшись съ толпою и вдругъ исчезнувъ со свойственной ей манерой.

Вернувшись къ себѣ въ корпусъ, принцъ пошелъ въ библиотеку и взялъ тамъ толстый томъ исторіи Франціи. Въ ней онъ прочелъ, что ротой гвардіи короля Генриха III, состоявшей изъ 45 человѣкъ, было совершено убійство герцога Гиза въ Блуа. Принцъ подумалъ, что незнакомка сама не особенно тверда въ исторіи, указавъ такое неподходящее событіе и неподходящихъ историческихъ персонажей. И сейчасъ же забылъ и Гиза, и роту Генриха. Воображеніе его всецѣло отдалось мечтѣ о вечерней встрѣчѣ въ маскарадѣ съ прекрасной пріятельницей. Онъ не сомнѣвался, что влюбленъ въ нее, совсѣмъ какъ взрослый и, бросившись на постель, зарылся въ подушки и представлялъ себѣ ея очи и улыбку.

LXXXIII.

Маскарадъ императора Павла Перваго.

Павелъ Петровичъ объявилъ Михайловскій замокъ—«загороднымъ». Учреждена была особая почта, на прусскій манеръ, въ видѣ полосатой кареты; при звукѣ трубы, два раза въ день, эта почта привозила въ «загородный» замокъ письма и рапорты изъ столицы.

Затѣмъ императоръ устроилъ въ «загородномъ» замкѣ маскарадъ для дворянства и купечества столицы, быть можетъ, въ подражаніе своему прадѣду Петру Великому, на ассамблеяхъ котораго сходились вмѣстѣ вельможи съ голубыми лентами черезъ плечо, посланники, иностранные купцы, офицеры гвардіи въ зеленыхъ мундирахъ и корабельные мастера въ курткахъ.

На маскарадъ, по особливому настоянію полиціи, явилось до трехъ тысячъ лицъ обоого пола. Преобладали черныя маски и черныя домино, что дѣлало всю эту толпу весьма однообразной, тѣмъ болѣе, что ни малѣйшаго признака оживленія и непринужденности среди маскированныхъ не замѣчалось.

Гости должны были наслаждаться прекрасной музыкой, обильно предложенными лакомствами, конфектами, фруктами, прохладительными напитками и любоваться роскошью и изяществомъ убранства только что отстроенныхъ чертоговъ. Но крайняя сырость этихъ чертоговъ сильно тому помѣшала. Въ залахъ во время праздника образовался густой туманъ и, несмотря на тысячи горѣвшихъ свѣчей, всюду господствовалъ полумракъ, что придавало собранію мрачный оттѣнокъ.

Въ перспективахъ залъ, гостиныхъ, колоннадъ и галерей въ туманѣ очертанія фигуръ расплывались, и маскированные принимали обликъ печальныхъ тѣней-призраковъ Елисейскихъ полей древности. Самая музыка въ отсырѣлой громадѣ замка звучала странно, мрачно отдаваясь подъ полинялыми и изъѣденными пятнами зловѣщей плѣсени расписными плафонами. Несмотря на курильницы съ ароматами, запахъ тлѣнія, сырой извести, грибной запахъ плѣсени какимъ-то дыханіемъ кладбища поражалъ обоняніе, и это новое зданіе казалось сколь нежилымъ, столь же и преждевременно обветшавшимъ. Мрачность общаго впечатлѣнія усилилась еще отъ того обстоятельства, что къ полуночи уже испаренія трехтысячной толпы, освѣвъ на потолки и стѣны, стали крупными каплями падать оттуда внизъ на толпу, образовавъ родъ дождя... Тогда залы «загороднаго» дворца стали напоминать третій кругъ Дантова «Ада», гдѣ толпы тѣней бредутъ подъ вѣчнымъ дождемъ. Императорская фамилія удалилась раньше этого сюрприза. Павелъ былъ до 9³/₄ час., а государыня съ прочими августѣйшими особами до 11¹/₄; быть можетъ, первыя капли охлажденныхъ испареній, упавшія на нее, ускорили отбытіе вѣщносной хозяйки, сдѣлавшей все, чтобы ободрить и оживить гостей. Что касается государя, то его переходы отъ безпросвѣтной мрачности къ взрывамъ страннаго хохота съ непонятными восклицаніями и еще болѣе непонятными жестами, видимо, внушали непреодолимый ужасъ толпѣ.

На многихъ, и въ числѣ ихъ на принца Евгенія, также крайне удручающе подѣйствовало слѣдующее обстоятельство. Видимо, желая полюбоваться общей картиной танцевъ въ амфиладѣ залъ, императоръ сѣлъ въ кресло на возвышенной эстрадѣ. При этомъ густое облако тумана, носившееся надъ толпой, для стоявшихъ вдали совершенно застлало верхнюю часть туловища императора. Видны были ботфорты, руки, но онъ казался обезглавленнымъ. Эта зловѣщая игра свѣта и тѣни въ наполненномъ испареніями воздухѣ напомнила принцу Евгенію странный сонъ, который онъ видѣлъ, когда въ кошмарѣ грезился ему Павелъ Петровичъ, который будто бы снялъ ботфорты и поставилъ ихъ на тронъ... Зловѣщее видѣніе продолжалось нѣсколько мгновеній, ибо императоръ, весь вечеръ объятый духомъ крайняго безпокойства и нетерпѣнія, сейчасъ же вскочилъ съ кресла и сошелъ съ эстрады.

Однако его многіе замѣтили и, не осмѣливаясь кому-либо повѣрить странное впечатлѣніе, усилили своимъ уныніемъ общее удрученное настроеніе. Когда стали падать съ потолковъ и потекли по мрамору стѣнъ и колоннъ капли охлажденныхъ испареній, тѣ, кто былъ въ черныхъ домино, не пострадали замѣтно. Но тѣ, что были въ свѣтлыхъ, сейчасъ же приняли самую неопрятную виѣшность: грязныя пятна испачкали ихъ, и это, конечно, ускорило разѣздъ, который, однако, начался лишь послѣ

отбытія августѣйшихъ особъ. Раньше покинуть мрачное празднество, рискуя навлечь гнѣвъ государя, никто, конечно, не рѣшился. Такъ что маскарадъ совершенно кончился и послѣдняя маска изъ него вышла въ два часа ночи.

Принцъ Евгенийъ одиноко скитался въ толпѣ по заламъ, томимый скукой и раздѣляя общую удрученность. Онъ искалъ прекрасную незнакомку, обѣщавшую свидѣться съ нимъ въ маскарадѣ. Но какъ могъ онъ ее узнать среди сотенъ домино? Свѣчи тускло горѣли въ туманѣ, окруженныя радужными кругами. Слышался кашель, чиханье, сморканье простуженныхъ въ сквознякахъ дворца. Гости едва осмѣливались обращаться другъ къ другу съ незначительными вопросами, опасаясь ежеминутно дать поводъ къ доносу. По большей части выражали восхищеніе убранствомъ и роскошью царскихъ чертоговъ. Но притворная интонація выдавала внутреннее настроеніе. Среди обычныхъ домино было нѣсколько характерныхъ костюмовъ. Говорили, что это императорскіе артисты и артистки. Между прочимъ одна маска изображала стараго подагрика, всего обмотаннаго повязками съ камфорой и лавандой. Онъ ходилъ хромя, опираясь на длинную трость и поминутно охая. Нельзя сказать, чтобы эта фигура увеселяла гостей. Но Павелъ Петровичъ былъ доволенъ, припомнивъ, что такая же точно маска стараго подагрика появилась на одномъ изъ маскарадовъ Людовика XIV и танцевала съ красавицей герцогиней Бургундской.

Принцъ Евгенийъ, усталый и разочарованный, стоялъ, прислонясь къ сырой колоннѣ, когда подагрикъ ковыляя подошелъ къ нему:

— Послушайся старика,—сказалъ онъ:—климатъ здѣшній чрезвычайно тебѣ вреденъ и опасность угрожаетъ твоему здоровью. Берегись!

— Въмѣсто того, чтобы давать совѣты молодымъ и здоровымъ, ты бы лучше своевременно воздержался отъ излишествъ, причиняющихъ подагру,—отвѣтилъ принцъ.

— Моя подагра произошла отъ винъ здѣшняго погреба, юноша,—отвѣчала маска:—мой ревматизмъ отъ здѣшней сырости, параличъ лѣвой половины тѣла отъ неприятностей, причиненныхъ мнѣ коварствомъ здѣшнихъ обитателей! Берегись, юноша, чтобы не увянуть въ цвѣтѣ силъ!

— Ого, какъ ты дерзокъ! Ты порочишь жилище Юпитера,—смѣясь, возразилъ принцъ, довольный, что могъ развлечься этой пикировкой посреди томящей скуки маскарада.—Берегись самъ, старикъ! Громы въ рукахъ Юпитера!

— Что мнѣ громы лже-бога, если я поклоняюсь истинному Промыслителю вселенной! Я—старикъ, ходячій мертвецъ. Мнѣ—камфора и лаванда. Но вы, милый юноша, полны кипящей жизнью! Для васъ ея розы и медъ! Поберегите же себя отъ лихорадокъ,

ревматизмовъ, горячекъ, притаившихся во всёхъ углахъ этого зданія,—отвѣчалъ подагрикъ.

— Ты зловѣщій прорицатель!—сказалъ принцъ.

Подагрикъ поманилъ его рукою и, ковыляя, скрылся за колоннами. Принцъ пошелъ за нимъ. Подагрикъ прошелъ нѣсколько покоевъ совершенно пустыхъ и наконецъ остановился и далъ знакъ принцу приблизиться.

— Принцъ Евгений Вюртембергскій!—сказалъ подагрикъ по-нѣмецки. Вы меня не знаете, но я посланъ васъ предупредить особой, которая принимаетъ въ васъ дружеское участіе. Это та дама, съ которой вы бесѣдовали сегодня на высочайшемъ выходѣ, и которая напомнила вамъ о судьбѣ сыновей Генриха въ Тоуэрѣ.

— Но почему же она сама не пріѣхала сюда? Или, можетъ быть, она здѣсь и вы ее мнѣ укажете?—вскричалъ принцъ, разочарованный тѣмъ, что ему приходится вмѣсто плѣнительной красавицы вести бесѣду со старымъ чучеломъ.

— Ея здѣсь нѣтъ. И пока оставьте о ней всякую мысль,—сказалъ подагрикъ.—Слушайте меня и проникнитесь важностью моихъ рѣчей, продолжалъ онъ глухимъ, суровымъ голосомъ.—Вы назвали Юпитеромъ безумнаго строителя этихъ катакомбъ, но лучше сравните его съ Сатурномъ, замыслившимъ пожрать своихъ дѣтей и между ними Юпитера. Вы знаете, что Юпитеръ спасся. Онъ спасется и теперь. Особа дружественная вамъ указала вамъ того, кто долженъ быть для васъ маякомъ. Знайте, что покровительство, внезапно осѣнившее васъ, поставило васъ на краю бездны. Но ваше чисто-сердечіе, ваша дѣтская незлобивость и неспособность къ интригамъ честолюбія васъ спасла и отвела отъ сей бездны. Но помните, что и невинность гибла, такъ жестоки законы политики. Вотъ почему принимающая въ васъ участіе особа напомнила вамъ событіе англійской исторіи.

— Чего же хотите вы отъ меня?—спросилъ принцъ. Онъ не могъ уразумѣть темныхъ намековъ, которыми полны были слова незнакомца, но они все же стихійнымъ страхомъ наполнили его сердце.

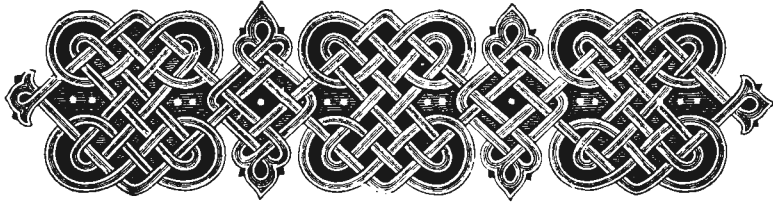
— Исполненія весьма немногаго,—сказалъ торжественный голосъ.—Если не Господь созидаль—всеу трудился строитель. Я—каменщикъ великаго зданія, созидаемаго на благо человѣчества по планамъ премудраго Архитектора. И говорю вамъ—стѣны этого чертога, воздвигнутаго безуміемъ самовластія, при самомъ созданіи были трухлявы, своды были сведены неправильно, фундаментъ гнилъ. И сколь быстро сіе зданіе воздвиглось, столь быстро оно и обрушится. Но тотъ, кто не остережется, кто будетъ подъ этими сводами въ мгновеніе ихъ крушенія, хотя бы случайно, будетъ ими раздавленъ. Итакъ, отъ имени прекрасной, питающей къ вамъ дружество, я вамъ предлагаю, принцъ, немедленно сказаться боль-

нымъ и болѣе не являться ко двору и нигдѣ, храня глубокое о всемъ молчаніе, проводя время въ своихъ покояхъ, пока не пройдутъ иды марта и апрѣльское солнце не взиграетъ радостными лучами и не настанетъ весеннее освобожденіе всей Россіи отъ холодныхъ, лдяныхъ зимнихъ покрововъ и ревъ Норда сиповатый не смѣнится теплымъ и благораствореннымъ дыханіемъ Фавона!

Н. А. Энгельгардтъ.

(Продолженіе въ слдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ РЕПОРТЕРА ¹⁾.

XXXV.

РАБОЧЕМЪ вопросъ писать въ газетахъ строжайше запрещено нѣсколькими циркулярами главнаго управленія по дѣламъ печати. Затрогивать его съ экономической точки зрѣнія—Боже сохрани: считается очень опаснымъ. Поэтому ни въ одной газетѣ нельзя найти ни одной статьи о рабочихъ. Если же въ которой-нибудь изъ нихъ и проскользнетъ какая-нибудь, большею частью невинная, вещица въ этомъ родѣ, то газета подвергается карѣ. Можно писать только о томъ, что правительство дѣлаетъ для рабочихъ. Можно и разрѣшено писать также о томъ, что дѣлаютъ и устраиваютъ съ разрѣшенія начальства разныя общества и частныя лица. Объ одномъ изъ такихъ добрыхъ дѣлъ я и далъ замѣтку въ свою газету.

Доброе дѣло затѣяно неутомимымъ принцемъ Александромъ Петровичемъ Ольденбургскимъ. Онъ взялъ на себя предсѣдательствованіе въ недавно народившемся попечительствѣ о народной трезвости и подъ флагомъ этого попечительства орудуетъ очень энергично. Принцъ—натура, которая не можетъ сидѣть безъ дѣла. Онъ постоянно долженъ что-нибудь творить и при томъ творить не мелочь какую-нибудь, а непременно что-нибудь крупное. Принцъ косвенно,—подъ флагомъ того же попечительства,—принялся и за

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. СІХ, стр. 726.

частичное разрѣшеніе рабочаго вопроса: онъ занялся улучшеніемъ быта рабочаго. Сегодня я былъ на закладкѣ или, вѣрнѣе, на открытіи дома для рабочихъ—съ ночлегомъ и со столовой. Возникновеніе этого дома вызвано вотъ чѣмъ.

Въ Петербургѣ ежегодно по одной только Николаевской дорогѣ прибываютъ нѣсколько десятковъ тысячъ рабочихъ. Всѣ они съ вокзала разбредаются по постояннымъ дворамъ и по ночлежнымъ пріютамъ, т. е. по учрежденіямъ, далеко не гигиеничнымъ и не дешевымъ. Чтобы помочь этому горю, попечительство (а попросту—принцъ Ольденбургскій) придумало построить недалеко отъ путей Николаевской дороги домъ со всевозможными приспособленіями для прибывающихъ рабочихъ. На торжествѣ, о которомъ рѣчь пойдетъ ниже, мнѣ сообщили слѣдующее: въ главныххъ чертахъ идея такова. Рабочихъ, прибывающихъ въ Питеръ, прямо изъ вагоновъ агенты попечительства будутъ направлять въ специально для этого устроенный домъ съ ночлежкой и со столовой. Здѣсь рабочій будетъ чувствовать себя, какъ дома: его будутъ кормить, поить и обстирывать.

— На какія же средства?—спросилъ я.

— На средства попечительства.

— Даромъ?

— Нѣтъ, не даромъ, а въ долгъ. Рабочему будетъ хорошо.

— Съ кого же и когда вы получаете долги будете? Съ рабочаго?

— Нѣтъ... То-есть, съ рабочаго, но не съ него самого. Предполагается, что рабочій прожилъ уже по дорогѣ. Вы дослушайте до конца, тогда и поймете. Наши агенты прямо съ вокзала доставляютъ рабочихъ сюда. Здѣсь у насъ они находятъ все необходимое: здоровое помѣщеніе, здоровый столъ и прочее. Живутъ они въ общемъ помѣщеніи и благодушествуютъ.

— И долго живутъ и благодушествуютъ?

— Не перебивайте. Домъ нашъ представляетъ собою нѣчто въ родѣ биржи труда. Къ намъ будутъ являться подрядчики и набирать кадры нужныхъ имъ лицъ. Уводя съ собою набранную артель, подрядчикъ и заплатитъ намъ за ея содержаніе. Мысль, можно сказать, гениальная. Какъ вы думаете? А?

— Мысль, можетъ быть, и гениальная, но она у васъ никогда не осуществится. На такихъ условіяхъ рабочіе къ вамъ не пойдутъ. Во-первыхъ, ваши пріемы и держаніе ихъ въ золотой клѣткѣ покажется имъ плѣномъ, а во-вторыхъ, уплата подрядчикомъ за ихъ содержаніе въ домѣ въ ихъ глазахъ будетъ похожа на отдачу въ кабалу. Подрядчикъ отдастъ вамъ рубль, а съ рабочаго вычтетъ три... Помяните мое слово, что рабочій побѣжитъ отъ васъ, какъ отъ врага.

— Не забывайте, что мы дадимъ ему и разумное развлеченіе. Мы строимъ для него театръ.

— О театрѣ я не могу ничего сказать. Это у насъ дѣло новое. А вотъ насчетъ вашей гениальной идеи повторю, что выполнить ее вамъ не удастся. Вы косвенно парализуете свободу рабочаго, насильственно навязывая ему непривычныя удобства и гигиену. Ему дорога прежде всего свобода, и, прїѣзжая въ Питеръ на заработки, онъ уже заранѣе ѣдетъ либо въ какую-нибудь артель, либо къ подрядчику; а если онъ не попадетъ ни туда, ни сюда, то предпочтетъ слоняться и искать вольнаго труда, но къ вамъ не пойдетъ ни за что. Создавая этотъ проектъ, вы не потрудились изучить натуру пришлаго рабочаго.

— Ну, не говорите... Вы смотрите пессимистически... Только, пожалуйста, не напечатайте того, что вы сейчасъ сказали: это коекого огорчить.

— Печатать не буду. Намъ запрещено затрогивать въ печати рабочій вопросъ.

— И славу Богу. Пойдемте, посмотримъ будущій театръ...

При домѣ для рабочихъ устраивается театръ—народный театръ и мѣсто для развлечения. Отнимая у рабочихъ водку, попечительство считаетъ своей нравственной обязанностью замѣнить алкогольное веселье какимъ-нибудь хорошимъ и полезнымъ развлеченіемъ. Лучшимъ и полезнѣйшимъ оно считаетъ театръ. И славу Богу. Этому нельзя не сочувствовать.

Для будущаго театра и для рабочихъ принцъ Ольденбургскій отвоевалъ за Обводнымъ каналомъ у администраціи императорскаго фарфороваго завода два старыхъ каменныхъ зданія. Оба зданія, если не ошибаюсь, взяты попечительствомъ въ долгосрочную аренду. Въ одномъ изъ нихъ когда-то было стекольно-гончарное отдѣленіе. Потомъ это отдѣленіе было упразднено и въ зданіи стали хранить на складѣ старыя декорациі императорскихъ театровъ. Сегодня, когда я осматривалъ это зданіе, декорациі были уже выброшены и валялись подъ открытымъ небомъ, какъ старый и ненужный хламъ. Боже, до чего мрачно, угрюмо и тяжело-массивно это заводское зданіе! Стѣны толстыя, точно крѣпостныя; потолки закопчены и все зданіе занято нѣсколькими десятками разнаго рода громоздкихъ каменныхъ печей и горновъ. Все это теперь уже полуразрушено и уже утратило свой настоящій видъ, но напоминаетъ что-то средневѣковое и тюремное. Теперь всѣ эти печи и горны, въ которыхъ когда-то плавилось стекло, ломаются и разрушаются съ трудомъ. Сооруженія эти такъ прочны, что плохо поддаются усиліямъ лома.

— Такъ крѣпко все слежалось, что мы мѣстами должны взрывать порохомъ. Это дѣлается по секрету отъ полиціи, потому что въ чертѣ города взрывать нельзя. Объ этомъ тоже не пишете,— сказалъ мнѣ мой спутникъ.

Принц Ольденбургскій ведетъ работы съ невѣроятной быстротою. Заводское зданіе было передѣлано въ домъ для рабочихъ всего въ одну недѣлю. Тамъ появились и нары и столовая. Проведено даже и электричество. Гдѣ-то въ уголку двора стоитъ въ загородкѣ паровикъ и вертитъ динамо-машину. Для перваго раза, пока еще нѣтъ рабочихъ съ вокзала, въ домѣ этомъ поселены рабочіе, строящіе театръ. Первыя блага новаго учрежденія они испытаютъ на себѣ. Въ домѣ чисто, нары просторны и опрятны. Всѣхъ обитателей человѣкъ триста. Вентиляція хороша, но уже самая цифра «триста» сдѣлала вполне понятнымъ легкое присутствіе того казарменнаго «русскаго духа», съ которымъ не въ силахъ справиться ни одна вентиляція въ мірѣ.

Освященіе зданія началось молебномъ и окончилось окропленіемъ. Священникъ сказалъ, обращаясь къ рабочимъ, довольно пространную рѣчь, въ которой, указывая на изготовленные для нихъ удобства и всякія блага, увѣщевалъ ихъ работать добросовѣстно, усердно, а не «какъ наемники». Стоявшій подлѣ меня сосѣдъ истолковалъ эту фразу такъ: разъ рабочіе не наемники, то, значитъ, они работаютъ даромъ. Изъ устъ священника слѣдуетъ, что рабочихъ съ перваго же шага хотятъ эксплуатировать: наняли за условленную плату и подослали попа, чтобы онъ уговорилъ ихъ работать не какъ «наемники», а бесплатно. Два-три человѣка улыбнулись этой остротѣ. Рабочіе же, слушая эту проповѣдь, относились къ ней совершенно безучастно. Ихъ гораздо больше занималъ приготовленный для нихъ праздничный столъ. На длинныхъ столахъ стояли жестяныя мисочки и въ каждую изъ нихъ было положено по куску вареной колбасы, по куску мяса и по огромному пирогу. Все это были такія порціи, которыхъ обычному желудку хватило бы на три ѣды, не считая щей. Кромѣ того, на приборъ поставлена была бутылка пива и на каждые два прибора— бутылка меду. Водки не было: попечительство о народной трезвости водку отрицаетъ.

По окончаніи духовнаго торжества рабочихъ размѣстили за столъ. Нѣкоторые изъ нихъ, по простотѣ душевной, сейчасъ же принялись за колбасу и за пироги, но изъ глубины зданія послышался грозный окрикъ:

— Погодите ѣсть! Успѣете!

Рабочіе конфузливо перестали жевать. Священникъ распорядился, чтобы они хоромъ пропѣли «Отче нашъ». Это смутило ихъ: у многихъ не было ни голоса, ни умѣнья пѣть. Но кое-какъ съ этою формальностью сладили—пропѣли. Принцъ выпилъ чарку за здоровье государя. Пропѣли гимнъ. Потомъ было провозглашено еще нѣсколько здравницъ. А рабочіе, стоя у своихъ приборовъ и глядя на колбасу, усердно облизывались. Наконецъ, праздничныя формальности окончились. Тотъ же голосъ изъ глубины крикнулъ грубо:

— Теперь можно! Жрите!

Рабочіе дѣйствительно принялись не ѣсть, а жрать... Послѣ обѣда ихъ угостили вокально-инструментальнымъ концертомъ. За столомъ имъ служили солдаты изъ училища правовѣдѣнія. Это обстоятельство ясно показывало, что принцъ Ольденбургскій кормилъ рабочихъ отъ себя и лишь прикрывался флагомъ попечительства. Для почетныхъ гостей былъ сервированъ завтракъ въ особой палаткѣ, раскинутой въ саду. Несмотря на радушныя приглашенія, на завтракъ я не остался, потому что спѣшилъ на похороны профессора Костюрина.

Дай Богъ успѣха новому дѣлу. Что принцу, при его энергіи и массѣ затрачиваемыхъ денегъ, театръ для рабочихъ удастся,—въ это я вѣрю; но чтобы пріѣзжіе рабочіе пошли въ открытый имъ домъ,—я очень и очень сильно сомнѣваюсь... Посмотримъ, что скажетъ будущее... ¹⁾.

XXXVI.

На могилѣ Ивана Ѳедоровича Горбунова на Никольскомъ кладбищѣ освятили памятникъ-часовню, внутри которой повѣшенъ его портретъ и по стѣнамъ развѣшаны вѣнки... Какъ быстро летитъ время! Давно ли я говорилъ съ нимъ, давно ли слышалъ его остроумную бесѣду, которою онъ приводилъ въ восторгъ интимную компанію въ домѣ нашихъ общихъ знакомыхъ?! Потомъ мнѣ пришлось со скорбью въ душѣ провожать его въ могилу и описывать его похороны, а наканунѣ—фотографировать его при магніи, лежащимъ молчаливо въ гробу, окруженномъ пальмами. Теперь уже воздвигнута часовня. Въ день его именинъ въ этой часовнѣ отслужили панихиду.

Много было при жизни друзей у покойнаго и много почитателей его таланта. Но въ мірѣ все быстро забывается. На панихидѣ, кромѣ семьи, были только самые близкіе друзья: А. Ѳ. Кони, С. В. Максимовъ и Ф. В. Вишневскій (Черниговецъ). Изъ театральнаго міра явилось нѣсколько артистокъ и артистовъ, никому невѣдомыхъ. Часовня построена рядомъ съ каменной пагодой торговцевъ готовымъ платьемъ братьевъ Мори. По поводу этой пагоды завязался разговоръ. Кто-то сказалъ, что эти Мори, какъ иностранцы, исповѣдуютъ вѣру не православную, и удивился тому, что ихъ пустили на лаврское кладбище. Ф. В. Вишневскій со свойственнымъ ему юморомъ замѣтилъ:

— За деньги нынче всюду пускаютъ, а не только что въ лавру. За деньги, говорятъ, даже и въ рай пускаютъ...

¹⁾ Позднѣйшее примѣчаніе. Идея эта не удалась; но театръ блестяще осуществился.

XXXVII.

Освящали школу Воскресенскаго Новодѣвичьяго монастыря за Московскою заставою. Внутри зданія еще пахло сыростью и масляными красками до такой степени ощутительно, что можно смѣло утверждать, что у учителей и учениковъ отъ этихъ запаховъ будутъ болѣть головы. На торжество были приглашены сильные міра сего—духовные и свѣтскіе и во главѣ ихъ—оберъ-прокуроръ свѣтѣйшаго синода К. П. Побѣдоносцевъ. Отслужили молебенъ и духовенство пошло съ пѣніемъ окроплять весь домъ. За духовенствомъ пошла толпа. Я и еще кто-то изъ репортеровъ остались въ комнатѣ, смежной съ залой, въ которой служился молебенъ. Въ это время К. П. Побѣдоносцевъ осматривалъ помѣщенія классовъ. Слѣдомъ за нимъ семенилъ смотритель школы и съ подобострастіемъ давалъ объясненія. Вошли они оба и въ ту комнату, гдѣ находились мы.

— А это кто? — спросилъ К. П. Побѣдоносцевъ, указывая на насъ.

Смотритель засуетился и не зналъ, что отвѣтить.

— Сотрудники газетъ,—отвѣтилъ я за смотрителя.

— А, это тѣ, которые видятъ одно, а пишутъ другое и пишутъ то, что не надо, и не такъ, какъ надо!..

Съ этими словами оберъ-прокуроръ, не обращая на насъ болѣе никакого вниманія, повернулся спиною и пошелъ далѣе, а смотритель, бросивъ на насъ презрительно уничтожающій взглядъ, поспѣшилъ за нимъ и изогнулся еще подобострастнѣе.

Мы съ товарищемъ переглянулись и грустно улыгнулись. Если на насъ, скромныхъ работниковъ, смотреть здѣсь такими глазами, то незачѣмъ было и приглашать насъ на освященіе. Впрочемъ, К. П. Побѣдоносцевъ на этотъ разъ былъ правъ, говоря, что мы пишемъ не такъ, какъ надо. Если бы мы могли писать такъ, какъ надо, т. е. одну только правду, то и эта его обидная острота попала бы непременно въ печать, какъ лучшей перль при описаніи торжества освященія школы.

XXXVIII.

Скончался петербургскій митрополитъ Исидоръ. Стеченіе народа въ лаврѣ было огромное. Служба была длинная и холодъ на дворѣ стоялъ ощутительный. Исидоръ, по словамъ одного изъ монашествующихъ обитателей лавры, умеръ 93 лѣтъ и прожилъ бы навѣрное долѣе, если бы не одно печальное обстоятельство.

— Посидѣлъ владыка высокопреосвященнѣйшій потный у окна,—повѣствовалъ монахъ,—и схватилъ жабу или что-то въ

этомъ родѣ. Сначала вспухла рука, а потомъ пошло дальше... А жалко владыку, жалко. Хорошій былъ архипастырь...

Монахъ вздыхалъ, но по лицу его было видно, что монашествующей братіи владыку было такъ же жалко, какъ и прошлогодняго снѣга...

Стоять въ церкви, пока шло длинное отпѣваніе, намъ, репортерамъ, было неинтересно: во-первыхъ, душно и тѣсно, а во-вторыхъ, и смысла не имѣло. Мы должны были слѣдить за тѣмъ, какъ бы не прозѣвать какое-нибудь высокопоставленное лицо или не опустить какую-нибудь деталь. Собрались мы поэтому кучкой недалеко отъ собора и стоимъ. Балагуриимъ, куриимъ и зябнемъ. Подходить къ намъ знакомый полицейскій чинъ и говоритъ:

— Охота вамъ, господа печать, зябнуть... Шли бы въ келью къ отцу казначею погрѣться...

— А что тамъ такое?—полюбопытствовалъ кто-то изъ насъ.

— Тешка малосольная... Такая интересная, что въ ротъ сама попросится... Еще кое-что есть... Тамъ сами увидите...

— Какъ же попасть въ казначейскую келью?

— Идите прямо... Впрочемъ, я васъ провожу. Пойдемте. Тешка такая интересная, что изъ-за нея одной невольно пропустишь вторую.

Мы обрадовались и пошли. Въ кельѣ, куда насъ привелъ полицейскій чинъ, уже сидѣло вдоль стѣны еще три чина. На столѣ стоялъ графинъ съ водкой и нѣсколько рюмокъ. На тарелкахъ лежали грибы и тешка, глядѣвшая очень заманчиво. Неподалеку отъ стола, на какомъ-то сундукѣ сидѣлъ, опершись обѣими руками на высокій посохъ, сѣдой монахъ, хозяинъ кельи, и молча и строго смотрѣлъ на чиновъ и на нашу компанію. Мы раскланялись съ нимъ, но онъ намъ ничего не отвѣтилъ.

— Приступайте, господа,—заговорили чины.—Озябли? Грѣйтесь, грѣйтесь... Закусочка — первѣйшій сортъ. Превосходно кушаютъ господа иноки.

Старикъ-монахъ не моргнулъ и бровью. Приглашать насъ второй разъ не было надобности. Графинъ и тарелка съ рыбою опустѣли быстро.

— Чудеснѣйшая тешка, — проговорилъ кто-то. — Въ продажѣ такой не найдешь даже въ Милютиныхъ лавкахъ.

— Съ холода очень недурно...

Наступило неловкое молчаніе. Выпить хочется еще. Репортеры смотрятъ на полицейскихъ чиновъ. У тѣхъ на лицѣ написано, что и они тоже не прочь повторить.

— Ваше иноческое благословеніе, какъ бы это еще?—заговорилъ одинъ изъ чиновъ.—Рыбка ужъ очень хороша... И грибокъ тоже...

Старый монахъ, не измѣняя позы и не смягчая суроваго взгляда, лаконически произнесъ:

— Принеси!..

Откуда-то, точно изъ земли, выросъ послушникъ, молча взявъ пустой графинъ и тарелку и вышелъ. Минуть черезъ пять онъ вернулся и досадливо поставилъ на столъ и то и другое, но уже въ обильномъ количествѣ. Скоро было уничтожено и это. И чины, и мы, репортеры, согрѣлись. Сознаніе неловкости и того, что мы непрошенными ворвались въ чужую квартиру, исчезло. Перестали даже смущать суровая неподвижность старца и строгость его взгляда. Начались разговоры. Кто-то довольно безтактно упомянулъ о томъ, что одинъ изъ лаврскихъ монаховъ, ѣдучи по Финляндской дорогѣ, сильно порѣзалъ себѣ руку, откупоривая въ вагонѣ бутылку съ сельтерской водой. Объ этой поѣздкѣ по Питеру ходили очень скандальныя розказни далеко не цѣломудреннаго свойства... Старецъ, слушая этотъ разказъ, не пошевельнулся и сталъ смотрѣть еще суровѣе. Видно было, что присутствіе подвыпившихъ людей въ его кельѣ было ему противно и что онъ съ радостью выгналъ бы ихъ, но не можетъ, потому что угощеніе входитъ въ программу похоронъ. Полицейскіе чины снова и на этотъ разъ уже развязно заговорили о прелестяхъ тешки и о томъ, какъ хорошо кушаютъ монахи.

— Принеси!—повторилъ старецъ послушнику, и въ голосѣ его звучала уже сердитая нота.

Истоцившіеся запасы возобновились опять. Полицейскіе чины и репортеры поочередно выходили изъ кельи посмотрѣть, не кончилось ли отпѣваніе, и опять возвращались сюда, какъ домой. Старецъ сидѣлъ все въ той же позѣ, опершись обѣими руками на посохъ. Костлявые пальцы его по временамъ нервно сжимали древко посоха, какъ бы приглашая его прогуляться по головамъ и спинамъ непрошенныхъ безцеремонныхъ гостей. Но гости вели себя такъ, что онъ еще разъ, но уже съ нескрываемымъ презрѣніемъ произнесъ:

— Принеси!..

Продолжалось это до тѣхъ поръ, пока вѣстникъ извнѣ не далъ знать:

— Отпѣваніе кончается. Сейчасъ опущеніе въ могилу начнется...

Всѣ поднялись съ мѣстъ, засуетились и взялись за шапки. Поблагодарили хозяина за угощеніе, но онъ, все въ той же позѣ, даже не кивнулъ намъ головою. Взглядъ его былъ суровъ и по-прежнему презрителенъ. Мы гурьбой повалили изъ двери. Я выходилъ однимъ изъ послѣднихъ и до меня донеслось:

— Не убирай! Пожалуй, еще вернется...

Не знаю, какъ полицейскіе чины, а мы, репортеры, уже болѣе не возвращались. Растолкавъ въ церкви толпу, мы старались продвинуться какъ можно ближе къ тому мѣсту, гдѣ происходило опусканіе гроба въ могилу. Митрополита похоронили подъ паркетомъ, недалеко отъ царскихъ вратъ, близъ одной изъ «мѣстныхъ» иконъ иконостаса...

XXXIX.

Повѣсть о томъ, какъ не слѣдуетъ увлекаться даже полезными вещами.

Сегодня я присутствовалъ на торжественномъ актѣ въ школѣ кулинарнаго искусства, и этотъ выпускной актъ показалъ, что школа эта не выдерживаетъ конкуренціи и что заправили ея, твердо опираясь на научную почву, слишкомъ увлеклись доктриной и этимъ погубили все дѣло. Я говорю о кулинарной школѣ, основанной русскимъ обществомъ охраненія народнаго здравія. Она гибнетъ. Публика утратила къ ней всякій интересъ. А не такъ давно школа это гремѣла и на нее возлагались очень большія надежды. Бѣда вся въ томъ, что ученые мужи переборщили.

Школа общества охраненія народнаго здравія имѣетъ свою исторію. Родилась она, пережила свой расцвѣтъ и погибаетъ на моихъ глазахъ. Общество охраненія народнаго здравія занялось научной стороною народнаго питанія, и, пока занималось ею теоретически, — все шло прекрасно; но какъ только оно вздумало стать на практическую почву, тотчасъ же появились и прорѣхи. Заграничный ученый мужъ, именемъ Фойтъ, изучая человѣческій организмъ и его питаніе, пришелъ къ кабинетному выводу, что человѣку для того, чтобы жить и здравствовать, необходимо съѣдать въ день столько-то (по вѣсу) бѣлковъ, столько-то жировъ и столько-то крахмаловъ. Русское ученое общество, взявшее на себя задачу охранять здравіе публики, приняло эту формулу на вѣру и стало пробовать ее на желудкахъ петербуржцевъ.

О формулѣ Фойта заговорили въ печати и съ не меньшимъ интересомъ заговорили и въ публикѣ. Формула быстро вошла въ моду и дѣло дошло довольно скорыми шагами до того, что стало слагаться убѣжденіе, будто бы мы, простые смертные, обѣдавшіе до сихъ поръ и продолжающіе обѣдать у себя дома и въ ресторанахъ, не питаемся, а сознательно и медленно отравляемся. Тотъ столъ, которымъ мы пробавляемся, ведетъ насъ, помимо всего прочаго, прямо къ преждевременной могилѣ. Чтобы жить долго и быть здоровымъ, нужно питаться не иначе, какъ по формулѣ Фойта. Но гдѣ ее взять? Какъ приложить ее къ нашему домашнему обиходу? Кто можетъ научить насъ, нашихъ женъ, дочерей и кухарокъ осуществлять эту формулу въ духовой печи и на плитѣ? Очевидно, не кто иной, какъ русское общество охраненія народнаго здравія. Оно подняло весь этотъ кулинарный бунтъ; оно открыло публикѣ глаза; оно же должно и помочь.

Такъ разсуждала публика — и общество охраненія народнаго здравія откликнулось. Оно учредило образцовую кулинарную школу для женъ и дочерей обывателей и оно же открыло на Невскомъ и образцовую «Нормальную столовую».

Основаль эту столовую извѣстный не только у насъ, но и за границей гурманъ Дмитрій Васильевичъ Каншинъ. Извѣстенъ онъ тѣмъ, что, обладая огромнымъ состояніемъ и не будучи ни мотомъ, ни пьяницей, ни картежникомъ, проѣлъ это состояніе. Не пропилъ, не проигралъ, а проѣлъ въ буквальномъ смыслѣ слова. Онъ ѣздилъ по Европѣ и по Россіи и всюду пробовалъ кушанья и добивался кулинарнаго идеала. Добился ли онъ—миѣ неизвѣстно; но я знаю, что онъ написалъ и выпустилъ въ свѣтъ двѣ кулинарныхъ книжки, одна изъ которыхъ называется: «Интересы желудка»; знаю также, что онъ, бывшій богачъ и гурманъ, теперь живетъ полунищимъ въ одной только скромной комнатѣ и питается съ грѣхомъ пополамъ, и, знаю, наконецъ, что онъ, испытавъ на своемъ желудкѣ всякія питанія, рѣшилъ наклонѣ дней своихъ дать петербуржцамъ нормальное питаніе и основаль «Нормальную столовую» на Невскомъ. Извѣдавъ всю тщету гастрономіи, онъ обратился самъ и захотѣлъ обратить другихъ на путь истиннаго и правильнаго питанія. Нормальная столовая вся цѣликомъ была основана на формулѣ Фойта, т. е. на правильномъ вѣсовомъ и объемномъ сочетаніи бѣлковъ, жировъ и крахмаловъ. Вкусовые вещества, пряности, острия блюда и приправы были исключены изъ меню и строго преслѣдовались. Питаніе должно быть нормальнымъ—и больше никакимъ...

Пока гастрономъ Д. В. Каншинъ производилъ свои нормальные опыты надъ петербургскими желудками въ своей столовой, общество охраненія народнаго здравія вело свою линію и открыло школу кулинарнаго искусства, въ которой все было построено и налажено по указаніямъ гигіены и тоже по формулѣ Фойта. Школа имѣла цѣлью готовить не простыхъ кухарокъ, а кухарокъ ученыхъ, разсуждающихъ, умѣющихъ взвѣсить каждый свой поступокъ и способныхъ управляться безъ затрудненій съ бѣлками, жирами и крахмалами, или, какъ ихъ называли по ученому—съ углеводами. Въ школу, которая быстро вошла въ моду, стали поступать дамы и дѣвицы не только изъ средняго, но даже изъ высшаго круга. Аристократки подвязались бѣлыми передниками, надѣли на головы бѣлые, фигурные чепцы, взялись за кастрюли и сковороды и стали самоотверженно жариться у плиты. Помимо стряпни, въ школѣ стали преподаваться предметы выпренніе, въ родѣ физиологіи питанія, анатоміи, мясовѣдѣнія и даже искусство строить печи примѣнительно къ кухонному искусству. Преподавателями выступили такіе корифеи, какъ сверхъ-поваръ Зестъ, магистръ ветеринарныхъ наукъ Михаилъ Александровичъ Игнатьевъ, архитекторъ Петръ Юліановичъ Майеръ и другіе ученые специалисты и мужи науки. Ученицы стряпали съ вѣсами въ рукахъ, вели строгія вѣдомости своей стряпнѣ и обязаны были знать наизусть, сколько, напримѣръ, въ бифштексѣ съ картофелемъ

заключается бѣлковъ, жировъ и углеводовъ и какое измѣненіе въ формулѣ Фойта потерпитъ это блюдо, если къ нему прибавить еще соленый огурецъ. Эта идея такъ понравилась купцу нѣкому, Ковригину, что онъ пожертвовалъ довольно крупный капиталъ, на проценты съ котораго должны обучаться поварскому искусству двѣ стипендіатки. Въ благодарность за это общество охраненія народнаго здравія повѣсило у себя его портретъ.

Публикѣ эта школа очень понравилась, и ученицы повалили въ нее, несмотря на то, что плата за курсъ взималась довольно приличная — тридцать рублей съ персоны. Кромѣ того, каждая ученица, готовя экзаменаціонное блюдо, должна была покупать провизию на это блюдо за свой счетъ. Экзаменъ состоялъ въ томъ, что особая комиссія отъ общества охраненія народнаго здравія являлась и кушала обѣдъ, изготовленный ученицами. Кромѣ того, были и устные экзамены по всякимъ физиологіямъ. Приглашалась публика — все больше родные и знакомые ученицъ; приглашалась, конечно, и печать. Для публики и для представителей печати дѣлалась выставка блюдъ и гости приглашались отвѣдать ихъ. Это были такъ называемые торжественные акты или такъ называемые «выпуски». На актѣ обыкновенно кто-нибудь изъ членовъ общества или изъ «комиссіи питанія» произносилъ рѣчь, а потомъ ученицамъ раздавались дипломы — съ такою же важностью, съ какою въ гимназіяхъ раздаются похвальные листы. Иногда на «выпускахъ» нѣкоторые изъ преподавателей школы выступали съ докладами научно-академическаго характера. Во время всероссійской гигиенической выставки школа во всемъ своемъ составѣ фигурировала въ особомъ павильонѣ... Все было хорошо, но вся бѣда заключалась въ томъ, что блюда въ этой школѣ готовились по формулѣ Фойта и безъ приправъ. Къ этому неудобству прибавилось еще и то, что школа довольно скоро вышла изъ моды и публика перестала ею интересоваться.

Итакъ, въ короткое время оказалось такое обстоятельство: школа при обществѣ работала по Фойту и нормальная столовая кормила по Фойту. Благодаря этой общности направленія произошло то, что должно было произойти, т. е. что общество охраненія народнаго здравія дало столовой Д. В. Каншина свой флагъ и она стала называться «Нормальною столовою общества охраненія народнаго здравія». Въ первое время публика повалила въ эту столовую. Одни стремились избавиться въ ней отъ катарровъ желудка, другіе уповали нажить нормальнымъ питаніемъ долготѣіе, а третьи — просто ходили туда обѣдать изъ любопытства и потому, что обѣды тамъ стоили недорого. Однакоже нормальные обѣды изъ бѣлковъ, жировъ и углеводовъ, но безъ приправъ, показались всѣмъ невкусными. Газеты и юмористическіе журналы стали острить насчетъ кулинарокъ, прошедшихъ школу и получившихъ дипломы,

но умѣющихъ только портить провизію. Ученицы плохо мирились съ вѣсами, выраженными въ граммахъ, съ анатоміей и съ фізіологіей питанія. Родители и мужья вознегодовали и потребовали отъ своихъ дипломированныхъ дочерей и женъ не бѣлковъ, жировъ и углеводовъ и не фойтовской нормы, а обыкновенныхъ и вкусныхъ обѣдовъ. Параллельно съ этимъ столовая своими прѣсными обѣдами безъ приправъ отбила у публики всякую охоту обѣдать по «гигіенѣ». Представители столовой доходили даже до такого рвенія въ пользу науки, что нерѣдко обращались къ посетителямъ со строгими допросами въ родѣ слѣдующаго:

— Отчего вы жировъ не ѣдите? Зачѣмъ оставляете жиръ на тарелкѣ?

— Не люблю ихъ. Кромѣ того, и докторъ запретилъ жирное. У меня катарръ.

— Вздоръ. По Фойту, для правильнаго питанія вы должны скушать этотъ жиръ.

— Убирайтесь съ вашимъ Фойтомъ. Велите лучше дать еще хлѣба.

— Извините, этого нельзя. Вы уже съѣли столько крахмала, сколько полагается по нормѣ.

— Могу, наконецъ, попросить горчицы къ мясу?

— Горчица у насъ не подается: она вредна...

Получилось то, что и должно было получиться: публика мало-малу стала охлаждѣвать и къ школѣ, и къ столовой, и къ Фойту съ его бѣлками, жирами и углеводами. Столовая, общавшая въ принципѣ тысячи, скоро стала давать убытки. Чтобы поправить дѣло, начали пускать въ ходъ приправы. Общество охраненія народнаго здравія, вѣрное формулѣ Фойта, сняло свою фирму съ вывѣски. Въ школѣ же своей оно упорно продолжаетъ и до сихъ поръ держаться прежняго направленія. Въ результатѣ — количество ученицъ стало замѣтно убывать.

Въ это злополучное время, когда дѣла нормальныхъ школы и столовой пошли такъ дурно, возникла конкуренція. Нѣкто г-жа Гунстъ открыла свою собственную школу кулинарнаго искусства и повела дѣло такъ хитро, что къ ней изъ общества перешли лучшіе преподаватели и повара. Фойтъ и граммы были выброшены за бортъ и ученицъ стали обучать приготовленію не только вкусныхъ обѣдовъ съ приправами, но даже и пикантныхъ французскихъ обѣдовъ съ кайенскимъ перцемъ и разными острыми соями и соусами. Публика повалила къ г-жѣ Гунстъ тѣмъ болѣе, что туда перешелъ и сталъ директоромъ уже вошедшій въ славу магистръ ветеринаріи М. А. Игнатъевъ, т. е. далъ школѣ свое имя, а П. А. Александрова, знаменитая на всю Россію кулинарка, выпустила въ свѣтъ прекраснѣйшую поваренную книгу, которая фойко пошла на рынокъ. При новой школѣ открылась и новая столовая на коммерческихъ

началахъ. Наука пошла наукой, коммерція — коммерціей. Кайена, перецъ и кабуль сдѣлали свое дѣло и завоевали симпатіи публики. Экзамены стали производиться съ помпою и съ трескомъ — и дѣло покатилося, какъ по маслу.

Обществу охраненія народнаго здравія пришлось или закрывать лавочку, или же тянуться, опираясь на старыя традиціи. Оно выбрало послѣднее, и его школа влачитъ самое жалкое существованіе. Сегодня происходилъ торжественный экзаменъ, и я былъ свидѣтелемъ самой печальной картины. За столомъ молчаливо сидятъ: предсѣдатель общества, предсѣдатель комиссіи питанія, завѣдующій школою, преподаватели, два-три члена общества и два репортера. Прислуга обноситъ всѣхъ супомъ. Всѣ ѣдятъ молча и уныло. И эта траурная картина представляетъ собою «экзаменъ». Въ кухнѣ жмутся въ ожиданіи дипломовъ всего только семь ученицъ. Изъ публики, въ прежнія времена наполнявшей комнаты до тѣсноты, ни души. Эксперты, понуривъ головы, медленно жуютъ и вспоминаютъ «дѣла минувшихъ дней»... И это тѣмъ грустнѣе, что у школы есть прошлое: сегодня она выпустила пятьдесятъ четвертый курсъ ученыхъ поварихъ и хозяекъ...

XI.

Въ ночь съ 4 на 5 декабря с.-петербургскій митрополитъ Палладій умеръ, или, какъ говорятъ въ лаврѣ, «съ миромъ отыде».

Хвораль онъ долго. Болѣзнь началась уже давно и выразилась первоначально въ томъ, что онъ сталъ «главою скорбенъ», сирѣчь началъ проявлять въ своихъ распоряженіяхъ нѣкоторую ненормальность умственныхъ способностей. Возили его въ Ялту лечиться, но это не помогло и, кромѣ того, старость брала-таки свое. Это уже третій митрополитъ, котораго я провожаю въ могилу: первый былъ Исидоръ, второй—Сергій московскій и, наконецъ, третій — Палладій.

Гробъ для митрополита Палладія былъ заготовленъ однимъ изъ бюро похоронныхъ процессій, какъ говорятъ, заранѣе. Редакторъ нашей газеты за нѣсколько дней до смерти митрополита завтракалъ въ ресторанѣ и слышалъ, какъ за однимъ изъ сосѣднихъ столиковъ завтракавшій представитель похороннаго бюро жаловался своей компаніи:

— Чего это Палладій такъ долго не умираетъ?! Я ему давно уже заготовилъ гробикъ—и гробикъ прекрасный...

Былъ я на панихидѣ. Гробъ былъ доставленъ дубовый и по поводу его у меня былъ въ митрополичьихъ палатахъ слѣдующій разговоръ. Подходить ко мнѣ мастодонтнаго вида господинъ во фракѣ—фракъ былъ бы широкъ даже и на слона—и спрашиваетъ:

— Вы все еще въ большой газетѣ работаете?

— Все еще работаю.

— И похороны описывать будете?

— И похороны описывать буду.

— А нельзя между прочим написать, что гробъ былъ рѣзной, дубовый, обитый внутри газетомъ и что онъ былъ доставленъ такимъ-то бюро?

— Нѣтъ, нельзя.

— Реклама будетъ?

— Реклама.

— Жалко. А заплатить нельзя?

— И заплатить нельзя.

— Очень жалко...

Въ митрополичьихъ покояхъ тихо. Служки, сторожа и духовенство ходятъ на цыпочкахъ. У дверей внизу стоитъ полиція и никого въ покой, кромѣ избранныхъ, не пускаетъ. Поэтому на панихидѣ публики было очень мало.

У католиковъ тѣло умершаго митрополита обставляется съ вѣшной стороны гораздо торжественнѣе и красивѣе, нежели у насъ. Тѣло Палладія лежитъ на бѣломъ газетовомъ катафалкѣ въ святительской одеждѣ, съ закрытымъ лицомъ. Руки и ноги также покрыты мантией. Въ головахъ—серебряный запрестольный крестъ и по бокамъ его—митра и клобукъ. По серединѣ—посохъ. По сторонамъ тѣла—два стихарныхъ молодца съ рипидами. Кругомъ—пальмы. Вотъ и все. Въ люстрѣ тускло горятъ свѣчи черезъ двѣ—экономіи ради. Ставники со свѣчами, напоминающими колонны, были принесены только передъ самой панихидой. Священникъ читаетъ надъ тѣломъ евангеліе съ тоненькою свѣчкою въ рукахъ—тоже, вѣроятно, экономія...

Вечернюю панихиду служилъ архіепископъ Дмитрій тверской вмѣстѣ съ архіереями Іоанномъ и Веніаминомъ и лаврскими архимандритами. Одинъ изъ этихъ архимандритовъ въ митрѣ и черныхъ ризахъ отвѣсилъ В. К. Саблеру три низкихъ поясныхъ поклона.

— Почему сей святой отецъ, — спросилъ я Владимира Карловича, — отвѣсилъ вамъ три поклона вмѣсто одного: по каноническимъ правиламъ, или по обычаю?

— Просто по излишней вѣжливости, — отвѣтилъ В. К. Саблеръ. — Когда онъ одѣтъ въ своемъ духовномъ облаченіи, онъ не можетъ протягивать руку для пожатія: не принято.

Положеніе тѣла во гробъ было произведено архимандритами и духовенствомъ. Гробовщики отъ бюро сунулись было по привычкѣ, но ихъ отстранили. Тѣло въ гробу покрыли мантией и самый гробъ старцы съ большимъ трудомъ подняли съ пола—положеніе совершалось на полу—и поставили на катафалкѣ. Пѣвчіе въ это время протяжно и торжественно пѣли «Святыи Боже». Привожу кстати

и программу погребальной церемоніи въ такомъ видѣ, какъ она была издана синодомъ въ формѣ напечатанныхъ на Ремингтонѣ листковъ:

«Порядокъ богослуженія въ Александро-Невской лаврѣ по случаю кончины высокопреосвященнаго Палладія, митрополита с.-петербургскаго.

5 декабря панихида по окончаніи царской панихиды въ Петропавловскомъ соборѣ; положеніе тѣла почившаго владыки во гробъ.

6 декабря, въ 8^{1/2} час. вечера панихида.

7 декабря, въ 9 час. утра перенесеніе тѣла почившаго владыки въ Свято-Троицкій соборъ Александро-Невскія лавры, а затѣмъ литургія и по окончаніи оной панихида.

7 декабря, въ 6 час. вечера, заупокойное всенощное бдѣніе (парастасъ).

8 декабря, въ 9 час. утра, заупокойная литургія и по окончаніи оной отпѣваніе тѣла почившаго въ Свято-Троицкомъ соборѣ Александро-Невскія лавры и затѣмъ погребеніе въ Исидоровской церкви, противъ иконы Богоматери, согласно волѣ почившаго».

XLI.

Удивительныя бываютъ натуры или, вѣрнѣе, удивительныя бываютъ странности у людей. Знаменитый генералъ Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ, стяжавшій столь великую славу въ славянскихъ земляхъ и воевавшій противъ турокъ вмѣстѣ съ братушками, видѣлъ на полѣ брани много смертей и долженъ былъ бы, казалось, относиться къ нимъ равнодушно, а на дѣлѣ выходитъ какъ разъ наоборотъ: онъ страшно боится покойниковъ.

Жилъ онъ въ гостиницѣ на Большой Морской, близъ арки. Приѣхалъ въ Петербургъ хлопотать о чемъ-то въ главномъ управленіи по дѣламъ печати редакторъ-издатель московскихъ «Современныхъ Извѣстій» Гиляровъ-Платоновъ и поселился въ той же гостиницѣ. Прожилъ въ ней день или два — и внезапно умеръ у себя въ номерѣ. Генералъ Черняевъ сейчасъ же собралъ свои вещи и выселился куда-то въ другую квартиру, говоря, что онъ не желаетъ оставаться подъ одной кровлей съ покойникомъ. Рассказывала объ этомъ администрація гостиницы. Швейцаръ же повѣствовалъ такъ. Когда выносили вещи генерала и онъ самъ выходилъ изъ подъѣзда, то швейцаръ воскликнулъ:

— Куда же вы, ваше превосходительство? Неужели всерьезъ покидаете насъ?

— Убирайся, братецъ, — отвѣтилъ Михаилъ Григорьевичъ брезгливо. — У васъ тутъ покойники, а я покойниковъ боюсь.

Гиляровъ-Платоновъ умеръ въ Петербургѣ сиротою. На вечерней панихидѣ у его праха собралось въ его номеръ только нѣсколько

петербургскихъ издателей и литераторовъ. Говорятъ, что когда онъ умеръ, то въ его кошелекѣ нашли очень нищенскую сумму. Этому, пожалуй, можно повѣрить. За его тѣломъ пріѣхали изъ Москвы его вдова—старушка въ старенькомъ, убогомъ салопчикѣ—и издатель «Московского Листка» Н. И. Пастуховъ. Тѣло свезли на вокзалъ Николаевской дороги, заколотили въ ящикъ, поставили въ товарный вагонъ и увезли въ Москву. Распоряжался всѣмъ этимъ Н. И. Пастуховъ.

XLII.

Присутствовалъ я на такой штукѣ, что никакъ не могу отдать себѣ отчета— что она такое? Такая штука мнѣ даже и во снѣ не снилась. Ученики седьмого и восьмого классовъ Аннинскаго училища на Кирочной—Анненшуле—поставили въ актовомъ залѣ на сценѣ «Антигону» Софокла на древне-греческомъ языкѣ. Кому, къ чему и для чего это нужно? Когда я учился въ гимназiи,— былъ самый разгаръ толстовскаго классицизма и насъ тогда буквально душили латынью и греческимъ. Тогда была такая атмосфера, что даже дышать мы были обязаны воздухомъ, въ которомъ носились греческія спряженія и латинскіе неправильные глаголы. Но то была пора увлеченія и поголовнаго изнуренія молодежи классической мертвечиной въ огромныхъ дозахъ. Тогда дѣйствительно директора гимназiй, чтобы отличиться передъ начальствомъ, мечтали о постановкѣ ученическими силами на сцену классическихъ пиесъ. Нашъ директоръ тоже мечталъ о латинской пиесѣ «Miles gloriosus» («Славный воинъ») и Грецію оставлялъ въ покоѣ.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе четверти вѣка. Переменилось нѣсколько министровъ народнаго просвѣщенія, и классицизмъ сталъ какъ будто бы ослабѣвать. Родители стали какъ будто бы свободнѣе дышать и менѣе бояться за классическое искалѣченіе своихъ дѣтей. И вдругъ—нѣмцы отличились и въ своемъ классическомъ училищѣ поставили въ подлинникъ и безъ малѣйшихъ пропусковъ такую громадную и труднѣйшую пиесу, какъ «Антигона» Софокла. Эту вещь, по правдѣ говоря, и на русскомъ-то языкѣ одолѣть трудно, а тутъ ученикамъ пришлось одолѣвать наизусть нѣсколько тысячъ стиховъ тяжелаго софокловскаго языка, зубрить, мало понимая то, что зубришь, и, кромѣ того, еще и лицедействовать. Я былъ на этомъ спектаклѣ, смотрѣлъ эту пиесу и нахожу, безъ преувеличеній, что если бы всю сумму труда, положеннаго учениками на этотъ уродливый спектакль, обратить на изученіе новыхъ классиковъ, то можно было бы легко выучить наизусть въ подлинникъ и въ переводѣ «Отелло» и «Короля Лира» вмѣстѣ. Въ этомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, трудъ не пропалъ бы даромъ: получилось бы знаніе англійскаго языка. Тутъ же вся эта масса

труда пропала ни за повюхъ табаку. Нѣсколько десятковъ молодыхъ людей въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ убивали все свое свободное, а пожалуй, даже и не свободное время для того, чтобы вымучивать свою память на нѣсколькихъ тысячахъ трудно переводимыхъ Софокловыхъ стиховъ съ единственною цѣлью произвести ихъ со сцены и тотчасъ же навѣки забыть. Стоило ли?

Сцену представляли только двѣ декорациі, выдержанныя въ строго-дорическомъ стилѣ. Первая—огромное пустое пространство между колоннъ, въ видѣ фасада, задернутаго занавѣскою; вторая, задняя—фасадъ съ дверью и дорическими колоннами дворца Креона. Между ними—одна кулиса, изображающая нѣчто среднее между виноградными гирляндами и плющемъ. Дѣйствующія лица входили и выходили въ дверь, а иногда и за кулисы. Костюмы были безусловно прекрасны и тоже строго выдержаны. Гриммъ—великолѣпенъ. Женскія роли—Антигоны, Исмены и Эвридики исполняли, конечно, ученики, у которыхъ, кстати сказать, часто прорывались басовыя нотки. Играли такъ, какъ, по мнѣнію толкователей Софокла, должны были играть актеры въ древнемъ греческомъ театрѣ. Вышелъ сначала старецъ съ посохомъ и свѣтильникомъ, зажегъ огонь на треножникѣ впереди сцены и важно ушелъ. Такъ въ древности освѣщалась сцена. Въ залѣ сейчасъ же прибавили электрическаго свѣта. Черезъ нѣсколько минутъ подъ звуки какого-то марша (фортепіано) вышли пятнадцать старцевъ въ вѣнкахъ и съ посохами, обошли попарно вокругъ свѣтильника, раздѣлились на двѣ группы и стали по бокамъ сцены, между первою декорациею и публикой. Это былъ «хоръ», игравшій въ древнемъ греческомъ театрѣ роль истолкователя того, что происходитъ на сценѣ, и роль посредника между трагедіею, актеромъ и зрителемъ. Въ каждой группѣ этого хора было по одному главенствующему старцу, который, ударяя посохомъ объ полъ, давалъ сигналъ начинать роль не своей, а противоположной группѣ. Хоръ читалъ стихи нараспѣвъ, по слогамъ, точно рубилъ—скандировалъ. Такъ насъ когда-то въ гимназіи, въ восьмомъ классѣ, учили читать Гомера и намъ это чтеніе не удавалось. Здѣсь же оно шло прекрасно и безъ ошибокъ. Какъ хоръ, такъ и прочія дѣйствующія лица знали свои роли восхитительно и никто не споткнулся, хотя дѣйствующія лица и шли безъ суфлера. Они играли, производили разныя тѣлодвиженія и придавали лицамъ такое выраженіе, какъ будто бы и въ самомъ дѣлѣ понимали то, что они говорятъ. Зрители, конечно, ровно ничего не понимали и слѣдили по нѣмецкому Prospectus'у, раздававшемуся у входа въ залу. Впечатлѣніе, вѣроятно, получалось такое, какое испытываютъ европейцы, попадающіе въ китайскій или японскій театръ и не понимающіе ни бельмеса. Публика, дѣйствительно, только смотрѣла и слушала—и больше ничего. Остальное, несмотря на услуги Prospectus'a, было, какъ говорится—темна

вода во облацѣхъ. Зрители были — самые обыкновенные папаши, мамыши, братцы, сестрицы и родственники учениковъ школы. Сидѣли они, хлопали глазами, а иногда и зѣвали, но дѣлали видъ, какъ будто бы они заинтересованы. Все это были нѣмцы.

Но нужно отдать справедливость, было въ публикѣ и три-четыре нѣмца съ растительностью только на шеѣ подъ подбородкомъ и сильной сѣдиною на полуголыхъ черепахъ. Это были заядлые классики старой, нынѣ уже вымирающей фракціи. У каждаго изъ нихъ была въ рукахъ подлинная «Антигона» Софокла на древнемъ греческомъ языкѣ. Вооружившись очками, они слѣдили за текстомъ, стихъ за стихомъ и наслаждались, вспоминая, вѣроятно, свою молодость и учебу. У каждаго изъ нихъ былъ видъ строгаго педагога, готоваго при первой обмолвкѣ или ошибкѣ актера поставить единицу. По счастью, актеры знали свое дѣло превосходно, и глубокимъ цѣнителямъ по подлиннику оставалось только все ниже и ниже отвѣшивать отъ классическаго восторга нижнюю губу, что они и дѣлали...

Спектакль кончился. Хоръ подъ звуки того же марша размѣреннымъ шагомъ ушелъ за сцену. Публика захлопала. Артисты вышли на сцену *in costume* и тоже захлопали сидѣвшему въ первомъ ряду нѣмцу—учителю греческаго языка, который поставилъ на сцену «Антигону» и соорудилъ этотъ спектакль. Учитель съ достоинствомъ раскланялся.

Шелъ я въ редакцію, всю дорогу думалъ, да и теперь думаю: для чего и кому понадобилось тревожить прахъ покойника Софокла въ концѣ нашего XIX-го вѣка? Благо, публика понимала бы что-нибудь, а то вѣдь и она ничего не смыслить... Для чего, для кого и для какой разумной цѣли затрачено столько времени, столько молодого труда и столько упорной зубрячки?

XLIII.

Вернулся съ похоронъ митрополита Палладія и усталъ страшно. Вчера, въ понедѣльникъ 7 декабря, состоялся выносъ тѣла изъ покоевъ въ соборъ. На выносѣ я не былъ: онъ состоялся въ 9 часовъ утра. Послѣ зауспокойной обѣдни побывалъ въ канцеляріи митрополита, гдѣ узналъ между прочимъ, что на выносѣ—актѣ въ своемъ родѣ торжественномъ—изъ высокопоставленныхъ лицъ не было никого. Былъ только одинъ В. К. Саблеръ, да и тотъ—по обязанности. Въ 6 часовъ вечера начался парастасъ, или великая панихида со всенощнымъ бдѣніемъ, длившимся до 10 часовъ вечера. Но и тутъ никого не было. Народъ ходилъ взадъ и впередъ толпами, но изъ высокопоставленныхъ—ни души. Не было даже и Саблера.

Сегодня, во вторникъ, Палладія похоронили. Отпѣвало все высшее духовенство съ Иоанниемъ кievскимъ во главѣ. Изъ мірянъ были великіе князья, министры и много высокопоставленныхъ. Были даже и послы отъ славянскихъ государствъ и греческій посолъ. Вопреки завѣщанію покойнаго, былъ и вѣнокъ отъ румынскаго правительства. Послѣ отпѣванія гробъ обнесли вокругъ собора и при этомъ, при проходѣ черезъ галерею, сильно помjali натискомъ народа въ дверяхъ двухъ-трехъ старцевъ-архимандритовъ, несшихъ тяжелый гробъ.

Тутъ же, во время похоронъ циркулировалъ и рассказъ о плохихъ будто бы отношеніяхъ между митрополитомъ кievскимъ Иоанниемъ и оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода К. П. Побѣдоносцевымъ. Пошелъ этотъ рассказъ съ легкой руки двухъ титулованныхъ лицъ, явившихся на погребеніе въ лентахъ и орденгахъ. Служба заупокойная въ церкви тянулась долго. Они вышли изъ церкви подышать свѣжимъ воздухомъ, закурили и завели между собою разговоръ. Одинъ изъ нихъ сообщилъ другому о такомъ будто бы случившемся недавно въ Кіевѣ казусѣ. Студенты мѣстной духовной академіи отправились будто бы куда-то *ins Grüne* погулять, перепились и сочинили дебошъ до того серьезный, что пришлось будто бы вмѣшаться свѣтскимъ властямъ въ лицѣ генераль-губернатора. Вѣсти объ этомъ дошли до Петербурга и, какъ водится, въ сгущенныхъ краскахъ. Когда затѣмъ Иоанниій пріѣхалъ въ Питеръ для засѣданій въ синодѣ и встрѣтился съ К. П. Побѣдоносцевымъ, то услышалъ отъ послѣдняго слѣдующій вопросъ:

— Правда ли, владыко, что у васъ студенты нашалили крупно?

— Не знаю-съ,—отвѣтилъ коротко Иоанниій.

— Говорятъ, будто бы даже и административная власть признуждена вмѣшаться...

— Ничего не знаю. Шпіоновъ у себя не держу-съ,—такъ же отрывисто отвѣтилъ митрополитъ.

Конца разговора я, къ сожалѣнію, не слышалъ. Изъ собора нахлынула толпа и оттѣснила меня отъ титулованныхъ лицъ. Публика въ ожиданіи выноса тѣла стала обнажать головы.

XLIV.

Праздновался юбилей маститаго писателя Сергѣя Васильевича Максимова. Было это 20 ноября 1888 года. Праздновался онъ съ рѣдкимъ единодушіемъ. Всѣ партіи и всѣ противныя направленія и страсти были забыты. Всѣ взаимные счеты были отброшены въ сторону. Люди всѣхъ лагерей сошлись въ этотъ вечеръ воедино. Представители взаимно воинствующихъ и другъ друга оплевывающихъ газетъ сошлись за обѣдомъ мирно и друже-

любно. Юбилей почтеннаго стараго писателя объединилъ всѣхъ. Прошелъ онъ чудесно. Рѣчи говорились милыя и остроумныя. Во всемъ блескѣ своихъ талантовъ выступали Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ и Ивановъ-Классикъ. Меню было нарисовано художникомъ Н. А. Богдановымъ и составлено въ древне-русскомъ стилѣ: поставецъ въ видѣ конька на избѣ, съ пѣтухомъ на вершинѣ; на немъ хлѣбъ, солонка съ солью, ендова съ медомъ, рогъ для питья и всякая старинная пиршественная утварь. Ниже, съ лѣвой стороны—блюдо и на немъ—вензель изъ переплетающихся буквъ «С и М». Подъ буквами—очиненное гусиное перо—эмблема писателя. Еще ниже—старый боярскій слуга съ большою кружкою браги. Справа—тоже блюдо и на немъ годы: 1853—1888. Съ поставца свѣшивается рушникъ и на немъ—меню обѣда, сочиненное И. Ѳ. Горбуновымъ. Оно представляетъ собою перлъ, достойный того, чтобы хранить его въ Публичной библиотекѣ. Передъ самымъ обѣдомъ И. Ѳ. Горбуновъ прочелъ его во всеуслышаніе. Вотъ оно, съ соблюденіемъ орѳографіи:

Роспись Столовому кушанію

Мѣсяца Ноября, въ 20 день.

Въ навечеріи, въ шестомъ часу.

Коврига монастырская
Хлѣбцы нѣмецкіе, Калачи хомутины
Сельди Соловецкія, Икра Астраханская
Тѣлеса ершовыя въ студнѣ.
Звѣно бѣлуги ставное, свѣжее.
Пироги долгіе, на Московское дѣло.
Уха стерляжья, изъ живыхъ.
Коза дикая.
Артышока заморская, грѣтая,
Гусь лапчатый, московскій, чиненый.
Андива кудрявая съ чеснокомъ.
Кашка сладкая боярина Гурьева.
Водка бѣлая, да померанцовая, да рябиновая, да анисовая, да сахарная, да мятная, да калуферная, да бонбарисовая.
Вина фряжскія.

А подасть къ столу фрязинъ Понсе съ товарищами, а служить въ столѣ будутъ татары:
Крымскіе да Касимовскіе.

Рѣчи произносились такія, что нужно было ловить съ жадностью каждое слово, каждый тостъ, каждый экспромптъ. Все было согрѣто неподдѣльнымъ остроуміемъ. Кто не дослышалъ чего,—тотъ считалъ себя много потерявшимъ. Много на своемъ

газетномъ вѣку видалъ и описалъ я юбилеевъ. Были между ними и хорошіе и натянуто-офиціальныя, но такого теплаго и задушевнаго я не встрѣчалъ еще ни разу, да никогда, вѣроятно, болѣе и не встрѣчу. Истинно-хорошія вещи повторяются рѣдко.

XLV.

Для газетъ, выходящихъ безъ предварительной цензуры, полагается цензура, о которой публика не имѣетъ понятія и о которой даже не догадывается. Это—цензура министерства двора и касается она высочайшихъ особъ. Было время, когда императоръ Александръ II даровалъ свободу печати. Тогда объ особахъ царской фамиліи можно было писать въ газетахъ безпрепятственно. Корреспонденты допускались на придворныя балы — на хоры — и описывали эти балы безъ хлопотъ. Былъ государь, говорилъ то-то. Такъ и писали, что былъ и говорилъ. Теперь же далеко не то. Писать о высочайшихъ особахъ можно теперь не иначе, какъ только съ разрѣшенія министерства двора. Въ качествѣ цензора поставленъ особый чиновникъ министерства, которому мы и должны представлять «на разрѣшеніе» тѣ строки нашихъ отчетовъ, въ которыхъ говорится или даже только упоминается о высокопоставленныхъ лицахъ. Въ теперешнее время такимъ цензоромъ состоитъ титулярный совѣтникъ Николай Ильичъ Оприць, котораго я никогда не видалъ, но къ которому уже посылалъ не разъ свои рукописи на цензуру. Эта кукольная комедія стоитъ того, чтобы сказать о ней два слова.

Сегодня происходило обычное торжественное годовое собраніе академіи наукъ. Собранія эти всегда замѣчательны только тѣмъ, что публики на нихъ собирается очень и очень мало и что читается на нихъ страшная и никому не интересная сушь. Предсѣдательствуетъ на этихъ собраніяхъ августѣйшій президентъ академіи великій князь Константинъ Константиновичъ. Онъ пріѣзжаетъ раскланивается съ публикою, садится лицомъ къ ней на предсѣдательское мѣсто, терпѣливо и молча выслушиваетъ отъ начала до конца читаемые академиками отчеты и такъ же молча уѣзжаетъ. Описывая въ газетѣ это торжественное засѣданіе, я, вмѣсто того, чтобы приниматься прямо за дѣло и писать о годовой дѣятельности академіи, долженъ сначала приготовить двѣ официальныя бумаги. На одной изъ нихъ пишется: «Редакція покорнѣйше проситъ разрѣшить къ напечатанію прилагаемый отчетъ о торжественномъ засѣданіи академіи наукъ». Бумагу эту подписываетъ секретарь редакціи. На второмъ листѣ я пишу крупными буквами и подчеркиваю заглавіе: «Торжественное засѣданіе академіи наукъ», и затѣмъ—слѣдующій текстъ: «Ровно въ часъ дня прибылъ августѣйшій президентъ академіи его император-

ское высочество великій князь Константинъ Константиновичъ и занялъ предсѣдательское мѣсто». Обѣ эти бумаги запечатываются въ конвертъ и отправляются въ цензуру къ Н. И. Оприцу. И уже только послѣ этого я принимаюсь за писаніе академическаго отчета, куда въ надлежащемъ мѣстѣ и вклеиваю строки объ августѣйшемъ президентѣ. Кончивъ отчетъ, я отсылаю его въ типографію.

Пока мой отчетъ набирается, г. Оприцъ читаетъ у себя дома то, что я послалъ ему, находитъ мои строки о великомъ князѣ вѣрными и ставитъ на моей рукописи штемпель, на которомъ написано, что «со стороны министерства императорскаго двора препятствій къ напечатанію не встрѣчается». Это «разрѣшеніе» отсылается въ типографію и только съ этого момента редакція получаетъ право упомянуть въ отчетѣ объ академическомъ собраніи, что великій князь «прибылъ и занялъ предсѣдательское мѣсто». Обыкновенно Н. И. Оприцъ любезенъ и не задерживаетъ. Но если бы случилось, что въ моментъ моего посылки его не было дома и штемпель не былъ бы положенъ, то мой отчетъ былъ бы напечатанъ, но строки о великомъ князѣ были бы выпущены, а великій князь могъ бы подумать, что газета поступаетъ по отношенію къ нему невѣжливо.

Въ описываемомъ случаѣ высокопоставленное лицо только «присутствовало»; но если бы ему вздумалось или понадобилось сказать рѣчь или хоть только два слова, то кукольная комедія затянулась бы дольше, потому что цензура прежде, чѣмъ разрѣшить, должна навести справки и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ и показать мою рукопись самому автору и виновнику произнесенныхъ словъ, дабы онъ подтвердилъ, что это—именно такъ. Бываетъ, что авторамъ нѣтъ времени—и тогда разрѣшеніе приходитъ въ редакцію дня черезъ два, а иногда и черезъ три, когда уже и для публики и для газеты пропалъ всякій интересъ. Въ настоящее время эта цензура распространена не только на событія, касающіяся русскаго двора, но и на прибывающихъ въ Россію иностранныхъ коронованныхъ и ближайшихъ къ нимъ лицъ. Такимъ образомъ свобода, дарованная Александромъ II, свелась къ нулю и представляетъ собою мифъ.

Теперь—исторія о происхожденіи штемпеля. Еще очень недавно чиновникъ-цензоръ «разрѣшалъ» гораздо проще: онъ просто писалъ на представляемой рукописи свою фамилію, а надъ нею, т. е. надъ подписью сотрудникъ писалъ своею рукою стереотипную фразу о томъ, что препятствій къ напечатанію не встрѣчается. Все шло хорошо и гладко до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ репортеровъ, К—й, не злоупотребилъ довѣріемъ, а другой, Х—въ, не послѣдовалъ его примѣру. Оба они, вода острой палочкой по подписи цензора, переносили эту подпись съ помощью переводной

бумаги на чистые листы бумаги и такимъ образомъ множили «разрѣшенія». Случилось, что изъ чужихъ странъ прибыла въ Петербургъ инкогнито нѣкая высокопоставленная особа, не желавшая, чтобы о прибытіи ея знали кредиторы. Репортеръ К—й, пользуясь запаснымъ листомъ съ наведенной подписью, напечаталъ извѣстіе о прибытіи особы въ одной изъ газетъ. Вышла неприятная исторія. Съ той поры завели штемпель, поддѣлать который уже не легко, и всѣ редакціи получили увѣдомленіе о томъ, чтобы «впредь безъ мацоваго штемпеля» не печатали...

XLVI.

Умеръ въ Петербургѣ римско-католическій митрополитъ Александръ Гинтовтъ, подписывавшійся на официальныхъ бумагахъ: «Alexander metropolitanus». По порученію редакціи я былъ на его похоронахъ. Здѣсь я впервые познакомился поближе съ римско-католическимъ духовенствомъ, а главное—съ монахами разныхъ орденовъ и наименованій. Собственно о духовенствѣ сказать я не могу ничего: оно—корректно. Относительно же монаховъ знакомство это убѣдило меня въ томъ, что большинство картинокъ и олеографій, изображающихъ доминиканцевъ, францисканцевъ и иныхъ монашествующихъ за ѣдою и бражничаньемъ,—какъ нельзя болѣе сходно съ натурою. Монахъ, заснувшій въ погребѣ у бочки съ виномъ, монахъ, съ сладкою улыбкой читающій скабрзную книгу и, наконецъ, монахъ, обнимающій въ тавернѣ дѣвицу—срисованы, несомнѣнно, съ природы. Православному, даже самому либеральному, невоздержному и плохому монаху—до нихъ далеко. Жирныя фізіономіи лоснятся, сизые носы украшаютъ почти каждую фізіономію, а упитаннымъ брюхамъ можетъ позавидовать любой русской купчина. Угнетеніе плоти—довольно сомнительное.

Отпѣвали митрополита въ церкви римско-католической коллегіи въ Измайловскомъ полку. Католиковъ набралась тьма, но въ церковь пускали только избранную публику. У входа стоялъ чиновникъ департамента иностранныхъ исповѣданій и отдѣлялъ овецъ отъ козлищъ. Меня, какъ корреспондента, онъ пропустилъ безпрепятственно и даже ласково. Я пробрался направо въ ризницу, откуда мнѣ было все видно и все слышно. Гробъ, поставленный очень высоко, утопалъ въ массѣ зелени и былъ окруженъ огромными свѣчами. На крышкѣ гроба, надъ лицомъ покойника, стояла серебряная чаша со святыми дарами. Такъ того требуютъ уставы католической церкви. Началось отпѣваніе. Хоръ пѣлъ восхитительно. На панихиду пріѣхалъ министръ внутреннихъ дѣлъ Иванъ Николаевичъ Дурново и ему тотчасъ же подали толстую, полуторааршинную горящую восковую свѣчу. По ризницѣ во время

отпѣванія то и дѣло шмыгали разоблачавшіеся ксендзы и патеры, большею частью поляки. Они поочередно подходили къ конторкѣ, въ родѣ аналоя, преклоняли одно колѣно на ступень, обтянутую матеріей, и бормотали по-латыни молитвы «post messam», напечатанныя на большихъ листахъ и вставленныя надъ конторкою въ рамки со стекломъ. Тутъ же рядомъ, тоже за стекломъ, висѣло расписаніе службъ, подписанное митрополитомъ, котораго теперь отпѣвали. Въ это же время прислужники и клирики убирали съ престола священные сосуды и запирали ихъ въ шкапы на замокъ. У насъ къ чашѣ со святыми дарами могутъ прикасаться только священникъ и дьяконъ; здѣсь же уборка ихъ возложена на прислугу, которая, кстаги сказать, исправно переругивалась между собою на польскомъ языкѣ.

Отпѣваніе тянулось не долго. Гробъ вынесли на рукахъ всякаго званія люди, поставили на колесницу и долго возились, прикрѣпляя среди вѣнковъ, въ головахъ гроба накрестъ два епископскихъ, кардинальскихъ посоха. Впереди пошли факельщики и ксендзъ въ траурномъ облаченіи съ большимъ деревяннымъ крестомъ на древкѣ—и процессія тронулась. За гробомъ пошла тысячная толпа католиковъ. Всѣ они раскрыли молитвенники и, вслѣдъ за духовенствомъ, общимъ, нестройнымъ, какъ жужжаніе пчелъ, хоромъ запѣли заукойныя молитвы. Грустны были эти похороны. Ни одного близкаго, любящаго человѣка, ни одного родственнаго или грустнаго лица. Умеръ холостякъ поневолѣ, хоронятъ его чужіе, на чужой сторонѣ, на чужой счетъ (на счетъ министерства) и почести посмертныя воздаютъ не по чувству, а по обязанности и по сану. И умеръ онъ на рукахъ своего секретаря, такого же холостяка-клирика, какъ и онъ самъ, безъ ласки, безъ соболѣзнованія... Словомъ, хоронили его официально и какъ официальное лицо.

Пройдя немного вмѣстѣ съ процессіей, я, къ своему удовольствію, встрѣтилъ репортера другой большой газеты Ивана Егоровича Кастальскаго, съ которымъ мы, несмотря на вражду нашихъ газетъ, были въ хорошихъ отношеніяхъ и дѣлились нерѣдко свѣдѣніями для хроники.

— Чего намъ тутъ толкаться? Тутъ намъ больше дѣлать нечего,—сказалъ онъ.—Поѣдемте вмѣстѣ впередъ на кладбище. Возьмемъ извозчика пополамъ.

— Ёдемъ.

Мы далеко опередили процессію и пріѣхали на кладбище—на Выборгской сторонѣ—ранѣе ея. Здѣсь мы уже застали того самаго чиновника департамента иностранныхъ исповѣданій, который у дверей коллегіи сортировалъ публику. Онъ былъ въ вицъ-мундирѣ и съ орденомъ, говорилъ съ сильнымъ польскимъ акцентомъ и, повидимому, заискивалъ въ насъ, представителейхъ двухъ большихъ

газетъ. Онъ собственно для насъ приказалъ отворить подъ церковью дверь склепа, гдѣ укладываются на вѣчный покой умирающіе въ Петербургѣ католическіе епископы и знатныя паны. Склепъ занимаетъ собою весь подвальный этажъ и охватываетъ входящаго промозглою и затхлою сыростью. Стѣны, своды и поддерживающія ихъ колонны выбѣлены, но штукатурка отъ вѣчной сырости поднялась пузырями и облупливается. Тронешь рукою, или нечаянно задѣнешь рукавомъ—и на всемъ остается бѣлый, влажный слѣдъ съ кислой плѣсенью. Окна—высоко наверху, но свѣта достаточно, хотя въ общемъ тонъ грустный, холодный и влажный. Подпочвенныя воды такъ и ползутъ вверхъ сквозь поры стѣнъ, разрушая ихъ понемногу и наполняя воздухъ затхлою влагой. Кругомъ, по всему полу и по стѣнамъ разбросаны плиты—все могилы разныхъ metropolitan'овъ и магнатовъ съ польскими фамиліями. Свѣжая могила, приготовленная для Гинтовта, была внутри выложена камнемъ и на цѣлую четверть на днѣ засыпана сорванными съ деревьевъ листьями, чтобы замаскировать просочившуюся изъ почвы воду. Сдѣлано это было изъ чувства приличія и опрятности: неприятно опускать гробъ съ тѣломъ прямо въ воду. Есть что-то такое, что непременно зашевелится въ человѣкѣ, смотрящемъ на это со стороны. Невольно покажется, будто покойникъ ощущаетъ эту воду, будто чувствуетъ, какъ она пробирается сквозь щели гроба, проникаетъ черезъ платье и холодной струйкой охватываетъ сначала спину и затѣмъ все тѣло. Чувствуешь и сознаешь, что это вздоръ, но философія говоритъ одно, а внутреннее, невольное чувство другое. Такъ ужъ устроенъ человѣкъ...

Въ склепѣ чиновникъ съ польскимъ акцентомъ разлиберальничался, свободно толкуя обо всемъ и даже о начальствѣ. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе перебѣжчика изъ одного лагеря въ другой. Онъ полякъ. Его ближайшіе предки были католиками и благоговѣнно цѣловали руки тѣмъ же патерамъ и ксендзамъ, которыхъ онъ теперь бранилъ. Но самъ онъ оказался какими-то судьбами не только православнымъ, но и ярымъ противникомъ папы и его присныхъ. Ради департаментскаго оклада, ради чиновъ и крестика, ради кусочка хлѣба и копеечки онъ сталъ яримъ православнымъ человѣкомъ и даже гонителемъ вѣры своихъ предковъ и единоплеменниковъ. Говоря о русскихъ, онъ произносилъ: «мы», а о католикахъ—«они». Все это, конечно, неискренно и неумѣло. Но надо же было порисоваться передъ прессой въ надеждѣ, что авось гдѣ-нибудь въ уголку описанія митрополичьихъ похоронъ пристегнуть и его имя. Собственно для этого онъ и повторялъ намъ нѣсколько разъ кстати и некстати, съ удареніемъ:

— То я жъ распорядитель погребенія. Всѣ тень хлопоты министерство возложило на меня...

Несмотря однако на всё его старанія и заискиванія, фигурировать ему въ газетѣ не пришлось. Мы съ Кастальскимъ оба умолчали о немъ въ своихъ отчетахъ, какъ онъ ни силился выставить свой патріотизмъ, браня на чемъ свѣтъ стоитъ римскую курію.

— Я «имъ» въ коллегіи, въ самой залѣ засѣданій нашъ православный образъ повѣсилъ въ углу,—разсказывалъ онъ, само-довольно позируя.—Сначала «они» процестовали, а затѣмъ привыкли. А черезъ полгода я передъ этимъ же образомъ лампадку зажегъ. «Они» морщатся: неприятно. Но все—ничего. Такъ у нихъ въ католической коллегіи и горитъ православная лампадка.

Повѣствуя это, усердный чиновникъ потрогивалъ свой орденъ въ петличкѣ.

— Га, ежели бы вы знали, какъ «мы» «ихъ», всю эту коллегію, въ рукахъ держимъ!—продолжалъ онъ.—Здѣсь имъ—не Римъ! Живьешь въ русскомъ государствѣ и подчиняйся русскимъ законамъ. А не хочешь—такъ уходи. «Имъ» папа изъ Ватикана бумаги и распоряженія посылаетъ исправно, да не всё эти бумаги доходятъ до нихъ.

— Какъ же это?—полюбопытствовали мы.

— А такъ же. Папскія бумаги значала идутъ въ министерство и значала «мы» ихъ прочтемъ. Которыя можно—передаемъ въ коллегію, а которыя нельзя—извините: остаются у насъ. Га, дай «имъ» все читать, что папа пишетъ и предписываетъ, такъ они такую волю заберутъ, что потомъ и не раздѣлаешься... Вы знаете, что патеры эти дѣлаютъ въ Испаніи; того же хотѣли бы дѣлать и у насъ; только—напрасно: министерство наше зорко слѣдитъ. Они и безъ того интриги заводятъ.

— Это монахи-то?

— А то кто, какъ не монахи. Кому жъ больше и интриговать, какъ не имъ! Ъдятъ сладко, пьютъ крѣпко, отъ женщинъ не бѣгаютъ. Больше имъ и дѣлать-то нечего, какъ противъ министерства итти и въ Римъ другъ на друга пасквили писать... Извините, то я какъ распорядитель, долженъ процессію у воротъ встрѣтить. Я побѣгу, а вамъ совѣтую остаться здѣсь, въ склепѣ, а то послѣ трудно будетъ съ толпой поцасть — и погребеніе пропустите.

Чиновникъ ушелъ. Мы съ Кастальскимъ раздѣлили трудъ пополамъ: онъ пошелъ наверхъ встрѣчать гробъ, а я остался внизу присутствовать при опусканіи гроба въ могилу. Ожидать мнѣ пришлось около четверти часа. Было немножко скучно. Гдѣ-то, въ отдаленномъ, темномъ углу склепа постукивалъ каменщикъ; въ боковой нишѣ у могильной плиты застыла на колѣняхъ, со сложенными молитвенно руками какая-то дама; наверху, въ тусклыхъ отъ плѣсени окнахъ мелькали тѣни; иногда къ стеклу снаружи плотно прижималось любопытное лицо, старавшееся,

прищуривши глаза, разглядѣть полумракъ склепа. Судя по робкому выраженію, видно было, что оно искало чего-то таинственнаго, чего-то страшнаго, чуть ли не разставленныхъ вдоль стѣнъ шеренгою мертвецовъ.

Наверху поднялась суета, тѣни въ окнахъ забѣгали быстро. Загромыхали запоры дверей, ворвалась струя свѣта и вмѣстѣ съ нею—пѣніе. Скоро показался ксендзъ съ распятиемъ на древкѣ, за нимъ внесли большой металлическій гробъ и потомъ хлынула толпа. Ксендзъ въ черной шапочкѣ и съ крестомъ сталъ сбоку могилы, патеры пропѣли что-то заунывное, въ которомъ можно было разобрать: «*requiescat in pace*», и гробъ, покачиваясь на холстахъ могильщиковъ, грузно опустился на вѣчный покой. Раздались гулкіе удары комьевъ земли о металлическую крышку и все было кончено. Чиновникъ пригласилъ меня и И. Е. Кастаньскаго «помянуть покойнаго». Сначала я было отказался, но потомъ раздумалъ—и не раскаялся, что пошелъ.

Поминки были устроены въ кладбищенскомъ домѣ, въ двухъ шагахъ отъ церкви. Въ большой комнатѣ былъ накрытъ покоемъ столъ, уставленный дешевыми винами. Въ сторонѣ, между двухъ шкаповъ, стоялъ другой столъ, съ водками и закусками далеко не щедраго меню: селедка, колбаса, грузди, редисъ и еще кое-что. Патеры, ксендзы и клирики взяли этотъ столъ приступомъ, перехватывали другъ у друга рюмки, толкались, протискивались и оттапывали другъ другу мозоли. Это, впрочемъ, было понятно: всѣ они участвовали въ мессѣ, всѣ съ утра ничего не ѣли и были голодны, какъ волки. Богъ вѣсть откуда набралась посторонняя, другъ другу незнакомая, публика и тоже выказала поползновеніе къ водкѣ и закускѣ. Однимъ, кто былъ почище одѣтъ, удалось, а другихъ—попроче—безъ церемоніи выпроводили. Впрочемъ, одна полька также безъ церемоніи взяла со стола бутылку пива, захватила пятернею хлѣба и колбасы и ушла на дворъ. Я ее видѣлъ потомъ на ступеняхъ крыльца, благодушно выпивавшей изъ горлышка и закусывавшей—ко всеобщей зависти тѣхъ многихъ, кому не удалось проникнуть на тризну.

Послѣ закуски патеры и монахи усѣлись за обѣденный столъ. Кого попочетнѣе—усаживалъ секретарь покойнаго, здоровенный молодой дѣтина въ рясѣ, съ великолѣпными бѣлыми зубами. Онъ мало былъ похожъ на монаха. Отъ него такъ и вѣяло жизнью и свѣжестью. По первому же взгляду онъ производилъ впечатлѣніе откормленнаго, сытаго и избалованнаго красавца. Онъ суетился и бѣгалъ, показывая поминутно свои зубы. Видимо, онъ кокетничалъ ими.

— Вамъ сегодня много хлопотъ,—сказалъ секретарю кто-то.

— *Jesus-Maria!*—отвѣтилъ онъ.— Да онъ же умеръ на моихъ рукахъ! Я же его послѣдній вздохъ принялъ.

Монахи усѣлись по орденамъ: доминиканцы, францисканцы и т. д. Рядомъ со мною справа сидѣли два монаха въ бѣлыхъ суконныхъ рясахъ съ капюпонами на спинахъ, слѣва помѣщались тоже два монаха въ черныхъ рясахъ и съ выбритыми гуменцами на темени. Подбородки и усы были у всѣхъ гладко выбриты. Мой ближайшій сосѣдъ въ бѣломъ, уже сѣдой старикъ, щеголялъ большимъ фіолетовымъ носомъ. Онъ говорилъ только по-французски и, послѣ нѣсколькихъ стакановъ вина, оказался очень разговорчивымъ. Онъ пояснилъ мнѣ, что онъ и его товарищъ принадлежатъ къ ордену, обязывающему ихъ носить рясу прямо на тѣлѣ, безъ бѣлья, и ходить босикомъ. Но «*ce maudit climat septentrional, pays d'Hyperbore, pays du Nord*» заставляютъ ихъ относиться поневолѣ къ своему обѣту болѣе чѣмъ снисходительно. Это онъ и доказалъ, показавъ ногу въ дорогой и щегольской обуви. Пили эти святые отцы такъ усердно, что другого давно свалило бы, а они—ничего, только глаза сдѣлались маслянише и носы краснѣе. Пили они, такъ сказать, круговою порукой: каждый изъ нихъ наливалъ въ стаканъ вина не себѣ, а сосѣду; при этомъ сосѣдъ благодарилъ и отвѣчалъ тѣмъ же—и въ результатѣ и стаканы, и глотки были постоянно полны. Если очередной наливатель увлекался ѣдою и забывалъ наполнить стаканы, то коллеги слегка подталкивали его подъ локоть и говорили:

— Domine...

Получивъ напоминаніе, dominus поднималъ глаза къ небу, наскоро шепталъ по-латыни, перебирая четки, покаянную молитву за забывчивость и быстро наполнялъ стаканы братіи. На ихъ уголь едва успѣвали подавать бутылки. Мой собесѣдникъ съ сизымъ носомъ пилъ съ наслажденіемъ, втягивая изъ стакана вино тоненькой струйкой, чтобы чувствовать вкусъ каждой капли. Пилъ онъ все: и красное, и портвейнъ, и мадеру, и крымское и при каждомъ почти глоткѣ вспоминалъ благословенную страну, гдѣ пьютъ *Lacrima Christi*... И какъ пьютъ?! И что это за вино?! Совсѣмъ не то, что эти гиперборейскія тощія вина безъ аромата. *Lacrima Christi* это... это вино, которое пьется не такъ, какъ здѣсь, а вотъ какъ... И онъ показывалъ на своемъ стаканѣ, какъ пьютъ вино его родины... При этомъ святые отцы кушали исправно, третируя воздержаніе, какъ отсталую рутину. Наконецъ, вино все вышло; выпиты были даже бутылки, перешедшія по воздуху съ другого конца стола. Отрѣшившіеся отъ мірскихъ благъ отшельники принялись за пиво и пили его до тѣхъ поръ, пока не началась поголовная икота.

— *Ça j'n'aime pas*,—пояснилъ мнѣ заплетающимся языкомъ сосѣдъ-монахъ,—*j'n'aime pas la bière, c'est le vin, que j'aime*...

Но это нисколько не мѣшало ему и его товарищамъ поглощать нелюбимый напитокъ стаканъ за стаканомъ, наполняя ихъ все

тѣмъ же круговымъ порядкомъ. Къ концу обѣда у честныхъ отцовъ покраснѣли даже бритыя лысины. Одинъ изъ нихъ зятянулъ было духовную кантату, другіе попытались его поддержать, но голоса и языки отказались повиноваться, и кантата была закончена на полуфразѣ одинокимъ дребезжащимъ козлинымъ голоскомъ. Зато въ свѣтскомъ отношеніи языки развязались прекрасно, пошелъ всеобщій говоръ, и поминки приняли характеръ самой заурядной попойки.

— На чей счетъ мы пьемъ и ѣдимъ?—спросилъ я чиновника.— Кто насъ кормить?

— А кто жъ, какъ не министерство?! — отвѣтилъ онъ.— Ужъ не они же,—указалъ онъ презрительнымъ жестомъ на францисканцевъ.— Погодите, они еще не такъ похвастаютъ своей воздержностью... Вы еще увидите...

Но увидѣть мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось. Надо было спѣшить въ редакцію писать о похоронахъ. Я распрощался и ушелъ. На прощанье мой сосѣдь-монахъ протянулъ мнѣ руку и, указывая на стаканъ глазами, спросилъ:

— Et encore?!

Я отказался. Когда я проходилъ по кладбищу мимо дома къ воротамъ, изъ открытыхъ оконъ доносился громкій говоръ и звонъ посуды.

Такъ похоронили и помянули католики своего почившаго митрополита.

Александръ Чеховъ. (А. Сѣдой).

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

БАРИТОНЪ РУССКОЙ ОПЕРЫ ¹⁾.

Повѣсть.

VI.

ВЪ ДОВОЛЬНО большомъ, но уютномъ собственномъ домѣ Ивана Платоновича Строева собирались обыкновенно къ обѣду въ 5 часовъ или къ завтраку въ первомъ часу.

Завтраки были интереснѣе, даже продолжительнѣе обѣдовъ, съ которыхъ многіе спѣшили, особенно артисты, въ театръ.

Иванъ Платоновичъ со своей семьей занималъ весь домъ, оба его этажа, но жизнь сосредоточивалась въ верхнемъ этажѣ, гдѣ находились дѣловой кабинетъ Строева и гостиная, сплошь вся увѣшанная картинами извѣстныхъ русскихъ художниковъ, близкихъ пріятелей Ивана Платоновича. Эту большую свѣтлую комнату вполне можно было назвать художественнымъ помещеніемъ, въ которомъ имѣлись такія дивныя работы, что трудно было оторвать глазъ и вниманіе даже совсѣмъ не понимающаго въ живописи человѣка, но не утерявшаго непосредственность чувствъ. Были большія полотна и удивительные по прелести эскизы, жанровые наброски, мрачныя и яркія краски, поэтическая даль и реальная близкая проза. Въ этой же комнатѣ стоялъ роскошный рояль. Мебель казалась простой, оригинальной, но это только казалось, а въ сущности мебель представляла собой тоже образецъ художе-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СІХ, стр. 755.

ственной работы: до того сложна и тонка была рѣзба замысловатыхъ комбинацій.

Во второй этажъ изъ швейцарской вела широкая въ одно колѣно лѣстница, до того отлогая, что совсѣмъ не трудно было подниматься хотя и страдающему ревматизмами. Наверху площадка, съ которой дверь налѣво вела въ художественную приемную, а направо въ кабинетъ Строева. Хозяинъ входилъ въ кабинетъ изъ своихъ внутреннихъ покоевъ, а посторонній или близкій, желавшій наединѣ переговорить о дѣлѣ, приглашался съ площадки.

До приема посѣтитель обыкновенно находился въ комнатѣ съ картинами. Все было хорошо и удобно придумано. Кабинетъ былъ небольшой, и рабочій столъ и шкафъ составляли его суть, включая еще помѣщеніе съ книгами. Тѣмъ не менѣе въ дѣловомъ кабинетѣ было и свѣтло и уютно.

Столовая находилась внутри помѣщенія дома. Это была очень помѣстительная комната, по стѣнамъ которой на всевозможныхъ дорогихъ коврахъ красовалось всевозможнаго рода оружіе: ружья, пики, кинжалы, —экземпляры рѣдкіе, —старинные панцири и шлемы. Въ столовой царилла всегда тишина, туда не доносился шумъ улицы и гомонъ столичный. Длинный столъ, удобные кресла-стулья дополняли обстановку столовой.

Евгеній Николаевичъ пришелъ довольно рано, еще не было 12 часовъ. Ему сказали, что Строевъ съ кѣмъ-то занятъ въ своемъ кабинетѣ. Артистъ отправился смотрѣть картины, можетъ быть, въ двадцатый разъ и тѣмъ не менѣе находилъ, вѣрнѣе открывалъ новыя прелести въ сочетаніяхъ красокъ и тѣней художниковъ. Вотъ, на примѣръ, очень маленькій эскизъ... Какъ онъ не замѣтилъ раньше такой очаровательной вещицы? Небольшой кусочекъ опушки березовой рощи, а вдали рѣка. Совсѣмъ какъ на Волгѣ, и эти лиловые колокольчики и бѣлые цвѣты, знакомые съ дѣтства, какъ хороши своей непосредственной простотой.

Дверь кабинета слегка хлопнула. Обдорскій невольно обернулся и увидѣлъ на площадкѣ извѣстнаго петербургскаго журналиста, который на минуту остановился, потрогалъ, поискалъ что-то въ карманахъ и сталъ медленно спускаться внизъ.

— Однако Иванъ Платоновичъ не оставилъ его завтракать! — подумалъ артистъ и это было ему пріятно. Онъ вспомнилъ, когда въ первый разъ завтракалъ у Строева, тотъ сказалъ: «Приходите, когда хотите, завтракать, обѣдать... У меня бываютъ въ такое время только друзья!»

Раздались по лѣстницѣ голоса. Вошли Глотовъ и извѣстный русскій композиторъ. Не замедлилъ появиться и хозяинъ. Онъ поздоровался, обмѣнялся съ каждымъ нѣсколькими фразами, скрылся на короткое время и, возвратившись къ гостямъ, пригласилъ въ

столовую, прибавивъ по своему обыкновению: «откупать чѣмъ Богъ послалъ!»

Темой бесѣды за столомъ было русское искусство.

— Вотъ «Садко» москвичамъ понравится,—говорилъ Строевъ.— Для нихъ «Хованщина» и серьезна и слишкомъ время далекое... Теперь жажда современности... Московскій купецъ европейцемъ хочетъ быть!..

— Всегда русское искусство съ трудомъ пробивало себѣ дорогу!—замѣтилъ композиторъ.

— Съ трудомъ, не съ трудомъ,—горячо замѣтилъ Строевъ:— а все-таки вышло на широкій трактъ.

— Мнѣ кажется,—говорилъ Глотовъ, поглядывая на хозяйна,—«Хованщина» прошла не безъ успѣха, а «Садко», если будетъ обставленъ...—и артистъ развелъ руками.

— Гдѣ Петръ Ивановичъ, тамъ успѣхъ обезпеченъ,—любезно отвѣчалъ хозяйинъ, наливая гостямъ вино.—Что же касается «Садко», постарайтесь... въ грязь лицомъ ударить не приходится, когда самъ композиторъ лично принимаетъ участіе... Ну, господа, за успѣхъ,—хозяйинъ, остановившись, быстро прибавилъ,—за успѣхъ молодого артиста Евгенія Николаевича съ пожеланіемъ работать и работать на пользу любимаго русскаго искусства... Чокайтесь, дорогой мой!

Обдорскій этого не ожидалъ и конфузливо и неловко стучался со стаканами полными густого вина.

— Благодарю, Иванъ Платоновичъ, и васъ, господа,—говорилъ Обдорскій.—Я неопытенъ, меня страшитъ новая карьера и ответственность...

Глотовъ взглянулъ мелькомъ на артиста, и тонкая, злая усмѣшка скользнула по его губамъ. Впрочемъ, никто этого не замѣтилъ, а Строевъ, любовно поглядывая на Глотова, говорилъ: «Вотъ карьера Петра Ивановича полна терній... Вы знаете, господа, что онъ дебютировалъ, какъ драматическій актеръ, въ «Ревизорѣ»?»

— Въ самомъ дѣлѣ, я не думалъ... расскажите,—попросилъ композиторъ, обращаясь къ Глотову.

Послѣдній молча улыбался, что-то, повидимому, припоминая.

— Про веревочку помните, Петръ Ивановичъ, вѣрно, никогда не забудете? Это, господа, былъ его первый дебютъ...

— Какъ такъ?! какая веревочка?—спросилъ композиторъ.

Другіе принялись слушать.

— Петръ Ивановичъ,—началъ Строевъ,—свою карьеру началъ въ провинціи мальчикомъ при театрѣ, вѣрнѣй юношей. Однимъ словомъ, былъ на побѣгушкахъ. Житіе было собачье, но онъ все терпѣлъ изъ любви къ театру, которымъ былъ увлеченъ, и свою должность не промѣнялъ бы ни на что. Въ какомъ-то маленькомъ городкѣ, куда трушна пріѣхала на гастроли, поставили «Ревизора». Роль одного изъ купцовъ была поручена Петру Ивановичу, кото-

рый готовился къ своему первому выходу на сцену, какъ вѣрующій человѣкъ готовится къ исповѣди. И всего-то ему нужно было сказать только одну фразу, помните—про веревочку, когда купцы подносятъ сахаръ и проч. И что жъ? Волненіе Петра Ивановича было такъ сильно, мысль, что онъ—артистъ, исполняетъ роль, такъ его подавила своимъ величіемъ, что онъ не могъ сказать ничего и молчалъ... вотъ! Вотъ досталось вамъ за это?—обратился Строевъ къ Гловову. Послѣдній, махнувъ рукой, прибавилъ:

— Здорово! но это ничего... мнѣ было очень обидно за такой провалъ и я искренно думалъ, что не бываетъ мнѣ актеромъ!

Всѣ смѣялись, смотря на замѣчательнаго артиста, который не могъ сказать «про веревочку». А теперь? Театръ стонетъ отъ восторга при каждой фразѣ своего любимаго артиста. Разговоръ перешелъ опять на «Хованщину».

— На Волгѣ среди раскольниковъ мнѣ приходилось слышать напѣвы и характерную музыку «Хованщины»—говорилъ Обдорскій.—Что? Мусоргскій человѣкъ изъ народа? Вы его вѣдь знали?—обратился онъ къ композитору.

— Еще бы! Всю молодость вмѣстѣ бѣдовали, жили втроемъ въ одной комнатѣ.

— Кто же еще?—спросилъ хозяинъ.

— Верстовскій,—отвѣчалъ музыкантъ.—И время же было! полное надеждъ и пустыхъ желудковъ. Мусоргскій только что вышелъ въ отставку. Онъ бывшій офицеръ. Мы работали, помогая другъ другу, но ничего въ матеріальномъ отношеніи не выходило: никому не признанными композиторами такъ и оставались... Вы спрашиваете, откуда досталъ Мусоргскій народные мотивы? Онъ по долгу жилъ на Волгѣ и въ Пензенской губерніи, въ деревнѣ у своихъ родственниковъ. Человѣкъ онъ былъ простой, имѣлъ большую способность ладить съ народомъ, который онъ понималъ и любилъ душевно. Но мрачно сложилась жизнь музыканта!.. неудачи, и притомъ постоянныя, наложили печать на его произведенія. Мрачно было на душѣ, тяжело на сердцѣ—и все это выливалось въ музыкѣ, которая, замѣтьте, никогда не покидала русскаго характера. Скорбь, слезы, отчаяніе—родные звуки и пѣсни!.. Оперы Мусоргскаго не шли, романсы, впрочемъ, пѣлись... Но что это? И покойный заболѣлъ русскимъ недугомъ. Онъ сталъ пить, и такъ и кончилъ. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ въ должности аккомпаниатора разъѣзжалъ по провинціи съ разными непризнанными примадоннами, путешествующими изъ города въ городъ для концертовъ. Можете себѣ представить, какая это была жизнь? И Мусоргскій, махнувъ на все рукою, пилъ, пилъ и пилъ... Вотъ какая судьба!—закончилъ композиторъ.

— Пасхаловская!—прибавилъ Глововъ.

Этотъ небольшой рассказъ о талантливомъ композиторѣ произвелъ грустное впечатлѣніе. Нѣкоторое время всѣ молчали. Хозяинъ наливалъ вино.

Скоро начали расходиться. Прощались. Строевъ попросилъ остаться Обдорскаго, сказавъ: «Намъ нужно съ вами переговорить о дѣлѣ... недолго, всего нѣсколько минутъ!»

Шумно разговаривали, спускаясь по лѣстницѣ. Хозяинъ провожалъ гостей, стоя на площадкѣ.

— Ну, дорогой Евгенийъ Николаевичъ, поговоримъ о «презрѣнномъ металлѣ», безъ котораго служить русскому искусству трудно,—говорилъ шутя Строевъ, возвратившись къ оставленному гостю. Какъ вы думаете о жалованьѣ? Сколько вамъ положить въ мѣсяцъ?

Обдорскій сконфузился и молчалъ.

— Этотъ вопросъ надо рѣшить, я объ вашемъ окладѣ извѣщу контору, а за настоящій мѣсяцъ вамъ уплачу сейчасъ... Вѣрно, денегъ нѣтъ? И ничего, вѣдь, не скажетъ!

Строевъ, вынувъ изъ бумажника четыре сторублевыхъ бумажки и подавая ихъ артисту, говорилъ:

— Не мало будетъ въ мѣсяцъ? отвѣчайте откровенно!

— Что вы? такихъ денегъ сразу я никогда не видывалъ,—смѣясь, сказалъ Обдорскій, думая: «А что? теперь переговорить съ нимъ объ интригахъ, объ Рудневой или послѣ?»

И онъ рѣшилъ послѣ.

Выйдя на улицу и вздохнувъ полной грудью, Обдорскій нанялъ извозчика. Ему вдругъ страстно захотѣлось видѣть Рудневу.

VII.

Обдорскій заѣхалъ въ театръ, гдѣ уже встрѣтилъ художника К., завтракавшаго съ нимъ вмѣстѣ у Строева. Артистъ искалъ Рудневу, про которую ему сказали, что была, но, кажется, ушла. Репетиціи не было, въ виду того, что вечеромъ (это была суббота) назначена общая, послѣдняя репетиція «Фауста». Артистки и артисты бродили по коридорамъ, сидѣли въ конторѣ. Въ общемъ атмосфера отличалась уныніемъ; что-то сѣренькое, мѣщанское проглядывало въ пріемахъ, разговорахъ, право, этихъ скучающихъ или усталыхъ людей.

Зачѣмъ они здѣсь теперь? Вѣдь дѣла никакого нѣтъ, а «они» ходятъ и говорятъ? о чемъ? можетъ быть, это интересно.

— Не можетъ быть!—хохочутъ двѣ молодыя артистки на вторья партіи.—Помилуйте, да они грязные!..

— Мало ли что!—отвѣчаетъ сладостный тенорокъ. —Вѣдь для успѣха... понимаете?

— Гвозди, говорите... и подкова!.. да вѣдь это тяжело, неловко!

Онѣ продолжали хохотать и такъ мило кривлялись, что тенорокъ выбиралъ, не зная, за которой серьезно направить свою охоту.

— Чему вы?—спросилъ режиссеръ, пробѣгая мимо.

— Да вотъ онъ,—съ трудомъ сдерживая смѣхъ и показывая на тенорка, рассказывала одна изъ хохотушекъ,—онъ говоритъ, что наша примадонна на сцену иначе не выступаетъ, какъ съ лошадиной подковой и гвоздями!

Режиссеръ недоумѣвалъ.

— Съ какой подковой? что такое?..

— Она, видите, нашла подкову или кусокъ ея, что ли, и гвозди— и все это кладетъ за лифъ, когда исполняетъ свою партію... Для успѣха!

Режиссеръ махнулъ рукой, прибавивъ: «Для успѣха?.. подкову?.. да цѣлую кобылу бы спрятала, если возможно... Для успѣха нѣтъ границъ глупости и суевѣрію!»

Онъ побѣжалъ на сцену, что-то крича и приказывая встрѣчнымъ рабочимъ, которые поспѣшили за нимъ.

Подошелъ Обдорскій, котораго одна изъ артистокъ спросила, играя глазами:

— Вы что дѣлаете для успѣха?

— Не понимаю.

Ему объяснили, но Евгению Николаевичу не показалось это смѣшнымъ. Ему стало не то больно, не то грустно и онъ вспомнилъ, что читалъ, какъ артистъ-французъ, извѣстный прежде, на старости лѣтъ нанялъ клаку, чтобы освистать своего любимаго сына, тоже артиста, когда послѣдній осмѣлился выступить въ коронной роли отца, у котораго не было прежде соперниковъ. Онъ терпѣлъ и даже радовался порою, что его сынъ настоящій артистъ, но въ роли, которую онъ обожалъ и думалъ, что никто не можетъ его замѣнить, выступленія въ этой роли онъ сыну не простилъ, а даже отомстилъ.

Это вспомнилъ Обдорскій и думалъ: «Неужели болѣзненное самолюбіе, даже суевѣріе удѣлъ артистовъ?.. вѣдь это ужасно!»

— Кто изъ васъ, женщинъ,—говорилъ тенорокъ,—кто выходитъ на сцену, не крестясь? потихоньку, незамѣтно, все-таки молитесь!..

Евгений Николаевичъ зашелъ въ контору, но его тамъ присутствовавшіе артисты встрѣтили очень ехидно, поздравляя съ четырехсотеннымъ окладомъ. Ему пришлось слышать, какъ басы, веселый малый, уныло проворчалъ: «Двадцать годовъ на сценѣ, а больше трехъ «катенекъ» не получалъ... Пошли теперь новые, да образованные... гдѣ намъ, старикамъ, съ репертуаромъ?!»

Странное дѣло! сидятъ, ходятъ эти люди по большимъ коридорамъ, точно чего ищутъ, и несомнѣнная скука преслѣдуетъ и примадоннъ и теноровъ, какъ тѣнь неотвязная. Развѣ такъ интересны театральныя сплетни, глупые или сальные анекдоты? От-

чего въ свободное время не сидятъ они дома? Отчего не участвуютъ въ общественной жизни? Послѣдняя отъ нихъ далека и они ею мало или почти не интересуются. Вотъ артистъ читаетъ газету, т. е. просматриваетъ внимательно весь театральнй отдѣлъ, въ которомъ ищетъ прежде всего свой театръ, свою фамилію и рѣдко заглядываетъ въ другіе отдѣлы, дающіе отчетъ о текущей жизни, пробѣжить телеграммы и скажетъ: «Во Франціи новаго президента выбираютъ»...

Товарищи посмотрятъ на него, посмотрятъ съ нескрываемымъ удивленіемъ и прибавятъ: «Ну, а интереснаго ничего нѣтъ въ газетахъ?» Это «интересное» значитъ: не пишутъ ли о нихъ, о ихъ дѣлѣ?

Жизнь, суровая дѣйствительность чужда имъ. Она совершается въ сторонѣ, куда они заглядываютъ изрѣдка, чтобы скользнуть по ней, показать себя.

— Эти ботинки у меня «для жизни», платье это съ кофточкой тоже «для жизни!»

Дамы-артистки костюмы распределяютъ и болѣе вниманія и предпочтенія отдаютъ театральнымъ предметамъ, которыми дорожатъ и которые берегутъ. Что-нибудь истреплется изъ послѣднихъ, тогда отсортируется «для жизни», о которой они, какъ дѣти, не имѣютъ понятія, такъ какъ ихъ жизнь, болѣзненная, самолюбивая до смѣшного, сосредоточена тамъ, среди кулисъ и душевныхъ уборныхъ, тамъ, гдѣ вмѣсто солнца Божьяго блеститъ холодный свѣтъ электричества и спѣшка и гомонъ туманягъ головы и до такой степени напрягаютъ нервы, что человѣкъ, какъ во снѣ, подъ вліяніемъ невѣдомыхъ импульсовъ играетъ, поетъ и производитъ то или другое впечатлѣніе. Много нужно потратить нервной энергіи артисту, чтобы достигнуть успѣха. Обыкновенный человѣкъ въ мѣсяцъ такъ не работаетъ нервами, какъ артистъ или артистка въ одинъ вечеръ.

И эта повышенная нервная энергія, этотъ нервный подъемъ составляютъ для сценическаго дѣятеля, особенно для талантливаго, постоянное стремленіе, ту отправную точку его работы, которая влечетъ, составляя его жизнь, радость и успѣхъ. Какъ алкоголикъ не можетъ жить безъ спирта, такъ настоящій артистъ безъ сцены. Можетъ быть, они больные люди, ненормальные?

Обдорскій думалъ и рѣшилъ выступить и бороться противъ сложившейся традиціи, тронуть и пробудить въ труппѣ артистовъ товарищескія чувства, отодвинувъ для общаго дѣла на второй планъ индивидуальныя стороны характера и дѣятельности. Онъ, еще студентъ, съ сердцемъ, бьющимся вообще для свободы, думалъ, что можно и должно поставить благородное искусство выше притязаній таланта, думалъ, что для такой цѣли талантъ и полезность должны быть товарищами, равными, свободными отъ интригъ и

эгоистическихъ тенденцій. Онъ думалъ о какой-то идеальной общинѣ людей, искреннихъ, какъ братья, вѣрныхъ другъ другу во имя святого искусства, которое должно быть богомъ для нихъ, его служителей.

Какая идея! Любить товарища, какъ самого себя, и всѣмъ стремиться къ одной цѣли, забывая себя въ общемъ подъемѣ, въ общей идеѣ. Какая тогда сила впечатлѣнія! какое вліяніе на толпу! какой подъемъ даже у «маленькихъ» людей, работающихъ для чистаго, благороднаго дѣла! Вѣдь все лучшее, теплое, что лежитъ мертвымъ матеріаломъ въ глубинѣ сердца, все воскреснетъ и сольется въ общій духовный хоръ обновленія человѣка...

Вотъ что думалъ молодой артистъ, только что вступившій въ косную среду, среду болъную и въ сущности крайне эгоистичную.

Обдорскій попросту мечталъ, остановившись у окна въ коридорѣ. Мимо него проходили, смотрѣли съ удивленіемъ на одинокаго человѣка, который ихъ не видѣлъ. «Вѣдь оттого и жизнь ихъ такая», думалъ онъ, «нудная, что въ ней нѣтъ внутренняго смысла, согрѣвающаго и питающаго постоянно и душу и тѣло».

— Что съ вами, господинъ хорошій? О чемъ задумались?—говорилъ режиссеръ.—А я съ васъ на чаекъ хотѣлъ...

— На какой чаекъ?—очнувшись, спросилъ Обдорскій.

— А съ первой получкой артистическаго жалованья и желаніемъ получать больше, больше...

Режиссеръ кланялся, добродушно улыбаясь, Обдорскій тоже улыбался.

Хорошій до удивительности былъ человѣкъ Иванъ Алексѣевичъ Петровъ. Работникъ, какихъ мало, работникъ безъ раздраженія, лишнихъ словъ и притязаній. Работа режиссера отвѣтственная до мелочей и огромнаго разнообразія: и декораціи, и постановка, и выдумка, а главное—во время, «въ минуту». Это человѣкъ, который долженъ быть и здѣсь и тамъ, человѣкъ, который спѣшитъ, спѣшитъ утромъ, едва находя время пообѣдать, спѣшитъ вечеромъ, далеко за полночь—и такъ каждый день. Онъ, этотъ безсмѣнный работникъ, долженъ знать, гдѣ что находится, хватаетъ ли того и другого. Онъ долженъ слѣдить за артистами, хористами, статистами и рабочими. Однимъ совѣтовать, другихъ просить, третьимъ приказывать, и все это въ мѣру, чтобы никого не оскорбить и свое достоинство сохранить.

Для такого труженика во время сезона нѣтъ отдыха, онъ почти лишентъ семейныхъ отношеній, ему некогда приласкать дѣтей, поговорить по душѣ съ женой. Онъ долженъ всегда спѣшить, у него всегда есть дѣло и онъ всегда въ безпокойствѣ. Скажутъ, у режиссера имѣются помощники... Нѣтъ, хорошій режиссеръ одинокъ и недоувѣрчивъ.

Иванъ Алексѣвичъ былъ прекрасный человѣкъ. Онъ хотѣлъ уже бѣжать, когда Обдорскій пригласилъ его на новоселье.

— Надо какъ-нибудь вырваться!—объщаль режиссеръ.

— Мы устроимъ вечерокъ въ слѣдующую субботу. Кстати, Иванъ Алексѣвичъ, не знаете, почему не участвуетъ Руднева въ «Фаустъ»? Вѣдь Зибель ея роль.

Иванъ Алексѣвичъ оглянулся и, понизивъ тонъ, сказалъ:

— Это устроилъ Глотовъ для Померанцевой. Понимаете?.. Если Глотовъ захочетъ, то можетъ... Вотъ и захотѣлъ!..—засмѣялся, пожимая руку, Петровъ и прибавилъ:—До свиданья, дорогой, хорошо, что вы держитесь въ сторонѣ... интриги, вражда... просто смертушка моя! Право, въ провинціи больше товарищества! Они и нашего Строева опутали... Помилуйте, стали сплетни слушать!

И режиссеръ рысью побѣжалъ по коридору. Обдорскій медленно покинулъ театръ.

VIII.

— Наконецъ-то!-- бросилась къ Обдорскому Руднева.—Я все ждала, ждала...

— Послѣ завтрака заѣзжалъ въ театръ, думалъ васъ тамъ застать...

— Васъ?!

— Ну, тебя, моя дорогая!—и Евгений Николаевичъ привлекъ и прижалъ къ своей груди любимую женщину. Странно! Въ ея присутствіи Обдорскій находился вполне подъ обаяніемъ жгучей власти Рудневой, но когда оставлялъ артистку, не то что забывалъ близкаго уже человѣка, но жилъ и дѣйствовалъ подъ вліяніемъ разныхъ причинъ, обстоятельствъ, какъ и прежде, одиноко, на свой личный страхъ.

Неожиданная связь не запала въ его сердце глубоко, Руднева не взяла Евгенія всего, со всѣми его стремленіями, его мечтой, которая для нея оставалась нетронутой, а для него завѣтной. Не разныя ли ихъ были цѣли жизни? Была ли это дѣйствительная любовь или увлеченіе двухъ безпокойныхъ, нервныхъ людей, для которыхъ одиночество тяжело, невыносимо? Не знаю, но страсть была сильна, увлеченіе росло, и будущее было ихъ, тѣсное, нераздѣльное. Все придетъ, сложится, объединится: они мужъ и жена.

— Разсказывай, милый, все разсказывай,—говорила артистка, сверкая глазами:—я хочу знать... Ты не спѣшилъ ко мнѣ?

— Теперь мы будемъ всегда вмѣстѣ,—не отвѣчалъ на ея вопросъ Обдорскій.—Завтра я перейду на квартиру сюда... Теперь деньги есть,—показывалъ ассигнаціи молодой артистъ.

— Ого!—говорила довольная хозяйка,—первое и большое жалованье...

Она позвонила, распорядилась позвать конторщика, которому вперёдъ было отдано за мѣсяць за квартиру. Руднева хлопотала, спѣшила водворить Обдорскаго подъ своимъ крылышкомъ. Подали самоваръ. Хозяйка, приготовляя чай, спросила:

— Не говорилъ ничего со Строевымъ?.. Почему у меня отняли партію Зибеля?

— Нѣтъ, не говорилъ, неудобно было, а въ «Фаустѣ» ты не участвуешь по милости Глотова... Это узналъ я навѣрно.

Руднева густо покраснѣла. Черезъ минуту на поблѣднѣвшемъ ея лицѣ остались красныя пятна, и она, отвернувшись въ сторону, прошептала: «Вотъ что... теперь я понимаю!»

Марья Александровна стала невнимательна и тревожна, очевидно, что-то припоминая. Посуда въ ея рукахъ дрожала, она пролила изъ своей чашки чай, долго искала полотенце, которое висѣло за ея стуломъ.

На Обдорскаго напала тоже безпредметная тревога, и онъ думалъ и боялся своего выступленія въ «Фаустѣ». Въ самомъ дѣлѣ, сколько прекрасныхъ и талантливыхъ Валентиновъ выступало въ этой старой оперѣ. Онъ не можетъ внести ничего новаго, особеннаго, развѣ помогутъ молодость и увлеченіе?

— Хорошо изучилъ свою партію? — почти сурово спросила артистка.

— Мнѣ кажется... даже увѣренъ, — отвѣчалъ Евгеній, съ нѣкоторымъ удивленіемъ смотря на Рудневу, которая сидѣла отъ него вполоборота, продолжая о чемъ-то вспоминать, не то думать, вѣроятно, о непріятномъ.

— Посмотримъ! — какъ бы рѣшила она.

Прошло шесть часовъ, и Обдорскій сталъ собираться въ театръ. Ему захотѣлось пройти во вновь нанятую квартиру и, если нужно, въ чемъ-нибудь распорядиться. Онъ ушелъ одинъ, оставивъ Марью Александровну задумчивой и, какъ ему казалось, озлобленной. «Странно», думалъ онъ. «Не понимаю такого впечатлѣнія: пускай замѣняютъ другими. Развѣ работы мало?! и что такое моя роль? моя партія?! Этого не должно быть въ общемъ дѣлѣ. Конечно, интрига — отвратительное явленіе!»

— Я приду въ театръ въ концѣ репетиціи, — говорила, прощаясь съ Обдорскимъ Руднева: — а потомъ ко мнѣ ужинать... хорошо?..

— Пожалуй, я устану, — замѣтилъ артистъ.

— Ну, вотъ глупости! — не стала слушать хозяйка.

Въ театрѣ еще не собрались, и репетиція не начиналась. Прибывшіе собрались въ кучу и по обыкновенію забавлялись анекдотами. Преобладало добродушное настроеніе. Со сцены постоянно слышался голосъ режиссера. Въ оркестрѣ музыканты настраивали свои инструменты.

Обдорскій вступилъ въ общую бесѣду, которую скоро поставилъ на серьезную почву.

— Пожалуй,—говорилъ онъ,—и я боюсь, что въ нынѣшнемъ составѣ «Фаустъ» не будетъ имѣть такого успѣха, какъ въ прежнемъ... Глововъ, Руднева не участвуютъ, я боюсь провалиться...

Артисты стали прислушиваться, а басъ сказалъ:

— Въ самомъ дѣлѣ, на кой чортъ всѣ эти перемѣны и кто ихъ дѣлаетъ? Впустую работаютъ только люди!

— Совершенно вѣрно замѣтили вы: кто эти перемѣны дѣлаетъ? и зачѣмъ?—довольно горячо отозвался Обдорскій.—Совсѣмъ не въ пользу общаго дѣла... Отчего бы намъ не вступить и не заявить по поводу этого наши соображенія?..

— Кому?—спросилъ теноръ.

— Хоть бы Ивану Платоновичу...

— Ну, онъ этого не любитъ, когда артисты мѣшакуются въ репертуаръ, въ распредѣленіе ролей... Одно только Глотова и слушаетъ!..

— Все Глотова и Глотова!—чуть ли не въ отчаяніи воскликнулъ Обдорскій.—Да, онъ великій артистъ, но вѣдь и нашъ товарищъ.

— Эге, товарищъ!—сказалъ кто-то.—Да, станетъ онъ съ нами разговаривать, очень ему нужно!

— Его въ императорскій театръ зовутъ, да еще на какой окладъ!.. Глотова голой рукой не достанешь! Нѣтъ, Обдорскій, не дѣло вы говорите...

— Позвольте,—горячился послѣдній, довольный, что все-таки добился бесѣды такого общаго характера,—позвольте... Глотова наконецъ можетъ не участвовать въ нашихъ собраніяхъ... Пускай! но это намъ нисколько не мѣшаетъ по-товарищески обсуждать и помогать общему дѣлу.

— Подождите, господа,—серьезно заговорилъ басъ.—Но что вы собственно, г. Обдорскій, предлагаете? Въ чемъ ваша мысль? Дѣло поставлено, у хозяина деньги есть, въ публикѣ мы имѣемъ успѣхъ, жалованье получаемъ аккуратно... Что же намъ нужно?

Повидимому, всѣ были согласны со сказаннымъ и недоумѣвали, въ чемъ дѣло.

— Намъ нужно,—твердо отвѣчалъ Евгений:—чтобы наша работа была осмысленна, чтобы мы сами принимали участіе въ ней, а не были бы, какъ теперь, пѣшками, приказчиками безсловесными хозяина. Къ чему дѣйствительно всѣ эти перемѣны, перетасовки, которыя кѣмъ-то и для какихъ-то таинственныхъ цѣлей дѣлаются. Кому онѣ нужны? И что, кромѣ вреда, могутъ принести? Намъ нуженъ ансамбль, который достигается распредѣленіемъ ролей по способностямъ и талантамъ, а не по интригамъ. Каждый долженъ держаться своего, на что онъ способенъ и въ чемъ

выражается характеръ его работы. Однѣ партіи по мнѣ, съ другими я никогда не справлюсь... другой баритонъ наоборотъ... Вѣдь, вы понимаете, о чемъ я говорю?

— Понимаемъ, понимаемъ,—одобрили артисты.

— Мы сами сообща должны давать артистамъ роли, мы знаемъ лучше товарищей и по-товарищески будемъ относиться къ этому. Это во-первыхъ... А во-вторыхъ—устроимъ еженедѣльно засѣданія и будемъ разсматривать разные касающіяся насъ дѣла, исключая, конечно, хозяйственныхъ и административныхъ...

— А не погонять насъ за такія дѣла?—усмѣхаясь, спросилъ басъ.

— Что же тутъ особеннаго?—возражали теноръ и дамы.—Что же намъ нельзя совѣтоваться другъ съ другомъ? что мы въ кабалѣ что ли? мы, свободные артисты!

— Господа!—предлагалъ довольный Обдорскій:—хотите, я переговорю объ этомъ съ Иваномъ Платоновичемъ? Увѣряю васъ, что онъ не будетъ противъ...

— Ну, это еще бабушка на двое сказала,—произнесъ скептикъ басъ.

Въ это время вошелъ Глотовъ, и всѣ словно по уговору замолчали. Новоприбывшій даже нѣсколько сконфузился и, подозрительно посмотрѣвъ по угламъ, сейчасъ же ушелъ, что-то пробормотавъ себѣ подъ носъ.

— Испугались, господа, премьера!—насмѣшливо молвилъ басъ.

— Нисколько!—затрещали дамы...—Нечего ему здѣсь дѣлать!

Обдорскій хотѣлъ что-то сказать, но вздохнулъ и ушелъ на репетицію.

IX.

«Фаустъ» прошелъ съ успѣхомъ, который выпалъ и на долю Валентина-Обдорскаго. Положительно, его нѣжный и мягкій баритонъ мѣстами очаровывалъ слушателей. У него нарождались и обозначались спеціальные его поклонники. Студенты ему очень покровительствовали, что особенно раздражало Глотова, который повелъ съ молодымъ артистомъ «политику».

— Говорятъ, новоселье справляете?—спросила «знаменитость» Обдорскаго.

— Милости просимъ,—отвѣчалъ послѣдній.—Буду очень радъ.

— Съ удовольствіемъ.

Иванъ Платоновичъ обѣщалъ привезти «хлѣбъ-соль». Онъ былъ особенно доволенъ исполненіемъ Валентина и говорилъ Евгенію: «Вы вѣрно угадали характеръ музыкальнаго приѣма... Не грубая месть солдата звучитъ въ мотивахъ Гуно, особенно въ аріи молитвы, а страданіе и оскорбленное чувство достоинства... Вѣрно! прекрасно! превосходно!.. работайте, дорогой мой!»

Понравился Евгеній въ Валентинѣ и Рудневой, которая, однако, совѣтовала больше смѣлости. Такой совѣтъ не былъ основательнымъ: скромность артиста, его вдумчивое, нѣжное пѣніе—создало для него успѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, Обдорскій пѣлъ, увлекался, какъ будто для себя, въ какомъ-то раздумьи, а не для толпы. Право, такъ казалось многимъ, и это было и мило и оригинально.

Переѣздъ въ спокойную, уютную квартиру, ласка любимой женщины, успѣхъ на сценѣ—все это вскружило голову молодого человѣка, который словно лишился своей обычной выдержки и самостоятельности. Онъ жилъ настоящимъ. Да и не былъ ли онъ правъ, читатель? Молодость имѣетъ свои права.

Въ чаду личнаго счастья и довольства онъ попалъ почти подъ полное вліяніе Рудневой, которой не противорѣчилъ, какъ раньше, а исполнялъ даже ея капризы. Она заставила его хорошо одѣться. Приготовленія къ празднованію новоселья быстро истощали кассу Обдорскаго, который думалъ справить пирушку по-студенчески, а вовсе не по-артистически, даже *en grand*.

— Развѣ такъ можно?—говорила Марья Александровна:—къ вамъ Строевъ пріѣдетъ, а вы не хотите купить шампанскаго?

— Помилуй,—отвѣчалъ Обдорскій:—какое шампанское! да вѣдь это чортъ знаетъ, что стоитъ!

— Стыдитесь, Евгеній Николаевичъ, стыдитесь!.. Хорошъ артистъ! жалѣетъ, какъ чиновникъ, денегъ!

— Не жалѣю,—говорилъ Евгеній:—но все это очень странно! къ чему—не понимаю...

— Не забудьте дать знать журналистамъ, эти шампанское любятъ!..

«Чтобъ чортъ ихъ взялъ», думалъ про себя Обдорскій, но все покупалъ, все заказывалъ по приказанію Рудневой.

Наконецъ наступилъ день новоселья, и Евгеній, чувствуя себя именинникомъ, вспомнилъ, какъ справлялъ свой день ангела прошлаго года. Собрались товарищи-студенты, неизмѣнные сыръ и колбаса, водка и пиво—все поглощалось съ жадностью молодыми, неиспорченными желудками. Черезъ четверть часа стало весело и гремѣлъ хоръ, дрожалъ и заливался дуэтъ. Онъ помнилъ, посылали еще и еще за сыромъ и пивомъ и какъ всѣ были довольны!.. А теперь? Какія батареи бутылокъ спрятаны въ углахъ, лежатъ по окнамъ и наконецъ находятся въ незанятыхъ ящикахъ комода. А эти свертки безъ конца, перевязанные изящными зелеными и розовыми лентами и въ его комнатахъ и въ помѣщеніи Рудневой!.. Неужели все это выпьютъ и съѣдятъ?

Вечеръ приближался. Руднева волновалась. Она шумѣла своими шелками, перебѣгая изъ одного номера въ другой.

— Евгений, чай у меня будетъ, а ты прикажи у себя поставить водку, закуску и нѣкоторыя вина...

— А за пивомъ послать?

— Это еще что такое? такая мерзость!

— Студенты любятъ пиво...

— Вздоръ. Могутъ пить красное вино!—отрѣзала Руднева.

Обдорскій отъ хлопотъ, отъ ожиданія будущаго пированія усталъ, его голова плохо работала и онъ думалъ, поглядывая на новую книгу любимаго журнала: «Хорошо бы теперь лечь на эту аппетитную кушетку и почитать!»!

Но... У дверей послышался шумъ, кто-то постучалъ. Вошли студенты, и тотчасъ же комната наполнилась звуками живого смѣха и громкихъ молодыхъ голосовъ.

— Великолѣпно!—говорилъ, осматриваясь, высокій и красивый блондинъ.—Глянь, Литвиненко, на столикъ. Какіе презенты приготовлены... Добре! добре!

— Ну, поздравляемъ, братъ, поздравляемъ,—жалъ хозяину крѣпко руку Литвиненко.

— Съ чѣмъ и почему?

— Какъ? съ успѣхомъ! спасибо за Валентина... Вотъ не думалъ, а ты, Евгений, настоящій артистъ! Каково, бисова душа! На слѣдующій спектакль весь университетъ собирается. Теперь мало нашихъ было, потому Готовъ отсутствовалъ...

Вошла Руднева и спросила студентовъ, хотятъ ли чая.

— Какъ прикажете,—отвѣчалъ маленькій острякъ Вагинъ:—мы простые россійскіе потребители, все принимаемъ во внутрь.

Пошли къ Рудневой, гдѣ сидѣла уже примадонна, колоратурное сопрано, исполнявшая Маргариту въ «Фаустѣ». Она принесла Обдорскому на новоселье великолѣпный альбомъ со вложенной своей фотографіей съ надлежащею, конечно, надписью.

Всѣ любовались подаркомъ. Пили чай, говорили, смѣялись, а о чемъ?—трудно сказать, но было весело и хотѣлось веселья. Подходили, артисты, прибѣжалъ, именно прибѣжалъ режиссеръ Николай Алексѣевичъ, отказался отъ чая, но не отъ закуски и со студентами и хозяиномъ отправились къ Обдорскому. Гости подходили, и скоро началось правильное путешествіе изъ одного номера въ другой, съ остановкой и со спорами и конспираціями въ коридорѣ. У Рудневой загремѣло пьянино. Студенты бросились туда. Пришли журналисты, которые внесли еще больше оживленія. Они приперли къ окошку Обдорскаго и просили дать для печати свою маленькую біографію. Евгений Николаевичъ положительно отказывался. Студенты хлопали и кричали: «Дерзай, Евгений, не бойся!»

— Фотографія въ «Фаустѣ» есть ваша?—спрашивалъ одинъ изъ журналистовъ.

— Ничего у него нѣтъ,—проговорила вошедшая Руднева.— Этого господина на веревочкѣ нужно водить сниматься...

— Какъ же такъ?—печалился представитель прессы:—а мы въ приложеніи хотѣли дать вашъ портретъ... Эхъ!..

— Мы его завтра же стащимъ въ фотографію... Ты, братъ, и намъ обязанъ дать свои карточки,—кричали студенты:—ишь какой непредставительный!

— Пожалуйста, представьтесь и въ «Хованщинѣ»... Еще ему альбомъ какой подарили!

Въ комнатахъ Рудневой опять послышалось пѣніе, и студенты бросились туда со всѣхъ ногъ. Кого-то чуть не уронили въ коридорѣ.. хохотъ и визгъ. Становилось веселѣй: режиссеръ рассказывалъ что-то изъ провинціальной жизни артистовъ, рассказывалъ спѣшно, на ходу, послѣ чего былъ увлеченъ студентами подъ руки къ завѣтному столу, на которомъ ни закуска, ни напитки не изсякали.

— Волшебный столъ! пріятный столъ! къ тебѣ стремимся мы желанный!—импровизировалъ Вагинъ.

— Господа,—говорилъ режиссеръ:—вы нашей работы не знаете. Какъ крыса въ щеляхъ, въ подпольѣ, насъ не видно.

— Братцы,—кричалъ, поднимая стаканъ красивый студентъ:—за неутомимыхъ работниковъ искусства, за техниковъ дѣла! Въ слѣдующій спектакль, Николай Алексѣевичъ, потребуемъ васъ къ свѣту, къ публикѣ.

— Я не къ тому, господа...

— Ладно! мы тоже знаемъ, чье мясо кошка съѣла! ну, за свободу, Николай Алексѣевичъ, за русскаго рабочаго, за народъ!—предложилъ Литвиненко.

Въ комнату вошли Руднева и дамы.

— Господа, у васъ здѣсь весело!—проговорила примадонна.

— Волшебный столъ помогаетъ, товарищемъ нашимъ сдѣлался!.. Не угодно ли принять чудодѣйственнаго?—предлагалъ и вертѣлся Вагинъ.

Дамамъ налили краснаго вина. Онѣ покраснѣлись и говорили, что жарко.

— Господа!—соображала Руднева.—Надо открыть форточку на нѣсколько минутъ, дымъ-то какой, Боже!

Отворили форточку и двинулись толпой по коридору. Но здѣсь случилось столкновение съ новыми гостями, Строевымъ, Готовымъ и художникомъ, близкимъ къ театру. Раздались при-вѣтствія, шумъ.

— Гдѣ хозяинъ? Куда итти?—спрашивалъ Строевъ. У него въ рукахъ было нѣчто солидное, завернутое въ бумагу, что онъ бережно держалъ.

— Сюда, сюда, Иванъ Платоновичъ,—открывая свою дверь, приглашала Руднева:—у насъ сообща. Въ комнатѣ Евгенія Николаевича отворена форточка.

— Вотъ хлѣбъ-соль на новоселье молодому артисту, прошу принять отъ души и чистаго сердца.

— Пойдите, Иванъ Платоновичъ, такую важную вещь надо сдать тамъ,—говорилъ режиссеръ, спѣша и волнуясь:—да-съ, въ его комнатѣ.

— Вѣрно! вѣрно!—подхватили студенты.—Тамъ волшебный столъ! туда! туда!..

И всѣ двинулись снова.

— Какой столъ? волшебный, говорите?— недоумѣвалъ Глотовъ, котораго уже окружили студенты.

Свертокъ развернули. Это былъ куличъ съ изящной серебряной солонкой и на серебряномъ блюдѣ, на которомъ начертаны были фамилія и имя Евгенія Обдорскаго съ добавленіемъ: «Добро пожаловать, талантливый русскій артистъ!»

Отъ такого подарка, искренно или нѣтъ, всѣ были въ восторгѣ. Блюдо разматривали, солонку поставили на волшебный столъ.

Время подходило къ двѣнадцати, гостей больше не ждали, и можно было приступить къ ужину. Ивана Платоновича окружили дамы, Глотова студенты. Режиссеръ рвался было уйти, но его не пустили: онъ, видимо, дремалъ отъ напитковъ и отъ усталости. Но другіе находились въ состояніи полнаго оживленія. Сыпались остроты, хохотъ раздавался непрерывно. О чемъ только ни говорили, даже философствовали. Студенты,— ихъ подошло еще двое,— и журналисты внесли жизнь и общественность, интересы театральные отодвинулись совершенно на второй планъ, ставши удѣломъ дамъ.

— Дорогой мой,—говорилъ Строевъ Евгенію:— вы правы, конечно, призывая всѣхъ, въ томъ числѣ артистовъ, къ практической дѣятельности, къ критическому анализу въ своей сферѣ. Это хорошо бы! но ничего не выйдетъ. Посмотрите на этихъ людей, вы не найдете ни въ какой средѣ такой разницы по положенію и образованію. По-моему, для нихъ нужна только дисциплина, мягкая, но твердая.

— Вы не видѣли мейнингенскую труппу?—спросилъ Глотовъ Обдорскаго.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ послѣдній:— слышалъ кое-что, читалъ...

— Что могла, дѣйствительно, сдѣлать дисциплина?— продолжалъ артистъ.— Что? довести до идеальнаго ансамбля, до поразительнаго! да-съ! Но не артисты это сдѣлали, а энергичный режиссеръ Кронекъ, который зрителя довелъ до полной иллюзіи. Замѣчательные были спектакли!

— Я не спорю,—говорилъ Обдорскій:— мнѣ хотѣлось только развить товарищество, лучшія другъ къ другу отношенія, чтобы не было этихъ интригъ, сплетенъ...

— Ну, чего захотѣли,—засмѣялся Строевъ и, понизивъ голосъ, прибавилъ:—тамъ, гдѣ женщина,—тамъ интрига!

— Господа! увы волшебный столъ исчезъ! плачьте, обиженные братья!— крикнулъ студентъ.

Коридорные ставили другіе столы и быстро ихъ сервировали.

Въ ожиданіи ужина всѣ раздѣлились по группамъ. По рукамъ стала ходить фотографія, въ которой Готовъ снятъ съ писателями Горькимъ и его товарищами. Карточка дошла до Строева, который сказалъ Готову: «Конечно, лестно быть въ компаніи такихъ героевъ, но, дорогой Петръ Ивановичъ, все-таки они «улица» и больше ничего, а ихъ таланты еще въ подозрѣніи... на любителей!.. Искусство истинное должно стоять высоко, и я бы на вашемъ мѣстѣ съ такой компаніей подумалъ сниматься! Говорю откровенно... простите старика! мы на другихъ писателяхъ воспитывались!»

Студенты стали горой за Горькаго.

Многіе гости ходили по коридору, нѣкоторые любезничали съ дамами. Однимъ словомъ, всѣ были довольны, когда въ «тѣснотѣ, да не въ обидѣ» сѣли за ужинъ. Скоро полилось шампанское, начались тосты. Кто-то крикнулъ: «За молодыхъ! за ихъ миръ и согласие!» Обдорскій чокался, Руднева конфузилась. Шли часы, гости не расходились, и Обдорскій думалъ, что Руднева права, не жалѣя денегъ на вино, котораго едва хватило.

Но новоселье и «еще кое-что» было справлено на славу!

Х.

Оперный сезонъ продолжался съ большимъ успѣхомъ. Каждый спектакль театръ былъ полонъ.

Въ антрактахъ среди солидной публики можно было слышать такія фразы: «Въ казенной оперѣ такая, знаете, мертвечина, что мы съ женой бросили посѣщать Большой театръ, вотъ только оркестра жаль!»

— Дѣйствительно, здѣсь оживленіе,—соглашался другой:—да и таланты имѣются. Возьмите Глотова! Развѣ казенная сцена можетъ похвалиться такимъ голосомъ и талантомъ? Ну, кто тамъ?

— Носятся слухи, что Готовъ переходитъ въ Большой театръ... Не знаю, насколько вѣрно.

— Не можетъ быть! Какъ онъ разстанется со Строевымъ, который его нашелъ и такую сдѣлалъ для него карьеру? Безъ Строева находился бы сей талантъ въ неизвѣстности и пѣлъ бы вторья роли гдѣ-нибудь въ Кишиневѣ... Нѣтъ, что вы?..

— Не знаю, право... говорятъ!

Обдорскій пріобрѣталъ репертуаръ, выступалъ въ разныхъ партіяхъ съ одинаковымъ успѣхомъ. Онъ совсѣмъ ушелъ въ театральную дѣятельность, забывая, повидимому, объ общественной жизни. Послѣднему въ большой степени помогала Руднева, не имѣвшая никакихъ интересовъ, кромѣ театральныхъ. Всѣ разго-

воры вертѣлись и проходили около ролей, кулись, успѣховъ и проваловъ. По временамъ Обдорскій чувствовалъ какую-то пустоту и нѣкоторую озлобленность. Тогда онъ уходилъ къ студентамъ и другимъ своимъ товарищамъ, послѣ университета уже работающимъ на томъ или другомъ поприщѣ. Тамъ, среди молодежи, была другая атмосфера. Тамъ была нужда, черная работа, но все это согрѣвалось вѣрой и теплой надеждой на будущее, которое рисовалось друзьямъ Евгенія въ широкой пользѣ для «младшихъ братій». Пусть это были мечты, но съ ними хорошо жилось пока этимъ идеалистамъ и романтикамъ. Такая душевная компанія освѣжала Евгенія, который вспоминалъ свое недавнее студенчество.

Однажды онъ заночевалъ у товарищей, что случилось какъ-то совсѣмъ неожиданно и съ его стороны, какъ оказалось, безтактно. И дѣйствительно, когда онъ явился домой, то Марья Александровна закатила ему нелѣпнѣйшую и скандальную сцену, глубоко для него обидную.

Начались унылые дни не то разочарованія въ любимой женщинѣ, не то какого-то недоумѣнія и душевнаго анализа. Нервы въ такое время дѣйствовали болѣзненно. Обдорскій приходилъ въ столкновение съ артистами, рѣзко указывая на невѣжество нѣкоторыхъ, на отсутствіе чуткости и деликатности.

— Въ вашемъ обществѣ стыдно находиться порядочному человѣку,— сказалъ онъ какъ-то рѣзко цѣлому кружку артистовъ, наслаждавшихся отъ нечего дѣлать двусмысленными анекдотами.

Люди самолюбивые крайне обидѣлись. Да, не подходилъ Евгеній къ театральной средѣ, для которой онъ былъ слишкомъ чистъ и благороденъ. Съ Готовымъ онъ тоже имѣлъ нѣкоторый разговоръ, въ которомъ довольно ясно выразился, что неприятно и больно видѣть, когда большой талантъ гоняется за рекламой, ищетъ популярности... Геній и карьера несомнѣстимы!

— Вы такъ думаете? — спросилъ Готовъ, оглядывая артиста съ ногъ до головы.

Евгеній Николаевичъ не замѣчалъ, что послѣ такой бесѣды съ Готовымъ Иванъ Платоновичъ сталъ не такъ мягко относиться къ нему. Впрочемъ, спустя нѣкоторое время, онъ понялъ это, вѣрнѣй почувствовалъ, когда за завтракомъ Строевъ не сказалъ съ нимъ ни одного слова и только на прощанье нѣсколько иронически бросилъ: «А что ваши нервы? все гуляютъ?»

Съ тѣхъ поръ онъ не бывалъ у миллионера-антрепренера. Вообще въ театрѣ къ нему и Рудневой стали всѣ относиться сдержанно, подозрительно, что прекрасно чувствовалось.

— Я думала,— проговорила въ раздраженіи Руднева: — что у васъ найду защиту, а вы даже съ Иваномъ Платоновичемъ не могли поддержать добрыхъ отношеній!

Замѣчаніе кольнуло его въ сердце.

Приближалась весна, окончаніе сезона было близко. Шли разговоры о будущемъ: всякій хотѣлъ себя обезпечить ангажементомъ. Незвѣстно, будетъ ли Строевъ держать оперу въ будущемъ году, поговаривали о товариществѣ, но ни Обдорскому, ни Рудневой предложеній не дѣлали и съ ними говорить избѣгали. Режиссеръ Николай Алексѣевичъ все имъ рассказывалъ, упрекая въ то же время ихъ въ неопытности.

— Служить при театрѣ, быть артистомъ значитъ имѣть кротость голубиную и мудрость змѣиную... А вы, мои дорогіе, поступаете, какъ дѣти, и останетесь безъ ангажемента, если не пригласятъ въ провинцію.

— Тогда, чортъ съ ней, съ такой карьерой, лучше я простымъ рабочимъ буду, кули на Волгѣ таскать!—вскричалъ Обдорскій.

Руднева сдѣлала «большіе глаза».

— Что же мы въ самомъ дѣлѣ станемъ дѣлать, Евгеній Николаевичъ?..

Обдорскій молчалъ. Ему хотѣлось бѣжать отъ такихъ разговоровъ, отъ артистовъ, режиссеровъ и театра. Да, бѣжать, бѣжать, безъ оглядки. Но... Руднева смотрѣла на него строго, ожидая отвѣта.

— Я, право, не знаю,—отвѣчалъ Обдорскій.

— Не знаете?..—тихо, съ ироніей засмѣялась артистка.

Евгеній былъ уничтоженъ, но ему было жалко Рудневой. Почему? Онъ не отдавалъ себѣ отчета. Да, жалко и тяжело въ ея присутствіи. Она, впрочемъ, скоро ушла, противъ обыкновенія не сказавъ куда, не проговоривъ ни слова.

Оставшись одинъ, Евгеній Николаевичъ задумался. Въ самомъ дѣлѣ, что дѣлать? Вѣдь онъ не одинъ, на немъ лежатъ нравственная обязанность. Пусть юридически она не жена его, но такимъ положеніемъ можетъ пользоваться только негодяй. Напротивъ, онъ больше долженъ отдать ей вниманія и дружбы... Пусть ихъ отношенія измѣнились, они охладѣли другъ къ другу—это ровно ничего не доказываетъ и нравственныя обязательства остаются. Быстро пролетѣло въ какомъ-то фантастическомъ хаосѣ, съ трескомъ, музыкой и шумомъ время и вдругъ остановилось и точно ждетъ и спрашиваетъ: а теперь что?

Надо приспособляться, надо наконецъ зарабатывать, сбереженій почти нѣтъ или очень мало. Но куда ушли такія деньги? Евгеній не сталъ объ этомъ думать. Переговорить со Строевымъ? О, нѣтъ! вдругъ онъ посоветуетъ лечиться отъ нервоза. Не даромъ при встрѣчахъ Глотовъ такъ ехидно поглядываетъ, а онъ неразлученъ со Строевымъ и этимъ художникомъ, у котораго такое наглое лицо! Они смѣются надъ нимъ. Антрепренеръ повозился съ нимъ, какъ съ новинкой, да и бросилъ, тѣмъ болѣе, что эта новинка не «пришлась ко двору».

Теперь Иванъ Платоновичъ занятъ больше артистками. Говорили о выступленіи на сцену новой, съ необыкновенными формами примадонны, которую онъ самъ училъ, занимался съ ней по цѣлымъ днямъ.

Евгеній видѣлъ ее. Очень красивая, но не безъ вульгарности женщина, молодая, про которую говорили: «О, какъ она сложена, божественно!» О другихъ талантахъ Евгеній не слыхалъ, да ихъ и не оказалось при дебютѣ.

Артистъ подумалъ обо всемъ этомъ со злобой и прошепталъ: «Гдѣ же оно, это святое искусство?» Евгеній чувствовалъ, что онъ не можетъ быть артистомъ, что жить, не имѣя никакого покоя, вѣчно на компромисахъ среди какой-то нелѣпой и обидной «политики» значитъ погубить свою душу и стать эгоистомъ и интриганомъ. Ну, нѣтъ! надо бѣжать. Хорошо бы! но крылья у молодца связаны!

Обдорскій продолжалъ участвовать и довольно часто въ спектакляхъ, но безъ прежняго увлеченія, на него нападала порой вялая усталость и онъ боялся не взять ту или другую ноту, испортить свою партію. Этого прежде не бывало и не казались ему противны уборныя, кулисы и накрашенные, неестественныя лица товарищей. Особенно тяжело было смотрѣть ему на сценѣ на Рудневу, которая такъ хлопотала и старалась, точно она священнодѣйствовала. И это лицо-маска!

Проходили дни, какіе-то длинные дни! Новыхъ оперъ уже не ставили, репетицій не было, сезонъ кончился. Въ воздухѣ пахло весной. «Хорошо бы теперь на Волгу!» съ тоской думалъ Евгеній Николаевичъ и ему страстно хотѣлось видѣть мать и съ дѣтства милыя мѣста.

— Знаешь что,—оживленно заговорила Руднева:—поѣдемъ на гастролы, концерттировать?

— Какъ? куда?—удивился Обдорскій.

— Слушай! я переговорила съ опытными людьми, да и сама немного съ этимъ знакома. Мы заработаемъ хорошія деньги, ты увидишь новыя мѣста, это тебя оживитъ!.. Мы поѣдемъ на югъ, на Кавказъ. Прекрасно, не правда ли? Ну, цѣлуй меня, что я такъ хорошо придумала...

— Но я хотѣлъ повидаться съ матерью,—сказалъ Обдорскій.

— Увидишься... Мы мѣсяца два, во всякомъ случаѣ не больше, будемъ концерттировать... Правда, хлопотъ, труда будетъ много, но вѣдь ты этого не боишься!.. Впрочемъ, мы возьмемъ съ собой такого человѣка, расторопнаго, называется «передовой». Онъ раньше насъ долженъ пріѣхать въ городъ, снять помѣщеніе, заказать афиши, билеты... Понимаешь? Вотъ если бы найти недорогого аккомпаниатора... Ты не знаешь?

Евгеній отрицательно качнулъ головой.

— Ну, я постараюсь... найду! Ты согласишься? да? Ахъ, какъ я хочу на югъ—скорѣй бы! Что за чудная страна Кавказъ! Какъ ты будешь доволенъ... да не смотри такимъ букой... пошевеливайся!

И Руднева начала его любовно трясти, и Обдорскій, смотря на ея живое раскраснѣвшееся лицо, довольно улыбался.

XI.

Послѣдній спектакль, и «оборвалось». На другой день собрались въ контору, получили «расчетъ» и разошлись. Говорили, что состоялся какой-то прощальный обѣдъ или ужинъ, но ни Рудневу, ни Обдорскаго не пригласили. Кто былъ инициаторомъ, распорядителемъ, артисты или Строевъ? неизвѣстно. Слышно, что пировала отборная компанія: Глотовъ, художникъ, новая примадонна и другія пріятныя персоны.

А Обдорскій думалъ организовать крѣпкое товарищество, какую-то идеальную общину! Чудно, когда все такъ просто: были наняты, работали и когда «дѣло» кончилось—разошлись. Коротко и ясно!

— Все-таки такъ нигдѣ не дѣлается... нигдѣ, ни въ одной провинціальной труппѣ! Чистыя свиньи!—съ раздраженіемъ промолвила Руднева.

Обдорскій молчалъ, но думалъ: «Святое искусство... но это промышленность и торговля!»

Молодые люди остались одни и имъ было скучно, нервы ихъ упали. Сцена успѣла все-таки затянуть въ свое болото Евгенія, отравить до нѣкоторой степени свѣжую, нетронутую натуру. Да, онъ сознавалъ, что ему чего-то недоставало и странно! ему, какъ никогда, хотѣлось итъ, создать что-то и показать всю глубину, силу сокрытаго въ глубинѣ сердца чувства. Онъ былъ почти радъ, что они поѣдутъ концерттировать, все-таки новыя мѣста, новыя впечатлѣнія.

Надо было торопиться ѣхать. Надо отдать справедливость Рудневой, которая съ утра до вечера хлопотала, бѣгала по театральнымъ агентствамъ и наконецъ нашла «передового» и аккомпаниатора. Сосчитали свои капиталы, которыхъ не особенно было много, расплатились съ гостиницей, гдѣ жили, и назначили день отъѣзда въ Ростовъ.

Что-то будетъ? Обдорскій былъ совершенно неопытный артистъ, никогда не концерттировавшій. Какъ скоро пролетѣлъ поѣздъ до Ростова! Шумный, торговый городъ. «Передовой» устроилъ все, только Обдорскому нужно съѣздить къ полицеймейстеру, который непременно просилъ артиста «явиться». Билеты покупаются, имена артистовъ по газетамъ извѣстны въ городѣ. Однимъ словомъ, ничего! Завтра концертъ и днемъ небольшая репетиція. Надо спѣ-

шить и еще выставить въ нѣкоторыхъ магазинахъ программы п фотографіи.

На другой день «передовой» уѣхалъ въ Екатеринодаръ, а концертъ прошелъ съ хорошимъ успѣхомъ и при недурномъ сборѣ. На другое утро артисты были уже въ поѣздѣ по направленію Екатеринодара. Въ этомъ городѣ имъ повезло; они дали два концерта и оба при полныхъ сборахъ. Въ Екатеринодарѣ нѣсколько лѣтъ держалась драматическая труппа, оперы давно не было.

Въ этой поѣздкѣ Евгений не узнавалъ Рудневой, съ которой завязались какія-то дѣловыя отношенія. Постоянные расчеты, приемы, спѣшка. Они занимали разные нумера и были какъ знакомые, товарищи. Послѣ второго концерта Руднева сказала Евгенію: «Насъ просятъ поужинать»...

— Кто?—спросилъ Обдорскій.

— Мѣстное общество... казаки!

— Неловко... я незнакомъ,—отвѣчалъ артистъ:—и къ тому же усталъ страшно!

— Какъ хотите,—проговорила артистка, смотря почти съ презрѣніемъ на слабого товарища.—Вотъ возьмите деньги!

Евгеній ждалъ ее, ждалъ долго. Пробыло три часа, но Рудневой не было. Въ Евгеніи заговорила ревность и другое какое-то непонятное чувство чуть ли не радости; если она такъ желаетъ, то наши отношенія покончены. Но ревность пересиливала это другое чувство. Однимъ словомъ, между близкими людьми встала невидимая, довольно крѣпкая стѣна.

Покинули Екатеринодаръ, пріѣхали въ Новороссійскъ. Пѣли, собирали деньги и поѣхали дальше, въ Керчь. Евгений Николаевичъ все это время испытывалъ положительно отвратительное ощущеніе, нѣчто въ родѣ презрѣнія къ самому себѣ. Дѣйствительно, спѣшные концерты, концерты изъ-за денегъ нисколько не вязались съ благороднымъ искусствомъ, къ которому съ такимъ благоговѣйнымъ трепетомъ приступалъ Обдорскій. Изъ города въ городъ, какъ безумные, безъ сна, въ погонѣ только за деньгами... какіе они артисты?!

Право, стыдно!

Такъ думалъ Обдорскій, но иначе соображала и поступала Руднева, совѣмъ, какъ странствующая пѣвица, а не артистка. Она охотно ужинала съ неизвѣстными и, можетъ быть, подозрительными людьми, отъ которыхъ принимала ухаживанія, и чувствовала себя съ ними хорошо.

Евгеній наблюдалъ: и ревность и злоба кипѣли въ его сердцѣ. Развѣ это близкая ему женщина, артистка, съ которой онъ переживалъ минуты вдохновеній?.. да она кокотка... уличная пѣвица!..

Въ Бердянскѣ Обдорскій страдалъ, видя Рудневу возбужденную, веселую въ компаніи какихъ-то евреевъ и армянъ. Что за лоша-

динья, грубыя лица! Какой интересъ въ такомъ обществѣ! Евгений жилъ въ одиночествѣ, и мысль разойтись, забыть эту женщину, гвоздемъ мало-по-малу засѣла въ его голову.

Но надо было переговорить, хотя случая къ этому не представлялось. Въ Мариуполь вся эта компанія провожала Рудневу, которая довольная ходила по палубѣ, окруженная поклонниками. Обдорскому приходилось «ховаться», говоря по мѣстному, принимать мѣры, чтобы съ ними не встрѣчаться. Это было и тяжело и обидно. «Наконецъ послѣдній концертъ!» думалъ Евгений: «и мой поворотъ кончится, я думаю, навсегда!»

Въ Мариуполѣ онъ почти не видалъ Рудневой. Обѣдалъ одинъ, ходилъ по этому несимпатичному городу, и тоска не покидала его сердца. «Какъ же это сразу, безъ всякой видимой причины и такое съ ея стороны отношеніе? надоѣлъ я? все это было на время?» продолжалъ думать Обдорскій, пока мысль неожиданная, какъ молнія, не мелькнула передъ нимъ. Ему представилось, что со стороны Рудневой неискренность была съ самаго начала. Она и сошлась съ нимъ изъ-за карьеры, думая изъ-за него выдвинуться и занять прочное мѣсто въ труппѣ Строева. Да, онъ тогда былъ любимцемъ Строева, артистъ съ блестящимъ будущимъ... Отчего не сойтись?! Кстати онъ и молодъ, деликатень, такого въ руки легко можно взять и вить по желанію веревочку. Но она жестоко ошиблась въ своихъ расчетахъ... Безумецъ! онъ пренебрегъ будущимъ, не умѣлъ держать себя, сталъ смѣшнымъ и... провалился. Какой онъ артистъ! Какой мужчина! Онъ ей не въ помощь, а въ тягость... Да неужели все это правда? А вѣдь возможно... она недурная актриса!

Конецъ! Даже расчеты сдѣланы, помощники отпущены. Заработали хорошо, даже весьма.

— Изъ силъ выбилась!—молвила Руднева.—Прошу позволенія отдохнуть, а вы возьмите билеты перваго класса до Ростова... Я слышала, что скоро пойдетъ пароходъ. Кстати, позовите мнѣ дѣвушку!

Евгений ушелъ брать билеты и укладывать свои вещи.

Покинули Мариуполь. Рудневу провожали тѣ же и какіе-то военные.

Была тихая, ясная погода. Пароходъ шелъ довольно быстро. Капитанъ, здоровый, трезвый человѣкъ, очевидно, любилъ порядокъ. Команда была вѣжливая и трезвая.

Пили на палубѣ чай.

— Вы теперь къ матери на Волгу поѣдете?—спрашивала совершенно официально Руднева.

— Да,—отвѣчалъ Евгений.—А вы?

— Не знаю... Все зависитъ отъ письма, которое я должна получить въ Ростовѣ.

О будущемъ, объ ихъ близкихъ отношеніяхъ ни слова. Руднева, видимо, не желала съ Обдорскимъ быть вмѣстѣ. Когда пароходъ

вошелъ въ Донъ, она все время смѣялась и бесѣдовала съ капитаномъ, даже что-то пила съ нимъ, кажется, кофе. Обдорскій заинтересовался берегами Дона и безчисленными рыбацкими ватагами. Мало-по-малу онъ становился покойнѣе, только на сердцѣ лежала тяжелая хмара.

«Да, надо въ Ростовѣ объясниться рѣшительно и серьезно. Положимъ, результатъ ясенъ, какъ Божій день, но все-таки надо... Вѣдь люди же они наконецъ, разумныя существа!»

Вотъ и Ростовъ. Боже! какая масса судовъ и пароходовъ! Положительно цѣлый лѣсъ мачтъ! Остановились въ гостиницѣ, въ которой стояли прежде. Руднева переодѣлась и тотчасъ же ушла. Обдорскій пошелъ бродить по городу. Мысль о Рудневой не оставляла его, злоба, ревность утихли, и въ сердцѣ его появилась жалость къ этой женщинѣ, которая не знаетъ, что творить. Но эти сожалѣнія едва ли не были напрасными! Евгений вообще не зналъ людей, а тѣмъ болѣе женщинъ, къ которымъ питалъ до нѣкоторой степени рыцарскія чувства.

Какія послѣ всего, что было, могли быть между ними объясненія? Практически умный человѣкъ уѣхалъ бы, оставивъ свою визитную карточку, пожалуй, съ адресомъ. Но лучше уѣхать просто и вырвать минувшее изъ сердца, какъ вырываютъ больной зубъ.

Нѣтъ, не таковъ былъ Евгений. Онъ былъ русскій идеалистъ и жалостливый человѣкъ!

Придя въ гостиницу, онъ узналъ, что Руднева возвратилась. Съ бьющимся сердцемъ онъ постучалъ въ дверь ея комнаты. Пѣвица полулежала на кушеткѣ съ письмомъ въ рукѣ. По ея улыбающемуся лицу видно было, что получены добрыя вѣсти. Какія?

— А, это вы! Форкати пригласилъ меня на мѣсяцъ въ оперу, въ Кисловодскъ... кстати и полечиться надо... отъ нервовъ! — прибавила она.

— Очень радъ за васъ, — началъ Евгений и замолчалъ. Его вдругъ охватило сильное волненіе, сердце билось, въ вискахъ стучало и мысль: «вѣдь я любилъ эту женщину!» пронизала все его существо.

Почти безсознательно онъ бросился къ ней, схватилъ ее за руку и вскричалъ:

— Что съ тобой, моя дорогая?! Ты на себя стала не похожа, скажи!

Руднева быстро отдернула свою руку и, привставъ съ кушетки, холодно сказала:

— Оставьте меня!

— Такъ нельзя! — продолжалъ нѣсколько хладнокровнѣе Обдорскій. — Такъ грубо порвать прошлое.

— Я не могу, слышите, не могу этого вспоминать... Какъ это было нелѣпо!.. Да, если бы я не одумалась во время и жила бы

съ вами, то не видать мнѣ ангажемента, какъ своихъ ушей!.. Зная васъ, меня ни одинъ бы антрепренеръ не пригласилъ!.. Понимаете.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ нервно Евгений,—извините, не понимаю!.. Но вотъ любопытно, какое удовольствіе вы находили, напримѣръ, въ Бердянскѣ въ обществѣ какихъ-то нахаловъ?!

Руднева положительно сорвалась съ мѣста. Ея глаза горѣли, голосъ хрипѣлъ отъ волненія, когда она проговорила:

— А, ревнуете? прекрасно! Нѣтъ, ошиблись, милый мой! я свободная женщина и никому отчета въ своихъ поступкахъ давать не намѣрена. Да! Мало ли, что я захочу?.. Скажите, пожалуйста, какой муженекъ нашелся!

Она засмѣялась короткимъ, грубымъ смѣхомъ.

Да, она была груба и такой показалась въ эту минуту. Ея крупныя черты лица помогали жесткому, вульгарному въ это время выраженію, какъ улыбка, скверная и брезгливая!

Да, она была груба! Въ застывшей ея позѣ не было ни легкости, ни граціи, не было даже женственности... Груба! куда же все дѣлось, куда отлетѣла нѣжность и печаль и то недосказанное, влекущее? Здѣсь была одна грубость и холодная бессердечность, отъ которой бѣгутъ искренніе, мягкіе люди, бѣгутъ съ ужасомъ и отвращеніемъ.

Все можно простить женщинѣ, можно пожалѣть и оправдать даже убійцу, но грубость, жестокость никогда. Подумайте, она можетъ быть матерью...

И Обдорскій, охваченный дѣйствительно ужасомъ, бѣжалъ, ни слова не сказавъ, отъ этой ему незнакомой, грубой женщины, бѣжалъ и въ тотъ же день, не придя въ себя, покинулъ городъ, про который и до сихъ поръ вспоминаетъ съ неприятнымъ чувствомъ. Еще бы! такая драма и во весь ростъ такая, впрочемъ, почти обыкновенная женщина, которую Евгений сумѣлъ, къ сожалѣнію, идеализировать.

XII.

— Кошмаръ какой-то, все передо мной въ туманѣ,—бормоталъ про себя Обдорскій, стоя на тормозѣ вагона...—Уснуть бы! забыть!

Нѣтъ, такія встряски забываются не скоро, и печаль и тоска будутъ долго лежать на чуткомъ, молодомъ сердцѣ.

Евгений не думалъ, что онъ будетъ дѣлать, онъ ѣхалъ на родину, къ матери, чтобы тамъ среди природы и правды забыть всю прожитую за послѣднее время блестящую ложь и шумящую суматоху. Тамъ, на берегу великой рѣки вольный вѣтеръ освѣжитъ усталого сына Волги-матушки, которая дастъ ему новыя силы, возвратитъ простоту, радость и волю. Трудно избавиться, стряхнуть съ себя впечатлѣнія, которыя получены при сильномъ подъемѣ

нервовъ, очень долго они не стираются. Молодая натура все-таки потрясена, но не сломлена.

Какъ душевно, тихо, уютъ какой у матери, которая похудѣла, постарѣла, бѣдная. Боже! какъ она обрадовалась сыну, свиданіемъ съ которымъ только дышала и жила.

— Теперь, мама, мы съ тобой не разстанемся никогда! — говорилъ Евгений, крѣпко цѣлуя морщинистую щеку матери.

— Родной мой Женя, вотъ послалъ Богъ мнѣ радости!.. Но какъ ты похудѣлъ, желтый какой-то! не боленъ ли чѣмъ?

— Все пройдетъ, мама! усталъ я съ дороги и много очень ѣздилъ по городамъ разнымъ...

— Писалъ ты мнѣ объ этомъ, да мало поняла я изъ того письма... Надо убрать тебѣ комнатушку... Скучать не будешь со старухой!? Вѣдь, знаешь, какое наше житье сиротское!

Но Евгений засмѣялся, обнялъ мать и, вынувъ изъ кармана значительный «капиталъ», сказалъ:

— Вотъ, мама, спрячь эти деньги и распоряжайся ими, какъ хочешь... Ничего, проживемъ, а я еще заработаю!..

Старуха совершенно успокоилась. О, теперь будетъ чѣмъ хорошо покормить и побаловать дорогого сына.

Началось тихое житье.

Хороша, привольна поздней весной Волга-матушка! Живутъ, пестрѣютъ народомъ ея берега! бѣгутъ внизъ и вверхъ суда и пароходы!.. Дрожать легкой зыбью и на солнцѣ сверкаютъ волны рѣки! Это она, матушка, наполняетъ радостью и силой грудь російскую! Посмотрите на загорѣлыя лица работниковъ, матросовъ и рыбаковъ... сколько смысла, оживленія въ ихъ чертахъ, грубыхъ отъ солнца и вѣтра, но симпатичныхъ и добродушныхъ. А сколько юмора! экспромтовъ народныхъ! Такихъ мѣткихъ, остроумныхъ словечекъ и фразъ не услышите нигдѣ, кромѣ какъ на Волгѣ.

Живетъ и дышитъ богатырь-рѣка! Глядя на свою кормилицу, живутъ и работаютъ люди, вольные, волжскіе люди, потомки Кудеяра и многихъ вольныхъ атамановъ.

Хорошо на Волгѣ и лѣтомъ, много жизни, движенія! Вотъ она гдѣ Русь, вольная, господствующая, сильная! Волжскій народъ и по сіе времени бѣдовый, смѣлый народъ.

Какъ въ такой обстановкѣ не поправиться, не возмужать Евгению? какъ не набраться силъ и энергіи!?

Прошелъ мѣсяцъ, и Евгений усмѣхался надъ былымъ, надъ «искусственностью» и декораціями и надъ людьми, болѣзненно гоняющимися за славой, извѣстностью. Вотъ Волга—это декорація силы и могущества!

Евгений велъ переписку со своими друзьями, одинъ изъ которыхъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго, прислалъ ему письмо съ предложеніемъ стать помощникомъ у одного извѣстнаго москов-

скаго адвоката. Обдорскій задумался, но какъ ему не хотѣлось покидать родной красавицы-Волги и этой своеобразной и непосредственной жизни. Съ этой же почтой молодой человѣкъ получилъ предложеніе другого характера. Писалъ режиссеръ Николай Алексѣевичъ, писалъ съ апломбомъ, спѣша и торжествуя. «Отвѣтъ немедленно и телеграммой непремѣнно, насилу узналъ вашъ адресъ отъ студентовъ. Развѣ такъ можно поступать артисту?».

Дѣло въ томъ, что Обдорскому предлагали ангажементъ въ оперѣ въ Ростовѣ, съ окладомъ 400 рублей въ мѣсяцъ и бенефисомъ. Артистъ очень понравился въ концертѣ одному ростовскому капиталисту, принимавшему участіе вообще въ мѣстныхъ театраль-ныхъ дѣлахъ. Евгений тотчасъ же отвѣтилъ отказомъ хорошему и доброму человѣку.

Къ этому времени относится его знакомство съ молодымъ врачомъ ближняго заштатнаго города (или мѣстечка) П., хорошо знакомаго Евгению. Это мѣстечко, весьма населенное, вело торговлю хлѣбомъ и вообще товарами мѣстнаго употребленія. По праздникамъ оно представляло настоящую ярмарку, такъ много собиралось, покупая и продавая, крестьянъ изъ окрестныхъ селеній и деревень. Жители мѣстечка люди были состоятельные, не мало было среди нихъ солидныхъ богачей.

— Практика у меня большая!—говорилъ докторъ.—Живу, какъ у Христа за пазухой... Нѣтъ у меня ни начальства, ни непріятностей... Вольный человѣкъ и только!

— Какъ же вы устроились?

— Пріѣхалъ къ одному пріятелю, здѣшнему жителю, который былъ со мной товарищемъ на первыхъ курсахъ, но ушелъ изъ университета, а теперь торгуетъ хлѣбомъ... Погостилъ, купался, познакомился съ обществомъ, лечилъ и такъ и остался. Вѣрнѣй, оставили меня, пришлось по душѣ, вѣрно... Живется ничего... У насъ имѣется интеллигенція, хорошая бібліотека и малое, невысокаго ранга начальство... Вотъ бы и вамъ такъ устроиться, право!

— Какъ это?—удивился Обдорскій.

— Очень просто! Вы юристъ и, кажется, хотите ѣхать въ Москву, гдѣ адвокатовъ, какъ «нерѣзанныхъ собакъ»... А въ нашемъ мѣстечкѣ ни одного. Понимаете? ни одного юриста, кромѣ кабацкихъ крючковъ. Какъ что, какъ дѣло какое? нашимъ надо ѣхать въ городъ, совѣтоваться даже по пустякамъ съ тамошними законниками. А все дѣло иногда только въ томъ, чтобы толковое прошеніе мировому судѣ написать. А не повѣрите, какъ крестьяне нуждаются въ настоящемъ и честномъ юристѣ, Какъ ихъ надуваютъ эти крючки и разные другіе ходатаи... Вѣдь это одна прелесть! Вы молодой и, кажется, народникъ, къ тому еще здѣшній... Подумайте, какая у васъ практика будетъ и сколько истинной

пользы принесете! О средствахъ не безпокойтесь, навѣрно больше моего заработаете... Что задумались? Развѣ не правду я говорю?

— Въ самомъ дѣлѣ,—отвѣчалъ Евгений:—это идея! Развѣ попробовать?..

— Ну, вотъ!.. попробуйте, и я увѣренъ, что останетесь... и заживемъ-съ вами отлично... А теперь, знаете, что надо дѣлать?

— Что? не знаю,—отвѣчалъ Евгений.

— Сегодня вечеромъ отправимся въ клубъ. Я васъ познакомлю кое съ кѣмъ, скажу, въ чемъ дѣло, и вы увидите, что я правъ и какъ вамъ будутъ рады... Да что говорить? Городъ... ну, мѣстечко, не все ли равно, 10,000 жителей и ни одного юриста... Впрочемъ, забылъ, имѣется одинъ частный повѣренный изъ раскольниковъ, ну и мошенникъ же, чортъ возьми! это будетъ вамъ заслуга, если такому конкуренцію сдѣлаете... Въ самомъ дѣлѣ, лучшаго не найти,—продолжалъ убѣждать докторъ.—И квартирка, недалеко отъ моей, имѣется... Возьмете свою матушку и переѣдете! Вывѣску непременно повѣсить надо!

Молодые люди смѣялись и строили планы. Обдорскій совѣтъ оживился. На другой день веселый и оживленный Евгений говорилъ матери:

— А знаешь, мама, я въ Москву не поѣду и рѣшилъ жить здѣсь, въ П.

— Какъ же такъ?—недоумѣвала старая.

— Буду здѣшнимъ адвокатомъ, будемъ съ тобою жить въ П.

Обдорскій рассказалъ подробно, какимъ образомъ докторъ навелъ его на такую мысль, какъ они вчера были въ клубѣ и узнали, что дѣйствительно въ адвокатѣ-юристѣ нуждаются очень, что 1.000 рублей, а то и болѣе, можно заработать въ годъ.

— Да и не хочется мнѣ, мама, уѣзжать отсюда и покидать и тебя и Волгу.

Старуха перекрестилась и заплакала отъ радости.

Скорый поѣздъ отходилъ изъ Москвы въ Петербургъ. Послѣ третьяго звонка въ купе второго класса, гдѣ сидѣлъ Обдорскій, спѣша, вошелъ Строевъ. Они сейчасъ же узнали другъ друга и поздоровались.

Въ пути произошелъ между ними короткій разговоръ.

— Сцену бросили, я слышалъ?—спросилъ Строевъ.

— Да и вы также?—спросилъ, не отрицая,—Обдорскій.

— Да, батюшка, вотъ она гдѣ у меня сидитъ!—и Иванъ Платоновичъ коснулся рукой затылка.—А чѣмъ теперь изволите заниматься?

— Адвокатомъ, и крестьянскимъ и купеческимъ, состою... Со вторыхъ беру за дѣла, а первымъ работаю бесплатно... и чувствую себя хорошо... спокойно!

- А гдѣ?
- На Волгѣ, въ П.
- Хорошія мѣста, знаю. Но народъ бѣдовый...
- Ничего! я вѣдь родился тамъ.
- А, а! очень радъ!

И Строевъ замолчалъ, глядя въ окно.

«Какъ онъ постарѣлъ и обрюзгъ!» думалъ Евгеній. «И нѣтъ той живости... той энергіи!..»

Поѣздъ прибавлялъ хода и вагоны слегка покачивались изъ стороны въ сторону, что клонило пассажировъ къ дремотѣ.

С. Васюковъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ 1859—1861 ГОДОВЪ.

I.

Казанскій военный губернаторъ Козляниновъ.—Его характеристика.—Казанское общество того времени.—Князь П. П. Вяземскій.—Профессоръ Щаповъ.—Мое назначеніе старшимъ адъютантомъ штаба казанскаго военнаго губернатора.—Генераль-адъютантъ Стрекаловъ.—Мои обязанности.—Адъютантъ Вержбицкій.—Дворянскіе выборы.—Затрудненіе Козлянинова.—Составленіе мною для него рѣчи.—Приключенія съ литерной ложей.—Несчастный театральныи кассиръ.

В О ОКОНЧАНІИ Севастопольской кампаніи и послѣ заключенія Парижскаго мира, былъ, въ 1858 году, назначенъ военнымъ губернаторомъ г. Казани и казанскимъ гражданскимъ губернаторомъ генераль-майоръ Петръ Ѳеодоровичъ Козляниновъ, командовавшій во время войны на Дунаѣ Ольвіопольскимъ уланскимъ полкомъ, а затѣмъ кавалерійской бригадой. Былъ онъ, несомнѣнно, человѣкъ очень умный, но къ административной дѣятельности ничѣмъ подготовленъ не былъ, да полагаю, что о подобной дѣятельности никогда не помышлялъ. Обучался онъ въ инженерномъ корпусѣ, откуда, по окончаніи курса, былъ, какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, выпущенъ въ гвардейскій конно-піонерный дивизионъ. Несомнѣнно, что въ то время, то есть въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ, обученіе въ корпусахъ имѣло очень ограниченныя размѣры, а поэтому научныя познанія Козлянинова были весьма небольшія, сказать вѣрнѣе—познаній не было никакихъ, и эта малообученность давала себя чувствовать въ теченіе всей его жизни... Тѣмъ не менѣе былъ Козляниновъ природныхъ способностей выдающихся, и эти способности его часто

выручали. Для гвардейскаго офицера тогдашняго времени имѣлъ онъ все, что было нужно: умѣлъ носить мундиръ съ надлежащимъ достоинствомъ, танцевалъ хорошо, верхомъ ѣздилъ отлично и по-французски говорилъ хоть и неважно, но все-таки лучше многихъ своихъ товарищей. Эти качества весьма скоро обратили на Козлянинова вниманіе командира дивизіона, полковника Петра Михайловича Дарагана, который назначилъ Козлянинова адъютантомъ дивизіона.

Продолжая службу, Козляниновъ, желая улучшить свое матеріальное положеніе, такъ какъ его собственное состояніе было весьма незначительно, женился на дѣвицѣ Шредеръ, отецъ который былъ родственникомъ Фелейзена (участника въ банкирскомъ домѣ Штиглица) и состоялъ въ должности гофъ-маклера. Надежды Козлянинова получить за женой большое состояніе не оправдались, отецъ его жены умеръ скоропостижно и никакихъ капиталовъ не оставилъ. Продолжать службу въ гвардіи стало трудно, и Козляниновъ перешелъ подполковникомъ въ армейскій Павлоградскій гусарскій полкъ: продолжая службу въ этомъ полку, онъ былъ произведенъ въ полковники и назначенъ командиромъ Ольвиопольскаго уланскаго полка, во главѣ котораго и участвовалъ въ войнѣ 1853—56 года, а по производствѣ въ генераль-майоры назначенъ бригаднымъ командиромъ.

Въ то давнее прошедшее время командованіе полкомъ, особенно кавалерійскимъ, и къ тому же въ военное время, давало возможность пользоваться доходами, которые тогда считались совершенно законными, хотя и составлялись они изъ несомнѣннаго одновременнаго обкрадыванія какъ казны, такъ и солдата. Вполнѣ естественно, что этими безгрѣшными доходами Козляниновъ пользовался сколько можно широко — вмѣстѣ съ тѣмъ онъ постоянно велъ крупную карточную игру и, какъ говорили, весьма удачно.

Такъ или иначе, но послѣ заключенія мира у Козлянинова оказались порядочныя деньги, съ которыми онъ и отправился въ Петербургъ искать счастья.

Лѣтомъ 1855 года былъ уволенъ министръ внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Бибииковъ, всесильный временщикъ при Николаѣ I. Известно, что Александръ II имѣлъ сильное нерасположеніе къ двумъ николаевскимъ министрамъ: Бибиикову и Клейнмихелю, и обоихъ ихъ онъ уволилъ отъ должностей въ августѣ 1855 года. На мѣсто Бибиикова былъ назначенъ С. С. Ланской, человекъ вполнѣ хорошій во многихъ отношеніяхъ, но, какъ тогда утверждали, характера слабаго. Хотя его административные взгляды во многомъ расходились съ принципами Бибиикова, но тѣмъ не менѣе онъ сразу не рѣшился разстаться съ бывшими сотрудниками Бибиикова, изъ которыхъ самымъ выдающимся былъ директоръ департамента общихъ дѣлъ Гвоздевъ, влияніе котораго на личныя назначенія

было всесильно; стоустая молва упорно утверждала, что Гвоздевъ находился въ полнѣйшей зависимости отъ находившейся у него на содержаніи женщины, бравшей взятки за назначенія на должности самымъ безцеремоннымъ образомъ. Быстрый и практичный умъ Козлянинова указалъ ему надлежащую дорогу; онъ внесъ любовницѣ Гвоздева назначенную ею сумму и былъ весьма скоро назначенъ казанскимъ губернаторомъ.

Трудно было найти человѣка, менѣе подходящаго къ посту губернатора въ томъ смыслѣ, какъ тогда понимались условія, этому посту присущія. Козляниновъ, несмотря на минувшія ему 50 лѣтъ, остался такимъ же гвардейскимъ корнетомъ, какъ и въ тридцатыхъ годахъ. Само собой разумѣется, что подобный губернаторъ-корнетъ сразу пришелся не по сердцу именитому казанскому обществу. При отсутствіи путей сообщенія,—тогда даже не было и Нижегородской желѣзной дороги,—мѣстные помѣщики жили лѣтомъ въ своихъ деревняхъ, а зимой въ Казани, гдѣ большинство имѣло собственные дома, и жили они, какъ говорится, нараспашку, исключительно заботясь о строгомъ соблюденіи свѣтскихъ между собой отношеній, причемъ гостепріимство было самое широкое. Хотя вдали уже слышны были далекіе раскаты надвигавшейся освободительной грозы, но, во-первыхъ, большинство помѣщиковъ, и помѣщиковъ крупныхъ, просто въ осуществленіе освобожденія крестьянъ не вѣрило и продолжало пользоваться тогдашними выгодами своего положенія во всю, по французской поговоркѣ: *ils jouissaient de leur reste*.

Помѣщики были крупные. Во главѣ ихъ съ давнихъ поръ стоялъ домъ Лебедевыхъ, какъ по размѣру своего состоянія, такъ и по именитости происхожденія женской главы его, Марьи Степановны—дочери бывшаго казанскаго генераль-губернатора Стрекалова, пользовавшагося личнымъ и, какъ увѣрили, дружескимъ расположеніемъ Николая Павловича. Красотой Марья Степановна не обладала, напротивъ, она была очень некрасива, но имѣла крупную фигуру, зычный голосъ и вся дышала властью, передъ которой безмолвно преклонялись, во-первыхъ, ея мужъ, отставной кавалерійскій поручикъ Александръ Евграфовичъ, владѣлецъ чрезвычайно большихъ земельныхъ имѣній, потомъ преклонялось все весьма обширное семейство (сынъ былъ одинъ, но имѣлось дочерей пять или шесть), затѣмъ уже преклонялись предъ всесильной въ общественномъ отношеніи Марьей Степановной всѣ казанскіе обыватели, какъ городскіе, такъ и губернскіе. Замужество Марьи Степановны состоялось въ концѣ тридцатыхъ годовъ, и тотчасъ послѣ свадьбы домъ Лебедевыхъ сдѣлался первымъ домомъ въ Казани и таковымъ остался навсегда.

Далѣе былъ домъ Мергасовыхъ—мужъ, жена и двое малолѣтнихъ дѣтей. Мужъ, бывший преображенскій офицеръ, сохранив-

шій всё особенности этого исключительнаго при Николаѣ Павловичѣ офицерскаго типа, всегда одѣтый изысканно, элегантно, строго корректный и неизмѣнно покойный и любезный. Николай Ивановичъ владѣлъ очень значительнымъ состояніемъ, которымъ, какъ говорили, управлялъ весьма умѣло, — тѣмъ не менѣе онъ уступалъ первенство въ домѣ женѣ своей Александрѣ Павловнѣ, урожденной Альбединской, сестрѣ Петра Павловича, будущаго близкаго сотрудника Александра II, какъ намѣстникъ въ Варшавѣ.

Александра Павловна была много моложе своего мужа, но всё порядки въ домѣ вела она; въ концѣ пятидесятихъ годовъ ей было лѣтъ тридцать, красотой не отличалась, но была очень умна, любезна и гостепріимна. Домъ Мергасовыхъ былъ особенно пріятный.

Дальше шли: два брата Осокины, оба очень богатые люди, чередовавшіеся; между собой на должности губернскаго предводителя дворянства; Молоствовы, составлявшіе не семью, а цѣлое племя изъ многихъ семей; большинство изъ нихъ были гвардейскіе офицеры: лейбъ-гусары, кирасиры, преображенцы, конные артиллеристы; потомъ Рычковы, Воецкіе, Наумовы, Костливецъ, старый холостякъ, хлѣбосольство котораго имѣло легендарный характеръ; Нератовъ, тогда молодой человекъ, скажу блестящій, женатый на красавицѣ Молостковой. Всё мною перечисленныя лица были богатые помѣщики, жившіе богато и крайне гостепріимно, но вмѣстѣ съ тѣмъ неуклонно старались они соблюдать свѣтскія приличія и отношенія, желая этимъ самымъ установить свое особенное отъ остальныхъ казанскихъ обывателей положеніе. По этимъ даннымъ въ высшемъ тогдашнемъ казанскомъ обществѣ всегда ощущалась нѣкоторая чопорность и было ясно видно малое желаніе допускать въ среду свою чужіе элементы, то есть чиновниковъ.

Вотъ въ это высшее казанское общество и попалъ Козляниновъ съ своими корнетскими замашками, которыя чрезвычайно казанской аристократіи не понравились, а поэтому между этой аристократіей и новымъ губернаторомъ сразу установились отношенія если не прямо враждебныя, то во всякомъ случаѣ далеко не дружественныя, и это отсутствіе обоюдной симпатіи продолжалось въ теченіе всего пребывания Козлянинова въ Казани.

Въ числѣ высшихъ административныхъ чиновъ рѣзко выдѣлялся попечитель учебнаго округа, князь Павелъ Петровичъ Яземскій. Умъ имѣлъ онъ обширнѣйшій и замѣчательно своеобразный, познаніями всякаго рода обладалъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, былъ душевныхъ качествъ превосходныхъ и истинно гуманнаго направленія, что въ пятидесятихъ годахъ составляло очень большую рѣдкость; отличное его умѣніе и тактъ въ обращеніи съ лицами, ему подчиненными, вызывали даже удивленіе закоренѣлыхъ казанскихъ аборигеновъ, привыкшихъ послѣ весьма съ дурной стороны знаменитаго Мусина-Пушкина видѣть въ по-

печитель округа полновластнаго властителя надъ личностью, душой и сердцемъ какъ учащейся молодежи, такъ и всего учащаго персонала. Пав. Петр. Вяземскій былъ сынъ князя Петра Андреевича, друга Пушкина, члена плеяды «арзамасцевъ», автора «Русскаго Бога» и другихъ стихотвореній, бывшаго въ первые годы царствованія Александра II товарищемъ министра народнаго просвѣщенія.

Князь Павелъ Петровичъ началъ свою службу въ дипломатіи, былъ секретаромъ посольства въ Константинополь и Вѣнѣ, откуда уже въ чинѣ статскаго совѣтника былъ назначенъ помощникомъ попечителя петербургскаго округа, а затѣмъ попечителемъ казанскаго округа. Въ Казань пріѣхалъ онъ въ началѣ 1859 года и, вѣроятно, смотрѣлъ на свою службу въ Казани какъ на временную, или, сказать вѣрнѣе, переходную на другой постъ; поэтому и жилъ онъ въ Казани совершенно одинъ, на холостую ногу, жена его и семейство оставались въ Петербургѣ.

Вяземскій жилъ одинъ, у себя никого не принималъ, бывалъ у Мергасовыхъ, Лебедевыхъ и у Козлянинова, но бывалъ очень рѣдко, не имѣлъ даже своего стола и обѣдъ приносили ему изъ ресторана Комонена, бывшаго очень близко отъ занимаемаго имъ помѣщенія въ зданіи университета; помѣщеніе это было не велико и нельзя было думать, что это квартира попечителя округа. Ко мнѣ Вяземскій сразу сталъ очень хорошо относиться, я бывалъ у него часто и проводилъ вечера до поздней ночи, вѣрнѣе до ранняго утра; если я приходилъ ранѣе обѣда, то отъ Комонена приносили два обѣда—*diners du jour* и, сказать по правдѣ, обѣды эти были самые непрехотливые.

Кромѣ меня, я не помню, чтобы кто-либо бывалъ у Вяземскаго. Былъ онъ весьма расположенъ къ карточной игрѣ и, какъ говорили, велъ въ Петербургѣ игру очень крупную, въ Казани же не игралъ совсѣмъ и въ дворянскомъ клубѣ, составлявшемъ обѣтованную землю всѣхъ карточныхъ игроковъ, не бывалъ никогда; единственнымъ исключеніемъ въ отношеніи игры въ карты былъ я; со мной игралъ онъ въ пикетъ безъ устали и часто отъ обѣда до восхода солнца, когда выведенные полиціей арестанты усердно мели и чистили улицы. Игра наша была самая маленькая—кончалась нѣсколькими рублями и отнюдь цѣли выигрыша не имѣла, тѣмъ не менѣе Вяземскій игралъ съ полнымъ увлеченіемъ и, не смотря на чрезвычайно поздній часъ, кончалъ игру неохотно.

Лѣтомъ, послѣ обѣда, ѣздили мы на простомъ городскомъ извозчикѣ въ близкую отъ города дачную мѣстность, называвшуюся русской и нѣмецкой Швейцаріей, гдѣ долго гуляли пѣшкомъ, и къ 9 часамъ возвращались пить чай и играть въ пикетъ. Въ одну изъ этихъ прогулокъ встрѣтили мы нѣкоего неизвѣстнаго мнѣ человѣка, сказать по правдѣ, крайне некрасивой наружности, съ ко-

торымъ Вяземскій раскланялся и меня познакомилъ. Посидѣли мы на скамейкѣ и побесѣдовали, причеиъ бесѣда этого лица оказалась гораздо интереснѣе его наружности; то былъ Щаповъ, тогда профессоръ въ духовной академіи и имѣвшій, по настояніямъ Вяземскаго, быть назначеннымъ профессоромъ исторіи въ университетъ. Когда мы разошлись, то Вяземскій сказалъ мнѣ, указывая вслѣдъ Щапову: «Эго умнѣйшій человѣкъ и будущая большая знаменитость». Предсказаніе Вяземскаго осуществилось, хотя и въ иномъ, чѣмъ онъ тогда предполагалъ, смыслѣ. О Щаповѣ буду еще говорить ниже одновременно съ Безднинской катастрофой.

Въ числѣ лицъ, близкихъ къ университету, я болѣе другихъ зналъ профессора Бутлерова. Былъ онъ весьма пріятнаго и веселаго характера, и къ тому же очень хорошій игрокъ на бильярдѣ, а въ то время къ игру этой и я имѣлъ чрезвычайное расположеніе. Впослѣдствіи этотъ самый Бутлеровъ имѣлъ большую извѣстность, какъ убѣжденный спиритъ.

Вяземскій былъ на рѣдкость пріятный собесѣдникъ. Я сдѣлалъ вмѣстѣ съ нимъ въ декабрѣ 1860 года путешествіе изъ Казани въ Петербургъ; желѣзныхъ дорогъ не было, до Москвы ѣхали мы въ кибиткѣ, морозъ стоялъ большой, снѣга глубокіе, путь былъ очень тяжелый и продолжался болѣе пяти сутокъ, тѣмъ не менѣе, благодаря обаятельной бесѣдѣ съ Вяземскимъ, у меня и по сіе время осталось о путешествіи этомъ чрезвычайно пріятное воспоминаніе.

Въ ноябрѣ 1859 года былъ я назначенъ старшимъ адъютантомъ штаба казанскаго военнаго губернатора и въ концѣ этого мѣсяца отправился въ Казань. По поводу упомянутаго мною штаба казанскаго губернатора расскажу слѣдующій курьезъ: нигдѣ въ другихъ губерніяхъ подобнаго учрежденія не существовало и военный штатъ губернаторовъ ограничивался однимъ лишь личнымъ адъютантомъ, въ Казани же учредился этотъ штабъ вслѣдствіе назначенія казанскимъ генералъ-губернаторомъ генералъ-адъютанта Стрекалова, къ которому, по рассказамъ казанскихъ старожиловъ, императоръ Николай I имѣлъ большое расположеніе вслѣдствіе яко бы особенной преданности, выказанной ему Стрекаловымъ въ день 14 декабря; хотя читанныя мною впослѣдствіи многія описанія злополучнаго дня 14 декабря ни о какихъ особенныхъ подвигахъ Стрекалова и не упоминаютъ, да и былъ онъ въ 1825 году только офицеромъ Измайловскаго полка, но тѣмъ не менѣе сказаніе объ особенномъ расположеніи Николая I къ Стрекалову было въ Казани весьма прочно установлено. Дѣйствительно, судя по выдающейся карьерѣ Стрекалова, думать надо, что такое расположеніе существовало. Стрекаловъ по служебной лѣстницѣ подымался быстро и въ началѣ тридцатыхъ годовъ былъ генералъ-адъютантомъ и командиромъ корпуса, который получилъ назначе-

ніе на Кавказъ. Стрекаловъ не оказался боевымъ генераломъ и пришлось Николаю Павловичу его убрать, но чтобы не огорчить старика, была выдумана слѣдующая комбинація: назначенъ онъ въ Казань, но не губернаторомъ, а военнымъ генералъ-губернаторомъ, съ сохраненіемъ штаба, состоявшаго при немъ по званію корпуснаго командира. Такимъ образомъ и былъ образованъ особый штабъ съ четырьмя штабъ-офицерами и восемью адъютантами, при чемъ эти лица могли быть назначаемы изъ гвардейскихъ офицеровъ—это послѣднее отличіе составляло исключительное преимущество генералъ-губернаторовъ: петербургскаго, московскаго и варшавскаго. При преемникѣ Стрекалова—Боратынскомъ—число этихъ военныхъ чиновъ значительно уменьшилось и права гвардіи отмѣнены. Козляниновъ получилъ этотъ штабъ въ составѣ двухъ штабъ-офицеровъ и двухъ старшихъ адъютантовъ при соотвѣтствующемъ числѣ военныхъ писарей. Кромѣ веденія списковъ безсрочно отпускныхъ солдатъ, штабъ этотъ никакихъ особыхъ предметовъ вѣдомства не имѣлъ, а мы четверо—два штабъ-офицера и два старшихъ адъютанта—несли обязанности чиновниковъ особыхъ порученій при губернаторѣ. Вскорѣ послѣ оставленія Козляниновымъ должности казанскаго губернатора штабъ этотъ былъ совершенно упраздненъ. Какъ сказано, тотчасъ по полученіи приказа о моемъ назначеніи, я 30 ноября 1859 года, въ понедѣльникъ, выѣхалъ въ Казань, до Москвы по желѣзной дорогѣ. Во вторникъ 1-го декабря соединился въ Москвѣ съ двумя крѣпостными слугами моими, родителями мнѣ предоставленными, и въ среду двинулся далѣе на вольныхъ лошадяхъ въ тарантасѣ, такъ какъ около Москвы снѣгу не было; оказался снѣгъ только у Владимира, гдѣ купилъ на почтовой станціи кѣмъ-то брошенные крытыя сани. Въ субботу выѣхалъ изъ Нижняго и прибылъ въ Казань въ понедѣльникъ 7-го декабря. Такъ какъ вокругъ Казани опять снѣгу не было, то мнѣ пришлось мои несчастныя совершенно разбитыя сани бросить на предпослѣдней станціи и добраться до Казани на перекладной, пробывъ въ пути болѣе семи дней.

Вотъ какъ ѣздили прежде, да и не особенно давно—пятьдесятъ только лѣтъ тому назадъ; нынѣшнія поколѣнія, къ вящему счастью своему, не имѣютъ понятія о подобномъ образѣ передвиженія.

Приѣхалъ я въ Казань вечеромъ 7-го декабря 1859 года, на другой день явился моему генералу и немедля вступилъ въ исполненіе моихъ обязанностей. Сказать надо, что на первый разъ обязанности эти оказались весьма несложными и состояли исключительно изъ дежурства въ губернаторской пріемной.

Въ 12 часовъ ежедневно генералъ мой принималъ просителей, которые къ этому часу соберутся. До выхода Козлянинова надо было просмотрѣть прошенія и разставить самихъ просителей, соображаясь главнымъ образомъ съ табелью о рангахъ, въ то время

всесильной. Прошенія генералъ просматривалъ и передавалъ дежурному вмѣстѣ съ резолюціей на словахъ, которая дежурнымъ кратко на прошеніи помѣчалась. При принятіи прошеній болѣе важныхъ призывался правитель канцеляріи Алекс. Никол. Павловъ. Канцелярія губернатора помѣщалась въ нижнемъ этажѣ дома, въ которомъ жилъ губернаторъ. Домъ этотъ, называемый дворцомъ, былъ великолѣпенъ, стоялъ да стоитъ и теперь на берегу рѣки Казанки, окруженный густой зеленью парка; подъѣздъ былъ съ площади, на другой сторонѣ которой стояла Сумбекова башня, существовавшая ранѣе покоренія Казани Грознымъ. Дворецъ былъ очень великъ. Козляниновъ занималъ только половину перваго этажа, другая половина котораго служила для помѣщенія пріѣзжавшаго именитаго начальства, верхній же этажъ былъ пустъ и предназначался для государя императора въ случаѣ посѣщенія имъ Казани. Оба этажа дворца были вполнѣ и весьма хорошо меблированы на счетъ казны.

По окончаніи приѣма Козляниновъ уходилъ въ кабинетъ, а дежурный оставался въ залѣ, ходилъ изъ угла въ уголъ, ожидая двухъ часовъ, когда генералъ обыкновенно уѣзжалъ изъ дому и дежурнаго отпускалъ на свободу. Если бы послѣ приѣма пріѣхалъ посѣтитель высокаго чина, то дежурный немедля о немъ генералу докладывалъ.

Обѣдалъ я ежедневно у Козлянинова въ четыре часа; обѣдалъ также другой старшій адъютантъ, ротмистръ Вержбицкій, служившій полковымъ адъютантомъ Ольвіопольскаго уланскаго полка, которымъ Козляниновъ командовалъ въ Крымскую кампанію. Вержбицкій былъ рѣдко хорошій человекъ, типъ офицера николаевской эпохи, имѣлъ природный своеобразный умъ, познаніями онъ ни въ какихъ отрасляхъ не обладалъ, въ офицеры былъ произведенъ изъ юнкеровъ, для чего въ тогданнее время достаточно было быть грамотнымъ, то-есть умѣть читать, писать и знать четыре правила ариѳметики; другихъ познаній Вержбицкій не имѣлъ, да и не были они ему нужны, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ онъ отличный и очень храбрый офицеръ, блестяще участвовалъ въ качествѣ эскадроннаго командира въ единственномъ въ Крыму успѣшномъ для насъ кавалерійскомъ дѣлѣ съ англичанами. Послѣ обѣда, поговоривъ о томъ, о семъ съ генераломъ, если не имѣлся въ виду какой-либо вечеръ или балъ (которыхъ въ то время было много), отправлялись мы съ Вержбицкимъ въ клубъ, играли въ преферансъ, конечно, по весьма маленькой, и часовъ въ 12 мирно свой день кончали. Тотчасъ по пріѣздѣ, надлежало мнѣ, какъ новому члену казанскаго общества, сдѣлать визиты во всѣ дома, къ обществу этому принадлежавшіе. Вопросъ этотъ былъ сугубо важный, требовавшій весьма тонкихъ политическихъ соображеній: надо было установить очередь самыхъ визитовъ, начиная съ особъ важнѣйшихъ, иначе

неминуемо послѣдовали бы обиды, что могло въ послѣдствіи на новопріѣзжемъ весьма непріятно отозваться.

Въ первое же воскресенье приступилъ я къ сему, по провинціальнымъ обычаямъ необходимому, паломничеству, начавъ, конечно, съ Лебедевыхъ. Приѣмъ Марьи Степановны былъ хотя и властный, но достаточно милостивый; былъ при томъ и мужъ ея Александръ Евграфовичъ, но въ ореолѣ власти, окружавшемъ Марью Степановну, была его маленькая фигурка какъ бы незамѣтна. Послѣ нѣкотораго приказанія, отданнаго Марьей Степановной, вошла въ гостиную ея старшая дочь Катенька, вошла—и вся комната озарилась особымъ несомнѣннымъ свѣтомъ. Катенька была 18-тилѣтняя писаная красавица: чудесные черные волосы, цвѣтъ лица свѣжести очаровательной и глаза, главное глаза, бархатные навывкатъ, какъ двѣ спѣлыхъ вишни; вся фигура ея была эффектна на удивленіе. Катенька твердо знала, что она въ Казани первая красавица, вошла и остановилась, какъ бы говоря: да, вотъ я какова—можете посмотрѣть.

Прошло много лѣтъ, счетомъ по крайней мѣрѣ сорокъ, и мнѣ пришлось снова съ Катенькой встрѣтиться. Конечно, она была совсѣмъ старуха, но для меня ея глаза казались все тѣми же, какъ въ 1859 году. Появилась вторая сестра, Лиза, годомъ моложе старшей, некрасивая, напоминавшая мать, но рѣдкая была она умница; въ послѣдствіи я съ ней очень подружился.

Отъ Лебедевыхъ къ Мергасовымъ, далѣе къ Осокинымъ, Рычковымъ, Нератовымъ, Воецкимъ, Наумовымъ и прочая и прочая. Всюду встрѣтилъ я крайне радушный приѣмъ, приглашали бывать на будущее время, а у Лебедевыхъ былъ приглашенъ обѣдать по воскресеньямъ; однимъ словомъ, я вполне и совершенно вошелъ въ круговоротъ тогдашней широкой помѣщичьей жизни въ провинціи. Наступили рождественскіе праздники. Казань затанцовала полнымъ ходомъ, танцовали въ дворянскомъ собраніи, у губернатора и во многихъ частныхъ домахъ, вездѣ принимали меня какъ желаннаго гостя, танцовалъ я до упаду, дирижировалъ танцами, ужиналъ съ увлеченіемъ и всѣмъ дамамъ и дѣвицамъ говорилъ самые чувствительные комплименты. Успѣхъ въ казанскомъ обществѣ имѣлъ я сразу чрезвычайный. Упоминаю я объ этомъ, такъ сказать, фривольномъ обстоятельствѣ только для отгѣненія будущихъ событій, въ отношеніи меня въ Казани совершившихся.

Прошли праздники, но веселье продолжалось непрерывно. Въ половинѣ января предстояли губернскіе дворянскіе выборы. Въ то время въ жизни губерніи дворянскіе выборы составляли событіе чрезвычайно важное; появилось въ городѣ много новыхъ лицъ, довольно допотопной наружности, и оживленіе казанскихъ дворянъ еще замѣтнѣе усилилось.

За нѣсколько дней до дня открытія выборовъ сидѣлъ я по обыкновенію за столомъ въ пустой пріемной губернатора. Вышелъ ко мнѣ мой генералъ въ замѣтно сумрачномъ настроеніи; на вопросъ мой о причинѣ его озабоченности онъ отвѣтилъ мнѣ съ большимъ раздраженіемъ:

— Надо мнѣ составить рѣчь для открытія дворянскаго собранія, а чортъ одинъ знаетъ, какъ ее составить: если сказать что-либо соотвѣтствующее настоящему положенію, то въ министерствѣ признаютъ за либерала, за краснаго, что можетъ имѣть дурныя послѣдствія, а если отмолчатся, то скажутъ: дуракъ, ничего сказать не сумѣлъ.

Сказавъ сіе, генералъ ушелъ въ свой кабинетъ обратно.

Для выясненія затрудненій, которыя встрѣчалъ Козляниновъ при составленіи своей рѣчи, надо имѣть въ виду, что дворянскіе выборы 1860 года были послѣдніе до предстоящаго освобожденія крестьянъ.

Оставшись одинъ, я взялъ листъ бумаги, лежавшій на столѣ, и началъ (конечно, не серьезно) писать проектъ рѣчи губернатора при открытіи дворянскаго собранія; рѣчь эту помню я даже и теперь дословно, вотъ она: «Въ продолженіе двухлѣтняго управленія мною Казанской губерніей я успѣлъ вполне ознакомиться, господа, съ мнѣніемъ почтеннаго казанскаго дворянства о важности дворянскихъ выборовъ, въ послѣднее время было такъ много говорено и писано объ особой исключительной важности выборовъ, вамъ нынѣ предстоящихъ, что мнѣ остается лишь выразить твердую надежду въ томъ, что лица, вами въ настоящее время избранныя, вполне соотвѣтствовать будутъ дѣятельности, имъ въ настоящее знаменательное время предстоящей. вмѣстѣ съ тѣмъ я совершенно убѣжденъ, что избранныя лица съ своей стороны приложатъ все свое стараніе для оправданія довѣренности вашей, имъ настоящими выборами доказанной. Объявляя казанское губернское дворянское собраніе открытымъ, имѣю честь пригласить васъ, господа, слѣдовать въ соборъ для принесенія присяги, закономъ установленной».

Не успѣлъ я дописать послѣднее слово, какъ въ дверяхъ опять показался Козляниновъ, все столь же озабоченный.

— Что это вы пишете?

— Рѣчь, которую я сказалъ бы дворянству, если бы былъ губернаторомъ.

— Покажите сюда.

Читаетъ и говоритъ «совершенный вздоръ», бросаетъ листъ бумаги на столъ и исчезаетъ въ кабинетъ. Однако черезъ четверть часа опять выходитъ.

— Покажите вашу чепуху.

Подаю, уходитъ молча въ кабинетъ, черезъ четверть часа вновь появляется, уже значительно веселѣе, бумагу мою держитъ въ рукахъ.

— А вѣдь вы, пожалуй, и ладно написали. Конечно, чепуха, ну, да чортъ съ ними, будетъ и такъ хорошо.

Кого генераль отсылалъ къ врагу человѣчества, казанскихъ дворянъ, или министерскихъ критиковъ—не знаю. Опять уходитъ въ кабинетъ, ухожу домой и я. Являюсь къ обѣду. Генераль совсѣмъ веселый.

— А вѣдь я вашу чепуху наизусть учу, садитесь, будемте повторять.

Повторяли во время обѣда, повторяли и на другой день, репетиція эта продолжалась даже и въ каретѣ на пути въ дворянское собраніе, куда я генерала сопровождалъ въ полной формѣ въ качествѣ почетной свиты. Рѣчь мою сказалъ онъ дословно, хотя и говорилъ дурно, съ запинками; впрочемъ, это важности не составляло, такъ какъ тогда всѣ говорили дурно. Отправились въ соборъ, принесли присягу, вернулись домой, все прошло очень хорошо, благопристойности ничто не нарушало.

Масленицу отпраздновали сугубо, кончили традиціонною *folle-journée*, протанцовавъ въ воскресенье съ 1 часу дня до 12-ти ночи.

Наступилъ постъ.

По случаю поста приходитъ мнѣ на память слѣдующій достаточно характерный инцидентъ. На второй недѣлѣ пріѣхалъ въ Казань нѣкій фокусникъ-престидигитаторъ, объявившій о своихъ представленіяхъ въ зданіи театра. На первое представленіе поѣхалъ, такъ сказать, весь *beau monde*, при чемъ компанія изъ нѣсколькихъ лицъ мужского и женскаго пола, по инициативѣ Мергасовой, поѣхала частью, по приглашенію Козлянинова, въ его губернаторскую ложу, частью въ литерную ложу, находящуюся подъ губернаторской; обѣ ложи эти были соединены внутренней лѣстницей. Подавали зрителямъ и главное зрительницамъ чай, фрукты, конфеты. Козляниновъ ухаживалъ за дамами сильнѣйшимъ образомъ, и всѣ очень веселились. Фокусникъ понравился чрезвычайно, и когда въ антрактѣ между двумя отдѣленіями разнесли афиши о второмъ его представленіи, то тотчасъ же рѣшили ѣхать на это представленіе въ томъ же составѣ и въ тѣ же двѣ ложи. Такъ какъ губернаторская всегда принадлежала губернатору, то надо было озаботиться взять заблаговременно билетъ на ложу литерную. Я, какъ услужливый кавалеръ, предложилъ для сего свои услуги, отправился тотчасъ же на сцену и передалъ самому фокуснику, чтобы литерная ложа была за мной оставлена; такъ какъ билеты еще не были отпечатаны, то фокусникъ обѣщалъ черезъ два дня прислать литерный билетъ на мою квартиру. Вернувшись въ ложу, я сообщилъ прекраснымъ дамамъ и кавалерамъ, что ложа будетъ оставлена за нами. Проходитъ однако два дня—ложи я не получаю; ѣду въ театръ; объясняюсь съ кассиромъ, который, къ

удивленію моему, отвѣчаетъ, что объ оставленіи ложи за мной онъ ничего не знаетъ, а поэтому и продалъ ее первому явившемуся покупателю, который къ тому же ему неизвѣстенъ. Позвали самого фокусника, который подтвердилъ, что кассиру было приказано оставить ложу за мной. Кассиръ увѣрялъ, что такого приказанія онъ не получалъ. Такъ или иначе, но я выяснитъ ничего не могъ, а также не могъ добиться, кому именно ложа продана; послѣднее мнѣ показалось сомнительнымъ, такъ какъ при ограниченности числа лицъ, посѣщавшихъ театръ, трудно было повѣрить, чтобы кассиръ не зналъ, кто именно взялъ литерную ложу за цѣну относительно высокую. Между тѣмъ надо было мнѣ въ одиннадцатъ часовъ быть въ штабѣ, а передъ тѣмъ необходимо было заѣхать не надолго къ губернатору. Отправился я и между прочимъ сообщилъ моему генералу о неприятномъ положеніи, въ которое я попалъ вслѣдствіе, думать надо, плутни кассира. Генералъ подумалъ и сказалъ: поѣзжайте въ штабъ, тамъ васъ ждетъ дѣло, а ложу попробую я поискать... Хотя такое изреченіе Козлянинова не представлялось благопріятнымъ разрѣшеніемъ вопроса, меня интересовавшаго, но тѣмъ не менѣе я въ штабъ отправился и занялся своимъ дѣломъ. Прошло съ часъ времени; въ канцеляріи, сосѣдней съ моимъ кабинетомъ, услыхалъ я шумъ, торопливые разговоры и какую-то возню; дверь въ кабинетъ отворилась, и ворвался ко мнѣ растрепанный театральнй кассиръ, а за нимъ слѣдомъ появились жандармскій унтеръ-офицеръ и казачій урядникъ. Кассиръ съ рыданіями объяснилъ, что онъ былъ вытребованъ къ губернатору, который приказалъ ему сказать, кому онъ продалъ литерную ложу, а такъ какъ кассиръ продолжалъ отговариваться незнаніемъ, то генералъ приказалъ дежурившимъ на главномъ подъѣздѣ жандармскому унтеръ-офицеру и казачьему уряднику отвести его въ полицію и передать полицеймейстеру приказаніе губернатора дать кассиру немедленно пятьдесятъ розогъ. Кассира повели, но такъ какъ полиція помѣщалась рядомъ со штабомъ, то онъ упросилъ своихъ стражей зайти въ штабъ съ тѣмъ, чтобы меня просить спасти его отъ сѣченія; приэтомъ кассиръ чистосердечно объяснилъ, что знаетъ, у кого билетъ, и если я его велю отпустить, то чрезъ полчаса билетъ будетъ имъ доставленъ. Я велѣлъ стражамъ отпустить кассира и ждать въ канцеляріи штаба. Чрезъ полчаса кассиръ возвратился въ коляскѣ вмѣстѣ съ управляющимъ откупомъ; оба пришли ко мнѣ въ большомъ волненіи, билетъ мнѣ передали, при чемъ управляющій откупомъ горько упрекалъ кассира въ томъ, что онъ ему ничего не сказалъ объ оставленіи билета за мной, меня же онъ усердно просилъ не говорить губернатору, что билетъ былъ у него. Конечно, я обѣщалъ, кассира отпустилъ, стражамъ велѣлъ идти на дежурство у подъѣзда дворца, а самъ поѣхалъ тотчасъ же къ генералу, которому объяснилъ, что кассиръ не вино-

вать, такъ какъ напуталъ самъ фокусникъ, по незнанію русскаго языка, который мнѣ билетъ и привезъ.

Этимъ извращеніемъ истины я имѣлъ цѣлью избавить кассира отъ визита къ полицеймейстеру и не впутывать управляющаго откупомъ. Генераль спросилъ меня: «Ну, а кассиръ?»—Я отвѣчалъ, что велѣлъ его отпустить, убѣдясь, что за нимъ никакой вины не оказалось. На это генераль сказалъ: «Ну, этого вамъ не слѣдовало дѣлать, спрыснуть его все-таки бы не мѣшало». Вечеромъ, сидя въ ложѣ, въ присутствіи дамъ и кавалеровъ, генераль разсказалъ въ весьма веселомъ тонѣ инцидентъ съ кассиромъ и, обратясь ко мнѣ, сказалъ полушутливо: «Ну, а въ другой разъ прошу васъ мои распоряженія не отмѣнять, такъ какъ кассира все-таки посѣчь надо бы». Присутствовавшіе дамы и кавалеры очень много смѣялись.

Къ сказанному надо прибавить, что чрезвычайное волненіе управляющаго откупомъ объясняется тѣмъ, что Козляниновъ съ откупа не бралъ, а въ то время это составляло большую рѣдкость, такъ какъ большинство администраціи, и большинство значительное, прямо состояло на жалованьи откупщиковъ. Этотъ порядокъ былъ извѣстенъ всѣмъ и каждому; мало того, въ отношеніи получаемыхъ отъ откупщиковъ подачекъ имѣлось особое положеніе, всѣмъ администраторамъ, большимъ и малымъ, точно извѣстное. Вотъ по этимъ-то соображеніямъ и боялся управляющій откупомъ вызвать неудовольствіе Козлянинова. Не могу не оговориться, что хотя самъ губернаторъ и не состоялъ на жалованьи откупщика, но всѣ его сотрудники и подчиненные исправно получали все, что имъ отъ откупщика по положенію слѣдовало. Не брезгали этимъ даяніемъ ни полицеймейстеръ, ни правитель канцеляріи, ни совѣтники губернскаго правленія, ни совѣтники палаты, казенной въ особенности, въ которой начальникъ питейнаго отдѣленія былъ гласно губернскимъ Крезомъ; брала вся полиція, однимъ словомъ, всѣ губернскіе чины, нисколько не стѣсняясь, получали все, имъ отъ откупщика по положенію назначенное.

II.

Слѣдствіе о злоупотребленіи помѣщичьей властью. — Рѣшеніе предводителя дворянства.—Слѣдствіе по дѣлу помѣщика Вагнера. — Плутовская операція съ поставкой рекрутъ.—Старинные слѣдственные порядки. — Неожиданный поворотъ и конецъ дѣла Вагнера.

Въ виду возвращенія изъ отпуска личнаго губернаторскаго адъютанта, Козляниновъ меня отъ дежурства въ приѣмной избавилъ и сталъ поручать мнѣ производство нѣкоторыхъ слѣдственныхъ дѣлъ, въ числѣ которыхъ однимъ изъ первыхъ получилъ я жалобу по обвиненію мѣстнаго помѣщика въ злоупотребленіи по-

мѣщичьей властью, состоявшемъ въ томъ, что помѣщикъ этотъ, человѣкъ лѣтъ слишкомъ 60-ти, купилъ у нѣкоторой мѣщанки дочь, молодую и красивую дѣвицу, и выдалъ ее замужъ за своего крѣпостного человѣка съ тѣмъ, чтобы ему, помѣщику, исключительно пользоваться правами мужа. Вся эта манипуляція весьма благополучно осуществилась, хотя для того, чтобы эта бѣдная женщина сдѣлалась любовницей помѣщика, понадобились со стороны мужа весьма обстоятельные побои. Такъ или иначе, цѣль была достигнута; но черезъ нѣкоторое время однако эта жертва помѣщичьяго любострастья бѣжала, и помѣщикъ потребовалъ отъ полиціи возвращенія своей крѣпостной къ себѣ. Въ этомъ случаѣ ясно видна несостоятельность закона, по которому свободная по тогдашнему вольная дѣвица, выходя замужъ за крѣпостного, утрачивала свою свободу и дѣлалась крѣпостной рабою владѣльца своего мужа. Полиція приступила къ исполненію требованія помѣщика, а бѣжанка принесла жалобу губернатору, по которой генераломъ было поручено мнѣ произвести разслѣдованіе. Всѣ обстоятельства, изложенныя въ жалобѣ, подтвердились самымъ рѣзкимъ и непригляднымъ образомъ, и виновность помѣщика не представляла никакого сомнѣнія, а поэтому, казалось бы, что никоимъ образомъ не могъ сей любострастный старикъ избѣгнуть судебной отвѣтственности. Такъ казалось, но на дѣлѣ было не такъ. Въ то время всѣ дѣла по жалобамъ на злоупотребленія помѣщичьей властью разсматривались не судомъ, а особымъ совѣщаніемъ изъ предводителей и депутатовъ дворянства подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя; совѣщаніе это существуетъ и понынѣ, но съ освобожденіемъ крестьянъ утратило всякое значеніе и вѣдаетъ оно теперь почти исключительно перечисленіе дворянскихъ родовъ изъ одной губерніи въ другую, тогда же, наканунѣ освобожденія крестьянъ, учрежденіе это составляло крѣпость, въ которую спасались несчастные помѣщики, злостно либеральными губернаторами преслѣдуемые; такъ было и съ моимъ кліентомъ, о которомъ произведенное мною слѣдствіе было губернаторомъ передано въ совѣщаніе предводителей. Власть этого совѣщанія была большая, дѣла не уголовнаго характера рѣшались имъ окончательно и взысканія могли быть назначены отъ выговора до взятія имѣнія въ опеку съ воспрещеніемъ помѣщику жительства въ своемъ имѣніи. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что вопросъ о томъ, имѣло ли дѣло, или не имѣло характеръ уголовный, опредѣляло само совѣщаніе.

Мое слѣдствіе поступило въ совѣщаніе предводителей, которое въ отношеніи моего обвиняемаго ограничилось мѣрой самой снисходительною, именно: внушеніемъ чрезъ уѣзднаго предводителя дворянства. Несмотря однако на столь для мѣстнаго помѣщика благопріятный исходъ обвиненія, возбужденнаго губернаторомъ,

казанское дворянство было недовольно возможностью подобнаго возбужденія; вмѣстѣ съ тѣмъ высказывались, хотя и не громко, осужденія моему противокрѣпостническому образу дѣйствія,— это были первыя высказанныя казанскими дворянами неудовольствія противъ взглядовъ губернатора на злоупотребленіе помѣщичьей властью; со временемъ неудовольствія эти, все болѣе и болѣе увеличиваясь, окончились весьма трагически, какъ о семъ будетъ разсказано ниже.

Въ концѣ февраля губернаторъ командировалъ меня въ городъ Тетюши для производства слѣдствія, опять-таки по дѣлу о злоупотребленіи помѣщичьей власти. Дѣло это, само по себѣ весьма хитроумно сплетенное, постараюсь разсказать возможно подробнѣе.

Въ Тетюшскомъ уѣздѣ проживалъ въ своемъ имѣніи нѣкій помѣщикъ Вагнеръ. Былъ онъ нѣмецкаго происхожденія и при-былъ въ Казанскую губернію лѣтъ сорокъ пять тому назадъ молодымъ докторомъ, служилъ своему новому отечеству и велъ свою врачебную практику, думать надо, весьма успѣшно, такъ какъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ оказался онъ статскимъ совѣтникомъ, владѣльцемъ 600 душъ и очень хорошаго имѣнія въ Тетюшскомъ уѣздѣ, а также имѣлъ въ Тетюшахъ домъ, лучшій въ городѣ. Сверхъ того стоустая молва упорно утверждала что, кромѣ имѣнія и дома, сумѣлъ Вагнеръ скопить очень значительный капиталъ, которымъ оперировалъ для себя весьма выгодно; сказать проще, былъ онъ форменный ростовщикъ, къ которому обращались со всѣхъ концовъ Казанской губерніи. По всѣмъ разсказамъ, Вагнеръ не брезгалъ никакими дѣлами, могущими принести ему какой-либо барышъ, и эта-то общеизвѣстная жадность Вагнера и побудила его совершить дѣяніе, вызвавшее производство мнѣ порученнаго разслѣдованія.

Вотъ въ чемъ было дѣло: приближалось освобожденіе крестьянъ; какъ ни увѣряли помѣщики, что этого никогда не будетъ, но этими увѣреніями обманывали они только самихъ себя, для людей же сколько-нибудь разумныхъ освобожденіе крестьянъ было неизбежно и близко. Вагнеръ, это хорошо понимая, желалъ извлечь изъ предстоящаго событія возможныя для себя выгоды. Въ числѣ разныхъ его соображеній надумалъ онъ освободиться насколько возможно отъ дворовыхъ людей, которыхъ у него было много, а такъ какъ для дворовыхъ предстоялъ лишь двухлѣтній обязательный трудъ въ пользу помѣщика съ тѣмъ, что по истеченіи этихъ двухъ лѣтъ получали они полную свободу, то очевидно, что съ освобожденіемъ крестьянъ дворовые люди должны были весьма скоро потерять всякую цѣнность. Поэтому-то и надумалъ Вагнеръ своихъ дворовыхъ людей, годныхъ въ военную службу, продавать казеннымъ крестьянамъ для едачи ихъ охотниками вмѣсто слѣдовавшихъ съ семей казенныхъ крестьянъ ре-

крутовъ. Операцию эту удалось ему нѣсколько разъ продѣлать вполне благополучно, но при сдачѣ послѣднихъ двухъ запродаанныхъ имъ лже-охотниковъ заявили они въ присутствіи казенной палаты о нежеланіи своемъ итти въ военную службу. Заявленіе это пришлось волей-неволей занести въ журналъ засѣданія, и сыр-боръ загорѣлся.

Для разъясненія настоящаго случая необходимо обратиться къ тогдашнимъ законамъ о наймѣ охотника на мѣсто рекрута, слѣдовавшаго съ семьи казеннаго крестьянина. Законы эти опредѣляли слѣдующее: охотникъ могъ быть нанятъ только изъ людей свободныхъ, то-есть не крѣпостныхъ, при чемъ должно было быть точно установлено, что охотникъ идетъ въ солдаты по своему желанію, а отнюдь не по какому-либо принужденію; для этой цѣли предсѣдатель казенной палаты обязанъ былъ въ самомъ присутствіи, до осмотра и сдачи, охотника допросить и ему разъяснить, что сданъ въ военную службу можетъ быть онъ только по его собственному желанію, а поэтому, если бы желанія этого не было, то никакія соглашенія, имъ съ нанимателемъ ранѣ заключенныя, не могутъ его принудить къ поступленію въ солдаты. Допросъ этотъ предсѣдатель палаты обязанъ былъ дѣлать въ присутствіи, удаливъ изъ онаго самого нанимателя.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что для достиженія своей цѣли Вагнеру необходимо было выдать своимъ двумъ дворовымъ вольную, послѣ чего они, какъ люди свободные, получали право наняться охотниками, вмѣстѣ съ тѣмъ однако относительно освобожденія на волю держать ихъ въ полномъ невѣдѣніи, для чего самыя вольныя, то есть документы, помѣщикомъ совершенныя, имъ въ руки не отдавать, а передать казеннымъ крестьянамъ - нанимателямъ. Такимъ образомъ, въ моментъ сдачи охотники продолжали себя считать крѣпостными и указанія помѣщика исполняли безпрекословно. Несомнѣнно, что допросъ и разъясненіе предсѣдателя палаты дѣлались по знакомству весьма поверхностно и для крестьянъ-охотниковъ непонятно; главнымъ образомъ надлежало всю процедуру продѣлать сколь можно скорѣе, именно утвердить въ гражданской палатѣ крѣпостнымъ порядкомъ вольныя и тотчасъ же перейти въ казенную палату для сдачи охотниковъ въ рекруты; при этомъ, конечно, необходимо было не упускать ни на минуту изъ глазъ обоихъ лже-охотниковъ. Само собой разумѣется, что въ палатахъ, какъ въ гражданской, такъ и казенной, люди власть имѣющіе были надлежащимъ образомъ подмазаны и приготовлены, а поэтому и производилась вся эта плутовская операциа безъ всякихъ задержекъ.

Однако, въ настоящемъ случаѣ послѣ словъ, сказанныхъ предсѣдателемъ казенной палаты, относительно необходимости дѣйствительнаго желанія итти въ солдаты, лже-охотники, до того вре-

мени упорно молчавшіе, неожиданнымъ образомъ заявили, что они въ военную службу итти не желаютъ, а принуждаетъ ихъ къ тому ихъ помѣщикъ г. Вагнеръ. Вышелъ общій переполохъ, окончившійся внесеніемъ всего инцидента въ журналъ засѣданія палаты.

Отправился я въ Тетюши въ первыхъ числахъ марта; дорога начинала портиться, но все-таки чрезъ Каму и Волгу переправился я благополучно на лошадахъ.

Пріѣхалъ въ Тетюши днемъ и остановился на почтовой станціи. Чрезъ нѣсколько минутъ появился городничій, молодой офицеръ, лишившійся ноги въ Севастополѣ; онъ имѣлъ искусственную ногу, подаренную ему лазаретомъ великой княгини Елены Павловны и такъ хорошо сдѣланную, что о томъ, что одна нога не настоящая, узналъ я только чрезъ нѣсколько дней. Городничій, явившійся ко мнѣ строго форменнымъ образомъ, доложилъ, что квартира приготовлена мнѣ въ домѣ бургомистра (должность эта соотвѣтствовала теперешнему городскому головѣ). Перебрался я на долгушѣ городничаго въ домъ бургомистра и занялся разборомъ своего несложнаго багажа. Со мной былъ въ качествѣ слуги мальчикъ лѣтъ 17, крѣпостной моего отца, основательно обученный парикмахерскому мастерству. Вскорѣ прибылъ уѣздный стряпчій, имѣвшій присутствовать при производствѣ слѣдствія; этотъ представитель уѣздной юстиціи сталъ съ перваго слова всячески хвалить Вагнера, который, по словамъ его, ни въ чемъ не виноватъ и явно оклеветанъ своими бывшими крѣпостными по наущенію его, Вагнера, враговъ. Къ этимъ увѣреніямъ стряпчаго я отнесся весьма сдержанно и сколь можно скорѣе его отпустилъ, пригласивъ пріѣхать на мою квартиру завтра въ 10 часовъ утра. Вслѣдъ за симъ, къ великому удивленію моему, появился самъ Вагнеръ; пріѣхалъ онъ въ отличномъ экипажѣ, что видѣлъ я изъ окна, вошелъ съ большой развязностью, представился на манеръ свѣтскаго человѣка и тотчасъ же сталъ многословно говорить о враждѣ къ нему дурныхъ людей, поставившихъ его посредствомъ явной клеветы въ положеніе весьма непріятное. Я остановилъ его дальнѣйшее разглагольствованіе просьбой не касаться въ разговорѣ дѣла, подлежаващаго моему разслѣдованію, затѣмъ пригласилъ его пожаловать на другой день къ 10 часамъ утра для допроса и всталъ съ дивана, на которомъ сидѣлъ. Этотъ маневръ заставилъ Вагнера также встать и со мной проститься. Ушелъ онъ какъ бы горячей водой опшаренный.

По первому впечатлѣнію, Вагнеръ вполне подтвердилъ всѣ передъ тѣмъ дошедшіе до меня о немъ рассказы. Въ наружности его несомнѣнно виденъ былъ нѣмецкій типъ, какъ мнѣ говорили, имѣлъ онъ отъ роду болѣе шестидесяти лѣтъ, но высматривалъ значительно моложе, отъ докторской практики видно было въ

немъ несомнѣнное умѣніе обращаться съ людьми ему мало знакомыми, по-русски говорилъ хорошо, безъ всякаго акцента.

Такъ какъ предстояло слѣдствіе произвести о дворянинѣ, то надлежало присутствовать депутату отъ дворянства, за интересами же казенныхъ крестьянъ, нанявшихъ охотниковъ, долженъ былъ наблюдать депутатъ отъ министерства государственныхъ имуществъ. О командированіи этихъ депутатовъ было мною еще въ Казани сообщено губернскому предводителю дворянства и въ палату государственныхъ имуществъ.

На слѣдующее утро прибыли: уѣздный стряпчій, оба депутата, обвиняемый Вагнеръ, оба лже-охотники и два казенныхъ крестьянина, ихъ нанмавшіе. Удаливъ Вагнера въ другую комнату, приступилъ я къ опросу охотниковъ. Показанія ихъ были очень несложны, именно: Вагнеръ въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ продалъ такимъ же образомъ въ охотники за казенныхъ крестьянъ многихъ своихъ дворовыхъ, всего человекъ двѣнадцать, которыхъ увозили въ Казань и назадъ болѣе они уже въ деревню не возвращались, точно также и ихъ Вагнеръ продалъ въ охотники за двѣ семьи казенныхъ крестьянъ, взявъ за каждаго по триста рублей, изъ которыхъ по пятидесяти рублей далъ каждому изъ нихъ, а по 250 оставилъ себѣ; при этомъ Вагнеръ имъ объяснилъ, что они должны въ казенной палатѣ сказать, что идутъ охотниками; если же они этого не исполнятъ, то будутъ тотчасъ сданы въ рекруты, за имѣнія Вагнера. О томъ, что прежде сдачи будетъ на нихъ совершена вольная, они не знали, а поэтому и готовы были исполнить приказаніе своего помѣщика. Поѣхали они въ Казань вмѣстѣ съ казенными крестьянами, остановились въ людской кухнѣ того дома, гдѣ жилъ самъ Вагнеръ, тамъ же жили и казенные крестьяне, ночевали двѣ ночи, водили ихъ въ два присутственныхъ мѣста, какъ имъ сказали, во врачебную управу и въ казенную палату; въ обоихъ этихъ присутственныхъ мѣстахъ были съ ними какъ Вагнеръ, такъ и наняшіе ихъ казенные крестьяне; въ гражданской палатѣ, они не были, во врачебной управѣ ихъ раздѣвали и осматривали, и тамошній главный начальникъ сказалъ нанимателямъ, что они въ рекруты годны и будутъ приняты завтра; этотъ осмотръ во врачебной управѣ происходилъ въ первый день ихъ пріѣзда, на второй день ихъ повели въ казенную палату. Между тѣмъ они узнали изъ разговора на кухнѣ, съ людьми имъ неизвѣстными, что итти въ охотники могутъ только люди свободные и поэтому и были уже, по словамъ этихъ людей, на нихъ Вагнеромъ выданы вольныя, которыхъ имъ, конечно, не покажутъ; если же они въ присутствіи казенной палаты объявятъ, что итти въ рекруты не желаютъ, то ихъ не только не забреуютъ, но останутся они навсегда вольными и болѣе къ помѣщику не возвратятся.

Слѣдую этимъ указаніямъ, оба лже-охотника заявили въ казенной палатѣ о нежеланіи своемъ итти въ военную службу.

Въ показаніи этомъ вызываетъ особый интересъ осмотръ охотниковъ во врачебной управѣ, между тѣмъ какъ этому присутственному мѣсту подобный осмотръ отнюдь закономъ разрѣшенъ не былъ; къ этому инциденту еще возвращусь я ниже, а теперь буду продолжать повѣствованіе о производившемся мною разслѣдованіи. Послѣ охотниковъ допросилъ я нанимателей, которые дословно подтвердили показаніе охотниковъ и прибавили, что семьи ихъ состояли на рекрутской очереди, а такъ какъ было всѣмъ извѣстно, что Вагнеръ охотно продаетъ своихъ дворовыхъ людей въ охотники взамѣнъ рекрутовъ, слѣдовавшихъ съ казенныхъ крестьянъ, то они отправились къ Вагнеру и предложили ему купить у него двухъ охотниковъ, на что Вагнеръ тотчасъ согласился. Немного поторговавшись, порѣшили уплатить по триста рублей за cadaго, Вагнеръ продаваемыхъ людей имъ показалъ и приказалъ для совершенія нужныхъ бумагъ пріѣхать черезъ нѣсколько дней въ Казань, гдѣ остановиться въ томъ же домѣ, гдѣ квартировалъ самъ Вагнеръ.

По пріѣздѣ въ Казань покупатели заявили Вагнеру, что прежде, чѣмъ платить деньги, они желали бы освидѣтельствовать охотниковъ въ присутственномъ мѣстѣ относительно годности ихъ къ военной службѣ, на что Вагнеръ тотчасъ же согласился. Въ поясненіе этого обстоятельства нужно сказать, что тогдашніе законы предусматривали предварительное освидѣтельствованіе охотниковъ, но долженъ былъ осмотръ этотъ производиться въ казенной палатѣ. Очевидно, что представить въ казенную палату своихъ крѣпостныхъ людей, какъ будущихъ охотниковъ, Вагнеръ не могъ, а былъ имъ для сей цѣли измышленъ другой путь, по которому, надо думать, прошли всѣ ранѣ проданные имъ двѣнадцать дворовыхъ человѣкъ. Путь этотъ былъ слѣдующій. Инспекторомъ казанской врачебной управы состоялъ тогда статскій совѣтникъ Грабовскій, сверстникъ и долготѣлнй другъ Вагнера; оба они въ одно время пріѣхали въ Казанскую губернію молодыми врачами, и съ того времени началась между ними самая близкая дружба. Вотъ этотъ-то Грабовскій и помогалъ Вагнеру въ отношеніи предварительнаго осмотра, который просто производилъ онъ въ присутствіи врачебной управы, не имѣвшей по закону никакого права производить подобныя освидѣтельствованія.

Тѣмъ не менѣе охотниковъ Вагнеръ привелъ во врачебную управу, гдѣ ихъ раздѣли и ввели въ присутствіе вмѣстѣ съ нанимателями. Инспекторъ Грабовскій посмотрѣлъ на охотниковъ и сказалъ, обращаясь къ нанимателямъ: «Годны—завтра же будутъ приняты»—тѣмъ комедія эта и кончилась. Нельзя не обратить вниманіе на то, что во время этого шутовского осмотра въ при-

сутствіи находились еще три члена врачебной управы, которые противъ производившагося безобразія не сказали ни одного слова. Охотниковъ съ нанимателями отправили обратно на квартиру Вагнера, гдѣ они ночевали, и на другой день пошли всѣ четверо вмѣстѣ съ Вагнеромъ въ казенную палату, гдѣ однако Вагнеръ въ присутствіе не входилъ. Послѣ того, какъ охотники заявили о своемъ нежеланіи итти въ военную службу, ихъ изъ палаты выпроводили, и они попли тотчасъ же къ Вагнеру и просили имъ деньги вернуть, но Вагнеръ отказалъ, тогда они подали жалобу губернатору. Послѣ того, какъ записаны были показанія охотниковъ и нанимателей, приступилъ я къ допросу Вагнера. Съ перваго слова онъ отъ всего отказался, говоря, что онъ никакихъ охотниковъ не продавалъ, предъявленныхъ ему казенныхъ крестьянъ не зналъ совсѣмъ, ни въ какія соглашенія съ ними не входилъ и денегъ никакихъ съ нихъ не бралъ, также не бралъ денегъ и съ охотниковъ, которыхъ отпустилъ на волю въ награду за ихъ службу; былъ ли во врачебной управѣ—не можетъ припомнить.

На этихъ весьма категорическихъ показаніяхъ Вагнеръ твердо остановился и на всѣ мои дальнѣйшіе вопросы отвѣчалъ: или «не могу припомнить», или «не знаю». Очныя ставки, тогда закономъ установленныя, не только не привели ни къ чему, но дали возможность Вагнеру укорять въ явной лжи какъ охотниковъ, такъ и нанимателей. Присутствовашіе уѣздный стряпчій и депутатъ отъ дворянства старались всячески выказать Вагнеру свое уваженіе и преданность, одинъ только депутатъ отъ министерства государственныхъ имуществъ, мѣстный окружный надзиратель Артизановъ, держалъ себя нейтрально.

Четыре дня бился я съ Вагнеромъ безъ всякаго успѣха; мало того, я не могъ не сознавать, что каждый день только увеличиваетъ его увѣренность въ безнаказанности, а съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивался и его апломбъ, который стряпчій и дворянскій депутатъ усердно поддерживали.

Для того, чтобы объяснить себѣ столь наглое глумленіе надъ справедливостью и судебнымъ ходомъ дѣла, необходимо припомнить, что въ то время были въ полной силы законы стараго, негласнаго судопроизводства, по которымъ для установленія виновности обвиняемаго нужны были показанія подъ присягой не менѣе двухъ свидѣтелей,—показанія же безъ присяги, равно какъ и всякія, хотя бы и самыя ясныя, улики на постановленіе уголовной палаты никакого вліянія оказать не могли; въ полной безцѣльности моихъ стараній меня самымъ горячимъ образомъ старался увѣрить стряпчій, усиленно указывая на неимѣніе присяжныхъ свидѣтелей; въ дѣйствительности свидѣтелей подъ присягой не было и взять ихъ было негдѣ. Охотники, какъ доноси-

тели, и наниматели, какъ потерпѣвшіе въ денежномъ отношеніи,— быть спрошены подѣ присягой не могли.

Пробывъ всего въ Тетюшахъ пять дней, отправился я, довольно сконфуженный неуспѣхомъ, въ Казань обратно, распутица началась настоящая, и я ѣхалъ 120 верстѣ отъ Тетюшъ до Казани цѣлыхъ два дня.

Въ Казани я произвелъ опросъ инспектора врачебной управы Грабовскаго, отъ котораго получился самый неуспѣшный результатъ, конечно, мною ожидавшійся. Грабовскій съ величайшимъ нахальствомъ объявилъ, что вслѣдствіе просьбы ранѣе извѣстныхъ ему казенныхъ крестьянъ онъ произвелъ во врачебной управѣ осмотръ двухъ людей, нанятыхъ этими крестьянами охотниками въ рекруты, согласился онъ исполнить эту просьбу, такъ какъ никакой законъ дѣлать подобный осмотръ не воспрещалъ, а казенные крестьяне сдѣлать оный въ казенной палатѣ почему-то затруднялись; затѣмъ, были ли охотники ему указаны вольные или крѣпостные, онъ не знаетъ и никого о томъ не спрашивалъ. Съ Вагнеромъ знакомъ съ давнихъ лѣтъ, но съ нимъ вслѣдствіе пребыванія его въ Тетюшскомъ уѣздѣ уже давно не видался.

Показаніе было точное и дальше по этому пути было итти невозможно.

Приходилось волей-неволей слѣдствіе закончить и представить губернатору, однако я медлилъ и составленіе окончательнаго постановленія объ окончаніи слѣдствія откладывалъ со дня на день.

Наступили пасхальные праздники, ничѣмъ особеннымъ не ознаменовавшіеся. На третій или на четвертый день праздниковъ пришелъ на мою квартиру неизвѣстный мнѣ мужикъ, пожелавшій со мной переговорить по секрету. Сообщилъ онъ мнѣ, что онъ крестьянинъ одной деревни съ купившими у Вагнера охотниковъ и что ему извѣстны всѣ подробности этого дѣла, такъ какъ онъ вмѣстѣ съ нанимателями и еще четвертымъ крестьяниномъ ѣздилъ въ Казань для надзора за охотниками, жилъ въ Казани на людской кухнѣ дома, въ которомъ квартировалъ Вагнеръ, всѣ разговоры Вагнера съ нанимателями слышалъ, даже былъ при томъ, какъ наниматели отдавали Вагнеру 600 рублей, свидѣтелемъ всего имъ сказаннаго былъ также другой крестьянинъ ихъ же деревни, такъ же, какъ онъ, пріѣзжавшій въ Казань по просьбѣ нанимателей для надзора за охотниками. Оказалось, что послѣ отъѣзда моего изъ Тетюшъ этотъ благодѣтельный свидѣтель былъ у окружнаго надзирателя Артизанова и сообщилъ ему то, что ему было по дѣлу о продажѣ Вагнеромъ охотниковъ извѣстно, а Артизановъ направилъ его ко мнѣ въ Казань.

Такимъ образомъ неожиданно-негаданно получилъ я двухъ настоящихъ свидѣтелей подѣ присягой, и дѣло моментально получило совсѣмъ иной оборотъ.

Съ величайшей радостью поскакалъ я къ моему генералу, сообщилъ ему о благоприятномъ новомъ показаніи и тотчасъ же сталъ собираться въ Тетюши, однако сдѣлать этотъ переѣздъ на лошадяхъ было совершенно невозможно, Волга и Кама были въ полномъ разливѣ, а дороги по черноземному грунту сдѣлались въ буквальномъ смыслѣ непроѣзжими, вмѣстѣ съ тѣмъ пароходство моему горю помочь не могло, такъ какъ никакіе пароходы своихъ рейсовъ еще не начинали.

Посовѣтовавшись съ мѣстными людьми, уложилъ я свой чемоданъ и вмѣстѣ съ моимъ слугой-парикмахеромъ отправился на устье рѣки Казанки, гдѣ нашелъ нѣсколько косныхъ лодокъ, бѣгущихъ на низъ Волги. Лодки эти строились въ притокахъ Волги, преимущественно на Унжѣ и Свіягѣ, специально для рыбной ловли на нижнихъ плесахъ Волги, куда онѣ и бѣжали сколь можно скорѣе, слѣдуя, такъ сказать, вплотную за ледоходомъ. Съ владѣльцемъ такой лодки я весьма скоро вошелъ въ соглашеніе; онъ взялся меня и моего слугу доставить въ Тетюши за пять рублей, причемъ, однако, оставилъ за собой право взять еще нѣсколькихъ пассажировъ, обязанныхъ въ пути нести службу судорабочихъ. Уговорились мы очень скоро, я тотчасъ же перебрался на лодку и менѣе чѣмъ черезъ часъ неслись мы по широко разлившейся Волгѣ при сильномъ верховомъ вѣтрѣ на полномъ косомъ парусѣ, и неслись съ быстротой, превосходящей ходъ любого парохода. Конечно, на лодкѣ каюты не было, а было нѣкоторое закрытое пространство въ родѣ большого ящика, въ которомъ, хотя и съ трудомъ, но могъ помѣститься одинъ человѣкъ. Само собой разумѣется, что этотъ ящикъ я присвоилъ себѣ, влѣзъ въ него и заснулъ сномъ праведнымъ, слугу моего прикрыли на случай дождя разной ветошью, въ томъ числѣ и рыболовными сѣтями, которыхъ было на лодкѣ много,—второклассные пассажиры размѣстились, какъ могли, а самъ хозяинъ всю ночь простоялъ бодро у руля. Выѣхали мы изъ Казани вечеромъ поздно, а пришли въ Тетюши въ пятомъ часу утра, пронесаясь болѣе 150 верстъ. Выбравшись изъ лодки и оставивъ моего слугу съ чемоданомъ на совершенно пустынномъ берегу, полѣзъ я съ большимъ трудомъ по крутой глинистой дорогѣ нагорнаго берега Волги, на которомъ стоятъ Тетюши, добрался до моей прежней квартиры въ домѣ бургомистра и послалъ пригласить исправника, которому поручилъ командировать какого-либо полицейскаго чина для немедленнаго привоза въ Тетюши охотниковъ, нанимателей и двухъ новыхъ свидѣтелей, имена которыхъ зналъ я одинъ; отправилъ письма стряпчему и депутатамъ и повѣстку Вагнеру, приглашая всѣхъ ихъ прибыть къ имѣющему возобновиться на другой день слѣдствію.

Мой неожиданный прїѣздъ произвелъ между тетюшскими обывателями эффектъ трудно описуемый. Уѣздные чиновники, а съ ними и Вагнеръ, были глубоко убѣждены, что прошла всякая опасность, такъ какъ изъ слѣдствія ничего не вышло, между тѣмъ мой вторичный прїѣздъ какъ бы служилъ опроверженіемъ общихъ надеждъ. Весьма скоро прїѣхалъ стряпчій, желая узнать, что именно вызвало мое неожиданное возвращеніе. Я весьма холодно отвѣчалъ, что есть новыя обстоятельства, о которыхъ онъ узнаетъ завтра. Стряпчій ушелъ не солоно хлебавши. Слѣдующій день пришлось ждать прїѣзда вызванныхъ лицъ, которыя всѣ прибыли къ утру третьяго дня, и я приступилъ къ слѣдствію.

Показанія двухъ новыхъ свидѣтелей, данныя подъ присягой, сразу сбили всю спесь Вагнера. Онъ совершенно потерялся, хотя на очныхъ ставкахъ и продолжалъ отпѣкиваться, но его несвязная болтовня никакого значенія имѣть не могла. Это понялъ и самъ Вагнеръ, понялъ и упалъ въ обморокъ; мой слуга ему подаль стаканъ воды, а стряпчій и дворянскій депутатъ пытались его растирать. Такъ или иначе, но пришлось Вагнеру обморокъ прекратить и въ себя прійти, послѣ чего онъ удалился, шатаясь, при поддержкѣ своихъ обоихъ друзей.

Удерживать Вагнера я не имѣлъ основанія, слѣдствіе было кончено и виновность его несомнѣнно установлена. Въ теченіе слѣдующихъ двухъ дней закончилъ я всѣ формальности, требовавшіяся тогда при окончаніи слѣдствія, а на пятый день моего вторичнаго въ Тетюшахъ пребыванія выѣхалъ въ Казань обратно, но на этотъ разъ уже на пароходѣ, при условіяхъ полнаго комфорта. Въ Казани тотчасъ же отправился къ моему генералу съ побѣдоноснымъ моимъ рассказомъ. Генералъ меня немедленно заключилъ въ свои благодарственныя объятія.

Для полной картины тогдашнихъ обычаевъ и нравовъ расскажу въ краткихъ словахъ конецъ дѣла Вагнера. Слѣдствіе я представилъ губернатору, но тутъ вышло нѣчто неожиданное: вмѣсто того, чтобы направить дѣло въ уголовную палату, губернаторъ передалъ его губернскому предводителю для разсмотрѣнія въ совѣщаніи предводителей и депутатовъ. Думаю, что Козляниновъ поступилъ такъ по просьбѣ губернскаго предводителя Осокина, съ которымъ не хотѣлъ ссориться, Осокинъ же избралъ этотъ путь, желая избавить Вагнера отъ суда уголовной палаты. Совѣщаніе предводителей и депутатовъ разсмотрѣніемъ этого дѣла не торопилось и хотя оно окончилось постановленіемъ о взятіи имѣнія и крѣпостныхъ людей Вагнера въ опеку, но постановленіе это состоялось чуть не за нѣсколько дней до освобожденія крестьянъ, а такъ какъ манифестомъ 19 февраля точно регламентировались всѣ дальнѣйшія отношенія помѣщиковъ къ бывшимъ ихъ крѣ-

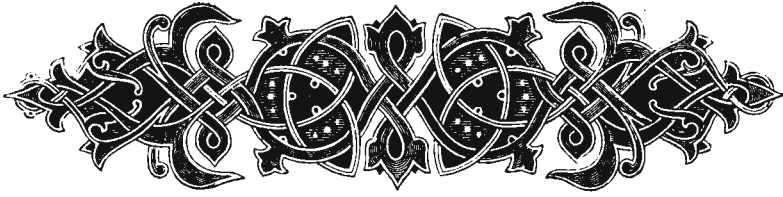
постнымъ, то постановленіе о взятіи имѣнія Вагнера въ опеку никогда въ дѣйствительности осуществлено не было.

Удачный результатъ слѣдствія по дѣлу Вагнеру принесъ мнѣ значительную пользу въ дальнѣйшей слѣдственной дѣятельности моей въ Казани, и генералъ мой, несмотря на то, что въ дѣлѣ этомъ по просьбѣ Осокина нѣсколько покривилъ душой, все-таки мой успѣхъ въ своей памяти сохранилъ, и, какъ узналъ я впоследствии, дѣло Вагнера было первой причиной, побудившей Козлянинова намѣтить мое назначеніе членомъ отъ правительства имѣющихъ учредиться съѣздовъ мировыхъ посредниковъ, о чемъ и будетъ мною рассказано ниже.

Ф. А. П—въ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

ОТНОШЕНІЯ ИМПЕРАТОРОВЪ НИКОЛАЯ I И АЛЕКСАНДРА II КЪ ОБЪЕДИНЕНІЮ ИТАЛІИ.

СНОВНЫЯ фактическія свѣдѣнія о пребываніи въ Италіи (1858 г.) великаго князя Константина Николаевича, почти наканунѣ паденія Бурбонской династіи, мы заимствуемъ изъ недавно вышедшаго обширнаго и добросовѣстно, объективно написаннаго сочиненія извѣстнаго итальянскаго историка «*La fine di un Regno*»¹⁾ Р. де-Чезаре. Мы добавляемъ ихъ данными, которыя сообщены намъ лично—частію старожилами-итальянцами, современниками освободительнаго періода, частію старыми русскими моряками. Кромѣ того, мы считаемъ необходимымъ предпослать нѣсколько краткихъ историческихъ указаній, чтобы уяснить русскимъ читателямъ политическое значеніе визита брата русскаго императора, Александра II, королю обѣихъ Сицилій.

Время (съ 1848 по 1860 гг.), которое обнимаетъ сочиненіе, лежащее передъ нами, представляетъ важнѣйшій періодъ жизни молодой Италіи: объединеніе ея и проникновеніе свободно-представительнаго режима въ государственное управленіе.

Короли и герцоги мелкихъ государствъ, на которыя была раздроблена Италія послѣ паденія Наполеона I,—около 1848 г. хотя и неохотно, но подчинялись силѣ новыхъ политическихъ теченій, проникавшихъ во всѣ слои населенія, невзирая на усердныя полицейскія преслѣдованія. Короли и герцоги, скрѣпя сердце, вводили

¹⁾ «Конецъ царства», соч. R. de Cesare, 2 т.

въ своихъ владѣнiяхъ (1848 — 1849 г.) конституцію, свободу слова, печати, собранiй, личности и т. д. Но при первомъ же удобномъ случаѣ безцеремонно отмѣняли либеральныя реформы. Такая система, иногда водворяя кратковременный внѣшнiй порядокъ, не приближала къ желанной цѣли близорукихъ ретроградныхъ правителей, а вела ихъ въ обратную сторону. Въ 50-хъ годахъ въ большинствѣ мелкихъ государствъ Италiи она порождала серьезныя народныя возстанiя и кровопролитiя. Наиболѣе благоразумные государи добровольно слагали съ себя короны; другимъ приходилось спасаться бѣгствомъ. Нѣкоторые были вынуждены вести вооруженную борьбу со скромными по численности, но мощными идей и поддержкой населенiя отрядами добровольцевъ, предводимыхъ «героемъ свободы двухъ полушарiй» (какъ итальянцы называютъ Джузеппе Гарибальди), или съ войсками пьемонтскаго (сардинскаго) короля. Онъ былъ единственный изъ всѣхъ своихъ итальянскихъ коллегъ, который честно поддерживалъ и развивалъ въ своемъ королевствѣ данную его отцомъ въ 1848 г. конституцію. Естественно, что всѣ итальянцы, сочувствовавшiе освободительнымъ стремленiямъ, ставили его во главѣ движенiя и желали, чтобы по объединенiи ихъ родины (*Italia una*) онъ былъ единымъ государемъ ея.

Упорнѣ всего держался за права, унаслѣдованныя отъ предковъ, король обѣихъ Сицилiй Фердинандъ II, личный другъ русскаго императора Николая I¹⁾. Его королевство по пространству,

¹⁾ На память объ этой дружбѣ и своемъ визитѣ королю неаполитанскому императоръ Николай Павловичъ прислалъ Фердинанду II изъ Петербурга двухъ колоссальныхъ бронзовыхъ коней съ укротителями, изваянныхъ барономъ Клодтомъ. Они почти тождественны съ тѣми, которые стоятъ на Аничковомъ мосту въ Петербургѣ. Но для Неаполя въ то время они имѣли символическое значенiе. Гербъ Неаполя—конь, взвивающiйся на дыбы, но на гербѣ укротитель отсутствуетъ. Когда Николай I гостилъ въ 1845 г. у Фердинанда II, уже назрѣвали волненiя, вспыхивали революцiонные беспорядки. Королевскому правительству удавалось подавлять ихъ безъ особенныхъ усилiй. Какъ я слышалъ отъ неаполитанскихъ придворныхъ того времени, Николай Павловичъ хотѣлъ выразить этимъ подаркомъ свое желанiе, чтобы Фердинандъ II всегда могъ держать въ повиновенiи неаполитанскiй народъ. Обѣ эти прекрасныя группы и доселѣ украшаютъ входъ въ садъ королевскаго дворца. Онѣ стоятъ на высокихъ пьедесталахъ на фонѣ вѣчно зеленыхъ пальмъ и араукариѣ. Современные художники, какъ я отъ нихъ слышалъ, не только считаютъ ихъ замѣчательными произведениями искусства, но находятъ, что составъ сплава, изъ котораго онѣ вылиты (маленькiе кусочки изваянiй были здѣсь подвергнуты анализу), стоитъ выше всѣхъ новѣйшихъ сплавовъ, употребляемыхъ въ Италiи, и можетъ сравниться развѣ со сплавами античныхъ статуй, ископаныхъ въ Помпеѣ и Геркуланумѣ. Суевѣрный неаполитанскiй народъ—особенно женщины и уличныя мальчишки—приписывалъ русскимъ конямъ въ первое время появленiя ихъ чудодѣйственную—однакоже добрую—силу. Чтобы умиловить ихъ, простодушины приносили имъ жертвы въ видѣ цвѣточковъ, фруктовъ и мѣдныхъ монетокъ. Это дѣлалось какъ бы украдкой. Но еще лѣтъ 15 тому назадъ мнѣ случалось это видѣть.

населенію, природному богатству составляло безъ малаго половину всей Италіи, а въ политическомъ отношеніи являлось едва ли не самой вѣской единицей. Въ 1848 г., движимый исключительно чувствомъ династическаго самосохраненія, Фердинандъ, правда, обнародовалъ конституцію, подобную пьемонтской. Но послѣднѣе даже остальныхъ своихъ сосѣдей отмѣнилъ ее и безжалостно подавилъ вспыхнувшую вслѣдствіе этой отмѣны революцію. Внѣшній порядокъ былъ, повидимому, водворенъ. Но не было подавлено стремленіе націи къ возвращенію себѣ однажды дарованныхъ политическихъ правъ. Освободительное и объединительное движеніе вынуждено было притаиться, однако продолжало втайнѣ разрастаться еще сильнѣе, ободряемое успѣхами революціи въ центральныхъ и сѣверныхъ провинціяхъ Апеннинскаго полуострова. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ подготовка къ возстанію противъ бурбонскаго абсолютизма велась особенно дѣятельно на югѣ королевства обѣихъ Сицилій и по преимуществу въ самой Сициліи. Ожидались важныя событія, которыя могли отразиться даже на взаимныхъ отношеніяхъ европейскихъ державъ.

Наполеонъ III предлагалъ пьемонтскому королю Виктору-Эмануилу II заключить союзъ съ Франціей, объявить войну Австріи, освободить Ломбардо-Венеціанское королевство отъ ея власти для присоединенія къ «объединяемой» Италіи. Никто не сомнѣвался, что въ случаѣ пораженія Австріи національный идеалъ объединенія долженъ былъ бы неминуемо осуществиться. Фердинандъ II понималъ, что онъ тогда можетъ лишиться престола. Викторъ-Эмануиль и Наполеонъ одинаково предлагали ему вступить съ ними въ союзъ противъ Австріи, содѣйствовать образованію Italia una на федеративныхъ началахъ, а главное—дать немедленно конституцію своему государству, которое онъ могъ бы въ такомъ случаѣ сохранить за собой. Но Фердинандъ на это не соглашался.

Русскій молодой императоръ, сынъ Николая I, друга и совѣтника Фердинанда II, въ видахъ предупрежденія войны, предложилъ великимъ державамъ созвать европейскій конгрессъ для обсужденія «итальянскаго вопроса» и миролюбиваго его разрѣшенія.

Въ такомъ положеніи были дѣла (въ концѣ февраля 1858 г.), когда прибылъ въ Палермо, а потомъ въ Неаполь великій князь Константинъ Николаевичъ

Де-Чезаре¹⁾ утверждаетъ, что пріѣздъ въ Сицилію старшаго брата русскаго царя со своей супругой и маленькимъ сыномъ

Подробнѣе объ этомъ можно прочесть въ книгѣ «The camorra and the stories of Naples», написанной С. Grant, моимъ добрымъ знакомымъ, нынѣ скончавшимся. Грантъ былъ едва ли не лучший знатокъ нравовъ неаполитанскаго простонародья, какъ объ этомъ печатно на столбцахъ «Times» высказался и Вильямъ Гладстонъ по прочтеніи указываемой нами книги.

¹⁾ F. d. R. т. I.

возродилъ среди мѣстныхъ высшихъ либеральныхъ сферъ симпатіи къ членамъ русскаго императорскаго дома, угасавшія постепенно съ 1845 г. послѣ того, когда уѣхала изъ Италіи царица Александра Ѳеодоровна.

Въ 1845 г. въ октябрѣ она пріѣзжала на шесть недѣль въ Палермо для поправленія здоровья и жила въ роскошной виллѣ Оливуцца. При ней были ея дѣти, великая княгиня Ольга Николаевна и великій князь Константинъ, еще восемнадцатилѣтній юноша. Къ ней на короткое время пріѣзжалъ изъ Россіи ея супругъ Николай Павловичъ. Царскую семью въ Палермо навѣстили члены неаполитанскаго королевскаго семейства и самъ король Фердинандъ II. Мѣстная знать давала въ честь русскихъ гостей пышныя празднества, засыпала ихъ привѣтствіями въ стихахъ и прозѣ. На одномъ изъ праздниковъ юная маркиза Турази, поэтесса, обратилась къ прелестной великой княжнѣ Ольгѣ съ одой, вдохновленной ея красотой (около 1885 г. мнѣ съ восторгомъ рассказывали сициліанцы, что отъ красоты русской великой княжны было безъ ума все общество, и мужчины и женщины). Нѣкоторые писатели, смѣлые (*coraggiosi*), молодые, издали составленный общими трудами коммеморативный альбомъ, озаглавивъ его «*Olivuzza*» (названіе виллы, обитаемой императорской семьей) и поднесли его императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Это былъ сборникъ поэтическихъ очерковъ Сициліи, въ которыхъ проскальзывали яркіе намеки на печальное политическое положеніе этого острова. На этомъ же празднествѣ самыя красивѣйшія дѣвочки, 10—12 лѣтъ, дѣти аристократовъ, исполнили передъ русскимъ дворомъ національный танецъ—тарантеллу.

Къ этимъ свѣдѣніямъ, извлеченнымъ нами изъ книги Р. де-Чезаре, мы должны добавить нѣсколько словъ, чтобы объяснить его указаніе: «пріѣздъ великаго князя Константина Николаевича въ 1858 г. возродилъ симпатіи сициліанской аристократіи къ русской императорской семьѣ».

Населеніе острова Сициліи, начиная съ его верхнихъ слоевъ, болѣе чѣмъ неохотно подчинялось возстановленной Священнымъ союзомъ власти бурбонскихъ королей, самодержавно управлявшихъ имъ изъ Неаполя. Оно стремилось возстановить автономную конституцію, которою пользовалось въ старину, хотя бы и подъ властью неаполитанскаго короля. Въ половинѣ сороковыхъ годовъ въ Италіи вообще, особенно въ Сициліи, либерально-политическія стремленія шли «*crescendo*». Руководители движенія не теряли надежды достигнуть цѣли безъ кровопролитія и безъ революціи. Царствовавшій тогда бурбонскій король Фердинандъ, неглупый, но весьма упорно державшійся за абсолютизмъ, былъ другомъ русскаго императора Николая I. Во время пребыванія въ Сициліи Александры Ѳеодоровны, какъ мы замѣтили, царь самъ пріѣзжалъ въ Палермо,

а также въ столицу государства Неаполь, гдѣ гостилъ у Фердинанда II и проводилъ съ нимъ постоянно время.

Итальянцы, даже образованныхъ классовъ, и теперь имѣютъ смутное понятіе о Россіи, тѣмъ паче объ истинномъ характерѣ ея внутреннихъ дѣлъ. Тогда они смотрѣли на нее какъ на страну варварскую. Имъ было извѣстно, что въ «Московіи» нѣтъ конституціоннаго правленія. Но они готовы были допускать, что для такой полудикой націи представительное правленіе было бы еще преждевременнымъ. Поэтому они не удивлялись, что *tzar Nicolò* (какъ въ Италіи звали Николая Павловича) считаетъ еще невозможнымъ дать ее своимъ безграмотнымъ подданнымъ. Тѣмъ не менѣе сицилианцы были обворожены привѣтливостью императрицы, ея красавицы-дочери и просвѣщенными либеральными бесѣдами юнаго великаго князя. Низшіе же классы не могли нахвалиться щедротами царской семьи. Русское золото, дѣйствительно, какъ изъ рога изобилія, сыпалось на сицилианцевъ изъ виллы Оливуцца. Николай Павловичъ въ свой короткій пріѣздъ тоже былъ весьма доступенъ, любезенъ. Сицилианцы по уму ставили его выше Фердинанда, и вообще сложилось мнѣніе, что онъ если и не вводитъ еще конституціи у себя по благоразумнымъ политическимъ соображеніямъ, то все-таки понимаетъ, что королевство обѣихъ Сицилій безъ представительнаго правленія не можетъ обойтись. Какъ мнѣ говорили въ 80-хъ годахъ сицилианцы-старожилы, составители альбома «*Olivuzza*», поднося его царицѣ, надѣялись, что и царь прочтетъ его, пойметъ, какъ необходима освободительная реформа королевству, и убѣдитъ своего друга Фердинанда II дать конституцію своимъ подданнымъ. Прочелъ ли Николай Павловичъ альбомъ, или нѣтъ, никто не знаетъ и доселѣ. Едва ли.

Во всякомъ случаѣ правительство Фердинанда и послѣ визита Николая Павловича продолжало грубо, какъ и прежде, если не грубѣе, преслѣдовать всякія, даже скромныя проявленія либерализма, что не мѣшало обимъ государямъ оставаться въ такихъ же прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ. За это время какъ разъ Николай Павловичъ прислалъ подарки Фердинанду, въ томъ числѣ коней и столы съ видами Петербурга.

Правда, какъ мы сказали, въ 1848 г., изъ чувства династическаго самосохраненія и вовсе не подъ вліяніемъ Николая I, Фердинандъ далъ было конституцію. Но «*elle a vecut ce que vivent les roses*»,—и очень скоро была задушена кровью.

Понятно, что, какъ утверждаетъ де-Чезаре, симпатіи къ русскому царскому семейству и надежды, возлагаемыя на Николая I въ 1845 г., успѣли давно потухнуть въ сердцахъ сицилианцевъ. Но, съ другой стороны, понятно, что онѣ вновь возродились, когда черезъ три года послѣ кончины могущественнаго друга Фердинанда пріѣхалъ старшій братъ новаго русскаго царя, который, какъ было

извѣстно въ Европѣ, подготовлялъ для своего народа освободительныя реформы. Сициліанцы и вообще итальянцы ожидали въ данный критическій моментъ, что Александръ II окажетъ благотѣльное вліяніе на ихъ короля: убѣдитъ его дать конституцію, примкнуть къ итальянскому освободительному движенію, подобно пьемонтскому собрату, и разорвать связи съ Австріей.

Въ Сициліи, гдѣ на этотъ разъ Константинъ Николаевичъ прожилъ почти два мѣсяца, онъ держалъ себя, дѣйствительно, такъ, какъ будто желалъ подкрѣпить надежды, возлагавшіяся на него сторонниками освободительнаго объединенія Италиі. Онъ охотно сближался съ интеллигентно-аристократическими семействами и лицами, извѣстными полиціи своимъ либерализмомъ. А къ представителямъ королевскаго правительства, и даже къ королю, заочно относился «странно, можно сказать, неприлично»¹⁾. Онъ приводилъ въ отчаяніе своими шутками и странными требованіями намѣстника, генерала графа Кастельчикала (Castelcicala), и Манескалько (Manescalco), главнаго начальника полиціи.

Напримѣръ, намѣстникъ очень любовался двумя огромными собаками, которыя сопровождали великаго князя. Послѣдній, сообщивъ, что онѣ, каждая въ одиночку, могутъ ходить на медвѣдя, предложилъ доставить графу удовольствіе видѣть подвиги собакъ, если тотъ со своей стороны укажетъ, гдѣ водятся въ Сициліи медвѣди. Встревоженный старикъ поспѣшилъ завѣрить высокаго гостя, что въ его намѣстничествѣ нѣтъ ни одного медвѣдя. Великій князь весело разсмѣялся, сказавъ: «Въ такомъ случаѣ милости просимъ на медвѣжью охоту съ этими же собаками ко мнѣ въ Россію»²⁾.

Русская эскадра, пришедшая въ Палермо, состояла изъ пяти крупныхъ военныхъ кораблей. Константинъ Николаевичъ хотѣлъ «со вѣмъ этимъ флотомъ проникнуть въ гавань» Палермо. Намѣстникъ Кастельчикала рѣшительно этому воспротивился. Пришлось подчиниться. Въ гавани на якорѣ стали только два русскихъ корабля, остальные были отосланы на кастеллармарскій рейдъ. Константинъ Николаевичъ сначала полагалъ, что старикъ Кастельчикала прибѣгъ къ такой негостепріимно стѣснительной мѣрѣ изъ излишней осторожности, порожденной очень смутными для неаполитанскаго правительства политическими обстоятельствами. Но когда онъ узналъ, что распоряженіе пришло непосредственно отъ короля изъ Неаполя, то очень былъ раздраженъ и съ тѣхъ поръ не скрывалъ своей досады, а «о королѣ Фердинандѣ отзывался болѣе чѣмъ неуважительно»³⁾.

¹⁾ La fine di un regno, т. I, стр. 319.

²⁾ Этотъ фактъ упоминаетъ кратко Р. де-Чезаре. Я привожу его со словъ стариковъ-сициліанцевъ.

³⁾ Гь.

Правда, онъ ежедневно спрашивалъ о его здоровьѣ, но, «повидимому, лишь для того, чтобы выразить безцеремонное недо- вѣріе къ сообщаемымъ ему извѣстіямъ»¹⁾. Фердинандъ въ самомъ дѣлѣ очень страдалъ отъ неизлечимой болѣзни; на выздоровленіе надежды не было. Но онъ былъ человѣкъ крѣпкаго сложенія; случались дни, когда болѣзнь менѣе его терзала. И если это говорили великому князю, онъ обыкновенно возражалъ: «*Mais ce n'est pas vrai; je vous l'assure, le roi est mort*». (Но это неправда; я васъ увѣряю, что король умеръ).

Намѣстникъ Кастельчикала сдѣлалъ ему официальный визитъ, обставивъ его очень торжественно и пышно. Великій князь лю- безно принялъ графа, но не удержался отъ почти презритель- ныхъ отзывовъ о королѣ Фердинандѣ. Тогда представитель по- слѣдняго, «приподнявшись со стула, съ утонченной вѣжливостью попросилъ у его высочества позволенія откланяться».

Въ распоряженіе гостя былъ назначенъ одинъ изъ мѣстныхъ аристократовъ, маркизъ Галлотти, съ которымъ Константинъ Ни- колаевичъ очень сошелся, хотя этотъ молодой человѣкъ состоялъ при намѣстникѣ²⁾. Сначала онъ выказывалъ расположеніе и къ Манескалько, несомнѣнно, очень умному и интересному человѣку, который въ качествѣ главы мѣстной полиціи старался оказывать разныя услуги августѣйшему путешественнику. Но, узнавъ, что Манескалько—вообще хитеръ и жестокъ, преслѣдуетъ безъ жалости сициліанскихъ либераловъ и даже установилъ строгій надзоръ за нимъ самимъ и окружилъ его шпионами (какъ годомъ ранѣе герцога Омальскаго, орлеанскаго принца, пріѣзжавшаго въ Си- цилію для осмотра своихъ земельныхъ владѣній), великій князь пересталъ даже допускать къ себѣ высокопоставленнаго и хитро- умнаго полицейскаго.

Общеніе гостя съ либерально-аристократическими кружками палермитанскаго общества, конечно, не нравилось Кастельчикала, Манескалько и вообще ретроградно-бюрократическимъ элементамъ. Поэтому послѣдніе старались распускать про Константина Нико- лаевича слухи, которые могли бы кинуть на него тѣнь, непріятную для свободолюбивыхъ сициліанцевъ и оттолкнуть ихъ отъ великаго князя. Напр., объ его обращеніи со своими подчиненными говорили много дурного; утверждали, что онъ варварски жестокъ съ ними. И между прочимъ рассказывали, будто бы по его приказанію три въ чемъ-то провинившіеся матроса были привязаны къ канатамъ и протащены каждый троекратно подъ килемъ адмиральскаго корабля, отъ чего, конечно, и умерли.

Однако, какъ я знаю отъ сициліанцевъ того времени, эти диплома- тическо-полицейскіе слухи не произвели желаннаго дѣйствія: не

¹⁾ *Иб.*

²⁾ Въ 60-мъ году Галлотти перешелъ на сторону Гарибальди.

умалили политическихъ симпатій къ великому князю сициліанскихъ либераловъ по той простой причинѣ, что эти розсказы были ложью. Отъ русскихъ офицеровъ, плававшихъ тогда въ Средиземномъ морѣ съ эскадрой великаго князя, и не имѣвшихъ никакихъ основаній относиться пристрастно къ Константину Николаевичу, я слыхалъ, что онъ вовсе не былъ жестокъ съ нижними чинами и въ командованіе судами не вмѣшивался. А наказаніе килеваніемъ въ то время было давно отмѣнено у насъ въ Россіи.

Съ офицерами же онъ обращался просто и вѣжливо. Если память мнѣ не измѣняетъ, великій князь и его семейство во время этого плаванія находились на кораблѣ «Громобой», которымъ командовалъ капитанъ 2-го ранга Изельметьевъ. Въ числѣ офицеровъ находились между прочимъ Тимиревъ, Матафтинъ и Новосильскій.

Но съ кѣмъ, какъ мнѣ разсказывали, великій князь дѣйствительно плохо ладилъ и иногда обращался рѣзко, хотя далеко не жестоко,—это со своимъ камердинеромъ—фамиліи не помню. Какъ чиновникъ придворнаго вѣдомства, этотъ господинъ имѣлъ «немаловажный чинъ», кажется, титулярнаго совѣтника или даже выше, очень этимъ кичился и надоедалъ офицерамъ навязчивымъ знакомствомъ, которое никому не было интересно. Словомъ, офицеры его не любили. Однажды великій князь на него за что-то разсердился и приказалъ ему итти къ вахтенному офицеру и сказать, что-де его высочество приказалъ провинившагося наказать, посадить на бакъ.

Подвахтеннымъ былъ въ это время мичманъ М. Выслушавъ приказаніе великаго князя отъ титулярнаго совѣтника, М. велѣлъ ему итти на галюнъ ¹⁾ и пребывать тамъ. А сидѣтъ въ этомъ неблагозвонномъ и безпрестанно посѣщаемомъ для своихъ нуждъ матросами мѣстѣ было еще менѣе пріятно, чѣмъ на бакѣ.

Черезъ нѣсколько времени великій князь вышелъ на палубу и, прохаживаясь по ней, спросилъ мичмана, гдѣ наказанный камердинеръ.

— Я его на галюнъ отослалъ, ваше высочество,—отвѣчалъ мичманъ.

— Ну, я его не туда послалъ, выпустите его,—отвѣчалъ, улыбаясь, Константинъ Николаевичъ, у котораго гнѣвъ былъ отходчивъ.

21 марта н. ст. великій князь получилъ депеши и письма изъ Петербурга, какъ полагаютъ, съ инструкціями отъ государя, и черезъ нѣсколько часовъ отплылъ изъ Палермо со всей эскадрой. У властей и полиціи словно гора съ плечъ свалилась, зато высшее мѣстное общество, съ которымъ водилъ знакомство Константинъ Николаевичъ, весьма сожалѣло объ его отъѣздѣ; оно привыкло

¹⁾ Отхожее мѣсто для матросовъ.

считать его лицомъ вліятельнымъ и въ то же время сочувствующимъ либеральнымъ стремленіямъ сициліанцевъ. Его презрительное отношеніе къ всемогущему и страшному полицеймейстеру Манескалько, къ намѣстнику короля Кастельчикала и даже къ королю, обманувшему націю конституціей, очень приходилось по сердцу сициліанцамъ, тѣмъ болѣе, что такое отношеніе къ консервативному неаполитанскому правительству они приписывали не однимъ личнымъ взглядамъ великаго князя, а всего петербургскаго двора. Это подтверждалось и тѣмъ обстоятельствомъ, что на Парижскомъ конгрессѣ послѣ Крымской войны, уже во время царствованія Александра II, представители новаго русскаго императора не обмолвились ни однимъ словомъ въ пользу королевства обѣихъ Сицилій¹⁾.

Русская эскадра пришла въ Неаполь 21-го же марта н. с. и была встрѣчена съ большими почестями. Родной братъ короля, главный начальникъ флота, съ многочисленной свитой, прежде, чѣмъ она бросила якорь, явился привѣтствовать великокняжескую семью. Одинъ изъ маршаловъ королевскаго двора, маркизъ Грегоріа, былъ назначенъ состоять при Константинѣ Николаевичѣ, а статсъ-дама королевы, княгиня д' Ангри,—при его супругѣ. Въ ихъ распоряженіе былъ отданъ особый королевскій дворецъ на южной набережной Кіатамоне²⁾. Онъ весьма помѣстителенъ, однако для свиты и приближенныхъ были отведены помѣщенія въ другихъ сосѣднихъ палаццо.

Въ скобкахъ—нѣсколько личное, но не чуждое историческаго интереса воспоминаніе. Дворецъ Кіатамоне, который въ 1858 г. занималъ великій князь Константинъ Николаевичъ, послѣ паденія Бурбонской династіи (въ 1860 г.) былъ конфискованъ, проданъ съ публичнаго торга, и нѣкій неаполитанецъ Кончи (Conci) открылъ въ немъ одинъ изъ лучшихъ въ то время отелей и назвалъ его «Hotel Washington»—именемъ, мало вязавшимся съ прошлымъ зданія, принадлежавшаго павшимъ Бурбонамъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ, пріѣзжая съ моей больной сестрой въ Неаполь, я неоднократно останавливался тутъ. Хозяинъ его, Кончи,—тогда уже старикъ,—образованный и умный человѣкъ, пожелалъ со мной познакомиться. Онъ оказался ярымъ, несокрушимымъ либераломъ, ненавистникомъ павшаго бурбонскаго самодержавія, сподвижникомъ Гарибальди. Въ своей ранней молодости онъ содѣйствовалъ уста-

¹⁾ R. De Cesare «La fine di un Regno». III 1, стр. 319, гл. XV.

²⁾ Нынче это Hotel Hauser, а самая улица переименована въ Partenope, въ воспоминаніе кратко промелькнувшей въ началѣ XVIII ст. республики, называвшейся Партенопейской.

новленію на его родинѣ республиканскаго правленія¹⁾. «Въ воспоминаніе объ этомъ,—говорилъ мнѣ Кончи—я далъ моей гостиницѣ имя великаго американскаго освободителя».

Онъ сообщилъ мнѣ много драгоцѣнныхъ свѣдѣній, касавшихся борьбы либераловъ со старымъ режимомъ, а также о политическомъ настроеніи націи въ 1880-хъ годахъ, когда мы съ нимъ бесѣдовали. Между прочимъ онъ подарилъ мнѣ экземпляръ небольшой книжки, заключавшей одноактную драму «Il Garibaldino» (Гарибальдіецъ), написанную имъ чуть не въ одну ночь, подъ впечатлѣніемъ побѣдоноснаго, и желаннаго тогда народомъ вступленія Гарибальди въ Неаполь (7 сент. 1860 г.).

Характерно, что эта драма, въ литературномъ отношеніи весьма обыденная, но выражавшая настроеніе націи въ данный моментъ, поставленная тогда же на сцену, не только выдержала сплошь множество представленій, но была сразу встрѣчена такимъ восторгомъ публики, что ее вынуждены были цѣликомъ повторить въ тотъ же вечеръ на той же сценѣ, какъ биссируемые аріи или романсы въ концертахъ.

Кажется, это единственный въ театральныхъ лѣтописяхъ фактъ. Онъ доказываетъ, между прочимъ, какъ назрѣло къ 60-му году освободительное стремленіе націи и какъ близко къ зрѣлости оно было, когда Константинъ Николаевичъ посѣтилъ Сицилію и Неаполь.

Черезъ два дня послѣ своего прибытія въ Неаполь великій князь съ супругой сдѣлалъ визитъ (24 марта) королю Фердинанду II. Король жилъ въ загородномъ дворцѣ Казертѣ, отстоящемъ отъ столицы, какъ приблизительно Царское Село отъ Петербурга. Дворецъ и паркъ тоже нѣсколько напоминаютъ царскосельскіе, но еще болѣе версальскіе, ибо казертскіе фонтаны и теперь могли бы соперничать со знаменитыми Grands eaux.

Фердинандъ былъ живъ, вопреки увѣреніямъ, повтореннымъ нѣсколько разъ въ Палермо Константиномъ Николаевичемъ: «le gois est mort», но дни его были сочтены, хотя онъ этого самъ и не подозревалъ. Лежа въ постели, онъ продолжалъ, насколько позволяли силы, направлять дѣла, особенно дипломатическія. Главнымъ образомъ озабочивала его въ то время перспектива войны Австріи противъ двухъ союзницъ—Франціи и Пьемонта (Сардинскаго королевства), которая, если бы она окончилась пораженіемъ первой, несомнѣнно, ускорила бы объединеніе всей Италіи подъ вѣнцомъ сардинскаго короля и, по всей вѣроятности, стерла бы съ лица земли бурбонско-неаполитанскій престолъ. Фердинандъ нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе обращался къ Александру II съ просьбой по возмож-

¹⁾ Просуществовавшаго всего нѣсколько недѣль.

ности предотвратить войну и надѣялся, что великій князь Константинъ Николаевичъ привезъ отвѣтъ своего старшаго брата. Депеши, полученныя изъ Петербурга Константиномъ Николаевичемъ, дѣйствительно содержали инструкціи, касающіяся этого вопроса. Имъ тогда интересовалась вся европейская и русская дипломатія.

«Марта 24 (н. с.) великій князь съ супругою прибылъ въ Казергу на предоставленномъ въ его распоряженіе королевскомъ поѣздѣ. Король получилъ отъ русскаго великаго князя твердыя увѣренія, что миръ нарушенъ не будетъ, ибо великія державы приняли предложеніе Россіи о созывѣ конгресса. Если даже предположить, что согласіе Наполеона III не искренне въ этомъ случаѣ, то, съ другой стороны, нѣтъ сомнѣнія въ искренности Англіи. Миссію лорда Каули (Cowley) можно считать удавшейся, ибо Австрія заявила, что на Пьемонтъ она нападать не будетъ, и въ то же время согласилась принять участіе въ конгрессѣ для обсужденія итальянскаго вопроса»¹⁾.

Великій князь очень долго оставался у короля, отношенія между ними были, повидимому, сердечны и искренни, невзирая на палермитанскія выходки перваго противъ Фердинанда. Черезъ два дня, за полной невозможностью для короля лично одать визитъ высокому гостю, этотъ долгъ былъ выполненъ герцогомъ Калабрійскимъ (наслѣдникъ престола, вскорѣ король Францискъ II) съ супругой Маріей-Софіей, его младшимъ братомъ графомъ Трани и графомъ Казерта (братомъ короля) въ сопровожденіи многихъ церемоніймейстеровъ и другихъ высшихъ чиновъ. Всѣ въ парадныхъ мундирахъ.

Черезъ четыре дня послѣ этого визита королевской семьи брату русскаго царя, въ Неаполь прибыли король и королева прусскіе. Правда, они соблюдали строгое инкогнито, носили имя графа и графини Цоллернъ, жили скромно въ отелѣ, осматривали городъ и его окрестности, какъ простые туристы. Никому не дѣлали официальныхъ визитовъ. Но, конечно, они видались съ родственнымъ имъ семействомъ русскаго великаго князя. Инкогнито, какъ это всегда случается, было весьма прозрачное и, какъ нѣкоторые полагаютъ, нарочно прозрачное.

Присутствіе Фридриха-Вильгельма Прусскаго, близкаго родственника и друга русскаго императора, совпадавшее съ пребываніемъ въ Неаполѣ старшаго брата послѣдняго, многими объяснялось политическими мотивами²⁾. Фердинандъ II былъ особенно заинтересованъ. Онъ поручилъ своему сыну и наслѣднику престола, герцогу Калабрійскому, съ женой сдѣлать визитъ прусской королев-

¹⁾ La fine di un regno. Т. 1, стр. 427.

²⁾ Какъ я слышала отъ старыхъ приближенныхъ Фердинанда, при дворѣ полагали, что пріѣздъ прусской четы былъ вызванъ желаніемъ Александра II, опасавшагося, что Константинъ Николаевичъ не достаточно убѣдительно успокоитъ неаполитанскаго короля.
Н. Ф.

ской четѣ и пригласить ихъ въ Казерту. Фридрихъ - Вильгельмъ безъ труда принялъ приглашеніе. На другой же день онъ поѣхалъ въ Казерту. Однако онъ засталъ Фердинанда въ такомъ болѣзненномъ состояніи, что всякая дѣловая бесѣда съ нимъ была невозможна. Интересовавшія Фердинанда свѣдѣнія было имъ поручено узнать отъ августѣйшаго гостя наследнику престола. Прусскій король подтвердилъ все то, что сообщилъ уже раньше отъ имени русскаго государя великій князь Константинъ Николаевичъ, т. е. что конгрессъ по итальянскимъ дѣламъ, задуманный Александромъ II, долженъ состояться; что Франція и Пьемонтъ не будутъ воевать съ Австріей, и что вообще можно рассчитывать на продолжительный миръ въ Европѣ.

Однако эти миролюбивыя сообщенія мало успокаивали больного неаполитанскаго короля. Онъ понималъ, что быстро возрастающее освободительное движеніе грозитъ воспрепятствовать осуществленію благихъ, съ точки зрѣнія Бурбонской династіи, намѣреній Россіи.

Его опасенія, какъ извѣстно, оправдались быстро, чѣмъ даже можно было ожидать.

«Константинъ Николаевичъ съ семьей уѣхалъ изъ Неаполя 17 апрѣля, а на другой же день отбыли король и королева прусскіе. Наканунѣ ихъ отъѣзда Австрія уже послала пьемонтскому королю Виктору-Эмануилу II ноту, которою извѣщала, что она можетъ принять участіе въ предложенномъ русскимъ императоромъ европейскомъ конгрессѣ по итальянскимъ дѣламъ только при условіи *sine qua non*, чтобы Пьемонтъ немедленно прекратилъ свои усиленные вооруженія.

«На эту ноту Викторъ-Эмануилъ краснорѣчиво отвѣчалъ усиленіемъ своихъ вооруженій; а 20 апрѣля ¹⁾ его союзникъ Наполеонъ III приступилъ къ мобилизаціи французской арміи. Въ великомъ герцогствѣ Тосканскомъ 27 апрѣля вспыхнула революція, послѣдствіемъ которой было отреченіе отъ престола и поспѣшное удаленіе изъ предѣловъ Италіи великаго герцога (австрійскаго эрцгерцога).

«Черезъ два дня намѣстникъ Франца - Иосифа въ его итальянскихъ владѣніяхъ, Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ; и главнокомандующій австрійской арміи, выдвинутой на борьбу съ Пьемонтомъ, Гинлай (Ginlay) издалъ въ Миланѣ свою знаменитую прокламацію, которой извѣщалъ населеніе Сардиніи, что австрійскій императоръ не имѣетъ въ виду воевать ни съ народами, ни съ націями, а только съ партіей возмутителей (*provocatori*), которые подъ личиною освободителей ведутъ націи и народы къ лишенію всякихъ свободъ».

¹⁾ *La fine di un regno.*

Война была объявлена. Австрія терпѣла поражение за поражениемъ. Послѣ нея Ломбардія была присоединена къ объединяемой Италіи. Франція за оказанную ею услугу получила отъ Пьемонта Ниццу и Савойю.

Въ маѣ 1860 г. скончался Фердинандъ II, завѣщая своему наслѣднику, малодушному Франциску II, ни въ какомъ случаѣ не давать своимъ подданнымъ конституціи.

Однако сила обстоятельствъ вынудила очень скоро этого молодого и бездарнаго монарха нарушить данное умирающему отцу обѣщаніе. Но все-таки было уже поздно: волонтеры Гарибальди успѣли уже къ тому времени занять Сицилію, отвоевать отъ Бурбона, при сочувствіи всего населенія, континентальную часть королевства, въ сентябрѣ 1860 г. Гарибальди вступилъ въ Неаполь, объявилъ себя временнымъ диктаторомъ и немедленно передалъ Виктору-Эмануилу все бывшее Неаполитанское королевство.

Послѣдній же бурбонскій король долженъ былъ покинуть столицу царства навсегда. Полагаютъ, что Альфонсъ Додэ въ своемъ романѣ «Les rois en exile» очертилъ Франциска II.

Италія въ 1860 г. объявлена была объединенной. Король Викторъ-Эмануилъ II, избранный всеобщей подачей голосовъ, и парламентъ оставались во Флоренціи до 1870 г., пока еще не пала свѣтская власть папы въ Римѣ, а потомъ перешли въ Римъ.

Русское общество и въ столицахъ и въ провинціи, какъ помнимъ мы, старики, горячо интересовалось въ концѣ пятидесятихъ годовъ, около того времени, когда Константинъ Николаевичъ былъ въ Италіи, освободительной эпопеей Италіи. Портреты Гарибальди у насъ изобиловали, а дамы рядились въ шапочки-гарибальдійки и въ красныя рубашки, подобныя блузамъ, какія носили самъ Гарибальди и его волонтеры. Периодическія изданія изобиловали свѣдѣніями объ итальянскихъ событіяхъ и герояхъ.

Что же касается до русскаго правительства, попытка котораго вмѣшаться въ итальянскія дѣла чрезъ посредство европейскаго конгресса не увѣнчалась успѣхомъ, то оно еще долго игнорировало совершившійся переворотъ и отказывалось признать законнымъ королемъ освобожденной Италіи Виктора-Эмануила Савойскаго.

Когда я юношей пріѣхалъ въ первый разъ въ Италію въ 1862 г., ни въ Миланѣ, ни въ Генуѣ, ни въ Неаполѣ русскихъ консуловъ не существовало. А при дворѣ итальянскаго короля одинъ изъ всѣхъ европейскихъ пословъ—русскій—блисталъ своимъ официальнымъ отсутствіемъ. Россія еще игнорировала новое государство и 30,000,000 его подданныхъ, добывшихъ себѣ національную и политическую свободу.

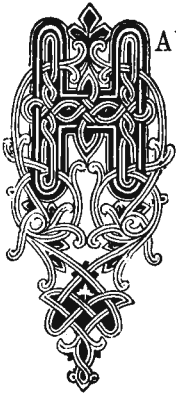
Н. Н. Фирсовъ (Л. Рускинъ).

ХИЩНИКИ.

(Изъ воспоминаній).

МАЧАЛО восьмидесятыхъ годовъ ознаменовалось для Таганрога событіями, взволновавшими мирную жизнь города и послужившими къ раскрытію злоупотребленій.

Много лѣтъ длившееся, никому неизвѣстное, казнокрадство и хищеніе въ мѣстной портовой таможнѣ неожиданно было открыто, сообщено куда слѣдуетъ и, точно грянувшій громъ, явилась ревизія. Спрятать концы или какъ-нибудь затушить дѣло стало невозможнымъ. Ревизія была безпощадная и неподкупная.

Всплывшія на поверхность злоупотребленія обнаружили организованную шайку, которая путемъ подлоговъ обогащалась на счетъ казны. Въ дѣлѣ хищенія фигурировали и купцы, и чиновники, присосавшіеся къ казенному пирогу и обогащавшіеся сотнями тысячъ. На этой-то почвѣ и возникло тогда таможенное дѣло Вальяно, получившее громкую извѣстность чуть ли не на всю Россію. О немъ писали въ газетахъ, и «Южный Край» печаталъ стенографическій отчетъ судебного процесса, разбиравагося въ харьковской судебной палатѣ.

Вальяно обвинялся въ безпощинномъ полученіи заграничныхъ товаровъ путемъ подкупа таможенныхъ чиновниковъ, былъ приговоренъ къ лишенію правъ и ссылкѣ на поселеніе. Повѣреннымъ Вальяно дѣло было перенесено въ сенатъ. Послѣдній отмѣнилъ приговоръ судебной палаты и постановилъ взыскать съ

Вальяно только убытки, причиненные казнѣ. Этимъ и ограничилась кара, павшая на Вальяно. По поводу взысканія убытковъ въ обществѣ рассказывали не какъ анекдотъ, а какъ фактъ, имѣвшій мѣсто при описи судебнымъ приставомъ имущества миллионера Вальяно, что оно оказалось только въ одной старой шляпѣ... Искупительной жертвой вальяновской эпопеи, въ роли стрѣлочника, явился таможенный чиновникъ Кузовлевъ; онъ былъ лишенъ правъ состоянія и сосланъ въ Сибирь на поселеніе.

Нѣкоторое время послѣ окончанія процесса Вальяно еще жилъ въ Таганрогѣ, но уже началъ ликвидировать свое торговое дѣло и въ непродолжительномъ времени совсѣмъ уѣхалъ въ Грецію, гдѣ, какъ говорятъ, умеръ, оставивъ послѣ состояніе смерти въ нѣсколько десятковъ миллионовъ.

Все это было давно и прошло, но память о Вальяно жива и до сихъ поръ. О немъ я и хочу сказать нѣсколько словъ, какъ о человѣкѣ, начавшемъ свою дѣятельность съ грошами въ карманѣ и впослѣдствіи нажившемъ миллионы.

Миллионера Вальяно многіе помнятъ, и рассказы о немъ не лишены интереса. Много лѣтъ назадъ пріѣхалъ онъ изъ Греціи въ Таганрогъ бѣднымъ матросомъ и первое время слонялся по городу, продавая губки; затѣмъ былъ шкиперомъ маленькаго купеческаго судна, ходившаго на рейдъ съ грузомъ пшеницы. При такихъ условіяхъ, въ которыя поставила его судьба и которыя ограничивались ничтожнымъ заработкомъ, казалось бы, не могло быть и рѣчи о возможности нажить миллионы, а между тѣмъ фактъ налицо и самъ за себя говоритъ.

Народная молва по поводу миллионовъ Вальяно создала легенду. Насколько она соотвѣтствуетъ истинѣ, я не берусь судить, а передаю въ томъ видѣ, въ какомъ приходилось не разъ ее слышать. Давно это было. Въ гавань, гдѣ стояли причаленными небольшія купеческія суда, пріѣхалъ на извозчикѣ неизвѣстный человѣкъ и обратился къ сидѣвшимъ на берегу матросамъ и шкиперамъ съ предложеніемъ, за хорошую плату, свезти его на рейдъ—къ стоянкѣ иностранныхъ пароходовъ. Въ числѣ шкиперовъ находился и Вальяно. Послѣ непродолжительныхъ переговоровъ Вальяно согласился исполнить его просьбу. Багажъ прибывшаго состоялъ изъ двухъ чемодановъ, одинъ изъ которыхъ настолько былъ тяжелымъ, что извозчикъ съ трудомъ снесъ его въ баркасъ. Вѣтеръ дулъ попутный, и неизвѣстный одинъ на одинъ выѣхалъ со Вальяно въ море...

По другой версіи, не менѣе легендарной, вальяновскіе миллионы получились изъ-за границы, и прошли черезъ таможенную въ ящичкахъ съ карандашами. Точность вѣса и внѣшность формы карандашей, при осмотрѣ таможенными досмотрщиками, не внушали чиновникамъ подозрѣнія. Ящички, подъ наблюденіемъ при-

казчика, отвозились въ контору и въ комнатѣ съ потайною дверью, замаскированную географической картою, самимъ Вальяно разламывались и превращались въ пятидесятирублевья кредитныя бумажки. И шли эти бумажки, говоритъ народная молва, въ Сибирь, на Волгу, въ донскія станицы и глухіе хугора. Тамъ агенты Вальяно платили ими за пшеницу, ленъ, шерсть и пр., и безконечно длинными караванами отправляли скупленное въ Таганрогъ.

Во всѣхъ этихъ разказахъ, можетъ быть, и есть немало правды.

Вальяно, выросшій, по всей вѣроятности, въ исключительной обстановкѣ и видѣвшій счастье только въ деньгахъ, не задумывался, конечно, надъ средствами ихъ пріобрѣтенія, а пользовался всѣми благоприятными обстоятельствами для достиженія намѣченной цѣли — наживы. Сотни ему подобныхъ, тоже въ Таганрогѣ, шли по одному и тому же пути, преслѣдуя однѣ и тѣ же цѣли и, въ большинствѣ случаевъ, не достигали и сотой доли тѣхъ богатствъ, которыя пріобрѣлъ Вальяно. Вальяно былъ почти безграмотный, съ трудомъ подписывалъ фамилію, но обладалъ громадной памятью и коммерческимъ соображеніемъ. Всѣ свои дѣла, помимо веденія бухгалтерами въ конторѣ книгъ, включая и задолженность мелкихъ должниковъ, онъ помнилъ до точности, до мельчайшей подробности. Эта способность при сообразительности давала ему возможность охватывать широкимъ кругозоромъ объемъ всего дѣла и руководить имъ въ выгодномъ, по своему усмотрѣнію, направленіи.

Цѣлая сѣть конторъ и агентствъ, раскинутыхъ по городамъ и мѣстечкамъ Азовскаго моря, на Кавказѣ и на Волгѣ, производили за его счетъ покупку хлѣба въ зернѣ. Масса товаровъ воднымъ и сухимъ путями направлялась въ Таганрогъ, грузилась въ каботажныя суда, отвозившія товаръ на рейдъ для выгрузки въ заграничныя пароходы. Милліонные обороты торговаго дѣла Вальяно давали заработокъ тысячамъ людей. Многіе изъ его приказчиковъ разбогатѣли и вышли въ хозяева, сдѣлались скупщиками хлѣба, такъ называемыми здѣсь амбарщиками.

Ликвидация и затѣмъ прекращеніе дѣлъ Вальяно небезслѣдно прошли для всей торговли Таганрога. Весь коммерческій и рабочій людъ пріуныли; торговое движеніе замѣтно притихло; оставшіяся хлѣбныя конторы не дѣлали и половины того, что дѣлалъ Вальяно. О Вальяно жалѣли не какъ о человѣкѣ, потому что онъ не пользовался въ обществѣ симпатіей, но какъ о дѣльцѣ, дававшемъ возможность существовать при его торговлѣ массѣ народа. Это была его лучшая сторона и лучшая страница изъ исторіи его жизни въ Таганрогѣ.

Несмотря на колоссальное состояніе, домашняя жизнь этого милліонера ничѣмъ не выдавалась и не выходила изъ рамокъ

обыкновенной, заурядной жизни средняго купца. Та же замкнутость, отсутствіе общественныхъ интересовъ и полное равнодушіе ко всему, что не касалось его личнаго дѣла. Самая обстановка дома носила характеръ обыкновеннаго купеческаго жилища. Правда, у него была пара лошадей и допотопная карета, имѣвшая назначеніе изрѣдка возить старуху его жену въ церковь, но самъ онъ никогда не ѣздилъ въ ней. Впрочемъ, рассказываютъ, что когда слѣдователь производилъ въ его домѣ обыскъ, имѣвшій связь съ хищеніемъ въ таможенѣ, и нашелъ нужнымъ арестовать и препроводить въ тюрьму Вальяно, то послѣдній приказалъ подать карету и въ первый разъ проѣхалъ въ ней изъ дома въ тюрьму.

Выдающеюся чертой его характера была скупость; она красной нитью проходила во всѣхъ его дѣйствіяхъ и темнымъ пятномъ осталась въ памяти послѣ отъѣзда. Скупость и жадность не имѣли границъ у этого человѣка и служили неистощимымъ источникомъ для рассказовъ о его частной жизни. Рассказывали, напримеръ, что цилиндръ, который онъ неизмѣнно носилъ ежедневно и во всякую погоду, былъ купленъ съ публичнаго торга тридцать лѣтъ назадъ. На этотъ-то цилиндръ онъ и указалъ приставу при описи своего имущества, какъ на единственную собственность, имѣющую быть описанной за убытки казны.

Извозчики отказывались возить Вальяно; за конецъ больше гривенника онъ не давалъ и на просьбу прибавить всегда божился, что денегъ нѣтъ. Однажды стояла жестокая, суровая зима; началась она рано и длилась очень долго. Заносы на желѣзной дорогѣ пріостановили подвозъ топлива, и въ городѣ, что называется, свирѣпствовалъ угольный голодъ. Склады истощались, и цѣна на уголь поднялась до рубля за пудъ. Бѣдствіе это особенно отразилось на окраинахъ города, тамъ буквально замерзали. Деревянные заборы, плетневые изгороди пошли на топливо. Дамскій комитетъ частной благотворительности пришелъ на помощь и дѣлалъ возможное для облегченія участи нуждающихся. Комитетскія дамы ѣздили изъ дома въ домъ для сбора и заѣхали къ Вальяно. Вальяно застали дома, и хотя онъ не ожидалъ такого нашествія, но тѣмъ не менѣе не растерялся и остался, по обыкновенію, вѣренъ себѣ, положивши въ кружку 20 копеекъ...

Нужно прибавить, что не было такой бѣдности и такого несчастья, которыя могли бы вызвать у Вальяно чувство состраданія и помощи. Эти качества были чужды его черствой натурѣ. Отказывая и себѣ во многомъ, Вальяно не оставался равнодушнымъ къ одной человѣческой слабости—прекрасному полу. На этой почвѣ холодный расчетъ ступевывался и уступалъ мѣсто страсти.

Въ описываемое время Вальяно было лѣтъ 60, но онъ имѣлъ бодрый видъ и ходилъ безъ палки, перебирая въ рукахъ янтар-

ныя четки. Средняго роста, коренастый, съ короткой шеей и бритымъ лицомъ шоколаднаго цвѣта, на которомъ, какъ два разгорающіеся уголька, свѣтились красныя маленькіе глаза. Спокойное, какъ маска, лицо не было зеркаломъ его души. Казалось, онъ былъ равнодушенъ ко всему и на все смотрѣлъ съ своей точки зрѣнія, ничѣмъ не волнуясь, зная силу своихъ милліоновъ. Даже таможенный крахъ, главнымъ героемъ котораго онъ былъ, прошелъ безслѣдно, не оставивъ слѣдовъ потрясенія.

Будучи учредителемъ и крупнымъ вкладчикомъ акціонернаго Приморскаго банка, Вальяно изрѣдка приходилъ въ правленіе этого банка; приходъ его вызывалъ всегда сенсацію среди заправиль, старавшихся оказать ему особенную любезность. Расплывшіяся улыбки, низкіе поклоны и готовность, такъ сказать, провалиться сквозь землю по его желанію ясно выражали силу милліоновъ. Впрочемъ, Вальяно и самъ, повидимому, прекрасно все понималъ, принимая эту лакейскую любезность какъ должное и законное.

Въ тотъ же годъ и почти одновременно съ событіями въ таганрогской таможнѣ въ городѣ начали распространяться слухи, неблагопріятные для контролера Приморскаго банка Гевуша. Азартная игра, которую онъ велъ въ клубѣ, дорогіе наряды его жены, выписываемые изъ-за границы, роскошная обстановка квартиры, при небольшомъ, сравнительно, получаемомъ жалованьи рѣзко бросались въ глаза и давали поводъ къ толкамъ о возможности неблагополучія банковской кассы.

Слухи эти доходили и до правленія банка. Но Гевушъ за нѣсколько лѣтъ поставилъ себя въ отношеніи правленія такъ, что послѣднее, въ виду безупречной и ничѣмъ не запятанной имъ службы, не допускало и мысли о какомъ-либо злоупотребленіи съ его стороны. Къ тому же бралось во вниманіе, что Гевушъ, какъ контролеръ счетоводства, активнаго участія въ кассѣ и не имѣлъ. Весь кругъ его дѣятельности ограничивался только сферой бухгалтеріи. Кассой завѣдывали артельщики, на которыхъ и лежала отвѣтственность за цѣлость послѣдней, съ гарантіей артели. По окончаніи занятій ежедневно управляющій совмѣстно съ ними провѣрялъ остатокъ наличности, который долженъ былъ сходиться съ записью контролера и съ книгой кассира. Послѣ провѣрки кладовая запиралась, и ключи отъ нея хранились—одинъ у управляющаго, а другой у старшаго кассира.

Нужно прибавить, что ежемѣсячно ревизіонная комиссія, состоящая изъ четырехъ лицъ, провѣряла наличность денегъ, процентныхъ бумагъ, портфель векселей, и все въ точности сходилось съ книгами и балансомъ, о чемъ свидѣтельствовали акты,

подписанные членами ревизіонной комиссіи. Слѣдовательно, допустить возможность хищенія изъ кассы банка въ правленіи не возникало никакихъ основаній, а потому оно на всѣ распускаемые въ городѣ слухи перестало обращать вниманіе. О иномъ же способѣ выживанья, по своей наивности, не имѣло не малѣйшаго представленія.

Въ частной бесѣдѣ членъ ревизіонной комиссіи, грекъ, плохо говорившій по-русски, выразился по поводу ходящихъ разговоровъ такъ: «Не вѣру. Всякій челувѣкъ имѣетъ много враги и мало пріатели. Ми чилени, лучше всѣ знаемъ». И, дѣйствительно, дѣла банка шли по заведенному порядку—превосходно. Графа полученныхъ процентовъ, въ печатаемыхъ балансахъ, какъ роскошно распускающійся цвѣтокъ, радовала сердца акціонеровъ, предвкушавшихъ хорошій дивидендъ.

Здѣсь я долженъ остановиться и сказать нѣсколько словъ о Гевушѣ, не какъ о банковскомъ дѣятелѣ, а какъ о челувѣкѣ, совмѣщавшемъ въ себѣ и хорошія, и дурныя качества.

По рассказамъ, заслуживающимъ довѣрія, Гевушъ пользовался, какъ въ обществѣ, среди котораго вращался, такъ и среди служащихъ банка, уваженіемъ. Самая внѣшность располагала въ его пользу. Это былъ мужчина лѣтъ 40, еврей, съ красивымъ типичнымъ лицомъ. Черная, съ просѣдью борода и миндалевидные темные вдумчивые глаза, при спокойной выдержанной манерѣ держать себя, придавали ему солидность и располагающее въ его пользу впечатлѣніе. Одѣвался онъ всегда просто, безъ претензіи на дешевое щегольство. Черная пара и безукоризненное по чистотѣ бѣлье—составляли его повседневный костюмъ. Вообще онъ старался не выдѣляться и не обращать чѣмъ-либо на себя вниманіе. Со служащими, стоявшими, по положенію банковской іерархіи, ступенями ниже, всегда былъ вѣжливъ и деликатенъ, какъ истый джентльменъ. Соприкасаясь близко съ ними и зная ихъ нужды, а въ особенности людей семейныхъ, получавшихъ ограниченное содержаніе, часто не хватавшее отъ двадцатаго до двадцатаго, Гевушъ никогда не отказывалъ въ содѣйствіи передъ правленіемъ о выдачѣ авансовъ въ счетъ жалованья и даже нерѣдко помогалъ изъ собственныхъ средствъ.

Здѣсь нелишнимъ будетъ привести случай, имѣвшій мѣсто съ однимъ служащимъ, впавшимъ, благодаря роковымъ случайностямъ, въ крайнюю нужду. Поданная имъ просьба въ правленіе о выдачѣ пособія была отклонена съ надписью на просьбѣ, сдѣланной однимъ изъ членовъ правленія, грекомъ, слѣдующаго содержанія: «Отказать. Банко не благодѣльня». Этотъ отказъ, въ связи съ грубой надписью, задѣлъ самолюбіе всѣхъ и вызвалъ негодованіе по адресу правленія. Гевушъ, раздѣляя общее недовольство, тутъ же, не задумываясь вынулъ изъ кармана 50 рублей и отдалъ служащему, безъ всякой аффектаціи, точно въ этомъ заключалась его прямая

обязанность. «Возьмите, — сказалъ онъ, — и когда разбогатѣете, возвратите». Дѣлалъ ли это онъ съ цѣлью подкупить въ свою пользу, или изъ чувства великодушія—неизвѣстно, но тѣмъ не менѣе память о немъ богата такими воспоминаніями.

Гевушъ, какъ и раньше было сказано, не имѣлъ непосредственнаго и фактическаго отношенія къ кассѣ, а велъ только ежедневную запись движенія суммъ и оборотовъ по счетамъ.

По заведенному порядку, корреспонденція, получаемая съ почты, поступала къ управляющему, который послѣ прочтенія и помѣты выдавалъ ее контролеру. Послѣдній проводилъ по записи всѣ выдачи и полученія, сдѣланныя отдѣленіями и корреспондентами, и на другой день законченная запись поступала въ бухгалтерію и разносилась по книгамъ. Такая система, при полномъ отсутствіи контроля надъ Гевушемъ, давала крупный козырь въ его руки и, по всей вѣроятности, навела на мысль о возможности путемъ фиктивныхъ записей по оборотамъ выуживать изъ кассы деньги.

Для исполненія задуманнаго плана требовался помощникъ, который, по занимаемому общественному положенію не бросалъ бы и тѣни подозрѣнія. Необходимость второго лица вытекала, конечно, изъ того положенія, что полученія изъ кассы должны были проходить вполне оформленными и по своей безупречности не давать и повода къ возбужденію какихъ-нибудь недоразумѣній. Обстоятельства, которыя могли вліять, были удалены и затупеваны такъ, что даже служащіе, близко стоявшіе къ операціи, на которой производились хищенія, оставались въ полномъ невѣдѣніи.

Въ числѣ кліентовъ банка нѣкто Г., повѣренный купеческихъ конторъ по оплатѣ пошлинъ, имѣлъ небольшой текущій счетъ, а также часто получалъ и переводы; на него и палъ выборъ Гевуша. Удачный первый опытъ доказалъ возможность дальнѣйшаго продолженія. Чтобы скрыть слѣды всякаго подозрѣнія, отношенія участниковъ маскировались и исключали предположеніе ихъ близкихъ отношеній. Достаточно сказать, что ни одинъ, ни другой не давали повода заподозрѣть ихъ даже какъ знакомыхъ.

Занятія въ банкѣ начинались въ 9 и оканчивались въ 3 часа. Вечерами никто не ходилъ, за исключеніемъ, разъ въ мѣсяцъ, дней ревизіи. Но и въ эти вечера служащіе собирались преимущественно, чтобы устроить игру въ стуколку. Игра въ карты въ то время носила, такъ сказать, эпидемическій характеръ, охвативъ весь банкъ. Играли всѣ и во всякое время. Вечерами въ клубѣ, днемъ—урывками во время занятій. Отсутствие денегъ нисколько не обезоруживало и не удерживало, а наоборотъ, поощряло къ изобрѣтательности, доходившей въ данномъ случаѣ до паразительности.

За день до открытія злоупотребленія состоялась ревизія. Вечеромъ, въ семь часовъ, управляющій открылъ кладовую, и члены

ревизионной комиссiи вошли въ кассовое отдѣленіе, гдѣ, по обыкновенію, подавался и чай. Артельщики вынесли деньги и процентныя бумаги, которыя тщательно провѣрялись и относились обратно. Гевушъ сидѣлъ съ книгою балансовъ, шутилъ и рассказывалъ городскія новости.

По окончаніи провѣрки и подписанія протокола комиссiя, расходясь, благодарила Гевуша за аккуратное веденіе дѣла и въ любезныхъ пожеланіяхъ выражала надежду и въ будущемъ встрѣтить ту же исправность и точность счетоводства.

— Пока у насъ Абрамъ Борисовичъ, мы можемъ быть покойны, говорили члены, прощаясь и пожимая ему руку.

Гевушъ улыбался, выдавая имъ десятирублевые жетоны за засѣданіе. Что онъ думалъ въ это время? Смѣялся ли въ душѣ надъ ними и благословлялъ судьбу, дававшую возможность счастливо обходить опасность на его покатомахъ пути, или же чувствовалъ, что звѣзда его меркнетъ и приближается къ роковому концу, и сознаніе близкой развязки подсказывало остановиться и покончить со всѣмъ. Оставшись одинъ, Гевушъ долго ходилъ по залѣ. Въ передней сидѣлъ сторожъ и ждалъ приказанія тушить свѣчи. Открывъ свою конторку, онъ внимательно пересмотрѣлъ всѣ находящіяся въ ней бумаги, нѣкоторыя взялъ себѣ, остальные аккуратно сложилъ и заперъ на ключъ.

На другой день Гевушъ въ банкъ не явился.

Пришедшая съ его квартиры прислуга заявила, что еще вчера вечеромъ онъ съ женою вышелъ изъ дому и до сего времени не возвращался. Всѣхъ это крайне поразило. Недоумѣніе выразалось въ разныхъ предположеніяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ таинственнымъ исчезновеніемъ Гевуша. Осмотръ квартиры не выдавалъ отсутствія хозяевъ, оставившихъ ее навсегда. Не говоря уже объ обстановкѣ комнатъ, даже платье и бѣлье оставались не тронутыми въ гардеробахъ. Казалось, что хозяева ушли на непродолжительное время.

Но прошелъ день-два, а возвращенія не было. Сомнѣнія невольно сводились къ печальной дѣйствительности, и фактъ побѣга былъ ясенъ, какъ день.

Петербургскій банкъ требовалъ покрытія долга, который по своимъ размѣрамъ не соответствовалъ книгамъ Приморскаго банка. Всѣ эти обстоятельства въ связи съ прежними толками бросали неблагоприятную тѣнь на таинственное исчезновеніе Гевуша.

Тщательная провѣрка книгъ за весь годъ открыла преступленіе. Текущій счетъ Г. ясно показавъ, что переводы, записывавшіеся на его счетъ, были фиктивными и являлись плодомъ изобрѣтательной фантазіи Гевуша. Проходя по оборотамъ записей, они заносились на приходъ текущаго счета Г. въ дебетъ счета Петербургскаго банка, не дававшего подобнаго порученія.

Ларчикъ открывался просто, и Гевушъ, пользуясь отсутствіемъ надъ собою контроля, въ теченіе года выудилъ изъ кассы около 170.000 рублей. Банкъ списалъ въ убытокъ эту сумму и тѣмъ покончилъ съ дѣломъ Гевуша, скрывшагося безслѣдно.

Г., какъ соучастникъ преступленія, былъ задержанъ и судился въ окружномъ судѣ.

Событіе это, помимо матеріальнаго ущерба, морально отразилось на правленіи. Прежнее довѣріе уступило мѣсто растерянности и боязни. Страхъ снова попасть въ ловушку, какъ тяжелая мрачная туча, нависъ надъ банкомъ. Растерянность вызывала разныя распоряженія, противорѣчація одно другому.

Главный акціонеръ П., понимая, что дѣло банка, при существующихъ условіяхъ, не гарантируетъ новыхъ хищеній, что составъ правленія не соотвѣтствуетъ своему назначенію, что нужно поставить его на болѣе твердую ногу, легализировалъ новаго дѣятеля въ лицѣ своего повѣреннаго, который и сталъ наводить порядки. Прежде всего послѣдовало сокращеніе учета векселей, а все вниманіе обратилось на товарныя ссуды, какъ на вполнѣ гарантированную операцію. Но и тутъ злой рокъ, тяготѣвшій надъ Приморскимъ банкомъ, преслѣдовалъ всѣ его начинанія и поставилъ въ положеніе не хуже предыдущаго. Новое хищеніе не замедлило обнаружиться тамъ, гдѣ его совсѣмъ не ждали.

Спустя нѣкоторое время послѣ исчезновенія Гевуша въ домѣ купца Голубцова происходило необычайное движеніе. Подъѣзжали и уѣзжали на извозчикахъ; прислуга въ волненіи суетилась, перебрасываясь отрывочными словами. На лицахъ отражался испугъ неожиданно свалившейся бѣды. Сначала, казалось, не понимали, что случилось. Но вѣсть, черная и зловѣщая, бѣжала изъ устъ въ уста и, какъ электрическій токъ, передавалась однимъ другому.

Въ нижнемъ помѣщеніи, въ бакалейномъ магазинѣ, приказчики тревожно перешептывались. Всѣмъ было что-то извѣстно и въ то же время всѣ боялись и избѣгали объ этомъ говорить.

Къ дому подкатила пролетка, и два доктора поспѣшно соскочили и скрылись въ дверяхъ подъѣзда.

— Доктора пріѣхали. Должно, потрошить будутъ, — шопотомъ сказалъ мальчишка въ бѣломъ фартукѣ, стоявшій у дверей магазина.

— Каркай!..—оборвалъ приказчикъ, сердито посмотрѣвъ на него.

— Маша, дяденька, сказывала, что сама видѣла, какъ онъ началъ кончаться. Пѣна, говоритъ, изъ рта такъ и бѣжитъ...

— Андрей Ивановичъ, голубчикъ, скорѣй посылайте кого-нибудь въ аптеку! — торопливо, подавая рецептъ, проговорила женщина

среднихъ лѣтъ, повязанная по-купечески косынкою, съ блѣднымъ, испуганнымъ лицомъ.

— Ну, что, Авдотья Степановна, какъ тамъ?

— Плохо!..

И, махнувъ безнадежно рукою, она послѣшно скрылась изъ магазина. Черезъ нѣсколько минутъ подѣхалъ еще докторъ.

«Должно, и въ самомъ дѣлѣ плохо, коли столько докторовъ созвали», подумалъ Андрей Ивановичъ, тяжело опускаясь на стулъ въ укромномъ уголкѣ магазина.

Андрей Ивановичъ Ставровъ былъ старшій приказчикъ Голубцова и правая его рука въ торговомъ дѣлѣ. Давно онъ служилъ. Ни одно рискованное дѣло Голубцова не обходилось безъ его участія и не мало грѣховъ лежало на его душѣ. Подвергаясь разнымъ опасностямъ по исполненію темныхъ дѣлъ хозяина, онъ, благодаря смѣлости и находчивости, выходилъ всегда сухимъ изъ воды. И все сходило благополучно, а теперь?.. Андрей Ивановичъ задумался. Воспоминанія вставали и выдѣлялись. Рисовались картины прошлаго и, какъ облака, гонимыя вѣтромъ, проносились въ головѣ.

Бывало, темною ночью по проселочнымъ дорогамъ черноморскихъ степей, подъ страхомъ быть убитымъ или самому кого убить, не разъ сопровождалъ онъ транспортъ съ дорогами заграничными винами, шедшій контрабандой съ Кубани. Сильные, сытые кони, по парѣ въ каждой повозкѣ на желѣзномъ ходу, гдѣ не звякнетъ ни одна гайка, идутъ ходкимъ шагомъ.

Андрей Ивановичъ сидитъ на облучкѣ передняго воза, всматриваясь въ темную, какъ чернило, ночь и думаетъ: «Обѣхать бы благополучно станицу Мышастовку, самое опасное мѣсто, а тамъ, тѣми же окольными дорогами, недалеко и до Щербиновки; у надежнаго человѣка укрыться можно до слѣдующей ночи».

Кони идутъ свободно, неслышно катятся тяжело нагруженные возы по заросшей травой дорогѣ.

Кругомъ пустынно и темно, только со стороны станицы вѣтромъ доноситъ отдаленный лай собакъ. Чу! топотъ... Ощупавъ въ карманѣ револьверъ, онъ тихо свистнулъ. Такой же свистъ отозвался и съ другихъ воевъ. Въ темнотѣ обозначились двое верховыхъ, задерживающихъ лошадей.

— Здоровы булы!

— Здравствуйте!

— Чи не бачили вы пару воливъ?

— Нѣтъ, не видали. А что?

— Отбилась бисова худоба, всю ничь шукаемъ...

— А вы откуда?

— Изъ Терновки. Хуру веземъ въ Бѣлоглинку.

— Хлѣбъ?

— Да, хлѣбъ.

— Нѣтъ, не видали...

Андрей Ивановичъ свободно вздохнулъ, поправилъ подъ собою сидѣніе и закурилъ папиросу.

Занималась заря. Въ блѣдномъ отрѣзкѣ зари окрашивался край небосклона. Въ туманѣ чуть обозначались силуэты мельницъ Щербиновки...

Вдругъ въ верхнемъ этажѣ раздались истерическіе крики и плачь, поднялась усиленная суматоха, заставившая очнуться Андрея Ивановича. Вбѣжавшая горничная вся въ слезахъ объявила, что хозяинъ умеръ.

Павель Филипповичъ Голубцовъ, крупный и видный торговецъ, собственникъ домовъ и складовъ, слылъ въ городѣ за человѣка богатаго и вліятельнаго. Что онъ нажилъ состояніе контрабандой и продолжалъ ею заниматься, это нисколько не мѣшало ему пользоваться почетомъ и уваженіемъ по пословицѣ: «тотъ не воръ—кто не пойманъ». Изъ этого, конечно, какъ слѣдствіе, вытекала и приводилась одиннадцатая заповѣдь—«не зѣвай». И не зѣвали. Богатые греки, игравшіе видную роль и смотрѣвшіе на все съ точки зрѣнія больше взять и меньше дать, шли впереди. Русскіе, подражая имъ, въ свою очередь, старались не отставать. Голубцовъ, какъ старый контрабандистъ, не могъ оставаться равнодушнымъ при видѣ такой лазейки, которую продѣлалъ Вальяно въ таможенѣ и, само собою разумѣется, старался утилизировать ее тоже въ свою пользу. Къ тому же, будучи членомъ учетнаго комитета Приморскаго банка, онъ и здѣсь не отступалъ отъ житейской премудрости «не зѣвай» и примѣнялъ ее, гдѣ только возможно. Прежде всего поставилъ себя по отношенію правленія такъ, что послѣднее смотрѣло на него, какъ на человѣка коммерческаго (что имѣло немалое значеніе въ банкѣ), и считалось съ его мнѣніемъ. Сказанное имъ слово въ пользу кліента, просившаго объ открытіи кредита, представляло уже достаточную гарантію для учета.

Заручившись такимъ привилегированнымъ положеніемъ, Голубцовъ сталъ проводить векселя лицъ совсѣмъ неизвѣстныхъ правленію. Въ числѣ такихъ фигурировалъ и Андрей Ивановичъ Ставровъ, подписывавшійся иркутскимъ первой гильдіи купцомъ. Ставрова, конечно, никто не зналъ какъ приказчика Голубцова, благодаря постоянному его отсутствію, способствовавшему сохраненію тайны. Все шло прекрасно, и Голубцовъ во время переучитывалъ векселя, аккуратно уплачивая проценты. Но послѣдовавшее сокращеніе учета и вводимыя новыя правила сильно стѣснили Голубцова и чуть не вызвали даже протеста векселей.

Дѣло въ томъ, что довѣренный главнаго акціонера П. старался возстановить порядокъ, по которому всѣ срочные векселя оплачивались бы фактически, а не переписывались въ день срока, какъ

это дѣлалось раньше. Такое положеніе создало, конечно, затрудненіе для Голубцова, нуждавшагося всегда въ деньгахъ, и навело на мысль имѣть свободный обеспеченный кредитъ въ банкѣ. Переговоривъ предварительно съ правленіемъ, онъ подалъ заявленіе объ открытіи ему спеціальнаго счета подъ обезпеченіе деревяннаго масла на складѣ.

Въ кабинетѣ, устланномъ большимъ ковромъ и обставленномъ массивною мебелью, обитой темнымъ сафьяномъ, за письменнымъ столомъ сидѣлъ Голубцовъ, дѣлая выкладки на счетахъ. Временами онъ подымалъ голову, что-то соображая, и снова принимался считать.

На бритомъ полномъ лицѣ съ глубоко сидящими глазами выражалась озабоченность. Казалось, засѣвшая мысль не давала покоя и давила на мозгъ. Отодвинувъ отъ себя счета, онъ откинулся на спинку кресла, тяжело вздохнулъ и задумался. Тѣнь усталости легла на лицѣ. Глаза неподвижно застыли, остановившись на одной точкѣ... И вдругъ смутная, робко касавшаяся сознанія мысль порывомъ вырвалась и вылилась въ смѣлый планъ. И все показалось ясно и просто. Голубцовъ всталъ и началъ ходить. Шумъ шаговъ заглушался мягкостью ковра. Въ комнатѣ было тихо. Мысль работала, и планъ принималъ реальную форму.

Легкій стукъ въ дверь заставилъ его очнуться.

— Кто тамъ? Войдите!

— Это я, Павелъ Филипповичъ!

И въ кабинетъ вошелъ Андрей Ивановичъ, остановившись у порога.

— Легокъ на поминѣ! Сейчасъ только думалъ послать за тобою, да вишь, самъ догадался прійти. Садись, нужно переговорить о дѣлѣ.

— Ничего... постоимъ...

— Садись, Андрей! — мягко сказалъ Голубцовъ, указывая на кресло.

Андрей Ивановичъ сѣлъ на кончикъ, крикнулъ и обвелъ комнату глазами.

Судя по тону, которымъ встрѣтилъ его Голубцовъ, онъ не могъ не догадаться, что предстоитъ разговоръ о какомъ-нибудь важномъ дѣлѣ, требующемъ его участія. Хотя это и льстило его самолюбію, но въ то же время мелькнувшая мысль о возможности новаго предложенія подписать векселя накрыла какъ мокрымъ рядномъ.

Андрей Ивановичъ молчалъ и, въ томительномъ ожиданіи услышать непріятную вещь, разсматривалъ комнату, точно видѣлъ ее въ первый разъ.

— Скажи, пожалуйста, Андрей, — началъ Голубцовъ: — сколько у насъ на складѣ деревяннаго масла?

— Думаю, пудовъ 200 будетъ.

— Г-мъ... маловато!

Помолчавъ, Голубцовъ прибавилъ:

— А нужно, чтобы было по крайней мѣрѣ 10,000 пудовъ...

Андрей Ивановичъ не понялъ и заговорилъ на мѣстѣ, стараясь угадать тайный смыслъ словъ хозяина. На лбу образовались складки, и брови приподнялись.

— Видишь, Андрей,—продолжалъ Голубцовъ тѣмъ же тономъ, ласково смотря на своего собесѣдника:—дѣло въ томъ, что скоро наступятъ сроки твоихъ векселей, и я, помня свое обѣщаніе, хочу ихъ выкупить. Всѣ ходимъ подъ Богомъ, не дай Богъ чего, чтобы ты въ отвѣтъ не былъ.

— Покорно благодарю!

— А теперь вотъ что: отъ банка пріѣдутъ осмотрѣть масло въ складѣ. Я уже подалъ заявленіе, что желаю его заложить въ количествѣ десяти тысячъ пудовъ, а у насъ въ наличности только 200, слѣдовательно, нужно придумать такую махинацію, чтобы эти 200 пудовъ превратились въ 10,000! Понялъ?

И Голубцовъ, скрививъ въ улыбку ротъ, пристально посмотрѣлъ на своего приказчика.

— Не понимаю, Павелъ Филипповичъ, побей Богъ, не понимаю! Больно мудреное дѣло!..

— Не понимаешь?.. Ну, такъ слушай: сдѣлать это мудреное дѣло, другъ, очень просто.

Голубцовъ всталъ и плотнѣе прикрылъ дверь. Затѣмъ, придвинувшись ближе къ Андрею Ивановичу, повелъ такую рѣчь:

— Закажи сто штукъ жестяныхъ цилиндровъ въ діаметрѣ двухъ четвертей. Эти цилиндры тыставишь въ бочки противъ втулокъ, откуда будутъ брать пробу, въ нихъ нальешь доверху масла, а самыя бочки наполнишь водой...

Андрей Ивановичъ смотрѣлъ на него во всѣ глаза, и, хотя не былъ новичкомъ въ разныхъ передѣлкахъ, никогда не думалъ, чтобъ можно было обманывать такъ безстыдно и открыто; и именно эта дерзкая смѣлость увлекла его порывомъ удала, влила энергію, и закопошившіяся сомнѣнія растаяли, какъ дымъ.

— Понялъ! — рѣшительно произнесъ Андрей Ивановичъ, расплывшись въ хитрую улыбку.

— Нынче, Андрей,—продолжалъ Голубцовъ, довольный произведеннымъ впечатлѣніемъ,—на все нуженъ умъ и сметка. По теперешнимъ временамъ правдой на свѣтѣ не проживешь!

— Это вѣрно! Народъ сталъ дюже крутой, и силой пробиваться нужно.

— Ну, съ Богомъ! Время не ждетъ. Когда все будетъ готово—миѣ скажешь.

Андрей Ивановичъ поклонился и вышелъ и, не заходя въ магазинъ, сейчасъ же приступилъ къ исполненію задуманнаго Голубцовымъ плана.

Банкъ, до выдачи ссуды, послалъ своего довѣреннаго опредѣлить приблизительно вѣсъ и взять пробу. Послѣдній, провѣривъ количество бочекъ, вѣсъ и содержимое щупомъ черезъ втулки, нашелъ все соответствующимъ заявленію, поданному Голубцовымъ. Доставленная въ бутылкахъ проба подверглась еще тщательному испытанію въ качественномъ отношеніи. Десятокъ зажженныхъ лампадокъ, горѣвшихъ ровнымъ и тихимъ огнемъ, доказали экспертамъ безукоризненность масла, отвѣчающаго всѣмъ требованіямъ быть принятому въ залогъ и выдачѣ ссуды въ размѣрѣ 75,000 р.

Но не прошло и мѣсяца, какъ подлогъ открылся. Въмѣсто масла оказалась морская вода.

Правленіе, послѣ недолгаго совѣщанія, предложило Голубцову немедленно уплатить долгъ по ссудѣ, въ противномъ случаѣ грозило передать дѣло прокурору.

Голубцовъ очутился въ безвыходномъ положеніи. Все было противъ него. Сложившіяся обстоятельства беспощадно сдавили со всѣхъ сторонъ. Таможенное дѣло, въ которомъ онъ былъ замѣшанъ, въ связи еще съ открывшимися злоупотребленіями въ спиртовомъ складѣ, грозившими тюрьмой, поставили въ отчаянное положеніе, результатъ котораго и выразился его внезапной трагической смертью.

Голубцовъ отравился.

Д. Проскурнинъ.

КАРТОФЕЛЬНЫЙ БУНТЪ.

(Картины прошлаго).

I.

БЫЛА осень 1767 года. Въ большомъ и торговомъ селѣ Шурмѣ праздновался храмовой праздникъ.

Отецъ Семень еще не выходилъ изъ церкви, и въ церковномъ домѣ, въ батюшкиной квартирѣ домовничала и хозяйничала одна лишь матушка. Молодая попадья совсѣмъ захлопоталась со стряпней: помочь было некому, такъ какъ по весеннему времени никто не шелъ прислуживать. А между тѣмъ сегодня послѣ обѣдни о. Семень ждалъ гостей, и нужно было встрѣтить ихъ честь-честью, съ хлѣбомъ-солью, брагой, виномъ и съ прочими съѣстными припасами.

Бойкая матушка устроилась и одна. Приготовила столъ въ большой комнатѣ съ русской печью, накрыла его синей, набивной скатертью съ желтыми и красными цвѣтами, поставила на жестяномъ подносѣ чайникъ, чашки и съ трудомъ притащила изъ кухни огромный ведерный самоваръ.

— Какъ бы повиднѣе поставить вино?—соображала заботливая хозяйка:—нужно такъ поставить, чтобы видно было отъ входа... Вотъ, развѣ около пирога!. Оно къ пирогу-то и подходитъ: вѣдь съ него послѣ выпивки и начнутъ!.

И дѣдовскій граненый графинчикъ съ рябиновкой скромно пріютился вмѣстѣ съ оловянными чарками возлѣ пышнаго, румянаго пирога съ рыбой. Ужъ и пирогъ же вышелъ! Недурны вышли и творожныя ватрушки; но всего лучше, всего отраднѣе для ма-

тушкиной гордости былъ хлѣбъ: высокій, пухлый, сдобный... такой великолѣпный, что и архіерею можно подать къ чаю! Не мужиковъ бы сиволалыхъ угощать такимъ хлѣбомъ!—вздыхнула отъ глубины души матушка.

Она покрыла чистымъ, шитымъ шелками чайнымъ полотенцемъ хлѣбъ и ватрушки, чтобы не остыли и были мягче, и вдругъ вспомнила, что надо же принести съ ледника пиво.—Не успѣетъ согрѣться!—мелькнуло у ней въ головѣ:—отецъ Семенъ бранить будетъ!

И она торопливо побѣжала на погребъ. Черезъ нѣсколько минутъ пиво уже стояло на столѣ въ новомъ деревянномъ жбанѣ съ зелеными и желтыми разводами. Теперь все было въ добромъ порядкѣ и исправности. Попадья внимательнымъ взоромъ окинула еще разъ все угощенье, кое-что переставила, кое-что поправила и вздохнула съ облегченіемъ. Хозяйственное бремя упало съ ея плечь.

Она заглянула въ маленькое кривое зеркальце, поправила платочекъ на головѣ, надѣла пеструю шаль и заколола ее подъ подбородкомъ булавкой. Теперь можно и гостей встрѣтить: не осудятъ за черашество!

Вотъ и гости! Батюшка и сосѣди-прихожане идутъ уже на крыльцо. Уже слышенъ голосъ отца Семена: «Пожалуйте, дорогіе гости! Отвори, матушка, двери!» Попадья поспѣшно отворила дверь, и на порогѣ показались всѣ четверо. Гости не рѣшались войти прежде батюшки.

— Пожалуйте всѣ вмѣстѣ! — пригласилъ батюшка: — широки двери: вмѣстѣ войдемъ! Никто не задержится! Пожалуйте!

Матушка, улыбаясь и кланяясь, также приглашала добрыхъ гостей пожаловать. Гости, степенные крестьяне, для приличія покобенившись, вошли и стали креститься на иконы. Потомъ поздравили хозяевъ съ праздникомъ и остались стоять на ногахъ. Хозяйева пригласили сѣсть.

— Пожалуйте, садитесь! За столъ садитесь!—Вотъ, сюда къ окошечку садитесь!—пригласила матушка:—хорошо у окошечка-то: церковь видно, избушки, лѣсокъ... Народушко ходитъ!

— Не купецкаго званія, чтобы за столомъ сидѣть! Постоимъ!—церемонились гости.

— Не побрезгуйте хлѣбомъ-солью!—угощалъ батюшка, когда посѣтители, наконецъ, усѣлись:—не угодно ли пива! Опробуйте!

Гости выпили и похвалили пиво,—хорошо! Нечего сказать. А гдѣ брали хмель?

— Свой. Самъ перекапываю, пересаживаю... Уходъ за нимъ у меня большой.

Потомъ гости попробовали и рябиновки, и попъ опять похвалился своей рачительностью:

— Самъ рябину собиралъ, самъ настойку дѣлалъ! А къ рябиновкѣ-то груздочковъ бы надо! Принеси, мати, груздочковъ!—обратился онъ къ попадѣ.

Матушка сбѣгала, принесла. Гости похвалили и груздочки:

— Кудрявые, бѣлые, мелкіе... Какъ это вы сберегли? У насъ бабы не умѣютъ сберегать!

— А пирога-то? Покушайте!

— Довольно! сыты!—отозвались крестьяне.—Мы, батюшка, къ тебѣ съ поклономъ!—сказалъ одинъ изъ нихъ, вставая и кланяясь въ поясъ:—за тобой пріѣхали! Починковскіе, ивановскіе и изъ нашей деревни, Поймы, просятъ тебя, кого крестить, кого напутствовать, кого хоронить. Старики есть, которые смерти ждуть... А то, вотъ, еще сѣвъ у насъ, освяти зерна, молебень въ полѣ справь.

— Что жъ? я готовъ!—отвѣтилъ священникъ.—Раньше-то дороги не было... сторона у васъ лѣсная; овраги, да болота... ну, а теперь можно проѣхать. Завтра же въ путь!

II.

Попадья между тѣмъ открыла печь, вынула изъ печки глиняное блюдо, покрыла его полотенцемъ и оставила на шестѣ.

— Ну-ка, мати, угощай! неси сюда яблоки земляныя!—промолвилъ отецъ Семень, замѣтивъ ея приготовленія:—покажи гостямъ новинку!

Матушка подала. На блюдѣ, впрямь, чернѣли какія-то яблоки. Гости подивились.

— Это что же будетъ такое?—спросилъ одинъ изъ нихъ:—на яблоки-то, будто, не похоже?

— Вы попробуйте!—предложилъ батюшка:—кушайте безъ сумлѣнія. Пища благопотребная... Кушайте съ солью да съ масломъ!

— Ну-ка, ты первый загни! Кто ее знаетъ?—посомнѣвались гости.

Батюшка съ матушкой подали примѣръ. Разрѣзали «яблоки», облили масломъ и стали съ аппетитомъ кушать и похваливать.

— Чудное дѣло! ну-ка, и я попробую!—рѣшился, наконецъ, одинъ изъ крестьянъ.—Важная штука! Взаправду!

— Ну-ка, и я!—Давай, братцы, попробуемъ новинки!—разошлись остальные гости.

Черезъ нѣсколько минутъ все было съѣдено.

— Гдѣ ты досталъ, отецъ? Гдѣ бы купить на разсаду?—спрашивали крестьяне.

Батюшка вытеръ синимъ клѣтчатымъ платкомъ усы и бороду и началъ рассказывать:

— Въ прошломъ году дѣло было: получаю, это, я бумагу. Приказано въ городъ ѣхать. Ъду и думаю, зачѣмъ вызвали? Развѣ

унущеніе какое по приходу замѣчено? Въ городѣ опять бумагу дали прочитатъ: прописано, чтобы немедленно выдать начальникамъ городскимъ и сельскимъ и попамъ картофель (это, вотъ, яблоки-то эти такъ называются) и научить ихъ, какъ садить и употреблять въ пищу. А попамъ повелѣно научить этому весь народъ, раздавая ему картофель для расады.

— Какъ же ты его разводилъ?—спросилъ гость.

Отецъ Семень разказалъ.

— Не трудная работа. Всякая дѣвка сумѣетъ!

— А какъ выше-то начальники узнали?

— Изъ Питера прислали! Сама царица изъ другой страны яблоки эти въ гостинецъ получила!—разказывалъ батюшка.— Покушала—и очень понравился ей гостинецъ. Накупила она его множество и пожелала раздать народу. Написала бумагу, чтобы во всѣ города и села посылать картофель, разводить его и народу давать на расаду, потому что это здоровая, вкусная пища, замѣна хлѣбу!

Гости задумались.

— Это изъ какой же чужой стороны послали-то его?—спросилъ одинъ изъ нихъ, почесывая затылокъ.— Ужъ не изъ нѣметчины ли?

— Можетъ быть, и оттуда!

— Вѣдь ежели изъ нѣметчины... не было бы грѣха какого? Тамъ, слышь, Богу-то не по-нашему молятся: сидятъ въ церкви съ книжками, да башкой киваютъ... креста на лобъ не кладутъ, потому некрещенные еретики... Не возьмемъ ли грѣха на душу съ яблоками-то этими?

— Что вы, гости дорогіе, придумали?—успокоительно промолвилъ отецъ Семень.—Какой же грѣхъ—Божью овощъ ѣсть?

— А какъ же, отецъ, табакъ-то отгуда же везутъ, а вѣдь табакъ нюхать грѣхъ! Носы прежде рвали за него...

— Теперь, слышь, и нюхаютъ и носы подкуриваютъ, а наказанья ужъ нѣтъ!—замѣтилъ другой собесѣдникъ.

— Не ладно это затѣяли! Брось ты, отецъ, грѣха много! Еретики это придумали!

— Я долженъ, ребяташки, исполнять царскую волю!—промолвилъ священникъ:—не исполню, брошу—меня накажутъ... Не могу: мѣста лишатъ, въ монастырь сошлютъ на покаяніе. Вотъ, поѣду съ требами, и картофель возьму: научу его садить. Предложу ѣсть, какъ и вамъ же; научу стряпать изъ него разныя кушанья!

Мужики вскочили и испуганно замахали руками:

— Не вози, отецъ, не вози!.. Узнаютъ наши, не дадутъ тебѣ воли, убьютъ! У насъ раскольниковъ много!

— Да что вы, голуби, испугались? Смерти я не боюсь: съ дароносицей поѣду... Скажу народу, что яблоки эти Господь сотворилъ,

какъ и все на землѣ и на небѣ и въ водахъ подъ землею... Все— Божье созданье!

— Нѣтъ, отецъ, табакъ песь выдумалъ!—перебилъ гость.

— Говорятъ наши грамотники,—скромно замѣтилъ другой себе-сѣдникъ, поглаживая бороду:—начетчики, говорятъ, читали въ писаніи, что табакъ—діавольское зелье! Можетъ, и яблоки твои тоже... Не все Богъ создалъ: иное и діавола работа!

Отецъ Семень улыбнулся:

— Начетчики ваши вздоръ городятъ! Болтаютъ тоже, вонъ, и про чай всякое несурзное, а мы, небось, чаёкъ попиваемъ и мнимъ, что никакого грѣха въ томъ нѣтъ. Ну-ка, попадья, налей намъ по чашечкѣ.

Гости выпили чаю (батюшка подбавилъ въ чай рому), размякли и перестали сомнѣваться насчетъ картофеля.

— Дай-ка, матушка, заморскаго гостинца!—попросилъ самый упорный изъ нихъ:—ишь, какая хитрость: и рубаха у него, и снимается. Дай на разсаду—ужо, научу бабу справляться съ нимъ!

Матушка охотно отсыпала ему цѣлую пригоршню картофеля... Попросили и другіе.

На прощанье батюшка еще разъ повторилъ, что завтра же ѣдетъ по уѣзду съ требами; заѣдетъ и къ посѣтителѣмъ. Посѣтителѣи попросили благословенья, раскланялись и удалились во-свои.

III.

Въ то время, когда отецъ Семень ѣздилъ съ требами по приходу, въ уѣздномъ городѣ, недалеко отъ деревень его прихожанъ, былъ торгъ.

На торгѣ собралось много крестьянъ изъ уѣзда. Вся площадь была загорожена возами, телѣгами и на скорую руку раскинутыми шатрами, гдѣ продавали всякую всячину: масло, муку, яйца, полотно и домашнюю животину. Кругомъ шатровъ и навѣсовъ толпились люди всякаго званія, покупали, продавали и торговались, звякая мѣдными пятаками и старинными петровскими рублями-крестовиками. Пахло навозомъ, дегтемъ и овчинами.

У одной телѣги собралось нѣсколько человекъ и торговались съ продавцемъ, высокимъ русымъ мужикомъ.

— Мука у меня сухая!—выкликалъ онъ:—не угодно ли посмотрѣть; остатокъ продаю... не дорого прошу!..

— А это что у тебя?—спросилъ одинъ изъ покупателей, указывая на небольшой коробокъ, который лежалъ въ телѣгѣ рядомъ съ мукой.

— Это? Это картофъ!—отвѣтилъ торговецъ:—не хочешь ли, со-сѣдъ, купить новинку? Впервой продаю. Штука завидная...

— Какъ ты назвалъ-то ее?

- Картофь.
- Это что же такое будетъ?
- А я тебѣ говорю: штука завидная. Ты ее вари, жарь, пироги пеки... Положи масла, али салыца—оближешь пальцы!
- Покупатели засмѣялись.
- Ой, ну-ка я куплю!—высунулся впередъ къ телѣгѣ худой и низкорослый мужикъ, бѣдно одѣтый, съ гречаниковой шапченкой на затылкѣ.
- Купи!—смѣялись кругомъ:—али купила-то у тебя больно много нонѣ завелось?
- Купилъ бы и я, да баба ругаться будетъ!
- Любопытные тѣснили продавца, брали картофель, щупали его, разсматривали.
- Диковина, парень. Откуда это такая штука?
- Заморская, бають. Изъ нѣмецчины.
- Что у него?—спросилъ пожилой, суроваго вида горожанинъ, подойдя и опираясь на палку.
- Корни какіе-то круглые продаетъ!—отвѣчали ему присутствующіе:—заморскіе корни.
- Купите, почтенный!—обратился къ нему и торговецъ:—купцы покупають, заказъ сдѣлали. Я для нихъ огородъ снимаю, засадилъ его весь картофью.
- Ну-ка, отсыпь!—сказалъ одинъ изъ ранѣе подошедшихъ:—давай одну мѣрку!
- Суровый горожанинъ молча смотрѣлъ, какъ торговецъ взялъ деревянную чашку и насыпалъ ее картофелю. Но когда чашка была полна и покупательъ уже подставилъ подъ нее свой кошель, горожанинъ поднялъ палку и крикнулъ на торговца:
- Убирайся съ базара, щепотникъ проклятый! Смуцать явился! Картофель посыпался на землю. Толпа кругомъ загудѣла:
- Что такое? Откуда еще этотъ взялся? Старовѣръ окаанный!
- Гоните его, православные,—неистово кричалъ суровый горожанинъ, опять замахиваясь палкой.—Не берите грѣха на душу! Не принимайте новшества!
- Пошелъ ты самъ прочь!—кричалъ въ свою очередь торговецъ:—купите, почтенные, не слушайте его, дурака!
- Свирѣпый старовѣръ толкнулъ его въ плечо и оттиралъ отъ него покупателей:
- Не покупайте, заклинаю васъ! Онъ антихристу служитъ!
- Ахъ, ты, старая ворона! Антихристу! Самъ ты антихристъ!—крикнулъ продавецъ:—покупателей моихъ отбиваешь? Такъ вотъ же тебѣ!
- Онъ толкнулъ старовѣра въ грудь. Тотъ ударилъ его палкой, и началась жестокая драка.

По базару понеслись отчаянные крики и ругань. Поднялся шумъ. Закричали въ другихъ мѣстахъ, и къ мѣсту происшествія сталъ сбѣгаться со всѣхъ концовъ народъ.

— Что случилось?!—кричали бѣгущіе.

— Бьютъ!

— Кто бьетъ? Кого?

— Старовѣры нашихъ бьютъ! Выручай нашихъ!

— Что ты врешь, посадскій! Чего соромишь старовѣровъ? Вашъ же пьяный щепотникъ кого-нибудь бьетъ!

Какого-то старика сбили съ ногъ. Онъ кричалъ, барахтаясь въ грязи, но на него никто не обращалъ вниманія. Черезъ него прыгали, а не то и перебѣгали. Въ сторонкѣ ревя-ревли двѣ бабы, закрывъ лица рукавами.

Около телѣги, гдѣ русый мужикъ торговалъ картофелею, сбилась цѣлая куча дерущихся. Они разнимали русаго и старовѣра и сами бились за нихъ.

— Что вы, бѣшеные!—крикнулъ кто-то на нихъ.—Собаки вы, что ли? Вѣдь убьете задарма одинъ другого!

Наконецъ драчуновъ кое-какъ розняли. Русаго торговца убѣдили убраться за добра ума изъ города, потому что въ сосѣдней улицѣ ужъ поднимались старовѣры.

— Мука не продана, картофъ рассыпали! Ахъ ты иродъ!—ругался русый, нахлестывая лошаденку и уѣзжая съ базара и изъ города.

Сердитый старовѣръ-горожанинъ между тѣмъ стоялъ на старомъ мѣстѣ и, тыкая палкой въ землю, горячо говорилъ собравшимся кругомъ него людямъ о плевелахъ, о діавольскихъ яблокахъ и о грѣхѣ великомъ, если принять новшество.

Слушатели качали головами и вздыхали:

— Какъ спасемся-то теперь, отецъ?

— Стойте крѣпко и держитесь преданія отцовъ!—восклицалъ сердитый горожанинъ, стуча палкой.

Вскорѣ рынокъ опустѣлъ. По дорогѣ изъ города пошли и поѣхали по домамъ сельчане, разговаривая о дракѣ и о заморскихъ корняхъ, изъ-за которыхъ весь сыръ-боръ загорѣлся...

IV.

Спустя недолгое время ночной порой шли по дорогѣ въ пригородную деревню трое прохожихъ.

Было темно и тихо. Дорога едва маячила между густыми зарослями шиповника и ольхи. Гдѣ-то вдали за рѣкой, о близости которой напоминала особая свѣжесть въ воздухѣ, кряхтѣлъ коростель. На небѣ было свѣтло и чисто, и горѣли тысячи звѣздъ, и большихъ и малыхъ, словно только что вымолоченная жатва цѣ-

лаго дня трудовъ и тягостей. И только въ одномъ уголкѣ неба надъ далекимъ селомъ чернѣла мгла, и въ ней время отъ времени сверкали багровыя зарницы.

— Вишь, какъ мигаетъ!—промолвилъ одинъ изъ прохожихъ, указывая на зарницу:—и все въ одномъ мѣстѣ.

— Тамъ вѣрные живутъ!—значительнымъ тономъ замѣтилъ другой прохожій:—у нихъ и земля не принимаетъ, и огонь съ неба спадаетъ, пожигаетъ.

— Насильно заставляютъ садить... не посадишь, такъ бьютъ и въ цѣпь заковываютъ!

— Вотъ, вотъ! А у нихъ, у нашихъ-то, у вѣрныхъ, я говорю, хошь посади, хошь что хочешь дѣлай, начальству все едино проку нѣтъ: не приходится нашему народушку дьявольское сѣмя ѣсть: сегодня посѣяли со слезами, подъ кнутомъ—завтра огонь съ неба спалъ и пожралъ посѣянное! А не то земля извергнетъ посѣянное...

— Туда и ходить незначѣтъ!—промолвилъ третій спутникъ, до сихъ поръ молчавшій.

— Знамо, незначѣтъ! Туда и не пойдемъ. А пойдемъ въ Теремилово, да въ Петровское, да въ Отары. Тамъ попъ мірской ѣдитъ, народъ смущаетъ, бѣсову мерзость раздаетъ на посѣвъ. Безумцы принимаютъ, сѣютъ, а кто посѣялъ да въ явство употребилъ—тому гибель вѣчная въ огнѣ неугасимомъ!—Надо вразумить народъ!

— Огороды, слышь, засѣваютъ. Цѣлыя гряды въ Петровскомъ засажены яблоками-то этими!

— Не бывать тому!—грозно промолвилъ первый прохожій:—разрушимъ у мірскихъ огороды и поля ночью... А если поднимутся на насъ, позовемъ нашихъ,—побьемъ! Побьемъ и попа! Въ первую голову его, сомутителя! Продался антихристу! Служить чадамъ его! Работникъ сатаны и аггеловъ его!

Въ ночной темнотѣ голосъ грознаго старовѣра звучалъ торжественно и глухо, словно церковный колоколъ. Въ кустахъ шиповника звонко трещали, не слушая его и не боясь его, кузнечики. Сладко пахло цвѣтомъ шиповника и гречихой. Молнія все еще сверкала на горизонтѣ, ударя въ глаза своимъ неожиданнымъ блескомъ. Иногда она загоралась розовымъ сіяніемъ внутри облаковъ и освѣщала ихъ края, медлительно мерцаая, словно гаснущая лучина. А иногда падала прямо на землю, словно яркая бѣлая огненная струя...

— Проповѣдуйте, братіе, на стогнахъ и улицахъ!—поучалъ старикъ:—да убоятся сатаны и отрекутся отъ новшества. Грядите изъ деревни въ деревню, изъ села въ село. Ночью вырывайте проклятое сѣмя, разрушайте огороды и сады, а утріе собирайте единомышленниковъ и утверждайте преданія отцовъ!..

Голосъ старика оборвался. Гдѣ-то рядомъ жалобно пискнула и плавно пролетѣла предъ нимъ темная ночная птица.

— Грѣшная душа летаетъ безпризорная!—тихо промолвилъ онъ.—Вотъ такъ же будетъ и съ тѣми, кто противъ преданія и старины!

— А откуда, дѣдушка, эти яблоки пошли?—задумчиво промолвилъ третій спутникъ, юноша:—что въ писаніи о нихъ сказано?..

— Яблоки эти—порожденіе діавола!—медленно отвѣтилъ старикъ:—въ писаніи на этотъ счетъ ничего не прописано, но было откровеніе...

Онъ останоуился, прислушался и помолчалъ.

— Опять птица, Господь съ ней! Легаеть, маеться... Было, говорю я, откровеніе. Когда Господь сотворилъ рай и райскія яблоки, въ ту же самую пору и тотъ, чѣрный-то, не къ ночи будь помянутъ, затѣялъ создать нѣчто подобное. Разсчитывалъ въ гордынѣ своей, что его яблоки будутъ и краше и драгоцѣннѣе и послужатъ къ его прославленію... Анъ, на дѣлѣ-то вышло не такъ! Проклятіе Божіе лежало на нихъ, и отягченныя, ушли они подъ землю, и почернѣли, какъ самый ликъ сатаны... Впалъ онъ въ ярость и погубляетъ теперь людей ими, очаровавъ князей и сильныхъ міра сего...

— И даже царицу?—робко спросилъ юноша.

— И царицу!—строго подтвердилъ старикъ.

— Словно древле Еву, соблазнилъ ее этими яблоками... И пошли теперь приказы да наказы, да бумага отъ начальства: сѣять эту овоць!..—А того и не знаютъ, что это діаволово сѣмя!

— Вонъ и Петровское!—замѣтилъ второй прохожій, указывая куда-то въ темноту, гдѣ лишь его зоркіе глаза могли различать окрестность.

— Пожалуй, оно!—согласился старикъ:—да и по времени ужъ пора. Гляди, скоро свѣтатъ будетъ... Идите, ребятушки, разузнавайте, проповѣдуйте, аки апостолы, и гдѣ, что требуется, отсѣкайте... А я на Отары сверну.

Прохожіе попрощались и разошлись въ разныя стороны. Молніи перестали сверкать, небо поплѣднѣло, и рѣка подернулась заблѣвшимъ во мглѣ туманомъ. Кузнечики затихли, ночныя птицы перестали скользить межъ кустовъ, и только коростели на томъ берегу попрежнему скрипѣли, не уставая и не обращая никакого вниманія на зарождавшееся утро.

V.

Совершивъ требы, отецъ Семенъ собрался домой.

Молебны на поляхъ были отслужены. Дѣти крещены, женихи и невѣсты повѣнчаны, покойники похоронены. Наступили жаркіе погожіе дни—самое хорошее время для ѣзды; да и по молодой понадѣвъ отецъ Семенъ успѣлъ соскучиться.

Обрядившись рано поутру, онъ отслужилъ молебень на дорогу, попрощался съ прихожанами и попросилъ хозяевъ помочь ему запрячь лошадку. Пришли помогать и еще нѣсколько человекъ.

— Батюшка!—поманилъ его одинъ изъ пришедшихъ:—подъ-ка сюда, къ сторонкѣ, я тебѣ что скажу-то?

Священникъ подошелъ къ нему.

— Не ѣзди, отецъ, черезъ Овсѣевскій починокъ! Не годится!

— А что?

— Тамъ раскольниковъ много. Убить тебя собираются...

Отецъ Семень разсмѣялся.

— Зачѣмъ я имъ понадобился? Всегда черезъ нихъ ѣзжу и все ничего... Не боюсь я. Все въ руцѣ Божіей.

— Ты ихъ, смотри, яблоками-то больно разсердилъ,.. Вѣрно тебѣ говорю! Засаду тебѣ устраиваютъ.—Убьемъ, говорятъ, попа мірскаго. Онъ всему дѣлу потатчикъ!

Отецъ Семень вспомнилъ о попадѣ и призадумался.

— Куда же я поѣду?—спросилъ онъ.

— А поѣзжай черезъ Березники. Доѣдешь до нихъ, сверни направо, да мимо болота такъ и забирай. А тамъ боевая тропа—мы недавно прорубили—черезъ Илецкій волокъ. Тамъ и поѣзжай!

— Да не найду я!—возразилъ священникъ.

Крестьянинъ пошелъ, поговорилъ съ другими крестьянами, и когда отецъ Семень уже сѣлся въ свою телѣжку, онъ снова подошелъ къ нему.

— Вотъ что, батюшка!—промолвилъ онъ:—не годится тебѣ одному ѣхать, дозволю, мы тебя проводимъ! Мы недавно тропу эту пробили, не всѣ ее знаютъ.

Отецъ Семень съ удовольствіемъ согласился. Провожатые усѣлись съ нимъ вмѣстѣ, и бойкая, откормленная поповская лошадка бойко вынесла ихъ за околицу.

— Въ Отарахъ неблагополучно, — говорилъ первый провожатый:—раскольники съ православными бьются.

— Безумцы!—вздыхнулъ отецъ Семень.

— А въ Петровскомъ, слышь, всѣ огороды разрыли; чистая бѣда!

— Огнемъ, слышь, овины попалили... Чуть все село не выгорѣло... Микешка полянковскій вчерась приѣзжалъ... Что убитыхъ, говорить,—просто, страсть!..

Провожатые везли отца Семена съ оглядкой. Въ деревни не заѣзжали, а норовили поскорѣе прогнать задами.

Подъ вечеръ они добрались до Петровскаго. Большое село привольно раскинулось на полугорѣ. На солнцѣ ярко горѣлъ крестъ колокольни. Слышался благовѣсть.

Отецъ Семень снялъ шляпу и перекрестился.

— Завтра праздникъ... А тутъ, вонъ, какія дѣла творятся!

Спутники его хотѣли было проѣхать и здѣсь задами, но отецъ Семень вдругъ заупрямился. Въ церкви благовѣстили, и, значитъ, шла служба, и, стало быть, все уже угомонилось. Почему же въ такомъ случаѣ не побывать въ церкви?

И, несмотря на уговариванья провожатыхъ, онъ настоялъ на томъ, чтобы заѣхать въ село.

Но уже при самомъ въѣздѣ въ околицу они натолкнулись на не совсѣмъ обычную картину: посреди улицы сидѣли и стояли человѣкъ 5—6 солдатъ съ ружьями и барабаномъ, И едва телѣжка отца Семена въѣхала на улицу, какъ они закричали: «Стой!» и одинъ изъ нихъ, должно быть, наибольшій, подбѣжалъ къ оторопѣвшимъ путникамъ и, грубо схвативъ отца Семена за шиворотъ, воскликнулъ:

— Кто такіе? Откуда?

Перепуганный, блѣдный отецъ Семень затрясся всѣмъ тѣломъ и не могъ отвѣтить. Не менѣе, чѣмъ онъ, ошеломленные спутники его только охнули и тоже молчали.

— Вяжи ихъ, Кондратьевъ!—крикнулъ наибольшій.

— Это раскольники!

— Какіе мы раскольники? что ты?—залепеталъ одинъ изъ спутниковъ отца Семена:—Христось съ тобой! Мы православные, а это священникъ шурминскій!..

— Ладно! Рассказывай!—ворчали солдаты, затыгивая ему руки назади веревкой.—Знаемъ мы вашего брата! Приѣхали, небось, нарочно народъ мутить да драку заводить!.. Вези ихъ въ холодную!

— Напрасно вы такъ съ нами поступаете!—промолвилъ, придя въ себя, и отецъ Семень:—мы совершенно мирные люди и не токмо не помышляли возстановлять темный народъ противъ законныхъ распоряженій властей, но сами способствовали симъ распоряженіямъ!

Но на солдатъ не подѣйствовали и его слова. Они связали руки и отцу Семену, взвалили всѣхъ троихъ связанныхъ обратно на телѣгу и повезли по улицѣ. Встрѣчался народъ, испуганно глядѣлъ на везомыхъ и дивился имъ. А нѣкоторые плевали во слѣдъ и ругали ихъ. Отецъ Семень въ первый разъ въ жизни претерпѣвалъ такой срамъ и скорбь, и одно только утѣшало его, что не онъ первый, не онъ послѣдній испытываетъ поруганіе! «Христось еще и не то терпѣлъ,—думалъ батюшка:—такъ мнѣ ли роптать на заушенія?»

Такими же словами онъ ободрялъ и спутниковъ, но тѣ пришли въ полное отчаяніе и упадокъ духа, плакали и ругали отца Семена, зачѣмъ онъ повелѣлъ имъ ѣхать въ село, вмѣсто того, чтобы проѣхать въ безопасности задами?

Плѣненныхъ привезли въ правленіе и хотѣли сказать о нихъ офицеру, но послѣдній былъ въ церкви. Тогда безъ лишнихъ словъ ихъ отвели въ холодную и заперли тамъ.

Въ холодной было много народа. Въ темной и грязной камерѣ лежали вповалку и сидѣли на корточкахъ какіе-то неизвѣстные люди.

— Новыхъ привели!—раздались восклицанія, когда за отцомъ Семеномъ и его товарищами замкнулась дверь, и они очутились въ душной и вонючей полумгль.

— Наши мужички, никакъ!—Не землячки ли?

— А долгополый-то никакъ попъ!

— Какой тебѣ попъ! Просто, дьячокъ-шерамыга! щепотникъ!

— Охъ, грѣхи наши тяжкіе! Послѣднія времена пришли!—жаловался кто-то въ углу.—Антихристъ ходитъ по Рассеѣ; хватаетъ христіанъ и ввергаетъ въ темницы... И князей и смердовъ смѣшиваетъ воедино!

Горько и странно было отцу Семену сидѣть здѣсь въ тѣсной близости съ фанатиками-старовѣрами, которые, не предполагая въ немъ того самаго «мірскаго попа», что научалъ садить картофель, вели о немъ сердитыя рѣчи и грозились при встрѣчѣ жестоко расчитаться съ нимъ!

— Не вѣдаютъ, что я нынѣ посреди ихъ!—думалъ батюшка, покачивая втихомолку головою:—а ну, какъ откроютъ меня?

Въ холодной сидѣло нѣсколько человѣкъ раскольниковъ, но были и православные, пойманные во время битья на огородахъ. Они понемногу разговорились съ отцомъ Семеномъ. Онъ осторожно спрашивалъ ихъ о бунтѣ, и они повѣдали ему, что бунтъ былъ жестокій, что старовѣры подговорили многихъ изъ нихъ истреблять новшество и уничтожать посѣвы. Обиженные хозяева посѣвовъ возстали, схватились за колья, и начался бой.

— Многихъ на смерть побили!—вздыхали рассказчики:—какъ отвѣчать теперь будемъ, Богъ знаетъ!

— А теперь, вотъ, солдатъ пригнали... на усмиреніе... хватаютъ вяжутъ... Поистинѣ, конецъ свѣта приходитъ!

Несмотря на то, что служба въ церкви давно уже кончилась, и офицеръ, несомнѣнно, пришелъ домой, о нашихъ плѣнныхъ ему, видимо, забыли доложить. Время шло; наступила ночь, а они все еще сидѣли въ холодной, гдѣ, впрочемъ, не только не было холодно, но, наоборотъ, было жарко и душно.

Отецъ Семень и его спутники протомились въ темницѣ цѣлую ночь. Они то падали духомъ и плакали, то опять окрылялись надеждой и принимались утѣшать другъ друга.

И только къ утру мученія ихъ окончились. Мѣстные именитые люди удостовѣрили предъ офицеромъ личность отца Семена, и офицеръ велѣлъ стражникамъ немедленно освободить его, причемъ весьма вѣжливо извинился за причиненное безпокойство.

— Богъ проститъ!—отвѣтилъ ему отецъ Семень, возрадовавшійся при извѣстіи, что онъ свободенъ.—Но не странно ли, сударь

мой, что я, споспѣшествовавшій распоряженіямъ властей, подвергся одинаковой участи съ тѣми, кто нарушалъ оныя?

— Да, очень странно!—возразилъ офицеръ.—Но что подѣлаете, батюшка? Во время смуты, равно какъ и на войнѣ, случаются предосадныя конфузїи и замѣшательства!

Отецъ Семень, освободившись изъ темницы, умолилъ офицера выпустить и своихъ провожатыхъ.

Черезъ какіе-нибудь полчаса онъ уже выѣзжалъ на своей лошади за околицу. Его спутники растались тамъ съ нимъ и, напуганные случившимся съ ними несчастіемъ, торопились уйти во свояси домой. Но священникъ уже зналъ теперь дорогу и могъ проѣхать безъ ихъ указаній.

Однако нельзя сказать, чтобы онъ проѣхалъ остальную дорогу совершенно спокойно. Сердце билось у него быстро и сильно, когда онъ ѣхалъ одинъ-одинешенекъ въ густомъ лѣсу. Настала ночь; деревья сошлись спереди и сзади густою толпой, и изъ-за деревьевъ кто-то какъ будто выбѣжитъ и снова спрячется. Вотъ, свистъ раздался: не то птица, не то лихіе люди... Какъ узнать! Замираетъ сердце у отца Семена: не случилась бы бѣда!

Но всему бываетъ конецъ. На разсвѣтѣ порѣдѣла густая стѣна вѣкового лѣса. Деревья разступились, и изъ-за нихъ замелькали зеленныя нивы и заливныя луга. Еще часа два-три ѣзды, и на пригоркѣ показалась знакомая колокольня.—Слава Богу!—вдохнулъ отъ подноты души отецъ Семень и, крестясь на колокольню, сотворилъ молитву.

Добрая лошадь, почуявъ домъ, прибавила шагу. Мелькаютъ неуклюжія изгороди, нахмурившіеся овины и черныя низенькія бани. Вотъ и садъ; вотъ и поповскій домъ... Окна раскрыты настежь, въ горницѣ виднѣется блестящій самоваръ, а на крыльцѣ—ужъ не видѣніе ли это?—стоитъ румяная, улыбающаяся понады, и какъ ни въ чемъ не бывало, какъ будто отецъ Семень и не былъ вверженъ въ темницу, весело смѣется при видѣ его и машетъ ему розовымъ платочкомъ...

Б. Никоновъ.

ЗАМѢТКИ О ГОГОЛѢ.

I.

ВЪ МАРТѢ 1836 г. «Ревизоръ» Гоголя попалъ въ драматическую цензуру III отдѣленія. Разсматривалъ его извѣстный цензоръ Евстафій Ольдекопъ. Онъ представилъ о пьесѣ пространный рапортъ по обыкновению на французскомъ языкѣ: «*Cette pièce est spirituelle et parfaitement bien écrite,—писалъ онъ*¹⁾. L'auteur appartient aux novellistes distingués de la Russie. Le prefet d'une petite ville russe vient d'apprendre par une lettre d'un ami, qu'un reviseur sera envoyé pour inspecter la ville et le district. Il rassemble tous les notables de la ville pour leur communiquer cette nouvelle terrible. Tout à coup deux messieurs entrent et racontent que depuis deux jours un étranger s'est arrêté dans l'auberge. Tout le monde croit que c'est le reviseur terrible. Mais ce personnage n'est autre chose que M-r Хлестаковъ, petit employé de St. Pétersbourg, du nombre de ceux, qui n'aiment à rien faire et à jeter leur argent par la fenêtre. M-r Хлестаковъ a perdu en route son argent aux cartes et s'est

¹⁾ Переводъ: «Эта пьеса остроумна и великолѣпно написана. Авторъ ея принадлежитъ къ числу выдающихся русскихъ писателей-новелистовъ. Городничій (префектъ) маленькаго русскаго городка только что узналъ изъ письма своего пріятели, что въ городъ, для инспектированія его и уѣзда, вскорѣ придетъ ревизоръ. Онъ собираетъ всѣ городскія власти, чтобы повѣдать имъ эту ужасную новость. Въ это время входятъ два господина и сообщаютъ, что за послѣднiе два дня живетъ въ городѣ и остановился въ гостиницѣ (буквально—харчевнѣ)

vu obligé de s'arrêter dans la petite ville. Le préfet se rend chez lui. Хлестаковъ croit qu'il veut l'emmener en prison, parce qu'il doit à l'aubergiste depuis 2 jours. Mais voyant l'air respectueux du préfet, il accepte ses offres de vivre dans sa maison. La femme du préfet et sa fille se présentent, Хлестаковъ commence à broder et à raconter toutes les grandes liaisons qu'il a à St. Pétersbourg. Il s'embrouille bien tôt, car après avoir dit qu'il demeure au 4-me dans deux chambres, il raconte immédiatement après, qu'il a deux superbes maisons à St. Pétersbourg, ou il donne des bals magnifiques, des bals ou on présente des patés tout chaud, qui renferment en dedans un plat à la glace. Tout le monde est enchanté. Хлестаковъ, voyant qu'on le prend pour un grand personnage, prête de l'argent de tout le monde; chacun s'empresse de remplir ses desirs. A la fin il demande la main de la fille du préfet et l'obtient. Le domestique de Хлестаковъ est cependant si sage de presser le départ de son maître, qui declare qu'il s'absente que pour un jour pour demander la bénédiction de son oncle. Après le départ de Хлестаковъ, tous les notables de la ville s'empressent de présenter leurs félicitations au préfet et à sa famille qui pense déjà de vivre à St. Petersburg. Tout à coup le maître de poste se présente. Il a décacheté une lettre que Хлестаковъ a écrit à un de ses amis à St. Pétersbourg et dans la quelle chacun des notables trouve son portrait, nullement flatté.

какой-то чужеземець. Всѣ убѣждены, что это и есть страшный ревизоръ. Но это лицо не кто иной, какъ г. Хлестаковъ, мелкій петербургскій чиновникъ, изъ числа тѣхъ, которые любятъ бездѣлничать и швырять деньги въ окно. Г. Хлестаковъ по дорогѣ проигралъ въ карты и вынужденъ остановиться въ маленькомъ городѣ. Городничій является къ нему. Хлестаковъ думаетъ, что тотъ пришелъ его арестовать, такъ какъ онъ долженъ хозяину гостиницы за два дня. Однако, видя почтительное отношеніе къ нему городничаго, онъ соглашается переѣхать на его квартиру. Появляются жена городничаго и его дочь, Хлестаковъ начинаетъ фантазировать насчетъ своихъ вліятельныхъ связей въ Петербургѣ. Вскорѣ онъ окончательно запутывается, ибо послѣ разсказа, что онъ живетъ въ 4-этажѣ, въ двухъ комнатахъ, онъ немедленно сообщаетъ, что имѣетъ два великолѣпныхъ дома въ Петербургѣ, даетъ тамъ чудесные балы, на которыхъ подаютъ горячіе пироги, заключающіе въ себѣ мороженое. Всѣ въ восторгѣ. Хлестаковъ, видя, что его принимаютъ за важное лицо, занимаетъ у всѣхъ деньги; каждый старается ему угодить. Въ концѣ концовъ онъ проситъ руку дочери городничаго и получаетъ согласіе на это. Однако, лажей Хлестакова настолько благороднаго, что настаиваетъ на быстромъ отъѣздѣ своего господина. Послѣдній объявляетъ, что уѣзжаетъ на одинъ день—получить благословеніе у дяди. Послѣ отъѣзда Хлестакова вся аристократія города поздравляетъ городничаго и его семейство, которое мечтаетъ уже о петербургской жизни. Какъ вдругъ появляется почтмейстеръ. Онъ распечаталъ письмо, которое Хлестаковъ написалъ своему пріятелю въ Петербургѣ и въ которомъ каждый изъ властей города находитъ свой портретъ, отнюдь не прикрашенный. Всѣ возмущены, но это возмущеніе уступаетъ мѣсто общему оцѣненію, когда появляется жандармъ и объявляетъ, что пріѣхавшій изъ С.-Петербурга чиновникъ проситъ всѣхъ должностныхъ лицъ явиться къ нему.—Пьеса не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго.

Chacun est furieux, mais cette fureur cède bientôt à une consternation générale, car un gendarme vient annoncer l'arrivée d'un employé de St. Pétersbourg, qui ordonne à tous les notables de paraître devant lui. La pièce ne renferme rien de reprehensible». — На этомъ докладѣ рукою генерала Дубельта было написано: «позволить»¹⁾.

II.

Въ 1845 г. Гоголь чувствовалъ себя особенно плохо. Болѣзненно-мистическое настроеніе его обострилось. По собственному его выраженію (въ письмѣ къ пріятелю) «повѣситься или утопиться казалось ему похожимъ на какое-то лекарство или облегченіе»²⁾. Въ это время о какихъ-либо литературныхъ занятіяхъ не могло быть и рѣчи; между тѣмъ нужда все чаще заглядывала въ двери нашего писателя. Это критическое положеніе хорошо понимали его друзья. Они понимали, что Гоголю прежде всего нужно вылечиться, а потомъ уже вернуться къ прежней дѣятельности. «Здоровье Гоголя требуетъ рѣшительныхъ мѣръ,—писалъ Жуковский А. О. Смирновой въ апрѣлѣ 1845 г.:—ему надобно имѣть занята исключительно, бросивъ на время перо»³⁾. А въ другомъ письмѣ (отъ 4 января 1845 г.): «Вамъ бы надо о Гоголѣ позаботиться у царя и царицы. Ему необходимо надобно имѣть что-нибудь вѣрное въ годъ. Сочиненія ему мало даютъ и онъ въ безпрестанной зависимости отъ завтрашняго дня... Вы лучше другихъ можете характеризовать Гоголя съ его настоящей, лучшей стороны. По его комическимъ твореніямъ могутъ въ немъ видѣть совсѣмъ не то, что онъ есть. У насъ смѣхъ принимаютъ за грѣхъ, слѣдовательно, всякій насмѣшникъ долженъ быть великій грѣшникъ»⁴⁾. Жуковский зналъ, кому писалъ такія письма. Въ числѣ друзей Гоголя калужская губернаторша А. О. Смирнова была едва ли не самая преданная, самая безкорыстная. По свидѣтельству Шенрока, «она первая предложила въ случаѣ нужды занимать у нея деньги, а когда Гоголь выказалъ нерѣшительность, она писала: «Пожалуйста не беспокойтесь насчетъ способа существованія и не спрашивайте, какимъ образомъ я все это устраиваю. Это дѣло мое, а ваше молиться за того, кто ихъ даетъ»⁵⁾. Одновременно, пользуясь расположеніемъ къ себѣ царской семьи, она хлопотала за Гоголя при дворѣ. Намъ посчастливилось достать

¹⁾ Архивъ III отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи (отдѣлъ рапортовъ 1836 г.).

²⁾ Соч. и письма Гоголя, VI, 236.

³⁾ Соч. Жуковского, изд. 7, т. VI, 525 (упоминается у Шенрока. Матеріалы для біографіи Гоголя, т. IV, стр. 323).

⁴⁾ «Русскій Архивъ», 1871. 4—5, стр. 1858.

⁵⁾ Шенрокъ. Матеріалы для біографіи Н. В. Гоголя, М. 1898, т. IV, 321.

любопытный документъ, прошеніе Смирновой великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, по мужу герцогинѣ Лейхтенбергской. Печатаемъ его впервые¹⁾: «Ваше императорское высочество милостиво изволили принять мою просьбу о Гоголѣ и приказали составить о немъ записку, которую имѣю честь представить²⁾. Сочиненія его извѣстны вашему императорскому высочеству³⁾. Публика особенно замѣтила въ нихъ оригинальныя комическія стороны; но отъ вашего взгляда, безъ сомнѣнія, не ускользнули красоты вышія, чувство всего прекраснаго, чисто русскаго народнаго, которыя его поставили на ряду съ первыми нашими литераторами. Чѣмъ болѣе входитъ онъ въ изображеніе серьезной стороны русскаго быта (о чемъ упоминаетъ самъ въ послѣднихъ своихъ сочиненіяхъ), тѣмъ медленнѣе подвигается его работа, и, слѣдовательно, онъ лишается выгодъ, соединенныхъ съ продажею книгъ. Самая первая выручка его сочиненій употреблена была имъ на поправленіе разстроеннаго состоянія матери и сестеръ, которыя и до сихъ поръ не совершенно обезпечены. Между тѣмъ его здоровье было всегда такъ слабо, что вслѣдствіе сильной болѣзни онъ вынужденъ былъ оставить самую выгодную службу, найдившись въ здѣшнемъ университетѣ адъюнктъ-профессоромъ⁴⁾, и отправиться за границу. Лишенный всякаго способа достигнуть своихъ предпріятій литературныхъ и касающихся до здоровья, онъ только благодѣяніями царскими можетъ быть обезпеченъ.—Конечно, онъ еще не успѣлъ сдѣлать для пользы русской словесности столько, какъ Пушкинъ и Карамзинъ⁵⁾, но милости государя не исключаютъ никого, кто изъ любви къ пользѣ отечества принесетъ хотя слабую дань своего усердія. Участіе вашего императорскаго высочества само опредѣлитъ, какимъ образомъ можетъ быть поддержано существованіе человѣка, который по общему признанію подаетъ много надежды. Вашего императорскаго высочества много преданная и всепокорная слуга А. Смирнова». Это письмо было отослано министромъ двора княземъ Волконскимъ министру народнаго просвѣщенія С. С. Уварову при бумагѣ слѣдующаго содержанія: «По высочайшему повелѣнію имѣю честь препроводить къ вашему высокопревосходительству для разсмотрѣнія и доклада

1) Общ. архивъ министерства императорскаго двора, д. № 343/1571.

2) Записки при дѣлѣ не имѣются.

3) Лично великая княгиня познакомилась съ Гоголемъ въ 1843 г. въ Римѣ (см. переписку Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, т. II, 18 и 407; приведено у Шенрока, стр. 324).

4) Съ 1834 по 1835 г. Гоголь имѣлъ случай прочесть всего двѣ-три лекціи, не имѣвшия, впрочемъ, особаго успѣха у слушателей.

5) До 1845 г. Гоголь написал свои лучшія произведенія, въ томъ числѣ «Ревизора» и первую часть «Мертвыхъ душъ»... Болѣе чѣмъ странной представляется такая фраза въ устахъ Смирновой!

государю императору представленную ея императорскому высочеству великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ супругою церемоній мастера Смирнова записку о литераторѣ Гоголѣ»¹⁾. Определенный характеръ этой бумаги не оставлялъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ дальнѣйшемъ направленіи всего дѣла. По рассказамъ Смирновой, она еще за два дня до отсылки своего прошенія имѣла случай бесѣдовать съ государемъ и добиться его согласія помочь Гоголю. «Онъ (т. е. государь) былъ благосклоненъ, — замѣчаетъ она: — у него есть много таланта драматическаго, выразился о Гоголѣ Николай Павловичъ, но я не прощаю ему выраженія и оброты слишкомъ грубые и низкіе²⁾...» Въ концѣ концовъ, онъ приказалъ графу Орлову³⁾ «заняться Гоголемъ», а Уварову поручилъ узнать, что нужно нашему писателю. Все это, разумѣется, предвѣщало успѣхъ и дѣйствительно, не прошло недѣли, какъ Гоголю была назначена по высочайшему повелѣнію пенсія въ размѣрѣ одной тысячи рублей въ годъ, на три года. Глубоко растроганный Гоголь письменно благодарилъ государя и Уварова⁴⁾.

Баронъ Н. В. Дризенъ.

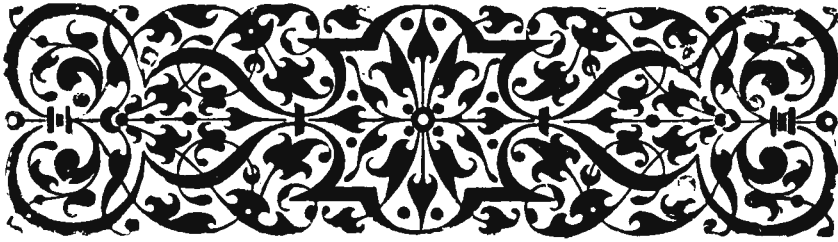

¹⁾ Отъ 14 марта 1836 г. Общ. архивъ министерства императорскаго двора, д. № 343/1571. Оп. 936.

²⁾ Барсуковъ, «Жизнь и труды Погодина», VIII, 75.

³⁾ Шефъ жандармовъ и начальникъ III отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи.

⁴⁾ Шенрокъ, IV т., стр. 323 и 324 (примѣч.).

Ө. А. КОРШЪ И ЕГО ТЕАТРЪ.

Все человѣческое умѣнїе есть не что иное, какъ смѣсь терпѣнїя и времени. Люди всегда достаточно сильны, чтобы сдѣлать то, чего они страстно жаждутъ.

Бальзакъ.

Feci, quod potui, faciant meliora potentes.

Горацій.

ДИНЪ изъ нашихъ выдающихся современныхъ театраль-ныхъ дѣятелей, Ө. А. Коршъ, праздновалъ 30-го августа двадцатипятилѣтнїй юбилей основаннаго имъ въ Москвѣ драматическаго театра. Четверть вѣка безпорочной службы искусству, четверть вѣка напряженнаго нервнаго труда, направленнаго на удовлетворенїе назрѣвшихъ и на посильное развитїе еще назрѣвающихъ эстетическихъ потребностей едва ли не самаго молодого по культурѣ европейскаго общества,—это большая и безспорная заслуга передъ родиной. Значенїе юбилея станетъ еще очевиднѣе, если принять во вниманїе, что театръ Корша первый въ Россїи частный театръ, просуществовавшїй столь долгое время. Здѣсь умѣстно будетъ сдѣлать маленькую экскурсію въ область театральнаго прошлаго.

До 1882 года всѣ частныя театральныя предпрїятїя въ обѣихъ столицахъ находились подъ строгимъ запретомъ: искусство обя-зано было ходить, такъ сказать, въ казенномъ вицъ-мундирѣ, вслѣдствїе чего постановка спектаклей разрѣшалась однимъ только императорскимъ сенамъ. Правда, и частныя лица могли послѣ

долгихъ хлопотъ и мытарствъ по разнымъ канцеляріямъ добиться позволенія устроить нѣсколько представленій, но, при непремѣнномъ условіи, чтобы шли не цѣлыя пьесы, а только отрывки изъ нихъ. И за это нужно было еще платить извѣстную «мзду» въ пользу дирекціи казенныхъ театровъ и воспитательнаго дома: выходило что-то около полутора ста рублей совершенно нелѣпаго налога, уцѣлѣвшаго по какому-то странному недоразумѣнію еще съ екатерининскихъ временъ въ силу закона, запрещавшаго «чинить подрывъ императорскихъ театровъ лицедѣямъ, скоморохамъ и т. п.». Конечно, въ тѣ далекія времена, когда «скоморошество» считалось чуть ли не бѣсовскимъ навожденіемъ, законъ этотъ могъ имѣть нѣкоторое оправданіе, но въ XIX-мъ вѣкѣ запрещеніе частной инициативы въ театральномъ дѣлѣ являлось уже вопіющей безмыслицей, съ которой обществу надлежало вести борьбу. И вотъ, начиная съ 60-хъ годовъ, въ Москвѣ дѣлаются первыя робкія попытки «обойти» архаическій законъ. Такъ, московскій артистическій кружокъ, помѣщавшійся тогда въ домѣ Бронникова, на мѣстѣ нынѣшняго Новаго театра, организовалъ цѣлый рядъ спектаклей подъ руководствомъ опытнаго, умнаго и весьма образованнаго артиста Малаго театра Н. Е. Вильде, собравшаго довольно сильную труппу изъ молодыхъ актеровъ. Здѣсь, между прочимъ, начали свою блестящую карьеру талантливая супружеская чета Садовскихъ и покойный Макшеевъ. Но это былъ лишь первый шагъ на пути освобожденія искусства отъ оковъ «казенной монополіи», и до учрежденія постояннаго частнаго театра было безконечно далеко. Не говоря уже о томъ, что спектакли артистическаго кружка, по условіямъ того времени, должны были носить скромное названіе «генеральныхъ репетицій», они и не могли сдѣлаться достояніемъ большой публики, такъ какъ давались безъ афишъ и были доступны исключительно однимъ лишь членамъ этого кружка.

Однако первая попытка частной антрепризы все же не прошла безслѣдно. Вскорѣ среди учредителей общества попеченія о рабочихъ зародилась мысль объ устройствѣ въ Москвѣ народнаго театра. Идея встрѣтила сочувствіе со стороны московскаго генераль-губернатора князя В. А. Долгорукова, открытіе театра было разрѣшено, и онъ началъ функціонировать (на Варваринской площади, въ специально выстроенномъ для него зданіи) съ небывалымъ успѣхомъ, выдвинувъ цѣлую плеяду даровитѣйшихъ артистовъ, среди которыхъ мы встрѣчаемъ такія имена, какъ Н. К. Милославскій, Н. Х. Рыбаковъ, П. А. Стрепетова, А. П. Ленскій и др. Но, какъ это ни странно, выдающійся успѣхъ народнаго театра послужилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и его гибелью. Тогдашній министръ двора гр. Адлербергъ ни за что не хотѣлъ допустить, чтобы «какой-то тамъ» частный театръ дерзалъ конкурировать съ импе-

раторскою сценою, — въ результатѣ, симпатичное театральное предпріятіе рухнуло, неожиданно прекративъ спектакли «по независящимъ отъ дерекціи обстоятельствамъ», а Москва опять осталась съ «казенной монополіей».

Третью попытку создать въ Москвѣ частный театръ, но, увы, столь же неудачную, какъ и двѣ первыя, сдѣлала молодая артистка Малаго театра А. А. Бренко. Для достиженія намѣченной цѣли она прибѣгла къ хитрости: поѣхала въ Петербургъ и достала отъ комитета «Христіанская Помощь» разрѣшеніе давать литературно-музыкальные вечера и читать на нихъ сцены изъ драмъ и комедій. На первыхъ же порахъ предпріятіе дало чистый убытокъ. Но г-жа Бренко не пала духомъ. Она опять съѣздила въ Петербургъ и на сей разъ добыла себѣ новое разрѣшеніе: «ставить сцены изъ пьесъ». И вотъ, зимой 1880 года въ театрѣ пассажа Солодовникова начались «чтенія изъ пьесъ», которыя явились, въ сущности, замаскированными спектаклями, такъ какъ происходили при полной театральной обстановкѣ. Однако г-жа Бренко не удовольствовалась этимъ и въ концѣ 1881 года снова поѣхала въ Петербургъ хлопотать, чтобы ея театръ былъ «легализованъ», т. е. чтобы ей разрѣшены были къ постановкѣ пьесы цѣликомъ. Хлопоты энергичной антрепренерши увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Назначена была театральная комиссія подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ графа Н. П. Игнатьева при ближайшемъ участіи А. Н. Островскаго. И, наконецъ, 6 апрѣля 1882 года состоялось давно желанное разрѣшеніе устройства частныхъ театровъ въ столицахъ, причемъ «казенная монополія» отмѣнялась навсегда. Въ исторіи русскаго театра открывалась, такимъ образомъ, новая эра, сулившая самыя радужныя перспективы. Къ сожалѣнію, однако, г-жа Бренко не сумѣла воспользоваться этой новой эрою, и ея антрепренерская неопытность быстро погубила все предпріятіе. Уже въ концѣ перваго сезона матеріальныя средства антрепризы совершенно изсякли, дѣлу грозилъ неминуемый крахъ и оно должно было перейти въ руки самихъ артистовъ, которые уже не могли предотвратить рокового исхода...

И вотъ, въ это самое время, на театральномъ горизонтѣ Москвы появилось новое яркое свѣтило въ лицѣ Федора Адамовича Корша, будущаго антрепренера одного изъ популярнѣйшихъ театровъ нашей первопрестольной столицы.

О. А. Коршъ родился 10 апрѣля 1852 г. на Кавказѣ, въ урочищѣ Бѣлый Ключъ, гдѣ его отецъ былъ старшимъ врачомъ при штабѣ Грузинскаго гренадерскаго полка. Дѣдъ его, тоже О. А. Коршъ, занимавшій должность профессора терапіи въ московскомъ университетѣ, имѣлъ 12 сыновей, которые всѣ окончили курсъ въ томъ же университетѣ, и 38 внуковъ. Среди послѣднихъ былъ, между прочимъ, и здравствующій понынѣ извѣстный академикъ О. Е. Коршъ.

Гимназическій курсъ Ѳ. А. блестяще прошелъ въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ, въ качествѣ кавказскаго стипендіата, а затѣмъ поступилъ въ московскій университетъ, гдѣ окончилъ курсъ по юридическому факультету въ 1872 году первымъ кандидатомъ правъ. Вскорѣ онъ занялся судебной практикой, сначала въ качествѣ помощника присяжнаго повѣреннаго, а черезъ нѣкоторое время приобрѣлъ уже видное положеніе среди представителей московской адвокатуры. Но юридическая карьера не удовлетворяла Ѳ. А—ча. Его страстно влекло къ театру, любовь къ которому онъ проявлялъ еще на школьной скамьѣ, когда, будучи гимназистомъ четвертаго класса, принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ любительскихъ спектаклей съ благотворительной цѣлью. Теперь онъ задумалъ создать свой собственный театръ, на новыхъ началахъ, продиктованныхъ самою жизнью послѣ отмѣны казенной театральной монополии, висѣвшей надъ искусствомъ, какъ грозный Дамокловъ мечъ.

Надо замѣтить, что домъ Ланозова въ Газетномъ переулкѣ, гдѣ открылъ свою дѣятельность театръ Корша 30 августа 1882 г., сохранялся со временъ Грибоѣдова, — довольно знаменательное совпаденіе для театра, удѣлявшаго потомъ такъ много вниманія русскому классическому репертуару. Домъ этотъ знаменитый писатель весьма часто посѣщалъ и здѣсь имѣлъ возможность наблюдать кое-какіе типы, столь ярко изображенные имъ потомъ въ своей безсмертной комедіи. Такъ, Софья Павловна Фамусова, по преданію, была имъ написана съ дочери тогдашняго домовладѣльца, умершей лѣтъ 20 тому назадъ въ глубокой старости; Платонъ Михайловичъ почти цѣликомъ срисованъ съ отца Н. И. Огарева и т. п.

Ѳ. А. Коршу сразу удалось выдвинуться, такъ сказать, на развалинахъ злополучнаго театра г-жи Бренко, откуда перешли къ нему всѣ лучшія артистическія силы. Первый спектакль, для котораго былъ данъ «Ревизоръ» Гоголя, прошелъ съ колоссальнымъ успѣхомъ. Кстати сказать, Ѳ. А—чу не только удалось приспособить арендованный имъ домъ для театра, который вышелъ весьма изящнымъ, для чего вся внутренность дома была вынута, зданіе обращено въ театральную залу, коридоры и фойе, а во дворѣ построена сцена,—но и освѣтить этотъ театръ исключительно однимъ лишь электричествомъ, что было тогда не только въ Россіи, но и за границей настоящей диковиной, возбуждившей интересъ даже въ специальной литературѣ по электротехникѣ, въ томъ числѣ и въ журналѣ Эдиссона.

Первый дебютъ театра Корша съ его блистательнымъ составомъ исполнителей, среди которыхъ пестрѣли такія имена, какъ Писа-

ревъ, Далматовъ, Андреевъ-Бурлакъ, Свободинъ и др., — этотъ удачный дебютъ положилъ начало цѣлому ряду другихъ, столь же удачныхъ спектаклей,—и молодой театръ, руководимый опытнымъ, энергичнымъ, неутомимымъ директоромъ, какимъ являлся Э. А.,

Федоръ Адамовичъ Коршъ.

сталъ быстро завоевывать симпатіи москвичей: прошло не болѣе пяти-шести сезоновъ, какъ онъ уже сдѣлался однимъ изъ лучшихъ и наиболѣе прочныхъ частныхъ театральныхъ предпріятій въ Россіи.

Все это, однако, досталось Ө. А—чу далеко уже не такъ легко и просто, какъ, можетъ быть, иные подумаютъ. Много энергіи и труда пришлось ему вложить въ любимое дѣло, много испытать разнаго рода огорченій, неудачъ, разочарованій, много-много провести бессонныхъ ночей, посвященныхъ тяжелымъ думамъ о судьбѣ нѣжно любимаго имъ дѣтища-театра.

Одно время этотъ театръ почти совсѣмъ висѣлъ на волоскѣ. Случилось это благодаря постановкѣ хроники Чаева «Царь Василій Шуйскій», стоившей дирекціи неизмѣнно дорого. Такъ какъ авторъ пьесы былъ хранителемъ Оружейной палаты, то всѣ костюмы, обувь, вооруженіе, сѣдла, сбруя и проч. изготовлялись по историческимъ подлинникамъ, съ сохраненіемъ мельчайшихъ деталей, и, по отзывамъ знатоковъ, только нѣкоторыя пьесы гастролировавшей въ Москвѣ мейнингенской труппы могли конкурировать съ постановкой «Царя Василя Шуйскаго». Это было нѣчто грандіозное и до тѣхъ поръ невиданное. Верхомъ совершенства была сцена между народомъ и Михаиломъ Скопинымъ-Шуйскимъ, убѣждающимъ новгородцевъ постоять за Русь. Ивановъ-Козельскій въ роли Скопина вызывалъ бурю восторговъ, но пальма первенства принадлежала здѣсь «народу». Талантливый режиссеръ Яблочкинъ поставилъ эту сцену удивительно. Его толпа «жила» и когда дѣло доходило до расправы съ измѣнникомъ Татищевымъ, исполненіе до того захватывало своей реальностью, что заставляло зрителей буквально трепетать. И вотъ эта безупречная, прямо единственная въ своемъ родѣ постановка пьесы чуть было не стоила жизни самому театру. Дѣйствительно, по Москвѣ стали упорно ходить слухи, будто тяжелыя обстоятельства заставляютъ Ө. А. Корша бросить дѣло и передать театръ вновь нарождающейся частной оперѣ Н. С. Кроткова. Слухи оказались справедливыми: вскорѣ Ланозовскій театръ со всѣми принадлежавшими Ө. А—чу декораціями, костюмами, обстановкой и проч. дѣйствительно перешелъ въ руки новаго антрепренера. Дѣло было передъ самымъ Великимъ постомъ. Въ прощенное воскресенье, 3 февраля 1885 года, назначенъ былъ послѣдній драматическій спектакль. Шли «Денжные тузы», второй актъ «Свадьбы Кречинскаго» и «Ночное» Прощанье вышло очень трогательное: вызывали безъ конца всю труппу, многіе плакали и на сценѣ, и въ зрительной залѣ. Не хотѣлось вѣрить, что симпатичное театральное предпріятіе, съ которымъ такъ сроднилась душою московская публика, можетъ навсегда прекратить свое существованіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и надѣяться было не на что. Вѣдь нельзя же было рассчитывать, что театръ вновь возродится, когда, съ одной стороны, замѣчалось полное оскудѣніе въ кассѣ, съ другой — уже чувствовалась надвигающаяся гроза непосильныхъ платежей. Наконецъ, все театральное имущество, кропотливо собираемое годами, было передано въ другія руки.

Представлялось очевиднымъ, что театръ Корша безвозвратно погибъ. Однако этого не случилось въ дѣйствительности. Необычайная энергія О. А—ча, его горячая, беззаветная любовь къ

Театръ Корша въ Москвѣ.

искусству сдѣлали то, что для другихъ казалось бы невозможнымъ, а именно: не прошло и четырехъ мѣсяцевъ, какъ въ Богословскомъ переулкѣ, на пустопорожней землѣ бывшаго Оуминскаго сада,

точно фениксъ изъ пещла, возродился въ новомъ, прекрасномъ помѣщеніи коршевскій театръ. Это былъ уже настоящій храмъ Мельпомены, капитально выстроенный, роскошно отдѣланный и превосходно оборудованный.

Длинная вереница лѣтъ прошла съ тѣхъ поръ—цѣлыхъ двадцать два года! Посмотримъ, что сдѣлано было за все это время Ѳ. А. Коршемъ. Прежде всего нѣтъ другого театра въ Россіи (кромѣ развѣ театра Литературно-Художественнаго общества въ Петербургѣ), который содѣйствовалъ бы въ такой мѣрѣ ознакомленію общества съ новыми произведеніями выдающихся нашихъ и иностранныхъ драматурговъ, какъ именно театръ Ѳ. А. Корша. Если Москва впервые увидѣла на сценѣ «Власть тьмы» графа Л. Н. Толстого «Родину» и «Честь» Зудермана, «Доктора Штокмана» и «Нору» Ибсена, «Романтиковъ» и «Сирано де-Бержерака» Ростана, «Сказку» и «Анатолія» Шницлера, лучшія пьесы Додэ, Сарду, Нордау, Бьернстерне-Бьернсона, Дюма-сына; если она часто наслаждалась хорошимъ исполненіемъ безсмертныхъ произведеній Гоголя, Грибоѣдова, Островскаго, Мольера, Шиллера,—то это уже первая безспорная заслуга одареннаго тонкимъ художественнымъ вкусомъ Ѳ. А. Корша и его прекрасно поставленнаго, чуткаго къ современнымъ запросамъ, театра.

Чтобъ получить представленіе, съ какою тщательностью ставились въ этомъ театрѣ пьесы классическаго репертуара, достаточно припомнить, напримѣръ, постановку комедіи «Горе отъ ума». Прежде, чѣмъ великое произведеніе увидѣло свѣтъ рампы коршевскаго театра, нѣсколько мѣсяцевъ прошло въ кропотливомъ собираніи всевозможныхъ матеріаловъ, относящихся къ эпохѣ 20-хъ годовъ. Такъ, были разысканы модные журналы: «Costumes Parisiens», «Paris 1823—24»; модное приложение къ «Московскому Телеграфу» за 1826—8 года; «Дамскій журналъ», издававшійся кн. Шаликовымъ за 1821, 22 и 23 года, и т. п. Для выполненія декораций не были упущены изъ виду даже такіе рѣдкіе въ библиографическомъ отношеніи источники, какъ «Начертаніе древняго и нынѣшняго времени зданій; сочинено въ градѣ св. Петра архитекторомъ 6-го класса и кавалеромъ Лемомъ. Спб. 1818 г.», и «Fragments d'Architecture, sculpture et peinture, dedies par M. David, peintre. Paris. 1804 г.». Кромѣ того, такъ какъ, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ и рассказамъ сторожиловъ, было извѣстно, что Фамусовъ (или, вѣрнѣе, лицо имъ изображаемое) жилъ въ домѣ, гдѣ нынѣ помѣщаются казначейство и казенная палата, на Воздвиженкѣ, а боскетная комната сохранилась со временъ Грибоѣдова въ домѣ барона Боде, на Поварской, гдѣ нашъ знаменитый писатель часто бывалъ, то художникъ-декораторъ А. С. Яновъ

снялъ съ натуры лѣстницу въ первомъ домѣ и «боскетную» во второмъ, и эти эскизы послужили основаніемъ для выполненія его прекрасныхъ декораций, поражающихъ естественностью и вѣрностью изображаемой эпохѣ до самыхъ мельчайшихъ деталей. Такъ, напр., всматриваясь въ расписную заднюю стѣну декорации четвертаго акта, вы увидите на правой сторонѣ пейзажъ, изображающій Сахару—сыпучій песокъ, вдали пирамиды, бедуины на верблюдахъ, а на первомъ планѣ—родная береза, плодъ творчества крѣпостныхъ живописцевъ стараго времени. Мебель, люстры, бра, ковры—все это разыскивалось по чердакамъ, у скупщиковъ и антикваріевъ. Наконецъ, при постановкѣ было принято во вниманіе случайно пріобрѣтенное О. А.—чемъ собственноручное письмо А. С. Грибоѣдова къ Катенину, въ которомъ авторъ безсмертной комедіи, защищаясь отъ нападокъ Катенина, даетъ яркую характеристику главныхъ дѣйствующихъ лицъ. И вотъ послѣ такой лишь тщательной предварительной подготовки «Горе отъ ума» появилось на сценѣ театра Корша въ октябрѣ 1886 года.

Далѣе, если мы окинемъ весь пройденный театромъ Корша путь, съ самаго его основанія и до настоящаго времени, мы придемъ къ заключенію, что этотъ театръ служилъ всегда истиннымъ проводникомъ облагораживающаго эстетическаго вліянія искусства на молодое, подрастающее поколѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, сколько заботъ и труда было положено О. А. Коршемъ на организацію его знаменитыхъ «утренниковъ», которые впервые были имъ введены въ Москвѣ (да и, кажется, въ Россіи) и которые составляютъ теперь справедливую гордость его театра. Сотни тысячъ учащейся молодежи перебивали на нихъ за эти двадцать пять лѣтъ, наслаждаясь произведеніями Гоголя, Грибоѣдова, Островскаго, Шекспира, Шиллера и др.; наслаждаясь такъ, какъ могутъ наслаждаться только тѣ, на долю которыхъ рѣдко выпадаетъ возможность пользоваться удовольствіями. Можно сказать безъ преувеличенія, что на этихъ спектакляхъ получило прекрасное художественное воспитаніе цѣлыхъ пять поколѣній. Всякій, кто посѣщалъ коршевскіе утренники, конечно, никогда не забудетъ необычайнаго оживленія и пылкаго энтузіазма юныхъ зрителей, съ какимъ ими воспринимались свѣтлыя идеи и художественные образы безсмертныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Если прибавить къ этому, что болѣе двухсотъ тридцати пяти тысячъ билетовъ было разослано за это время О. А. Коршемъ бесплатно воспитанникамъ и воспитанницамъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, то значеніе коршевскихъ «утренниковъ» станетъ еще очевиднѣе.

Не былъ забытъ О. А.—чемъ и недостаточный классъ московскаго населенія, московская бѣдность, для которой онъ организовалъ, такъ называемые, общедоступные вечерніе спектакли (по

средамъ), всегда съ любовью ею посѣщаемые. Вообще дѣлу благотворительности *Θ. А. Коршъ* отдалъ весьма значительную дань на протяженіи всей своей четвертьвѣковой театральной дѣятельности. Ежегодно устраивались имъ десятки спектаклей и литературно-музыкальных вечеровъ въ пользу разныхъ учреждений: студенческой столовой, высшихъ женскихъ курсовъ, общества воспитательницъ и учительницъ и т. д. Нѣтъ возможности перечислить всѣ тѣ общественныя учрежденія, школы и проч., всѣхъ тѣхъ общественныхъ дѣятелей, артистовъ, художниковъ, литераторовъ, потерявшихъ способность къ труду или впадшихъ подъ вліяніемъ болѣзни или какой-нибудь роковой случайности въ бѣдность, на горе и нужду которыхъ горячо не отозвался бы *Θ. А. Коршъ* и не оказалъ бы имъ существенной матерьяльной помощи. И эта филантропическая черта красной нитью проходитъ черезъ всю его дѣятельность.

Много роскошныхъ лавровъ можно вплести въ юбилейный вѣнокъ *Θ. А.*—ча: онъ ихъ вполне заслужилъ. Но обратимся немного къ статистикѣ, къ краснорѣчивому языку цифръ, и мы увидимъ, что онъ явится лучшей похвалой театру Корша, а слѣдовательно и лучшимъ лавромъ для юбилейнаго вѣнка.

Вглядываясь въ официальные данныя о числѣ спектаклей, какое выдержали отдѣльныя пьесы, нельзя не замѣтить прежде всего сильнаго тяготѣнія этого театра къ *Островскому*. *Островскій* прошелъ за четверть вѣка 654 раза, т. е. при 5245 спектакляхъ занялъ приблизительно 12% ихъ,—слѣдовательно, одна восьмая всего существованія театра была посвящена произведеніямъ нашего лучшаго драматурга. Отмѣтимъ далѣе, что среди пьесъ *Островскаго* наибольшей популярностью у коршевской публики пользовалось совершеннѣйшее его твореніе—«Гроза». Она прошла 82 раза и ей принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ безконечномъ ряду коршевскихъ постановокъ. Прибавимъ къ *Островскому* *Гоголя* (117 спектаклей), *Грибоѣдова* (83 спект.), *Фонвизина* (86 спект.), *Льва Толстого* (56 спект.), *Тургенева* (71 спект.), *Сухова-Кобылина* (61 спект.), *Писемскаго* (38 спект.),—все имена, составляющія гордость нашей драмы. Ихъ произведенія заняли 1166 спектаклей. Итакъ, почти четверть всего числа спектаклей за 25 лѣтъ, какъ показываютъ цифры, была отдана прекрасному художественному дѣлу. Какая же еще похвала юбиляру можетъ быть выше этой?

Если припомнить въ заключеніе, что въ нашей театральной провинціи не было ни одного сколько-нибудь яркаго драматическаго таланта, который не побывалъ бы въ коршевской труппѣ и черезъ это не приобрѣлъ бы громкой извѣстности, что ни одинъ изъ болѣе или менѣе выдающихся современныхъ драматурговъ не миновалъ коршевской сцены, что, наконецъ, самъ *Θ. А. Коршъ*,

помимо блестящей антрепренерской дѣятельности, продолжительной и на рѣдкость плодотворной, еще много потрудился на литературномъ поприщѣ въ качествѣ драматурга (его перу принадлежить, между прочимъ, оригинальная комедія «Сваха», имѣвшая на сценѣ выдающійся успѣхъ) и переводчика лучшихъ пьесъ иностраннаго репертуара,—думается, что почтенный юбиляръ съ полнымъ правомъ могъ бы сказать вмѣстѣ съ Гораціемъ:

«Feci, quod potui, faciant meliora potentes».

Князь Б. А. Щетининъ.

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ МЕРСИНДЖИКЪ.

ВЪ СЪВЕРО-ЗАПАДНОМЪ направленіи отъ историческаго городка Чесмы, въ разстояніи приблизительно трехъ четвертей часа ѣзды на ослѣ, расположенъ живописный полуостровъ Мерсинджикъ, покрытый виноградниками. На этомъ полуостровѣ погребены останки доблестныхъ русскихъ моряковъ, павшихъ въ безпримѣрномъ по славѣ для нашего флота Чесменскомъ бою. Для увѣковѣченія памяти героевъ на мѣстѣ ихъ вѣроятнаго погребенія нынѣ красуется небольшая русская церковка, устроенная на средства Государя Императора и освященная въ этомъ году на второй день Пасхи, 23 апрѣля, во имя св. великомученика и побѣдоносца Георгія. Какъ очевидецъ акта освященія, завершившагося скандальной дуэлью греческой іерархіи съ нашей, излагаю эту церемонію въ хронологической послѣдовательности, оставляя читателямъ оцѣнку событій и поступковъ дѣйствующихъ лицъ.

Освящать церковь митрополитомъ с.-петербургскимъ Антоніемъ былъ командированъ молодой помощникъ настоятеля посольской церкви въ Константинополь, священникъ Іоаннъ Θεодоровичъ Говядовскій, награжденный за этотъ подвигъ, послѣ казеннокоштной «по дѣламъ службы» поѣздки въ Петербургъ, саномъ протоіерея. Получивъ командировку отъ петербургскаго владыки, о. Говядовскій обратился къ послу за совѣтомъ, слѣдуетъ ли ему сообщить о своей миссии въ патриархію. «Какъ знаете, — отвѣтилъ посолъ: — по смыслу вашей командировочной бумаги, я думаю, обращаться

къ греческой іерархіи излишне». Тѣмъ не менѣе передъ поѣздкой въ Мерсинджикъ о. Говядовскій отправился съ визитомъ въ патріархію и изложилъ тамъ свои полномочія.

Наша миссія, въ составѣ только что поименованнаго о. Говядовскаго съ діакономъ посольской церкви Н. А. Махровымъ и тремя учителями русскихъ школъ въ Константинополь, командированными въ качествѣ пѣвчихъ, покинула Босфоръ въ четвергъ на Страстной недѣлѣ, съ расчетомъ поспѣть къ мѣсту священнодѣйствія на второй день Пасхи, совпавшій въ этомъ году съ днемъ памяти св. великомученика и побѣдоносца Георгія, во имя котораго, какъ выше сказано, освящена церковь. Въ Великую субботу утромъ прибыли въ Смирну, гдѣ насъ принялъ подъ свое покровительство консулъ А. К. Бѣляевъ, любезно уступившій первенство представительства священнику Говядовскому, диктовавшему церемоніаль миссіи. Въ тотъ же день, послѣ завтрака, вмѣстѣ съ консуломъ отбыли на спеціальному греческому пароходѣ, заказанномъ г. Бѣляевымъ, въ Чесму, расположенную, по моимъ соображеніямъ, миляхъ въ семидесяти (морскихъ) отъ Смирны. По прибытіи къ мѣсту назначенія священникъ Говядовскій и консулъ прямо съ парохода отправились съ визитомъ къ мѣстному каймакаму и греческому митрополиту Θεоклиту, хотя шель уже не визитный, 9-й часъ вечера. Каймакамъ радушно принялъ нашихъ представителей; митрополитъ же, своевременно освѣдомленный о цѣляхъ нашей миссіи, скрылся изъ дому, такъ что пришлось отложить визитъ до слѣдующаго дня св. Пасхи. Въ этотъ день, выслѣдивъ возвращеніе митрополита, мы добились свиданія съ нимъ и были приглашены принять участіе въ вечернемъ митрополичьемъ служеніи, послѣ котораго наши представители бесѣдовали о предстоящей намъ на завтра работѣ, любезно пригласивъ митрополита принять участіе въ актѣ освященія церкви. Здѣсь произошла крупная размолвка, такъ какъ митрополитъ заявилъ, что онъ намѣренъ предложить намъ честь участія въ освященіи, а не мы ему. Оставляя знатокамъ іерархической субординаціи разбираться въ этомъ недоразумѣніи, излагаю событія въ ихъ хронологической постепенности.

Тотчасъ послѣ вечерни мы отправились на лошадяхъ и осликахъ въ Мерсинджикъ. Насъ эскортировали турецкіе запѣи, любезно предложенные каймакамомъ, подъ предводительствомъ жандармскаго офицера. Ночевали въ домикѣ, выстроенномъ у церкви. На второй день Пасхи, 23 апрѣля, въ 9 часовъ утра, предполагали начать освященіе церкви, и къ этому времени прибылъ въ Мерсинджикъ митрополитъ Θεоклитъ въ сопровожденіи чесменскаго духовенства. Весь греческій сонмъ принялъ участіе въ торжествѣ, омраченномъ въ самомъ началѣ попыткой митрополита выпоротъ и освидѣтельствовать зашитыя въ антиминсѣ, присланный изъ

Петербурга митрополитомъ Антоніемъ, святыя мощи. О. Говядовскій протестовалъ противъ этого, насколько позволяли ему ограниченныя познанія въ греческомъ языкѣ. Я не слышалъ этого протеста, но, вѣроятно, онъ былъ достаточно энергиченъ, ибо греческій митрополитъ съ ядовитой улыбкой положилъ ножъ, уже нанесенный было для вскрытія св. мощей.

Серьезная размолвка произошла потомъ въ алтарѣ по вопросу о томъ, кому надѣвать бѣлую рубашку, положенную при освященіи храма. Надѣвший ее о. Говядовскій, послѣ того, какъ греческій владыка выразилъ намѣреніе снять съ себя панагію и удалиться изъ церкви, во избѣжаніе скандала предъ собравшейся у церкви трехтысячной толпой, уступилъ ее митрополиту. Наконецъ, во время обхожденія вокругъ освящаемаго храма священникъ Говядовскій едва отвоевалъ антиминосъ, несомый вначалѣ греческимъ архіереемъ... Кое-какъ освященіе церкви прошло, и началась литургія. Пѣли попеременно мы и греки. Здѣсь мое вниманіе было поражено тѣмъ обстоятельствомъ, что греческое духовенство держало себя вызывающе-непристойно во время ектеній и молитвословій, гдѣ упоминалось имя Государя, такъ что и послѣлитургійное многолѣтіе Царю діаконъ провозгласилъ положительно демонстративно, подъ носомъ греческаго владыки, выходявшаго изъ алтаря и остановленнаго возгласомъ Н. А. Махрова въ царскихъ вратахъ.

По окончаніи многолѣтія, громогласно пропѣтаго нашими пѣвчими, митрополитъ въ сопровожденіи сонма духовенства, въ томъ числѣ и нашего священника (нынѣ протоіерея) о. Говядовскаго, благословляя толпу, направился къ выходу. Остановившись на лѣстницѣ, поднимающейся отъ церкви къ расположенному на возвышенномъ каменистомъ плато домику, чесменскій владыка велѣлъ позвать къ себѣ жандармскаго офицера и въ его присутствіи обратился къ толпѣ съ пространнымъ диерамбомъ по адресу Абдуль-Гамида. Благословляя судьбу, поставившую греческое населеніе подъ скипетръ его величества султана, митрополитъ указывалъ толпѣ на царственныя заботы падишаха о религіозныхъ нуждахъ подвластныхъ ему народовъ. «Его верховнымъ о насъ попеченіемъ, — заканчивалъ митрополитъ, — мы сподобились сегодня освятить новый храмъ, въ которомъ будемъ возносить мольбы Всевышнему о здравіи и долгоденствіи обожаемаго монарха». Въ концѣ сего пространнаго, до приторности льстиваго словоизверженія митрополитъ провозгласилъ въ честь Абдуль-Гамида «Ζήτω» (ура), дружно подхваченное толпой, при чемъ полицейскіе чины взяли на караулъ. Покрываемый кликами «Ζήτω!» митрополитъ вошелъ въ нашъ домикъ для разоблаченія.

Когда говорилъ митрополитъ къ народу, нашъ консулъ былъ въ притворѣ храма, то заглядывая въ церковь для наблюденія за порядкомъ въ толпѣ, прикладывавшейся къ иконамъ, то выходя

на паперть, чтобы прислушаться къ краснорѣчію чесменскаго витія. Послѣ того, какъ митрополитъ снялъ въ домикѣ святительскія облаченія, туда вошелъ и Алексѣй Константиновичъ Бѣляевъ и, обращаясь къ владыкѣ, сказалъ приблизительно слѣдующее: «Ваше высокопреосвященство, ступая за ограду сего храма, кажется, не изволили уяснить себѣ значеніе флага, развѣвающагося надъ этой территоріей. Прислушиваясь къ вашему хвалебному гимну въ честь султана, я мыслилъ, что этого требуетъ вѣрно-подданическая корректность по отношенію къ вашему суверену. Но я ни на минуту не сомнѣвался, что хотя въ концѣ всего этого вы скажете народу нѣсколько прочувствованныхъ словъ въ честь нашего Государя, на территоріи котораго теперь находитесь. Но я ошибся. Ставя на видъ вашу безтактность по отношенію къ нашему Императору, волею и средствами котораго воздвигнутъ и освященъ нынѣ этотъ храмъ, я беру вашу роль на себя: Ζῆτο Царю Россіи!» При этомъ возгласѣ консулъ предложилъ митрополиту встать. Вставъ и постоявъ мгновеніе, сконфуженный греческій владыка оставилъ нашу территорію.

По удаленіи греческаго митрополита и духовенства о. Говядовскій, въ этотъ критическій моментъ уступившій консулу первенство представительства, прежде чѣмъ успокоиться отъ пережитыхъ нервныхъ мгновеній и подкрѣпить себя, чѣмъ Богъ послалъ, такъ какъ наступилъ уже второй часъ дня, — зашелъ еще однажды въ храмъ, чтобы провѣрить, все ли тамъ въ порядкѣ, и къ ужасу констатировалъ, что на престолѣ въ алтарѣ нѣтъ антими́нса. Вѣсть объ этомъ поразила и насъ, какъ громомъ. Консулъ и всѣ мы направились въ церковь, и хотя по осмотрѣ алтаря никто болѣе не сомнѣвался, что антими́нса въ храмѣ нѣтъ, перевернули здѣсь все въ поискахъ его: открыли и осмотрѣли даже запертый сундукъ съ священными облаченіями. Начались разспросы консула. Сторожъ заявилъ, что въ то время, какъ народъ прикладывался къ иконамъ, въ алтарь стремительно проникъ греческій священникъ. Не оставалось болѣе сомнѣнія, что антими́нсъ кощунственно похищенъ.

Когда вышли изъ церкви, къ намъ подошелъ неожиданно показавшійся изъ-за ограды греческій священникъ, въ которомъ сторожъ опозналъ того самаго, что прошмыгнулъ въ алтарь, когда народъ лобызалъ иконы, и обратился съ вопросомъ: «Τι εἶπε?» (что случилось?) Сказали, въ чемъ дѣло, и пошли съ нимъ въ алтарь, гдѣ о. Говядовскій демонстрировалъ еще разъ, какъ онъ собственноручно завернул антими́нсъ въ илито́нъ, прикрывъ его поверхъ евангеліемъ. Грекъ подтвердилъ, что все это видѣлъ и что теперь антими́нса недостаетъ. «Δύωη, λύωη», сказалъ онъ двусмысленно, выражая ли этимъ сожалѣніе, что мы констатировали святотатство, или соглашаясь съ нами въ отсутствіи святыни, ибо λύωη озна-

часть и сожалѣніе и отсутствіе. Опрошенный консуломъ, зачѣмъ онъ входилъ въ алтарь, долго спустя послѣ службы, священникъ, кажется, отвѣтилъ, что зашелъ взять что-то забытое изъ облаченія. При этомъ онъ трясся, какъ въ лихорадкѣ, и сухіе шейные мускулы его то и дѣло нервно передергивало, такъ что, откровенно говоря, мнѣ было жаль его до боли, тѣмъ болѣе, что если онъ и причастенъ къ кощунственному замыслу, то лишь какъ слѣпое, пассивное орудіе. Консулъ авторитетно предложилъ священнику отправиться немедленно къ митрополиту и передать, что затѣянная имъ игра со святыней весьма неумѣстна и можетъ имѣть печальныя послѣдствія, такъ какъ обо всемъ придется доложить Государю Императору. Священникъ ушелъ, и минутъ черезъ тридцать по его уходѣ антиминосъ былъ присланъ съ мальчуганомъ, который заявилъ, что его по ошибкѣ захватилъ діаконъ, убирая облаченія...

Кое-какъ успокоились и уже въ исходѣ третьяго часа сѣли позавтракать чѣмъ Богъ послалъ на бивуакахъ. Консулъ не ѣлъ отъ сильныхъ душевныхъ эмоцій, а къ вечеру совершенно свалился, задавленный отчетами и протоколами всего, что случилось.

На другой день, 24 апрѣля, мы возвратились въ Чесму. Вечеромъ въ отель, гдѣ мы расположились, явилась депутація отъ греческаго духовенства съ извиненіемъ во всемъ случившемся, объяснивъ опять непонятную мистификацію съ антиминосомъ небрежной поспѣшностью діакона, убравшаго облаченія (и тутъ теорія отвѣтственности «стрѣлочника»!). При этомъ священникъ, о которомъ я рассказаль раньше и который явился въ составѣ депутаціи, прощаясь съ нашимъ батюшкой, прослезился и сказалъ, что послѣ тѣхъ подозрѣній, какія въ этомъ скорбномъ событіи неизбежно падаютъ и на него, онъ не считаетъ себя достойнымъ носимаго имъ сана. Поистинѣ трогательная сцена!..

Въ тотъ же вечеръ, нѣсколько позже, намъ нанесъ визитъ чесменскій каймакамъ (губернаторъ), кажется, въ третій разъ со времени нашего перваго появленія въ Чесмѣ. Вообще турецкимъ властямъ нужно отдать справедливую признательность за ихъ необыкновенную корректность, скорѣе даже предупредительность къ намъ за все время нашего пребыванія въ Чесмѣ и Мерсинджикѣ.

По возвращеніи въ Чесму консулъ отправилъ послу въ Константинополь обширную шифрованную телеграмму съ подробнымъ изложеніемъ кощунственной комедіи, разыгранной греческимъ духовенствомъ въ Мерсинджикѣ. Когда телеграмма консула была получена въ Царьградѣ, посольство немедленно отправило въ патріархію перваго секретаря г. Нелидова съ требованіемъ объясненій касательно поведенія чесменскаго митрополита Θεоклита. Встревоженная запросомъ нашего посольства, патріархія созвала на другой день экстренное засѣданіе синода, который постановилъ авансомъ, до получения объясненій чесменскаго митрополита, извиниться предъ

посольствомъ въ скандальномъ инцидентѣ, прося повергнуть по телеграфу къ стопамъ Государя Императора чувства безпредѣльнаго сожалѣнія по поводу возникшаго недоразумѣнія между двумя православными сестрами-церквами, съ обѣщаніемъ тщательнаго разслѣдованія инцидента и примѣрнаго взысканія съ виновниковъ его. Эта резолюція синода и была передана посольству въ пятницу, 27 апрѣля, на другой день послѣ засѣданія синода, первымъ членомъ его, митрополитомъ кизикскимъ Аоанасіемъ и сисанійскимъ митрополитомъ Серафимомъ, знающимъ по-русски.

Весь этотъ спектакль является лишнимъ показателемъ чуткости вселенской патріархіи, съ которою она предупреждаетъ все, что можетъ поколебать сыплющаяся на нее «великія и богатая милости», въ видѣ всевозможныхъ патріаршихъ субсидій и пенсій, выплачиваемыхъ ежегодно русской казною. Послѣ отписки на запросъ патріархіи по поводу скандала митрополитъ Теоκληтъ остался здоровъ и невредимъ въ своей чесменской епархіи, при чемъ патріархія отписалась въ наше посольство, что все печальное недоразумѣніе возникло на почвѣ нарушенныхъ нами правъ греческой іерархіи. Нашъ посоль, еще въ первый день Пасхи водившій подъ руки патріарха Іоакима (ежегодная пасхальная церемонія шествія патріарха изъ покоевъ въ церковь, въ сопровожденіи подъ руки нашего и греческаго пословъ—столповъ православія), объявилъ, что онъ «не дастъ своихъ въ обиду», и пригласилъ на совѣтъ священника Говядовскаго, который сообщилъ, что для пользы дѣла ему лучше всего немедленно отправиться въ Петербургъ для личнаго доклада о скандалѣ митрополиту Антонію, прежде чѣмъ владыка узнаетъ объ этомъ изъ газетъ. И 5 мая о. Говядовскій покинулъ берега цвѣтущаго Босфора, куда возвратился на дняхъ въ санѣ протоіерея. А оскорбленное соблазномъ православіе проливаетъ крокодиловы слезы и ждетъ должнаго возмездія виновникамъ скандала, разыгравшагося на глазахъ трехтысячной толпы, въ присутствіи официальныхъ представителей мусульманства, на радость и ликование многочисленныхъ враговъ православія.

Въ заключеніе изложу въ общихъ чертахъ исторію храма, которая, быть можетъ, нѣсколько освѣтитъ не совѣмъ понятное для меня состязаніе іерархій, выразившееся въ актѣ освященія.

На полуостровѣ Мерсинджикѣ, гдѣ нынѣ освящена русская церковь, со временъ Чесменскаго боя существовала греческая церковка, посвященная тому же святому Георгію Побѣдоносцу и служившая для отправленія религіозныхъ потребностей православныхъ чесменскихъ обитателей, выселявшихся на этотъ полуостровъ на время сбора винограда. Вокругъ этой церковки, безъ сомнѣнія, нашли себѣ послѣднее земное убѣжище наши герои, павшіе въ славной чесменской эпопее, такъ какъ именно здѣсь

произошла генеральная проба нашихъ и турецкихъ силъ 24 іюня 1770 года. Въ разстояніи километровъ 2—3 отъ церкви покоятся на днѣ пролива остатки нашего адмиральскаго корабля «Св. Евстафій», взорвавшагося отъ огня сожженнаго имъ турецкаго адмиральскаго корабля капитана-паши. Нашъ корабль найденъ не такъ давно греческими водолазами, опускавшимися на дно Хиосскаго пролива для ловли губки. Въ Смирнѣ хозяйка отеля, въ которомъ мы остановились по возвращеніи изъ Чесмы, показывала мнѣ нѣсколько голландскихъ золотыхъ монетъ, будто бы найденныхъ водолазами на мѣстѣ, гдѣ затонулъ нашъ «Св. Евстафій». Монеты величиною въ наполеондоръ, только значительно тоньше, такъ что легко гнутся въ рукѣ. На всѣхъ вычеканенъ 1769 годъ. Нынѣ на берегу полуострова Мерсинджикъ, противъ мѣста, гдѣ покоятся остатки «Св. Евстафія», расположенъ турецкій караколь (полицейская будка), не допускающій губкопромышленниковъ расхищать сокровища, погребенныя въ проливѣ съ нашимъ адмиральскимъ кораблемъ.

Восемь лѣтъ назадъ, въ іюлѣ 1899 года, чесменское побережье посѣтилъ командовавшій въ то время нашей средиземной эскадрой адмиралъ Скрыдловъ и выразилъ желаніе собрать разбросанныя по берегу Мерсинджика кости, предполагая въ нихъ останки нашихъ чесменскихъ молодцовъ, и предать ихъ погребенію у церкви св. Георгія, которой, по мысли адмирала, не лишне было бы именоваться русской. Услужливое чесменское духовенство и община, во главѣ съ нынѣшнимъ митрополитомъ Теоклитомъ, почувавъ въ этомъ желаніи адмирала запахъ свѣжей манны, подсказанной, безъ сомнѣнія (имѣю полное основаніе это утверждать), нашимъ вице-консуломъ въ Смирнѣ, г. Фотіадисомъ, который игралъ при этомъ роль посредника, не замедлили составить и подписать дарственный актъ, которымъ церковь с. Георгія съ небольшою территоріей подъ нею передавалась Государю Императору. Скрыдловъ повергъ этотъ дарственный документъ къ стопамъ Его Величества и получилъ высочайшую благодарность и прочее, оставивъ нашей дипломатіи весьма деликатную задачу оформить въ Ильдызъ-Кіюскѣ устройство русскаго памятника на мѣстѣ, гдѣ сто тридцать семь лѣтъ назадъ мы погребли болѣе чѣмъ вдвое сильнѣйшій нашего турецкій флотъ и этимъ опредѣлили начало конца турецкаго могущества. Только спустя четыре года, нашей дипломатіи удалось добиться султанскаго ирадэ, подтвердившаго за нами право собственности на часовню въ Мерсинджикѣ.

Наше смиренское консульство, которому поручено было непосредственное сношеніе по дѣламъ памятника съ мѣстной іерархіей, не имѣло ни одного русскаго человѣка: консуломъ былъ валахъ Няга, вице-консуломъ—состоящій и нынѣ на этомъ посту грекъ Фотіадисъ. Послѣдній и считается главнымъ дѣятелемъ устройства

русской церкви св. Георгія, за что получилъ не одинъ орденъ и, кажется, русское подданство. Между тѣмъ мое бѣглое знакомство во время путешествія къ памятнику съ его исторіей—путемъ разспросовъ и личныхъ наблюдений—создало для меня убѣжденіе, что главнымъ виновникомъ разыгравшагося въ Мерсинджикѣ скандала и былъ именно г. Фотіадисъ, всѣ эти восемь лѣтъ служившій на два лагеря. Въ посольство онъ то и дѣло подавалъ не-«скромное мнѣніе» о предоставленіи чесменскому населенію, на которое онъ имѣетъ «необыкновенное вліяніе», правъ пользованія храмомъ попрежнему, а греческому духовенству, продолжавшему оставаться фактическимъ хозяиномъ часовни, посулилъ, безъ сомнѣнія, обновить или совершенно перестроить за русскій счетъ пришедшую въ упадокъ ихъ древнюю, глубоко чтимую народомъ, церковку, которая будетъ считаться русскою лишь по имени. «Сверхчеловѣческія усилія» г. Фотіадиса, которыя онъ то и дѣло подчеркиваетъ въ своихъ отношеніяхъ по этому дѣлу, теперь понятны, ибо обыкновенныхъ человѣческихъ усилій недостаточно, чтобы такъ долго и съ такимъ искусствомъ лавировать между Сциллою и Харибдой. Послѣднее такое «усиліе» г. Фотіадисъ обнаружилъ въ прошломъ году, когда управлялъ консульствомъ по уходѣ г. Жданова до пріѣзда нынѣшняго консула Бѣляева. Это—его планъ освященія храма, по которому предполагалось поручить исполненіе сего акта чесменскому митрополиту Теоклиту. Русскимъ, по плану Фотіадиса, любезно предоставлялось лишь право представительства на торжествѣ въ лицѣ смирнскаго консула и одного священника, командированнаго нашимъ посольствомъ въ Царьградѣ. Наконецъ, во избѣжаніе іерархической путаницы, чудовищный проектъ Фотіадиса предлагалъ назначить въ церковь одного изъ мѣстныхъ священниковъ-грековъ, съ жалованьемъ изъ русской казны, опредѣляя этимъ номинальнаго хозяина храма. Когда церемоніаль освященія, начертанный въ Петербургѣ, нѣсколько видоизмѣнилъ планъ г. Фотіадиса, послѣдній взялъ отпущекъ и уѣхалъ въ Аѣины, чтобы не быть свидѣтелемъ скандала при крещеніи дѣтища его «сверхчеловѣческихъ усилій».

Г. I. Троценко.

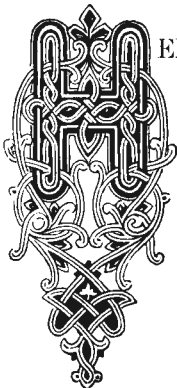

ПОТРЕВОЖЕННАЯ РОССИЯ.

(Путевыя миниатюры).

I.

Внутри Россіи.

БЕСЕЛЫЯ думы преслѣдуютъ теперь каждого, кто, оставивъ сравнительно спокойный Петербургъ, направляется во внутреннюю Россію. Вездѣ, а особенно на югѣ, положеніе вещей тревожное. Въ Петербургѣ не подозрѣваютъ, что переживаютъ помѣстные обыватели. Въ терроризованныхъ углахъ и весяхъ Россіи не клеится никакая работа, — всякое дѣло валится изъ рукъ.

Я сдѣлалъ около 5,000 верстъ по Россіи, при-
сматривался къ мѣстнымъ настроеніямъ, къ мѣстной жизни. Вездѣ одна бѣда — неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Жуткое чувство обиды за переживаемыя потрясенія наполняетъ душу русскаго человѣка.

Въ Петербургѣ не исчезаютъ розовыя надежды на будущее... на третью думу, но тамъ, во глубинѣ Россіи, прижатой терроромъ, вопять:

— Такъ жить нельзя!

Въ столицѣ не сознается шемая боль какой-то беспросвѣт-ности, окутавшей провинцію. Чиновный Петербургъ далекъ отъ прозы помѣстной дѣйствительности... Въ немъ умѣренность, вѣра въ свои силы, въ которыя извѣрилась провинція, въ столицѣ относятся снисходительно къ еврейскому вопросу, къ борьбѣ національностей,

которая такъ безошадно разыгрывается теперь далеко отъ Петербурга, на югѣ. Вы увидите дальше, въ какую жестокою битву обратилась она. Уже въ 600 верстахъ отъ Петербурга, въ Москвѣ—другая атмосфера... Тамъ всѣ наболѣвшіе вопросы сгустились, и вы услышите не то сѣтованія на безучастный и холодный Петербургъ, не то насмѣшки надъ его чиновнымъ благодушіемъ. Что же говорятъ мѣстные люди, на что жалуются?

Я столкнулся въ Москвѣ съ представителями фабричнаго міра. Русскій оборотистый купецъ сердитъ и недоволенъ.

— Хорошо вамъ сидѣть въ Петербургѣ на всемъ готовомъ,—съ ироніей говоритъ онъ:—а вотъ попробуйте-ка въ нашемъ фабричномъ дѣлѣ... Передъ самой Нижегородской ярмаркой на фабрикахъ разразились забастовки. Понаѣхали студенты и разные недоучки изъ Москвы и давай мутить. Имъ хорошо, ничего не теряютъ. Произносятся рѣчи жаркія, звонкія. Рабочіе уши разставили, и началась исторія. Фабрики въ Орѣховѣ-Зуевѣ остановились. Рабочіе предъявили намъ 95 пунктовъ, требовали двѣсти процентовъ прибавки. Поди разбирайся во всемъ этомъ. Требовать-то легко... А развѣ мыслимо намъ согласиться? Фабрика, положимъ, дѣло доходное, но только не въ нынѣшнее время. Нынче больше крови себѣ испортишь, чѣмъ наживешь барышей. Мы этихъ требованій, разумѣется, не приняли.

— Но все потомъ кончилось благополучно!—говорю я.

— Знаете, могло быть и иначе. У насъ на фабрикахъ слишкомъ много буйныхъ головъ и головорѣзовъ. Они обучены революціонерами и прямо на стѣну лѣзутъ. По счастью, большинство спокойное. Посидѣли всѣ эти умники голодными, видятъ, что ничего не очистится имъ, и на старыя условія согласились. Зарядъ революціонеровъ пропалъ даромъ. Только мы потеряли на забастовкѣ.

— Теперь все уже вошло въ свою колею?—Спрашиваю я.

— Да,—отвѣчаетъ мой собесѣдникъ:—только положеніе вообще поганое. Знаете, Москва невозможно жидовѣтъ. Въ коммерцію лѣзетъ еврей, посмотрите, сколько развелось здѣсь еврейскихъ фирмъ—крупныхъ, сильныхъ. Когда-то командовалъ всѣмъ въ Москвѣ патріархальный купецъ, да еще русскій старообрядецъ. Теперь евреи пробрались уже и на Нижегородскую ярмарку. Если будете тамъ—посмотрите, сколько еврейскихъ фирмъ. Гдѣ былъ старый купецъ, прекратившій дѣла на ярмаркѣ, тамъ непременно сидитъ еврей. Это настоящіе коршуны русской жизни. Русскій фабрикантъ въ своемъ дѣлѣ рискуетъ, а еврей-торговецъ безпечально наживаетъ хорошіе проценты. Оттого и такой расцвѣтъ евреевъ въ торговлѣ.

Чѣмъ дальше къ югу—тѣмъ положеніе безотраднѣе.

Я былъ во многихъ мѣстахъ: въ Кіевѣ, въ Новороссіи, на Днѣпрѣ, на Волгѣ... Мои впечатлѣнія мимолетны, отрывочны. Но я убѣдился, однако, въ живучести русскаго самосознанія, которое

больше всего крѣпнетъ именно тамъ, гдѣ оно прошло черезъ горнило тяжкихъ испытаній, порожденныхъ смутою въ Россіи. Національный свѣточъ не угаснетъ!

II.

Въ Кіевѣ.

Среди всѣхъ русскихъ городовъ Кіевъ имѣетъ какой-то особый симпатичный оттѣнокъ, но вы застаете здѣсь серьезное, сосредоточенное настроеніе. Революціонныя бури, которыя забыты Петербургомъ, вездѣ въ Россіи еще оставили свой отпечатокъ, и въ Кіевѣ это чувствуется больше, чѣмъ гдѣ-либо. Русское населеніе Кіева какъ-то удручено, жизнь въ городѣ кипитъ, но лица у всѣхъ хмурья... Такъ по крайней мѣрѣ кажется. Старый монархическій Кіевъ пережилъ слишкомъ много потрясеній, обидныхъ для русскаго самолюбія. Это сквозитъ во всѣхъ разговорахъ.

Я не пишу интервью, но какъ интересны эти отзывы мѣстныхъ людей! Старый кіевлянинъ, видный мѣстный дѣятель и педагогъ, такъ говорилъ мнѣ объ общемъ настроеніи:

— Теперь стало у насъ потише, хотя крайніе стараются баламутить. Кто у насъ застрѣльщики движенія?.. Главнымъ образомъ еврейство и рабочіе-анархисты. Кіевъ, какъ вы знаете, центръ заводовъ, свекло-сахарной промышленности; кромѣ того, здѣсь находятся большія мастерскія и депо Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, для которыхъ Кіевъ крупнѣйшій узелъ. Среди желѣзнодорожныхъ рабочихъ въ 1905 и 1906 гг. велась сильная анархическая пропаганда, здѣсь организовывались желѣзнодорожныя забастовки, отражавшіяся потомъ на Одессѣ и на всемъ югѣ. Теперь картина, къ счастью, мѣняется. Среди желѣзнодорожныхъ рабочихъ происходитъ поворотъ вправо... Это любопытнѣйшее явленіе — точно народъ пробуждается послѣ тяжкаго долгаго кошмара. Правые и умѣренные организуютъ союзы. Въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ происходятъ собранія правыхъ рабочихъ, весьма многолюдныя. Просвѣтлѣніе въ рабочей средѣ очень замѣтно, да и то сказать, развѣ такъ много у насъ среди рабочихъ отъявленныхъ анархистовъ? Нѣтъ, правые и умѣренные всегда были въ большинствѣ, только имъ ходу не давали, не на что было опереться. Развѣ мыслимо открыто поддерживать стачечниковъ? А это, къ сожалѣнію, было. Высшіе агенты покровительствовали движенію, не желали стѣснять свободы... забастовокъ. Всего обиднѣе, что Петербургъ не знаетъ Россіи. Дума, конституціонныя вѣянія — все это прекрасно... Но когда-то все это устроится какъ слѣдуетъ, а пока производъ, безсудье, чиновная волокита — все тѣ же. Само правительство стало какимъ-то партійнымъ, одностороннимъ. Петербургъ дѣлаетъ

ошибку за ошибкой и думаетъ, что эти ошибки не приносятъ вреда. Вотъ, напримѣръ, хотя бы мягкое отношеніе къ евреямъ. Угнетать евреевъ, конечно, не слѣдуетъ, но зачѣмъ же намъ добровольно лѣзть въ еврейскую петлю? Университеты полны евреевъ, здѣшній политехникумъ переполненъ ими, всякія нормы уничтожены, а русская молодежь остается не у дѣль.

Въ кievскомъ обществѣ чувствуется настроеніе умѣренное, правое. Кievское общество всегда было консервативнымъ. Но бѣда здѣшняго общества въ томъ, что оно разъединено и разрознено, тогда какъ еврейство на югѣ сплочено. У насъ въ провинціи, да, пожалуй, и въ столицахъ, нѣтъ никакого связующаго идейнаго начала. Все разъѣдаетъ старинное зло русской жизни — «мѣстничество», которое чѣмъ дальше, тѣмъ вырождается въ худшія формы. Единственный объединяющій элементъ — карты и зеленый столъ. «Пассъ», «черви», «безъ козырей»... И дѣйствительно, мы пасуемъ. Козыри всегда въ чьихъ-то другихъ рукахъ.

Досадно и больно наблюдать эту разрозненность русскихъ людей въ старомъ Кievѣ, который всегда былъ силенъ патріотическими завѣтами русскаго народа. Кievъ имѣлъ такое объединительное значеніе въ прошлой жизни Россіи. Сюда къ святынямъ Кieва неизмѣнно стекалось и стекается движеніе русскихъ людей изъ селъ и деревень. Знаменитая Кieво-Печерская лавра не утрачиваетъ въ глазахъ народа своего былого значенія.

Я былъ въ лаврѣ въ одинъ изъ праздничныхъ дней. Безчисленные богомольцы наполняли ея обширные дворы. Въ полутемнотѣ нѣсколько мрачнаго главнаго собора раздается молитвенный шопоть. На каменномъ полу набожный малороссъ звонко и усердно отбиваетъ земные поклоны. Калики переходящіе, нищіе и убогіе своими протяжными гнусавыми голосами выводятъ какіе-то молитвенные напѣвы. Можетъ быть, отзвуки кievскихъ былинъ живутъ въ причитаніяхъ этихъ старцевъ, для которыхъ и бурные годы русскихъ потрясеній составили одно только лишнее слово въ ихъ стародавней пѣснѣ, въ этой лирикѣ народнаго эпоса. Набожное крестьянство въ предшествіи монаховъ благовѣрно спускается въ темные и холодные лабиринты ближнихъ и дальнихъ пещеръ, гдѣ въ шелковыхъ саванахъ, въ безчисленныхъ нишахъ покоятся бывые подвижники Русской земли. Годы проносятся надъ лаврскими стѣнами, бури потрясаютъ страну, но движимый вѣрою, народъ такъ же все тяготеетъ къ историческимъ свѣтильникамъ Кieва и, можетъ быть, почерпаетъ здѣсь вѣру въ лучшее будущее...

Самое больное мѣсто въ Кievѣ—это университетъ. Университетъ св. Владимира, по настроенію студенчества, всегда былъ консервативнымъ, монархическимъ. И теперь большинство студенчества безусловно правое, «черносотенное», но всѣхъ будоражитъ жалкая горсть революціонеровъ, какихъ-нибудь двѣсти человѣкъ.

Они дѣйствуютъ захватнымъ правомъ, насиліемъ, оказываютъ давленіе на пассивныхъ и податливыхъ, и въ концѣ концовъ достигаютъ своего. Какіе возмутительные скандалы происходили въ университетѣ! А вѣдь подавляющее большинство студенчества не сочувствовало этимъ бунтарямъ. Надо бы поддержать это большинство. Но у насъ ничего не предпринимаютъ.

— Все евреи мутятъ,—ворчатъ кіевляне.

— Неужели не успокаивается революціонное еврейство въ Кіевѣ?—спрашиваю я.—Теперь такъ много для нихъ дѣлается.

— Какъ ему успокоиться?—говорятъ мнѣ.—Временно оно притихло... въ ожиданіи обстоятельствъ. Теперь моментъ опасный. Наше простонародье ужасно озлоблено противъ евреевъ. Все говорятъ о еврейскихъ погромахъ... Не время имъ поднимать голову.

Я долженъ сказать, однако, что въ Кіевѣ много спокойнаго еврейства, мало причастнаго къ террору. Весь кіевскій Подоль заселенъ евреями—мелкими торгашами и ремесленниками. Они народъ бѣдный и забытый. Они не опасны, опасность идетъ отъ еврейскихъ магнатовъ, отъ еврейской молодой интеллигенціи. Мелкое и среднее еврейство достаточно апатично относится къ революціи, но имъ командуютъ сильные передовые евреи, этотъ цвѣтъ «революціи».

III.

У Чернаго моря.

Гораздо худшее, болѣе мрачное положеніе, чѣмъ въ Кіевѣ, застаю я въ Одессѣ—главномъ гнѣздѣ революціоннаго террора. Что это за несчастный городъ, въ которомъ жизнь складывается окончательно невыносимо для русскаго человѣка! Двадцать лѣтъ тому назадъ я зналъ блестящую, цвѣтущую Одессу. Жизнь здѣсь кипѣла, торговля процвѣтала, обширный заграничный экспортъ русскаго хлѣба создавалъ предприимчивымъ людямъ сказочныя коммерческія карьеры и миллионныя состоянія. Развивавшаяся торговля съ Ближнимъ и Дальнимъ Востокомъ обезпечила Одессѣ значеніе перваго порта имперіи. Сюда въ поискахъ счастья стремились многочисленныя иностранцы, въ особенности греки и итальянцы, которыхъ въ двадцатыхъ годахъ описывалъ Пушкинъ въ своихъ поэмахъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ энергія нѣсколькихъ русскихъ людей развила морскія сообщенія на Черномъ морѣ, опиравшіяся на Одессу, и городъ командовалъ торговлей юга. Теперь вдругъ значеніе Одессы стало ничтожнымъ, жизнь замерла, старыя предпріятія чахнутъ, городъ въ долгахъ и близокъ къ банкротству. Чѣмъ объяснить такую поразительную метаморфозу? Что погубило Одессу?

Погубила ее, во-первыхъ, Сибирская дорога, отнявшая всю торговлю съ Дальнимъ Востокомъ, во-вторыхъ, революція, избравшая Одессу главной своей резиденціей въ южной Россіи.

— Вы знаете,—говорять мнѣ одесскіе обыватели:—мы живемъ словно въ какомъ-то чаду... Бомбы, убійства, экспроприаціи такъ отравили атмосферу города, что просто силъ нѣтъ терпѣть. Видѣли бы вы эти похороны убитыхъ полицейскихъ чиновъ—самое жесткое сердце содрогнется! Осиротѣлыя семьи, плачущія вдовы, несчастныя сироты. Стоишь стоять кругомъ, поневолѣ проклянешь и убійцъ и попустителей.

Одесса терроризована съ 1905 года, когда возникли здѣсь эти варварскія еврейскія самообороны, перешедшія затѣмъ быстро въ наступленіе. Эта самооборона—стоглавая гидра, съ которой не удастся сладить ни мѣстнымъ властямъ, ни правительству. Отрубятъ одну голову, вырастаетъ другая. Здѣсь расцвѣли комитеты революціонеровъ и анархистовъ-коммунистовъ, работаютъ тайныя типографіи, и вся эта компанія ведется изъ-за угла, изъ-за прикрытій. Гдѣ-то въ подпольяхъ сочиняютъ революціонные приговоры и приговариваютъ къ смерти всѣхъ, кто мѣшаетъ открытымъ дѣйствіямъ обнаглѣвшихъ террористовъ. Убиваютъ не только полицейскихъ, но и частныхъ лицъ. Вы слышали объ убійствѣ доктора Попова, капитана парохода Синкевича?— это нѣчто ужасное. Одного закололи, другого разстрѣляли въ центрѣ города, около канцеляріи градоначальника.

Чѣмъ же были вызваны эти убійства?

Доктора Попова, какъ утверждаютъ, убили рабочіе одесскаго адмиралтейства Русскаго общества. Покойный завѣдывалъ медицинскою частью въ этомъ обществѣ и выдавалъ рабочимъ свидѣтельства о болѣзни. Онъ былъ человѣкъ стойкій, прямотушный. Это рабочимъ не нравилось. Въ мастерскихъ общества пустила уже корни революціонная зараза, рабочіе стали заносчивы и не въ мѣру требовательны... Они домогались получать фальшивыя свидѣтельства о болѣзни, чтобы, не работая, имѣть плату за прогульные дни. Докторъ Поповъ не шелъ на это, рабочіе затаили злобу на него. Его выслѣживали, выжидали въ разныхъ углахъ, на него охотились. И вотъ два озвѣрѣлыхъ негодяя выслѣдили его въ гавани у желѣзнодорожной эстакады и буквально зарѣзали ножами.

Убійство командира парохода Синкевича—цѣлая печальная исторія въ томъ же родѣ. Капитанъ Синкевичъ, подполковникъ корпуса флотскихъ штурмановъ, тоже былъ человѣкомъ твердыхъ убѣжденій. Онъ плавалъ много лѣтъ по Черному морю, великолѣпно зналъ морское и коммерческое дѣло и былъ однимъ изъ блестящихъ капитановъ Русскаго общества. Онъ командовалъ почтовымъ пароходомъ «Цесаревичъ Георгій», на который въ прошломъ году

быль совершенъ набѣгъ экспроприаторовъ. М. Е. Синкевичъ отстоялъ отъ грабителей большіе капиталы, перевозившіеся въ этотъ рейсъ на пароходѣ. Но онъ замѣтилъ странное явленіе: часть команды словно сочувствовала грабителямъ. Въ то время отъ капитановъ пароходовъ требовали, чтобы они указывали подозрительныхъ лицъ изъ числа служащихъ на пароходахъ. Послѣ этого опроса капитановъ подпольные комитеты, все знающіе, все пронюхивающіе, приговорили за данныя показанія троихъ капитановъ къ смерти, въ томъ числѣ и Синкевича, котораго убилъ какой-то уволенный кочегаръ.

Да! ужасная обстановка складывается въ Одессѣ. Революціонный терроръ подтачиваетъ и морской промыселъ, которымъ кормится столица юга. Революціонныя забастовки легли неисчислимыми потерями на русскія пароходныя предпріятія... Всѣ эти потери, вырванныя громадныя прибавки къ матросскому жалованію разорили и богатые пароходныя общества.

Замѣчательная вещь: въ то время, какъ въ другихъ мѣстахъ Россіи наблюдается хоть малѣйшее затишье, въ Одессѣ буря не затихаетъ, страсти разгораются, убійства слѣдуютъ одно за другимъ. Чѣмъ объяснить это? Я бесѣдовалъ съ разными лицами въ Одессѣ и, увы, всѣ русскіе указываютъ на жестокой, непримиримый характеръ революціоннаго еврейства, которое не хочетъ забыть дни своего недавняго торжества и убираетъ съ дороги все, что мѣшаетъ имъ. Одинъ изъ одесскихъ консерваторовъ, сторонникъ правыхъ партій, указалъ, однако, мнѣ на интересное и отрадное явленіе: здѣсь, какъ и въ Кіевѣ, прогрессируетъ объединеніе русскихъ людей въ борьбѣ съ евреями-террористами. Но здѣсь это явленіе сильнѣе выражено.

— Евреи больше всего ненавидятъ «союзъ русскаго народа», который здѣсь довольно силенъ и дѣятеленъ, — рассказывали мнѣ. — Образовался и другой союзъ «русскихъ людей». Вообще движеніе въ пользу объединенія русскихъ элементовъ сильно растетъ. Горячее участіе въ этихъ союзахъ принимаетъ русская молодежь. Многія горячія головы такъ отдались идеѣ преслѣдованія революціоннаго еврейства, что впадаютъ въ крайности. Евреи чрезвычайно злы и мстительны, они убиваютъ изъ засады тѣхъ, кто, по ихъ мнѣнію, участвовалъ въ одесскихъ еврейскихъ погромахъ 1905 года. Именно на этой почвѣ разыгрался здѣсь рядъ убійствъ. Русская молодежь видитъ, что еврейскихъ убійцъ ничѣмъ не остановишь, какъ только перспективой расплаты жертва за жертву, и вотъ въ чемъ разгадка теперешнихъ расправъ надъ революціонерами. Эти расправы произвели впечатлѣніе на еврейство. Онѣ усилились послѣ ужаснаго случая съ юношей Мельниковымъ, членомъ союза русскаго народа, котораго еврейскіе революціонеры подвергли истязаніямъ во вкусѣ средневѣковыхъ пытокъ. Выво-

рачивали ему руки, вырѣзали надписи на тѣлѣ. Онъ спасся только благодаря случайности. Евреи возненавидѣли русскіе союзы, почувствовавъ въ нихъ силу, способную разрушить еврейскія террористическія заѣбѣ. А русскіе союзы проявляютъ себя уже очень многимъ. Союзъ русскаго народа фактически исполняетъ функціи по охранѣ города, безъ него полиціи пришлось бы плохо, вѣдь городскихъ подстрѣливаютъ здѣсь какъ куропатокъ. Во время революціонныхъ покушеній на стоявшіе въ одесской гавани пароходы союзъ организовалъ защиту ихъ, а во время забастовокъ создалъ свою артель грузчиковъ. Все это очень важно въ тяжелой и безобразной обстановкѣ Одессы. Террористы теперь побаиваются союза, который еврейскихъ выступленій не оставитъ безнаказанными. Конечно, эта политика! «око за око» жестокая, но что жъ вы будете дѣлать, когда нѣтъ иного выхода.

— Интересно, къ чему стремится революціонное еврейство?— спрашивалъ я.—Вѣроятно, все вопросъ о равноправіи?

— Не совѣмъ такъ... отвѣчали мнѣ:—ихъ карты теперь открыты. Здѣсь идетъ борьба за власть... Евреи хотятъ всеѣмъ командовать. Прежде у нихъ были разные туманные разговоры объ идейныхъ вопросахъ, теперь борьба въ Одессѣ выливается въ простую формулу: евреи или русскіе? Увѣряю васъ, это такъ. Евреи наступаютъ, но русскіе не сдаются. Мы переживаемъ здѣсь процессъ жестокой національной борьбы. Много вредитъ дѣлу вялость и безхарактерность нашихъ властей... Нѣкоторые изъ здѣшнихъ градоправителей развѣзжали по синагогамъ, раскланивались передъ раввинами. Развѣ такимъ умасливаніемъ чего-нибудь достигнешь? Ужасное впечатлѣніе это производило. Евреи видѣли нашу податливость, наше раболѣпство. А вѣдь они полны затаеннаго властолюбія. Вотъ теперь выборы въ государственную думу — какъ къ нимъ усердно примазывается еврейство!.. Оно проводитъ своихъ...

— Отчего же русскіе не дѣйствуютъ болѣе энергично?— говорю я.

— Легко сказать... Евреи спѣлись, русскіе разрознены. Еврей видитъ въ русскомъ парламентѣ средство для захвата себѣ власти, русскій по старому полагается на свое правительство. Странно, конечно, это, но вѣдь государственная дума, съ которой такъ возится Петербургъ, у насъ не возбуждаетъ никакихъ повышенныхъ ожиданій.

IV.

Революція въ Запорожьѣ.

Бурлитъ винтъ за кормой. Въ синемъ сумракѣ моря видно нѣсколько огневыхъ точекъ. Это идутъ пароходы на Днѣпръ, на Бугъ—въ Херсонъ и Николаевъ. Тихое море лѣниво плещетъ, и густая темная полоса пароходнаго дыма тянется вдаль къ залитымъ электрическимъ свѣтомъ берегамъ оставленнаго порта...

Давно я не былъ на Днѣпрѣ, въ этомъ интереснѣйшемъ само-бытномъ уголкѣ.

Херсонъ и низовое Приднѣпровье полны историческихъ воспоминаній. Здѣсь въ молодыхъ цвѣтущихъ областяхъ юга развернулась когда-то блестящая созидательная работа Екатерины II, основательницы Херсона, и Потемкина, основателя Николаева. Старая херсонская крѣпость съ кладбищемъ военныхъ героевъ напоминаетъ вамъ о подвигахъ русской доблести подъ Очаковымъ. Въ Екатерининскомъ соборѣ сохраняется кресло императрицы и покоится прахъ Потемкина. Въ соборѣ находятся интересныя старыя иконы съ лицами Екатерины II и Потемкина. Какая любопытная анекдотическая старина! Несмотря на протекшіе годы, крѣпостныя ворота, выступы, арки поражаютъ своей несокрушимостью.

Милые и мирные уголки и селенія Днѣпра разсыпались за Херсономъ по овальнымъ зеленымъ холмамъ, они возникли изъ становищъ былого Запорожья. Здѣсь все дышитъ исторіей, старой доблестью усатыхъ воителей, защищавшихъ южную Россію отъ набѣговъ крымскихъ татаръ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я любовался здѣсь драгоценными остатками старины: урочищами, маленькой запорожской церковью въ Никополѣ. Доблестные защитники старой Руси радѣли о своихъ церквахъ и щедро украшали ихъ. Увы, время все уничтожило. На мѣстѣ запорожскаго храма нынѣ высится въ Никополѣ большой соборъ новѣйшей архитектуры. На всемъ Днѣпрѣ уцѣлѣлъ только старый потемкинскій храмъ въ Бизюковомъ монастырѣ. Былое Запорожье представляетъ въ настоящее время край живой сельско-хозяйственной работы. По обѣимъ сторонамъ Днѣпра тянутся хлѣбныя поля. Тутъ богатѣйшія имѣнія крупныхъ землевладѣльцевъ юга и большихъ мѣстныхъ монастырей, насчитывающія десятки тысячъ десятинъ. Здѣсь же расположены большія торговыя села и мѣстечки—Каховка, Бериславъ, Большая Лепетиха, къ которымъ тяготѣетъ окрестное крестьянство...

Большія переменныя я застаю на Днѣпрѣ! Революціонное движеніе свило себѣ гнѣзда и на этомъ пепелищѣ Запорожья, оно перевернуло весь мирный укладъ мѣстной сельско-хозяйственной жизни.

Революціонеры здѣсь агитировали среди крестьянъ, въ 1905—1906 гг., и поднимали ихъ на разграбленіе и разгромъ помѣщичьихъ экономій. Они достигли успѣха; на Днѣпрѣ было разбито 57 экономій. Аграрные беспорядки, забастовки, грабежи свирѣпствовали здѣсь повсюду. Надъ помѣщиками учиняли самосудъ и расправу.

Екатеринославскій помѣщикъ, съ которымъ меня свела судьба въ Каховкѣ, искренно возмущался пережитымъ позоромъ Приднѣпровья.

— Евреи во время революціи командовали крестьянами,—говорилъ онъ.—Они втерлись въ ихъ довѣріе и наобѣщали имъ вся-

кихъ благъ, только бы тѣ пошли на погромы помѣщиковъ. Моего сосѣда-помѣщика, бывшего офицера, арестовали и потребовали отъ него, чтобы онъ самъ поджегъ свою усадьбу. Тотъ не соглашался, протестовалъ. Его повели на революціонный судъ. Что же онъ видитъ? Въ судѣ председательствуетъ молодой еврей въ красной лентѣ, сынъ одного изъ здѣшнихъ еврейскихъ хлѣботорговцевъ, который всегда являлся къ намъ, помѣщикамъ, съ поклономъ и дѣлалъ мелкія аферы, ассистентами еврея-судьи явились мѣстный учитель и фельдшеръ. Судъ посадилъ помѣщика «за непокорство» въ холодную и обѣщалъ подвергнуть его расправѣ, но когда въ селеніе явились казаки, то несчастный помѣщикъ былъ освобожденъ. Другую помѣщицу у насъ истязали, рѣзали. Съ помѣщичьимъ добромъ расправлялись беспощадно. Связывали лошадей хвостами и поджигали ихъ. Вообще много было примѣровъ возмутительнаго варварства. Все подстроили еврей-революціонеры. Недаромъ потомъ еврейскіе погромы прошли по Днѣпру.

Ужасныя вещи творились въ Большой Лепетихѣ, Таврической губерніи. Это крупное торговое село на Днѣпрѣ, одинъ изъ командующихъ центровъ. Въ ней тысячь десять жителей. Большая Лепетиха переполнена еврействомъ, но смуту здѣсь подняли не евреи, а русскіе: земскій начальникъ, отставленный затѣмъ отъ должности по телеграфному распоряженію губернатора, и агентъ земскаго страхованія, которые, какъ увѣряютъ жители, были ярыми агитаторами. Загипнотизированная ими толпа разгромила и сожгла домъ мѣстнаго священника и винныя лавки, были убиты полицейскіе стражники и крестьянинъ. Всю Лепетиху объялъ пожаръ возмущенія, агенты банковъ бѣжали, толпа громила магазины и унесла кассу изъ пароходнаго агентства Русскаго общества, которая потомъ найдена была за селомъ разбитой. На пароходную пристань явилась толпа революціонеровъ съ ружьями и скомандовала рабочимъ выйти изъ своего помѣщенія и оставить пристань. Выстрѣлами разбивались фонари, обстрѣливались проходившіе по Днѣпру пароходы. Грабители напали на квартиру пароходнаго агента и растащили и разгромили все его имущество, и агентъ и его семья остались безъ крова и даже безъ одежды. Жителей Лепетихи объяла паника; защиты и охраны не было никакой. Таврическій губернаторъ, говорятъ, не вѣрилъ въ возможность волненій и думалъ, что все обойдется благополучно. Изъ Лепетихи движеніе перекинулось въ сосѣднія мѣста: была назначена къ разгрому экономія извѣстныхъ капиталистовъ юга, Фальцъ-Фейновъ, Гавриловка, расположенная какъ разъ напротивъ Большой Лепетихи на другомъ берегу Днѣпра; толпа бросилась также въ село Каиры, разгромивъ тамъ помѣщичью усадьбу.

Особенностью лепетихскаго погрома было то, что здѣсь жгли, грабили и разоряли исключительно русскихъ. Изъ евреевъ никто не пострадалъ.

Въ эти смутные дни пароходы по Днѣпру шли съ конвоемъ и въ Лепетиху не заходили. Телеграфъ былъ испорченъ революціонерами, изолированная Лепетиха временно оставалась самостоятельнымъ революціоннымъ пунктомъ.

На Днѣпрѣ были свои прелести. Тамъ плавалъ пароходъ съ революціонерами, который преслѣдовалъ другія суда и обстрѣливалъ непокорныхъ. Капитанъ парохода «Бойкій», на которомъ я ѣхалъ изъ Лепетихи въ Александровскъ, рассказывалъ мнѣ объ этомъ.

— Революціонеры преслѣдовали меня и требовали, чтобы я остановился для переговоровъ. Конечно, цѣль ихъ была захватить мой пароходъ, но «Бойкій» — хорошій ходокъ, и мы успѣли уйти. Тяжелые это были дни, — продолжалъ капитанъ: — вездѣ на Днѣпрѣ были безпорядки. Ни къ одной пристани нельзя было подойти, вездѣ стояли буйныя толпы народу.

Въ то время какъ въ Большой Лепетихѣ революціонеры праздновали свою побѣду, въ другихъ мѣстахъ на Днѣпрѣ разыгрывались еврейскіе погромы, особенно опустошительные въ гор. Александровскѣ, гдѣ было разбито много еврейскихъ домовъ.

Революціонный пожаръ не коснулся только нѣмецкихъ колонистовъ. На Днѣпрѣ есть большія колоніи: Кичкасѣ около пороговъ, Основа, населенная швейцарскими выходцами, и другія. Колонисты вооружились, выставили надежную охрану и всѣ сплотились для самозащиты. У нихъ никакихъ погромовъ не было, а русскихъ помѣщиковъ громили.

На пароходѣ ѣдетъ со мной цѣлая компанія помѣщиковъ. Печальные событія 1905 — 906 г.г. еще не забыты ими, и помѣщичій разговоръ то и дѣло касается пережитаго. Молодой приднѣпровскій помѣщикъ, направляющійся къ себѣ въ деревню, пытается освѣтить причины крестьянскихъ волненій.

— Чего они домогаются? — говоритъ онъ, подразумѣвая подъ «они» крестьянъ. — Въ другихъ мѣстахъ Россіи аграрные безпорядки еще понятны. Тамъ малоземелье, нищета, а у насъ ничего этого нѣтъ. Здѣсь, въ Приднѣпровьѣ, — просторъ, крестьяне зажиточны, земли приходится по 3, 3^{1/2} и иногда даже по 5 десятинъ на душу. Нынче вдобавокъ высокія цѣны на хлѣбъ. Крестьянству не на что жаловаться. Зимой есть постоянные заработки въ крупныхъ владѣльческихъ экономіяхъ — тѣхъ самыхъ, которыя они громили по приглашенію революціонеровъ. Одна бѣда заѣдаетъ наше крестьянство — пьянство. Пьянство у хохловъ неизмѣнное, все несутъ въ кабакъ. Шесть недѣль въ году проработаютъ какъ слѣдуетъ, а десять мѣсяцевъ пьютъ. Но кто же въ этомъ виноватъ? При такомъ пьянствѣ нашего хохла никакими угодами его не прокоришь. Все снесетъ въ монополію.

Нынче на Днѣпрѣ — хорошій урожай, на рѣкѣ полноводье, благоприятствующее сплаву зерна. Послѣ тяжелаго прошлаго года Приднѣпровье вздохнуло полной грудью.

Пароходъ «Бойкій» приближается къ Александровску. По берегамъ стелятся пологіе зеленые холмы, песчаные обрывы.

Мой спутникъ-помѣщикъ говоритъ:

— Вотъ во время погромовъ я тоже ѣхалъ на пароходѣ въ Александровскъ. Вездѣ была смута, погромы. На нашемъ пароходѣ укрылось много бѣглыхъ евреевъ изъ разныхъ селъ и мѣстечекъ. Они искали спасенія на пароходахъ. Жалко было смотрѣть на нихъ — всѣ тряслись отъ страха. По пристанямъ буйныя толпы, которыя вотъ-вотъ ворвутся на пароходъ для расправы надъ евреями. Смотримъ, такая же толпа стоитъ на берегу въ Александровскѣ. Какъ тутъ подойти къ пристани? Евреи трясутся. Но, слава Богу, случай выручилъ. На нашемъ пароходѣ ѣхала пѣвческая капелла одесскаго регента Завадскаго. Когда пароходъ былъ въ виду Александровска, пѣвчіе запѣли «Боже Царя Храни». Видимъ, на берегу народъ шалки снимаетъ. Тогда подошли къ пристани, и высадка пассажировъ совершилась благополучно.

Александровскъ — крайній пунктъ на нижнемъ Днѣпрѣ, это шлагбаумъ у начала днѣпровскихъ пороговъ. Дальше пароходы не могутъ ити, такъ какъ черезъ пороги не существуетъ никакого движенія, кромѣ сплава плотовъ изъ Полѣсья, которое совершается въ полноводное весеннее время, да и то съ опаской.

Городъ Александровскъ — типичное хохлацкое захоlustье съ кривобокими хижинами, съ грязными пыльными улицами, но поодаль гордо поднимаются надъ городомъ стройныя зданія и высокія трубы нѣмецкихъ машиностроительныхъ заводовъ. Нѣмцы широко развили здѣсь производство сельско-хозяйственныхъ машинъ, вѣялокъ, косилокъ, и друг., которыя идутъ отсюда въ днѣпровскія экономіи и въ крестьянскія хозяйства. У здѣшнихъ крестьянъ машины привились давно. Это ясно говоритъ о зажиточности населенія. Вездѣ вы видите плуги и вѣялки александровской работы.

V.

Въ степи.

Югъ Россіи отрѣзанъ отъ востока и отъ Волги. Чтобы проѣхать съ Днѣпра на Волгу, надо совершить весьма утомительное и головоломное путешествіе по Екатерининской и другимъ желѣзнымъ дорогамъ и, послѣ безчисленныхъ пересадокъ, вы, наконецъ, попадаете на Волгу.

На Екатерининской дорогѣ лѣтомъ громадное движеніе, вагоны переполнены, яблоку негдѣ упасть. Я помѣстился въ первомъ

классъ съ какими-то двумя молодыми людьми, желѣзнодорожными служащими, ѣхавшими въ Ростовъ. Вагончикъ крошечный, неудобный, душный. Въ раскрытое окно глядитъ черная ночь, набѣгающій вѣтеръ несетъ ароматную свѣжесть степи. Хочется спать, но это невысказано, вы сдавлены сосѣдями. Ни задремать, ни протянуть ноги. Отъ нечего дѣлать ведемъ разговоры на современные темы. Одинъ изъ молодыхъ людей только что былъ свидѣтелемъ экспроприаціи на той же Екатерининской дорогѣ.

— Дѣло было ночью,—говоритъ онъ:—я спалъ въ купе, вдругъ среди ночи слышу выстрѣлы, переполохъ, крики. Это было около станціи Игрень. Оказалось, что въ нашемъ поѣздѣ ѣхалъ желѣзнодорожный артельщикъ, везшій выручку станцій. Они всегда возятъ большія суммы въ опредѣленные сроки. На него грабители и устроили охоту. И что же вы думаете? Въ нѣсколько минутъ совершилось кровавое дѣло. Артельщика убили и ограбили 37 тысячъ находившихся у него денегъ. Я не успѣлъ опомниться—такъ быстро это случилось. Потомъ уже слышалъ, что нападеніе подстроили уволенный желѣзнодорожный агентъ и почтовый чиновникъ, которые хорошо знали порядки дороги и воспользовались беззащитностью артельщика.

VI.

На Волгѣ.

На Волгѣ — другой міръ, замѣтны другія настроенія. Безконечно тянется глухая Калмыцкая степь, спускающаяся къ Волгѣ крутыми песчаными обрывами. Безлюдно здѣсь, поселковъ мало. Да и какіе невзрачные эти поселки! Край тоскливый, оживающій только въ періодъ навигаціи.

Какъ рѣзко бросается въ глаза разница этихъ мѣстъ съ Днѣпромъ, гдѣ все кругомъ заселено и вспахано. Тамъ тучная степь, здѣсь пустыня. Въ низовой приволжской степи держится еще стародавнее калмыцкое пастушество. Первобытны и дики эти мѣста. Но они скоро оживятся. Астраханскую степь прорѣзала уже желѣзная дорога, направляющаяся къ Астрахани.

Утромъ въ яркихъ лучахъ восхода вырисовывается передъ вами грандіозная панорама Астрахани съ украшающими ее древними соборами—большимъ петровскихъ временъ и маленькимъ, приземистымъ, помнящимъ вѣкъ Іоанна Грознаго. Астрахань—своеобразный городъ—полутатарскій, полурусскій, съ яркими чертами азіатскаго Востока. Во время навигаціи она представляетъ собой кипучій базаръ. Несмотря на свою азіатскую фізіономію, Астрахань составляетъ старое дворянское гнѣздо юго-восточной Россіи. Расцвѣтъ ея богатой садовой культуры, ея обширное виноградарство обязаны мѣстнымъ помѣщикамъ и ихъ хозяйствамъ.

Здѣсь когда-то текла патриархальная дворянская жизнь, пригородные степные уголки процвѣтали, а расселенные въ Астраханской степи (при Екатеринѣ II) новгородскіе мужики жили припѣваючи и на легкихъ культурахъ винограда, требовавшихъ исключительно женскаго труда, забывали тяготы новгородскаго хлѣбопашества на тугихъ и упорныхъ глинахъ. Окрестные помѣщики и крупные рыбопромышленники давали тонъ городу.

Теперь не то, прошлое отлетѣло. Другія птицы, другія пѣсни.

— Какъ у васъ тутъ? Каковы новыя вѣянія?—спрашиваю стараго знакомаго, астраханскаго коммерсанта.

— Неважно,—говоритъ онъ,—и къ намъ подобралась революція.

Астрахань всегда была городомъ консервативнымъ, монархическимъ. Но за послѣдніе два года ее не узнать: и здѣсь и въ сосѣднемъ Царицынѣ все ожиловѣло. Наплывъ еврейства непомѣрный, всѣ они здѣсь красные изъ красныхъ. Евреи пристраиваются къ рыбному дѣлу,—а оно здѣсь главное,—вершатъ важныя дѣла и уже даютъ тонъ жизни города. Революція нашла себѣ здѣсь благодарную почву, и какую же жалкую роль во время ея разгара играли здѣсь русскіе старожилы! И здѣсь я слышу знакомые мотивы: «не на что опереться», «что мы, обыватели, можемъ предпринять, когда и мѣстныя власти и самъ Петербургъ дѣлаютъ уступки краснымъ и показываютъ свою слабость».

Въ Астрахани разыгралась при мнѣ ужасная трагедія татарскаго самосуда надъ грабителями, убившими ихъ зажиточнаго соплеменника. Татары выслѣдили убійцу и буквально разорвали ихъ на части.—«Нѣтъ, намъ спасенія отъ воровъ и отъ всякой сволочи,—объясняли участники самосуда,—законъ не защищаетъ, приходится самимъ расправляться».

Не только въ Астрахани, но и по всей Волгѣ много переменъ, много новыхъ вѣяній. Въ приволжскихъ слободахъ шумитъ и бушуетъ пролетаріатъ, старыя кунеческія дѣла и промыслы чахнутъ, оскудѣваетъ знаменитое рыболовство, которымъ въ Астрахани на задолженныхъ промыслахъ занялись уже банковскіе чиновники и ихъ довѣренныя, на рѣкѣ вмѣсто старыхъ бурлацкихъ пѣсенъ раздается новая ухарская мелодія гражданскаго пошиба, въ «сознательныхъ» селахъ,—а таковыхъ не обобратъся,—превеликое пьянство... Мнѣ не хотѣлось бы сгущать краски, но таково впечатлѣніе. Гдѣ живутъ приволжскіе раскольники—въ тѣхъ мѣстахъ чувствуется благообразіе, оно сохранилось также у нѣмцевъ-колонистовъ, хотя и эти успѣли попортиться, а гдѣ сидитъ «сознательный» русскій—тамъ ужъ добра не ищи. Гармошка, пьянство, драки, въ праздничный день молодежь такъ расходится, что старики хоть прячься по угламъ... Пролетаріатъ въ хорошемъ градусѣ и ему теперь море по колѣно.

Одно хорошо на Волгѣ: нынче изрядный урожай и полноводье. Самарская губернія, главная житница Приволжскаго края, щего-

ляютъ обиліемъ зерна. Однако, въ тѣхъ же мѣстахъ есть и свои огорченія.

Въ Самарской и Симбирской губерніяхъ все полно свѣжихъ слѣдовъ недавняго революціоннаго движенія. Оно охватило и мирную глушь степной деревни и разразилось на симбирскихъ фабрикахъ. Крестьяне вырубали помѣщичьи фруктовые сады, уничтожали владѣльческій скотъ и постановили на сельскихъ сходахъ понизить арендную плату за помѣщичьи земли такъ, «чтобы помѣщичики восчувствовали». Арендаторы платили раньше по 30—40 руб. за хозяйственную десятину въ 4,000 кв. сажень, а рѣшили дать двѣнадцатъ. На этой почвѣ разыгралось много столкновеній у крестьянъ съ помѣщиками, а въ приволжскомъ удѣльномъ имѣніи былъ арестованъ собранный крестьянскій урожай.

Въ Симбирской губерніи разыгралось рабочее движеніе на почвѣ революціоннаго подстрекательства.

Надо замѣтить, что въ Симбирскихъ краяхъ развито значительное суконное производство—выработка простыхъ суконъ, идущихъ въ деревни на крестьянскіе армяки, поставляемыхъ въ казну на солдатскія шинели и проч. Фабрики принадлежатъ мѣстнымъ помѣщикамъ или же мелкимъ фабрикантамъ, которые сами вышли изъ крестьянства.

Я видѣлся съ владѣльцемъ небольшой фабрики въ Сызранскомъ уѣздѣ, который рассуждалъ объ этихъ событіяхъ весьма спокойно и основательно.

— Невозможно понять, чего хочетъ народъ,—говорилъ онъ.—Вы возьмите нашу мѣстность. У насъ ни малоземелья, ни бѣдности. Какая тамъ бѣдность, когда молодой парнишка, работающій на самоткацкомъ станкѣ, получаетъ у меня 15—16 рублей въ мѣсяцъ, да его отецъ зарабатываетъ 35 рублей—и всѣ эти деньги остаются дома, въ деревнѣ. Наше крестьянство, можно сказать, разбаловано деньгами... Въ другихъ мѣстахъ ничего этого нѣтъ. Наши мужики должны бы Бога благодарить да сидѣть смирно. А вотъ подите, буянили и бунтовали. Смѣшно сказать, съ чего начались эти бунты. Понаѣхали къ намъ какіе-то недоучки, реалисты и гимназисты изъ Симбирска, и стали проповѣдывать рабочимъ: «Поднимайтесь, возставайте, не то умрете рабами. Вотъ, говорили пришлые ораторы, мы думы добились, это наша заслуга, земли крестьянамъ обѣщаютъ, требуйте больше и больше...» Ну, наши горячія головы и распалились. Фабрики забастовали. Пошла сумятица. По сосѣдству съ нами есть крупныя фабрики Шатрова, Протопопова, Акчуриныхъ. Рабочіе Шатрова рѣшили двинуться на соединеніе съ рабочими другихъ фабрикъ, чтобы составить толпу тысячъ въ десять человѣкъ. Но подоспѣли казаки, и планъ этой кампаніи разстроился. Застрѣльщики дали знать сотоварищамъ: «Не придемъ къ вамъ, все пропало». А не

явись казаки, Богъ вѣсть что бы было. Стали бы громить фабрики и тогда ни намъ, ни имъ кормиться было бы нечѣмъ... Вся эта сумятица случилась прошлый годъ осенью.

— А теперь затихло?—спрашиваю.

— Да, слава Богу. Надо вамъ сказать, и сами рабочіе не дураки, они понимаютъ, какую пользу отъ фабрики имѣютъ, а все зло вотъ въ этой подлой агитаціи! Понаѣдутъ эти бездѣльники, и смотришь—бѣда. Въ рабочихъ пробуждаются стадныя свойства, всѣ идутъ другъ за дружкой, и ничего не разбираютъ.

Какъ относится фабричный народъ къ государственной думѣ? интересовался я. Посмотришь со стороны, какъ будто безучастно. Неужели? Мѣстные люди тоже говорятъ о безучастности. «Эта дума въ модѣ теперь, но особаго значенія мы ей не придаемъ. Выбирали, конечно, въ думу потому, что заставляли выбирать. Рабочіе выбирали рабочихъ, однако въ Питерѣ и безъ думы должны бы знать, что дѣлать...» Вотъ взгляды приволжскихъ рабочихъ, не порвавшихъ связей съ землей.

А какъ революціонеры кричали въ Думѣ: «насъ народъ послазъ».

VII.

На ярмаркѣ.

Оригинальное зрѣлище представляла нынче Нижегородская ярмарка въ обстановкѣ холеры. На ярмаркѣ сгруппированы въ теченіе нѣсколькихъ недѣль десятки тысячъ безсемейныхъ людей, проводящихъ эти недѣли въ сутолокѣ торговли вдаль отъ родныхъ гнѣздъ. Я видѣлъ уже раньше холеру на ярмаркѣ, и всегда эпидемія имѣла тамъ ужасное, удручающее дѣйствіе. Паника заражала и сухихъ дѣловыхъ людей. Обыватель падалъ духомъ. Мимо моихъ оконъ въ таинственныхъ закрытыхъ фургонахъ возили больныхъ и умирающихъ. Одинъ видъ окруженныхъ карантинными и окуриваемыхъ холерныхъ барачковъ производилъ жуткое впечатлѣніе. Я помню 1892 холерный годъ, когда въ Нижнемѣ, среди царства смерти, неутомимо и самоотверженно боролся съ бѣдой кипучій, не знавшій страха и усталости покойный нижегородскій губернаторъ Н. М. Барановъ. Но ему одному трудно было, онъ не находилъ достойныхъ сотрудниковъ. Чиновники бѣжали, врачи манкировали. А холера косила жертву за жертвой.

Нынче такой бѣды, какъ въ 1892 году, не было. Тогда холера потревожила и именитое купечество. Богатые коммерсанты, угощавшіеся въ тѣсной компаніи фруктами и шампанскимъ, къ ужасу своему на утро не досчитывались одного-другого компаньона, которые, залитые известкой, уже отвозились на холерное кладбище.

Нынче были частичныя заболѣванія, хотя и довольно настойчивыя, среди простонародья, но процентъ выздоравливающихъ былъ неизмѣримо выше 1892 года.

Купечество ярмарки, помнящее еще старую холеру, спѣшило скорѣе развязаться съ дѣлами и уѣхать во-свояси. Москвичи-фабриканты и иваново-вознесенцы жаловали на ярмарку наѣздами: пробудеть день-другой и затѣмъ—въ путь, чтобы потомъ опять показаться на ярмаркѣ на короткое время.

Но главное зло на нынѣшней ярмаркѣ составляла все-таки не холера, а страхъ экспропріацій, которыя заявили уже о себѣ въ волжско-камскомъ районѣ ограбленіемъ почтового парохода, да дали себя знать и въ самомъ Нижнемъ набѣгомъ экспропріаторовъ на нижегородскую епархіальную лавку; въ ней, впрочемъ, немного поживились г.г. грабители.

Новый нижегородскій губернаторъ М. Н. Шрамченко, бывшій ранѣе вице-губернаторомъ въ Кишиневѣ, человѣкъ энергичный, онъ бодро охранялъ ярмарку и купеческія кассы отъ социаль-грабителей. Нынѣшняя ярмарка похожа была на военный лагерь: по улицамъ разѣзжали военные патрули, въ банкахъ и присутственныхъ мѣстахъ была увеличенная полицейская охрана, вездѣ имѣлась электрическая сигнализациа. Агенты тайной полиціи выслѣживали таинственныхъ незнакомцевъ. М. Н. Шрамченко рассказывалъ мнѣ, съ какимъ трудомъ ему удалось совершить переправу банковъ на ярмарку, изъ которыхъ одинъ только государственный банкъ везъ въ свое ярмарочное отдѣленіе около 4 милліоновъ рублей наличныхъ цѣнностей и векселей.

— Мнѣ предлагали,—говорилъ губернаторъ,—перевозить банки частями, но вѣдь тогда грабители могли бы выслѣдить и постепенно подготовить вооруженное нападеніе. Я рѣшилъ лучше перевезти все разомъ и перевезъ банки подъ охраной драгунъ, которые конвоировали банковскій кортежъ на всемъ длинномъ пути его изъ верхней части города на ярмарочную территорію. Все, слава Богу, удалось.

Нынѣшняя ярмарка, наперекоръ стихіямъ, оказалась удачной—спѣшной и оживленной. Ея быстротѣ несомнѣнно способствовали холерные страхи.

Нѣтъ худа безъ добра!

VIII.

Кто виноватъ?

Послѣ юга Поволжье мирная провинціа... Волжскій край живетъ въ иныхъ условіяхъ, иначе смотритъ на вещи. На югѣ Россіи терроръ—исключительно еврейскій и это тамъ отчетливо видно. Русское населеніе юга куда консервативнѣе приволжскаго;

на югъ разглядѣли уже, къ какимъ цѣлямъ еврейскаго плѣненія ведутъ одесскіе, севастопольскіе и разные другіе социалисты. Здѣсь, въ приволжскихъ краяхъ, народъ еще не наученный опытомъ... наивный, довѣрчивый, гоняющійся за модными настроеніями и полагающій, что въ нихъ сила. Подъ вліяніемъ проповѣди освободителей онъ вѣритъ въ возможность социалистическаго рая и даже не догадывается, что цѣли движенія на югъ и здѣсь въ сущности однѣ и тѣ же—захватъ податливыхъ массъ въ тяжелые тиски отрицателей. Всѣ стремятся на опасный огонь... костры разведены. Милости просимъ!

Кто же на сѣверѣ составляетъ передовой предводительствующій элементъ въ «движеніи»?

Знатокъ Поволжья, приволжскій администраторъ, такъ отвѣчаетъ мнѣ на этотъ вопросъ.

— Какъ и вездѣ, здѣсь главные участники движенія—рабочіе и полуинтеллигенты. «Полуинтеллигентами» я называю средній классъ—мелкихъ служащихъ, приказчиковъ и проч. Что касается здѣшнихъ рабочихъ, то они довольно ярые «освободители». Недалеко отъ Нижняго находятся большіе судостроительные и вагоностроительные Сормовскіе заводы—гнѣздо пропаганды. Тамъ періодически вспыхиваютъ неурядицы, водворяются забастовки. Въ прошломъ году рабочее населеніе Сормова наводило панику на Нижній-Новгородъ и на ярмарку. Въ нынѣшнемъ году стало типе. Весной, однако, возникла—таки забастовка на заводахъ. Бастующихъ, впрочемъ, мы не принуждали работать, предоставивъ имъ самимъ рѣшеніе этого вопроса, но принимали мѣры къ тому, чтобы не было беспорядковъ. Обошлось въ концѣ концовъ какъ нельзя лучше. Забастовщики даже удивились, что ихъ не понуждаютъ къ работѣ. Теперь тамъ совершенно тихо.

Въ Нижегородской губерніи, однако, не вездѣ спокойно. Покушенія на помѣщичье добро происходили въ обычномъ порядкѣ. На границѣ Арзамасскаго уѣзда крестьяне захватили помѣщичьи покосы, потребовалась посылка туда солдатъ. Всего спокойнѣе было въ тѣхъ углахъ нижегородскаго Поволжья, гдѣ живутъ старообрядцы: безпоповцы, поморцы и друг., какъ, на примѣръ, въ Семеновскомъ уѣздѣ. Это цѣльный, чудный, дѣвственный уголокъ старообрядчества. Они берегутъ свои добрые нравы и свою патріархальность. Ни одного тревожнаго случая тамъ не было.

Замѣтно ли просвѣтлѣніе въ Поволжьѣ? Не скажу. Сѣрая жизнь, сѣрая бытовая обстановка провинціи гнететъ, нарастаетъ жажда новыхъ идеаловъ, и къ этой жадѣ искусно и успѣшно пристраивается социализмъ, находящій громадное развитіе въ Поволжьѣ.

Да! нужно какое-нибудь просвѣтлѣніе въ русской жизни. Тучи лежатъ кругомъ. Дышать нечѣмъ. Никто не будетъ возражать

противъ необходимаго обновленія Россіи. Но нельзя реформировать русскую жизнь по еврейской указкѣ или по спеціальному рецепту социалистовъ. А Петербургъ въ недавнее время былъ близокъ къ этому. Нужны въ русской жизни свѣтлыя творческія силы, которыхъ, увы нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ... Несчастливая, загнанная неудачами страна мечется между двумя крайностями, избѣгая, съ одной стороны, опеки еврейскихъ социалистовъ, а съ другой, опасаясь когтистыхъ лапъ бюрократовъ... Настоящаго выхода нѣтъ.

«Оплошалъ Петербургъ»—вотъ что говорятъ во внутренней Россіи. И на югѣ, и на сѣверѣ вы услышите это. Провинція въ своихъ ясныхъ взглядахъ, въ своемъ житейскомъ опытѣ переросла Петербургъ... Прорубите окно въ Россію... Въ Петербургѣ станетъ свѣтлѣе, отзвуки жизни ворвутся въ него. А теперь душно, тяжело!

Путникъ (Н. Лендеръ).

МЕРТВЫЙ ГОРОДЪ.

Изъ путевыхъ впечатлѣній.

I.

Псковъ.—Первыя впечатлѣнія.—Крѣпостныя стѣны.—Кремль.

ЕСЕЛЫЕ лучи утренняго солнца давно золотили опущенныя шторы вагона. Вошелъ кондукторъ съ заспанной физиономіей.

— Господа, до Пскова. Кто ѣдетъ до Пскова? Ваши билеты.

Оказался я одинъ. Я подошелъ къ окну и поднялъ штору. Желтѣющіе луга, попережку съ жиденькими рошцами березы, ели и низкорослой сосны, кой-гдѣ крохотныя деревушки и почти полное безлюдье—знакомая печальная картина...

Но вотъ, за рощей, покрытой легкой дымкой дали, показался пятиглавый храмъ. Святая Троица! Древняя святыня, неразрывно связанная съ исторіей Пскова, одного изъ старѣйшихъ городовъ русскихъ, о которомъ лѣтописецъ повѣствуетъ, «яко былъ уже въ то время, какъ наѣхали князи Рюрикъ зъ братією изъ Варягъ въ Словяне княжити».

Поѣздъ приближается къ Пскову. Понемногу начинаютъ вырисовываться на горизонтѣ многочисленныя главы другихъ церквей и почти у самой станціи, на поворотѣ, внезапно встаетъ, залитый солнцемъ, весь «Господинъ Псковъ».

Свистокъ, толчокъ—и поѣздъ стоитъ у вокзала. Послѣ обычной суетоки, выпивъ въ буфетѣ стаканъ горячаго чаю, отправляюсь на извозчикѣ въ городъ.

Путь, около версты, ведетъ по аллеѣ изъ березъ и тополей, по дурной мостовой и зовется Кахановскимъ бульваромъ. Ёду мимо ярко-кирпичнаго цвѣта николаевскихъ казармъ, мимо тюрьмы, по пустырю. Только кой-гдѣ, среди картофеля, капусты и мусора, выросли нелѣпыя постройки: низенькій, точно прячущійся, казенный складъ—вездѣущая монополія, какой-то наивно-декадентскій палаццо съ остроконечной башней, обсаженной ярчайшей настурцией, напротивъ—мизерная изба, обитатели которой заготавливаютъ могильные памятники.

Но вотъ и городъ. Огромная дыра въ сѣдой вѣковой стѣнѣ, рядомъ бѣленькая часовня: это такъ называемыя Сергіевскія ворота—парадный ходъ, чрезъ который, послѣ Петра, Европа и Израиль вторгались въ городъ, дотолѣ вѣрный русскимъ традиціямъ, въ городъ, который «не терпѣлъ обидимъ быти отъ поганныхъ нѣмецъ» и не разъ, малою ратию, побѣждалъ «за Святую Троицу и за свое отечество» полчища разныхъ «поганныхъ». Но прошло его время. «Поганые» уже давно побѣдною струей влились въ мертвый городъ, заселили его сердце и оставили мѣсто только смердамъ изъ коренныхъ псковичей, да въ слободахъ и посадахъ «хрестьянамъ».

Отъ Сергіевскихъ воротъ начинается главная улица города ведущая къ кремлю—кромю,—какъ его звали псковичи, «дому Святыя Троицы». Впрочемъ, во Псковѣ всѣ улицы ведутъ къ кремлю, и этимъ Псковъ очень похожъ на Москву, гдѣ кремль также составляетъ «путь» города. Объясняется это не столько топографическими условіями мѣстности, сколько исторіей роста древняго города. Первые поселенцы избрали высокій, обрывистый мысъ, образуемый рѣками Великой и Псковой въ мѣстѣ ихъ сліянія, для крѣпостцы—города, какъ это тогда звалось,—и стали селиться непосредственно около укрѣпленій этого города. Населеніе прибывало, и городъ, кромъ, не могъ уже вмѣстить всѣхъ жителей со скарбомъ въ годину непріятельскаго нашествія; потребовалось его увеличить. Псковичи обнесли, въ 1309 году, насиженное мѣсто подъ кромомъ стѣною, начиная отъ его укрѣпленій и идя вверхъ по берегамъ обѣихъ рѣкъ на соединеніе черезъ поле.

Мѣсто за этой новой стѣной такъ и называлось полемъ, полонищемъ. На немъ селился людъ попроще, посадскіе люди.

Псковъ быстро богатѣлъ. Появились на полонищѣ храмы Божіи, торгъ, скоплялись состоянія у посадскихъ людей отъ торга съ нѣмцами, и посадскіе люди, въ свою очередь, увидѣли необходимость въ защитѣ стѣною. Стѣна была поставлена,—по старому шаблону,—опять начиная съ прежнихъ укрѣпленій по берегамъ

Икона св. Всеволода-Гавриила, покровителя Пскова, съ древнимъ изображеніемъ Троицкаго собора.

«Истор. вѣстн.», Октябрь, 1907 г., т. 8х.

14

рѣкъ, а потомъ чрезъ поле на соединеніе. Внутренняя соединительная стѣна осталась, однако, нетронутою. Получился какъ бы новый городъ, рядомъ со старымъ. Не надо было ничего мѣнять и въ названіяхъ. Прежній городъ такъ и звался потомъ «старымъ» городомъ, а новый называли или такъ, или, характеризуя его положеніе и относительную величину, «окольнымъ», «большимъ» городомъ. Сохранилось однако и прежнее его названіе, до обнесенія стѣною,—«полонище», и странно, именно это имя дошло до нашего времени въ народномъ, даже въ официальномъ названіи.

Приблизительно около того же времени, когда строился «большой городъ», посадъ за рѣкой Псковой, Запсковье, обнесся также стѣною, отъ кремля у устья рѣки Псковы и до того мѣста, гдѣ стѣна большого города упирается въ эту рѣку. Такимъ образомъ нижнее теченіе рѣки было обхвачено стѣнами и взято въ городъ. Стѣны перекинулись черезъ самую рѣку, но, чтобы не мѣшать свободному теченію воды и въ то же время загородить рѣку отъ возможнаго вторженія врага, арки для пропуска воды были снабжены особаго рода желѣзными рѣшетками, вѣроятно, опускавшимися только по надобности. Хотя арки эти до нашего времени не дошли, но названіе сохранилось: мѣста ихъ и нынѣ зовутся верхними и нижними (у устья) рѣшетками.

Такъ, «своего ради добра», псковичи соорудили себѣ твердыню и соорудили настолько основательно, что стѣны, начатыя постройкой въ XIII вѣкѣ, при Домантѣ, и оконченныя во второй половинѣ XV вѣка, стоятъ и понынѣ, цѣлыя до бойницъ, хотя матеріаль—мѣстный сѣрый известнякъ—не изъ самыхъ прочныхъ.

Отъ Сергіевскихъ воротъ до кремля путь недалекій—чрезъ десять минутъ я уже въѣзжалъ въ кремлевскія ворота и минуту спустя предсталъ передъ величественнымъ «домомъ Святыя Троицы», гордостью древнихъ псковичей.

Построенный на высококомъ, обрывистомъ утесѣ, почти во всю его ширь, храмъ имѣетъ высоту отъ основанія до креста главнаго купола $31\frac{1}{2}$ саж., а такъ какъ въ этомъ мѣстѣ кремлевскій утесъ подымается надъ уровнемъ омывающихъ его рѣкъ на 9 сажень, то, при общей вышинѣ въ сорокъ сажень слишкомъ, домъ Святой Троицы царитъ не только надъ всѣмъ Псковомъ, но и надъ далекою окрестной областью. Не мудрено, что въ высокій храмъ не разъ ударяла молнія, и онъ либо разрушался, либо сгоралъ. Но псковичи сейчасъ же возводили его вновь, на томъ же мѣстѣ. Такимъ образомъ и нынѣшній храмъ выстроенъ вновь послѣ пожара и оконченъ въ 1698 году—по сравненію съ многими другими церквями псковскими—недавно.

Побродивъ по пустой, несмотря на яркій Божій день, кремлевской площади въ тщетныхъ поискахъ за «языкомъ», я прошелъ

подъ краснымъ крыльцомъ Троицкаго храма и наткнулся, совершенно неожиданно, на живого свидѣтеля глубокой старины—било, настоящее старинное било, очень долго, до колоколовъ, замѣнявшее любящей звонъ Руси колокола церковные. Теперь этимъ биломъ церковный сторожъ отгоняетъ свой сонъ.

Идя дальше, я вошелъ въ грязный дворъ, ограниченный двумя каменными флигелями съ одной стороны и рядомъ деревянныхъ хлѣбовъ съ другой. Это единственныя жилыя строенія въ кремль—квартиры соборнаго духовенства. На дворѣ—никого. Впереди, подъ навѣсомъ, зіяла открытая калитка. Я направился туда и, болѣе или менѣе удачно пробалансировавъ по узкой доскѣ, перекинутой

Одна изъ комнатъ Поганкиныхъ палатъ до реставраціи.

чрезъ навозную жижу, очутился на трехугольной площадкѣ, сплошь заросшей травой и бурьяномъ. Это крайняя оконечность скалы, обнесенная стѣною, здѣсь очень плохо сохранившейся. Площадка невелика и оканчивается угловымъ, «глухимъ костромъ» (башнею), на которомъ устроена бесѣдка. Все это заброшено, запущено; на площадкѣ мирно пасется скотъ...

По ветхой деревянной лѣстницѣ я взобрался на угловую башню. Перила, скамейки, бесѣдки, разумѣется, загажены безчисленными надписями—но какой отсюда дивный видъ!

Башня нависла надъ обрывомъ. Отъ нея въ три стороны развѣтвляются стѣны: двѣ по самому краю обрыва, опоясываютъ

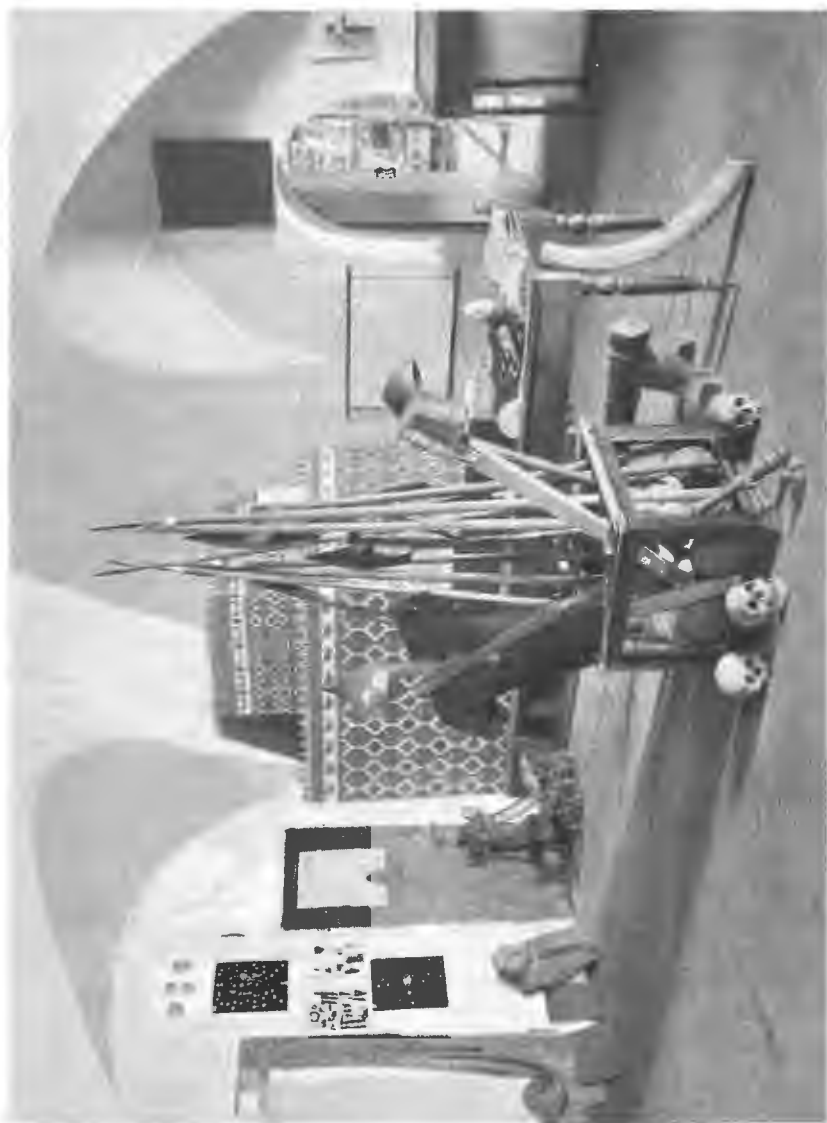
кремль, третья бросается прямо внизъ, къ «нижнимъ рѣшеткамъ». Здѣсь она прерывается, у полуразвалившейся башни, рѣкою, а на другомъ берегу видно ея продолженіе на Запсковьѣ. Узкой змѣйкой, огибая кремлевскій утесъ справа, Пскова вливается у «рѣшетокъ» въ красавицу Великую, которая тихо катитъ, въ живописныхъ обрывистыхъ берегахъ, свои зеленоватая глубокія воды въ Псковское озеро. Великая у кремля имѣетъ ширину до полуверсты. За нею, почти напротивъ, надъ берегомъ бѣлѣютъ стѣны одного изъ древнѣйшихъ псковскихъ монастырей, св. Іоанна-Предтечи, основаннаго въ половинѣ XIII вѣка женою Ярослава, Евфросиніей, которая тамъ и погребена. Это усыпальница псковскихъ княгинь и дѣтей княжихъ. Выше по Великой, противъ угловой башни большого города, другой древній монастырь, Мирожскій, съ храмомъ постройки XII вѣка и въ немъ рѣдкостными византійскими фресками.

Между обоими монастырями поднимается амфитеатромъ отъ берега, утопая въ зелени садовъ, посадъ Завеличскій, этотъ несчастнѣйшій посадъ Псковской, который столько же разъ уничтожался, сколько разъ враги подходили ко Пскову. Не даромъ псковичи имѣли для всѣхъ многообразныхъ враговъ своихъ одну общую кличку—поганыхъ.

Самый городъ заслоненъ отъ взоровъ высокимъ массивомъ Св. Троицы, зато Запсковье все на виду. И опять прежде всего церкви: Варлаамій — памятный по неудачному приступу Густава-Адольфа, Воскресеніе, Косьма и Даміанъ, Богоявленіе, а далѣе чуть видно—Образъ. У всѣхъ церквей высятся тѣ своеобразныя звонницы, какія составляютъ характерную особенность старинныхъ новгородскихъ и псковскихъ храмовъ. И съ каждымъ храмомъ связано какое-либо событіе изъ многовѣковой исторической жизни вольнаго Пскова, который хроникеръ Баторіевскаго нашествія недаромъ называетъ «великимъ и славнымъ, Богомъ спасаемымъ и пресловущимъ градомъ». Давно, давно это было. Татарская Москва, словивъ могущество сѣверныхъ республикъ, вывела гордыхъ сыновъ и гражданъ ихъ и поселила во Псковѣ своихъ людей, потомки которыхъ не вѣдаютъ и не помнятъ славной исторіи своего города. Всѣ эти памятники старины, которые такъ много говорили сердцу истаго псковича, для современнаго псковича одинъ пустой звукъ. Они ему мѣшаютъ и онъ съ легкимъ сердцемъ поднимаетъ на нихъ руку. Въ этой замѣнѣ коренныхъ жителей чуждымъ элементомъ заключается гвоздь московскаго разоренія. Чтобы покорить Псковъ, московскому великому князю мало было увести вѣчевой колоколъ и уничтожить всѣ псковскія пошрины. Нужна была мѣра болѣе дѣйствительная, нужно было разлучить Псковъ съ его гражданами.

«Взяша тогда (въ 1510 году) псковичъ триста семей, кои быша лутшіе люди—посадники, бояре и купцы псковскіе—и тогда отъ-

яся слава псковская!» — восклицаетъ псковскій лѣтописецъ. «И отецъ и братію нашу разведоша, гдѣ не бывали отцы и дѣды и прадѣды наша, и тамо заведоша. И мнози тогда мужи и жены

Комната въ Поганкиныхъ палатахъ послѣ реставраціи, — одна изъ занятыхъ археологическимъ музеемъ.

постригошася во иноческій образъ, не хотяще ити въ плѣнъ отъ своего града». Такъ сильна и глубока была привязанность псковичей къ родному городу.

Присланные великимъ княземъ, вмѣсто выведенныхъ вліятельныхъ и знатныхъ псковичей, московскіе люди, и съ ними княжескіе намѣстники и чиновники «быша немилостивы до псковичъ». Коренные псковичи должны были выселиться изъ средняго города въ околнїи и въ посады, кремлевскіе «клетки» были «выпрятаны» и «кремъ бысть пустъ». «Псковичи бѣдная не вѣдаша правды московскія»—и отъ правды этой «многіе разбѣгошася по чюжимъ городомъ, пометавъ женъ и дѣтей; а кои иноплеменники иноземцы жили во Псковѣ, и тѣ разыдошася во свои земли».

Опустѣлъ Псковъ. Пришлые люди не дорожили ни его святынями, ни его стариной. Неудивительно, что, видя такое разореніе, оскорбленные въ самомъ дорогомъ, что у нихъ было, оставшіеся псковичи притаились и притихли. Когда же, спустя сто лѣтъ, обиды стали забываться и среди посадскихъ людей, благодаря успѣшному торгу, а можетъ быть и успѣшному усвоенію московскихъ обычаевъ, выдѣлилась новая, денежная аристократія, успѣвшая сплотиться и сумѣвшая отразить приступы такихъ полководцевъ, какъ Баторій и Густавъ-Адольфъ,—Москва стала безпокоиться. Надо было искоренить всякую возможность возрожденія прежняго духа вольнаго Пскова. И вотъ, почти вслѣдъ за отраженіемъ Адольфа и шведовъ, изъ Пскова вновь было выселено триста семей. Еще черезъ сто лѣтъ слишкомъ близко прорубленное окно въ Европу сдѣлало остальное... Грустныя воспоминанія!.

Налюбовавшись вдоволь, я рѣшился еще разъ поискать «языка» и потому направился въ одинъ изъ флигелей. Дверь открываетъ неопрятная женщина. На мой вопросъ, кто бы мнѣ открылъ соборную церковь, объясняетъ, что надо разыскать понамаря. Понамарь же обитаетъ подъ колокольной. Отправляюсь и нахожу наконецъ человѣка, который, послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ и сбѣгавъ куда-то за ключами, ведетъ меня къ крытому каменному крыльцу въ 24 ступени. Не безъ трепета вступаю въ храмъ, который, хотя не былъ свидѣтелемъ лучшихъ дней Пскова, но гдѣ я надѣялся найти древнѣйшія и главнѣйшія псковскія святыни. Нынѣшній храмъ невеликъ, хотя при высотѣ внутри около 20 сажень кажется очень высокимъ. Масса свѣта, проникающаго отовсюду чрезъ нѣсколько рядовъ большихъ оконъ, играетъ на позолотѣ иконостаса, на золотѣ и серебрѣ окладовъ, отражается въ самоцвѣтныхъ камняхъ иконныхъ уборовъ. Но все внутреннее убранство не трогаетъ сердца своей стариной: радѣтельные благотворители и украсители храма сумѣли всему придать свѣженькій видъ, и среди новаго и подновленнаго нелегко найти дѣйствительно древнее—образъ пресвятой Троицы, образъ покровителя города, святаго благовѣрнаго князя Гавріила, чудотворную икону Чирской Богоматери, очень старинную икону Знаменія Пресвятой Богородицы и другія.

Замѣчательнъ образъ благовѣрнаго князя Гавріила. Весьма древняго письма, онъ признается близкимъ къ подлиннику и на немъ изображенъ Троицкій соборъ болѣе древней архитектуры. Образъ виситъ на одной изъ двухъ колоннъ, между которыми, подъ балдахиномъ, въ массивной серебряной ракъ, сооруженной въ 1834 г., покоятся мощи святого. Тутъ же на колоннѣ виситъ и мечъ, приписываемый ему, съ надписью готическими буквами: *homoget meus pemino (sic) dabo*.

Въ правомъ придѣлѣ, въ стѣнныхъ нишахъ устроены подобія гробницъ другихъ прославленныхъ псковичей—доблестнаго князя Довмонта и Николы Юродиваго, который, по словамъ лѣтописи, «Христа ради похабься» и, по преданію, угощаль Грознаго, при его вступленіи въ Псковъ, кускомъ окровавленнаго сырого мяса. У гробницы Довмонта виситъ его короткій мечъ. Если этотъ мечъ, съ большою вѣроятностью, дѣйствительно принадлежалъ Довмонту, такъ какъ форма его указываетъ на эпоху, въ которой жилъ и воевалъ герой-князь, то большой мечъ, висящій у раки святого Гавріила-Всеволода Мстиславича, едва ли ему принадлежалъ.

И характеръ буквъ надписи, и длина его, и гербъ, повторяющійся на рукояти и ножнахъ, свидѣтельствуютъ о работѣ не русской, даютъ ясныя указанія на время, въ которое онъ могъ быть выкованъ; и это время не можетъ быть ранѣе XIII вѣка, Всеволодъ же Мстиславичъ умеръ во Псковѣ въ 1137 или 1138 году, въ первой половинѣ XII вѣка.

Я думаю, что буду ближе къ истинѣ, если допущу, что мечъ этотъ попалъ въ Псковъ, какъ трофей одной изъ побѣдъ воинственнаго Довмонта надъ рыцарями. Онъ могъ принадлежать тому «местеру земли Рискія», котораго Довмонтъ, въ битвѣ у «святаго Петра и Павла на брезѣ», ранилъ по главѣ, или самому «Кумендеру», раненому «по лицу», и, послѣ постыднаго бѣгства рыцарей, въ числѣ прочей военной добычи, могъ быть принесенъ въ Псковъ, къ дому Святыя Троицы.

Въ числѣ другихъ достопримѣчательностей въ храмѣ показываютъ и крестъ святой Ольги. По сказанію Степенной книги, святая Ольга, родомъ изъ-подъ Пскова, принявъ святое крещеніе, въ своихъ поѣздкахъ по Руси для насажденія христіанства, прибыла между прочимъ и въ родныя мѣста. Здѣсь по берегамъ Великой и Псковы былъ тогда дремучій боръ. Остановившись со свитою на берегу Великой противъ кремлевской горы, Ольга имѣла дивное видѣніе—три свѣтлыхъ луча осіяли вершину этой горы. Предсказавъ, что на мѣстѣ томъ будетъ впоследствии храмъ во имя Святой Троицы и могущественный городъ, Ольга велѣла поставить крестъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла со свитою. Такимъ образомъ, псковичи считаютъ св. Ольгу основательницей Пскова, а крестъ ея хранился въ Троицкомъ храмѣ.

Въ большой пожаръ 15 мая 1609 года выгорѣлъ весь Псковъ, выгорѣлъ и кремль, и Троицкая церковь, сгорѣлъ и крестъ, «поставленіе св. Ольги». Черезъ 14 лѣтъ, въ 1623 году, при архіепископѣ Іоакимѣ, былъ поставленъ новый крестъ «на поклоненіе православнымъ христіанамъ»—какъ о томъ свидѣтельствуется надпись на яблокѣ креста. Такимъ образомъ погибъ единственный вещественный свидѣтель временъ Ольги, и въ безконечномъ спорѣ ученыхъ и мѣстныхъ изслѣдователей старины о времени основанія г. Пскова недостаетъ доказательства, которое, кто знаетъ, могло бы пролить свѣтъ на спорный вопросъ.

Сущестующій крестъ, видимо, подновлялся не разъ послѣ Іоакима. Во всякомъ случаѣ теперь, въ помянутой выше надписи на яблокѣ, красуется грубая ошибка. Въ надписи сказано, что Псковъ, Троицкій храмъ и крестъ, а также Довмонтова кремлевская стѣна сгорѣли въ 7017 (1509 г.), между тѣмъ какъ въ лѣтописи нѣтъ никакого указанія на пожаръ въ Псковѣ въ этомъ году. Напротивъ, 24 января 1510 года въ Троицкомъ храмѣ псковичи, въ присутствіи великаго князя Василія Ивановича, служили молебенъ и въ первый разъ «многолѣтствоваше Государя». Едва ли бы это было возможно, если храмъ сгорѣлъ менѣе года передъ этимъ событіемъ. Пожаръ, уничтожившій Троицкій храмъ, былъ въ 1609 г. Лѣтописецъ подъ этимъ годомъ (7117) записалъ: «мая въ 15 день загорѣлося на полоници въ Успенья Богородицы; кисель варили. И погорѣ градъ весь и живоначальныя Троицы домъ и кремъ, и зелиемъ вырвало обѣ стѣнѣ на Великую рѣку и на Пскову рѣку; и нарядъ весь огорѣлъ и башни и роскаты и врата градскіе всѣ просты выгорѣли». Есть и другое свидѣтельство. Въ имѣющемся у меня рукописномъ спискѣ житія св. Гавріила-Всеволода между прочимъ повѣствуется, что «въ лѣто 7117 мѣсяца маія въ 15-й день погорѣ весь градъ Псковъ, и соборная церковь, и мощи благовѣрнаго князя Гавріила. И послѣ того пожара при архіепископѣ Іоакимѣ иконописцы построивали иконы». Очевидно, что именно послѣ пожара 1609 года былъ сооруженъ и крестъ, и что именно въ этотъ пожаръ онъ сгорѣлъ.

Отложивъ осмотръ ризницы до другого раза, я вышелъ изъ храма и, еще разъ полюбовавшись съ крутого обрыва на красоту Великую, отправился устроиться, чтобы, отдохнувъ съ дороги и запасшись путеводителемъ или чичероне, приняться за основательное обзорѣніе мертваго богатыря Пскова, представляющаго, въ развалинахъ своихъ, драгоценный музей нашей родной старины.

Мірожскіі манастыр; вь цэнтрѣ храмъ Преображенія, построенный вь XII вѣкѣ.

II.

Археологическое общество и его музей въ Поганкиныхъ палатахъ.—Мирожекій монастырь и фрески Спасо-Преображенской церкви.—Ольгинская часовня.

Извозчикъ доставилъ меня въ гостиницу, которую мнѣ на вокзалѣ рекомендовали за лучшую въ городѣ. Она не оказалась первоклассной, съ удобствами европейскихъ гостиницъ, но во всякомъ случаѣ имѣла то преимущество, что расположена въ центрѣ города, на самой оживленной улицѣ.

Устроившись и позавтракавъ, я отправился добывать «языка». Задача была не легкая. Чичероне по профессіи въ Псковѣ, какъ и вообще на святой Руси, не водятся, а разспросы имѣли, какъ и можно было ожидать, тотъ печальный результатъ, что лишній разъ доказали, какъ мало нашъ обыватель цѣнить и уважаетъ родную старину. Удалось однако развѣдать, что въ Псковѣ имѣется археологическое общество. Слава Богу—есть, значитъ, хоть нѣсколько лицъ въ городѣ, которыя интересуются его прошлымъ, собираютъ и охраняютъ тѣ цѣнные его памятники, которые до насъ дошли. Общество устроилось въ древнемъ зданіи, извѣстномъ и за предѣлами Пскова подъ именемъ Поганкиныхъ палатъ. Отправился прежде всего въ эти палаты. Зданіе, теперь подновленное, вмѣстѣ съ пристроеннымъ въ царствованіе Николая I каменнымъ одноэтажнымъ флигелемъ, занимаетъ цѣлый кварталъ. Снаружи, съ улицы, ни древній корпусъ, ни занятый интендантствомъ флигель, не имѣетъ дверей. Старинный корпусъ поражаетъ своей неуклюжей массивностью, и окружающіе его двухъэтажные дома современнаго города кажутся пигмеями въ сравненіи съ нимъ. Общее впечатлѣніе, которое палаты производятъ на посѣтителя при приближеніи къ нимъ,—довольно-таки мрачное: зарѣшеченныя окна высоко надъ землею, отсутствіе какихъ-либо архитектурныхъ украшеній, у воротъ полосатая будка и часовой—тюрьма, да и только. Двѣ безобразнѣйшихъ вывѣски, изъ которыхъ одна прибита какъ-то сбоку къ главному корпусу, другая поставлена надъ воротами, свидѣтельствуютъ, что въ этой тюрьмѣ помѣщается городская рисовальная школа и продовольственный складъ. Впрочемъ, со стороны вывѣсокъ входъ былъ закрытъ. Другой входъ нашелся съ противоположной стороны, въ переулкѣ достаточно-таки топкомъ и, вѣроятно, въ иное время года совсѣмъ недоступномъ.

Кой-какъ добравшись до открытыхъ здѣсь воротъ, я вступилъ въ обширный вымощенный дворъ. Отсюда палаты выглядятъ гораздо привѣтливѣе. Каменное крытое крыльцо во второй этажъ, цѣлый рядъ большихъ арочныхъ дверей, еще нѣсколько меньшихъ дверей, множество оконъ, и на всемъ печать порядочной старины.

Подхожу къ крыльцу. На колоннѣ опять вывѣсочка: городская рисовальная школа. Другихъ вывѣсокъ нигдѣ не видно и на всемъ дворѣ ни души.

Фреска въ куполѣ Спасо-Преображенскаго храма.

Гдѣ же археологическое общество? Въ это время изъ одной меньшей двери, окрашенной въ наимоднѣйшій блѣдно-зеленый колеръ а la decadence, вываливается толпа мальчишекъ. Иду имъ навстрѣчу и узнаю, что они изъ музея. Направляюсь въ ту же

дверь и сразу попадаю на крутую, каменную лѣстницу, ступеньки которой избиты ногами еще самого Поганкина и его челяди. Подымаюсь на эту лѣстницу и наконецъ проникаю въ музей археологическаго общества.

Музей переведенъ сюда совсѣмъ недавно и пока занимаетъ четыре покоя и теремокъ лѣваго флигеля палатъ. Онъ, очевидно, находится еще въ стадіи устройства, о чемъ свидѣлствуетъ разношерстная, наскоро собранная обстановка, много еще не разобранныхъ коллекцій и не оконченныя даже реставраціонныя работы самихъ покоевъ.

Богатствомъ коллекцій псковское археологическое общество не отличается. Кромѣ того, не замѣтно и системы въ составленіи этихъ коллекцій: онѣ имѣютъ характеръ случайнаго. Тѣмъ не менѣе есть и очень интересныя и цѣнныя вещи. Хороша, наприкладъ, и богата витрина съ куфическими дихгемами и древнѣйшими депарами Ганзы. Довольно многочисленны псковки и новгородки времени самобытности. Среди церковныхъ древностей есть хорошаго письма иконы изъ мѣстныхъ церквей, замѣчательная колонка съ иконостаса съ дивной накладной рѣзбой (плоской) византійскаго характера, нѣсколько очень крупныхъ размѣровъ деревянныхъ потировъ. Недурно собраніе бронзъ изъ кургановъ. Но что за витрины! Археологическому обществу надо поспѣшить съ окончательнымъ устройствомъ своего музея и прежде всего удалить эти витрины, положительно загораживающія и безобразящія чудные древніе покои и вмѣстѣ съ тѣми представляющія самое серьезное препятствіе обозрѣвателю коллекцій.

Представьте себѣ застекляенный ящикъ топорной плотницкой работы, длиною сажени въ двѣ, аршина полтора или два глубиною, и выше человѣческаго роста. Въ этомъ ящикѣ двѣ трети закрыты густой рѣшеткой изъ толстаго дерева, и только средняя часть, примѣрно на аршинъ, открыта. Извольте тутъ разсматривать! Вдобавокъ весь этотъ курятникъ окрашенъ въ ярко бѣлую краску. Въ каждой комнатѣ музея находится по двѣ такихъ громадины, положительно заслоняющія архитектуру комнатъ. А комнаты со своими сводами, полукруглыми окнами, массою нишъ восхитительны. Въ ясный день—именно въ такой день я посѣтилъ палаты—яркій солнечный свѣтъ такъ и заливаетъ покои, отражаясь и преломляясь на безчисленныхъ углахъ сводовъ. Комнаты идутъ въ одинъ рядъ, выходя одной стороною на улицу, другою на дворъ; въ обѣихъ наружныхъ стѣнахъ по нѣсколько оконъ, достаточно большихъ, чтобы не оставалось ни одного неосвѣщеннаго уголка.

Циклопическія стѣны саженной толщины дали строителю возможность устроить въ нихъ множество глубокихъ нишъ, которыя запирались дверцами. Въ каждой комнатѣ находится, кромѣ того, печь. Старинное устройство этихъ печей очень интересно и сви-

дѣлается какъ о практичности, такъ и о стремленіи удовлетворить эстетическому вкусу владѣльца. Въ толщѣ стѣны, противъ каждой печи, имѣется дверная ниша, закрывавшаяся, какъ свидѣлствуютъ оставшіеся петельные крюки, массивною дверью.

Вторая фреска въ Спасо-Преображенскомъ храмѣ.

Въ эту-то нишу выходило топочное отверстіе печи, вѣроятно всего обычнаго типа русскихъ печей, которое могло, по надобности, закрываться и быть замаскировано наружною дверью. Такимъ образомъ красивые расписные изразцы не портились отъ копоти

и дыма, и самая печь могла служить украшеніемъ покоя. Очень жаль, что археологическое общество, при реставраціи, не задалось, видимо, даже вопросомъ о назначеніи дверей передъ печами. Возстановивъ рисунки изразцовъ по найденнымъ обложкамъ, и соорудивъ печи, въ общемъ, вѣроятно, мало разнящіяся отъ старинныхъ, оно игнорировало эти двери и устроило пребезобразныя и кстати непрактичныя топки въ самихъ печахъ. Хотя дверцы топокъ и герметическія, но копоть уже успѣла испортить изразцы у топки. Вообще при осмотрѣ зданія въ его нынѣшнемъ реставрированномъ видѣ такъ и навязывается мысль, что почтенное археологическое общество стоитъ не на высотѣ задачи и еще очень и очень нуждается въ опытномъ и знающемъ руководствѣ.

Каждый шагъ въ палатахъ подтверждаетъ это. Рядомъ съ музеемъ, уже въ главномъ корпусѣ палатъ, бібліотека общества. Полы въ этой комнатѣ сколочены изъ сырыхъ досокъ кой-какъ, доски разохлись, и широкія зіяющія щели служатъ мѣстомъ для скопленія всякаго мусора, а при несчастной случайности могутъ быть очагомъ для пожара. И тогда погибнуть книжныя сокровища, цѣлый рядъ еще неразобранныхъ фоліантовъ. Вся бібліотека установлена на открытыхъ словыхъ полкахъ, кой-какъ сколоченныхъ, а середина комнаты опять-таки загромождена высочайшими шкапами, нарочито купленными на толкучкѣ—такъ они разнообразны и такъ они безобразно ветхи.

Слѣдующая за бібліотекой комната засѣданій общества, какъ мы говорили, именная, въ память щедрой благотворительницы общества Е. К. Фанъ-деръ-Флитъ. Благодаря г-жѣ Фанъ-деръ-Флитъ, оставившей по завѣщанію псковскому археологическому обществу крупный капиталъ въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей, это общество нынѣ едва ли не самое богатое изъ провинціальныхъ ученыхъ обществъ. Стыдно ему, если оно, располагая такими средствами, не сумѣетъ поставить вѣренное ему хранилище мѣстной старины на должную высоту и не исправитъ погрѣшностей, допущенныхъ ранѣе, благодаря, быть можетъ, недостатку средствъ.

За комнатой засѣданій двѣ пустыхъ комнаты, наиболѣе пострадавшихъ не отъ времени, а отъ невѣжества. Въ одной, очень характерной въ архитектурномъ отношеніи, пробить сводъ, а стѣна, въ два ряда оконъ съ тайниками, загромождена безобразнѣйшей деревянной лѣстницей въ верхній этажъ. Этого вандализма—иначе я не могу его назвать—дѣло рукъ археологическаго общества. Здѣсь же у сводчатой стѣны стоитъ плохой мраморный умывальникъ московскаго производства, въ которомъ нѣтъ воды и назначеніе котораго вполне проблематично. Далѣе—парадный покой Поганкиныхъ, въ который ведетъ входъ съ краснаго крыльца на дворъ. Изъ этого покоя старинная лѣстница въ стѣнѣ вела въ верхній этажъ. Лѣстница теперь обшита тесомъ и

завалена какимъ-то мусоромъ. Въ покоѣ этомъ сводчатый потолокъ тоже былъ пробитъ прежнимъ владѣльцемъ зданія, интендантствомъ, но теперь задѣланъ, а осталась только квадратная колонна, поддерживающая задѣланный сводъ. Комната совершенно пуста, если не считать какую-то сельско-хозяйственную машину, Богъ знаетъ для чего поставленную у печки въ углу.

Еще дальше—двѣ комнаты заняты музеемъ естественно-историческимъ, пчеловоднымъ и льноводнымъ. Въ этихъ комнатахъ насъ поразила печка. Вообще—печи въ Поганкиныхъ палатахъ поразительно разнообразны. Въ археологическомъ музеѣ онѣ подражаютъ стилю старинныхъ русскихъ печей, а изразцы, изъ которыхъ онѣ сложены, сдѣланы по найденнымъ при реставраціи подлиннымъ изразцамъ печей, современныхъ зданію. Въ остальныхъ комнатахъ стоятъ громады изъ обыкновеннаго бѣлаго кафеля, какого-то доморощеннаго стиля *à la russe*. Въ естественно-историческомъ музеѣ—что-то необычайное: колонна изъ бѣлаго кафеля, кверху уже увѣнчанная короной. «Въ ефтой печкѣ верхъ старинный, изъ почтовой конторы, а низъ складенъ новый»—объяснилъ мнѣ словоохотливый сторожъ! Святая простота!

Верхній этажъ главнаго корпуса, не сводчатый, а покрытый деревяннымъ потолкомъ, по расположенію покоевъ соответствуетъ второму этажу (въ нижнемъ—подвалы). Теперь верхній этажъ весь занятъ рисовальной школой и зарождающимся художественнымъ музеемъ, основаніе которому положила та же г-жа Фанъ-деръ-Флитъ. Школа обставлена прекрасно, а въ музеѣ есть одинъ изъ шедевровъ Айвазовскаго—его «Ночь на берегу Чернаго моря»—и очень хорошенькая коллекція стариннаго фарфора и миниатюръ.

Осмотрѣвъ палаты, я приобрѣлъ кстати цѣлыхъ два путевода по Пскову, составленныхъ г.г. Красиковымъ и Гедиманомъ, и направился, руководствуясь этими чичероне, въ дальнѣйшую экскурсію.

Погода мнѣ благопріятствовала: въ свѣтлый солнечный день Псковъ—древній и новый—положительно привѣтливъ. Даже почти полное отсутствіе какой-либо жизни, движенія, суеты увеличиваетъ иллюзію: сдается, что мужи псковичи, по старинѣ, собрались на вѣче, а нѣсколько смердовъ, которымъ нѣтъ мѣста на вѣчѣ, дѣлаютъ свое немудрое дѣло, не торопясь и не волнуясь.

Отъ Поганкиныхъ палатъ я направился къ Мирожѣ—къ Святому Спасу. Путь, болѣе короткій, ведетъ вокругъ Романовой горки, мимо часовни, извѣстной подъ именемъ «Краснаго Креста», мимо церкви «Георгія со взвоза»—какія все старинныя имена—къ берегу Великой, гдѣ прежде были взвозскія ворота. Простая лодка-плоскодонка, съ здоровеннымъ смердомъ - перевозчикомъ перевезла меня на противоположный берегъ, на Завеличье, къ

церкви св. Климента—на самомъ обрывѣ крутого здѣсь берега. Отъ Климента по берегу до Мирожскаго монастыря рукой подать.

Перейдя деревяннымъ мостикомъ черезъ болотистую рѣчку Мирожу, отъ которой монастырь получилъ свое названіе, хотя одинъ изъ мѣстныхъ историковъ и пытается объяснить названіе, допуская, что монахи вели въ своей обители столь мирное житье, что сдѣлались какъ бы притчею во языцѣхъ, и самая ихъ обитель и рѣчка, ее обмывающая, назывались въ честь этого мирнаго житья мирожитіемъ—мирожіемъ. Оставляю это остроумное лингвистическое открытіе на совѣсти почтеннаго мѣстнаго изслѣдователя и вступаю въ самую обитель. Это теперь бѣдный третьеклассный монастырь, расположенный по крутому берегу Великой, прямо противъ угловой Покровской башни псковскаго города. Деревянный настоятельскій домъ, жалкій садъ, кое-какіе убогіе сараи, у воротъ много разъ перестроенныя братскія кельи съ церковью, а въ центрѣ одинъ изъ замѣчательныхъ памятниковъ древнѣйшей церковной архитектуры на Руси—небольшой каменный храмъ во имя Спаса Преображенья, сохранившійся до насъ отъ половины XII вѣка.

Какая старина и какъ она дивно сохранилась! Произведенная реставрація удалила позднѣйшія постройки, и храмъ нынѣ умиляетъ прекрасной простотой византійскаго стиля.

Но самое замѣчательное—его внутренній видъ. Онъ имѣетъ свою исторію. Построенный въ 1156—1158 году архіепископомъ Новгорода и Пскова Нифонтомъ и игуменомъ Аврааміемъ, онъ былъ украшенъ со всею доступною тогда роскошью фресками. Фрески эти написаны, по заключенію нашего извѣстнаго знатока византійскаго церковнаго искусства, профессора Покровскаго, по хорошимъ греческимъ образцамъ и современны построенію храма. Композиція того же стиля, какъ знаменитыя фрески въ Нередицахъ и Старой Лагодѣ, и хотя вообще сохранность ихъ при осмотрѣ профессоромъ была не столь хороша, какъ въ Нередицахъ, но зато въ нихъ имѣется не мало такихъ композицій, какихъ нѣтъ не только въ Нередицахъ, но и ни въ одномъ русскомъ памятникѣ, относящемся къ первымъ вѣкамъ христіанства въ Россіи, поэтому мирожскія фрески въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ составляютъ собою единственный памятникъ.

И вотъ въ 1646 или въ 1713 годахъ, когда храмъ обновлялся, чудныя фрески его были заштукатурены, были пробиты въ стѣнахъ новыя окна, сооружены хоры и поставленъ высокій деревянный иконостасъ. Но нѣтъ худа безъ добра. Быть можетъ, именно благодаря этой штукатуркѣ, фрески дожили до насъ не искаженными позднѣйшими реставраторами. Счастливая случайность—безденежье—сохранила ихъ и отъ слишкомъ слѣпшой и неумѣлой реставраціи, погубившей фрески въ новгородской Софіи,

Третья фреска въ Спасо-Преображенскомъ храмѣ.

стѣнописъ въ Грановитой палатѣ и нѣкоторые другіе цѣнные памятники, и теперь фрески въ мирожскомъ Спасѣ, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которыя наименѣ пострадали отъ времени, поражаютъ насъ своей наивной и неискаженной красотой.

Фресками покрытъ весь храмъ отъ купола до основанія, до пола, который, кстати сказать, лежитъ съ аршинъ ниже современнаго уровня почвы. Таковъ почти восьмивѣковой наростъ земли!

Фрески идутъ ярусами: прямо противъ входа, въ алтарѣ, отдѣляющемся нынѣ отъ церкви невысокимъ иконостасомъ изъ бѣлаго мрамора, изображено въ лицахъ таинство евхаристіи: Христосъ даетъ апостоламъ, приближающимся къ Нему, почтительно наклонивъ головы, хлѣбъ и вино. Надъ изображеніемъ евхаристіи Деисусъ: Спаситель на тронѣ, съ книгою въ рукѣ, по сторонамъ Богородица и Іоаннъ Предтеча. Въ куполѣ, занимая центръ его, Спаситель, воссѣдающій на радугѣ со свиткомъ, благословляющій свою церковь. Вокругъ Спасителя, поддерживаемый ангелами, блестящій ореолъ—небо со звѣздами. Подъ ангельскимъ хоромъ Богоматерь и апостолы, еще ниже—шестнадцать пророковъ.

Сѣверная стѣна занята дивнымъ изображеніемъ Pietà, одной изъ наиболѣе хорошо сохранившихся композицій. Снятый со креста Спаситель міра положенъ на плащаницу и оплакивается Богоматерью и Іоанномъ, Никодимомъ и Іосифомъ Аримаѳейскимъ. Сколько скорби и какая сила экспрессіи въ этомъ условномъ изображеніи!

Южная стѣна представляетъ крещеніе Христа въ рѣкѣ Іордани, которая олицетворена пережиткомъ языческаго представленія—богъ рѣки съ урною у ногъ Спасителя.

На сѣверной же стѣнѣ замѣчательно «Успеніе Пресвятой Богородицы»—композиція съ массою фигуръ, полныхъ жизни и своеобразной божественной простоты.

Я остановился только на нѣкоторыхъ композиціяхъ. Общее впечатлѣніе, производимое ими, не поддается описанію. Все такъ наивно, такъ близко къ Богу и такъ понятно сердцу. Небольно стараешься представить себѣ, какъ сильно долженъ былъ вліять такой храмъ на души недавнихъ язычниковъ, привыкшихъ олицетворять своихъ боговъ.

Фрески эти, до и послѣ реставраціи, сняты однимъ изъ членовъ псковскаго археологическаго общества, который издалъ великолѣпный альбомъ съ подробнымъ описаніемъ. Снимки, кажется 75, прекрасно исполнены и поступили въ продажу.

Хотя альбомъ дорогъ, но онъ настолько хорошъ и настолько интересенъ самый въ немъ воспроизведенный памятникъ, что я почелъ долгомъ указать на него интересующимся. Нѣсколько

снимковъ, иллюстрирующихъ эту статью, взяты изъ этого альбома, съ любезнаго согласія издателя.

Долго не могъ я оторваться отъ созерцанія древней святыни. Но стало уже поздно. Послушникъ, впустившій меня въ храмъ,

Четвертая фреска въ Спасо-Преображенскомъ храмѣ.

видимо, усталъ и переминался—надо было уходить. Бросивъ прощальный взглядъ на всю эту прелесть, я вышелъ. Солнце уже стояло низко, и тутъ только я замѣтилъ, что совсѣмъ забылъ о себѣ. Надо было спѣшить къ обѣду.

Обратный путь я рѣшилъ совершить по Завеличью. Вернувшись по берегу къ церкви Климента, я рассчитывалъ найти извозчика. Но оказалось, что таковыя на Завеличѣ явленіе вполнѣ случайное. Отсутствие какой бы то ни было мостовой и обрывистыя къ берегу улицы дѣлають ѣзду въ рессорномъ экипажѣ очень рискованной. Съ другой стороны, и обыватели настолько уже привыкли къ своей непролазной грязи, которая усыхаетъ только въ продолжительную засуху, что безропотно передвигается по ней на цѣлыя версты—до единственнаго моста плавающего, перекинутого черезъ Великую у Кремля. Мостъ этотъ находится на томъ же мѣстѣ, гдѣ его соорудили еще въ стародавнія времена псковичи-республиканцы, и, судя по сохранившемуся рисунку, близкому къ осадѣ Пскова Баторіемъ, едва ли усовершенствованъ съ тѣхъ поръ, несмотря на огромный прогрессъ въ построении мостовъ, сдѣланный инженернымъ искусствомъ. Даже матерьялъ, кажется, еще тотъ же самый...

Пройдя по берегу Великой до моста, я не могъ устоять, чтобы не пройти еще шаговъ 50 далѣе, къ Ольгинской часовнѣ, и не полюбоваться еще разъ на Кремль и Троицу. Ольгинская часовня стоитъ на лѣвомъ берегу Великой, прямо противъ кремлевской скалы, надъ самой рѣкой. Возлѣ часовни изъ берега бьетъ родникъ, собирающійся въ особый резервуаръ подъ крышей. Вода этого родника считается цѣлебной, особенно отъ глазныхъ болѣзней: на днѣ резервуара всегда можно видѣть жертвоприношенія ищущихъ исцѣленія—въ видѣ мелкихъ серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ.

По преданію, записанному въ Степенной книгѣ и въ житіи св. Ольги, здѣсь «бѣше тогда лѣсъ великъ и дубравы многи и видѣ Ольга обонъ-поль рѣки отъ востока три пресвѣтлыя лучи съ небесе на то мѣсто сходящія и осіявающія... и обратився къ своему синклиту, пророчествова, глагола: разумно вамъ да будетъ, яко изволеніемъ Божиимъ на семъ мѣстѣ... имать быти церковь Пресвятыя Живоначальныя Троицы и градъ великъ и славенъ и во всемъ изобилень имать создатися». И воздвигла Ольга на томъ мѣстѣ крестъ, повѣствуетъ ея жизнеописатель, и крестъ этотъ, будто бы былъ впослѣдствіи, при построении перваго храма Св. Троицы на утесѣ за рѣкой—вынуть и перенесенъ въ этотъ храмъ, а кромѣ того, «есть и донынѣ (т. е. до времени, когда составлялось житіе св. Ольги) храмъ молитвенный на томъ мѣстѣ, на немъ же водрузи крестъ Ольга Святая». Этого храма теперь нѣтъ, но есть та часовня, у которой я стоялъ, любуясь на высокій пятиглавый кремлевскій храмъ Св. Троицы и вспоминая наивный рассказъ Степенной книги. Легенда, приписывающая, вопреки свидѣтельству лѣтописца и изслѣдованіямъ историковъ, основаніе Пскова св. Ольгѣ, если и не выдерживаетъ строгой исторической критики, зато подкупаетъ своей поэтической пре-

лестью. И понятно, что эта легенда должна была сложиться, какъ и другія легендарныя сказанія объ Ольгѣ-Псковкѣ, именно здѣсь, подѣ Псковомъ, на мѣстѣ ея родины, на живописныхъ берегахъ Великой.

Кто бы ни основалъ Пскова—Ольга ли, Олегъ, безыменные кривичи или чудь поганая задолго до зари нашей исторіи,—одно остается вѣрнымъ въ сказаніи: на этомъ мѣстѣ долженъ былъ создаться «градъ великъ и славенъ и во всемъ изобиленъ». Условія

Ольгинская часовня и видъ на псковскій кремль.

мѣстности, его положеніе на большомъ водномъ пути, близъ большого озера, близко границъ тогдашнихъ славянскихъ земель—все это слишкомъ очевидно указывало на выгоду поставить здѣсь городъ. И былъ онъ великъ, былъ онъ славенъ и богатъ, этотъ городъ, когда было его время. Время миновало—и опочилъ могучій богатырь русскій, вѣрный передовой стражъ и боецъ съ погаными врагами славянской родины и вѣры «хрестьянской».

В. Горевъ.

СВѢТЛОЕ ПОМОРЬЕ. ¹⁾

IV.

ЗЪ ШУИ въ Сороку мы поплыли опять-таки въ карбасѣ, вспоминая старое время, когда «ходилъ» за три моря Аѳанасій Никитинъ, а въ Царьградѣ — митрополитъ Пименъ. На чемъ «ходили» они? Вѣдь не на «чудесахъ кораблестроенія», которыя въ наше время сократили путь изъ Европы въ Америку до недѣли: одинъ на «кораблецѣ», а другой — на «стругѣ». Сосновая, еловая, березовая породы, образовавъ густыя стѣны на матерой, словно вдвинули въ нихъ воду и не даютъ ей расширяться, разбросаться и слиться съ горизонтомъ до тѣхъ поръ, пока пустыня Бѣлаго моря не отброситъ подальше самую зеленую массу; опять то и дѣло встрѣчаются лодки съ поморами; кто ѣздилъ на сѣнокосъ и теперь возвращается съ душистымъ сѣномъ, а кто по морошку; любимая и лучшая ягода на сѣверѣ, она какъ разъ «приспѣла» (поспѣла), и собирать ее ѣздятъ цѣлыми семьями за нѣсколько верстъ; въ Шуѣ находилось много женокъ, которыя готовы были задешево доставить насъ въ Сороку; мы дивились, что за стихъ напалъ на шуерѣцкихъ вострухъ? — несребролюбивы ли онѣ совсѣмъ, или вообще рады копейку зашибить? Но оказалось, что женки хотѣли однимъ зарядомъ двухъ зайцевъ убить: заработать, какъ гребцы, и на обратномъ пути собрать морошки.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историч. Вѣстникъ», т. СІХ, стр.917.

Пропала за краснолѣсьемъ Шуя; село, раскинувшееся по обоимъ берегамъ рѣки, смѣняетъ видъ сосенъ, потомъ елей, далѣе березняка; понемногу замираетъ человѣческая рѣчь; сумерки сгущаются, но на фонѣ ихъ рѣзко, какъ днемъ, выдѣляются одинокіе береговые деревянные кресты... Ихъ ставили люди, на которыхъ наплывали грозныя морскія волны и высокое чувство вѣры... Точно такіе же кресты ставилъ дорогою преподобный Стефанъ, просвѣтитель зырянъ, когда онъ проходилъ деревнями... Время-отъ-времени еще показываются «поѣздники» съ рыбаками «на наживку». Такого рода ловъ производится «въ вечеряхъ» до Ильина дня,— съ Ильина же дня развѣ только «страмной» какой пустится на ночной ловъ послѣ солнечнаго заката, презрѣвъ правило: выходить рано поутру.

Сорока крѣпко спала, когда мы стучались на крыльцѣ почтовой станціи. Было одиннадцать часовъ. Названіе селу дали 40 острововъ и островковъ, на коихъ, будто бы, размѣстились его избы; отсюда поправка: не Сорѳка, а Сорока (Сѳрокъ). Будь Сорока, какъ бы губѣ не называться Сорочьей? А она называется Сороцкою... Село и слыло, и слыветъ сердцемъ раскола, который здѣсь все утрачиваетъ фанатическій характеръ, хотя все-таки и не выходитъ изъ ограда упорства; но едва ли, однако, при новыхъ вѣяніяхъ, съ провозглашеніемъ свободы совѣсти, не поблѣднѣютъ контуры упорства: они должны поблѣднѣть. Не будетъ синодальнаго нажима, померкнутъ и лучи мученичества; страстотерпцы превратятся въ обывателей, никѣмъ не преслѣдуемыхъ, и развѣ станутъ тогда они рядить себя въ костюмы страдальцевъ, въ вѣнки изъ терніевъ и т. п.? Безпоповцевъ много на селѣ: по вечерамъ, въ сумеркахъ, когда на небѣ каждая звѣздочка, мигая, силится напомнить о себѣ, возженныя лампадки обливаютъ мягкимъ свѣтомъ карнизы оконъ, и столько этихъ лампадъ, сколько лишь и можетъ ихъ быть въ храмѣ да въ старообрядческихъ домахъ. На зеленомъ отъ растительности островкѣ, отдѣленномъ отъ сельскаго острова вѣчно шумливыми, вѣчно злящимися порогами, завелся женскій скитъ, какъ завелся таковой же и въ Мягрегахъ (близъ Кеми). «Старушочки» свили себѣ гнѣзда и подвижничаютъ; «земное попеченіе»,— говорятъ въ Сорокѣ, — онѣ оставили; это можно было сдѣлать, такъ какъ въ скитъ присылаютъ отовсюду деньги за чтеніе «неумолкаемой», на поминъ души, за запись въ скитскій синодикъ. Въ келійкамъ, гдѣ надъ двернымъ косякомъ и въ оконныхъ проствѣнкахъ видятся надписи въ родѣ: «Христосъ съ нами оставися вчера и днесъ тѣмъ же и во вѣки», тянутся полочки по стѣнамъ; уставлены онѣ темными иконами; предъ каждою иконою теплится лампада, а всѣ вмѣстѣ онѣ придають кельѣ что-то свое, не примелькавшееся, мягкость какую-то... Сороцкіе жители рассказываютъ о строгостяхъ скитскаго житія; умерщвленіе плоти и долгіе часы

молитвъ, работы въ скитскомъ хозяйствѣ и пища, состоящая изъ овощей, плодовъ и молока и дополняемая рыбою только въ «большіе праздники», но изъ которой совершенно изъято мясо, все это сближаетъ сороцкій скитъ съ монастыремъ трапистовъ, видѣннымъ мною въ Босніи. Скитскія старухи крестятъ, отпѣваютъ покойниковъ и благословляютъ въ бракъ («обвѣнчиваютъ»), — словомъ, отъ нихъ идутъ тѣ «каналы», по которымъ изливается въ безпоповцевъ благодать. Нравственное вліяніе «старушопецкъ» на темную массу старообрядчества велико. Сердце раскола, село Сорока, живетъ все еще въ семнадцатомъ-восемнадцатомъ вѣкѣ, а въ нѣкоторомъ отношеніи и какъ будто бы въ эпоху патріархальнаго быта, когда было распространено умыканіе; но въ до-государственномъ быту умыкали невѣсть, а тутъ умыкаютъ жениховъ; невѣжество поддерживаетъ вѣру въ чары и въ колдовство; люди, бродящіе во тьмѣ, убѣждены, что, напримѣръ, любой мужчина можетъ быть очарованъ поморской красавицей и никоимъ образомъ не избавится, не стряхнетъ съ себя любовныхъ чаръ, причемъ чары дѣйствуютъ не только на своихъ, мѣстныхъ, добрыхъ молодцевъ, но и на пріѣзжихъ, какъ бы мало эти послѣдніе здѣсь ни оставались. Въ бытность нашу въ Сорокѣ населеніе только и говорило о свадьбѣ, съ умычкой жениха; такъ какъ невѣста вышла изъ безпоповской семьи, то православный священникъ не былъ приглашенъ, и весь обрядъ ограничился «священнодѣйствіемъ» скитскихъ старухъ да тѣмъ, что молодая сняла дѣвичью повязку и надѣла кокошникъ съ жемчужными подвѣсками.

Красавицы, о которыхъ далеко шла молва, въ Сорокѣ попадаются уже рѣдко: кто-то смель красоту. Зато не выводятся дѣвки причитальщицы, безъ которыхъ не обходятся ни свадьбы, ни похороны въ зажиточныхъ семьяхъ.

Лѣтомъ на селѣ столько же тихо, сколько и голодно; въ бакалейныхъ лавкахъ нѣтъ закусокъ, а въ частныхъ домахъ очень неохотно продаютъ яйца, молоко и рыбу; за десятокъ яицъ мы платили по 25 к.; что касается рыбы, то ее сбываютъ оптомъ, а мясо и сами сельчане видятъ «про святъ день до обѣда». Оживленіе начинается осенью по окончаніи мурманскихъ промысловъ; на село возвращаются мужики и начинается «осѣнный» ловъ сельдей и продолжается до Рождества; ловъ захватываетъ не только мѣстную округу, но ради него въ Сороку съѣзжаются и карелы изъ разныхъ уголковъ своего озерно-лѣснаго отечества; они поселяются въ избахъ сороцкихъ крестьянъ; въ эту пору никакое иное занятіе не идетъ на умъ; мысли всѣхъ вращаются около мелкой селедки, которая тучами входитъ въ Сороцкую губу, протянувшую къ Сорокѣ-селу сѣверный рукавъ рѣки Выга. И что еще можетъ пойти на умъ, если одна сельдяная тоня можетъ дать до 500 руб. и обезпечить безбѣдное существованіе цѣлой семьи на круглый

Кі́вський крестний монасти́р.

годъ? Глядя съ берега на ловцовъ, запрудившихъ своими лодками губу, можно подумать, что идетъ ужасное морское сраженіе; ловитва не ждетъ покупателей, напротивъ, покупатели ждуть улова, пожаловавъ изъ Вологодской губерніи; крупные скупщики спокойно ожидаютъ трофеевъ лова, переваливаются съ боку на бокъ, какъ откормленные гуси, въ усъ себѣ не дуютъ; не то мелкота: она суетится, мечется и всегда держитъ деньги въ кулакѣ (а не въ кошелькѣ и въ карманѣ), т. е. наготовѣ. Выловленная сельдь, миллионовъ до пяти штукъ, солится или коптится; копченая («копчушка») укладывается въ коробки, которыя тутъ же и плетутся, и расходится по Россіи. О мѣстныхъ цѣнахъ на рыбный товаръ можно судить по слѣдующему: съ парохода «Сергій Витте», когда мы плыли Кандалакшскимъ заливомъ, нѣкто покупалъ сельди въ боченкѣ; за боченокъ, вмѣщающій болѣе 200 рыбъ, онъ платилъ по 38 копеекъ; въ Умбѣ, гдѣ семужьи заколы, лучший сортъ этой рыбы—15 коп. фунтъ. Въ Архангельскѣ боченокъ сельдей оцѣнивается еще на пристани въ 70 копеекъ, а семга поднималась до 50 копеекъ.

Въ сельдяномъ ловѣ Сорокѣ помогаетъ село Шижня; отъ той до этой 4 версты. Надо было взглянуть на сосѣдку, къ которой Сороцкая губа кинула южный рукавъ Выга-рѣки. Переправившись на противоположный берегъ, гдѣ расположенъ лѣсопильный заводъ бр. Бѣляевыхъ, мы прошли мимо заводскихъ построекъ и вскорѣ затерялись среди желтоватыхъ боровинъ, покрытыхъ морошкой и голубицею; добрые люди проложили мостки, уходящія въ зябкій лѣсъ. Нѣкоторое время спустя, зябкій лѣсъ обрывается вновь развернувшейся боровиною. Подъ косыми лучами заходящаго солнца, съ одной стороны вспыхнула Сороцкая губа, а съ другой—стѣна лѣсная. Вспыхнулъ и крестъ надъ колокольнею шижнинскаго храма во имя Николы Чудотворца. Село надвигается на насъ; и двуглавая церковь, и село обычно-сѣвернаго склада; нарядныя избы перемѣшались съ убогими, а всѣ вмѣстѣ, захвативъ побольше простора, глядятся съ шижнинскихъ береговъ; ближе къ водѣ помѣстились бани и амбары; тамъ и сямъ качаются на рѣкѣ карбасы; тамъ и тутъ высятся «корѣги» (шесты, указывающіе направление вѣтра).

И карбасы и корѣги намекаютъ на промышленный духъ населенія.

Шижня не привлекательна съ виду: что ужъ за село, гдѣ почти отсутствуютъ деревья, и только, какъ оазисы среди мертвой пустыни, зеленѣютъ огородцы на сѣромъ фонѣ деревенщины?

Бабы суетятся возлѣ избъ, снуютъ по двумъ мостамъ, копошатся у рѣки, въ баняхъ и амбарахъ... Совсѣмъ бабѣ царство, гдѣ силуэтъ промелькнувшаго мужика кажется и ненужнымъ! Мужики на промыслахъ «доставаютъ»,—вотъ уже придетъ сентябрь и приведетъ съ собою кормильцевъ, какіе остались живы...

За Шижнею красивый водопадъ Золотець.

Шижнинскія женки мастерски спускаютъ въ лодкѣ черезъ Ковжинскіе пороги къ Сорокѣ: надо лишь увѣрять въ ихъ опытность и умѣнье, и тогда сиди себѣ въ лодкѣ да посматривай на постоянный наплывъ волнъ, подхватывающихъ лодку и несущихъ ее съ неудержимою яростью, такъ сказать, со ступеньки на ступеньку. По порогамъ рѣки Выга можно подняться къ другому сосѣду Сороки—Выгъ-селу, но мы предпочли туда пѣшеходный путь: 8 верстъ лѣсомъ въ лѣтнюю пору пріятная прогулка! Правда, что тропа искривилась вся, и болота, и грязца по пути встрѣчается, да по мосткамъ ничего. Лѣсъ кругомъ глубокой тишиною объятъ; только Выгъ-рѣка, свѣтясь изъ-за тихо-тихо качающихся елей, отдаетъ глухимъ шумомъ, да, можетъ быть, разъ или два въ продолженіе всего пути вскрикнетъ гдѣ-либо гагара... «поганая», но выраженію деревенской простоты, думающей, что гагары крики, подобно карканью вороны, предвѣщаютъ перемѣну погоды либо бѣду. Ни цвѣтовъ, ни ягодъ, ни высокой травы въ этомъ лѣсу; ягель покрываетъ землю отъ березоваго ствола до еловаго, и отъ еловаго до березоваго; отраднo видѣть ключъ, который, встрѣчая васъ, приготовилъ холодной и чистой воды; берестяной черпачекъ, лежа на камешкѣ, дожидается, что вы поднимете его, чтобы зачерпнуть и освѣжиться прекрасной водою. Лѣсъ перемежается съ боровинами, засосавшими не мало животныхъ, пока догадались огородить пастбища. Къ селу Выгу послѣдняя верста идетъ по косогору; село стоитъ на «матерой» и на островахъ, отдѣленныхъ порожистыми теченіями; среди населенія преобладаютъ безпоповцы, хотя именно недавно поновлена приземистая деревянная церковь великомученицы Варвары; подновленіе, какъ водится у насъ, не обошлось безъ ломки: старину замѣнили новизной, не сумѣвъ достойно оцѣнить. Въ церкви намъ показали нѣсколько древнихъ иконъ и, между прочимъ, чтимый всѣми образъ великомученицы, въ дорогой ризѣ съ камнями; любопытно житіе святой Варвары, временъ Александра I; оно лежало на окнѣ и могло исчезнуть во всякое время. Поросшія травою пустоши на окраинахъ села показывали, что выговецъ ранѣе не пренебрегали въ такой степени, какъ теперь, и земледѣліемъ, которое болѣе или менѣе вознаграждало за трудъ; въ настоящее время они собираютъ сѣно, а отъ пахоты уклоняются.

— Если жито родится, отчего же его не сѣять? — замѣтилъ я старухѣ-крестьянкѣ, изъ семьи которой большаки до послѣдняго ушли на Мурманъ.

— Ничего не подѣлаешь, такая ужъ бѣда!—отвѣчала она:—гдѣ гибнуть, туда ихъ и тянетъ; и хотя бы всегда парато доставали, а то ино ужъ съ ранней осени христарадничаемъ.

— Кто же вамъ помогаетъ?

— Вѣстимо, кто же, какъ не купцы? Одно, што они, бываетъ, и воспитываютъ...

Деревенскіе «воспитатели» (кормильцы) лавочники отнюдь не принадлежатъ къ истинно-благодѣтелямъ: это обыкновенные ссудодатели; взявъ подъ залогъ у нуждающагося все, что онъ имѣетъ цѣннаго (сѣти, одежду и т. п.), заимодавецъ открываетъ ему на всю зиму кредитъ, снабжая необходимымъ, разумѣется, въ опредѣленныхъ рамкахъ; весною, когда подходятъ морскіе промыслы и поморы нанимаются въ артели, они «выкупаютъ» залого, уплачивая вѣрителю часть долга, а остальную часть обязываются вернуть послѣ промысловъ; «учтивые» купцы не берутъ съ должниковъ процентовъ въявь, но тайкомъ проценты ложатся на забираемые должникомъ харчи, за которые онъ переплачиваетъ въ теченіе цѣлой зимы. Если морскіе промыслы заканчиваются слишкомъ удачно, то поморъ выходитъ изъ кабалы лавочника, иначе онъ его рабъ и впредь, и вообще не скоро начинаетъ свободно дышать. Съ другой стороны онъ не видитъ помощи.

Выговцы ловятъ семгу и проходныхъ сига (Coregonus lavaretus). Насъ, наголодавшихся въ Сорокѣ, посылали сюда покормиться. «Тамъ-то васъ покормятъ сиговой ухой!—пѣли сороцкіе шанежники:—теперь-отъ сигъ новинскій, важнѣющій»... Хорошо разъ сходить за 8 верстъ уха похлебать, но отъ ежедневнаго хожденія, пожалуй, что и откажешься, а впрочемъ, кто же здѣсь разъѣзжаетъ? Не задолго до насъ изъ Сороки въ Выгъ, послѣ вѣнчанья, шли лѣсомъ учитель съ женою; балансируя надъ болотами, перескакивая съ камня на камень, такъ всѣ восемь верстъ «молодые» и отшагали... Такъ же на себѣ женки и почту «возять»...

V.

Выгъ-рѣка, Выгъ-село, Выгъ-озеро... А тамъ, въ глуши, верстъ за 40, стоятъ лѣса и грезятъ; и все тамъ окрестъ живетъ прошлымъ, преданіями; тамъ ходятъ очарованные люди и словно все прислушиваются къ лѣснымъ грезамъ и приникаютъ къ землѣ, точно она когда-то обѣщала «возговорить» и сказать отрадное... Много слезъ тамъ было пролито, много вздоховъ обронено, и одинокихъ жалобъ, и проклятій. Если на ярмаркахъ, у церковныхъ папертей и въ другихъ мѣстахъ слѣпцы громогласно поютъ изъ «Голубиной книги», то тамъ, за Выгъ-озеромъ, на верхнемъ Выгѣ робко время отъ времени занималась тоскливая псалма:

По грѣхамъ нашимъ на нашу страну
Попустилъ Господь такову бѣду:
Облакъ темный всюду осѣни,
Небо и воздухъ мракомъ потемни;
Солнце съ небеси скры своя лучи

И луна въ ноци свѣтлость помрачи;
 Но и звѣзды вся потемниша зракъ,
 И дневный свѣтъ предложися въ мракъ.
 Тогда твари вся ужаснушася,
 Но и бездны вся содрогнушася,
 Егда адскій звѣрь вся разруши,
 Отъ заклепъ твердыхъ нагло изскочи.
 О, коль яростно испусти свой адъ
 Въ гаволическій красный вертоградъ!.. и т. д.

Да что же тамъ?—Стоялъ извѣстный Даниловскій старообрядческій скитъ; старички, его помнящіе, рисуютъ вдохновенныя картины былого скитскаго величія, впрочемъ, не прибавляющія новаго къ обширной литературѣ о «выгорѣцкой братіи», между тѣмъ какъ для молодежи «Даниловъ» (насколько я замѣтилъ) становится почти такою же легендою, какъ Великій Китежъ; она и порывается къ нему, какъ къ легендѣ, за исключеніемъ крайнихъ мистиковъ: этимъ, на скитской разрухѣ, слышатся и переливы колоколовъ, и молебное пѣніе; имъ видятся «сладкія ягоды винограда Божія»—исповѣдники и мученики, и свѣчи возженные передъ иконами монастырскими, и даже весь монастырь, какъ его описалъ Филипповъ. («Исторія Выговской старообрядческой пустыни»). Былой «суземокъ» вновь оживляется строящимися ими кельями и, можетъ быть, недалеко время, когда воскреснетъ умершая было скитская жизнь. Суземокъ вѣдь обрамлялъ Даниловъ; поэтому молитвенный стонъ:

Охъ, увы, увы, благочестіе!
 Увы, древнее правовѣріе!

стонъ, который выходитъ изъ ново-скитскихъ келій, пролетаетъ среди мертвой тишины лѣсовъ и падаетъ на сравненныя съ землею могилы «древлихъ страстотерпцевъ». Между поморскими мистиками я встрѣчалъ молодыхъ людей, которые прошли, въ Москвѣ, на Таганкѣ, повидимому, основательную школу послушничества; ихъ «священный восторгъ», ихъ экстазъ, ихъ чаяніе «Бога, спасающаго отъ малодушія и отъ бури», не заключали въ себѣ даже тѣни забавнаго юродства, ибо ничего они не дѣлали напоказъ, а главное, восторгъ у нихъ сопровождается вдохновеніемъ, такъ что душа такого мистика непрерывно воспринимаетъ впечатлѣнія и по-своему радуется, но, замѣтите, радуется сдержанно. Рѣзкихъ порывовъ даже къ «седьмому небу» не замѣтишь у этихъ пустыножителей: критическій анализъ никогда у нихъ не даетъ полной свободы сердцу. Въ уральскихъ скитахъ крайности не знаютъ предѣловъ и многія сужденія просто нелѣпы: «не пей кофей—онъ готовитъ ковъ; не пей чаю—отчаешься отъ Бога» и т. п. дѣтскій, но суровый лепетъ; въ Поморьѣ же съ виду похожіе на уральцевъ отшельники, не имѣющіе «здѣ пребывающаго града, но гря-

душаго взыскующіе», рассуждаютъ иначе.—«Чай... да къ чему онъ? развѣ безъ него нельзя обойтись?» А кто привыкъ къ нему? «Трудно ли отвыкнуть? А впрочемъ, не указано чаепитіе... кому потреба, хлебай его, какъ ѣство». Отводъ!.. чувствуется какой-то старый стряпчій, но чувствуется и уступчивость времени: пить не пей, а коли хочешь—хлебай чай. Да развѣ и три четверти россійскаго населенія пьютъ, а не хлебаютъ чай? Удивительна начитанность старообрядческихъ скитниковъ въ священномъ писаніи; чего нельзя было достать подъ рукою, за тѣмъ они обращались къ сокровеннымъ библіотекамъ Замоскворѣчья и напиткивались вдовсталь, власть. Разливъ чувствъ и близость даниловской «разрухи», бесѣды со старчествомъ и религіозная ревность—все это не миритъ ихъ съ рамками, въ которыхъ, дѣйствительно, заключилось прошлое; имъ понадобилась помощь фантазіи, которая раздвигаетъ рамки и по-своему освѣщаетъ то или другое событіе; напримѣръ, объ оцѣ Виталіи Московскомъ Филипповъ рассказываетъ, что этотъ инокъ «поживе въ пустыни нѣсколько времени близъ отца Корниліа и преставися добрѣ о Господѣ съ миромъ и погребенъ бысть ту»; между тѣмъ, въ устахъ многихъ старообрядцевъ исторія о гонимомъ правительствомъ старцѣ заканчивается трагически: не добрѣ преставился-де онъ съ миромъ, а настагаемый воинствомъ подбѣжалъ Виталій къ озеру и услышалъ гласъ съ неба: «кинся, старче, въ озеро!» Виталій бросился въ воду. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, трупъ его извлекли изъ воды неплѣннымъ.

Разказы о прежнихъ страдальцахъ отличаются особенной страстностью; тутъ и мелодрама и благоговѣніе. Въ соловедской темницѣ посажены были учитель и ученикъ за Христа страдать; страдали они долго, да пришелъ часъ учителю помереть; онъ же провидѣлъ свой конецъ и сказалъ о томъ ученику. А сей отвѣчаетъ: «Отче! зачѣмъ мнѣ оставаться безъ тебя? Что я буду одинъ? Помолись, отче, чтобы Богъ ранѣ меня прибралъ, а тогда тебя». Ну, что жъ! Старецъ помолился. Вечоръ ученикъ отошелъ, а за нимъ и учитель.

Въ утѣшеніяхъ и преслѣдованіяхъ ихъ старообрядцы винятъ чиновниковъ. «Державные» въ сторонѣ; до нихъ не все доходитъ, а что доходитъ, то получаетъ надлежащую оцѣнку. «Не совратъ тебѣ сказать, при царѣ Александрѣ Николаевичѣ то было,—повела разсказъ кемская старушоцька:—но, но, при немъ... такъ, знаешь, заспорили наши съ вашими. «Раскольники вы», скажутъ ваши. А наши: «А вы еретики». — «Какъ такъ?» — «Да такъ». — «Да какъ вы можете?» — «А какъ вы можете насъ называть раскольниками? отъ чего мы откололись?» Обозлились ваши, собрали побольше подписей да къ царю. А царь Александръ Николаевичъ прочиталъ челобитню и говоритъ: «Такъ зачѣмъ же вы обзываете ихъ раскольниками? Какъ позвалось, такъ и отозвалось»...

«Сладкія ягоды винограда Божія» святые Аввакумъ, братья Денисовы, Павелъ Коломенскій—для крайнихъ мистиковъ, а для «умѣренныхъ» они только «избранники Божіи». «Какъ же называть ихъ святыми, покамѣсть не открылись ихъ святыя мощи?»

— А Мемнонъ, сожженный въ Холмогорахъ, святой или нѣтъ?

Никоновъ крестъ въ Крестномъ монастырѣ на Кій-островѣ.

— Сказываютъ, что на другой день по сожженіи онъ явился на Выгъ ноцію во всей славѣ небесной и въ вѣнцѣ отъ Господа. Мученикъ онъ, а только какъ же, все-таки, во святыхъ его утверждать? Конечно, достоинъ... Ваши-то и Никона хотѣли сопричислить... Конечно, достоинъ Мемнонъ сожженный, вѣдь самъ Андрей Денисьевичъ о томъ свидѣтельствовалъ, а только святыя мощи не объявлены, не подобаешь, значить...

Критика... Анализъ...

Но, чу! псалма слышалась мнѣ:

По грѣхамъ нашимъ на нашу страну
 Попустилъ Господь такую бѣду:
 Облакъ темный всюду осѣни,
 Небо и воздухъ мракомъ потемни...

Изъ лѣсныхъ гушинъ вырвалась она, гдѣ заблудилась, или земля ее сказала? Сумракъ кругомъ; мы шагаемъ вдвоемъ съ мужичкомъ, сухощавымъ, махонькимъ, безпрестанно мигающимъ. Не щедръ на слова мой спутникъ, не тянетъ къ разговору и меня. Деревья, старыя, неприкосновенныя, то смыкаются, то разступаются и открываютъ даль, гдѣ еще клубится туманъ и плыветъ, охватывая стволы, во всѣ стороны. Но съ каждою минутою онъ рѣдѣетъ, таетъ, на влажные листья березъ падаютъ золотистые солнечные лучи и двѣ-три птицы начинаютъ, хотя и робко, гимнъ свѣтилу. Мой мужичокъ покашливаетъ, задумчиво гладитъ бороду, иногда озирается по сторонамъ, какъ будто кого-то все высматриваетъ; Савватій Потапычъ не волнуется, не блѣднѣетъ и не краснѣетъ, но, несомнѣнно, онъ преодолеваетъ что-то, закопошившееся въ его душѣ.—Что, Савватій Потапычъ, все озираешься?—Онъ вздрагиваетъ, какъ человѣкъ, застигнутый врасплохъ.—Не, я ништо...—бормочетъ запинаясь и ежится, словно хочетъ стать совсѣмъ маленькимъ, чтобы не было и видно его.—Скоро ли?.. Онъ понялъ, о чемъ я спрашиваю, и опять вздрогнулъ, забѣгалъ глазами по сторонамъ и торопливо отвѣчалъ: — Да какъ не скоро... Теперя... О, Господи... Близехонько... Я ужъ примѣтилъ... Примѣтилъ я... Вскорѣ примѣтилъ и я ее... Ненужную часовню... Главы показываетъ она: смотрите, моль, святыня запечатана, оскорблена, но все-таки святыня. И я не удержался, вздрогнулъ. Савватій Потапычъ остановился; морщитъ лобъ, сдвигаетъ брови. Видишь?—спрашиваетъ.—Вижу,—отвѣтилъ я. Онъ досталъ четки и сталъ быстро шептать и перебирать въ рукахъ зерна четокъ: онъ молился долго и, казалось, совсѣмъ забылъ, что онъ не одинъ въ лѣсу; разгорались красноватые старческіе глаза, его лицо вздрагивало... Я оставилъ его, не желая мѣшать молитвѣ, и продолжалъ путь. Часовня манила къ себѣ, чудилось, она хотѣла многое рассказать мнѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ боялась нарушить свое полувѣковое молчаніе... Отъ сиротливой святыни до поблекшаго Данилова переходъ не былъ рѣзкимъ. Ни село, ни городъ была обитель. А теперь... Взамѣнъ довольства земляные холмы, которые у насъ еще, помнится, съ шестого вѣка служатъ символомъ могилы; вмѣсто славы забвеніе, вмѣсто жизни копошащіяся въ травѣ черви... Подобно шуерѣцкой, стоитъ колокольня безъ верха; уничтожена «стая» (строенья подъ одну кровлю), замерла радость... Поселяне знать не знаютъ, вѣдать не вѣдаютъ, что здѣсь было, они и представить себѣ не могутъ, что нѣкогда на этомъ мѣстѣ процвѣтали старообрядческіе «Соловки», которые и управлялись такъ же,

какъ управляется обитель на Бѣломъ морѣ (т. е. «освященнымъ соборомъ»). Поѣздки выгорѣцкихъ братьевъ на Грумантъ (Шницбергенъ), на Новую Землю и въ Америку, торговыя сношенія съ Петербургомъ и Сибирью, разработка обителью горныхъ богатствъ и т. д.,—все обратилось въ смутную, мало-понятную сказку. И эта сказка не нужна православнымъ псковичамъ, коихъ поселили на «святомъ мѣстѣ» и которые топчуть сметенное старообрядческое кладбище съ могилами избранниковъ Божьихъ, по толкованію однихъ, и святыхъ, угодниковъ—по безповоротному рѣшенію другихъ. Жутко, жалко, тяжело здѣсь. Савватій Потапычъ выглядитъ какъ послѣ похоронъ дорогого для него человѣка. Шепчетъ мнѣ тоскливо-тоскливо:

— Слышишь ты?

И, вздыхая, поспѣшно добавляетъ мужичокъ:

— Нѣтъ, гдѣ же слышать? И я не слышу, и они... тутошніе-то... тожъ не слышать, а бывало... бывало, да-алеко отседова разносился сладостный духъ ладана темьяна...

— Изъ келій? Изъ часовень?

— Нѣтъ, нѣтъ, особый духъ... На святое мѣсто падалъ ладанъ съ небесъ, какъ роса... Слышишь, какъ роса... А нынѣ нѣтъ того духа, благоуханія нѣтъ...

— А можетъ, еще будетъ?

— Ну, гдѣ быть, мы уже и не чаемъ! Времена тяжкія.

Для меня стало теперь очевидно, что Савватій, какъ и множество кареловъ-старообрядцевъ, особенно въ глухихъ мѣстахъ, все еще живутъ въ невѣдѣніи, не читавъ Высочайшаго указа 17 апрѣля 1905 года, а къ увѣреніямъ, что такой указъ былъ данъ, они относятся съ недоувѣріемъ. И хочется вѣрить и боятся... И это по прошествіи 14—15 мѣсяцевъ, какъ возвѣщена благая царская воля! Своеобразность сѣвера сказалась и въ этомъ. Не захваченный «освободительнымъ движеніемъ», онъ живетъ по старому, «забастовки», волненія, жестокости, очевидно, не могли найти себѣ здѣсь пріюта, такъ какъ этому помѣшали особенность мѣстныхъ экономическихъ условій и почти исключительное занятіе жителей промыслами и самостоятельной торговлею; для Поморья земельного вопроса не существуетъ: онъ давнымъ-давно разрѣшенъ поморами отрицательно, бюрократическаго гнета они не испытывали и не испытываютъ, крѣпостное право миновало ихъ; свобода въ выборѣ занятій и передвиженій, нѣкоторымъ образомъ, замѣняла сѣверянамъ школу, такъ что еще 35 лѣтъ назадъ, когда среди кареловъ числилось всего 205 грамотныхъ, Карелія все-таки стояла въ умственномъ отношеніи не ниже многихъ центральныхъ губерній; сосѣдство съ Финляндіей, поѣздки въ Норвегію, общеніе съ иностранцами во время промысловъ—расширяли умственный кругозоръ архангельскаго населенія, да и природная смышленость

помогала разбираться въ окружающихъ явленіяхъ. Поморъ отлично знаетъ, что воздухъ и вода не подчинены никому, а стало-быть удачные или неудачные промыслы совершенно не зависятъ отъ «усмотрѣнія», «благоволенія» либо «воли» начальства, исправникъ не командуетъ Бѣлому морю или Ледовитому океану изсякнуть, мировой не посадить погоду подъ замокъ, и сельдь съ трескою не станутъ ждать приказовъ изъ Петербурга; съ другой стороны, какая тутъ агитація можетъ имѣть успѣхъ? Поморъ, кто бы онъ ни былъ: православный или старообрядецъ, еще на лѣтнихъ промыслахъ думаетъ о промыслахъ осеннихъ близъ родного села; онъ скопидомъ, буржуа и не скрываетъ этого; хороша бойкая статья въ газетѣ, но еще лучше рыбникъ, горячія вагрушки и рыхлая перина, а если, вдобавокъ, у самовара женка съ ямочками на румяныхъ щечкахъ, то Богъ съ ней, съ бойкой статьею. Явись сюда Петръ Амьенскій, въ современной окраскѣ, и начни проповѣдывать крестовый походъ противъ правительства, онъ потерпѣлъ бы полное пораженіе...

Ссылные, множество которыхъ направляли въ продолженіе 1905—6 гг. въ Архангельскую губернію, оказали нѣкоторое вліяніе на рабочихъ лѣсопильныхъ заводовъ, преимущественно на молодежь, но и ея не захватили, какъ они могли ожидать.

VI.

Кончается «свѣтлое Поморье». Играетъ Онежскій заливъ подъ июльскимъ солнышкомъ. Тишина кругомъ, волны улеглись, только легонькая рябь бѣжитъ въ синюю даль, а надъ нею рѣютъ чайки, покрякивая на рыбу, разгулявшуюся въ теплыхъ водахъ. Конецъ Поморья—поворотъ къ Архангельску; пахло исконнымъ русскимъ духомъ, а теперь уже вѣетъ иноземщиной, которая чѣмъ дальше отсюда и чѣмъ ближе къ сѣверному порту, станетъ настойчиво говорить о себѣ съ мачтъ и носовыхъ частей европейскихъ кораблей. Чьи-то тѣни, чьи-то призраки словно отбѣгаютъ вмѣстѣ съ рябью въ ту же синюю даль, на Бѣло-море и къ Карелѣ, въ дремучіе лѣса, гдѣ затаились одинокіе скиты, пахнетъ сладчайшимъ ладономъ изъ древняго дымила, и близъ мощей преподобныхъ Зосимы и Савватія шепчетъ, глядя съ расписныхъ стѣнъ и потускнѣвшихъ ликовъ, живучая до-никоновская Русь, двоившая аллилуія и слагавшая двуперстіе. Это тѣни «апостоловъ раскола», это призраки «мучениковъ старообрядчества»: они бѣгутъ отсюда, гдѣ властно возстаетъ онъ... Никонъ! Твердый, упорный, неуступчивый, трудолюбивый, не самъ патріархъ, впрочемъ, возстаетъ изъ вѣчности: нѣтъ, передъ нами памятникъ его—250-лѣтній Крестный монастырь.

Гранитный островокъ вынырнулъ изъ воды; тутъ какъ тутъ и сосны, для неприхотливыхъ деревьевъ довольно было и тонкаго слоя рыхлой почвы, чтобы вырасти на красноватомъ гранитѣ и совсѣмъ не въ видѣ чахлыхъ деревцовъ, жалкаго криволѣсья: въ небесныя пространства уходятъ высокоствольныя красавицы съ изумрудными кронами и величаво распростираютъ въ воздухѣ вѣтви, мать-природа раскинула сѣровато-зеленый коверъ между бронзовыми стволами, вкрапивъ въ него чернику съ голубикою. Сосновый боръ охватилъ островокъ и спряталъ монастырь, только зеленыя главы съ блестящими крестами выбились изъ путаницы деревьевъ, плаваютъ наравнѣ съ ихъ шапками, какъ будто упиваясь бальзамическимъ дыханіемъ вѣчно-зеленыхъ хвой. Къ этому-то островку судьба привела Никона, который писалъ въ окружномъ своемъ посланіи къ православнымъ христіанамъ: «Въ 1639 лѣтѣ мы, будуще іеромонахомъ, творихомъ шествіе по морю изъ скита Анзерскаго и во время то отъ великаго волненія морского едва не потопихомся; но уповающе на силу божественнаго и животворящаго креста, спасеніе получихомъ предъ Онежскимъ устьемъ, къ пристанищу, къ Кію острову».

Мордвинъ по происхожденію, Никита двадцатидевятилѣтнимъ московскимъ священникомъ (въ 1634 году) пришелъ въ Анзерскій скитъ, на Анзерскомъ же островѣ Соловецкаго архипелага, принялъ здѣсь иночество подъ именемъ Никона и всецѣло отдался «великому посту и воздержанію». Постясь и умерщвляя плоть, монахъ Никонъ пришелся по душѣ основателю и начальнику скита Елеазару ¹⁾, подъ руководствомъ котораго онъ написалъ, между прочимъ, образъ Спаса (Нерукотвореннаго). Съ теченіемъ времени духовная связь между строгимъ старцемъ-настоятелемъ и молодымъ подвижникомъ установилась такъ прочно, что, когда «восхотѣвъ идти въ царствующій градъ Москву боголюбезный старецъ Елеазаръ ради собранія милостыни на строеніе каменныхъ на томъ островѣ церкви» ²⁾, онъ взялъ съ собою іеромонаха Никона. Москва уже провѣдала о добродѣтельной жизни сборщиковъ, которымъ, поэтому, посыпалась щедрая милостыня: жертвовали простые благочестивые люди и бояре, и самъ «великій государь царь и великій князь Михайль Ѳеодоровичъ всеа Россіи». Собравъ пятьсотъ рублей, Елеазаръ съ Никономъ возвратились въ Анзеръ, гдѣ настоятель положилъ деньги въ ризницу; года два или три лежали онѣ тамъ, наконецъ Никонъ напомнилъ о нихъ Елеазару: іеромонахъ боялся, какъ бы не провѣдали разбойники, да не похитили деньги, а иноковъ не «предали смерти». Лучше бы «на оныя деньги церковь создать или въ Соловецкій монастырь на

¹⁾ и ²⁾ «Извѣстіе о рожденіи и воспитаніи и о житіи святѣйшаго патріарха московскаго и всеа Россіи», написанное клирикомъ его Іоанномъ Шущериннымъ.

сохраненіе отдать». Но іеромонаховъ совѣтъ старцу «неключимъ явится». Не въ свои дѣла, дескать, вмѣшиваешься, чернецъ... Сразу порвалась связь между ними, и Никонъ вскорѣ убѣдился, что въ Елеазарѣ кипитъ и не стихаетъ гнѣвъ противъ него и что дальнѣйшее пребываніе въ скиту невозможно. И вотъ, послѣ трехлѣтняго пребыванія въ «Анзерахъ», Никонъ уходитъ въ Кожеозерскую пустынь, которая также славилась строгимъ подвижничествомъ. «Въ маломъ кораблецѣ съ нѣкимъ христіаниномъ поплыша (Никонъ) моремъ къ берегу земли». Въ пути ихъ застигла буря и прибила «малый кораблець» къ гранитному островку. «Кій сей островъ?» спросилъ, по преданію, Никонъ и не получилъ отвѣта: у островка не было названія. «Такъ пусть же онъ называется Кій!» добавилъ будущій патріархъ и, воздрузивъ деревянный крестъ на берегу, далъ обѣтъ построить на Кій-островѣ монастырь въ память своего спасенія. Съ наступленіемъ хорошей погоды Никонъ и спутникъ его, христіанинъ-крестьянинъ, покинули одинокій островъ и пустились за 15 верстъ къ Онежскому устью; тамъ они разстались, и Никонъ одинъ побрелъ вдоль рѣки Онеги по направленію къ Кожеозерской пустыни. Пища вся вышла у него, десять дней онъ голодалъ, пока не нашлась добрая душа, да и то не сразу. Добрель Никонъ до перевоза на противоположный берегъ, гдѣ разбросалось селеніе. Проситъ бѣдный монахъ перевезти его, никто не соглашается даромъ, а Никону нечѣмъ заплатить. Надъ голоднымъ и безпріютнымъ человѣкомъ сжалилась бѣдная вдова и приказала своему сыну переправить инока. «Самъ Господь за вашу ко мнѣ показанную любовь да воздастъ», сказалъ онъ и пошелъ по деревнѣ, надѣясь, что кто-нибудь приметъ странника, накормитъ и дастъ переночевать. Надежда обманула. Никто изъ зажиточныхъ крестьянъ не оказалъ гостепріимства и пришлось Никону стучаться къ той же бѣдной вдовѣ. Хотя и бѣдовала она, но «съ любовью приняла гостя».

Прошло 13 лѣтъ. Никонъ взлетѣлъ на орлиную высоту. Онъ уже новгородскій митрополитъ и любимецъ царя Алексѣя Михайловича; онъ пользуется вліяніемъ на «Тишайшаго», который всячески заботится о немъ и приближаетъ его къ патріаршему трону, занимаемому еще приверженцемъ старины Іосифомъ. Занесенный въ старообрядческій синодикъ, Іосифъ считается людьми «древляго благочестія» послѣднимъ патріархомъ московскимъ, за которымъ «слѣдовали отступники отъ старо-русской вѣры»... 19 января 1652 года, когда открывали мощи преподобнаго Саввы Звенигородскаго, сослужившіи Іосифу Никонъ предложилъ царю свою мысль о перенесеніи въ московскій Успенскій соборъ патріарховъ Іова и Гермогена и св. митрополита Филиппа; особенно просилъ онъ возвратити мощи св. митрополита. Никонъ представлялъ умиленному государю, что этой честью святителю онъ загладитъ вину пра-

дѣда своего и указывалъ на примѣръ Θεодосія Младшаго, который перенесеніемъ изъ Команъ св. мощей Іоанна Златоуста сдѣлалъ имя свое въ церкви незабвеннымъ, а матери своей Евдокіи, виновницѣ изгнанія, исходатайствовалъ прощеніе. Царь изъявилъ согласіе. («Жизнь святѣйшаго Никона, патріарха всероссійскаго»). Съ царской грамотой, которую новгородскій митрополитъ долженъ былъ прочесть въ соловецкомъ храмѣ, надъ гробницей святителя, вслухъ народу, онъ выѣхалъ изъ Москвы за св. мощами. Царь посылалъ его, какъ постриженника Соловецкаго монастыря; сопровождали митрополита стольникъ князь Иванъ Никитичъ Хованскій, дьякъ, честные дворяне и другія лица, давшія обѣтъ побывать въ Соловецкой обители. Выѣхали рано, такъ какъ Пасху встрѣтили и провели уже въ Вологдѣ, откуда «апрѣля въ 19 день великій господинъ преосвященный Никонъ, митрополитъ великаго Новгорода и Великихъ Лукъ, поѣхалъ къ соловецкимъ чудотворцомъ». (Временникъ. «Расходная книга новгородскаго митрополита Никона 7160»). О томъ, какъ они ѣхали до Вологды, государю доносилось въ отпискахъ черезъ стрѣльцовъ. 29 мая посольство поѣхало отъ «Архангельскаго города» и опять Никона подкарауливала морская буря, какъ будто она хотѣла напомнить ему о забытомъ гранитномъ Кій-островкѣ. Взводень разбилъ нѣсколько посольскихъ лодокъ, безъ вѣсти пропали дьякъ и всѣ, кто плылъ съ нимъ, такъ что «богомалецъ государевъ, новгородскій Никонъ митрополитъ и холопъ Ивашко Хованской» отписывали «о доплытіи, послѣ великихъ морскихъ страстей, въ благополучной тишинѣ въ 7 день іюня въ Соловки». (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ). День отъѣзда изъ обители точно не устанавливается: въ «расходной» читаемъ, что Никонъ «поѣхалъ изъ Соловецкаго монастыря съ мощами иже во святыхъ отца нашего Филиппа митрополита московскаго и всея Россіи чудотворца къ Онегѣ рѣкѣ» 7 іюня, а ихъ съ княземъ Хованскимъ «отписка» говоритъ, что они «іюня въ 10 (10) день отпустились на море въ Онегу рѣку и плыли сутки и іюня въ 11 (11) день въ 3 (третьемъ) часу въ Онежское устье Богъ донесъ вельми благополучно всѣхъ здорово».

Пристали къ Кію. Деревянный крестъ, какъ поставленъ, такъ и стоитъ. Никонъ слышитъ отъ окрестныхъ жителей, что вѣра въ этотъ крестъ спасала многихъ отъ морского потопленія; между тѣмъ «никакихъ и ничьихъ угодій на островѣ не имѣется, и жилецкимъ людямъ быть тутъ не у чего»... («Исторія россійской іерархіи», ч. IV). Никонъ возобновляетъ прежнее свое обѣщаніе. Въ отсутствіе его умираетъ патріархъ Іосифъ, Никонъ восходитъ на патріаршій тронъ. Кій-островъ теперь не выходитъ изъ памяти «собиннаго друга» царя и онъ проситъ у Алексѣя Михайловича грамоту на построеніе монастыря. 13 іюня 1656 года гра-

мота была дана: «Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца въ Каргополь воеводѣ нашему Ѳедору Игнатѣевичу Малыгину. Билъ намъ челомъ отецъ нашъ и богомолецъ, великій государь святѣйшій Никонъ патріархъ московскій и всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи; въ прошломъ де 147 году, какъ онъ великій государь святѣйшій Никонъ патріархъ ѣхалъ изъ Анзерскаго скита, и въ тѣ де поры отъ морскаго великаго волненія едва не потопленъ, но уповая на силу животворящаго креста спасенъ предъ Онежскимъ устьемъ къ пристанищу къ Кію острову, и будучи де на томъ островѣ, на воспоминаніе того своего спасенія водрузилъ на томъ мѣстѣ святый животворящій крестъ. И какъ де по нашему великаго государя указу въ 160 году посланъ онъ великій государь святѣйшій Никонъ патріархъ по мощи Филиппа митрополита въ Соловецкій монастырь и съ его де чудотворными мощами моремъ ѣдучи, на томъ мѣстѣ благоволилъ Богъ ему великому государю пристать и тотъ честный крестъ, который онъ прежде на томъ мѣстѣ водрузилъ, силою Распятаго на немъ стоитъ въ цѣлости, а тотъ де островъ пустъ и ничьихъ и никакихъ угодій на немъ нѣтъ, и быть тутъ жилищнымъ людямъ нельзя, потому что на томъ мѣстѣ камень голый, и силою де того животворящаго креста, который на томъ мѣстѣ водрузилъ, мнози вѣру держаще къ нему, отъ морскаго потопленія спасаются, а какъ де съ мощами чудотворца Филиппа стоялъ и обѣщался на томъ мѣстѣ поставить церковь и монастырь соградить, гречески Ставросъ, а русски Крестный, во имя честнаго и животворящаго креста и святаго священномученика чудотворца Филиппа митрополита, и намъ отца нашего и богомольца, великаго государя святѣйшаго Никона патріарха московскаго и всея Великія и Малыя Россіи пожаловать, повелѣтъ ему на томъ острову, идѣ же честный крестъ водрузилъ, поставить церковь и монастырь соградить во имя честнаго и животворящаго креста и святаго чудотворца Филиппа митрополита, и жити ту инокамъ, взявши крестъ свой на рамо и послѣдовати распятому на крестѣ Иисусу Христу. И мы великій государь отца нашего и богомольца великаго государя святѣйшаго Никона патріарха московскаго и всея Великія и Малыя Россіи пожаловали, велѣли ему по обѣщанію на томъ острову церковь поставить и монастырь соградить, именуемый Ставросъ; и какъ къ тебѣ сія наша грамота придетъ и кто съ сею нашею государскою грамотою отъ отца нашего и богомольца великаго государя святѣйшаго Никона патріарха московскаго и всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи въ Каргополь для строенія церкви и монастыря пріѣдетъ, и ты бы ему на томъ островѣ, что предъ Онежскимъ устьемъ, церковь ставить и монастырь соградить велѣлъ, и прочесть сію нашу грамоту и списавъ съ нея списокъ слово въ слово, оставилъ у себя въ

сѣвѣжей избѣ, а сію нашу грамоту отдалъ бы тому, кого отецъ нашъ и богомолецъ великій государь, святѣйшій Никонъ патріархъ московскій и всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи съ сею нашею грамотою въ Каргополь приплетъ. Писана въ Москвѣ лѣта 7164 іюня въ 13 день». На подлинной грамотѣ на оборотѣ подписано: «Дьякъ Дмитрій Шубинъ».

Жалованная государева грамота, государева казна и казна патріаршая келейная были тремя главными опорами, на которыхъ легко было построить Ставроць, т. е. Крестъ-монастырь. Никонъ посылаетъ на Кій-островъ строителей: искуснаго монаха и боярскаго сына, а самъ тѣмъ временемъ дѣлаетъ все, чтобы обезпечить существованіе монастыря; въ 1657 году началось строительство на кійскомъ гранитѣ, а на Москвѣ царь Алексѣй Михайловичъ жертвуетъ Ставроцу 6000 рублей, приписываетъ къ нему сельдьяныя и другіе рыбныя промыслы и ловли въ отдаленныхъ и ближнихъ мѣстахъ въ морѣ и рѣкахъ и жалуетъ 4537 душъ крестьянъ, кромѣ ризъ съ жемчугомъ, камнями и блестками и стихаря изъ турецкаго червчатаго бархата, въ кругахъ тканаго золотомъ; царевна Татьяна Михайловна дополняетъ братнинъ даръ жалованьемъ тоже ризы, штофныхъ стихаря съ ораремъ, минеи общей, двухъ октоиховъ, да денегъ 34 рубля, двухъ пудовъ воску и пуда ладона простого и фунта роснаго; Никонъ отъ себя готовитъ для монастыря церковную утварь и книги, словомъ, ризница была уже собрана и могла выдѣлиться своею цѣнностью. Мало того, къ кійскому Крестному монастырю былъ приписанъ патріархомъ Опеченскій (Печенскій) кольскій монастырь со всею округою, а новгородскій митрополитъ Корнилій добавилъ Сырьинскую пустынь и Благовѣщенскую, что на Касьяновомъ волочкѣ (по рѣкѣ Онегѣ).

Сырьинскіе монахи первыми вошли въ новую обитель, но догадливость и опытъ подсказывали патріарху, что не столько они, сколько чтимая святыня можетъ привлекать богомольцевъ издалека, надо было дать ее Кій-острову, и вотъ Никонъ поручаетъ, по однимъ свѣдѣніямъ—палестинскимъ, а по другимъ—московскимъ мастерамъ устроить кипарисный крестъ, подобный во всемъ Кресту Господню. Въ 1657 году крестъ отправили изъ Москвы «съ подобающею честью и благолѣпнымъ соборнымъ препровожденіемъ». Патріархъ Никонъ съ освященнымъ соборомъ провожали его до Креста (на нынѣшней I Мѣщанской улицѣ), гдѣ Тишайшій встрѣчалъ, пять лѣтъ назадъ, св. мощи митрополита Филиппа и гдѣ цари слазили для переодѣванья, возвращаясь отъ Троицы-Сергія, и самъ преп. Сергій, по преданію, имѣлъ обыкновеніе отдыхать. Отъ царской слазки, или Крестовской заставы, патріархъ съ соборомъ воротились «въ Соборную Апостольскую церковь соорити молебное пѣніе», а крестъ подъ охраною «роты драгунъ съ офицерами и военныхъ орудій, до 108 большихъ и малыхъ

пушекъ чугунныхъ, съ бердышами и барабанами» послѣдовалъ своимъ путемъ. Три года спустя, въ кійскую обитель пріѣхалъ и самъ Никонъ.

Почти годъ онъ оставался на Кій-островѣ, трудился, не покладая рукъ, заражалъ другихъ своимъ трудолюбіемъ, и, можно сказать, за время пребыванія патріарха было сдѣлано больше, чѣмъ наработали въ продолженіе трехъ лѣтъ «искусный монахъ», боярскій сынъ и крестьяне-плотники, освобожденные на время работы отъ всѣхъ податей и поборовъ. Шушеринъ справедливо замѣтилъ, что Никонъ возвратился въ Воскресенскій монастырь (Новый Іерусалимъ), «сдѣлавъ все потребное» на Кій-островѣ. Поселившись попросту въ горницѣ, патріархъ принялся за построеніе каменнаго собора во имя Воздвиженія Креста Господня; онъ не только присматривалъ за ходомъ работъ, но и помогалъ носить булыжникъ. Въ то же время онъ бралъ заступъ и вмѣстѣ съ другими копалъ колодець и «ископалъ колодець великій изъ камня дикаго и на томъ колодезѣ построилъ церковь каменную во имя происхожденія Честнаго Креста Господня», а поодаль деревянную кладбищенскую. Благодаря заботливости патріарха Никона, Крестный монастырь быстро расцвѣлъ и еще на первыхъ порахъ былъ обезпеченъ матеріально и жалованными крестьянами болѣе, чѣмъ Соловки. Первая гроза разразилась надъ нимъ послѣ низложенія патріарха Никона. Громъ, раскатившійся надъ умною, но непокорной головой недавняго «собиннаго друга» царя, донесся до Кіа и заставилъ вздрогнуть монастырскую братію, у которой отобрали всѣ вотчины; впрочемъ, небо скоро прояснилось, гнѣвъ соборнаго судилища смѣнила милость Тишайшаго, и вотчины возвратились къ монастырю. Время протекало. Воцарился новый вѣкъ—Крестная обитель все не знала черныхъ дней; даже Петръ I, при извѣстномъ несочувствіи его ко всему монашескому, указывалъ производить ей выдачи на церковныя потребности и на одежду монахамъ, и только манифестъ отъ 26 февраля 1764 года, отбравшій монастырскія имѣнія въ казну, разрушилъ благосостояніе кійской обители, отнеся ее во второй классъ. Въ настоящее время она представляется захудалою.

Подплываемъ къ ней въ карбасѣ и вотъ подъ навѣсомъ изъ сосновыхъ шапокъ видится дряхлѣющая старушка, которая, впрочемъ, бодрится, такъ что и на костыль не опирается,—эта старушка деревянная часовня. Въ ней хранится тотъ самый крестъ, который водрузилъ здѣсь Никонъ, іеромонахъ изъ Анзерскаго скита. Дверь заперта, кругомъ ни души. На крестѣ изображеніе Распятаго, писанное въ 1643 г., когда Никонъ былъ игуменомъ въ Кожеозерской пустыни. Возлѣ икона «израненной» англичанами въ 1854 г. Богоматери. Жара толкаетъ въ сосновый боръ, безмолвный, безтрепетный, будто призадумавшійся послѣ долгаго

созерцанія безоблачнаго, синяго, совѣмъ не сѣвернаго, неба. Входимъ; подъ стая соснамъ во всѣ стороны разбѣгается вѣчно зеленый можжевельникъ; кое-гдѣ лишь кудрявился бѣлоствольный березникъ, раскидавъ въ воздухѣ тонкія вѣтви съ смолистыми листьями. Земля, поднимаясь буграми, точно вздыхала тяжело и протяжно; шагъ за шагомъ, скользя то по сухой травѣ, то по гладкимъ камнямъ, мы приближались къ деревянной оградѣ съ двускатной крышей и пятью башнями, надъ которыми поднимались церковныя главы. Войдя въ ворота, мы очутились на монастырскомъ дворѣ, гдѣ тѣсно прижимаются другъ къ другу святыни и возвышаются отдѣльно настоятельскій домъ и гостиница и монашескія кельи. Вотъ, передъ глазами стоитъ трехглавый Крестовоздвиженскій соборъ, приземистый, запечатлѣвшій на себѣ зодчество XVII вѣка; строенный изъ булыжника съ кирпичною скрѣпою, храмъ стойко выдержалъ напоръ двухъ вѣковъ съ ихъ причудами, затѣями и вкусами и сохранилъ обличье народности, не менѣе талантливой, чѣмъ крѣпкой; онъ самъ не перерядился и никому не позволилъ прикоснуться къ себѣ и приукрасить его чѣмъ-либо новенькимъ, что такъ вотъ и бросается въ глаза, рѣжетъ и слѣпитъ ихъ. Онъ одинъ не поддался новшествами, остальное же, что началось здѣсь при Никонѣ, подновлено, исправлено, передѣлано. Подходить монахъ, борода пронизана сѣдиною, самъ хотя и не «чревообъясный», но и не тощенькій. Поздоровались.

— Нельзя ли осмотрѣть храмы съ ихъ достопримѣчательностями?

— Можно. Обратитесь къ настоятелю.

— Какъ его беспокоить-то...

— Ну, что за беспокойство!.. Развѣ только онъ не принялся ли...

Монахъ оборвалъ фразу и, обернувшись, вскинулъ глаза на главный куполъ собора.

— Ну, такъ и есть,—усмѣхнулся онъ:—ужь принялся... Придется вамъ малость обождать.

На куполѣ, гдѣ колебалась лѣсенка, прикрѣпленная къ кресту, и покачивалось ведро, копошился монахъ въ высокой скуфѣѣ, въ кацавейкѣ и въ валенкахъ; поводя темною бородкою, онъ долго прилаживался поудобнѣе устроиться и, наконецъ приладившись, сталъ поновлять зеленую окраску купола, и такъ это онъ спокойно водилъ кистью по яблоку, точно находился у себя въ кельѣ и посиживалъ на диванѣ.

— Неужели это самъ настоятель?—обратился я къ монаху.

— Онъ.

— Да какъ онъ не побоялся взлѣзть туда?

— Что ему! Привычный человѣкъ: раньше занимался по этой части.

Пока мы разговаривали, подошли еще двое монаховъ. (Всей братіи въ монастырѣ, не выключая настоятеля, восемь человѣкъ)¹⁾. У одного изъ нихъ оказались ключи, и онъ повелъ насъ осматривать соборъ; видимъ у стѣнъ его пушки, изъ тѣхъ, что отъ Москвы сопровождали крестъ.

— Гдѣ же другія орудія?—«Двѣ пушки были брошены въ колодезь при нашествіи англичанъ».—А ядра? а пищали?—«Заброшены въ складѣ». Внутренность собора не поражаетъ васъ, но вы не можете отказать строителямъ и благотворителямъ въ релігіозномъ увлеченіи, которое помогло имъ спаять части въ одну общую гармонію и представить перспективу красоты. Вамъ говорятъ: «Смотрите, вотъ изъ-подъ купола спускается литое паникадило изъ мѣди; въ немъ 30 пудовъ; это—даръ патріарха Никона».—Да, это сама старь, но вниманіе недолго держится на мѣдномъ литѣѣ,—его постепенно приковываютъ къ себѣ хоры съ придѣломъ во имя архистратига Михаила ²⁾, и главный алтарь и иконостасъ. Храмъ освятилъ (2 сентября 1661 года) самъ патріархъ, онъ входилъ въ этотъ алтарь и совершалъ безкровную жертву, можетъ быть, на голой скалѣ, такъ какъ и престолъ каменный; каменный престолъ на скалѣ, вѣрно, напоминалъ Никону о Новомъ Іерусалимѣ и такимъ образомъ двѣ святыни сближались и, молясь въ одной изъ нихъ, патріархъ какъ будто присутствовалъ въ то же время и въ другой. Льющійся черезъ куполъ свѣтъ падаетъ на рѣзной придѣльный иконостасъ, расплывается шире и, захвативъ главный иконостасъ, заставляетъ вспыхивать серебряные и золоченые оклады и цаты (подвѣсы); но изъ-подъ горящихъ вѣнчиковъ и изъ-подъ вспыхивающихъ, какъ эльмовы огни, окладовъ строго глядятъ сумрачныя лики святыхъ «греческаго искуснаго письма». Наряду съ иконостасомъ, противъ праваго клироса, находится драгоцѣннѣйшая мѣстная святыня—Крестъ — въ мраморномъ кіотѣ съ аркою и на мраморной же поставкѣ; онъ украшенъ позлащеннымъ листовымъ серебромъ, жемчугомъ, драгоцѣнными камнями и содержалъ до 300 частей мощей; но въ настоящее время многія частицы утеряны; по сторонамъ креста изображены вверху равноапостольные Константинъ и Елена, а у подножія царь Алексѣй Михайловичъ съ супругою Маріею Ильиничной и патріархъ Никонъ—съ опущенными головами и преклоненными колѣнами... Благоговѣютъ передъ святынею, въ которой заключены величіе и неземная сила; и это величіе, и эта сила не понуждаютъ воображеніе воспламеняться, но они воодушевляютъ васъ, даютъ вамъ крылья, чтобы подняться надъ зем-

¹⁾ Встарину число братіи доходило до 80 человѣкъ да трудниковъ, работниковъ по обѣту, бывало человѣкъ до 200.

²⁾ Построенъ въ 1708 г.

лею и почувствовать всю красоту неба, все его безстрастіе и всю его святость. Надпись на подножіи креста: «При державѣ Благовѣрнаго и Христолюбиваго Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца и иныхъ Государствъ Государя и Обладателя и при Благовѣрной Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ Маріи Ильичнѣ, и при сынѣ Ихъ Благовѣрномъ Государѣ Царевичѣ и Великомъ Князѣ Алексіѣ Алексіевичѣ, сотворенъ сей Великій Крестъ Божією милостію Никономъ Архіепископомъ Царствующаго великаго града Москвы и всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи патріархомъ, отъ честнаго древа кипариса и украшенъ сребромъ и золотомъ въ хвалу и поклоненіе Христіанамъ. Христе Боже! помилуй и спаси душу мою силою честнаго и животворящаго Креста и Святыхъ ради молитвъ, ихъ же мощи водружены въ семъ Крестѣ. Отъ воплощенія Слова Божія 1656 и отъ созданія міра 7164 года Августа въ 1 день»¹⁾. Кійскіе монахи и окрестное духовенство (ставленное патріархомъ Никономъ) встрѣтили крестъ за 15 верстъ, въ селѣ Устьянскомъ (нынѣшній городъ Онега), гдѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, при пущенной пальбѣ. Въ усыпальницѣ показываютъ камень, на которомъ первоначально водрузили крестъ съ мощами; теперь на этомъ камнѣ стоитъ деревянный гробъ съ ликомъ праведнаго Іоанна Яренскаго; подобно многимъ религіознымъ подвижникамъ и затворникамъ, Іоаннъ сколотилъ себѣ гробъ и спалъ въ немъ... Надъ усыпальницей всплываетъ колокольня съ девятью колоколами, между которыми есть подаренные Никономъ; подъ колокольнею церковь Происхожденія древъ Честнаго Креста (построенная тѣмъ же патріархомъ Никономъ) и церковь во имя Рождества Богородицы ничѣмъ не выдѣляются; онѣ каменные, тяжеловатая, ничего не выражающія; на восточной сторонѣ, въ наружной стѣнѣ первой церкви плита говоритъ: «Ставропигій освященъ во имя Святаго Его Происхожденія во освященіе и Цѣлебнаго дара присно текущихъ водъ сихъ въ честной обители Святаго и Животворящаго Креста Господня во царство Благочестивѣйшаго Государя Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, по благословенію Преосвященнѣйшаго Великаго Господина Никона патріарха, въ лѣто 7168 по воплощеніи Слова Божія 1660 года Августа въ 1 день». Мы вошли подъ каменные своды, гдѣ сырость и полумракъ, а радостное чувство жизни льется въ чистыхъ, какъ слезы, и холодныхъ, какъ самъ сѣверъ, струяхъ исторгнутой Никономъ у земныхъ тайниковъ воды. Здѣсь-то его

¹⁾ Снимокъ съ кійскаго креста есть за лѣвымъ клиросомъ Никольской церкви въ петербургской Александро-Невской лаврѣ.

колодезь. Монахъ, идущій впереди, показываетъ и келью святи- теля.

Ризница въ монастырѣ хранитъ не мало никоновскихъ даровъ и въ бібліотекѣ вы найдете писанный полууставомъ трудъ кли- рика Шушеры (Іоанна Шушерина), увидите помѣтки рукою Ни- кона на нѣкоторыхъ книгахъ, но нѣтъ тамъ замѣчательной псал- тыри, которую написалъ на пергаментѣ смолянинъ инокъ Лука (1395 г.). Глядя на заставки, на замѣчательныя миниатюры и на фигурныя заглавныя буквы рукописи, убѣждаешься, сколько на- ходчивости, ума, искусства и любви вложилъ въ свою работу инокъ! Терпѣливо и кротко и, вѣрно, пылая восторгомъ, трудился онъ въ кельѣ то при свѣтѣ солнца, то при свѣтѣ тусклой лам- пады, не ожидая никакой награды, ни чьихъ-либо похвалъ; нѣтъ, онъ просто, какъ умѣлъ, славилъ Бога вмѣстѣ съ царемъ из- раильскимъ; можетъ быть, ему слышался чудный переборъ струнъ Давидова киннора, и смиренный чернецъ отзывался на него вели- кимъ изливомъ своей художественной натуры. Псалтырь смоля- нина Луки находится въ древлехранилищѣ архангельскаго цер- ковно-археологическаго комитета, куда ушли и важные въ исто- рическомъ отношеніи монастырскіе документы ¹⁾.

Удаленная отъ жилыхъ мѣстъ и разобщенная съ материкомъ, крестьянская Крестная обитель обзавелась необходимымъ хозяй- ствомъ; у нея свои рыбныя ловли, свой скотный дворъ, кузница и огородцы, хотя и небольшіе; братія не переутомляется, а даро- вые работники, которыхъ ежегодно сотни направляются въ Соловки, не тяготѣютъ въ Кій-острову. Да и богомольцевъ наплываетъ не- много. При насъ въ монастырской гостиницѣ жилъ единствен- ный пріѣзжій: художникъ Абр. Еф. Архиповъ ²⁾. Монахъ, водив- шій насъ по монастырю, даже затосковалъ:

- Оскудѣваетъ вѣра въ православныхъ...
- Вы полагаете, отче?
- А какъ нѣтъ!? Гдѣ онъ богомолецъ-то? инъ, не тараканъ— за печурку не спрячется...
- Время смутное: далеко бояться пускаться даже и на бого- молье. Пріѣдешь, а тамъ глядь,—какая-нибудь забастовка: вотъ и зимуи у васъ въ монастырѣ.
- Это вы правильно, чего ужъ хорошаго!—согласился монахъ.— Къ намъ попа на покаяніе прислали,—по невѣдѣнію онъ женатаго,

¹⁾ Прекрасные снимки съ этой псалтыри помѣщены въ «Древностяхъ». См. «Древности. Труды Императорскаго московскаго археологическаго общества. Томъ 21, вып. I, 1906. Тамъ же и очеркъ Г. К. Бугославскаго.

²⁾ А. Е. Архиповъ, чьи талантливыя жанры можно видѣть, между про- чимъ, въ Третьяковской галлерей въ Москвѣ, облюбовалъ сѣверъ и не разъ тамъ появлялся, увозя съ собою изъ Архангельской губерніи полотна съ изо- браженіями типичнаго стариннаго церковнаго зодчества.

аки холостого, повѣнчалъ, такъ и попъ томится. Угнетенная наша мѣстность, это какъ Богъ святъ. Зайцы насъ любятъ, да и то, думается, по неразумію... весною по шугѣ (ледъ) скачетъ съ льдины на льдину, такъ вѣдь до острова и доскачетъ.

— Скачетъ?

— Ну, да. Потому плавать не умѣетъ, не тюлень вѣдь и не пещь... Да, заяцъ съ лисицей у насъ водятся, а богомольцевъ парато скудно... Вы бы у насъ погостили, у насъ и тебѣ духъ сосновый, и тебѣ купанье въ разсолѣ (морская вода), а въ перисадничкѣ передъ кельями малина приспѣваетъ. Ха-арапо!

Но намъ нельзя было долго гостить.

Осмотрѣвши всѣ достопримѣчательности, выходимъ на монастырскій дворъ. Хотѣлось побывать у о. настоятеля, но онъ все еще копошился возлѣ купола, вода кистью по зеленой чешуѣ.

— Къ настоятелю бы пожаловали, — продолжалъ монахъ: — чайку попить, а?—И, не дожидаясь нашего отвѣта, онъ крикнулъ:— Эй, отецъ Зосима!.. Преподобный!.. Будетъ тебѣ пачкаться, слазь внизъ, люди добрые пріѣхали, хотятъ тебя видѣть! Слышишь?

Отецъ Зосима услышалъ; потоптался, потоптался—спускается. Немного погодя, мы здоровались съ нимъ; совсѣмъ простачекъ! — худощавое лицо, острая бородка и смышленные глаза; жесткія руки, какъ и кацавейка и валенки, забрызганы краскою; волосы подобраны подъ скуфейкою, и даже не скуфейкою, а подъ шапкою, какія носятъ кучера и крестьяне зимою; взглянулъ я на «преподобнаго»—знакомое лицо! Гдѣ-то видѣлъ... а гдѣ? постой, да вѣдь много такихъ въ артеляхъ среди маляровъ-пошехонцевъ и владимирцевъ-каменщиковъ. Отецъ Зосима и руку подалъ простенько, осторожненько: не поднялась она, а будто вынырнула.

— Что это,—говорю,—вы, ваше высокопреподобіе, сами-то на куполь взобрались?! Долго ль до грѣха?

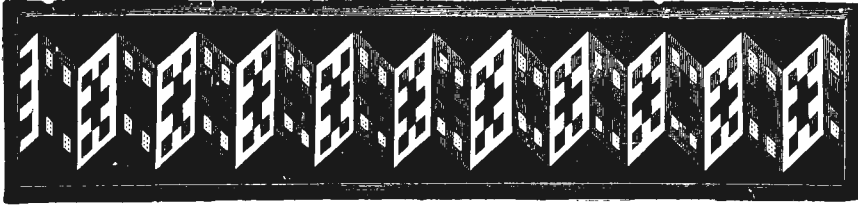
— А что будешь дѣлать!—улыбнулся о. Зосима и развелъ руками:—покрасить надо, а нанять не на что, и монахи не согласны на этакую высь. Чайку не угодно ли?

Мы поблагодарили, отказались. Ждалъ пароходъ. Побесѣдовали съ настоятелемъ, послушали и отъ него сѣтованій, что оскудѣваетъ въ русскихъ людяхъ любовь къ честнымъ обителямъ, и распростились. Сосновый боръ принялъ насъ, дыхнулъ бальзамомъ, пролилъ въ воздухъ скипидаръ, но стоитъ—не шелохнется, какъ образцовая гвардія на смотру. Въ глубокой тишинѣ плавалъ островъ, со всѣхъ сторонъ льнули къ нему темносинія воды, лизали гранить, бросались на песокъ, въ которомъ повыше тамъ зарывались похожіе на руки сказочной Яги сосновые корни, и, казалось, хотѣли схватить ихъ, вырвать и понести на себѣ или на дальній сѣверъ, или на дальній югъ, или Богъ знаетъ куда. Волны что-то шептали, что-то пѣли, но тихая пѣсня ихъ не колебала тишины и не отда-

валась ни въ чьихъ сердцахъ. Мы сѣли на карбасъ, отпихнулись отъ гранитнаго берега и поплыли. Сосны какъ будто стали сильнѣе дышать; мы удалялись отъ островка, но бальзамическое дыханіе наступало насъ. Упивайтесь, моль. Дышала земля, дышала и вода. Старушка-часовня снова выглянула изъ-за рослыхъ деревьевъ. Дальше, все дальше обитель. Часъ спустя, когда пароходъ, взявъ якорь, повезъ насъ въ Архангельскъ, Кій-островъ погрузился въ дымку жаркаго лѣтняго дня и, казалось, онъ все отдѣлялся отъ воды и медленно возносился къ синимъ, такимъ синимъ небесамъ, что передовое бѣлое, какъ лебедь, облачко появилось на горизонтѣ и растерялось: какъ тутъ звать другія облака? какъ ихъ стадамъ заслонять «крѣпкое» небо? Эва, свѣсилось оно надъ землею и не хочетъ хмуриться—доброе божество...

Павелъ Россіевъ.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Отношенія между Россіей и католической церковью при Петрѣ Великомъ и его ближайшихъ преемникахъ.

БЪКОВАЯ борьба католицизма съ православіемъ, или, лучше сказать, папскаго престола съ русской государственной властью составляетъ предметъ обширнаго научнаго труда католическаго патера Пирлинга: «Россія и папскій престолъ». Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ появились три тома этого труда, о которыхъ уже говорилось въ «Историческомъ Вѣстникѣ», а на дняхъ вышелъ четвертый томъ ¹⁾, посвященный колоссальной фигурѣ Петра Великаго. Для поддержанія связи между своими прежними и новыми очерками, Пирлингъ помѣщаетъ въ началѣ своей книги краткій этюдъ объ отношеніяхъ между Россіей и католической церковью при царяхъ Михаилѣ, Алексѣѣ и Ѳеодорѣ. Эти отношенія сосредоточиваются на историческихъ личностяхъ Юрія Крижанича и Павла Мenezія, о которыхъ въ послѣдніе годы вышли въ Россіи два пространнаго сочиненія Бѣлокурова и Чарыкова, послужившія основой изслѣдованія Пирлинга, а потому излишне приводитъ его характеристики этихъ личностей. Скажемъ только, что «Крижаничъ былъ дилетантомъ въ политикѣ, но дилетантомъ гениальнымъ». Патриотъ и панславистъ-кroatъ, онъ два раза посѣтилъ Россію, жилъ въ Сибири пятнадцать лѣтъ по приказу царя Алексѣя, но затѣмъ по-

¹⁾ La Russie et le Saint-Siège; par P. Pirling. Paris. IV, vol. 1907.

милованъ и возвращенъ въ Москву царемъ Θεодоромъ, послѣ чего отправился въ Вѣну и погибъ тамъ во время осады ея турками при Янѣ Собѣскомъ. Что же касается Менезія, то, родомъ шотландецъ, онъ былъ католикомъ изъ приверженцевъ Стюартовъ, находился въ Россіи на военной службѣ и былъ посланъ въ Римъ въ качествѣ русскаго посла царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ для проповѣди въ Европѣ новаго крестоваго похода противъ турокъ. Оба эти видные иностранные дѣятеля въ Россіи XVII вѣка отличались, кромѣ того, пламеннымъ рвеніемъ къ соединенію православной церкви съ католической подѣ верховнымъ главенствомъ папы, что придаетъ интересъ обширнымъ ихъ характеристикамъ Бѣлокурова и Чарыкова, а также блестящему очерку Пирлинга, служащему вступленіемъ къ его подробному описанію отношеній Петра къ католической церкви.

Этимъ однако не оканчивается интересная книга Пирлинга: къ ней еще прибавленъ очеркъ до сихъ поръ неизвѣстныхъ у насъ сношеній Россіи при Екатеринѣ I и Петрѣ II съ представителями галликанской церкви, съ которыми еще Петръ Великій сошелся въ Сорбоннѣ во время своего пребыванія въ Парижѣ. Въ виду того любопытства, которое возбуждаетъ все, что относится до Петра Великаго и отчасти до его преемниковъ, мы познакомимъ читателя съ новымъ трудомъ Пирлинга, тѣмъ болѣе, что данныя, приводимыя имъ, чаще всего почерпнуты изъ рукописныхъ сочиненій, хранящихся въ историческихъ архивахъ Рима, Парижа, Вѣны и проч.

I.

Въ концѣ XVII столѣтія іезуиты въ Москвѣ особенно дѣятельно занялись распространеніемъ католичества среди русскихъ. Главную роль въ этомъ движеніи играли каноники германскаго императорскаго посольства, отправленнаго къ русскому правительству императоромъ Леопольдомъ, съ цѣлью, между прочимъ, оказать содѣйствіе водворенію католиковъ въ Россіи. Ихъ было двое: прусскій іезуитъ патеръ Шмидтъ и итальянскій іезуитъ Карло Вота, который пользовался большимъ довѣріемъ императора, а потому игралъ значительную роль въ посольствѣ. Когда они прибыли въ Москву, то московскій престолъ занимала замѣчательная «тріархія», состоявшая изъ двухъ братьевъ: неспособнаго ідиота Іоанна, геніальнаго ребенка Петра и ловкой, смѣтливой сестры Софьи, за которую государственными дѣлами правилъ ея могущественный фаворитъ, князь Василій Голицынъ. Послѣдній отличался европейскимъ лоскомъ, столь дорогимъ для иностранцевъ, и естественно іезуиты находили въ немъ твердую поддержку. Еще до прибытія императорскаго посольства, московскіе католики проявили значительную

дѣятельность, и въ январѣ 1684 г. одинъ католикъ, генераль Гордонъ, имѣвшій въ послѣдствіи значеніе при Петрѣ Великомъ, жаловался князю Голицыну, что въ Россіи было допущено неравенство иностранныхъ вѣроисповѣданій: протестанты имѣли своихъ пасторовъ и храмы, а католикамъ не дозволяли не только строить храмовъ, но даже имѣть патеровъ. Поэтому онъ просилъ объ уравненіи обоихъ культовъ, но въ отвѣтъ услышалъ отъ могущественнаго министра: «Напишите прошеніе»—и дѣло было погребено въ канцеляріи.

Но особую энергію въ дѣлѣ католицизма проявилъ іезуитъ Вота, который считался, по словамъ нунція Паллавичини, не только способнымъ человѣкомъ, но такимъ, какого Москва не видывала болѣе столѣтія. Точно также лестно отзывался о немъ Менаеій князю Голицыну, который выказалъ іезуиту всевозможную предупредительность. Вота былъ настолько увѣренъ въ своемъ успѣхѣ, что писалъ своему пріятелю, королю Яну Собѣскому: «Я утвердилъ союзъ Рима и Москвы». Дѣйствительно, была уже получена отъ папы Иннокентія XI грамота на имя русскихъ царей, и Вота хотѣлъ представить ее лично, но въ это время прибылъ въ Москву новый іезуитъ, Альберъ де-Буа, который, выдавъ себя за должностное лицо Ватикана, заявилъ, что, на основаніи его officialнаго положенія, ему слѣдуетъ передать царю папскую грамоту. Но возникшей между ними распрѣ былъ положенъ конецъ новымъ уполномоченнымъ императора, Гансомъ Курцемъ, который заставилъ де-Буа принять свой настоящій обликъ іезуита и предоставить ему честь вручить царямъ папскую грамоту. Послѣ этого они втроемъ живо принялись дѣйствовать въ пользу католическихъ правъ, и вскорѣ былъ купленъ въ Нѣмецкой слободѣ большой домъ для устройства католической часовни. Хотя въ слободѣ католиковъ было сравнительно съ протестантами немного—не болѣе ста человѣкъ,—но они, благодаря покровительству Голицына и Гордона, такъ быстро достигли успѣха, что патріархъ Іоакимъ съ видимымъ безпокойствомъ говорилъ: «Послѣ моей смерти вся Москва будетъ принадлежать іезуитамъ».

Однако съ паденіемъ Софіи и князя Голицына наступило время изгнанія іезуитовъ изъ Москвы: у нихъ не осталось ни одного покровителя и имъ не помогла даже близость Гордона къ Петру, а содѣйствіе императорской власти ничего не могло сдѣлать въ ихъ пользу. Судьба іезуитовъ была окончательно рѣшена, и русское правительство постановило, что для московскихъ католиковъ достаточно имѣть двухъ приходскихъ патеровъ. Еще болѣе ухудшилось ихъ положеніе, когда іезуитъ Авриль, посѣтившій Россію, выпустилъ въ Парижѣ книгу, надѣлавшую много шума и въ которой онъ въ самыхъ грубыхъ и оскорбительныхъ выраженіяхъ говорилъ о Россіи. Лефортъ, бывшій протестантомъ, досталъ эту

книгу и представилъ ее Петру, который снова возсталъ противъ іезуитовъ. Всѣ старанія Гордона успокоить пришедшаго въ ярость юношу были безуспѣшны, и онъ съ грустью долженъ былъ сознаться, что нечего болѣе надѣяться на Петра. Этотъ новый эпизодъ очень затронулъ генерала іезуитскаго ордена, Тирса Гонзалеса, и онъ приказалъ пересмотрѣть трудъ Авриля. Насколько извѣстно Пирлингу, новаго изданія этой книги никогда болѣе не выходило. Впрочемъ, этотъ случай не помѣшалъ іезуитамъ возвратиться въ Москву.

Утвердясь на престолѣ, Петръ Великій предпринялъ въ 1697 г. путешествіе въ Европу, съ цѣлью просвѣтить, какъ себя, такъ и свою страну. Ватиканъ, узнавъ объ этомъ событіи, нашелъ своевременнымъ возобновить отношенія между Россіей и католической церковью. Около того времени, въ 1698 г., неожиданно прибылъ въ Римъ русскій путешественникъ, Борисъ Шереметевъ, преданный слуга Петра и замѣчательный полководецъ. Его сопровождала значительная свита и въ томъ числѣ Алексѣй Курбатовъ, первоклассный финансистъ, впоследствии введшій въ Россіи гербовую бумагу. Петръ былъ очень доволенъ этой частной поѣздкой русскаго вельможи, совершенно подходившей къ его просвѣтительнымъ идеямъ. По дорогѣ изъ Россіи Шереметевъ встрѣтился въ Вѣнѣ съ нѣмецкимъ іезуитомъ Вольфомъ, который, какъ и онъ, зналъ польски и могъ бесѣдовать съ нимъ на этомъ языкѣ. Въ ихъ разговорахъ принималъ участіе и Курбатовъ, и они касались главнымъ образомъ соединенія русской и католической церкви. Шереметевъ съ такимъ рвеніемъ посѣщалъ римскіе соборы и молился предъ раками католическихъ святыхъ, что представители Ватикана не сомнѣвались въ его стремленіяхъ къ католичеству, а кардиналъ Бульонъ даже увѣдомилъ Людовика XIV, что «русскій царь тайно прислалъ своего агента для духовнаго примиренія церквей».

Сотрудникъ Шереметева, Курбатовъ, болѣе него привыкшій владѣть перомъ, писалъ папѣ чрезвычайно любопытныя письма о настроеніи умовъ въ Москвѣ. По его словамъ, многіе изъ бояръ и священниковъ находились въ значительномъ смущеніи: совѣсть ихъ пробудилась и стремилась къ духовному единству. Въ умѣ царя Петра происходила та же эволюція, и онъ былъ склоненъ къ обращенію въ католическую вѣру. Въ доказательство этого обстоятельства Курбатовъ приводилъ разговоръ царя съ патріархомъ насчетъ соединенія церквей. Недовольный данными ему объясненіями, почему существовалъ разрывъ церквей, Петръ приписывалъ его недостатку богословскихъ книгъ и извращенію текстовъ греками. Конечно, римская курія и ея глава были изумлены этими заявленіями русскихъ. Представитель Россіи, симпатичный латинянамъ, былъ желаннымъ гостемъ въ Ватиканѣ. Еще болѣе были тамъ поражены, когда знаменитый русскій генералъ исполнилъ всѣ

обычныя требованія этикета и три раза, преклонивъ колѣно, поцѣловалъ палскую туфлю. Въ вознагражденіе за это пала далъ Шереметеву частицу отъ креста Господня, что привело боярина въ немалый восторгъ.

Шереметевъ часто видѣлся съ іезуитами и внѣ Ватикана, особенно съ отцомъ Росси, довѣреннымъ лицомъ папы. Когда же дѣло касалось до толкованія доктринъ, то Шереметевъ обращался къ патеру Сцпоту, который, какъ полякъ, былъ болѣе подходящимъ лицомъ для сношеній съ русскими. Однажды бояринъ просилъ его составить подробную записку о правахъ папы на господство надъ вселенской церковью. Въ другой разъ онъ представилъ ему толстую славянскую книгу противъ латинянъ, которую онъ привезъ изъ Москвы. Русскому монаху Палладію Роговскому было поручено Шереметевымъ перевести эту книгу, но онъ вскорѣ уѣхалъ въ Москву и объ этомъ трудѣ не было болѣе помину. Во всякомъ случаѣ, мысль объ единствѣ церквей, очевидно, заѣла въ умахъ многихъ, какъ латинянъ, такъ и русскихъ. Паписты желали, чтобы Шереметевъ болѣе ясно высказалъ свои идеи, и потому предложили ему избрать лицо, съ которымъ онъ, не колеблясь, могъ бы совѣщаться о важномъ вопросѣ. Онъ немедленно указалъ на патера Тирса Гонзалеза, и Ватиканъ принялъ съ большимъ удовольствіемъ этотъ выборъ. Оба, русскій бояринъ и іезуитъ, съ помощью переводчика часто бесѣдовали о соединеніи церквей, и Шереметевъ легко подпалъ подъ вліяніе ловкаго патера. «Онъ мнѣ все открылъ подъ величайшей тайной», писалъ Гонзалезъ въ Вѣну. Но если русскій бояринъ еще колебался, то Курбатовъ уже нашелъ «свой путь въ Дамаскъ». Чрезвычайно рѣшительный человѣкъ, онъ не останавливался на полудорогѣ и втайнѣ отъ Шереметева видался и переговаривался съ папой. «Все было хорошо устроено и въ самой глубочайшей тайнѣ», писалъ тотъ же Гонзалезъ.

Послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Римѣ, Шереметевъ возвратился въ Россію, снабженный многочисленными книгами и обѣщаніями со стороны Ватикана принять русскую молодежь, которую онъ намѣревался прислать для обученія латинской грамотѣ, съ согласія царя. Онъ взялъ съ собою еще двухъ іезуитовъ, знавшихъ польскій и чешскій языки и скрывавшихъ настоящую цѣль своего пріѣзда въ Россію подъ предлогомъ распространенія математическихъ и архитектурныхъ познаній. Вернувшись на родину, Шереметевъ былъ слишкомъ занятъ военными дѣлами, чтобы обратить вниманіе на вопросъ о соединеніи церквей. Онъ былъ произведенъ Петромъ въ фельдмаршалы и принялъ славное участіе въ Полтавскомъ боѣ. Что же касается до Курбатова, то онъ былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Архангельскъ, и такимъ образомъ римская поѣздка ихъ обоихъ не принесла никакой

практической пользы, но во всякомъ случаѣ она сильно подѣйствовала на Ватиканъ, тѣмъ болѣе, что путешествіе Петра по Европѣ еще усилило стремленія католиковъ къ соединенію съ русской церковью.

Большое русское посольство, состоявшее изъ Лефорта, Головина и Возницына открывало предъ глазами Европы новую Россію, жаждавшую завоевать себѣ мѣсто среди образованныхъ государствъ Запада. Петръ участвовалъ въ этой поѣздкѣ болѣе или менѣе *incognito*, то теряясь въ толпѣ подъ видомъ простаго работника, то являясь въ роли неограниченнаго повелителя. Въ маршрутъ путешествія входили сѣверныя государства Европы, а также Австрія и Италія. Въ Вѣнѣ Петръ провелъ іюнь и іюль 1698 г.; онъ произвелъ на императора Леопольда впечатлѣніе человѣка вполне согласнаго на духовное примиреніе съ католической церковью. Къ величайшему удивленію вѣнцевъ, православный царь не только посѣщалъ латинскія церкви, но даже присутствовалъ при богослуженіи и выражалъ интересъ къ католическому культу. Предоставивъ графу Кинскому, канцлеру имперіи, все, что касалось политики, императоръ поручилъ кардиналу Коллоницу и патеру Вольфу духовные переговоры. Последнему тѣмъ удобнѣе было разговаривать съ русскими, въ томъ числѣ съ царемъ, что онъ зналъ по-польски. Съ Петромъ онъ бесѣдовалъ по нѣсколько часовъ, главнымъ образомъ касаясь церковныхъ вопросовъ. Во время совмѣстной поѣздки въ Пресбургъ іезуитъ дошелъ до такой смѣлости, что заговорилъ о соединеніи церквей. Несмотря на то, что Петръ былъ захваченъ врасплохъ, онъ отвѣчалъ, что не видитъ съ своей стороны никакого затрудненія къ разрѣшенію этого вопроса, и все дѣло заключалось только въ томъ, чтобы уговорить «взбѣшенныхъ поповъ».

29 іюня были именины Петра Великаго, и онъ потребовалъ отъ Вольфа проповѣди. Долго колебались, на какомъ языкѣ говорить, и наконецъ Вольфъ обошелъ затрудненія, составивъ рѣчь частью по-чешски, частью по-моравски, а частью по-польски. Петръ съ удовольствіемъ говорилъ объ этой рѣчи, главный смыслъ которой былъ для него понятенъ. Въ вознагражденіе Вольфу были пожалованы сорокъ паръ собольихъ шкуркъ. Кардиналъ Коллоницъ имѣлъ такой же успѣхъ, совершивъ богослуженіе въ іезуитской церкви и потомъ присутствуя вмѣстѣ съ Петромъ на обѣдѣ въ іезуитской трапезной. Онъ увѣдомилъ Ватиканъ, что Петръ совершенно расположенъ «возвратить свой народъ въ лоно католической церкви». Но, несмотря на подобное удостовѣреніе, нѣкоторые изъ католиковъ были убѣждены, что никому достоверно неизвѣстна настоящая религія Петра, ибо въ Лондонѣ онъ почувствовалъ квакерамъ, а въ Вѣнѣ—іезуитамъ, и въ той же Вѣнѣ учинилъ распоряженія о распространеніи православія въ Китаѣ.

Во всякомъ случаѣ путешествіе въ Римъ чрезвычайно со-блазняло Петра, и онъ былъ очень недоволенъ, когда ему пришлось внезапно вернуться въ Москву, по причинѣ стрѣлецкихъ безпорядковъ. Военный бунтъ вскорѣ былъ прекращенъ, но Петръ все-таки поспѣшилъ въ Россію, задумавъ расправиться съ бунтовщиками огнемъ и мечомъ. Это не помѣшало ему продолжать свой путь среди цѣлаго ряда увеселеній и торжествъ. Проѣзжая чрезъ Галицію, онъ провелъ между прочимъ въ Ровѣ четыре дня у польскаго короля Августа II. Среди безконечныхъ празднествъ, Августъ представилъ ему своего друга, патера Воты, котораго царь уже зналъ въ Москвѣ. Онъ очень любезно съ нимъ разговаривалъ и приглашалъ вернуться въ Россію. При этомъ онъ произнесъ чрезвычайно памятную католикамъ фразу: «ничего нѣтъ невозможнаго, что соединеніе церквей случится само собой». Этотъ разговоръ кончился тѣмъ, что Петръ подошелъ подъ благословеніе Воты и тотъ его перекрестилъ. Послѣ этой сцены представитель Ватикана Антоніо Давія, сидя за столомъ въ Замостѣ рядомъ съ Лефортомъ, спросилъ его, пропустятъ ли чрезъ Москву восточныхъ миссіонеровъ-католиковъ, и получилъ въ отвѣтъ, что это рѣшительно невозможно. Тогда онъ обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ самому царю, и Петръ на все согласился, но когда нунцій пожелалъ имѣть письменное разрѣшеніе, то царь отвѣчалъ, что его слово лучше всякихъ бумагъ. Насколько оно оказалось лучше, увидимъ далѣе.

Петръ болѣе ничего не говорилъ и не обѣщалъ католикамъ за границей.

II.

Папа былъ очень доволенъ всѣми дошедшими до него свѣдѣніями о русскомъ путешественникѣ и рѣшилъ немедленно отпратить въ Россію посольство для возобновленія сношеній католиковъ съ Россіей и преимущественно іезуитскаго ордена. Но онъ опоздалъ: имперское посольство уже предупредило его намѣренія. Императоръ Леопольдъ послалъ въ Москву чрезвычайное посольство, во главѣ съ Игнатіемъ Христофоромъ Гварьеномъ. Это былъ опытный дипломатъ, два раза ѣздившій въ Константинополь и состоявшій при московскомъ посольствѣ Влумберга. Его сопровождала многочисленная свита, а его секретаремъ былъ Ганстъ Корбъ, впоследствии написавшій замѣчательную книгу о Россіи. Гварьенъ такъ торопился достигъ своей цѣли, что прибылъ въ Москву раньше Петра. Въ это время русское правительство состояло изъ князя Ромодановскаго и триумвирата: Льва Нарышкина, Бориса Голицына и Петра Прозоровскаго. Это правительство было только временное, и дѣла въ Москвѣ находились въ самомъ критическомъ положеніи. Гварьенъ дѣйствовалъ съ самаго начала съ большой

смѣлостью: онъ добился, чтобы сопровождавшихъ его двухъ іезуитовъ, Жана Милана и Жана Берула, назначили патерами въ Нѣмецкую слободу, гдѣ бывшіе католическіе патеры чрезвычайно устали отъ своей службы и давно просились въ отпускъ. Такимъ образомъ Гварьенъ незамѣтно водворилъ въ Москвѣ іезуитовъ, отмѣнивъ фактически ихъ изгнаніе изъ Москвы, все еще официально бывшее въ силѣ. Но Петру, явившемуся между тѣмъ въ Москву, было не до разбора католическихъ дѣлъ: онъ вполнѣ отдался своей роковой задачѣ, начавъ ее съ развода съ царицей Евдокіей Лопухиной, которая была заточена въ монастырь, точно также какъ и его сестры, Софья и Марѳа. Затѣмъ наступила кровавая расправа со стрѣльцами и участниками заговора противъ него, поэтому естественно, что при такихъ событіяхъ онъ не только совершенно забылъ о томъ, что говорилъ католикамъ, но даже отнесся довольно легкомысленно ко всему происшедшему въ Замостьѣ, ссылаясь на то, что: «Это застольная бесѣда; нунцій, вѣроятно, объ этомъ также не помнить и не доносить о происшедшемъ папѣ».

Какъ ловкій дипломатъ, Гварьенъ дѣйствовалъ чрезвычайно осторожно и нисколько не рассчитывалъ на заграничныя выходки Петра. Онъ даже, если не совершенно вѣрилъ, то принималъ въ соображеніе рассказы нѣкоторыхъ русскихъ, что Шереметевъ, будто бы принявшій католическую вѣру, снова перешелъ въ православіе въ Кіевѣ и что мятежъ стрѣльцовъ былъ основанъ на слухахъ о переходѣ Петра въ католичество. Въ необходимости быть осторожнымъ въ вопросѣ католической вѣры Гварьена еще болѣе убѣдилъ Борисъ Голицынъ, назначенный губернаторомъ въ Астрахань. Послѣдній хотя и зналъ по-латыни, благодаря урокамъ одного іезуита изъ Литвы, но католикамъ онъ чрезвычайно не сочувствовалъ и упорно сопротивлялся въ вопросѣ объ основаніи католической церкви, говоря: «Я ни за что не соглашусь на открытіе въ этомъ городѣ католической церкви, даже если бы это приказалъ царь: лучше я умру». Однако, несмотря на сопротивленіе русскихъ, Гварьенъ оказалъ большія услуги Риму, преобразовавъ католическую московскую общину на свои собственные средства. Прежде всего онъ увеличилъ прежнюю католическую часовню, устроилъ въ ней четыре престола и пожертвовалъ драгоценныя золотыя и серебряныя сосуды, а также великолѣпное изображеніе Богородицы. Такимъ образомъ церковная служба совершалась съ достоинствомъ и блескомъ. Возлѣ часовни жили миссіонеры и была открыта школа, въ которую нѣкоторые русскія семейства съ удовольствіемъ посылали своихъ дѣтей.

Что касается самого Петра, то онъ не только не противился, но даже, благодаря обстоятельствамъ, выражалъ сочувствіе католикамъ. Дѣло было въ томъ, что главный столпъ католичества,

генераль Гордонъ, тяжело занемогъ и умеръ 9 декабря 1699 г. Во все время его болѣзни Петръ ухаживалъ за нимъ и естественно пришелъ въ близкое соприкосновеніе съ іезуитомъ, отцомъ Миланомъ, который не отходилъ отъ умирающаго. Видя постоянно при больномъ чужого человѣка, Петръ спросилъ: «Это докторъ?» На это Гордонъ отвѣчалъ: «Да, врачъ души и мое единственное утѣшеніе, ибо врачи тѣла не могутъ мнѣ помочь». Царь одобрилъ это духовное леченіе, и на просьбу Гордона оказать покровительство его дорогой католической церкви, сказалъ: «Будь спокоенъ, батюшка!» Эти слова Петра успокоили умирающаго, и онъ тихо скончался въ присутствіи царя, который держалъ до послѣдней минуты зеркало предъ губами Гордона.—«Онъ умеръ», сказалъ Петръ, наклонясь къ іезуиту. И такъ какъ послѣдній былъ одинаковаго съ нимъ мнѣнія, то онъ со слезами закрылъ глаза умершему.

Похороны умершаго Гордона были устроены съ большимъ торжествомъ и съ военными почестями; такимъ образомъ въ православноиъ городѣ свободно совершилось католическое богослуженіе въ присутствіи самого царя. Несмотря на то, что Петръ былъ очень огорченъ смертью Гордона, все-таки онъ обратилъ вниманіе на то, что духовный врачъ покойнаго былъ въ то же время и ловкимъ механикомъ. Онъ тотчасъ заказалъ ему нѣсколько техническихъ работъ, которыя тотъ исполнилъ въ назначенное время и съ большимъ искусствомъ. Другой іезуитъ, отецъ Берула, съ замѣчательнымъ рвеніемъ занимался въ католической школѣ съ дѣтьми русскихъ бояръ, въ томъ числѣ Апраксиныхъ, Лопухиныхъ и Головиныхъ. На этомъ основаніи, когда фанатичные русскіе обращались къ Петру съ просьбами закрыть школу, то онъ всегда отвѣчалъ: «Не надо уничтожать то, что хорошо начато».

Между тѣмъ Ватиканъ попрежнему все собирався послать въ Россію папское посольство, но это ему постоянно не удавалось. Сначала во главѣ этого посольства хотѣли поставить патріарха антиохійскаго, Турнона, которому было кстати заѣхать въ Москву по дорогѣ въ Китай, куда онъ былъ назначенъ викаріемъ. Но подъ различными предлогами онъ все откладывалъ свою поѣздку и наконецъ отправился въ Китай другимъ путемъ. Тогда рѣшили послать въ Россію доминиканца отца Левези, уроженца Милана. Но и это не удалось, благодаря тому, что Ватиканъ возымѣлъ подозрѣніе насчетъ его преданности папскому дѣлу. Наконецъ папа Климентъ XI остановилъ свой выборъ на Ѳомѣ Дзьялинскомъ, котораго польскій король отправлялъ въ Россію съ политическими порученіями. Вмѣстѣ съ этимъ Ватиканъ поручилъ ему озаботиться о церковныхъ дѣлахъ.

Въ 1704 г. Дзьялинскій присоединился къ Петру предъ Нарвой, которую послѣдній рѣшилъ, во что бы то ни стало, взять у

шведовъ. Русскія войска находились подъ начальствомъ самого Петра и фельдмаршала Огильви, недавно вступившаго на русскую службу. Нарва была взята приступомъ, и десять дней спустя посолъ Августа II заключилъ съ Россіей трактатъ, который съ военной и финансовой точекъ зрѣнія вполне удовлетворилъ Дзьялинскаго. Что же касается церковныхъ дѣлъ, то Петръ допустилъ попрежнему свободу католическаго вѣроисповѣданія въ Москвѣ, гдѣ предполагалось выстроить каменную католическую церковь, и, кромѣ того, разрѣшилъ католическимъ миссіонерамъ проѣздъ черезъ Россію въ Персію. Получивъ удовлетворительное извѣстіе о посольствѣ Дзьялинскаго, Ватиканъ рѣшилъ послать въ Москву отца Конрада, іезуита кармелитскаго ордена, бывшаго при осадѣ Нарвы милостыне-раздавателемъ при Огильви. Но прежде, чѣмъ отецъ Конрадъ уѣхалъ въ Россію, отсюда пришло извѣстіе въ Римъ о роковой катастрофѣ, которая едва совершенно не прекратила отношеній между Ватиканомъ и Россіей.

11 іюля 1705 г. Петръ со своими войсками вступилъ въ Полоцкъ и это возбудило ужасъ среди базилианъ греко-уніатскаго ордена, которые особенно чтили своего святого мученика Іосафата Кунцевича, убитаго въ 1623 г. православными врагами и впоследствии причисленнаго къ лику святыхъ папою Піемъ IX. Они взяли изъ собора раку Іосафата и передали ее на храненіе князю Карлу Радзивиллу, великому канцлеру литовскому, другу ихъ ордена, находившемуся во враждѣ съ царемъ. Сначала все шло мирно и даже весело: въ честь Петра устроили торжественный банкетъ, продолжавшійся всю ночь. Утромъ, когда царь еще не совершенно отрезвился, онъ зашелъ въ базилианскій монастырь и естественно разговоръ коснулся Іосафата, статуя котораго находилась въ монастырѣ. Одинъ изъ монаховъ на вопросъ Петра, чья это статуя, отвѣчалъ смѣло: «Нашего священномученика Іосафата, котораго ваши единовѣрцы умертвили». вмѣстѣ съ тѣмъ монахи не пустили Петра въ алтарь, какъ врага своего ордена. Петръ вышелъ изъ себя и, по словамъ Пирлинга, выхватилъ шпагу и убилъ монаха. На помощь къ послѣднему бросились монахи, и царь, вмѣстѣ со своей свитой, убилъ еще четырехъ изъ нихъ,—такъ по крайней мѣрѣ описываетъ этотъ роковой эпизодъ Пирлингъ. Соловьевъ же въ своей «Исторіи Россіи» говоритъ, что между русскими и монахами-уніатами вспыхнула борьба вслѣдствіе приказанія Петра повѣсить монаха, оскорбившаго его своими выходками, и только четыре монаха было ранено. Въ «Исторіи шведской войны» Макарова были вычеркнуты самимъ Петромъ строки объ этомъ эпизодѣ, но во всякомъ случаѣ достоверно, что вслѣдствіе этого обстоятельства монастырь былъ преданъ русскимъ на разграбленіе, а церковь базилианскаго ордена превращена въ пороховой магазинъ.

Естественно, что всѣ католики, и особенно въ Римѣ, пришли въ ярость и отмѣнили предположенную посылку посольства въ Москву. Однако Петръ быстро раскаялся въ своей жестокости и черезъ нѣсколько дней послѣ убійства базилианскаго монаха посѣтилъ великолѣпную коллегію іезуитовъ въ Полоцкѣ. На роскошномъ обѣдѣ, данномъ ему іезуитами, онъ выразилъ свое сожалѣніе, что во время путешествія по Европѣ не заѣхалъ въ Римъ, много разспрашивалъ подробностей о папѣ Климентѣ XI и послѣ обѣда надѣлъ на себя кардинальскій барретъ, т. е. головной уборъ; конечно, при этомъ не было упомянуто ни слова о полоцкой катастрофѣ. Но вскорѣ, посѣтивъ бернардинскій монастырь въ Гроднѣ, Петръ, по словамъ Пирлинга, отрекся отъ совершеннаго имъ преступленія въ Полоцкѣ и объяснилъ, что вся эта исторія совершена русскими въ пьяномъ видѣ и по винѣ взбѣсившаго ихъ монаха. Царь заявилъ свое глубокое сожалѣніе по поводу случившагося и обѣщаль оказать впредь покровительство униатамъ. Для окончательнаго примиренія съ Римомъ было рѣшено обмѣняться посылкой миссій: имперской въ Россію, какъ всегда, для поддержки панскихъ интересовъ, и русской въ Римъ. Первая имѣла во главѣ іезуита Броджіа, а вторая—князя Куракина.

Броджіа долго скитался по Польшѣ, отыскивая русскаго царя, находившагося во главѣ своего войска, и, наконецъ, удовольствовался свиданіемъ съ Меншиковымъ, которому царь вручилъ свои полномочія. Это свиданіе состоялось въ Петроковѣ близъ Люблина, и Меншиковъ отъ имени Петра согласился на всѣ желанія католиковъ. 20 октября 1706 г. онъ выдалъ Броджіа грамоту, которой разрѣшались какъ свобода вѣроисповѣданія, постройка церкви и коллегии въ Москвѣ, такъ и проѣздъ католическихъ миссіонеровъ въ Персію. Оригиналъ этого документа на латинскомъ языкѣ съ автографической подписью Меншикова, по словамъ Пирлинга, сохраняется донинѣ въ ватиканскомъ архивѣ. Обрадованный результатомъ своей миссии, Броджіа отправился прямо въ Римъ, гдѣ уже въ то время находился князь Куракинъ. На этомъ кончилось порученное ему дѣло и о немъ болѣе не упоминается съ обѣихъ сторонъ, такъ какъ все вниманіе русскихъ и католиковъ было сосредоточено на князѣ Куракинѣ.

Главная цѣль политической миссии Куракина заключалась въ томъ, чтобы уговорить папу не признавать Лещинскаго, кандидата Карла XII, польскимъ королемъ, а церковный вопросъ былъ второстепеннымъ. Куракина папа принялъ очень любезно, но разочарованіе было обоюдное, и послѣ долгихъ неудачныхъ переговоровъ Куракинъ писалъ Петру: «Здѣсь нечего дѣлать; папа ни на что не рѣшится, а будетъ ждать польскихъ выборовъ». Въ сущности же Ватиканъ склонялся въ пользу шведскаго короля, и Куракину пришлось уѣхать изъ Рима, ничего не добившись. Точно

также неудачна была и попытка со стороны Рима уладить католическіе интересы въ Россіи, хотя, по словамъ барона Урбиха, бывшаго русскаго посланника въ Даніи, «царь хотѣлъ добиться соединенія русской церкви съ католической, и это дѣло было поручено Куракину». Впослѣдствіи самъ Куракинъ сознавался, что царь былъ не очень расположенъ въ пользу духовнаго соглашенія съ Римомъ, ибо онъ не хотѣлъ имѣть въ церковныхъ дѣлахъ кого-нибудь выше себя.

Полтавская побѣда совершенно измѣнила политическое положеніе Европы и Россіи. Петру уже нечего было заискивать у папы и императора. «Ослѣпленный успѣхами своего оружія,—говорилъ Одескальки, папскій нунцій въ Польшѣ,—царь болѣе не нуждается въ насъ»; а московскій іезуитъ Миланъ писалъ 17 декабря 1714 г.: «Только первоклассное чудо можетъ совершить перемѣну въ царѣ Петрѣ и заставить его прійти къ соглашенію съ Ватиканомъ. Этому мѣшаютъ слишкомъ большія преграды. Ему пришлось бы подчиниться авторитету папы и законамъ нравственности, отказавшись въ то же время отъ злоупотребленія властью и отъ чудовищныхъ причудъ». Такимъ образомъ наступилъ долгій перерывъ въ сношеніяхъ Россіи съ Ватиканомъ.

III.

Петру Великому очень хотѣлось побывать въ Парижѣ во время перваго своего путешествія за границу; но это было невозможно, вслѣдствіе политики тогдашняго короля Людовика XIV, во всемъ противорѣчившей намѣреніямъ Петра. Поэтому, когда умеръ король и воцарился малолѣтній Людовикъ XV, а Франція управлялась регентомъ, герцогомъ Орлеанскимъ, то царь въ 1717 г. исполнилъ свое завѣтное желаніе и посѣтилъ Парижъ. Его сопровождали лучшіе русскіе дипломаты: вице-канцлеръ Шафировъ, по происхожденію еврей, князь Куракинъ, Петръ Толстой и Василій Долгорукой. Съ французской стороны находились при царѣ: маршалъ Юксель, министръ иностранныхъ дѣлъ, и маршалъ Тессэ. Эти передовые государственные люди заключили союзъ между Франціей, Россіей и Пруссіей, вслѣдствіе чего былъ подписанъ Амстердамскій трактатъ. Присутствіе царя во Франціи надѣлало столько шуму, что обратило вниманіе папы и побудило его вступить въ личныя сношенія съ Петромъ. Поэтому 11 мая 1717 г. кардиналъ Корнеліо Бентиволіо, папскій нунцій въ Парижѣ, получилъ предписаніе папы посѣтить Петра и пожаловать ему титулъ его величества, о чемъ всегда пререкался Ватиканъ съ русскими царями. Прежде, чѣмъ представиться Петру, онъ вступилъ въ переговоры съ княземъ Куракинымъ и напомнилъ ему, что слѣдовало замѣнить подпись Меншикова на извѣстной грамотѣ о свободѣ като-

лической церкви въ Россіи подписью самого царя. Куракинъ сказалъ, что онъ доложить объ этомъ Петру.

Въ послѣдній день пребыванія царя въ Парижѣ онъ принялъ Бентиволіо, котораго поразилъ своимъ величіемъ и военной осанкой, хотя аббатъ Дюбуа увѣрялъ, что Петръ болѣе походилъ на голландскаго матроса. Когда къ нему явился нунцій, то онъ сидѣлъ за столомъ, окруженный многочисленной свитой, и разсматривалъ интересную антикварную книгу. Выслушавъ обычные комплименты прелата и его просьбу покровительствовать католикамъ въ своей странѣ, Петръ отвѣчалъ также въ общихъ словахъ, ничего не упоминая о религіозныхъ предметахъ. Его переводчикомъ на итальянскій языкъ былъ Шафировъ. Потомъ царь спросилъ о здоровьѣ папы, давно ли Бентиволіо въ Парижѣ, какое его епископальное достоинство, и приемъ окончился обычной церемоніей.

Слова Петра показали нунцію скудными; дѣйствительно, царь сознался маршалу Тессэ, что онъ желалъ признать за папой достоинство перваго католическаго патріарха, но не соглашался подчинить себя и всю Россію претензіямъ папскаго двора. Онъ шелъ еще далѣе и не противился признать непреложность папской власти въ томъ случаѣ, если онъ будетъ основывать ее не на личной власти, но на соборѣ. Тессэ замѣтилъ, что того же добивается и Франція, т. е. галликанская церковь, янсенисты. Такимъ образомъ, царь не обнаружилъ поспѣшности въ возобновленіи сношеній съ Римомъ. Напротивъ, Ватиканъ добивался во что бы то ни стало достать грамоту съ подписью царя о свободѣ католической церкви въ Россіи, пока онъ находился еще за границей. Поэтому Бентиволіо не далъ прямого отвѣта Шафирову, когда тотъ посѣтилъ его послѣ отъѣзда царя и предложилъ послать представителей папскаго престола въ Петербургъ для окончательнаго рѣшенія церковныхъ дѣлъ, но посоветовалъ Аршинти, папскому нунцію въ Кельнѣ, добиться у Петра того, чего самъ Бентиволіо не успѣлъ. Аршинти дѣйствительно догналъ Петра въ Амстердамѣ, но не могъ получить отъ него удовлетворительнаго отвѣта. Петръ и его канцлеръ Головкинъ опять предложили послать изъ Рима особое посольство въ Петербургъ.

Какъ неудачны были официальные попытки Ватикана соединиться или по крайней мѣрѣ примириться съ русской церковью, такъ оказались тщетными всѣ старанія съ тою же цѣлью частныхъ представителей католицизма, въ лицѣ аббата Пишона и представителей янсенизма или такъ называемой галликанской церкви. Петръ Великій всегда былъ податливъ на духовныя бесѣды и переписку съ различными иностранными личностями, и между ними въ началѣ XVIII столѣтія первое мѣсто занималъ знаменитый философъ и математикъ Лейбницъ. Онъ любилъ заниматься, кромѣ ученыхъ предметовъ, и политикой съ богословіемъ,

поэтому велъ переписку съ французскимъ богословомъ Босюэтомъ и предложилъ Петру не только создать въ Россіи академію наукъ, но и открыть вселенскій соборъ съ цѣлью соединить всѣ церкви: католическую, протестантскую, греческую и русскую. Онъ три раза былъ допущенъ до свиданій съ царемъ и чрезвычайно сошелся съ русскимъ посломъ въ Даніи и Вѣнѣ, барономъ Урбихомъ. Въ послѣдній разъ Лейбницъ видѣлся съ Петромъ на свадьбѣ принцессы Софіи-Шарлотты Брауншвейгской съ царевичемъ Алексѣемъ, но, говоря объ излюбленныхъ Петромъ научныхъ предметахъ, онъ уже не касался духовныхъ вопросовъ. Когда Петръ былъ въ Парижѣ, то мѣсто Лейбница занялъ, хотя и случайно, аббатъ Пишонъ. Онъ былъ большимъ пріятелемъ сына Никиты Зотова, котораго Петръ послалъ въ Европу учиться, и, добившись чрезъ него представленія царю, аббатъ сталъ разговаривать съ нимъ о всевозможныхъ наукахъ, совѣтуя ему завести въ Петербургѣ академію наукъ и соединить русскую церковь съ католической. Но всѣ старанія аббата Пишона ни къ чему не привели, и Зотовъ далеко не имѣлъ того значенія при Петрѣ, какое ему приписывалъ аббатъ.

Что же касается католическихъ ученыхъ Сорбонны, которые составляли галликанскую церковь, противную папскому непреложному авторитету, то они обратили особое вниманіе на Россію, считая, что, присоединивъ ее къ яansenизму, они восторжествовали бы надъ Ватиканомъ. Поэтому они всячески ухаживали за Петромъ во время посѣщенія имъ Сорбонны и увѣряли его, что будетъ очень легко соединить католическую вѣру съ русской. Петръ сказалъ въ отвѣтъ на торжественную рѣчь одного изъ сорбонцевъ, Бусье: «Что же, напишите мнѣ записку объ этомъ дѣлѣ, и какъ можно скорѣе, а я вамъ обѣщаю передать эту записку своимъ епископамъ и заставить ихъ вамъ отвѣтить». По словамъ Голикова, представители Сорбонны чрезвычайно понравились Петру и, быстро составивъ записку на основаніи принциповъ Флорентинскаго собора, они послали ее вдогонку за уѣхавшимъ Петромъ. Вернувшись въ Петербургъ, Петръ отдалъ записку на обсужденіе епископамъ, среди которыхъ первое мѣсто занимали Теофанъ Прокоповичъ, новгородскій архіерей, и Стефанъ Яворскій, замѣститель патріарха. Первый иронически и холодно отнесся къ запискѣ галликанской церкви и даже отказался серьезно ее обсуждать. Второй же, напротивъ, высказалъ желаніе войти въ переговоры съ католической церковью. Петръ согласился съ мнѣніемъ Прокоповича и отправилъ его отвѣтъ въ Сорбонну, не упомянувъ даже, что существовалъ другой. Такимъ образомъ, вопросъ о соединеніи греческой и католической церквей былъ отложенъ до «греческихъ календъ».

Въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго ему было не до иностранныхъ церковныхъ дѣлъ. Въ 1718 г. умеръ царевичъ

Алексѣй послѣ самыхъ ужасныхъ пытокъ, въ которыхъ принималъ участіе самъ царь. Насколько мало повліяла на Петра смерть сына, видно изъ того, что на другой день онъ праздновалъ день Полтавской битвы торжественнымъ банкетомъ и фейерверкомъ. Однимъ изъ послѣдствій исторіи Алексѣя была церковная реформа, давно задуманная Петромъ,—назначеніе святѣйшаго синода вмѣсто патриарха. Сень-Симонъ рассказываетъ, что царь совѣтовался съ Вильгельмомъ Нидерландскимъ насчетъ излюбленнаго своего проекта присоединенія русской церкви къ католической; тотъ отвѣчалъ, что лучше всего послѣдовать примѣру Англии, именно сдѣлать самого себя главою русской церкви. По этому ли совѣту, или по собственному наитію, но Петръ рѣшилъ наконецъ поставить русскую церковь въ зависимость только отъ государства.

Между тѣмъ католики продолжали мирно благоденствовать въ Россіи, хотя официально все еще не было отмѣнено изгнаніе іезуитовъ. Всѣ знали, въ томъ числѣ и царь, что частнымъ образомъ іезуиты были снова водворены въ Россію, подъ покровительствомъ имперскаго посланника. Въ Москвѣ ихъ было трое и когда водворился между ними отецъ Иннесъ, то, встрѣтивъ его, Петръ прямо его спросилъ: «Вы—тоже іезуитъ, какъ остальные два?» Послѣ этихъ словъ царь посовѣтовалъ ему быть осторожнымъ, но нимало не преслѣдовалъ его. Главное условіе безопасности іезуитовъ заключалось въ ихъ школѣ для боярскихъ дѣтей, гдѣ послѣдніе изучали нѣмецкій языкъ, геометрію и алгебру. Всѣхъ же католиковъ находилось въ Россіи до 2000 человекъ и преимущественно они жили въ Москвѣ. Но также достаточное ихъ число насчитывалось въ Петербургѣ, Нарвѣ, Архангельскѣ, Астрахани и Азовѣ. Когда сгорѣла старинная католическая часовня въ Москвѣ, то на ея мѣстѣ выстроена была новая каменная церковь во имя св. Троицы.

Однако покровительство іезуитовъ имперскимъ посольствомъ было причиной и вторичнаго изгнанія ихъ изъ Россіи въ 1719 г. Тогда имперскимъ посланникомъ былъ Оттонъ Плейеръ, который отличался чрезвычайной непопулярностью даже у царя. Наконецъ Петръ потребовалъ въ Вѣнѣ его отозванія, и вѣнскій дворъ такъ былъ недоволенъ этой мѣрой, что потребовалъ немедленно удаленія русскаго уполномоченнаго въ Вѣнѣ, Веселовскаго. Петръ захотѣлъ примѣрно отмстить императорскому правительству и изгналъ іезуитовъ изъ Россіи. Отецъ Энгель былъ официально высланъ изъ Петербурга въ четыре дня, а въ Москвѣ было сдѣлано еще болѣе грубое распоряженіе. Іезуитская церковь была ограблена, а сами іезуиты съ солдатами удалены за границу. Ватиканъ однако не протестовалъ противъ этого изгнанія іезуитовъ. Въ 1720 г. генералъ Вейсбахъ, посланный въ Вѣну царемъ для примиренія съ императоромъ, старался безъ

его вѣдома возвратить іезуитовъ въ Москву. При этомъ, съ обычной хитростью, католики не возвращали іезуитовъ, а посылали въ Россію капуциновъ. Двое изъ нихъ отправились въ Петербургъ, а четверо въ Москву, гдѣ они заняли старинное помѣщеніе іезуитовъ. Что же касается іезуитовъ, то они болѣе не являлись огульно, но лишь поодиночкѣ. Такъ, въ 1722 г. отецъ Бено былъ возстановленъ милостыне-раздавателемъ при имперскомъ посольствѣ.

Хотя Петръ Великій изгналъ вторично іезуитовъ, но онъ вообще не преслѣдовалъ католиковъ и покровительствовалъ капуцинамъ и францисканцамъ; въ 1718 г. онъ даже вступилъ въ сношеніе съ римскимъ дворомъ по поводу одной художественной покупки. Юрію Кологривову было поручено купить между прочими художественными предметами прекрасную античную мраморную Венеру, но ее не удалось вывезти изъ Рима. По распоряженію губернатора Фальконъери, Венера была арестована, но Петръ былъ такъ заинтересованъ ея пріобрѣтеніемъ, что поручилъ Головкину и Шафирову вступить по поводу этого вопроса въ переписку съ кардиналами Оттобони и Альбани. Папа выразилъ согласіе возвратить Петру Венеру и даже ее подарилъ. Она была перевезена въ Эрмитажъ и находится тамъ до сихъ поръ. Взамѣнъ этого подарка кардиналъ Оттобони выразилъ желаніе папы имѣть мощи св. Бригитты, находившіяся въ Стокгольмѣ и которыя пріобрѣсть легко могла Россія у шведскаго правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ватиканъ открылъ прежніе церковные переговоры съ Россіей. Все дѣло излагалось въ подробной запискѣ кардинала Оттобони и было рѣшено, что въ Петербургъ отправится папскій нунцій. Казалось, что все окончится полнымъ успѣхомъ, какъ вдругъ, неожиданно, умеръ папа Климентъ XI, и дѣло отложили въ дальній ящикъ.

При новомъ папѣ, Иннокентіи XIII, Ватиканъ былъ готовъ продолжать прежніе переговоры. Но смерть Петра прекратила всѣ надежды на соединеніе церквей.

IV.

За три года до своей кончины Петръ издалъ указъ, по которому каждый русскій императоръ пріобрѣталъ право назначать по своему желанію наслѣдника. Царь такъ привыкъ къ побѣдамъ, что былъ убѣжденъ въ своей побѣдѣ надъ смертью, но онъ скончался, не оставивъ наслѣдника. Всемогущій Меншиковъ и хитрый Прокоповичъ доставили торжество вдовѣ покойнаго: она была провозглашена императрицей. «Жизнь Екатерины Алексѣевны, — говоритъ Пирлингъ, — была скорѣе романомъ, чѣмъ исторіей. Изъ мелкой служанки она послѣдовательно превращалась сначала въ жену солдата, плѣнницу въ Мариенбургѣ, любимицу русской арміи, любовницу царя Петра и, наконецъ, въ болѣе или менѣе закон-

ную жену царя, наслѣдницу императорскаго престола и самодержавную государыню всей Россіи. Ея царствованіе продолжалось только два года и отличалась анархіей. Согбенная до сихъ поръ подъ желѣзнымъ гнетомъ мужа, она вдругъ очутилась всевластной и считала, что ей доступны всѣ наслажденія. Фавориты эксплуатировали ее безъ зазрѣнія совѣсти; ихъ злоупотребленія, хищничество и излишества падали на несчастный народъ, который все относилъ къ установленному порядку». Никто не ожидалъ, что Екатерина I будетъ питать симпатіи къ католикамъ, но мы узнаемъ изъ мѣстныхъ преданій, что супруга Петра Великаго была польскаго происхожденія, крещена въ католическую вѣру и никогда не забывала даже въ зенитѣ величія религію своего дѣтства; къ тому же ея родственники, Скавронскіе, поддерживали въ ней воспоминанія о католичествѣ. Поэтому она всегда покровительствовала миссіонерамъ, жертвовала въ пользу ихъ часовень и между прочимъ устроила великолѣпный балдахинъ съ императорскимъ гербомъ надъ главнымъ алтаремъ. Она также дозволила выстроить новую католическую церковь и, наконецъ, предъ смертью просила прислать ей католическаго патера, но Меншиковъ въ этомъ ей отказалъ.

Послѣднія подробности о царствованіи Екатерины I заимствованы изъ мемуаровъ патера Маттео Карамана, котораго прислала въ Россію римская конгрегация миссіонеровъ, называемая Конгрегацией Пропаганды въ 1735 г., при императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ. Онъ былъ родомъ далматинецъ и славился своими знаніями и своей пламенной вѣрой. Въ Петербургѣ онъ оставался долго и отправилъ въ Римъ три подробныя записки о положеніи русской церкви и вообще о состояніи Россіи. Изъ этихъ записокъ впоследствии составлены были мемуары Карамана, первая часть которыхъ напечатана въ «Русской Старинѣ», а вторая часть находится до сихъ поръ въ рукописи въ архивѣ Конгрегации Пропаганды. Въ Петербургѣ Караманъ былъ принятъ чрезвычайно любезно, особенно адмираломъ Змаевичемъ, тоже родомъ далматинцемъ и находившимся на русской службѣ. Мемуары Карамана чрезвычайно любопытны, потому что представляютъ вѣрное отраженіе тогдашнихъ нравовъ. Ихъ первыя страницы посвящены взгляду на прошедшее царствованіе Петра, котораго онъ всячески восхваляетъ за его сочувствіе къ папамъ и католической церкви. Онъ увѣряетъ, что Петръ всегда относился съ уваженіемъ къ католическимъ церквямъ и позволялъ имъ звонить въ колокола, тогда какъ протестантамъ запрещалъ, говоря: «Въ честь какого чорта хотите вы звонить». Онъ охотно окружалъ себя католиками: изъ нихъ двое были при его дѣтяхъ, десятеро считались генералами. Отношенія царя съ кардиналомъ Оттобони были очень близкія. Они оба хотѣли включить Россію въ число великихъ западныхъ государствъ, а также завести въ

Петербургѣ папскаго нунція, и на этотъ постъ уже былъ намѣченъ Оттобони. Въ послѣдній годъ жизни Петра онъ, по словамъ Карамана, хотѣлъ вести двѣ войны: одну противъ Англїи, другую противъ Франціи, а потому подыскивалъ себѣ союзниковъ. Адмиралъ Змаевичъ былъ посланъ въ Римъ съ порученіемъ поднести папѣ коллекцію историческихъ медалей и при его содѣйствїи войти въ сношенія съ гросмейстеромъ Мальтійскаго ордена. Флотъ изъ шести кораблей, подъ начальствомъ адмирала Мамонова, долженъ былъ стоять въ мальтійскихъ водахъ и перемѣняться каждые три года. Цѣль этой отправки русскаго флота въ Средиземное море заключалась въ союзѣ съ Мальтой и въ обоюдномъ нападении на Константинополь. На сѣверѣ Европы Петръ, по увѣренію Карамана, имѣлъ въ виду еще болѣе странное предпріятіе: именно союзъ съ Швеціей, поддержанный бракомъ, и возстановленіе католической династіи Стюартовъ на англійскомъ престолѣ. Караманъ старается всюду указать на сочувствіе Петра Риму и католической церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ не скрываетъ развратной жизни и пьянства царя и указываетъ, какъ на слѣдствіе ихъ, на его преждевременную смерть.

О взглядахъ Карамана на императрицу Екатерину I уже упомянуто, о послѣдующихъ государяхъ онъ говоритъ еще короче. Петра II онъ называетъ ученикомъ Остермана, а потомъ венгерца Цейка, который далъ много надеждъ католикамъ, и поэтому его вскорѣ удалили, изъ опасенія, чтобы онъ не внушилъ царю католическихъ стремленій. Относительно Анны Иоанновны онъ свидѣтельствуетъ, что во время его пребыванія въ Петербургѣ нѣмцы во всѣхъ отношеніяхъ брали тамъ верхъ. «Императрица—говоритъ онъ,—исповѣдуетъ православіе, но покровительствуетъ лютеранамъ и надъ Россіей господствуютъ они, т. е., говоря проще, одинъ изъ нихъ». Такъ продолжалось до царствованія Елизаветы, когда прояснился горизонтъ. Нѣмка-католичка наблюдала за ея воспитаніемъ и она была постоянно милостива къ католическимъ миссіонерамъ.

Возвратимся къ Петру II, ибо при немъ появилась въ Петербургѣ замѣчательная личность съ цѣлью присоединенія Россіи къ католической церкви. Новому императору при его восшествіи на престолъ было только двѣнадцать лѣтъ и, по словамъ Виллардо, французскаго консула въ Москвѣ, это былъ самый красивый ребенокъ, какого только можно было видѣть. По природѣ онъ былъ серьезенъ, но тѣмъ не менѣе очень привѣтливъ и скромнъ, безъ застѣнчивости. «Отцомъ его,—разсказываетъ Пирлингъ,—былъ несчастный царевичъ Алексѣй, всегда преданный русскимъ стариннымъ обычаямъ; поэтому враги петровскихъ реформъ надѣялись, что Россія вернется къ прошедшему. Однако, какова бы ни была надежда на его будущее, все зависѣло отъ его воспитанія. Вице-канцлеръ Остерманъ, человекъ умный и способный, которому

было поручено образованіе юнаго императора, былъ слабый и боязливый человекъ, а потому всѣ его усилія внушить юношѣ серьезныя стремленія были уничтожены лестью ловкихъ царедворцевъ. Его отношенія къ теткѣ Елизаветѣ, ослѣпительной красавицѣ и необыкновенно легкомысленной, возбудили въ немъ тѣмъ болѣе роковыя стремленія, что его фаворитъ, Иванъ Долгорукій, былъ грубый развратникъ. Въ началѣ своего царствованія онъ выказалъ самостоятельность характера и сослалъ въ Сибирь временщика Меншикова и его дочь, свою невѣсту, которую онъ со-всѣмъ не любилъ».

Меншиковыхъ при дворѣ Петра II замѣнили Долгорукіе. Три князя и одна княжна изъ этого историческаго дома совершенно забрали въ руки юнаго царя. Княжна Екатерина Долгорукая сдѣлалась невѣстой Петра и, благодаря ловкимъ интригамъ всей ея родни, онъ безъ ума влюбился въ молодую дѣвушку. Ея братъ, Иванъ Долгорукій, игралъ главную роль при дворѣ. Онъ ловко втерся въ дружбу царя и всячески ухаживалъ за нимъ: ѣздилъ съ нимъ на охоту, подстрекалъ его на всевозможныя развратныя излишества, а самъ получалъ безконечныя милости и двадцати лѣтъ былъ награжденъ орденомъ св. Андрея. Рядомъ съ Иваномъ находился его отецъ Алексѣй, настолько же неспособный, насколько честолюбивый человекъ. Помощникъ Остермана въ дѣлѣ воспитанія Петра, онъ заботился болѣе о томъ, какъ бы побольше воспользоваться милостями своего воспитанника, чѣмъ объ его образованіи. Душою всѣхъ Долгорукихъ былъ князь Василій, чрезвычайно тонкій и ловкій человекъ, не брезгавшій никакими средствами для своего обогащенія.

Галликанская церковь извлекла большую пользу изъ княгини Ирины Долгорукой, урожденной Голицыной. Рожденная и воспитанная въ православіи, Ирина Петровна сдѣлалась католичкой въ Голландіи, гдѣ ея мужъ, князь Сергій Долгорукій, былъ посланникомъ. Послѣ его отъѣзда въ Россію она осталась съ своими дѣтьми въ Гаагѣ, въ приходѣ янсенистскаго патера Даленнуура. Во время серьезной болѣзни, отъ которой она едва не умерла, княгиня Ирина хотѣла, во что бы то ни стало, принять Св. Тайны, но православнаго священника не было въ Гаагѣ, и она была принуждена причаститься у патера Даленнуура. Еще болѣе ее пристрастила къ католической церкви ея подруга, герпогиня Овернъ, дочь князя де-Линя, да кромѣ того ее очень близко зналъ въ Парижѣ Бурсье, который окончательно обратилъ ее въ янсенизмъ. Въ 1727 г. она приняла католическую вѣру въ Лейденѣ и присоединилась къ галликанской церкви. Ея дѣти, еще молодые люди, послѣдовали ея примѣру. Отправляясь въ Россію съ семействомъ, княгиня Ирина находила самымъ удобнымъ взять съ собою янсенистскаго патера, подъ видомъ учителя. Она посовѣтовалась

съ учеными Сорбонны и ей указали на Жака Жюбэ, впоследствии называвшаго себя de la Cour (придворный).

Эта личность во всѣхъ отношеніяхъ была очень замѣчательная и играла немаловажную роль въ Россіи. Сынъ прачки, онъ потерялъ своего отца въ ранней молодости и воспитывался въ семинаріи, по окончаніи курса которой сдѣлался патеромъ галликанской церкви. Безупречной жизни, строгихъ нравовъ, онъ ухаживалъ за больными и помогалъ бѣднымъ. Потомъ его отправили въ Италію съ различными духовными миссіями, и, наконецъ, Жюбэ поѣхалъ въ Голландію, гдѣ и получилъ порученіе отъ Сорбонны поступить наставникомъ къ дѣтямъ княгини Долгорукой. Бурсье ему совѣтовалъ обратиться въ Россіи за помощью къ князю Василию Долгорукому и вообще надавалъ ему много полезныхъ совѣтовъ. 20 октября 1728 г. Жюбэ поѣхалъ съ семействомъ Долгорукихъ въ Россію и послѣ долгаго, труднаго путешествія прибылъ въ Москву, гдѣ въ то время находился дворъ Петра II. Хотя княгиня Ирина была изъ второстепенныхъ Долгорукихъ, она все-таки могла оказать наставнику своихъ дѣтей покровительство, какъ со своей стороны, такъ и родственниковъ. Къ тому же въ то время, какъ и при Петрѣ Великомъ, католики иностраннаго происхожденія, кромѣ іезуитовъ, пользовались почти совершенной свободой.

Въ царствованіе первыхъ преемниковъ Петра Великаго положеніе православной церкви было очень тревожное. Вліяніе бывшаго главы церкви при Петрѣ, новгородскаго архіепископа Прокоповича, стало замѣтно ослабѣвать и его сильно начали попрекать за сочувствіе протестантамъ и постоянную переписку съ іенскимъ профессоромъ богословія Будде. Вмѣстѣ съ тѣмъ стали возвышаться его соперникъ, Стефанъ Яворскій, знаменитая книга котораго «Камень вѣры», написанная противъ протестантскихъ теорій Прокоповича, имѣла громадныя успѣхы при Екатеринѣ I и Петрѣ II. Хотя въ своей книгѣ Яворскій явно подражалъ католикамъ и, главное, іезуитамъ, но онъ стремился возстановить старину, патріарховъ и т. д. По словамъ Жюбэ, изъ православнаго духовенства склонялись болѣе всего въ пользу католиковъ Лопатинскій, Ванатовичъ и Колетти. Первый изъ нихъ учился за границей и потомъ въ кievской академіи, затѣмъ постригся въ монахи, сдѣлался архіепископомъ тверскимъ и при Екатеринѣ I вторымъ вице-президентомъ синода. Кіевскій архіепископъ Варлаамъ Ванатовичъ извѣстенъ въ исторіи только благодаря своей ненависти къ Прокоповичу, и Жюбэ его очень уважалъ. Что же касается до Колетти, греческаго происхожденія, то онъ былъ профессоромъ въ Галле и занялъ мѣсто милостыне-раздавателя царевица Алексѣя, который не имѣлъ при себѣ за границей русскаго священника. Потомъ онъ увезъ его съ собою въ Россію, и Ко-

летти оказался замѣшаннымъ въ судебномъ процессѣ царевича. Въ наказаніе онъ былъ сосланъ на Соловки, гдѣ и постригся въ монахи. При Петрѣ II онъ былъ освобожденъ и назначенъ членомъ синода.

Такимъ образомъ янсенистскій апостолъ могъ найти у Долгорукихъ и у нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ неофіціальную поддержку въ своихъ стремленіяхъ соединить русскую церковь съ католической. Самое легкое затрудненіе могло его поставить въ тяжелое положеніе относительно правительства. Какъ человѣкъ очень ловкій, онъ отыскалъ себѣ дипломатическую поддержку, обратясь къ содѣйствію испанскаго посла, герцога де-Лирія, сына знаменитаго маршала Бервика. Испанская королева Елизавета Фарнезе имѣла намѣреніе возстановить на англійскомъ престолѣ Стюартовъ, отнять у англичанъ Гибралтаръ и обязать своего мужа, Филиппа V, вести активную политику, съ цѣлью составить союзъ съ сѣверными государствами. Для этой цѣли она послала герцога де-Лирія въ Россію. По словамъ Сень-Симона, онъ отличался энергичнымъ характеромъ и въ Москвѣ вошелъ въ милость князя Ивана Долгорукаго, а также въ дружбу Остермана. Вообще человѣкъ своего вѣка, легкомысленный и страстно любящій удовольствія, онъ однако былъ глубоко преданъ католической церкви и всячески старался ее распространить, поэтому онъ согласился принять Жюбэ въ свои милостыне-раздаватели, въ доказательство чего выдалъ ему офіціальную бумагу. Кромѣ Жюбэ, онъ имѣлъ другого милостыне-раздавателя, испанскаго доминиканца Бернарда Рибера, чрезвычайно хитраго и ловкаго человѣка.

«Изъ всего сказаннаго,—говоритъ Пирлингъ,—можно составить себѣ понятіе о томъ, въ какомъ положеніи находился Жюбэ при своемъ появленіи въ Москвѣ. Въ сферахъ строго офіціальныхъ онъ долженъ былъ ожидать ненависти или недоброжелательства; въ высшемъ свѣтѣ—княгиня Ирина Долгорукая могла свести его съ могущественными сановниками того времени, но они были лишь временными свѣтилами; среди духовенства—фракціи, враждебныя Прокоповичу, естественно мирволили ему. Наконецъ герцогъ де-Лирія и Рибера, хотя нисколько не янсенисты, были люди, на которыхъ можно было разсчитывать въ интересахъ католической религіи».

V.

Жюбэ трудился не только надъ распространеніемъ галликанской церкви въ Россіи, но ревностно переписывался съ янсенистами Голландіи, причѣмъ въ письмахъ называлъ символически нѣкоторые важнѣйшіе предметы переписки. Такъ, католическую вѣру онъ называлъ «бульваромъ», миссіонеровъ «книгами», рус-

скихъ епископовъ «позолотой», княгиню Долгорукую «шубой». Центръ всей дѣятельности Жюбэ естественно находился въ домѣ князя Долгорукаго, дѣтей котораго онъ воспитывалъ. Здѣсь онъ устроилъ часовню, гдѣ по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ совершалъ службу. Но онъ держалъ себя очень сдержанно, такъ какъ княгиня Ирина, изъ предосторожности, не посѣщала католической церкви. вмѣстѣ съ тѣмъ Жюбэ раздавалъ много католическихъ книгъ среди русскаго духовенства, въ чемъ ему содѣйствовалъ князь Куракинъ.

Кромѣ того, онъ имѣлъ въ своей дѣятельности нѣкоторыхъ русскихъ сотрудниковъ и между прочимъ молодого князя Антіоха Кантемира. Ихъ дружба была такъ близка, что Жюбэ поручалъ Кантемиру переводить нѣкоторыя сочиненія. «Князь,—писалъ онъ своимъ друзьямъ,—обладаетъ многими истинными талантами: онъ говоритъ по-латыни и по-гречески и въ совершенствѣ переводитъ съ французскаго языка на русскій». Жюбэ также осыпаетъ похвалами Вишнякова, который принялъ католическую вѣру еще въ Москвѣ и, посѣщая испанское посольство, перевелъ на русскій языкъ катехизисъ Флери и изложеніе вѣры Боссюэта. По необходимости принужденный пріостановить этотъ трудъ въ виду своего отъѣзда въ Константинополь съ дипломатическимъ порученіемъ, онъ продолжалъ вести съ нимъ переписку. Стараясь обратить въ католичество высшее общество, Жюбэ не пренебрегалъ и низшимъ и постоянно поддерживалъ переписку съ московскими жителями, находившимися въ близкихъ отношеніяхъ съ католиками. Наконецъ, онъ написалъ въ Россіи двѣ французскія книги о русской церкви: «Іерархія и церковныя книги Московіи» и «Способъ работать надъ присоединеніемъ грековъ къ латинской церкви». Въ отношеніи католической пропаганды ему много помогали герцогъ де-Лирія и патеръ Рибера: послѣдній участвовалъ въ публичныхъ засѣданіяхъ подъ предѣлательствомъ рязанскаго епископа Гавріила Бужинскаго и произносилъ пламенные рѣчи въ пользу соединенія церквей. Что же касается герцога де-Лирія, то онъ писалъ въ Испанію проекты о томъ же, сообщая о положеніи католичества въ Россіи, о преданности княгини Долгорукой и т. д. Конечно, Лирія главнымъ образомъ имѣлъ въ виду, въ случаѣ соединенія церквей, главенство папы. Напротивъ, Жюбэ всѣ свои намѣренія освѣщалъ янсенистскими стремленіями.

Неожиданная смерть Петра II повела Долгорукихъ къ гибели, и когда на русскій престолъ вступила курляндская принцесса Анна Иоанновна, дочь брата Петра Великаго, то все при дворѣ измѣнилось. Явившись въ Россію, она уничтожила подписанную въ Курляндіи конституцію, и неограниченнымъ могущественнымъ временщикомъ сдѣлался Биронъ, а слѣдовательно высшей властью

стали пользоваться нѣмцы. Эта нѣмецкая гегемонія естественно возбудила покровительство протестантамъ, а католики, напротивъ, стали всячески преслѣдоваться, и Жюбэ началъ предчувствовать, что его положеніе сильно колеблется. Всѣ Долгорукіе, и особенно княгиня Ирина, терпѣли официальное гоненіе. Императрица еще въ Митавѣ узнала отъ княгини, что она католичка, и теперь, по словамъ Жюбэ, между ними произошла оскорбительная для княгини сцена. «Мѣхъ» (императрица),—писалъ Жюбэ,—сказала, что бульваръ (католическая церковь)—дьявольское навожденіе и надняхъ «мѣхъ» объявилъ «шубѣ» (княгинѣ Иринѣ), что она, вѣроятно, получала письма отъ г-жи Изоры (княгини Овернѣ), которая говорила, что онѣ были въ близкихъ отношеніяхъ. На отвѣтъ княгини, что она не получала писемъ отъ г-жи Изоры со времени «барки» (Риги), императрица воскликнула: «Вы лжете!» Несмотря на то, что уже нельзя было рассчитывать на покровительство Долгорукихъ и герцога де-Лирія, который уѣхалъ въ Испанію вмѣстѣ съ Риберой, Жюбэ все еще продолжалъ свои хлопоты съ раздачей книгъ.

Прошелъ годъ, и Жюбэ выпустилъ переводъ книги: «Responsum antapologeticum», изданной Риберой въ Вѣнѣ. Императрица была очень недовольна этой книгой и приказала Жюбэ покинуть домъ Долгорукихъ и удалиться изъ Россіи. Княгиня Ирина Петровна и ея дѣти рыдали въ виду необходимаго разставанья съ Жюбэ, поэтому онъ еще остался въ Россіи. Но, наконецъ, его присутствіе слишкомъ компрометировало Долгорукихъ, и въ мартѣ 1732 г. онъ отправился въ Варшаву, откуда поѣхалъ въ Голландію. Однако Жюбэ, находясь въ Голландіи, все-таки заботился о своей миссіи въ Россіи и о дорогомъ для него семействѣ Долгорукихъ. На княгиню Ирину Петровну было сдѣлано официальное нападеніе, и императрица приказала ей чрезъ священника Канашиевича отречься отъ католической вѣры и принять причастіе, какъ православной; но княгиня упорствовала. Тогда она и все ея семейство были сосланы въ провинцію. Прежде ея отъѣзда изъ Москвы императрица послала за княгиней Ириной и когда та, согласно этикету, нагнулась, чтобы поцѣловать ея руку, Анна Іоанновна нанесла ей оплеуху и послѣ многихъ бранныхъ фразъ воскликнула: «Пошла вонъ, мерзавка!»

Такимъ образомъ миссія Сорбонны въ Россіи не имѣла успѣха, и католическое вліяніе кое-какъ поддерживалось здѣсь нѣкоторыми малороссами изъ Кіева и іезуитами, тайно пробравшимися изъ Чехіи. Что же касается Жюбэ, то, поселившись въ Парижѣ, онъ дошелъ до совершенной нищеты и умеръ въ 1745 г. въ городской больницѣ. Княгиня Ирина Долгорукая пережила своего католическаго друга и вернулась изъ ссылки во время начала царствованія Елизаветы, которая побудила ее съ дочерью и сы-

номъ отречься отъ католической религіи. 28 ноября 1751 г. пятидесяти двухъ лѣтъ отъ роду она скончалась въ Москвѣ. Послѣ смерти княгини ея мужъ, князь Сергѣй, былъ назначенъ посланникомъ въ Константинополь.

При императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ въ Россіи значительное вліяніе имѣлъ францисканскій патеръ Карло изъ Лукки. Онъ управлялъ шесть лѣтъ русской католической миссіей и когда наконецъ его хотѣли отозвать, то Лестокъ писалъ въ Конгрегацію Пропанды, что императрица очень желала его оставить. Пропанда удовлетворила желаніе императрицы, и патеръ Карло остался въ Петербургѣ до своей смерти въ 1752 г. Ему наследовалъ на его посту капуцинскій монахъ, патеръ Феликсъ изъ Болоньи, который уже десять лѣтъ находился въ Москвѣ. Его главною цѣлью было добиться утвержденія указовъ Петра Великаго въ пользу капуциновъ. Онъ полагалъ, что это было не трудно, такъ какъ императрица во всемъ слѣдовало намѣреніямъ Петра. Такимъ образомъ, Конгрегація Пропанды стала энергично дѣйствовать насчетъ русско-католическихъ дѣлъ и обратилась къ польскому королю Августу III съ просьбой содѣйствовать ей въ этомъ отношеніи. Но королевское вмѣшательство ни къ чему не повело, и въ 1742 г. Пропанда была увѣдомлена, что нечего было ожидать отъ Елизаветы. Она, дѣйствительно, была, по словамъ Пирлинга, любезна и милостива, но далѣе обманчивой внѣшности дѣло не шло. «Ея недостаточное воспитаніе, привычка къ православнымъ обрядамъ и развратный дворъ сдѣлали Елизавету,—по мнѣнію Пирлинга,—суевѣрной и легкомысленной». Она дѣлилась между духовнымъ и плотскимъ и, по его выраженію, готова была предпринять тяжелое паломничество, если, въ концѣ концовъ, ее ожидалъ у святилища—любовникъ. То же противорѣчіе существовало между ея частной жизнью и общественными законодательными мѣрами; съ одной стороны, она исполняла съ пламенной преданностью православные обряды, съ другой—страстно предавалась любовнымъ похожденіямъ».

Великая княгиня Екатерина, будущая Екатерина II, въ 1758 г. выразила такое же желаніе, какъ и Елизавета, о сохраненіи при себѣ католическаго патера Антоніо изъ Турина, который дѣлалъ ей переводы. Ее поддерживали ея мужъ Петръ Ѳеодоровичъ и французскій посланникъ; такимъ образомъ, благодаря общимъ хлопотамъ, отецъ Антоніо не покинулъ береговъ Невы. Эти обстоятельства, въ сущности, были маловажны и не имѣли серьезнаго значенія. Со времени смерти Петра Великаго до раздѣла Польши, который заставилъ императрицу Екатерину II войти въ сношенія съ духовнымъ главою своихъ новыхъ подданныхъ, можно сказать, что существовала забастовка въ официальныхъ сношеніяхъ Россіи и Ватикана.

«Остановка дипломатическихъ отношеній,—говорить въ концѣ своей книги Пирлингъ,—не мѣшала Пропандѣ продолжать свое дѣло и заботиться о католической миссіи въ Россіи. Петръ I даровалъ иностранцамъ свободу ихъ вѣроисповѣданій: онъ цѣнилъ ихъ пребываніе въ Россіи и потому не могъ отказать имъ въ ихъ духовныхъ потребностяхъ. По тѣмъ же причинамъ преємники Петра слѣдовали его политикѣ. Однако, когда миссіонеры злоупотребляли своими правами, то правительство обращалось съ ними сурово: оно принимало строгія мѣры противъ отдѣльныхъ личностей, но не мѣшало дѣятельности Пропанды, которая отправляла по своему желанію миссіонеровъ различныхъ національностей, назначала и смѣщала патеровъ и рѣшала всѣ духовные вопросы. Во время царствованія Анны Іоанновны былъ рѣшенъ очень важный вопросъ о существованіи двухъ католическихъ префектуръ въ Россіи. Московская миссія была отдѣлена отъ петербургской, и съ тѣхъ поръ продолжали существовать двѣ католическія префектуры. Это было предисловіемъ іерархіи, которая установилась при Екатеринѣ II».

В. Тимирязевъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ

Николай Глубоковскій, ординарный профессор с.-петербургской духовной академіи. По вопросамъ духовной школы (средней и высшей) и объ учебномъ комитетѣ при святѣйшемъ синодѣ. Спб. 1907.

В ГЛУБОКИМЪ сожалѣніемъ надо сознаться въ томъ, что наша школа — высшая и средняя — въ настоящее время находится въ состояніи полного разложенія. Этой участи не избѣгла и школа духовная. Бойкотъ экзаменовъ, безпорядки въ семинаріяхъ и духовныхъ академіяхъ, взрывы бомбъ и петардъ и затѣмъ полицейскіе и жандармскіе обыски, охрана семинарскихъ зданій войсками, аресты воспитанниковъ, увольненіе ихъ цѣлыми сотнями, наконецъ разстрѣль среди бѣлаго дня ректоровъ и инспекторовъ, поруганіе иконъ... Въ своемъ теперешнемъ состояніи развѣ это школа? Ея настоящее положеніе должно быть признано невозможнымъ. Поэтому необходимо теперь же рѣшить вопросъ: возможно ли оставлять духовную школу въ прежнемъ положеніи? А если невозможно, то что же съ нею дѣлать?

Въ своемъ трудѣ, подъ указаннымъ выше заглавіемъ, извѣстный профессоръ с.-петербургской духовной академіи Н. Н. Глубоковскій даетъ сильный отвѣтъ на этотъ весьма важный и сложный вопросъ.

По мнѣнію почтеннаго профессора, причина современнаго столь печальнаго положенія нашей духовной школы кроется не въ частныхъ несовершенствахъ, а лежитъ въ самомъ ея существѣ, откуда возникаетъ принципиальный вопросъ: не отжили ли свой вѣкъ наличныя духовно-учебныя формы? По своимъ задачамъ духовная школа имѣетъ цѣлю постепенно готовить духовно-зрѣ-

лыхъ людей, чтобы они потомъ могли посвящать себя духовному служению въ церкви. Второе, предполагая свободное избраніе, не вмѣняется всѣмъ духовнымъ воспитанникамъ въ непремѣнную общую обязанность, — и тѣмъ не менѣе именно оно является важнѣйшимъ для потребности церкви: послѣдняя въ своихъ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ готовитъ не просто образованныхъ религіозно-богословски членовъ, но собственно такихъ, которые были бы пригодны, способны и расположены исполнять специально церковную благовѣстническую миссію. Но фактически этого нѣтъ, и теперешняя духовная школа продолжаетъ нести широкую функцію воспитанія образованныхъ юношей вообще. Тутъ нѣтъ внутренняго непримиримаго противорѣчія, и пастырское приготовленіе необходимо предполагаетъ общеобразовательное, опираясь на немъ. Однако здѣсь-то и усматривается со всею принципиальною несомнѣнностью, что два столь важные элемента не могутъ получить свойственнаго развитія при такой совмѣстности, гдѣ они будутъ взаимно стѣснять и мѣшать другъ другу въ раскрытіи своего достоинства. Естественно, что тогда оба эти элемента должны пострадать, хотя бы и не въ равной степени. Какъ разъ это и случилось съ нашею духовною школою. Она является двухстороннею и отъ этого бываетъ ослабленною въ самыхъ основахъ своего строя. Общее образование въ семинаріяхъ не получаетъ полного раскрытія; свѣтскіе предметы оказались здѣсь совсѣмъ угнетенными, чѣмъ воспитывалось опасное настроеніе, что богословіе давитъ образование, враждебно ему. Не менѣе страдаютъ и высшія религіозно-пастырскія потребности. Для подготовленія къ ихъ удовлетворенію нужно не одно предметное образование, ибо здѣсь еще болѣе необходимо воспитаніе цѣлостной настроенности, которая съ возможною точностью отражается на всемъ жизненномъ поведеніи. Само собою ясно, что невозможно ввести и удержать подобный режимъ въ теперешнихъ семинаріяхъ, разъ чуть не большая часть питомцевъ не желаетъ вовсе нести пастырскаго служенія. Такимъ образомъ, совмѣщеніе въ нашихъ семинаріяхъ задачъ общаго образованія и религіознаго воспитанія вредно для обоихъ, что подтверждается и нашими духовными академіями, съ обиліемъ въ нихъ свѣтскихъ наукъ, которыя остались тамъ, какъ пережитокъ старыхъ временъ, когда всякое образование сосредоточивалось преимущественно въ духовныхъ школахъ. Необходимо поэтому общее образование и специально-научное богословское изученіе обособить отъ церковно-пастырскаго приготовленія (стр. 1—6). Духовно-церковныя заведенія нужно отдѣлить отъ общеобразовательныхъ и устроить, для подготовленія просвѣщенныхъ пастырей изъ образованныхъ членовъ церкви, специальныя школы, по самому преподаванію, административному и жизненно-педагогическому режиму строго приспособленныя къ этой цѣли, а для общаго образованія должны быть открыты отдѣльныя среднія школы (типа классическихъ гимназій) со всѣми правами и преимуществами параллельныхъ свѣтскихъ школъ, но съ усиленіемъ религіозно-богословскаго и философскаго обученія. Наконецъ, такъ какъ богословская наука, служащая собственно потребностямъ ума, а не просто профессиональнымъ нуждамъ, требуетъ для своего развитія независимой специальной и всесторонней разработки, то для нея, на ряду съ духовными ака-

деями, полезно образовать еще православные богословскіе факультеты при нашихъ университетахъ (стр. 7—13).

Говоря о необходимости обновленія нашихъ духовныхъ академій, профессоръ Н. Н. Глубоковскій подробно останавливается на весьма важномъ вопросе о группировкѣ академическихъ наукъ по отдѣленіямъ, въ связи съ положеніемъ среди нихъ свѣтскихъ дисциплинъ. Въ духовныхъ академіяхъ могутъ быть лишь два отдѣленія: «библейско-патристическое» и «церковно-историческое». Вообще, академическую науку должно вернуть къ библейскимъ началамъ, а потому богословское изученіе должно быть строго библиологическимъ, созидающимся на подлинномъ библеизмѣ (стр. 26). Всѣ свѣтскія академическія науки должны быть выдѣлены въ особую «не обязательную» категорію, не входящую въ богословскую систему.

Весьма интересными представляются сужденія автора о нѣкоторыхъ нововведеніяхъ въ современной жизни нашей высшей школы (свѣтской и духовной)— «о предметной системѣ», которая, по его мнѣнію, внесетъ сильную дезорганизацию въ студенческое обученіе (стр. 55), «о судахъ чести», въ которыхъ почтенный ученый относится совершенно отрицательно, объ институтѣ «курсовыхъ старостъ», благодаря которому, по мнѣнію г. Глубоковского, у профессора прерывается непосредственная связь со студентами (стр. 58).

Совершенно справедливо возражаетъ почтенный авторъ противъ высказаннаго нѣкоторыми лицами пожеланія о сокращеніи количества ученыхъ степеней, какъ это было проецировано комиссіею по преобразованію высшихъ учебныхъ заведеній при недоброй памяти мимолетномъ министрѣ народнаго просвѣщенія графѣ И. И. Толстомъ, при чемъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что предположенное для университетовъ сокращеніе ученыхъ степеней было достигнуто не объективною аргументаціей, а небезпристрастнымъ плебисцитомъ заинтересованныхъ участниковъ этой комиссіи, многіе члены которой не имѣли высшей ученой степени (стр. 64—69). Учено-литературная разработка, говоритъ профессоръ Н. Н. Глубоковскій, составляетъ непремѣнную и натуральную функцію профессорскаго призванія, и его носители по существу не имѣютъ нравственнаго права отказываться и въ томъ случаѣ, если бы отъ нихъ потребовались не три, а пять или семь диссертаций черезъ извѣстные сроки (стр. 66). Не сочувствуетъ почтенный ученый и раздачѣ ученыхъ степеней *honoris causa*, а по отношенію къ самимъ членамъ академическихъ корпорацій безусловно не признаетъ этого «соблазнительнаго и коварнаго порядка. У насъ по этому предмету, — говоритъ онъ, — чаще практиковалась своего рода любезность, а играть любезностями въ ученое дѣлѣ неудобно. Бывали, конечно, и вполне достойные *honorati*, но тѣмъ прискорбнѣе, что употреблялись обходные пути, хотя легко было примѣнить законное средство» (стр. 69—70).

Во второй части своего труда, подъ заглавіемъ: «Учебный комитетъ при святѣйшемъ синодѣ и состояніе духовной школы—въ исторической перспективѣ» (стр. 80 — 148), профессоръ Н. Н. Глубоковскій даетъ обстоятельную характеристику дѣятельности учебнаго комитета, при чемъ дѣятельность эта во второй періодъ существованія учебнаго комитета (съ 1884 г.) представлена

авторомъ въ довольно непривлекательномъ видѣ. Интриги, протекція, безжизненность, бумажно-канцелярское дѣлопроизводство — таковы характерныя черты этого бюрократическаго учрежденія. Воспитательная организація духовной школы была въ пренебреженіи (стр. 84). Наступилъ «развалъ» духовной школы, и въ этомъ развалѣ немалая доля вины лежитъ на учебномъ комитетѣ, который долго увѣрялъ, что все обстоитъ благополучно, занимаясь всякими «затѣями», а педагогическій барометръ стремительно спускался къ роковому термину «гроза»! Въ весьма некрасивомъ свѣтѣ выставляются авторомъ выѣзжавшіе для ревизіи комитетскіе члены, которые заботились больше о критикѣ, разносахъ и уязвленіяхъ, и вовсе не доставляли живыхъ наблюдений и реальныхъ педагогическихъ указаній (стр. 86).

Въ предисловіи къ своему труду авторъ заявилъ, что онъ питаетъ надежду, что его «выстраданный и искренній трудъ будетъ не бесполезенъ хоть для возбужденія важнѣйшихъ духовно-учебныхъ вопросовъ, какъ плодъ опыта и наблюдений со стороны человѣка, жизнь котораго во всякомъ случаѣ принадлежитъ духовной школѣ и богословской наукѣ всецѣло, неизмѣнно и нераздѣльно»... Мы же скажемъ съ увѣренностью, что настоящій трудъ уважаемаго профессора Н. Н. Глубоковскаго, написанный имъ съ большимъ знаніемъ дѣла, съ горячею любовью къ духовной школѣ, съ возможною объективностью, несомнѣнно обратитъ на себя вниманіе и будетъ оцѣненъ по достоинству всѣми, кому дороги интересы и будущее русской школы вообще и духовной въ частности.

Профессоръ М. Красножениъ.

Профессоръ Е. Θ. Будде. Посланіе шведскаго полковника Александра Лесли къ царю Михаилу Ѳеодоровичу изъ Нарвы о новоучрежденномъ рыцарскомъ польскомъ орденѣ въ 1638 г. Спб. 1906.

Въ имѣніи «Старая усадьба», принадлежащемъ семейству Мейенъ-Даршквичей (въ Русскомъ уѣздѣ Московской губерніи), среди старыхъ книгъ и бумагъ нашелъ лѣтомъ 1905 г. профессоръ Е. Θ. Будде рукопись вышеназваннаго «Посланія». Послѣднее состоитъ изъ двухъ частей: во-первыхъ — «листа», присланнаго въ 1638 г. царю Михаилу Ѳеодоровичу полковникомъ Лесли изъ Ругодива, какъ тогда называлась Нарва, во-вторыхъ — «тетради», заключающей въ себѣ «чинъ» польскаго ордена рыцарей Св. Дѣвы. Оба эти памятника были написаны на латинскомъ языкѣ и въ Москвѣ уже переведены на русскій.

«Листъ» представляетъ изъ себя отвѣтъ Лесли на царскій указъ «проедать подлинно про царское дѣло», переданный ему извѣстнымъ думнымъ дьякомъ Θ. Θ. Лихачевымъ. Полковникъ Лесли доноситъ «пресвѣтлѣйшему неопобѣдимому великому государю царю и великому князю Михайло Ѳеодоровичу, всея Русіи самодержцу» о «зломъ езовитскомъ умышленіи», именно объ учрежденіи королемъ Владиславомъ IV, съ благословенія папы Урбана VIII, «рицарскаго братства». «А покрываютъ онѣ свое злое умышленіе, — говоритъ

Лесли,—благословеннымъ именемъ пречистыя Дѣвы Маріи Матери Господа нашего и называютца рыцари Дѣвы Маріи», стоя «за Ея благословенное имя противъ бусурманъ и невѣрныхъ: такъ онѣ называютъ всѣ вѣры, окромѣ своея римскія вѣры», и стремясь «тѣмъ святымъ именемъ» въ свое братство «провести многихъ великихъ государей». Далѣе Лесли приводитъ статистическія свѣдѣнія: каждый рыцарь братства долженъ являться на войну съ 80 воинами, а такъ какъ всѣхъ рыцарей польскихъ и «цесаревыхъ областей» насчитывается 97, то всего войска будетъ 77600 (sic) человекъ. Но, успокаиваетъ онъ далѣе, «всемогущій и всесильный Богъ» учинилъ среди нихъ разнь: польскіе и литовскіе вельможи «не панежскія вѣры» не хотятъ пристать «къ тому ихъ чину». Заканчивается «листъ» предложеніемъ Лесли служить московскому царю «для устройства» войска и набора «начальныхъ людей» и пожеланіемъ царю «возвышенія» и «одолѣнія надо всѣми недруги».

Въ тетрадикѣ, приложенной къ листу, какъ уже замѣчено, подробно излагается «чинъ» или уставъ ордена. Этотъ уставъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько главъ, напримѣръ, «О костельномъ чиновномъ дѣйствѣ»; «чинъ, какъ королевское величество изъ своихъ королевскихъ палатъ въ костель идетъ»; «Молитва архиепискупа», чтобы король «недруговъ своихъ не страшился бы, противъ всякаго бы ихъ злого умышленія крѣпко и храбро стоялъ, а своимъ пріятелемъ и друзьямъ добротою своею явственно показовался» и пр. Далѣе слѣдуетъ «Чинъ рыцарскаго урядства»; «Устава и урядъ королевскаго величества и шляхетскаго рыцарскаго чину Пречистые Богородицы», гдѣ говорится о числѣ рыцарей, о необходимости принимать въ рыцари «шляхетнаго воду чесного, ничимъ неукорительнаго изъ начала короны польской»; о начальникѣ, о знамени, «о обычаяхъ того рыцарскаго чину», «о одеждѣ рыцарской», «о богомолствѣ рыцарскаго чину», «о присягѣ рыцарской общей» и т. д.; наконецъ, «потверженье» папы, въ которомъ говорится, между прочимъ, о томъ, что «подобаетъ того рыцарскаго чину всякому рыцеру въ своемъ чину пребывать, и чтобъ вездѣ по землямъ римская вѣра множилась, и Христовыхъ бы и Пречистые Богородицы воиновъ всякія добрыя дѣла росли въ славѣ и въ похвалѣ и охотны бы были противъ всякаго врага креста Христова стояти храбро и мужественно». Интересно, что въ братство допускались и иностранцы, но среди нихъ «рускаго народу людей къ такому новоустановленному рыцарскому чину не припускать, потому что у нихъ вѣра и чинъ свой, и государь ихъ, и они къ нашей вѣрѣ и къ чинамъ не приклонны, и къ нашей корунѣ не свойственны».

Какъ заключаетъ профессоръ Будде, объ этомъ посланіи не упомянуто въ сочиненіи А. И. Соболевскаго «Западное вліяніе на литературы Московской Руси XV—XVII вѣковъ», почему изданіе его представляетъ несомнѣнный интересъ. Оно свидѣтельствуетъ о переводѣ на русскій языкъ важнаго памятника польской юридической и политической литературы и раскрываетъ интересный моментъ изъ исторіи русско-польскихъ отношеній на фонѣ своеобразныхъ религіозно-политическихъ вопросовъ.

А. Я.

Записки классическаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества. Томъ IV. Съ приложеніемъ двухъ портретовъ, 19 таблицъ и съ 102 рисунками въ текстѣ Спб. 1907.

Вышедшій недавно IV томъ «Записокъ» составляетъ около 400 страницъ богато и разнообразно иллюстрированнаго текста. Секретарь отдѣленія С. А. Жебелевъ посвятилъ первыя страницы «Записокъ» некрологу покойнаго управляющаго отдѣленіемъ И. В. Помяловскаго. Почтенный ученый, умершій въ концѣ прошлаго года, оставилъ по себѣ прекрасную память. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ членовъ общества, которые носятъ это званіе не только по имени; въ теченіе многихъ лѣтъ онъ являлся постояннымъ активнымъ дѣятелемъ общества: 12 лѣтъ занималъ должность секретаря и 13 лѣтъ—управляющаго отдѣленіемъ классической, византійской и западно-европейской археологіи. Наука, которой И. В. посвятилъ всю свою жизнь, не сдѣлала его сухимъ и черствымъ. Онъ до конца сохранилъ голубиную кротость характера, ясную душу и горячую отзывчивость ко всѣмъ, кто обращался къ нему за совѣтомъ и помощью.

Капитальнымъ трудомъ изъ числа статей, помѣщенныхъ въ «Запискахъ», является изданная подъ редакціей секретаря отдѣленія С. А. Жебелева (192 страницы текста, съ портретомъ автора) третья книга Д. Θ. Бѣляева: «Byzantina» (очерки, матеріалы и замѣтки по византійскимъ древностямъ). Рукопись третьей книги была доставлена въ русское археологическое общество послѣ смерти Бѣляева Ю. А. Кулаковскимъ. Она составляетъ дополненіе къ двумъ напечатаннымъ въ «Запискахъ» книгамъ покойнаго знатока византійскихъ древностей. Книга III иллюстрирована многими рисунками памятниками старины и снабжена двумя подробными планами Константинополя (по венеціанской и ватиканской рукописямъ) и алфавитнымъ указателемъ встрѣчающихся собственныхъ именъ и названій. III томъ труда Бѣляева посвященъ «Богомольнымъ выходамъ византійскихъ царей въ городскіе и пригородные храмы Константинополя» и раздѣленъ на три главы: 1) Средне-вѣковой Константинополь и Средняя улица въ немъ, 2) «Евдомъ», одно изъ предмѣстій столицы, игравшее очень важную роль въ исторической и частной жизни обитателей Константинополя. Непрiятель, подступавшій къ городу, устраивалъ здѣсь не разъ свою главную квартиру. Въ Евдомѣ также оказывался пріемъ знатнымъ и владѣтельнымъ гостямъ византійскихъ императоровъ. Въ древности здѣсь совѣщались и выбирались цари, затѣмъ торжественно совершавшіе вѣзды въ столицу для коронаціи. Въ Евдомѣ направлялись часто религіозныя процессіи. Третья глава книги посвящена описанію царскихъ выходовъ въ храмъ Халкопратійскій. Храмъ этотъ во имя Пресвятой Богородицы, посвященный «взбранной воеводѣ», покровительницѣ и защитницѣ Константинополя, былъ нѣкогда однимъ изъ важнѣйшихъ и наиболѣе чтимыхъ народомъ храмовъ. Интересенъ фактъ возникновенія храма: «Халкопратійскій храмъ пресвятой Богородицы», говоритъ Бѣляевъ, «назы-

валяся такъ оттого, что построень былъ на мѣстѣ еврейской синагоги, находившейся среди «Мѣдныхъ рядовъ» (Халкопратей), въ которыхъ евреи торговали своими издѣльями изъ мѣди. Евреи поселились и торговали въ этихъ рядахъ со временъ Константина Великаго, а при Θεодосіи Великомъ, когда онъ былъ на западѣ, подкупивъ инарха Гонората, по религіи язычника, добыли у него позволеніе построить синагогу среди «Мѣдныхъ рядовъ», которую и построили съ большою роскошью и великолѣпіемъ. Но народъ византійскій, исповѣдывавшій уже въ огромномъ большинствѣ христіанскую вѣру и ненавидѣвшій евреевъ, возмущенъ былъ этой антихристіанской постройкой и открыто порицалъ инарха, который, однакоже, мало обращалъ вниманія на эти порицанія и продолжалъ покровительствовать евреямъ. Тогда народъ ночью поджегъ синагогу и сжегъ ее. Инархъ донесъ объ этомъ царю Θεодосію, а Θεодосій предписалъ, разыскавши виновныхъ, взыскаъ съ нихъ причиненные евреямъ убытки и заставить ихъ возстановить сожженную синагогу. Объ этомъ событіи и распоряженіи царя между тѣмъ узналъ св. Амвросій Медиоланскій и, когда Θεодосій въ одинъ изъ Господнихъ праздниковъ по обыкновенію дѣлалъ богомольный выходъ и вошелъ въ кафедральный храмъ, Амвросій обратился къ нему съ рѣчью, въ которой упрекалъ царя за то, что онъ насильно заставляетъ христіанъ строить евреямъ синагогу среди христіанскаго города и, предпочитая враговъ Христа вѣрующимъ въ Него, оскорбляетъ Того, Который вѣнчалъ его царскою короною и вручилъ его заботамъ Свое стадо, искупленное страданіями и кровію. На эти рѣзкіе упреки Θεодосій сначала возразилъ: «А развѣ можно народу позволить безчинствовать и производить безпорядки въ благоустроенныхъ городахъ»? Но когда Амвросій отвѣтилъ на это царю, что не слѣдуетъ и евреямъ позволять имѣть синагогу въ центрѣ благочестиваго города, Θεодосій смягчился и, убѣдившись въ справедливости словъ Амвросія, простилъ византійцамъ ихъ преступленіе и запретилъ евреямъ имѣть синагогу внутри города. Зданіе синагоги и «Мѣдные ряды» съ торговцами евреями продолжали стоять до вѣкувъ Θεодосія Великаго. Только въ царствованіе Θεодосія II на мѣстѣ еврейской синагоги и «Мѣдныхъ рядовъ» былъ поставленъ храмъ во имя пресвятой Богородицы, причемъ синагога и «Мѣдные ряды» были снесены, мѣсто расчищено и на немъ возведенъ храмъ во имя Пресвятой Богородицы, Третья помѣщенная въ «Запискахъ» статья О. Вальдгауера касается портретовъ Александра Великаго. Авторъ останавливается лишь на 6 важнѣйшихъ портретахъ, которые и подвергаетъ подробному научно-археологическому разбору. Нашъ извѣстный сфрагистъ Н. П. Лихачевъ помѣстилъ въ «Запискахъ» статью «Древнія буллы и печати Ширпурлы», гдѣ онъ подвергаетъ изслѣдованію любопытнѣйшій изъ архивовъ міра, найденный Эрнестомъ де-Сарзекъ въ 1894—1900 гг. и относящійся къ эпохѣ не ранѣе XXIII столѣтія до Р. Х. Архивъ Ширпурлы хранился въ образцовомъ систематическомъ порядкѣ, замѣтно крайне бережное отношеніе даже къ документамъ, не имѣвшимъ никакого серьезнаго значенія. Оттиски цилиндрическихъ печатей на обложкахъ дѣлъ представляютъ драгоценнѣйшія историческія данныя, такъ какъ большая часть печатей принадлежала правительственнымъ чиновникамъ.

Кромѣ того, большинство изъ нихъ представляютъ изъ себя весьма хорошо сохранившіеся памятники искусства, интересные какъ по работѣ, такъ и по содержанію сдѣланныхъ на нихъ изображеній. «Какъ памятники высокаго искусства, большого научнаго интереса,—говоритъ Н. П. Лихачевъ,—древнѣйшіе, историческіе наравѣ съ отпечатками царскихъ цилиндровъ Египта—сфрагистическіе документы эти для насъ особенно знаменательны и тѣмъ, что на нихъ изображенъ первоисточникъ нашего Россійскаго герба». Приложеніе къ тому IV составляютъ греческіе письменные памятники изъ коллекціи Н. П. Лихачева, изданные и снабженные предисловіемъ извѣстнаго ученаго Пападопуло-Керамевса.

Кромѣ научныхъ статей, въ «Запискахъ» помѣщены протоколы засѣданій отдѣленія за 1904—1906 гг.

А. Мионовъ.

Труды вятской ученой архивной комиссіи 1906 года. Выпускъ V—VI. Вятка. 1907.

Едва вступившая въ третій годъ своего существованія вятская архивная комиссія, несмотря на весьма ощутительный недостатокъ въ денежныхъ средствахъ, несмотря на разнаго рода тормозы, въ родѣ очень странныхъ предписаній мѣстнаго предсѣдателя окружнаго суда, опредѣляющаго мѣсячный срокъ труженикамъ-добровольцамъ для просмотра цѣлаго ряда описей дѣлъ, предназначенныхъ къ уничтоженію, и по минованіи этого срока немедленно уничтожающаго дѣла, безъ всякаго выраженія согласія со стороны комиссіи, — успѣла проявить свою дѣятельность въ очень широкихъ размѣрахъ. Въ изданныхъ ею 12 выпускахъ «Трудовъ» — множество весьма цѣннаго матеріала, изслѣдованій, замѣтокъ и т. д. по исторіи мѣстнаго края. И нужно только желать, чтобы эта дѣятельность продолжалась безпрепятственно, чтобы главный ея вдохновитель, маститый мѣстный историкъ А. С. Верещагинъ, попрежнему неустанно работалъ еще многіе и многіе годы.

Большую часть содержанія разсматриваемаго нами V—VI выпуска «Трудовъ» составляетъ продолженіе начатыхъ печатаніемъ еще въ I выпускѣ «грамотъ и актовъ Вятскаго Успенскаго Трифонова монастыря 1580—1764 г.г.», которые замѣтованы собирателемъ и издателемъ ихъ, А. С. Верещагинымъ, изъ архива вятской казенной палаты, московскаго архива министерства юстиціи и частныхъ собраній. Въ это продолженіе вошли: «Жалованная грамота царей Юанна и Петра Алексѣевичей въ Успенскій Трифоновъ монастырь архимандриту Александру съ братіей, на вотчинныя земли, на крестьянъ, на рыбныя ловли и всякія угоды въ Казанскомъ и Уржумскомъ уѣздахъ, 1693 года юля 2» и обширная «Опись 1764 года имѣющемуся въ городѣ Хлыновѣ Успенскому Трифонову монастырю, учиненная, въ силу данной изъ коллегіи экономіи инструкціи и при томъ формы Смоленскаго пѣхотнаго полка подпоручикомъ Маховымъ, о состояніи онаго монастыря, и что въ немъ какаго каменнаго и деревяннаго строенія и всякаго званія, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ служителей, и на какомъ жа-

лованьѣ находятя и что за онымъ монастыремъ имѣется мельницъ, рыбныхъ ловель и сѣнныхъ покосовъ и прочаго».

Наиболѣе интересна «Опись» подпоручика Махова. Она съ большими подробностями рисуетъ намъ положеніе Успенскаго монастыря въ началѣ шестидесятыхъ годовъ XVIII столѣтія и результаты его колонизаторской дѣятельности; подробно перечисляя вотчины, покосы, рыбныя ловли, разныя угодыя, всѣхъ жившихъ въ нихъ монастырскихъ крестьянъ и половниковъ, она въ то же время до мельчайшихъ подробностей указываетъ содержаніе храмовъ и ризницъ и даже приводитъ имена больныхъ отставныхъ воинновъ и калѣкъ, содержавшихся въ монастырѣ.

Вторую часть выпуска составляютъ «рефераты и сообщенія» членовъ комиссіи за 1906 годъ. Изъ нихъ восемь принадлежатъ А. С. Верещагину: «Вятское взятъе по разряднымъ записямъ 1489 года», «Яранскій посадъ и уѣздъ по переписной книгѣ Г. М. Юшкова 1646 года», «Изъ писемъ преосвященнаго Кирилла къ протоіерею А. Т. Шиллегодскому» (продолженіе начатаго еще въ III—IV выпускѣ извлеченія), «Царево-Санчурскій посадъ и уѣздъ по переписной книгѣ М. Б. Кишкина (Клешнина) 1646 года», «Промеморія провинціальной канцеляріи въ духовный архіерейскій приказъ о побитіи рекрутовъ семинаристами, 1741 года», и др.; 10 сообщеній—извѣстному археологу А. А. Спицыну: «Купчая крѣпость на хоромы и дворъ съ яблонями въ Хлыновѣ у Московскои улицы, 1662 года, ноября 25», «Храмозданная грамота прихожанамъ села Архангельскаго (Кирчана) казанскаго митрополита Тихона, 1700 г.», «Память изъ архіерейскаго приказа священникамъ Березовскаго стана съ государевымъ указомъ о сборщикахъ податей, 1712 года», «списокъ съ грамоты царя Петра Алексѣевича преосвященному Діонисію о штрафахъ съ небывшихъ у исповѣди, 1716 года, февраля 24» и др. Изъ остальныхъ членовъ В. И. Шабалинъ сообщилъ: «Когда вятскій духовный архіерейскій приказъ началъ называться духовной консисторіей» и «Реестръ ставленническихъ расходовъ, назначенныхъ преосвященнымъ Антоніемъ Иллѣшевичемъ, 1748 года, октября 25», и Д. В. Фаворскій — «Изъ дѣла о битвѣ горбачемъ мѣщанина г. Вятки С. Фоминыхъ, 1792 года».

В. Рудаковъ.

Памяти В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя. Вып. I. Изд. императорской академіи наукъ. Спб. 1907.

Матеріалы, заключающіеся въ этой книгѣ, редактировались еще покойнымъ академикомъ А. Н. Веселовскимъ, редакція слѣдующаго выпуска поручена академику А. Н. Соболевскому. Настоящій выпускъ состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой напечатаны, съ точнымъ сохраненіемъ орфографіи и описокъ подлинника, письма Жуковскаго къ Николаю I и Александрѣ Теодоровѣ, относящіеся къ 1821—1852 гг. Они хранились въ библиотекѣ въ Зимнемъ дворцѣ. Всѣхъ писемъ—23, изъ которыхъ два адресованы Николаю I, а остальные— Александрѣ Теодоровѣ; большинство ихъ написано на русскомъ языкѣ и только восемь писемъ—на французскомъ.

Изъ писемъ Жуковского къ Николаю I у насъ было извѣстно очень немного: три письма, относящіяся къ 1830 и 1832 гг., напечатанныя въ «Русскомъ Архивѣ» въ 1896 г., одно письмо и три записки, напечатанныя въ «Собраніи сочиненій» поэта, изданномъ подъ редакціей А. Д. Алферова (1902 г.) и четыре письма 1829—1830 гг., появившіяся въ «Русской Старинѣ» въ 1902 г. Кромѣ того, на одно письмо (1850 г.) указываетъ И. А. Бычковъ въ описаніи бумагъ Жуковского. Изъ писемъ поэта къ Александрѣ Ѳеодоровнѣ были напечатаны: 20 писемъ (съ 1826—1840 гг.) въ «Русскомъ Архивѣ» за 1873 и 1874 гг., одно письмо (1840 г.), впервые напечатанное въ XI томѣ «Собранія сочиненій Жуковского», начатомъ печатаніемъ еще при жизни автора, и отсюда включенное во всѣ послѣдующія изданія, 6 писемъ (1821—1830 гг.), опубликованныхъ въ «Русской Старинѣ» въ 1901 и 1902 гг., одно письмо, напечатанное въ «Русскомъ Архивѣ» въ 1900 г., и одно письмо, помѣщенное въ «Собраніи сочиненій Жуковского», изданномъ подъ редакціей А. Д. Алферова. Кромѣ того, указанія на нѣкоторыя письма были сдѣланы И. А. Бычковымъ. Говорить о значеніи публикуемыхъ въ настоящей книгѣ писемъ не приходится: они даютъ матеріалъ не только для выясненія нравственнаго облика Жуковского, каждая новая черта котораго имѣетъ громадное значеніе для изслѣдователя, но и для обрисовки отношеній поэта къ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Періодъ ихъ отношеній, къ которому относятся письма, освѣщенъ пока очень мало, и для выясненія его они дадутъ интересный матеріалъ, такъ какъ носятъ интимный характеръ. Первой части книги предшествуетъ небольшое вступленіе А. А. Фомина, отыскавшаго и редактировавшаго письма, въ которомъ онъ даетъ общія свѣдѣнія объ нихъ, ихъ времени и значеніи. Къ письмамъ приложены прекрасно исполненные четыре фототипическихкихъ снимка съ портретовъ поэта, неизвѣстныхъ до сихъ поръ печати и хранившихся въ Зимнемъ дворцѣ. Эти портреты представляютъ большой интересъ. Первый изъ нихъ извѣстнаго современнаго поэту художника П. Ѳ. Соколова относится ко времени назначенія Жуковского наставникомъ великаго князя Александра Николаевича, т. е. къ 1823—1825 гг., второй и третій портреты, писанные Е. Рейтерномъ въ 1832 г., по словамъ сына художника Е. Е. Рейтерна, который видѣлъ поэта, будучи юношей, являются очень сходными и характерными, четвертый портретъ принадлежитъ кисти неизвѣстнаго художника и находился въ альбомѣ 1823—1837 гг. съ портретами преподавателей и свиты Александра Николаевича. Послѣ писемъ помѣщены примѣчанія, дающія свѣдѣнія для пониманія ихъ, и перечень извѣстныхъ въ печати писемъ поэта къ Николаю I и Александрѣ Ѳеодоровнѣ, могущій служить полезнымъ справочнымъ пособіемъ при изученіи дѣятельности Жуковского.

Вторую часть книги составляютъ дневники Жуковского, проверенные по подлинникамъ и приготовленные къ печати П. К. Симони. Хотя они были уже извѣстны и биографическое значеніе ихъ выяснено въ книгѣ А. Н. Веселовскаго—«В. А. Жуковский. Поэзія чувства и сердечнаго воображенія» (Сиб. 1904), въ которой приводятся большія выдержки, печатаніе этихъ дневниковъ не лишено значенія: въ руки изслѣдователей предоставляется цѣнный матеріалъ, извѣстный лишь по выдержкамъ. Къ дневникамъ приложена за-

мѣтка, въ которой описывается ихъ внѣшность, а также два снимка съ рисунковъ на обложкѣ одного изъ нихъ.

Въ концѣ книги напечатаны три статьи: К. Я. Грота — «В. А. Жуковский въ Москвѣ въ 1837 г.», составленная по новымъ матеріаламъ, и двѣ В. А. Францева — «Чешскіе переводы произведеній В. А. Жуковскаго и статьи о его жизни и литературной дѣятельности» и «Н. В. Гоголь въ чешской литературѣ».

Несмотря на значительное число трудовъ, посвященныхъ Жуковскому, его личность и дѣятельность не выяснены еще съ достаточною ясностью, въ силу чего опубликованіе всякихъ новыхъ матеріаловъ, уже не говоря столь цѣнныхъ, какъ настоящіе, имѣетъ большое значеніе для всесторонняго изученія вопроса. Ф.

Д. К. Треневъ. Сохраненіе памятниковъ древне-русской иконописи. Спб. 1907.

То уваженіе, почти благоговѣніе, съ какимъ относились люди московской Руси къ памятникамъ родной старины, совершенно исчезло въ петербургскій періодъ русской исторіи. Какъ это ни парадоксально, но западно-европейское просвѣщеніе, охватившее съ этого времени верхи нашего общества, породило въ немъ своего рода «вандализмъ» по отношенію къ своему старому. Прошло не мало десятилѣтій, пока онъ не былъ хоть нѣсколько ограниченъ и тѣмъ не менѣе этотъ «просвѣщенный вандализмъ» не исчезъ и теперь, въ XX столѣтіи. Правда, въ наши дни не слышно о непосредственномъ уничтоженіи памятниковъ старины, подобномъ тому, на примѣръ, свидѣтелемъ котораго былъ митрополитъ Евгеній, когда по распоряженію игумена одной обители древнія рукописи возами свозились на рѣку для «очистки» монастырскихъ помѣщеній. Но зато на нашихъ глазахъ памятники древности уничтожаются другимъ, едва ли не худшимъ, способомъ. Мы разумѣемъ гибель памятниковъ, особенно — древней иконописи, отъ рукъ «возстановителей».

Противъ этого зла и вооружается извѣстный любитель нашей древней иконописи Д. К. Треневъ, авторъ цѣлаго ряда изслѣдованій и цѣнныхъ изданій, о которыхъ мы не разъ имѣли случай писать въ отзывахъ о книгахъ по старому искусству. Главную причину этого зла онъ справедливо видитъ не столько въ самихъ иконописцахъ-реставраторахъ, исполняющихъ лишь то, чего отъ нихъ хотятъ заказчики, — сколько въ томъ равнодушіи и даже пренебреженіи, которыми даритъ древнія иконы наше общество и вслѣдъ за ними духовенство. А это равнодушіе и пренебреженіе, по мнѣнію автора, происходитъ прежде всего оттого, что, подъ вліяніемъ преклоненія предъ западнымъ искусствомъ, съ одной стороны, и упадка религіознаго чувства, съ другой, — мы разучились видѣть въ иконахъ прежде всего иконы и предъявляемъ къ нимъ тѣ же требованія, какимъ могутъ отвѣчать лишь картины.

Слѣдствіемъ этого явилось всеобщее стремленіе писать иконы въ новомъ стилѣ, но верѣдки случаи, когда желаютъ и реставрировать ихъ не въ томъ видѣ, въ какомъ дошли онѣ до насъ отъ временъ сѣдой старины, а въ иномъ,

портящемъ ихъ прежній рисунокъ и древнія краски подъ слоемъ блестящихъ красокъ и олифы. Этимъ стремленіемъ заражены не только частныя лица, но и церкви, и монастыри.

Къ той массѣ извѣстій объ ихъ вопіющемъ вандализмѣ, какая въ настоящее время появилась въ печати, а также сообщена въ прежнихъ сочиненіяхъ Д. К. Тренева, особенно въ его «Иконостасъ Смоленскаго собора московскаго Новодѣвичьяго монастыря», послѣдній сообщаетъ еще цѣлый рядъ новыхъ не менѣе вопіющихъ фактовъ. Такъ, въ одной подмосковной церкви, построенной Разумовскимъ при императрицѣ Елизаветѣ, настоятель съ разрѣшенія благочиннаго не больше, не меньше, какъ сжегъ старыя парчевыя облаченія и между ними—воздухи самой императрицы. Въ церквахъ Суздаля продавались скушничкамъ старинныя драгоценныя вещи и иконы, а многія изъ нихъ—вклады князя Пожарскаго въ Спасо-Евфимьевскій монастырь въ Суздаль, особенно—драгоценная икона Воскресенья. Другія иконы совершенно испорчены реставраціей, скрывшей древнюю иконопись подъ сплошнымъ слоемъ новыхъ красокъ плохихъ изображеній и т. д. Съ искренней печалью обрисовавъ подобныя способы «сохраненія» памятниковъ древней иконописи, Д. К. Треневъ предлагаетъ мѣры къ нормальной постановкѣ сохраненія ихъ, мѣры, при которыхъ спасеніе памятника не являлось бы его гибелью, какъ это наблюдается теперь. Мѣры эти давно извѣстны и давно уже ждутъ своего осуществленія—ясный признакъ необходимости ихъ постояннаго напомнанія. Прежде всего слѣдуетъ привести въ извѣстность выдающіеся по своему художественному религиозному значенію памятники древней иконописи; затѣмъ—запретить ихъ произвольную реставрацію; за порчу и уничтоженіе ихъ установить отвѣтственность и, наконецъ, учредить за реставраціей правильный надзоръ, который поручался бы людямъ, свѣдущимъ въ иконописаніи и церковной археологій и сочувствующимъ дѣлу сохраненія остатковъ старины.

Такимъ образомъ брошюра г. Тренева является новымъ напомнаніемъ о томъ «злѣ», которое авторъ видитъ въ повальномъ пренебреженіи русскаго общества къ національной старинѣ.

А. Я.

Л. Никольскій. Историческій очеркъ аѳонской стѣнной живописи. Спб. 1907.

«Очеркъ» явился плодомъ пребыванія Л. Никольскаго лѣтомъ 1903 г. на Аѳонѣ, съ цѣлью сфотографировать лучшія произведенія аѳонской стѣнной живописи, и, какъ говоритъ авторъ, «будучи органически связанъ съ альбомомъ, имѣть въ виду начертать лишь въ самыхъ главныхъ чертахъ общій ходъ фресковаго искусства на Аѳонѣ и дать отвѣтъ на спорные вопросы, накопившіеся въ литературѣ по предмету». Очеркъ распадается на четыре главы, изъ которыхъ I-ая посвящена фресковой живописи на Аѳонѣ до XVI вѣка и представляетъ изъ себя не характеристику опредѣленнаго періода, а лишь сводку тѣхъ немногихъ данныхъ о святогорскихъ фрескахъ, которыя дошли до насъ. Во второй главѣ разсматривается цвѣтущій періодъ исторіи фресковаго искусства

19*

на Аѳонѣ—XVI вѣкъ; въ 3-й главѣ—періодъ упадка его въ XVII и въ половинѣ XVIII вѣка; наконецъ, въ 4-ой главѣ—оживленіе фрескового искусства на Святой горѣ съ половины XVIII вѣка. Очеркъ написанъ на основаніи, главнымъ образомъ, трудовъ пресвященнаго Порфирія Успенскаго, А. Дмитревскаго, архимандрита Леонида, Фр. Миклашича, Н. Покровскаго, Ламброса, Байе, Н. Кондакова и др., но въ немъ заключается и не мало оригинальныхъ мыслей автора, удачно опровергающихъ, напримѣръ, мнѣнія Порфирія, высказанныя имъ подчасъ совершенно необоснованно. Особенно интереснымъ и живымъ дѣлаетъ очеркъ то обстоятельство, что г. Никольскій разсматриваетъ исторію искусства на Аѳонѣ параллельно съ исторіей внѣшнихъ условій жизни Аѳона, такъ какъ эти условія отражались на состояніи искусства, вліяли на его характеръ и т. д.

Общій ходъ развитія фрескового искусства на Аѳонѣ рисуется авторомъ въ слѣдующихъ чертахъ. Живя общей жизнью со всей Византіей, до паденія Константинополя Аѳонъ не выдѣлялся и своимъ особымъ характеромъ художественной дѣятельности. Своя иконописная школа создавалась въ немъ въ то время, когда онъ сформировался въ особое отъ прочихъ частей Византіи политическое цѣлое. Къ этому именно періоду и относится дѣятельность такихъ знаменитыхъ художниковъ XVI вѣка, какъ солунянинъ Панселинъ, критянинъ Теофанъ и біотіецъ Фралгъ, воспитавшіеся на внѣ-аѳонскихъ образцахъ, но создавшіе художественныя богатства, которыя сдѣлались затѣмъ спеціально аѳонскими и послужили образцами для иконописцевъ многихъ странъ православнаго Востока. «Словомъ,—резюмируетъ авторъ,—непосредственный результатъ дѣятельности художниковъ XVI вѣка оказался въ томъ, что съ этихъ поръ аѳонское фресковое искусство вращается въ кругу собственныхъ мѣстныхъ образцовъ. Пусть всѣ слѣдующіе художники приходятъ на Святую гору уже совершенными знатоками своего дѣла,—все же они принуждены хотя бы невольно черпать матеріалъ изъ мѣстныхъ иконописныхъ сокровищъ, какія имъ едва ли случалось встрѣчать раньше» (стр. 110). Съ XVII вѣка подъ вліяніемъ, съ одной стороны, развитія живописи масляными красками, съ другой, благодаря новымъ вкусамъ и новымъ художественнымъ теченіямъ,—въ аѳонской фресковой живописи начинается упадокъ, который, конечно, не въ силахъ была предупредить попытка лучшихъ иконописцевъ, предпринявшихъ изученіе образцовыхъ произведеній живописи XVI вѣка и изданіе на основаніи добытыхъ результатовъ руководствъ для иконописцевъ («Подлинниковъ», иначе «Ерминій»). Не большіе результаты принесло и оживленіе фресковой живописи во второй половинѣ XVIII вѣка. Если на первый взглядъ, хотя бы и въ одномъ количественномъ отношеніи, фресковое искусство воскресло на Аѳонѣ, то воскресло оно «чахлымъ, истощеннымъ и безжизненнымъ, со всѣми недостатками, нажитыми за послѣднія полтора столѣтія и, казалось, вызвано было въ жизни лишь для того, чтобы въ послѣдней судорожной вспышкѣ сознать свое безсиліе, свое несоотвѣтствіе новой эпохѣ и умереть навѣки...»

Въ концѣ очерка г. Никольскій посвящаетъ нѣсколько страницъ очень важному и мало выясненному вопросу объ отношеніи аѳонской фресковой

живописи XVI вѣка къ русской. По его мнѣнію, дѣятельность Панселина, Теофана и Фралга не оставила замѣтно плодотворныхъ слѣдовъ въ русскомъ искусствѣ. «Чрезвычайно стройныя схемы украшенія храмовъ разныхъ видовъ,—замѣчаетъ онъ,—выработанныя этими мастерами, такъ же, какъ и улучшенія, произведенныя ими въ техникахъ, повидимому, остались вовсе неизвѣстны нашимъ стѣнописцамъ». Къ сожалѣнію, послѣднее утвержденіе мало обосновано.

«Очеркъ» снабженъ хорошо сфотографированными образцами аеонской стѣнописи и таблицами, указывающими расположеніе отдѣльныхъ изображеній на цѣлыхъ стѣнахъ, цѣнными дополненіями къ «зографической лѣтописи Аэона» епископа Порфирія и спискомъ фотографій въ порядкѣ древности изображеній, отъ XV по XIX вѣка.

А. Я.

Князь С. Д. Урусовъ. Записки губернатора. Спб. 1907.

Центральное мѣсто въ административной дѣятельности бывшаго бессарабскаго губернатора князя Урусова составляетъ еврейскій вопросъ. Ему же была посвящена и единственная рѣчь, сказанная княземъ въ качествѣ депутата первой государственной думы. Рѣшеніе все той же неразрѣшимой загадки сфинкса предполагалъ дать онъ и въ настоящей книгѣ. Такая специализация кажется немного ненормальной, особенно со стороны администратора, на котораго возложено попеченіе о разноплеменномъ населеніи цѣлаго края, но до нѣкоторой степени ее можно объяснить тѣмъ подавляющимъ впечатлѣніемъ, которое произвелъ въ свое время извѣстный кишиневскій погромъ. Непредубѣжденнаго читателя привѣтливая благожелательность властнаго сановника къ евреямъ невольно какъ-то располагаетъ въ пользу автора, но по мѣрѣ дальнѣйшаго ознакомленія съ «Записками губернатора» приходишь къ грустному заключенію, что князь Урусовъ и въ качествѣ администратора, и въ качествѣ литератора не обнаружилъ должной серьезности по отношенію къ дѣлу и что его односторонность принесла только отрицательные результаты. Когда при его управленіи произошелъ несчастный случай съ христіанской дѣвушкой, служившей у еврея, и вызвалъ въ населеніи легендарные толки, угрожавшіе чуть ли не повтореніемъ погрома, либеральный губернаторъ, несмотря на весь свой тщательно подчеркиваемый либерализмъ, вмѣсто того, чтобы привлечь болтуновъ къ судебной отвѣтственности за распространеніе ложныхъ слуховъ, предпочелъ воспользоваться правами усиленной охраны и выслалъ главу мѣстныхъ юдофобовъ изъ города административнымъ порядкомъ. Крутая мѣра заставила многихъ попридержать языки, но имѣла своимъ послѣдствіемъ весьма подозрительное и недовѣрчивое отношеніе населенія ко всей администраціи. Цѣною горькаго опыта князь Урусовъ убѣдился, что специализация на роли «охранника евреевъ» для губернатора во многихъ отношеніяхъ неудобна (?). Приходилось заботиться о томъ, чтобы не только губернаторъ, но и полиція и войска не являлись бы въ глазахъ населенія и въ своихъ собственныхъ глазахъ какой то специально къ евреямъ приравненной стражей.

Чтобы разрешить задачу, казалось, достаточно было проявлять равную заботу о всѣхъ слояхъ населенія, относиться одинаково, но справедливо и къ евреямъ и къ русскимъ. Однакоже, князь предпочелъ вмѣсто этого разыграть для успокоенія общества довольно нехорошую комедію, о которой самъ же легкомысленно рассказываетъ.

«Какъ разъ во время нашей Пасхи, которую мы проводили въ роли еврейскихъ тѣлохранителей»,—повѣствуетъ онъ,—въ домѣ одного еврея произошло собраніе единовѣрцевъ, на которомъ врачъ Коганъ прочелъ отчетъ о дѣятельности какого-то еврейскаго благотворительнаго общества. Хотя собраніе было самое невинное, но губернаторъ, посоветовавшись съ прокуроромъ, «тоже юдофиломъ», оштрафовалъ домовладѣльца и заключилъ подъ арестъ на двѣ недѣли доктора Когана. Сперва административный Соломонъ ожидалъ наплыва еврейскихъ ходатайствъ за невинно заключеннаго, но умные евреи прекрасно поняли, въ чемъ дѣло, не безіаконили его превосходительство, а по окончаніи срока дипломатической кары еврейская депутація во главѣ съ выпущеннымъ Коганомъ поднесла суровому губернатору дипломъ почетнаго члена благотворительнаго общества. «Конечно, этотъ случай еврейской мстительности я не рѣшусь выдать за общее правило», прибавляетъ веселый рассказчикъ и добродушно повѣствуетъ о томъ, какъ изобрѣтательные евреи, скопировавши его выѣздъ, провѣряли по ночамъ бдительность полицейской охраны, пугая ее неусыннымъ губернаторскимъ контролемъ.

Хотя князь Урусовъ въ своей первой привѣтственной рѣчи къ еврейской депутаціи и призывалъ евреевъ не переполнять чашу народнаго терпѣнія слишкомъ неумѣренной эксплуатаціею производительнаго и трудящагося населенія, но въ послѣдствіи самъ сталъ на иную точку зрѣнія и превратился въ защитника даже ясно незаконныхъ формъ эксплуатаціи, напимѣръ, хищнической загородной скупки евреями привозимыхъ крестьянами продуктовъ, по дорогѣ къ рынку, восприняемой закономъ одинаково для скушниковъ всѣхъ вѣроисповѣданій. Въ смыслѣ какихъ-либо попытокъ рѣшенія еврейскаго вопроса къ самымъ экономическимъ основамъ его онъ ровно ничего не дѣлалъ, а налегалъ больше на обычныя военно-полицейскія репрессіи, ходатайствовалъ о закрытіи крушевской газеты и проч. Не безъ самодовольства вспоминаетъ онъ, напимѣръ, какъ благодаря любезности графа Мусина-Пушкина въ отмѣну указанныхъ закономъ ему удалось установить «свои бессарабскія правила о призывѣ войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ», совершенно подчинившія войска полиціи: «на каждый мѣсяць давался пароль, который могъ быть сообщенъ начальнику дежурной (военной) части по телефону любымъ изъ полицейскихъ чиновъ, а по сообщеніи пароля, командиръ части выступалъ черезъ 10 минутъ въ назначенное мѣсто, не дожидаясь приказа военнаго начальства».

Такимъ образомъ, войска всегда были готовы къ дѣйствию оружіемъ и къ пролитію крови по командѣ перваго городского или околоточнаго, могущаго проявить безкорыстную ретивость въ защитѣ еврейскаго спокойствія. Неудивительно, что новшества князя Урусова встрѣтили и среди офицеровъ, и среди солдатъ такое глухое недовольство, что ему пришлось прибѣгать

даже къ обманамъ, облыжно извѣщать для наряда войскъ генераловъ о готовящихся будто бы революціонныхъ шествіяхъ съ красными флагами и проч. Въ концѣ концовъ онъ самъ пришелъ къ тому въ высшей степени поучительному выводу, что «въ интересахъ охраны порядка наилучшій исходъ— вовсе не обращаться къ содѣйствію войскъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о евреяхъ».

Несмотря на то, что князь очень много распространяется о своей приверженности къ закону, послѣдній игралъ при княжескомъ управленіи Бессарабіей очень жалкую роль—роль обманутаго мужа, который все видитъ, все знаетъ, но ни противъ чего не протестуетъ. Законъ строго возбраняетъ еврейскія аренды, а чуть не всѣ имѣнія находились именно въ арендѣ у евреевъ. Законъ воспрещаетъ евреямъ жить въ селахъ, а всѣ бессарабскія села кишмя кишатъ генделюющими евреями. Законъ воспрещаетъ брать взятки, а между тѣмъ всѣ арендуемые евреями имѣнія обложены въ пользу полиціи определеннымъ десятиннымъ сборомъ, который даетъ, по подсчету самого губернатора, свыше милліона рублей ежегодно. «Обычай вознаграждать полицію за снисходительное отношеніе къ обходу закона,—признается авторъ,—остался и при мнѣ во всей силѣ». Онъ не могъ бороться со зломъ, потому что всею душою стоялъ на сторонѣ нарушителей закона. «Никто не можетъ признать—разсуждаетъ князь объ еврейскихъ арендахъ, а можетъ быть и о добровольныхъ данностяхъ арендаторовъ,—чтобы въ желаніи одного лица сдать свое имущество и въ готовности другого лица это имущество принять заключалось что-нибудь предосудительное». Съ такими моральными и духовными ресурсами кн. Урусовъ, даже сосредоточившись всецѣло на еврейскомъ вопросѣ, не былъ способенъ что-нибудь сдѣлать въ смыслѣ дѣйствительнаго разрѣшенія послѣдняго. Слишкомъ поверхностный умъ его не привыкъ къ строгой логикѣ и не всегда умѣетъ сводить концы съ концами. Напр., на стр. 133 онъ сообщаетъ, что почти всѣ бессарабскіе помѣщики сдаютъ свои имѣнія въ аренду. На стр. 326 говоритъ, что «арендаторъ въ Бессарабіи не столько сельскій хозяинъ, сколько посредникъ по передачѣ отдѣльныхъ участковъ имѣній сосѣдямъ, нуждающимся въ землѣ. Его цѣль—подучить возможно большую разницу между суммой, определенной въ контрактѣ, и платой, получаемой имъ самимъ отъ крестьянъ». Наконецъ, на многихъ страницахъ разбросаны признанія, что большинство сдаваемыхъ въ аренду имѣній Бессарабіи попадаетъ въ руки евреевъ, а общій выводъ изъ всѣхъ этихъ фактическихъ данныхъ тотъ, что... никакой эксплоатаціи евреями крестьянъ въ Бессарабіи нѣтъ и что бессарабскіе евреи, владѣльцы и арендаторы, торговцы и скупщики, посредники и факторы, могутъ ѣсть добытый своими трудами хлѣбъ съ спокойною совѣстью.

Въ азартѣ юдофильскаго увлеченія авторъ не отступаетъ ни передъ какими абсурдами. Онъ утверждаетъ, что къ «исполненію воинской повинности евреи привлекаются у насъ въ большемъ количествѣ, нежели прочіе русскіе подданные», въ защиту евреевъ-контрабандистовъ говоритъ, что они «наносить вредъ государственному казначейству, а не окрестному населенію», увѣряетъ, что молдованскіе крестьяне относятся къ евреямъ съ горячею симпатіею, и въ доказательство этого ссылается на то, что даже сидѣвшіе въ тюрьмѣ за уча-

стіе въ кишиневскомъ погромѣ выражали ему свою любовь къ евреямъ. Правда, многие сыны Израиля грѣшатъ ростовщичествомъ, но, признавая ихъ обычай взимать лихвенные проценты и фиктивные расписки на двойную сумму займа, князь ручается своимъ княжескимъ словомъ, что «ростовщики-евреи всячески охраняютъ профессиональную честь» и никогда двойного обязательства съ исправнаго плательщика не взыскиваютъ, при томъ же, добавляетъ наивный адвокатъ,—«мѣстные судьи дивно учили обычай евреевъ брать двойныя расписки и чрезвычайно охотно отказываютъ имъ въ такого рода искахъ».

Слишкомъ рѣзко выраженное пристрастіе къ евреямъ подрываетъ всякую цѣнность свидѣтельскихъ показаній князя Урусова. Къ настоящему времени, напр., въ чертѣ оѣдлости перебиты и перестрѣяны цѣлыя сотни городовыхъ, солдатъ и частныхъ лицъ. Между тѣмъ бывшій кишиневскій губернаторъ считаетъ своимъ долгомъ сказать, что страхъ по поводу еврейскихъ вооруженій и значеніе, придаваемое еврейскимъ дружинамъ, оказались значительно преувеличенными. «Бывали случаи собранія за городомъ еврейскихъ подростковъ, слышны были иногда ихъ выстрѣлы въ цѣль, но разслѣдованіе полиціи всегда обнаруживало, что въ такого рода собраніяхъ масса населенія участія не принимала и что мы имѣли дѣло съ затѣями и организаціями полудѣтскими, граничащими съ шалостью. Они казались мнѣ почему-то игрушечными революціонерами съ мячиками вмѣсто бомбъ».

Губернаторское покровительство дѣтскимъ играмъ еврейскихъ подростковъ въ динамитные мячики можно было бы отнести на счетъ сановной наивности, но есть въ запискахъ признанія, ясно говорящія, что дѣло здѣсь не въ одной наивности. Напр., въ оправданіе поголовной порки крестьянъ, учиненной въ Харьковской губерніи, авторъ говоритъ, что его коллега кн. Оболенскій не имѣлъ основанія смотрѣть на всыхнувшія въ то время въ деревняхъ безпорядки и насилія, какъ на участіе населенія въ общемъ протестѣ страны противъ правительства и, застигнутый врасплохъ, употребилъ всю свою энергію на подавленіе грабежей и пожаровъ, не углубляясь въ разсужденія по поводу причинъ, вызвавшихъ безпорядки.

Пороть мужиковъ хорошо и благородно, по мнѣнію либеральнаго кадета-губернатора, только тогда, когда они бунтуютъ просто съ голодухи, а разъ ихъ «насилія, грабежи и поджоги» имѣютъ значеніе посильнаго «участія въ протестѣ противъ правительства», назначающаго такихъ милыхъ губернаторовъ, тогда порка становится дѣломъ конфузнымъ. Своими объясненіями болтливый и безтактный князь съ головой выдаетъ всю хитрую политику административно-кадетскаго іезуитизма. Весьма вѣроятно, что самъ онъ не повторилъ ошибки Оболенскаго относительно еврейскихъ боевыхъ дружинъ лишь потому, что не могъ усомниться въ ихъ революціонномъ значеніи. Интересно, что и своего харьковскаго коллегу онъ цѣнитъ главнымъ образомъ за то, что «къ евреямъ кн. Оболенскій относился снисходительно и добродушно»...

Нельзя не согласиться только съ однимъ правдивымъ наблюденіемъ бессарабскаго губернатора. У него, вѣроятно, недаромъ сложилось убѣжденіе, что среди нашихъ евреевъ склонность къ спокойному буржуазному существованію,

равнодушіе къ идейной сторонѣ всякаго рода политики сильнѣе, чѣмъ у прочихъ народностей. Женатый юноша, если онъ обзавелся имуществомъ на нѣсколько десятковъ рублей, быстро переходитъ въ защитники порядка.

Этимъ князь старается доказать, что евреи чужды революціи, но само собою разумѣется, что именно буржуазныя стремленія и могутъ толкать евреевъ на революцію, поскольку существующій порядокъ стѣсняетъ безпредѣльный ростъ еврейской буржуазіи. Высокая общественная цѣнность автобіографическихъ записокъ Урусова заключается именно въ томъ, что онѣ воочью раскрываютъ передъ взоромъ читателя глубокую, почти органическую буржуазность нашего кадетскаго и административнаго юдофильства. Болѣе тактичныя лидеры кадетской партіи едва ли будутъ благодарны своему сановному прозелиту за болтливую откровенность многихъ его далеко не дипломатическихъ признаній.

И. Г.

Н. А. Морозовъ. Откровеніе въ грозѣ и бурѣ. Спб. 1907.

О происхожденіи новѣйшаго толкованія на Апокалипсисъ авторъ повѣствуетъ слѣдующее: послѣ семимѣсячнаго пребыванія въ Петропавловской крѣпости ему для назиданія въ вѣрѣ дали старинную біблію на французскомъ языкѣ. Принявшись за чтеніе Апокалипсиса, г. Морозовъ съ первой же главы началъ, по его словамъ, узнавать въ апокалипсическихъ звѣряхъ на половину аллегорическое, а на половину буквально точное и притомъ чрезвычайно художественное изображеніе грозовыхъ картинъ, а кромѣ нихъ и замѣчательное описаніе созвздій древняго неба и планетъ въ этихъ созвздіяхъ. Укрѣпившись въ мысли, что апокалипсическіе звѣри не что иное, какъ названіе созвздій, авторъ опредѣлилъ на картѣ неба ихъ взаимное положеніе, а затѣмъ, вычисливъ, когда именно каждое изъ нихъ занимало такое положеніе, получилъ 395 г. по Р. Х., когда наблюдалась на небѣ та именно констелляція, которая описана въ Апокалипсисѣ подъ именемъ разныхъ звѣрей. Такимъ образомъ г. Морозовъ опредѣляетъ дату составленія этой таинственной книги, именно 395 г. по Р. Х. Перебирая лицъ съ именемъ Іоаннъ, дѣятельность которыхъ относится къ концу IV вѣка и которымъ можно было бы приписать составленіе Апокалипсиса, г. Морозовъ, естественно, останавливается на самомъ видномъ тогдашнемъ представителѣ восточной церкви, знаменитомъ Іоаннѣ Златоустѣ. Такимъ образомъ получаютъ три основныхъ положенія книги г. Морозова: 1) Апокалипсисъ есть описаніе бури, видѣнной его авторомъ съ острова Патмоса; 2) Апокалипсисъ составленъ въ 395 г. по Р. Х., и 3) авторомъ его былъ Іоаннъ Антіохійскій, по прозвищу Хризостомъ, или Златоустъ.

Въ Шлиссельбургѣ у автора, конечно, не было подъ руками цѣлой бібліотеки, въ которой приходится наводить справки, затрогивая столь сложный и спорный вопросъ. А выйдя изъ заключенія, авторъ, можетъ быть, не пожелалъ разстаться съ мечтой, улаждавшей долгіе годы его одиночнаго заключенія, и не захотѣлъ подвергнуть ее историко-критическому анализу. Иначе

ему неминуемо пришлось бы убѣдиться, какъ шатки основанія, на которыхъ построено все его толкованіе.

Первое свое положеніе г. Морозовъ доказываетъ тѣмъ, что переводить Апокалипсисъ по-своему и дѣлаетъ въ немъ такія вставки, что въ его книгѣ мы имѣемъ не знакомый всѣмъ Апокалипсисъ съ его мистической таинственностью, такъ долго подстрекавшей къ разгадкѣ этой книги человѣческую мысль, а нѣчто совершенно другое, упрощенное. Вотъ отрывокъ изъ распространеннаго перевода г. Морозова: «Я взглянулъ (на открывшееся отъ облаковъ новое мѣсто зодіакальной полосы,—дополняетъ новѣйшій толкователь) и вотъ тамъ находился мертвенно-блѣдный конь (зловѣщая планета Сатурнъ), а поднимающемуся на него имя смерть (Скорпионъ) и подземное царство слѣдовало за нимъ (Стрѣлецъ, Козерогъ, Водолей и обитатели морскихъ безднъ Рыбы) и дана имъ власть надъ (прикрываемой ими юго-восточной) четвертью земли, чтобы умерщвляли тамъ людей мечомъ и голодомъ и моромъ и звѣрями земными». Тутъ почти половина текста самого г. Морозова, который безъ всякихъ убѣдительныхъ для читателя резонновъ отождествляетъ апокалипсическую «смерть» съ созвѣздіемъ Скорпиона, подземное царство считаетъ синонимомъ созвѣздія Стрѣльца, Козерога и т. д., а упоминаемаго въ апокалипсическомъ текстѣ коня считаетъ Сатурномъ только потому, что въ греческой нисѣмности Сатурнъ встрѣчается съ тѣмъ же эпитетомъ «chlōros» — блѣдный,—который находится въ Апокалипсисѣ при словѣ «конь» въ этомъ мѣстѣ. «И имѣли они (т. е. животныя) на каждого изъ себя по шести крыльевъ (по шести крыловидныхъ полосъ—часовъ прямого восхожденія неба,—добавляетъ отъ себя апокалипсическій текстъ г. Морозовъ), расположенныхъ круговидно, а внутри себя и около они полны очей (звѣздъ) и ни днемъ, ни ночью не имѣютъ покоя, восклицая (своимъ мерцаньемъ (?) добавляетъ комментаторъ): святъ, святъ, святъ Властелинъ, нашъ Богъ всемогущій, тотъ, кто былъ, есть и будетъ».

Едва ли можно отрицать, что при помощи такого метода толкованія можно доказать рѣшительно все, что угодно. Во-вторыхъ, вѣроятно ли, чтобы наблюдатель, передъ которымъ вечеромъ 30 сентября 395 г. на островѣ Патмосѣ разразилась страшная буря, могъ замѣтить, а потомъ и описать положеніе созвѣздія съ такою точностью, что черезъ полторы тысячи лѣтъ ученые сразу узнаютъ въ его описаніи констелляцію 395 г. До того ли было наблюдателю во время страшной бури? Засимъ, необходимо предположить, что этотъ наблюдатель отлично былъ знакомъ съ звѣзднымъ небомъ. Самъ г. Морозовъ говоритъ, что авторъ Апокалипсиса трактуетъ въ своей книгѣ о созвѣздіяхъ, ихъ фигурахъ, движеніяхъ планетъ, т. е. о предметахъ мало извѣстныхъ не астрономамъ (стр. 31).

Но едва ли можно предположить, что такія познанія были у Іоанна Златоуста. Какъ вообще у отцовъ восточной церкви, отношеніе его къ астрономіи или, какъ тогда говорили, астрологіи, совершенно отрицательное. Если бы авторъ далъ себѣ трудъ справиться по указателю къ сочиненіямъ Златоуста, напечатанъ знаменитымъ Минемъ въ его «Patrologiae Cursus Completus», то вотъ какіе отзывы этого іерарха нашель бы тамъ г. Морозовъ: «Нѣкоторые

говорили, что астрологія наука истинная» (t. VII, 61); «Христосъ упразднилъ ложную науку астрологію» (t. VII, 61); «нѣкіе враги истины говорили, что астрологія— наука истинная» (t. VII) и т. д. Спрашивается, сталъ бы Златоустъ заниматься тѣмъ, что упразднено самимъ Христомъ, какъ нѣкое ложное знаніе? Второе соображеніе не въ пользу приписаннаго г. Морозовымъ авторства Златоусту въ томъ, что, какъ извѣстно, Златоустъ вышелъ изъ антиохійской школы проповѣдниковъ, а школа эта терпѣть не могла аллегоріи и символизма и старалась толковать св. Писаніе по возможности буквально. Какимъ же образомъ писатель съ такимъ направленіемъ вдругъ измѣнилъ бы своей литературной манерѣ и написалъ силовную аллегорію?

Сомнѣнія читателя перейдутъ въ увѣренность, что и г. Морозову не удалось объяснить происхожденіе этой таинственной книги, если заглянуть въ первоисточники для исторіи первоначальной христіанской церкви, изъ которыхъ главнѣйшій—церковная исторія епископа Евсевія, вышедшая въ 325 г. по Р. Х. Въ этой огромной компіляціи включено не мало сочиненій, до насъ не дошедшихъ, въ которыхъ уже упоминается объ Апокалипсисѣ и называется его авторъ. Такъ Іустинъ мученикъ (t. 150) писалъ: «Іоаннь, одинъ изъ апостоловъ Христовыхъ, въ бывшемъ ему откровеніи» и т. д. Мелитовъ Сардійскій (t. 170) написалъ даже комментаріи на Апокалипсисъ, которые до насъ не дошли, но о которыхъ считаетъ нужнымъ упомянуть Евсевій. Приней, знаменитый лѳонскій епископъ II вѣка, прямо пишетъ: «Апокалипсисъ появился незадолго передъ симъ и почти въ наше время, въ концѣ царствованія Доміціана». На основаніи этого свидѣтельства долгое время считали, что Апокалипсисъ былъ написанъ въ 90-хъ годахъ I вѣка. Но открытый Пококе сирійскій переводъ Апокалипсиса вмѣсто Доміціана даетъ указаніе на Нерона, т. е. на 60 годы того же вѣка. И дѣйствительно, оба эти десятилѣтія болѣе всѣхъ другихъ могли вызвать появленіе откровенія. Жестокія казни, гоненія, дикія оргіи, въ которыхъ заканчивалъ свое существованіе древній языческій міръ, могли сильно потрясти поэтическую душу наблюдателя и вызвать изъ-подъ его пера твореніе, полное мистической тайны и ужаса, каковъ Апокалипсисъ. Событія IV вѣка, на которыя указываетъ г. Морозовъ (борьба разныхъ партій восточнаго духовенства), слишкомъ мелки, чтобы вдохновить составителя Апокалипсиса. Къ тому же церковное преданіе и рядъ авторитетнѣйшихъ именъ въ родѣ Оригена и Тертуліана, Климента Александрійскаго и др. упорно считаютъ составителемъ Апокалипсиса именно Іоанна Богослова. Новѣйшая историческая критика также относитъ время составленія Апокалипсиса къ I вѣку, но видитъ въ немъ переработку нѣсколькихъ ранѣ существовавшихъ въ еврейской литературѣ откровеній (см. Harnach. Geschichte der Altchristlichen Litteratur. Leip. 1897. B. I, 3 S. 245).

Мы указываемъ здѣсь на несостоятельность основныхъ предположеній г. Морозова и не имѣемъ мѣста отмѣчать странность нѣкоторыхъ его частныхъ выводовъ. Не можемъ однако не обратить вниманія на одинъ изъ нихъ, быть можетъ, заставившій автора приписать авторство Іоанну Златоусту. Характеризуя этого святителя, г. Морозовъ заявляетъ: «Онъ былъ ре-

волюціонеромъ и республиканцемъ, такъ какъ мечеть грома и молніи на земныхъ царей». Римскіе папы съ самаго отдѣленія церквей только тѣмъ и занимаются, что борются за свѣтскую власть и мечутъ грома противъ царей (вспомните Иннокентія III). Что же—и они по взгляду г. Морозова «республиканцы и революціонеры»?

Прежде, чѣмъ торжествовать въ соблазнительной мысли понять то, чего еще никому не было дано уразумѣть, авторъ долженъ былъ бы разрушить установившееся въ наукѣ представленіе объ Апокалипсисѣ и опровергнуть факты, имѣющіеся въ распоряженіи исторической науки. А факты эти неопровержимо свидѣтельствуютъ противъ г. Морозова, и Апокалипсисъ по-прежнему продолжаетъ оставаться для насъ книгою за семью печатами.

А. В.—ловъ.

В. В. Святловскій. Положеніе вопроса о рабочихъ организаціяхъ въ иностранныхъ государствахъ. Вып. I. Профессиональные рабочіе союзы. 2-е изд., дополн. и исправл. 1906.

Разбираемая книга состоитъ изъ 6-ти главъ, изъ которыхъ первыя 4 посвящены исторіи возникновенія и развитія профессиональныхъ союзовъ въ разныхъ странахъ, а 5-я и 6-я—теоретическому выясненію значенія профессиональнаго движенія.

Оставляя въ сторонѣ мало интересную 1-ю главу, излагающую на 15-ти страницахъ исторію древнихъ и средневѣковыхъ организацій, мы во II-ой главѣ находимъ попытку классификаціи рабочихъ союзовъ—попытку довольно безнадежную и туманную: «съ точки зрѣнія цѣлостности преслѣдованія задачъ, рабочіе союзы могутъ быть раздѣлены на 1) союзы чистаго типа, преслѣдующіе одну какую-либо задачу, и 2) союзы съ разнородными задачами, или союзы, такъ сказать, смѣшаннаго типа» (стр. 21), говоритъ авторъ. Какіе союзы ему, однако, угодно отнести къ чистымъ, какіе къ смѣшаннымъ, не видно, но изъ 3-го абзаца на той же страницѣ усматривается, что «всѣ профессиональные союзы чистаго типа» относятся имъ къ союзамъ съ яркимъ стремленіемъ отстаивать свои чисто профессиональные интересы, особенно нормировку заработной платы и рабочаго времени. Вотъ и возникаетъ вопросъ: что эти всѣ «чисто» профессиональные интересы—одна задача, или сюда войдутъ разнородныя задачи? Будетъ ли чисто профессиональнымъ интересомъ—содѣйствіе общему профессиональному развитію и войдетъ ли это въ одну задачу? Массу подобныхъ вопросовъ можно было бы задать автору по поводу каждаго изъ его дѣленій, а онъ ихъ приводитъ восемь, причемъ, приводя дѣленіе союзовъ по мелкимъ и не имѣющимъ характернаго значенія признакамъ, г. Святловскій забываетъ одно крупное дѣленіе ихъ—по признаку признанія или отрицанія классоваго характера борьбы. Правда, авторъ (на стр. 22) указываетъ на дѣленіе союзовъ по партійнымъ убѣжденіямъ ихъ членовъ, но, признавая въ дальнѣйшемъ вліяніе этого признака и на цѣли и на способы дѣятельности

союзовъ, онъ долженъ былъ, по нашему мнѣнію, въ вопросѣ классификаціи болѣе внимательно отнестись именно къ этому признаку. Обращаясь въ 3-ей главѣ къ изложенію исторіи, организаци и дѣятельности профессиональных рабочихъ союзовъ, онъ, къ сожалѣнію, оставляетъ внѣ поля своего разсмотрѣнія весь сѣверъ — Швецію, Норвегію и Данію; этотъ пробѣлъ является чрезвычайно существеннымъ, и его легко можно было восполнить хотя бы въ отношеніи къ Даніи, продѣлавъ съ помѣщенной въ «*Neue Zeit*» за 1905 г. статьей о датскихъ союзахъ то же, что онъ примѣнилъ къ статьѣ профессора Гефнера въ «*Handwörterbuch*» о Швейцаріи, т. е. попросту искромсать и перевести.

Итакъ, глава III-я даетъ намъ — по крайней мѣрѣ должна дать — исторію, организацию и дѣятельность союзовъ Англии, Франціи, Бельгіи, Германіи, Австріи, Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, Италіи, Голландіи, Канады и Австраліи. Мы не будемъ останавливаться на всѣхъ этихъ очеркахъ; общее у нихъ то, что составлены они въ достаточной степени поверхностно и небрежно и не даютъ совершенно даже общей картины развитія профессиональных союзовъ въ той или иной странѣ (союзамъ Соедин. Штатовъ и Италіи авторъ удѣлил по 4 стран., Голландіи и Австраліи по 2, Канадѣ—1); отдѣльныя части совсѣмъ несоразмѣрны, и многіе, подчасъ наиболѣе важныя, вопросы обойдены молчаніемъ, хотя они въ жизни союзовъ играютъ огромную роль. Такъ, разбирая англійскіе трэдъ-юніоны и отношеніе къ нимъ законодательства, авторъ ни единой строки не посвящаетъ вопросу о гражданской ответственности союзовъ и о знаменитыхъ рѣшеніяхъ кассационнаго суда. Соотношеніе старыхъ и новыхъ трэдъ-юніоновъ, а равно ихъ отношеніе къ рабочей партіи Англии въ изложеніи автора остается также неуловимо. Обмолвившись (стр. 58) о неисчислимыхъ выгодахъ, создаваемыхъ коллективнымъ договоромъ, авторъ не далъ себѣ труда остановиться на роли, которую сыграли трэдъ-юніоны въ этой области, хотя на недостатокъ литературы по этому вопросу жаловаться не приходится. Чтобы не утомить читателя, мы ограничимся еще разсмотрѣніемъ очерка объ исторіи и организаци союзовъ Германіи. Мы оставляемъ въ сторонѣ небрежности изданія (ср. стр. 114, 115): таблица, которая должна изобразить состояніе союзовъ въ цифрахъ, содержитъ очень мало вѣрныхъ цифръ — всѣ онѣ перекутаны, и читатель не получаетъ никакого понятія о состояніи «*Gewerkschaften*». Но этого мало. Приводя необыкновенно подробно содержаніе законопроекта *Bargmann'a* (1903 — 1904 г.г.), цитируя дословно весь уставъ гиршъ-дункеровскаго союза нѣмецкихъ фабричныхъ и ремесленныхъ рабочихъ, г. Святловскій совершенно не далъ, хотя бы въ общихъ чертахъ, описанія законодательства, удовольствовавшись одной фразой: «въ Германіи нѣтъ особаго законодательства о рабочихъ союзахъ» (стр. 119). Но автору, вѣроятно, небезызвѣстно, что въ общегерманскомъ гражданскомъ уложеніи предусмотрѣнъ вопросъ объ обществахъ профессиональныхъ въ отличіе отъ политическихъ и промышленныхъ; что законъ иначе относится къ однимъ обществамъ, чѣмъ къ другимъ; что въ зависимости отъ этого стоитъ вопросъ о регистраціи и приобрѣтеніи правъ юридическаго лица и т. д. и т. д... Сколько энергіи и силъ стояли и

стоять профессиональнымъ союзамъ въ Германіи эти вопросы, какъ отражается на ихъ дѣятельности и развитіи разрѣшеніе этихъ вопросовъ не въ пользу союзовъ, обо всемъ этомъ авторъ умалчиваетъ, хотя эти вопросы неоднократно трактовались не только въ обширной литературѣ по профессиональному движенію, но и составляли тему цѣлаго ряда статей въ «Correspondenzblatt der Generalkommission der Gewerkschaften Deutschlands».

Столь же туманную картину дѣятельности союзовъ представляет и очеркъ о союзахъ Австріи; въ немъ, подробно останавливаясь на комитетахъ подмастерьевъ (Gehilfenausschuss), по существу говоря гораздо болѣе подходящихъ подъ типы нашихъ ремесленныхъ управъ, чѣмъ профессиональныхъ союзовъ, авторъ вопросу о настоящихъ союзахъ удѣляетъ 1 страницу. Понятно, что при такой системѣ изложенія отъ него совершенно ускользнула вся исторія развитія австрійскихъ профессиональныхъ союзовъ, а главное—совершенно отсутствуетъ какое бы то ни было представленіе о теперешнемъ ихъ состояніи.

Удѣливъ этимъ, какъ мы видѣли, очень мало систематическимъ и по результатамъ совершенно безплоднымъ очеркамъ 178 стр., г. Святловскій на протяжении послѣднихъ 2-хъ главъ (стр. 179—214) пытается дать теоретическое обоснованіе профессиональнаго движенія. Но и здѣсь результаты не оправдываютъ попытку. Выводя возникновеніе союзовъ изъ борьбы рабочихъ за дѣйствительную свободу договора, авторъ доходитъ до признанія (стр. 201), что «разрѣшеніе устройства профессиональныхъ рабочихъ союзовъ есть только завершеніе того стройнаго законодательнаго зданія, введеніе котораго въ жизнь началось призваніемъ индивидуальной свободы». Какъ примирить съ этимъ признаніемъ «завершенія стройнаго законодательнаго зданія» приводимые самимъ авторомъ факты существованія союзовъ и при наличности запрещеній законодательства, и въ чемъ усматриваетъ «стройность» законодательнаго зданія авторъ, признающій для рабочаго движенія необходимость параллельнаго и согласованнаго направленія профессиональной и политической борьбы, необходимость не только борьбы за непосредственное улучшеніе положенія на почвѣ существующаго строя, но и борьбы за вліяніе на законодательство — на все это въ разбираемой книгѣ отвѣта мы не получили.

Можно поставить въ заслугу настоящему изслѣдованію сопровождающей каждую главу указатель по соответствующей литературѣ, преимущественно, впрочемъ, иностранной. Но литература эта въ послѣднее время значительно разрослась, а потому указатель, составленный въ 1906 году, не можетъ удовлетворять современнаго читателя. Дефекты этого указателя восполняются, впрочемъ, до извѣстной степени, другой работой того же автора «Указатель литературы по профессиональному рабочему движенію».

Н. Б.

Сборникъ по мелкому кредиту. (Посвящается памяти П. А. Соколовскаго). Составилъ С. В. Бородаевскій. Спб. 1907.

Въ ноябрѣ 1906 г. скончался П. А. Соколовскій, авторъ многихъ изслѣдованій объ экономическомъ бытѣ русскаго крестьянства, служившій долгое время завѣдующимъ иностраннымъ отдѣленіемъ по исторіи въ императорской публичной библіотекѣ. Помимо литературной и служебной дѣятельности, покойный Соколовскій посвятилъ много силъ практической дѣятельности въ области мелкаго кредита, состоя секретаремъ петербургскаго отдѣленія комитета о сельскихъ сеудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Отдѣленіе комитета долгое время было единственнымъ учрежденіемъ, вѣдавшимъ дѣлами нашего многострадальнаго мелкаго кредита, и секретарю его не только приходилось вести обширную переписку съ захолустными сельскими «банками» по исправленію разныхъ сторонъ ихъ дѣятельности, но и выступать ходатаемъ за нихъ въ разныхъ нашихъ канцеляріяхъ и департаментахъ.

Память этого выдающагося дѣятеля отдѣленіе рѣшило почтить изданіемъ сборника по мелкому кредиту; редактированіе поручено замѣстителю покойнаго С. В. Бородаевскому. Имъ же составленъ и некрологическій очеркъ, къ сожалѣнію, слишкомъ краткій. Задача сборника—чисто практическая: дать полное руководство всякому желающему какъ относительно порядка организаціи учрежденій мелкаго кредита всѣхъ типовъ, такъ и веденія и направленія ихъ дѣлъ. Сюда поэтому вошли: новѣйшія законодательныя постановленія по мелкому кредиту, сенатскія рѣшенія по вопросамъ, вытекающимъ изъ дѣятельности учрежденій мелкаго кредита, образцовые уставы учрежденій разныхъ типовъ, правила производства операцій, счетоводства и дѣлопроизводства и т. д. Главнѣйшее достоинство сборника—его полнота, и съ этой стороны онъ вполне удовлетворяетъ намѣченной задачѣ. По цѣнѣ (1 р.) сборникъ доступенъ, но это хорошее качество имѣетъ и отрицательную сторону: сборникъ отпечатанъ на сквернѣйшей бумагѣ убійственно мелкимъ шрифтомъ. Можетъ быть, по той же причинѣ отдѣленіе поспешило расхотѣться на корректора, ибо опечатокъ—нѣсть числа.

Б. Х.

Л. Дюпріе. Государство и роль министровъ въ Англіи, Германіи, Пруссіи и Франціи. Переводъ съ французскаго. Спб. 1907 г.

Эпоха освободительнаго движенія вызвала къ жизни цѣлый рядъ издательствъ, въ своихъ операціяхъ преслѣдующихъ спекулятивныя цѣли учета общественныхъ настроеній. По большей части плоды дѣятельности этого издательства являлись въ видѣ грошеваго хлама въ крикливыхъ оберткахъ и съ кричащими заглавіями. Разсчитывая на сбытъ, издатели прежде всего стремились такъ или иначе заявить о своей причастности, хотя и торгашеской, къ дѣлу общественнаго обновленія. Издатели перевода почтенной книги Дюпріе точно также пожелали не ударить лицомъ въ грязь. Они напечатали

не только переводъ, но снабдили его еще предисловіемъ, въ которомъ отрекаются отъ нѣкотораго «черносотенства» бѣднаго французскаго ученаго Издательство изображаетъ это отреченіе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Безусловно большинство изъ сдѣланныхъ авторомъ обобщеній и указанныхъ имъ теоретическихъ положеній не могутъ служить идеаломъ или даже цѣлью современной политической борьбы въ Россіи; еще менѣе можетъ съ ними согласиться редакція издательства». Между тѣмъ авторъ никакихъ особенныхъ обобщеній не дѣлаетъ и излагаетъ безпристрастно положеніе вещей въ различныхъ государствахъ, причемъ французскій парламентаризмъ выставляется въ очень невыгодномъ и непривлекательномъ свѣтѣ. Издательство, повидимому, по своимъ убѣжденіямъ стоитъ «лѣвѣе» кадетъ. По крайней мѣрѣ описываемыя авторомъ государства названы въ предисловіи буржуазными. Издатели сами едва ли даже не социаль-демократы и въ принципѣ, кажется, не противъ экспроприаціи. По крайней мѣрѣ они не прочь «отчудить» нѣкоторое число денежныхъ знаковъ у своего покупателя, подсовывая ему изданіе, полное опечатокъ, съ перепутанными листами, грубой дефектной бумагой за рубль восемьдесятъ копеекъ. Нашъ экземпляръ «Государства и роли министровъ въ Пруссіи» заключаетъ въ себѣ 49 и 50 страницы, принадлежація «Государству и роли министровъ въ Англіи». Опечатки въ особенности даютъ себя знать въ наименованіи иностранныхъ авторовъ и ихъ сочиненій; англійскія названія подчасъ перековеркиваются до неузнаваемости. Жалѣтъ обо всемъ этомъ приходится тѣмъ болѣе, что переводъ произведенъ хотя и разными лицами, но прилично. И если бы издательство выкинуло свое смѣшное ребяческое предисловіе и озаботилось бы внимательнымъ отношеніемъ къ типографской сторонѣ дѣла, то на русскомъ языкѣ появилась бы дѣйствительно полезная книга.

В. Г.

Ипполитъ Тэнъ. Исторія французской революціи. Ч. I. Харьковъ. 1906.

Судьба классическаго сочиненія Тэна весьма характерна для нашей общественно-философской мысли. Произведеніе, взволновавшее въ свое время ученые круги, разсердившее однихъ читателей и обрадовавшее другихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ заставившее всѣхъ считаться съ собою и выдержавшее во Франціи двадцать четыре изданія, было, можно сказать, замолчано у насъ. Односторонняя мысль и нѣкоторыя практическія цѣли заставляли преподносить читателю лишь тѣ сочиненія, гдѣ французская революція или прославляется, какъ благодѣяніе рода человѣческаго, или поэтизируется до того, что Мараты и Робеспьеры выходятъ героями огромнаго нравственнаго роста.

Тэнъ имѣлъ смѣлость подойти къ изученію этого событія съ пріемами чистаго натуралиста, *en pur naturaliste*, какъ онъ выражается. Онъ знакомится съ революціей не по готовымъ сочиненіямъ, а по архивнымъ даннымъ, изучаетъ до мелочей море документовъ, относящихся къ революціонной эпохѣ, и создаетъ картину, совершенно непохожую на то, что рисовали другіе историки. Его революція—это диктатура городской черни въ Парижѣ и другихъ

городахъ и жакерія по деревнямъ. Это, конечно, развѣнчиваетъ революцію, но спорить съ Тэномъ мудрено: у него на все есть оправдательные документы, и, указывая факты, онъ сейчасъ же указываетъ и документы, откуда онъ ихъ взялъ.

Обширное сочиненіе Тэна раздѣляется на три отдѣла, которые находятся между собою въ органической связи: старый режимъ, революція и затѣмъ эпоха Наполеона. Достойно замѣчанія, что на русскій языкъ до сего времени была переведена лишь первая часть— «Старый режимъ», т. е. какъ разъ тотъ отдѣлъ, гдѣ Тэнь выступаетъ критикомъ королевскаго уклада государственной жизни Франціи. Остальныя части у насъ не переводились, и теперь харьковскому журналу «Мирный Трудъ» принадлежитъ починъ въ этомъ дѣлѣ. Редакція вынудила пока первую книгу собственно «Революціи», гдѣ Тэнь излагаетъ признаки надвигавшейся грозы. Читая эту книгу и сравнивая съ тѣмъ, что не такъ давно пришлось пережить намъ самимъ, убѣждаешься, что исторія повторяется, что, должно быть, революція имѣетъ свою природу и гдѣ бы она ни проявлялась, природа эта будетъ одинакова. Но крайней мѣрѣ, сходство между началомъ нашихъ безпорядковъ и тѣмъ, что дѣлалось во французскихъ городахъ и деревняхъ въ концѣ 80-хъ годовъ XVIII в., поразительно и уже это одно дѣлаетъ книгу Тэна поучительной для нашего читателя.

А. Б.—ловъ.

П. Митрофановъ. Политическая дѣятельность Юсифа II. Спб. 1907.

Передъ нами вполне самостоятельный трудъ, плодъ восьмилѣтней работы. Авторъ воспользовался не только всею иностранной литературой и изданными источниками, но привлекъ впервые и обработалъ немало архивнаго матеріала, найденнаго имъ въ Вѣнѣ, Дрезденѣ и Берлинѣ.

Личность и дѣятельность австрійскаго императора Юсифа II, неудачнаго преобразователя, получаетъ въ книгѣ г. Митрофанова новое и большею частью удачное освѣщеніе. Особенно важно то, что онъ удѣлил главное вниманіе оппозиціи преобразованіямъ Юсифа, которая до сихъ поръ осталась безъ должнаго разслѣдованія.

Главнѣйшая причина неудачи Юсифа II кроется въ его догматизмѣ и фанатизмѣ. Онъ былъ догматикомъ идеи о государствѣ и фанатикомъ общаго блага. Здѣсь у него не было ни колебаній, ни сомнѣній, ни отступленій. Императоръ совершенно забывалъ объ историческихъ традиціяхъ и о національномъ вопросѣ. Онъ попиралъ національныя чувства венгерцевъ, бельгійцевъ и поляковъ, нарушалъ вольность отдѣльныхъ провинцій, уничтожалъ привилегіи высшихъ классовъ, вооружалъ противъ себя чиновниковъ, духовенство и армію.

По словамъ автора, до сихъ поръ постоянно смѣшивали два момента: причины, вызвавшія оппозицію, и причины, приведшія реформу къ неуспѣху. Къ первымъ, несомнѣнно, главнымъ образомъ надо отнести догматизмъ и торопливость реформы, но причины ея неудачи надо искать въ другомъ мѣстѣ.

«Истор. вѣстн.» октябрь, 1907 г., т. сж.

20

Всякое нововведеніе, какого бы свойства оно ни было, хотя бы и самое нужное, полезное и необходимое, всегда наталкивается на чью-нибудь оппозицію, ибо злоупотребленія и безпорядокъ только потому и могутъ возникнуть и существовать, что они кому-нибудь выгодны. Государственная власть должна быть готова къ этому, и весь вопросъ для нея заключается въ томъ, имѣть ли она достаточно силъ, чтобы осуществить свои планы. При этомъ имѣть значеніе не степень недовольства и даже не число недовольныхъ, а тѣ моральныя и матеріальныя силы, которыми располагаетъ та и другая сторона. При перевѣсѣ таковыхъ на сторонѣ оппозиціи самая благожелательная реформа осуждена на гибель, а таково было положеніе Юсіфа II. Моральное преимущество имѣли, несомнѣнно, передъ нимъ его противники. Они были сильны оскорбленнымъ національнымъ чувствомъ, сознаниемъ поправнаго и поруганнаго своего права на привилегіи, освященныя не только вѣками и кровью предковъ, но и положительнымъ законодательствомъ, религіознымъ своимъ міровоззрѣніемъ, стремленіемъ своимъ къ свободѣ, быть можетъ, исключительно и своеобразно понятой, но искреннимъ и неукротимымъ.

Книга г. Митрофанова написана хорошимъ слогомъ и читается съ интересомъ.

П. В.

А. Росси. Крестьянское движеніе въ Сициліи. Изданіе «Популярно-научной библіотеки». Спб. 1907.

Трудъ г. Росси даетъ яркую картину крестьянскаго движенія въ Сициліи, вылившагося, какъ извѣстно, въ 1903 г. въ открытое возстаніе. Авторъ былъ въ Сициліи въ самый разгаръ движенія. «Какъ только — говоритъ онъ, — я ознакомился съ первыми извѣстіями о движеніи, я счелъ необходимымъ тотчасъ же совершить круговую поѣздку по острову, чтобы изучить на мѣстѣ «союзы и народъ», поднявшій знамя возстанія». Результатомъ этой его поѣздки и явилась настоящая книга, цѣлью которой служитъ выясненіе причинъ движенія, т. е. вызвано ли было движеніе «политическими или экономическими причинами», и «какія наиболѣе подходящія средства можно было рекомендовать для его мирнаго разрѣшенія».

Русское изданіе книги г. Росси снабжено не лишнимъ интереса небольшимъ предисловіемъ г. Шлихтера, касающимся «Всероссійскаго крестьянскаго союза». Переведена книга удовлетворительно.

Я. Вирюковъ.

С. П. Смирнова. Борцы за свободу. Спб. 1907.

До сихъ поръ г-жа Смирнова была извѣстна читающей публикѣ, какъ талантливая романистка. Освободительное движеніе сдѣлало изъ нея не менѣе талантливую публицистку, сразу занявшую такое положеніе, что на нее обрушилась вся лѣвая печать. И дѣйствительно, рѣдко кто умѣетъ съ такой проницательностью представить самозванство героевъ этого движенія, какъ г-жа Смирнова. Для всякаго читателя, не желающаго ходить въ партійныхъ шорахъ, книга

г-жи Смирновой, составившаяся изъ фельетоновъ, разновременно печатавшихся въ «Новомъ Времени», должна служить необходимымъ дополненіемъ къ дружному хору голосовъ слѣва. Лѣвая печать продолжаетъ еще смотрѣть на участниковъ нашей революціи въ увеличительное стекло бинокля, г-жа Смирнова переворачиваетъ его обратной стороной, и революціонныя добродѣтели представляются въ ракурсѣ простымъ озорствомъ и отчаянностью. Конечно, это не могло пройти ей даромъ, и въ свое время на каждый фельетонъ г-жи Смирновой по всему лѣвому фронту отвѣчали залпами злобныхъ выходокъ и клеветъ. А для публициста эта рекомендація, по нынѣшнимъ временамъ, не изъ послѣднихъ.

А. Б—ловъ.

Указатель важнѣйшихъ сочиненій по женскому вопросу. Изданіе «Союза равноправности женщинъ». М. 1907.

Узнаемъ изъ предисловія вышеназваннаго указателя, что «Союзомъ равноправности женщинъ» готовится къ печати полный указатель литературы по женскому вопросу и предполагено въ указатель вносить не однѣ книги, а и журнальныя статьи. «Въ него войдетъ болѣе двухъ тысячъ названій. Но, отвѣчая запросамъ момента, союзъ спѣшитъ пока выпустить этотъ небольшой указатель необходимыхъ пособій для ознакомленія съ женскимъ вопросомъ».

Вышедшій указатель показываетъ только однѣ книги. Онъ раздѣленъ на 9 отдѣловъ: I) книги общаго содержанія, II) женщина въ антропологическомъ и психологическомъ отношеніи, III) исторія женщины и женское движеніе послѣдняго времени, IV) экономическое положеніе женщины, женскій трудъ, V) бракъ и семья, VI) проституція, VII) женское образованіе, VIII) правовое положеніе женщины, IX) женское избирательное право.

Можемъ указать на одинъ недостатокъ—это отсутствіе алфавитнаго указателя авторовъ, необходимаго для скорѣйшаго наведенія справокъ.

Привѣтствуемъ изданіе и надѣемся вскорѣ увидѣть и полный указатель, теперъготавливаемый «союзомъ».

Д.

Alexander Brückner. O literaturze rosyjskiej i naszym do niej stosunku dzis i lat temu trzysta. Szkic literacki. Львовъ и Варшава. 1906.

Удивительно, что книга берлинскаго профессора до сихъ поръ не только не переведена по-русски, но и не отмѣчена, кажется, ни въ одной рецензіи. Одно уже заглавіе ея: «О русской литературѣ и нашемъ отношеніи къ ней теперь и около 300 лѣтъ тому назадъ», должно было заинтересовать и издателей и читателей. Поэтому предлагаемъ хотя бы самыя общія свѣдѣнія о ней.

А. Брикнеръ начинаетъ свою книгу выдержкой изъ официальнаго прошенія А. Мицкевича въ 1827 г., поданнаго имъ въ цензурный комитетъ для разрѣ-

20*

шенія на изданіе журнала «Ирисъ» (или «Ирида»). Журналъ долженъ былъ знакомить русскихъ съ польскою литературою и, очевидно, содѣйствовать польско-русскому сближенію... Министръ народнаго просвѣщенія Шишковъ отвѣтилъ отказомъ,—и такого органа не существуетъ до сихъ поръ. Это даетъ автору поводъ пересмотрѣть все въ русской художественной и научной литературѣ, что касается поляковъ. Выводъ получается необыкновенно мрачный.

Въ «патріотическихъ» романахъ и драмахъ поляки являлись только «ляхами-измѣнниками» въ родѣ тѣхъ, которымъ недавно въ Кіевѣ «не позволили» убить на сценѣ Сусанина... У большинства же русскихъ беллетристовъ о полякахъ просто не упоминается. Брикнеръ особенно удивляется плодовитому Тургеневу, представившему «цѣлый калейдоскопъ вершинъ и низинъ русской жизни» и случайно только обмолвившемуся о полякахъ въ «Степномъ королѣ Лирѣ». По мнѣнію Брикнера, повѣсть «Наканунѣ» представляла очень удобный случай для того, чтобы вмѣсто фантастическаго и ненатуральнаго Инсарова, болгарина, представить поляка (стр. 18—19). Случайно выводитъ поляка—и то только въ лондонскомъ изданіи—Толстой въ «Воскресеніи». Достоевскій, жившій въ ссылкѣ вмѣстѣ съ поляками, также не говоритъ о нихъ, хотя бы въ «Запискахъ изъ мертваго дома», и только въ посмертныхъ запискахъ упоминаетъ объ этихъ товарищахъ по несчастью. Замѣтимъ А. Брикнеру, что въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» есть два поляка-шудлера, и что въ Кречинскомъ Сухово-Кобылинѣ, по всей вѣроятности, хотѣлъ вывести поляка, почему нерѣдко его играютъ съ польскимъ акцентомъ. Впрочемъ, это слишкомъ печальныя дополненія, и лучше мы ограничимся тѣмъ, что извѣстно историкъ славянскихъ литературъ.

Даже Чеховъ, котораго, впрочемъ, совершенно неудачно авторъ называетъ «россійскимъ Мопассаномъ» (стр. 16), вскользь говоритъ о какомъ-то «надменномъ полякѣ». Совершенно уже въ непривлекательномъ видѣ представлены поляки въ «Тарасѣ Бульбѣ», въ трагедіи Кукольника «Рука Всевышняго отечество спасла» и др. Между тѣмъ среди русскихъ писателей встрѣчается немало лицъ польскаго происхожденія (списокъ ихъ авторъ могъ бы пополнить изъ книги С. Либровича «Кровь русскихъ писателей»).

Впрочемъ, не лучше дѣло обстоитъ и съ «москалями» у польскихъ писателей. Начиная съ «Петербурга» Мицкевича («Панъ Тадеушъ»—рѣдкое и, пожалуй, единственное исключеніе, гдѣ художественный реализмъ не позволилъ Мицкевичу внести какую бы то ни было національную ненависть) и кончая современными бульварными романами А. Грушецкаго, Г. Запольской (Józef Maskoff), Гонсіоровскаго (Selavus) и другихъ,—«москальи» представлены въ видѣ жандармовъ, сыщиковъ, полицейскихъ, революціонеровъ, которымъ, впрочемъ, не должны довѣрять революціонеры-поляки и т. д. Картина, повторяемъ, необыкновенно печальная, и взаимная неосвѣдомленность,—если только ее нельзя назвать органическимъ нежелаіемъ знать другъ о другѣ,—продолжаетъ оставаться большимъ мѣстомъ русско-польскаго сближенія.

А между тѣмъ было время, когда на книжной почвѣ, на почвѣ искусства и внѣшней культуры между русскими и поляками были тѣсныя связи. Объ

этомъ довольно подробно говорить А. Брикнеръ во второй половинѣ своей книги. Новаго здѣсь мало, но собранные факты необыкновенно интересны. Это—канва для большого изслѣдованія, для хорошей диссертациі, и велико-лѣбною иллюстраціей тѣсныхъ польско-русскихъ сношеній въ области переводной литературы можетъ служить приложенный въ концѣ списокъ русскихъ рукописныхъ и печатныхъ сочиненій, переведенныхъ съ польскаго. Для этой части своей работы А. Брикнеръ имѣлъ такой образцовый трудъ, какъ «Переводная литература Московской Руси» академика А. И. Соболевскаго.

А. Яцимирскій.

Піетро Орси. Современная Италия. Пер. съ итальянскаго О. Шенрокъ подъ ред. Г. Форстена. Спб. 1907 г.

«Современная Италия» Піетро Орси появилась въ свѣтъ на англійскомъ языкѣ въ 1901 г., затѣмъ, съ значительными дополненіями—на итальянскомъ, откуда вскорѣ была переведена на французскій и нѣмецкій языки. Такое быстрое распространеніе книги не стоитъ въ соотвѣтствіи съ ея научными достоинствами и объясняется скорѣе характеромъ ея, какъ удачнаго популярнаго изложенія новѣйшей исторіи Италіи.

Предназначая свою книгу для иностранной публики, Орси преслѣдовалъ главнымъ образомъ задачу—дать сжатое и вмѣстѣ съ тѣмъ яркое, живое изложеніе событій изъ исторіи своей родины съ конца XVIII до начала XIX вѣка. И эту задачу онъ выполнилъ прекрасно. Горячій патриотъ и убѣжденный сторонникъ Савойской династіи, онъ внесъ въ свое повѣствованіе много чувства и теплоты и мечталъ придать ему окраску боевой публицистической статьи. Изложеніе событій часто прерывается у него выдержками изъ парламентскихъ преній, политическихъ памфлетовъ и прокламацій. Это обстоятельство, въ связи съ изящнымъ выразительнымъ стилемъ, дѣлаетъ чтеніе его книги необыкновенно легкимъ.

Недостаткомъ сочиненія Орси, какъ и переведенныхъ на русскій языкъ книгъ Сорена и Больтона (послѣднихъ, впрочемъ,—въ меньшей степени), нужно признать тотъ фактъ, что главное вниманіе въ новѣйшей исторіи Италіи онъ удѣляетъ политической и отчасти культурной сторонамъ ея, совершенно опустивъ изъ виду соціальныя и экономическія явленія. Вслѣдствіе этого, изъ книги Орси яснаго представленія о разсматриваемыхъ явленіяхъ читатель не вынесетъ. Второю недостаткомъ ея заключается въ томъ, что насколько болѣе или менѣе подробно излагаются въ ней событія до 1870 г., настолько сжато и скомкано прослѣжены они на протяженіи послѣднихъ четырехъ десятилѣтій. Переводъ сдѣланъ вполне литературно, издана книга опрятно, но цѣна ея, по сравненію съ установившеюся на нашемъ книжномъ рынкѣ, должна быть признана нѣсколько высокою.

Н. Александровъ

Pierro Martino, professeur agrégé des lettres au lycée d'Alger, docteur es lettres. L' Orient dans la littérature française aux XVII et XVIII siècle. Paris. 1906.

Авторъ поставилъ себѣ цѣлью прослѣдить, какъ отражалось знакомство Европы съ Востокомъ въ произведеніяхъ французскихъ писателей. Онъ ограничивается обзоромъ двухвѣкового (XVII—XVIII ст.) Старого и Нового Свѣта, предиславъ сжатый очеркъ состоянія востоковѣднія за предшествовавшій періодъ. Конечно, Востокъ открылся французамъ не въ вѣкъ Людовика XIV, а значительно раньше. Воображеніе христіанскаго населенія давно уже переносилось въ Святую Землю, къ берегамъ Тигра и Евфрата. Крестовые походы для освобожденія гроба Господня обогатили литературу свѣдѣніями о сарацинахъ и мусульманахъ. «Пѣснь о Роландѣ» заключаетъ въ себѣ воспоминанія о послѣдователяхъ Магомета. Торговья связи съ Востокомъ не прерываются за весь средневѣковый періодъ. Въ Европу проникаютъ ковры—изъ Турціи, шелкъ—изъ Китая, дорогіе камни—изъ Персіи, пряности—изъ Индіи. Посредниками между Азіей и Европой являются итальянскія гавани, Марсель, Бордо. Венеціанскій гражданинъ Марко Поло въ концѣ XIII вѣка совершаетъ знаменитое путешествіе по Востоку. Въ эпоху возрожденія наукъ и реформаціи интересъ къ отдаленнымъ странамъ и народамъ повышается, и къ 1780 г. уже зарождается научное востоковѣдніе. Баснословныя сказанія, фантастическія похожденія, чудовищныя рассказы уступаютъ мѣсто историческимъ и филологическимъ изслѣдованіямъ.

Вся книга (въ 363 стр.) раздѣляется на двѣ части; въ первой сообщаются проникшія свѣдѣнія о Востокѣ съ начала второй половины XVII вѣка, вторая посвящена отраженію Востока въ литературѣ. Знакомствомъ съ Азіей Европа обязана главнымъ образомъ торговымъ, религіознымъ и дипломатическимъ сношеніямъ. Восточныя сюжеты обработаны въ трагедіяхъ («Солиманъ» Мерета, «Магометъ» Вольтера, «Баязетъ» Расина и др.) съ попыткой сохранивъ «la couleur locale», въ комедіяхъ («Три султана» Фаварье), въ романахъ, явившихся подражаніями «Тысячѣ одной ночи», въ сатирѣ («Персидскія письма» Монтескье), въ философскихъ сочиненіяхъ Гримма, Дидро, Руссо. Вліяніе Востока сказалось также въ искусствѣ и модѣ (посуда, мебель, ширмы, чай, кофе). Заключивается эта любопытная книга обзоромъ состоянія ориентализма къ 1780 г.

А. Хах—овъ.

Д-ръ Станиславъ Кутшеба, доцентъ Ягйлонскаго (?) университета. Очеркъ исторіи государственнаго и общественнаго строя Польши. Переводъ съ польскаго Ядвиги Пашковичъ. Спб. 1907.

Безъ знанія исторіи Польши невозможно правильно повяты и современное положеніе польскаго народа, невозможно и разобраться въ различныхъ, порой противорѣчивыхъ требованіяхъ, какія предъявляются разными рус-

скими и польскими партіями или же отдѣльными общественными дѣятелями. Словомъ, если настоящее каждаго народа немислимо безъ его прошлаго, то особенно сильно это чувствуется при изученіи печальнаго настоящаго польскаго народа, который не можетъ и не долженъ забывать блестящаго прошлаго. Этотъ интересъ къ исторіи Польши отразился на нашемъ книжномъ рынкѣ появленіемъ ряда брошюръ и книгъ, но ихъ количество далеко не соотвѣтствуетъ качеству: во-первыхъ, большей частью онѣ затрагиваютъ исторію Польши лишь съ конца XVIII вѣка, т. е. когда самостоятельная историческая жизнь Польши уже закончилась; во-вторыхъ, онѣ носятъ не объективно-научный, а узко-партійный или полемическій характеръ. Поэтому появленіе перевода книги г. Кутшебы (правильнѣе Кучебы), сдѣлать который мы рекомендовали въ рецензии на польское изданіе ея въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1906 г.,—мы считаемъ вполне своевременнымъ. Она является цѣннымъ вкладомъ въ польскую историческую литературу, такъ какъ большинство польскихъ историческихъ трудовъ посвящено, главнымъ образомъ, политической и культурной сторонамъ исторіи и къ тому же значительно устарѣло, какъ, напримѣръ, пользовавшійся въ свое время вполне заслуженной извѣстностью «Очеркъ исторіи Польши» профессора Ёбжинскаго.

Посвященная исторіи внутренняго развитія государственнаго и общественнаго строя Польши, книга г. Кутшебы написана на основаніи, съ одной стороны, появившихся за послѣднія десятилѣтія изслѣдованій и монографій, съ другой—на основаніи собственныхъ работъ надъ первоисточниками и самостоятельныхъ разысканій. Принимая во вниманіе наиболѣе характерныя отличія разныхъ эпохъ въ исторіи строя Польши, авторъ дѣлитъ ее на пять періодовъ: 1) періодъ до половины X вѣка, то-есть догосударственный, или, иначе, «эпоха народной организаціи» (мы сказали бы: «организаціи націи»); 2) 1-й періодъ—княжеской власти, до появленія въ XII в. привилегій въ пользу извѣстныхъ слоевъ общества; 3) 2-й періодъ—общественной организаціи, до смерти Казимира Великаго (1370 г.) и Кошицкой привилегіи (1374 г.); 4) 3-й періодъ—сословный, до Люблинской уніи (1569 г.) и перваго безкоролья (1578 г.); 5) 4-й періодъ—шляхетской республики, до реформъ, начатыхъ во время послѣдняго безкоролья (1764 г.) и, наконецъ, 6) 5-й періодъ—реформъ, прерванныхъ третьимъ раздѣломъ Польши въ 1795 г. Хотя такое дѣленіе исторіи Польши намъ кажется нѣсколько излишне дробнымъ, тѣмъ не менѣе, въ популярномъ сочиненіи, какимъ является работа г. Кутшебы, оно вполне уместно, такъ какъ позволяетъ читателю яснѣе запечатлѣть особенности того или иного періода.

Что касается общей точки зрѣнія на историческій процессъ, которую высказываетъ г. Кутшеба, то она является общей для многихъ историковъ-юристовъ: именно, авторъ слишкомъ большое значеніе въ исторической эволюціи придаетъ влиянію идей и очень мало учитываетъ реальныя общественныя отношенія. Напримѣръ, реформы послѣдней самостоятельной эпохи Польши онѣ объясняетъ не чѣмъ инымъ, какъ развитіемъ «просвѣщенія и новыми идейными теченіями, пробудившимися въ польскомъ обществѣ подъ влияніемъ западно-европейской философіи». Благодаря этимъ факторамъ и

подрывались «старыя понятія о необходимости раздѣленія на замкнутые и сильно другъ отъ друга отрѣзанные слои», поднималось «значеніе труда», вообще, вызывалась необходимость въ «непосредственномъ практическомъ переустройствѣ государства». Конечно, столь сильно выраженная идеалистическая точка зрѣнія не можетъ не быть признана односторонней. Нельзя согласиться и еще съ однимъ мнѣніемъ г. Кутшебы: говоря о послѣднемъ періодѣ самостоятельной жизни Польши, авторъ указываетъ на то, что принятія тогда реформы были прерваны паденіемъ государства въ 1795 г., почему этотъ періодъ и не имѣлъ своего естественнаго завершенія. Но, допустивъ это, признавъ столь рѣзкое вмѣшательство въ исторію внѣшнихъ причинъ, авторъ слишкомъ ограничиваетъ, слишкомъ суживаетъ законѣрность въ исторіи и не обращаетъ вниманія—что еще важнѣе—на факты, говорящіе противоположное. А эти факты съ несомнѣнностью указываютъ, что періодъ реформъ не оборвался, а закончился паденіемъ Польши, ибо «формы, въ которыхъ могли жить и развиваться общество и государство, истощились», какъ вскользь указываетъ и г. Кутшеба, но почему-то не доказываетъ. А это сдѣлать было бы не трудно. Но за всѣмъ тѣмъ, повторяемъ, книга его является очень хорошимъ популярнымъ пособіемъ для знакомства съ исторіей Польши.

Въ русскомъ переводѣ почему-то пропущена обширная библиографія (въ оригиналѣ стр. 247—257), не дано никакого оглавленія, а самый переводъ сдѣланъ плохо. Особенно неудачно, вплоть до курьезовъ, переданы спеціальныя термины. Намъ кажется, что такія книги должны всегда выходить подъ редакціей лицъ свѣдущихъ, одного общаго знанія польскаго и русскаго языка, хотя бы и основательнаго, для переводчика слишкомъ недостаточно.

А. Яцимирскій.

Проф. Л. И. Петражицкій. Университетъ и наука. Опытъ теоріи и техники университетскаго дѣла и научнаго самообразованія. Томъ I (Теоретическія основы). Спб. 1907 г.

Проф. Петражицкій стяжалъ себѣ заслуженную извѣстность не только какъ выдающійся юристъ, но и какъ таковой же мыслитель. Между прочимъ особенностью личности почтеннаго ученаго является его независимость, склонность къ свободному творчеству во всякой области, въ какой бы онъ ни выступалъ. Занявъ кафедру энциклопедіи и философіи права въ петербургскомъ университетѣ, г. Петражицкій опрокинулъ господствовавшую до того среди русскихъ юристовъ доктрину Теринга о правѣ, какъ о защищенномъ интересѣ; занявъ депутатское мѣсто въ первомъ русскомъ парламентѣ, уважаемый ученый среди общей шумихи рѣчей господствовавшаго направленія смѣло подвѣлъ голосъ въ защиту реальныхъ интересовъ и реальной государственной работы.

Этой чертой независимости и оригинальности отмѣченъ и послѣдній трудъ нашего новатора. Въ немъ авторъ борется противъ сильно подымавшагося одно время гоненія на лекціонный методъ въ русскихъ университетахъ. Несмотря на множество упрековъ по адресу этого метода, г. Петражицкій беретъ его подъ свою защиту и неуклонно съ подавляющей логикой доказываетъ цѣлесообразность этого рода преподаванія. Точнѣе говоря, почтенный ученый въ лекціяхъ видитъ не только способъ ознакомленія учащихся съ данными той или другой науки; въ отношеніи нѣкоторыхъ лекціа, по мнѣнію г. Петражицкаго, является средствомъ приобщенія слушателей къ высшей работѣ научной мысли; посредствомъ лекціи профессоръ-мыслитель вводитъ студентовъ въ лабораторію мысли и заставляетъ ихъ переживать высшія своеобразныя эмоціи.

Нельзя спорить съ такой постановкой вопроса. Трудность достиженія идеала не даетъ права отрицать правильность представленія о должномъ. Мы переживаемъ эпоху сильного упадка университетскаго преподаванія, и грустное настоящее ни въ какомъ случаѣ не можетъ явиться судьей или критикомъ возможнаго лучшаго будущаго. Помимо основной указанной мысли, въ книгѣ разбросано много цѣнныхъ замѣчаній вообще объ университетской наукѣ; въ иныхъ случаяхъ анонимно авторъ вскрываетъ ту свою внутреннюю работу, при помощи которой онъ дошелъ до изложенныхъ имъ выводовъ. Авторъ вѣритъ въ близость наступленія кореннаго переворота въ области юридическихъ, общественныхъ и вообще гуманитарныхъ наукъ, пребывающихъ въ затхлой атмосферѣ. Въ силу все той же независимости мысли, г. Петражицкій не поколебался часть отвѣтственности за эту затхлость возложить и на модное еще ученіе историческаго матеріализма и такъ называемый марксизмъ, по истинѣ породившій вавилонское столпотвореніе въ умахъ извѣстныхъ словъ русскаго общества.

Цѣлостности впечатлѣнія отъ прекрасной книги мѣшаетъ отчасти поименная полемика со сторонниками замѣны лекціоннаго способа. Съ одной стороны, она разсеиваетъ вниманіе, а съ другой — вноситъ какой-то личный тонъ, совершенно несвойственный духу автора, спокойнаго, безпристрастно-благожелательнаго критика. Объясняется такой оттѣнокъ нѣкоторыхъ главъ тѣмъ, что онѣ печатались ранѣе въ видѣ газетныхъ и журнальныхъ статей, неволью настраивающихъ на болѣе страстный тонъ изложенія. В. Г.

Трусевичъ, Я. И. Западная и русская дипломатика и сфрагистика древняго Востока. Составлено по программѣ и чтеніямъ проф. Лихачова и по другимъ источникамъ. Спб. 1907.

Наша русская историографія очень бѣдна трудами по дипломатикѣ и сфрагистикѣ,—поэтому нельзя не привѣтствовать появленіе книги г. Трусевича. По содержанію трудъ этотъ можно раздѣлить на четыре части. Первые 10 главъ посвящены «Опредѣленію дипломатики какъ науки», исторіи возникновенія дипломатики, ея положенію въ Италіи, Англии, Германіи и въ другихъ

западно-европейскихъ государствахъ; главы 11—21-ая содержатъ «Очеркъ разработки дипломатики и ея положеніе въ Россіи съ XVII вѣка»; затѣмъ, въ главахъ съ 22-й по 28-й даются свѣдѣнія о матеріалѣ для письма съ древнѣйшихъ временъ, указывается на «значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ для опредѣленія времени недатированныхъ рукописей»; главы же 29, 30 и 31 содержатъ «Очеркъ исторіи бумажнаго производства», затѣмъ, «какая иностранная бумага употреблялась на Руси и въ какое время» и, наконецъ, послѣднія 7 главъ (съ 32 по 38) посвящены сфрагистикѣ. Къ сожалѣнію, въ книгѣ г. Трусевича встрѣчается довольно много опечатокъ, шероховатостей и недостатковъ, правда, незначительныхъ.

Я. Бирюковъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ВЕТЫРЕ неизвѣстныя комедіи Менандра. — Въ последнее время иностранныя журналы не изобиловали интересными статьями по археологіи, только въ осеннихъ нумерахъ онѣ повемногу стали появляться. Между прочимъ Ж. Масперо сообщаетъ въ «Hebdo-Débats» ¹⁾ о находкѣ части давно затерявшихся произведеній основателя новой аттической комедіи, поэта Менандра. Эту находку сдѣлалъ главный инспекторъ раскопокъ древностей Густавъ Лефевръ въ египетской деревнѣ Комъ-Ишагау, гдѣ не знаютъ никакого другого языка, кромѣ мѣстнаго, и потому греческія произведенія, по мнѣнію Масперо, занесены были туда изъ Антиной или сосѣдняго съ ней Гермополиса. Шестъ лѣтъ тому назадъ тамъ же были найдены предметы домашняго обихода и орудія коптской эпохи, и потому мѣстнымъ надзирателямъ за раскопками было приказано какъ можно чаще дѣлать изслѣдованія и отбирать за вознагражденіе всѣ предметы, которые феллахи зарыли во время взятія себакха. Сначала раскопки не дали интересныхъ результатовъ: тамъ попадались только черенки и амулеты; но затѣмъ, года полтора тому назадъ, при перестройкѣ одного дома стали появляться обрывки папирусовъ; въ которыхъ Лефевръ узналъ отрывки діалоговъ изъ греческой неизданной комедіи. Увѣдомивъ о находкѣ, онъ немедленно получилъ деньги, необходимыя для раскопки цѣлаго квартала деревни. Спустя нѣсколько дней раскопки увѣнчались успѣхомъ, и подъ разрытымъ фундаментомъ одного дома

¹⁾ Un manuscrit de Ménandre en Egypte. Par G. Maspero, «Revue Hebdo Débats» 13 septembre 1907.

показались около тридцати свитковъ греческихъ и коптскихъ папирусовъ, а вмѣстѣ съ ними множество тетрадей, вырванныхъ изъ книги, на первой страницѣ которой можно было разобрать имя Менандра.

Но прежде, чѣмъ передать содержаніе этой находки, припомнимъ подробности о самомъ авторѣ. Менандръ родился въ Аѣнахъ, въ 342 г. до Р. Х., въ богатой семьѣ. Сынъ аѣнскаго генерала Діонита и племянникъ греческаго комическаго поэта Алексиса, онъ былъ ученикомъ Теофаста и Эпикура; развитіемъ же его поэтическаго дарованія занялся Алексисъ. Менандръ велъ веселую, свѣтскую, разбѣянную жизнь, предаваясь наслажденіямъ. Его любовницы были самыя красивыя женщины Аѣинъ, сначала извѣстная аѣнская куртизанка Гликерія, статуя которой воздвигъ въ Сиріи ея первый любовникъ Гарпаль, адъютантъ Александра, а когда, по словамъ однихъ, она измѣнила Менандру съ поэтомъ Филемономъ, то Таисія. Эта очаровательная куртизанка была такъ ослѣпительно красива, что у ея ногъ находилась вся аѣнская молодежь, и, по словамъ другихъ современниковъ Менандра, онъ измѣнилъ ради нея Гликерію и даже написалъ пьесу, озаглавленную ея именемъ. Впослѣдствіи Таисія очаровала Александра Македонскаго, который взялъ ее съ собою въ азіатскій походъ и, какъ говорятъ ея современники, Таисія, удаляясь съ одной оргіи, подала Александру зажженный факель, которымъ онъ поджегъ Персеполисъ. Послѣ его смерти, она очаровала египетскаго царя Птолемея, который женился на ней и имѣлъ отъ нея двоихъ дѣтей. Менандра настолько привлекала аѣнская жизнь, что онъ отклонилъ приглашеніе Птолемея Сотеры пріѣхать въ Египетъ и не покинулъ Аѣинъ.

Этотъ поэтъ отличался плодovitостью въ области драматическаго творчества и написалъ 108 комедій, изъ которыхъ первая появилась на сценѣ въ 322 г. до Р. Х. и восемь разъ заслужила премію. Судить объ его талантѣ очень трудно въ виду того, что цѣлыхъ его сочиненій не сохранилось, а по существовавшимъ отрывкамъ изъ нихъ, да еще, можетъ быть, наилучшимъ строкамъ его произведеній, очень возможно было вывести несправедливую оцѣнку. Вообще приходилось вѣрить отзывамъ его современниковъ и на этомъ основывать репутацію Менандра, какъ первокласснаго драматурга.

По ихъ словамъ, никто не рисовалъ такъ живо и реально нравовъ общества того времени, какъ онъ, изображая одинаково рельефно комическія и патетическія положенія. Въ исторіи комедіи Менандръ первый показалъ, какъ надо изобрѣтать завязку интриги и умѣть извлекать изъ театра уроки повседневнои философіи. Большинство созданныхъ имъ типовъ перешло въ римскую комедію и даже часто попадаются въ современныхъ пьесахъ.

Теперь, когда найдены его болѣе полныя произведенія, казалось бы, легко сдѣлать оцѣнку его таланта. Однако это не совсѣмъ такъ: во-первыхъ, найденныя комедіи служили оберткой для папирусовъ, а потому изъ сорока четырехъ страницъ Менандра часть сильно повреждена, благодаря неблагоприятному вліянію селитряной почвы, которая мѣстами развѣла волокна бумаги и совершенно вывѣла чернила. Несмотря на это, Лефевру все-таки удалось послѣ упорнаго труда возстановить тысячу триста двадцать восемь строкъ изъ четырехъ комедій. Древнія цитаты даютъ возможность

утверждать, что двѣ изъ нихъ «Посредникъ» и «Бритая». Другія двѣ, какъ онъ думаетъ, были «Герой» и «Жительница Самоса». При «Героѣ» имѣется краткое резюме сюжета, имена участвующихъ и пятьдесятъ одна строфа. Въ другихъ трехъ комедіяхъ этого начала недостаетъ. Лефевръ съ большимъ трудомъ распредѣлилъ сцены и представилъ довольно точно фабулу на излюбленную греками тему—свободная дѣвушка, обезчещенная, выходитъ замужъ. Въ «Посредникѣ» рассказывается, какъ молодая дѣвушка Памфілія, изъ хорошей семьи, была обезчещена ночью на балу молодымъ человѣкомъ Харизіемъ, который вскорѣ послѣ этого, не подозрѣвая, что Памфілія та самая обезчещенная имъ дѣвушка, женился на ней. Въ отсутствіе мужа она родила и, не подозрѣвая, что молодой человѣкъ, обезчестившій ее, былъ именно онъ, хотѣла скрыть ребенка. Собралъ драгоценныя вещи, а съ ними и обручальное кольцо, она положила ихъ на дорогѣ вмѣстѣ съ ребенкомъ. Сначала послѣдняго замѣтилъ пастухъ и поднялъ его, но затѣмъ передалъ угольщику. Между ними возникъ споръ о правѣ на драгоценныя вещи и они выбрали посредникомъ нѣкоего Смикрпнеса, отца Памфіліи, который присудилъ драгоценности въ пользу угольщика. Однако вскорѣ кольцо было отъ него отобрано рабомъ Харизіа, который, узнавъ тайну жены, прервалъ съ нею супружескія сношенія и водворилъ на ея мѣсто Габротонону, лютнистку. Послѣдней удалось вырвать изъ рукъ раба кольцо и она стала выдавать себя Харизію за неизвѣстную обезчещенную имъ женщину, пмѣвшую послѣдствіемъ его поступка ребенка. Этимъ воспользовался отецъ Памфіліи и потребовалъ обратно дочь и главное—ея приданое. Но все устранивается къ общему благополучію, благодаря изворотливости Габротононы: Харизій признаетъ въ женѣ ту женщину, которую онъ обезчестилъ на балу.

Подобная тема находится и въ другихъ двухъ комедіяхъ Менандра и даже отчасти въ третьей, съ болѣе или менѣе гениальными осложнениями. Первое дѣйствіе «Бритой» начинается бурной сценой между двумя любовниками. Дѣвушку, по имени Гликерію, упрекаетъ ея другъ за то, что засталъ ее на порогѣ дома въ то время, какъ другой молодой человѣкъ ее насильно поцѣловалъ. Онъ взбѣшенъ и не слушаетъ ея оправданій и увѣреній, что это ея братъ, и не только ее бранить, но даже схватываетъ за волосы и сбиваетъ ихъ. Оскорбленная дѣвушка, лишенная своего красиваго головного украшенія, убѣгаетъ къ одному старику, по имени Патэкосу. Затѣмъ на сценѣ появляется мнѣшеская личность и объясняетъ зрителямъ, что Гликерія и ея братъ рождены при такихъ же обстоятельствахъ, какъ и ребенокъ въ первой пьесѣ, и брошены на произволъ судьбы. Гликерію усыновила деревенская старуха, а ея брата—богатый афинянинъ. Когда дѣвушка подросла, то старуха отдала ее Полемону, которому предстояло уѣхать на войну въ Аттику и вмѣстѣ съ тѣмъ передала ей тайну ея рожденія. Когда молодой человѣкъ однажды хотѣлъ ее обнять, то она съ ужасомъ его оттолкнула, но Полемонъ засталъ эту сцену, и прежде, чѣмъ она объяснила ему свое положеніе, произошла вышеприведенная сцена.

Далѣе, молодой человѣкъ вскорѣ излечился отъ своей страсти къ Гликеріи и влюбился въ другую молодую дѣвушку, дочь нѣкоего Филиноса, къ которому

спѣшить послать раба Даося съ предложеніемъ выдать ее за него замужъ. На этомъ прерывается комедія за отсутствіемъ страницъ. Но по счастливой случайности ее конецъ былъ найденъ ранѣе начала лѣтъ шесть тому назадъ Гренфелемъ и Гунтомъ при раскопкахъ въ Бенахезѣ. Изъ него мы узнаемъ, что Гликерія, тронутая раскаяніемъ Полемона, прощаетъ его и съ согласія Патэкса, который оказался ее отцомъ, возвращается къ прежнему любовнику, но уже не какъ конкубинка, а законной женою. Филлосъ въ свою очередь соглашается принять предложеніе ее брата, и дѣло оканчивается двойной свадьбой.

Масперо говоритъ, что онъ передаетъ лишь въ грубомъ видѣ канву этихъ комедій; вокругъ главныхъ лицъ сгруппированы еще рабы, ремесленники, которые своими шутовскими, любовными и проч. интригами осложняютъ слишкомъ простыя дѣйствія въ ожиданіи развязки традиціонныхъ пяти актовъ. Напримѣръ, въ «Посредникъ» ихъ около полудюжины, кромѣ греческихъ забавныхъ поваровъ, тщеславіе и глупость которыхъ, навѣрно, вызвала у аѳинянъ неудержимый хохотъ. Несмотря на разнообразіе именъ, они приведены всѣ кстаті, также какъ и различныя положенія. Хотя темы и типы Менандра уже вполнѣ были использованы другими авторами, но живость языка, ловкость и реальность, съ какими онъ рисуетъ эти типы и нравы общества, какъ бы обновляютъ ихъ.

Благодаря этимъ находкамъ, знатоки древне-греческаго языка могутъ воочию убѣдиться, оставаться ли Менандру въ первыхъ рядахъ лучшихъ греческихъ поэтовъ, или спуститься до второклассныхъ. По словамъ Масперо, слова Юлія Цезаря, что «Теренцій—половина Менандра», оказываются вполнѣ справедливыми, въ чемъ теперь возможно убѣдиться: у Менандра тѣ же качества изящества и прелести, что и у Теренція, но еще прекраснѣе и соединены съ комическимъ даромъ, о недостаткѣ котораго у римлянъ сожалѣлъ Цезарь.

Къ сожалѣнію, этой находкой не всѣмъ суждено воспользоваться и познакомиться ближе съ Менандромъ, ибо, по словамъ Масперо, вся прелесть его таланта не въ сюжетѣ, который въ сущности мало интересенъ, и не въ персонажѣ, который дышитъ условностью, а въ чистотѣ языка, его остроумныхъ оборотахъ, однимъ словомъ, въ томъ, что чрезвычайно трудно инстинктомъ чувствовать въ давнымъ-давно умершемъ языкѣ. Въ Европѣ найдется мало людей, говорить въ заключеніе Масперо, которые знали бы настолько основательно греческій языкъ, чтобы прочесть эти стихи однимъ духомъ, какъ бы слѣдовало ихъ прочесть, чтобы дѣйствительно вполнѣ ими насладиться. Да если и найдутся такіе знатоки, то многіе ли изъ нихъ способны ощутить весь смакъ аттической соли. Такихъ знатоковъ почти не окажется, другимъ же придется обращаться къ комментаріямъ ученыхъ, а подобный трудъ заставитъ испариться всю тонкость и прелесть автора и для нихъ Менандръ останется тѣмъ же Менандромъ — великимъ человѣкомъ, по увѣренію другихъ.

Найденныя комедіи Менандра находились вмѣстѣ съ рукописями, изъ которыхъ одна — духовное завѣщаніе какого-то лица, жившаго въ началѣ III вѣка до Р. X. и имущество котораго находилось въ Антиноѣ или сосѣд-

неть съ нею Гермополисъ, поэтому, если придется отыскивать недостающія страницы, то, конечно, тамъ, а не въ Комъ-Шагуа.

— Воскресшій Брюгге.—Рѣдко встрѣчаются въ исторіи случаи возвращенія къ жизни отжившихъ городовъ и однако такая метаморфоза произошла въ наши дни съ Брюгге, бельгійскимъ городомъ западной Фландрской провинціи. Родина ванъ-Эйка, картины котораго красуются въ нашемъ Эрмитажѣ, Ганса Мемлинга, Давида, математика Симона Стивэна, давшаго міру десятичное счисленіе, композитора Адриана Виллара, Людвигъ Берсена, изобрѣтшаго граненіе брилліантовъ, до послѣднихъ дней на рѣдкость сохранила свой средневѣковый обликъ вмѣстѣ съ живошными видами. Устроенный въ формѣ овала въ 12 километрахъ отъ Нѣмецкаго моря, Брюгге былъ прорѣзанъ каналомъ, соединявшимъ его съ гаванью Цвинъ и съ XIV вѣка окруженъ глубокимъ ровомъ.

Собственно говоря, время его возникновенія точно опредѣлить нельзя; извѣстно только, что въ VII вѣкѣ епархія св. Элодія простиралась на муниципальный городъ Брюгге; въ 865 г. графъ Бодуэнъ Желѣзная Рука построилъ тамъ новый городъ съ замкомъ-крѣпостью и церковью, а въ концѣ IX вѣка Брюгге имѣлъ уже извѣстное значеніе. Около 912 г. тамъ существовала ярмарка, городъ былъ окруженъ валомъ и стѣнами и въ немъ основалась обширная магистратура. Съ этихъ поръ Брюгге все болѣе и болѣе сталъ подниматься въ гору. Со времени основанія ярмарки Бодуэномъ IX торговля въ Брюгге начала процвѣтать и даже завязались коммерческія сношенія съ Англійей. Въ 1275 г. декретомъ графини Маргариты были расширены границы города и юрисдикціи, и въ такомъ видѣ онѣ существовали до конца XVIII столѣтія. Тогда и промышленность и торговля достигли своего апогея, и главною отраслью первой была выдѣлка сукна и шерстяныхъ матерій. Брюгге завязалъ торговыя сношенія не только съ Англійей, но и съ другими странами. Ганзейскія сношенія съ Лондономъ, основанныя брюггенцами, распространились и на другіе фландрскіе города: съ одной стороны дѣло велось съ Франціей, Испаніей, Италіей, Египтомъ до Сирія; съ другой—съ Англійей, Голландіей и нѣмецкими сѣверными городами, окружающими Нѣмецкое море.

Торговое положеніе Брюгге было настолько прочно, что борьба графа Гюи Дамьерри (1279—1305) съ французскимъ королемъ Филиппомъ Красивымъ и соры графовъ фландрскихъ съ ихъ подданными не оказали серьезнаго вліянія на торговое благоденствіе города. Оно было нарушено только въ XIV вѣкѣ совокупностью причинъ, изъ которыхъ главными являлись невзгоды географическаго порядка. Въ теченіе двухъ вѣковъ Брюгге боролся противъ прогрессивнаго обмелѣнія наноснымъ пескомъ Цвина узкаго прохода, соединявшаго югъ съ Сѣвернымъ моремъ. Инженеры того времени не были достаточно свѣдущи и искусны для борьбы со стихіей, и каналъ продолжалъ заноситься пескомъ все болѣе и болѣе, пока не сдѣлался совершенно негоднымъ даже для тогдашнихъ мелкихъ судовъ.

Къ физическимъ невздамъ прибавились еще моральныя: съ одной стороны, частые мятежи брюггенцевъ во время регентства Максимиліана Австрій-

скаго, которые, нарушая безопасность торговли и ея спокойное теченіе, гнали мирныхъ иностранныхъ купцовъ вонъ изъ Брюгге въ Антверпенъ; съ другой—религіозныя смуты въ XVI вѣкѣ и дезорганизація Ганзы. Наконецъ соперничество Антверпена, разбогатѣвшаго за его счетъ, окончательно убило главный его нервъ торговлю, и Брюгге почти покончилъ съ жизнью.

А когда-то въ началѣ XII вѣка и до половины XIV этотъ городъ былъ «первой денежной конторой сѣверной Европы» и въ его рукахъ находилась торговля и навигація между Голландіей и Востокомъ; пятьдесятъ тысячъ рабочихъ—для того времени громадное число—работали на его суконныхъ фабрикахъ. Онъ игралъ въ экономическомъ мірѣ Западной Европы такую же роль, какъ Новгородъ на азіатской границѣ. Пышныя празднества оживленіе на улицахъ, благодаря пріѣзжимъ иностранцамъ, разнообразіе выгружавшихся въ гавани товаровъ, начиная со львовъ, обезьянъ и попугаевъ, кончая восточными коврами, валенской посудой, разными фруктами, розовой водой и проч., дѣлали Брюгге однимъ изъ самыхъ богатыхъ городовъ. Онъ настолько поражалъ иностранцевъ своей роскошью, что, увидя блестяще иллюминированный, богато разукрашенный городъ въ честь пріѣзда туда французскаго дофина Людовика въ 1456 г., французы признавались, что никогда не видѣли ничего подобнаго по богатству и великолѣпію.

Особенной пышностью отличался дворъ Филиппа Добраго. Его свадьба съ Изабеллой Португальской была отпразднована съ необыкновеннымъ блескомъ: на улицахъ били фонтаны изъ сладкаго вина, повсюду устранивались процесіи и представленія. Въ память этого событія Филиппъ основалъ орденъ Золотого Руна, и золотой овенъ, согласно легендѣ, служилъ намекомъ на золотые кудри одной изъ фаворитокъ этого государя. Орденъ Золотого Руна былъ предназначенъ для распространенія католической вѣры, и его статутъ представлялъ изъ себя настоящій кодексъ рыцарскихъ добродѣтелей, а потому его жаловали лишь рыцарямъ безъ страха и упрека. Сначала количество ихъ было двадцать четыре, какъ говорятъ, согласно количеству любовницъ герцога, но въ 1433 г. эта цифра увеличилась до тридцати.

Въѣздъ Маргариты Юркской, прозванной Юноной англійскаго короля, отличался не меньшей пышностью. Для ея встрѣчи собрались депутаты отъ различныхъ націй; въ церемоніи участвовали шестьдесятъ факельщиковъ, нажи, купцы, и проч., а въ гавани стояли три венеціанскія галеры, португальскія хульки, испанскія каравеллы, шесть шотландскихъ кораблей, сорокъ двѣ бретанскихъ каравеллы, двѣнадцать гамбургскихъ кораблей, не считая четырехъ вельботовъ и сорока судовъ для ловли сельдей. Улицы были украшены золотою парчею, и свита, сопровождавшая Маргариту Юрксую, должна была останавливаться разъ десять, чтобы полюбоваться живыми картинами изъ библейской исторіи и бытовой. Въ этотъ же періодъ времени городъ украсился различными памятниками, и въ теченіе XIV вѣка построены церкви и великолѣпный домъ ганзейцевъ; въ это же время распространилась слава о ванъ-Эйкѣ, а затѣмъ о Мемлингѣ.

Съ увеличеніемъ богатства купцы устроили для себя настоящіе дворцы, а ихъ жены окружали себя такой роскошью, имѣли столько великолѣпныхъ туале-

товъ и украшеній изъ драгоцѣнныхъ камней, что Іоанна Наваррская, увидя ихъ, была поражена и даже воскликнула: «Я думала, что одна буду здѣсь королевой, а вижу вокругъ себя—сотни!»

Вотъ насколько блестяще и богатъ былъ при жизни Брюгге, въ неравной борьбѣ со стихіей пришедшій въ упадокъ. Три столѣтія забвенія привели его въ оцѣненіе и полное бездѣйствіе, которыя казались многимъ смертью. Однако духъ инициативы и энергіи, который жилъ въ прежнихъ бруггенцахъ, не исчезъ окончательно въ ихъ потомкахъ, и они задумали возстановить прежнюю славу своего города. Съ этою цѣлью въ 1890 г. представители города, различныя общества и корпораціи ходатайствовали чрезъ своихъ представителей въ бельгійскомъ парламентѣ о разрѣшеніи приступить къ приведенію въ годность гавани Цвингъ и устройству морского канала, предназначеннаго возвратити Брюггеего прежній выходъ въ Сѣверное море—планъ, который имѣлъ въ проектѣ 500 лѣтъ тому назадъ бруггенскій инженеръ Лансело Блондель. Упорное ходатайство увѣнчалось успѣхомъ только чрезъ пять лѣтъ, въ 1895 г. Работы по устройству гавани и прочія были сданы двумъ инженерамъ—Кузену и Куазо—съ правомъ переуступки ихъ концессіи анонимному обществу, въ то время только что сформировавшемуся,—компаніи бруггенскихъ морскихъ сооружений. Согласно условію, бельгійское государство и городъ Брюгге передали Кузену и Куазо исполненіе и право эксплоатаціи слѣдующихъ работъ: устройство гавани на берегу съ защитой въ видѣ мола, пристани, годной для захода въ гавань судовъ наибольшей вмѣстимости, внутренней гавани въ самомъ Брюгге, морского канала, предназначеннаго соединити обѣ гавани, и, кромѣ того, различныя работы по исполненію этой программы. Эта гавань должна была находиться между Гейстомъ и Бланкербергомъ.

Расходы по этому предиріятію, предварительно исчисленные въ 39 милліоновъ, надали на всѣхъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ, но не въ равной долѣ: напримѣръ, государство взяло на себя около 29 милліоновъ, городъ Брюгге—3 милліона, провинціи западной Фландріи—2 милліона и, наконецъ, образующееся общество, взявшее подрядъ на устройство всѣхъ сооружений, какъ бы ни было рискованно предиріятіе,—6900000 франковъ. Концессія на пошлины и доходы береговой гавани, морскаго канала и внутренней гавани предоставлялась компаніи морскихъ сооружений Брюгге на 75 лѣтъ, считая со дня окончанія работъ, на исполненіе которыхъ давался семилѣтній срокъ, который послѣдовательно могъ быть увеличенъ на 8 лѣтъ, а затѣмъ на 12 лѣтъ. Такса на пошлины, назначенная съ согласія правительства, не могла превышать принятой другими бельгійскими гаванями. Плаваніе по морскому каналу объявлялось свободнымъ отъ взиманія налога.

Кромѣ монополіи на работу, обозначенную въ контрактѣ концессіи, государство признавало за обществомъ право на долгосрочное пользованіе значительнымъ и хорошо расположеннымъ участкомъ земли. Впослѣдствіи этотъ пунктъ договора былъ измѣненъ и, согласно новому, 9 гектаровъ земли переходили въ полную собственность общества. Концессія, по истеченіи первыхъ тридцати лѣтъ, можетъ быть куплена правительствомъ по внесеніи капитала,

равнаго въ 25 разъ чистому доходу семи послѣднихъ лѣтъ за вычетомъ наименѣе выгодныхъ. Въ случаѣ отказа отъ выкупа со стороны правительства концессія переходитъ къ городу по истеченіи 75 лѣтъ.

По праву второго голоса въ этой выгодной сдѣлкѣ, городъ Брюгге не желалъ ограничить себя вкладомъ капитала на предпріятіе и обязался подписать половину капитала общества, подъ условіемъ имѣть своихъ двухъ представителей въ административномъ совѣтѣ, чтобы слѣдить за ходомъ работъ.

Этотъ договоръ былъ ратификованъ въ бельгійской палатѣ большинствомъ голосовъ, и 11 сентября 1895 г. король издалъ указъ, разрѣшавшій приступить къ работамъ. Такое счастливое для Брюгге событіе, возвращающее его къ жизни, было ознаменовано торжествомъ, на которомъ собралось все народонаселеніе, безъ различія партій.

Конечно, приступивъ къ обсужденію работъ, администрація пришлось увеличить прежнюю смѣту на 55 милліоновъ, которые пополнило государство и, обязавшееся, кромѣ того, устроить между Брюгге и Зее-Брюгге, т. е. морскимъ Брюгге, какъ называется новая гавань, трехколейную желѣзную дорогу и выстроить у послѣдней гавани морскую станцію для груза и пассажировъ. Работа затянулась, благодаря измѣненію прежняго плана, а также вслѣдствіе бури 30 декабря 1904 г., причинившей поврежденія молу, защищающему гавань, но затѣмъ она закипѣла, и въ 1907 г. король Леопольдъ открылъ бруггенскій морской путь; но еще въ 1905 г., прежде, чѣмъ министерство путей сообщенія успѣло принять морской каналъ, на немъ уже появился англійскій флагъ. Это было первое судно, открывшій путь по каналу, и какъ почти тысяча лѣтъ тому назадъ, когда впервые Брюгге завязалъ торговыя сношенія съ чужеземцами, англичане первые явились на его рынокъ. Въ томъ же 1905 г. въ декабрѣ мѣсяцѣ на каналѣ появилось изъ Чили четырехмачтовое судно большой вмѣстимости, глубоко сидящее, и спокойно проникло во внутреннюю гавань. Съ тѣхъ поръ въ новой гавани стали появляться иностранныя суда все въ увеличивающемся количествѣ. Преимущественно являются въ Зее-Брюгге—англійскія суда: англичане не только успѣли первые занять мѣсто на новомъ рынкѣ, но еще, предвидя блестящую экономическую будущность Брюгге, первые открыли правильные еженедѣльные рейсы между Брюгге и Гулемъ. Такимъ образомъ со стороны Брюгге желѣзнодорожное сообщеніе отъ гавани обезпечено бельгійскимъ правительствомъ, а съ другой стороны Сѣвернаго моря—обществомъ «Lankashire et Iorkshire railway Company», имѣющимъ связь съ паровой компаніей. Эти двѣ сѣти ввели спеціальныя поѣзда большой скорости, которые вполнѣ обезпечиваютъ сообщеніе между Брюгге и фабричными округами Ланкашира, Ливерпуля, Манчестера и Ковентри. Результатъ товарнаго движенія былъ настолько благопріятенъ, что пришлось увеличить число рейсовъ на три раза въ недѣлю.

Конечно, пробужденіе Брюгге къ новой жизни встревожило его сосѣдей. Франція тоже забила тревогу, хотя Е. Деваврэнъ, авторъ статьи въ «La Nouvelle Revue»,¹⁾ изъ которой мы почерпнули между прочимъ свѣдѣнія, успокаивается

¹⁾ La Résurrection économique de Bruges. Par M. Dewavrin «Nouvelle Revue», 15 août 1907.

тѣмъ, что французскія гавани не пострадаютъ отъ воскрешенія Брюгге. По его мнѣнью, пассажиры, болѣе достаточные, привычныя къ комфорту и желאותіе, какъ можно болѣе сократить путь моремъ, конечно, не измѣнятъ Калэ и Булони, пока еще не существуетъ подъ Ламаншемъ туннеля. Что касается до менѣе взыскательныхъ пассажировъ, тѣ останутся вѣрны Діеппу, Остенде и Флессингеру.

Главная роль новой морской гавани—служить путемъ въ Шотландію и Сѣверную Англію. Но если кому и угрожаетъ гавань Брюгге, то французскимъ гаванямъ на Ламаншѣ и Дюнкирхену. Находясь ближе къ Лондону, чѣмъ Антверпенъ, прекрасно обслуживаемый каналами Гента, Дамма и желѣзнодорожными путями, Брюгге не замедлитъ расширить свои операціи, съ Англіей въ ущербъ Калэ, Дюнкирхену и Булони.

Что касается до улучшенія торговыхъ сношеній Брюгге съ заграницей, то пока морской путь служилъ главнымъ образомъ для ввоза товаровъ: изъ Англіи—угля; изъ Норвегіи—бревенъ, изъ Чили—туковъ. Особенно послѣдней предстоитъ доставлять всевозможные туки въ виду того, что народонаселеніе Брюгге все увеличивается, а земля отъ усиленной культуры истощается. Что же касается до вывоза товаровъ, то пока онъ составляетъ слабую сторону морской торговли Брюгге, хотя есть надежда, что со временемъ онъ явится самъ поставщикомъ на заграничные рынки. Уже теперь въ Зее-Брюгге основывается общество для выдѣлки каменноугольныхъ брикетовъ и, кромѣ того, имѣются въ виду другія предпріятія, тѣмъ болѣе, что пересылочныя средства благопріятны на протяженіи всего морского канала. Предпріимчивые бельгійцы имѣютъ въ виду устроить литейные заводы, хлѣбные склады и заводы для очистки керосина. Расположенный на бельгійской линіи Брюссель—Остенде и находясь въ сообщеніи съ Сѣвернымъ моремъ и сѣтью каналовъ бельгійскихъ, голландскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ, кромѣ того, связанный съ другими бельгійскими гаванями, Брюгге созданъ быть промышленнымъ складомъ и транзитной гаванью земледѣльческихъ товаровъ и молочныхъ продуктовъ бельгійской Фландріи, особенно для Англіи.

Теперь все зависитъ отъ энергіи и дѣятельности брюггенцевъ, а въ этомъ недостатка нѣтъ, такъ какъ они прибѣгаютъ ко всѣмъ средствамъ, чтобы вернуть себѣ хотя часть прежняго благоденствія, обратить на Брюгге вниманіе иностранцевъ и снова играть роль въ исторіи народовъ. Всячески стараясь проявить свою жизнеспособность и использовать блестящее прошлое для блага будущаго, они уже второй разъ устраиваютъ художественную выставку. Первая была пять лѣтъ тому назадъ и состояла изъ лучшихъ картинъ старинныхъ фламандскихъ художниковъ. Успѣхъ ея превзошелъ всѣ ожиданія: масса иностранцевъ, поклонниковъ прежняго фламандскаго искусства, съѣхалась полюбоваться картинами старыхъ мастеровъ. Этотъ успѣхъ воодушевилъ брюггенцевъ, и теперь они устроили вторую выставку изъ предметовъ, относящихся прямо или косвенно къ самому знаменитому изъ рыцарскихъ орденовъ — Золотому Руну, основанному, какъ мы уже говорили, въ Брюгге. На ней выставлены портреты основателей ордена, рыцарей и ихъ свиты, а также картины, не появившія по разнымъ причинамъ на первую выставку. Въ эту эпоху стала заро-

ждаться слава Иоганна ванъ-Эйка, а затѣмъ Мемлинга; кромѣ того, Гуго ванъ-деръ-Госъ написалъ свое «Поклоненіе волхвовъ», а потому на выставкѣ находятся ихъ картины, любезно присланныя со всѣхъ концовъ свѣта различными владѣльцами. Между прочимъ тамъ находятся картины ванъ-Эйка, присланныя изъ Петербурга. Король испанскій и австрійскій императоръ доставили цѣлую серію прекрасныхъ ковровъ, изъ которыхъ особенно коллекція перваго отличается богатствомъ. Эти ковры, затканые золотомъ и шелкомъ, были сдѣланы для Карла V по картонамъ Верноена въ брюссельской мастерской Паннемекера. Тутъ же красуются витрины съ рукописями, разное оружіе, историческіе штандарты и т. д. Рыцарскихъ вооруженій не очень много; изъ нихъ особенно замѣчательны по отдѣлкѣ и красотѣ линій латы Филиппа Красиваго. Самый дорогой орденъ Золотого Руна принадлежитъ испанскому королю; это ожерелье изъ драгоценныхъ камней съ брилліантовымъ рунѣмъ. Изъ замѣчательныхъ картинъ туда доставлены между прочимъ знаменитое «Благовѣщеніе» неизвѣстнаго художника, одни полагаютъ Иоганна Даре, другіе Губера ванъ-Эйка. Эта картина ревниво оберегалась въ семьѣ графовъ Меродъ и только по случаю торжества Брюгге ее впервые вынесли на Божій свѣтъ.

Галльскій пѣтухъ. — До сихъ поръ галльскій пѣтухъ считался національной эмблемой Франціи и во время первой республики онъ украшалъ древка французскихъ знаменъ, а въ 1830 г. замѣнилъ монархическія лиліи, но затѣмъ былъ снова отмѣненъ Наполеономъ III. Съ 1899 г. онъ появился на французскихъ золотыхъ монетахъ и всѣ были увѣрены, что галльскій пѣтухъ всегда служилъ эмблемой старой Галліи. Но теперь мы узнаемъ изъ статьи Дюпона Феррье въ «Hebdo Débats», что «пѣтухъ никогда не пѣлъ въ старой Галліи» и его крикъ былъ впервые услышанъ только въ шестнадцатомъ вѣкѣ, что породило различные каламбуры. Когда за Альпами вспыхивало возстаніе, то у римлянъ было любимой поговоркой: «Gallus cantat», что имѣло двойной смыслъ: «галлы сердятся» и «запѣлъ пѣтухъ». Но эта шутка не означала, что галлы имѣли его своей эмблемой, какъ Наполеонъ имѣлъ эмблемой орла и Англія — леопарда.

Пока Галлія принадлежала галламъ, то составляла серію государствъ, или отдѣленныхъ между собою, или враждебныхъ другъ другу, и потому идея о національной эмблемѣ не могла прійти имъ въ голову. Нѣсколько позже, когда Галлія сдѣлалась римской, пѣтухъ иногда появлялся, но далеко не часто, и на монетахъ красовались сотнями то лошади, то львы, то медвѣди и проч. животныя, тогда какъ пѣтухъ попадался настолько рѣдко, что изъ 10413 монетъ онъ красовался только на 14. И то это случалось въ бельгійскомъ округѣ, а не въ аквитанской или кельтической странѣ. Лучше того, онъ встрѣчался скорѣе внѣ Галліи, чѣмъ въ Галліи, у грековъ въ Итакии и Троадахъ и у римлянъ въ Кампаніи и Сициліи, что вполне подтвердили изысканія Т. Дюкрока.

Въ теченіе всего средневѣковья не было и вопроса о галльскомъ пѣтухѣ, говоритъ авторъ, но съ возрожденіемъ латинскихъ буквъ вернулась мода на латинскія шутки, и когда французскій посланникъ Давэ въ 1546 г. раз-

разился въ совѣтъ Тридцати противъ нравовъ итальянскихъ прелатовъ, то Пьеръ, епископъ Орвито, перебилъ его словами: «Gallus cantat». На это Данэ возразилъ: «Можетъ ли пѣніе пѣтуха возбудить въ Петрѣ раскаяніе». Тридцать девять лѣтъ спустя, 1 января 1585 г., одинъ профессоръ краснорѣчія во французской коллегіи, I. Пассера, воспѣлъ пѣтуха въ латинскихъ стихахъ. Воспользовавшись игрою словъ и найдя, что у пѣтуха, посвященнаго Марсу, столько же отваги, сколько у галловъ, онъ заключилъ, что «пѣтухъ далъ свое имя галламъ» (*Le coq a donné son nom à la Gaule*).

Praesclatissime simul tribuit tibi, Gallia, nomen. Съ тѣхъ поръ пѣтухъ сталъ олицетворять Галлію, и во всѣхъ европейскихъ странахъ, гдѣ говорили по-латыни, судьба галльскаго пѣтуха была обезпечена. Когда въ 1601 г. въ Италіи хотѣли выбить медаль въ память рожденія Людовика XIII, то возлѣ пѣтуха выгравировали ребенка, державшаго въ одной рукѣ скипетръ, а въ другой—лилію. Въ 1730 г. рожденіе дофина было отпраздновано фейерверкомъ и въ объяснительной программѣ праздника находилось слѣдующее замѣчаніе: «Изъ всѣхъ галльскихъ пѣтуховъ самый любопытный тотъ, что находится на офортѣ, выгравированномъ Людовикомъ XVI».

Луи-Филиппъ вполне вѣрилъ въ кельтическое происхожденіе галльскаго пѣтуха, когда 10 ноября 1830 г. приказалъ изобразить его на древкѣ знамени. Гизо же, подписавшій указъ, по замѣчанію Феррье, будучи министромъ, совершенно забылъ, что онъ историкъ. Пѣтухъ былъ перемѣщенъ болѣе кстаті на португен и пуговицы жандармовъ, потому что, говоритъ авторъ, пѣтухъ и полиція находятся въ родствѣ, ибо каждый знаетъ, что она слыветъ за неусынно-бдительную.

Эдгаръ-Алланъ По.—Быть можетъ, лучший, самый оригинальный и наиболѣе гениальный поэтъ Новаго Свѣта Эдгаръ-Алланъ По въ послѣдніе годы достигъ большой популярности не только на своей родинѣ, но и въ Европѣ, особенно во Франціи, благодаря превосходнымъ переводамъ его произведеній въ стихахъ и прозѣ сроднымъ ему поэтомъ—Водлэромъ. Его біографіи Джилля, Вайтмана, Ингрэма и Вутбэри написаны на англійскомъ языкѣ, но въ прошедшемъ году его пространное жизнеописаніе вышло на французскомъ, теперь же появляются довольно часто въ различныхъ иностранныхъ журналахъ очерки и эскизы его тревожной жизни. Такъ въ сентябрьскихъ книжкахъ «Putnam's Monthly» и «Scribner's Magazine» напечатаны о немъ двѣ статьи—миссъ Миртль Ридъ и Брандери Матью, въ которыхъ интересно описаны его любовныя похождения, а самъ онъ представленъ какъ первый создатель модныхъ въ наше время полицейскихъ новеллъ. ¹⁾

Эдгаръ По родился въ 1809 г. и принадлежалъ къ хорошей семьѣ. Его отецъ съ матерью были актеры и умерли, когда онъ былъ еще ребенкомъ. Усыновленный богатымъ, бездѣтнымъ кушомъ Алланомъ, маленькій Эдгаръ посѣтилъ въ 1816 г. Англію вмѣстѣ съ приемными родителями. Тамъ онъ

¹⁾ A poet and his love affairs. By Miss Myrtle Reed. «Putnam's Monthly».

²⁾ Poe and the detective story. By Brander Matthews. «Scribner's Magazine», september 1907.

поступилъ въ невингтонскую школу, а черезъ шесть лѣтъ возвратился въ Америку и послѣ подготовительной ричмондской школы перешелъ въ чарлottesvilleйскій университетъ. Съ самаго начала обнаружился его замѣчательный поэтический талантъ, но, по несчастію, онъ выказалъ такой же распутный во всѣхъ отношеніяхъ нравъ. По этой причинѣ, былъ изгнанъ изъ университета и возвратился къ своему пріемному отцу, но, несмотря на удивительную доброту послѣдняго, онъ былъ принужденъ разстаться съ Эдгаромъ и объявить ему, что онъ не платитъ его долговъ. Тогда восторженный юноша, по примѣру Байрона, отправился въ Грецію, чтобы принять участіе въ войнѣ за ея независимость. Однако онъ не попалъ въ Грецію, а очутился въ Петербургѣ, гдѣ, какъ всегда, велъ жизнь разгульную и кончилъ тѣмъ, что былъ взятъ въ полицію. Американскій посланникъ заинтересовался имъ и, освободивъ его изъ-подъ ареста, отослалъ обратно въ Америку. Добрый мистеръ Алланъ принялъ блуднаго сына съ распростертыми объятіями и въ виду его желанія поступить въ военную службу отдалъ его въ кадеты въ Вестпойтскую военную школу. Не прошло и года, какъ его, по обыкновенію, исключили изъ школы, и онъ снова былъ принятъ Алланомъ, но тутъ случилась скандальная и позорная исторія: юноша попытался обезчестить жену Аллана, и послѣдній былъ принужденъ выгнать его изъ дома съ тѣмъ, чтобы онъ никогда къ нему не возвращался.

Тогда По поступилъ въ солдаты, но друзья его освободили отъ этого незавиднаго положенія, и онъ предался литературѣ. Первымъ его сочиненіемъ былъ небольшой томикъ стиховъ, озаглавленный: «мелкія поэмы». Эдгаръ По имѣлъ успѣхъ и отдалъ себя всецѣло литературному труду. Около этого времени умерла его первая серьезная любовь, мистриссъ Елена Станардъ, мать его товарища по школѣ, и горе поэта было самое искреннее и глубокое. Онъ написалъ въ воспоминаніе о ней поэму «Еленѣ», но вскорѣ забылъ о своей любви и увлекся пятнадцатилѣтней дѣвушкой, Эльмирой Ройстеръ, но ея отецъ нашель, что она слишкомъ молода для замужества.

Вскорѣ послѣ этого Эдгаръ По отправился въ Балтимору къ своей теткѣ, мистриссъ Клеммъ. Тамъ онъ увидѣлъ ея дочь, слѣдовательно свою двоюродную сестру, красивую Виргинію, которой еще не минуло четырнадцати лѣтъ. «Въ тотъ прекрасный день,—писалъ онъ,—когда впервые возникла въ насъ любовь, мы не сказали другъ другу ни одного слова, и даже на другой день наши слова были отрывисты и немногочисленны». Теперь ему было 27 лѣтъ и они вскорѣ повѣнчались. Поселившись у мистриссъ Клеммъ, Эдгаръ По глубоко привязался къ матери своей Виргиніи. Онъ проводилъ свободное время въ усовершенствованіи образованія жены, но ихъ безоблачное счастье продолжалось не долго: ихъ стала преслѣдовать не только бѣдность, но и неудача; Виргинія, обучаясь пѣнію, надорвала свой голосъ и умерла отъ изліянія кровью. Отчаяніе молодого мужа было неописанное, и онъ воспѣлъ свою супругу въ «Annalel Zi». Мистриссъ Клеммъ послѣ смерти дочери никогда не переставала любить своего зятя, какъ родного сына.

Дальнѣйшая жизнь По была попрежнему раздѣлена между литературой и алкоголемъ. Въ пьянствѣ онъ искалъ вдохновенія и писалъ съ одинаковой

гениальностью поэмы, изъ числа которыхъ лучшей считается «Воронъ», уголовныя новеллы, фантастическія путешествія и символическія сказки. Однажды его сдѣлали редакторомъ «Южнаго Литературнаго Вѣстника», но, какъ всегда, благодаря запою, онъ лишился этого выгоднаго мѣста. Кромѣ двухъ томовъ поэтическихъ произведеній, Эдгаръ По написалъ также два тома мелкихъ рассказовъ, подѣ заглавіемъ «Tales of the grotesque and arabesque» и «Adventures of Gordon Pym». Наконецъ, за годъ предѣ смертью, онъ прочелъ въ Нью-Йоркѣ серію лекцій о вселенной и напечаталъ ихъ подѣ заглавіемъ «Eugika», или прозаическія поэмы. Главной чертой его произведеній, какъ въ стихахъ, такъ и прозѣ, было изображеніе фантастическаго міра, населеннаго ужасающими образами большого воображенія или даже безумія. Все, что онъ писалъ, было чрезвычайно реально и дышало патологическимъ ужасомъ, такъ что, читая его произведенія, невольно приходишь въ мистическій трепетъ.

Среди его распутной жизни былъ еще одинъ романтическій эпизодъ: онъ обратилъ вниманіе на стихотворенія мистриссъ Елены Вайтманъ и хотя только однажды видѣлъ ее издали въ саду, но влюбился и, доставъ рекомендательное письмо, отправился къ ней и объяснился въ любви. Сначала она отказала ему въ своей рукѣ, но потомъ согласилась выйти за него замужъ, если онъ перестанетъ пить. Онъ поклялся въ этомъ, и уже всѣ приготовленія были сдѣланы и назначенъ день свадьбы, но мистриссъ Вайтманъ узнала, что ея женихъ не сдержалъ слова и опять предался пьянству. Она послала за нимъ и, убѣдившись, что онъ, какъ ни боролся со своимъ недостаткомъ, не могъ устоять противъ него, отказала ему, и послѣ этого они никогда болѣе не видались.

Затѣмъ онъ снова попытался вести трезвую жизнь и вѣскольکو мѣсяцевъ, дѣйствительно, не пьянствовалъ: на этотъ разъ причиной снова была любовь. Онъ встрѣтилъ въ Ричмондѣ прежнюю свою страсть, Эльмиру Ройстеръ, теперь мистриссъ Шельтонъ и вдову. Снова онъ поклялся не пьянствовать, и она обѣщала выйти за него замужъ. Но черезъ короткое время онъ вернулся въ Балтимору и тамъ, встрѣтивъ старыхъ товарищей кутежей, не выдержалъ и предался обычному распутству. Дѣло кончилось тѣмъ, что однажды утромъ его нашли на улицѣ мертвецки пьянымъ. Отнесенный въ городскую больницу, онъ въ тотъ же день умеръ, 40 лѣтъ отъ роду. Это случилось 4 октября 1849 г., и мистриссъ Шельтонъ получила роковую вѣсть, когда она уже собиралась устроить свадьбу.

Литературныя произведенія Эдгара По переведены почти на всѣ языки, и ихъ мрачный, патологическій, часто полубезумный характеръ производитъ самое печальное впечатлѣніе на читателей. Изъ числа его поэтическихъ рассказовъ въ прозѣ особеннаго вниманія заслуживаетъ «Убіиство въ улицѣ Моргъ» — первообразъ всѣхъ уголовно-полицейскихъ исторій, вошедшихъ въ моду особенно за послѣднее время. Одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ авторовъ подобныхъ рассказовъ, сэръ Конанъ Дойль, признаетъ, насколько онъ обязанъ Эдгару По. «Этотъ высокодаровитый американскій писатель, говоритъ онъ, посѣялъ сѣмена, изъ которыхъ возникла теперешняя уголовная литература; онъ отецъ сыщицкихъ рассказовъ, и его послѣдователи не могутъ сы-

скать себѣ новой, свѣжей почвы, которую бы они чистосердечно могли назвать своей собственной. Поэтому какимъ бы путемъ ни шель новый писатель, но онъ всегда видитъ предъ собою слѣды Эдгара По въ полицейской новеллѣ».

— Для кого Викторъ Гюго написалъ «Les Misérables»?— Дочь итальянскаго патріота, графа Пѣпе, графиня Развадовская, на дняхъ прислала въ редакцію «Century Magazine» итальянскій переводъ письма Виктора Гюго къ ея отцу въ отвѣтъ на вопросъ послѣдняго: для кого именно великій романистъ написалъ этотъ замѣчательный романъ? По всей вѣроятности, вышеупомянутый документъ еще никогда не былъ напечатанъ, а потому мы приводимъ его цѣликомъ: ¹⁾

Готвиль Гаузь.

18 октября 1862 г.

«Вы правы, милостивый государь, что «Les Misérables» написаны для всѣхъ народовъ. Я не знаю, всѣ ли будутъ читать этотъ романъ, но, конечно, я писалъ его для всѣхъ — какъ для Англіи, такъ и для Испаніи, Италіи, Ирландіи и Франціи, какъ для республикъ, имѣющихъ рабовъ, такъ и для имперій, имѣющихъ крѣпостныхъ. Соціальныя задачи переходятъ чрезъ границы; язвы человѣческой расы, громадныя язвы, покрывающія весь свѣтъ, не останавливаются предъ синими и красными линиями, испещряющими географическіе атласы. Вездѣ, гдѣ человѣкъ невѣжественъ и въ отчаяніи, гдѣ женщина продаетъ себя за кусокъ хлѣба, гдѣ ребенокъ страдаетъ отъ недостатка книги, которая его выучила бы, или сердца, которое бы его согрѣло, — моя книга «Les Misérables» стучится въ дверь, говоря: «отворите: я пришла для васъ».

«Въ теперешнемъ, еще столь мрачномъ, положеніи цивилизаціи человѣкъ — несчастенъ: онъ страдаетъ въ каждомъ климатѣ, онъ стонетъ на всякомъ языкѣ. Ваша Италія освобождена отъ общаго зла не болѣе, чѣмъ наша Франція; ваша удивительная Италія несетъ на своей почвѣ всякаго рода несчастія. Быть можетъ, разбойничество, которое, въ сущности, безумный видъ пауперизма, не обитаетъ на вашихъ горахъ? Рѣдкія націи такъ глубоко разбѣдены язвой монастырей, которую я старался обнаружить! Хотя вы имѣете Римъ, Миланъ, Палермо, Туринъ, Сиенну, Пизу, Мантую, Болонью, Геную и Венецію, хотя у васъ героическая исторія, блестящія развалины, великолѣпные памятники и славные города, но вы такіе же несчастные, какъ и мы; у васъ столько же чудесъ, сколько и гноя. Солнце Италіи, конечно, свѣтитъ безподобно, но, увы, синее небо не прикрываетъ человѣческихъ рубищъ. Подобно намъ, вы имѣете предразсудки, суевѣрія, тиранство, фанатизмъ и слѣпые законы, которые скрываютъ невѣжественные обычаи. Вы ступаете настоящее и будущее остатками прошедшаго и у васъ есть варварь-монахъ и дикарь-лаццарони. У васъ тотъ же общественный вопросъ, какъ и у насъ. Вашъ народъ умираетъ менѣе отъ голода, но болѣе отъ лихорадки. Ваша гигиена не лучше нашей. Тучи мрака, которыя въ Англіи называются протестантствомъ, а въ Италіи католичествомъ, — одинаковы по своему невѣ-

¹⁾ Victor Hugo on «Les Misérables». The June «Century Magazine». 1907.

жеству. Въдъ все равно — неправильно толковать Библию или ложно объяснять Евангеліе».

«Долженъ ли я продолжать? Долженъ ли я подробнѣ доказывать справедливость этой мрачной параллели. У васъ, быть можетъ, нѣтъ людей нуждающихся? Взгляните внизъ. Можетъ быть у васъ нѣтъ паразитовъ? Взгляните наверхъ. Быть можетъ, предъ вашими глазами, такъ же, какъ предъ нашими, не колеблется проклятые и печальные вѣсы паушеризма и паразитизма? Гдѣ ваша армія учителей, которыхъ цивилизація однихъ признаетъ бойцами? Гдѣ ваши свободныя, обязательныя школы? Быть можетъ, въ странѣ Данте и Микель-Анджело всѣ умѣютъ читать? Не превратили ли вы ваши казармы въ пританей? Но, нѣтъ, у васъ вѣдъ такой же преувеличенный военный бюджетъ и нелѣпный недостатокъ образованія, какъ и у насъ. Не пассивно ли вы повинуетесь грубымъ солдатамъ? Не существуетъ ли у васъ милитаризма, который доводитъ слѣпую дисциплину до того, что стрѣляютъ въ Гарибальди, а это все равно, что стрѣлять въ живую честь Италіи».

«Разсмотримъ ваше социальное положеніе; мы возьмемъ его такимъ, какое оно есть, и мы обнаружимъ его зіяющее зло; укажете мнѣ вашихъ женщинъ и вашихъ дѣтей. Мы соразмѣряемъ степень цивилизаціи той суммой кровительства, какая оказана этимъ двумъ слабымъ существамъ. Неужели проституція въ Неаполѣ менѣе печальна, чѣмъ въ Парижѣ? Справедливѣ ли ваши законы и ваши суды? Развѣ вы имѣете счастье не знать, что означаютъ мрачныя слова:—общественная месть, законный позоръ, каторжныя работы, палачъ, плаха, смертная казнь? Итальянцы! Беккарія умеръ и Фаринаціо живетъ у васъ такъ же, какъ и у насъ. Потомъ, посмотримъ вашъ государственный строй. Неужели ваше правительство сознаетъ, что политика и нравственность—одно и то же? Провозглашаете ли вы амнистію своимъ героямъ? Даже во Франціи дѣлали нѣчто подобное. А теперь, каждый изъ насъ, укажемъ на свои бѣдствія. Вы такъ же богаты, какъ мы, но одинаково имѣете два проклятые элемента — поповъ и судей. Великій народъ Италіи, тыходишь на великій народъ Франціи. Увы, вы всѣ братья, всѣ вы несчастны. Изъ глубины мрака, въ которомъ вы погружены, вы не яснѣ нашего видите лучи свѣта. Патеры утверждаютъ, что этотъ свѣтъ лежитъ позади насъ, а не впереди.

«Я подвожу итогъ тому, что сказалъ: моя книга «Les Miserables»—зеркало вашего положенія такъ же, какъ и нашего. Многие, не только отдѣльные люди, но и цѣлыя касты возстаютъ противъ нея, и я понимаю — почему. Зеркала говорятъ правду и поэтому ихъ ненавидятъ, но отъ этого ихъ польза не уменьшается. Я говорю правду для всѣхъ. Я глубоко люблю мою страну, но не забочусь о ней болѣе, чѣмъ о другихъ странахъ. Чѣмъ больше я подвигаюсь въ жизни, тѣмъ мало-по-малу я становлюся проще и дѣлаюся патриотомъ всего человечества. Къ тому же таково стремленіе нашей эпохи: законъ развитія—французская революція, и, чтобы продолжалось постоянное увеличеніе цивилизаціи, книги должны перестать быть исключительно французскими, итальянскими, вѣмецкими, испанскими и англійскими, но должны сдѣлаться европей-

скими или, лучше того, человѣческими. Поэтому, новая логика искусства и извѣстные правила сочиненія измѣнять столь узкія въ прошедшемъ условія вкуса и языка, которыя должны расширяться. Нѣкоторые французскіе критики упрекаютъ меня за то, что я, по ихъ мнѣнію, вышелъ изъ предѣловъ французскаго вкуса, но я очень доволенъ этой критикой и желалъ бы ее заслужить. Однимъ словомъ, я дѣлаю то, что могу: я страдаю отъ всесвѣтнаго зла и стараюсь его уменьшить, но, имѣя силу лишь одного человѣка, я кричу: «помогите!»

«Вотъ, милостивый государь, вотъ все, что ваше письмо заставило меня вамъ написать, и все это я сказалъ не только вамъ, но и вашей странѣ. Если я говорилъ съ вами такъ откровенно, то потому, что вы мнѣ написали: «нѣкоторые итальянцы говорятъ, что книга «Les Misérables» французская и до насъ не касается: пусть французы читаютъ ее, какъ исторію, но мы будемъ ее читать, какъ романъ». Увы, я повторяю то же: что изображенные въ этой книгѣ несчастія касаются одинаково какъ итальянцевъ, такъ и французовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ исторія начала писать, а философія начала думать, онѣ изучали человѣческую одежду бѣдствія; будемъ надѣяться, что наступитъ моментъ, когда мы сбросимъ съ себя эти лохмотья на человѣкъ-народѣ, и проклятыя рубища прошедшаго замѣнимъ свѣтлой пурпурной мантией восходящаго дня».

«Если вы считаете, что это письмо полезно для просвѣщенія какого бы то ни было ума и для уничтоженія предразсудковъ, то вы можете его напечатать. Примите увѣреніе въ моемъ къ вамъ уваженіи

«В. Гюго».

— Японія и Америка.— Столкновенія американцевъ съ японцами въ Санъ-Франциско заставляють первыхъ призадуматься, и въ ежемѣсячныхъ журналахъ помѣщается много статей объ отношеніяхъ между Америкой и Японіей. Такъ, въ «North American Review» находится статья Вилларда Френка, который упрекаетъ своихъ соотечественниковъ за то, что они давали себя ублаживать японцамъ прекрасными обѣщаніями мира. Японцы говорятъ, что они не хотятъ новой войны, а вмѣстѣ съ тѣмъ, истощенные страшными усиліями, благодаря которымъ они восторжествовали надъ Россіей, обѣднѣвъ, задолжавъ, ставъ лицомъ къ лицу съ самой важной задачей, какой ни одной націи не приходилось смотрѣть въ лицо, каждый день продолжаютъ приносить новыя жертвы, совершенствуя свои военныя силы и съ страшной быстротой увеличивая свой военный флотъ. Торговый флотъ японцевъ растетъ въ той же пропорціи; они все болѣе и болѣе захватываютъ морскую торговлю и японскія пароходныя линіи, все умножающіяся, приводятъ въ сообщеніе японскія гавани съ Америкой, Китаемъ, Филиппинами и Австраліей. Многія изъ этихъ торговыхъ судовъ имѣютъ двойную цѣль, и если вспыхнетъ война, то они превратятся въ вспомогательные крейсера; но пока, въ ожиданіи военныхъ побѣдъ, они завоевываютъ всѣ тихоокеанскіе рынки.

Экономическая война уже началась, и Америка отступила, между тѣмъ какъ, по словамъ Френка, имѣла время подготовиться къ этой борьбѣ. Болѣе пятиде-

сяти лѣтъ тому назадъ одинъ американскій государственный человѣкъ Вильямъ Сьюардъ послѣ кругосвѣтнаго путешествія писалъ: «Тихій океанъ, его берега и острова въ будущемъ сдѣлаются главнымъ театромъ событій и всесвѣтной дѣятельности». Тихому океану, слѣдовательно, предстоитъ играть ту же роль, что прежде играло Средиземное море, затѣмъ Атлантическій океанъ. Народонаселение его береговъ превосходитъ численностью народонаселение всей Европы, а его международная торговля теперь превышаетъ 15 миллиардовъ франковъ въ годъ, между тѣмъ какъ Соединенные Штаты, имѣющіе на Великомъ океанѣ берегъ въ 45.000 километровъ, не говоря объ ихъ важныхъ колоніяхъ, получаютъ не болѣе трехъ миллиардовъ.

Въ то время, какъ японцы стараются развить и поощрить морскую торговлю, американцы дѣлаютъ все возможное для обезсилія и разоренія своей тяжелыми налогами, подъ предлогомъ защиты частныхъ интересовъ матросовъ, которые, по словамъ автора, не очень высокаго достоинства и только что пріѣхали изъ Европы. Конгрессу былъ предложенъ законъ о поощреніи морской торговли, но его отвергли. Такимъ образомъ одна изъ четырехъ американскихъ транспортныхъ компаній, имѣющая на своихъ корабляхъ американскій флагъ на Тихомъ океанѣ, уже закрылась, а другая скоро переходитъ въ руки японцевъ.

Японскій флотъ почти удвоился, благодаря захваченнымъ русскимъ судамъ и спущеннымъ на воду новымъ кораблямъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ онъ превзойдетъ численностью американскій. Поэтому американцамъ надо имѣть значительный флотъ на Атлантическомъ океанѣ, но пока не сдѣланъ Панамскій каналъ этому флоту, въ случаѣ войны съ Японіей, нельзя будетъ доставить помощи. «Но вотъ вопросъ: дадутъ ли японцы время сдѣлать этотъ каналъ?» — спрашиваетъ авторъ. Конечно, въ данный моментъ Японія не хочетъ войны; она мирно обезпечиваетъ себѣ промышленное и торговое господство на морѣ, что дастъ ей возможность немного наполнить опустѣвшую мошну, и, еще болѣе сдѣлавшаяся увѣренной въ будущемъ успѣхъ со времени англо-японскаго союза, пока только повторяютъ, что «Великобританія и величайшая Японія завоюютъ весь свѣтъ».

Война между обѣими странами, по мнѣнію Френка, неизбежна: ихъ интересы, какъ торговые, такъ политическіе и экономическіе, сталкиваются вездѣ понемногу на Тихомъ океанѣ. Помимо этого, оба народа все болѣе и болѣе нравственно борются между собою: національная гордость тѣхъ и другихъ развита одинаково. Американцы считаютъ японцевъ низшей расой, чѣмъ-то вродѣ «цвѣтныхъ людей», съ которыми они никогда не будутъ обращаться, какъ съ равными; японцы, съ своей стороны, глубоко презираютъ «бѣлыхъ людей». Инцидентъ въ Санъ-Франциско лучше всего показалъ настроеніе умовъ обѣихъ расъ. По мнѣнію японцевъ, ихъ цивилизація болѣе древняя, чѣмъ европейская, а европейцы и американцы не что иное, какъ неотесанные варвары, которымъ посчастливилось изобрѣсть смертѣосную машину, очень геніально убивающую людей. Она дала имъ временное превосходство, но желтые наконецъ открыли ихъ секретъ и находятъ, что пора образумить бѣлыхъ варваровъ и занять первое мѣсто, право на которое они считаютъ своей собственностью.

Въ теченіе только четверти вѣка японцамъ удалось усвоить военный, ученый и промышленный прогрессъ: теперь они сильно вооружены и готовы къ борьбѣ. Но они еще сильнѣе европейцевъ по слѣдующей причинѣ: ни одна нація такъ тѣсно не сплочена, какъ японцы общенародными интересами, фанатическимъ патріотизмомъ, религіозной вѣрностью государю, пылкимъ честолюбіемъ и вѣрой въ будущность страны. Это чувство ничуть не уменьшается, какъ бы долго ни жилъ японецъ вдали отъ родины, и куда бы ни эмигрировалъ японецъ, онъ всегда остается японцемъ, и только японцемъ, безъ малѣйшей примѣси. Эмигранты-японцы становятся все многочисленнѣе и распространяются въ Корей, на островахъ Тихаго океана и даже на америкаской территоріи. Они совершенно забрали въ руки промышленность и торговлю на Гавайскихъ островахъ, а за послѣднее время они являлись въ Калифорнію тысячами въ мѣсяцъ. Въ концѣ концовъ столкновение между ними и американцами неизбежно должно произойти. Россія уже обезсилена, она болѣе не можетъ имъ мѣшать, на ихъ пути теперь осталась Америка, интересы которой сталкиваются съ ихъ выгодами на каждомъ шагу. Если вспыхнетъ война, Америкѣ выигрывать нечего: напротивъ, ей грозитъ лишь проигрышъ, тогда какъ японцамъ нечего терять и многое предстоитъ выиграть. «Кто будетъ побѣдителемъ?» спрашиваетъ авторъ потвѣчаетъ:— «Очень вѣроятно, что японцы, несмотря на восторженное восхищеніе, которое мы питаемъ къ самимъ себѣ». Если бы японцы захотѣли воспользоваться случаемъ, который имъ предоставилъ инцидентъ въ Санъ-Франціско, они въ три недѣли захватили бы Филиппины, Гвамо, Наго, Гавайскіе острова, Панаму и Аляску, и американцы ничего не могли бы себя удержать, исключая Панамы; всѣ гавани на американскомъ берегу были бы затѣмъ блокированы.

«Но зачѣмъ торопиться японцамъ?» замѣчаетъ авторъ; Филиппины обошлись до сихъ поръ Америкѣ въ четыре миллиарда франковъ и столько же будутъ стоить въ слѣдующія десять лѣтъ. Японія говоритъ себѣ: «Они будутъ моими, когда я захочу; но всѣ эти миллиарды мнѣ не лишніе, подождемъ еще немного». «Ослѣпленные гордостью Американскіе Штаты, — говоритъ Френкъ — ничего не дѣлаютъ для отраженія этой опасности. Чтобы сразиться съ Японіей, имъ нуженъ громадный флотъ, но, можетъ быть, для нихъ еще важнѣе усилить торговый флотъ. Если они допустятъ вырвать у себя торговлю, — они пропали, ибо политическія и военныя невзгоды роковымъ образомъ слѣдуютъ за экономическими пораженіями. Все болѣе и болѣе вѣроятности, — замѣчаетъ въ заключеніе Френкъ, — что все это кончится для насъ еще хуже, чѣмъ для Россіи».

По послѣднимъ извѣстіямъ, отношенія американцевъ къ японцамъ продолжаютъ быть настолько презрительными, что вызываютъ новыя осложненія. Опять вспыхнулъ вопросъ о запрещеніи японскимъ дѣтямъ вступать въ школы и сидѣть рядомъ съ бѣлыми дѣтьми, такъ какъ, говоритъ американцы, «бѣлые не должны сидѣть рядомъ съ желтыми».

— Религіозная жизнь въ Соединенныхъ Штатахъ.—У нѣкоторыхъ европейцевъ сложилось мнѣніе объ американцахъ, какъ о націи не религіозной, поглощенной всецѣло важной денегъ, поэтому статья католическаго

епископа Вай-Вайя въ августовскомъ номерѣ «Deutsche Rundschau» должна нѣсколько измѣнить это мнѣніе. Автору приходилось близко присматриваться къ духовной жизни американцевъ во время своего пребыванія въ Америкѣ, гдѣ онъ постоянно посѣщалъ католическія общины, проповѣдывалъ на различныхъ языкахъ и основывалъ новыя католическія церкви. По его мнѣнію, доказательствомъ религіозности американцевъ служитъ ихъ пристрастіе къ различнымъ религіознымъ сектамъ, которыя процвѣтаютъ въ Америкѣ, какъ нигдѣ. Не религіозными оказываются эмигранты, одинокіе, покинутые на самихъ себя, не обращающіеся ни къ одному священнику своей расы и даже часто не знающіе, есть ли въ городѣ церковь и священникъ ихъ вѣроисповѣданія. Занятые одною мыслью, какъ бы разбогатѣть, они совершенно забываютъ о своей религіи. Но въ этомъ Вай-Вайя винитъ обстоятельства и находитъ, что эта небрежность временная. Даже не исповѣдующіе никакой опредѣленной религіи американцы инстинктивно ищутъ ея, что выражается, по мнѣнію автора, въ любви къ сверхъестественному, таинственному, въ какой бы это ни проявлялось формѣ. Нигдѣ, какъ въ Америкѣ, не процвѣтаетъ такъ оккультизмъ и спиритизмъ, который болѣе полстолѣтія дѣлаетъ Америку своей главной квартирой, нигдѣ, какъ тамъ, не является столько иллюминаторовъ или шарлатановъ, которые объявляютъ себя пророками и основываютъ новыя религіи. Ни въ одной странѣ не существуетъ столько обществъ, основанныхъ специально для практическаго и теоретическаго изученія оккультныхъ наукъ, какъ въ Америкѣ. Часто оккультизмъ вырождается тамъ въ грубое шарлатанство, и журналы переполнены заманчивыми приглашеніями на спиритическіе сеансы съ гарантированными чудесами и явленіями, и на всѣ подобные сеансы являются многочисленные посѣтители.

Пророки, основатели религіи появляются тамъ также въ большомъ количествѣ, и нѣкоторые изъ нихъ завоевали себѣ изумительную популярность. Самымъ знаменитымъ за послѣдніе годы являлся извѣстный Дови, пана сіонской церкви,—не израильской, о которой за послѣднія восемь-десять лѣтъ много говорятъ въ Америкѣ, а христіанской. Вай-Вайя лично былъ знакомъ съ Дови въ Австраліи, гдѣ онъ былъ настоятелемъ конгрегационалистомъ въ одной сиднейской церкви. Онъ владѣлъ даромъ увлекательнаго, колоритнаго краснорѣчія, которое придавало ему громадную притягательную силу. Однажды ему вошло въ голову внушить своей паствѣ, что онъ настоящее воплощеніе пророка Іліи, вторымъ воплощеніемъ котораго, по его словамъ, былъ Іоаннъ Креститель. Онъ привялся проповѣдывать повсюду новую религію, догматы которой, по замѣчанію Вай-Вайя, были вполне нелѣпы, но мораль въобщемъ—безукоризненная и оздоровляющая. Дови добился громаднаго успѣха и собралъ много послѣдователей, особенно изъ низшаго класса общества. Австралія его уже не удовлетворяла, и онъ отправился завоевывать Америку.

Въ Америку Дови пріѣхалъ во время открытія выставки въ Чикаго, когда туда стекались сотни тысячъ посѣтителей. Онъ поселился тамъ и въ самое короткое время своими зажигательными рѣчами сгруппировалъ вокругъ себя большое количество учениковъ, преимущественно изъ рабочаго класса и въ большинствѣ случаевъ не исповѣдывавшихъ никакой опредѣленной религіи.

Новый Илья Пророкъ III показывался въ народѣ не иначе, какъ въ бѣломъ свободномъ одѣяніи, и тотъ же самый нарядъ онъ предписывалъ носить своимъ послѣдователямъ. Недалеко отъ Чикаго пророкъ велѣлъ своимъ ученикамъ построить обширный городъ, гдѣ они поселились съ своими семьями и назвали его «Zion-City». Здѣсь Дови царствовалъ какъ самодержавный и тираническій теократъ, но и этого ему было недостаточно: онъ хотѣлъ распространить свое учение по всему свѣту, но за границей его проповѣдь не имѣла такого успѣха, и пророкъ умеръ, какъ обыкновенный смертный, въ мартѣ нынѣшняго года. По мнѣнію Вай-Вайя, его примѣру скоро послѣдуетъ и проповѣдуемая имъ религія.

Дови, какъ мы говорили, былъ пророкомъ американцевъ низшаго класса; высшій же слой общества имѣлъ своего пророка, и его секта называется христіане-ученые. Эта оригинальная и вполнѣ идеальная секта отрицаетъ реальность міра ощущеній и излечиваетъ всѣ болѣзни, лишь изгоняя изъ ума пациента идею о его болѣзни. Вай - Вайя одобрительно отзывался объ арміи спасенія, сектѣ очень распространенной въ Америкѣ, и хвалить ея прекрасно организованную благотворительность, главное потому, что ея члены способствуютъ распространенію католицизма и возвращаютъ отпавшихъ отъ него послѣдователей въ лоно католической церкви.

Кромѣ того, въ Америкѣ существуетъ много протестантскихъ сектъ, и самыми распространенными считаются баптисты, методисты и пресвитеріане (англійская и шотландская форма кальвинизма). Что же касается до официальной религіи — англиканской (извѣстной подъ именемъ епископальной секты), то ея послѣдователей очень немного. Всѣ негры примкнули или къ баптистамъ, или къ методистамъ.

Авторъ статьи, какъ представитель католицизма, конечно, главнымъ образомъ занятъ вопросомъ о католической церкви. По его словамъ, католическая церковь занимаетъ въ Америкѣ безспорно первое мѣсто, и общее мнѣніе сводится къ одному, что она лучше организована и сплочена и имѣетъ наибольшее количество послѣдователей, чѣмъ какая-либо другая христіанская церковь. Сто лѣтъ тому назадъ католиковъ насчитывалось въ Америкѣ сто тысячъ, а теперь пятнадцать милліоновъ. Католическое духовенство пользуется тамъ всеобщимъ уваженіемъ, особеннымъ вниманіемъ и благоволеніемъ властей. Въ Америкѣ повсюду патерамъ оказываютъ честь, совѣтуются съ ними, и ихъ совѣты имѣютъ значительный вѣсъ, когда дѣло касается рѣшеній по вопросамъ національныхъ или социальныхъ интересовъ. Балтиморскій архіепископъ, кардиналъ Гиббонъ, лучший другъ Рузвельта, который часто появляется съ нимъ на большихъ публичныхъ торжествахъ. Вообще, по словамъ Вай-Вайя, Рузвельтъ «не пропускаетъ ни одного случая, чтобы похвалить католическую церковь, и публично выражаетъ свое восхищеніе папой». Президентъ друженъ не только съ кардиналомъ Гиббономъ, но и съ другими католическими священниками. Чикаго, повидимому, не изобилуетъ католическими церквями, такъ какъ авторъ говоритъ, что его приглашали на освященіе новыхъ церквей. Напротивъ, въ Клевеландѣ венгерская община въ тридцать тысячъ богатыхъ католиковъ имѣетъ нѣсколько церквей, журналовъ духовнаго содержанія и

различныя религіозныя общества. Въ Нью-Йоркѣ католическій соборъ находится въ самомъ красивомъ кварталѣ и считается однимъ изъ грандіозныхъ сооружений въ городѣ. Его постройка обошлась въ 25 милліоновъ франковъ, не считая громадной суммы, потраченной на покупку земли.

Религіозныя католическія ордена, миссіонеры, патеры и особенно преподаватели находятся въ Америкѣ въ большомъ количествѣ. Іезуиты имѣютъ свои коллегіи во всѣхъ большихъ городахъ Америки, и двѣ изъ нихъ въ Нью-Йоркѣ особенно процвѣтаютъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ окрестностяхъ Вашингтона открылся католическій университетъ, дѣла котораго находятся въ блестящемъ положеніи. Однимъ словомъ, братья-іезуиты почти завоевали Америку безъ оружія въ рукахъ.

Католическое духовенство содержится исключительно на средства своей насты и, несмотря на то, что послѣдователи католицизма принадлежатъ обыкновенно къ бѣднымъ классамъ общества, ни одинъ патерь не получаетъ въ годъ менѣе тысячи долларовъ, а нѣкоторые—до 20,000 долларовъ. Вообще католическимъ патерамъ, по словамъ автора, хорошо живется въ Америкѣ: они повсюду тамъ легко находятъ деньги, какая бы это ни была сумма, и прихожане щедро жертвуютъ на поддержку церкви и школъ. Во всей исторіи церкви, по его словамъ, не было случая, чтобъ великодушіе прихожанъ превышало щедрость американскихъ католиковъ. Владѣльцемъ и администраторомъ церковныхъ имуществъ являются прихожане. Они избираютъ совѣтъ, члены котораго называются «кураторами», и патерь имѣетъ право председательствовать подъ высокимъ авторитетомъ епископа. Однако, насколько прихожане щедры, настолько и взыскательны относительно отчетовъ, и, интересуясь дѣлами прихода, прихожане невольно приходятъ въ частое соприкосновеніе съ патерами, и потому между свѣтскимъ и духовнымъ міромъ создается сближеніе.

Въ Америкѣ католическія патеры, правда, ведутъ нѣсколько иной образъ жизни, чѣмъ въ другихъ странахъ: они не заираются въ своихъ ризницахъ, а, напротивъ, быть можетъ, даже слишкомъ, по мнѣнію Вай-Вайя, вмѣшиваются въ свѣтскую жизнь и принимаютъ слишкомъ замѣтное участіе въ ея повседневныхъ занятіяхъ, но, впрочемъ, говоритъ авторъ, до сихъ поръ это давало превосходные результаты. Последнее замѣчаніе какъ нельзя лучше характеризуетъ дѣятельность іезуитовъ, которые, ловко проникая во всѣ слои общества и принимая участіе во всѣхъ занятіяхъ, все болѣе и болѣе вербуютъ послѣдователей.

Отъ президента Рузвельта Вай-Вайя въ восторгѣ. Онъ сдѣлалъ ему продолжительный визитъ въ Вашингтонѣ и былъ пораженъ простотой и буржуазностью, царящими въ Бѣломъ Домѣ. Онъ очень сожалѣетъ, что американцы предполагаютъ выстроить новый домъ для президента, который навѣрно будетъ богаче, а потому банальнѣе и лишень того демократическаго отпечатка, который такъ очаровываетъ посѣтителей.

Его провелъ къ президенту слуга безъ ливреи. Кабинетъ Рузвельта отличается скромной обстановкой и заваленъ книгами, журналами и картами. Рузвельтъ совершенный типъ благороднаго современнаго американца, и аме-

риканцы признають въ немъ себя, это главная причина его популярности. Своимъ внушительнымъ и нѣсколько театральнымъ краснорѣчіемъ онъ сильно влияетъ на толпу. По мнѣнію Вай-Вайя, Рузевельтъ не профессиональный политикъ, тѣмъ менѣе умозрительный мыслитель, а человѣкъ дѣла. Но главная черта его характера, прельстившая Вай-Вайя,—необыкновенная религіозность.

— Стали ли мы лучше? — Этимъ знаменательнымъ вопросомъ задался извѣстный англійскій историкъ и публицистъ, Джемсъ Брайсъ, теперешній великобританскій посолъ въ Америкѣ, произнося торжественную рѣчь въ гарвардскомъ университетѣ. Она помѣщена въ августовской книжкѣ «Atlantic Monthly» и отличается большимъ интересомъ. Брайсъ начинаетъ съ замѣчанія, что съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ освободился отъ природы и началъ размышлять о своемъ положеніи во вселенной, онъ посвятилъ свой разумъ разсмотрѣнію вопроса: развивается ли человѣчество и для какой будущности? Въ послѣднее столѣтіе вѣра въ человѣческую прогрессъ стала общимъ завѣтомъ. Религіозные люди, вполнѣ уважающіе Провидѣніе, также какъ и люди не столь набожные, которые вмѣсто вѣры въ будущую жизнь сосредоточили всѣ свои мысли на развитіи человѣчества, разными путями дошли до убѣжденія, что все стремится къ лучшему въ семь лучшемъ изъ міровъ. Такимъ образомъ возникла философія исторіи, утверждающая, что всѣ событія повинуются постоянному закону возникновенія добра изъ зла и высшаго добра изъ меньшаго.

Поэтому бѣдствія исторіи часто служили къ обезпеченію большаго блага и, напримѣръ, нормандское завоеваніе, причинившее на цѣлый вѣкъ значительное несчастіе Англій, въ сущности придало силы саксонской расѣ, также какъ французская революція и наполеоновскія войны уничтожили старый порядокъ и остатки феодализма въ Европѣ. Но, съ другой стороны, исчезновеніе готовъ въ Италіи, взятіе Константинополя турками и появленіе инквизиціи въ Испаніи причинили только неисчерпаемый вредъ. Эта вѣра въ прогрессъ, основанная на системѣ, что все къ лучшему, въ сущности не имѣетъ ученаго характера. Всякій, кто основательно разсмотритъ теченіе человѣческой исторіи, долженъ освободиться отъ подобныхъ оптимистическихъ фантазій и принять факты такими, какими онъ ихъ находитъ.

Въ этой рѣчи Брайсъ ограничиваетъ свое понятіе объ идеѣ прогресса и, говоря, что человѣкъ двинулся впередъ, онъ разумѣетъ физическій строй его умственного развитія; при этомъ мы можемъ имѣть въ виду, что человѣкъ улучшился въ своемъ социальномъ положеніи и въ нравственномъ. Брайсъ полагаетъ, что человѣчество во всѣхъ отношеніяхъ развилось физически. Но это развитіе принесло ли пользу расѣ?—задаетъ себѣ вопросъ Брайсъ. Люди могутъ теперь жить на свѣтѣ въ большемъ количествѣ, но лучше ли имъ приходится вообще? Если пищи стало болѣе, то и ртовъ умножилось. Жизнь людей становится тяжела и средства къ достиженію радости тоже ограничены.

Многіе довольны, если большіе города увеличиваютъ свое населеніе на

¹⁾ «Are we growing better?» By M-r James Bryce «Atlantic Monthly» August 1907.

десятки тысяч человекъ въ годъ, и Брайсъ, переходя отъ количества къ качеству, замѣчаетъ, что быстрое увеличеніе германской, кельтической и славянской расъ сравнительно съ медленнымъ размноженіемъ отсталыхъ расъ, исключая Китая и Японіи, составляетъ несомнѣнное движеніе впередъ. Но является вопросъ, улучшаются ли физически и умственно эти элементы? Нѣтъ сомнѣнія, отвѣчаетъ Брайсъ, что они улучшаются и ихъ мускульная сила не уменьшилась. Вообще жизнь расы усилилась и сдѣлалась продолжительнѣе, но нельзя не признать, что въ ней увеличилось количество сумасшествій. Если этотъ фактъ нельзя объяснить злоупотребленіемъ спиртными напитками, то его надо отнести ко многимъ другимъ факторамъ современной жизни. Въ раннихъ періодахъ исторіи человечества, когда на землѣ господствовали сильныя расы, высшіе классы во всѣхъ отношеніяхъ были могущественнѣе низшихъ. Въ аристократическихъ слояхъ, повсей вѣроятности, количество рожденій было болѣе, чѣмъ въ современномъ обществѣ. Въ наше время представители богатыхъ и образованныхъ классовъ женятся позднѣе и имѣютъ малочисленнѣе семейство, чѣмъ представители низшихъ классовъ, которые по уму и физически находятся въ низшемъ состояніи. Въ результатъ получается, что классъ, въ которомъ физическая сила и просвѣщенный умъ были наследственными, увеличивается медленнѣе и разница между низшими и высшими сословіями теперь гораздо менѣе чувствуется, чѣмъ нѣсколько столѣтій тому назадъ. Относительно пищи, одежды и жилищъ, безъ всякаго сомнѣнія, произошло улучшеніе. Говоря о прогрессѣ, обыкновенно мы имѣемъ это въ виду. Но наше усилившееся знаніе и господство надъ природой увеличиваетъ ли умственный и нравственный прогрессъ въ отношеніи разума, добродѣтели и того, что называется счастьемъ?

Ограничивая свое изслѣдованіе матеріальнымъ прогрессомъ, Брайсъ находитъ, что умственная дѣятельность сильно увеличилась, но онъ сомнѣвается, чтобы интеллектуальное совершенство нынѣшняго вѣка можно было бы измѣрить произведеніями, появляющимися въ печати. Онъ полагаетъ, что постоянное чтеніе газетъ и журналовъ не усиливаетъ способности мыслить. Усиленіе знанія не увеличиваетъ умственной силы. Смотря на простые факты исторіи, мы поражены невозможностью соединить мощь человеческого ума съ внѣшними условіями богатства и комфорта. Матеріальный прогрессъ, конечно, поддѣйствовалъ на развитіе интеллектуальной дѣятельности, но онъ не усилилъ оригинальности и созидающей энергіи человеческого разума. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что человечество не стало возвышеннѣе въ смыслѣ творчества; вообще Брайсъ того мнѣнія, что интеллектуальная сила въ своихъ высшихъ проявленіяхъ—не усилилась; прогрессъ въ моральномъ отношеніи трудно опредѣлить и затруднительно научно доказать, что сумма человеческого счастья увеличилась. Изъ означенной статьи Брайса нельзя вынести полной увѣренности въ нравственномъ и интеллектуальномъ прогрессѣ человечества, даже, если матеріальный прогрессъ не подлежитъ сомнѣнію.

Подобнымъ же предметомъ занимается президентъ Корнеллевскаго университета въ Америкѣ Шурманъ въ произнесенной рѣчи о противоположности культуры древнихъ Аѳинъ и современныхъ Соединенныхъ Штатовъ. Эта

рѣчь напечатана въ августовскомъ номерѣ «Putnam's Monthly» и смыслъ ея тотъ, что просвѣщенные люди въ Аѳинахъ, по мнѣнію Шурмана, составляли исключительный и привилегированный классъ, поддерживаемый рабами. Если всѣ человѣческія существа въ Аѳинахъ будутъ сравнены съ такими же человѣческими существами Соединенныхъ Штатовъ, то сравненіе ихъ по культурѣ, конечно, будетъ лестно для американцевъ, которые, по всей вѣроятности, самые интеллигентные люди, когда-либо жившіе на свѣтѣ, но ихъ умъ слишкомъ отличается газетнымъ порядкомъ, знаніе слишкомъ поверхностно, слишкомъ хаотическое, неосновательное и не усвоенное. Исправить это зло Шурманъ полагаетъ развитіемъ въ каждой школѣ сознанія красоты и окружить учениковъ копіями всевозможныхъ статуй и картинъ. Онъ также считаетъ распространеніе любви къ красотамъ природы необходимымъ элементомъ воспитанія. По его мнѣнію, для развитія ума нужно сдѣлать настольной книжкой для всякаго человѣка сочиненія Шекспира, а главное подрастающему поколѣнію необходимо думать, а не только читать.

— Международный парламентъ въ 2000 г. — Въ сентябрьской книжкѣ «Contemporary Review» профессоръ Станлей Джевонсъ обсуждаетъ любопытный вопросъ о развитіи въ будущемъ международнаго парламента ¹⁾. Послѣ краткаго обзорѣнія международнаго положенія, какъ оно существуетъ теперь, авторъ спрашиваетъ себя, какъ можно усовершенствовать просвѣщенные государства, чтобы они могли дойти до обезпеченія общаго мира и сдѣлать возможнымъ всемірное разоруженіе. Три основные факта заключаются— во взаимномъ недоувѣрїи между націями, въ громадномъ усиленїи вооруженія и въ основанїи первой гаагской конференціей постояннаго юридическаго механизма. Слѣдующій шагъ будетъ состоять въ утвержденїи посреднической палаты съ цѣлью сдѣлать обязательнымъ посредничество въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а впослѣдствїи во всѣхъ, и, въ концѣ концовъ, установить международное исполнительное правительство. Этотъ путь, по мнѣнію Джевонса, единственный, которымъ могутъ быть достигнуты миръ и довѣріе, необходимые для разоруженія. Эволюція международныхъ дѣлъ указываетъ на достиженіе совершеннаго посредничества и окончательнаго утвержденія международнаго правительства. Этой цѣли, какъ онъ полагаетъ, можно достигнуть попытками къ ея осуществленію, поэтому Джевонсъ приступаетъ къ начертанію всесвѣтнаго федеральнаго правительства, которое могло бы существовать чрезъ 70 или 80 лѣтъ отъ настоящаго времени, если друзья мира дѣлали бы правильныя попытки къ естественному развитію эволюціи. Вотъ рисуемая имъ картина:

«Международное правительство, установленное въ своихъ собственныхъ правительственныхъ зданіяхъ въ Гаагѣ, состоитъ изъ трехъ отраслей: законодательнаго собранія или сената, исполнительнаго правительства и судебной власти. Сенатъ въ прямомъ смыслѣ— верховная власть; онъ выбираетъ перваго министра, который назначаетъ другихъ министровъ, практически согласно

¹⁾ «The Development of an international parliament». By Prof. H. Stanley Jevons. «Contemporary». September. 1907.

желанію сената, и правительство должно подавать въ отставку, испытавъ двойное неодобреніе, повторенное чрезъ день. Сенатъ утверждаетъ простымъ большинствомъ назначенныхъ первымъ министромъ судей, и эти судьи могутъ быть удалены большинствомъ двухъ третей сената. Каждый законодательный актъ долженъ быть утвержденъ большинствомъ правительства, представляемаго въ сенатъ, и тѣмъ правиломъ, что конституціонные законы, хотя бы и утвержденные правительствомъ, получаютъ силу лишь по вторичном. принятіи сенатомъ по истеченіи шестимѣсячнаго срока. Первый и другіе министры должны быть избраны изъ членовъ сената. Они составляютъ кабинетъ и отвѣчаютъ предъ сенатомъ за свои исполнительныя дѣйствія, какъ совокупно, такъ и каждый отдѣльно. Въ исполнительномъ правительствѣ нѣтъ президента, монарха или какого бы то ни было главы».

Сенатъ распускается каждыя пять лѣтъ, но первый министръ можетъ закрыть его во всякое время съ согласія большинства представленныхъ правительствъ. Эти представленные націи дѣлятся на два разряда. Каждая изъ великихъ державъ посылаетъ двухъ членовъ въ сенатъ и добавочнаго члена, если колоніи означенной державы содержатъ въ себѣ болѣе пяти милліоновъ жителей. Всѣ другія страны, имѣющія болѣе одного милліона жителей, посылаютъ одного члена. Напримѣръ, если всѣхъ великихъ державъ будетъ десять, то сенатъ состоитъ изъ шестидесяти пяти членовъ. Сенатъ перестраиваетъ границы территорій государствъ по слѣдующимъ причинамъ: когда правительство въ означенномъ государствѣ ведетъ страну къ мятежу и разоренію, когда перемены желаютъ 60 % избирателей путемъ референдума и когда территория слабо населена. Подобныя перемены до сихъ поръ происходили посредствомъ войны, но теперь будутъ возникать законодательнымъ путемъ. Практически сенатъ дѣйствуетъ, какъ англійская нижняя палата. Рѣчи въ немъ будутъ произноситься по-французски или на языкѣ эсперанто, а въ крайнемъ случаѣ излагаются на одномъ изъ этихъ языковъ секретаремъ сената.

Исполнительная власть контролируется кабинетомъ изъ пяти министровъ. Глава ихъ—первый министръ, затѣмъ его замѣститель и четыре министра: юстиціи, общественныхъ работъ, торговли, финансовъ. Вѣдомство общественнаго міра въ одномъ смыслѣ—префектура полиціи, а въ другомъ—военное министерство. Оно сохраняетъ порядокъ между націями и организуетъ необходимыя военныя средства. Эти средства состоятъ изъ отрядовъ армій всѣхъ націй подъ руководствомъ международнаго главнаго штаба, управляемаго кабинетомъ. Каждая изъ великихъ державъ обязана выставить военный отрядъ въ 40.000 человекъ для охраны международнаго правительства и въ случаѣ надобности чрезъ мѣсяцъ еще два отряда. Мелкія государства могутъ быть призваны къ образованію отрядовъ изъ десяти тысячъ. Національные флоты обязаны также выставить соотвѣтствующія морскія силы, которыми завѣдуетъ международный морской штабъ. На всѣ расходы международнаго правительства ассигнуется четыре милліона въ годъ изъ налога со всѣхъ государствъ въ одну пятую % ихъ доходовъ. Эти расходы предназначаются на содержаніе двухъ обыкновенныхъ судебныхъ палатъ и одной апелляціонной, кабинета министровъ и сената, члены котораго получаютъ по 20 фун-

товъ стерлинговъ за каждое засѣданіе. Необыкновенные расходы на военныя надобности оплачиваются займами. По словамъ автора, подобнымъ международнымъ контролемъ были бы мирно окончены недавнія международныя распри.

Эволюція этого идеальнаго международнаго правительства изъ существующихъ учрежденій легко объясняется. Юридическая вѣтвь уже существуетъ теперь въ зародышѣ въ посредническомъ совѣтѣ въ Гаагѣ; законодательная вѣтвь естественно возникла бы изъ гаагской конференціи, которая сначала засѣдала бы каждые три года, а потомъ ежегодно. Сѣмя исполнительной власти, вѣроятно, нашлось бы въ секретаріатѣ темерешней гаагской конференціи. Подобными путями, полагаетъ профессоръ Джевонсъ, можно достигнуть указанной имъ цѣли. «Безъ сомнѣнія, прибавляетъ онъ, длинный путь ведетъ къ постоянному миру и общему разоруженію; много лѣтъ понадобится для того, чтобы прекратить вооруженіе, но нѣтъ другого, болѣе краткаго пути».

Въ сентябрьской же книжкѣ «Deutsche Revue» итальянскій публицистъ Примо Леви сообщаетъ въ своей статьѣ «Криспи, Франція, Ватиканъ и разоруженіе» любопытный документъ по тому же вопросу. Это—письмо Криспи, написанное въ 1893 г. лично къ Примо Леви, и въ немъ находятся слѣдующія замѣчательныя строки: «Императоръ Вильгельмъ говорилъ о разоруженіи папѣ и онъ надѣется, что этотъ вопросъ будетъ разрѣшенъ европейскимъ конгрессомъ. Левъ XIII былъ въ пользу этой идеи не потому, чтобы онъ вѣрилъ въ ея достиженіе, но потому, что онъ считалъ предложеніе о всеобщемъ разоруженіи началомъ международной борьбы, которая принесетъ папѣ выгоду». Изъ этихъ словъ Криспи видно, что германскій императоръ четырнадцать лѣтъ тому назадъ стоялъ за идею общаго разоруженія.

— Отовсюду.—На дняхъ въ Германіи вышла новая книга г-жи Ф., дочь которой послѣ ея смерти напечатала воспоминанія матери о Нитцше. Г-жа Ф. знала великаго философа въ самую лучшую пору его жизни, въ то время, когда онъ жилъ въ Сорренто и писалъ «Человѣкъ слишкомъ человѣкъ.» Она питала настоящій культъ къ Нитцше и ея воспоминанія составляютъ необходимое прибавленіе къ книгѣ сестры Нитцше, г-жи Форстеръ Нитцше.

Изданіе писемъ Жаннеты Воль къ Людвигу Берну составляетъ замѣчательное явленіе въ исторіи нѣмецкой литературы. Интеллектуальная связь этой молодой женщины съ знаменитымъ либеральнымъ нѣмецкимъ писателемъ продолжалась двадцать лѣтъ, до самой его смерти. Генрихъ Гейне въ своей злобной біографіи Берне насмѣхался надъ нимъ, и д-ръ Штраусъ, второй мужъ Жаннеты Воль, вызвалъ Гейне на дуэль, которая состоялась въ Булонскомъ лѣсу. Извѣстныя письма изъ Парижа Берне, какъ оказалось, написаны были къ Жаннетѣ Воль. Она первая возымѣла мысль напечатать эту частную корреспонденцію. Долго никто не зналъ, существовали ли ея письма къ Берне, но теперь ихъ отыскали въ бумагахъ одного изъ ея потомковъ. Жаннета Воль пережила Берне на 25 лѣтъ и умерла въ Парижѣ въ 1861 г. Эти письма чрезвычайно интересны и вполне оправдываютъ то высокое мнѣніе, какое имѣли о ней современники.

Переходя къ нѣмецкой журналистикѣ, приходится остановиться на цѣломъ рядѣ интересныхъ статей. Въ іюньской книжкѣ «Deutsche Revue»

профессоръ Пинтусъ Фальбекъ, членъ шведской верхней палаты, объясняетъ, по какой причинѣ Швеція и Норвегія не воевали въ 1905 г., когда послѣдняя страна отдѣлилась отъ первой. По мнѣнію профессора Фальбека, это произошло оттого, что король не желалъ войны. Въ Швеціи одинъ король рѣшаетъ вопросъ о мирѣ и войнѣ; поэтому народу или парламенту нелегко противодействовать волѣ короля. Общественное мнѣніе въ странѣ должно быть очень сильно сплочено, чтобъ предпринять войну, несмотря на нежеланіе короля, а этого не было въ Швеціи, и общественное мнѣніе въ ней не желало опредѣленно апеллировать къ ultima ratio войны. Король Оскаръ это зналъ, что сильно подкрѣпляло его личное мнѣніе. Весь народъ желалъ, чтобы вопросъ объ отторженіи Норвегіи рѣшился миролюбиво, безъ войны. Поэтому война была совершенно бесполезна. Въ концѣ концовъ авторъ говоритъ, что Норвегія составляла для Швеціи нѣчто въ родѣ костыля, мѣшавшаго ей ходить на своихъ собственныхъ ногахъ, и что Швеція потеряла отъ расторженія съ Норвегіей во внѣшнемъ отношеніи, то она выиграла въ усиленіи внутренней силы. Въ слѣдующемъ номерѣ того же журнала мы находимъ ученую статью профессора Цельмана, который ставитъ безошадную діагностику безумію кесарей: какъ легко предугадать, это было особаго рода безуміе величія. Болѣе крѣпкія головы, чѣмъ у кесарей, не закружились бы на вершинѣ власти, но они большею частью были ненормальными личностями, а ихъ высокое положеніе много содѣйствовало увеличенію ихъ безумія.

Въ «Deutsche Rundschau» помѣщено любопытное изслѣдованіе жизни герцогини Анны-Амеліи Веймарской. Авторъ его, Элеонора Бояновская, начинаетъ свою статью словами сына герцогини, Карла-Августа, изъ письма къ г-жѣ Сталь: «Моя мать умерла совершенно, не замѣтивъ этого; она была добрая женщина, очень насъ любившая. Ея жизнь составляла славную эпоху для Веймара, соединявшаго тогда большое количество гениальныхъ людей. Ея бабушка принцесса Брауншвейгская была другомъ Лейбница, а братъ ея матери былъ Фридрихъ Великій. Будучи регентшей великаго герцогства, она страстно занималась театромъ. Между нею и матерью Гёте можно найти много общихъ чертъ. Благодаря ея любви къ литературѣ и покровительству великихъ людей своего времени, она была однимъ изъ основателей современной Германіи».

Тамъ же Генрихъ Шнегансъ изслѣдуетъ распри женщинъ во французской литературѣ эпохи Возрожденія. Въ XVI вѣкѣ начались первыя попытки эмансипаціи женщинъ. До тѣхъ поръ женщина считалась дочерью павшей Евы, опаснымъ существомъ, которую мужчина долженъ былъ держать подъ своимъ гнетомъ. Христина Пизанская первая возбудила совѣсть въ женщинахъ. Поэты заступились за нихъ, но монахи съ ожесточеніемъ возстали противъ слабаго пола. Въ литературу женскій вопросъ былъ блестящимъ образомъ перенесенъ философомъ Эразмомъ и Маргаритой Наваррской. Луиза Лабэ и другія поэтессы эпохи Возрожденія подготовили, сами того не зная, литературу великаго вѣка.

Въ этомъ же журналѣ помѣщены интересныя письма Фридриха Вишера, знаменитаго нѣмецкаго эстетика, который въ 1848 г. откровенно пропо-

вѣдываль республику. Отстаивая господство народа, онъ однако замѣчалъ: «Нѣмецкій народъ долженъ научиться свободѣ прежде, чѣмъ сдѣлаться республиканскимъ. Для этого, самаго лучшаго изъ правительствъ, онъ еще не созрѣлъ».

Въ августовской книжкѣ баварскаго журнала «Märs» авторъ, скрывающійся подъ псевдонимомъ «Авоніанусъ», доказываетъ, что историкъ Тречке и поэтъ Гейне не могли симпатизировать другъ другу. Конечно, историкъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не цѣнить великаго юмориста, но онъ былъ прокомомъ новаго божества—Бисмарка, и ему было противно, что Гейне обожалъ Францію и, родившись на Рейнѣ, никогда не питалъ ни малѣйшаго уваженія къ исторической мисси Пруссіи. Гейне считалъ нѣмецкихъ патриотовъ, ожесточившихся противъ Наполеона, «гнусными коршунами!» Однако, какъ ни возставалъ противъ Гейне германскій историкъ, Германія все-таки глубоко уважаетъ своего великаго поэта.

Въ нѣмецкомъ социалистическомъ журналѣ «Socialistische Monats Hefte» Отто Гу съ торжествомъ замѣчаетъ, что, несмотря на поражение социаль-демократовъ въ началѣ нынѣшняго года, они въ томъ же январѣ мѣсяцѣ одержали замѣчательную побѣду въ Германіи. Прусское правительство внесло законъ, положительно вдохновленный социализмомъ. Оно признаетъ необходимость экспроприаціи коней и такимъ образомъ подчиняется вполнѣ социалистическому теченію.

Въ июльской книжкѣ того же журнала Карль Лейтнеръ развиваетъ ту мысль, что социаль-демократія одержала необычайную побѣду въ Австріи. Прежде въ парламентѣ германской Австріи социалистовъ было 11 человекъ, а теперь ихъ стало 87. Австрійскіе социалисты прежде всего люди практическіе и не будутъ терять времени на пустыя демонстраціи, а ихъ дѣятельность станетъ благотворна для народа.

Что касается до августовскаго номера социалистическаго органа, то для насъ, русскихъ, въ немъ всего интереснѣе статья Романа Стрѣльцова, посвященная двадцатипятилѣтію смерти Халтурина, котораго авторъ называетъ «отцомъ русскаго рабочаго движенія».

— Отношенія Испаніи и Ватикана во время революціи 1868 г.—Борьба французскаго правительства съ Ватиканомъ возбудила воспоминанія о тождественной борьбѣ въ Испаніи во время революціи 1868 г., и въ «La España moderna» Иеронимъ Бекеръ рассказываетъ объ отношеніяхъ Ватикана и тогдашняго испанскаго правительства, выставляя на видъ, что если интересы церкви не поставлены на карту, папа придерживается традиціонной политики—подчиненія власти, какъ это и было во время испанской революціи. Сентябрьская революція подготавливалась чисто политическая, оставаясь по существу монархической, и ни одна изъ первыхъ прокламацій правительства не касалась церковныхъ вопросовъ. Однако революціонная юнта не дремала и возбудила борьбу на религіозной почвѣ. Изъ желанія ли обезоружить республиканскую партію, ставшую опасной, или намѣреваясь совершенно порвать съ прежнимъ порядкомъ вещей, только правительство начало издавать съ октября мѣсяца рядъ декретовъ, удовлетворявшихъ радикальную партію, но поражавшихъ конгрегаціи. Для полнаго ихъ пораженія достаточно

было трехъ декретовъ: 1) объ уничтоженіи ордена іезуитовъ и о приказаніи въ теченіе трехъ дней прикрыть всѣ относившіяся къ нему учрежденія; 2) и 3) объ отнятій правъ отъ монастырей владѣть собственностью. Всѣ монастыри, коллегіи и проч. учрежденія, основанныя съ 1837 г., были уничтожены, а ихъ движимое и недвижимое имущество возвращено государству. Только монахини, сестры ордена Милосердія, св. Винцента-Поля, св. Изабеллы и Христіанской Доктрины, удержались, но въ зависимости отъ государства. Отъ семинарій была отнята ежегодная субсидія въ 5990000 реаловъ.

Правительство однако не остановилось на этомъ, и вскорѣ поднялся вопросъ не только о свободѣ вѣроисповѣданій, но даже объ отдѣленіи церкви отъ государства. Такой шагъ правительства возбудилъ страсти, и началась борьба партій. Республиканцы и нѣкоторые монархисты защищали вопросъ, но были отражены консерваторами и карлистами, которые видѣли въ этомъ предлогъ къ новой гражданской войнѣ. Подобное поведеніе правительства создало ему чрезвычайно щекотливое положеніе не только относительно иностранныхъ правительствъ, главное Ватикана, но и самой страны. Вскорѣ предстояло назначить посланника въ Римъ, и выборъ палъ на Позада Херрера, считавшагося *persona grata* въ Ватиканѣ. Пій IX принялъ его очень любезно, но офиціозно. Партіи ухватились за этотъ предлогъ, чтобы напасть на правительство. Надо было бояться, чтобы борьба не вспыхнула между двумя фанатизмами, а правительство вмѣсто того, чтобы успокоить страну, какъ бы тѣшилось, подливая огонь въ масло. Уже декретомъ было приказано губернаторамъ обезпечить себя имуществомъ упраздненныхъ конгрегацій и сдѣлать инвентарь. Министръ финансовъ Рюисъ Зорилла, чтобы не показать себя менѣе радикальнымъ, чѣмъ его коллеги, распростеръ это распоряженіе на все церковное имущество.

Все складывалось такъ, что нельзя было избѣжать прискорбнаго инцидента. И дѣйствительно, 25 января, во время одной изъ подобныхъ операций, группа вооруженныхъ людей ворвалась въ соборъ и убила губернатора Бургоса. Когда это извѣстіе достигло Мадрида, взволнованная толпа собралась на Puerta del Sol, сорвала съ дверей итальянской церкви римскій гербъ и стала угрожать нунцію въ его домѣ, такъ что онъ принужденъ былъ укрыться въ бельгійскомъ посольствѣ. Дипломатическій корпусъ протестовалъ противъ оскорбленія, нанесеннаго ихъ старшинѣ, и правительство принуждено было извиниться, а мадридскій алькадъ самъ отпирался за нунціемъ и привезъ его въ своей каретѣ въ нунціатуру. Вслѣдствіе этихъ событій и потерянъ всякую надежду быть принятымъ напои офиціально, посланникъ удалился въ отпускъ, для засѣданій въ кортесахъ.

Когда разсматривали новую конституцію, всего труднѣе было рѣшить религиозный вопросъ: самыя неистовыя рѣчи произносились противъ религіи; краснорѣчивымъ защитникомъ свободы культовъ являлся знаменитый Кастелляръ, поборникомъ же государственной религіи былъ архіепископъ Сантъ-Яго кардиналъ Гарція Гуэста. Наконецъ конституція была принята: главенство католической религіи было признано, духовенству назначено пособіе, и установлена свобода вѣроисповѣданій.

Теперь оставалось добиться присяги конституции со стороны духовенства, чтобы отстранить все предложения для агитации карлистов. Государственный министр послал ноту к кардиналу государственному секретарю, прося папу подвизаться на архиепископов и епископов, обещая им от имени правительства, что от них ничего не потребуют противного Божьему закону и церкви. Несмотря на официозные отношения с папой, вручение ноты не представляло затруднений, и на другой день кардинал секретарь телеграфировал лицу, находившемуся при мадридской нунциатуре, чтобы предупредила епископов, что ввиду правительственной декларации никакой мотив не может им помешать принести требуемую присягу. Это был сентябрь месяц, и большинство прелатов собралось в Риме на собор; многие из них и на этот раз отказались принести присягу. Тогда вотировали закон 23 ноября 1869 г., где в единственной статье говорилось: «Кто в течение месяца не принесет присяги конституции, не может занимать общественного поста или службы, получать жалованье или пенсию». Но и это не помогло: духовенство продолжало упорствовать. Наконец в апреле 1870 г., снова настоятельно побуждаемый испанским правительством, папа Пий IX вторично послал через нунция ноту архиепископу Вальядолида, напоминая, что присяга разрешена. Но и это приказание папы не заставило духовенство сдаться, и большинство из прелатов не хотело склониться. Мало того, епископ Осма отказал двум получателям бенефиций, назначенных правительством, в каноническом разрешении. В Риме события быстро шли вперед: распри на соборе, удаление французских войск, наконец нарушение флорентинским правительством конвенции 1864 г. и взятие Рима (20 сентября) помешали папе действовать по своему желанию. Мадридское правительство продолжало вести переговоры с Виктором-Эмануилом, чтобы он уговорил герцога Аостского принять корону, и 19 ноября Амедея Савойского провозгласили королем Испании. Отношения последней с Ватиканом оставались попрежнему просто официозными, да он и не могли быть иными на другой день занятия Рима главою Савойского дома. Кроме того, поведение правительства и непримиримость некоторых прелатов все дальше и дальше отдаляли возобновление официальных отношений.

Так тянулось дело до падения Амедея, которого заменило республиканское правительство, не признанное многими державами, и тем более папой. Однако отношения с Римом при республиканском правительстве стали легче, и соглашение могло быстро состояться. 8 августа 1873 г. уполномоченный нового правительства вручил епископу Франки ноту государственного министра, прося папу одобрить назначение Бенито Избера себуским епископом. Вопрос был тем более щекотлив, что папа не признал за правительством Амедея права назначать епископов, поэтому ему неудобно было изменить своего решения для республиканского правительства. Кроме того, проект закона отделения церкви от государства был представлен в кортесы. Тем не менее папа не отказался исполнить желание нового правительства; он только потребовал для избежания раскола на Кубе, чтобы устранили епископа Лорента из Сантьяго. Новый государственный министр Хосе Кар-

вахаль воспользовался этимъ положеніемъ, чтобы совершить назначенія на вакантныя епископскія мѣста, и представилъ конфиденціально слѣдующій проектъ: 1) правительство представить его святѣйшеству на вакантныя мѣста достойныхъ патеровъ, чуждыхъ политической агитации; 2) для архіепископствъ назначать епископовъ; 3) папа конфиденціально одобрить тѣхъ изъ нихъ, кого считаетъ достойными; 4) испанское правительство назначить кандидатовъ, на которыхъ согласенъ папа; 5) папа объявить ихъ достойными поби прогрію; 6) министры государственной и колоній войдутъ въ соглашеніе, чтобы вызвать изъ епископства Сантъ-Яго на Кубѣ епископа Лорента.

Вотъ основа, на которой велись переговоры, и такимъ образомъ республиканское правительство оказалось болѣе сговорчивымъ, чѣмъ всѣ предшествовавшіе ему монархи.

Наконецъ Испанія еще разъ смѣнила свое правительство: 3 января 1874 г. конгрессъ былъ распущенъ губернаторомъ Мадрида, генераломъ Павіа, который одинъ произвелъ государственный переворотъ. Прежде, чѣмъ кортесы успѣли выбрать новое правительство, онъ ворвался съ солдатами въ залу засѣданій и выгналъ депутатовъ. Затѣмъ передалъ власть комитету изъ прогрессистовъ и радикаловъ-монархистовъ. Во главѣ комитета стояли генералы. Армія снова овладѣла правительствомъ. Маршалъ Серрано де-ла-Торре былъ назначенъ главою исполнительной власти. Однако карлистское возстаніе не прекращалось. Духовенство возбуждало крестьянъ сражаться рядомъ съ карлистами или тайно помогало имъ. Происходила та же борьба, какъ и во время карлистской войны. Военная диктатура Серрано не удовлетворила ни республиканцевъ, ни монархистовъ. Генералы не желали болѣе республики и примкнули къ партіи Альфонса, который, достигнувъ совершеннолѣтія, высказался за конституціонную монархію. Наконецъ была провозглашена реставрація путемъ про- нунціамента въ Мурвiedро. Всѣ генералы присоединились къ ней; Серрано не оказалъ сопротивленія, и Альфонса XII признали испанскимъ королемъ.

«Въ теченіе шести лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ, — говоритъ Бекеръ, — пока длился революціонный періодъ, сношенія Испаніи съ Ватиканомъ не прекращались и, не переставая быть чисто офиціозными, они продолжались со стороны Ватикана съ твердымъ рѣшеніемъ не производить разрыва. Это была работа Піа IX, который не поддавался давленію со стороны карлистовъ, имѣвшихъ много вліятельныхъ сторонниковъ въ Ватиканѣ».

— Смерть Грига и Сюлли Прюдома. — Въ началѣ сентября Норвегія лишилась своего единственнаго и замѣчательнаго композитора — Эдуарда Грига, котораго Гансъ Бюловъ прозвалъ «сѣвернымъ Шопеномъ», а Чайковский «восхитительнымъ Григомъ». Тотъ же Чайковский въ письмѣ къ одному своему другу рисуетъ его портретъ слѣдующимъ образомъ. «Въ комнату вошелъ маленькій человекъ среднихъ лѣтъ и очень худошавый, съ бѣлокурыми, зачесанными назадъ кудрями, маленькой бородкой и усами. Черты его лица, сразу привлекшія къ нему мою симпатію, не имѣли ничего замѣчательнаго; онѣ не отличались ни красотой, ни правильностью, но зато онъ обладалъ большими голубыми глазами, привлекавшими къ себѣ дѣтски чистосердечнымъ взглядомъ. Я былъ глубоко обрадованъ, когда узналъ послѣ взаим-

ныхъ представлений, что этотъ симпатичный человѣкъ былъ музыкантомъ, уже давно побѣдившимъ мое сердце своимъ талантомъ. Это былъ Эдуардъ Григъ».

Сѣверный Шопенъ родился въ норвежскомъ городѣ Бергенѣ 15 іюня 1843 г. и принадлежалъ къ старинному шотландскому семейству, эмигрировавшему на его родину болѣе ста лѣтъ тому назадъ. Его мать была хорошею музыкантшею, и потому молодой Григъ съ дѣтства обнаруживалъ музыкальныя способности. Съ 15 лѣтъ онъ отданъ былъ въ лейпцигскую консерваторію, гдѣ его училъ игрѣ на фортепиано Мошелесъ. Возвратясь въ Копенгагенъ, онъ поступилъ къ первому въ то время скандинавскому композитору Гаде, котораго называли «Мендельсономъ умѣренности». Здѣсь 19 лѣтъ онъ сошелся съ поэтомъ Рихардомъ Нидрахомъ, который познакомилъ его съ народной скандинавской литературой и музыкой. «Слушая эту музыку, — говорилъ Григъ, — я понялъ свое призваніе». Онъ началъ писать музыкальныя мелодіи въ чисто народномъ духѣ. «Его произведенія, — говоритъ «Кельнская газета», — представляютъ картину музыкальной души его народа и никто не знаетъ Норвегіи, кто не слышалъ Грига. Всѣ описанія, путешествія, всѣ личныя знакомства со страной и людьми — недостаточны, и нельзя сказать, что знаешь норвежцевъ, если не видѣлъ ихъ танцующими и поющими подъ мелодіи Грига». Эта музыка совершенно близко знакомитъ насъ съ скандинавскими странами. Главныя его произведенія составляютъ пять тетрадей Grieg-Album. Кромѣ этихъ сочиненій, онъ написалъ немного, но чрезвычайно талантливыхъ и дышащихъ народнымъ одушевленіемъ пьесъ. Получая отъ норвежскаго парламента значительную пенсію, Григъ могъ предаваться всецѣло своему искусству. Онъ жилъ преимущественно въ Бергенѣ, но иногда посѣщалъ Англию, Францію, Германію и Америку, гдѣ имѣлъ значительный успѣхъ.

6 сентября въ окрестностяхъ Парижа, въ Шатлэ, скончался извѣстный поэтъ и мыслитель Сюлли Прюдомъ, хорошо знакомый русскимъ читателямъ по многочисленнымъ переводамъ его твореній. Онъ родился въ 1839 г. въ Парижѣ и былъ предназначенъ родителями въ инженеры, для чего и воспитывался въ политехнической школѣ. Но съ юности его слабое здоровье не позволяло ему предаваться усидчивымъ занятіямъ, требовавшимъ крѣпкаго сложенія, и онъ посвятилъ себя литературѣ. Первая его книга стихотвореній «Стансы и Поэмы» была встрѣчена похвалами извѣстнаго критика Сентъ-Бева и въ ней значительный успѣхъ имѣла знаменитая «Разбитая ваза». Затѣмъ слѣдовали другіе поэтическіе сборники «Les epreuves», «Les solitudes», «Impressions de geurre», «Destin» и «Vaines tendresses». Главная черта всей поэзіи Сюлли Прюдона — тщательная ея полировка. Въ послѣдніе же годы онъ предался прозаическимъ сочиненіямъ философскаго содержанія и въ этомъ отношеніи отличился сочиненіемъ о Паскалѣ и изданіемъ чрезвычайно глубокомысленной изящной книги: «Psychologie de libre arbitre».

Въ 1881 г. онъ былъ избранъ французскою академіею въ безсмертныя, а пять лѣтъ тому назадъ ему была присуждена премія Нобеля, доходъ съ которой онъ предназначилъ на раздачу молодымъ поэтамъ, искренно слѣдовавшимъ его примѣру въ поклоненіи идеалу красоты.

С М Ъ С Ъ.

РУССКІЕ памятники въ Болгаріи. Народъ болгарскій не только построилъ великолѣпный памятникъ Царю-Освободителю Александру II, но внутри Болгаріи построены еще разные памятники, доказывающіе глубокое уваженіе и искреннюю благодарность болгарскаго народа къ своимъ русскимъ освободителямъ. Въ городѣ Плевнѣ разбитъ роскошный Скобелевскій паркъ въ 100,000 кв. метровъ, съ озерами и потоками, съ дворцомъ-музеемъ, съ памятникомъ Скобелеву внутри парка и съ такъ называемой «Скобелевскою могилою». Въ томъ же городѣ реставрированъ знаменитый девятый редутъ, гдѣ 31 августа 1877 г. геройскою смертью погибло 12,000 русскихъ солдатъ съ майоромъ Гуртоловымъ, памятникъ которому воздвигнуть на самомъ редутѣ. Почти законченъ также постройкой громадный гранитный мавзолей съ церковью и гробницей; на гранитныхъ плитахъ мавзолея написаны имена русскихъ и румынскихъ героевъ, павшихъ въ борьбѣ за болгарскую свободу; мавзолей предполагается окружить паркомъ. Недалеко отъ мавзолея находится музей «Царь-Освободитель» съ оранжереями и цвѣтниками; въ музей собраны военно-историческіе предметы и трофеи русско-турецкой войны; тамъ же находится и подаренная генераломъ Куропаткинымъ карта-рельефъ, изображающая переходъ русскихъ войскъ черезъ Дунай при городѣ Свищовѣ. У подножія горы Парадима, въ селеніи того же имени тоже разбитъ паркъ и устроенъ музей имени главнокомандующаго великаго князя Николая Николаевича, — въ зданіи, гдѣ императоръ Александръ II провелъ около двухъ мѣсяцевъ и гдѣ обсуждался проектъ Санъ-Стефанскаго договора. Въ городѣ Бѣлъ сооруженъ музей имени императора Александра II, самый богатый по количеству имѣющихся въ немъ памятниковъ недавней старины, между прочимъ въ этомъ музей помѣщены тѣ лодки и части мостовъ, при помощи которыхъ Минскій полкъ первымъ переправился черезъ Дунай. По угламъ поставлены огромныя русскія осадныя орудія. Музей окруженъ камен-

ной оградой въ средневѣковомъ стилѣ. Въ селѣ Горна Студена, бывшей главной квартирѣ императора Александра II, въ двадцати километрахъ отъ города Свищова, тоже устроенъ музей, окруженный богатымъ паркомъ въ 60,000 кв. метровъ. На западѣ отъ Горной Студены расположено кладбище, гдѣ погребено около 4,000 русскихъ воиновъ, умершихъ отъ ранъ въ главной больницѣ. Прежде скромное и мирное кладбище превращено нынѣ заботами комитета въ громадный паркъ съ каменной оградой, съ разставленными всюду русскими и турецкими орудіями. Всѣ эти памятники свидѣтельствуютъ объ искреннемъ желаніи болгаръ отплатить, чѣмъ только можно, за тѣ безчисленныя жертвы, которыя понесла Россія для освобожденія своихъ братьевъ. Въ каждомъ изъ музеевъ находится такъ называемая «Золотая книга» для записи посѣтителей.

Археологическія находки В. В. Хвойко въ Кіевѣ. Извѣстный археологъ Викентій Вячеславовичъ Хвойко ведетъ археологическія раскопки возлѣ Десятинной церкви, въ усадьбѣ, бывшей Муравьева, а теперь Петровскаго, прилегающей къ этому храму. Благодаря удивительнымъ приемамъ и тому шіэтизму ко всему, что относится къ археологій и памятникамъ христіанства, В. В. Хвойко удалось найти памятники первостепенной важности, которые пока еще не поддаются полной оцѣнкѣ. Открытыхъ два тайника великокняжеской эпохи оказались совершенно пустыми; это—сооруженіе конической формы изъ кирпичей, кладенныхъ въ концентрическіе круги такъ, что кверху круги дѣлались все уже и уже, а самое отверстіе закрывалось однимъ кирпичомъ или шиферною доскою. Внутри тайники были чисто смазаны глиной. Въ такихъ тайникахъ можно было превосходно хранить не только металлическія пѣнности, но и ткани, и парчу, и жемчугъ. Затѣмъ удалось найти мастерскую, гдѣ обдѣлывался камень, дѣлались кирпичи для пола и отливались различные металлическіе предметы: найдены формы для отливки энколпіоновъ, серегъ, браслетовъ и разныхъ украшеній. Мы можемъ точно описать теперь, какъ по двумъ формамъ отливались кресты, энколпіоны, какъ скрѣплялись браслеты и т. п. Нашлись наряду съ разноцвѣтной византійской эмалью и формочки, посредствомъ которыхъ ее плавил и отливали... Сохранились формы въ видѣ челноковъ съ двумя отверстіями для одновременной накладки эмали двухъ цвѣтовъ; а такъ какъ части этой массы, застывшія, лежатъ на днѣ этого челнока, то мы знаемъ, какіе цвѣта сочетались вмѣстѣ во время самой работы. По этимъ памятникамъ мѣстнаго искусства можно возстановить—таки весь процессъ производства его въ великокняжескую эпоху. Теперь неоспоримо видно, что большинство предметовъ искусства, которые намъ остались послѣ этой эпохи, производилось здѣсь на мѣстѣ, въ Кіевѣ, и, вѣроятно, нашими мѣстными мастерами, а только образцы для нихъ получались изъ Византіи. Невозможно упомянуть все, что найдено: масса крестовъ и формъ ихъ, обломковъ утвари, посуды, мозаики, стекла, эмали и т. п. Но послѣдняя находка буквально поражаетъ наше воображеніе тѣмъ, что она могла сохраниться до нашихъ дней! Это—желѣзный, обложенный серебромъ, крестъ для крестныхъ ходовъ, почти $\frac{1}{2}$ аршина длины, памятникъ, вѣроятно, IX—X вѣка. Крестъ—четырехконечный, равнорамный, съ раздвоенными концами, почему выхо-

дѣтъ осьмиконечнымъ, украшенъ по сторонамъ и по срединѣ серебряными медальонами, изъ коихъ, къ сожалѣнію, уцѣлѣлъ лишь средній съ ликомъ св. Феодора. Крестъ этотъ найденъ при группѣ костяковъ мужскихъ, женскихъ и дѣтскихъ, въ углубленіи, похожемъ на бастіонъ съ остатками каменной ограды. Уцѣлѣвшіе остатки крестовъ и сосудовъ даютъ богатый матеріалъ къ восстановленію полной картины славянской орнаментики въ великокняжескую эпоху. Среди этихъ кафель и изразцовъ выдѣляется одинъ кирпичъ съ изображеніемъ рисунка уже извѣстнаго на монетахъ, приписываемыхъ Владимиру Святому.

Шлиссельбургскіе документы. Государь Императоръ, въ 26-й день августа сего года, Высочайше соизволилъ одобрить предположенія министра внутреннихъ дѣлъ объ образованіи особой, подъ предсѣдательствомъ директора Императорскаго археологическаго института т. с. Н. В. Покровскаго, комиссіи для разбора архивныхъ дѣлъ и бумагъ, найденныхъ въ Головинской башнѣ бывшей шлиссельбургской государственной тюрьмы, съ тѣмъ, чтобы, предварительно составленія комиссіи, т. с. Покровскій могъ ознакомиться съ означеннымъ архивомъ въ присутствіи представителя отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. При этомъ Его Императорскому Величеству благоугодно было выразить Высочайшую волю о назначеніи однимъ изъ членовъ комиссіи завѣдующаго Собственными Его Императорскаго Величества библіотеками, въ званіи камергера Высочайшаго двора, д. с. с. В. В. Щеглова. Профессоръ т. с. Н. В. Покровскій, совмѣстно съ д. с. с. В. В. Щегловымъ и представителемъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, совѣтникомъ с.-петербургскаго губернскаго правленія с. с. Бликсомъ, посѣтили г. Шлиссельбургъ, для предварительнаго осмотра архива Головинской башни.

Памятникъ первопечатнику Ивану Федорову. Въ настоящее время на бульварчикѣ подъ стѣной Бѣлаго города, выше Третьяковскаго проѣзда, противъ Проломныхъ воротъ, уже приступлено къ подготовительнымъ работамъ по постановкѣ памятника первопечатнику Ивану Федорову. Для выбора наиболѣе выгоднаго пункта постановки, чтобы памятникъ былъ виденъ съ Рождественки, а по возможности отъ Театральной и Лубянской площадей, а также для опредѣленія наилучшей высоты постановки, при которой бы не терялась самая фигура памятника, — была отлита гипсовая статуя и, окрашенная подъ бронзу, доставлена на мѣсто закладки. Несмотря на скромность личности о. діакона Николы Гостунскаго собора, крупное культурное дѣло, связанное съ его именемъ, заслуживаетъ, конечно, широкаго не только московскаго, но и всероссійскаго чествованія. Но въ виду осенняго времени и неблагоприятной погоды закладку рѣшено произвести въ присутствіи скромнаго круга лицъ изъ представителей ученыхъ обществъ и печатнаго дѣла. Надлежащее же торжество должно будетъ состояться при открытіи памятника, которое ожидается въ маѣ будущаго 1908 года.

Открытіе театральной школы имени А. С. Суворина. 15 сентября состоялось торжественное открытіе театральной школы имени А. С. Суворина, учрежденной при Литературно-Художественномъ обществѣ. Къ 12 часамъ

дня въ помѣщеніе школы собрались: М. А. Суворинъ, директоръ школы В. П. Далматовъ, А. И. Суворина, члены художественнаго совѣта школы артистка императорскихъ театровъ М. Г. Савина, Н. Н. Арбатовъ, Ю. Д. Бѣляевъ, П. П. Гнѣдичъ и другіе, много театральныхъ дѣятелей, литераторовъ и всѣ учащіяся школы, въ числѣ 62 человекъ. Передъ молебномъ законоучитель императорской театральной школы протоіерей В. Ф. Пигулевскій сказалъ прекрасную рѣчь о великомъ призваніи артиста, закончивъ ее горячимъ пожеланіемъ, чтобы новая школа процвѣтала и послужила средствомъ къ поднятію умственнаго уровня русскихъ сценическихъ дѣятелей. По окончаніи молебна было провозглашено многолѣтіе Государю Императору и всему царствующему дому, А. С. Суворину, членамъ литературно-художественнаго общества, администраціи, учащимъ и учащимся школы. Затѣмъ директоръ школы, артистъ императорскихъ театровъ В. П. Далматовъ прочелъ полученную изъ Венеціи отъ А. С. Суворина телеграмму: «Изъ города великихъ артистовъ шлю привѣтъ «страшному совѣту десяти» и милой, блистательной Савиной. Очень радъ, что открылась школа для молодежи, любящей искусство и трудъ. Буду счастливъ, если школа эта окажется колыбелью новыхъ русскихъ талантовъ». В. П. Далматовъ обратился къ новымъ своимъ ученикамъ и ученицамъ съ привѣтственнымъ словомъ, въ которомъ онъ отмѣтилъ между прочимъ положеніе новой школы: «Положеніе нашей школы исключительное. Составъ нашего художественнаго совѣта въ лицѣ А. С. Суворина, М. Г. Савиной, В. Н. Давыдова, В. П. Буренина, А. Н. Маслова, П. П. Гнѣдича и другихъ талантливыхъ представителей искусства и литературы долженъ быть признанъ безпримѣрнымъ, исключительнымъ, который можетъ оказать намъ дѣйствительную помощь своими просвѣщенными познаніями и опѣнить ваши труды по достоинству, не только платонически, но и существенно, во всѣхъ случаяхъ вами избраннаго пути. Вамъ въ исторіи русскаго театра досталась прекрасная, интересная задача, которую предстоитъ разрѣшить на дѣлѣ, что настоящимъ артистомъ сценическаго искусства можно сдѣлаться въ школѣ, т. е. быть артистами, какъ говорятъ, «со школою», доказавъ собственнымъ примѣромъ, что артисты не только рождаются, но и создаются путемъ упорнаго, быть можетъ тяжкаго труда, самоотверженнаго фанатизма и религіознаго энтузіазма; и побѣда, несомнѣнно, останется за вами, получившими систематическое, правильное практически-профессиональное образованіе. Но всякое свое! Надо быть скромными. Воину для побѣды нужна храбрость, а намъ для нашего дѣла необходима скромность, скромность во всемъ; скромность, любознательность и трудоспособность. Не забывайте никогда этого катехизиса жизни на всемъ пути вашей артистической дѣятельности. И лучшимъ примѣромъ въ этомъ смыслѣ да послужить намъ патронъ нашей школы—Алексѣй Сергѣевичъ. Итакъ, въ добрый часъ! Я глубоко убѣжденъ, что подъ руководствомъ такого поистинѣ талантливаго энергичнаго профессора сценическаго искусства, какъ Н. Н. Арбатовъ, и его опытныхъ, талантливыхъ сотрудниковъ мы оправдаемъ оказанное намъ довѣріе, выйдемъ съ честью на общественную арену, послужимъ примѣромъ слѣдующимъ поколѣніямъ и общими усилиями завоюемъ себѣ настоящій солидный успѣхъ, а основателямъ нашей школы—вѣковѣч-

ную славу. Въ кругу родныхъ, друзей и почитателей Алексѣя Сергѣевича съ радостью привѣтствую васъ сегодня, наши юные родные сподвижники, у преддверія освѣщеннаго вѣками храма благороднаго искусства и отъ глубины души желаю вамъ въ добромъ здравіи осуществить ваши общія завѣтныя мечты и возлагаемыя на васъ надежды. До свиданья!» Прочувствованная рѣчь артиста была закончена подъ бурные аплодисменты присутствовавшихъ. Послѣ него съ привѣтствіемъ къ учащимся обратилась М. Г. Савина. Ея слова также были встрѣчены горячими аплодисментами. По окончаніи торжества членамъ администраціи школы, общества, артистамъ и литераторамъ былъ предложенъ завтракъ, за которымъ первый тостъ былъ произнесенъ за отсутствующаго А. С. Суворина, причемъ ему послана въ Венецію сердечная телеграмма. В. А. Шуфъ произнесъ слѣдующій экспромтъ, вызвавшій всеобщее одобреніе:

«Какъ не вѣровать примѣтъ!
Въ сентябрѣ намъ солнце свѣтитъ,—
Пусть въ его лучистомъ свѣтѣ
Наша школа счастье встрѣтитъ».

Въ заключеніе артистъ театра Литературно-Художественнаго общества г. Сладкоуѣвцевъ прочелъ нѣсколько талантливыхъ и очень остроумныхъ рассказовъ собственнаго сочиненія.

Чествованіе В. М. Соболевскаго. 13 сентября исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня занятія В. М. Соболевскимъ поста отвѣтственнаго редактора «Русскихъ Вѣдомостей». Такъ какъ В. М. рѣшительно отказался отъ всякаго публичнаго чествованія, даже отъ обычнаго подписнаго обѣда, то все чествованіе ограничилось привѣтствіями, принесенными ему на его квартирѣ. Присутствовали только лично близкія В. М. и имѣющія ближайшее отношеніе къ редакціи лица. Товарищи по изданію «Русск. Вѣд.» поднесли адресъ, въ которомъ, вспоминая съ благодарностью 25-лѣтніе труды В. М. по веденію газеты, выражаютъ ему пожеланія еще многіе годы стоять во главѣ редакціи. Въместѣ съ тѣмъ товарищи поднесли В. М. на память объ этомъ днѣ золотой, украшенный брилліантами жетонъ (работы Овчинникова) и заявили, что ими учреждается особый фондъ имени В. М. Соболевскаго въ размѣрѣ 5.000 руб. для оказанія изъ процентовъ съ него пособій служащимъ при изданіи «Русск. Вѣд.» на нужды воспитанія и образованія. Сотрудники «Русск. Вѣд.» поднесли адресъ, въ которомъ привѣтствуютъ В. М. какъ «неутомимаго газетнаго работника и строгаго хранителя литературной и общественной этики», у котораго они «учились честно и бережно обращаться съ печатнымъ словомъ, не приспосабливаясь къ мѣняющимся вѣяніямъ и вкусамъ и помнить, что на столбцахъ газеты не должно быть мѣста тому, что не имѣетъ серьезнаго общественнаго интереса». Выражая надежду и пожеланія, чтобы неразрывная связь В. М. съ «Русск. Вѣд.» продолжалась еще многіе и многіе годы, сотрудники газеты заканчиваютъ свое привѣтствіе такими словами: «Мы не мыслимъ «Русск. Вѣд.» безъ васъ и васъ безъ «Русск. Вѣд.». Сотрудники поднесли также В. М. большой бюстъ Герцена, прекрасно исполненный по ихъ заказу художникомъ С. Т. Коненковымъ. Служащіе въ конторѣ «Русск. Вѣд.» поднесли

изячно написанный и вложенный въ цѣнную папку адресъ съ выраженіемъ ихъ глубокаго сочувствія направленію газеты и наилучшихъ пожеланій ея руководителю. Краткій, но теплый адресъ былъ поднесенъ представителями типографіи и экспедиціи газеты, за многочисленными подписями рабочихъ. Въ этомъ адресѣ отмѣчено, что В. М., «относясь съ живѣйшимъ интересомъ и отзывчивостью къ рабочимъ, ихъ просвѣщенію и нуждамъ, много поработалъ и для ихъ благосостоянія, всегда давая мѣсто въ газетѣ статьямъ по рабочему вопросу». «Вы старались обратить на рабочихъ вниманіе читателей и власть имущихъ, зная, что и рабочій—человѣкъ. Ни долгіе годы реакціи, ни репрессіи послѣднихъ лѣтъ не заставили васъ уклониться отъ разъ принятаго пути —пути свободы, законности и порядка». Въ заключеніе выражено пожеланіе силъ и здоровья для дальнѣйшаго руководства «Русск. Вѣд.» и для продолженія столь труднаго и отвѣтственнаго дѣла служенія свѣту, истинѣ, добру и еще большей защиты рабочаго класса». Адресъ рабочихъ вложенъ въ изящную папку съ красной лентой по діагонали. В. М., глубоко тронутый всѣми этими знаками вниманія и сочувствія, отвѣчалъ на каждое привѣтствіе отдѣльно. Въ теченіе дня В. М. получилъ рядъ привѣтствій отъ разныхъ учреждений и лицъ. Лично привѣтствовали его: М. П. Щепкинъ, проф. Н. А. Каблуковъ, А. А. Кизеветтеръ (отъ редакціи «Русской Мысли»), А. К. Дживелеговъ (отъ редакціи «Часа»), И. И. Поповъ (отъ редакціи «Сибири»), В. И. Чарнолускій, И. Н. Сахаровъ, Д. Н. Доброхотовъ, И. М. Чупровъ и др. Письма и телеграммы были получены отъ слѣдующихъ учреждений и лицъ: изъ Москвы: отъ редакціи «Вѣстника Воспитанія» (Н. Ѳ. Михайловъ и Ю. А. Бунинъ), редакціи «Московского Ежедневника» (кн. Е. Н. Трубецкой), редакціи «Столичнаго Утра» («Народъ и интеллигенція глубоко цѣнятъ незамѣнимыя заслуги руководимыхъ вами «Русск. Вѣд.» въ дѣлѣ созиданія новыхъ началъ русской жизни»), редакціи «Для народнаго учителя» (Н. В. Тудуповъ), отъ врачей института имени Морозовыхъ (привѣтствуютъ юбиляра, стоявшаго 25 лѣтъ во главѣ газеты, «служившей все время неугасимымъ свѣточемъ для русской интеллигенціи»), отъ московской народной консерваторіи (члены бюро Богословскій, Дейша-Сіонцкая, Линева, Энгель), отъ В. П. Вахтерова, отъ «группы читателей по Архиву Дѣвичья поля» (8 подписей), отъ С. Н. Кругликова, М. и А. Сумбатовыхъ, Л. Ю. Звягиной-Винницкой, д-ра Члевова, Джамгаровыхъ, А. Быстрова, С. Вишнякова, П. Эттингера, П. Рогозинскаго, Тищенко, Костенецкаго, Самсонова, А. Ф. Рубинчика, отъ всѣхъ корректоровъ «Русск. Вѣд.», «друга Джаншіева», Гринчара, Бакулина; изъ Петербурга: отъ комитета Литературнаго фонда (П. И. Вейнбергъ—пожеланіе «дождаться со всей русской печатью лучшихъ временъ газетъ, которой юбиляръ такъ прекрасно служилъ четверть вѣка»), отъ профессоровъ А. С. Посникова, И. И. Иванюкова, Гамбарова, Гусакова, отъ редакціи «Русскаго Богатства», отъ проф. Карѣева, проф. Васильева, отъ В. Ѳ. Дерюжинскаго, К. С. Баранцевича, Пантелѣевыхъ, А. и А. Погожевыхъ, Быковыхъ, Иванчина-Писарева, редакціи «Новаго Края» (Артемьевъ), редакціи «Новаго Слова» (Крашенинниковъ), И. Ф. Василевскаго (изъ Павловска), И. Д. Сытина; изъ-за границы: отъ А. И. Чупрова, В. А. Розенберга и др. Въ теченіе послѣ-

дующихъ дней почтили В. М. Соболевскаго: лично: проф. Н. Д. Зелинскій, проф. В. М. Хвостовъ, проф. С. Θ. Фортунатовъ, П. А. Буддинъ, корреспондентъ «Standard» В. Е. Марденъ (стихотвореніе на англійскомъ языкѣ на тему о «десяти тысячахъ дней» редакторскаго труда), А. Н. Шереметевская, С. А. Пагануци, В. А. Гиляровскій, проф. В. О. Ключевскій, прис. пов. А. Р. Ледницкій, редакторъ газеты «Владимірецъ» Н. П. Губскій, Д. Н. Егоровъ, В. С. Митюшина. Письма и телеграммы удостоили прислать: изъ Москвы: комитетъ общества пособія студентамъ московскаго университета, Пречистенскіе курсы для рабочихъ (инсп. Левицкій, пом. инсп. А. А. Гольцева), дирекція литературно-художественнаго кружка, московское правленіе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, редакція журнала «Дѣтскій Міръ», редакторъ «Фармацевтическаго Труда» Салтыковъ, О. И. Скворцова (вдова покойнаго редак.-изд. «Русск. Вѣд.»), С. А. Муромцевъ («Примите въ своемъ лицѣ благодарность за органъ, который въ продолженіе столь многихъ лѣтъ насъ училъ и бодрилъ»), проф. В. К. Ротъ, проф. А. Θ. Фортунатовъ, проф. Лазаревскаго института Халатянцъ, А. А. Вербицкая, А. И. Эргель, Н. А. Тимковскій, В. А. Маклаковъ, д-ръ Блюменталь, Н. П. Шубинскій, П. Н. Астровъ, В. В. Пржевальскій, Н. А. Никулина, А. Д. Алферовъ, Ю. А. Веселовскій, В. А. Кашевичъ, кн. Н. Д. Мышецкая, группа 7-ми лицъ (Новгородцевъ, Вишняковъ, Микитинскій, Живаго, Худяковъ, Кистяковскій, Мравинъ), В. Г. Петровъ, прис. пов. Д. Шрейдеръ, И. Е. Шатерниковъ, Н. Р. Лукьяновъ, прис. пов. Розенблумъ, А. А. Возницына; изъ Клина: проф. А. А. Тимирязевъ, Модестъ Чайковскій; изъ Москвы: проф. А. А. Чугаевъ, Д. И. Соловьевъ, Θ. Θ. Нелидовъ, А. А. Гретманъ, А. Е. Креповъ; изъ Петербурга: Е. И. Аурѣлева (Ардовъ), А. С. Пругавинъ, Юлія Безродная, Е. Л. Ганейзеръ, Н. Васильевъ (Смарагдъ Горностаевъ), Д. А. Дриль; изъ Харькова—И. П. Бѣлоконскій. Слѣдующія изданія почтили юбиляра замѣтками: московскія: «Голосъ Москвы», «Русское Слово», «Столичное Утро», «Часть»; петербургскія: «Русь», «Рѣчь», «Слово», «Товарищъ». Отъ редакціи «Харьковскаго Утра»—телеграмма изъ Харькова. Изъ Рузы: кн. П. Д. Долгоруковъ (какъ предѣдатель централнаго комитета к.-д. партіи и сотрудникъ газеты); изъ Елисаветграда: редакція «Голоса Юга» (редакторъ Горшковъ); изъ Симбирска: Булгаковъ. Кромѣ перечисленныхъ ранѣ подношеній отъ привѣтствовавшихъ депутацій, поступили подарки отъ отдѣльныхъ лицъ,—много цвѣтовъ; а отъ Θ. В. Головина—кресло къ письменному столу, съ изящной рѣзьбой по дереву.

Чествованіе Е. В. Балабановой. 20 сентября въ бібліотекѣ высшихъ курсовъ происходило скромное чествованіе Е. В. Балабановой, завѣдующей курсовой бібліотекой 25 лѣтъ. Прежде всѣхъ ей принесено было поздравленіе отъ имени совѣта профессоровъ и высказана благодарность за ея громадный трудъ по устройству и управленію бібліотекой. Далѣе отъ имени комитета доставленія средствъ высшимъ курсамъ одна изъ энергичнѣйшихъ дѣяательницъ этого учрежденія высказала уважаемому сочлену своему искреннее восхищеніе передъ ея многосторонней дѣяательностью и горячую благодарность за ея плодотворную работу на пользу курсовъ и поднесла ей отъ имени комитета золотой жетонъ съ выведенными брильянтками римскими цифрами

«ХХУ». За нею отъ имени окончившихъ курсы было высказано сердечное привѣтствіе и пожеланія еще долгой плодотворной дѣятельности. Наконецъ, и депутатка отъ настоящихъ курсистокъ сказала, что ей поручено поздравить юбиляршу и поблагодарить ее за ея дѣятельность.

Двадцатипятилѣтняя дѣятельность геологическаго комитета. До 1882 г. геологическія изслѣдованія нашего обширнаго отечества производились по почину такихъ ученыхъ учреждений и обществъ, какъ, напримѣръ: минералогическія общества, общества естествоиспытателей при университетахъ, императорская академія наукъ и проч. Изслѣдованія эти имѣли непостоянный хроническій характеръ, и изслѣдователями были профессора горнаго института и университетовъ. Учрежденіе геологическаго комитета первоначально было вызвано назрѣвшею необходимостью составить геологическую карту Россіи, а также создать исполнѣннѣ компетентное ученое учрежденіе, которое, параллельно съ научной разработкой геологическихъ вопросовъ, приходило бы по мѣрѣ силъ своими знаніями и опытомъ на помощь горному промыслу. Но затѣмъ постепенно комитетъ вышелъ изъ первоначальнаго круга возложенныхъ на него задачъ; распространяя свое вліяніе, кромѣ Европейской Россіи, и на Азіатскую, комитетъ являлся неоднократно представителемъ Россіи во всѣхъ предпріятіяхъ международнаго характера, относящихся къ геологін. Наконецъ, геологическій комитетъ явился средоточіемъ и школою для специалистовъ, вступившихъ на данное научное поприще, такъ что кафедры геологін, главнымъ образомъ, заняты лицами, входящими къ составъ комитета, многіе годы въ немъ работавшими. Первымъ директоромъ комитета былъ назначенъ академикъ Гельмерсенъ, а членами присутствія состояли академики и профессора геологін и минералогін горнаго института и сиб. университета. Первыми же старшими геологами были Мушкетовъ, Никитинъ, Корпанскій, младшими: Краснополскій, Чернышевъ, Домгеръ, консерваторомъ—Михальскій. Издательская дѣятельность геологическаго комитета очень обширна. Имъ изданъ цѣлый рядъ научныхъ трудовъ, освѣщающихъ со многихъ сторонъ вопросы, связанные съ геологіей; періодическимъ же изданіемъ комитета служатъ «Извѣстія», гдѣ весьма подробно охарактеризована минувшая дѣятельность комитета. Кромѣ того, капитальнымъ изданіемъ комитета являются его «Труды». Законченная изданіемъ первая серія представляетъ собраніе объемистыхъ двадцати томовъ, снабженныхъ картами, таблицами и иллюстраціями. Что же касается второй серіи, то здѣсь уже выпущено въ свѣтъ до тридцати томовъ, называемыхъ «Выпусками». Геологическій комитетъ издалъ также геологическую карту Россіи въ масштабѣ шестьдесятъ верстъ въ дюймѣ и уменьшенную ея копию для среднихъ учебныхъ заведеній. Одиннадцать лѣтъ тому назадъ комитетомъ была организована сессія международнаго геологическаго конгресса. Для экскурсій, которыя были намѣчены для членовъ этого конгресса, былъ изданъ особый проводникъ на французскомъ языкѣ, представившій полное описаніе Россіи въ геологическомъ смыслѣ. Содѣйствуя развитію въ Россіи горнаго дѣла, комитетъ изучилъ мѣсторожденія полезныхъ ископаемыхъ Урала, залежи желѣзныхъ рудъ центральной и южной Россіи, донецкій каменноугольный бассейнъ. Въ настоящее же время комитету пору-

чено изученіе нефтяныхъ богатствъ Кавказа и изслѣдованіе кавказскихъ минеральныхъ водъ. Кромѣ работъ, входящихъ въ непосредственную компетенцію геологическаго комитета, послѣдній являлся неоднократно участникомъ въ различныхъ совѣщаніяхъ желѣзныхъ дорогъ, земства и городскихъ учреждений. Такъ, изслѣдованія источниковъ для водоснабженія столицы производятся подѣ руководствомъ комитета, также производились и изслѣдованія въ Сибири во время постройки Сибирскаго пути. Наконецъ, комитетъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи богатая коллекція, бібліотеку, лабораторіи и проч.

Десятилѣтіе женскаго медицинскаго института. 14 сентября исполнилось первое десятилѣтіе существованія женскаго медицинскаго института, основаніе которому было положено на «женскихъ врачебныхъ курсахъ», учрежденныхъ въ 1872 г. при медико - хирургической академіи. Сначала въ институтѣ было всего 190 слушательницъ при семи профессорахъ и преподавателяхъ; содержался онъ на плату за ученіе и пожертвованія; клиническія занятія происходили въ Петропавловской городской больницѣ. Въ настоящее время общее число слушательницъ на всѣхъ пяти курсахъ достигаетъ 1,930; профессоровъ, преподавателей, приватъ-доцентовъ и друг. служащихъ — до 100 человекъ; на содержаніе его отпускается около 200,000 руб. казенныхъ денегъ; занятія слушательницъ происходятъ уже въ нѣсколькихъ спеціально выстроенныхъ и прекрасно оборудованныхъ клиникахъ института. Согласно уставу 1904 г. институтъ имѣетъ право награждать степенью доктора медицины наравнѣ съ медицинскими факультетами университетовъ. Въ настоящее время предложено внести на разсмотрѣніе и одобреніе третьей государственной думы новый проектъ устава института, согласно которому учрежденіе это должно являться доступнымъ для лицъ обоого пола и быть автономнымъ учено-учебнымъ заведеніемъ.

Музей императора Александра III. Музей императора Александра III за послѣднее время пополнился цѣлымъ рядомъ произведеній художественной живописи. Прежде всего необходимо отмѣтить портретъ, принадлежащій кисти Аргунова. Интересна также работа одного неизвѣстнаго художника «Мастерская художника». Далѣе выдѣляются: «Дѣвочка со свѣчой» и «Старушка» Тропинина. Музей приобрѣлъ за 200 руб. картину О. Кипренскаго — этюдъ красивой женщины. За тысячу рублей приобретена картина К. П. Брюлова, хотя она оставляетъ сомнѣніе въ своей подлинности. Наконецъ, администрація музея приобрѣла нѣсколько превосходныхъ рисунковъ и акварелей, изображающихъ отдѣльные виды окрестностей Петербурга и самого города, художниковъ Витберга, Галактіонова, Гюве, Старого и др., а также портретъ купца Ржевскаго, Г. Крылова. Въ отдѣленіе христіанскихъ древностей музея поступили: икона Боголюбской Богоматери въ басевномъ украшеніи, пожертвованная Г. I. Чириковымъ, мѣдный складень отличной сохранности и своеобразной чеканки отъ И. Н. Дубровиной, рисунокъ работы В. Марколовича, копія съ котораго находится въ Кіево - Печерской лаврѣ, и картина, изображающая «Церковь воюющую и отъ еретиковъ гонимую на землѣ». Вообще говоря, ежегодно музей тратитъ изъ спеціальныхъ суммъ на пополненіе своихъ отдѣловъ до тридцати тысячъ рублей.

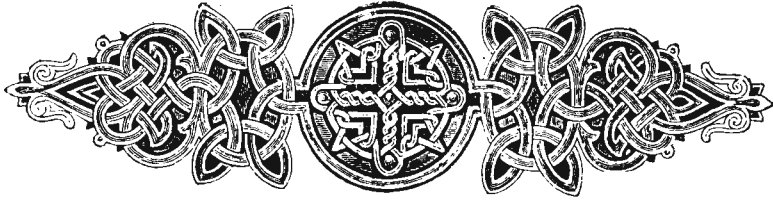
Даръ библиотекъ петербургскаго университета. Библиотека императорскаго сиб. университета получила въ даръ отъ наслѣдниковъ коммерціи совѣтника М. Г. Шевелева одиннадцать ящиковъ съ китайскими книгами, которые прибыли недавно изъ Владивостока на пароходѣ Добровольнаго флота «Кіевъ». Сверхъ того, библиотека получила въ даръ этимъ лѣтомъ значительныя коллекціи книгъ разнообразнаго содержанія отъ заслуженнаго проф. И. Я. Фойницкаго, отъ вдовы недавно убитаго душевно-больнымъ сыномъ барона О. О. Буксгевдена, отъ проф. Д. Ѳ. Селиванова, отъ вице-президента академіи наукъ П. В. Никитина, отъ дочери протоіерея Елены А. Вознесенской и отъ хранителя статистическаго кабинета А. І. Буковецкаго.

Статистика «травматической эпидеміи». Съ февраля 1905 г. — съ первой думы — до іюня 1907 г. — роспуска второй думы — жертвъ «травматической эпидеміи» убито, ранено и казнено 44,020 человекъ! Изъ нихъ убито 19,144 ч., ранено 20,704 ч. и казнено по суду и самосуду 2,381 ч. Изъ послѣдней цифры къ сожалѣнію не видно, сколько именно казнено по суду. Изъ окраинъ первое мѣсто, разумѣется, занимаетъ Кавказъ — 7,394 ч., а за нимъ Прибалтійскій край съ Финляндіей — 4,929 ч. Львиная доля этой цифры относится конечно къ Прибалтійскому краю. Пострадалъ больше всего народъ, но представители власти и капитала дали внушительную цифру въ 8,203 ч. Въ этомъ числѣ на долю войскъ и полиціи приходится 3,158 жертвъ, на тюремныя власти — 112. Изъ высшихъ властей пострадало 148 ч., изъ нихъ 4 министра и члена государственнаго совѣта и 83 ген.-губернатора, вице-губернатора и генерала.

Положеніе о Пушкинскомъ домѣ. 14 іюля 1907 года Высочайше утверждено слѣдующее положеніе о Пушкинскомъ домѣ, выработанное высочайше учрежденной комиссіей по постройкѣ памятника А. С. Пушкину въ С.-Петербургѣ: 1. Пушкинскій домъ учреждается въ благоговѣйную память о великомъ русскомъ поэтѣ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ, для собиранія всего, что касается Пушкина, какъ писателя и человека. 2. Пушкинскій домъ предназначается также для храненія всего, что касается жизни и дѣятельности представителей русской изящной словесности. 3. Собранія, принадлежащія учрежденіямъ, обществамъ и частнымъ лицамъ, могутъ поступать въ Пушкинскій домъ, оставаясь ихъ собственностью. 4. Пушкинскій домъ составляетъ государственное достояніе и находится въ вѣдѣніи императорской академіи наукъ. 5. Завѣдываніе Пушкинскимъ домомъ въ научномъ, хозяйственномъ и административномъ отношеніяхъ возлагается на совѣтъ. 6. Совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ президента императорской академіи наукъ, состоитъ изъ: а) почетныхъ членовъ Пушкинскаго дома, б) представители императорской академіи наукъ, избираемаго общимъ собраніемъ конференціи на три года, в) представителя отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ, избираемаго на три года, г) представителя разряда изящной словесности, избираемаго на три года, д) профессоровъ российскихъ университетовъ, по каждаму русскаго языка и словесности, е) представителя г. С.-Петербурга, ж) представителя г. Москвы, з) директора императорской публичной библиотеки, и) директора московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ,

і) представителя общества любителей російской словесности при императорскомъ московскомъ университетѣ, к) представителя Пушкинскаго лицейскаго общества, л) ученаго секретаря Пушкинскаго дома. 7. Совѣтъ избираетъ для управления Пушкинскимъ домомъ комитетъ въ составѣ: а) предсѣдателя (онъ же товарищъ предсѣдателя совѣта), б) трехъ членовъ комитета, — эти четыре лица избираются совѣтомъ изъ его состава, в) ученаго секретаря Пушкинскаго дома (онъ же секретарь совѣта), г) хранителей отдѣленій Пушкинскаго дома. 8. Комитетъ дѣйствуетъ на основаніи инструкціи, утвержденной совѣтомъ. 9. Совѣтъ опредѣляетъ, въ память какихъ представителей русской изящной словесности устраиваются самостоятельные отдѣлы изъ поступающихъ въ Пушкинскій домъ или образуемыхъ имъ собраній. 10. Лица, извѣстныя своими трудами и изданіями въ области русской литературы или ея исторіи, могутъ быть избираемы совѣтомъ въ почетные члены Пушкинскаго дома; лица, оказавшія существенныя услуги дому пожертвованіемъ собраній или капиталовъ, могутъ также быть избираемы совѣтомъ въ почетные члены Пушкинскаго дома; лица же, принявшія на себя трудъ по собиранію различнаго рода матеріаловъ, соотвѣтствующихъ задачамъ дома, могутъ быть избираемы совѣтомъ, по представленію комитета, въ число членовъ-сотрудниковъ дома. 11. Средства на содержаніе Пушкинскаго дома состояются: изъ доходовъ съ принадлежащихъ дому капиталовъ и имуществъ; изъ пожертвованій; изъ суммъ, вырученныхъ отъ продажи изданій дома, отъ устройства платныхъ научно-литературныхъ чтеній, отъ входной въ нѣкоторые дни платы за обозрѣніе собраній и пр. 12. Ежегодное публичное собраніе совѣта происходитъ 29 января. На собраніи этомъ читаются рѣчи, посвященныя памяти Пушкина и другихъ русскихъ писателей, а также годовой отчетъ о дѣятельности Пушкинскаго дома.

НЕКРОЛОГИ.

БЕРНАРДАЦИ, А. О. Въ Кишиневѣ скончался извѣстный на югѣ архитекторъ, строитель нѣсколькихъ замѣчательныхъ зданій въ Одессѣ Александръ Осиповичъ Бернардаци. Итальянецъ по происхожденію, А. О. былъ старожиломъ Одессы, которой и посвящена была его многолѣтняя архитектурская дѣятельность. Главнымъ сооруженіемъ покойнаго было величественное миллионное зданіе одесской купеческой биржи, которую А. О. выстроилъ въ столь близкомъ ему итальянскомъ стилѣ по образцу Loggia Bigallo въ Венеціи, причемъ привлекъ венеціанца Касціоли для исполненія внутреннихъ художественныхъ украшеній. Обладая выдающимся вкусомъ и громаднымъ строительнымъ опытомъ, А. О. постоянно приглашался къ участію въ большихъ сооруженіяхъ городскихъ общественныхъ зданій южной Россіи, выступая то въ качествѣ архитектора и строителя, то въ качествѣ консултанта; вкусу его все довѣрялись. Кромѣ общественныхъ зданій, покойнымъ выстроено въ Одессѣ и нѣсколько изящныхъ частныхъ домовъ, а одесскій хаджибейскій лиманъ А. О. украсилъ причудливымъ особаго рисунка замкомъ, составлявшимъ его собственность. Покойный, свидѣтель лучшихъ дней Одессы и ея былого блестящаго расцвѣта, умеръ въ весьма преклонныхъ годахъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1907 г., № 11296).

† **Боголюбовъ, М. П.** Скончался на 79-мъ году жизни докторъ медицины Мелитонъ Петровичъ Боголюбовъ. Покойный былъ питомцемъ московскаго университета, гдѣ онъ окончилъ курсъ въ 1854 г., послѣ чего два года пробылъ на службѣ въ тульскомъ земствѣ. Въ 1857 г. отправился за границу, гдѣ работалъ въ Парижѣ у Ростана, Кл. Бернара и Ш. Рибена и въ Берлинѣ у Траубе и Вирхова вмѣстѣ съ Г. А. Захарьинымъ и П. А. Бредихинымъ. Въ 1862 г. защитилъ диссертацию на степень доктора меди-

чины. Начавъ дѣятельность научнаго и практическаго врача, онъ издалъ свои переводы Нимейера и Винтера. Въ томъ же году опредѣленъ былъ старшимъ врачомъ херсонскихъ богоугодныхъ заведеній, гдѣ въ теченіе 16-ти лѣтъ неустанно работалъ. Съ переходомъ учреждений въ вѣдѣніе земства М. П. организовалъ при больницѣ фельдшерскую школу и родовспомогательный институтъ, гдѣ читалъ лекціи. Во время русско-турецкой войны, 1877—1878 гг., будучи консультантомъ при главноуполномоченномъ въ тылу дѣйствующей арміи, много работалъ по организаціи помощи больнымъ и раненымъ. Съ 1882 г. по 1893 г. состоялъ старшимъ врачомъ при императорскихъ московскихъ театрахъ, продолжая въ то же время литературно-научную дѣятельность. Изъ его научныхъ трудовъ: «Практическая фармакологія» (выдержала два изданія и рекомендована ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія), «Новыя врачесбныя средства за 1888—1892 гг.», «Совѣты матерямъ», «Первая помощь», «Кефиръ» и мн. др. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1907 г., № 199).

† **Бобрецкій, Н. В.** Телеграфъ сообщилъ о кончинѣ одного изъ выдающихся русскихъ зоологовъ, заслуженнаго ординарнаго профессора и бывшаго ректора университета св. Владимира—Николая Васильевича Бобрецкаго. Сынъ сельскаго священника, покойный родился въ 1843 году, въ селѣ Троянкѣ (Балтскаго уѣзда Подольской губ.), воспитывался въ уманскомъ духовномъ училищѣ и въ кievской семинаріи, изъ которой въ качествѣ экстерна держалъ экзамень при первой кievской гимназіи, и въ 1862 году поступилъ на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета въ университетъ св. Владимира. По окончаніи университетскаго курса въ 1866 году кандидатомъ, Н. В. болѣе тридцати пяти лѣтъ провелъ подъ сѣнью своей alma mater, пройдя всѣ ступени научно-педагогической дѣятельности. Оставленный стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію, онъ въ 1868 г. выдержалъ экзамень на магистра зоологіи и былъ назначенъ лаборантомъ при зоотомической лабораторіи. Послѣ полученія степени магистра (за сочиненіе «*Saccocirus papillocircus* n. gen. et sp., типъ новаго семейства Аннелидъ» 1871 г.) и блестящей защиты диссертациі на степень доктора («Къ эмбриологіи членистоногихъ» 1873 г.), покойный былъ командированъ на два года за границу, гдѣ занимался изученіемъ морской фауны Атлантическаго океана и Средиземнаго моря. Во время этой поѣздки онъ издалъ, совмѣстно съ марсельскимъ профессоромъ Мариономъ, очень важную въ фаунистическомъ и систематическомъ отношеніи монографію кольчатыхъ червей Марсельскаго залива: «*Etudes sur les Annelides du golfe de Marseille*» (1875 г.). По возвращеніи изъ-за границы, Н. В. въ званіи приватъ-доцента читалъ студентамъ обязательный курсъ зоологіи и съ 1877 г. занялъ кaeдру профессора этого предмета, соединяя съ 1881 г. исполненіе обязанностей секретаря физико-математическаго факультета, и въ 90-хъ годахъ—декана. Ректоромъ университета св. Владимира онъ состоялъ въ теченіе двухъ лѣтъ, съ 1903 по 1905 гг. Перу Н. В. принадлежало около 20 спеціальныхъ работъ по эмбриологіи различныхъ безпозвоночныхъ и по анатоміи и систематикѣ червей. Кромѣ диссертациі, особенно цѣнный вкладъ въ науку предста-

вляеть его сочиненіе «Къ вопросу о происхожденіи бластодермы у насѣкомыхъ» (1877 г.), такъ какъ здѣсь обстоятельно выяснены первоначальные процессы развитія насѣкомыхъ. Въ 1884 г. покойный издалъ «Учебникъ зоологии», который можно считать лучшимъ изъ русскихъ учебныхъ руководствъ по этому предмету. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1907 г., № 211).

† **Голяховскій, П. В.** Въ слободѣ Поповкѣ Харьковской губерніи скончался Петръ Власьевичъ Голяховскій, бывшій редакторъ журналовъ «Дѣтское Чтеніе», «Звѣзда», «Всходы» и «Журнала для всѣхъ». Покойный по окончаніи курса въ петербургскомъ учительскомъ институтѣ занялся учительствомъ. Былъ преподавателемъ между прочимъ въ театральной школѣ въ бытность инспекторомъ школы В. П. Писнячевскаго. Онъ, какъ педагогъ, хорошо зналъ дѣтей и любилъ ихъ. Часы своего досуга посвящалъ составленію дѣтскихъ рассказовъ. Желая воскресить бывшее «Дѣтское Чтеніе», онъ взялся редактировать этотъ журналъ и приложилъ немало усилій съ своей стороны. Однако «Дѣтское Чтеніе» пришлось продать въ Москву. Его дальнѣйшая литературная дѣятельность заключалась въ редактированіи разныхъ повременныхъ изданій популярно-беллетристическаго характера. Какъ человекъ, покойный отличался большимъ запасомъ доброжелательности и добродушнаго юмора.

† **Дандевиль, В. Д.** 8 сентября скончался генераль-отъ-инфантеріи Викторъ Десидерьевичъ Дандевиль, одинъ изъ боевыхъ генераловъ, принимавшихъ видное участіе въ русско-турецкой войнѣ 1877—78 гг. Покойный родился 5 октября 1826 г. По окончаніи курса въ оренбургскомъ кадетскомъ корпусѣ началъ службу въ оренбургскомъ казачьемъ войскѣ хорунжимъ. Вскорѣ поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, курсъ которой окончилъ по первому разряду. Въ чинѣ есаула участвовалъ въ венгерскомъ походѣ. Когда началась русско-турецкая война 1853—54 гг., В. Д. въ составѣ 23-й пѣхотной дивизіи участвовалъ въ нѣсколькихъ дѣлахъ съ неприятелемъ. Памятно его участіе при взятіи Акъ-Мечети. Въ 1862 г. онъ былъ назначенъ наказнымъ атаманомъ уральскаго казачьяго войска и черезъ годъ произведенъ въ генераль-майоры. Въ послѣдующей службѣ состоялъ въ распоряженіи министра финансовъ, исполнялъ должность начальника главнаго управленія казачьихъ войскъ и состоялъ въ прикомандированіи къ этому управленію. Во время русско-турецкой войны 1877—78 гг. онъ командовалъ сперва второй бригадой 37-й пѣхотной, первой и второй бригадами 3-й пѣхотной дивизіи и съ октября 1877 г. былъ начальникомъ третьей гвардейской пѣхотной дивизіи. Состоя въ отрядѣ генерала Гурко, В. Д. командовалъ отдѣльными колоннами. Колонна войскъ подъ его руководствомъ подѣ Этрополомъ удачно отвлекла турецкія части отъ атакованной правецкой позиціи. За участіе въ разновременныхъ дѣлахъ съ турками, въ которыхъ онъ проявилъ умѣлую распорядительность и личную отвагу, В. Д. былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степ. и произведенъ въ генераль-лейтенанты. Особенно памятно его руководство отрядомъ въ бояхъ подѣ Филиппополемъ 3, 4 и 5 января 1878 г. Овладевъ сперва сѣверной частью города

и затѣмъ выдержавъ яростныя атаки турокъ, желавшихъ пробить себѣ путь къ отступленію, покойный создалъ такую обстановку боя, что наши войска окружили непріятеля съ трехъ сторонъ и заставили его бросить всю артиллерию и искать спасенія въ неприступныхъ горахъ. За это дѣло генераль Дандевилъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени. Съ 1887 г. покойный послѣдовательно командовалъ 5-мъ и 10-мъ армейскими корпусами и съ 1890 г. былъ членомъ военнаго совѣта. Досуги своей службы онъ посвящалъ военной литературѣ. Изъ его печатныхъ трудовъ извѣстны «0 совокупномъ дѣйствіи въ бою пѣхоты и артиллеріи», «Замѣтка на перечень военныхъ дѣйствій въ Европейской Турціи» и многіе другіе. Кромѣ того, покойный участвовалъ въ дѣлахъ славянскаго и варшавскаго военно-санитарнаго общества, которыя избрали его въ свои почетные члены. Умеръ онъ 81 года, оставивъ по себѣ хорошую память среди всѣхъ, знавшихъ его. (Некрологъ его: «Новое Время» 1907 г., № 11314).

† **Кругликовъ, Г. Н.** Вечеромъ 5 сентября скончался мировой судья Хамовническаго участка г. Москвы Георгій Николаевичъ Кругликовъ. Въ лицѣ его Москва потеряла не только одного изъ лучшихъ представителей мировой юстиціи, но и виднаго дѣятеля въ различныхъ другихъ сферахъ общественной жизни столицы. Г. Н. получилъ высшее образованіе въ Петровской земледѣльческой и лѣсной академіи, преобразованной потомъ въ сельскохозяйственный институтъ, и всю жизнь свою сохранялъ самую тѣсную и живую связь съ питомцами и преподавателями какъ академіи, такъ и института. Онъ былъ однимъ изъ учредителей и дѣятельнѣйшихъ членовъ общества вспоможенія бывшимъ воспитанникамъ высшихъ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній. Почти на каждомъ годичномъ актѣ академіи и института въ числѣ присутствующихъ былъ и Г. Н., Г. Н. былъ человѣкомъ прогрессивнаго направленія и всю жизнь свою оставался вѣрнымъ идеаламъ освободительной эпохи 60-хъ годовъ, которые были восприняты имъ еще въ ранней юности. Подъ вліяніемъ этихъ идеаловъ по окончаніи курса въ Петровской академіи онъ стремился къ открывшейся въ то время живой дѣятельности въ земствѣ и мировой юстиціи. Въ 70-хъ годахъ онъ избирается московскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ въ мировые судьи уѣзда и остается въ этой должности до конца 80-хъ годовъ, а затѣмъ московской городской думой выбирается въ участковые мировые судьи г. Москвы. Выборы повторялись каждое четырехлѣтіе, и въ должности мирового судьи г. Москвы Г. Н. остается до своей смерти. Это былъ гуманный и справедливый судья, всегда вѣрный принципамъ судебныхъ уставовъ 1864 г. Въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ Г. Н. былъ гласнымъ московскаго уѣзднаго и губернскаго земскихъ собраній, принадлежа къ группѣ земскихъ дѣятелей, энергично поддерживавшихъ и защищавшихъ основныя начала земскаго положенія отъ всякихъ уклоненій отъ нихъ со стороны другихъ гласныхъ въ періодъ начинавшейся реакціи. Свою земскую дѣятельность онъ направлялъ главнымъ образомъ на поднятіе крестьянскаго благосостоянія и развитіе среди нихъ образованія. вмѣстѣ съ покойнымъ В. Ю. Скалономъ онъ поднялъ въ земствѣ вопросъ о всеословной волости и объ учрежденіи крестьянскаго банка. Ходатайство

объ открытіи крестьянскаго банка по ихъ иниціативѣ было возбуждено тогда московскимъ губернскимъ собраніемъ. Состоя членомъ московскаго общества сельскаго хозяйства, Г. Н. принималъ видное участіе въ его дѣятельности, состоя членомъ многихъ комиссій и занимая въ послѣдніе годы должность вице-президента. И здѣсь онъ былъ энергичнымъ борцомъ противъ реакціонныхъ теченій, проводилъ новыя, болѣе живыя и соответствующія требованіямъ времени начала въ дѣятельность общества. Такими же чертами отличалась его дѣятельность и въ московскомъ губернскомъ дворянскомъ собраніи, гдѣ онъ былъ однимъ изъ горячихъ ораторовъ противъ узко-сословныхъ теченій въ средѣ реакціонеровъ-дворянъ. Съ пламеннымъ восторгомъ относился Г. Н. къ освободительному движенію послѣдняго времени, слѣдя за всѣми его перипетіями и принимая возможное въ немъ участіе. Нравственная чистота, сердечность, искренность и простота вмѣстѣ съ горячей вѣрой въ лучшее будущее нашей страны и стойкостью въ проведеніи своихъ убѣжденій были отличительными чертами покойнаго. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1907 г., № 205).

† **Лобко, Л. Л.** Скончавшійся въ Павловскѣ 10 сентября генераль-отъ-инфантеріи Левъ Львовичъ Лобко былъ братомъ-близнецомъ покойнаго государственнаго контролера П. Л. Лобко. Оба они родились 1 июня 1838 года, одновременно кончили курсъ въ первомъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ и начали службу въ л.-гв. Литовскомъ полку, затѣмъ окончили Николаевскую академію генеральнаго штаба по первому разряду. Въ 1863 г. Л. Л., состоя помощникомъ старшаго адъютанта штаба войскъ въ царствѣ Польскомъ, принялъ участіе въ подавленіи польскаго мятежа. Прослуживъ недолго въ Константиновскомъ военномъ училищѣ, онъ отправился въ Западную Сибирь и былъ старшимъ адъютантомъ штаба. Затѣмъ былъ начальникомъ штаба 5-й пѣхотной дивизіи и мѣстнаго военнаго корпуса. Съ 1868 года служба его сосредоточилась въ главномъ штабѣ и продолжалась съ перерывомъ на время русско-турецкой войны въ теченіе почти тринадцати лѣтъ. Онъ былъ дѣлопроизводителемъ канцеляріи военно-учебнаго комитета, передъ войной—дѣлопроизводителемъ канцеляріи комитета для подготовки данныхъ къ мобилизаціи. Во время войны несъ обязанности помощника инспектора госпиталей дѣйствовавшей арміи. Состоя въ числѣ генераловъ, положенныхъ по штату при главномъ штабѣ, принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ разработкѣ разнообразныхъ вопросовъ военно-административнаго характера. Между прочимъ участвовалъ въ комиссіи по примѣненію воздухоплаванія къ военнымъ цѣлямъ и по организаци голубиной почты. Ему принадлежатъ нѣсколько цѣнныхъ работъ по военной статистикѣ. Съ 1891 г. Л. Л. на правахъ цензора присутствовалъ въ сиб. цензурномъ комитетѣ и занималъ должность члена военно-учебнаго комитета главнаго штаба. Въ 1896 г. покойный уволился отъ службы по разстроенному здоровью съ производствомъ въ генералы-отъ-инфантеріи. (Некрологъ его: «Новое Время» 1907 г., № 11.317).

† **Мусинъ-Пушкинъ, С. А.** 22 августа въ Ярославлѣ кончилъ жизнь самоубійствомъ видный мѣстный земскій и общественный дѣятель, членъ к.-д партіи, Семенъ Александровичъ Мусинъ-Пушкинъ. Родился онъ въ 1858 г.

Учился въ петербургскихъ гимназіяхъ, былъ вольнослушателемъ въ петербургскомъ университетѣ въ 1876—1877 годахъ. Въ 1877 г., т. е. 19 лѣтъ, уѣхалъ, какъ корреспондентъ газеты «Собесѣдникъ», въ Турцію, на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ оставался до заключенія мира Россіи съ Турціей. Въ 1879 г. поступилъ отбывать воинскую повинность рядовымъ въ Семеновскій полкъ. По окончаніи военной службы переѣхалъ въ свое имѣніе Частково, Мологскаго уѣзда. Съ 1883 года состоялъ гласнымъ мологскаго земства безпрерывно восемь трехлѣтій, и недавно былъ выбранъ на девятое трехлѣтіе. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ былъ сначала непремѣннымъ членомъ съѣзда мировыхъ судей, затѣмъ—непремѣннымъ членомъ по крестьянскимъ дѣламъ. Съ 1891 года поступилъ на службу земскимъ начальникомъ, которымъ и состоялъ до выбора его въ 1902 г. членомъ губернской земской управы, замѣщающимъ председателя губернской земской управы. Мологскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ С. А. былъ избранъ въ члены училищнаго совѣта отъ земства. Ни жалѣя ни времени, ни средствъ, С. А. объѣзжалъ всѣ начальныя училища, выясняя нужды ихъ въ своихъ обстоятельныхъ докладахъ земскому собранію. Въ 1905 г. С. А. принималъ участіе въ извѣстныхъ земскихъ съѣздахъ, какъ председатель ярославскаго губернскаго земства. Немало онъ работалъ и въ просвѣдительныхъ обществахъ Ярославля. Во время празднованія юбилея Волкова, Некрасова, С. А. устраивалъ выставки, на которыя представилъ много рѣдкихъ и цѣнныхъ снимковъ, портретовъ, гравюръ изъ своей богатѣйшей коллекціи картинъ. У мѣстной администраціи С. А. всегда находился на плохомъ счету. Послѣ «свободъ», С. А. вступилъ въ ряды партіи народной свободы и состоялъ нѣкоторое время членомъ мѣстнаго комитета к.-д. партіи, откуда ему пришлось выйти подъ давленіемъ администраціи. При выборахъ въ первую и вторую Г. Думу онъ избирался выборщикомъ отъ к.-д. партіи. За участіе въ этой партіи администрація постоянно дѣлала непріятности С. А. Даже тогда, когда онъ лежалъ бездыханный въ крови на полу, послѣ смертельнаго выстрѣла, квартира его наполнилась полиціей, и представитель полиціи, Дьяченко, производилъ обыскъ, читая личную переписку С. А. Покойный оставилъ послѣ себя богатѣйшую бібліотеку, массу портретовъ, рѣдкихъ рукописей. Въ послѣднее время онъ много работалъ надъ составленіемъ біографій политическихъ русскихъ дѣятелей. С. А. въ свое время сотрудничалъ въ «Молвѣ», «Русской Правдѣ», въ «Сѣверномъ Краѣ», писалъ недурные стихи, которые печатались въ разныхъ изданіяхъ. (Некрологъ его: «Рѣчь» 1907 г., № 204).

† **Полиловъ, Н. Н.** 3 сентября внезапно скончался 43 лѣтъ отъ роду полковникъ Н. Н. Полиловъ. Покойный происходилъ изъ дворянъ Рязанской губерніи; образованіе получилъ въ орловскомъ корпусѣ, а потомъ въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ. Выпущенный въ офицеры въ 1883 г. въ Кіевъ въ 6-й саперный батальонъ, онъ въ 1894 году перешелъ на службу въ родное ему Николаевское инженерное училище, и черезъ 8 лѣтъ былъ назначенъ штабъ-офицеромъ въ Николаевскую инженерную академію. Въ этой должности онъ служилъ до самой кончины. Покойный былъ извѣстенъ своими переводами на русскій языкъ нѣмецкихъ философовъ и мыслителей. Нитцше

былъ его любимымъ философомъ; изъ его сочиненій покойнымъ переведены: «Происхожденіе трагедіи», «Антихристъ», «По ту сторону добра и зла», «Сумерки идеаловъ», «Вагнеръ какъ явленіе», «Нитцше противъ Вагнера», Имъ же переведены: Бюхнера «Сила и матерія», сочиненія Куно Фишера: «Лейбницъ», «Декартъ», «Фихте». Въ послѣднее время онъ началъ переводъ Давида Штрауса—«Жизнь Иисуса», которымъ и занимался буквально до послѣдней минуты жизни: почувствовавъ себя за работой дурно, онъ прилежъ и скончался отъ разрыва сердца. Трудъ остался неоконченнымъ. У покойнаго былъ литературный талантъ. Мелкія статьи его и стихотворенія, оригинальныя и переводныя (изъ Гёте, изъ книги Юва), печатались въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, между прочимъ и въ «Новомъ Времени». Покойный пользовался любовью и уваженіемъ товарищей и подчиненныхъ, цѣнившихъ его честный, твердый характеръ, его доброе отзывчивое сердце. Послѣ него остались вдова и 4 дѣтей. (Некрологъ его: «Новое Время». 1907 г., № 11.314).

† **Попова, О. Н.** 19 августа на дачѣ при станціи «Графскій павильонъ» скончалась на 58 году жизни Ольга Николаевна Попова, известная своей культурно-общественной дѣятельностью и работами на пользу русской литературы. Ея родина — село Соболево, Смоленской губерніи, гдѣ у родителей ея было богатѣе имѣніе. Здѣсь, въ тихомъ помѣщичьемъ углу, она познакомилась съ Н. В. Шелгуновымъ, имѣвшимъ на нее огромное вліяніе. Подъ его руководствомъ О. Н. занялась литературной работой. Въ девяностыхъ годахъ появились въ «Русскомъ Богатствѣ» ея первые опыты, посвященные вопросамъ крестьянскому и экономическому. Въ 1896 г. она основала журналъ «Новое Слово», которое, благодаря участію въ немъ Скабичевскаго, С. Кривенко и друг. изъ «Отечественныхъ Записокъ», стало органомъ народническимъ. Но вскорѣ направленіе журнала измѣнилось въ сторону с.-д.: тамъ стали принимать участіе: Туганъ-Барановскій, Бернштейнъ, Струве, Плехановъ и др. «Новое Слово» было закрыто въ октябрѣ 1897 г. Съ тѣхъ поръ О. Н. занялась книгоиздательствомъ. Не говоря уже о длинномъ рядѣ оригинальныхъ и переводныхъ книгъ, беллетристическихъ и научныхъ, О. Н. выпустила въ свѣтъ много книгъ, предназначенныхъ для широкихъ народныхъ массъ, для народной школы («Веходы», «Солнце» и пр.). Школѣ О. Н. Попова отдавала, кромѣ матеріальной помощи, много силъ, участвуя въ съѣздахъ и обществахъ. Свидѣтельствомъ этого является цѣлая сеть народныхъ школъ, построенныхъ ею въ Смоленской губерніи, отстаивать которыя въ тяжелую, памятную для всѣхъ, эпоху принужденнаго молчанія приходилось часто и было не легко. Въ послѣдніе годы жизни О. Н. стала писать пьесы, изъ которыхъ послѣдняя, «Воздухоплаваніе», появится въ скоромъ времени въ печати. Нельзя обойти молчаніемъ и участія ея въ судьбахъ нуждающейся учащейся молодежи. Дѣятельность и личность О. Н. тѣми, кто ее знавалъ, будетъ всегда вѣдоминаться съ глубокимъ и теплымъ чувствомъ. (Некрологъ: см. «Русь» 1907 г., № 222).

† **Тобилевичъ, И. К. (Карпенко-Карый).** Умеръ за границей (въ Берлинѣ) послѣ тяжелой болѣзни видный драматургъ Украйны, артистъ Иванъ Карповичъ Тобилевичъ, по сценѣ Карпенко-Карый, въ литературѣ известный также подъ псевдонимомъ Гната Караго. Родной братъ высоко-

талантливыхъ Садовскаго и Саксаганскаго, которые наряду съ Кропивницкимъ, Заньковецкою, Затыркевичъ-Карпинскою и покойнымъ Максимовичемъ, составляли въ свое время лучший цвѣтъ южно-русскаго театра, И. К., хотя и значительно менѣе даровитый, какъ актеръ,—видный дѣятель украинскаго возрожденія, и его смерть—большая утрата для родины. Обладатель богатаго образнаго языка, И. К., прежде всего,—художникъ-бытописатель, чутко улавливающій мѣстныя, этнографическія условія жизни, особенности ея склада, думы, волнующія отдѣльныхъ личностей, вліяющихъ въ какомъ бы то ни было отношеніи на среду, въ которой онѣ вращаются. И. К. и психологъ-жанристъ. Въ его пьесахъ всегда занимательная, правильно обоснованная интрига, дающая вмѣстѣ съ тѣмъ и пищу для ума. Наиболѣе важныя явленія быта современной деревни онъ очерчиваетъ характерными, смѣлыми штрихами, драматизируя ихъ и создавая картины реальныя, глубоко задуманныя, чуждыя ложной сентиментальности. И. К. также яркій обличитель украинской дѣйствительности, и поэтъ-историкъ, восгѣвающій красоты героизма. Натуръ-реалистъ, сатирикъ и романтикъ тѣсно сплетаются въ его творческой фигурѣ. Опыты обрисовки малорусской интеллигенціи менѣе удались И. К. Изъ драмъ и комедій его, напечатанныхъ въ 5 томахъ, пользуются особенной популярностью: «Базталанна», «Бондарівна», «Вурлака», «Житейське море», «За Дніпромъ», «Мартинъ Боруля», «Наймичка», «Паливода XVIII вѣка», «Розумнай та дурень», «Савва Чалий», «100,000», «Суета», «Хозяїнъ», «Чумаки». Въ «Мартинѣ Борулѣ» съ нѣсколькими подчеркнутымъ юморомъ авторъ высмѣиваетъ страсть богатаго чиншевика ко всему дворянскому. Желаніе во что бы то ни стало попасть въ дворяне обошлось ему очень дорого и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ отношеніи и чуть не погубило счастья дочери. Урокъ достался недешево старику-честолюбцу, но излечилъ зато отъ чудачествъ и вернулъ къ прежнимъ забытымъ сельско-хозяйственнымъ занятіямъ, безъ которыхъ ему неминуемо грозила бы нищета. Въ рукахъ деревенскихъ адвокатовъ-мірофдовъ, науськивающихъ односельчанъ другъ на друга, затягивающихъ въ тяжбы и одновременно вѣдущихъ дѣла и отвѣтчика, и истца,—такъ часто гибнутъ состоянія довѣрчивыхъ простолюдиновъ! Эта черта удивительно мѣтко схвачена и отгѣнена И. К. въ лицѣ самого Борули и его повѣреннаго, Трандалева. Въ «Бурнакѣ» затронута старая, но вѣчно юная тема, полная жгучаго соціального интереса: вопросъ объ исполненіи сельскими властями общественныхъ обязанностей, нерѣдко корыстномъ, и отношеніи ихъ къ односельчанамъ. Тутъ выведены двѣ силы: свѣтлая, созидающая, бурная въ лицѣ Опанаса, являющагося апостоломъ истины, пострадавшаго за правду, но остающагося непоколебимымъ борцомъ, и темная, разрушительная, безформенно ползущая во всѣ стороны,—волостные старшина и писарь, обдѣльвающіе разныя некрасивыя дѣла ради собственной выгоды. Толпа въ этой замѣчательной пьесѣ играетъ роль центра, поддающагося вліянію той или другой силы. Въ «Саввѣ Чаломѣ» изображены историческія картины народнаго волненія съ двумя главными фигурами—просвѣщеннаго умиротворителя Саввы, идущаго на компромиссы, и непримиримаго вождя Гната Голага,

украинца-борца за свободу родной Украины. «Бондарівна», «Наймичка», «Безталанна» и др. съ выведенными въ нихъ чудными женскими образами, то безконечно довѣрчивыми, несчастными натурами, то гордыми и нылками сердцемъ, въ особенности близки и дороги намъ, какъ вызванныя къ жизни гениальнымъ исполненіемъ такой артистки, какъ М. К. Заньковецкая. Кропивницкій, Садовскій, Сакаганскій, Затыркевичъ — всѣ въ одинаковой мѣрѣ способствовали жизненности пьесъ И. К., равно какъ и онъ самъ давалъ имъ, въ свою очередь, богатый матеріалъ для художественной обработки. Надо признать, что за смертью И. К., южно-русскій театръ лишился опытнаго и плодовитаго драматурга, любившаго горячо проявлять національное чувство. Онъ скончался еще далеко не старымъ: родился въ 1845 г. въ Висаветградскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи (т. е. тамъ же, гдѣ и «батька» малорусскаго театра, М. Л. Кропивницкій), въ крестьянской семьѣ; образованіе получилъ въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ, а затѣмъ съ 80-хъ годовъ сталъ участвовать въ спектакляхъ, которые устраивали Старикскій и Кропивницкій. Потомъ онъ постоянно находился въ группѣ своихъ братьевъ, Тобилевичей, гдѣ преимущественно ставились его же пьесы. Первое драматическое произведеніе написано имъ въ 1883 г. Года не дотянулъ до 25-лѣтія!.. Карпенко-Карый, или, вѣрнѣе, Гнатъ Карый, причастенъ и къ беллетристикѣ. Имъ написана повѣсть «Новобранецъ». (Некрологъ его: «С.-Петербург. Вѣдом. 1907 г., № 204).

† **Чавчавадзе, И. Г.**, князь. Въ селѣ Сагурамо, Душетскаго уѣзда, недалеко отъ Тифлиса, въ собственномъ имѣніи, смертельно раненъ членъ государственнаго совѣта князь Илья Григорьевичъ Чавчавадзе. Извѣстный грузинскій писатель и публицистъ, И. Г. родился въ 1837 году, былъ въ с.-петербургскомъ университетѣ, на отдѣленіи камеральныхъ наукъ, но университета не окончилъ по не зависѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ. Въ 1864 году, когда задумана была крестьянская реформа въ предѣлахъ кавказскаго намѣстничества, И. Г. былъ посланъ въ Кутаисскую губернію, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ, для опредѣленія взаимныхъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ. Затѣмъ онъ выступаетъ въ качествѣ мирового посредника, мирового судьи и работаетъ, въ качествѣ председателя, въ обществѣ распространенія грамотности среди грузинскаго населенія. Литературная дѣятельность И. Г. начинается съ 1857 г. въ мѣстныхъ газетахъ и журналахъ. Онъ печатаетъ свои стихи и цѣлыя поэмы, переводитъ на грузинскій языкъ Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Шиллера, Гейне и др. Русскіе переводы стихотвореній И. Г. печатались въ «Русской Мысли», «Вѣстникѣ Европы», «Живописномъ Обзорѣніи» и др., а грузинскіе вошли въ рядъ сборниковъ; отдѣльно уже издано четыре тома сочиненій И. Г. Одно время онъ издавалъ собственную газету «Иверія». Являясь сторонникомъ широкаго мѣстнаго самоуправленія, съ широкой законодательной мѣстной властью, И. Г. во время предвыборныхъ собраній горячо отстаивалъ необходимость дать отдѣльныя мѣста окраинамъ, что и было достигнуто. Въ члены государственнаго совѣта И. Г. былъ избранъ отъ тифлискаго дворянства. (Некрологъ, см. «С.-Петербург. Вѣдомости» 1907 г., № 193).

ЗАМЯТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Отвѣтъ г-жѣ Людмилѣ Боткиной.

Въ статьѣ моей «Петръ Петровичъ Боткинъ», напечатанной въ августовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», къ сожалѣнію, есть мѣсто, дающее поводъ къ неправильному истолкованію мысли, которую я хотѣлъ выразить, и вызвавшее поэтому—и волиѣ основательно!—упрекъ по моему адресу со стороны одной изъ дочерей покойнаго С. П. Боткина, г-жи Людмилы Боткиной.

Говоря, что послѣ смерти брата на попеченіи Петра Петровича остались вдова и семеро дѣтей, что онъ, какъ нѣжный отецъ, заботился объ этой семьѣ и самымъ аккуратнымъ образомъ высылалъ ей деньги, я, по случайному недосмотру, въ значительной мѣрѣ объясняемому спѣшностью срочной статьи, забылъ прибавить, что деньги эти, въ сущности, являлись процентами съ принадлежащаго семьѣ С. П. Боткина капитала, а не какимъ-либо актомъ благотворительности со стороны П. П. Благодаря такому пропуску, дѣйствительно, получался совершенной иной смыслъ и притомъ такой, который даже находился въ прямомъ противорѣчьи съ добытыми мною свѣдѣніями о П. П. Боткинѣ отъ лица, вопреки предположенію г-жи Людмилы Боткиной, волиѣ освѣдомленнаго и заслуживающаго безусловнаго довѣрія.

Само собою разумѣется, что у меня и въ мысляхъ не было «бросать тѣнь на отношенія и имена лицъ, всѣми уважаемыхъ», и если моя статья случайно дала поводъ къ такому прискорбному недоразумѣнію, то я искренно и глубоко сожалѣю объ этомъ самъ.

Князь В. А. Щетининъ.

II.

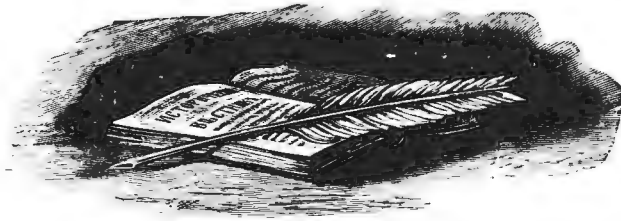
По поводу замѣтки гг. Шадрина и Кноблоха.

Благодарю авторовъ замѣтки въ № 9 «Историч. Вѣстника» за фактическія поправки и дополненія къ моему очерку «Пятидневная республика». Они исполнили именно то, чего я ожидалъ отъ «участниковъ и очевидцевъ описываемыхъ событій»: они «исправили возможные погрѣшности и недомолвки» моего разсказа, волиѣ естественныя и мною предвидѣнныя, разъ я не былъ очевидцемъ этихъ событій и описывалъ ихъ со словъ другихъ лицъ (см. предисловіе къ очерку). Я пытался нарисовать картину «въ общемъ близкую къ дѣйствительности» (ibid.), но за безусловную точность всѣхъ ея деталей не ручался. Понятно, почему я долженъ быть благодаренъ гг. Шадрину и Кноблоху за ихъ дополненія и поправки. Особенно меня радуетъ, что

выведенный въ очеркъ безымянный «полковникъ» оказалъя не соответствующимъ дѣйствительности...

Но авторы замѣтки слишкомъ ужъ смѣло утверждаютъ, будто «всѣ» сообщенные мною «факты и событія (sic) искажены до невозможности» и т. д. Многіе факты очерка они прямо подтверждаютъ, другіе разясняютъ и дополняютъ, третьи освѣщаютъ иначе, иное же утверждаютъ между строкъ... Что касается общаго освѣщенія описываемой смуты въ г. Александровѣ, то это дѣло будущихъ историковъ нашего смутнаго времени, а никакъ не участниковъ событій и не лѣтописцевъ ихъ. И тѣ и другіе въ правѣ высказывать свои взгляды на пережитыя или описываемыя событія, но судъ принадлежитъ не намъ, а исторіи. Она во всемъ разберется окончательно...

Н. Оглоблинъ.

ВОКРУГЪ ТІАРЫ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ЭМИЛЯ ГЕБГАРТА

ЧЛЕНА ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМІИ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ЕК. УМАНЕЦЪ

Приложеніе къ „Историческому Вѣстнику“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1907

Типографія А. С. Суварина. Зртелевъ пер., д. 13

I.

Призракъ папы Бенедикта IX.

БТРОМЪ въ день праздника всѣхъ святыхъ, въ 1075 году, при папѣ Григоріи VII, Римъ проснулся въ очень грустномъ настроеніи.

Баронскіе замки съ запертыми окнами и дверями имѣли пустынный видъ. Праздничные флаги не развѣвались на башняхъ, разноцвѣтныя шелковыя матеріи не украшали балконовъ. Много церквей было заперто; колокола молчали, и лишь въ папскихъ базиликахъ служились торжественныя литургіи. Сидя на ступеняхъ монастырей, съ мрачными лицами и пустыми чашками, голодные и сироты напрасно ждали обычной милостыни въ тотъ часъ, когда діаконъ провозглашалъ заповѣди блаженства подъ сводами святого Петра, святой Маріи Магдалины и святого Іоанна Латеранскаго.

Въ Монти, въ Транстевере, въ Регола, въ переулкахъ или на песчаныхъ берегахъ Тибра, женщины, дѣти, старые нищіе сходились маленькими робкими группами, переговаривались шопотомъ и спрашивали другъ друга, неужели снова готовится какой-нибудь ужасный беспорядокъ, неужели снова сеньоры будутъ жечь городъ, душить бѣдныхъ людей, какъ скотину, гнать папу ударами камней и возводить лже-папу, съ лицомъ антихриста, на апостольскую кафедру.

Если императоръ Генрихъ IV перейдетъ Альпы, чтобы успокоить Римъ, жестокая рѣзня римлянъ неизбѣжна; если Робертъ,

владыка Нормандіи, прибудетъ изъ Салерно, чтобы покровительствовать святому отцу, то онъ не оставитъ ни одного эку, ни одной кружки масла паствъ Григорія VII. Лишь одно, къ несчастію, было достовѣрно: наиболѣе страшный изъ бароновъ, смертельный врагъ Григорія VII, Цензій, отрѣшенный отъ церкви за убійство, вѣроотступничество и мятежъ, только что тайно прибылъ въ Римъ. Его видѣлъ одинъ еврей около полуночи, когда онъ стучалъ въ дверь одной изъ своихъ крѣпостей, близъ гетто. При одномъ имени Цензія лица блѣднѣли и голоса умолкали. Никогда еще, даже въ проклятыя времена бароновъ Тускулума, ни одинъ преступникъ не вызывалъ такого страха у римлянъ. Онъ пролилъ цѣлые потоки крови, чтобы при помощи страшнаго мятежа возвести лже-папу Гонорія на престолъ святого Іоанна Латеранскаго. Какъ разъ наканунѣ этого грустнаго дня всѣхъ святыхъ папа Григорій велѣлъ разрушить самую сильную крѣпость Цензія у моста св. Петра. Время отъ времени тяжелые шаги вооруженныхъ людей, епископъ, торопливо проѣзжавшій на мулѣ, опустивъ голову и тревожно оглядываясь, отдаленный бой часовъ на колокольнѣ Капитолія, крикъ ребенка — пугали собиравшіяся группы и разсѣивали ихъ по грязнымъ улицамъ. Какая-то трагедія витала надъ Римомъ, и народъ съ тревогой ждалъ ея перваго акта.

Въ домахъ духовныхъ лицъ и во дворцахъ кардиналовъ и епископовъ, въ кельяхъ монаховъ царило не меньшее волненіе. Но здѣсь говорили не о феодальномъ возстаніи или новомъ нашествіи имперскихъ войскъ: здѣсь говорили о страдающей церкви, которая, казалось, была готова возстать на первосвященника. Съ первыхъ же дней своей духовной жизни Григорій VII составилъ себѣ слишкомъ высокое представленіе о благородствѣ священника: онъ хотѣлъ, чтобы священникъ былъ чистъ и бѣденъ, какъ апостолы Иисуса. Всѣ знали, что этотъ монахъ внушилъ шести предшествовавшимъ папамъ свою ненависть къ симоніи и презрѣніе къ сладострастію; на другой же день послѣ своего избранія онъ поднялъ плеть на торговцевъ храма и опрокинулъ столы ростовщиковъ, устроенные епископами въ тѣни храмовъ; онъ выгналъ женатыхъ духовныхъ лицъ, ложныхъ сестеръ и женъ, предписалъ духовенству строгую дисциплину Ключи и цѣломудріе.

Въ послѣднее время онъ опустилъ свою руку на головы бароновъ, велѣлъ запретъ въ Кассенѣ кардинала-епископа Палестрина и епископа Алатри, посадилъ на хлѣбъ и на воду пять или шесть монаховъ св. Павла и выпустилъ громовую буллу противъ архіепископа Равенны и аббата Фарфа. Одинъ, поддерживаемый лишь нѣсколькими аскетами, въ ссорѣ съ императоромъ и ненавидимый дворянствомъ, папа Григорій VII предпринялъ сверхчеловѣческую задачу, передъ которой отступилъ дружившій

съ императорами папа Гербертъ: вернуть къ Евангелію совѣсть служителей Бога.

Итакъ, большой церковный праздникъ, праздникъ исповѣди, дѣвственницъ и мучениковъ, былъ для города траурнымъ днемъ. Къ вечеру съ Тибра поднялся желтоватый туманъ, медленно и тяжело разостлался по семи холмамъ и закрылъ видъ неба. Наступала ночь мертвыхъ. Потомъ раздался вечерній колоколъ съ базиликъ св. Петра, св. Іоанна Латеранскаго и св. Маріи Маджіоре. Звукъ колоколовъ мрачно несся сквозь туманъ то медленно, то быстрыми порывами, подобно отчаянному призыву тонущаго во тьмѣ корабля; раздался послѣдній, властный, какъ призывъ къ мятежу, звонъ св. Павла; онъ летѣлъ по пустынному Риму, долетѣлъ до Латерана, до ушей Григорія VII, читавшаго при свѣтѣ лампы. Папа поднялъ голову и закрылъ книгу.

Наступила уже ночь и окутала улицы и площади, такія же молчаливыя, какъ монастырь Campo-Santo, когда челоуѣкъ вышелъ изъ замка квартала Паріонъ, близъ Тибра, и направился черезъ кварталъ евреевъ къ Капитолію. Онъ шелъ рѣшительнымъ шагомъ; на немъ былъ широкій плащъ, а на головѣ нѣчто въ родѣ монашескаго капюшона. Подходя къ городской крѣпости, онъ сдѣлалъ большой обходъ, очевидно, изъ опасенія встрѣтиться со сбирами префекта, и поднялся на форумъ близъ церкви святыхъ Космы и Даміана. Тогда онъ пошелъ медленно, потому что едва различалъ сквозь туманъ тропинку, виднѣвшуюся между кустарниками.

По обѣимъ сторонамъ смѣлаго путника Палатинъ и базилика Мира возвышались свои громадныя стѣны. Дойдя до арки Тита, онъ очутился передъ звучными ступенями Святого пути и быстро спустился къ аркѣ Константина. Тамъ онъ остановился на минуту, чтобы ориентироваться и, не безъ нѣкотораго страха, обернулся къ громадѣ Колизея. Станный, однообразный шумъ, подобный далекому шуму моря, несся изъ каждой арки этого чудовища; то вѣтеръ жалобно стоналъ въ его галереяхъ.

— Грѣйтесь, радуйтесь, грабители, мои дорогіе друзья,—прошепталъ челоуѣкъ:—въ одинъ изъ ближайшихъ вечеровъ я приглашу васъ на ужинъ. Сегодня у меня есть дѣло въ другомъ мѣстѣ.

И онъ пошелъ по направленію къ спуску Келіусъ, затѣмъ повернулъ въ сторону св. Іоанна Круглаго. Ощупью добрался онъ до стѣны Сервія Тулія и наконецъ увидалъ направо, посреди дороги уединенную башню святыхъ Іоанна и Павла. Онъ постучалъ рукояткой кинжала въ калитку сада, окружающаго эту башню. Ему отворилъ мальчикъ.

— Деодатъ?—спросилъ путникъ.

— Онъ ждетъ васъ, сенъоръ,—отвѣтилъ мальчикъ.

Человѣкъ поднялся по лѣстницѣ башни и вошелъ въ комнату со сводами, очень суроваго вида, гдѣ сидѣлъ священникъ. Онъ сбросилъ плащъ и кашюшонъ. Человѣкъ этотъ, съ короткой жесткой бородою, съ злыми глазами и грубымъ лицомъ, былъ вооруженъ съ головы до ногъ. Священникъ былъ высокъ и худъ; его мрачный, мгновеніями вспыхивающій взглядъ свидѣтельствовалъ о непобѣдимой гордости, а нервный ротъ съ тонкими губами выдавалъ горечь трагической жизни.

Въ углу комнаты на столѣ лежали книги довольно подозрительнаго вида; одна изъ нихъ была раскрыта, и на ея желтомъ пергаментѣ были изображены какія-то странныя фигуры между геометрическихъ линій и вычисленій, сдѣланныхъ арабскими цифрами. На стѣнѣ висѣло распятіе слоновой кости, проткнутое въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится сердце, стальной иглою. Это было распятіе, заколдованное Деодатомъ.

Священникъ этотъ былъ уже преклонныхъ лѣтъ. Онъ служилъ когда-то архидіакономъ церкви въ Порто, и папа Левъ IX хотѣлъ назначить его епископомъ, но Гильдебрандъ разстригъ его за преступленіе противъ симоніи. Онъ вернулся въ Римъ среди цѣлой массы провинившихся священниковъ, которыхъ бароны защищали отъ папскихъ преслѣдованій. Чтобы чѣмъ-нибудь существовать, онъ писалъ ложныя буллы, а чтобы развлечься въ мрачной башнѣ Келіуса, занимался магіей и вызывалъ демоновъ.

Гость придвинулъ скамейку къ горѣвшему посреди комнаты бразеро¹⁾ и сѣлъ, не говоря ни слова. Деодатъ спокойно положилъ локти на книгу и сказалъ съ насмѣшливой улыбкой:

— Онъ выгналъ тебя, какъ бѣшеную собаку, изъ твоего лучшаго замка, мой бѣдный Цензій, и ты пришелъ просить гостепріимства у стараго Деодата, недостойнаго священника святой церкви.

Цензій всталъ и заговорилъ съ внезапной злобой:

— Да, онъ меня выгналъ, оскорбилъ, сдѣлалъ разбойникомъ. Онъ изгналъ меня изъ христіанскаго стада, онъ придавилъ меня своей пятою. Развѣ Богъ не допуститъ, чтобъ дотронулись до этого человѣка, чтобъ его схватили, какъ ночного вора?

— Онъ помазанникъ Божій,—ироническимъ тономъ отвѣтилъ священникъ,—и потомъ, Богъ... видишь ли, мы въ Немъ не очень увѣрены... вотъ діаволь,—это сколько угодно.

— А ты увѣренъ въ сатанѣ, Деодатъ?

— Конечно, дорогой сеньоръ, такъ же увѣренъ, какъ въ томъ, что ты сейчасъ здѣсь, въ моей башнѣ. Я ношу его и въ головѣ и въ сердцѣ.

¹⁾ Родъ жаровни.

Цензій съ нѣкоторымъ испугомъ посмотрѣлъ на своего хозяина. Онъ сдѣлалъ даже шагъ назадъ, какъ будто хотѣлъ убѣжать. Но Деодатъ устремилъ на него властный и въ то же время ласковый взглядъ. Цензій медленно подошелъ къ священнику.

— Если бъ ты захотѣлъ помочь мнѣ погубить его, свергнуть его съ папскаго престола, даже убить, въ случаѣ надобности, какъ мы это нерѣдко дѣлали, когда распоряжались нашимъ епископомъ...

Деодатъ подошелъ къ окну, отворилъ его и, жестомъ подозвавъ барона, сказалъ:

— Взгляни.

Оригинальная картина открывалась съ верху башни святыхъ Іоанна и Павла. На необозримое пространство разстилался надъ римской равниной туманъ, подобно неподвижному, молчаливому океану. Налѣво, у крутого подъема Келіуса и городскихъ крѣпостей, пары тумана вдругъ поднимались, какъ бы для того, чтобъ взять приступомъ Латеранъ, но величественная базилика, опираясь на черную массу крѣпости, какъ бы находясь между небомъ и землею, какъ будто смѣялась надъ непогодой. Маленькій огонекъ все еще горѣвшей лампы Григорія VII сіялъ среди ночной тьмы.

Цензій высунулся изъ окна, но ничего не понялъ въ этой странной картинѣ. Деодатъ пожалъ плечами.

— Тамъ, — сказалъ священникъ, — находится слишкомъ сильная власть, чтобъ шайка мятежниковъ могла ее разрушить. Съ давнихъ вѣковъ населеніе Рима, сеньоры и императоры возставали противъ папъ; но папство осталось и оно похоронитъ и бароновъ и императоровъ. Уже болѣе ста лѣтъ въ обезчестили папскую кафедру, сажая на нее недостойныхъ папъ; вы надѣвали папскую тіару на развращенныхъ юношей, на воровъ съ большой дороги, на безумцевъ. Одинъ устраивалъ въ Латеранѣ гаремъ, другой бѣжалъ въ Константинополь, увозя церковную казну, третій заставлялъ вырывать глаза и отрѣзать носы и руки у кардиналовъ и епископовъ. Они были хуже, чѣмъ Неронъ или Домиціанъ. Слѣдовало удушить Бенедикта VI въ замкѣ св. Ангела, отравить Бонифація VII, вырвать языкъ у Іоанна XVI. Папство пережило всѣ эти ужасы. Самъ сатана ничего не выигралъ, разбивъ голову Іоанну XII ночью, въ деревнѣ, близъ могилы Цециліи Метеллы. Напрасно также позднѣе самъ демонъ воплотился въ Бенедикта IX: четыре раза изгоняемый изъ Рима христианами, Бенедиктъ IX четыре раза возвращался въ него при помощи разныхъ негодяевъ и наконецъ исчезъ, какъ по волшебству. Этому скоро уже тридцать лѣтъ. Но думали, что онъ скрывается, какъ дикій звѣрь, въ своихъ родныхъ горахъ Тускулума. Каждый годъ въ ночь мертвыхъ, именно въ сегодняшнюю, онъ показывается испуганнымъ прохожимъ на берегахъ Тибра, на дорогѣ въ Аппіо или среди развалинъ фораума. Что же касается меня лично, то я еще жду его.

Вотъ его волшебный тревникъ, найденный въ его моленной: онъ служилъ ему для вызыванія діавола и соблазна женщинъ. Я всю жизнь изучаю его.

Деодатъ показалъ пальцемъ на раскрытую на столѣ книгу. Цензій подошелъ къ книгѣ съ суевѣрнымъ страхомъ и не посмѣлъ до нея дотронуться.

— Ну, вотъ, — продолжалъ священникъ, — папство лежало на этомъ челоуѣкѣ и дѣлало его священнымъ. Однажды, когда ему было шестнадцать лѣтъ, владыки Капитолія, напуганные его чудовищнымъ развратомъ, рѣшили удушить его въ алтарѣ св. Іоанна. Это было въ воскресенье, въ большой праздникъ. Заговорщики медленно приближались къ алтарю. За Евангеліемъ они стояли уже на первой ступенькѣ. Они должны были броситься на него во время проскомидіи. Вдругъ они взглянули другъ на друга и поблѣднѣли... Дневной свѣтъ померкъ, всѣ лица потемнѣли, ночь спустилась на базилику. Солнце погасло среди неба, какъ будто не хотѣло освѣщать такой ужасъ. Бенедиктъ IX былъ спасенъ; наскоро зажгли восковыя свѣчи, онъ пріобщился Св. Тайнъ и когда обернулся къ народу, чтобы благословить его, солнце засіяло попрежнему и раздался звонъ всѣхъ колоколовъ Рима.

Священникъ сдѣлалъ шагъ къ барону и, опустивъ руку ему на плечо, сказалъ:

— И ты хочешь убить Григорія, думая убить въ то же время и ненавистную тебѣ таинственную силу! Блѣдный глупецъ! ты сдѣлаешь только однимъ мученикомъ и святымъ больше. Христіанство построить соборы въ его память, и на другой же день послѣ твоего преступленія новый монахъ надѣнетъ кольцо, снятое съ пальца этого монаха.

— Но я буду отмщенъ, — прошепталъ Цензій.

— Ты будешь осужденъ, — возразилъ Деодатъ.

Цензій вздрогнулъ и зашатался, какъ пьяный.

— Ты боишься ада, — сказалъ священникъ, — и пришелъ ночью въ мою келью, гдѣ виситъ поруганное мною распятіе, чтобы я вызвалъ тебѣ помощь сатаны. Не уходи. Мнѣ жаль тебя. И потому, ты мнѣ нуженъ. Слушай еще. Мы можемъ соединить нашу ненависть. Ты будешь руками, я буду умомъ. Но пойми хорошенько, если можешь, одну вещь. Не надо проливать крови; кто знаетъ, не дастъ ли Небо снова какое-нибудь страшное знаменіе? Нѣтъ, его надо не убить, а жестоко, безпримѣрно, унижить, чтобы на него смотрѣли не какъ на мученика, а какъ на негодяя, какъ на злоумышленника. Униженный, поруганный, пусть онъ умоляетъ тебя, пусть цѣлуетъ твои руки, пусть бьетъ себя въ грудь за свою жестокость. Это церковь, изгнавшая меня изъ своего лона, будетъ поругана въ лицѣ первосвященника. Но твой поступокъ долженъ быть могучъ и остаться въ назиданіе потомству. И, если

тебѣ нуженъ адскій совѣтъ, чтобы ты самъ понялъ твои намѣренія, то пойдѣмъ со мною; эта ночь темна и приближается часъ, когда проклятыя души показываются людямъ.

Волшебникъ взялъ требникъ Бенедикта IX и мѣшочекъ съ ароматическими травами, необходимыми при заклинаніяхъ. Онъ положилъ углей изъ жаровни въ мѣдную кадильницу, висѣвшую подлѣ распятія слоновой кости, и подалъ ее Цензію. Затѣмъ они спустились съ башни и почти бѣгомъ направились къ термамъ Каракаллы. Они шли въ туманѣ, спустивъ низко капюшоны, и ихъ плащи развѣвались за ихъ спинами, подобно большимъ чернымъ крыльямъ. Свѣтъ кадильницы бросалъ кровавую полосу на тропинку. Священникъ шелъ очень твердымъ шагомъ; Ценцій спотыкался о каждый придорожный камень.

Была полночь, когда они вошли въ колоссальныя развалины. Шипы вонзались въ ихъ одежду, какъ когти невидимыхъ звѣрей; обломки кровли, когда-то разрушенной варварами, преграждали имъ путь. Наконецъ они дошли до послѣдняго этажа, почти нетронутаго солдатами Алариха, и шаги ихъ стали звучнѣе.

Деодатъ остановился около порфироваго обломка, валявшагося на землѣ; онъ положилъ на него кадильницу; угли трещали въ холодномъ туманѣ. Затѣмъ онъ начертилъ кругъ, центромъ котораго былъ обломокъ; при тускломъ свѣтѣ кадильницы онъ прочелъ громкимъ голосомъ нѣсколько строкъ изъ требника на непонятномъ для Цензія языкѣ и, окончивъ заклинаніе, посыпалъ на уголья волшебныя ароматы.

Столбъ дыма съ мелкимъ искрами поднялся кверху. Задержанный въ своемъ первомъ порывѣ влажнымъ туманнымъ воздухомъ, ѣдкій дымъ поднимался и опускался, всюду ища выхода, вился длинными красноватыми или зеленоватыми спиралями и тысячью фантастическихъ узловъ. На извѣстной высотѣ, найдя болѣе широкій выходъ, онъ лился дрожащими колоннами и разостлался по разрушеннымъ заламъ. Нѣсколько струй дыма черезъ скважины въ стѣнахъ бѣшено понеслись къ Риму, кружились около кустовъ и наконецъ сливались съ потемками.

Испуганныя летучія мыши съ жалобнымъ крикомъ вылетали изъ своихъ гнѣздъ, носились въ воздухѣ и падали на землю. Въ самой глубинѣ залы античная статуя мраморной Діаны съ отбитыми руками и грудями приняла блѣдно-розовый оттѣнокъ и, казалось, пробудилась къ жизни; съ поднятой головою и улыбающимся ртомъ, она какъ будто готова была подойти, въ своей героической наготѣ, къ двумъ храбрымъ людямъ, дерзнувшимъ въ этотъ часъ нарушить покой мертвыхъ боговъ.

Цензію, опьяненный ароматами, почувствовалъ, что у него кружится голова отъ этого безпрестаннаго колебанія паровъ, и весь дрожалъ; онъ сѣлъ, прислонясь къ обломку, и наблюдалъ, какъ

во снѣ, странныя фигуры, клубившіяся надъ его головою, потомъ исчезающія, какъ мертвыя листья зимнимъ вечеромъ.

Онъ видѣлъ, какъ кружились толпы ужасныхъ несчастныхъ жертвъ имперскихъ или феодальныхъ войнъ противъ папъ; женщины влекли за руки маленькихъ дѣтей, бѣжали старцы съ растрепанными волосами и бородами; молодые люди съ истомленными лицами и скованными руками шли въ изгнанье; священники, какъ безумные, убѣгали изъ разрушающихся, горящихъ церквей. Потомъ цѣлый потокъ вооруженныхъ людей съ окровавленными руками, съ добычей на плечахъ неся по ограбленнымъ тѣламъ; затѣмъ шайки разбойниковъ съ обнаженными руками и ногами, потрясая горящими факелами, весело разливали вокругъ цѣлый ураганъ пламени. Цензій узналъ свой собственный полкъ и громко вскрикнулъ...

— Молчи,—шепнула Деодатъ.—Тайна сейчасъ окончится. Пусть приближающееся видѣнье никогда не исчезнетъ изъ твоей памяти!

Торжественно разстилаясь вдоль стѣнъ Каракаллы, огромная медленная процессія двигалась на золотой тучѣ: дѣти, одѣтыя въ разноцвѣтныя платья, молодые діакона съ развѣвающимися волосами, въ огненныхъ облаченіяхъ, епископы въ одѣніяхъ, сверкающихъ цѣлымъ дождемъ рубиновъ, духовная коллегія, задрапированная въ яркій пурпуръ; наконецъ, приподнятый надъ головами духовенства, полулежалъ на царскомъ тронѣ молодой папа, юный азіатскій богъ, и перебиралъ пальцами ленты своей митры; это былъ демоническій и очаровательный папа, бывшій пугаломъ святой римской церкви, папа, которому поклонялся Деодатъ.

Призракъ папы Бенедикта IX простеръ правую руку къ священнику, но не совершилъ крестнаго знамени.

Процессія двигалась къ самому отдаленному углу залы. Вдругъ діаконы, епископы, кардиналы исчезли, какъ свѣтъ, задутый вѣтромъ. А толпа вооруженныхъ, окровавленныхъ людей и полураздѣтыхъ разбойниковъ появилась снова, окружила тронъ, который, раскачиваясь надъ цѣлымъ лѣсомъ пикъ и факеловъ, сталъ подниматься къ алтарю, сверкающему драгоценными камнями...

Но по срединѣ алтаря появилась величественная фигура наклоненнаго монаха. По мѣрѣ того, какъ онъ наклонялся къ святому столу, молодой антихристъ блѣднѣлъ и расплывался въ тучѣ своего адскаго апопоеоза; только демоны поднялись до алтаря и дерзко окружили неподвижнаго монаха.

Тогда порывъ бури потрясъ своды, разсѣялъ волшебный дымъ и разнесъ его съ ревомъ по дрожащимъ кустамъ и чернымъ авентинскимъ кипарисамъ. Свинцовый туманъ снова окутывалъ, какъ трауръ, знаменитыя термы (бани) Каракаллы.

Цензій прижалъ къ груди складки своего плаща и тяжело упалъ на землю. Когда онъ проснулся на разсвѣтѣ, священника

уже не было. Съ сѣраго неба опускался мелкій дождь; огромная сова, потревоженная ночью, страшно билась въ шипахъ кустарника. Вдали лаяла собака. Цензій со страхомъ оглянулъ мрачную часовню Деодата. Холодъ и дождь заставили его наконецъ уйти.

Онъ вышелъ изъ термъ, но не посмѣлъ пройти мимо башни святыхъ Иоанна и Павла. Онъ прошелъ около монастыря св. Григорія Великаго, вернулся къ аркѣ Константина и, послѣ минутнаго колебанія, вдругъ бросился въ Колизей. Подъ аркой, гдѣ накануне онъ видѣлъ свѣтъ, онъ нашелъ лежащими вокругъ угасшаго огня двѣнадцать человѣкъ, привѣтливо поздоровавшихся съ нимъ. Они проговорили весь день о прошломъ и будущемъ, и баронъ не скучая, досидѣлъ съ ними до того часа, когда раздался вечерній звонъ, приглашавшій римлянъ запираяться въ своихъ домахъ. Тогда онъ пошелъ по направленію къ своему замку, какъ осторожный гражданинъ, который скрываетъ свое лицо, чтобъ не быть узнаннымъ во время ночной прогулки.

II.

Полуночная месса папы Григорія VII.

Наканунѣ Рождества въ Римѣ прошелъ слухъ, что папа будетъ служить полуночную мессу въ церкви св. Маріи Маджіоре. Это была старинная, всѣми любимая базилика; близъ главнаго алтаря находился весьма чтимый чудотворный образъ Мадонны съ младенцемъ, работы святого апостола Луки, принесенный изъ Азій ангелами. Каждый разъ, когда начиналась чума, священники носили по улицамъ эту старинную икону, сверкающую золотомъ и брилліантами, и Богъ прекращалъ заразу.

Рождественская ночь была великимъ праздникомъ базилики св. Маріи Маджіоре; въ нее стекался народъ со всѣхъ концовъ Рима, и въ мрачномъ уединеніи Аквиліна видѣлась издалека залитая огнями и звуками церковь, въ которую шли толпы пилигримовъ и пастуховъ, какъ когда-то пастухи Палестины шли въ хлѣвъ Виѳлеема.

Уже три дня дулъ ужасный сирокко и темныя тучи застилали горизонтъ. Къ вечеру облака спустились на горы Тиволи и Тускулума и громъ загремѣлъ надъ моремъ. Вдругъ сразу стемнѣло и разразилась страшная гроза. Лилъ такой сильный дождь, что, по словамъ хроникера того времени, думали, что вернулся библейскій потопъ. Громъ гремѣлъ сразу надъ всѣми холмами; безпрестанныя молніи разрывали тучи, въ просвѣтахъ которыхъ мелькали черныя силуэты колоколенъ и башенъ, кипарисы Монте-Мачіо, гнувшіеся, какъ колосья, феодальныя крѣпости, раскинутыя

по равнинѣ; иногда молнія освѣщала даже Апеннины, и скалистые горы Сабины выступали, какъ блѣдныя видѣнія Апокалипсиса.

Еще за часъ до полуночи дождь все шель; Тибръ, уже поднявшійся отъ осеннихъ грозъ, мчался со страшной быстротою. Кварталь Марсова поля и скалистые долины у Эквилана и Квиринала превратились въ болото. Римляне, взволнованные всеми этими дурными примѣтами, отказались отъ папской мессы и зажгли дома лампы. Постепенно раскаты грома стали отдаляться. Колокола всего города громко звонили, но не вызвали ни одного католика. Добрые люди думали, что въ такую ужасную погоду достаточно вола и осла, чтобъ согрѣть младенца Иисуса въ его ясляхъ.

Между тѣмъ вблизи св. Маріи Маджіоре появились какіе-то странные пилигримы, очевидно, не боявшіеся ни дождя, ни холода. Молчаливыя тѣни ходили взадъ и впередъ передъ дверями и около свѣтлаго круга, падаваго изъ освѣщеннаго алтаря и середины базилики. Эти люди вовсе не имѣли вида добрыхъ прихожанъ; вмѣсто псалмовъ и молитвенниковъ они принесли съ собою ножи и пики. Дальше, у св. Праксидіи, стояла довольно большая группа съ незажженными факелами и стерегла осѣдланыхъ лошадей, пугливо вздрагивавшихъ каждый разъ, какъ молнія освѣщала темноту. Все эти люди съ нетерпѣніемъ устремили взоры по направленію къ Латерану, мрачная громада котораго уснула, казалось имъ, какъ и весь городъ.

Послышался звукъ свистка, тѣни разсѣялись и исчезли въ аллеѣ старыхъ деревьевъ, которая вела къ монастырю св. Бальбины.

Тамъ, на площади Келіуса, при трепещущемъ свѣтѣ нѣсколькихъ фонарей появилась маленькая процессія на уединенной дорогѣ св. Маріи Маджіоре. Она медленно спускалась съ холма, старательно обходя рытвины, и не скоро дошла до площади базилики. Впереди двигались два человѣка съ алебардами, затѣмъ монахъ, державшій высоко папскій крестъ, нѣсколько церковнослужителей съ фонарями, два кардинала, сидѣвшіе на мулахъ въ мѣховыхъ шапочкахъ, предохранявшихъ ихъ отъ холода, и, наконецъ, на носилкахъ, задрапированныхъ пурпуромъ, сидѣлъ маленькій старичокъ съ очень строгимъ лицомъ, закутанный въ красную мантию и съ золотымъ крестомъ на груди.

Главныя церковныя врата открылись; яркій свѣтъ залилъ процессію, кардиналы сошли съ муловъ, и папа Григорій VII вошелъ въ освѣщенную и пустую базилику...

Золотая звѣзда, которую пастухи и волхвы видѣли на Востокѣ, не стояла въ эту ночь надъ крышей св. Маріи Маджіоре.

Въ глубинѣ, позади алтаря, діаконъ меланхолическимъ голосомъ оканчивалъ чтеніе псалма пророчествъ, которыя предсказали когда-то Израилю пришествіе Иисуса, сына Давида, потомка Авраама.

Папа бросилъ вокругъ затуманенный грустью взглядъ. Онъ видѣлъ лишь колѣнопреклоненныхъ, въ рваныхъ плащахъ, бѣдныхъ пастуховъ или полудикахъ юношей, которые пришли издалека, шли весь день и рады были укрыться въ церкви отъ грозы. Онъ простеръ къ нимъ правую руку и благословилъ ихъ, произнося слова, которыя пѣли небесные голоса въ ту ночь, когда Господь родился въ ясляхъ:

«*Pax hominibus bonae voluntatis!*»

Каноники базилики приблизились къ Григорію VII и торжественно повели его къ трону, возвышавшемуся около алтаря. Тамъ онъ надѣлъ бѣлоснѣжный стихарь, бѣлую, широкую византійскую обувь, затканную золотомъ, и палліумъ, усѣянный крестами; два мальчика подали ему остроконечную тіару и папскій жезлъ; кардиналы, исполнявшіе обязанности старшихъ и младшихъ діаконовъ, стали по его обѣимъ сторонамъ. Григорій произнесъ первыя слова «*Te Deum*».

Когда радостная молитва была окончена, папа, все стоя на ступенькахъ трона, снялъ тіару, наклонился и произнесъ тихимъ голосомъ первыя молитвы мессы. Причетникъ, стоя на колѣняхъ у ногъ папы, открылъ, опирая на свой лобъ, книгу Посланій, потомъ Евангеліе, которое кардиналы читали по очереди съ двухъ амвоновъ клироса. Въ минуту дароприношенія папа спустился съ трона и съ необыкновеннымъ величіемъ поднялся на ступеньки алтаря. Начиналось таинство проскомидіи. Духовенство базилики набожно стало въ линію у входа на клиросъ, а скромные деревенскіе пастухи застѣнчиво подвинулись впередъ и сгруппировались подъ иконою Мадонны, работы евангелиста Луки, чтобы ближе созерцать таинство.

Звукъ пики, упавшей на полъ въ одномъ изъ отдаленныхъ угловъ храма, вдругъ нарушилъ тишину. Кардиналъ, стоявшій около папы, повернулъ голову къ дверямъ и увидалъ, что около капеллъ движется толпа вновь вошедшихъ людей. Онъ подумалъ, что это прихожане, воспользовавшись утихшей непогодой, пришли поклониться Младенцу-Спасителю и, успокоившись, палъ ницъ въ минуту поднятія Св. Даровъ, какъ это принято на папскихъ месахъ.

Мальчикъ зазвонилъ въ колокольчикъ; Григорій VII, поднявъ причастіе надъ чашей, обернулся лицомъ къ вѣрующимъ, затѣмъ благословилъ четыре стороны города и міра.

Онъ прочиталъ «Отче нашъ». Колокольчикъ прозвонилъ второй разъ у подножья алтаря. Папа, склонясь надъ алтаремъ, приобщался.

Въ ту минуту, когда онъ клалъ въ чашу послѣднія частицы благословеннаго хлѣба, до него донесся изъ глубины базилики угрожающій шумъ. Священники и церковнослужители сразу обернулись и увидали, что по срединѣ храма стоитъ вооруженная толпа,

предводительствуемая челоѡкомъ, одно имя котораго заставляло дрожать римлянъ.

Толпа бросилась къ алтарю съ богохульственными и грубыми криками. Священники поднялись на ступеньки, чтобъ защитить папу. Разбойники вошли на клиросъ до первой ступеньки алтаря и разогнали ударами пикъ защитниковъ папы. Лишь одинъ Цензій осмѣлился подойти къ самому Григорію VII.

Папа покрылъ воздухами чашу. Цензій ударилъ его по плечу. Тогда папа пристально взглянулъ на богоотступника, и мягкія слова Иисуса Іудѣ въ Геосиманскомъ саду сорвались съ его губъ:

— Другъ мой, зачѣмъ ты пришелъ сюда?

Цензій ничего не отвѣтилъ. Грубой рукою онъ оттолкнулъ Григорія отъ святаго престола. Солдаты схватили папу и унесли его, не слушая отчаянныхъ моленій духовенства. Главныя врата церкви Св. Маріи Маджіоре были открыты настежь; за ними колебался красноватый свѣтъ факеловъ, какъ огромный балдахинъ; лошади, которыхъ едва сдерживали конюхи Цензія, ослѣпленные внезапнымъ свѣтомъ изъ церкви, ржали и рвались; на колокольнѣ съ лихорадочной тревогой звонилъ колоколь, но крики въ поруганномъ храмѣ терялись въ ночномъ безлюдствѣ.

Черезъ спавшій городъ, спускаясь и поднимаясь одинаково быстрымъ шагомъ по подъемамъ Эквилаина и Квиринала, при свѣтѣ факеловъ, съ криками злобной радости, мчалась фантастическая процессія. Григорій VII ѣхалъ на лошади, поддерживаемый лейтенантомъ Цензія, среди толпы всадниковъ; за нимъ бѣжала грубая толпа, мѣсившая грязь такъ же быстро, какъ и лошади; ни одна просьба, ни одно проклятіе не сорвалось съ его усть. Онъ видѣлъ, какъ мелькали церкви, монастыри, укрѣпленные замки съ башнями, жалкіе бѣдные дома, построенные въ грандіозныхъ развалинахъ; онъ узналъ, какъ будто брошенную въ пропасть, царственную колонну Траяна, потомъ высокій силуэтъ Капитолія и арки театра Марцелла. Тамъ, опершись на обломокъ, прямой, какъ каменная статуя, сидѣлъ священникъ и какъ будто ждалъ эту процессію. Цензій, скакавшій впереди своей шайки, поклонился священнику, но онъ не отвѣтилъ на его поклонъ. Но когда папа поровнялся съ Деодатомъ, тотъ, откинувъ назадъ свой капюшонъ, взглянулъ на свою жертву съ ироническимъ торжествомъ.

Толпа направилась по узкимъ улицамъ и скоро остановилась передъ феодальной крѣпостью Цензія. Онъ велѣлъ людямъ войти во дворъ вмѣстѣ съ плѣнникомъ и тотчасъ же заставить ворота баррикадами. Онъ самъ провелъ папу въ верхній этажъ замка, въ келью съ единственнымъ окномъ, выходящимъ внутрь двора, и, указывая ему на стулъ, прикрѣпленный къ стѣнѣ, сказалъ:

— Садись, ты будешь здѣсь на положеніи каноника св. Іоанна Латеранскаго. Когда наступитъ день, мы поговоримъ. Если ты

хочешь мира, то я продамъ его тебѣ дорогой цѣною. Если хочешь войны, то воспоминанье о ней испугаетъ пра-пра-внуковъ твоихъ кардиналовъ.

И онъ оставилъ Григорія безъ огня въ кельѣ.

Часы текли медленно. Папа чувствовалъ себя погибшимъ въ эту ужасную ночь. Онъ спрашивалъ себя, какъ Богъ допустилъ такое нечестіе, какими тайными путями вѣчной справедливости ему, цѣломудренному и набожному монаху, пришлось искупить безстыдство папъ, которые во время его юности обезчестили престоль святого Петра. Значить, онъ тщетно старался цѣлыхъ тридцать лѣтъ поддерживать чистоту церкви. Значить, папы, другомъ и совѣтникомъ которыхъ онъ былъ, не сидѣли одесную Отца и не могли своими молитвами отстранить отъ него эту чашу.

Глубокая тревога мучила также его совѣсть. Онъ, быть можетъ, ошибался, когда съ такой суровостью преслѣдовалъ мірское могущество, держа въ рукѣ одновременно оба скипетра, заставляя бароновъ ползать у его ногъ, безжалостно разбивая ихъ башни и гордость; быть можетъ, онъ ошибался и въ своемъ влеченіи къ аскетизму и строгости, предписавъ всѣмъ своимъ духовнымъ братьямъ монашескую дисциплину.

Что же касается до завтрашняго дня, до ближайшаго будущаго, онъ едва дерзалъ о немъ думать. Его тіара валялась въ уличной грязи; какой-то воръ сорвалъ съ его груди папскій крестъ; теперь онъ лично годенъ лишь для того, чтобъ его заперли на остатокъ дней въ монастырь, затерянный въ горахъ Сабіны. Онъ дрожалъ при мысли, какого преемника готовятъ ему его владыки: какого-нибудь нѣмецкаго епископа, болѣе преданнаго цезарю, чѣмъ Христу, готоваго пожертвовать ради императора римской церковью; или же какого-нибудь нечестиваго юношу, сына владыки, опороченного смертельнымъ грѣхомъ, который будетъ проливать церковное вино въ отвратительныхъ оргіяхъ. Минутами онъ говорилъ себѣ, что крушеніе апостольскаго корабля совершилось, что исторія искупленія окончена, что Богъ отвернулся отъ людей, оттолкнулъ церковь отъ своего сердца и что онъ, Григорій, послѣдній монахъ и послѣдній папа.

Тогда, въ тишинѣ ночной, онъ плакалъ и билъ себя въ грудь.

Сѣроватый свѣтъ зимняго дня проникъ въ келью. И Григорій почувствовалъ себя еще болѣе несчастнымъ, когда увидалъ, что его папское одѣяніе покрыто грязью, обувь испачкана, палліумъ измятъ. И онъ съ горечью думалъ о ночномъ праздникѣ, о базиликѣ, гдѣ онъ благословлялъ дѣтей и священниковъ, о поруганномъ таинствѣ, о крови Божіей, оставленной на бѣломъ покровѣ алтаря...

Послышались тяжелые шаги. Отворилась дверь, и вошелъ баронъ.

— Ты спалъ?—спросилъ Цензіи.

— Я молился,—отвѣтилъ Григорій.

— Читалъ монашеское «Отче нашъ», которое не проникло за своды моей башни? Богъ не услышалъ тебя. И потомъ, Богъ любить только папъ молодыхъ и веселаго нрава. Ты прекрасно видишь, что онъ тебя покинулъ.

— Богъ покинулъ и своего Сына, распятаго между двухъ разбойниковъ. Но только на три дня. Я подожду.

— Ты подождешь и дни, и недѣли, и годы, если понадобится. Ты въ моихъ рукахъ, какъ хрупкая игрушка. И ты будешь подвергнутъ одиночеству, голоду, темнотѣ, всѣмъ ужасамъ, всѣмъ тревогамъ, пока не согласишься исполнить мою волю.

— Чего ты отъ меня хочешь? Я епископъ и владыка всѣхъ душъ и ты ничего не можешь сдѣлать надъ моей совѣстью.

— Я могу замучить тебя до смерти.

— Это будетъ искупленіемъ за мои грѣхи. Въ данную минуту церкви нужна кровь мученика, чтобы омыться отъ всѣхъ ея нечестій.

Цензій пожалъ плечами. Онъ вспомнилъ слова Деодата.

— Тиранъ, изгнанный изъ своего дворца на посмѣшище народу, епископъ, изгнанный изъ своей епархіи, церковникъ, осужденный на томленье въ монастырской тюрьмѣ,—не мученикъ. Но сначала ты торжественно отречешься отъ сана передъ дворянствомъ, которое ты унижилъ и разорилъ. Ты вернешь имъ право избирать папу, который есть ихъ верховный представитель, одобренный королемъ, нашимъ верховнымъ повелителемъ. Потомъ если ты переживешь этотъ стыдъ, ты будешь жить въ санѣ монаха, если это тебѣ нравится, очень далеко отъ Рима и весь день будешь служить утрени и вечерни. Я тебя поручу попеченіямъ одного моего друга аббата, и ты будешь называть его «мой отецъ».

— Я останусь папою до моего послѣдняго часа. Одинъ Богъ мой владыка. Ты можешь ускорить конецъ твоего преступленія, но это папу, короля всѣхъ королей, повелителя императоровъ, ты ударишь, преступный вассалъ...

Цензій въ бѣшенствѣ сдѣлалъ шагъ впередъ и поднялъ руку, чтобы ударить старика.

— Если Богъ дастъ тебѣ время это сдѣлать,—продолжалъ Григорій VII.—Его справедливость уже наступаетъ. Слушай...

Странный шумъ, похожій на отдаленный гулъ толпы, долетѣлъ до кельи. Цензій остановился и прислушался. Толпа, очевидно, двигалась очень скоро, такъ какъ гулъ все приближался. Казалось, весь Римъ поднялся на ноги, чтобы бѣжать къ крѣпости барона. Уже можно было слышать звуки трубъ, брань, призывъ къ оружію. Первые волны людскаго моря уже стучали въ стѣну и потрясали старый домъ барона. Цензій быстро покинулъ своего плѣнника и бросился по лѣстницѣ въ самую высокую башню.

На необозримое пространство по улицамъ, примыкавшимъ къ замку, двигалась шумная толпа. Цензій высунулся на минуту изъ окна и увидалъ, что цѣлая армія спускалась гурьбою съ семи холмовъ. Тутъ была и стража Латерана съ желѣзными алебардами, нормандскіе стрѣлки, милиція Капитолія, ремесленники съ высоко засученными рукавами, съ ножами и дубинами въ рукахъ, монахи съ пиками и алебардами, простыя женщины и дѣти, тащившія бревна и лѣстницы, пастухи со своими злыми, громко лаявшими собаками. Всѣ они злобно смотрѣли на крѣпость, въ ожиданіи, что гдѣ-нибудь въ окнѣ покажется тотъ, кого они искали.

Вдругъ они узнали Цензія, стоявшаго на площадкѣ балъни, и у всѣхъ вырвался единодушный крикъ:

— Григорій!!

Римъ пришелъ за своимъ папой.

Народъ сразу началъ осаждать крѣпость. Баронъ собралъ вокругъ себя свой гарнизонъ разбойниковъ, разставилъ ихъ на посты и приготовился къ смертельному сопротивленію. Онъ прекрасно сознавалъ, что однѣми своими силами продержится лишь нѣсколько часовъ, самое позднее до ночи. Но онъ думалъ, что папа, испуганный гражданской войной, отречется отъ сана раньше, чѣмъ преданный ему народъ выломаетъ двери его тюрьмы; онъ рассчитывалъ также на помощь римскаго дворянства и изгнаннаго духовенства, ради блага которыхъ онъ началъ эту войну; наконецъ онъ надѣялся на то, что Деодатъ успѣетъ послать курьера изъ дома въ домъ до Тускулама и Тиволи, чтобы созвать толпу, которая черезъ ворота Маджіоре и св. Іоанна поразитъ съ тылу эти тысячи людей.

Онъ не зналъ, что въ этотъ самый часъ всѣ выходы изъ города, всѣ бреши въ старыхъ стѣнахъ и оба берега Тибра были строго охраняемы; онъ не зналъ, что въ Капитоліи дворянство, испуганное взрывомъ народнаго негодованія, только что заключило договоръ съ делегатами ремесленниковъ о спасеніи папы и что во всѣхъ церквахъ, во всѣхъ монастыряхъ священники и монахи, симонисты и аскеты, охваченные религіознымъ ужасомъ и думая, что сатана завладѣлъ церковью, по предсказанію апостола, молились о первосвященникѣ.

Цензій поставилъ за рѣшетками cadaго окна, у каждой бойницы, на террасѣ, огибавшей наружную стѣну замка, стрѣлковъ изъ лука и людей съ метательными копьями. Онъ велѣлъ тратить понемногу боевые снаряды, потому что ему хотѣлось какъ можно дольше продлить борьбу и не слишкомъ раздражать осаждающихъ, и велѣлъ главнымъ образомъ слѣдить за тѣмъ, чтобы не сломали или не подожгли ворота. Разбойникамъ, призваннымъ имъ изъ кавернъ Колизея, онъ приказалъ вынуть булыжники во дворѣ и каменныя ступеньки съ галерей, при помощи которыхъ они сдѣ-

лали крѣпкую баррикаду передъ лѣстницей, ведущей въ башню, гдѣ былъ запертъ Григорій VII. Потомъ, съ высоко поднятой головой, онъ скрестилъ руки и сталъ ждать.

Тогда началась атака крѣпости. Градъ камней и стрѣлъ посыпался на стѣны, но онъ ранилъ большее количество осаждающихъ, чѣмъ осажденныхъ. Камни и стрѣлы отскакивали обратно въ римлянъ, къ великой радости защитниковъ крѣпости. Пастухи Лаціума проникли въ сосѣдніе дома и взобрались на ихъ крыши; камни, бросаемые ими сверху, попадали внутрь замка и многихъ серьезно ранили. Баронъ размѣстилъ своихъ людей по защищеннымъ галереямъ и радовался большому количеству камней, бросаемыхъ ему непріятелемъ.

— Эти папскія дѣти истинные христіане!—воскликнулъ онъ.— Они посылаютъ намъ нѣсколько кислые апельсины; мы, въ нашу очередь, вернемъ ихъ имъ въ болѣе зрѣломъ видѣ.

Вдругъ сильный шумъ раздался въ сводчатой галереѣ, которая вела на улицу. Дверь подъ ударами бревенъ трещала, какъ огромный барабанъ. Цензій сдвинулъ брови; эта дверь была слабымъ мѣстомъ зданія. Но послѣ четвертаго напора съ улицы послышались безнадежные возгласы, и лицо барона прояснилось.

— Это отвѣтъ моихъ стрѣлковъ,—сказалъ онъ.—Сто булавочныхъ уколовъ на одинъ ударъ бревна. Славная штука грудь и спины этихъ негодяевъ!

Снаружи, передъ дверью, кучка ремесленниковъ и пастуховъ, обливаясь кровью, упала на первые ряды толпы. Нѣкоторые побросали оружіе и отступили. Тогда остальные начали атаковать бойницы и террасы. Стрѣлки стали подъ защитой стѣнъ и выступовъ. Народъ, думая, что они удались, бросился къ двери, которую только что оставилъ, и съ лихорадочной торопливостью принялся разбивать ее. Цѣлый потокъ стрѣлъ встрѣтилъ его во второй разъ. Нѣсколько минутъ римляне еще держались, но много мертвыхъ и раненыхъ упало на землю. Народъ снова отступилъ назадъ, очистивъ улицу. Изъ толпы долеталъ лишь тревожный ропотъ, да тутъ и тамъ у подножья проклятой крѣпости раздавался стонъ агоніи умирающихъ.

Тогда Цензій одинъ поднялся на площадку своей башни. Народъ смотрѣлъ на него съ суетвѣрнымъ ужасомъ. Этотъ человѣкъ, такъ издѣвавшійся надъ самимъ Богомъ, несомнѣнно, заключилъ договоръ съ сатанюю. Баронъ, съ тревогой глядя на Римъ, переводилъ взоръ съ замка на замокъ въ надеждѣ увидать на какой-нибудь крѣпости дружеское знамя, выкинутое для его успокоенія на замковой башнѣ. Но отъ Капитолія до Марсова поля, отъ Яникула до Колизея, онъ не увидалъ ничего поддерживающаго его надежду.

— Значить, они боятся этихъ оборванцевъ! — прошепталъ онъ.— Вотъ они мнѣ уже измѣняютъ. Это римское дворянство храбро

лишь со старыми лысыми попами священной коллегіи. Завтра же, если эти негодяи освободят папу, дворяне будутъ цѣловать перстень Григорія, а меня повѣсятъ на висѣлицѣ, имѣющей видъ креста. Если только оттуда не придутъ мнѣ на помощь.

И онъ обернулся въ ту сторону, гдѣ вдали разстилалась широкая Кампанья, между горами и моремъ, имѣвшая грустный и величавый видъ при блѣдномъ свѣтѣ декабрьскаго утра.

Но шумъ толпы возобновился. Группа юношей изъ Транстевере несла новое орудіе борьбы—связки хворосту, взятыя съ корабля, стоявшаго у берега Тибра, близъ храма Весты. Въ одинъ мигъ, на глазахъ у осажденныхъ, обложили хворостомъ широкую галерею, подожгли его, и Цензій увидалъ прямо передъ собою столбъ темнаго дыма. Онъ сжалъ кулаки, произнесъ ругательство и бросился къ своимъ разбойникамъ.

Онъ засталъ ихъ въ полномъ упадкѣ духа. Нѣкоторые изъ нихъ уже поговаривали о томъ, что надо сразу выдать папу и сдать замокъ. Другіе проклинали человѣка, который за три эку вовлекъ ихъ въ такое опасное дѣло. Ему удалось пристыдить ихъ и поднять ихъ духъ.

— Пусть трусы,—сказалъ онъ,—станутъ на террасу, наименѣе подвергнутую ударамъ камней этихъ негодяевъ. Я приглашу депутацію женщинъ и маленькихъ дѣтей для того, чтобъ они выслушали ихъ публичное покаяніе и свели ихъ въ исповѣдальню.

Никто не возразилъ ни слова. Мысль о покаяніи показалась имъ шуткой и вызвала смѣхъ. Одинъ, только что разстриженный монахъ, началъ весело бить себя въ грудь и говорить Confiteor. Цензій покосился на него, и монахъ умолкъ на первыхъ же словахъ.

Надо было торопиться. Дымъ стлался изъ-подъ воротъ, красные языки тамъ и сямъ лизали нагроможденные для защиты камни. Снаружи толпа молча наблюдала за дѣломъ своихъ рукъ. Баронъ сгруппировалъ стрѣлковъ на дворѣ, передъ баррикадой, разставилъ вооруженныхъ пиками людей по ступенькамъ лѣстницы; другихъ, вооруженныхъ камнями, — вдоль галерей перваго этажа. Ему оставалось сдѣлать послѣднюю попытку убѣдить Григорія. Онъ поднялъ къ нему въ келью.

— Тебѣ нужна была кровь,—сказалъ онъ:—кровь твоихъ овецъ, кроткій пастырь, ну вотъ, она пролилась волною. Не усталъ ли ты отъ этого бесполезнаго кровопролитія и не произнесешь ли ты того слово, которое я жду для того, чтобы прекратить его?

— Они умерли за вѣру и Богъ принялъ ихъ въ своемъ раю,—отвѣтилъ папа.—Но пусть эта христіанская кровь падетъ на твою голову. Что же касается меня, то на мнѣ лежитъ честь церкви и я ни въ чемъ не уступлю тебѣ. Я слишкомъ долго жилъ, если дожилъ до того, что былъ свидѣтелемъ твоего преступленія. Въ эту ночь, во тьмѣ моей тюрьмы, передо мной проходили достослав-

ные мученики-первосвященники; они звали меня къ себѣ, и я топлюсь соединиться съ ними. Больше мнѣ нечего тебѣ сказать, и ты не вырвешь у меня ни слова.

Крики дикой радости донеслись съ улицы; цѣлый столбъ дыма и пламени ворвался во дворъ; народъ топорами разрушалъ ворота, полуразрушенныя огнемъ; затѣмъ, по еще горѣвшему костру, перебрались солдаты Латерана и Капитолія, монахи, подобравъ до пояса свои длинныя рясы, кожевники изъ Реголы, мясники изъ Рипетты, кузнецы изъ Транстевере и деревенскіе атлеты-пастухи, въ сопровожденіи рычавшихъ договъ.

Цензіѣ услышалъ, какъ эта живая волна столкнулась съ его вооруженными людьми, какъ молотки и желѣзныя палицы ударили въ каски и кирасы, какъ камни и кирпичи падали сверху на обнаженныя головы, услышалъ хрипъ умирающихъ въ рукопашной схваткѣ... Одну минуту, испуганный тѣмъ, что затѣялъ, онъ началъ колебаться; онъ старался встрѣтиться взглядомъ съ папой; онъ ужъ наклонился, чтобы взывать къ милосердію своего плѣнника, но Григорій VII, закрывъ глаза и скрестивъ руки, не видѣлъ и не слышалъ его больше. Цензіѣ ушелъ медленно, съ опущенной головою, какъ человѣкъ, который идетъ на погибель.

Скоро барьеръ, сдѣланный осажденными, былъ сломанъ, баррикада разобрана, и толпа прогоняла со ступенекъ темной лѣстницы солдатъ барона. Борьба ощупью, тѣло съ тѣломъ, сдѣлалась еще ужаснѣе; гулъ этого сраженья, происходившаго внутри крѣпости, казался еще страшнѣе. Григорій VII понялъ, что приближается неимоვნю страшная катастрофа. Онъ перекрестился и сталъ читать за жертвъ и за себя молитвы по усопшимъ.

Послышался шумъ робкихъ шаговъ по полу кельи, затѣмъ раздались вздохи и подавленные рыданія; папа прекратилъ молитву и оглянулся: передъ нимъ стоялъ мальчикъ, весь въ слезахъ, и съ мольбою простиралъ руки.

Это былъ мальчикъ приблизительно лѣтъ четырнадцати, бѣдно одѣтый, съ нѣжнымъ и гордымъ лицомъ, широкимъ яснымъ лбомъ, окруженнымъ волнами густыхъ черныхъ волосъ; это была настоящая римская голова юноши Гракха; въ его тонкихъ, отчетливо обрисованныхъ, какъ у камня, губахъ было что-то властное; большіе черные, ласковые и ясные глаза напоминали глаза молодой дѣвушки.

— Кто ты и что тебѣ здѣсь надо, сынъ мой?—спросилъ Григорій.—Не въ этой комнатѣ долженъ ты искать спасенья, такъ какъ ангелъ смерти уже стоитъ на ея порогѣ и только медлитъ войти.

— Я Викторіанъ, сынъ Цензія. Моей матери нѣтъ на свѣтѣ. Мой отецъ, я не знаю почему, обращается со мной сурово, никогда меня не ласкаетъ, выгоняетъ меня изъ-за своего стола и оставляетъ одного. Вчера онъ посадилъ меня въ келью рядомъ съ этой

и не велѣлъ выходить, пока онъ не позоветъ меня. По безпорядку въ замкѣ и по крикамъ на улицѣ я понялъ, что происходитъ что-то очень важное, что люди дерутся и умираютъ. Но я не зналъ причины этой рѣзни около нашего дома. Одинъ вооруженный человѣкъ, весь въ крови, съ разбитой головой, пришелъ спрятаться въ мою келью, чтобъ перевязать рану; онъ мнѣ все разсказалъ. И вотъ я пришелъ. Отецъ, отецъ, сжался надо мною и прости мнѣ мою смѣлость! Я еще малъ, слабъ и безоруженъ. Но я не хочу, чтобъ они сдѣлали тебѣ зло, чтобъ они подняли на тебя руку. Въ тотъ вечеръ, когда умерла моя мать, я былъ около ея постели и я еще вижу ея блѣдную фигуру; она склонилась надо мною и прошептала мнѣ на ухо слова, которыхъ я не забылъ. Я обѣщаль всегда остаться вѣрнымъ ея послѣдному желанію. Я обѣщаль сдѣлаться со временемъ рыцаремъ церкви и остаться ея послушнымъ сыномъ. Потомъ она поцѣловала меня въ послѣдній разъ и уснула навѣки. Теперь насталь часъ сдержать мою клятву. Они, быть можетъ, не посмѣютъ тебя убить, если раньше должны будутъ покончить съ сыномъ своего повелителя. А если мольбы не смогутъ тебя защитить, то, быть можетъ, онѣ дадутъ время твоимъ вооруженнымъ друзьямъ добраться до тебя и спасти тебя...

И онъ закончилъ тихо, послѣ минутнаго колебанія:

— Тогда я буду умолять ради него, ради его спасенія...

— Бѣдное дитя! Милый маленький рыцарь церкви! — сказала Григорій VII.—Приди же ко мнѣ и да защититъ Господь и твою и мою слабость своимъ покровомъ.

Викторіанъ съ великимъ уваженіемъ подошелъ къ плѣннику и сѣлъ у его ногъ. Старый папа положилъ руки на голову мальчика и ласкалъ пальцами его шелковистые кудри. Мальчикъ уже не плакалъ. Онъ чувствовалъ себя посвященнымъ своему долгу. На лицѣ его и въ глазахъ появилось гордое выраженіе, и онъ съ героической рѣшимостью смотрѣлъ на дверь кельи.

Теперь боролись уже очень близко, въ узкомъ коридорѣ. Еще нѣсколько минутъ, и нечестіе совершится.

Раздался рѣзкій отрывистый голосъ Цензія. Онъ нѣсколько разъ отдалъ нѣчто въ родѣ военныхъ приказовъ. Вдругъ наступила тишина и, съ размаху отворивъ дверь кельи, баронъ упалъ на колѣни передъ Григоріемъ VII.

Онъ былъ смертельно блѣденъ; въ его глазахъ можно было прочесть ужасъ человѣка, гибнущаго безъ всякой надежды на спасеніе. Его помятая кираса была залита кровью; онъ бросилъ на полъ свой сломанный кинжалъ.

Папа и мальчикъ встали. Григорій уже готовъ былъ произнести проклятіе; Викторіанъ бросился ему на шею и задержалъ анаэму, готовую разразиться надъ головой его побѣжденнаго отца.

— Прости меня,—говорилъ Цензіи:—я здѣсь лежу распростертый и прошу помилованія за мое преступленіе. Я оскорбилъ алтарь и ясли младенца Іисуса; я увелъ изъ церкви тебя, моего епископа и первосвященника; окажи мнѣ милосердіе, наложи на меня наказаніе за мой грѣхъ, защити меня отъ гнѣва твоего народа, защити меня отъ справедливаго суда Божія! Оставь меня при себѣ и дай мнѣ этотъ день для искупленія. Но оставь мнѣ жизнь, чтобъ я могъ очистить мою душу, и, умоляю тебя, усмири бурю, такъ безумно поднятую мною. Я боюсь сатаны и чувствую, какъ его когти уже впиваются въ меня. Я погибъ для вѣчной жизни, если ты не сжалишься надо мною!

Папа стоялъ неподвижно. Онъ не удостоилъ Цензіи взглядомъ; состраданіе не смягчало грустной суровости его лица. Викторіанъ понялъ неумолимое рѣшеніе Григорія VII и когда тотъ уже раскрылъ губы, чтобъ выговорить его, мальчикъ прижался къ груди папы и прошепталъ слова, когда-то раздававшіяся на равнинахъ Галилеи:

— Блаженни милостивые!..

Папа вздрогнулъ; горячая краска залила его лобъ; онъ взглянулъ на преступника, валявшагося въ пыли у его ногъ, и улыбка милосердія скользнула по его губамъ.

За дверью снова началась страшная рукопашная схватка. Во дворѣ встревоженный народъ, думая, что баронъ замышляетъ что-то недоброе, кричалъ, чтобъ плѣнникъ былъ немедленно выданъ.

Григорій VII сѣлъ и сказалъ Цензію:

— Христосъ простилъ своимъ палачамъ, и я, слуга его слугъ, долженъ простить тебя. Пусть твое преступленіе будетъ искуплено кровью нашего Спасителя. Но ты оскорбилъ святую римскую церковь въ моемъ лицѣ и твоя рука дотронулась до дарохранительницы Предвѣчнаго. Ты долженъ это искупить и оплакивать. Ты пойдешь въ Іерусалимъ, одинъ, взявъ котомку и палку пилигрима; ты будешь бить себя въ грудь въ томъ саду, гдѣ страдалъ Богъ, и на Голгоѣ, гдѣ евреи распяли Христа. Потомъ, очищенный отъ грѣховъ, ты вернешься и преклонишься предо мною, какъ вѣрный вассалъ. Что же касается до этого мальчика, твоего сына, то отнынѣ онъ принадлежитъ мнѣ и я его беру. Теперь позови предводителей моего народа, чтобъ я довѣрилъ имъ твою жизнь.

Капитаны Латерана и Капитолія вошли въ келью. Григорій VII передалъ имъ Цензію и, держа за руку мальчика, пошелъ во главѣ процессіи. Когда онъ показался на террасѣ замка съ барономъ, окруженнымъ римлянами, его привѣтствовали шумными восклицаніями радости. Папа сдѣлалъ жестъ, и толпа опустилась на колѣни. Тогда, среди глубокой тишины, указывая на Цензію, онъ сказалъ:

— Этотъ человекъ получилъ отпущеніе грѣховъ и поклялся покаяться. Пусть никто не оскорбитъ его и не ударитъ, когда

онъ выйдетъ сейчасъ изъ этого дома: онъ мой хозяинъ, и я имеемъ церкви отвѣчаю за него передъ Богомъ. Это бѣдный пилигримъ, идущій въ Иерусалимъ, и только. Дайте его соучастникамъ разойтись, забудьте ихъ лица и имена. Подберите вашихъ мертвыхъ и не оплакивайте ихъ, потому что они получили отъ Иисуса Христа вѣнецъ мучениковъ. А меня, дѣти мои, отнесите въ базилику св. Маріи Маджіоре, гдѣ Богъ все еще ждетъ меня у алтаря

Толпа раздалась, чтобы пропустить Цензія, котораго капитаны проводили до Капитолія. Тамъ онъ сѣлъ на коня и въ сопровожденіи своей свиты помчался во весь опоръ къ воротамъ св. Себастіана. Они оставили его на дорогѣ въ Аппію, въ увѣренности, что онъ поѣдетъ до Гаэты, гдѣ сядетъ на первый корабль, отходящій на Востокъ.

Но, какъ только Цензіи остался одинъ, онъ остановился, обернулся въ сторону Рима, долго съ ненавистью смотрѣлъ на далекія башни Латерана и, пустивъ своего коня по равнинѣ, направился, дѣлая много объѣздовъ, по дорогѣ въ Эмилиенну; онъ ѣхалъ весь день и всю ночь, не отдыхая ни минуты. Онъ направлялся уже не къ гробу Спасителя, а къ императору Генриху IV, королю римлянъ, непокорному римскому папѣ.

Между тѣмъ народъ приготовилъ торжественное возвращеніе Григорія VII въ св. Марію Маджіоре; онъ устроилъ нѣчто въ родѣ *sedia gestatoria* изъ древесныхъ вѣтвей и покрылъ ихъ своими верхними одеждами; онъ посадилъ на него папу и укуталъ мѣхами. При заходѣ солнца Григорій VII при радостныхъ крикахъ народа снова отправился тою дорогой, какою его увозили ночью. Викторіанъ, защищаемый отъ гнѣва толпы нѣсколькими молодыми людьми, шелъ шагомъ за папскими носилками. По мѣрѣ того, какъ они подвигались по все болѣе и болѣе темнѣвшимъ улицамъ, въ домахъ, церквахъ, замкахъ, монастыряхъ, наскоро украшенныхъ вѣтвями и коврами, закигали огни. Тогда во всѣхъ рукахъ засверкали восковыя свѣчи, факелы, всѣ заплѣли кантики и медленно, изнеможеннаго волненіемъ, почти потерявшаго сознание, Григорія VII народъ внесъ на головахъ въ его церковь.

Когда онъ показался на площади св. Маріи Маджіоре, священныи коллегіумъ вышелъ изъ базилики и распростерся ницъ у ея дверей. Папа съ трудомъ сошелъ съ носилокъ и зашатался. Но онъ увидалъ внутри освѣщенной церкви большой золотой квадратъ, отдѣланный византійской мозаикой,—алтарь, убранный цвѣтами и прикрытую воздухами чашу; папа выпрямился, поднялъ голову и, слегка опираясь на плечо Викторіана, твердымъ шагомъ вошелъ въ церковь, предшествуемый папскимъ крестомъ и кардиналами, шедшими попарно.

На ступенькахъ клироса церковнослужитель подалъ папѣ воду въ серебряной вазѣ, но онъ не перемѣнилъ папскаго облаченія,

измятаго разбойниками Цензія; въ помятомъ палліумѣ, въ испачканной обуви поднялся онъ на ступеньки алтаря, имѣя все время около себя по правую руку никому неизвѣстнаго мальчика съ кроткими и гордыми глазами. Онъ склонился и нѣсколько минутъ провелъ въ молитвѣ; затѣмъ онъ открылъ чашу и приобщился.

«Такъ,—пишетъ одинъ изъ очевидцевъ,—пропустившись сутки, папа въ эту ночь окончилъ обѣдню, начатую наканунѣ, при первомъ пѣньи пѣтуховъ».

III.

Новая жизнь.

Латеранъ, дворецъ папъ, возвышался въ уединеніи Келіуса, надъ очень высокими съ обѣихъ сторонъ воротъ св. Іоанна стѣнами Рима. Это была крѣпость и въ то же время монастырь, окруженный зубчатыми башнями и остроконечными колокольнями. Изъ галерей, выходившихъ на равнину, открывался видъ на горы Лаціума, Сабинны и Апеннинъ, а съ верху башенъ видны были весь Римъ и море. Отсюда до Колизея, до воротъ Маджіоре и Санъ-Лоренто взору представлялась лишь пустыня, съ нѣсколькими смоковницами или кипарисами, съ полями, покрытыми терновникомъ, между которымъ скользили ящерицы. На склонѣ долины, обращенной къ Санъ-Себастіану и термамъ Каракаллы, вдоль укрѣпленій, тянулись папскіе сады, сады дикіе и густые, зеленѣвшіе по волѣ Бога и солнца. Садовники ихъ покинули одновременно съ выходомъ изъ Тускулума послѣдняго папы.

Въ сопровожденіи огромной толпы народа папа Григорій VII и Викторіанъ вошли ночью въ Латеранъ. Когда массивная дверь заперлась за ними, мальчику стало страшно; ему казалось, что онъ живымъ опустился въ могилу.

На другой день и въ слѣдующіе за тѣмъ дни онъ со старымъ монахомъ, которому его довѣрилъ папа, осмотрѣлъ весь мрачный домъ. Онъ ощупью поднимался по витымъ лѣстницамъ, затеряннымъ въ башняхъ, ходилъ по мрачнымъ коридорамъ, освѣщаемымъ мѣстами блѣднымъ свѣтомъ толстой восковой свѣчи, блуждалъ по большимъ сводчатымъ заламъ, гдѣ шаги раздавались, какъ въ церкви, и мимо дверей келій, грустныя надписи на которыхъ напоминали о тщетѣ жизни и страхѣ Божьяго суда. Часто изъ глубины длиннаго коридора безшумно, увеличиваясь съ каждымъ шагомъ, выступала черная тѣнь монаха съ маленькимъ свѣтильникомъ въ рукахъ, и Викторіанъ весь дрожалъ, какъ будто передъ нимъ предстало ночное привидѣніе.

Въ извѣстные часы однообразный отдаленный гулъ поражалъ его слухъ; это чтеніе положенныхъ каноническихъ псалмовъ неслось изъ моленныхъ и каплицъ Латерана, подобно грустнымъ жа-

лобамъ; гуль этотъ проникалъ изъ залы въ залу, поднимался въ башни и замиралъ у порога холодной кельи, гдѣ сынъ Цензія, по распоряженію Григорія VII, изучалъ священное писаніе.

Его учитель, Эгидій, былъ аскетъ, прошедшій суровую дисциплину Клюни, святой и въ то же время суевѣрный человѣкъ, который жилъ только для того свѣта и въ теченіе своего долгаго пилигримства въ рай думалъ только объ адѣ. Каждый день мальчикъ слушалъ строгую рѣчь этого монаха, изможденное лицо котораго и взглядъ, полный тревоги о будущей жизни, возбуждали въ немъ суевѣрный страхъ. Каждый день онъ слышалъ ужасныя исторіи изъ Ветхаго Завѣта объ изгнаніи Адама и Евы изъ рая огненнымъ мечомъ архангела, о людяхъ, погибшихъ въ великомъ потопѣ, о разрушенномъ Содомѣ, о фараонѣ и его войскѣ, поглощенныхъ Краснымъ моремъ, о вѣчномъ гнѣвѣ Божіемъ, справедливо поражающемъ смертью королей, дѣтей и пророковъ.

Потомъ, понизивъ голосъ и недовѣрчиво оглядывая углы своей комнаты, Эгидій рассказывалъ Викторіану о продѣлкахъ сатаны, жертвами котораго были его братья, священники, и онъ самъ. Одинъ монахъ блуждалъ ночью по лѣсу, далеко отъ своего монастыря и встрѣтилъ молодую дѣвушку съ золотистыми волосами и съ смертоносной улыбкой; онъ послѣдовалъ за нею, а утромъ его нашли на ступенькахъ церкви съ проломленной головой, свернутой шеей и съ проколотымъ кинжаломъ сердцемъ. Другой уснулъ, не окончивъ чтенія своего требника, и ужъ не проснулся больше; его похоронили въ монастырѣ, и въ ту же ночь одинъ братъ, войдя въ капеллу, чтобы позвонить къ службѣ, увидалъ, что изъ могилы выскочила чудовищная фигура и унесла въ своихъ объятіяхъ тѣло покойнаго въ бѣломъ саванѣ; на слѣдующій день аббатъ долженъ былъ сдѣлать заклинаніе пустой могилы, оскверненной сатаной.

Эгидій былъ друженъ съ однимъ римскимъ священникомъ, который осмѣлился служить обѣдню, находясь въ состояніи смертельнаго грѣха; церковный мальчикъ, котораго всѣ видѣли въ первый разъ, стоялъ у подножья алтаря съ дерзкимъ видомъ и не перекрестился и не сталъ на колѣни ни во время Introit, ни во время посвященія; за причащеніемъ онъ бросился на священника и задушилъ его; потомъ онъ исчезъ, а церковь вся дрожала, какъ будто громъ обрушился на колокольную.

За каждый великій грѣхъ, за сладострастіе, гордость, жадность, по мнѣнію Эгидія, человѣкъ подпадалъ власти сатаны; за съѣденный кусокъ дичи монаховъ бросали въ кипящее озеро, гдѣ ихъ раздирали драконы и змѣи; за минутное нарушеніе церковныхъ уставовъ бѣдные бенедиктинцы подвергались жестокимъ мученіямъ сатаны.

Эгидій былъ глубоко увѣренъ въ томъ, что демонъ постоянно блуждаетъ вокругъ Латерана подъ видомъ пилигрима, послушника

или пажа. Когда онъ лично находился въ кортежѣ папы Григорія VII въ Рождественскую ночь, на дорогѣ къ Св. Маріи Маджіоре, онъ очень ясно видѣлъ, что по обѣимъ сторонамъ папскихъ носилокъ выступали изъ тумана какія-то таинственныя тѣни; одна изъ нихъ пыталась погасить фонарь, который онъ несъ, и дыханье этого діавола было похоже на угаръ кузнечной печи.

Старый монахъ, самъ напуганный своимъ рассказомъ, вдругъ умолкъ и съ измѣнившимся лицомъ, пристально и безжалостно смотрѣлъ на сидѣвшаго у его ногъ мальчика. Учитель и ученикъ, едва переводя дыханіе, молча прислушивались къ звуку дождя, бившаго въ стекла кельи, и завыванію зимняго вѣтра въ сводахъ Латерана.

— Значитъ, Богъ не сильнѣе діавола?—спросилъ разъ вечеромъ съ полной чистосердечностью Викторіанъ.

Вопросъ этотъ, очевидно, затрагивалъ какое-нибудь тайное мученье совѣсти монаха. Онъ слегка покраснѣлъ, но не возмутился словами своего ученика. Тихо, таинственнымъ шопотомъ онъ началъ объяснять ему великую войну сатаны съ Богомъ, вѣковой поединокъ, начало и продолженіе котораго предсказали св. Іоаннъ и св. Августинъ. Онъ припомнилъ Апокалипсисъ, всѣ тѣ болѣзненные видѣнія, которыя окружили такой грустной тѣнью колыбель христіанства. Онъ рассказывалъ о конѣ Смерти, цвѣта тумана, и о колодцахъ бездны, въ глубинѣ котораго былъ прикованъ сатана, по увѣренію одного очевидца, который наклонялся надъ этимъ колодцемъ проклятаго архангела.

Самъ Эгидій не сомнѣвался въ томъ, что цѣпь, приковывавшая сатану, вдругъ сломалась лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, во времена папъ Тускулума, теперь антихристъ свободенъ и готовится къ страшному нападенію на церковь Иисуса Христа. Это онъ посадилъ на престолъ святого Петра двухъ или трехъ предшествовавшихъ папъ; это онъ предалъ Льва IX нормандцамъ; это онъ напустилъ толпу разбойниковъ на папу Григорія VII въ ту минуту, когда тотъ несъ тѣло Христово...

При этихъ словахъ Викторіанъ смертельно поблѣднѣлъ. Мрачная теорія его учителя поразила его въ самое сердце. Но монахъ не понялъ чувствъ мальчика. Онъ продолжалъ, повышая голосъ, почти угрожающимъ тономъ:

— Сынъ мой, ты самъ участвуешь въ этой войнѣ. Ты долженъ спасти двѣ души: твою и душу твоего отца. Это такое дѣло, отъ котораго мысли замираютъ и малѣйшей слабостью можно все погубить. Я уже совѣмъ старикъ; я съ дѣтства думалъ лишь о смертномъ часѣ, въ монастырскомъ уединеніи, лишенный всякой человѣческой вѣжности; я молился, постился, плакалъ, не переставая,—и я отчаиваюсь въ моемъ спасеніи; каждую ночь меня пробуждаетъ страхъ Божіей мести и стоитъ мнѣ долгихъ мучительныхъ часовъ. Напрасно я крещу мое тѣло, бью себя въ грудь,

разрываю себѣ спину веригами; напрасно я ложусь на холодныя плиты моей кельи, прижимаю къ моему сердцу священныя реликвиі—никакая жертва, никакая суровость не успокаиваютъ меня, и когда, еще до зари, я, задыхаясь отъ страха, бѣгу къ алтарю, чтобы лобызать его ступени, я вижу моими собственными глазами, при мелькающемъ свѣтѣ лампы, фигуры злыхъ духовъ, которые ходятъ взадъ и впередъ, смотрятъ на меня и шепчуть мнѣ на ухо:

«Ты осужденъ, монахъ, осужденъ, осужденъ!»

— Викторіанъ, пусть никогда ересь не смутитъ твоей совѣсти! Оставайся до послѣдняго твоего дня вѣрнымъ сыномъ церкви и бойцомъ за папскій римскій престолъ. Ты ничего не сдѣлалъ, ничего не достигъ, ничего не искупилъ, если, лежа на смертномъ одрѣ, съ миропомазаніемъ на лбу, услышишь, что подстерегающій тебя сатана шепчетъ слова сомнѣнья и возмущенья и рисуетъ быстрый, какъ молнія, соблазнительный образъ. Тогда, несчастный, ты погибнешь для вѣчной жизни, послѣдними днями старости ты отвѣтишь за все твое дѣтство, проведенное въ нечестивомъ домѣ убійцы, и надъ тобою исполнятся слова священнаго писанія, по которымъ Богъ наказываетъ сыновей и внуковъ за грѣхъ ихъ отца и прадѣда...

Эгидій не слышалъ рыданія и мольбы мальчика. Наступилъ часъ его вечерней службы, и онъ отослалъ его рѣзкимъ жестомъ. Викторіанъ еле дошелъ до своей маленькой кельи и безъ чувствъ упалъ на постель.

На другой день въ немъ созрѣло серьезное рѣшеніе. Онъ пойдетъ къ папѣ, бросится къ его ногамъ и будетъ умолять прекратить это мученіе. Пусть его отдадутъ въ милицію Латерана, пусть заставляютъ исполнять самую унижительную работу; онъ посвятитъ себя бѣднымъ или заключеннымъ, даже прокаженнымъ и зачумленнымъ; онъ готовъ перенести все, все, лишь бы не слышать долгихъ, ужасныхъ проповѣдей Эгидія.

Онъ не видалъ Григорія VII съ Рождественской ночи и не зналъ, какъ пройти въ папскіе апартаменты. Онъ былъ изумленъ жизнью и движеніемъ. Кардиналы, епископы, аббаты, свѣтскіе люди, пажи, военные—такъ и сновали по коридорамъ, лѣстницамъ и дворамъ дворца; у нихъ были серьезныя или вѣстревоженныя лица, озабоченная походка; кое-гдѣ слышались фанатическіе возгласы, собирались таинственныя группы.

Одну минуту Викторіанъ подумалъ, что папа скончался, потомъ по нѣсколькимъ уловленнымъ имъ отрывочнымъ фразамъ подумалъ, что его смѣстили. Говорили объ императорѣ Генрихѣ IV, о духовномъ соборѣ, о религіозной войнѣ и анаемахъ; больной мальчикъ, искавшій покоя, не смѣлъ никого разспрашивать; смущенный волненіемъ въ Латеранѣ, онъ сталъ подниматься по ступенькамъ одной башни, въ надеждѣ найти на верху ея тишину, чистый воздухъ и небо.

Но кто-то уже раньше его поднялся на площадку башни; это было духовное лицо. Увидавъ его, мальчикъ хотѣлъ уйти, но чело-вѣкъ этотъ имѣлъ такой странный видъ, что Викторіанъ съ любопытствомъ остановился.

Духовное лицо стояло къ нему спиной, опершись на перила, и не слыхало, какъ онъ поднялся. Это былъ епископъ, но его бархатная шапочка была такъ потерта, фіолетовая ряса такъ изношена, что мальчикомъ овладѣло какое-то веселое сожалѣніе. Епископъ съ огромнымъ вниманьемъ слѣдилъ за чѣмъ-то въ небѣ. Викторіанъ взглянулъ по направленію его взора и увидалъ стаю дикихъ утокъ, которыя, вѣроятно, летѣли изъ Понгійскихъ болотъ или съ прудовъ. Онѣ летѣли, вытянувъ шею, то прямою, какъ стрѣла, линіею, то длинной спиралью и изрѣдка кричали; вдругъ надъ св. Павломъ онѣ спустились къ землѣ и съ невѣроятной быстротою скрылись въ кустарникахъ на берегу Тибра.

Потерявъ ихъ изъ виду, епископъ обернулся и былъ пріятно удивленъ присутствіемъ застѣнчиваго и улыбающагося незнакомца, костюмъ котораго былъ такъ же поношенъ, какъ и его собственный. Онъ въ послѣдній разъ взглянулъ по направленію, гдѣ скрылись утки, и благословилъ Викторіана. Ледъ былъ сломанъ: мальчикъ подошелъ къ епископу и очень серьезно поклонился ему. Когда онъ назвалъ себя, прелатъ вскрикнулъ отъ радости, поцѣловалъ его и началъ рассказывать свою исторію.

— Мы съ тобою, сынъ мой, самыя оригинальныя существа въ этомъ апостольскомъ собраніи. Единственный чело-вѣкъ здѣсь, который можетъ насъ любить, это папа Григорій VII. И даже онъ немножко подозреваетъ меня въ ереси. Поэтому-то я охотнѣе всего разбираюсь, какъ сегодня, на площадки башенъ: я вижу отсюда прекрасныя дѣла рукъ Божіихъ и не вижу измѣняющихъ мнѣ монаховъ, головъ которыхъ я положительно боюсь.

Его звали Іоакимъ. Онъ былъ епископомъ, но безъ епархіи. На своей родинѣ, въ Ассизѣ, онъ два года управлялъ епархіей. Когда онъ сталъ раздавать сиротамъ, безработнымъ и больнымъ пилигримамъ свои послѣднія деньги, мѣстные дворяне были этимъ очень недовольны; его обвинили въ томъ, что онъ возбуждаетъ бѣдныхъ къ непокорности, а буржуа—къ свободѣ. Тогда онъ былъ арестованъ въ своемъ дворцѣ, гдѣ жилъ съ тремя канониками, такъ какъ не былъ въ состояніи содержать епископскій штатъ. Ему угрожали монастыремъ и постриженіемъ въ монахи на весь остатокъ его дней, если онъ не сдастся. Онъ тотчасъ же самъ отперъ дверь своей башни, вышелъ съ бѣлой тростью въ рукѣ и направился по пыльной дорогѣ къ Риму.

Однажды вечеромъ онъ упалъ къ ногамъ папы Григорія VII, который строго предложилъ ему внимательнѣе относиться въ будущемъ къ своимъ духовнымъ обязанностямъ, затѣмъ крѣпко обнялъ

его. Съ этого дня онъ былъ гостемъ папы и своимъ человѣкомъ въ Латеранѣ. Онъ самъ смотрѣлъ на себя, какъ на отпрыскъ первоначальной церкви, церкви отеческой и бѣдной, святого Григорія Великаго. Его оставляли грезить о тѣхъ временахъ, когда священнослужители были золотые, а престольныя чаши—деревянныя; папа часто совѣтовался съ нимъ въ благотворительныхъ дѣлахъ, но ему было запрещено проповѣдывать даже шопотомъ то, что онъ проповѣдывалъ своимъ прихожанамъ въ Ассизѣ, то есть, что Христосъ не былъ ни графомъ, ни барономъ. что Онъ не имѣлъ ни городовъ, ни селъ, ни укрѣпленныхъ замковъ, ни кораблей, что Онъ не имѣлъ даже камня, чтобъ преклонить голову.

Теперь наступила очередь Викторіана рассказать свои невзгоды. При одномъ имени Эгидія Іоакимъ сдвинулъ брови и всплеснулъ руками. Когда же юноша сталъ говорить о религіозныхъ убѣжденіяхъ монаха, епископъ воскликнулъ громовымъ голосомъ:

— Этотъ человѣкъ солгалъ! Это сумасшедшій или атеистъ. Онъ понимаетъ лишь грознаго Бога евреевъ, онъ никогда не читалъ Евангелія. Значитъ, Христосъ напрасно умеръ на крестѣ и каплю за каплей пролилъ свою искупительную кровь на голову сыновей Адама! Значитъ, искупленіе есть только насмѣшка, и это сатанѣ мы должны воздвигать базилики! Выслушай, сынъ мой, рассказъ, который я самъ слышалъ изъ устъ одного святого монаха въ послѣдніе дни его жизни, когда онъ въ уединеніи, въ Понте-Авельяна, недалеко отъ Ассиза, размышлялъ о божественныхъ тайнахъ:

«Одинъ римскій священникъ однажды ночью имѣлъ очень трогательное видѣніе. Онъ видѣлъ душу одного умершаго нѣсколько дней тому назадъ друга, который сказалъ ему:

«— Встань и слѣдуй за мною.

«Они пошли вдвоемъ къ базиликѣ св. Цециліи. Въ церкви около нѣсколькихъ свободныхъ троновъ находились св. Цецилія, св. Агнеса, св. Агата и много дѣвушекъ-мученицъ. Скоро появилась Дѣва Марія въ сопровожденіи святыхъ Петра и Павла и Давида и съ ними много святыхъ мучениковъ. Дѣва Марія, апостолы и царь Давидъ сѣли на троны. Вдругъ очень бѣдно одѣтая женщина пала ницъ передъ Дѣвой Маріей.

«— Сжался,—сказала она:—патрицій Іоаннъ только что умеръ!

«Три раза повторила она эти слова, но такъ какъ Богородица ничего не отвѣтила, то женщина прибавила:

«— Ты знаешь меня, Царица небесная, я та самая нищенка, которая проситъ милостыни въ портикѣ твоей базилики Маджіоре. Я лежала обнаженная и дрожащая на каменныхъ плитахъ, Іоаннъ шелъ мимо, увидалъ мои страданья и прикрылъ мое тѣло своимъ плащомъ.

«Тогда Богоматерь сказала:

«— Человѣкъ, за котораго ты молишь, имѣлъ на душѣ много грѣховъ и преступленій, но за его великое милосердіе онъ будетъ спасенъ.

«И она приказала патрицію явиться; демоны притащили къ трону Маріи Іоанна, закованнаго въ огненные цѣпи. Марія сдѣлала жестъ, цѣпи упали, и Іоаннъ, принявъ свѣтлый образъ, общался къ лику всеблаженныхъ».

— Это истина, дитя мое,—продолжалъ Іоакимъ:—это утѣшеніе и надежда. Одного дѣла милосердія, слезы раскаянія, порыва любви довольно для того, чтобы очистить душу. Вотъ наша религія, религія христіанъ Умбріи, гдѣ мы видимъ иногда на озерѣ Перузы свѣтлую тѣнь Христа, какою еѣ видѣли когда-то апостолы на берегу моря Галилейскаго. Если когда-либо чей-либо голосъ будетъ проповѣдывать эту вѣру первыхъ дней, то этотъ голосъ раздастся въ моей скромной родинѣ. Онъ раздастся громче, чѣмъ крики монаховъ, громче, чѣмъ папская рѣчь въ Латеранѣ, и міръ, слушая его, содрогнется, думая, что пришло новое искупленіе... Но сейчасъ важнѣе всего отнять тебя у Эгидія. Иди за мною.

И, взявъ мальчика за руку, онъ торопливо спустился по узкой лѣстницѣ башни.

Дорогой онъ разсказалъ Викторіану важныя событія послѣднихъ дней. Такъ давно уже завязавшаяся между папой и императоромъ борьба о верховной власти христіанства вдругъ пришла къ рѣшительной развязкѣ. Императоръ Генрихъ IV, предсѣдательствуя въ Вормсѣ на духовномъ германскомъ совѣтѣ, только что свергъ Григорія VII, какъ лже-папу, лже-монаха, папу-еретика и нечестивца. Германскіе епископы дали письменное обѣщаніе смотрѣть на Григорія VII, какъ на лже-папу, и отказывать ему въ каноническомъ послушаніи: Ломбардская церковь, лишенная главы вслѣдствіе сверженія папы, рѣшила на соборѣ въ Павіи также не признавать Григорія VII. Такимъ образомъ цѣльная папская туника во второй разъ разрывалась. Всемирная церковь колебалась, какъ дерево, главные корни котораго одинъ за другимъ подрублены топоромъ.

Въ данную минуту Григорій VII въ церкви св. Спасителя въ Латеранѣ собралъ римскій совѣтъ изъ кардиналовъ и епископовъ цѣлой половины Италіи. Императорскій посланецъ, простой каноникъ пармской церкви, сегодня же долженъ привезти отцамъ Латерана актъ сверженія Гильдебранда.

— Столько горя и такая жестокая война,—шепталъ епископъ ассизскій,—только потому, что они забыли одну строчку Евангелія: «Царство мое не отъ міра сего»!

Но, въ своей апостольской простотѣ, Іоакимъ надѣялся, что даже въ этотъ трудный часъ папа найдетъ минуту подумать о душѣ мальчика и успокоить его.

Они вошли въ церковь въ торжественную минуту. Императорскій посланецъ, стоя передъ папой, окруженнымъ всей священной коллегіей, произносилъ эдиктъ Генриха IV:

— Владыка! король приказываетъ тебѣ немедленно оставить римскую церковь и престолъ апостола Петра.

Затѣмъ, обернувшись въ сторону римскаго духовенства, онъ прибавилъ:

— А вы, братья мои, приглашаетесь въ Пятидесятницу, въ присутствіи короля, принять новаго папу, потому что этотъ папа признанъ не папой, а дикимъ волкомъ.

Григорій VII не шевельнулся. Но отцы быстро встали, и изъ ихъ устъ полились угрожающія слова. Епископъ Порто воскликнулъ:

— Схватить этого нечестивца!

Испуганный пармскій каноникъ бросился къ подножью алтаря. Милиція префекта съ саблями наголо вошла въ ризницу и арестовала посланца. Григорій VII велѣлъ посадить его въ римскую тюрьму.

Долго задерживаемые цѣлой толпой монаховъ, сошедшихся въ храмъ, Иоакимъ и мальчикъ наконецъ проникли къ скамьямъ засѣдающихъ и имъ удалось стать близко отъ папы.

Григорій VII всталъ и среди мгновенно воцарившейся тишины дрожащимъ голосомъ произнесъ анаѹему императору... Во имя Отца и Сына и Святаго Духа онъ отрѣшалъ Генриха IV отъ императорской власти, воспрещаль ему управление тевтонскимъ королевствомъ и феодальное первенство въ Италіи. Онъ освобождалъ всѣхъ христіанъ отъ присяги въ вѣрности преступному королю, объявлялъ его непокорнымъ, еретикомъ и отлучалъ отъ церкви.

Въ эту минуту надъ его ухомъ раздался голосъ:

— Великое дѣло низвергнуть императора и поколебать христіанство, но еще болѣе великое дѣло успокоить совѣсть. Сжальтесь надъ вашимъ Викторіаномъ, котораго его учитель Эгидій отнимаетъ у Бога и отдаетъ сатанѣ!

Григорій VII полуобернулся. Онъ долго смотрѣлъ на двухъ просителей: на растеряннаго мальчика съ страдающимъ лицомъ и раздраженнаго епископа, прижимавшаго его къ себѣ. Тогда онъ вспомнилъ ту трагическую ночь, когда онъ самъ прижималъ голову Викторіана къ своей груди. Онъ понялъ драму, на которую намекалъ Иоакимъ, и милосердіе, котораго тотъ ожидалъ отъ его справедливости. Лучъ кротости озарилъ его лицо.

— Это хорошо, — сказалъ онъ. — Возьмите его, другъ мой, и да проститъ меня Богъ. Къ тому же Эгидій сегодня утромъ надолго покинулъ Римъ. Я послалъ его къ епископамъ Саксоніи, которые помогутъ мнѣ вернуть Германію Иисусу Христу. Я, Иоакимъ, по-

груженъ въ ровъ львиный. Вы, съ вашими мечтами о первобытной церкви, счастливиѣ меня; это были мои мечты въ молодомъ монашескомъ возрастѣ, но дѣйствительность ихъ разсѣяла. Я отдаю вамъ Викторіана; распространите на этого мальчика млеко и медь вашего милосердія.

Іоакимъ склонился къ рукѣ первосвященника. Потомъ онъ сталъ пробираться вмѣстѣ со своимъ воспитанникомъ къ выходу изъ церкви.

Въ эту минуту кардиналъ-архидіаконъ, стоя передъ аналоемъ, читалъ очень громкимъ голосомъ *Dictatus papae*—теократическую хартію папы Григорія VII. Отрывки этого прекраснѣйшаго манифеста, какой былъ когда-либо составленъ человѣкомъ для того, чтобы изобразить власть Бога надъ человѣчествомъ, разносились по церкви надъ гуломъ толпы; тогда старый епископъ останавливался, прислушивался, затѣмъ снова пробирался среди монаховъ, неподвижно, въ нѣмомъ восторгѣ слушавшихъ эти слова папы, читаемыя кардиналомъ:

«Въ мірѣ есть единственное слово, и слово это—папа.

«Всѣ князья міра должны цѣловать ноги одному лишь папѣ.

«Онъ имѣетъ право свергать императоровъ.

«Постановленіе папы никѣмъ не можетъ быть нарушено; онъ одинъ можетъ нарушать всѣ постановленія.

«Папу не можетъ судить никто.

«По его приказанію и съ его разрѣшенія подданные могутъ судить королей.

«Папа можетъ освободить подданныхъ отъ присяги въ вѣрности».

Когда епископъ и Викторіанъ вышли изъ Латерана, Іоакимъ вздохнулъ съ облегченьемъ.

Противъ базилики св. Іоанна, вдоль позлащенныхъ вѣками стѣнъ, до маленькой церкви св. Креста Іерусалимскаго разстилась цвѣтущая Кампанья Рима. Были послѣдніе дни февраля. Уже показалась трава, и на вѣтвяхъ тутовыхъ деревьевъ появилась нѣжная зеленая листва. На всемъ игралъ блѣдный свѣтъ весенняго солнца. Высокія рѣдкія сосны у воротъ св. Іоанна, колеблемыя легкимъ вѣтромъ, какъ бы перешептывались между собою. Мозаика временъ папы Льва III, которою отдѣлана была стѣна *Scala Santa*, вся сверкала и казалась помолодѣвшей. Прохожіе видѣлись подъ деревьями и у развалинъ. Легкія облака плыли по лазури, и серебристый тонъ неба придавалъ какую-то особенную прелесть мрачности стараго Рима.

Епископъ и его воспитанникъ безопасно шли по одной изъ многочисленныхъ тропинокъ къ базиликѣ св. Маріи Маджіоре. Изумрудно-зеленыя ящерицы съ невѣроятной быстротою скользили по обломкамъ храмовъ или бросались въ потоки, разогрѣтые

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Растовѣ-на-Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовья и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

НОЯБРЬ, 1907 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

НОЯБРЬ, 1907 г.

ОТРАБ.

I. Окровавленный тронъ. Историческій романъ изъ эпохи императора Павла Перваго. LXXXIV—XCVI. (Продолженіе). Н. А. Энгельгардта	369
II. Записки репортера. XLVII—LII. (Продолженіе). Александра Чехова (А. Сьдого)	408
III. Петербургскій Монтекристо. Историческій разсказъ. I—X. В. Авсеенко	433
IV. Изъ воспоминаній 1859—1861 годовъ. III—IV. Ф. А. П—ва	462
V. Одинокій. (Разсказъ). Книгини М. В. Волконской	487
VI. Въ Чортовомъ гнѣздѣ. (Разсказъ изъ жизни русскихъ пионеровъ въ Манчжуріи). I—II. С. Н. Браиловскаго	498
VII. Тринадцатый поросенокъ. (Изъ дневника чиновника особыхъ порученій). I—VIII. Г. Н. Анненкова	528
VIII. Народный театръ. (Изъ скитаній по провинціи). Н. Беккаревича	542
IX. Въ дебряхъ Литвы. (Впечатлѣнія поѣздки по дѣламъ мелкаго кредита). К. I. Храчевича	570
X. М. Е. Салтыковъ въ Вяткѣ. (1848—1856). В. А. Алексѣева	600
XI. Маланьина свадьба. (Историческій ребусъ). Т. А. Мартемьянова	610
XII. Къ біографіи П. Я. Чаадаева. В. Рудакова	623
XIII. По рѣкамъ Вологдѣ, Сухонѣ и Сѣверной Двинѣ. (Посвящается Михаилу Михайловичу Пузыревскому). I—IX. А. И. Фирсова	629
иллюстраціи: 1) Епархіальное древлехранилище.—2) Домикъ Петра Великаго въ Вологдѣ.—3) Вологда. Спасовсѣградскій обывденный соборъ и храмъ Николая Чудотворца.—4) Угловая башня архіерейскаго дома въ Вологдѣ.—5) Рѣка Вологда у городской пристани.—6) Пароходъ «Преподобный Зосима». —7) Устье славяной рѣки близъ Вологды.—8) Рѣка Сухона.—9) Дѣдовская Троицкая пустынь.	
XIV. Критика и бібліографія	653

1) Скворцовъ, И. В. Русская исторія для старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній и самообразованія. Спб. 1907. Катаевъ, И. Учебникъ русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Вып. I. М. 1907. Коваленскій, М. Русская исторія (для средней школы). Ч. I вып. I, съ 3 картами и 90 рисунками въ текстѣ. М. 1907. м. н.—ва.—2) Платоновъ, С. Ф. Лекціи по русской исторіи. Изданіе 5. Спб. 1907. м. н.—3) Труды владимирской ученой архивной комиссіи. Книга VIII. Губ. гор. Владимиръ. 1906. В. Руданова.—4) Старина и Новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III. Книга 12. М. 1907. А. Б.—5) П. Кропоткинъ. Идеалы и дѣятельность въ русской литературѣ. Изданіе Т-ва «Знаніе». Спб. 1907. А. Фомина.—6) «Старые Годы». Ежемѣсячникъ для любителей искусства и старины. 1907 январь—сентябрь. А. и. Яцимирскаго.—7) Н. Жерве. Кадетскіе, юнкерскіе и офицерскіе годы С. Я. Надсона. Спб. 1907. А. Ф.—на.—8) Н. П. Дихачевъ. Манера письма Андрея Рублева. Спб. 1907. А. и. Яцимирскаго.—9) Собраніе сочиненій кн. Сергѣя Николаевича Трубецкаго. Томъ I. Публицистическія статьи, напечатанныя съ 1896 г. по 1905 г. включительно.

(См. слѣд. стран.).

1907 г. и. г.—10) Луи Эригье. История французской революции 1848 года и второй республики. Спб. 1907. п. Б.—11) Томас Карлейль. Французская революция. История. Спб. 1907 г. а. Б—лова.—12) А. Маленъ. Латинскій церковный языкъ. Сергиевъ Посадъ. 1907. —р.—13) Н. С. Карцовъ. Записки по педагогической психологiи. Для родителей и учащихся, начинающихъ заниматься вопросами воспитанiя. Съ приложенiемъ общихъ основъ дошкольнаго обученiя. Указанiя соответствующей литературы. Спб. 1907. в. Р—ва.—14) Путникъ (Н. Лендеръ) «Потрясенная Россiя». Картины русской революцiи. Изданiе А. С. Суворина. Спб. 1907 г. ф. ф.—15) Сборникъ матеріаловъ для описанiя мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. 37-й. Тифлисъ 1907. дм. Зеленина.—16) В. В. Крапнскій. Община и кооперация. Очерки по исторiи крестьянскаго хозяйства въ Западной Европѣ и Россiи. Спб. 1907. н. х.—17) Записки восточнаго отдѣленiя императорскаго русскаго археологическаго общества, издаваемые подъ редакцiю управляющаго отдѣленiемъ барона В. Р. Розена. Томъ XVII. Выпускъ IV (последнiй) съ приложенiемъ двухъ таблицъ. Спб. 1907. а. Миронова.—18) Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ Владимирской губерни. Съ указанiемъ важнѣйшихъ документовъ, находящихся въ дѣлахъ о дворянствѣ разныхъ фамилiй архива владимирскаго дворянскаго депутатскаго собранiя. Составилъ секретарь М. И. Трегубовъ, подъ редакцiю и съ предисловіемъ А. В. Селиванова. Владимиръ. губ., 1906. Приложение IV къ кн. VIII Трудовъ владимирской ученой архивной комисси. в. Р—ва.—19) П. Котларевскій. Старинные портреты. Спб. 1907. а. ф.—20) Д. Д. Языковъ. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ. Десятый выпускъ. М. 1907. п. д.—21) Историческая записка объ управленiи Кавказомъ. Т. I и II. Составилъ редакторъ военно-историческаго отдѣла окружнаго штаба Семень Эсадзе. Тифлисъ. 1907. а. Хак—ова.—22) Краткое описанiе рукописей церковно-историческаго древлехраннiща при братствѣ св. бл. вел. кн. Александра Невскаго. Выпускъ I. Владимиръ. 1906. Приложение II къ кн. VIII Трудовъ владимирской ученой архивной комисси. в. Р—ва.—23) Dr. Konstanty Wojciechowski. Zwiazly podrecznik historii literatury polskiej. Wydanie drugie przerobione. Львовъ. 1906. а. я.

XV. Заграничныя историческія новости и мелочи 687

1) Археологическія раскопки въ Египтѣ.—2) Кое-что о Шекспирѣ.—3) Наполеонiана.—4) Столѣтіе уничтоженiя крѣпостничества въ Германiи.—5) Воспомяванiя г-жи Аданъ.—6) Голландскій классическій авторъ.—7) Египетскій хедивъ Аббасъ-Хильми.—8) Отовсюду.

XVI. Изъ жизни археологическихъ учреждений. А. Миронова. 714

XVII. Смѣсь 722

1) Открытіе археологическаго института. — 2) Въ русскомъ военно-историческомъ обществѣ. — 3) Суворовскія торжества въ Очаковѣ.—4) Присужденіе уваровскихъ премiй. — 5) Въ обществѣ дѣателей періодической печати и литературы въ Москвѣ.—6) Общество военной, морской и сельской техники. — 7) Праздникъ просвѣщенiя въ столицѣ Кавказа. — 8) Въ лицѣ обновленiя флота. — 9) Открытіе школы имени Гляба Ив. Успенскаго.—10) 25-лѣтній юбилей Прибалтійскаго братства. — 11) 35-лѣтній юбилей В. А. Латышева.—12) 25-лѣтній юбилей А. Н. Острогорскаго.—13) 25-лѣтній юбилей А. Е. Сердобинской.—14) Бумаги Шлиссельбурга.—15) 100-лѣтіе Собственной Его Величества канцелярiи.—16) Къ открытію памятника Н. В. Гоголя въ Москвѣ.—17) Подписка на памятникъ Лермонтову.

XVIII. Некрологи 739

1) Бебутовъ, К. А.—2) Ваксель, А. Л.—3) Грингмутъ, В. А. — 4) Золотовъ, С. И.—5) Карцовъ, А. И.—6) Лаврецкiй, Н. А.—7) Ярцевъ, А. А.

XIX. Замѣтки и поправки 746

1) По поводѣ статьи г. Горева «Мертвый герой». Н. Назарина.—2) Нѣсколько строкъ въ биографію А. П. Чехова. Павла Россiева. — 3) По поводѣ 25-лѣтняго юбилей геологическаго комитета. Мар. Вас. Ерофѣевой.

ПРИЛОЖЕНIЯ: 1) Портретъ Салтыкова. — 2) Вокругъ тiары. Историческій романъ Эмиля Гебгарта, члена французской академiи, переводъ съ французскаго Ек. Уманецъ. IV—VI.

МИХАИЛЬ ЕВГРАФОВИЧЪ САЛТЫКОВЪ.

ОКРОВАВЛЕННЫЙ ТРОНЪ ¹⁾.

Историческій романъ изъ эпохи императора Павла I.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

César.

Que peux-tu donc haïr en moi?

Brutus.

La tyrannie.

Voltaire. La mort de César.

Acte III. Scène IV.

(Цезарь: Что же тебѣ можетъ быть ненавистно во мнѣ?)

Брутъ: Самовластіе.

Вольтеръ: Смерть Цезаря).

LXXXIV.

Иды марта.

АЧАЛО марта 1801 года отличалось суровой погодой. Все время дулъ сѣверо-восточный вѣтеръ. Въ предшествовавшія оттепели снѣжный настъ оттаялъ и затѣмъ обледенѣлъ. Трудно стало ходить по скользкимъ улицамъ. Небо заволакивали клубящіяся тучи. Воздухъ былъ полонъ ѣдкимъ, желтоватымъ туманомъ. Казалось, природа соотвѣтствовала тому состоянію мрачнаго ужаса, подавленности и ожиданія какихъ-то страшныхъ событій, въ которомъ пребывали всѣ петербуржцы, прятавшіеся въ домахъ своихъ. Не прекращались слухи объ арестахъ, высылкахъ; тюрьмы и крѣпость были переполнены.

Страшная тайная канцелярія неутомимо работала, день и ночь подвергая допрашиваемыхъ «неустаннымъ увѣщеваніямъ». Люди,

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХ стр. 5.

вышедшіе по крайней нуждѣ изъ дому, не возвращались и безслѣдно исчезали. Хотя императоръ не показывался больше на улицахъ столицы, но хватали тѣхъ, кто не снималъ шапку, проходя или проѣзжая мимо дворца. Въ зловѣщей тишинѣ росли и ширились слухи и передавались самые невѣроятные рассказы. Говорили, что жена содержателя извѣстной гостиницы, госпожа Демуть, была за непочтительность къ заиндивѣлымъ краснымъ стѣнамъ Михайловскаго замка посажена на три недѣли въ смиренный домъ щипать смоляной канатъ, вмѣстѣ съ непотребными, содержавшимися тамъ, женщинами. И всѣ дамы трепетали, что не сегодня — завтра съ каждой изъ нихъ можетъ приключиться такая же неприятность. Попрежнему въ часы приѣма просители всѣхъ чиновъ и состояній осаждали военнаго губернатора графа Палена, справляясь объ участи отцовъ, мужей, братьевъ, сыновей, рыдали женщины, бросаясь къ ногамъ графа, сидѣвшаго у знакомаго воцанаго столика съ огромнымъ графиномъ и всѣхъ встрѣчавшаго неизмѣннымъ восклицаніемъ:

— Вотъ такъ исторія! Хотите стаканъ лафита?.. Очередь дошла до васъ. Завтра она дойдетъ и до меня.

И всѣ соглашались съ этимъ.

Дворъ, залертыи въ Михайловскомъ замкѣ, охранявшемся на подобіе средневѣковой крѣпости въ валахъ бруствера, въ облицованныхъ гранитомъ каналахъ съ подъемными мостами, влачилъ томительно скучное и однообразное существованіе. Строжайше соблюдался въ замкѣ уставъ крѣпости, находящейся въ осадѣ, и поэтому каждый шагъ обитателей замка подвергнуть былъ суровой регламентаціи. Какъ мы сказали, императоръ уже не выѣзжалъ, какъ онъ это дѣлалъ прежде ежедневно, на прогулку верхомъ по столицѣ. Съ семьей своей онъ только встрѣчался на церемоніяхъ и за столомъ, при чемъ соблюденіе тягостнаго этикета удручалось неизмѣнно раздражительнымъ состояніемъ государя, отворачивавшагося отъ супруги и сыновей или хохотавшаго имъ въ лицо съ жестами буффона. Болѣзнь принца Евгенія Вюртембергскаго, которая мѣшала посѣщенію имъ двора, много способствовала мрачному расположенію императора, постоянно повторявшаго два стиха изъ Вольтеровой «Меропы»:

Quoil partout sous mes pas le sort creuse un abime!
Je vois autour de moi le danger et le crime! ¹⁾

Попытки императрицы и придворныхъ разсѣять мрачныя подозрѣнія государя вели къ вспышкамъ слѣпота гнѣва. Въ ихъ молчаніи чуялось ему злорадство и злоумышленіе. Часы отдохновенія

¹⁾ И на всякомъ-то шагу судьба толкаетъ меня въ бездну! Я вижу вокругъ себя опасность и преступленіе!

онъ проводилъ въ покояхъ княгини Гагариной, въ обществѣ фаворитки, разстроенное воображеніе которой гармонировало съ его мятущимся духомъ, графа Кутайсова, какого-то французскаго актера, декламировавшаго передъ ними отрывки изъ трагедій, и декоратора Гонзаго, плѣнившаго государя своими декораціями развалинъ Аѳинъ въ послѣднемъ балетѣ, и съ которымъ Павелъ обсуждалъ сооруженіе такихъ же декорацій вокругъ Лѣтняго сада, но только изъ камня, съ посадкой растений. Верховныя прогулки императора ограничивались теперь такъ называвшимся третьимъ Лѣтнимъ садомъ, куда, кромѣ самого императора, императрицы, ближайшихъ лицъ свиты и берейторовъ, никто не допускался. Аллеи этого парка или сада постоянно очищались отъ снѣга и по замерзлой землѣ посыпались пескомъ для зимнихъ прогулокъ верхомъ. Обычными спутниками императорской четы были шталмейстеръ Мухановъ, одинъ изъ немногихъ лицъ, пользовавшихся глубочайшимъ и неизмѣннымъ уваженіемъ Павла Петровича, и довѣренный флигель-адъютантъ императора Аргамановъ, который одинъ въ цѣломъ замкѣ завѣдывалъ спускомъ и подъемомъ мостовъ и пѣшеходныхъ мостиковъ, зналъ всѣ потайныя лѣстницы, двери, ходы и переходы и могъ входить въ покои государя во всякое время дня и ночи. Но нѣсколько уже дней суровая, вѣтряная погода препятствовала участію императрицы въ ежедневныхъ верховыхъ прогулкахъ. Государь катался одинъ, несмотря ни на какія противодѣйствія стихій.

Шестого марта къ вечеру внезапно вѣтеръ перемѣнился, и сдѣлалась оттепель. вмѣстѣ съ тѣмъ сырой, расслабляющій туманъ повисъ надъ замкомъ, окутывая кусты и деревья, съ голыхъ черныхъ вѣтвей которыхъ падали крупныя капли влаги. Отъ оттепели аллеи парка стали скользки, несмотря даже на песокъ, такъ какъ его смыло съ выпуклой поверхности мерзлой земли, все-таки противопологавшей копыту всю свою жесткость. Луна въ видѣ большого красноватаго круга въ желтоватомъ ореолѣ смотрѣла сквозь туманъ. Бурный вѣтеръ порывами налеталъ. Но онъ лишь волновалъ туманъ, не прогоняя его, отчего все принимало призрачный, странный видъ. Въ этотъ день императоръ былъ необычно въ духѣ и подъ вечеръ особенно весело разговаривалъ, шутилъ и смѣялся съ шталмейстеромъ Мухановымъ. Наконецъ, взглянувъ въ окно на таинственную картину туманной луны, темныхъ деревьевъ и перспективъ, онъ выразилъ желаніе совершить верховую прогулку въ Лѣтнемъ саду.

— Только *incognito*, Мухановъ! Слышишь ли? Непремѣнно *incognito*!

— Какъ угодно вашему величеству, — отвѣчалъ Мухановъ, зная, что «*incognito*» означаетъ простой сюртукъ вмѣсто мундира. — Хотя, мнѣ кажется, время выбрано для прогулки не совсѣмъ удачно.

Туманная погода затемняетъ блескъ луны и въ аллеяхъ будетъ сумрачно да и скользко!

— Ты совершенно правъ, Мухановъ,—отвѣчалъ императоръ:— но мнѣ хочется промяться. А когда я посмотрѣлъ въ окно, мнѣ кивнулъ головой мой старый другъ, словно вызывая меня!

И государь со странной улыбкой указалъ на конную статую Петра Великаго, гигантская фигура котораго среди «коннетабля» замка въ туманѣ принимала размѣры еще грандіознѣе и, казалось, двигалась.

— Металлическая консистенція вашего прадѣда и его коня можетъ выносить какую угодно погоду,—сказалъ Мухановъ:—но вамъ, его правнуку изъ костей и плоти, должно беречься сырыхъ мартовскихъ испареній.

— О, милый другъ, не этихъ испареній должно мнѣ беречься, а чего-то другого!—загадочно отвѣчалъ императоръ.—Взгляни въ это зеркало! Видишь? У меня лицо покривило на сторону. Когда уже дошло до этого, пора укладывать свои мѣшки въ дорогу!

— Но, государь, я знаю это скверное зеркало. Оно одно въ замкѣ искажаетъ отраженіе. На самомъ дѣлѣ лицо ваше таково же, какъ и всегда.

— Ты добрый, честный слуга, Мухановъ! Но у тебя нѣтъ чутя. Посмотри на Шпица! Какими печальными глазами онъ на насъ смотритъ? Шпицъ, ты понимаешь, что грозитъ твоему хозяину? Да?

Маленькая, бѣлая, любимая собачка императора Шпицъ, жалобно заскуливъ, подошла къ двери и стала царапать ее.

— Вотъ и Шпицъ захотѣлъ гулять! Идемъ, Мухановъ! Прикажи подать лошадей. Сейчасъ, прадѣдушка, сейчасъ!—кивая въ окно головой монументу, говорилъ въ странномъ возбужденіи Павелъ.

Такъ какъ выѣздъ императора былъ incognito, лошадей подали къ маленькой двери. Отъ нея узкая потайная лѣстница прямо вела въ покой, смежный съ прихожей передъ кабинетомъ-спальней императора. Флигель-адъютантъ Аргамаковъ не долженъ былъ сопровождать государя, но лишь распорядиться спускомъ мостика, собственно нѣшеходнаго, но по которому можно было проѣхать и всадникамъ, слѣдуя другъ за другомъ гуськомъ, въ Лѣтній садъ.

LXXXV.

Странный спутникъ.

Луна поднялась настолько высоко, что нелела тумана, окутывавшая городъ, захватывала ее ликъ лишь рѣдкими, взволнованными порывистымъ вѣтромъ волокнами. Облачные клубы, наполнявшіе небо, въ эту минуту не закрывали свѣтила и проходили

выше его, благодаря чему въ аллеяхъ подъ старыми липами и кленами Лѣтняго сада разлилось сіяніе и отъ стволовъ легли густыя, черныя тѣни. Въ то же время туманъ двигался волнами отъ Невы, цѣпляясь за стволы и купы кустовъ, и затѣмъ молочнымъ моремъ окружалъ красноватую съ освѣщенныхъ сторонъ груду камней Михайловскаго замка. Казалось, толпы призраковъ шли на приступъ мрачной крѣпости. Императоръ шагомъ ѣхалъ по аллеѣ. Рядомъ съ нимъ Мухановъ. Одинъ изъ берейторовъ ѣхалъ впереди, а другой—сзади, оба на такомъ разстояніи, чтобы имъ было невозможно слышать бесѣду государя съ его спутникомъ. Шагъ лошадей звонко отдавался на мерзломъ грунтѣ. Множество воронъ и галокъ обычно ночевало въ саду на деревьяхъ. Встревоженные, птицы стали съ шумомъ подниматься и съ крикомъ носиться надъ вершинами. Затѣмъ онѣ успокоились и вновь посѣли на вѣтви, съ которыхъ звонко падали капли скопившейся влаги. Въ насыщенномъ испареніями воздухѣ было разлито что-то нездоровое, раздражающее и расслабляющее. Фантастическая обстановка, странное смѣшеніе свѣта и тѣней, голые, черные скелеты деревьевъ, волны тумана, проходившаго на лунномъ сіяніи полупрозрачными призраками, а дальше молочнымъ моремъ заволакивавшего Марсово поле и все пространство вокругъ замка, самъ этотъ замокъ, все настраивало воображеніе на необыкновенное. Павелъ вдругъ остановилъ свою лошадь и, обернувшись къ шталмейстеру Муханову, сказалъ сильно взволнованнымъ голосомъ:

— Мнѣ показалось, что я задыхаюсь, и у меня не хватаетъ воздуха, чтобы дышать. Я чувствовалъ, что умираю...

— Государь, это, вѣроятно, дѣйствіе оттепели,—отвѣчалъ Мухановъ.—Я уже имѣлъ смѣлость докладывать вашему величеству, что время для прогулки выбрано неудачно.

— Неудачно?—переспросилъ Павелъ.

— Вредныя испаренія наполняютъ воздухъ и могутъ породить воспалительное состояніе внутреннихъ жидкостей организма. Въ такіе часы лучше укрываться отъ стихій въ тепломъ, хорошо пропленномъ помѣщеніи.

— Я задыхался,—сипло повторилъ Павелъ.—Мнѣ не хватало воздуха. Развѣ они хотятъ задушить меня? Развѣ они хотятъ задушить меня?—дико косясь на лѣвую отъ себя сторону, повторялъ императоръ, обычно желто-блѣдное лицо котораго, искаженное судорогой, при фантастическомъ лунномъ освѣщеніи казалось мѣловымъ.

— Государь, вернемтесь въ замокъ,—просилъ встревоженный Мухановъ.

— Нѣтъ, Мухановъ, нѣтъ! Ты честный человѣкъ! Ты вѣрный слуга! Но ты простодушенъ. Ты не знаешь, что небо, земля и самый адъ принимаютъ участіе въ судьбахъ насъ, царей! О, ты

не знаешь всего ужаса, который окружаетъ насъ, царей! Они хотятъ меня задушить. Но объ этомъ лучше знаетъ и скажетъ мнѣ странный спутникъ нашъ слѣва.

— Слева отъ васъ тѣнь, государь,—сказалъ Мухановъ.—Что же она вамъ можетъ сказать?

— Тѣнь!—вскричалъ императоръ, хватая руку Муханова.—И ты видишь тѣнь?

— Я вижу тѣнь, падающую отъ васъ и вашей лошади на обледенѣлый скатъ засыпанной снѣгомъ живой изгороди, и больше ничего. Объ этой тѣни я и говорю.

— А! объ этой тѣни? А больше ты ничего не видишь?

— Ничего, государь.

— И ты не слышишь тяжелой поступи его коня, какъ будто камень ударяется о камень?

— О чемъ вы говорите, государь? Я не понимаю васъ!—изумился шталмейстеръ.

— Говорю тебѣ, Мухановъ, мы имѣемъ страннаго спутника!

— Какого спутника?—опять спросилъ Мухановъ.

— Вотъ того, который ѣдетъ у меня слева и который, какъ мнѣ кажется, производитъ достаточный шумъ.

Мухановъ въ изумленіи раскрывалъ глаза и увѣрялъ государя, что никого нѣтъ съ лѣвой стороны.

— Какъ? ты не видишь высокаго и худого человѣка, завернутаго въ плащъ, вродѣ испанскаго, и въ военной, надвинутой на глаза шляпѣ, ѣдущаго на ворономъ конѣ съ лѣвой стороны вотъ между этой грудой обледенѣлаго снѣга, сброшеннаго съ аллеи, и мною?

— Ваше величество сами соприкасаетесь съ снѣжной стѣнной аллеи, и нѣтъ мѣста для другого всадника между вами и ею.

— Дѣйствительно, я чувствую снѣгъ, я его касаюсь,—протянувъ руку и пощупавъ обледенѣлый скатъ, сказалъ Павелъ.—Но все-таки клянусь спасеніемъ моей души и всѣмъ священнымъ на землѣ и на небѣ, что странный спутникъ нашъ тутъ и продолжаетъ ѣхать со мною въ ногу. И шаги его коня попрежнему издають звукъ, подобный удару молота. Посмотри! Шпиць поднялъ шерсть на спинѣ, визжитъ и жметъ къ ногамъ моего коня! Посмотри, вороны вновь стали подниматься съ деревьевъ, метаться и каркать! О, какимъ ледянымъ дыханіемъ вѣетъ отъ него! Дрожь охватываетъ меня всего! Какъ только мы сѣли на коней у замка, онъ съ грохотомъ, маршъ-маршемъ, выѣхалъ изъ-за угла, проскакалъ по спущенному мостику, такъ что онъ весь заходилъ, погнулся и завизжалъ во всѣхъ склепахъ! Неужели ты и тогда ничего не видѣлъ и не слышалъ, Мухановъ?

— Ничего подобнаго, государь. Я слышалъ только грохотъ цѣпей при спусканіи мостика и, кромѣ того, съ крыши замка и

въ водосточной трубѣ обрушился подтаявшій ледъ капли съ обычнымъ въ такомъ случаѣ шумомъ. Лунный свѣтъ и движеніе тумана обманываютъ зрѣніе ваше, а воспаленныя зловредными испареніями жидкости вашего организма способствуютъ появленію фантастическихъ образовъ въ воображеніи вашего величества.

Императоръ не отвѣчалъ ни слова. Они ѣхали нѣсколько времени молча. Императоръ все внимательно вглядывался въ лѣвую сторону. Онъ видѣлъ страннаго спутника такъ явственно, что могъ разсмотрѣть каждую складку его плаща. Изъ-подъ шляпы видѣнія сверкнулъ на него невыразимо блестящій взглядъ.

— Ахъ,—сказалъ императоръ Муханову,—я не могу передать что я чувствую!

Императоръ дрожалъ, но не отъ страха, а отъ холода. Какое-то странное чувство постепенно охватывало его и проникало въ сердце. Кровь застывала въ его жилахъ. Вдругъ глухой, строгій и скорбный, но хорошо знакомый государю голосъ раздался изъ-подъ плаща, закрывавшаго ротъ видѣнія, и назвалъ его по имени:

— Павелъ!

— Это ты опять?—отвѣчалъ императоръ.—Что тебѣ нужно?

— Павелъ!—повторило видѣніе.

На этотъ разъ голосъ имѣлъ ласковый, но еще болѣе грустный оттѣнокъ. Таинственный всадникъ остановился. Императоръ сдѣлалъ то же.

Видѣніе опустило руку съ плащомъ, закрывавшимъ его лицо. Императоръ невольно отодвинулся, увидѣвъ орлиный взоръ, смуглый лобъ и строгую скорбь устъ своего прадѣда Петра Великаго.

— Павелъ! Бѣдный Павелъ! Бѣдный императоръ!—плачевно повторило видѣніе.—Я говорилъ тебѣ, что ты меня снова увидишь, и исполнилъ свое обѣщаніе. Бѣдный Павелъ! Вспомни, чего я желалъ отъ тебя? Я желалъ, чтобы ты не особенно привязывался къ этому міру, потому что ты не останешься въ немъ долго. Я говорилъ тебѣ, чтобы ты жилъ согласно велѣніямъ чести и правды, если желаешь умереть покойно. Я говорилъ тебѣ: не презирай укоровъ совѣсти—это злѣйшая мука для великой души. Павелъ, бѣдный, бѣдный Павелъ! Дни и часы твои сочтены.

— Слышишь?—спросилъ императоръ Муханова.

— Ничего, государь, не слышу. А вы?

— Отъѣзжай въ сторону, Мухановъ. Небомъ или адомъ посланъ мнѣ опять этотъ странный спутникъ, я буду говорить съ нимъ, святое помазаніе охранить меня. Но ты, Мухановъ, простой подданный, если не можешь видѣть и слышать, что открыто моимъ глазамъ и моему слуху, не долженъ слышать и того, что я буду здѣсь говорить. Отъѣзжай къ берейтору и жди моего знака.

— Государь, умоляю васъ, вернитесь въ замокъ! Груды обледенѣлаго снѣга, возлѣ котораго вы остановились, охлаждають лѣвую часть вашего тѣла, отъ этого именно происходитъ...

— Отъѣзжай прочь, Мухановъ!—бѣшено крикнулъ Павелъ.

Мухановъ отъѣхалъ къ заднему берегу въ полномъ убѣжденіи, что Павелъ Петровичъ окончательно сошелъ съ ума.

LXXXVI.

Императорскій допросъ.

Седьмого марта въ пять часовъ утра военный губернаторъ графъ фонъ-дербъ-Паленъ вошелъ въ прихожую императора съ обычнымъ ежедневнымъ докладомъ о состояніи столицы, передъ самымъ моментомъ, назначеннымъ для пріема.

Въ дверяхъ съ графомъ столкнулся одинъ изъ придворныхъ и быстро вложилъ въ его руку маленькую записку.

Военный губернаторъ, сжавъ записку въ кулакъ, стоялъ въ прихожей, у топившейся печки, рассчитывая, что времени будетъ у него достаточно прочесть полученную записку и бросить ее въ огонь. Прочесть записку онъ успѣлъ, но Павелъ неожиданно вышелъ въ прихожую, увидѣлъ его, позвалъ и увлекъ въ свой кабинетъ, плотно и тщательно самъ заперевъ за нимъ дверь. Паленъ едва успѣлъ сунуть записку въ правый карманъ.

Спальная комната служила императору и рабочимъ кабинетомъ. Окна выходили на уголь Марсова поля, за которымъ виднѣлись зданія казармъ перваго преображенскаго батальона, крыши Зимняго дворца и сверкавшая золотая игла адмиралтейства. Противъ оконъ стоялъ большой письменный столъ съ точеной изъ слоновой кости рѣшеткой изящной работы; множество бумагъ и книгъ лежало на немъ въ систематическомъ порядкѣ, отличавшемъ весь обиходъ Павла Петровича.

Въ стѣнѣ, противоположной входной двери, была другая дверь, которая вела въ прихожую парадныхъ апартаментовъ императрицы.

Глубокая ниша двери завѣшена была ковромъ съ мистическими изображеніями и буквами.

Въ той же стѣнѣ былъ каминъ, закрытый экраномъ. Стѣны во избѣжаніе сырости отдѣланы были бѣлымъ деревомъ. На нихъ висѣло множество ландшафтовъ работы Верне, Вувермана и Вандермейлена. Пейзажи Жозефа Верне старшаго, прославленнаго восторженнымъ перомъ Дидеро, изображали виды Тиволи и морскіе порты городовъ Бордо, Ларошелля, Рошфора и Діеппа—подарокъ Людовика XVI, еще дофина, вывезенный Павломъ изъ поѣздки его въ бытность великимъ княземъ.

Комната была чрезвычайно глубокая и какъ бы раздѣлялась на два покоя аркой съ занавѣсью, двигавшеюся на кольцахъ. Тамъ стояла маленькая походная кровать безъ занавѣсокъ, за простыми ширмами. Надъ нею на стѣнѣ висѣла картина Гвидо Рени, изображавшая ангела, шпага и шарфъ императора. Въ одномъ изъ угловъ сверкало полное вооруженіе рыцаря-знаменосца. Кромѣ того, въ передней части покоя, служившей кабинетомъ, была конная статуэтка Фридриха Великаго и портретъ этого короля.

Введя военнаго губернатора въ кабинетъ, императоръ выслушалъ обычный докладъ о состояніи столицы въ истекшую ночь и задалъ нѣсколько вопросовъ о незначительныхъ вещахъ. Потомъ онъ вдругъ схватилъ Палена за карманы.

— Я хочу посмотрѣть, что тамъ такое у васъ!—сказалъ онъ съ зловѣщей улыбкой.—Можетъ быть, любовныя письма. Миѣ хочется узнать ваши сердечныя слабости.

На спокойномъ, благодушномъ лицѣ военнаго губернатора не выразилось никакого волненія. Но внутренно онъ похолодѣлъ отъ ужаса. Какой силой магнетизма проникъ императоръ въ его тайну? Не будь Паленъ совершенно увѣренъ, что императоръ не могъ ни видѣть, ни какъ-либо освѣдомиться о передачѣ записки, онъ подумалъ бы, что лицо, ея передавшее, измѣнило и предупредило государя. Обмирая внутренно, Паленъ сейчасъ же съ комической ужимкой сказалъ императору:

— Ваше величество! Что вы дѣлаете? Оставьте! Вѣдь вы терпѣть не можете табаку, а я его усердно нюхаю; носовой платокъ весь пропитанъ; вы перепачкаете себѣ руки, и онѣ надолго примутъ противный запахъ!

Императоръ поспѣшно съ безгливостью отдернулъ руки.

— Фи, какое свинство!—сказалъ онъ.

Потомъ, пройдясь нѣсколько разъ по комнатѣ, онъ вдругъ остановился противъ Палена и молча смотрѣлъ на него минуты двѣ съ мрачной пытливостью снизу вверхъ. Огромный Паленъ съ обычнымъ открытымъ и свѣтлымъ выраженіемъ перенесъ инквизиторскій взглядъ императора. А между тѣмъ мурашки поползли у него по спинѣ, и конечности стали стынуть и терять чувствительность.

— Господинъ фонъ-деръ-Паленъ!—сипло сказалъ наконецъ императоръ.—Вы были въ Петербургѣ въ 1762-мъ году!

— Вотъ оно!—какъ молнія пронеслось въ сознаниі испытываемаго. Но, какъ бы безъ малѣйшаго участія его самого, его голосъ произнесъ съ холоднымъ равнодушіемъ:

— Да, государь, былъ. Но что вамъ угодно этимъ сказать?

— Вы участвовали въ заговорѣ, лишившемъ моего отца престола и жизни?—спросилъ Павелъ.

И онъ былъ страшенъ въ эту минуту. Желто-блѣдное лицо его расплылось въ безобразную, искаженную, мертвую маску, руки барабанили по столу какой-то изступленный маршъ. Полъ медленно сталъ уходить изъ-подъ ногъ Палена. Но голосъ его звучалъ прежнимъ покойнымъ добродушіемъ, и «зеркало души» выражало открытую простоту честнаго малаго и служаки, когда онъ сказалъ:

— Я былъ только свидѣтелемъ переворота, а не дѣйствовалъ.

— Были свидѣтелемъ? Да, какъ?—крикнулъ императоръ.

— Я былъ еще очень молодъ и въ низшихъ чинахъ въ Конномъ полку,—продолжалъ Паленъ.—Какъ субалтернъ-офицеръ, я ѣхалъ на конѣ, въ рядахъ полка, ничего не подозревая, что происходитъ. Но почему, ваше величество, задаете вы мнѣ подобный вопросъ?

— Потому,—отвѣчалъ императоръ страшнымъ, сильнымъ шопотомъ, впиваясь взглядомъ въ лицо Палена и все выколачивая неистовую дробь обѣими руками по столу, словно онъ тѣмъ изливалъ ежеминутно возраставшій гнѣвъ, предупреждая тѣмъ взрывъ и отдаляя его,—потому, что и теперь замышляютъ то же самое, что было въ 1762-мъ году.

Съ молниеносной быстротой въ умѣ Палена прошли тысячи соображеній и ему самому странно было, внутренно изнывая въ смертной тоскѣ, слышать нисколько не смущенный голосъ свой, сейчасъ же, нисколько не медля, отвѣчавшій:

— Знаю, государь. Я самъ въ числѣ заговорщиковъ.

LXXXVII.

Duaellium.

— Какъ! Ты это знаешь и участвуешь въ заговорѣ? Что ты мнѣ такое говоришь!—вскричалъ, сбитый съ толку, императоръ.

— Сущую правду, ваше величество. Долженъ я сдѣлать видъ, что участвую, принимая въ резонъ мою должность. Какъ могу я узнать, что намѣрены дѣлать заговорщики, если не притворюсь, что хочу способствовать ихъ замысламъ?

— А, это другое, братъ, дѣло!—сказалъ императоръ, видимо, начиная вѣрить и значительно успокаиваясь, что сказалось на темпѣ выколачиваемаго имъ марша. Но онъ все еще низалъ глазами Палена. Внутренно Паленъ отдохнулъ, но не далъ охватившей его радости избавленія отъ смертной опасности сказаться въ выраженіи лица и голоса. Съ дѣловой сухостью онъ докладывалъ:

— Я вступилъ въ число заговорщиковъ чтобы слѣдить за всѣмъ и, зная все, имѣть возможность предупредить замыслы ва-

шихъ враговъ и охранять васъ. Итакъ, ваше величество, не беспокойтесь. Вамъ нечего бояться. Я держу въ рукахъ всѣ нити заговора, и скоро все станетъ вамъ извѣстно.

— Я хочу знать все сейчасъ,—упрямо сказалъ императоръ. Но Паленъ видѣлъ, что онъ уже совершенно ему повѣрилъ и внутренно отдыхаетъ, испытывая то же блаженное ощущеніе минующей опасности, которое только что испыталъ самъ Паленъ.

— Дайте плоду созрѣть, ваше величество,—говорилъ военный губернаторъ.—Онъ самъ спадетъ въ ваши руки. Вы знаете, что я уже предупредилъ два заговора противъ вашей особы.

— Знаю. Ты—вѣрный мнѣ слуга!—дружественно положивъ руку на плечо Палена и смотря на него измѣнившимся, мягкимъ, глубокимъ, задумчивымъ взглядомъ, сказалъ Павелъ Петровичъ.—Ты—вѣрный мнѣ слуга!—повторилъ онъ съ отбѣнкомъ благодарной признательности.

— Да, ваше величество, я вѣренъ,—сказалъ Паленъ, и слеза блеснула на его рѣсницѣ.

— Положеніе мое, однако, столь же опасно, какъ было и моего отца. Я удостовѣренъ въ этомъ изъ источника, который никому, кромѣ меня, недоступенъ. Я знаю на этотъ счетъ больше, чѣмъ ты знаешь. Положеніе мое опаснѣйшее,—говорилъ императоръ.

Паленъ отвѣчалъ:

— Не старайтесь проводить сравненій между вашими опасностями и опасностями, угрожавшими вашему отцу. Онъ былъ иностранецъ, а вы русскій. Онъ русскихъ не любилъ и удалялъ отъ себя. Вы русскихъ приближаете и даровали крѣпостнымъ, яко свободнорожденнымъ, право присягать священной особѣ вашей. Вы возводите російское низменное шляхотство въ рыцарское достоинство, вводя его симъ въ кругъ европейской аристократіи. Отецъ вашъ не былъ коронованъ, а вы коронованы. Онъ раздражилъ противъ себя гвардію, а вамъ она предана.

— Кромѣ офицеровъ, Паленъ, кромѣ офицеровъ!

— Но и ихъ вы имѣете въ рукахъ, введя въ гвардейскіе полки гатчинскія, модельныя ваши войска. Отецъ вашъ преслѣдовалъ православное духовенство, а вы почитаете его и украсили знаками отличія митрополитовъ. Въ 1762 году не было, почитай, никакой полиціи въ Петербургѣ; а нынѣ она такъ усовершенствована, что не дѣлается ни шага, не говорится ни слова, помимо моего вѣдома.

— А намѣренія императрицы?—спросилъ Павелъ, жадно ловившій утѣшительныя слова проводимой генераль-губернаторомъ параллели.

— Каковы бы ни были намѣренія императрицы, она не обладаетъ гениемъ и смѣлостью вашей матери. У ней къ тому же

двадцатилѣтнія дѣти, а вамъ въ 1762 году было только 7 лѣтъ,— не сморгнувъ глазомъ, отвѣчалъ Паленъ.

— Все это правда. Но не надо дремать,—сказалъ успокоенный императоръ.

— Я и не дремлю, ваше величество.

— Если не дремлешь, скажи имена заговорщиковъ.

— Одного я вамъ назвалъ,—съ открытымъ лицомъ, глядя прямо въ глаза императору, сказалъ Паленъ, между тѣмъ какъ умъ его усиленно работалъ надъ задачей вывернуться изъ новаго затрудненія.

— Назови прочихъ,—настойчиво приказалъ Павелъ.

— Что будетъ, если я ихъ вамъ назову. Гдѣ найдете вы ясныя доказательства словъ моихъ? Ибо преступное сіе злоумышленіе еще только зрѣетъ въ сердцахъ и воспаленныхъ головахъ, почти одного меня и имѣя скрѣпой.

— Такъ какъ же, братецъ? Что-то больно хитро,—съ сомнѣніемъ уже допытывался Павелъ.

— Надо вамъ видѣть въ лицо заговорщиковъ самому, слышать все и убѣдиться въ ихъ преступномъ замыслѣ,—говорилъ Паленъ, самъ чувствуя, что сбивается и изобрѣтательный умъ его бьется въ мучительномъ усилии найти лазейку.

— Что же, ты дашь мнѣ возможность скрытно присутствовать на собраніи злоумышленниковъ?—спросилъ Павелъ.

Вдругъ взоръ военнаго губернатора упалъ на великолѣпный, золотообрѣзанный волюмъ, лежавшій на столѣ императора, и онъ прочелъ четкую надпись на корешкѣ. Мгновенно смѣлая до безумной дерзости мысль ослѣпила искушенный въ козняхъ умъ графа Палена.

«Ich habe die Pfiffologie sthudiren» — повторилъ графъ про себя любимую свою поговорку.

— У меня есть особый планъ, ваше величество,—сказалъ онъ вслухъ.

LXXXVIII.

Мышеловка.

Паленъ обладалъ натурою игрока. Наслажденіемъ его жизни былъ рискъ и преслѣдованіе смѣлыхъ, дерзкихъ, прямо безумныхъ цѣлей, при чемъ достиженіе ихъ самыми необыкновенными путями. Кромѣ того, онъ зналъ натуру императора Павла и его склонность ко всему необычайному, странному, особенному. Онъ зналъ, что лучше всего можно подчинить себѣ государя, давъ работу его воображенію.

— Осмѣлюсь спросить, ваше величество,—сказалъ Паленъ:— что это за книга на столѣ вашемъ? Если не ошибаюсь, Плутархъ?

— Да, Плутархъ.

— Великій писатель этотъ, точно, долженъ быть наставникомъ царей! Откройте, государь, жизнеописаніе Артаксеркса и прочтите исторію заговора его сына Дарія на жизнь отца.

Паленъ зналъ, что описанія всевозможныхъ заговоровъ, какіе только возникали въ исторіи челоуѣчества когда-либо, были изучены подозрительнымъ Павломъ и постоянно онъ перебиралъ ихъ въ умѣ своемъ. Паленъ видѣлъ, что сразу поразилъ воображеніе государя и заинтересовалъ его чрезвычайно. Но Павелъ не подалъ виду и будто бы равнодушно сказалъ:

— Возьми книгу и прочти въ ней самъ.

Паленъ взялъ золотообрѣзный томъ, отыскалъ жизнеописаніе Артаксеркса и началъ читать:

«Число заговорщиковъ было уже велико, когда одинъ евнухъ открылъ царю тайну заговора и способъ, какимъ хотѣли привести его въ исполненіе. Онъ зналъ навѣрное, что ночью рѣшено было войти въ его спальню и убить его въ постели...»

— Ахъ, злодѣи!—болѣзненно вскрикнулъ императоръ.— Но читай, читай дальше!

«...Царедворецъ Тарибазъ подкладывалъ огонь къ огню и разжигалъ Дарія. Онъ называлъ его глупцомъ, разъ его братъ, черезъ содѣйствіе гарема, хочетъ овладѣть престоломъ; разъ его отецъ слабохарактеренъ и трусливъ, и разъ онъ, Дарій, думаетъ, что тронъ обезпеченъ ему... Справедливо, конечно, и справедливо вездѣ выраженіе Софокла: «Совѣтъ быстро ведетъ по дорогѣ къ преступленію».

— Да, да, это справедливо вездѣ и всегда,—отозвался императоръ, возбужденно прохаживаясь по комнатѣ.

«Услыхавъ объ этомъ заговорѣ отъ вѣрнаго евнуха, Артаксерксъ считалъ преступленіемъ не принять мѣръ для борьбы съ грозною опасностью или не обратить вниманія на доносъ, но еще большимъ преступленіемъ считалъ онъ дать ему вѣру, не имѣя въ рукахъ доказательствъ...»

— Да! да! Необходимо имѣть въ рукахъ прямые доказательства,—отозвался, расхаживая, Павелъ Петровичъ.— Преступленіе слишкомъ ужасно. Какъ же поступилъ Артаксерксъ?

«Тогда онъ рѣшилъ поступить слѣдующимъ образомъ. Онъ приказалъ евнуху быть при заговорщикахъ и не выпускать ихъ изъ виду, самъ же велѣлъ у себя въ спальнѣ, сзади кровати, прорубить въ стѣнѣ дверь и прикрыть занавѣсью. Въ назначенный часъ, въ то время, о которомъ его увѣдомилъ евнухъ, онъ остался на кровати и всталъ тогда только, когда увидѣлъ въ лицо шедшихъ къ нему и ясно узналъ cadaго. Замѣтивъ, что они выхватили мечи и кинулись на него, онъ быстро поднялъ занавѣсъ, ушелъ во внутреннія комнаты и хлопнулъ дверьми, поднявъ при этомъ

громкій крикъ. Онъ увидѣлъ ихъ въ лицо. Ихъ планъ не удался, и они бросились бѣжать къ двери...»

Паленъ остановился и закрылъ книгу.

— «Царь увидѣлъ убійцъ въ лицо. Ихъ планъ не удался»,— задумчиво повторилъ Павелъ.

— Ты кончилъ?

— Кончилъ, ваше величество.

— Дальше нечего и читать. Я помню, что случилось съ Даріемъ. Но кто Дарій?

— Увы, государь!

— А кто Артабазъ? Впрочемъ, не называй. Я знаю. Но у Плутарха еще ты прочелъ, что братъ Дарія, черезъ содѣйствіе гарема, хотѣлъ овладѣть престоломъ. Это же къ чему?

— Я не знаю, государь. Развѣ вы подозрѣваете еще кого-либо?

— Что же дѣлать?

— Увидѣть заговорщиковъ въ лицо и всѣхъ ихъ захватить съ поличнымъ.

— Ага, мышеловка!

— Точно такъ, государь. Я раздѣлю заговорщиковъ на двѣ банды. Одна войдетъ къ вамъ — вотъ черезъ эти двери и предъявить свои требованія.

— Какія?

— Отреченіе отъ престола въ пользу великаго князя Александра.

— Какая наглость! А ты что же?

— Съ другими, вѣрными вамъ людьми, я буду стоять за этой вотъ дверью, и по первому вашему зову войду, и злодѣи будутъ изблечены и схвачены.

— Когда же, ты думаешь, можно будетъ выполнить этотъ планъ твой?

— Государь, дайте мнѣ три только дня сроку и не сомнѣвайтесь въ полномъ успѣхѣ. Имѣйте только въ караулахъ особливо преданныхъ вамъ, каковъ первый батальонъ гвардіи Преображенскаго полка, а особливо Семеновскій. Что касается Коннаго полка...

— Я самъ знаю, что тамъ всѣ якобинцы. Не безпокойся, полкъ этотъ мною будетъ расквартированъ въ губерніи. Я не питаю къ нему никакой довѣренности.

— Войска, кои со мною придутъ, обложатъ замокъ, и такъ измѣна будетъ изблечена и вырвана съ корнемъ единымъ ударомъ.

Императоръ пришелъ въ восторгъ.

— *C'est excellent!*—повторилъ онъ нѣсколько разъ съ судорожнымъ хохотомъ, потирая руки.— *C'est excellent!* Твой планъ великолѣпенъ, Паленъ! Мы поймаемъ лисицу въ вырытой ею лажѣйкѣ.

LXXXIX.

Размышленія императора.

Отпустивъ графа Палена, императоръ продолжалъ прохаживаться по кабинету, и буря бушевала въ его груди, выражаясь судорожными движеніями рукъ и гримасами лица. Морщины бороzдили лобъ императора, какъ вѣтеръ волнуеть и рябитъ поверхность водъ.

Глаза его пламенѣли. Онъ разговаривалъ самъ съ собою, и отрывистыя восклицанія вылетали изъ его усть.

— А, ваше высочество!.. Мы узнаемъ, наконецъ, всю правду... Планъ превосходенъ... Мы осуществимъ его, и тогда... что скажете вы предъ лицомъ монарха и отца? А, коварный, неблагодарный, измѣнникъ, крамольникъ!.. Сынъ хочетъ лишить престола своего родного отца! И Небо допуститъ это? О, мои предчувствія! вы сбываетесь слишкомъ точно!.. То, что мнѣ повѣдалъ онъ, оказалось правдой... Это было небесное предупрежденіе... За что они ненавидятъ меня всѣ, всѣ? — спрашивалъ императоръ, остановившись у окна и глядя на пустынное Марсово поле. Потому что я прекратилъ распутство въ гвардіи, запретилъ записывать въ полки грудныхъ младенцевъ, очистилъ сенатъ и лѣбныхъ бездѣльниковъ принудилъ къ труду, прекратилъ неправду, хищенія, ограничилъ роскошь и поощрилъ полезный трудъ... А, собаки, хуже собакъ! Развращенные тунеядцы, привыкшіе къ растлѣнному женскому правленію, вы не прощаете того, кто извлекъ васъ изъ глубины распутства! Но со мною мой Богъ, и Онъ защититъ меня, и я одолѣю ваше злодѣйское коварство!

Императоръ пошелъ въ ту часть комнаты за аркой, гдѣ стояла его кровать. Эта часть освѣщалась боковыми окнами, выходившими на внутренній треугольный дворъ. Онъ сталъ на обычное мѣсто, противъ висѣвшаго на стѣнѣ распятія, на колѣни. Полъ въ этомъ мѣстѣ былъ вытертъ долгими молитвенными стояніями государя.

Павель Петровичъ сталъ молиться, наполняя комнату тяжелыми вздохами и плачемъ. Эти вздохи, плачь и молитвы часто въ полномъ безмолвіи слышали караульные, стоявшіе за дверями покоя императора.

Наканунѣ съ верховой прогулки въ Лѣтнемъ саду государь вернулся съ окоченѣлой половиной тѣла и лишь послѣ долгаго растиранія перцовкой и подъ толстыми одѣялами удалось наконецъ ему согрѣться. Видѣніе, которое онъ имѣлъ, появилось не въ первый разъ. Еще наслѣдникомъ, онъ во время ночной прогулки по городу бесѣдовалъ съ такимъ же страннымъ спутникомъ, который довелъ его до площади противъ сената, на то самое мѣсто, идѣ въ скорости императрица Екатерина воздвигла

монументъ его прадѣду. Едва вступивъ на престолъ, Павелъ Петровичъ приступилъ къ сносу стараго Лѣтнаго дворца, въ которомъ онъ и родился, еще построеннаго Петромъ Великимъ и перестроеннаго Елизаветой. Эта огромная, длинная, неуклюжая, обветшавшая, заброшенная, необитаемая постройка стояла мрачно и одиноко среди столицы въ запущенныхъ садахъ, пугая воображеніе.

Обычный караулъ назначался къ старому дворцу, и однажды въ полночь человѣкъ, закутанный плащомъ, подошелъ къ часовому и сказалъ ему:

— Поди къ императору и передай ему, что здѣсь онъ долженъ воздвигнуть храмъ во имя архангела Михаила! Не бойся. Императоръ знаетъ, что ты придешь къ нему.

Прежде, чѣмъ часовой опомнился, видѣніе исчезло. Часовой доложилъ о бывшемъ сержанту, а тотъ офицеру. Всѣ они втроемъ доложили о словахъ неизвѣстнаго Павлу Петровичу.

— Да, я это знаю,—сказалъ только въ отвѣтъ императоръ.

Тогда же приступлено было къ разбору стараго зданія и постройкикѣ новаго, великолѣпнаго дворца.

— Я здѣсь родился. Здѣсь хочу и умереть,—говорилъ Павелъ.— Онъ всячески торопилъ постройку и въѣхалъ въ зданіе, еще не просохшее, вредное для обитанія, охваченный нетерпѣніемъ запереться въ неприступной крѣпости съ ея катакомбами, ходами, двойными стѣнами и потайными лѣстницами. Найденная имъ, отлитая при Елизаветѣ Петровнѣ конная статуя прадѣда была имъ поставлена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ окутанное плащомъ видѣніе явилось часовому.

Мистическій міръ, въ которомъ постоянно витало воображеніе Павла Петровича, вновь послалъ ему предупрежденіе, и оно подтвердилось немедленно.

Императоръ кончилъ молитву и всталъ съ колѣнъ успокоенный. Онъ занялся обычными дѣлами, но имъ было принято непоколебимое рѣшеніе.

Паленъ, дѣйствительно, зналъ, какъ овладѣть душою императора. Терзаемый подозрѣніями постоянно, истомленный долгими годами безвластія и ничтожества при жизни матери, Павелъ развилъ въ себѣ ужасную, всепоглощающую страсть ревниваго самовластія. Онъ привыкъ всюду находить недоброжелательство, встрѣчать противодѣйствіе, коварство, предательство, тайные подкобы. Душа его обременена была страшными тайнами царствованія его матери и предшествовавшихъ ей монархинь. Какъ будто самая самодержавная власть, пробывъ въ женскихъ рукахъ семьдесятъ пять лѣтъ, приобрѣла духовныя качества этихъ женщинъ, правившихъ милліонами черезъ любимцевъ, утотлявшихъ ихъ ненасытное любострастіе. Кровь и грязь распутнаго женскаго правле-

ня, казалось, сообщили самымъ регалиямъ властительства свойства женской природы—взбалмошное самовластіе, капризную переменчивость, бездушный эгоизмъ, циническую безнравственность, нечистоту воображенія, кровавую слѣпую ревность... Императоръ Павелъ хотѣлъ возродить, освятить, очистить верховную власть, доставшуюся ему. Но онъ не зналъ, что это возможно лишь въ единеніи съ народомъ, только въ огнѣ народнаго духа, освобожденнаго и объединеннаго. Павелъ, воспитанный въ идеяхъ просвѣщеннаго абсолютизма, имѣя своимъ идеаломъ Фридриха Великаго, былъ далекъ отъ народа.

Павелъ былъ совершенно одинокъ и лишь въ мистикѣ находилъ источникъ поддерживавшихъ его наитій. Но страстная возбужденность религіознаго экстаза его одинокихъ молитвъ только нарушала еще больше равновѣсіе его духа.

Обличенные уже не разъ Паленомъ заговоры и многочисленныя покушенія на жизнь монарха внушили послѣдному непрестанный страхъ за свою безопасность и развили еще больше застарѣлую его подозрительность. Но по благородству души, зная за собою эту болѣзненную подозрительность, Павелъ въ столь важномъ случаѣ обвиненія никогда не рѣшился бы дѣйствовать только по подозрѣнію. Ему нужна была полная очевидность. Именно при наивысшей подозрительности и ревности только полная очевидность можетъ утолить человѣка, ибо онъ недовѣрчивъ къ самому своему недовѣрію, подозрителенъ въ отношеніи самыхъ своихъ подозрѣній. Со свойственной ему дерзкой смѣлостью Паленъ рассчиталъ совершенно вѣрно, что императоръ ринется въ открываемую предъ нимъ ловушку полной очевидности и поимки съ поличнымъ на самомъ дѣлѣ. Взявъ золотообрѣзный волюмъ французскаго перевода Плутарха, императоръ вновь и вновь перечиталъ указанное Паленомъ жизнеописаніе Артаксеркса, поражаясь сходствомъ всѣхъ подробностей своего положенія и этого древняго царя и проникаясь гипнозомъ картинъ, нарисованныхъ чудотворнымъ перомъ древняго автора.

Но, вѣряясь Палену, предоставляя ему вести начатый заговоръ съ цѣлью его полного обличенія, Павелъ Петровичъ приготовилъ и средства обезопасить себя отъ возможной измѣны самого Палена, потому что и ему государь не могъ повѣрить окончательно и безповоротно. Мѣры были приняты государемъ еще до бесѣды съ военнымъ губернаторомъ, ночью.

Павелъ Петровичъ былъ совершенно убѣжденъ, что мѣры эти, предпринятыя чрезъ особливыхъ людей, не могли быть извѣстны Палену.

Но Павелъ Петровичъ ошибался. Онъ былъ слѣпъ и не зналъ этого. Онъ не зналъ, что долгой, неустанной, копотливой работой Паленъ набросилъ на его умъ и сердце непроницаемую завѣсу,

искусно вложивъ совершенно ложныя представленія о всемъ окружающемъ несчастному, обреченному въ жертву адскому искусству коварнаго интригана, при всей своей подозрительности простодушному императору.

СХ.

Высочайше одобренный заговоръ.

Выйдя изъ кабинета государя и проходя мимо топившейся въ прихожей печи, графъ Паленъ ловко бросилъ въ ярко пылавшую грудку угольевъ смятую въ комокъ записку, мгновенно тамъ сгорѣвшую. Въ этой запискѣ находилось важнѣйшее извѣстіе, что императоръ ночью распорядился послать особо довѣренныхъ фельдъегерей къ бывшимъ въ немилости удаленнымъ имъ генераламъ Аракчееву и Линденеру. Обоимъ повелѣвалось явиться въ столицу черезъ три дня, каковое время они должны были употребить на то, чтобы принять команду надъ нѣкоторыми частями войскъ, расположенныхъ въ Петербургской и Новгородской губерніяхъ, собрать ихъ и затѣмъ привести въ столицу съ собою.

Если бы графъ Паленъ своевременно не получилъ предувѣдомленія объ этомъ, или если бы государь не побоялся табачнаго платка и, сунувъ руку въ карманъ военнаго губернатора, нашелъ бы эту записку, все было бы кончено.

— Ну, мнѣ сегодня Богъ помогъ,—думалъ Паленъ, идя изъ покоевъ императора.—Вѣрнѣе, впрочемъ, что помогъ чортъ!—Онъ внутренно разсмѣялся, злобно торжествуя. Онъ зналъ, что генералы Аракчеевъ и Линденеръ ни въ какомъ случаѣ не попадутъ въ столицу, всѣ заставы которой въ его распоряженіи. А такъ какъ императоръ убѣжденъ, что оба своевременно придутъ, то и совершенно ввѣрится Палену, полагая себя безопаснымъ отъ внезапной измѣны послѣдняго.

Паленъ совершенно понялъ странные жесты, восклицанія и хохотъ императора, которыми тотъ закончилъ бесѣду съ нимъ. Уже давно Паленъ зналъ, что эти выходки сопровождали внутреннюю работу проницательнаго ума Павла Петровича, въ тѣ мгновенія, когда онъ полагалъ, что обнаружилъ чьи-либо замыслы, и предпринималъ ловкое обходное движеніе. Ввѣряя Палену руководство заговоромъ противъ своей особы съ цѣлюю полного обличенія злоумышленниковъ, императоръ предпринялъ и нарочитое обходное движеніе. Генералы Аракчеевъ и Линденеръ, съ приведенными ими войсками, обеспечивали совершеніе задуманнаго плана. Враги Палена и всей его партіи, добившихся ихъ удаленія, Аракчеевъ и Линденеръ явились бы контролерами дѣйствій военнаго губернатора.

Да, все это такъ и было бы, не получи Паленъ предупреждающей записки. Она же побудила его на отчаянно смѣлый шагъ— поставить себя въ положеніе высочайше одобреннаго заговорщика.

Заговоръ противъ императора давно зрѣлъ и, можно было сказать, вполне созрѣлъ. Исполненіе его было назначено на иды марта, пятнадцатаго числа, день убіенія Цезаря. Въ этомъ отразился духъ времени, когда всѣ были напитаны классическими образцами. У братьевъ Зубовыхъ, въ салонѣ ихъ сестры, госпожи Жеребцовой, любовницы англійскаго посла Уитворта, до высылки ихъ обоихъ, у генерала Талызина и у командировъ другихъ гвардейскихъ полковъ происходили постоянныя собранія, обратившіяся въ родъ политическихъ клубовъ, гдѣ громко обсуждалось ужасное положеніе отечества, вѣрннанаго неограниченной власти умалишеннаго. Такіе же политическіе разговоры велись въ англійскомъ клубѣ и въ масонскихъ ложахъ Петербурга. Всѣ во главѣ заговора ставили имя великаго князя Александра. Однако, ничего, кромѣ уклончивыхъ отвѣтовъ и вздоховъ, отъ него не могъ добиться никто изъ пытавшихся вызнать, каково отношеніе великаго князя къ освобожденію Россіи отъ ига неистоваго самовластія монарха, безуміе котораго, по единодушному мнѣнію, приняло уже кровожадный характеръ и грозило безопасности самой августѣйшей фамиліи.

Нерѣшительность и уклончивость цесаревича оставляли созрѣвшій заговоръ безъ нужнаго импульса сверху. А безъ этого онъ не могъ быть приведенъ въ дѣйствіе. Но теперь, благодаря дерзкой, отчаянной смѣлости Палена, этотъ нужный импульсъ давалъ самъ императоръ. Руки Палена были совершенно развязаны. Онъ могъ смѣло дѣйствовать, ничемъ не рискуя. Если бы заговоръ не удался, онъ раскроетъ его и обличить предъ государемъ и только. Кромѣ благодарности монарха, ничего его въ такомъ случаѣ не ожидаетъ. Если же заговоръ, изъ примѣрнаго и «модельнаго» только, превратится въ настоящій и Павелъ Петровичъ будетъ низложенъ и даже убитъ, опять-таки Палена ожидаетъ только благодарность новаго монарха.

Три дня, имѣвшіеся предъ нимъ, конечно, огромный срокъ, въ теченіе котораго можно было ожидать переменъ въ расположеніи Павла. Но что бы ни произошло, военный губернаторъ фонъ-деръ-Паленъ по должности своей окажется исправнымъ. Рѣшительными, быстрыми шагами Паленъ направился черезъ парадные покои великаго князя Александра Павловича и прямо вошелъ въ кабинетъ его безъ предварительнаго доклада.

XCI.

Великій князь Александръ.

Собственно жилые апартаменты великаго князя Александра были малы и скромны, но къ нимъ примыкало много парадныхъ, со стужей и сыростью, и между ними зала, раздѣленная аркою на мраморныхъ іоническихъ бѣлыхъ колоннахъ, украшенная подлинными картинами великихъ мастеровъ; такъ была тутъ картина Рубенса «Вакханка, обнимающая Фавна». Когда Паленъ вошелъ въ тѣсный кабинетъ Александра, тотъ разсматривалъ какія-то картинки, которыя поспѣшно накрылъ большимъ дѣломъ верховнаго совѣта Мальтійскаго ордена. Когда близорукіе, прекрасные глаза златокудраго юноши узнали вошедшаго, чрезвычайный испугъ изобразился на лицѣ его и онъ не нашелся, что спросить у Палена, смѣло къ нему приблизившагося, такъ велико было его смущеніе. До сихъ поръ сношенія Палена съ цесаревичемъ велись чрезъ третьихъ лицъ.

— Ваше высочество, я счелъ священнымъ долгомъ своимъ явиться къ вамъ, чтобы предупредить о величайшей опасности, коей вы подвергаетесь, — сказалъ Паленъ. — Сейчасъ, принимая меня въ кабинетѣ, его величество родитель вашъ отдалъ мнѣ положительныя на вашъ счетъ приказанія. Знайте, что онъ хочетъ къ вамъ примѣнить планы, не удавшіеся вашему дѣду въ 1762 г. относительно его самого.

Прекрасное лицо юнаго Александра то блѣднѣло, то краснѣло. Онъ горбился, слушая Палена, какъ будто за что-то незримое хотѣлъ укрыться отъ ужасныхъ словъ военнаго губернатора.

— Но чѣмъ же... но чѣмъ же навлекъ я немилость его величества родителя моего?— пролепеталъ онъ. — На последнемъ вахтъ-парадѣ его величество былъ особо доволенъ, когда скомандовалъ «съ поля» и батальонъ по тремъ флигельманамъ выполнилъ въ четырнадцать пріемовъ экзерцицію весьма чисто, хотя она кончается тѣмъ, что ружья оборачиваютъ дуломъ внизъ, а прикладомъ кверху, что было чрезвычайно трудно.

И Александръ печальными большими глазами гонимой лани смотрѣлъ на Палена.

— Или ты въ самомъ дѣлѣ взрослый ребенокъ, или... — подумалъ про себя Паленъ.

— Ваше высочество, обратите серьезнѣйшее вниманіе на слова мои,—сказалъ онъ.—Движимый только усердіемъ къ вамъ и страждущему отечеству, взялъ я на себя смѣлость предупредить васъ о страшной опасности. Извѣстно ли вамъ въ точности, что предиринималъ въ 1762 году Петръ Третій относительно супруги своей?

Александръ молчалъ.

— Онъ хотѣлъ заточить ее въ крѣпость или постричь въ монахини, и только своевременно и быстро предпринятый и совершенный переворотъ сіе предупредилъ.

Александръ глубоко вздохнулъ и молчалъ.

— Ваше высочество, таковая же страшная опасность угрожаетъ вамъ и брату вашему съ супругами, великимъ княжнамъ и самой августѣйшей родительницѣ вашей. Сегодня, едва я вошелъ въ кабинетъ государя, какъ онъ мнѣ сказалъ: что не удалось родителю моему въ 1762 году, то я произведу въ дѣйствіе, ибо иначе со мной будетъ то же, что и съ отцомъ моимъ случилось. «Вы участвовали,—спросилъ меня государь,—въ событіяхъ 1762 года?». На это доложилъ я его величеству, что былъ тогда лишь свидѣтелемъ, а не дѣйствовалъ, и, какъ субалтернъ-офицеръ, лишь ѣхалъ на конѣ, въ рядахъ полка, ничего не подозрѣвая, что происходитъ. «И теперь,—сказалъ государь,—хотятъ повторить со мною то же. Но я намѣренъ предупредить. Паленъ, я на тебя рассчитываю. Прикажъ объ арестованіи злоумышляющихъ противъ жизни и власти моей членовъ моего семейства уже мною подписанъ. Еще три дня и я передамъ его тебѣ, для исполненія». Говоря сіе, его величество казался явно внѣ себя и оказывалъ полное помраченіе памяти и разума. Лицо его исказилось судорогами, и всѣ члены производили беспорядочныя движенія. Я былъ пораженъ ужасомъ и счелъ долгомъ своимъ васъ предупредить немедленно. Что вы намѣрены предпринять въ такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, ваше высочество?

Александръ вздыхалъ, горбился и растерянно озирался по сторонамъ, но молчалъ.

— Вашему высочеству извѣстно,—продолжалъ Паленъ, приближаясь къ великому князю:—что не мало есть людей, преданныхъ вамъ и ужасающихся при видѣ страданій отечества, явно ведомаго къ гибели деспотическимъ вихремъ больной воли вашего родителя. Но они безсильны приступить къ дѣйствіямъ, пока не знаютъ расположенія вашего высочества и намѣреній вашихъ. На васъ сіи патріоты и вѣрные сыны отечества смотрятъ, какъ на грядущее солнце Россіи, живительными лучами долженствующее согрѣть скованную льдами деспотизма страну. Всѣ они хотятъ видѣть во главѣ правленія монарха кроткаго, а не тирана.

— Благодарю васъ, графъ, за преданность и въ ней не сомнѣваюсь, ровно какъ и въ тѣхъ лицахъ, отъ чьего имени вы сейчасъ говорили—вздыхая, съ глазами полными слезъ, сказалъ наконецъ Александръ.—Но я далекъ отъ желанія царствовать. Напротивъ, жребій сей меня устрашаетъ. Желалъ бы удалиться къ частной жизни и жить гдѣ-нибудь въ тихомъ сельскомъ уеди-

нені на Рейнѣ, съ любезной женой, предаваясь изученію наукъ, поэзіи, художествъ. Тамъ былъ бы я только счастливъ!

— Но было бы несчастно отечество!—патетически возразилъ Палень.—Ваше высочество, для всякаго, кто знаетъ ангельскую чистоту характера вашего, не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что мечты честолюбія не касаются яснаго, какъ расцвѣтающее утро весны, воображенія вашего. Но отечество требуетъ отъ васъ взять на свои плечи тяжкое иго правленія, и вы не можете ему отказать въ этомъ, ибо оно страждетъ, оно на краю гибели.

— Почему вы обращаетесь ко мнѣ, а не къ брату или къ матушкѣ?—опуская глаза, спросилъ Александръ.

— Потому что вы избранникъ великой бабки вашей—мудрой Екатерины, и только вы можете править по сердцу сей монархини, облагодѣтельствовавшей свой народъ!—твердо отвѣчалъ Палень.

— Но чего же хотятъ отъ меня? Чего же хотятъ отъ меня?—взволнованно спрашивалъ Александръ.

— Благородный характеръ и высокій отъ природы разумъ родителя вашего помрачены болѣзнію. О семъ доктора Бекъ и Роджерсонъ, постоянно наблюдающіе организмъ и душевныя расположенія державнаго больного, представили уже вашему высочеству достаточныя доказательства, какъ это и мнѣ извѣстно.

Александръ склонилъ утвердительно голову.

— Къ несчастію, они удостовѣряютъ болѣзнь родителя,—прошепталъ онъ, вздыхая.

— Вы молоды, ваше высочество. Всѣ видятъ, что вы скорбите и терзаетесь за другихъ, оплакивая жертвы подозрительной тираніи и зная, что сія тиранія—слѣдствіе опасной, все возрастающей и, видимо, неизлечимой болѣзни родителя вашего. Всѣ скорбятъ, всѣ жалѣютъ васъ, зная, что воспаленіе разсудка и возрастающее бѣшенство воли, грозящее стать кровожаднымъ и почти уже такимъ и ставшее, прежде всего на васъ отражается. До сихъ поръ, однако, полагали, что болѣзнь монаршая не достигла степени пагубной. Полагали, что обращеніе къ императору рѣшительныхъ и энергичныхъ требованій отъ особъ, приближенныхъ къ престолу, преданныхъ служенію родинѣ и славѣ имперіи, образумитъ императора и онъ отмѣнитъ жестокіе указы, смягчитъ невыносимое самовластіе, вернется къ образу дѣйствій болѣе умѣренному. О семъ именно вашему высочеству представляли покойный генераль де-Рибасъ и графъ Панинъ, въ бытность его на посту вице-канцлера имперіи. Но нынѣ, когда болѣзнь императора стала буйной и кровожадной, и сихъ мѣръ было бы недовольно.

— Чего же вы хотите?—опять спросилъ Александръ.

— Должно овладѣть особой императора и увезти его въ такое мѣсто, гдѣ онъ могъ бы находиться подъ надлежащимъ надзоромъ

и гдѣ бы онъ былъ лишенъ возможности дѣлать зло,—рѣшительно и твердо отвѣтилъ Паленъ.

— И гдѣ бы, при отдыхѣ отъ державныхъ трудовъ, родитель получалъ правильное леченіе и уходъ врачей, дабы по возстановленіи здоровья вновь принять власть, ему принадлежащую,—сказалъ Александръ.—Что если бы баронетъ Вилліе съ господами Бекомъ и Роджерсономъ, составивъ консиліумъ, въ семь смыслѣ отъ себя именемъ науки и властью докторской сдѣлали родителю представленіе въ свѣтлую минуту?

И Александръ устремилъ на Палена ясный, близорукой взоръ прекрасныхъ очей своихъ.

Тяжкая злоба поднялась въ груди курляндской лисицы. Но отвѣтный взоръ Палена и «зеркало души» его были столь же ясны и простодушны.

— Увы!—сказалъ Паленъ:—именемъ науки и властью докторской невозможно привести въ дѣйствіе то, что должно совершать именемъ отечества и волею народнаго единодушія. Только на васъ одного нація можетъ возлагать довѣріе! Только вы одинъ способны предупредить роковыя послѣдствія продолженія сего царства ужаса! Вы поставлены между сыновними обязанностями и долгомъ по отношенію вашихъ народовъ! Но въ сію минуту послѣдній долгъ согласованъ съ первымъ. Какъ военный губернаторъ столицы, я убѣждаю васъ согласиться на переворотъ!

— Переворотъ!—съ ужасомъ отступая, прошептала Александръ.

— Да, ваше высочество, необходимъ переворотъ. Ибо революція, вызванная всеобщимъ недовольствомъ, должна вспыхнуть не сегодня—завтра. Мнѣ въ точности извѣстно о мнѣніяхъ и недовольствѣ столицы, на которую можно смотрѣть, какъ на органъ всей націи. Должно спѣшить, чтобы предупредить опасныя слѣдствія отчаянія и нетерпѣнія, съ какимъ общество жаждетъ избавиться отъ этого желѣзнаго гнета, отъ царства ужаса, отъ деспотическаго вихря, разбивающаго ежедневно благосостояніе сотенъ лицъ, множества семействъ, гибнущихъ въ ссылкѣ, въ заточеніи теряющихъ имущество. Сія, отчаяніемъ порожденная общая революція можетъ изрыть внезапно ровъ гибели и подъ родителемъ вашимъ, и подъ вами, и подъ трономъ вашимъ! Въ тайныхъ собраніяхъ столицы уже кричатъ не только «конституція», но и «республика». Должно провести неотложную мѣру сверху, не ожидая, чтобы ее потребовали снизу! Ваше высочество, умоляю васъ именемъ отечества и націи, жаждущихъ освобожденія, и мало того—именемъ Европы и человѣчества, коимъ грозитъ страшная опасность, когда революція, возникнувъ изъ деспотическаго вихря и монархическаго террора, потрясетъ имперію, прикажите мнѣ и преданнымъ вамъ лицамъ арестовать императора и дозвольте затѣмъ предложить вамъ отъ имени націи бразды правленія.

— Я не могу этого! Я не въ силахъ!—заломивъ въ отчаяніи руки и обливаясь слезами, прошепталъ Александръ и, бросившись ничкомъ на диванъ, зарылъ лицо свое въ подушки.

Паленъ стоялъ надъ нимъ нѣсколько мгновеній молча.

Потомъ вдругъ склонился къ его уху и прошепталъ:

— Указъ, подписанный императоромъ о вашемъ арестованіи и препровожденіи въ крѣпость, у меня въ карманѣ. Сего не довольно. Усыновленіе принца Евгенія Вюртембергскаго и провозглашеніе его наслѣдникомъ престола рѣшено государемъ.

Эти слова подѣйствовали на великаго князя, какъ прикосновеніе электрическаго тока. Онъ мгновенно поднялся на диванѣ. Лицо его пылало, и въ первый разъ Паленъ увидѣлъ стальной блескъ въ большихъ, прекрасныхъ глазахъ Александра.

Но вдругъ гримаса плача опять исказила лицо юноши, и онъ опять повалился ничкомъ на диванъ, вздыхая, всхлипывая и повторяя:

— Это ужасно, что вы отъ меня хотите, это ужасно!

— Рѣшайтесь, ваше высочество!—повторялъ надъ нимъ графъ Паленъ.

Тяжкіе вздохи были отвѣтомъ, и, не поднимая головы, Александръ только спросилъ:

— Когда?

— Завтра бы вечеромъ, ваше высочество!

— О-о-о!—застоналъ Александръ.—Невозможно... такъ скоро... лучше... черезъ три дня... говорилъ онъ прерывающимся отъ вздоховъ и плача голосомъ:—назначимъ... на одиннадцатое... когда дежурнымъ будетъ... третій батальонъ... моего Семеновскаго полка...

— Не безъ труда могу согласиться на сію отсрочку, ваше высочество. Не безъ тревоги буду въ слѣдующіе дни. Но будь по-вашему.

Великій князь поднялся съ дивана.

— Паленъ,—сказалъ онъ:—поклонись мнѣ, что жизнь моего родителя будетъ въ безопасности.

— Клянусь,—поднимая руку, сказалъ Паленъ:—что жизнь вашего родителя будетъ въ безопасности...

Въ умѣ Паленъ окончилъ клятву свою такъ:

— Доколѣ сіе не будетъ противорѣчить благу отечества и націи!

ХСІ.

Диспозиція дьявола.

Одиннадцатаго марта утромъ графъ Паленъ прохаживался по комнатамъ въ своемъ частномъ домѣ и посвистывалъ, когда вошелъ графъ Бенигсенъ. Отвѣсивъ Палену официальный поклонъ,

Бенигсенъ сѣлъ въ одно изъ креселъ, въ порядкѣ стоявшихъ вдоль стѣны подъ чехлами.

Нѣсколько времени оба молчали. Бенигсенъ сидѣлъ невозмутимо, а военный губернаторъ попережнему похаживалъ и посвистывалъ.

— Встрѣтилъ князя Зубова въ саняхъ ѣдущаго по Невской перспективѣ,—вдругъ сказалъ Бенигсенъ.

— Ну, и что же?—спросилъ Паленъ.

— Пригласилъ меня къ себѣ ужинать.

— Будете?

— Я согласился, хотя собираюсь завтра выѣхать изъ Петербурга въ свое имѣніе въ Литву.

— Что такъ?

— Императоръ показываетъ мнѣ явные знаки немилости, чего и ожидать должно было.

— Вотъ такъ исторія! Не хотите ли стаканъ лафита?

— Благодарю васъ, графъ. Я именно явился просить у васъ, какъ у военнаго губернатора, необходимаго мнѣ паспорта на выѣздъ.

Паленъ посмотрѣлъ на Бенигсена, улыбаясь и качая головой. Улыбался и Бенигсенъ, обычной своей улыбкой, какъ будто нюхалъ крѣпкій уксусъ.

— Отложите свой отъѣздъ, мы еще послужимъ вмѣстѣ!—сказалъ наконецъ Паленъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—отозвался Бенигсенъ.

— Да. И князь Зубовъ вамъ скажетъ остальное!

Они опять посмотрѣли другъ на друга и вдругъ разразились хохотомъ, какъ два авгура.

— Довольно шутить, графъ! — сказалъ затѣмъ Бенигсенъ, становясь мрачно серьезнымъ.—Говорите мнѣ дѣло. Хотя я и ожидалъ со дня на день сей перемѣны, но, признаюсь, я не думалъ, что время уже настало.

— Сегодня въ полночь! — важно отвѣчалъ фонъ-деръ-Паленъ.

— А!—равнодушно отозвался Бенигсенъ.—И какой планъ?

— Я уже говорилъ, что князь Зубовъ вамъ все скажетъ. Приѣзжайте къ нему въ десять часовъ. Тамъ застанете его брата Николая, сенатора Трошинскаго, генерала Талызина и князя Волконскаго. Всѣ посвящены въ тайну.

— А!—отозвался Бенигсенъ и сталъ жевать губами.—Я не могу ужинать предъ самой дорогой. Я страдаю желудкомъ.—Онъ помолчалъ.

— Позвольте мнѣ паспортъ для выѣзда въ Литву,—вдругъ сказалъ онъ.

— Точно, и выѣздъ и вѣздъ въ моихъ рукахъ. Но какъ ни сегодня, ни завтра я не допущу вѣхаты въ столицу генераловъ Аракчеева и Линденера, за которыми посланы фельдъегери госу-

даремъ, такъ и васъ не допущу изъ столицы выѣхать ни сегодня, ни завтра. Я уже сказалъ, что мы съ вами еще послужимъ выѣстѣ!

— Государь послалъ за Линденеромъ и Аракчеевымъ?—переспросилъ Бенигсенъ. — Это есть весьма важно. Но мы связаны дружбой издавна, графъ. А посему диспозицію сегодняшней ночи должно мнѣ отъ васъ узнать, а не отъ князя Зубова.

— Вы ее и узнаете сейчасъ. Мою диспозицію,—напирая на мѣстоименіе, сказалъ Паленъ.—Отъ князя Зубова вы услышите то, что онъ вамъ скажетъ. И вы отъ него въ первый разъ о замыслѣ съ глубокимъ изумленіемъ узнаете и будете колебаться. Вы меня поняли?

— Такъ, я съ глубокимъ изумленіемъ въ первый разъ о замыслѣ отъ князя Зубова узнаю и буду колебаться!—повторилъ, какъ эхо, Бенигсенъ, репетируя на своемъ лицѣ и фигурѣ будущее удивленіе и колебаніе.

— Наконецъ, вы спросите таинственно: кто стоитъ во главѣ заговора? Когда же князь Зубовъ назоветъ это лицо, тогда вы не колеблясь примкнете къ заговору, правда, шагу опасному, однако необходимому, чтобы спасти націю отъ пропасти.

— Когда узнаю лицо,—повторилъ, репетируя роль, Бенигсенъ:—тогда не колеблясь примкну, ибо хотя шагъ и опасенъ есть весьма, однако тѣмъ болѣе необходимъ для спасенія отечества и націи!

— Князь Зубовъ тогда вамъ скажетъ, что лица, извѣстныя въ публикѣ своимъ умомъ и преданностью отечеству, составили планъ освобожденія націи отъ самовластія тирана, безуміе коего стало уже кровожаднымъ. Сихъ всѣхъ освободителей, гвардіи генераловъ, полковниковъ и поручиковъ, вы съ изумленіемъ въ первый разъ встрѣтите на ужинѣ совокупившимися.

— Освободители!—съ презрѣніемъ сказалъ Бенигсенъ.—Ватага вертопраховъ! Люди все молодые, неопытные, безъ испытаннаго мужества!

— Да, выборъ изъ числа трехсотъ молодыхъ вѣтрениковъ и кутилъ, буйныхъ, легкомысленныхъ и несдержанныхъ былъ не легокъ,—согласился Паленъ.—Но если они струсятъ или измѣняютъ, мечъ падетъ только на ихъ безмозгля башки. Мы съ вами Бенигсенъ во всякомъ разѣ получимъ монаршую благодарность. И это благодаря моей диспозиціи, съ коею я имѣю васъ сейчасъ ознакомить.

— Да! да! А то до сихъ поръ были только свистки для подманиванія куропатокъ,—сочувственно заворочался въ креслѣ Бенигсенъ и, приложивъ руку къ уху, приготовился слушать съ особливимъ вниманіемъ.

— Князь Зубовъ, на вопросъ вашъ:—кто стоитъ во главѣ заговора?—отвѣтитъ...

— Великій князь Александръ,—докончилъ Бенигсенъ.

— Да. Такъ вамъ отвѣтитъ князь Зубовъ. Я же на тотъ же вопросъ скажу: Императоръ Павелъ Первый!

— Что вы говорите?—въ полномъ изумленіи воскликнулъ Бенигсенъ.

Графъ Паленъ съ торжественной важностью подошелъ къ Бенигсену, и, сѣвъ рядомъ съ нимъ въ кресло, сталъ шептать ему на ухо. Бенигсенъ напряженно слушалъ, приложивъ къ уху руку, и жевалъ губами, соображая.

— Императору извѣстно, что сегодня въ полночь въ спальню его войдутъ лица, желающія, чтобы онъ подписалъ отреченіе отъ престола. Довѣренныя лица императора—я и вы, графъ, по моему указанію. Лица, принимающія участіе въ семъ предпріятіи, раздѣлены будутъ на два отряда. Во главѣ одного стану я. Во главѣ другого—вы. Вы войдете въ кабинетъ-спальню императора со стороны библіотеки его величества. Зубовы будутъ съ вами. Императоръ будетъ увѣренъ, что я съ моимъ отрядомъ буду находиться въ прихожей, отдѣляющей его спальню отъ парадныхъ покоевъ императрицы. Онъ будетъ увѣренъ въ томъ, что какъ только возвысится голосъ и крикнетъ: «Вонъ!»—я войду съ людьми и арестую мятежниковъ. Но меня не будетъ за дверью, завѣшанной ковромъ, на которомъ изображены треугольникъ, кубъ, чаша и проч., вамъ понятные знаки. Я расположусь на главной аллеѣ у замка съ нѣсколькими батальонами гвардіи. При мнѣ будетъ и генералъ Талызинъ. И я буду ждать отъ васъ посланнаго, чтобы, глядя по обстоятельствамъ, или явиться на помощь императору Павлу, или для провозглашенія его преемника Александра. Вотъ почему я и сказалъ, что какъ бы по сей моей диспозиціи ни повернулись обстоятельства, намъ съ вами обезпечена монаршая благодарность.

Паленъ умолялъ. Бенигсенъ долго сидѣлъ, погруженный въ глубокія размышленія.

Наконецъ онъ улыбнулся уксусной своей улыбкой и сказалъ:

— Да, самъ дьяволъ не придумалъ бы лучшей диспозиціи!

ХСІІІ.

Якобинскій нарядъ.

Когда около десяти часовъ вечера генералъ Бенигсенъ прибылъ къ князю Платону Зубову, онъ дѣйствительно засталъ у него, кромѣ брата его Николая, генералъ-инспектора войскъ, находившихся въ Петербургѣ, командира Преображенскаго полка Талызина, сенатора Трошинскаго, Коннаго полка полковника Уварова, любовника мачехи фаворитки императора, и адъютанта цеса-

ревича князя Волконскаго. Послѣдніе два только что прибыли съ ужина во дворцѣ и улыбаясь рассказывали, что императоръ былъ въ ужасномъ настроеніи, раздражался дикимъ смѣхомъ въ лицо императрицы; что великіе князья сидятъ подѣ арестомъ въ ихъ покояхъ, а, возвращаясь съ ужина, императоръ объявилъ дежурному полковнику Саблукову, что всѣ въ Конномъ полку якобинцы.

— Я шелъ непосредственно за спиной государя, который былъ въ башмакахъ и чулкахъ, какъ заведено у него для ужина. Едва часовой крикнулъ «вонъ!» и караулъ предѣ спальней его величества вышелъ и выстроился, какъ государь, подойдя къ Саблукову, сказалъ: «Всѣ въ вашемъ полку якобинцы!» Тотъ ему смѣло: «Вы, государь, ошибаетесь!» А государь только фыркнулъ въ отвѣтъ: «А я лучше знаю. Сводить караулъ!» Саблуковъ командуетъ: «По отдѣленіямъ, направо! Маршъ!» Меня за спиной у государя смѣхъ разбираетъ! Корнетъ Андреевскій вывелъ караулъ и отправился съ нимъ домой. А государь обратился къ двумъ лакеямъ-гусарамъ: «Вы, говоритъ, два займете этотъ постъ». Поклонился Саблукову весьма милостиво и ушелъ въ кабинетъ.

Зубовы и Волконскій громко захохотали.

— Кого Юпитеръ хочетъ наказать, у того отнимаетъ разумъ!— серьезно сказалъ генералъ Талызинъ.—Но у насъ не много времени; приступимъ къ совѣщанію.

— Да! да! Надо торопиться! — сказалъ князь Волконскій.—Я только покажусь на ужинѣ и затѣмъ съ Уваровымъ побудемъ во дворцѣ, чтобы находиться въ покояхъ великаго князя. Ни онъ, ни супруга его, конечно, въ эту ночь ни раздѣваться, ни спать не будутъ.

— Ужинъ назначенъ у меня и съѣздъ уже начался,—сказалъ генералъ Талызинъ.

— Почему же это,—вдругъ спросилъ Бенигсенъ,—великій князь съ супругою не будутъ въ эту ночь ни спать, ни раздѣваться?

Онъ казался теперь особенно дряхлымъ, прямо придурковатымъ отъ старости и улыбался уксусной своей улыбкой.

— Я сейчасъ объявлю это вамъ,—сказалъ Платонъ Зубовъ.—Страданія отечества побудили патриотовъ возревновать объ освобожденіи его отъ безумнаго самовластія, которое уже стало кровавымъ жаднымъ...

— Приступимъ прямо къ дѣлу, — прервалъ его Талызинъ. И въ краткихъ, точныхъ словахъ онъ изложилъ Бенигсену цѣль и планъ заговора.—Присоединяетесь ли вы къ намъ?—заключилъ онъ.

Бенигсенъ казался пораженнымъ. Старческій кашель сталъ трясти его. Голова его, руки и ноги дрожали.

— Вы всѣ молодые люди, кипящіе отвагой. А я уже старъ и слабъ,—прошамкалъ онъ наконецъ, — и собирался завтра отбыть

въ мое имѣніе... Предложеніе ваше застало меня неподготовленнымъ, неосвѣдомленнымъ...

— Такъ что же? Какъ вы намѣрены поступить?—опять спросилъ Талызинъ.

— Я признаю, что мѣра, вами предпринимаемая, хотя весьма опасная, тѣмъ болѣе, однако, необходимая. И... и... я желаю знать, кто стоитъ во главѣ заговора?

— Ну, конечно, Александръ! Кто же этого не знаетъ?—съ досадою крикнулъ Николай Зубовъ.

Мощный, здоровенный, съ геркулесовскими мышцами, онъ какъ быкъ смотрѣлъ исподлобья, вертя въ толстыхъ, унизанныхъ перстнями, волосатыхъ пальцахъ съ четырехугольными грязными ногтями огромную золотую табакерку.

— Это имя все разрѣшаетъ,—прошамкалъ Бенигсенъ.—Я готовъ слѣдовать за вами, господа, если только участіе иностранца, ганноверца, въ такомъ патріотическомъ предпріятіи не покажется страннымъ...

— Мы всѣ друзья человѣчества,—сказалъ князь Платонъ Зубовъ.—Самовластіе тирана грозитъ гибелью цѣлой Европѣ.

— Итакъ, вы съ нами?—спросилъ Талызинъ.

— Да, я съ вами... Сколько силъ моихъ хватить... — прошамкалъ, дурашливо улыбаясь, Бенигсенъ.

— Въ такомъ случаѣ ѣдемъ!—сказалъ Талызинъ и всталъ.

— Подождите немного. Я переодѣнусь,—попросилъ князь Зубовъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся, въ сопровожденіи камердинера и двухъ лакеевъ.

Онъ былъ одѣтъ во фракъ, круглый жилетъ, панталоны англійскаго фасона, то-есть длинныя, доходящія до ступни. Сверху накинуть былъ плащъ со множествомъ отложныхъ воротничковъ. На головѣ, причесанной à la Titus, была круглая, широкополая шляпа. Въ рукахъ онъ держалъ запечатанную колоду картъ.

Камердинеръ несъ шубу, для предохраненія князя отъ душаго холоднаго вѣтра и пронизывающаго тумана мартовской ночи. Лакеи тащили большіе узлы.

— Alia jacta est! Жребій брошенъ, господа! Въ этомъ видѣ я рѣшилъ явиться на ужинъ, чтобы одушевить нашихъ товарищей. Другая одежда въ этихъ узлахъ со мною придетъ. Предъ отбытіемъ къ его величеству я быстро переодѣнусь, прикрою голову пуклями съ косой, а тѣло — прусскимъ кафтаномъ. И надѣюсь, что это будетъ въ послѣдній разъ.

— Выдумка недурна,—сказалъ князь Волконскій.—Ничто такъ не раздражаетъ нашу военную молодежь, какъ запрещеніе одѣваться по модѣ. Якобинскій нарядъ вашъ, князь, будетъ для всѣхъ осязательнымъ предуказаніемъ тѣхъ благихъ слѣдствій, которыя принесетъ освобожденіе отечество отъ тирана.

XCIV.

Дворянская конституція.

Въ этотъ вечеръ заговорщики сначала разбились на небольшіе кружки, собравшись для предварительнаго совѣщанія у командировъ своихъ полковъ. Въ началѣ одиннадцатаго всѣ соединились вмѣстѣ на квартирѣ генерала Талызина.

Генералы, полковники и офицеры были въ полномъ мундирѣ, въ шарфахъ и орденахъ. Всѣ ожидали прибытія самого хозяина, Зубовыхъ и Палена. Въ большой залѣ толпа слугъ суетилась около приготовленныхъ столовъ. Другая толпа слугъ разносила между собравшимися въ гостинныхъ закуски, водки и даже пуншъ, что сразу подняло настроеніе. Шли громкіе разговоры, и никто не стѣснялся входившихъ и выходившихъ служителей.

Вдругъ вошли Талызинъ, Паленъ, Бенигсенъ, а за ними, въ якобинскомъ своемъ нарядѣ, не снимая круглой шляпы, съ колодой картъ въ рукѣ, князь Платонъ Зубовъ.

Оглушительные аплодисменты встрѣтили князя.

— Освобожденіе! Освобожденіе!—закричали всѣ въ восторгѣ.

Князь Зубовъ подошелъ къ столу и, распечатавъ колоду, предложилъ прометать «на счастье».

Банкъ былъ игрой, строго запрещенной, вмѣстѣ съ другими азартными играми, нарочитыми указами императора.

Доставъ изъ кармана огромный шелковый кошелекъ, князь Зубовъ позвонилъ золотомъ, которымъ онъ былъ наполненъ, и бросилъ его на столъ.

Многіе со смѣхомъ вытащили тоже увѣсистые кошельки и, звоня золотомъ, подошли къ столу и поставили карты «на счастье».

Князь Зубовъ прометалъ нѣсколько.

— Господинъ военный губернаторъ!—крикнулъ кто-то. — Что же вы не арестуете князя за его якобинскій нарядъ и упражненіе въ запрещенной игрѣ?

— Довольно дурачества, господа,—сказалъ строго Паленъ.— Вспомните, какія опасности сопряжены съ нашимъ предпріятіемъ и какъ страждетъ отечество!

Князь Зубовъ бросилъ карты. Всѣ направились къ накрытымъ столамъ. Сейчасъ же зашумѣло въ бокалахъ шампанское. Но за столъ не сѣли, а стояли вокругъ, закусывая холодными блюдами.

— Господа,—сказалъ князь Зубовъ,—роковой часъ наступилъ! Еще разъ я обращаюсь къ вашему патріотизму. Настоящее бѣдственное положеніе отечества грозитъ гибелью государству. Самовластіе императора Павла губитъ Россію. Его кровожадное бѣшенство угрожаетъ тысячамъ безвинныхъ жертвъ, беззащитныхъ

отъ его произвола и прихоти. Есть одно средство предотвратить еще большія несчастія, это—принудить Павла отречься отъ трона. Самъ наслѣдникъ престола признаетъ необходимой эту рѣшительную мѣру. Поднимаю бокаль за успѣхъ нашего предпріятія! Долой тирана!

— Долой тирана!—поднимая и осушая бокалы, закричали всѣ.— Освобожденіе! Освобожденіе!

— Освобожденіе и конституція!—кричали другіе.

— Республика!—ломающимся голосомъ крикнулъ молоденькій кавалергардъ.

— Господа, я слышу здѣсь требованіе измѣненія формы правленія, — началъ опять князь Зубовъ.—О семь предметѣ точно должно подумать, ибо одна перемѣна правителя еще не обезпечиваетъ отечество отъ будущиxъ злоупотребленій самовластія. Всѣ мы возлагаемъ наши надежды на прекрасное сердце Александра. Но онъ самъ ненавидитъ самовластіе. Господа, о семь предметѣ я не мало думалъ и бралъ нарочно у генерала Клингера сочиненіе Делолма объ англійской конституціи. Совѣщался со многими государственными мужами на сей предметъ. И ясно оказалось, что конституція намъ потребна, съ нашими нравами соображенная. И при народномъ невѣжествѣ, кажется мнѣ, надобно на первое время ограничить самовластіе твердыми аристократическими институціями. Въ карманѣ у меня лежитъ бумага, планъ таковыхъ излагающая. Предлагаю я установить политическую свободу, сначала для одного дворянства, въ учрежденіи верховнаго сената, котораго часть несмѣняемыхъ членовъ—*inamovibles*,—пояснилъ Зубовъ французскимъ терминомъ,—назначалась бы отъ короны, а большинство состояло бы изъ избранныхъ дворянствомъ отъ своего сословія лицъ. Подъ сенатомъ, въ іерархической постепенности, были бы дворянскія собранія, какъ губернскія, такъ и уѣздныя. Сенатъ былъ бы облеченъ полною властью законодательною, а императорамъ оставалась бы исполнительная власть съ правомъ утверждать обсужденные и принятыя сенатомъ законы и обнародовывать ихъ. Сія конституція великую пользу принесетъ отечеству. И, полагаю, Александръ ее съ охотой сегодня же подпишетъ.

— Превосходно! Конституція! Конституція! Взять съ Александра запись! Ограничить самовластіе, непремѣнно ограничить! Это позоръ Европы!—закричали заговорщики.

— *Vive la republique et senatus consultus!* — кричалъ мальчишескимъ, пѣтушинымъ голосомъ кавалергардскій подпоручикъ.

— Не могу съ симъ предложеніемъ согласиться,—вдругъ громко и важно сказалъ генералъ Галызинъ.—Аристократическія институціи кажутся мнѣ худшимъ еще зломъ, нежели самодержавная власть; олигархія поведетъ наше отечество къ распаденію, подобно Польшѣ.

— Мы должны освободить и Польшу!—крикнулъ вдругъ капитанъ Шеншинъ.—Мы должны дать особую конституцію Польшѣ съ Литвой и Бѣлоруссіей!

— Вѣрно! Вѣрно!—подхватило нѣсколько голосовъ.—Мы должны искупить наши вины предъ поляками! Золотая свобода! Золотая свобода!

— Прежде освободимъ отъ тирана свое отечество, а Польша и подождать можетъ!—закричали другіе.

— Мнѣ кажется,—вдругъ на дурномъ русскомъ языкѣ заявилъ Преображенскаго полка штабсъ-капитанъ баронъ Розень:—что и герцогство Курляндское должно имѣть особливую отъ имперской конституцію!

Но Палень метнулъ въ его сторону злобный взглядъ, и Розень умолкъ, поперхнувшись шампанскимъ.

— Выслушайте меня, господа!—возвысилъ голосъ Талызинъ.—Отечество требуетъ низложенія тирана, болѣзненное воспаленіе разсудка котораго стало кровожаднымъ. Сынъ Екатерины, презря свѣтлыя начала сей властительницы, господствуетъ всеобщимъ ужасомъ, не какъ монархъ законный, но яко узурпаторъ. Онъ казнить безъ вины, награждаетъ безъ заслугъ, отнялъ стыдъ у казни, у награды прелесть. Онъ умертвилъ въ нашихъ полкахъ благородный духъ воинскій, подъ предлогомъ искорененія нѣкоторыхъ злоупотребленій, подлинно вкравшихся, и замѣнилъ его духомъ капральства. Героевъ, приученныхъ къ побѣдамъ Румянцовымъ, Суворовымъ, училъ маршировать. Презирая душу, уважаетъ пукли, косы, воротники да шляпы. Онъ питается желчью зла и вымышляетъ ежедневно способы ужасать людей. Довольно! терпѣть больше мы не можемъ, не хотимъ, не смѣемъ. Отечество насъ призываетъ! Сегодня, сейчасъ онъ будетъ низложенъ!

— Долой тирана!—единодушно закричали всѣ заговорщики.

— Павелъ будетъ низложенъ, — продолжалъ Талызинъ, когда волненіе утихло.—Престолъ занимаетъ Александръ. Надо ли вязать его волю аристократическими институціями? Сенатомъ дворянъ? Никогда! Въмѣсто одного тирана мы увидимъ многихъ, къ тому же между собою враждующихъ. Дворянскій сенатъ принесетъ интересы отечества въ жертву сословнымъ дворянскимъ интересамъ. Отечество не того ожидаетъ отъ Александра. Онъ долженъ освободить отъ оковъ милліоны несчастныхъ, подъ властью жестокихъ господъ изнывающихъ, лишенныхъ правъ человѣка и гражданина, крѣпостныхъ людей! Вы хотите низложить тирана въ Михайловскомъ замкѣ. Но въ каждой господской усадьбѣ сидитъ тиранъ и узурпаторъ, безбожно властительствуя одинъ нерѣдко надъ тысячами своихъ братьевъ, и въ наложницы себѣ принуждаетъ звѣрски женъ чужихъ и невинныхъ дѣвъ. Сіе зло прекратить должно. Сихъ тирановъ испровергнуть. А дворянская конститу-

ція и дворянскій сенатъ лишь закрѣпляютъ это зло и поруганіе чело-
вѣчества.

Натянутое молчаніе было отвѣтомъ Талызину. Старшіе пожи-
мали плечами и улыбались. Младшіе устремили взоръ на стар-
шихъ, чтобы принять ихъ мнѣніе. Раздались ворчливья впло-
голоса замѣчанія:

— Далеко хватилъ! Дворянинъ идетъ противъ своей же братіи—
дворянъ! Не всѣ подданныхъ своихъ тиранятъ! Объяви имъ волю,
они завтра же всѣхъ господъ перерѣжутъ! Особенно дворовая че-
лядь! У каждого за голенищемъ ножъ! Вспомнилъ бы Пугачева!

— И при прислугѣ столь неосторожно говорить,—замѣтилъ кто-то
по французски:—а они и ротъ разинули, рады.

Сенаторъ Трошинскій почелъ долгомъ вступить и сказалъ
нѣсколько примиряющихъ фразъ, что, конечно, должно злыхъ гос-
подъ, мучащихъ подданныхъ своихъ, обуздать и вообще на сей
предметъ поставить правила, но что благородное сословіе дворянъ
въ сенатѣ, конечно, само позаботится о семъ и порочныхъ чле-
новъ непремѣнно извергнетъ.

— Господа, не довольно ли разговоровъ?— сказалъ Паленъ.—
Прежде надо дѣло сдѣлать, а потомъ разсуждать о конституціяхъ.
Нѣкую запись можно взять съ Александра. Но прежде задуман-
ное исполнить въ точности. Плюю на тѣхъ, кто говоритъ только,
а дѣла не дѣлаетъ. Каждый долженъ сегодня исполнить свой долгъ
передъ отечествомъ. А диспозиція объявлена. Итакъ, выпьемъ
послѣдній кубокъ и впередъ!

— Впередъ! Нечего разсуждать! Тамъ видно будетъ!— закри-
чали заговорщики.

— *Rappelez-vous, messieurs*,—раздѣльно, четко, громовымъ го-
лосомъ сказалъ военный губернаторъ графъ Паленъ,—*rappelez-
vous, messieurs, que pour manger une omelette il faut commencer
par casser les oeufs!*¹⁾

И, осушивъ свой бокаль, Паленъ бросилъ его на полъ и раз-
билъ въдребезги. Многіе послѣдовали его примѣру.

ХСV.

Разъѣздъ.

Первыми съ ужина отбыли генералы Талызинъ и Депперадо-
вичъ. Они должны были собрать участвовавшіе въ заговорѣ ба-
тальоны: генералъ Талызинъ своихъ преобразенцевъ на дворѣ дома
англійскаго клуба близъ Лѣтняго сада; генералъ Депперадовичъ—
семеновцевъ на Невской перспективѣ, вблизи Гостинаго двора, про-

¹⁾ Помните, господа, чтобы полакомиться личницей, надо прежде всего раз-
бить яйца.

тивъ улицы, ведшей къ воротамъ главной аллеи Михайловскаго замка. Пикеты семеновцевъ должны были занять внутренніе коридоры и проходы замка. Бывшіе на ужинѣ генералы, полковники и офицеры различныхъ гвардейскихъ полковъ были раздѣлены на двѣ колонны. Военный губернаторъ Паленъ и генералъ Уваровъ съ небольшимъ числомъ еще лицъ должны были присоединиться къ батальону семеновцевъ, генерала Депрерадовича.

Князь Платонъ и графъ Николай Зубовы, Бенигсенъ и большая часть заговорщиковъ должны были ѣхать въ англійскій клубъ и стать во главѣ батальона преображенцевъ генерала Талызина. Именно заговорщикамъ второй колонны предстояло пройти по тайнымъ лѣстницамъ, чтобы арестовать императора въ его спальнѣ, отвезти въ крѣпость и тамъ предложить ему подписать актъ отреченія отъ престола.

Большая часть заговорщиковъ вполнѣ оправдывала мнѣніе о нихъ Палена и Бенигсена, какъ о «ватагѣ вертопраховъ». Уже то умственное напряженіе, котораго потребовали рѣчи Зубова и Талызина, ихъ утомило, и они спѣшили въ непринужденной болтовнѣ, острогахъ и каламбурахъ вылить свое мозговое раздраженіе. Наболѣе серьезные и дѣльные изъ заговорщиковъ отбыли съ Талызинымъ и Депрерадовичемъ, чтобы вести солдатъ къ замку. Эти почти не пили за ужиномъ и были въ суровомъ, твердомъ и мужественномъ настроеніи. Имъ было поручено разставить внѣшніе и внутренніе караульные пикеты. Совершенно трезвы были и солдаты.

Но оставшіеся еще въ пиршественной залѣ проявляли крайнее легкомысліе. Подъ вліяніемъ винныхъ паровъ предпріятіе имъ казалось весьма легкимъ и удобоисполнимымъ. Одни съ хохотомъ и остротами помогали переодѣваться князю Платону, напѣвая:

Le nom de patrie
Fait battre mon coeur!
Mon âme est remplie
D'une sainte ardeur ¹⁾.

Имъ представлялось, что они «освободители», какъ они себя именовали, разыгрываютъ Вольтерова «Брута» или «Смерть Цезаря». Кавалергардскій подпоручикъ, съ жестикулировкой россійскаго петиметра, воображалъ, что онъ — Брутъ, «*républicain farouche*», «*cruel citoyen*» — Brutus — «*ce puissant génie, ce héros armé contre la tyrannie*» ²⁾.

¹⁾ Наименованіе отечества заставляеть биться мое сердце; моя душа полна святой горячностью.

²⁾ Брутъ — суровый республиканецъ, жестокій гражданинъ, могущественный геній, герой, вооруженный противъ тираниі.

И онъ напыщенно декламировалъ александрины Вольтера:

Toujours indépendant, et toujours citoyen,
Mon devoir me suffit, tout le reste n'est rien.
Aller, ne songer plus qu'à sortir d'esclavage! ¹⁾

И полковникъ князь Яшвиль, желая выказать начитанность и знакомство съ Вольтеровой трагедіей, закатывая глаза, подавалъ реплику кавалергардскому подпоручику:

O mânes de Caton, soutenez ma vertu! ²⁾

— Вы, молодые люди, еще неопытны суть,—вдругъ рѣзкимъ, неприятнымъ голосомъ сказалъ генералъ Бенигсенъ, поднимаясь и выпрямившись. Старческой слабости, съ которой онъ до сихъ поръ, улыбаясь укусной улыбкой, присутствовалъ на ужинѣ и при начавшемся развѣздѣ, какъ не бывало. Глаза его горѣли зловѣщимъ огнемъ подъ косматыми бровями, и весь онъ напоминалъ огромную ночную хищную птицу.

— Вы суть неопытные и полагаете, что низложить императора Россіи то же самое, что играть на сценѣ трагедію. Есть небольшая разница!

— Если вы такъ опытны въ этихъ дѣлахъ,—закричалъ князь Яшвиль:—то и ведите насъ, генералъ!

— Впередъ! Не о чемъ больше размышлять!—устремляясь вонъ, кричалъ кавалергардскій полковникъ графъ Голенищевъ-Кутузовъ.—Но благодаренъ подпоручику, воодушевляющему насъ благородными строфами великаго Фернейскаго старца! И, обращаясь къ нему, графъ Голенищевъ-Кутузовъ продекламировалъ слова Кассія:

Jurons d'exterminer
Quiconque ainsi que lui prétendra gouverner;
Fussent nos propres fils, nos frères, ou nos pères;
S'ils sont tyrans, Brutus, ils sont nos adversaires!
Un vrai républicain n'a pour père et pour fils
Que la vertu, les dieux, les lois et son pays ³⁾.

Брутъ и Кассій изъ Кавалергардскаго собственнаго государыни императрицы полка пожали крѣпко другъ другу руки.

Наши сестры—сабли, сабли востры,
Вотъ и наши сестры!

¹⁾ Я всегда независимъ и только гражданинъ во всемъ; съ меня достаточно чувства долга; все остальное для меня не существуетъ; идемъ, не будемъ думать ни о чемъ болѣе, кромѣ избавленія отъ рабства.

²⁾ О, тѣнь Катона! Поддержи мою добродѣтель!

³⁾ Клянемся истребить всякаго, кто замыслилъ управлять подобно ему, будь то наши собственные сыновья, братья, отцы; но если они тираны, Брутъ, они наши противники. Для истиннаго республиканца нѣтъ ни отца, ни сына, кромѣ добродѣтели, отечественныхъ боговъ, законовъ и родины.

затянуть кто-то изъ гвардейцевъ, выходя на лѣстницу.

Наши жены—ружья заряжены!—

Вотъ и наши жены!

подхватили хоромъ заговорщики.

Наши дяди...

Внизу въ большія сани съ богатымъ ковромъ садился графъ Паленъ. Два полицейскихъ чиновника—итальянецъ Морелли и французъ, по фамиліи Тиранъ, изъ войскъ Конде, сидели съ нимъ.

— Тиранъ ѣдетъ низлагать тирана!—скаламбурилъ кто-то.

Пьяный хохотъ былъ отвѣтомъ на плоскую остроту.

Гвардейцы сидели на своихъ рысаковъ, обмѣниваясь французскими фразами, какъ будто на обыкновенномъ развѣздѣ съ товарищеской попойки.

— Выпивъ шампанскаго, пріятно проѣхаться для освѣженія за городъ!—острили они, намекая на то, что Михайловскій замокъ объявленъ былъ императоромъ «загороднымъ».

ХСVI.

Движеніе войскъ

По прибытіи къ семеновцамъ и преображенцамъ, Паленъ и Бенигсенъ должны были начать движеніе одновременно, за полчаса до полуночи.

Еще съ девяти часовъ вечера по регламенту столица погружалась въ глубокій мракъ, такъ какъ всѣ ставни въ домахъ наглухо запирались и въ окнахъ не было видно ни одной свѣчки. Спали обыватели или бодрствовали? Это невозможно было узнать, такъ тщательно запирались ворота, калитки, двери и окна. Немногіе уличные фонари, раскачиваемые на цѣпяхъ пронзительнымъ, ледянымъ вѣтромъ, уныло скрипѣли, и слабый свѣтъ сальныхъ плашекъ, въ нихъ горѣвшихъ, тонулъ во мракѣ облачной, безлунной ночи. Концы улицъ, запертые рогатками, охранялись караульными. Развѣзжавшіе патрули опрашивали всякаго, кого только самонужнѣйшая причина выгоняла изъ дому. Малѣйшаго сомнѣнія было достаточно, чтобы несчастливца отправили на гауптвахту. Безпрепятственно пропускались только доктора, повивальныя бабки, гробовщики, попы, городскіе фурлейты (императорскимъ указомъ переименованные такъ изъ «фурмановъ») и профосы. Казалось, то былъ городъ въ осадѣ непріятельской.

Въ эту мартовскую ненастную ночь, въ безмолвіи темнаго, казавшагося вымершимъ города, раздавался только свистъ бурнаго вѣтра, лай и вой псовъ, въ то время неизмѣнно имѣвшихся на каждомъ дворѣ, и протяжные окрики часовыхъ.

Раздѣливъ семеновцевъ на нѣсколько пикетовъ и вручивъ команду ими прибывшимъ съ Депрерадовичемъ офицерамъ, Паленъ скорымъ шагомъ повелъ людей къ воротамъ на главной аллеѣ замка.

У воротъ ихъ встрѣтилъ братъ полкового адъютанта императора. Самъ Аргамаковъ стоялъ въ это время у пѣшеходнаго мостика на рву противъ Лѣтняго сада и встрѣчалъ тамъ вторую колонну заговорщиковъ съ преобращенцами, которую вели Беннигенъ и Тальзинъ.

Прибывшіе вслѣдъ за Паленомъ заговорщики составляли какъ бы штабъ его и шли отдѣльной бандой вслѣдъ за нимъ.

Аргамаковъ спросилъ пароль и лозунгъ.

— Графъ Паленъ! Золотой овенъ!

Ворота отворились. Отрядъ за отрядомъ вступали въ темную, осѣненную старыми деревьями аллею. Много видѣли эти деревья! Они видѣли царевича Алексѣя Петровича, въ кандалахъ вывозимаго въ крѣпость! Они видѣли стараго, больного Остермана, несомаго на креслахъ къ умирающей императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ! Они видѣли герцога Бирона, Анну Леопольдовну, сопровождающую младенца-императора Юанна Антоновича, Елизавету Петровну, графа Панина съ маленькимъ Павломъ Петровичемъ на рукахъ, поспѣшающаго въ Зимній, гдѣ уже присягали его матери Екатеринѣ. Теперь черные гиганты, скрипя, сшибаясь вѣтвями, раскачиваемые бурными порывами вѣтра, осѣняли таинственные ряды солдатъ, тяжкій шагъ которыхъ глухо отзывался на промерзломъ грунтѣ, въ ночномъ безмолвіи и мракѣ стремившихся къ мрачной глыбѣ замка несчастнаго властителя.

Вдругъ надъ Лѣтнимъ садомъ съ крикомъ поднялась туча безчисленныхъ воронъ и галокъ, обычно тамъ ночевавшихъ.

Птицы носились надъ замкомъ и неистово кричали. Взметнулись и вороны, спавшія въ аллеяхъ и боковыхъ садахъ.

— Преображенцы съ той стороны идутъ, — замѣтилъ одинъ изъ гренадеръ. — Возбудили воронье!

— Дурная это примѣта! — замѣтилъ другой.

И опять молча продолжали путь.

Молодой офицеръ, ведшій отрядъ послѣднимъ въ хвостѣ колонны, невольно вспомнилъ капитолійскихъ гусей, крикомъ предупредившихъ ночной приступъ враговъ, пробудившихъ сторожей и спасшихъ Римъ. Что какъ и крики воронъ пробудятъ императора и предупредятъ его объ опасности?

Раздраженные нервы молодого человѣка не вынесли этого таинственнаго и безмолвнаго шествія на опаснѣйшее предпріятіе. Къ тому же угрюмый видъ молчаливыхъ солдатъ внушалъ ему опасенія, что они сомнѣваются въ цѣляхъ предпріятія.

— Дурная ли примѣта, или нѣтъ,—сказаль онъ:—а итти надо и все исполнить до конца. Наше дѣло, ребята, правое! Отечество требуетъ, и мы должны итти!.. Императоръ боленъ и не можетъ править государствомъ. Поступки его стали неладные, и цесаревичъ принужденъ взять въ свои руки правленіе. При Александрѣ всѣмъ будетъ свобода. Это—ангелъ. Вы его знаете, ребята.

И, полагая, что солдаты лучше поймутъ его, если онъ станетъ говорить съ точки зрѣнія матеріальныхъ интересовъ, офицеръ сталъ объяснять солдатамъ, что императоръ объявилъ войну Англіи и запретилъ съ нею торговать. А разрывъ съ Англіей наноситъ неизъяснимый вредъ нашей заграничной торговлѣ. Англія снабжала насъ произведеніями мануфактурными и колониальными за сырыя произведенія нашей почвы. Эта торговля открывала единственные пути, которыми въ Россію притекало все для насъ необходимое. Дворянство было обезпечено въ вѣрномъ полученіи доходовъ съ своихъ помѣстій, отпуская за море хлѣбъ, корабельный лѣсъ, мачты, сало, пеньку, ленъ. Теперь это все на рукахъ останется. А купцы безъ товаровъ. Сіе грозитъ разореніемъ государству. Александръ отмѣнитъ все сіе, ребята.

— Что лясы точить, ваше благородіе,—сказаль старый гренадеръ, когда офицеръ кончилъ объясненія. — Павелъ, Александръ, намъ это едино. Хоша, конечно, лучше отца Александръ не будетъ. Однако, что ни попъ, то батька.

— Намъ, ваше благородіе, до помѣщиковъ и купцовъ дѣла нѣтъ,—сказаль другой, помоложе, съ серьгой въ ухѣ. —Мы, кромѣ солдатской службы, ни на что не гожи. У насъ каждая жила вытянута, каждый суставъ вывихнуть. А свое мы получили.

И, доставъ кисеть, солдатъ позвонилъ золотомъ, лежавшимъ въ немъ.

— Слышь, англичанка-то изъ клуба три боченка золота на эфто дѣло выкатила!—ввернулъ молодой солдатъ.—Одинъ боченокъ-господамъ енараламъ, другой—офицерамъ, а третій ужъ нашей братіи, солдатикамъ.

Въ это время передній отрядъ остановился передъ рѣшеткой замерзшаго рва:

— Смирно! Не дышать! — прошла команда, отъ головы до хвоста колонны.

Солдаты стали соскакивать на ледъ, переходить на другую сторону и строиться на коннетаблѣ, гдѣ возносился на конѣ своемъ недвижимый мѣдный гигантъ.

Въ то же время и со стороны Рождественскихъ воротъ генералы Талызинъ и князь Вяземскій и полковникъ Запольскій вводили третій и четвертый батальоны Преображенскаго полка. Войска

оружили замокъ. На колокольнѣ медленно и заунывно куранты подъ музыку и перезвонъ стали бить полночь.

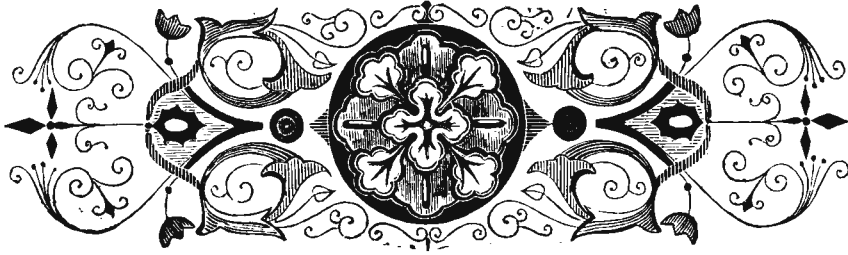
Стая галокъ и воронъ продолжали тучей носиться надъ замкомъ и садами, неистово каркая.

Но ни единого луча, ни единой искры и ни единого звука не исходило изъ громады императорскаго мавзолея.

Н. А. Энгельгардтъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ РЕПОРТЕРА ¹⁾.

XLVII.

ЕЩЕ ОДНИМЪ взрывчатымъ веществомъ больше. Да здравствуетъ человѣческій гений! Ъздили въ Таицы. Поѣздка была совершена 19 января 1899 г. съ шикомъ, съ трескомъ и съ роскошью. Ровно въ 11 часовъ утра съ Балтійскаго вокзала отошелъ экстренный поѣздъ изъ трехъ вагоновъ перваго класса. Одинъ изъ нихъ—вагонъ-салонъ. Начинку поѣзда составляли: директоръ департамента торговли и мануфактуръ Владимиръ Ивановичъ Ковалевскій, профессоръ химіи Дмитрій Петровичъ Коноваловъ, нѣсколько профессоровъ технологическаго института, нѣсколько горнаго института, два-три горныхъ инженера и человѣкъ десять специалистовъ-техниковъ. Даже архихимикъ Дмитрій Ивановичъ Менделѣевъ прислалъ отъ себя представителя и замѣстителя—инженера г. Гусева. Все это былъ народъ очень милый и, какъ оказалось впоследствии, очень теплый. Хозяиномъ поѣзда и поѣздки былъ Михаилъ Николаевичъ Соковнинъ. Ъздили мы пробовать новое взрывчатое вещество «Прометей», замѣчательное между прочимъ и даже главнымъ образомъ тѣмъ, что, обладая страшной взрывчатою силой, оно вполне безопасно не только въ рукахъ темнаго рабочаго, но, пожалуй, даже и ребенка. Эти-то свойства «Прометей» мы и ѣздили

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. СХ стр. 42.

зрѣть и доказывать. Я былъ приглашенъ въ качествѣ газетнаго человѣка Соковнинымъ, который, будучи не знакомъ со мною, но знакомъ по Москвѣ съ моимъ братомъ Антономъ Павловичемъ, прислалъ мнѣ пригласительное письмо и, независимо отъ этого, — пригласительный билетъ въ редакцію. Кромѣ меня, въ поѣздѣ были: Лесманъ отъ «Новостей», Юрьевъ—отъ «Виржевыхъ Вѣдомостей», Шимановскій—отъ «Торгово-Промышленной Газеты» и какой-то молоденькій студентикъ—отъ «Петербургскихъ Вѣдомостей». Мелкая пресса не была приглашена на это крупное событіе. Лесманъ почувалъ закуску и засѣлъ въ вагонъ-салонъ, гдѣ лакей сервировалъ столъ, а мы четверомъ засѣли въ другой вагонъ, въ купе 1 класса. Сидимъ и болтаемъ о томъ, какъ тяжело нашему брату—ночному работнику—вставать рано. Не успѣли мы перебраться и десяткомъ фразъ, какъ къ намъ въ купе пожаловалъ одинъ изъ инженеровъ съ водкой и за нимъ — лакей съ бутербродами и пирожками. Насъ пригласили выпить и закусить «пока начерно». Поѣздъ въ это время летѣлъ курьерскимъ ходомъ. Шимановскій и я на этотъ разъ отказались отъ выпивки: было еще очень рано, а студентикъ и Юрьевъ выпили по двѣ рюмки и отъ непривычки пить утромъ скоро захмелѣли довольно осязательно. Но хмель этотъ скоро прошелъ. Я отдалъ честь бутербродамъ и сѣлъ ихъ, кажется, штукъ пять. Оказалось потомъ, что эта закуска «начерно» была какъ нельзя болѣе кстати, потому что дальнѣйшая наша экскурсія происходила среди полярнаго холода и глубокихъ снѣговъ.

Въ Лиговѣ къ намъ подсѣлъ одинъ изъ заправилъ общества или товарищества «Прометей» и сталъ подготавливать насъ, начиная свѣдѣніями относительно состава и свойствъ новаго взрывчатаго вещества. Состоитъ это вещество изъ смѣси бертолетовой соли и перекиси марганца. Смѣсь горитъ, но не взрываетъ. Чтобы сдѣлать ее взрывчатой, нужно пропитать ее смѣсью нитробензола, нефти и скипидара. Но и пропитанный патронъ безопасенъ: его можно бросать объ землю, бить и всячески ковырять — и онъ взрыва все-таки не дастъ. Словомъ, онъ не даетъ воспламененія при тѣхъ условіяхъ, когда динамитъ давно бы уже воспламенился и взорвалъ. Рабочій можетъ смѣло носить съ собою сколько угодно патроновъ «Прометей» въ шахтѣ, падать съ ними, ронять ихъ и подвергать всевозможнымъ толчкамъ — и останется цѣлъ и невредимъ. Для иллюстраціи нашъ собесѣдникъ рассказалъ намъ слѣдующій «анекдотъ». Въ одной изъ шахтъ рабочій былъ посланъ въ штольню произвести взрывъ. Взялъ онъ съ собою потребное количество динамитныхъ патроновъ и спустился подъ землю. Черезъ нѣсколько времени изъ шахты послышался взрывъ, за нимъ — другой, третій и потомъ взрывы прекратились. Черезъ извѣстный промежутокъ времени спустились въ шахту и другія лица посмо-

трѣть результаты взрыва и — вмѣсто рабочаго нашли только маленькій кусочекъ его уха. Не будь этого кусочка — невозможно было бы доказать, что въ штольнѣ былъ человѣкъ. Исчезновеніе объяснено было такъ: рабочій съ динамитными патронами въ жарманѣ шелъ по шахтѣ, споткнулся и упалъ. Этого было вполне достаточно, чтобы патроны взорвало. Мораль — случись этотъ па-зусъ съ «Прометеемъ», который мы ѣхали испытывать, рабочій могъ спотыкаться и падать, сколько ему угодно и остался бы живъ. Однимъ словомъ, да здравствуетъ «Прометей», а динамиту рекомендуется отступить на задній планъ.

Во время этой бесѣды къ намъ въ купе не разъ вносили свѣжіе бутерброды и пирожки и пообѣщали принести еще вина — «чего-нибудь въ родѣ мадерцы», но это не осуществилось, потому что поѣздъ подошелъ къ станціи Таицы и намъ пришлось выльзать изъ вагоновъ.

Изобрѣтатели состава и устроители поѣздки были, повидимому, глубокими психологами и употребили самое вѣрное средство, чтобы размягчить души будущихъ судей «Прометея». При выходѣ изъ вагоновъ на платформу оказалось не мало лицъ, весьма благодушно настроенныхъ и склонныхъ отнести къ новому взрывчатому веществу самымъ благосклоннымъ образомъ, даже если бы оно оказалось и никуда негоднымъ. Одинъ молодой инженеръ съ слегка посоловѣвшими глазами и раскраснѣвшими щеками, вдохнувъ въ себя струю морознаго воздуха, воскликнулъ:

— Теперь бы хорошенькихъ дамочекъ да тройку съ бубенчиками!..

— Это, братъ, хорошо ночью, а не теперь, — отвѣтилъ ему степенно товарищъ.

— Днемъ не найдешь настоящей поэзіи. — А погодка дѣйствительно недурная...

Было морозно, и этотъ морозъ далъ себя потомъ почувствовать. Опыты начались съ того, что Соковнинъ повелъ всю многочисленную компанію въ какую-то пустую и плохо вытопленную дачу и тамъ какой-то мастеръ при всемъ честномъ народѣ демонстративно смѣшалъ въ большомъ тазу бертолетову соль съ перекисью марганца и набилъ этой смѣсью нѣсколько бумажныхъ патроновъ. Кто-то изъ инженеровъ при этомъ нѣсколько разъ повторилъ:

— Смотрите, господа, и поучайтесь... Все — очень просто... Мы изъ этого секрета не дѣлаемъ...

Потомъ всѣхъ насъ разсадили по два и по три человѣка на заранѣе припасенную вереницу деревенскихъ саней и повезли куда-то далеко по снѣжному полю, по сторонамъ котораго вправо и влево виднѣлись лѣса. Везли насъ довольно долго и затѣмъ скомапдовали: стопъ! Предстоялъ опытъ номеръ первый. Всѣ выльзали изъ саней и столпились на дорогѣ. Мужики-возницы, очевидно,

уже предупрежденные, отъѣхали для безопасности немного подальше. Публика недоумѣвала:

— Въ чемъ дѣло? Что будетъ?

Какъ бы въ отвѣтъ на это откуда-то выскочилъ новый мастеръ и, не говоря ни слова, началъ разматывать съ огромнаго вала и разстилать по снѣгу мѣдную проволоку длиною сажень въ сто, а можетъ быть и больше. Тутъ только мы замѣтили вдаль, въ полѣ, какой-то небольшой темный предметъ. Это оказалась бочка, на дно которой былъ положенъ зарядъ «Прометей», а остальное пространство до самыхъ краевъ было засыпано плотно утрамбованной глиной. Проводники соединили съ бочкой и приладили Румкорфову спираль. По данному сигналу мастеръ соединилъ концы проволокъ. Раздался легкій, сухой трескъ, бочка колыхнулась, и въ одинъ моментъ отъ нея не осталось и слѣда. Кто-то закричалъ: «браво».

Опять разсѣлись по санямъ и поѣхали дальше, куда-то въ лѣсъ, въ самую глубь и глушь. Морозъ началъ крѣпчать, и публика стала поеживаться. Приобрѣтенный въ поѣздѣ хмель испарился у всѣхъ. Везли насъ долго и завезли въ концѣ концовъ въ какія-то плохо проходимыя дебри. Дорога кончилась. Пришлось вылѣзть изъ саней и итти пѣшкомъ по какой-то снѣговой тропинкѣ, по бокамъ которой тамъ и сямъ попадались угрюмые черные камни.

— Куда насъ ведутъ?— раздавались голоса.

— Взрывать скалу.

— Однакоже, холодно... И дорога анаемская...

Подошли, наконецъ, и къ скалѣ. Скала дѣйствительно оказалась довольно солидной по размѣрамъ. Это былъ огромный черный камень, глубоко вросшій въ землю и даже кое-гдѣ покрытый мхомъ и лишаями. Такія скалы сплошь и рядомъ попадаются въ Финляндіи и въ шхерахъ. Тутъ насъ продержали довольно долго, и вся компанія промерзла порядочно. Дошло дѣло даже до того, что многіе начали приплясывать подъ вѣковыми, молчаливыми соснами, чтобы согрѣть озябшія ноги.

У скалы вышло маленькое недоразумѣніе. Изобрѣтатели заранѣе просверлили въ нѣсколькихъ мѣстахъ скалу каналами для того, чтобы начинить ихъ «Прометеемъ», но самую начинку, ради пущей торжественности и наглядности, оставили до прибытія гостей. При хорошей погодѣ изъ этого вышелъ бы интересный экспериментъ, но тутъ подвернулся неожиданный морозъ и испортилъ общее настроеніе духа. Приходилось лишній часъ зябнуть. А мастера, какъ нарочно, начинали каналы долго-предолго: у нихъ зябли и плохо повиновались руки. Начинало уже вечерѣть, и небо помаленьку принимало темносвинцовый, зимній колоритъ. Кое-какъ однакоже сладили. Иззябшую и порядочно-таки продрогшую публику пригласили отодвинуться отъ скалы подальше, ибо сейчасъ произойдетъ взрывъ.

Взрывъ произошелъ. Сначала на глазахъ у всѣхъ съ легкимъ трескомъ скала подпрыгнула и менѣе чѣмъ черезъ секунду тяжело осѣла и улеглась на томъ же мѣстѣ въ видѣ раздробленныхъ крупныхъ и мелкихъ камней. Дыма при этомъ получилось немного.

Опять кто-то крикнулъ: «браво» и нѣсколько иззябшихъ рукъ попробовало зааплодировать.

— Видѣли, сила какая? — обратился къ публикѣ одинъ изъ инженеровъ.

— Да, сила дѣйствительно тово... Только очень холодно...

— Скалы какъ не бывало... А употреблено всего только нѣсколько патроновъ. Я, знаете ли, когда сюда ѣхали, сидѣлъ въ саняхъ на этихъ самыхъ патронахъ... Отъ толчковъ они не взрываютъ... Безопасны вполне...

— Браво, браво...

Предполагался еще третій опытъ. Предстояло, выйдя изъ лѣса, сѣсть опять въ сани и ѣхать куда-то версты за двѣ взрывать какой-то мощный гранитный «карьеръ». Но сильно промерзшая компанія запротестовала такъ энергично, что Соковнинъ долженъ былъ уступить и отказаться отъ поѣздки. Судьи рѣшили, что репутація «Прометей» уже прочно установлена опытами съ бочкой и со скалой и что насчетъ карьера всѣ вѣрятъ Соковнину на слово.

— Взорвите его когда-нибудь безъ насъ, для собственнаго удовольствія и потомъ расскажите намъ о результатахъ. Мы вамъ на слово повѣримъ,—пошутилъ кто-то.—А теперь везите насъ ради Бога на желѣзную дорогу, на станцію... Дьявольски холодно.

Соковнинъ въ отвѣтъ молча поклонился. Выбравшись изъ лѣса, мы, почти оконченнѣвше, снова усѣлись въ сани и уже совѣмъ въ потемкахъ поѣхали по направленію къ станціи желѣзной дороги, заранѣе предвкушая тепло станціонныхъ печей. Но возницы неожиданно свернули куда-то вправо, опять въ какой-то лѣсъ или паркъ и остановились передъ большою деревянною дачей. Тутъ намъ предложено было выйти изъ экипажей. Черезъ двѣ-три минуты мы оказались въ большой, теплой и ярко освѣщенной залѣ съ роскошно сервированнымъ обѣденнымъ столомъ.

Обѣдъ былъ поданъ на славу—при томъ обѣдъ не въ Питерѣ и не въ первоклассномъ ресторанѣ, гдѣ все подъ рукою, а въ глуши, въ Таицахъ, въ глухое, зимнее время. Послѣ обильныхъ и роскошныхъ закусокъ съ цѣлымъ моремъ всевозможныхъ водокъ, были поданы: рябчиковое пюре съ пирожками и дьяблями, таймень и форели съ соусомъ провансаль, оленье сѣдло, спаржа, мороженое, кофе, коньякъ и ликеры. Я нарочно выписываю это меню, чтобы показать, какъ кушаютъ и угощаютъ инженеры, если нужно пустить въ ходъ какое-нибудь дѣло... Шампанское текло въ

изобилин; мадеры, лафиты, рейнвейны высокихъ марокъ и шипучіе монтраше очень долго не сходили со стола. Рѣчей было столько же, сколько и винъ. «Прометею» сулилось славное будущее; динамитъ былъ похороненъ, какъ отжившій и опасный составъ. Сигары были такъ ароматны, что одинъ изъ моихъ сосѣдей запряталъ ихъ къ себѣ въ карманъ цѣлую коробку. Словомъ, проба взрывчатого вещества закончилась цѣлымъ взрывомъ рѣчей, пожеланій, восторговъ и удовольствій...

На обратномъ пути въ вагонахъ рассказывались анекдоты. Владимиръ Ивановичъ Ковалевскій—хохолъ и искренній украинофилъ—рассказывалъ очень остроумныя вещицы изъ малороссійской жизни. Сановникъ въ немъ пропалъ, и наружу выступилъ милый, добрый и остроумный собесѣдникъ. Другіе отъ него не отставали. Кто-то прочелъ недурное стихотвореніе на хохлацкомъ языкѣ. Въ вагонѣ до самаго Петербурга тоже поддерживали акцизъ изъ бутылокъ, оставшихся отъ пиршества и предусмотрительно захваченныхъ съ собою. Интересно было то, что вино взяли съ собою въ карманы не хозяева, чтобы предложить въ дорогѣ гостямъ, а сами гости. Къ концу обѣда всякія церемоніи на этотъ счетъ исчезли. До города доѣхали незамѣтно. На вокзалѣ разстались всѣ самыми искренними и преданнѣйшими другъ другу приятелями. Судьи отнеслись къ «Прометею» болѣе, чѣмъ благосклонно. Будущее его можно было считать вполне обезпеченнымъ. Изобрѣтатели могли уже заранѣе смѣло рассчитывать на сотни тысячъ ежегоднаго барыша.

На свѣтѣ, однакоже, не обходится безъ превратностей. Послѣ только что описаннаго событія прошло довольно времени, а о «Прометеѣ»—ни слуху, ни духу, и ни въ одной газетѣ нѣтъ о немъ ни объявленій, ни рекламъ, ни статей. Кто-то по этому поводу сострилъ, будто бы Соковнинъ и К^о, не получивъ поддержки со стороны департамента торговли и мануфактуръ, продали свое взрывчатое вещество въ Америку. По другой же версіи, они просто наплевали на него и занялись чѣмъ-то другимъ, болѣе доходнымъ. Гдѣ истина—миѣ не извѣстно.

XLVIII.

Пріѣхалъ въ Петербургъ наслѣдникъ сербскаго престола, сынъ короля Милана—Александръ Обреновичъ. Былъ ли это дипломатическій визитъ съ цѣлью засвидѣтельствовать Россіи почтеніе Сербіи, или же просто добра-молодца папаша съ мамашей отпустили пошатаваться по бѣлу свѣту, людей посмотреть и себя показать—не знаю. Въ редакціи у насъ разговоръ объ этомъ не было ни политическихъ, ни частныхъ. Во всякомъ случаѣ для газетъ это было—событіе, и на мою долю выпало въ нѣкоторыхъ

случаяхъ слѣдовать за гостемъ по пятамъ (въ предѣлахъ Петербурга) и сообщать въ редакцію свѣдѣнія о немъ: гдѣ онъ былъ и что дѣлалъ. Встрѣчали его у насъ, какъ наследника престола, и почести отдавали ему соответственныя, хотя «ура» не кричали. Для жительства отвели ему комнаты въ Зимнемъ дворцѣ, и къ его услугамъ съ утра до ночи были готовы придворныя лошади и экипажи. Показывали ему столичныя достопримѣчательности, приглашали въ Петергофъ, но, по всѣмъ признакамъ, смотрѣли на него, какъ на несовершеннолѣтняго мальчика. Онъ и пріѣхалъ къ намъ на положеніи несовершеннолѣтняго: его сопровождали воспитатели и блюстители, не отступавшіе отъ него ни на шагъ и сопровождавшіе его повсюду.

Изъ всѣхъ экскурсій по Петербургу, которыя совершалъ гость и въ которыхъ издали принималъ участіе и я, особенно памятна мнѣ поѣздка королевича на острова и на тони. Дѣло было послѣ обѣда. Лѣтній, теплый петербургскій вечеръ былъ уже близко. По Каменноостровскому проспекту тянулись на острова цѣлыя вереницы экипажей. Бульварчики и скверы были многолюдны. На набережныхъ Невы было тоже не мало публики, спѣшившей воспользоваться хорошимъ вечеромъ и подышать.

Королевича Александра ждали у пристани, близъ Новаго Адмиралтейства. Онъ обѣдалъ въ Петергофѣ за царскимъ столомъ и, по программѣ, послѣ этого обѣда, долженъ былъ прокатиться по взморью и на острова. Для этой прогулки былъ приготовленъ казенный небольшой, но щегольской пароходикъ. У пристани народа было не особенно много—толклись большею частью обычные петербургскіе зѣваки и нѣсколько дамъ-психопатокъ, безъ которыхъ не обходится ни одинъ пріѣздъ сколько-нибудь значительнаго или любопытнаго лица. Городовые, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, были въ новой свѣжей формѣ. Въ такой же свѣженькой формѣ были и чины рѣчной полиціи. Послѣдняя была въ особенно приподнятомъ настроеніи духа, потому что прогулка высокаго гостя должна была состояться на ея территоріи, т. е. по водѣ. Начальникомъ рѣчной полиціи былъ тогда полковникъ Васенко—милѣйшій, добродушнѣйшій человекъ, котораго я всегда вспоминаю съ большимъ удовольствіемъ. Въ немъ не было того бурбонства и того напускного начальнически-важнаго тона, которымъ любятъ обдавать обывателя градоначальники и полицеймейстеры. Съ нимъ можно было разговаривать просто и быть увѣреннымъ, что всегда получится простой же, добродушный и вѣжливый отвѣтъ.

Полковнику Васенку предстояло сопровождать молодого королевича и его свиту и не только сопровождать, но даже и направлять его путь. Для этого былъ приготовленъ катеръ рѣчной полиціи.

Ко времени прибытія гостя изъ Петергофа у пристани собралось нѣсколько репортеровъ отъ разныхъ газетъ. Былъ въ числѣ ихъ и К—нъ, имѣвшій слабость при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ величать себя «корреспонданъ де ля куръ», т. е. придворный корреспондентъ. Званіе это онъ присвоилъ себѣ потому, что разъ или два ему удалось напечатать въ газетахъ о какихъ-то событіяхъ, близкихъ къ придворной сферѣ. Чаше же всего К—нъ доставлялъ въ редакціи свѣдѣнія о великосвѣтскихъ балахъ, вечерахъ и раутахъ и добывалъ ихъ довольно оригинальнымъ способомъ. Описывая эти балы въ газетахъ, онъ съ удивительной точностью не только перечислялъ всѣхъ великихъ міра сего, но и до тонкости изображалъ туалеты великосвѣтскихъ барынь, чѣмъ тѣ, конечно, были очень довольны. Довольны были и редакторы газетъ—не всѣхъ, впрочемъ. Нашъ редакторъ, напри- мѣръ, не безъ удовольствія говаривалъ не разъ, что К—нъ «какъ ни какъ, а оживляетъ хронику». К—на не всегда допускали на балы и вечера: не всякому великосвѣтскому хозяину или посланнику льстило видѣть среди своихъ гостей газетнаго репортера. Но К—нъ не смущался этимъ нисколько и описывалъ балы, на которыхъ не бывалъ, довольно правдиво. Для собиранія свѣдѣній у него были свои собственные приемы. Прежде всего онъ обходилъ всю вереницу экипажей, вытянутыхъ вдоль панели передъ ярко освѣщеннымъ фасадомъ того дома, въ которомъ давался великосвѣтскій балъ, и вступалъ въ бесѣды съ кучерами. Отъ нихъ онъ узнавалъ, кто именно изъ особъ пожаловалъ на балъ. Занеся при свѣтѣ уличнаго фонаря все это въ свою записную книжку, онъ подходилъ къ швейцару и начиналъ спрашивать его, а иногда ему удавалось и лично увидеть тѣхъ особъ, которыя прибывали и выходили изъ экипажей. Мало-помалу онъ протискивался въ вестибюль и заговаривалъ съ лакеями. Тутъ онъ узнавалъ мельчайшія подробности не только о дѣйствующихъ лицахъ, но иногда даже о туалетахъ. Если добытыя свѣдѣнія, по его мнѣнію, были не достаточно полны, то онъ жертвовалъ собою и дожидался въ передней до конца бала и разѣзда и тутъ уже получалъ возможность всматриваться въ дамскіе туалеты, сколько душѣ было угодно. Въ товарищеской средѣ К—нъ особымъ расположеніемъ не пользовался. Друзей у него среди репортеровъ не было, а враги были. И эти враги рассказывали о немъ такого рода весьма правдоподобный анекдотъ. Дежурилъ онъ будто бы въ чьемъ-то вестибюлѣ въ одной шеренгѣ съ лакеями, но такъ неудачно, что за всю ночь не могъ собрать свѣдѣній о дамскихъ туалетахъ. Пришлось ждать разѣзда. Особенно блестящимъ туалетомъ на этомъ балу отличалась и производила эффектъ какая-то графиня. Туалетъ былъ гвоздемъ вечера; а его - то именно К—нъ и не видѣлъ, и рѣшилъ

ждать до конца. На его бѣду, когда графиня выходила, лакей и мужъ набросили ей на плечи дорогую ротонду не внизу, въ вестибюль, гдѣ ждалъ К—нъ, а на верхней площадкѣ лѣстницы. Самопожертвованіе пропало даромъ. Но К—нъ не потерялъ присутствія духа. Когда графиня въ сопровожденіи мужа проходила черезъ вестибюль къ выходу, онъ смѣло подошелъ къ ней и, отрекомендовавшись корреспонданомъ де ла куръ, обратился къ ней съ жалостною просьбою:

— Экселянсъ, во имя всего святаго покажите вашъ туалетъ!

Дама была удивлена и даже слегка испугана. Тутъ вступился и супругъ съ грознымъ вопросомъ:

— Какъ вы смѣете приставать къ незнакомой женщинѣ? Вы—нахаль!

К—нъ прижалъ ладони рукъ къ груди своей накрахмаленной сорочки и еще жалостнѣе проговорилъ:

— Экселянсъ, мнѣ—для газеты... Вѣдь это—мой хлѣбъ...

Супругъ окинулъ его съ ногъ до головы презрительнымъ взглядомъ и, обратившись къ женѣ, самымъ уничтожающимъ тономъ сказалъ:

— Сними, та сѣге, на секунду тальму и покажись этому... Ему нуженъ твой туалетъ для какой-то газеты...

К—нъ былъ удовлетворенъ и благодарно распаркался, а на презрительный тонъ не обратилъ ровно никакого вниманія. Въ газетахъ потомъ было напечатано, что «прелестный туалетъ графини X. былъ цвѣта сомонъ»...

Возвращаясь къ прогулкѣ наслѣдника сербскаго престола. Въ ожиданіи парохода, на которомъ долженъ былъ прибыть изъ Петергофа королевичъ Александръ, К—нъ уже успѣлъ познакомиться съ начальникомъ рѣчной полиціи полковникомъ Васенкой и, конечно, отрекомендовался корреспонданомъ де ла куръ, а главное—сумѣлъ устроиться на пристани на довольно выгодной позиціи, откуда можно было видѣть, какъ молодой гость съ своими воспитателями сойдетъ съ парохода и пересядетъ на пароходикъ для прогулки. Къ К—ну примкнулъ и я, тоже представился полковнику Васенкѣ и тоже занялъ позицію. Но этого было мало. Милѣйшій начальникъ рѣчной полиціи разрѣшилъ намъ обоимъ забраться въ каюту его пароходика и сопровождать гостя келейно, чтобы онъ ничего не зналъ о нашемъ присутствіи и соглядатайствѣ. Мы, конечно, воспользовались этимъ разрѣшеніемъ съ благодарностью. У насъ съ К—нымъ, значить, были впереди такія свѣдѣнія для газетъ, какихъ не будетъ у другихъ репортеровъ. Тѣ разойдутся по своимъ редакціямъ отъ пристани и напишутъ только, какъ молодой Обреновичъ прибылъ изъ Петергофа и уѣхалъ на острова, а мы опишемъ и то, что онъ дѣлалъ на островахъ.

Ждали мы довольно долго. Лѣтнее солнце замѣтно склонилось къ западу, и на небѣ уже начала загораться пурпурная вечерняя заря. Наконецъ, пароходъ прибылъ. Королевичъ сошелъ съ него на пристань, сопровождаемый воспитателями, которые были всѣ въ черномъ и въ цилиндрахъ. Публика на берегу слегка зашевелилась, но осталась равнодушной и никакихъ признаковъ ни воодушевленія, ни привѣтствій не выказала. Одни только полицейскіе чины взяли, какъ слѣдуетъ, подъ козырекъ. Изъ публики послышался только одинъ лишь наивный бабій голосъ:

— Батюшки, какой онъ черномазый!...

Наслѣдникъ сербскаго престола дѣйствительно выглядѣлъ черномазымъ: лицо смуглое и глаза и волосы—черные, какъ смоль; на верхней губѣ довольно замѣтно пробиваются черные усики. Въ общемъ, лицо не располагающее, не особенно симпатичное и съ тѣмъ выраженіемъ, которое бываетъ у подростковъ, старающихся держать себя на манеръ взрослыхъ, но еще не отрѣшившихся отъ дѣтства. Лица воспитателей были важны, серьезны и снисходительно-степенны. Осанка, поступъ и вся фигура одного изъ нихъ такъ и говорили:

— На мнѣ лежитъ тяжелая обязанность воспитать будущаго короля Сербіи—и я выполню ее. Страна будетъ довольна. Я высоко держу свое знамя...

Переходъ королевича съ парохода на пароходикъ совершился быстро и безъ всякихъ церемоній. Мы съ К—нымъ незамѣтно юркнули въ каюту полицейскаго катера и черезъ нѣсколько минутъ уже неслись по Невѣ. Сначала мы «сопровождали», но вскорѣ нашъ пароходикъ «по долгу службы» оказался впереди. Куда мы плыли, каковъ былъ нашъ маршрутъ—мы съ К—нымъ не знали, но вскорѣ выяснилось, что мы плывемъ на взморье, на тони, гдѣ въ присутствіи гостя долженъ быть закинутъ неводъ. Какъ мы плыли и долго ли плыли—это не важно. Главный интересъ заключается въ самомъ моментѣ, когда мы прибыли на тони и вышли на деревянный настилъ на сваяхъ, поднимающійся надъ водой. Взморье было тихо и почти зеркально. На западѣ, въ широкомъ просторѣ моря догорала кроваво-красная заря. На тонѣ кипѣла работа. Рыбаки за нѣсколько минутъ передъ этимъ вытащили неводъ и теперь разбирали его, приводили въ порядокъ и подготавливали къ новому забрасыванію. Когда мы прибыли, то оказалось, что здѣсь «кутить» опереточный пѣвецъ, артистъ Давыдовъ, знаменитый своими пепельно-синими щеками и подбородкомъ. Пароходикъ съ королевичемъ былъ еще далеко и приближался медленно. У полковника Васенки было еще достаточно времени для того, чтобы сообщить содержателю тони, кто къ нему сейчасъ придетъ въ гости и заказать неводъ.

Къ великому удовольствію полковника оказалось, что артисту Давыдову повезло и что предшествовавшій неводъ вытащилъ крупную лососку. Полковникъ сейчасъ же обратился къ счастливому артисту съ просьбой:

— Уступите лососку, голубчикъ... Мы ее обратно въ неводъ и тово...

— Съ какой стати я стану уступать,—заупрямился Давыдовъ.

— Ну, голубчикъ... Наслѣдникъ сербскаго престола... Надо показать, какая у насъ рыба водится...

— Миѣ-то что за дѣло до того, что онъ—наслѣдникъ?.. Вѣдь не нашъ... Не уступлю...

— Голубчикъ...

— Съ какой стати...

Полковникъ дружески обхватилъ артиста обѣими руками за плечи и, топчась съ нимъ на одномъ мѣстѣ, началъ уговаривать его самымъ убѣдительнымъ тономъ и самыми ласковыми словами. Давыдовъ, чувствуя себя хозяиномъ лососки, упорствовалъ долго, но въ концѣ концовъ все-таки согласился и уступилъ.

— Ну, Богъ съ вами, берите...

Пароходикъ съ Александромъ Обреновичемъ уже подплывалъ. Королевичъ стоялъ на палубѣ и, видимо, любовался и вечеромъ, и закатомъ солнца, и моремъ. Когда онъ вышелъ на помостъ тони, гдѣ уже стояли мы, то все было готово: рыбаки успѣли принести въ корзины мертвую давыдовскую лососку, ловко и незамѣтно сунули ее въ мотню невода и самую эту мотню опустили въ воду. Послѣ всего этого въ присутствіи высокаго гостя и его воспитателей, не безъ любопытства смотрѣвшихъ на всю послѣдующую процедуру, закинули неводъ и, не спѣша, продѣлали все то, что на языкѣ веселящагося Петербурга называется закидываніемъ тони на счастье. Рыбакъ даже прибавилъ обычную формулу:

— Окромѣ осетра и стерляди...

Артистъ Давыдовъ стоялъ все время въ сторонкѣ и чуть-чуть посмѣивался. Полковникъ Васенко изображалъ на своемъ лицѣ ожиданіе, что авось, молъ, на счастье королевича и попадетъ въ неводъ какая-нибудь мелкая рыбешка, а одинъ изъ рыбаковъ счелъ за нужное предупредить высокаго гостя:

— Бываетъ такъ, ваше сіятельство, что и ничего не бываетъ.

Королевичу перевели эту фразу въ томъ смыслѣ, что нерѣдко неводъ приходитъ совершенно пустымъ и что гнѣваться на это нельзя: все, молъ, отъ Бога. Александръ Обреновичъ молча кивнулъ въ отвѣтъ головою.

Неводъ вытащили съ такою же торжественностью, съ какою и закидывали. Показалась и лососка. Рыбакъ, стоявшій у самаго края помоста, тотчасъ же прихлопнулъ ее, мертвую, по головѣ

колотушкой, быстро переложилъ въ заранѣе приготовленную корзинку и тотчасъ же съ важностью преподнесъ ее королевичу. Александръ посмотрѣлъ на рыбу, длиною около аршина, но не выразилъ ни удивленія, ни удовольствія. Онъ имѣлъ видъ чело-вѣка, которому—все равно, мысли котораго гдѣ-то далеко и который, получивъ подарокъ, не знаетъ, что дѣлать дальше.

— *Mais rendez donc lui quelque chose!*—шепнулъ ему воспитатель и даже слегка, но довольно замѣтно подтолкнулъ сзади.

Будущій король торопливо полѣзъ въ карманъ, вынулъ какую-то монету и, не глядя на нее, протянулъ рыбаку. Рыбакъ почтительно поблагодарилъ и, отвернувшись, многозначительно улыбнулся и подмигнулъ глазомъ. Прочіе рыбаки тоже чуть замѣтно улыбнулись. Королевскій подарокъ оказался двугривеннымъ...

Лососку снесли на пароходъ. Полковникъ Васенко распрощался съ Давыдовымъ и, разставаясь, что-то шепнулъ ему. Артистъ отвѣтилъ улыбкой и махнулъ рукою. Мы съ К—нымъ опять юркнули въ нашу каюту и тѣмъ же порядкомъ поплыли обратно. Въ городъ мы прибыли уже поздно. Не знаю, подъ какимъ соусомъ подали потомъ Александру Обреновичу лососку, но въ неводъ она попала очень удачно, и сербскій наслѣдникъ могъ смѣло похвастать дома, что на петербургской тонѣ ему повезло...

Щедрая подачка рыбакамъ на чай напомнила мнѣ очень давній случай въ Москвѣ. Я былъ тогда еще молодымъ студентомъ. Приѣзжалъ въ Москву императоръ бразильскій донъ - Педро. Какъ разъ въ это время въ Москвѣ же гастролировала и сводила съ ума москвичей своимъ голосомъ Аделина Патти. Въ ближайшій воскресный день донъ-Педро поѣхалъ слушать мессу во французскую католическую церковь. Богослуженіе было обставлено великолѣпно. На хорахъ пѣла Патти. Церковь была биткомъ набита избранной публикой. Въ опредѣленный моментъ мессы, когда производится церковный сборъ, Патти сошла съ хоръ, взяла тарелочку и начала обходить съ нею молящихся. Желая почтить императора, знаменитая пѣвица протянула тарелочку первому ему. Донъ-Педро галантно досталъ кошелекъ, порылся въ немъ и положилъ на тарелочку... двадцать копеекъ...

XLIX.

Скончался скоростижно академикъ П. В. Еремѣвъ, горный инженеръ и минералогъ. Въ послѣдній разъ я его видѣлъ здоровымъ и жизнерадостнымъ 29 декабря 1898 года передъ торжественнымъ засѣданіемъ академіи наукъ. Онъ былъ въ канцеляріи и здѣсь между прочимъ рассказывалъ одному изъ служащихъ о томъ, какъ онъ путешествовалъ въ шестидесятыхъ годахъ на казенный счетъ по Англій и какое съ нимъ было въ Лондонѣ

приключеніе. Познакомился онъ тамъ съ однимъ русскимъ и обрадовался соотечественнику. Соотечественникъ, знавшій Лондонъ вдоль и поперекъ, предложилъ Еремѣеву быть его проводникомъ по Лондону за нѣкоторое вознагражденіе. Еремѣевъ согласился, и они начали производить экскурсіи вмѣстѣ, въ одномъ экипажѣ. Разговорились. Соотечественникъ назвалъ себя и объявилъ, что онъ эмигрировалъ изъ Россіи, благодаря своимъ политическимъ убѣжденіямъ.

— Меня это смутило,—разсказывалъ Еремѣевъ.—Путешествую на счетъ русской государственной казны и вдругъ судьба связала меня съ политическимъ преступникомъ! Что если объ этомъ знакомствѣ узнаютъ въ Петербургѣ? Вѣдь меня это сильно скомпрометируетъ. Надо держать ухо востро!..

По счастью для почтеннаго академика, эмигрантъ оказался настолько благовоспитаннымъ, что не обмолвился ни однимъ «политическимъ» словомъ. Однакоже смущеніе его скоро перешло въ страхъ. Содержатель отеля, въ которомъ поселился Еремѣевъ, обратился къ нему съ вопросомъ:

— Вы хорошо знакомы съ господиномъ, который васъ сопровождаетъ?

— Нѣтъ. Я познакомился съ нимъ случайно,—отвѣтилъ академикъ.—А что?

— Ничего. Я этого господина не знаю.

— Онъ говоритъ, что онъ—политическій...

— Я не говорю о немъ ни хорошаго, ни дурнаго,—продолжалъ хозяинъ отеля.—Я хочу только дать вамъ понять, что я его совершенно не знаю. Я счелъ себя обязаннымъ предупредить васъ.

Нашъ ученый струсилъ и сталъ выходить и выѣзжать на экскурсіи въ компаніи съ соотечественникомъ не иначе, какъ съ револьверомъ въ карманѣ. Но предосторожность эта была такъ же напрасна, какъ и тревоги. Когда Еремѣевъ покидалъ Лондонъ, соотечественникъ проводилъ его до станціи, и они расстались друзьями. По пріѣздѣ въ Петербургъ нашъ академикъ разсказалъ гдѣ-то въ компаніи объ этомъ приключеніи и назвалъ имя соотечественника.

— Помилуйте,—возразилъ со смѣхомъ кто-то изъ компаніи.—Какой онъ политическій? Онъ просто укралъ консисторскія суммы и бѣжалъ въ Англію...

Другое приключеніе, бывшее съ Еремѣевымъ, разсказалъ мнѣ А. М. Хирьяковъ. Былъ Еремѣевъ въ Берлинѣ и осматривалъ тамъ знаменитый аквариумъ. Осматривали и двѣ незнакомыя ему русскія дамы. Случилось такъ, что нашъ ученый, самъ того не подозревая, все время шелъ по слѣдамъ дамъ. Вѣроятно, это надоѣло русскимъ барынямъ, и одна изъ нихъ неосторожно выпалила:

— И чего этотъ паршивый нѣмецъ за нами по пятамъ ша-
тается?!

Еремѣевъ обидѣлся и счелъ необходимымъ реабилитировать свою
національность.

— Сударыни,— отвѣтилъ онъ:—я, можетъ быть, и паршивый,
но, увѣрю васъ, я—не нѣмецъ..

L.

Сподобился я пережить такой моментъ, который по всей спра-
ведливости будетъ считаться въ своемъ родѣ историческимъ. При-
сутствовалъ я на официальномъ открытіи телефоннаго сообщенія
между Питеромъ и Москвою. Въ наши дни прямое сообщеніе на
600 съ хвостикомъ верстъ — штука не малая и при томъ дорого
стоящая. Дороговизна междугороднаго телефона началась съ про-
волоки: она—мѣдная, и россійскіе провинціальныя граждане пре-
исправно срѣзывали по ночамъ въ глухихъ мѣстахъ цѣнный про-
водникъ и, такимъ образомъ, вводили почтово-телеграфное вѣдом-
ство въ излишніе расходы, а становымъ и урядникамъ задавали
хлопоты по розыску похитителей. Есть большое основаніе предпо-
лагать, что воровство проволоки будетъ продолжаться и впредь.
По милости Неба мы, россіяне, все еще невоспитаны и не до-
росли до настоящаго пониманія вещей, а потому и не считаемъ
за грѣхъ во время неудачной охоты стрѣлять въ полѣ въ теле-
графныя стаканчики-изоляторы на столбахъ, или же портить про-
волоку тамъ, гдѣ она виситъ низко. Все это мы продѣлываемъ,
какъ школьники, изъ вполне невиннаго желанія посмотреть, что
изъ этого выйдетъ. Цѣнную же мѣдную проволоку мы будемъ
по ночамъ неукоснительно срѣзывать ради барыша.

Открытіе телефона между Питеромъ и Москвою состоялось не
безъ торжества. На центральной станціи главный коммутаторъ
былъ затянута желтой шелковой лентой. Среди комнаты, на коврѣ
стоялъ столъ съ огромною чашей для водоосвященія. Инженеры,
почтово-телеграфныя чиновники и великіе сего вѣдомства долгое
время толпились въ одномъ углу и поджидали министра внутрен-
нихъ дѣлъ. Но онъ не прибылъ, такъ какъ былъ вызванъ къ го-
сударю въ Царское Село. Главную персону на торжествѣ изобра-
жалъ собою начальникъ почтъ и телеграфовъ въ Россіи генералъ
Н. И. Петровъ, встрѣтившійся въ этомъ помѣщеніи съ своимъ
портретомъ, висѣвшимъ на стѣнѣ (я думаю, что это—до нѣкоторой
степени пріятно). Онъ весьма любезно и даже либерально подавалъ
руку не только старшимъ, но и младшимъ своимъ подчиненнымъ,
которые отъ почтительности превращались въ вытянутые и ока-
менѣлыя столбы. Либеральность генералу Н. И. Петрову, повиди-
мому, нравилась. Двѣ телефонистки все это время вели дѣловые

переговоры въ коммутаторъ. Наконецъ, послѣ долгаго ожиданія, получено было извѣстіе о томъ, что министра не будетъ, и священнику разрѣшено было «приступить». Священникъ обратился къ присутствующимъ съ словомъ объ успѣхахъ науки и объ обращеніи сердецъ нашихъ къ Богу, а затѣмъ началъ молебенъ.

Во время молебна ко мнѣ подошелъ господинъ въ почтово-телеграфномъ мундирѣ, допросилъ меня, кто я таковъ, и, улыбнувшись, отрекомендовался строителемъ нынѣ открываемаго телефона А. А. Новицкимъ и пообѣщавъ сообщить мнѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія, въ которыхъ, къ слову сказать, я не нуждался, такъ какъ все необходимое для меня, какъ для репортера, было налицо. Прежде всего онъ попросилъ, чтобы я въ газетѣ упомянулъ о немъ, какъ о строителѣ, какъ можно скромнѣе, иначе начальство можетъ на него если не обидѣться, то во всякомъ случаѣ посмотрѣть косо. Затѣмъ, подбѣгая ко мнѣ, улетучиваясь и снова подбѣгая, онъ сообщилъ мнѣ фамиліи начальника округа, почтъ-директора и другихъ великихъ почтово-телеграфнаго вѣдомства, наставляя, чтобы я заносилъ въ свою записную книжку и ихъ чины: тайный совѣтникъ, дѣйствительный статскій и т. д. По его словамъ, «высшее начальство это любитъ».

Пока шелъ молебенъ, я обошелъ квартиру. Въ двухъ комнатахъ молились, въ двухъ другихъ былъ сервированъ завтракъ, въ коридорѣ толпились лакеи во фракахъ, а въ пятой комнатѣ я закурилъ папиросу. Это была маленькая комната, назначенная для житія чиновнику. Въ ней стояла кровать, изъ-подъ которой видѣлись задки туфель и сапогъ. Далѣе — этажерка съ книгами служебнаго характера — инструкціями, тарифами и т. д. На столѣ — чернильница и такіе же инструкціи и тарифы. О жизни неслужебной свидѣтельствовали только коробка съ гильзами для папиросъ и пепельница. На время торжества эта комната была отведена для куренья. Сюда ко мнѣ раза два забѣгалъ предупредительно А. А. Новицкій и спрашивалъ, не нужно ли мнѣ какихъ-либо свѣдѣній, и оба раза приглашалъ остаться на завтракъ.

По окончаніи молебна хотѣли было провозгласить телефонъ открытымъ, но изъ Москвы извѣстили, что тамъ молебенъ еще не кончился. Пришлось немного подождать. Н. И. Петрову подали на подносѣ ножницы. Онъ ими перерѣзалъ ленту на коммутаторѣ и этимъ актомъ установилъ официально прямое междугородное сообщеніе. Телефонистка тотчасъ же объявила, что въ настоящую минуту съ Москвою говоритъ господинъ министръ внутреннихъ дѣлъ и поздравляетъ московскаго почтъ-директора съ открытіемъ.

Подали шампанское. Н. И. Петровъ произнесъ обычные тосты и потомъ поблагодарилъ въ довольно пространной рѣчи строителей Новицкаго и Деревяткина. Начальникъ округа Глаголевъ также поднялъ бокалъ съ официальными тостами. Затѣмъ съ Москвою за-

говорилъ Петровъ, а за нимъ и всѣ, кому была охота. Далѣе слѣдовалъ завтракъ, отъ котораго я уклонился. Во время завтрака разговоры съ Москвою продолжались и, какъ всегда водится въ подобныхъ случаяхъ, съ обѣихъ сторонъ говорились ничего не значащіе пустяки въ родѣ: какъ ваше здоровье и какова у васъ погода? Телефонная барышня, приглашая желающихъ къ коммутатору, изрѣдка повторяла:

— Сегодня разговоръ — бесплатно, а съ завтрашняго дня уже будетъ взиматься плата по тарифу.

Охотниковъ разговаривать бесплатно нашлось достаточно. Событіе это происходило 31 декабря 1898 года, наканунѣ Нового года. Торжество открытія состоялось на Большой Конюшенной, въ д. № 29, гдѣ для станціи была нанята особая квартира.

II.

Справляли 23 декабря 1898 г. юбилей К. О. Баранцевича. Человѣкъ двадцать пять лѣтъ писалъ и писалъ, успѣлъ сдѣлаться любимцемъ большого круга читателей и къ концу двадцати пятаго года своей дѣятельности оказался такъ же бѣденъ и неимущъ, какъ и въ началѣ перваго, когда онъ только еще брался за перо. Почти вся пишущая братія въ Петербургѣ, а отчасти и въ провинціи, всколыхнулась. Собрали денегъ и купили юбиляру американскій письменный столъ-бюро. Говорятъ, что Баранцевичъ, какъ писатель, чувствовалъ въ немъ большую надобность. На столъ прибили серебряную доску съ именами жертвователей, сирѣчь — почитателей.

Въ 6 часовъ вечера у Контана юбиляру давали обѣдъ или, какъ говорится официально, чествовали обѣдомъ. Писателей и и почитателей собралось 125—130 человѣкъ. Были и дамы-писательницы: Ольга Чюмина, Тюфяева-Толивѣрова, Эмилиа Кирилловна Пименова, В. И. Ясевичъ-Бородаевская и еще кое-кто. Писателей пересчитывать не стану. Распорядителями и устроителями обѣда были В. Б. Глинскій и Ф. Ф. Фидлеръ.

Собралась публика. Подписали адресъ юбиляру, разрисованный Николаемъ Ивановичемъ Кравченкою, — и всѣ ждутъ. Пробыло шесть — юбиляра нѣтъ; прошло еще десять минутъ — нѣтъ. Всѣ голодны, а водки и закуски глядятъ такъ заманчиво и раздражающе. Наконецъ у многихъ начинается сказываться голодное раздраженіе. Владимиръ Тихоновъ совѣтуетъ послать телеграмму архангельскому губернатору съ запросомъ, не заѣхалъ ли юбиляръ въ его губернію... Проходитъ еще десять минутъ — юбиляра нѣтъ, какъ нѣтъ. Высказывается предположеніе, что юбиляръ просто-напросто завалился на диванъ и спитъ такъ, что его добудиться не могутъ: днемъ принималъ поздравленія, депутаціи, ну и...

Наконецъ, въ половинѣ седьмого распорядители разрѣшили приступать къ закускѣ, а сами послали поскорѣе на извозчикѣ за Баранцевичемъ.

— Приступайте, господа, къ закускѣ: семеро одного не ждутъ... А юбиляръ тѣмъ временемъ подѣдетъ...

Столъ съ закусками былъ взятъ приступомъ, и въ какія-нибудь десять минутъ на немъ не осталось «камня на камнѣ». Наконецъ пріѣхалъ и Баранцевичъ съ женою. Остановила ихъ публика у дверей первой комнаты, начала аплодировать во всю, и затѣмъ Н. О. Анненскій прочелъ адресъ. Все это время юбиляръ съ супругою стояли у притолки двери подъ ручку и изображали собою двухъ неподвижныхъ жертвъ юбилея. Положеніе—далеко не эстетическое. Наконецъ громъ аплодисментовъ затихъ, К. В. Назарьева взяла подъ руку Баранцевича, одинъ изъ распорядителей подалъ руку его женѣ, и ихъ кое-какъ протискали въ залу, при продолжающихся аплодисментахъ, прямо къ закусочному столу, гдѣ кое-кто еще допивалъ и дожевывалъ остатки недавняго величія. Сѣли, наконецъ, за столъ форменно, по настоящему. Моимъ сосѣдомъ справа былъ Вл. Тихоновъ, изощрявшій во все время обѣда свое остроуміе насчетъ ближняго. Усадили юбиляра съ супругою и тотчасъ же принялись за рѣчи, такъ что злополучный Баранцевичъ не успѣвалъ проглотить ложку супа или положить въ ротъ кусокъ. Первымъ открылъ фонтанъ своего краснорѣчія А. Н. Сальниковъ, сказавшій длинную рѣчь, въ которой прежде всего указалъ на свою давнишнюю дружбу съ юбиляромъ. Тихоновъ не утерпѣлъ и отпустилъ про себя нѣсколько остроумныхъ и очень ѣдкихъ колкостей по адресу оратора. Говорилъ затѣмъ какой-то «товарищъ дѣтства» юбиляра—почтамтскій чиновникъ. Онъ рассказалъ, какъ «мы съ Баранцевичемъ не играли въ дѣтскія игры, а читали Пушкина, въ то время, когда сверстники жарили въ бабки». Въ рѣчахъ обоихъ ораторовъ на самомъ первомъ планѣ стояло собственное «я», пристегнутое къ имени юбиляра. Нашелся молодецъ, который ни съ того, ни съ сего провозгласилъ тостъ за Н. К. Михайловскаго, на что послѣдній скромно отвѣтилъ, что на юбилеяхъ личные тосты неумѣстны. В. П. Острогорскій тоже не совѣмъ умѣстно «раскрылъ свой либеральный клапанъ» и безъ всякой надобности ругнулъ современнаго «студента». За студентовъ вступился А. А. Ходневъ и за нимъ одинъ изъ студентовъ, подносявшихъ утромъ Баранцевичу адресъ отъ студентовъ. (Объ этомъ адресѣ писать въ газетѣ было запрещено, чтобы не навлечь на студентовъ непріятностей). Мало-по-малу подогрѣтыя виномъ и краснорѣчіемъ страсти разгорѣлись. Острогорскій говорилъ еще разъ пять или шесть. Говорили многіе, кому только не было лѣнь. Говорилъ даже психіатръ Томашевскій, даже дамы говорили. Наконецъ, къ девяти часамъ поданъ былъ кофе, кое-гдѣ задыми-

лись сигары (хотя папиросы, несмотря на присутствие дамъ, дымилась еще во время супа), и всѣ полеگونьку и помаленьку стали вставать изъ-за стола. Ф. В. Черниговецъ (Вишневскій) сказалъ экспромтъ:

Не каждому данъ Божій даръ,
Инымъ же все дается даромъ...
Но нашъ почтенный юбиляръ
Владѣеть настоящимъ даромъ
И свой посильный гонораръ—
Наперекоръ судьбы ударамъ—
Онъ получалъ всегда не даромъ.

Экспромтъ понравился всѣмъ. Черниговцу заплодировали и заставили повторить. Лавры Черниговца возмутили поэтической покой Фофанова. Онъ поднялся и тоже сказалъ экспромтъ:

Любезный Казиміръ!
Мои экспромты всѣ неловки.
Но пусть же знаетъ Божій міръ,
Что мы—не Божіи коровки... (!)

Фофанова со смѣхомъ тоже попросили повторить—и онъ повторилъ...

Послѣ обѣда А. Н. Сальниковъ повторилъ мнѣ то, что говорилъ до обѣда, т. е. предложилъ напечатать въ газетѣ его застольную рѣчь. Я вторично и категорически отказался отъ этого удовольствія, и онъ тотчасъ же заговорилъ о своемъ катаррѣ желудка. Тихоновъ во время его застольной рѣчи не разъ язвительно замѣчалъ, что Баранцевичъ въ своемъ «Нашъ общій другъ» вывелъ именно его, Сальникова.

Скоро татары убрали столы, и публика разбилась на группы съ бутылками и сифонами. Г-жа Янова, которой я до сихъ поръ не зналъ и нигдѣ не видѣлъ, пропѣла подъ аккомпаниментъ піанино «Въ минуту жизни трудную» и еще нѣсколько вещицъ. Спросилъ я кого-то о ней, но не получилъ опредѣленнаго отвѣта.

— Кто она? Пѣвица? Артистка?

— Нѣтъ.

— Такъ кто же она?

— Такъ себѣ, никто.

Обратился я съ этимъ же вопросомъ къ И. Н. Потапенкѣ, но тотъ мнѣ вмѣсто отвѣта повѣдалъ:

— Этимъ романсомъ я когда-то бездну дамъ съ ума сводилъ. Я вѣдь консерваторію кончилъ и пѣлъ когда-то... Не знали?

Послѣ пѣнія организовались танцы. Ф. Ф. Фидлеръ сѣлъ за піанино и заигралъ вальсъ. Къ нему пристали, чтобы онъ, послѣ вальса, сыгралъ и мазурку.

— Мазурку?—взмолился Фидлеръ. Да этакъ вы, ребята, меня совсѣмъ заѣздите...

Все-таки и вальсъ и мазурка были даны. Пары завертѣлись. Въ первой парѣ трясъ стариною почтенный папаша Н. И. Позняковъ. Въ мазуркѣ отличался былой удалью и чисто польской граціей психіатръ Томашевскій.

Я не дождался конца «дружеской, затянувшейся за полночь бесѣды» (любимое и въ то же время шаблонное выраженіе репортеровъ) и ушелъ въ половинѣ десятаго въ редакцію писать. Ночь была славная, морозная, и я прошелся пѣшкомъ съ большимъ удовольствіемъ. Но въ редакціи я былъ весьма афраппированъ. Обѣдалъ я не на свой, а на редакціонный счетъ: деньги были выданы редакціей вмѣстѣ съ строгимъ порученіемъ поѣхать, пообѣдать и поподробнѣе описать юбилей. Это было днемъ. Написалъ я и передаю свою рукопись ночью дежурному заправилѣ, выпускающему газету за редактора Р. Тотъ вдругъ выпалилъ:

— Что такое Баранцевичъ? Чѣмъ онъ знаменитъ? Что онъ такое сдѣлалъ, чтобы писать о немъ? Да стоитъ ли вообще писать о немъ? Сократите пожалуйста вашу рукопись и какъ можно покороче.

Скрѣпя сердце, я сократилъ, но Р. сократилъ и это и вышелъ на другой день юбилей въ газетѣ куцый и кургузый, а главное— безцвѣтный. Редакторъ накинулся на меня же:

— Что вы такъ мало и такъ плохо написали? Сердиты на Баранцевича, что ли?

Я только рукою махнулъ. Разногласіе въ редакціи — штука скверная, но если у заправилъ нѣтъ журнальнаго нюха, то дѣло обстоитъ еще хуже.

ЛП.

Двѣнадцатаго декабря 1898 года открылся въ залѣ городской думы первый по счету въ Россіи бальнеологическій съѣздъ.

Какъ жаждали, какъ хотѣли, какъ домогались этого съѣзда! Съ его помощью надѣялись создать свою собственную, отечественную Ниццу и цѣлый рядъ цѣлебныхъ мѣстъ и курортовъ. Сотни тысячъ рублей, которыя каждый годъ вывозятся русскими за границу, остались бы дома на своихъ собственныхъ «теплыхъ водахъ». Много, очень много возлагалось надеждъ и упованій на этотъ первый бальнеологическій съѣздъ...

Возникъ онъ такимъ образомъ. Членъ государственнаго совѣта, онъ же и врачъ Н. С. Абаза, профессора военно-медицинской академіи Ѳ. И. Пастернакій и А. И. Лебедевъ, профессоръ-метеорологъ А. И. Воейковъ и еще кое-кто изъ свѣтилъ науки открыли неожиданно для всей Россіи обѣтованную землю—восточное побережье Чернаго моря на Кавказѣ. Профессоръ Ѳ. И. Пастернакій такъ увлекся этимъ побережьемъ, что во всякомъ, даже дикомъ

уголкѣ его видѣлъ огромный букетъ всеисцѣляющихъ и укрѣпляющихъ климатическихъ силъ природы. Посади сюда мертвеца — и онъ воскреснетъ. Нужно только, чтобы во все это увѣровало министерство государственныхъ имуществъ во главѣ съ министромъ А. С. Ермоловымъ и оказало бы нравственную и матеріальную поддержку.

Вышепоименованные профессора вкупѣ съ членомъ государственнаго совѣта Н. С. Абазою организовали изъ себя особую комиссію и прошлымъ лѣтомъ проѣхались официально по этому побережью отъ Новороссійска до Сухума въ поискахъ за климатолечебными пунктами и дѣйствительно нашли ихъ не одинъ, а нѣсколько. На каждомъ изъ нихъ можно бы основать и Ниццу, и Виши, и свою собственную Ривьеру. Хорошее и полезное дѣло было начато. Но нужно было повести его такъ, чтобы о немъ знали не одно только министерство государственныхъ имуществъ и комиссія, а чтобы оно прогремѣло на всю Россію и чтобы, главнымъ образомъ, въ него увѣровали все русскіе врачи. А для выполненія этой задачи самое лучшее средство—всероссійскій съѣздъ. Во главѣ начинанія стали люди энергичные и убѣжденные, правительство свое согласіе дало, министръ А. С. Ермоловъ отнесся сочувственно—и все пошло какъ по маслу. А тутъ еще на счастье подвернулось само собою облегчающее событіе—столѣтній юбилей императорской военно-медицинской академіи. На этотъ юбилей все равно съѣхалось бы много врачей, стало быть и бальнеологическій съѣздъ можно было пристегнуть къ юбилею. Такъ и сдѣлали. Инициативу созыва съѣзда взяло на себя такое компетентное юридическое лицо, какъ русское общество охраненія народнаго здравія. Почетнымъ предсѣдателемъ послѣдняго состоитъ великій князь Павелъ Александровичъ, значить, вѣрить можно, что это — не праздная затѣя. Въ предсѣдатели правленія сѣлъ профессоръ А. И. Лебедевъ, въ товарищи предсѣдателя почетный лейбъ-медикъ Л. Б. Бертенсонъ и въ секретари докторъ В. О. Губертъ—лица извѣстныя на всю медицинскую Россію. Обстоятельства и персонажи сложились счастливо, и мечты инициаторовъ объ осуществленіи «обѣтованной земли» могли, пожалуй, вылиться и въ реальную форму. Много, много надеждъ возлагалось на этотъ съѣздъ. Ѳ. И. Пастернацкій уже видѣлъ во снѣ русскую Ниццу на берегу Чернаго моря; единомышленники его—тоже...

Открытіе съѣзда состоялось съ надлежащимъ торжествомъ и помпой. Открывалъ великій князь Павелъ Александровичъ. Украшенная флагами зала городской думы была полнехонька. Для представителей печати былъ отведенъ столъ сбоку. Почетнымъ предсѣдателемъ съѣзда сейчасъ же избрали министра земледѣлія А. С. Ермолова и сдѣлали это по многимъ причинамъ: во-первыхъ, изъ деликатности, такъ какъ въ сущности альфою и омегою съѣзда

былъ онъ; во-вторыхъ, потому, что самый, такъ сказать, гвоздь съѣзда—улучшеніе положенія кавказскихъ минеральныхъ водъ—зависѣлъ всецѣло отъ него; и, въ-третьихъ, черезъ него же заправили съѣзда уповали провести въ жизнь многія благія начинанія и пожеланія, считая въ томъ числѣ и проектированную русскую Ниццу.

Торжество протекло какъ слѣдуетъ. А. С. Ермоловъ произнесъ рѣчь, которая тутъ же, безъ замедленія, была передана на столъ печати для списыванія. За нимъ говорилъ профессоръ А. И. Лебедевъ. Его задачею было познакомить врачей съ «обѣтованною землею». Онъ пустился въ описаніе черноморскаго побережья и своей поѣздки и нагромоздилъ такъ много красотъ природы, что его рѣчь вышла очень длинною и даже слегка утомила слушателей. Отъ этого половина эффекта ея пропала. Городской голова П. И. Леляновъ привѣтствовалъ съѣздъ по разъ заведенному для такихъ случаевъ шаблону и пригласилъ отъ имени города дорогихъ гостей пожаловать на раутъ и откушать хлѣба-соли. За нимъ выступилъ почетный академикъ Л. Б. Бертенсонъ съ рѣчью академическаго характера и окончательно испортилъ общее настроеніе духа. Рѣчью его никто не интересовался. Читалъ же онъ ее ровно часть съ четвертью и не только утомилъ, но даже и переутомилъ всю публику. Несмотря на это, однакоже, программа торжественнаго открытія была выполнена вся, безъ пропусковъ. Закончилось засѣданіе довольно поздно, и одинъ изъ врачей, пріѣхавшихъ изъ провинціи, спускаясь по лѣстницѣ, не безъ основанія проговорилъ:

— Проморили, анаемы, чтобъ имъ пусто было!..

Выдающимся событіемъ было что-то въ родѣ пожара при самомъ началѣ засѣданія. Откуда-то потянуло запахомъ горящаго войлока, и потянуло такъ сильно, что въ публикѣ стало замѣчаться нѣкоторое движеніе. Экзекуторъ думы Н. П. Ѳедотовъ вышелъ изъ залы съ озабоченнымъ лицомъ, и черезъ двѣ минуты на хорахъ загудѣлъ электрическій вентиляторъ. Запахъ гари исчезъ—и все успокоилось.

Намъ, газетнымъ работникамъ, этотъ день пришлось отнести къ числу тяжелыхъ дней. Послѣ засѣданія пришлось много висать на голодный желудокъ и отложить всякое попеченіе объ обѣдѣ. Нужно было къ тому же и спѣшить съ работою, потому что въ 9 часовъ вечера слѣдовало попасть на раутъ, который городъ давалъ въ этой залѣ съѣзду и на который приглашалъ гостей П. И. Леляновъ. Въ означенное время мы, репортеры, были уже на мѣстѣ, но утомленные, голодные и порядочно измученные. Раутъ, какъ и всѣ этого рода собранія вообще, вышелъ скучнымъ и монотоннымъ, несмотря на музыку и ужинъ. Гости угрюмо слонялись изъ угла въ уголь, сталкивались и расходились. Обычные тосты произносилъ голова, и по лицу его было

видно, что онъ волновался въ своей новой роли муниципальнаго оратора. Когда послѣдовало приглашеніе приступить къ столу, всѣ точно обрадовались и стали брать блюда приступомъ. Пресса при этомъ оказалась дальновидной. Сотрудники газетъ, во главѣ съ А. А. Ходневымъ («Правительственный Вѣстникъ») стали на сторожѣ группою у зернистой икры еще задолго до начала спектакля. Какъ только послѣдовало разрѣшеніе вина и елеса—черезъ минуту отъ икры остались только «краткіе очерки», похожіе на одно только воспоминаніе. Въ этомъ походѣ на икру я не принималъ участія изъ опасенія отравиться салициловой кислотой; но зато я стоялъ сторожемъ подлѣ блюда съ поросенкомъ, куда вскорѣ нахлынули и товарищи, дожевывавшіе икру. Взялъ было я себѣ на тарелку очень аппетитно выглядывавшей рыбы, но она оказалась очень сомнительнаго качества. Пришлось ругнуть въ душѣ ресторатора и удовольствоваться однимъ «свинствомъ». Фрукты были хороши.

Изъ думы, конечно, пришлось опять итти въ редакцію и опять писать. Въ эту ночь я легъ въ постель только около 4 часовъ утра съ тѣмъ, чтобы завтра встать въ восемь и ѣхать на засѣданія съѣзда.

Военно-медицинская академія радушно отвела свои обширныя помѣщенія въ распоряженіе съѣзда, и засѣданія начались въ нихъ на другой же день послѣ открытія. День былъ воскресный, но его не праздновали: нужно было спѣшить, потому что на всѣ обширныя занятія съѣзду дано было всего только три дня. Предстояло закончить всѣ работы къ 18-му декабря, ибо въ этотъ день начинался уже столѣтній юбилей академіи. Врачей на первое засѣданіе собралось много. Былъ и министръ государственныхъ имуществъ А. С. Ермоловъ. Въ него сейчасъ же и запустили заранѣе приготовленныя стрѣлы. Профессоръ Ѡ. И. Пастернацкій началъ читать, или, вѣрнѣе, говорить свой докладъ о Черноморскомъ побережьѣ. Все въ его докладѣ оказывалось прекраснымъ и самую природою предназначеннымъ для устройства на Кавказѣ русской Ривьеры. Остановился онъ между прочимъ на такъ называемомъ Верещагинскомъ участкѣ близъ Сочи, предлагая казнѣ выкупить его какъ можно скорѣе, пока еще не захватили его иностранцы. На этомъ участкѣ можно было бы основать превосходнѣйшую климатическую станцію. Министръ слушалъ внимательно. Онъ былъ уже подготовленъ и заранѣе зналъ и объ участкѣ и о томъ, какіе виды возлагаютъ на него, какъ на лицо, отъ котораго зависитъ дать то или другое направленіе вопросу о климатическихъ станціяхъ. Но ему хотѣлось выслушать мнѣніе съѣзда. На бѣду профессора Пастернацкаго былъ посаженъ въ предсѣдатели «скорбный главою», какъ его называли, профессоръ Мочутковскій, не умѣвшій руководить

преніями (таковъ былъ о немъ отзывъ большинства недовольныхъ, по окончаніи засѣданія). Стали подниматься одинъ за другимъ ораторы и заговорили о кавказскихъ ужасныхъ лихорадкахъ и о маляріи. Профессоръ Пастернацкій изо всей мочи утверждалъ, что съ проведеніемъ дренажей и съ осушкою болотъ лихорадки исчезнутъ. Боятся ихъ нечего. Но тутъ поднялся профессоръ Скворцовъ и указалъ на итальянскую малярную Кампанью, которую стремятся оздоровить дренажами еще со временъ римлянъ и за тысячи лѣтъ ничего не могли сдѣлать. То же будетъ и съ нашимъ Кавказомъ: сколько его ни дренажируй, какъ ни осушай, а отъ маляріи не избавишься...

Для Ѳ. И. Пастернацкаго это былъ острый ножъ, воткнутый безжалостно въ самое сердце. Сраженіе было проиграно болѣе, чѣмъ на половину. Если бы съѣздъ согласился съ нимъ и съ его докладомъ, то онъ тотчасъ же предложилъ бы А. С. Ермолову купить Верещагинскій участокъ на казенныя деньги по телеграфу — и мѣсто для будущей климатической станціи было бы готово. (Это онъ самъ мнѣ говорилъ). Но съѣздъ внялъ голосу Скворцова и испугался маляріи... Надежда на Ермолова и на казну исчезла.

Но тутъ началась частная агитація, подготовленная, кажется, втихомолку. Былъ кликнуть кличъ и открыта подписка между врачами: собрать побольше денегъ, купить Верещагинскій участокъ частнымъ образомъ и потомъ разверстать его пропорціонально взносамъ. Не хочетъ казна—мы сами купимъ... Подписной листъ пошелъ по рукамъ и быстро покрылся подписями. Перья и чернила въ толпѣ передавались изъ рукъ въ руки черезъ головы. Чѣмъ окончилась подписка—не знаю, но дѣло Абазы, Лебедева и Пастернацкаго прогорѣло.

Очень интересны условія съѣзда: къ слушанію и обсужденію было назначено 144 доклада, а времени на это дано было всего только три дня—болѣе сорока докладовъ въ день. Было заявлено поэтому, что на чтеніе каждаго доклада полагается только 15 минутъ, а на возраженія—по три минуты на каждаго оратора безъ права говорить вторично. Правило это по возможности соблюдалось, и каждый изъ председательствующихъ клалъ передъ собою часы. Ораторъ, заболтавшійся долѣе положеннаго срока, получалъ напоминаніе и долженъ былъ либо приканчивать свою рѣчь на полусловѣ, либо просить у собранія позволенія продолжать, на что получалось въ отвѣтъ или «просимъ! просимъ!» или очень обидное для самолюбія «довольно!»

Вечернее засѣданіе было тоже очень многолюдно, но большинство докладовъ осталось незаслушаннымъ: не хватило времени.

Во второй день съѣзда повторилась та же исторія, что и въ первый. Интересно было развѣ только то обстоятельство, что

профессоръ Скворцовъ, сразившій идею профессора Пастернацкаго маляріей, оказался въ этотъ день сраженнымъ въ свою очередь и при томъ очень обидно. Онъ оказался умѣющимъ говорить на всякую тему и по какому угодно вопросу, приплетая къ бактериологіи политическую экономію и къ вопросу о климатѣ — социологию. Сначала онъ сдѣлался было общимъ фаворитомъ съѣзда и по его адресу не разъ раздавалось «просимъ! просимъ!» но потомъ его раскусили, и онъ сподобился обиднаго «довольно!..»

Заключительное собраніе состоялось на слѣдующій день въ залѣ думы при той же торжественной обстановкѣ, какъ и открытіе, только безъ великаго князя. Предсѣдательствовалъ министръ А. С. Ермоловъ. Онъ же въ заключительной рѣчи подвелъ и итоги работамъ съѣзда. Засѣданіе кончилось вполнѣ благополучно и спокойно. Послѣ этого мы съ Лесманомъ («Новости») подошли къ А. С. Ермолову, и я спросилъ его, нѣтъ ли у него черновика его рѣчи. Онъ добродушно отвѣтилъ, что говорилъ экспромтомъ и посоветовалъ намъ составить для газетъ его рѣчь по записямъ и «по памяти» и, если угодно, прислать ему корректуру. Мы съ Лесманомъ тотчасъ же взошли на опустѣвшую эстраду, усѣлись на предсѣдательскихъ мѣстахъ и тутъ же вдвоемъ сочинили рѣчь. Лесманъ отдалъ въ своей типографіи въ наборъ и послалъ въ гранкахъ министру и мнѣ. Министръ прислалъ Лесману очень любезное письмо, удостоверяющее, что рѣчь была составлена правильно и хорошо.

Обстоятельство это неволью заставило меня вспомнить одинъ давній фактъ. Во времена моего студенчества въ Москвѣ генералъ-губернаторомъ былъ князь Владимиръ Андреевичъ Долгоруковъ, нынѣ уже покойный. Ему, какъ «хозяину Первопрестольной», не разъ приходилось въ торжественныхъ случаяхъ произносить официальные рѣчи. Черновики этихъ рѣчей онъ никогда не давалъ репортерамъ. Ихъ записывали «по памяти» и ему на утверждение представляли въ гранкахъ. Если рѣчь не была искажена, то онъ писалъ на поляхъ свою фамилію, и эта подпись служила разрѣшеніемъ печатать. Если же замѣчалось оцутительное отступление, то онъ пропускалъ и въ этомъ случаѣ, но всякій разъ прибавлялъ:

— Кажется, я этого не говорил... А впрочемъ, Богъ съ ними; пусть печатаютъ...

Разсказывали это въ кружкѣ московскихъ газетныхъ людей Н. И. Пастуховъ и Н. П. Кичеевъ. Первый былъ издателемъ «Московского Листка», а второй — редакторомъ «Будильника» и московскимъ фельетонистомъ «Новостей». Сочинять небылицу имъ не было надобности.

Возвращаюсь къ съѣзду. Всю дѣловую и самую спѣшную и даже, можно сказать, проклятую сторону съѣзда—записываніе, со-

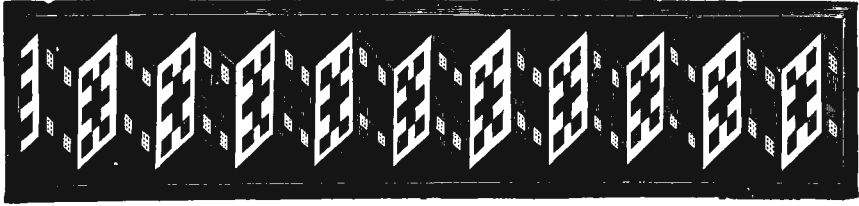
ставленіе отчетовъ, объясненія съ публикою и членами, раздачу брошюръ, собраніе докладовъ и т. д. вынесли на своихъ плечахъ только два человѣка: д-ръ В. О. Губертъ и д-ръ М. М. Мандельштаммъ. Досталось имъ, какъ секретарямъ, на орѣхи здорово. Не желалъ бы я быть въ ихъ шкурѣ, хотя быть секретаремъ съѣзда и почетно. Выполнили они свои обязанности превосходно и съ честью и, что всего удивительнѣе, ни одинъ изъ нихъ не захворалъ отъ непосильной работы.

Этотъ съѣздъ страшно утомилъ насъ, газетныхъ работниковъ. Приходилось работать не менѣе 8—9 часовъ въ сутки, а зарабатывать—гроши. Наша редакція по какимъ-то особымъ соображеніямъ пришла внезапно къ заключенію, что съѣздъ этотъ не заслуживаетъ того, чтобы занимать въ газетѣ много мѣста, и изъ трехдневной моей работы было выпущено въ свѣтъ въ назиданіе публики только полтора ста строкъ.

Александръ Чеховъ (Сѣдой).

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЕТЕРБУРГСКІЙ МОНТЕКРИСТО.

(Историческій разсказъ).

I.

ОЛЫПАЯ, освѣщенная масляными лампами и кенкетами читальная англійскаго клуба была еще почти пуста. У длиннаго стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, сидѣли только двое: генераль Мясоедовъ, низенькій, толстенный, съ круглой сѣдой головой и сѣдыми усами, и директоръ департамента Оржевскій, видный мужчина съ неглупымъ лицомъ и характерными бакенами, широко раздвинутыми на пробритомъ подбородкѣ. Такіе бакены украшали тогда всѣхъ бюрократовъ, сознающихъ собственное достоинство. Отлично сшитый сюртукъ, издѣліе знаменитаго Сарра, и дорогой галстукъ изъ англійскаго магазина свидѣтельствовали, что Оржевскій не только блисталъ среди бюрократіи, но имѣлъ притязанія принадлежать также и къ петербургскому свѣту.

Мясоедовъ, откинувшись на низенькомъ креслѣ, постукивалъ пухлыми пальцами по книжкѣ журнала въ оранжевой обложкѣ. Онъ тяжело дышалъ послѣ превосходнаго обѣда съ стерляжьей ухой и жирнымъ пудингомъ. На столѣ разбросаны были и еще нѣсколько книжекъ: голубенькій «Современникъ», зелененькая «Библиотека для чтенія», розовенькій выпускъ «Revue des deux Mondes» съ вырѣзанными цензурой внутренностями. Тутъ же валялись нумера «Пчелы» и «Инвалида».

— Такъ вы говорите... принцъ Наполеонъ пробирается?— произнесъ соннымъ голосомъ Мясоедовъ.

«Истор. вѣстн.» ноябрь, 1907 г., т. ок.

5

Оржевскій сдѣлалъ внушительное движеніе бровями.

— Хитрая штучка,—отозвался онъ и вздохнулъ, въ свою очередь ощутивъ тяжесть отъ только что съѣденнаго обѣда.

— Вотъ за кѣмъ смотрѣть надо,—отозвался послѣ нѣкоторой паузы Мясоѣдовъ и погрозилъ пальцемъ на лежавшіе передъ нимъ журналы.

— Смотрать!—лѣнливо успокоилъ его Оржевскій.

Отдышавшись, собесѣдники вернулись къ впечатлѣніямъ клубнаго обѣда.

— Уха — это правда. Такой ухи нигдѣ больше нѣтъ. Но что касается затѣливости, такъ этимъ всѣхъ перещеголялъ Политковскій,—сказалъ, оживляясь, Мясоѣдовъ.—Вѣдь это что жъ такое! Сарданапалъ какой-то. Помните его ужинъ подъ Новый годъ? Полтора ста человѣкъ приглашенныхъ, и каждому полная тарелочка свѣжей земляники. Подъ Новый годъ-то! А? Какъ вы это назовете?

— Его ужъ назвали петербургскимъ Монтекросто,—напомнилъ Оржевскій.—Дѣйствительно, можно подумать, что онъ самъ печатаетъ ассигнаціи. Неистощимыя онѣ у него!

Мясоѣдовъ вдругъ словно сердито наморщилъ брови.

— У меня, изволите видѣть, двѣ тысячи душъ, да за женой капиталы, но мнѣ и во снѣ не снилось позволить себѣ такія траты,—сказалъ онъ.—А у Политковского, говорятъ, ни родового, ни женинаго. Жена принесла ему, я слышалъ, что-то въ родѣ тридцати тысячъ—для Монтекросто немного. Неужто, въ самомъ дѣлѣ, такъ счастливъ въ игрѣ?

Оржевскій пожалъ плечами.

— Признаться, я мало интересуюсь, откуда у людей берутся деньги,—отозвался онъ.—Чужой карманъ—тайна. У насъ любятъ посудачить на этотъ счетъ, а по-моему, такого любопытства нельзя одобрить. Контроль начальства — это другое дѣло. Да и тутъ сколько разъ бывало: поступить доносъ, назначать слѣдствіе — а на повѣрку выходитъ—пшикъ! Сами же осрамятся, что повѣрили кляузѣ.

Мясоѣдовъ задумчиво пошевелилъ усами. Онъ припомнилъ, что не далѣе, какъ тутъ, въ англійскомъ клубѣ, ходили всякіе подозрительные слухи о многихъ изъ членовъ, съ которыми онъ ежедневно встрѣчался. А кто разберетъ, врутъ или знаютъ? Правда, что чужой карманъ—тайна. Вотъ про него, Мясоѣдова, ничего не скажутъ, потому что всѣмъ извѣстно—онъ взялъ за женой огромное состояніе. Даже преувеличиваютъ, потому что она изъ богатой московской семьи. Ему можно открыто жить большимъ баринкомъ въ своемъ особнякѣ на Сергіевской.

— Политковскій крупно играетъ,—сказалъ онъ, помолчавъ.—И именно здѣсь, въ клубѣ. А у себя дома не любитъ этого. Тамъ преферансикъ да вистикъ—такъ, чтобъ только занять гостей.

— И натурально, умно дѣлаетъ,—замѣтилъ Оржевскій:—иначе стали бы толковать, что у него игорный домъ. А какой же игорный домъ, когда тамъ и Леонтій Васильевичъ въ картишки забавляется.

— Дубельтъ?

— Ну, да. На дняхъ съ нимъ пульку сыгралъ.

— Это теперь. А говорятъ, будто нѣсколько лѣтъ назадъ онъ обыгралъ больше, чѣмъ на миллионъ... знаете кого?

Оржевскій вопросительно поднялъ брови.

— Да вотъ его...

И Мясоѣдовъ указалъ глазами на полулежавшаго въ темноватомъ углу на диванѣ господина, давно уже дремавшаго тамъ съ измятымъ листкомъ газеты въ рукѣ.

Оржевскій быстро оглянулся.

— Да вѣдь это Яковлевъ?—спросилъ онъ вполголоса.

— Вотъ, про него и говорятъ,—подтвердилъ Мясоѣдовъ.—Въ Москвѣ еще мнѣ сказывали.

— Что жъ, можетъ быть,—согласился Оржевскій.—Только едва ли Яковлевъ могъ заплатить миллионъ. Богачи они, дѣйствительно, извѣстные, да деньги-то у отца.

— Ну, по частямъ уплачиваетъ. Однихъ процентовъ-то сколько!—предположилъ Мясоѣдовъ.—Во всякомъ случаѣ, чтобъ такъ жить, какъ Политковскій, надо дѣйствительно или кладъ Монтекристо найти, или... ужъ я не знаю что!

— То-то, не знаемъ что?—отозвался Оржевскій, и какъ-то загадочно повелъ бровями и углами губъ.

II.

Въ читальную комнату вошло нѣсколько новыхъ лицъ. Все это были пожилые, очень важнаго вида люди. Нѣкоторые, пріѣхавшіе на обѣдъ прямо изъ присутствія, были въ вицмундирахъ со звѣздами и пропущенными подъ жилетъ красными и голубыми лентами. Между военными были кое-кто съ свитскими вензелями и аксельбантами. Они продолжали начатыя въ столовой разговоры, разсаживаясь по мягкимъ диванамъ, прихлебывая ликеры и кофе.

Яковлевъ, зѣвая и потягиваясь, потребовалъ себѣ содовой воды. Онъ обводилъ всѣхъ забавными, словно не совсѣмъ проснувшимися глазами, и въ то же время припоминалъ что-то слышанное имъ сквозь дремоту, въ чемъ онъ не могъ сразу разобраться. Но по мѣрѣ того, какъ онъ глоталъ содовую воду, въ памяти его проскользнуло имя Политковскаго. Только онъ вспомнилъ его совсѣмъ по другому случаю.

— Нѣтъ, Сашка-то!—вдругъ неожиданно сказалъ онъ, ударивъ себя по колѣну и обращаясь къ бухнувшему подлѣ него на ди-

ванъ генералу.—Какъ онъ свою Эрнестину устроилъ! Вѣдь онъ возилъ меня къ ней нарочно, чтобъ показать, какъ онъ устроилъ ей квартиру на Сергѣевской... Ну, я вамъ скажу, чудеса!

— Пойдите, говорите толкомъ: какой Сашка? какая Эрнестина?— не понялъ генераль.

— Да Политковскій, Александръ Гавриловичъ, вѣдь онъ сошелся съ m-me Эрнестиной, новой актрисой Михайловскаго театра,— объяснилъ Яковлевъ.— Неужели этого еще не знаютъ?

— Ну, и что же? Отдѣлалъ квартиру съ сказочной роскошью?— полюбопытствовалъ генераль, съ лакомымъ видомъ обсасывая съ усомъ ликеръ.

— Описать невозможно!— продолжалъ Яковлевъ.— Все отъ Тура, до послѣдней табуретки. Спальная... такой спальней, я думаю, у m-me Помпадуръ не было. Венеціанскія зеркала, ковры... И она дѣлаетъ видъ, что совсѣмъ влюблена въ него.

Генераль съ завистливымъ видомъ облизнулъ губы кончикомъ языка.

— Чудодѣй! — произнесъ онъ. — А землянику-то подь Новый годъ помните?

— Что тамъ земляника... Эрнестина, вотъ это я понимаю! — возразилъ Яковлевъ.

Тяжелая портьера приподнялась въ эту минуту, и въ читальную комнату быстро вошелъ человекъ средняго роста, плотный, съ брюшкомъ, одѣтый въ отличный фракъ со звѣздой. Смуглое лицо его съ хохолкомъ надъ низкимъ лбомъ, смышленными, блестящими глазами, крупнымъ очеркомъ рта и подстриженными бакенами, выражало самоувѣренную подвижность и веселую, ласковую обязательность. Круглое брюшко его слегка волновалось на ходу и заставляло позвякивать брелоки, ударявшіеся о толстую золотую цѣпь. Вся нѣсколько обрюзгшая фигура эта, подрагивавшая на короткихъ ногахъ, вмѣстѣ съ юркостью сохраняла отпечатокъ внушительной важности.

Это и былъ Политковскій, петербургскій Монтэкристо, магъ и волшебникъ, наполнявшій столицу разсказами о своей сказочной роскоши и давившій бюрократію и свѣтъ неистощимостью своей избалованной фантазіи и своихъ таинственныхъ средствъ.

— Ба, тебя-то намъ и нужно было,—воскликнулъ Яковлевъ.— Расскажи-ка, сколько ты ухлопалъ деньжищъ на отдѣлку дома для своей Эрнестиночки...

Политковскій улыбался и вертѣлся на своихъ коротенькихъ ногахъ и шутливо погрозилъ Яковлеву пальцемъ, на которомъ сверкнулъ крупный брильянтъ.

— А ты ужъ не могъ не насплетничать... вотъ и полагайся послѣ этого на скромность друзей! — сказалъ онъ съ самодовольнымъ смѣхомъ.

— Очень тебѣ нужна моя скромность,—возразилъ Яковлевъ.— Пари держу, что черезъ нѣсколько дней ты пригласишь насъ всѣхъ на новоселье и задашь такой ужинъ, что чертямъ тошно станетъ.

Политковскій разсмѣялся еще громче и веселѣе.

— А что жъ, это идея... разумѣется, надо будетъ что-нибудь создать. Втихомолочку, прикровенно, чтобъ не было лишнихъ толковъ въ городѣ. У насъ, господа, вѣдь любятъ разносить по перекресткамъ все, что дѣлается...—сказалъ онъ, заранѣе соображая, что эту новую затѣю надо обставить нѣсколько таинственно, чтобы въ ней могли участвовать люди, заботящіеся о своей репутациі. Болтать потомъ все равно будутъ, и даже еще пуще, и создадутъ новую легенду... а тщеславіе Политковскаго упивалось такими легендами.

— И прелестная же, чортъ возьми, женщина эта m-ле Эрнестина,—заявилъ Яковлевъ.—Этакому алмазу дѣйствительно нужна золотая оправка. Говори однако, сколько убухалъ?

— Да пока даже не знаю еще: Туръ не являлся со счетами,—отвѣтилъ небрежнымъ тономъ Политковскій.—Онъ теперь отдѣлываетъ домъ для моей дочери, такъ ужъ заодно. А хорошо шельма работаетъ, хорошо. Дорого, но зато есть на что посмотреть. Будуаръ, напимѣръ, поставилъ розовый муаръ съ кружевами, объеденье!

— Для французенки? — полюбопытствовалъ, покручивая усы, молодой генералъ Исаковъ, считавшійся однимъ изъ самыхъ красивыхъ мужчинъ въ петербургскомъ свѣтѣ.

— Да нѣтъ же, для дочери, которую выдаю замужъ. Въ томъ самомъ домѣ, въ Большой Мѣщанской, что подарилъ ей Яковлевъ,—объяснилъ Политковскій.—Тамъ отдѣлка обойдется мнѣ тысячъ въ пятьдесятъ, не меньше.

— Однако! — произнесъ Оржевскій и подозрительно скосилъ глазами.

Политковскій поправилъ цѣпь, раздвинулъ фалды фрака и грузно плюхнулся на диванъ.

— Конечно, это назовутъ мотовствомъ; я и не оправдываюсь,—заговорилъ онъ тономъ избалованнаго легкомыслія.—Но я, господа, цѣню деньги лишь постольку, поскольку онѣ позволяютъ мнѣ тѣшить свои вкусы. Деньги для того и существуютъ, чтобы ихъ тратить. А тратить пріятно, знаете, широко, безъ этихъ мѣщанскіхъ прижимокъ... Вотъ теперь Яковлевъ подаль идею отпраздновать новоселье у m-ле Эрнестины. Нельзя же это какъ-нибудь сдѣлать. Нужно придумать что-нибудь этакое... необыкновенное, чтобы осталось въ памяти...

— Затѣйникъ ты, Саша...—произнесъ Яковлевъ, хлопнувъ его по колѣнку.—А игру мы сейчасъ составимъ?

— Нѣтъ, сегодня я не свободенъ: въ оперу ѣду, — отвѣтилъ Политковскій. — Но, между прочимъ, мнѣ съ тобой потолковать надо; не пройдемъ ли вонъ туда въ гостиную?

Онъ не безъ труда поднялся съ мягкаго дивана и, взявъ Яковлева подъ руку, вышелъ съ нимъ изъ читальной.

III.

Войдя въ пустую гостиную, Политковскій тщательно притворилъ дверь и подвинулъ Яковлеву кресло.

— Дѣло у меня къ тебѣ, голубчикъ, — сказалъ онъ. — И не маленькое.

— Денегъ надо? — спросилъ Яковлевъ.

— Само собою. Но не такъ, какъ всегда. Большихъ денегъ нужно. На нѣсколько дней, — отвѣтилъ Политковскій, слегка отдуваясь, чтобъ осилить слышавшееся въ голосѣ волненіе. — Я, голубчикъ, такъ запутался, что хоть въ петлю полѣзай. Ну, и понятно, къ тебѣ: выручай!

Яковлевъ посмотрѣлъ на него и посвисталъ.

— Чтобы тебя выручить, милліона не хватитъ, — сказалъ онъ.

Политковскій нетерпѣливо махнулъ рукой.

— Ну, что пустяки болтать, — возразилъ онъ. — Я не о такой выручкѣ говорю. Просто нужно мнѣ, чтобъ нѣкоторая сумма полежала у меня два-три дня въ карманѣ. Потомъ изъ этого же кармана я и верну ее тебѣ. Только сумма нужна большая.

— Сколько?

— Семьдесятъ тысячъ.

Яковлевъ почесалъ у себя за ухомъ.

— Откуда же ты возьмешь, чтобъ отдать такую сумму? — любопытствовалъ онъ.

— Чудакъ ты! — воскликнулъ Политковскій. — Я же тебѣ говорю, что деньги останутся не тронутыми: полежать и вернуться.

— Для чего это тебѣ нужно? Для кредита, что ли? — въ нерѣшительности спросилъ Яковлевъ.

— Понятно, для кредита. Маленькая хитроумная операція, ха-ха! — пояснилъ Политковскій, и голосъ его зазвучалъ уже весело и увѣренно: онъ понялъ, что деньги ему дадутъ. — Штука въ томъ, найдутся ли у тебя такія деньжонки въ готовности?

Тщеславіе извѣстнаго по Петербургу и Москвѣ богача было очень ловко задѣто этимъ вопросомъ. Яковлевъ придалъ своему легкомысленному лицу пренебрежительное выраженіе.

— Сколько ты сказалъ? Семьдесятъ тысячъ? — переспросилъ онъ. — При себѣ, пожалуй, и не найдется столько. Но тебѣ вѣдь не сейчасъ нужно?

— Понятно, не сейчасъ. Завтра я бы заѣхалъ къ тебѣ...

— Завтра—другое дѣло. Дома найдется.

Политковскій широко взмахнулъ рукой и ударилъ ладонью по рукѣ Яковлева.

— Ну, вотъ спасибо; я зналъ, что мы тебя выручимъ. А черезъ два-три дня привезу тебѣ всю сумму обратно,—сказалъ онъ.

Онъ опять завертѣлся, колыхая брюшко и поглаживая рукой свою стриженую голову съ хохолкомъ.

— А теперь пора въ театръ. Зайдешь къ намъ въ ложу?—предложилъ онъ.—Кстати, насчетъ ложи у меня идея есть. Хочу переговорить съ Туромъ, чтобъ ее отдѣлать. Намозолила мнѣ глаза казенная обстановка. Сдѣлаю все это на особый ладъ: мебель своя будетъ; драпировки, ковры, зеркала... Потолокъ затынемъ штофомъ, на стѣнкахъ гобелены. Въ аванложѣ маленькій буфетъ, фарфоръ, серебро. Въ антрактахъ будутъ сервировать чай: серебряный самоваръ, серебряный холодильникъ для шампанскаго... А? какъ ты находишь? Вѣдь недурно придумано? Никто еще этого не дѣлалъ.

Политковскій говорилъ все скорѣе, пріятно разгораясь и волнуясь. Всегда блестящіе глаза его совсѣмъ сверкали. Яковлевъ былъ, видимо, озадаченъ и нерѣшительно жевалъ губами.

— Ужъ ты придумаешь... Затѣя-то не плохая, да только смотри, начнетъ весь городъ толковать да ахать, а тамъ и выше пойдетъ,—произнесъ онъ тономъ сомнѣнія.—Театръ-то вѣдь казенный.

— А пускай себѣ ахаютъ да толкуютъ; сами же всѣ побѣгутъ ко мнѣ шампанское пить,—самоувѣренно возразилъ Политковскій.—Ложа у меня абонированная. Да и не на краденныя деньги я ее отдѣлаю, а на свои собственныя. И надо же наконецъ показать публикѣ, какъ другіе умѣютъ жить. У насъ вѣдь дикость, скарредство...

Яковлевъ вдругъ что-то вспомнилъ и остановилъ Политковскаго за руку.

— Постою... что такое тутъ говорилъ Оржевскій Мясоѣдову?—задалъ онъ самъ себѣ вопросъ.—Я, видишь ли, вздремнулъ послѣ обѣда въ уголку,—должно быть, объѣлся этого аглицкаго пуддинга,—а все-таки слышалъ, что они какой-то вздоръ о насъ говорили. Ну да, что будто бы я проигралъ тебѣ миллионъ, и что поэтому ты такъ и швыряешь деньгами. Откуда такую чепуху могли сочинить?

Политковскій засмѣялся особеннымъ, вкрадчивымъ смѣхомъ, который являлся у него иногда при затрудненіяхъ, и осторожно похлопалъ Яковлева по плечу.

— Вѣдь эту легенду я самъ нѣсколько разъ слышалъ, и не мало въ душѣ хохоталъ,—сказалъ онъ.—Да что за бѣда? Я люблю, когда обо мнѣ всякій вздоръ сочиняютъ. Вотъ, когда Туръ мнѣ ложу въ Большомъ театрѣ отдѣляетъ, еще и не то стануть болтать.

-- Однако, откуда-нибудь взяли же про мой проигрышъ?

— А кто ихъ знаетъ. Впрочемъ, помнится, я одному дураку сказалъ что-то въ такомъ родѣ. Присталъ ко мнѣ, откуда да откуда я беру свои средства. Надо же быть идиотомъ, чтобъ привязаться къ человѣку съ такими разспросами! Ну, я ему и брякнулъ, чтобъ посмѣяться: у Яковлева, говорю, миллионъ выигралъ. А дуракъ-то поди да и разнеси по городу. И оказалось, что дураковъ у насъ больше, чѣмъ я думалъ. Ты ихъ не разубѣждай, пускай себѣ. Они будутъ болтать, а мы будемъ хохотать. Миллионъ! ха-ха! Это, впрочемъ, для насъ обоихъ одинаково лестно.

И Политковскій, напомнивъ еще разъ, что ему пора въ театръ, пожалъ Яковлеву руку и спѣшно выкатился въ коридоръ на своихъ коротенькихъ ножкахъ.

IV.

Утромъ Политковскій, завернувшись въ шелковый халатъ, прошелъ въ кабинетъ, присѣлъ къ столу, положилъ передъ собой почтовый листъ и, наклонившись, принялся старательно выводить на немъ строки неровнымъ, измѣненнымъ почеркомъ.

Письмо предназначалось военному министру графу Чернышеву и заключало въ себѣ безыменный доносъ на директора канцелярїи комитета о раненыхъ, тайнаго совѣтника Политковскаго. Въ немъ говорилось, что Политковскій, будучи человѣкомъ расточительнаго характера и ведя роскошный образъ жизни, постоянно нуждается въ деньгахъ и для покрытія своихъ тратъ прибѣгаетъ къ суммамъ инвалиднаго капитала, находящагося въ его завѣдыванїи. Проигравъ недавно значительную сумму въ англійскомъ клубѣ, онъ взялъ ее изъ денежнаго ящика комитета, въ чемъ легко удостовѣриться, если произвести внезапную ревизію наличныхъ капиталовъ, находящихся на рукахъ у комитетскаго казначея Рыбкина. При ревизїи, буде ее произведутъ немедленно, въ денежномъ ящикѣ окажутся, вмѣсто денегъ, расписки Политковскаго на многія тысячи. Справку же о наличности можно найти въ кассовой книгѣ, каковая ведется въ счетномъ отдѣленїи канцелярїи и содержится въ полной исправности. Провѣрить надлежитъ именно наличность, такъ какъ капиталовъ, обращенныхъ въ банковыя свидѣтельства, тайный совѣтникъ Политковскій, въ виду сложныхъ формальностей при истребованїи вкладовъ, изъ осторожности не касался.

Выведа эти строки, Политковскій перечиталъ ихъ, усмѣхнулся и подписалъ: «Другъ правды и ревнитель казеннаго интереса». Затѣмъ сложилъ листокъ, засунулъ его въ конвертъ, оттиснулъ сургучную печать серебрянымъ полтинникомъ и надписалъ адресъ.

Наскоро одѣвшись, онъ вышелъ изъ дому, сказалъ камердинеру Василю, что желаетъ немного прогуляться, и прошелъ въ поч-

тамтъ. Тамъ онъ подалъ пакетъ чиновнику, заплатилъ вѣсовыя деньги и отправился обратно домой. Отъ квартиры его въ домѣ Батюшкова на площади Большого театра до Почтамтской было недалеко, и черезъ полчаса онъ уже успѣлъ вернуться.

Еще разъ переодѣвшись и слегка позавтракавъ, Политковскій приказалъ заложить карету, и въ ожиданіи сталъ пробѣгать только что полученный листокъ «Инвалида». Ему доложили, что пришелъ чиновникъ Рыбкинъ.

— И кстати. Пусть войдетъ,—сказалъ Политковскій.—Да никого не принимать и не входить, пока онъ у меня будетъ.

Рыбкинъ, невысокій, худой, съ типичнымъ лицомъ мелкаго чиновника, просунулся осторожно, нагибаясь подъ портьерой, и по обычаю тщательнo притворилъ за собою дверь. Еще у порога онъ почтительно раскланялся и, боязливо переступая по ковру, приблизился къ столу, за которымъ сидѣлъ, откинувшись на высокую спинку кресла, Политковскій.

— А, любезный Петръ Ивановичъ! Что новенькаго?—обратился къ нему директоръ, протягивая два пальца.

— Явился узнать приказанія вашего превосходительства,—заявилъ чиновникъ.—Большое полученіе съ почты сегодня было.

И онъ дотронулся красной рукой до оттопыреннаго кармана вицмундира.

Политковскій, продолжая держать передъ собой газетный листокъ, небрежно покосился.

— Ну, такъ что же?—спросилъ онъ.

На лицѣ Рыбкина мелькнула искательная улыбка.

— Какъ ваше превосходительство прикажете: всѣ ли деньги внести въ книгу, или...—началъ онъ, и запнулся.

— Или что?—переспросилъ Политковскій голосомъ, начавшимъ пріобрѣтать строгость.

— Вотъ, собственно затѣмъ и явился...—продолжалъ Рыбкинъ.—Полученія изъ разныхъ мѣстъ, такъ которыя изъ далекихъ... изъ Иркутска, на примѣръ... иной разъ ваше превосходительство приказывали повременить...

Политковскій отложилъ газету и, повернувшись вполоборота, уставилъ на Рыбкина загадочный, пронизательный взглядъ. Молча, онъ точно издѣвался надъ маленькимъ чиновникомъ этимъ взглядомъ. Рыбкинъ недоумѣвалъ и испытывалъ смущеніе.

— Вы навѣрное помните, что я вамъ отдавалъ такія приказанія?—вдругъ, послѣ продолжительнаго молчанія, спросилъ ехидно зазвучавшимъ голосомъ Политковскій. — Кто-нибудь былъ при этомъ?

Рыбкинъ весь съежился.

— Какъ прикажете, ваше превосходительство...—пробормоталъ онъ, совсѣмъ теряясь.

— Что такое вы болтаете?—уже прикрикнулъ на него Политковский.—Я васъ спрашиваю, былъ кто-нибудь при томъ, какъ я отдавалъ вамъ какія-то незаконныя приказанія?

— Помилуйте, кто же могъ быть...

— Аа! — протянулъ угрожающимъ тономъ Политковский. — А знаете ли вы, что я могу сейчасъ послать за частнымъ приставомъ и потребовать, чтобъ онъ составилъ протоколъ объ оскорбленіи вами начальства?

— Ваше превосходительство, простите...

Политковский всталъ и вплотную подошелъ къ Рыбкину.

— Какъ вы смѣете напоминать, что я когда-то что-то говорилъ вамъ?—напустился онъ на него.—Долго ли мнѣ васъ учить, что вы, какъ казначей, сами по себѣ отвѣтственны, если вашъ денежный ящикъ не въ порядкѣ? Вѣдь это только моя добрая воля будетъ, если я, выгораживая себя, захочу и васъ выручить, ради вашей несчастной семьи...

Рыбкинъ поблѣднѣлъ; его начинало трясти.

— Ваше превосходительство...—бормоталъ онъ.

Политковский наблюдалъ за нимъ съ хорошо скрытымъ удовольствіемъ.

— Помните вы нашъ первый разговоръ, въ первый годъ вашей службы у меня въ комитетѣ? — продолжалъ онъ, все болѣе хмурясь.—Вы вѣдь голодали на канцелярскомъ жалованьи, васъ съ женой и дѣтьми съ квартиры гнали. Мнѣ захотѣлось помочь вамъ, чтобы пріобрѣсти преданнаго человѣка. Ну, и когда мнѣ понадобилось перехватить какія-то тамъ нѣсколько тышенокъ, и вы начали трусить за свою шкуру, что я вамъ сказалъ? Что вы совершили преступленіе... да, преступленіе, за которое вамъ каждую минуту грозитъ каторга. Помните, какъ вы валялись у меня въ ногахъ, просили не погубить? И что я вамъ сказалъ? Что вамъ нѣтъ другого спасенья, какъ быть моимъ рабомъ, повиноваться каждому моему слову и рассчитывать только на одно—что, покрывая самого себя, я и васъ покрою...

Политковский говорилъ все громче и выразительнѣе, выпячивая брюшко и подымая и опуская правую руку, словно онъ вколачивалъ каждое слово въ мозгъ совсѣмъ растерявшагося Рыбкина. Онъ, видимо, наслаждался этой безпомощной растерянностью казначея. Потомъ, какъ бы подготавливая взмахъ для послѣдняго удара, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по ковру, круто повернулся на каблучкахъ и неожиданно сказалъ:

— Сегодня или завтра у насъ будетъ внезапная ревизія кассовой наличности... Военному министру поданъ доносъ.

Рыбкинъ остолбенѣлъ. Рыжеватое лицо его поблѣднѣло, на лбу выступили капли пота.

— Ваше превосходительство...—пробормоталъ онъ, тупо ворочая глазами.—Не погубите!

Политковскій замысловато усмѣхнулся.

— А-а, не погубите! Значить, понимаешь, что я могу и погубить, и спасти? — сказалъ онъ, сразу переходя на «ты». — То-то! Сколько у насъ не хватаетъ въ ящикѣ?

— Много... пожалуй, что до ста тысячъ не хватаетъ, — трясушимися губами отвѣтилъ Рыбкинъ.

— А сколько получилъ сегодня съ почты?

— Двадцать три тысячи.

Политковскій опять прошелся по ковру.

— Положи эти деньги въ ящикъ, не показывая пока на приходъ, — распорядился онъ. — А остальные я привезу.

Рыбкинъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Много вѣдь нужно, ваше превосходительство, — пролепеталъ онъ.

— А ты можешь судить, что для меня много и что не много? — возразилъ съ самодовольной усмѣшкой Политковскій. — Сказалъ: привезу, и все тутъ. Много! Ты вотъ оглянись, да прикинь — сколько на твой глазъ можетъ стоять то, что ты тутъ видишь? Мебель, ковры, драпировки, бездѣлушки? Десятки тысячъ, любезный. А у тебя дома всей обстановки на сорокъ рублей. Такъ вотъ, ты и суди, что такое я и что ты.

И Политковскій бросилъ на чиновника уничтожающій взглядъ.

Лицо Рыбкина выражало радостную подавленность. Ему дѣйствительно казалось, что надъ нимъ простеръ свое крыло сказочный чародѣй, которому служатъ могущественные духи...

V.

Графъ Чернышевъ, получивъ безымянный доносъ на Политковского, растревожился самымъ непріятнымъ образомъ. Не отличаясь большою сообразительностью, онъ ни на минуту не усомнился въ томъ, что доносъ присланъ лицомъ, хорошо знакомымъ съ положеніемъ дѣлъ въ комитетѣ о раненыхъ. Къ тому же всего нѣсколько дней назадъ государь, при докладѣ по дѣламъ комитета, высказалъ замѣчаніе, что, по слухамъ, Политковскій слишкомъ широко живетъ, и приказалъ обратить на него вниманіе. Между тѣмъ Чернышевъ былъ связанъ съ Политковскимъ близкимъ личнымъ знакомствомъ: частенько бывалъ на его обѣдахъ и ужинахъ, цѣнилъ его превосходную кухню и готовъ былъ оказать ему всяческое покровительство. Выслушавъ замѣчаніе государя, отъ тогда же намекнулъ Политковскому, что его расточительность порождаетъ неблагоприятные слухи, которые уже проникли въ высокія сферы. Политковскій былъ очень смущенъ и, казалось, оскорбился. А теперь этотъ доносъ заставляетъ его принять какія-нибудь мѣры. При другой обстановкѣ можно было бы и не

обратить вниманія на безыменный извѣтъ; но въ виду приказанія государя письмо получало особое значеніе.

Съ большою неохотою Чернышевъ вызвалъ одного изъ состоявшихъ при немъ генераловъ и отдалъ ему распоряженіе — истребовать изъ государственнаго контроля двухъ чиновниковъ и вмѣстѣ съ ними немедленно произвести внезапную ревизію наличныхъ суммъ комитета.

— Въ бухгалтеріи и въ билетахъ приказа и государственнаго банка копаться вамъ незначѣмъ, провѣрьте только наличность, — приказалъ генералу графъ Чернышевъ. — И сейчасъ же мнѣ доложите. Я увѣренъ, что все окажется въ исправности, но тѣмъ не менѣе сдѣлать ревизію необходимо. Въ инвалидномъ капиталѣ вѣдь десятки милліоновъ.

Генераль, взявъ изъ канцеляріи военнаго министерства письменное предложеніе, на другой же день явился вмѣстѣ съ чиновниками въ комитетъ о раненыхъ, помѣщавшійся въ то время въ Зимнемъ дворцѣ.

Политковскій выслушалъ его очень спокойно, но не скрылъ, что недовѣріе министра крайне оскорбило его.

— Я имѣю пряжку за тридцать лѣтъ безпорочной службы, дослужился до чина тайнаго совѣтника, удостоенъ Владимира 3-ей степени и станиславской звѣзды — и теперь меня хотятъ уловлять въ мошенничествѣ, какъ какого-нибудь мелкаго приказнаго! — сказалъ онъ, отдуваясь съ выраженіемъ оскорбленнаго достоинства. — Ну, что жъ, ревизуйте, учитывайте — растраты у меня нѣтъ, и быть не можетъ. Ревизіи я не боюсь. Но только послѣ того, какъ вы засвидѣтельствуете объ образцовомъ порядкѣ нашей кассы, я подаю въ отставку. Да-съ, подаю въ отставку: продолжать службу послѣ обнаруженнаго недовѣрія къ моей честности я не могу.

Генераль, принадлежавшій также къ числу лицъ, знакомыхъ съ превосходной кухней Политковскаго, извинялся и увѣрялъ, что опровергнутое недовѣріе должно только повысить служебную репутацію подозрѣваемаго.

— Да, впрочемъ, никто и не подозрѣваетъ васъ, Александръ Гавриловичъ, а просто — требуется соблюсти формальность въ виду поступившаго доноса, — завѣрялъ ревизоръ.

— Съ какихъ это поръ стали такъ внимательны къ безыменнымъ доносамъ? — тономъ оскорбленной ироніи возразилъ Политковскій. — Но не будемъ терять времени. Денежный ящикъ, книги, документы — все это здѣсь въ канцеляріи. Позовемъ казначея.

Рыбкинъ, сосредоточенный и даже важный, заранѣе предвкушая такіе результаты ревизіи, отъ которыхъ можно было даже ждать награды, явился въ сопровожденіи четырехъ присяжныхъ сторожей, не безъ усилія втащившихъ огромный кованный сундукъ. Началась провѣрка. Чиновники свѣряли итоги кассовой книги, ге-

нераль собственноручно пересчитывалъ пачки кредитныхъ билетовъ. Политковскій похаживалъ въ сторонѣ, больше, чѣмъ когда-нибудь, колыхая брюшко и сохраняя на лицѣ оскорбленное выраженіе.

Провѣрка продолжалась часа два.

— Все въ порядкѣ!—радостно заявилъ наконецъ генераль.— Позвольте отъ души васъ поздравить, глубокоуважаемый Александръ Гавриловичъ. Сейчасъ и протоколъ подпишемъ.

— Поздравлять меня не съ чѣмъ,—съ угрюмымъ достоинствомъ возразилъ Политковскій.—Оправдаться передъ подлымъ доносомъ—еще не великая награда для честнаго человѣка. А вотъ бросить службу—для меня прискорбно.

— Не допустятъ этого, ваше превосходительство,—успокаивалъ его генераль.—Я сейчасъ же ѣду доложить графу и увѣренъ, что онъ будетъ обрадованъ не меньше меня.

Когда ревизоры уѣхали, Политковскій прошелся изъ угла въ уголъ по директорскому кабинету, потирая руки и весело певела бровями. Сознаніе отлично разыгранной комедіи наполняло его жуткимъ чувствомъ побѣжденной опасности.

— Теперь пусть толкуютъ, что хотятъ; на нѣсколько лѣтъ я застрахованъ,—проговорилъ онъ, не обращая вниманія на стоявшаго въ уголкѣ Рыбкина.—И даже самъ государь, по свойственному ему рыцарству, будетъ считать себя какъ бы виноватымъ предо мной.

«И наградить»—добавилъ онъ мысленно.

Затѣмъ, подойдя вплотную къ Рыбкину, онъ весело подбоченился.

— Ну, видѣлъ, какъ у насъ дѣла дѣлаются? Понялъ теперь, что такое Александръ Гавриловичъ Политковскій?—сказалъ онъ, хлопнувъ казначея по плечу.—За Политковскимъ, братецъ ты мой, не пропадешь. Отворяй-ка свой сундукъ да перекладывай деньги обратно ко мнѣ въ портфель.

Политковскій запустилъ руку въ сундукъ, захватилъ тамъ пачку ассигнацій, мелькомъ перелистовалъ ее и протянулъ Рыбкину.

— Купи отъ меня дѣтямъ бомбошекъ да обновку женѣ,—сказалъ онъ.—Не брюхата она? Если родить, зови меня крестить.

Рыбкинъ трясущимися руками закинулъ пачку въ карманъ вицмундира и чмокнулъ директора въ плечо.

«Эхъ, пока чтѣ... хоть свѣтъ въ окошко увидѣтъ,—подумалъ онъ.—Припрячу, по крайности семья голодною не останется. А тамъ будь, что будетъ. Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ».

VI.

На приѣмѣ у военнаго министра собралось на другой день много представляющихся по дѣлу и просителей. Среди туго затянутыхъ строевыхъ мундировъ бросался въ глаза полувоенный, застегну-

тый на всѣ пуговицы фракъ правителя канцеляріи комитета о раненыхъ.

— Александръ Гавриловичъ! съ докладомъ?—спрашивали Политковскаго знакомые генералы.

Политковскій дѣлалъ нахмуренное лицо.

— Съ прошеніемъ: въ отставку подаю,—отвѣчалъ онъ.

Новость производила живѣйшее впечатлѣніе. Всѣ выражали изумленіе, не хотѣли вѣрить, расспрашивали о причинахъ.

— Причина та, что мнѣ выражено недовѣріе: вчера, по приказанію графа, у меня въ комитетѣ произведена была внезапная ревизія денежныхъ суммъ,—объяснялъ Политковскій.—Само собою, что все оказалось въ порядкѣ,—объ этомъ и говорить излишне,—но, какъ должностное лицо и какъ человѣкъ, я оскорбленъ.

Его старались успокоить. Онъ дѣлалъ упрямое движеніе губами, подкатывалъ глаза и говорилъ, что допустить такого недовѣрія не можетъ.

— У меня на рукахъ десятки милліоновъ, поймите это! — повторялъ онъ.—Сегодня одинъ негодяй сдѣлаетъ доносъ, завтра другой, и каждый разъ я буду въ подозрѣніи? Нѣтъ-съ, при такихъ условіяхъ моя служба невозможна. Я не изъ корысти служу. Я еще изъ своего кармана жертвую, вотъ что.

И онъ прикладывалъ руку къ боку вицмундира, гдѣ предполагались и карманъ, и сердце.

Графъ Чернышевъ, накрашенный, раздушенный, выпелъ изъ кабинета. На его лицѣ, напоминавшемъ маску, еще оставались слѣды прежней красоты; но его портило отсутствіе ума и выраженіе напряженной, напускной любезности. Не обладая выдающимися способностями, графъ былъ уже на исходѣ своей удачной карьеры и держался больше крайнею искательностью предъ вліятельными людьми и памятью великосвѣтскихъ старушекъ о его бывшей представительности. Дѣла министерства шли плохо, но этого никто не замѣчалъ, тѣмъ болѣе, что недорого обошедшіея лавры венгерской компаніи внушали всѣмъ преувеличенное понятіе о превосходномъ состояніи нашей арміи.

Замѣтивъ среди представляющихся Политковскаго, Чернышевъ тотчасъ подошелъ къ нему и попросилъ его пройти въ кабинетъ.

— Сдѣлаю обходъ и сейчасъ же къ вамъ,—сказалъ онъ любезно.

Черезъ четверть часа Политковскій подалъ ему свое прошеніе. Чернышевъ быстро пробѣжалъ его глазами, сложилъ и вернулъ обратно.

— Любезнѣйшій Александръ Гавриловичъ, не принимаю,—сказалъ онъ почти съ заискивающею улыбкой.—Совершенно понимаю ваши благородныя чувства, но надѣюсь, что вы не пожертвуете самолюбію вашею полезною службою. Васъ цѣнятъ, и я поставлю

себѣ пріятнымъ долгомъ доложить государю императору, что возникшія благодаря доносу подозрѣнія совершенно разсѣяны.

— Ваше сіятельство, я не имѣю права допускать подозрѣнія,— возразилъ Политковскій.—У меня на рукахъ десятки милліоновъ казенныхъ денегъ...

— И отлично, что они въ вѣрныхъ рукахъ,—сказалъ Чернышевъ.—Не хочу и слышать объ отставкѣ. Успокойтесь, забудьте эту маленькую неприятность, за которую готовъ искренно извиниться, и вѣрьте, что васъ сумѣютъ вознаградить и за вашу отличную службу, и за причиненное вамъ огорченіе.

Политковскій пытался настаивать, но Чернышевъ дотронулся рукой до звѣзды, пришпиленной къ вицмундиру директора канцеляріи, и сказалъ съ замысловатой улыбкой:

— Пора бы имѣть что-нибудь на другомъ боку; какъ вы думаете, э? Внѣ правилъ, по особому докладу?

Политковскій покорно склонилъ голову. На губахъ его тоже играла улыбка, смыслъ которой не былъ понятенъ министру.

— Ваше сіятельство обезоруживаете меня своею благосклонностью,—сказалъ онъ.—И если вы отказываетесь принять мою отставку, то позвольте надѣяться, что не откажетесь завтра пожаловать ко мнѣ откушать...

Чернышевъ весело пожалъ ему руку.

— Вотъ это другое дѣло! Ха-ха! Этимъ я радъ закончить нашу бесѣду,—проговорилъ онъ.—Ну и поваръ же у васъ, я вамъ скажу—каналья!

— Прикажу ему завтра превзойти самого себя,—съ самодовольнымъ смѣхомъ пообѣщалъ Политковскій.—Встрѣтите Леонтія Васильевича, генерала Катенина, генерала Исакова... послѣобѣденная пулька и готова!

Подъ вліяніемъ охватившаго его пріятнаго возбужденія, Политковскій прямо отъ министра, не переодѣваясь, проѣхалъ къ знаменитому обойщику Туру.

— Предстоитъ вамъ случай показать себя: хочу сдѣлать публичную выставку вашего искусства,—шутливо заявилъ ему Политковскій.—Такого заказа, батенька мой, еще никто не дѣлалъ вамъ.

Умное лицо старика Тура выразило любопытство.

— Во сколько времени вы можете отдѣлать мою ложу въ Большомъ театрѣ? Мебель, драпировки, ковры, зеркала, маленькій буфетъ?

— О, это не долго...

— Но что-нибудь необыкновенное... чтобъ останавливало вниманіе. Вы понимаете, всякій станеть разсматривать, надо что-нибудь придумать.

— Это можно придумать.

— Пожалуйста. О цѣнѣ я не торгуюсь, но чтобъ стоило того. Я на васъ надѣюсь. А это что за ширмочки такія?

— Вамъ нравится? Я нарочно придумалъ для васъ и былъ увѣренъ, что вы обратите вниманіе,—объяснилъ догадливый фабрикантъ.—Для будуара очень хорошая вещица. И я второго экземпляра не сдѣлаю.

— Отошлите въ Сергіевскую, къ m-ше Эрнестинѣ.

Вспомнивъ о своей французенкѣ, Политковскій рѣшилъ сейчасъ же захватить къ ней,

Хорошенькую артистку онъ засталъ за завтракомъ. Она расхохоталась, увидавъ его въ первый разъ въ мундирѣ.

— Не могу сказать, чтобъ это къ вамъ шло. И что за форма! Est-ce drôle! — удивлялась она, разглядывая затѣйливый покрой казеннаго ффрака.—C'est pour rigé... Знаете, у васъ въ Россіи ни у кого нѣтъ вкуса. Зачѣмъ вы безъ меня заказывали отдѣлку моей квартиры? Можно было бы придумать что-нибудь лучше.

— Развѣ не хорошо? Тебѣ не нравится работа Тура? Но выше его никого здѣсь нѣтъ. Кстати, я сейчасъ видѣлъ у него восхитительный рагаvent и велѣлъ прислать къ тебѣ.

— Merci, но въ другой разъ предоставьте лучше мнѣ самой выбирать. Хотите завтракать? Omlette я съѣла, но еще подадутъ котлетки.

Политковскому было неприятно это недоувѣріе къ его вкусу. Онъ и раньше слышалъ, что многіе подсмѣиваются надъ мѣщанской роскошью его обстановки. Но тѣ могли осуждать его изъ зависти, а Эрнестина дѣйствительно понимаетъ толкъ въ вещахъ. Но чтобъ не измѣнить своей обычной самоуувѣренности, Политковскій ткнулъ вилкой въ тарелку и засмѣялся.

— Кто же теперь ѣстъ съ котлетами картофель? У меня давно уже свѣжіе огурцы подаютъ. Я велю прислать вамъ, — заявилъ онъ.—И что вы пьете? Прикажите подать шампанское. Нѣтъ, вы не умѣете жить, рѣшительно не умѣете. Я научу васъ швырять деньгами.

Эрнестина тоже засмѣялась.

— Отлично. Вы найдете недурную ученицу, — сказала она. — Кстати, контора Штиглица прислала мнѣ переводный вексель изъ Парижа. Въ тамошнѣ лежитъ цѣлый транспортъ моихъ туалетовъ. Вы имѣете отличную тему для перваго урока изъ вашей интересной науки.

Она встала, задѣвъ Политковскаго по лицу широкимъ рукавомъ своего пеньюара, вышла въ спальную и черезъ минуту вернулась съ длинненькимъ цвѣтнымъ листкомъ въ рукѣ.

— Платите, профессор!—сказала она со смѣхомъ.

Политковскій поцѣловалъ ея обнаженную по локоть руку, взглянулъ мелькомъ на вексель и засунулъ его въ карманъ.

— Вотъ это я понимаю, — сказалъ онъ. — Туалеты должны ослѣплять. Да и вообще, все должно ослѣплять. Именно это я и

называю большою жизнью. Когда люди ахаютъ, видя льющійся изъ вашей пригоршни золотой дождь, это подымаетъ васъ надъ толпой. Кстати, знаешь, какъ меня прозвали въ обществѣ? Петербургскимъ Монтекристо.

Эрнестина осторожно присѣла къ нему на колѣни.

— Это очень хорошенькое прозваніе,— сказала она.— Но въ такомъ случаѣ ты долженъ обвѣщать меня брильянтами? У Монтекристо былъ цѣлый кладъ драгоцѣнныхъ камней.

Политковскій разсмѣялся.

— У меня такого клада нѣтъ. У меня только сундукъ съ ассигнаціями,— сказалъ онъ:— съ добрыми государственными ассигнаціями.

— Но это тоже хорошо; это почти одно и то же...— отозвалась Эрнестина.

И ея немножко лукавые глаза подернулись легкой задумчивостью.

VII.

Политковскій не обманывалъ ни себя, ни другихъ, высказывая свои понятія о цѣляхъ жизни. Онъ уже давно пришелъ къ нимъ, и они владѣли имъ, какъ азартъ владѣетъ игрокомъ.

Человѣкъ очень обыкновеннаго ума и безграничнаго самолюбія, онъ понялъ еще въ молодости, что не обладаетъ данными сдѣлать особенно блестящую карьеру. Для этого нужны были знатное происхожденіе, принадлежность къ большому свѣту, родство съ вліятельными старушками, завоевавшими себѣ положеніе при дворѣ. До извѣстныхъ ступеней можно было продвинуться служебными заслугами, но дальше выдвигались только люди, которыхъ дворъ считалъ своими. А Политковского увлекало только то, что стояло за предѣлами достижимаго.

Онъ поступилъ на службу, потому что все служили. Личныхъ способностей его оказалось достаточно, чтобы обнаружить чиновничью дѣловитость. Онъ подвигался обыкновеннымъ порядкомъ и попалъ правителемъ дѣлъ канцеляріи комитета о раненыхъ.

Осмотрѣвшись въ новой должности, Политковскій быстро сообразилъ выгоды своего положенія. Среди петербургскаго чиновничества того времени комитетъ считался «чистенькимъ» учрежденіемъ. Тамъ не съ кого было брать взятки, и не было ни крупныхъ подрядовъ, ни хозяйственныхъ заготовленій. Но зато тамъ хранились и обращались милліоны, за цѣлость которыхъ отвѣчалъ правитель канцеляріи. На это обстоятельство Политковскій, конечно, обратилъ свое вниманіе.

Учрежденный послѣ войны 1812 года, комитетъ былъ составленъ изъ старыхъ заслуженныхъ генераловъ, негодныхъ для строевой службы. Предсѣдательствовалъ въ немъ генералъ Уша-

ковъ, человѣкъ лично честный, но не обладавшій никакими административными способностями. Членами были такіе же увѣчные служаки, смотрѣвшіе на комитетъ, какъ на тихую пристань послѣ долгихъ боевыхъ трудовъ. Въ назначенные дни они собирались на нѣсколько часовъ, калякали о томъ о семъ, подписывали заготовленные канцеляріей журналы, и мирно расходились.

Суммы комитета, такъ называемый инвалидный капиталъ, составлялись изъ отчисленій при служебныхъ наградахъ и изъ пожертвованій. Послѣднихъ стекалось много, такъ какъ свѣжа еще была память объ искалѣченныхъ герояхъ наполеоновскихъ войнъ. Купцы, въ особенности московскіе и сибирскіе, высылали по почтѣ крупныя суммы. Приѣзжая въ Петербургъ, они иногда лично передавали деньги правителю канцеляріи, подъ его расписку. Отчетность по всѣмъ этимъ суммамъ вела сама канцелярія. Полученія могли и совсѣмъ не заноситься въ книги, или заноситься въ произвольное время. При отсутствіи единства кассы, деньги и билеты приказа общественнаго призрѣнія хранились въ ящикѣ, ключъ отъ котораго находился у комитетскаго казначея, непосредственно подчиненнаго правителю канцеляріи.

Разъ или два въ годъ производилась ревизія наличности. Она заключалась въ томъ, что члены комитета наскоро пересчитывали пачки ассигнацій и билетовъ, при чемъ не любопытствовали даже взглянуть, какія были отмѣчены выдачи на внутренней сторонѣ билетовъ. Затѣмъ, удостовѣрившись, что наличность ящика сходится съ казначейской вѣдомостью, члены комитета, потирая разболѣвшіяся поясницы, подписывали журналъ о благополучномъ состояніи кассы.

Понятно, что Политковскій сразу оцѣнилъ постановку дѣла. Многомилліонная инвалидная касса была совершенно въ его рукахъ. Онъ могъ черпать въ ней, какъ въ собственномъ карманѣ, отчитываясь отъ ревизій самыми простыми и легкими способами. По билетамъ приказа можно было выбирать деньги, не показывая о томъ по вѣдомостямъ, и запрягивая такіе билеты въ средину пачекъ. Изъ поступленій по почтѣ добрую половину можно было не заносить въ книги. Пожертвованія, передаваемыя изъ рукъ въ руки, можно было опускать прямо въ карманъ, такъ какъ отъ квитанцій, отпечатанныхъ на отдѣльныхъ листкахъ, въ дѣлахъ канцеляріи не оставалось слѣдовъ.

И для всего этого требовалось только одно условіе: имѣть въ казначеѣ не только преданнаго человѣка, но раба, безворотно отдавашаго свою судьбу въ руки правителя канцеляріи.

Такимъ образомъ передъ Политковскимъ всталъ вопросъ: воспользоваться ли необычайными выгодами положенія и овладѣть милліонами, или удовольствоваться крохами, какія могли перепадать отъ маленькихъ хозяйственныхъ оборотовъ комитета?

Вся природа Политковскаго, предприимчивая, жадная и тщеславная, склоняла его въ сторону миллионвъ. Только миллионы могли создать ему выдающееся положеніе въ петербургскомъ обществѣ, поставить его рядомъ со знатью, пренебрежительно относившеюся къ обыкновенному чиновничеству, сдѣлать его домъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ въ столицѣ.

Только миллионы могли удовлетворить широкому размаху его воображенія, насытить его безграничное тщеславіе. Наконецъ, только сказочная расточительность могла создать своего рода гипнозъ—заставить видѣть въ немъ богача, съ которымъ и знать, и власти ведутъ близкое знакомство, и который уже по размѣрамъ своей тароватости не напоминаетъ обыкновенныхъ взяточниковъ и казнокрадовъ.

И Политковскій рѣшился.

Онъ пошелъ къ цѣли обдуманнми, но быстрыми шагами. Женившись и взявъ за женой около ста тысячъ на ассигнаціи, онъ эту значительную по тогдашнему времени сумму употребилъ, чтобъ создать себѣ болѣе чѣмъ приличную обстановку. Въ немъ сразу проявились всѣ повадки избалованнаго и тщеславнаго барича, совсѣмъ не принадлежащаго къ приказному кругу. Онъ одѣвался у лучшаго портного, ѣздилъ въ собственномъ экипажѣ, попалъ въ англійскій клубъ, гдѣ крупно игралъ въ карты. Окруживъ себя такого рода блистаніемъ и завязавъ клубныя связи, онъ подаль кому слѣдуетъ мысль, что канцелярія комитета — учрежденіе довольно крупное, и потому слѣдовало бы правителю ея дать званіе директора, съ повышеніемъ по классу должности. Мысль эту одобрили, и Политковскій переименованъ былъ директоромъ канцеляріи комитета, въ должности IV класса.

Между тѣмъ умеръ казначей канцеляріи, старый чиновникъ, неудобный для интимныхъ соглашеній. Политковскій тотчасъ представилъ на его мѣсто Рыбкина, скромнаго и робкаго канцеляриста, голодавнаго съ большой семьей. Этимъ назначеніемъ половина задачи была выполнена.

Спустя немного времени, при сдачѣ полученныхъ съ почты денегъ, Политковскій сказалъ Рыбкину:

— Дайте-ка мнѣ на недѣлку три тысячи, я вамъ расписку дамъ.

Рыбкинъ смутился, испугался, но не посмѣлъ возразить обладѣтельствувавшему его начальнику.

За день до срока Политковскій вернулъ взятыя деньги, а черезъ недѣлю опять сказалъ Рыбкину:

— Дайте-ка мнѣ на недѣлку шесть тысячъ.

Рыбкинъ далъ. Теперь онъ уже меньше пугался, видя, какъ легко его директоръ обращается съ тысячами.

Однако недѣля прошла, а Политковскій словно позабылъ о позаимствованіи. На Рыбкина снова напалъ страхъ. Переждавъ еще

нѣсколько дней, онъ рѣшился напомнить. И тутъ между директоромъ и казначеемъ разыгралась сцена, о которой отчасти мы уже знаемъ.

Политковскій сразу открылъ карты.

— А-а, боитесь теперь! А о чемъ вы раньше думали? Какъ смѣли вы распоряжаться вѣренными вамъ казенными деньгами? Не знали развѣ, что за это васъ ожидаетъ каторга, Сибирь?—гремѣлъ онъ, наступая на обезумѣвшаго отъ испуга чиновника.—Понимаете вы, что я тысячу разъ сухъ изъ воды выйду, а вы сгніете въ тюрьмѣ, и семья ваша съ голоду пропадетъ?

Рыбкинъ повалился въ ноги.

— Не погубите!—молилъ онъ.

Объясненіе кончилось тѣмъ, что Рыбкинъ предпочелъ за лучшее надѣяться на силу и ловкость Политковского, чѣмъ на сенатское милосердіе.

Рабъ былъ приобрѣтенъ, и этотъ рабъ стоялъ у сундука съ казенными милліонами.

Политковскій могъ считать себя почти обладателемъ этихъ милліоновъ.

Съ того знаменательнаго дня онъ предался самой необузданной расточительности. Всѣ способы отлива инвалидныхъ капиталовъ въ его собственные карманы были пущены въ ходъ. Политковскій утаивалъ пожертвованія, отбиралъ половину полученій съ почты, бралъ крупныя суммы по билетамъ приказа, черпалъ обѣими руками прямо изъ ящика. Ни онъ самъ, ни Рыбкинъ даже не знали и не могли бы сосчитать, сколько растрчивалось казенныхъ денегъ. Чиновники счетнаго отдѣленія канцеляріи, Таракановъ и Путвинскій, чувствовали, что происходитъ какаля-то путаница, но, не видя удобнаго способа доискаться толку, предпочитали отмалчиваться, тѣмъ болѣе, что Политковскій рѣшительно подавлялъ ихъ своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ, широкими привычками и обворожительной любезностью...

Прошло немного лѣтъ, и Политковскій сдѣлался прямо легендарною личностью въ Петербургѣ. Нанявъ трехъэтажный домъ Батюшкова на площади Большаго театра, онъ обставилъ его со сказочной роскошью. Все, что появлялось цѣннаго въ англійскомъ магазинѣ, у Тура, у Сазикова, шло на украшеніе длинной анфилады парадныхъ комнатъ. Затѣйливая мебель, бронза, ковры, gobelены отвѣчали широкому гостепріимству хозяина. У стѣнъ возвышались горки съ серебромъ и фарфоромъ, въ золоченыхъ рамахъ свѣшивались надъ ними картины. Правда, люди другого воспитанія находили, что во всемъ этомъ великолѣпіи не замѣчалось тонкаго вкуса, и что жилище Политковского смахивало не то на промышленную выставку, не то на кладовую ростовщика; но тѣмъ не менѣе это великолѣпіе подавляло.

— Монтекристо, настоящій Монтекристо...—говорила столичная толпа, тѣснившаяся на пріемахъ директора канцеляріи комитета о раненыхъ.

И только немногіе дѣльцы, искушенные въ бюрократическихъ тайнахъ, сомнительно качали головами и чего-то ждали.

VIII.

Разсказанный выше случай съ безыменнымъ доносомъ, посланнымъ самимъ Политковскимъ, и съ внезапной ревизіей по приказанію военнаго министра, относится къ той эпохѣ, когда репутація петербургскаго Монтекристо была уже упрочена. Выигравъ эту смѣлую ставку, Политковскій рѣшилъ, что на нѣкоторое время ему совѣмъ не зачѣмъ стѣсняться. И онъ уже безопасно тѣшилъ свое тщеславіе, придумывая все новыя затѣи, чтобъ окончательно поразить петербургское общество.

Хорошенькой Эрнестинѣ предназначалась извѣстная роль въ этихъ замыслахъ. Она должна была отгнѣять роскошь своего покровителя, его утонченные вкусы, его тароватое умѣнье жить. Политковскій старался при всякомъ случаѣ посвятить ее въ свои цѣли.

— Ты должна блистать... понимаешь?—внушалъ онъ ей.—Я люблю, чтобы все, что ко мнѣ близко, являлось въ блистаніи роскоши. За деньгами остановки нѣтъ; этого вопроса для меня не существуетъ. Что на тебѣ за шляпка была вчера въ Морской? Такія шляпки гувернантки носятъ.

— Но я ѣхала съ репетиціи,—оправдывалась Эрнестина.

— Все равно. Тебя иначе не должны видѣть, какъ въ самыхъ дорогихъ туалетахъ. Вѣдь всѣ знаютъ, кто ихъ оплачиваетъ.

Эрнестина улыбалась и немного недоумѣвала.

— Мнѣ не доставляетъ никакого удовольствія выставять себя,—возражала она.

— А мнѣ, напротивъ, это доставило бы большое удовольствіе,—настаивалъ Политковскій.—Я не прячусь, я люблю, чтобы обо мнѣ говорили. Возбуждать зависть всѣхъ этихъ чванныхъ людишекъ—очень пріятно. Но если ты будешь сидѣть взаперти у себя дома, подумаютъ, что я тебя ревную; это глупо. И наконецъ, если я отдѣлалъ твою квартиру, то не для того, чтобъ ее видѣлъ помощникъ режиссера вашего театра. Ты должна принимать у себя общество—разныхъ важныхъ господъ, золотую молодежь... Я вѣдь не ревнивъ, мнѣ это все равно. Если я замѣчу что, то промолчу.

Эрнестина съ загадочнымъ видомъ покачала головой.

— Ревновать тебѣ не будетъ случая,—сказала она.—Я совѣмъ иначе смотрю на эти вещи. Я не такъ глупа, чтобъ размѣнивать себя на маленькія интриги. Если у меня здѣсь будетъ какой-ни-

будь романъ, то только такой, который можетъ кончиться замужествомъ.

— А-а! — протянулъ Политковскій, — и взглянулъ на француженку съ любопытствомъ.—Ты мечтаешь выйти замужъ?

— Совсѣмъ не мечтаю. Но развѣ этого не можетъ случиться?— возразила Эрнестина и улыбнулась, показавъ свои чудные зубы.— Если въ меня влюбится какой-нибудь князь, или boyar... развѣ ты думаешь, что я не могла бы разыгрывать *chatelaine* въ старинномъ замкѣ гдѣ-нибудь на Волгѣ... *que sais-je?*

Политковскому нравилась эта идея. Эрнестина, сдѣлавшаяся княгиней, большой барыней... ему казалось, что такое превращеніе должно и на него самого пролить нѣкоторое сіяніе.

— Что жъ, ты довольна умна, чтобъ не пропустить случая,— сказалъ онъ снисходительно.—Но для этого нужно показываться въ обществѣ. Кстати, когда же мы дадимъ тутъ нашъ вечеръ? Я все не могу остановиться на чемъ-нибудь необыкновенномъ. Ужъ не сдѣлать ли костюмированный балъ? Чтобы всѣ обязательно были въ характерныхъ костюмахъ и маскахъ. Если кто явится во фракѣ, сейчасъ нарядить. Въ уборной будутъ заготовлены костюмы на всякій ростъ. Какъ ты находишь?

Эрнестинѣ эта затѣя не нравилась. Нужно много дамъ, чтобъ не было скучно; а у нея нѣтъ знакомыхъ дамъ. Притомъ на дняхъ ожидался блестящій маскарадъ въ Большомъ театрѣ. Говорили, что будетъ государь. Въ виду этого маленькій костюмированный вечеръ не обѣщаль успѣха.

Обсудили еще нѣсколько предположеній, и рѣшили дать просто вечеръ, съ буфетомъ, ужиномъ и котильономъ. Но при этомъ надо что-нибудь необыкновенное.

— Ба, мы вотъ что сдѣлаемъ, — рѣшилъ Политковскій: — въ той проходной комнатѣ, между второй гостиной и будуаромъ, я устрою зимній садъ. Куртины, дорожки, маленькій гротъ и передъ нимъ фонтанъ, который будетъ бить шампанскимъ. На деревьяхъ плоды—померанцы, персики. Это можно достать въ петергофскихъ оранжереяхъ. Въ общемъ выйдетъ что-то волшебное. Да, да, именно такой вечеръ. Сегодня же составлю списокъ приглашенныхъ и распоряджусь заказами и покупками.

И весь охваченный радостной хлопотливостью, Политковскій сейчасъ же принялся за осуществленіе широкаго замысла. Отысканъ былъ мастеръ, взявшійся устроить при помощи гипса и извести нѣчто въ родѣ сталактитоваго грота. Другой мастеръ приступилъ къ сооруженію фонтана. Садовникъ разбилъ на паркетѣ дорожки и клумбы и поѣхалъ въ Петергофъ за плодовыми деревьями и гіацинтами. А самъ Политковскій съ утра до вечера ѣздилъ по городу, ловя такихъ знакомыхъ, которыхъ можно было бы пригласить на феерическій вечеръ къ *m-lle* Эрнестинѣ. И, увлекаясь все больше своей затѣей, онъ прибавлялъ каждому:

— Хозяйка будетъ раздавать гостямъ золотые сувенирчики...

— Монтекристо!—говорили, весело улыбаясь, приглашенные.

Вечеръ удался какъ нельзя лучше. Огни ярко горѣли, зимній садъ тонулъ въ чарующемъ полусвѣтѣ разноцвѣтныхъ фонариковъ, фонтанъ билъ шампанскимъ, и гости шумно толпились вокругъ него, подставляя холодной струѣ хрустальные стаканчики. На ужинъ, которымъ распорядился собственный французъ-поваръ Политковского, использовано было все, чѣмъ запаслась петербургская гастрономія.

За котильономъ Эрнестина раздавала золотыя бездѣлушки, собранныя у всѣхъ ювелировъ. Танцовали недолго, потому что дамъ было мало. Хорошенькая хозяйка чуть нѣ падала отъ изнеможенія. И каждый разъ, когда она обводила извиняющимся и словно жалующимся взглядомъ пестрый кругъ гостей, она встрѣчалась съ устремленными на нее, любующимися глазами камеръ-юнкера Наршина.

— Вамъ меня жалко... вы правы!—сказала она ему.

— Развѣ вы недовольны своимъ вечеромъ?—спросилъ Наршинъ.

— Но это вечеръ Политковского, а не мой, — отвѣтила Эрнестина.—Мои вкусы и привычки гораздо скромнѣе.

И, замѣтивъ выразившееся на лицѣ Наршина недовѣріе, добавила:

— Вамъ это странно слышать? Но вы меня не знаете. Когда-нибудь мы потолкуемъ объ этомъ.

IX.

Маскарадъ въ Большомъ театрѣ привлекъ, по обычаю, весь высшій петербургскій свѣтъ.

Къ тому времени этотъ свѣтъ начиналъ уже замѣтно тускнѣть. Суровое царствованіе, поставившее выше всего требованіе неумолимой дисциплины, наложило свою тяжелую руку и на русское барство. Его еще продолжали баловать, но подъ условіемъ отказа отъ всякой политической роли. Надъ нимъ тяготѣло воспоминаніе о декабристахъ, въ числѣ которыхъ были люди изъ знати. При томъ это барство все болѣе разорялось. Дурное хозяйство, дурные пути сообщенія, неурожай, бѣгство крестьянъ, недостатки денежнаго обращенія, вѣзшаяся въ привычки безтолковая расточительность — все это подрывало матеріальныя силы крупнаго дворянства. Большинство блиставшихъ въ петербургскомъ свѣтѣ баръ и баричей было кругомъ запутано въ долгахъ и держалось только наслѣдствами, — были прожигатели жизни, прокучивавшіе въ короткое время нѣсколько громадныхъ наслѣдствъ,—да цѣлою системой злоупотребленій, на которыхъ знать дружески сходилась съ бюрократіей.

Послѣдняя выростала не по днямъ, а по часамъ. Она уже не напоминала «крапивнаго сѣмени» прошлаго вѣка, а складывалась въ крупный правящій классъ, связанный наверху съ придворнымъ и свѣтскимъ обществомъ, имѣвшимъ среди нея своихъ ставленниковъ, а внизу—съ богатымъ купечествомъ, въ лицѣ откупщиковъ и подрядчиковъ, дѣлившимся съ нею своими капиталами. Учрежденіе министерствъ дало бюрократіи новыя силы, пообчистило ее наружно и открыло ей ряды для щеголеватой и самоувѣренной молодежи изъ разоряющейся знати.

Такія общественныя перестановки съ одной стороны, а съ другою—суровый режимъ, стремившійся подчинить все долгу государственной службы, замѣтно отразились на столичномъ свѣтѣ. Исчезла его шаловливая и пышная распущенность екатерининскаго вѣка, и замерли политическія и культурныя порыванія александровскаго времени. Настоящихъ вельможъ, съ властительными привычками и неисчерпаемой крѣпостной податью, оставалось немного. Въ ряды знати протѣснялись новые, чужіе люди: бюрократы съ блестящей карьерой, генералы новѣйшаго, аракеевскаго и клеинмихелевскаго типа, откупщики русскаго и инородческаго происхожденія, и нѣмцы, нѣмцы безъ конца. Подъ вліяніемъ этихъ недавнихъ пришельцевъ, высшій свѣтъ все болѣе терялъ свои черты. Онъ продолжалъ вырождаться въ томъ направленіи, которое безпощадно заклеимилъ Лермонтовъ.

Система, давшая свои краски тридцатилѣтней эпохѣ, заканчивала свой историческій кругъ. Она уже цвѣла махровыми цвѣтами, скрывавшими отъ наблюдателя тайну всеобщаго разложенія. Надъ странюю носилась близость Крымской войны...

Потускнѣлъ и тотъ блескъ, какой сообщали петербургскому обществу красавицы большого свѣта. Уже сошли со сцены мадонны прежняго поколѣнія—графини Завадовская и Фикельмонтъ (внучка фельдмаршала Кутузова), княжна Урусова, княгиня Юсупова (рожденная Нарышкина). Не блистали въ петербургскомъ свѣтѣ графиня Воронцова-Дашкова и пережила свою молодость графиня Мусина-Пушкина, въ которую влюбленъ былъ Лермонтовъ, бродившій за нею, какъ тѣнь, по бальнымъ заламъ. Перестала быть предметомъ всеобщаго восхищенія Наталья Николаевна Пушкина, вдова великаго поэта, вышедшая вторично замужъ за ничѣмъ не замѣчательнаго генерала Ланскаго. Скрылись блестящія звѣздочки послѣднихъ лѣтъ—Аврора Карловна Демидова, княжны Трубецкія и Барятинскія.

Въ наступившихъ сумеркахъ загорались звѣздочки другого неба: корифейки разраставшагося балета, красавицы цыганскаго табора, пріятельница гр. Адлерберга Мина Ивановна, французская артистка m-lle Миля, и много, много другихъ, которыхъ купали въ шампанскомъ на ужинахъ обезумѣвшихъ жуировъ и выста-

вляли вмѣстѣ съ взятыми въ долгъ брильянтами на вечерахъ у вошедшаго въ моду Излера...

Но хотя блескъ большого свѣта видимо шелъ на убыль, зала Большого театра, обращенная въ подобіе зимняго сада, представляла великолѣпное зрѣлище. Обильный газовый свѣтъ—новость столичной цивилизаціи — весело искрился на шитьѣ военныхъ мундировъ и на брильянтахъ дамъ. Представители двора, гвардіи, министерскихъ канцелярій тѣснились вокругъ фонтановъ и кіосковъ, поглядывая на царскую ложу, гдѣ уже сидѣли великіе князья и ожидалось появленіе государя. Генераль-губернаторъ Катенинъ то появлялся въ залѣ, окидывая ее быстрымъ полицейскимъ взглядомъ, то исчезалъ въ проходѣ, соединявшемъ залу съ царскимъ подъѣздомъ. Его лицо выражало особаго рода озабоченность, такъ какъ надо было, чтобъ слѣды его распорядительности были замѣчены, но чтобъ самъ онъ не кидался въ глаза.

Бельэтажъ и бенуаръ пестрѣли самыми разнообразными дамскими нарядами. Были цвѣтныя и черныя домино и были бальные туалеты. Сверкали чудесные брильянты, и мягко струились по плечамъ тонкія кружева капюшоновъ, равноцѣнные съ брильянтами. Случайность соединяла рядомъ изящную аристократку, окруженную свитскими мундирами и дипломатическими фраками, и жену откупщика изъ Таганрога, въ ложѣ у которой смѣнялись пробритые подбородки начальниковъ отдѣленій и характерные восточные профили. Позади малоизвѣстныхъ дамъ и дѣвицъ департаментскаго міра вырисовывались иногда романтическія фигуры въ кавказскихъ мундирахъ. Это были герои эпохи, властители женскихъ грѣвъ, такъ какъ на Кавказѣ, съ его роскошной природой и немолкнущими громами битвъ, помѣщалась главная поэзія русской жизни...

Въ литерныхъ ложахъ привлекали на себя вниманіе красотой и брильянтами княгиня Анастасія Гагарина (рожденная графиня Штейнбокъ) и княгиня Сайнъ-Витгенштейнъ. Ихъ бальные туалеты показывали, что онѣ явились въ маскарадъ простыми зрительницами, только потому, что тутъ былъ дворъ, и что онѣ уѣдутъ, какъ только государь сдѣлаетъ послѣдній кругъ по залѣ.

Въ открытой ложѣ бенуара можно было видѣть Марью Васильевну Столыпину, оригинальная красота которой, казалось, не поддавалась времени. Она блистала еще во дни Пушкина, и великій поэтъ сознавался, что она сводитъ его съ ума, также какъ и его друга, стараго Раевского. Съ нѣсколькими рѣзкими чертами лица, не уступавшими годамъ, Столыпина еще сохраняла обаяніе молодости, и въ свѣтѣ говорили, что ей настоячиво предлагаетъ руку графъ Семень Воронцовъ, сынъ знаменитаго Михаила Семеновича Воронцова, женатаго на Елизаветѣ Ксаверьевнѣ Браницкой. Молва не ошибалась—бракъ этотъ вскорѣ состоялся. Столыпина была

умна и умѣла усвоить себѣ оригинальный тонъ, подходившій къ ея какъ бы мужественной красотѣ. Въ обществѣ ея находили злоязычной и удивлялись ея небрежности въ туалетахъ и обращеніи; но она понимала, что это придаетъ ей пикантную своеобразность...

X.

Одна изъ ложъ привлекала къ себѣ вниманіе по другой причинѣ. Публика съ удивленіемъ разсматривала ея внутреннее убранство, рѣзко отличавшее ея среди однообразнаго стиля другихъ ложъ. Изъ-подъ казенной бархатной бахромы, побурѣвшей и запыленной, свѣшивались складки дорогого, свѣжаго штофа, подбитаго шелкомъ. На потолкѣ густо расходились, радіусами атласныя сборки. Свѣтъ затѣливыхъ золоченыхъ рожковъ дробился въ зеркалахъ и струился по гобеленамъ, обтягивавшимъ стѣны. А черезъ открытую дверь аванложи сверкало серебро дымящагося самовара и вспотѣвшихъ холодильниковъ съ засмоленными головками вдовы Клико.

Въ ложѣ было тѣсно отъ толпившихся посѣтителей. Одни мундиры и фраки смѣнялись другими, и между ними неутомимо вертѣлась подвижная фигура Политковскаго во фракѣ съ орденскою розеткой и съ новой аннинской звѣздой на боку. Довольное, словно бы подсмѣивающееся лицо его было одушевлено чувствомъ удовлетвореннаго тщеславія. Онъ любезнѣйшимъ образомъ отвѣчалъ на разспросы, тыкала пальцами въ гобелены, увѣряя, что надо видѣть ихъ днемъ, когда выступаютъ всѣ переливы тоновъ, и просилъ обратить вниманіе на новую форму самовара, какой у насъ еще не было. Жена его, пожилая и рыхлая женщина, кивала головой и замѣчала, что когда все отъ Тура да отъ Сазикова, то о чемъ ужъ тутъ говорить.

Предъ ложей постоянно тѣснились любопытные, переговаривались, улыбались и незамѣтно пожимали плечами. Высокая фигура Д. В. Григоровича возвышалась головою надъ толпой.

— Когда я ѣхалъ на пароходѣ въ Штеттинъ, — говорилъ онъ стоявшему подлѣ него И. И. Панаеву — съ нами былъ какой-то директоръ департамента. Онъ не хотѣлъ смѣшиваться съ остальной публикой и велѣлъ поставить на палубѣ свою карету, въ которой и жилъ во все время переѣзда. Нелѣпая ложа Политковскаго напомнила мнѣ эту карету.

— Его прозвали Монтекристо, но тотъ былъ гораздо скромнѣе, — сказалъ Панаевъ. — Я боюсь, что Политковскому когда-нибудь вздумается откупить весь театръ и заставить итальянцевъ пѣть для него одного.

— Тогда я съ нимъ познакомлюсь, чтобъ онъ меня приглашалъ, — вмѣшался, подходя, графъ Сологубъ. — Я вовсе не желаю остаться безъ оперы.

— Какъ мы еще дики; ахъ, какъ мы еще дики!—вдохнулъ Дружининъ и обвелъ всѣхъ меланхолическимъ взглядомъ.

Онъ отодвинулся въ сторону, пропуская камеръ-юнкера Нарышина, который велъ подъ руку изящную маску въ кружевномъ капюшонѣ, позволявшемъ видѣть чудесныя очертанія ея бѣленькой шейки. Между ними шелъ оживленный французскій разговоръ, завязавшійся, очевидно, раньше, и до слуха Дружинина долетѣли слова маски:

— Я не видала, чтобъ кого-нибудь любили за богатство. Любовь и деньги исключаютъ другъ друга.

— А всѣ думаютъ наоборотъ,—возразилъ Нарышинъ.

— И ошибаются,—продолжала французенка.—Если женщина любитъ, то требуетъ, чтобы человекъ отдавалъ ей всего себя. А богатый человекъ отдаетъ вмѣсто себя деньги. Или еще хуже—безмысленно швыряетъ деньгами, чтобы приобрести воображаемый блескъ, котораго не находитъ въ своей личной незначительности.

И маска бросила на ложу Политковского взглядъ, который заставлялъ предположить, что ея маленькая философія направлялась въ его сторону.

— Кто это?—спросилъ Дружининъ всезнающаго графа Сологуба.—Неужели m-lle Миля вздумала *grêcher la morale*?

— Вовсе не Миля. Это m-lle Эрнестина, новая подруга Политковского,—объяснилъ Сологубъ.

— Въ такомъ случаѣ она говорила о немъ. Я считаю шансы Нарышина отъѣнно хорошими...—отозвался Дружининъ, и подмигнулъ замысловато печальными глазами.

По залѣ пробѣжало едва примѣтное волненіе. Въ одномъ концѣ ея, среди почтительно разступавшейся толпы, обрисовалась высокая фигура государя. Онъ шелъ, заложивъ палецъ за пуговицу мундира и привѣтливо отвѣчая на поклоны. На полшага за нимъ слѣдовалъ графъ Орловъ. Еще въ нѣсколькихъ шагахъ пробирались, стараясь не бросаться государю въ глаза, графъ Адлербергъ и Катенинъ.

Дойдя до фонтана, поставленнаго на мѣстѣ оркестра, Николай Павловичъ повернулся и сталъ, закинувъ голову и обводя большими, выпуклыми глазами ряды ложъ, откуда тысячи взглядовъ неотступно, словно зачарованные, слѣдили за нимъ. На его крупномъ, нѣсколько постарѣвшемъ за послѣднее время лицѣ выразилось спокойное удовольствіе. Ему, видимо, нравился и блестящій видъ залы, и пестрота бала, и сдержанное оживленіе толпы, съ ея наивнымъ любопытствомъ и легкомысленной суетой.

Катенинъ, приблизившись слѣва, называлъ сидѣвшихъ въ ложахъ, когда государь обращалъ вниманіе на незнакомыхъ ему лицъ.

Оркестръ шумно игралъ финалъ изъ «Жизни за царя».

Изъ толпы выдѣлялись изящныя домино, подходили поближе и дѣлали глубокіе реверансы. Блестящіе глаза то робко, то смѣло сверкали въ разрѣзахъ масокъ. Катенинъ, зная, что государь не любитъ этихъ надоедливыхъ знаковъ вниманія, дѣлалъ строгіе глаза и поводилъ бровями.

— А это что за ложа съ какими-то особенными драпировками и зеркалами?—неожиданно спросилъ государь.

— Это ложа тайнаго совѣтника Политковскаго, ваше величества,—отвѣтилъ Катенинъ.—Онъ абонируетъ ее изъ году въ годъ, и теперь отдѣлалъ ее на свои средства.

По лицу государя скользнуло не то удивленіе, не то неудовольствіе.

— Это новость,—сказалъ онъ.—Еще никому не приходило въ голову отдѣлывать по-своему ложи въ моихъ театрахъ.

И онъ вкось бросилъ взглядъ на Адлерберга, какъ бы ища объясненія.

— Политковскій извѣстенъ своими причудами, — произнесъ графъ:—ему хочется прослыть петербургскимъ Монтекристо.

Государь промолчалъ. Ему припомнились доходившіе раньше слухи о Политковскомъ и недавній случай съ внезапной ревизіей по безыменному доносу. Когда ему было доложено о результатахъ ревизіи, онъ охотно склонился къ убѣжденію, что подозрительные слухи были дѣломъ мелкой зависти. Но источники расточительности Политковскаго все-таки оставались не выясненными. Если они заключались въ карточной игрѣ, то и это не рекомендація. И во всякомъ случаѣ фантастическая расточительность не могла казаться удобною для лица, на рукахъ у котораго находятся десятки милліоновъ казенныхъ денегъ.

— На Политковскаго много клеветцуютъ,—сказалъ черезъ минуту государь.—Ревизія оправдала его. Но если когда-нибудь окажется, что инвалидные капиталы не въ порядкѣ, то онъ узнаетъ мою строгость.

Черезъ полчаса государь уѣхалъ, и за нимъ потянулась вся та публика, которая считала себя близкой ко двору. Ложи начали быстро пустѣть. Но внизу стало какъ будто еще тѣснѣе, шумнѣе и оживленнѣе.

Катенинъ, зайдя въ ложу къ Политковскому, отвелъ его въ сторону.

— Очень, очень красиво,—сказалъ онъ, оглядывая отдѣлку.—Ваша ложа одна во всемъ театрѣ и прямо бросается въ глаза. Вотъ и государь изволилъ обратить вниманіе...

Политковскій весь насторожился.

— Государь не нашелъ мою затѣю неумѣстною?—спросилъ онъ.

— Какъ вамъ сказать... я бы не поручился, что его величество одобрилъ ее,—уклончиво отвѣтилъ генераль-губернаторъ.—

Вы вотъ любите, Александръ Гавриловичъ, потѣшить себя этими вещами, а по-моему—неблагодарно это. Сами знаете, завистниковъ у васъ много. Оно, конечно, довѣрие къ вамъ не поколеблено, а все какъ-то невольно вспоминается, что на рукахъ у васъ казенные милліоны. Лучше бы, знаете, поскромнѣе...

И Катенинъ остановилъ на Политковскомъ взглядъ, выразившій желаніе дружески предупредить его.

Политковскій слегка поблѣднѣлъ. Онъ понялъ, что этотъ разговоръ былъ послѣдствіемъ чего-то сказаннаго государемъ. И что-то тусклое, жуткое пробѣжало въ его всегда блестящихъ глазахъ.

Онъ постоялъ съ минуту у барьера ложи, взглядываясь въ суетившуюся внизу толпу, потомъ подалъ знакъ женѣ.

— Пора. Ужинать мы не зовемъ, поздно,—сказалъ онъ.

Дома онъ тотчасъ прошелъ въ спальную, раздѣлся при помощи всегда поджидавшаго его камердинера Василя и легъ въ постель.

— Постой... въ жилеткѣ, въ карманѣ, должна быть стеклянка... знаешь, которую я всегда ношу при себѣ,—сказалъ онъ.—Поставь ее тутъ на столикѣ.

— Это капли-то ваши?—спросилъ Василій.

— Да, капли...—подтвердилъ Политковскій.

Онъ положилъ поданную ему стеклянку въ ящикъ ночного столика, щелкнулъ ключомъ и сунулъ ключъ подъ подушку.

«Пока эта штучка при мнѣ, я могу быть по крайней мѣрѣ спокоенъ, что врасплохъ меня не застанутъ», проговорилъ онъ мысленно. «Минута—и всему конецъ».

В. Авѣенко.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

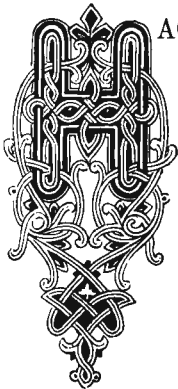

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ 1859—1861 ГОДОВЪ.¹⁾

III.

Помѣщикъ, промышляющій развратомъ.—Повѣдка въ Петербургъ.—Забаллотированіе меня въ дворянскомъ казанскомъ клубѣ.—Объявленіе манифеста объ освобожденіи крестьянъ.—Мое возвращеніе въ Казань.—Командировка моя въ Лаишевскій уѣздъ.—Характеръ тогдашнихъ крестьянскихъ волненій.

АСТУПИЛО лѣто. Занятія мои по губернаторскому штабу, которымъ я управлялъ, и по немногимъ слѣдствіямъ, мнѣ порученнымъ, шли обыкновеннымъ покойнымъ ходомъ. Между прочимъ я произвелъ еще одно слѣдствіе весьма своеобразнаго характера, все о томъ же злоупотребленіи помѣщичьей властью. Жилъ въ Казани отставной майоръ, женившійся на мелкопомѣстной казанской дворянкѣ, владѣвшей небольшимъ количествомъ душъ, которыя всѣ числились дворовыми, изъ нихъ четыре дѣвѣцы, по тогдашнему дѣвкамъ, жили въ Казани, составляя прислугу своихъ владѣльцевъ. Вотъ надъ этими несчастными четырьмя дѣвками отставной майоръ и проявлялъ свою помѣщичью власть, крайне оригинальнымъ способомъ: онъ ихъ не кормилъ и не одѣвалъ, а заставлялъ въ часы свободные отъ службы въ домѣ промышлять уличнымъ развратомъ съ тѣмъ, чтобы каждая приносила ему ежедневно не менѣе одного рубля. Естественнымъ послѣдствіемъ подобной жизни было зараженіе сифилисомъ; пришлось одну изъ несчастныхъ отдать на

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. СХ, стр. 100.

излеченіе въ городскую больницу, гдѣ другіе больные ей разъяснили неправильность дѣйствій ея помѣщика и посовѣтовали подать жалобу губернатору, по которой и было поручено мнѣ произвести разслѣдованіе. Несчастную жалобщицу допрашивалъ я въ больничной конторѣ, куда привели ее въ сѣромъ больничномъ халатѣ; при допросѣ присутствовали майоръ, мужъ помѣщицы, и опять-таки депутатъ отъ дворянства. Противъ показанія бѣдной дѣвки майоръ отозвался полнымъ невѣдѣніемъ, мало того, на очной ставкѣ онъ началъ жалобщицу сильно бранить за ея развратное поведеніе, доведшее ее до зараженія дурной болѣзью. Брань майора я, конечно, остановилъ, но пользы изъ того никакой не вышло, присяжныхъ свидѣтелей не было, такъ какъ очевидно, что всякіе разговоры о проституціи велъ майоръ съ своими крѣпостными дѣвками съ глазу на глазъ, а также и деньги, ему этими несчастными приносимыя, бралъ, конечно, безъ постороннихъ свидѣтелей. Въ полной безнаказанности своей майоръ не сомнѣвался, даже началъ порицать распоряженіе губернатора, обращающаго вниманіе на извѣты скверной дѣвки. Отъ осужденія распоряженія губернатора я, конечно, предложилъ майору воздержаться, при чемъ однако не могъ не сознавать, что при условіяхъ, которыми была тогда ограничена доказательная сила свидѣтельскихъ показаній безъ присяги, слѣдствіе мое никакихъ благопріятныхъ результатовъ достигъ отнюдь не могло. Пришлось еще отобрать показаніе отъ жены майора, которую, какъ женщину дворянку, надлежало допрашивать на дому; оказалась она полуграмотная, скверная баба, показала, что мужъ ея никогда крѣпостныхъ дѣвокъ къ разврату не принуждалъ и никакихъ съ нихъ денегъ не бралъ, а самыя эти дѣвки всегда были развратнаго поведенія, вслѣдствіе чего одна изъ нихъ заболѣла дурной болѣзью. На этомъ пришлось слѣдственное производство закончить. Губернаторъ передалъ мое слѣдствіе въ совѣщаніе предводителей и депутатовъ, гдѣ оно и исчезло безслѣдно.

Большинство помѣщиковъ разѣхалось по деревнямъ. Я продолжалъ почти ежедневно прогуливаться съ Вяземскимъ въ Швейцарію и вечера проводилъ большею частью у него за пикетомъ, ѣздилъ въ деревню къ Лебедевымъ и къ Мергасовымъ. Имѣніе Лебедевыхъ была настоящая обширная помѣщичья резиденція стараго времени, звали это имѣніе, какъ помнится мнѣ, Каннъ; провелъ я тамъ два дня въ различныхъ удовольствіяхъ. Имѣніе Мергасовыхъ было также очень хорошее. Осталось въ моей памяти, что въ столовой надъ обѣденнымъ столомъ, за которымъ сидѣло насъ человекъ десять, подвѣшены были къ потолку двѣ березы, такія, какъ ставятъ на улицахъ въ Троицынъ день; у каждаго конца стола стояли лакеи, которые приводили березы въ движеніе; вслѣдствіе особаго приспособленія березы плавно про-

ходили каждая надъ своей половиной стола и отгоняли мухъ отъ стола и отъ господскихъ головъ; движеніе березъ продолжалось въ теченіе всего обѣда.

Осенью мой генераль уѣхаль на шесть недѣль въ Петербургъ. Вѣсти, имъ изъ министерства привезенныя, были для помѣщиковъ самыя горькія; освобожденіе крестьянъ быстро приближалось, и окончательнаго высочайшаго манифеста надо было ожидать въ январѣ или февралѣ наступавшаго 61-го года. По возвращеніи генерала я взялъ отпускъ на четыре мѣсяца и отправился въ Петербургъ по случаю предстоявшей свадьбы моего брата. Переѣздъ отъ Казани до Петербурга сдѣлалъ я, какъ мною уже было выше сказано, вмѣстѣ съ княземъ П. П. Вяземскимъ.

Во время моего отсутствія въ Казани произошелъ слѣдующій непосредственно до меня относившійся случай.

Въ казанскомъ дворянскомъ клубѣ число членовъ было ограниченное, вслѣдствіе чего приходилось ждать вакансіи долго, посѣщать однако клубъ могли также и кандидаты со времени внесенія ихъ въ кандидатскій списокъ; выборы происходили разъ въ годъ въ февралѣ. При моемъ пріѣздѣ въ Казань я тотчасъ же былъ моимъ генераломъ внесенъ въ кандидатскій списокъ и въ теченіе болѣе года посѣщалъ клубъ почти ежедневно; при выборахъ въ февралѣ 1861 года оказалось, что очередь быть выбраннымъ до меня еще не дошла и слѣдовало мнѣ еще ждать цѣлый годъ. Губернскій предводитель Осокинъ, обратясь въ день выборовъ къ бывшему въ клубѣ Козлянинову, сталъ выражать сожалѣніе въ томъ, что я въ этомъ году не буду въ члены клуба выбранъ, и предложилъ перемѣнить мое въ кандидатскомъ спискѣ мѣсто съ другимъ, записаннымъ имъ, Осокинымъ, кандидатомъ, для котораго безразлично быть выбраннымъ теперь или черезъ годъ. Козляниновъ, считавшій себя въ хорошихъ съ Осокинымъ отношеніяхъ, принялъ его любезное предложеніе съ благодарностью, и меня въ кандидатскомъ спискѣ перемѣстили выше, такъ что вошелъ я въ число лицъ, имѣвшихъ быть подвергнутыми баллотировкѣ въ тотъ же вечеръ. Козляниновъ по прямотѣ своему не усмотрѣлъ въ предложеніи Осокина никакой хитрости, между тѣмъ хитрость была и объясняется она неудовольствіемъ на меня казанскаго дворянства за произведенныя мною слѣдствія по дѣламъ о злоупотребленіи помѣщицъею властью и въ особенности за дѣло Вагнера. Послѣ перенесенія моего имени на новое мѣсто Осокинъ сталъ уговаривать Козлянинова ѣхать домой, не ожидая конца выборовъ, которые почему-то затянулись, при чемъ Осокинъ настоятельно увѣрялъ, что выборъ мой несомнѣненъ, а поэтому и не нужно генералу утруждать себя ожиданіемъ, Козляниновъ однако изъ клуба не уѣхаль и конца выборовъ дождался. При вскрытіи моего избирательнаго ящика, я оказался забаллотированъ если не еди-

ногласно, то громаднѣйшимъ большинствомъ. Генералъ мой уѣхалъ домой въ величайшемъ бѣшенствѣ, понявъ, какъ онъ былъ нахально обманутъ Осокинымъ. На слѣдующее утро генералъ отослалъ свой билетъ въ клубъ обратно и изъ членовъ вышелъ, то же сдѣлали и лица, при немъ по службѣ состоявшія, именно: правитель канцеляріи, чиновники особыхъ порученій, гражданскіе и военные, а также адъютанты. Козляниновъ, имѣвшій непремѣнное намѣреніе назначить меня членомъ отъ правительства съѣзда мировыхъ посредниковъ и опасаясь, что забаллотированіе меня дворянскимъ клубомъ можетъ побудить меня не возвращаться въ Казань, а постараться найти въ Петербургѣ иную какую-либо должность, написалъ мнѣ самое дружеское письмо, настоятельно совѣтуя эту забаллотировку ни въ какое вниманіе не принимать, въ томъ же смыслѣ писали мнѣ Вержбицкій и другіе мои сослуживцы. На меня, сказать по правдѣ, инцидентъ этотъ нисколько не повлиялъ, и я тотчасъ отвѣчалъ Козлянинову, обѣщая непремѣнно вернуться въ Казань.

Тѣмъ временемъ быстро приближалось освобожденіе крестьянъ. Въ день объявленія манифеста, помѣченного 19-мъ февраля, я былъ еще въ Петербургѣ и настоятельно удостовѣряю, что манифестъ былъ объявленъ не 19-го февраля, а 5-го марта. Въ половинѣ марта получилъ я отъ генерала телеграмму, энергически требующую моего немедленнаго въ Казань возвращенія. Собираться было для меня недолго, и я 20-го марта двинулся въ дальній путь. Распутица была полная, и отъ Москвы до Казани ѣхалъ я цѣлыхъ семь сутокъ. Генералъ принялъ меня съ отверстыми объятіями; положеніе какъ его самого, такъ и всей губерніи было самое острое; манифестъ о волѣ былъ объявленъ не болѣе двухъ недѣль тому назадъ, и тотчасъ же изъ всѣхъ уѣздовъ стали приходиться донесенія о волненіяхъ крестьянъ, выразившихся главнымъ образомъ въ отказахъ итти на помѣщичью работу. Въ Казани мой генералъ далъ мнѣ отдохнуть только одинъ день и отправилъ меня въ Лаишевскій уѣздъ, гдѣ яко бы происходилъ открытый бунтъ; въ распоряженіе мое далъ онъ одну роту Азовскаго полка, квартировавшаго въ Казанскомъ уѣздѣ, съ которой я долженъ былъ соединиться въ городѣ Лаишевѣ, съ тѣмъ, чтобы уже вмѣстѣ съ войскомъ отправиться въ село, въ которомъ происходили волненія.

Въ Лаишевѣ отправился я чрезъ два часа послѣ полученія предписанія губернатора, выѣхалъ вечеромъ на саняхъ и хотя дорога была уже очень плоха, но на другой день утромъ достигъ Лаишева, куда въ теченіе дня и прибыла данная мнѣ рота. Такъ какъ отъ Лаишева до бунтовавшаго села было не болѣе двадцати верстъ, то я рѣшился сначала попробовать отправиться къ бунтовщикамъ одинъ, безъ солдатъ, которымъ приказалъ ждать въ

Лаишевѣ отъ меня извѣстій. На слѣдующій день выѣхалъ изъ Лаишева, чуть только начало разсвѣтать, и прибылъ въ взбунтовавшееся село часовъ въ восемь утра. Село принадлежало помѣщицѣ, которая изъ своего имѣнія благоразумно уѣхала; остановился я въ избѣ сотскаго, куда ко мнѣ весьма скоро явился управляющій имѣніемъ—простой крестьянинъ, оказавшійся чрезвычайно толковымъ. По его разсказу, дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Послѣдней осенью, по окончаніи уборки хлѣба, помѣщица приказала одно изъ своихъ полей обмѣнить на ржаное поле крестьянъ; думать надо, что поступила она такъ въ виду усиленныхъ толковъ о близкомъ освобожденіи крестьянъ, и весьма вѣроятно, что крестьянское поле было лучше помѣщичьяго, тѣмъ не менѣе, такъ какъ обмѣнъ этотъ былъ сдѣланъ помѣщицей значительно ранѣе обнародованія положенія 19-го февраля, въ то время, когда власть помѣщика надъ крестьянами ничѣмъ ограничена не была, то и надлежало это ея распоряженіе признать законнымъ и къ такому же признанію склонить крестьянъ. По объясненію управляющаго, всѣ бунтовскія дѣйствія крестьянъ состояли въ нежеланіи пахать подъ яровое данное имъ новое поле, причѣмъ никакихъ насильственныхъ дѣйствій со стороны крестьянъ дѣлано не было, работу въ пользу помѣщицы они продолжали исполнять и даже вспахали и посѣяли для помѣщицы яровымъ хлѣбомъ то самое поле, которое отъ нихъ отобрано было, но пахать свое новое поле не желали. Этотъ разсказъ управляющаго далъ мнѣ полную надежду въ томъ, что упрямство мужиковъ удастся устранить безъ всякой военной силы.

Въ селѣ числилось около 200 душъ, со мной былъ одинъ мой слуга-мальчикъ парикмахеръ.

Во время моего разговора съ управляющимъ собрались на улицѣ противъ избы сотскаго всѣ жители села, человекъ 50—60; я вышелъ къ нимъ, всѣ сняли шапки; я объяснилъ имъ, что обмѣнъ полей, сдѣланный помѣщицей, былъ вполне законный, такъ какъ въ то время, то-есть прошлой осенью, помѣщица могла поступать, какъ ей было угодно; что поэтому должны они начать свое новое поле пахать и дальнѣйшее упрямство прекратить. На это нѣсколько мужиковъ отвѣчали, что они не покоряются и новаго поля пахать не будутъ, причѣмъ большого шума не было, но была, конечно, нѣкоторая сумятица отъ разговоровъ многихъ людей разомъ.

Я повторилъ свои доводы, но отвѣты получилъ все тѣ же. Въ тогдашнее время всякіе аргументаціи и уговоры были чрезвычайно просты, а поэтому я весьма твердо сказалъ крестьянамъ, что меня прислалъ губернаторъ, которому они повиноваться должны, и если они будутъ продолжать свое упрямство, то черезъ два часа придутъ солдаты, которые уже изъ Лаишева вышли, и перепорютъ

ихъ всѣхъ отъ перваго до послѣдняго, затѣмъ громогласно приказалъ стоявшимъ тутъ же сотскому и десятскимъ приготовить розогъ и демонстративно ушелъ въ свою избу. Какъ я уже сказалъ, за солдатами я не посылалъ, да рѣшилъ и совсѣмъ не посылать, такъ какъ, судя по выяснившимся подробностямъ, никакого явнаго бунта не было и, по моему убѣжденію, всѣ затрудненія должны были устраниться самымъ мирнымъ образомъ, причѣмъ никого сѣчь не придется, надо было только не торопиться и дать, такъ сказать, крестьянамъ свое упрямство переварить.

Черезъ нѣкоторое время вышелъ я опять за ворота—крестьяне продолжали молча стоять, какъ стояли, а по срединѣ улицы лежала небольшая кучка розогъ. Я обратился къ сотскому съ словами, что этихъ розогъ мало и надо заготовить немедленно еще въ десять разъ столько же. Сотскій и десятскіе отправились сейчасъ же по направленію къ лѣсу, который былъ отъ села въ очень близкомъ разстояніи; затѣмъ я подошелъ къ нѣмой толпѣ крестьянъ и громкимъ голосомъ сказалъ: «А вы что же стоите, ступайте всѣ въ лѣсъ за розгами». Толпа челоуѣкъ въ шестьдесятъ молча повернулась направо и совершенно покорно побрела по направленію къ лѣсу. Я вернулся въ избу; приблизительно черезъ часъ вижу въ окно, что вся толпа идетъ обратно, каждый несетъ пучка три-четыре розогъ, бережно ихъ складываетъ въ общую кучу и отходитъ на то мѣсто, гдѣ стояли съ утра. Управляющій нѣсколько разъ выходилъ на улицу и горячо съ крестьянами бесѣдовалъ, я же продолжалъ, какъ Ахиллъ, сидѣть невидимымъ въ своей палаткѣ.

Такъ прошло еще часа два. Вернувшись въ избу, управляющій сказалъ мнѣ: «Кажется, начинаютъ покоряться, просятъ васъ выйти». Я вышелъ, всѣ опустили на колѣни и стали хоромъ говорить: «Согласны, покоряемся». — «Ну вотъ, такъ-то лучше, вставайте-ка съ колѣнъ, да и впредь не дурите». Всѣ встали и даже съ очень веселыми лицами.

О томъ, что крестьяне согласны пахать новое поле и впредь своей помѣщицѣ повиноваться обязуются, я составилъ фантастическій актъ, который подписали двое кое-какъ грамотныхъ, и сталъ собираться уѣзжать. Садясь въ телѣгу, я сказалъ все на томъ же мѣстѣ стоявшей толпѣ: «Смотрите, завтра же начинайте пахать яровое поле». — «Всѣ, батюшка, завтра выѣдемъ, вся деревня, ваше благородіе!» отвѣчала мнѣ толпа весело и въ одинъ голосъ. Съ этимъ я и отправился въ Лайшевъ.

Вотъ каковы были крестьянскіе бунты въ тогдашнее время!

IV.

Возвращеніе въ Казань.—Пріѣздъ графа А. С. Апраксина.—Командировка моя въ село Бездну, гдѣ начались крестьянскія волненія.—Распоряженія графа Апраксина.—Неудачные переговоры съ крестьянами.—Стрѣльба и прекращеніе волненій.—Арестъ и казнь Автона Петрова.—Панихида студентовъ.—Пріѣздъ генералъ-адъютанта Бибикова.—Анекдотъ объ евреѣ.—Слѣдственная коммиссія.—Причины бездвинской катастрофы.—Неожиданное увольненіе меня отъ службы.—Причины увольненія.

Въ Лаишевѣ я отправилъ роту Азовскаго полка въ Казанскій уѣздъ, на мѣсто ея прежней стоянки, а самъ поспѣшно поѣхалъ въ Казань, куда и прибылъ 8 апрѣля утромъ, въ десять часовъ явился къ генералу и доложилъ ему, что бунта никакого не было, а бывшія незначительныя волненія вполнѣ прекращены, о чемъ я ему сегодня же представляю рапортъ и актъ, составленный мною на мѣстѣ.

— Спасибо, большое вамъ спасибо, — сказалъ генералъ и, помолчавъ, прибавилъ: — а вѣдь вамъ, вѣроятно, придется сегодня же уѣхать въ Спасскій уѣздъ; тамъ въ большомъ имѣніи бывшаго попечителя Мусина-Пушкина дѣло очень плохо, бунтъ настоящій; подите, поговорите съ Павловымъ (правителемъ канцеляріи губернатора).

Я пошелъ въ канцелярію, гдѣ Павловъ показалъ мнѣ донесенія спасскаго исправника и сообщеніе уѣзднаго предводителя дворянства Молодцова; обѣ бумаги были чрезвычайно тревожнаго характера и сообщали одно и то же, именно, что въ имѣніи сенатора Мусина-Пушкина Безднѣ одинъ крестьянинъ толкуетъ положеніе 19 февраля и убѣждаетъ крестьянъ, что имъ дана полная воля, а поэтому они и не должны производить никакихъ работъ помѣщику. Къ этому толкователю съѣзжаются со всѣхъ сторонъ люди въ очень большомъ количествѣ, и такихъ пріѣзжихъ людей имѣется будто бы уже теперь нѣсколько тысячъ.

По соображеніямъ Павлова, слѣдовало черезъ нѣсколько часовъ ожидать изъ Спасскаго уѣзда новыхъ извѣстій, по полученіи которыхъ мнѣ и надлежало уѣхать, а такъ какъ придется мнѣ ѣхать ночью, то Павловъ совѣтовалъ отобѣдать въ ресторанѣ Комнена пораньше, отправиться домой и лечь спать впредь до присылки отъ него за мной нарочнаго. Совѣтъ этотъ я исполнилъ въ точности.

Теперь дальнѣйшія обстоятельства моего безхитростнаго разсказа побуждаютъ меня обратиться къ новому лицу—графу Антону Степановичу Апраксину, генералу свиты его величества, присланному въ Казань для содѣйствія мѣстнымъ властямъ при введеніи положенія объ освобожденіи крестьянъ. Кому пришла мысль о командированіи во всѣ губерніи на время объявленія манифеста 19 февраля по лицу, состоящему въ свитѣ государя, — не знаю.

Говорили, что это было желаніе самого императора Александра Николаевича. Правда ли это—не знаю, но не могу не сказать, что мысль эта была особенно неудачная. Значительное большинство флигель-адъютантовъ и свиты генераловъ по самой службѣ своей постоянно жили въ Петербургѣ и имѣли весьма неясное понятіе какъ о жизни въ провинціи, такъ и объ условіяхъ крестьянскаго быта. Большею частью хорошо свѣтски образованные, были они главнымъ образомъ люди военные, конечно, въ лучшемъ смыслѣ тогдашнихъ о военномъ званіи понятій. Приѣхавъ въ губернскіе города въ ореолѣ близости своей къ монарху, они стали сразу первыми въ провинціи лицами. Очевидно, что такое исключительное положеніе не могло не отразиться на престижѣ мѣстныхъ губернаторовъ, а затѣмъ, по самому естественному ходу событій, между двумя властями—пріѣзжей и мѣстной—появлялся неминуемый антагонизмъ, поддерживать который своей болтовней вездѣ находилось много охотниковъ.

Антонъ Степановичъ Апраксинъ, сынъ графа Степана Ѳеодоровича, лица, весьма любимаго какъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, такъ и императрицей Александрой Ѳеодоровной, по выходѣ изъ Пажескаго корпуса поступилъ въ Кавалергардскій полкъ, которымъ командовалъ его отецъ. Служа въ этомъ полку, получилъ онъ относительно въ непродолжительное время чинъ полковника и флигель-адъютанство, затѣмъ былъ взятъ Александромъ II въ свиту и произведенъ въ генераль-майоры. Несомнѣнно, что какъ служба въ Кавалергардскомъ полку, такъ и вращеніе при дворѣ и въ лучшемъ петербургскомъ свѣтскомъ обществѣ отнюдь не могли дать Апраксину административнаго опыта и познаній о внутренней жизни русскихъ губерній. Къ сказанному надо добавить, что Антонъ Степановичъ Апраксинъ былъ наслѣдникъ одного изъ самыхъ большихъ состояній въ Россіи; несомнѣнно, что это послѣднее условіе могло только усугубить то сердечное расположеніе и преданность, которое сразу почувствовало къ нему большинство казанскихъ дворянъ.

Ѣхалъ Апраксинъ въ Казань, вѣроятно, съ наилучшими намѣреніями, вѣрнѣе сказать, безъ всякихъ намѣреній; приказано ѣхать—онъ и поѣхалъ, не задаваясь никакими тенденціозными вопросами; пріѣхалъ—занялъ приготовленное ему помѣщеніе во дворцѣ, познакомился съ губернаторомъ, съ выдающимися дворянами и нѣкоторыми высшими начальствующими лицами и сталъ жить самымъ покойнымъ образомъ. Между нимъ и Козляниновымъ установились весьма корректныя отношенія, видѣлись они ежедневно, хотя не подолгу, и бесѣдовали о происходящихъ событіяхъ, сначала никакой важности не представлявшихъ; начались кой-гдѣ крестьянскія волненія, для умиротворенія коихъ Козляниновъ дѣлалъ нужныя распоряженія, о чемъ въ разговорѣ сообщалъ

Апраксину, который ничѣмъ не выражалъ желанія принять какое либо въ административныхъ дѣйствіяхъ участіе. Правда, доходили до насъ стороною слухи, что дворяне старались убѣдить Апраксина въ томъ, что Козляниновъ недостаточно энергично поддерживаетъ интересы помѣщиковъ и къ проступкамъ крестьянъ относится слишкомъ мягко, причемъ бранили меня, увѣряя, что я всегда стараюсь поддерживать крестьянъ въ явный ущербъ помѣщицкой власти. Козляниновъ на эти слухи никакого вниманія не обращалъ, считая ихъ пустой болтовней. Такъ дѣло и обстояло до 8 апрѣля—дня, когда получены были вѣсти о начавшемся въ имѣніи Безднѣ будто бы настоящимъ бунтѣ.

Въ 8 часовъ вечера ко мнѣ явился казачій урядникъ съ письмомъ отъ Павлова, приглашавшимъ меня быть къ 9 часамъ у генерала съ тѣмъ, чтобы прямо отъ него, не заѣзжая домой, ѣхать въ Спасскій уѣздъ. Я послалъ того же урядника на почтовую станцію съ приказаніемъ, чтобы лошади были черезъ часъ у подъѣзда дворца, одѣлся въ дорожное платье, взялъ свой чемоданъ и отправился къ генералу. Сначала зашелъ въ канцелярію. Павловъ показалъ мнѣ только что полученное донесеніе спасскаго исправника о томъ, что количество крестьянъ, собирающихся въ Безднѣ, увеличивается съ каждымъ часомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по мнѣнію исправника, увеличивается и бунтъ; на чемъ это свое мнѣніе основывалъ исправникъ, изъ донесенія видно не было. Тотчасъ по полученіи этого донесенія Козляниновъ приказалъ Павлову послать за мной и меня предупредить, чтобы почтовые лошади были къ 9 часамъ у подъѣзда дворца, съ тѣмъ, чтобы мнѣ прямо, не заѣзжая домой, ѣхать въ Спасскій уѣздъ; затѣмъ предписаніе мнѣ и всѣ нужныя бумаги должны были къ 9 часамъ быть въ кабинетѣ генерала; самъ же онъ уѣхалъ изъ дому на самое короткое время, сказавъ, что непременно вернется ранѣе 9 часовъ, подпишетъ предписаніе, дастъ мнѣ послѣднія инструкціи и тотчасъ же меня отправить въ путь.

Это послѣднее обстоятельство, то есть отъѣздъ губернатора изъ дома на короткое время, обоимъ намъ, Павлову и мнѣ, очень не нравилось. Мы знали, что онъ уѣхалъ къ г-жѣ Прейсъ, женѣ совѣтника губернскаго правленія, съ которой состоялъ въ амурныхъ отношеніяхъ, намъ достаточно хорошо извѣстныхъ, а поэтому и опасались, что къ 9 часамъ генералъ не вернется. Тѣмъ не менѣе безъ четверти девять мы забрали всѣ нужныя бумаги и пошли въ кабинетъ,—сидимъ, ждемъ. Черезъ полчаса пришелъ къ намъ въ кабинетъ полицеймейстеръ, полковникъ Андрей Андреевичъ Витте, также желавшій видѣть губернатора; посидѣли, кой о чемъ побесѣдовали; я говорю полицеймейстеру:

— Андрей Андреевичъ, пособите нашему горю, намъ крайне необходимо видѣть губернатора, и онъ самъ приказалъ намъ быть

въ 9 часовъ, а его нѣтъ какъ нѣтъ; вы знаете, гдѣ онъ находится; съѣздите къ нему и скажите, что мы его здѣсь ждемъ.

— Помилуйте, Ѳеодоръ Александровичъ, — отвѣчалъ мнѣ полицеймейстеръ: — почему думаете вы, что я могу знать, гдѣ находится его превосходительство; я объ этомъ ничего не знаю. Вѣроятно, у кого-либо въ гостяхъ.

— Перестаньте, Андрей Андреевичъ, вѣдь всѣ мы знаемъ, что онъ сидитъ у мадамъ Прейсъ.

— Не знаю, Ѳеодоръ Александровичъ, не знаю, и мнѣ о госпожѣ Прейсъ его превосходительство никогда ни одного слова не говорилъ.

Съ тѣмъ полицеймейстеръ и уѣхалъ, — не знаю, да не знаю. Мы съ Павловымъ продолжаемъ сидѣть; бьетъ десять, половина одиннадцатаго. Въ половинѣ двѣнадцатаго вошелъ къ намъ Апраксинъ. Онъ только что вернулся изъ клуба и, не заходя къ себѣ, прямо пришелъ къ Козлянинову переговорить о бунтѣ въ Безднѣ. Павловъ сообщилъ ему свѣдѣнія, имѣвшіяся изъ Спасскаго уѣзда, показалъ приготовленныя для меня бумаги и сказалъ, что генераль имѣетъ въ виду отправить въ Бездну меня, ждемъ мы его каждую минуту и, какъ только онъ вернется и подпишетъ мое предписаніе, то я отправлюсь прямо въ Спасскъ, на почтовыхъ лошадяхъ, ожидающихъ у подѣзда. Апраксинъ сказалъ, что онъ этихъ почтовыхъ лошадей замѣтилъ. Мы продолжали общій довольно неопредѣленный разговоръ. Послѣ двѣнадцати часовъ появился генераль, торпливо съ нами поздоровался и, взявъ перо, поспѣшно подписалъ мое предписаніе. Въ эту минуту Апраксинъ сказалъ:

— Петръ Ѳеодоровичъ! въ Безднѣ бунтъ принялъ чрезвычайно большіе размѣры. Я рѣшилъ, что ѣхать необходимо самому.

Эти слова Апраксина насъ по своей неожиданности несказанно удивили; но само собой разумѣется, что отговаривать его Козляниновъ не имѣлъ никакого права, а поэтому отвѣтилъ:

— Очень хорошо, въ такомъ случаѣ Половцову въ Бездну ѣхать не надо.

— Конечно, — сказалъ Апраксинъ: — я поѣду одинъ, а въ Спасскъ найду предводителя дворянства Молоствово и исправника.

На этомъ мой генераль меня отпустилъ, и я отправился домой.

Изъ свѣдѣній, полученныхъ на другой день, оказалось, что вечеръ 8-го Апраксинъ провелъ въ клубѣ, гдѣ ему о волненіи въ Безднѣ сообщили самыя преувеличенныя свѣдѣнія, причѣмъ бывшіе въ клубѣ дворяне стали просить Апраксина, чтобы онъ ѣхалъ въ Бездну самъ, иначе Козляниновъ опять пошлетъ своего адъютанта Половцова, который постарается крестьянъ во всемъ оправдать. Нужно же было, по мнѣнію дворянъ, въ этомъ случаѣ принять самыя энергическія мѣры для подавленія бунта непременно силой оружія, не останавливаясь ни передъ чѣмъ и не считая потерь, сколько бы ихъ ни было; къ этимъ увѣреніямъ

примѣшивалось упорное восклицаніе, много разъ въ этотъ вечеръ въ стѣнахъ клуба повторившееся: второй Пугачевъ!!!

Подобные разговоры и просьбы дворянъ продолжались нѣсколько часовъ. Конечно, подали шампанское, пили за здоровье Апраксина, желая ему полного успѣха, и въ двѣнадцатомъ часу онъ уѣхалъ изъ клуба съ отуманенной головой, давъ дворянамъ категорическое обѣщаніе, что въ Бездну поѣдетъ самъ, а Половцова не пустить. Апраксинъ ночью уѣхалъ.

Два слѣдующіе дня, 9-го и 10-го, провелъ я у генерала, ожидая извѣстій отъ Апраксина. 10-го, тотчасъ послѣ обѣда, часовъ въ пять, подали генералу телеграмму. Онъ прочиталъ и съ иронической улыбкой передалъ мнѣ. Вотъ что гласила телеграмма, адресованная губернатору: «Прошу мнѣ въ помощь командировать немедленно адъютанта Половцова. Апраксинъ».

— Конечно, — сказалъ Козляниновъ:— поѣзжайте, поѣзжайте сейчасъ же, сдѣлайте, что можно.

Черезъ два часа я уже тащился на почтовой тройкѣ въ саняхъ по невозможной скверной дорогѣ въ Спасскъ. Приѣхалъ я 11-го въ девять часовъ утра. Оказался въ этомъ городѣ на своемъ мѣстѣ только одинъ городничій, остальныхъ властей не было: предводитель, исправникъ, становой пристава—все сопутствовали Апраксину; городничій относительно Бездны не могъ мнѣ сообщить никакихъ точныхъ извѣстій,—слышалъ онъ, что Апраксинъ былъ въ Безднѣ не долго и уѣхалъ, куда—не знаетъ. Я тотчасъ отправился въ Бездну, куда и прибылъ часовъ въ двѣнадцать.

Въ Безднѣ предполагалъ я застать Апраксина, но онъ, какъ оказалось, былъ въ Безднѣ наканунѣ, говорить съ крестьянами не выходилъ, а потребовалъ къ себѣ на барскій дворъ десять человекъ по выбору крестьянъ. Разумѣется, никто не пришелъ, и Апраксинъ тотчасъ уѣхалъ за 20 верстъ, въ имѣніе уѣзднаго предводителя Молоствова. Чего онъ боялся — не знаю. Хотя крестьяне и говорили между собою, что имъ дана полная воля вмѣстѣ съ землею, но никакихъ насильственныхъ дѣйствій ими сдѣлано не было, да и намѣреній къ тому они не имѣли. Лучшимъ доказательствомъ отсутствія злой воли служить то, что никакого имущества, принадлежащаго помѣщику, они не трогали. Приѣхавъ въ Бездну, я проѣхалъ все село вдоль и проѣхалъ шагомъ, такъ какъ грязь была невылазная, видѣлъ на улицѣ толпы мужиковъ, но никѣмъ остановленъ не былъ; лучше того — на самой серединѣ села ямщикъ мой уронилъ кнутъ и остановился прямо противъ толпы мужиковъ; одинъ изъ нихъ подошелъ, поднялъ кнутъ, отдалъ его ямщику, поклонился мнѣ и отошелъ въ сторону къ остальнымъ, которые въ это время не двинулись съ мѣста, хотя имѣли полную возможность меня остановить и казнить, какъ бы имъ заблагоразсудилось.

Изъ Бездны, гдѣ я пробылъ въ домѣ управляющаго съ часъ, отправился я догонять Апраксина, нашелъ его въ имѣніи Молоствовова, гдѣ онъ сидѣлъ и ждалъ прихода потребованныхъ изъ Тетюшъ двухъ ротъ солдатъ. Солдаты вскорѣ пришли и были немедленно отправлены на почлегъ въ село Никольское, находящееся въ пяти верстахъ отъ Бездны; туда же къ вечеру прибыли и тамъ ночевали: Апраксинъ, предводитель Молоствовъ, исправникъ и я. На другой день должны были быть приняты энергическія мѣры для приведенія крестьянъ въ повиновеніе. Вечеромъ, 11-го, на происходившемъ между нами четверыми совѣщаніи я старался убѣдить Апраксина, что стрѣлять не будетъ нужно, и что въ крайнемъ случаѣ понадобится пересѣчь десятокъ-другой мужиковъ, чѣмъ, несомнѣнно, по убѣжденію моему, и закончится весь бунтъ. Предводитель и исправникъ, напротивъ того, усиленно утверждали, что безъ стрѣльбы не обойдется. У насъ было всего 160 человекъ солдатъ, а мужиковъ, какъ говорилъ исправникъ, собралось до 5.000, поэтому предполагать надо было, что толпа не испугается появленія столь малаго войска. Я совѣтовалъ ждать прибытія еще трехъ ротъ, которыя должны были прійти 13-го или четырнадцатаго. Это мое мнѣніе было остальными лицами совершенно отвергнуто; они увѣрили, что съ каждымъ днемъ толпа непомѣрно увеличивается, и что чрезъ три или четыре дня въ Безднѣ будетъ тысячъ десять, а можетъ быть и болѣе народу.

На слѣдующее утро, въ 4 часа, выступили мы въ Бездну въ походномъ порядкѣ, имѣя всего двѣ роты и шесть конныхъ казаковъ; на дорогѣ зарядили ружья.

При въѣздѣ въ село насъ встрѣтили два старика съ хлѣбомъ-солью, отъ принятія котораго Апраксинъ отказался; затѣмъ генераль тотъ, надо, по справедливости сказать, все время перехода трусившій страшно, просилъ меня поѣхать впередъ и отыскать священника. Я отправился съ однимъ казакомъ; село было со стороны въѣзда совершенно пусто, но изъ слободы, находящейся на противоположномъ концѣ, слышенъ былъ гулъ и говоръ большого количества народа. Я забылъ сказать, что село огромное, слишкомъ 800 душъ. Священника я отыскалъ и пригласилъ къ Апраксину, входившему въ это время съ ротами въ улицу; священникъ долженъ былъ уговаривать крестьянъ въ присутствіи сорока понятыхъ изъ казенныхъ селеній, которые ожидали у въѣзда въ село и отправились къ толпѣ вмѣстѣ съ ротами.

Толпа эта, какъ говорили, около 5.000 человекъ, стояла поперекъ улицы и собой заграждала входъ въ домъ Антона Петрова, того крестьянина, который будто бы читалъ и объяснялъ манифестъ, объявлялъ полную волю и слылъ какъ бы пророкомъ.

Не доходя шаговъ трехсотъ до толпы, Апраксинъ остановилъ роты. Во время перехода изъ Никольскаго въ Бездну этотъ гене-

ралъ приготовилъ проектъ рѣчи, которую намѣренъ былъ произнести мужикамъ; проектъ этой рѣчи повторялъ онъ мнѣ нѣсколько разъ, ѣхавъ со мной рядомъ верхомъ; на мой взглядъ, рѣчь эта была крайне неудачная. Въ ту минуту, однако, когда Апраксину надо было остановить роты и ѣхать къ толпѣ почти одному, онъ нашель, что ѣхать ему самому не нужно, а поручилъ мнѣ отправиться вмѣсто него и передать крестьянамъ, чтобы Антонъ Петровъ былъ выданъ немедленно, и что въ случаѣ дальнѣйшаго неповиновенія въ нихъ будутъ стрѣлять. Я подѣхалъ къ толпѣ такъ, что голова моей лошади упиралась въ грудь крестьянъ, стоявшихъ въ первомъ ряду; всѣ стояли безъ шапокъ въ глубокомъ молчаніи. Я передалъ имъ приказаніе Апраксина, они выслушали спокойно, каждое слово мое было ясно слышно. Когда я кончилъ, то толпа общимъ крикомъ отвѣтила: «Не выдадимъ Антона Петрова. Мы за него помирать должны, за него и за императора Александра Николаевича должны свою кровь проливать». Всѣми силами своего краснорѣчія старался я разъяснить, что за Александра Николаевича не могутъ они умирать, такъ какъ Александръ Николаевичъ насъ прислалъ; что всему виноватъ Антонъ Петровъ, котораго для спасенія себя должны они выдать сейчасъ же. Убѣжденія мои никакого успѣха не имѣли, и я долженъ былъ вернуться къ ротамъ. Тогда отправился къ толпѣ священникъ съ понятиями, говорилъ онъ съ крестьянами почти цѣлый часъ, но пользы отъ того никакой не получилось. Когда священникъ возвратился, то вся толпа начала кричать: «Желаемъ видѣть царскаго посла!» Апраксинъ поневолѣ долженъ былъ поѣхать къ толпѣ; я, конечно отправился съ нимъ, желая придать ему хоть сколько-нибудь храбрости. Говорилъ Апраксинъ совершенный вздоръ, даже его собственный проектъ рѣчи у него изъ памяти выскочилъ; къ тому же онъ остановился отъ толпы шагахъ въ пятьдесятъ, если не больше, поэтому слова его крестьянамъ слышны были худо, да они его и не слушали, а подняли крикъ, заглушавшій его слова. Апраксинъ былъ въ форменномъ сѣромъ пальто, верхомъ на маленькой рыжей кобылкѣ, взятой у Молоствовова, вся фигура его была весьма невеличественна, и, говоря съ крестьянами, онъ сразу не попалъ въ надлежащій тонъ; потомъ говорили, что крестьяне не повѣрили, чтобы предъ ними былъ настоящій царскій посолъ, больше того — кто-то изъ толпы будто бы узналъ въ немъ садовника какого-то близкаго помѣщика, — однимъ словомъ, личное вмѣшательство Апраксина окончилось полнѣйшимъ фіаско. Неудача эта, очевидность которой была несомнѣнна, Апраксина чрезвычайно озлила. Когда крикъ толпы былъ не такъ силенъ, то Апраксинъ сталъ самъ кричать, что если крестьяне не отойдутъ отъ избы Антона Петрова, то въ нихъ будутъ стрѣлять; къ этимъ словамъ онъ прибавилъ еще нѣсколько ругательствъ, отнюдь въ проектѣ

рѣчи не содержавшихся, и, сочтя свое личное участіе законченнымъ, повернулъ лошадь и ускакалъ къ ротамъ. То же долженъ былъ сдѣлать и я, такъ какъ Апраксинъ отдалъ приказаніе: первой шеренгѣ выстрѣлить. Вся толпа разомъ перекрестилась, — выстрѣлили, четверо упали. «Не въ насъ стрѣляете, стрѣляете въ Александра Николаевича, проливаете кровь императора», кричали крестьяне. Послѣ перваго залпа соскочилъ я съ лошади и вмѣстѣ съ предводителемъ Молоствовымъ побѣжали мы къ толпѣ, умоляли ихъ или уйти, или выдать Антона Петрова, но они отвѣчали то же, что и прежде, и мы должны были возвратиться за фронтъ. Сдѣлано было пять или шесть залповъ; послѣ каждаго залпа Молоствовъ и я, иногда и священникъ, бѣгали къ толпѣ, но отвѣты были все тѣ же. Наконецъ нѣсколько голосовъ закричало, что Антонъ Петровъ сейчасъ выйдетъ; дѣйствительно, онъ одинъ отдѣлился отъ толпы и подошелъ къ ротамъ, держа экземпляръ положенія о крестьянахъ на головѣ; толпа въ это время попятилась назадъ и разсыпалась по полю за деревней. Антонъ Петровъ былъ немедленно взятъ подъ караулъ.

Вся улица была усѣяна убитыми и ранеными, оказалось убитыхъ 71 и раненыхъ 115, въ дѣйствительности же ихъ было гораздо больше, такъ какъ много и раненыхъ и убитыхъ крестьяне вынесли изъ толпы и увезли по деревнямъ; по счету доктора, пріѣхавшаго на другой день изъ Казани и лечившаго пострадавшихъ въ теченіе слишкомъ двухъ мѣсяцевъ, всѣхъ жертвъ было болѣе 350 человекъ.

Тотчасъ послѣ того, какъ крестьяне разбѣжались, выяснилось, что упорствовали они, оставаясь толпой у дома Антона Петрова, безъ всякаго опредѣленнаго намѣренія, а просто не понимая, что именно дѣлается; затѣмъ самое расположеніе той части села Бездны, гдѣ стояла толпа, затрудняло скорый уходъ крестьянъ; изба Антона Петрова находилась недалеко отъ конца села, и всю улицу, начиная отъ этой избы до конца села, занимала толпа столь плотная, что въ заднихъ рядахъ ничего не знали и не слышали о томъ, что происходило впереди; конечно, выстрѣлы были слышны, но въ задніе ряды толпы пули не достигали, къ тому же въ концѣ села протекаетъ рѣчка, въ которую улицу упиралась, имѣя единственный вѣздъ въ ворота обыкновеннаго неширокаго размѣра; поэтому для того, чтобы толпѣ уйти въ эти одни ворота, надо было времени довольно много, а залпы Апраксинъ производилъ съ весьма малыми промежутками; наконецъ, когда задніе ряды узнали, что въ переднихъ стрѣляютъ и что есть много убитыхъ, то толпа, осаживая, уперлась въ заборъ, отдѣлявшій село отъ рѣчки, заборъ этотъ сломали и бросились бѣжать прямо черезъ рѣчку по льду; на рѣчкѣ ледъ былъ очень слабъ, и бѣжавшіе стали проваливаться; какъ тогда говорили, много людей утонуло, но этого я самъ не видалъ и къ рѣчкѣ не подходилъ.

Во всемъ столь горестномъ инцидентѣ, по мнѣнію моему, виноватъ одинъ Апраксинъ, такъ какъ онъ ни за что не хотѣлъ подождать прихода другихъ войскъ; двумя ротами крестьянъ нельзя было испугать; чрезъ два дня должны были прійти еще три роты, а, какъ я узналъ уже по окончаніи этого мерзкаго дѣла, Козляниновъ сдѣлалъ распоряженіе о выступленіи еще десяти ротъ и четырехъ пушекъ. Будь всѣ эти войска налицо, тогда число солдатъ испугало бы крестьянъ, и они просто бы разбѣжались, въ случаѣ же дальнѣйшаго упорства можно было бы деревню оцѣпить и скорехонько всѣ бы разошлись, такъ какъ пять тысячъ человѣкъ чужихъ кормить въ Безднѣ было бы нечѣмъ.

Апраксинъ, рѣшившись дѣйствовать съ двумя ротами, всѣ эти обстоятельства имѣлъ въ виду. Не могу не сказать, что его личное отношеніе къ погрому меня удивило выше всякой мѣры; во время стрѣльбы онъ никакого волненія не ощущалъ, а приказывалъ стрѣлять съ величайшимъ хладнокровіемъ, требуя лишь каждый разъ отъ меня, чтобы я уѣхалъ за фронтъ. Одной изъ причинъ, почему крестьяне стояли такъ упорно, было убѣжденіе, неизвѣстно откуда взятое, что болѣе трехъ разъ въ толпу стрѣлять по закону права не имѣютъ. Какъ видимъ, въ этомъ несчастномъ дѣлѣ одна глупость слѣдовала тотчасъ же за другой.

Тотчасъ по окончаніи безднинскаго побоища, когда я даже еще не успѣлъ сойти съ лошади, прибылъ въ Бездну нарочный отъ моего генерала съ предписаніемъ мнѣ возвратиться немедленно въ Казань. Предписаніе это предъявилъ я Апраксину, простился съ нимъ очень холодно и сейчасъ же уѣхалъ въ Казань, куда пріѣхалъ въ шесть часовъ утра прямо къ губернатору. Конечно, всѣ въ домѣ спали; я поднялъ прислугу и вошелъ въ спальню генерала; онъ спалъ крѣпкимъ сномъ. Я его разбудилъ и сталъ ему подробно рассказывать безднинскій погромъ; онъ внимательно слушалъ меня, сидя на постели, а когда я кончилъ, то повисъ у меня на шеѣ и горько заплакалъ.

Козляниновъ сказалъ мнѣ, что желаетъ, чтобы я изъ города не уѣзжалъ, такъ какъ онъ имѣетъ основаніе ожидать большихъ безпорядковъ со стороны студентовъ. Въ городѣ я остался и сталъ вмѣстѣ съ генераломъ ждать извѣстій отъ Апраксина. Извѣстія эти пришли на третій день послѣ моего возвращенія изъ Бездны. Въ теченіе этого времени была получена на имя губернатора телеграмма отъ министра внутреннихъ дѣлъ о преданіи по высочайшему повелѣнію Антона Петрова военному суду по законамъ военнаго времени съ тѣмъ, чтобы приговоръ былъ въ 24 часа приведенъ въ исполненіе. Козляниновъ эту телеграмму перетелеграфировалъ Апраксину въ тотъ же день. Апраксинъ просилъ телеграммой прислать въ Бездну аудитора, находящагося при квартировавшей въ Казани резервной дивизіи. Аудитора отправили

черезъ три дня, на четвертый получилъ Козляниновъ отъ Апраксина сообщеніе о томъ, что во исполненіе высочайшаго повелѣнія онъ назначилъ надъ Антономъ Петровымъ изъ офицеровъ войскъ, находившихся въ Безднѣ, военный судъ, который приговорилъ Антона къ разстрѣлянію; приговоръ этотъ Апраксинъ подтвердилъ и немедля въ селѣ Безднѣ исполнилъ, о чемъ имъ и донесено государю императору. Хотя все это дѣйствіе Апраксина составляло прямое превышеніе власти, такъ какъ подтверждать приговоръ суда имѣлъ право только командующій войсками, то есть военный губернаторъ, но Козляниновъ объ этомъ нарушеніи своихъ правъ не сказалъ ни слова, будучи, какъ онъ мнѣ самъ говорилъ, чрезвычайно радъ тому, что безднинская кровавая трагедія его ничѣмъ не коснулась.

Студенческихъ волненій, которыхъ опасался мой генералъ, не было, но произошло событіе, имѣвшее по тогдашнему времени значеніе немаловажное, именно: черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ казнь Антона Петрова сдѣлалась въ Казани извѣстной, студенты въ очень большомъ числѣ отправились толпой на городское кладбище и отслужили панихиду по убиенномъ рабѣ Божіемъ Антонѣ, при чемъ профессоръ Щаповъ сказалъ рѣчь, какъ увѣряли, самага зажигательнаго характера. Хотя послѣ этой панихиды никакихъ дальнѣйшихъ волненій между студентами и не было, но эта манифестація чрезвычайно озаботила достойнѣйшаго князя П. П. Вяземскаго; понеслись въ Петербургъ телеграммы и донесенія отъ всѣхъ вѣдомствъ, отъ жандармскаго въ особенности.

Черезъ недѣлю Щаповъ былъ увезенъ жандармами; самъ онъ полагалъ, что его повезутъ въ Петербургъ, гдѣ онъ надѣялся имѣть объясненіе съ министромъ народнаго просвѣщенія, но вышло иначе: повезли его не на западъ, а на востокъ. Съ этого отъѣзда началась для Щапова скитальческая жизнь по разнымъ ссылочнымъ, болѣе или менѣе отдаленнымъ мѣстамъ, и скитанья эти продолжались до самой его смерти.

Дни проходили за днями, я продолжалъ безотлучно находиться при моемъ генералѣ. Пришла изъ Петербурга вѣсть о командированіи въ Казань, по особому высочайшему повелѣнію, съ самыми широкими полномочіями, генералъ-адъютанта Ильи Гавриловича Бибикова, родного брата знаменитаго любимца Николая Павловича Дмитрія Гавриловича Бибикова, министра внутреннихъ дѣлъ и кievскаго генералъ-губернатора. Илья Гавриловичъ былъ нѣсколько лѣтъ виленскимъ генералъ-губернаторомъ, гдѣ осталась о немъ память какъ о человѣкѣ чрезвычайно энергичномъ. Такъ ли это было или не такъ, не знаю, а также не знаю, какія были другія нравственныя качества Ильи Гавриловича. Не могу удержаться, чтобы не помѣстить здѣсь слѣдующій анекдотъ, хотя и сознаю,

что онъ до моего настоящаго разсказа никакого отношенія не имѣеть.

Въ семидесятихъ годахъ, при моей тогдашней крайне разнообразной дѣятельности, желѣзнодорожной, банковской, страховой, фабричной, случалось мнѣ встрѣчаться съ нѣкимъ евреемъ, фамилію котораго я теперь, конечно, забылъ; помню, что еврей этотъ велъ дѣла на биржѣ, первокласснымъ биржевымъ дѣятелемъ онъ не былъ, но пользовался репутаціей человѣка вполнѣ состоятельнаго. Имѣлъ онъ на носу очень замѣтный шрамъ, а о происхожденіи этой отмѣтки мнѣ одинъ общій знакомый разсказалъ слѣдующее. Въ началѣ пятидесятихъ годовъ этотъ самый еврей, тогда еще человѣкъ очень молодой, жилъ въ Вильнѣ. Было въ производствѣ дѣло, по которому нужно было получить отъ него какія-то свѣдѣнія, которыхъ онъ не давалъ, по тогдашнему—не сознавался. Генераль-губернаторъ Бибиковъ, почему-то интересовавшійся этимъ дѣломъ, приказалъ представить еврея предъ свои свѣтлыя очи. Привели еврея въ то самое время, когда генераль-губернаторъ сидѣлъ за своимъ туалетомъ и парикмахеръ усердно завивалъ щипцами старательно покрашенные тупей и усы сго высокопревосходительства. Еврею приказано приблизиться; на бѣду его, несмотря на вопросъ самого генераль-губернатора, онъ продолжалъ не сознаваться. Илья Гавриловичъ вскочилъ съ кресла, вырвалъ горячіе щипцы изъ рукъ парикмахера и, стремительно схвативъ ими носъ еврея, закричалъ: «Сознавайся, не то носа не выпущу». Конечно, еврей сейчасъ же сознался, щипцы вернулись въ руки парикмахера, но оставленный ими на еврейскомъ носу знакъ я своими глазами видѣлъ слишкомъ двадцать лѣтъ послѣ генераль-губернаторскаго допроса.

Такъ вотъ этотъ самый несомнѣнно энергичный Илья Гавриловичъ и долженъ былъ, съ щипцами или безъ щипцовъ, въ скоромъ времени въ Казань пожаловать.

«Бибиковыхъ даромъ въ Казань не посылаютъ», сказалъ Герценъ въ своемъ «Колоколѣ», но на этотъ разъ великій публицистъ ошибся. Бибиковъ пріѣхалъ совершенно даромъ,—пробылъ онъ въ Казани дней пять-шесть, изъ города никуда не выѣзжалъ и свою репрессивную энергію, согласно даннымъ ему широкимъ полномочіямъ, ограничилъ приказаніемъ дать пятьдесятъ розогъ нѣкому злополучному дьячку, обвиненному въ неправильномъ толкованіи положенія объ освобожденіи крестьянъ. Бибикова я не видалъ, такъ какъ за нѣсколько дней до его пріѣзда изъ Казани уѣхалъ по причинѣ назначенія меня членомъ комиссіи, командированной губернаторомъ для разслѣдованія причинъ волненія и неповиновенія временно обязанныхъ крестьянъ Спасскаго уѣзда,—таковъ былъ офиціальныи титулъ нашей комиссіи. Состояла она изъ предсѣдателя, совѣтника губернскаго правленія

Константина Петровича Перцова, старшаго чиновника особыхъ порученій губернатора Швецова, губернскаго жандармскаго штабъ-офицера полковника Ларіонова, чистопольскаго уѣзднаго стряпчаго Пупарева и меня.

Предсѣдатель, К. П. Перцовъ, былъ достойнѣйшій человѣкъ и сверхъ того рѣдко пріятный и симпатичный; бывшій студентъ казанскаго университета, имѣлъ онъ по тогдашней мѣрѣ убѣжденія весьма передовыя. Въ Казани съ Перцовымъ я хотя и былъ знакомъ, но встрѣчались мы рѣдко, такъ что въ дѣйствительности зналъ его мало; во время нашей совмѣстной слишкомъ двухмѣсячной жизни я съ Перцовымъ чрезвычайно сблизился и сохранилъ съ нимъ лучшія отношенія до самой его смерти. Второй членъ комиссіи, Швецовъ, былъ чиновникъ изъ казанскихъ жителей, весьма старательный, но и весьма мало развитой. Полковникъ Ларіоновъ былъ жандармъ довольно миролюбиваго сорта; онъ однако въ Бездну не поѣхалъ, а командировалъ вмѣсто себя своего помощника, ротмистра Ступишина, у котораго оказалось въ Спасскомъ уѣздѣ небольшое имѣніе, гдѣ онъ почти постоянно пребывалъ, въ производствѣ нашего слѣдствія никакого участія не принимая; надо думать, что по какимъ-то невѣдомымъ мнѣ соображеніямъ жандармское вѣдомство желало къ безднинскому дѣлу сколь можно меньше касаться. Третій членъ, чистопольскій уѣздный стряпчій Аркадій Пупаревъ, былъ въ комиссію Козляниновымъ назначенъ по моей рекомендаціи; я съ нимъ познакомился при производствѣ мною одного слѣдствія въ Чистопольскомъ уѣздѣ, былъ онъ человѣкъ немолодой, рѣдкаго ума, давно окончившій курсъ въ казанскомъ университетѣ, юристъ и законникъ по тогдашнимъ понятіямъ отличный, но по неимѣнію протекціи застрявшій уже много лѣтъ въ должности уѣзднаго стряпчаго; обязанности свои по должности этой онъ исполнялъ гораздо добросовѣстнѣе всѣхъ остальныхъ видѣнныхъ мною въ Казанской губерніи стряпчихъ и былъ несравненно болѣе развитъ, чѣмъ его остальные сослуживцы; въ вопросѣ помѣщичьемъ былъ направленія значительно болѣе гуманнаго, чѣмъ большинство тогдашнихъ чиновниковъ. Ни самъ онъ, ни жена его никогда крѣпостными не владѣли. Имѣлъ онъ чрезвычайную любовь къ исторіи и въ теченіе многихъ лѣтъ усердно собиралъ историческіе документы, въ особенности изъ эпохи Пугачева, собралъ онъ такимъ образомъ очень большую коллекцію этихъ документовъ, изъ которыхъ нѣкоторые мнѣ въ Чистополѣ показывалъ. Остался въ моей памяти указъ Екатерины, которымъ этой матерью отечества приказано было, чтобы при вѣздѣ въ каждую деревню, принимавшую участіе въ бунтѣ (а участвовали всѣ деревни безъ исключенія), поставлены были: висѣлица, колесо и крюкъ для вѣшанія за ребро,—просто и внушительно. Свою коллекцію историческихъ до-

кументовъ Пупаревъ большею частью передалъ въ редакцію «Русской Старины», которая изъ нихъ многіе напечатала, и я ихъ впоследствии читалъ.

Отъ долговременной уѣздной жизни Пупаревъ какъ бы поросъ мхомъ, къ тому же имѣлъ онъ большую семью, а поэтому и не могъ не вести обычной жизни уѣздныхъ чиновниковъ, которую, впрочемъ, онъ не тяготился, исправно попивалъ рюмочку за рюмочкой и охотно пѣлъ духовные канты. Бралъ ли онъ взятки?—думаю бралъ, но взятки, такъ сказать, резонныя—безъ вымогательства, по крайней мѣрѣ въ отношеніи вымогательства на него жалобъ не было; отъ откупа, конечно, исправно получалъ все, ему по положенію слѣдовавшее.

Несмотря на указываемыя мною темныя стороны, въ то время всѣмъ чиновникамъ сугубо присущія, Аркадій Пупаревъ былъ для насъ, по дѣламъ комиссіи, добросовѣстнымъ сотрудникомъ и весьма цѣннымъ законникомъ-юристомъ.

Выѣхалъ я изъ Казани вмѣстѣ съ Перцовымъ 23-го апрѣля, день 24-го провели въ Спасскѣ, а 25-го утромъ прибыли въ Бездну, гдѣ застали Апраксина, хотя, по предположенію Козлянинова, онъ долженъ былъ ранѣе нашего приѣзда уѣхать.

Помѣщичій домъ въ Безднѣ былъ очень великъ, двухъэтажный; половину нижняго этажа занималъ Апраксинъ, а въ другой половинѣ помѣстились Перцовъ и я. Хотя послѣ стрѣльбы въ Безднѣ нигдѣ не было и тѣни бунтовства, но Апраксинъ, признавъ въ себѣ великаго военачальника, продолжалъ продѣлывать большія глупости. Въ селѣ были расположены пѣхотный батальонъ и сотня казаковъ, у подѣзда помѣщичьяго дома стояли двѣ пушки при двухъ часовыхъ; ежедневно командиръ батальона и офицеры артиллерійскій и казачій являлись къ Апраксину съ докладомъ о благополучіи; по вечерамъ и утрамъ трубы трубили и барабаны били зорю и даже вечеромъ ровно въ девять стрѣляли изъ одной пушки,—однимъ словомъ была война настоящая, не было только непріятеля.

Приступили мы къ опросу людей, арестованныхъ Апраксинимъ которыхъ оказалось очень много. Сколько мы ихъ ни допрашивали, но найти какіе-либо признаки бунта, а тѣмъ болѣе заранѣе намѣреннаго, отнюдь не могли, поэтому съ перваго же дня освободили болѣе двадцати человекъ. Апраксинъ этимъ нашимъ образомъ дѣйствія чрезвычайно встревожился и пригласилъ Перцова къ себѣ для объясненій. Перцовъ одинъ итти не хотѣлъ, а съ собою позвалъ меня, я же посовѣтовалъ взять и стряпчаго. Отправились мы втроемъ. Стряпчій захватилъ свои законы, Апраксинъ сталъ намъ доказывать, что освобождать людей, имъ арестованныхъ, мы не имѣемъ права, такъ какъ это подрываетъ его авторитетъ, какъ лица, присланнаго самимъ государемъ. Перцовъ сталъ указывать

на обязанности слѣдователей и слѣдственныхъ комиссій, а я попросилъ спросить мнѣніе представителя юстиціи—стряпчаго Пупарева. Стряпчій молча открылъ свои законы и прочиталъ статьи, карающія виновныхъ въ противозаконномъ лишеніи свободы, причемъ даже въ одной изъ статей этихъ упомянуто было о наказаніи заключеніемъ въ смирительномъ домѣ. Такого афронта Апраксинъ не выдержалъ, вскочилъ съ дивана и съ большимъ раздраженіемъ сказалъ: «Эта статья до генерала свиты его величества относится не можетъ».

— Я этого, ваше сіятельство, не, знаю—отвѣтилъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ стряпчій:—а вотъ что она до васъ относится, такъ это знаю навѣрно.

Апраксинъ прекратилъ съ нами бесѣду и въ тотъ же вечеръ уѣхалъ въ Казань, откуда вскорѣ отправился въ Петербургъ и болѣе въ Казань не возвращался. Отъ губернатора получилъ я приказаніе принять въ мое завѣдываніе обратную отправку войскъ, находившихся въ Безднѣ, въ мѣста ихъ прежняго квартированія и увѣдомить его, какое количество войскъ полагалъ бы я нужнымъ временно оставить въ Безднѣ. Я отвѣчалъ, что двадцати оренбургскихъ казаковъ совершенно достаточно; оставили двадцать пять казаковъ, поручивъ ихъ моему командованію, остальные войска спѣшно отправились на свои старыя квартиры, пушки увезли въ Казань. Война кончилась.

Продолжали мы старательно наше слѣдствіе, допрашивали ежедневно десятки людей, которыхъ приводили намъ къ изъ разныхъ мѣстъ, гдѣ сидѣли они по приказанію Апраксина; сѣздили въ Спасскъ, гдѣ арестованы были въ тюрьмѣ шестьдесятъ человекъ, которыхъ тотчасъ же и освободили. Несмотря, однако, на все наше стараніе, никакихъ слѣдовъ предумышленнаго бунта не находили, да и найти таковые было невозможно, такъ какъ въ дѣйствительности не только не было какого-либо предумышленія, но даже не было и бунта, а произошла лишь общая безтолковщина. Вотъ въ чемъ заключалась суть всѣхъ показаній. При объявленіи манифеста 19 февраля были во всѣ помѣщичьи деревни развезены экземпляры положенія объ освобожденіи крестьянъ. Положеніе это составляло толстую сброшюрованную книгу большого формата; что было написано въ этой книгѣ, очевидно, никто изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ понять не могъ, грамотныхъ тогда между ними не было вовсе, не существовало ни волостныхъ правленій, ни сельскихъ училищъ, а поэтому и совершенно некому было читать привезенную книгу, имѣвшую форму толстаго огромнаго кирпича, и лежалъ этотъ кирпичъ безъ всякаго движенія тамъ, куда онъ привезшимъ его чиномъ отданъ былъ. Были нѣкоторые мужики въ церкви, гдѣ священникъ объявилъ волю, но и въ церкви мужики поняли немного, да читалъ священникъ

царскій манифестъ, а не положеніе. Пришли изъ сосѣдней Бездны вѣсти, что тамъ грамотный мужикъ Антонъ Петровъ разобралъ положеніе и въ немъ волю отыскалъ; торопливо отправились въ Бездну по нѣсколько крестьянъ изъ всѣхъ деревень, куда дошелъ слухъ о безднинскомъ чтецѣ, взяли съ собой привезенныя имъ книги положенія и книги эти представили Антону Петрову, который въ книгахъ этихъ долго разбирался, въ нѣкоторыхъ экземплярахъ волю находилъ, а въ нѣкоторыхъ не находилъ; тѣ, въ чьихъ книгахъ была воля, уѣзжали домой радостные, тѣ, у кого воли не было,—плакали и рыдали. Для возможнаго разъясненія безтолковщины, тогда въ Безднѣ происходившей, скажу отъ себя слѣдующее. Антона Петрова я послѣ ареста его видѣлъ и съ нимъ говорилъ, впечатлѣніе сдѣлалъ онъ во мнѣ какъ бы юродиваго; по мѣстнымъ рассказамъ, онъ былъ очень набоженъ, умѣлъ хотя и съ трудомъ читать по-славянски, вслѣдствіе чего его приглашали читать псалтырь надъ покойниками, что онъ дѣлалъ весьма охотно. На мой вопросъ о томъ, гдѣ нашелъ онъ полную волю, о которой объявлялъ, Антонъ Петровъ открылъ положеніе о крестьянахъ, которое держалъ въ рукахъ, и показалъ мнѣ «Отдѣлъ правилъ о порядкѣ приведенія въ исполненіе положенія», въ которомъ объясненъ былъ способъ составленія уставныхъ грамотъ, именно сказано было, что въ уставной грамотѣ должно быть объяснено: названіе деревни, имя владѣльца, число душъ по десятой ревизіи съ указаніемъ тѣхъ, которые были послѣ десятой ревизіи отпущены на волю. Вотъ этимъ-то подчеркнутымъ мною словамъ несчастный безграмотный Антонъ придалъ совершенно отдѣльное самостоятельное значеніе, не связанное ни съ предыдущими, ни съ слѣдующими статьями положенія. Для Антона эти шесть словъ служили непреложнымъ указаніемъ тому, что послѣ десятой ревизіи отпущены (конечно, всѣ помѣщичьи крестьяне) на волю, а такъ какъ десятая ревизія была въ 1858 году, то есть за два года до манифеста 19 февраля, то изъ этого уже сама собой вытекала басня о томъ, что помѣщики два года волю прятали. Такъ какъ Антонъ Петровъ былъ весьма малограмотенъ, то эту злополучную статью (кажется мнѣ, 32) въ книгахъ положенія ему не всегда удавалось отыскивать, а поэтому нѣкоторымъ изъ пріѣзжавшихъ къ нему мужиковъ онъ говорилъ, что въ ихъ книгѣ воли нѣтъ, что, конечно, вызывало полное отчаяніе. Впослѣдствіи, то-есть дня черезъ два, Антонъ научился отыскивать желанную статью, и тогда уже воля была одинакова для всѣхъ деревень и во всѣхъ экземплярахъ положенія о крестьянахъ.

Далѣе допрашиваемые въ одинъ голосъ показывали, что черезъ нѣкоторое время узнали они, что черезъ два-три дня пріѣдетъ въ Бездну царскій посолъ для объявленія на этотъ разъ уже воли настоящей. Этотъ слухъ былъ вызванъ краткимъ пре-

бываніемъ Апраксина въ Безднѣ при первомъ его прїѣздѣ, отъѣздомъ и пребываніемъ въ Трехъ Озерахъ и Никольскомъ. Такимъ образомъ слухъ этотъ и опредѣлилъ совершенно правильно время возвращенія Апраксина въ Бездну; всѣ жители ближайшихъ деревень побѣжали въ Бездну, многіе прибыли уже наканунѣ, въ чемъ я убѣдился своими глазами при проѣздѣ моемъ черезъ Бездну 10 апрѣля, когда вся широкая улица противъ дома Антона Петрова была заполнена толпой крестьянъ. Стремилась крестьяне въ Бездну отнюдь не съ какой-либо бунтовской цѣлью, а шли именно для того, чтобы видѣть царскаго посла и слышать объявленіе настоящей воли.

Ни о какихъ насильственныхъ дѣйствіяхъ никто и не думалъ, мало того—у околицъ при входахъ въ Бездну стояли старики, приказывавшіе, если у кого была въ рукахъ палка, палку эту бросить, не входя въ село. Пришли и вошли въ толпу, стоявшую противъ дома Антона. Вскорѣ затѣмъ пришли и солдаты; что говорили мужикамъ начальники, они не знаютъ и не слыхали, солдаты начали стрѣлять; сначала они не вѣрили, что стрѣляютъ настоящимъ образомъ; когда же увидели убитыхъ, поспѣшно убѣжали въ свою деревню, гдѣ чрезъ два-три дня ихъ арестовали, за что—не знаютъ и имъ о томъ никто ничего не объяснялъ.

Сверхъ этого никто изъ допрошенныхъ не сказалъ ни одного слова, а допросили мы не одну сотню крестьянъ. Очевидно было, что комиссія наша никакихъ другихъ свѣдѣній не получитъ; переѣзжали изъ одной деревни въ другую, но результаты были все тѣ же; продолжались эти наши старанія второй мѣсяцъ. Въ іюнѣ произошелъ слѣдующій комическій инцидентъ. Апраксинъ въ своемъ рапортѣ государю оговорилъ, что нѣкоторыя деревни участія въ бунтѣ не принимали вовсе; думалъ ли Апраксинъ, что устраненіе нѣкоторыхъ деревень подкрѣпитъ его предположеніе о заранѣе задуманномъ бунтѣ, или просто ничего не думалъ, а повторилъ болтовню спасскаго исправника (послѣднее вѣроятнѣе), но болтовня эта не прошла безслѣдно; получено было губернаторомъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ приказаніе доставить именно списокъ деревень Спасскаго уѣзда, не участвовавшихъ въ безднинскомъ бунтѣ. Конечно, потребовали свѣдѣній отъ исправника, который, ни въ чемъ не сомнѣваясь, списокъ составилъ и представилъ губернатору, а губернаторъ — министру. Вслѣдъ за симъ послѣдовало высочайшее повелѣніе объявить его императорскаго величества благодарность деревнямъ, не принимавшимъ участія въ бунтѣ, при чемъ въ самомъ высочайшемъ повелѣніи дословно прописанъ былъ списокъ деревень, доставленный исправникомъ. Губернаторъ поручилъ нашей комиссіи посѣтить всѣ деревни, имѣвшіяся въ списокѣ, собрать сельскіе сходы и объявить сколь можно торжественнѣе высочайшую благодарность. Мы юѣхали. Въ

первой же деревнѣ вышелъ конфузъ чрезвычайный. Только что вышли мы къ собранному сходу, какъ вся толпа крестьянъ разомъ повалилась на колѣни. К. П. Перцовъ, принявшій на себя возможно торжественный видъ, ошпиль: какъ, почему случилось? «Покоряются, ваше превосходительство,—сказалъ сельскій староста: — винятся въ томъ, что по глупости въ Бездну бѣгали». Мы скорѣй назадъ въ избу, велѣли сходъ распустить, составили протоколъ о томъ, что высочайшая благодарность крестьянамъ объявлена, и поѣхали поспѣшно дальше, но въ слѣдующихъ деревняхъ прежде, чѣмъ выходить къ сходу, призывали старосту и ему внушали, чтобы мужики на колѣни не становились и ни одного слова не говорили, а слушали бы только то, что будетъ говорить предсѣдатель комиссіи. Обѣхали всѣ намѣченные деревни и вездѣ продѣлали порученную намъ процедуру.

Прошла первая половина юня. Я получилъ предписаніе о назначеніи меня членомъ отъ правительства мировыхъ сѣздовъ Спасскаго и Чистопольскаго уѣздовъ, съ оставленіемъ меня въ должности старшаго адъютанта губернатора, что мнѣ особенно пріятно было.

Дѣло наше было если не совсѣмъ окончено, то весьма близко къ концу. Я имѣлъ непремѣнное намѣреніе вернуться въ Казань не позже 28-го, желая попасть къ именинамъ князя Павла Петровича Вяземскаго (29). Утромъ 25 пришли изъ Казани бумаги съ нарочнымъ, то были письма Козлянинова и Вержбицкаго и номеръ «Инвалида» съ приказомъ объ увольненіи меня по высочайшему повелѣнію отъ службы. Ударъ этотъ, и для меня ударъ чрезвычайно большой, свалился совершенно неожиданно. Козляниновъ настоятельно звалъ меня тотчасъ же въ Казань, и я уѣхалъ чрезъ два часа. Козляниновъ встрѣтилъ меня самымъ дружескимъ образомъ, увольненіемъ моимъ онъ былъ вполне искренно огорченъ. Вслѣдъ за номеромъ «Инвалида» пришла бумага отъ министра Валуева, указывающая губернатору, что за увольненіемъ г. Половцова отъ военной службы онъ, министръ, считаетъ неудобнымъ оставаться ему въ должности члена отъ правительства мировыхъ сѣздовъ. Кратко и ясно.

Конечно, появился тотчасъ же жгучій вопросъ: какъ, почему, кто и какимъ образомъ мое увольненіе устроилъ? Козляниновъ еще до моего пріѣзда былъ у жандармскаго окружнаго генерала Львова, который клятвенно завѣрилъ, что онъ въ III отдѣленіе писалъ только о моемъ забаллотированіи въ клубъ, но никакого по этому инциденту указанія не получилъ, да и было давно—слишкомъ пять мѣсяцевъ тому назадъ, а поэтому и не могло это его писанье имѣть какое-либо вліяніе на мое увольненіе отъ службы. Какъ мы ни думали и ни гадали, но ничего придумать не могли,—въ виду же несомнѣннаго факта моей отставки мнѣ приходилось уѣзжать изъ Казани, и я приступилъ къ сборамъ въ дорогу.

Тѣмъ временемъ прибылъ изъ Бездны К. П. Перцовъ съ законченнымъ слѣдствіемъ, которое я вмѣстѣ со всѣми членами коммисіи скрѣпилъ своей подписью. Слѣдствіемъ ни одного виноватаго обнаружено не было. Результатъ этотъ, не соответствовавшій взглядамъ тогдашняго струсившаго министерства, Перцову даромъ не прошелъ. Онъ былъ безъ всякаго съ его стороны желанія переведенъ на такую же должность совѣтника губернскаго правленія, но въ Вятку.

Вопросъ о моемъ увольненіи выяснился для меня лишь по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ. Вотъ что именно случилось. О горестномъ событіи въ Безднѣ я писалъ весьма подробно моему брату, который это письмо мое давалъ читать нѣкоторымъ хорошимъ знакомымъ. Министръ Валуевъ, бывшій съ отцомъ моимъ съ давняго времени въ весьма дружескихъ отношеніяхъ, отъ кого-то объ этомъ письмѣ узналъ и просилъ оно ему показать, что отецъ мой и исполнилъ. Валуевъ, прочитавъ письмо, сказалъ: «Вотъ что, надо бы самому государю прочитать»—и письмо возвратилъ.

Послѣ этого чрезъ мѣсяць, а можетъ и того болѣе, Валуевъ пріѣхалъ къ моему отцу и торопливо спросилъ: «Гдѣ письмо вашего сына изъ Казани?»—Отецъ мой отвѣчалъ: «Вѣроятно, у моего другого сына».—«Его читалъ государь,—сказалъ Валуевъ:—не могу понять, какъ оно дошло до государя; онъ очень недоволенъ и велѣлъ вашего сына уволить въ отставку». Слѣдовало искать путь, по которому письмо мое достигло Зимняго дворца. Оказалось, что великій князь Михаилъ Николаевичъ, также узнавъ отъ кого-то, что есть изъ Казани отъ адъютанта Половцова письмо, подробно повѣствовавшее о событіи въ Безднѣ, въ виду разнорѣчивыхъ толковъ о событіи этомъ, ходившихъ въ Петербургѣ, высказалъ желаніе письмо это прочитать; бывшій при томъ адъютантъ великаго князя, Викторъ Васильевичъ Волконскій, намъ очень хорошей знакомый, поѣхалъ къ моему брату и просилъ дать письмо для прочтенія великому князю. Братъ мой очень охотно письмо Волконскому далъ. По злой ироніи судьбы, въ тотъ самый моментъ, когда Михаилъ Николаевичъ письмо мое читалъ, пріѣхалъ великій князь Константинъ Николаевичъ и письмо также прочиталъ. Надо припомнить, что въ первые мѣсяцы послѣ освобожденія крестьянъ почувствовалось въ воздухѣ стремленіе къ реакціи, при чемъ слышны были многія осужденія энергическому участию, оказанному Константиномъ Николаевичемъ въ осуществленіи великаго дѣла освобожденія; утверждали, что эти осужденія даже выслушивалъ самъ императоръ. Не знаю, конечно, правда ли это, но несомнѣнно то, что Ник. Ал. Милютинъ, главный дѣятель по крестьянскому вопросу и лицо Константину Николаевичу особенно близкое, свою служебную дѣятельность на нѣкоторое время прекратилъ и самъ великій князь рѣшилъ отправиться въ про-

должительное заграничное путешествіе, — вотъ предъ этимъ своимъ отъѣздомъ и посѣтилъ онъ своего брата Михаила Николаевича. Константинъ Николаевичъ, прочитавъ мое письмо, положилъ его въ карманъ и отправился въ Зимній дворецъ, гдѣ и передалъ его въ собственныя руки императора. При первомъ послѣ того докладѣ военнаго министра, конечно, ничего о моемъ письмѣ не знавшаго, государь сказалъ: «Въ Казани есть адъютантъ губернатора Половцовъ. Уволить его; такой офицеръ не можетъ быть терпимъ на службѣ». Эти высочайшія слова были эпитафіей моея служебной карьерѣ.

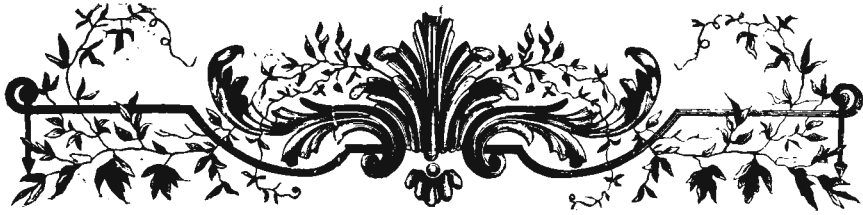
Черезъ два дня появился высочайшій приказъ отъ 11 іюня 1861 г., гласившій кратко: увольняется отъ службы по пѣхотѣ, старшій адъютантъ штаба казанскаго военнаго губернатора — поручикъ Половцовъ.

Во всемъ этомъ крайне тогда непріятномъ инцидентѣ увольненія меня отъ службы было мнѣ особенно обидно то, что уволил меня непосредственно самъ императоръ Александръ II, гуманнымъ и освободительнымъ взглядамъ котораго я сочувствовалъ всѣми силами моея души. Знаю, что только одно минутное раздраженіе вызвало столь благодушнаго монарха на распоряженіе, сказать по правдѣ, черезчуръ рѣзкое, а поэтому, оставляя въ сторонѣ этотъ мой личный вопросъ, я всегда чтить, чту и буду до конца жизни моея чтить святую память его, какъ величайшаго монарха, освободителя народа и истиннаго благодѣтеля Россіи.

Вернусь къ послѣднимъ часамъ моего пребыванія въ Казани. Сборы мои были недолги. 10 іюля утромъ простился я весьма сердечно съ моимъ генераломъ и съ княземъ Вяземскимъ. Мой ближайшій сослуживецъ и добрый другъ Вержбицкій проводилъ меня на пароходъ. Три обычныхъ свистка, и я поплылъ бодро вверхъ по Волгѣ, къ другимъ людямъ, къ другой дѣятельности, къ другой жизни!

Ф. А. П—въ.

ОДИНОКІЙ.

(Разсказъ).

ЛЫКТИНЫХЪ долго и всесторонне обсуждался вопросъ, звать или не звать сосѣда Исаака Исааковича Травникова разговляться. Богъ его знаетъ, придетъ ли онъ. Въ церкви, кажется, бываетъ, хотя и рѣдко, но все же бываетъ. Былъ на выносѣ плащаницы (Машенька, старшая дочь Лыктиныхъ его тамъ видѣла). Но пойдетъ ли онъ къ заутренѣ, будетъ ли онъ разговляться? Этого никто не могъ сказать. А между тѣмъ жалко было такъ оставить старика.

Кто онъ былъ—этотъ старикъ,—никто хорошенько не зналъ. Пріѣхалъ онъ въ X на дачу, да такъ и не выѣхалъ осенью, а остался зимовать. Мебель кое-какую выписалъ изъ Петербурга, устроилъ себѣ кабинетъ съ темными рипсовыми драпировками, повѣсилъ большой портретъ бѣлокурой, молодой и миловидной женщины надъ большимъ широкимъ диваномъ, поставилъ такой же портретъ, только поменьше, на письменномъ столѣ, и зажилъ одинокой, монотонной жизнью.

Съ Лыктиными онъ познакомился случайно, черезъ свою собаку, желтаго стараго сетера, который приходилъ кормиться на кухню къ добрымъ сосѣдкамъ, и котораго онъ ласково ругалъ за то шалавымъ псомъ.

Прислугой или кухаркой у него была простая баба, взятая въ X и рекомендованная ему, по его же просьбѣ, хозяиномъ дачи, простымъ мужикомъ. Писемъ онъ не получалъ никогда. Газеты покупалъ на станціи у разносчика, и кто онъ былъ, положительно нельзя было догадаться. Сначала говорили, что онъ высланъ, по-

томъ думали, что онъ сыщикъ... Но ни то, ни другое предположеніе нельзя было ничѣмъ подтвердить. Прислуга рассказывала про него, что онъ цѣлыми днями лежитъ въ халатѣ на диванѣ, утираетъ платкомъ глаза, носъ, ротъ, а то сидитъ, читаетъ какую-то толстую книгу; на видъ вродѣ священной, и все вздыхаетъ и про себя что-то бормочетъ. А что—не понять!...

Знакомыхъ у него никакихъ не было, то-сть по крайней мѣрѣ къ нему въ X никто не заходилъ. Одно можно было про него сказать, что любитъ онъ звѣрей домашнихъ и всякую птицу. Разъ полуживую кошку къ себѣ заманилъ и всю ночь провозился съ ней, принимая ея котятъ: шестерыхъ она ему принесла. Въ другой разъ съ прогулки ворону принесъ съ сломаннымъ крыломъ, за ней нѣсколько недѣль ухаживалъ, а ужъ снигирей да воробьевъ всю зиму кормилъ.

Между тѣмъ поститься онъ не постился, священника къ себѣ на Рождество не принялъ, а прислугѣ, пришедшей спросить: «Можетъ быть, батюшкѣ въ другой разъ зайти?» — отвѣтилъ: «Не къ чему! скажи ему: я магометанинъ».

Отвѣтъ этотъ облетѣлъ тогда весь X и много толковъ вызвалъ между прочимъ и у сосѣдей Лыктиныхъ — матери-вдовы, трехъ дочерей и сына, бывшего студента-технолога, служащаго теперь на какомъ-то заводѣ.

— Этакій бѣдовый старикъ! И вѣдь остроумный и злой!—говорили, посмѣиваясь, барышни.

— Лешенька, а можетъ быть, онъ и вправду магометанинъ?—сказала Елена Гавриловна, когда дочери вышли, и умоляюще-недоумѣло посмотрѣла на сына.

— Полноте, мама!—отвѣчалъ сынъ. — Развѣ такіе магометане бываютъ? И собака у него есть, и кухарка русская, и ѣсть и пьеть онъ, какъ мы всѣ; какой же онъ магометанинъ!—и технологъ презрительно скривилъ ротъ.—Просто живетъ себѣ человѣкъ по-своему. Никакимъ обычаямъ и глупымъ законамъ не подчиняется. Вотъ и все тутъ.

— Такъ-то оно такъ,—кратко согласилась Елена Гавриловна, жуя беззубымъ ртомъ.—А все же у насъ барышни, сестры твои. Страшно и какъ будто... неловко...

— Да полноте, мама! Я увѣренъ, онъ такъ только сказалъ!—отозвался технологъ и обѣщавъ при встрѣчѣ разузнать у Травникова, какой онъ вѣры.

Съ тѣхъ поръ прошла вся зима. Насчетъ вѣры сосѣда Елена Гавриловна давно успокоилась. Крещенъ онъ былъ, какъ всѣ, въ младенчествѣ, и православнымъ, а назвалъ себя магометаниномъ, чтобы разъ навсегда его оставили въ покоѣ.

— Не люблю я «новѣшнихъ» поповъ!—сказалъ онъ на вопросъ молодого Лыктина.—Не уважаю ихъ. Вотъ и все-съ.

И онъ сталъ щипать свои сѣдые, съ черными рѣдкими волосами, торчащiе во все стороны усы и засовывалъ ихъ себѣ въ ротъ и въ носъ. А въ темныхъ глазахъ его стояли слезы.

Теперь наступала Пасха. Страстная была на исходѣ, и въ каждомъ домѣ, даже у женщины-врача еврейки Марьи Боруховны Хайпель, не соблюдавшей Моисеевыхъ постановленiй относительно ѣды, шли приготовления на кухнѣ къ розговѣнью, т. е. къ обжорству, русской кухаркой пеклись куличи, бабы, покупался окорокъ и пр. У одного Травникова только никакихъ приготовленiй не дѣлалось.

— Давай онъ мнѣ хоть тыщи,—жаловалась своимъ знакомымъ его единственная прислуга:—послѣ праздника не останусь у него. У всехъ людей праздникъ, какъ праздникъ, а у насъ ничего!

И она всхлипывала и утирала слезы рукой.

— Живемъ словно нехристи. Да и у нехристей лучше!

Когда послѣ долгихъ думскихъ пренiй, — какъ, смѣясь, называлъ Леша, т. е. Алексѣй Лыктинъ, домашнiе разговоры,—большинствомъ голосовъ рѣшено было все же позвать разговляться Исаака Исааковича, Елена Гавриловна, по-старчески суетясь, надѣла свою ротонду на бѣличьемъ вытертомъ мѣху и, волнуясь такъ, что старыя щеки ея порозовѣли, пошла въ первый разъ въ жизни къ сосѣду.

Парадный ходъ у него на зиму былъ заколоченъ, и итти ей пришлось черезъ кухню. Тамъ въ темной, пустой горницѣ у окна стояла его прислуга и съ понурымъ видомъ изъ тряпочки бережно вынимала два яичка: лиловое и желтенькое, очевидно, крашеное лукомъ.

— Дома баринъ?—спросила Елена Гавриловна, входя въ кухню.

Женщина вздрогнула отъ неожиданности, взглянула на Лыктину и тотчасъ отвѣтила съ ѣдкимъ презрѣнiемъ:

— А то гдѣ жъ ему быть...

— А можно къ нему?—спросила Лыктина.

Женщина ничего не отвѣтила, осторожно спрятала яйца въ ящикъ кухоннаго стола и, ступая босыми ногами, пошла въ комнаты.

Черезъ минуту она вернулась оттуда и сурово проговорила:

— Идите, зоветь.

Елена Гавриловна вошла въ кабинетъ. Въ немъ сестеръ Помришка лежалъ у дивана, положивъ умную морду на вытянутыя лапы. На диванѣ валялись смятыя подушки. Въ углу, у окна, въ небольшомъ ящикѣ нахохлившись сидѣла ворона.

Сестеръ всталъ и, виляя хвостомъ, зѣвая, показывая розовый языкъ и потягиваясь, подошелъ съ привѣтомъ къ Лыктиной. Ворона широко открыла клювъ, точно хотѣла испуганно крикнуть, что вотъ, молъ, пришла какая-то чужая, но ни одинъ звукъ не вылетѣлъ изъ ея большого горла.

Исаака Исааковича въ комнатѣ не было. Онъ вошелъ, когда Лыткина успѣла уже все разглядѣть, замѣтить всю странную и грустную пустоту кабинета, отсутствіе какихъ бы то ни было вещей, книгъ, газетъ, и, войдя, объяснилъ, что онъ одѣвался, оттого сразу и не могъ принять Елену Гавриловну.

— Такъ-то я въ халатѣ дни провожу,—усмѣхнувшись, сказалъ онъ, попросивъ гостю сѣсть.—Одѣваюсь, какъ гулять иду—и тотчасъ добавилъ, замѣтивъ взглядъ Лыткиной:

— Васъ удивляетъ мой кабинетъ?... Пусто въ немъ? Такъ это оттого, что я со всѣмъ ликвидировалъ...

Онъ опять усмѣхнулся и, прервавъ самого себя, спросилъ:

— Чѣмъ могу служить?

Елена Гавриловна молча смотрѣла на него. вмѣсто страха, который обыкновенно издали внушала ей массивная и грузная фигура Исаака Исааковича, теперь, вблизи, эта фигура съ краснымъ лицомъ, темными воспаленными небольшими глазами и мясистымъ носомъ, испещреннымъ синими жилками, вызывала въ ней одно—острую жалость.

— Я пришла къ вамъ, — нерѣшительно начала Елена Гавриловна, звать васъ...—т. е. просить васъ сдѣлать намъ удовольствіе... вы, пожалуйста, не удивляйтесь, что мы совсѣмъ посторонніе... Но мы видимъ, что вы живете одни, а насъ много, цѣлая семья, вотъ мы и рѣшили просить васъ сдѣлать намъ честь и удовольствіе... разговѣться...

Елена Гавриловна все больше путалась. По лицу хозяина и, главное, по собственному внутреннему чутью она знала, что говорить не то, что слѣдуетъ, что не годилось упоминать объ одиночествѣ старика и своей большой семьѣ, и вдругъ она замолчала.

Старикъ тоже нѣкоторое время не прерывалъ молчанія. Голова его опустилась, глаза сильнѣе налились кровью, лицо побагровѣло, и розовая кожа на головѣ, просвѣчивавшая сквозь рѣдкіе серебристые волосы, стала еще болѣе розовой, почти красной. Видно было, что онъ переживаетъ сильное душевное волненіе.

Когда онъ заговорилъ, голосъ его былъ въ первую минуту слабый и невнятный.

— Благодарю васъ. Я никогда не разговляюсь. Да мнѣ и не съ чего. Постовъ я не соблюдаю. А такъ—обѣдаться, чревоугодничать, какъ другіе, считаю ненужнымъ. Обстоятельства у меня не такія, чтобы веселиться... На душѣ вѣчно... страстная пятница.

Елена Гавриловна вышла отъ Травникова совсѣмъ разстроенная, вынося впечатлѣніе, что у него какое-то огромное горе.

Пасхальная заутреня и обѣдня наступили и прошли, оставивъ за собой свѣтлое, нѣжное, благоуханное воспоминаніе, даже, и пожалуй особенно, въ душѣ тѣхъ, кто не былъ въ церкви, а только издали наблюдалъ за приготовленіями у другихъ, за свѣ-

чами, унизывавшими, какъ свѣтлячки, мирныя, смиренныя паперти и наскоро сколоченные мостки у церквей.

Розговѣнье прошло, какъ всегда, безъ всякой внѣшней церковной или религіозной окраски и настроенія.

Наступилъ первый пасхальный день.

Лыткины, какъ всѣ почти, въ этотъ день встали поздно и поздно пили чай, соединивъ его съ завтракомъ изъ ветчины, крутыхъ яицъ и всякихъ пасхальныхъ яствъ.

Во время этого завтрака вдругъ раздался у нихъ въ квартирѣ звонокъ, и черезъ нѣсколько минутъ въ столовую вошелъ Исаакъ Исааковичъ Травниковъ.

— А-а, дорогой гость,— встрѣтила его Елена Гавриловна, точно сильно обрадовавшись.

Онъ молча подошелъ къ ея ручкѣ, поздоровался съ молодежью, пробормоталъ что-то, что «поздравляетъ съ праздникомъ и пришелъ благодарить за вчерашнее приглашеніе», и сѣлъ къ столу, по лѣвую руку хозяйки.

Во всей фигурѣ его сквозило что-то смущенное, удрученное и трагическое.

«Раненый слонъ, бегемотъ или носорогъ» — опредѣлилъ его послѣ молодой Лыткинъ. На видъ страшень, а на самомъ дѣлѣ, кромѣ сѣна, рѣпы да яблокъ, ничего не ѣсть.

— Не хотите ли кулича, бабы или пасхи? — стали предлагать ему наперерывъ молодыя хозяйки, но онъ ото всего отказался, взялъ только предложенный ему стаканъ чая, потомъ вытянулъ за нимъ по столу руки и нѣкоторое время, не поднимая головы, посидѣлъ молча.

Лыткины начали было уже переговариваться между собою, какъ онъ вдругъ заговорилъ, повертывая голову къ Еленѣ Гавриловнѣ:

— Вотъ вы вчера были-съ у меня, сдѣлали мнѣ эту честь и очень тронули меня, старика. Да-съ, не говорите: полноте. О-очень тронули. Ну-съ, и вы видѣли, какъ я живу. Видѣли? А знаете, отчего я такъ живу? Мнѣ хочется облегчить сердце съ добрыми людьми. Позвольте вамъ рассказать.

— Пожалуйста... пожалуйста! — любезно откликнулись хозяева на всѣ голоса, но старикъ мало обратилъ вниманія на ихъ слова. Казалось, онъ даже не слышалъ ихъ, занятый какими-то тяжелыми думами.

Лыткины невольно переглянулись между собой, а Травниковъ между тѣмъ началъ:

— Видѣли вы здѣсь въ паркѣ лѣтомъ на дальнемъ прудѣ одинокаго лебедя? Видѣли-съ?.. Ну, вотъ этотъ лебедь мнѣ всегда меня напоминаетъ. Такъ же, какъ я, бѣдняга, одинъ! Такъ же, какъ у меня, у него никого!..

Молодые Лыткины переглянулись. Имъ всёмъ и особенно младшей, смѣшливой Варѣ, показалось сравненіе Исаака Исааковича крайне неподходящимъ, почти комичнымъ и говорящимъ только объ огромномъ самомнѣніи и любви къ себѣ старика.

Онъ, грузный и некрасивый, и изящный лебедь!.. Похоже!..

И Варя, боясь, чтобы гость не замѣтилъ ея улыбки, встала и начала выскивать себѣ крашеное яйцо по вкусу, а гость между тѣмъ продолжалъ:

— Да-а! А было время, у меня все, какъ у людей было, и разговѣнье, и домъ, и семья!.. Все, какъ у васъ, и у другихъ... А теперь вотъ...

Голосъ его сорвался, и онъ замолчалъ.

— Да вы, голубчикъ, лучше не рассказывайте!—съ состраданіемъ проговорила Елена Гавриловна.—Мы и такъ все понимаемъ...

Старикъ пригнулъ голову къ стакану. Подбородокъ его дрогнулъ, и судорога, какъ молнія, пробѣжала по лицу, отъ праваго глаза къ лѣвой сторонѣ рта. Казалось, вотъ-вотъ онъ зарыдаетъ, но онъ сдержалъ себя и только покачалъ снизу вверхъ головой.

— Понимаете? Вы думаете, что вы понимаете?.. Нѣтъ, вы ничего не понимаете, не можете ничего понять... Это только тѣ понимаютъ...

Онъ оборвалъ, тряхнулъ головой и черезъ нѣкоторое время снова заговорилъ:

— Вотъ видите вы эти обручальныя кольца?—Онъ поднялъ лѣвую большую, красную, покрытую темными волосами руку съ короткими пальцами и повертѣлъ ею во все стороны.

— Видите? Н-да?—онъ опустилъ лѣвую и поднялъ правую руку.—И эти-съ кольца видите?—Такъ! Ну, въ этихъ кольцахъ все объясненіе причинъ моего нынѣшняго житія. Въ нихъ исторія, такъ сказать-съ, цѣлаго рода. Н-да! Угодно дальше послушать?

Онъ оглядѣлъ всѣхъ своими темными, налитыми кровью, злыми и вмѣстѣ страдальческими глазами и, помолчавъ, продолжалъ:

— Эти—что на лѣвой рукѣ—это папенькины и маменькины кольца, ихъ обручальныя. Я сталъ ихъ носить, когда маменька скончалась. А эти,—онъ показалъ на правую руку,—мои-съ, когда я съ женой повѣнчался.

Онъ снялъ кольца съ правой руки и протянулъ ихъ Еленѣ Гавриловнѣ.

— Вотъ тутъ видите—Исаакій, годъ и число, это женино кольцо, т. е. мое, что я ей далъ. А это ея — Евдокія, годъ и число. Это она мнѣ дала. А гдѣ она теперь? Гдѣ? Знаете? На кладбищѣ, въ могилѣ. Вотъ гдѣ! Ну... да это еще не къ дѣлу. Дѣдъ мой былъ простой крестьянинъ, оттого и зовутъ меня Исаакъ Исааковичъ. Вы, можетъ, думали, что я еврей? Нѣтъ. Отецъ мой родился 3-го августа, въ день Исаакія Далматскаго, и крещенъ былъ

попомъ деревенскимъ, ну и названъ, по его усмотрѣнiю, Исаакомъ. Знаете, какъ у насъ въ деревнѣ имена даютъ?! А меня ужъ маменька по отцу назвала, потому очень отца моего, а своего мужа, обожала. Вотъ и сталъ я Исаакомъ Исааковичемъ называться. Отецъ мой былъ мелкимъ чиновникомъ. Маменька тоже дочь чиновника, а я ужъ въ университетѣ кончилъ и долгое время присяжнымъ повѣреннымъ былъ.. Женился я по любви, глубокой и страстной, на дворянкѣ. Такихъ дѣвушекъ теперь нѣтъ, да и тогда онѣ были въ рѣдкость.—Это, знаете, какъ розы-сантифоли не сразу изъ шиповника вырастаютъ. Тоже культура нѣсколькихъ поколѣнiй.. Нѣжное было что-то въ женѣ моей, тонкое, хрупкое, какъ въ дорогомъ оранжерейномъ цвѣткѣ. А ужъ сердце.. (Онъ, какъ дѣти, раскрылъ объятiя). Весь мiръ хотѣла любить. Прислугу учила читать, писать.. По тюрьмамъ ходила, утѣшала. Нищихъ кормила, обувала, одѣвала... Ну-съ, и отъ этой женщины у меня родился сынъ,—мой сынъ, весь въ меня, богатырь, широкоплечiй, красавецъ! Я вѣдь тоже, какъ молодъ былъ, красавцемъ слылъ. Ну-съ, и растили мы нашего сына съ великой надеждой и радостью.—И по наукѣ, знаете, такъ хорошо выходило. Крестьянская кровь съ дворянскою въ немъ текла, да еще отъ родителей-то, страстно любившихъ другъ друга. Отъ такихъ браковъ вѣдь удивительное потомство со всякими высшими способностями должно происходить! Это по наукѣ-то. Н-да! Неудобно ли портретъ его посмотреть?—перебилъ самого себя Травниковъ.

Онъ съ трудомъ раскрылъ медальонъ, висѣвшiй у него на цѣпочкѣ отъ часовъ и протянулъ цѣпочку съ нимъ Еленѣ Гавриловнѣ.

Круглое, миловидное, дѣтское личико съ подстриженными на лбу свѣтлыми волосами и носомъ пуговкой печально глядѣло съ сѣраго фотографическаго фона.

— Хорошъ? — спросилъ старикъ. — Н-да! — вздохнулъ онъ. — Все счастье въ немъ было! Все! И что за мальчикъ былъ! Умный, ласковый. Войдешь къ нему бывало въ дѣтскую, а онъ бѣжить: папуся, папуся!.. Обнимаетъ, карабкается, пока не дашь ему взобраться на руки. Тогда обхватить шею ручонками и такъ крѣпко-крѣпко прижмется. Шести лѣтъ по-французски и по-нѣмецки говорилъ, читалъ по-русски, какъ большой, совѣмъ было... Да! Сколько надеждъ было!..

Старикъ махнулъ рукой.

— Ну потомъ, такъ лѣтъ десяти, мы его въ гимназiю отдали, сами, молъ, чувствуемъ себя неспособными воспитывать его. Слишкомъ онъ для насъ даровитъ. Пусть тѣ, кто лучше насъ, умнѣе, выше, болѣе знающiе вкладываютъ въ него все высокое, прекрасное, человѣчное... Однимъ словомъ, идейно отдали. Жена еще съ той точки смотрѣла, чтобы не отдалять его отъ сверстниковъ, а напротивъ, научить его съ малолѣтства общественной жизни, по-

казать ему, что онъ такой же, какъ всѣ, а ничуть не особенный, какъ всегда единственнымъ дѣтямъ думается. Ну, поступилъ онъ, товарищей завелъ. Сначала были самые обыкновенные мальченки, потомъ съ IV класса появился новый товарищъ, сирота, сынъ сторожа изъ ихъ же гимназiи. Сталъ онъ часто къ намъ ходить, но все волчкомъ глядѣлъ. Жена его, какъ и всѣхъ, любила, а я нѣтъ. Душа къ нему не лежала. Но разъ какъ-то, было это ужъ въ старшихъ классахъ, ему было тогда лѣтъ девятнадцать, а сыну семнадцатый на исходѣ, чтобы расположить его къ намъ, говорю: «Я вѣдь тоже, говорю, крестьянскiй сынъ. Дѣдъ землю пахалъ». А онъ только посмотрѣлъ на меня, и тонкая усмѣшка проскользнула по его губамъ... Сынъ мой въ немъ души не чаялъ, гениемъ его считалъ, и дѣйствительно способный онъ былъ, хоть и неважно учился. Только въ послѣднемъ классѣ, видимъ, сталъ Мит... сынъ нашъ (поправился старикъ) отбиваться отъ дома. Ну, мы его и такъ, и сякъ. Нѣтъ, не беретъ! Началъ говорить заученными словами: «Вы, говоритъ, лицеѣры. Играете, говоритъ, въ благотворительность. Вы, говоритъ буржуи. По-вашему, говоритъ, и того нельзя, и этого нельзя. Вы душите индивидуальность... Вамъ бы все, чтобы было гладко, аккуратно, золотая середина... А я эту середину вашу ненавижу. Что, говоритъ, сдѣлало ваше поколѣнiе? Ничего. А наше сдѣлаетъ!.. Словомъ, совѣмъ изъ себя выходить сталъ мальчуганъ. Пожелтѣлъ, похудѣлъ, злой, раздражительный сдѣлается... Чуть что, сейчасъ: я собственности не признаю. Жена днями плакать стала.

«Разъ прихожу, а онъ сидитъ въ своей комнатѣ съ товарищами и тотъ съ нимъ, сынъ сторожа. Въ комнатѣ сѣро отъ табачнаго дыма. А самъ онъ и другiе въ рубашкахъ-косовороткахъ, пѣсни поютъ. Ну, въ тотъ же день, только позднѣе, попенялъ ему. Что, молъ, зачѣмъ, къ чему это все?—А онъ, блѣдный такой, опять изъ своего революціоннаго катехизиса слова сталъ выпаливать... Своего, то-есть, видно, ничего! Ну, думаю, нечего на молодого чело-вѣка такъ строго смотрѣть. Сами молоды были, увлекались разными теорiями... Жизнь великая школа... Научить, что вѣрно, что утопiя. И жену еще утѣшалъ. Однако, вскорѣ послѣ этого пошли у насъ плохiе дни: все споры, такiя неприятности, что мы подумывать стали перевести его въ другую гимназiю, даже рѣшились въ провинцiю для этого переѣхать... Да сами знаете, какъ съ молодежью теперь трудно. «Не перейду въ другую! Не поѣду съ вами!.. вотъ и баста»... Ничего не подѣлаешь!.. по крайней мѣрѣ мы ничего подѣлать не сумѣли. Да и то сказать: куда было перевести? Всѣ гимназiи одна, какъ другая, на одинъ ладъ, и такихъ товарищей, отъ которыхъ мы бѣжать хотѣли,—вездѣ сколько угодно!—Ну, и вотъ послѣ одного изъ такихъ споровъ ушелъ нашъ мальчикъ изъ дома, ушелъ и... не вернулся.

Старикъ помолчалъ, опутивъ голову къ столу.

— Да! Не вернулся! вновь заговорилъ онъ. Что мы тутъ съ женой пережили!.. Это тѣ только могутъ понять, у кого такое же несчастье въ семьѣ было.—Ну, полиціи дали знать... думали, отъ отчаянія не сдѣлалъ бы что надъ собой, себя упрекали, что недостаточно мягки съ нимъ были, что надо бы не спорить съ нимъ... И вдругъ, разъ, иду я въ свой денежный шкафъ, открываю,—замокъ все, какъ слѣдуетъ, цѣлъ; смотрю—пусто!.. А надо сказать, тамъ у меня, кромѣ моихъ, еще деньги одного кліента лежали. Уѣхалъ онъ на двѣ недѣли и отдалъ мнѣ на храненіе двѣ тысячи. У меня даже волосы на головѣ зашевелились. Думаю, Господи, что жъ это? Съ ума схожу, что ли?.. Опустилъ руку въ ящикъ, шарю, нѣтъ ни бумажонки!..

Старикъ опять помолчалъ. Пальцы его скрестились, точно дробя что-то твердое.

Въ комнатѣ царила мертвая тишина.

— Н-да!—вздыхнулъ онъ, точно пробуждаясь отъ тяжкаго забытья.—Дальше подробно не стоитъ рассказывать. Скажу одно, что черезъ мѣсяца полтора получили мы отъ полиціи извѣщеніе,—что нашелся нашъ сынъ, задержанъ по извѣстному дѣлу и преданъ военно-полевому суду. Я, разумѣется, тотчасъ полетѣлъ къ нему хотѣлъ, хлопотать, да не тутъ-то было. Почти одновременно съ полицейскимъ извѣщеніемъ получили мы письмо отъ него, отъ сына нашего.

Исаакъ Исааковичъ говорилъ сдавленнымъ голосомъ, тяжело переводя дыханіе.

— Читали вы письмо Софьи Перовской къ матери, предсмертное? — Нѣтъ? — Ну, напрасно. Теперь его каждый гимназистъ и каждая гимназистка IV класса читаетъ.—Нелегальная эта литература, къ сожалѣнію, запретный плодъ только для папенокъ и маменокъ, а дѣтки, мальчики и дѣвочки, преисправно отъ плода этого вкушаютъ за пяточокъ. Ну-съ, такъ вотъ, какъ эта самая Софья Перовская написала матери письмо, такъ такое письмо получили и мы отъ сына нашего—передъ его... (старикъ запнулся) смертью. У нихъ вѣдь все по шаблону, все: и чувства, и великія мысли.

— Не читай я письма Перовской, страшно бы умилился — а тутъ... (Исаакъ Исааковичъ махнулъ рукой) — вспомнилъ только, какъ въ III классѣ учительница, умная, развитая дѣвушка, что и говорить, двѣнадцатилѣтнимъ ребятишкамъ на урокахъ русскаго языка твердила, что всѣ житія святыхъ—апокрифы, потому по трафарету написаны, одно, какъ другое!.. И понялъ я тогда, что мамзель—учительша-то—врала, что невысокой пробы были ея синтезъ да философія,—что есть времена, эпохи, когда люди, занятые одной мыслью, и живутъ, и дѣйствуютъ, и говорятъ по трафарету. —

Раньше насъ сынъ упрекалъ, что мы душимъ его индивидуальность,—а тамъ такъ ее развили, индивидуальность его, что онъ подъ общій уровень босняка сталъ. И не отличить!—Ну, въ письмѣ было сказано: «Простите, молъ, и берегите себя. Я вотъ умираю, мамуля»,—такъ и назвалъ, и Софья такъ свою мать назвала,—«и ни въ чемъ себя виноватымъ не считаю, но понимаю, что съ вашей точки зрѣнія я виноватъ. Простите и не жалѣйте. Право же, не стоитъ». Это тоже вотъ самыя слова Софьи Перовской: «Не жалѣй. Не стоитъ».—А простите за то, что деньги ваши взялъ. «Собственности я не признаю и сдѣлалъ я это обдуманно. Деньги отдалъ на правое дѣло».

— Вотъ и все письмо. Я-то ужъ давно догадывался, что это онъ, сынъ нашъ, насъ обокралъ, а отъ жены скрывалъ. Ну вотъ, какъ получила она это письмо,—прочла его разъ, два и какъ снѣгъ побѣлѣла. Глаза такіе прозрачныя стали, точно не человѣка, а духа. Говоритъ что-то, губы шевелятся, а звуковъ не слышно. Я за докторомъ побѣжалъ. Потомъ, къ вечеру, лучше ей стало. Она подозвала меня, обняла за шею, потомъ велѣла письмо сына себѣ подать.—Я было спряталъ его, но тутъ принесъ его ей. Перечла она его глазами, потомъ встала, велѣла себя до печки довести и кинула письмо въ огонь. А на лицѣ такая странная усмѣшка. Письмо ужъ сгорѣло, а она все стоитъ и шепчетъ что-то. Я нагнулся къ ней, прислушиваюсь, а она говоритъ: «Не стоитъ!.. говоритъ. Какъ ожидала... Какъ святыню... Какъ думать боялась о чемъ-нибудь невысокомъ, какъ ѣла и пила только то, что должно было ему быть во благо, а теперь... не стоитъ!»

Всхлипнувъ, Исаакъ Исааковичъ замолчалъ.

Нѣкоторое время въ столовой царила тишина, какъ въ церкви, когда закрываютъ гробъ покойника, передъ тѣмъ, чтобы унести на кладбище.

— А потомъ какъ же ваша жена? — прошептала Машенька, вытирая слезы.

— Жена? Жена умерла черезъ нѣсколько недѣль,—чуть слышно отозвался Травниковъ. — Схоронилъ я ее и вотъ живу бобылемъ. Вотъ и все-съ. Впрочемъ, нѣтъ,—погладивъ рукой по своему красному темени, продолжалъ старикъ съ жалкой усмѣшкой.— Какъ схоронилъ я ее, поѣхалъ въ деревеньку, гдѣ родился отецъ мой, да дѣдъ, да прадѣдъ, да вся сѣрая мужицкая цѣпь неизвѣстныхъ никому людей, давшихъ мнѣ и моему сыну жизнь. Тоска ужасная грызла, оттого и поѣхалъ. Остановился въ крестьянской избѣ и пошелъ на кладбище къ дѣду на могилу. Онъ самъ себѣ крестъ чугунный поставилъ, при жизни купилъ и держалъ дома у себя въ сѣняхъ. Помню, сильное впечатлѣніе производилъ этотъ крестъ. Не боится, молъ, человѣкъ смерти, здраво на все смотритъ,—съ наивно-высшей и даже художественной точки зрѣнія.

— Ну, пришелъ я теперь,—смотрю: крестъ этотъ стоитъ, прочный, еще не покачнулся, на немъ имя: «Миронъ Травниковъ», а кругомъ бугорки, бугорки, бугорки безъ крестовъ, или съ сгнившими деревянными крестами. Это все могилы тѣхъ старыхъ односельчанъ дѣда, которыхъ и имени-то никто не помнитъ. — Вотъ пришелъ я, стою, да и думаю:

«Гляди, дѣдъ, на внука. Крестъ-то у тебя цѣлъ и имя сохранено: Миронъ Травниковъ, а у другихъ ничего нѣтъ...—Зато есть у нихъ потомство. А ты, дѣдъ, гляди на внука, гляди на барина. Гляди, какимъ бобылемъ его люди добрые сдѣлали. Того ли ты ждалъ, когда копилъ грошъ за грошемъ, чтобы сына въ люди вывести? Того ли ждалъ, когда радовался на невѣстку-барыню? Того ли желалъ, когда на крестинахъ внука писалъ каракулями на задней сторонѣ иконы: унуку моему Исакию благословеніе мое изъ рода въ родъ нерушимое.—Гдѣ родъ твой, дѣдъ? Кого благословлять станешь? Надули тебя, Миронъ Захарычъ! Обманули добрые люди, что сулили тебѣ всякія блага земныя.

Старикъ зарыдалъ и упалъ головой на столъ.

Кн. М. Волконская.

ВЪ ЧОРТОВОМЪ ГНѢЗДѢ.

(Разсказъ изъ жизни русскихъ піонеровъ въ Манчжуріи).

I.

На новосельи.

«На громадномъ протяженіи безлюдной, ненаселенной мѣстности началась особая, лихорадочная жизнь... всего того люда, который желалъ пристроиться при постройкѣ подъ разнымъ видомъ и съ самой разнообразной цѣлью».

Надинъ. «Китайско-Восточная желѣзная дорога».

ЮТАЯ зима въ Сѣверной Манчжуріи. Казалось, хлынувшая изъ обширнаго русскаго царства огромная толпа піонеровъ-«манчжурцевъ» принесла съ собою и трескучіе морозы, и глубокіе снѣга своей суровой родины.

Январскій день угасалъ. Холодные лучи меркнувшаго солнца печально скользили по обнаженнымъ вершинамъ горъ, молча обступившихъ безлюдную равнину. Уже становилось совершенно темно въ томъ концѣ ея, гдѣ два хребта, какъ мощные тиски, сжимали рѣчушку, образуя трудный перевалъ черезъ горный кряжъ. Лѣтняя жизнь равнины замирала подъ ударами мороза, который къ ночи еще пуще свирѣпѣлъ. Только тамъ, у самаго входа въ перевалъ, въ складкѣ горнаго кряжа, еще замѣчалось движеніе. Тутъ сѣрѣли два странныя

зданьяца: одно, низкое и широкое, совсѣмъ заступало дорогу, ведущую черезъ перевалъ на ту сторону кряжа; а другое, словно

испуганное дитя къ матери, приникло къ темному отрогу. Въ небольшомъ оконцѣ перваго маячилъ слабый огонекъ; время отъ времени входили и выходили изъ двери его люди; а второе строеніе не обнаруживало присутствія человѣческаго... Скоро и слабый огонекъ замеръ. Мракъ ночи поглотилъ все живое. Глухая равнина съ молчаливыми горами пышно купались и кутались въ невыразимо-томительной тишинѣ.

Но вотъ въ чуткомъ воздухѣ понеслись какіе-то странные звуки: не то галдѣла разнорѣчивая толпа, не то фыркали животныя, не то глухо звякали звонки, не то скрипѣли немазанныя колеса. Смутный шумъ этотъ шелъ съ юга, оттуда, гдѣ раскинулся Харбинъ.

Вскорѣ по дорогѣ въ Хайларъ показался обозъ. Густо-темною, огромною полосой, протянулся онъ по равнинѣ, одѣтой бѣлымъ снѣжнымъ покровомъ. Поѣздъ приближался къ вышеупомянутымъ двумъ страннымъ зданьямъ.

— Ге-эй!—раздалось съ первой, манчжурскаго образца арбы:—кто тамъ есть? Выходите!

— Кто пріѣхалъ?—спросилъ громко хриплый басъ, и у дверей придорожнаго строенія появилась рослая фигура въ нагольномъ тулупѣ, косматой папахѣ, съ ружьемъ въ одной и съ фонаремъ въ другой рукѣ.

— Свои!—закричало ему въ отвѣтъ нѣсколько голосовъ съ другихъ арбъ-двуколесокъ.

— Гдѣ Савиновъ или Петинъ?—громко спросилъ голосъ съ первой арбы.—Позови ихъ сюда!

Но въ это время отъ втораго зданія бѣжало нѣсколько человѣкъ, мелькая въ темнотѣ ночи блѣдными огоньками фонарей. За людьми бѣжали съ громкимъ лаемъ собаки.

— Ахъ, слава тѣ, Христе Боже, Александръ Александрычъ пріѣхали!—закричалъ пискливымъ голоскомъ появившійся юркій человѣчекъ.

— Здравствуй, Петинъ!—отвѣтили ему путники.

— Ахъ, Господи Боже мой!—пищаль Петинъ, бѣгая отъ арбы къ арбѣ и присматриваясь къ прибывшимъ при тускломъ свѣтѣ фонаря:—и Катечка пріѣхали, и Грунечка здѣсь, и Константинъ...

— Чего ахаешь зря!—окрикнулъ его грозно тотъ же голосъ съ передовой арбы.—Покажи, куда подѣзжать, да распорядись подводы караулить: разберемся завтра.

Не прошло и полчаса, какъ огромный обозъ піонера-манчжурца, подрядчика Коровицкаго, расположился во дворѣ, передъ домикомъ, просившимъ защиты у огромной скалы. Во всѣхъ оконцахъ его засвѣтились огоньки. У арбъ медленно копошились китайцы-возчики, отпрягая муловъ, ословъ и лошадей-манчжурокъ и перекидываясь изрѣдка другъ съ другомъ гортанными отрывочными словами.

Юркая фигурка Петина, мелькая фонаремъ, появлялась то у одной, то у другой арбы и пискливымъ голоскомъ командовала:

— Эй, ходя, цуба отсюда ма! ¹⁾ Теперь ходи кушай. Другой солнце считать вещи будемъ: ига, санга, сыга... Тунда? путунда? ²⁾

Китайцы-возчики добродушно улыбались изъ-подъ своихъ собачьихъ, съ огромными наушниками шапокъ и повторяли: шанго, шанго! ³⁾

Въ это время внутри домика кипѣла жизнь. Освѣщенная двумя стеариновыми огарками, вставленными въ пивныя бутылки, большая комната, съ недавно настланнымъ поломъ, сверкавшимъ дѣвственной бѣлизной, съ плохо очищенными отъ коры бревенчатыми стѣнами, съ торчащимъ изъ щелей сѣномъ вмѣсто пакли, произвела на трехъ путниковъ и ихъ спутницъ удручающее впечатлѣніе.

— Вотъ такъ хоромы припасъ ты для насъ!—сердито говорила одна изъ нихъ, сбросивъ съ плечъ просторную оленью доху и разматывая многочисленные платки и шарфы, которыми закутана была ея голова.—Уже цѣлый мѣсяцъ, какъ выѣхали изъ Хабаровки, ты мытарилъ насъ по вонючимъ манзовскимъ фанзамъ ⁴⁾, по холоднымъ нарамъ и канамъ ⁵⁾, а такой гадости и мерзости я еще не видала! Ты говорилъ, что домъ построили, и все приготовлено къ нашему приѣзду, а привезъ насъ въ какой-то сарай.. Ну, погляди ты своими буржулами на это сѣно, что блеститъ при свѣчахъ обмерзшимъ паромъ, на эти оконца съ заиндивѣвшими стеклами, на эти подоконники съ висящими, какъ бахрома, сосульками! Это чортъ знаетъ что такое!

— Не кипятись прежде времени, Инночка!—спокойно возразилъ ей мужчина, сидѣвшій въ шведской курткѣ и огромныхъ валенкахъ на табуретѣ.—Сейчасъ узнаемъ, отчего такой беспорядокъ, когда я отдалъ Савинову и Бородѣ распоряженіе все устроить.

— И вѣчно ты, Александръ Александровичъ, пустословишь! — крикнула ему, приводя волосы въ порядокъ, та же спутница: «приказалъ», «приказалъ», а что толку изъ твоего приказа?!

Въ это время остальные спутники грѣлись у разгорѣвшейся желѣзной печки. Приятно было ощущать тепло послѣ продолжительнаго пребыванія на жестокомъ морозѣ. Дрова изъ сухой лист-

¹⁾ Появившіеся въ Манчжуріи русскіе быстро приспособили особый жаргонъ, изъ русскихъ и манчжурско-китайскихъ словъ, для объясненія. Приведенная фраза значитъ: Убери, пріятель, отсюда лошадей!

²⁾ Идите теперь кушать. Завтра сосчитаемъ вещи: одинъ, два, три и т. д. Понялъ или не понялъ?

³⁾ Хорошо, хорошо!

⁴⁾ Китайскій домъ.

⁵⁾ Нары—канъ—главная часть китайскаго дома. Это помость, подъ котормъ проведена труба отъ печи. На немъ китаецъ и спитъ, и ѣдять.

венницы ярко пылали; желѣзная труба щелкала, накаляясь, и съ сосулекъ на подоконникахъ закапали на полъ чистыя капли.

— Эй, бойка ¹⁾, — приказаль хозяинъ: — сбѣгай, позови сюда Петина.

Пятнадцатилѣтній китаецъ въ синей ватной кофтѣ и такихъ же наколѣнникахъ скрылся за дверью, а черезъ четверть часа въ ней показался юркій человѣчекъ съ фонаремъ. Рысья шапка съ наушниками закрывала почти все лицо его; на плечахъ мѣшкато сидѣлъ овчинный пиджакъ. Онъ кашлянулъ въ руку и заискивающе спросилъ:

— Вы меня изволили спрашивать, Александръ Александрычъ?

— Послушай, Петинъ, — отвѣтилъ послѣдній, стараясь придать своему голосу побольше строгости: — почему здѣсь такой непорядокъ? Квартира не готова, не топлена...

Петинъ снялъ шапку, и его бритое, худое, съ длиннымъ носомъ и узенькими карими глазками лицо изобразило сильное огорченіе.

— Всѣ непорядки завели здѣсь довѣренный Савиновъ, — отвѣчалъ онъ, склонивъ голову и почесывая затылокъ правой рукою. — Послѣ вашего отѣзда отседова, черезъ мѣсяцъ мѣста, они ушли-съ.

— Какъ, отчего ушелъ?

— Неизвѣстно почему-съ, но ушли. Забрали коней пару наилучшихъ, два ящика съ водкою да сотни двѣ конторскихъ денегъ и уѣхали.

— Что жъ смотрѣлъ Борода?

— Борода имъ говорили, чтобы они обождали вашего прибытія, но тѣ и слушать ничего не захотѣли.

— Куда жъ онъ уѣхалъ? — спросилъ хозяинъ, распахнувъ шведскую куртку, такъ какъ ему вдругъ стало душно.

— Сказывали въ конторѣ инженера, что подались въ Стрѣтенскъ.

— Хорошаго довѣреннаго нашелъ вамъ Александръ Александровичъ, язва васъ всѣхъ переязви! — прошипѣла, вся покраснѣвъ отъ злости, хозяйка, обращаясь къ Петину.

— Иди, Петинъ, — приказаль хозяинъ: — завтра я разберу дѣло, а теперь живо тащи самоваръ, давай умыться, а тамъ постели стлать здѣсь же на полу.

Петинъ тихо юркнулъ изъ комнаты, сильно хлопнувъ входною дверью.

— Ну-ка, дѣвочки, — обратился хозяинъ къ двумъ другимъ спутницамъ: — принимайтесь за чайничанье.

Пора представить читателю тѣхъ лицъ, которымъ придется занять его вниманіе на протяженіи многихъ страницъ настоящаго разсказа.

Хозяинъ, еще нестарый и плотный мужчина, Александръ Александровичъ Коровицкій, уже много лѣтъ скитался по различ-

¹⁾ Названіе китадца-лакея.

нымъ дебрямъ Пріамурья, въ качествѣ подрядчика при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Когда въ Петербургѣ безповоротно рѣшили соединить Забайкальскую желѣзную дорогу съ Владивостокомъ черезъ Сѣверную Манчжурію, и когда образовано было частное акціонерное общество Китайско-Восточной желѣзной дороги, онъ, благодаря знакомству съ инженеромъ Горячовымъ, получилъ предложеніе взять работы на одномъ изъ участковъ. Чувъ хорошее и крупное дѣльце, Коровицкій остановилъ свой выборъ на томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ пройти туннель. Это—мѣсто, получившее вскорѣ за свои удобства прозвище Чортова гнѣзда. Сюда подрядчикъ рѣшилъ перевезти и свою нелегальную семью, состоявшую изъ двухъ дочерей и сына.

«Походная» жена Коровицкаго Инна Гавриловна, простая уссурійская казачка, сумѣла, ставъ «барыней», забрать въ руки безпечнаго и слабовольнаго подрядчика. Съ энергіею и умомъ, эта «баба» сдѣлалась правою рукою во всѣхъ предпріятіяхъ подрядчика, копя деньги для своихъ дѣтей, прижитыхъ съ временнымъ мужемъ, у котораго сидѣла во Владивостокѣ законная жена съ четырьмя дѣтьми. Выбившись въ люди среди дикой природы Уссурійскаго края, она не скрывала своей любви къ жизни на новыхъ мѣстахъ, тѣмъ болѣе, что эти мѣста давали широкой просторъ ея нраву, за который домашніе звали ее «холерою» и «вѣдьмою».

Больше всѣхъ чувствовала на себѣ ея тяжелую руку ея старшая дочь Груня. Впрочемъ, долго жившіе у Коровицкаго люди отрицали, что Груня—родная дочь Инны Гавриловны. «Не могла бы родная мать,—говорили они,—такъ тиранить дочку свою, какъ тиранить Инна Гавриловна Груню!»

Немного больше любила Инна Гавриловна своего сына Костю, который многому учился и у многихъ учителей, но вѣчныя скитанья родителей служили тѣми «независящими обстоятельствами», въ силу которыхъ онъ къ восемнадцати годамъ выросъ наивнымъ недорослемъ.

— Вотъ Катюшу любить мама!—говорила вся дворня.—Ежели барышня и птичьего молока пожелаютъ, мамашенька имъ достанутъ, слова не скажутъ!

Катюша одна была послѣ денегъ дороже всего для Инны Гавриловны. Къ этой избалованной «строительскою средою» дѣвчкѣ-подростку «холера» и «вѣдьма» питала какую-то стихійную, слѣпую любовь.

Причудливый случай забросилъ въ эту семейку отставнаго моряка Ляпунова, который уже девять лѣтъ числился учителемъ при дѣвицахъ Коровицкаго, хотя очень часто исполнялъ и другія обязанности.

Коровицкій очень дорожилъ Ляпуновымъ, какъ бывалымъ челоукомъ, который всегда могъ составить приличную компанію

господамъ инженерамъ, докторамъ, военнымъ и штатскимъ чиновникамъ по части ли штоса, «макашки», «винтика», или по части жестокаго похода противъ шампанскаго. Травленный волкъ, подрядчикъ сознавалъ всю важность угощенія съ шикомъ для всякаго начальства, которое могло вредить при сдачѣ подрядныхъ работъ.

Вѣчно веселый рассказчикъ, любитель выпить «по единой тоцію», безпечный, какъ птица небесная, Ляпуновъ былъ необходимымъ поэтическимъ придаткомъ къ семьѣ Коровицкаго, въ которой царяла неугасимая жажда урывать лакомые кусочки отъ каждаго крупнаго денежнаго дѣльца.

На другой день съ ранняго утра началась необыкновенно кипучая дѣятельность въ поселкѣ подрядчика Коровицкаго.

— И что ты за народъ собралъ!—выговаривала сердито мужу Инна Гавриловна:—жуликъ на жуликѣ, лѣнтяй на лѣнтяй!

— Да ты не сердись, Инночка,—ласково уговаривалъ ее мужъ:—пойми, что сюда трудно и залучить хорошаго человѣка. Я набиралъ служащихъ спѣшно: тутъ надо строиться, тутъ лошадей покупать, а тамъ на Бикинѣ дѣла стояли! Осмотримся и подберемъ себѣ рать молодцевъ подходящихъ. Вѣдь ты у меня молодецъ: сразу нужнаго человѣчка увидишь и къ себѣ перетянешь!

— У! идоль красноносый!—отшутилась Инна Гавриловна съ улыбкой:—самъ ничего не смыслишь сдѣлать, только языкомъ своимъ мелешь!

— Ты вотъ что,—прервала она себя серьезно:—надо кончить съ Бородой.

— То-есть какъ кончить?—удивленно спросилъ Коровицкій жену.

— Такъ, что его въ зашей отсюда выслать! Какой онъ довѣренный, ежели хозяйскаго добра не доглядѣлъ!

Вскорѣ явился въ комнату Борода, лѣтъ шестидесяти старикъ, въ синихъ очкахъ на носу, въ ватномъ пальто и валенкахъ.

— Что вамъ угодно, Александръ Александрычъ?—спросилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Хотѣлъ узнать отъ васъ подробности ухода Савинова, да кстати пожурить васъ за плохую распорядительность и медленность...—Коровицкій совѣмъ смѣшался, не зная, что еще сказать жесткаго своему служащему.

— Что я съ нимъ, съ этимъ Савиновымъ, подѣлать могъ! Какъ узналъ, что китайцы двухъ рабочихъ убили, такъ испугался и уѣхалъ.

— А деньги зачѣмъ же ему дали?—вставила свое слово Инна Гавриловна, которую давно подмывало скорѣе кончить съ Бородою.

— Какъ же не дать, ежели онъ ихъ заслужилъ?—возразилъ ей Борода.—При томъ я не зналъ, что ему денегъ нельзя давать безъ хозяина.

— Такъ вы, можетъ быть, не знаете того, кто мнѣ возмѣститъ убытки по перевозкѣ моего добра изъ Никольска-Уссурийскаго?— вскипѣла хозяйка.—Вы, можетъ, не знаете и того, какъ потерялся мой персидскій коверъ въ транспортѣ, вамъ порученномъ?

— Это не моя вина, Инна Гавриловна, — спокойно отвѣтилъ Борода, видимо сдерживая себя:—его возчики потеряли.

— Какъ не ваша вина? Вамъ поручили транспортъ съ товаромъ на десять тысячъ для доставки сюда, вамъ за это платили по полтора ста рубликовъ въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ, а вы говорите, что не ваша вина? — запальчиво произнесла хозяйка, ставъ передъ старикомъ и пронзая его своими зеленоватыми, злыми глазами.—Кому жъ было смотрѣть за хозяйскимъ добромъ, какъ не вамъ, господинъ довѣренный? То-то, смотрѣть за дѣломъ не можете, а чай да водочку на станціяхъ пить умѣете!

— Пили за свои, а не за чужія!—дерзко проговорилъ Борода.

— И чортъ съ вами, что пили, но зачѣмъ добра хозяйскаго не смотрѣли? Кто мнѣ за мѣшокъ вермишели деньги заплатитъ, что пропалъ съ ковромъ,—тоже возчики?

— Никто, какъ они.

— Зачѣмъ же вы ихъ разочли, ничего съ нихъ не высчитавъ за потерянное.

— Не зналъ условій подряда.

— То-то и то, что ничего вы не знаете, язва васъ язви!—завопила гнѣвная хозяйка.

— Тише, тише, Инночка!—умолялъ мужъ.

— Чего тише? Тутъ грабятъ, а ты совѣтуешь молчать?—бросила она Коровицкому и снова принялась за старика, который сдѣлался, какъ кумачъ, весь красный.

— Такъ вы ничего не знали? А знали ли вы, господинъ довѣренный, что не годится при хозяйскомъ товарѣ свой имѣть и продавать его?

— У меня заваль-платки были, ну, я и продалъ ихъ, — спокойно и нерѣшительно отвѣчалъ Борода.

— Что врать-то! Развѣ я не знаю, что и водочку имѣли и консервики-съ!

— Ну, г. Борода,—прервалъ хозяинъ:—послѣ всего здѣсь происшедшаго прошу васъ получить расчетъ—и съ Богомъ!

— Сдѣлайте одолженіе!—обрадовался старикъ.

— Какой тамъ расчетъ!—воскликнула Инна Гавриловна.—Коверъ триста рубликовъ стоилъ, его утерали и еще расчетъ! Дай этому проходимцу на дорогу до Благовѣщенска—и кончены счеты.

Черезъ часъ неутомимая хозяйка сидѣла въ лавочкѣ и вела бесѣду съ Иваномъ Семеновичемъ Кубинцевымъ, своимъ довѣреннымъ.

Проскитавшись около двухъ десятковъ лѣтъ по дебрямъ Уссурийскаго края, Инна Гавриловна прибрѣла сноровку наживать

деньгу. Параллельно съ работою мужа она вела свое дѣло: она открывала лавочку для удовлетворенія нуждъ рабочаго люда. Зная по опыту, что въ глухомъ, дикомъ мѣстѣ, при хорошихъ заработкахъ, человѣкъ готовъ отдать рубль-два лишнихъ за то, что ему необходимо, она и здѣсь завела торговлю. Она на рѣкѣ Бикинѣ пережила время, когда фунтъ хлѣба цѣнился дороже золота, котораго ѣсть нельзя, и потому рѣшила устроить и хлѣбопекарню.

И это скромное на видъ предпріятіе поглощало всѣ душевныя силы, всѣ думы «холеры» и «вѣдмы».

— Ты тамъ заработаешь ли еще, или нѣтъ,—грустно говорила она мужу:—а лавочка свое дѣльце сдѣлаетъ: дашь мнѣ пять тысячъ въ оборотъ, сдѣлаю десять за годъ!

И дѣлала, да еще какъ дѣлала!

Скромная на видъ, лавочка изумляла разнообразіемъ товаровъ и могла заткнуть за поясъ любой универсальный магазинъ. Чего-чего тутъ только ни было! Хлѣбъ, мясо, рыба, всевозможные консервы—отъ николаевской кѣты до санъ-францисскихъ вишенъ и сингапурскихъ ананасовъ, — чай, сахаръ, кофе, керосинъ, свѣчи, деревянное масло, уксусъ, разныя пряности, до кайенскаго перца включительно, глиняная и металлическая посуда, самовары, обувь и кожа, платье и бѣлье, красный товаръ и галантерея, словомъ все, что нужно прихотливому и неприхотливому потребителюскому желудку, — все это стояло, лежало на полкахъ, въ ящикахъ и ящичкахъ, бочкахъ и боченкахъ, или лежало зарытое въ снѣгу и прикрытое цыновками. Но больше всего мѣста отведено было для водокъ и наливокъ, ликеровъ и винъ.

— Ты, Иванъ Семенычъ, съѣздишь бы съ Костей на гору¹⁾ и поразвѣдалъ бы, что и какъ требуется въ торговишкѣ Кувалдаева и Либровича,—говорила хозяйка, сидя за небольшою перергородкой, гдѣ незвыскательный Кубинцевъ соорудилъ себѣ изъ товарныхъ ящиковъ ложе, столъ и три-четыре табурета.

— Съ нашимъ большимъ удовольствіемъ, Инна Гавриловна!—отвѣчалъ заискивающе приказчикъ.

— Смотри же, осторожненько, этакъ исподволь выпроси цѣны на всякій товаръ; можно чего и купить, ежели прямо не откроютъ. Намъ здѣсь придется брать на копеечку, полкопеечки дешевле за товаръ, кой и у нихъ въ изобиліи: это спервоначалу, для приманки публики, покупателя требуется, ну да и конкуренція малая выйдетъ... На хлѣбѣ все остальное покроемъ: вѣдь его ни у кого нѣтъ, окромя насъ да казны²⁾, такъ тутъ съ покупателемъ церемоніи разводить нечего.

¹⁾ «Горой» называлась сѣверная, гористая часть перевала, иначе называемая «Большое Чортово гнѣздо».

²⁾ Въ Большомъ Чортовомъ гнѣздѣ помѣщалась «казна», т. е. хозяйственныя постройки и склады, устроенныя на средства акціонернаго общества Ки-

— Позвольте-съ, Инна Гавриловна, доложить-съ вамъ, что Либровича и Кувалдаева намъ опасаться нечего-съ! — скромно заявилъ Кубинцевъ, краснѣя отъ подступившаго приказчиьяго задора и перебирая пальцами правой руки свои русые кудри, досадно лѣзшіе на глаза. — Намъ съ опаскою-съ слѣдуетъ глядѣть-съ на купцовъ-манзовъ: они намъ свинью-съ поднести могутъ! Вы то извольте сообразить, Инна Гавриловна, что они тутъ продѣлываютъ-съ! Чи-фан-тай, примѣромъ сказать, продаетъ фунтъ Бобринскаго по двадцать пять копеекъ-съ, когда онъ намъ самимъ обходится въ такую цѣну съ провозомъ!

— Ну, ежели сюда зайвится какой манзовскій купеза, то его мигомъ спровадимъ отседова!—энергично рѣшила подрядчица.

— Окромя того, манзы-купцы и другую обиду намъ чинятъ, Инна Гавриловна,—не унимался Кубинцевъ, двадцатилѣтній молодецъ: — ханшину¹⁾ много-съ имѣютъ! Вѣдь имъ, косымъ зайцамъ, ящикъ ханшину грошъ стоитъ, провозъ свой, вотъ они и продаютъ его чуть не даромъ: ящикъ ведра въ два съ половиною продаютъ по пяти съ полтинкою-съ?!

— Да развѣ этотъ ханшинъ вонючій кто пьетъ?—удивилась хозяйка.

— Еще бы не пить! Всѣ пьютъ, особливо рабочіе! Ему, рабочему, ежели знать желаете, выгодыѣ ханшину и питья нѣту! Дешево-съ—разъ, пьяно и выгодно пьяно—два. Вы то разсудите, что рабочему нашему наипаче отъ питія хмелю-съ хочется, ну, а «ханша» хмельна не только тогда, какъ ее пьютъ, но и на другой день, ежели воды натошакъ хлебнуть. Стало и выходитъ, что бутылка ханши этой поганой по хмелю-съ двумъ бутылочкамъ водочки-съ равняется, вотъ оно что-съ!

Инна Гавриловна въ отвѣтъ только тяжело вздохнула, ибо противъ такого дьявольски обиднаго для ея стязательной души свойства ханшина не могла придумать средствъ борьбы.

— Впрочемъ, не извольте беспокоиться: мы этихъ манзовъ выживемъ самымъ скорѣйшимъ манеромъ. Вотъ только бы вы, Инна Гавриловна, помогли мнѣ въ одномъ вопросѣ.

— Что тамъ еще задумалъ?—спросила хозяйка, особенно любовно взглянувъ своими зелеными глазами на свою «правую руку».

— Да вотъ хотѣлъ просить васъ дать мнѣ въ помощь Карпова-съ.

тайско-Восточной желѣзной дороги. Тутъ же жилъ начальникъ участка. Въ складахъ хранились инвентарь и продукты, продававшіеся служащимъ по болѣе дешевымъ цѣнамъ, чѣмъ у частныхъ торговцевъ.

¹⁾ Китайская водка изъ особаго рода пшеницы—майцзы; плохая перегонка сообщаетъ ей неприятный запахъ. Китайцы пьютъ ее, слегка подогрѣвъ. При отсутствіи у китайцевъ стекла и боченковъ, ханшинъ продается въ плотно сбитыхъ деревянныхъ ящикахъ.

— На что тебѣ этотъ жиганъ понадобился?—сердито спросила она:—онъ помогать тебѣ не станеть, а будетъ съ Грунькой шуры-муры водить да чай распивать!

— Напрасно вы, Инна Гавриловна, такъ низко понимаете Карпова-съ,—мягко возразилъ ей Кубинцевъ.—Онъ парень самый дѣловитый-съ. Также напрасно вы говорите-съ касательно любовныхъ чувствій его къ Аграфенѣ Александровнѣ-съ. Онъ ихъ оченно уважаетъ-съ, такъ-то.

— Есть за что уважать-то эту язву!—гнѣвно воскликнула хозяйка, но быстро спохватилась и мягче сказала:—Ну ихъ къ дьяволу, и Груньку и Карпова! Бери, ежели тебѣ полюбился такъ этотъ прохвостъ!

— Очень и очень благодаренъ вамъ, Инна Гавриловна-съ. Такъ ужъ соблагодолите-съ приказать въ конторѣ, чтобы Карпова зачислили по лавкѣ скорѣе: тутъ потребуется товаръ распаковать-съ, реестрикъ-съ новымъ требованіямъ въ Цицикаръ составлять-съ и прочее такое... чтобы заминки въ торговлѣ не произошло...

— Ладно, ладно, скажу сегодня, и все по-твоему сдѣлается!—отвѣтила хозяйка, уходя изъ магазина.

II.

На порогѣ къ дѣлу.

«Что это была за жизнь, что за нравы и порядки установились тамъ,—объ этомъ можно написать цѣлую книгу. Здѣсь выработался особый типъ, получившій кличку «манчжурецъ».

Тамъ же.

Большое Чортово гнѣздо находилось на сѣверномъ склонѣ хребта, черезъ который предположенъ былъ туннель. Здѣсь на большомъ, ровномъ возвышеніи, нѣсколько въ сторонѣ отъ проѣзжей дороги въ Хайларъ, разбросался, словно камаринскій мужикъ о масленой на улицѣ, внушительный поселокъ. Тутъ красовался домъ начальника участка; противъ него вытянулась приземистая канцелярія его, телеграфъ и почтовая контора, чертежная и казначейство; далѣе темнѣли два ряда неуклюжихъ казармъ охранной стражи съ изящнымъ домикомъ командира ея, временная церковка и коновязи. Огромные склады казеннаго добра замыкали поселокъ, гдѣ всегда было шумно и людно. Въ одинъ изъ февральскихъ дней, когда яркіе лучи манчжурскаго солнца играли разноцвѣтными блестками на безпредѣльной снѣжной пеленѣ, въ одиннадцать часовъ утра въ канцеляріи начальника участка разыгрывалась

извѣстная музыка «манчжурцевъ»: «денегъ, денегъ дай, а успѣха не ожидай»... Въ кабинетѣ начальника за письменнымъ столомъ, заваленнымъ всякими дѣловыми бумагами, сидѣлъ мужчина лѣтъ тридцати пяти, съ блѣднымъ лицомъ, темно-русою бородою и такими же усами; на высокомъ, открытомъ лбу его то сходились, то расходились сотни морщинъ и морщинокъ. Передъ нимъ стоялъ сильный и крѣпкій брюнетъ, отъ роскошной шевелюры котораго, толстыхъ, пунцовыхъ губъ и румяныхъ щекъ такъ и били ключомъ здоровье и упитанность.

Брюнетъ этотъ за короткое пребываніе свое въ Большомъ Чортовомъ гнѣздѣ сталъ извѣстенъ не только среди русскихъ, но и китайцевъ. Это—мясоторговецъ, покупавшій на казенный авансъ у бродячихъ монголовъ скотъ и барановъ и поставлявшій мясо въ «казну» и на охранную стражу.

Почуявъ чуткимъ нюхомъ аппетитный запахъ «жаренаго», выкременный еврей Либровичъ появился въ Большомъ Чортовомъ гнѣздѣ съ самыми заманчивыми планами «устроить свою форгуну». Началъ онъ стараніемъ забрать въ свои руки начальника участка, характеръ котораго онъ ясно видѣлъ.

Если хорошее начало—половина дѣла, то Либровича можно было поздравить съ успѣхомъ, ибо онъ первый выпадъ сдѣлалъ поразительно удачно.

— Аркадій Павлычъ—вотъ какъ бережетъ интересы «казны»!—признавался онъ самому себѣ:—надо его и поддѣть на этомъ конькѣ. А разъ онъ увѣруетъ въ мою горячую преданность «казнѣ», то онъ въ моихъ рукахъ.

На правахъ первенства Либровичъ захватилъ въ свои руки всю торговлю въ Большомъ Чортовомъ гнѣздѣ, т. е. онъ, кромѣ мяса, содержалъ лавочку и кабачокъ. Появленіе въ Маломъ Чортовомъ гнѣздѣ Коровицкаго съ его лавочкою, о которой быстро стало извѣстно во всемъ околоткѣ, не давало Либровичу покоя: онъ рѣшилъ убить соперника, расширивъ свои торговые операціи на казенныя деньги.

— Вы всегда, г. Либровичъ, поете одну пѣсню: «дайте денегъ!» а вы сосчитали когда-нибудь, сколько взято вами изъ казны?—выкрикивалъ хриплымъ голосомъ начальникъ участка Горячовъ.

— Помируйте, господинъ начальникъ! Что значитъ, что я взялъ у казны десять тысячъ?! Развѣ я ихъ для себя взялъ? Я ихъ забралъ для мяса, которое поставляю вашимъ же людямъ! Вотъ если бы я мяса не давалъ вашимъ служащимъ, тогда выходило бы, что я взялъ деньги для себя!

— Странныя разсужденія!—проговорилъ Горячовъ, смягчая голосъ:—какъ же вы можете не доставлять въ казну мяса, когда запрядались быть мясоторговцемъ. Тогда я выслалъ бы васъ за предѣлы участка. Ежели я говорю, что вы взяли деньги изъ

казны, то говорю не безъ основанія: какую вы цѣну назначили за пудъ мяса? а? четыре рубля, когда оно вамъ обходится не дороже двухъ!

— Накажи меня Господь, ежели оно стоитъ мнѣ дешевле трехъ съ четвертакомъ!—возразилъ Либровичъ, опустивъ глаза къ носкамъ своихъ валенокъ, обтянутыхъ кожей.

— Конечно, можетъ быть, оно и обходится вамъ по три съ четвертью, если исключить кожу, голову и внутренности съ жиромъ,—не безъ ядовитости замѣтилъ инженеръ.—Эхъ, вы, умники, коммерсанты! думаете, что начальникъ все пьянствуетъ, такъ ничего сообразить не можетъ.

— Богъ вамъ судья, Аркадій Павлычъ,—жалобно взмолился мясоторговецъ:—кому, кому, а вамъ, кажись, извѣстно, что я всегда за казну распинаюсь! Кто, какъ не я, обнаружилъ вамъ плутни десятника Лаврентьева?

— За то, что сдѣлали добро «казнѣ», кажется, вы получили достаточное вознагражденіе: вамъ же отдалъ я весь конфискованный у Лаврентьева ромъ.

— Не жалуясь, заработалъ, благодаря вашей ласкѣ!—покорно отвѣтилъ хитрый выкрестъ.

— И еще заработаете не разъ, если будете открывать злоупотребленія.

Хитрая улыбка скользнула по пунцовымъ губамъ мясоторговца.

— И что вы, Аркадій Павлычъ, думаете, что я къ вамъ съ пустыми руками сегодня пришелъ?—не безъ скрытой радости проговорилъ онъ, пожирая глазами начальника.

— А что тамъ такое случилось?

— Да вотъ десятникъ Фадѣевъ невѣдомо откуда набралъ бродней и потихоньку торгуетъ ими. Сдается, онъ снюхался съ кладовщикомъ Григорьевымъ.

— И давно онъ эту торговлю ведетъ?

— Съ недѣлю мѣста будетъ.

— Вотъ что, Либровичъ!—громко сказалъ, нахмутивъ брови и глядя въ упоръ, Горячовъ:—раскроете эту плутню, накроете Фадѣева съ поличнымъ, все, что у него найду, назначу въ продажу съ торговъ въ вашу пользу!

Глаза его гнѣвно сверкнули, выдавая внутреннее волненіе: онъ горѣлъ нетерпѣніемъ поскорѣе накрыть «подлецовъ» и разнести ихъ въ пухъ и прахъ.

— Безъ копеечки сдѣлаю все для «казны!»—воскликнулъ горячо Либровичъ.—Но, прошу васъ, Аркадій Павлычъ, выручите изъ бѣды: мнѣ до зарѣзу требуется тысяченокъ пять-шесть.

— Сперва свое дѣло сдѣлаете, тогда и поговоримъ! До свиданія!—рѣзко оборвалъ его инженеръ и кивкомъ головы отпустилъ домой.

Бочкомъ выходя изъ кабинета начальника участка, Либровичъ чуть не столкнулся съ Коровицкимъ.

— А, Александръ Александровичъ! — весело привѣтствовалъ Горячовъ новаго посѣтителя:—какими судьбами вы забрели къ намъ?

— Здравствуйте, Аркадій Павлычъ, — отвѣчалъ подрядчикъ, пожимая протянутую руку.

— Садитесь, пожалуйста, поближе да расскажите, что и какъ у васъ подѣлывается?

— Спасибо,—отвѣтилъ Коровицкій, опускаясь грузнымъ тѣломъ своимъ на стулъ у письменнаго стола.

— Что жъ вы подѣлываете? Устроились въ здѣшнихъ палестинахъ?

— Помаленьку подвигаемся къ дѣлу, Аркадій Павлычъ, да вотъ остановка за деньжонками.

— Я полагалъ, что деньги нужны только господамъ Либровичамъ, а оказывается, что и Коровицкимъ онѣ не лишни,—не безъ ироніи отвѣтилъ начальникъ.

— И дивно ли это!—воскликнулъ подрядчикъ:—сами знаете, что весна подходитъ, работы земляныя начнутся, а теперь надо подготавливаться, рабочихъ рядить, инструментъ припасать...

— Всѣ вы кричите, что работы скоро начинать будете, всѣ денегъ просите, а гдѣ работы? Нѣтъ ихъ! Зато разные Лаврентьевы ромомъ торгуютъ, а Фадѣевы съ Григорьевыми бродни изъ казны уворованные продаютъ!

Горячовъ снова впадалъ въ раздраженіе.

— Напрасно изволите вы, Аркадій Павлычъ, все близко къ сердцу принимать,—съ удареніемъ, но спокойно остановилъ волнующагося начальника подрядчикъ.—Напрасно также подозрѣваете въ воровствѣ людей порядочныхъ...

— Да, они дѣйствительно порядочные... подлецы!—перебилъ его Горячевъ.—Вѣдь и Лаврентьевъ считался у васъ порядочнымъ человѣкомъ, однако «казну» грабилъ?!

Начальникъ гнѣвно смотрѣлъ на крупную фигуру подрядчика.

— По-моему, вы напрасно эту исторію съ ромомъ раздули, Аркадій Павлычъ!—спокойно продолжалъ Коровицкій.—Я не оправдываю десятника, но стоило ли вамъ въ это дѣло путаться? По правдѣ сказать, кто изъ насъ пріѣхалъ сюда не съ цѣлью зашибить деньжонку? Ежели какой-нибудь десятникъ сотню-другую на ромѣ выручитъ, такъ онъ же вамъ, т. е. казнѣ, пять сотенъ на китайцахъ выгонитъ! И вы его наказали, а кого наградили? Либровича, который для «казны», пожалуй, менѣе полезенъ, какъ и я и всякій другой!

Горячовъ съ большимъ вниманіемъ прислушивался къ рѣчи прямого подрядчика и невольно соглашался съ его откровенными признаніями.

— послушайте, Александръ Александровичъ,—началъ онъ, когда умолкъ Коровицкій:—вы считаете Либровича надежнымъ человѣкомъ?

— Конечно, надеженъ онъ, пока видитъ нужду въ васъ, Аркадій Павлычъ. Да и что говорить о надежности его! Онъ, какъ и всѣ, пріѣхалъ сюда не затѣмъ, чтобы уѣхать отсюда съ пустыми руками.

— Кто же возражаетъ противъ заработка! Но надо же мѣру знать! Вотъ, къ слову, Либровича взять: вѣдь онъ уже стоитъ «казнѣ» безъ малаго пятнадцать тысячъ, а сегодня еще шесть просилъ. Шутка сказать, двадцать тысячъ, какъ одну копеечку, взялъ, а дѣла пока мало сдѣлалъ!

— Вѣрному человѣку и сорокъ тысячъ авансу можно дать, Аркадій Павлычъ,—отработаетъ!—возразилъ ему Коровицкій.—Вы то имѣйте въ виду, что здѣсь безъ большихъ средствъ ничего не оборудуешь; тутъ каждый пустякъ требуетъ капитала не малаго...

— Да кто же этого не знаетъ! Кто же жалѣетъ капиталы!—воскликнулъ Горячовъ, хорошо знавшій упреки акціонерному обществу въ скряжничествѣ и жидовской жадности.—Денегъ всегда дадимъ, по работы не видно. Вотъ изъ Петербурга приказано къ осени, хоть вчернѣ, соединить всю линію отъ станціи Манчжурія до Портъ-Артура и Владивостока.

— И соединимъ, непременно соединимъ!—увѣренно произнесъ подрядчикъ.

— Неужто соединимся съ Владивостокомъ и Артуромъ?—недовѣрчиво, но и не безъ радости спросилъ начальникъ.—Какъ же ухитримся это сдѣлать, когда здѣсь и работъ еще никакихъ не начато?

— Принимая въ расчетъ время, какое протекло отъ начала работъ, можно сказать, что сдѣлано достаточно. У Слоновскаго трасировка пути идетъ, у Декальскаго штольни пробиваютъ и подходъ къ туннелю дѣлаютъ, словомъ, работы идутъ настолько, насколько погода позволяетъ.

— А у васъ что дѣлается?—не безъ ядовитой усмѣшки спросилъ начальникъ.

— Пока камень ломаютъ, лѣсъ возятъ въ «казну» и Декальскому, хлѣбпекарню скоро оборудуютъ, а послѣ Святой и за насыпь для узла путевого примемся.

Увѣренная рѣчь подрядчика успокоила впечатлительнаго Аркадія Павловича, не желавшаго отстать отъ другихъ начальниковъ особыхъ участковъ линіи.

— На другихъ участкахъ послѣ Пасхи рельсы начнутъ прокладывать,—замѣтилъ онъ, выдавая свои думы.

— Другіе участки равняютъ съ вашимъ не приходится: во-первыхъ, на вашемъ участкѣ позднѣе приступили къ работѣ; во-вто-

рыхъ, тамъ нѣтъ тѣхъ природныхъ трудностей, какія здѣсь на каждомъ шагѣ встрѣчаются... И то сказать, мы не знаемъ, что тутъ весной во время дождей будетъ, какъ себя рѣчка и горы покажутъ! По-моему, не слѣдовало бы торопиться, да разъ въ Питерѣ желаютъ соединенія, то исполнимъ...

— Спасибо на добромъ обѣщаніи!—весело воскликнулъ начальникъ:—а теперь выкуримъ.

И онъ протянулъ Коровицкому черепаховый портсигаръ съ своимъ вензелемъ.

На нѣсколько минутъ воцарилось молчаніе. Каждый изъ собесѣдниковъ думалъ свои думы.

— Вотъ что!—спохватился вдругъ Горячовъ:—мнѣ желательно узнать отъ васъ свѣдѣнія относительно Либровича.

— Лично я знаю его только со времени работъ на рѣкѣ Бикинѣ, но тамъ и вы его видѣли и знали. До того времени приходится ограничиться только слухами, но вы сами знаете, чего только ни говорятъ досужіе люди!

— Такъ-то оно такъ, но согласитесь, Александръ Александровичъ, что интересно знать, какого рода слухи ходятъ о данной личности: часто среди вздора и зерно правды пробьется.

— Если такъ, то кое-что сообщу вамъ, но прошу, отнеситесь къ моимъ свѣдѣніямъ съ большимъ сомнѣніемъ въ ихъ истинѣ и не лишите вашего расположенія Либровича, который, повторяю, не хуже другихъ, сюда пришедшихъ зашибить копейку.

Необходимо замѣтить, что Коровицкій по натурѣ своей былъ очень благожелательный человѣкъ. Хотя четыре класса реального училища въ одномъ изъ глухихъ губернскихъ городовъ Сибири не дали ему даже полной грамотности, однако вліяніе школы наложило на него слѣды интеллигентности. Остальное дополнили хорошія книги, прочитанныя тайкомъ отъ начальства въ обществѣ добрыхъ товарищей, и природный умъ съ добрымъ сердцемъ,—такъ сформировался добропорядочный человѣкъ. Къ сожалѣнію, раннія скитанія по сибирскимъ дебрямъ со строительскими пѣльями, безпутная жизнь и долгое сожителство съ Инною Гавриловной, поклонницей наживы, прибили благородныя движенія его души, какъ лютый морозъ прибываетъ ранніе всходы озими.

— До появленія на Бикинѣ Либровичъ жилъ въ Никольскѣ-Уссурійскомъ,—началъ свой рассказъ подрядчикъ:—тамъ онъ держалъ галантерейный магазинъ, но дѣла его шли плохо, и магазинъ пришлось закрыть. До переселенія въ Никольскъ онъ, говорили, состоялъ довѣреннымъ извѣстной нѣмецкой фирмы, которая, подобно пауку, опутала своими универсальными магазинами весь Приморскій край. Либровичу досталось огромное отдѣленіе въ Посетѣ. Бросилъ онъ у нѣмцевъ службу съ большими неприятностями. При сдачѣ магазина не досчитались двадцати тысячъ. Кто-

то сообщилъ хозяину, что жена Либровича ѣдетъ изъ Посѣта во Владивостокъ съ украденными деньгами. Нѣмецъ просилъ полицію задержать ее въ Славянкѣ и произвести обыскъ. Полиція пересолила: донага разоблачила мадамъ Либровичъ, ища нѣмецкія денежки. Конечно, ничего не нашли, но скандалъ учинили. Обиженная подняла шумъ, въ судъ за безчестіе подала, рассказала исторію редактору «Владивостока», а тотъ и помѣсти громовую статейку, что, молъ, нѣмцы капиталы наживаютъ на русской землѣ, и русскихъ людей обижаютъ, ну—и намеки насчетъ средствъ наживы были... Сами знаете, что нѣмецкой фирмѣ, скопившей нѣсколько миллиончиковъ за двадцать пять лѣтъ своего существованія, не резонъ было передъ судомъ разоблачать кое-какія торговыя тайны. Вотъ хозяинъ предложилъ мировую: отдѣлался десятью или пятнадцатью тысячами, чтобъ только скандала избѣжать и глотку заткнуть газетчику! Вотъ и все прошлое Либровича.

— Значитъ, на Бикинѣ онъ очутился послѣ закрытія магазина въ Никольскѣ?—спросилъ Горячовъ.

— Да, пріѣхалъ искать счастья, какъ и другіе, при постройкѣ Уссурійской желѣзной дороги. Вы дозволили ему продавать мясо, поддержали кредитомъ, и, кажись, тычонокъ съ пять ему перепало.

— Это на мясѣ, а сколько ему принесъ пользы кабачокъ-лавочка? Вѣдь онъ, говорятъ, изъ уссурійскаго винограда и російской махорки собственноручно фабриковалъ марсалу, портвейнъ и другія вина лучшихъ заграничныхъ марокъ!—весело замѣтилъ Горячовъ.

— Это дѣло темное, можетъ быть, однѣ розсказни. Надо полагать, что дѣла его на Бикинѣ шли недурно, иначе не явился бы сюда.

— Да, онъ появился здѣсь очень кстати. Знаете ли, здѣсь была такая дичь, такое безлюдье, что и деньги давалъ на доставку провизіи,—никто не брался. Можете судить, какъ я обрадовался Либровичу!

— Вотъ видите, онъ ужъ вамъ оказалъ услугу; еще не одну окажетъ, только авансовъ не щадите!—заклучилъ Коровицкій.

— Что съ вами подѣлаешь!—со вздохомъ замѣтилъ Горячовъ:—приходится давать въ ожиданіи успѣха.—Мой привѣтъ Иннѣ Гавриловнѣ,—проговорилъ онъ, прощаясь съ подрядчикомъ:—на дняхъ заѣду повидаться съ нею.

— Очень рады будемъ все видѣть васъ. Простите!

Не прошло и трехъ дней послѣ свиданія Коровицкаго съ начальникомъ участка, какъ къ домику подрядчика быстро подкатили по обильно выпавшему снѣгу шикарные «kozyрьки», запряженныя парю рѣзвыхъ вороныхъ коней. Въ саняхъ сидѣли Горячовъ и инженеръ Слоновскій.

Завидѣвъ начальство, Инна Гавриловна забила тревогу и вмѣстѣ съ мужемъ выбѣжала встрѣчать гостей.

— Милости просимъ въ нашу хату, скромную и уютную!— говорили они, низко кланаясь Горячову и Слоновскому.

— Не красна изба углами, а красна пирогами!—весело замѣтилъ Горячовъ, видимо, хорошо настроенный.

Гости вошли въ темную прихожую и стали раздѣваться. Сбросивъ дорогую хорьковую шубу и большую шапку изъ настоящаго камчатскаго бобра, Горячовъ вступилъ въ свѣтлую комнату.

Трудно теперь было узнать помѣщеніе, куда два мѣсяца тому назадъ вступили впервые Коровицкіе. Черныя бревна стѣнъ скрылись за веселенькаго цвѣта бумазеей; невзрачныя оконца весело выглядывали изъ-подъ кисейныхъ занавѣсокъ; столы блестяли дорогими скатертями; деревянныя перегородки пестрѣли, красиво декорированныя ситцемъ и японскими вѣерами; вмѣсто пыльной желѣзной печки въ углу стояла изразцовая печь. Все въ комнатѣ носило печать старательной хозяйской руки.

— Ого! да у васъ тутъ чистота и уютность райскія!—проговорилъ Горячовъ, оглядывая комнатку и усаживаясь за большой столъ, накрытый чистою, бѣлою скатертью.

— Что могли, то сдѣлали, чтобы какъ-нибудь жить!—скромно, по польщенная похвалою отвѣтила Инна Гавриловна.

— А это что за прелесть?—спросилъ Горячовъ, указывая на уголь у входной двери.

Тамъ пріютилась лакированная японская горка, уставленная дорогими и разнообразными японскими и китайскими издѣліями изъ черепахи, слоновой кости и серебра.

Ляпуновъ, убиравшій горку, обнаружилъ большой талантъ красиво составлять такъ называемый «поэтическій беспорядокъ». По его волѣ, тутъ дженрикса изъ черепахи помѣстился рядомъ съ серебрянымъ паланкиномъ богатаго и знатнаго китайца; тамъ цапля задумчиво стояла надъ цвѣткомъ лотоса, а рядомъ съ нею меланхолическій китайчонокъ запускалъ воздушнаго змѣя.

Спутникъ Горячова занялся подробнымъ осмотромъ горки съ японскими и китайскими бездѣлушками.

— Вы, Инна Гавриловна,—остановилъ начальникъ хозяйку,—не хлопчите съ угощеніемъ, такъ какъ мы недавно завтракали.

— Въ такомъ случаѣ, Инночка,—ласково попросилъ Коровицкій,—распорядись насчетъ шампанскаго, устриць да кликни Ляпунова.

— Слышите, Василій Григорьевичъ,—обратился Горячовъ къ своему спутнику:—насъ устрицами угощать будутъ! Экое, вѣдь, сегодня намъ счастье!

— По моему бабьему разуму, у васъ, Аркадій Павлычъ, всегда счастливые дни!—воскликнула подобострастно хозяйка,

— Напрасно вы такъ думаете, Инна Гавриловна: у каждаго изъ насъ бываютъ задачливые и незадачливые дни. Вотъ для меня, напримѣръ, сегодняшній день—очень счастливый. Посудите сами: всталъ съ прекраснѣйшимъ самочувствіемъ; до двѣнадцати часовъ ни Тосичка, ни служащіе, словомъ, никто не разсердилъ меня. Поѣхалъ вотъ съ этимъ юнцомъ,—онъ указалъ на Слоновскаго,—по его участку для осмотра работъ—и нашелъ, что много сдѣлано и хорошо сдѣлано. Ёду къ вамъ, вижу, что и Александръ Александровичъ не спитъ, а работаетъ. Пріятно мнѣ это. Пріѣзжаю къ вамъ, тутъ устрицы меня ждутъ. Ну, посудите сами, могъ ли я рассчитывать на такое рѣдкое здѣсь угощеніе.

Онъ, любитель устрицъ, радостно засмѣялся, предвкушая удовольствіе.

— Плохая бы я хозяйка была, ежели бы не запасла для васъ, Аркадій Павлычъ, любимаго вашего угощенія!—заявила подрядчица.—Только на дняхъ получили транспортъ изъ Никольскаго, а съ нимъ нѣсколько сотенъ владивостокскихъ устрицъ.

Въ это время въ дверяхъ появился Ляпуновъ въ сопровожденіи двухъ боекъ-китайцевъ. Одинъ несъ огромный подносъ, на которомъ, въ огромномъ блюдѣ, среди кусковъ мелко изрубленнаго льду, въ темно-сѣрыхъ раковинахъ, лежали раскрытыя крупныя тихоокеанскія устрицы; около блюда помѣщались двѣ тарелки—одна съ нарѣзаннымъ лимономъ, другая съ поджареннымъ, просоленнымъ миндалемъ. Другой бойка несъ на подносѣ бокалы, а въ ведеркѣ во льду замороженный «редереръ».

— Ва! старый бикинскій знакомый, Иринаша Ляпуновъ! — воскликнулъ Горячовъ, увидѣвъ моряка:—какими судьбами ты здѣсь, дружище, очутился?

Онъ крѣпко поцѣловался съ Ляпуновымъ.

— Имѣю счастье, какъ и вы, Аркадій Павловичъ, какъ и всѣ, здѣсь присутствующіе, быть пионеромъ русской и европейской культуры на окраинѣ Манчжуріи.

Рѣчь моряка звучала нѣкоторой торжественностью, которая неволью поразила Слоновскаго, видѣвшаго впервые Ляпунова.

— Ахъ, шутъ тебя возьми!—воскликнулъ Горячовъ.—Вы, обратился онъ къ Слоновскому, не удивляйтесь его рѣчи: онъ рожденъ съ языкомъ, который ворочается во рту съ быстротой и легкостью бѣлки въ колесѣ. Познакомьтесь, пожалуйста!

— И зачѣмъ вы меня конфузите, Аркадій Павловичъ,—отвѣтилъ Ляпуновъ, краснѣя и пожимая протянутую руку Слоновскаго.

— Ну, господа, нечего разводить комедіи,—замѣтилъ Коровицкій:—прошу хлебнуть редерерца, а затѣмъ попробовать устричекъ съ лимончикомъ и миндальцемъ.

— «Сэ перфетманъ э времанъ»,—поддержалъ его Ляпуновъ и сдѣлалъ знакъ бойкамъ наливать шампанское.

Черезъ часъ въ уютной комнаткѣ Коровицкихъ стало душно; табачный дымъ, шумъ голосовъ, то многихъ вмѣстѣ, то одиночныхъ, ходилъ по ней волнами. Разрумянившаяся Инна Гавриловна хлопотала у столика съ чаемъ и кофе. Бойки безпрестанно бѣгали въ кухню и несли оттуда то миндаль, то лимонъ, то устриць, то шампанское.

Одинъ Слоновскій чувствовалъ себя среди собесѣдниковъ странно: впервые угощавшійся шампанскимъ «по-инженерски» онъ былъ блѣденъ, безпрестанно курилъ, хлебалъ изъ бокала и никакъ не могъ рѣшить, при всей свѣжести головы, вопроса есть ли у него ноги, или ихъ кто отъ колѣнъ отдѣлилъ.

— И давно жъ мы съ тобою, Иринаша, не пьянствовали!—говорилъ Горячовъ Ляпунову.

— Трудно и вспомнить, когда это было,—съ горестью отвѣтилъ морякъ.

— Кажется, послѣдній разъ мы видѣлись во Владивостокѣ, въ «Золотомъ Якорѣ», еще тамъ кутилъ тогда полицеймейстеръ...

— Кстати, вѣдь, его давно уже нѣтъ во Владивостокѣ,—замѣтилъ Ляпуновъ.

— Новый губернаторъ поймалъ его въ «нетрезвомъ состояніи» и предложилъ выйти въ отставку.

— Не уберется-таки.

— Лучше сказать, не желалъ уберечься, вотъ и все тутъ! Говорили ему не разъ пріатели по «Золотому Якорю»: «Петръ Ивановичъ! воздержитесь чуточку, пока не привыкнете къ новому губернатору. Ну, чего добраго, онъ потребуеъ васъ къ себѣ не въ урочный часъ!

— У меня всегда вотъ здѣсь,—онъ указывалъ на боковой карманъ,—прошеніе объ отставкѣ:—поклонюсь и аде!

— Не послушался пріателей и влопался! Въ одинъ день все шло обычнымъ порядкомъ: въ восемь часовъ нашъ полицеймейстеръ подкатилъ на своей парѣ къ губернаторскому дому, отпрапортовалъ, что слѣдуетъ, спросилъ: «не послѣдуетъ ли какихъ распоряженій отъ вашего превосходительства?»—и закатился въ «Золотой Якорь». Къ двѣнадцати часамъ Петръ Ивановичъ былъ уже на десятомъ взводѣ, какъ говорится. Въ это время явился околоточный надзиратель съ докладомъ, что само превосходительство пожаловало въ канцелярію и требуетъ его высокоблагородіе. Поѣхалъ нашъ старикашка, наговорилъ кучу дерзостей съ пьяныхъ глазъ губернатору, а затѣмъ—чистая отставка съ благодарностью «за полезную и безпорочную службу».

— Однако новый губернаторъ, видно, бѣдовый человѣкъ?—спросилъ Горячовъ.

— У-у! жохъ, что и говорить!—отвѣтилъ Ляпуновъ:—но какъ его обошелъ новый полицеймейстеръ Фишмендеръ, такъ это смѣха достойно!

— Какой это Фишмендеръ?

— Вы его, навѣрно, видѣли. Низенькій, весь бѣленькій, словно новорожденный голландскій теленокъ, съ этакими рыжеватоенькими бачками... все около великаго князя, что приѣзжалъ во Владивостокъ на «Рюрикѣ», увивался, а потомъ лекцію въ музей читалъ о Сахалинѣ и Камчаткѣ...

— Такъ это-то Фишмендеръ? Помню, помню. Вообразите,—обратился онъ къ Слоновскому,—этотъ Фишмендеръ наиболѣе интереснымъ явленіемъ изъ жизни Сахалина считаетъ слѣдующее: видите ли, тамъ у сахалинскаго какого-то начальника живутъ въ клѣткѣ медвѣди—самка и самецъ; они любятъ другъ друга, а уже нѣсколько лѣтъ нѣтъ плодовъ этой любви. Что за причина? спрашиваетъ хитрый нѣмецъ себя. И глубокомысленно отвѣчаетъ: самецъ изъ Сахалина, самка изъ Камчатки—вотъ гдѣ причина!

— Спрошу у нашего Нидерлендера, откуда его супруга и откуда онъ,—сказалъ улыбаясь Слоновскій:—живутъ десять лѣтъ, а доселѣ ни одного кинда не нажили!

— Такъ помогли бы, какъ добрый сосѣдъ,—смѣясь замѣтилъ ему начальникъ.

— Ну, такъ какую же штуку выкинулъ Фишмендеръ новому губернатору?—спросилъ онъ Ляпунова.

— Защитивъ диссертацию о Сахалинѣ и Камчаткѣ, Фишмендеръ получилъ по уходѣ Петра Ивановича мѣсто полицеймейстера и задумалъ сразу нажитья...

Ляпуновъ налилъ себѣ изъ бутылки шампанскаго и отхлебнулъ.

— Видите ли, во Владивостокѣ китайцы даютъ хорошій доходъ полиціи: они за дозволеніе опіекуруленъ и банковокъ ¹⁾ ежемѣсячно платятъ полиціи большія деньги. Но Фишмендеръ вздумалъ отыскать новые источники дохода. Китайцы завывли: «Петла Ивана была доблая капитана! Водка мало-мало дай, закуска дай а деньги буявь! ²⁾ А эта капитана шибко худой есть: за «юли-юли» ³⁾ деньга давай, за опій деньга давай, за банковка деньга давай, за его карточка деньга давай ⁴⁾, за все деньга давай... шибко худая капитана! Пошли по городу разговоры о налогахъ,

¹⁾ См. подробно въ моей брошюрѣ «Опіумъ. Его культура и потребленіе въ Уссурийскомъ краѣ». Хабаровскъ. 1901 г., стр. 25—55.

²⁾ Не надо.

³⁾ Такъ называются во Владивостокѣ манзовскія лодки за манеру возниковъ грести.

⁴⁾ Одинъ начальникъ заставлялъ каждаго китайца прибрѣтать за три рубля свою кабинетную фотографію, цѣна которой полтина. На этой операціи, говорить, нажилъ тысячи.

заведенныхъ Фишмендеромъ. Узналъ о нихъ и губернаторъ. Говорили, будто китайцы съ жалобой къ нему ходили. Губернаторъ рѣшилъ отдать подѣ судѣ Фишмендера. Пригласилъ къ себѣ вечеромъ прокурора, посовѣтовался съ нимъ и послалъ за полицеймейстеромъ. Выходя изъ экипажа, послѣдній замѣтилъ у губернаторскаго дома извозчика и спросилъ у него, кто прѣѣхалъ къ губернатору. «Прокуроръ», отвѣчаетъ тотъ. Вошелъ въ приемную, спрашиваетъ, кто у губернатора; ему отвѣчаютъ: «никого нѣтъ». Хитрый нѣмецъ насторожился: ему показалось что-то загадочное въ отвѣтѣ адъютанта.

Попросили въ кабинетъ губернатора.

— Я васъ пригласилъ по серьезному дѣлу,—встрѣтилъ вопедшаго Фишмендера губернаторъ и усадилъ его на стулъ около ширмы, за которую спрятался прокуроръ, чтобы быть свидѣтелемъ признаній полицеймейстера во взяточничествѣ и лихоимствѣ.—Ко мнѣ приходила депутація отъ здѣшнихъ китайцевъ съ жалобой на васъ, что вы отъ нихъ много денегъ вымогаете. Прошу васъ правдиво мнѣ отвѣтить: собирали вы съ нихъ деньги?

— Собиралъ,—не моргнувъ бровью, не дрогнувъ ни однимъ мускуломъ, отвѣчалъ полицеймейстеръ.

— Сколько?

— Тридцать тысячъ.

— Кто же вамъ далъ на то право?

— Вы, ваше превосходительство.

— Что-о?!—вскричалъ, точно ужаленный, губернаторъ:—я поручалъ вамъ грабить китайцевъ?

— Точно такъ, ваше превосходительство,—спокойно, но твердо повторилъ Фишмендеръ.

— Вы наглый лжець и подлець! — разсвирѣпѣвъ, закричалъ губернаторъ.

— Это какъ вамъ угодно будетъ, ваше превосходительство, а я не могъ послушаться вашего приказанія,—твердилъ свое Фишмендеръ.

Спрятанный за ширмою прокуроръ отъ удивленія слегка двинулъ стуломъ, на которомъ сидѣлъ.

Захваченный нежданною наглостью полицеймейстера, губернаторъ метался по комнатѣ и сожалѣлъ, что спрятанный прокуроръ мѣшаетъ ему залѣпить оплеуху мерзавцу-подчиненному.

— Куда жъ вы дѣвали собранныя деньги?—спросилъ губернаторъ, остановившись противъ привставшаго Фишмендера.

— Вручилъ вашему превосходительству,—отвѣчалъ послѣдній, опустивъ глаза въ полъ.

— Когда?

— Третью дня на докладѣ,—точно по писанному отвѣчалъ полицеймейстеръ, увѣренный въ полной неудачѣ плана губернаторскаго.

— Знаете ли, г. Фишмендеръ, я впервые на своемъ долгомъ вѣку встрѣчаю такого наглаго мерзавца, какимъ вы себя заявили. Вамъ и Сахалинъ, по-моему, слишкомъ легкое наказаніе. Сдайте дѣла своему помощнику и черезъ три дня выѣзжайте отсюда, подавъ прошеніе объ увольненіи отъ службы.

Полицеймейстеръ ушелъ и черезъ три дня уѣхалъ въ Портъ-Артуръ или Нагасаки.

— Вотъ такъ каналья этотъ Фишмендеръ!—замѣтилъ Горячовъ.— Спасибо за угощенье и бесѣду, — сказалъ онъ, вставая изъ-за стола.— Пора намъ ѣхать, Василий Григорьевичъ, не то дома будутъ беспокоиться.

Скоро комнатка опустѣла: гости уѣхали, а хозяева завалились спать, причемъ Коровицкій, совсѣмъ хмельной, порывался пѣть: «Есть же люди, что и моей завидуютъ долѣ», но Инна Гавриловна прикрикнула на него:

— Молчи! Нажрался шампанскаго да и поешь пѣсни. У, язва тебя язви! Спи, завтра дѣловъ много дѣлать надо!

На другой день въ квартирѣ Коровицкаго съ ранняго утра закипѣла жизнь. Еще хозяева пили чай, какъ мимо оконъ промелькнулъ всадникъ, а черезъ пять минутъ въ темной прихожей раздался голосъ:

— Здластуй, декангуйда! ¹⁾.

— А, Джалменка, ходи сюда!—привѣтствовала гостя хозяйка.

Въ комнату вошелъ высокій и толстый китаецъ, тщательно выбритый, въ длинномъ ватномъ кафтанѣ. Въ рукахъ у него была нагайка и собачья шапка съ наушниками.

— Садись, Джалменка, чай будемъ пить!—пригласилъ китайца хозяинъ, подавая ему руку.

Китаецъ присѣлъ къ столу и спросилъ хозяина:

— Твоя здолова есь?

— Здорова, а твоя какъ есь?

— Моя холосо. Моя твоя дѣло есть: тачка шибко много моя продавая—купи!

— Гдѣ твоя тачка?

— Моя много тачка; Цицикала есть, Халбина есть, Фулярди есть и шибко много есть.

— И ты не врешь, Джалменка? — спросилъ его строго Коровицкій.

— Моя ври? Нѣту моя ври!—покраснѣвъ, залепеталъ китаецъ.

— Твоя не врешь? А гдѣ твой камень для мельницы? Говорилъ—привезешь, но не привезъ. Это худо.

— Моя нѣту худо!—оправдывался китаецъ, отодвигаясь отъ стола.

¹⁾ По-китайски—хозяинъ.

— Какъ нѣту худо?—настаивалъ хозяинъ.—Твоя мнѣ говорилъ, что шпалы доставишь, что у цыцкарскаго фудугуна подрядъ мнѣ возьмешь—и ничего не сдѣлалъ. Твоя далъ заработать капитану Пюнтковскому! Пюнтковскій пять тысячъ награды получилъ, а тебѣ что онъ далъ,—грошъ? Бутылку шампанскаго распилъ съ тобою, такъ ты его и пріятелемъ сдѣлался? Это, братъ, по-нашему, по-русскому, называется мошенничествомъ.

Коровицкій говорилъ громко и стучалъ по столу кулакомъ.

Лицо китайца покрылось смертельною блѣдностью, глаза сверкнули огонькомъ, онъ быстро схватился съ табурета и, задыхаясь отъ гнѣва, проговорилъ:

— Моя машинка?.. Нѣту моя машинка!.. Твоя худой есь... Моя больше не ходи твоя, никакой дѣла моя твоя не дѣлай!..

И онъ, не простившись, ушелъ отъ Коровицкихъ, а потомъ раздался топотъ его коня.

День близился къ вечеру. Семья Коровицкихъ собиралась къ вечернему чаю, который по заведенному обычаю всегда пили около шести часовъ.

Вдругъ дверь раскрылась съ шумомъ, и въ ней появился высокій и стройный господинъ. Быстро сбросивъ доху и шапку, гость двинулся въ знакомую читателю комнату.

— Вотъ кого Богъ къ намъ принесъ!—воскликнулъ Коровицкій, идя навстрѣчу гостю и здороваясь съ нимъ.—Инночка, встрѣчай рѣдкаго гостя!—позвалъ онъ жену изъ сосѣдней комнаты.

Одѣтый въ темно-сѣрую венгерку съ черными шнурами, въ высокихъ лакированныхъ сапогахъ, съ тщательно намазанными фиксажуаромъ волосами, раздѣленными проборомъ сзади напередъ, съ ухарски закрученными длинными усами, этотъ гость бросался въ глаза вкрадчивыми манерами и нѣкоторымъ изяществомъ.

Онъ изячно поклонился вышедшей Иннѣ Гавриловнѣ и, говоря: «день добрый!» поцѣловалъ у нея руку.

— Прошу васъ, пане Пюнтковскій, присаживайтесь!—упрашивалъ гостя Коровицкій.

— Прошу васъ, Иванъ Войцеховичъ, чайку съ нами выпить!—съ своей стороны просила хозяйка.

— Очень благодарю, съ большимъ удовольствіемъ!—отвѣчалъ, кланяясь хозяину и хозяйкѣ, гость усаживаясь на почетномъ мѣстѣ.

— Инночка, прикажи тамъ поскорѣе приготовить закусочку и выпивку!—тихо приказалъ хозяинъ.

Но приказывать было нечего: Инна Гавриловна хорошо знала, какую роль игралъ панъ Пюнтковскій у начальника участка; она понимала, что черезъ него можно кое-что устроить и для мужа. Дѣйствительно, панъ Пюнтковскій, благодаря какой-то протекціи,

появился изъ Харбина въ Чортовомъ гнѣздѣ недавно, но сразу же началъ играть видную роль на участкѣ строящейся линіи. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ инородцамъ, которыхъ много привлекло акціонерное общество на постройку желѣзной дороги, и которые присвоили ей прозвище «жидовско-польской».

— Откуда васъ Богъ принесъ къ намъ?—спросилъ Коровицкій у гостя, оставшійся съ нимъ въ комнатѣ, такъ какъ Инна Гавриловна пошла на кухню хлопотать о закускѣ.

— Прямо отъ самого Аркадія Павловича,—отвѣчалъ Пюнтковский, разглаживая усы своими маленькими, выхолонными руками, пальца которыхъ унизаны были кольцами съ разноцвѣтными камнями.

— По какому дѣлу къ нему заходили?

— Конечно, по дѣлу: подрядился доставить рабочихъ изъ Забайкалья.

— Вотъ оно что! — протянулъ Коровицкій, смутившійся при мысли, что и тутъ онъ далъ маху: сперва начальникъ участка предлагалъ ему заняться наймомъ рабочихъ къ веснѣ, но онъ все собиравался.

— Такъ, значитъ, вамъ поѣздочка предстоитъ? — продолжалъ онъ.

— Да, предстоитъ, и скорая,—самодовольно отвѣчалъ панъ, предлагая хозяину папиросу изъ красиваго серебрянаго портсигара.

— Хорошее дѣльце выпало вамъ, Иванъ Войцеховичъ!—позавидовалъ гостю хозяинъ.

— Недурное по условіямъ: долженъ доставить полторы тысячи «семейскихъ», получу по три рубля за рабочаго и дорожныя издержки отъ казны.

— Неужели таковы условія?—вырвалось невольное изумленіе у Коровицкаго, выдавашаго виды.

— Можно и не такія условія поставить!—прихвастнулъ Пюнтковский.—Вы то поймите, Александръ Александровичъ: къ осени обязательно соединиться съ Харбиномъ надо: таково желаніе изъ Петербурга. Требуется набрать побольше рабочихъ, а они все ждали чего-то. Теперь февраль, пожалуй, уже на пріискѣ порядили «семейскихъ», придется искать рабочихъ, возни будетъ много, такъ можно бы и не такую цѣну запросить!

— И скоро выѣзжаете?

— Дня черезъ два, и потому заѣхалъ къ вамъ сегодня, надѣясь, что могу предложить вамъ свои услуги по части комиссіонерской...

— Спасибо вамъ, Иванъ Войцеховичъ!

— Что жъ вамъ требуется?

— Прежде всего мнѣ нужны лошади.

— Сколько?

— Двадцать или двадцать пять.

— Съ приборомъ?

— Какъ же, съ телѣгами и упряжью.

— Добре, а еще чего нужно?

— Изъ Староцурухайтуя пришлите мнѣ бочку или двѣ водки, ведеръ по двадцать каждая. Только прошу васъ водку съ лошадьми въ первую голову отправить.

— Постараюсь, ежели комиссіонныя хорошія положите,—полушутя, полусерьезно проговорилъ Піонтковскій.

— За комиссіонными не постою, лишь бы все во-время устроили.

— И я васъ прошу поторопиться съ водкою,—добавила хозяйка, появившись въ комнатѣ и узнавъ о цѣли пріѣзда къ нимъ гостя.

— Недѣли черезъ полторы, много черезъ двѣ, получите ее!—увѣренно сказалъ Піонтковскій.

За закуской рѣчь оживилась.

— Будьте покойны, почтенная пани,—увѣрялъ Піонтковскій хозяйку, выпивая шестую рюмку:—что ваши всѣ порученія исполню безпремѣнно. Развѣ я васъ не понимаю: идетъ масленица, тамъ Пасха, а тутъ ни у кого ни капли водки.

— Услужите мнѣ, коханный панъ, и я васъ отблагодарю,—уговаривалъ гостя хозяинъ.—Понимаете: вы дадите мнѣ заработать, а я—вамъ.

— Само собою. Надо самому пользоваться, да и другимъ дать заработать—это мой пароль дѣнеръ!—патетически воскликнулъ Піонтковскій.

— Вотъ спасибо, такъ спасибо! Сразу видно благороднаго чело-вѣка!—поддержала его восклицаніе хозяйка.

— Я же понимаю, съ кѣмъ дѣло имѣю и кому услугу оказываю,—отвѣчалъ комплиментомъ на комплиментъ панъ.—Какому-нибудь жиду Либровичу и не заикнусь объ услугахъ, а вамъ—другое дѣло.

Справедливость требуетъ сказать, что панъ Піонтковскій тутъ лгалъ самымъ нахальнымъ образомъ: онъ имѣлъ отъ Либровича порученіе прислать водки и сахару.

— Ну, и Аркадій Павловичъ вамъ порученій надавали?—полюбопытствовала Инна Гавриловна.

— Да, даль... но я и безъ его порученій собирался поднести ему подарочекъ. Теперь знаю, что ему хочется имѣть верховую лошадь вороную, такую, какую недавно привели командиру охранной сотни, а «Госичкѣ» платѣе къ Пасхѣ.

— Смотрите, не обидѣлся бы онъ: не любитъ онъ никакихъ подношеній!—замѣтилъ Коровицкій.

— О, это зависитъ отъ того, какъ поднести!—возразилъ Піонтковскій.—Я такъ все устрою, что онъ и кататься на даровой лошади будетъ, и не будетъ знать, что она дареная.

Въ это время со двора долетѣлъ въ комнату какой-то неопредѣленный шумъ.

— Что это за шумъ?—насторожившись, спросилъ гость.

— Не безпокойтесь,—отвѣтилъ подрядчикъ, — это манзы - рабочіе мои—второй день перебраниваются съ своимъ подрядчикомъ.

— Въ чемъ же споръ ихъ?

— Дьяволь ихъ разберетъ! Они жалуются, что подрядчикъ ихъ обчитываетъ, а онъ жалуется на нихъ, ругаетъ ихъ хунхузами.

— Гдѣ вы ихъ наняли?

— Въ Цицикарѣ, а подрядчикъ со мною изъ Никольскаго пріѣхалъ. Онъ у меня уже нѣсколько лѣтъ работаетъ. На Бикинѣ съ нимъ дѣло имѣлъ.

— Чего добраго они до серьезной ссоры дойдутъ; а азіаты народъ мстительный.

— Ничего не выйдетъ: поругаются, подерутся, а потомъ помирятся.

Крики то смолкали, то возрастали съ большой энергіей.

— Позвольте поблагодарить васъ, радушные хозяева, за коляцію!—сказалъ Пюнтковскій, поднимаясь съ своего мѣста.

— Чего спѣшите, посидите еще часокъ!—упрашивали хозяева.

— Не могу. Пока еще доберусь до дому, а сборовъ много: тарантасъ надо наладить, то, другое, третье...

— Въ такомъ случаѣ позвольте вручить вамъ деньги для исполненія порученій нашихъ.

— Зачѣмъ? Я получу изъ казны авансъ на задатки, такъ неужели же мнѣ отъ него не останется на ваши покупки?—улыбаясь лукаво, спросилъ гость.

— Какъ вамъ угодно, можно и послѣ посчитаться...

— Когда же вы возвратитесь?—спросила хозяйка.

— Надѣюсь къ концу Великаго поста возвратиться.

— Счастливой дороги!

— Очень, очень спасибо! — говорилъ Пюнтковскій, пожимая дружески руку хозяина и прикладываясь къ рукѣ хозяйки.

Коровицкій проводилъ гостя до экипажа.

Въ длинномъ и низкомъ баракѣ для китайцевъ-рабочихъ было темно и тихо. Поэтому Александръ Александровичъ направился въ магазинъ. Тамъ засталъ онъ, кромѣ Кубинцева и Карпова, еще нѣсколько своихъ служащихъ, а среди нихъ сильно возбужденнаго подрядчика-китайца Лиунчина.

— Послушай, Лиунчинка, что у тебя съ рабочими все споры да споры?—спросилъ хозяинъ, садясь на ящикъ за перегородкою Кубинцева.

Китаецъ, подрядчикъ артели, энергично размахивая руками, то садясь на ящикъ, то вскакивая съ него, началъ быстро говорить:

— Моя не хочи дѣлать ничего съ этими хунхузами!.. Его говори — моя машинка есь, моя деньга имъ не давала!.. Бирешеть его—и моя вся деньга давала, кусить давала, риса давала... Его худой люди есть... много сули ¹⁾ пиль... Его хочить моя контрами.. ²⁾ Моя не хочить его работать... Моя ходи солнце ³⁾ Сисикала... моя..

Лиунчинка не могъ дальше говорить и залился слезами, приложивъ къ глазамъ концы паруснаго шарфа, который, небрежно завязанный узломъ, болтался на его шеѣ. Онъ былъ на половину одѣтъ по-китайски, на половину по-русски. Плисовые шаровары заткнуты были въ голенища высокихъ лакированныхъ сапогъ, а новая люстриновая кофта перетянута у талии широкимъ кожанымъ поясомъ.

— Вотъ всѣ мы, Александръ Александрычъ, совѣтуемъ ему ѣхать сегодня ночью съ нашимъ сосѣдомъ, грузиномъ, въ Цицикаръ,—объяснилъ хозяину Иванъ Семенычъ.

— Зачѣмъ же онъ уѣдетъ въ Цицикаръ?—спросилъ удивленно хозяинъ.

— Ему уходить совѣмъ отсюда надо, Александръ Александрычъ!—убѣжденно отвѣтилъ Кубинцевъ. Онъ изъ Цицикара поѣдется въ Благовѣщенскъ и дальше до Хабаровска. Не уѣдетъ отсюда, они его убьютъ.

— Правда это, хозяинъ, — подтвердили всѣ служащіе.—Мы не хотѣли васъ беспокоить: давеча, какъ у васъ былъ Пионтковскій, они чуть его не убили, да мы не дали!

— Папа, отпусти его, чтобы еще большихъ неприятностей не было!—попросилъ отца Костя, здѣсь находившійся.

— Если онъ хочеть уѣзжать, я его не держу, — проговорилъ Коровицкій:—но вѣдь такъ неожиданно уѣзжать не годится, надо расчетъ съ нимъ сдѣлать...

— Расчетъ съ нимъ почти поконченъ,—отвѣтилъ бухгалтеръ, худой и длиннородый мужчина:—остальное манзы отработаютъ.

Позвали въ магазинъ на совѣщаніе Инну Гавриловну.

— Отправь этого Лиунчинку, пожалуйста, ко всѣмъ чертямъ!—сразу же рѣшила хозяйка, узнавъ, въ чемъ дѣло, и вспомнивъ замѣчаніе Пионтковскаго.—Сколько разъ тебѣ говорила въ Никольскомъ, зачѣмъ берешь этого мошенника, такъ не слушалъ меня... Теперь изъ-за этого косоглазаго дьявола, — язва его язвы! — еще неприятностей не оберешься, ежели его убьютъ!

Лиунчинъ молчалъ, словно не о немъ рѣчь шла.

Коровицкій распорядился, чтобы сосѣдъ-грузинъ тайно отъ манзъ-рабочихъ въ двѣнадцать часовъ ночи увезъ подрядчика Лиунчинку въ Цицикаръ.

¹⁾ То же, что ханши и.

²⁾ Убить.

³⁾ Завтра.

Всѣ служащіе приняли участіе въ сборахъ Ліунчинки. Послали въ баракъ кучера Коровицкаго за пожитками Ліунчинки. Кучеръ принесъ грязное одѣяло «тигра» и сундучокъ, сообщивъ, что всѣ манзы дрыхнуть.

Но онъ ошибся. Когда всѣ сидѣли въ квартирѣ грузина, къ окну подкрался огромный китаецъ, ставшій вмѣсто Ліунчина «джангуйдой» артели, увидѣлъ сборы и догадался, въ чемъ дѣло.

Быстро бросился онъ въ баракъ. Тамъ на полчаса блеснуль огонекъ и потомъ исчезъ.

Кругомъ царила тишина. Легкій морозецъ подсушилъ землю, только что показавшуюся изъ-подъ стаявшаго снѣга, а лужицы затагнулъ тонкою ледяною корою. Выглянувшая около полуночи изъ-за горъ луна освѣтила безмолвную долину съ дремлющими уродливыми дубками и высокими ильмами.

Около часу ночи на дорогѣ, у магазина Коровицкаго, стояла кибитка, запряженная парюю крѣпкихъ лошадей. Въ глубинѣ кибитки лежалъ, скорчившись, Ліунчинка, забросанный снѣгомъ и мѣшками, что грузинъ-хозяинъ сдѣлалъ изъ предосторожности.

— Ружье гдѣ? — тихо спросилъ хозяинъ у кучера, садясь рядомъ съ нимъ въ передкѣ.

— Вотъ здѣсь, — отвѣчалъ тотъ, ткнувъ рукою въ сѣно около себя.

— Трогай! — приказалъ хозяинъ.

Тишина ночи на мгновеніе нарушилась грохотомъ колесъ, а затѣмъ снова все погрузилось въ сладкій сонъ...

Впрочемъ, въ магазинѣ Коровицкаго горѣлъ поздній огонекъ: то за перегородкою бесѣдовали передъ сномъ Кубинцевъ и Карповъ.

— Изъ Цицикара Ліунчинка съ купцами-манзами скоро доберется до Благовѣщенска, а тамъ его и съ собаками не сыщешь! — говорилъ Карповъ.

— Главное то и есть, чтобы добраться до Цицикара, пока манзы не дадутъ о немъ туда вѣсти! — отвѣчалъ Кубинцевъ, уже успѣвшій изучить нравы китайцевъ, знавшій ихъ удивительную сплоченность, основанную на обрядѣ «кхэту» (братство).

— И злы же будутъ китайцы завтра, когда узнаютъ, что Ліунчинка уже за сотню верстъ отъ нихъ! — смѣясь, продолжалъ Карповъ.

— Погоди-ка! — неожиданно прервалъ его товарищъ, прислушиваясь къ какому-то звуку. — Никакъ выстрѣлъ раздался?

Оба напряженно слушали нѣсколько минутъ, но все казалось погруженнымъ въ сонъ.

— Тебѣ, Иванъ Семенычъ, теперь цѣлую ночь будетъ сниться выстрѣлъ! — попробовалъ шопотомъ пошутить Карповъ; но въ это время ясно раздался ружейный выстрѣлъ и пронесся гулко чей-то призывный кличъ.

— Охъ, Господи, да это вѣдь голосъ грузина, нашего сосѣда! — вскричалъ Кубинцевъ, бѣгимъ на помощь!

Схвативъ огромныя палки, оба бросились изъ магазина на дорогу.

— Иванъ Семенычъ, подождите меня!—кричалъ на бѣгу Костя, поспѣшая за Кубинцевымъ и Карповымъ и осматривая ружье.

Въ это время по дорогѣ къ магазину мчалась кибитка грузина, а за нею гнались, швыряя камни и дико воя, манзы-рабочіе. У своего дома грузинъ сдержалъ лошадей. Мигъ—и китайцы окружили кибитку и нащупали спрятаннаго Ліунчинку.

— Юла-ю!¹⁾—яростно завыли они и начали стягивать съ кибитки грузина и его работника, защищавшихъ навѣсь.

Костя, Кубинцевъ и Карповъ бросились съ крикомъ на манзъ. Но ихъ опередилъ поваръ-японецъ, какимъ-то чудомъ появившійся здѣсь. Съ огромнымъ полѣномъ маленькій японецъ бросился къ кучкѣ манзъ, боровшихся съ грузиномъ, и закричалъ:

— Цуба, косые черти! Вотъ я васъ поразбойничаю!

И онъ молча, но ожесточенно наносилъ удары полѣномъ по головамъ манзъ. Манзы не ожидали такой защиты Ліунчинки, растерялись и скоро были окружены русскою прислугою Коровицкаго.

Черезъ полчаса прискакали два казака изъ охранной стражи, за которыми отправилъ верхового Коровицкій, какъ только узналъ о побоищѣ. Они быстро связали манзъ другъ съ дружкой длинными косами и погнали въ тюрьму до допроса. Нѣкоторые не могли итти: такъ сильно оглушилъ ихъ японецъ-поваръ полѣномъ; другіе оказались избитыми въ кровь. Такихъ пришлось отправить въ больницу для рабочихъ.

— Слушай, Абдулъ,—посоветовалъ Коровицкій грузину:—пусть кучеръ твой везетъ Ліунчинку, а ты оставайся здѣсь для дачи показаній о случившемся.

Черезъ полчаса кибитка съ Ліунчинкой снова загрохотала по знакомой дорогѣ, а всѣ участники обступили грузина-хозяина съ разспросами, гдѣ и какъ напали на него манзы.

— Понимаишь,—говорилъ грузинъ,—я пустилъ лошадей рысью, потому они застоялись, кормъ хорошій, такъ надо было ихъ «пробѣгать». Ну, ладно, подѣзжаемъ мы къ лѣску, что версты четыре отсюда. За лѣскомъ, самъ знаишь, много камня, дорога шибко тряскій. Я приказалъ кучеру Ахметкѣ пустить коней шагомъ, а самъ трубку закурилъ. Ночь, понимаишь, свѣтлая, тихая. Вдругъ со всѣхъ сторонъ изъ-за камня какъ выскочили эти шайтаны, какъ закричатъ, какъ бросили въ насъ камнями!.. Лошади, понимаишь, разомъ хватили, повозка запрыгала, Ахметка

¹⁾ Здѣсь, есть!

бадъ на землю, а они всѣ накинудись на него... Видно, думали, Ліунчинка упалъ... Я, понимайшь, задержалъ коней, поворачиваю, чтобъ Ахметку выручить. Для страху пальнулъ разъ изъ ружья: они, шайтаны, такъ и разбѣжались за каменья. Ахметка ко мнѣ на повозку, и мы поѣхали назадъ, сюда. Манзы погнались за нами. Бѣгутъ, камни бросаютъ и все кричатъ: «Давай сюда Ліунчинку!» Я еще раза два стрѣлилъ по этимъ шайтанамъ.

— Ахъ, они дьяволы!—воскликнулъ Кубинцевъ:—мы думали, что они ничего не знаютъ и спятъ, а они вонъ какое колѣнцо отмочили!

— Зато имъ здорово влѣзло! — воскликнулъ въ свою очередь Карповъ.

— У! будутъ они помнить эту ночь!—толковалъ Костя: одного Китоцару нашего не забудутъ. Какъ онъ ловко ихъ полѣномъ смолилъ!

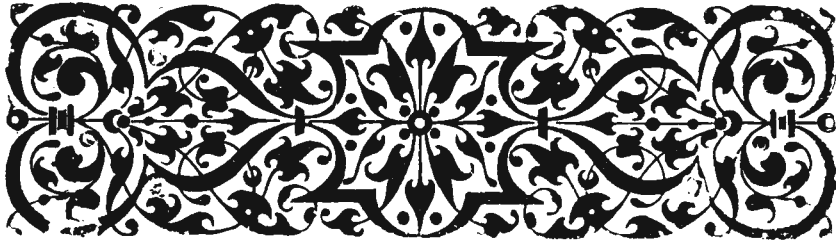
— Молодецъ япоша!—хвалили повара и другіе, дружески хлопая его по плечу, но Китоцаро принималъ похвалы молча, опустивъ голову въ землю.

Черезъ часъ весь поселокъ Коровицкаго погрузился въ глубокой сонъ послѣ пережитыхъ тревоженій. Только въ кухнѣ мелькалъ слабый огонекъ. Тамъ за своей перегородкой Китоцаро, офицеръ японской арміи, добровольно обрекшій себя на шпионство за русскими въ Манчжуріи, превратившійся ради этого въ повара русскаго подрядчика, заносилъ въ свой дневникъ, тщательно скрываеый въ тайномъ ящичкѣ сундука, слѣдующія строки: «Сегодня произошло побоище русскихъ съ китайцами. Это побоище устроено мною, такъ какъ я подучилъ китайцевъ-работниковъ возмутиться противъ хозяина артели Ліунчина, который обманывалъ и своихъ, и русскихъ. Это уже третье столкновение здѣсь китайцевъ съ заморскими чертями. Такимъ образомъ поселяемъ мы, японцы, раздраженіе между китайцами и европейцами. Мы, японцы, должны пока быть спокойными зрителями того, какъ и что будутъ дѣлать европейцы, когда возстанетъ весь Китай! По-моему, намъ, японцамъ, необходимо сперва принимать сторону заморскихъ чертей: отводя глаза китайцамъ, мы, во-первыхъ, сведемъ недоконченные счеты съ нашимъ недавнимъ врагомъ, во-вторыхъ, присмотримся поближе къ военнымъ силамъ европейцевъ, особенно русскихъ, чтобы сравнить ихъ съ нашими и потомъ нанести ударъ вѣрнѣе...»

С. Н. Браиловскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ТРИНАДЦАТЫЙ ПОРОСЕНОКЪ.

(Изъ дневника чиновника особыхъ порученій).

I.

РОИЗВОДСТВО одного, начатаго мною задолго до рождественскихъ праздниковъ, дознанія затянулось и кончилось только наканунѣ сочельника.

Вернуться скорѣе домой къ семьѣ, въ губернской городъ изъ дальняго уѣзднаго городка, въ который я былъ командированъ, было для меня въ ту минуту единственнымъ желаніемъ, а потому, несмотря на поздній уже часъ вечера, я поспѣшилъ на почтовую станцію, потребовалъ возокъ и лошадей и, какъ только это было исполнено, взгромоздившись на взбитое и прикрытое кошмою сѣно, крикнулъ ямщику:

— Ну, пошелъ, братъ, съ Богомъ, жарь и въ хвостъ и гриву; на водку дамъ—не пожалѣю.

— Да мы всегда съ нашимъ удовольствіемъ,—отвѣчалъ мнѣ ямщикъ и раскатистымъ баритономъ затянулъ, обыденное въ этихъ случаяхъ, свое воззваніе къ лошадямъ:—Эхъ вы! соколики! Храни васъ святыя угодники! А ты, пѣгій меринъ, будь себѣ вѣренъ—знай, твоя, твой конецъ впереди, — не оглядывайся! Эхъ вы! Ну! Троечка!

И мы понеслись. Быстро миновали длинные заборы пригородныхъ улицъ, мелькнула слободка, показалась и быстро вновь скрылась бѣлая кладбищенская церковь, и вотъ мы на большой проѣзжей дорогѣ, слѣды которой видны только по кое-гдѣ торчащимъ елкамъ,

Вокругъ все видимое пространство представляетъ собою гладкую, ровную снѣжную долину; не видно ни деревень, ни лѣсу; какъ будто несешься по какой-то мертвой холодной пустынѣ, гдѣ нѣтъ мѣста ничему живому, и наше шумливое присутствіе является рѣзкимъ диссонансомъ въ этомъ мірѣ тишины и покоя.

Растянувшись по возможности удобнѣе на своемъ ложѣ, я закутался плотнѣе въ шубу, накинулъ на ноги старый полушубокъ и, вслушиваясь въ перезвонъ колокольчиковъ, предался мечтамъ и дремотѣ.

Вслушивались ли вы когда-либо въ звонъ троечныхъ колокольцевъ и бубенчиковъ? Если нѣтъ, то совѣтую, такъ какъ это, во-первыхъ, послужитъ прекраснымъ развлеченіемъ въ дорогѣ, а во-вторыхъ, если вы обладаете достаточно живымъ воображеніемъ и не чужды вамъ добрыя, нѣсколько сантиментальныя чувства, то эти русскія, мало обращающія теперь вниманіе побрякушки, могутъ подчасъ многое рассказать интереснаго.

Встарину дѣды наши и прадѣды любили троечный звонъ, знали въ немъ толкъ и подбирали бубенцы на разные тона. Имъ были извѣстны такія наименованія тоновъ звона, какъ, напримѣръ, «ласковый», «малиновый» и другіе, о которыхъ теперь не осталось даже ни малѣйшаго представленія.

Въ наше время уже довольно рѣдко приходится внимать звону троечныхъ колокольцевъ и бубенцевъ, такъ какъ путешествіе «на долгихъ» по безконечнымъ дебрямъ матушки Россіи почти повсемѣстно замѣняется болѣе быстрымъ и удобнымъ желѣзнодорожнымъ сообщеніемъ. Несомнѣнно, послѣднее лучше стараго способа передвиженія, но зато оно менѣе интересно для путешественника, любящаго наблюденія и ищущаго новыхъ впечатлѣній.

II.

Незамѣтно неслось время, и я пробуждался отъ сна и дремоты только при вѣздѣ на станціи и перемѣнѣ лошадей.

Промчалась ночь, настало утро, за нимъ день и когда и онъ сталъ клониться къ закату, я все еще былъ въ дорогѣ и далеко еще отъ цѣли своего путешествія.

Вечеромъ я подъѣзжалъ къ уѣздному городку, лежавшему у меня на пути. Здѣсь была большая почтовая станція, гдѣ я намѣренъ былъ наскоро закусить, попить чайку и, подкрѣпивъ свои силы, снова пуститься странствовать.

Было темно и холодно. Снѣгъ, то падая большими хлопьями, наносилъ цѣлые бугры, то, подхваченный вѣтромъ, кружился въ воздухѣ и поднимался вновь и исчезалъ во тьмѣ. Все было тихо и мертво вокругъ.

Но вотъ вдали ударилъ колоколь; черезъ нѣсколько мгновений ему стали вторить колокола другихъ церквей, и постепенно надъ спящей равниной водворился мѣрный, благозвучный гулъ перезвона, призывающій и бѣдныхъ и богатыхъ подъ одну, общую всѣмъ, гостепріимную сѣнь Божьяго храма.

Миѣ съ дѣтства дорогъ и пріятенъ, какъ что-то близкое, родное, этотъ радостный, проникающій до сердечныхъ глубинъ звонъ колоколовъ въ святую ночь рождества Божественнаго Младенца, своею жизнью и смертью искупившаго грѣхи людей. Въ эту ночь какое-то особенное блаженное чувство овладѣваетъ каждымъ добрымъ христіаниномъ, и всѣ, отъ мала до велика, спѣшатъ въ храмы, чтобы припасть съ горячими молитвами на устахъ къ престолу Всевышняго и вновь получить подтвержденіе радостной вѣсти о давно, давно совершившемся великомъ событіи—рождествѣ Богочеловѣка...

Мы вѣхали въ городъ, когда уже умолкъ колокольный звонъ и въ храмахъ, залитыхъ красноватымъ пламенемъ лампадъ и свѣчей, подошло къ концу всеобщее бдѣніе.

Толпы молящихся сходили съ церковныхъ папертей, а снѣгъ все шелъ и шелъ, заметая улицы, и, какъ бы сговорившись съ морозомъ, подсмѣивался надъ прохожими, заставляя ихъ жаться отъ стужи и плотнѣе закутываться въ шубы.

Съ нескрываемой радостью я вылѣзъ изъ возка, какъ только мы подъѣхали къ станціи и поторопился войти въ теплую и довольно опрятно содержавшуюся станціонную залу «для господъ проѣзжающихъ».

Это была просторная, въ три окна, квадратная горница съ большой пузатой печкой-лежанкой въ углу, сложенной изъ бѣлыхъ, съ голубыми цвѣточками и разводами, изразцовъ. Нештукатуренная, бревенчатая стѣны этой комнаты были оклеены дешевенькими обоями неопредѣленнаго цвѣта, который у насъ иные почему-то называютъ «бланжевымъ съ горошкомъ».

На окнахъ красовались облѣзлые кусты герани, неизбежное въ мѣщанскомъ быту чайное дерево и два или три бальзамина. Въ серединѣ потолка на крючкѣ и деревянномъ маленькомъ блокѣ висѣла продолговатая клѣтка съ зеленымъ бумажнымъ верхомъ. Покрытый копотью, когда-то бѣлый шнуръ, однимъ концомъ прикрѣпленный къ клѣткѣ, а другимъ къ гвоздику на стѣнѣ, рѣзкой полосой выступалъ на потолокъ, оклеенномъ бѣлою, чистою бумагою. Въ клѣткѣ, нахохлившись, спрятавши голову подъ крыло, сидѣлъ соловей.

У стѣны, противоположной окнамъ, стояли два громадныхъ, обитыхъ темною клеенкою дивана, носящихъ кличку ковчеговъ и своимъ видомъ болѣе ихъ напоминающихъ, чѣмъ какую-нибудь другую мебель.

Надъ однимъ изъ этихъ дивановъ, въ широкой деревянной рамѣ, подъ пузырчатомъ, густо засиженнымъ мухами стекломъ, видѣлась раскрашенная гравюра, на которой была представлена молоденькая женщина съ вѣнкомъ розъ на головѣ, обнимающая бѣленькую козочку. Надъ другимъ была помѣщена, тоже въ рамѣ, но безъ стекла, совершенно пожелтѣвшая литографія, изображавшая императора Александра II въ коляскѣ у Зимняго дворца, окруженнаго толпою народа, благодарящаго царя за свое освобожденіе отъ крѣпостной зависимости.

Въ углу, называемомъ краснымъ, подъ иконою съ теплящейся въ зеленомъ стаканчикѣ лампадою, красовались лубочные портреты какихъ-то военныхъ и картина мученій грѣшниковъ въ аду.

По срединѣ комнаты стоялъ большой бѣлый, начисто обструганный столъ на четырехъ толстыхъ, какъ бревна, ножкахъ, а вокругъ него въ беспорядкѣ были разставлены простые стулья съ грубой соломенной плетенкой на мѣстѣ сидѣній и спиннокъ. Надъ столомъ съ потолка спускалась керосиновая лампа съ круглымъ желѣзнымъ, выкрашеннымъ бѣлой краской абажуромъ, довольно ярко освѣщавшая всю незатѣйливую обстановку станціонной залы.

III.

При входѣ моемъ въ комнату въ ней никого не было, но по присутствію на одномъ изъ дивановъ цѣлаго вороха дорожной поклажи было не трудно догадаться, что кто-то тутъ уже поселился и только временно отсутствуетъ.

Когда внесли мой чемоданъ и корзинку съ провизіей, и я распростился съ ямщикомъ, давъ ему обычное на «чай», вошелъ станціонный смотритель.

Это былъ высокий, сухощавый, немного сутуловатый старикъ съ круглыми, въ серебряной оправѣ, очками на длинномъ горбачомъ носу. Онъ былъ лысъ, и его смуглое, южнаго типа лицо, съ густыми сѣрыми бровями, большими, торчащими впередъ, подстриженными усами и двумя, такими же сѣрыми, кустиками волосъ на мѣстѣ бакенбардъ, имѣло довольно странное и, если хотите, даже смѣшное выраженіе. Последнее впечатлѣніе усиливалось тѣмъ болѣе, что вся его фигура носила отпечатокъ какой-то напускной важности, напоминая собою метръ-д'отелей столичныхъ ресторановъ средней руки.

Этотъ важный видъ совершенно не гармонировалъ съ его лицомъ и казался страннымъ. Когда же мой взглядъ упалъ на лоскутокъ георгіевской орденской ленточки, пришитой къ петлицѣ его сюртука, мое недоумѣніе нѣсколько разъяснилось: я понялъ, что передо мною герой, въ силу обстоятельствъ вынужденный занимать несвойственную его призванію должность.

Онъ довольно сухо обратился ко мнѣ, потребовавъ мою подорожную, и, когда по ней узналъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло, привѣтливо улынулся, причѣмъ обнажилъ совершенно лишенный зубовъ ротъ и произнесъ:

— Имѣю честь поздравить съ благополучнымъ прїѣздомъ. Самоварчикъ, или что другое прочее, всѣмъ этимъ можете здѣсь пользоваться, а переночевать вамъ вотъ тутъ на диванчикѣ будетъ довольно удобно.

— Спасибо,—отвѣчалъ я ему:—самоваръ попрошу и, если можно, скорѣе, а диваномъ вашимъ я пользоваться не желаю, такъ какъ намѣренъ ѣхать далѣе не болѣе какъ черезъ полчаса, и прошу васъ позаботиться, чтобы лошади къ этому времени были готовы.

— Вотъ чего нельзя, то нельзя.

— То есть какъ это такъ, лошади, что ли, всѣ въ разгонѣ?

— Нѣтъ, кони есть, а править-то некому.

— Какъ некому, а гдѣ же ямщики?

— И ямщики здѣсь, а везти все же некому. Вѣдь ни одинъ изъ нихъ въ сегодняшнюю ночь не повезетъ; народъ-то здѣсь по старинѣ живетъ и праздники чтить не по-нашему съ вами.

Зная нравы и обычаи жителей городка, въ который привела меня судьба наканунѣ праздника Рождества Христова, я быстро сообразилъ всю безысходность своего положенія и настаивать на своемъ требованіи не сталъ. И хотя я внутренно кипѣлъ гнѣвомъ противъ такъ неудачно слагавшихся обстоятельствъ, вынуждавшихъ меня сдѣлать совершенно не входившій въ мой планъ болѣе или менѣе долгій привалъ на этой станціи, но не подаль вида и сказалъ смотрителю:

— Да, дѣйствительно, дѣлать нечего, придется познакомиться мнѣ съ вашимъ диваномъ; я, признаться, совершенно забылъ, что сегодня ямщики ваши меня не повезутъ. Утѣшьте скорѣе хоть самоваромъ, что ли.

Мое смиреніе, видимо, тронуло смотрителя, и онъ уже много ласковѣе обратился ко мнѣ:

— Да-съ, сударь, съ такимъ народомъ, какъ нашъ, пребывающимъ, можно сказать, во всемъ своемъ закостенѣломъ невѣжествѣ, справляться мудрено; еще хорошо, что онъ въ Бога-то вѣритъ да праздники чтить, одно это и осталось въ немъ хорошее, а вотъ выправка-то, дисциплина, такъ сказать, въ крестьянахъ нашихъ вовсе отсутствуетъ. Безъ этого же главнаго качества всякій человекъ, можно сказать, ничего не стоитъ. Въ жизни важнѣй всего субординація, чинъ чина почитай, какъ говорится въ народѣ же,—хоть вѣкъ ищи, а этого больше не найдешь. Народъ другой сталъ; прежде иначе было.

— Ну да, конечно,—поспѣшилъ я согласиться съ нѣсколькими крайнимъ мнѣніемъ отставнаго героя.

— Да-съ,— продолжалъ онъ:— это вѣрнѣе вѣрнаго, могу сказать... А насчетъ самоварчика не извольте беспокоиться, его мигомъ вамъ подадутъ, онъ давно уже кипитъ, дожидаясь отца діакона. Я долженъ еще доложить, что вамъ тутъ будетъ не скучно ночь коротать и чайку можете напиться въ пріятной компаніи. Вотъ на томъ диванчикѣ вещи-то, изволите видѣть, такъ это отца діакона; онъ такъ же, какъ и вы, проѣздомъ, знаете, и здѣсь у меня задержался, все по тому же случаю. Человѣкъ молодой, а себе-сѣдникъ интересный, виды видывалъ и на языкъ, можно сказать, довольно язвительный. Мы ужъ тутъ съ нимъ разговоры вели, да вотъ, какъ ко всенощной ударили, такъ онъ Богу пошелъ помолиться, а теперъ сейчасъ долженъ вернуться, кажись, служба-то кончилась.

Смотритель вышелъ давать свои распоряженія относительно самовара, я же раскрылъ свою корзину и сталъ раскладывать на столъ захваченныя съ собою закуски. Вынувъ также бутылочку доброй домашней настойки, одной изъ тѣхъ, про которыя встарину говорили: «что ни въ ротъ, то спасибо» и «что ихъ и монаси пріемлютъ», сталъ поджидать появленія обѣщанныхъ самовара и соночлежника-діакона.

IV.

Признаться, я никогда не былъ противъ дорожныхъ случайныхъ знакомствъ. Подчасъ въ пути попадались такіе интересные типы, которыхъ и днемъ съ огнемъ не разыщешь. Такія встрѣчи бывали со мною довольно часто, и въ дорогѣ, отъ скуки и бездѣлья, я пользовался ими какъ единственнымъ и притомъ не лишенымъ пріятности развлеченіемъ.

Въ этотъ разъ я заранѣе былъ заинтересованъ новымъ, предстоявшимъ мнѣ знакомствомъ, такъ какъ, во-первыхъ, это было лицо сана духовнаго, съ такими же мнѣ крайне рѣдко приходилось встрѣчаться въ дорогѣ, а во-вторыхъ, по опредѣленію смотрителя, діаконъ былъ человѣкъ «язвительный», да притомъ видавшій виды, что представляло для меня еще большій интересъ.

Мнѣ не долго пришлось томиться въ ожиданіи предстоявшихъ мнѣ удовольствій. Вскорѣ появился станціонный смотритель, предшествуемый старой бабой въ повойникѣ, несшей давно уже не чищенный и всюду погнутый самоваръ, а за ними слѣдомъ ввалился отецъ діаконъ.

Весь запорошенный снѣгомъ, въ длинномъ овчинномъ тулупѣ и валенкахъ, онъ, перешагнувъ порогъ, снялъ шапку, стряхнулъ нависшіе на нее снѣжные комья, бережно положилъ ее на занятый его вещами диванъ и, троекратно истово перекрестившись, обратился къ намъ съ привѣтствіемъ:

— Богъ милости прислалъ.

Замѣтивъ меня, онъ подошелъ ближе и сказалъ:

— Проѣздомъ изволите здѣсь быть, какъ и я, да также съ застряніемъ? Что дѣлать, когда нечего дѣлать, какъ сказалъ когда-то одинъ изъ нашихъ російскихъ писателей; придется намъ съ вами подъ одной кувертюрѣю ночь коротать, а потому считаю долгомъ своимъ не оставить васъ въ отношеніи себя въ безвѣстности личности, чего надѣюсь удостоиться взаимно и отъ васъ. Имѣю честь представиться: Н-скаго кафедральнаго собора діаконъ Нѣжнорѣченскій. Въ святомъ крещеніи нареченъ былъ Лукіаномъ, а какъ подростъ и въ совершенные годы вошелъ, то стали звать и по изотчеству Кузьмичемъ. Итакъ, днесъ предъ вашими очами во всемъ своемъ видѣ предстоить отецъ діаконъ Лукіанъ Кузьмичъ Нѣжнорѣченскій, дерзающій спросить, съ кѣмъ онъ имѣетъ честь встрѣтиться.

Я поспѣшилъ назвать ему себя; онъ крѣпко пожалъ протянутую мною руку и продолжалъ;

— Очень пріятно и отъ души радъ знакомству съ благороднымъ человѣкомъ. Хотя и сказано, что люди всѣ на одинъ манеръ, но это ошибка-съ, я этому не вѣрю. Нѣтъ-съ, какъ хотите, умъ и образованіе вещь великая и преотмѣнная, что тамъ ни говорите, а субординація военная, которую вы, господинъ смотритель, превозносите выше всего на свѣтѣ, дѣло выѣденнаго яйца, на мой взглядъ, не стоящее. Вы вотъ, Аврелій Ивановичъ, объ этомъ пока что еще поразмыслите,—подмигнувъ мнѣ, обратился діаконъ къ смотрителю,—а я тѣмъ часомъ съ вашего позволенія сниму, не безъ пріятства, сей хитонъ и излишнія ризы и предстану предъ вами въ домашнемъ облаченіи.

Аврелій Ивановичъ хранилъ величественное молчаніе и, подойдя близко къ окну, уставился на заиндѣвляя стекла, какъ будто силился проникнуть взоромъ сквозь непроницаемую, изящную ледяную броню, которой ихъ снабдилъ рождественскій морозъ. Удалось ли ему этого достигнуть, или онъ увлекся разсматриваніемъ причудливыхъ узоровъ, не знаю, но онъ долго не прерывалъ своего глубокомысленнаго занятія.

Я же воспользовался этими свободными минутами, заварилъ себѣ чай и сталъ издали наблюдать за разоблачавшимся діаконѣмъ.

Это былъ ражій дѣтина, лѣтъ тридцати съ небольшимъ, высокаго роста, плотный, широкій въ плечахъ, немного уже оплывшій молодымъ еще, здоровымъ жиркомъ, съ богатырскою грудью колесомъ и съ громадною копною красныхъ, какъ мѣдь, волосъ. Волосы эти не вились, не закручивались въ красивыя колечки и пряди, а какъ-то совершенно особенно плоско лежали и густо покрывали всю его голову, такъ что трудно было разобрать, гдѣ начинались и кончались его усы и борода.

Все это было слито въ одно цѣлое, и его голова, по первому взгляду, могла быть скорѣе всего уподоблена мордѣ африканскаго льва. Но въ его лицѣ ничего не было звѣрскаго, отталкивающаго, а, напротивъ, оно было симпатично и привѣтливо. Большіе голубые глаза свѣтились умомъ и неподдѣльной веселостью; маленькій же носъ пуговицей придавалъ его фізіономіи довольно задорный видъ.

V.

Діаконъ медленно раздѣвался, аккуратно складывая свои пожитки, и, когда все привелъ въ порядокъ и завилъ въ три конички копну своихъ волосъ, одѣлъ сѣрый нанковый подрясникъ и, обувшись въ мягкія войлочные туфли, подошелъ къ столу.

— Ну-съ, господа честные, теперь съ Божьяго благословенія недурно бы и чайку испить, а предварительно, если милость ваша для перваго знакомства распространится на ны, раба предстояща и жаждуща, то осмѣлюсь увѣрить васъ, что не грѣхъ опрокинуть въ мою грѣшную утробу и маленькій стаканчикъ сей живительной, во вся дни живота человѣка, влаги,—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, бросивъ благосклонный взглядъ на мою бутылку съ настойкой.

— Буду очень радъ закусить и выпить въ компаніи,—отвѣтилъ ему я и наполнилъ три рюмки, заблаговременно поставленныя около меня на столѣ предусмотрительнымъ къ нуждамъ проѣзжающихъ, но не забывающимъ также и себя, смѣтливымъ хозяиномъ.

Мы чокнулись. Смотритель не мѣнялъ своей позы у окна, точно замерзъ, какъ его стекла.

— Что же вы, Аврелій Ивановичъ, присоединитесь же къ намъ и выпейте за здоровье вашихъ случайныхъ гостей,—сказалъ я ему.

Онъ не торопясь отошелъ отъ окна и, беря со стола рюмку, улыбаясь произнесъ:

— Благодарю васъ за предложеніе, отъ котораго не въ силахъ отказаться. Съ удовольствіемъ готовъ поддержать пріятную компанію, но выпью только всего одну рюмку; въ большемъ же количествѣ, долженъ вамъ сказать, я напитоковъ не употребляю.

— Ну, извѣстное дѣло, по единой и все по единой, дондеже влага сія не изсякнетъ и не замѣнится другой изъ сосуда скудельнича, мнѣ принадлежаща и до времени пребывающа въ нѣдрахъ моего кулечка,—возразилъ ему діаконъ.

— Нѣтъ-съ, я, право, не пью.

— И да благо тебѣ будетъ, отче, ибо пьянство зло веліе есть. Но вамъ не напиваться предлагаютъ, а только выпить и закусить, чѣмъ Богъ послалъ; тутъ разница существенная. Я же

грѣшнымъ дѣломъ, по званію своему принадлежу къ гласамъ выпѣвающимъ, а по слабости духа и къ выпивающимъ,—продолжалъ Лукіанъ Кузьмичъ.

Мы чокнулись и выпили. Я развернулъ уцѣлѣвшіе съ дороги остатки жаренаго поросенка и предложилъ моимъ компаніонамъ.

— Холодный поросеночекъ закуска преотмѣнная,—сказалъ діаконъ,—и я ее всѣмъ прочимъ всегда предпочитаю. Штука важная. И, какъ нѣмцы любятъ гуся, такъ мы, русскіе, должны уважать поросенка, потому что онъ произведеніе отечественное, свое коренное, родное. Гуси, тѣ, какъ извѣстно, во время оно, въ царствованіе царя Гороха, Римъ спасли, а поросеночекъ одного нашего пастыря овецъ словесныхъ отъ конфуза избавилъ и далъ возможность хорошей приходъ получить.

— Это какимъ образомъ?—воскликнули я и смотритель.

— Развѣ не знаете? Случай общеизвѣстный.

— Не слыхалъ,—сказалъ я:—а если расскажете, буду крайне признателенъ.

VI.

Наливъ и выпивъ еще одну рюмку настойки и закусивъ на этотъ разъ только корочкой чернаго хлѣба, діаконъ началъ повѣствованіе.

— Вотъ, изволите видѣть, нѣсколько лѣтъ тому назадъ къ намъ въ губернію назначенъ былъ новый архіерей. Его преосвященство, какъ это всегда и всюду водится, прибывъ къ новому стаду, пожелалъ ознакомиться съ пастырями своей епархіи и позвалъ ихъ всѣхъ къ себѣ на обѣдъ.

Разосланы были зовы всѣмъ попамъ, но только по городу и пригородамъ, чтобы никого изъ нихъ не обидѣть, а въ бумагѣ ясно было указано, чтобы никто изъ дальнихъ себя не неволилъ,—за этимъ однимъ въ городъ не ѣхалъ; тѣмъ же изъ нихъ, которымъ, кромѣ того, какое дѣло свое есть, тѣ бы, молъ, ѣхали, а его преосвященство будетъ ихъ радъ у себя видѣть и съ ними познаться.

Секретарь насчиталъ десять поповъ, которые несомнѣнно приѣдутъ по архіерейскому зову, а владыка, на всякій случай, велѣлъ накрыть столъ на два лишнихъ прибора.

Въ назначенный день, къ самому обѣду стали съѣзжаться званные и прибыло ихъ ровно двѣнадцать, какъ и ожидалъ его преосвященство. Владыка всѣхъ ихъ ласково принялъ и только что усадилъ къ столу, какъ явился еще одинъ, тринадцатый, изъ дальняго пригорода. За большой столъ его уже помѣстить нельзя было за неимѣніемъ мѣста и усадили сего пастыря въ простѣночкѣ у подзеркальнаго столика.

Подали яства и питіи, налегло на нихъ духовенство, а его преосвященство, знай себѣ, сидитъ, да поглядываетъ и святыхъ отцовъ осматриваетъ. И видитъ онъ, что всѣ тѣ, что за большимъ столомъ сидятъ, веселы и всласть себя ублажаютъ, а тринадцатый попикъ, съ виду бѣдный такой, ледащенькій, сидитъ все понурившись и на бѣду налегаетъ неважно.

Жаль ему стало его; и вотъ владыка къ нему подошелъ, взялъ стулъ и, сѣвъ рядомъ, спросилъ:

— Ну что новаго у тебя, какъ живешь?

— Живу по маленечку, вашими молитвами, преосвященнѣйшій владыко,—отвѣчалъ ему попъ:—а новаго у насъ въ слободѣ только то, что во дворѣ одномъ свинья опоросилась.

— Ну что же тутъ особеннаго,—возразилъ архіерей.

— А та особенность, что поросятъ-то у нея тринадцать штукъ.

— И тутъ нѣтъ ничего удивительнаго.

— А то тутъ удивительно, что той свиньѣ, что тринадцатую поросятами опоросилась, Господь всего двѣнадцать сосковъ далъ; вотъ двѣнадцать поросятъ сосутъ ее всласть, а тринадцатый, бѣденекій, ими отпихивается и сосать ему рѣдко приходится.

Понялъ владыка, на что намекнулъ ему попъ.

— Иди же ко мнѣ,—сказалъ онъ и посадилъ его рядомъ съ собою за большимъ столомъ, гдѣ двѣнадцать поповъ архіерейской трапезой себя подкрѣпляли. Все время потомъ съ нимъ однимъ разговаривалъ и простился съ нимъ ласковѣе, чѣмъ съ другими. А за малымъ временемъ, какъ вакансія выяснилась, перевелъ его въ самый городъ и постепенно въ каѳедральные протоіереи вывелъ.

Такъ вотъ и извольте разсудить, какую пользу можетъ иногда для нашего брата даже маленькій поросенокъ слѣлать. Все дѣло въ томъ, какъ и въ какомъ видѣ кому эту свинью умѣло преподнести слѣдуетъ.

— Да, свинью преподнести ближнему часто бываетъ пріятно; это вѣрно-съ,—сказалъ Аврелій Ивановичъ:—но только, по-моему, архіерей-то вашъ былъ плоховатъ, можно сказать, такъ какъ въ вашемъ духовномъ званіи субординація должна быть, а не вольнодумство. Я бы попу этому на мѣстѣ преосвященнаго такую свинью въ отвѣтъ на его поросячью исторію загнулъ, что онъ, можно сказать, позабылъ бы всякую анатомію и весь свой вѣкъ отъ всѣхъ поросятъ бы только отплеывался. Вотъ у насъ здѣсь былъ архіерей, такъ не вашему чета, строгій, възыскательный, и одного попа, который ему подъ видомъ пріятнаго презента свинью подложилъ, такъ шаркнулъ, можно сказать, что тотъ всю жизнь потомъ заговаривался и послѣ двухъ-трехъ словъ всегда говорилъ: «ахъ, попугай, попугай, попочка», такъ что во время церковной службы многихъ въ большое, можно сказать, сомнѣніе вводилъ-съ.

Мы попросили смотрителя сообщить объ этомъ попѣ.

VII.

— Былъ въ здѣшнихъ мѣстахъ,—началъ онъ,—старенькій священникъ; семья у него была преогромная, все дочери, а рыломъ, съ позволенія сказать, онѣ всѣ не вышли, такъ что на рукахъ у него засидѣлись въ дѣвкахъ. Одну лишь, и то какъ-то случайно, удалось ему замужъ спихнуть, да и недурно выдалъ ее попѣ. Консисторскій чиновникъ, сдуру, должно быть, ею прельстился. А ужъ чѣмъ она ему угодила, Богъ ее вѣдаетъ,—такъ какъ мордальонъ былъ у нея такой, что всѣхъ семи грѣховъ хуже.

Приданого за ней попѣ не далъ никакого, что называется, ни ложки ни плошки, по той простой причинѣ, что и самъ ничего не имѣлъ. Зять же, къ удивленію, не только на него за то не ершился, а даже, могу сказать, крѣпко полюбилъ и вмѣстѣ со старикомъ сталъ умомъ раскидывать, какъ самому лучшее мѣсто получить и тестю подходнѣе приходъ раздобыть.

И вотъ выпалъ зятю случай гдѣ-то по дешевой цѣнѣ молодого сѣраго попугая приобрѣсти. Попугай былъ говорящій и крайне къ разговорной наукѣ податливый.

Это подало мысль имъ обоимъ птицей этою попризаться и такъ вышколить, чтобы она разнымъ духовнымъ возгласамъ выучилась, а затѣмъ преподнести ее архіерею, который былъ большой охотникъ до всякой диковины. Сдѣлавъ же такое подношеніе, они надѣялись теплыя мѣстечки себѣ вымолить. Да не ихнему вышло, попугай-то этотъ ихъ подвелъ и свинью подложилъ.

Главное образованіе птицы взялъ на себя попѣ, такъ какъ ему было насчетъ досуга свободнѣе, чѣмъ зятю чиновнику, и по части терпѣнія онъ много того превосходилъ, и вотъ сталъ онъ обучать попугая разнымъ премудростямъ. До того онъ птицу эту наострилъ, что она свободно духовные стихи говорила, умѣла провозглашать многолѣтіе и даже «исполати деснота» такъ орала, что сосѣди долгое время, пока не попривыкли, въ испугѣ выбѣгали изъ домовъ своихъ, думая, что не пожаръ ли гдѣ приключился, или не попадья ли такъ своего муженька отдула, что тотъ караулъ закричалъ. За ней это тоже, знаете ли, водилось, такъ какъ она баба была презлющая и все мужа попрекала, что онъ въ большіе люди не вышелъ и дочерей съ рукъ сбыть не сумѣлъ.

Но вотъ пронеслась вѣсть, что архіерей ѣдетъ по епархіи, поцѣ нашъ приободрился во всю, можно сказать; надежды на попугая сильно ему духу поддали. Онъ живымъ манеромъ церковку въ порядокъ привелъ; домишко свой дочерямъ вымытъ велѣлъ и на самое видное мѣсто у раскрытаго окна попугаеву клѣтку поставилъ и ее темнымъ платкомъ до времени завѣсилъ.

Приѣхалъ архіерей, отслужилъ службу и, не заходя въ домъ священника, хотѣлъ уже въ карету садиться, чтобъ дальше ѣхать, какъ тутъ вдругъ попадаѣя сдернула съ клѣтки платокъ и попугай, обрадовавшись, что свѣтъ Божій вновь увидалъ, во всю, можно сказать, глотку и сталъ орать: «аллилуія, аллилуія».

Архіерей удивился и спросилъ, что бы это такое значило, что кто-то не своимъ голосомъ церковныя пѣсни поетъ. Попъ сейчасъ же къ нему мелкимъ горошкомъ подкатился, да и докладываетъ, что это, молъ, его ученый попугай прибытію его преосвященства радуется, и что, молъ, попугай-то этотъ и не такимъ еще тонкостямъ выученъ. Архіерею показалось это въ диковину, и онъ вошелъ въ домъ священника. А тутъ ему, при самомъ-то входѣ, попугай, какъ нарочно, провозгласилъ многая лѣта и «исполати деспота» спѣлъ.

Въ великій восторгъ, можно сказать, пришелъ архіерей отъ этой ученой птицы и присталъ къ попу: продай, да продай.

Тотъ, знаете, не лѣвой ногой сморкался, какъ говорится, на эту удочку не поддался, хотя въ деньгахъ большой недостатокъ имѣлъ, а видя, что эта птица можетъ все счастье жизни его устроить, и говоритъ архіерею въ отвѣтъ:

— Продать не могу, потому что попугая этого за члена семьи своей, можно сказать, почитаю, а если вы, ваше преосвященство, согласны принять ее въ даръ отъ меня, то за счастье почту.

Архіерей немного задумался. Понималъ онъ, конечно, что подарки отъ подчиненныхъ такъ, зря, принимать зазорно въ его положеніи, но соблазнъ былъ слишкомъ великъ для него; не устоялъ старичокъ отъ искушенія и согласился даръ этотъ принять, рѣшивъ расквитаться съ попомъ уже не деньгами, а просто переводомъ въ лучшій приходъ. Попу же объ этомъ ничего не сказалъ, поблагодарилъ только и велѣлъ попугая, при удобномъ случаѣ, къ себѣ переслать, а самъ дальше уѣхалъ обозрѣвать епархію.

Въ это время по нашей рѣкѣ въ губернскій городъ знакомый попу подрядчикъ сплавливалъ лѣсъ и взялся съ плотами тихимъ и удобнымъ манеромъ ученую птицу архіерею доставить. Попъ попугая сдалъ и сталъ ждать да гадать, чѣмъ владыка его за даръ отблагодарить. И вдругъ получаетъ приказъ немедленно ѣхать въ городъ, такъ какъ архіерей его къ себѣ, видите ли, требуетъ.

Возликовалъ нашъ попъ ужасно, ногъ подъ собою, можно сказать, не чувствовалъ. Мигомъ собрался и укатилъ, а черезъ нѣсколько дней зять его едва домой привезъ совершенно больного— жаль на него было даже смотрѣть. Заболѣлъ это онъ, видите ли, отъ архіерейскаго приѣма; владыка его такъ обласкалъ, что онъ потомъ, какъ оправился, все о птицѣ своей ученой забыть не могъ

и повторялъ: «ахъ, попугай, попугай, попочка», и уже о лучшемъ приходѣ больше не думалъ. Еще годика два прожилъ послѣ того, да и Богу душу отдалъ.

Жаль намъ было его, за много лѣтъ, знаете, привыкли къ нему, но архіерей подѣломъ далъ ему нагоняй. Вообразите, какую пакостную исторію сыгралъ попъ со своимъ попугаемъ надъ архіереемъ.

VIII.

Когда привезли попугая въ городъ и доставили въ полной, можно сказать, цѣлости и сохранности владыкѣ, архіерей, уже успѣвшій протрубить всѣ уши губернской знати о мудреной птицѣ, которою онъ раздобылся, созвалъ къ себѣ гостей и предполагалъ угостить ихъ духовнымъ пѣніемъ изъ устъ попугая.

Внесли, это, клѣтку по его приказанію, сняли съ нея покрышку, и тутъ попугай дѣйствительно привелъ всю компанію въ немалое изумленіе, а архіерея повергъ въ крупный конфузъ.

Попугай-то, видите ли, вмѣсто духовнаго пѣнія, или провозглашенія многолѣтія, что ли, вдругъ какъ зачалъ сыпать что ни на есть самой отборнѣйшей бранью, да такою, что только развѣ одни бурлаки да плотовщики, съ которыми онъ къ архіерею прибылъ, въ ней разобраться могутъ, а въ городѣ, да еще губернскомъ, до того времени еще такой и не слыхивали.

Губернаторъ, знаете, не совѣмъ въ ладахъ съ архіереемъ-то жилъ, такъ даже обидѣлся, принявъ эту попугаеву ругань на свой счетъ, рѣшивъ, что это архіерей нарочно ему такую пакость при постороннихъ устроилъ, но, какъ человѣкъ образованный и тонкому обращенію, можно сказать, обученный, и вида ему не показалъ, а только больше къ архіерею ѣздить не сталъ. А потомъ вмѣстѣ съ жандармскимъ полковникомъ такіе ему сталъ антрекоты выкидывать и пилюли строить, что наконецъ добился своего и архіерея этого отъ насъ убрали.

Архіерей же, предположивъ, что это попъ нарочно надъ нимъ злую шутку разыгралъ, въ отместку за то, что онъ его долго на плохомъ приходѣ держалъ, вызвалъ и разнесъ. Сначала, говорили, хотѣлъ даже и этого мѣста лишить, но сжалился надъ старикомъ и прописалъ ему вмѣсто того такую бучу, что тотъ тутъ же чуть съ ума не снятилъ.

— И подѣломъ влетѣло ему,—заклучилъ свой рассказъ Аврелій Ивановичъ:—лицу подчиненному нельзя прощать подобныхъ глупыхъ шутокъ, отъ которыхъ не только дисциплина подрывается, а и лично само начальство можетъ по службѣ своей пострадать.

— Ну, не уменъ же былъ вашъ архіерей,—сказалъ я.

— Да и вы, прेमногопочтенный Аврелій Ивановичъ, не далеко отъ него ушли, если такъ эту исторію понимаете,—перebilъ меня діаконъ.

— Позвольте, вы, кажется, начинаете мнѣ говорить дерзости,— съ запальчивостью возразилъ смотритель, обращаясь къ Лукіану Кузьмичу:—а этого я никому не позволю. Я вамъ не прохожимецъ какой-нибудь, я собственную кровь за Россію проливалъ и за то отъ другихъ прочихъ симъ орденомъ отличенъ. Да притомъ-съ, какъ архіерей, о которомъ я вамъ рассказывалъ, такъ и я самъ происхождю родомъ изъ Греціи. А греки всѣ умные люди. Вамъ не можетъ не быть извѣстно, что греческій народъ превосходитъ всѣхъ на свѣтѣ уже однимъ тѣмъ, что всѣ философы и ученые другихъ странъ вышли изъ Греціи.

— Что вѣрно, то вѣрно, объ этомъ я съ вами не спору,— отвѣчалъ ему діаконъ:—они всѣ вышли, какъ вы сами изволите говорить, такъ что ни одного въ ней нынѣ больше и не сыщешь, а тѣ, что изъ нея въ другія страны переѣхали, всѣ давно уже перемерли.

Не знаю, понялъ ли смотритель намекъ Лукіана Кузьмича, или не нашелся, что ему отвѣтить, но онъ пожалъ только плечами, всталъ и молча вышелъ изъ комнаты.

По его уходѣ бесѣда наша какъ-то не клеилась. Мы выпили еще по рюмкѣ настойки, закусили и легли спать.

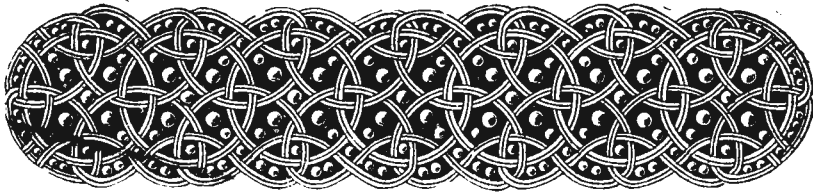
Чуть брезжилъ свѣтъ наступающаго дня, когда я былъ разбуженъ смотрителемъ, сообщившимъ мнѣ радостную вѣсть о томъ, что одинъ изъ ямщиковъ вызвался отвезти меня до слѣдующей станціи и что лошади готовы и меня ждутъ.

Поспѣшивъ встать и выйти изъ комнаты, чтобы сѣсть въ возокъ, я мелькомъ взглянулъ на діакона; онъ продолжалъ еще покоиться мирнымъ сномъ на своемъ ложѣ, подложивъ одну руку подъ голову, обвязанную по-бабьи краснымъ съ голубыми звѣздочками платкомъ.

Мнѣ стало жаль тревожить его сонъ для того, чтобы съ нимъ проститься, и, пожелавъ ему мысленно пріятныхъ сновидѣній, я тихо прошелъ мимо него и пустился въ дальнѣйшій путь.

Г. П. Анненковъ.

НАРОДНЫЙ ТЕАТРЪ.

(Изъ скитаній по провинціи).

I.

ИЩЕ задолго до возникновенія у насъ народныхъ театровъ, каковыя теперъ имѣются почти въ каждомъ благоустроенномъ губернскомъ городѣ и каковыхъ уже много есть даже въ захолустьяхъ, въ большихъ селахъ и посадахъ,—задолго до всего этого возникло у насъ въ средней полосѣ Россіи одно маленькое товарищество драматическихъ артистовъ, о которомъ я хочу рассказать здѣсь именно потому, что оно едва ли не первое положило основаніе народному театру, хотя осталось никѣмъ незамѣченнымъ, не носило характера чего бы то ни было идейнаго и погребло почти наканунѣ тѣхъ дней, когда само правительство стало строить народные театры и признало за такими театрами законную силу, дѣйствующую развивающе и облагораживающе на темныя массы.

Идея народнаго театра далеко не новая идея, даже и для нашихъ русскихъ артистовъ. «Комедійныя» дѣйствія существовали среди русскаго народа задолго до возникновенія театра. Развѣ, напр., всѣ эти святочные увеселенія, гдѣ ряженые приходили съ медвѣдями, разыгрывали царя Максимильяна, уже не есть начало, зачатокъ будущаго театра? Наконецъ, и первыми актерами на сценѣ — былъ народъ, баре считали низкимъ для себя «играть». Такъ что у насъ театръ собственно испоконъ вѣковъ былъ дѣйствительно народный, лишь только постепенно переходя въ руки болѣе выс-

шаго класса, который, увы! не развилъ, не облагородилъ театра, а скорѣе низвелъ его на степень шансонетки, оперетки, чего-то развращающаго. Наконецъ функционирующіе теперь народные театры, находящіеся въ вѣдѣніи обществъ трезвости, построенные на субсидіи правительства, для народа ничего не дали, и вся ихъ оригинальность и, такъ сказать, особенность заключается только въ отсутствіи обычныхъ буфетовъ съ крѣпкими напитками. Существующій же, такъ называемый, народный репертуаръ — есть что-то отвлеченное, къ чему относятся свысока, съ полуулыбкой, точно такъ, какъ гимназистъ 6-го класса теперь относится уже къ сказкамъ и повѣстямъ вроде «Францеля Венеціана», «Бовы-Королевича» и т. п. Я помню, да и всѣ, вѣроятно, кто интересуется театромъ, то сравнительно недавнее время, когда наше общество въ лицѣ его лучшихъ представителей такъ краснорѣчиво говорило о пользѣ народнаго театра, о его могуществѣ въ дѣлѣ борьбы съ народнымъ невѣжествомъ, пьянствомъ, о необходимости такого театра и передачѣ его въ руки интеллигенціи, которая-де сумѣетъ при его посредствѣ чуть ли не моментально доразвить народъ до себя. И что же? Правительство построило театры эти, передало ихъ въ руки интеллигенціи (т. е. обществамъ трезвости) и сказало: «дѣйствуйте!» Но дѣйствія никакого не вышло. Эта же интеллигенція, которая говорила столько красивыхъ словъ о народномъ театрѣ, когда ей дали этотъ театръ, — рѣшительно стала втупикъ и оказалась совершенно не знающей, что дѣлать съ этой игрушкой (очень дорогой) и какъ изъ нея извлекать пользу для народа. Повертѣвъ ее въ рукахъ и не найдя интересной, вскорѣ же бросила ее и передала въ руки тѣхъ же антрепренеровъ, которыхъ эта же интеллигенція недавно считала кулаками, эксплуататорами актеровъ и развратителями народа. Почти всѣ народные театры арендуются антрепренерами или товариществами артистовъ и при томъ ровно никѣмъ не контролируются дѣйствія сихъ арендаторовъ, а потому въ народномъ театрѣ попрежнему идутъ пьесы, далеко не для народа писанныя и не облагораживающія, а даже развращающія. Мало того, на сценахъ народныхъ театровъ даже иногда процвѣтаетъ оперетка.

Короче говоря, наша интеллигенція оказалась, какъ и всегда, почти далеко не наверху своихъ желаній и стремленій. Порывы у нея благіе, но, увы! они остаются только порывами; а когда она можетъ дѣйствовать, то, оказывается, не знаетъ, какъ дѣйствовать, даже не умѣетъ взяться за дѣло и охладѣваетъ къ дѣлу такъ же быстро, какъ ранѣе пламенно желало его, взывало о немъ. Въ лучшемъ случаѣ, въ дѣлѣ народнаго театра, эта интеллигенція, только удержала за собой роль контролера надъ репертуаромъ народнаго театра, но и то это только въ исключительныхъ случаяхъ, ибо даже такіе образцовые народные театры, какъ Василеостровскій, домъ Николая II въ Петербургѣ, и тѣ не блещутъ стро-

гостью репертуара, и въ нихъ ставятся пьесы, ничего общаго ни съ театромъ, ни съ драматической литературой не имѣющихъ. Что же говорить о репертуарѣ народныхъ домовъ въ провинціи, гдѣ и посейчасъ идутъ разные «Волчьи долины», «Чернокнижники», «Убійство Коверлей», «Серафима Лафайль» и т. п. пьесы, наводящія тоску и скуку, но ничего не дающія ни уму, ни сердцу народа. Да еще съ этими старыми пьесами можно мириться, хотя бы потому, что въ нихъ есть одна мораль: добродѣтель въ нихъ всегда торжествуетъ. Но вѣдь уже съ чѣмъ рѣшительно нельзя примириться, такъ это съ постановкой современныхъ фарсовъ на этихъ сценахъ, которые дѣйствуютъ, конечно, такъ же, какъ любая разухабистая оперетка.

Но я немного отклонился отъ своей задачи.

Я хочу рассказать о томъ народномъ театрѣ, мысль о которомъ давно возникла и въ актерахъ, и въ лучшихъ молодыхъ силахъ общества, но, къ сожалѣнію, эта мысль возникала только и гасла сейчасъ же, а въ рѣдкихъ случаяхъ даже приводилась въ дѣйствіе, но существовала недолго.

Первоначальной идеей народнаго театра по существу можно считать тѣ попытки (правда, очень немногочисленные) актеровъ, которые, собственно безъ всякой идеи о народномъ благѣ, отдѣлялись отъ существующихъ нормъ театральнаго благоустройства и стали впервые образовывать свои товарищества, перенося свою дѣятельность вмѣстѣ съ тѣмъ въ мелкіе пункты: въ уѣздные города, посады и даже села.

Я уже замѣтилъ, что такого рода отдѣленіе артистѣвъ отъ обычнаго русла театральнаго жизни не было вызвано никакой другою опредѣленною идеей, кромѣ желанія оказать протестъ противъ развившагося театральнаго кулачества. Къ числу этихъ протестантовъ принадлежали, конечно, молодые силы театра и при томъ силы далеко не крѣпкія, а главное не имѣющія ничего другаго, кромѣ сознанія, что ихъ силы эксплуатируетъ кулакъ-антрепренеръ, и страстнаго желанія освободиться изъ-подъ этого своего рода крѣпостнаго ига. Къ числу такихъ попытокъ надо отнести стремленія Самсонова и тѣхъ неизвѣстныхъ «птичекъ», которыя описаны г. Михайловымъ въ его романѣ «Перелетныя птицы». Такъ какъ ни Самсоновъ, ни герои Михайлова не имѣли главнаго—денегъ и большого таланта, то, понятно, изъ ихъ попытокъ ничего и не вышло. Антрепренеры, да и сами актеры изъ «здоровомыслящихъ» смѣялись надъ этими попытками и даже негодовали. Не увѣнчались успѣхомъ такія попытки возникновенія у насъ товариществъ для маленькихъ мѣстечекъ обширной Руси за отсутствіемъ матерьяльныхъ средствъ, но главнымъ образомъ, мнѣ кажется, потому, что въ основѣ этихъ всѣхъ попытокъ не было никакой точно опредѣленной идеи. Отдѣльные индивиды и тогда

уже многочисленнаго класса актеровъ понимали, что ихъ существованіе при данныхъ условіяхъ—тяжело, не обезпечено, даже позорно, но что надо сдѣлать, чтобы актеру жилось обезпеченнѣе и легче, чтобы общество не чуралось его и чтобы носить кличку актера было не зазорно, этого «что дѣлать»—не знали даже и лучшіе люди актерскаго міра. Они искали спасенія въ составленіи товариществъ, въ путешествіяхъ по уѣзднымъ городамъ и медвѣжьимъ угламъ въ чайніи одного—сборовъ, т. е. денегъ. Но суть была не въ этомъ. Чтобы актеръ могъ подняться на одну доску со всякимъ другимъ гражданиномъ и чтобы его перестали чураться, а относились съ уваженіемъ, надо что-нибудь изъ двухъ: или обладать дѣйствительнымъ талантомъ, или поставить театральное дѣло такъ, чтобы общество признало за нимъ права гражданства и увидало, что актерское дѣло—несомнѣнно полезное и хорошее дѣло, а вовсе не «комедійное» представленіе, выдуманное для потѣхи баръ. Талантовъ въ отщепенцахъ не было, а второго они не умѣли и не знали, какъ сдѣлать, и потому изъ ихъ слабаго протеста противъ традиціоннаго репертуара и режима закулиснаго міра ничего не вышло.

О народѣ, народномъ театрѣ никто не думалъ. Нужны были сборы, деньги, а что же могъ дать народъ? Антрепренеры на народъ вовсе не обращали вниманія: все ихъ вниманіе было занято мѣстной интеллигенціей въ видѣ разныхъ толстосумовъ-меценатовъ, больше одобряющихъ голое тѣло, эффектную обстановку, чѣмъ содержаніе. Маленькимъ лицедѣямъ тоже болѣе было пріятно, когда ихъ поощряли разныя превосходительства, чѣмъ дикое ораніе толпы, помѣщающейся обыкновенно на галереѣ. Что тутъ толковать о народѣ!

На сцену шли разныя лица, менѣе всего заинтересованныя гѣмъ, приносятъ ли они пользу своимъ служеніемъ и вообще приносятъ ли театръ кому-либо какую-либо пользу. Шли потому, что больше дѣваться некуда, потому что актеры были свободный народъ, весело (казалось) жили, никому не подчинялись и получали возможность кушать и пить гораздо легче, чѣмъ то же можно было получить при какомъ-либо другомъ трудѣ. Лица, пользующіяся извѣстностью, успѣхомъ, славою, были рѣдки, появлялись рѣдко, и почти ни одинъ русскій талантъ былого славнаго времени не достигъ того развитія, какое мы видимъ въ Западной Европѣ. У русскихъ актеровъ не было школы, не было выдержки, не было образованія, даже простого пониманія подчасъ того, что такое театръ и актеръ. Такого рода отношеніе самихъ лицедѣевъ, такой контингентъ актерскаго міра прежде всего не выдѣлилъ театра въ нѣчто цѣлое, стройное, положительное и не заставилъ публику, общество, считать театръ—истиннымъ дѣломъ, школой народа.

Только послѣ того, какъ началось хожденіе въ народъ русской интеллигенціи, среди актеровъ стало просыпаться какое-то новое

чувство, неясное стремленіе къ чему-то лучшему, болѣе свѣтлomu, а главнымъ образомъ это смутное чувство выразилось пока въ недовольствѣ настоящимъ положеніемъ своимъ и желаніи выйти изъ него. Это было началомъ возникновенія среди артистовъ мысли о народномъ театрѣ, мысли въ основу театральнаго дѣла положить одну опредѣленную идею, ради которой стоило бы и можно бы было не стыдятся служить театру. Броженіе такого неяснаго положенія замѣтно было, вѣроятно, во многихъ мѣстахъ Россіи, но я теперь стану говорить о той небольшой группѣ лицъ, среди которой такое броженіе появилось на моихъ глазахъ, отчасти при моемъ участіи, и о томъ, что изъ того вышло и могло бы выйти при другихъ данныхъ.

Эта группа лицъ, одухотворенная идеей, шла къ народному театру чисто путемъ индукціи и ни къ чему не пришла. Когда же правительство сознало эту идею, оно поступило иначе. Оно предложило начать работу дедуктивную и спутало этимъ все дѣло; изъ него уже ровно ничего не вышло, а самое понятіе народнаго театра совершенно извратилось.

Перейду къ разсказу.

II.

Около двадцати лѣтъ тому назадъ, именно въ то время, когда о народномъ театрѣ раздавались еще только отдѣльные голоса и при томъ вовсе не тамъ, гдѣ бы слѣдовало ждать этихъ голосовъ— въ это совершенно безыдейное время въ актерскомъ быту,— въ началѣ лѣта я получилъ открытое письмо отъ одного совершенно мнѣ неизвѣстнаго актера, который приглашалъ меня въ свое товарищество вмѣстѣ съ моей женой. Актеръ этотъ, нѣкто г. Челябинъ, предполагалъ совершить лѣтнее турнѣ по Волгѣ, по преимуществу по маленькимъ городкамъ, расположеннымъ по берегамъ великой русской рѣки, причемъ предполагалось посѣтить и большія села, вродѣ Балакова, Покровской свободы и проч. Условія были подходящи, другого мѣста мы съ женой не имѣли, а потому, конечно, приняли это предложеніе г. Челябинова и вскорѣ послѣ Пасхи выѣхали, какъ онъ просилъ, прямо въ гор. Вольскъ, откуда и начиналось турнѣ товарищества г. Челябинова. Наше товарищество именно было одно изъ тѣхъ, о которыхъ я уже только говорилъ. Оно состояло сплошь изъ молодыхъ силъ, недовольныхъ существующимъ театромъ и искавшихъ въ немъ, т. е. театрѣ, сознательнаго и хорошаго дѣла. Когда я пріѣхалъ въ Вольскъ, группа вся уже была въ сборѣ и дожидалась только насъ, чтобы начать свои дѣйствія. Я здѣсь нарочито перечислю весь наличный составъ труппы и укажу приблизительные года каждаго.

Во главѣ товарищества, его инициаторомъ и представителемъ стоялъ Г. И. Челябинъ, бывшій городской учитель, лѣтъ 25—26,

актеръ по призванію, любитель театра, но, увы! только любитель. Затѣмъ въ товарищество входили: комикъ А. А. Лидинъ, бывшій телеграфистъ, 28 лѣтъ; Полтавцевъ—актеръ съ малыхъ лѣтъ, лѣтъ 45—единственный пожилой человѣкъ; В. А. Крамолловъ (впослѣдствіи видный антрепренеръ), кончилъ городское училище, 19 лѣтъ. К. К. Ланинъ, изъ лютеранской школы, безконечно симпатичный, увлекающійся юноша 17—18 лѣтъ, Н. М. Волжинъ, изъ VI класса, лѣтъ 20, впослѣдствіи артистъ императорскихъ театровъ, и наконецъ я — также 20 лѣтъ. Изъ женщинъ были: Шадурская — лѣтъ 20, Тихомирова—такихъ же лѣтъ, Волховская — лѣтъ 18 и Каменская, моя жена, также 18 лѣтъ.

Какъ видите, здѣсь все было молодо, неспорчено, все еще жило однимъ стремленіемъ дѣлать что-то хорошее и служить не безъ пользы. Въ нашемъ товариществѣ контрактовъ никакихъ не существовало, правилъ никакихъ не было—все было основано на честномъ словѣ и на общемъ довѣрїи другъ къ другу. Кажется, ни у кого и сомнѣнія даже не возникало насчетъ того, что нашъ распорядитель можетъ что-либо дѣлать въ ущербъ намъ, его членамъ. Мы и жили-то всѣ почти коммуной и уже во всякомъ случаѣ никто не голодалъ, если былъ у Челяева или у меня, или у кого другого лишь какой-либо сантимъ. Сошлись здѣсь всѣ тѣ, кто не могъ перенести режима существующаго закулиснаго міра. Общность во всемъ доходила до того, что у насъ и костюмы были общіе, главнымъ образомъ потому, конечно, что не у всѣхъ было все нужное для сцены. Сойдясь и начиная свои спектакли, мы вовсе не имѣли въ виду никакой идеи, кромѣ одной: играть, собирать сборы и существовать. Потянулась обычная актерская жизнь: репетиціи, ученіе ролей, спектакли и т. д. Надо сказать, что на первыхъ же порахъ въ Вольскѣ намъ рѣшительно не повезло въ смыслѣ сборовъ. Я не знаю, чѣмъ это объяснить. Полагали, что вообще Вольскъ не театральный, что въ немъ большинство жители старой вѣры, не признающіе театра. Объясняли нашъ неуспѣхъ и тѣмъ еще, что играли мы въ зимнемъ, душномъ помѣщеніи да еще въ ресторанѣ, куда-де чистая публика стѣсняется ходить. Не знаю, такъ ли это, но могу сказать, что у насъ и «нечистой» публики совсѣмъ почти не было. Думаю, что и сами наши имена, а можетъ быть и игра—не внушали публикѣ ничего заслуживающаго ея вниманія, а потому она и не шла къ намъ. Кое-какъ сыгравши два-три спектакля изъ семи объявленныхъ, мы съ позоромъ должны были удирать изъ Вольска дальше куда-нибудь. Говорю съ позоромъ, потому что намъ ѣхать было почти не на что и только кое-какъ, заложивши, что у кого было, мы купили на пароходѣ артельные билеты до посада Дубовки, куда и рѣшили переплавиться,

Неудача, впрочемъ, никого, кромѣ дамъ, не смущала. Дамы были чувствительнѣе и нелегко мирились съ легкой закуской вмѣсто обѣда, а иногда и просто съ однимъ чаемъ съ хлѣбомъ. Мужчины же относились къ этому по-юношески, съ полной надеждой на будущее, совершенно не смущаясь первой неудачей. Чтобы поѣхать въ посадъ Дубовку, Челяеву пришлось лишиться портсигара и отрѣза матеріи, моей женѣ тоже какихъ-то тряпокъ; пока большаго не надо было. Покинувъ Вольскъ на пароходѣ, живо всѣ неудачи совсѣмъ забыли и всѣ мы только жили мечтой о новомъ мѣстѣ, гдѣ, казалось всѣмъ, несомнѣнно будетъ лучше. Вообще среди насъ не было ноющихъ, не вѣрящихъ, сомнѣвающихся. Если же кто-либо и задумывался, то, глядя на другихъ, живо пріободрялся и самъ, и его мрачныя думы летѣли прочь. До Дубовки мы однако не скоро доѣхали, по той простой причинѣ, что кто-то изъ пароходной публики убѣдилъ насъ заѣхать въ Камышинъ, гдѣ, по его словамъ, давно не было актеровъ, любятъ театръ и гдѣ поэтому мы сдѣлаемъ хорошіе сборы, а это было все, что въ данный моментъ намъ было нужнѣе всего, ибо и дамы наши извелись, да и сами мы нерѣдко задумывались о щакъ или гречневой кашѣ, особенно, когда видѣли обѣдающихъ на пароходѣ. Обычно мы питались теперь чаемъ съ бѣлымъ хлѣбомъ, — причемъ сахаръ выдавался мной по куску на каждыя мужчину и по два женщинамъ, — да колбасой, покупаемой на пристаняхъ и при томъ особаго приготовленія: изъ мяса, сѣрой, вродѣ ливерной, которая на половину стоила дешевле обыкновенной вареной; иногда колбаса замѣнялась воблой, рѣдко яицами, и то больше для дамъ. Итакъ, мы приняли къ свѣдѣнію сообщеніе неизвѣстнаго намъ, случайно знакомаго, господина о Камышинѣ, посоветовались и рѣшили попутиться билетами, взятыми дальше Камышина, до Дубовки, и остановиться въ Камышинѣ.

Я остановлюсь на Камышинѣ подолѣе, такъ какъ едва ли не здѣсь у насъ началось неясное броженіе на тему о театральномъ дѣлѣ, каковое позднѣе, въ дубовскомъ сидѣннѣи, перешло уже въ сознательную идею о созданіи народнаго театра и идейнаго театрального дѣла.

Въ Камышинъ мы прибыли въ половинѣ мая и почти безъ гроша денегъ въ карманѣ; достаточно сказать, что для того, чтобы съ пристани переѣхать въ номера, Челяеву вмѣстѣ со мной пришлось прежде всего отправиться въ городъ пѣшкомъ, нанять номера и попутно утилизировать мои брюки и его сюртукъ, ибо иначе нечѣмъ было бы платить извозчику за перевозку багажа, а такового у насъ было еще достаточно, хотя и не особенно цѣннаго, но зато тяжелаго, такъ, напр., Полтавцевъ возилъ съ собой около трехъ пудовъ старыхъ ролей и «выходовъ» (сценарій), каковыя, конечно, никакой цѣнности не представляли, кромѣ продажи ихъ на фунты лавочникамъ для обертки товаровъ,

Не безъ труда удалось намъ утилизировать наши вещи въ незнакомомъ городѣ. Наконецъ мы прибыли съ Челяевымъ на пристань, гдѣ уже насъ ждала съ нетерпѣніемъ вся труппа. Перетаскали вещи на ломовика и всѣ сами двинулись въ городъ пѣшкомъ, ибо номера находились на самомъ берегу Волги, какъ разъ противъ общественнаго бульвара. Эти номера, какъ и ресторанъ на общественномъ бульварѣ, тогда держалъ нѣмецъ Рыль. Здѣсь мы сняли два номера: одинъ для женщинъ, другой для мужчинъ, что было сдѣлано, конечно, изъ экономіи, да и потому еще, что гсѣхъ номеровъ было только четыре, изъ коихъ два уже были заняты для предстоящаго съѣзда мировыхъ судей.

Въѣздъ нашъ въ городъ, т. е. собственно входъ, носилъ характеръ чего-то бродячаго, цыганскаго. Расположившись въ номерахъ, Челяевъ истинно распорядительскимъ тономъ приказалъ подать самоваръ и спросилъ обѣденную карточку. Послѣднее особенно смутило всѣхъ насъ, и мы невольно переглянулись. Во-первыхъ, всѣмъ показалось страннымъ, что Челяевъ хочетъ заказывать обѣдъ, когда на это не было никакихъ ресурсовъ, а во-вторыхъ—всѣ уже такъ отвыкли отъ обѣда, что самое названіе «обѣденной карточки» удивляло.

Но Челяевъ обладалъ несомнѣннымъ качествомъ: сознаниемъ собственнаго достоинства съ примѣсю, впрочемъ, обычнаго актерскаго хвастовства, совершенно подчасъ ненужнаго, и какого-то особаго апломба. Гдѣ надо, онъ любилъ говорить свысока, менторскимъ тономъ и заставлялъ невольно себя слушать. Рекомендую кому-либо изъ публики своихъ артистовъ, онъ почему-то считалъ нужнымъ добавлять: «артистъ петербургскаго театра» или «артистка московскаго театра», хотя никто изъ насъ не имѣлъ права считать себя таковыми, ибо почти никто еще и въ Москвѣ и въ Петербургѣ даже не бывалъ. Итакъ, заказанъ былъ обѣдъ и сервировался пока что чай. Тѣмъ временемъ Вася Крамолловъ уже успѣлъ сбѣгать въ садъ, заглянуть въ ресторанъ, познакомиться съ буфетчикомъ, даже до нѣкоторой степени позондировать, такъ сказать, почву. Въ данномъ случаѣ Вася и тогда уже показывалъ свои наклонности къ чисто антрепренерской дѣятельности.

Когда мы сидѣли за чайнымъ столомъ, уплетали булки и дружно хохотали, вспоминая недавніе эпизоды изъ своего путешествія на пароходѣ,—явился Крамолловъ и съ грустной миной заявилъ намъ, что здѣсь играть негдѣ. Всѣ мы удивились. Крамолловъ же сообщилъ, что въ ресторанѣ имѣется дѣйствительно обширный залъ съ аркой и его-то можно бы было приспособить подъ театральныя представленія, но декораций нѣтъ никакихъ—надо все дѣлать снова. Это опечалило Крамоллова. Но Лидинъ сейчасъ же заявилъ: «А я-то на что? Ф-фу! Въ три дня вся сцена готова будетъ».— «Да, а на что ты купишь полотна и красокъ?» Это немного смутило

и Лидина, но Челябинъ успокоилъ всѣхъ. Онъ предложилъ объ этомъ не думать раньше времени, да и все это не дѣло собственно товарищей, а лично его, какъ инициатора и распорядителя.—«Вы сидите и ждите: придутъ и позовутъ васъ на репетицію — пожалуйста, это ваше дѣло, а все остальное безъ васъ устроится», заключилъ Челябинъ безапелляціоннымъ тономъ, слегка какъ будто даже обидѣвшись на Крамолова за то, что онъ сунулся не въ свое дѣло.

Съ этимъ согласились всѣ и предоставили полное право обо всемъ хлопотать единолично Челябину, какъ представителю товарищества, человѣку солидному и болѣе опытному въ этихъ дѣлахъ. Напившись чаю и пообѣдавши, Челябинъ прифрантился и отправился по дѣламъ, а мы всѣ расположились отдыхать, впервые послѣ долгаго поста пообѣдавши плотно и вкусно. Не могъ отдыхать и покойно сидѣть на мѣстѣ одинъ только юноша Ланинъ. Онъ всегда больше всѣхъ волновался. Его и здѣсь безпокоило, какъ и чѣмъ мы заплатимъ за обѣды, какъ вообще можно было требовать обѣдъ, когда мы не были увѣрены, что можемъ за него заплатить. Волновало и что-то еще другое, о чемъ онъ заикался, но не высказывалъ почему-то. Это тщательно сохраняемое имъ отъ другихъ волненіе происходило оттого, что въ его головѣ то и дѣло возникали настойчивые вопросы: «Ради чего? Зачѣмъ все это? Какая цѣль? Кому нужно и кому можетъ принести хоть какую-нибудь пользу?» Вопросы эти его мучили, но онъ какъ-то вскользь только иногда въ дружеской бесѣдѣ бросалъ ихъ и самъ сейчасъ же конфузился, тушевался.

Челяевъ принесъ новости неутѣшительнѣе тѣхъ, какія мы уже знали отъ Крамолова. Прежде всего играть здѣсь дѣйствительно негдѣ, но это еще не бѣда, такъ какъ содержатель ресторана не прочь построить сцену у себя за свой счетъ, но вся суть-то въ томъ, что мѣстный исправникъ не разрѣшаетъ представленій въ этомъ ресторанѣ по какимъ-то своимъ соображеніямъ. Челябинъ былъ у него, просилъ, но исправникъ посовѣтовалъ только одно: дать телеграмму саратовскому губернатору и если-де онъ разрѣшитъ играть, тогда и онъ, исправникъ, ничего съ своей стороны имѣть не будетъ. Такого рода сообщеніе да еще изъ устъ Челябинова повергло насъ всѣхъ въ уныніе, особенно же дамъ. Моя жена чуть уже не плакала и все твердила: «Заѣхали! хоть съ голоду помирай!».

Не терялъ надежды одинъ распорядитель; прежде всего онъ убѣдилъ насъ не вѣшать головы раньше времени и не показывать своего унынія содержателю ресторана, справедливо говоря, что если Рыль увидитъ, что мы ходимъ опустя носы, то больше мы уже не пообѣдаемъ. Съ этимъ нельзя было не согласиться. Челябинъ рѣшилъ послать телеграмму губернатору съ отвѣтомъ.

Рѣшилъ! Это легко сказать, но какъ исполнить? Такая телеграмма стоила минимумъ рубля три, а у насъ были гроши. Опять пошли совѣщанія, окончившіяся тѣмъ, что Челябинъ разстался со своими часами, я съ крестомъ, Крамолловъ также далъ свои часы. Все это заложили, послали телеграмму губернатору, и послѣ этого Челябинъ еще рѣшилъ рискнуть и пустить пыль въ глаза мѣстной публикѣ, что, по его мнѣнію, было необходимо въ нашихъ интересахъ и выразилось это «пусканіе» пыли въ томъ, что вечеромъ всѣ мужчины явились въ садъ и, усѣвшись на верандѣ курзала, потребовали водки и пива. Не знаю, пустили ли мы кому-либо эту пыль, о которой говорилъ Челябинъ,—но выпили здорово и завели нѣкоторое знакомство съ мѣстными жуирами, которые неизмѣнно всегда жмутся около каждой труппы артистовъ.

Потянулись дни ничего-недѣланья въ ожиданіи телеграммы отъ губернатора. Это было мучительное время для всѣхъ. Три дня мы пообѣдали, но на четвертый Рыль подалъ счетъ и просилъ уплаты по нему, въ противномъ же случаѣ любезно предупреждалъ болѣе ничего по кухнѣ не требовать. Платить, конечно, было нечѣмъ и потому снова приходилось забывать обѣды и признавать только одинъ чай съ хлѣбомъ, причемъ и самовары давать оказалось намъ запрещено и только благодаря тому, что коридорный былъ нѣмецъ и при томъ одноколонистъ съ Ланинымъ, онъ, жалѣя его и черезъ его содѣйствіе, на свой страхъ подавалъ самовары, уплачивая изъ своихъ гривенники за него. Впрочемъ, иногда madame Рыль, жена содержателя, жалѣла насъ и посылала обѣдъ дамамъ и дѣтямъ (у насъ были двѣ дѣвочки: у Челябинова и у Лидина). Какъ ни горька была эта милостыня, но голодъ не тетка и, не тронутый изъ гордости сначала, обѣдъ все же въ концѣ концовъ уничтожался немилосердно, при чемъ дамы ни за что не желали питаться только однѣ, а дѣлили между всѣми поровну. Прошла почти недѣля, а отъ губернатора никакого отвѣта не было, посылать вторую телеграмму было неловко, да и главнымъ образомъ не на что. Теперь уже жили совершенно коммунаой. Сахаръ къ чаю выдавался по куску на мужчину на весь день, а женщинамъ къ каждому чаю. Хлѣбъ рѣзался по кускамъ на равныя части. Иногда покупалась опять та же сѣрая колбаса изъ говядины или традиціонная астраханская вобла. Всѣ стали раздражительны, нервно возбуждены, порой просто злы. Въ это время наше товарищество покинули еще Полтавцевъ и Тихомірова. Они незамѣтно перетаскали свои вещи изъ номеровъ и потомъ сами скрылись, даже не попрощавшись съ нами. Такое исчезновеніе было обидно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и радовало насъ. Оба они какъ-то не гармонировали съ нашей молодостью и вѣрой въ будущность болѣе лучшую, да и, кромѣ того, двумя ртами стало меньше. Сидѣнье продолжалось. Обыкновенно утромъ мы лихорадочно пили чай и

потомъ бѣжали на телеграфъ или въ полицію—узнать, нѣтъ ли телеграммы отъ губернатора, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, уныло брели домой, сидѣли молча по разнымъ угламъ и только къ вечеру оживлялись, начиная мечтать, что, быть можетъ, завтра все измѣнится. Но завтра было то же, что и сегодня. Въ довершеніе всего исправникъ уѣхалъ по уѣзду, а безъ него ничего нельзя было узнать и начать дѣлать, если бы даже и пришло разрѣшеніе.

Такъ прошло цѣлыхъ двѣ томительныхъ недѣли.

Наканунѣ памятнаго на всю жизнь дня — четырнадцатаго въ Камышинѣ—мы въ саду узнали, что прибылъ исправникъ и имъ получена телеграмма. Сейчасъ же бросились къ нему, но онъ съ дороги никого не принималъ. Пришлось отложить до утра, когда былъ отправленъ къ нему Вася Крамолловъ, такъ какъ только у него еще сохранился вполне приличный костюмъ. Настала томительная минута. Вернулся и Вася и сообщилъ намъ такое извѣстіе: телеграмма отъ губернатора получена уже съ недѣлю, при чемъ губернаторъ устройство сцены и разрѣшеніе представленій передаетъ на усмотрѣніе мѣстнаго исправника; сей же почтенный блюститель порядка—разрѣшить не можетъ.

Извѣстіе это поразило насъ всѣхъ какъ громомъ, и мы долго сидѣли молча, изрѣдка только вздыхая, да безцѣльно произнося ничего не значащее «д-да!».

Всѣ мы, оказалось, настолько еще были глупы и чисты помыслами, не исключая и Чельева, уже искусившагося въ жизни, что рѣшительно не могли отыскать причину отказа исправника. Губернаторъ, конечно, ничего не могъ имѣть противъ спектаклей, помѣщенія, выбраннаго нами подъ театръ, онъ не зналъ и естественно другого отвѣта дать не могъ. Мѣстный же исправникъ зналъ ресторанъ Рыля и зналъ, что помѣщеніе никоимъ образомъ не можетъ быть почему-либо негоднымъ для театральныхъ представленій. Зданіе стояло на самомъ берегу Волги, особнякомъ отъ жилыхъ помѣщеній: входовъ и выходовъ имѣло много, помимо множества громадныхъ оконъ, такъ что въ пожарномъ отношеніи не могло возбуждать подозрѣній и чему-либо грозить. Какія другія причины руководили исправникомъ, мы не знали и не догадывались даже о нихъ. Только уже много позднѣе, лѣтъ черезъ пять-шесть, посѣтивъ Камышинъ вторично съ совершенно другой труппой, во главѣ которой стояла женщина, я понялъ, съ чего должны мы были начать свои переговоры о представленіяхъ съ исправникомъ, каковой на этотъ разъ въ Камышинѣ былъ все тотъ же и каковой не только на этотъ разъ разрѣшилъ намъ спектакли, но даже далъ свой рояль для нихъ и усердно посѣщалъ наши спектакли. Что дѣлать! вѣрно, вѣкъ живи, вѣкъ учись!..

Погоревали мы, посѣтовали на исправника и обратили вниманіе на свое положеніе, а оно было дѣйствительно хуже губерна-

торскаго: за номера должны, все перезаложено, денегъ ни сантима и ѣхать некуда. Послали письмо въ Дубовку и узнали, что тамъ никакой труппы еще нѣтъ. Ѣхать туда можно, но на что и какъ выѣхать изъ номеровъ? Расплатиться, конечно, было немыслимо: мы прожили двѣ недѣли, занимая два номера, и еще обѣдали. За это надо было столько денегъ отдать, что, заложивъ даже всѣ наши пожитки, мы не набрали бы нужной суммы. Уѣхать тихонько, къ чести нашей, никто не согласился, и рѣшено было поэтому откровенно признаться во всемъ г. Рылю, содержателю номеровъ, и выдать ему расписку. Эту миссію возложили на меня съ Ланинымъ. Челябинъ же обѣщался устроить другое дѣло: найти такого агента пароходнаго общества, который доставилъ бы насъ въ Дубовку и далъ бы немного еще денегъ на прокормъ и извозчика—подъ залогъ послѣдняго багажа. Миссія Челябина была тоже цекотливая. Но... все увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. И содержатель ресторана Рылъ оказался человѣкомъ не безъ сердца, и агентъ пароходнаго общества нашелся такой, что и билеты всѣмъ до Дубовки далъ и даже еще пять рублей далъ деньгами. Вѣроятно, та молодость и искренность, которыя жили въ насъ, сильно дѣйствовали на тѣхъ, кого мы просили. Содержатель ресторана г. Рылъ, напримѣръ, такъ искренно убѣждалъ насъ съ Ланинымъ бросить свои скитанія, что, видимо, онъ жалѣлъ насъ, какъ жалѣетъ отецъ своихъ заблуждающихся дѣтей.

Все было кончено. Въ тотъ же день вечеромъ мы опять шумной толпой спускались къ пароходной пристани, а позади насъ громыхала телѣга, навьюченная нашимъ багажомъ. Все горе, вся нужда, казалось, всѣми давно уже были забыты. Мы шли, весело болтая, остря и шутя и открыто смѣясь на всю улицу, какъ смѣются только дѣти. Насъ не возмущалъ больше и исправникъ даже; вспоминая его, мы только смѣялись сами надъ собой, надъ тѣмъ, что были такими дураками, сидѣли двѣ недѣли, ничего не дѣлая. Молодость брала свое. Некогда было думать о прошломъ, оплакивать его, тужить, когда впереди еще столько было жизни, простору и дѣла, хорошаго, честнаго дѣла! И потому быстро забывались вчерашнія невзгоды, уколы, нужды и весело смѣялось и жилось сегодня.

Шумной толпой ввалились мы на пароходъ, сейчасъ же всѣ перезакомились съ капитаномъ, и онъ, видимо, зараженный нашей молодостью, тоже повеселѣлъ какъ-то, прибодрился и сейчасъ же предложилъ всѣмъ переселиться въ рубку 2-го класса, такъ какъ въ третьемъ классѣ тѣсно, а во второмъ никого нѣтъ. Мы себя долго не упрашивали и повалили во второй классъ, хотя отъ агента получили только артельные билеты, дающіе право ѣхать въ четвертомъ классѣ. Загудѣла труба, пароходъ какъ-то глубоко вздохнулъ, выпустилъ клубы чернаго дыма и кряхти, точно съ натуги,

потащилъ насъ дальше и дальше, точно говоря: «нечего дѣлать! надо тащить, кряхтѣть, стонать, но тащить и тащить всю эту тяжесть!».

III.

Ланинъ этотъ переѣздъ отъ Камышина до Дубовки все время былъ задумчивѣе обыкновеннаго, держался одиноко, и только его молодые красивые каріе глаза горѣли яркимъ огнемъ, обнаруживая его внутреннее волненіе; видимо, онъ много думалъ и переживалъ что-то большое, серьезное.

Я помню эту ночь, какъ сейчасъ, хотя прошло уже двадцать лѣтъ. Я не забуду этой ночи никогда, какъ не забуду и глазъ этого чистаго ребенка Ланина, судорожнаго, сдавленнаго его голоса, почти шептавшаго мнѣ что-то непонятное, новое, но хорошее.

Мы оба стояли у борта парохода. Волга была покойна и величественна. Ея берега почти не было видно. Пароходъ тихо вздыхалъ и кряхтѣлъ. На самомъ пароходѣ всѣ спали. Гдѣ-то на носу вахтенный однообразно-уныло, монотонно выкрикивалъ: «шесть... пять съ половиной... семь»!..

И Ланинъ и я молчали. Какъ-то тоскливо-хорошо было мнѣ тогда. И вдругъ Ланинъ взялъ мою руку и крѣпко сжалъ ее... «Слушайте, насъ никто не слышитъ... Скажите мнѣ, зачѣмъ мы ѣдемъ? Ради чего? Какое дѣло дѣлаемъ? Приноситъ ли оно пользу, не тунеядцы ли мы, не глупцы ли? И надо ли дѣлать то, что дѣлаемъ мы? Честное ли наше дѣло?».

Я удивленно посмотрѣлъ на него и вдругъ почувствовалъ, что его сомнѣнія не чужды и мнѣ, что и у меня они поднимались гдѣ-то, только я не давалъ имъ выхода, подавлялъ въ себѣ. И вотъ первый разъ Ланинъ далъ толчокъ и моимъ сомнѣніямъ вырваться наружу. Мы сѣли съ нимъ на лавочку и тутъ проговорили всю ночь до утра, почти не слушая другъ друга, говорили оба за разъ, иногда даже останавливая себя: «тише, тише!» Сколько тутъ было сказано! Тутъ вылилось все, чѣмъ полны были наши молодые сердца. Такъ говорить можно только во дни юности. Въ этотъ вечеръ мы говорили о народномъ театрѣ, о такомъ театрѣ, который только могъ существовать въ нашемъ молодомъ воображеніи, но тогда, казалось, все это не такъ трудно было провести и устроить на самомъ дѣлѣ. Собственно въ эту ночь мы вдвоемъ съ Ланинымъ не говорили о народномъ театрѣ, какъ это понимается теперь, но мы говорили о томъ, что театръ не долженъ быть игрушкой, что на сценѣ не должны служить люди изъ породы «чего изволите», что сцена и отъ своихъ служащихъ требуетъ знаній, усидчиваго труда и для публики, т. е. народа, является далеко не игрушкой. Отъ этого былъ только шагъ до общаго положенія о народномъ театрѣ въ лучшемъ значеніи этого слова,

который, увы, даже лучшимъ людямъ Россіи представляется только утопіей,—такъ по крайней мѣрѣ назвалъ мой проектъ такого театра извѣстный беллетристъ и знатокъ театрального народнаго дѣла Л. Щеловъ въ одномъ изъ фельетоновъ «Новаго Времени». Что онъ былъ до нѣкоторой степени правъ—это видно изъ того, что народнаго театра по моей программѣ дѣйствительно не существуетъ.

Но народный театръ существовалъ именно въ ту памятную ночь на Волгѣ въ нашемъ молодомъ, разгоряченномъ воображеніи!..

Приѣхали мы и въ Дубовку.

Здѣсь все оказалось благополучно. Имѣлся общественный садъ гдѣ играла музыка, со стороны содержателя сада и мѣстной администраціи никакихъ препятствій не было, но зато не было совсѣмъ театра и никакого подходящаго для этого помѣщенія. Посовѣтовавшись, рѣшили построить театръ въ этомъ саду на полянкѣ. Буфетчикъ разрѣшалъ, но самъ принять какое-либо участіе въ постройкѣ рѣшительно отказался, сказавъ, что онъ даетъ намъ садъ и больше ничего. За такое одолженіе онъ будетъ брать съ насъ съ каждаго воскреснаго и праздничнаго представленія по 20% съ валового сбора, а съ будничнаго 10%. Мы были въ такихъ условіяхъ, что должны были мириться со всѣмъ, что бы намъ ни предложили, ибо больше дѣваться некуда. Согласились. Но вопросъ, какъ и на что построить театръ? Средства наши уже извѣсны. Но долго мы не думали. Прежде всего переѣхали на квартиры, ибо номеровъ здѣсь уже вовсе никакихъ не было. Дубовка хотя и именуется посадомъ, и въ ней есть даже полицеймейстеръ, но собственно это просто большое село. Вечеромъ въ тотъ же день мы на общемъ собраніи рѣшили строить открытую сцену, наподобіе тѣхъ, какія имѣлись и тогда уже въ разныхъ петербургскихъ и московскихъ загородныхъ увеселительныхъ мѣстахъ. Строителемъ такой сцены былъ избранъ я, ибо видѣлъ эти сцены—вотъ все, что давало мнѣ преимущества предъ другими по архитектурской части. Затѣмъ снова на меня и Челяева возложено было изысканіе средствъ къ постройкѣ таковой сцены. На другое утро мы съ Челябинымъ отправились по мѣстнымъ пристанямъ брать нужный лѣсъ на постройку напрокатъ. Только одного торговца нашли мы такого, который согласился отпустить лѣсъ и оказался при томъ человекомъ мало-мальски порядочнымъ. Онъ отпустилъ намъ сколько надо разнаго лѣса и даже доставить его взялся на мѣсто постройки на свой счетъ, желая за все это получить только безплатную контрамарку на всѣ будущіе наши спектакли. Конечно, Челяевъ таковую охотно выдалъ. Лѣсъ стали въ тотъ же день возить, что нѣсколько подняло нашъ престижъ въ смыслѣ кредитоспособности въ глазахъ содержателя сада. Такъ же легко нашли мы и четверыхъ рабочихъ мужиковъ, взявшихся устроить намъ

театръ по моему плану и подъ моимъ наблюдениемъ за плату, которую согласились они получить послѣ перваго представленія. Работа закипѣла, и въ два дня выстроена была обычная открытая сцена. Нужны были еще декорации, стоящія несравненно дороже самаго театра. Надо было достать полотна, прежде всего. И тутъ нашелся какой-то купчикъ-любитель, который далъ полотна сколько надо, но съ тѣмъ, чтобы по окончаніи нашихъ представленій все написанныя декорации поступили въ его пользу. На кисти и краски досталъ денегъ Ланинъ, у котораго здѣсь оказался знакомый богатый нѣмецъ-горчишникъ, съ сыномъ котораго онъ вмѣстѣ учился въ лютеранской школѣ въ Саратовѣ. Короче говоря, мы съ честью выпутались изъ всякихъ невзгодъ, и ровно черезъ недѣлю въ саду у насъ красовалась открытая сцена съ передней занавѣсью и нужными декорациями. Мѣста для публики были подъ открытымъ небомъ.

Для оркестра передъ сценой просто выкопана была яма и съ боковъ ея устроены были двѣ литерныхъ логи. Освѣщеніе, конечно, было керосиновое; тогда еще объ электричествѣ, какъ о народномъ театрѣ,—только мечтали.

Театръ былъ готовъ какъ разъ къ празднику Троицы, которая въ тотъ годъ была очень поздняя. Появились, наконецъ, и афиши. Въ первый спектакль у насъ шла «Женитьба» Гоголя и «Ночное», а во второй какая-то ужасная драма «Полночь на кладбищѣ». Начались репетиціи, подошелъ и самый спектакль. Весь успѣхъ теперь главнымъ образомъ зависѣлъ отъ погоды. Будетъ погода—будетъ публика, и мы совѣмъ восторжествуемъ; нѣтъ, пойдетъ дождь,—значить все пропало. О сборѣ съ перваго спектакля никто и не думалъ, потому что, если бы былъ даже полный сборъ, то за вычетомъ 20% буфетчику и за уплатой долговъ по постройкѣ театра и по забору за буфетомъ—намъ на марки ровно ничего не приходилось. Посчастливило совѣмъ.

Сборъ хотя и не былъ полонъ, но все же былъ очень хорошъ, при чемъ обнаружилось еще, что дочка буфетчика, сидящая въ кассѣ, не мало продавала входныхъ билетовъ въ свою пользу, что дѣлала просто: брала плату и пропускала безъ билета. Контроля же у насъ не было, да о немъ и не думали вовсе, опять-таки не допуская, чтобы барышня-кассирша могла мошенничать.

Вечеръ былъ чудный. Въ саду полно народу. Оркестръ перешелъ въ нашъ новый театръ, сыгралъ маршъ, какую-то увертюру, и занавѣсъ поднялся. Комедія Гоголя понравилась, о чемъ можно судить по тому, что публика все время смѣялась и много вызывала. Послѣ перваго же акта въ уборной Челяева появилось уже много постороннихъ лицъ—знакомиться и высказывать свое одобреніе. Челяевъ принималъ расточаемыя похвалы съ достоинствомъ, какъ нѣчто должное, къ чему онъ уже привыкъ давно. Дѣйствительно,

«Женитьба» прошла гладко для такихъ силъ, какими обладали мы. Но лично на меня произвела сильное впечатлѣніе послѣдняя пьеска—«Ночное». Такой постановки этой сценки, вообще очень жизненной, я никогда болѣе не видѣлъ. Прежде всего — Лидинъ, нашъ декораторъ, убралъ всю сцену травой и настоящей зеленью, такъ что нарисованнаго лѣса почти не было видно, затѣмъ къ самому началу представленія этой сценки вдругъ подулъ вѣтеръ и потушилъ всѣ лампы, какъ въ публикѣ, такъ и на сценѣ. Пробовали зажечь—ничего не выходило. Небо было безоблачно и полная луна какъ разъ бросала свой трепетный таинственный свѣтъ прямо на сцену. Это все было до того необычайно, что рѣшили не зажигать болѣе лампъ и играть при лунѣ. Такъ и сдѣлали.

Получилось что-то дѣйствительно фееричное. Настоящія деревья, настоящая зелень, трепещущіе листья, лунный свѣтъ—все это такъ необычайно было для театральной обстановки, что публика прямо была очарована. Надо сказать, что Шадурская, жена Челяева, и по фигурѣ и по манерамъ какъ нельзя лучше подходила къ настоящей Душѣ и къ тому же она обладала небольшимъ, но пріятнымъ и чисто русскимъ голосомъ—сочнымъ, красивымъ, здоровымъ, безыскусственнымъ. Лидинъ—прекрасно игралъ Михеича и только Челяевъ немного походилъ скорѣе на приказчика, чѣмъ на пастуха Ваньку. Но въ общемъ получилась прямо рѣдкая картинка, при чемъ иллюзія еще усиливалась тѣмъ, что суфлера не было—у него нельзя было зажечь ни свѣчъ, ни лампъ и потому играли безъ будки на память. Если «Женитьба» требовательнаго зрителя не удовлетворяла, то «Ночное» положительно привело въ восторгъ и вызвало бурю шумныхъ овацій. Я же прямо былъ въ восторгѣ отъ исполненія и обстановки и дѣйствительно никогда болѣе ничего подобнаго не видѣлъ.

Спектакль кончился. Дамы наши ушли домой, а мы остались еще подводить итоги и платить долги. Послѣ проверки кассы и расчета со всѣми осталось ровно на всѣхъ пять рублей, каковыя и рѣшено было вручить супругѣ Лидина, какъ женщинѣ опытной въ хозяйствѣ съ тѣмъ, чтобы на эту сумму она кормила всю труппу елико возможно. Способъ такой кормежки оказался очень удобнымъ и выгоднымъ. Обыкновенно такъ стали дѣлать и дальше: послѣ спектакля выдавали женѣ Лидина три рубля, на каковыя она и кормила труппу два дня, при чемъ всѣ получали обѣдъ изъ двухъ блюдъ, ужинъ изъ одного и легкую закуску утромъ, въ общемъ при такомъ веденіи хозяйства каждому стоить обходился въ день отъ 17 до 25 коп., смотря по тому, каковы были кушанья, или если обѣдающіе желали имѣть еще и третье вродѣ молока, киселя, или чего-либо сладкаго. Питаніе сообща

вообще удобно было и потому, что всѣ жили почти на одномъ дворѣ.

Здѣсь надо еще замѣтить, между прочимъ, что всю уплату долговъ по займамъ, по постройкѣ театра и залу багажа—производилъ Челяевъ, какъ распорядитель, мы же только выдавали ему нужныя на уплату деньги. Послѣ перваго спектакля всѣ, конечно, повеселѣли. Хотя никто еще ничего и не получилъ, но уже достаточно и того было, что мы погашали свои долги и могли обѣдать и ужинать теперь до слѣдующаго спектакля безъ мысли о томъ, будетъ ли чѣмъ расплатиться за то, что я сейчасъ ѣмъ. Второй спектакль прошелъ при такомъ же многочисленномъ собраніи публики, но дѣлать намъ снова не пришлось, ибо Челяевъ опять вычелъ долги по постройкѣ, по переѣзду, авторскія за спектакли въ Вольскѣ, которыя съ него требовалъ де агентъ общества писателей, за афиши и проч. Отъ спектакля тоже было удѣлено только пять рублей на общій столъ, да по мелочи выдано на табакъ и чай-сахаръ. Послѣ втораго спектакля возникло маленькое недоразумѣніе. Волжинъ спросилъ: остались ли теперь за товариществомъ еще какіе-либо долги и можно ли думать, что отъ слѣдующихъ спектаклей членамъ товарищества придется что-либо получить на руки? Челяевъ весьма увѣренно говорилъ, что, вѣроятно, на слѣдующихъ спектакляхъ можно будетъ уже дѣлать чистую прибыль на пай, получаемые членами, но что долговъ еще много. Не выкуплены еще вещи, заложенные въ Камышинѣ и Вольскѣ, не уплачено ему, Челяеву, за прокатъ пьесъ, ролей, нотъ и париковъ и проч. Послѣднее Челяевъ какъ-то говорилъ съ отгѣнкомъ неудовольствія. Исчезновение денегъ на покрытіе долговъ казалось Волжину слишкомъ большимъ. За два прошедшихъ въ Дубовкѣ спектакля было выручено валовыхъ, за вычетомъ 20% въ пользу буфетчика, около 300 руб. Изъ нихъ на товарищество пошло только 10 руб., а всѣ остальные ушли на покрытіе долговъ. Сомнѣніе Волжина, видимо, оскорбило Челяева, и онъ, не высказавъ своего недовольства, просто послѣ подсчета кассы ушелъ домой.

Всѣ мы, мужчины, оставались еще въ саду и сидѣли молча. Каждый смутно что-то хотѣлъ сказать, у каждаго была доля какого-то сомнѣнія и недовѣрія, но никто не рѣшился сказать объ этомъ открыто. Такъ пошли спектакли дальше. Сборы въ будни были небольшіе, но не въ убытокъ, въ праздники—хорошіе, но дѣлать на пай какъ-то все оказывалось нечего. Послѣ каждаго спектакля поступали все новые и новые счета, по которымъ нужно было платить, и товариществу только выдавалось на табакъ, чай и сахаръ да на общіе обѣды. Прошло шесть или семь спектаклей. Послѣ послѣдняго подсчета, когда опять дѣлать было нечего, Волжинъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что они, т. е.

Волжинъ и остальные члены товарищества, просятъ позволенія сейчасъ же собраться у меня на квартирѣ и поговорить о серьезномъ дѣлѣ. Я согласился, конечно, и мы все пошли изъ сада ко мнѣ. Былъ уже второй часъ ночи и становилось свѣтло. Жена моя еще сидѣла дома за самоваромъ и плакала; ей не въ чемъ было ходить, а починить ботинки было не на что. Съ ней, тоже печальная, сидѣла жена Лидина. Мы принялись за чай молча. Жены не спрашивали насъ о спектаклѣ, о получкѣ. Очевидно, онѣ заранее уже знали, что и на этотъ разъ никто ничего не получилъ. Молчаніе было какое-то подавляющее, всемъ хотѣлось говорить, и никто первый не рѣшался... Прихлебывая чай, все кряхтѣли, кашляли и протяжно произносили обычное, ничего не значащее «д-да!»

Наконецъ первый не выдержалъ Волжинъ. Онъ какъ-то странно, сжимая въ рукѣ стаканъ, глядя куда-то вдаль, точно простоналъ: «Такъ нельзя! такъ не можетъ быть больше!» И этотъ стонъ былъ сигналомъ для того, чтобы все вдругъ заговорили разомъ. Вѣроятно, мы и сами не понимали, что говорили и чѣмъ возмущались, потому что почти не слушали другъ друга. Въ общемъ стало понятно одно: все были недовольны самимъ дѣломъ и все сомнѣвались въ томъ, что наши деньги, заработанные, действительно шли на какіе-то долги, а не прямо поступали въ карманъ Челяева. Были замѣчены случаи полученія денегъ дважды по одному и тому же счету. Сборы показывались меньше, чѣмъ были по увѣренію буфетчика, словомъ, Челяевъ получалъ сборы себѣ, а насъ кормилъ. Когда мы прокричались, то прежде всего рѣшили позвать Челяева къ себѣ, по-товарищески ему все высказать и просить его объяснить и разъяснить наши сомнѣнія. Хотѣли отложить до утра, но Крамолловъ предложилъ позвать сейчасъ же, такъ какъ Челяевъ-де еще не спитъ и теперь никто посторонній не придетъ и не помѣшаетъ. Согласились, и самъ Крамолловъ побѣждалъ за Челяевымъ. Челяевъ жилъ почти рядомъ, однако Крамолловъ пришелъ отъ него чуть не черезъ часъ и принесъ вѣсть, которая поразила насъ гораздо болѣе и сильнѣе, чѣмъ камышинская телеграмма. Челяевъ только что уѣхалъ вмѣстѣ съ женой и суфлеромъ (жившимъ у него же) Кохуловскимъ куда-то вверхъ по Волгѣ. Крамолловъ не повѣрилъ квартирной хозяйкѣ, сбѣгалъ на пристань и тамъ самъ видѣлъ Челяева, простился съ нимъ и его женой, но ничего о нашей миссиі къ нему не сказалъ, до того былъ пораженъ неожиданнымъ отъѣздомъ.

Вѣсть была необычайна. Съ Челяевымъ мы потеряли библіотеку, потеряли и тѣ вещи, которыя закладывали въ Камышинѣ и Волскѣ, такъ какъ онѣ, хотя и должны были быть выкупленными, деньги за нихъ удержаны, но еще не были нами получены. Но

самое главное—была поколеблена наша вѣра въ человѣка, въ чистоту отношеній, въ святость нашего дѣла. Мы еще болѣе молчали. И только тотъ же Волжинъ всѣхъ вывелъ изъ задумчивости.—«Ну, что жь! Счастливый путь. Слава Богу, что такъ кончилось. Человѣка мы теперь узнали и избавились отъ ненужнаго и непріятнаго объясненія. Давайте начинать свое, новое дѣло и станемъ говорить только о немъ». И о Челяевѣ ни въ эту ночь, ни послѣ никогда болѣе никто не говорилъ изъ насъ, какъ будто его и не было. О чемъ дальше мы говорили—я не знаю. Я знаю и чувствую только одно, что такъ говорилось только тогда, что такъ говорить можетъ только юность, чистая, непорочная, святая юность и, пожалуй, скажу, что такъ могла говорить юность прошлыхъ годовъ, прошлаго времени. Теперь уже и юноши поютъ инныя пѣсни, говорятъ инныя слова и рѣчи. У меня и до сихъ поръ хранится давно пожелтѣвшій, испачканный полулистъ бумаги. Онъ мелко исписанъ и подписанъ въ ту же ночь всѣми оставшимися послѣ Челяева. Да простятъ мнѣ, читатели, если я приведу текстъ этого полулиста. Въ немъ выразилась наша тогдашняя юность, юность семидесятниковъ, выросшихъ еще на традиціяхъ шестидесятыхъ годовъ. Быть можетъ, этотъ полулистъ вызоветъ теперь на устахъ многихъ только улыбку, но и это хорошо. Лучше улыбаться, чѣмъ плакать. Я же берегу этотъ листокъ, какъ святыню, какъ память того, что человѣкъ иногда бываетъ глубоко чистъ, любитъ безгранично людей, жизнь и всю вселенную и вѣритъ, вѣритъ во все святое, хорошее, вѣритъ въ Бога.

Вотъ этотъ полулистъ:

«Мы, нижеподписавшіеся, составили это условіе между собой послѣ ряда неудачъ и желая создать хорошее дѣло, которому хотимъ служить всѣми своими силами.

«Мы признаемъ за театромъ права устной школы и потому смотримъ на театръ, какъ на серьезное, большое дѣло, служеніе которому требуетъ отъ насъ постояннаго самосовершенствованія, любви къ дѣлу и серьезнаго къ нему отношенія. Вышибленные изъ колеи жизни, пошедшіе въ актеры по инстинкту, мы теперь не хотимъ быть только трутнями общества, его развлекателями и собирателями дешевымъ трудомъ денегъ, средствъ къ жизни. Въ силу этого, мы прежде всего вовсе изгоняемъ отъ себя мысль о какой-либо обезпеченности и знаемъ, что нашъ путь скорѣе совершенно необезпеченный, но наши силы еще малы, и мы обязаны довольствоваться малымъ.

«По общему мнѣнію—театръ прежде всего нуженъ захолустью, гдѣ книгъ почти нѣтъ, школъ мало. Сюда мы несемъ свои силы и рѣшили устно знакомить захолустье со всѣмъ, что написано и сказано лучшими людьми. Поэтому нашъ репертуаръ состоятъ

долженъ только изъ классическихъ пьесъ, изъ чтенія отрывковъ классиковъ. Всѣ мы—одна семья. Всѣ получаемъ, что придется, поровну. Всѣ дѣлаемъ—все, что надо, чтобы наше дѣло шло впередъ.

«Наши театральныя правила таковы:

«1) Мы составили товарищество, члены коего всѣ равны, всѣ получаютъ одинаковыя права, всѣ обязаны играть всѣ роли, какія придется, и нести всѣ обязанности, какія будетъ нужно, безъ отговорокъ.

«2) Во главѣ стоитъ распорядитель, выбранный нами безсѣбно, пока не окрѣпнетъ все дѣло и не проникнется общей идеей всѣ члены нашего товарищества. Распорядитель является представителемъ передъ администраціей тѣхъ городовъ, гдѣ мы будемъ лицедѣйствовать. Онъ ведетъ приходо-расходъ, принимаетъ кассу, дѣлаетъ дѣлежъ паевъ, удерживаетъ установленный процентъ въ запасный фондъ, предлагаетъ репертуаръ, намѣчаетъ маршрутъ нашихъ путешествій, снимаетъ театральныя помѣщенія и т. д.

«3) Всѣ дѣйствія однако могутъ происходить съ общаго согласія и послѣ предварительнаго обсужденія всѣми.

«4) По мѣрѣ возможности товарищество пріобрѣтаетъ свое имущество: театральныя костюмы, реквизитъ, гримъ, парики; заводитъ библіотеку, какъ театральную, такъ и общеобразовательную. Выписываетъ газеты и журналы. Способствуетъ, буде на то будетъ возможность, пріобрѣтенію всего необходимаго для обученія разнымъ искусствамъ (музыкѣ, пѣнію, рисованію) и ремесламъ.

«5) Какъ мечта товарищества—устройство своей колоніи съ покупкой для нея имѣнья, гдѣ бы было свое помѣщеніе для больныхъ, престарѣлыхъ, увѣчныхъ и малолѣтнихъ, гдѣ бы была школа, церковь, больница и гдѣ бы члены товарищества въ каникулы могли всѣ бы съѣзжаться для отдыха и для совмѣстнаго обсужденія всѣхъ своихъ нуждъ и разработки схемы дальнѣйшей дѣятельности.

«6) Сознвая свои малыя силы, мы ограничиваемъ нашъ кругъ дѣятельности небольшимъ уѣзднымъ городомъ, посадомъ, селомъ и даже деревней, если это будетъ возможно, давая вездѣ спектакли при самыхъ умѣренныхъ цѣнахъ.

«7) Число членовъ товарищества неограниченно и къ товариществу можетъ примкнуть всякій желающій служить театру, знакомый съ нашими требованіями. Если бы число членовъ товарищества возросло сильно, то можетъ быть изъ него составлено другое товарищество, дѣйствующее въ другомъ пунктѣ, но подчиненное основному товариществу, съ распорядителемъ во главѣ изъ числа инициаторовъ этого товарищества и съ общей кассой. Такъ и дальше. Сколько бы ни образовалось группъ, всѣ онѣ

подчиняются одной основной, имѣютъ одну общую кассу и распорядителя или изъ инициаторовъ, или изъ новыхъ, но испытанныхъ уже членовъ.

«8) Эти первоначальныя положенія почти навсегда остаются неприкосновенными и могутъ быть только дополняемы и расширяемы, но не измѣняемы.

«9) Поступая въ нашъ кружокъ, всякій долженъ помнить, что онъ до нѣкоторой степени поступаетъ учителемъ народу, а потому и долженъ, какъ учитель, всегда быть образцомъ для ученика и его другомъ-товарищемъ.

Эти пункты мы дали слово свято блюсти и не уклоняться отъ ихъ исполненія никогда».

Дальше шли подписи.

Такъ основали мы товарищество, такъ думали мы—чистые сердцемъ и юные душой.

Замѣтьте, что въ этихъ правилахъ почти не говорится о народѣ въ томъ смыслѣ, какъ это понимается теперь, и это не безъ пѣли. Мы сознавали, что намъ съ нашими силами среди народа дѣлать нечего. Мы знали тогда, что въ народъ надо итти не съ тѣмъ театромъ, который былъ у насъ въ рукахъ. Этого театра настоящій народъ не понималъ, чуждался его и смотрѣлъ на него какъ на пустую забаву баръ. Народъ еще понималъ, что этотъ театръ не дешево ему стоитъ, ибо не одинъ актеръ, т. е. дѣятель этого театра, былъ запоротъ на конюшнѣ за то, что не умѣлъ ходить по-барски, водить руками и брать верхнія нотки. Онъ приравнивалъ и актрисъ этого театра къ тѣмъ жертвамъ, которыя выхватывались у народа помѣщиками ради первой ночи... Значитъ итти въ настоящій народъ съ театромъ надо было во всеоружіи, съ увѣренностью въ своихъ силахъ, съ вѣрой въ правду своего дѣла, а у насъ еще и силъ не было, да и правду дѣла мы только чувствовали. Вотъ почему мы не упоминали священнаго имени народа, а рѣшили сначала пробовать свое дѣло тамъ, гдѣ о театрѣ уже знали и знали въ извращенномъ представленіи, гдѣ о немъ думали несерьезно и видѣли въ немъ прежде всего все же забаву. Мы въ основѣ сами, конечно, были виноваты, но что дѣлать: мы дѣти своихъ отцовъ и научились на многія вещи, требующія серьезнаго отношенія, глядѣть легче, поверхностно, а порой совершенно ложно.

Правда, мы чувствовали хорошее дѣло, мы вѣрили въ него, всей душой хотѣли служить ему и проводить его въ жизнь, но насъ пугала новизна дѣла, пугала его серьезность, сознание своей неподготовленности и слабосилія и, кромѣ того, мы слишкомъ были честны душой. Мы знали, что, идя въ народъ,—намъ придется собирать съ него пятаки, которые онъ зарабатываетъ потомъ и кровью, а за нихъ—мы не знали—заплатимъ ли ему дѣломъ, или

забавой, шуткой. Правда, и въ уѣздныхъ городахъ, посадахъ — вѣдь тоже народъ, да тотъ не тотъ уже. Народъ этихъ поселеній уже смотрѣлъ на многія вещи нашими же глазами, онъ уже привыкъ и забаву покупать за деньги, какъ и все. Народъ же или даетъ деньги за то, что ему дѣйствительно нужно, или платитъ свои трудовыя пятаки какъ нѣчто почему-то должное, изъ-подъ плетки. Мы рѣшили обойти народъ. Рѣшили окрѣпить, самимъ развиться, развить свое дѣло, глубже увѣровать въ дѣйствительную силу театра и только тогда итти къ народу.

Поэтому мы и не назвали своего товарищества никакъ, никакимъ громкимъ именемъ, ища въ театрѣ только честнаго и полезнаго дѣла, полезнаго для другихъ и не позорнаго для того, чтобы намъ служить ему. Мнѣ остается еще очень немного сказать о нашемъ кратковременно существовавшемъ товариществѣ русскихъ драматическихъ артистовъ.

IV.

Написавъ уже приведенныя положенія нашего будущаго *société*, прежде всего мы рѣшили, что безъ гроша начинать дѣло нельзя. Нужно было достать денегъ на то, чтобы была возможность куда-либо двинуться, чтобы у насъ появилось хоть только необходимое имущество для дѣятельности, для первоначальныхъ расходовъ; безъ денегъ мы сразу становились на шаткую, зыбкую дорогу, когда бы пришлось дѣлать много уступокъ, итти на сдѣлки—чего не должно было допускать именно на первыхъ шагахъ. Мы уже видѣли, что недостатокъ средствъ заставлялъ насъ кланяться разнымъ агентамъ, буфетчикамъ, заискивать у публики, въ угоду ей мѣнять репертуаръ, т. е. попускаться своими убѣжденіями. Сообразивъ все, мы пришли къ заключенію, что на первое время намъ *minimum* надо достать 250 рублей за круговой порукой на постепенное погашеніе этого долга. Эти средства стали искать и придумывать, гдѣ взять. Пока что, сыграли еще одинъ спектакль въ Дубовкѣ своими оставшимися силами и первый разъ за все лѣто послѣ этого подѣлили между собой чистую прибыль, что-то около 10 руб. на человѣка, причемъ еще заплатили за Челябинова общій долгъ за прокатъ лѣса, за что онъ съ насъ уже вычелъ, но забылъ отдать.

Послѣ этого Волжинъ вспомнилъ о двухъ своихъ знакомыхъ, очень состоятельныхъ людяхъ, къ которымъ и рѣшился обратиться съ нашей общей просьбой. Эти знакомые сочувственно отнеслись къ нашей идеѣ, обѣщали намъ дать средства даже болѣе, чѣмъ мы просили, и звали Волжина къ себѣ для личныхъ переговоровъ. Волжинъ уѣхалъ, пробылъ тамъ недѣли три,—а мы сидѣли и ждали,—и привезъ пока столько денегъ, что можно было только погасить

наши личные долги по квартирѣ, забору въ лавочкѣ и проч. Его знакомые обѣщали еще дать средства, надо только было еще ждать немного. И Волжинъ снова уѣхалъ. А мы все сидѣли.

Наступала уже осень, когда мы получили письмо отъ Волжина, что ждать нечего. Знакомые ничего больше не дали, и онъ самъ уходитъ пѣшкомъ въ Вятку, домой, такъ какъ ему въ тотъ годъ надо было явиться къ призыву для отбыванія воинской повинности.

Уѣхали—Лидинъ, Крамолловъ... Наконецъ уѣхали и Ланинъ и я съ женой, уѣхали кто куда могъ, уѣхали чуть не Христовымъ именемъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ, пріѣхавъ въ С., конечный пунктъ, пришлось остаться на пароходѣ въ видѣ залога, пока жена съѣздила въ городъ и заложила крестъ и обручальныя кольца, чтобы расплатиться съ пароходнымъ буфетчикомъ и нанять извозчика до квартиры.

Разъѣхавшись, всѣ мы дали другъ другу честное слово не покидать своей идеи, копить деньги и когда кто-либо найдетъ возможность начать наше дѣло, то кликнуть кличъ, и на его призывъ всѣ дали слово немедленно явиться.

Прошелъ цѣлый годъ. О своихъ товарищахъ я ничего не слышалъ, кромѣ Ланина. Онъ писалъ мнѣ все время и какъ разъ лѣтомъ же прислалъ письмо, сообщая, что онъ нашелъ еще двухъ adeptовъ нашего дѣла и самое главное—средства осуществить сразу широко наше дѣло. Вскорѣ за письмомъ ко мнѣ въ С. пріѣхалъ и самъ Ланинъ. Отъ него я узналъ, что, служа въ Астрахани у Коврова (извѣстный антрепренеръ), онъ близко сошелся съ молодымъ же актеромъ Воробьевымъ, мечтавшимъ о такомъ же дѣлѣ, какъ и мы, но обладавшимъ землей, деньгами и имуществомъ. Все это онъ предлагалъ теперь намъ для нашего дѣла. И снова началась горячая пора. Воробьевъ уѣхалъ домой за имуществомъ и деньгами и обѣщался все это привезти черезъ мѣсяць, при чемъ еще хотѣлъ привезти и двухъ такихъ же членовъ нашего будущаго *société*. Ланина онъ послалъ ко мнѣ, съ тѣмъ, чтобы мы вмѣстѣ созвали всѣхъ остальныхъ своихъ товарищей и приготовили вполне опредѣленную программу нашей дѣятельности. Мы принялись за дѣло. Писали правила, намѣчали репертуаръ, составляли будущую общеобразовательную библиотеку и разослали письма своимъ товарищамъ, т. е. Крамоллову, Лидину и Волжину. Помимо этого я написалъ воззваніе къ актерамъ, напечатанное въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» Н. П. Загоскина, гдѣ указывалъ нашу цѣль и призывалъ примкнуть къ намъ.

А время шло.

Увы! на всѣ письма — не было никакого отвѣта. На печатный мой призывъ (перепечатанный даже и театральнымъ специальнымъ органомъ съ ироническими примѣчаніями) послѣдовало только одно

предложеніе и то было отъ учителя городского училища... Ни одинъ актеръ ничего не отвѣтилъ, не возразилъ, не запросилъ даже.

Нашъ капиталистъ Воробьевъ также о себѣ не писалъ ни слова и канулъ куда-то неизвѣстно. Отвѣтилъ мѣсяца черезъ два только Волжинъ, но лучше бы не отвѣчалъ.

Онъ писалъ, что придетъ къ намъ въ товарищество, когда кончитъ императорскую театральную школу, и придетъ тогда учить насъ и режиссировать.

Остались мы втроемъ: я, жена моя и Ланинъ. Пытаться больше было нечего, не съ чѣмъ и не съ кѣмъ. Мы перечитывали наши проекты, вспоминали наши планы, мечты—это все, что осталось намъ... Ланинъ вскорѣ также уѣхалъ учителемъ въ село, все же на прощанье, сжимая мою руку, съ твердой увѣренностью говорилъ мнѣ: «Но помни, какъ только мы съ тобой вдвоемъ найдемъ возможность, вѣдь мы не измѣнимъ нашей идеѣ, вѣдь да? И чтобы тамъ ни было, вдвоемъ устроимъ, создадимъ наше товарищество и докажемъ, что наша идея не утопія». Съ этимъ мы съ нимъ разстались съ тѣмъ, чтобы никогда уже болѣе не видаться... Ланинъ умеръ сельскимъ учителемъ въ холерный годъ, ухаживая за больными. Не такъ печально кончили другіе. Крамолловъ сталъ извѣстнымъ антрепренеромъ, Волжинъ артистомъ императорскихъ театровъ—и ни тотъ, ни другой ни разу болѣе не обратили своего взора въ Дубовку, въ бѣдную лачугу, гдѣ двадцать лѣтъ тому назадъ они сидѣли такіе чистые, съ такими хорошими думами и стремленіями, съ горячимъ желаніемъ создать театръ-школу, что-то серьезное, а не пустую забаву для развѣнченныхъ, вѣмъ пресытившихся, скучающихъ людей. И ни разу никто изъ нихъ теперь не подумалъ, что они, сами выходцы изъ народа, забыли этотъ народъ, ушли отъ него и за то, что онъ ихъ когда-то поилъ и кормилъ,—ничего не дали ему, ничѣмъ ему не отплатили.

Я встрѣтился съ Волжинымъ въ Москвѣ, когда онъ уже былъ премированный артистъ. Въ немъ сохранилась старая закваска, онъ съ отрадой вспоминалъ тяжелое время сидѣнья въ Камышинѣ на колбасѣ изъ отбросовъ и воблѣ, онъ по-юношески былъ счастливъ встрѣчѣ со мной, но я понялъ, что возврата къ прошлому для него уже нѣтъ и что тѣ тысячи, которыя онъ теперь заслуженно получаетъ на императорской сценѣ, ему дороже всякой идеи, всякаго идейнаго дѣла. А Крамолловъ даже пересталъ кланяться со мной, точно боялся, что я напомню ему то время, когда онъ чуть не расклевывалъ афинки, желая сократить товарищескіе расходы и чѣмъ-либо больше быть полезнымъ общему дѣлу. Такъ кончилась наша эпопея народнаго театра своими силами, съ опредѣленной идеей, но безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ. Я лично тогда же пришелъ къ заключенію, что идея ничего не

сдѣлаешь съ актеромъ, какъ бы она сама по себѣ хороша ни была, и что рубль для него дороже всего и главный стимулъ и въ его жизни, какъ и во всякой другой. Оставалось одно: или поступиться своей идеей и гнаться, какъ всѣ, за рублемъ, или же совѣмъ бросить театръ. И то и другое было и больно дѣлать и обидно.

Больно сознаться въ своемъ безсильи и признать права только одного рубля и обидно за человѣка, за его неотзывчивость, за его равнодушіе ко всякому хорошему, но новому дѣлу.

Я не бросилъ театра и пытался все же съ новыми силами и товарищами дѣлать все то же свое дѣло. Почти десять лѣтъ возился я.

Каждое лѣто собиралась труппа, случалось, составлялась она и на зиму. Мы лицедѣйствовали по маленькимъ пунктамъ. Обѣхалъ я съ такой труппой много городовъ, мѣстечекъ и сель.

Мнѣ удалось доказать только одно, что актеръ можетъ безбѣдно существовать и въ захолустныхъ городкахъ, служа театру, но я долженъ сказать, что во всѣхъ этихъ путешествіяхъ не было уже того, что было нами двадцать лѣтъ назадъ положено въ основу театральнаго дѣла. Идеи не было никакой. Около меня собирались актеры на лѣто только для того, чтобы отдохнуть лѣтомъ послѣ зимняго сезона, прожить какъ-нибудь до слѣдующей зимы. Я думалъ, что они мало-по-малу втянутся въ новое дѣло, но жестоко ошибся. Рубль, полный рубль попрежнему царилъ надо всѣмъ и отъ моей затѣи бѣжали всѣ сейчасъ же, какъ только я хотѣлъ перевести дѣло на желанную мнѣ дорогу и убѣдить людей не гнаться за рублемъ.

Но самое главное, что побудило меня отказаться долѣе преслѣдовать свою идею народнаго театра, это было равнодушіе къ ней всѣхъ товарищей, меня окружавшихъ, и почти всегдашняя измѣна главнымъ принципамъ служенія театру, такъ, какъ я понималъ его. Репертуаръ велся для толпы, жаждущей забавы, ставили даже оперетки; актеры держали себя по-актерски—пьянствовали съ разными прихлебателями и съ меценатами въ погонѣ за хорошимъ бенефисомъ, подаркомъ; актрисы кокетничали и занимались флиртомъ и въ общемъ всѣ ничего не дѣлали не только для своего самосовершенствованія, но даже просто и не учили своихъ ролей и играли «по-лѣтнему», для «захолустья», какъ-нибудь—ладно, «сойдетъ».

Я убѣдился, что мои товарищи никогда ничего не читали и пробавлялись только старыми театральными анекдотами, до нельзя плоскими, сальными и нестроумными. Съ такими товарищами нечего было и думать о народномъ театрѣ.

Въ это время стали появляться народные театры общества трезвости. Я радовался. Наконецъ-то, думалось мнѣ. Не удалось намъ, удастся это тѣмъ, у кого есть все къ тому, чтобы поставить прочно дѣло. Я бросилъ свои скитанья и пристроился къ только

что созданному народному театру, санкционированному правительствомъ, въ одномъ изъ большихъ городовъ.

Это былъ послѣдній годъ моего служенія театру, послѣ котораго я покинулъ театръ навсегда, признавъ болѣе честнымъ и полезнымъ ходить по домамъ и рубить дрова, чѣмъ служить на сценѣ.

Уже поступая въ этотъ большой народный театръ, я думалъ съ самаго начала, въ самой внѣшности найти здѣсь что-либо новое, особенное, отличное отъ обычныхъ театровъ, но ничего такого не оказалось. Само зданіе, видимо, строилось любителями, совершенно не знающими, какъ надо строить театры. Онъ былъ большой, высокій, мрачный и узенькій. Уборныя въ немъ занимали больше мѣста, чѣмъ сама сцена; а за кулисами положительно негдѣ было повернуться. Но зато въ немъ были пожарные рукава, электричество и подъ самой сценой еще столько же мѣста, сколько и наверху, совершенно никому не нужнаго. Дѣлами этого театра завѣдывалъ антрепренеръ, самый обыкновенный кулакъ-антрепренеръ. Была, впрочемъ, театральная комиссія, состоявшая изъ прокурора, судьи, земскаго дѣятеля, городского головы и еще кого-то, но эта комиссія слѣдила только за тѣмъ, чтобы на сценѣ не бросали окурковъ да въ буфетѣ не было пива и водки, что, впрочемъ, не мѣшало тому, что почти каждый спектакль полиція выводила изъ народнаго театра пьяныхъ, а иногда въ самомъ театрѣ дѣло доходило до драки. Пьесы ставились все тѣ же, именно самыя народныя: «Стенька-Разинъ», «Двумужница», «Парижскіе нищіе», «Ножъ моей жены», «Нюбея» и проч. и проч. Иногда устраивались танцы и маскарады съ сюрпризами и на нихъ сновали господа съ осоловѣлыми глазами, тупымъ взглядомъ, отъ которыхъ за версту несло казенкой; а женщины были нарумяненныя, оголенные, съ нахальнымъ выраженіемъ лица.

Театральная комиссія, казалось, этого ничего не видѣла и не понимала. Она была безконечно рада тому, что выстроила этотъ народный театръ, что въ его буфетѣ нѣтъ пива и водки—ergo все обстоитъ благополучно. Попрежнему за кулисами этого театра томились актеры, ни разу не произносящіе слова народъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда помощникъ режиссера кричалъ статистовъ: «Ну, вы! идите народъ изображать!» Попрежнему эти актеры не знали, что они дѣлаютъ, чему служатъ, за что получаютъ деньги. Попрежнему никто изъ нихъ ничего не читалъ, ни о чемъ не говорилъ, кромѣ театральныхъ сплетенъ и курьезовъ; шипѣла всюду злоба и зависть противъ пользующихся успѣхомъ. Потихоньку велся въ кулисахъ флиртъ ради лишняго хлопка, цѣннаго подарка, хорошаго сбора... И въ углу, въ хламѣ ненужныхъ декораций ваялся портретъ Пушкина, писанный для апофеоза по случаю столѣтія. Всѣ эти актеры, музыканты, парикмахеры, реквизиторы—

въ уборныхъ пили водку, говорили сальности и вовсе не думали ни о народѣ, ни о театрѣ для него, ни о своемъ дѣлѣ. Точно то, что они дѣлали, чему служили, было такое пустое, что о немъ и толковать было нечего. Интересовались только рецензіями и тѣмъ, кто сколько получаетъ, а получать всеѣмъ хотѣлось какъ можно больше.

И попрежнему эти актеры брали по 300—500 рублей въ мѣсяцъ за то, что они ничего не дѣлали, за то, что они не знали, чему они служатъ и что дѣлаютъ, и за то, что они ни разу не подумали, да надо ли кому-нибудь то, что они дѣлаютъ, приносятъ ли они кому-нибудь какую-нибудь пользу?

Это, по ихъ мнѣнію, были все праздные и вольнодумные вопросы. «Какъ же я не приношу пользу, коли отъ моихъ «колѣнъ» весь театръ умираетъ со смѣху?» утѣшалъ себя комикъ.—«Посмотрите, какъ стонетъ театръ, вызывая меня, когда я играю Отелло!» гордо заявлялъ трагикъ... Любовники и любовницы ничего не говорили, они только показывали рукой на толпу какихъ-то 'облѣзлыхъ мужчинъ и крашенныхъ, всклокоченныхъ дамъ, которыя вереницей томились у запертыхъ дверей уборной и въ кулисахъ. И все они были увѣрены, что получаютъ 300—500 руб. ежемѣсячно за то, что они таланты, за то, что они создаютъ роли.

Такъ думали актеры, музыканты и та публика, которая посѣщала театръ, та публика, въ которой никого собственно не было изъ народа, а было только извращеніе его.

Народъ же шелъ мимо театра съ обозомъ въ рваныхъ пимахъ и тулупахъ, съ кроюшкой хлѣба за пазухой и вовсе не подозрѣвалъ, что это огромное зданіе съ массой трубъ, входовъ и выходовъ, стоящее, очевидно, не мало денегъ, выстроено для него, для его просвѣщенія, для отвлеченія его отъ пьянства.

Городской, захудалый народъ толкался около театра на морозѣ, торгуя пирожками «на закуску» и всякой дрянью для развлечения во время антрактовъ.

И все эти люди думали и думаютъ, что они дѣлаютъ дѣло, что такъ и должно быть, что все это хорошо, честно, приноситъ пользу, кого-то развиваетъ, облегчаетъ и здорovitъ.

Даже тотъ актеръ, на которомъ сдѣлѣ, какъ на коровѣ, французскій колетъ, болтались, какъ на вѣшалкѣ, испанскіе трусики и на ногахъ были одѣты обыкновенныя русскія «покойницкія» туфли, а съ боку болталась шпага, присвоенная мундиру министерства юстиціи, держа въ рукахъ какую-то шляпу изъ картона, которую ни одинъ народъ въ мірѣ никогда не нашивалъ, даже этотъ актеръ воображалъ, что онъ создаетъ типъ и дѣлаетъ дѣло, обучая народъ тому, чего никогда на самомъ дѣлѣ нигдѣ не было и не будетъ, и представляетъ изъ себя настоящаго гранда или гидальго, какихъ никогда не существовало. Мало того, въ русскихъ пьесахъ каждый фатъ непременно хотѣлъ перещеголять другого фата и для

того надѣвалъ такіе штаны, какихъ ни одинъ самый отчаянный фатъ не нашивалъ въ жизни, и повязывалъ галстукъ такихъ размѣровъ, что не было видно головы. Это все должно было быть типично и реально, но все это было и есть только пошло и неумно, чтобы не сказать больше.

Но и этого мало. Эти актеры играли пьесы, изображающія никогда не существовавшихъ людей и событія, какъ нѣчто серьезное и реальное.

Здѣсь не было никакого искусства, тутъ даже это слово звучало какимъ-то анахронизмомъ.

Здѣсь также царилъ только одинъ рубль и оправдывались все средства, лишь бы они приносили въ кошель антрепренера побольше этихъ рублей.

Какъ-то сумрачно смотрѣли нарисованные на плафонахъ портреты Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Островскаго, Шекспира, Шиллера. Они точно хотѣли сказать: «зачѣмъ же мы-то еще здѣсь понадобились, когда и безъ насъ все идетъ хорошо, да и мы, говорятъ, уже устарѣли, перестали собирать для васъ рубли. Снимите насъ отсюда или замѣните другими, потому что намъ стыдно быть здѣсь, видѣть все и молчать и молчать...»

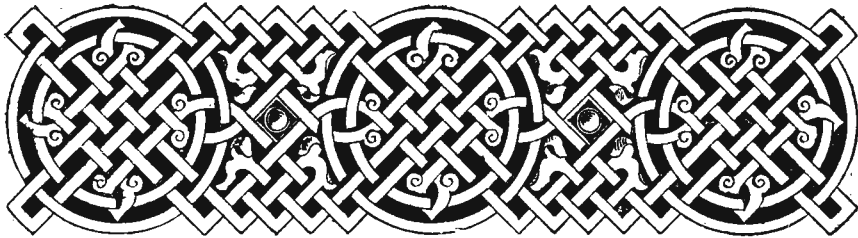
Но довольно!

Пора и кончить о народномъ театрѣ. Онъ существуетъ, кажется, уже болѣе десяти лѣтъ и за все свое существованіе никого не облагородилъ, ничему не научилъ, не уменьшилъ пьянства и разврата и не принесъ никому никакой пользы. Пора и вывѣску снять съ него. Наступаетъ другое время, идетъ въ жизнь могучей волной настоящій народъ, и да не смутится онъ тѣмъ зрѣлищемъ, которое носитъ его кличку, но о которомъ онъ ничего не знаетъ, и, узнавъ, станетъ только отрецицироваться, какъ отъ чего-то нечистаго.

Откройте двери народнаго театра, пусть онъ провѣтрится, пусть изъ него улетятъ тѣ миазмы, которыя дѣйствуютъ удушливо, заражающе на свѣжаго человѣка. Пора актеру съѣхаться не для того, чтобы судачить о союзѣ, о кассѣ взаимопомощи, пріютахъ, а о томъ поговорить, чтобы дать народу что-либо разумное, доброе, вѣчное; чтобы актеръ самъ сталъ благороднѣе, честиѣе, развитѣе. Пора подумать о томъ, что съ народа надо брать деньги не за ту отсебятину, которая царитъ въ театрѣ. Пора подумать о томъ, чтобы театръ сталъ не только мѣстомъ развлечения, но и устной школой народа, въ которой онъ такъ нуждается, памятуя, что никакая книга, никакой учебникъ не дѣйствуетъ такъ сильно, какъ живая, здоровая, образная рѣчь. Вотъ это будетъ настоящее актерское дѣло, почетное, славное дѣло, за которое не придется краснѣть.

Пора, давно пора! Ломка начинается вездѣ, во всемъ, надо сломать и старый, затхлый театръ и создать новый, свѣтлый, чистый.

Ник. Беккаревичъ.

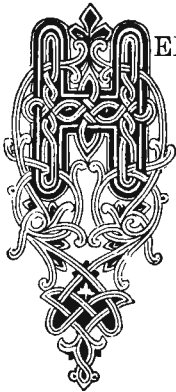

ВЪ ДЕБРЯХЪ ЛИТВЫ.

(Впечатлѣнія поѣздки по дѣламъ мелкаго кредита).

I.

Пейзажъ и жанръ. — Историческій колоритъ.

МЕБО, ельникъ и песокъ... Невеселая дорога... Дѣйствительно, очень невеселая, да къ тому же еще и крайне непрятная. Мы пустились въ объѣздъ Ковенской губерніи въ мартѣ мѣсяцѣ, въ самое скверное время въ этомъ непривѣтливомъ краѣ съ чрезвычайно сырымъ климатомъ, о которомъ съ чувствомъ нѣкоторой неловкости, какъ бы извиняясь за такой беспорядокъ, упоминаетъ даже составитель официальной «Памятной книжки». Ѣздить приходилось больше на лошадахъ, и притомъ «на вольныхъ», такъ какъ маршрутъ нашъ пролегалъ по такимъ мѣстностямъ, на которыя еще не распространены блага «почтовой гоньбы». А извѣстно, что представляетъ собою ѣзда «на вольныхъ»: простая крестьянская телѣга, обильно выложенная соломой, и пара заморенныхъ клячъ, неустанно поощряемыхъ сперва кнутомъ, а потомъ (когда кнутъ перестаетъ воздѣйствовать) кнутовищемъ, причемъ изобрѣтательный возница иногда для разнообразія начинаетъ тыкать имъ въ наиболѣе чувствительныя мѣста конскаго организма. Подобнаго рода ѣзда мѣтко характеризуется извѣстной малороссійской поговоркой: «скількі вбешь,

стѣльки вѣдешь». Этотъ способъ передвиженія при извѣстныхъ обстоятельствахъ не лишенъ, собственно говоря, нѣкоторыхъ удобствъ: есть достаточно времени, чтобы размышлять, кому нравится мечтать, а то даже и поспать. Но это не теперь. Снѣгъ почти сошелъ съ полей, и дорога представляетъ собой густую, съ подмѣсью песка и глины, грязь, въ которой грузно вязнуть колеса, издавая слегка скрипящій звукъ. Въ воздухѣ стоитъ холодная, пронизывающая, истинно ковенская сырость, а сверху все время мороситъ какая-то смѣсь изъ мокрыхъ капель, снѣжинокъ и такъ называемой крупы.

Но всѣ эти невзгоды не въ силахъ задавить живое, бодрое настроеніе духа, въ какомъ нашъ небольшой отрядъ выѣзжалъ изъ Петербурга и которое, надѣюсь, безъ особыхъ комментариевъ понятно всѣмъ, кому приходится большую часть времени задыхаться въ душной канцелярской атмосферѣ. Для меня лично эта поѣздка представляла еще особый интересъ...

Области, входившія когда-то въ составъ такъ безславно погибшаго Польско-Литовскаго государства, уже давно интересовали меня своимъ историческимъ прошлымъ. Немало времени посвятилъ я изученію исторіи и литературы польскаго народа—и мнѣ всегда хотѣлось живыми глазами видѣть то, съ чѣмъ я знакомился книжнымъ путемъ. Странное ощущеніе испытывалъ я, когда ѣздилъ по Польшѣ и Литвѣ. Словно бы случайно попалъ въ какой-нибудь старинный замокъ, гдѣ вчера только закончился многодневный (какіе бывали встарину), шумный пиръ. Стѣны, чудится, полны еще мощныхъ звуковъ оркестра, гремѣвшаго въ эти дни; полъ носитъ рѣзкіе слѣды лихой, бѣшеной пляски, тутъ и тамъ лежатъ необрушенными осколки разбитой посуды, мебель разбросана въ не особенно живописномъ безпорядкѣ, хозяева и прислуга еще не вошли въ колею обыденной жизни и, поводя посоловѣлыми глазами, никакъ не могутъ привыкнуть къ той тишинѣ, которая замѣнила громкій говоръ, пѣніе, бѣшено отбиваемый тактъ мазурки и весь пьяный чадъ бала...

Съ тѣхъ поръ, какъ разыгрался послѣдній актъ того Валтасарова пира, въ который обратилась жизнь Польскаго государства въ послѣднія столѣтія предъ раздѣлами, и хищные сосѣди подѣлили между собою наслѣдство Ягеллоновъ, коренное населеніе Польши и Литвы, какъ мнѣ пришлось наблюдать при поѣздкахъ, и до сихъ поръ не перестаетъ тосковать о своемъ миломъ прошломъ, крѣпко замкнулось въ отгороженномъ міркѣ своего національнаго и религіознаго культа, мужественно отражая всѣ попытки русскаго режима разгородить этотъ мірокъ, и все еще—даже до послѣдняго времени—считаетъ настоящее свое положеніе какимъ-то промежуточнымъ, чѣмъ-то вродѣ «временно обязаннаго» состоянія. Словомъ, жизнь никакъ не хочетъ войти здѣсь въ нормальную обыденную колею.

Спеціальныя цѣли поѣздки дали мнѣ возможность довольно близко познакомиться со всѣми тремя классами сельскаго населенія: дворянствомъ (иначе—помѣстной шляхтой), духовенствомъ и крестьянствомъ.

«Мы—лишенные правъ состоянія»—эту фразу вы неизмѣнно услышите сразу же, какъ только вамъ придется въ разговорѣ съ литовскимъ помѣщикомъ коснуться общихъ вопросовъ западно-русской политики. И вы видите, что эта фраза—не пустое кокетство; въ ней вылилась вся горечь обиды, что накопила здѣсь въ помѣщичьемъ сословіи непрерывно съ 1863 г. «Конечно, мы загнулись (т. е. провинились), тяжело загнулись. Но развѣ можно за грѣхи отцовъ карать дѣтей?» И дальше въ видѣ комментарія слѣдуетъ длинный перечень тѣхъ правовыхъ, имущественныхъ, вѣроисповѣдныхъ и прочихъ ограниченій, какія и поднесъ тяготѣютъ надъ здѣшнимъ краемъ.

Наша поѣздка (1905 г.) какъ разъ совпала съ эпохой знаменитаго «довѣрія». Князя Святополкъ-Мирскаго вся Литва хорошо знала и очень уважала. Поразительно было наблюдать, съ какимъ трепетнымъ вниманіемъ, какъ бы затаивъ дыханіе, весь край прислушивался къ каждой вѣсти изъ Петербурга, долетавшей сюда газетнымъ или изустнымъ путемъ, въ надеждѣ вотъ-вотъ услышать, что «нашъ князь» вспомнитъ наконецъ о ненормальныхъ общественныхъ условіяхъ, въ которыя поставлено населеніе этого края и которыя такъ хорошо извѣстны ему, и однимъ росчеркомъ пера поставитъ крестъ надъ всѣми ненужными запрещеніями.

Дѣйствительно, литовскому помѣщику живется не легко. Я думаю, не столько тяжелы для него прямыя, реальныя послѣдствія всѣхъ тѣхъ ограничительныхъ постановленій, на какія русскій режимъ никогда не скупился для здѣшняго края, сколько самое сознаніе, что его—взрослаго, культурнаго, лояльнаго человѣка—все время держатъ на положеніи какого-то школиваго, плутоваго школьника, котораго всякій полунынный урядникъ можетъ взять да и выдрать за уши. И главное—всѣхъ раздражаетъ мысль, до коихъ же поръ все это будетъ тянуться. «Ну, хорошо, 1863 годъ... Насъ наказали. Но доколѣ же будутъ наказывать?..» Ударъ разъ, ну—ударъ два, но зачѣмъ же до безчувствія?—И дѣйствительно, пора бы забыть прошлое и не доводить людей до окончательнаго озлобленія.

Какъ относится литовская интеллигенція къ намъ, русскимъ? Чужая душа—извѣстно—потемки... Одно могу сказать: я вынесъ глубокое убѣжденіе, что нерѣдко раздающіеся толки о враждебности здѣшняго населенія ко всему, что носитъ русское имя, есть въ лучшемъ случаѣ неосновательная легенда. Во всѣхъ концахъ губерніи я встрѣчалъ искреннюю привѣтливость, полное доброжелательство и замѣчательно тонкую деликатность. Правда, гово-

рятъ, что болѣе продолжительное взаимное сожителство обыкновенно ведетъ къ разочарованію и охлажденію. Можетъ быть, спорить не буду. Впечатлѣнія мои, конечно, субъективны, но все же пусть они будутъ закрѣплены на этой страницѣ, какъ свидѣтельство очевидца.

Нѣтъ, однако, худа безъ добра. Разныя ограниченія въ правахъ заставили литовскаго помѣщика, что называется, впитаться въ землю, вцѣпиться въ нее и ей одной посвятить свои труды и заботы. Оттого-то земледѣльческая культура поставлена здѣсь на такую высоту, о которой и мечтать не могутъ наши русскіе хозяева, по большей части бросающіе все хозяйство на руки наемнаго приказчика. На хозяйство литовскаго помѣщика, право, любодорого взглянуть: столько вложено здѣсь личнаго труда, заботы, а главное—любви.

Одну лишь черту никакъ нельзя похвалить въ здѣшнемъ помѣщицѣмъ сословіи: это—его отношеніе къ крестьянству. Конечно, эпоха «быдла» миновала безвозвратно, но самая широкая эксплуатація, основанная на умственной темнотѣ здѣшняго крестьянства и нѣкоторой забитости, господствуетъ въ полной силѣ. Между прочимъ однимъ изъ удобнѣйшихъ средствъ для такой эксплуатаціи является тотъ самый мелкій кредитъ, подлежащій моему изслѣдованію, который по идеѣ долженъ содѣйствовать экономическому высвобожденію крестьянства изъ-подъ власти богатыхъ и сильныхъ. Какъ это происходитъ—будетъ видно изъ дальнѣйшаго повѣствованія.

Духовенству принадлежитъ выдающаяся роль въ общественной жизни края. Между прочимъ ксендзы принимали и принимаютъ немаловажное участіе и въ судьбахъ мелкаго кредита, а потому мнѣ пришлось довольно близко познакомиться со многими почтенными представителями мѣстнаго духовенства, подолгу бесѣдовать съ ними—конечно, не только о мелкомъ кредитѣ—и узнавать много любопытнаго. Постараюсь обобщить свои наблюденія.

Можно считать вообще общепризнаннымъ, что ксендзы пользуются громаднѣмъ, почти непререкаемымъ авторитетомъ въ глазахъ католическо-польскаго и литовскаго простонародья (въ этомъ, между прочимъ, и разгадка, почему русская власть никогда не спускала съ нихъ своихъ подозрительныхъ глазъ). Хорошо ли это, дурно ли—объ этомъ пришлось бы говорить очень долго. Фактъ тотъ, что формула—«tak ksiądz w kościele mówił» (ksenдзъ такъ сказалъ въ костелѣ)—освящаетъ въ глазахъ простонародья все, будь то даже такая нелѣпость, что «Pan Jezus i Matka Boska mówili po-polsku» (Господь Иисусъ и Матерь Божія говорили на польскомъ языкѣ). Идея непогрѣшимости, надо полагать, проведена въ католической церкви очень строго по всѣмъ инстанціямъ.

Въ губерніяхъ съ литовско-жмудскимъ населеніемъ ксендзы пользуются сугубымъ авторитетомъ даже по сравненію съ своими собратьями въ царствѣ Польскомъ и Юго-Западномъ краѣ. Въ «Виленскихъ очеркахъ» покойнымъ Мосоловымъ высказано замѣчаніе, что образъ правленія въ этихъ губерніяхъ слѣдовало бы назвать теократическимъ—и это въ существѣ дѣла справедливо. Простекаетъ это прежде всего отъ той всезахватывающей религіозности, какая свойственна литовцамъ и жмудинамъ. Культъ Распятія едва ли гдѣ получилъ столь широкое распространеніе, какъ въ Ковенской губерніи. Улица въ каждомъ селѣ представляетъ собою какую-то своеобразную аллею изъ крестовъ: у каждой крестьянской усадьбы водруженъ одинъ, а то два-три креста, въ ознаменованіе тѣхъ или иныхъ, радостныхъ или печальныхъ событій въ семьѣ хозяина усадьбы. Тутъ и тамъ возлѣ полевой дороги высятся громаднхъ размѣровъ деревянныя кресты съ аляповатыми фигурами святыхъ въ миниатюрныхъ кіотахъ, помѣщенныхъ внизу распятія. У каждаго перекрестка, возлѣ границы волости, уѣзда, имѣнія, при вѣздѣ въ одиноко-раскинутую усадьбу помѣщика—всюду путешественника осѣняетъ этотъ характерный крестъ, грубо сколоченный изъ громаднхъ брусевъ. Костелы, правда, невелики, обставлены бѣдно (не то, что въ Юго-Западномъ краѣ), но набожная паства во время совершенія мессы охвачена такимъ изступленнымъ экстазомъ, что—будь вы сколько угодно невѣрующій человѣкъ—едва ли будете въ силахъ противостоять чувству невольнаго умиленія.

Но, кромѣ этой религіозности, ставшей, кажется, второй натурой литовца, есть еще одна причина, почему въ глазахъ здѣшняго простонародья такъ высоко стоитъ авторитетъ ксендза. Дѣло въ томъ, что ксендзы—плоть отъ плоти и кость отъ кости народа даже въ примомъ, буквальномъ смыслѣ. Вслѣдствіе целибата въ католическомъ духовенствѣ нѣтъ сословной наслѣдственности; кадры же его пополняются изъ среды простонародья. Всякій болѣе или менѣе достаточный поселянинъ лепчетъ завѣтную мечту—вывести одного изъ своихъ сыновей въ ксендзы, не доѣдаетъ и не досыпаетъ, добывая лишнюю копейку, и ставитъ ее ребромъ, лишь бы провести сына черезъ тотъ образовательный искусъ, который ведетъ къ сутанѣ и тонзурѣ. И нужно отдать справедливость литовскимъ ксендзамъ—они не только не отшатываются отъ вскормившей ихъ крестьянской халупы, но, получивъ знанія и вліяніе, твердо становятся на защиту крестьянскихъ интересовъ, не задумываясь для этого иногда жертвовать добрыми отношеніями съ могущественнымъ помѣщичьимъ классомъ. Любопытная и характерная особенность: въ царствѣ Польскомъ, а особенно въ Юго-Западномъ краѣ, ксендзы—по происхожденію большею частью тоже крестьяне—отвернулись отъ сѣрой сукманы и льнутъ къ помѣщи-

чьему классу. Въ Литвѣ ксендзы представляютъ собою сознательную народническую партію; оттого-то, быть можетъ, литовская помѣщичья среда, тяготящаяся къ польской культурѣ, относится къ ксендзу съ худо-скрываемымъ недоброжелательствомъ, третируетъ его нѣсколько свысока... Но литовскій ксендзъ, нисколько не смущаясь этимъ, высоко держитъ свое знамя защитника крестьянскихъ интересовъ, и помѣщику никакъ не удастся заманить его въ свою переднюю, какъ то удалось въ Юго-Западномъ краѣ...

Остается народъ... Какъ и всюду, онъ безмолвствуетъ. Шевченко объясняетъ это безмолвіе народа его благоденствіемъ: «у насъ—говорилъ онъ—все молчатъ, бо благоденствуютъ». Благоденствуютъ ли здѣсь народъ?—Весьма сомнительно. Онъ думаетъ свою крѣпкую думу безъ шума—и едва ли кому дано разгадать смыслъ его тайныхъ думъ и упованій...

II.

Первый этапъ. — Уголовныя перспективы.

..... Ковно. Первоклассная крѣпость и долина Мицкевича. Говорятъ, эта знаменитая долина составляетъ теперь одну изъ составныхъ частей крѣпости, которая устроена такъ замысловато, что, любясь долиной, вы вовсе и не подозреваете, что находитесь въ крѣпости; «оптический обманъ» этотъ станетъ для васъ ясенъ лишь тогда, когда за спиной у васъ словно бы изъ-подъ земли вырастетъ часовой съ ружьемъ, который пригласитъ васъ пожаловать кой-куда для удостовѣренія личности. Нечего и говорить, что у насъ пропадаетъ всякая охота видѣть такую опасную достопримѣчательность. Мы сдѣлали кой-какіе дѣловые визиты, поглазѣли минутъ пять на топорный монументъ въ честь изгнанія Наполеона изъ Россіи, обѣгали мѣстные старинные костелы и затѣмъ порѣшили, что можемъ выѣхать изъ Ковна съ совершенно спокойною совѣстью.

Первый этапъ—мѣстечко Грабигола. Намъ предстоитъ не особенно пріятная перспектива изслѣдовать темную дѣятельность мѣстнаго ссудо-сберегательнаго товарищества, въ которомъ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, администрація не особенно строго различаетъ деньги общественныя отъ своихъ собственныхъ и вообще не кладетъ окулки на руку. «Совершенно довѣрительно» кто слѣдуетъ извѣститъ наше бюро, что товарищество давно уже стяжало нехорошую славу разными кассовыми не порядками, при чемъ финансовыя палости членовъ правленія исчислялись довольно кругленькой суммой въ десять тысячъ рублей. Дѣло, видимо, было серьезное, и въ виду пожилого возраста товарищества наше бюро отрядило маленькую «карательную экспедицію» въ составѣ

трехъ человекъ. Заодно намъ предложено было попутно засвидѣтельствовать свое нижайшее почтеніе и нѣкоторымъ другимъ товариществамъ, которыми губернія эта не бѣдна (ихъ оперируетъ здѣсь до 40).

Готовясь къ посѣщенію ковенскихъ товариществъ, я заранѣе рѣшилъ, что исторія возникновенія ихъ стоитъ въ тѣсной связи съ тѣмъ періодомъ польскихъ общественныхъ настроеній, которыя основаны были на принципѣ «граса organiczna» (органической трудъ). Говорю «польскихъ», потому что до самаго послѣдняго времени передовой классъ Литвы шелъ объ руку съ Польшей (съ «короняжами») въ осуществленіи единой культурной и политической программы. Нужно при этомъ замѣтить, что послѣ катастрофы 1863 г. въ польскомъ обществѣ получило перевѣсъ теченіе, направленное къ трезвому, практическому труду; по теоріи этой, польскому народу слѣдовало, пользуясь возможными выгодами своего положенія, направить все вниманіе на всесторонній ростъ своего экономическаго и культурнаго благосостоянія, оставивъ широкія національно-политическія мечты до лучшаго будущаго. Словомъ, трезвый практицизмъ положенъ былъ во главу угла политической, экономической и національной программы. Я и полагаю, что ковенскія ссудо-сберегательныя товарищества организованы тѣми дѣятелями, которые, потерпѣвъ въ 1863 г. крушеніе лучшихъ своихъ надеждъ, рѣшили работать на пользу народную не при бенгальскомъ огнѣ и трескѣ фейерверковъ, а при свѣтѣ лучины и «каганца».

Въ отдѣльныхъ случаяхъ по всѣмъ видимостямъ это такъ и было. Среди организаторовъ ковенскихъ товариществъ встрѣчались и народники-помѣщики, и ксендзы, которые, запершись въ своихъ усадьбахъ или влѣбаняхъ, жили интересами не одного только стяжанія и брались за тяжелый трудъ будничной помощи народу. Такъ, въ флякишскомъ товариществѣ, гдѣ нынѣ въ чрезвычайно трудной формѣ протекаетъ процессъ ликвидаціи, еще и доселѣ живетъ благодарная память о ксендзѣ-организаторѣ и руководителѣ товарищества, который руководствовался не со всѣмъ подходящимъ для кредитнаго учрежденія высокимъ евангельскимъ принципомъ: «просящему у тебя дай». И онъ давалъ всякому просящему столько, сколько тотъ просилъ, зная и вѣдать не желая о его «имущественной состоятельности и нравственной благонадежности», какъ это теперь обязательно требуется. Въ своемъ благочестивомъ добродушіи онъ исходилъ изъ того правила, что отказывать просителю было бы прямо преступно. Вскорѣ, однако, на смѣну этимъ чистымъ, благороднымъ, хотя нѣсколько непрактичнымъ идеалистамъ, пришли наемники, завладѣвшіе дѣломъ «сквернаго ради прибытка». Такихъ именно наемниковъ мы и встрѣтили въ грабигольскомъ товариществѣ.

Ровно въ полночь мы прибыли на глухую, маленькую станцію Датновъ (по Либаво-Роменской жел. д.). До Грабиголы отсюда верстъ 40, и мы заранѣе рѣшили, переночевавъ на станціи, пуститься въ дальнѣйшій путь раннимъ утромъ. Ночевка была недурна. На ст. Датновъ, повидимому, никогда никакихъ пассажировъ не бываетъ, такъ что мы комфортабельно расположились на скамейкахъ въ залѣ II класса. Къ числу удобствъ можно отнести и то, что зала, за отсутствіемъ пассажировъ, видимо, никогда не отопляется, такъ что здѣсь стоялъ чистый, свѣжій, нѣсколько, правда, морозный воздухъ.

Выспались мы такъ хорошо, что уже въ шестомъ часу утра были на ногахъ и, постукивая зубами отъ холода, держали совѣтъ, какъ бы напиться чаю (буфета на вокзалѣ не полагается) и гдѣ бы раздобыть лошадей. Первое не представило особыхъ затрудненій: за небольшую мзду ближайшій стрѣлочникъ притащилъ намъ изъ своего наблюдательнаго поста громаднѣйшій самоваръ, къ которому мы припали съ неяснымъ усердіемъ. Не такъ скоро порѣшенъ былъ вопросъ о подводѣ. Извозный промыселъ здѣсь совершенно не развитъ. Пришлось поэтому командировать одного изъ сторожей въ ближайшій хуторъ, откуда не ранѣе какъ чрезъ три часа прибылъ требуемый экипажъ, именуемый здѣсь «драбинякомъ» (это—высокая телѣга для сноповъ).

Нечего и говорить, что весь день мы проѣхали шагомъ, утѣшая себя взаимными увѣреніями, что доблестному воинству на поляхъ Манчжуріи приходится не въ примѣръ тяжелѣе. Уже вечерѣло, когда возница, протянувъ свой кнутъ, провозгласилъ: «Грабигола»... Жалкая картина! Нѣсколько десятковъ приземистыхъ строеній, густо окутанныхъ мглой непогоды. Миновавъ торопливо махавшую крыльями вѣтряную мельницу, мы дѣлаемъ почему-то крутой загибъ и, спустившись съ небольшого холма, въѣздаемъ въ мѣстечко, въ которомъ, по наведенной мною официальной справкѣ, числится немногимъ менѣе 400 жителей.

Привѣтствовавъ перваго встрѣтившагося грабигольца неизбѣжнымъ здѣсь «*niech będzie pochwalony Jezus Chrystus*» («да прославится имя Господа Иисуса»), узнаемъ отъ него неутѣшительную вѣсть, что тутъ нѣтъ ни одной гостиницы, нѣтъ даже того, что зовется постоялымъ дворомъ (по-мѣстному—забѣдный домъ). А евреи есть? Оказывается, что и въ этомъ отношеніи Провидѣніе не особенно милостиво къ Грабиголѣ: есть одно лишь еврейское семейство. Приказываю все-таки повернуть оглобли къ обиталищу сыновъ Израиля въ твердой увѣренности, что разъ есть еврей, значить есть и корчма. Такъ оно и оказалось.

Когда мы вошли во внутренніе апартаменты корчмы, на насъ пахнуло такой застарѣлой сыростью, обвѣяло чѣмъ-то такимъ ѣдкимъ, отвратительно-кислымъ, что едва голова не закружилась.

Пришлось однако съ этимъ помириться. Хозяинъ сперва довольно опасливо обозрѣлъ насъ, но, прельщенный, видимо, тѣмъ, что мы безъ всякаго торга приняли всѣ его условія, согласился отвести намъ комнату. Наряду со всякими другими свойствами, комната обладала еще и тою особенностью, что внушала желаніе какъ можно скорѣе уйти изъ нея. Мы поэтому сразу же направились въ товарищество, зданіе котораго запримѣтили раньше. Да и нельзя было не замѣтить: по сравненію съ остальными жалкими лачугами этотъ просторный каменный домъ казался какимъ-то роскошнымъ палаццо. Половина его отведена подъ лавочку общества потребителей, въ другой помѣщается товарищество. Здѣсь застаемъ только сторожа, который заявляетъ намъ, что всѣ три члена правленія, помѣщики, живутъ въ своихъ вотчинахъ верстахъ въ десяти отъ Грабиголы. Приходится вновь мѣсить грязь по пути въ волостное правленіе.

День былъ праздничный, когда по закону начальству полагается отдыхать и обывателю возбраняется беспокоить его по какому бы то ни было поводу. Въ присутственной комнатѣ за дѣловымъ столомъ, убравъ съ него подальше книги и бумаги, трое какихъ-то господъ совершали возліаніе Бахусу. Нечего и говорить, что нашъ приходъ встрѣченъ былъ крайне непріязненно, и на мой почтительный вопросъ:—Не могу ли я видѣть по дѣлу г. волостного старшину?—одинъ изъ возлежавшихъ надменно опросилъ насъ:—А по какой такой причинѣ вамъ потребовался волостной старшина?—Къ такому тону я привыкъ уже давнымъ-давно и встрѣчаю его съ тихою покорностью. Опытъ убѣдилъ меня, что этотъ тонъ такъ глубоко свойственъ представителямъ провинціальной администраціи, что было бы даже нѣсколько удивительно и необычно, если бы къ рядовому обывателю сей представитель обратился въ тонѣ вѣжливомъ и деликатномъ. Нужно еще при этомъ замѣтить, что въ развѣздахъ по дѣламъ мелкаго кредита волей-неволей приходится носить довольно архаровскій видъ, не внушающій зрителю никакого довѣрія. Все это настолько мнѣ извѣстно, что я обыкновенно безъ дальнихъ объясненій прямо предъявляю измятую четвертушку бумаги, объясняющую цѣль моихъ скитаній. Расчетъ оказывается вѣренъ: эта бумажка обыкновенно вызываетъ одно изъ тѣхъ самобытно-русскихъ превращеній, какихъ, какъ извѣстно, не выдумалъ бы самъ Овидій.

Тутъ, однако, произошло цѣлыхъ три превращенія: одинъ изъ сотрапезниковъ, выпрямившись во весь свой громадный ростъ, началъ торопливо застегиваться, другой какъ-то вдругъ поблѣднѣлъ и даже слегка затрепеталъ, третій моментально куда-то исчезъ по-добру по-здорову. Первый, какъ оказалось, и былъ волостной старшина, второй — его братъ, злосчастный членъ правленія товарищества, третій—совершенно неизвѣстное «лицо безъ рѣчей», ни къ товариществу, ни къ волости не относящееся.

Послѣ краткихъ объясненій мы всѣ направились въ зданіе товарищества, захвативъ съ собой свѣчу, веревки, скругчъ и волостную печать, и съ самымъ зловѣщимъ видомъ совершили операцію «опечатанія кассы», какъ то полагается во всѣхъ такихъ случаяхъ. Тутъ же мы написали, скрѣпили, запечатали и разослали письма членамъ правленія и совѣта съ приглашеніемъ пожаловать утромъ слѣдующаго дня для извѣстныхъ дѣлей.

Этого утра я никогда не забуду.

Членовъ правленія, конечно, мы застали всѣхъ на мѣстѣ. Среди угрюмаго молчанія мы сорвали печати, размотали веревки и съ довольно тяжелымъ предчувствіемъ пригласили предъявить кассовую наличность, которой по балансу ко дню нашего пріѣзда числилось свыше двадцати тысячъ рублей...

Наличныхъ денегъ набралось рублей триста. Взамѣнъ же остальныхъ многихъ тысячъ главенствующій членъ правленія сталъ предъявлять намъ небольшіе конвертики съ какими-то интимными іероглифами на верхней сторонѣ. Въ каждомъ такомъ конвертикѣ (всего было ихъ свыше 30) оказалась расписка на простомъ клочкѣ бумаги какого-нибудь помѣщика на 500—800—1000 рублей, изрѣдка при этомъ одна или двѣ процентныхъ бумаги, внесенныхъ въ видѣ залога. Выдачи эти рѣшительно нигдѣ не были записаны по той простой причинѣ, что ихъ и нельзя было записать: всѣ онѣ противозаконны. Процентныхъ бумагъ, въ которыя обращенъ былъ запасный капиталъ товарищества (тысячъ свыше 15) тоже не оказалось на мѣстѣ, такъ какъ онѣ сдѣлались жертвой весьма хитроумной комбинаціи правленія. Эти бумаги были проданы, а вырученныя деньги записаны въ видѣ займа, сдѣланнаго грабигольскимъ товариществомъ у..... грабигольскаго товарищества. Потомъ, конечно, денежки расползлись по тому же руслу—на меліоративныя дѣла окрестныхъ помѣщиковъ. Выходило похоже на извѣстный фокусъ: «Вы видите платокъ? Вотъ онъ.—Теперь нѣтъ его». Скрѣпя сердце, приходилось убѣждаться, что пятью днями—какъ я рассчитывалъ—тутъ не отдѣлаешься.

Перспектива эта не предвѣщала ничего пріятнаго. Въ зданіи товарищества вѣяло запахомъ какой-то убійственной гнили, и уже послѣ часовой работы мы всѣ трое почувствовали острую головную боль. Изъ разспросовъ оказалось, что въ домѣ давно появился грибокъ... Придешь въ корчму—и тамъ не легче: правда, грибка нѣтъ, но стоитъ пронизывающая сырость, которая ползетъ изъ оконъ, со стѣнъ, отъ земляного пола. Уже на второй день не только вся одежда и обувь на насъ отсырѣли, но даже все, бывшее въ чемоданахъ, сдѣлалось мокрымъ, хоть выжми.

Но это зло еще не такъ большой руки. Дѣло въ томъ, что уже съ перваго дня пребыванія въ Грабиголь мы абсолютно лишены были покоя. Въ первый же день вечеромъ, лишь только

послѣ опечатанія кассы мы приступили къ чаепитію, какъ за стѣной послышалось какое-то смятеніе, звякнули шпоры и затѣмъ, видимо растерянный, хозяинъ вошелъ въ нашу комнату доложить, что насъ желаетъ видѣть «панъ ассессоръ» (иначе говоря—становой приставъ). Нечего дѣлать, мы побороли досаду и пригласили гостя пожаловать.

Посѣтитель, брезгливо оглядывая неблестящую обстановку нашего обиталища, заявилъ прежде всего, что мы остановились совсѣмъ не тамъ, гдѣ по рангу намъ слѣдовало бы остановиться. Нужно было ѣхать прямо къ ксендзу-пробоцу, у котораго и свободная комнатка есть, и хорошая закусочка всегда найдется. Гость изъявилъ готовность сейчасъ же все это обдѣлать. Долго пришлось намъ отговариваться отъ этой заманчивой перспективы, ссылаясь на то, что намъ придется пробыть нѣсколько дней и т. д. Панъ ассессоръ предложилъ тогда совершенно новую комбинацію: онъ прекрасно устроитъ насъ у кого-либо изъ окрестныхъ помѣщиковъ, которые, конечно, будутъ весьма польщены... Тутъ ужъ мы наотрѣзъ отказались, сославшись на инструкцію, которая строго повелѣваетъ соблюдать «единство мѣста».

Со слѣдующаго дня потянулась цѣлая вереница неожиданныхъ визитеровъ. Первымъ пріѣхалъ панъ Градулевичъ, старый, весьма почтенный помѣщикъ, назвавшій себя организаторомъ товарищества. Оно его любимое дѣтище, въ него вложилъ онъ столько труда, посвятилъ ему лучшія мечты, весь жаръ души.

— Ну, что, какъ вы нашли дѣла его? — заканчивалъ онъ, пытливо оглядывая всѣхъ насъ.

Не порадовали мы его своими вѣстями: въ товариществѣ крупныя злоупотребленія, дѣло совсѣмъ распатано, есть даже подлоги...

— Друзья мои, но что же дѣлать, какъ и чѣмъ помочь? — прерывалъ онъ эти сообщенія, горячо пожимая всѣмъ намъ руки.

— Средство одно: пусть всѣ интимныя позаимствованія, сдѣланныя помѣщиками изъ товарищеской кассы, немедленно будутъ возвращены.

Взоръ пана Градулевича какъ-то сразу потухалъ.

— Но какъ же это сдѣлать? Вѣдь теперь такое тяжелое время, весна, денегъ ни у кого нѣтъ, притомъ же еще всеобщій кризисъ (а тогда уже чувствовались грозные предвѣстники того страшнаго экономическаго и политическаго потрясенія, которое теперь гремитъ полновзвучными раскатами).

Но это мы отвѣчали излюбленной бюрократической фразой: «это ужъ не наше дѣло» — прибавляя въ умѣ: «любишь кататься—люби и саночки возить».

Два дня прожилъ панъ Градулевичъ въ Грабиголѣ, очаровывая насъ своей бесѣдой и за утреннимъ чаемъ, и за обѣдомъ, и

во время вечерняго отдыха, всегда начиная бесѣду одной и той же фразой: «О, какъ я васъ полюбилъ, мои молодые друзья... никакъ не могу разстаться съ вами...»

На смѣну пана Градулевича появилось еще нѣсколько пановъ. Иногда послѣ такого приѣзда членъ правленія Радкевичъ — главный воротила въ товариществѣ — вдругъ предъявлялъ двѣ-три сторублевыхъ ренты, извинившись при этомъ, что онъ въ первый день какъ-то позабылъ это сдѣлать. Въмѣсто ренты потомъ пошли только купончики.

Въ одинъ изъ вечеровъ мы были удостоены посѣщенія представителей противоположнаго лагеря — изъ «стана погибающихъ» (читатель дальше увидитъ, что тутъ мало преувеличенія). Возвратившись какъ-то сумерками изъ товарищества, мы застали въ корчмѣ большую толпу простолюдиновъ, а минутъ черезъ пять хозяинъ, уже вполнѣ освоившійся съ ролью докладчика, вошелъ извѣстить, что это крестьяне желаютъ съ нами побесѣдовать по дѣламъ товарищества. Въ качествѣ лидера выступилъ отставной солдатъ, умѣющій — хоть и не безъ труда — говорить по-русски (что здѣсь встрѣчается незаурядъ). Я далъ ему высказать все: что вкладовъ никому не возвращаютъ, что на общихъ собраніяхъ не даютъ никому слова сказать, что никому ссудъ не выдаютъ, что при взысканіи ссудъ насчитываютъ безсовѣстныхъ издержки по взысканію, что — какъ говорятъ — паны всѣ деньги между собой подѣлили и т. д. Когда солдатъ окончилъ свой длинный обвинительный актъ, я отвѣтилъ, что почти все это уже для насъ не новость, что мы наткнулись еще на большія преступленія, чѣмъ извѣстно членамъ, что все это будетъ включено въ протоколъ, который потомъ прочтутъ на общемъ собраніи. Съ тѣмъ мы и разстались.

А между тѣмъ въ товариществѣ открывались все болѣе некрасивыя вещи. Дѣло принимало нешуточный оборотъ. Даже отдѣльные представители товарищеской администраціи, желая выгородить себя изъ этой грязной исторіи, стали заявлять, что правленіе раздало много крупныхъ ссудъ помѣщикамъ, а расписки взяты либо отъ имени родственниковъ по всѣмъ линиямъ и степенямъ, либо просто подписаны вымышленными фамиліями. Такимъ образомъ въ роли заемщиковъ фигурировали просто-напросто призраки, своего рода «мертвыя души»!

Даже и въ нормальныхъ своихъ проявленіяхъ ссудная операція въ этомъ товариществѣ достойна скривжалей исторіи. Въ общемъ дѣло обстоитъ такъ. Когда-то давнымъ-давно неосторожный обыватель грабигольскаго района, нуждаясь въ деньгахъ, имѣлъ несчастіе связаться съ товариществомъ. Дали ему, конечно, немного, рублей 50; но при этомъ продѣлали какіе-то малопонятные расчеты, такъ что расписку онъ долженъ былъ написать на 75 р.

И бысть вечеръ, и бысть утро, минулъ годъ—его заставили опять написать расписку уже на 85 р.; еще чрезъ годъ расписка выросла уже до 100 р. (процентъ причислялся къ капитальной суммѣ долга). Еще чрезъ три-четыре года членъ товарищества узнаеть, что дальше выѣзжать на одиѣхъ распискахъ нельзя, такъ какъ больше 150 р. товарищество не имѣеть права выдавать въ ссуду (развѣ тайкомъ какому-нибудь помѣщику). Нужно уплачивать хотя бы проценты. Полѣзъ онъ въ свой кошель, отдалъ 18 р. и ушелъ, бормоча не то—*matka Boska zmiluj sie nad nami*, не то—*niech was wszystkie dziabli wezma*. Лѣтъ пять платилъ онъ по 18 р. аккуратно, наконецъ немоту стало. Пересталъ тогда и ходить въ товарищество, надѣясь на тотъ «авось», который, очевидно, входитъ въ экономическую программу русскихъ гражданъ разныхъ національностей. Но правленіе не перестаетъ вести строгій учетъ грѣхамъ заемщика. Мнѣ приходилось видѣть въ лице-выхъ счетахъ аккуратныя отмѣтки правленія самаго ужасающаго свойства. Вотъ для примѣра за просроченный долгъ въ 150 р. начислано процентовъ 122 р. 50 к. да пеней 25 р. 50 к., а всего 148 р.; иначе говоря—долгъ удвоился. Вся эта сумма и будетъ взыскиваться съ должника съ присоединеніемъ расходовъ по взысканію.

На время нашего пребыванія въ Грабиголѣ пришлось два операционныхъ дня. Интересъ представляла не ссудная операція (да ея почти и нѣтъ), а вкладная. Является вкладчикъ, покорно проситъ выдать ему маленькую часть своего вклада и тутъ же торопливой скороговоркой начинаетъ перечислять изъяны своего хозяйства: телѣга изломалась, чинить нужно, борону новую нужно купить, сапоги вотъ совѣмъ износились, сукмана въ дырѣяхъ—тутъ вкладчикъ продемонстрировалъ предъ присутствующими прорѣхи своего костюма, повернувшись сначала вполоборота, потомъ спиной. Велика была радость вкладчика, когда правленіе, покосившись въ нашу сторону, соизволило удовлетворить его просьбу. Столь странные приемы вкладной операціи объясняются просто. Не располагая свободной кассовой наличностью, которая уплыла на дружескія ссуды собратьямъ-помѣщикамъ, правленіе ввело порядокъ, что вклады возвращаются лишь подъ тѣмъ условіемъ, если вкладчикъ представить удовлетворительное объясненіе, что деньги ему дѣйствительно нужны и при томъ на какую-нибудь серьезную и неотложную хозяйственную потребность.

Всему бываетъ конецъ—наступилъ вождедѣнный конецъ нашего пребыванія въ Грабиголѣ. Счетоводство было изслѣдовано, корень всѣхъ золъ отысканъ. Съ облегченнымъ вздохомъ на этотъ разъ покинули мы присутственную залу товарищества и засвѣтло вернулись въ свою корчму, чтобы успѣть къ утру переписать протоколъ нашего изслѣдованія. Я сталъ приводить въ систему

многочисленныя ремарки, обрисовывающія дѣятельность этого необыкновеннаго товарищества, мой товарищъ ожесточенно скрипѣлъ перомъ, переписывая протоколъ. Мартовская ночь длинна—осталось еще нѣкоторое время и для сна.

Невзирая на самую ненастную погоду, администрація товарищества прибыла изъ своихъ «загородъ» для выслушанія протокола въ полномъ составѣ. Документъ этотъ оглашенъ былъ среди самаго сумрачнаго молчанія. Чтеніе заняло около часа времени. Что было прибавлять къ сухимъ цифрамъ протокола, когда сами цифры эти, можно сказать, вопіяли къ небу?.. Послѣ необходимой паузы («возраженій нѣтъ»...) стали прикладывать руки. То же угрюмое молчаніе. Одинъ лишь панъ Радкевичъ, взявши перо, комментировалъ свои чувства короткимъ замѣчаніемъ: «Ну, что жъ, приходится самому себѣ приговоръ подписать»...

III.

Среди лѣсовъ и болотъ. — Зловѣщая встрѣча.

... «Вставайте!.. Мы проспали Лушу... Ёдемъ теперь въ Вайнодень»...

Я съ трудомъ открываю глаза. Сквозь оконныя стекла видны снопы искръ, разсыпаемыхъ локомотивомъ, смутно слышенъ симметрическій стукъ колесъ и лязгъ буферовъ, фонарныя стекла жалобно дребезжатъ, въ разныхъ концахъ вагона на разнообразныя лады всхрапываютъ пассажиры «дальняго слѣдованія». Въ вагонѣ душно. Второй часъ ночи.

Мой товарищъ продолжаетъ тормошить меня за рукавъ и хотя я знаю, что онъ человѣкъ веселый и шутливый, но по выраженію лица сразу вижу, что онъ на этотъ разъ не мистифицируетъ.

Хлопнула дверь, и вошелъ кондукторъ, съ виноватымъ лукавствомъ поглядывая въ нашу сторону. Пріятель сразу же набрасывается на него—судя по смягченному тону, уже повторнымъ пріемомъ: «Какъ же это такъ, братецъ мой! Ты чего смотришь? Почему не разбудилъ?» — Кондукторъ безпомощно разводитъ руками, еще разъ извиняется и съ самымъ добродушнымъ видомъ предлагаетъ свои услуги по части ручного багажа. Слышенъ продолжительный свистокъ, поѣздъ, постепенно задерживая свой бѣгъ, останавливается; кондукторъ торопливо бѣжитъ съ нашими вещами въ захудалый вокзалъ. Минуты двѣ раздается тяжелое пыхтѣніе локомотива и торопливые шаги по перрону, затѣмъ звонокъ—и поѣздъ тихо уплываетъ въ глубокую чашу дремучаго лѣса. Мы провожаемъ его меланхолическимъ взоромъ.

— Долго ли ждать встрѣчнаго поѣзда?

— Два часа.

— Ну, это пустяки.

Мы стараемся не смотрѣть другъ другу въ глаза—до того намъ досадно и обидно. Проспать остановку!

А впрочемъ, если хорошенько разобрать дѣло, то не такъ ужъ мы и виновны. Вѣдь въ поѣздкахъ по дѣламъ мелкаго кредита и спать-то приходится не регулярно, а урывками, гдѣ и какъ придется. А на этотъ разъ мы попали въ вагонъ послѣ двухъ большихъ перегоновъ на лошадахъ въ самое злѣйшее ненастье и послѣ двухъ малосонныхъ ночей. Дѣло въ томъ, что по милости нашихъ желѣзнодорожныхъ порядковъ (лучше сказать, беспорядковъ) намъ пришлось оставить свой строго-обдуманый маршрутъ, въ которомъ полагались и перерывы съ отдыхомъ, и остановки, и пуститься, едва не очертя голову, куда глаза глядятъ. Это было нѣчто майнъ-ридовское. По прихоти Свѣнцянскаго подѣздного пути, заславшаго нашъ багажъ невѣдомо куда (его пришлось потомъ разыскивать двѣ недѣли), намъ пришлось приостановить путешествіе въ Поневѣжѣ, а чтобы не тратить понапрасну времени въ ожиданіи, пока разыщутъ нашъ багажъ, мы рѣшили съѣздить на ревизію ближайшаго Новосельскаго ссудо-сберегательнаго товарищества.

Мѣстонахождение этого товарищества въ уставѣ его обозначено какъ-то туманно: имѣніе Іодканы Новосельской волости. Мы и договорили подводу лишь до м. Новое Село въ томъ расчетѣ, что имѣніе Іодканы тутъ же гдѣ-нибудь поблизости въ верстѣ-двухъ отъ мѣстечка. На двадцативерстный перегонъ пришлось посвятить пять часовъ,—ѣхали все время шагомъ по невылазной грязи. Къ довершенію невзгодъ всю дорогу мнѣ пришлось выслушивать горькія причитанія своего товарища за всю эту неосновательную за-тѣю. Уже въ сумерки добрались мы до Новаго Села. Оказалось, нѣчто еще болѣе несчастное и мизерное, чѣмъ Грабигола. Мы такъ продрогли и измучились, что рѣшили здѣсь переночевать, тѣмъ болѣе, что врываться ночью въ мирную помѣщичью усадьбу было бы неблагопристойно. Подѣзжаемъ къ волостному правленію и любопытствуемъ прежде всего узнать, гдѣ же эти самые Іодканы.

— А это верстѣ 12 отсюда.

— Въ такомъ случаѣ нельзя ли тутъ намъ переночевать?

— Нельзя.

И мы сами видимъ, что нельзя: волостная зала—маленькая конурка, гдѣ и сейчасъ негдѣ повернуться, а насъ вѣдь трое.

Постоялаго двора въ мѣстечкѣ нѣтъ. Чайной общества трезвости тоже нѣтъ. Вообще переночевать случайному путешественнику негдѣ; это подтверждаетъ и ямщикъ, хорошо знающій Новое Село.

Изъ проклятой проблеммы—возвращаться въ Поневѣжѣ, или пускаться на ослѣпъ въ Іодканы, мы избираемъ послѣднее. Будь что будетъ. Трогай, ямщикъ!

Я начинаю утѣшать себя тѣмъ, что мы проѣзжаемъ историкороманическимъ путемъ, быть можетъ, какъ разъ по той тропѣ, по которой когда-то вѣрный вахмистръ Сорока спасалъ раненаго Радзивилломъ полковника Кмитица (вспомните вторую часть «Потопа» Сенкевича). Но трудно настроить себя на поэтическій ладъ, когда кости прямо коченѣютъ отъ холода, а впереди предстоитъ непріятная перспектива всполошить объятую, быть можетъ, мирнымъ сномъ помѣщицью усадьбу и, пожалуй, выслушать отъ хозяина справедливый укоръ—«принесло, молъ, васъ, крапивное сѣмя». Да и пейзажъ къ тому не располагаетъ. Въмѣсто вѣковыхъ дремучихъ лѣсовъ кругомъ тянутся черныя, унылыя поля съ рѣдкими кучками чахлаго кустарника. Остается одно: занастись терпѣніемъ, покрѣпче стиснуть зубы и утѣшать себя хоть тѣмъ, что впоследствии, въ Питерѣ, сидя у камина, пріятно будетъ вспоминать въ дружескомъ кругу о тѣхъ разнообразныхъ невзгодахъ, какихъ не занимать стать въ поѣздкахъ по дѣламъ мелкаго кредита.

Когда изъ достаточнаго-таки запаса терпѣнія осталась одна послѣдняя капля, вдали замелькали симметричныя точки огней, и ямщикъ, свернувъ съ тракта, вѣхалъ въ сосновую аллею, приведшую насъ прямо на дворъ усадьбы. Въ господскомъ домѣ огни уже затушены, но во флигелѣ еще не спятъ. На вызовъ ямщика («а отзовитесь тамъ, кто въ Бога вѣруеть!») выходитъ какая-то фигура. Происходитъ краткій діалогъ.

- Это Іодканы?
- Іодканы.
- Гдѣ тутъ банкъ?
- Банка тутъ нѣтъ.
- Быть не можетъ! Куда же онъ дѣвался?
- Раньше когда-то тутъ былъ банкъ, но его перевели къ брату нашего пана, въ имѣніе Полѣсе.
- А панъ дома?
- Панъ спятъ.
- А до Полѣсе далеко?
- Полторы версты.

Ну, будь что будетъ, ѣдемъ въ Полѣсе. Трогай, ямщикъ! Терпѣнія уже не осталось, его замѣнила какая-то злобная унылость. Теперь все стало безразлично: коситься, морщиться, даже бранить стануть—все равно, пусть выбранять, лишь бы пустили подъ крышу, въ тепло, лишь бы разрѣшили растянуться хоть на полу и дать покой измученному организму.

Къ счастью, всѣ опасенія наши оказались напрасны. Въ Полѣсе еще не спятъ. Хозяева принимаютъ насъ съ такимъ радушіемъ, что я начинаю сомнѣваться, такъ ли ужъ поляки и литовцы не любятъ насъ, русскихъ, какъ о томъ стараются разгла-

шать наши обрусители. На другой день, вставши пораньше, успѣваемъ въ одинъ день выполнить всю процедуру, какая намъ предписана, а въ сумерки усаживаемся на весьма удобные возы и начинаемъ нырять по ковенскимъ ухабамъ и кочкамъ. Около полуночи послѣваемъ какъ разъ къ поѣзду на какомъ-то полустанкѣ.

Лишь въ пятомъ часу утра возвращаемся въ Лушу, гдѣ намъ слѣдовало быть въ часъ ночи. Отъ станціи до мѣстечка Коргуляны, куда лежитъ нашъ путь, верстъ семь. Послѣ невозможной ѣзды на несчастнѣйшей жидовской клячѣ, которую жестоковѣрный возница непрерывно угощаль увѣсистой палкой, добрались мы съ разсвѣтомъ до этихъ злополучныхъ Коргулянь. При вѣздѣ въ подобные географическіе пункты возникаетъ роковой вопросъ: гдѣ остановиться? Пытаемся прежде всего бомбардировать корчму, несмотря на ея зловѣщую наружность... Ямщикъ долго колотитъ и въ двери, и въ ставни, обходя со всѣхъ сторонъ это мрачнѣйшее зданіе, наконецъ изнутри слышно что-то вродѣ человѣческаго голоса. «Можно остановиться, есть мѣсто?» во весь голосъ кричитъ ямщикъ, и послѣ небольшой паузы передаетъ намъ утвердительный отвѣтъ. Затѣмъ все стихаетъ, но мы напрасно ждемъ, когда же наконецъ предъ нами раскроются гостепріимныя двери корчмы. До насъ доносится какой-то говоръ многихъ голосовъ, затѣмъ снова все стихаетъ. По нашему приказу ямщикъ вторично начинаетъ колотить въ окна и двери. Ну, что тамъ? Ямщикъ медленно возвращается къ повозкѣ и заявляетъ, что мѣста нѣтъ. Но куда же оно такъ быстро дѣвалось? Тутъ ямщикъ, хорошо знакомый съ мѣстными условіями, заявляетъ, что оно, конечно, мѣсто-то есть, но что, вѣроятно, въ корчмѣ ночуетъ много контрабандистовъ, такъ какъ Коргуляны представляютъ собою транзитный пунктъ контрабанднаго промысла; они-то, вѣроятно, и потребовали, чтобы хозяинъ не впускалъ новыхъ, неизвѣстныхъ людей. Тутъ словоохотливый ямщикъ добавляетъ, что эти контрабандисты переправляютъ и людей, и лошадей, и что за людскую голову берутъ 1 рубль, а за лошадиную 4 рубля; но мы, не дослушавъ его дальнѣйшей реляціи, велимъ ему отъѣхать отъ этого любопытнаго пункта подальше.

Пробуемъ добиться успѣха въ слѣдующей инстанціи, каковою въ настоящее время является чайная попечительства о народной трезвости. Хозяинъ жмудинъ больше мимикой, чѣмъ словами, объясняетъ, что мѣста нѣтъ; правда, есть двѣ комнатки во второй половинѣ дома, но онѣ даже заколочены; тамъ никто не живетъ и всю зиму не топилось. Но мы хватаемся за эти двѣ комнаты, какъ за якорь спасенія. При входѣ на насъ пахнуло атмосферой погребя; нисколько не смущаясь, мы велимъ хозяину начать усиленную топку всѣхъ печей, а сами начинаемъ отогрѣваться всѣми способами.

Съ восходомъ солнца направляемся въ помѣщеніе товарищества. Какъ разъ застаемъ операціонный день, въ просторной комнатѣ толпится много народа. Обозрѣвъ грамоты, коими мы аккредитованы, члены правленія объявляютъ намъ, что ревизію придется дня на два отложить, потому что завтра будетъ общее собраніе. «Что жъ, это очень пріятно, что намъ удастся присутствовать на вашемъ общемъ собраніи,—заявляемъ мы:—ревизіи откладывать мы не станемъ, а лишь сдѣлаемъ перерывъ въ день общаго собранія». Правленіе съ нескрываемымъ удивленіемъ отнеслось къ нашему заявленію, что перспектива присутствовать на общемъ собраніи доставляетъ намъ удовольствіе, но не обмолвилось ни однимъ словомъ по этому поводу и принялось за отправленіе своихъ обычныхъ обязанностей. Мы подсѣли къ столу и созерцали обычную въ ковенскихъ товариществахъ картину, какъ вереница сѣрыхъ сукманъ вносила установленную годовую дань за право носить званіе члена ссудо-сберегательнаго товарищества.

Посидѣвъ при этомъ «производствѣ операціи» до часу дня, когда правленіемъ объявленъ былъ обѣденный перерывъ, мы возвратились въ свою храмину, и тутъ же немедленно явился къ намъ визитеръ, одинъ изъ окрестныхъ помѣщиковъ, прибывшій загодя для присутствованія на общемъ собраніи и отрекомендовавшійся бывшимъ членомъ правленія. Не болѣе какъ послѣ пятиминутной бесѣды нашъ поѣтитель запросилъ насъ, не будемъ ли мы въ претензіи, если онъ пригласитъ сюда еще одного помѣщика и мѣстнаго ксендза-пробоца. Мы, конечно, изъявили полную готовность, помѣщикъ открылъ дверь, и къ намъ сейчасъ же вошли два эти лица, очевидно, ждавшія въ сѣняхъ сигнала отъ передового застрѣльщика. Какъ оказалось, ихъ привело къ намъ не простое желаніе поболтать, а довольно серьезное дѣло. Начну по порядку съ ксендза-пробоца.

У ксендза есть вкладъ въ товариществѣ на довольно внушительную сумму 12 тысячъ рублей. Деньги эти не его лично. Это авансовые взносы крестьянъ на оплату будущихъ семейныхъ происшествій—на свадебные расходы по костелу, на постановку какого-нибудь изображенія по обѣту, на погребеніе и погребальныя мессы, на уплату за кладбищенское мѣсто и вырытіе могилы и т. д. Довѣряя ксендзу, крестьяне несутъ ему эти деньги, какъ это называется, подъ алтарь, а онъ, легковѣрный, вноситъ ихъ въ товарищество въ видѣ вклада на извѣстный срокъ. Срокъ давно прошелъ, а товарищество и не думаетъ само позаботиться о возвращеніи денегъ. По встрѣтившейся надобности ксендзъ какъ-то самъ осмѣлился попросить (я подчеркиваю это выраженіе, потому что въ ковенскихъ товариществахъ никто изъ вкладчиковъ не смѣетъ требовать своихъ денегъ) нѣкоторую часть вклада—тысячи три; ему выдали только тысячу, а двухъ тысячъ не выдаютъ и даже

не общаются вскорѣ выдать. Нечего и говорить, что настроеніе вкладчика по этой причинѣ нѣсколько тревожное. Я былъ такъ наивенъ, что общалъ ксендзу-пробощу оказать все мое содѣйствіе къ скорѣйшей выдачѣ денегъ. Потомъ уже мнѣ стало ясно, что гораздо благоразумнѣе было просто-напросто посочувствовать этому человѣку въ постигнувшей его крупной неприятности; пожалуй, не мѣшало бы прибавить два слова о необходимой въ денежномъ дѣлѣ осторожности.

Ходатайство другого визитера, г. Мѣдякова, оказавшагося отставнымъ чиновникомъ контрольнаго вѣдомства, было тѣсно связано съ предстоявшимъ на слѣдующій день общимъ собраніемъ. Онъ объявился въ качествѣ претендента въ члены совѣта, просилъ нашего содѣйствія и при этомъ разразился безпощадной филиппикой противъ укоренившейся въ товариществѣ системы выборовъ, основанной исключительно на предварительномъ угощеніи вотирующихъ за счетъ вотируемыхъ. Какъ бы нарочно для подтвержденія словъ г. Мѣдякова сейчасъ же послѣ его монолога безъ всякаго предупрежденія и приглашенія въ комнату ввалилось не совѣмъ твердой походкой нѣсколько сукманъ, достаточно возвеселившихся, которыя обратились къ этому самому Мѣдякову съ несвязными заявленіями любви и преданности. «Г. полковникъ! (Нужно замѣтить, что въ Польшѣ и Литвѣ въ обиходной рѣчи всѣ гражданскіе чины величаются по номенклатурѣ военной табели съ маленькимъ при этомъ наращеніемъ къ высшему рангу). Г. полковникъ! мы васъ такъ любимъ, такъ уважаемъ, мы только васъ желаемъ и избираемъ». Мѣдяковъ съ торжествомъ смотритъ на насъ и, убѣдившись, что мы достаточно изумлены, машетъ сукманамъ, чтобы тѣ уходили. Но не тутъ-то было, сукманы топчутся, пошатываются и, видимо, хотятъ еще что-то сказать, быть можетъ, самое существенное.—«Г. полковникъ, мы васъ такъ любимъ, мы только васъ избираемъ, просимъ васъ дать намъ еще хоть на двѣ бутылочки». Мѣдяковъ, не особенно даже сконфуженный, отвѣтствовалъ, что сегодня онъ уже больше ничего не дастъ, а вотъ если его завтра выберутъ, тогда онъ раскошелится какъ слѣдуетъ и ублаготворитъ избирателей самымъ надлежащимъ образомъ. Сукманы пробовали было еще потоптаться и что-то бормотать, но Мѣдяковъ остался твердъ, какъ скала: не даромъ же онъ служилъ по контрольному вѣдомству! Сцена во всякомъ случаѣ вышла настолько неловкая, что наши визитеры поспѣшили ретироваться.

Придя сумерками въ товарищество, мы выждали окончанія операцій и затѣмъ довольно поздно—часовъ около 8 вечера—приступили къ выполненію порученной намъ задачи. Громадная толпа членовъ, прибывшихъ изъ окрестныхъ селъ на завтрашнее общее собраніе, созерцала наши ревизіонныя дѣйствія. Я былъ чрезвы-

чайно польщенъ и обрадованъ такимъ живымъ интересомъ крестьянъ-участниковъ къ товарищескому дѣлу и, какъ оказалось, въ своемъ легковѣрїи пошелъ гораздо дальше ксенда-пробоцца. Балансъ былъ составленъ, наличность и цѣнности провѣрены, я занялся съ счетоводомъ выясненіемъ кой-какихъ рискованныхъ тузовъ бухгалтерской эквилибристики. Въ это время изъ толпы членовъ періодически стали раздаваться какіе-то сперва одиночные, а потомъ коллективные литовско-жмудскіе выклики. Не зная языка, я съ простымъ сердцемъ полагалъ, что это — прївѣтственные клики въ честь прибывшихъ ревизоровъ и, чтобы оправдать воздаваемую почесть, усугубилъ свое усердіе. Но тутъ отъ меня не ускользнуло, что мой коллега, уже закончившій свою часть работы и бесѣдовавшій съ правленіемъ, былъ настроенъ какъ-то особенно нервно и все торопилъ меня заканчивать занятія и уходить. Часовъ около 10 вечера, видя, что волненіе толпы все увеличивается и въ выкликахъ звучитъ не только не ласковая, а явно-угрожающая нотка, я рѣшилъ на сей день закончить наши изысканія. Операціонная зала была буквально запружена народомъ; протискиваться, пожалуй, было неудобно; очевидно, по этой именно, а не по другой какой-либо причинѣ правленіе проводило насъ къ черному ходу чрезъ особый узенькій проходъ, отгороженный рѣшеткой вдоль стѣны... Чтобы не завязнуть въ грязи на улицѣ, по распоряженію правленія, насъ пошли сопровождать съ фонарями сотскіе, помахивавшіе внушительными дубинами...

Лишь только мы очутились на улицѣ, товарищъ горячо набросился на меня съ упреками:

— Какъ вы неосторожны! Вѣдь насъ могли избить. Вы хотите дѣтей моихъ осиротить.

— Да въ чемъ же дѣло?

— Какъ! Да развѣ вы не знаете, что они говорили? Мнѣ правленіе объяснило. Они кричали: вонъ ихъ отсюда, долой, зачѣмъ они сюда прїѣхали, зачѣмъ они мѣшаютъ намъ свое дѣло дѣлать.

Что это было за дѣло, которымъ собравшіеся члены торопились заняться ночной порой, я узналъ лишь впоследствии.

IV.

Общее собраніе и выборы *par acclamation*. — Флякшеская ликвидація.

Общему собранію предшествовали зловѣщїе слухи. Коргуляны находятся на границѣ Ковенской губ., лишь въ 15 верстахъ отъ Курляндїи, гдѣ въ то время уже начинались аграрные беспорядки. Поговаривали, что у членовъ товарищества созрѣлъ угрожающій планъ — во время общаго собранія овладѣть кассой, сжечь все книги и расписки и такимъ образомъ уничтожить все слѣды су-

ществованія товарищества, а главнымъ образомъ—стереть съ лица земли всѣ доказательства своихъ обязательствъ. Встревоженное правленіе пригласило поэтому для охраны порядка внушительную полицейскую силу—2 станovýchъ приставовъ, 4 урядниковъ и 20 сотскихъ. Въ 10 часовъ утра я отправился въ помѣщеніе товарищества—не могу сказать, чтобы совершенно спокойно.

Всѣ улицы были заставлены возами и густо запружены народомъ. Кое-гдѣ расхаживали урядники въ полномъ боевомъ снаряженіи и сотскіе въ обыкновенныхъ крестьянскихъ сукманахъ, но съ покоробившимися бляхами на груди. Помѣщеніе товарищества наполнено было буйствующей и совершенно пьяной толпой. Операционная зала разгорожена была рѣшеткой на двѣ неравныя части: большее пространство предоставлено было плебсу, а въ меньшей части, гдѣ поставленъ былъ покрытый зеленымъ сукномъ столъ и нѣсколько стульевъ, расположились члены правленія и совѣта, а также небольшая группа членовъ въ костюмахъ, не оставлявшихъ сомнѣнія въ ихъ принадлежности къ интеллигентному классу. Возлѣ рѣшетки человекъ десять сотскихъ образовали собой живую изгородь, сдерживая напоръ толпы.

Часовъ около 11 утра прибылъ одинъ изъ приглашенныхъ станovýchъ приставовъ (другой, очевидно, предпочелъ уклониться отъ зла) и общее собраніе объявлено было открытымъ въ присутствіи, по подсчету правленія, до 700 человекъ (большинство ихъ шумѣло и галдѣло подъ открытымъ небомъ, обступивъ плотной толпой стѣны товарищескаго зданія). Я ожидалъ, что первымъ дѣломъ будутъ докладывать отчетъ за истекшій операционный годъ, но мнѣ объяснили, что эта пустая формальность здѣсь всегда откладывается къ концу собранія. Общее собраніе началось тѣмъ, что предсѣдательствующій пригласилъ назвать себя лицъ, желающихъ поставить свою кандидатуру въ члены правленія и совѣта ¹⁾. Тутъ же стали подходить претенденты на избраніе, и въ какихъ-нибудь пять минутъ кандидатскій списокъ былъ готовъ. Какъ только предсѣдательствующій громко назвалъ имена кандидатовъ въ члены правленія, комната наполнилась яростнымъ крикомъ, сравненіе которому — по силѣ и внушительности — я даже отказываюсь подобрать. Около 300 здоровенныхъ глотокъ прямо-таки надрывались въ стремленіи проявить свою мощь. Когда случайно какъ-нибудь наступалъ минутный перерывъ, можно было услышать за стѣной такіе же неистовые вопли. Тогда толпа, какъ бы почерпнувъ новыя силы, забравъ въ легкія побольше воздуха, принималась съ удвоеннымъ усердіемъ акклами-

¹⁾ По уставу товарищества ежегодно одинъ изъ членовъ правленія и два члена совѣта выбываютъ по очереди, хотя могутъ быть переизбраны и на новое трехлѣтіе.

ровать того кандидата, за счетъ котораго глотка всенощно поливалась монопольною жидкостью.

Эти неистовые антифоны, ревъ мужчинъ и визгъ бабъ, тянулись не менѣе двадцати минутъ. Стало наконецъ выясняться, что громче всего раздается фамилія «Судовича». Послѣ многихъ усилій, не безъ содѣйствія урядниковъ, председательствующему удалось на минуту прервать аккламацію и во время наступившей тишины было объявлено, что въ члены правленія считается избраннымъ Судовичъ. Близстояшіе избиратели стали по очереди заключать его въ объятія, пошатываясь на не совсѣмъ твердыхъ ногахъ.

Волненіе и крики еще болѣе увеличились, когда вслѣдъ за тѣмъ объявленъ былъ кандидатскій списокъ въ члены совѣта. Тутъ было меньше единодушія. Начало твориться нѣчто невообразимое. Съ замѣчательной легкостью рамы въ окнахъ были выставлены избирателями, стоявшими у стѣнъ зданія, затѣмъ со двора чрезъ оконныя отверстія начали просовывать въ комнату кандидатовъ, которыхъ сторонники ихъ подхватывали на руки, качали съ криками «вивать», обнимались и цѣловались, нѣкоторые лѣзли даже въ драку. Члены правленія безуспѣшно старались водворить хоть какой-нибудь порядокъ, такъ какъ полиція, испуганная и безпомощная, только переминалась на ногахъ.

Наконецъ и тутъ кой-какъ удалось установить соглашеніе. Выборы были закончены. Бухгалтеръ скороговоркой пробормоталъ заранѣе составленный и переписанный протоколъ общаго собранія, выслушанный молча — безъ одобреній и безъ порицаній. Между прочимъ изъ прибыли присуждалось выдать 300 р. «на вознагражденіе писцовъ за составленіе годового отчета» и до 400 р. «на непредвидѣнныя надобности».

— Это какія же непредвидѣнныя надобности?— полюбопытствовалъ я у члена правленія послѣ выслушанія протокола.

— Видите ли, это мы только такъ показываемъ въ протоколѣ— на вознагражденіе писцовъ, на непредвидѣнныя надобности. А эти деньги собственно идутъ на угощеніе предъ общимъ собраніемъ пріѣхавшихъ членовъ. Пьютъ вѣдь всю ночь. Все-таки пріѣхало вѣдь 700 человекъ—выходитъ по рублю на брата...

— Это вовсе не такъ много,— замѣтилъ я.

При прощаніи члены правленія немало удивили меня, заявивъ, что въ нынѣшнемъ году (тутъ послѣдовалъ комплиментъ: «благодаря вашему присутствію») общее собраніе прошло на рѣдкость прилично и благополучно. «А то обыкновенно приходится много протоколовъ составлять за драку и безчинство».

Было около двухъ часовъ дня, когда закончилось общее собраніе. Я возвратился въ нашу мерзлую конуру совершенно разбитымъ и морально, и физически. Товарищи, не пожелавшіе сиро-

тить своихъ дѣтей присутствіемъ на общемъ собраніи, шумно привѣтствовали благополучное возвращеніе мое и засыпали вопросами, но я не сразу нашелъ въ себѣ силы удовлетворить ихъ любопытству.

Члены правленія и совѣта еще заранѣе просили дать имъ роздыхъ на весь день, ознаменованный созывомъ общаго собранія, поэтому я рѣшилъ использовать вечеръ на отвѣтный визитъ ксендзу-пробоцу, столь злополучному вкладчику товарищества. Коргулянской ксендзъ-пробоцъ принадлежитъ къ числу тѣхъ симпатичныхъ ксендзовъ-народниковъ, о которыхъ я говорилъ выше. Въ пустынной, монашески-неуютной плебаніи онъ долго повѣствовалъ на тему о томъ, какъ тяжело положеніе литовца главнымъ образомъ изъ-за непризнанія правъ его родного языка. Перешла бесѣда на товарищество, и тутъ мнѣ пришлось узнать прелюбопытныя вещи. Оказалось, что въ моментъ появленія нашего въ стѣнахъ товарищества мы были приняты присутствующими членами за революціонеровъ-подстрекателей. Населеніе Ковенской губ., сравнительно зажиточное и очень опасавшееся за цѣлость своего достатка, относилось въ то время крайне враждебно къ политической пропагандѣ, опасаясь (быть можетъ, по памяти 1863 года), какъ бы за увлеченіе не пришлось расплачиваться слишкомъ дорогой цѣной. Оказалось далѣе, что къ ксендзу являлась даже депутація отъ крестьянъ спросить совѣта, можно ли насъ выпроводить изъ мѣстечка по-добру, по-здорову и какъ это получше сдѣлать. Очевидно, сему почтенному служителю алтаря мы и были обязаны тѣмъ, что дѣло не приняло крайне неприятнаго для насъ оборота. Крики же: «долой ихъ, зачѣмъ они мѣшаютъ намъ свое дѣло дѣлать», раздававшіеся по нашему адресу вечеромъ въ первый день ревизіи, объясняется, по словамъ о. пробоца, не чѣмъ инымъ, какъ досадой членовъ, что производство ревизіи мѣшаетъ имъ приступить къ тому пиршеству, которое составляетъ самую заманчивую сторону общаго собранія (почему и сѣзжается такъ много членовъ). Помилуйте, цѣлый годъ ждали этого дня, а тутъ какіе-то посторонніе люди — дьяволъ ихъ принесъ! — засѣли и только мѣшаютъ.

Во всѣ послѣдующіе дни въ перерывы между утренними и вечерними занятіями въ товариществѣ къ намъ заявлялись одинъ или два просителя. То были либо неудавшіеся кандидаты въ члены совѣта и правленія, либо вкладчики, тщетно умолявшіе правленіе возвратить имъ хоть часть вклада (одинъ изъ вкладчиковъ выражалъ согласіе за свои 1.500 руб. получить лишь 1.000 руб., лишь бы выдали теперь же деньги ¹⁾), либо наконецъ

¹⁾ Подобнаго рода комбинація—далеко не рѣдкость въ нашихъ самобытныхъ сельскихъ банковыхъ учрежденіяхъ. Въ одномъ изъ безнадежныхъ товариществъ

заемщики, истомившіеся въ платежѣ процентовъ по ссудамъ. Было особенно тяжело видѣть рыдающихъ бабъ-вдовъ, мужа которыхъ въ недобрую минуту имѣли несчастье связать себя съ товариществомъ 40 — 50-рублевымъ долгомъ, который столь обычнымъ въ товариществахъ путемъ округлился до тройного размѣра первоначальной суммы. Наслѣдникамъ приходится теперь значительную долю своего скуднаго заработка вносить въ видѣ ежегодной дани товариществу на уплату процентовъ и пеней—и нѣтъ никакой надежды выпутаться изъ этой кабалы: затронуть капитальную сумму силъ не хватаетъ. Тяжело все это видѣть, а помочь ничѣмъ нельзя.

Постановка ссудной операціи не представляла характерныхъ особенностей по сравненію съ другими ковенскими товариществами. Такъ же, какъ и всюду, соблазвившись когда-то легкою возможностью получить въ свое распоряженіе столь крупную по крестьянскому масштабу сумму 40—50 рублей и не загадывая далеко впередъ, коргулянский клиентъ лѣтъ черезъ пять-шесть пребыванія въ товариществѣ чувствовалъ, что въ его хозяйство дѣпка впиалась какая-то пъявица и трудно ее отдернуть. Очень многіе на бѣду свою допустили къ своему хозяйству даже не одну, а двѣ пъявицы, взявши одну ссуду на свое имя, а другую — на имя жены. Такихъ двухспальныхъ лицевыхъ счетовъ оказалось немало. По образцу другихъ товариществъ члены правленія и совѣта, а за ними вообще представители интеллигентнаго класса, проявили обычную предусмотрительность, взявъ въ товариществѣ по четыре, пяти и даже шести ссудъ и расписавъ ихъ на имя дѣтей, а въ случаѣ недохватки послѣднихъ—на племянниковъ, внуковъ и прочихъ сродниковъ. Оттого-то (какъ объяснялъ ксендзь-пробощъ) и существуетъ такая сильная погоня за должностями членовъ правленія и совѣта. Каждый кандидатъ разсчитываетъ, подобравшись къ товарищескому сундуку, дѣйствовать согласно принципу «своя рука владыка», не особенно смущаясь указаніями устава о предѣльномъ размѣрѣ долга...

Приближалась Пасха, и я рѣшилъ поторопиться, чтобы вырваться изъ этихъ мрачныхъ литовскихъ тущобъ куда-нибудь на свѣтъ Божій. На дѣятельность живущихъ товариществъ я достаточно-таки посмотрѣлся; для полноты изученія слѣдовало посѣтить еще одно изъ умирающихъ товариществъ. По пути въ Двинскъ, куда я держалъ путь, вблизи станціи Славянишки есть такое именно флякшское ссудо-сберегательное товарищество, уже лѣтъ десять пребывающее въ состояніи мучительной агоніи. Курьезно, что това-

мнѣ пришлось натолкнуться на слѣдующую выразительную расписку вкладчика во вкладной книгѣ: «150 р. получилъ обратно, а 150 р. простилъ въ пользу ненадежныхъ членовъ за невозможностью получить ихъ и претензій къ товариществу не имѣю, въ чемъ и подписуюсь вкладчикъ имя рекъ».

рищество это принуждено было прекратить свои дѣйствія по распоряженію мѣстнаго исправника. Что послужило для исправника въ данномъ случаѣ мотивомъ—вѣроятно, останется тайной навѣки: въ казенной бумагѣ, кромѣ глухихъ намековъ на превратную дѣятельность товарищества, изложенныхъ крайне безграмотно, никакихъ другихъ причинъ не приведено. Какъ бы тамъ ни было, по распоряженію исправника созвано было общее собраніе, которое во исполненіе категорически выраженной начальствомъ воли сдѣлало постановленіе о ликвидаціи дѣлъ товарищества. Система ликвидаціи носитъ совершенно самобытный характеръ. Заемщики не платятъ денегъ, а кредиторы ихъ не получаютъ. Въ экономическихъ отношеніяхъ тутъ господствуетъ еще натуральная система, а деньги являются лишь счетнымъ показателемъ. Вотъ одинъ изъ примѣровъ расчета. Приходитъ заемщикъ, ведя за руки своего сына-подростка лѣтъ 15, а съ ними вмѣстѣ кредиторъ, какой-нибудь средней руки шляхтичъ или разбогатѣвшій крестьянинъ. Призывая во свидѣтели Всевиद्याга, они заявляютъ распорядителю (онъ же и кассиръ, и бухгалтеръ, а смотря по потребности—и сторожъ-разсылный), что заемщикъ отдаетъ своего сынишку кредитору въ услуженіе на годъ либо два, смотря по долгу. Распорядитель разноситъ эту «операцию» по счетамъ: показываетъ въ видѣ платежа по ссудѣ 30—60 рублей и ту же сумму выписываетъ въ видѣ выдачи вкладныхъ денегъ кредитору. Затѣмъ, сотворивъ крестное знаменіе и поцѣловавъ распорядителя въ плечо, кліенты расходятся восвояси, при чемъ парнишка слѣдуетъ уже за кредиторомъ, а заемщикъ, опустивъ голову и упорно глядя въ землю, медленнымъ шагомъ направляется въ свой опустѣвшій домъ. Однимъ словомъ, я убѣдился, что мое пребываніе въ товариществѣ совершенно излишне и для него, и для меня. Отъѣзжая, я мысленно пожелалъ ему мирной и непостыдной кончины...

Это былъ послѣдній мой этапъ въ Ковенской губерніи, и разлука съ ней была для меня нимало не тяжела *Dobry habit, ale nie z krzywdy ludzkiej zszuty* (ряса—доброе дѣло, но не тогда, когда она сшита изъ человѣческаго несчастья) — справедливо сказалъ когда-то панъ Заглоба, узнавъ о неосновательномъ рѣшеніи полковника Володыевскаго поступить въ монахи. Такъ и здѣсь. Мелкій кредитъ—безспорно, очень хорошее дѣло, но не въ тѣхъ видахъ и формахъ, когда весь смыслъ его существованія сводится къ тому, чтобы сосать крестьянское хозяйство. А тутъ выходило именно такъ. Собранныя товариществомъ деньги, вмѣсто того, чтобы служить питательнымъ матеріаломъ для крестьянскаго хозяйства, «облегчать производство хозяйственныхъ оборотовъ и улучшеній, а также приобрѣтеніе инвентаря» (Боже мой, какъ прекрасно это въ законѣ выражено!), выполняютъ роль медленнаго, но злокачественнаго яда, развивающаго прогрессивное худосочіе. А болѣе

продолжительное общеніе крестьянина съ товариществомъ вызываетъ даже вмѣшательство волостныхъ хирурговъ, ампутирующихъ составныя части хозяйства, то овцу, то корову, то лошадь, пока мѣсть не останется извѣстный минимумъ, признанный необходимымъ для того, чтобы дворъ могъ выполнять роль платежной единицы (лошадь, корова, сани, телѣга, соха, борона и 25 пудовъ сѣмянъ).

V.

Заключительные выводы.

Какъ однако могло случиться, что прекрасное въ идеѣ установленіе превратилось въ какую-то зловредную трясику, засасывающую не только довѣрчивыхъ вкладчиковъ съ ихъ трудовымъ грошомъ, но и заемщиковъ, обрѣтающихся въ товариществахъ какую-то замысловато устроенную ловушку.

Процессъ перерожденія совершался не такъ просто, какъ это можетъ сразу казаться. Велика, конечно, въ данномъ случаѣ вина литовскаго помѣщика, являющагося въ мѣстныхъ товариществахъ почти полновластнымъ правителемъ; но, разумѣется, ему одному безъ вліянія постороннихъ причинъ едва ли удалось бы такъ радикально метаморфизировать мелкій кредитъ. Пусть не забываетъ читатель, что въ роли подобнаго же волка въ овечьей шкурѣ фигурируютъ учрежденія мелкаго кредита не въ одномъ только Сѣверо-Западномъ краѣ. Да и не одни только учрежденія мелкаго кредита. Оглянемся кругомъ—примѣровъ сколько угодно; и вотъ первый...

Въ серединѣ 80-хъ годовъ правительство, казалось, проявило особливую заботливость о народномъ образованіи и создало церковно-приходскія школы. Нужно ли теперь долго распространяться о томъ, что это были за школы. Жаль, что смиренные деревенскіе іереи молчатъ, а они могли бы поразсказать много любопытнаго, какъ и при какой обстановкѣ создавались эти школы. Безполезныя для народа, онѣ явились поистинѣ египетской казнью для сельскаго духовенства, которому велѣно было ихъ создавать. Денегъ вѣдь въ первое время не дали ни копейки, а дали только «идею». А затѣмъ давай понукать несчастныхъ священнослужителей, чтобы тѣ поскорѣе открывали въ каждомъ приходѣ школы—«на мѣстныя средства». А какъ тутъ было открыть ее, когда голодающій міръ на сельскомъ сходѣ только послѣ слезныхъ моленій своего настоятеля натуживался ассигновать 15 р. въ годъ (это—фактъ), и настоятель видѣлъ, что и эти мѣстныя средства приходится «скажемъ, подъ метелочку собирать». Прочтите «Копмаръ» Чехова—тамъ немножко пріоткрыта потрясающая картина того трагизма, въ какой весьма часто ставилъ полуголоднаго сельскаго священника капризъ начальства, требующаго отъ него чуть ли не сверхъ-

естественнаго творчества, чтобы по слову его «да будетъ свѣтъ!» возсіялъ въ деревнѣ школьный свѣтильникъ. Сколько жизней было разбито разными конфликтами изъ-за открытія школъ, сколько хорошихъ людей погибло, какъ говорятъ въ Малороссіи, «ни за цапову душу!». Дѣятельные архіереи, особливо заискивавшіе предъ вышею синодскою властью, упасали паству жезломъ желѣзнымъ и не щадили прещеній гнѣва своего въ тѣхъ случаяхъ, когда «водоносы наполнялись медленно». Каждая ревизіонная поѣздка владыки по епархіи наполняла захолаустные монастыри нерадивыми іереями, ихъ водворяли на мѣсяць либо два въ тихую обитель для того, чтобы вдали отъ семьи и житейскихъ заботъ поразмыслить о своемъ окаянствѣ и «дать плоды достойные покаянія». Плоды были, это знаютъ всѣ... Созерцаніе своего недостоинства причиняло, очевидно, настолько невыносимыя моральныя терзанія, что многіе изъ заключенныхъ для смягченія ихъ стали усиленно прибѣгать къ испытанному русскому средству отъ всѣхъ скорбей въ видѣ зелена вина, цѣлебное свойство котораго хорошо знала и монашествующая братія... Можно, думается, и не говорить, какое чувство выростало у штрафованнаго іерея по отбытіи «епитиміи» къ своей церковно-приходской школѣ, а можетъ быть и вообще къ дѣлу народнаго образованія.

Вотъ вамъ живой и при томъ самый недавній примѣръ того извращенія, къ которому можетъ привести на практикѣ самую благородную и симпатичную идею скверная воля людей, власть имущихъ. Мелкій кредитъ не избѣгнулъ такой же участи насильственнаго насажденія, хотя, правда, конфликты въ этой области носили не столько трагическій, сколько комическій характеръ. Покойный Е. И. Ламанскій въ засѣданіи одного изъ экономическихъ обществъ съ большимъ юморомъ рассказывалъ, какъ въ доброе старое время одинъ изъ сибирскихъ генералъ-губернаторовъ, которому чрезвычайно понравилась идея кредитныхъ учрежденій «для нашего добраго мужичка», отдалъ строгій приказъ, чтобы въ каждой волости «безотлагательно» было открыто такое учрежденіе. Нужно ли говорить, съ какой рачительною поспѣшностью было исполнено это распоряженіе. Нужно ли также добавлять, что всѣ эти—если не ошибаюсь сорокъ—сеудо-сберегательныя товарищества остались существовать наподобіе платоновскихъ идей. Изъ году въ годъ и доселѣ болтается эта цифра «40» въ регистраціи подлежащихъ канцеляріи, обозначая собою замерзшій въ холодномъ сибирскомъ воздухѣ благодушный порывъ помпадура (ибо ни одно изъ товариществъ такъ и не открывало своихъ дѣйствій).

Жалѣть о такомъ неудачномъ исходѣ не стоитъ. Еще вопросъ, въ чьи руки попали бы эти учрежденія. На примѣрѣ ковенскихъ товариществъ мы видимъ, что при низкомъ культурномъ уровнѣ крестьянской среды учрежденіе мелкаго кредита окажется какъ

разъ наилучшимъ и наивѣрнѣйшимъ средствомъ для того, чтобы прибрать къ своимъ дѣпкимъ рукамъ всю округу. «Кредитъ—орудіе обоюдоострое», эта истина провозглашена давно не только учебниками политической экономіи, но даже циркулярами петербургскихъ департаментовъ. Въ примитивныхъ формахъ нашъ народный кредитъ носитъ совершенно анекдотическій характеръ. Вѣдь за семиконеечную марку на письмо, чтобы послать его сыну, заброшенному въ далекіе края, деревенская баба идетъ отработать въ экономіи цѣлый день, что даже въ зимнюю пору стоитъ 25—30 коп. Сочтите-ка, какой это процентъ, выйдетъ прямо чудовищная формула. Конечно, организованный мелкій кредитъ значительно понижаетъ этотъ размѣръ; но все же это пониженіе не идетъ далѣе обычно ростовщическаго уровня. Въ самомъ дѣлѣ, если правильно и хорошенько сосчитать, то выйдетъ, что въ нашихъ сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ сержанская кліентура уплачиваетъ по 30—40% годовыхъ.

Всего этого, конечно, не было бы, если бы кредитное дѣло въ селахъ, деревняхъ и посадахъ вела та же самая среда, которая составляетъ самый густой слой кліентуры, т. е. крестьянство. Но для этого необходимо много условій. И прежде всего необходимо образованіе; нуженъ тотъ умственный уровень, который дается грамотностью (конечно, въ широкомъ смыслѣ слова) и общеніемъ съ книгой. Только тогда само крестьянство въ лицѣ своихъ выборныхъ представителей будетъ держать все дѣло мелкаго кредита въ своихъ рукахъ.

Необходимъ, далѣе, тотъ уровень гражданской свободы, который воспиталъ бы въ народѣ хоть какой-нибудь интересъ къ общественному дѣлу и подорвалъ бы столь любимую у насъ проклятую формулу; «моя хата съ краю, ничего не знаю». Теперь вѣдь всякій толковый, хорошій крестьянинъ опасливо смотритъ на учрежденіе мелкаго кредита, даже сторонится отъ участія въ немъ, и съ грустью приходится признать, что онъ по-своему правъ. А бѣднота, которая валомъ валитъ въ товарищества, является для него фундаментомъ ненадежнымъ. Прежде всего относительно столь важной въ кредитномъ дѣлѣ платежеспособности бѣднота можетъ устранять (конечно, —непредумышленно) не совсѣмъ пріятные сюрпризы товариществу. А затѣмъ, по условіямъ деревенской жизни, бѣднякъ не стоитъ на высотѣ призванія въ смыслѣ голосующей единицы на общемъ собраніи, которое является высшимъ органомъ управленія въ товариществѣ и коему подчинены и правленіе, и совѣтъ. Упражненіе глотки, какъ это мы видѣли въ коргулянскомъ товариществѣ, еще полбѣды. Хуже всего то, что даже на простомъ сельскомъ сходѣ бѣдный мужикъ пуще огня боится не подтвердить надорваннымъ галдѣньемъ той формулы которую объявилъ какой-нибудь богатый зипунъ. И это понятно: вѣдь послѣ схода

и галдѣнья земскій начальникъ уѣдетъ на чай и закуску не къ кому иному, какъ къ богатому зигуну. И вотъ деревенская бѣдность съ молокомъ матери всосала великій русскій принципъ—«съ сильнымъ не борись!»—т. е. самый враждебный для мелкаго кредита принципъ.

Спеціально въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ этомъ отношеніи дѣло обстоитъ еще хуже, чѣмъ въ коренной Россіи. Въ моихъ поѣздкахъ неизмѣнно повторялось одно и то же мелкое, но характерное явленіе. Приѣзжаешь, забрызганный грязью, въ захолустное мѣстечко. Начинаются поиски товарищества. «Гдѣ у васъ помѣщается ссудо-сберегательное товарищество?—Полное недоумѣніе.—Касса? Банкъ?—начинаешь пробовать.—А! Панскій банкъ!—оказывается вопрошаемый.—Да это вотъ тамъ...

Прежде всего надобно, чтобы наши ссудо-сберегательныя товарищества не были ни «панскими», ни «господскими» банками. Въ «панскій» банкъ крестьянинъ идетъ съ притворно-поникшей головой и лживой рѣчью на устахъ. «Проше пана... не будетъ ли вашей милости... на васъ вся наша надежда... вы наши отцы родные, а мы ваши дѣти... не дайте погибнуть»... Всѣ эти и имъ подобныя формулы—несчастное наслѣдіе крѣпостного права—необходимо искоренять беспощадно. Милости нѣтъ, есть только право! Отецъ—Одинъ на небесахъ, другой на землѣ: «множество отцовъ»—это дрянной и постыдный плеоназмъ рѣчи! А всѣ подобныя льстивыя слова есть униженіе человѣческой личности, которая дороже всякой денежной ссуды.

Вообще, русская дѣйствительность не создала еще благопріятной почвы, которая облегчала бы правильный и здоровый ростъ учрежденій мелкаго кредита. Какихъ именно почвенныхъ элементовъ недостаетъ для указанной цѣли—это пришлось бы перечислять очень долго. Да это и лишне. Извѣстенъ фактъ, какъ въ засѣданіи одной изъ безчисленныхъ комиссій нѣкій земець на поставленный вопросъ:—что необходимо прежде всего предпринять для улучшенія нашего скотоводства?—далъ такой отвѣтъ: необходимо прежде всего свобода печати. Отвѣтъ этотъ показался всѣмъ страннымъ; лишь потомъ разглядѣли оригинальную мысль земца. Нѣчто подобное нужно сказать и относительно мелкаго кредита. Правильная постановка его сама собой, безъ особыхъ внѣшнихъ усилій, выработается тогда, когда измѣнится къ лучшему положеніе нашего крестьянства, когда «ндравъ» уступить свое мѣсто праву и уваженію къ закону станетъ общею обязанностью.

А это во всякомъ случаѣ дѣло не столь близкаго будущаго. По крайней мѣрѣ поѣздки по дѣламъ мелкаго кредита по нашимъ невозможнымъ дорогамъ съ ночлегами въ грязи и вони, съ пищевымъ режимомъ св. Антонія, въ постоянномъ общеніи съ темнымъ, забитымъ, нерѣдко озлобленнымъ крестьянствомъ, среди полно-

правнаго царства наглости и хамства, среди всепоглощающей власти кулака и кабака, даютъ очень невысокое представленіе объ уровнѣ культурности нашей страны и вообще располагаютъ къ нѣкоторому пессимизму. Просвѣтлѣніе во всѣхъ частяхъ народнаго быта представляется труднымъ и далекимъ. Объединяя личныя впечатлѣнія и всякій фактическій матеріалъ своихъ странннхъ путешествій по градамъ и весямъ нашей многострадальной страны, я съ крайнимъ скептицизмомъ отношусь къ столь частымъ велегласнымъ заявленіямъ, что скоро пробьетъ часъ обновленія, что мы такъ вотъ сразу возьмемъ да однимъ махомъ «отрѣшимся отъ стараго міра»... Да и самъ народъ, кажется, не очень-то склоненъ обольщаться пылкими надеждами насчетъ быстрого наступленія лучшаго будущаго. Въ послѣдніе годы еще чаще, чѣмъ раньше, при разговорахъ на общія темы приходится слышать изъ устъ крестьянъ въ разныхъ варіаціяхъ классической возгласъ третьяго мужика изъ «Плодовъ просвѣщенія»--возгласъ, въ которомъ въ равной долѣ слились и надежда, и отчаяніе:

«Царицу Небесную просить надобно! Авось смилосердуется!»..

Константинъ Храневичъ.

М. Е. САЛТЫКОВЪ ВЪ ВЯТКѢ.

(1848—1856).

I.

ЕДЬМОГО мая 1848 года въ Вятку пріѣхалъ изъ Петербурга, въ сопровожденіи жандармскаго офицера, молодой двадцатидвухлѣтній человѣкъ, титулярный совѣтникъ Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ. Вина никому невѣдомаго юноши была весьма тяжкая. Вѣроятно, онъ и не подозрѣвалъ, что онъ въ своемъ родѣ «европейская знаменитость»: его сослали въ далекую Вятку за то, что, въ противность существующимъ узаконеніямъ, онъ, безъ дозволенія и вѣдома начальства, «помѣщалъ въ періодическихъ изданіяхъ литературныя свои произведенія, обнаруживающія его вредный образъ мыслей и пагубное стремленіе къ распространенію идей, потрясшихъ уже Западную Европу и ниспровергнувшихъ власти и общественное спокойствіе»...¹⁾

Бумагой всеильнаго тогда Орлова изъ Третьяго отдѣленія, помѣченной 28 апрѣля 1848 года, титулярный совѣтникъ Салтыковъ, служившій помощникомъ секретаря канцеляріи военнаго ми-

¹⁾ Наша статья написана преимущественно на основаніи документовъ о Салтыковѣ, хранящихся въ архивѣ вятскаго губернскаго правленія. Главный изъ нихъ: «Секретное по 3 столу канцеляріи вятскаго гражданскаго губернатора. Дѣло, по предписанію генералъ-адъютанта графа Орлова, о назначенномъ на жительство въ Вятку титулярномъ совѣтникѣ Салтыковѣ». Это дѣло долго лежало подъ губернаторскимъ запрещеніемъ и лишь въ послѣднее время стало доступно изслѣдователямъ. О службѣ Салтыкова въ Вяткѣ, въ общемъ мало извѣстной, бумаги вятскаго губернскаго архива даютъ интересныя подробности.

истерства, былъ, по высочайшему повелѣнію, вслѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада военного министра, отправленъ съ тѣмъ же чиномъ въ Вятку. Салтыкова передали «особому надзору» тогдашняго вятскаго губернатора, А. Н. Середы, включили въ списокъ лицъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи, и, въ заключеніе, поручили еще «строгому надзору» вятскаго полицеймейстера. Лично императоръ Николай такъ интересовался «направленіемъ образа мыслей и поведеніемъ» сосланнаго, что приказалъ губернатору постоянно доносить ему объ этомъ.

Въ Вятку Салтыковъ былъ отправленъ лишь въ виду снисхожденія къ его молодымъ годамъ, какъ заявляла администрація. Но въ сравнительно недавнее время Вятка вообще служила мѣстомъ ссылки. Достаточно указать на имена Витберга, Герцена или извѣстнаго генеалога, князя П. Вл. Долгорукова, позже эмигранта.

Изъ документовъ, находящихся въ «дѣлѣ» о Салтыковѣ, видно, что его погубили «двѣ повѣсти», но ихъ заглавія не указано.

II.

Уже въ лицѣѣ, гдѣ воспитывался Салтыковъ, онъ писалъ стихи «неодобрительнаго» содержанія, по мнѣнію начальства. Нѣсколько такихъ стихотвореній пятнадцатилѣтняго автора, еще сидѣвшаго на школьной скамьѣ, было даже помѣщено въ «Библіотекѣ для чтенія» 1841—1842 гг.

Въ нихъ много искренняго чувства, много грусти и меланхоліи, характеризовавшихъ самого поэта, который въ кругу знакомыхъ слылъ подъ именемъ «мрачнаго лицейста»; но ни одно изъ этихъ стихотвореній не носитъ на себѣ слѣдовъ *feu sacré*, истиннаго вдохновенія. Такого же характера и позднѣйшія лицейскія стихотворенія Салтыкова, хотя извѣстный Плетневъ и счелъ возможнымъ напечатать ихъ въ «Современникѣ» 1844—1845 гг., по окончаніи Салтыковымъ курса въ лицѣѣ. Но не эти литературные опыты навлекли на будущаго сатирика суровый гнѣвъ начальства, тѣмъ болѣе, что самъ авторъ вскорѣ понялъ, что у него нѣтъ поэтическаго призванія, пересталъ заниматься римоплетствомъ и даже не любилъ, когда ему напоминали о его не совсѣмъ удачномъ дебютѣ въ области поэзіи.

Въ ноябрѣ 1847 года появляется въ «Отечественныхъ Запискахъ» первая повѣсть, вышедшая изъ-подъ пера Салтыкова, — «Противорѣчія».

Герой повѣсти, Нагибинъ, — типъ неврастеника, жертва «тепличнаго» воспитанія. Ему оказывается не подъ силу борьба съ «мелочами жизни», и онъ невольно подчиняется вліянію окружающей среды. Противоположность разслабленному Нагибину другое дѣй-

ствующее лицо «Противорѣчій», Крошина,—что называется, «женщина-кулакъ». Можно думать, что это лицо выхвачено авторомъ изъ жизни, навѣяно семейными воспоминаніями. По крайней мѣрѣ Крошина напоминаетъ Анну Павловну Затрапезную изъ «Пошехонской Старины», произведенія, имѣющаго, какъ извѣстно, отчасти автобіографическій характеръ. Въ свою очередь, Нагибинъ, своими страхами передъ «мелочами» жизни, близокъ автору, хотя въ самомъ Салтыковѣ эти страхи выработали жизненнаго борца, а не «нытика» или «хандрящаго человѣка».

При чтеніи «Противорѣчій» замѣтно вліяніе на автора идей французскихъ социалистовъ и въ особенности раннихъ романовъ Жоржъ-Зандъ, которыхъ переводы въ изобиліи печатались тогда на страницахъ нашихъ журналовъ. Жоржъ-Зандъ съ ея протестомъ противъ общественнаго рабства и тираніи семейнаго ига, съ ея страстной проповѣдью свободы правъ человѣка безъ различія пола и званія и вмѣстѣ съ тѣмъ требованіемъ свободы чувства, какъ одного изъ жизненныхъ принциповъ, сдѣлалась любимымъ авторомъ молодого Салтыкова. Но мысли, заимствованныя имъ у французской писательницы, облечены еще въ робкую форму, неясны, какъ туманно выражаетъ онъ и свое отвращеніе къ прописной морали, рутинѣ и крѣпостному праву въ напечатанныхъ въ томъ же году и въ тѣхъ же «Отечественныхъ Запискахъ» своихъ бібліографическихъ рецензіяхъ. Цензура, однако, умѣла читать между строкъ. Интересно, что Салтыковъ никогда не перепечатывалъ «Противорѣчій» въ собраніи своихъ сочиненій.

Въ мартовской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1848 года вышла вторая повѣсть Салтыкова—«Запутанное дѣло». Въ литературномъ отношеніи она представляетъ собой шагъ впередъ,—достаточно привести хотя бы описаніе сна Мичурина, пирамиды изъ человѣческихъ труновъ,—но критика не безъ основанія находить, что новое произведеніе Салтыкова написано подъ сильнымъ вліяніемъ «Шинели» Гоголя и даже «Бѣдныхъ людей» Достоевскаго, который, въ свою очередь, въ этомъ произведеніи находился подъ сильнымъ вліяніемъ повѣсти Гоголя. Самъ Салтыковъ, очевидно, придавалъ своей второй повѣсти извѣстное значеніе, такъ какъ позже она вошла въ собраніе его «Невинныхъ рассказовъ».

Революціонныя движенія 1848 года въ Западной Европѣ, въ особенности февральскій переворотъ во Франціи, отозвались у насъ тяжелою реакціею. По высочайшему повелѣнію, въ этомъ году былъ, между прочимъ, учрежденъ печальной памяти негласный комитетъ для высшаго надзора за духомъ и направлениемъ русской печати и для ея обузданія. Предсѣдателемъ комитета былъ назначенъ ярый реакціонеръ, Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ, извѣстный въ свое время военный писатель. Для характеристики Бутурлина достаточно привести его слова, что, если бы Евангеліе не было

такой извѣстной книгой, цензурѣ, несомнѣнно, слѣдовало бы исправить и его.

«Россія,—разсуждаетъ одинъ изъ героевъ «Запутаннаго дѣла»,— государство обширное, обильное и богатое, да человекъ-то глупъ,— мретъ себѣ съ голоду въ обильномъ государствѣ...» Въ другомъ мѣстѣ, онъ, раздѣляя взгляды своего отца, называетъ жизнь «лотереей», но, соглашаясь съ этимъ взглядомъ, тутъ же спрашиваетъ: «Почему же она лотерея? Почему жъ бы не быть ей просто жизнью?..»

Если бъ подобныя теоріи появились на страницахъ журнала до введенія цензурныхъ строгостей, на нихъ, быть можетъ, не обратили бы вниманія, но теперь онѣ не прошли незамѣченными и сослужили плохую службу автору, были поставлены ему въ вину.

III.

Служба Салтыкова на мѣстѣ «новаго назначенія» началась 3 іюня 1848 года, когда онъ былъ опредѣленъ чиновникомъ канцеляріи вятскаго губернскаго правленія «съ допущеніемъ къ занятіямъ по канцеляріи присутствія сего правленія».

Начальство было очень довольно Салтыковымъ, какъ усерднымъ и исправнымъ чиновникомъ, горячо принимавшимъ къ сердцу свои обязанности, а своими недюжинными способностями рѣзко выдѣлявшимся изъ остальной чиновничьей среды. Напримѣръ, 18 сентября 1848 года губернаторъ Середа, въ своемъ донесеніи министру внутреннихъ дѣлъ, говоритъ, что «чиновникъ Салтыковъ ведетъ себя весьма похвально, поручаемыя ему занятія по службѣ исполняетъ съ особеннымъ усердіемъ и оказываетъ при этомъ отличныя способности». Въ своемъ донесеніи Середа просилъ назначить Салтыкова старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій безъ жалованья при вятскомъ губернаторѣ, и въ ноябрѣ того же года министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣтилъ согласіемъ на эту просьбу.

Доброе отношеніе къ своимъ обязанностямъ Салтыковъ благотворно вліялъ на окружающихъ. Немногіе остающіеся еще въ живыхъ его сослуживцы по Вяткѣ и современники рассказываютъ, что даже костюмомъ и манерами его подчиненные выгодно выдѣлялись изъ среды остальныхъ. Можно думать, что само начальство назначало Салтыкову лучшихъ чиновниковъ. По крайней мѣрѣ, столоначальникъ въ то время получалъ, по окладу, всего 14 рублей въ мѣсяцъ, между тѣмъ какъ простымъ писцамъ въ отдѣленіи Салтыкова было назначено по 18 рублей въ мѣсяцъ.

Отношенія между Салтыковымъ и его сослуживцами были самыя дружескія. Такъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ заступался за своихъ подчиненныхъ или ходатайствовалъ за нихъ, когда они

просили о своемъ переводѣ изъ Вятки въ уѣздъ. Въ результатѣ Салтыковъ приобрѣлъ прочныя симпатіи, которыя живы еще до сихъ поръ.

Его дѣятельность была весьма разнообразна и между прочимъ касалась раскола. Изъ документовъ видно, что онъ, подобно Мельникову-Щечерскому, не благоволилъ къ старообрядцамъ и даже предлагалъ крутыя мѣры къ искорененію раскола. Салтыкову—съ августа 1850 года уже совѣтнику губернскаго правленія—было поручено также составленіе инвентарнаго описанія городовъ Вятской губерніи, надзоръ за топографическими работами, производившимися въ этихъ городахъ, описаніе самой Вятки и прочее. Въ вятскомъ губернскомъ архивѣ хранится не мало солидныхъ по объему дѣлъ Салтыкова. Таковы дѣла «О безпорядкахъ, замѣченныхъ совѣтникомъ Салтыковымъ при обзорѣніи города Вятки»¹⁾ или «Дѣло о замѣченныхъ совѣтникомъ Салтыковымъ безпорядкахъ при обзорѣніи лѣсовъ, принадлежащихъ городу Вяткѣ». Въ обоихъ дѣлахъ онъ указываетъ на цѣлый рядъ городскихъ имуществъ, неправильно захваченныхъ частными лицами. Одна изъ записокъ о земельныхъ безпорядкахъ найдена послѣ его смерти въ его бумагахъ. Нѣсколько дѣлъ Салтыкова хранится также въ архивѣ при канцеляріи слободскаго исправника²⁾.

Благодаря командировкамъ и слѣдствіямъ, которыя поручали Салтыкову, онъ имѣлъ возможность близко познакомиться съ самыми темными и закулисными сторонами провинціальной жизни, узнать такія подробности, которыя легко ускользаютъ отъ глазъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приходилъ въ соприкосновеніе съ другимъ міромъ — народною массой, также сдѣлавшейся предметомъ его наблюдений. Такимъ образомъ ссылка въ извѣстной степени принесла ему пользу, и, благодаря ей, онъ могъ впослѣдствіи подѣлиться съ публикой своими впечатлѣніями на страницахъ «Губернскихъ очерковъ». Съ другой стороны, изгнаніе и невольное умственное одиночество выработали въ немъ замѣчательнаго мыслителя.

IV.

Несмотря на то, что съ самаго пріѣзда въ Вятку Салтыковъ былъ весьма радушно принятъ въ лучшемъ и «высшемъ» городскомъ обществѣ и жилъ открыто, онъ скучалъ въ ссылкѣ. Умственное одиночество, видимо, тяготитъ его, и онъ старается разо-

¹⁾ Дѣло 1850 г. № 176, слѣдующее—того же года № 188.

²⁾ Автору предлагаемой статьи передавали въ Слободскомъ, что эти дѣла вскорѣ должны поступить въ распоряженіе вятской ученой архивной комиссіи, которая, къ слову сказать, не отличается особымъ «рвеніемъ» къ печатанію своихъ трудовъ.

гнать скуку внѣслужебнаго досуга занятіями литературой. Знаніе имъ французскаго языка онъ употребляетъ на переводъ Токвиля, Вильмена и Шерюэля, пишетъ замѣтки на извѣстную книгу Беккарія, наконецъ составляетъ «Краткую Исторію Россіи» для своихъ знакомыхъ сестеръ Болтиныхъ, изъ которыхъ одна стала позже его женою. Городскія гостинныя, описанныя имъ потомъ такъ ядовито въ «Губернскихъ очеркахъ», гдѣ, по его словамъ, «въ самомъ дѣлѣ, все глядитъ какъ-то неуклюже», не нравились ему. Тоска постепенно овладѣвала имъ.

12 ноября 1849 г. онъ пишетъ просьбу объ увольненіи его въ отпускъ на четыре мѣсяца, а вскорѣ, 11 апрѣля слѣдующаго года, его мать подаетъ прошеніе на высочайшее имя о прощеніи сына. Къ дѣлу приложенъ формулярный списокъ о его службѣ.

Изъ формулярнаго списка видно, что за Салтыковымъ-отцомъ числилось 295 душъ въ Тверской губерніи и 55 душъ—въ Ярославской, а за матерью—1062 души въ Тверской губерніи и 865—въ Ярославской. На службу Салтыковъ—читаемъ формулярный списокъ—былъ опредѣленъ 23 августа 1844 г. въ канцелярію военнаго министерства и въ томъ же году переименованъ въ коллежскіе секретари; въ апрѣлѣ 1846 г., въ награду за отличную службу, получилъ одновременно 120 рублей; 8 августа 1846 г.—назначенъ помощникомъ секретаря канцеляріи военнаго министерства; 26 апрѣля 1847 г.—за отличіе по службѣ произведенъ въ титулярные совѣтники, а 11 апрѣля 1848 г., въ награду за отличную службу, Салтыкову выданъ полугодовой окладъ жалованья.

По просьбѣ статсъ-секретаря князя Александра Ѳедоровича Голицына о Салтыковѣ въ апрѣлѣ 1850 г. были наведены справки. Изъ Вятки былъ посланъ отвѣтъ, что за все время своего пребыванія въ ссылкѣ онъ «ни въ чемъ предосудительномъ не замѣченъ, ведетъ себя весьма похвально, служебныя обязанности исполняетъ съ особеннымъ усердіемъ и дѣятельностію, почему—а равно по отличнымъ способностямъ его—постоянно употребляется для занятій по дѣламъ особенной важности».

Однако, несмотря на благопріятные отзывы начальства, хлопоты Салтыковыхъ кончились ничѣмъ. На докладъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ о переводѣ Салтыкова на службу въ Оренбургскую губернію высочайшаго соизволенія не послѣдовало.

Матеріальное положеніе будущаго сатирика, вѣроятно, было не особенно блестяще. Такъ, 18 апрѣля 1851 г. онъ, по случаю своего перевода на службу въ Вятскую губернію, проситъ о назначеніи себѣ пособія въ размѣрѣ полугодоваго прежняго жалованья въ должности помощника секретаря канцеляріи военнаго министерства. Въ послѣдней должности Салтыковъ получалъ 336 руб. 24 коп. Его просьба была удовлетворена, и, за вычетомъ 10⁰/_о, ему выдали 151 руб. 29³/₄ копейки.

Аттестаци начальства были попрежнему самыя лестныя. Въ глазахъ вятской администраціи Салтыковъ продолжалъ считаться образцовымъ чиновникомъ и человѣкомъ, раскаявшимся въ своемъ «вредномъ образѣ мыслей», и во всякомъ случаѣ неопаснымъ. Въ Петербургѣ думали иначе.

Гражданскій вятскій губернаторъ Середа въ январѣ 1851 г. ходатайствовалъ о монаршей милости для Салтыкова—объ освобожденіи его отъ надзора полиціи, съ правомъ продолжать службу гдѣ пожелаетъ, — но безъ результата. Самъ Салтыковъ въ концѣ этого года отправилъ въ военное министерство прошеніе объ исходатайствованіи ему прощенія государя. Прошеніе было передано въ министерство внутреннихъ дѣлъ, но опять-таки отклонено министромъ, въ виду неуспѣха всеподданнѣйшаго прошенія 1850 г. На официальной бумагѣ объ этомъ, полученной губернаторомъ Середою 28 января 1852 г., сохранилась собственноручная подпись Салтыкова: «Предписаніе сіе читалъ М. Салтыковъ».

Изгнанникъ однакожъ не унывалъ. Не прошло и году, какъ онъ, 20 декабря 1852 г., подаетъ «покаянное» прошеніе на имя новаго вятскаго губернатора Семенова. Всѣ три страницы этого любопытнаго документа писаны четкимъ почеркомъ самого Салтыкова. Приводимъ его дословно.

«Въ апрѣлѣ 1848 года», — пишетъ Салтыковъ, — «по Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему на всеподданнѣйшій докладъ господина военнаго министра, переведенъ я на службу въ Вятскую губернію за помѣщеніе въ періодическихъ изданіяхъ сочиненій, обнаруживающихъ вредное направленіе.

«Съ тѣхъ поръ протекло болѣе пяти лѣтъ¹⁾, и обстоятельства мои во многомъ измѣнились. Смѣю думать, что во все это время и образомъ моихъ мыслей, и всѣми моими дѣйствіями по службѣ я постоянно и достаточно доказывалъ, что вредное направленіе, за которое я такъ много—хотя и заслуженно—пострадалъ, давно отброшено мною въ число тѣхъ заблужденій молодости, къ которымъ уже не возвращаются.

«Достигнувъ этого результата путемъ нравственнаго убѣжденія и имѣя твердую рѣшимость въ теченіе всей моей жизни остаться истиннымъ и вѣрнымъ слугою Престола, я въ самой этой рѣшимости почерпаю смѣлость надѣяться, что Высшее Правительство приметъ во вниманіе понесенное мною наказаніе и безусловную мою покорность и снизойдетъ къ кратковременному моему заблужденію, которое, конечно, никогда не возобновится.

«Льщу себя надеждою, что и ваше превосходительство не оставите меня своею защитой и покровительствомъ, и, въ этомъ убѣжденіи, рѣшаюсь утруждать васъ всепокорнѣйшею моею прось-

¹⁾ Какъ видно, Салтыковъ преувеличиваетъ.

бою объ исходатайствованіи мнѣ четырехмѣсячнаго отпуска въ Ярославскую, Тверскую и Московскую губерніи.

«Къ сему считаю долгомъ присовокупить, что къ ходатайству сему я вынуждаюсь еще и тѣмъ, что въ прошломъ году я имѣлъ несчастье лишиться отца, вслѣдствіе чего личное мое присутствіе въ семействѣ оказывается необходимымъ для устройства домашнихъ дѣлъ.

«Совѣтникъ вятскаго губернскаго правленія коллежскій ассессоръ

М. Салтыковъ».

Послѣднее прошеніе, снова подкрѣпленное лестнымъ отзывомъ губернатора Семенова о просителѣ, имѣло успѣхъ, но лишь отчасти. 17 марта 1853 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе: Совѣтника вятскаго губернскаго правленія, коллежскаго ассессора Салтыкова уволить въ отпускъ на четыре мѣсяца во внутреннія губерніи, кромѣ столичныхъ.

Отпускомъ Салтыковъ не спѣшилъ воспользоваться: только 16 іюня онъ выбылъ въ Калязинъ, а 15 октября 1853 г. вернулся изъ единственнаго отпуска, какимъ пользовался за всѣ семь лѣтъ ссылки.

Между тѣмъ служба продолжалась попрежнему, при чемъ Салтыковъ два раза исполнялъ должность правителя губернаторской канцеляріи. Ссылка не суждено было кончиться скоро. Николаевское правительство неизмѣнно слѣдовало своей системѣ въ отношеніи политическихъ изгнанниковъ. Только 13 ноября 1855 г., уже при Царѣ-Освободителѣ, состоялось сообщенное Салтыкову официальнымъ письмомъ губернатора слѣдующее опредѣленіе: Дозволить Салтыкову проживать и служить гдѣ пожелаетъ.

Говорять, большое участіе въ его судьбѣ принимала вдова Пушкина Н. Н. Ланская, которой мужъ, Петръ Петровичъ, приходился двоюроднымъ братомъ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ, графу Сергѣю Степановичу Ланскому. Въ февралѣ 1856 г. Салтыковъ—въ то время уже надворный совѣтникъ—былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ.

Онъ уѣхалъ умственно неудовлетвореннымъ. Нотка этой неудовлетворенности ясно слышится въ одномъ мѣстѣ «Губернскихъ очерковъ», гдѣ онъ пишетъ: «Когда я ѣхалъ въ Крутогорскъ, то мнѣ казалось, что и я долженъ на дѣлѣ принести хоть частичку той пользы, которую каждый гражданинъ обязанъ положить на алтарь отечества. Думалось мнѣ, что въ самой случайности, бросившей меня въ этотъ край, скрывается своего рода предопредѣленіе... «Юношескія мечты! Тщетныя мечты! Сколько въ нихъ, однакожь, свѣжести и чистоты, сколько жажды добра и истины! Что же я сдѣлалъ, какіе подвиги совершилъ?..»

V.

Съ теплымъ чувствомъ, хотя и въ нѣсколько банальныхъ выраженіяхъ, вспоминаетъ онъ о Вяткѣ въ введеніи къ «Губернскимъ очеркамъ»—гдѣ Вятка фигурируетъ подъ вымышленнымъ именемъ Крутогорска—и позже въ «Пошехонскихъ разсказахъ».

Нельзя сказать, чтобы въ послѣднія шестьдесятъ лѣтъ она измѣнилась къ лучшему. Попрежнему городъ «не отличается великолѣпными зданіями, нѣтъ въ немъ садовъ Семирамидиныхъ... да и улицы-то все немощеныя. Но есть что-то мирное, патріархальное во всей его фізіономіи, что-то успокаивающее душу въ типинѣ, которая царствуетъ на стогнахъ его»... Въ ней все тѣ же немощеныя улицы, тѣ же деревянные тротуары даже на главныхъ улицахъ, тротуары, на которыхъ какъ весело вамъ, такъ хорошо и отрадно», нѣтъ только тишины, которая исчезла съ появленіемъ на вятскихъ улицахъ казенныхъ кабаковъ. Появились и трехэтажные дома, которыхъ еще не встрѣчалъ Салтыковъ; но эти дома своею причудливой, но безвкусной хамско-мавританской архитектурой отнюдь не красятъ симпатичнаго и весьма живописнаго городка.

Еще живы нѣсколько лицъ, помнящихъ Салтыкова, какъ все еще здравствуетъ старушка, когда-то одна изъ блестящихъ вятскихъ красавицъ и богатыхъ купеческихъ невѣстъ, танцовавшая въ 1837 г. съ наслѣдникомъ престола Александромъ Николаевичемъ, въ бытность его въ Вяткѣ. Но умереть старушка, умереть и современники Салтыкова—и живая память о немъ заглухнетъ въ Вяткѣ...

VI.

Чѣмъ же почтилъ Салтыкова этотъ «далекій, ничѣмъ не тронутый край», эта «бѣдная сторона, которую надо любить?..» Да ничѣмъ! Хотѣли было назвать именемъ сатирика одинъ изъ вятскихъ садовъ; но это предположеніе почему-то не осуществилось. Не носитъ его имени и ни одна изъ городскихъ улицъ, какъ не поставленъ ему хоть бы скромный бюстъ въ красивомъ, но запущенномъ, «брошенномъ по крутому берегу» Александровскомъ саду, гдѣ часто гулялъ знаменитый писатель, любуясь съ обрыва на изящную панораму рѣки Вятки съ ея оживленнымъ берегомъ, который онъ описалъ въ тѣхъ же «Губернскихъ очеркахъ». Городъ до сихъ поръ не догадался прибить хотя бы доску къ дому, гдѣ жилъ Михаилъ Евграфовичъ. Не повезло послѣднему и въ мѣстной литературѣ, гдѣ его имя какъ бы преднамѣренно обходится молчаніемъ...

И невольно приходятъ на мысль его слова: «О провинція! Ты растлѣваешь людей, ты истребляешь всякую самодѣятельность ума, охлаждаешь порывы сердца, уничтожаешь все, даже самую способность желать,—ибо можно ли назвать «желаньями» тѣ мелкія вожделѣнія,—исключительно направленные къ матеріальной сторонѣ жизни, къ доставленію крошечныхъ удобствъ,—которыя имѣютъ то неопѣненное достоинство, что устраняютъ всякій поводъ для тревогъ души и сердца!..»

В. А. Алексѣевъ.

МАЛАНЬИНА СВАДЬБА.

(Историческій ребусъ).

Собирается, какъ на Маланьину
свадьбу.

Крылатое слово.

ОПЫТКИ выяснитъ причины возникновенія нѣкоторыхъ нашихъ крылатыхъ словъ, гдѣ нерѣдко въ сжатой формѣ заключается цѣлая исторія, у насъ хотя и дѣлались, но пока въ очень немногихъ случаяхъ. Въ числѣ интересовавшихся этимъ можно упомянуть имена Даля, Сахарова, Максимова. Всѣ эти авторы уже покойники— и послѣдній изъ нихъ, кажется, больше всѣхъ потрудился на этомъ поприщѣ, выпустивши въ свѣтъ извѣстный трудъ—«Крылатыя слова».

Но все это, можно сказать, капля въ морѣ. Истолковано такъ или иначе, болѣе или менѣе удачно пока еще лишь небольшое число «крылатыхъ словъ». И великое множество ихъ ждетъ еще своей очереди, чтобы повѣдать міру свою, иногда изумительную, исторію.

Въ ряду послѣднихъ находятся и «крылатки» о Маланьѣ.

Маланьина свадьба, Маланьины (долгіе) сборы, Маланьинъ счетъ (запутанный), собирается (долго), какъ на Маланьину свадьбу, наварила, напекла, какъ на Маланьину свадьбу (много), — цѣлый пернатый словесный рой.

Но что это за мистическая, загадочная Маланья, къ которой приуроченъ этотъ рой?

По нашимъ изысканіямъ, популярная Маланья народныхъ присловій — личность историческая, интересная своимъ житіемъ и игравшая случайно видную роль въ знаменательнѣйшую эпоху нашей исторіи—въ царствованіе Петра Великаго.

Скажемъ короче: все приведенное выше «гнѣздо» крылатыхъ словъ касается жизненной спутницы «державнаго плотника»—шведской плѣнницы Марты, впоследствии императрицы Екатерины I.

Съ перваго взгляда на читателя открытіе наше, не споримъ, можетъ произвести ошеломляющее впечатлѣніе. Екатерина I — и какаѣ-то темная Маланья народныхъ присловій, что тутъ общаго? подумаетъ читатель.

Въ отвѣтъ мы попросимъ только взять «на часъ терпѣнья» и познакомиться съ данными, которыя побуждаютъ насъ допустить такое отождествленіе.

Конечно, мы далеки отъ мысли утверждать, что наша догадка—абсолютна вѣрна и правильна. За это не ручаемся. Но отъ изслѣдователя темныхъ историческихъ «ребусовъ», вродѣ «Маланьяной свадьбы», такихъ ручательствъ и требовать нельзя. Это было бы непосильнымъ для человѣка бременемъ. Дѣло изслѣдователя—путемъ вдумчивой комбинаціи достовѣрныхъ историческихъ фактовъ лишь намѣчать, какой отвѣтъ является наиболѣе правдоподобнымъ на ту или другую историческую загадку, а отнюдь не утверждать, что этотъ отвѣтъ—окончательный и единственный.

И мы далеки отъ мысли брать на себя непосильное бремя, о которомъ сказано выше.

Довольно съ насъ и того, если читатель согласится, что нами добросовѣстно исполнена задача въ намѣченныхъ нами рамкахъ—комбинаціи фактовъ для «намѣтки» правдоподобнѣйшаго отвѣта по данному вопросу.

Сдѣлавши эту необходимую оговорку, возвращаемся къ нашимъ крылатымъ словамъ.

Прежде всего—небольшая экскурсія въ область общей исторіи, а отчасти—и исторіи нашей народной словесности.

Происхожденіе Екатерины I—сначала просто подруги, а потомъ супруги Петра Великаго, очень темно. Но хотя генеалогія ея доселѣ еще прочно не установлена, однако—можно считать уже несомнѣннымъ, что роду она совсѣмъ неважнаго, чисто плебейскаго. Родственники ея, литовцы, были, повидимому, крѣпостными магната Сапѣги, слѣдовательно занимали очень низкое соціальное положеніе.

Петръ беретъ къ себѣ Марту отъ Меншикова въ 1703 году, и съ этого времени она дѣлается неофициальной подругой царя-реформатора.

Впрочемъ, отношенія ихъ долго остаются тайной даже для царскихъ приближенныхъ.

Петръ не спѣшитъ съ оглаской. Да и торопиться нечего было: первая жена царя—невольная «суздальская отшельница» находилась въ живыхъ, простая же полонянка Марта ничѣмъ не выдѣлялась въ глазахъ народа, чтобы хоть сколько-нибудь оправдать царскій выборъ ее на «высокую чреду».

Бросить при такихъ условіяхъ «перчатку общественному мнѣнію» страны, какъ бы оно слабо ни было, и самъ Петръ, не смотря на всю свою рѣшительность, не находилъ удобнымъ.

Приходилось подождать «удобнаго случая», чтобы «всенародно» возвѣстить о «царскомъ выборѣ». А пока что—надо было отношенія царя къ Мартѣ скрывать, по крайней мѣрѣ—хоть отъ толпы.

И въ средствахъ съ этой цѣлью не стѣсняются.

Есть, на примѣръ, извѣстіе, что Екатерина и послѣ рожденія принцессъ Анны и Елизаветы числилась официально женою придворнаго повара. По свидѣтельству Гельбига, ей только въ 1710 г. дается званіе фрейлины.

По однимъ извѣстіямъ бракъ Петра съ Екатериною совершается около 1708 г., а по другимъ — гораздо позже, въ 1711 г., предъ отправленіемъ царя въ походъ противъ Турціи. Но, не касаясь правильности той или другой изъ этихъ датъ, надо замѣтить, что бракъ этотъ былъ все-таки тайный, извѣстный лишь небольшому кружку царскихъ приближенныхъ.

Для большой публики Екатерина, недавно «жена повара», остается все еще «незнакомкой», «фрейлиной», «милостивой госпожой».

Оглашать бракъ царь опять-таки совѣмъ не торопился — все выжидалъ подходящаго случая.

Послѣ несчастнаго прутскаго похода, когда Петру и его арміи угрожала страшная опасность отъ турокъ, нашелся, наконецъ, и желанный случай. Какъ извѣстно, сопутствовавшая тогда царю Екатерина оказала ему и русскому войску на берегахъ Прута «услугу», склонивши цѣннымъ подаркомъ турецкаго пашу на миръ, спасшій и царя, и армію отъ великой бѣды.

Царь вскорѣ рѣшилъ использовать это обстоятельство и въ интересахъ собственной семейной жизни.

Теперь онъ могъ разсчитывать, что «русское общество» не будетъ слишкомъ строго относиться къ совершившемуся уже «мезальянсу».

Въ роли царской невѣсты выступала уже не безвѣстная «низкородная» полонянка, а спасительница царя, спасительница Россіи.

И въ 1712 г. совершается явно и оглашается «всенародно» брачное торжество, празднуется, по шутливому выраженію Петра, «старая царская свадьба»¹⁾.

Кстати: екатерининскіе браки—вообще дѣло довольно темное.

¹⁾ Любопытно, что «прутское спасеніе» было еще разъ использовано въ интересахъ Екатерины. Когда въ 1724 году царь задумалъ короновать импера-

Пасторъ Глюкъ, воспитатель Марты, выдаетъ ее замужъ за шведскаго драгуна Юанна—такъ повѣствуетъ исторія.

Но потомъ дѣлаются серьезныя попытки затушевать этотъ совѣмъ не блестящій «союзъ» будущей императрицы съ какимъ-то ничтожнымъ шведскимъ кавалеристомъ.

Ближайшіе потомки Екатерины — Елизавета Петровна и императоръ Петръ III—и слышать не хотѣли о немъ; рѣшено было считать драгуна только женихомъ, но отнюдь не мужемъ Марты, хотя многое дѣлаетъ фактъ этой свадьбы несомнѣннымъ.

Бракъ Екатерины съ Петромъ Великимъ тоже, какъ мы видѣли, обставленъ былъ многими подробностями, весьма затемняющими это событіе.

Въ памяти русскаго народа имя Екатерины никогда не пользовалось большими симпатіями. При жизни и вскорѣ послѣ ея смерти здѣсь наблюдалось даже скорѣе враждебное отношеніе къ ней, особенно въ старообрядческой средѣ, гдѣ она, говоря языкомъ самого царя, совѣмъ «не въ авантажѣ обрѣталась».

Отъ крѣпкихъ ревнителей древняго благочестія, пресерьезно считавшихъ даже самого «перваго императора» еретикомъ, антихристомъ и крокодиломъ, нельзя, конечно, было и ожидать большого почтенія къ его «царскому капризу», къ этому «*Herzenskind*'у», какъ называлъ Екатерину влюбленный Петръ.

Это и понятно. Въ глазахъ русскаго человѣка «старога чекана» очутившаяся нежданно-негаданно «на высокой чредѣ», у самаго царскаго престола, женщина невѣдомаго происхожденія, какая-то «нѣмка» или «чухонка», ясное дѣло—еретичка, «латынянка», или еще и того хуже—«люторка», естественно не могла рассчитывать на особенное уваженіе.

Будь это женщина высокаго ума, какъ Екатерина II, напри- мѣръ, она, конечно, могла бы, если и не побѣдить, то хоть ослабить «народный предрасудокъ».

Но простой, совершенно необразованной Екатерины I такая задача была не по силамъ.

И народъ остался при своемъ «предрасудкѣ».

трицу, чтобы еще больше возвысить ее въ глазахъ народа, онъ прибѣгаетъ опять къ той же тактикѣ, которую употребилъ и при оглашеніи своего брака съ нею. При главныхъ сановникахъ государства онъ говорилъ, что заслуга Екатерины передъ страной велика, что она раздѣляла съ нимъ его труды, отправляясь даже въ походы, и что, наконецъ, женщина, спасшая государство въ 1711 году, достойна править этимъ государствомъ. Такъ говорилъ царь. Въ сущности, участіе Екатерины въ спасеніи (пожертвованіе драгоценностей, которыя иначе и безъ того турки отобрали бы, а дома за эту жертву вознаградили бы сторицею) государства было не такъ уль велико и значительно, чтобы стоило дважды расплачиваться за него; но Петру нуженъ былъ авторитетъ, который дѣйствовалъ бы на патріотизмъ подданныхъ.—«спасеніе» было опять пущено въ дѣло, и коронованіе торжественно совершилось.

Въ самомъ важномъ вопросѣ—религіозномъ—она была чужая для него, иновѣрка, еретичка. Въ дѣтствѣ она крещена была въ католичество, а воспитывалась въ протестантствѣ,—все это вѣры, чуждыя русскому народу. Правда, впослѣдствіи она приняла и православіе, но этому не придавалось большого значенія. Въ сущности, православіе, воспринятое ею съ комментаріями такого миссіонера, какъ нашъ царственный основатель кощунственнаго «все-пьянѣйшаго собора», для народа казалось весьма подозрительнымъ; недаромъ такъ смотрѣли на это даже и въ высшихъ кругахъ, гдѣ пріобретеніе Марты къ греко-россійской вѣрѣ подало лишь поводъ къ извѣстному придворному, не очень остроумному каламбуру: *l'impératrice Catherine a beaucoup de religions.*

Въ заслугу ей ничего не хотѣли ставить, а въ вину охотно ставили очень многое, даже нерѣдко и то, въ чемъ она была совершенно неповинна,—напримѣръ, самыя стремительныя реформы «державнаго плотника», глубоко всколыхнувшія русскую народную жизнь.

Не могъ народъ почитать ее и какъ царицу, даже и послѣ торжественнаго коронованія ея царемъ.

Первая супруга Петра Евдокія Лопухина, насильственно заточенная царемъ въ монастырь, была тогда жива, и потому новый царскій бракъ, да еще съ какою-то безродною «нѣмкою», и коронованіе «второй царицы» въ мнѣніи народа совсѣмъ не высоко цѣнились; «законной царицей» могла считаться только первая царская жена—Евдокія.

А что народъ далеко не совсѣмъ былъ безучастенъ къ судьбѣ «развѣнчанной царицы», крѣпко обиженной Петромъ, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. У нея было не мало сторонниковъ. Можно сказать, на Руси ихъ было тогда столько же, сколько противниковъ у Петра,—а это величина довольно внушительная.

Находились даже пѣвцы, которые «народнымъ складомъ» оплакивали горькую долю страдальцы-царицы, хотя за такія пѣсно-пѣнія очень усердно «стегали» какъ при Петрѣ, такъ и при ближайшихъ его преемникахъ.

Напримѣръ, тогда «сложена» была «жалостливая» народная пѣсня на постриженіе Евдокіи, гдѣ вся вина событія очень недвусмысленно сваливается на Петра да на его сестру Наталью—«змѣю лютую».

Въ этой пѣснѣ, дошедшей до насъ въ нѣсколькихъ вариантахъ (большей частью, впрочемъ, весьма темныхъ, преимущественно «безличныхъ»: вѣрный признакъ гоненія на пѣсню въ былое время), между прочимъ, отъ лица царицы говорится:

Возлѣ милаго сижу млада,
Меня милый другъ журить-бранить;
Отъ-то журить-бранить,

Въ монастырь итти вѣдѣть:
 «Постригись, моя немилая,
 Постимся, постылая;
 На постриженіе выдамъ сто рублей,
 На постыженіе тебѣ тысячу.
 Я поставлю нову келейку
 Въ зеленомъ саду подъ яблонью,
 Прорублю я три окошечка:
 Первое къ Божьей церкви,
 Другое-то во зеленый садъ,
 Третье-то въ чистое поле;
 На Божью церковь ты намолишься,
 Въ зеленомъ саду нагуляешься,
 Во чисто поле насмотришься».
 Случилось ѣхать князьямъ-боярамъ.
 Они спрашиваютъ: «что это за келейка,
 Что за келейка, что за новенька,
 Что въ ней за монашенка, за молоденька?
 Еще кѣмъ она пострижена?»
 Отвѣчала имъ монахиня:
 «Я пострижена самимъ царемъ,
 И постыжена Петромъ Первымъ,
 Черезъ его змѣю лютую¹⁾...»

Въ саратовскомъ вариантѣ той же пѣсни, на вопросъ: кто спасается во келейкѣ?—дается еще болѣе образный отвѣтъ:

Тутъ спасается не дѣвушка,
 Не дѣвушка, не вдовушка,
 А спасается тутъ жена мужняя:
 Не въ любви жила, не въ согласіи...

Такъ сочувственно относился народъ къ суздальской затворницѣ.

Въ то же время къ ея счастливой «соперницѣ», къ полонянкѣ Мартѣ, мы видимъ въ народѣ уже совершенно иное отношеніе.

О ней тоже слагаются здѣсь пѣсни, но совсѣмъ другого рода.

Напримѣръ, въ игриво-насмѣшливомъ тонѣ пѣлась такая «непристойность»:

Звѣрочекъ, мой звѣрочекъ,
 Полуношный мой звѣрочекъ,
 Повадился во садочекъ
 Къ Катюшѣ ходить, и проч....

¹⁾ Любопытный вариантъ этотъ записанъ В. И. Далемъ и кн. В. Ф. Одоевскимъ и напечатанъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1863 г. Кстати, приведемъ самооправданіе царя, высказанное имъ автору извѣстныхъ записокъ, датскому посланнику Юсту Юлю, по поводу событія, о которомъ повѣствуется въ нашей пѣснѣ. «Царь,—пишетъ Юль (1710 г.):—обратившись ко мнѣ, а равно къ польскому и прусскому посланникамъ, рассказалъ намъ любопытную вещь, а именно, что онъ и генералъ Долгорукій, женившись въ одинъ и тотъ же день, подверглись одинаковой участи: каждый обрѣлъ негодную жену. Тутъ же царь шутивнымъ тономъ прибавилъ, что, оцѣнивъ все благочестіе своей супруги и желая облегчить ей возможность вести святую жизнь, онъ постригъ ее въ монахиню...»

Комментарій къ этой веселой частушкѣ, сохранившійся въ одномъ изъ застѣбныхъ пѣсенныхъ дѣлъ XVIII вѣка, прямо указываетъ, что за эту пѣсню «кнутомъ бивали», а «сложена» де она на соблазнительный случай сожительства государя Петра I съ Екатериной Алексѣевной, «когда она еще въ дѣвцахъ имѣлась».

«Неблагословенное сожительство» царя съ Мартою нашло себѣ отзвукъ не въ одной народной пѣснѣ, но даже и въ народной картинкѣ. «Лубокъ» еще сильнѣе и рельефнѣе откликнулся не только на этотъ мотивъ, но и на нѣкоторые другіе изъ личной жизни Петра и Екатерины, не исключая и ихъ свадьбы.

Такъ, на одной старинной гравюрѣ того времени, замѣченной Герценомъ гдѣ-то въ гостиницѣ, изображено было слѣдующее зрѣлищѣ: Петръ за столомъ, уставленнымъ различными яствами и напитками; Меншиковъ подводитъ къ нему дородную, дебелую красотку, въ которой не трудно узнать Екатерину. Въ довершеніе всего внизу краснорѣчивая надпись: «Добрый и вѣрный подданный уступаетъ своему возлюбленному государю то, что у него есть самага драгоценнаго».

У покойнаго И. М. Снегирева была въ рукахъ старинная же петровская гравюра, величиною въ поллиста обыкновенной писчей бумаги, съ весьма характернымъ изображеніемъ бракосочетанія Петра и Екатерины. Она носитъ укоризненный характеръ, свойственный почти всеѣмъ народнымъ гравюрамъ, касающимся Петра и Марты. На картинкѣ оба они стоятъ въ церкви предъ налоемъ— и у каждаго сбоку по маленькой дѣвочкѣ. Это двѣ дочери привѣнчанныя.

Привѣнчаніе не было особенною рѣдкостью встарину, когда простой народъ, какъ это видно изъ нашихъ церковныхъ памятниковъ, въ брачномъ вопросѣ относился равнодушно къ церковному обряду, довольствуясь «неблагословеннымъ бракомъ» — простымъ сожительствомъ, освященнымъ обычаемъ, прославленнымъ еще въ древнихъ богатырскихъ былинахъ, напримѣръ, — о Дунаѣ Ивановичѣ, гдѣ выхваляется старинный народный институтъ—вѣнчаніе «кругъ ракитова куста», безъ участія церкви.

Когда же такіе «новобрачные» рѣшались, иногда уже въ весьма зрѣломъ возрастѣ, «покрыть грѣхъ» церковнымъ вѣнчаніемъ, церковники, конечно, относились къ этому весьма благосклонно, видя въ этомъ вѣрный путь къ укрѣпленію въ народныхъ массахъ идеи церковнаго брака. А чтобы и прижитыя внѣ брака, «во грѣхѣ», дѣти приобщились, такъ сказать, очистительному таинству, ихъ ставили на время вѣнчанія въ рядъ съ родителями; это-то и называлось «привѣнчаніемъ», освященіемъ, какъ бы узаконеніемъ «отъ беззаконія зачатого». Обычай этотъ и доселѣ еще не вывелся на Руси.

Но гравюры, о которыхъ только что шла рѣчь, это еще, такъ сказать, цвѣточки, скромная иллюстрація исторіи. На ряду съ ними появлялись также направленные противъ Петра и Екатерины рѣзко сатирическія народныя картинки, истинный смыслъ которыхъ хотя и не поддавался скорому толкованію, однакожь легко обнаруживался.

Такихъ листковъ послѣ кончины Петра появляется цѣлая серія. Но между ними—главнѣйшее мѣсто, безспорно, принадлежитъ картинкѣ «Какъ мыши kota погрѣбають», любопытной «небылицѣ въ лицахъ».

Картина эта появилась вскорѣ послѣ смерти Петра I и считается раскольничьей сатирой на царя-реформатора.

Всѣ надписи на ней, всѣ подробности взяты прямо изъ русскаго быта; это вполнѣ оригинальное произведеніе русскаго буфа.

«Первая персона» на этой картинкѣ—котъ Брысь, онъ же вѣроятно—уже по французско-нижегородски—Алабрысь (А la Брысь).

Вторая, — вполнѣ устранившаяся, чухонка Маланья, горячо оплакивающая безвременную кончину Брыса и сготовившая великолѣпныя поминки ему.

Брысь — совѣтъ не простой смертный. Титулы его: котъ казанскій, умъ астраханскій, разумъ сибирскій... прямо указываютъ на царское происхожденіе ихъ обладателя.

По многимъ признакамъ можно заключить, что покойникъ былъ «знатный объѣдало и веселый подпивало» — намекъ на «дѣянія» петровскаго «всепьянѣйшаго собора»,¹⁾ члены котораго прославились гомерическими попойками и обжорствомъ.

Покойникъ хотя и былъ русскій, но состоялъ въ близкомъ родствѣ съ чухнами: тѣло его везется на чухонскихъ дровняхъ. Да и «вторая персона» — чухонка Маланья, повидимому, самое близкое къ нему лицо; это собственная его вдова, такъ какъ отъ

¹⁾ Интересъ «лубка» къ собору не ограничивается однимъ «Погребеніемъ Кота». Любимому сатирическому дѣтищу Петра отводится еще больше мѣста въ другой народной картинкѣ: «Посвященіе изъ простыхъ въ чиновныя чумаки и въ настояще иѣловальники». Здѣсь довольно остроумно высмѣивается сочиненный самимъ царемъ — шутовской и кощунственный «чинъ» принятія въ соборяне и посвященія въ архижрецы, архіереи, князь-папы и т. п., съ пѣніемъ «пѣсни Бахусовой» и «съ рукоположеніемъ» пьянымъ нетрезваго «во имя всѣхъ кабаковъ, во имя всѣхъ табаковъ, во имя всѣхъ водокъ» и прч. Въ подражаніе этому «чину» на нашей картинкѣ 12 чумаковъ въ бѣлыхъ балахонахъ ведутъ новопоставляемаго въ кабацкій покой, въ которомъ стоитъ бочка, а на ней сидитъ Бахусъ съ рябиною кистью въ одной рукѣ и штофомъ съ рюмкой въ другой. Тутъ же стоятъ двѣ обрюзглыя отъ пьянства бабы, соответственно всешутѣйшимъ игуменьямъ, присутствовавшимъ при избраніи князь-папы, по уставу всепьянѣйшаго собора. Должность соборнаго архижреца на лубкѣ занимаетъ хозяинъ кабака, рукополагающій новопоставляемаго такими словами: «остави ты мірскія заботы и прилѣпнися къ винной мѣрѣ, приучай пьяныхъ подъ свою стойку, расправляя скупухъ карманы и привлекая ихъ складывать кафтаны» и т. д.

нея несутъ главные предметы поминокъ—пиво и олады. На картинкѣ, съ соотвѣтствующей иллюстраціей, говорится: «двѣ мыши съ рожновой горы отъ чухонки-вдовы тащатъ изъ шинка ушатъ мерзкаго пива летошняго года изъ подъ Маймистскаго захода», далѣе: «мышь отъ чухонки Маланьи везетъ полны сани оладьевъ».

Въ древнѣйшемъ переводѣ «небылицы» она даже хронологически сближалась съ погребеніемъ нашего «державнаго плотника»—Петра I. Тамъ въ заголовкѣ говорилось, что казанскій уроженецъ умеръ въ сѣрый (т. е. зимній) четвергъ, въ шестопятое число, въ жидовскій шабашъ. Петръ I именно скончался въ четвергъ сѣраго — зимняго—мѣсяца января, съ пятаго часа на шестой, или, какъ сказано въ картинкѣ—«въ шестопятое число».

Что погребеніе касается нашего «перваго императора» и представляетъ пародію на шутовскія церемоніи, которыя устраивались Петромъ на разные случаи съ цѣлью поѣсть, попить и повеселиться, это не было большою тайной и для цензуры XVIII в.

Цензура, надо отдать ей справедливость, съ давняго времени подозрѣвала настоящее значеніе Алабрысова погребенія; въ этомъ отношеніи чутьемъ своимъ она опередила нашихъ изслѣдователей и рано принялась за изгнаніе изъ погребальной сатиры черезчуръ откровенныхъ намековъ; сперва было исключено означеніе дня, въ который скончался Алабрысъ, находящееся въ древнемъ переводѣ картинки; затѣмъ въ позднѣйшихъ изданіяхъ картинки, чтобы уничтожить всякое по этому поводу сомнѣніе, вмѣсто зимняго погребенія на дровняхъ, было устроено лѣтнее, на телѣгѣ; выпущены были также всѣ мѣста—о вдовѣ-чухонкѣ, о Маймистскомъ заходѣ, а потомъ и о лаптяхъ (о котѣ раньше говорилось: «плелъ лапти, а носилъ сапоги»,—намекъ на легенду о томъ, что Петръ самъ, ради опыта, сработалъ лапотъ).

Старинный подзаголовокъ къ картинкѣ: «Небылица въ лицахъ, найдена въ старыхъ свѣтлицахъ, обернута въ черныхъ тряпицахъ», также наводитъ на мысль, что «погребеніе» не простая шутка изъ животнаго эпоса, а политическая сатира; покойный этнографъ Снегиревъ не безъ основанія подозрѣвалъ въ этой присказкѣ предусмотрительность сочинителя, опасавшагося огласить свою личность въ тотъ вѣкъ, когда подобная картинка легко могла довести до застѣнка въ преображенскомъ или въ сыскномъ приказѣ, гдѣ стали бы у него выпытывать на дыбѣ, подъ ударами кнута, кого именно онъ разумѣлъ подъ изображеніемъ кота и мышей и съ какимъ умысломъ выдалъ такой «пасквиль»?

Къ той же «сатирической семьѣ» относится еще пять народныхъ картинокъ, сильно, впрочемъ, уступавшихъ въ популярности «Погребенію кота»; но зато здѣсь «раскольники» дѣйствовали еще откровеннѣе—сумѣли даже провести свои опасныя «крылатыя слова» насчетъ Петра (антихристъ, крокодилъ), да и Марты не щадили.

Такъ, на картинкѣ «Отъ Христа паденіе антихриста»—они нарисовали этого послѣдняго во образѣ Петра ¹⁾.

На двухъ другихъ сатирическихъ картинахъ—драка Бабы-Яги съ крокодиломъ—выводится уже не одинъ Петръ, а съ чухонкою, повидимому, тою самою, которой встарину отводилось видное мѣсто въ «котовомъ погребеніи».

Бой загорѣлся изъ-за пустяковъ—изъ-за сткляницы вина, которая тутъ же стоитъ подъ кустомъ,—намекъ на петровскія пьяныя пирушки и на то, что Марта, великая поклонница знаменитой «гданской водки», соперничала съ нимъ на этомъ славномъ поприщѣ. На картинкѣ Баба-Яга въ чухонскомъ костюмѣ, съ чухонскими вышивками и въ чухонскомъ головномъ уборѣ, а подъ крокодиломъ представлено любимое дѣтище Петрово—корабликъ.

На второй картинкѣ смѣлость лубочника дошла даже до портретнаго сходства: изображеніе бабы-яги здѣсь напоминаетъ нѣсколько портретъ Екатерины въ обезображенномъ типѣ Моора (въ грав. Ив. Зубова). На обѣихъ картинкахъ Яга ѣдетъ на драку по-шутовски—«на свиньѣ, съ пестомъ».

На четвертой картинкѣ Баба-Яга уже не дерется, а пляшетъ съ плѣшивымъ мужикомъ. Пятая же представляетъ извѣстный эпизодъ македонской красавицы, которая осѣдлала старика и заставила его скакать на четверенькахъ; только въ нашей картинкѣ верхомъ на старикѣ сидитъ не македонская красавица, а опять-таки чухонка въ своемъ народномъ костюмѣ, хотя и съ чалмой на головѣ; надпись же гласитъ, что это «нѣмка ѣдетъ на старикѣ». (Петръ I въ письмахъ къ Екатеринѣ иногда называлъ себя «старикомъ»).

На этомъ мы и расстаемся съ исторіей.

Теперь очередь за сопоставленіями и выводами.

Вотъ они. Сказанное нами выше, намъ кажется, даетъ намъ серьезное право предполагать, что «крылатыя слова» о Маланьинѣ свадьбѣ относятся вѣроятнѣе всего ко второму браку Петра I—къ женитьбѣ его на полонянкѣ Мартѣ ²⁾.

¹⁾ Наши свѣдѣнія объ этихъ лубочныхъ картинкахъ и о погребеніи kota взяты изъ посмертнаго труда Д. А. Ровинскаго «Русскія народныя картинки», 1900 г. Отсюда же узнаемъ, что въ XVIII в. въ религиозныхъ картинкахъ, кромѣ Петра I, была тайно выведена еще раскольницами императрица Анна Ивановна въ «Зерцалѣ грѣшнаго»; на этой картинкѣ въ самой серединѣ представленъ кавалеръ въ кафтанѣ и дама въ богатомъ уборѣ, съ вѣеромъ въ рукѣ. Дама говоритъ кавалеру: «Аще хочещи, то сотворимъ нынѣ тайно со мною». Кавалеръ отвѣчаетъ: «Ахъ, ахъ, невѣмъ, что сотворити съ тобою». Старообрядцы—читаемъ у Ровинскаго—увѣряютъ, что въ этихъ двухъ фигурахъ изображены Анна Ивановна и Биронъ.

²⁾ Гдѣ-то въ историческихъ журналахъ (гдѣ именно—сейчасъ, къ сожалѣнію, не можемъ вспомнить) мы встрѣтили попытку дать нѣсколько иное объясненіе «Маланьинѣ свадьбѣ»; тамъ она приурочивалась къ женитьбѣ какого-то донскаго атамана, невѣста котораго называлась Маланьей. Но эта, весьма слабо обоснованная по существу попытка не выдерживаетъ даже самой снисходительной критики. Противъ нея, прежде всего—необычайная популярность

Отсюда и широкая, можно сказать—всероссийская, известность интересующих нас присловий.

В послѣднихъ «Маланьина свадьба» разсматривается если не всесторонне, то, во всякомъ случаѣ, со многихъ сторонъ.

«Маланьины сборы», «Маланьина свадьба» — синонимъ необычайной медлительности, долгихъ сборовъ. Это одна сторона, вызвавшая нѣсколько крылатыхъ словъ. Дальше — «Маланьинъ счетъ» — запутанный, юмористическій счетъ. Короче — такой, гдѣ въ особенности страдаетъ «брачная хронологія», и о которомъ въ народѣ насмѣшливо говорятъ: «Два года женатъ, а пять лѣтъ мальчику». Или: «Годъ замужемъ, а дѣтишекъ четверо», и т. п. — Потомъ — «наварила, напекла, какъ на Маланьину свадьбу» — синонимъ обильнаго пиршества. Таково было и торжественное публичное празднество второго брака Петра — затянувшейся «Маланьиной свадьбы». Пирушка по этому поводу справлялась съ большою роскошью, съ участіемъ веселаго «всепьянѣйшаго собора»; между прочимъ, изъ этой компаніи здѣсь присутствовали: игуменья петербургская Ржевская, князь-папа Зотовъ, архидіаконъ князь Юрій Шаховской, кавалеръ ордена Іуды Искаріотскаго, и другіе не менѣе почтенные соборяне.

Интересующая насъ «крылатая семья» — живая страничка изъ семейной жизни Петра I. «тайно запечатлѣнная» въ народныхъ изреченіяхъ ¹⁾.

Въ пользу этого многіе вѣскіе историческіе факты.

Мы уже видѣли, что женитьба «державнаго плотника» на полонянкѣ Мартѣ затянулась на рѣдкость долго, чуть ли не на цѣлый десятокъ лѣтъ — съ 1703 по 1712 г., если не считать «тайнаго» брака, который, впрочемъ, тоже совершился лишь около 1708 или даже 1711 года.

И самъ державный женихъ сознавалъ этотъ грѣхъ долгихъ сборовъ, шутливо приглашая послѣ публичнаго вѣнчанія въ 1712 г. гостей на «старую свадьбу его величества» ²⁾, — прямой намекъ на «Маланьинъ» характеръ царской свадьбы.

Какъ сказано выше, свадьба эта сопровождалась также и пиршествомъ, живо напоминающимъ обильную, по присловью, яствами Маланьину свадьбу.

присловій. Свадьба казачьяго атамана, мало кому даже известная, какъ событіе само по себѣ совершенно заурядное и незначительное, отнюдь не могла бы заинтересовать всю Русь, да еще настолько, чтобы попасть въ народную словесность — вылиться въ цѣломъ рядѣ характерныхъ крылатыхъ словъ. Здѣсь мы отмѣчаемъ эту попытку только потому, что она имѣетъ непосредственное отношеніе къ сюжету настоящей нашей статьи.

¹⁾ Къ той же «семьѣ», намъ кажется, должно быть отнесено и еще одно народное присловье, но уже не о свадьбѣ, а о зятѣ: «Я вѣдь не Маланьинъ зять — съ меня нечего взять», — свидѣтельствующее о прелестяхъ жизни счастливаго зятя Маланьи, съ котораго есть что взять.

²⁾ «Древняя и Новая Россія № 3, 1877, статья А. Бычкова.

Не обошлась эта свадьба и безъ «Маланьина счета», который лукаво отмѣчаетъ даже народная картинка, помѣстивши по бокамъ вѣнчающейся царской четы двухъ привѣнчиваемыхъ дѣвочекъ, царскихъ дочерей, родившихся именно «по Маланьину счету»— «гораздо раньше».

Уже одни эти соображенія дѣлаютъ нашу догадку правдоподобною, весьма близкою къ истинѣ.

Тутъ возможны были бы еще сомнѣнія и колебанія, ввиду различія въ именахъ персонажа крылатыхъ словъ и счастливой полонянки. Одна Маланья, а другая Марта, потомъ Екатерина Алексѣевна.

Но, на самомъ дѣлѣ, здѣсь и этотъ аргументъ совершенно отпадаетъ.

«Многобрачная» и «многовѣрная» воспитанница пастора Глюка Марта, какъ мы уже говорили, еще въ XVIII в. «окрещена» была именемъ Маланьи въ знаменитомъ «Погребеніи кота». Слѣдовательно, и со стороны имени наше сближеніе Екатерины съ Маланьей не только не является рискованной натяжкой, но даже находитъ себѣ документальное оправданіе. «Погребеніе кота»—несомнѣнно своего рода историческій документъ, документъ бытовой, и потому во многихъ отношеніяхъ болѣе даже достовѣрный, чѣмъ какая-либо официальная исторія. Между тѣмъ онъ прямо свидѣтельствуетъ, что вторая супруга Петра въ старообрядческихъ «сатирическихъ святцахъ» называлась Маланьей, т. е. именемъ персонажа нашихъ присловій.

Итакъ, почти все за то, что Маланьина свадьба — царская свадьба, свадьба Петра Великаго. Недаромъ же она со всѣми своими побочными обстоятельствами, съ долгими сборами и съ Маланьинимъ счетомъ, даже съ свадебной пирушкой съ именемъ невѣсты, такъ легко и непринужденно укладывается въ историческія рамки второго брака державнаго плотника.

Это, повидимому, на ряду съ сатирическими народными картинками, упоминаемыми выше, «раскольничій отвѣтъ» на ѣдкіе выходки Петра Великаго противъ русской старины вообще и противъ древяго благочестія въ особенности.

Царь подвергалъ раскольниковъ напраснымъ, нерѣдко даже сатирическимъ, преслѣдованіямъ. Напримѣръ, установивъ налогъ на дорогую старообрядческую святыню—бороду, онъ не ограничивается простымъ взысканіемъ его, а распорядился еще выдавать плательщикамъ юмористическія металлическія квитанціи на эту дань — «печать антихриста», съ насмѣшливою надписью: «борода — лишняя тягота»; по его же приказанію, распространялись также летучіе листки съ сатирическою картинкою: цырюльникъ стрижетъ бороду раскольнику.

За все это старообрядцы щедро платили ему злою сатирою, пуская въ народъ «паксвиль» на царя и его подругу—«еретичку».

Ливонскую Марту въ раскольничьемъ мірѣ для сатиры окрестили Маланьей, надѣливъ еще кличками «чухонки» и «нѣмки», бабы-Яги, и подѣ этими прозрачными псевдонимами «прославили» и въ многочисленныхъ народныхъ картинкахъ, и въ цѣломъ рядѣ крылатыхъ словъ «о Маланьѣ».

Отсюда и «Маланьина свадьба», и «Маланьины сборы», и «Маланьинъ счетъ», и всѣ другія наши присловья.

Судьба послѣднихъ во многомъ сходна съ судьбою нашихъ аналогичныхъ историческихъ пѣсенъ, вродѣ приведенной выше, посвященной постриженію царицы Евдокіи. Какъ извѣстно, пѣсни эти, подѣ влияніемъ неблагоприятныхъ условій для ихъ существованія, почти всѣ или погибли, или же совершенно обезличились, утратили свой прежній яркій и опредѣленный историческій обликъ. такое же обезличеніе постигло и наши крылатыя слова: исчезъ ихъ старинный спутникъ—толкованіе. Безъ толкованія же они просто безобидныя народныя приговорки, ничѣмъ не выдѣляющіяся изъ ряда многочисленныхъ другихъ. Въ немъ именно здѣсь вся суть, вся соль, такъ какъ только оно обнаруживаетъ истинный историческій смыслъ присловій, безъ того совершенно непонятный. Но смыслъ этотъ—пасквильный, угрожавшій неосторожному комментатору грознымъ «словомъ и дѣломъ»: И толкованію по этой причинѣ естественно не только не удалось получить широкаго распространенія, но даже пришлось рано померкнуть, не выходя изъ тѣснаго круга немногихъ «посвященныхъ». По особой счастливой случайности оно, однако, не погибло окончательно. Незначительные, уже темные обрывки его, которыми и мы воспользовались, чудомъ сохранились до нашихъ дней въ народной картинкѣ, въ свое время потерпѣвшей за это сильное гоненіе.

Т. А. Мартемьяновъ.

КЪ БІОГРАФІИ П. Я. ЧААДАЕВА.

ВОЮ небольшую замѣтку, озаглавленную: «Къ біографіи Петра Яковлевича Чаадаева», и напечатанную въ августовской книжкѣ нынѣшняго года «Русской Старины», г. В. Чистяковъ начинаетъ слѣдующими словами: «П. Я. Чаадаевъ одинъ изъ замѣчательныхъ мыслителей николаевской эпохи, извѣстный своимъ оригинальнымъ взглядомъ на русскую исторію. Несмотря на это и на исполненное 50-лѣтіе со дня его кончины (14 апрѣля 1856 года), къ которому, кажется, должно бы было появиться много цѣнныхъ трудовъ о П. Я. Чаадаевѣ, еще и до сихъ поръ существуетъ очень много пробѣловъ какъ во внѣшней, такъ и во внутренней его біографіи. На пополненіе нѣкоторыхъ изъ этихъ пробѣловъ и является настоящая замѣтка» (стр. 333). Вслѣдъ за этимъ онъ останавливается на годѣ рожденія П. Я. Чаадаева, который «до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ»: по однимъ, это былъ 1793 г., по другимъ 1794, 1795 и даже 1796 г., и пытается возстановить точную дату по добытой имъ изъ московской духовной консисторіи справкѣ о смерти П. Я. Чаадаева. Но такъ какъ въ этой справкѣ указано лишь на то, что П. Я. Чаадаевъ умеръ 14 апрѣля 1856 года, «62 лѣтъ отъ роду», то и она, конечно, не можетъ возстановить «самую точную дату» даже одного года рожденія, какъ того желаетъ г. В. Чистяковъ. Подобныя записи, дѣлаемые священниками и потомъ вносимыя въ церковную метрическую книгу, въ точности могутъ свидѣтельствовать лишь моментъ смерти и погребенія; что же касается опредѣленія возраста, въ которомъ скончалось то или другое лицо, то оно дѣлается путемъ опроса быв-

шихъ при покойномъ близкихъ его людей и родственниковъ. А этотъ источникъ, какъ извѣстно, часто оказывается лишь приближительнымъ. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ, и добытая съ такимъ трудомъ г. В. Чистяковымъ «самая точная дата» рожденія П. Я. Чаадаева—1793 г.—оказывается невѣрной.

Въ архивѣ департамента герольдіи правительствующаго сената находится дѣло объ утвержденіи рода и герба дворянъ Чаадаевыхъ, отъ 1808 г., которое и даетъ намъ возможность сообщить на основаніи подлинныхъ документовъ точныя данныя о рожденіи П. Я. Чаадаева и о предкахъ его.

Въ 1808 г., 8 ноября «опекунъ малолетныхъ дѣтей покойнаго» подполковника Якова Петрова сына Чаадаева—Михаила и Петра, бригадиръ графъ Николай Петровичъ Толстой обратился съ прошеніемъ въ московское дворянское депутатское собраніе. Такъ какъ, пишетъ онъ, подполковникъ Чаадаевъ «доказательствъ о дворянствѣ рода своего нигдѣ не предъявлялъ», то «я нынѣ во исполненіе высочайшаго указа, состоявшагося во 2-й день апрѣля 1801 г., предъявить честь имѣю документы о дворянскомъ происхожденіи Чаадаева и прошу родъ господъ Чаадаевыхъ внести въ дворянскую Московской губерніи родословную книгу, въ какую часть слѣдуетъ, и дать сказаннымъ Михайлѣ и Петру Чаадаевымъ для вступленія въ службу о дворянствѣ свидѣтельства».

Въ числѣ «документовъ», представленныхъ въ московское дворянское депутатское собраніе графомъ Николаемъ Петровичемъ Толстымъ, вошли: обширная справка изъ «вотчиннаго департамента» (коллегіи), свидѣтельствующая о владѣніи дворянскими имѣніями съ 129 г. (т. е. 1621 г.) и о службѣ нѣкоторыхъ членовъ рода Чаадаевыхъ, поколѣнная роспись, посемейный списокъ и «свидѣтельство» о рожденіи Михаила и Петра Яковлевичей Чаадаевыхъ, выданное 26 февраля 1808 года изъ московскаго губернскаго правленія. Остановимся прежде всего на послѣднемъ документѣ, который читается такъ: «По указу его императорскаго величества и по опредѣленію московскаго губернскаго правленія дано сіе свидѣтельство бригадиру графу Николаю Петрову сыну Толстому, по просьбѣ его, въ томъ, что находящіяся у него подъ опекою умершаго подполковника Якова Петрова сына Чаадаева малолетныя дети какъ чрезъ сношеніе съ здѣшнею духовною консисторіею по метрическимъ книгамъ оказалось родились: Михайло 1792 года октября 24 и Петръ 1794 мая 27. Восприемниками были: у перваго г-нъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ графъ Ѳедоръ Андреевичъ Остерманъ и вдовствующая бригадирша Марья Иванова Чаадаева, а у послѣдняго реченной же графъ Остерманъ и вдовствующая княгиня Наталья Иванова Щербатова».

Такимъ образомъ оказывается, что Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ родился 27 мая 1794 года, а не 1793 г., какъ сказано у

М. Н. Лонгинова ¹⁾, знавшаго семью Чаадаева ближе другихъ, писавшихъ о Чаадаевѣ, и ровно черезъ годъ и семь мѣсяцевъ послѣ рожденія его старшаго брата Михаила. Эта дата рожденія П. Я. Чаадаева была приведена въ печати еще въ 1905 году, и именно въ «Русскомъ біографическомъ словарѣ», издаваемомъ императорскимъ историческимъ обществомъ, въ томѣ «Чаадаевъ-Швятковъ» (Спб. 1905 г.); но на нее не обратили вниманія позднѣйшіе авторы статей о П. Я. Чаадаевѣ, ни г. Гершензонъ ²⁾, ни г. В. Чистяковъ. Очевидно, они не придали должнаго значенія этому сообщенію; не зная же своевременно о появленіи въ свѣтъ тома словаря: «Чаадаевъ-Швятковъ», конечно, не могли. Въ виду этого-то мы и сочли необходимымъ напечатать вышеприведенный документъ, который имѣлъ въ виду составитель статьи о П. Я. Чаадаевѣ въ «Русскомъ біографическомъ словарѣ», Я. Н. Колубовскій. Послѣдній только почему-то не воспользовался новымъ документомъ, найденнымъ проф. А. Кирпичниковымъ въ Румянцовскомъ музеѣ и опубликованнымъ имъ на страницахъ журнала «Русская Мысль» (1896 г., № 4), и повторилъ ошибку прежнихъ изслѣдователей, повѣствовавшихъ, что П. Я. Чаадаевъ поступилъ въ лейбъ-гвардію Семеновскій полкъ въ 1811 году; на самомъ же дѣлѣ, какъ свидѣтельствуется найденный указъ объ отставкѣ, онъ вступилъ въ службу въ названный полкъ 12 мая 1812 года.

Въ этомъ же томѣ «Русскаго біографическаго словаря» имѣются свѣдѣнія и о предкахъ П. Я. Чаадаева: прапрадѣдѣ Иванѣ Ивановичѣ, родномъ дядѣ Иванѣ Петровичѣ, дѣдѣ Петрѣ Васильевичѣ и объ отцѣ Яковѣ Петровичѣ, о которыхъ всѣ писавшіе до сихъ поръ о П. Я. Чаадаевѣ не сообщали почти ничего. Имѣющіяся въ нашемъ дворянскомъ дѣлѣ «поколѣнная» роспись и справка вотчинной коллегіи даютъ возможность возстановить болѣе полную родословную Чаадаевыхъ, не вошедшую ни въ одинъ печатный генеалогическій сборникъ.

Въ «поколѣнной» родоначальникомъ дворянъ Чаадаевыхъ записанъ «Левкей прозвищѣ Субота», у котораго было два сына, Артемій и Иванъ. Сынъ перваго изъ нихъ, Иванъ Артемьевичъ, былъ владѣльцемъ, по «писцовымъ арзамасскимъ книгамъ 129 и 130 г.» (1621—1622), села Своробоярскаго «съ деревнями и съ пустошми»; по жалованной царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ «вотчиной грамотѣ 133 года» (1625 г.), «старинной вотчины полсела Стригина на пруде» съ «деревнями и пустошми», въ Муромскомъ уѣздѣ, въ которыхъ, по «переписи 154 года» (1646 г.) было «крестьянскихъ и бобыльскихъ тридцать восемь дворовъ, а людей въ нихъ сто тридцать человекъ»; купленнаго въ 1649 г. у князя

¹⁾ «Русскій Вѣстникъ», 1862, № 11.

²⁾ «Научное Слово», 1905 г., кн. 97, стр. 85, и «Вѣстникъ Европы», 1906 г., № 4.
«Истор. вѣстн.», ноябрь, 1907 г., т. сж.

Ивана Ѳедоровича Щербатова «сельца Дубцы съ деревнями Фурсово и Кузнецово», и села Хрипунова, купленнаго въ 1653 г. у Романа Ѳедоровича Боборыкина.

Отставленный въ 1650 году отъ службы (служилъ нѣсколько лѣтъ воеводою въ Сибири) «за старостію и за раны» Иванъ Артемьевичъ «справилъ» въ 1654 году всѣ свои имѣнія «за сыномъ своимъ», единственнымъ по росписи, Иваномъ Ивановичемъ, который приумножилъ ихъ, купивъ у Ѳедора Васильевича Ивашева «сельцо Воютиново на рѣчкѣ на Гремячкѣ» (въ 1658 г.) и у Ивана Моисеевича Плещеева «полдеревни Кривицъ» (въ 1656). Иванъ Ивановичъ, прапрадѣдъ П. Я. Чаадаева, умершій въ 1696 г., въ званіи ближняго окольничаго, бывшій однимъ изъ выдающихся дѣятелей второй половины XVII вѣка, какъ необыкновенно безкорыстный и справедливый воевода-правитель и какъ выдающійся дипломатъ, имѣлъ, по росписи, единственнаго сына Василия, который былъ стольникомъ и потомъ лейбъ-гвардіи капитаномъ и умеръ въ январѣ 1723 года. Василий Ивановичъ отъ брака съ «Настасеѣй Ивановой» имѣлъ четырехъ сыновей: Ѳедора, умершаго до 1731 г., въ чинѣ капитанъ-лейтенанта ¹⁾, и имѣвшаго отъ брака съ Прасковьей Юрьевной сына Николая (въ 1752 г.—поручикъ) и двухъ дочерей: Анну, бывшую въ замужествѣ за Алексѣемъ Ивановичемъ Хрущевымъ, и Анастасію, скончавшуюся въ дѣвцахъ до 1740 г.; Михаила, имѣвшаго отъ брака съ Екатериной Юрьевной дочь Анну и умершаго до 1740 года; Петра и поручика Алексѣя. Дѣдъ П. Я. Чаадаева, Петръ Васильевичъ, секундъ-майоръ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, умершій въ 1755 г., отъ брака съ Марьей Ивановной имѣлъ троихъ сыновей: Ивана, Ѳедора и Якова и дочь Варвару. Иванъ Петровичъ, извѣстный переводчикъ съ французскаго, масонъ, имѣлъ сына Василия и умеръ около 1770 г., въ чинѣ отставнаго капитана лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Братъ его Ѳедоръ Петровичъ въ 1767 г. былъ подпоручикомъ того же полка и имѣлъ сына Алексѣя, который въ 1794 г. поступилъ въ морской кадетскій корпусъ, въ 1806—1808 гг. плавалъ въ эскадрѣ вице-адмирала Сенявина и участвовалъ въ сраженіяхъ съ турецкимъ флотомъ и наконецъ въ 1811 г. уволенъ отъ службы «чиномъ капитанъ-лейтенанта» (см. «Общій Морской Списокъ», т. VI, стр. 239). Самый младшій изъ нихъ, Яковъ Петровичъ, отецъ Петра Яковлевича, началъ службу въ 1765 г. сержантомъ того же полка; черезъ 10 лѣтъ онъ вышелъ

¹⁾ О немъ въ «Общемъ Морскомъ Спискѣ» (т. I, стр. 405) читаемъ: «Чаадаевъ, Ѳедоръ Васильевичъ, въ 1708 г. посланъ для науки въ Англію; въ 1716 г. по возвращеніи въ Россію «написанъ въ подпоручики»; въ 1721 г. назначенъ командиромъ фрегата «Св. Яковъ» и въ 1729 г. «за болѣзнію представленъ въ Сенатъ».

въ отставку съ чиномъ подполковника арміи (штабсъ-капитана гвардіи) и умеръ въ 1807 году. Единственныя его наслѣдники— Михаилъ и Петръ Яковлевичи, по посемейному списку 1808 г., оказались владѣльцами слѣдующихъ имѣній: «Владимирской губерніи Меленковской округи въ деревняхъ Фурсовѣ, Дубцахъ и Кузнецяхъ обще съ двоюроднымъ по отцѣ братомъ полковникомъ Василиемъ Ивановичемъ мужеска полу 280, женска 285; Нижегородской губерніи, Ардатовской округи въ селѣ Хрипуновѣ съ деревнями: Михеевой и Вилейкой единственнаго ихъ владѣнія мужеска 621, женска 620; благопріобрѣтеннаго той же губерніи и округи въ селѣ Смолинѣ и въ сельцѣ Большихъ Лихачахъ мужеска 431, женска 438; той же губерніи Арзамасской округи въ селѣ Тушиновѣ мужеска 22, женска 21 душа, а всего мужеска пола 1354, женска 1364 души; да въ Москвѣ домъ, состоящей Тверской части 4 квартала подъ № 300».

Восемь лѣтъ спустя послѣ утвержденія рода дворянъ Чаадаевыхъ въ потомственномъ дворянствѣ, со внесеніемъ въ VI часть родословной книги Московской губерніи ¹⁾, былъ высочайше утвержденъ и гербъ Чаадаевыхъ и внесенъ въ Общій Гербовникъ (ч. IX, стр. 42). Описание его слѣдующее: «Щитъ раздѣленъ на четыре части, изъ коихъ въ первой въ голубомъ полѣ крестообразно положены серебряныя якорь и шпага. На второй и третьей въ серебряномъ полѣ горизонтально означено по одной городской стѣнѣ краснаго цвѣта. Въ четвертой части, въ красномъ полѣ серебряная сѣкира. Щитъ увѣнчанъ дворянскимъ шлемомъ и короною со страусовыми перьями. Наметь на щитѣ красный и серебряный, подложенный серебромъ и голубымъ».

Послѣ не совсѣмъ удачнаго рѣшенія вопроса о годѣ рожденія П. Я. Чаадаева, г. В. Чистяковъ привелъ выдержку изъ «Московскихъ Вѣдомостей» за 1808 г. (№ 40), которою устанавливаетъ точно до сего времени спорный годъ вступленія Петра Яковлевича въ московскій университетъ, а именно 1808, а не 1809 г. Что же касается года вступленія его въ военную службу, то онъ окончательно установленъ еще проф. А. Кирпичниковымъ, отыскавшимъ въ Румянцовскомъ музеѣ указъ объ отставкѣ Петра Яковлевича, изъ котораго видно, что онъ въ службу вступилъ 12 мая 1812 г. и въ отставку вышелъ въ 1821 г., 25 лѣтъ отъ роду. Но послѣдняя дата—«25 лѣтъ отъ роду», относящая годъ рожденія въ 1796 г. вызвала справедливое сомнѣніе и самого проф. А. Кирпичникова, указавшаго эту дату. Насколько намъ извѣстно, всѣ формулярные списки, аттестаты о службѣ и указы объ отставкѣ крайне

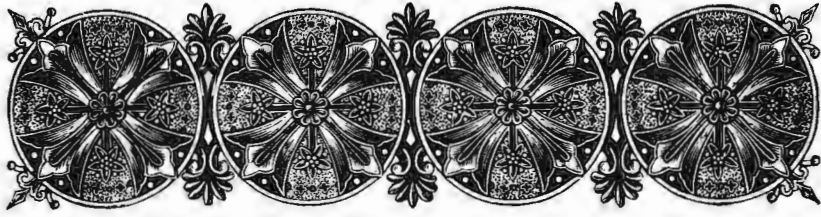
¹⁾ Но не Тверской, какъ ошибочно напечатано въ IX части Общаго Гербовника и повторено отсюда графомъ Бобринскомъ въ его трудѣ: «Дворянскіе роды внесенныя въ Общій Гербовникъ» (т. II, стр. 86).

рѣдко содержать точную дату рожденія, въ особенности, если ее приходится опредѣлять посредствомъ вычитанія цифры лѣтъ отъ роду изъ года, когда былъ выданъ документъ.

Въ заключеніе своей замѣтки мы останавливаемъ вниманіе будущихъ біографовъ П. Я. Чаадаева на выясненіи роли и значенія, какое имѣлъ въ его жизни «опекунъ малолетныхъ детей Михаила и Петра», графъ Николай Петровичъ Толстой. О немъ прежніе изслѣдователи не упоминаютъ совершенно.

В. Рудаковъ.

ПО РѢКАМЪ ВОЛОГДѢ, СУХОНѢ И СѢВЕРНОЙ ДВИНѢ.

(Посвящается Михаилу Михайловичу Пузыревскому).

I.

Вологда.—Вокзалъ.—Улицы.—«Золотой Якорь» и рестораны.

ЯТЬ часовъ утра семнадцатаго іюня. Небо сплошь заволочено облаками. Идетъ мелкій, холодный, словно осенній дождь. Поѣздъ приближается къ ВологдѢ. Изъ окна вагона видны рѣдкіе поселки, болота, кусочки засѣянныхъ полей и опять болота. Дымъ, выбрасываемый паровой трубой, низко стелется, окутывая и телеграфные столбы, и путевыя сторожки, и низменную даль. Непривѣтливо, угрюмо встрѣчалъ меня Сѣверъ, къ которому я гостемъ ѣхалъ въ первый разъ.

Платформа вологодскаго вокзала, небольшого, но довольно приличнаго, была отвратительна: отъ дождей она превратилась въ еле проходимую трясиину. На подѣздѣ меня встрѣтилъ комиссіонеръ гостиницы «Золотой Якорь». Роль отельныхъ omnibusовъ въ ВологдѢ исполняютъ четырехмѣстныя пролетки безъ верха. На козлахъ пролетки сидѣлъ здоровенный мужикъ въ поддевкѣ нараспашку и въ засаленномъ крестьянскомъ картузѣ; на меня сразу пахнуло глухой провинціей.

Вокзалъ расположенъ отъ центра города въ 10—15 минутахъ ѣзды. Желвунцовская улица протянулась болѣе, чѣмъ на версту.

По виду ея можно получить полное понятіе и объ остальныхъ улицахъ города. Вымощенная булыжникомъ, съ деревянными тротуарами по бокамъ, она обсажена березами. Но эта береза уже не та стройная, высокая, густолиственная, съ которой сроднились мы, жители центральной Россіи: здѣсь она сравнительно невысока, довольно корява, съ мелкимъ листомъ. Обывательскіе дома почти всѣ деревянные, въ одинъ или два этажа съ обязательнымъ балкончикомъ, но не съ фасада, а съ боку зданія. У cadaго дома садикъ съ тою же березою и рѣдко съ тополемъ, еще рѣже—съ липою. По справедливости Вологда можетъ быть названа березовымъ городомъ.

«Золотой Якорь», старѣйшая гостиница въ городѣ, находится на Александровской площади и помѣщается въ прекрасномъ четырехъэтажномъ каменномъ домѣ купца Ф. И. Брызгалова. Въ этомъ же домѣ, едва ли не самомъ красивомъ въ городѣ, помѣщается и окружный судъ. Цѣны въ гостиницѣ удивительно низки. Номера въ ней—отъ 50 коп. до 2 руб., причемъ въ эту плату входитъ стоимость и постельнаго бѣлья, и электрическаго освѣщенія; самоваръ стоитъ 10 коп., привозъ съ вокзала—15 коп. За 2 руб. я занималъ номеръ изъ трехъ комнатъ въ бельэтажѣ съ балкономъ; меблировка его вполне удовлетворительная. При гостиницѣ имѣются бильярды и ресторанъ. Въ ресторанѣ стѣны украшены головами кабана и оленя, въ пастяхъ которыхъ красиво устроены электрическія лампочки. Къ сожалѣнію, на тѣхъ же стѣнахъ повѣшены и аляповатыя олеографіи. Другая большая гостиница въ городѣ—«Эрмитажъ», недавно открытая, съ прекрасной громадной ресторанной залой. Цѣны обѣдовъ и порціонныхъ кушаній въ обоихъ ресторанахъ невысоки: обѣдъ изъ трехъ блюдъ стоитъ 60 коп., изъ 5 блюдъ—1 руб. Меню не содержитъ въ себѣ тонкихъ блюдъ, но зато порціи подаются обильныя. Въ «Эрмитажѣ» кормятъ лучше, чѣмъ въ «Золотомъ Якорѣ». Есть въ Вологдѣ и еще довольно большая гостиница—хоть и попроче первыхъ двухъ—«Пассажъ».

— Какимъ образомъ въ такомъ небольшомъ городѣ, какъ Вологда, могутъ существовать три хорошихъ гостиницы съ ресторанами,—спросилъ я одного изъ буфетчиковъ.—Казалось бы, что вы должны другъ друга съѣсть.

— Никакъ нѣтъ-съ. Торгуемъ, благодаря Бога, изрядно, жаловаться не смѣемъ.

— Вѣдь не мѣстные же жители поддерживаютъ васъ?

— Конечно, нѣтъ-съ. Мѣстные посѣщаютъ насъ рѣдко, а главный доходъ намъ даютъ лѣсопромышленники, которые наѣзжаютъ сюда во множествѣ, особенно лѣтомъ. Съ виду они народъ все сѣрый, а между прочимъ деньги имѣютъ хорошія. Покупаютъ большую партію матеріала, ну и пьютъ у насъ потомъ могорычи.

Сами изволите знать,—ежели который нашъ братъ купецъ разопьется, что онъ въ то время можетъ изъ себя выкинуть. А впрочемъ, нужно правду сказать, въ послѣдніе года и они стали себя потише вести; денегъ-то значительно поубавилось противъ прежняго.

— Ну, а желѣзнодорожники, что строятъ Петербургскую дорогу, бываютъ у васъ?

— Какъ же-съ, бываютъ, но только больше мелкіе служащіе: десятники, дорожные мастера и прочіе. Господа-то инженеры бываютъ гостями у насъ рѣдко, да и тѣ, что бываютъ, болѣе пивомъ прохлаждаются да удѣльнымъ винцомъ.

— А хорошо торговали, когда строилась Архангельская дорога?

— Ахъ, сударь, доложу вамъ, золотое тогда было для насъ времячко, — и отъ пріятнаго воспоминанія буфетчикъ даже языкомъ прищелкнулъ. — Да, тогда мы торговали шибко. Что одного холодненькаго изволили выкушать господа инженеры—страсть! Одно слово скажу: настоящіе были инженеры, мамонтовскіе.

II.

Вологда.—Домикъ Петра Великаго.—Историческій музей.

Часа черезъ два, на мое счастье, дождь прекратился, мало-помалу небо стало проясняться, показалось солнышко. Я отправился знакомиться съ городомъ и прежде всего посѣтилъ домикъ Петра Великаго.

Историческій домикъ стоитъ на берегу р. Вологды, вблизи пристаней Сѣвернаго пароходнаго общества и пароходства Н. В. Кострова, въ одной оградѣ съ церковью Θεодора Стратилата. Онъ невеликъ, каменный, одноэтажный, съ массивными дверями, окованными желѣзомъ, и имѣетъ всего двѣ комнаты, подъ низкими сводами которыхъ помѣщается небольшой историческій музей. Здѣсь особенно обращаютъ на себя вниманіе предметы, принадлежавшіе царю: его желѣзная кольчуга, чуть не въ пудъ вѣсомъ, деревянные окованные желѣзомъ сундуки, дорожный погребецъ, хрустальные кубки, подсвѣчники, вещицы изъ кости, сработанныя самимъ царемъ, образцы минераловъ, найденные имъ, и пр. Имѣются здѣсь и предметы, повидимому, никакого отношенія къ Петру не имѣющіе.

Стѣны украшены нѣсколькими старинными картинами и портретами: самого Петра, императрицы Екатерины I и др. Здѣсь же вполне умѣстно помѣщенъ и портретъ Д. В. Волоцкого, которому главнымъ образомъ и обязанъ музей своимъ существованіемъ. Передъ иконой Нерукотворнаго Спаса, пожалованной императрицею Маріею Θεодоровною и помѣщенной во второй комнатѣ,

еженедѣльно по воскресеньямъ совершается молебствіе съ академикомъ. Къ сожалѣнію, въ продажѣ не имѣется печатнаго каталога сокровищъ музея, что въ значительной степени затрудняетъ обзорніе его.

Кругомъ домика разбитъ хорошенкій березовый садикъ, украшенный нѣсколькими цвѣточными клумбами. Здѣсь хранится петровская пушка и виситъ на деревѣ старинное церковное било. И садикъ и музей содержатся въ образцовомъ порядкѣ, за что нужно сказать большое спасибо губернскому земству, въ вѣдѣніи котораго они находятся. За историческимъ угломъ присматриваетъ старикъ-инвалидъ.

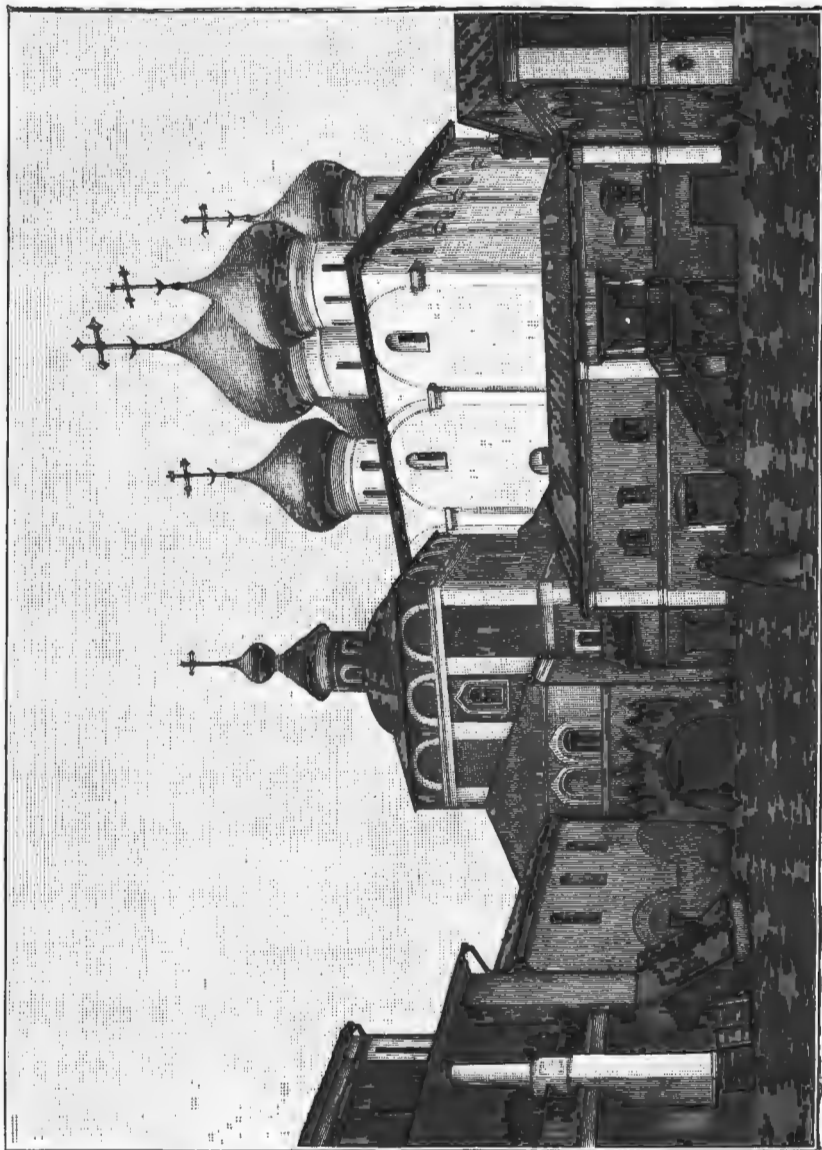
Этотъ домикъ въ царствованіе Петра принадлежалъ иностранной купеческой вдовѣ Гоутманъ, у которой Петръ и останавливался. Послѣ смерти Гоутманъ домикъ переходилъ изъ рукъ въ руки частнымъ лицамъ и былъ не въ почетѣ, служа мѣстомъ склада для льна. Лишь въ началѣ семидесятыхъ годовъ истекшаго столѣтія, когда Россія праздновала двухсотлѣтній юбилей со дня рожденія своего великаго преобразователя, воложане купили этотъ историческій памятникъ въ общественную собственность, реставрировали его и устроили въ немъ музей, причемъ главная заслуга въ этомъ благомъ дѣлѣ принадлежала, какъ было сказано выше, Д. В. Волоцкому ¹⁾.

III.

Вологда.—Софійскій и Воскресенскій соборы.—Архіерейскій домъ.—Епархіальное древлехранилище.—Спасо-всеградскій обydенный соборъ.—Троицкая церковь.—Свято-Духовъ монастырь.

Каедральный Софійскій соборъ былъ заложенъ царемъ Іоанномъ Грознымъ во время его болѣе чѣмъ двухлѣтняго пребыванія въ Вологдѣ въ 1568—1570 годахъ. Постройка производилась подъ личнымъ наблюденіемъ царя и съ такою тщательностью, что строеніе на ночь покрывалось лубками. Однажды Іоаннъ вошелъ въ храмъ, какъ вдругъ что-то оторвалось отъ свода и упало ему на голову. Царь до такой степени разгнѣвался, что приказалъ немедленно ломать постройку. Боярамъ едва удалось его умиловить. Однако постройка пріостановилась и была доведена до конца уже при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ.

¹⁾ Покойный Дмитрій Владимировичъ Волоцкой былъ однимъ изъ наиболѣе видныхъ и полезныхъ дѣятелей Вологодской губерніи. Съ 1878 года по день смерти, 31-го января 1892 года, онъ занималъ должность губернскаго предводителя дворянства, и за это время его инициативѣ принадлежало едва ли не большинство благихъ начинаній въ этомъ краѣ. Ему между прочимъ городъ въ значительной степени обязанъ желѣзною дорогою. Похороненъ онъ въ четырехъ верстахъ отъ города, въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ, въ фамильномъ склепѣ при Екатерининскомъ храмѣ.

Епархіальне древлехранилище.

Соборъ и по величинѣ и по архитектурѣ напоминаетъ московскій Успенскій. Иконостасъ въ немъ пятиярусный, величественный; иконы, а равно и фрески, покрывающія стѣны, писаны въ концѣ XVII вѣка и удачно реставрированы въ недавнее время. Въ алтарѣ бросаются въ глаза высокія фигуры святыхъ. Въ соборѣ помѣщается мѣстная глубокочтимая чудотворная икона Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ Радости. Цѣлый рядъ гробницъ указываетъ мѣста вѣчнаго упокоенія вологодскихъ іерарховъ.

Зимній двухъэтажный Воскресенскій соборъ, возведенный въ концѣ XVIII вѣка, рядомъ съ лѣтнимъ, не представляетъ изъ себя ничего достопримѣчательнаго.

Колокольня, построенная въ 1875 году въ какомъ-то смѣшанномъ стилѣ на мѣстѣ древней характерной шатровой, совершенно не подходитъ къ стилю соборовъ.

Къ соборамъ примыкаетъ архіерейскій домъ. Съ многочисленными службами, съ высокими оградами, этотъ домъ является грандіознымъ сооруженіемъ конца XVII и начала XVIII столѣтій. При видѣ этихъ построекъ и особенно угловой башни, угрюмо смотрящей на городъ, мнѣ невольно подумалось, что бывшие вологодскіе архипастыри не очень-то желали имѣть общеніе съ своей паствой, а наоборотъ, предпочитали оградиться отъ нея неприступными въ то время стѣнами.

Во дворѣ архіерейскаго дома, въ упраздненной надвратной Воздвиженской церкви, помѣщается епархіальное древлехранилище, возникшее по мысли извѣстнаго мѣстнаго археолога и историка Н. И. Суворова († 1896 г.). Я не буду описывать это древлехранилище, потому что оно подробно описано завѣдующимъ имъ священникомъ С. А. Непенинымъ въ іюльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», 1903 года.

На Александровской площади рядомъ находятся три храма, изъ которыхъ замѣчательнѣе Спасовсеградскій обыденный соборъ. Вотъ по какому поводу былъ онъ построенъ. Въ 1654 году городъ и его окрестности посѣтила жестокая моровая язва, унесшая въ могилу чуть ли не половину населенія. Ужасъ охватилъ населеніе. Обычныя занятія прекратились, всѣ отдались молитвѣ. Однако ничто не помогало. Тогда жителямъ пришла мысль для умиловленія Господа воздвигнуть въ одинъ день, «обыденно», храмъ Спасителю. Храмъ начали строить въ ночь подъ 18 октября, срубили его за два часа до свѣта, святить начали въ пятомъ часу утра, такъ что въ храмъ въ тотъ же день были совершены всѣ божественныя службы. Въ четвертый день послѣ того одинъ иконописецъ «обыденно» написалъ образъ Всемиловливаго Спаса, который составляетъ и понынѣ главную святыню собора. «Послѣ этого», — говоритъ лѣтописецъ: — умиловився благоутробный Господь, измѣни смерть на животъ: преста бо отъ того дня въ людяхъ

смертоносная язва». Нынѣшній каменный храмъ построенъ на мѣстѣ первоначальнаго въ 1688—1698 гг. и увеличенъ въ пятидесятихъ годахъ истекшаго столѣтїя. Внутри храмъ обширенъ, очень свѣтелъ, имѣетъ главный алтарь полукруглый. Стѣны покрыты прекрасной живописью; мнѣ особенно понравилась «Нагорная проповѣдь», изображенная надъ входными дверями. Богато украшенъ чудотворный образъ Спаса и передъ нимъ теплится большая, цѣнная, изящной работы, серебряная съ золотомъ лампада, пожертвованная вологжанами. На паперти изображены сцены изъ времени моровой язвы и построения первоначальнаго храма.

На окраинѣ города, вблизи кладбища и желѣзнодорожнаго полотна, въ мѣстности, называемой Горбачевымъ, стигтъ небольшая Троицкая церковь. Добраться до нея не совсѣмъ легко, такъ какъ

Домикъ Петра Великаго въ Вологдѣ.

половину пути приходится ѣхать по отвратительной дорогѣ. Въ храмѣ подъ спудомъ почиваютъ мощи преподобнаго Герасима, основателя Вологды; надъ гробницею устроена богатая рака. Очень хорошъ старинный деревянный иконостасъ съ красивыми узорчатыми деревянными царскими вратами. На мѣстѣ нынѣшняго храма существовалъ когда-то первый, древнѣйшїй въ сѣверной Россїи, Троицкїй Кайсаровскїй монастырь, основанный преподобнымъ Герасимомъ. Въ 1612 году онъ былъ сожженъ поляками, послѣ чего церковь была возобновлена, но была оставлена уже приходской. Нынѣшній храмъ построенъ въ 1717 году.

Въ мужскомъ Свято-Духовомъ монастырѣ подъ спудомъ почиваютъ мощи преподобнаго Галактїона. Когда въ лихолѣтїе поляки

взяли городъ, разрушили нѣкоторыя церкви, а жителей ограбили, Галактіонъ, жившій въ то время въ Вологдѣ, выступилъ съ смѣлою обличительною проповѣдью противъ непріятеля, за что и былъ подвергнутъ жестокимъ истязаніямъ, въ которыхъ и скончался. На мѣстѣ мученической кончины преподобнаго былъ воздвигнутъ монастырь, именованный первоначально Галактіоновой пустынью; съ 1654 года—нынѣшнимъ именемъ, и съ 1775 года— Спасо-Каменскимъ, по имени упраздненнаго тогда на Кубенскомъ озерѣ монастыря, братія котораго была переведена въ Свято-Духовъ монастырь. Мощи преподобнаго почиваютъ налѣво отъ входа въ теплый храмъ, а направо почиваютъ въ ракъ лишь останки мощей св. благовѣрнаго князя Іоасафа Каменскаго. Послѣдній — въ мірѣ князь Андрей изъ рода князей Заозерскихъ, отрасли князей Ярославскихъ—подвизался въ Спасо-Каменскомъ монастырѣ на Кубенскомъ озерѣ, гдѣ и почилъ 10 сентября 1453 года. Священникъ Вѣрюжскій, составившій историческія сказанія о жизни святыхъ, подвизавшихся въ вологодской епархіи, сообщаетъ маловѣроятное извѣстіе, будто братія Каменскаго монастыря, когда скончался Іоасафъ, рѣшила не предавать тѣло его обычному погребенію, а перенести съ благоговѣніемъ, какъ святыню, въ теплую церковь монастыря и поставить его передъ иконостасомъ, дабы всегда имѣть его передъ своими глазами. Но, какъ полагаетъ профессоръ Голубинскій, мощи преподобнаго Іоасафа были въ дѣйствительности открыты векорѣ послѣ его кончины, а въ 1472 году въ большомъ случившемся въ монастырѣ пожарѣ онѣ почти цѣликомъ сгорѣли. Черезъ два года послѣ этого останки мощей и были перенесены въ Вологду.

Въ часовнѣ, устроенной вблизи собора надъ святымъ колодцемъ, стѣнная живопись изображаетъ мірскіе подвиги преподобнаго Галактіона.

На кладбищѣ масса нехудожественной работы мраморныхъ и другихъ памятниковъ надъ могилами именитыхъ вологодскихъ купцовъ и почетныхъ гражданъ.

Монастырю не чужда благотворительность: онъ содержитъ на свой счетъ въ мѣстной семинаріи 10—13 бѣднѣйшихъ воспитанниковъ.

Всѣхъ храмовъ въ Вологдѣ — 50; количество, конечно, болѣе чѣмъ достаточное для города, имѣющаго всего около 28 тысячъ жителей.

Пусть не дивится читатель, что я такъ долго задержалъ его на описаніи вологодскихъ храмовъ: Вологда не только въ моихъ замѣткахъ, но и въ дѣйствительности, при первомъ поверхностномъ знакомствѣ съ нею можетъ остановить на себѣ вниманіе туриста только древностью храмовъ и ихъ многочисленностью, въ чемъ съ нею можетъ поспорить на сѣверѣ развѣ одинъ только Великій Устюгъ.

Вологда. Спасовсеградский обydенный соборъ и храмъ Николая Чудотворца.

IV.

Вологда — Памяти К. Н. Батюшкова.

Нашъ поэтъ Константинъ Николаевичъ Батюшковъ—вологжанинъ; онъ здѣсь родился 18 мая 1787 года, здѣсь онъ и скончался. Имя его, какъ поэта, уже было составлено, когда, во вниманіе къ нездоровью, онъ былъ прикомандированъ къ нашему посольству въ Неаполѣ. Однако, благодатный климатъ юга уже не помогъ ему. Въ 1821 году онъ получилъ безсрочный отпускъ и отправился на воды въ Теплицъ. Здѣсь въ поступкахъ поэта стали обнаруживаться нѣкоторыя странности, предвѣстницы тяжелаго недуга, впослѣдствіи окончательно помрачившаго его умъ. Причины этого недуга врачъ, долго пользовавшій Батюшкова, видѣлъ, съ одной стороны, въ наслѣдственномъ предрасположеніи его къ помѣшательству (мать его скончалась отъ душевной болѣзни), съ другой—въ собственномъ душевномъ складѣ поэта, въ которомъ воображеніе рѣшительно господствовало надъ другими душевными способностями.

Въ 1833 году родные перевезли сраженнаго неизлечимымъ недугомъ поэта въ Вологду, въ семью его племянника Григорія Абрамовича Гревенса. Съ теченіемъ времени острая форма болѣзни Батюшкова миновала: буйное состояніе прошло, но полное сознаніе уже не возвращалось къ нему и «до самой смерти своей,—говорить К. К. Случевскій:—онъ прожилъ въ отчужденіи отъ того міра высшихъ интересовъ и творчества, для котораго былъ рожденъ». Славный предшественникъ и учитель великаго Пушкина здѣсь въ Вологдѣ доживалъ свой вѣкъ въ двухъэтажномъ каменномъ домѣ на бульварѣ, «малиновая бархатная ермолка не сходила съ его бѣлыхъ волосъ, главное занятіе его состояло въ рисованіи; онъ воспроизводилъ все одинъ и тотъ же пейзажъ: бѣлая лошадь, разноцвѣтныя деревья, замокъ, крестъ, вдали море съ кораблями, темное небо и блѣдная луна». Пенсія, пожалованная ему императоромъ Николаемъ I, не прекращалась до конца его жизни. Похороненъ Константинъ Николаевичъ въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ, отстоящемъ отъ города въ четырехъ верстахъ. Надъ могилою его поставленъ небольшой изъ бѣлаго мрамора памятникъ въ видѣ усѣченной пирамиды. Въ домѣ, въ которомъ скончался поэтъ, въ настоящее время помѣщается Маріинская женская гимназія. На углу дома укрѣплена большая мраморная доска съ вырѣзанною на ней позолоченными буквами надписью: «Въ этомъ домѣ жилъ и скончался 7 іюля 1855 года Константинъ Николаевичъ Батюшковъ».

V.

Вологда. — Магазины. — Своеобразныя вывѣски. — Земскій книжный складъ. — Театръ.

Торговья помѣщенія въ Вологодѣ неказисты. Въ старинномъ и старомъ гостинномъ дворѣ размѣстилось нѣсколько десятковъ лавокъ съ желѣзнымъ и москательнымъ товаромъ. Лучшіе магазины столпились на коротенькой Кирилловской улицѣ, но не поразятъ васъ и они роскошью своихъ витринъ, — не поразятъ по крайней мѣрѣ такъ, какъ могутъ это сдѣлать въ Вологодѣ нѣсколько лавочекъ своими вывѣсками. То изображенъ пышно разукрашенный похоронный катафалкъ, а подъ нимъ: «Катафалокъ Богданова»; то дамскій башмакъ, а подъ сей эмблемой жениной власти надпись: «Н. М. Асташевъ»; или на небольшомъ обывательскомъ домикѣ съ мезониномъ помѣщена огромнѣйшая вывѣска: «вѣнская мебель фабрики Якова и Юсифа Конъ». Однако, не думайте, что это—мебельный магазинъ; нѣтъ, это магазинъ универсальный, такъ какъ на вывѣскѣ помѣньше, повѣшенной рядомъ, перечислены и прочіе товары, которые можно приобрести тутъ же: чай, сахаръ, кофе, фрунты, мука, деготь.

Про вологодское купечество нужно сказать, что оно не отличается ни особеннымъ богатствомъ, ни особенной культурностью; вообще, оно сѣрвато. Про самага богатаго купца, который состоитъ, конечно, и гласнымъ думы, и церковнымъ старостою въ одномъ изъ храмовъ, мѣстные обыватели рассказываютъ, что онъ столь усердно молить Господа о ниспосланіи ему всякихъ и житейскихъ и небесныхъ благъ, что, когда пѣвчіе во время просительной ектеніи возглашаютъ «подай Господи», онъ кладетъ низкіе поклоны и вслухъ произноситъ: «пожалуйста, подай, Господи». Въ это время богобоязненныя старушки, стоящія въ храмѣ, особенно умиляются.

Въ городѣ книжныхъ магазиновъ два: Тарутиной на Кирилловской улицѣ, и губернскаго земства на набережной за рѣкою, въ собственномъ домѣ. Нельзя не огнестись глубоко сочувственно къ вологодскому земству за его стремленіе къ широкому распространенію хорошей книги среди населенія. Въ 1903 г. земское собраніе постановило широко развить книжную торговлю центрального склада чрезъ филиальныя отдѣленія въ уѣздныхъ городахъ и чрезъ офеней по деревнямъ. Къ сожалѣнію, это благое начинаніе затормозилось тѣмъ, что лицо, приглашенное на службу въ завѣдующіе книжнымъ складомъ, не было утверждено губернаторомъ. Нужно надѣяться, что это лишь временная заминка. Земское книжное дѣло за время, какъ оно возникло, удивительно быстро растетъ. Такъ, въ 1896 г. оборотъ склада выразился въ

6,345 руб., въ 1900 г.—26,189 руб., а въ 1903 г. онъ достигъ уже 60,936 руб. Въ 1896 г. складъ торговалъ лишь канцелярскими принадлежностями, въ 1900 г. продажа книгъ въ общемъ оборотѣ склада составляла 15⁰/₀, а въ 1903 г. та же продажа выразилась уже въ 35⁰/₀. Въ концѣ послѣдняго года земство открыло филиальное отдѣленіе въ Великомъ Устюгѣ, и оборотъ этого отдѣленія за три первыхъ мѣсяца существованія достигъ 5,200 руб. Изъ приведенныхъ данныхъ можно судить, какъ великъ у населенія спросъ на книгу.

На Кирилловской улицѣ помѣщается кустарный музей губернскаго земства. Глубоко сожалѣю, что мнѣ въ двукратное посѣщеніе Вологды не удалось его осмотрѣть, такъ какъ онъ былъ почему-то запертъ. Какъ мнѣ говорили, онъ вполне заслуживаетъ обозрѣнія.

Городъ, какъ было сказано выше, утопаетъ въ садахъ. Приблизительно треть его опоясана бульваромъ, который особенно густо разросся на набережной, вблизи соборовъ. На Александровской площади разбитъ скверъ,—конечно, съ березовымъ насажденіемъ; посреди него устроенъ большой, весьма неуклюжій бассейнъ для фонтана, который, кажется, никогда не дѣйствуетъ. Очевидно, отцы города рѣшили, что въ городѣ, построенномъ на болотахъ и ими же окруженномъ, влаги и безъ фонтана болѣе чѣмъ достаточно, а охлаждать бьющей струей жителей сѣвера совершенно излишне. На бульварѣ и въ скверѣ изрѣдка играетъ плоховатый оркестръ вольной пожарной дружины. Упомянувъ о пожарной дружинѣ, невольно вспомнишь и вологодскій театръ—большой костеръ грязныхъ дровъ! Можно, впрочемъ, утѣшаться тѣмъ, что въ настоящее время на бульварѣ, носящемъ названіе Дворянскаго, строится прекрасный каменный народный домъ, и театръ, можетъ быть, упразднится мирно, безъ помощи огня и пожарной команды.

За нѣсколько мѣсяцевъ до моего посѣщенія Вологды, городское управленіе устроило электрическое освѣщеніе улицъ, затративъ на это, кажется, до 60 тысячъ руб.; но оно сразу почему-то не заладилося, такъ что городу суждено еще на неопредѣленное время тонуть во мракѣ зимнихъ ночей.

Городъ построился на обоихъ берегахъ р. Вологды, которая здѣсь не шире петербургской Фонтанки, но гораздо ея многоводнѣе. Черезъ рѣку перекинута два деревянныхъ моста, подъемныхъ для пропуска судовъ—Соборный и Красный. Обѣ набережныя сплошь заставлены штабелями досокъ и дровъ.

VI.

Краткая лѣтопись города Вологды.

Вологда изъ русскихъ городовъ одинъ изъ древнѣйшихъ и ровесница Москвѣ. Преданіе говоритъ, что 19 октября 1147 г. на рѣку Вологду прибылъ изъ Кіева преподобный Герасимъ и здѣсь среди дремучаго лѣса нашель поселокъ съ церковью во имя Воскресенія Христова.

Близъ поселка Герасимъ построилъ себѣ жилище, а потомъ у ручья Кайсарова воздвигъ и Троицкій монастырь. Одинъ изъ богатыхъ жителей поселка, Пятыевъ, затѣялъ споръ съ преподоб-

Угловая башня архіерейскаго дома въ Вологодѣ.

нымъ изъ-за земли, занятой имъ. Но жители отстаили право святителя. Этому Пятыеву святитель предсказалъ, что онъ никогда не будетъ богачомъ, а онъ и весь его родъ станетъ жить «не богато, но и голо не порато». Предсказаніе это, говорятъ вологжане, исполнилось въ точности: въ теченіе семисотъ лѣтъ до прекращенія рода (въ 1854 г.) Пятыевы жили ни бѣдно, ни богато и никогда не числились въ купечествѣ. Земля, на которой стоялъ домъ Пятыевыхъ, теперь принадлежитъ уже Троицкой церкви.

«Истор. вѣстн.», ноябрь, 1907 г., т. сж.

18

Затѣмъ, Вологда упоминается въ грамотѣ Ярослава III въ 1265 г., какъ причисленная къ Бѣжецкой пятинѣ. Много терпѣла она отъ новгородцевъ какъ за то, что плохо платила условленную дань, такъ и за то, что тянула къ Москвѣ, подъ власть которой окончательно закрѣпилась и успокоилась при Василии III. Ослѣпленный Шемякою, Василий прибылъ сюда въ 1447 г., но пробылъ здѣсь всего нѣсколько дней и затѣмъ съ помощью вологжанъ и тверитянъ возвратилъ себѣ московскій престолъ,

Особенно полюбилась Вологда Иоанну Грозному. Одно время онъ хотѣлъ даже сдѣлать ее столицей, находя ее болѣе отдаленной, а потому болѣе безопасной отъ литвы, татаръ, крамольныхъ городовъ и ненавистной ему Москвы. 28 апрѣля, въ день Іасона и Сосипатра, началъ онъ воздвигать каменные стѣны вокругъ города и церковь въ честь этихъ святыхъ, почему городъ и получилъ въ народныхъ преданіяхъ названіе Насона-города. Стѣны достроены не были, храмъ въ память Іасона и Сосипатра—тоже, зато на мѣстѣ, гдѣ встрѣтилъ Грознаго гонецъ съ извѣстіемъ о рожденіи у него сына Феодора, царь воздвигъ въ Вологдѣ храмъ во имя св. Феодора Стратилата. Но самымъ главнымъ памятникомъ пребыванія Іоанна въ Вологдѣ остался заложенный имъ Софійскій соборъ. Преданіе о постройкѣ собора сохранилось въ народной пѣснѣ:

Что на славной рѣкѣ Вологдѣ,
 Во Насонѣ было городѣ,
 Гдѣ досель былъ Грозный царь,
 Основать хотѣлъ престольный градъ
 Для свою ли для величества,
 И для царскаго могущества;
 Укрѣпилъ стѣной градъ каменной
 Со высокими со башнями,
 Съ неприступными бойницами.
 Посреди онъ града церковь складъ,
 Церковь глѣпую соборную,
 Что во имя Божьей Матери,
 Ея честнаго Успенія;
 Образецъ онъ взялъ съ московскаго
 Со собору со Успенскаго.
 Стѣны храма поднималися,
 Христіане утѣшались.
 Уже стали послѣ сводъ сводить,
 Туда царь самъ не посмѣлъ ходить,
 Надзиралъ онъ надъ наемники,
 Чтобъ Божій крѣпче клали храмъ,
 Не жалѣли бѣ плиноы красныя
 И той извести горючія.
 Когда царь о томъ кручинился,
 Въ храмѣ новосемъ похаживалъ,
 Какъ изъ свода туповатаго
 Упадала плинча красная,

Попадала ему въ голову,
 Во головушку во буйную,
 Въ мудру голову во царскую.
 Какъ нашъ Грозный царь прогнѣвался,
 Взволновалась во всѣхъ жилахъ кровь,
 Закипѣла молодецка грудь,
 Ретиво сердце взъярилося;
 Выходилъ изъ храма новаго,
 Онъ садился на добра коня,
 Уѣжалъ онъ въ каменну Москву,
 Насонъ городъ проклинаячи
 И съ рѣкою славной Вологдой.
 Отъ того проклятыя царскаго
 Мать сыра земля тряхнулася,
 И въ Насонъ - градѣ гористоемъ.
 Стали блаты быть топучія;
 Рѣка быстра славна Вологда
 Стала быть водой стоячею,
 Водой мутною вонючею,
 И покрытая вся тиною,
 Сѣверной зеленью со плѣсенью...

Съ 1553 г. завязался торгъ съ англичанами черезъ Бѣлое море, и Вологда сдѣлалась важнымъ складочнымъ мѣстомъ, вслѣдствіе чего образовались цѣлыя слободы, населенныя иноземцами-«фрязинами»¹⁾. Первый русскій посолъ въ Англію, который отправился туда вмѣстѣ съ отѣзжавшимъ обратно Ченслеромъ, былъ вологжанинъ Іосифъ Непѣя.

Опустошенная въ лихолѣтье Поляками, Вологда въ 1654 г. была вновь опустошена моровою язвою.

«Вологда относится къ числу тѣхъ городовъ, торговое значеніе которыхъ убито Петербургомъ,—говоритъ К. К. Случевскій.—Петръ I былъ въ этомъ городѣ пять разъ... Въ первый разъ царь прибылъ, вѣроятно, въ первое путешествіе къ Архангельску, въ 1693 г., и взялъ съ собою Макарова, будущаго кабинетъ-секретаря. Вторично былъ онъ здѣсь въ 1694 г., когда въ немъ созрѣла окончательно мысль открыть Россіи черезъ Архангельскъ морской путь; Петръ прибылъ въ Вологду въ іюнѣ, со свитой въ 105 человекъ и прожилъ здѣсь три съ половиной дня; до Вологды ѣхалъ онъ изъ Москвы въ каретѣ на рессорахъ, обитой внутри разноцвѣтнымъ трипомъ; въ свитѣ его было сорокъ стрѣльцовъ и два карлика, Ермолай съ Тимошеемъ; царь обѣдалъ у архіепископа, а готовили дворцовые повара. Отъ Вологды до Архангельска, гдѣ царь оставался болѣе двухъ мѣсяцевъ, ѣхали на семи карбасахъ.

«На третьемъ путешествіи Петра I къ сѣверу заготовлены были для царя въ Вологдѣ 22 карбаса, и въ свитѣ его находилось 300 человекъ. Четвертое посѣщеніе состоялось въ 1702 г., и на

¹⁾ Одна изъ слободъ и до сихъ поръ носитъ названіе «Фрязиновской».

этотъ разъ по адресу шведовъ взяты были Петромъ, кромѣ свиты, 4000 преображенцевъ; державному отцу сопутствовалъ двѣнадцатилѣтній царевичъ Алексѣй; царь возвратился не черезъ Вологду, а совершилъ знаменитый богатырскій нюхацкій походъ отъ Бѣлаго моря черезъ дебри Архангельской и Олонецкой губерній къ Повѣнцу, навстрѣчу шведамъ. Въ пятый и послѣдній разъ великій преобразователь Россіи посѣтилъ Вологду въ 1724 г., возвращаясь съ императрицей Екатериной Алексѣевной съ олонечкихъ «марціальныхъ» водъ. Замѣчательно, что какъ первымъ посломъ нашимъ въ Англію былъ воложанинъ Непѣя, такъ и съ Китаемъ при Петрѣ велъ торговыя сношенія опять-таки воложанинъ Иванъ Саватѣевъ¹⁾. Но съ того дня, когда у «финскихъ хладныхъ скалъ» было прорублено окно въ Европу, началось паденіе Вологды. Нѣтъ и теперь основаній думать, чтобы городъ когда-либо вернулъ себѣ свое бывшее значеніе. Открывшаяся въ 1872 г. желѣзная дорога, соединившая его съ Ярославлемъ, а слѣдовательно и съ Москвою, немного было подбодрила его жизнь, но зато открытіе въ 1897 г. желѣзной дороги до Архангельска, повидимому, лишило его послѣднихъ жизненныхъ соковъ. Выстроенная нынѣ Петербурго-Вятская желѣзная дорога, которой суждено играть огромную роль въ экономической жизни Россіи, особенно губерній Сибири, также ничего не даетъ Вологдѣ: весь грузъ пройдетъ черезъ нее транзитомъ. Вологдѣ и ея окрестностямъ остается совершенствоваться въ производствѣ молочныхъ продуктовъ, и для развитія этого производства въ краѣ всѣ условія налицо.

VII.

По р. Вологдѣ.—Отваль «Преподобнаго Зосимы».—Краткія свѣдѣнія о Сѣверномъ пароходномъ обществѣ.—Узкое и извилистое теченіе рѣки.—«Озера».—Пассажиры-пріятели.—«Прокопъ».

Пароходъ «Преподобный Зосима», послѣ чистки котловъ и машинъ во время двухдневной стоянки у вологодской пристани, развелъ пары. Пассажиры все прибывали и прибывали. Наконецъ на пароходъ пріѣхалъ и мой пріятель М. М. П., который главнымъ образомъ и соблазнилъ меня на плаванье по сѣвернымъ рѣкамъ.

Ровно въ 8 часовъ вечера по мѣстному времени «Зосима» далъ третій свистокъ, забралъ чалки и тихо, незамѣтно отдѣлился отъ пристани.

Намъ предстояло пробѣжать по водѣ 1156 верстъ. Путь этотъ при хорошей водѣ пароходъ совершаетъ въ 76 час. и приходитъ

¹⁾ К. К. Случевскій «По Сѣверо-Западу Россіи». Изданіе А. Ф. Маркса. Сиб. 1897. Т. I, стр. 169.

въ Архангельскѣ на четвертыя сутки въ полночь. Обратнo онъ уходитъ изъ Архангельска въ 5 час. вечера и добирается до Вологды на пятыя сутки утромъ. «Преподобный Зосима», прекрасный двухъэтажный американскаго типа пароходъ, принадлежитъ Сѣверному пароходному обществу «Котласъ—Архангельскъ—Мурманъ»; построенъ онъ въ 1902 г. на Коломенскомъ машиностроительномъ заводѣ; длина его по ватерлиніи 190'; скорость онъ развиваетъ до 19 верстъ въ часъ; груза можетъ принять до 9 тысячъ пудовъ. Кромѣ общаго салона, хорошо отдѣланнаго, украшеннаго небольшимъ піанино и еще меньшимъ книжнымъ шкапикомъ, въ первомъ классѣ имѣется десять каютъ въ одно и два

Рѣка Вологда у городской пристани.

мѣста. Стоимость проѣзда въ первомъ классѣ отъ Вологды до Архангельска въ одинъ конецъ 10 руб., а билетъ туда и обратнo стоитъ всего 15 руб. Билетъ во второмъ классѣ въ одинъ конецъ стоитъ 6 руб. 75 коп. Кромѣ «Зосимы», такіе же рейсы совершаютъ принадлежащія тому же обществу пароходы «Преподобный Савватій», «Великая Княгиня Елизавета Ѳеодоровна» и «Учредитель». По своей постройкѣ пароходы «Зосима» и «Савватій» — близнецы, другіе два парохода немного поменьше описанныхъ, но не хуже, а помѣщеніе для пассажировъ перваго класса на «Учредителѣ» по устройству своему даже лучше, чѣмъ на «Савватіи» и

«Зосимъ». Пароходъ «Луза», о которомъ столь неодобрительно отзывался Н. А. Лейкинъ въ своихъ прекрасныхъ очеркахъ «По сѣверу дикому», совершаетъ нынѣ рейсы по р. Вычегдѣ между Устюгомъ и Устькуломомъ. Пароходъ же «Десятинный», на которомъ Лейкинъ совершилъ вторую часть пути, окончательно снятъ съ линій. Между Вологдою и Архангельскомъ бѣгають еще пароходы Сѣверо-Двинскаго пароходства устюжскаго купца Н. В. Кострова, но соперничать съ пароходами общества они могутъ только по грузовому, а не пассажирскому сообщенію.

Едва пароходъ отвалилъ отъ пристани, какъ М. М. и я уже совершили беззаконіе: взобрались наверхъ, на командирскій мостикъ, дабы лучше видѣть тѣ мѣстности, мимо которыхъ бѣжалъ нашъ «Зосима». Сейчасъ же познакомились съ капитаномъ А. П. Г. Онъ оказался интереснымъ собесѣдникомъ и отличнымъ командиромъ, плавающимъ уже много лѣтъ по сѣвернымъ рѣкамъ. Это первое знакомство мое съ сѣверяниномъ сразу должно было поколебать и мое общее мнѣніе, будто сѣверъ дѣлаетъ людей и суровыми, и грубыми. Всю дорогу до Архангельска, а потомъ и за весь обратный рейсъ, А. П., да и его помощникъ тоже, все время относились ко всѣмъ пассажирамъ съ рѣдкою предупредительностью, съ неизмѣнной внимательностью.

На правомъ берегу видны огромное зданіе тюрьмы и обширные товарные склады. На обоихъ берегахъ сложено огромное количество дровъ и бревенъ. Мы идемъ уже около часа, а городъ все еще не скрылся изъ виду. Рѣка такъ вьется, что онъ виденъ намъ то сзади, то справа, то слѣва. Виднѣются изрѣдка селенія; постройки въ нихъ деревянныя, крѣпкія, совершенно не похожія на тѣ жалкія лачужки, которыми усѣяна центральная Россія. Оригинальны здѣшнія вѣтряныя мельницы: это маленькія избушки, посаженныя на коническіе деревянные срубы.

Оба берега низменны. Невысокая березовая заросль покрываетъ ихъ; попадаются кусочки засѣянныхъ полей, тучные луга, зелень которыхъ такъ и бьетъ въ глаза своей свѣжестью и яркостью.

Рѣка узкая, и нашъ громадный «Зосима» представляется на ней какимъ-то чудовищемъ. Приходится только удивляться, какимъ образомъ онъ ухитряется изворачиваться и дѣлать часто повороты почти подъ прямымъ угломъ. Капитанъ нерѣдко даетъ свистки, предупреждая въ изгибахъ рѣки встрѣчныя суденышки, а чаще плотовщиковъ, которые тоже издали машутъ и кричатъ нараспѣвъ, налегая на «о»: «по-отише». Мѣстность, прилегающая къ Вологдѣ, почти отъ самаго города и до села Наремы, находящагося уже на Сухонѣ, носитъ названіе «Озеръ»: здѣсь весною разливъ рѣки достигаетъ колоссальныхъ размѣровъ—до 75 верстъ ширины.

Солнце зашло, но долго еще на западѣ красиво сверкала огненная полоса заката. Наступала непродолжительная, почти бѣлая

ночь. На пароходѣ вспыхнули электрическія лампочки. Мы спустились въ салонъ и заказали себѣ ужинъ.

Въ салонѣ благодушевствовали земскій начальникъ и земскій врачъ. На столикѣ передъ ними стоялъ пустой графинчикъ отъ водки, и теперъ они изрядно тянули пиво.

— Ну, какого же чорта, знаете, буду сидѣть я въ этой, знаете, трущобѣ?— говорилъ врачъ.— Скажете, конечно, о высокому призва-

Пароходъ «Преподобный Зосима».

ніи врача. Ты обязанъ оказывать, знаете, помощь страждущимъ, а на самомъ дѣлѣ оказать ты ее не имѣешь возможности. Иной разъ пришлютъ отъ тяжкаго больного, живущаго отъ моего пункта, знаете, верстъ за 200. А дорога тутъ такая, что по ней и ѣхать-то почти невозможно. Пока тутъ соберешься, знаете, въ недѣлю, больной-то оказывается, отправился уже *ad patres*.

— Да, положеніе незавидное. И у меня вѣдь участокъ-то тоже—дистанція огромнаго размѣра. Отъ одной волости до другой скакать нужно цѣлый день.

— Или вотъ, знаете, есть у меня въ участкѣ большая волость, къ которой нужно плыть по Двинѣ, знаете, верстѣ 20. А на Двинѣ ледоходъ или штормъ такой, знаете, что ни одинъ мужикъ, ни одна жонка не возьмутся перевезти васъ туда. А тамъ, знаете, въ это время свирѣпствуетъ какая-нибудь эпидемія во всю. Вотъ и будь полезнымъ, знаете, населенію.

— А мнѣ веселѣй живется? Въ уѣздѣ интеллигентныхъ лицъ почти нѣтъ. Повѣрите ли, что иногда много дней не слышишь живой рѣчи. Раньше-то я служилъ мировымъ судьей. До сихъ поръ безъ восторга не могу вспомнить объ этомъ прекрасномъ институтѣ. Да вотъ, семейныя и иныя прочія обстоятельства и загнали меня въ эти палестины. Эй, полупочтенный, принеси-ка намъ еще парочку бутылокъ.

— Знаете ли,—продолжалъ сѣтовать врачъ:—на какой день я получаю московскія газеты? рѣдко на седьмой, а чаще, знаете, на пятнадцатый или того позже.

Земскій начальникъ долго присматривался къ моему пріятелю и наконецъ обратился къ нему:

— Позвольте узнать, вы не служите ли въ Москвѣ, въ №?— и онъ назвалъ учрежденіе.

— Да.

— Я сразу васъ узналъ. И я вѣдь тамъ началъ службу. Позвольте вамъ представиться.

Мы перезнакомились. Оказалось, что врачъ служить на сѣверѣ Вологодской губерніи, на границѣ съ Архангельской, а земскій творить судъ и расправу по р. Вычегдѣ.

— Ну, докторъ, пора спать. Я, признаться сказать, въ Вологдѣ покутилъ съ пріятелями, спать-то и некогда было. Зато сегодня мы съ вами отмахаемъ часиковъ десять.

Врачъ и земскій пошли по каютамъ, а М. М. и я поднялись на командирскій мостикъ.

Было холодно. Капитанъ сидѣлъ въ валенкахъ и въ мѣховомъ пальто.

— Частенько вамъ, капитанъ, приходится дежурить въ такомъ одѣянніи?

— Почти каждую ночь. Погода у насъ здѣсь какая-то несуразная: то жара стоитъ, а то хватить такой холодъ, что Боже упаси.

Берега низкіе, однообразные; молодыя березки часто покрываютъ ихъ кудрявыми кустиками.

— Вотъ мы и входимъ въ протокъ, что соединяетъ Вологду съ Сухоною,—сказалъ намъ капитанъ.—Называется онъ «Прокормъ»; говорятъ, выкопали его по приказанію Петра I. Длинною онъ сажень въ 300; благодаря ему, сильно сокращается путь.

— А сколько верстъ отъ города Вологды до рѣки Сухоны?

— Всего 28 верстъ.

Устье сплавной рѣки близъ Вологды.

Рѣка Сухона.

VIII.

По р. Сухонѣ.—С. Шуйское.—Утреннее недоразумѣніе.—С. Усть-Толшма—С. Усть-Печенгское.—Виды береговъ.—Дѣдовъ, Бабій и Внуковъ острова.—Дѣдовская Троицкая пустынь.—Легенда, связанная съ Дѣдовымъ островомъ.

Незамѣтно вошли въ Сухону, которая вначалѣ лишь немного шире Вологды. Около 12 часовъ ночи прошли мимо села Наремы, раскинувшись на обоихъ берегахъ. Уже разсвѣтало. Впереди обрисовался красивый, покрытый кудрявыми березками, островокъ. Его мало-по-малу окутывалъ туманъ и наконецъ совершенно закрылъ его. Берега становились выше, растительность обильнѣе.

Около 2 час. ночи, если только можно назвать это время ночью, мы были у большого села Шуйскаго, которое раскинулось на оба берега. Общество не имѣетъ здѣсь пристани, и поэтому «Зосима», сдѣлавъ крутой поворотъ и качнувшись на волнѣ отъ своихъ же колесъ, привалилъ къ самому берегу. Дома въ селѣ почти всѣ двухъэтажные, крѣпкіе; видно, что народъ здѣсь живетъ зажиточный. Жителей, по словамъ капитана, до 1000 человекъ. На правомъ берегу большой храмъ; внутри, какъ передавали мнѣ, онъ отдѣланъ чрезвычайно богато на средства одного изъ своихъ прихожанъ, живущаго теперь гдѣ-то на сторонѣ. Не онъ одинъ, а многіе изъ жителей села состоятъ артельщиками въ Петербургѣ. Близъ Шуйскаго работаетъ крупный лѣсопильный заводъ съ электрической и паровой силой. Въ Книгѣ Большого Чертежа о Шуйскомъ упоминается, какъ о городѣ: «а на Сухонѣ, отъ Вологды 90 верстъ, градъ Шуйской». Обыватели и теперь величаютъ свое село «городкомъ».

Между селомъ Шуйскимъ и Тотмою сильно развито судостроеніе. По обимъ берегамъ рѣки бѣлѣлись въ большомъ количествѣ остовы строящихся карбасовъ и шнякъ.

Я всталъ въ шесть часовъ утра. Утро было великолѣпное. На небѣ не было ни облачка. Солнце жарило такъ, какъ будто мы плыли подъ южными небесами, а не къ морю студеному.

Берега становятся все привѣтливѣе, все живописнѣе, и между ними все такъ же прихотливо, изящно изгибается красивая Сухона, подернутая струями, вслѣдствіе быстроты своего теченія. Густой, но, правда, еще не вѣковой лѣсъ покрываетъ ихъ; среди березокъ стали попадаться и сосны и ели, и чѣмъ болѣе двигались мы на сѣверъ, тѣмъ все болѣе становилось замѣтнымъ въ лѣсахъ преобладаніе хвойныхъ деревьевъ. Изрѣдка къ рѣкѣ сбѣгала прогалка, засѣянная хлѣбомъ.

Около 7 час. утра мы остановились на минуту у села Благовѣщенія или Усть-Толшмы. Здѣсь справа впадаетъ въ Сухону рѣка Нижняя Толшма, длиною въ 100 верстъ, по которой сплавляется значительное количество лѣса. Сліяніе рѣкъ мало замѣтно.

Прошли мимо порядочнаго с. Усть-Печенгскаго, расположеннаго на обоихъ берегахъ рѣки. Дома опять двухъэтажные. Здѣсь живутъ обыкновенно въ первомъ этажѣ, въ нижнемъ же помѣщаются кладовыя, и тамъ же зимою укрываютъ скотъ отъ непогоды и хищныхъ звѣрей. Видны кое-гдѣ по берегамъ, особенно на правомъ, обрывы со сплывшими внизъ къ водѣ деревьями; въ обрывахъ видны слои глины, извести. Набѣжавшая тучка на минуту скрыла солнце, и тихій лѣсъ, словно въ зеркалѣ, отразился въ неподвиж-

Дѣдовская Троицкая пустынь.

ной рѣкѣ. У берега на утлыхъ челнокахъ маячатъ два рыбака. Слышится негромкое щелканіе запоздалаго соловья, послѣдняго соловья, трели котораго я слышалъ въ то лѣто. У лѣваго берега видно устье какой-то рѣчушки, бѣгущей межъ зеленыхъ береговъ, высокихъ и крутыхъ, какъ стѣны.

Впереди показался островокъ, за нимъ другой, третій. Сухона сжалась и еще быстрѣе покатила свои воды. Эти острова—Дѣдовъ, Бабій и Внуковъ. Правый берегъ высоко поднялся и весь заросъ чуднымъ сосновымъ боромъ. Зеленѣютъ сосною и островки. На Дѣдовомъ, большемъ изъ нихъ, среди сосенъ и елей высится конической формы колоколенка, а возлѣ видны небольшой храмъ

и другія постройки. Это—Дѣдовская Троицкая пустынь. Вся картина удивительно мягкаго, нѣжнаго тона, и Сухона ею меня со всѣмъ обворожила.

Дѣдовская Троицкая пустынь приписана къ Тотемскому Спасо-Суморину монастырю. Она была основана въ концѣ XVII вѣка іеромонахомъ Іоною. Лѣтомъ Іона часто заплывалъ на Дѣдовъ островъ за ягодами и грибами или для рыбной ловли; и вотъ однажды, пріѣхавъ сюда, онъ увидѣлъ на деревѣ икону Св. Троицы и Божьей Матери. Взявъ съ собою икону, онъ привезъ ее въ Тотьму, показалъ блаженному Андрею, тотемскому юродивому, и юродивый наказалъ ему построить на островѣ часовню и поставить въ ней обрѣтенную икону, предрекая, что со временемъ на томъ мѣстѣ возникнетъ святая обитель. Однако Іона не исполнилъ завѣта блаженнаго Андрея. Между тѣмъ въ Тотьму пріѣхалъ на воеводство бояринъ Ѳеодоръ Авраамовичъ Лопухинъ, отецъ Евдокіи Ѳеодоровны, первой супруги Петра I. Іона сталъ духовникомъ воеводы и разсказалъ ему однажды о явленіи иконы и про завѣтъ блаженнаго Андрея. Лопухинъ посовѣтовалъ Іонѣ не медлить устройствомъ обители, и для этой цѣли отдалъ ему весь Дѣдовъ островъ. Іеромонахъ, не исполнившій завѣта юродиваго, на этотъ разъ не ослушался воли боярина, ископалъ себѣ на островѣ пещеру, а возлѣ нея сложилъ церковку во имя св. Троицы. Такъ, по преданью, возникла здѣсь обитель. Въ храмѣ находится образъ, пожертвованный царицей Евдокіей Ѳеодоровной съ надписью: «Лѣта отъ Рождества Христова 1729 мѣсяца марта въ первый день приложила сій святой образъ Покровъ Пресвятыя Богородицы въ Дѣдовскую пустыню, въ церковь преподобнаго отца Сергія, Радонежскаго чудотворца, благовѣрная Государыня Царица Евдокія Ѳеодоровна».

Впереди уже бѣлѣлись тотемскіе храмы.

— Будьте добры, капитанъ, подождать насъ, если мы немного опоздаемъ,—просили мы капитана.—Хотимъ осмотрѣть и городъ и монастырь.

— Не безпокойтесь, господа, безъ васъ не уйдемъ. Да и торопиться намъ нечего, мы вѣдь идемъ ранѣе распisanія.

Андрей Фирсовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ)

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Скворцовъ, И. В. Русская исторія для старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній и самообразованія. Спб. 1907.

Катаевъ, И. Учебникъ русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній, Вып. 1. М. 1907.

Коваленскій, М. Русская исторія (для средней школы). Ч. 1. Вып. 1, съ 3 картами и 90 рисунками въ текстѣ. М. 1907.

УССКОЙ исторіи, какъ учебному предмету, въ нынѣшнемъ году посчастливилось: за одно лѣто на книжномъ рынкѣ появились три учебника; одинъ изъ нихъ охватываетъ собой весь курсъ русской исторіи, два другихъ представляютъ собою начало учебника, излагая лишь древній періодъ.

«Русская исторія» г. Скворцова предназначается авторомъ, какъ учебникъ въ средней школѣ и какъ книга для самообразованія. Въ распредѣленіи матеріала составитель руководится требованіями программъ среднеучебныхъ заведеній; матеріаль этотъ онъ старается освѣжить согласно результатамъ новѣйшихъ работъ по русской исторіи. Наиболѣе подробно изложена новая исторія, начиная съ Петра; заканчивается книга смертью Александра II. Текстъ напечатанъ тремя шрифтами: крупнымъ—главныя свѣдѣнія, среднимъ—подробности курса и разъясненія и мелкимъ—выдержки изъ источниковъ и мелкія замѣчанія.

Вообще говоря, книга Скворцова принадлежитъ къ типу обыкновенныхъ учебниковъ по русской исторіи (въ родѣ Елиатьевского и Иванова). Жаль только, что авторъ погнался за двумя зайцами, предлагая свою книгу и какъ учебникъ и какъ книгу для самообразованія. Въ качествѣ учебника книга ве-

лика (въ ней 643 стр.) и обременена излишними подробностями. Въ качествѣ же книги для самообразования—конспективна и суха. Если взять книгу со стороны содержанія, то можно сказать, что авторъ, видимо, поработалъ надъ ней и освѣжилъ обычный матеріалъ учебниковъ новыми данными, хотя это улучшеніе проведено далеко не по всему курсу. Напримѣръ, говоря о причинахъ смуты (стр. 209), г. Скворцовъ сообщаетъ о «взаимной борьбѣ различныхъ классовъ», о «тяжеломъ экономическомъ положеніи», т. е. онъ указываетъ на «соціальное противорѣчіе», лежавшее въ строѣ Московскаго государства, но пропускаетъ другую, тоже основную причину, создавшую смуту, именно «политическое противорѣчіе», которое было прекрасно сформулировано проф. Ключевскимъ, а позже и Платоновымъ (лекціи, стр. 137 и сл.). Авторъ почему-то не дѣлаетъ различія между землей государственной и государевой (стр. 265, ср. Филипповъ, Исторія русскаго права, II, 271). Финансы при Екатеринѣ II (стр. 435—7) онъ изображаетъ въ довольно розовомъ освѣщеніи, тогда какъ, по новѣйшему изслѣдованію Н. Д. Чечулина, «финансовая и вообще экономическая сторона является наиболѣе слабою и наиболѣе мрачною стороною екатерининскаго царствованія». (Очерки по исторіи русскихъ финансовъ, 380).

Совсѣмъ въ другомъ родѣ учебникъ русской исторіи г. Катаева. Авторъ совершенно правильно считаетъ необходимымъ избѣгать хронологическаго и біографическаго порядка изложенія (по княженіямъ и царствованіямъ), признавая этотъ порядокъ антинаучнымъ; онъ кладетъ въ основу учебника, а вмѣстѣ съ тѣмъ и преподаванія, систематическій способъ изложенія. По плану автора вся русская исторія дѣлится на три періода, причѣмъ каждому періоду посвящается особый выпускъ. Каждый отдѣлъ въ книгѣ подраздѣляется на четыре части, въ которыхъ разсматриваются разныя стороны исторической жизни; въ первый—внутренній политическій строй; во второй—общественный строй, въ третьей—культурный бытъ, въ четвертой—внѣшнія отношенія и территорія.

Въ настоящемъ первомъ выпускѣ изложенію свѣдѣній предпослано введеніе, въ которомъ описывается природа восточной Европы, древнѣйшее населеніе ея и начало русской государственной жизни. Затѣмъ излагается исторія Кіевской Руси по выше указаннымъ четыремъ рубрикамъ и удѣльная Русь, кончая XV в. Что касается плана и порядка изложенія, то нужно признать точку зрѣнія г. Катаева совершенно правильной: несомнѣнно, что въ старшихъ классахъ преподаваніе исторіи должно вестись по плану систематическому. Но едва ли можно признать совершенно правильнымъ и удобнымъ тѣ подраздѣленія, по которымъ авторъ распредѣляетъ историческій матеріалъ. Его классификація (строй политическій, общественный, культурный, внѣшнія отношенія, территорія) далеко не отличается безупречностью, части въ ней просто механически связаны между собой. Ставя политическій бытъ впереди строя общественнаго, авторъ тѣмъ самымъ идетъ въ разрѣзъ съ прочно установившимся взглядомъ, что политическій строй вырабатывается въ зависимости отъ строя общественнаго, а не наоборотъ, и чтобы понять формы политическаго быта, необходимо раньше познакомиться съ общественными отно-

шеніями. Затѣмъ его опредѣленія главъ не въ достаточной мѣрѣ характеризуютъ то содержаніе, которое въ нихъ излагается, такъ, напримѣръ, въ третьей главѣ («культурный бытъ») на ряду со свѣдѣніями о религіи и просвѣщеніи сообщается о хозяйствѣ и торговлѣ, такъ что гораздо точнѣе было бы назвать эту главу: «культурно-экономическій бытъ». Можно было бы сдѣлать рядъ мелкихъ замѣчаній, указывающихъ на пропуски и неточности въ книгѣ, но приведемъ лишь одинъ примѣръ. О Русской Правдѣ г. Катаевъ сообщаетъ, что она дошла только въ двухъ редакціяхъ, въ спискахъ краткихъ и пространнѣхъ. Но онъ пропускаетъ: существуетъ еще третья, сокращенная редакція (см. Филипповъ, Исторія русскаго права, II. 137 стр.), а Сергѣевичъ даже насчитываетъ четыре редакціи (см. его «Русская Правда»). Окончательное сужденіе объ учебникѣ г. Катаева можно дать только по выходѣ остальныхъ выпусковъ.

Гораздо интереснѣе этихъ книгъ «Русская исторія» г. Коваленскаго. Въ предисловіи авторъ сообщаетъ, что онъ хочетъ «дать шахішимъ того матеріала, который можетъ быть введенъ въ школу и подвергнутъ вниманію учащихся», для чего нужно было «тщательно пересмотрѣть этотъ матеріалъ, устранить всѣ устарѣвшія точки зрѣнія, отвергнутыя наукой, весь балластъ, забракованный педагогической мыслью»; со стороны изложенія авторъ хотѣлъ бы добиться «яркости и ясности», чтобы изучаемое оставляло замѣтный слѣдъ въ мозгу и легко усваивалось учащимися. Книга задумана въ 3-хъ частяхъ, но первая часть разрослась въ два выпуска. Настоящій первый выпускъ обнимаетъ древнѣйшія времена, Кіевскую Русь и Новгородскую землю. Матеріалъ расположенъ по строго систематическому плану, въ основѣ котораго лежитъ извѣстное цѣльное міровоззрѣніе; изложеніе ведется по такимъ рубрикамъ: земельное пространство и войны, хозяйство и общественный строй, государственное устройство и политическая борьба, религія и церковь, образованность.

По содержанію эта книга въ сравненіи съ книгами, разобранными выше, гораздо разнообразнѣе и, пожалуй, стоитъ на болѣе высокомъ уровнѣ научности, въ особенности, если сравнить ее съ первымъ учебникомъ. Авторъ, видимо, широко ознакомился съ существующей литературой (по русской исторіи, археологіи и исторіи литературы) и старался использовать ее возможно полнѣе. Что изъ этихъ попытокъ выйдетъ, по первому выпуску судить еще рано и трудно, хотя и теперь замѣтно, что авторъ иногда довольно односторонне освѣщаетъ вопросы и какъ бы преднамѣренно подбираетъ факты въ угоду своей излюбленной идеѣ. Возьмемъ, напр., главу о «классовой борьбѣ въ Новгородѣ» (стр. 135); авторъ изображаетъ ее слишкомъ въ прямолинейной и примитивной формѣ, какъ борьбу между высшими, боярами и духовенствомъ, съ одной стороны и низшими, черными людьми, смердами и холопами, съ другой. Если взять литературу (соч. Вѣляева, Костомарова, Березжкова и Никитскаго, а на послѣднемъ специальное изученіе новгородской жизни и остановилось), то изъ нея мы знаемъ, что борьба въ Новгородѣ была гораздо сложнѣе, раздѣленіе и партіи существовали въ самой боярской средѣ, причемъ каждая партія вербовала себѣ изъ среды низшихъ сторонниковъ, такъ

что на Волховскомъ мосту обычно происходили побоища не между боярами и простымъ народомъ, какъ то неправильно изображаетъ г. Коваленскій, а между народными иартями, во главѣ которыхъ стояла та или другая боярская группа. Вѣче авторъ почему-то изображаетъ какъ «сходки вооруженнаго народа» (46). Въ книгѣ встрѣчаются повторенія и пропуски. Напр., о Русской Правдѣ въ двухъ мѣстахъ даются однѣ и тѣ же свѣдѣнія (стр. 35 и 49). Среди источниковъ холопства (36 стр.) не указано, что въ полного холопа обращался также несостоятельный должникъ (см. Филиповъ, Ист. русск. права, I, 260), Какъ на достоинство, нужно еще указать на то, что въ книгѣ даны прекрасные рисунки, въ большинствѣ взятые изъ древнихъ памятниковъ.

М. К—въ.

Платоновъ, С. О. Лекціи по русской исторіи. Изданіе 5. Спб. 1907 г.

Новое изданіе лекцій проф. Платонова появилось въ нѣсколько исправленномъ и дополненномъ видѣ. Съ внѣшней стороны курсъ увеличился по сравненію съ предыдущимъ изданіемъ почти на четыре печатныхъ листа (въ новомъ изданіи 651 стр., въ прежнемъ—607). Въ предисловіи—прежняя оговорка, что лекторъ С. О. Платоновъ не имѣлъ возможности лично редактировать текстъ лекцій, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстъ, а потому изложеніе курса не имѣетъ полной точности, цѣльности и законченности.

Въ планѣ лекцій новаго изданія сдѣланы лишь небольшія измѣненія. Такъ, исторія Литвы и Москвы до XVI в. соединена въ двѣ самостоятельныя цѣльныя главы. Время Грознаго выдѣлено особо и предпослано характеристикѣ Московскаго государства передъ смутой. Въ оглавленіе внесены нѣкоторыя новыя рубрики: напр., Стенька Разинъ, смерть Павла I. Заканчиваются лекціи, какъ и прежде, временемъ Николая I.

Наиболѣе значительна вставка о Грозномъ (15 стр.), но здѣсь дается въ общемъ краткій обзоръ времени Іоанна IV. Обзору предпосылается такое любопытное замѣчаніе: «Матеріалы для исторіи Грознаго далеко не полны, и люди, не имѣвшіе съ ними прямого дѣла, могутъ удивиться, если узнаютъ, что въ біографіи Грознаго есть годы, даже цѣлые ряды лѣтъ безъ малѣйшихъ свѣдѣній о его личной жизни и дѣлахъ». А въ заключеніе, приведши взгляды различныхъ историковъ (Щербатова, Кавелина, Костомарова, Ковалевскаго, Соловьева и др.) на личность и государственную дѣятельность Грознаго, авторъ съ своей стороны добавляетъ: «Всѣ такого рода характеристики (личности Грознаго) даже тогда, когда онъ остроуменъ, красивъ и вѣроподобенъ—все-таки произвольны: личный характеръ Грознаго остается загадкой». Если же разбирать государственную дѣятельность Грознаго, то «одинаково и тогда, когда съ избранной радой Грозный велъ свои первыя войны и реформы, и тогда, тогда позднѣе, безъ рады, онъ совершалъ свой государственный переворотъ въ опричиннѣ, бралъ Ливонію и Полоцкъ и колонизовалъ дикое поле—онъ выступаетъ предъ нами съ широкой программой и значительной энергіей» (стр. 154).

Въ разныхъ мѣстахъ текстъ книги исправленъ и подновленъ. Но, видимо, не по всему курсу одинаково прошла рука редактора. Такъ, напр., на стр. 415 читаемъ: «На дѣлѣ въ концѣ XVII в. и крестьяне владѣльческіе и холопы представляли изъ себя зависимыхъ земледѣльцевъ, обложенныхъ государственною податью». Это—слишкомъ общее указаніе, неточно выраженное; лекторъ, видимо, говорилъ не о холопахъ вообще, а о холопахъ пашенныхъ (на что есть указанія и въ текстѣ книги, нѣсколько выше). На стр. 464: «Съ 1718 по 1722 годъ производилась перепись податного населенія... Эта перепись носила названіе ревизіи». Носила названіе ревизіи не перепись, а именно ревизія, т. е. провѣрка свѣдѣній, доставленныхъ мѣстными властями о числѣ душъ м. п. (ср. Чечулинъ. «Очерки по исторіи русскихъ финансовъ», 116). Хронологическія рамки указаны не точно: перепись закончилась къ 1724 г., а ревизія затянулась до 1727 г. (см. Милуковъ, «Государственное хозяйство», стр. 479; Богословскій, «Областная реформа», 331 стр.).

Лекціи проф. Платонова настолько извѣстны, что давать общую характеристику ихъ, полагаемъ, нѣтъ необходимости.

М. К.

Труды владимирской ученой архивной комиссіи. Книга VIII. Губ. гор. Владимиръ. 1906.

Въ первый отдѣлъ разсматриваемой книги вошли слѣдующія два сообщенія: 1) Н. Н. Ушакова, «Историческія свѣдѣнія объ иконописаніи и иконописцахъ Владимирской губерніи» и 2) архимандрита Мисаила, «Святый благовѣрный князь Муромскій и Благовѣщенскій монастырь, гдѣ почиваютъ мощи князя и чадъ его Михаила и Теодора». Н. Н. Ушаковъ, на основаніи печатныхъ источниковъ, прослѣдилъ развитіе иконописной живописи съ ея основанія до позднѣйшаго времени въ гг. Суздаль, Владимиръ, Переяславль Залѣскою, Муромъ, Вязникахъ, Гороховцѣ и Шуѣ и въ трехъ знаменитыхъ селахъ: Мстерѣ, Холуѣ и Палехѣ. Особенно подробно онъ остановился на раскрытіи исторіи «иконописнаго художества» въ этихъ трехъ селахъ, отнесясь съ наибольшими симпатіями къ Палеху, который «одинъ только работалъ съ любовью и по мѣрѣ силъ продолжалъ дѣло нашихъ лучшихъ древнихъ иконописцевъ» (стр. 46). Въ заключительномъ своемъ выводѣ о «суздальскомъ иконописаніи» онъ говоритъ слѣдующее: «то «иконописное художество», которымъ въ настоящее время такъ славится Владимирская губернія, очень рано возникаетъ здѣсь, а именно уже со второй половины XII вѣка, когда начинается быстрый расцвѣтъ жизни, политическаго значенія, культуры и промышленности Суздальскаго края. Затѣмъ съ теченіемъ времени нигдѣ «иконописное художество» не цукаетъ такихъ глубокихъ корней и не видрывается столь глубоко въ народную жизнь, какъ здѣсь. Начиная, по крайней мѣрѣ, съ половины XVII в., наше иконописаніе становится очень замѣтнымъ явленіемъ и въ самомъ Суздальѣ и въ другихъ городахъ и селахъ, куда оно переходитъ. И черезъ передачу этого искусства отъ отца къ сыну, отъ семьи къ семьѣ иконопись дѣлается въ нашихъ селеніяхъ наследственнымъ занятіемъ, соста-

вля какъ бы фамиліную собственность»... Указавъ датѣ на то, что въ Холуѣ и Мстерѣ иконописное художество отклонилось отъ своего первоначальнаго византійскаго образца и приняло характеръ ремесленнаго производства, онъ справедливо утверждаетъ, что во Владимирской губерніи «не малое количество добрыхъ мастеровъ и выдающихся по своимъ талантамъ художниковъ изографовъ, которые, благодаря своимъ природнымъ дарованіямъ, стояли и стоятъ на высотѣ своего призванія, оставили и оставляютъ намъ прекрасные образцы своихъ произведеній, которыя достигаютъ истинной художественности и высоко цѣнятся знатоками» (стр. 53—55).

Въ своемъ «опытѣ историческаго изслѣдованія» архим. Мисаилъ рѣшился вновь подвергнуть разсмотрѣнію весьма старый въ нашей исторической литературѣ вопросъ о св. князѣ Константинѣ, съ именемъ котораго связывается, по преданію, исторія обращенія въ христіанство населенія города Муромъ. Подробно разобравъ всѣ «житія» о св. Константинѣ, а равно и мнѣнія о нихъ ученыхъ историковъ, онъ утверждаетъ, что «въ основѣ всѣхъ житій лежитъ одно самое полное сказаніе», относящееся къ XVI в.; что «въ основѣ сего послѣдняго можетъ лежать исторически вѣрное зерно». Поэтому, продолжаетъ онъ «мы считаемъ болѣе правильнымъ мнѣніе преосвященныхъ Макарія и Филарета, которые, не признавая достовѣрности разсказа въ его подробностяхъ, утверждаютъ, что здѣсь идетъ дѣло о дѣйствительной исторической личности и дѣйствительномъ событіи». Исходя изъ этого убѣжденія, архим. Мисаилъ пытается связать имя благовѣрнаго князя Константина съ муромскимъ княземъ Ярославомъ, сыномъ Святослава Ярославича Черниговскаго, правившимъ въ Муромѣ съ 1097 по 1129 годъ, несмотря на то, что въ «Хожденіи» Даниїла Паломника этотъ князь носитъ христіанское имя Панкратія. Для примиренія послѣдняго разногласія онъ опять-таки присоединяется къ мнѣніямъ Макарія и Филарета, которые предполагали, что Ярославъ Святославичъ христіанское имя Константина получилъ передъ своею кончиною, при постриженіи въ монашество. «Эго послѣднее имя,—говоритъ нашъ авторъ,—сохранилось въ церковномъ преданіи, которое удерживало среди мѣстнаго населенія память о важнѣйшемъ событіи въ его внутренней жизни, о событіи, которое не вошло въ лѣтописи» (стр. 87). Несмотря на значительную правдоподобность заявленій архим. Мисаила, все же нельзя сказать, чтобы рѣшеніе этого запутаннаго вопроса далеко подвинулось впередъ.

Гораздо основательнѣе и богаче фактами (помимо печатныхъ источниковъ авторъ пользовался и мѣстными монастырскими лѣтописцами) слѣдующія части «опыта историческаго изслѣдованія», именно: 1) «Обрѣтеніе мощей благовѣрнаго князя Константина и чадъ его Михаила и Теодора», 2) «Основаніе Благовѣщенскаго монастыря и исторія его» и 3) «Современное состояніе Благовѣщенскаго монастыря».

Обширные «матеріалы», означенные въ оглавленіи къ разсматриваемой книжкѣ «Трудовъ», напечатаны отдѣльными изданіями, а потому о нихъ мы будемъ говорить особо, указавъ здѣсь только на ихъ заголовки: 1) «Хронологическая опись дѣлъ о расколѣ, хранящихся въ архивахъ губ. г. Владимира. Ч. I», составилъ Ѳ. К. Сахаровъ; 2) «Краткое описаніе рукописей церковно-

историческаго древлехранилища при братствѣ св. бл. вел. кн. Александра Невскаго. Вып. I», сост. С. И. Недешевъ; 3) «Монастыри, соборы и приходскія церкви владимирской епархіи, построенныя до начала XIX вѣка. Ч. I. Монастыри», изд. подъ ред. В. В. Косаткина¹⁾, и 4) «Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ Владимирской губерніи, съ указаніемъ важнѣйшихъ документовъ, находящихся въ дѣлахъ о дворянствѣ разныхъ фамилій архива владимирскаго дворянскаго депутатскаго собранія», сост. М. И. Трегубовъ, подъ ред. А. В. Селиванова.

Въ заключеніе VIII книги напечатанъ «Отчетъ о дѣятельности владимирской ученой комиссіи за седьмой годъ ея существованія (1905)», изъ котораго видно, что сравнительно молодая еще владимирская архивная комиссія далеко опередила своихъ собратій и, въ виду дальнѣйшей ея дѣятельности, по справедливости можетъ быть поставлена во главѣ всѣхъ нашихъ ученыхъ архивныхъ комиссій.

В. Рудаковъ.

Старина и Новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Книга 12. М. 1907.

Двѣнадцатая книжка «Старины и Новизны» почти цѣлкомъ посвящена окончанію лекцій Ѳ. П. Буслаева, читанныхъ покойному цесаревичу Николаю Александровичу. Съ 61-ой лекціей Буслаевъ вступаетъ въ московскій періодъ русской литературы и перечисляетъ факты, возбуждавшіе въ то время литературную мысль, и, широко пользуясь сравнительнымъ методомъ изслѣдованія, доводитъ свое обозрѣніе до петровской реформы. Изложеніе литературы послѣ Петра становится все болѣе и болѣе бѣглымъ по мѣрѣ того, какъ лекторъ, приближается къ литературѣ новаго періода. Ей посвящена всего одна послѣдняя лекція (93) читанная наканунѣ новаго 1861 года. Такимъ образомъ цесаревичу былъ прочитанъ курсъ, собственно говоря, лишь старой литературы, потому ли, что именно она является болѣе яркой выразительницей народнаго духа, или же потому, что Буслаевъ вообще не брался за новыхъ писателей. Во всякомъ случаѣ эти лекціи, если бы «общество ревнителей» нашло возможнымъ отпечатать ихъ отдѣльнымъ томомъ, составили бы основательное и превосходное руководство къ изученію старинной нашей литературы. Строго научное и въ то же время увлекательно написанное, оно способно было бы пріохотить читателей познакомиться поближе съ идеями и чувствами, одушевлявшими старинную нашу духовную жизнь, а не видѣть въ ней исключительно одно невѣжество и темноту. Такого авторитетнаго руководства у насъ для читателей, интересующихся не специально русской литературой, до сего времени нѣтъ.

Изъ другихъ статей сборника отмѣтимъ «Привѣтствіе стараго воспитателя великому князю въ день его совершеннолѣтія». Здѣсь умно и мѣтко указано будущему государю, въ чемъ должна заключаться нравственная дѣятельность каждаго человѣка вообще и что надо дѣлать, чтобы быть человѣкомъ

¹⁾ См. рецензію на этотъ трудъ въ «Истор. Вѣст.», 1907 г., № 6.

въ благородномъ смыслѣ этого слова. Жизнь императора Александра III доказываетъ, что слова его воспитателя упали не на бесплодную почву. Отмѣтимъ еще приготовленныя къ печати г. Шефферомъ четыре неизвѣстныхъ до сего времени письма Пушкина къ князю П. А. Вяземскому, случайно найденныя въ Остафьевскомъ архивѣ, письмо князя П. А. Вяземскаго къ его жевѣ, съ припискою Пушкина, письмо И. И. Дмитріева къ князю П. А. Вяземскому и наконецъ «дипломъ», поднесенный арзамасцами Карамзину.

Всѣ эти матеріалы для исторіи нашей литературы и общественной жизни имѣютъ тѣмъ большую цѣнность, что Шефферъ не полѣнился снабдить ихъ обстоятельными примѣчаніями.

Перечисленныя статьи относятся къ старинѣ. Новизна представлена слабѣе. Отрывокъ изъ письма извѣстнаго педагога Рачинскаго къ гр. С. Д. Шереметеву, отрывокъ изъ записки Н. М. Павлова о нашемъ современномъ положеніи и некрологъ И. В. Помяловскаго, написанный А. Будиловичемъ, — вотъ и весь отдѣлъ.

А. В.

П. Кропоткинъ. Идеалы и дѣйствительность въ русской литературѣ. Изданіе Т-ва «Знаніе». Спб. 1907.

Имя популярнаго политическаго дѣятеля, автора извѣстныхъ «Записокъ революціонера», безъ сомнѣнія, привлечетъ вниманіе читателя, который будетъ искать въ книгѣ цѣнное и оригинальное, но надежды его не оправдаются.

«Идеалы и дѣйствительность въ русской литературѣ» представляютъ курсъ, прочитанный г. Кропоткинымъ въ Бостонѣ, въ институтѣ Лоуэлли. Чтобы дать иностранцамъ въ сжатыхъ чертахъ ясное представленіе о русской литературѣ, намъ кажется, автору необходимо было заботиться не столько о полнотѣ, сколько о томъ, чтобы матеріалъ былъ хорошо подобранъ, чтобы не распространяться о мелочахъ въ ущербъ важному и характерному. Но этой необходимой систематичности и нѣтъ въ трудѣ г. Кропоткина: авторъ больше заботился о полнотѣ въ ущербъ всему другому, не придерживаясь какой бы то ни было опредѣленной системы; упуская многое важное, онъ иногда вдается въ мелкія подробности, имѣющія малое значеніе. Говоря иногда о совсѣмъ второстепенныхъ писателяхъ, г. Кропоткинъ оставилъ въ сторонѣ и не далъ характеристикъ такихъ важныхъ общественно-литературныхъ теченій, какъ народничества и марксизма, безъ чего не можетъ быть ясно представлена наша литература послѣднихъ десятилѣтій. Основная точка зрѣнія автора совершенно правильна: онъ ставитъ литературное развитіе въ тѣсную связь съ общественно-политическимъ, считаетъ общественность главной чертой нашей литературы. Но эта связь подчеркнута очень смутно, и г. Кропоткинъ не далъ картины общественно-политическихъ условій тѣхъ или иныхъ историческихъ эпохъ; въ книгѣ разбросаны лишь отдѣльныя черточки, по которымъ читателю предоставляется улавливать характеръ этихъ эпохъ, ихъ атмосферу, что значительно обезцѣниваетъ трудъ, такъ какъ связь литературы съ общественной жизнью выступаетъ очень неопредѣленно. По книгѣ очень

трудно составить ясное представлѣніе объ эволюціи нашей литературы. Особенно этому способствуетъ то, что авторъ держится сбивчивой системы, стараго плана, который пора уже откинуть, и разбиваетъ писателей на беллетристовъ, народниковъ, драматурговъ, поэтовъ и т. п., а не придерживается исторической схемы. Кромѣ указанныхъ главныхъ недостатковъ въ трудѣ г. Кропоткина, на ряду съ мыслями, обнаруживающими хорошее знакомство его съ нашей литературой, встрѣчается множество взглядовъ, съ которыми невозможно согласиться «Беллетристы-народники, взятые въ цѣломъ,—говоритъ авторъ,—представляютъ великую школу реалистическаго искусства и въ дѣлѣ истиннаго реализма они превзошли всѣхъ тѣхъ писателей, о которыхъ мы упоминали въ предыдущихъ главахъ». (Прежде авторъ говорилъ о Гоголѣ, Тургеневѣ, Толстомѣ, Гончаровѣ, Достоевскомѣ, Островскомѣ и т. п.). Нельзя также раздѣлить мнѣнія г. Кропоткина, что писатели-народники, «проявивъ высокое пониманіе обязанностей искусства въ дѣлѣ изображенія бѣднѣйшихъ необразованныхъ классовъ, открыли новую страницу въ развитіи повѣсти во всемирной литературѣ» (стр. 251). Невозможно согласиться съ сильно преувеличенной характеристикой заслугъ Эртеля. По мнѣнію автора, «ни одинъ русскій писатель со времени С. Аксакова и Гоголя не сумѣлъ такъ хорошо изобразить цѣлый уголокъ Россіи съ массой фигуръ...» (стр. 331). Или, что Мережковскій «стремится по прямой линіи въ ту пропасть безнадежнаго мистицизма, которая поглотила Гоголя въ концѣ его жизни» (стр. 340). Мистицизмъ Мережковскаго, на нашъ взглядъ, глубоко отличается отъ гоголевскаго, и это признаетъ всякій, какого бы мнѣнія онъ ни былъ о писателѣ. Нельзя согласиться также съ тѣмъ, что по степени пониманія уроковъ русской интеллигенціи на ряду съ Чеховымъ «можно поставить лишь одного писателя, и этотъ писатель—женщина Хвоцинская» (стр. 348). Вообще, часто г. Кропоткинъ слишкомъ высоко оцѣниваетъ отдѣльныхъ писателей, особенно онъ не можетъ отрѣшиться отъ личныхъ симпатій по отношенію къ писателямъ.

Если работа г. Кропоткина, какъ мы видѣли, съ одной стороны, не можетъ въ силу указанныхъ недостатковъ и несистематичности дать иностранцу ясное представлѣніе о русской литературѣ и ея исторіи, то, съ другой—и для русскаго читателя она не дастъ ничего: только очень немногое очерчено оригинально и вдумчиво, все же остальное—или неправильная оцѣнка, или же слишкомъ поверхностно и схематично.

Но, не представляя въ этомъ отношеніи цѣнности, трудъ г. Кропоткина могъ бы быть интересенъ, какъ отраженіе личности автора, его взгляды на литературу были бы драгоцѣннымъ матеріаломъ для характеристики его міросозерцанія, но и этого нельзя сказать о настоящей работѣ. Въ ней личность автора отражается очень блѣдно, и довольно часто онъ просто передаетъ мысли другихъ критиковъ. Особенно сильно вліяніе «Исторіи новѣйшей русской литературы» г. Скабичевскаго, какъ въ оцѣнкѣ писателей, такъ и въ расположеніи матеріала и его группировкѣ.

А. Фоминовъ.

**«Старые Годы». Ежемесячникъ для любителей искусства и
Старины. 1907. Январь—сентябрь.**

Великолѣбно составленный послѣдній двадцатый номеръ «Старыхъ Годовъ» настолько опредѣлилъ общую физиономію новаго журнала, что теперь о немъ можно говорить, какъ о такомъ, а не просто—художественномъ альманахѣ. Теперь журналъ собралъ свои опредѣленные силы, известную аудиторію, намѣтилъ задачи—задачи чисто художественныя, безъ всякихъ иныхъ тенденцій, которыя находились бы въ слишкомъ отдаленномъ родствѣ съ искусствомъ.

Во многихъ отношеніяхъ такое ограниченіе имѣетъ преимущества, но при этихъ условіяхъ редакция сразу же ставитъ узкіе предѣлы для помѣщаемого матеріала. Если бы «Старые Годы» были посвящены искусству западному—эти предѣлы нисколько, или же очень мало ложились на выборъ матеріала, но русское искусство отъ этого страдаетъ.

Прежде всего бросается въ глаза преклоненіе редакціоннаго кружка, который руководитъ дѣломъ, предъ XVIII вѣкомъ, предъ его барскимъ, интернаціональнымъ искусствомъ. Прошлый вѣкъ не можетъ интересовать журналъ уже потому, что «Старые Годы» должны оправдать свое названіе хотя бы съ этой стороны, а болѣе отдаленная пора переноситъ искусство, особенно русское, въ глазахъ руководителей и вдохновителей изданія, въ область церковнаго искусства. Поэтому послѣднему отводится слишкомъ мало мѣста. Изъ этой области мы можемъ назвать только очерки А. И. Успенскаго «Ризница Чудова монастыря въ Москвѣ» и «Царскій живописецъ дворянинъ Иванъ Салтановъ» да нѣсколько незначительныхъ замѣтокъ въ отдѣлѣ мелкихъ сообщеній, причѣмъ всѣмъ церковнымъ въ искусствѣ редакция замѣтно тяготеетъ.

Такимъ образомъ старое русское искусство, по представленію читателей «Старыхъ Годовъ», окажется какимъ-то однобокимъ; у нихъ получится впечатлѣніе, что искусство наше (въ томъ числѣ и просто «старина») существуетъ только со времени Петра Великаго. Мы выражаемъ увѣренность, что современемъ такое ограниченіе отпадетъ само собой. Вступительная редакціонная статья ничего подобнаго не имѣетъ въ виду.

«Чуждые въ вопросахъ искусства всякихъ партійныхъ стремленій, мы собираемся одинаково привѣтствовать въ нашемъ изданіи все родное и прекрасное, все достойное вниманія въ области стараго искусства, къ какой бы его отрасли оно ни относилось. Открывая широкій доступъ всякому свободному въ этой области выраженію мыслей, мнѣній и вкусовъ, мы постараемся, однако, избѣгать тенденціозныхъ взглядовъ и отвлеченныхъ доктринъ, нежелательныхъ, по нашему мнѣнію, въ вопросахъ искусства болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и часто измѣнчивыхъ». Подъ этими прекрасными словами подпишутся и многіе изъ тѣхъ, кто на самомъ дѣлѣ избѣгаетъ тенденціозныхъ взглядовъ...

Напечатанныя въ слѣдующихъ книжкахъ журнала статьи затрагиваютъ самые разнообразныя вопросы; изъ нихъ отмѣтимъ наиболѣе крупныя: П. П. Семеновъ, «Генрикъ и Виллемъ ванъ-деръ-Флиты»; А. П. Сомовъ, «Катарина ванъ-Гемессенъ»; С. Н. Тройницкій, «О цѣпныхъ мостахъ Петербурга»; Агме-

ter, «Объ иллюзіи движенія въ пейзажѣ»; Э. Ленць, «Оружіе, приписываемое историческимъ личностямъ»; бар. А. Фелькерзамъ, «Нѣкоторыя свѣдѣнія о с.-петербургскихъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерахъ за сто лѣтъ (1714—1814)»; А. П. Успенскій, «Обстановка теремовъ Кремлевскаго дворца въ Москвѣ», «Къ исторіи русскаго бытового жанра»; В. Верещагинъ, «П. Ф. Томиръ, его эпоха и работы»; бар. Н. Врангель, «Забытыя могилы», «Страничка изъ художественной жизни начала XIX вѣка (А. Р. Томиловъ)», «Скульпторы XVIII вѣка въ Россіи»; Ф. Беренштамъ, «Иванъ Прокофьевичъ Прокофьевъ (скульпторъ)» и «Четыре вида города Петербурга М. Махаева»; А. Трутовскій, «Русскій гобеленъ въ Московской Оружейной Палатѣ»; Д. Шмидтъ, «Венера передъ зеркаломъ Тиціана. Оригиналъ и повторенія»; С. Маковскій, «Нѣсколько неизданныхъ портретовъ Боровиковскаго»; А. Велуа, «Первоначальный Елизаветинскій дворецъ въ Царскомъ Селѣ»; А. Трубниковъ, «Пенсионеры Академіи Художествъ въ XVIII вѣкѣ»; Игорь Грабаръ, «Федоръ Яковлевичъ Алексѣевъ»; М. Бурнашевъ, «Театръ при Академіи Художествъ въ XVIII вѣкѣ».

Большинство перечисленныхъ статей написаны доступно, научно, занимательно, иногда блестяще, съ массой иллюстрацій и основательными примѣчаніями критико-библиографическаго характера. Въ этомъ смыслѣ успѣхъ «Старыхъ Годовъ» обезпеченъ, и надо ожидать, что кругъ его читателей съ каждымъ годомъ будетъ увеличиваться. Какъ удачную популяризацию прошлаго нашего искусства, эти статьи мы должны только привѣтствовать.

Живо и интересно ведется отдѣлъ «хроники», гдѣ въ послѣднихъ книжкахъ сосредоточены свѣдѣнія главнымъ образомъ о тѣхъ памятникѣхъ древностей (въ частности С.-Петербурга), которымъ по разнымъ причинамъ угрожаетъ разрушеніе. Большинство замѣтокъ носитъ довольно энергичный тонъ, иногда—часто агитаціонный. Обращаютъ на себя вниманіе «Записные листки» Н. К. Рериха въ видѣ особой серіи. Далѣе идутъ свѣдѣнія объ аукціонахъ и продажахъ, некрологи (пока очень мало) и т. д. Въ «Библиографическихъ листкахъ» напечатаны очерки П. К. Симони, «О книжной торговлѣ и типахъ торговцевъ на старомъ Апраксиномъ рынкѣ»; очеркъ Н. Соловьева, «Русская книжная иллюстрація XVIII вѣка»; Н. Врангеля, «Русскія книги XVIII вѣка по искусству» и другіе.

Въ приложеніи къ журналу съ особой пагинаціей печатается тщательно составленный А. Фелькерзамомъ алфавитный указатель петербургскихъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ за сто лѣтъ (термины—тѣ же, что и въ упомянутой выше статьѣ того же автора).

Бѣдѣе другихъ отдѣловъ—библиографія. Очевидно, онъ еще не организованъ, и появившіяся рецензіи на нѣсколько случайныхъ книгъ производятъ впечатлѣніе понавшихъ въ журналъ также случайно. Удачны сообщенія «почтового ящика»: они оживляютъ журналъ и показываютъ, что редакція понимаетъ запросы своихъ читателей.

О внѣшности журнала можно сказать немного: издается онъ настолько роскошно, продуманно, изящно, текстъ печатается интереснымъ шрифтомъ, съ массой иллюстрацій на отдѣльныхъ листахъ и въ текстѣ (приклеенныя

автотиши, часто въ цвѣтныхъ тонахъ), что не только во много разъ превышаетъ слишкомъ низкую подписную плату (6 р. въ годъ), но производитъ иной разъ впечатлѣние излишней роскоши. Въ самомъ дѣлѣ, русскій читатель нуждается въ такомъ художественномъ органѣ, который популяризировалъ бы свѣдѣнія о пластическихъ искусствахъ среди самаго широкаго круга, который былъ бы доступенъ по цѣнѣ (сохранить ту же цѣну на будущіе годы редація едва ли въ состояніи и должна будетъ повысить ее), который давалъ бы не столько неизвѣстное, сколько извѣстное плохо или же мало, иногда просто забытое; но журналъ разсчитанъ на такихъ любителей искусства, которые прекрасно знаютъ «азы», и которымъ необходимо нѣчто новое, острое. Отъ этого искусство «Старыхъ Годовъ» носитъ все-таки праздный, барскій, сытый, какой-то гастрономическій отпечатокъ. И если судить о журналѣ съ намѣченной нами точки зрѣнія, то широкой читатель попрежнему останется безъ журнала.

Издаются «Старые Годы» при кружкѣ любителей русскихъ изящныхъ изданій (издатель—Ш. П. Вейнеръ), редактируются В. А. Верещагинымъ, составителемъ извѣстнаго описанія русскихъ иллюстрированныхъ изданій, обладающимъ несомнѣннымъ вкусомъ, лицомъ свѣдущимъ.

А. И. Яцимирскій.

Н. Жерве. Кадетскіе, юнкерскіе и офицерскіе годы С. Я. Надсона. Спб. 1907.

Безъ сомнѣнія, изученіе личности и поэзіи Надсона имѣетъ крупное значеніе: творчество поэта очень характерно для изученія того настроенія русскаго общества, которое явилось продуктомъ политической реакціи послѣ 60-хъ годовъ. Но, несмотря на это обстоятельство, наконецъ, невзирая на цѣнность самой по себѣ поэзіи Надсона, ни она, ни его личность, ни его литературная дѣятельность не освѣщены достаточно въ нашей литературѣ, хотя потребность въ серьезномъ трудѣ о поэтѣ ощущается уже давно. Особенно плохо былъ разработанъ первый, очень важный по своимъ послѣдствіямъ періодъ жизни Надсона—дѣтство, кадетскіе, юнкерскіе и офицерскіе годы. Можно было думать, что г. Жерве, посвятивъ свою книгу специально этому вопросу, небольшой области біографіи поэта, дастъ нѣчто новое и цѣнное, подробно выясняющее и исчерпывающее взятую авторомъ сравнительно узкую тему. Но на самомъ дѣлѣ въ его книгѣ, кромѣ нѣсколькихъ свѣжихъ, не имѣющихъ важнаго значенія, данныхъ нѣтъ ничего новаго, не дано ни одной болѣе или менѣе важной и ранѣе неизвѣстной черточки въ духовномъ складѣ поэта. Взятый авторомъ періодъ имѣлъ большое значеніе въ жизни Надсона: обстановка дѣтства и первыхъ годовъ жизни оказала громадное влияние на созданіе въ немъ опредѣленнаго настроенія, была фономъ, на которомъ зрѣла и развивалась тоскующая муза поэта. А въ силу этого, касаясь перваго періода жизни Надсона, каждый біографъ долженъ отмѣтить и опредѣлить, какъ постепенно вліяла обстановка на развитіе пессимизма въ поэтѣ. Г. Жерве только вскользь, поверхностно коснулся этого самаго важнаго вопроса, неми-

нүемо связаннаго съ взятой темой, и не далъ вдумчиваго анализа чувствъ чуткаго и обладающаго вѣжной душевной организаціей поэта, и не выяснилъ, какъ подъ вліяніемъ окружающей обстановки нарастало въ немъ извѣстное настроеніе, и не опредѣлилъ роль въ этомъ внѣшней обстановки, а сосредоточилъ свое вниманіе на мелкихъ біографическихъ подробностяхъ, не имѣющихъ по существу никакого значенія. Мы не думаемъ винить въ этомъ автора, — быть можетъ, подъ его руками не было достаточно матеріала, — но устанавливаемъ лишь тотъ фактъ, что его книга даетъ очень мало для изученія литературной дѣятельности Надсона, что она не является вкладомъ въ литературу о немъ, не внося ни одной новой, болѣе или менѣе значительной черты въ нравственный обликъ поэта.

Не имѣя значенія историко-литературнаго труда, книга г. Жерве будетъ интересна для широкой публики: тѣ матеріалы и воспомнанія товарищей о поэтѣ, которые знакомы біографамъ и изслѣдователямъ, не знакомы широкой публикѣ, а въ силу этого очеркъ автора представитъ для нея интересъ. Кромѣ того, онъ согрѣтъ теплымъ чувствомъ къ поэту, написанъ въ мягкихъ тонахъ, хорошимъ литературнымъ языкомъ.

А. Ф — нъ.

Н. П. Лихачевъ. Манера письма Андрея Рублева. Спб. 1907.

Подъ скромнымъ заглавіемъ и еще болѣе скромнымъ подзаголовкомъ (рефератъ, читанный 17 марта 1906 года) неутомимый изслѣдователь старинной иконографіи далъ намъ цѣлое изслѣдованіе, заключающее болѣе 100 страницъ текста и множество иллюстрацій. Новая монографія Н. П. Лихачева, исходя изъ небольшого вопроса, на самомъ дѣлѣ захватываетъ широкую область стариннаго искусства. Остановимся хотя бы на нѣкоторыхъ наблюденіяхъ автора.

Древніе русскіе иконописцы отличались, какъ извѣстно, большой скромностью и почитали грѣховнымъ тщеславіемъ прославленіе своего мастерства путемъ подписей. Поэтому въ области до-петровской иконописи памятники распредѣляются не по принадлежности тому или другому иконописцу, а обыкновенно по мѣстностямъ и времени. Критеріи, или основанія, для такого распредѣленія иконописнаго матеріала довольно разнообразны. Сюда относятся: 1) цвѣтъ ликовъ, характеризующій не вкусъ иконника, а опредѣленный иконописный пошибъ, школу; 2) одежда, которая, являясь на болѣе древнихъ иконахъ сколкомъ съ византійскихъ образцовъ, постепенно измѣняется и удаляется отъ своего оригинала; 3) зданія, или, иначе, «полатное письмо» — въ основѣ своей византійское, но опять-таки постепенно воспринимющее архитектурныя новшества; 4) ландшафтъ, особенно горный, въ которомъ скалы подъ кистью русскаго иконописца довольно скоро превратились въ уступы остроконечной формы, а затѣмъ въ рядъ короткихъ и мелкихъ черточекъ; 5) красочный и золоченый фонъ, напимѣръ, красный имѣли наиболѣе древнія иконы, желтый — характерная черта московскаго письма; 6) составъ красокъ и манера ихъ составленія и 7) внѣшность изображеній, напимѣръ, мѣрныя иконы распространила Москва, тогда какъ въ Новгородѣ были въ

ходу продолговатыя. Кромѣ всего этого, распредѣленію русскихъ иконъ по времени написанія и по мѣстностямъ производства помогаютъ данныя палеографіи, именно, надписей.

Въ виду этого попытки приурочить тотъ или иной иконописный пошибъ, ту или иную манеру письма къ опредѣленному лицу—представляются особенно важными.

Вопросу о «рублевской» манерѣ письма и посвящена книга Н. П. Лихачева. Въ ней онъ разсматриваетъ всѣ иконы, приписываемыя знаменитому иконописцу конца XIV и начала XV вв. Андрею Рублеву. А такихъ иконъ—много. «Рѣдкій любитель,—справедливо замѣтилъ Д. А. Ровинскій,—не называетъ въ своемъ собраніи иконъ Рублева, хотя ни одна изъ нихъ не восходитъ къ началу XV вѣка. Потому рублевская манера письма многими изслѣдователями характеризуется разнo и въ большинствѣ случаевъ—невѣрно. Большинство склоняется къ тому, что въ иконахъ Рублева замѣчается «тонкость письма, въ которомъ краски наложены тонкимъ слоемъ—«дымомъ писано», Лица темнаго вохренія съ зеленоватыми тѣнями (просвѣчиваетъ «санкирь»), почти безъ оживки, то есть съ отѣненіемъ вмѣсто рѣзкихъ оттѣтъ, тонкая опись, слабая пробѣлка одѣвій тонкими чертами (также съ отѣненіемъ). Выходитъ, что вохреніе приближается къ одному изъ типовъ такъ называемаго новгородскаго письма, но безъ новгородскихъ оживокъ, а въ одѣяніи, вмѣсто новгородской манеры,—московская тонкая пробѣлка. Такимъ образомъ, какъ кажется, сущность въ томъ, что это—такія письма, въ которыхъ на новгородской основѣ отразились особенности московскаго письма XVI столѣтія». Но это улучшенное, «тончайшее», «писанное дымомъ» письмо, приписываемое Рублеву, относится, по мнѣнію г. Лихачева, къ срединѣ XVI вѣка. «Можетъ быть, Андрей Рублевъ,—замѣчаетъ далѣе авторъ,—былъ лучшимъ мастеромъ среди своихъ товарищей и сотрудниковъ; можетъ быть, онъ былъ до извѣстной степени и новаторомъ, но все же онъ былъ человѣкомъ своего времени. Какъ не могъ Тицианъ появиться въ XIV столѣтіи, такъ не могъ и Андрей Рублевъ работать въ той манерѣ, которая выработывалась черезъ столѣтіе послѣ его смерти и въ которой не однимъ, а многими изслѣдователями уже чувствуется переходъ къ весьма поздней, такъ называемой «строгановской» (а на самомъ дѣлѣ—тоже московской) иконописи. Свое мнѣніе г. Лихачевъ подтверждаетъ ссылкой на наблюденія, сдѣланныя специалистомъ по части реставраціи иконъ В. П. Гурьяновымъ, расчистившимъ рублевскую икону Троицы въ Троице-Сергіевой лаврѣ. Наблюденія этого художника-реставратора расходятся съ вышеприведеннымъ общепризнаннымъ взглядомъ на рублевскую манеру. Послѣдняя отлична и отъ новгородскихъ, и отъ московскихъ писемъ и значительно напоминаетъ характерныя особенности старѣйшихъ русскихъ иконъ. Въ заключеніе авторъ остроумно замѣчаетъ: «Иконописцы создали легенду о «тонкихъ» рублевскихъ письмахъ, «писанныхъ дымомъ»,—иконописцу же подобало и разрушить ее».

Изслѣдованіе Н. П. Лихачева написано съ присущимъ автору глубокимъ знакомствомъ съ памятниками древности, обнаруживаетъ изумительную начитанность, желаніе не оставить безъ должнаго освѣщенія ни одну подроб-

ность, дать возможно больше новаго матеріала, по возможности въ разработанномъ, а не сыромъ видѣ. Написана книга, при всей своей основательности, до того увлекательно, что мѣстами читатель забываетъ, что имѣетъ дѣло со строго научнымъ изслѣдованіемъ, при томъ—въ такой сухой для «непосвященныхъ» области, какъ древняя иконопись.

А. И. Яцимирскій.

Собрание сочиненій кн. Сергѣя Николаевича Трубецкого. Томъ I. Публицистическія статьи, напечатанныя съ 1896 г. по 1905 г. включительно. 1907 г.

Покойному кн. Сергѣю Трубецкому было дано очень много: крупный ораторскій и литературный талантъ, универсальная образованность и благородная, чисто рыцарская смѣлость слова и мысли. Все общало ему огромную историческую роль, которая могла быть лучезарно-свѣтлой и ослѣпительно-блестящей именно въ переходный періодъ русской государственной жизни среди охватившей общество всеобщей растерянности, забвенія гражданскаго долга и полной утраты политическаго самосознанія. Историческая арена была готова, она ждала своего борца, борецъ выступилъ на ней во всеоружіи своихъ удивительныхъ дарованій, но оказался безсильнымъ сокрушить врага и умеръ, потрясенный и подавленный горькимъ сознаніемъ своего безсилія передъ грозными стихіями русской жизни. Его смерть въ свое время глубоко потрясла все русское общество, была пережита, какъ тяжелая утрата. Теперь вышло въ свѣтъ изданное московскимъ университетомъ полное собраніе трудовъ покойнаго, всесторонне освѣщающее его личность.

Болѣе близкое и полное знакомство съ душевнымъ міромъ Сергѣя Трубецкого до нѣкоторой степени разрѣшаетъ мрачную загадку его трагическаго конца, его политической судьбы. Для того, чтобы быть великимъ человѣкомъ, призваннымъ руководителемъ растерявшагося общества, ему не хватало одного: цѣльности и внутренняго единства руководящей мысли, той монолитности духа, которая служитъ основою могучей, всепокоряющей воли и даетъ власть мыслителю господствовать надъ толпой, усмирять волшебнымъ словомъ разъяренныя соціальныя стихіи и укрощать разбушевавшуюся бурю. Тайна его безсилія заключалась въ томъ, что разными сторонами своей души онъ одновременно примыкалъ и къ правительству и къ революціи, чувствовалъ себя до извѣстной степени солидарнымъ съ обѣими борющимися силами и потому былъ заранѣе обреченъ быть раздавленнымъ при первомъ же рѣшительномъ столкновеніи между собою. Покамѣстъ о немъ судили только по нѣсколькимъ прогремѣвшимъ на всю Россію рѣчамъ и статьямъ, дуализмъ его воззрѣній оставался скрытымъ, но въ болѣе полномъ и обстоятельномъ изложеніи авторскаго сгredo на страницахъ объемистаго сборника онъ обнаруживается съ неумолкнуою рѣзкостью.

Съ одной стороны, кн. Трубецкой рекомендуетъ себя «убѣжденнымъ сторонникомъ могущественной царской власти въ Россіи» (стр. 459), а съ другой горячо и убѣдительно доказываетъ, что «самодержавіа въ Россіи не

только нѣтъ, но и быть не можетъ» (стр. 465). Всѣ его доказательства необходимости созыва народного представительства построены на существующей изолированности и вытекающей изъ нея органической слѣпотѣ верховной власти, но, посуливъ ей желанное прозрѣніе путемъ организованнаго ознаменія съ желаніями и нуждами народа, онъ уже не ограничиваетъ роль представительства однимъ совѣтомъ и освѣдомленіемъ, а, сразу перескочивъ отъ славянофильской теории къ самой опредѣленно-западнической программѣ, предлагаетъ надѣлить народное представительство долею верховной власти, взятой отъ уже озареннаго и освѣдомленнаго монарха. Онъ остается страстнымъ поклонникомъ ученія Влад. Соловьева, но онъ подавленъ картиной государственнаго развала Россіи на поляхъ Манчжуріи и охваченъ шумнымъ освободительнымъ движеніемъ и потому никакъ не можетъ найти примиренія съ самимъ собой. Онъ безпомощно путается между славянофильскими симпатіями и чисто западническими политическими требованіями, никакъ не можетъ примирить мистическій монархизмъ съ европейскимъ парламентаризмомъ и въ концѣ концовъ совершенно чистосердечно, безъ всякой примѣси какого бы то ни было чуждаго его натурѣ «политическаго іезуитства», во имя сохраненія «сильной царской власти» убѣждаетъ въ необходимости ея ограниченія и частичнаго добровольнаго самоупраздненія. Болѣе непосредственная и прямолинейная передовая толпа, разумѣется, не могла остановиться на такихъ внутренно противорѣчивыхъ полурѣшеніяхъ, она стремительнымъ порывомъ шла дальше, требовала большаго. Только что приступая къ дѣлу преобразования, кн. Трубецкой увидѣлъ себя въ роли консерватора, далеко отставшаго отъ бурной революціонной волны. Онъ не могъ идти ни за толпою, ни противъ нея и, будучи призванъ по своимъ талантамъ стать во главѣ преобразовательной работы, оказался безсильнымъ создать что-нибудь прочное, потому что своею колеблющеюся, неустойчивою въ самыхъ основахъ своихъ мыслью не сумѣлъ охватить хаосъ русской жизни, надъ которымъ еще не прозвучало властное слово Божіе. Мыслитель, раздираемый противорѣчіями своихъ политическихъ идеаловъ, не могъ привести къ единству борющіяся стихіи, не могъ подавить хаосъ, потому что самъ былъ внутренно подавленъ хаосомъ. Онъ умеръ, прославленный и освищенный революціонно настроенной аудиторіей, какъ поруганный кумиръ, безощадно оскорбленный въ самыхъ завѣтныхъ мечтахъ своихъ, мучительно ощущая свое безсиліе передъ вулканическими силами исторіи и чувствуя непрочность тѣхъ реформъ, съ которыми навѣки связалъ свое имя, какъ ораторъ земской депутаціи 6-го іюля и какъ первый свободно избранный ректоръ автономнаго русскаго университета. Трагическая судьба этого выдающагося человѣка и его созданій еще лишній разъ мучительно напоминаетъ о необходимости болѣе широкой и болѣе самобытной обстановки русскаго прогрессивнаго движенія, которое можетъ быть создано только смѣлой и свободной отъ всякой рутины творческой мыслью грядущихъ поколѣній.

И. Г.

Луи Эритье. Исторія французской революціи 1848 года и второй республики. Спб. 1907.

Исторія Эритье принадлежит къ тѣмъ многочисленнымъ книгамъ, которыя переводятся у насъ не съ цѣлью распространенія историческихъ знаній, а съ цѣлью распространенія революціонныхъ идей. Изъ предисловія видно, какой смыслъ придается въ наше время рассказамъ о французской революціи.

Россійская революція, говоритъ г. Румянцевъ, принадлежащій къ самой крайней политической партіи, имѣетъ задачу, сходную съ задачей французской революціи 1789 г.: она должна дать крестьянамъ землю и волю. И пока это не будетъ сдѣлано, до тѣхъ поръ крестьянство не успокоится и не можетъ въ цѣломъ служить опорой для контръ-революціи и реакціи. Сознаніе этого, несомнѣнно, имѣется у правительства, объ этомъ свидѣтельствуетъ его аграрная и крестьянская политика. Но можетъ ли дать крестьянамъ хотя бы суррогатъ земли и воли безъ самоубійства, безъ отрицанія собственной сущности дворянское самодержавное правительство? Выводъ изъ вышесказаннаго ясенъ: только при активной поддержкѣ со стороны крестьянства пролетаріатъ можетъ надѣяться на завоеваніе демократическаго строя. И не къ обособленію, а къ союзу съ крестьянствомъ и демократіей городовъ долженъ стремиться въ своей борьбѣ пролетаріатъ. Но и при всемъ томъ остается еще открытымъ вопросъ о методахъ борьбы. Какъ быть въ тѣхъ странахъ, гдѣ какъ у насъ, въ Россіи, нѣтъ ни парламента, ни всеобщаго избирательнаго права, гдѣ для пролетаріата невозможны легальныя дѣйствія? Правда, и исторія іюньскаго возстанія парижскихъ рабочихъ въ 1848 г., и московское возстаніе въ декабрѣ 1905 г. показываютъ, что правительству бываетъ выгодно вызвать на уличную борьбу пролетаріатъ, чтобы въ его крови потопить революцію. Но и совѣтъ организовать стихійное движеніе, использовать все легальныя возможности его не является еще отвѣтомъ на вопросъ. Рѣшитъ его, конечно, сама жизнь, мы же здѣсь имѣемъ возможность сказать: только организованныя дѣйствія массъ, стихійно толкаемыхъ своими классовыми интересами на борьбу со старымъ порядкомъ, могутъ сломить силу его сопротивленія, и только послѣ того откроется возможность легальной борьбы для пролетаріата.

Для выясненія классовыхъ интересовъ и укрѣпленія пролетарской энергіи особенно пригодны книги вродѣ Эритье, написанныя со страстностью, какой долженъ быть одушевленъ каждый, кто сражался на баррикадахъ или душою былъ на сторонѣ возставшихъ.

Тенденціозное изложеніе бросается въ глаза на каждой страницѣ, но оно и прельщаетъ нашихъ издателей. Государственный переворотъ, совершенный Наполеономъ III, представляется въ такомъ видѣ. На баррикадахъ дерутся защитники народа, ихъ осаждаютъ дикіе звѣри, въ видѣ арміи. За взятіемъ каждой баррикады слѣдовало избіеніе. Заранѣе предупреждали: каждый взятый съ оружіемъ въ рукахъ будетъ разстрѣлянъ. Озвѣрѣвшіе и безъ того пьяные солдаты исполняли эту инструкцію съ буквальною точностью. «Они врывались въ дома, куда спасались возставшіе, и убивали каждого, кто только казался имъ подозрительнымъ. Въ концѣ концовъ Парижъ сталъ добычей пи-

ратовъ, во главѣ которыхъ стоялъ Наполеонъ. Вслѣдъ за тѣмъ «Наполеонъ Бонапартъ создалъ своихъ организованныхъ въ качествѣ сената лакеевъ и предложилъ имъ вопросъ о возстановленіи имперіи».

Такъ пишется исторія людьми, сражавшимися на баррикадахъ, и едва ли она можетъ принести пользу нашей, все еще недостаточно образованной публикѣ.

П. В.

Томасъ Карлейль. Французская революція. Исторія. Спб. 1907 г.

Несмотря на то, что со времени перваго появленія этой книги прошло ровно 70 лѣтъ, несмотря на то, что за это время издано великое множество сочиненій по исторіи французской революціи, трудъ Карлейля продолжаетъ сохранять свое значеніе классической книги въ исторической литературѣ и обнаруживаетъ удивительную живучесть. На родинѣ продолжаютъ появляться одно изданіе этой книги за другимъ, у нѣмцевъ она стала настольной книгой хорошаго чтенія, а у насъ ее пробовали было перевести еще въ 60-хъ годахъ, но тогда она пришлась намъ не ко двору, и переводъ остановился на первыхъ же двухъ главахъ, или книгахъ, какъ онѣ называются у Карлейля. Черезъ сорокъ лѣтъ мы наконецъ получаемъ трудъ Карлейля въ цѣльномъ и даже въ украшенномъ видѣ: издатель г. Яковенко къ тексту приложилъ 104 портрета и 68 рисунковъ, взятыхъ имъ изъ альбома рисунковъ временъ революціи, изданнаго Арманомъ Дайо. Такимъ образомъ русскій читатель впервые можетъ познакомиться съ этой Эсхиловой драмой, какъ выразился про книгу Карлейля извѣстный историкъ Фроудъ. Кто незнакомъ съ литературной манерой и нравственной философій Карлейля, того его «Французская революція» поразитъ, даже, пожалуй, покажется нѣсколько утомительной на первыхъ порахъ: до того въ ней все своеобразно, не похоже на то, что мы привыкли встрѣчать въ историческихъ трудахъ. Это не описаніе, это какое-то ясновидѣніе, живыя картины изъ временъ революціи. Толпа и отдѣльныя лица у него живутъ, чувствуютъ, дѣйствуютъ передъ читателемъ, которому авторъ умѣетъ открыть не только внѣшнюю сторону событій, но и внутренній ихъ смыслъ. Первое поражение, нанесенное мятежникамъ у церкви С.-Рона артиллеріей Наполеона, представляется на первый взглядъ однимъ изъ эпизодовъ борьбы между оправлявшимся послѣ разгрома правительствомъ и впавшими въ полную анархію революціонерами. Но для проницательнаго взора Карлейля это переломъ событій, это конецъ революціи, отнынѣ отодвинутой Наполеономъ въ вѣчность, и на немъ онъ кончаетъ свою книгу.

Книгу Карлейля на библиотечныхъ полкахъ надо ставить совершенно особо: это не историческое изслѣдованіе (самъ авторъ умышленно не называетъ ее «исторіей» французской революціи), но это и не историческая беллетристика, не философія исторія, а то и другое и третье—все вмѣстѣ. Всѣ эти элементы прошли сквозь горнило пламеннаго духа Карлейля, сплывались и выплились въ видѣ оригинальнаго художественнаго произведенія, которое Милль называлъ «гениальнымъ». Въ немъ художникъ и поэтъ постоянно спорятъ съ историкомъ, а за историка временами говоритъ суровый моралистъ съ его куль-

томъ нравственнаго долга и яростными нападками на механическое пониманіе міра. Требования, которыя Карлейль предъявляетъ къ людямъ, претендующимъ на величіе, очень высоки, и потому огромное большинство дѣятелей революціи развѣнчано имъ въ ничтожества, случайно вынесенныя наверхъ волнами революціи. Вотъ отчего эта книга и не удаивалась раньше перевода.

Г. Яковенко нарушилъ это давно тяготѣвшее и молчаливо установившееся табу. Переводъ сдѣланъ очень тщательно, а это дѣло не легкое, если принять въ соображеніе капризный и своеобразный стиль Карлейля, то поднимающійся до паюса, то вдругъ утончающійся до ядовитой ироніи, то сжимающійся, словно могильныя надписи. Оттѣнки Карлейлева языка переводчики (ихъ было нѣсколько человекъ) уловили и сумѣли передать довольно удачно.

А. В.—ловъ.

А. Маленъ. Латинскій церковный языкъ. Сергіевъ Посадъ. 1907.

Содержаніе этой интересаѣйшей брошюры значительно шире и богаче ея весьма скромнаго заглавія. Профессоръ А. І. Маленъ, авторъ прекраснаго изслѣдованія о трудахъ одного изъ позднихъ латинскихъ писателей Альдгельма, въ настоящей брошюрѣ рѣшилъ выполнить истинно благое дѣло ознаменія нашей публики съ судьбами не только латинскаго языка, но и всей латинской литературы въ христіанской Европѣ. На русскомъ языкѣ эта тема развивается впервые и чрезвычайно отрадно признать, что за ея разработку взялся такой знатокъ дѣла, какъ авторъ разсматриваемой брошюры. Начиная свой обзоръ съ переводовъ священнаго писанія, въ частности т. н. Вульгаты, А. І. Маленъ разбираетъ труды Минуція Феликса, Тертуліана, Кипріана, Арнобія, Лактанція, Амвросія Медиоланскаго, блаженнаго Августина, затѣмъ переходитъ къ обзору христіанской поэзіи (стр. 30 сл.), разсматривая здѣсь труды Коммодіана, Ювенка, Пруденція и др. Нѣсколько весьма содержательныхъ страницъ (51 сл.) авторъ посвящаетъ литературному движенію на Британскихъ островахъ, переходя затѣмъ къ характеристикѣ положенія латинскаго языка въ духовныхъ школахъ Запада (стр. 55), откуда естественно переходитъ и къ краткому изложенію судебъ латинскаго языка въ нашемъ отечествѣ (стр. 58 сл.). Эта часть брошюры г. Маленна едва ли не самая интересная и, читаяея, постоянно жалѣешь о томъ, что тѣсныя рамки журнальной статьи не дали автору возможности обнаружить здѣсь все богатство своихъ историческихъ познаній. Оканчивается брошюра указаніемъ «литературы» предметы (стр. 65). Какъ видно изъ краткаго обзора содержанія брошюры г. Маленна, она дастъ очень много полезныхъ и поучительныхъ свѣдѣній не только для историковъ латинскаго языка. Не меньше почерпнуть изъ нея и историкъ литературы, и богословъ, и историкъ культуры, и историкъ педагогій: авторъ вездѣ характеристикѣ языка даннаго писателя предпосылаетъ очеркъ литературной дѣятельности его автора, знакомитъ съ содержаніемъ памятника и опредѣляетъ тѣ культурныя условія, подѣ влия-

ніемъ которыхъ онъ возникъ. Въ виду всего этого брошюра г. Малейна заслуживаетъ самаго широкаго вниманія и распространенія, что облегчено авторомъ и еще и тѣмъ, что изложеніе свое онъ ведетъ чрезвычайно простымъ, для всѣхъ понятнымъ языкомъ. Христіанское общество не можетъ не интересоваться судьбой своего священнаго писанія, и поэтому мы увѣрены, что почтенный трудъ А. И. Малейна найдетъ для себя читателей. Въ заключеніе позволяемъ высказать одно пожеланіе. Авторъ, такъ прекрасно изучившій русскую исторію, что видно изъ его перевода и толкованія «Путешествія въ Московію» Іоанна Корба, быть можетъ, со временемъ обратитъ свое вниманіе на подробное и всестороннее изученіе судьбы латинскаго языка въ Россіи. Теперь эта тема у него затронута мимоходомъ, но навѣрно и самъ авторъ признаетъ ее заслуживающей спеціальнаго изученія, а среди дѣятелей русской науки нѣтъ никого, кто болѣе, чѣмъ А. И. Малейнъ, былъ бы подготовленъ всей своей предшествующей дѣятельностью къ ея достойному выполненію.

—р—

Н. С. Карцовъ. Записки по педагогической психологіи. Для родителей и учащихся, начинающихъ заниматься вопросами воспитанія. Съ приложеніемъ общихъ основъ дошкольнаго обученія. Указанія соотвѣтствующей литературы. Сиб. 1907.

Вышеуказанныя «Записки» Н. С. Карцова составлялись, очевидно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и являются результатомъ его довольно продолжительной педагогической дѣятельности, въ которой онъ за послѣднія 10—15 лѣтъ остановился на чтеніи педагогики, началъ психологіи и дидактики въ обширномъ смыслѣ этого слова, но преимуществу въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Будучи, такимъ образомъ, опытнымъ практикомъ-педагогомъ, онъ въ то же время является въ своихъ «Запискахъ» и хорошо вооруженнымъ научными познаніями, хорошо освѣдомленнымъ съ довольно обширною литературой по своему предмету. Задавшись цѣлію безъ лишнихъ разглагольствованій, въ сжатой формѣ представить вполне понятные «для учащихся, начинающихъ заниматься вопросами воспитанія», въ то же время содержательные отвѣты на многочисленные вопросы такой обширной науки, какъ педагогическая психологія, Н. С. Карцовъ, на нашъ взглядъ, справился съ своею задачею довольно успешно, особенно подкупая читателя своимъ простымъ, легкимъ и вполне литературнымъ языкомъ. Найдутся, конечно, въ его курсѣ и нѣкоторыя упущенія, кой-гдѣ излишняя краткость въ изложеніи и даже, пожалуй, недостаточная освѣщенность нѣкоторыхъ психическихъ явленій въ ихъ воздѣйствіи на душу ребенка, но все это не можетъ отнимать отъ его «Записокъ» главнаго ихъ назначенія—заставить читателя самостоятельно и серьезно помыслить, поразобраться въ затронутыхъ вопросахъ, для чего ему, между прочимъ, предоставляется и самый матеріалъ «для обсужденія» почти въ каждой главѣ, къ каждому отдѣлу, въ видѣ отдѣльныхъ вопросовъ. Важно также тутъ и то, что въ предлагаемыхъ литературныхъ пособіяхъ Н. С. Карцовъ не распыляется въ своей широкой литературѣ, а рекомендуетъ наиболѣе суще-

ственное и понятное. Какъ ни кратко покажутся специалисту эти «Записки», всего въ 10 печатныхъ листовъ, но онѣ многихъ родителей и учащихся могутъ научить и направить къ правильному воспитанію дѣтей, что и заставляетъ насъ только пожелать наибольшаго ихъ распространенія, но при условіи въ дальнѣйшихъ изданіяхъ нѣкоторыхъ добавленій и расширеній курса.

В. Р—въ.

Путникъ (Н. Лендеръ) «Потревоженная Россія». Картины русской революціи. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1907 г.

Охватившая Россію смута послѣднихъ лѣтъ вызвала чрезвычайную путаницу понятій: многіе видятъ въ этой смутѣ признаки «освободительнаго движенія», рвеніе впередъ, жажду прогрессивныхъ завоеваній и потому втайнѣ сочувствуютъ ей, не взирая на то, что проявленія современнаго террора направлены слишкомъ ясно къ одной цѣли: къ захватамъ и грабежамъ. Всякое представленіе объ идейной борьбѣ потерялось въ этомъ хаосѣ кровавыхъ преступленій, насилій и убійствъ. Сочувствовать и мирволить подобнымъ подвигамъ едва ли возможно, такъ какъ такое сочувствіе идетъ вразрѣзъ съ нравственными и христіанскими идеалами человѣчества. Главная бѣда у насъ заключается въ томъ, что среди сочувствующихъ террору мало кто дѣйствительно знакомъ съ реальной обстановкой революціоннаго движенія, немногіе наблюдали его вблизи въ условіяхъ помѣстной жизни, гдѣ оно является бычомъ благосостоянія страны и тормозитъ не только жизнь деревни и города, но и всякую живую работу, всякій производительный трудъ.

Автору только что изданной А. С. Суворинымъ книги «Потревоженная Россія» пришлось наблюдать русскія революціонныя бури вблизи: онъ видѣлъ революцію въ деревнѣ, гдѣ вожаки «движенія» путемъ особыхъ манипуляцій повели на разграбленіе помѣщиковъ не совсѣмъ податливыя къ подобнымъ подвигамъ крестьянскія массы; онъ былъ на сожженныхъ революціонерами заводахъ, въ опустошенныхъ усадьбахъ землевладѣльцевъ. Въ Одессѣ авторъ наблюдалъ октябрскія событія 1905 года, видѣлъ преждевременное еврейское торжество по учрежденіи южно-русской республики. Революцію «Потемкина» авторъ засталъ въ своеобразной обстановкѣ враждебной къ Россіи Румыніи, куда перебросились «потемкинцы» изъ Одессы и гдѣ они безмѣрно торжествовали въ совокупности со всѣми собравшимися въ этой маленькой странѣ озлобленными врагами Россіи.

Цѣлый рядъ картинъ кровавой русской революціи проходитъ въ книгѣ «Потревоженная Россія». Но главное вниманіе авторъ удѣляетъ все-таки не отдѣльнымъ фактамъ и событіямъ революціи, а, такъ сказать, ея психологіи, ея причинамъ, ея прогрессивному развитію. Главная изъ причинъ революціи, на взглядъ автора, крушеніе стараго строя Россіи и массовое поголовное разореніе цѣлыхъ поколѣній русскихъ людей. Новая жизнь еще не вылилась ни въ какія прочныя, устойчивыя формы, она вся еще въ проектахъ, а избыточно нарастающій интеллигентный и крестьянскій пролетаріатъ уже сильно будо-

ражить русскую жизнь. Картины разрушенія стараго строя и усиленія безпокойнаго пролетаріата рисуются авторомъ въ повѣсти «Новое поколѣніе», которой начинается книга.

Авторъ «Потревоженной Россіи» проводитъ мысль, что русская революція поднята не столько агитаторами-революціонерами, сколько попустителями, которыхъ онъ видитъ и среди представителей инертнаго, безсильнаго, непредусмотрительнаго правительства. Деревенскія нужды наслаивались долгими годами, деревня терпѣливо ждала удовлетворенія ихъ, но законные опекуны Россіи все проглядыли, малая власть не рѣшалась тревожить большую, большая ни о чемъ не думала, и несчастная заброшенная деревня дождалась въ концѣ концовъ прихода внимательныхъ къ ней представителей новой нелегальной опеки... въ лицѣ застрѣльщиковъ революціи. Во всѣхъ своихъ предприятияхъ они восторжествовали надъ сонной и анемичной легальной властью.

Большой очеркъ г. Путника «Черный передѣлъ» даетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ: кто виноватъ въ русской смутѣ? Чиновные попустители, подготовившіе исключительно благодарную почву для успѣха революціоннаго движенія, вызвали разореніе и посрамленіе Россіи.

Грустныя, тяжелыя картины развертываютъ передъ вами очерки «Потревоженная Россія». Передъ вами проходитъ мучительный процессъ разложенія страны, столь крѣпкой и могущественной въ своемъ прошломъ и столь безсильной въ періодъ посланныхъ ей судьбой испытаній.

Послѣдній изъ большихъ очерковъ книги «Подъ натискомъ революціи» рисуетъ совершившееся помѣстное оскудѣніе русской жизни и разореніе промышленности, придавленной невыполнимостью требованій революціонизованныхъ массъ и гнетомъ забастовокъ.

Кромѣ этихъ большихъ очерковъ, въ книгѣ рядъ картинъ и эпизодовъ революціоннаго движенія въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Самыя гнетущія страницы террора представляетъ Югъ Россіи; тамъ вы видите ясно выраженную кровавую борьбу національностей, ожесточенно рѣшающихъ вопросъ: кто хозяинъ? Въ сущности это война двухъ націй: евреевъ и русскихъ, только русскимъ, благодаря вырожденію у насъ націонализма, часто приходится разгрызывать жалкую роль полупобѣжденныхъ и безмѣрно-уступчивыхъ людей.

«Вы тамъ въ столицѣ взяли не тотъ курсъ—говоритъ одинъ изъ героевъ книги г. Лендера, — оттого и страдаетъ земля. Нуженъ свѣтлый путь правды, нужно беречь завѣты Россіи».

Ф. Ф.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. 37-й. Тифлисъ 1907.

Новый томъ извѣстнаго изданія управленія кавказскаго учебнаго округа заключаетъ въ себѣ очень богатый этнографическій матеріалъ.

Н. С. Державинъ въ своей статьѣ «Абхазія въ этнографическомъ отношеніи» рассматриваетъ семейныя и родовыя названія у абхазцевъ, а также нѣкоторые обычаи этого племени, стараясь «намѣтить хотя въ общихъ чертахъ

эволюцію семейной організації у абхазцевъ и установитъ наиболѣе древнюю или первобытную ея форму». Здѣсь же указана русская литература объ абхазцахъ; ею пользуется и авторъ, рядомъ съ своими собственными наблюденіями изъ жизни Абхазіи.

Въ статьѣ П. Вострикова «Повѣрья, примѣты и суевѣрные обычаи наурцевъ» подробно излагаются мнѳологическія воззрѣнія терскихъ казаковъ Наурской станицы. Воззрѣнія эти не представляютъ большой разницы отъ великорусской мнѳологіи, но они небезынтересны для этнографа. Между прочимъ, характерно, что и на богатомъ югѣ развито кликушество, которое у насъ принято считать какъ бы привилегіею суроваго сѣвера. Въ міросозерцаніи наурскихъ казаковъ можно прослѣдить вліяніе малороссійскихъ повѣрій; такъ, представленіе русалокъ, какъ «красивѣйшихъ молодыхъ женщинъ» — чисто малороссійское. Великорусскія русалки (вопреки общепринятому мнѣнію) далеко не красавицы: онѣ бороной расчесываютъ свои кудри. И вообще, созданія великорусской народной фантазіи наводятъ только ужасъ; настоящей красоты въ нихъ нѣтъ. — Въ статьѣ г. Вострикова описывается еще кратко говоръ казаковъ, приводятся мѣстные слова, пословицы, загадки и пять сказокъ.

Рядъ лингвистическихъ статей «Сборника» также не лишень этнографическаго интереса. Въ статьѣ Н. А. Караулова «Говоръ гребенскихъ казаковъ» приводится до 70-ти мѣстныхъ словъ, заимствованныхъ съ турецко-татарскихъ нарѣчій; тутъ сказалось вліяніе чуждой культуры на крайнее русское населеніе. «Двѣ статьи о современномъ состояніи кавказовѣдѣнія» А. М. Дирра излагаютъ взгляды новѣйшихъ европейскихъ ученыхъ по загадочному вопросу о родствѣ кавказскихъ языковъ съ другими языками различныхъ народовъ, а также знакомятъ съ гипотезою Л. Эргардта, который ищетъ прародину всѣхъ европейскихъ народовъ въ Закавказьѣ, въ долинѣ р. Куры.

А. К. Глейе въ своей статьѣ «Къ праисторіи сѣверо-кавказскихъ языковъ» пытается доказать, что древними колхидцами были абхазцы и родственные съ ними черкесы, оттѣсенные вѳослѣдствіи на сѣверъ. Здѣсь же дѣлается попытка установить связь между разрозненными теперь группами сѣверо-западныхъ и сѣверо-восточныхъ кавказскихъ языковъ. Другая статья того же автора носитъ заглавіе «Опытъ рѣшенія ванскаго (урартскаго) вопроса»; г. Глейе относитъ ванскій языкъ къ группѣ лезгинскихъ.

Монографія А. М. Дирра «Агульскій языкъ» (грамматика и словарь) является первымъ подробнымъ изслѣдованіемъ этого языка, которому до сихъ поръ была посвящена только небольшая работа Эркерта. Другая статья г. Дирра касается вопроса «о классахъ (родахъ) въ кавказскихъ языкахъ».

«Описаніе рукописей бібліотеки Общества распространенія грамотности среди грузинскаго населенія», исполненное Е. С. Такайшвили (начало этой капитальной работы въ 31-мъ выпускѣ «Сборника») даетъ не мало цѣннаго матеріала для исторіи грузинской литературы. Найденъ, между прочимъ, древнѣйшій (16-го вѣка) переводъ поэмы «Юсифъ-Зилиханіани», а также рядъ стихотвореній разныхъ старыхъ поэтовъ Грузіи.

Предисловіе къ «Сборнику» написано Л. Г. Лонатинскимъ.

Дм. Зеленинъ.
20*

В. В. Краинскій. Община и кооперація. Очерки по исторіи крестьянскаго хозяйства въ Западной Европѣ и Россіи. Спб. 1907.

Было время—общинная форма землевладѣнія, считаемая чисто-русскимъ изобрѣтеніемъ, давала поводъ нѣкоторой части экономистовъ и публицистовъ проливать слезы умиленія въ размышленіяхъ о высокомъ альтруистическомъ принципѣ, положенномъ въ основу общины и отличающемъ только русское крестьянство, и въ то же время съ горделивымъ высокоуміемъ относиться къ народамъ Западной Европы, устроившимъ у себя аграрныя отношенія, хотя болѣе эгоистическія, но зато болѣе прочныя и безспорныя. Съ теченіемъ времени увлеченіе общиннымъ землевладѣніемъ стало таять и пропадать; можно насчитать не мало почтенныхъ дѣятелей, которые, начавъ съ горячаго преклоненія предъ общиной, по внимательномъ изученіи дѣла сдѣлались яркими ея противниками. Выяснилось, что само крестьянство далеко не восхищается общиной, а скорѣе тяготится ею, особенно тѣми придаточными формами, которыя сообщены были общинѣ администраціей въ цѣляхъ фискальныхъ. Во всякомъ случаѣ и въ наукѣ, и въ публицистикѣ интересъ къ общинѣ никогда не ослабѣвалъ, но истинное представленіе о ней лишь въ послѣднее время начало проясняться сквозь густую тьму предразсудковъ и предвзятыхъ теорій.

Въ своемъ изслѣдованіи объ общинѣ г. Краинскій, выступая совершенно свободнымъ отъ увлеченія общиной, не щадитъ проны по отношенію къ тѣмъ авторамъ, которые давали «фантастическія описанія общиннаго быта крестьянъ» и приводили «къ чудовищному искаженію понятій о русской общинѣ въ трудахъ наиболѣе компетентныхъ германскихъ и англійскихъ экономистовъ». Повѣривъ на слово русскимъ авторамъ, англійскій проф. Мэнъ, на примѣръ, въ своихъ лекціяхъ заявляетъ, что русскіе крестьяне, живущіе въ одной деревнѣ, вѣрятъ въ свое происхожденіе отъ общихъ предковъ и сообразно съ этимъ въ Россіи повторяется періодическое распредѣленіе пахотной земли. «Каждый ремесленникъ изъ крестьянъ,—говоритъ Мэнъ,—хотя бы и перенесшій свою дѣятельность въ какое-либо другое мѣсто, работаетъ тамъ къ общей выгодѣ своихъ односельчанъ». Почтенный профессоръ, очевидно, не зналъ, что у насъ существуетъ для крестьянъ насильственная приписка къ обществу, какъ къ административно-фискальному учрежденію, и что крестьянинъ былъ отвѣтствененъ по круговой порукѣ за общественныя недоимки. Тогда бы онъ зналъ, что крестьянинъ не благословляетъ, а проклинаетъ и свое «происхожденіе отъ общихъ предковъ», и свою вынужденную работу «къ общей выгодѣ своихъ односельчанъ».

Относительно хозяйственнаго быта русскихъ крестьянъ г. Краинскій выступаетъ съ защитой того тезиса, что «земельная община не представляетъ собою не только ничего самобытнаго, оригинальнаго, но является совершенно опредѣленной формой землевладѣнія, которая была свойственна всѣмъ европейскимъ народамъ со времени ихъ перехода отъ скотоводства къ земледѣлію» (с. 21). Для уясненія этого авторъ излагаетъ исторію крестьянскаго общиннаго землевладѣнія въ Западной Европѣ, отмѣчаетъ его особенности въ

разныя времена у разныхъ народовъ и обрисовываетъ эволюцію свободнаго крестьянскаго хозяйства въ связи съ возникновеніемъ новыхъ общественныхъ учрежденій, замѣнившихъ собою феодальныя отношенія. Засимъ идетъ описаніе поземельныхъ ассоціацій въ формѣ коммунистической общины, долженствующей, по идеѣ создавшихъ ее Р. Оуэна и др., послужить къ освобожденію народныхъ массъ отъ того гнета, который создавался развитіемъ промышленности и торговли на началахъ свободной конкуренціи. Переходя къ коопераціи, авторъ отмѣчаетъ громадное значеніе ея для сельскаго хозяйства и сообщаетъ рядъ данныхъ о поразительныхъ успѣхахъ ея въ западно-европейскихъ государствахъ. Въ Даніи, напримѣръ, благодаря кооперативному устройству молочныхъ фермъ, производство молочныхъ продуктовъ достигло колоссальнаго развитія: съ 1881 г. по 1898 г. производство масла увеличилось почти вдвое, хотя число дойныхъ коровъ возросло лишь на 15⁰/₀. Достигнуто это благодаря примѣненію въ товарищескихъ молочныхъ усовершенствованныхъ приборовъ и улучшенію породы скота. Въ Германіи по декабрь 1905 г. насчитывается 25.000 сельско-хозяйственныхъ и кредитныхъ товариществъ, такъ что, по отзыву проф. Гольца, «среди крестьянъ въ настоящее время въ Германіи не существуетъ ни одного, который, если и не состоитъ самъ членомъ товарищества, не пользовался бы, въ томъ или иномъ отношеніи, услугами какого-либо сельско-хозяйственнаго товарищества» (94). Въ Англій въ настоящее время кооперація представляетъ собою огромный рынокъ сбыта, владѣетъ самостоятельно промышленными предприятиями и въ совокупности обнимаетъ собою $\frac{1}{5}$ часть населенія Англій. «Фабрики, заводы, цѣлый флотъ кораблей и оборотъ въ нѣсколько сотъ миліоновъ фунтовъ стерлинговъ—все это даетъ достаточное представленіе о размѣрахъ федералистической коопераціи въ Англій» (с. 51).

Иначе все это дѣло обстоитъ у насъ въ Россіи. У насъ—справедливо замѣчаетъ авторъ—нѣтъ и признаковъ кооперативнаго движенія среди крестьянъ. У насъ хозяйственная жизнь и общественный бытъ не вышли еще изъ-подъ опеки интеллигентной части общества, которая изобрѣтаетъ непремѣнно двѣ разные мѣрки: одну—для себя, другую—для народа. «Для себя—частное землевладѣніе, для народа—земельная община; для себя—гражданская свобода, для народа—самоуправленіе неграмотной, косной массы и т. д.» (с. 76). Уничтоженіе общиннаго землевладѣнія г. Краинскій считаетъ насущной демократической реформой настоящаго момента, но не скрываетъ и того, что, повидимому, «наше законодательство о раздѣлѣ общинныхъ земель ожидаетъ та же судьба, которая постигла германскіе и австрійскіе законы, изданные лишь на бумагѣ» (с. 142).

Исслѣдованіе г. Краинскаго представляетъ большой интересъ, особенно въ настоящее время, когда аграрный вопросъ самой жизнью выдвинутъ на первый планъ и заслонилъ собою, вѣроятно, надолго всѣ другіе общественные вопросы. Въ заслугу автора нужно поставить то, что онъ смотритъ на вещи трезво, не смягчая уродливостей, и ищетъ только истины, не жертвуя ею для какой-либо предвзятой теоріи. Выводы ставятся смѣло, даже рѣзко, положенія свои авторъ обосновываетъ на трудахъ солидныхъ представите-

лей социальныхъ наукъ и отгораживаетъ себя отъ «теорій уличнаго социализма». Можно поставить въ вину г. Краинскому, что онъ иногда высказываетъ и спорныя положенія, не пытаясь обстоятельно ихъ обосновать, за всёмъ тѣмъ по оригинальности мысли и точности изложенія трудъ этотъ заслуживаетъ полнаго вниманія.

К. Х.

Записки восточнаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества, издаваемые подъ редакціею управляющаго отдѣленіемъ барона В. Р. Розена. Томъ XVII. Выпускъ IV (последній) съ приложеніемъ двухъ таблицъ. Спб. 1907.

Выпускъ этого интереснаго, тщательно изданнаго сборника приуроченъ къ открытію ученой дѣятельности русскаго археологическаго общества осенью текущаго года. Матеріаломъ для сборника послужили статьи нашихъ извѣстныхъ востоковѣдовъ П. М. Меліоранскаго, К. И. Иностранцева, В. В. Бартольда, Н. И. Веселовскаго и др. Изучая Востокъ, ориенталисты часто освѣщаютъ въ своихъ изслѣдованіяхъ темныя и загадочныя до сихъ поръ факты изъ исторіи нашего отечества. Такова статья покойнаго проф. Спб. университета П. М. Меліоранскаго: «Что такое басма золотоордынскихъ пословъ хана Ахмата». Загадочный предметъ «басма», оплеченная, изломанная и потоптанная царемъ Иваномъ Васильевичемъ III, служила давно уже темою для многихъ изслѣдователей русскоѣ старины, но къ удовлетворительному рѣшенію этого вопроса ученые до сихъ поръ не пришли. Авторъ, изслѣдовавъ вопросъ со стороны языка и основываясь на обычаяхъ того времени, пришелъ къ заключенію, что басма была булла, т. е. особаго рода печать въ видѣ шара или диска, съ изображеніемъ лица или, можетъ быть, всей фигуры хана, и закрѣпленная грамоту хана на имя русскаго царя. Обычай скрѣплять буллою грамоту заимствованъ былъ Золотою ордою, по мнѣнію автора, изъ Византіи, которая имѣла на орду несомнѣнное культурное вліяніе. По обычаю повелителей орды и другихъ властителей Востока, грамоты писались на листахъ бумаги, величина которыхъ соразмѣрялась съ достоинствомъ тѣхъ лицъ, между которыми велась переписка. Могущественымъ монархамъ и даже сильнымъ вассаламъ писали иногда на огромныхъ листахъ, напр., Тимуръ написалъ одному египетскому султану грамоту въ 70 локтей длины. Наверху, въ видѣ заголовка, выводилась обыкновенно золотомъ или киноварью монограмма изъ имени и титула хана съ присоединеніемъ какой-либо благожелательной формулы. Затѣмъ слѣдовалъ текстъ грамоты (ярлыка), при чемъ на первой строчкѣ оставлялось пустое мѣсто для печати справа, на второй строчкѣ — слѣва и т. д. На этихъ мѣстахъ выдавливались также часто золотомъ или киноварью печати, носившія названіе «тамга». (Откуда «таможня»). Затѣмъ грамота свертывалась и укладывалась въ особый ящикъ или футляръ, который обвязывался особымъ шнуромъ, и концы этого шнура скрѣплены были другъ съ другомъ особою печатью, въ видѣ шара или диска, которая на Западѣ и въ Византіи и носила названіе буллы. Извѣстно, что золотыя буллы употреблялись и константинопольскими султанами еще въ XVI вѣкѣ. Въ настоящце

время для буллъ употребляютъ исключительно красный воскъ. Письма султановъ, великихъ визирей и главныхъ сановниковъ вкладываются въ парчевыя мѣшки и каждый мѣшокъ снабжается отдѣльною буллою, что касается величины буллъ-басмъ хана Ахмата, то онѣ вполне могли доходить до 12-ти и даже 15-ти сантиметровъ въ діаметрѣ, а можетъ быть, были и еще больше, такъ какъ въ исторіи турецкихъ заимствованій и подражаній въ разныхъ областяхъ культуры и литературы наблюдается нерѣдко тенденція къ утрировкѣ. Византійскія же печати достигали 6 сантиметровъ въ діаметрѣ. Жамцароновымъ, собиравшимъ въ 1903 г. по порученію академіи наукъ, въ качествѣ матеріаловъ къ изученію литературы монгольскихъ племенъ, образцы народной литературы бурятъ, помѣщены въ «Запискахъ» наиболее характерныя поговорки, пожеланія и загадки, рисующія обычаи и нравы этого племени. Любопытно отношеніе бурятъ къ своимъ жрецамъ-шаманамъ: «худшій изъ людей дѣлается шаманомъ», говоритъ одна изъ бурятскихъ пословицъ. Шаманы уже болѣе не удовлетворяютъ религіознымъ требованіямъ бурятъ-шаманистовъ, и они, хотя и продолжаютъ пользоваться услугами шамановъ, но уже не имѣютъ къ нимъ прежняго уваженія и благоговѣнія. Шаманство у бурятъ въ полномъ упадкѣ, и шаманисты или принимаютъ православіе, или негласно переходятъ въ буддизмъ. «Три противные» (нѣнадежныя), «три милые» (надежныя), говоритъ другая бурятская пословица, подразумѣвая подъ первыми коня, женщину и огонь. Конь—собьетъ, женщина—измѣнитъ, огонь—сожжетъ. Вѣрными и надежными товарищами бурятъ считаетъ родного сына, друга и собаку. Любопытный обычай отмѣчаетъ одно изъ пожеланій: «свой тоненькій бѣлый шнуръ доведи до конца жизни, свой высокій бѣлый шнуръ доведи до года». Когда у бурята родится ребенокъ, входъ въ его юрту огораживается веревкой изъ бѣлой овечьей шерсти, натянутой четырехугольникомъ на кольяхъ. Ограда эта, препятствующая входу въ юрту постороннимъ, снимается только тогда, когда ребенку минуетъ годъ. Смыслъ веревки является символомъ долговѣчности—оградой отъ покушенія извнѣ. Статья В. В. Бартольда освѣщаетъ нѣсколько изъ новыхъ источниковъ исторію арабскихъ завоеваній въ Средней Азіи. До сихъ поръ матеріаломъ служили исключительно арабскіе источники. Между тѣмъ авторъ нашелъ, что въ китайской энциклопедіи начала XI вѣка содержатся письма средне-азиатскихъ владѣтелей къ китайскому императору, съ просьбой о помощи противъ арабовъ. Между этими письмами особенный интересъ представляетъ письмо самаркандекаго владѣтеля Гурека. Извѣстіе это относится ко взятію арабами Самарканда осенью 712 г. Въ письмѣ своемъ Гурекъ сообщаетъ, что уже 35 лѣтъ, какъ ему и другимъ средне-азиатскимъ владѣтелямъ приходится сражаться съ арабами; 6 лѣтъ ему Гуреку выпало на долю защищаться отъ эмира Кутейбы. Арабы уже осадили городъ, поставивъ 300 стѣннотныхъ машинъ и вырывъ большія траншеи. Гурекъ просилъ для защиты китайскихъ солдатъ, утѣшая себя мыслью, что, по преданію, могущество арабовъ должно было окончиться именно въ томъ году (въ 100-мъ году хиджры). П. С. Поповымъ изложено содержаніе любопытнаго юридическаго памятника: уложенія монгольской династіи Юань-чао-дьянь-чжанъ, въ связи съ «ясами» Чингисъ-хана, пред-

ставляющими первоосновы монгольского законодательства. Проф. Иностранцевымъ приводятся, на основаніи арабскихъ источниковъ, нѣкоторыя историческія данныя о происхожденіи такъ называемаго тѣневаго театра съ плоскими фигурами «китайскихъ тѣней». Въ сборникѣ помѣщена статья того же автора о туркестанскихъ оссуаріяхъ—глиняныхъ гробахъ-костехранилищахъ. Статья эта вызвала два помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ замѣчанія проф. Н. И. Веселовскаго, впервые, во время поѣздки въ Самаркандъ въ 1885 г., открывшаго существованіе оссуаріевъ.

Изъ небольшихъ сообщеній нельзя не отмѣтить статьи П. С. Попова «О запрещеніи приношенія людей въ жертву духамъ». Основываясь на изслѣдованіи одного изъ китайскихъ законодательныхъ памятниковъ, авторъ свидѣтельствуетъ о существованіи въ Китаѣ въ XIII вѣкѣ обычая приношенія людей въ жертву духамъ. Правительство Китая боролось съ этимъ, издавъ для провинціи Шань-нань-ху-бэй слѣдующее распоряженіе, строжайше воспрещающее: 1) живописцамъ рисовать изображенія какихъ бы то ни было злыхъ духовъ; 2) простолюдинамъ совершать незаконныя жертвы и моленія, а чародѣямъ (шаманамъ) чествовать чудовищныхъ духовъ. Нарушителей же ловить, предавать суду и подвергать законному наказанію, т. е. рѣзанію на куски, съ конфискаціей имущества виновныхъ и ссылкой ихъ родственниковъ на отдаленную границу. В. В. Бартольдъ приводитъ справку объ Абу-Михнафѣ, одномъ изъ древнихъ арабскихъ авторовъ. Въ другой своей замѣткѣ авторъ сообщаетъ о любопытномъ явленіи: въ сѣверныхъ долинахъ города Нань-шань, на границѣ Тибета, у племени Хара-егуровъ, сохранилась до нашего времени система счисленія орхонскихъ надписей и уйгурскихъ документовъ, не встрѣчавшаяся до сихъ поръ не только въ какихъ-либо живыхъ нарѣчіяхъ, но даже и ни въ какихъ литературныхъ памятникахъ позже XI столѣтія. Кромѣ указанныхъ матеріаловъ, въ сборникѣ помѣщены: замѣтка А. Калмыкова историко-географическаго характера о гор. Сагсабадѣ, съ замѣчаніями В. В. Бартольда, и сообщеніе А. Иванова «Официальные документы династіи Юань на китайскомъ языкѣ». Въ «Запискахъ» помѣщены также протоколы засѣданій отдѣленія за 1906 г.

А. Мионовъ.

Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ Владимирской губерніи. Съ указаніемъ важнѣйшихъ документовъ, находящихся въ дѣлахъ о дворянствѣ разныхъ фамилій архива владимирскаго дворянскаго депутатскаго собранія. Составилъ секретарь М. И. Трегубовъ, подъ редакцію и съ предисловіемъ А. В. Селиванова. Владимиръ губ., 1906. Приложение IV къ кн.

VIII Трудовъ владимирской ученой архивной комиссіи.

Подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ встрѣчаемъ простой перечень дворянскихъ фамилій Владимирской губерніи, изъ которыхъ большинство, свыше 1500, утверждены въ потомственномъ дворянствѣ герольдіей правительствующаго сената; остальные же фамиліи, около 380, оставлены безъ утвержденія, по разнымъ причинамъ, или герольдіей, или даже самимъ владимирскимъ дво-

рянскимъ собраніемъ. Перечень этотъ построенъ такъ: приведена фамилія во множественномъ числѣ, рядомъ съ ней № архивнаго дѣла, далѣе римской цифрой обозначена часть родословной книги, въ которую внесены дворянскій родъ, и годъ первоначальнаго утвержденія фамиліи дворянскимъ собраніемъ. Затѣмъ подѣ фамиліей (впрочемъ, не всюду) сдѣланы указанія, съ сокращеніями, документовъ, на основаніи которыхъ утверждёнъ родъ, большею частью одного указа объ отставкѣ или послужнаго списка. При родахъ, внесенныхъ въ VI часть, встрѣчаются иногда указанія и на помѣстные акты и грамоты, съ приведеніемъ всюду, конечно, именъ лицъ, пожалованныхъ или служившихъ.

Необходимость въ родословныхъ губернскихъ спискахъ дворянъ ощущается давно и въ дѣлопроизводствѣ департамента герольдіи и при генеалогическихъ разысканіяхъ. Но подобнымъ образомъ составленные списки не удовлетворяютъ никого: ни герольдійскихъ чиновниковъ, ни генеалоговъ. Первые имѣютъ въ своемъ распоряженіи писанные алфавиты, гдѣ рядомъ съ фамиліей отмѣчены губернія и годы утвержденія и даже дальнѣйшихъ соприсчисленій. Имъ недостаетъ только годовъ соприсчисленій по великорусскимъ и малорусскимъ губерніямъ именно тѣхъ лицъ, которыя вносятся въ дворянскія книги самими депутатскими собраніями, разъ эти лица родились послѣ основнаго герольдійскаго утвержденія рода. А этого-то какъ разъ и не имѣется въ разсматриваемомъ спискѣ. Что же касается изыскателей, то имъ прежде всего нужна родословная рода, съ отмѣтками сенатскихъ указовъ объ утвержденіи рода и съ соприсчисляющими опредѣленіями дворянскаго собранія. Ни того, ни другаго здѣсь они не найдутъ. Обращаясь затѣмъ къ «указаніямъ важнѣйшихъ документовъ», мы должны сказать, что и они имѣютъ случайный характеръ и мало удовлетворяютъ любопытствующихъ. Такъ, напр., при упоминаніи о родахъ: Васильчиковы, Вечесловы, Вильги, Гвоздевы, Зайцевы, Карѣевы и мн. др., сдѣланы указанія лишь на одинъ какой-либо послужной списокъ около половины XIX столѣтія, между тѣмъ какъ всѣ эти роды внесены въ VI часть родословной книги на основаніи владѣльческихъ документовъ XVII и XVIII вв.

Наконецъ встрѣчаются неточности и въ сообщаемыхъ годахъ утвержденія рода дворянскимъ собраніемъ. Напр., на стр. 103 при фамиліи «Лабутины», д. № 703, приведенъ 1872 г., а на самомъ дѣлѣ опредѣленіе владимирскаго дворянскаго депутатскаго собранія состоялось 5 октября 1873 года (ср. Архивъ департамента герольдіи, дѣло Лабутиныхъ подѣ 1873 г.). На той же страницѣ читаемъ: «Лавровы, д. № 705. III (1836 г.)», между тѣмъ опредѣленіе дворянскаго собранія объ утвержденіи этого именно рода состоялось 25 апрѣля 1830 г., а въ 1836 г. никакого опредѣленія и не было. Точно также и на слѣдующей стр. 104 по отношенію къ роду другихъ Лавровыхъ неправильно приведенъ 1887 годъ вмѣсто 1889 г. Приводятся затѣмъ составителемъ въ первомъ отдѣлѣ, вопреки заявленію его въ предисловіи, роды, не утвержденные герольдией; напр., «Каншины. Д. № 555. III. (1888 г.)», «Карповы. Д. № 561. III. (1881)» и др. Можно было бы привести еще цѣлый рядъ подобныхъ промаховъ, но и этого довольно, чтобы признать взданіе подобнаго «Списка дворянскихъ фамилій» мало пригоднымъ, тѣмъ болѣе, когда извѣстно, что владимирское дворянское депутатское собраніе, потратившее значительныя денеж-

ныя средства для приведенія своего архива въ дѣйствительно образцовый порядокъ, могло бы издать образцово и родословную книгу владимирскихъ дворянъ, а не пристегивать безсодержательный «списокъ» къ «Трудамъ» ученой архивной комиссиі.

В. Рудаковъ.

Н. Котляревскій. Старинные портреты. Спб. 1907.

Книжку г. Котляревскаго составляютъ нѣсколько очерковъ, напечатанныхъ уже ранѣе въ журналахъ. Нося характеръ журнальныхъ статей, очерки не представляютъ особенной цѣнности, но тѣмъ не менѣе не лишены извѣстнаго интереса, такъ какъ посвящены, главнымъ образомъ, такимъ писателямъ, которые, несмотря на талантъ и заслуги предъ нашей литературой, не только мало извѣстны широкой публикѣ, но и недостаточно оцѣнены историками литературы.

Первые очерки посвящены авторомъ такъ называемымъ сверстникамъ Пушкина—Е. А. Баратынскому, Д. В. Веневитинову и кн. В. Ѳ. Одоевскому, литература о которыхъ весьма незначительна. Не говоря чего-либо особенно новаго, г. Котляревскій далъ довольно яркія характеристики ихъ творчества и историко-литературнаго значенія. Наибольшій интересъ вызываетъ попытка г. Котляревскаго разобраться въ творествѣ гр. А. Толстого ввиду того, что, несмотря на крупный талантъ, его поэзія изучена крайне мало. Поэту авторъ посвятилъ четыре очерка. Въ первомъ г. Котляревскій даетъ общее опредѣленіе творчества А. Толстого, во второмъ разсматриваетъ историческіе мотивы въ его произведеніяхъ, въ третьемъ—драматическія произведенія и въ четвертомъ характеризуетъ его, какъ сатирика. Эти статьи, представляя интересъ, какъ попытка оцѣнки творчества гр. А. Толстого, на нашъ взглядъ, не могутъ быть признаны работами, окончательно установившими точку зрѣнія на его литературную дѣятельность. Главное положеніе автора, что гр. А. Толстой является однимъ изъ «типичнѣйшихъ романтиковъ, когда-либо жившихъ», повимая романтизмъ, какъ настроеніе, а также и рядъ другихъ выводовъ, мы полагаемъ, вызоветъ возраженіе другихъ изслѣдователей, такъ какъ вполне возможно держаться и иныхъ взглядовъ на творчества и значеніе литературной дѣятельности поэта, чѣмъ тѣ, которыхъ держится г. Котляревскій. Вообще говоря, статьи г. Котляревскаго о гр. А. Толстомъ лишь попытка разобраться въ вопросѣ, и поэтъ еще ждетъ своего изслѣдователя. Довольно интересна также статья о драматическихъ произведеніяхъ Тургенева, хотя общая оцѣнка ихъ представляется намъ слишкомъ высокою.

Кромѣ упомянутыхъ статей, въ книгѣ помѣщенъ очеркъ о Бѣлинскомъ, въ которомъ авторъ весьма обстоятельно обрисовалъ, подъ вліяніемъ какихъ воздѣйствій слагалось міросозерцаніе критика, какъ оно окончательно выработалось и въ чемъ заключается его значеніе въ исторіи развитія русской мысли и литературы. Наконецъ, въ видѣ приложенія находятся въ книгѣ воспоминанія о недавно умершемъ философѣ В. П. Преображенскомъ, имя

котораго почти неизвѣстно нашему обществу. По мнѣнію г. Котляревскаго, В. П. Преображенскій могъ бы занять видное мѣсто среди русскихъ философовъ, если бы тому не воспрепятствовали жизненные обстоятельства.

А. Ф.

Д. Д. Языковъ. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ. Десятый выпускъ. М. 1907.

Постояннымъ читателямъ «Историческаго Вѣстника» названный трудъ Д. Д. Языкова хорошо извѣстенъ, такъ какъ первые шесть выпусковъ его «Обзора жизни и трудовъ» (т. е. русскіе писатели, умершіе въ 1881—86 годахъ) были напечатаны какъ приложение къ журналу за 1884—89 года.

Въ вышедшій десятый выпускъ обзора Д. Д. Языкова вошли русскіе писатели и писательницы, умершіе въ 1890 году. Въ этомъ выпускѣ, какъ и въ первыхъ 9-ти, писатели расположены въ алфавитномъ порядкѣ, даются краткія біографическія свѣдѣнія, затѣмъ болѣе или менѣе полный списокъ печатныхъ трудовъ, не только вышедшихъ отдѣльными изданіями, но и помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ, и наконецъ въ примѣчаніяхъ библиографическій указатель литературы о данномъ писателѣ.

Всѣмъ любителямъ русской библиографіи давно извѣстно, какой полнотой отличаются «Обзоры» Д. Д. Языкова. Этотъ трудъ является, конечно, однимъ изъ необходимыхъ справочниковъ для любителей книгъ, любителей русской словесности.

Ждемъ съ нетерпѣніемъ выхода въ свѣтъ слѣдующаго выпуска.

П. Д.

Историческая записка объ управленіи Кавказомъ. Т. I и II. Составилъ редакторъ военно-историческаго отдѣла окружнаго штаба Семень Эсадзе. Тифлисъ. 1907.

Авторъ двухтомнаго труда «Историческая записка объ управленіи Кавказомъ», С. Эсадзе, поставилъ себѣ задачей изложить постепенное развитіе гражданскаго управленія Кавказомъ со времени присоединенія Грузіи къ Россіи до намѣстничества великаго князя Михаила Николаевича. Трудъ его составленъ по матеріаламъ слѣдующихъ архивовъ: канцелярія намѣстника, военно-народнаго управленія, сословно-поземельной комиссіи и штаба кавказскаго военнаго округа. Жаль, что г. Эсадзе не привлекъ документы, хранящіеся въ столичныхъ архивахъ и въ архивахъ провинціальныхъ городовъ Кавказа: Темиръ-Ханъ-Шуры, Кутаиса, Владикавказа и др. Печатными пособиями онъ пользовался очень умѣренно (всего намъ удалось насчитать до 19 названій), при томъ обойдены молчаніемъ такія работы, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ затронутымъ имъ вопросамъ. Значеніе его труда заключается въ томъ, что опубликованъ въ извлеченіяхъ рядъ такихъ архивныхъ документовъ (записокъ, очерковъ, дѣлъ, свѣдѣній, писемъ и пр.), о которыхъ въ печати имѣлись крайне отрывочныя намеки. Располагая бога-

тымъ запасомъ сырыхъ матеріаловъ, онъ далъ связанное описаніе исторіи гражданскаго управленія на Кавказѣ за XIX в. или вѣрнѣе до 1881 г. Документы, непосредственно извлеченные изъ архивовъ и касающіеся намѣстничества великаго князя Михаила Николаевича, имѣютъ первостепенное значеніе, ибо матеріалы, помѣщенные въ 12 томахъ Актовъ кавказской археографической комиссіи, пока доведены до намѣстничества князя Барятинскаго. Авторъ воздерживается отъ всякихъ освѣщеній и выводовъ, заставляетъ говорить официальные документы о русскомъ гражданскомъ управленіи на Кавказѣ, постепенномъ инкорпорированіи въ составъ имперіи различныхъ племенъ съ ихъ пестрой амальгамой формъ правленія, языковъ, вѣрованій, культурнаго развитія. Его труду суждено пополнить существенный пробѣлъ въ исторической литературѣ на Кавказѣ. Г-нъ Эсадзе посвящаетъ свою работу намѣстнику кавказскому, графу Воронцову-Дашкову.

А. Хах—овъ.

Краткое описаніе рукописей церковно-историческаго древле-хранилища при братствѣ св. бл. вел. кн. Александра Невскаго. Выпускъ I. Владимиръ. 1906. Приложение II къ кн. VIII Трудовъ владимирской ученой архивной комиссіи.

Составитель вышеназваннаго «описанія» С. Ив. Недешевъ, какъ признается и въ своемъ предисловіи, имѣлъ въ виду лишь «разсмотрѣніе каждой рукописи, главнымъ образомъ, со стороны ея содержанія, чтобы всякій интересующійся извѣстной книгой зналъ, каковъ составъ этой книги, какія статьи въ ней находятся и въ какомъ порядкѣ онѣ расположены». Ни филологическія, ни палеографическія изысканія въ его задачу не входили. Описанныя имъ 161 рукопись распределены по четыремъ отдѣламъ: 1) священное писаніе и толкованіе его (здѣсь находимъ три «Евангелія», относящіяся къ XV вѣку), 2) творенія св. отцовъ и учителей церкви, 3) богослужебныя книги и 4) патерики и житія святыхъ. Большинство рукописей относится къ XVI и XVII вѣкамъ. Всего же—говоритъ С. И. Недешевъ,—рукописное собраніе церковно-историческаго древлехранилища при братствѣ св. Александра Невскаго заключаетъ въ себѣ 312 рукописей. Началомъ этого собранія послужили рукописи, поступившія въ древлехранилище изъ Братской бібліотеки. Затѣмъ отдѣлъ рукописей значительно пополнился рукописными книгами, которыя были присланы изъ монастырей: Суздальскаго Спасо-Евфиміева, Успенскаго женскаго въ г. Александровѣ, Покровскаго женскаго въ г. Суздаль, Вязниковскаго Благовѣщенскаго, Владимирскаго Рождественскаго, Флоренцевой пустыни и Суздальскаго Рождество-Богородицкаго собора.

По содержанію, кромѣ указанныхъ выше четырехъ отдѣловъ, остальные рукописи, предназначенныя составителемъ для втораго выпуска «Описанія», носятъ характеръ историческихъ сборниковъ, догматико-полемиическихъ и нравоучительныхъ книгъ и проч. и, несомнѣнно, придадутъ «Описанію» наибольшій интересъ. Остается только пожелать скорѣйшаго появленія въ свѣтъ этого втораго выпуска.

В. Р—въ.

Dr. Konstanty Wojciechowski. Zwięzły podręcznik historyi literatury polskiej. Wydanie drugie przerobione. Львовъ. 1906.

Знакомить широкой кругъ русскихъ читателей съ исторіей, географіей или литературой славянскихъ народовъ лучше всего путемъ переводовъ хорошихъ учебниковъ. Сжатость, опредѣленность, отсутствіе второстепенныхъ фактовъ и полемики, извѣстная стройность всей архитектуроники—тѣ черты, которыми долженъ отличаться хороший учебникъ,—составятъ безусловное достоинство въ небольшой книжкѣ, которая даетъ общія свѣдѣнія по исторіи, литературѣ, географіи и другимъ отдѣламъ славяновѣдѣнія. Вотъ почему въ обзорахъ новостей славянскаго книжнаго рынка мы нерѣдко останавливаемся на руководствахъ и пособияхъ, имѣя въ виду широкий кругъ русскихъ читателей. Таково «Краткое руководство по исторіи польской литературы» львовскаго педагога К. Войцеховскаго. Хорошо и сравнительно полно представлены у него древніе періоды, слабѣе и случайно — новый отдѣлъ, послѣ возстанія 1863 года, причемъ изъ массы писателей авторъ говоритъ только объ Амынѣ, Сенкевичѣ и Гловацкомъ (Болеславъ Прусъ). Войцеховскій говоритъ, что послѣ этого года литература рѣшительно преобразилась какъ подъ влияніемъ хода внутреннихъ событій, такъ и тѣхъ лозунговъ, которые передались въ Галицію изъ-за границы. «Возстаніе 1863 года, начатое въ неподходящій моментъ и безъ достаточной организаціи, закончившееся къ тому же такимъ ужаснымъ поражениемъ, показало, что мессіанская Польша не сойдетъ на землю изъ области мечтаній безъ «доброй воли нашей»; что «безъ насъ самихъ Богъ насъ не спасетъ». Отважно заглянувъ въ глаза дѣйствительности, поляки поняли, что завоеванію народной независимости должно предшествовать внутреннее возрожденіе общества; что необходимъ долгій и упорный трудъ надъ выработкой въ себѣ твердой воли, надъ углубленіемъ и расширеніемъ просвѣщенія, надъ увеличеніемъ матеріальныхъ сбереженій общества. И послѣ 1863 года начинается во всѣхъ областяхъ кипучая дѣятельность, которая немедленно дала видимые результаты. Выработкѣ этого «трезваго» міросозерцанія въ значительной степени способствовала перенесенная къ намъ изъ-за границы такъ называемая позитивная философія, гласящая, что познается лишь то, что возможно провѣрить разумомъ или постичь счисленіемъ. Не удивительно, что вмѣстѣ съ такой перемѣной особенное развитіе получила проза, а голосъ поэзіи на нѣкоторое время замолкъ. Условія развитія литературы въ Польшѣ послѣ 1863 года не были особенно благоприятны. Правда, въ Галиціи и въ земляхъ, отошедшихъ къ Пруссіи, существуютъ конституціонныя установленія, но гражданскими свободами мы пользуемся въ сущности только въ Галиціи, а подъ прусскимъ управленіемъ въ теченіе многихъ лѣтъ продолжается почти безпримѣрное, гнусное издѣвательство цивилизованныхъ господъ надъ польскимъ элементомъ; правительство пользуется самыми безнравственными средствами, чтобы отнять у насъ землю и родной языкъ. Въ Россіи также въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій абсолютизмъ держался «монгольской политики» униженія и коверканья народнаго духа, сковывая цензурой всякую свободную мысль. Польскія школы существуютъ только въ Галиціи, а въ

Пруссія и Россія школы служатъ цѣлямъ германизациі и руссификаціи. Свобода собраній въ Галиціи вызвала къ жизни много научныхъ обществъ, а во главѣ ихъ стоитъ высшій институтъ—академія наукъ въ Краковѣ (основана въ 1873 г.). Въ Россіи нельзя (?) основывать общества, въ Пруссіи проявляетъ дѣятельность только «Товарищество друзей наукъ». Какія перемены и инесетъ данная въ Россіи (1905) конституція, трудно сейчасъ предвидѣть. Вѣрно лишь то, что народный духъ, несмотря на репрессіи, ни въ одномъ изъ этихъ государствъ не падаетъ, наоборотъ, въ послѣднее время видимо крѣпнеть».

Но опредѣлить характерныя особенности польской литературы послѣдняго періода авторъ отказывается, такъ какъ у него нѣтъ окончательной перспективы. Переводъ книжки К. Войцеховскаго былъ бы интересенъ для русскихъ читателей.

А. Я.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ раскопки въ Египтѣ.—Четыре года тому назадъ археологическое общество предприняло раскопки въ пустынь Сахарѣ, которыя подвигаются чрезвычайно медленно. Причиной тому—широко задуманный планъ не только извлечь изъ-подъ песку историческіе документы и предметы домашняго обихода, которые могли бы украшать музеи, но сохранить въ неприкосновенности открытыя мѣстности, предохранивъ ихъ въ будущемъ отъ песчаныхъ заносовъ, чтобы грядущія поколѣнія могли на мѣстѣ видѣть остатки прежней цивилизаціи. Особенно толстый слой песку лежитъ между греческимъ Серапеумомъ и пирамидою Тети на восточной окраинѣ плоскогорья, гдѣ именно, по нѣкоторымъ признакамъ, археологи надѣялись найти усыпальницу какого-нибудь фараона и потому рѣшили произвести въ этой мѣстности раскопки. О результатахъ этого предпріятія даетъ отчетъ ¹⁾ въ «Hebdo Débats» французскій археологъ Масперо.

По его словамъ, послѣ десятимѣсячной безплодной работы инспекторъ Квибель наконецъ увидѣлъ усыпальницы, ограбленныя древними ворами и перевернутыя вверхъ дномъ арабскими искателями сокровищъ. Здѣсь перемѣшались греческія, римскія, византійскія и коптскія гробницы, еще съ сохранившимися муміями и надписями; среди нихъ находится усыпальница фараона Марукереса, окруженная гробницами его придворныхъ.

Археологи начали свои изслѣдованія съ послѣднихъ гробницъ, далеко не отличающихся пышностью. Двое изъ придворныхъ покоятся въ довольно

¹⁾ Ce que les morts égyptiens faisaient des joujoux en bois qu'on trouve dans leurs tombeaux. Par G. Maspero «Hebdo Débats».

видной громадной бѣлой каменной «мастабѣ», сначала принадлежавшей другому покойнику, что видно по стилю постройки, относящемуся къ болѣе раннему времени, и захваченной ими, несмотря на проклятіе, которому предавались насильники надъ усыпальницами. Другіе придворные лежали просто въ колодцахъ и узкихъ погребкахъ, не украшенныхъ никакими картинами, легендами или стѣнными украшениями, кромѣ плиты въ видѣ фальшивой двери, на которой написаны ихъ имена, титулы и обычная молитва. Только на муміяхъ, по обыкновению, надѣты маски изъ золотна, обмазанныя гипсомъ и раскрашенныя для приданія имъ облика живого человѣка; но пелены невзрачны, изъ грубой ткани, зашпательны и небрежно завязаны. Муміи лежатъ чаще всего на лѣвомъ боку и ихъ затылки вложены въ деревянные или каменные подушки; сандалии, трость и оружіе лежатъ вдоль спины или бедеръ. Гробъ прямоугольный изъ сирійскаго или караманійскаго дерева, совершенно гладкій снаружи и безъ всякихъ надписей; на его лицевой сторонѣ—дверь, а надъ нею два открытые глаза, черезъ которые двойникъ слѣдилъ за происходившимъ извнѣ. Внутренняя сторона гроба украшена фигурами и религіозными текстами; предметы посмертнаго приданаго нарисованы въ ритуальномъ порядкѣ, а подъ ихъ перечнемъ курсивными іероглифами начертаны черными чернилами длинная молитва.

За нѣсколько вѣковъ предъ этой эпохой, въ царствованіе фараоновъ, построившихъ большія пирамиды, въ саркофагахъ рѣдко дѣлались надписи: ихъ помѣщали въ усыпальницахъ, которыя посѣщались публикою и гдѣ предки принимали своихъ потомковъ и жрецовъ своего культа. Въ этомъ случаѣ на стѣнахъ усыпальницъ рисовали картины домашней и земледѣльческой жизни покойника, всѣ моменты жертвоприношеній, перечисленіе приношеній и формулы. Однако вскорѣ фараоны V и VI династій ввели обычай украшать гробницы сначала не въ большомъ количествѣ, а затѣмъ въ изобиліи главами книгъ и даже цѣлыми книгами, чтеніе которыхъ приносило покойнику безпрерывно счастливое существованіе. Этотъ обычай перешелъ отъ фараоновъ къ высшему классу, отъ него къ среднему, а затѣмъ и ко всѣмъ бѣднымъ, желавшимъ, какъ и богатые, послѣ похоронъ не такъ скоро обратиться въ ничтожество, но которымъ не хватало средствъ воздвигнуть себѣ могилы, украшенныя изображеніями и предохранительными надписями. Тогда стали помѣщать все, что могло заключать въ себѣ силу чаръ, и личности, изображаемая на барельефахъ богатыхъ усыпальницъ, превратились въ деревянные раскрашенные куклы, группировавшихся на крышкѣ гроба, изображая цѣлыя сцены, какъ и на стѣнахъ старинныхъ склеповъ.

Для египетскихъ покойниковъ это были не простыя игрушки для саморазвлеченія въ иномъ мірѣ: для нихъ «тотъ свѣтъ» представлялся густой черной ночью, тяжелымъ, сплошнымъ «западнымъ мракомъ», гдѣ имъ предстояло дремать въ болѣзненно-скорбномъ полусознаніи, и развѣ только совершеніе священныхъ обрядовъ выказывало силу, какую ему приписывала религія. Послѣ смерти египтянина, его превращали въ мумію, которую спускали въ склепъ или клали въ гробъ и ставили его по срединѣ комнаты, лицомъ къ востоку; затѣмъ, шепча священные стихи, запечатывали крышку

гроба и возлѣ него клали лады, фигуры крестьянъ, приносящихъ дары, ремесленниковъ, музыкантовъ, рабовъ и домъ. Потомъ закладывали предъ дверью стѣну, чрезъ которую ни одно живое существо уже болѣе не проходило. Но для покойника жизнь могла продолжаться: жрецъ общалъ ему, повторялъ всю жизнь, что чудеса совершатся и онъ оживится, если будетъ вѣрить. Онъ достигнетъ того, что свѣтъ заглянетъ въ его гробъ, а деревянные раскрашенные фигуры примутъ естественные размѣры, въ нихъ войдетъ жизнь и покойникъ будетъ продолжать свое загробное существованіе въ прежней прижизненной обстановкѣ: ремесленники будутъ на него работать, крестьяне приносить жертвы, мясники убивать быковъ для его кушанья, поваръ жарить дичь. И разъ онъ добьется заклинательной молитвой первый разъ этого оживленія, оно будетъ длиться, и, благодаря силѣ формулы, каждое дѣйствіе будетъ безконечно возобновляться: быкъ будетъ возрождаться въ рукахъ мясниковъ, вино не изсякнетъ, также какъ и масло, влюбленные рабыни не будутъ старѣться. Это наслажденіе слишкомъ матеріально для покойниковъ, но бѣдный египетскій рабъ могъ добиться такого счастья только въ могилѣ: тамъ онъ обладалъ своимъ собственнымъ домомъ, полями, рабами и женщинами—это былъ для него идеалъ, и его осуществляли маленькія раскрашенные фигурки, которыя можно было приобрести самымъ бѣднымъ египтянамъ. Религія не требовала, чтобы эти предметы были артистической работы, и, на примѣръ, домъ состоялъ изъ четырехъ раскрашенныхъ дощечекъ, а фигуры могли имѣть слабое подобіе изображаемыхъ предметовъ.

Въ ритуалѣ погребенія постепенно происходила эволюція: въ первые года цивилизаціи только богачи могли разсчитывать на будущее загробное существованіе. Тогда двойника сопровождали на тотъ свѣтъ не деревянные фигурки, а живыя существа; для этого умерщвляли женщинъ, рабовъ и животныхъ. Но въ послѣдствіи наслѣдники богачей нашли, что это слишкомъ дорого, и замѣнили живыхъ существъ каменными статуями, изображавшими покойниковъ при исполненіи ихъ прижизненныхъ занятій: булочника съ квашней, плакальницу расцарапывающей себѣ лицо или бьющей себя по лбу и т. д. Это было дешевле, но все-таки заказывать скульптору такое множество фигурокъ не для всѣхъ благородныхъ египтянъ было доступно, поэтому они перешли къ барельефамъ и живописи, изображавшей цѣлыя сцены. Но и это оказалось не для всѣхъ доступнымъ, и такимъ образомъ появились деревянные фигурки. Однако во многихъ усыпальницахъ сохранились и барельефы, фигурки же въ свою очередь находились при гробѣ. Найденныя Квибелемъ фигурки не изъ самыхъ красивыхъ, но, по словамъ Масперо, онѣ забавны и разнообразны и могутъ заинтересовать не только современныхъ дѣтей, но даже взрослыхъ. Однако разсматривать ихъ надо осторожно: благодаря работѣ бѣлыхъ муравьевъ, кишящихъ въ Сахарѣ, ихъ состояніе довольно плачевное. Нѣкоторыя изъ нихъ такъ источены внутри этими насѣкомыми, что совершенно превращены въ порошокъ, и стоитъ дотронуться до нихъ пальцемъ, какъ онѣ обращаются въ пыль. Другія уцѣлѣли лишь на половину, а тѣ, что кажутся почти нетронутыми, обязаны своимъ прекраснымъ состояніемъ только воску, которымъ ихъ покрывали, чтобы придать крѣпости; однако Масперо не ручается, надолго ли онѣ сохранятся въ такомъ состояніи.

Изъ этихъ игрушекъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе буржуазное жилище пятьдесятъ вѣковъ тому назадъ. Оно отдѣляется отъ улицы низкой стѣной, въ углу которой находится дверь; почти квадратное огороженное пространство, ограниченное стѣной, раздѣляется на двѣ равныя части — маленький дворъ и сарай, настолько открытый спереди, что видно все происходящее въ немъ. Плоская крыша образуетъ террасу и поддерживается двумя деревянными колоннами съ капителями въ видѣ бутона лотуса. Сарай представляетъ складъ съ ямами въ глубинѣ; тамъ стоятъ большіе кувшины, а спереди нѣсколько сосудовъ для хлѣбнаго зерна, овса, вина, воды, масла. На дворѣ три человѣка убиваютъ быка: животное лежитъ на боку и въ то время, какъ одинъ изъ нихъ перерѣзываетъ ему горло, другой подставляетъ чашу для крови; возлѣ нихъ поварь, почти заслонивъ дверь, на короточкахъ жаритъ на жаровнѣ гуся. Одной рукою онъ мѣшаетъ дрова, а другою протягиваетъ надъ огнемъ воткнутую на вертелѣ птицу; у покойника, говоритъ Масpero, справляется праздникъ, но завтрака не приходится видѣть, а прямо предстоитъ перейти къ концерту, который всегда устраивался въ такихъ случаяхъ. Фигура мужчины сидитъ на чѣмъ-то похожемъ на тогдашнее сѣдалище; справа отъ него, немного впереди, помѣстилась на стулѣ молодая женщина; по обѣ стороны арфисты играютъ свои аріи; предъ группою на короточкахъ три музыканта поютъ и хлопаютъ въ ладони. Танцовщицы отсутствуютъ и ихъ, вѣроятно, найдутъ въ сосѣднихъ могилахъ, такъ какъ это изображенъ вечеръ, когда покойникъ удовольствовался пѣніемъ и музыкой.

Въ то время, какъ покойникъ дѣлаетъ все такъ, какъ бывало въ «счастливый день», его слуги работаютъ на него: столяры распиливаютъ бревна для его мебели, горшечники обжигаютъ его посуду; молодыя женщины проходятъ съ продуктами его посмертныхъ помѣстій, имѣя каждая сбоку по черно-волосому мальчику; для него же приготовлены двѣ барки для катанія на рѣкѣ и на одной уже поставлена мачта съ распущенными парусами, чтобы подняться по направленію «тихаго сѣвернаго вѣтра». На другой мачта не поднята, какъ бы для того, чтобы спуститься по теченію; матросы гребутъ по трое въ каждой. Эти находки чрезвычайно интересны и привлекутъ массы любопытныхъ.

Другая новинка въ области археологіи — небольшая брошюра археолога Гэе, о трудахъ котораго по раскопкамъ въ Антиноѣ мы помѣщали отчетъ. Въ ней почтенный археологъ разсматриваетъ вопросъ о культѣ Вакха въ Антиноѣ и касается одного пункта исторіи, до сихъ поръ еще не разъясненнаго.

Уже нѣкоторое время археологи занялись изслѣдованіемъ вопроса объ отношеніяхъ Греціи къ востоку и Египту и теперь пришли къ заключенію, что Греція вовсе не была герметически замкнутой отъ остальнаго цивилизованнаго міра. Напротивъ, между античной Греціей и другими цивилизованными странами того времени существовали значительный обмѣнъ мыслей и обоюдное вліяніе. Это видно изъ изслѣдованія о переходѣ легендъ, символовъ и мифовъ отъ народа къ народу. Одной изъ такихъ легендъ является исторія Вакха или, какъ его называли греки, — Вакхоса, а также

Діонисоса, которая съ самыхъ древнихъ временъ до эпохи христіанства перекочевывала отъ народа къ народу и преобразовывалась. Поэтому, прослѣдивъ путь этого великой божественной авантюры, можно узнать самыя знаменательныя анекдотическія откровенія первобытнаго вѣрованія. Гэйе посчастливилось найти въ Антиноѣ два документа, которые обѣщаютъ придать неожиданное освѣщеніе этой легендѣ.

Первый изъ нихъ представляетъ чрезвычайно любопытную живопись, съ очень характерными подробностями изображающую легенду о сынѣ Семелы и Зевса въ послѣдовательныхъ эпизодахъ изъ дѣтства Вакха: Семела, пораженная громовымъ ударомъ, рожденіе Вакха, за которымъ ухаживаетъ воинъ, и т. д. Вся нижняя часть картины наполнена композиціей, изображающей торжество Вакха, въ которомъ нѣтъ ничего общаго съ египетской оргіей: шествіе представлено здѣсь совсѣмъ иначе, какъ его изображалъ Еврипидъ. Самъ Діонисосъ представленъ не страшнымъ божествомъ, не ребенкомъ, но длиннокудрымъ юношей съ вѣнкомъ изъ плюща, который перелетается съ его кудрями, и въ длинной вышитой одеждѣ. Черты его лица нѣсколько женственны и напоминаютъ лицо Антиноя. Вообще въ его лицѣ нѣтъ страшнаго, безобразнаго выраженія, а скорѣе божественное. Въ центрѣ композиціи выдѣляется фигура Семелы, также изображенной молодою. Все дѣйствіе происходитъ главнымъ образомъ вокругъ нея, а не Вакха. Совершенно обнаженная, исключая рукъ, на которыя накинута вуаль, она пляшетъ съ тирсомъ въ рукахъ лидійскіе танцы, окруженная также пляшущими Ботреокарисомъ—виноградная гроздь, Ленеосомъ—виноградные тиски, Ойно—виномъ, и проч.

Второй найденный Гэйе предметъ—мумія. Въ маленькомъ сводчатомъ склепѣ онъ нашелъ гипсовый саркофагъ, покрытый на половину стертой живописью, относящейся къ культу Изиды. Надпись на гробницѣ гласитъ: «Діонизіяка великая царская наложница». Затѣмъ одно слово невозможно прочесть и навѣрно это ея имя, которое такимъ образомъ навсегда останется неизвѣстнымъ. Открывъ гробъ жрицы этого страннаго культа, Гэйе увидѣлъ женское тѣло богато разукрашенное; возлѣ него лежали тирсы классической вакханки, нарисованные на уже описанной картинѣ.

Отсюда Гэйе заключаетъ, что культъ Вакха былъ въ почетѣ въ городѣ Гадриана. Антиной, красавецъ вионскій пастухъ, сдѣлавшійся Озирисомъ, также былъ обожасемъ, какъ Вакхъ Антиной. Въ обрывкахъ фразъ можно еще прочесть имя Діонисоса. Какимъ образомъ произошла ассимиляція, Гэйе представляетъ разныя гипотезы.

— Кое-что о Шекспирѣ. — Въ то время, когда Л. Н. Толстой вздумалъ отнести отрицательно къ великому Шекспиру, въ Англійи вышла маленькая блестящая книга о «божественномъ Вильямѣ», а въ Америкѣ оригинальная статья о немъ же, по поводу его мастерскаго типа Калибана въ «Бурѣ». Первое литературное произведеніе ¹⁾ принадлежитъ профессору англійской литературы въ оксфордскомъ университетѣ Вальтеру Рэлею, а второе извѣстному англійскому писателю Сиднею Ли, который

¹⁾ Schakespeare. By Prof. Walter Raleigh. London. 1907.

печатаеть въ «Scribner's Magazine» длинную серію статей ¹⁾ «Призывъ Запада: Америка и Елизаветинская Англія» и въ послѣднемъ вумерѣ журнала помѣщаетъ оригинальную статью объ американскихъ индѣйцахъ во времена Елизаветы. Рэлей уже давно готовилъ свой небольшой очеркъ, который вполнѣ достоинъ занять мѣсто въ «Собраніи Англійскихъ Литераторовъ», издаваемомъ Джономъ Морлеемъ. Несмотря на свою относительную сжатость, сочинене Рэлей замѣчательно и отличается научностью, оригинальностью мыслей, прекраснымъ языкомъ и изящнымъ слогомъ: это не только простой біографическій этюдъ о Шекспирѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ опытъ критической оцѣнки его твореній. Конечно, Рэлей имѣеть въ виду читателей, хорошо знакомыхъ съ Шекспромъ, но его маленькая книжка, по мнѣнію всѣхъ лучшихъ англійскихъ критиковъ, одинъ изъ лучшихъ трудовъ, посвященныхъ твореніямъ автора «Гамлета». Особенно его біографическая часть заслуживаетъ перевода на всѣ языки; такъ какъ въ ней на двадцати страницахъ резюмировано все, что сказано о немъ въ продолженіе трехсотъ лѣтъ.

Вообще Рэлей правъ, говоря, что мы не имѣемъ никакого основанія жаловаться на недостатокъ біографическихъ свѣдѣній о Шекспирѣ. Конечно, подлинныхъ документовъ о немъ очень мало, но ихъ вполнѣ достаточно, чтобы представить всю его жизнь, насколько мы желаемъ ее знать. Къ этому надо прибавить многія преданія, которыя совершенно излишне отрицать, какъ дѣлають въкоторыя современные писатели съ цѣлью замѣнить ихъ своими собственными фантастическими гипотезами. Быть можетъ, это описаніе основныхъ чертъ жизни и твореній Шекспира составляетъ самую интересную часть книги Рэлей, но не менѣе любопытна и глава, посвященная «книжкамъ и поэзии», служившимъ Шекспиру источникомъ вдохновенія. Авторъ приводитъ всѣ книги, статьи и легенды, которыми руководствовался Шекспиръ въ своихъ безсмертныхъ твореніяхъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Шекспиръ зналъ сочиненія Монтеня въ переводѣ Флоріо, и что онъ заимствовалъ у этого великаго мыслителя скептической тонъ своихъ послѣднихъ произведеній. Напримѣръ, умъ Гамлета чрезвычайно сроденъ по идеямъ Монтеню, хотя англійскій поэтъ не приводитъ ни одной фразы, заимствованной у французскаго моралиста. «Мы, дѣйствительно, — говоритъ Рэлей, — не знаемъ ни одного мѣста въ драмахъ Шекспира, которое было бы заимствовано изъ Монтеня, кромѣ извѣстной фразы о дикаряхъ въ «Бурѣ», и то это заимствованіе доказываетъ сродство ихъ мыслей. Въ своей главѣ о «Людоѣдахъ» Монтень торжественно свидѣтельствуетъ о превосходствѣ дикаго состоянія, и Шекспиръ въ своей послѣдней трагедіи повторяеть то же описаніе республики среди дикихъ, но только смѣется надъ ними. Монтень въ своемъ сомнѣніи чувствуетъ себя довольнымъ, ликующимъ, какъ человекъ, задача котораго состоитъ въ томъ, чтобы выслѣживать наши человѣческія слабости и подвергать провѣркѣ цѣлую жизнь. Шекспиру, съ

¹⁾ The Call of the West: America and Elizabethan England. III. The American Indian in Elizabethan England. By Sidney Lee «Scribner's Magazine». September. 1907.

своей стороны, не удерживается отъ природной склонности къ анализу и сомнѣнію, но его умъ и сердце въ явной борьбѣ и въ концѣ концовъ его симпатіи на сторонѣ слабости, простоты, человѣческаго бѣдствія.

Шекспиръ еще писалъ свои драмы, когда въ Англію пріѣхали американскіе индѣйцы изъ Виргиніи, Гвіаны и Новой Англіи; со свойственной ему художественной чуткостью онъ тотчасъ понялъ, какую пользу для своихъ твореній онъ можетъ извлечь изъ этихъ дикарей. Въ концѣ жизни, когда его умственные силы достигли конечнаго развитія, онъ задумалъ создать типъ Калибана, взявъ за образецъ дикарей, которыхъ онъ самъ видѣлъ въ Лондонѣ. Его знаменитая пьеса «Буря» представляетъ подлинный документъ изъ первоначальной англо-американской исторіи. Конечно, содержаніе ея фантастическое, но основа чисто историческая и реальная: Калибанъ не составляетъ копіи живаго туземнаго американскаго индѣйца, но онъ художественный типъ дикаря. Сидней Ли чрезвычайно характерно описываетъ въ своей статьѣ, «какъ Шекспиръ, смотря на американскихъ дикарей, создалъ свой безсмертный типъ Калибана». Вообще его очеркъ способенъ возбуждать глубокий интересъ.

— Наполеоніана. — Наполеоновская литература все продолжаетъ развиваться и въ послѣднее время она обогатилась многими интересными трудами. Особенно французы и англичане обращаютъ свое вниманіе на разработку различныхъ эпохъ исторіи Наполеона. Прежде всего укажемъ на оригинальное сочиненіе англо-египтянина Гаджи-Абдулаха Брауна: «Бонапартъ въ Египтѣ и теперешніе египтяне»¹⁾. Этотъ англичанинъ, родившійся въ Ирландіи, давно перешелъ въ мусульманство и въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ жилъ въ Египтѣ, какъ истый мусульманинъ, но, не имѣя мусульманскихъ предрасудковъ и англійскихъ иллюзій, онъ, по его собственному объясненію въ предисловіи къ своей книгѣ, имѣетъ цѣлью примирить въ своемъ произведеніи англичанъ съ мусульманами Востока. Ея первую половину онъ посвящаетъ экспедиціи Наполеона въ Египетъ, при чемъ сравниваетъ мѣстные источники съ французскими патріотическими трудами. Во второй части онъ описываетъ современный Египетъ и увѣряетъ, что египтяне самый умѣренный, скромный и политическій народъ на Востокѣ и что онъ всего менѣе воинственный. Въ заключеніе Браунъ говоритъ, что египтяне, перенеся столько злоключеній по милости французовъ и англичанъ, способны сдѣлаться совершенно самостоятельнымъ, независимымъ народомъ.

Въ Парижѣ вышелъ на дняхъ второй и послѣдній томъ талантливаго сочиненія Альбера Вандала: «Воцареніе Наполеона»²⁾. Выпуская въ свѣтъ четыре года тому назадъ первый томъ, Вандаль писалъ въ предисловіи: «Цѣль этой книги показать, какъ Бонапартъ захватилъ власть въ революціонной Франціи, еще не подвергнувъ ее тяжелому игу своего деспотизма и положивъ первыя основы національнаго преобразованія». Теперь, окончивая свой трудъ,

¹⁾ Bonaparte in Egypt and the Egypt of To-day. By Haji A. Browne. London. 1907.

²⁾ «Avenement de Bonaparte». Par Albert Vandal. Vol 2. Paris. 1907.

онъ говорить: «Если Бонапартъ въ этомъ кризисѣ положилъ бы начало свободѣ, онъ оказался бы выше своего вѣка и выше самого себя; нельзя было бы признать это дѣло выше его генія, но, конечно, оно было бы выше его характера». Такимъ образомъ Вандаль мѣтко указалъ на недостатокъ великаго императора и написалъ не апологию, но вполне справедливую и правдивую книгу. Хотя эта эпоха уже описана множествомъ талантливыхъ писателей, но Вандаль, особенно во второй части своего сочиненія, чрезвычайно выпукло изобразилъ, какъ послѣ брюммера Франція перешла отъ презрѣннаго правительства директоріи къ блестящей эпохѣ консульства, а затѣмъ и имперіи. Сдѣлавшись послѣ 18 брюммера первымъ консуломъ, Наполеонъ образовалъ свое министерство, во главѣ котораго находились Фушэ — министръ полиціи, Талейранъ — министръ иностранныхъ дѣлъ, Люсьенъ, братъ перваго консула, — министръ внутреннихъ дѣлъ и Бертье — военный министръ.

Вандаль рисуетъ характерную картину этого кабинета, который въ сущности не былъ совѣтомъ, потому что всѣмъ руководилъ, тайно или явно, Наполеонъ. Прежде всѣхъ Талейранъ сталъ прямо работать съ первымъ консуломъ, а потомъ его примѣру послѣдовали Фушэ, Люсьенъ и Бертье. Фушэ видѣлъ Наполеона каждый день и во всякомъ часу. Этотъ человекъ высокаго роста, дурно одѣтый, странно державшій себя, ироническій, циничный, однако энергично вліялъ на перваго консула и принадлежалъ къ партіи якобинцевъ и крайнихъ революціонеровъ, которые знали его талантъ обуздывать ихъ. Къ тому же Фушэ былъ нуженъ Наполеону, какъ шпіонъ противъ интригъ семьи послѣдняго. Но если Наполеонъ во всѣхъ отношеніяхъ нуждался въ полиціи, то надо было, чтобы она обходилась ему дешево, а Фушэ былъ единственный министръ, который изворачивался хитрыми частными эксплуатаціями гражданъ, не требуя отъ него много денегъ. Непроницаемое, безстрастное его лицо, по словамъ Вандаля, было для всѣхъ загадкой тѣмъ болѣе, что онъ грубо надъ всѣми посмѣивался. Фушэ безъ конца всѣмъ и каждому лгалъ и, казалось, что онъ дѣлалъ это безъ цѣли, для одного удовольствія. Онъ умѣлъ тонко интриговать и цѣлый день обманывалъ, измѣнялъ и велъ безконечную борьбу съ своими друзьями и врагами. Онъ былъ жестокъ и кровожаденъ, но только въ той мѣрѣ, какъ этого требовали его интересы и интересы правительства, которые онъ старался отождествить съ своими. Напротивъ, Талейранъ держался совсѣмъ другихъ способовъ, чтобы заслужить милость перваго консула. Среди правительства изъ выскочекъ онъ выдавался своими манерами вельможи большого свѣта и, благодаря своей любезности и изяществу въ обращеніи, заставлялъ прощать свою безчестность, скандальные нравы и связь съ госпожой Гранъ, которую онъ помѣстилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ качествѣ хозяйки дома. Въ политикѣ онъ не имѣлъ никакихъ принциповъ, а слѣдовалъ только своимъ вкусамъ, которые были до нельзя безумны. Если Фушэ тянулъ влѣво, то Талейранъ тянулъ вправо, и только Наполеонъ сдерживалъ ихъ обоихъ и одинъ сообщалъ своему правительству единство.

Его братъ Люсьенъ былъ чрезвычайно самолюбивъ и хотѣлъ придать своему министерству внутреннихъ дѣлъ характеръ главнаго министерства.

Онъ желалъ сдѣлать себя консуломъ относительно внутренней политики, какъ Наполеонъ былъ консуломъ относительно внѣшней. Стремясь высоко, онъ запутывался въ мелочахъ. Онъ говорилъ краснорѣчиво, но цвѣтисто, и, очевидно, независимость, самобытность его характера должны были рано или поздно поссорить его съ братомъ. Напротивъ, Бертье не имѣлъ ни малѣйшей претензіи на самостоятельность и во всемъ повиновался безпрекословно первому консулу. Вообще всѣ министры ненавидѣли другъ друга и соперничали между собою. Если бы не было надъ ними верховной власти Наполеона, то этотъ кабинетъ быстро распался бы. Это вполнѣ доказывалось тѣмъ скандаломъ, который произошелъ въ Парижѣ, когда послѣ битвы при Маренго распространился слухъ, что французы были разбиты и даже Наполеонъ убитъ. Въ продолженіе 24 часовъ тянулась самая невозможная паника: одни предлагали наслѣдникомъ Бонапарта — Бурбоновъ, другіе — Орлеановъ, третьи — Карно, четвертые — Лафайета и т. д. Наконецъ пришло торжественное извѣстіе о побѣдѣ при Маренго и о безсмертной славѣ Наполеона, приведшей его къ императорскому престолу. Этимъ кончается рассказъ о замѣчательномъ воцареніи Наполеона.

По словамъ англійскаго историка лорда Актона, никогда Англія не была въ такомъ опасномъ положеніи, какъ въ 1803 г., когда Фултонъ предложилъ переправить французскую армію чрезъ Ламаншъ на пароходахъ, и Наполеонъ отказался отъ этого плана. «Съ такимъ замѣчаніемъ вполнѣ согласны Виллеръ и Бродлей, авторы только что вышедшей любопытной книги, озаглавленной «Наполеонъ и вторженіе въ Англію. Исторія великой грозы» ¹⁾. Какъ ни опасалась Англія за свою судьбу во времена Людовика XIV, потому въ 1745 г. и въ 1779 г., но «великій страхъ» далеко превосходилъ эти ужасы, поэтому странно, что до сихъ поръ не существовало подробнаго и основательнаго описанія этого эпизода англійской исторіи. Правда, объ этомъ предметѣ уже писали Гозьеръ и сэръ Эдуардъ Кризи, но въ ихъ трудахъ не хватало серьезнаго изслѣдованія предмета. Въ послѣднее время англичане пользовались обширнымъ сочиненіемъ французскаго капитана Дебриера, предпочитая его произведенія трудамъ своихъ соотечественниковъ; только на дняхъ вышелъ вполнѣ удовлетворительный трудъ Виллера и Бродлея, разработка до сихъ поръ неапечатанныхъ матеріаловъ, касающихся событій 1803 и 1805 г.г. Основательное предисловіе къ этой книгѣ наполнено ссылками на источники, которые служили для авторовъ обильнымъ матеріаломъ. Первое мѣсто между ними занимаютъ неизданныя письма короля Георга III къ герцогу Йоркскому и Питту, а также рукопись генерала Дюмуре о защитѣ Великобританіи и Ирландіи въ 1803—1804 г.г. Виллеръ и Бродлей были не въ состояніи бросить новый свѣтъ на экспедицію Гоша и Груши въ Вантрійскій заливъ въ 1796 г. и только приводятъ выписки объ этомъ событіи изъ газетъ и мѣстныхъ народныхъ ирландскихъ пѣсенъ. Болѣе интересны подробности о вторженіи французовъ въ Ирландію въ 1797 г. Что же касается до плана Бона-

¹⁾ Napoleon and the invasion of England. The story of the Great Terror. By Wheeler and Broadley. 2 vol. 1907.

парта вторженія въ Англію въ 1798 г., то онъ описанъ Виллеромъ и Бродлемъ гораздо подробнѣе. Бонапартъ, однако, въ своемъ докладѣ директоріи считалъ этотъ планъ неосуществимымъ и склонялся въ пользу своей восточной экспедиціи, хотя въ мемуарахъ, написанныхъ на о. Св. Елены онъ развиваетъ мысль, что былъ совершенно готовъ въ это время къ завоеванію Ирландіи и Англіи.

Что касается до главнаго предмета основательнаго труда Виллера и Бродлея—проекта вторженія Наполеона въ Англію 1803 и 1805 г.г., то онъ выясненъ авторами вполне основательно, какъ относительно забраккованной великимъ человѣкомъ идеи Фультона, такъ и всѣхъ, крупныхъ и мелкихъ, обстоятельствъ «великаго страха». Во всякомъ случаѣ нѣтъ никакого сомнѣнія, что не имѣется другого литературнаго труда, въ которомъ такъ обстоятельно описаны всѣ подробности этого историческаго кризиса въ исторіи Англіи. Какъ по внѣшней формѣ, такъ и по богатству новыхъ матеріаловъ, настоящее сочиненіе представляется наилучшимъ трудомъ.

Оскаръ Браунингъ посвящаетъ свою новую книгу ¹⁾ о Наполеонѣ исторіи его паденія. Это характеристичное повѣствованіе начинается съ возвращенія Наполеона въ Парижъ послѣ русской кампаніи и во многихъ отношеніяхъ представляетъ извлеченіе изъ извѣстнаго сочиненія Сореля. Потомъ онъ кратко, но обстоятельно рассказываетъ всѣ событія 1814—15 гг., до отсылки великаго человѣка на островъ св. Елены. Рисуя личную характеристику Наполеона въ послѣднюю эпоху его государственной и военной дѣятельности, Браунингъ вмѣстѣ съ тѣмъ описываетъ эту замѣчательную эпоху въ европейской исторіи.

Возвращаясь къ французской отрасли наполеоновской литературы, мы должны остановиться на блестящей статьѣ академика Анри Гусэ «Наполеонъ въ литературѣ XIX вѣка» ²⁾. Сначала эта статья была прочитана Гусэ въ парижскомъ обществѣ публичныхъ чтеній и въ Мецѣ, а потомъ напечатана въ «Revue Hebdomadaire». Слава Наполеона достаточно воспѣта въ одахъ, поэмахъ и пѣсняхъ поэтами, чтобы оставить въ сторонѣ, по выраженію академика, историковъ, хроникеровъ и военныхъ теоретиковъ. «Я представлю императора въ изящной литературѣ и особенно въ поэзіи, служащей прямымъ эхо народной мысли и національныхъ преданій»,—говоритъ Гусэ въ своемъ предисловіи. Первыми поэтами, вознесшими до небесъ Наполеона, были не французы, а иностранцы: англичанинъ лордъ Байронъ и нѣмецъ Генрихъ Гейне. Затѣмъ идетъ рядъ французовъ, воспѣвавшихъ Наполеона на всѣ лады, начиная отъ иѣснопѣвца Беранже до Альфреда Мюссе, Виктора Гюго и Огюста Барбье. Его славу превозносили въ прозѣ — Шатобрианъ, Альфредъ де-Виньи, Викторъ Гюго, Александръ Дюма, Бальзакъ и многіе болѣе второстепенные авторы. Сказавъ нѣсколько краснорѣчивыхъ словъ о каждомъ поклонникѣ Наполеона, превозносившемъ его, какъ въ поэзіи, такъ и въ прозѣ,

¹⁾ The Fall of Napoleon. By Oscar Brawning. London. 1907.

²⁾ Napoleon dans la littérature au dix-neuvieme siecle. Par Henry Houssay. Paris. 1907.

Гусэ приводит въ концѣ своей статьи характеристичныя слова самого Наполеона, который предвидѣлъ торжествующіе панегирики своей славы. «Я предназначенъ,— писалъ онъ въ своихъ мемуарахъ на Св. Еленѣ,—быть жертвой писателей, но я не боюсь сдѣлаться этой жертвой. Когда имъ вздумается показать себя великими, то они будутъ меня восхвалять». По словамъ Гусэ, это предсказаніе Наполеона исполнилось, потому что писатели, желавшіе казаться великими, дѣйствительно его хвалили.

Послѣдняя книга изъ наполеоновской литературы вышла въ Лондонѣ въ октябрѣ мѣсяцѣ и заключаетъ въ себѣ англійскій переводъ норвежскаго сочиненія: «Люди и методы Наполеона», извѣстнаго романиста Килланда ¹⁾. Въ сущности это не историческій трактатъ, а беллетристическая болтовня, не имѣющая никакого значенія, хотя въ предисловіи Оскара Браунинга она очень расхваливается. Даже заглавіе книги не имѣетъ ничего общаго съ ея содержаниемъ—съ краткимъ біографическимъ очеркомъ всей жизни великаго чловѣка. Если же главнѣйшимъ его сотрудникамъ отведены кой-какія характеристики, то лишь съ той же цѣлью литературной болтовни. Вообще это сочиненіе не заслуживаетъ никакого вниманія и трудно сказать, къ чему оно переведено на англійскій языкъ.

— Столѣтіе уничтоженія крѣпостничества въ Германіи.—9 октября настоящаго года Германія праздновала юбилей освобожденія своихъ крестьянъ отъ крѣпостнаго права. Ровно сто лѣтъ тому назадъ былъ провозглашенъ знаменитый указъ, первый актъ великой реформы, которымъ Штейнъ и Гарденбергъ воздвигли на развалинахъ одряхлѣвшихъ феодальныхъ мелкихъ государствъ современную Германію, преобразовавъ социальныя, административныя и военныя учрежденія. Этому торжественному событію отведено нѣсколько страницъ ²⁾ въ «Hebdo Débats».

На другой день послѣ Іены феодализмъ, развившійся въ Пруссіи позже, чѣмъ въ Англій, былъ еще въ полной силѣ. Въ то время, когда во Франціи настойчивыми усиліями королевской власти была уничтожена политическая власть дворянъ, которые съ этихъ поръ стали считаться лишь «первыми жителями», въ Германіи дворянство держало крестьянъ въ тѣсной крѣпостной зависимости, одно владѣя землею. Въ дворянскую собственность (Gut) включались, кромѣ земли, прямо используемой помѣщикомъ, еще всѣ обрабатываемыя крестьянами участки, занятые ими чаще всего временно на условіи тяжелой обязанности исполнять суровый крѣпостной трудъ.

Рѣдкіе независимые владѣльцы, «Kolner'ы», еще со времени тевтонскихъ рыцарей утвердились въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи, но почти повсюду владѣлецъ могъ изгнать вассала, предупредивъ его за шесть мѣсяцевъ. Напротивъ, послѣдній, считаясь рабомъ, не могъ покинуть занимаемаго имъ участка безъ разрѣшенія господина и, прикованный такимъ образомъ къ

¹⁾ Napoleon's Men and Methods. By Alexander Kielland. Translated by Joseph Mc. Cabe. London. 1907.

²⁾ Le Centenaire de l'abolition du servage en Prusse. E. L. «Hebdo Débats» 11 Octobre 1907

землѣ, былъ обязанъ обрабатывать поля, на которыя ему укажетъ владѣлецъ. Кромѣ того, онъ не смѣлъ жениться безъ его согласія, а его дѣти обязаны были нести барщину (Gesinde dienst). Въ нѣкоторыхъ округахъ, въ Уккермаркѣ и Мемаркѣ, крѣпостничество сохранилось до XVIII вѣка.

За чертою Пруссіи, въ Мекленбургѣ и Голштиніи, происходила даже торговля рабами. На всемъ протяженіи этихъ областей дворяне исполняли роль судей и полиціи, поэтому, завися отъ господъ въ юридическомъ, экономическомъ и политическомъ отношеніи, крестьяне дѣлались подданными не государства, а господъ. Согласно ходячей формулѣ, прусское государство оканчивалось въ ландратѣ и не имѣло своихъ чиновниковъ далѣе, исключая для взиманія прямыхъ податей. Строго замкнутый іерархическій классовый порядокъ повсюду неослабно удержался. Ниже дворянства, пользовавшагося привилегіями относительно податей и единственнаго обладателя земли, прозябали крестьяне, ея обработыватели и рабы господъ. Буржуазіи, удаленной въ города, гдѣ ей разрѣшалось богатѣть, занимаясь торговлей и промышленностью, запрещалось посягать на владѣніе землею.

Предпринятая правительствомъ мѣры, правда, очень слабыя, противъ власти дворянъ-землевладѣльцевъ—не удались.

Пересмотръ правъ дворянъ въ 1784 г., предписанный Фридрихомъ II съ цѣлью ограничить обязательную для крестьянъ барщину, былъ оставленъ послѣ его смерти, а попытка Фридриха III, улучшившаго положеніе королевскихъ крестьянъ въ коронныхъ владѣніяхъ, предпринять отмѣну крѣпостничества на дворянскихъ земляхъ и потребовать обратно государству права правосудія и полиціи относительно крестьянъ—встрѣтила упорное сопротивленіе со стороны дворянъ.

Патріоты, намѣревавшіеся послѣ заключенія Тильзитскаго договора передѣлать Пруссію, преобразовавъ конституцію и исправивъ организацію, по увѣренію автора, вдохновлялись въ этой работѣ возрожденіемъ принциповъ, восторжествовавшихъ во Франціи въ 1789 г.; они хотѣли, по выраженію Трешке, собственнымъ оружіемъ возбудить революцію.

Первый ударъ, нанесенный правительствомъ феодальному строю, былъ указъ Штейна, изданный 9 октября 1807 г. «Отнынѣ всѣ дворяне», говорилось въ немъ, «могутъ заниматься профессіей, считающейся буржуазной; каждый крестьянинъ можетъ вступить въ классъ буржуазіи, каждый буржуа—въ крестьянскій. Каждый, живущій въ королевствѣ, имѣетъ право владѣть всякой землею, какаго бы она ни была рода—дворяне и не дворянскій землею, а мѣщанской или крестьянской, а мѣщане и крестьяне—землею дворянъ и даже имѣя на ней дворянскія права».

Но всего болѣе поразила дворянскіе умы та часть реформъ, гдѣ упоминалось объ уничтоженіи крѣпостничества. «Впредь,—говорилось въ указѣ,—не могутъ болѣе образоваться узы рабства ни по рожденію, ни по браку, ни по взятію во владѣніе аренды, ни по условію». Этими всѣми крѣпостные крестьяне освобождались: «крѣпостные, зависимость которыхъ была наследственная,—со дня обнародованія указа, другіе—со дня св. Мартина 1810 г.; послѣ этого дня будутъ только люди свободные». Разумѣется, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ

рабства отменялось и обязательство просить разрѣшеніе на бракъ, барщина дѣтей для домашняго хозяйства господъ и обязательство обрабатывать ихъ землю.

Этотъ указъ 9 октября 1807 г. иногда называли «ночь Пруссіи 4 августа» (уничтоженіе феодализма во Франціи), но авторъ находитъ это преувеличеннымъ. Указъ Штейна дѣйствительно освободилъ крестьянъ отъ рабства личности, но онъ не освободилъ земли, какъ это было во Франціи 4 августа 1789 г., гдѣ отдали крестьянину свободную землю, которую онъ обрабатывалъ, и отменили уплату оброка помѣщику и барщину.

Освобожденіемъ земли нѣмецкіе крестьяне обязаны Гарденбергу, который произвелъ большія аграрныя преобразованія. Указъ о свободныхъ мелкихъ собственникахъ былъ подписанъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ 11 сентября 1811 г. Эта благодѣтельная реформа произвела сильное впечатлѣніе не только на крестьянъ, какъ страдающую сторону, и людей науки и мысли, но даже на мелкихъ чиновниковъ. Одинъ изъ нихъ написалъ изъ глубокой провинціи: «Многія тысячи людей еще черезъ нѣсколько вѣковъ будутъ благословлять имя Фридриха-Вильгельма и Гарденберга».

Реакція 1816 г. значительно задержала осуществленіе въ широкихъ размѣрахъ плана Гарденберга, и только послѣ потрясеній, причивенныхъ революціей 1848 г., окончательно утвердился законъ о крестьянской собственности. Другая реформа Гарденберга—Gendarmerie Edikt 12 іюля 1812 г.—уничтожавшая права дворянина-помѣщика производить правосудіе и играть роль полиціи, отсрочилась съ 1814 г. до 1874 г., когда была приведена въ исполненіе. Однако къ стыду культурныхъ нѣмцевъ «rittergüter'ы» до сихъ поръ существуютъ въ Помераніи, Восточной Пруссіи и Силезіи, гдѣ наслѣдники обширныхъ помѣстій феодаловъ изъ старинной нѣмецкой аристократіи, владѣющіе иногда цѣлыми деревнями, еще и по сіе время исполняютъ, какъ ихъ предки, роль полиціи относительно крестьянъ.

— Воспоминанія г-жи Аданъ.—Недавно появившійся въ Парижѣ пятый томъ воспоминаній французской патріотки живо рисуетъ политическую борьбу партій во время послѣдней французской революціи. Онъ обнимаетъ періодъ съ февраля 1871 г. по май 1873 г.—конецъ осады Парижа, парламентъ въ Бордо и Версалѣ, коммуну, политическую борьбу и паденіе Тьера. Этотъ томъ воспоминаній, въ которомъ также помѣщены письма нѣкоторыхъ лицъ,—живой документъ всѣхъ стадій процесса медленнаго развитія ресублики среди кровавой борьбы партій, строившихъ другъ другу западни въ ущербъ благополучію родины, и уже раздававшихся голосовъ въ пользу монархическаго правительствa, заговоровъ завистниковъ противъ Гамбетты—души національной защиты, и т. д. Г-жа Аданъ, благодаря мужу, близко стояла къ политическимъ дѣламъ и ей болѣе, чѣмъ кому, извѣстны всѣ парламентскія перипетіи и государственныя тайны того момента, а потому она можетъ ранѣе приговора исторіи произнести обвиненія или защиту нѣкоторымъ государственнымъ дѣятелямъ во время революціи. Вообще эта часть воспоминаній исполнѣ оправдываетъ свое заглавіе: «Mesangoisses et nos luttes», настолько она полна горячи и страданій, пережитыхъ г-жою Аданъ, такъ горячо, искренно любившей

Францію, болѣвшей за нее сердцемъ и вѣрившей въ ея будущую мощь, что даже враги ея политическихъ убѣжденій преклонялись предъ ея благородными чувствами. И какъ было ей не страдать: страстно отдавшись идеѣ «свободы, равенства и братства», идеализировавъ ее до высшей степени, она видѣла только неудачи, позорныя измѣны предателей и неспособныхъ революціонеровъ, готовившихъ Франціи полную гибель ради своихъ честолюбивыхъ расчетовъ. «У меня, какъ у французенки, — писала она, — обострилась болѣзнь поражений, постоянной, доводящей до безумія скорби быть побѣжденной во всѣхъ углахъ по дорогѣ въ Эльзасъ и Лотаринію, быть разбитой при Седанѣ, обманутой и преданной въ Парижѣ». Эта фраза всего рельефнѣе рисуетъ мучительныя страданія, пережитыя г-жою Аданъ. Такъ же выразительно вылились ея горечь, оскорбленная гордость и негодованіе при извѣстіи о вступленіи въ Парижъ враговъ въ слѣдующихъ словахъ: «Надо покрыть тройнымъ траурнымъ вуалемъ статую Страсбурга; наши враги, проходя мимо нея, взглядомъ ее оскверняютъ!»

Вмѣстѣ съ тѣмъ ее волновали слухи, что Бисмаркъ былъ радъ водворенію республики во Франціи; но еще болѣе ее смутило замѣчаніе русскаго дипломата Устинова, который сказалъ: «За границей всѣ разумные люди, и Бисмаркъ среди тысячи, предпочитаютъ всѣмъ другимъ формамъ правленія во Франціи — республику: республики всегда заняты внутренней борьбою и потому никого не тревожатъ; законное правительство, принцы Орлеанскіе и имперіалисты — ненавистны Бисмарку. Республиканцы, — саркастически добавилъ онъ, — вамъ надо только благословлять вашихъ побѣдителей: они навязуютъ вамъ республику».

Впрочемъ, г-жа Аданъ не долго волновалась и смущалась такими слухами и мнѣніями. «Меня взволновалъ этотъ разговоръ, — писала она, — но, поразмысливъ, я успокоилась. Если Бисмаркъ покровительствуетъ республикѣ, то потому, что онъ не можетъ подозрѣвать, о какой мы мечтаемъ для Франціи: идеальное правительство въ будущемъ, опора свободы, правосудія и терпимости, ставящее своей задачей социальное, экономическое, даже политическое равновѣсіе. Республика Адана, моя и нашихъ самыхъ почтенныхъ друзей — республика идеальная, безусловно доказывающая, что одна она можетъ осуществить прогрессъ и благодѣянія свободы, равенства и братства».

Вѣры въ мощь свободной Франціи нельзя было отнять у «французской патріотки» подобными запугиваніями: ее болѣе смущали измѣны революціонеровъ, и она писала: «Аданъ проѣздомъ чрезъ Ліонъ видѣлъ одного изъ нашихъ друзей, который сказалъ ему, въ какую ярость пришелъ Шальмель-Лакуръ, узнавъ, что въ перемиріе забыли включить восточную армію, прозванную Жюль Фавромъ арміей Гамбетты и теперь отданную на произволь вѣмецкихъ войскъ. Шальмель плакалъ и обвинялъ въ измѣнѣ!» Далѣе она передаетъ: «Мнѣ рассказывалъ Аданъ, будто Гамбетта вѣ себя отъ бѣшенства, что Жюль Фавръ оставилъ Дубъ, Юру и Котъ д'Оръ внѣ перемирія и безирестанно вторяетъ: «Презрѣнный!» Такъ, значитъ, вѣрно писала г-жа Аданъ, когда во время моего отъѣзда изъ Парижа увѣрили, что о подписаніи перемирія 28 ян-

варя Гамбетту увѣдомили только 29 утромъ лишь тремя строчками, безъ всякихъ подробностей; также вѣрно и то, что депеши, въ которыхъ Гамбетта требовалъ подробностей и поясненій, оставались безъ отвѣта, исключая одного пункта о немедленномъ прибытіи изъ Парижа въ Бордо одного члена правительства, впрочемъ, не пріѣхавшаго. Только 31 Гамбетта узналъ чрезъ Шанзи, которому сообщилъ объ этомъ принцъ Фридрихъ-Карль, что восточная армія не включена въ перемиріе. «Ахъ, презрѣнные! Измѣнники!» повторяли мы съ Аданъ вмѣстѣ съ Шальмель-Лакуромъ и Гамбеттой».

Сорокъ восемь часовъ правительство Бордо и военная администрація не знали, что восточная армія не включена въ перемиріе. Бисмаркъ изъ ненависти къ Гамбеттѣ разставилъ военной-неспособности Жюля Фавра ужасную ловушку, благодаря которой 100000 нѣмцевъ могли ринуться на Бельфора, чудесно спасшагося, лишь благодаря героизму Данфера Ропро. Внослѣдствіи г-жа Аданъ узнала отъ Шанзи, что парижское правительство желало продолженія войны на востокъ съ цѣлью нанести серьезное пораженіе правительству Бордо. «Какъ Гамбетта ежечасно не зналъ о происходившемъ между Бисмаркомъ и Фавромъ,—сказалъ ей Аданъ,—какъ члены правительства Симонъ, Пеллетанъ, Гарнье, Пажэ, Винуа не потребовали сообщать ему о положеніи переговоровъ послѣ того, что сдѣлалъ Гамбетта для спасенія чести Франціи! Это гнусно, преступно. Пусть будетъ проклятъ тотъ, кто предалъ восточную армію, кто, бездѣйствуя, допустилъ насъ не добиться менѣе тяжелыхъ условій». — «Не правда ли, Трошю болѣе всѣхъ виновать?» — спросила г-жа Аданъ. — «Не остался ли онъ до конца президентомъ правительства? Развѣ можетъ понять человекъ, обязавшійся подвергаться капитуляціи, и не капитулировать, что его первою обязанностью было начертать Жюлю Фавру демаркаціонную линію Версальской конвенціи. Тотъ, кто чрезъ свое многословіе довелъ до неспособности энергичныхъ людей, какъ Доріана и тебя,—измѣнникъ, измѣнникъ! Базенъ и Трошю — измѣнники, одинъ сознательный, другой, можетъ быть — безсознательный, но я за это не поклялась бы». — «Да, — отвѣтилъ Аданъ, — на голосъ Трошю храбрые оставались въ бездѣйствіи, тогда какъ на голосъ Гамбетты они тотчасъ же принимались дѣйствовать. Если бы Шанзи, Федербъ, Жорегиберри возбудили героизмъ парижанъ, мы вступили бы въ смертный бой и, можетъ быть, побѣдили». — «Что дѣлаетъ теперь Гамбетта, ты не знаешь?» — «Увы! онъ подалъ въ отставку, а за нимъ послѣдовали самые доблестные изъ его приверженцевъ. Но прежде, чѣмъ взять отставку, онъ объявилъ странѣ о невѣдѣннн, въ какомъ его оставили относительно Версальской конвенціи. Онъ разразился противъ выборовъ, которые состоятся подъ покровительствомъ прусскихъ штыковъ, и предалъ анаѣмъ людей, на которыхъ лежитъ вся тяжесть отвѣтственности за наши несчастія; онъ обратился къ Шанзи съ послѣднимъ призывомъ продолжать войну. Но, знаешь, его голоса болѣе не слушаются».

Извѣстіе о позорномъ перемиріи сильно потрясло г-жу Аданъ. Показывая вечеромъ одному ребенку «крававую линію» на картѣ Франціи, она произнесла: «Они берутъ у насъ сердце Франціи». Крававые призраки войны, страданія соотечественниковъ такъ ее преслѣдовали, что, когда, получивъ извѣстіе о

постигшей мужа катастрофѣ на желѣзной дорогѣ, она предалась своему личному горю, то въ ней проснулось угрызеніе совѣсти и она спрашивала себя, имѣетъ ли она право думать о своемъ несчастіи среди столькихъ бѣдъ родины.

Послѣ этой катастрофы Аданъ увидѣлся съ Гамбеттой, и г-жа Аданъ помѣстила въ своихъ воспоминаніяхъ письмо мужа къ ней. «Я видѣлъ Гамбетту десять минутъ,—писалъ онъ,—мы расцѣловались. Онъ зналъ о моемъ несчастіи и, увидя меня раздосадованнымъ, обратился ко мнѣ въ такихъ выраженіяхъ: «Милѣйшій Аданъ, вы можете умереть съ большей пользою, если вамъ подскажетъ сердце. Для такого человѣка, какъ вы, найдется ради чего порисковать своей шкурой въ Парижѣ. Надо скорѣе туда возвратиться». — «Съ вами?» — спросилъ Аданъ. — «Нѣтъ, я сказалъ Тьеру, который столь же безнокоится о Парижѣ, какъ обо мнѣ, что намъ вмѣстѣ не сражаться. Если миръ подписанъ, я исчезну на нѣсколько мѣсяцевъ; если продолжится война на что, увы, я не надѣюсь, то я отправлюсь куда-нибудь съ Федербомъ. Если заключатъ миръ на тѣхъ ужасныхъ условіяхъ, какими намъ угрожали,—Парижъ обреченъ на революцію. Вообразите, Бисмаркъ совѣтовалъ Жюлю Фавру разоружить армію и ея оружіе передать національной гвардіи. И вы не повѣрите, они это сдѣлаютъ. Они такъ боятся продолженія войны, что только и думаютъ, какъ бы разбить въ моихъ рукахъ восточную армію. Они не поняли, несчастные, что у нихъ было кое-что похуже иностранной войны. Первая вещь, которой государственнй человѣкъ долженъ опасаться и предвидѣть ее послѣ большихъ поражений и осадъ—это революція; надо собрать храбрыхъ туда, гдѣ можно еще надѣяться на побѣду, иначе народомъ овладѣетъ безуміе».

Въ такомъ печальномъ положеніи находилась въ то время Франція. Многіе французы устали въ борьбѣ и требовали разоруженія, считая дѣло непоправимымъ. Жоржъ-Зандъ превратилась въ гуманитаристику, какъ и Арль Дюфуръ. Эльзась съ Лотарингіей были потеряны, Повидимому, многіе французы уже безъ страха смотрѣли на возвращеніе «законной» монархіи. Арль Дюфуръ не могъ утѣшить сердца г-жи Аданъ и обвинялъ во всемъ католицизмъ, который, по его мнѣнію, велъ Францію быстрыми шагами туда, куда свелъ Польшу, Ирландію, Испанію, Португалію, южную Италію, республики Южной Америки, Австрію, которая падаетъ медленнѣе, потому что у нея семь милліоновъ нѣмецкихъ протестантовъ. «Что же дѣлать,—воскликнулъ Арль Дюфуръ,—если народъ пріучаютъ лгать и слѣпо вѣрить въ чудеса».

Условія капитуляціи окончательно сломили нравственныя силы г-жи Аданъ, чему способствовали безконечное отсутствіе дочери, уѣхавшей къ роднымъ, разстроенное здоровье мужа, опасности, которымъ подвергся Рошфоръ, поручившій ей своего сына, смерть Меримэ, святотатственная борьба Парижа съ Версалемъ, вызвавшая Адана въ Парижъ, убійства генераловъ Леконта и Клемана Тома и кровавыя волненія на улицахъ, требовавшія вмѣшательства Адана и возбуждавшія опасенія его семьи, жившей въ Брюерѣ. Крайности и чрезмѣрный ужасъ коммуны и гражданская война на глазахъ пруссаковъ, грабежи, поджоги, убійства переполнили чашу страданій г-жи Аданъ. Вмѣстѣ

съ тѣмъ се возмущала усталая апатія окружающихъ, и она съ горечью писала: «Г-жа Зандъ запрещаетъ мнѣ страдать за Францію; она мнѣ пишетъ: «Успокойтесь, мое дитя, я этого требую ради вашей дочери. У нея натура не пивои, какъ у васъ: она не устоитъ противъ столькихъ излишествъ, которыя васъ привлекаютъ и убиваютъ».

Съ какою радостью дождалась г-жа Аданъ подавленія коммунистическихъ излишествъ, а съ ними и самой коммуны, чтобы вернуться въ свой дорогой Парижъ, изувѣченный, но уже наполнявшійся новымъ жизненнымъ сокомъ, хотя на каждомъ шагу ей приходилось сталкиваться съ тяжелыми воспоминаніями и непоправимыми развалинами. Ее особенно возмущала невозможная политика «Версальскаго Собранія» — «безплодная, истощенная желаніями «предковъ», у которыхъ остались лишь принципы и ни одной идеи. Возвращеніе Гамбетты и основаніе Французской республики оживили политическій салонъ г-жи Аданъ и придали ей бодрости. Она выказала необычайную дѣятельность: вдохновляла рѣшимость своей партіи, появлялась вездѣ — предъ версальской трибуной и на смотру въ Лоншанѣ, гдѣ дефилировала предъ Гамбеттой и Тьеромъ возстановленная національная гвардія и т. д.

Приведенныя г-жою Аданъ воспоминанія о засѣданіяхъ Собранія во главѣ съ историческими личностями, которыя теперь почти всѣ умерли, чрезвычайно интересны. «Я сопровождала Адана въ Версаль, чтобы послушать Гамбетту», говоритъ она. «Насъ сильно волновало, а въ другихъ возбуждало любопытство, какимъ выкажетъ себя «бѣшенный сумасшедшій». Выбранный тремя департаментами, Гамбетта одинъ теперь представлялъ духъ правительства національной защиты. Толстый, тяжелый, дурно одѣтый, онъ скорѣе тащился, чѣмъ шелъ. Онъ сѣлъ, и его гордо закинута голова какъ-то странно выступала между блѣднымъ ничтожнымъ лицомъ Дрео, зятя Гарнье Пажэ и трусливой физиономіей Клеманъ Лорье. — «Зарычалъ» — произнесла жена одного депутата правой, сѣвъ рядомъ со мною и видя, что Гамбетта направляется къ трибунѣ. — «Да, — отвѣтила я, — это левъ!» Гамбетта, потупивъ глаза, сгорбившись поднялся на трибуну. «Бѣшенный, сумасшедшій», «рыкающій левъ» сейчасъ заговорить. Предстоитъ случай разразиться его антиклерикализму и, безъ всякаго сомнѣнія, послѣ внезапнаго нападенія епископъ Дюпанлу и французское духовенство увидятъ, что ихъ петиція разлетится на кусочки. Можно представить себѣ изумленіе аудиторіи, когда среди глубокаго молчанія Гамбетта сильнымъ и спокойнымъ голосомъ объявилъ отъ имени своихъ друзей, что они присоединяются къ очередному порядку дѣлъ, предложенному Тьеромъ относительно отсылки епископской петиціи къ правительству».

Г-жа Аданъ выказываетъ на страницахъ своихъ воспоминаній политическую терпимость, если только противная ея убѣжденіямъ сторона питаетъ любовь къ Франціи. «Франція падаетъ! — говорилъ ей Флорберъ: — она не поднимется! Кто займется искусствомъ, литературой чрезъ полвѣка? И какъ имъ займутся? Какой сбродъ писателей сдѣлаетъ образцовой литературу? Прекрасные дни превосходства Франціи совсѣмъ кончились. Правительство кабатчиковъ, муниципальных совѣтниковъ, первоначальныхъ преподавателей вскачь бѣжить». И въ отвѣтъ на такую оскорбительную для ея партіи фразу

г-жа Аданъ нашла оправданіе: «Добрякъ великій Флоберъ такъ страдаетъ отъ вторженія непріятели, что его сердце полно горечи». Такую же терпимость она выказала и къ Меримэ, съ волненіемъ передавая подробности смерти бонапартистскаго писателя, скончавшагося съ горя на другой день пораженія при Седанѣ. Онъ пріѣхалъ изъ Парижа въ халатѣ и туфляхъ, захвативъ съ собою только большую связку писемъ, чтобы сжечь ихъ, и встрѣтилъ на вокзалѣ доктора Мора. «Франція умираетъ»—сказалъ онъ послѣднему:—«я хочу умереть съ нею.Пріѣзжайте завтра проститься со мною». Предъ самой смертью онъ просилъ Мора: «Напомните обо мнѣ г-жѣ Аданъ и скажите ей мой послѣдній завѣтъ: «Только бы ея республика не доконала Франціи».

Зарожденіе «Nouvelle Revue», которое, какъ извѣстно, существуетъ и по сіе время и основательницей котораго была г-жа Аданъ съ мужемъ, произошло по побужденію Жоржъ-Зандъ, не желавшей болѣе работать въ «Revue des deux Mondes», издававшемся въ то время Бюлозъ, и имѣтъ дѣло съ издателемъ Леви, вслѣдствіе чего она лишалась годового заработка въ 24000 франковъ. Оба издателя ея произведеній слишкомъ доспотически обрацались съ ними, измѣняя выраженные ею мнѣнія, и она задумала съ помощью супруговъ Аданъ издавать чисто французскій журналъ и для французовъ, тогда какъ «Revue des deux Mondes», дорожа подписчиками въ Германіи, старался не раздражать своихъ нѣмецкихъ читателей и въ этомъ отношеніи велъ строгую цензуру—отсюда послѣдовалъ разладъ съ Жоржъ Зандъ. Такимъ образомъ зародилось «La Nouvelle Revue», въ которомъ появилось посмертное сочиненіе Флобера.

— Голландскій классическій авторъ. — Очень немногіе знаютъ голландскаго писателя, подписывавшаго свои сочиненія псевдонимомъ Мультипули, и однако онъ извѣстенъ въ своемъ отечествѣ, какъ авторъ знаменитаго классическаго романа, въ которомъ онъ сатирически описалъ голландскую колониальную политику на Явѣ. Въ августовской книжкѣ «Preussische Jahrbucher» Адольфъ Мейеръ представляетъ очеркъ жизни этого необыкновеннаго автора. Его, въ сущности, звали Эдуардъ Деккеръ. Онъ родился въ 1820 г. въ Амстердамѣ и былъ сыномъ шкипера коммерческаго судна. По своимъ обязанностямъ, отецъ отлучался надолго изъ дома, и мать имѣла на своего сына значительное вліяніе. Отецъ предназначалъ его для той же профессіи, которой онъ самъ занимался, но, очевидно, она не нравилась молодому человѣку. Онъ особенно любилъ чтеніе и увлекся мыслью отправиться въ Остъ-Индію, и въ концѣ концовъ отецъ согласился взять его на своемъ суднѣ въ излюбленную имъ страну.

Очүтившись на Явѣ, юноша въ короткое время доставилъ себѣ офиціальное положеніе, но всѣ его надежды на административную карьеру вскорѣ разсѣялись: его отставили отъ службы, благодаря справедливой злобѣ, вызванной въ немъ неправильными дѣйствіями голландскихъ чиновниковъ. Не имѣя никакихъ средствъ къ жизни и уже не только женатый, но имѣющій ребенка, Деккеръ долженъ былъ возвратиться въ Европу, гдѣ впервые въ 1850 г. написалъ романъ «Максъ Гавеларъ» и подписалъ его псевдонимомъ Мультипули. Въ этомъ романѣ онъ впервые выказалъ свой замѣчательный литера-

турный талант и обвинил въ безчестномъ поведеніи голландское правитель-ство въ Остъ-Индіи. Конечно, этотъ поразительный во всѣхъ отношеніяхъ романъ произвелъ сильное впечатлѣніе на голландцевъ, одинаково какъ на приверженцевъ должностныхъ лицъ, такъ и на ихъ противниковъ. Жизнь Деккера въ Голландіи сдѣлалась невыносимой, и онъ принужденъ былъ стран-ствовать за границей и всего чаще проживалъ въ Висбаденѣ, находя сред-ства къ прожитію себя и своего семейства въ литературной работѣ.

Онъ писалъ преимущественно романы, но также сдѣлался и извѣстнымъ драматическимъ писателемъ. Изъ пьесъ Мультатули пользовалась громаднымъ успѣхомъ «Школа принцевъ», поставленная на сценахъ въ Германіи въ 1878 г. Несмотря на большой талантъ Мультатули, его нельзя назвать ху-дожественнымъ творцомъ, и въ послѣднія десять лѣтъ онъ жилъ въ Ингель-хеймѣ на пенсію, которую ему собрали друзья и поклонники. Д-ръ Мейеръ признается, что Мультатули не имѣлъ великаго таланта, но отличался вели-кой душой. Впрочемъ, самъ Мейеръ ярый пруссакъ, а потому не одобряетъ сатирическаго отношенія Мультатули къ колониальной политикѣ, которая не въ одной Голландіи отличалась жестокими злоупотребленіями въ официальной сферѣ. Онъ даже увѣряетъ, что сочиненія Мультатули отличаются излишнимъ сатирическимъ ядомъ, и потому онъ скорѣе долженъ былъ бы назвать себя не Мультатули, а Мультапеккави. Во всякомъ случаѣ Деккеръ до сихъ поръ пользуется въ Голландіи и даже Германіи славой классическаго автора. Онъ умеръ въ 1887 г. въ Нидернгельхеймѣ, и всѣ истинные любители голландской литературы долго оплакивали его смерть.

— Египетскій хедивъ Аббасъ-Хильми. Замѣтное желаніе египет-скаго хедива Аббаса-Хильми сбросить съ себя путы англійской власти, пре-вращающей его изъ государя въ раба, подъ видомъ безусловной свободы, вызвало появленіе въ печати его характеристики ¹⁾. Авторъ, д'Иврэ, зналъ хедива еще ребенкомъ и представляетъ на страницахъ «La Revue», по его словамъ, вѣрный портретъ и характеристику Аббаса-Хильми. Онъ находитъ, что европейскіе публицисты и романисты легкомысленно относятся къ экзотическимъ государямъ, и какъ только какое государство не входитъ въ европейскую область, то нѣтъ такой басни, лжи и невѣроятности, какую о немъ не сочиняютъ. Авторъ можетъ утѣшиться, что не только экзотическія госу-дарства, но даже Россія не такъ давно находилась въ томъ же положеніи, и французскіе писатели увѣряли, что русскіе ѣдятъ салныя свѣчи и у нихъ растутъ вѣковыя деревья, называемыя клюквой, а между тѣмъ Россія счита-лась европейскимъ государствомъ. Онъ былъ пораженъ, когда увидѣлъ въ знаменитомъ музеѣ Тюссо въ Лондонѣ изображеніе Аббаса-Хильми, ничего не имѣющее общаго съ настоящимъ хедивомъ: артистъ изобразилъ его съ ли-цомъ шоколаднаго цвѣта, тогда какъ въ дѣйствительности у него чудный цвѣтъ лица, которому могутъ позавидовать многія женщины. Англійскія про-винціальныя газеты рассказываютъ, что онъ носитъ турецкаго покроя одежду и имѣетъ пять женъ. Все это, по словамъ Иврэ, простой вымыселъ.

¹⁾ Le Khédive intime. Par Jehan d'Ivray. «La Revue» 1 octobre 1907.
«ИСТОР. ВѢСТН.», ноябрь, 1907 г., т. сх.

Молодой хедивъ принадлежитъ къ греко-кавказской расѣ со стороны отца, праправнуку Мохамеда-Али, грека-мусульманина, родившагося въ Кавалѣ. Его мать, Амина-Ханемъ, дочь покойнаго принца Эль-Хами-паши, была замѣчательная красавица. Молодой хедивъ ничуть не походитъ на мавра, какимъ его изображаютъ. Онъ средняго роста, нѣсколько полный, съ каштановыми волосами и золотисто-блѣдыми усами и «самыми красивыми на свѣтѣ глазами». Обыкновенно онъ носитъ форму египетскаго полковника, но на его головѣ всегда красуется тарбушъ—то же, что и турецкая феска; но когда онъ путешествуетъ по Европѣ, то замѣняетъ ее панамой или шляпой *canotier*.

Онъ учился сначала въ Швейцаріи, а затѣмъ поступилъ въ вѣнскій Терезіанумъ, откуда его внезапно вызвали, послѣ смерти отца, хедива Тевфика.

Женился Аббасъ-Хильми романически; по природѣ самовластный, онъ объявилъ придворнымъ, что желаетъ взять въ жены одну изъ турецкихъ принцессъ. Это не понравилось египетскимъ принцессамъ, по большей части происходившимъ изъ рабынь и опасавшимся вліянія принцессы королевской крови, дочери или племянницы Абдуль-Гамида. Тогда придворные, желая отвлечь хедива отъ этого плана, задумали интригу, и на пути хедива день и ночь попадались двѣ канкаскія невольницы замѣчательной красоты, которыя скоро сумѣли понравиться молодому восемнадцатилѣтнему государю. Одна изъ нихъ, по имени Икбаала, обязанность которой состояла въ присутствованіи при его раздѣваніи и вставаніи съ постели, быстро завоевала сердце Аббаса-Хильми и вскорѣ сдѣлалась матерью. Въ мусульманскихъ странахъ такое событіе настолько обыденное, что никто этому не удивился и не придалъ значенія. Но хедивъ посмотрѣлъ на дѣло иначе и объявилъ, что женится на ней. Придворные, понавшіеся въ собственную ловушку, запротестовали: желая отвлечь его отъ слишкомъ блестящаго брака съ принцессой царской крови, они устроили ему неравный бракъ.

Однако въ этомъ вопросѣ, какъ и вообще во всѣхъ, которые онъ могъ рѣшить самостоятельно, хедивъ выказалъ упорство, и послѣ рожденія старшей дочери онъ торжественно призналъ свой бракъ съ Икбаалой законнымъ. Молодая хедива высокаго роста, съ цвѣтомъ лица «бѣлой камелии», какой бываетъ у аристократическихъ турчанокъ, мало подвергающихъ свою кожу вѣшнему воздуху. У нея прекрасные глаза, нѣсколько толстыя губы, но граціозное очертаніе рта, и она отличается добротой, хорошимъ настроеніемъ и умомъ. Впрочемъ, ея доброта нѣсколько ступшевуается силой воли, влѣдствіе которой у нея съ мужемъ, тоже очень упрямымъ, часто бываютъ столкновенія. Она старше мужа на нѣсколько лѣтъ. У хедива теперь четыре дочери и два сына. Старшая изъ дочерей калѣка и глухонѣмая, но замѣчательной красоты. Она воспитывается въ специально устроенномъ для нея дворцѣ на островѣ Родосѣ, куда каждое лѣто къ ней пріѣзжаетъ отецъ. Остальныя дѣти, по словамъ автора, совершенно здоровы и прелестны. Хедивъ остался вѣрнѣе египетскому обычаю не жить въ одномъ домѣ со своими дѣтьми, и послѣднія поселились въ особомъ дворцѣ. По словамъ Иврѣ, на Востокѣ всѣ дѣти, отъ малаго до большого, хотягъ имѣть свои собственныя гнѣзда и мѣнять мѣ-

ста пребывания. Тѣ изъ нихъ, которые не могутъ покинуть своего дома, переселяются изъ однихъ комнатъ въ другія каждые шесть мѣсяцевъ.

Измаиль, дѣдъ молодого хедива, любилъ строить повсюду дворцы, которые теперь полуразрушились, вследствие поспѣшности постройки, вызванной требованіемъ хедива какъ можно скорѣе исполнять его фантазіи и сорванного деньгами для удовлетворенія своихъ капризовъ. Отецъ Аббаса-Хильми, хедивъ Тевфикъ, болѣе спокойный и благоразумный, ограничился тѣмъ, что окончилъ начатія постройки и исправилъ старые дворцы. Аббасъ выстроилъ для себя два новые дворца, отличающіеся вкусомъ и современнымъ комфортомъ— дворецъ Адбень, бывшій Кубехъ, въ окрестностяхъ Каира, гдѣ онъ живетъ зимою, и дворецъ Монтаца, выстроенный на половину на сваяхъ между Александріей и Абукиромъ. Во дворцѣ Адбень въ Каирѣ дворъ появляется только въ дни торжественныхъ пріемовъ и большихъ мусульманскихъ праздниковъ. Оба эти дворца, въ которыхъ хедивъ живетъ—въ первомъ съ октября по апрѣль, во второмъ съ апрѣля по октябрь,—представляютъ его настоящей семейный очагъ. Впрочемъ, онъ еще живетъ три мѣсяца въ Европѣ—Константинополѣ, Лондонѣ и Парижѣ, гдѣ проживаетъ цѣлую недѣлю, почти всегда сохраняя полнѣйшее инкогнито. Въ это время хедива и дѣти остаются въ Константинополѣ, гдѣ султанъ подарилъ имъ роскошный дворецъ. Мать хедива Амина-Ханемъ также получила въ даръ дворецъ, гдѣ живетъ большую часть года.

Хедивъ, слѣдуя примѣру отца, имѣетъ только одну жену, и его семья дѣйствительно представляетъ настоящую семью по образцу европейцевъ. Зато прежніе хедивы, у которыхъ родилось безконечное количество незаконныхъ дѣтей, даже не знавшихъ другъ друга въ лицо, задавали нелегкую задачу казни—уплачивать всѣмъ имъ пенсіи, и случалось, что она не всегда могла удовлетворить ихъ неистощимыя фантазіи. У теперешняго хедива есть братъ, Мохамедъ-Али, и двѣ сестры: Ниметь-Ханемъ и Хаджи-Ханемъ, замѣчательныя красавицы. У Мохамеда-Али купленъ въ Парижѣ домъ, и онъ считается самымъ истымъ парижаниномъ изъ всѣхъ восточныхъ принцевъ. Прекрасный музыкантъ, живописецъ, карикатуристъ, онъ принимаетъ у себя въ Каирѣ иностранныхъ артистовъ и между прочимъ Сенъ-Санса и его товарища, художника Клерэна. Очень симпатичный и привлекательный, Мохамедъ-Али покоряетъ сердца молодыхъ мусульманскихъ красавицъ, которые не могутъ понять, почему онъ до сихъ поръ никого не избралъ въ жены. Ему тридцать одинъ годъ, и до сихъ поръ, вопреки восточному обычаю, онъ еще не женатъ.

У себя въ Египтѣ хедивъ строго соблюдаетъ этикетъ, но, попавъ въ Швейцарію, гдѣ онъ жилъ и учился съ юныхъ лѣтъ, онъ дѣлается виолнѣ демократомъ и его часто видятъ подъ руку съ директоромъ гостиницы, его прежнимъ товарищемъ по ученію. Онъ бѣгло говоритъ по-французски, англійски, турецки, арабски, нѣмецки и предпочитаетъ послѣдній языкъ, но когда ему приходится писать трудныя письма или готовить рѣчь, то онъ предварительно пишетъ по-французски. Онъ любитъ музыку, но самъ не играетъ, хотя обладаетъ настолько тонкимъ слухомъ, что, услышавъ въ театрѣ фальшивую

ногу, тотчасъ выходитъ вонъ изъ залы, испытывая болѣзненное чувство. У хедива болѣе серьезный характеръ, чѣмъ у брата, и онъ никогда не подпишетъ бумаги, предварительно не прочитавъ ее и не обдумавъ. Внимательно слѣдя за всѣми политическими событіями, онъ не любитъ читать романовъ, предпочитая имъ исторію, политику и философію; но естественныя науки и земледѣліе— всего болѣе его привлекаютъ. Легкомысленныхъ и юмористическихъ произведеній и вообще веселыхъ книгъ онъ не любитъ. Слѣдя за всѣми появляющимися въ Египтѣ книгами и за полемикой между египто-англійской и націоналистской партіей, во главѣ которой стоитъ Мустафа-паша Камель, онъ съ удовольствіемъ поощряетъ попытки египетской молодежи возродить поэтическій арабскій языкъ. Сторонникъ дисциплины, хедивъ не терпитъ отступленій отъ установленнаго порядка, и когда однажды, нѣсколько дней спустя послѣ его воцаренія, къ нему явился секретарь дѣда съ незастигнутой пуговицей на мундирѣ, онъ отослалъ его, сдѣлавъ строгій выговоръ.

Встаетъ хедивъ рано и требуетъ, чтобы окружающіе слѣдовали его примѣру. Онъ очень воздержанъ относительно кушаній и, несмотря на то, что имѣетъ французскаго и турецкаго повара, къ кулинарному вопросу относится презрительно. Онъ никогда не пьетъ вина, которое появляется за его столомъ только въ дни пріѣздовъ христіанскихъ принцевъ. Еще въ Швейцаріи Аббасъ-Хильми питалъ страсть къ всякаго рода спорту и теперь, сдѣлавшись хедивомъ, онъ продолжаетъ имъ заниматься. Всѣхъ удивляетъ его страсть къ землѣ, страсть, какую питаютъ феллахи, хотя въ немъ нѣтъ ни одной капли египетской крови. Нѣтъ государя въ Европѣ, который такъ слѣдилъ бы за агрономіей и сельскимъ хозяйствомъ, какъ хедивъ. Онъ ежегодно увеличиваетъ доходы со своихъ многочисленныхъ владѣній и точно знаетъ, сколько у него головъ скота и плантацій хлопка.

Его домъ поставленъ на европейскую ногу и если хедива продолжаетъ носить вуаль по-восточному, то онъ очень прозраченъ и чрезъ него можно видѣть черты ея лица. Ея гаремъ отличается безукоризненными нравами и отсутствіемъ евнуховъ и рабовъ. Хедива принимаетъ европейскіхъ женщинъ въ кайрскомъ дворцѣ, гдѣ у нея устроенъ прелестный европейскій салонъ, украшенный множествомъ дорогихъ бездѣлушекъ, картинами знаменитыхъ мастеровъ, фотографіями семьи и массою цвѣтовъ. До замужества она не знала ни одного изъ европейскихъ языковъ, но послѣ принялась изучать французскій и англійскій языки и теперь говоритъ на нихъ быстро, съ правильнымъ произношеніемъ. Она любитъ спортъ, но ненавидитъ балы и, при малѣйшей возможности, старается не присутствовать на ежегодномъ балѣ, который ввелъ въ обычай давать ея предшественницы. Хедивъ рано ложится спать, и въ 11 ч. во дворцѣ всѣ спятъ. На національное движеніе Аббасъ-Хильми смотритъ благосклонно и говорятъ, что онъ принимаетъ въ немъ участіе, но авторъ считаетъ его слишкомъ осторожнымъ и для своихъ лѣтъ очень проныцательнымъ, чтобы кому-нибудь ввѣряться, и никто не знаетъ, что у него въ головѣ. Однако онъ доказалъ, что англійскій гнетъ слишкомъ давитъ его. Властолюбивый по атавизму, онъ къ тому же по природѣ любитъ повелѣвать; онъ также любитъ Египетъ, завоеванный его предками, гдѣ они царствовали самостоятельно цѣлый вѣкъ.

Иврэ находить странное сходство въ судьбѣ перваго Птолемея и великаго Мохамеда-Али. Оба незначительные по происхожденію греки, одной расы и почти изъ одной деревни, изъ простыхъ солдатъ сдѣлались генералами, а затѣмъ, благодаря своимъ личнымъ достоинствамъ, заставили провозгласить себя египетскими государями. Судьба потомковъ была то блестящая, то несчастная; часто они теряли голову предъ очень большимъ богатствомъ и предавались излишествамъ, которыя ввергали плодородную долину Нила въ руки опасныхъ иностранцевъ. Будетъ ли у Мохамеда-Али такой отпрыскъ, какъ послѣдніе Алагиды, и не замѣнитъ ли Великобританія Римъ? спрашиваетъ авторъ. «Слишкомъ много интересовъ иностранцевъ,—говоритъ онъ,—поставлено здѣсь на карту, чтобы этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ въ наши дни такъ же легко, какъ въ царствованіе Цезаря, но все же сравненіе такъ и напрашивается. Ничего нѣтъ удивительнаго, что египетскій хедивъ желаетъ быть самостоятельнымъ государемъ, если даже въ его жилахъ не течетъ крови его подданныхъ. Патріотизмъ — наслѣдіе каждаго государя, какъ корона и скипетръ. А націи, когда имъ не хватаетъ короля, не останавливаются предъ тѣмъ, чтобы отыскать его въ чужихъ странахъ, какъ было въ Норвегіи, Греціи и Румыніи. Тѣ, кто упрекають хедива въ равнодушіи къ дѣламъ, плохо его знаютъ. Дѣйствительно, послѣдніе дни пребыванія въ Египтѣ лорда Крамера ознаменовались чрезмѣрнымъ покушеніемъ на независимость хедива, и ихъ отношенія были очень натянуты. Впрочемъ, это было самой сильной горечью, какую зналъ въ Египтѣ этотъ англійскій государственный человѣкъ: онъ угадалъ глухую ненависть у хедива».

Къ несчастію, заканчиваетъ свою характеристику Иврэ, пока хедивать будетъ приманкой, хедиву придется бороться. Пока онъ молодъ, любитъ жизнь и ея наслажденія, онъ незамѣтно остается простымъ зрителемъ событий, которымъ онъ можетъ помѣшать только отреченіемъ. Иврэ находить, «что лучше быть не полнымъ господиномъ, чѣмъ совѣмъ не быть имъ. Конечно, положеніе хедива часто бываетъ тяжело и всегда ложно; это настоящее рабство подъ личиною безусловной свободы, но небо Египта такъ чисто, равнины зелены, а Ниль щедръ, что стоитъ чего-нибудь для тѣхъ, кто просыпается при свѣтѣ на его волшебныхъ берегахъ».

Аббасъ-Хильми самый богатый изъ цивилизованныхъ государей благодаря разумно помѣщеннымъ деньгамъ и превосходной администраціи. Въ заключеніе авторъ говоритъ: счастливый отецъ, счастливый мужъ, молодой, сильный, свободный путешествовать, сколько хочетъ, не удерживаемый надолго заботами о государствѣ—развѣ это не прекрасная доля для государя?

— Отовсюду.—Черезъ нѣсколько времени въ Римѣ выйдетъ первый томъ мемуаровъ Криспи, которые обѣщаютъ выпустить въ свѣтъ въ трехъ томахъ. Первый заключаетъ въ себѣ революціонный періодъ жизни Криспи до провозглашенія единства Италіи, поэтому въ немъ помѣщена переписка Криспи съ Маццини и Гарибальди, что придастъ этой книгѣ особый интересъ. Всѣ иностранные журналы и газеты говорятъ безъ конца объ этихъ мемуарахъ, но съ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія. Такъ большинство ихъ называютъ предстоящее сочиненіе Криспи мемуарами, а «Jouir-

nal des Débats» увѣряетъ, что это вовсе будутъ не мемуары, а лишь дневникъ и собраніе различныхъ замѣтокъ. Всю свою жизнь, по словамъ сотрудника «Débats», Криспи ежедневно записывалъ все, что случилось въ его жизни замѣчательнаго или что онъ видѣлъ и слышалъ интереснаго. Кромѣ того, онъ собиралъ и пряталъ въ особые конверты документы и выдержки изъ газетъ о замѣчательныхъ событіяхъ его времени. Итальянское правительство знало объ этой привычкѣ знаменитаго государственнаго человѣка и послѣ его смерти потребовало къ себѣ этотъ любопытный архивъ... Наслѣдники Криспи отказались исполнить желаніе правительства, и послѣднее повело съ ними длинный процессъ, окончившійся въ пользу государственной власти. Было рѣшено, что представитель правительства вмѣстѣ съ наслѣдниками пересмотритъ всѣ оставшіяся послѣ Криспи бумаги. Въ концѣ концовъ тѣ изъ нихъ, которыя касались безопасности государства, были внесены въ офиціальныи архивъ. Но главный и самый любопытный матеріалъ избѣгнулъ правительственныхъ рукъ. Дневникъ Криспи, въ который онъ вносилъ всѣ свои личныя наблюденія и впечатлѣнія, былъ спрятанъ наслѣдниками и теперь будетъ исполнѣ напечатанъ вмѣстѣ съ тѣми его замѣтками, которыя оставлены наслѣдникамъ правительственными чиновниками.

Правда, въ послѣднее время своей жизни Криспи имѣлъ намѣреніе слить въ одно всѣ свои бумаги и создать изъ нихъ мемуары, но неожиданная смерть помѣшала этимъ намѣреніямъ. При этомъ небезынтересно замѣтить, что онъ намѣревался прибѣгнуть къ покровительству Вильгельма II, который дѣйствительно подыскивалъ ему подходящаго издателя мемуаровъ, но и это не удалось, вслѣдствіе его смерти. Остальные два тома воспоминаній Криспи будутъ касаться его министерской дѣятельности до его паденія и послѣднихъ лѣтъ его жизни. По всей вѣроятности, воспоминанія Криспи не представлятъ ожидаемаго интереса, потому что они не сохранились въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ихъ оставилъ; но во всякомъ случаѣ они надѣлаютъ во всемъ свѣтѣ много шума.

Въ Неаполѣ появился небольшой томъ послѣднихъ остатковъ неизданныхъ сочиненій Джакомо Леопарди, хранившихся въ національной библиотекѣ этого города. Такимъ образомъ все, что произвелъ великій умъ поэта — будетъ извѣстно, и его семейныя бѣдствія не ускользнутъ отъ вниманія публики. Всѣ его родственники, особенно мать, относились къ великому человѣку холодно и безчувственно. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ матери въ 1830 г. Леопарди говорилъ о своихъ болѣзняхъ, которыя мать считала воображаемыми. «Я пламенно желаю умереть, — писалъ онъ, — чтобы доказать невѣрующимъ въ мои страданія, что я дѣйствительно боленъ». Вообще великій песимистъ говорилъ въ своихъ замѣткахъ: «Я хочу написать трактатъ объ искусствѣ быть несчастнымъ, такъ какъ искусство быть счастливымъ уже составлено тысячами людьми тривиально и, несмотря на общую извѣстность, никѣмъ съ успѣхомъ не примѣнено».

Что касается до итальянскихъ журналовъ, то въ «Nuova Antologia» помѣщено нѣсколько біографическихъ очерковъ. В. Лука посвятилъ эту же румынской королевѣ, извѣстной подъ литературнымъ псевдонимомъ Кармень

Сильва. Всего интереснѣ собранныя имъ свѣдѣнія объ ея юности, когда она мечтала сдѣлаться учительницей и основательно изучала латинскій, французскій, итальянскій, англійскій и шведскій языки. Послѣ этого она много занималась музыкой и, наконецъ, предалась литературѣ. Ея любимыя авторы—Гёте, Шиллеръ, Байронъ, Шопенгауэръ, Мюссе, Пбсенъ и румынскій Александри. Изъ композиторовъ она предпочитаетъ Вагнера, Листа, Грига, Баха и Бетховена.

Въ послѣднихъ номерахъ того же журнала Джино Мональди, бывшій импрессарио балетныхъ труппъ, помѣщаетъ цѣлую серію біографическихъ очерковъ главнѣйшихъ европейскихъ танцовщицъ XIX вѣка: Тальони, Фанни Эльслеръ, Фанни Черрито и Карлотты Гризи. Первой изъ нихъ была, безъ сомнѣнія, Марія Тальони, родившаяся въ 1804 г. въ Стокгольмѣ и умершая въ Марселѣ въ 1864 г. Она была дочерью итальянскаго танцовщика Филиппа Тальони и дебютировала въ Вѣнѣ, а потомъ танцевала въ Штутгартѣ, Мюнхенѣ и Парижѣ, гдѣ пожинала постоянно лавры въ Большой оперѣ до 1847 г. танцуя по временахъ на сценахъ главнѣйшихъ городовъ Европы, между прочимъ Петербурга и Москвы. Наибольшій успѣхъ она имѣла въ «Сильфидѣ» и «Дочери Дуная». Она отличалась въ классическихъ танцахъ граціей, воздушностью полета и создала новое искусство цѣломудренныхъ и дѣвственныхъ танцевъ, при этомъ она презирала всѣ старыя хореграфическія методы и школьныя традиціи. Ея танцы были удивительно просты, безъ всякихъ преувеличеній и составляли настоящую благородную идиллію. Она встрѣчала повсюду самый необузданный восторгъ; въ Петербургѣ императрица Александра Ѳеодоровна пожертвовала двѣсти тысячъ на постановку «Гитаны» и присутствовала на каждомъ ея представленіи. Вѣна, прощаясь съ нею въ 1879 г., вызвала ее сорокъ два раза. Хотя она была чрезвычайно ненасытна на деньги, но отличалась благотворительностью.

Почти одинаковыхъ лѣтъ съ Тальони была австрійская танцовщица Фанни Эльслеръ, которая родилась въ 1806 г. въ Вѣнѣ, а умерла въ Меранѣ въ 1878 г. Она танцевала на всѣхъ европейскихъ сценахъ также съ громаднымъ успѣхомъ, но особенно отличалась въ мимикѣ и въ характерныхъ танцахъ, именно испанскихъ. Всего болѣе успѣха она имѣла въ американскихъ городахъ, гдѣ законодательныя собранія дѣлали особыя засѣданія въ ея честь. Существуетъ легенда, что она была любовницей несчастнаго герцога Рейхштатскаго, сына Наполеона I; но его близкій другъ, графъ Прокопешъ-Остенъ опровергъ этотъ слухъ и установилъ, что между молодыми людьми никогда ничего не было. Вообще о Фанни Эльслеръ ходило много интересныхъ легендъ. Такъ, разсказывали, гаванскій плантаторъ поднесъ ей въ подарокъ тысячу сигаръ, сдѣланныхъ изъ чистаго золота. Это, говоритъ Мональди, не помѣшало имъ разойтись, какъ и настоящимъ сигарамъ. Любезнаго плантатора звали донъ Хозе Альфарамо.

Въ «*Novva Antalogia*» помѣщены письма Мадчини религіознаго содержания, въ которыхъ онъ развиваетъ свои духовныя идеи. Эти письма адресованы имъ къ одной русской дамѣ, которая безутѣшно горевала, липившись своихъ двухъ дѣтей. Впоследствии эти письма перешли къ синьорѣ Джорджинѣ

Саори, которая теперь разрѣшила ихъ напечатать, потому что они бросаютъ свѣтъ на религиозное настроеніе знаменитаго революціонера. «Какъ я уже вамъ говорилъ, — пишетъ Маццини своей корреспонденткѣ: — я не христіанинъ, мой Богъ не имѣетъ почти ничего общаго съ Богомъ христіанскихъ догматовъ, но я питаю глубокую религиозность, какъ въ сердцѣ и совѣсти, такъ въ умѣ и знаніи. Когда я былъ студентомъ, я заблудился на пути атеизма, но вернулся съ него, благодаря исторіи и наукѣ. Изучая исторію массъ, а не отдѣльныхъ личностей, изъ вѣка въ вѣкъ, я понялъ вліяніе вѣчнаго закона, который ведетъ насъ мало-по-малу отъ зла къ добру. Этотъ законъ былъ прогрессомъ и, очевидно, этотъ верховный законъ, разумный и благодѣтельный, созданъ не нами, а Богомъ». Далѣе Маццини распространяется по вопросу о бессмертіи и прибавляетъ: «Я желалъ бы васъ успокоить и доказать вамъ, что нѣтъ смерти. Ваши дѣти еще живы и будущая жизнь не ложь, а должна быть достигнута во имя вашей и ихъ любви. Въ иной формѣ, но вы встрѣтитесь и признаете другъ друга. Когда мы садимъ цвѣтокъ на могилу потерянныхъ нами дорогихъ существъ, это не актъ безумія, но актъ любви; мы вѣримъ, что этимъ путемъ входимъ въ единеніе съ тѣми, которые отъ насъ далеко, и вѣримъ, что они также соединяются съ нами».

Вопросъ объ оккультизмѣ и спиритизмѣ все болѣе и болѣе завоевываетъ вниманіе общества въ Италіи и печати и въ одномъ изъ номеровъ «Lettura» г-жа Паола Ламброзо описываетъ сеансы Евзапіи Палладино, признавая у нея необыкновенный умъ, который заслуживаетъ уваженія. Объ оккультизмѣ же говоритъ редакторъ журнала «Leonardo» Папшини, обсуждая его задачи. Онъ еще не пропагандируетъ этого ученія, но говоритъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оккультизмъ заслуживаетъ названія науки.

Въ «Rivista d'Italia» анонимный авторъ посвящаетъ любопытный очеркъ жизни и романамъ Джіованни Руффини, писателя и патріота второй половины прошлаго столѣтія. Пламенный республиканецъ и высокообразованный чловѣкъ, Руффини писалъ свои романы по-итальянски и англійски. Изъ нихъ наибольшимъ успѣхомъ пользовался «Докторъ Антоніо», переведенный на многіе иностранные языки, между прочимъ на русскій.

Венгерская газета «Telefon Hirmondo», издающаяся въ Будапештѣ, представляетъ единственное явленіе въ газетномъ мірѣ: она издается ежедневно и доставляется пятнадцати тысячамъ подписчиковъ нѣсколько разъ по телефону. В. Финдджеральдъ даетъ въ американскомъ журналѣ «Scientific American» подробное описаніе этой оригинальной и курьезной газеты. Начиная съ восьми часовъ утра и до десяти вечера телефонная газета сообщаетъ своимъ подписчикамъ изъ часа въ часъ всевозможныя новости: политическія, общественныя, литературныя, театральныя, судебныя и т. д. Ни одна печатная газета не можетъ соперничать въ быстротѣ свѣдѣній, сообщаемыхъ этой новой газетой. Кромѣ всевозможныхъ новостей, получаемыхъ подписчиками оригинальной газеты, она еще доставляетъ имъ возможность присутствовать при всякихъ парламентскихъ и общественныхъ засѣданіяхъ, театральныхъ представленіяхъ, публичныхъ засѣданіяхъ и т. д.

Въ сентябрьскомъ номерѣ австрійскаго журнала «Oesterreichische Rundschau» напечатана любопытная статья Леопольда фонъ-Хлумецкаго объ ирредентизмѣ въ Австріи. Австрійскіе и итальянскіе министры увѣряютъ, что итальянскій ирредентизмъ въ Австріи умеръ, — но Хлумецкій говоритъ, что «ирредентизмъ не умеръ, да здравствуетъ ирредентизмъ!» Авторъ и въ то же время редакторъ журнала полагаетъ, что итальянцы, подчиненные Австріи въ Триестѣ и другихъ городахъ Габсбургской имперіи, попрежнему стремятся къ отдѣленію. Другой авторъ, Вильгельмъ Нордъ, подтверждаетъ это мнѣніе въ томъ же журналѣ и предсказываетъ скорую войну между Италіей и Австріей. Даже австрійскій депутатъ Юсифъ Смодлако удостоверяетъ въ «Italia all'Estero»: «Если Фріуль возвратится въ одинъ прекрасный день къ Итали, то ни одинъ изъ насъ не двинетъ пальцемъ, чтобы этому помѣшать».

Въ голландскомъ журналѣ «Gids» прославляютъ столѣтійный юбилей нидерландскаго поэта Бильдердика, при чемъ авторъ статьи Карль Шаргенъ доказываетъ, что въ настоящее время его совершенно несправедливо забыли и только благодаря юбилею обратили на него вниманіе и печатаютъ новое изданіе его сочиненій.

Алленъ Ванерусъ въ августовской книжкѣ стокгольмскаго журнала «Ord och Bild» помѣстилъ горячій панегирикъ извѣстному шведскому философу Бострему. Этотъ скандинавскій Платонъ имѣлъ вполне аристократическое возрѣніе на религію; какъ Шопенгауэръ, котораго онъ близко изучалъ, Бостремъ полагалъ, что національная религія составляетъ народную метафизику.

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ издающагося въ Христианіи «Samtiden» извѣстный норвежскій писатель Бьернстьерне - Бьернсонъ доказываетъ, что не дипломаты, только что собравшіеся въ Гаагѣ, добудутъ общій миръ. Они могутъ распространить повсюду желаніе мира и возбудить вездѣ ненависть къ войнѣ—и этого уже много. Такимъ путемъ можно было бы достигнуть важнаго политическаго акта. Всѣ маленькія государства германскаго происхожденія: Голландія, Бельгія, Люксембургъ, Скандинавія и Швейцарія составили бы съ Германіей мирный союзъ; вскорѣ къ нимъ присоединились бы Англія и Соединенные Штаты, а потому всякая война сдѣлалась бы невозможной.

ИЗЪ ЖИЗНИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.

Новое есть только хорошо забытое старое.

(Дѣятельность русскаго археологическаго общества, планъ работъ къ XIV археологическому сѣзду и разработка моск. архива главн. штаба).

АСТУПИЛЪ новый академическій годъ: Раскрылись двери учебныхъ заведеній, возобновили свою дѣятельность ученыя общества и учрежденія. Постепенное успокоеніе родины послѣ трехъ пережитыхъ тревожныхъ лѣтъ даетъ наконецъ возможность людямъ науки спокойно приступить къ ученымъ работамъ. Начали свою скромную работу и археологи. Осень и зима для археологовъ—это періодъ оцѣнки и обзора добытыхъ лѣтомъ сырыхъ археологическихъ матеріаловъ. Археологи, свободные отъ обычныхъ зимнихъ занятій, производятъ лѣтомъ раскопки кургановъ и разслѣдованія на мѣстѣ обширныхъ могильниковъ, городищъ, пещеръ, стоянокъ первобытнаго человѣка. Изслѣдуютъ, во время своихъ лѣтнихъ путешествій, старинные храмы, зданія, памятники старины, хранящіеся въ нашихъ и заграничныхъ музеяхъ, работаютъ надъ документами въ архивахъ, освѣщая ихъ еще большею частью темное и загадочное значеніе. Собранный, такимъ образомъ, лѣтомъ фактической матеріалъ получаетъ осенью ученую обработку, становится предметомъ обсуждения на ученыхъ собраніяхъ. Темный покровъ, окутывающій этотъ матеріалъ, при яркомъ свѣтѣ знанія и опыта, путемъ аналогій, начинаетъ понемногу спадать, и въ неясныхъ еще очертаніяхъ выступаетъ истина.

Ученая дѣятельность императорскаго русскаго археологическаго общества открылась въ нынѣшнемъ году 27 сентября засѣданіемъ восточнаго отдѣленія, подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена. П. Ю. Крачковскій прочелъ докладъ о Мутавабби, какъ предшественникѣ Абул-Ала (къ исторіи

рефлексивнаго направленія въ арабской поэзіи). Имя Абул-Ала стоитъ очень высоко въ арабской литературѣ. Идеи его, идеи отрицанія, были слишкомъ смѣлы для того времени (XI ст.), и въ ученое мѣръ онъ сочтенъ поэтому за исключительную натуру, одинокаго и гениальнаго новатора. Референтъ попытался восполнить пробѣлъ въ вопросѣ о вліяніи на Абул-Ала предшественника его, извѣстнаго арабскаго писателя X столѣтія Мутанабби. Это былъ поэтъ-философъ. Его произведенія—бездонное море отрицанія, поэзія отрицанія, облеченная въ блестящую, богатую метафорами литературную форму. Любимая тема—смерть. Поэтъ отрицаетъ все: загробную жизнь, религію, любовь, дружбу, его совершенно не удовлетворяютъ окружающія социальныя условія жизни. Молодость поэта омрачена была тюремнымъ заключеніемъ. Онъ попалъ въ темницу несправедливо, благодаря предательству, по доносу еврея. Можетъ быть, и это увеличило еще болѣе его мрачный скептицизмъ, уменьшило его вѣру въ людей. Все для него было обманомъ, все призрачно. Въ поискахъ за реальнымъ, онъ былъ вѣчнымъ странникомъ. Вліяніе Мутанабби на Абул-Ала съ несомнѣнной ясностью выражается въ общихъ идеяхъ ихъ относительно дѣтей, женщинъ и вина. Изслѣдованіе референта представляетъ большое значеніе, оно устанавливаетъ одно изъ звеньевъ эволюціи въ исторіи арабской литературы.

В. В. Бартольдъ, въ своемъ докладѣ «Еще извѣстіе о Коркудѣ» коснулся вопроса о знаменитой легендѣ, весьма распространенной у туркменъ и киргизовъ. На Кавказѣ легенда эта до сихъ поръ мало извѣстна. Референтъ открылъ новую версію легенды среди цикла преданій, сохранившихся въ одной изъ рукописей дрезденской королевской бібліотеки. Среди преданій о борьбѣ предковъ туркменъ съ греками, генуэзцами и грузинами есть, между прочимъ, и былина о Коркудѣ. Пѣвецъ, музыкантъ на лютнѣ, патриархъ-выразитель народной мудрости—Коркудъ, явившійся къ лезгинамъ миссіонеромъ для распространенія ислама, былъ здѣсь убитъ. На могилу его, по даннымъ XVII столѣтія, находившуюся близъ Дербента, собирались паломники, и надъ нею часто звучали воинственныя ихъ пѣсни.

6-го октября открыло свою ученую дѣятельность въ текущемъ академическомъ году и отдѣленіе русской и славянской археологіи. На состоявшемся, подъ предсѣдательствомъ управляющаго отдѣленіемъ проф. С. Ѳ. Платонова, засѣданіи членовъ отдѣленія А. А. Спицынъ сдѣлалъ докладъ о теоріи массоваго переселенія приднѣпровской Руси на сѣверъ; И. С. Абрамовъ доложилъ о произведенныхъ имъ, по порученію общества, раскопкахъ въ Черниговской губерніи; А. А. Спицынымъ сообщено было о раскопкахъ въ той же губерніи С. А. Гатцука; князь П. А. Путятинъ демонстрировалъ найденную имъ въ землѣ на глубинѣ одного аршина, лѣтомъ 1907 г. при раскопкахъ въ Бологое, урну съ сожженными костями. Урна эта принесена имъ въ даръ обществу. А. А. Спицынъ въ своемъ докладѣ критически отнесся къ гипотезѣ Погодина и Ключевскаго о томъ, что Русь густо населяла въ X—XI вѣкахъ Приднѣпровье. Съ половины XII вѣка, подъ давленіемъ тяжелыхъ экономическихъ условій и набѣговъ кочевниковъ-половцевъ, Русь могучимъ колонизаціоннымъ потокомъ стала передвигаться на сѣверъ. Теорія эта,

какъ выразился докладчикъ, стройная и блестящая, не имѣтъ однако за собою никакихъ археологическихъ обоснованій. Докладчикъ отрицаетъ широкое развитіе въ эту эпоху земледѣлія у русскихъ: они обрабатывали землю исключительно для удовлетворенія собственныхъ нуждъ; рабовладѣльчество было очень незначительно. Населеніе Киевской области, по его мнѣнію, было сравнительно рѣдко. Населенъ былъ только Кіевъ, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ міровыхъ торговыхъ пунктовъ, обслуживавшій востокъ. Половцы не представляли, по мнѣнію референта, грозной опасности для русскихъ, такъ какъ послѣдніе относились къ нимъ какъ къ разбойникамъ и умѣли бороться съ ними. Станнымъ кажется также для референта передвиженіе южнаго племени—обитателей степи—въ густые лѣса сѣвера, гдѣ они должны были встрѣтить и рѣзкую перемѣну климата и разницу, вслѣдствіе этого, въ характерѣ и въ результатахъ труда. Отрицаніе гипотезы Ключевского вызвало оживленныя пренія. Въ защиту обоснованности теоріи высказались С. Ѳ. Платоновъ, С. П. Рождественскій и др. По ихъ мнѣнію, Киевская область въ X—XI вѣкахъ, имѣя много городовъ и образовавъ рядъ отдѣльныхъ княжествъ, была значительно населенною. На это указываетъ и сложная организація сборовъ съ населенія. Развитіе рабовладѣльчества доказывается «Русской Правдой», гдѣ такъ много мѣста отведено законодательству о рабахъ. Набѣгамъ половцевъ русскіе придавали большое значеніе, считая это крупнымъ общественнымъ бѣдствіемъ, даже выраженіемъ гнѣва Божьяго, и набѣги эти исполнѣ могли способствовать передвиженію русскихъ на сѣверъ.

Текущій академическій годъ ознаменованъ открытіемъ занятій уже не въ одномъ, а въ двухъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, посвященныхъ археологін. Число слушателей въ императорскомъ сиб. археологическомъ институтѣ увеличилось противъ прошлаго года. Очевидно, и здѣсь повліяло наступающее успокоеніе нашей интеллигенціи, которой въ послѣдніе годы было не до археологін. Но лѣтомъ продолжающееся еще въ нѣкоторыхъ губерніяхъ броженіе среди крестьянъ мѣшало въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ приступить къ раскопкамъ и другимъ археологическимъ изслѣдованіямъ. Такъ, изъ разговора съ проф. Д. Я. Самоквасовымъ, которому принадлежитъ планъ подготовительныхъ работъ къ предстоящему XIV всероссійскому археологическому съѣзду въ Черниговѣ, выяснилось, что часть намѣченныхъ работъ не могла быть выполнена, исключительно благодаря указанной выше причинѣ. Принятый императорскимъ московскимъ археологическимъ обществомъ планъ «археологическихъ работъ по собранію и систематизаціи древностей Черниговщины для XIV археологическаго съѣзда» задуманъ весьма широко. Главною задачею предварительнаго комитета по устройству предстоящаго черниговскаго археологическаго съѣзда намѣчена постановка вопросовъ, относящихся къ древностямъ Черниговщины, и собраніе и систематизація фактическаго матеріала для научнаго ихъ обсужденія и рѣшенія на съѣздѣ.

При собраніи и научной систематизаціи древностей Малороссіи нашего времени предположено имѣть въ виду наслоеніе вышнихъ культуръ, періо-

дически вносившихъ новые предметы искусства въ домашній и соціальный бытъ древнихъ обитателей Приднѣпровья. По вліянію культуръ Греціи, Рима, Византіи, Козарин, монголовъ, татаръ, Литвы, Польши и Великороссіи, выраженному въ различіи состава и формы бытовыхъ предметовъ каждаго періода, археологическій матеріалъ Малороссіи раздѣленъ на слѣдующія группы:

Группа I. Древности доисторическія—эпохи, отъ которой не осталось письменныхъ историческихъ, этнографическихъ и географическихъ свѣдѣній о народахъ области Приднѣпровья, оставившихъ въ своихъ жилищахъ и могилахъ издѣлія изъ камня, глины и кости, которыя служили необходимыми орудіями ихъ быта.

Группа II. Древности скиѣскія, со времени образованія въ области Приднѣпровья описаннаго Геродотомъ скиѣскаго государства и появленія въ его предѣлахъ греческихъ колоній до завоеванія римлянами западной половины древней Скиѣи, царства гетовъ, какъ называли ее греки, или царства даковъ, какъ называли римляне.

Группа III. Древности сарматскія, со времени выселенія изъ римской провинціи Дакіи туземныхъ племенъ за сѣверные предѣлы своей родины до козарскаго завоеванія славяно-русскихъ племенныхъ княженій въ области Приднѣпровья.

Группа IV. Древности русскія времени выселенія Россовъ изъ общей прародины, образованія русскихъ племенныхъ княженій и господства Козаръ и первыхъ Рюриковичей въ области Приднѣпровья (до XI вѣка по Р. Х.).

Группа V. Древности русскія, со времени крещенія Русскихъ при князѣ Владимирѣ до начала татарскаго ига (половины XIII вѣка), т. е. древности политической независимости русскаго народа и свободнаго развитія русской культуры, подъ вліяніемъ новаго церковнаго права, новаго государственнаго строя и новыхъ формъ семейнаго быта, принесенныхъ въ Русь изъ Греціи.

Группа VI. Древности русскія времени разрушенія русскихъ городовъ полчищами Батяи и его сподвижниковъ, обѣднѣнія русскаго населенія, господства татарскихъ численниковъ и баскаковъ, паденія древне-русской культуры и появленія татарскихъ обычаевъ въ соціальномъ и домашнемъ быту русскаго народа.

Группа VII. Древности малорусскія времени изгнанія татарскихъ баскаковъ и вліянія литовской и польской культуръ на государственный, религіозный и домашній бытъ населенія Малороссіи, подвластной съ начала XIV вѣка Литвѣ, а съ 1386 г. польской коронѣ.

Группа VIII. Древности малорусскія, со времени перваго соединенія Черниговщины съ Москвою до втораго ея соединенія съ Польшею — времени возобновленія части старыхъ городовъ Черниговской земли и управленія воеводъ, намѣстниковъ и осадныхъ головъ московскаго государя.

Группа IX. Древности малорусскія, со времени передачи Черниговщины московскимъ царемъ Польшѣ по Деулинскому договору (1618 г.) до времени изгнанія поляковъ и окончательнаго соединенія Малороссіи съ Великороссіею въ 1654 г.,—эпохи вліянія поляковъ на русскій государственный, соціальный

и религиозный бытъ. (Дѣленіе Черниговщины на польскія воеводства и староства, введеніе польскихъ городскихъ, земскихъ и подкоморныхъ судовъ, польской колонизаціи, устройства католическихъ костеловъ, доминиканскихъ и францисканскихъ монастырей и иезуитскихъ коллегіумовъ).

Группа X. Древности русскія новѣйшаго періода — эпохи государственнаго, религиознаго и бытового объединенія населенія Малороссіи и Великороссіи подъ главенствомъ царя, общихъ законовъ, общаго управленія, общихъ судовъ и общаго государственнаго языка.

Изъ древностей доисторическихъ (I группа) до настоящаго времени въ предѣлахъ области древняго Чернигова извѣстны и необходимо должны послужить предметомъ разработки расколотыя человѣкомъ кости мамонта, сопровождаемыя находками при такихъ костяхъ кремневыхъ и костьюныхъ издѣлій. 2) Песчаная розсыпь, въ которыхъ розсыпь образуется, когда дерновой слой песчаной почвы въ данной мѣстности разрушается рубкой лѣса, выкапываніемъ пней, прогономъ скота и обнажается песчаной слой земли подъ дерновымъ слоемъ. Послѣ бурь и сильныхъ вѣтровъ, перемѣщающихъ мелкій песокъ, на поверхности остаются кремневые осколки, глиняные черепки и другіе бытовые предметы, въ громадномъ количествѣ. Здѣсь попадаются кремневые наконечники стрѣлъ и копій, проколки, ножи, шилки, нуклеусы и фрагменты глиняныхъ сосудовъ, сходныхъ по составу и орнаментамъ съ сосудами могилъ каменной культуры Приднѣпровья. Тамъ же встрѣчаются крупныя каменныя издѣлія—долота, топоры, кинжалы, молотки, а иногда и мѣдныя издѣлія—наконечники стрѣлъ и копій, пожи, фибулы, обломки сосудовъ. 3) Глиняныя площадки съ бытовыми издѣліями изъ глины, камня, кости и мѣди. 4) Городища эпохи бронзовой культуры. Городища съ содержаніемъ предметовъ каменной и бронзовой культуры встрѣчены уже на правомъ берегу р. Десны, между Новгородомъ-Сѣверскимъ и селеніемъ Кудлаевкою. Кургановъ, каменныхъ гробницъ и вообще надземныхъ и подземныхъ могилъ съ издѣліями каменной культуры въ предѣлахъ древней Черниговщины до сихъ поръ почти не встрѣчалось. Древности скифской эпохи въ предѣлахъ древней Черниговщины встрѣчаются очень рѣдко. По свидѣтельству Геродота о пустыняхъ, лежавшихъ надъ сѣверными предѣлами скифской державы, и свидѣтельству Юлія Цезаря о пустынѣ, тянувшейся на востокъ отъ р. Эльбы на протяженіи 600 миль, сильныя варварскіе народы, жившіе южнѣ этой пустыни, не позволяли другимъ народамъ жить вблизи своихъ владѣній. Находки древностей сарматской эпохи, напротивъ, очень многочисленны въ предѣлахъ Малороссіи нашего времени, особенно въ южной ея половинѣ—въ Полтавской губерніи. Могильники этой эпохи весьма богаты по содержанію. Стоитъ раскопывать даже ограбленные курганы, потому что и въ нихъ часто встрѣчаются брошенные древними грабителями бронзовыя и желѣзныя издѣлія, издѣлія изъ кости и глины, разбитыя терракотовыя сосуды, а иногда золотыя и серебряныя предметы, не замѣченные и потерянные искателями могильныхъ богатствъ.

Курганы сарматской эпохи интересны еще тѣмъ, что они указываютъ на генетическую связь съ курганами дунайской славянской прародины, содержа-

щими такія же издѣлія. Генетическую связь полтавскихъ и кievскихъ кургановъ сказаннаго типа съ курганами римской Дакіи времени императора Траяна и его преемниковъ выражаютъ и топическія имена, сопровождающія могильники съ римскими издѣліями. Славяне называли и называютъ завоевателей своей прародины и ихъ потомковъ именами латинскаго языка—романи, римляне, и именами славянскаго языка—волхи, волохи, влахи; напримѣръ нашъ Несторъ именуеть Италію землею Волопскою, а завоевателей дунайскихъ славянъ и ихъ потомковъ волхами. Воспоминаніе о римлянахъ, выселенцахъ изъ римской Дакіи, сохранилось тамъ до нашего времени въ названіяхъ города Ромны, притока Сулы Роменъ. Вблизи идущей изъ Роменъ большой дороги расположена мѣстность, носящая названіе Римъ, извѣстная также группою кургановъ. На это же указываетъ селеніе «Римъ» и селеніе Волховцы. Лѣтопись въ области Сулы называетъ города Римовъ и Роменъ.

Исслѣдованіе IV группы древностей—древностей русскихъ языческой эпохи—можетъ освѣтить слѣдующіе основные вопросы исторіи русскаго народа, на которые не даетъ прямыхъ отвѣтовъ наша древнѣйшая лѣтопись. Подземными хранилищами русскихъ древностей христіанской эпохи домонгольскаго періода служатъ городища, селища, дворнища, монастырища и церковища, т. е. слѣды разрушенныхъ городовъ, селеній, монастырей и церквей. Интересно предстоящее обследованіе городищъ эпохи Рюриковичей, внослѣдствіи разрушенныхъ Батыемъ. Древнѣйшая наша лѣтопись молчитъ о русскихъ селахъ до конца XI столѣтія. Въ X вѣкѣ извѣстны только два селенія: Ольжицы и Берестово. Но и эти поселенія, какъ кажется, названы лѣтописцемъ селами потому, что они были частной собственностью князей; въ Берестовомъ жили 200 наложницъ князя Владимира, при которыхъ необходимо предположить обширный штатъ слугъ и хранителей; такое поселеніе, несмотря на его близость къ Киеву, едва ли могло быть оставлено княземъ неукрѣпленнымъ. Съ XI вѣка лѣтописи начинаютъ упоминать о селахъ, но только для того, чтобы сказать, что въ окрестностяхъ такого-то города княжескія, боярскія и монастырскія села выжжены половцами или русскими князьями въ междоусобной войнѣ, а населеніе сель истреблено или взято въ плѣнъ, или бѣжало въ города. Въ XII и XIII столѣтіяхъ источники Русская Правда, княжескіе церковные уставы и лѣтописи—уже часто говорятъ о княжескихъ, боярскихъ и монастырскихъ селахъ, населенныхъ смердами закупами и рабами и, въ частности, о такихъ же селахъ Черниговщины. Такъ, по лѣтописи вблизи Чернигова существовали многія княжескія села, въ которыхъ помѣщались богатства великихъ и удѣльныхъ черниговскихъ князей. Въ княжескихъ, боярскихъ и монастырскихъ селахъ перваго христіанскаго періода русскои исторіи, какъ и въ городахъ того времени, не сохранилось надземныхъ архитектурныхъ сооруженій, но сохранились ихъ остатки, селища и домища. Разыскать такія селища и домища и произвести въ нихъ раскопки съ цѣлью опредѣлить устройство и бытовую обстановку древнѣйшихъ русскихъ сель и дворовъ и является задачей археологовъ.

Лѣтописныя извѣстія въ домонгольскій періодъ насчитываютъ въ русской землѣ до 300 монастырей и много тысячъ церквей. Монастыри и церкви обно-

сились оградами и, въ случаяхъ нападенія непріятели, служили средствомъ общественной самообороны. Разрушая русскіе города, татары разрушали и русскіе молитвенные храмы, поэтому надземныхъ молитвенныхъ сооружений, какъ и городскихъ укрѣпленій, въ Черниговской землѣ нѣтъ: деревянныя не могли сохраниться отъ времени, каменные разрушены были татарами. Но монастырица и церковьица того времени существуютъ, ихъ изслѣдованіе не только можетъ ознакомить археологію съ планами молитвенныхъ храмовъ домонгольской Руси, но можетъ дать наукѣ русской исторіи и богатый бытовой матеріалъ, такъ какъ въ первое столѣтіе христіанства на Руси князей, бояръ и высшее духовенство хоронили въ подземныхъ частяхъ церквей, въ нишахъ фундаментовъ, специально изготовленныхъ для помѣщенія гробовъ, и возлѣ церквей въ каменныхъ склепахъ. Какъ на древнѣйшій храмъ Чернигова, лѣтопись указываетъ на соборъ Спасителя, основанный первымъ христіанскимъ княземъ Чернигова—Мстиславомъ Владимировичемъ, умершимъ въ 1134 году. Интересно было бы изслѣдовать Борисо-Глѣбскій соборъ, основанный Давидомъ Святославовичемъ, умершимъ въ 1123 г. Третій древнѣйшій черниговскій храмъ, разрушенный татарами, былъ основанъ въ XI вѣкѣ княземъ Святославомъ Ярославовичемъ на мѣстѣ чудснаго появленія на ели образа Божіей Матери, а потому названный Елецкимъ монастыремъ Святой Богородицы. Что касается систематическаго изслѣдованія новѣйшихъ періодовъ христіанской эпохи, планъ профессора Д. Я. Самоковсова указываетъ на необходимость составленія подробнаго указателя письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ Малороссіи. Въ составъ его должны войти: 1) Перечень лѣтописей, содержащихъ свѣдѣнія по исторіи Черниговской земли, 2) перечень описаній Черниговской земли, частныхъ и общихъ; 3) перечень правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ архивовъ, библиотекъ и музеевъ, въ которыхъ имѣются письменные и вещественные матеріалы по исторіи политическаго, соціальнаго и домашняго быта народонаселенія Черниговской земли, изслѣдованія, статьи и замѣтки, напечатанныя отдѣльными изданіями и въ изданіяхъ періодическихъ. Таковы задачи предстоящаго XIV всероссійскаго археологическаго съѣзда въ Черниговѣ, заключающаго собою цѣлый рядъ съѣздовъ, посвященныхъ археологическимъ изслѣдованіямъ нашего Юга.

Въ заключеніе нельзя не остановиться на одномъ отрадномъ явленіи въ жизни археологическихъ учрежденій. Большинство источниковъ по исторіи нашихъ военныхъ учрежденій до XIX столѣтія, еще такъ мало и односторонне разработанныхъ, хранится въ московскомъ архивѣ главнаго штаба. Архивъ этотъ помѣщается въ прекрасномъ и обширномъ помѣщеніи, бывшемъ Лефортовскомъ дворцѣ. До послѣдняго времени архивъ находился въ большомъ запущеніи: средства отпускались, какъ на личный составъ, такъ и на хозяйственную часть, ничтожныя. Но семь лѣтъ тому назадъ положеніе перемѣнилось, приближающійся столѣтній юбилей Отечественной войны выдвинулъ на очередь вопросъ объ изданіи всѣхъ историческихъ матеріаловъ, касающихся этой интересной эпохи въ жизни нашего отечества. Въ результатъ было крупное ассигнованіе до 90.000 руб. на разборъ и описаніе московскаго отдѣленія общаго архива главнаго штаба и учрежденіе особой комиссіи, подъ предсѣ-

дательствомъ генерала Мышлаевскаго. Намъ пришлось нынѣшней осенью посѣтить архивъ, гдѣ ведется работа по разбору и описанію дѣлъ уже 7 лѣтъ. Новый завѣдующій архивомъ, повидимому, любящій свое дѣло, обратилъ большое вниманіе на внѣшній порядокъ. Въ этомъ отношеніи, трудно желать большаго. 135 комнатъ, занимаемыхъ архивомъ, содержатся чисто и аккуратно. Входятъ въ нихъ одинъ, что вполнѣ обезпечиваетъ документы отъ похищенія изъ архива. Надъ разборомъ и описаніемъ дѣлъ трудятся два откомандированныхъ къ архиву офицера и нѣсколько барышень. Трудъ послѣднихъ:— чтеніе и описаніе рукописей XVIII столѣтія—оплачивается по 35 руб. въ мѣсяцъ, за 6 часовъ въ день. Каждая изъ работающихъ обязана описать не менѣе 7 дѣлъ въ день. Отмѣчая съ чувствомъ удовольствія, что работа эта идетъ оживленно, нельзя не признать, что окончаніе ея еще далеко. Въ настоящемъ году изсякаютъ средства, ассигнованыя лишь на 7 лѣтъ. Очень жаль, если работа остановится. Драгоцѣнные историческіе матеріалы, которые хранитъ московскій военный архивъ, остаются пока еще мало доступными для справокъ, такъ какъ описана лишь эпоха 1812 г. Весьма желательнымъ было бы ассигновать еще болѣе значительныя суммы на дальнѣйшую разработку архива и болѣе практичную постановку работъ. Жаль также, что военное вѣдомство не воспользовалось, какъ предпологалось раньше, при организаціи личнаго состава для разработки архива компетенціей въ архивномъ дѣлѣ императорскаго сиб. археологическаго института.

А. Мионовъ.

С М Ъ С Ъ.

ТКРЫТИЕ московскаго археологическаго института. 23 сентября съ большою торжественностью состоялось открытіе московскаго археологическаго института. Къ двумъ часамъ дня въ роскошномъ помѣщеніи гимназіи имени Медвѣдниковыхъ собрались: высокопреосвященный Владимиръ, митрополитъ московскій и коломенскій, всѣ викаріи московской епархіи: преосвященные—Трифонъ, епископъ дмитровскій, Серафимъ, епископъ Можайскій, Евдокимъ, епископъ волоколамскій, и Анастасій, епископъ серпуховскій, московскій генераль-губернаторъ и командующій войсками округа генераль-лейтенантъ С. К. Гершельманъ, помощникъ командующаго войсками генераль-лейтенантъ В. Г. Глазовъ, состоящій попечителемъ института, председатель императорскаго археологическаго общества графиня П. С. Уварова, попечитель учебнаго округа А. М. Ждановъ, помощникъ попечителя учебнаго округа В. Д. Исаенковъ, исправляющій должность московскаго губернатора флигель-адъютантъ В. Θ. Джунковскій, профессора московскаго университета, попечитель Медвѣдниковской гимназіи Н. А. Цвѣтковъ, директоръ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ В. Θ. Миллеръ, директоръ императорскаго инженернаго училища профессоръ А. А. Эйхенвальдъ, многіе генералы, представители различныхъ средне-учебныхъ заведеній столицы, многочисленная депутація отъ различныхъ учебныхъ обществъ и учреждений, прокуроръ московской синодальной конторы камергеръ Ф. П. Степановъ, почетные члены археологическаго института, профессорскій персоналъ института съ директоромъ А. П. Успенскимъ во главѣ, слушатели новаго просвѣтительнаго учрежденія и многія приглашенныя лица разныхъ круговъ населенія. Всѣ собирались въ актовомъ залѣ, украшенномъ тропическими растеніями. Отсюда приглашенныя лица вереницей прослѣдовали въ громаднй рекреационный залъ, гдѣ высокопреосвященный Владимиръ, соборнѣ со всѣми викаріями, тремя архимандритами, протопресвитеромъ

В. С. Марковымъ, протоіереемъ І. І. Восторговымъ и другимъ столичнымъ духовенствомъ, при участіи синодальнаго хора, совершали молебствіе съ водоосвященіемъ. Въ концѣ молебствія высокопреосвященный Владимиръ произнесъ рѣчь, въ которой выразилъ свою радость по поводу открытія новаго симпатичнаго просвѣтительнаго учрежденія и призвалъ на него Божіе благословеніе, съ пожеланіями ему полнаго успѣха и процвѣтанія. Далѣе въ своей рѣчи митрополитъ коснулся вопроса объ отношеніи между наукой и церковью и опровергъ нерѣдко выражаемое мнѣніе, будто церковь является врагомъ науки и просвѣщенія. Высокопреосвященный Владимиръ разъяснилъ, что антагонизма между церковью и наукой нѣтъ, что между ними можетъ и должна быть полная гармонія. Единеніе церкви съ наукой особенно необходимо въ настоящее время, когда духъ безвѣрія и безбожія проникаетъ въ наши учебныя заведенія не только чрезъ двери, но и чрезъ всѣ щели. Владыка выразилъ горячее пожеланіе, чтобы въ археологическомъ институтѣ не забывали свѣта Христова. Въ заключеніе своей рѣчи высокопреосвященный Владимиръ благословилъ институтъ иконой Преображенія Господня, которую передалъ попечителю В. Г. Глазову и директору А. И. Успенскому. Послѣ молебствія торжественное собраніе происходило въ актовомъ залѣ въ присутствіи митрополита, архіереевъ и генераль-губернатора. Собраніе открылось пѣніемъ «Царю Небесный». Затѣмъ генераль-лейтенантъ В. Г. Глазовъ произнесъ краткую вступительную рѣчь по поводу учрежденія археологическаго института, помянувъ добрымъ словомъ Н. В. Калачева, подавшаго первую мысль объ институтѣ. Учрежденіе института встрѣтило полное сочувствіе со стороны верховнаго покровителя русской науки Государя Императора, соизволившаго вмѣстѣ съ Государыней Императрицей Александрой Теодоровной принять званіе почетныхъ членовъ института. Отмѣтивъ далѣе сочувствіе общества къ институту, В. Г. Глазовъ воскликнулъ «ура» въ честь Государя Императора. Это ура было подхвачено всѣмъ многолюднымъ собраніемъ, а синодальный хоръ пропѣлъ народный гимнъ. Затѣмъ говорилъ директоръ института А. И. Успенскій, отмѣтившій, между прочимъ, тотъ знаменательный фактъ, что археологическій институтъ возникаетъ въ такое время, когда наше такъ называемое «прогрессивное» общество отворачивается отъ прошлаго. Это, несомнѣнно, придаетъ особое значеніе возникновенію института, имѣющаго свою задачу возстановливать прошлое и проливать на него яркій научный свѣтъ. Для успѣха дѣла необходимо привлеченіе крупныхъ моральныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ. Институтъ имѣетъ всѣ задатки для своего процвѣтанія—онъ стоитъ у источника русской старины, каковымъ является Москва. Профессоръ А. Н. Филипповъ произнесъ научную рѣчь о первомъ полномъ собраніи законовъ съ археографической стороны. Отдавая должное капитальному труду Сперанскаго, профессоръ отмѣтилъ нѣкоторые недостатки въ этомъ изданіи (неполнота собранныхъ узаконеній, несоблюденіе языка времени изданія актовъ; неуказаніе, откуда взяты акты; опущеніе обращеній и обрѣзываніе заключеній и др.). А. Н. Филипповъ доказывалъ, что къ памятникамъ старины нужно относиться бережно и съ любовью, нужно сохранять ихъ и знать научную цѣну. Далѣе собраніе было ознаменовано съ

краткимъ историческимъ очеркомъ возникновенія археологическаго института, составомъ его членовъ, профессорскаго персонала и слушателей. Занятія въ институтѣ открываются при 169 слушателяхъ, при чемъ изъ нихъ около 60 лицъ съ высшимъ образованіемъ. Среди лицъ, пожелавшихъ получать образованіе въ институтѣ, находится нѣсколько женщинъ. Выражая всѣмъ лицамъ, пришедшимъ на помощь институту, возникшему на частныя средства, благодарность, совѣтъ института особую признательность высказалъ попечителю и педагогическому совѣту Медвѣдниковской гимназіи, предоставившимъ роскошныя помѣщенія гимназіи для института. Затѣмъ слѣдовалъ рядъ привѣтствій московскому археологическому институту, слѣдовавшихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: отъ педагогическаго совѣта Медвѣдниковской гимназіи (В. П. Недачивъ), отъ московскаго учебнаго округа (А. М. Ждановъ), отъ императорскаго московскаго археологическаго общества (графиня П. С. Уварова), отъ археографической комиссіи того же общества (Н. Н. Ардашевъ), отъ архива министерства юстиціи (Д. Я. Самоквасовъ), отъ императорской академіи художествъ (Н. В. Султановъ), отъ Румянцовскаго музея (И. В. Цвѣтаевъ), отъ императорскаго историческаго музея (князь Н. С. Щербатовъ), отъ Лазаревскаго института и этнографическаго отдѣла общества любителей естествознанія (В. Ф. Миллеръ), отъ комиссіи по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины Москвы и московской епархіи (Н. Д. Струковъ), отъ московскаго архитектурнаго общества (Ф. О. Шефталъ), отъ московскаго нумизматическаго общества, отъ императорскаго московскаго коммерческаго училища (Д. В. Цвѣтаевъ), отъ московскаго межевого института, отъ училища живописи, ваянія и зодчества (князь А. Е. Львовъ), отъ императорскаго Строгановскаго художественно-промышленнаго училища (Н. В. Глоба), отъ ярославской, полтавской, тверской и другихъ ученыхъ архивныхъ комиссій и отъ московскаго общества преподавателей графическихъ искусствъ (И. Е. Евсѣевъ). Въ привѣтствіяхъ и адресахъ, помимо пожеланій успѣха и процвѣтанія институту, указывалось на то, что въ учрежденіи его давно нуждалась Москва. Императорское коммерческое училище поднесло адресъ, исполненный на пергаментѣ письмомъ древняго стиля и украшенный художественною виньеткой. Институтъ къ своему открытію получилъ множество привѣтственныхъ телеграммъ отъ августѣйшихъ особъ, отъ російскихъ университетовъ, ученыхъ обществъ и учреждений, отъ графа С. Д. Шереметева и другихъ лицъ. Въ концѣ собранія были прочитаны стихотворенія гг. Ардашевымъ и Потѣхинымъ. Патріотическое стихотвореніе г. Потѣхина вызвало дружныя рукоплесканія. Собраніе закончилось въ половинѣ шестого часа вечера.

Въ русскомъ военно-историческомъ обществѣ. 29 сентября въ помѣщеніи пріемной залы главнаго штаба состоялось первое по утвержденіи устава собраніе членовъ-учредителей русскаго военно-историческаго общества. Собраніе открылъ вступительной рѣчью предсѣдатель ген. Д. А. Скалонъ, привѣтствовавшій учредителей новаго общества съ Высочайшимъ утвержденіемъ устава. Собраніе единодушно постановило повергнуть къ стопамъ Государя вѣрноподаннѣйшія чувства съ изъявленіемъ глубочайшей благодарности за высококомплетивное вниманіе къ обществу. Далѣе ген. Скалонъ передалъ собранію при-

вѣтствіе отъ имени управляющаго военнымъ министерствомъ, обѣщавшаго нравственную поддержку и полное содѣйствіе министерства всѣмъ трудамъ и начинаніямъ молодого общества. По состоявшимся выборамъ закрытой баллотировкой въ составъ совѣта вошли: предсѣдатель ген. Д. А. Скалонъ, товарищъ предсѣдателя проф. ген. А. З. Мышлаевскій, секретарь полк. Д. П. Струковъ, въ члены совѣта: проф. А. К. Баіовъ, начальникъ архива министерства народнаго просвѣщенія К. А. Военскій, В. В. Жерве, Е. С. Каменскій, проф. В. М. Колюбакинъ, А. С. Кротковъ, С. А. Панчулидзевъ, П. Н. Симанскій и Н. Д. Чечулинъ. По объявленіи результатовъ выборовъ вновь избранный секретарь общества полк. В. П. Струковъ прочелъ докладъ, въ которомъ выяснилъ задачи и программу ближайшей практической дѣятельности военно-историческаго общества. Докладъ по постановленію собранія переданъ въ совѣтъ для принятія къ свѣдѣнію при разработкѣ очередныхъ вопросовъ на предстоящихъ собраніяхъ общества. Далѣе ген. П. Д. Паренсовъ прочелъ докладъ о послѣднихъ торжественныхъ событіяхъ въ Болгаріи и указалъ на значеніе ихъ для будущей военной исторіи Россіи и славянства. Почтенный докладчикъ отмѣтилъ то равнодушіе, съ которымъ наша печать отнеслась къ этимъ знаменательнымъ событіямъ, и изъ всѣхъ газетъ только «Новое Время» и «Русскій Инвалидъ» имѣли собственныя корреспонденціи, а остальные газеты ограничивались лишь лаконическими телеграммами спб. агентства. Въ заключеніе доклада П. Д. Паренсовъ высказалъ пожеланіе, чтобы работы военно-историческаго общества въ Россіи были тѣсно связаны съ работами подобнаго же рода обществъ славянскихъ государствъ. Директоръ спб. археологическаго института проф. Н. В. Покровскій отъ имени института привѣтствовалъ общество и указалъ на то обширное поприще, которое открывается передъ нимъ. Въ частности общество должно обратитъ серьезное вниманіе на разработку военныхъ архивовъ, которые еще ждутъ своихъ изслѣдователей, а многіе еще неизвѣстны, какъ показываетъ недавнее случайное открытіе военного архива въ Шлиссельбургской крѣпости. Послѣднимъ ораторомъ выступилъ полк. Афанасьевъ, который въ своей рѣчи указалъ на желательность устройства музея Отечественной войны въ Москвѣ, которая своей грудью отбросила армію Наполеона и отстояла Россію. Военно-историческое общество, по мнѣнію докладчика, могло бы оказать важное содѣйствіе къ осуществленію идеи учрежденія музея Отечественной войны именно въ Москвѣ.

Суворовскія торжества въ Очаковѣ. По инициативѣ командующаго войсками одесскаго военного округа барона А. В. Каульбарса 30 сентября и 1 октября одесскимъ военнымъ округомъ и приглашенными представителями другихъ военныхъ округовъ и русскаго флота съ особой торжественностью чествовалась память генералиссимуса князя Суворова на мѣстѣ его былыхъ подвиговъ въ Кинбурнѣ и Очаковѣ (Херсонской губ.) открытіемъ ему памятника на берегу обширнаго Днѣпровскаго лимана, которымъ Россія овладѣла благодаря суворовскимъ побѣдамъ надъ турками. 1 октября исполнилась 120-я годовщина знаменитой побѣды при Кинбурнѣ. Кинбурнъ расположенъ насупротивъ Очакова, на песчаной отмели, онъ занимаетъ господствующее положеніе на Днѣпровскомъ лиманѣ, преграждая входъ неприятельскимъ судамъ въ

воды Днѣпра. Турки, прежніе владѣльцы Кинбурна, дорожили этимъ стратегическимъ пунктомъ и проявляли чрезвычайную настойчивость и упорство въ овладѣніи имъ, когда Кинбурнь, силою обстоятельствъ, вышелъ изъ-подъ ихъ власти. Въ екатерининскую эпоху шла упорная русско-турецкая война изъ-за господства въ сѣверо-западномъ углу Чернаго моря, и центрами этой борьбы были Кинбурнь и Очаковъ. 1 октября 1787 года турецкій десантный отрядъ пытался овладѣть укрѣпленіями Кинбурна. Турки сдѣлали отчаянный приступъ. Но военный гений Суворова и мужество русскихъ войскъ восторжествовали: наши войска подъ личнымъ начальствомъ знаменитаго генералиссимуса отбили приступъ турокъ, одержавъ блестящую побѣду. Сраженіе это не обошлось благополучно для Суворова, который получилъ двѣ раны, одну весьма серьезную подъ сердцемъ. Рѣшительный суворовскій бой имѣлъ значеніе для исхода всей русской борьбы за Новороссію; непріятельскій флотъ отплылъ къ Варнѣ, и турки покорились обстоятельствамъ; они долго уже не рѣшались предпринимать что-нибудь противъ Кинбурга. Послѣдній до Крымской войны оставался за Россіей. Въ Крымскую войну онъ временно достался англичанамъ. Дальнѣйшая судьба историческаго Кинбурна извѣстна. Въ концѣ царствованія императора Александра II Кинбурнь сталъ сильнымъ фортомъ; между Очаковымъ и Кинбурнскою косою возведены были укрѣпленія, окончательно преградившія доступъ непріятелю въ Днѣпровскій лиманъ.

Въ Очаковѣ ко днямъ торжества съѣхались изъ Петербурга, Варшавы и другихъ городовъ многочисленные представители тѣхъ полковъ, боевое прошлое которыхъ связано съ именемъ Суворова, какъ, на примѣръ, прошлое 15-го пѣхотнаго Шлиссельбургскаго полка. Въ Кинбурнскомъ бою былъ эпизодъ, показавшій героизмъ одного изъ чиновъ Шлиссельбургскаго полка (расположеннаго нынѣ въ Варшавѣ) въ защитѣ Суворова. Суворовъ, преслѣдуя турокъ, оказался въ передовыхъ рядахъ, въ самой опасной близости къ непріятелю, при этомъ подъ Суворовымъ пала сраженная лошадь. Гренадеръ Шлиссельбургскаго полка Новиковъ успѣшилъ выручить своего главнокомандующаго и бросился на турокъ. За Новиковымъ успѣшили другіе солдаты, и жизнь Суворова, окруженнаго нижними чинами въ самый критическій моментъ, была спасена. Въ суворовскихъ торжествахъ приняли участіе также представители городовъ Очакова и Херсона, содѣйствовавшихъ своими матеріальными жертвами сооруженію памятника. Представителемъ Черноморскаго флота на кинбурнскомъ торжествѣ явился крейсеръ «Память Меркурія». Армія, флотъ, города Юга—все отозвалось на суворовскія празднества, и въ маленькомъ Очаковѣ открылась пышная картина какъ бы всероссійскаго чествованія оамати знаменитаго полководца. Одесскій военный округъ выработалъ широкую программу патріотическихъ торжествъ. 30-го сентября, въ 6 час. вечера въ крѣпостномъ соборѣ въ присутствіи командующаго войсками одесскаго округа (барона Каульбарса), депутацій и почетныхъ гостей совершена панихида по императрицѣ Екатеринѣ II, князю Суворовѣ, бригадирѣ Горичѣ и всѣмъ воинамъ, павшимъ въ Кинбурнскомъ бою. На мѣсто памятника направленъ былъ свѣтъ прожекторовъ съ военныхъ судовъ. Въ городѣ проснулось оживленіе, дома украсились флагами. Вечеромъ въ собраніи Очаковскаго полка сдѣлано было сооб

щеніе о Кинбурнскомъ боѣ. Въ полдень 1 октября состоялось торжественное открытіе памятника Суворову въ присутствіи всѣхъ депутацій и судовъ Черноморскаго флота, ставшихъ на рейдѣ. Утромъ въ крѣпостномъ соборѣ при звонѣ колоколовъ всѣхъ церквей отслужена была литургія, послѣ которой къ памятнику отнесено было знамя Очаковскаго полка. Вокругъ памятника построились войска, имѣя впереди длинный редъ депутацій съ вѣнками. Послѣ обхода войскъ командующій войсками округа генераль Каульбарсъ скомандовалъ: «слушай! на караулъ!»—въ этотъ моментъ, при салютѣ судовъ Черноморскаго флота и батарей, спала завѣса съ памятника. При звукахъ марша «Громъ побѣды раздавался» депутаціи возложили на памятникъ вѣнки, въ томъ числѣ много серебряныхъ. Затѣмъ состоялся обходъ войскъ церковной процессіей съ суворовскимъ крестомъ и евангелиемъ. Войска встрѣчали процессію пѣніемъ «Спаси Господи». По окончаніи обхода командующій войсками, поздравивъ войска съ открытіемъ памятника, обратился съ рѣчью, въ которой обрисовалъ обликъ народнаго героя, великаго русскаго полководца Суворова, сумѣвшаго съ маленькимъ отрядомъ совершить великія дѣла и удержать въ рукахъ Россіи Черное море. Рѣчь свою ген. Каульбарсъ закончилъ тостомъ за здравіе Государя Императора, покрытымъ кликами «ура» и народнымъ гимномъ. Затѣмъ войска съ командующимъ войсками во главѣ продефилировали передъ памятникомъ. Послѣ этого парадъ двинулся къ памятнику бригадира Горича, имѣя во главѣ депутацію отъ фанаторійскаго имени Суворова полка, въ рядахъ котораго служилъ и погибъ Горичъ. Парадъ закончился церемониальнымъ маршемъ мимо памятника Горича. Мѣстное населеніе приняло живѣйшее участіе въ торжествѣ.

Присужденіе уваровскихъ премій. Въ малой конференцъ-залѣ императорской академіи наукъ 25 сентября въ часъ дня состоялось публичное засѣданіе по присужденію наградъ графа Уварова. Въ текущемъ году это—49-е присужденіе и слѣдующее будетъ уже юбилейнымъ, полустолѣтнимъ. На соисканіе было представлено 15 авторами 16 сочиненій, для разсмотрѣнія которыхъ была организована комиссія, изъ академикомъ А. А. Шахматова, Н. П. Кондакова, А. С. Ланцо-Данилевскаго, В. И. Ламанскаго, А. И. Соболевскаго, Е. Е. Голубинскаго и адъюнкта М. А. Дьяконова—подъ предѣлательствомъ непремѣннаго секретаря С. Θ. Ольденбурга. Наградъ удостоены слѣдующія сочиненія: I. Ю. В. Готье, «Замосковный край въ XVII вѣкѣ. Опытъ изслѣдованія по исторіи экономическаго быта Московской Руси», Москва. 1906. Разборъ этого труда былъ сдѣланъ М. А. Дьяконовымъ. Сочиненіе удостоено награды въ 1,000 р. II. Н. В. Покровскій. «Казанскій архіерейскій домъ, его средства и штаты, преимущественно до 1764 года. Церковно-археологическое, историческое и экономическое изслѣдованіе. (Въ память 350-лѣтія существованія казанской епархіи 1555—1905 гг.). Казань. 1906 г. Рецензентомъ этого труда былъ К. Я. Здравомысловъ. Сочиненіе удостоено награды въ 500 р. III. Н. В. Чарыковъ. «Посольство въ Римъ и служба въ Москвѣ Павла Менезія (1637—1694). Съ портретомъ Петра Великаго и многими иллюстраціями». С.-Петербургъ. 1906 г. Этотъ трудъ былъ разсмотрѣнъ ученымъ корреспондентомъ въ Римѣ Е. Ф. Шмурло; сочиненіе увѣнчано малою

наградю въ 500 руб. Такая же награда въ 500 руб. присуждена и автору слѣдующаго сочиненія: IV. А. С. Орловъ. а) «Сказочныя повѣсти объ Азовѣ. «Исторія» 7135 года. Изслѣдованіе и текстъ», Варшава. 1906. б) «Историческія и поэтическія повѣсти объ Азовѣ (взятіе 1637 г. и осадное сидѣніе 1641 г.). Тексты». Москва. 1906. Отзывы объ этихъ трудахъ даны академикомъ А. П. Соболевскимъ. За недостаткомъ денежныхъ средствъ и въ виду несомнѣнныхъ научныхъ достоинствъ награждены почетными отзывами слѣдующіе труды: V. М. С. Грушевскій. «Очеркъ исторіи Украинскаго народа», изданіе 2-е, дополн. С.-Петербургъ. 1906 г. Опѣнку этого труда принялъ на себя членъ-корреспондентъ академіи проф. Д. А. Корсаковъ. VI. П. И. Соколовъ. «Константинопольская церковь въ XIX вѣкѣ. Опытъ историческаго изслѣдованія». Томъ I, С.-Петербургъ. 1904. VII. В. М. Металловъ, священникъ, профессоръ московской консерваторіи и преподаватель синодальнаго училища церковнаго пѣнія. «Богослужбное пѣніе русской церкви. Періодъ домонгольскій. Часть I и II, съ приложеніемъ 9 таблицъ (Facsimile) снимковъ съ рукописей X, XI, XII вв.», Москва. 1906. VIII. М. С. Поповъ, священникъ. «Арсеній Мацѣевичъ, митрополитъ ростовскій и ярославскій». (Съ 4 рисунками). С.-Петербургъ. 1905. Разборъ этой работы сдѣланъ былъ проф. В. С. Иконниковымъ, по мнѣнію котораго книга безусловно хороша. IX. П. М. Майковъ. «Второе отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи (1826—1882). Историческій очеркъ». С.-Петербургъ. 1906. X. М. М. Бородкинъ. «Война 1854—1855 гг. на Финскомъ побережьи. Историческій очеркъ съ 127 иллюстраціями». С.-Петербургъ. 1904. Обзоръ этого сочиненія былъ сдѣланъ заслуженнымъ профессоромъ ген.-м. П. А. Гейсманомъ. Работая въ архивахъ Петербурга, Москвы и Гельсингфорса, авторъ нашелъ значительное количество совершенно необнародованныхъ данныхъ, изъ коихъ впервые старался извлечь все, заслуживающее вниманія. Академія въ изъявленіе глубокой признательности за понесенные рецензентами труды назначила установленныя для постороннихъ ученыхъ уваровскія медали: проф. Спб. унив. Θ. А. Брауну, проф. Имп. ист.-фил. инст. С. К. Буличу, проф. унив. св. Владимира В. С. Иконникову, проф. спб. унив. В. Н. Латкину, проф. моск. унив. А. П. Лебедеву, проф. каз. унив. Д. А. Корсакову, уч. кореси. ист.-фил. отдѣленія Е. Ф. Шмурло, прив.-доц. спб. унив. С. В. Смоленскому, заслуж. проф. Нвк. акад. ген. шт. П. А. Гейсману и нач. арх. Св. Синода К. Я. Здравомыслову.

Въ обществѣ дѣятелей періодической печати и литературы въ Москвѣ. Въ воскресенье, 23 сентября, въ 1½ час. дня, въ помѣщеніи московскаго литературно-художественнаго кружка состоялось первое общее собраніе общества дѣятелей періодической печати и литературы. Прибыло (и расписалось въ списокъ) 161 лицо. При входѣ въ собраніе раздавались отъ организационной комиссіи общества составленные ею при участіи литераторовъ списки предлагаемыхъ членовъ совѣта, правленія и ревизионной комиссіи. По предложенію организационной комиссіи, изъ членовъ которой присутствовали Ю. А. Бунинъ, С. В. Яблоновскій-Потресовъ, С. А. Любоищъ, В. А. Анзимировъ, Н. А. Скворцовъ и М. П. Шрейдеръ, председателемъ собранія былъ избранъ Д. Н. Анучинъ. Поблагодаривъ за оказанную ему честь и выразивъ пожеланіе плодотворной

дѣятельности организующемуся обществу, предсѣдатель предоставилъ слово Ю. А. Бунину, прочитавшему отчетъ о дѣятельности комиссіи и изложившему вкратцѣ исторію возникновенія общества. Весной 1907 г. образовался въ Москвѣ кружокъ лицъ, задавшихъ цѣлью организовать общество, которое имѣло бы цѣлью объединеніе дѣятелей періодической печати и литературы для защиты ихъ профессиональныхъ, этическихъ и матеріальныхъ интересовъ. Кружокъ этотъ выдѣлилъ изъ себя организаціонную комиссію, которая выработала уставъ, провела его черезъ необходимую по закону регистрацію и созвала первое общее собраніе членовъ. На это общее собраніе приглашены были организаціонной комиссіей, на правахъ членовъ - учредителей, около 220 человекъ, принадлежащихъ къ прогрессивной печати разныхъ отгѣнковъ. Всего такимъ образомъ вновь возникающее общество насчитываетъ 307 членовъ. Послѣ сообщенія организаціонной комиссіи о проектѣ учрежденія при обществѣ кредитнаго товарищества, о помѣщеніи для собраній общества и объ инструкціи для совѣта общее собраніе постановило въ этомъ же засѣданіи произвести выборы въ члены совѣта (20 человекъ) и правленія (5 человекъ), противъ чего раньше высказалось нѣсколько лицъ, предлагая выборы отложить. На этой почвѣ произошло недоразумѣніе. Группа членовъ человекъ около 30-ти, недовольная спискомъ кандидатовъ въ члены совѣта, раздававшимся при входѣ, выработала во время часового перерыва свой собственный, второй списокъ. Но во время того же перерыва огромное большинство присутствовавшихъ, довольныхъ первымъ спискомъ или частично исправившихъ его, успѣли опустить свои бюллетени въ избирательный ящикъ, послѣ чего очень многіе даже и вовсе ушли изъ собранія. Узнавъ объ этомъ, меньшинство, выработавшее второй списокъ, предложило считать выборы недействительными, такъ какъ оно не имѣетъ возможности агитировать за свой списокъ. А. С. Вѣлевскій указалъ между прочимъ на то, что первый списокъ, очень почтенный по составу, недостаточно однако гарантируетъ представительство интересовъ меньшей газетной братіи. Во время долгихъ преній по этому поводу указывалось на то, что если кто считаетъ выборы неправильными, то можетъ кассировать ихъ путемъ, указаннымъ въ уставѣ. Въ концѣ-концовъ приступлено было, по предложенію предсѣдателя, къ подсчету голосовъ. Подсчетъ продолжался около двухъ часовъ, почти до 8 час. веч., и въ результатѣ его оказалось, что подано всего 125 записокъ и что сказались избранными: въ члены совѣта: Ю. А. Бунинъ (121 гол.), П. Д. Боборыкинъ (113), Ѡ. Н. Митропольскій (113), С. В. Яблоновскій - Нотресовъ (113), Н. П. Ашешовъ (112), В. В. Смидовичъ-Версаевъ (111), А. С. Вѣлевскій (108), Ѡ. К. Арнольдъ (107), К. В. Аркадакскій (101), С. Б. Любошицъ (101), В. А. Анзимировъ (90), Н. П. Тимковскій (90), П. Н. Сакулнъ (87), В. Е. Якушкинъ (87), Н. А. Скворцовъ (84), кн. А. П. Сумбатовъ (82), С. П. Мельгуновъ (80), С. А. Соколовъ (78), А. А. Манупловъ (76), М. И. Шрейдеръ (62); въ кандидаты: А. П. Мертваго (78), В. П. Маноцковъ (77), А. Н. Макеемовъ (73), кн. С. П. Шаховской (73), І. М. Полонскій (63).

Общество военной, морской и сельской техники. Недавно учрежденное общество военной, морской и сельской техники имѣетъ цѣлью содѣйстви-

вать развитію техники и ея приложенія для увеличенія могущества Россіи и улучшенія народнаго хозяйства. Средствами для этой цѣли будутъ служить собранія, публичныя лекціи, сѣзды, распространеніе теоретическихъ и практическихъ свѣдѣній посредствомъ періодическихъ и иныхъ изданій, содѣйствіе въ распространеніи технического образованія школьнымъ и вѣшкольнымъ обученіемъ, устройство библіотекъ, выставокъ, базаровъ, музеевъ, опытныхъ станцій, питомниковъ, полей, звѣринцевъ, пріютовъ, общежитій, лабораторій, организація плаваній, путешествій, прогулокъ, экскурсій, помощи техникамъ и хозяевамъ для взаимнаго ознакомленія между собою и съ результатами ихъ дѣятельности, содѣйствіе въ организаціи кредита заводскимъ и судоходнымъ предпріятіямъ, и другія мѣры, одобренныя общимъ собраніемъ общества и не противорѣчающія узаконеніямъ правительства. Во главѣ общества стоитъ правленіе, въ которое вошли при учрежденіи: президентъ—генераль-отъ-артиллеріи Эгерштромъ, вице-президентъ—полковникъ, профессоръ морской академіи А. Н. Крыловъ, секретарь—отставной генераль-майоръ Беклемишевъ, казначей—П. В. Оль и контролеръ—статскій совѣтникъ фонъ-Витте. Общество избрало своимъ почетнымъ президентомъ морского министра и осчастливлено принятіемъ подъ покровительство Государя Императора. Желающіе вступить въ члены дѣлаютъ заявленіе на имя секретаря или другихъ должностныхъ лицъ общества, сообщая о себѣ адресныя свѣдѣнія, и, согласно § 8 устава, заявляютъ о своей непринадлежности къ враждебнымъ Россіи организаціямъ. Члены общества раздѣляются на почетныхъ и дѣйствительныхъ; годовой взносъ—6 руб., при вступленіи кандидатомъ вносится 3 руб.; кромѣ того, лица, не желающія принимать непосредственное участіе въ трудахъ общества, могутъ записываться въ соребнователи. Члены-соребнователи могутъ быть избраны въ почетные члены-соребнователи, и таковыя могутъ быть и нерусскими подданными. Членскій взносъ можетъ быть и единовременнымъ въ размѣрѣ 60 рублей для пріобрѣтенія пожизненныхъ правъ. Хотя общество и находится еще въ періодѣ формированія, но уже имѣются три отдѣла: военно-морской, сельско-технической и вспомогательныхъ званій; послѣдній отдѣлъ долженъ дать начало другимъ главнымъ спеціальнымъ отдѣламъ, когда соберется достаточное число членовъ. Въ данное время стоитъ на очереди формированіе отдѣла путей сообщенія и строительнаго. Всѣ отдѣлы имѣютъ значительную долю автономности и имѣли уже нѣсколько собраній для выборовъ новыхъ членовъ; сельско-хозяйственный же отдѣлъ заслушалъ докладъ землевладѣльца Сувалкской губерніи Ю. С. Карцова «Сельская техника у насъ и въ Германіи». Докладъ этотъ былъ принятъ съ благодарностью сельско-техническимъ отдѣломъ, какъ введеніе въ цѣлый рядъ работъ, направленныхъ къ улучшенію народнаго хозяйства. Кромѣ того, обществомъ уже намѣчены слѣдующія темы: а) для военно-морского отдѣла: 1) Способъ комплектованія арміи и флота, при которомъ техническая служба наилучше обезпечивается. 2) Техническая подготовка районовъ для формированія арміи и сооруженія флотовъ. 3) Раціональная организація оборовы сухопутныхъ границъ и побережья при пользованіи техническими усовершенствованіями. б) Для сельско-техническаго отдѣла: 1) Состояніе сельской тех-

ники въ данное время у насъ и въ болѣе культурныхъ странахъ. 2) Зависимость сельско-техническаго улучшенія отъ кредита. 3) Перераспределение земель сообразно обработкѣ. в) Для отдѣла вспомогательныхъ знаній: 1) Выясненіе или изложеніе условій производительнаго примѣненія техническихъ усовершенствованій въ жизни страны. 2) О мѣрахъ къ устраненію непроизводительной затраты времени при школьномъ обученіи. г) Для отдѣла путей сообщенія: 1) Недочеты желѣзнодорожнаго хозяйства и ихъ устраненіе. 2) Народно-хозяйственное и военное значеніе водныхъ путей. 3) Какъ устранить гибельное бездорожье. д) Для отдѣла строительнаго: 1) Распределение и примѣненіе выгоднѣйшихъ строительныхъ матеріаловъ. 2) Выгоднѣйшіе способы осуществленія сооружений общественнаго значенія. 3) О приемникахъ силы паденія воды. Ближайшей задачей общество поставило устройство выставки новѣйшихъ изобрѣтеній по спеціальностямъ, относящимся къ предметамъ вѣдѣнія общества. Выставка эта должна, — по словамъ «Русскаго Инвалида», — представить состояніе міроваго прогресса въ данное время и указать, какими орудіями можетъ быть снабжена не только оборона, но и народное хозяйство Россіи.

Праздникъ просвѣщенія въ столицѣ Кавказа. 3-го сентября въ Тифлисѣ состоялось знаменательное событіе въ исторіи края: открытіе высшихъ курсовъ по кавказовѣдѣнію. Первая лекція (въ помѣщеніи Пушкинской библиотеки) Е. С. Такайшвили по исторіи Грузіи привлекла массу публики и вызвала общее сочувствіе. Основанію высшихъ курсовъ въ Тифлисѣ предшествовалъ долгій мартирологъ мѣстнаго интеллигентнаго кружка, взявшаго на себя инициативу введенія университетскаго образованія на Кавказѣ. Въ теченіе 27-ми лѣтъ (съ 1880 г.) кружокъ этотъ собиралъ въ Тифлисѣ, Баку и другихъ городахъ фондъ на основаніе кавказскаго университета. Уже въ 1880 г. тифлисское городское управленіе постановило ежегодно отчислять изъ городскихъ доходовъ по 10,000 рублей, пока не образуется капиталъ въ 100,000 рублей для единовременнаго отпуска этой суммы на случай открытія въ Тифлисѣ университета. Въ 1894 году, во время посѣщенія Кавказа министромъ Ермоловымъ, вопросъ этотъ былъ вновь возбужденъ городскимъ управленіемъ Тифлиса. На этотъ разъ, въ виду соображеній мѣстной администраціи, рѣчь уже шла объ открытіи не университета, а политехникума съ 2-мя отдѣленіями, сельско-хозяйственнымъ и горнымъ. (Сверхъ капитала въ 100 тысячъ, городъ постановилъ предоставить въ распоряженіе будущаго политехникума 200 десятинъ земли въ чертѣ города. Тѣмъ не менѣе мѣнестерство земледѣлія не пожелало поддержать этотъ проектъ и взамѣнъ предложило открыть среднее сельско-хозяйственное училище съ ежегоднымъ отпускомъ 70.000 рублей отъ города. Но городское управленіе не согласилось на такой компромиссъ, и вопросъ объ учрежденіи въ Тифлисѣ высшаго учебнаго заведенія былъ вновь отложенъ. Онъ вновь былъ возбужденъ тифлисскимъ городскимъ управленіемъ въ 1897 году, когда правительство постановило открыть политехникумы въ Варшавѣ и Кіевѣ. Въ то же время сѣздъ нефтенпромышленниковъ въ Баку рѣшилъ ежегодно отпускать для той же цѣли по 17,000 руб., а Батумъ и Кутаисъ — по 3,000 руб. Благодаря всѣмъ

ассигнованнымъ субсидіямъ и единовременнымъ пожертвованіямъ уже въ слѣдующемъ 1898 году сумма капитала возросла до 250,000 рублей. Но— притокъ пожертвованій былъ вскорѣ приостановленъ вслѣдствіе неразрѣшенія правительствомъ производить сборы. Надо замѣтить, что вообще стремленіе мѣстнаго общества къ основанію на Кавказѣ высшаго учебнаго заведенія не встрѣтило сочувствія со стороны мѣстной администраціи. Отношеніе это проявилось между прочимъ и въ 1903 году, когда извѣстный нефтепромышленникъ г. Манташевъ заявилъ мѣстнымъ властямъ о своемъ желаніи пожертвовать на постройку кавказскаго политехникума 600 тысячъ рублей и на учрежденіе при немъ стипендій 100 тысячъ рублей. Отвѣтомъ администраціи на это предложеніе было молчаніе. Лишь въ 1906 году, съ пробужденіемъ въ правительствѣ нѣкоторыхъ новыхъ политическихъ вѣяній, опять былъ возбужденъ вопросъ объ основаніи на Кавказѣ высшаго учебнаго заведенія, при чемъ для разработки его основанъ былъ при кавказскомъ намѣстникѣ особый комитетъ изъ представителей мѣстной администраціи и мѣстнаго общества. Благоприятнымъ моментомъ воспользовался представитель кружка инициаторовъ по введенію высшаго образованія на Кавказѣ и главный его вдохновитель князь Г. М. Тумановъ. Онъ обратился къ петербургскому политехникуму съ просьбой высказать свой взглядъ по вопросу: какой типъ высшаго учебнаго заведенія наиболее желателенъ на Кавказѣ при первыхъ шагахъ въ этомъ направленіи, спеціально техническій или общеобразовательный? Для обсужденія этого вопроса въ сентябрѣ и октябрѣ 1906 года были приглашены знакомые съ кавказской жизнью профессора петербургскихъ политехникума и университета. Мнѣнія участниковъ совѣщанія раздѣлились: одни ставили на первый планъ цѣли узко-практическія, другіе—общеобразовательныя. Въ результатѣ совѣщанія большинство профессоровъ петербургскаго политехникума и университета высказалось за учрежденіе на Кавказѣ высшаго учебнаго заведенія смѣшаннаго типа, — университета съ техническими отдѣленіями. Всѣ упомянутыя совѣщанія, способствовавъ выясненію вопроса, не повели, однако, къ немедленному осуществленію заветной мечты передовой интеллигенціи Кавказа. На пути стали матеріальныя препятствія: отсутствіе необходимаго для этой цѣли капитала; общественныхъ средствъ не хватаетъ, а на правительственную субсидію надежды нѣтъ. Въ виду этихъ преградъ кружокъ инициаторовъ по введенію высшаго образованія на Кавказѣ съ кн. Тумановымъ во главѣ и рѣшилъ ограничиться вначалѣ болѣе скромной и доступной задачей—учрежденіемъ въ Тифлисѣ на частныя средства высшихъ курсовъ по кавказовѣдѣнію. Курсы эти являются первымъ важнымъ шагомъ къ созданію на Кавказѣ научнаго центра; въ то же время они должны пополнить громадный пробѣлъ: ознакомить какъ жителей страны, такъ и остальной цивилизованный міръ съ исторіей края, до сихъ поръ остававшейся въ тѣни и разработавшейся главнымъ образомъ иностранцами. Программа высшихъ курсовъ по кавказовѣдѣнію распадается на два отдѣла: историко-филологическій и естественно-научный.

Въ лигѣ обновленія флота. 25 сентября, подъ предѣдательствомъ Н. Н. Беклемишева, состоялось первое общее собраніе членовъ лиги обновленія флота,

открывшееся докладомъ предѣдательствующаго о минувшей дѣятельности общества въ лѣтнее время. Въ то время, когда почти всюду жизнь на лѣто замираетъ, лига продолжала свою работу и въ лѣтніе мѣсяцы. Распространялись въ большомъ количествѣ изданія лиги; продолжалась организація новыхъ отдѣловъ въ провинціальныхъ городахъ, а также и издательская дѣятельность. Последнее изданіе лиги—«Россія и ея моря» Бубнова и Риттиха, — представляющее собою краткую исторію нашего отечества съ морской точки зрѣнія, вышло уже въ свѣтъ. Выпущена также «Памятка командѣ эскадреннаго броненосца «Императоръ Александръ II», по случаю поднесенія реликвій въ Бозѣ почивающаго императора особой депутаціей лиги. Изъ новыхъ начинаній лиги слѣдуетъ отмѣтить предположенную организацію лѣтнихъ морскихъ поѣздокъ для учащейся молодежи; уже удалось выяснитъ, что заинтересованныя лица и учрежденія отнеслись къ этому проекту сочувственно; это позволитъ надѣяться на успѣхъ въ этомъ дѣлѣ, имѣющемъ громадное воспитательное и гигиеническое значеніе для подрастающаго поколѣнія. Недавно лига, по случаю участія въ морской выставкѣ въ Бордо, вошла въ тѣсныя сношенія съ французской морской лигою и рѣшила взаимно обмѣниваться съ ней своими изданіями. Послѣ вступительной рѣчи Н. Н. Беклемишева, было заслушано сообщеніе А. М. Толстопятова о значеніи финляндскихъ шхеръ. Докладъ сопровождался дополнительными замѣчаніями А. М. Бубнова, Н. Н. Беклемишева и др., причѣмъ всѣ ораторы подчеркивали положительное значеніе шхеръ.

Открытіе школы имени Глѣба Ив. Успенскаго. 30 сентября въ дер. Сябренницы, въ 4 верстахъ отъ Чудова, состоялось открытіе школы памяти Г. И. Успенскаго. Вскорѣ послѣ смерти писателя былъ открытъ сборъ пожертвованій на увѣковѣченіе его памяти при редакціи «Русскаго Богатства», въ которомъ работалъ покойный писатель. Увѣковѣчить память было рѣшено школой для народа, которому служилъ всю свою жизнь Успенскій. Затѣмъ школу предполагалось передать новгородскому уѣздному земству, но последнее отъ этого дара отказалось, мотивируя отказъ обиліемъ школъ въ этой мѣстности уѣзда. Тогда «Русское Богатство», отъ имени жертвователей, предложило новгородскому губернскому земству принять школу; последнее выразило на это свое согласіе и стало съ того времени вносить въ свою смѣту на содержаніе школы памяти писателя Успенскаго необходимыя средства. Въ дальнѣйшемъ губернское земство пожелало преобразовать школу въ двухклассное училище. Школа была быстро возведена, но на окончательную ея отдѣлку не хватило средствъ, и 2 года зданіе стояло безъ печей. Трагическая смерть старшаго сына писателя и его жены вызвала новый притокъ средствъ, и теперь школа прекрасно оборудована. Школа помѣщается рядомъ съ домомъ покойнаго писателя — старой, мрачной постройкой, съ низкими потолками, но мѣстность, гдѣ стоитъ это мрачное зданіе, восхитительна — за молодымъ березовымъ садомъ, посаженнымъ руками писателя, въ крутыхъ берегахъ, вьется рѣчка Пересть, и далеко во всѣ стороны видѣются мягкіе сѣверные ландшафты. Кабинетъ покойнаго писателя, проходная, плохо освѣщаемая и очень мрачная комната, остается безъ всякихъ перемѣнъ, и семья покойнаго предполагаетъ къ осени

собрать все, что имѣло отношеніе до дѣятельности Глѣба Ивановича. На торжество открытія школы прибыли сынъ и дочери писателя съ семьями, строитель школы А. В. Пашенскій, членъ губернской управы, завѣдующій народнымъ образованіемъ, М. В. Муравьевъ, старѣйшій учитель уѣзда Н. И. Осипъ, инспекторъ П. П. Двучинскій и представители «Русскаго Богатства», «Былого» и «Рѣчи». Собралось много окрестныхъ крестьянъ. Было сказано нѣсколько рѣчей, охарактеризовавшихъ дѣятельность Г. И. Успенскаго и значеніе этой школы. Торжество прошло просто, но сердечно. Во главѣ школы стоитъ по новому закону попечительный совѣтъ.

25-лѣтній юбилей Прибалтійскаго братства. Послѣ обѣдни, отслуженной въ домово́й церкви министерства вн. дѣлъ преосвященнымъ Агаѳангеломъ рижскимъ и митавскимъ, Прибалтійское православное братство торжественно отпраздновало 1 октября 25-лѣтіе своей просвѣтительной и благотворительной дѣятельности въ Прибалтійскомъ краѣ, откуда къ этому дню прибыло съ адресами и привѣтствіями много депутатовъ. Юбилей братства совпалъ и съ 25-лѣтіемъ безсмѣннаго предѣдательствованія въ немъ члена государственнаго совѣта М. Н. Галкина-Враского. Открывъ засѣданіе и подведя краткіе итоги дѣятельности братства за четверть вѣка, М. Н. Галкинъ-Враской прочелъ высочайшіе рескриптъ и телеграмму, послѣ чего всеми присутствовавшими братчиками, депутатами и гостями былъ трижды пропѣтъ народный гимнъ. Преосвященный Агаѳангелъ прочелъ привѣтствіе отъ св. синода и поднесъ предѣдателю отъ синода же икону. Александро-Невская лавра прислала черезъ своего представителя адресъ и ренту въ 1.000 р. на нужды братства. Затѣмъ слѣдовалъ длинный рядъ адресовъ и привѣтствій. Затѣмъ товарищъ предѣдателя братства Е. А. Евреиновъ прочелъ и поднесъ М. Н. Галкину-Враскому прочувствованный адресъ отъ имени совѣта Прибалтійскаго братства и братчиковъ и выразилъ общее желаніе собранія, чтобы изъ неприкосновеннаго и не имѣющаго спеціальнаго назначенія капитала братства были выдѣлены 20.000 руб. и наименованы капиталомъ М. Н. Галкина-Враского и чтобы проценты съ нихъ были употребляемы на нужды школъ, учащихся и учащихся въ Прибалтійскомъ краѣ. Въ заключеніе были прочитаны привѣтственные письма и телеграммы: отъ министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Столыпина, отъ оберъ-прокурора св. синода П. П. Извольскаго, отъ девяностолѣтняго фельдмаршала Д. А. Милютинъ и многихъ другихъ. За четверть вѣка капиталъ братства возросъ до 238.000 р., въ томъ числѣ неприкосновенный— до 116.000 р. За этотъ же срокъ братствомъ израсходовано на нужды православнаго прибалтійскаго населенія свыше полумилліона рублей.

35-тилѣтній юбилей В. А. Латышева. 7 октября дирекція народныхъ училищъ Петербургской губерніи и представители учебнаго персонала городскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія чествовали помощника попечителя спб. учебнаго округа В. А. Латышева по случаю исполнившагося 35-лѣтія его службы и педагогической дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ учредителя и редактора педагогическаго органа «Русскій народный учитель». Самые теплые по содержанію адреса были поднесены юбиляру депутатами отъ педагогическаго персонала городскихъ четырехклассныхъ

училищъ, какъ находящихся въ столицѣ, такъ и разсѣянныхъ по городамъ Петербургской губерніи, и отъ учительницъ столичныхъ двухклассныхъ женскихъ министерскихъ училищъ. Первая депутація сообщила также, что на особый капиталъ учреждается стипендія имени В. А. Латышева и его супруги Е. В. въ одномъ изъ столичныхъ четырехклассныхъ училищъ. На средства же, собранныя среди педагогическаго персонала двухклассныхъ женскихъ городскихъ училищъ, учреждается стипендія имени В. А. Латышева въ Рождественскомъ городскомъ училищѣ. Привѣтственный адресъ отъ лица инспекторовъ по народному образованію Петербургской губерніи былъ прочитанъ г. Гласовымъ. Привѣтствіе же педагогическаго совѣта спб. учительскаго института было передано его директоромъ, г. Константиновичемъ.

25-тилѣтній юбилей А. Н. Острогорскаго. Въ зданіи педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній 27 сентября происходило чествованіе 25-лѣтія редакторской дѣятельности извѣстнаго педагога и редактора журнала «Педагогическій Сборникъ» А. Н. Острогорскаго. Имя юбиляра пользуется въ педагогическомъ мірѣ заслуженной извѣстностью и почетомъ. Онъ увлекся въ 60-хъ годахъ учительствомъ и, будучи слушателемъ Михайловской артиллерійской академіи, принялъ дѣятельное участіе въ организаціи василеостровской воскресной школы. По окончаніи академіи избралъ для своей дѣятельности педагогическое поприще, былъ преподавателемъ и воспитателемъ во второмъ и Павловскомъ кадетскихъ и Пажескомъ корпусахъ, инспекторомъ спб. военной прогимназіи и директоромъ учительской военной семинаріи въ Москвѣ. Съ 1882 г. служба его сосредоточилась въ главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, гдѣ онъ состоялъ для особыхъ порученій и принималъ дѣятельнѣйшее участіе почти во всѣхъ начинаніяхъ вѣдомства, направленныхъ къ лучшей постановкѣ педагогическаго дѣла въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Помимо практической педагогической дѣятельности А. Н. Острогорскій извѣстенъ и какъ педагогъ-писатель. Его шесть дѣтскихъ сборниковъ («Среди природы», «Въ своемъ кругу», «У рабочихъ людей», «По бѣлу свѣту», «На досугѣ» и «Дѣтскій Альманахъ») выдержали по три-четыре изданія. Для «Энциклопедіи семейнаго воспитанія и обученія» имъ составлены два выпуска: «Семейныя отношенія и ихъ воспитательное значеніе» и «Объ отношеніи семьи къ школѣ». Часть его педагогическихъ статей издана отдѣльной книгой: «Педагогическія экскурсіи въ область литературы». На дняхъ появилась въ продажѣ составленная имъ «Педагогическая хрестоматія». Къ 4 часамъ на чествованіе собрались: помощникъ начальника военно-учебныхъ заведеній ген.-л. К. Н. Анчутинъ, ген.-л. Г. М. Яковлевъ, ген.-л. Н. В. Сухинскій, ген.-л. А. Д. Бутовскій, ген.-л. Д. Д. Лермонтовъ, директоръ Педагогическаго музея З. А. Макшеевъ, педагоги: П. Я. Гердъ, П. Р. Тархановъ, А. П. Нечаевъ и много преподавателей и преподавательницъ различныхъ учебныхъ заведеній. Чествованіе носило сердечный и почти семейный характеръ. Послѣ молебна ген.-л. К. Н. Анчутинъ прочелъ очень теплый рескриптъ отъ его императорскаго высочества великаго князя Константина Константиновича. Затѣмъ были поднесены адреса и прочитаны привѣтствія: отъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній, музея и педагогическихъ курсовъ при

немъ, сотрудниковъ «Педагогическаго Сборника», редактора «Юбилейнаго Сборника» (изданіе, выпущенное учениками юбиляра ко дню его юбилея), отъ редакціи «Русскаго Инвалида», бывшихъ слушателей курсовъ военно-учебныхъ заведеній, 2-го кадетскаго корпуса (гдѣ юбиляръ воспитывался и началъ свою педагогическую дѣятельность), отъ Пажескаго и всѣхъ остальныхъ кадетскихъ корпусовъ, редакцій журналовъ «Образованіе» и «Вѣстникъ Психологіи», лиги образованія, родительскаго кружка и спб. педагогическаго общества взаимной помощи и мн. др. В. И. Петровъ прочелъ стихотвореніе одного изъ учениковъ юбиляра. Читаніе привѣтственныхъ писемъ и телеграммъ заняло довольно много времени. Телеграммъ получено свыше 300. Во всѣхъ привѣтствіяхъ подчеркивались доброе сердце, устоячивость, гуманность и безкорыстіе юбиляра. А. Н. Острогорскій отвѣтилъ прочувствованной рѣчью, въ которой между прочимъ почтилъ добрымъ словомъ память нынѣ покойнаго основателя «Педагогическаго Сборника» Н. Х. Весселя и затѣмъ подвелъ итоги всему тому, что журналъ этотъ пережилъ за 25 лѣтъ своего существованія.

25-лѣтній юбилей А. Е. Сердобинской. Въ сентябрѣ 1907 г. исполнилось двадцатипятилѣтіе дѣятельности на высшихъ женскихъ курсахъ А. Е. Сердобинской, непрерывно съ самаго окончанія ею курсовъ преподававшей физіку и руководившей занятіями слушательницъ. Возникла мысль объ основаніи капитала для учрежденія стипендіи имени А. Е. Сердобинской. Взносы могутъ быть адресованы на высшіе женскіе курсы, физическій кабинетъ (В. О., 10 лянія, д. 33), въ комитетъ общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ О. К. Нецаевой (Бассейная, д. 1), С. Я. Терешину (Николаевская ул., д. 40), Н. А. Булгакову (Тучкова наб., д. 2) и А. Г. Емельяновой (Пет. стор., Малый пр., д. 24).

Бумаги Шлиссельбурга. Министромъ внутреннихъ дѣлъ всеподданнѣйше было доложено государю императору о результатахъ предварительнаго осмотра архива Головинской башни, бывшей Шлиссельбургской государственной тюрьмы, произведеннаго проф. Н. В. Покровскимъ, совмѣстно съ исп. об. заведывающаго собственными Его Императорскаго Величества библіотеками, Н. К. Леманомъ. Его императорскому величеству благоугодно было высочайше одобрить предположенія г. с. Покровскаго о необходимости перевести означенный архивъ въ императорскій археологическій институтъ, а затѣмъ разборъ и приведеніе архивнаго матеріала въ порядокъ поручить особой комиссіи изъ специалистовъ, при участіи членовъ и слушателей института. Предварительный осмотръ архива Головинской башни выяснилъ, что тамъ находятся старья дѣла, касающіяся преимущественно гарнизона Шлиссельбургской крѣпости—личнаго состава его и содержанія, дневники, пароли и лозунги; встрѣчаются также свѣдѣнія о нѣкоторыхъ цстройкахъ и ремонтѣ крѣпостныхъ сооруженій; о Ладожскомъ каналѣ, о ледоходѣ ладожскомъ и невскомъ. Въ числѣ матеріаловъ имѣется нѣкоторая часть архива енархіальныхъ дѣлъ новолодожскаго благочинническаго округа. Уцѣлѣвшія старья описи содержатъ также указанія на другіе документы, повидимому, не сохранившіеся. Наибольше старья дѣла, найденныя при первомъ осмотрѣ, относятся къ 20-мъ го-

дамъ XVIII столѣтія, новѣйшія къ первой половинѣ XIX, большая же часть къ 40-мъ, 50-мъ и 60-мъ годамъ XVIII столѣтія и къ первой четверти XIX.

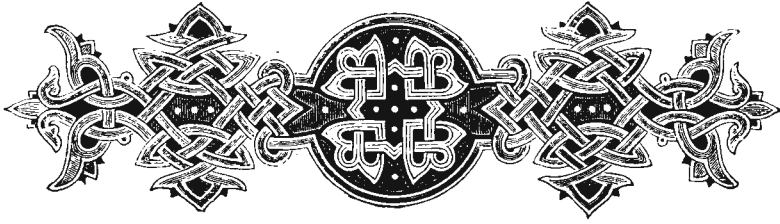
Къ открытію памятника Н. В. Гоголя въ Москвѣ. Въ соединенномъ собраніи городскихъ комиссій училищной, финансовой и по народнымъ развлеченіямъ, происходившемъ 24 сентября въ зданіи думы подъ предсѣдательствомъ Л. Л. Катугара, разсматривался вопросъ о формѣ участія города Москвы въ торжествѣ открытія памятника Н. В. Гоголю. Собраніе признало, что московское городское общественное управленіе должно принять, какъ и при открытіи въ 1880 г. памятника А. С. Пушкину, возможно близкое участіе въ предстоящемъ торжествѣ. Съ этой цѣлью городъ долженъ взять на себя инициативу по организаціи торжества и обратиться къ другимъ учрежденіямъ съ приглашеніемъ принять въ немъ участіе. Для детальнаго разсмотрѣнія вопроса собраніе избрало подкомиссію изъ 10-ти человекъ, которой поручено обратиться къ городской управѣ за полученіемъ всѣхъ нужныхъ матеріаловъ. Въ составъ подкомиссіи вошли: И. С. Остроуховъ, Д. П. Тихомировъ, А. А. Бахрушинъ, Н. А. Шаминъ, гр. Е. А. Уварова, С. А. Поцовъ, И. В. Волковъ, С. В. Ганешинъ, Е. В. Герье и Л. Л. Катугаръ, который избранъ и предсѣдателемъ комиссіи. Памятникъ Гоголю работы художника Андреева, который будетъ поставленъ въ Москвѣ, на Арбатской площади, въ настоящее время уже отлитъ изъ бронзы на фабрикѣ Моіана, въ Петербургѣ.

100-лѣтіе Собственной Его Величества канцеляріи. Въ 1912 году исполнится столѣтіе существованія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Къ этому времени пр.-доц. В. Н. Строеву поручено составить историческій очеркъ этого учрежденія, съ приложеніемъ портретовъ выдающихся дѣятелей. Желательно было бы получить портреты слѣдующихъ дѣятелей эпохи императора Александра I: статсъ-секретарей — Вас. Роман. Марченко, Ник. Назар. Муравьева и Алексѣя Иванов. Персидскаго и военнаго совѣтника И. Ѳ. Самбурскаго. Въ этихъ видахъ пр.-доц. В. Н. Строевъ обращается съ просьбою къ владѣльцамъ портретовъ поименованныхъ лицъ о дозволеніи снять съ этихъ портретовъ фотографическія копіи. Главноуправляющій Собственною Его Императорскаго Величества канцеляріею, об.-гофм. А. С. Танѣвъ заранѣе благодаритъ за это, равно какъ за указаніе мѣстонахожденія портретовъ упомянутыхъ лицъ и доставленіе біографическихъ о нихъ свѣдѣній. Всѣ эти свѣдѣнія просятъ адресовать на имя составителя очерка В. Н. Строева, С.-Петербургъ, Петербургская сторона, Церковная ул., д. № 23, кв. № 5.

Подписка на памятникъ Лермонтову. Въ 1914 г. настанетъ столѣтіе со дня рожденія (2 октября 1814 г.) поэта М. Ю. Лермонтова. Николаевское кавалерійское училище, въ стѣнахъ коего поэтъ воспитывался и въ которомъ имѣется уже музей Лермонтова, взяло на себя починъ открыть подписку на сооруженіе памятника поэту въ Петербургѣ. Государь Императоръ соизволилъ всемилостивѣйше разрѣшить произвести повсемѣстно сборъ добровольныхъ пожертвованій на сооруженіе памятника, который долженъ служить украше-

ніемъ столицы. Памятникъ этотъ предполагается поставить на Ново-Петергофскомъ проспектѣ передъ зданіемъ училища. Для сбора пожертвованій; разработки проекта памятника и его сооруженія при Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ образованъ особый комитетъ. Комитетъ надѣется на сочувствіе всей Россіи, такъ какъ имя поэта Лермонтова составляетъ гордость всей страны. Пожертвованія просятъ присылать на имя комитета въ г. С.-Петербургъ, Ново-Петергофскій проспектъ, № 24.

НЕКРОЛОГИ.

БЕУТОВЪ, К. А. При недавнемъ пассажирскаго поѣзда между Эйдкуненомъ и Берлиномъ погибъ мучительной смертью князь Константинъ Александровичъ Бебутовъ, одинъ изъ старожилъ Кавказа, весьма извѣстный въ Тифлисѣ пионеръ мѣстной печати. Тридцать лѣтъ тому назадъ, при существованіи тяжелыхъ для провинціальной печати цензурныхъ условий, покойный основалъ въ Тифлисѣ газету «Тифлисскій Вѣстникъ», которая явилась первой частной газетой въ столицѣ Кавказа; онъ принималъ въ ней личное участіе въ качествѣ редактора и публициста. К. А., по своимъ убѣжденіямъ, принадлежалъ къ либеральному лагерю и въ свое время велъ горячую борьбу съ устарѣвшимъ бюрократическимъ строемъ Кавказскаго края. Публицистическая работа покойнаго не была чужда крайностей, но она находила себѣ полное оправданіе въ безчисленныхъ болячкахъ кавказскаго дѣла; кавказскій режимъ проглядывалъ важныя и жизненные вопросы края. Около десяти лѣтъ К. А. продолжалъ изданіе «Тифлисскаго Вѣстника», послѣдній своимъ примѣромъ вызвалъ къ жизни другія частныя изданія на Кавказѣ, теперь уже весьма многочисленныя. Тѣло покойнаго К. А. на-дняхъ привезено изъ-за границы и предано землѣ на тифлисскомъ Ванкскомъ кладбищѣ. (Некрологъ см. «Новое Время». 1907 г. № 11.329).

† **Ваксель, А. Л.** 24 сентября предано землѣ въ Пожайскомъ Успенскомъ мужскомъ монастырѣ, близъ гор. Ковны, тѣло одного изъ старѣйшихъ русскихъ помѣщиковъ Ковенской губерніи, Александра Львовича Вакселя, занимавшаго въ теченіе 12 лѣтъ (съ 1893 по 1905 гг.) должность директора императорскаго с.-петербургскаго воспитательнаго дома и скоропостижно скончавшагося 20 сентября въ имѣніи Романи, Ковенскаго уѣзда. По настоятельному желанію А. Л., онъ былъ положенъ въ простой дубовый гробъ и

перевезенъ въ монастырь, за 20 верстъ отъ имѣнія, на сельской телѣгѣ, украшенной зелеными вѣнками. Простота обстановки вполне гармонировала съ сердечностью проводовъ. Рабочіе имѣнія и мѣстные крестьяне сопутствовали гробу съ обнаженными головами до самаго мѣста вѣчнаго упокоенія почившаго. Многіе изъ провожавшихъ вели все время подъ уздцы любимую четверку лошадей А. Л., впряженную въ телѣгу, на которой везли гробъ. По мѣрѣ слѣдованія погребальной процессіи толпа провожавшихъ увеличивалась; всѣ когда-либо знавшіе А. Л. и цѣнившіе его прямой характеръ и сердечную доброту слѣшили, хотя на пути процессіи, поклониться его праху. При слѣдованіи черезъ ковенскую крѣпость комендантъ ея генералъ Вл. Ст. Неплюевъ, старинный другъ А. Л., проводилъ пѣшкомъ его тѣло отъ границы до границы крѣпости, на протяженіи до 7 верстъ. Управляющій губерніею Н. Дм. Грязевъ также принималъ участіе въ процессіи и на другой день присутствовалъ при отпѣваніи и погребеніи. Гробъ былъ покрытъ вѣнками, изъ которыхъ выдѣлялся роскошный вѣнокъ, присланный отъ императорскаго с.-петербургскаго воспитательнаго дома. А. Л. похороненъ вблизи тестя своего—Алексѣя Ѳеодоровича Львова, извѣстнаго автора нашего народнаго гимна, и его жены Праксѣи Аггесвны (рожденной Абаза) въ живописной мѣстности Пожайскаго монастыря, основаннаго въ 1665 г. для монаховъ католическаго ордена камальдуловъ и съ 1832 г. переданнаго въ православное вѣдомство. Пращуръ Александра Львовича, Свенъ Ваксель, переселился изъ Швеціи въ Россію и былъ сподвижникомъ мореплавателя Беринга въ его морскихъ экспедиціяхъ къ берегамъ Камчатки и Америки. Въ 1741 г. по смерти Беринга онъ заступилъ его мѣсто. Въ поколѣніяхъ Свена Вакселя насчитываютъ не мало государственныхъ и общественныхъ дѣятелей. А. Л. по окончаніи курса наукъ въ гимназіи и Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ пробылъ около 10 лѣтъ въ Кавалергардскомъ полку, который онъ оставилъ, чтобы переселиться въ Западный край и заняться сельскимъ хозяйствомъ. Здѣсь онъ пробылъ почти безвыѣздно 26 лѣтъ въ своемъ имѣніи Рукшаны и въ имѣніи жены своей Романи. Отъ мирной и спокойной дѣятельности сельскаго хозяина А. Л. былъ оторванъ предложеніемъ бывшаго своего сослуживца по Кавалергардскому полку, почетнаго опекуна генерала Зурова, занять постъ директора императорскаго с.-петербургскаго воспитательнаго дома. Онъ посвятилъ всѣ свои силы порученному ему дѣлу и переутомленіе послѣ двѣнадцатилѣтнихъ неустанныхъ трудовъ дало о себѣ знать. Получивъ на службѣ неизлечимую болѣзнь сердца, онъ долженъ былъ покинуть службу и возвратиться къ своимъ любимымъ сельскимъ занятіямъ. Недолго, однакоже, онъ прожилъ въ отставкѣ: 20 сентября его не стало. (Некрологъ его: «Новое Время» 1907 г., № 11.332).

† **Грингмутъ, В. А.** 28 сентября скончался на 57 году своей трудовой жизни Владимиръ Андреевичъ Грингмутъ, извѣстный публицистъ и педагогъ, издатель «Московскихъ Вѣдомостей», истинный идейный руководитель всѣхъ монархическихъ организацій Россіи. Родился В. А. въ Москвѣ въ 1851 году. Подъ руководствомъ своего отца, замѣчательнаго педагога, онъ получилъ превосходное домашнее, строгоклассическое образованіе, а затѣмъ съ 1866 по 1870 г. слушалъ лекціи въ московскомъ университетѣ, преимущественно по

классическимъ языкамъ, у профессоръ П. М. Леонтьева, Г. А. Иванова и Ѳ. Е. Корша. Благодаря такому тщательному филологическому образованію, дополненному имъ въ 1872 году, во время заграничной поѣздки, въ берлинскомъ и лейпцигскомъ университетахъ, гдѣ онъ занимался также египтологіей,—В. А. скоро сталъ извѣстенъ и близокъ основателямъ лицея Цесаревича Николая, М. Н. Каткову и П. М. Леонтьеву. Еще девятнадцатилѣтнимъ юношей онъ вступилъ въ названный лицей «тutorскимъ помощникомъ» и учителемъ сначала нѣмецкаго языка (съ 1870 года), но скоро принялъ на себя преподаваніе любимаго предмета—греческаго языка, чѣмъ и занимался до дня назначенія на директорскую должность, состоя старшимъ учителемъ и секретаремъ лицейскаго совѣта. Кромѣ педагогической дѣятельности, В. А. уже въ то время былъ хорошо извѣстенъ своими учено-литературными трудами. Его перу принадлежали многія статьи, помѣщенныя въ періодическихъ изданіяхъ, главнымъ образомъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Изъ этихъ раннихъ трудовъ В. А. слѣдуетъ отмѣтить, какъ наиболѣе капитальные: очеркъ «Двѣ недѣли въ Берлинской Софійской гимназіи» (въ «Календарѣ лицея Цесаревича Николая на 1872—73 учебный годъ»), критическій разборъ книги К. Н. Леонтьева «Востокъ, Россія и славянство» («Гражданинъ», 1885 г., №№ 42 и 59), цѣнное научное изслѣдованіе о древне-египетскихъ царяхъ Рамсесѣ II и Рамсесѣ III («Московскія Вѣдомости» 1886 г., №№ 201—205), статьи на текущіе педагогическіе вопросы: «Нашъ классицизмъ» («Русское Обозрѣніе», 1890 г., кн. 4) и «Наши педагоги» («Вѣстникъ Воспитанія» 1890 г., кн. 1—2) и др. Принимая самое живое участіе въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» еще при жизни Михаила Никифоровича Каткова, В. А. оставался ближайшимъ сотрудникомъ этой газеты и послѣ его смерти, съ переходомъ изданія къ С. А. Петровскому. Въ это время В. А., между прочимъ, очень интересовали судьбы русскаго искусства и исполненіе древне-классическихъ произведеній въ нашихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Поэтому, съ одной стороны, онъ напечаталъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» статьи: «Антигона» въ царскосельской гимназіи и въ лицей Цесаревича Николая» (1891 г., № 155), «Троянки» на сценѣ московской V-й гимназіи» (1892 г., № 15), «Царь Эдипъ» въ царскосельской гимназіи» (1893 г., № 99) и «Троянки» въ женской классической гимназіи С. П. Фишеръ» (1893 г., № 125), а съ другой, кромѣ цѣлаго ряда прекрасно написанныхъ обзоровъ картинныхъ выставокъ, помѣтилъ два цѣнные художественные этюда: «Живопись и фотографія» («Моск. Вѣд.» 1893 г., № 80), и «Гроза, надвигающаяся на русское искусство» (въ художественно-литературномъ сборникѣ «На память», Москва, 1893 г.), которые затѣмъ вошли въ отдѣльную брошюру подъ заглавіемъ «Враги живописи» (Москва, 1893 г., 95 стр.). На поприщѣ публициста В. А. приобрѣлъ себѣ извѣстность также еще въ бытность преподавателемъ лицея, когда, на ряду съ многочисленными статьями въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», онъ велъ, подъ псевдонимомъ Spectator'a, политическую хронику въ «Русскомъ Обозрѣніи». Участвуя въ Петербургѣ въ 1889—90 гг. въ комиссіи по пересмотру учебныхъ плановъ классическихъ гимназій, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ энергично отстаивалъ на страницахъ обоихъ названныхъ орга-

новъ необходимость классической системы преподаванія. Какъ преподаватель и директоръ лицея Цесаревича Николая, почившій оставилъ по себѣ въ сердцахъ своихъ многочисленныхъ питомцевъ самую чистую и свѣтлую память. Онъ вносилъ съ собою жизнь и бодрый духъ, невольно увлекая учениковъ стройнымъ, плавнымъ и, если можно такъ выразиться, необычайно изящнымъ изложеніемъ предмета, часто глубоко трогая слушателей своимъ проникновеннымъ, одушевленнымъ словомъ. Занявъ постъ директора, онъ присутствовалъ на всѣхъ экзаменахъ, прочитывалъ всѣ ученическія работы и внимательно изучалъ индивидуальныя способности каждаго отдѣльнаго ученика. Привлекая въ лицей лучшія педагогическія и научныя силы, онъ, благодаря своимъ неусыннымъ заботамъ, энергичной, внимательной работѣ, поставилъ въ немъ дѣло воспитанія русскаго юношества на необычайную высоту. Среди преподавателей и питомцевъ лицея обаятельная личность В. А. окружалась всегда общою горячею любовью и самымъ искреннимъ глубокимъ уваженіемъ.

Съ декабря 1896 г. В. А. сталъ редакторомъ-издателемъ «Московскихъ Вѣдомостей», и съ того времени вся остальная жизнь его была борьбой. Съ той поры началась его служба,—служба въ законѣ не писанная, но добровольная, исполняемая по долгу присяги. Ни одна изъ правительственныхъ и общественныхъ реформъ не ускользала отъ его вниманія, и только безпощадная критика его давала иногда русскому обществу возможность различать въ этихъ реформахъ дѣйствительно полезное для Россіи отъ беспочвенной фальши, прикрытой громкими фразами. Но главные таланты В. А.—какъ политическаго организатора, борца и оратора, способнаго живымъ словомъ убѣждать и воодушевлять большія массы слушателей—оставались не исползованными и даже неизвѣстными, пока событія послѣднихъ трехъ лѣтъ не выдвинули его на политическую арену, какъ силу первой величины. Еще задолго до памятнаго манифеста 17 октября В. А. сталъ призывать патріотовъ къ объединенію въ основанную имъ «монархическую партію» для защиты самодержавнаго государственнаго строя. Вначалѣ эти воззванія вызывали ядовитыя насмѣшки противъ патріота, котораго пытались изобразить ломящимся въ открытыя двери, и лишь немногіе личные друзья и знакомые покойнаго составили первую ячейку организациі «Объединеннаго Русскаго Народа». Когда осенью 1905 г. въ Москву, въ теченіе 10 дней отрѣзанную отъ внѣшняго міра желѣзнодорожною и телеграфною забастовкою, пришло извѣстіе о манифестѣ 17 октября, улицы Первопрестольной наполнились чередующимися патріотическими и революціонными процессіями, а московскій генералъ-губернаторъ выходилъ на балконъ, украшенный красными флагами,—горсть монархистовъ, видя растерянность власти, собралась вечеромъ 18 октября на засѣданіе «монархической партіи» на квартирѣ своего учредителя и предсѣдателя, В. А. Первымъ былъ поставленъ на очередь вопросъ, имѣтели ли смыслъ дальнѣйшее существованіе «Монархической партіи» съ ея программою защиты самодержавія, послѣ опубликованія манифеста. Препія, съ большимъ тактомъ руководимыя В. А., привели къ утвердительному разрѣшенію поставленнаго вопроса: «Самодержавный царь не насильно навязанъ русскому

народу, но свободно избранъ всею землею въ Москвѣ 300 лѣтъ тому назадъ, въ смуту горшую, чѣмъ нынѣшняя, для того, чтобы спасти Россію отъ внѣшнихъ враговъ и внутреннихъ раздоровъ. Установившійся съ того времени самодержавный государственный строй спасъ, укрѣпилъ, возвеличилъ Россію и, такимъ образомъ, оправдалъ себя передъ народомъ, его установившимъ. Поэтому идея самодержавія осталась жива въ сердцахъ народныхъ и ея не заглушатъ ни смута, ни даже законодательные акты. Напротивъ того, смута, раздоры и новыя бѣдствія еще разъ пробудятъ народное сознание, и въ новой бѣдѣ народъ прибѣгнетъ къ испытанному средству—къ царскому самодержавію. Задача монархической партіи поднять этотъ оброненный алтарь и хранить его свято и въ чистотѣ, пока не будетъ признана необходимость возстановить эту народную святыню». Эта идея, будучи выслушана въ малочисленномъ засѣданіи монархической партіи подъ предѣтельствомъ В. А., отсюда облетѣла всю Россію, повсюду являясь тѣмъ бродиломъ, которое вызвало повсемѣстно появленіе монархическихъ организацій подъ разными наименованіями: «союза русскаго народа», «православныхъ братствъ», «блага знамени» и т. п. Серьезная ученость В. А., его связи въ лучшемъ обществѣ столицы, его безкорыстное служеніе идеѣ самодержавія, ставили въ затруднительное положеніе тѣхъ, которые пытались утверждать, будто преданность неограниченной царской власти присуща лишь людямъ темнымъ, невѣжественнымъ или купленнымъ. Онъ не претендовалъ на почетъ и признаніе своихъ заслугъ. Глубоко изучивъ, какъ педагогъ, слабости челоуѣческой природы, онъ умѣлъ все понимать и все прощать. Никогда ни въ своихъ рѣчахъ, ни въ статьяхъ онъ не упоминалъ о себѣ, а почести отклонялъ, предоставляя лавры другимъ, себѣ же оставляя львиную долю труда. Помимо работы въ газетѣ, В. А. писалъ воззванія, читалъ ихъ, открывалъ новые отдѣлы, произносилъ рѣчи, велъ обширную переписку, примирялъ возникшія недоразумѣнія, неизбѣжныя въ столь обширномъ дѣлѣ, совершенно забывая о себѣ и необходимомъ отдыхѣ. Наконецъ и его желѣзное здоровье не выдержало. Онъ отдалъ душу Богу, въ котораго искренно и глубоко вѣровалъ. Его послѣдняя мысль была объ истерзанной смугою Россіи; его послѣднія слова духовнику: «Мнѣ скоро конецъ. Собирайтесь и объединяйтесь, русскіе православные люди!» Похороны В. А. съ большими почестями и при громадномъ стеченіи народа состоялись 1-го октября въ Скорбященскомъ монастырѣ у Бутырской заставы. Послѣ похоронъ А. П. Чехова и ректора московскаго университета кн. Трубецкаго это были третьи литературныя похороны, на которыя собралось столько народа (Некрологи см. въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1907 г., № 223, «Сиб. Вѣдомости 1907 г., № 216, и «Новомъ Времени» 1907 г., № 11.332).

† **Золотовъ, С. И.** Въ Сорочахъ, Бессарабской губерніи, скончался сотрудникъ нѣкоторыхъ петербургскихъ газетъ С. И. Золотовъ (Гольдельманъ). До Петербурга покойный Золотовъ работалъ въ «Одесскихъ Новостяхъ», гдѣ подписывалъ свои фельетоны псевдонимомъ «Сигъ». (Некрологъ см. «Сиб. Вѣдомости» 1907 г., № 207).

† **Карцовъ, А. И.** 24 сентября въ Ментонѣ скончался одинъ изъ старѣйшихъ представителей нашей дипломатіи дѣйствительный статскій совѣт-

никъ Андрей Николаевичъ Карцовъ, игравшій выдающуюся роль въ эпоху сербской и русско-турецкой войны въ качествѣ нашего представителя въ Бѣлградѣ, а за послѣднюю четверть вѣка своего служебнаго поприща пользовавшійся широкою популярностью на посту русскаго генеральнаго консула въ Парижѣ. Родомъ изъ дворянъ Смоленской губерніи, А. Н. по окончаніи курса наукъ въ императорскомъ Александровскомъ лицѣѣ въ 1856 г. поступилъ на службу въ азіатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ и черезъ два года назначенъ секретаремъ генеральнаго консульства нашего въ Бѣлградѣ. Здѣсь молодому дипломату пришлось быть очевидцемъ политическаго переворота, ознаменованнаго низверженіемъ Александра Карагеоргиевича и вступленіемъ на сербскій престолъ Милоша Обреновича. Въ 1862 г. А. Н. назначенъ консуломъ въ Палестинѣ, гдѣ, благодаря дружескимъ отношеніямъ съ представителемъ Франціи, съ греческимъ и латинскимъ патріархами и личному на нихъ вліянію, ему удалось склонить враждующіе элементы къ соглашенію, которое уже съ 1865 г. дало возможность Россіи и Франціи приступить къ перестройкѣ купола Святогробекаго храма на совмѣстныхъ средства императоровъ Александра II и Наполеона III. Такимъ образомъ, впервые послѣ Крымской войны, подготовлена была почва къ дальнѣйшимъ франко-русскимъ соглашеніямъ. Въ награду за этотъ дипломатическій успѣхъ А. Н. назначенъ генеральнымъ консуломъ въ Корфу, гдѣ пробылъ до 1875 г. и въ маѣ получилъ постъ дипломатическаго агента въ Бѣлградѣ. Это была эпоха, когда началось славянское движеніе и въ Сербію стали стекаться массами русскіе добровольцы. Въ числѣ другихъ прибылъ сюда и герой Ташкента М. Г. Черняевъ, который принялъ сербское подданство и былъ назначенъ Миланомъ главнокомандующимъ сербскихъ войскъ. Въ іюнѣ 1876 г. А. Н. былъ вызванъ въ Эмсъ, гдѣ въ то время находился государь, для устныхъ объясненій, при чемъ высказалъ мнѣніе, что улучшение быта балканскихъ христіанъ, при всеобщемъ къ нимъ сочувствіи въ Россіи, можетъ быть достигнуто безъ открытаго разрыва съ Портой. Между тѣмъ сербская армія была разбита подъ Джунисомъ, и эпилогомъ этой трагикомедіи явилась телеграмма А. Н., въ которой онъ передавалъ слезную мольбу Милана къ государю императору остановить движеніе турокъ на Бѣлградѣ. Послѣдовалъ русскій ультиматумъ Портѣ, послѣ чего заключено было перемиріе. Вызванный снова въ Петербургъ, А. Н., на засѣданіи 16 ноября, въ которомъ лично предсѣдательствовалъ государь, высказалъ свое прежнее мнѣніе. Но жребій былъ уже брошенъ, и великій князь Николай Николаевичъ Старшій былъ назначенъ главнокомандующимъ нашей дѣйствующей арміи. Вернувшись въ Сербію, А. Н., въ маѣ 1877 г., снова былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ уже шли дѣятельныя приготовленія къ предстоящей кампаніи. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ назначенъ генеральнымъ консуломъ въ Будапештъ, въ 1879 г. на тотъ же постъ въ Неаполь и наконецъ въ 1880 г. генеральнымъ консуломъ въ Парижъ, въ каковой должности прослужилъ 25 лѣтъ, пользуясь громадною популярностью какъ въ официальныхъ сферахъ, такъ и въ обществѣ. Въ 1906 г. А. Н. по разстроенному здоровью вышелъ въ отставку и занимался приведеніемъ въ порядокъ своихъ мемуаровъ. Прекрасный стилистъ, увлекательный собе-

сѣдникъ, обладавшій обширною памятью, А. Н. былъ блестящимъ представителемъ тѣхъ лучшихъ людей старой дипломатической школы, которые съ искренностью и самоотверженіемъ, достойными лучшей участи, твердо стояли на стражѣ національныхъ интересовъ, достоинства и чести родины. (Некрологъ см. «С.-Петербург. Вѣд.». 1907 г. № 215).

† **Лаверецкій, Н. А.** 10 октября скончался извѣстный скульпторъ профессоръ императорской академіи художествъ Николай Акимовичъ Лаверецкій. Въ лицѣ усопшаго русское скульптурное искусство лишилось виднаго члена. Н. А. родился въ Москвѣ въ 1837 году. Еще будучи мальчкомъ, онъ, уже съ юныхъ лѣтъ обнаруживавшій недюжинныя способности въ избранной имъ вѣдѣ, въ области, переселился въ Петербургъ. Сначала онъ поступилъ въ рисовальную школу для приходящихъ, а затѣмъ былъ принятъ въ ученики императорской академіи художествъ. Подъ руководствомъ проф. Пименова дарованіе Н. А. развивалось съ необыкновенной быстротою. Въ 1859 году онъ былъ удостоенъ малой золотой медали, а также и золотой большой медали за барельефы. Въ 1863 г. Н. А. въ качествѣ пенсіонера академіи отправляется за границу. Сначала онъ нѣсколько лѣтъ проводитъ въ Германіи и Австріи, а затѣмъ въ Италіи. Въ 1868 году онъ прислалъ въ Россію группу: «Мальчикъ и дѣвочка, кормящіе птичку». За этотъ трудъ онъ получилъ званіе академика; когда же по возвращеніи изъ-за границы въ 1870 г. Н. А. представилъ свои прочія работы—академія художествъ признала его профессоромъ. Съ этого момента почти ни одна академическая выставка не обходилась безъ произведеній Н. А., который до конца своихъ дней трудился, не жалѣя силъ, на избранномъ имъ поприщѣ. Изъ другихъ его произведеній слѣдуетъ отмѣтить памятники М. И. Глинки въ Смоленскѣ и императрицѣ Екатеринѣ II въ Симферополѣ, нѣсколько портретныхъ бюстовъ: его императорскаго высочества великаго князя Владимира Александровича, императора Александра II, ген. Евдокимова, пѣвца О. Петрова, проф. Костомарова и мн. др. Независимо отъ собственныхъ работъ Н. А. вложилъ со своей стороны не малую лепту въ русское искусство, какъ преподаватель въ художественныхъ классахъ академіи, должность котораго онъ занималъ съ 1870 г. Скончался Н. А. семидесяти лѣтъ отъ роду. (Некрологъ его: «Сиб. Вѣдомости» 1907 г., № 225).

† **Ярцевъ, А. А.** 16 октября на Ваганьковскомъ кладбищѣ похоронили тѣло скончавшагося 13 октября небезызвѣстнаго литератора и талантливаго историка театра—Алексѣя Алексѣевича Ярцева, бывшаго въ теченіе многихъ лѣтъ постояннымъ сотрудникомъ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Историческаго Вѣстника». Читателямъ, конечно, хорошо памятливы его живыя статьи о прошломъ русской сцены и цѣлый рядъ увлекательно написанныхъ фельетоновъ (подъ общимъ заглавіемъ «Подмосковныя прогулки»), представляющихъ собою интересныя въ историческомъ отношеніи очерки окрестностей Бѣлокаменной. А. А. уроженецъ гор. Зарайска (Рязанской губ.), по окончаніи гимназическаго курса, поддавшись увлеченію сценой и нѣсколько лѣтъ служилъ актеромъ въ провинціальныхъ труппахъ, но его сценическая карьера сложилась настолько неудачно, что уже въ срединѣ 80-хъ гг. онъ совершенно оставляетъ актер-

скую среду и начинаетъ работать на литературномъ поприщѣ, въ качествѣ сотрудника нѣсколькихъ столичныхъ изданій. Послѣ первой «пробы пера» въ «Русскомъ Курьерѣ», онъ много писалъ по исторіи театра въ журналѣ «Артистъ», «Театральной Библіотекѣ», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Архивѣ» и др. изданіяхъ, а съ 1887 г. дѣлается постояннымъ сотрудникомъ «Московскихъ Вѣдомостей», въ отдѣлѣ «Театръ и музыка», помѣщая здѣсь рецензіи о текущихъ спектакляхъ и біографическіе очерки выдающихся артистовъ. Въ 1896 году покойный становится однимъ изъ наиболее дѣятельныхъ организаторовъ театрального справочно-статистическаго бюро, обязаннаго ему въ значительной степени своимъ возникновеніемъ и развитіемъ своей дѣятельности. Послѣ открытія бюро, А. А. въ теченіе трехъ лѣтъ завѣдывалъ всѣми его дѣлами и, благодаря внимательному отношенію къ лежащимъ на немъ обязанностямъ, пользовался общими симпатіями артистовъ и антрепренеровъ. Перу покойнаго, кромѣ многочисленныхъ газетныхъ статей и замѣтокъ, принадлежали еще обширныя, составленныя по совершенно новымъ матеріаламъ, историко-критическія изслѣдованія о первомъ русскомъ актерѣ Ѳ. Г. Волковѣ и знаменитомъ трагикѣ П. С. Мочаловѣ. (Некрологъ см. «Московскія Вѣд.» 1907 г., № 237).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу статьи г. Горева «Мертвый городъ».

Въ статьѣ «Мертвый городъ», напечатанной въ октябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ, г. Горовъ помѣстилъ рѣзкіе упрёки псковскому археологическому обществу. Упрёки эти сводятся къ тому, что общество, располагая громадными средствами и будучи самымъ богатымъ изъ провинціальныхъ ученыхъ обществъ, не поставило до сихъ поръ на должную высоту ввѣренное ему хранилище мѣстной старины, т. е. Поганкины палаты съ находящимся въ нихъ археологическимъ музеемъ и библіотекой. Въ частности, вина общества выразилась въ искаженіи древняго зданія палатъ, въ устройствѣ безобразныхъ трехъярусныхъ витринъ, заслоняющихъ архитектуру комнатъ и снабженныхъ толстыми рѣшетками, сквозь которыя ничего не видно, въ неудачномъ устройствѣ печей, въ настилкѣ половъ, въ пріобрѣтеніи дешевыхъ библіотечныхъ шкаповъ и въ декадентской окраскѣ входныхъ дверей.

Эти обвиненія ближе всего задѣваютъ должностныхъ лицъ общества и, въ числѣ ихъ, секретаря и хранителя музея. Такъ какъ я занимаю обѣ эти должности съ сентября 1906 года, то мнѣ и приходится теперь, къ огорченію моему, «справлять въ чужомъ пиру похмелье».

Вступивъ въ члены псковскаго археологическаго общества въ маѣ 1906 года, я засталъ Поганкины палаты, музей и библіотеку въ томъ самомъ

положеніи, въ какомъ видѣлѣ ихъ г. Горевъ. Весь ремонтъ зданія былъ произведенъ, главнымъ образомъ, въ 1902 году, т. е. не только до моего вступленія въ члены общества, но и за 4 года до моего прибытія въ Псковъ. Полы, витрины, шкафы---все это было устроено также до меня. Слѣдовательно, всѣ допущенныя при этомъ промахи (если таковыя были) ко мнѣ относимы быть не могутъ. Теперь, по прошествіи пяти лѣтъ, нѣтъ никакой возможности разобратъся, почему было сдѣлано или не сдѣлано то или другое и кто именно былъ вдохновителемъ или распорядителемъ въ томъ или ономъ случаѣ. Составъ общества съ тѣхъ поръ значительно перемѣнился; нѣкоторые изъ лицъ, участвовавшихъ въ передѣлкѣ палатъ и устройствѣ музея, выбыли изъ Пскова; иныхъ уже нѣтъ и на свѣтѣ; возстановить же истину по однимъ письменнымъ документамъ нечего и думать. Поэтому, не имѣя достаточныхъ данныхъ для сужденія о прошломъ, я въ своихъ объясненіяхъ буду касаться преимущественно настоящаго.

Прежде всего считаю необходимымъ разрушить разъ навсегда ходячую легенду о мнимомъ богатствѣ псковскаго археологическаго общества. Она основана на завѣщаніи г-жи фанъ-деръ-Флитъ, суть котораго мало кому извѣстна. Вотъ подлинныя слова этого документа, касающіяся псковскаго археологическаго общества: «. изъ принадлежащаго ей денежнаго капитала завѣщаетъ она, фанъ-деръ-Флитъ м) на устройство при археологическомъ музеѣ, находящемся въ г. Псковѣ, въ Ноганкиныхъ палатахъ, художественно-промышленнаго музея и при немъ школы рисованія имени Николая Федоровича фонъ-деръ-Флита, на устройство и содержаніе ихъ неприкосновенный капиталъ имени Николая Федоровича фанъ-деръ-Флита—двѣсти тысячъ рублей, причемъ послѣ кончины X. капиталъ въ пятьдесятъ тысячъ рублей и послѣ кончины Y и Z ¹⁾ капиталъ также въ пятьдесятъ тысячъ рублей должны быть присоединены къ означенному капиталу въ двѣсти тысячъ рублей на устройство и содержаніе музея; вышеупомянутыя назначенія и выдачи должны быть произведены полностью процентными бумагами по курсовой ихъ цѣнѣ. Душеприказчикамъ поручается выработать, совмѣстно съ предсѣдателемъ псковскаго археологическаго общества, способъ пользованія процентами съ вышеупомянуваннаго капитала и уставъ рисовальной школы, состоящей при художественно-промышленномъ музеѣ... Всѣ завѣщанныя неприкосновенныя капиталы, заключающіеся въ процентныхъ бумагахъ, должны храниться въ государственномъ банкѣ (копія выписи изъ 4 части актовой книги С. П. Б. нотаріуса Р. А. Мерца для актовъ, не относящихся до недвижимыхъ имуществъ, за 1900 годъ, стр. 349 и 350, № 783).

Итакъ, завѣщательница даже не выразила прямо, что капиталъ въ 300 т. р. она завѣщаетъ именно археологическому обществу. Самое названіе послѣдняго она упомянула только вскользь, говоря о его предсѣдателѣ. Во всякомъ случаѣ, этотъ капиталъ, имѣя свое особое назначеніе, остается для псковскаго археологическаго общества неприкосновеннымъ, а изъ

¹⁾ Имена мною опущены.

процентовъ на него оно не имѣетъ права истратить на свои нужды ни одной копейки.

Однако, душеприказчикъ покойной г-жи фонъ-деръ-Флитъ, генераль-адъютантъ Н. М. Чихачевъ, призналъ справедливымъ отчислять въ пользу общества, изъ процентовъ на завѣщанный капиталъ, ежегодно по 600 р. за помѣщеніе въ Поганкиныхъ палатахъ рисовальной школы и по 400 р. на хозяйственныя потребности, итого по 1 т. р. Истинное положеніе денежныхъ средствъ общества лучше всего видно изъ смѣты его доходовъ на текущій годъ.

Къ 1 января 1907 г. состояло оборотнаго капитала 335 р. 16 к.

Ожидается къ поступленію.

Изъ $\frac{0}{100}$ на капиталъ фонъ-деръ-Флита за помѣщеніе въ Пог. пал. рисовальной школы	600 р.	к.
Изъ тѣхъ же $\frac{0}{100}$ на содержаніе зданія Поганкиныхъ палатъ	400 »	»
Членскихъ взносов	150 »	»
Пособіе отъ псков. городской думы на 1906 годъ (не взятое ранѣе)	150 »	»
Тоже на 1907 годъ	150 »	»
$\frac{0}{100}$ на принадлежащій обществу капиталъ	50 »	9 »
Отъ продажи изданій	10 »	»
Итого	1510 »	9 »
Всего	1845 р.	25 к.

Кромѣ оборотнаго капитала, обществу принадлежатъ еще слѣдующія суммы: запаснаго капитала 1100 р. и на ремонтъ стѣнъ и башенъ Пскова 13 р. (sic).

Вотъ и всѣ наши «богатства». А вотъ смѣты расходовъ.

Жалованье служащимъ: сторожу, дворнику и писцу	480 р.	к.
Отопленіе помѣщеній	285 »	»
Освѣщеніе	50 »	»
Печатаніе трудовъ и каталоговъ	250 »	»
Покупка новыхъ предметовъ для музея и устройство витринъ	300 »	»
Роспись 1-й комнаты	75 »	»
Производство раскопокъ	200 »	»
Мелкіе хозяйственныя расходы	61 »	75 »
Мытье половъ	36 »	»
Канцелярскіе расходы	30 »	»
Пользованіе телефономъ	26 »	»
Очистка двора	30 »	»
» дымовыхъ трубъ	10 »	»
» выгребныхъ ямъ	10 »	»
Гербовые расходы	1 »	50 »
Итого	1845 р.	25 к.

Въ нынѣшнемъ году устройство новыхъ витринъ поглотило не только всѣ 300 р., назначенные на это по смѣтѣ, но и 200 р., ассигнованные на раскопки. Такимъ образомъ, ради витринъ, общество должно было отказаться отъ раскопокъ. Не напоминаетъ ли это «Тришкинъ кафтанъ?»

Но текущій годъ былъ для общества особенно благопріятенъ. Н. М. Чихачевъ, опасаясь возможности пожара вслѣдствіе керосинового освѣщенія и отвратительныхъ щелястыхъ половъ, разрѣшилъ израсходовать единовременно, изъ $\frac{0}{10}$ на капиталъ фанъ-деръ-Флита, 2 т. рублей на проведеніе электричества, устройство телефона и сколачиваніе половъ. Все это было сдѣлано, и притомъ такъ экономно, что получились остатки, на которые общество исправило многіе другіе изъяны, на примѣръ: устроила подземныя отводныя трубы, безъ которыхъ палаты каждую весну затоплялись водой; навѣсило въ подвалѣ массивную желѣзную дверь; выкрасило полы, переложило печи, которыя разваливались и грозили пожаромъ, и мн. др. Но рассчитывать на такую же щедрость со стороны душеприказчика и на будущее время общество не можетъ, и ему придется волей-неволей обходиться собственными средствами.

Теперь, надѣюсь, станетъ понятнымъ, почему общество не устроило во всѣхъ комнатахъ изразцовыя печи и завело въ библіотекѣ дешевую мебель: потому что устройство новыхъ печей и хорошая мебель обошлись бы въ нѣсколько сотъ рублей, а взять ихъ неоткуда. Впрочемъ, не вся наша мебель плоха: въ той же библіотекѣ стоятъ два великолѣпные шкапа краснаго дерева—подарокъ Н. Ѳ. фанъ-деръ-Флита.

Покончивъ съ легендой о нашемъ богатствѣ, перехожу къ обвиненіямъ, взведеннымъ на наше общество.

Очень жаль, что г. Горевъ не указываетъ, хотя бы приблизительно, время своей поѣздки во Псковъ. Отъ этого всякій читатель въ правѣ подумать (и непремѣнно подумаетъ), что въ статьѣ «Мертвый городъ» рѣчь идетъ о настоящемъ времени и что неприглядная картина музея, нарисованная г. Горевымъ, вполне соответствуетъ дѣйствительности. Между тѣмъ я утверждаю, что авторъ «Мертваго города» былъ во Псковѣ болѣе года тому назадъ, и вотъ почему: онъ говоритъ, что видѣлъ въ нашемъ музеѣ безобразныя трехъярусныя витрины, въ 2 сажени длиною и отъ $1\frac{1}{2}$ —2 аршинъ глубиною, закрытыя густою рѣшеткой изъ толстаго дерева. Эти самыя витрины были убраны изъ музея въ октябрѣ прошлаго года; слѣдовательно, г. Горевъ былъ въ нашемъ музеѣ не позже октября прошлаго года. Но въдъ съ тѣхъ поръ многое могло измѣниться. Мое вступленіе въ должности секретаря и хранителя музея какъ разъ совпало съ разными передѣлками въ зданіи Поганкиныхъ палатъ. Прежде всего были передѣланы прежнія витрины. Кстати сказать, г. Гореву онѣ показались нѣсколько болѣе своей истинной величины: длина ихъ была не 2 сажени, а 4 аршина, глубина не $1\frac{1}{2}$ —2 аршина, а 1 аршинъ. Еще съ прошлой весны у насъ стоятъ обыкновенныя двухъярусныя витрины, ничего не заслоняющія, безо всякихъ рѣшетокъ и выкрашенныя подъ цвѣтъ дуба. Каждая вещь въ этихъ витринахъ видна отчетливо, насколько позволяетъ освѣщеніе Поганкиныхъ палатъ. Полы, справедливо

возмутившіе г. Горева, также исправлены въ теченіе минувшаго лѣта и теперь не имѣютъ ни одной щели. Но, конечно, многое изъ замѣченнаго г. Горевымъ осталось попрежнему. Такъ, напримѣръ, осталась деревянная лѣстница въ пробитомъ сводѣ. По мнѣнію г. Горева, пробитіе свода было актомъ «вандализма»; лица же, ближе стоящія къ дѣлу и бывшія свидѣтелями ремонта 1902 года, говорятъ иное: онѣ говорятъ, что прежняя каменная лѣстница была до того узка, а ступеньки ея были такъ высоки, что ходьба по ней являлась своего рода акробатическимъ упражненіемъ. Пока наверху лежали только мѣшки съ провіантомъ, а по лѣстницѣ ходили только одни интендантскіе сторожа, она еще могла быть терпима; но когда наверху помѣстилась рисовальная школа, въ которой обучаются дѣти и женщины, то вопросъ объ упраздненіи лѣстницы возникъ самъ собою. Остались и прежнія печныя топки, потому что вопросъ о томъ, гдѣ находились древнія топки, не можетъ быть рѣшенъ опредѣленно, за неизмѣнимъ къ тому точныхъ данныхъ.

Объ окраскѣ входныхъ дверей едва ли стоитъ говорить. Во-первыхъ, цвѣтъ ихъ не столько блѣдно-зеленый, сколько сѣроватый, правда, некрасивый, но не папоминающій пошлаго декадентства. Во-вторыхъ, это такая мелочь, которая совершенно ускользаетъ отъ вниманія при той массѣ работы, какая выпала теперь на долю должностныхъ членовъ общества. Довольно сказать, что до сихъ поръ музей и библіотека не имѣютъ ни каталога, ни инвентаря. Составленіе же ихъ—дѣло далеко не легкое. Нужно много труда упорнаго, настойчиваго, и мелочнаго, чтобы довести до конца эту работу.

Г. Горевъ говоритъ, что псковское археологическое общество не имѣетъ опытнаго руководителя. Мнѣ кажется—хорошо уже и то, что это общество существуетъ. Конечно, приятно было бы видѣть въ его составѣ специалистовъ по всѣмъ отраслямъ археологій, но гдѣ ихъ взять въ сравнительно небольшомъ провинціальномъ городѣ?

И дѣйствительно, общество состоитъ не изъ ученыхъ археологовъ, а изъ однихъ любителей, да и тѣхъ всего 40 человекъ, притомъ занятыхъ службой, торговлей и т. под. и могущихъ отдавать обществу лишь немногіе свои досуги. Соразмѣрно со своими скромными силами, общество дѣлаетъ, что можетъ. Оно собрало порядочный музей, въ которомъ есть много рѣдкихъ и интересныхъ вещей; оно слѣдитъ за цѣлостью древнихъ памятниковъ, препятствуя, по крайней мѣрѣ, разрушенію ихъ человѣческими руками; оно производитъ, хотя и изрѣдка, раскопки, собираетъ и издаетъ старинныя народныя пѣсни и проч. Будетъ больше силъ—будутъ и болѣе блестящіе результаты.

Секретарь и хранитель музея псковскаго археологическаго общества.

Н. Казаринъ.

Псковъ, 16 октября, 1907 г.

II.

Нѣсколько строкъ въ біографію А. П. Чехова.

Какъ бываетъ иногда необходимъ кусочекъ камешка или стекла для полной мозаичной картины, такъ, я думаю, не окажутся лишними и нижеслѣдующія строчки для обстоятельной и подробной біографіи автора «хмурыхъ людей» и тѣхъ «чаекъ», для которыхъ гнѣзда устраивались «въ сумеркахъ» недавнихъ лѣтъ.

Много писавшій въ молодости, А. П. Чеховъ сталъ скупъ на новеллы и рассказы въ послѣдній періодъ своей литературной дѣятельности, когда онъ прилѣпился къ театру. Но такую скупость нельзя объяснять исключительно увлеченіемъ драматургіей; вѣрнѣе будетъ сказать, что Чеховъ, подобно Гончарову, любилъ долго вынашивать и лелѣять свои идеи. Наконецъ, у него и приемы творчества были иногда особенные, можетъ-быть, вслѣдствіе того, что болѣзнь приковывала писателя къ Ялтѣ. Вотъ случай: пріятель, нынѣ тоже покойный, даровитый художникъ-архитекторъ Савва Петровичъ Крошечкинъ, сгорѣвшій на огнѣ, на которомъ сгорѣли Левитовъ, Рѣшетниковъ, Якушкинъ и Номяловскій,—этотъ пріятель познакомилъ Антона Павловича съ часовыхъ дѣлъ мастеромъ С. Н. Волченковымъ, магазинчикъ котораго существуетъ и по сіе время на Воздвиженкѣ, въ домѣ Осиповскаго (въ Москвѣ).

Сошлись три прекраснѣйшихъ, душевныхъ человека. Узнавъ, что Семень Никитичъ Волченковъ посѣщаетъ аукціоны въ ломбардахъ, Чеховъ поручилъ ему записывать все, что бы онъ тамъ ни увидалъ и ни услышалъ—до послѣдней мелочи, и далъ «на расходы» сто рублей. Такимъ образомъ, скромный часовой мастеръ превратился въ сотрудника Чехова, который просилъ его не смущаться и не очень торопиться: — не бѣда, если и на годъ затянется собираніе матерьяла.

Волченковъ добросовѣстно привялся за запись «чернового матерьяла», исписалъ листовъ 20 своими «наблюденіями и впечатлѣніями» и уже намѣревался передать матерьялъ А. П. Чехову, какъ вдругъ изъ Баденвейлера приходитъ извѣстіе о кончинѣ знаменитаго писателя. Стеклышкамъ С. Н. Волченкова не суждено было превратиться въ чеховскій отшлифованный алмазь.

Павель Россіевъ.

III.

По поводу 25-лѣтняго юбилея геологическаго комитета.

Въ «Историч. Вѣстн.» 1907 г. № 10, въ замѣткѣ отдѣла «Смѣсь» по поводу 25-лѣтняго юбилея геологическаго комитета вкралась ошибка, заключающаяся въ томъ, что тамъ сказано, что первымъ директоромъ этого комитета былъ назначенъ въ 1882 году академикъ Гельмерсенъ. На самомъ же дѣлѣ, со дня основанія вышепоименованнаго учрежденія, директоромъ его состоялъ тайный совѣтникъ Василій Гавриловичъ Ерофѣевъ, по инициативѣ котораго и созданъ былъ комитетъ при ближайшихъ сотрудникахъ его: проф.

А. П. Карнинскомъ (акад., бывшемъ послѣ смерти Ерофѣева директоромъ геолог. ком.), покойномъ проф. Г. Романовскомъ, покойн. акад. П. Еремѣевѣ, другихъ нынѣ здравствующихъ и покойныхъ горныхъ инженерахъ, а также акад. Ф. Чернышевѣ, состоящемъ теперь директоромъ геологич. комитета. Въ «Горномъ журналѣ» за 1885 г. № 1 сказано по случаю кончины В. Г. Ерофѣева: «Какъ директоръ геологическаго комитета, Василій Гавриловичъ Ерофѣевъ былъ вполне достойнымъ представителемъ этого почтеннаго учрежденія и постоянно сердечно отнесся къ успѣхамъ его членовъ, которымъ предоставлялъ въ ихъ научныхъ работахъ самую большую свободу. Это не могло не отразиться благотворнымъ образомъ какъ на достоинствѣ такихъ работъ, такъ и на энергіи самихъ работниковъ. Въ 1882 г. 25 октября онъ былъ сдѣланъ директоромъ геологическаго комитета».

Мар. Вас. Ерофѣева.

солнцемъ. Стадо козъ, непослушныхъ маленькому полуобнаженному пастуху съ блестящими глазами, скакало черезъ кустарники; школьники съ веселыми криками бѣгали по равнинѣ Келіуса, между тѣмъ какъ ихъ воспитатель, завидя приближающагося прелата, сосредоточенно остановился около одной поросшей мохомъ латинской надписи, которой онъ совѣмъ не понималъ.

Съ вершинъ Эквиліна толпа молодыхъ канониковъ въ шапочкахъ, украшенныхъ лавровыми или дубовыми листьями, спустилась навстрѣчу нашимъ путникамъ, распѣвая греческій гимнъ «Ласточка»—традиціонную пѣснь весны:

«Уходи, уходи, февраль, тебя гонитъ мартъ; спасайся, спасайся, февраль; привѣтъ тебѣ, мартъ!

«Ласточка, царица-ласточка, которую я видѣлъ уже минувшими веснами, привѣтъ тебѣ!

«Привѣтъ вамъ, крестьяне, обрабатывайте хорошенько землю!

«Сверкающій, веселый міръ готовится воскреснуть.

«Какъ еврейскія дѣти привѣтствовали Христа криками «Осанна», такъ и мы привѣтствуемъ Иисуса Сына Давида, идущаго къ намъ.

«Вотъ приближается цвѣтущая весна со стороны Востока, вотъ приближается Спаситель, который для всего міра свѣтъ и воскресеніе!

«Амен! Амен! Амен!»

Поровнявшись съ Іоакимомъ, они импровизировали на прекрасномъ латинскомъ языкѣ слѣдующую фразу:

«Привѣтъ и тебѣ, епископъ ассизскій, епископъ, не имѣющій церкви и удалившійся, подобно ласточкѣ въ бурный день, на крышу всемірной церкви! Амен, Амен!»

Въ эту минуту Викторіанъ и его старшій учитель чувствовали себя вполне счастливыми.

Когда епископъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ повернуть къ мрачному дворцу, мальчикъ схватилъ его за руку и сказалъ:

— Пойдемъ дальше, все дальше, пока небо полно свѣта и земля полна звуковъ!

И они, не торопясь, поднялись по уступамъ Эквиліна. Іоакимъ свернулъ съ дороги, ведущей къ св. Маріи Маджіоре, и направился къ воротамъ Санъ-Лоренто. По мѣрѣ того, какъ они приближались къ нимъ, имъ показалось, что много народу направляется туда же. Всѣ шумно бѣжали, какъ на какое-то интересное зрѣлище. Отъ развалинъ Минервы шли группы крестьянъ, празднующихся, нищихъ. Изъ-за стѣны колоколь Санъ-Лоренто звонилъ, что было силы. Со стороны Латерана торопливо шли монахи, и скоро показалась кавалерія Капитолія, а за нею, сидя на мулѣ и окруженный свитой прелатовъ, ѣхалъ кардиналъ епископъ Альбано.

— Синьоръ каноникъ,—крикнулъ Іоакимъ толстому канонику, который запыхавшись шелъ за кортежемъ, — какому святому

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1907 г., т. сѣ.

3

празднуютъ сегодня въ Санъ-Лоренто, или какое чудо совершилось?

— Не празднуютъ никакому святому и никакое чудо не совершилось, синьоръ епископъ и добрый другъ,—отвѣтилъ каноникъ:— но мы торопимся встрѣтить у святыхъ воротъ внучатную племянницу святого отца-папы, синьориту Пию, которую графиня Тосканская воспитывала до сихъ поръ, и которую нашъ святой отецъ теперь беретъ къ себѣ. Извѣстіе о ея пріѣздѣ въ Римъ упало, какъ снѣгъ на голову. Очень жаль, что у меня нѣтъ мула: такъ трудно подниматься на горѣ подъ такимъ солнцемъ. Сколько волненій и утомленія въ одинъ день, синьоръ епископъ, но зато какой прекрасный день для святой церкви!

И въ то время, какъ запыхавшійся каноникъ продолжалъ путь, Іоакимъ говорилъ дорогой мальчику:

— Когда-то Гильдебрандъ, еще очень молодымъ монахомъ, пришелъ въ Римъ съ обнаженной головой и босыми ногами. Это былъ сынъ простого пастуха козъ въ Зоанѣ, дикомъ мѣстечкѣ, затерянномъ въ Тосканскихъ болотахъ. Я очень буду счастливъ посмотреть, какъ эта внучка вѣдетъ въ метрополию своего дѣда, нашего папы.

Среди глубокой тишины толпа вдругъ разступилась, приподнялись шляпы, склонились тонзуры, раздался веселый перезвонъ колоколовъ, показались запыленные пажы, оруженосцы, духовныя лица и монахи на лошадяхъ; затѣмъ прослѣдовала цѣлая линия монахинь на ручныхъ носилкахъ; сквозь ихъ вуали видѣлись усталыя, пожилыя лица; на носилкахъ, несомыхъ четырьмя людьми, сидѣла сонная, но цвѣтущаго вида аббатисса и, наконецъ, позади нея, въ сопровожденіи маленькой свиты, на бѣломъ мулѣ, задрапированномъ пурпуровымъ шелкомъ, и котораго велъ подъ уздцы пѣшій оруженосецъ, сидѣла синьорита Пія, внучатная племянница и крестница папы Григорія VII.

— Это королева,—прошепталъ Викторіанъ.

— Совсѣмъ маленькая королева, — отвѣтилъ Іоакимъ: — и будетъ со временемъ графиней, если угодно Богу; но очень мила и пріятна на взглядъ; это апрѣльскій цвѣтокъ, который папа хочетъ пересадить къ грустнымъ стѣнамъ нашего Латерана.

Бѣлый мулъ остановился противъ чернаго мула кардинала Альбано. Оба кортежа составили тотчасъ же большой кругъ, около котораго сомкнулась толпа народа. Іоакимъ нѣсколько стѣснялся этой толпы, но Викторіанъ потянулъ его въ первый рядъ и они стали въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Пии. Онъ любовался дѣвочкой, такъ красиво сидѣвшей на пурпуровомъ ложѣ, освѣщенной блѣдно-золотистымъ свѣтомъ солнца, уже спускавшагося за Яникуль. Старинныя ворота Санъ-Лоренто, замыкавшіяся съ обѣихъ сторонъ острокопечными башнями, отѣненными высокими кипарисами, вы-

сокія укрѣпленія Рима, обитія плющомъ, а тамъ, далеко, лазурныя горы, выступающія подъ яснымъ небомъ, завершали очень изящную картину, напоминавшую мистическія сцены изъ крестовыхъ походовъ.

Эта одиннадцатилѣтняя дѣвочка дѣйствительно была похожа на маленькую сказочную принцессу, которую святая церковь такъ торжественно встрѣчала на порогѣ апостольскаго города. У нея были тонкія, правильно очерченныя черты жителей Этруріи, родины ея семьи, тонкій, нѣсколько острый профиль, дивныя черныя продолговатыя глаза подъ слегка изогнутыми бровями и разметавшаяся по плечамъ и груди роскошная волна свѣтлыхъ волосъ. Длиныя рѣсницы придавали мечтательное выраженіе ея глазамъ, а на красивыхъ губахъ играла веселая и смѣлая улыбка. Ея молочно-бѣлый цвѣтъ лица былъ оживленъ румянцемъ, вызваннымъ путешествіемъ.

Сверхъ бѣлаго широкаго платья на Піи была надѣта горностаевая далматика съ широкими рукавами, перетянутая въ таліи золотымъ кушакомъ. Черный бархатный беретъ спустился отъ тряски на сторону и готовъ былъ упасть съ ея головки. Въ правой рукѣ дѣвочка держала букетъ душистыхъ тосканскихъ травъ, не уступающихъ въ ароматѣ цвѣтамъ Флоренціи.

Когда ея взоръ скользилъ съ тревожнымъ любопытствомъ по отдаленному пейзажу Рима, по св. Маріи Маджіоре, по св. Іоанну Латеранскому, освѣщеннымъ розоватыми лучами заходящаго солнца, важный голосъ преосвященнѣйшаго кардинала привлекъ ея вниманье. Она взглянула на посланца своего дѣда, и онъ показался ей великолѣпнымъ въ красной шелковой сутанѣ и темно-красной шапочкѣ; при томъ же на головѣ его мула раздѣвались красныя перья. Кардиналъ началъ говорить привѣтственную рѣчь, не на вульгарномъ обыкновенномъ языкѣ, слишкомъ бѣдномъ для привѣтствія внучки папы, но на тяжеломъ латинскомъ, на томъ латинскомъ языкѣ, какимъ писаны постановленія первыхъ папъ и энциклики.

Пія ровно ничего не поняла изъ этой рѣчи, но всей своей наивной душою интересовалась торжественными жестами оратора и его декламацией. Одну минуту ей показалось, что она находится въ церкви, и она очень мило перекрестилась... Всѣ присутствовавшіе стояли молча, съ открытыми ртами и, повидимому, были въ восторгѣ, хотя краснорѣчіе кардинала было имъ понятно не больше, чѣмъ Піи. Вдругъ дѣвочка замѣтила нѣчто еще болѣе интересное: мулъ кардинала покачивалъ сверху внизъ головой, украшенной красными перьями, какъ бы въ знакъ любезнаго одобренія. Пія вообразила, что изъ всѣхъ присутствующихъ только одинъ мулъ понимаетъ латынь кардинала и, ничуть не стѣсняясь, разразилась звонкимъ смѣхомъ. Кардиналъ рѣзко оборвалъ свою рѣчь, мона-

хини вздрогнули, аббатисса сдѣлала испуганный жестъ, монахи сдвинули брови, и одинъ изъ нихъ сказалъ вполголоса:

— Дочь Евы, голова голубки, языкъ ехидны!

А Пія все смѣялась...

Кардиналъ, отчаявшись найти нить фразы, въ которой утренняя звѣзда и башня Давида играли довольно сложную роль, повернулъ въ сторону Рима злосчастнаго мула и сдѣлалъ знакъ къ отъѣзду; оба кортежа, состоявшіе изъ духовныхъ и военныхъ людей, слились въ одинъ, трубы весело зазвучали, оруженосецъ взялъ поводья бѣлаго мула, и Пія проѣхала передъ Викторіаномъ и епископомъ ассизскимъ.

Она поклонилась епископу, какъ бы извиняясь за свою неловкость по отношенію къ кардиналу, потомъ, все еще улыбаясь, опустила свои большіе черные глаза на Викторіана.

Аббатисса, въ сильномъ волненіи, крикнула, чтобы кортежъ остановился. Она обернула свое розовое добродушное лицо съ носилокъ и крикнула:

— Пія, дочь моя, не забудьте прочитать «Отче нашъ», какъ это дѣлаютъ пилигримы, входя въ Римъ, гдѣ находится могила апостоловъ Петра и Павла. И еще прочтите три раза «Богородицу» и «Вѣрую» за тотъ ужасный проступокъ, который вы сейчасъ совершили.

— Я разрѣшаю ее отъ этого грѣха, — прошепталъ Іоакимъ: — латынь его преосвященства была слишкомъ плоха. Этого ребенка надо было привѣтствовать сладкими пирожками и цвѣтами, а не поученіемъ.

Пія почти не слышала отчаяннаго крика своей воспитательницы. Она все смотрѣла на Викторіана, и онъ, въ свою очередь, улыбался ей. Въ ту минуту, когда кортежъ снова двинулся въ путь подъ звуки трубъ и отдаленный звонъ всѣхъ колоколовъ Рима, она дружескимъ и своевольнымъ жестомъ бросила мальчику свой букетъ душистыхъ флорентинскихъ травъ.

И кортежъ, озаряемый послѣдними лучами солнца, поднялся на Эквилинь.

Викторіанъ стоялъ неподвижно, растроганный почти до слезъ, и слѣдилъ взоромъ за свѣтлыми волосами, развѣвавшимися по горностаевой далматикѣ, и за тонкой, прямой, какъ лилія, фигурой дѣвочки, нарушившей спокойствіе его меланхолическихъ грезъ. Когда кортежъ дошелъ до верха Эквиллина, бѣлый мулъ сталъ казаться еще выше въ золотистомъ сумракѣ заката. Затѣмъ все поблѣднѣло и постепенно скрылось: и монахини, и оруженосцы, и оружіе, и цвѣтныя перья, и красный кардиналъ, и черные монахи, и знамя Тосканы съ флорентійскимъ львомъ, и знамя святого трона съ ключами отъ рая. Но Викторіанъ все еще видѣлъ направляющуюся къ дому Григорія VII бѣлое видѣніе. Епископъ ассизскій слегка дотронулся до его плеча.

— Вотъ ужъ наступилъ вечерній холодъ, сынъ мой; лучше ходить, чѣмъ схватить лихорадку. Куда мы теперь направимся?

— Въ Латеранъ,—отвѣтилъ мальчикъ.

Уже спустилась ночь, когда они вошли въ папскій дворецъ. Дворы, обширные залы и коридоры, полные шума и оживленья сегодня утромъ, уже приняли свой обычный мрачный видъ. Тутъ и тамъ толстыя темно-желтыя восковыя свѣчи въ мѣдныхъ под-свѣчникахъ, прикрѣпленныхъ къ стѣнамъ, освѣщали тьму яркими пятнами. Вдалекѣ показывался монахъ съ маленькимъ свѣтильникомъ, въ спущенномъ на глаза капюшонѣ и безшумно скрывался за дверью своей кельи.

Иоакимъ предложилъ своему воспитаннику ужинъ, за который тотъ принялся съ большимъ аппетитомъ. Послушникъ объяснилъ имъ, что папа такъ усталъ отъ всѣхъ трудовъ этого дня, что отложилъ на завтра свиданье съ Пией, а аббатисса, какъ только устроилась въ павильонѣ, отведенномъ ея женскому персоналу, послала за самымъ суровымъ исповѣдникомъ, который тотчасъ же поставилъ дѣвочку на колѣни.

— Есть такіе дикіе христіане, готовые посылать на исповѣдь даже маленькихъ птичекъ,—сказалъ Иоакимъ.

Викторіанъ вернулся въ свою бѣдную келью, все еще вдыхая въ себя аромать букета Пии, и это его какъ-то радостно опьяняло. Онъ уснулъ, тихо повторяя греческую пѣснь:

«Ласточка, царица - ласточка, которую я видѣлъ уже минувшими веснами, привѣтъ тебѣ!

«Вотъ приближается цвѣтушая весна со стороны Востока, вотъ приближается Спаситель, который для всего міра есть свѣтъ и воскресеніе.

«Amen! Amen!»

IV.

Часы дѣтства.

Проснувшись до разсвѣта, Викторіанъ справился, гдѣ и когда папа приметъ Пию. Свиданье назначено было въ той же церкви св. Спасителя, за четверть часа до засѣданія духовнаго совѣта. На этотъ разъ Иоакимъ рѣшился впервые занять мѣсто среди отцовъ и посадилъ у своихъ ногъ Викторіана, въ качествѣ кардинальскаго шлейфносеца — нововведеніе, показавшееся очень смѣлымъ нѣкоторымъ епископамъ, сторонникамъ строгаго церемоніала.

— Этотъ юноша не принадлежитъ къ числу духовныхъ лицъ,—сказалъ рѣзкимъ тономъ епископъ Орвieto Ювеналій, настырь необычайной строгости, только что изгнанный изъ своей епархіи всѣхъ заподозрѣнныхъ въ манихейской ереси, включая женщинъ и грудныхъ дѣтей.

Епископъ ассизскій хотѣлъ горячо возразить своему собрату, но въ церкви послышалось общее движеніе. Въ среднія двери вошла внучка святого отца, въ сопровожденіи монахинь, а изъ ризницы приближался папа, сопровождаемый священной коллегіей. Григорій VII поднялся на тронъ передъ алтаремъ; противъ него, на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, остановилась Пія.

Папа протянулъ дѣвчкѣ правую руку, на которой сверкало кольцо рыболова: Пія опустила на колѣни, набожно поцѣловала священный аметистъ, потомъ отступила назадъ по ступенькамъ и сѣла на маленькой скамеечкѣ. Она была вся въ черномъ, какъ монахиня, но вуаль не закрывала ея свѣтлыхъ кудрей и на ея шеѣ висѣлъ золотой ковчежецъ съ мощами, подарокъ графини Тосканской.

Кардиналы сѣли полукругомъ по обѣимъ сторонамъ папы. По его правую сторону находился епископъ Альбано. Пія узнала его и слегка поблѣднѣла. Григорій VII надѣлъ остроконечную тиару и широкую красную мантию. Позади скамейки Піи аббатисса, опустившись на колѣни и скрестивъ руки, замерла въ набожномъ экстазѣ. Торжественное ожиданіе церемоніи придавало ея лицу выраженіе дѣвственницы, ожидающей палача.

Григорій VII молча, съ глубокой нѣжностью смотрѣлъ на дѣвочку. Это была внучка его сестры, съ которой онъ полвѣка тому назадъ пасъ подлужины козъ въ степи Зоаны. Потомъ монастырь всецѣло завладѣлъ имъ и онъ забылъ тропинку къ скромному отеческому дому, судьбы церкви сдѣлались единственной заботой его сердца, и въ душѣ, исключительно предавшейся славѣ Бога, скоро сгладились воспоминанія объ этомъ маленькомъ міркѣ, о лицахъ и вещахъ. Онъ забылъ своего вдоваго отца, рассказывавшаго ему передъ сномъ легенды о святыхъ; сестру, старше его двумя или тремя годами, пѣвшую ему подъ тѣнью деревьевъ пѣсни о рыцаряхъ; домашнихъ козъ и старую собаку, которая такъ долго слѣдовала за нимъ по дорогѣ въ тотъ вечеръ, когда онъ ушелъ въ монастырь; потомъ онъ забылъ и грустныя равнины Зоаны, и вечернія туманныя сумерки, и майскія утра.

И вотъ, видъ этой дѣвочки, единственнаго существа, оставшагося отъ его семьи, возбудилъ въ немъ воспоминанье объ улетѣвшемъ прошломъ и вызвалъ образы минувшаго счастья. Имъ овладѣли мечты его ранней молодости, нѣжные призраки поднимались изъ всѣхъ уголковъ его памяти и, забывъ о духовномъ собраніи, объ императорѣ Генрихѣ, о расколѣ имперіи, папа Григорій VII видѣлъ себя дома, съ отцомъ, съ своей бѣлокурой хрупкой сестрою, такъ давно уже умершей и могилу которой онъ ни разу не посѣтилъ...

И экстренное, торжественное собраніе епископовъ, кардиналовъ, ученыхъ также забыло на время грозу, надвигавшуюся

надъ апостольскимъ кораблемъ, вчерашнюю трагедію, опасность завтрашняго дня и съ отеческой мягкостью любовалось этой маленькой дѣвочкой, сидѣвшей въ присутствіи помазанника Божія.

Удивленная тѣмъ, что папа такъ долго молчитъ, Пія, чтобы развлечься, стала разсматривать картины духовнаго содержанія, украшавшія стѣны старинной церкви.

Наконецъ Григорій VII произнесъ:

— Пія, дочь моя, да хранитъ тебя Богъ! Привѣтствую твой пріѣздъ. Надѣюсь, ты добрая и послушная католичка?

— Да, дѣдушка!—поторопилась отвѣтить дѣвочка.

Но епископъ Альбано, желавшій отомстить за вчерашнее, перебилъ ее рѣзко:

— Говорите: нашъ владыка, а не дѣдушка!

Папа слегка пожалъ плечами. Пія продолжала:

— Да, нашъ владыка, мой дѣдушка, я знаю много прекрасныхъ молитвъ, которымъ меня научили синьора Матильда и синьора аббатисса; знаю «Отче нашъ» и «Вѣрую» по-латыни, а также очень хорошенкія исторіи о страданіяхъ Бога въ Іерусалимѣ, у евреевъ, о ясляхъ Виелеема съ воломъ, осломъ и пастухами, о волхвахъ, о бѣгствѣ въ Египетъ, объ Іосифѣ, проданномъ братьями, объ Еліазарѣ и Ревеккѣ у колодца. Я знаю еще исторію Іоанна Крестителя, который ѣлъ акриды, и исторію маленькаго Іисуса съ раввинами, потомъ еще знаю объ императорѣ Карлѣ Великомъ, которому было двѣсти лѣтъ и который дѣлалъ чудеса въ Парижѣ и въ Римѣ. Наконецъ, я каждый день читаю синьорѣ аббатиссѣ молитвы по ея молитвеннику. Я бы очень хотѣла ихъ понимать, но я еще слишкомъ мала и не знаю по-латыни. Но я немножко догадываюсь по хорошенкімъ, какъ цвѣточки, золотымъ картинкамъ, которыя нарисованы рядомъ со словами.

Папа съ улыбкою дѣдушки слушалъ этотъ лепетъ Піи, и отцы собранія, обернувшись въ сторону дѣвочки, сидѣли неподвижно, слушая эту милую исповѣдь. Даже кардиналъ Альбано почувствовалъ себя растроганнымъ и безоружнымъ.

— Хорошо, дочь моя,—отвѣтилъ Григорій VII.—Я вижу, что ты стоишь на пути къ Богу. Но съ сегодняшняго дня ты воспитанница Іисуса Христа. Ты должна стараться сдѣлаться достойною Церкви и меня.

— Я постараюсь, нашъ владыка.

— Мой долгъ поручить заботы о твоей душѣ одному изъ моихъ досточтимыхъ братьевъ епископовъ, чтобы онъ слѣдилъ за нею и сдѣлалъ ее болѣе развитой и набожной.

Онъ оглянулъ скамьи епископовъ, какъ бы выбирая изъ нихъ того, кто соотвѣтствуетъ его желанію. Епископъ Орвьето уже собирався предложить свои услуги, но Викторіанъ быстро схватилъ руку своего стараго друга и сказалъ ему почти громко:

— Встаньте!

Епископъ ассизскій всталъ. Ободренный жестомъ папы, Іоакимъ произнесъ маленькую рѣчь, небогатую священными текстами, но въ которой сказалась доброта его сердца. Онъ сказалъ, что, будучи пастыремъ церкви въ Ассизѣ, любилъ только слабыхъ и униженныхъ, за что синьоры изгнали его изъ епархіи. Теперь, лишенный своего стада, имѣя много свободнаго времени; онъ чувствуетъ въ себѣ новое призваніе: любовь къ дѣтямъ ради любви къ Богу. Онъ думаетъ, что поступаетъ по Евангелію. Вчера святой отецъ поручилъ ему воспитаніе сына барона Цензія, сегодня онъ проситъ поручить ему религіозное воспитаніе Піи. Онъ будетъ очень заботиться о спасеніи душъ двухъ сиротъ.

— Да будетъ по желанію вашему, братъ мой,—отвѣтилъ Григорій:—возьмите и эту дѣвочку. Пія, вотъ твой духовный отецъ; ты будешь повиноваться всѣмъ его приказаніямъ. Да благословитъ тебя Богъ, дочь моя, и да утѣшать мою старость твои добродѣтели!

Тогда Пія сдѣлала своему двоюродному дѣду глубокой почтительный реверансъ, которому съ самой зари ее обучала аббатисса; и вдругъ, словно по внезапному вдохновенію, она, одну за другою, поднесла его маленькія руки къ своимъ губамъ въ такомъ порывѣ любви, что папа уже приподнялъ складки своей красной мантии, вышитой золотыми пальмовыми листьями, и открылъ объятія, какъ бы желая прижать ее къ своему сердцу. Но дѣвочка не смѣла измѣнить строгости предписаннаго ей ритуала: она съ глубокимъ уваженіемъ поклонилась синьорамъ кардиналамъ, съ почтеніемъ епископамъ и, увлекая за собою бѣдную, разстроенную несомнѣнной немилостью аббатиссу и толпу монахинь, вышла изъ церкви.

Дверь храма Св. Спасителя, охраняемая милиціей Рима, громко захлопнулась за Піей, и отцамъ, оставшимся на совѣтъ, показалось, что угасъ яркій солнечный лучъ. Они занялись жестокой борьбой съ цѣлой половиной христіанскаго міра по вопросу о католической іерархіи. Въ этотъ день имъ предстояло поразить ужасомъ нѣмецкую церковь, исключивъ изъ общенія съ римской епископовъ и аббатовъ, сообщниковъ преступленія императора. Ударъ грома поразилъ прежде всего архіепископа майнцакаго Зигфрида, вдохновителя схизматическаго собранія въ Вормсѣ, потомъ епископовъ, уже ранѣе отлученныхъ отъ церкви: Оттона ратисбонскаго, Оттона констанцкаго, Бурхарда лозанскаго—почти весь составъ германскаго епископата; затѣмъ — ломбардскихъ епископовъ.

Григорій VII отнималъ у этихъ недостойныхъ рукъ посохъ и кольцо, воспрещалъ имъ церковное богослуженіе. Однако тѣ изъ нихъ, которые уступили насилію императора Генриха IV, могли до

дня св. Петра испросить прощеніе папы. Много анаемъ пронеслось надъ Альпами и долиной Роны; Германъ, епископъ вѣнскій, съ частью своего духовенства, графъ Сенъ-Жилль, женившійся на своей двоюродной сестрѣ, графъ де-Форестъ, мародерствовавшій на церковныхъ земляхъ Ліона, и множество аббатовъ и бароновъ были подвергнуты анаемъ.

Къ вечеру отцы, утомленные этимъ духовнымъ убійствомъ, стали громко просить закрытія засѣданія. Тогда одинъ изъ кардиналовъ предложилъ провозгласить анаему надъ двумя очень высокопоставленными головами: Филиппомъ, королемъ Франціи, уже дважды отлученнымъ отъ церкви, и Робертомъ Гюискаркомъ, нормандскимъ владыкой неаполитанской Италіи, ежегодно отлучаемымъ отъ церкви. Но папа поднялся, жестомъ заставилъ умолкнуть кардинала и произнесъ вечернюю молитву. У него было предчувствіе политическаго будущаго: нормандцы защитники папства, еще разъ изгоняемаго изъ Рима, а Франція, его старшая дочь, опора церкви противъ тевтонскаго насилія.

Въ то время, какъ Латеранъ громилъ христіанскій міръ, въ папскомъ саду, въ тѣни кипарисовъ, Іоакимъ устроилъ маленькое совѣщаніе. Онъ представилъ Піи сына Цензія.

При дворѣ графини Матильды дѣвочка слышала рассказы о томъ, что произошло за ночной мессой, и о преданности Викторіана. Ее охватило чувство такого восторга къ мальчику, что она упоминала его имя въ своихъ молитвахъ, послѣ архангела Гавріила и Михаила и Св. Георгія, не зная хорошенько, молится ли она за него, или призываетъ, какъ чудотворца. Она представляла его себѣ молодымъ героемъ, похожимъ на рыцарей, съ головы до ногъ сверкающимъ сталью, золотымъ дракономъ съ развѣвающимися крыльями, въ златотканной одеждѣ, съ саблей, мечущей искры. Она была очень удивлена и въ то же время обрадована, когда узнала въ немъ своего вчерашняго незнакомца, мальчика на нѣсколько лѣтъ старше ея, съ очень пріятнымъ взглядомъ. Пія весело протянула ему обѣ руки, говоря:

— Вы простите мнѣ мою вчерашнюю шалость, когда я бросила вамъ букетъ у воротъ Санъ-Лоренто? Это вина его преосвященства кардинала. Я думала, что онъ читаетъ мнѣ вечерню, потому что онъ сказалъ: «*Domino deo*», и меня это развеселило, особенно, когда его большой черный мулъ какъ будто говорилъ Ашеп. Сеньора аббатисса думаетъ, что въ эту минуту меня покинулъ мой ангелъ хранитель, и это причинило ей такое горе, что она всю ночь не могла сомкнуть глазъ.

Викторіанъ задержалъ въ своихъ маленькія ручки Піи и любовался ею съ нѣжностью старшаго брата. Неожиданная разбѣяность ангела хранителя давала ему удобный случай предложить Піи свои услуги.

— Примите меня, какъ вашего защитника и вѣрнаго друга,— сказалъ онъ.— Всегда, по первому призыву, я буду около васъ и никогда не забуду охранять васъ.

— Отъ всей души,— отвѣтила она.— Правда, я слишкомъ одинока на свѣтѣ. Матери я вовсе не знала. Мой отецъ, бывшій оруженосцемъ одного сеньора въ Зоанѣ, умеръ въ сраженьи. Тогда меня взяла къ себѣ графиня, но для сироты это слишкомъ важная дама, а съ моимъ дѣдушкой надо говорить, стоя на колѣняхъ. Я боюсь, не оскорбила ли я сегодня Бога въ его лицѣ моимъ поцѣлуемъ.

— Вашъ поцѣлуй былъ похожъ на молитву,— сказалъ ей епископъ.— Это было «Отче нашъ» ребенка, и Отецъ, сущій на небесахъ, такъ и понялъ его.

Иоакимъ попросилъ, чтобъ Пія показала ему, что хранится въ маленькомъ ковчежцѣ, висѣвшемъ у нея на шеѣ. Она открыла золотой рѣзной медальонъ и вынула изъ него нѣсколько ладонковъ изъ пергамента. На первой, запечатанной печатью епископа Флоренціи, была такая надпись:

«Кусокъ покрывала Богоматери».

— Это противъ искушенія,— сказала Пія.

На второй ладонкѣ, съ печатью епископа Ареццо, было написано: «Кусокъ туники святого мученика Стефана».

— Это,— сказала она,— предостерегаетъ отъ грома и отъ камней, падающихъ съ горъ.

Въ третьей ладонкѣ, подъ печатью архіепископа Пизы, лежала высушенная роза, сорванная на могилѣ отшельника св. Нила.

— Это отъ злокачественной лихорадки,— объяснила дѣвочка.— Въ Зоанѣ, какъ только начинаются осенніе дожди, въ каждомъ домѣ умираютъ отъ этой болѣзни.

Эти три епископскія надписи были сдѣланы на древне-латинскомъ языкѣ, крупнымъ, твердымъ почеркомъ. На четвертой ладонкѣ, завязанной шелковой ниткой, было написано по-итальянски дѣтскимъ почеркомъ:

«Здѣсь хранится локонъ волосъ маленькой Титы, моей первой подруги, которая улетѣла въ рай».

Пія дрожащей рукой взяла дорогое воспоминанье. Это была очень простая и очень грустная исторія, которую она рассказала со слезами. Въ Зоанѣ цѣлыхъ двѣ зимы у изголовья больной Титы она проводила долгіе часы, убаюкивая ее золотыми грезами, гдѣ всегда фигурировали замки, пажы, бѣлыя лошади, золотыя трубы. Вечеромъ въ Вербное воскресенье дѣвочка вдругъ очень поблѣднѣла и уснула въ объятіяхъ Піи, все продолжая улыбаться счастливому видѣнью.

— Береги хорошенько эту реликвию, дочь моя,— сказалъ епископъ.— Каждый разъ, когда ты вспомнишь о ней, у тебя будетъ

легче на сердцѣ. Что же касается Титы, то она, дѣйствительно, обитаетъ тамъ, на небѣ, въ свѣтломъ замкѣ и слышитъ музыку ангеловъ.

Уже нѣсколько времени какая-то тревожная тѣнь ходила по саду, приближалась къ группѣ кипарисовъ и снова удалялась отъ нея съ грустнымъ жестомъ. Пія первая узнала, кто это.

— Вотъ синьора аббатисса ищетъ меня, чтобъ я прочла ей полуденныя молитвы. Мнѣ очень хочется позвать ее къ намъ, но я была бы такъ рада, если бъ она избавила меня на сегодня отъ чтенія ея требника!

— И на сегодня и на завтра,—отвѣтилъ епископъ и жестомъ предложилъ аббатиссѣ подойти къ нимъ.

Она не заставила долго просить себя, такъ какъ ее волновали и любопытство и огорченіе. Она смутно предчувствовала, что ея вліянію пришелъ конецъ, и, сама не отдавая себѣ отчета почему, дрожала за судьбу Піи.

— Синьора, благословляю васъ отъ всей души,—сказалъ ей епископъ.—Теперь вамъ придется одной исполнять каноническія службы, или же будемъ дѣлать это вмѣстѣ, если вы пожелаете принять меня въ качествѣ діакона. Такъ какъ нашъ святой отецъ поручилъ мнѣ духовное воспитаніе своей внучки, то мой долгъ направлять Пію во всѣхъ религіозныхъ вопросахъ. Вы мнѣ доставите большую радость, если тотчасъ же снимите съ нея это черное монашеское платье и одѣнете ее въ свѣтлое, что гораздо болѣе подходитъ къ ея молоденькому личику. Я надѣюсь, что вы и я останемся добрыми друзьями во имя Господа нашего Іисуса Христа. Да хранятъ васъ Отецъ Небесный и Богоматерь!

Аббатисса молча поклонилась, очень огорченная своей отставкой. Затѣмъ она съ нѣкоторымъ недовѣріемъ взглянула на сына Цензія, который уже улыбался при мысли снова увидать Пію въ ея горностаевой далматикѣ, перетянутой золотымъ кушакомъ.

— И вы будете воспитывать ее вмѣстѣ съ этимъ молодымъ синьоромъ?—прерывающимся отъ вздоховъ голосомъ спросила она.

— Съ моимъ старшимъ братомъ,—поправила Пія.

— Это воля папы,—отвѣтилъ Іоакимъ.—Эти дѣти вырастутъ вмѣстѣ подъ Божіимъ окомъ.

Аббатисса удалилась медленными шагами, думая о многихъ страныхъ вещахъ, смущавшихъ ея добродѣтель. Но никогда впослѣдствіи она не противорѣчила желаніямъ Іоакима. Мало-помалу она даже привыкла переносить личность Викторіана. Юноша напоминалъ ей одного хорошенькаго пажа съ длинными локонами на ея родинѣ Перузѣ, о которомъ она мечтала, когда ей было шестнадцать лѣтъ, но съ которымъ никогда не говорила иначе, какъ во снѣ.

Дѣтство Піи прошло спокойнѣе, чѣмъ дѣтство Викторіана. Ни одна горькая мысль не тяготила ея воспоминаній. Узкія рамки

религіи, требовавшіяся отъ нея, не пустили въ ней глубокихъ корней. Она была еще слишкомъ молода для того, чтобы понять тѣ ужасы, которыми Эгидій мучилъ мальчика. Она могла служить Викторіану прекраснымъ примѣромъ надежды и радости. Іоакимъ поставилъ себѣ задачей облагородить одну душу посредствомъ другой, эти двѣ родственныя души: одну веселую и довѣрчивую, другую героическую. Трудъ этотъ обѣщаль быть легкимъ: доброта и грація Піи съ перваго же дня оказали сильное вліяніе на ея друга. Что же касается дѣвочки, то въ ея глазахъ Викторіанъ былъ высшимъ существомъ, достойнымъ уваженія и счастья.

Очень скоро Іоакимъ сдѣлалъ любопытное открытіе относительно Піи. У нея былъ совершенно монашескій взглядъ на земную жизнь, внушенный ей монахинями, взглядъ, еще не успѣвшій омрачить ея міросозерцанія, но уже дававшій ей представленіе о томъ, что здѣсь, на землѣ, даже маленькія дѣти, даже самыя святыя аббатиссы, идутъ по долинѣ слезъ. Она не могла отрѣшиться отъ мысли объ этой долинѣ слезъ, которую ей тысячу разъ описывали, какъ узкую, крутую тропинку среди ужасныхъ скалъ, шиповъ, острыхъ булыжниковъ подъ мрачнымъ небомъ и холоднымъ дождемъ и со страшными порывами вѣтра на каждомъ поворотѣ. Конечно, ей хотѣлось совершить пилигримство по этой тропинкѣ какъ можно веселѣе, срывая дорогой тюльпаны и розы, гіацинты и фіалки; но этотъ аскетическій декорумъ былъ ей такъ близокъ, что казался необходимымъ, она не могла понять, чтобы судьба маленькой дѣвочки сложилась иначе.

— Васъ обманули, Пія,—сказалъ ей Іоакимъ:—Богъ не создалъ жизнь на муку своимъ дѣтямъ. Это лишь въ сердцахъ, закрытыхъ для жалости, лишенныхъ чувства милосердія и смущаемыхъ боязнью, существуетъ, по ихъ собственной винѣ, долина слезъ. Пусть эгоисты, надменные люди и трусы оплакиваютъ свою духовную нищету. Для нихъ жизненный путь суровъ, страшенъ и полонъ ядовитаго тумана. Они жалкіе путники, потому что идутъ одни и до своего послѣдняго часа любятъ себя однихъ. Великая тайна земного счастья заключается въ вѣрѣ въ милосердіе Божіе и въ простыя слова евангелія: «Любите другъ друга». Тита была взята у васъ совсѣмъ маленькой, чистой, безгрѣшной, но вы ее любили, вы плакали надъ нею, и за эту великую любовь, за это великое горе вы всегда будете наслаждаться утѣшеніемъ нѣжныхъ душъ. Посмотрите на Викторіана: онъ началъ свою жизнь долгимъ страданіемъ, но одинъ актъ самопожертвованія и любви обезпечилъ ему цѣлую жизнь спокойствія великодушныхъ сердецъ.

Онъ рассказывалъ дѣтямъ умиротворяющія сцены своего ранняго дѣтства; онъ какъ бы лилъ воду новаго крещенія на эти два юныхъ существа и старался изгладить изъ ихъ воспоминанія всѣ тяжелые или тревожные часы.

Онъ часто блуждалъ по отдаленнымъ окрестностямъ города или за стѣнами его. Онъ любилъ свѣжій воздухъ, горячее солнце, трепеть листьевъ, свѣжесть равнинъ, пѣнье птицъ, прелесть цвѣтовъ. Онъ часто говорилъ, что небо это самый лучший церковный сводъ, и что горы Латіума, видимыя съ башенъ Латерана, напоминаютъ большой алтарь, усѣянный сафирами и изумрудами.

Во времена своего епископства въ Ассизѣ онъ иногда по воскресеньямъ одинъ шелъ пѣшкомъ служить обѣдню въ Спелло; потомъ онъ шелъ полями въ Фолиньо прочесть евангеліе, положенное на этотъ день. Онъ возвращался въ Ассизъ очень поздно, звѣздной ночью, когда ворота были уже закрыты. Онъ проводилъ чудные часы въ разговорахъ съ пилигримами и пастухами, кормилъ травою козъ, наблюдалъ, какъ гдѣ-нибудь на пруду чирки устраивали себѣ гнѣздо. Если случалось, что сторожъ городскихъ воротъ спалъ или былъ не въ духѣ и не отпиралъ епископу востокъ, то Іоакимъ спокойно вновь спускался въ долину, слушая, какъ вдоль заборовъ, въ густомъ кустарникѣ поютъ умбрійскіе соловьи, потомъ спускался совсѣмъ внизъ къ монастырю Св. Даміана въ увѣренности, что найдетъ здѣсь гостепримство апостольскихъ вѣковъ: стаканъ холодной воды, чтобы освѣжиться, и три доски, чтобы помечтать о небесномъ Іерусалимѣ.

Онъ рѣшилъ съ первыми же весенними днями познакомиться съ природой своихъ воспитанниковъ. Для нихъ это было большой новостью. Викторіанъ, всегда закрытый въ замкахъ своего отца, зналъ лишь мутный Тибръ, катившій свои волны среди прибрежныхъ кустовъ. Пія жила сначала въ туманной долинѣ Зоаны, съ ея блѣднолиственными тополями; потомъ она видѣла Тоскану лишь изъ оконъ графини Матильды. Римская Кампанья, оживленная и разукрашенная апрѣльскимъ солнцемъ, показала дѣтямъ какимъ-то откровеніемъ.

Они выѣзжали изъ Латерана въ полдень маленькимъ караваномъ: направо Викторіанъ верхомъ на лошади, въ срединѣ Пія на старомъ, очень разумномъ и послушномъ мулѣ, принадлежавшемъ когда-то папѣ Николаю II, наконецъ Іоакимъ, возсѣдавшій на мулѣ изъ папскихъ конюшенъ; это былъ подарокъ папы Григорія VII, и мулъ этотъ упорно останавливался у каждой базилики, у каждой церкви, капеллы или часовни, встрѣчавшихся по дорогѣ. Иногда ихъ сопровождала аббатисса, которую очень комично трясли на носилкахъ четыре веселыхъ носильщика.

Выѣзжали воротами Санъ-Лоренто на дорогу къ Пренестинѣ, воротами св. Іоанна—на Латинскую дорогу и воротами Санъ-Себастьяно—на дорогу къ Аппіи. Дорога къ Аппіи была любимой прогулкой, къ тому же самой продолжительной, благодаря духовнымъ традиціямъ папскаго мула, котораго нельзя было оторвать отъ церкви святыхъ Нерей и Ахиллы, отъ аллеи катакомбъ св. Цециліи

и отъ маленькой каплицы *Domine quo vadis*. Здѣсь, чтобы приучить себя къ терпѣнію, епископъ вспоминалъ встрѣчу св. Петра, убѣгавшаго изъ Рима, чтобы избѣгнуть смерти, съ Иисусомъ-Христомъ, идущимъ босикомъ въ Римъ, съ крестомъ на плечѣ.

— «Господи, куда ты идешь?»

— «Въ Римъ, чтобы быть распятымъ во второй разъ».

— *Iterum crucifigi*,—повторялъ серьезнымъ голосомъ Іоакимъ, преклонившись надъ слѣдомъ, оставленнымъ ногою Спасителя на мраморной ступени. Это была вторая измѣна Св. Петра. Къ счастью, на этотъ разъ онъ во время опомнился, устыдился своей слабости и вернулся на мученье.

— Это былъ очень великій папа!—со вздохомъ произнесла добродушная аббатисса.

— Очень великій, синьора,—согласился епископъ.—Но я до сихъ поръ не простилъ еще ему его словъ во дворѣ Пилата, когда евреи спросили его: «И ты былъ съ нимъ?»—а онъ отвѣтилъ: «Я не знаю этого человѣка».

Нѣсколько далѣе, противъ кладбищенскихъ стѣнъ Цециліи Метеллы, на равнинѣ стояла скромная церковъ, отъ которой теперь остались однѣ лишь развалины. Подъ орѣховыми деревьями, росшими у церкви, оставляли муловъ и лошадь на попеченіи носильщиковъ аббатиссы и тихими шагами направлялись по дорогѣ къ Аппіи. Въ этомъ *Campo Santo* язычниковъ Іоакимъ любилъ рассказывать о тѣхъ временахъ, когда Римъ еще не былъ освященъ крестомъ, но уже царилъ надъ міромъ. Іоакимъ зналъ римлянъ лишь по стихамъ *Виргилія* и раздѣлялъ трогательныя суевѣрія поэта.

Въ ранней юности Іоакимъ былъ близокъ съ однимъ старымъ священникомъ, состоявшимъ при особѣ папы-француза Сильвестра II, очень любившаго древнія сочиненія, и котораго монахи считали за колдуна, предавашагося діаволу. Въ то время Іоакимъ научился уважать память людей, не просвѣщенныхъ свѣтомъ вѣры, но тѣмъ не менѣе умѣвшихъ открыть истину и создать справедливость. Иногда онъ останавливалъ своихъ спутниковъ передъ саркофагомъ работы греческаго рѣзца или передъ какой-нибудь строгой и задумчивой римской головою, профиль которой отчетливо выдѣлялся на могильномъ памятникѣ, и епископъ выражалъ сожалѣніе, что христіанскіе художники и скульпторы не сохранили тайну красоты и жизненности.

— Въ святой *Праксидіи*,—говорилъ онъ,—мозаика такъ грустна, что на нее страшно смотрѣть: ангелы тонки, какъ кузнечики, *Мадонны* мрачны, въ фіолетовыхъ или черныхъ одѣяніяхъ, Христосъ съ черными, сердитыми глазами, похожій на злого императора,—словомъ, такія фигуры, которыя вызываютъ скорѣе желаніе плакать, чѣмъ надѣяться

Викторіану и Пii очень нравились всѣ объясненія ихъ учителя, но аббатисса приходила въ ужасъ отъ язычниковъ, поклонниковъ Вельзевула. Она вѣрила всѣмъ страшнымъ баснямъ, которыми полны книжки пилигримовъ и послушниковъ; она вѣрила, что существуютъ мраморныя статуи, пальцы которыхъ сжимаютъ дотронувшуюся до нихъ руку; вѣрила въ Меркурія и Аполлона, которымъ несчастные еще молятся въ подземельяхъ Колизея, въ Венеру, ледяной ротъ которой посылалъ смертельныя поцѣлуи.

— Въ концѣ концовъ, синьоръ епископъ, — сказала она однажды, — вашъ Virgilій и всѣ эти римляне, которые не имѣли ни церквей, ни монастырей, ни исповѣди, ни крещенія, вмѣстѣ со всѣми ихъ богами, находятся теперь въ аду, въ самомъ горячемъ пеклѣ, и, по-моему, не слѣдуетъ говорить объ этомъ со слишкомъ большой снисходительностью, такъ какъ адъ вѣченъ.

— Синьора... началъ Іоакимъ.

Но онъ вдругъ умолкъ и съ огорченнымъ выраженіемъ лица сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ могилѣ патриція, украшенной прелестной головою юноши. Викторіанъ, послѣдовавшій за нимъ, слышалъ, какъ онъ прошепталъ:

— Въ Credo никейскихъ отцовъ, въ этихъ правилахъ вѣры, ничего не говорится объ адѣ. Но апостолы Маркъ и Матвѣй говорятъ о вѣчномъ огнѣ, уготованномъ демону и ангеламъ его, о гееннѣ, ожидающей людей немилосердыхъ. Но развѣ вѣчность палача должна внушать вѣру въ вѣчное мученіе?

Когда маленькій караванъ выѣзжалъ изъ Рима воротами св. Іоанна, онъ поднимался направо на высоту могилъ Латинской дороги, до вершины того продолговатаго холма, который тянется къ дорогѣ въ Аппію и съ вершины котораго открывается такой чудный видъ на Кампанью и горы. За два часа до захода солнца цѣпь Апеннинъ какъ бы сливается съ зеленоватою лазурью неба, скалы сверкаютъ всѣми оттѣнками золота, а уступы долинъ, покрытые легкой тѣнью, имѣютъ веселый цвѣтъ бирюзы. Ближе латинскія горы Альбано и Тускулумъ, покрытыя виноградниками и каштановыми деревьями, и лѣсистыя вершины Неми кажутся одѣтыми въ темно-голубой бархатъ. Затѣмъ, внизу, всюду, на необозримомъ горизонтѣ разстилается грандіозная молчаливая равнина, гдѣ исторія посѣяла развалины, разрушенные водопроводы, феодальныя башни и могилы. Тамъ Римъ поднялъ свою царственную голову надъ старинными крѣпостями. Всюду глубокая тишина, тишина пустыни. Вдали большіе быки, опустившіе головы къ травѣ, кажутся неподвижными. Здѣсь можно провести очень долгое время, не услышавъ иныхъ звуковъ, кромѣ рѣзкаго крика хищной птицы, парящей высоко подъ облаками.

Когда путники достигали этого мѣста, Іоакимъ разстилалъ на землѣ свой плащъ для Пii и аббатиссы, и всѣ четверо любова-

лись торжественнымъ пейзажемъ. Епископъ припоминалъ рассказы объ Энеѣ, Ромулѣ, Юліи Цезарѣ и императорѣ Тиверіи, современникѣ Иисуса Христа. Пія напѣвала балладу, слышанную ею когда-то въ Зоанѣ:

«О, какъ давно я хочу имѣть возлюбленнаго — музыканта! И вотъ Богъ послалъ мнѣ его, покрытаго розами и рубинами. Вотъ онъ приближается тихими шагами, съ опущенной головой и играетъ на скрипкѣ.

«Я влюблена въ скрипача; его музыка прелестна и утѣшаетъ мое сердце; музыка прелестна, какъ прелестенъ музыкантъ.

«Я умираю отъ любви къ музыканту. Музыка прелестна, а музыкантъ очень пылокъ.

«Любовь музыканта лишила меня покоя».

Викторіанъ въ это время, срывая для Піи маргаритки, анемоны и дикія фіалки, отвѣчалъ словами рыцарскаго романа, слышаннаго имъ отъ одного оруженосца его отца:

«Старый капеланъ заперъ мою красавицу въ такой высокой башнѣ, что въ зимніе мѣсяцы черныя тучи окутываютъ келью, гдѣ она томится.

«Онъ поставилъ у лѣстницы башни почетный караулъ изъ трехъ монаховъ съ лысыми головами, которые день и ночь молятся о спасеніи моей красавицы.

«Но башня вовсе не такъ высока и монахи не такъ бдительны, чтобъ я скоро не слеталъ на крыльяхъ любви въ келью въ высокой башнѣ, къ моей возлюбленной».

Аббатисса при этомъ дѣлала строгое лицо, потому что находила эти пѣсни слишкомъ свѣтскими. Но воздухъ оживлялъ ее, и она, въ свою очередь, начинала рассказывать какую-нибудь легенду изъ монастырской жизни Рима, сто колоколенъ котораго сверкали въ лѣтнемъ небѣ.

— Это было очень давно, — рассказывала она. — Это было при папѣ Григоріи или Бенедиктѣ — не знаю навѣрное, при какомъ. У насъ было такъ много папъ Григоріевъ и Бенедиктовъ, что ихъ и не упомнишь.

— Девять Бенедиктовъ и семь Григоріевъ, синьора, — напоминалъ Іоакимъ. — Вашъ рассказъ относится, очевидно, ко времени св. Григорія Великаго?

— Можетъ быть, синьоръ епископъ, но это было очень смутное время. Семь сарацинскихъ царей-язычниковъ, поклонявшихся Магомету, т. е. антихристу, осадили Римъ съ огромной арміей. Папа имѣлъ при себѣ только нѣсколькихъ рыцарей, и городъ находился въ большой опасности. Язычники хотѣли замучить папу до смерти и потомъ уничтожить христіанскую религію. Но въ то время въ Римѣ жили семь мудрецовъ, необыкновенно ученыхъ и умныхъ.

— Это кардиналы, синьора, или аббаты,— вставилъ епископъ.

— Самый умный изъ семерыхъ, Янусъ, спасъ Римъ, появившись на зарѣ на одной башнѣ, одѣтый діаволомъ, весь въ черномъ, въ платьѣ, увѣшанномъ бѣличьими хвостами; по обѣ стороны отъ себя онъ поставилъ два деревянныхъ чудовища съ красными глазами и красными языками. Янусъ потрясалъ длинной саблей и такъ сильно ударялъ ею по камнямъ, что искры такъ и летѣли, какъ отъ костра. Семь царей, увидя это чудо, страшно перепугались. Они говорили другъ другу: «Несомнѣнно, что христіанскій богъ спустился этой ночью, чтобъ защитить своихъ. Мы погибли, если не поклонимся ему».

— Въ тотъ же день,— растроганнымъ голосомъ продолжала аббатисса,— папа крестилъ всѣхъ семерыхъ языческихъ царей въ церкви св. Іоанна Латеранскаго. Потомъ они ушли со своимъ войскомъ, а оставшаяся послѣ нихъ добыча обогатила римлянъ.

Утромъ въ первую субботу послѣ Пасхи, называемую субботой de Albis, епископъ сказалъ своей маленькой компаніи:

— Сегодня мы пойдемъ гулять въ Римъ на площадь св. Іоанна. Вы увидите нѣчто для васъ новое—карнаваль духоуенства. Но вы не увидите никакого скандала. Бѣдные духовные люди имѣютъ очень мало радостей на землѣ, и только что окончившійся постъ представляетъ собою большую эпитемію.

Въ этотъ день послѣ обѣда, около часу дня приходскіе священники зазвонили со своихъ колоколенъ, и прихожане пришли въ церкви. Ризничій въ стихарѣ, съ вѣнкомъ цвѣтовъ на головѣ и двумя рогами, подобно старому Силену, вышелъ впередъ съ желѣзной тростью съ колокольчиками, потомъ вышелъ священникъ, откинувъ мантию за плечи, а за нимъ причтъ; всѣ пошли къ Латерану и остановились на площади, откуда начинается дорога къ св. Маріи Маджіоре.

Когда всѣ приходы собрались у дворца, вышелъ папа, и духовные и свѣтскіе люди стали кругомъ около своихъ уважаемыхъ священниковъ. Запѣли: «Deus ad bona nos vocat» (Да благословитъ васъ Богъ!) и по-латыни, и по-гречески, между тѣмъ какъ ризничій танцевалъ среди круга, потрясая рогами и колокольчиками. Потомъ одинъ изъ священниковъ сѣлъ на осла, лицомъ къ хвосту; камерарій поставилъ на голову животнаго чашу съ водой, въ которой лежали двадцать су динаріями; священникъ три раза перегибался къ водѣ и выловилъ нѣсколько монетъ.

Тогда его товарищи подошли къ папѣ и стали бросать къ его ногамъ кроны. Священникъ св. Маріи in Via Lata бросилъ молодую лисицу,—она убѣжала, чуть не прыгнувъ въ лицо священнику св. Праксидіи; подносившій получилъ отъ папы полтора безана (золотая монета). Священникъ св. Маріи in Aquileo поднесъ святому отцу пѣтуха и получилъ отъ него безанъ съ четвертью,

а священникъ св. Евстахія привелъ съ необыкновеннымъ трудомъ козулю.

Въ это время Григорій VII увидалъ среди прихожанъ св. Климента Иоакима съ дѣтьми и послалъ монаха пригласить ихъ сѣсть въ первый рядъ папской эстрады, чтобы они лучше видѣли праздникъ.

Козуля, стоявшая противъ папы, дрожала всѣми членами; вдругъ, изящнымъ движеніемъ, она освободилась изъ рукъ священника и направилась прямо къ Піи. Дѣвочка протянула ей руку, и ласковое животное стало лизать ее. Народъ началъ аплодировать, и кто-то крикнулъ: «Alleluia!» Козуля стала смѣлѣе и уперлась головой въ колѣни Піи, какъ бы прося ея покровительства.

— Дочь моя, — сказалъ Григорій VII: — я вамъ дарю козулю монсиньора св. Евстахія. Вы будете о ней очень заботиться изъ любви ко мнѣ.

— Благодарю, нашъ владыка! — сказала дѣвочка. — Изъ любви къ вамъ и къ ней.

Папа далъ благословеніе, и всѣ приходы стали расходиться подъ звонъ колокольчиковъ.

Иоакимъ сдѣлалъ изъ своего шелкового пояса поводъ для козули и повелъ ее въ Латеранъ. Тамъ онъ немедленно велѣлъ сдѣлать ей хлѣвъ съ маленькими яслями въ папскомъ саду, между тѣмъ какъ Викторіанъ и Пія стали придумывать имя для своего новаго друга. Цѣлыхъ три дня не могли ничего придумать. Наконецъ Викторіанъ вспомнилъ о большой рыжей собакѣ, съ которой онъ игралъ маленькимъ мальчикомъ во дворѣ отцовскаго замка, и козулю назвали Фульво.

Прошли лѣто и осень. Каждый новый день казался дѣтямъ такимъ же пріятнымъ, какъ вчерашній. Наступилъ свѣтлый октябрь; началась веселая уборка винограда, шумное возвращеніе домой молодыхъ дѣвушекъ и юношей подъ звуки тамбуриновъ въ вечерній часъ; начались взрывы смѣха и пѣсни о любви въ тишинѣ Форума, около арки Константина и на Святомъ пути.

Во дворецъ возвращались поздно, такъ какъ, чувствуя приближеніе зимы, Иоакимъ старался подольше насладиться осенью. Однако послѣднія прогулки были омрачены однимъ страннымъ приключеніемъ. Разъ вечеромъ послѣ заката солнца, слѣдуя отъ воротъ Санъ-Себастьяно за веселой группой молодежи, убиравшей виноградъ, Иоакимъ со своими воспитанниками повернулъ у монастыря Камальдюльцевъ и направился по тропинкѣ святыхъ Іоанна и Павла. Одинокая башня стояла посреди дороги, и для того, чтобы пройти къ калиткѣ въ папскіе сады, ее надо было обойти. Вдругъ мужская голова появилась въ узкомъ окнѣ башни. По мѣрѣ того, какъ путники приближались, голова высывалась все болѣе и болѣе, слѣдя за епископомъ и дѣтьми взглядомъ, полнымъ такой

глубокой ненависти, что Пія вскрикнула отъ испуга. Можно было сравнить его съ коршуномъ, парящимъ надъ развалиной и выслѣживающимъ полетъ голубки.

— Какой злой человѣкъ! — воскликнула дѣвочка. — Поѣдемте скорѣе, мнѣ очень страшно.

Викторіанъ взялъ поводъ ея мула и ускорилъ шагъ. Іоакимъ, оставшійся позади, остановился на минуту, всматриваясь въ эту темную личность, потомъ онъ присоединился къ своимъ воспитанникамъ. Пія все еще была взволнована.

— Какой злой человѣкъ! — повторяла она Викторіану. — Увѣрены ли вы, что онъ не заколдовалъ насъ?

— Это священникъ, — сказалъ епископъ: — дурной священникъ, разыгрывающій изъ себя колдуна. Но все его колдовство заключается въ дружбѣ съ дворянами Тускулума, и онъ для нихъ злой геній. Ничего не бойся, дитя мое, Богъ нашъ защитникъ.

Въ этотъ годъ стояла очень суровая зима. Съ половины ноября въ теченіе нѣсколькихъ недѣль Римъ и Кампанья лежали подъ толстымъ слоемъ снѣга.

Викторіанъ и Пія стали чаще навѣщать башню Іоакима, которую они прозвали епископскимъ дворцомъ. Въ первомъ этажѣ находилась моленная епископа и его комната съ монашеской кроватью и деревяннымъ распятіемъ; выше, въ большой сводчатой залѣ онъ въ поэтическомъ беспорядкѣ собралъ остатки прежней роскоши: восточный коверъ — подарокъ венеціанскаго патріарха, скамьи оригинальной рѣзбы, византійскую Мадонну на золотомъ фонѣ, изящные требники, сочиненія Вергилія, вышитую золотомъ митру и парчевую мантию — реликвию его епископскаго сана.

Большая бронзовая жаровня (braserо) не угасая пылала въ залѣ, потому что онъ не хотѣлъ, чтобъ Пія страдала отъ холода. И никто не былъ удивленъ, когда однажды вечеромъ замѣтили, что въ углу, на кучѣ старыхъ ковровъ лежитъ Фульво, козуля монсиньора св. Евстахія.

Въ этомъ уютномъ уголкѣ дружба Викторіана и Пии дѣлалась все болѣе и болѣе близкой. Въ то время, какъ на дворѣ завывалъ вѣтеръ и поля были покрыты снѣгомъ, сироты чувствовали себя связанными другъ съ другомъ еще тѣснѣе; они смутно понимали, что судьба соединила ихъ надолго, быть можетъ, навсегда. Епископъ понималъ ихъ отношенія и покровительствовалъ имъ.

— Вы мои цыплятки, — говорилъ онъ часто: — и я такъ счастливъ, что любовно пригрѣлъ васъ подъ моимъ крыломъ.

Внѣшнія событія почти не проникали въ ихъ уединенную и замкнутую жизнь. Государство, пораженное анаемой папы Григорія VII, Германія, разрывавшаяся между папой и императоромъ, Саксонія, призванная къ повиновенію Риму, возставшая противъ Генриха IV и уже окровавленная гражданскою войною, повсе-

мѣстное колебаніе христіанства, запертыя церкви, всё эти великія несчастія волновали ихъ меньше, чѣмъ зимнія сказки епископа, его постоянное поддерживаніе въ нихъ надежды и законъ любви, который онъ объяснялъ имъ. Онъ часто рассказывалъ имъ легенды, сохраняющіяся въ чистыхъ сердцахъ, какъ сокровища, легенды, въ которыхъ демонъ-искуситель всегда былъ побѣжденъ. Онъ рассказывалъ имъ объ Іоаннѣ Милостивомъ, который принималъ грѣхи, запечатанные тремя печатями, и никогда не спрашивалъ исповѣдника; о милосердіи евангелиста Іоанна, увидавшаго въ Ефесѣ слезы молодого преступника, атамана разбойниковъ, упавшаго къ его ногамъ и поцѣловавшаго его руку.

Онъ вѣрилъ въ общеніе съ отшельниками дикихъ звѣрей: въ волка, который проводилъ св. Антонія въ гротъ св. Павла Пустынника; въ ворона, который въ тотъ же день принесъ двойную порцію хлѣба и фруктовъ обоимъ отшельникамъ; въ двухъ львовъ, которые въ этотъ день пришли зарыть когтями ровъ св. Павла и удалились въ лѣсъ только тогда, когда онъ былъ погребенъ.

Снѣгъ падалъ на нѣмую Кампанью, на Римъ, на Латеранъ; зимній вѣтеръ завывалъ въ горахъ и надъ моремъ, а передъ взоромъ мальчика и дѣвочки, сидѣвшихъ прижавшись другъ къ другу около бразера, вставалъ сіяющій образъ Весны церкви.

Но большое событіе прервало на время это безмятежное счастье. Однажды утромъ передъ Рождествомъ папа велѣлъ позвать къ себѣ въ моленную Викторіана и сказалъ ему:

— Сынъ мой, ты обѣщалъ мнѣ всегда быть готовымъ къ защитѣ папскаго престола. Завтра я покидаю Римъ, чтобы встрѣтиться съ императоромъ въ Альпахъ, быть можетъ, въ самой Германіи; я беру тебя съ собою въ ряды духовной стражи.

На слѣдующій день сынъ Ценція шелъ съ правой стороны папскихъ носилокъ по дорогѣ въ Каноссу.

V.

Каносса.

Для императора Генриха IV примиреніе съ папой Григоріемъ VII было неминуемой необходимостью. Ужасающіяся предзнаменованія скоплялись надъ его вѣроотступничествомъ. Его самый благоразумный совѣтникъ Вильгельмъ, епископъ утрехтскій, умеръ въ нѣсколько дней отъ какой-то таинственной болѣзни; онъ видѣлъ демоновъ на своемъ смертномъ одрѣ, и его послѣдними словами было:

— Беззаконіями нашего властителя мы лишены вѣчной жизни...

Могущественные вассалы и епископы составили заговоръ противъ преступнаго императора. Волненіе, охватившее Саксонію, на-

шло откликъ во всѣхъ германскихъ провинціяхъ. Въ Трибурѣ на Рейнѣ конфедеративное дворянство въ присутствіи папскихъ пословъ составило обвинительный революціонный актъ противъ сюзерена. Германское дворянство не забыло ни одного изъ преступленій, ни одного изъ безумствъ Генриха IV: его безалаберную молодость, жестокости и несправедливости его царствованія, его страсть къ войнѣ, его черствость по отношенію къ сиротамъ и вдовамъ, его посягательства на церкви и монастыри, всѣ его обѣщанія, «порванные, какъ паутина», воровъ, убійцъ и развратниковъ, прикрываемыхъ императорскою властью.

Нѣмецкій епископатъ, еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ послушный императору, теперь, испуганный посланной ему изъ Рима анаемой, отвернулся отъ него; Зигфридъ Майнцскій убѣждалъ отъ двора и проповѣдывалъ въ своей епархіи реформу королевства и наказаніе королю за грѣхи. Противъ Трибура, на противоположномъ берегу Рейна, въ Оппенгеймѣ, почти одинъ, окруженный лишь нѣсколькими друзьями, еще рѣшавшимися дотрагиваться до его руки и сидѣть за его столомъ, Генрихъ IV прислушивался къ угрожающимъ толкамъ этого маленькаго городка, гдѣ два столѣтія тому назадъ Германія свергла императора Карла Толстаго.

Потомъ онъ, какъ прокаженный, заперся въ замкѣ Шпейеръ. Но крикъ его народа, лишеннаго таинствъ и обезумѣвшаго отъ страха ада, настигъ его и здѣсь. Его подданные дали ему лишь нѣсколько мѣсяцевъ, по прошествіи которыхъ онъ долженъ былъ примириться съ церковью. Когда исполнится годъ со дня его отверженія отъ церкви въ Латеранѣ, онъ будетъ изгнанъ изъ государства.

Тогда онъ рѣшился на страшное самоуниженіе.

Онъ написалъ своему крестному отцу, аббату въ Клуни, что гство исправиться и совершить паломничество въ Святую Землю. Онъ написалъ графинѣ Матильдѣ Тосканской, чтобы она попросила папу Григорія VII выѣхать до Ломбардіи навстрѣчу кающемуся императору. Онъ послалъ къ папѣ посла засвидѣтельствовать свое раскаяніе и сокрушеніе. Потомъ онъ тайно просилъ своихъ графовъ и бароновъ сопровождать его въ путешествіи по Италіи. Очень мало кто отвѣтилъ ему, и только одинъ согласился его сопровождать.

Императоръ выѣхалъ изъ Шпейера съ женой и малолѣтнимъ сыномъ. Никто ему не препятствовалъ выѣхать. Отрѣшенные отъ церкви, отправлявшіеся въ Римъ просить прощенія сторонились съ его пути, какъ бы боясь путешествовать подъ его тѣнью. Онъ сдѣлалъ большой объѣздъ по Бургундіи и провелъ праздникъ Рождества въ Безансонѣ. Оттуда черезъ Юру онъ проѣхалъ во владѣнія своей свекрови Аделаиды Сузской, графини Савойской. Хребты Альпъ были оставлены его соперниками за имперіей; только одинъ Сенъ-Бернаръ былъ свободенъ.

Это была старинная дорога Антонина, по которой впоследствии шли Карлъ Великій и его сыновья и всегда ходило множество пилигримовъ. Этою же дорогой когда-то Гильдебрандъ провель въ Римъ папу Льва IX. Но Аделаида и ея молодой сынъ, графъ Амэ, хотѣли дорого продать Генриху этотъ горный путь. Они попросили за него пять итальянскихъ епископствъ, сосѣднихъ съ ихъ землями. Генрихъ торговался, умолялъ, жена его плакала и, наконецъ, онъ отдалъ Бюгей, какъ выкупъ за свое бѣгство.

1-го января 1077 года, перейдя Рону около Сень-Мориса, сынъ того самаго императора Генриха III, войска котораго заставляли дрожать Италию и Римъ, съ нѣсколькими слугами, пользуясь указаніями окрестныхъ крестьянъ, доѣхалъ съ женой и ребенкомъ до крѣпости изъ скалъ и льдовъ.

Впереди него пускали быковъ, чтобы они ногами протаптывали дорогу. Черезъ нѣсколько миль труднаго подъема путешественники достигли вѣчно покрытаго льдомъ озера, на берегу котораго архидіаконъ Аосты Бернаръ де-Ментонъ построилъ гостиницу. Но въ эту зиму стоялъ такой жестокій холодъ, что ни одинъ пилигримъ не заглянулъ сюда, и монахи покинули домъ.

Императоръ со спутниками пріютился на ночь въ одной изъ залъ монастыря. На утро двинулись къ Италиі. Добравшись до южной стороны Сень-Бернара, Генрихъ пришелъ въ отчаянье отъ предстоящаго пути. Спускъ былъ совсѣмъ острый съ цѣлымъ ледянымъ моремъ синеватыхъ пропастей. Къ ногамъ лошадей привязывали доски и такъ спускали ихъ, но многія срывались и гибли съ жалобными стонами.

Королева и ея сынъ спустились на подобіи саней, устроенныхъ изъ бычачей кожи, скользя мимо пропастей, ослѣпленные снѣгомъ; проводники, везшіе ихъ, упирались желѣзными крюками въ снѣгъ. Генрихъ спускался, изранивъ до крови руки, падалъ на ледъ, поднимался и вновь скользилъ внизъ, какъ бы подгоняемый альпійскимъ ураганомъ.

Уже наступила ночь, когда злосчастные спутники постучались въ монастырскую дверь въ долину Аосты. Прибѣжалъ привратникъ съ колеблемымъ вѣтромъ фонаремъ. Онъ отступилъ отъ ужаса, увидавъ передъ собою императора Генриха, короля Германіи, короля Италиі, съ обнаженной головою, всего въ снѣгу, похожаго на призракъ, державшаго за рука своего полумертваго отъ холода и усталости сына, просящаго гостепрѣимства на заброшенной дорогѣ, гдѣ уже давнымъ-давно никто не показывался...

Почти въ этотъ же самый часъ, при свѣтѣ факеловъ, папа Григорій VII вѣзжалъ въ свой родной городъ Зоану. Онъ выѣхалъ изъ Витерба утромъ, подъ проливнымъ дождемъ, и по

грязнымъ тропинкамъ достигъ озера Больсена. Посланный впередъ оруженосецъ объявилъ владѣтельному барону и народу о прибытіи папы. Онъ прибылъ очень поздно, когда духовные и свѣтскіе жители, промокнувъ до костей, въ очень дурномъ настроеніи духа, уже хотѣли расходиться по домамъ. Заслышавъ отдаленный шумъ кортежа, они торопливо стали зажигать факелы и опустили въ грязь на колѣни. Никто изъ нихъ, даже самые древніе старики, не узнали въ этомъ возлежавшемъ на роскошныхъ носилкахъ старца молодого пастуха, судьба котораго сдѣлалась славой ихъ страны. Баронъ поцѣловалъ его правую руку и пригласилъ къ себѣ въ замокъ, гдѣ ихъ ждалъ ужинъ.

— Сейчасъ, сынъ мой, — сказалъ папа: — я хочу сначала поклониться моему старому дому и вспомнить о покойныхъ родныхъ.

Кортежъ Григорія VII въ сопровожденіи толпы снова тронулся въ путь. Во всѣхъ домахъ зажигались огни, и за стеклами каждаго окна появлялись удивленные, заспанные лица дѣтей, которымъ матери показывали пальцами на пурпуровыя носилки, медленно поднимавшіяся при свѣтѣ красныхъ огоньковъ факеловъ въ верхней кварталъ города.

Вдругъ толпа остановилась, расчищая дорогу папѣ. При входѣ въ узкую улицу стояла хижина, освѣщенная множествомъ восковыхъ свѣчей, украшенная фестонами зелени и съ отворенной настежь дверью. Всѣ сошли съ коней. Григорій VII при помощи своихъ оруженосцевъ спустился съ носилокъ и повелительнымъ жестомъ воспретилъ окружающимъ слѣдовать за нимъ. Онъ вошелъ въ маленькую залу своего родного дома и затворилъ за собою дверь.

Викторіанъ и свита выстроились въ линію передъ входомъ, лицомъ къ народу, ожидавшему съ открытыми головами подъ проливнымъ зимнимъ дождемъ.

Папа сѣлъ на скамейку у холодной печи и окинулъ взглядомъ бѣдные обнаженные стѣны и кирпичный полъ той комнаты, гдѣ онъ научился молиться. Еще въ санѣ кардинала онъ купилъ въ свою собственность этотъ домикъ; съ тѣхъ поръ онъ оставался необитаемъ и мраченъ, какъ могила. И вотъ онъ навѣстилъ его, окруженный славой, царемъ всѣхъ душъ, а за послѣдніе дни, послѣ ссоры съ императоромъ, — единственнымъ властелиномъ королевства. Его взоръ упалъ на папскій крестъ, усыпанный драгоценными камнями, висѣвшій на его груди; онъ задумчиво смотрѣлъ на него, и вдругъ горькая улыбка появилась на его поблекшихъ устахъ.

Папа обхватилъ руками свою старую голову и задумался. Въ то время какъ жители Зоаны ожидали его въ глубокомъ молчаніи, папа вспоминалъ свои юношескіе годы, и сердце его наполнилось нѣжностью. Ему слышались голоса отца и сестры; ему казалось,

что его вѣрный другъ, старая собака, положила голову ему на колѣни. Ему казалось, что звонятъ колокола приходской церкви, что наступило Рождество, Пасха и онъ видѣлъ, какъ въ первый разъ онъ участвовалъ въ процессіи и прислуживалъ священнику, подавая кадило. Потомъ онъ вспоминалъ слова патера, которому онъ признался въ своемъ религіозномъ влеченіи:

— Ахъ, дитя мое, вы будете, быть можетъ, со временемъ священникомъ въ Зоанѣ. Это было бы очень хорошо. Быть можетъ, вы будете даже епископомъ Витерба! Да поможетъ вамъ Богъ сдѣлаться епископомъ. Но вы были бы гораздо счастливѣе, если бъ сдѣлались священникомъ Зоаны!

И вторично, сидя въ своемъ родительскомъ домѣ, епископъ всего міра горько улыбнулся...

Онъ всталъ, медленно отворилъ дверь и спустился по скромнымъ ступенькамъ старой хижины съ такой сосредоточенной серьезностью, съ какою онъ спускался со ступенекъ главнаго алтаря св. Іоанна Латеранскаго.

Дорогой до замка барона онъ не произнесъ ни слова. Чтобы сдѣлать честь хозяину, онъ выпилъ немного молока съ хлѣбомъ. Викторіанъ, владѣлецъ замка и нѣсколько монаховъ стояли вкругъ стола.

— Этотъ домикъ готовъ превратиться въ развалину,—произнесъ онъ, какъ бы говоря съ самимъ собою.— Но въ моемъ воспоминаніи уже столько развалинъ!... Послѣ меня моей внучкѣ придется о немъ заботиться, Пія и ея мужу...

Въ эту минуту онъ поднялъ голову, и его взглядъ встрѣтился съ взглядомъ Викторіана. Какая-то мысль, вѣрнѣе смутная надежда, полная неувѣренности, пробудилась въ сердцѣ юноши. Ему показалось, что на строгомъ лицѣ папы появилось отеческое выраженіе. Григорій VII продолжалъ, все не повышая голоса:

— Я хочу, чтобы до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать поколѣніе Гильдебрандовъ, существовалъ и этотъ домикъ, какъ свидѣтельство нашего прежняго скромнаго положенія и того, какъ насъ возвеличила церковь. Пія и мой внукъ не забудутъ никогда этого желанія ихъ двоюроднаго дѣда.

И онъ прибавилъ, обращаясь къ группѣ въ черныхъ мантияхъ:

— Въ томъ случаѣ, разумѣется, если волею Господа и въ интересахъ церкви Пія не будетъ призвана къ монашеской блаженной жизни въ монастырѣ.

Одинъ изъ монаховъ поклонился и проговорилъ: «*Sola beatitudo!*»

— Amen!—грустнымъ голосомъ подтвердили остальные монахи.

Первоначальнымъ намѣреніемъ папы было встрѣтиться съ императоромъ въ самой Германіи, затѣмъ, когда Генрихъ IV перешелъ Альпы,—въ Мантуѣ. Каждый день онъ принималъ курьера

графини Матильды, которая оповѣщала его объ отношеніяхъ Генриха къ духовенству и дворянству Пьемонта и Ломбардіи. Въ Миланѣ симоническая церковь съ энтузіазмомъ ожидала императора. Ломбардскіе епископы, изгнанные изъ римской колыбели, надѣялись, что сынъ Генриха III рѣшится дать католикамъ новаго папу.

При выѣздѣ изъ Турина за императорскимъ кортежемъ слѣдовали всѣ духовныя лица, осужденныя въ Латеранѣ. Буржуазія и ремесленники Сѣверной Италіи, зараженные уже духомъ свободы, привѣтствовали Генриха, какъ спасителя ихъ родины. Это стѣсняло императора, онъ отвѣчалъ туманными обѣщаніями и позволялъ группироваться подъ его знаменемъ всѣмъ этимъ волновавшимся людямъ.

Встревоженный Григорій VII подвигался впередъ съ осторожностью. Выѣхавъ изъ Зоаны, онъ направился къ склонамъ Апеннинъ, соединяющихъ Анкону и Умбрію. Онъ проѣхалъ мимо Орвьето, гдѣ суровый епископъ просилъ у него, но не получилъ позволенія съечь одного священника-еретика. Изъ Фолиню двинулись мимо Ассиза. Бѣлый городъ съ высоко стоящимъ феодальнымъ замкомъ и домами, расположенными амфитеатромъ, напоминалъ восточный акрополь подъ голубымъ небомъ. Викторіанъ приподнял свой беретъ и поклонился собору Іоакима. Замѣтивъ жестъ юноши, папа протянулъ съ носилокъ руку и благословилъ Ассизъ.

— Да хранить тебя Богъ, святой городъ,—сказалъ онъ,—и да прославятъ твои сыны Іисуса Христа и нынѣ и присно!

Когда перешли узкіе горные проходы между скалистыми склонами, на которыхъ мѣстами возвышались группы сосенъ, пошли Романьей—восточнымъ склономъ Апеннинъ. Въ Имолѣ письмо, полученное папой отъ графини Матильды, заставило его измѣнить свой маршрутъ. Графиня писала, что въ Мантуѣ, гдѣ живетъ много друзей императора, она не отвѣчаетъ за спокойствіе папы. Она предлагала ему свою крѣпость въ Каноссѣ, близъ Реджіо; тамъ, по крайней мѣрѣ, Генрихъ IV будетъ во власти своего судьи. Сама она выѣдетъ навстрѣчу своему духовному отцу.

Этой дочери маркиза Бонифаціо Тосканскаго было тогда тридцать лѣтъ. Это была женщина надменной, мужественной, героической красоты. Симабю изобразилъ ее уже въ немолодомъ возрастѣ, въ стальной военной бронѣ, съ гордымъ взглядомъ, сдерживающей одной рукою огневого коня, а въ другой держащей гранатовое яблоко, символъ чистоты. Она только что потеряла, почти одновременно, мужа, Готфрида Лотарингскаго, и мать Беатрису, которая теперь покоится въ Campo Santo Пизы. Она была верховной владѣтельницей центральной Италіи: всей Тосканы, Мантуи, Модены, Феррары и Кремоны, имѣла въ личномъ владѣніи страну Витербъ до моря, это будущее наслѣдіе святого Петра.

Къ римской церкви она относилась съ религіозностью святыхъ іерусалимскихъ женщинъ. Пятнадцати лѣтъ она сражалась съ саблею въ рукѣ противъ германской армии и лже-папы Гонорія II. Она мечтала о томъ, что папа будетъ королемъ Италіи. Она вовсе не предвидѣла, сколькими несчастіями, какой кровью, въ теченіе больше чѣмъ двухъ столѣтій, должна заплатить церковь за свободу своихъ завѣтовъ. Григорій VII писалъ графинѣ Тосканской:

«Если я любимъ такъ, какъ люблю, то вы не предпочтете мнѣ ни одного смертнаго».

Рвеніе къ дому Божьему и ненависть къ императорской власти привели къ страннымъ отношеніямъ эти двѣ великихъ души. Данте, не любившій папскаго престола, постарался не встрѣчаться въ раю съ папой Григоріемъ VII, но онъ помѣстилъ Матильду передъ торжественной кафедрой мистическаго Рима, гдѣ находилась его Беатриче, и Италія чувствуетъ великую графиню, какъ первую героиню своей національной независимости.

Матильда встрѣтила Григорія VII между Моденой и Реджіо. Она была на конѣ, въ золоченой кольчугѣ до пояса. Ее сопровождала великолѣпная свита. Во главѣ кортежа ѣхали двѣнадцать конныхъ пажей съ серебряными трубами; увидавъ папскія носилки, они заиграли военный маршъ. Графиня сошла съ лошади и хотѣла пасть ницъ, но Григорій VII не допустилъ этого и предложилъ ей ѣхать по его правую сторону. Такъ они доѣхали до Реджіо, гдѣ сдѣлали остановку для обѣда. Потомъ путешественники, повернувъ въ горы, направились къ Каносѣ. Началась степная, суровая часть Апеннинъ. Поднялся сильный сѣверный вѣтеръ, пошелъ снѣгъ; лошади двигались медленно, скользя по скалистымъ тропинкамъ.

При наступленіи ночи Викторіанъ разсмотрѣлъ вдали, на скалахъ, мрачную, возвышающуюся надъ бѣлой равниной, крѣпость Каноссы. Группа башенъ поднималась къ темному небу, вокругъ стройныхъ стѣнъ. Еще выше башенъ, на шпилѣ видѣлись два соединенныхъ флага Рима и Тосканы; они тяжело развѣвались подобно крыльямъ какой-то апокалипсической птицы.

Эта мрачнаго вида крѣпость была полна рыцарскихъ воспоминаній. Вдова послѣдняго ломбардскаго короля, Аделаида, плѣнница Беранжера II, послѣдняго короля Италіи, убѣжала изъ своей подземной тюрьмы и укрылась въ Каносѣ подъ покровительствомъ Аццо, предка Матильды. Въ то время, какъ Беранжеръ осаждалъ крѣпость, она получила привязанную къ стрѣлѣ любовную записку отъ Оттона Саксонскаго, будущаго императора Оттона Великаго, который шелъ ее освободить и получилъ черезъ молодую женщину корону Италіи.

Но въ этотъ вечерній часъ, окутанная сумракомъ, какъ мрачной мантией, Каносса имѣла пугающій видъ.

Тогда Викторiанъ вспомнилъ свой первый прiѣздъ въ замокъ Латерана и какъ страшно было ему въ первыя ночи въ домѣ Григорiя VII; потомъ вдругъ ему вспомнился замокъ его отца въ старомъ Римѣ, на берегу Тибра, и онъ сталъ думать о Цензiи.

За этотъ годъ онъ много разъ думалъ объ изгнанникѣ. Даже въ самые счастливые дни, проводимые съ Шей и Иоакимомъ, онъ съ тоскою спрашивалъ себя, почему слухъ объ изгнанникѣ никогда не дошелъ до его сына. Значить, Цензiй забылъ его, и могла Спасителя не возбудила въ немъ нѣжности къ ребенку, которому онъ обязанъ прощеньемъ и милосердiемъ.

Необычайная сцена остановила на минуту папу у перваго подъемнаго моста черезъ рвы Каноссы. Въ то время, когда приближенные Матильды, съ фукелами въ рукахъ, приближались навстрѣчу гостю графини, выступила впередъ печальная группа людей, шедшихъ босыми ногами по снѣгу, въ однѣхъ шерстяныхъ рубашкахъ и съ обритыми головами. Это были архiепископъ Брема, епископы Лозанны, Страсбурга, графъ Эбергардъ, сторонники императора, которые прибыли днемъ и ожидали Григорiя VII, чтобы вымолить разрѣшенiе грѣховъ. Всѣхъ ихъ поручили капитану крѣпости Каноссы, заключили въ тюрьмы башенъ и подземелiй и посадили на хлѣбъ и на воду. Они должны были дожидаться прiѣзда императора и суда надъ нимъ папы Григорiя VII.

Между тѣмъ Генрихъ IV очень медленно двигался къ своему духовному владыкѣ. Дорогой онъ отсылалъ подальше отъ себя епископовъ-еретиковъ Итали, видъ которыхъ могъ раздражить папу. По мѣрѣ того, какъ онъ приближался, могущество этого стараго монаха, распоряжавшагося ключами ада, казалось ему все сильнѣе; онъ боялся того часа, когда увидитъ въ туманѣ, на Апеннинскомъ хребтѣ черный призракъ Каноссы.

Наканунѣ послѣдняго январскаго воскресенья, ночью, разразилась страшная буря и нанесла сугробы снѣга. Утромъ сторожа замка увидали, какъ, утопая въ снѣгу и въ сопровожденiи длинной стаи вороновъ, приближается небольшая группа всадниковъ. Это императоръ наконецъ достигъ мѣста своей пытки.

Около полудня, въ то время, когда папа окончилъ мессу, его предупредили о томъ, что Генрихъ IV подъѣзжаетъ къ первому подъемному мосту. Онъ послалъ ему сказать, чтобы онъ до завтра удалился въ одинъ изъ сосѣднихъ съ крѣпостью монастырей, гдѣ монахи, чтенiемъ псалмовъ, должны были подготовить его къ покаянiю.

Нѣсколько часовъ спустя, второй кортежъ стучался въ ворота Каноссы: графиня Сузская, аббатъ Клюни и епископъ версельскiй прiѣхали просить Григорiя VII за молодого короля. Матильда приняла этихъ новыхъ гостей и дала имъ понять, что они взялись за трудное дѣло: папа, повидимому, рѣшился огорчить императора.

Наконецъ, когда наступила ночь, два человѣка, рыцарь и монахъ, позвонили въ колоколь у воротъ монастыря. Братъ-прихватникъ спросилъ ихъ имена, но они вошли, не отвѣтивъ ему. Два таинственныхъ путника заперлись съ Генрихомъ, и разговоръ ихъ длился до полуночи. Въ этотъ вечеръ и въ слѣдующіе затѣмъ дни никто не видалъ ихъ лицъ. У монаха былъ спущенъ на глаза капюшонъ, а рыцарь не поднималъ забрала.

На слѣдующій день Генрихъ IV съ обнаженной головою и босой пришелъ въ Каноссу. Его провели одного во дворъ между первымъ и вторымъ укрѣпленіями. Замокъ казался безлюднымъ. Одно мгновеніе императору показалось, что онъ видитъ движущуюся тѣнь за рѣшеткой узкаго окна наверху одной изъ башенъ. Тѣнь еще разъ мелькнула въ верхнемъ этажѣ и скрылась. Тутъ Генрихъ IV узналъ папу по его красной мантии и блѣдному лицу.

Къ вечеру оруженосцы Матильды предложили императору вернуться въ монастырь.

Еще два дня продолжались то же ожиданіе, то же униженіе... Полуобнаженный, весь въ слезахъ, Генрихъ IV билъ себя въ грудь, умолялъ о милосердіи и не могъ добиться позволенія упасть къ ногамъ папы Григорія VII. На третье утро, весь дрожа отъ холода, измученный постомъ, императоръ укрылся въ маленькую церковь св. Николая, стоявшую около рововъ Каноссы; онъ сѣлъ на порогъ крестильной ризницы и низко опустилъ голову. Приближающіеся шаги вывели его изъ задумчивости: Матильда, аббатъ Клюни и епископъ версельскій пришли приготовить несчастнаго къ раскаянію. Онъ, рыдая, завладѣлъ рукой Матильды и сказалъ:

— Если ты не придешь мнѣ на помощь, то я никогда не подниму больше щита, такъ какъ папа ударилъ меня и моя рука омертвѣла. Кузина, сдѣлай такъ, чтобъ онъ меня благословилъ! Ступай!

Приближался роковой день, назначенный могущественными васалами для сейма въ Трибурѣ. Государству и католичеству грозило полное разрушеніе, если папа немедленно не сниметъ съ императора отлученія отъ церкви. Аббатъ Клюни обѣщалъ испросить прощеніе во имя мира самой церкви.

На этотъ разъ папа уступилъ. Онъ думалъ, что Генрихъ IV смирился навсегда. Онъ повѣрилъ клятвамъ графини и аббата, которые отвѣчали ему за честность виновнаго и за то, что онъ употребитъ всѣ усилія заставить Германію повиноваться Риму. Онъ назначилъ на слѣдующій день церемонію отпущенія грѣховъ.

На восходѣ солнца монахи привели обнаженнаго до пояса императора къ паперти церкви Каноссы. Два таинственныхъ совѣтника Генриха, монахъ и вооруженный человѣкъ, такъ старательно скрывавшіе свои лица, пробрались незамѣтно въ замокъ и остановились невдалекѣ отъ короля, въ углубленіи старыхъ стѣнъ.

Въ то же время вышли изъ темницъ отлученные отъ церкви епископы и германскіе дворяне. Измученные долгимъ наказаніемъ, они полукругомъ опустили на колѣни около своего императора.

Когда появился Григорій VII, въ траурномъ одѣяніи, въ фіолетовой мантии и бѣлой шерстяной митрѣ, кающіеся бросились впередъ, лицами въ свѣгъ, скрестивъ руки и съ громкими криками стали просить очищенія отъ анаѣмы и возвращенія въ лоно церкви Иисуса-Христа.

Папа сѣлъ на бронзовый тронъ, поставленный на верхнихъ ступенькахъ портика, и нѣсколько мгновений смотрѣлъ на эту невиданную сцену. Очевидцы утверждаютъ, что онъ былъ растроганъ до глубины души и плакалъ слезами состраданія... или гордости.

Епископъ версельскій подалъ папѣ батожокъ. Григорій VII читая громкимъ голосомъ псаломъ «*Miserere mei, Domine, secundum magnam misericordiam tuam*», ударялъ при каждомъ стихѣ батожкомъ по плечу кающагося, стоявшаго на колѣняхъ на первой ступенькѣ церкви. Потомъ онъ всталъ, снялъ митру и, скрестивъ руки, сталъ призывать прощеніе Божіе. Онъ снова сѣлъ и произнесъ формулу отпущенія грѣховъ.

Король поднялся, и папа протянулъ ему руки. Онъ взялъ Генриха за руку, велѣлъ накинуть на него мантию и провелъ въ церковь, говоря:

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа возвращаю тебѣ причастіе къ святымъ таинствамъ матери-церкви.

Онъ далъ ему приложиться ко кресту, равно какъ и всѣмъ остальнымъ, получившимъ отпущеніе грѣховъ. Онъ снялъ траурную мантию, надѣлъ бѣлую обувь и подошелъ къ алтарю. Дѣтскія голоса запѣли «Благослови, владыко», и началась папская обѣдня.

Это была старая темная церковь, съ низкими сводами, опиравшимися на тяжелые столбы, нѣчто въ родѣ часовни для покойниковъ, плохо освѣщаемая свѣтомъ восковыхъ свѣчей и лампъ. Апокалипсическіе звѣри, грубой скульптурной работы, украшали притолки и стѣны; всѣ эти грифоны, саламандры, единороги, казалось, проснулись отъ своего каменнаго сна и, окутанные тусклымъ свѣтомъ и кадильнымъ дымомъ, развертывали свои крылья, подобно огромнымъ летучимъ мышамъ и фантастически скользили по граниту. Въ среднемъ куполѣ мозаика, попорченная сыростью, изображала худоцаваго Христа, съ огромными глазами, страшнаго Христа послѣднихъ судебныхъ дней, а по его правую сторону группу черныхъ демоновъ, вѣпившихся въ тѣла грѣшниковъ.

Каждый разъ, когда папа протягивалъ руки, тѣнь его жеста скользила по всей церкви и терялась въ темнотѣ сводовъ. Когда онъ началъ «*Gloria in excelsis*», его слабый прерывающійся голосъ былъ похожъ на рыданіе ребенка. Но онъ произнесъ первыя

слова «Вѣрую» съ такой могучей силой, что вздрогнули наклоненныя головы германскихъ епископовъ, осмѣлившись помыслить отступити на одну строку отъ этого великаго символа вѣры...

Викторіанъ, стоя у алтаря, присутствовалъ на этой мрачной мессѣ. Онъ съ нѣкоторымъ испугомъ смотрѣлъ на царственнаго грѣшника и думалъ о томъ, какъ былъ бы огорченъ епископъ ассизскій, если бѣ присутствовалъ при этомъ тяжеломъ примиреніи папы съ императоромъ. Въ то время, когда дѣтскіе голоса запѣли «Et homo factus est», онъ замѣтилъ, что два человѣка изъ свиты Генриха IV не опустили на колѣни. Рыцарь и монахъ, полускрытые за колонной, съ необычайнымъ вниманіемъ слѣдили за всѣми движеніями Григорія VII. Одну минуту монахъ высунулъ голову въ капюшонѣ, и Викторіанъ узналъ въ немъ того человѣка который такъ напугалъ разъ вечеромъ его и Пію въ Римѣ, высунувшись изъ окна уединенной башни св. Іоанна и Павла.

Передъ причастіемъ папа обернулся къ императору и позвалъ его жестомъ къ подножью алтаря. Потомъ, взявъ чашу, онъ приподнялъ ее до высоты лица передъ Генрихомъ и сказалъ:

— Ты и твои приспѣшники объявили меня нечестивымъ епископомъ, дурнымъ папою и лже-папою. Вы обвинили меня въ такихъ великихъ грѣхахъ, что церковь должна была бы изгнать меня съ престола святого Петра и лишить духовнаго сана. Если я невиненъ, пусть тѣло Божіе свидѣтельствуетъ о моей невинности; если я виновенъ, пусть Богъ поразитъ меня смертію и осудитъ на вѣчную муку при принятіи причастія.

Онъ преломилъ хлѣбъ на двѣ половины и приобщился.

Затѣмъ, взявъ вторую половину причастія, онъ подошелъ къ императору.

— Тебя также, сынъ мой,—сказалъ онъ,—владѣтельные князья твоего королевства обвинили въ такихъ ужасныхъ преступленіяхъ, что нашли нужнымъ отнять у тебя бразды правленія и добиться отъ насъ отлученія тебя отъ христіанской церкви. Если ты невиненъ, то пусть тѣло Христово свидѣтельствуетъ о твоей невинности; если ты виновенъ, то пусть оно тотчасъ же будетъ твоимъ осужденіемъ на смерть.

И онъ поднесъ священный хлѣбъ къ губамъ короля.

Генрихъ IV, блѣдный, трепещущій, рѣзкимъ движеніемъ откинулся назадъ и вдругъ, чтобы не видѣть ужаса этого приближающагося къ нему таинства, упалъ на полъ ризницы и прикрылъ голову полою своей мантии.

Среди присутствующихъ, взволнованныхъ ожиданіемъ страшнаго чуда, только графиня Матильда и Григорій VII сохранили спокойствіе. Графиня ободряла папу торжествующей улыбкой; Григорій VII, все еще держа въ рукѣ причастіе, смотрѣлъ на императора надменно-сострадательнымъ взглядомъ.

Генрихъ IV бормоталъ что-то непонятное, приподнимался, какъ будто подставляя голову подъ ударъ, потомъ, снова охваченный ужасомъ, падалъ на церковныя плиты...

А монахъ и рыцарь выступили изъ укрывавшей ихъ тѣни. Деодатъ сказалъ своему товарищу:

— Уходи, если ты боишься чего-то необыкновеннаго. Для меня лично священный хлѣбъ, освященный даже папою, не представляетъ никакой опасности. Дѣйствительно, хлѣбъ, предложенный старымъ Григоріемъ, можетъ быть смертельнымъ. Римская церковь владѣетъ великолѣпными тайнами адской алхимии. Когда я былъ еще маленькимъ мальчикомъ, одинъ папа умеръ, принявъ причастіе, и послѣ того кардиналы не смѣли больше въ Страстной четвергъ садиться за столъ Тайной вечери.

Однимъ прыжкомъ рыцарь очутился около императора. Онъ приподнялъ забрало и склонился къ его уху. Григорій VII и Викторіанъ увидели грубое лицо и злые глаза Цензія... Юноша ухватился за мраморъ алтаря; онъ почувствовалъ, что лишается сознанія и падаетъ въ бездну.

— Откажись, мой повелитель! — шепталъ баронъ. — Откажись ради твоей жизни, ради твоего государства, ради твоего вѣчнаго спасенія!

Офицеры Матильды двинулись впередъ, желая схватить Цензія, но папа остановилъ ихъ жестомъ.

— Оставьте этого человѣка, — сказалъ онъ; — это мой вассалъ, римскій баронъ и онъ принадлежитъ мнѣ одному. Но это клятвопреступникъ, и я изгоняю его отъ себя. Изъ любви къ этому мальчику, его сыну, я во второй разъ дарю ему жизнь и запрещаю его трогать.

А Цензію тѣмъ временемъ вмѣстѣ съ Деодатомъ вышелъ изъ церкви и убѣжалъ далеко отъ замка.

Папа, вновь опустивъ взоръ на распростертаго императора, прибавилъ съ грустной ироніей:

— Къ тому же развѣ сегодняшній день не есть день прощенія и мира?

Тогда въ тишинѣ мрачной церкви раздались рыданія Викторіана. Вдругъ, въ порывѣ глубокой нѣжности, Григорій VII подошелъ къ юношѣ и сказалъ:

— А ты, сынъ мой, чистый и добрый, прими тѣло Христово, которое онъ не смѣетъ принять. Иисусъ Христосъ радостно обитаетъ въ страдающихъ сердцахъ.

Викторіанъ сдѣлалъ шагъ къ папѣ, скрестилъ на груди руки и принялъ причастіе.

По окончаніи послѣднихъ молитвъ папа торжественно благословилъ императора, тевтонскихъ епископовъ и вѣрующихъ. Потомъ кортежъ вытянулся вдоль церкви. Тосканское дворянство графини,

молодые пѣвчіе, епископы, епископъ Ключи — выходили другъ за другомъ. Наконецъ, Генрихъ IV, блѣдный отъ стыда и гнѣва, съ низко опущенной головою, и папа Григорій VII, высоко держа голову и съ горящими глазами, вышли, идя рядомъ, какъ братья, изъ старой церкви.

Долго послѣ того, какъ церковнослужитель погасилъ послѣднюю свѣчу, сидѣлъ одинъ, забытый Викторіанъ во мракѣ, на ступенькѣ алтаря. Это былъ самый горькій часъ его жизни. Передъ нимъ встало прошлое, и онъ предчувствовалъ будущее. Какое наслѣдство измѣнъ и преступленій оставилъ ему отецъ? Какой новый позоръ грозить еще старинному роду Цензиевъ?

Онъ вспомнилъ тогда о безнадежномъ взглядѣ своего перваго учителя, о жестокихъ догматахъ, въ которые вѣрилъ Эгидій, о дѣтяхъ, наказуемыхъ за грѣхи отцовъ. Онъ, Викторіанъ, отмѣченный рукою сатаны, осмѣлится ли когда-нибудь вернуться въ Латеранъ, обнять Іоакима, выдержать взглядъ Пии? Съ какимъ ужаснымъ чувствомъ встрѣтитъ дѣвочка сына преступника, смертельнаго врага папы Григорія? Не лучше ли завтра же, сегодня же вечеромъ, погребсти себя заживо въ какомъ-нибудь монастырѣ, въ тѣни Апеннинъ, какъ возможно дальше отъ Рима и отъ всего, что онъ любитъ? И ему припомнились слова монаха за папскимъ ужиномъ въ Зоанѣ, какъ вѣстникъ надежды: «Sola beatitudo!»

Но образъ Пии, ея милое лицо, ея ласковый взглядъ не покидали сердца юноши. Мало-по-малу болѣе мужественная мысль зрѣла въ немъ. Бѣгство въ монастырь, уединеніе отъ міра не покажется ли молодой дѣвушкѣ эгоизмомъ и слабостью? Достойно ли будетъ римскаго рыцаря, ученика Іоакима, воспитанника папы Григорія VII признать себя побѣжденнымъ прежде, чѣмъ бороться за свою честь и спокойствіе жизни? Не долженъ ли онъ попытаться подѣйствовать великодушіемъ на совѣсть своего отца?

Онъ быстро поднялся, тряхнулъ головою, какъ бы отгоняя тяжелыя мысли, и выбѣжалъ изъ церкви.

Генрихъ IV въ кирассѣ, въ королевской мантии, окруженный своими епископами и дворянами, прощался во дворѣ замка съ папою Григоріемъ. Прощанье съ обѣихъ сторонъ было очень холодное. Въ ту минуту, когда сѣли на коней, папа сказалъ императору:

— Не забывай, сынъ мой, что твои клятвы написаны тамъ, на небѣ. Если между мною и тобою осталась тайна, Богъ не замедлитъ ее раскрыть.

Цензія не было въ императорскомъ кортежѣ. Викторіанъ побѣжалъ къ монастырю, гдѣ король провелъ послѣднія ночи. Тамъ никто не видалъ ни Цензія, ни Деодата. Тогда юноша спустился по крутой тропинкѣ на дорогу, въ Миланъ, куда направился Генрихъ IV. Съ непокрытой головою, съ развѣвающимися отъ вѣтра

волосами, весь бѣлый отъ снѣга, онъ всматривался въ слѣды на дорогѣ, стучалъ у дверей попадавшихся домовъ. Скоро появился императоръ, и Викторіанъ посторонился, чтобъ дать ему проѣхать. Никто изъ этихъ важныхъ синьоровъ не узналъ въ юношѣ, стоявшемъ по колѣни въ снѣгу, сына Цензія. Король въ стальной кольчугѣ, полузакрывъ глаза, проѣхалъ мимо него.

Епископъ страсбургскій, съ трудомъ справляясь со своей лошадыю, отсталъ отъ кортежа. Викторіанъ помогъ ему вставить ногу въ стремя и спросилъ объ отцѣ.

— Увы, мой добрый другъ, вы напрасно его ищете,—отвѣтилъ епископъ.—Вашъ отецъ и другой, какой-то жалкій монахъ, взяли у насъ двухъ лучшихъ лошадей и помчались по дорогѣ къ Пармѣ. Они оставили мнѣ вотъ эту клячу, на которой можно ѣхать только за смертью... Благодарю васъ и до свиданья. Да хранить васъ Богъ!

Медленно и съ тяжелымъ сердцемъ вернулся Викторіанъ въ Каноссу.

Папу встревожило его отсутствіе, и онъ съ безпокойствомъ ждалъ его. Увидавъ юношу, онъ сначала долго молчалъ, потомъ положилъ руку ему на плечо и сказалъ ласково и грустно:

— Сынъ мой, Богъ испытываетъ вѣрующихъ въ него трауромъ и слезами. За твои страданья я люблю тебя больше, чѣмъ когда-либо.

На столѣ лежали письма, присылаемыя каждый день папской канцеляріей, депеши епископовъ и другихъ духовныхъ лицъ. Папа Григорій взялъ одно посланіе на толстомъ пергаментѣ, неумѣло запечатанное епископской печатью.

— Это тебѣ, Викторіанъ. Письмо пришло сегодня съ курьеромъ. На печати гербъ твоего друга, епископа ассизскаго, но адресъ написанъ дѣтской рукой, безъ сомнѣнья, рукой Піи. Иди, сынъ мой, и да утѣшитъ тебя Господь!

При послѣднихъ лучахъ угасающаго дня Викторіанъ распечаталъ письмо дѣвочки, которая писала:

«Дорогой большой другъ!

«Я хотѣла начать словами «дорогой дружокъ», но наша святая аббатисса увѣрила меня, что это грѣхъ, не будучи въ возрастѣ бабушки, называть «дружкомъ» молодого рыцаря.

«Вы покинули насъ уже мѣсяцъ тому назадъ, а мнѣ все еще не вѣрится, что вы дѣйствительно уѣхали. Мнѣ все кажется, что вы наверху, на башняхъ съ его преосвященствомъ Іоакимомъ смотрите, какъ летятъ зимнія птицы. Вечеромъ, когда я вижу ваше мѣсто у врасега пустымъ, мнѣ хочется плакать. Тогда нашъ епископъ, чтобы развлечь меня, рассказываетъ, что вы вернетесь изъ Тосканы прелестнымъ рыцаремъ, на красивомъ боевомъ конѣ, какъ св. Іаковъ на его требникѣ, весь въ золотѣ на небесно-голубомъ фонѣ. Торопитесь же доставить намъ этотъ праздникъ.

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1907 г., т. сж.

5

«Ваша записочка, присланная изъ Зоаны, вся истерлась, потому что я и синьоръ епископъ много разъ читали и перечитывали ее. Я очень счастлива, что вы посѣтили мой родной городъ. Мы съ монсиньоромъ надѣемся вмѣстѣ съ вами побывать тамъ, когда расцвѣтутъ луга и когда у васъ будетъ свой боевой конь. Вы меня немножко покатаете на немъ, если онъ не будетъ очень горячъ, но мы ничего не скажемъ объ этомъ матушкѣ аббатиссѣ.

«Въ прошлую пятницу, вечеромъ, у насъ въ Латеранѣ, по мнѣнію доброй аббатиссы, совершилось чудо, которое страшно перепугало ее. Вы знаете, что она недолюбливаетъ нашу козулю Фульво, она считаетъ ее за дикую лѣсную козу. Кажется, демоны охотно переселяются въ этихъ животныхъ. И вотъ, когда она рассказывала намъ одну страшную исторію о дьяволахъ, которые вселились въ огромнаго чернаго козла и въ такомъ видѣ вошли, тридцать лѣтъ тому назадъ, въ одинъ женскій монастырь,—вдругъ Фульво однимъ скачкомъ очутились изъ своего угла за спиною аббатиссы и такъ сильно ударила ей въ спину головой и рогами, что она со страшнымъ крикомъ упала со скамейки впередъ, во всю длину тѣла.

«Фульво была неправа, но мы съ монсиньоромъ очень смѣялись, когда убѣдились, что аббатисса не ушиблась, а только помяла себѣ чепчикъ. Однако было рѣшено, что Фульво будутъ привязывать къ аналою съ золоченымъ орломъ каждый разъ, когда будутъ говорить о демонѣ, значить каждый разъ, когда аббатисса будетъ рассказывать исторію.

«Но это не мѣшаетъ козулѣ быть очень ласковой со мною, и я посылаю вамъ въ Каноссу привѣтъ этого хорошенькаго діавола.

«Разъ что я ужъ заговорила о нашихъ домашнихъ животныхъ, то я вамъ скажу, что нашъ мулъ началъ доводить до крайности свою набожность. Вчера, когда шель сильный снѣгъ, онъ всѣми четырьмя ногами опустился на колѣни у паперти св. Маріи Транстевере и стоялъ такъ долго, что нашъ епископъ могъ прочесть всѣ дневныя молитвы и даже вечерню, спокойно сидя на его спинѣ. Если въ Фульво сидитъ демонъ, то въ этомъ мулѣ должна сидѣть душа какого-нибудь моваха или, по крайней мѣрѣ, ризничаго. Это утверждаетъ, ради смѣха, синьоръ Іоакимъ. Онъ всегда очень веселъ, исключая того времени, когда думаетъ о васъ. Тогда онъ становится грустнымъ и призываетъ васъ.

«Мы не безъ труда нашли кусокъ пергамента для этого письма. Запасъ папы исчерпанъ буллами отреченія отъ церкви, и кардиналь Альбано, который теперь очень добръ ко мнѣ, долженъ былъ вырвать чистую страницу въ одной изъ этихъ тяжелыхъ, какъ сундуки, и покрытыхъ желѣзными гвоздями, книгъ, по которымъ поютъ на хорахъ, но названіе которыхъ очень трудно запомнить такой необразованной дѣвочкѣ, какъ я.

«Надо кончать мое письмо, потому что уже кончается пергаментъ кардинала. Но тамъ, внизу, подъ подписью, я приложу мои губы и кричу, рискуя быть услышанной нашей досточтимой воспитательницей:

«Возвращайтесь къ намъ, дорогой Викторіанъ! Возвращайтесь скорѣе, дорогой Викторіанъ! «Пія».

Юноша прижался губами къ тому мѣсту, которое указала Пія; будто какая-то свѣжесть проникла въ его сердце. Онъ открылъ форточку и высунулся изъ окна. Буря утихла; темный сводъ неба сіялъ звѣздами.

Огромное снѣжное поле раздѣляло двухъ героевъ драмы Каноссы, Григорія VII и Генриха IV, и тишина спустилась на сцену, гдѣ два христіанскихъ пастыря только что постѣяли для своего народа и для самихъ себя слезы и кровь. Но сейчасъ наступила ночь, тишина и миръ, и Викторіанъ съ глубокой радостью думалъ о томъ, что тамъ, въ святомъ Римѣ, подрастаетъ дѣвочка, которая его ждетъ.

VI.

Идиллія.

Бѣдной дѣвочкѣ пришлось долго ждать. Папа Григорій VII продлилъ свое пребываніе въ Каноссѣ и во владѣніяхъ графини Матильды до осени 1077 года, чтобы наблюдать вблизи за поѣздками и возвращеніемъ въ Италію императора и глухимъ возмущеніемъ ломбардскаго епископата, готоваго уже въ теченіе полувѣка основать независимую отъ Рима церковь. Очень важныя событія—предстоящіе въ мартѣ мѣсяцѣ выборы партией нѣмецкихъ князей, въ присутствіи папскихъ пословъ, императоромъ Рудольфа Швабскаго, шурина Генриха IV; затѣмъ тревожные слухи, распространяемые священниками-схизматиками о скоромъ назначеніи новаго папы, патріарха Равенны или архіепископа Милана,—все предсказывало Григорію VII переворотъ, въ которомъ можетъ погибнуть римскій папскій престоль.

Въ это же самое время на югѣ погибалъ послѣдній потомокъ ломбардской имперіи, единственный защитникъ церкви противъ норманновъ, Гизольфъ, принцъ Салернскій. Робертъ Гюискаръ и его друзья, сарацины Сициліи, угрожали Риму временнымъ папскимъ первенствомъ, между тѣмъ какъ сама церковь и цѣльность вѣры подвергались опасности, вслѣдствіе анархій въ имперіи, неминуемаго раскола половины Германіи и появленія лжи-папы.

Григорій VII, взволнованный всѣми этими осложненіями, чувствовалъ сильное желаніе перейти черезъ Альпы, въ самый центръ

Германскаго государства и нѣмецкой церкви, долго колебался ѣхать въ Ломбардію, наконецъ, въ сентябрѣ двинулся въ путь къ своей митрополю. Въ это время Робертъ Гюискаръ предпринялъ осаду Беневента, представлявшаго собою церковную собственность, и распустилъ по римской Кампаньи шайки авантюристовъ.

Папа вернулся въ Латеранъ вечеромъ, мысленно вспоминая ужасный плѣнъ Льва IX у норманновъ и задавая себѣ вопросъ, съ какой стороны горизонта придетъ тотъ вѣтеръ, который унесетъ его тіару.

Викторіанъ не вернулся съ папской свитой. На послѣднемъ переходѣ, на дорогѣ въ Эмилиенъ, Григорій VII вернулъ его обратно съ депешей къ графинѣ. Онъ просилъ Матильду принять молодого челоуѣка въ число ея рыцарей, до его новаго распоряженія, и поручить ея лучшимъ капитанамъ его военное образованіе.

Пія, узнавъ объ этомъ, рыдала въ объятіяхъ аббатиссы, которая не понимала ея горя. Епископъ ассизскій старался ее утѣшить.

— Дочь моя, это большое счастье, что святой отецъ исполнилъ наши мечты и подготовилъ Викторіана къ рыцарской жизни, — говорилъ онъ. — Признаюсь вамъ, что я очень боялся, чтобъ папа не сдѣлалъ изъ него духовное лицо или монаха.

— Монаха! — воскликнула Пія. — Если бъ онъ сдѣлался монахомъ, я бы заболѣла и умерла.

Иоакимъ улыбнулся, а наивная аббатисса возразила:

— Право, Пія, вы теряете голову. Монашескій санъ помогаетъ спасенію. И почему вы волнуетесь изъ-за Викторіана, когда ежедневно видите, сколько молодыхъ людей постригается въ монастырь? Еще вчера племянникъ кардинала Ости одѣлъ одежду св. Бенедикта, а вы весь день смѣялись и играли съ козулей, не выражая ни малѣйшаго огорченія.

Тутъ ужъ и Пія улыбнулась сквозь слезы.

Поддерживаемая наивностью своей воспитательницы и доброю Иоакима, она рѣшилась вооружиться терпѣніемъ. Аббатисса повторяла ей десять разъ въ день:

— Вашъ дѣдушка дѣйствуетъ и говоритъ подъ вліяніемъ Святого Духа. Всѣ его рѣшенія превосходны. Безъ сомнѣнія, онъ рѣшилъ, что для спасенія души Викторіана и вашей необходимо отдалить другъ отъ друга шестнадцатилѣтняго мальчика и тринадцатилѣтнюю дѣвочку, его оставить въ Тосканѣ, а васъ въ Римѣ. Это семь дней пути. Благословляйте Бога, Пія, и его святого папу.

На это Пія никогда не возражала. Она быстро поднимала голову, широко раскрывала свои красивые флорентинскіе глаза и пристально смотрѣла на аббатиссу съ выраженіемъ удивленія, любопытства, дѣтскаго недоуверія и пронія. Тогда аббатисса, пользуясь короткимъ отсутствіемъ епископа, развивала всевозможныя

доктрины, подкрѣпляя ихъ краснорѣчивыми примѣрами. Въ ея разсказахъ свиданья, разговоры, слезы и вздохи молодыхъ людей и молодыхъ дѣвушекъ неизмѣнно были прерываемы ударами грома, разрушеніемъ замка или появленіемъ какого-нибудь дракона, дышащаго адскимъ пламенемъ.

И Пія задумчиво, вся взволнованная и очарованная обаяніемъ тайны, шла блуждать въ саду или ходила по длиннымъ коридорамъ Латерана. Все одна и та же мысль не покидала эту бѣлокурую головку.

Разъ аббатисса была въ особенно хорошемъ настроеніи духа и не безъ нѣкотораго огонька разсказала исторію о молодомъ синьорѣ съ длинными локонами, когда-то, еще при папѣ Григоріи VI, смутившемъ ея покой. Пія ловила каждое слово этого наивнаго романа. Развѣ Викторіанъ не принадлежалъ также къ знатному роду, не обладалъ красивой наружностью и пріятнымъ умомъ? Развѣ у него не было, кромѣ того, героической легенды, которой недоставало рыцарю аббатиссы, потому что онъ убоился военной службы и поступилъ въ духовенство?

Нѣтъ, если папа держитъ вдали отъ Рима сына Цензія, то это потому, что видитъ въ немъ не простаго друга, не своднаго брата своей внучки. Его не потому отдалили отъ нея, что онъ нехорошъ или непріятенъ, но именно потому, что онъ особенно обаятеленъ. И этотъ изгнанникъ казался Піи тѣмъ болѣе достойнымъ вѣжности, чѣмъ опаснѣе считалъ его папа, вдохновленный Святымъ Духомъ. Что же касается до опасности его присутствія, то дѣвочка не вполнѣ ясно сознавала, въ чемъ она заключается. Вѣроятно, боятся, что онъ увезетъ ее ночью въ какое-нибудь старое помѣстье на склонѣ Апеннинъ или въ свой родовой замокъ на берегу Тибра. И она вся замирала, думая объ этой бѣшенной скачкѣ при блескѣ молніи по мрачнымъ улицамъ Рима или черезъ Кампанью.

Потомъ она начинала разсуждать, съ благоразуміемъ маленькой тосканки, что это приключеніе очень огорчитъ папу, епископа и аббатиссу, что всѣ эти башни и замки очень мрачны, полны крысъ и летучихъ мышей, что, наконецъ, Викторіану будетъ очень трудно увезти на одной лошади и ее и Фульво. Лучше всего было бы, если бѣ молодой рыцарь какъ можно скорѣе пріѣхалъ изъ Флоренціи или Модены, чтобъ обрадовать ее своимъ музыкальнымъ голосомъ и ласковымъ взглядомъ. Тогда опять вернуться тѣ зимніе вечера, когда они сидѣли у бразера Іоакима, а лѣтомъ подъ плаusernameами и лаврами Латерана.

Разъ, она набралась храбрости и спросила о Викторіанѣ дѣда.

— Пія, наша судьба есть тайна Божія, — отвѣтилъ папа. — Я не знаю, дитя мое, что Господь готовитъ для Викторіана. Онъ вернется, когда будетъ угодно Богу.

Тогда Пія потеряла всякую надежду. Она перестала говорить о своемъ другѣ даже съ епископомъ. Она уже не мечтала о ночномъ похищеніи; она думала теперь о сраженьяхъ въ сѣгахъ Германіи, о семилѣтнихъ осадахъ крѣпостей, о корабляхъ, погибающихъ въ бурю въ сарацинскихъ моряхъ или разбивающихся о скалы, о вѣчномъ рабствѣ христіанскихъ плѣнниковъ, погибающихъ въ языческомъ плѣну.

Такъ молча томилаь она до весны.

Однажды она поднялась съ Іоакимомъ на одну изъ террасъ Латерана. Долго смотрѣла она на голубую линію моря и вдругъ, положивъ свою ручку на руку епископа, спросила:

— Не правда ли, монсиньоръ, что Викторіанъ никогда, никогда не откажется отъ своей вѣры и не сдѣлается идолопоклонникомъ?

Старикъ, удивленный этимъ страннымъ вопросомъ, взглянулъ на дѣвочку. Онъ въ первый разъ замѣтилъ, какъ поблѣднѣло ея лицо и какимъ лихорадочнымъ блескомъ горѣли ея глаза.

— Что за грустныя фантазіи внушила вамъ аббатисса, дитя мое? — сказалъ онъ. — Что еще за странную басню рассказала она вамъ?

— Это вовсе не аббатисса, отецъ мой, и это вовсе не басня, это мое большое сердечное горе. Неужели никто не пожалѣетъ меня и неужели у меня навсегда отняли Викторіана?

Іоакимъ никогда не былъ чувствительнымъ исповѣдникомъ, но чистота его воспитанницы открыла ему глаза, и онъ, довѣрчиво поговоривъ съ ней нѣсколько минутъ, понялъ чувство, которое не вполне ясно сознавала сама Пія.

«Это очень серьезно,—подумалъ онъ.—Папа и я должны были это предвидѣть. Но Богъ хотѣлъ, чтобъ это такъ вышло».

Потомъ онъ сказалъ:

— Я сейчасъ спущусь къ святому отцу. Моя бѣдная Пія, я могу все погубить и все спасти въ одно мгновеніе ока. Да поможетъ мнѣ вашъ ангелъ-хранитель!

По счастью, въ это утро папа былъ въ очень хорошемъ настроеніи духа. Жорданъ, сынъ Ричарда, князь Капуи, вынудилъ Роберта Гюискара начать осаду Беневента и поднялъ противъ норманновъ Апулію и Калабрию. Хитрый Робертъ и тонкій политикъ папа Григорій, соединивъ свои интересы, соединялись другъ съ другомъ: папа благословлялъ рыцарское дѣло, а Робертъ соединялъ римскую церковь подъ единой властью.

Епископъ въ сильномъ волненіи вошелъ въ моленную папы. Видя, что у Григорія VII веселое лицо, онъ ободрился. А такъ какъ онъ былъ плохой дипломатъ, то началъ сразу:

— Я пришелъ просить васъ, владыка, вернуть мнѣ моего воспитанника Викторіана, котораго вы торжественно поручили моему попеченію на послѣднемъ духовномъ собраніи.

И онъ повторилъ слова Григорія:

«Я отдаю вамъ Викторіана; распространите на этого мальчика млеко и медъ вашего милосердія».

— Вы правы, — отвѣтилъ папа. — Но вы, другъ мой, вѣдь не для себя одного желаете возвращенія этого юноши?

— Нѣтъ, монсиньоръ. Пія также ждетъ его, и я боюсь, что если изгнаніе продлится...

— Но это вовсе не изгнаніе, — съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ перебилъ его папа: — черезъ нѣсколько мѣсяцевъ военное образованіе Викторіана будетъ окончено, и вы увидите его въ Римѣ, гдѣ мнѣ, быть можетъ, понадобятся воины, готовые жертвовать собою. Не обращайтесь же вниманія на фантазіи этой маленькой дѣвочки.

— Которая завтра сдѣлается молодой дѣвушкой... — неосторожно вставилъ Іоакимъ.

Внезапная туча затмила лобъ папы. Онъ молчалъ нѣсколько минутъ, опутивъ голову и перебирая пальцами свой крестъ. Епископъ ассизскій подумалъ, что ему отказано въ просьбѣ.

— Да, молодая дѣвушка, — вполголоса произнесъ Григорій VII, — и огромное искушеніе для юноши, въ жилахъ котораго течетъ пылкая кровь римскихъ бароновъ... Я отвѣчаю передъ Богомъ за обѣ эти души.

— За чистоту ихъ я отвѣчаю спасеніемъ моей собственной души, — воскликнулъ добрый Іоакимъ.

— Не рискуйте такъ легко вашимъ спасеніемъ, мой другъ, — возразилъ папа. — Я старый монахъ, а еще вѣрю въ искушенія демона. Но молитесь Бога, чтобъ Онъ послалъ вамъ большую бдительность на будущее время... Я верну вамъ вашего воспитанника. Пусть Пія перестанетъ страдать. Онъ вернется къ празднику Троицы. Я снова поручаю ихъ обоихъ не только вашему милосердію, но и вашей строгости.

Побѣдоносно поднялся епископъ въ свою башню. По счастливому выраженію его лица Пія поняла, что онъ уговорилъ папу и, несмотря на присутствіе аббатиссы, бросилась на шею своему духовному отцу.

Это было на Страстной недѣлѣ. Іоакимъ сталъ считать дни, остающіеся до Троицы.

— Жаль, — сказалъ онъ: — что огненные языки не сошли на апостоловъ на другой же день послѣ воскресенія, и что Троица не приходится въ Ѳомино воскресенье.

Аббатисса была такъ скандализована этими словами, что перекрестилась.

— Еще болѣе жаль, — прошептала она: — что эти языки не спускаются больше на головы нѣкоторыхъ епископовъ...

— Амен! — произнесъ Іоакимъ.

Капризъ графини Тосканской задержалъ на нѣсколько дней возвращеніе молодого барона. Она хотѣла, чтобъ онъ присутство-

валъ на турнирахъ тосканскаго дворянства въ Луккѣ, Пистойѣ и Пизѣ. 29 іюня Викторіанъ, около полудня, въ сопровожденіи двухъ оруженосцевъ, переѣзжалъ черезъ крѣпостной мостъ флорентинской дороги, невдалекѣ отъ воротъ Народа.

Эта часть Тибра представляетъ собою картину дикой красоты. Рѣка, сдавленная песчаными берегами, поросшими ивами, дѣлаетъ въ этомъ мѣстѣ крутой поворотъ. Густые кустарники и высокія скалы, покрытыя зеленью до самой виллы Боргезе, скрываютъ видъ Рима. На восточной сторонѣ поднимаются амфитеатромъ обнаженные горы Сабинны свѣтло-лазореваго цвѣта, и только нѣсколько бѣлыхъ точекъ, представляющихъ собою хижины или далекій монастырь, говорятъ о присутствіи здѣсь человѣка.

Былъ праздникъ Петра и Павла. Папа совершалъ мессу на окраинѣ города, въ базиликѣ св. Павла. Весь Римъ собрался къ церкви. Ни одного пастуха не видно было на Фламиньенской дорогѣ. Отовсюду въ пустынной Кампаньи слышалось стрекотаніе кузнециковъ, сливавшееся съ звонкимъ топотомъ коней всадниковъ, мчавшихся подъ ослѣпительнымъ полуденнымъ солнцемъ.

Когда всадники достигли половины моста, Викторіанъ замѣтилъ налѣво, на противоположномъ берегу рѣки, двухъ муловъ; на одномъ изъ нихъ сидѣлъ въ фіолетовой рясѣ монахъ, а на другомъ женщина подъ бѣлой вуалью; позади нихъ мальчикъ велъ въ поводу осла. Они, очевидно, выѣхали изъ города воротами Маджоре или Санъ-Лоренто и торопливо направлялись къ мосту. Викторіанъ остановилъ своего коня и вдругъ почувствовалъ, какъ сильно забилось у него сердце. Онъ узналъ развѣвающіеся золотистые локоны Піи. Въ это самое время мулъ фіолетоваго монаха обернулся въ сторону Тибра, остановился, какъ вкопанный, съ видимымъ намѣреніемъ долго любоваться свѣтлыми водами рѣки.

— Господи, это они, мои дорогіе! — воскликнулъ молодой чело-
вѣкъ. — Мулъ Іоакима, очевидно, принялъ Тибръ за Іорданъ.
Впередъ.

И, приказавъ оруженосцамъ ѣхать безъ него въ Латеранъ, онъ наперерѣзъ свернулъ навстрѣчу путникамъ.

Пія все ѣхала впередъ, забывъ о бѣдномъ епископѣ, и скоро молодые люди встрѣтились у опушки лѣса. Викторіанъ легко соскочилъ съ коня и поцѣловалъ руку Піи. Потомъ они долго съ затаенной нѣжностью вглядывались другъ въ друга, какъ бы изумленные и смущенные тѣмъ, что находятся одни, вдвоемъ.

Полтора года разлуки очень измѣнили этихъ дѣтей. Мальчикъ, герой рождественской ночи, сдѣлался мужчиной. Прелестнаго пажа замѣнилъ собою молодой вооруженный патрицій. Воспоминаніе о сценахъ въ Каноссѣ наложило тѣнь грусти на его прежде надменное выраженіе лица и смягчило повелительныя линіи его римскаго рта. Легкій пушокъ украшалъ его загорѣлыя щеки.

Пія становилась дѣвушкой. Она находилась въ томъ переходномъ возрастѣ, когда подъ дѣтскими формами уже чувствуется созрѣвающая молодая дѣвушка, бутонъ, который вотъ-вотъ полураспустится. Чистыя страданія ея сердца придали легкую блѣдность ея лицу и томное выраженіе ея чернымъ, когда-то безпечно веселымъ глазамъ. Двѣ крупныхъ слезы повисли на ея длинныхъ рѣсницахъ, но счастливая улыбка уже мелькала на губахъ.

— Дорогой Викторіанъ!—сказала она тихо, какъ во снѣ и умолкла.

Послѣ минутнаго нѣмого созерцанія, Викторіанъ попытался заговорить.

— А Фульво?—сказалъ онъ.—Нѣтъ, я хотѣлъ сказать—наша уважаемая аббатисса...

— Ахъ, Фульво,—отвѣтила Пія:—она въ своемъ лѣтнемъ домикѣ, въ глубинѣ парка, въ саду моего дѣда. А наша добрая аббатисса побѣжала со своимъ молитвенникомъ слушать напскую мессу въ базилику св. Павла; онѣ обѣ вполне здоровы, и дѣвушка тоже.

Она первая возвращалась къ прежнему дружескому тону. Она откинула назадъ прозрачный шелковый вуаль и склонилась лицомъ къ лицу Викторіана:

— Если бѣ вы знали, сколько горя причинилъ мнѣ вашъ отъѣздъ! Но со Страстной недѣли я чувствую себя счастливой. Вотъ уже три дня, какъ я каждое утро пріѣзжаю сюда съ синьоромъ епископомъ встрѣчать васъ при переѣздѣ черезъ Тибръ. За нами идетъ осель съ провизіей. Мы завтракаемъ подъ деревьями. Сегодня для насъ троихъ будетъ такой большой-большой праздникъ.

— Если бѣ мы поѣхали помочь Іоакиму?—предложилъ молодой человѣкъ.—Я вижу отсюда, что маленькій проводникъ вашего осла напрасно потрясаетъ поводомъ набожнаго мула, онѣ все не двигается съ мѣста.

Епископъ въ нетерпѣніи обнять своего воспитанника сталъ спускаться съ мула; это побудило упрямое животное двинуться впередъ медленнымъ и важнымъ шагомъ по берегу Тибра, пощипывая сочный тминъ.

— Мое бѣдное дитя, какъ вы запоздали!—кричалъ онѣ издали.—Благословляю Бога за ваше возвращеніе!

И онѣ сжималъ въ объятіяхъ молодого человѣка и плакалъ.

— Какой онѣ славный рыцарь, Пія, дочь моя! Но она также, Викторіанъ, выросла, поджидая васъ. Настоящая бѣлокурая мадонна, съ черными глазами. Сойдите съ мула, Пія, чтобъ онѣ видѣлъ, какая вы граціозная. Викторіанъ, помогите Пии сойти.

Она оперлась ножкой на руку молодого человѣка и слетѣла, какъ ласточка. Ея внезапно спустившіеся волосы ласковой волною коснулись его лица.

— А теперь за столъ,—сказалъ епископъ.—Я заранѣе читаю Benedicite.

Оселъ, нагруженный провизіей, взявъ въ примѣръ упрямаго папскаго мула, съ независимымъ видомъ отправился по своимъ дѣламъ въ кустарникъ. Его не скоро нашли. Наконецъ разостлали на травѣ подъ тѣнью бука бѣлую затканную красными цвѣтами тонкую скатерть и принялись за завтракъ, состоявшій изъ холоднаго жаренаго баранка, миндальнаго пирога и глазированныхъ восточныхъ фруктовъ. Появилась и бутылка орвѣто, но недоставало стакана. Епископъ досталъ свой хрустальный кубокъ, а Пія маленькій зеленый бокаль.

— Мы будемъ пить вмѣстѣ,—сказала она Викторіану.

Когда она первая отпила глотокъ золотистаго вина, онъ взялъ слегка дрожащей рукою изящный бокаль, и выпилъ его до дна.

Въ Кампаньи кузнечики, опьяненные солнцемъ, безъ умолку стрекотали. Съ противоположной стороны рѣки, противъ пирующихъ, съ вершины зубчатой башни скалы *Acqua acetosa* черный быкъ съ опущенными рогами возвышался, подобно египетскому богу. Южный вѣтеръ доносилъ смутный городской гулъ, все колокола Рима звонили къ «*Te Deum*», и священный Тибръ мчался въ зеленыхъ берегахъ.

Текли быстрые, беззаботные часы. Викторіанъ долженъ былъ рассказать всю свою жизнь съ самага отъѣзда передъ Рождествомъ 1076 года; когда онъ дошелъ до событій въ Каноссѣ, Іоакимъ сдѣлалъ Піи знакъ глазами, чтобы она прервала рассказъ.

— Нѣтъ, Викторіанъ,—попросила она:—не говорите объ этомъ грустномъ замкѣ, гдѣ снѣгъ падалъ на плечи несчастнаго императора, гдѣ все было такъ мрачно и холодно. Поговоримъ лучше о Зоанѣ, о рыцарскихъ доблестяхъ, о дворѣ графини Матильды.

Она забросала его тысячью вопросовъ о жителяхъ Зоаны, о родительскомъ домѣ папы, о владѣтельномъ баронѣ городка, о старомъ слѣпцѣ, пѣвшемъ у дверей церкви, о статуѣ св. Петра, стоявшей на мосту Фіора, которая вслѣдствіе плохого присмотра лишилась носа, части бороды и ключей отъ рая. Потомъ, указывая на лошадь молодого человѣка, она спросила:

— Это вашъ боевой конь? Какъ жаль, что дѣдушка не любить турнировъ и ломанія копій и выпускаетъ своихъ рыцарей только въ духовныхъ процессіяхъ!

Къ вечеру, когда спалъ зной, Іоакимъ предложилъ двинуться медленнымъ шагомъ по дорогѣ ко дворцу, мимо крѣпостей, къ воротамъ Маджіоре. Сначала пришлось разыскивать проводника осла, искавшаго гнѣздъ въ кустарникахъ на берегу Тибра. Короткія римскія сумерки застали путниковъ близъ воротъ Санъ-Лоренто, а когда они доѣхали до площади Латерана, уже наступила ночь.

Папа весь этотъ день провелъ съ монахами св. Павла. Онъ просматривалъ лично денежные счета аббатства и исповѣдывалъ иноковъ. Онъ возвращался домой уже при свѣтѣ факеловъ. Кардиналы въ красныхъ мантияхъ ѣхали на бѣлыхъ мулахъ около носилокъ Григорія VII. Народъ въ честь праздника Петра и Павла украсилъ арки храма веселыми огнями.

Епископъ съ молодыми людьми остановился, любуясь этимъ зрѣлищемъ, и проникъ во дворецъ по подъемному мосту, спущенному для папы. Но онъ старался проникнуть во дворъ не замѣченнымъ.

— Если святой отецъ увидитъ насъ троихъ внѣ дома,—сказалъ онъ:—то онъ будетъ тревожиться за Пію и за меня. Римскія ночи холодны, и наступилъ сезонъ лихорадокъ.

На слѣдующій день Викторіанъ, стоя на колѣняхъ, здоровался съ папой.

— Теперь, сынъ мой,—сказалъ ему папа:—ты истинный рыцарь Церкви. Ближе время, когда твоя рука должна будетъ защищать честь и права папскаго престола. Я назначаю тебя на важный постъ. Ты будешь адъютантомъ губернатора моей крѣпости, замка св. Ангела.

Викторіанъ склонился, благодаря папу, но онъ не сомнѣвался, что его ждетъ новое изгнаніе—заключеніе въ тюрьму свѣтской властью за преданность духовной.

Къ великому удивленію молодого человѣка, Григорій VII продолжалъ:

— Но я не хочу отрывать тебя отъ твоей прежней пріятной тебѣ жизни. Въ воскресенье въ базиликѣ Латерана ты исполнишь твои христіанскія обязанности. Три дня въ недѣлю по три часа ты будешь заниматься съ епископомъ Іоакимомъ изученіемъ священнаго писанія. Пія можетъ, если желаетъ, присутствовать на этихъ бесѣдахъ. Твоя квартира въ замкѣ св. Ангела ждетъ тебя. Ты займешь ее сегодня же вечеромъ. Каждое воскресенье ты будешь командовать папской стражей и водить ее къ базиликѣ св. Іоанна Латеранскаго.

Когда молодой капитанъ уходилъ, папа спросилъ его:

— Викторіанъ, ты ничего не знаешь о твоёмъ отцѣ?

— Не имѣю никакихъ свѣдѣній, владыка.

— Мнѣ донесли, что онъ сдѣлался сторонникомъ Жибера, равенскаго патріарха, и что съ нимъ находится этотъ священникъ-колдунъ Деодатъ. Они отъ отлученнаго отъ церкви императора перешли на сторону мятежнаго патріарха, который мечтаетъ согнать меня съ престола св. Петра. Пусть твое благородство и умъ, сынъ мой, помогутъ тебѣ когда-нибудь отвратить гнѣвъ Божій отъ головы Цензія!

Теперь, согласно программѣ папы, приходилось отказаться отъ долгихъ прогулокъ по римской Кампаньѣ; поэтому Іоакимъ рѣ-

шилъ, пока стоитъ хорошая погода, заниматься въ дворцовомъ саду. Григорій VII никогда не спускался въ этотъ огромный садъ, гдѣ когда-то, въ эпоху папъ Тускулума, происходили такія ужасныя вакханаліи. Никогда въ немъ нельзя было встрѣтить ни одного монаха. Даже аббатисса входила въ него, вся дрожа. Она боялась скорпіоновъ и ящерицъ, красныхъ муравьевъ и жуковъ и особенно густой темной чащи деревьевъ, казавшейся ей жуткой при яркомъ лѣтнемъ небѣ.

— Мы будемъ тамъ, какъ у себя дома,—говорилъ епископъ:— и будемъ чувствовать себя такъ, какъ наши прародители въ раю.

Сады эти, начинаясь отъ самаго дворца, спускались крутыми склонами къ Кампаньѣ, отъ которой были отдѣлены старыми крѣпостями; отъ города же ихъ отдѣляли монастыри Четырехъ Святыхъ, св. Іоанна-Круглаго и камальдюльцевъ. Въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ природа вступила тутъ во всѣ свои права. Деревья, кустарники, цвѣты разрослись здѣсь, какъ въ благодатной степи. Тутъ было множество зайцевъ, бѣлокъ, дичи. Каждую весну прилетали стаи ласточекъ и вили себѣ гнѣзда въ старыхъ крѣпостныхъ стѣнахъ, обвитыхъ плющемъ.

Въ углубленіяхъ, образованныхъ временемъ, въ старыхъ кирпичачахъ, ютились цѣлыя семьи совъ; въ каждомъ древесномъ дуплѣ жужжали пчелы. На зарѣ пѣли жаворонки, днемъ—снигири, малиновки, зяблики, всю ночь заливались трелью соловьи. Осенью сюда слетались дикія утки и селились въ болотѣ, которое когда-то было красивымъ озеромъ; а зимою, когда снѣгъ покрывалъ землю, вороны летали черными стаями, въ часы вечернихъ сумерекъ.

Много старинныхъ и священныхъ легендъ было связано съ этими папскими садами. Это были исторіи, которыя молодые монахи, замирая отъ пріятной дрожи, шептали другъ другу на ухо. Ночью здѣсь, конечно, было страшно, да и днемъ не вполне безопасно. Воспоминанія о феодальномъ папствѣ оживали здѣсь въ видѣніяхъ, леденящихъ кровь.

Такъ, въ недѣлю мертвыхъ всѣ преступные папы являлись на собраніе, состоявшее изъ кардиналовъ и епископовъ, которыхъ они удушили или умертвили въ колодцахъ замка св. Ангела. Ихъ жертвы судили ихъ и осуждали съ каждымъ годомъ на все болѣе и болѣе жестокія муки. Высокая фигура въ черномъ одѣяніи, лица которой никто никогда не видѣлъ, председательствовала на этомъ собраніи призраковъ. Всякій изъ присутствующихъ являлся съ доказательствомъ своей смерти: у однихъ въ горлѣ или въ сердцѣ торчалъ ножъ, у другихъ лица были совершенно искажены и изуродованы; третьи являлись со вспухшимъ лицомъ, остановившимся взглядомъ и съ тиною Тибра въ мокрыхъ волосахъ. Они сажались полукругомъ въ бѣлыхъ митрахъ на головахъ, въ фіолетовыхъ мантияхъ и сидѣли неподвижно.

Что же касается до предсѣдателя собранія, сидѣвшаго на тронѣ въ траурной мантии, то никто не могъ съ увѣренностью назвать его имя. Были ли то святой Петръ, святой Григорій Великій или Формоза? Молодые монахи, мнившіе себя астрологами и алхимиками, полагали, что это папа Гербертъ; аскеты думали, но не смѣли высказать вслухъ, что это самъ Господь Іисусъ Христосъ является въ эти мрачныя ночи и вызываетъ предъ лицо свое своихъ недостойныхъ пастырей.

Были вещи еще болѣе ужасныя въ садахъ Латерана. Въ лѣтнія ночи тамъ носились видѣнія болѣе опасныя для души и шептали слова, послѣ которыхъ молодые послушники съ широко раскрытыми глазами уходили къ себѣ въ кельи и предавались мучительнымъ мечтамъ. Тамъ подъ душистой сѣнью лавровъ и липъ, среди миртъ, жасминовъ и лилій, при голубоватомъ свѣтѣ звѣздъ появлялись великія куртизанки Х вѣка, имѣвшія большое вліяніе въ духовномъ мірѣ, и раздававшія своимъ любимцамъ папскія мантии—Теодора и двѣ ея дочери, Теодора-младшая и Маризія; онѣ сходились здѣсь, и въ нѣмыхъ оргіяхъ возобновлялся сатанинскій праздникъ ихъ жизни.

Гробовая тишина царила тогда въ садахъ; среди цвѣтущихъ вѣтвей носилось нѣжное дыханье; неподвижныя на своихъ стебляхъ розы вдругъ расцвѣтали какъ бы подъ давленіемъ грозы, и опьяняющій ароматъ несся къ башнямъ Латерана и навѣвалъ на монаховъ нечистые сны. При лучахъ луны, скользящихъ между деревьями, можно было видѣть бѣлыя груди и гордыя блѣдныя лица со сверкающими глазами и шестнадцатилѣтнихъ кардиналовъ, лежавшихъ въ сладострастномъ изнеможеніи на фіолетовыхъ ложкахъ. И соловей нѣжно заливался своей вѣчною пѣснью любви...

Іоакимъ не вполне довѣрялъ этому проклятому прошлому папскихъ садовъ, но во всякомъ случаѣ скрывалъ его отъ Піи; и къ тому же онъ думалъ, что дьявольскій соблазнъ не дѣйствуетъ на чистыя души. Для его воспитанниковъ папскій садъ представлялся раемъ, уединеннымъ мѣстомъ ихъ игръ, заповѣднымъ лѣсомъ, гдѣ они могли свободно гулять, вдали отъ строгихъ взоровъ.

Іоакимъ не былъ подверженъ педантизму. Послѣ того, какъ онъ, сидя въ тѣни дворцовыхъ стѣнъ, объяснялъ Викторіану двѣ страницы евангелія или писанія святыхъ отцовъ, онъ закрывалъ книгу, смотрѣлъ на цѣлое море зелени и говорилъ:

— Я вижу тамъ Пію въ кипарисовой аллеѣ въ бѣломъ платьѣ и съ Фульво. Пойдемъ ей навстрѣчу, мой другъ.

И они шли черезъ густыя кустарники, черезъ цѣлыя полосы молодыхъ дубовъ, разросшихся по волѣ солнца и вѣтра. Прогулка начиналась серьезно. Викторіанъ въ присутствіи епископа еще испытывалъ ту застѣнчивость, которую почувствовалъ при первой встрѣчѣ на берегу Тибра. Онъ называлъ Пію «синьорита», а она

не безъ насмѣшки звала его «синьоръ». Онъ начиналъ говорить о замкѣ св. Ангела, о капитанѣ Аннибали, губернаторѣ крѣпости, о сырыхъ подземельяхъ, гдѣ томились нераскаянные еретики. Пія дѣлала видъ, что вовсе его не слушаетъ, отдалялась направо, налѣво, искала въ травѣ землянику или четырехлистный трилистникъ. Такъ незамѣтно подходили къ гнѣзду ласточки или маленькихъ совъ съ желтыми глазами, которыхъ употребляютъ въ Римѣ для приманки жаворонковъ. Иоакимъ останавливался съ вытянутой впередъ шеей и открытымъ ртомъ, какъ будто нашелъ семью давно потерянныхъ друзей. Въ эту минуту Фульво по знаку своей госпожи скакала черезъ кусты и убѣгала. Пія бѣжала вслѣдъ за ней, а Викторіанъ смотрѣлъ на епископа съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ сказать:

— Позвольте мнѣ уйти.

— Идите,—отвѣчалъ Иоакимъ на нѣмую просьбу:— но возвращайтесь поскорѣе. Въ вашемъ распоряженіи только два часа. Я останусь здѣсь, въ обществѣ этихъ птицъ, потому что ноги мои слишкомъ слабы для того, чтобы гоняться за вашей козулей. Я отсюда не уйду.

Они всегда находили его на томъ мѣстѣ, гдѣ оставляли. Онъ терпѣливо ждалъ, читая свой требникъ. Они уходили недалеко, потому что козуля, прекрасно вымуштрованная своей госпожою, скоро сворачивала съ дороги и подходила лизнуть руку Викторіана. Тогда они отправлялись навѣстить чернаго дрозда, найденнаго ими въ тополяхъ, и который такъ скоро привыкъ къ нимъ, что, посвистывая, скакалъ вслѣдъ за ними съ вѣтки на вѣтку. Были тутъ почти непроходимыя чащи, куда пробирался Викторіанъ, ведя за руку Пію. Иногда ея длинныя волосы зацѣплялись за колючіе кустарники.

— Вотъ теперь я похожа на принцессу изъ сказокъ аббатиссы, заколдованную въ лѣсу, — говорила она.— Я жду стараго волшебника, который придетъ освободить меня. А лучше бы, если бъ освободилъ молодой.

И молодой волшебникъ, не особенно торопясь, освобождалъ бѣлокурую принцессу отъ шиповъ кустарника. Она смѣялась и уносила приставшіе къ ея волосамъ голубые колокольчики.

Они особенно любили полянки, усѣянные пунцовыми и бѣлыми маргаритками, надъ которыми жужжа вились пчелы. Они садились въ густой травѣ и прислушивались къ гулу въ ульяхъ. Зайцы Латерана, цѣлыя поколѣнія которыхъ давно потеряли всякое представленіе объ охотничьихъ собакахъ, свободно приближались къ сидѣвшимъ, подозрительно слѣдя за ихъ малѣйшимъ движеніемъ. Старые еще дѣлали обходы, не довѣряя этому опасному сосѣдству, но молодые, болѣе довѣрчивые, почти касались руки Піи, насто-роживъ уши и готовые убѣжать при малѣйшей тревогѣ.

Пѣніе чернаго дрозда привлекало со всѣхъ сторонъ другихъ птицъ, и, когда удавалось уговорить Фульво не пугать ихъ, онѣ опускались на кусты и пѣли цѣлымъ хоромъ. Особенной смѣлостью отличалась одна семья реполовокъ (красношеекъ). Она тѣсною группой садилась на какую-нибудь вѣтку и зорко слѣдила за жемами Піи; она показывала горсть зерна, и пернатая семья быстро, какъ стрѣла, опускалась на маленькую бѣлую руку.

Іоакимъ объяснялъ такъ эту простоту нравовъ реполовокъ:

— Они съ разсвѣта пѣли на крышѣ Эвандра, короля Лаціума, чтобы развеселить его. Теперь уже доказано, что птицы, о которыхъ говоритъ Виргилій, были реполовки. Онѣ поютъ незатѣйливо, но сердце у нихъ превосходное,

Иногда они, блуждая, взбирались на полуразвалившуюся арку какой-нибудь крѣпости. Сверкающая Кампанья разстилалась передъ ними, какъ уснувшая крѣпкимъ сномъ, а вдаль торжественно возвышались голубыя горы. Они искали взоромъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ гуляли дѣтьми,—зеленыя равнины Латинской дороги, и старыя могилы дороги въ Аппію. Это вызывало въ нихъ тысячи пріятныхъ воспоминаній, они много говорили о прошломъ и очень рѣдко о будущемъ. Но изъ тѣхъ туманныхъ выраженій, которыми они открывали другъ другу свои желанія, было ясно, что они считаютъ свою судьбу общей до конца жизни. Мысль, что они разстанутся съ тѣмъ, чтобы никогда болѣе не встрѣчаться, не приходила имъ на умъ. Викторіанъ не смѣлъ, а Пія не умѣла яснѣе выразить тайну, которую каждый изъ нихъ делѣялъ въ своемъ сердцѣ.

Они любили уединяться на этотъ высокій обсерваціонный пунктъ. Однажды осенью они увидѣли съ него, что у самой крѣпости, въ одномъ изъ углубленій между воротами св. Іоанна и Санъ-Себастьяна остановилась какая-то странная группа и собиралась раскинуть шатры. Мужчины съ темно-коричневыми лицами, черными вьющимися волосами и грубымъ смѣхомъ, отвратительныя старухи, молодая дѣвушка съ бронзовымъ цвѣтомъ лица въ пурпуровомъ тюрбанѣ, украшенномъ золотыми монетами, нагія дѣти, валявшіяся въ придорожной пыли, большая рыжая собака, около которой увивалась черная кошка невѣроятной худобы, цѣлая батарея кухонной посуды самаго разнообразнаго вида, — все это представляло собой странную, пеструю картину.

— Колдуны!—съ испугомъ воскликнула Пія.

— Жители Египта,—сказалъ Викторіанъ.— Они идутъ изъ глубины Азіи, дальше, чѣмъ изъ Іерусалима, черезъ Сицилію, гдѣ арабы-язычники оказываютъ имъ гостепрѣимство. Они знаютъ великія тайны, дѣлаютъ злые заговоры противъ враждебныхъ имъ людей и предсказываютъ будущее по линіямъ рукъ.

— А развѣ хорошо просить ихъ объ этомъ?

При такой теологической постановкѣ вопроса молодой человѣкъ съ минутою подумалъ, затѣмъ отвѣтилъ:

— Епископъ Іоакимъ одинъ можетъ объяснить намъ это. Хотите поговорить съ этими цыганами, Пія?

— Пожалуй,—отвѣтила она.

Тотчасъ спросили Іоакима, который въ первую минуту былъ въ нерѣшительности.

— И да, и нѣтъ,—сказалъ онъ.—Во всякомъ случаѣ, по-моему, это очень маленькій грѣхъ. Другіе смотрятъ на это иначе. Я не нахожу этихъ людей опасными или преданными діаволу. Они слишкомъ бѣдны, чтобъ дружить съ сатаною. Когда-то въ моей епархіи я зналъ многихъ изъ нихъ. Я посылалъ имъ хлѣбъ и вино, а зимою дрова и запрещалъ дѣтямъ бросать въ нихъ камнями. Вы дѣйствительно хотите погадать, Пія?

Она колебалась отвѣтить, но ея молчанье говорило яснѣе словъ.

— Ну, хорошо; завтра воскресенье, и мы пойдемъ пѣпкомъ за городъ.

На другой день послѣ вечеренъ они вышли воротами св. Іоанна. Въ этотъ день много римлянъ высыпало за городъ на праздникъ сбора винограда. Но у крѣпостныхъ стѣнъ народу не было. Черезъ четверть часа ходьбы епископъ со своими воспитанниками пришелъ къ патрамъ цыганъ.

Рыжая собака залаяла, черная кошка оцетинилась, выгнувъ спину, мужчины бросали на вновь прибывшихъ недовѣрчивые взгляды, старухи гримасами приглашали ихъ подойти; молодая дѣвушка въ тюрбанѣ съ золотыми монетами взглянула на Пію, потомъ на Викторіана и улыбнулась.

Іоакимъ спокойно подошелъ къ гадалкѣ съ протянутой правой рукой, показывая этимъ, что желаетъ, чтобъ она погадала. Старуха въ рубищѣ сказала прежде, чѣмъ взять руку:

— Дай прежде монетку, синьоръ епископъ. Надо сдѣлать крестъ.

Іоакимъ безнадежно обшарилъ свои карманы, онъ нашелъ въ нихъ только мѣдный ліардъ. Наканунѣ онъ все роздалъ бѣднымъ. Викторіанъ подалъ ему серебряный полдукатъ.

— Это хорошо, — прошептала старуха, пряча монету: — вотъ счастливая рука, аметистъ превосходенъ и очень пошелъ бы къ головкѣ моей внучки.

Іоакимъ почувствовалъ, что она тихонько снимаетъ съ его пальца епископское кольцо. Онъ сжалъ руку и сдвинулъ брови. Старуха пожала плечами и начала свое дѣло.

— Большая линія прямая, очень глубокая; другія не могутъ сравняться съ ней. Нынче фіолетовая мантия, а къ концу красная. Ты умрешь кардиналомъ.

— Да сжалится надо мною Господь!—произнесъ епископъ.

— Ну, теперъ мнѣ,—сказалъ Викторіанъ, подавая маленькую золотую монету.

Но молодая цыганка вдругъ оттолкнула старуху.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ МАГАЗИНОВЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, за пересылку въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ОКТЯБРЬ 1907 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 10-й.

І. Богословіе.

Блявскій, Ф. О. О реформѣ духовной школы. Ч. II. Объ основахъ и организаціи средней духовной школы въ связи съ вопросомъ о желательномъ общемъ типѣ средней школы въ Россіи. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
Бердяевъ, Н. Новое религіозное сознание и общественность. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
Гарнакъ, Ад. Сущность христіанства, шестнадцать лекцій, читанныхъ студентамъ всѣхъ факультетовъ въ зимній семестръ 1899—1900 г. въ Берлинскомъ университетѣ. Спб. 1907. Ц. 1 р.
Есиповъ, В. В. Нравственность и право. Христіанская эстетика и уголовный законъ. Варшава. 1907. Ц. 50 к.
Жеваховъ, Н. Д., князь. Святитель Иосафъ Горленко, епископъ Вѣлгородскій и Обоянскій (1705—1764). Матеріалы для биографіи, ч. I-я. Предви святителя Иосафа. Кіевъ. 1907. Ц. 75 к.

Ковалевскій, П. И., проф. Исусъ Галилеинъ. Изданіе 3-е. Спб. 1908. Ц. 50 к.
Путеводная звѣзда христіанина, католическій краткій молитвенникъ для мірянъ. М. 1907. Ц. 50 к.
Райскій, Д. П. И. С. Аксаковъ о свободѣ совѣсти, свободѣ слова и печати. Спб. 1907. Ц. 40 к.
Ренанъ, Эрнестъ. Очерки по исторіи религіи. Перев. съ франц. Вл. Кауфмана. Спб. Ц. 60 к.
Соловьевъ, Н. М. Религіозный элементъ мысли. М. 1907. Ц. 20 к.
Таръевъ, М. М., проф. Христосъ, основы христіанства. Т. I. Изд. 2-е. Сергіевъ-Посадъ. 1908. Ц. 2 р.
Толстой, Л. Н. Сводненіе переводовъ и изслѣдованіе 4-хъ Евангелій, т. I. М. 1907. Ц. 50 к., на лучшей бум. 76 к.

II. Философія, психологія, логика.

Бюхнеръ, Л. Сила наслѣдственности и ея влияние на моральный и духовный прогрессъ человѣчества. Спб. 1907. Ц. 60 к.
Генкель, Э. Чудеса жизни. Общедоступные очерки биологической философіи. Дополнительный томъ къ книгѣ о Міровыхъ загадкахъ. Спб. 1908. Ц. 50 к.

Гейдингъ, Геральдъ. Понятіе воли. Перев. съ франц. подъ ред. Н. М. Соловьева. Москва. 1908. Ц. 30 к.
Дриль, Д. Этюды по педагогической психологіи. Вып. 1-й. Роль чувства въ жизни души. Спб. 1907. Ц. 75 к.
Карцовъ, Н. С. Записки по педагогиче-

«Истор. вѣстн.», ноябрь, 1907 г., т. сх.

25

ской психологии. Для родителей и учащихся, начинающихся заниматься вопросами воспитания. Спб. 1907. Ц. 70 к.

Кривичий, Л. Эгика въ ея историческомъ развитіи. Спб. 1907. Ц. 25 к.

Ментализмъ и его могущество въ жизни человѣка. М. 1907. Ц. 30 к.

Наше мѣсто въ вѣчности. Кіевъ. 1907. Ц. 50 к.

Сеньо, А. В. Законъ ментализма. Популярно-научн. очеркъ закона, управляющаго всякимъ мысленнымъ и физическимъ дѣ-

ствіемъ, сущность жизни и смерти. М. 1906. Ц. 5 р.

— Его же. Какъ быть счастливымъ въ бракѣ. М. 1907. Ц. 50 к.

Торнболь, В. Курсъ личнаго магнетизма, посредствомъ котораго можно выработать характеръ, самообладаніе, силу воли и неограниченное вліяніе. М. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

Труды Перваго всероссійскаго съезда спиритуалистовъ и лицъ, интересующихся вопросами психизма и медиумизма въ Москвѣ съ 20-го по 27-е октября 1906 г. М. 1907. Ц. 3 р.

III. Словесность.

Александровскій, Г. В. Читенія по новѣйшей русской литературѣ. Вып. II. Спб. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

Бахметьевъ, А. Сельскій учитель. (Другъ народа). Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ (въ первомъ дѣйствіи двѣ картины). Спб. 1907. Ц. 50 к.

Библиотека итальянскихъ писателей. Витторио Альфieri, Джакомо Леонарди, Джузеппе Джустини, Джозуэ Кардуччи, Ада Негри, Александро Манцони. Бритико-біографическіе очерки М. Ватсонъ. Цѣна за 6 выпусковъ 1 р. 50 к.

Ведениндъ, Франкъ. Пьесы: I. Гидалла. пьеса въ 4 актахъ. II. Музыка, картины въ 4 актахъ. Спб. 1908. Ц. 1 р. 20 к.

— Тоже. Пробужденіе весны. Дѣтская трагедія. Переводъ Федеръ, подъ ред. Федора Сологуба. Спб. Ц. 75 к.

— Тоже. Книжка-Русалка. Сборникъ разсказовъ. Спб. 1907. Ц. 1 р.

— Тоже. Музыка. Очеркъ современныхъ нравовъ въ четырехъ картинахъ. Спб. 1908. Ц. 75 к.

Гердъ, Г. Удобреніе въ садоводствѣ. Пер. съ нѣмецкаго подъ редакціей Н. И. Кичунова. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Горскій, Г. Григорій Тучкинъ. Повесть о старыхъ и новыхъ людяхъ русской деревни. Спб. Ц. 1 р.

Данилевскій, М. Г. Разсвѣтъ. Историческій романъ 1853—1856 г. (по неизданнымъ документамъ). Спб. 1908. Ц. 1 р.

Денисюкъ, Н. Критическая литература о произведеніяхъ гр. А. К. Толстого. Съ портр. и биогр. очеркомъ. Выд. 1-й. М. 1907. Ц. 1 руб.

Емельяновъ-Коханскій, А. Н. Тверской бульваръ. Романъ. Ц. 1 р.

Зайцевъ, Б. Разсказы. Изд. 2-е. Спб. 1908. Ц. 50 к.

Захеръ-Мозохъ, В. Исповѣдь моей жизни. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Ивановъ-Разумникъ. Что такое «Махаевщина». Къ вопросу объ интеллигенціи. Спб. 1908. Ц. 50 к.

Иванычъ, А. Падала пьеса въ 4 дѣйств. Ярославль. 1907. Ц. 1 р. 75 к.

Истринь, В. М. Опытъ методологическаго введенія въ исторію русской литературы XIX в., Вып. 1-й. Спб. 1907. Ц. 75 к.

Капнистъ, В. В. Избранныя сочиненія. Спб. 1907. Ц. 45 к.

Конанъ-Дойль. Сэръ Найгель. Ц. 1 р. 25 к.

— Его же. Роковая тайна. Ц. 75 к.

— Его же. Черный Принцъ. Ц. 1 р.

Корчемный, В. Разсказы. Спб. Ц. 1 р.

Костомарова, Александра. Стихотворенія. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Костомаровъ, Н. Кудеяръ. Историческій романъ временъ Иоанна Грознаго. Обработанъ Е. Гадмеръ. Спб. 1907. Ц. 35 к.

Ларинъ, К. П. Пьесы, т. I. Спб. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

Линдгрейнъ, В. Плодъ любви, водевилъ въ 2 д. и стихотворенія: эротическія и сатирическія. Спб. 1907. Ц. 25 к.

Мережковский, Д. Вѣчные слугинки, Маркъ Аврелій, Плитій Младшій. Спб. 1907. Ц. 30 к.

Метерлинкъ, М. «Пеллеасъ и Мелизанда» и стихи. М. 1907. Ц. 1 р.

Милянъ, Д. Бюрократы. Окольный путь. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Немировичъ-Данченко, В. И. Люди малаго дѣла. М. 1907. Ц. 1 р.

Олигеръ, Н. Судный день. Романъ. Спб. 1908. Ц. 70 к.

Попленбергъ, Ф. Сѣверные писатели: Германъ Вангъ. — Кнутъ Гамсунъ. — Гаставъ Гейерстамъ. Критико-біографическіе очерки. Подъ редакціей проф. Г. Брандеса, съ приложеніемъ образцовъ произведеній. Пер. М. Н. Т., подъ редакціей В. В. Битнера. Спб. 1907. Ц. 40 к.

Ременниковъ, Я. Л. Эволюція жизни къ началу XX вѣка. Литературно-психологическій опытъ. Харьковъ. 1907. Ц. 10 к.

Суходольскій, А. Л. Воли Темрявы. Драмъ у бы дихъ зъ снывами, хорами и танцямъ. (Позычано). Доволено къ представленію 10 августа 1906 г. № 7900. Харьковъ. 1907. Ц. 30 к.

— Помста, або загублена доля. Драма у 4-хъ дихъ, зъ снывами, хорами и танцямъ. Харьковъ. 1907. Ц. 30 к.

Сѣверные сборники. Книга 2 и 3-я. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Толстой, Л. Н. О Шекспирѣ и о драмѣ. Критическій очеркъ. М. 1907. Ц. 20 к.

Фоминъ, А. Чеховъ въ русской критикѣ. Опытъ бібліографическаго указателя. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Франсъ, Ан. Собраніе сочиненій. Т. V-я. Господиныхъ Вержере въ Парижѣ. М. 1907. Ц. 1 р.

- Цыперовичъ, Г. За полярнымъ кругомъ, десять лѣтъ ссылки въ Колымскѣ. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
- Шатковскій, А. Ф. Куза Марта, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, съ пѣніемъ, хорами и танцами. (Сюжетъ заимствованъ). Харьковъ. 1907. Ц. 35 к.
- Шаховъ, А. Вольтеръ и его время. Лекціи по исторіи французской литературы XVIII в., читанныя въ Московскомъ университетѣ. Съ портретомъ и факсимиле автора. Спб. 1907. Ц. 1 р. 25 к.
- Шемшуринъ, А. Миниатюры. Книга 2-я. М. 1907. Ц. 1 р.
- Шефферъ, Марія. Среди арестантовъ. (Очерки тюремной жизни). Спб. 1907. Ц. 60 к.
- Шницлеръ, А. Мрачныя души. Поведлы. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Шуфъ, Владиміръ. Кто идетъ? Романъ. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
- Эберсъ, Г. Мелисса. (Тернистыми путями). Историч. романъ. Изд. 2-е. Спб. Ц. 1 р. 35 к.
- Эйснеръ, К. Празднества обездоленныхъ. Поведлы. Спб. 1907. Ц. 1 р.

IV. Исторія, біографія и археологія.

- Архангельскій, А. Д. И. Менделѣевъ, его научная и общественная дѣятельность (съ портретомъ). Брянскъ. 1907. Ц. 25 к.
- Военскій, К. Силваніи французскихъ герардовъ съ русскими, во вторую половину кампаніи 1812 г. Спб. 1907. Ц. 75 к.
- Герье, В. Вторая Государственная Дума. М. 1907. Ц. 1 р. 80 к.
- Ернштедтъ, В. К. Сборникъ статей по классической филологіи. Спб. 1907. Ц. 3 р.
- Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Съ рисунками. Вышелъ вып. 1, 2, 3, 4 и 5-й. М. 1907. Цѣна каждому выпуску по 1 р. 35 к.
- Историческій журналъ (для вѣхъ) № 2. Ц. 30 к.
- Лялина М. А. Очерки исторіи Финляндіи отъ древнѣйшихъ временъ до начала XX столѣтія. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Наказъ Императрицы Екатерины II, данной комиссіи о сочиненіи проекта новаго узложенія. Подъ ред. Н. Д. Чечулина. Спб. Ц. 2 р. 30 к.
- Орловъ, К. В. О первоисточномъ челоуѣкѣ. Вильна. 1907. Ц. 75 к.
- Попруженно, И. Г. Къ исторіи «Безумнаго года». (1848). Варшава. 1907. Ц. 1 р.
- Рѣдинъ, Е. К. Памяти профессора И. В. Помяловскаго. Харьковъ. 1908. Ц. 25 к.
- Фенанъ, Э. Исторія израильскаго народа. Т. II. Спб. 1907. Ц. 1 р.
- Ренаръ, Ж. Республика 1848 года (1848—1852). Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
- Студницкій, Вл. Польша въ политическомъ отношеніи, отъ раздѣловъ до нашихъ дней. Спб. 1908. Ц. 1 р.

V. Сельское хозяйство.

- Бертенсонъ, В. А. Шелководство въ Венгріи. Съ рисунками. Спб. 1907. Ц. 25 к.
- Граціановъ, В. И. Опытъ обзора рыбъ Россійской Имперіи въ систематическомъ и географическомъ отношеніи. М. 1907. Ц. 4 р.
- Нипенъ, А. Основы рациональнаго виноградарства въ Средней Бессарабіи. Спб. 1908. Ц. 1 р. 80 к.
- Ностромитиновъ, А. Образцовыя крестьянскія хозяйства въ Царствѣ Польскомъ. Спб. 1907. Ц. 30 к.
- Его же. Зеленое удобреніе и хозяйства на немъ въ Польшѣ и Галиціи. Ц. 30 к.
- Критскій, А. В. Сельско-хозяйственная культура Манчжуріи въ связи съ опытами насажденія такой же культуры въ Россіи. Спб. 1907. Ц. 25 к.
- Хуторъ. Ежемѣсячный сельско-хозяйственный журналъ № 10. 1907. Ц. 40 к.

VI. Технологія, строительное и инженерное искусства.

Ремесла.

- «Автомобильное дѣло». Иллюстрированный техническій ежемѣсячный журналъ. Сентябрь, 1907. Ц. 40 к.
- Апри, Э. Навыгоднѣйшее распределеніе земляныхъ массъ (теорія и примѣненіе ея на практикѣ). Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Берманъ, М. Я. Открытіе Татарянова. Наскаль: гидростатическій законъ. Брама: основной классъ нагнетательныхъ прессовъ (цилиндръ-поршень). Татаряновъ: послѣдній классъ нагнетательныхъ прессовъ (безпоршневый). 20 рисунковъ и чертежей въ текстѣ. Спб. 1908. Ц. 80 к.
- Бобровскій, С. П. Навыгоднѣйшая высота и наименьшій вѣсъ клеваныхъ бадокъ, съ прилож. таблицъ. Спб. 1907. Ц. 40 к.
- «Горнозаводчикъ и фабрикантъ». Газета. №№ 38, 39 и 40. Спб. 1907. Цѣна каждого номера 15 к.
- Керстенъ, К. Желѣзо-бетонныя сооруженія. Производство работъ и расчетъ основныхъ формъ. Руководство для учащихся и для практиковъ. Ч. II. Спб. 1908. Ц. 2 р.
- Кнапъ, Ж. Секреты конструкціи бензиновыхъ моторовъ и ихъ исправной работы въ автомобиляхъ и мотоциклахъ. Спб. 1907. Ц. 3 р.
- Лейвандъ, Л. Какъ самому устроить небольшіе дома и сельско-хозяйственныя каменные и деревянныя постройки. Изд. 2-е. М. 1907. Ц. 60 к.

Паутовъ, Петръ. Горныя работы со взрывчатыми матеріалами. Дополненіе къ горному искусству курса горнотехническихъ училищъ. Съ 172 рисунк. въ текстѣ. Спб. 1907. Ц. 2 р. 50 к.

Петровскій, А. А. Научныя основанія безпроводной телеграфіи. Спб. 1907. Ц. 4 р. **Sidersky, D.** Пробы горючихъ веществъ. Переводъ съ франц. инж.-техн. Н. А. Гапшина. Киевъ. 1907. Ц. 1 р.

Стори, В. Дачная архитектура. 12 проектовъ и смѣтъ дешевыхъ построекъ. Спб. 1907. 1 р. 50 к.

Тильшъ, А. Лignoпрядильщикъ. Краткое руководство для смотрителей и подмастерьевъ лignoпрядильныхъ фабрикъ. Спб. 1907. Ц. 60 к.

Томельнъ, Адольфъ. Основы электротехники. Теоретическій и практический курсъ электротехники. Со второго изданія, исправленнаго и дополненаго, съ разрѣшенія

автора перевелъ съ нѣмецкаго Д. М. Вержбинскій, подъ редакціей проф. П. Д. Войнарвскаго. Спб. 1908. Изданіе А. С. Суворина. Ц. въ перепл. 5 р. 50 к.

Федоровъ, П. Полный курсъ столярнаго мастерства. Рук. для любителей и самообученія. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Федоровъ, Вл. Рациональное отопленіе. Устройство комнатныхъ печей выгодѣйшихъ системъ, очаговъ и плитъ. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Шиффнеръ, Альфредъ. Машины и аппараты свеклосахарныхъ и рафинадныхъ заводовъ, ихъ расчетъ и конструированіе, съ обращеніемъ особаго вниманія на расходъ пара. Руководство для инженеровъ, машиностроителей и служащихъ на сахарныхъ заводахъ. Переводъ съ нѣмецкаго И. Здобинскаго, подъ редакціей и съ добавленіями инж.-техн. В. И. Васильева. Киевъ. 1907. Ц. 2 р.

VII. Правовѣдѣніе и общественныя науки.

Абрамовичъ, Н. Практическое руководство для составленія дѣловыхъ бумагъ. Изд. 2-е, значительно пополненное и исправленное. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

Безродный Манаръ. Частная земельная собственность, съ точки зрѣнія народнаго, всемірнаго хозяйства, сельско-хозяйственнаго прогресса, человѣческихъ потребностей, государства и народнаго труда. М. 1907. Ц. 40 к.

Бюкнеръ, Л. Дарвинизмъ и социализмъ или борьба за существованіе и современное общество. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Васильевъ, Н. П. Вторая Дума. Спб. 1907. Ц. 10 к.

Васьновскій, Е. В., проф. Задачи по русскому гражданскому процессу. Пособіе для практическихъ занятій. Одесса, 1907. Ц. 60 к.

Гагенъ, В. А. Право бѣднаго на призрѣніе. Т. I. Исторія и современное положеніе законодательства объ обязательномъ призрѣніи бѣдныхъ въ Германіи, Франціи и Англии. Спб. 1907. Ц. 3 р.

Дерюжинскій, В. Ѳ., проф. Дополненіе къ книгѣ Полицейское право. Пособіе для студентовъ. Спб. 1907. Ц. 30 к.

Диллетантъ. Попытка сказать правдивое слово о земельномъ вопросѣ. М. 1907. Ц. 25 к.

Женщина. Чего она хочетъ, и что ей нужно? Психологія, психопатія и половая аномалія женщинъ. По сочиненіямъ: проф. К. Ломброзо, Д. Ферреро и А. Фореля. М. 1908. Ц. 40 к.

Задачи социалистической культуры. Сборникъ статей Эд. Бернштейна, Эм. Вандервельда, Фр. Гертца, Г. Давида, Эд. Давида, Р. Кальвера, Д. Койгена, Г. Линдемана и др. Спб. 1907. Ц. 2 р.

Зальссій, В. К. По поводу военныхъ и морскихъ вопросовъ передъ выборами въ 3-ю Государственную Думу. Спб. 1907. Ц. 75 к.

Зацѣпа, Глѣбъ. «Пасынки университета». Матеріалы по вопросу о положеніи въ университетѣ младшихъ преподавателей. М. 1907. Ц. 45 к.

Ивановскій, В. В., проф. Учебникъ административнаго права. (Полицейское право. Право внутренняго управленія). 2-е изданіе исправл. и допол. Казань. 1907. Ц. 3 р.

Капустинъ, М. Я. Рѣчи казанскаго октябриста. Казань. 1907. Ц. 45 к.

Каталогъ юридическаго отдѣла книжнаго магазина «Новаго Времени» А. С. Суворина. Правовѣдѣніе. Политическая экономія. Аграрный вопросъ. Соціальныя и общественныя науки. Спб. 1907. Раздается и высылается.

Каутскій, К. Соціаль-демократія и торговая политыка. Спб. 1907. Ц. 40 к.

— Экономическое ученіе Карла Маркса. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Недровъ, П. И. Таблицы и скалы для опредѣленія ослабленія или утраты трудоспособности потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ рабочихъ. Къ руководству для врачей, фабричныхъ инспекторовъ, юристовъ и фабрикантовъ. М. 1907. Ц. 75 к.

Кленне, Г. Обязанности женщины. М. 1907. Ц. 30 к.

Корнуновъ, Н. М., профессоръ Спб. университета. Исторія философіи права. Пособіе къ лекціямъ. Изд. 4-е. Спб. 1908. Ц. 2 р. 50 к.

Кулчинскій, Ф. Портъ-Артурскіе герои. Къ процессу генераловъ Стеселя, Фока, Смирнова, Рейса и др. М. 1907. Ц. 1 р.

Луи, П. Законы о рабочихъ или рабочее законодательство на земномъ шарѣ. Спб. 1907. Ц. 40 к.

Любинскій, А. И. Русскій націонализмъ, какъ средство борьбы съ революціонно-инородческимъ движеніемъ. Киевъ. 1907. Ц. 5 к.

Маилановъ, В. А. и Пергаментъ, О. Я. Наказъ Государственной Думы (по работамъ 2-й Государственной Думы) съ объясненіями. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Марись, Н. Капиталъ. Критика политическо-экономіи. Т. I. Процессъ производства капитала. Спб. 1907. Ц. 2 р.

Мильеранъ, А. Соціализмъ - реформизмъ. Спб. 1907. Ц. 30 к.

Наставленіе присутствіямъ по воинской повинности для руководства приосвидетельствованіи офицеровъ, чиновниковъ и вращей запаса. Спб. 1907. Ц. 15 к.

Нюрнбергъ, С. М. Справочная книжка по гербовому сбору для лицъ торгово-промышленн. класса. Рига. 1907. Ц. 1 р.

Партія мирнаго обновленія, ея образованіе и дѣятельность въ первой Государственной Думѣ. Спб. 1907. Ц. 60 к.

Плехановъ, Г. В. Мы и они. Сиб. 1907. Ц. 40 к.

Прайсъ, Л., проф. Англійскіе экономисты. Адамъ Смитъ.—Давидъ Рикардо.—Джонъ-Стюартъ-Милль. Съ приложеніемъ выдержекъ изъ ихъ трудовъ. Переводъ съ англійск. П. Северина, подъ редакціей В. В. Витгера. Спб. 1907. Ц. 60 к.

Протоколы конференціи по заключенію трактата о торговлѣ и мореплаваніи между Россіей и Японіей 1906—1907 гг. Спб. 1907. Ц. 2 р.

Родбертусъ. Теорія ренты и изслѣдованіе о капиталѣ. М. 1908 г. Ц. 1 р. 25 к.

Рождественскій, С. В. Бословный вопросъ въ русскихъ университетахъ въ первой четверти XIX вѣка. Спб. 1907. Ц. 25 к.

Самойловъ, А., графъ. Русскій полякамъ. Кіевъ. 1907. Ц. 10 к.

Смайскій, В. И. Подушный надѣлъ въ древнемъ Римѣ. Юрьевъ. 1907. Ц. 50 к.

Слободаничъ, М. Очерки и воспоминанія. Школа жизни. Какъ мы устроили мужицкую академію. Въ горахъ и предгорьяхъ Сѣвернаго Кавказа. Письма изъ голоднаго края. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Современныя конституціи. Сборникъ дѣйствующихъ конституціонныхъ актовъ. Т. II. Федеракціи и республики. Спб. 1907. Ц. 3 р.

Струнговъ, В. Г. Курсы горнаго права. Спб. 1907. Ц. 2 р.

Тихотскій, Н. И. Уставъ о гербовомъ сборѣ (т. V изд. 1903 г. по прод. 1906 г.) съ приложеніемъ инструкцій Министра Финансовъ и алфавитнаго перечня бумагъ, актовъ и документовъ. М. 1908. Ц. 2 р.

Туганъ-Барановскій, М. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Т. I. Историческое развитіе русской фабрики въ XIX вѣкѣ. 3-е изданіе. Спб. 1907. Ц. 2 р. 50 к.

Фортуновъ, А. Ф. О статистикѣ. Учебное пособие. М. 1907. Ц. 30 к.

Цитронъ, Александръ. 103 дня второй Думы. Спб. 1907. Ц. 75 к.

Чихачевъ, Д. Н. Приюты-ясли въ Могилевѣ-Подольскомъ уездѣ въ 1901—1906 г. Одесса. 1907. Ц. 25 к.

Чупровъ, А. И., проф. Политическая экономія. Изд. 3-е. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

— Исторія политической экономіи. Изд. 3-е. 1908. Ц. 1 р.

Шелеръ Соузгэгъ, Н., проф. Гражданинъ и его отношенія къ гражданству. Книга, написанная американцемъ, чтобы побудить своихъ согражданъ внимательнѣе относиться къ своему участию въ дѣлахъ государства. Вып. I. Перев. съ англійскаго подъ редакціей прив.-доц. В. В. Лермантова. Нарва. 1907. Ц. 75 к.

Элиассонъ, Л. С. Законы объ отношеніяхъ между предпринимателями и рабочими въ области фабрично-заводской промышленности. Спб. 1908. Ц. 3 р.

Энгельсъ, Ф. Происхожденіе семьи, частной собственности и государства. Спб. 1907. Ц. 40 к.

Юридическій календарь для студентовъ на 1907—1908 г. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Яснопольскій, Н. П., проф. Специализація учебныхъ плановъ преподаванія и занятій науками юридическими, государственными и экономическими въ университетахъ Россіи. Опытъ историческаго изслѣдованія. Кіевъ 1907. Ц. 2 р.

VIII. Медицина, гигиена и анатомія.

Аванасьевъ, М. И. Азіатская холера. Въ сжатомъ монографическомъ изложеніи. Спб. 1907. Ц. 75 к.

Вильновскій, Л. Г. Какъ предохранять себя отъ сифилиса, мѣры борьбы и предохранительныя средства. Одесса. 1907. Ц. 50 к.

Вишневскій, С. М., врачъ. Какъ намъ жить, чтобъ здоровымъ быть. Полный курсъ популярной гигиены и краткій курсъ анатоміи и физиологіи человѣка. Съ рисунк. въ текстѣ. Изд. 4-е. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Гербсманъ, I. И. Уходъ за кожей. Ростовъ-на-Дону. 1907. Ц. 10 к.

— Какъ уберечь себя отъ сифилиса и венерическихъ болѣзней. Ростовъ-на-Дону. 1907. Ц. 20 к.

Жераръ, I., д-ръ. Новѣйшія причины безплодія у обоихъ половъ. Искусственное оплодотвореніе, какъ лучшее средство при леченіи безплодія. Съ рисунк. Жозе Руа. Спб. Ц. 1 р.

Каминскій, В. Б. Другъ здравія. Энциклопедія гигиены и физико-дѣятельскаго (Физіатрическаго) пользованія. Съ 85 рисунк. въ текстѣ. Кіевъ. 1906. въ перепл. Ц. 5 р.

Наченовскій, д-ръ. Болѣзнь Гоголя (Критическое изслѣдованіе). «Болѣзнь Гоголя», профессора Чжа. Спб. 1906. Ц. 50 к.

Молль, А., д-ръ. Половое извращеніе. Полный, безъ всякихъ сокращеній переводъ съ послѣдняго нѣмецк. изданія д-ра В. Шектера. Т. II. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Oberlander, F. M., проф. и Kolimann, A., проф. Хроническій переходъ мужского мочеиспускательнаго канала и его осложненія. Части I, II, III. Съ 135 рисунк. и 7 таблицами. Переводъ съ нѣмецк. д-ра мед. Н. Г. Фрейбарга и М. Г. фонъ-Гольштейна. Спб. 1907. Ц. 3 р.

Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ, практическое руководство для принятія необходимыхъ мѣръ до прибытія врача. М. 1908. Ц. 30 к.

- Самолечение гальваническими токами по способу докторовъ Вр. Алимонда (въ Австрии). Новочеркасскъ. 1907. Ц. 40 к.
- Фишеръ-Дюкельманъ, Анна, д-ръ мед. Беременная женщина: Течение беременности.— Развитие плода.— Болѣзненные явленія.— Роды.— Акушерская помощь.— Уходъ за родильницей. (Извлечение изъ книги «Die als Hausärztin»). Перев. съ нѣмецк. Съ 12 рисунк. М. 1908. Ц. 40 к.
- Шведская гимнастика—сила и здоровье. Врачебная и гигиеническая, применяемая домашними средствами безъ посторонней помощи. Спб. 1907. Ц. 1 р.

IX. Искусство.

- Журналъ театра Литературно-Художественнаго общества. № 4. 1907. Ц. 15 к.
- Театръ и искусство. 1907 г. № 37, 38 и 39. Спб. Ц. по 20 к.

X. Военное и морское дѣло.

- Апушкинъ, В. А. Мищенко. Изъ воспоминаній о Русско-Японской войнѣ, съ рисунками. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.
- Войсковой справочникъ. Ежедневный военно-справочный и военно-библиографическій журналъ. № 36 и 37. 1907. Ц. 20 к.
- «Вѣстникъ военной иностранной литературы». Августъ. № 1907. Ц. 1 р.
- Ивановъ, И. Е. Очерки походно-боевой жизни во время боксерскаго возстанія въ 1900 году. М. 1907. Ц. 85 к.
- Искусство стрѣльбы изъ нарѣзного оружія. Изд. 2-е. М. 1907. Ц. 40 к.
- Ининъ, М. Русско-Японская война. Офиціальныя донесенія японскихъ главнокомандующихъ сухопутными и морскими силами. Т. I. Спб. 1908. Ц. 3 р.
- Куропатинъ. Изъ воспоминаній о Русско-Японской войнѣ. В. А. Изд. 2-е дополн. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Осада Портъ-Артура. Критико-историческое изслѣдованіе, составленное германскимъ Вольшимъ Генеральнымъ Штабомъ, перев. Генеральнаго Штаба подполковника М. Иностранцева, съ 8 планами, 4 схемами. Спб. 1908. Ц. 2 р.
- Риттихъ, А. Ф. и Буэновъ, А. Л. Россія и ея моря. Краткая исторія Россіи съ морской точки зрѣнія. Спб. 1907. Ц. 60 к.
- Селлингъ Райтъ, Н. С. Съ адмираломъ Того. Описание семимѣсячной дѣйствительной службы подъ его командой. Съ рисунок. и фотографіями автора. Переводъ съ англійск., подъ редакціей Н. Л. Кладо. Спб. 1907. Ц. 2 р. 50 к.
- Сотенъ Фонъ, О. Какъ вели войну Наполеонъ и Мольтке. Популярныя очерки изъ военной исторіи XIX в., съ 9 схемами. Спб. 1907. Ц. 1 р.

XI. Воспитаніе, обученіе и учебники.

- Бабенко, И. П. Курсъ коммерческой и политической ариметики. Спб. 1908. Ц. 2 р.
- Гербачъ, В. С. Прописи латинскія и греческія. Составленныя по порученію учебнаго комитета при Святѣйшемъ Синодѣ. 17-е изданіе. Спб. 1907. Ц. 80 к.
- Готвальтъ, В. Наглядное изученіе физики. Руководство для народныхъ учителей, преподавателей низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Съ нѣмецкаго изданія переработанное по матеріаламъ, собраннымъ проф. В. Швальбе. Часть I. Общія свойства тѣлъ. Мѣры и способы измѣренія. Механика твердыхъ тѣлъ. М. 1907. Ц. 60 к.
- Григоровичъ, А. С. Руководство къ составленію сочиненій. Ч. 2-я. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Для народнаго учителя 1907 г. Книжка 12-я. М. Ц. 10 к.
- Зачиняевъ, А. Пособіе при изученіи словесности. Вып. 1. Спб. 1907. Ц. 30 к.
- Нарцковъ, Н. С. Записки по педагогической психологіи. Для родителей и учащихся, начинающихъ заниматься вопросами воспитанія. Съ приложеніемъ общихъ основъ дошкольнаго обученія. Указанія соответствующей литературы. Спб. 1907. Ц. 70 к.
- Нашкинъ, А. Д. Конспектъ географіи Европы. Курсъ гимназическій. Варшава. 1907. Ц. 35 к.
- Новалевскій, А. Л. Новый полный самоучитель и практическая граматика польскаго языка. Спб. 1907. Ц. 50 к.
- Лезинъ, Б. А. Вопросы теоріи и психологія творчества. (Пособіе при изученіи теоріи словесности въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ). Статьи гг. Е. В. Аничкова, А. Г. Горнфельда, Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго, В. И. Харціева и В. А. Лезина. Харьковъ. 1907. Ц. 2 р. 50 к.
- Лихачевъ, В. С. Сборникъ письменныхъ упражненій. Спб. 1907. Ц. 35 к.
- Лшневская, М. Половое воспитаніе дѣтей. М. 1908. П. 30 к.
- Martin, L. Lectures françaises. Cours élémentaire. Спб. 1908. Ц. 20 к.
- Миньковский, М. Ключъ ко всѣмъ переводамъ и статьямъ 1-й части учебника нѣмецкаго языка П. Глезера и Э. Цецольда. Одесса. 1908. Ц. 35 к.
- О. А. Г. Ключъ къ учебнику нѣмецкаго языка П. Глезера и Э. Цецольда. Часть I-и II. Спб. Ц. 1908. Ц. 50 к.
- Орловская, М. В. Самоучитель русской стенографіи. Киевъ. 1907. Ц. 1 р.

Открыта подписка на 1908—XIX г.

(Подписной годъ начинается съ 1-го Ноября)

ПРИРОДА И ЛЮДИ

52 №№ еженедѣльн. журн., съ иллюстраціями.
Романы и повѣсти. Живописные рассказы изъ путешествій по всѣмъ частямъ свѣта. Необычайныя приключенія на сушѣ, на морѣ и въ воздухѣ. Описание чудесъ и великихъ явленій природы. Очерки по всѣмъ отраслямъ знанія. Бесѣды о новѣйшихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ.

Спортъ. Задачи на преміи и т. д.

40 книгъ ПОЛНАГО собранія романовъ
свыше 6.000 стран. ИЗВѢСТНАГО ПИСАТЕЛЯ

МАЙНЪ-РИДА

Кн. 1. Жилище въ пустынѣ. Кн. 2. Изгнанники въ лѣсу. Кн. 3. На морѣ. Кн. 4. Охота на Левіафана. Кн. 5. На днѣ трюма. Кн. 6. Охотничьи досуги. Кн. 7. Охота на медвѣдя. Кн. 8. Персть судьбы. Кн. 9. Американскіе партизаны. Кн. 10—11. Квартеронка. Кн. 12. Дѣти льсовъ. Кн. 13. Приключенія молодыхъ бозровъ. Кн. 14. Охотники за растеніями. Кн. 15. Ползуны по скаламъ. Кн. 16. Охотники за скальпами. Кн. 17. Дѣвственные лѣса. Кн. 18. Гудсоновъ заливъ. Кн. 19. Стрѣлки въ Менсинѣ. Кн. 20. Оцеола, вождь Семиноловъ. Кн. 21. Эсперанса (приключеніе переселенцевъ въ Юни. Африкѣ). Кн. 22. Охотники за жирафами. Кн. 23. Мальчики на сѣверѣ. Кн. 24. Приключенія Ганса Стерна, южно-африканскаго охотника и пионера. Кн. 25. Ямайскіе марроны. Кн. 26. Бѣлый вождь. Кн. 27. Водю по лѣсу. Кн. 28. Молодые извольники. Кн. 29. Дары океана. Кн. 30. Дочери сиваттера. Кн. 31. Пропавшая сестра. Кн. 32. Бѣлая перчатка. Кн. 33. Охотники за бобрами. Кн. 34. Жизнь въ индійцевъ. Кн. 35. Смертельный выстрѣлъ. Кн. 36. Островъ Борнео. Кн. 37. Всадникъ безъ головы. Кн. 38. Тропинка войны. Кн. 39. Сигналь бѣдствія. Кн. 40. Гаспаръ гаучо.

6 книгъ ПОСМЕРТНАГО СОЧИНЕНІЯ
больш. формата знаменитаго географа-ученаго

— Элизэ Реклю —

„ЧЕЛОВѢКЪ и ЗЕМЛЯ“

съ массою фотографій, рисунковъ, картъ и виньетокъ.

6 книгъ нашего изданія „Человѣкъ и Земля“ заключаютъ въ себѣ художественныя описанія жизни народовъ отъ происхожденія Человѣка до новѣйшихъ временъ. Но глубиннѣ мысли и интересу содержанія, заключающаго въ себѣ и дивныя драмы, какихъ не можетъ измыслить самое пылкое воображеніе, и величественныя по красотѣ сцены жизни народовъ древняго и новаго міра, „Человѣкъ и Земля“, безспорно, лучшее сочиненіе по исторической географіи.

КРОМѢ ТОГО, всѣмъ гг. подписчикамъ, удовлетворивъ сподна подписныя деньги въ годъ, хотя бы и въ разсрочку, будетъ выданъ

— РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ ИЛЛЮСТРАЦІЙ —
къ сочиненіямъ МАЙНЪ-РИДА,

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: НА ЖУРН. «ПРИРОДА И ЛЮДИ» со всѣми прилож. **7 РУБ.**
за годъ съ доставкой и пересылкой по всей Россіи.
Безъ доставки въ СІБ. 6 руб.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 р., къ 1 апрѣля 2 р., и къ 1 юля остальные.
Или: въ теченіе первыхъ семи мѣсяцевъ, начиная съ ноября, по 1 рублю.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Стрелянная, 12, собств. д. Изд. П. П. Сошкинъ.

Въ непродолжительномъ времени поступитъ въ продажу

Новая книга

Б. Б. ГЛИНСКАГО

Борьба
за
Конституцію
1812—1861 гг.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Съ 22 портретами и иллюстраціей

Цѣна 3 р. 50 к.

Изданіе Н. П. Карбасникова.

Складъ изданія въ магазинахъ Н. П. Карбасникова:
въ С.-Петербургѣ, Госгинный дворъ, № 19, въ
Москвѣ—Моховая, д. Баженова, въ Варшавѣ —
«Новый свѣтъ», № 49, въ Вильнѣ—Большая ул.,
д. Гордона.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ
ДЕКАБРЬ, 1907 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ДЕКАБРЬ, 1907 г.

	СТРАН.
I. Окровавленный тронъ. Историческій романъ изъ эпохи императора Павла Перваго. ХСVII—СVIII. (Окончаніе). Н. А. Энгельгардта	753
II. Записки репортера. LIII—LX. (Окончаніе). Александра Чехова (А. Съдого)	789
III. Петербургскій Монтекристо. Историческій рассказъ. XI—XX. (Окончаніе). В. Г. Авсеенко	822
IV. Побѣгъ Бакунина изъ Сибири. С. А. Казаринова	854
иллюстрація: 1) Сергій Авиногеновичъ Казариновъ.	
V. Въ Чортовомъ гнѣздѣ. Рассказъ изъ жизни русскихъ пионеровъ въ Манчжуріи. III—V. (Окончаніе). С. Н. Браиловскаго	871
VI. Интересный сектантъ. С. С. Окрейца	902
VII. Толпа. (Изъ воспоминаній бывшаго судебного дѣятеля). Чу—цкаго	914
VIII. Яковъ Яковлевичъ Цвѣтковъ. (Изъ моихъ воспоминаній). С. Н. Васюкова	926
IX. Михаилъ Павловичъ Озмидовъ. (Къ десятилѣтію смерти—1897—1907 гг.). Н. Н. Лендера (Путника)	936
иллюстрація: 1) Михаилъ Павловичъ Озмидовъ.	
X. Курбанъ-Джанъ-датха, кара-киргизская царица Алая. И. П. Ювачева	954
иллюстраціи: 1) Курбанъ-Джанъ-датха, кара-киргизская царица Алая.—	
2) Курбанъ-Джанъ-датха показываетъ вывѣшенное приданое своей внучки.—	
3) Махмудъ-бекъ у входа въ юрту своей матери, Курбанъ-Джанъ-датхи.—	
4) Курбанъ-Джанъ-датха съ сыномъ Хасанъ-бекомъ. Слуга держитъ родовую	
шашку, пожалованную ханомъ.—5) Магометъ Али-Халифа, минь-тюбинскій	
Дукчи-ишанъ.—6) Предводитель киргизовъ, Очаръ-бекъ дахтамулла Алимовъ,	
въ арестантскомъ востюгѣ.—7) Могила казеннаго Камчи-бека и мѣсто	
погребенія его матери, Курбанъ-Джанъ-датхи.	
XI. По рѣкамъ Вологдѣ, Сухонѣ и Сѣверной Двинѣ. IX—XVI. (Окончаніе). А. И. Фирсова	981
иллюстраціи: 1) Тотъма.—2) Тотъма. Софійскій и Воскресенскій соборы.—	
3) Тотъма. Спасо-Суморинъ монастырь.—4) Тотъма. Спасо-Суморинъ мона-	
стырь. пещера, гдѣ были обрѣтены мощи прел. Θεодосія.—5) Тотъма. Спасо-	
Суморинъ монастырь. Богомолки въ вѣнцахъ.—6) Тотъма. Типъ обыватель-	
скаго дома.—7) Успенскій и Прокопьевскій соборы въ Великомъ Устюгѣ.—	
8) Великій Устюгъ. Базаръ.—9) Село Котласъ. Триумфальная арка на	
набережной.—10) Рѣка Сѣверная Двина.—11) Сѣверная Двина. Алебастровая	
горы.—12) Берегъ Сѣверной Двины близъ Пинеги.—13) Прибой волнъ на	
Сѣверной Двинѣ.—14) Архангельскъ. Свято-Троицкій соборъ.—15) Пушки	
Петра Великаго въ Архангельскомъ соборѣ.—16) Архангельскій соборъ.	
Крестъ Петра Великаго.—17) Архангельскъ. Памятникъ Ломоносову.	
XII. Баронъ О. О. Буксгевденъ. Біографическій очеркъ. * *	1015
XIII. Общественное значеніе газетныхъ и журнальныхъ объявленій въ Соединенныхъ Штатахъ. Е. Н. Матросова	1025

(См. слѣд. стран.).

XIV. Критика и библиографія 1062

- 1) Наказъ императрицы Екатерины II, данный комиссіи о сочиненіи сочиненіи проекта новаго уложенія, подъ редакціей Н. Д. Чечулина. Спб. 1907 г. м. к.— 2) Проф. В. Нарбековъ. Третій областной историко-археологическій съездъ во Владимирѣ 1906 г. 20—26 июня. Казань. 1907 г. в. Руданова. — 3) Труды псковскаго археологическаго общества за 1906 годъ. Псковъ. 1907. А. Титова.— 4) Н. П. Лихачевъ. Лицевое житіе святыхъ благовѣрныхъ князей русскихъ Бориса и Глѣба по рукописи XV столѣтія. Спб. 1907. А. М. Яцимирскаго.— 5) Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изданіе великаго князя Николая Михайловича. Томъ третій, выпускъ третій. Спб. 1907. с. ш.— 6) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ. 1907 годъ. Книга вторая. Двѣсти двадцать первая. Издана подъ завѣдываніемъ Е. В. Варсова. М. 1907. в. Р—ова.— 7) И. Н. Угорскій. Въ туманахъ свдой старины. Спб. 1907. м. А.— 8) Хронологическая опись дѣлъ о расколѣ, хранящихся въ архивахъ губ. г. Владимира, Ч. I. 1720 — 1855 гг. Составилъ Ѳ. К. Сахаровъ. Владимиръ губ. 1906. Приложеніе I къ VIII кн. Трудовъ владимирской ученой архивной комиссіи. В. Руданова.— 9) Сообщенія императорскаго православнаго палестинскаго общества. Вып. 1 и 2. Спб. 1907. я. Бирюнова.— 10) С. М. Степянкъ-Кравчинскій. Собраніе сочиненій. Часть I. Штундистъ Павелъ Руденко. Спб. 1907. м. Александрова.— 11) Полное собраніе сочиненій В. Г. Вѣлинскаго подъ редакцію и съ примѣчаніями С. А. Вагнерова. Т. VIII. Спб. 1907. н. л. — 12) Дополнительный выпускъ къ «Сочиненіямъ Д. И. Писарева». Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1907. А. Ф—на. — 13) В. Зелинскій. Критическій комментарий къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго. Сборникъ критическихъ статей. Части II и III. Москва. 1907. А. Я.— 14) Записка И. И. Пущина о Пушкинѣ. Спб. 1907. л. — 15) «Послѣ войны». — Военно-общественный сборникъ статей. Вып. 1—2. Спб. 1906 — 1907. 2. «Думы послѣ войны». — Военно-общественный сборникъ статей. Вып. 1. Спб. 1907. д.—

XV. Заграничныя историческія новости и мелочи 1090

- 1) Мандрэнь, генераль-капитанъ контрабандистовъ. — 2) Конецъ Мальтійскаго ордена.— 3) Графиня де-Буанъ во время бурбонской реставраціи.— 4) Подробности о жизни и смерти Эдгара По.— 5) Начало воспоминаній Рэндольфа Черчилль.— 6) Предложеніе Линкольна генералу Гарибальди командовать одной изъ сѣверныхъ армій. — 7) Соединеніе католической и лютеранской церквей.— 8) Отовсюду.

XVII. Смѣсь 1120

- 1) Публичное засѣданіе академіи наукъ.— 2) Въ литературномъ фондѣ.— 3) Въ кассѣ взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. — 4) Императорское военно-историческое общество.— 5) Юбилей московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ.— 6) Юбилей К. А. Раухфуса.— 7) Пропущенный юбилей.— 8) Заключеніе дома императорскаго русскаго географическаго общества.— 9) Охраненіе памятниковъ старины.— 10) Статуя Рубинштейна.— 11) Размѣры эмиграціи.

XVIII. Некрологи 1135

- 1) Воборыкинъ, М. А.— 2) Гудимъ-Левковичъ, П. К.— 3) Мкртчъ, армянскій католикосъ.— 4) Гр. Пратасовъ-Вахметевъ, Н. А.— 5) Синицынъ, Ѳ. И. 6) Словоцовъ, И. Я.— 7) Смирновъ, П. А., протоіерей.— 8) Шмитгофъ, А. М.

XIX. Замѣтки и поправки 1142

- 1) Къ разсказу «Петербургскій Монтекристо».

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Михаила Александровича Бакуннина. — 2) Вокругъ тиары. Историческій романъ Эмиля Гебгарта, члена французской академіи, переводъ съ французскаго Ек. Уманецъ. VI—VIII.

СОДЕРЖАНІЕ СТО ДЕСЯТАГО ТОМА.

(ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ 1907 года).

	СТРАН.
Окровавленный тронъ. Историческій романъ изъ эпохи императора Павла Перваго. LXXII—CVIII. (Окончаніе). Н. А. Энгельгардта. 5, 369,	753
Записки репортера. XXXV — LX. (Окончаніе). Александра Чехова (Съ-дого). 42, 408,	789
Баритонъ русской оперы. Повѣсть. (Окончаніе). С. И. Васюкова. .	71
Изъ воспоминаній 1859 — 1861 годовъ. Ф. А. П—ва. . . . 100,	462
Отношенія императоровъ Николая I и Александра II къ объединенію Италіи. Н. Н. Фирсова (Л. Рускина).	124
Хищники. (Изъ воспоминаній). Д. Проскурнина.	137
Картофельный бунтъ. (Картины прошлаго). Б. Нионова.	151
Замѣтки о Гоголѣ. Барона Н. В. Дризена.	164
Ө. А. Коршъ и его театръ. Князя Б. А. Щетинина. 169*	
иллюстраціи: 1) Ө. А. Коршъ.—2) Театръ Корша въ Москвѣ.	
Русская церковь въ Мерсинджикѣ. Г. I. Троценно.	180
Потревоженная Россія. (Путевыя миниатюры). Н. Н. Лендера (Путника).	188
Мертвый городъ. (Изъ путевыхъ впечатлѣній). В. Горева. 207	
иллюстраціи: 1) Икона св. Всеволода-Гавріила, покровителя Пскова, съ древнимъ изображеніемъ Троицкаго собора.—2) Одна изъ комнатъ Поганкиныхъ палатъ до реставраціи.—3) Комната въ Поганкиныхъ палатахъ послѣ реставраціи,—одна изъ занятыхъ археологическимъ музеемъ.—4) Мирожскій монастырь; въ центрѣ храмъ Преображенія, построенный въ XII вѣвѣ—5) Фреска въ куполѣ Спасо-Преображенскаго храма.—6) Вторая фреска въ Спасо-Преображенскомъ храмѣ.—7) Третья фреска въ Спасо-Преображенскомъ храмѣ.—8) Четвертая фреска въ Спасо-Преображенскомъ храмѣ.—9) Ольгинская часовня и видъ на псковскій кремль.	
Свѣтлое Поморье. (Окончаніе). П. А. Россіева. 230	
иллюстраціи: 1) Кійскій крестный монастырь. — 2) Иконовъ крестъ въ Крестномъ монастырѣ на Кій-островѣ.	

	СТРАН.
Иностранцы о Россіи. В. А. Тимирязева	255
Петербургскій Монтекристо. Историческій разсказъ. В. Г. Авѣенко . 433,	822
Одинокій. Разсказъ. Княгини М. В. Волконской	487
Въ Чортовомъ гнѣздѣ. Разсказъ изъ жизни русскихъ пионеровъ въ Манч- журіи. С. Н. Браиловскаго	498, 871
Тринадцатый поросенокъ. (Изъ дневника чиновника особыхъ порученій). Г. П. Анненкова	528
Народный театръ. (Изъ скитаній по провинціи). Н. Бенкаревича	542
Въ дѣбряхъ Литвы. (Впечатлѣнія поѣздки по дѣламъ мелкаго кредита). К. І. Храневича	570
М. Е. Салтыковъ въ Вяткѣ. (1848—1856). В. А. Алексѣева	600
Маланьина свадьба. (Историческій ребусъ). Т. А. Мартемьянова	610
Къ біографіи П. Я. Чаадаева. В. Рудакова	623
По рѣкамъ Вологодѣ, Сухонѣ и Сѣверной Двинѣ. (Посвящается Михаилу Михайловичу Пузыревскому). А. И. Фирсова	629, 981
<p>иллюстраціи: 1) Епархіальное древлехраняище.—2) Домикъ Петра Великаго въ Вологодѣ.—3) Вологда. Спасовсеградскій обыденный соборъ и храмъ Николая Чудотворца.—4) Угловая башня архіерейскаго дома въ Вологодѣ.—5) Рѣка Вологда у городской пристани.—6) Пароходъ «Преподобный Зосима».—7) Устье славной рѣки близъ Вологды.—8) Рѣка Сухона.—9) Дѣдовская Троицкая пустынь.—10) Тотьма.—11) Тотьма. Софійскій и Воскресенскій соборы.—12) Тотьма. Спасо-Суморинъ монастырь.—13) Тотьма. Спасо-Суморинъ монастырь. Пещера, гдѣ были обрѣтены мощи преп. Теодосія.—14) Тотьма. Спасо-Суморинъ монастырь. Богомолки въ вѣнцахъ.—15) Тотьма. Спасо-Суморинъ монастырь. Староста въ желѣзныхъ веригахъ.—16) Тотьма. Типъ обывательскаго дома.—17) Успенскій и Прокольевскій соборы въ Великомъ Устюгѣ.—18) Великій Устюгъ. Базаръ.—19) Село Котласъ. Триумфальная арка на набережной.—20) Рѣка Сѣверная Двина.—21) Сѣверная Двина. Алебастровыя горы.—22) Берегъ Сѣверной Двины близъ Пинеги.—23) Прибой волнъ на Сѣверной Двинѣ.—24) Архангельскъ. Свято-Троицкій соборъ.—25) Пушки Петра Великаго въ Архангельскомъ соборѣ.—26) Архангельскій соборъ. Крестъ Петра Великаго.—27) Архангельскъ. Памятникъ Ломоносову.</p>	
Изъ жизни археологическихъ учрежденій. А. Миронова	714
Побѣгъ Бакунина изъ Сибири. С. А. Казаринова	854
иллюстрація: Сергій Аенногеновичъ Казариновъ	
Интересный сектантъ. С. С. Окрейца	902
Толпа. (Изъ воспоминаній бывшаго судебнаго дѣятеля). Чу—цнаго	914
Яковъ Яковлевичъ Цвѣтковъ. (Изъ моихъ воспоминаній). С. И. Васюкова .	926
Михаилъ Павловичъ Озмидовъ. (Къ десятилѣтію смерти—1897—1907 гг.). Н. Н. Лендера (Путнина)	936
иллюстрація: Михаилъ Павловичъ Озмидовъ.	

Курбанъ-Джанъ-датха, кара - киргизская царица Алая. **И. П. Ювачева.** 954

Иллюстрации: 1) Курбанъ-Джанъ-датха, кара-киргизская царица Алая.— 2) Курбанъ-Джанъ-датха показывает вывѣшенное приданое своей внучки.— 3) Махмудъ-бекъ у входа въ юрту своей матери, Курбанъ-Джанъ-датхи.— 4) Курбанъ-Джанъ-датха съ сыномъ Хасанъ-бекомъ. Слуга держитъ родовую шапку, пожалованную ханомъ.— 5) Магометъ Али-Халифа, минь-тюбинскій Дувчи-ипанъ.— 6) Предводитель киргизовъ, Омаръ-бекъ датха мулла Алимовъ, въ арестантскомъ костюмѣ.— 7) Могила казненнаго Камчи-бека и мѣсто погребенія его матери, Курбанъ-Джанъ-датхи.

Баронъ О. О. Буксгевденъ. Биографическій очеркъ. * * 1015

Общественное значеніе газетныхъ и журнальныхъ объявленій въ Соединенныхъ Штатахъ. **Е. Н. Матрсова.** 1025

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ 280, 653, 1062

1) Николай Глубоковский, ординарный профессоръ с.-петербургской духовной академіи. По вопросамъ духовной школы (средней и высшей) и объ учебномъ комитетѣ при святѣйшемъ синодѣ. Спб. 1907. Профессора М. Красномона.— 2) Профессоръ Е. Ф. Вудде. Посланіе шведскаго полковника Александра Лесли къ царю Михаилу Феодоровичу изъ Нарвы о новоучрежденномъ рыцарскомъ польскомъ орденѣ въ 1638 г. Спб. 1906. А. я.— 3) Залиски классическаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества. Томъ IV. Съ приложеніемъ двухъ портретовъ, 19 таблицъ и съ 102 рисунками въ текстѣ. Спб. 1907. А. Миронова.— 4) Труды вятской ученой архивной комиссіи 1906 года. Выпускъ V—VI. Вятка. 1907. В. Руданова.— 5) Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. Вып. I. Изд. императорской академіи наукъ. Спб. 1907. Ф.— 6) Д. К. Треневъ. Сохраненіе памятниковъ древне-русской иконописи. Спб. 1907. А. я.— 7) Л. Никольскій. Историческій очеркъ авонской стѣнной живописи. Спб. 1907. А. я.— 8) Князь С. Д. Урусовъ. Залиски губернатора. Спб. 1907. и. г.— 9) Н. А. Морозовъ. Откровеніе въ грози и бурѣ. Спб. 1907. А. Б—лова.— 10) В. В. Святловскій. Положеніе вопроса о рабочихъ организаціяхъ въ иностранныхъ государствахъ. Вып. I. Профессиональные рабочіе союзы. 2-е изд. дополн. и исправл. 1906. н. к.— 11) Сборникъ по мелкому кредиту. (Посвящается памяти П. А. Соколовскаго). Составилъ С. В. Вородаевскій. Спб. 1907. н. к.— 12) Л. Дюпріе. Государство и роль министровъ въ Англіи, Германіи, Пруссіи и Франціи. Переводъ съ французскаго. Спб. 1907. в. г.— 13) Ипполитъ Тэнъ. Исторія французской революціи. Ч. I. Харьковъ. 1906. А. Б—лова.— 14) П. Митрофановъ. Политическая дѣятельность Юсіфа II. Спб. 1907. п. б.— 15) Росси, А. Крестьянское движеніе въ Сициліи. Изданіе «Популярно-научной бібліотеки». Спб. 1907. я. Бирюнова.— 16) С. П. Смирнова. Борцы за свободу. Спб. 1907. А. Б—лова.— 17) Указатель важнѣйшихъ сочиненій по женскому вопросу. Изданіе «Союза равноправности женщинъ». М. 1907. д.— 18) Alexander Brückner. O literaturze rosyjskiej i naszymъ do niej stosunku dzis i lat temu trzysta. Szkic literacki. Львовъ и Варшава. 1906. А. Яцимирскаго.— 19) Hierro Orsi. Современная Италия. Пер. съ итальянскаго О. Шенрокъ подъ ред. Г. Форстена. Спб. 1907. н. Александрова.— 20) Pierro Martino, professeur agrégé des lettres au lycée d'Alger, docteur es lettres. L' Orient dans la littérature française aux XVII et XVIII siècle. Paris. 1906. А. хак—ова.— 21) Д-ръ Станиславъ Кутшеба, доцентъ Ягйлонскаго (?) университета. Очеркъ исторіи государственнаго и общественнаго строя Польши. Переводъ съ польскаго Ядвига Пашковичъ. Спб. 1907. А. Яцимирскаго.— 22) Проф. Л. I. Петражицкій. Университетъ и наука. Опытъ теоріи и техники университетскаго дѣла и научнаго самообразованія. Томъ I. (Теоретическія основы). Спб. 1907. в. г.— 23) Трусевичъ, Я. И. Западная и русская дипломатика и сфрагистика древняго Востока. Составлено по программамъ и чтеніямъ проф. Лихачева и по другимъ источникамъ. Спб. 1907. я. Бирюнова.— 24) Скворцовъ, И. В.

Русская история для старших классов среднеучебных заведений и самообразования. Спб. 1907. Катаевъ, И. Учебник русской истории для средних учебных заведений. Вып. I. М. 1907. Коваленскій, М. Русская история (для средней школы). Ч. I, вып. I, съ 3 картами и 90 рисунками въ текстѣ. М. 1907. М. н.—ва. — 25) Платоновъ, С. Ѳ. Лекціи по русской исторіи. Изданіе 5. Спб. 1907. М. н.— 26) Труды владимирской ученой архивной комиссіи. Книга VIII. Губ. гор. Владимиръ. 1906. В. Руданова. — 27) Старина и Новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III. Книга 12. М. 1907. А. Б.—28) Ш. Бротковинъ. Идеалы и дѣятельность въ русской литературѣ. Изданіе Т-ва «Знаніе». Спб. 1907. А. Фомина.—29) «Старые Годы». Ежемѣсячникъ для любителей искусства и старины. 1907 январь—сентябрь. А. и. Яцимирскаго.—30) Н. Жерве. Кадетскіе, юнкерскіе и офицерскіе годы С. Я. Надсона. Спб. 1907. А. Ф.—на.—31) Н. П. Лихачевъ. Манера письма Андрея Рублева. Спб. 1907. А. и. Яцимирскаго. — 32) Собраніе сочиненій вн. Сергѣя Николаевича Трубецкого. Томъ I. Публицистическія статьи, напечатанныя съ 1896 г. по 1905 г. въключительно. 1907 г. и. г.—33) Луи Эрितъе. Исторія французской революціи 1848 года и второй республики. Спб. 1907. п. Б.—34) Томаъ Карлейль. Французская революція. Исторія. Спб. 1907 г. А. Б.—лова.—35) А. Маленинъ. Латинскій церковный языкъ. Сергіевъ Посадъ. 1907. —р.—36) Н. С. Карцовъ. Записки по педагогической психологіи. Для родителей и учащихся, начинающихъ заниматься вопросами воспитанія. Съ приложеніемъ общихъ основъ дошкольнаго обученія. Указанія соответствующей литературы. Спб. 1907. В. Р.—ва.—37) Путникъ (Н. Лендеръ) «Потревоженная Россія». Картины русской революціи. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1907 г. Ф. Ф.—38) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. 37-й. Тифлисъ 1907. Дм. Зеленина.—39) В. В. Краинскій. Община и кооперація. Очерки по исторіи крестьянскаго хозяйства въ Западной Европѣ и Россіи. Спб. 1907. к. х.—40) Записки восточнаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества, издаваемые подъ редакціею управляющаго отдѣленіемъ барона В. Р. Розена. Томъ XVII. Выпускъ IV (последній) съ приложеніемъ двухъ таблицъ. Спб. 1907. А. Миронова.—41) Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ Владимирской губерніи. Съ указаніемъ важнѣйшихъ документовъ, находящихся въ дѣлахъ о дворянствѣ разныхъ фамилій архива владимирскаго дворянскаго депутатскаго собранія. Составилъ секретарь М. И. Трегубовъ, подъ редакціею и съ предисловіемъ А. В. Седяванова. Владимиръ. губ., 1906. Приложение IV къ кн. VIII Трудовъ владимирской ученой архивной комиссіи. В. Руданова.—42) Н. Котляревскій. Старинные портреты. Спб. 1907. А. Ф.—43) Д. Д. Языковъ. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ. Десятый выпускъ. М. 1907. п. д.—44) Историческая записка объ управленіи Кавказомъ. Т. I и II. Составилъ редакторъ военно-историческаго отдѣла окружнаго штаба Семенъ Эсадзе. Тифлисъ. 1907. А. Хаж—ова.—45) Краткое описаніе рукописей церковно-историческаго древлехранялица при братствѣ св. бл. вел. кн. Александра Невскаго. Выпускъ I. Владимиръ. 1906. Приложение II къ кн. VIII Трудовъ владимирской ученой архивной комиссіи. В. Р.—ва.—46) Dr. Konstanty Wojciechowski. Zwiazly podrecznik historyi literatury polskiej. Wydanie drugie przerobione. Львовъ. 1906. А. Я.—47) Наказъ императрицы Екатерины II, данный комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія, подъ редакціей Н. Д. Чечулина. Спб. 1907 г. М. н.—48) Проф. В. Нарбековъ. Третій областной историко-археологическій съездъ во Владимирѣ 1906 г. 20—26 июня. Казань. 1907 г. В. Руданова. — 49) Труды псковскаго археологическаго общества за 1906 годъ. Псковъ. 1907. А. Титова.—50) Н. П. Лихачевъ. Лицевое житіе святыхъ благовѣрныхъ князей русскихъ Бориса и Гльба по рукописи XV столѣтія. Спб. 1907. А. и. Яцимирскаго.—51) Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изданіе великаго князя Николая Михайловича. Томъ третій, выпускъ третій. Спб. 1907. С. Ш.—52) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ при московскомъ униве. ситетѣ. 1907 годъ. Книга вторая. Двѣсти двадцать первая. Издана подъ завѣдываніемъ Е. В. Варсова. М. 1907. В. Р.—ова.—53) И. Н. Сугорскій. Въ туманахъ сѣдой старины. Спб. 1907.

И. А.—54) Хронологическая опись дѣлъ о расколѣ, хранящихся въ архивахъ губ. г. Владимира, Ч. I. 1720 — 1855 г. Составилъ Ѳ. К. Сахаровъ. Владимиръ губ. 1906. Приложение I къ VIII кн. Трудовъ владимирской ученой архивной комиссіи. В. Рудакова.—55) Сообщенія императорскаго православнаго палестинскаго общества. Вып. 1 и 2. Спб. 1907. Я. Бирюкова.—56) С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Собраніе сочиненій. Часть I. Штундистъ Павелъ Руденко. Спб. 1907. И. Александрова.—57) Полное собраніе сочиненій В. Г. Вѣлинскаго подъ редакцію и съ примѣчаніями С. А. Вагнерова. Т. VIII. Спб. 1907. н. л. — 58) Дополнительный выпускъ къ «Сочиненіямъ Д. И. Писарева». Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1907. А. Ф.—на. — 59) В. Зелинскій. Критическій комментарий къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго. Сборникъ критическихъ статей. Части II и III. Москва. 1907. А. Я.—60) Записка И. И. Пущина о Пушкинѣ. Спб. 1907. л. — 61) «Послѣ войны». — Военно-общественный сборникъ статей. Вып. 1—2. Спб. 1906 — 1907. 2. «Думы послѣ войны». — Военно-общественный сборникъ статей. Вып. 1. Спб. 1907. д.— 62) Ипполитъ Тэнъ. Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи. Т. I. Старый порядокъ. Спб. 1907. Переводъ Германа Лопатина. А. Шаховъ. Вольтеръ и его время. Съ портретомъ автора. Спб. 1907. А. Б.—63) Сто лѣтъ борьбы польскаго народа за свободу. По В. Лимановскому, Л. Кульчицкому и др. составлено подъ ред. Ю. Подвинскаго. Спб. 1907. А. Я.—64) М. М. Покровскій. Очерки по римской исторіи и литературѣ. Спб. 1907. —р.—65) Памятная книжка Архангельской губерніи на 1907 годъ. Составлена секретаремъ статистическаго комитета Н. А. Голубцовымъ. Архангельскъ. 1907. з.— 66) *Historya Polski. Napisat Józef Balaban. Wydanie drugie rozszerzone i ozdobione 136 rycinami.* Львовъ. 1906. А. Я.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ . . . 315, 687, 1090

1) Четыре неизвѣстныя комедіи Менандра.—2) Воскресшіи Брюгге.— 3) Галльскій пѣтухъ.—4) Эдгаръ-Алланъ По.— 5) Для кого Викторъ Гюго написалъ «Les Misérables».—6) Японія и Америка.—7) Религіозная жизнь въ Соединенныхъ Штатахъ.—8) Стали ли мы лучше? — 9) Международный парламентъ въ 2000 г.—10) Отовсюду.—11) Отношенія Испаніи и Ватикана во время революціи 1868 г.—12) Смерть Грига и Сюлли Прюдома.—13) Археологическія раскопки въ Египтѣ.—14) Кое-что о Шекспирѣ.—15) Наполеоніана. — 16) Столѣтіе уничтоженія крѣпостничества въ Германіи.— 17) Воспоминанія г-жи Аданъ. — 18) Голландскій классическій авторъ.— 19) Египетскій хедивъ Аббасъ-Хильми.—20) Отовсюду.—21) Мандрэвъ, генераль-капитанъ 'контрабандистовъ. — 22) Конецъ Мальтійскаго ордена.— 23) Графиня де-Буанъ во время бурбонской реставраціи. — 24) Подробности о жизни и смерти Эдгара По.—25) Начало воспоминаній Рэндольфъ Черчилль.—26) Предложеніе Линкольна генералу Гарибальди командовать одной изъ сѣверныхъ армій. — 27) Соединеніе католической и лютеранской церквей.—28) Отовсюду.

СМѢСЬ 347, 722, 1120

1) Русскіе памятники въ Болгаріи. — 2) Археологическія находки В. В. Хвойко въ Кіевѣ.—3) Шлиссельбургскіе документы. — 4) Памятникъ первопечатнику Ивану Ѳедорову. — 5) Открытіе театральнoй школы имени А. С. Суворина.— 6) Чествованіе В. М. Соболевскаго.—7) Чествованіе Е. В. Балабановой.—8) Двадцатипятилѣтняя дѣятельность геологическаго комитета.— 9) Десятилѣтніе женскаго медицинскаго института. — 10) Музей императора Александра III. — 11) Даръ библиотекъ петербургскаго университета.— 12) Статистика «травматической эпидеміи».—13) Положеніе о Пушкинскомъ домѣ.—14) Открытіе археологическаго института.—15) Въ русско-мъ военно-историческомъ обществѣ.—16) Суворовскія торжества въ Очаковѣ.—17) При-сужденіе уваровскихъ премій.—18) Въ обществѣ дѣятелей періодической печати и литературы въ Москвѣ.—19) Общество военной, морской и сельской техники.—20) Праздникъ просвѣщенія въ столицѣ Кавказа.—21) Въ лигѣ

обновленія флота.—22) Открытіе школы имени Глѣба Ив. Успенскаго.—23) 25-лѣтній юбилей Прибалтійскаго братства.—24) 35-лѣтній юбилей В. А. Латышева.—25) 25-лѣтній юбилей А. Н. Острогорскаго.—26) 25-лѣтній юбилей А. Е. Сердобинской.—27) Бумаги Шлиссельбурга.—28) 100-лѣтіе Собственной Его Величества канцеляріи.—29) Къ открытію памятника Н. В. Гоголя въ Москвѣ.—30) Подписка на памятникъ Лермонтову.—31) Публичное засѣданіе академіи наукъ.—32) Въ литературномъ фондѣ.—33) Въ касѣ взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ.—34) Императорское военно-историческое общество.—35) Юбилей московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ.—36) Юбилей К. А. Раухфуса.—37) Пропущенный юбилей.—38) Закладка дома императорскаго русскаго географическаго общества.—39) Охраненіе памятниковъ старины.—40) Статуя Рубинштейна.—41) Размѣры эмиграціи.

НЕКРОЛОГИ 358, 739, 1135

1) Вернардацци, А. О.—2) Боголюбовъ, М. П.—3) Вобрепкій, Н. В.—4) Голяховскій, П. В.—5) Дандевиль, В. Д.—6) Кругликовъ, Г. Н.—7) Лобко, Л. Л.—8) Мусинъ-Пушвинъ, С. А.—9) Полиловъ, Н. Н.—10) Попова, О. Н.—11) Тобилевичъ, И. К. (Карпенко-Карый).—12) Чавчавадзе, И. Г.—13) Вебутовъ, К. А.—14) Ваксель, А. Л.—15) Грингмутъ, В. А.—16) Золотовъ, С. И.—17) Карцовъ, А. Н.—18) Лаверецкій, Н. А.—19) Ярцевъ, А. А.—20) Боборыкинъ, М. А.—21) Гудимъ-Левковичъ, П. К.—22) Мкртичъ, армянскій ватолитъ.—23) Гр. Пратасовъ-Вахметевъ, Н. А.—24) Синицынъ, Ф. И.—25) Словцовъ, И. Я.—26) Смирновъ, П. А., протоіерей.—27) Шмитгофъ, А. М.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ 367, 746, 1142

1) Отвѣтъ г-жѣ Людмилѣ Вотвиной. Князя Б. А. Щетинина.—2) По поводу замѣтки г. Шадрина и Кноблоха. Н. Оглоблина.—3) По поводу статьи г. Горева «Мертвый городъ». Н. Назарина.—4) Нѣсколько строкъ въ біографію А. П. Чехова. Павла Россіева.—5) По поводу 25-лѣтняго юбилея геологическаго комитета. Мар. Вас. Ерофѣевой.—6) Къ разсказу «Петербургскій Монтекристо».

Приложенія: 1) Портретъ императора Павла I.—2) Портретъ Михаила Еврафовича Салтыкова.—3) Портретъ Михаила Александровича Бакунина.—4) Вокругъ Тиары. Историческій романъ Эмиля Гебгарта, члена французской академіи. Переводъ съ французскаго Ек. Уманецъ.—5) Указатель.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ

Переводъ съ подлинника, изданнаго Императорской Академіей Наукъ.

СЪ 12 ПОРТРЕТАМИ И 6-ЬЮ АВТОГРАФАМИ

Изданіе А. С. Суворина.

Цѣна 4 рубля.

ЗАПИСКИ КНЯГИНИ ДАШКОВОЙ

Переводъ съ французскаго по изданію, сдѣланному съ подлинной рукописи.
Съ приложеніемъ четырехъ портретовъ, разныхъ документовъ, писемъ и указателя.

Подъ редакціей и съ предисловіемъ

Н. Д. Чечулина.

ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

ЮАННЪ ГЕОРГЪ КОРБЪ.

ДНЕВНИКЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ МОСКОВІЮ

(1696 и 1699 гг.)

Переводъ и примѣчанія А. И. МАЛЕИНА. Съ приложеніемъ 19 рисунковъ на отдѣльныхъ
листахъ и указателей. Спб. 1906. ц. 10 р.

Въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени»

Царевубійство 11 марта 1801 года

ЗАПИСКИ УЧАСТНИКОВЪ И СОВРЕМЕННИКОВЪ

(Саблукова, Вельяминова-Зернова, графа Бенигсена, фонъ-Веделя,
графа Ланжерона, Фонвизина, княгини Ливенъ, князя Чарторыйскаго,
барона Гейкинга, Коцебу).

СЪ 17 ПОРТРЕТАМИ, ВИДАМИ И ПЛАНАМИ.

Изд. 2-е дополненное.

Изданіе А. С. Суворина.

Цѣна 3 рубля.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА

ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ
ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ.

Цѣна за два тома, объемомъ болѣе 100 печатныхъ листовъ, съ 252 хромолитографіями, фототипіями, гравюрами, цинкографіями и автографами, двадцать пять рублей. Въ переплетѣ 30 рублей. Пересылка по разстоянію.

Въ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА

ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ I,
ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ

(изданіе А. С. Суворина).

Второе изданіе представляет собою точное повтореніе перваго изданія, безъ всякихъ измѣненій, сокращеній и дополненій. Цѣна за четыре большихъ тома съ 450 портретами, иллюстраціями и автографами 30 рублей. Въ переплетѣ 36 рублей. Пересылка по разстоянію.

Типографія А. С. Суворина, Спб., Эртелевъ пер., 13.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
въ 1908 году

(ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ издается въ 1908 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія двадцать восемь лѣтъ (1880—1907).

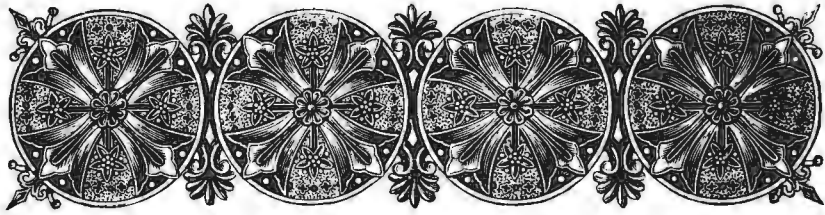
Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“, и въ Кіевѣ, при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

МИХАИЛЬ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ БАКУНИНЪ.

Съ литографіи 1848 года.

ОКРОВАВЛЕННЫЙ ТРОНЬ¹⁾.

Историческій романъ изъ эпохи императора Павла I.

ХСVII.

Потайная лѣстница.

ТАИНСТВЕННОЕ шествіе въ ночномъ безмолвіи и темнотѣ, по аллеямъ Лѣтняго сада, при зловѣщемъ карканіи пробужденныхъ птицъ, движеніе угрюмыхъ войскъ, команда, отдаваемая вполголоса, все укротило легкомысленное возбужденіе тѣхъ заговорщиковъ, которые слѣдовали за Беннигсеномъ и Зубовыми. Холодный вѣтеръ обдулъ къ тому же ихъ головы и протрезвилъ. По мѣрѣ того, какъ они приближались къ темной громадѣ замка, предпріятіе, на которое они двинулись столь беззаботно, стало представляться имъ въ истинномъ свѣтѣ. Въ воображеніи рисовались тысячи опасностей, непредвидѣнныхъ осложненій, которыя могутъ погубить все и привести ихъ вмѣсто первыхъ мѣстъ въ государствѣ на висѣлицу. Уже они страшились измѣны и не довѣряли другъ другу. И съ какою легкостью раньше устремлялись на предпріятіе, съ такою же теперь изыскивали въ умѣ способы уклониться въ послѣднія минуты, какъ-нибудь вывернуться и, если ужъ возможна измѣна, предупредить другихъ въ этомъ отношеніи. Но придумать ничего не могли. И шли, какъ приговоренные.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХ стр 369

У пѣшеходнаго мостика, который велъ изъ сада къ замку, на другой сторонѣ рва ихъ поджидалъ флигель-адъютантъ императора Аргамаковъ. Онъ самолично спустилъ мостикъ, и вся банда перешла. Аргамаковъ имѣлъ при себѣ глухой фонарикъ. Открывъ фонарь, онъ освѣтилъ послѣдовательно лицо каждаго переходившаго по мосту. Въ это время войска уже окружали замокъ.

— А гдѣ же военный губернаторъ Палень? Развѣ онъ не съ вами?—съ удивленіемъ спросилъ Аргамаковъ, когда послѣдній изъ банды перешелъ мостикъ.

— Онъ идетъ съ Депрерадовичемъ и семеновцами,—отвѣчалъ князь Зубовъ.

— Странно. Онъ говорилъ мнѣ, что пойдетъ съ нами въ кабинетъ императора,—сказалъ Аргамаковъ.

— Нѣтъ, онъ съ частью батальона займетъ главный входъ дворца,—сказалъ Бенигсенъ.

— Какъ! А кто же будетъ въ прихожей государыни?

— Никого,—отвѣчалъ Бенигсенъ.

— Но вѣдь въ такомъ разѣ императоръ можетъ спастись, выйдя черезъ дверь, которая ведетъ изъ его спальни въ эту прихожую?

— Всѣ выходы и внутри, и снаружи будутъ заняты нашими.

— Въ стѣнахъ замка есть потайныя лѣстницы, которыя ведутъ въ подземные ходы. Даже я не знаю всѣхъ лазаекъ замка.

— Постараемся подойти такъ, чтобы не вспугнуть звѣря,—улыбаясь, сказалъ Бенигсенъ.

— Но мы даже не можемъ быть увѣрены во всѣхъ служащихъ дворца и караулахъ. Первый батальонъ преображенцевъ преданъ государю. Ему только стоитъ имъ показаться, и наше дѣло пропало.

— Намъ некогда теперъ размышлять!—сказалъ Бенигсенъ.—Отступать поздно. Идите впередъ, Аргамаковъ.

— Да, станешь разсуждать, когда дѣло идетъ о петлѣ! Если Палень сталъ непредусмотрителенъ, то мы шеей рискуемъ,—послышались голоса.

— Всего предусмотрѣть невозможно,—рѣшилъ Николай Зубовъ.—А рискъ святое дѣло. Веди насъ, Аргамаковъ!

Аргамаковъ пожалъ плечами и пошелъ впередъ, не закрывъ фонарика, которымъ на ходу раскачивалъ. Фонарикъ бросалъ слабый, мерцающій свѣтъ на землю и гранитную облицовку замка. Вступивъ подъ Рождественскія ворота, заговорщики затѣмъ толпою двинулись вверхъ по лѣстницѣ, ведущей въ покои, прилегавшіе къ библиотекѣ и спальнѣ императора. Самъ же Аргамаковъ, какъ было условлено заранѣе, пройдя треугольный внутренній дворъ, вступилъ въ сводчатыя катакомбы нижняго, служительскаго этажа. Мрачная часть входа этого лабиринта открывалась въ одномъ изъ

угловъ двора. Сырость капала со сводовъ, и вѣтеръ завывалъ въ катакомбахъ. Пройдя нѣсколько, Аргамаковъ освѣтилъ фонаремъ въ одномъ мѣстѣ мокрую, покрытую пятнами плѣсени стѣну и надавилъ желѣзную скобку въ ней. Стѣна вдругъ легко отошла, открывъ винтовую каменную лѣстницу. Аргамаковъ, оставивъ открытымъ входъ, сталъ подниматься вверхъ. Это была одна изъ потаенныхъ лѣстницъ замка—l'escalier dérobé, устроенная въ толщѣ капитальной стѣны, выведенной вдвойнѣ, такъ что получался промежутокъ, шедшій черезъ все этажи. На первую площадку лѣстницы, которой достигъ Аргамаковъ, выходили двѣ двери. Одна вела въ квартиру фаворитки императора, княгини Гагариной; другая въ помещеніе оберъ-штальмейстера графа Кутайсова. Затѣмъ лѣстница вновь продолжалась вверхъ, въ аппартаменты его величества. Но Аргамаковъ туда не пошелъ. Онъ поставилъ фонарикъ на ступеньку лѣстницы, а самъ прислонился къ стѣнѣ и нѣсколько мгновений пребывалъ въ глубокомъ раздумьи. Потомъ вдругъ рѣшительно отворилъ дверь въ квартиру Кутайсова и вступилъ въ темную проходную комнату.

— Кто тамъ?—раздался голосъ Кутайсова.

— Это я, графъ,—отвѣчалъ Аргамаковъ.

— Ахъ, это вы, Аргамаковъ? Войдите. Что случилось?

Аргамаковъ вошелъ въ спальню Кутайсова, который сидѣлъ въ вольтеровскихъ креслахъ, въ теплыхъ плисовыхъ сапогахъ и шлафрокъ на кошачьемъ мѣху, съ колпакомъ на головѣ, и читалъ томикъ французскаго романа при свѣтѣ сальной свѣчи. Комната была жарко натоплена и вся обита бухарскими коврами.

— Что случилось?—повторилъ Кутайсовъ.

— Въ замкѣ неблагополучно,—сказалъ адъютантъ императора.

— Что такое? Что такое?—встревожился Кутайсовъ.—Ужъ не пожаръ ли?

— Революцію, конечно, можно уподобить пожару,—сказалъ Аргамаковъ.

— Революцію? Что хотите вы этимъ сказать?—изумился Кутайсовъ.

— Ужели вы ничего не знаете? Но, очевидно, не знаете, если я васъ застаю спокойно сидящимъ въ шлафрокъ. Почему вы не у госпожи Шевалье?

— Сегодня такой вѣтеръ и... холодъ... я боялся простудиться... А я дурно себя чувствую...—растерянно говорилъ Кутайсовъ, начиная дрожать отъ головы до ногъ.

— Ужели вы не нашли на вашемъ столѣ сегодня траурнаго письма?

— Траурное письмо?.. Я столько получаю писемъ... Ва! Я и забылъ о немъ... Я положилъ его въ карманъ этого шлафрока... Да, вотъ оно...

И Кутайсовъ досталъ изъ кармана измятый траурный кувертъ.

— Оно даже не распечатано!—вскричалъ Аргамаковъ.—Итакъ, вы нечего не знаете!

— Ничего! Видить Богъ, ничего.

— Составленъ заговоръ. Императоръ будетъ низложенъ. И вы ничего не знаете объ этомъ? Весь городъ это знаетъ.

— Я слышалъ, да, слышалъ что-то... Но вѣдь это по должности Палена,—бормоталъ Кутайсовъ.

— По должности Палена! Но онъ во главѣ заговора. Императоръ будетъ низложенъ. На престолъ возведутъ Александра. И ваша роль при дворѣ кончена. И это наилучшее, что васъ ожидаетъ. А можетъ быть—крѣпость, пытка, Сибирь или ядъ и веревка!

— Когда же произойдетъ переворотъ?—въ ужасѣ вскричалъ Кутайсовъ.

— Когда! Онъ сейчасъ происходитъ. Если бы вы своевременно прочли письмо вашихъ доброжелателей, то знали бы это. Замокъ окруженъ войсками. Всѣ входы и выходы заняты. Заговорщики въ эту самую минуту идутъ въ покои императора.

— Но... вы же на чьей сторонѣ?—спросилъ трепещущій Кутайсовъ.

— Я участвую въ заговорѣ. Сейчасъ я долженъ подняться наверхъ, чтобы отворить заговорщикамъ дверь. Но успокойтесь, соберитесь съ силами и выслушайте меня. Предпріятіе мнѣ кажется сомнительнымъ. Паленъ и Бенигсенъ мнѣ подозрительны. Я намѣренъ спасти государя. Я выведу его по потайной лѣстницѣ сейчасъ, а потомъ черезъ катакомбы и обычнымъ путемъ къ Фонтанкѣ. Но пока я буду этимъ занятъ, одѣньтесь скорѣе и ступайте къ великому князю Константину. Онъ не посвященъ въ заговоръ. Вы знаете, какъ пройти къ нему, миновавъ часовыхъ. Вы сообщите ему объ опасности и попросите дать вамъ записку на имя Саблукова съ приказомъ немедленно вести свой эскадронъ къ замку. И потомъ съ этой запиской бѣгите изъ замка нашимъ путемъ въ казармы конной гвардіи. Отдайте Саблукову записку. Слышите? Поняли? Торопитесь. А у меня нѣтъ больше ни минуты времени. Если все устроится, попомните мою услугу.

И Аргамаковъ кинулся вонъ изъ комнаты.

Оставшись одинъ, Кутайсовъ схватился было одѣваться. Но сейчасъ же бросилъ на полъ взятую въ руки часть одежды, махнулъ рукой и, схвативъ сальную нагорѣвшую свѣчку, какъ былъ въ колпакѣ и шлафрокѣ, забывъ о своемъ господинѣ и его благодѣяніяхъ, побѣжалъ на потайную лѣстницу, спустился внизъ въ лабиринтъ и пустился по сводчатымъ ходамъ. При этомъ свѣчка потухла. Онъ бросилъ ее и оцупью, по хорошо знакомой дорогѣ, оступаясь и падая однако не разъ и натыкаясь на углы и столбы,

подпиравшіе своды катакомбъ, выбрался наконецъ изъ замка на набережную Фонтанки. Спустившись на ледъ, Кутайсовъ перелазилъ на другую сторону и пустился по пустынной улицѣ, пронизываемый ледянымъ вѣтромъ и не замѣчая этого.

ХСVIII.

Межъ двухъ смертей.

Армагаковъ быстро поднялся по витой лѣстницѣ. Двойная стѣна оставляла довольно широкій промежутокъ между спальней императора и прихожей. Такимъ образомъ, потайная лѣстница вела въ простѣнокъ между двумя дверями. Армагаковъ по условію долженъ былъ открыть заговорщикамъ дверь въ прихожую, а въ дверь спальни императора постучать и просить открыть ее, подъ предлогомъ пожара въ замкѣ. Такъ какъ въ прямыя обязанности Армагакова входило днемъ и ночью первому предупреждать самого императора лично о всѣхъ чрезвычайныхъ событіяхъ въ замкѣ, то императоръ долженъ былъ открыть ему.

Едва Армагаковъ очутился въ простѣнкѣ, какъ дверь въ спальню императора распахнулась настежь. На порогѣ стоялъ самъ императоръ. Онъ былъ въ томъ костюмѣ, въ которомъ ужиналъ, въ чулкахъ, башмакахъ и французскомъ кафтанѣ.

— Это ты, Армагаковъ,—сказалъ онъ.—Что случилось?

— Въ замкѣ неблагополучно, ваше величество,—едва проговорилъ растерявшійся отъ неожиданнаго появленія государя адъютантъ.

— Неблагополучно? Войди. Въ чемъ дѣло?

Императоръ отступилъ вглубь покоя. Армагаковъ вошелъ.

— Ваше величество, въ замкѣ неблагополучно,—повторилъ онъ опять.

— Я это уже слышилъ. Ну?—спокойно сказалъ императоръ.

— Составленъ заговоръ противъ вашего величества. Готовится переворотъ. Хотятъ низвести васъ съ престола и передать власть цесаревичу Александру.

— Кто же заговорщики?—столь же спокойно спросилъ императоръ.

— Паленъ, Бенигсенъ, Зубовы и съ ними многіе. Государь, переворотъ готовится даже сейчасъ. Замокъ обложенъ войсками. Всѣ входы заняты. Караулы вамъ измѣнили. Прислуга подкуплена.

— Какъ! А мой первый батальонъ преображенцевъ?

— Увы, государь, батальонъ на двѣ трети пополненъ людьми изъ раскассированнаго вами князя Ливена полка. И офицеры въ заговорѣ. Государь, вы въ величайшей опасности? Именно въ са-

мую сію минуту, что я говорю съ вами, заговорщики толпою идутъ къ вамъ со стороны бібліотеки.

— Но графа Палена нѣтъ съ ними?

— Нѣтъ, государь, но не медлите! Каждая секунда дорога!

— Ты засталъ меня, противъ ожиданія, бодрствующимъ и одѣтымъ, — сказалъ съ величавымъ спокойствіемъ императоръ. — Значить, я не былъ такъ неосвѣдомленъ въ семь злодѣйскомъ предпріятіи, какъ ты полагалъ. Но ты-то самъ, Аргамаковъ, какую роль въ комедіи играешь?

— Помилуйте меня, государь!—воскликнулъ Аргамаковъ, бросаясь на колѣни:—злая сила обуяла и меня. И я былъ съ ними. Но въ послѣднюю минуту опомнился. Всей жизнью готовъ я загладить мое гнусное дѣяніе. Я спасу васъ, государь!

— А, и ты былъ съ ними! Но какъ же ты меня спасешь?

— Путь по потайной лѣстницѣ и дальше, въ катакомбахъ, до набережной Фонтанки свободенъ, государь! Спасайтесь. Не медлите ни минуты!

— Но почему я долженъ вѣрить тебѣ, Аргамаковъ? Если ты обманулъ и предалъ своихъ товарищей, можешь предать и обмануть и меня? Могу ли на тебя положиться?

— Государь! Я—злодѣй! Я—преступникъ! Но, клянусь, то было мгновенное затменіе! Всю жизнь я буду оплакивать его.

— Ты будешь горько оплакивать свой поступокъ, Аргамаковъ. Ты говоришь истину. Нѣтъ прощенія тому, кто возсталъ противъ своего законнаго монарха и Божія помазанника. Итакъ, если бы даже тебѣ удалось меня спасти, это не спасло бы тебя, и я поступилъ бы съ тобою по всей строгости законовъ. А ты знаешь, что въ такихъ случаяхъ россійскіе законы неумолимы. {Всѣ, и дѣйствователи, и укрыватели, и попустители, и даже токмо злоумышлявшіе или знавшіе, но не донесшіе объ умыслѣ, всѣ подлежатъ мучительной смертной казни четвертованіемъ. Хочешь ли, зная сіе и непоколебимость мою въ такомъ случаѣ и участь, тебѣ уготованную, спасти меня!

Мертвенно блѣдный, растерянный, Аргамаковъ не зналъ, что ему отвѣтить.

— Вотъ видишь ли, другъ, — выждавъ мгновеніе, спокойно промолвилъ императоръ:—ты сказалъ, что злая сила тебя обуяла. Но если бы ты былъ истинно честный человекъ, а не красивый плодъ, внутри полный гнили, ничто бы тебя не обуяло. О, если бы ты сейчасъ, не колеблясь, отвѣтилъ мнѣ! Но гдѣ вамъ, предателямъ, льстецамъ и рабамъ, познать истинное благородство души.

— Они идутъ сюда, государь! Умоляю васъ! Спасайтесь!—вскричалъ Аргамаковъ, опомнившись.

— Клянусь спасеніемъ моей души и всѣмъ священнымъ на землѣ и на небѣ, клянусь торжественно!—вскричалъ императоръ:—

я встрѣчу опасность лицомъ къ лицу и не побѣгу, какъ жалкій трусъ! И что ты знаешь? Можетъ быть, у меня есть, сокрытые въ этихъ стѣнахъ, вѣрные слуги, которые защитятъ меня! А если земные слуги меня не защитятъ, святое помазаніе, которое на мнѣ, спасетъ меня. Ступай, Аргамаковъ, отвори дверь твоимъ товарищамъ. Пусть идутъ. Я поговорю съ этими молодцами и, можетъ быть, они образумятся. Я приказываю тебѣ.

И Павелъ Петровичъ сиповато запѣлъ:

— Князи людстїи собрашася вкупѣ на Господа и на Христа Его!

— Я не могу, государь! О, спасайтесь, государь!—восклицалъ Аргамаковъ.

— Спасайся лучше самъ. Вѣдь ты теперь между двухъ смертей стоишь.

Въ эту минуту громкій вопль раздался въ прихожей.

— Ахъ, мои вѣрные служители! Они убиваютъ ихъ! Отвори сейчасъ дверь, мерзавецъ, и предупреди дальнѣйшія преступленія. Скорѣй отвори! Изъ-за твоего промедленія, можетъ быть, честный человѣкъ погибъ!

XCIX.

Послы отечества.

Во время прохожденія по заламъ и гостинымъ замка толпа заговорщиковъ, окружавшая Бенигсена и Зубовыхъ, все убывала, а передъ передней императора отсталъ и Николай Зубовъ, сказавъ, что соберетъ и приведетъ «этихъ подлецовъ». Такимъ образомъ въ переднюю вошли только Бенигсенъ, князь Платонъ Зубовъ и четверо офицеровъ. Изъ дежурившихъ у дверей спальни служителей-гусаръ при шумѣ шаговъ банды трое скрылись черезъ библіотеку. Остался только одинъ. Онъ сидѣлъ на полу, приклонившись спиною къ жарко истопленной печкѣ, и крѣпко спалъ.

Вмѣсто того, чтобы вести себя тихо, одинъ изъ офицеровъ набросился на спавшаго лакея и ударилъ его набалдашникомъ толстой и короткой трости по головѣ. Издавъ громкій вопль, несчастный безъ чувствъ упалъ на полъ, и изъ разбитой головы его хлынула кровь.

— Что вы сдѣлали!—вскричалъ Платонъ Зубовъ. — Къ чему этотъ шумъ! Теперь общая тревога разнесется по всѣмъ комнатамъ.

Вдругъ дверь распахнулась, и вошелъ Аргамаковъ, мертвенно блѣдный и трепещущій.

— Идите къ императору! Онъ васъ приглашаетъ!—проговорилъ Аргамаковъ, самъ, очевидно, не отдавая отчета въ произносимыхъ словахъ.

Увидѣвъ поверженнаго и текущую кровь, Аргамаковъ всплеснулъ руками и, кинувшись къ нему, сталъ поднимать.

— Господа!—обратился Бенигсенъ къ офицерамъ, стоявшимъ какъ бы въ остолбенѣніи.—Помогите Аргамакову перенести раненаго куда-нибудь на диванъ и окажите ему первую помощь. А мы съ княземъ пойдемъ къ императору,—и, взявъ твердо за руку Зубова, генералъ Бенигсенъ посмотрѣлъ ему въ глаза, сказавъ:—Идемъ!

Тотъ повиновался.

Пройдя простѣночную комнату, они въ дверяхъ спальни преклонили колѣно.

— Что это, Платонъ Александровичъ?—сказалъ императоръ.—Что вы дѣлаете? Что тамъ произошло? Я слышалъ крикъ. Войдите. Объясните ваше неожиданное появленіе въ столь поздній и неурочный часъ безъ моего зова.

Императоръ стоялъ посреди комнаты, возлѣ письменнаго стола. Бенигсенъ прошелъ впередъ и, обойдя императора, сталъ спиною къ двери, завѣшанной ковромъ съ мистическими изображеніями, которая вела въ прихожую парадныхъ покоевъ императрицы.

Императоръ молча многозначительно посмотрѣлъ на него.

— Что это, господа,—продолжалъ онъ, между тѣмъ какъ Зубовъ съ низкими реверансами отходилъ отъ двери и приближался къ нему,—что это? Вы въ полномъ мундирѣ, въ шарфахъ и при орденахъ! Видно, что-то важное привело васъ!

— Государь,—немного дрожащимъ голосомъ заговорилъ Зубовъ:—насъ привела къ вамъ дѣйствительно чрезвычайной государственной важности необходимость. Многіе командиры и офицеры полковъ, а также всѣ патріоты, движимые равностыю о благѣ отечества, поручили намъ обратиться къ вашему величеству съ вѣрноподданнической просьбой.

— Ну! ну!—сказалъ императоръ, подмигнувъ Бенигсену и потирая руки.—Въ чемъ же просьба сихъ гг. патріотовъ?

— Государь,—доставая изъ-за обшлага мундира бумагу, сказалъ Зубовъ:—дозвольте мнѣ прочитать сіе изложеніе всеподданнѣйшей просьбы, приносимой, можно сказать, не только отъ обѣихъ столицъ, но и отъ всей Россіи.

— Читайте, Платонъ Александровичъ, читайте!—сказалъ императоръ.

— Nous venons au nom de la patrie prier Votre Majesté Imperiale d'abdiquer la couronne, parce que... ¹⁾

Зубовъ остановился.

¹⁾ Мы пришли именемъ отечества просить ваше императорское величество отречься отъ престола, потому что...

— *Parce que?*.. Ну, что же вы остановились, Платонъ Александровичъ?—сиповато спросилъ императоръ, начиная выстукивать пальцами по столу маршъ.—Продолжайте, прошу васъ.

— Государь, сіе обращеніе, быть можетъ, составлено въ выраженіяхъ, не достаточно обдуманнхъ, ибо набросано сенаторомъ Трощинскимъ спѣшно.

— Ага! Сенаторъ Трощинскій! Узнаю его слогъ. Онъ же всю жизнь торопился, какъ бы не отстать... Только въ дѣлахъ, его не касающихся, а не въ сенатскихъ — читай, Платонъ Александровичъ, читай. А мы...—почти до крика поднялъ голосъ императоръ, обращая глаза къ двери, завѣшанной ковромъ,—а мы по-слу-ша-емъ!

— *Parce que vous avez parfois des absences d'esprit*,—поспѣшно прочелъ Зубовъ.—*La sécurité de votre personne et un entretien convenable vous sont garantis par votre fils et par l'Etat*¹⁾.

Зубовъ прочелъ и стоялъ молча, опустивъ глаза.

— Такъ вотъ въ чемъ вѣрноподаннѣйшая просьба ваша, господа патріоты!—насмѣшливо сказалъ императоръ.—Они предлагаютъ мнѣ отказать отъ престола, потому-де, что я сумасшедшій. Они предлагаютъ мнѣ это именемъ отечества! Они посадятъ меня на цѣпь, но будутъ содержать пристойно! Государство и мой сынъ гарантируютъ мнѣ безопасность! Надо думать, такъ же какъ и моему отцу. Но у меня два сына—Александръ и Константинъ. Не мѣшало бы сенатору Трощинскому обозначить, какой изъ сыновей мнѣ гарантируетъ безопасность и покойную квартиру въ безумномъ домѣ?

— Государь, надежды отечества покоятся на великомъ князѣ Александрѣ!—смирненно сказалъ Зубовъ.

— Такъ! Но послушай, Платонъ Александровичъ, ты вѣдь все-таки человѣкъ умный. Неужели ты не сознаешь, сколь непристойна, нагла, глупа и бессмысленна прочитанная тобою бумага?

Зубовъ молчалъ.

— Молчишь?.. А, презрѣнные!—распаяясь, вскричалъ императоръ.—Неблагодарные рабы! Они меня провозгласили умалишеннымъ. Но гдѣ сему доказательство? Потомство оцѣнитъ мои дѣла и признаетъ, что благо отечества было единой цѣлью моихъ неуспѣшныхъ заботъ и трудовъ. Я скажу вамъ, почему я въ вашихъ глазахъ безуменъ. Потому, что всякаго честнаго человѣка, пожелавшаго прекратить ваше безпутство, вы ославите сумасшедшимъ. Съ вами надо поступать, какъ съ собаками, но вы хуже собакъ! Почему вамъ угоденъ и нуженъ Александръ? Потому, что вы зна-

¹⁾ Потому что вы порою теряете рассудокъ. Личная безопасность и пристойное содержаніе вамъ гарантируются вашимъ сыномъ и государствомъ.

ете его двоедушіе, его слезливость, его женолюбіе. И потому, что онъ юнъ и вы надѣетесь его развратить, окружить непотребными бабами и черезъ нихъ править! Вы привыкли къ женскому правленію, дармоѣды, интриганы, лѣнтяи, развратители и губители всякой святыни! Почему вы ополчились на меня? Потому, что я прекратилъ развратъ въ гвардіи, обуздалъ роскошь, заставилъ работать сенаторовъ, чиновниковъ, хотя не вовсе уничтожилъ, но ограничилъ знатно воровство и плутовство по дворцовымъ подрядамъ! А, бездѣльники, моты, развратники! Вы за то меня безумцемъ ославили, что пробудилъ тунеядцевъ-гвардейцевъ изъ прежняго ихъ дреманія и сна, нѣги и лѣни, да приучать началъ быть до свѣта еще въ мундирахъ, перестать кутаться въ шубы и муфты да разѣзжать въ каретахъ! Я сказалъ: послужи да поэкзерцируй въ мундирчикѣ одномъ, да потрудишься, да будь солдатъ! Восхотѣлъ пробудить и сихъ господъ, что жили по деревнямъ своимъ въ праздности и не о службѣ, а о томъ только помышляли, какъ бы имъ вертопрашить, мотать, буянить да рыскать съ собаками! Вотъ почему я безумный! Именемъ отечества пришли вы требовать отъ меня, законнаго своего монарха, отреченія отъ престола! Но кто вы? Тля гвардейская! Отечество и не знаетъ, что вы на свѣтѣ суть. Я—монархъ милостію Божію и самодержецъ! Шайкѣ ли вертопраховъ, интригановъ и распутниковъ лишить меня власти! Народъ мой любитъ меня! Говори, кто послалъ васъ? Кто уполномочилъ?

— Государь, какъ мы мыслимъ—мыслятъ всѣ дворяне, не только въ столицахъ, но и повсемѣстно въ Россіи,—сказалъ Зубовъ.—Правленіе ваше для всѣхъ стало чрезмѣрно сурово и нестерпимо. Но если бы ваше величество ограничили свое самовластіе нѣкоторыми аристократическими институціями изъ свободно избранныхъ первенствующаго сословія, то благородное дворянство согласилось бы охотно видѣть и далѣе васъ на престолѣ предковъ, въ разсужденіи крайней молодости и неопытности великаго князя Александра.

— Дворяне!—крикнулъ, топая ногой, императоръ.—Въ Россіи тотъ дворянинъ, кто со мною говоритъ и лишь пока онъ говоритъ со мною! А народъ, что скажетъ, когда отдамъ себя въ руки развращеннаго сословія дворянъ?

— Что можетъ значить голосъ черни и холоповъ въ вопросахъ государственныхъ?—сказалъ, пожимая плечами, Зубовъ.

— А! Народъ у васъ въ крѣпости. Вы крестьянъ подданными своими называете. Но они мои подданные, а не ваши. Не даромъ я повелѣлъ и крѣпостнымъ вашимъ присягать мнѣ! Это вы мнѣ тоже виной ставите, я знаю! Имѣя подъ собою крѣпостныхъ, вы стали царями и теперь хотите связать монарху руки. Но доволно. Веди остальныхъ сюда! Хочу я посмотрѣть, кого еще по-

слало ко мнѣ отечество, и глазами моими убѣдиться, кто именно сіи господа патриоты, столь властно распоряжающіеся короной и судьбами Россіи!

Князь Платонъ Зубовъ низко поклонился императору и вышелъ изъ кабинета, не оборачиваясь лицомъ къ двери.

С.

Голгоа.

Императоръ подмигнулъ Бенигсену и разразился хохотомъ, потирая руки.

— *C'est excellent!*—воскликнулъ онъ.—Какова наглость, а? Пусть пожалуютъ сюда голубчики. Мы ихъ накроемъ, какъ стаю дроздовъ сѣтью. Паленъ тамъ?—спросилъ императоръ, указывая на дверь за ковромъ.

— Ваше величество, графа Палена тамъ нѣтъ,—угрюмо отвѣтилъ Бенигсенъ.

— Какъ нѣтъ? Что вы говорите?—встревожился императоръ.—Но вѣдь именно условлено было, что онъ будетъ тамъ ожидать моего знака? Что помѣшало ему выполнить мое повелѣніе?

— Палена нѣтъ за этой дверью. Онъ съ батальономъ охраняетъ главный входъ замка. За этой дверью никого нѣтъ, ваше величество. Но я здѣсь.

И, говоря это, генералъ Бенигсенъ обнажилъ шпагу.

— Измѣна! Караулъ, вонъ!—закричалъ императоръ, бросаясь къ двери.

Но Бенигсенъ поднялъ шпагу и приблизилъ ея конецъ къ груди императора.

— О, я погибъ! Меня предали! Мнѣ подло измѣнили! О, Паленъ! Паленъ!—простоналъ въ тоскѣ императоръ.

— Ваше величество, жизнь ваша въ моихъ рукахъ,—сказалъ Бенигсенъ по-нѣмецки:—но именно потому она въ безопасности. Если только захотите сами спасти себя! Выслушайте меня и оставайтесь спокойно на мѣстѣ. Ибо при малѣйшей вашей попыткѣ двинуться моя шпага пронзитъ вамъ сердце. Клянусь Архитектономъ вселенной!

И Бенигсенъ начерталъ знакъ въ воздухѣ концомъ своей шпаги. Императоръ въ ужасѣ отступилъ, уставляя взоръ на конецъ шпаги.

— Императоръ Павелъ Первый!—торжественно сказалъ Бенигсенъ:—почему отступаешь ты въ ужасѣ предъ священнымъ знакомъ, мною начертаннымъ? Или ты вспоминаешь клятвы юности, принесенныя тобою въ священномъ собраніи строителей храмины блаженства челоуѣчества? Воззри на изображенія сего ковра и приведи на память твои поступки. Соблюлъ ли ты клятвы, тобою принесенныя!

— Проклятiе вамъ, демоны и человѣкоубійцы!—вскричалъ императоръ.—Проклятiе вамъ, лжецы и° лицемѣры, губители царей и народовъ! Вы, завлекающiе неопытныхъ, развратители невинныхъ, слуги тьмы, одѣвающiеся въ облаченiя ангеловъ свѣта! Да порази васъ небесная молнiя! Ко мнѣ, Иисусе! Иисусе!—возопилъ, ломая руки, императоръ.—Ты, чьи святыя Страсти я носилъ на себѣ! Спаси, спаси своего помазанника!

— Напрасно призываешь Галилеянина, онъ тебѣ не поможетъ,— съ адской усмѣшкой сказалъ Бенигсенъ.—Императоръ Павелъ Первый! Я присланъ свершить приговоръ надъ тобою. Но еще могу спасти тебя. Есть средство къ тому. Подпиши сейчасъ бумагу, которую дамъ тебѣ.

— Бумагу? Какую? Что еще требуютъ они отъ меня?

— Ваше величество,—мѣняя тонъ и обращенiе, сказалъ Бенигсенъ,—подпишете миръ съ Англiей, восстановленiе торговыхъ договоровъ, уничтоженiе амбарго, наложеннаго на англiйскiе товары, отказъ отъ острова Мальты и отъ права держать флотъ свой въ Средиземномъ морѣ, отозванiе войскъ, идущихъ походомъ для соединенiя съ войсками Наполеона Бонапарта и нападениа на индiйскiя владѣнiя Британiи, отказъ отъ союза съ нейтральными морскими державами и вступленiе Россiйской имперiи въ коалицию державъ противъ Францiи. Пошлите сейчасъ вернуть курьера, вами сегодня посланнаго съ распоряженiями о занятiи Ганновера. И вы будете спасены. И будете спокойно царствовать. Я проведу васъ къ Палену, а вся шайка продажныхъ мерзавцевъ, измѣнившихъ вамъ, будетъ арестована. Ваше величество, согласитесь подписать бумагу, ибо, кромѣ блага человѣчеству, сiе ничего не принесетъ. Наполеонъ Бонапартъ есть исчадiе безбожiя и бунта. Можете ли вы, монархъ законный, что общее имѣтъ съ симъ узурпаторомъ? Именемъ свободы, истины, разума и добродѣтели умоляю васъ согласиться и поспѣшить исполнить предлагаемое вамъ требованiе!

— Подписать отреченiе отъ всѣхъ правъ, отъ всего будущаго моего народа и моей страны въ пользу Англiи? Никогда! Клянусь святѣйшими язвами Спасителя моего, никогда!—восторженно и съ невыразимымъ величiемъ произнесъ императоръ.—Цѣною такого предательства не куплю жизни и престола.

— Умри же, несчастный! — проскрежеталъ Бенигсенъ.—Вотъ сейчасъ войдетъ къ тебѣ братъ-палачъ и шайка пьяныхъ убійцы!

— Гнусный предатель,—сказалъ императоръ:—или ты думаешь, что я боюсь смерти и дорожу сею юдолюю скорби и плача! Съ юныхъ лѣтъ испыталъ я единую токмо горечь, всюду видѣлъ низость и змѣнную измѣну. Я позналъ людей и всю черноту ихъ сердець. И безъ сожалѣнiя покину землю. Но ужасно думать мнѣ, что невинная кровь моя падетъ на народъ мой, что онъ искупитъ ее великими страданiями! Кровь рождаетъ кровь. Я принялъ пре-

столь мой оскверненнымъ и окровавленнымъ—и сынъ мой,—о, горе! возставшій противъ родного отца!—взойдетъ на этотъ престоль, обагривъ его отцовскою кровью. Отцеубійство! Цареубійство! О, ужасъ! О, мракъ ночи смертной! Я вижу Россію опустошенной, завоеванной, раздѣленной! Я вижу Россію въ огнѣ пожаровъ, загроможденную ужасно истерзанными тѣлами мужей, женъ и дѣтей! Я вижу... Боже, скрой отъ меня грядущее! Затми мнѣ умъ!

Тутъ донесся гулъ шаговъ многихъ людей, приближавшихся къ спальнѣ.

— Кончено. Я уже не могу спасти васъ. Молитесь, ваше величество,—вложивъ шпагу въ ножны, сказалъ генераль Бенигсенъ.

Тогда императоръ Павелъ Первый, самодержецъ всероссійскій, поднялъ очи и произнесъ нижеслѣдующее:

— Боже духовъ и всякія плоти! Ты, предающій меня на смерть, покажи народу моему невинность мою и правду! Боже міровъ, если Ты есть, обличи клеветниковъ моихъ! Возстанови свѣтлую память о мнѣ въ странѣ моей. Боже, прости сына моего и не вмѣни народу моему преступленіе его и невинную кровь мою!

Тутъ съ шумомъ вошли въ спальню убійцы, и впереди ихъ графъ Николай Зубовъ. Нагнувъ безобразную голову на бычьей шеѣ и голаевоомъ туловищѣ, съ налившимся кровью лицомъ, какъ мясникъ, шелъ онъ на убійство, пьяный не столько отъ множества поглощенной имъ водки, пунша и вина, сколько отъ годами скопленной злобы и ненависти.

Подойдя къ императору Павлу, онъ размахнулся и кулакомъ, въ которомъ зажата была выставленная угломъ большая, жалованная, золотая табакерка, со всего плеча нанесъ ударъ въ високъ императору.

Сраженный ударомъ, императоръ упалъ, захрипѣлъ, и кровавая пѣна клубомъ забила изъ устъ его.

— Тащите его на кровать! Тащите на кровать!—закричалъ князь Яшвилъ. Множество рукъ протянулось и вцѣпилось въ маленькое тѣло императора. Они потащили и понесли его вглубь покоя и, положивъ на узкую походную кровать, все столпились надъ нимъ.

Тогда генераль Бенигсенъ задернулъ тяжелую занавѣсь въ аркъ, такъ что тамъ стало совершенно темно.

Повернувшись затѣмъ къ стѣнѣ, Бенигсенъ заложилъ руки за спину и сталъ разсматривать висѣвшіе пейзажи.

За занавѣсью сначала слышались проклятія, ругательства и почти звѣриное рычаніе, слышалась возня, глухіе удары по мягкому и вдругъ на нѣсколько мгновеній сдѣлалась полная тишина.

Бенигсенъ сложилъ руки, какъ дѣлаютъ лютеране, когда молятся, и благоговѣнно прошепталъ нѣмецкую молитву.

Вдругъ рванули занавѣсь. Гвардейцы одинъ за другимъ выходили, растрепанные съ воспламененными лицами, дико блуждающими глазами.

— Мы съ нимъ покончили!—съ ужасной усмѣшкой сказалъ поручикъ Измайловскаго полка Скарятинъ.—Не будетъ насъ больше мучить на вахтъ-парадахъ!

СІ.

Что скажетъ Александръ?

Часть офицеровъ не рѣшились войти въ кабинетъ императора. Они дожидались развязки въ прихожей и библиотекѣ. Между ними находился и Аргаматовъ.

Вдругъ графъ Николай Зубовъ, князь Яшвилъ и еще нѣкоторые шумно вышли. Было около часа ночи.

Теперь, когда все было кончено, буйная радость охватила царевъ убійцъ. Первое возбужденіе, дошедшее до высшей степени, смѣнилось разслабленіемъ разсудка, винные пары вновь ими овладѣли. Шатаясь, ухмыляющіеся, они ликовали. Тотъ, чью грозу надъ собою имѣли они четыре года, не существовалъ. И они чувствовали себя побѣдителями, царями. Имъ казалось, что судьбы имперіи теперь въ ихъ рукахъ.

— Ну, мы съ нимъ покончили!—показывая руками, сказалъ Скарятинъ. *Il est achevé!*.. И вся ватага прошла шумно дальше. Услышавшіе это извѣстіе офицеры молчали, пораженные ужасомъ.

Вслѣдъ за первой бандой въ прихожую поспѣшно вышли генералъ Бенигсенъ, князь Платонъ Зубовъ и всѣ остальные.

— Господа офицеры!—громко объявилъ Бенигсенъ:—волею Божіею императоръ Павелъ Первый сію минуту скончался отъ апоплектического удара. Прошу васъ поспѣшить извѣстить о семъ генерала графа Палена и генерала Талызина. Должно приставить караулъ къ обѣимъ дверямъ спальни покойнаго монарха и немедленно пригласить во дворецъ для осмотра тѣла и составленія надлежащаго акта лейбъ-медиковъ баронета Вилліе, Греве, Роджерсона и Бека.

Нѣсколько офицеровъ поспѣшно кинулись къ Палену и Талызину.

Извѣщенные о совершившемся, Паленъ и Талызинъ сошлись съ Бенигсеномъ и Платономъ Зубовымъ посреди одной изъ парадныхъ комнатъ императорскихъ апартаментовъ.

Талызинъ почти бѣжалъ и едва поровнялся съ Бенигсеномъ, вскричалъ:

— О, гнусное, звѣрское преступленіе! Что я скажу Александру! О, что я скажу Александру!

— Генералъ!—сказалъ Бенигсенъ:—всѣ очевидцы событія подтвердятъ, что я не принималъ участія въ печальной кончинѣ государя. Я находился въ смежной комнатѣ, и, конечно, я не согласился бы войти и въ нее, если бы зналъ, чѣмъ кончится наше

попытка мирно отстранить отъ власти несчастнаго, безуміе коего уже стало кровожаднымъ. Мнѣ нечего краснѣть за то участіе, которое я принималъ въ сей революціи. Не я составлялъ планъ ея. Я даже не принадлежалъ къ числу тѣхъ, кто хранилъ эту тайну. Это вамъ, генералъ, очень хорошо извѣстно, потому что вы присутствовали при томъ, какъ князь Платонъ Александровичъ сегодня за три часа всего до событія посвятилъ меня въ тайну. Итакъ, я не былъ извѣщенъ о революціи до самаго момента осуществленія переворота, когда все уже было условлено и рѣшено. И я даже спрашивалъ, прилично ли мнѣ, иностранцу и ганноверцу, въ разсужденіи того, что на тронѣ Англіи король изъ ганноверскаго дома, вступать въ сіе патріотическое русское предпріятіе, дабы не подать повода къ нареканіямъ.

— Я не обвиняю лично васъ, Бенигсенъ, — отвѣчалъ Талызинъ, молча слушавшій эту рѣчь, съ выраженіемъ глубочайшаго отчаянія и подавленности. — Но вся душа моя возмущается противъ звѣрской расправы съ несчастнымъ больнымъ! Клянусь, никогда бы не принялъ я участія въ этомъ заговорѣ, если бы ожидалъ такой кровавой развязки! Рѣшено было только арестовать императора, перевезти въ крѣпость, гдѣ и потребовать подписанія отреченія отъ престола. А что же сдѣлали! Несчастный великій князь! Что мы скажемъ ему? Съ какими лицами къ нему явимся? Мы обагрили ступени трона кровью роднаго отца его — и онъ долженъ перешагнуть черезъ эту кровь! Мы — цареубійцы. И мы сдѣлали несчастнаго неопытнаго юношу, довѣрившагося намъ, отцеубійцей! Ужасно! О, ужасно! — повторялъ Талызинъ, закрывая лицо руками.

— Великій князь никоимъ образомъ не причастенъ къ сей прискорбной случайности, — сказалъ князь Платонъ Зубовъ. — И мы можемъ свидѣтельствовать предъ нимъ, что несчастный родитель его былъ лишенъ жизни непредвидѣннымъ образомъ и, несомнѣнно, вопреки намѣреніямъ тѣхъ, кто составлялъ планъ этой революціи, которая являлась необходимой.

— Идя на такое дѣло, надо было ожидать всего, — сказалъ Паленъ. — Революціи совершаются не такъ, какъ заря съ церемоніей или вахтъ-парадъ въ экзерциргаузѣ. Что произошло, то произошло. И сами боги не могутъ совершившееся сдѣлать несовершившимся, говорили древніе. Мы избавились отъ тирана и безумца. Мы явились освободителями отечества отъ самовластія кровожаднаго помѣшаннаго. Этимъ все сказано. Будемъ ли мы охать и ахать надъ трупомъ того, кто безжалостно истязалъ насъ и всю Россію четыре года?

— Голосъ крови несчастнаго вопіетъ къ небу! — вскричалъ Талызинъ. — Совѣсть потрясается и возмущается чудовищностью совершеннаго злодѣянія!..

— Что же, вы хотѣли бы вернуться къ прежнему царствованію? Ну, и дождались бы того, что вся императорская фамилія была бы ввержена въ крѣпость, а сами бы вы отправились въ ссылку, въ Сибирь!

— Но Александръ! Что мы скажемъ Александру?—въ отчаяніи повторялъ Талызинъ.

— Александръ поплачетъ и утѣшится,—сказалъ Паленъ съ пинической усмѣшкой. *Pour manger une omelette il faut commencer par casser les oeufs!* А когда эта «omelette»—власть надъ многомилліонной величайшей имперіей, то грусть по родителѣ скоро уляжется!

— Вы по себѣ судите о всѣхъ,—съ отвращеніемъ сказалъ Талызинъ:—не всѣ способны на подлости. Я знаю чистое, великодушное сердце юнаго Александра! Онъ не перенесетъ этого удара!

— Я не бѣлоручка, правда,—сказалъ Паленъ.—Къ тому же государственная необходимость часто требуетъ сильныхъ средствъ. Что же касается подлостей, то я не знаю, кто на что способенъ, а только мы вмѣстѣ съ вами, генералъ, охраняли дворецъ, когда князь Платонъ Александровичъ бесѣдовалъ съ покойнымъ властителемъ.

— Покойный! Ухъ, гора съ плечъ!—громко и радостно сказалъ одинъ изъ офицеровъ, не бывшій въ кабинетѣ.—Только вслушайтесь въ это слово—«покойный»! Даже все какъ-то не вѣрится! Все жду, что вотъ онъ войдетъ и раздастся его сиповатый голосъ! Нѣтъ, царство небесное императору Павлу Первому,—перекрестившись, заключилъ офицеръ:—но да будетъ же онъ и послѣдній, и да избавить насъ Богъ отъ второго такого.

— Амен!—сказалъ Паленъ.—Но долго ли мы будемъ тратить драгоценное время на пустыя разглагольствованія? Надо обсудить, какъ намъ теперь быть. Я полагаю, что безъ обузданія самовластия какою-либо конституціею невозможно обойтись. Не взявъ записи съ Александра, мы сдѣлаемъ только половину дѣла.

— Конституцію! Конституцію!—закричали офицеры.

— Набросокъ сенатора Троцинскаго,—сказалъ князь Платонъ Зубовъ:—въ коемъ онъ излагаетъ планъ аристократическихъ институцій и политическихъ вольностей благороднаго дворянства, имѣется при мнѣ.

— Да почему Александръ нами долженъ править? И почему вообще такое предпочтеніе одному семейству этихъ нѣмцевъ?—крикнулъ полковникъ Бибиновъ, Измайловскаго полка, пользовавшійся репутаціей превосходнаго офицера и хорошо принятый въ самыхъ знатныхъ семьяхъ столицы.—Возстановимъ древнее народоправіе!

— Нѣтъ, конституцію! Конституцію!—закричали другіе.

— Этого я не допущу!—вдругъ рѣшительно сказалъ Талызинъ. Пользуясь юностью и неопытностью монарха, предъ глазами котораго поставили ужасъ кровавой расправы съ его отцомъ, котораго запятнали мнимымъ соучастіемъ въ семь злодѣяній, вы хотите связать его волю и править Россіей, какъ вамъ заблагоразсудится! Нѣтъ, этого не будетъ! Я сейчасъ иду къ Александру, увѣдомлю его обо всемъ происшедшемъ и употреблю все мое вліяніе, чтобы онъ не связывалъ себя никакими обязательствами и оставался самодержцемъ, доколѣ не уничтожить въ Россіи рабство, не освободить милліоны крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и тогда свободному народу, по сердцу бабки своей, дастъ свободныя, истинно народныя учрежденія.

И Талызинъ поспѣшно пошелъ къ великому князю.

Всѣ помолчали.

— Надо идти вслѣдъ за нимъ и предупредить!—сказалъ наконецъ Зубовъ.

— Оставьте его,—возразилъ Паленъ.—Являться первымъ съ такимъ извѣстіемъ не особенно благодарная роль. Пусть этотъ оселъ подготовитъ Александра. А самодержцемъ онъ никогда не будетъ. Я держу его въ рукахъ. Я могу возвести на престолъ и низвести кого мнѣ угодно. Но мнѣ надоѣлъ этотъ дуракъ Талызинъ. Не мѣшало бы его убрать.

— Да, но какъ это сдѣлать?—задумчиво сказалъ князь Платонъ Зубовъ.

— Я его знаю и сумѣю забрать въ замшевыя руки,—отвѣчалъ Паленъ.—На дняхъ я устрою обѣдъ для совѣщанія и объединенія всѣхъ насъ, освободителей Россіи. Я устрою такъ, что онъ не откажется, пріѣдетъ. А тогда,—съ ужасающей гримасой заключилъ Паленъ,—мы угостимъ его винцомъ, отъ котораго у него кишки выйдутъ черезъ горло. Но это, конечно, между нами, господа?

— Я рѣшительно протестую противъ этого новаго преступленія,—возмутился полковникъ Бибиковъ.

— О, я пошутилъ, полковникъ! Я только пошутилъ!—сказалъ графъ Паленъ.—Неужели вы считаете меня способнымъ на такія дѣла?!

СІІ.

Междуцарствіе.

Паленъ и Бенигсенъ медленно и торжественно направились въ аппартаменты великаго князя Александра Павловича.

Князь Платонъ Зубовъ пошелъ туда же, но другимъ путемъ—со стороны покоевъ Елизаветы.

У дверей залы антиковъ, черезъ которую надо было пройти Зубову, стояли часовые. Они не остановили Зубова, но при видѣ его вдругъ почему-то стали дрожать всѣмъ тѣломъ.

Онъ прошелъ мимо и вступилъ въ залу, гдѣ статуи бѣлѣли толпой призраковъ и при сіяніи взошедшей луны, лившей въ окна свѣтъ, казались оживленными и двигающимися.

Жуткое чувство охватило здѣсь и Зубова. Навстрѣчу ему вдругъ пробѣжали два истопника. Лица ихъ выражали ужасъ. Переговариваясь и оглядываясь, какъ будто за ними была погоня, они пробѣжали, толкнувъ Зубова и даже не замѣтивъ его.

Зубовъ миновалъ залу, вступилъ въ великолѣпную, но совершенно необитаемую, дышавшую холодомъ и сырой плѣсенью парадную спальню великой княгини Елизаветы, прошелъ уборную и прихожую и вошелъ въ обитаемые покои—именно въ кабинетъ Елизаветы Алексѣевны. Она не раздѣвалась и не ложилась въ эту ночь такъ же, какъ и ея супругъ. Александръ просилъ ее объ этомъ.

Посвященная во многія тайны, Елизавета Алексѣевна не знала однако, что именно произойдетъ въ эту ночь. Угнетенное состояніе Александра, на всѣ ея разспросы отвѣчавшаго тяжкими вздохами и неопредѣленными фразами, довело безпокойство Елизаветы до высочайшей степени, тѣмъ болѣе, что супругъ ея находился подъ домашнимъ арестомъ. При немъ былъ адъютантъ его, князь Волконскій. Оба сидѣли въ прихожей кабинета, за нѣсколько покоевъ отъ великой княгини. За послѣдніе часы Елизавета раза два входила къ супругу. Она заставляла обоихъ дремлющими въ креслахъ. Это показывало ей, что оба чего-то ожидаютъ.

Чтобы успокоить себя и провести время, Елизавета сѣла къ пальцамъ. Работа отвлекла ея мысли далеко къ предметамъ, чуждымъ дѣйствительности, ее окружавшей. Въ глубокой тишинѣ она замечталась въ то время, какъ ея прекрасные, искусные пальцы создавали изящные арабески художественнаго вышиванья.

Вдругъ шаги въ сосѣдней, озаренной только луннымъ свѣтомъ комнатѣ заставили ее вздрогнуть и поднять прелестную головку. Въ дверяхъ обрисовалась фигура князя Платона Зубова.

— Императрица! — преклонивъ въ дверяхъ колѣно, сказалъ Зубовъ.

— Князь Платонъ Александровичъ! Что нужно вамъ? Что говорите вы такое?—поднимаясь, сказала Елизавета.

— Императрица!—театрально повторилъ князь Зубовъ.—Рабъ и вѣрнопопданный у ногъ вашихъ!

Елизавета, какъ испуганная лань, отбѣжала въ глубь покоя и безмолвно, расширенными очами, смотрѣла оттуда на колѣно-преклоненнаго Зубова.

Онъ поднялся и подвинулся съ глубочайшимъ поклономъ на три шага къ ней.

— Что это значитъ?—проговорила наконецъ Елизавета.

— Императора Павла нѣтъ болѣе на свѣтѣ,—отвѣчалъ Зубовъ.

— Императоръ умеръ! — простирая руки, словно защищаясь отъ дохнушаго на нее ужаса, вскричала Елизавета Алексѣевна.

— Императоръ Павелъ волею Божію сейчасъ скончался отъ апоплектического удара! — сказалъ Зубовъ.

— Императоръ Павелъ умеръ! — потерянно повторяла Елизавета.

— Ваше императорское величество... — началъ Зубовъ.

— Я васъ прошу не называть меня такъ, — громко прошептала Елизавета. — Но если императоръ скончался, то значить... О, ужасныя подозрѣнія! О, несчастный Александръ! Его родитель убить и если Александръ приметъ теперь корону, то станетъ соучастникомъ ужаснаго злодѣйства!

— Несчастливая случайность, каковая всегда возможна при переворотахъ, лишила жизни монарха, явное безуміе и невыносимый произволъ самовластия коего объединили всѣхъ честныхъ патриотовъ въ стремленіи освободить наконецъ отечество отъ царства ужаса! — сказалъ Зубовъ. — Но могу увѣрить васъ, государыня, что въ планы руководителей сей революціи не входило насиліе надъ личностью императора Павла. Давно накопленная ненависть къ тирану, его явное нежеланіе удовлетворить предъявленнымъ требованіямъ, оскорбленія и ругательства, которыми онъ встрѣтилъ вошедшихъ къ нему патриотовъ, случайно погасшая свѣча и послѣдовавшій мракъ, — вотъ причины, что дни императора пресѣклись. А если попросту и кратко сказать, матушка: дуракъ нашъ вздумалъ драться, мы его и порѣшили.

— Ужасно! Ужасно! — закрывъ руками лицо и вся вздрагивая, повторяла Елизавета.

— Успокойтесь, государыня! Помните, что вамъ грозила крѣпость и, быть можетъ, тайная гибель въ стѣнахъ каземата, если бы умалишенный императоръ былъ живъ!

— Но предполагалось только отрѣшеніе отъ престола! Предполагалось регентство! Что же будетъ теперь? Я знаю чистое, прекрасное, ангельское сердце Александра. Я знаю, что невозможно будетъ ему принять корону послѣ этого. Знали и вы, что онъ откажется, дабы и тѣни соучастія его не было. Жажда власти заставила васъ убить законнаго своего государя. Вы царствовали при Екатеринѣ. Вы желаете царствовать вновь. Вотъ почему вы залили ступени трона кровью! Скажите, если, какъ я въ этомъ увѣрена, зная Александра, зная, сколько разъ онъ рвался сокрыться въ частной жизни мирнаго гражданина отъ тягостей сана даже великаго князя, отъ наружнаго ложнаго блеска и тайныхъ терній, если онъ откажется, кого вы готовитесь возвести на тронъ?

— Васъ, всемилостивѣйшая государыня! — вновь преклонивъ колѣно, сказалъ Зубовъ.

Казалось, Елизавета онѣмѣла отъ удивленія, услышавъ слова Зубова.

— Какая наглость! Какая непостижимая наглость! — только пропентала она.

— Для васъ, для васъ одной совершенъ мною этотъ переворотъ! — продолжалъ Зубовъ, поднимаясь и прикладывая руку къ сердцу, какъ итальянскій пѣвецъ на подмосткахъ, играющій влюбленнаго. — Для васъ одной я попралъ божескіе и человѣческіе законы! И въ сію минуту престолъ празденъ. Вы сами сказали, что Александръ откажется. Почему же не быть императрицею вамъ? Всѣ обожаютъ васъ, какъ прелестнѣйшее созданіе! Вы подарите Россію кроткимъ правленіемъ. А Россія привыкла къ тому, что скипетръ держитъ женская рука. Вы напомнили мудрую монархиню, мою благодѣтельницу. Но вы знаете, я не скрывалъ отъ васъ еще при жизни монархини, чей образъ наполняетъ мое сердце. Я не измѣнился въ своихъ чувствахъ. Вы обвиняете меня въ желаніи власти. Но я рабъ вашъ! Или вамъ кажется невыполнимымъ то, что я предлагаю вамъ? Послѣ того, что совершилось въ эту ночь, можетъ ли быть что-либо почитаемо невозможнымъ въ Россіи? А вспомните, что творилось у насъ по смерти Петра Великаго, когда Меншиковъ съ нѣсколькими гренадерами, выломавъ двери той залы, гдѣ главные государственные сановники совѣщались объ избраніи преемника, съ обнаженною саблею провозгласилъ императрицей Екатерину Скавронскую, вышедшую изъ черни и преданную ему совершенно еще съ тѣхъ поръ, какъ она была въ его домѣ служанкою и наложницею его гостей. А Елизавета Петровна? Ей стоило только войти во дворецъ и, взявъ изъ колыбели императора Іоанна, отдать его въ руки гренадеръ, чтобы объявить себя царствующею! А сама великая Екатерина, моя благодѣтельница! Два гвардейскіе офицера, братья Орловы, въ двое сутокъ дѣлаютъ совершенный въ правленіи переворотъ, которому безмолвно покоряется все пространнѣйшее въ мірѣ государство безъ малѣйшаго кровопролитія. Вотъ примѣры! Въ сей мигъ власть валяется на землѣ. Первый, кто ее подниметъ, и будетъ править. Возьмите же ее! Скажите только одно слово, а я уже все устрою! Я ручаюсь вамъ за гвардію!

— Нѣтъ предѣловъ дерзости этого человѣка! — содрогаясь, пропентала Елизавета. — Съ окровавленными руками, цареубійца, онъ входитъ ко мнѣ и что онъ мнѣ предлагаетъ? О, онъ даже осмѣливается мнѣ напомнить свои ухаживанія, на которыя дерзалъ, даже не скрываясь отъ престарѣлой своей госпожи! — и вдругъ, собравшись съ силами, Елизавета топнула ногой и, пронзительно крикнувъ: — Выйди вонъ, лакей! — бросилась къ двери, ведшей въ покои Александра.

— Вамъ угодно отвергнуть мое предложеніе. Это, конечно, ваше дѣло,—злбно и нагло поспѣшилъ сказать Зубовъ. — Хотя прошу не забывать, что эта ночь еще не кончилась! Пока еще власть въ нашихъ рукахъ, освободителей отечества. Возможно провозгласить и республику. Что касается вашего пренебреженія къ моей личности, то, кажется, тотъ, кого избрала и любила Екатерина, болѣе достоинъ вниманія, чѣмъ полячокъ, который у меня же въ пріемной съ братомъ пороги по цѣлымъ мѣсяцамъ обивалъ, когда отыскивалъ свои конфискованныя имѣнія.

Въ эту минуту поспѣшные шаги раздались въ покояхъ, ведшихъ къ кабинету Александра. И вдругъ онъ самъ вбѣжалъ, заливаясь слезами, ломая руки и восклицая:

— Мой отецъ! Мой бѣдный отецъ!

— Плачь со мною, дорогая! — продолжалъ Александръ, подбѣгая къ супругѣ и взявъ ее за руки.—Плачь!—повторялъ онъ.— Богу угодно было поразить насъ ужаснымъ испытаніемъ!—поднимая глаза, буквально лившіе слезы струями, съ бурными вздохами, говорилъ Александръ.—Моего несчастнаго отца болѣе нѣтъ! Платонъ Александровичъ, и вы здѣсь? Какъ это случилось? Какъ могло это случиться?... Ахъ, раздражительность, запальчивость характера развилась въ отца наконецъ до припадковъ, ослѣплявшихъ его неудержимыми порывами! Раздражительность его характера привела къ этому несчастію... Пойдемъ ко мнѣ, дорогая! Тамъ генералъ Талызинъ. Онъ не былъ при послѣднихъ минутахъ родителя. Онъ въ отчаяніи! Платонъ Александровичъ, идите съ нами!

И, обнявъ одною рукой Елизавету Алексѣевну, согбенный горестью, все вздыхая и проливая слезы, Александръ пошелъ въ свои покои.

Платонъ Зубовъ съ соболѣзною миной за ними послѣдовалъ.

СШ.

Цесаревичъ Константинъ.

Выслушавъ извѣстіе о кончинѣ императора, Аргамаковъ поспѣшилъ незамѣтно проскользнуть на половину цесаревича Константина. Въ прихожей дремалъ его фельдъегерь и на торопливый вопросъ Аргамакова, былъ ли полчаса тому назадъ у цесаревича графъ Кутайсовъ, отвѣчалъ, что не былъ.

— Цесаревичъ спитъ,—сказалъ фельдъегерь.

— Разбудите его немедленно, потому что государь внезапно тяжело заболѣлъ,—сказалъ Аргамаковъ.

Едва онъ сказалъ это и фельдъегерь взглянулся въ его блѣдное лицо, какъ самъ сталъ дрожать и сейчасъ же бросился въ спальню великаго князя Константина и разбудилъ его.

Покои цесаревича были тѣсны и малы, и Аргамаковъ слышалъ его, удивительно похожій на отцовскій, хриплый и недовольный голосъ:

— Что тамъ еще? Тревога? И поспать не дадутъ! Адъютантъ императора?! Ну, пусть войдетъ сюда.

Аргамаковъ позванъ былъ въ спальню фельдъегеремъ. Цесаревичъ сидѣлъ на кровати съ опухшимъ отъ сна лицомъ.

— Что случилось?

— Ваше высочество, несчастье, — сказалъ Аргамаковъ. — Съ государемъ худо, очень худо!

— Ну?!

— Государь сейчасъ скончался.

— Что ты говоришь! Батюшка скончался! Да видѣлъ ли ты его тѣло?—спрашивалъ цесаревичъ.

— Я не былъ при кончинѣ государя, — отвѣчалъ Аргамаковъ: — не могъ видѣть и тѣла его, такъ какъ графъ Паленъ и Бенигсенъ приставили караулы къ обѣимъ дверямъ.

— Караулы?!—переспросилъ цесаревичъ.

— Такъ точно, караулы.

— Паленъ и Бенигсенъ, говоришь ты? Такъ это переворотъ!

— Да, ваше величество, это переворотъ.

— Несчастный отецъ!—сказалъ горестно цесаревичъ.—Ты знаешь, что я много отъ него терпѣлъ. Я больше его страшился, нежели любилъ. Однако, если бы все зналъ, не пожалѣлъ жизни своей защитить его.

— Я употребилъ всѣ старанія, чтобы спасти государя, но не успѣлъ въ томъ, — сказалъ Аргамаковъ. — Также послалъ я къ вамъ графа Кутайсова предупредить.

— У меня никого, братъ, не было. И я ничего точно не зналъ. Въ этой кашѣ, что они заварили тамъ, я—сторона.

— Подлецъ Кутайсовъ предпочелъ самъ спастись, какъ крыса съ тонущаго корабля,—сказалъ Аргамаковъ.—Но должно вашему высочеству принять мѣры.

— Какія же мѣры? Пусть они тамъ сами и расхлебываютъ, что заварили, а меня оставляютъ въ покоѣ.

— Ничего нельзя знать напередъ. Заговорщики опьянены и виномъ, и успѣхомъ предпріятія. Ходятъ теперь царями и говорятъ, что возведутъ на тронъ того, кого захотятъ. Предполагали поступить съ родителемъ вашимъ, какъ поступили недавно съ англійскимъ королемъ, а ранѣе съ датскимъ: тамъ при оказавшейся въ нихъ болѣзни отставили мирно отъ трона для леченія на покоѣ и назначили регентство. Такъ и наши хотѣли. А вышло другое. Кто же поручится, что и дальше не будетъ какой суматохи!..

— Что же ты совѣтуешь, братецъ?—угрюмо спросилъ цесаревичъ.—Брату гвардія присягала при восшествіи на тронъ родителя. Я же только по званію цесаревичъ. Значитъ, меня не тронутъ.

— Ничего знать навѣрное нельзя. Иные мыслятъ возвести императрицу, матушку вашу. А кричали и о республикѣ.

— Другъ мой,—горячо сказалъ Константинъ:—послѣ того, что случилось, пусть мой братъ царствуетъ, если хочетъ, или матушка, или кто хочетъ. Но если бы сей окровавленный тронъ предложили мнѣ, то я навѣрное отрекся бы отъ него!

— А все же мѣры примите,—настаивалъ Аргамаковъ.

— Что же ты совѣтуешь?—опять спросилъ цесаревичъ.

— Напишите записку и пошлите съ вашимъ фельдъегеремъ Саблукову, чтобы велѣ конногвардейцевъ къ замку,—сказалъ Аргамаковъ.—Я знаю, что преображенскій батальонъ въ сомнѣніи. Поручикъ Маринъ еле унялъ роптаніе.

— Гвардія меня терпѣть не можетъ, братецъ,—сказалъ Константинъ.—И я такой записки безъ крайности не пошлю. А пока вотъ что напишу... Подай перо и бумаги.

Аргамаковъ взялъ со стола и подалъ. Въ сильномъ волненіи цесаревичъ беспорядочно набросалъ слѣдующія строки:

«Какъ можно скорѣе соберите полкъ, верхомъ и въ полномъ вооруженіи, но безъ пожитковъ; ждите моихъ дальнѣйшихъ распоряженій. Константинъ цесаревичъ».

— Позови моего фельдъегеря!—приказалъ великій князь.

Аргамаковъ позвалъ. Цесаревичъ сказалъ ему:

— Вотъ, братецъ, возьми ты сію записку и спрячь за обшлагъ. А вотъ Аргамаковъ тебя выведетъ изъ замка, какими самъ вѣдаетъ путями. И бѣги ты къ Саблукову, передай ему записку, а на словахъ прибавь, что его высочество велѣли, молъ, сказать вамъ, что дворецъ окруженъ войсками, и что вы должны приказать хорошенько зарядить ружья и пистолеты. Ступайте!

Оставшись одинъ, двадцатилѣтній юноша-цесаревичъ погрузился, сидя на кровати, въ угрюмыя размышленія, не считая нужнымъ идти въ спальню супруги и будить ее. Съ великой княгиней Анной онъ былъ въ сварливыхъ и непріятныхъ отношеніяхъ, въ особенности послѣ того, какъ во время ея мигрени, желая досадить ей, позвалъ въ сосѣднюю комнату двухъ барабанщиковъ и приказалъ имъ бить тревогу. Теряясь въ печальныхъ мысляхъ, цесаревичъ вдругъ услышалъ шаги и громкіе, не стѣсняющіеся голоса.

— Они идутъ,—подумалъ въ страхѣ юноша и, прикрывшись одѣяломъ, притворился спящимъ.

Платонъ Зубовъ, съ пьянымъ, наглымъ лицомъ, шумно вошелъ въ комнату великаго князя и, грубо дернувъ одѣяло, сказалъ дерзкимъ тономъ:

— Вставайте и ступайте къ императору Александру. Онъ ожидаетъ васъ.

Цесаревичъ открылъ глаза, дѣлая видъ, что только лишь проснулся и ничего не понимаетъ.

Платонъ, зазнавшійся и пьяный, сильно дернулъ цесаревича за руку, чтобы заставить его встать.

Цесаревичъ молча надѣлъ брюки, сюртукъ и сапоги и, пристегнувъ польскую саблю, которую получилъ въ подарокъ въ Ковнѣ отъ князя Любомирскаго, посмотрѣлъ вопросительно на Зубова.

Цареубійца ослабился и безъ всякихъ объясненій взялъ великаго князя за рукавъ и повелъ въ покои Александра Павловича. Тамъ въ прихожей цесаревичъ увидѣлъ толпу шумныхъ, возбужденныхъ офицеровъ, пьяныхъ отъ вина и успѣха. Уваровъ, пьяный, какъ и прочіе, сидѣлъ на мраморномъ столѣ и болталъ ногами.

Константинъ вошелъ въ гостиную брата.

Александръ лежалъ ничкомъ на диванѣ, обливаясь слезами и оглашая комнату громкими вздохами, Елизавета, какъ мраморная статуя античной богини, стояла возлѣ него, блѣдная, безмолвная, и держала его руку въ своихъ. Въ сторонѣ сидѣлъ съ мрачнымъ лицомъ генералъ Талызинъ.

— Милый братъ!—обращая заплаканное лицо къ вошедшему цесаревичу, сказалъ Александръ.—Какое ужасное испытаніе посылаетъ намъ Промыселъ!

И опять укрылъ лицо въ диванной подушкѣ.

Елизавета оставила его руку и, подойдя къ Константину, преклонила молча, съ невыразимымъ краснорѣчіемъ скорби чело свое къ груди потрясеннаго юноши.

Вдругъ двери широко распахнулись. Тяжелымъ, торжественнымъ шагомъ, высоко поднявъ голову, вошелъ графъ Паленъ и съ нимъ Бенигсенъ.

Подойдя къ лежавшему Александру, военный губернаторъ коснулся его плеча и сказалъ:

— *C'est assez faire l'enfant; allez régner!* ¹⁾

— Чего отъ меня хотятъ?—вскричалъ Александръ, задрожавъ всѣмъ тѣломъ отъ прикосновенія Палена, и, приподнявшись, сѣлъ на диванъ.—Оставьте меня съ моимъ горемъ! Дѣлайте, что хотите! продолжалъ онъ.

— *Venez vous montrer aux gardes!* ²⁾—строго настаивалъ Паленъ.

— Что я имъ скажу?! Что я могу имъ сказать!..—повторялъ Александръ.

— Ну, вы имъ только скажете, что батюшка скончался отъ апоплектического удара, а при васъ все будетъ, какъ при бабушкѣ,—объяснилъ графъ Паленъ, кривя ротъ едва замѣтной улыбкой.—И они закричатъ ура!

— Я не могу! Я не въ состояніи! Мой отецъ! Мой бѣдный отецъ!—восклидалъ Александръ.

¹⁾ Довольно строить изъ себя ребенка; начинайте царствовать!

²⁾ Подите покажитесь гвардіи!

— Я убѣдительноѣше прошу васъ въ такомъ случаѣ поручить команду всѣми войсками дворца генералу Бенигсену,—сказалъ графъ Паленъ.—Мнѣ же поручите извѣстить о всемъ происшедшемъ вдовствующую императрицу, матушку вашу.

— Дѣлайте, что хотите! Дѣлайте, что хотите!—вновь бросаясь на диванъ ничкомъ и заливаясь слезами, отвѣчалъ Александръ.

Два нѣмца молча переглянулись и тѣмъ же торжественнымъ тяжелымъ шагомъ, важно и церемоніально вышли изъ комнаты.

CIV.

Ubi est cadaver?

Когда Паленъ и Бенигсенъ выходили изъ покоевъ Александра, имъ встрѣтились доктора Вилліе, Бекъ и Роджерсонъ. Ихъ сопровождали офицеръ и два гренадера съ примкнутыми штыками.

Хирургъ Семеновскаго полка баронетъ Вилліе былъ посвященъ въ заговоръ и ожидалъ по близости дворца приглашенія, но лишь затѣмъ, какъ ему было сказано, чтобы сопровождать больного монарха въ Гатчину, по добровольномъ его согласіи временно удалиться на покой.

Лейбъ-медикъ тайный совѣтникъ Бекъ ночевалъ во дворцѣ. Доктора говорили между собой по-латыни. Съ ними былъ спеціалистъ по бальзамированію и двое гримѣровъ императорской оперы.

— Ubi est cadaver? (Гдѣ трупъ?)—не кланяясь, сказалъ только, увидѣвъ Палена, докторъ Роджерсонъ.

— Я прошу васъ, Бенигсенъ, проводить господъ докторовъ въ опочивальню усопшаго, для осмотра императорскихъ останковъ и составленія надлежащаго акта,—сказалъ графъ Паленъ.—Императоръ Павелъ Первый въ Бозѣ почилъ отъ апоплектического удара, господа,—обращаясь къ докторамъ, внушительно прибавилъ Паленъ.

— Ubi est cadaver? — повторилъ съ угрюмымъ равнодушіемъ докторъ Роджерсонъ.

Бенигсенъ молча повелъ докторовъ къ спальнѣ императора.

— Вамъ не мало будетъ съ нимъ хлопотъ,—шепнулъ провожавшій офицеръ хирургу Виллье.—Онъ весь изуродованъ.

CV.

Коса и камень.

Графъ Паленъ одинъ продолжалъ путь по пустыннымъ покоемъ, колоннадамъ, дышавшимъ стужей великолѣпнымъ заламъ, коридорамъ и лѣстницамъ. Уже бѣлѣло въ окнахъ; разсвѣтъ наполнялъ дворецъ желтоватыми и лиловатыми сумерками и пепельными тѣ-

нями. Снаружи доносилось спокойное покаркивание просыпающихся воробѣй и одушевленное чириканье воробьевъ. Попадавшіеся графу истопники и лакеи, занятые ранней уборкой покоевъ, отвѣшивали низкіе поклоны. Часовые въ разныхъ мѣстахъ отдавали честь графу. Онъ шелъ, мѣрнымъ, грохочущимъ подъ гулкими сводами шагомъ, надменный, огромный, злой, не обращая ни на что вниманія. Спустившись въ нижнее помѣщеніе, онъ вошелъ въ покои статсъ-дамы императрицы, графини Шарлотты Карловны Ливенъ. Предъ спальней ея къ нему кинулась было камеръ-юнгфера, но Паленъ нетерпѣливо оттолкнулъ ее и прямо вошелъ въ спальню старухи, захлопнувъ за собою съ шумомъ дверь передъ изумленной камеръ-юнгферой и защелкнувъ ее на ключъ.

— Что такое? Кто это?—просыпаясь и поднявшись на постели въ ночномъ чепцѣ и кофтѣ, сказала Шарлотта Карловна, однако не проявляя испуга.

— Графиня, это я, Паленъ,—сказалъ военный губернаторъ.

— Что вамъ надо, графъ?—гнѣвно спросила старуха. — Какъ вы смѣли такъ ворваться ко мнѣ? Это неприлично!

Она напоминала ночную хищную птицу съ своимъ горбатымъ носомъ, пронзительными, круглыми, тонувшими въ складкахъ вѣкъ глазами, съ загнутымъ подбородкомъ, съ сѣдыми и, несмотря на сонъ, порядливо закрученными бровями, съ лицомъ, окруженнымъ кружевами чепца. Голосъ ея звучалъ повелительно и рѣзко. Она привыкла и умѣла властвовать.

— Чрезвычайныя причины заставили меня такъ войти къ вамъ,—понизивъ тонъ, сказалъ Паленъ.

— Что бы ни произошло, это неприлично. Вы должны подчиняться этикету,—упрямо повторила старуха, злобѣще смотря на Палена изъ-подъ чепца.—Что случилось?

— Императоръ Павелъ скончался отъ апоплектического удара,—сказалъ Паленъ.

Графиня молча продолжала глядѣть на Палена, уничтожающе мѣря съ ногъ до головы военного губернатора.

— Его убили,—наконецъ проговорила она.

Паленъ пожалъ плечами.

— Ну, да, конечно,—сказалъ онъ нагло.—Отечество и нація избавились отъ тирана.

— Вы есть убійца вашего законнаго императора и клятвопреступникъ!—сказала сурово графиня и подняла руку, какъ бы призывая небо въ свидѣтели своихъ словъ.

— Государственная необходимость, польза отечества и единоедушное стремленіе всѣхъ честныхъ патріотомъ побудили покончить съ тираномъ, правившимъ не какъ монархъ, а какъ узурпаторъ,—сказалъ графъ Паленъ, начиная подергивать плечами и бѣгать взглядомъ подъ инквизиторскимъ, пристальнымъ, уничто-

жающимъ взглядомъ властной старухи.—Павелъ, какъ монархъ законный, не былъ тираномъ по приобрѣтенію власти — *tyrannus absque titulo*, но по способу ея употребленія—*tyrannus quoad exercitium*. Иоаннъ Салисбурійскій говоритъ: «Истинный государь борется за права и свободу своего народа. Тиранъ не успокаивается до тѣхъ поръ, пока онъ не попретъ ногами все законы, а народа не обратитъ въ рабовъ. Истинный князь есть отраженіе Бога. Тиранъ есть образъ діавола. Перваго должно любить, уважать, почитать, второго, по большей части, надо убивать». Цицеронъ въ книгѣ «*De officiis*» привѣтствовалъ тѣхъ, кто убили Юлія Цезаря, поправшаго республику. А Фома Аквинскій прямо говоритъ: «Восхваляется и награждается тотъ, кто умерщвляетъ тирана ради освобожденія своего отечества».

— Вы есть царевубійца и клятвопреступникъ!—упрямо повторила графиня, не спуская взора съ Палена, и опять подняла руку къ небесамъ.

Лицо Палена потемнѣло. Судорога прошла по его щекамъ. Онъ подошелъ къ столику, на которомъ стоялъ графинъ съ водой, сталъ наливать и жадно проглатывать стаканъ за стаканомъ, утоляя палящую жажду.

— Мы не обязаны повиноваться царю, — продолжалъ онъ затѣмъ, точно заливая свою совѣсть обиліемъ словъ, какъ заливалъ водою жажду.—Мы не обязаны повиноваться тирану, повелѣвающему противъ Божія закона. Ибо всякая истинная власть приходитъ отъ Бога и согласна съ Его волею. Наоборотъ, мы мятежники, если повинемся тирану, поправшему правду Божію. *Ergo, non tenemur regi contra legem Dei quid imperanti obedire, verum etiam, si obediamus, rebelles sumus*. Подданные должны всегда повиноваться. Но Кальвинъ прямо говоритъ, что именно и обнаруживается Божіе милосердіе, когда оно избавляетъ покорные народы отъ господства тирановъ при помощи особо избранныхъ мужей — братьевъ свободнаго духа, предопредѣленныхъ мстителей, исполненныхъ ревности Финеесовой и Духа Святаго.

— Выйдите вонъ, я буду молиться о вашемъ господинѣ, котораго вы убили,—сказала, складывая руки, графиня.

Палень какъ бы опомнился и злобно сверкнулъ глазами.

— Графиня, помолитесь вы еще успѣете,—сказалъ онъ повелительно:—я же припелъ къ вамъ именемъ императора Александра просить васъ довести поскорѣе до свѣдѣнія императрицы о кончинѣ ея супруга.

— Именемъ императора Александра!—повторила презрительно графиня.—Давно ли Александръ сталъ императоромъ? И кто провозгласилъ его?

— Вся нація,—отвѣчалъ Палень.

— Александръ еще дитя. Давно ли я ему уши драла,—сказала старуха.—Какой онъ императоръ! И кто спрашивалъ націю? Кто нуждается въ томъ, чтобы ее спрашивать! Нація! Русскіе — рабы и свиньи. Они повинуются палкѣ и желѣзной рукѣ.

— Въ сію минуту синодъ, сенатъ и весь генералитетъ уже собираются въ Зимнемъ дворцѣ и только ждутъ прибытія Александра, вдовствующей императрицы и прочихъ членовъ императорскаго дома и удостовѣренія въ кончинѣ Павла, чтобы присягнуть его законному наслѣднику.

— Вы клялись Александру сохранить жизнь императору Павлу, только низложить его и учредить регентство. Вы клятвопреступникъ. Государственные чины тоже ожидаютъ регентства.

— А, вы знаете, что я клялся Александру. Но вольно же ему было требовать съ меня такую явно неисполнимую клятву! Клялись мои уста. Сердце мое свободно отъ клятвы, ибо въ умѣ я прибавилъ оговорку.

— Несчастливая императрица! Несчастный Александръ! Бѣдный мальчикъ! Что-то переживаетъ онъ? — поддаваясь смягчающему вліянію скорби, сказала старуха.—Вы не смѣли проливать кровь его отца!

— А вы думали, что революціи совершаются на честное слово! Ха-ха!—свирѣпо осклабился Паленъ.

— Государственные чины предполагали регентство, а не царубійство,—сказала съ отвращеніемъ графиня.

— О, имъ не въ первый разъ! Они спокойно перешагнутъ и черезъ эту кровь. Провидѣніе показываетъ явное милосердіе Россіи и русскому народу, чисто и быстро чрезъ predeterminedныхъ мужей, истребляя тирановъ націи. Революція, лишившая имперіи Іоанна VI, окончилась черезъ четыре часа! Революція, жертвой которой палъ Петръ III, продолжалась 24 часа! Эта революція, въ которой погибъ Павелъ, длится уже три часа. Чѣмъ скорѣе мы ее кончимъ, тѣмъ лучше. Вставайте, графиня! Идите къ императрицѣ и возвѣстите ей волю императора Александра — немедленно ѣхать въ Зимній дворецъ для принесенія ему присяги.

— Я знаю Паленъ, что въ груди вашей сердце тигра, — сказала старуха, безъ церемоніи откидывая одѣяло и сходя съ постели въ ночномъ туалетѣ. — Вы смѣлый, отчаянный разбойникъ! Но и я не сахарная и знаю свои обязанности. Александръ родился еще тогда, какъ бѣдный Павелъ Петровичъ былъ всего только великимъ княземъ.

Говоря это, старуха надѣвала верхнюю юбку на теплую байковую, въ которой спала, плисовые сапоги на ноги и бархатную тѣлогрѣйку съ шифромъ.

— Что вы этимъ хотите сказать, графиня?—спросилъ Паленъ, вновь принявшійся за графиню съ водою.

— То, что истинный отпрыскъ крови императорской, истинный наслѣдникъ есть малолѣтній великій князь Михаилъ, первый въ Россіи, родившійся отъ императора со времени провозглашенія таковымъ Петра Великаго, потому, что онъ имѣетъ по времени рожденія уже по коронованіи и помазаніи его отца высшія права на тронъ, чѣмъ трое другихъ великихъ князей, которые были только сыновья великаго князя ¹⁾.

Объясняя это, графиня замѣнила ночной чепецъ параднымъ токомъ и взяла натуральную вязовую клюку и обѣими руками уперлась на нее, все не спуская глазъ съ Палена.

— Но Александру, какъ наслѣднику престола, присягала гвардія при воцареніи его отца. Наконецъ изданный покойнымъ императоромъ законъ о престолонаслѣдіи...

— Александръ, какъ все же замѣшанный въ убійствѣ отца, благодаря вашему клятвопреступленію, Паленъ, да! — кивая зловѣще головой, говорила старуха, — Александръ не рѣшится принять корону и занять окровавленный тронъ. Онъ устрашится тѣни отца, которая будетъ тогда преслѣдовать его. Что дѣлаетъ Александръ?

— Лежить на диванѣ у себя и плачетъ. Однако, не выказаль даже никакого желанія видѣть останки родителя. И... вы плохо знаете этого юношу, графиня!—заключилъ Паленъ.

Но онъ говорилъ теперь совсѣмъ уже иначе, почтительно склоняя высокій свой станъ предъ старухой, которая съ клюкой своей казалась волшебницей, распоряжающейся судьбами императорскаго семейства.

— Вы не знаете Александра!—повторилъ онъ.

— Я Александра за уши драла,—сказала опять старуха.—Должно быть регентство и вдовствующая императрица регентшей,—рѣшила она и пожевала губами, усиленно соображая.

— Что же, и эта комбинація недурна. Я не возражаю, — съ ужимкой сказалъ Паленъ.

— Я васъ знаю. Вамъ бы только сохранить власть,—сказала старуха.

— Странно было бы мнѣ теперь уничтожиться, если я умѣлъ служить при такомъ государѣ, какъ покойный! Я похожъ вообще

¹⁾ «Le 28 janvier naquit le grand duc Michel. Ce fut un grand événement à la cour parce que c'était le premier fils de l'Empereur, fils d'empereur, qui naquit en Russie et que les discussions à ce sujet furent sans nombre. Je me souviens distinctement d'une personne qui demanda si, en sa qualité de fils d'empereur, le nouveau-né n'avait pas des droits au trône fort supérieurs à ceux des trois princes, ses frères aînés qui n'étaient que fils de grand duc et que la galerie fut partagée dans ses avis». Comte Fédor Golovkine. La cour et le règne de Paul I-er, p. 168. Paris. 1906.

на тѣ фигурки, которыя каждый разъ поднимаются на ноги, сколько ихъ ни роняй.

— Вы бы и сами не прочь поцарствовать, Паленъ, а? — подозрительно спросила старуха.

Паленъ засмѣялся, не раскрывая рта.

Un soldat tel que moi peut justement prétendre
A gouverner l'État, quand il l'a su défendre ¹⁾

продекламировалъ онъ.

— Кто командуетъ войсками дворца?—спросила старуха.

— Генераль Бенигсенъ,—отвѣчалъ Паленъ.

Они мгновеніе молча воззрились другъ на друга.

— Я пойду къ императрицѣ,—сказала графиня Ливенъ.

— Вамъ должно узнать пароль и лозунгъ. Часовые не пропустятъ васъ безъ этого,—сказалъ графъ Паленъ.

— Посмотрю я, какъ это они меня посмѣютъ не пропустить!— поднимая надменно голову и ударивъ клюкой объ полъ, сказала графиня Ливенъ.—А какъ?—подумавъ, прибавила она.

— Золотой овенъ и... графъ Паленъ! — запнувшись, сказалъ графъ Паленъ.

— Вы дуракъ, Паленъ! — гнѣвно сказала графиня Ливенъ. — Отворите мнѣ дверь. Съ чего это вы ее на ключъ заперли? Моя камеръ-фрейлина можетъ Богъ знать что подумать.

Графъ Паленъ поспѣшилъ отворить дверь настежь и съ низкимъ поклономъ пропустилъ впередъ старуху.

Она вышла, стучая клюкой, и быстро направилась въ аппартаменты императрицы.

Сторожевой постъ, расположенный внизу лѣстницы, скрестилъ штыки. Графиня властно потребовала пропуска. Штыки опустились. Въ каждой залѣ она натыкалась на часовыхъ и всѣ ей безропотно покорялись. Въ послѣдней залѣ, которая открывала доступъ съ одной стороны къ аппартаментамъ императрицы, а съ другой—къ покоямъ императора, запретъ слѣдовать дальше былъ выраженъ безапелляціонно — стража тутъ была особенно многочисленна и рѣшительна.

— Какъ вы смѣете меня задерживать?—грозно крикнула графиня. — Вы головой за это отвѣтите! Я иду къ государынѣ съ докладомъ и вы не смѣете мѣшать мнѣ въ исполненіи моихъ обязанностей!

Дежурный офицеръ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, пропустилъ властную старуху.

¹⁾ Солдатъ, подобно мнѣ, можетъ справедливо предъявлять права на управленіе государствомъ, когда онъ знаетъ, какъ его защищать. Изъ «Меропы» Вольтера.

CVI.

Императрица не можетъ царствовать.

Не прошло четверти часа, что графиня Ливенъ вошла къ Маріи Ѳеодоровнѣ, какъ императрица, въ невыразимомъ волненіи, въ полубезуміи, съ распущенными волосами, босая и въ одной рубашкѣ, какъ вскочила съ постели, выбѣжала изъ спальни съ воплемъ:

— Я хочу его видѣть! Что они съ нимъ сдѣлали! О, что они съ нимъ сдѣлали!

Поспѣшавшая за ней, испуганная и недоумѣвающая графиня Ливенъ едва успѣла накинуть на плечи императрицы соболій солопъ.

Съ криками и рыданіями императрица побѣжала парадными покоями своихъ апартаментовъ къ спальнѣ супруга.

Дежурный офицеръ осмѣлился было коснуться ея руки, убѣдительно представляя, что онъ имѣетъ формальное строжайшее приказаніе рѣшительно никого не пропускать въ опочивальню къ усопшему.

Императрица рванулась отъ него съ воплемъ:

— Прочь, убійца!—и устремилась впередъ.

Старуха Ливенъ, неодобрительно покачивая головой, пошла вслѣдъ за ней.

Въ прихожей, около запертыхъ дверей опочивальни императора, находился пикетъ семеновцевъ подъ командою капитана Александра Волкова. Этотъ офицеръ былъ лично извѣстенъ императрицѣ и пользовался особымъ ея покровительствомъ.

Императрица бросилась къ дверямъ, восклицая:

— Пустите меня! Пустите меня.

Но гренадеры скрестили штыки.

— Государыня, успокойтесь ради Бога!—умолялъ Волковъ. — Мы не можемъ васъ пропустить.

— Волковъ! Пустите меня! Заклинаю васъ всѣмъ святымъ! Пустите!—повторяла императрица, съ безумно блуждающимъ взоромъ, простирая къ нему обнаженные руки. — Пустите меня къ моему милому другу, если только въ груди вашей человѣческое сердце!

— Государыня, невозможно! Невозможно, государыня! — самъ теряя голову и ломая руки, повторялъ Волковъ.

— Солдаты! Пустите вашу императрицу! Я умоляю васъ на колѣняхъ!

И Марія Ѳеодоровна стала на колѣни передъ гренадерами, все державшими штыки скрещенными.

Слезы потекли по грубымъ лицамъ старыхъ гренадеръ.

— Государыня, матушка ты наша!—рыдающимъ голосомъ сказалъ одинъ изъ нихъ. — Понимаемъ мы горе твое, родимая! Чувствуемъ мы! Да не приказано намъ!

— Такъ убивайте же и меня!—вскричала императрица и грудью надвинулась на штыки, такъ что гренадеры едва успѣли принять ихъ.

Но въ это время подъ одну руку ея подхватила подоспѣвшая Шарлотта Карловна Ливенъ, а подъ другую—извѣщенный о происходившемъ и прибѣжавшій ближайшій другъ императрицы шталмейстеръ Сергѣй Ильичъ Мухановъ. Они подняли императрицу, оба убѣждая ее успокоиться, Ливенъ по-нѣмецки, а Мухановъ по-французски, представляя ей доводы бесполезности ея попытки въ данную минуту проникнуть въ опочивальню усопшаго супруга. Императрица разразилась рыданіями, проливая потоки слезъ, и, обезсиленная, дала себя увести. Въ сосѣднемъ покоѣ императрицу встрѣтили двѣ фрейлины съ чулками и туфлями, въ которыя и поспѣшили облечь окоченѣлыя ея ножки. Потомъ онѣ увели императрицу въ собственные апартаменты. Мухановъ поспѣшилъ за лейбъ-медикомъ Бекомъ. Вслѣдъ за нимъ, все неодобрительно покачивая головой, вышла и оберъ-гофмейстерина Ливенъ. Имъ навстрѣчу шелъ генералъ Бенигсенъ.

— Что здѣсь происходитъ?—спросилъ онъ.

— Императрица въ ужасномъ состояніи,—сказалъ Мухановъ.— Она рвется въ опочивальню супруга.

— О, невозможно! Сейчасъ совершенно невозможно!—сказалъ генералъ Бенигсенъ.

— Позовите хотя Бека! Ей необходимо пустить кровь!—просилъ Мухановъ.

— Докторъ Бекъ съ прочими приготовляетъ тѣло къ выставленію. Работа очень трудная! Покойный сильно обезображенъ,—объяснилъ Бенигсенъ. — Вотъ почему невозможно допустить императрицу въ опочивальню.

— Ея величество изволили справляться, кто командуетъ дворцовыми войсками—сказала графиня Ливенъ,—и, узнавъ, что вы, приказываетъ вамъ къ ней явиться.

— Я къ услугамъ ея величества!—отвѣчалъ Бенигсенъ.

— Какъ только императрица будетъ одѣта, васъ позовутъ,—сказала сурово статсъ-дама и величественно удалилась въ покои императрицы.

Но, входя въ нихъ, старуха, тяжело стучая костью, пробормотала себѣ подъ носъ по-нѣмецки:

— Нѣтъ, она не хочетъ, не можетъ и не должна царствовать!

CVII.

Подъ арестомъ.

Черезъ полчаса генераль Бенигсенъ былъ позванъ къ вдовствующей императрицѣ. Государыня, спокойная и холодная, какъ мраморная статуя, въ глубокомъ траурѣ, закутанная чернымъ крепомъ, сидѣла въ креслахъ.

По знаку ея графиня Ливенъ и фрейлины удалились.

— Вамъ ли поручено командовать здѣшними войсками?—спросила императрица.

— Такъ точно, ваше императорское величество! — почтительно отвѣчалъ генераль Бенигсенъ.

— Значитъ, я вами арестована?—спросила, съ кротостью поднимая глаза къ небу, императрица.

— Совсѣмъ нѣтъ. Возможно ли это?—отвѣчалъ Бенигсенъ.

— Но кругомъ караулы!

— Ваше величество, это объясняется лишь необходимостью принять нѣкоторыя мѣры предосторожности для безопасности императорской фамилии.

— Слѣдовательно, ей угрожаетъ опасность?

— Здѣсь никакой. Но можно было ожидать безпорядковъ вокругъ замка. Все обошлось однако благополучно. Все спокойно. И всѣ мы находимся здѣсь, чтобы охранять особу вашего величества!

— Все спокойно! О, какъ ужасно это спокойствіе!—прошептала императрица, склоняя голову на поднятую руку.—А впереди еще жизнь! Жить! Послѣ этого жить!

Наступило молчаніе.

Генераль Бенигсенъ кашлянулъ въ руку и началъ:

— Императоръ Александръ поручилъ мнѣ...

— Императоръ!—вскричала Марія Ѳеодоровна:—Александръ императоръ! Но кто провозгласилъ его императоромъ?

— Голосъ націи,—сказалъ Бенигсенъ.

— Какъ онъ могъ согласиться принять тронъ? Кровь отца...

— Благо скорбнаго отечества заставило великодушнаго императора подавить сыновнія свои чувства,—прервалъ слова императрицы Бенигсенъ важно.

— Ахъ, я не признаю его!—сказала императрица. И, понизивъ голосъ, прибавила:—прежде, чѣмъ онъ не отдастъ мнѣ отчета въ своемъ поведеніи.

— Въ настоящую минуту,—продолжалъ Бенигсенъ,—склонившись на доводы разсудка, подавивъ скорбь свою, движимый любовью къ отечеству, молодой государь нашъ проявилъ самоот-

верженное великодушіе. Онъ явился войскамъ гвардіи, находящимся во дворцѣ, и затѣмъ, сѣвъ въ карету, отправился въ Зимній дворецъ, гдѣ уже собрался синодъ, сенатъ и генералитетъ для единодушнаго провозглашенія императоромъ Александра. Кромѣ того, въ Лондонъ уже посланъ курьеръ для возвѣщенія, что новый императоръ прекращаетъ враждебныя Англии дѣйствія,—понижая голосъ, заключилъ Бенигсенъ.

— Но что еще скажутъ въ Берлинѣ!—какъ бы про себя сказала императрица.

— Должно повиноваться обстоятельствамъ.

— Что вы мнѣ говорите? Не мнѣ повиноваться.

Императрица встала, взяла Бенигсена за руку и, увлекая къ дверямъ, сказала:

— Приказываю вамъ отворить мнѣ опочивальню покойнаго супруга моего! Я желаю видѣть его тѣло! Я посмотрю, какъ вы меня ослушаетесь!

— Это невозможно,—холодно сказалъ Бенигсенъ.—До прибытія императора Александра изъ Зимняго дворца и выставленія тѣла для общаго поклоненія я не могу васъ допустить въ опочивальню покойнаго. Теперь я даже не могу васъ выпустить изъ этихъ покоевъ!

— Я вамъ приказываю!—настаивала императрица.

— Это невозможно,—прислоняясь къ дверямъ спиною и складывая руки на груди, сказалъ Бенигсенъ.

Императрица, шепча что-то по-французски и поднявъ полныя слезы глаза къ небу, отошла отъ него и сѣла опять въ кресло.

Наступило молчаніе. Бенигсенъ отошелъ отъ двери.

Хладнокровіе Бенигсена начинало раздражать императрицу. Она рвала конецъ плерёзы. Потомъ опять порывисто встала и, схвативъ Бенигсена за руку, подвела къ двери.

— Приказываю вамъ пропустить меня!—топая ногой, сказала она.

— Повиноваться вашему величеству не въ моей власти. Но желаніе ваше скоро будетъ удовлетворено, однако подъ однимъ условіемъ,—почтительнѣйше отвѣтилъ Бенигсенъ.

— Какое это условіе?—нетерпѣливо спросила императрица.

— Чтобы ваше величество соблаговолило успокоиться,—съ поклономъ отвѣчалъ Бенигсенъ.

Это вывело изъ себя императрицу.

— Не вамъ предписывать мнѣ условія!—сказала она рѣзко.—Ваше дѣло повиноваться мнѣ! Я желаю видѣть тѣло моего супруга. Велите сейчасъ отворить двери опочивальни!

Бенигсенъ не отвѣчалъ. Императрица опять сѣла въ кресло.

— Это невыносимо! Это невыносимо! — повторяла она. — О, я заставлю васъ въ этомъ раскаяться!

И она грозила Бенигсену пальцемъ.

Время шло. Вдругъ брякнули ружья часовыхъ за дверью. Она широко распахнулась, и вошелъ графъ Паленъ.

— Ваше величество желали поклониться тѣлу скоропостижно скончавшагося отъ апоплектического удара императора, супруга вашего,—сказалъ онъ.—Теперь это можно. Пожалуйте.

СVIII.

Дней Александровыхъ начало.

Императрица призвала графиню Ливенъ, фрейлину, шталмейстера Муханова и приказала изготовиться къ выходу въ опочивальню покойнаго императора.

Явились въ траурныхъ бѣлыхъ коленкоровыхъ платьяхъ великія княжны Анна и Екатерина. Онѣ, разразившись рыданіями, бросились на колѣни передъ сидящей императрицей, обнимали ея ноги и цѣловали руки.

Рыдающая императрица привлекла ихъ въ объятія; ихъ слезы и вздохи смѣшались.

Затѣмъ императрица встала и, опершись на руку шталмейстера Сергѣя Ильича Муханова, медленно двинулась парадными покаями къ опочивальнѣ супруга, сопровождаемая великими княжнами, Шарлоттой Карловной Ливенъ, которую велъ подъ руку генералъ Бенигсенъ, фрейлинами и прочими особами свиты.

По пути черезъ залы императрица, обезсиленная скорбью, нѣсколько разъ садилась отдыхать, восклицая при этомъ:

— Gott helfe mir ertragen ¹⁾!

Стояшіе у всѣхъ дверей часовые отдали честь. А когда шествіе приблизилось къ спальнѣ, капитанъ Волковъ скомандовалъ:

— Вонъ!

И усиленный караулъ выстроился. Повитые крепомъ, слабо спущенные барабаны глухо загрохотали, императрица уронила голову на грудь, почти теряя чувство, такъ что шталмейстеръ Мухановъ поддерживалъ ее за талию обѣими руками. Вступили въ опочивальню. На выдвинутой походной кровати, между теплившимися блѣднымъ пламенемъ свѣчами въ высокихъ церковныхъ подсвѣчникахъ, лежало маленькое тѣло почившаго императора Павла Перваго, облеченное въ гвардейскій мундиръ и осѣненное огромной треугольной шляпой. Брильянты розетки на ней сверкали, какъ слезы.

Около стоялъ докторъ Роджерсонъ.

Едва императрица увидѣла тѣло супруга, громкій вопль излетѣлъ изъ груди ея.

¹⁾ (Боже, помоги мнѣ перенести).

Шталмейстеръ Мухановъ и докторъ Роджерсонъ поддержали Марію Θεодоровну. Великія княжны тихонько заплакали.

Съ минуту всѣ стояли неподвижно. Страшная тишина была вокругъ мертвеца.

Тогда императрица стала приближаться къ тѣлу. Колѣни ея медленно сгибались, и она поникла, цѣлуя маленькую, изящную, уже пожелтѣвшую, восковую руку императора.

— Ахъ, другъ мой!—могла она только проговорить.

Вдругъ загрохотали барабаны караула, стоявшаго съ другой стороны опочивальни.

Вошли Александръ и Елизавета, сопровождаемые графомъ Паленомъ и княземъ Платономъ Зубовымъ.

Златокудрый, юный Александръ, несмотря на всю скорбь свою, проѣхавшись въ Зимній и обратно, овѣянный весеннимъ дыханіемъ солнечнаго, прелестнаго утра, получивъ уже множество знаковь безпредѣльнаго обожанія со стороны государственныхъ чиновъ, гвардіи и толпившагося на улицахъ радостнаго народа, входя въ опочивальню, внесъ съ собою струю жизни и отраженіе блеска ея на нѣжныхъ алыхъ устахъ и чуть опущенныхъ ланитахъ и на прекрасныхъ очахъ своихъ.

Но когда онъ впервые увидѣлъ изуродованное лицо своего отца съ надвинутымъ на проломленный високъ и зашибленный глазъ краемъ шляпы, накрашенное и подмазанное и все же, несмотря на гримировку, обнаруживавшее ужасные синіе кровоподтеки, тогда юноша впервые ясно понялъ и представилъ себѣ, что произошло съ несчастнымъ родителемъ его. Пораженный, нѣмой, побѣлѣвъ, какъ полотно, недвижно остановился онъ, вперивъ широко раскрытый, полный ужаса взоръ на страшныя останки самодержца.

Императрица-мать на шумъ обернулась къ входящимъ.

Нѣсколько мгновеній она переводила взоръ съ сына на мертваго мужа и обратно.

Затѣмъ, отступивъ отъ тѣла, она сказала сыну, негромко, но отчетливо, съ выраженіемъ глубочайшаго горя и совершеннаго достоинства.

— Теперь васъ поздравляю:—вы императоръ.

При этихъ словахъ императоръ Александръ, какъ снопъ, рухнулъ во весь ростъ безъ чувствъ.

Никто не успѣлъ поддержать его.

И слышно было, какъ античная, златокудрая голова его звонко ударилась объ полъ.

Императрица взглянула на сына безъ всякаго волненія, взяла подъ руку шталмейстера Муханова и, поддерживаемая имъ и графиней Ливенъ, удалилась въ свои апартаменты.

Н. А. Энгельгардтъ.

21 января 1907 года. Спб.

ЗАПИСКИ РЕПОРТЕРА.¹⁾

ЛІІІ.

ОЕННО-медицинская академія праздновала свой столѣтній юбилей. Если о человѣкѣ говорится: вѣкъ прожить — не поле перейти, то къ высшему учебному заведенію это приложимо еще съ большимъ правомъ: не мало за сто лѣтъ академія пережила всякихъ пертурбацій.

На юбилей были приглашены почти всѣ западно-европейскіе свѣтила медицины — и многіе изъ нихъ пріѣхали и присутствовали на всѣхъ торжественныхъ засѣданіяхъ, хотя по-русски и не понимали. Юбилейное торжество началось актомъ въ актовомъ залѣ академіи 17 декабря 1898 года. Актъ обыкновенно празднуется 18 декабря, на этотъ разъ его провели днемъ раньше. Публики собралось очень много, и здѣсь мы, петербуржцы, никогда не бывавшіе въ Парижѣ, впервые увидѣли «безсмертнаго», т. е. члена французской академіи наукъ. Его форма—черный фракъ, обшитый по бортамъ зеленой ниточкой въ видѣ разводовъ, орденская ленточка—и только. Просто и изящно. Представитель медицинскаго факультета въ Парижѣ былъ въ ярко-красной мантии и въ беретѣ на головѣ. Англичане явились просто въ сюртукахъ; бельгіецъ—въ раззолоченномъ мундирѣ. Всѣ они важно засѣдали въ креслахъ и съ большимъ терпѣніемъ слу-

¹⁾ Окончаніе. См. Историческій Вѣстникъ», т. СХ, стр. 408.

шали. А терпѣніемъ вооружиться было необходимо: профессоръ Гундобинъ прочелъ обычную на этомъ актовомъ торжествѣ академическую рѣчь. Онъ прочелъ ее прекрасно, внятно и наизусть, но читалъ такъ долго и такъ злоупотребилъ терпѣніемъ публики, что она въ глубинѣ души послала его къ самому Вельзевулу, а я грѣшный—и дальше.

Начальника академіи В. В. Пашутина на этомъ актѣ, къ общему удивленію, не было вовсе: онъ захворалъ. Говорили, будто бы причиною его хвори въ такой торжественный моментъ были юбилейныя огорченія и хлопоты. Общій говоръ сводился къ тому, что онъ будто бы повелъ дѣло такъ, что не угодилъ ни военному министру, ни профессорамъ, ни студентамъ, ни гостямъ—и этимъ всѣхъ сумѣлъ возстановить противъ себя. Насколько это вѣрно—не знаю, но слышалъ я это отъ одного изъ профессоровъ и не вѣрить не имѣю основаній. Вообще, насколько можно судить по отзывамъ, Пашутинъ ничѣй любовью не пользуется, и лицъ, имъ недовольныхъ, множество. Его часто сравниваютъ съ покойнымъ начальникомъ академіи Байковымъ и при этомъ Байкова, какъ бы въ пику Пашутину, превозносятъ до небесъ.

— Образцовый былъ начальникъ покойничекъ, а для студентовъ былъ прямо заступникъ и отецъ родной. Къ нему студентъ смѣло шелъ со всякою нуждою и виною. Является студентъ съ поникшей головою и начинаетъ разговоръ запинаясь.—«Съ чѣмъ пожаловать изволили-съ? — спрашиваетъ Байковъ.—Набѣдокурили?»—«Виновать, ваше превосходительство, въ нетрезвомъ видѣ городского съ ногъ сшибъ и бока ему намаялъ...» — «То-то: бока намаялъ... Академію только конфузите, сударь! Учиться надо, а не бока полиціи мять... Объ вашемъ подвигѣ уже бумажка отъ градоначальника есть-съ».—«Виновать, ваше превосходительство...»—«Вы виноваты, а я за васъ отвѣчать долженъ-съ... Стыдно-съ... Подъ судъ слѣдовало бы отдать васъ... Идите-съ...»—Уходитъ студентъ, а начальникъ на полицейскую бумагу отвѣчаетъ офиціально: «Такой-то студентъ, такого-то курса за свой поступокъ уже отбываетъ наказаніе, о чемъ и имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство... Вотъ каковъ былъ покойничекъ. Теперешнему далеко до него... Какъ небо отъ земли.

Этотъ рассказъ я слышалъ изъ устъ одного изъ почтенныхъ профессоровъ, называть котораго не считаю себя въ правѣ.

Всѣ необходимыя для газеты свѣдѣнія любезно были намъ сообщены въ канцеляріи. Нужно отдать полную справедливость: и профессора, и канцелярія, и студенты были съ представителями печати замѣчательно любезны, предупредительны и хороши. Профессоръ В. Н. Сиротининъ передалъ мнѣ билетъ въ кресло на юбилейный, парадный спектакль, а Н. П. Симановскій—билетъ на товарищескій обѣдъ профессоровъ въ залѣ Кононова. Такіе же

билеты, по моей просьбѣ, онъ далъ Лесману («Новости») и Ходневу («Правительственный Вѣстникъ»), прося ихъ однакоже, чтобы они не проболтались, такъ какъ «билетовъ больше не хватитъ». Мнѣ лично было очень пріятно пообѣдать въ средѣ профессоровъ академіи, изъ которыхъ многіе были моими друзьями, но меня этотъ обѣдъ не очень манилъ: я былъ очень утомленъ. Въ академіи актъ кончился, по обычаю, поздно, люди добрые поѣхали обѣдать, а я долженъ былъ, забывая о желудкѣ, отправляться въ редакцію, гдѣ и проработалъ часа полтора надъ отчетомъ о юбилейномъ актѣ. Къ профессорскому обѣду я пріѣхалъ почти разбитымъ и попалъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда закуска была уже почти расхищена, и на мою долю остались однѣ] только рыбы косточки да нетронутыя колбасы.

Кстати, по поводу колбасъ. Участвуя въ огромномъ числѣ всевозможныхъ парадныхъ обѣдовъ, я замѣтилъ два постоянныхъ и непреложныхъ явленія. Въ числѣ закусокъ къ водкѣ подаются всегда простыя, дешевыя колбасы и ихъ, между прочимъ, никто никогда не ѣстъ: предпочитаютъ болѣе пикантные деликатессы. Тарелки съ вареной и копченой колбасою прислуга уносятъ нетронутыми. Спрашивается, для чего онѣ подаются и куда потомъ дѣваются? Всего вѣроятнѣе, что эти неизбежные ломтики переходятъ по наслѣдству отъ юбилея къ юбилею и отъ обѣда къ обѣду. Иначе рестораторы были бы въ прямомъ убыткѣ...

Карточка-меню была иллюстрирована. Наверху—зданіе академіи, а внизу—студенты въ различныхъ обмундированіяхъ, мѣнявшихся въ теченіе ста лѣтъ. Первоначальная форма была въ видѣ военного фрака, какъ у гоголевскаго городничаго въ «Ревизорѣ», на головѣ — треуголка. Теперешняя, позднѣйшая извѣстна всѣмъ. Между этими двумя формами помѣщена третья—молодой человекъ въ широкополой шляпѣ, съ длинными, до плечъ волосами, въ статскомъ пальто и съ пледомъ, небрежно накинутомъ на плечи. Эта фигура выхвачена изъ того короткаго времени, когда студенты не носили никакой формы. На рисункѣ она вышла симпатичнѣе всѣхъ.

Обѣдъ прошелъ, какъ и подобаетъ. Сначала тосты и рѣчи говорились по заранѣе составленному расписанію, но затѣмъ вскорѣ вино подогрѣло сердца и языки—стали говорить всѣ, кто хотѣлъ и кто во что гораздъ. Профессоръ-хирургъ М. С. Субботинъ произнесъ такой курьезный тостъ:

— Пью за врача обоого пола!..

Ему замѣтили, что за гермафродита публично пить какъ-будто и не совсѣмъ подобаетъ, но онъ не придалъ этому замѣчанію никакого значенія. «Gaudeamus» пѣли безъ конца съ оркестромъ и безъ оркестра. Зала была декорирована сообразно съ празднествомъ: въ нишахъ среди зелени были поставлены бюсты корифеевъ академіи: Боткина, Зинина, Руднева и Пирогова.

На этомъ обѣдѣ не было ни одного иностранца. Делегатовъ и иностранныхъ «безсмертныхъ» рѣшено угощать обѣдомъ здѣсь же завтра. Обѣдъ обѣщаетъ быть интереснымъ, но я отъ него отказался, такъ какъ дошелъ почти до переутомленія. Ночью я долго не могъ сомкнуть глаза отъ усталости. Нужно замѣтить, что для газетнаго человѣка официальные обѣды, какъ бы вкусны и изысканы они ни были,—одно только сплошное мученіе. Обѣдать, т. е. ѣсть спокойно и весело болтать съ сосѣдомъ или съ сосѣдкой о пустякахъ — одна статья; но обѣдать и въ то же время быть постоянно, отъ начала до конца, на сторожѣ, чтобы не пропустить ни одного тоста и ни одной рѣчи — совѣтъ иное дѣло. Кто не испыталъ, что значитъ держать въ одной рукѣ вилку и ножикъ, а другой наскоро записывать на бумажкѣ карандашомъ, да еще— держа записную книжку подъ скатертью, чтобы работа не была видна,—тотъ не можетъ понять, какъ тяжелы обѣды для репортеровъ. При этомъ репортеру пить не полагается изъ предосторожности. Я пробовалъ пить и въ такихъ случаяхъ записывалъ не все и возлагалъ надежды на память, но въ результатѣ описанія выходили въ газетѣ плохи: либо цвѣтисты, либо глупы. Когда выпьешь—критическое чувство притупляется, все кажется окрашеннымъ въ розовый цвѣтъ и въ отчетѣ отмѣчаешь и подчеркиваешь подчасъ совѣтъ не то, что нужно.

Самый гвоздь торжества—торжественное собраніе въ залѣ дворянскаго собранія—состоялось 18 декабря. Зала полна и блеститъ. Электрическій свѣтъ, звѣзды, мундиры, дамскіе туалеты, «безсмертные», смертные, делегаты, профессора, гости, городской голова, представители учреждений, жара, духота и т. д. Для прессы отведенъ столъ на эстрадѣ — и этотъ столъ быстро набился репортерами, какъ боченокъ сельдями. Температура поднялась страшно. Для трехъ тысячъ грудей не хватало воздуха. Военный министръ А. Н. Куропаткинъ прочелъ высочайшій рескриптъ, и за нимъ профессоръ Беллярминовъ затянулъ ровно на два часа длиннѣйшій и скучнѣйшій историческій очеркъ академіи. Его, т. е. профессора Беллярминова, костили въ душѣ на чемъ свѣтъ стоитъ. Очеркъ, конечно, былъ неизбеженъ, но впереди было не болѣе, не менѣе, какъ двѣсти пятьдесятъ восемь депутацій, изъ которыхъ каждая должна была произнести, по крайней мѣрѣ, хоть по одному слову. Публика потѣла, кисла, ругалась въ душѣ, но потомъ слегка повеселѣла, когда на эстраду, на которой сидѣла in cogrore академія, потянулись одна за другою депутаціи.

Мы, печать, утомленные и изможденные, не дождались конца приема депутацій и разбѣжались по своимъ редакціямъ писать и писать. Впереди была уйма работы...

Юбилейный день я, какъ репортеръ, началъ не дворянскимъ собраніемъ, а ранѣе. Утромъ я былъ въ академической домовой

церкви. Тамъ, по программѣ торжества, служилась обѣдня. Было нѣсколько профессоровъ, которымъ было вовсе не до службы, и два-три иностранца. Но иностранцевъ профессоръ Н. Г. Егоровъ— милѣйшій и симпатичнѣйшій человѣкъ—выпроводилъ изъ церкви, увѣряя ихъ, что служба протянется долго, что они устанутъ и что имъ, навѣрное, пріятнѣе будетъ покурить. Иностранцы сначала изъ вѣжливости упорствовали, ссылаясь на желаніе познакомиться съ благолѣпіемъ православнаго богослуженія, но потомъ вышли покурить, а затѣмъ и совсѣмъ уѣхали. И они не потеряли ничего: богослуженіе было самое заурядное и благолѣпіемъ не отличалось. Нашелся, впрочемъ, раззолоченный бельгіецъ, который выстоялъ всю обѣдню и молебень до конца; но что онъ вынесъ изъ этого—не знаю.

Тутъ же я узналъ и легенду, связанную съ академической церковью. Первоначально ее предполагалось устроить въ томъ помѣщеніи съ куполомъ, гдѣ теперь находится актовъ залъ. Залъ этотъ громаденъ, вмѣстителенъ и какъ разъ годился бы для храма, который теперь пріютился гдѣ-то сбоку, въ длинной четырехугольной комнатѣ. Первоначальный планъ пришлось, однакоже, измѣнить, потому что при постройкѣ зданія академіи въ куполѣ тепершняго актового зала повѣсилъ архитекторъ и этимъ осквернилъ мѣсто будущей церкви. По каноническимъ же правиламъ на оскверненномъ самоубійствомъ мѣстѣ ставить церкви нельзя. Буде же самоубійство совершится въ готовомъ уже храмѣ, то послѣдній подвергается очистительному богослуженію. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ рассказывали, самъ же я этого не провѣрялъ. Есть, впрочемъ, у меня въ памяти примѣръ, указывающій на то, что только что рассказанное—похоже на правду. Въ Москвѣ передъ постройкою нынѣшнихъ грандіозныхъ Теплыхъ рядовъ купцы долго не покидали Старыхъ рядовъ и этимъ тормозили постройку. Приказомъ генераль-губернатора ряды въ одинъ прекрасный день были очищены черезъ полицію. Одинъ изъ мѣстныхъ купцовъ объявилъ себя по этому поводу разореннымъ, пошелъ въ одинъ изъ кремлевскихъ соборовъ и тамъ зарѣзался между гробницами великихъ князей и прежнихъ царей. Послѣ этого событія, по распоряженію синода, храмъ стоялъ «впустѣ» до тѣхъ поръ, пока не было произведено очистительное освященіе. Объ этомъ печаталось въ тогдашнихъ московскихъ газетахъ.

Въ предпослѣдній день юбилейнаго празднества, 19 декабря, въ Маринскомъ театрѣ былъ данъ парадный спектакль. Поставили оперу «Игорь». Это былъ подарокъ дирекціи императорскихъ театровъ академіи въ честь ея юбилея. Все было обставлено парадно. Публика была во фракахъ, мундирахъ и при полныхъ регаліяхъ. Для иностранныхъ гостей либретто было переведено на французскій языкъ параллельно съ русскимъ. Выбрали для постановки

«Игоря» потому, что эта опера написана композиторомъ Бородинымъ — покойнымъ профессоромъ военно-медицинской академіи. Обстановка была восхитительная. Декорація и свѣтовые эффекты вечерней зари, ночи и разсвѣта были дивные. Публика требовала безпрестанныхъ повтореній и это затянуло спектакль настолько, что пришлось выбросить цѣликомъ весь третій актъ. Отмѣнно хороши были въ четвертомъ актѣ хоръ поселянъ и гудочники (дуэтъ). Ихъ тоже заставили повторить. Спектакль прошелъ на славу. Иностранные делегаты были всѣ въ сборѣ. Я слѣдилъ за ихъ лицами. Выраженіе на нихъ было очень довольное и удовлетворенное. Видно было, что они сравнивали молча свои европейскіе театры съ нашимъ и находили, что и мы въ сценическомъ отношеніи не отстали отъ Запада... Патріотически разсуждая—недурно, что иностранныхъ гостей познакомили съ русской, да еще вдобавокъ національной оперой, хотя бы и временъ 1185 года. Все же они меньше будутъ думать, что мы — медвѣди. Если ужъ во времена князя Игоря и хана Кончака Русь была такъ хороша. какъ ее изображаютъ на сценѣ, то теперь... и толковать нечего...

Послѣдній день, 20 декабря, былъ посвященъ осмотру учрежденій академіи. Прибыли иностранные делегаты и русскіе врачи къ назначенному часу. Разбили ихъ на группы, посадили въ кареты и въ экипажи и развезли, куда надо. Я и сотрудникъ «Сына Отечества» Ю. Н. Лавриновичъ затесались въ физическій кабинетъ Н. Г. Егорова, видѣли новый фонарь Цейса, электрическій приборъ д'Арсонваля и знаменитые опыты съ жидкимъ воздухомъ. Послѣ этого я написалъ въ редакціи и сдалъ въ типографію послѣдній отчетъ о юбилеѣ, пришелъ домой и съ облегченіемъ произнесъ: «Уфъ! Кончено! Довольно! Измыкался! Еще одинъ такой же юбилей—и меня не хватитъ»!.. Это былъ послѣдній, заключительный аккордъ юбилея. То же самое, какъ я узналъ потомъ, произнесли и профессора академіи отъ всей души и полной грудью...

LIV.

Катавасія съ хоругвями. Иначе трудно озаглавить рѣчь, которая пойдетъ дальше. Россія недавно утопала въ восторгахъ отъ франко-русскаго союза. Плавалъ нашъ флотъ въ Тулонъ, сдѣлали визитъ французскіе броненосцы въ Кронштадтъ, одну изъ набережныхъ въ Петербургѣ переименовали во «Французскую». Восторги эти, однакоже, скоро поостыли и улеглись. Началось мирное и спокойное переживаніе дружескихъ отношеній между двумя великими державами. Въ обществѣ все помаленьку стало сводиться къ сознанію, что у насъ, на случай войны съ Германией, есть надежный союзникъ—и все потекло спокойно. И въ газетахъ, и въ литературѣ вообще наступила, какъ говорится,

тишь да гладь. Но этой глади, нѣсколько времени спустя, суждено было всколыхнуться. Произошло маленькое и мало кому видимое международное обстоятельство, которое, съ одной стороны, косвенно задѣло меня и задало мнѣ работу, а съ другой—лишній разъ доказало, что съ нашимъ чиновно-канцелярскимъ міромъ не дай Богъ никогда имѣть дѣло. Міръ этотъ въ самое живое и интересное дѣло способенъ внести удушающую сухость и мертвечину. Въ настоящую минуту, когда я записываю эти строки подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ,—я злюсь.

Въ 1854 году, во время Крымской войны, союзная армія, во главѣ которой стояли французы, высадилась въ Евпаторіи и, какъ извѣстно, отсюда и начала военныя дѣйствія, закончившіяся Севастополемъ. Евпаторія сдѣлалась военной добычей непріятели, и французы вывезли изъ нея къ себѣ домой не мало добра. Увезли они въ Парижъ между прочимъ, въ качествѣ трофеевъ, и пару хоругвей, взятыхъ изъ какой-то мѣстной приходской церкви. На что понадобились имъ эти хоругви, не имѣющія ни рыночной, ни воинской цѣнности—рѣшить трудно. Какимъ-то чудомъ онѣ однакоже, сохранились во Франціи до нашихъ дней въ полной неприкосновенности. Съ ними-то и произошла исторія, о которой идетъ теперь рѣчь.

Всякому православному извѣстно, что еще со временъ Отечественной войны 1812 года въ нашихъ храмахъ 25 декабря, въ день Рождества Христова, служится благодарственный молебенъ, установленный по случаю избавленія Россіи отъ нашествія французовъ и съ ними—двадцати языкъ. Молебенъ этотъ долженъ щекотать французское самолюбіе не очень пріятно. Поэтому недавно въ печати было высказано—довольно робкое, впрочемъ,—мнѣніе о томъ, что разъ теперь мы заключили съ французами дружественный союзъ, то не мѣшало бы святѣйшему синоду это богослуженіе, касающееся «нашествія», отмѣнить, ибо нынѣ оно стало противорѣчащимъ смыслу союза анахронизмомъ. Робкій голосъ въ печати такъ и остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и синодъ на него и не вздумалъ откликнуться. Но вѣсть объ этомъ, благодаря проживающимъ въ Петербургѣ иностраннымъ корреспондентамъ, попала въ Парижъ, и мѣстныя газеты разнесли ее по всей Франціи. Наши друзья-французы оказались любезнѣе нашего синода и тотчасъ же откликнулись. Они сдѣлали намъ подарокъ—возвратили Россіи хоругви, вывезенныя пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ изъ Евпаторіи.

Кажется, чего бы лучше? Взаимныя симпатіи еще горячи, французы поступили очень мило, значитъ, объ этомъ событіи слѣдовало бы протрубить въ газетахъ на всю Россію, чтобы еще болѣе подогрѣть симпатіи нашего народа къ новымъ союзникамъ и политическимъ друзьямъ. Дурного въ этомъ нѣтъ ничего, а хорошее,

пожалуй, есть. Пресса такъ и хотѣла поступить, но господа чиновники рассудили иначе.

— Возьмите вашъ фотографическій аппаратъ,—сказалъ мнѣ сегодня редакторъ,—и, будьте добры, поѣзжайте съ нимъ сейчасъ же, пока еще свѣтло, во французское посольство. Оттуда только что любезно дали знать по телефону, что прибыли хоругви и что ихъ можно сфотографировать для газеты. Поѣзжайте, снимите и опишите ихъ. Это будетъ интересная вещьца для читателя.

Черезъ пять минутъ я уже былъ на извозчикѣ и ѣхалъ изъ редакціи къ себѣ домой за аппаратомъ, а потомъ, зарядивъ его, я быстрымъ аллюромъ, на какой только способна кляча питерскаго извозчика, мчался въ посольство. Но тутъ меня постигла неудача. Въ посольствѣ приняли меня очень любезно, но тономъ искренняго сожалѣнія заявили:

— Увы, хоругвей у насъ уже нѣтъ. Онѣ отправлены въ министерство иностранныхъ дѣлъ и отправлены всего только какихъ-нибудь десять минутъ тому назадъ. Если бы вы пріѣхали немножко пораньше, мы могли бы задержать ихъ отправку... Жаль, очень жаль, но что же дѣлать? Спѣшите скорѣе въ министерство: можетъ быть, тамъ вамъ удастся сдѣлать снимокъ. А это было бы интересно для русской печати и для русской читающей публики. Поспѣшите, можетъ быть, успѣете...

Распростившись съ любезнымъ аташе посольства и погоняя извозчика въ хвостъ и въ гриву, я помчался въ министерство. Тутъ меня по первому же абцугу подвергли цѣлому ряду допросовъ. Первый допросилъ швейцаръ:

— Что угодно?

Я объяснилъ.

— Это касаето дежурнаго чиновника. Пожалте на верхъ, а ящичекъ оставьте здѣсь.

Дежурный чиновникъ, въ воротничкахъ, подпиравшихъ и оттопыривавшихъ уши, выслушавъ меня, сообщилъ, что хоругви дѣйствительно прибыли, но что едва ли мнѣ позволятъ сдѣлать съ нихъ снимокъ.

— Позволь вамъ, такъ могутъ явиться и изъ другихъ газетъ,—глубокомысленно замѣтилъ онъ.

— Тѣмъ лучше. Скорѣе и обширнѣе распространятся свѣдѣнія о любезномъ поступкѣ французовъ,—отвѣтилъ я.

— Такъ-то оно такъ. Но кто его знаетъ, можетъ быть, этого разглашать и не захотятъ... Впрочемъ, это зависитъ не отъ меня, а отъ его превосходительства. Я сейчасъ доложу его превосходительству.

— Будьте добры, прихватите съ собою мою визитную карточку. На ней обозначено, кто я и отъ какой газеты.

Дежурный чиновникъ неохотно взялъ протянутую карточку, поднесъ ее близко къ глазамъ, прочелъ и еще неохотнѣе отвѣтилъ:

— Хорошо, я доложу... Но только едва ли вамъ удастся... Отчего не сняли фотографію, когда хоругви были еще въ посольствѣ, а не у насъ?

— Развѣ это не все равно?

— Конечно, не все равно. Въ случаѣ чего-либо неладнаго— отвѣтственность лежала бы на посольствѣ, а не на насъ... Тамъ—экстерриториальность... А здѣсь—другое дѣло. Потрудитесь подождать.

Чиновникъ медленно ушелъ, а я остался ждать, поминутно поглядывая черезъ окошко на хмурое небо, дававшее очень мало свѣта для фотографированія. Ждать мнѣ пришлось довольно долго, и мысленно я уже рѣшилъ снимать при вспышкѣ магнія.

— Пожалуйста къ его превосходительству,—послышался сзади меня голосъ чиновника.—Я сдѣлалъ для васъ и для редакціи все, что могъ, и въ случаѣ неудачи на меня не пеняйте.

— Мерси.

— Проводите ихъ... въ кабинетъ...

Послѣдняя фраза относилась уже не ко мнѣ, а къ другому чиновнику, который, оглядѣвъ меня съ ногъ до головы, показалъ мнѣ рукою дорогу по коридору и пошелъ со мною рядомъ.

— Вы насчетъ хоругвей?—заговорилъ онъ.

— Да.

— Отъ редакціи такой-то газеты?

— Да.

— Гм... Хотите снять фотографію?

— Да.

— Гм...

Меня ввели въ обширный кабинетъ съ огромнымъ письменнымъ столомъ, за которымъ засѣдалъ его превосходительство—небольшого роста старичокъ, вертѣвшій въ рукахъ мою визитную карточку. Старичокъ, не поднимаясь съ кресла и не подавая мнѣ руки, величественно, хотя и немножко нервно, пригласилъ меня сѣсть на стулъ, стоявшій сбоку у другого конца стола, и началъ прямо съ плеча.

— Не могу, положительно не могу... Почему вы не снимали, пока хоругви были въ посольствѣ, а не у насъ? Тогда посольство въ случаѣ чего и отвѣчало бы... У нихъ—экстерриториальность...

— Странно,—подумалъ я:—его превосходительство говоритъ точно подъ диктовку дежурнаго чиновника.

— Хоругви присланы президентомъ Франціи государынѣ императрицѣ,—продолжалъ его превосходительство:—Богъ ее вѣдаетъ, куда ей угодно будетъ опредѣлить ихъ... Можетъ быть, она отошлетъ ихъ обратно въ Евпаторію... А можетъ быть, она вовсе не

пожелаетъ, чтобы ихъ снимали для газетъ... Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ не могу позволить снимать ихъ... Теперь на это нужно просить высочайшаго соизволенія, а я испрашивать не берусь и не желаю... Отчего не снимали въ посольствѣ? Такъ и скажите въ своей редакціи. Не могу, не могу... Да-съ.

Старичокъ произнесъ послѣднія слова такъ рѣшительно и твердо, что я понялъ, что аудіенція кончена, и откланялся, не возражая ни слова. Говорить что-либо было бы бесполезно. Что напѣлъ дежурный чиновникъ, то пропѣло и начальство слово въ слово, какъ по нотамъ...

Его превосходительство величественно кивнулъ мнѣ головою и предупредительно посмотрѣлъ на выходную дверь. И этотъ знакъ былъ понятенъ: уходи, моля, поскорѣе и не отнимай дорогого времени—оно нужно для государства...

Въ передней швейцаръ, подавая мнѣ пальто, полюбопытствовалъ:

— Что это у васъ за ящичекъ?

— Фотографическая камера.

— Снимаете, значитъ? У меня зять тоже фотографіей балуется...

Самое пустое занятіе. Одна пачкотня.

Вернувшись въ редакцію, я рассказалъ о своихъ похожденияхъ.

— Чинодралы! — проговорилъ съ досадою редакторъ, махнулъ рукою, сплюнулъ и пошелъ сообщать объ этой исторіи издателю.

LV.

Одинъ изъ довольно высокопоставленныхъ знакомыхъ издателя, отчасти даже и сотрудникъ нашей газеты, толкуя въ редакціи о внутреннихъ дѣлахъ Сербіи, сообщилъ между прочимъ, что недавно привезенъ въ Петербургъ и помѣщенъ въ одинъ изъ кадетскихъ корпусовъ сынъ кандидата на сербскій престолъ—князя Карагеоргіевича. Разсказчикъ прибавилъ при этомъ, что молодой княжичъ отвезенъ учиться не въ Парижъ и не въ Берлинъ потому, что его папенька тяготѣетъ къ Россіи и дорожитъ расположеніемъ русскаго двора. Этого сообщенія было вполне достаточно для того, чтобы я получилъ фотографическую командировку.

-- Будьте добры, возьмите вашу камеру, поѣзжайте въ такой-то кадетскій корпусъ, представьтесь директору и снимите фотографію съ молодого князька. Мы помѣстимъ его портретъ.

Порученіе это было мнѣ не особенно по нутру и вотъ почему. Военныя учебныя заведенія—учрежденія закрытыя, и доступъ въ нихъ для обыкновеннаго смертнаго, приходящаго съ улицы, не особенно легокъ. Пока доберешься до кого слѣдуетъ—приходится выдержать цѣлый рядъ допросовъ и передопросовъ. Я уже испыталъ это однажды на себѣ лѣтъ пять тому назадъ. Понадобилось

редакции узнать—не помню, по какому случаю,—начались ли въ такомъ-то кадетскомъ корпусѣ занятія послѣ рождественскихъ каникулъ. Поручили это мнѣ. Приѣхавъ въ корпусъ, я засталъ группу воспитанниковъ на прогулкѣ, на дворѣ. Во главѣ ихъ былъ воспитатель. Я обратился къ нему, но онъ отвѣтилъ мнѣ, что безъ разрѣшенія начальства не можетъ сообщить мнѣ, начались ли занятія. При этомъ онъ допросилъ, кто я таковъ и отъ какой газеты, и затѣмъ направилъ меня въ канцелярію. Въ канцеляріи мнѣ сдѣлали новый подробный допросъ и отвѣтили, что хотя занятія и начались именно сегодня, послѣ молебна, но официально, безъ разрѣшенія директора, мнѣ этого сказать не могутъ.

Я поблагодарилъ и собрался уходить. Но тутъ нелегкая дернула меня сказать, что официальнаго отвѣта мнѣ ни на что не нужно и что я вполне удовлетворенъ тѣмъ неофициальнымъ, который мнѣ дали. Съ меня совершенно достаточно знать, что занятія начались сегодня, послѣ молебна. Больше мнѣ ничего не требуется.

Проговоривъ это, я раскланялся; но меня не отпустили. Оказалось, что о моемъ посѣщеніи необходимо доложить директору, такъ какъ, по закону, безъ его разрѣшенія печатать въ газетахъ о началѣ занятій и о томъ, что происходитъ въ кадетскомъ корпусѣ вообще—нельзя. Я пристально посмотрѣлъ въ лицо господина, ставшаго по поводу такого пустяка на «законную» почву, и старался разгадать, съ кѣмъ я имѣю дѣло: съ душевно-больнымъ, съ маниакомъ-формалистомъ, или же съ человѣкомъ, у котораго въ головѣ не хватаетъ винтика?

— Послушайте,—сказалъ я:—безпокойте директора докладомъ о моемъ посѣщеніи надобности нѣтъ никакой, потому что газета можетъ напечатать требуемыя свѣдѣнія о корпусѣ и безъ вашихъ официальныхъ разрѣшеній. Редакція о началѣ занятій у васъ уже знаетъ отъ отца одного изъ вашихъ воспитанниковъ.

Лицо, говорившее со мною, задумалось. Оно, повидимому, никакъ не ожидало такого оборота.

— А какъ фамилія этого отца?

— На что вамъ? Впрочемъ, я вамъ скажу правду: не знаю. Разговоръ отца съ редакторомъ былъ не при мнѣ. Я же приѣхалъ къ вамъ для того, чтобы провѣрить полученное извѣстіе и очень удивленъ тѣмъ, что вы дѣлаете секретъ изъ того, что знаетъ весь Петербургъ. Теперь вы мнѣ позволите откланяться и уйти?

— Нѣтъ, ужъ лучше, будьте добры, подождите одну минутку: я все-таки доложу его превосходительству. А то боюсь, какъ бы чего не вышло...

Изъ любопытства я остался. Меня занимало, чѣмъ этотъ курьезъ кончится. Мнѣ было и досадно и смѣшно. Дѣло не стоитъ выѣденнаго яйца, а изъ него дѣлаютъ цѣлаго слона. Неужели пмъ

больше заниматься нечѣмъ? Или же у нихъ дисциплина такъ строга, что безъ вѣдома директора корпуса даже и муха пролетѣть не смѣетъ?..

Ждать мнѣ однакоже пришлось не долго. Минуть черезъ пять представитель канцеляріи корпуса, ходившій съ докладомъ, вернулся съ довольнымъ лицомъ и сообщилъ:

— Его превосходительство директоръ корпуса приказалъ сказать, что объ открытіи занятій въ корпусѣ въ газетахъ печатать можно безъ испрошенія особаго разрѣшенія.

— Скажите пожалуйста,—не утерпѣлъ я:—у васъ изъ-за всякаго пустяка беспокоятъ начальство?

— Ничего не подѣлаешь, служба,—получилъ я въ отвѣтъ.— Намъ, видите ли, строго запрещено сообщать что-либо въ газеты.

Послѣ этого откровеннаго объясненія я понялъ, почему меня такъ строго допрашивали и почему воспитатель на дворѣ не отвѣтилъ мнѣ прямо на мой вопросъ, а послалъ въ канцелярію.

Памятуя этотъ случай, я принялъ предложеніе съѣздить съ камерою въ корпусъ не особенно охотно. Я предвидѣлъ цѣлый рядъ допросовъ, выпытываній и проволочекъ. Но на этотъ разъ, къ величайшему своему удовольствію, я жестоко ошибся. Я позвонился прямо къ генералу на квартиру, передалъ его слугѣ свою карточку и былъ принятъ тотчасъ же, безъ замедленія. Директоръ корпуса оказался милѣйшимъ, образованнымъ и очень доступнымъ генераломъ. Узнавъ о цѣли моего посѣщенія, онъ пригласилъ меня сѣсть на диванъ, самъ сѣлъ на другомъ его концѣ и отвѣтилъ мнѣ:

— Что у насъ въ корпусѣ воспитывается молодой Карагеоргіевичъ — это правда, но въ то же время и секретъ. И я прошу васъ передать редакціи, чтобы объ этомъ, пожалуйста, не печатали по возможности ни одной строчки. Дѣло, видите ли въ томъ что родные мальчика не просто привезли его въ Петербургъ, а для того, чтобы спрятать его. Его здѣсь скрываютъ и оберегаютъ отъ происковъ короля Милана. Мальчугана легче и удобнѣе было бы отдать учиться въ какой-нибудь крупный европейскій центръ. Но это оказалось невозможнымъ. Миланъ уже отравилъ его старшаго брата и теперь добирается и до него. Въ Петербургѣ же, и тѣмъ болѣе въ кадетскомъ корпусѣ, молодой Карагеоргіевичъ находится въ большей безопасности, чѣмъ былъ бы въ Парижѣ, въ Берлинѣ или въ Вѣнѣ. Эти подробности я сообщаю вамъ въ полной увѣренности, что вы и ваша редакція поймете, до какой степени это—большой секретъ и не обмолвитесь ни однимъ словомъ. При такихъ условіяхъ, само собою разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы снимать съ мальчика портретъ... Для линіи Карагеоргіевичей Миланъ съ его покладаистой совѣстью—человѣкъ очень опасный...

Проводилъ меня генералъ такъ же любезно, какъ и встрѣтилъ, и при прощаньи просилъ передать поклонъ издателю, съ которымъ былъ знакомъ. Желаніе редакціи выступить передъ читателями съ портретомъ сербскаго князька такимъ образомъ не осуществилось и о князькѣ въ газетѣ промолчали совѣмъ. Я же лично слегка призадумался. Изъ рассказовъ и изъ иностранныхъ газетъ я зналъ, что Миланъ—кутила, мотъ, игрокъ, пьяница и развратникъ; но что онъ въ то же время и отравитель, я узналъ только теперь.

LVI.

Сегодня, придя въ редакцію, по обыкновенію около двухъ часовъ дня, я попалъ на довольно интересный разговоръ. Рѣчь шла о митрополитѣ Палладіи, и одинъ изъ весьма почтенныхъ и пожилыхъ сотрудниковъ дѣлалъ его характеристику. Сравнивая его съ предшествовавшими и нынѣ здравствующими въ своихъ епархіяхъ митрополитами, сотрудникъ между прочимъ сказалъ такую фразу:

— Съ Палладіемъ ладить можно. Онъ не то, что покойный Исидоръ. Тотъ иногда упорствовалъ и вступалъ нерѣдко въ распри съ сильными міра сего. А этотъ—царедворецъ...

Вѣрно или не вѣрно только что высказанное мнѣніе—я судить не берусь и на чемъ оно основано — не знаю. Ни съ личностью Палладія, ни съ его дѣятельностью я близко знакомъ не былъ. Не вѣдаю также, чѣмъ кончился разговоръ, потому что меня вызвали въ другую комнату. Но этотъ разговоръ живо напомнилъ мнѣ бесѣду съ однимъ, нынѣ уже покойнымъ, дьякономъ. Этотъ честной отецъ былъ очень высокаго мнѣнія о покойномъ митрополитѣ Исидорѣ и страшно благоговѣлъ передъ его стойкостью.

Возвращался я изъ Александро-Невской лавры съ чьихъ-то важныхъ похоронъ и шелъ себѣ по Невскому, не спѣша, какъ говорится, нога за ногу. Слышу, сзади окликнули меня. Оглянулся—знакомый дьяконъ.

— Погоди чуточку; дѣло есть!..

— Здравствуйте, отче. Радъ васъ видѣть.

— Мое почтеніе. Эка вы какъ шагаете; точно версты отсчитываете... Слышали новость? Теперешній викарій переводится въ другую епархію на самостоятельную кафедру, а на его мѣсто назначенъ —скій преосвященный. Говорю вамъ истинную правду. Можете смѣло печатать въ газетѣ.

— Спасибо, отче, за извѣстіе. Воспользуюсь. По какой же причинѣ теперешній викарій уходитъ?

— Съ владыкою митрополитомъ въ чемъ-то не поладили, а въ чемъ именно — доподлинно не знаю. Владыка у насъ — сами знаете —кремень. Что разъ сказалъ,—отъ того ужъ не отступится,

хоть весь свѣтъ кверху ногами перевернись. Хоть ты тутъ тресни, а онъ поставитъ все-таки на своемъ. И никого онъ не боится. Страхъ не имѣетъ ни передъ кѣмъ. Да что и слова тратить попустому?! Самый лучший примѣръ—это 17-е октября.

— Какое 17-е октября?

— Ну, чудесное спасеніе въ Боркахъ... Крушеніе-то знаменитое...

— А-а, это знаю. Такъ въ чемъ же дѣло?

Дьяконъ остановился на панели, остановилъ меня и съ особенной важностью на лицѣ произнесъ:

— Вѣдь «чудесное» спасеніе?

— Считается чудеснымъ.

— Ну, а владыка Исидоръ ни за что не хотѣлъ признать его чудомъ. Это, говорить, счастливая случайность и можетъ произойти одинаково и со мною, и съ простымъ солдатомъ, и съ статскимъ совѣтникомъ. Ни за что, говорить, по совѣсти признать этого чудомъ не могу и не желаю. Долгое время упорствовалъ. Синодъ съ Константиномъ Петровичемъ прямо въ ужасъ пришелъ и всячески его уламывали...

— Все-таки уломали же...

У дьякона по лицу пробѣжало скорбное и досадливое выраженіе.

— Сила солому ломить, и одинъ въ полѣ не воинъ... Съ Константиномъ Петровичемъ трудно дѣло вести, особенно если противъ рожна прати... Махнулъ рукой владыка, вздохнулъ и отвѣтилъ:—«Ну васъ! Дѣлайте, что хотите!..» А насчетъ перемѣщенія викарія все-таки тисните въ газетѣ. Духовенству интересно будетъ прочесть... Мое почтеніе, будьте здоровы. Миѣ надо налѣво...

LVII.

По городу распространился слухъ о томъ, что петербургскій градоначальникъ П. А. Грессеръ умираетъ и умираетъ отъ нечаяннаго самоотравленія. Къ великому моему удивленію, печальная вѣсть эта вызвала не сожалѣніе, а, наоборотъ, радость. Первые обрадовались дворники и извозчики, для которыхъ онъ былъ грозю.

— Богъ дастъ, помретъ... безъ него при другомъ, можетъ быть, легче станетъ, — говорили дворники въ интимной бесѣдѣ, но все-таки съ оглядкою.

Извѣстіе это сообщилъ мнѣ утромъ дворникъ, принесшій обычную вязанку дровъ. Старшій дворникъ, котораго я встрѣтилъ на дворѣ нѣсколько времени спустя, подтвердилъ этотъ слухъ и тоже отъ всей души и съ великою надеждою на лучшее будущее пожелалъ заболѣвшему скорѣйшаго и удобнѣйшаго переселенія въ лучшій міръ.

— Замучилъ службою,—прибавилъ онъ:—ни днемъ, ни ночью покоя нѣтъ. И штрафами доѣхалъ совсѣмъ.

Ближайшій городской, къ которому я обратился съ вопросомъ, аппетитно зѣвая и крестя ротъ, отвѣтилъ самымъ равнодушнымъ и безучастнымъ тономъ:

— Говорятъ, что боленъ, а только не знаю. Я только сейчасъ сталъ на часы...

— Слухъ идетъ, будто бы такъ боленъ, что и не встанетъ...

— Не могу знать...

Въ редакціи у насъ знали гораздо больше. Одинъ за другимъ являлись репортеры и приносили вѣсти о томъ, что состояніе здоровья градоначальника съ каждымъ часомъ становится все хуже и хуже. Наконецъ, принесено было сообщеніе, что дѣло почти безнадежно. Докторъ, или, по другой версіи, цѣлый консилиумъ докторовъ, вынесъ будто бы весьма неутѣшительный выводъ: если-де сама натура возьметъ верхъ надъ ядомъ, то больной, пожалуй, выздоровѣетъ. Но этого ждать трудно и даже невозможно, потому что началось уже разложеніе зараженной крови.

Отравился Грессеръ нечаянно, впрыскивая себѣ въ ногу буро-глицеринъ, изобрѣтенный Гачковскимъ. Но въ отравленіи виноватъ не буро-глицеринъ, а загрязненный шприцъ. По рассказамъ, которые я записываю подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, впрыскиванія подобнаго рода градоначальникъ производилъ себѣ не разъ. Онъ и до Гачковскаго употреблялъ всякія возбуждающія.

Само собою разумѣется, что болѣзнь градоначальника, да еще такая трагическая, стала сейчасъ же злобою дня. Большая часть вопросовъ и интересовъ отодвинулась на второй планъ, и всѣ заговорили только о Грессерѣ. Начались неизбѣжныя сужденія о его дѣятельности, какъ администратора, облеченнаго громадною властью. Одинъ изъ товарищей-сотрудниковъ рассказалъ при этомъ, какъ онъ чуть было не подвергся изгнанію изъ столицы въ двадцать четыре часа.

— Вызванъ я былъ,—началъ онъ,—повѣсткою, приглашавшею меня явиться къ градоначальнику въ извѣстный день, къ девяти часамъ утра. Въ чемъ дѣло и зачѣмъ меня вызываютъ—не знаю. Вины за собою не чувствую никакой, но все-таки ночь провелъ безпокойно. На утро къ назначенному часу являюсь въ градоначальство: Оказывается, что тамъ меня уже ждутъ. Дежурный полицейскій офицеръ немедленно провелъ меня въ кабинетъ къ генералу и при входѣ назвалъ мою фамилію, а самъ вышелъ. Грессеръ стоялъ у письменнаго стола и, не отвѣчая на мой поклонъ, какъ-то особенно, не то строго, не то по-звѣрски уставился на меня глазами, секундъ двадцать инквизиторски помолчалъ, должно быть, для эффекта, а затѣмъ рявкнулъ: «Потрудитесь укладывать вашъ чемоданъ! Сегодня же вечеромъ мои люди посадятъ васъ въ

поѣздъ—и можете ѣхать, куда вамъ будетъ угодно!.. У меня душа ушла въ пятки.

— За что, ваше п—во?

— Прошу не разсуждать. Укладывайте чемоданъ и будьте готовы къ вечернему поѣзду Николаевской дороги. Если добровольно не уѣдете изъ Петербурга, куда вамъ угодно, то я вышлю васъ туда, куда будетъ мнѣ угодно. Поняли?

— Ничего не понялъ, ваше п—во. Ничего я предосудительнаго не сдѣлалъ и ни въ чемъ не провинился. Если вы меня высылаете въ двадцать четыре часа, то хоть скажите пожалуйста, за что? Полагаю, что я имѣю право знать это...

— За что? Вы это лучше меня знаете. Увертки не помогутъ. Готовьтесь къ отъѣзду, и хорошо сдѣлаете, если не станете разсуждать...

Окончивъ этой грозной и безапелляціонной фразой, Грессеръ сталъ надавливать то одну, то другую кнопку электрическаго звонка. Вошелъ тотъ же дежурный офицеръ.

— Распорядитесь,—обратился къ нему начальнически Грессеръ,—изготовить необходимыя бумаги, касающіяся этого господина, и чтобы онъ былъ отправленъ сегодня же по Николаевской дорогѣ изъ столицы. О выѣздѣ донести мнѣ...

Дежурный поклонился, но вмѣсто того, чтобы уйти или выпроводить меня, не безъ нѣкотораго смущенія подошелъ къ градоначальнику и что-то почтительно доложилъ ему шопотомъ. По лицу Грессера пробѣжало что-то похожее на досаду и на удивленіе. Онъ опять строго и пытливо посмотрѣлъ на меня.

— Ваша фамилія?—спросилъ онъ.

Я назвалъ.

— —скій мѣщанинъ?

— Нѣтъ, дворянинъ.

— Гдѣ вы пишете?

— Въ такой-то газетѣ.

— И больше нигдѣ?

— Работаю въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ изданіяхъ и корреспондирую за границу.

— Есть у васъ однофамильцы?

— Не знаю навѣрное. Должно быть, есть. Моя фамилія—самая обыкновенная.

— Гм. Въ такомъ случаѣ все, что вы здѣсь слышали, къ вамъ не относится. Можете идти. Произошла ошибка. Васъ нечаянно смѣшали съ другимъ...

Разсказчикъ закончилъ свое повѣствованіе досадливыми словами:

— Отпустилъ и даже не извинился. А что я пережилъ за это время—можете судить сами. Обошелся онъ со мною, какъ самый грубый и неотесанный бурбонъ...

Все согласились, что бурбонства у Грессера хоть отбавляй. Прибавлено было нѣсколько энергичныхъ выраженій и вѣскихъ словъ.

— И я чуть было не вылетѣлъ ни за что, ни про что изъ Петербурга,—отозвался второй товарищъ.

— А вы за что?

— Чортъ его знаетъ. Ужиналъ въ Зоологіи съ репортеромъ одного изъ мелкихъ листковъ К—мъ, съ тѣмъ самымъ, на котораго содержатель сада пожаловался за вымогательство... Вамъ все извѣстно это дѣло... Вытребовали на другой день К—го и меня. К—му досталось на орѣхи по заслугамъ, а мнѣ, за компанію, приказано было укладывать чемоданъ. Но у меня дѣло кончилось комичнѣе, чѣмъ у васъ. Васъ просто отпустили и не извинились за беспокойство, а меня такъ простили, какъ школьника. Когда выяснилось, что я ни въ чемъ не замѣшанъ и никакихъ взятокъ не бралъ, то Грессеръ, отпуская меня, милостиво прибавилъ:

— На этотъ разъ я васъ прощаю...

— Оказывается, что онъ облеченъ властью не только высылать изъ столицы безъ объясненія причинъ, но даже и прощать людей, ни въ чемъ не повинныхъ. Я съ улыбкою замѣтилъ ему это. Онъ тоже улыбнулся, сознавая, что сказалъ бурбонскую глупость, и уже гораздо мягче прибавилъ:

— Для ужиновъ въ садахъ выбирайте компанію почище и почистоплотнѣе. Можете идти.

— Ш—на изъ «Газеты» знаете?—заговорилъ третій сотрудникъ.—Онъ, несчастный, тоже побывалъ на строгомъ допросѣ, но во время допроса претерпѣлъ настоящее издѣвательство надъ собою. Описалъ Ш—нъ въ своей газетѣ случай жестокаго обращенія съ лошадыю. Жестокосердствовалъ ломовикъ. Ш—нъ въ своемъ описаніи прибавилъ, что стоявшій на посту городской № 000 не обратилъ на это происшествіе никакого вниманія. За это его, раба Божія, т. е. не городского, а репортера, вызвали. Градоначальникъ началъ съ нимъ разговоръ безъ обиняковъ:

— Это вы писали?

— Я.

— Вы откуда родомъ?

— Изъ такого-то уѣзднаго города.

— А газеты тамъ выходятъ?

— Не знаю. Кажется, нѣтъ. Не для кого издавать. Читателей нѣтъ.

— Ну, такъ поѣзжайте туда и пишите въ тамошнихъ газетахъ для мѣстныхъ читателей. Укладывайте чемоданъ.

Ш—нъ струсилъ не на шутку, но въ концѣ концовъ былъ помилованъ и ушелъ, вытерпѣвъ порядочную головомойку. Впро-

чемъ, онъ скоро утѣшился, потому что, по привычкѣ, пошелъ прямо въ портерную, гдѣ и разсказалъ не безъ нѣкоторой гордости первому попавшемуся собутыльнику о только что пережитомъ событіи...

Бесѣда въ этомъ духѣ тянулась у насъ въ редакціи довольно долго. Упомянуто было и о связи Грессера съ небезызвѣстною по своей антрепренерской дѣятельности актрисою. При этомъ былъ разсказанъ анекдотъ о томъ, какъ дама эта, афишировавшая свою связь съ такимъ важнымъ въ городѣ лицомъ, послала однажды одному изъ полицейскихъ чиновъ свою визитную карточку съ собственноручной надписью: «Прошу арестовать такого-то господина». Карточка, какъ говорятъ, надѣлала не мало шума, но вызвала не арестъ неугоднаго дамѣ лица, а смущеніе полицейскаго чина, недоумѣніе и общій смѣхъ...

— Вообразила себя градоначальницей,—смѣялись тогда въ Петербургѣ и довольно долгое время на вопросъ: въ какомъ театрѣ вы будете сегодня?—получался отвѣтъ: думаю побывать у градоначальницы...

Со мною лично Грессеръ тоже обошелся однажды, какъ бурбонъ, безъ всякаго съ моей стороны вызова и повода. Я, какъ репортеръ, выѣзжаю на большинство значительныхъ пожаровъ и на пожарахъ держусь всегда около брандмайора А. П. Паскина, отношенія съ которымъ у меня самыя прекрасныя. Случился однажды ночью въ отдаленной части города пожаръ, принявшій довольно серьезные размѣры. Приѣхалъ на пожаръ и Грессеръ. Паскинъ при его появленіи поднесъ руку къ каскѣ, а я приподнял шляпу и поклонился. Грессеръ при красномъ свѣтѣ пожара строго посмотрѣлъ на меня—видно было по глазамъ, что его подняли прямо съ постели,—и почти крикнулъ:

— Что?

— Я сказалъ: здравствуйте, ваше п—во,—отвѣтилъ я.

— А?—уже люто проревѣлъ Грессеръ.

— Я поздоровался съ вами, ваше п—во,—повторилъ я.

— Какъ?—совсѣмъ свирѣпо накинулся онъ на меня.

Но тутъ вмѣшался А. П. Паскинъ.

— Это сотрудникъ такой-то газеты,—шепнулъ онъ Грессеру.—

Онъ всегда хорошо...

Что именно я «хорошо» дѣлаю, разслышать мнѣ не удалось, но слова брандмайора, очевидно, успокоили расхолодившееся начальство, потому что Грессеръ еще разъ повернулся ко мнѣ и крикнулъ:

— Чтобъ не было!..

Вслѣдъ за этимъ онъ пошелъ за брандмайоромъ обозрѣвать пожаръ, а я остался на мѣстѣ, стараясь разгадать, что обозначала послѣдняя ничего не выражающая фраза. Когда онъ уѣхалъ съ пожара, я спросилъ Паскина:

— Что это сегодня съ градоначальникомъ, какая муха его укусила?

— Не выспался... Со сна подняли... Онъ и брандмейстера сейчасъ ни за что распекъ, — отвѣтилъ брандмайоръ. — Не обращайтесь вниманія...

Вниманія особеннаго на этотъ случай я не обратилъ, но, по совѣсти сказать, озлобился за то, что онъ въ отвѣтъ на мой вѣжливый поклонъ набросился на меня, какъ бѣшеная собака. А что значить это: «Чтобъ не было!»—я и до сихъ поръ понять не могу. Просто бурбону нечего было больше сказать, а сознать свою ошибку и выйти съ достоинствомъ изъ глупаго положенія онъ не сумѣлъ.

Подошли еще товарищи-сотрудники, и рамки разговора и воспоминаній расширились. Заговорили между прочимъ и о необычайно обширной власти, которою былъ облеченъ Грессеръ. Его административныя взысканія не разъ граничили съ самодурствомъ. Обиженныхъ имъ было много, а суда искать на него было негдѣ. Что хотѣлъ, то и дѣлалъ. Случился однажды вечеромъ большой пожаръ за Невскою заставой, въ Шлиссельбургскомъ участкѣ. Грессеръ выѣхалъ на него на собственныхъ лошадахъ, но, доѣхавъ до Знаменской площади и вспомнивъ, что за лаврой дорога плоха, пожалѣлъ лошадей и экипажъ, приказалъ отцѣпить отъ поѣзда паровой шлиссельбургской конки паровозъ и укатилъ на немъ на пожаръ, нисколько не заботясь о томъ, что вагоны, отъ которыхъ онъ отнялъ двигатель, были переполнены и что пассажиры остались, какъ раки на мели. Интереснѣе всего при этомъ было то, что одуроченная публика не только не дерзнула протестовать, но даже не осмѣлилась и роптать громко.

— А все-таки, господа,—вмѣшался редакторъ,—Грессеръ, несмотря на свое бурбонство и крупные недостатки, сдѣлалъ и доброе дѣло: подтянулъ полицію и далъ Петербургу армію дисциплинированныхъ дворниковъ.

— Совершенно вѣрно,—отвѣтилъ кто-то съ сарказмомъ:—квартальный можетъ продержатъ васъ день въ клоповникѣ и потомъ извиниться, сказавъ, что онъ ошибся; а дворникъ можетъ смѣло схватить васъ за шиворотъ и оскорбить, какъ ему будетъ угодно. И оба останутся безнаказанными. Нынче полиція и дворники обывателя въ бараній рогъ согнули. Подтянулъ и дисциплинировалъ Грессеръ не своихъ подчиненныхъ, а ни въ чемъ не повиннаго обывателя...

Скоро одинъ изъ репортеровъ переступилъ черезъ порогъ комнаты съ лицомъ челоуѣка, принесшаго важную и неопровержимую вѣсть, и коротко произнесъ:

— Умеръ... *Finita la comedia*... Пишите некрологъ...

— Уже написанъ и отправленъ въ типографію,—отвѣтилъ секретарь редакціи.

— Предусмотрительно...

На одной изъ панихидъ у гроба пришлось побывать мнѣ. Картина—обычная погребальная и сотни разъ описанная. Молящихся много, но ни одного искренно озабоченнаго утратой или печальнаго лица. Полицейскіе чины въ формѣ и присутствуютъ и молятся по обязанности и тоже по формѣ. Всего лишь нѣсколько часовъ тому назадъ каждый изъ этихъ чиновъ трепеталъ передъ Грессеромъ, теперь же всѣ учтиво-равнодушно держатъ въ рукахъ восковыя свѣчи и смотрятъ на заgrimированное лицо покойнаго. Теперь ужъ онъ не страшень. Можно даже пари держать, что въ числѣ стоящихъ у гроба есть такіе бывшіе подчиненные, которые въ глубинѣ души даже благословляютъ эту смерть и думаютъ:

— Авось, Богъ дастъ, при новомъ служить будетъ легче...

Въ слѣдующіе дни у гроба служились, по обычаю, панихиды отъ разныхъ учреждений, обществъ и сословій, съ которыми покойный имѣлъ, при жизни, какъ администраторъ, какое-либо соприкосновеніе—и обо всѣхъ этихъ панихидахъ докладывалось репортерами въ газеты. Отслужили одну такую панихиду даже обитатели ночлежныхъ домовъ—люди, которыхъ почившій градоначальникъ высылалъ изъ столицы сотнями и преслѣдовалъ безъ устали за попрошайничество. Но о ночлежникахъ рѣчь впереди.

Похороны лежали не на мнѣ, и потому я ихъ описываю кратко, со словъ товарища, на котораго была возложена редакціей эта повинность.

Невскій проспектъ до самой лавры былъ очищенъ отъ экипажей и отъ публики, и хозяева и квартиранты домовъ, расположенныхъ по пути процессіи, были заранѣе предупреждены полиціей, что изъ оконъ смотрѣть на улицу можно, но открывать окна—Боже сохрани нельзя, потому что за гробомъ пойдутъ высочайшія особы. По этой же причинѣ и фотографировать процессію безъ особаго разрѣшенія, къ великому огорченію многихъ любителей, было запрещено. Процессія вышла торжественной и длинной. Внушительный и очень протяженный хвостъ составляли семьсотъ человѣкъ ночлежниковъ, важно шествовавшихъ во всякихъ рубищахъ...

О послѣднихъ часахъ покойнаго градоначальника извѣстно не много. Дня черезъ два послѣ похоронъ я разговорился съ начальникомъ «стола приключеній» изъ канцеляріи градоначальника—Офтрахтомъ. Столомъ приключеній называется то отдѣленіе, куда ежедневно и ежечасно стекаются со всего города полицейскія свѣдѣнія объ утонувшихъ, искалѣченныхъ и раздавленныхъ разными способами людяхъ, о дракахъ, пожарахъ, паденіяхъ изъ оконъ, убійствахъ, кражахъ, самоубійствахъ и т. д. Офтрахтъ состоялъ у редакцій на жалованьи и каждый вечеръ присылалъ въ

газеты гектографированные листки съ описаніемъ происшествій, случившихся за день. Описанія эти по стилю весьма курьезны и пестрятъ такими фразами: «крестьянка Иванова съ цѣлью отравленія выпила нашатырнаго спирта», «купеческій племянникъ Синебрюховъ съ цѣлью самоубійства усмотрѣнъ повѣсившимся», «крестьянинъ Ефимовъ по собственной неосторожности утонулъ въ Невѣ» и т. под. Причина, вызвавшая печальное происшествіе, всегда обозначалась точно, хотя и безъ того понятно, что если человѣкъ вѣшается, то ужъ, конечно, съ цѣлью самоубійства и если тонетъ, то по неосторожности... Для печати эти гектограммы приходится всегда передѣлывать и сглаживать, потому что нерѣдко расходившаяся рука утомленнаго полицейскаго писца катала по шаблону что-нибудь въ родѣ того, что пожаръ возникъ отъ опрокинувшейся лампы и тутъ же прибавляла по привычкѣ: «причина пожара не выяснена, производится слѣдствіе».

Нечаянно уклонился въ сторону. Разговорился я съ Офтрахтомъ и между прочимъ спросилъ его, сильно ли страдалъ покойный Грессеръ, умирая. Офтрахтъ сердито отмахнулся.

— До самой смерти не терялъ сознанія и все злился. За два часа до кончины я явился къ нему съ ежедневнымъ рапортомъ государю — для подписи. Онъ лежалъ въ постели и съ трудомъ держалъ перо въ рукахъ. Долго не въ силахъ былъ подписать бумагу: рука не повиновалась... И ужъ онъ меня мылилъ, мылилъ... Тошно даже вспомнить...

Еще черезъ день посчастливилось мнѣ узнать, почему ночлежники проявили столько теплаго чувства къ своему гонителю. Существуетъ въ Петербургѣ Общество ночлежныхъ домовъ — учрежденіе благотворительное, въ извѣстной степени пекущееся о ночлежникахъ. Покойный Грессеръ состоялъ, кажется, почетнымъ членомъ въ этомъ обществѣ. Встрѣчаю я на Невскомъ одного изъ главныхъ заправилъ этого учрежденія (онъ же и секретарь Славянскаго общества), Василя Ивановича Аристовъ.

— Какимъ это манеромъ, — спрашиваю, — ночлежники расчувствовались до того, что панихиду у гроба отслужили и даже за гробомъ шли?

— Очень просто, — отвѣтилъ В. И. Аристовъ, улыбаясь со свойственнымъ ему юморомъ. — По доброй волѣ никто изъ нихъ не пошелъ бы молиться и хоронить. Многіе прямо даже ругались. Ночлежники съ Грессеромъ жили, какъ вы сами знаете, далеко не въ дружбѣ. Но я употребилъ маленькую хитрость и еще наканунѣ приказалъ объявить по ночлежнымъ домамъ: — «Ребята, кто пойдетъ на панихиду и кто захочетъ участвовать въ похоронной процессіи, тѣ получаютъ даромъ миску щей и бесплатный ночлегъ». — Какъ видите, набралось семьсотъ человѣкъ... Вотъ какъ устраиваются трогательныя для потомства событія. Надо умѣть задѣть человѣка за живое...

Я вовсе не сентименталенъ, но мнѣ до нѣкоторой степени жаль Грессера: при жизни его всѣ за глаза бранили, и послѣ смерти никто не сказалъ о немъ искренняго добраго слова...

LVIII.

При обществѣ охраненія народнаго здравія открыла свои дѣйствія «алкогольная» комиссія. Это—ея уличная, вульгарная кличка, настоящее же названіе ея — «комиссія по вопросу о борьбѣ съ алкоголизмомъ». Цѣль ея—изыскивать научнымъ и практическимъ путемъ всякія средства и всевозможные способы для противодѣйствія пьянству. Само собою разумѣется, что въ число членовъ этого новаго отдѣленія общества вошли такія лица, которыя глубоко убѣждены въ томъ, что спиртъ вреденъ, и которыя сами его не употребляютъ. Попалъ дѣйствительнымъ членомъ и я, грѣшный, за которымъ давно уже утвердилась стойко репутація человѣка, запойнаго по части пива. Пригласили меня, при такой моей репутаціи въ комиссію потому, что я написалъ и напечаталъ въ нашей газетѣ нѣсколько фельетоновъ о борьбѣ съ алкоголизмомъ и вмѣстѣ съ докторомъ Викторомъ Васильевичемъ фонъ-Ольдерогге пропагандировалъ устройство лечебницы для алкоголиковъ въ финляндскихъ шхерахъ, на островѣ Куусаари. Основной контингентъ комиссіи составляютъ врачи — психіатры, просто врачи, юристы и затѣмъ свѣдущіе люди, т. е. знатоки дѣла.

Учрежденіемъ этой комиссіи общество охраненія народнаго здравія откликнулось на злобу дня, т. е. на введеніе въ Россіи казенной винной монополіи, которая народилась будто бы для того, чтобы развить въ народѣ правильное и умѣренное потребленіе водки и вытѣснить пьянство. Эта идея легла въ основу «манифеста», опубликованнаго министерствомъ финансовъ, или, вѣрнѣе,—самимъ С. Ю. Витте. Но фальшь этой идеи была ясна для всѣхъ, алкоголиковъ и не алкоголиковъ. Всѣмъ было ясно, что государству нужны деньги, что министръ финансовъ намѣренъ извлекать ихъ изъ водки и что, слѣдовательно, чѣмъ больше будетъ продано зелена вина, тѣмъ казнѣ будетъ выгоднѣе. Сладкая же пѣсенка насчетъ правильнаго и умѣреннаго потребленія — одинъ только звукъ пустой и маска, къ слову сказать, весьма прозрачная. Въ благія цѣли и намѣренія монополіи не вѣрилъ никто и члены новой комиссіи, подобно древнимъ римскимъ авгурамъ, только дѣлали видъ, будто бы вѣрятъ въ благія идеи С. Ю. Витте, а на дѣлѣ не вѣрили, а потому и рѣшили въ первомъ же засѣданіи смотрѣть на алкоголь какъ на страшное зло и, по мѣрѣ силъ и возможности, разработавъ вопросъ всесторонне, вступить съ алкоголемъ въ борьбу. Это было и прямо, и честно

Въ первомъ засѣданіи преобладали врачи-психіатры, и потому, естественно, все засѣданіе было посвящено научно-медицинскому опредѣленію: что такое пьянство и кого собственно слѣдуетъ считать пьяницей; кого изъ пьющихъ считать субъектомъ больнымъ, и кого—злостнымъ. Предлагались всевозможныя опредѣленія и редакціи, и разговоръ принялъ часа на два интересный, но довольно скучноватый для людей непосвященныхъ академическій характеръ.

Присутствовалъ въ этомъ засѣданіи и извѣстный юристъ и ораторъ Анатолій Ѳедоровичъ Кони. Сидѣлъ онъ на концѣ стола, въ уголку, терпѣливо слушалъ, какъ ломали копья врачи-специалисты, и все молчалъ. Отверзалъ онъ уста свои лишь въ томъ случаѣ, когда приходилось научно-медицинскія воззрѣнія переводить на житейскій и юридическій языкъ. Пока представители медицины въ потѣ лица своего трудились надъ опредѣленіемъ понятія «пьяница», онъ сидѣлъ, какъ человекъ, набравшій въ ротъ воды. Но зато впослѣдствіи, когда врачи уже устали, онъ въ нѣсколькихъ словахъ выразилъ то, надъ чѣмъ ученые мужи работали цѣлый вечеръ. Сдѣлалъ онъ это просто, но такъ удачно, что всѣ ему зааплодировали. Когда засѣданіе было объявлено закрытымъ, онъ скромно и безъ всякихъ претензій на научность и серьезность привелъ коротенькую историческую справку изъ области законодательства.

Справка эта оказалась немудрой, но она сразу рѣшила трудный вопросъ: кто изъ пьющихъ есть истинный пьяница?

— Дополню наши нынѣшнія разсужденія маленькой справкой,—сказалъ А. Ѳ. Кони.—Въ нашемъ законодательствѣ всего только нѣсколько лѣтъ отмѣнена статьи, касающаяся пьянства. Статья эта гласитъ: «Кто злообыченъ въ пьянствѣ и болѣе дней въ году пьянъ, нежели трезвъ, бываетъ, того брать за крѣпкій карауль»...

Все собраніе было поражено неожиданностью. Опредѣленіе пьяницы нашлось краткое и ясное и въ то же время точное. Раздались аплодисменты и самый веселый и искренній смѣхъ...

— Вѣдь вотъ поди же ты, какъ просто и хорошо,—сказалъ мнѣ психіатръ А. Е. Черемшанскій, когда мы одѣвались въ передней.—Предки-то наши, сочинявшіе законы, были не глупѣ насъ, потомковъ... Вы не помните буквально этой статьи? Нѣтъ? Надо будетъ въ слѣдующій разъ спросить Кони и записать... Интересная, очень интересная формулировка. Коротко и ясно... А мы-то бились...

LIX.

Въ Кіевѣ собрался водопроводный съѣздъ. Съѣзды эти — все-россійскіе и, по установившемуся обычаю, собираются послѣдовательно въ разныхъ городахъ. Съѣхались на этотъ разъ въ Кіевѣ

водопроводные инженеры, техники, строители и почетные гости со всѣхъ концовъ Россіи, но болѣе всего было представителей водопроводнаго дѣла изъ Петербурга и изъ Москвы. Во главѣ московичей стоялъ инженеръ Н. П. Зиминъ—строитель тѣхъ самыхъ двухъ водонапорныхъ башенъ въ Москвѣ, за Крестовской заставой, которыя дали знаменитыя трещины, напущившія на всю Россію и давшія обильную пищу газетамъ.

На этотъ съѣздъ поѣхалъ въ Кіевъ и я въ качествѣ корреспондента отъ нашей газеты. Кіевляне приняли насъ, членовъ съѣзда, очень радушно. Генераль-губернаторъ, онъ же и командующій войсками кіевского округа, М. И. Драгомировъ и городская дума сдѣлали все отъ нихъ зависящее для того, чтобы пріѣзжимъ гостямъ жилось въ Кіевѣ какъ можно лучше и веселѣе. Какъ водится, были организованы и экскурсіи, и одна изъ нихъ получила курьезное названіе «вонючей». Объ этомъ я скажу ниже. Городской голова Проценко—врачъ по профессіи и человѣкъ весьма образованный и интеллигентный—оказался ко времени съѣзда только что выбраннымъ въ головы и еще не привыкшимъ къ своей новой роли. Это однако не помѣшало ему употреблять всѣ усилія къ тому, чтобы быть ласковымъ и предупредительнымъ хозяиномъ. Положеніе городского головы на съѣздахъ—не изъ легкихъ. Онъ прежде всего долженъ обладать тактомъ, выдержкой, терпѣніемъ, умѣніемъ распорядиться, поговорить почти съ каждымъ гостемъ, сказать каждому привѣтливое слово, соответствующее рангу, и т. д. Чуть что не такъ, чуть кому невзначай не угодили,—въ отвѣтъ прежде всего городской голова. Такъ ужъ у насъ на Руси водится. Докторъ Проценко, нужно отдать ему справедливость, держалъ себя съ достоинствомъ и съ тактомъ, хотя и не безъ нѣкоторой оглядки, какъ новичокъ на своемъ лордъ-мэрскомъ креслѣ. Видимо, онъ слѣдилъ за каждымъ своимъ шагомъ и за каждымъ своимъ словомъ.

О работахъ съѣзда распространяться я не стану. Онѣ не входятъ въ планъ моихъ записокъ. Меня гораздо болѣе интересовала такая крупная личность, какъ популярный въ военной и административной средѣ генераль Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ, о которомъ мнѣ приходилось не мало слышать и читать въ Петербургѣ. Его хлесткія статьи по военнымъ и нѣкоторымъ общественнымъ вопросамъ всегда производили впечатлѣніе и охотно перепечатывались столичными органами печати. Особенно хороши его приказы, всегда написанные простымъ, но сильнымъ языкомъ. Въ Питерѣ на него смотрѣли какъ на въ своемъ родѣ богатыря, мощнаго духомъ и сильнаго умомъ. Говорили о немъ, что онъ въ то же время и очень остроуменъ. Его-то именно мнѣ и хотѣлось повидать поближе. Быть въ Кіевѣ и невидѣть Драгомирова,—говорили мнѣ,—то же, что быть въ Римѣ и не видѣть папы.

При всякихъ сѣздахъ въ большихъ городахъ принято устраивать отъ имени города рауты, завтраки или ужины, съ оркестрами и безъ оркестровъ. Последнее обыкновенно зависитъ отъ личнаго взгляда городского головы на сѣздъ и отъ наличности городскихъ суммъ. Кіевъ на этотъ разъ тряхнулъ стариною и мощною и устроилъ завтракъ и раутъ. На мое счастье я узналъ, что на завтракъ, сервированный съ большою роскошью и торжественностью, приглашенъ, какъ хозяинъ города, и М. И. Драгомировъ, и такимъ образомъ для моихъ наблюденій открывалось обширное поле при самой удобной обстановкѣ.

Завтракъ дѣйствительно былъ роскошный. Сервированъ онъ былъ à la fourchette, съ множествомъ отдѣльныхъ столиковъ. Большой, длинный столъ былъ только одинъ и предназначался онъ — само собою разумѣется — для наиболѣе почетныхъ лицъ. За этотъ столъ и пригласили сѣсть М. И. Драгомирова, прибывшаго въ сопровожденіи своего лейбъ-медика. Страдалъ ли чѣмъ-нибудь генераль-богатырь, или же появленіе профессора лейбъ-медика одновременно вмѣстѣ съ нимъ было простою случайностью — сказать не берусь. Но послѣ завтрака лейбъ-медикъ подошелъ къ генералу и весьма заботливо и почтительно заговорилъ съ нимъ, при чемъ М. И. Драгомировъ отвѣтилъ ему что-то слегка досадливымъ и успокоительнымъ жестомъ. Съ стороны казалось, будто бы представитель медицины почтительно спрашивалъ, не понадобятся ли его превосходительству врачевныя услуги, а генералъ отвѣтилъ, что все обстоитъ благополучно, что желудокъ работаетъ прекрасно и что приѣзжать къ нему съ медицинскимъ визитомъ надобности нѣтъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, показалось это всѣмъ.

За столомъ М. И. Драгомировъ оказался умнѣе всѣхъ, дѣйствительно поддержалъ свою славу остроумнаго человѣка и кольнулъ членовъ сѣзда не въ бровь, а прямо въ глазъ. Кольнулъ больно и ядовито.

Дѣло было такъ. Къ завтраку собрались всѣ страшно голодными и первымъ дѣломъ набросились на выпивку и на ѣду съ тѣмъ эгоистическимъ чувствомъ, которое можетъ продиктовать только пустой желудокъ. Закуски и водки уничтожались съ лихорадочной поспѣшностью. Ни тостовъ, ни рѣчей не произносилъ никто до тѣхъ поръ, пока по организмамъ не разлилось чувство сытости и виннаго благодушія. Члены сѣзда сидѣли за тѣсно разбросанными отдѣльными столами, заполнявшими собою огромную залу. Драгомировъ, какъ я уже сказалъ, сидѣлъ вмѣстѣ со сливками сѣзда и города за большимъ столомъ. Мало-по-малу языки развязались, то тамъ, то здѣсь стали подниматься ораторы и начались тосты и рѣчи. Благодарили Кіевъ за гостепріимство, пили за сѣздъ, за его предсѣдателей и членовъ, поднимали бокалы за городского голову, за мѣстнаго богача еврея Бродскаго

и за многихъ менѣе значительныхъ лицъ. Вино дѣлало свое дѣло, и тосты лились рѣкою. Сначала ораторы чуть не перебивали другъ друга, но затѣмъ, черезъ какой-нибудь часъ, выболтались— и наступила передышка; наступилъ моментъ, когда въ залѣ были слышны только говоръ и гулъ общей массы и стукъ и звонъ посуды.

Въ этотъ-то моментъ затишья и произошелъ казусъ, подавшій поводъ М. И. Драгомирову выказать свое остроуміе и пребольно кольнуть съѣздъ.

За однимъ изъ столиковъ, стоявшихъ довольно далеко отъ главнаго стола, засѣдала компанія москвичей во главѣ съ московскимъ водопроводнымъ инженеромъ и воротилою Н. П. Зиминымъ. Слушалъ, слушалъ почтенный инженеръ тосты и словоизверженія— и стало ему досадно. Пьютъ за всѣхъ, чуть ли даже не за водопроводныхъ смазчиковъ и слесарей, а за хозяина губерніи Драгомирова никто не догадался выпить. Не выдержало сердце москвича и наполнилось негодованіемъ. Улучивъ удобную минуту, онъ постучалъ вилкою о свою тарелку, поднялся съ мѣста и съ бокаломъ въ рукѣ провозгласилъ тостъ за М. И. Драгомирова.

Тутъ только съѣздъ и его ораторы поняли, какой громадный и невѣжливый промахъ сдѣлали они, позабывши своевременно выпить за самое главное лицо въ ихъ обществѣ. Поняли и всполошились. Грянуло такое «ура», что задрожали стекла, но въ звукахъ этого «ура» чувствовалась и нѣкоторая виноватость передъ маститымъ генераломъ.

М. И. Драгомировъ, въ свою очередь, поднялся съ мѣста, вѣжливо поблагодарилъ за вниманіе и, какъ бы шутя, прибавилъ:

— Этотъ тостъ напомнилъ мнѣ, господа, одинъ случай изъ полковой жизни. Былъ въ одномъ полку какой-то праздникъ съ такимъ же вотъ обѣдомъ, какъ и этотъ, и, конечно, съ тостами. Началось по порядку: выпили сначала за высшихъ—за полкового командира, а потомъ и за всю родословную. Словомъ, выпили за всѣхъ. Наступилъ моментъ, что уже больше пить не за кого. А выпить хочется... Стали придумывать и искать, за кого бы выпить. Искали долго, но въ концѣ концовъ все-таки нашли: — за полкового ветеринара!..

Члены съѣзда громко и весело разсмѣялись.

— Такъ вотъ и меня сейчасъ здѣсь почтили, — прибавилъ М. И. Драгомировъ.

Члены съѣзда сразу всѣ смутились, хотя и отвѣтили генералу новымъ сочувственнымъ смѣхомъ. Генералъ же, послѣ своей рѣчи, положилъ салфетку, отодвинулъ отъ себя кресло, на которомъ сидѣлъ, вышелъ изъ-за стола, сталъ прощаться и направился къ выходнымъ дверямъ. Это послужило сигналомъ, что завтракъ конченъ даже для тѣхъ, кто еще не успѣлъ окончить его. Волей-

неволей зашевелились и встали всё и почтительно и виновато проводили его не только до дверей, но даже и по лѣстницѣ.

Сознаніе виноватости и чувство неловкости прошли не скоро. Не успѣлъ Драгомировъ уѣхать, какъ многіе набросились на Н. П. Зими́на съ упреками, зачѣмъ онъ произнесъ тостъ такъ несвоевременно.

— Забыли за Драгомирова выпить, и Богъ съ нимъ,—заговорили со всѣхъ сторонъ. — Не зачѣмъ было поднимать здравицу послѣ Бродскаго... Такъ бы оно и обошлось... Забыли, виноваты, каемся, но не къ чему было въ самомъ концѣ завтрака. Неумѣстно...

— Извините-сь,—оправдывался горячо и нѣсколько взволнованно Н. П. Зими́нъ.—Такъ нельзя-сь... За всѣхъ пили, за еврея Бродскаго пили, а Драгомирова проморгали... Такъ нельзя-сь. Такъ не полагается... Это — не по-русски-сь... Надо было кому-нибудь...

Долго продолжались разговоры на эту тему. Но потомъ все улеглось. Сытое настроеніе духа взяло верхъ. Засѣданія вечерняго въ этотъ день не было, и всѣ мирно разбрелись заниматься на свободѣ пищевареніемъ. Но колкое словцо Драгомирова осталось надолго въ памяти почти у всѣхъ. Вышелъ недурной урокъ съ маленькимъ конфузомъ.

Интересной вышла экскурсія, прозванная «вонючей». Съ водопроводнымъ дѣломъ тѣсно связаны канализація и отводъ городскихъ нечистотъ, а съ канализаціей—поля орошенія. Гигіена гласитъ, что тотъ городъ, который обладаетъ полями орошенія, счастливъ вдвойнѣ: во-первыхъ, въ немъ начисто удаляются нечистоты, а, во-вторыхъ, нечистоты эти, служа удобреніемъ, не пропадаютъ даромъ, а приносятъ городу вещественную пользу. Въ Кіевѣ съ грѣхомъ пополамъ устроена канализація, и сточныя воды отводятся на поля, расположенныя на берегу Днѣпра. На эти-то поля орошенія и ѣздилъ съѣздъ. Къ услугамъ гостей были предоставлены бесплатно вагоны конки. Поѣздка началась съ Подола и закончилась какъ разъ около этихъ самыхъ полей. Проѣзжать приходилось мимо очень интереснаго въ археологическомъ отношеніи мѣста, а именно — мимо открытой однимъ изъ мѣстныхъ профессоровъ стоянки первобытнаго человѣка. На этомъ мѣстѣ, лежащемъ недалеко отъ рельсовъ конки, мы не были, потому, вѣроятно, что водопроводчики и археологія — двѣ вещи разныя. Намъ только показали пальцами на какой-то ничего не говорящей участокъ синей глины и пояснили при этомъ, что стоянка эта тщательно охраняется, чтобы современный цивилизованный человѣкъ не уничтожилъ варварски слѣдовъ первобытнаго. Къ слову сказать, мѣстность, на которой расположенъ теперешній Кіевъ, оказывается, судя по слѣдамъ, весьма излюбленнымъ мѣстопробываніемъ доисторическихъ людей, оставившихъ по себѣ память

не только въ видѣ разныхъ стоянокъ, но и въ видѣ пещеръ, разсѣянныхъ по кручѣ Днѣпра. Въ «Путеводителѣ» по Кіеву не разъ упоминается о томъ, что эти пещеры существуютъ, но что, къ сожалѣнію, большая часть ихъ еще не изслѣдована и, во избѣжаніе порчи, засыпана до болѣе благопріятныхъ временъ...

Поѣздка началась равнинъ утромъ, по холодку, и никакими особенностями и предестями не отличалась—ни ландшафтовъ, ни красотъ не встрѣчалось. На самомъ же концѣ, когда публика еще сидѣла въ вагонахъ, легкій вѣтерокъ подсказалъ обонянію довольно безошибочно, что поля орошенія—уже недалеко. Былъ съ нами, между прочимъ, и городской голова В. Н. Проценко, посѣтившій эти мѣста, обещающія со временемъ быть «злачными», кажется, впервые.

Самыя поля орошенія представляютъ собою покатую къ Днѣпру и разбитую на большіе четырехугольники площадь. Четырехугольники эти, какъ намъ сообщили, «планированы», т. е. выравнены такъ, что поверхность ихъ горизонтальна, и обнесены невысокими валами. Вслѣдствіе этого сточныя воды, поступающія сюда по особымъ трубамъ и желобамъ, разливаются ровнымъ слоемъ и равномерно орошаютъ всю площадь. Отработавшія грязныя воды просачиваются сквозь землю, оставляютъ наверху ея твердыя плодородныя частицы и въ концѣ концовъ уходятъ въ Днѣпръ, пробиваясь гдѣ-то въ обрывѣ въ видѣ свѣтлаго, прозрачнаго родника. Для большей убѣдительности изъ этого родника зачерпнули водицы стаканомъ и стали разсматривать ее на свѣтъ. Она оказалась совершенно безъ запаха. Отсюда съѣздъ вывелъ, что Днѣпра она не оскверняетъ, хотя городской голова, какъ врачъ, и засвидѣтельствовалъ публично, что въ настоящее время «въ Днѣпрѣ гораздо больше злокачественныхъ и зловредныхъ бактерій, нежели золотистыхъ осетровъ». Когда этой водой въ стаканѣ любовались на свѣтъ, изъ группы раздался чей-то наивный голось:

— На видъ водица чиста, а интересно было бы знать, какова она на вкусъ?

— Попробуйте, тогда и мы всё узнаемъ,—последовалъ чей-то насмѣшливый отвѣтъ.

Всѣ разсмѣялись, а наивный господинъ слегка сконфузился и, какъ бы оправдываясь, пробормоталъ:

— Я задалъ вопросъ съ научной точки зрѣнія...

Осмотръ полей затянулся довольно долго, и все время экскурсантовъ окружалъ запахъ, оскорблявшій не на шутку обоняніе и вызывавшій у нѣкоторыхъ легкую тошноту и даже головную боль. Солнышко поднялось довольно высоко. Приближался адмиральскій часъ. Почти у всѣхъ защекало подъ ложечкой и въ головахъ возникли помысленія о томъ, какъ бы поскорѣе наострить лыжи

въ городъ и приступить къ завтраку. Но городской голова, которому слегка и не разъ намекали на это обстоятельство, повидимому, и въ усъ себѣ не дулъ и только загадочно улыбался.

— Успѣте, господа, — отшучивался онъ. — Надо хорошенько осмотрѣть. Сооруженіе, вѣдь, стоитъ большихъ денегъ...

Публика, однакоже, оставалась къ этимъ большимъ деньгамъ довольно равнодушной и отъ скуки стала разсматривать унылыя окрестности. Вдали, въ концѣ полей орошенія, стоялъ небольшой домикъ, созерцаніе котораго вызвало цѣлый рядъ вопросовъ и восклицаній, которыя сводились къ одному:

— Неужели этотъ домикъ обитаемъ? Неужели въ немъ можно жить среди этой ужасной вони? Если да, то вѣдь это—чистое самоубійство... Какой несчастный и злополучный человѣкъ обреченъ дышать здѣшнимъ отравленнымъ воздухомъ?...

Стали наводить отъ нечего дѣлать справки и оказалось, что въ домикѣ живетъ администрація, завѣдующая полями орошенія. Съѣздъ рѣшилъ, что это варварство...

Какъ бы въ отвѣтъ на это порицаніе городской голова пригласилъ всѣхъ осмотрѣть и самый домикъ. Пошли не особенно охотно, но когда вошли—разинули рты отъ неожиданности и отъ удивленія. Въ небольшихъ комнатахъ былъ сервированъ прекрасный завтракъ и чай. Ужасный, отравляющій запахъ былъ тотчасъ же забытъ и, несмотря на страшную тѣсноту и толкотню, столъ съ яствами и питіями былъ немедленно взятъ приступомъ. Ъли съ жадностью и съ наслажденіемъ, а въ открытыя окна врывался вѣтерокъ прямо съ полей...

Городской голова протискивался между гостями, угощалъ ихъ и ехидно улыбался, а въ концѣ концовъ гости познакомились и съ обитателями домика. Имъ наперерывъ всѣ спѣшили высказать свои сожалѣнія и соображенія насчетъ «воздуха».

— Иногда пахнетъ, особенно ежели вѣтеръ съ той стороны,—получился отвѣтъ.—Но это не суть важность. Привыкли...

Члены съѣзда только пожали плечами и за стаканами чая завели ученый разговоръ о приспособляемости человѣка ко всевозможнымъ, даже и пагубнымъ для здоровья, условіямъ. Больше говорить было не о чемъ...

Поѣздка назадъ по той же конкѣ совершилась уже гораздо веселѣе. На сытый желудокъ было пріятнѣе и легче обсуждать достоинства и недостатки полей орошенія, какъ техническаго и дорого стоящаго сооруженія. Въ нѣкоторыхъ вагонахъ даже заспорили. Споръ былъ научный, хотя два-три спорщика и сопровождали его, хотя и невольной, но довольно частой икотой. Самую же экскурсію, въ отличіе отъ другихъ экскурсій по Кіеву, прозвали прозаически—«вонючей».

Быль произведенъ и смотръ пожарной командѣ, имѣющей тѣсную связь съ водопроводомъ города. Публики собралось очень много. Для обычныхъ эволюцій команды площадь при Софійской церкви оказалась тѣсноватой, но это не помѣшало успѣху праздника. Все обошлось прекрасно, торжественно и эффектно, если не считать маленькаго конфуза: въ самый поразительный моментъ, когда обозъ летѣлъ подъ звуки музыки самымъ быстрымъ аллюромъ, который называется у пожарныхъ маршъ-маршемъ, у одной изъ бочекъ разлетѣлось вдребезги колесо, и она на ходу накренилась на бокъ и зацарапала мостовую. Ее вывели изъ строя и все обошлось благополучно. Публика отнеслась къ этому благодушно: гдѣ же въ самомъ дѣлѣ не случается подобныхъ неприятныхъ мелочей?.. Въ мирѣ вѣдь идеальнаго совершенства не полагается...

LX.

Пришлось мнѣ въ качествѣ корреспондента побывать въ Орлѣ на пожарномъ всероссійскомъ съѣздѣ. Который это былъ по счету съѣздъ—не помню. Было ихъ нѣсколько и всѣ они созывались и созываются императорскимъ россійскимъ пожарнымъ обществомъ, а въ сущности—княземъ Александромъ Дмитріевичемъ Львовымъ и его другомъ и сотрудникомъ, капитаномъ Дмитріемъ Петровичемъ Струковымъ. Какъ бы плодотворна ни была дѣятельность этого пожарнаго общества, а если говорить по совѣсти, то нужно сказать, что и общество это, и все вообще пожарное дѣло въ Россіи вывозятъ на своихъ плечахъ только эти два человѣка. Все дѣлается по ихъ инициативѣ и всему тонъ и направленіе задаютъ они. Не будь князя Львова и Струкова, не существовало бы общества и не было бы и тѣхъ капиталовъ и особыхъ преимуществъ (страхованіе жизни, пенсіи, пособія и т. д.), которыми пользуются теперь вольные пожарные дружинники, а отчасти и пожарныя городскія команды. Князь Львовъ фанатически помѣшанъ на пожарномъ дѣлѣ, а другъ его Струковъ не менѣе фанатично помогаетъ ему. Отсюда получилась та частая сѣть вольныхъ пожарныхъ обществъ и дружинъ, которая охватила въ нѣсколько лѣтъ всю матушку соломенную Русь.

О князѣ А. Д. Львовѣ пожарные остряки сочинили даже басню, будто бы онъ родился съ пожарной каскою на головѣ и въ мундирѣ пожарнаго вмѣсто сорочки, въ которой рождаются счастливые люди. О Струковѣ пока не слыхать никакихъ басенъ. Пожарные его очень уважаютъ и даже, насколько я могъ замѣтить, слегка побаиваются, потому что онъ — большая умница и безкорыстно хлопочетъ о поднятіи ихъ матеріальнаго и нравственнаго уровня. Они это чувствуютъ инстинктивно даже въ самыхъ захолустныхъ

уголкахъ и чтуть его за это. А между тѣмъ эти два дѣятеля пожарнаго дѣла работаютъ такъ скромно, тихо и незамѣтно, что о нихъ и не слышно нигдѣ, и въ періодической печати ихъ имена попадаются болѣе чѣмъ рѣдко...

Итакъ, въ Орлѣ былъ созванъ пожарный съѣздъ. Открыли его съ помпой и съ торжествомъ. Молебень служилъ архіерей, а почетное предсѣдательство принялъ на себя губернаторъ Александръ Николаевичъ Трубниковъ, блиставшій своимъ распитымъ золотомъ камергерскимъ мундиромъ. А это въ глазахъ провинціальной публики значитъ не мало. Устраивались князю Львову почетныя встрѣчи и проводы, совершались экскурсіи, заданъ былъ обѣдъ и т. д. Словомъ, все шло, какъ и подобаетъ.

Заносу я воспоминанія объ этомъ съѣздѣ не для того, чтобы толковать о его результатахъ и значеніи, а для того, чтобы отмѣтить одно неожиданное и въ то же время интересное совпаденіе.

У Диккенса въ его «Пикквикскомъ клубѣ» есть дѣйствующее лицо—мистеръ Топманъ, человекъ, отъ роду не державшій въ рукахъ ружья и совершенно не умѣвшій стрѣлять, а между тѣмъ убившій на охотѣ съ зажмуренными глазами куропатку. Бѣдная птичка сама налетѣла подъ выстрѣлъ. Такое же почти событіе случилось и во время орловскаго съѣзда.

Занятія съѣзда, сколько мнѣ помнится, подходили къ концу. Всякіе маневры и смотры, на которыхъ пожарные показываютъ свое удалство, были окончены. Не хватало только одного — внезапной провѣрки дѣятельности команды. На парадахъ видна лишь казовая сторона: мѣдныя части инструментовъ блестятъ, платье на пожарныхъ—съ иголки, лошади прилизаны и все прекрасно. Другое дѣло видѣть команду въ настоящей, заправской работѣ, видѣть быстроту ея запряжки и выѣзда на пожаръ. И вотъ, чтобы провѣрить именно эту сторону дѣла въ организаци и жизни городской пожарной команды въ Орлѣ и показать ее съѣхавшимся со всей Россіи дружинникамъ и общественникамъ, губернаторъ А. Н. Трубниковъ и князь А. Д. Львовъ условились между собою произвести ночью фальшивую тревогу.

Мы съ Дм. П. Струковымъ стояли въ гостиницѣ «Берлинъ» и помѣщались въ одномъ номерѣ. Въ тотъ вечеръ, когда начальствующія лица составили въ своемъ родѣ заговоръ противъ пожарной команды, я сидѣлъ въ номерѣ одинъ и, кажется, строчилъ корреспонденцію. Засидѣлся я за работой до полуночи. Въ первомъ часу ночи возвратился Д. П. Струковъ и сообщилъ мнѣ, что губернаторъ, князь Львовъ и многіе дружинники ужинаютъ въ городскомъ саду. Онъ, Струковъ, тоже ужиналъ съ ними, а теперь покинулъ компанію и явился домой для того, чтобы, буде я не сплю, сообщить мнѣ секретъ, а именно: губернаторъ, князь

и Струковъ условились между собою келейно, на ушко, ровно въ часъ ночи, минута въ минуту, дать сигналъ къ фальшивой тревогѣ. Объ этомъ условіи до настоящей минуты знали только эти три лица, а теперь узнало и четвертое, т. е. я.

Я искренно поблагодарилъ милѣйшаго Дмитрія Петровича за вниманіе, и оба мы, раскрывъ окошко нашего номера, приготовились ждать тревоги и наблюдать съ часами въ рукахъ, какъ и съ какою быстротою пролетитъ мимо нашей гостиницы пожарная команда.

— Смотри на часы,—сказалъ Дмитрій Петровичъ.—Трубниковъ рѣшилъ подать сигналъ ровно въ часъ.

— Ты отправишься на этотъ смотръ?—спросилъ я его.

— Нѣтъ. Сегодня я очень усталъ, да и интереснаго для меня въ этомъ мало,—отвѣтилъ онъ.—Посмотрю на проѣздъ команды изъ окна и лягу спать. Завтра придется вставать рано.

— Еще бы тебѣ не устать, коли ты работаешь, какъ волъ...

— Ничего не подблаещь: работы много... А ты все-таки посматривай на часы.

Я усѣлся на подоконникъ съ часами въ рукахъ. До условленнаго момента оставалось еще четверть часа. Но стрѣлка не дошла еще десяти минутъ до часа, какъ съ улицы донесся до насъ рожокъ ночного сторожа. Вдали гдѣ-то откликнулся другой, за нимъ третій, и въ какихъ-нибудь 40 — 50 секундъ весь Орелъ заигралъ на рожкахъ.

— Вотъ и тревога!—проговорилъ Д. П. Струковъ.—Но только странно: зачѣмъ Трубниковъ далъ ее десятью минутами раньше? Условлено было ровно въ часъ...

Изъ домовъ стали понемногу высыпать встревоженные обыватели. Мимо нашихъ оконъ во весь опоръ промчалась пожарная часть. Съ улицы стали доноситься голоса: «Пожаръ! Гдѣ-то горитъ!»

Д. П. Струковъ вытянулъ шею и сталъ прислушиваться. Рожки на разные тона заливались по всеѣмъ улицамъ.

— Послушай, ужъ не пожаръ ли въ самомъ дѣлѣ?

— А я почему знаю,—отвѣтилъ я.

— Народъ бѣжитъ... Нужно будетъ узнать, въ чемъ дѣло.

Мы оба поспѣшно одѣлись и спустились внизъ, въ швейцарскую, а черезъ какихъ-нибудь двѣ-три минуты уже мчались на ночномъ извозчикѣ въ невѣдомую мнѣ часть города. Вдали горизонтъ былъ окрашенъ багровымъ заревомъ.

— Вспыхнуло, какъ свѣчка,—пояснилъ намъ возница, нахлестывая лошадь.

Довольно далеко отъ центра города пылалъ большой деревянный домъ. Когда мы приѣхали на пожаръ, князь А. Д. Львовъ былъ уже тамъ и распоряжался тушеніемъ. Мѣстный брандмей-

стеръ почелъ за честь для себя уступить на этотъ разъ свои права столь почетному пожарному гостю.

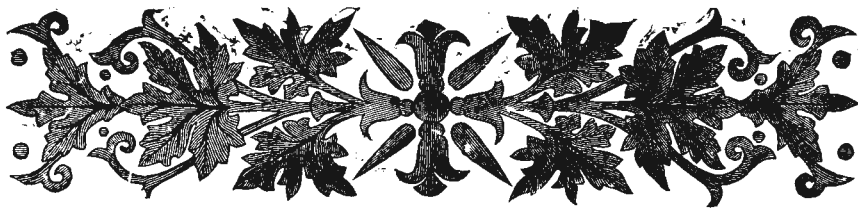
Вернулись мы домой уже почти подъ утро и, лежа въ постеляхъ, долго еще толковали о странномъ совпаденіи: вмѣсто фальшивой тревоги судьба подготовила съѣзду настоящій пожаръ...

— Такіе случаи рѣдки, — проговорилъ Д. П. Струковъ, гася свѣчку.

— Да, — промычалъ я сквозь сонъ.

Александръ Чеховъ. (Сѣдой).

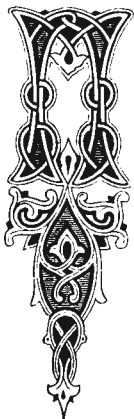

ПЕТЕРБУРГСКІЙ МОНТЕКРИСТО¹⁾.

(Историческій разсказъ).

XI.

ПОШЛО болѣе года.

На міровой сценѣ совершилось событіе большой исторической важности. Недавній изгнанникъ и иска- тель приключеній, принцъ Людовикъ-Наполеонъ всту- пилъ на престолъ своего великаго дяди. Императоръ Николай, отвѣчая на его письмо, воздержался отъ обычной между царствующими лицами формулы обра- щенія. Новый властитель Франціи затаилъ по этому поводу глубокую вражду къ русскому государю, и это чувство скорѣе, чѣмъ кто-нибудь могъ предположить, привело къ безцѣльной и кровавой войнѣ.

Вліяніе личныхъ недоразумѣній сказывалось тѣмъ выразительнѣе, что общая европейская политика, на- правленная противъ движеній и идей 1848 г., какъ нельзя болѣе совпадала съ политикой Николая I. Возникло странное противорѣчіе, котораго не замѣчало общественное мнѣніе и не сознавало темное чувство народныхъ массъ. Въ то время какъ европейскія правительства стремились замести послѣдніе слѣды промчавшейся политической бури и затоптать тощіе ростки свободы, дипломатія и близорукая или подкупленная печать выставляли Россію злѣй- шимъ врагомъ свободной гражданственности и неутомимо доказы- вали необходимость подорвать военное могущество этого «колосса

¹⁾ Окончаніе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СХ, стр. 433.

на глиняныхъ ночахъ», являвшася главною опорою всемірной реакціи. И Франція вѣрила своему новому властелину, не догадываясь, что его внѣшняя либеральная политика была только игрою, прикрывавшею цѣли порабощенія собственной страны.

Время было мрачное, безотрадное, до такой степени, что даже русскій эмигрантъ Герценъ, послѣ двухлѣтняго пребыванія «за рубежомъ», горько разочаровался въ своихъ упованіяхъ на торжествующій ходъ европейскаго прогресса. Просвѣщенная, демократическая, побѣдно отпраздновавшая 1848 годъ Европа быстро пятилась назадъ. Освободительный вихрь, всколыхнувшій нѣсколько троновъ, не оставилъ послѣ себя слѣдovъ. Горячая кровь защитниковъ народной свободы была напрасно пролита. Перепуганные правящіе классы, почувствовавъ силу снова на своей сторонѣ, хотѣли твердо держаться на занятыхъ позиціяхъ. Реакціонная интрига густо разстилала свои узлы и петли отъ Брюсселя до Неаполя, отъ Мадрида до Берлина. Итальянскіе и венгерскіе патриоты сидѣли по тюрьмамъ, французскіе мечтатели и борцы за свободу вывозились десятками тысячъ въ Каіену. Черная сутана властвовала въ Римѣ, вліяла въ Парижѣ и Вѣнѣ. Вольномыслящіе нѣмецкіе профессора, цѣпляясь за свои кафедры, спѣшили отдѣлаться отъ опасной репутаціи либераловъ, а берлинскіе пасторы прислуживались новымъ вѣяніямъ не хуже католическихъ аббатовъ.

Въ Россіи развитіе знаменитой системы тридцатилѣтія достигло своей высшей точки. Мнимый заговоръ петрашевцевъ, созданный соперничествомъ полиціи графа Перовскаго и Липранди съ полиціей III-го отдѣленія, далъ возможность разсѣять по рудникамъ и сибирскимъ пустынямъ невинный кружокъ молодежи, не раздѣлявшій господствующихъ идей и мечтавшій о лучшемъ будущемъ. Въ университетахъ прекращены были занятія философіей и ограничено число студентовъ. Цензура свирѣпствовала, всякая свобода мнѣнія была подавлена, и только помѣстное дворянство гордилось своими сословными правами, которыми ни разу не воспользовалась для блага народа. Духъ самой мрачной, тупой и злобной реакціи чернымъ туманомъ стлался по всей странѣ, а императоръ Николай, слегка освѣдомленный о творящихся безобразіяхъ и доводимый до отчаянія своимъ безсиліемъ побороть зло, не видѣлъ другого исхода, какъ все туже затягивать наложенную на народъ и общество узду.

Было что-то роковое и трагическое въ величавой, но уже старѣющей фигурѣ этого монарха, такъ горячо любившаго свою страну, такъ усердно для нея работавшаго, и въ глубинѣ души сознававшаго тщету своихъ усилій... А исторія уже готовилась раскрыть послѣднюю и самую печальную страницу царствованія. Но только что проложенному кабелю между Парижемъ и Лондо-

номъ уже происходилъ обмѣнъ таинственныхъ телеграммъ, подготовлявшихъ кровавые севастопольскіе дни.

Надъ закатомъ долгаго царствованія съ зловѣщею медлительностью надвигалась грозная туча, подъ мрачною тѣнью которой, два года спустя, поэтъ нарисовалъ незабвенный образъ своей родины:

Въ судахъ черна неправдой черной,
И игомъ рабства клеймена,
Безбожной мести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна...

Но страдавшіе отъ неправды, рабства и «всякой мерзости» молча влачили свою участь гдѣ-то вдали отъ веселой суеты жизни. Ихъ не видѣла и не слышала безпечная толпа тѣхъ, кто питался язвами русской дѣйствительности. Дворянству, крупному и среднему чиновничеству, смышленому плутоватому купечеству жилось привольно. Эти привилегированные верхи населенія оправдывали извѣстное замѣчаніе Герцена, что въ Россіи, благодаря легкости злоупотребленій, можно пріятно устроиться. И никогда у насъ такъ много не веселились, какъ въ послѣдніе, самые мрачные годы тридцатилѣтія.

Кружокъ людей, томившихся безотрадною политическихъ и общественныхъ условій, былъ очень не великъ. Огромное большинство цѣнило только матеріальныя впечатлѣнія жизни. Оно выжимало доходы изъ крѣпостныхъ имѣній, обкрадывало казну, брало взятки, развратничало въ помѣщичьихъ гаремахъ, играло въ карты, пьянствовало и находило существующій строй настолько превосходнымъ, что всякій протестъ противъ него встрѣчало со злобой, какъ покушеніе на общественное благополучіе.

Никогда столько не пили шампанскаго, не кутили и не проматывались, какъ передъ Крымской войной. Привилегированные круги словно чувствовали, что приближается конецъ ихъ безпечальному существованію, что надвигается какая-то новая жизнь— и спѣшили использовать остающіеся блаженные годы стараго порядка.

Только все чаще изъ медвѣжьихъ угловъ деревенской Руси доносились слухи объ убійствахъ и разбояхъ, которыми крѣпостное рабство мстило за поруганіе человѣка. Но нѣмотствующая печать не подхватывала этихъ слуховъ, и они гасли, не поучая и не предостерегая.

Въ Петербургѣ тоже было не совсѣмъ спокойно. Городская чернь, толпившаяся въ кабакахъ, не внушала довѣрія. Убивали каждый день на улицахъ и въ квартирахъ. Пожары учащались и наводили страхъ.

Правительство на все это отвѣчало казнями и безтолковыми мѣрами предосторожности. Запрещено было курить на улицахъ. Къ окнамъ боковыхъ стѣнъ приказано было придѣлать желѣзные ставни.

Тѣмъ не менѣе, въ Петербургѣ веселились. Наступила холодная, свѣтлая весна. Отпраздновали екатерингофское гулянье, съ легкимъ снѣжкомъ, падавшимъ сквозь голые сучья березокъ. Полюбовались майскимъ парадомъ, церемоніальнымъ шагомъ гвардейской пѣхоты, превосходнымъ равненіемъ подобранныхъ подъ масть коней, блестящею мѣдью орудій и величественною фігурою императора, возвышавшеюся надъ цѣлымъ моремъ генеральскихъ султановъ.

Майскимъ парадомъ заканчивался сезонъ. Пора была разъѣзжаться—на дачи, на Липецкія воды, на Кавказъ, или по деревнямъ. За границу уѣзжали только немногіе счастливицы, такъ какъ разрѣшенія давались съ крайнею неохотою.

Знакомые Политковскаго удивлялись, почему онъ не попалъ въ число этихъ счастливицевъ, Ему, конечно, разрѣшили бы. Въ средствахъ онъ не нуждался. Не странно ли, что человекъ съ его избалованными вкусами и широкими привычками совсѣмъ не любопытствовалъ побывать въ европейскихъ столицахъ?

Политковскій на разспросы отвѣчалъ уклончиво.

— Оно, конечно, можно бы; да какъ-то не тянетъ,—говорилъ онъ.—Облѣнился я, должно быть. А впрочемъ, если умѣть, то и въ Петербургѣ можно на лѣто устроиться превосходно.

На самомъ же дѣлѣ Политковскій понималъ, что ему нельзя даже на самое короткое время отлучиться изъ Петербурга: онъ уже до такой степени запуталъ денежныя дѣла комитета, что только ежедневно присутствуя въ канцеляріи и лично производя всѣ распоряженія суммами, могъ до поры до времени прикрывать громадную растрату. При отъѣздѣ хотя бы въ непродолжительный отпускъ пришлось бы сдавать кому-нибудь и отчетность, находившуюся въ полномъ беспорядкѣ, и денежную кассу, гдѣ вмѣсто денегъ хранились его ничего не стоящія расписки.

ХІІ.

Въ концѣ мая выдались теплые солнечные дни. Несмотря на начавшійся разъѣздъ, Петербургъ сразу оживился. Днемъ улицы сохраняли свой пустынный и пыльный видъ,—поливка тогда не производилась,—но съ окончаніемъ занятій въ министерствахъ начиналось усиленное движеніе экипажей и пѣшеходовъ. Стоявшіе у Гостинаго двора неуклюжіе, громоздкіе omnibusы быстро наполнялись чиновниками, торопившимися въ Лѣсной, въ Парголово, въ Полюстрово. По Невѣ шныряли пароходики, поддержи-

вавшие сообщеніе съ островами. Черной рѣчкой и Новой деревней. По деревянному Троицкому мосту неслись щегольскія коляски на только что появившихся плоскихъ рессорахъ, рысистыя пролетки, шарабаны, увозя разряженную публику на елагинскую «стрѣлку», въ Каменноостровскій казенный театр, гдѣ играла лѣтомъ александринская труппа, и на Минеральныя воды, сдѣлавшіяся въ то время главнымъ увеселительнымъ пунктомъ для болѣе достаточной столичной публики. Тамъ собиралъ съ нея дань знаменитый въ 50-хъ и 60-хъ годахъ магъ и волшебникъ Иванъ Ивановичъ Излеръ, самый обыкновенный петербургскій нѣмецъ, счастливо угадавшій невзыскательные вкусы того пестраго и празднаго общества, которое остается на лѣто въ городѣ.

Излеръ былъ совсѣмъ малообразованный человѣкъ, едва ли много понимавшій даже въ музыкѣ, но у него была нѣмецкая предприимчивость, заимствованная у гамбургскихъ, берлинскихъ и рижскихъ увеселителей. Съ этою предприимчивостью онъ взялся разрабатывать петербургскіе вкусы, налегая преимущественно въ сторону ихъ легкомысленной пошловатости. У него играли нѣмецкіе и военные оркестры, пѣли тирольскіе и цыганскіе хоры, показывались ученые слоны и еще болѣе ученые собаки, кувыркались акробаты и поражали своимъ искусствомъ фокусники. Съ іюля, когда начинались темные вечера, главною приманкою являлись фейерверки и «волшебное освѣщеніе» сада съ помощью весьма нехитрыхъ бумажныхъ фонариковъ. Эти полуосвѣщенные вечера казались очень привлекательными для любителей легкихъ увлеченій, такъ какъ «Минерашки» собирали весь петербургскій полусвѣтъ, и рижскія красавицы обыкновенно тамъ начинали и кончали свою карьеру.

Особенное вниманіе Излеръ обращалъ на то, чтобы публика не успѣвала соскучиться, и потому самъ ходилъ по саду съ колокольчикомъ въ рукѣ и неистово звонилъ, оповѣщая о какомъ-нибудь новомъ номерѣ программы. Онъ понималъ, что русская публика не умѣетъ сама веселиться, и потому гонялъ ее изъ одного конца сада въ другой, отъ закрытаго театра къ открытой сценѣ, отъ ученыхъ собакъ къ трапеціи акробатовъ. Со всѣми постоянными посѣтителями онъ былъ лично знакомъ и, вертясь между ними, неумоимо расхваливалъ своихъ артистовъ, указывалъ на новинки и вообще представлялъ собою самую оживленную фигуру въ саду.

У него была заведена своя собственная полиція, состоявшая изъ дюжихъ нѣмцевъ въ форменныхъ курткахъ, которые всякаго слишкомъ развеселившагося посѣтителя подхватывали подъ руки и съ чрезвычайной быстротой выпроваживали за ограду заведенія.

Поздній разѣздъ изъ «Минерашекъ» представлялъ единственное въ своемъ родѣ зрѣлище. Въ серебряномъ мерцаніи бѣлой

ночи раскрывались тайны лѣтнихъ романовъ. Длинной вереницей, обгоняя другъ друга, тянулись таинственныя пары, укрываясь отъ нескромнаго соглядатайства подъ зонтиками и вуалями, или за полинялыми шторами неуклюжихъ каретъ, взятыхъ съ биржи.

И тутъ же, на лихачѣ отъ Аничкова моста, проносился какой-нибудь юный «хозяйскій сынъ» со сдвинутой на затылокъ шляпой, покачиваясь на высокихъ круглыхъ рессорахъ и придерживая сидѣвшую у него на колѣняхъ бѣлокурую Амальхенъ. А на бульварѣ стояла толпа любопытствующихъ, заглядывала подъ шляпки, узнавала знакомыхъ, и иногда привѣтствовала ихъ веселымъ рогомъ и пріятельскими поздравленіями...

Въ томъ году первый большой праздникъ на «Минерашкахъ» пришелся въ Ивановъ день. Какъ обрусѣлый нѣмецъ, Излеръ справлялъ свои именины. Чудовищная бенефисная афиша уже нѣсколько дней мозолила всѣмъ глаза на парходныхъ пристаняхъ, заборахъ Каменноостровскаго проспекта и воротахъ водолечебнаго заведенія. «Сѣверная Пчела» посвятила ей цѣлый столбецъ, оплаченный почетнымъ билетомъ для входа. Обѣщаны были дебюты удивительнѣйшихъ эквилибристовъ изъ Гамбурга, замѣчательнѣйшаго тирольскаго квартета и настоящаго индѣйскаго шпагоглотателя, какіе-то Семирамидины огни, полетъ воздушнаго шара, и еще много приманчивыхъ вещей.

Сухая, тихая и теплая погода благопріятствовала бенефису. Публики собралось такъ много, что на песчаной площадѣ и въ аллеяхъ сада происходила давка. Получить мѣсто въ кіоскахъ или за столиками было трудно. Счастливыцы, завладѣвшіе удобными уголками, не хотѣли ихъ покидать, несмотря на неистовые звонки бенефицианта, возвѣщавшіе все новыя и новыя зрѣлища.

Въ одномъ изъ такихъ уголковъ давно уже засѣли Григоровичъ, Панаевъ и архитекторъ Штакеншнейдеръ, прославившійся только что оконченной имъ постройкой великолѣпнаго дома князя Бѣлосельскаго - Бѣлозерскаго у Аничкова моста¹⁾. На столикѣ передъ ними стояли бутылки сотерна и лимонада. Всѣ трое, видимо, уже насытились и увеселительными номерами программы, и непрерывнымъ мельканіемъ нарядной пестрой толпы. Штакеншнейдеръ зѣвалъ, потирая пальцами длинный носъ. Григоровичъ, чтобъ занять его, завелъ разговоръ о постройкѣ.

— Вѣдь что удивительно,—сказалъ онъ:—выдвинулъ онъ свой дворецъ передъ чудными группами барона Клодта, и получилось впечатлѣніе, будто и архитекторъ, и скульпторъ не вредятъ, а помогаютъ другъ другу. Для Штакеншнейдера это была не легкая задача...

¹⁾ Дворецъ покойнаго великаго князя Сергія Александровича.

— Мнѣ ее облегчилъ владѣлецъ, пожелавъ нѣчто въ манерѣ Растрелли,—скромно пояснилъ архитекторъ.—А то, дѣйствительно, трудно было бы состязаться съ Клодтомъ. У него простота и красивость въ удивительномъ сочетаніи.

— Талантъ, голубчикъ, талантъ, вотъ въ чемъ сила!—восторженно произнесъ Григоровичъ.

Панаевъ задумчиво разглядывалъ затѣйливый набалдашникъ своей трости.

— Да, хорошо быть художникомъ, — сказалъ онъ съ легкимъ вздохомъ.—На его вдохновеніи не лежитъ узда какого-нибудь безтолковаго цензора. Онъ творитъ свободно, смѣло. Ему все равно, царствуетъ ли великій Августъ, или великій Людовикъ, или правитъ сенатъ вольной республики. А у насъ-то, у литераторовъ... отъ какихъ только тупыхъ головъ намъ приходится зависѣть! Ты пишешь, мучаешься, горюшь, а какой-нибудь... (онъ оглянулся и понизилъ голосъ) какой-нибудь дуракъ перечеркнетъ твою рукопись красными чернилами—и вотъ надъ тобою раньше смерти могильный крестъ поставили.

Григоровичъ опустилъ голову.

— Правда твоя, хоронятъ насъ... живыми хоронятъ...—произнесъ онъ.—Эхъ!

И онъ махнулъ длинной рукой и ударилъ себя по ногѣ, облеченной въ англійскую пару самаго новаго рисунка.

ХІІІ.

Молодой человѣкъ чрезвычайно подвижнаго, даже безпокойнаго вида, со смуглымъ лицомъ, черными усиками и большой бородавкой на лбу, одѣтый въ сѣрую визитку и соломенную шляпу, подошелъ торопливой побѣжкой, еще издали раскланиваясь и радостно, возбужденно улыбаясь.

— Иванъ Ивановичъ! Какая пріятная встрѣча! Дмитрій Васильевичъ!—привѣтствовалъ онъ Панаева и Григоровича.—Но какой волшебный вечеръ! Можно сказать, что магъ и волшебникъ Излеръ превзошелъ себя. А я только изъ Харьковской губерніи. Какія тутъ новости? Мнѣ всѣ говорятъ, что я очень поправился. Еще бы! Пшеничники, галушки...

Молодой человѣкъ говорилъ чрезвычайно быстро, бѣгая глазами и улыбаясь. Отвѣта онъ не ожидалъ, и тотчасъ же повернулся въ упоръ къ Панаеву.

— А какъ моя рукопись? Прочли ее въ редакціи? — спросилъ онъ.—Разсказъ изъ малороссійскаго быта.

Панаевъ, видимо, усиливался припомнить что-то.

— Извините... ваша фамилія Вороненко, если не ошибаюсь?—освѣдомился онъ.

— Помилуйте, какой же Вороненко! Я Данилевскій, Данилевскій, изъ Харькова. Пишу подъ псевдонимомъ Скавронскаго. Вѣдь я же былъ у васъ въ редакціи! — объяснилъ молодой человекъ, нѣсколько озадаченный и даже обиженный.

— Вотъ, вотъ, теперь припоминаю,—успокоилъ его Панаевъ.— И рукопись припоминаю. Хорошо такъ переписана, на атласной бумагѣ. Ее поэтому Николай Алексѣевичъ взялъ читать.

— Ну-те, и что же?

— Да не знаю, должно быть, не прочелъ еще. Понимаете: лѣто, дача... Вы загляните въ редакцію.

— Непремѣнно, непременно...

— Въ деревнѣ галушки, вы говорите?—обратился къ молодому человеку Григоровичъ.— Не присядете ли?

Данилевскій радостно воспользовался приглашеніемъ.

— А мнѣ сегодня дали списать... Отъ Достоевскаго письмо получено... съ каторги! — сообщилъ онъ съ чрезвычайнымъ оживленіемъ, и сейчасъ же вынулъ изъ кармана сложенный листокъ бумаги.

Григоровичъ думалъ было развернуть этотъ листокъ, но оглянулся и наклонился къ самому уху Данилевскаго.

— Здѣсь неудобно... и вы напрасно громко произнесли фамилію... мало ли кто здѣсь могъ услышать,—сказалъ онъ.— Лучше занесите какъ-нибудь въ редакцію, тамъ и прочтете намъ всѣмъ.

— Отлично, отлично,—согласился Данилевскій, и засунулъ листокъ въ карманъ.—А развѣ... строго?

Григоровичъ выразительно махнулъ рукою.

— Вотъ его спросите, — кивнулъ онъ на Панаева. — Цензура что творить, уму непостижимо.

— Да, времечко...—подтвердилъ Панаевъ.—Прямо невозможно становится журналъ издавать. Мы съ Некрасовымъ уже затѣваемъ романъ изъ ассирійской жизни писать... авось вывезетъ.

— Скажите пожалуйста!—печально посочувствовалъ Данилевскій. — Но въ моемъ разсказѣ ничего такого. Хуторянскій бытъ, галушки...

— Могутъ и галушки на цензорской плитѣ подгорѣть,—попугалъ Григоровичъ.—Вычеркнули же вольный духъ у Авдѣевой.

— Те! Но какъ же тогда литература? — наивно удивился Данилевскій.

— Литературу на кладбище брать. Вотъ Гоголя свезли, Жуковскаго... а кто упрямствуетъ жить, такъ можно и надъ живымъ крестъ поставить,—произнесъ Григоровичъ.

— Да, да, Гоголь... ужасная утрата!—отозвался Данилевскій.

— А Тургенева выдержали на сѣзжей, да въ деревню сослали, — продолжалъ Григоровичъ.—Салтыкова въ Вятку уперли. Шевченко, Плещеевъ... да развѣ пересчитаешь всѣхъ!

— Ужасно!—откликнулся, словно эхо, Данилевскій.

Но онъ былъ увѣренъ, что его галушки не подгорятъ ни на какой сковородѣ, и думалъ о томъ, что надо завтра же побывать у Некрасова.

— А между тѣмъ, вопреки всѣмъ гоненіямъ, въ литературѣ то и дѣло появляются новые таланты,—сказалъ послѣ минутнаго молчанія Панаевъ.—Графъ Толстой, напримѣръ,—какое многообѣщающее явленіе! Это прямой преемникъ Лермонтова и Гоголя. Но если ни о чемъ нельзя писать, то и эти таланты погибнуть.

— Ну, не всегда же такъ будетъ... — неувѣреннымъ тономъ промолвилъ Григоровичъ.

Ему въ это время поклонился какой-то пожилой господинъ, въ циммермановскомъ цилиндрѣ и гороховомъ пальто, изъ-подъ котораго назойливо выглядывалъ на шеѣ орденъ на красной лентѣ

— Любопытно, что вотъ эти господа тоже недовольны, — продолжалъ Григоровичъ.—Хоть бы вотъ этотъ, съ которымъ я сейчасъ раскланялся.—Архивариусъ въ какомъ-то министерствѣ. Обратили вниманіе, какъ распустилъ ленту по манишкѣ? А какъ-то на Пасхѣ встрѣчаю его на улицѣ—идетъ, и въ лицѣ сосредоточенное бѣшенство. Спрашиваю: недовольны чѣмъ-то? — Да-съ, говоритъ, недоволенъ. Судите сами: представленъ былъ къ Владимиру, а получилъ коронку на Анну. Я пробовалъ его утѣшить, но онъ взялъ меня за рукавъ, поднялся къ самому моему уху, и шепнулъ: Да-съ, вотъ какъ въ монархическомъ государствѣ готовятъ революцію!

Всѣ разсмѣялись.

Передъ столикомъ, за которымъ велись эти разговоры, движеніе усилилось. Гдѣ-то вблизи настойчиво звенѣлъ колокольчикъ Излера. На открытой эстрадѣ, освѣщенной гирляндами разноцвѣтныхъ фонариковъ, разсаживался цыганскій хоръ. Красныя, желтыя и зеленыя пятна свѣта переливались по набѣленнымъ лицамъ солистокъ, по ихъ яркимъ платьямъ и шалямъ, по серебрянымъ галунамъ и поясамъ мужчинъ. Публика широкимъ потокомъ стремилась занять мѣста поближе къ эстрадѣ.

Нарядная дама въ соломенной парижской шляпѣ прошла подъ руку съ молодымъ человѣкомъ, который, встрѣтившись глазами съ Григоровичемъ, дотронулся до полей своего моднаго сѣраго цилиндра.

— Эрнестина?—спросилъ Панаевъ.

— Кто? кто? кто такая? — воскликнулъ Данилевскій, вытягиваясь, чтобы разсмотрѣть проходившихъ.

— Ну да, Эрнестина, одна изъ самыхъ хорошенькихъ женщинъ въ Петербургѣ,—подтвердилъ Григоровичъ.—И опять съ Нарининымъ. Говорили, что они разсорились; очевидно, опять помирились. Однако, пойдемъ послушать цыганъ: между ними есть знаменитости изъ Москвы.

XIV.

Всезнающій Григоровичъ не ошибался: между Эрнестиной и Нарипинымъ дѣйствительно произошло недоразумѣніе, и нѣсколько мѣсяцевъ они, встрѣчаясь, не разговаривали другъ съ другомъ. Но эта была одна изъ тѣхъ маленькихъ размолвокъ, на которыя идутъ женщины, чтобы отразить слишкомъ торопливое ухаживание. Нарипинъ это понялъ, и держался въ сторонѣ, считая необходимымъ внушить къ себѣ больше довѣрія.

Сегодня m-lle Эрнестина была въ капризномъ настроеніи. Политковскій пріѣхалъ съ женою и дочерью и, сидя въ литерной ложѣ, дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ своей подруги. Эрнестину такія встрѣчи всегда раздражали. Она обвиняла Политковского въ неумѣннн избѣгать ихъ. Въ Парижѣ умѣютъ же какъ-то такъ устраиваться, чтобы ложное положеніе женщины не бросалось въ глаза публикѣ. И что такое эта жена Политковского? Кто такой самъ Политковскій? Эрнестина уже знала, что онъ не принадлежитъ къ высшему петербургскому свѣту, что онъ вовсе не боуаг, а просто чиновникъ, живущій карточной игрой и какими-то злоупотребленіями, какъ всѣ чиновники въ Россіи. Эти свѣдѣнія очень понизили мнѣніе Эрнестины о своемъ другѣ, и она не простила ему притязаній важнаго барина, задѣвавшихъ ея самолюбіе. Будь онъ князь, владѣтель нѣсколькихъ тысячъ рабовъ, или принадлежащій ко двору сановникъ, блистающій на великолѣпныхъ пріемахъ во дворцѣ, — она поняла бы свою роль. Но какой-то чиновникъ... а! она видѣла въ Парижѣ чиновниковъ поважнѣе его, которые не стѣсняются пріѣзжать въ театръ съ хорошенькой женщиной.

Отвѣчая во время спектакля на поклонъ Нарипина, она кивнула ему съ такой благосклонностью, что молодой человекъ, какъ только опустился занавѣсъ, постучался къ ней въ ложу.

— Вы перестали дуться?—обратилась къ нему Эрнестина.

— Пересталъ васъ бояться,—отвѣтилъ Нарипинъ, улыбаясь и показывая свои отличные зубы, блиставшіе подъ маленькими усами.

— Напрасно. Вѣдь мы потому и поссорились, что вы недостаточно меня боялись и... мало уважали,—возразила француженка.

— Значитъ, не простили еще?

— Я сдѣлала больше: признала, что вы загладили свою ошибку. Вѣдь то была ошибка, не правда ли? Здѣсь, въ Петербургѣ, считаютъ всѣхъ француженокъ легкомысленными. Надо было исправить васъ отъ такого заблужденія. А теперь мы можемъ быть опять друзьями?

И Эрнестина, улыбаясь, протянула Нарипину руку, затянутую въ длинную вышитую перчатку.

— Выйдемъ въ садъ; мы такъ давно не разговаривали, что намъ найдется о чемъ поболтать,—предложила она.—Это мой товарищъ по театру, m-lle Жаннъ, добавила она, представляя Наршина сидѣвшей подлѣ нея пожилой, смуглой, худощавой актрисѣ на выходныя роли.

Всѣ трое вышли изъ театра. На галереѣ, окружавшей зданіе, они столкнулись съ Политковскими. Наршинъ приподнял шляпу; Политковскій отвѣтилъ тѣмъ же, бросивъ скользящій взглядъ въ сторону Эрнестины. Жена и дочь его быстро поднесли къ глазамъ лорнеты и оглядѣли французенокъ съ головы до ногъ.

Эрнестина слегка вспыхнула.

— Мы возбуждаемъ любопытство этихъ почтенныхъ дамъ, — сказала она, подтолкнувъ локтемъ свою подругу.

— Имъ хочется знать, у кого мы покупаемъ наши шляпы, — замѣтила m-lle Жаннъ.

— И еще многое имъ хотѣлось бы знать, — добавила Эрнестина.—Приготовьтесь, васъ будутъ разспрашивать съ любопытствомъ дикарей,—обратилась она къ Наршину.

— Я не охотникъ удовлетворять такому любопытству,—отвѣтилъ молодой человекъ. — Тѣмъ болѣе, что вы общались считать меня въ числѣ своихъ друзей.

Эрнестина задумчиво повела на него глазами.

— Боюсь, что это очень трудныя отношенія,—сказала она.—Изъ мужчинъ очень немногіе умѣютъ быть другомъ женщинъ. И это въ природѣ вещей. Вамъ нравится женщина, вы замѣчаете, что сердце ея свободно, и этого уже достаточно, чтобы внушить вамъ самыя смѣлыя притязанія.

— Такъ какъ вы сказали, что это въ природѣ вещей...

— Ну да, потому-то я и не сержусь на васъ. Вѣдь мы и не ссорились? Но я хотѣла, чтобъ вы поняли, что у женщины есть чувство долга, даже когда ея сердце не занято... Разумѣется, я не стала бы увѣрять васъ, что меня соединяетъ съ m-г Политковскимъ романическое чувство. Мнѣ кажется, что и онъ цѣнитъ меня не больше, чѣмъ я его. Я нужна ему для его тщеславія, для того, чтобы въ обществѣ знали, что у него дорогая любовница. Да, да, развѣ я не понимаю этого! Да и вы отлично знаете наши отношенія. Но пока эти отношенія существуютъ, я буду ихъ охранять, потому что иначе я не уважала бы себя. Я могу принадлежать безъ любви, но не могу принадлежать двоимъ. А теперь, когда мы объяснились, дайте вашу руку и пойдемте слушать цыганъ. Я ихъ обожаю, вашихъ цыганъ... только зачѣмъ ихъ женщины такъ безбожно бѣляются ¹⁾ и такъ варварски одѣваются?

¹⁾ Въ то время цыганки выходили на эстраду не иначе, какъ сильно набѣленными и наруганными.

Наришинъ не безъ труда провелъ дамъ среди тѣснившейся толпы. Въ нѣсколькихъ шагахъ передъ ними Политковскій, подхвативъ подъ руку жену и дочь, тоже протискивался впередъ. Но теперь по бокамъ у нихъ шли два генерала, и публика остерегалась затолкать ихъ.

— Вы были у Политковского на дачѣ?—спросила Эрнестина.— Про нее рассказываютъ чудеса. Онъ держитъ не только цѣлый заводъ лошадей, но даже свои пароходы.

— И посылаетъ ихъ въ Петергофъ за свѣжими цвѣтами, когда у него обѣдаютъ гости, — досказалъ Нарисинъ — Но Петербургъ уже усталъ говорить о роскоши Монтекристо-Политковского, и я уже не знаю, что онъ можетъ еще придумать, чтобы снова подѣйствовать на воображеніе.

— А вѣдь вы правы, онъ дѣйствительно ломаетъ голову надъ планомъ какого-то невѣроятнаго праздника. Я скажу ему, чтобы онъ посоветовался съ Излеромъ, — сообщила съ маленькимъ смѣхомъ Эрнестина.— Но объясните мнѣ наконецъ, откуда онъ беретъ свои неисчерпаемыя средства? Вѣдь онъ проживаетъ сотни тысячъ. Монтекристо нашелъ гротъ съ неистощимымъ кладомъ; но Политковскій?

Нарисинъ пожалъ плечами.

— Это загадка, въ которую еще никто не проникъ, — отвѣтилъ онъ.— Говорятъ, ему необычайно везетъ въ картахъ.

— Но не подозрѣваютъ, что онъ плутуетъ?

— О, нѣтъ. Меня скорѣе удивляетъ другое. Я бываю и у него, и въ клубахъ, и рѣшительно не замѣчаю, чтобы онъ велъ особенно крупную игру, или былъ бы постоянно счастливъ. Но говорятъ, что когда-то онъ сразу выигралъ больше милліона.

Съ эстрады лились гортанные, сильные звуки цыганскаго хора. Ночь медленно опускалась надъ садомъ, и въ сгущающейся темнотѣ ярче мигали и переливались разноцвѣтные огни, за которыми насупленно чернѣли верхушки елей и березъ. Вдали, надъ прудомъ, чуть клубился прозрачный туманъ.

Послѣдній, бѣшеный окрикъ цыганскаго хора отзвучалъ въ сыромъ воздухѣ, звякнули, словно порвавшись, струны гитаръ, и надъ многотысячной толпой взвилась ракета. Потомъ завертѣлись огненные колеса, рассыпались безчисленными искрами шумихи, высоко взлетѣли золотые метеоры и раздробились въ небѣ свѣтящимися брызгами.

— Проводите насъ до коляски, — сказала Эрнестина.— Вѣдь мы уже обо всемъ переговорили и все объяснили, не правда ли?

— Почти... за исключеніемъ одного маленькаго слова...— отвѣтилъ Нарисинъ.

— Какого?

— Вы сказали: «пока отношенія продолжаются». Вотъ это «пока» застряло у меня въ головѣ.

Эрнестина засмѣялась. Ея плечи немного вздрагивали отъ холода, и она ближе прижималась къ Наршину.

— А потомъ... кто изъ насъ знаетъ, что будетъ потомъ?— сказала она. — Во всякомъ случаѣ, когда я верну себѣ свободу, не легко будетъ опять отнять ее у меня. Можетъ быть, я захочу выйти замужъ... и это будетъ совсѣмъ не такъ странно, какъ кажется.

Наршинъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на нее.

— Я даже думаю, что изъ васъ вышла бы недурная жена,— сказалъ онъ.

— Для того, кто меня пойметъ,— произнесла Эрнестина серьезно, и пошла скорѣе.

При выходѣ они опять увидѣли Политковскихъ, разсаживавшихся въ экипажи. Жена и дочь сѣли въ великолѣпную восьми-рессорную коляску, заложенную темносѣрой рысистой парой. Высокій выѣздной, въ ливреѣ съ галунами и гербами, съ шумомъ захлопнулъ дверцу и вскочилъ на козлы. Самому Политковскому подали щегольской англійскій шарабанъ съ грумомъ въ гороховой куртчкѣ и желтыхъ ботфортахъ. Хозяинъ усадилъ туда двухъ генераловъ и не безъ труда, цѣпляясь руками и раскачивая отвислое брюшко, взлѣзъ на высокую подножку.

Наблюдавшая за разѣздомъ толпа громко переговаривалась.

— Каковы экипажи? Первые въ Петербургѣ!

— А лошади? Одна эта пара англійскихъ кобовъ чего стоитъ...

— Да ужъ такъ жить, какъ Политковскій, только онъ одинъ и умѣетъ.

Эрнестина нетерпѣливо постукивала зонтикомъ, въ ожиданіи своей коляски. Пушистыя бровки ея хмурились.

— Заходите, я теперь днемъ всегда дома,— сказала она Наршину.

— «Пока»?..—напомнилъ онъ, улыбаясь.

Эрнестина погрозила ему пальчикомъ.

XV.

На самомъ концѣ Старой Деревни, почти на взморѣ, стояла большая двухъэтажная дача графа Олсуфьева, съ большимъ садомъ, спускавшимся къ Невкѣ, оранжереей и многочисленными службами, въ которыхъ можно было бы размѣстить цѣлое помѣщичье хозяйство.

Эту дачу уже нѣсколько лѣтъ кряду нанималъ Политковскій. Она отвѣчала его широкимъ замашкамъ, и онъ устроился на ней съ роскошью владѣтельнаго принца. Оба этажа были убраны дорогою мебелью, на конюшняхъ стояло двѣнадцать породистыхъ лошадей, въ просторныхъ сараяхъ было тѣсно отъ множества

разнообразнѣйшихъ щегольскихъ экипажей. Многочисленная, нарядно одѣтая дворня съ трудомъ обслуживала все это затѣливое обзаведеніе.

Политковскій мало заботился о томъ, чтобъ отдохнуть здѣсь отъ утомительнаго зимняго сезона. На дачѣ у него продолжался все тотъ же непрерывный, шумный и расточительный праздникъ. Каждый день наѣзжали къ обѣду гости, и эти лѣтнія пиршества ни въ чемъ не уступали зимнимъ. Изысканныя купанья подавались, какъ и на городской квартирѣ, на серебрѣ и фарфорѣ. Все рѣдкое, доставляемое въ Петербургъ съ открытіемъ навигаціи, немедленно появлялось на столѣ у Политковского. Невѣроятное количество свѣжихъ цвѣтовъ наполняло столовую и гостинныя прянымъ ароматомъ, смѣшивавшимся съ благоуханіемъ ананасовъ, ликеровъ, дамскихъ духовъ и превосходныхъ сигаръ. Чтобы никогда не было недостатка въ живыхъ цвѣтахъ, особый пароходъ два раза въ недѣлю посылался за ними въ Петергофъ, славившійся тогда своими парниками и оранжереями.

Послѣ обѣда гостепріимные хозяева катались вмѣстѣ съ гостями на елагинской «стрѣлкѣ», заѣзжали въ Каменноостровскій театръ или къ Излеру, а въ дурную погоду разсаживались за ломберными столами. Вечеръ оканчивался роскошнымъ ужиномъ.

Столица была полна толковъ о баснословномъ великолѣпіи этихъ лѣтнихъ пріемовъ. Но Политковскому казалось, что общество начинаетъ привыкать къ его роскоши и что надо подзадорить притупившееся вниманіе чѣмъ-нибудь необычайнымъ, сказочнымъ.

Эрнестина сказала правду—онъ дѣйствительно ломалъ голову надъ планомъ такого лѣтняго праздника, который оставилъ бы послѣ себя легенды, какъ знаменитый ужинъ подъ Новый годъ, съ тарелками свѣжей земляники.

Поводъ былъ подъ рукою: приближался Ольгинъ день, именины жены. И Политковскій, обсудивъ всю программу торжественнаго вечера, разослалъ приглашенія.

Къ обѣду были намѣчены только немногія, ближайшія или самыя нужныя лица: дочь съ мужемъ, два находившіеся въ Петербургѣ брата, изъ которыхъ Владимиръ Гавриловичъ дослужился уже до генеральскаго чина и былъ начальникомъ штаба корпуса военныхъ инженеровъ, и два чиновника счетнаго отдѣленія канцеляріи комитета о раненыхъ, Таракановъ и Путвинскій. Послѣднихъ Политковскому приходилось сильно задабривать, такъ какъ они уже знали очень многое о безпорядкахъ въ дѣлахъ комитета.

Къ восьми часамъ стали съѣзжаться городскіе гости. На широкой террасѣ былъ раскрытъ громадный столъ, за которымъ прибывающимъ предлагались чай, фрукты, мороженое, шампанское. Все это помогало только занять общество, пока оно не было еще въ полномъ сборѣ.

Но вот спустились прозрачныя лѣтнія сумерки, и гдѣ-то надъ Невкой взвилась ракета. Въ то же время два парохода, большой и поменьше, стоявшіе у пристани, расцвѣтились разноцвѣтными огнями. Брильянтовая арка вспыхнула на самой пристани. Грянула гдѣ-то музыка, а за нею порывистые, подмывающіе звуки цыганскаго хора.

— Вы что же это такое приготовили, Александръ Гаврилычъ?— обращались къ хозяину пріятно озадаченные гости.

Политковскій, возбужденный и нѣсколько таинственный, суетливо бѣгалъ по галереѣ, колыхая брюшко, усмѣхаясь и пожимая руки.

— Да ничего особеннаго... такъ, маленькая прогулка по взморью... надо дать работу моимъ пароходишкамъ...—говорилъ онъ.

— А цыганъ-то вы откуда достали?

— У Излера откупилъ на сегодняшній вечеръ. Это его хоръ, въ полномъ составѣ. Всѣ солистки участвуютъ. Вотъ это... слышите?.. это Паша запѣваетъ. Ея голосъ среди тысячи узнаешь.

— Волшебникъ вы, честное слово!

Политковскій радостно хихикалъ.

— Милости просимъ на пристань, — приглашалъ онъ. — Пароходъ къ вашимъ услугамъ. Чтобъ не скучно было, тамъ и буфетъ, и все такое.

Гости шумной гурьбой направились къ берегу.

Большой пароходъ, убранный по борту и по карнизамъ каюты гирляндами огней, весь свѣтился на водяной глади, и разноцвѣтные огненные языки бѣжали съ него до самаго дна рѣки. Только короткія толстыя трубы чернѣли, вырисовываясь на зелени елагинскаго берега.

Вспыхнули бенгальскіе огни и освѣтили покатыя сходни. Гости спустились и весело разсѣлись на покрытыхъ коврами скамейкахъ. Политковскій сошелъ послѣднимъ, поддерживая подъ локоть жену, которую велъ графъ Чернышевъ.

— Съ Богомъ! трогай!—крикнулъ онъ шкиперу.

Пароходъ слегка вздрогнулъ и пыхтя двинулся внизъ по рѣкѣ. За нимъ слѣдомъ потянулся другой пароходъ, поменьше, точно также разубранный огнями. На немъ помѣщался цыганскій хоръ.

— Паша, Паша опять поетъ!—говорили среди гостей.

Но вотъ смолкли гортанные цыганскіе голоса, прошла минута, и неожиданно для всѣхъ раздались на носу большого парохода стройные звуки итальянскаго пѣнія. Чудесный хоръ, съ выдѣляющимся красивымъ звучнымъ теноромъ, исполнялъ веселый погсеау изъ «Севильскаго цырюльника».

— Да у тебя итальянцы поютъ!—вскричалъ Яковлевъ, покачиваясь въ дверяхъ каюты, со стаканомъ шампанскаго въ рукѣ.

— Для разнообразія... одни цыгане надоѣсть могутъ...—скромно

объяснилъ Политковскій, рдѣя отъ наполнявшаго его чувства торжества.

— Нѣтъ, гдѣ ты итальянцевъ досталъ?—приставалъ къ нему Яковлевъ.

— Въ Миланѣ, въ Римѣ, въ Неаполѣ...—подсмѣивался Политковскій. — Нѣтъ, шутки въ сторону, лѣтомъ я не могъ, конечно, запригласить цѣликомъ всю итальянскую труппу. Премьеровъ и примадоннъ, увы, теперь здѣсь нѣтъ; но хоръ почти весь налицо, а случайно нашлись и кое-кто изъ вторыхъ сюжетовъ. Рамбелли, напримѣръ, дирижируетъ, услышите и солистку.

Пароходъ вышелъ на взморье, чувствовалось легкое покачиванье. Цѣлая стая яликовъ и шлюпокъ, привлеченная невиданнымъ зрѣлищемъ, тянулась за кормой. На «стрѣлкѣ» столпились запоздавшіе изъ публики; оттуда доносились рукоплесканія.

Итальянцы смолкли, а съ маленькаго парохода снова раздалось крикливое цыганское пѣнье.

— Европейская академія и степная кибитка... эти контрасты только у насъ и возможны, — сказалъ графъ Чернышевъ, пересѣвшій отъ именинницы-хозяйки къ хорошенькой женѣ одного извѣстнаго художника.

— А вамъ что больше нравится?—спросила та.

— Довольно того, что послѣ итальянцевъ я съ наслажденіемъ слушаю какую-нибудь цыганскую Пашу,—отвѣтилъ военный министръ.—Мы вѣдь вообще — и европейцы, и дикари вмѣстѣ. Нѣмецъ или французъ этого не могутъ соединить, но тѣмъ хуже для нихъ.

Генералъ Дубельтъ, сидѣвшій близко, поморщился, но нашелся и сказалъ:

— Жаль, что нѣтъ еще русскаго хора. Я очень люблю русскую пѣсню.

— А правда ли, графъ, — обратилась съ женской наивностью къ Чернышеву жена художника:—въ городѣ начинаютъ говорить, будто скоро война будетъ?

Министръ придалъ своему лицу безразличный видъ.

— Пока войны нѣтъ, мы, солдаты, о ней ничего не знаемъ; это дѣло дипломатовъ,—сказалъ онъ.

— Но кто же готовитъ армію?—возразила молодая женщина.

— Русская армія всегда готова,—отвѣтилъ Чернышевъ.

XVI.

Политковскій слышалъ этотъ случайный разговоръ, и онъ тревожно отдался въ его нервахъ.

Это было уже не въ первый разъ. Со странною настойчивостью въ послѣднее время въ петербургское общество проникали откуда-

то слухи о возможности близкой войны. Никто не могъ бы указать какихъ-нибудь опредѣленныхъ признаковъ, но глухая темнота всеобщей неосвѣдомленности, вмѣстѣ съ воинственной политикой царствованія, располагала умы къ ожиданію всякихъ случайностей. Притомъ, очень мало посвященное въ европейскія дѣла, русское общество все-таки смутно знало, что что-то такое происходитъ въ Сиріи и Палестинѣ, и что новый французскій императоръ представляетъ собою загадочную величину, которой родство съ великимъ Бонапартомъ придаетъ опасное значеніе. Если онъ и не захочетъ отплатить намъ за своего дядюшку, то во всякомъ случаѣ въ его лицѣ выросла на Западѣ сила, несомнѣнно, намъ враждебная.

Не довѣряя этимъ толкамъ, Политковскій все-таки не могъ не испытывать нѣкотораго смущенія. Война представляла для него нѣчто жуткое. Въ случаѣ большой войны правительство неизбежно обратитъ вниманіе на инвалидный капиталъ. Можетъ быть, имъ даже захотятъ воспользоваться, какъ запаснымъ военнымъ фондомъ. И тогда...

Когда эти соображенія овладѣвали умомъ Политковского, онъ вздрагивалъ и невольно хватался рукою за жилетный карманъ, въ которомъ уже пятнадцать лѣтъ кряду неизмѣнно находилась стекляночка съ желтоватою жидкостью, не безъ труда пріобрѣтенною черезъ знакомаго доктора.

Его пальцы и теперь машинально нащупывали этотъ карманъ. Въ словахъ военнаго министра ему чудилась подозрительная скрытность. Если бъ не угрожала никакая опасность, графъ Чернышевъ разсмѣялся бы на наивный вопросъ своей собесѣдницы, и отвѣтилъ бы прямо, что никто о войнѣ не думаетъ. Но онъ говорилъ какъ человѣкъ, не желающій высказаться.

Политковскій обвелъ глазами собравшееся на пароходѣ общество, ища человѣка, съ которымъ можно было бы поговорить о беспокоившемъ его предметѣ. Казалось бы, тутъ много такихъ. На праздникъ петербургскаго Монтекристо пріѣхало не мало сановниковъ, людей близкихъ къ министерскимъ и придворнымъ сферамъ. Но на ихъ старческихъ лицахъ лежалъ такой густой лакъ равнодушія и умственной неподвижности, что, очевидно, напрасно было бы искать у нихъ разъясненія политическаго положенія. И Политковскій, какъ съ нимъ всегда бывало въ такія минуты, обратился къ не измѣнявшей ему философіи зарвавшагося игрока.

«Вѣдь знаю же я, что вывернуться мнѣ нельзя; ну, и о чемъ же тутъ думать!—мелькнуло у него въ головѣ.—Возврата нѣтъ, стало быть — иди, Сашка, своей дорогой, пока твой часъ не пробьетъ. А тогда...»

Онъ хлопнулъ себя по жилетному карману и проглотилъ залпомъ стаканъ шампанскаго.

Пароходъ продолжалъ скользить по водяной глади. Итальянцы запѣли изъ «Нормы». Звуки лились, расплываясь во влажной теплотѣ лѣтней ночи. Веселый говоръ смолкалъ, уступая охватившему всѣхъ впечатлѣнiю. Дамы казались взволнованными. Понимать музыку тогда значило—чувствовать ее; поэтому у нѣкоторыхъ стояли въ глазахъ слезы.

Жена художника сидѣла теперь подлѣ поэта Бенедиктова и какъ будто съ недоумѣнiемъ разсматривала его маленькую черненькую фигурку, съ тщательно выбритымъ лицомъ начальника отдѣленiя. Дама, видимо, хотѣла отыскать въ этой фигуркѣ что-нибудь поэтическое, но не находила.

— Какъ я люблю «Норму»! И слова, и музыка — такая прелесть! — сказала она. — Эти звуки уносятъ куда-то далеко... не правда ли?

— Потому что въ нихъ клокочетъ страсть... Ураганъ души, выраженный звуками... — отвѣтилъ Бенедиктовъ, закидывая голову и слегка жмуря глаза.—Но становится сыро. Эти ночныя прогулки по водѣ опасны въ нашемъ климатѣ, — добавилъ онъ и застегнулъ огромную перламутровую пуговицу своей крылатки.—Можно схватить насморкъ и даже гриппъ.

Молодая женщина посмотрѣлъ на него уже съ обиднымъ любопытствомъ.

— Вы пишете что-нибудь новенькое?—спросила она.

Бенедиктовъ опять закинулъ голову и повелъ глазами по берегу Крестовскаго острова.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ отсырѣвшимъ голосомъ:—меня давно уже не посѣщало вдохновенiе. Жизнь какъ-то проходитъ мимо, не задѣвая струнъ души. Нѣтъ плѣнительнаго образа, который выжегъ бы на ней свою огненную печать...

Пароходъ заворачивалъ въ Невку. Цыгане, уже порядочно угостившіеся, грянули что-то дикое, бѣшеное. Яковлевъ, стоя на кормѣ, махалъ имъ носовымъ платкомъ и кричалъ:—«Паша! Паша!»

— А вѣдь есть же что-то такое... что-то особенное въ этихъ фараонкахъ,—объяснилъ онъ, поворачиваясь къ публикѣ.—Зажигаютъ, чортъ ихъ возьми. Вѣдь зажигаютъ, Саша, а? — обратился онъ къ Политковскому.—Ты умѣлъ придумать. Я тебя поцѣлую, душа моя...

И онъ потянулся обнять своего друга, придавливая ему брюшко.

Съ парохода часть гостей разъѣхалась по домамъ, но большинство осталось ужинать. Садъ и широкая терраса дачи освѣтились огнями. Подавали сурскихъ стерлядей, привезенныхъ живыми въ большихъ лоханяхъ, индѣекъ, фаршированныхъ трюфлями, молодую дичь, спаржу, сингапурскіе ананасы и монтрейльскіе персики. Шампанское лили прямо въ стаканы.

Одинъ изъ старыхъ генераловъ съ сутулой спиной и испорченнымъ оспой лицомъ всталъ и привѣтствовалъ именинницу, о которой въ теченіе вечера какъ-то позабыли. Оржевскій, плавно поводя направо и налево головой, сказалъ затѣйливый экспромтъ, въ которомъ приглашалъ признать заслуги хозяина, не пренебрегающаго, среди служебныхъ занятій, посвящать свой досугъ мѣнѣ важнымъ запросамъ столичной общественной жизни.

— Не буду останавливаться на государственной дѣятельности глубокоуважаемаго Александра Гавриловича, — заключилъ свою рѣчь Оржевскій. — Еще недавно она нашла себѣ справедливую оцѣнку, выразившуюся въ пожалованіи аннинской звѣзды, достойно украсившей грудь нашего хозяина. Отъ имени всѣхъ собравшихся на этотъ роскошный праздникъ предлагаю почитать въ лицѣ Александра Гавриловича гостепріимнѣйшаго амфитріона, такъ много сдѣлавшаго для соединенія петербургскаго общества и доставившаго ему возможность провести много пріятнѣйшихъ часовъ подъ его радушнымъ кровомъ...

Гости, съ стаканами шампанскаго, потянулись гурьбой чокнуться съ хозяиномъ. Политковскій, возбужденный, довольный, переждалъ пока всѣ возвратились на свои мѣста, и постучалъ ножомъ объ рюмку. Воцарилась тишина.

— Отъ души благодарю васъ, милостивыя государыни и милостивые государи, за посѣщеніе нашего скромнаго семейнаго праздника, — сказалъ Политковскій. — Несказанно счастливъ, что вами угадано мое всегдашнее желаніе служить не только государству, но и обществу. Надѣюсь, что эти двѣ службы не только не исключаютъ одна другую, но, напротивъ, совпадаютъ въ своихъ цѣляхъ. Процвѣтаетъ, господа, то государство, въ которомъ общество живетъ весело, въ которомъ рѣдко встрѣчаются недовольныя, нахмуренныя и даже просто скучающія лица. Мои усилія направлялись къ тому, чтобы такихъ лицъ не было, по крайней мѣрѣ, въ нашемъ избранномъ кругу. Я стремился доставить обществу развлеченія, стремился шевелить его, будить въ немъ ту широкую русскую натуру, которая одинаково проявляетъ себя въ великомъ и въ маломъ. Лицу себя мыслью, что я дѣйствовалъ, какъ патріотъ, которому дороги не одни только покрытые славою инвалиды гвардіи, арміи и флота, но и всѣ почтенные сограждане, здоровые, бодрые, неутомимые какъ въ трудѣ, такъ и въ весельи.

Раздались шумныя рукоплесканія. Рѣчь тароватаго хозяина была принята съ горячимъ одобреніемъ. Только Оржевскій, наклонивъ голову и какъ-то странно покосясь исподлобья, произнесъ негромко:

— Н-да, инвалиды... вспомнилъ тоже!

XVII.

Прошло еще полгода.

Ничего не измѣнилось въ Россіи — только гнетъ затвердѣвшей, окаменѣвшей системы давилъ сильнѣе, и жить становилось тяжелѣе.

Немногіе, имѣвшіе возможность спастись, бѣжали за границу. Въ Лондонѣ и Женевѣ зарождалось ядро вліятельной русской эмиграціи. Бакунинъ принялъ личное участіе въ европейскомъ революціонномъ движеніи. Герценъ и Огаревъ поставили русскій типографскій станокъ въ странѣ политической свободы, и оттуда впервые раздалась пламенная рѣчь, призывавшая русское общество къ борьбѣ съ угнетеніемъ.

Парижъ кишѣлъ польскими выходцами. Правительство Наполеона III, введившее полицейскій режимъ у себя дома, заигрывало съ поляками, мадьярами и итальянцами, подготавливая въ ихъ лицѣ сотрудниковъ для своей международной политики. Тамъ, подъ покровительствомъ власти, безпощадно раздавившей движеніе 48-го года, сплетались первыя нити польскаго заговора, заявившаго о себѣ десять лѣтъ спустя.

На христіанскомъ Востокѣ было неспокойно, и британская политика зорко слѣдила за обострившимися отношеніями между православными.

Но въ Петербургѣ продолжали веселиться. Послѣдній сезонъ передъ Восточной войной былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ и оживленныхъ. Придворныя празднества поражали великолѣпіемъ: дворъ словно хотѣлъ затмить роскошь новой французской имперіи, къ которой продолжалъ относиться свысока. Приѣздъ крупныхъ помѣстныхъ дворянъ былъ такъ великъ, что въ гостиницахъ Клея ¹⁾ и Демута не оставалось свободныхъ помѣщеній. Итальянская опера блистала яркими талантами, на русской сценѣ, рядомъ съ старѣющимъ Каратыгинымъ, выдвигалась даровитая семья Самойловыхъ.

У Дорота, Дюссо, Бореля, Донона лилось шампанское. М-ле Миля кружила головы молодежи. Цыганки дѣлали карьеру, выходили замужъ за князей и откупщиковъ. Ярко сіяла звѣзда Базилевскихъ, Бенардаки, Каншиныхъ и др. Создавалась скабрзная репутація ресторана Шотана.

Политковскій попрежнему слылъ магомъ и волшебникомъ, обладающимъ неисчерпаемыми средствами. Его мѣсто въ петербургскомъ обществѣ прочно установилось, а кругъ его знакомствъ, постепенно расширяясь, втянулъ въ себя все, что принадлежало къ чиновной и финансовой буржуазіи столицы. Настоящая ари-

¹⁾ Нынѣшняя Европейская гостиница.

стократія рѣдко показывалась на его вечерахъ и обѣдахъ, но служебная знать, свѣтскіе карьеристы и столпы всѣхъ вѣдомствъ, падкіе до гастрономическиххъ удовольствій генералы, тузы биржевого и промышленнаго міра—все это усердно посѣщало гостепримный домъ на площади Большаго театра, не переставая дивиться роскоши, тароватости и изобрѣтательности петербургскаго Монте-кристо.

Но дѣла Политковскаго достигли уже крайняго напряженія. Расходы росли, и приходилось выгребать изъ инвалиднаго сундука обѣими руками. Рыбкинъ началъ понимать свое значеніе и становился требователенъ; приходилось держать его въ рукахъ уже не мелкими подачками, а крупными кушами. Необходимо было задабривать также Путвинскаго, Тараканова и еще многихъ. Обыкновенныхъ способовъ присвоеній и утаекъ оказывалось недостаточно; пришлось прибѣгнуть къ операціямъ по подрядамъ и хозяйственному расходованію суммъ, и эти операціи труднѣе было укрыть отъ наблюдательности государственнаго контроля.

Но всего грознѣе было недовѣріе самого государя. Успокоенное ревизіей графа Чернышева, оно снова вспыхивало, когда сказочная расточительность Политковскаго дѣлалась предметомъ свѣтской молвы. Мысль Николая I возвращалась къ загадкѣ, какимъ образомъ чиновникъ, не имѣющій крупнаго состоянія, могъ изъ году въ годъ безъ конца проживать огромныя деньги? И государь старался внимательнѣе вникать въ представляемые ему отчеты по комитету о раненыхъ.

Въ самомъ концѣ 1852 года военное министерство вошло съ докладомъ о хозяйственной операціи по комитету, не выходящей изъ обычнаго круга дѣлъ. Николай Павловичъ нашелъ въ денежныхъ расчетахъ комитета нѣкоторую неясность. Его вниманіе остановила сумма въ 18 тысячъ, израсходованная на потребность, которая, какъ ему помнилось, была уже удовлетворена прежними ассигнованіями. Заподозрѣвъ недосмотръ или обманъ, государь переслалъ докладъ въ I отдѣленіе собственной его величества канцеляріи, приказавъ навести справки, рассмотреть и немедленно ему доложить.

Подобныя требованія государя исполнялись всегда съ необычайною для нашихъ канцелярій поспѣшностью, внѣ установленнаго порядка дѣлопроизводства. Управляющій I отдѣленіемъ Таиѣевъ, получивъ въ часъ дня пакетъ изъ кабинета государя, поставилъ на ноги всю канцелярію. Чиновники и писаря были удержаны въ присутствіи, пока запросъ комитету былъ заготовленъ, переписанъ, доложенъ къ подписи и сданъ на руки курьеру. Со всѣмъ этимъ управились только къ вечеру.

Въ тотъ вечеръ шелъ спектакль въ итальянской оперѣ. Политковскій, сидя въ своей роскошно отдѣланной ложѣ, наблюдалъ

изъ-за занавѣски, какъ здѣсь же рядомъ, въ боковую царскую ложу вошелъ государь и, поздоровавшись съ великой княгиней Маріей Николаевной, на минуту показался во весь свой ростъ наполнявшей залу избранной публикѣ.

— У государя озабоченное лицо,—шепнула Политковскій своей женѣ.

И что-то, какъ предчувствіе, холодкомъ пробѣжало по его нервамъ.

Въ ту же минуту въ дверь аванложи не громко, но смѣло стукнули.

Политковскій быстро всталъ и самъ повернулъ ручку замка. Въ коридорѣ стоялъ курьеръ.

— Вашему превосходительству въ собственныя руки. Былъ на квартирѣ, оттуда проѣхалъ сюда. Приказано разыскать и вручить всенепремѣнно, гдѣ бы то ни было.

Политковскій принялъ пакетъ, и тотчасъ увидѣлъ на немъ надпись: «По высочайшему повелѣнію». Рука его слегка дрогнула.

— Хорошо...—сказалъ онъ и полѣзъ двумя пальцами въ жилетный карманъ, чтобъ достать какую-нибудь мелкую ассигнацію. Но вмѣсто денегъ, которыя онъ забылъ положить, пальцы его нащупали стлянку, по обыкновенію положенную туда камердинеромъ.

Курьеръ между тѣмъ раскрылъ разносную книгу и вытащилъ изъ-за обшлага рукава обгрызанный карандашикъ.

— Извольте расписаться, ваше превосходительство,—предложилъ онъ.

Политковскій безсознательно повиновался. Сознательно онъ, кажется, не могъ бы вспомнить свою фамилію.

Тутъ же въ аванложѣ онъ вскрылъ пакетъ и прочелъ выведенныя превосходнымъ писарскимъ почеркомъ строки. Лицо его побурѣло и словно осунулось, въ уголкахъ рта почувствовалось непріятное подергиванье.

— Что такое? Развѣ что-нибудь очень спѣшное?—спросила его жена.

— Да, спѣшное...—отвѣтилъ нехотя Политковскій.

Онъ присѣлъ за ея кресломъ, усиливаясь придать своему лицу спокойствіе и не замѣчая тяжелаго сопѣнья, выдававшего его волненіе. Онъ пытался сосредоточить вниманіе на происходившемъ на сценѣ, но каждый разъ, какъ онъ подавался впередъ, глаза его встрѣчали строгій профиль государя, и такъ суровы были черты царскаго лица, что Политковскому становилось жутко...

Въ антрактѣ онъ всталъ и, наклонясь къ женѣ, сказалъ:

— Мнѣ надо сейчасъ же поѣхать разыскать кой-кого; ты тутъ пригласи знакомыхъ ужинать; я, вѣроятно, уже буду дома.

XVIII.

Изъ театра Политковскій поѣхалъ къ своему хорошему пріятелю, генераль-аудитору Брискорну. Это былъ дѣлецъ, отлично знавшій всѣ порядки военной администраціи, и съ нимъ очень важно было посовѣтоваться. Но на квартирѣ Брискорна сказали, что генераль въ клубѣ.

Политковскій поѣхалъ туда и разыскалъ пріятеля въ той самой читальной комнатѣ, въ которой герой этого разсказа впервые выступилъ передъ читателемъ.

— Дѣло случилось. Нарочно васъ разыскалъ. Не поѣдемъ ли ко мнѣ? Сейчасъ у меня никого нѣтъ, можно будетъ переговорить,— сообщилъ Политковскій.

Брискорнъ, объдавшій въ клубѣ и успѣвшій уже тутъ же вздремнуть, находился въ пріятномъ ожиданіи партіи виста. Поэтому предложеніе пріятеля мало его прельщало.

— Какое дѣло? Почему сейчасъ ѣхать? Можно и тутъ переговорить. А потомъ, если хотите, могу послѣ трехъ робберовъ заѣхать къ вамъ ужинать,—сказалъ онъ.

— Здѣсь нельзя переговорить. Очень важное дѣло. Не ребенокъ я, чтобъ тащить васъ по пустыкамъ. У меня вотъ!—возразилъ Политковскій и провелъ рукою по шеѣ, чтобъ дать понятіе о своемъ роковомъ положеніи.

Брискорнъ прищурился на него своими смышленными глазами. И, вѣроятно, лицо Политковского выражало крайнюю степень растерянности и тревоги, такъ какъ Брискорнъ, не разспрашивая, лѣниво поднялся, зѣвнулъ и проговорилъ разслабленнымъ голосомъ:

— Ну, поѣдемъ.

По дорогѣ Политковскій разсказалъ, въ чемъ заключалось дѣло. Брискорнъ слушалъ съ видомъ опытнаго дѣльца, понимающаго съ перваго взгляда, въ чемъ заключается сокровенная подкладка казуса.

— Такъ, такъ... гм... само собою...—приговаривалъ онъ явно неодобрительнымъ тономъ.—Дѣло-то во всякомъ случаѣ не изъ гладенькихъ. Смѣло ужъ очень вы махнули, Александръ Гавриловичъ... Похитрѣ эти вещи дѣлаются, а вы—на-те вотъ!

— Да понимаю я... что сдѣлано, то сдѣлано,—нетерпѣливо прервалъ его Политковскій.—Теперь вопросъ въ томъ, какъ повернуть.

Брискорнъ задумчиво дышалъ въ свой бровный воротникъ.

— Видите ли, если бъ все это своимъ порядкомъ... отъ государственнаго контроля еще можно бы отписаться... да и отъ насъ, отъ генераль-аудиторіата, пожалуй, тоже...—замѣтилъ онъ.—А вѣдь тутъ---личное вмѣшательство государя императора. Государь,

вы знаете, не шутить. А впрочемъ, если взглянуть съ другой стороны, то, можетъ быть, и лучше, что объясненія требуетъ самъ государь. Можно, знаете, облечь въ форму... государь вѣдь не специалистъ. Хотя, надо замѣтить, дѣло довольно ясное. Развѣ, вотъ, подогнать этиакія данныя... въ которыхъ изъ доклада не разберешься...

— Вы мнѣ можете? Я только на васъ и рассчитываю,—сказалъ Политковскій.

— Попробуемъ... Хотя моя специальность, какъ генераль-аудитора, какъ разъ противоположная. Но почему не помочь доброму пріятелю, если такой грѣхъ случился. Упечь-то васъ и безъ меня упекутъ,—отвѣтилъ Брискорнъ.

— Вы думаете—упекутъ?

— Само собою. Дѣло-то это не одно у васъ, надо полагать. А ужъ всегда такъ: на одномъ сорвется, и прочее все всплыветъ.

Привезя генераль-аудитора къ себѣ домой, Политковскій тотчасъ засѣлъ съ нимъ за работу.

Къ тому времени, какъ гости собрались къ ужину, подробная объяснительная записка была готова. Политковскій тотчасъ же отослалъ ее къ Рыбкину, съ приказаніемъ утромъ рано переписать и подать къ докладу генералу Ушакову, предсѣдателю комитета.

Постороннихъ за ужиномъ было немного. Политковскій, чувствуя себя въ подавленномъ состояніи, сослался на нездоровье. Этому можно было повѣрить, глядя на его побурѣвшее, осунувшееся лицо и странный блескъ глазъ.

Чтобъ оживиться, онъ выпилъ разомъ стаканъ холоднаго шампанскаго. Вино придало ему неестественную развязность, но чувство угнетенія все такъ же давило его. Словно чья-то рука хватала его за горло и мѣшала свободно дышать...

— Вотъ, скоро и годъ кончается,—напомнила его жена.—Какъ-то будетъ слѣдующій?..

— Поживемъ, увидимъ,—отозвался кто-то изъ присутствующихъ

— Если доживемъ,—вставилъ Политковскій.

— До новаго-то года? Всего нѣсколько дней осталось. Что-й-то тебѣ вздумалось?—удивилась его жена.

Политковскій дернулъ плечами.

— Кто же можетъ знать? Умереть недолго,—возразилъ онъ.

— Въ будущемъ году надо ждать войны, вотъ что,—сказалъ молодцоватый генераль Исаковъ, желая переменить разговоръ.— Говорятъ, переговоры съ Турціей принимаютъ острый оборотъ,—добавилъ онъ вполголоса.

Другой генераль высказался, что Турція намъ не страшна.

— А деньги тоже найдутся,—продолжалъ онъ:—въ случаѣ чего, только мигнуть Александру Гавриловичу, а онъ намъ инвалидные миллиончики и выложить.

И онъ весело подмигнулъ Политковскому.

Тотъ какъ будто не слышалъ разговора. Онъ смотрѣлъ въ сторону, машинально постукивая ножикомъ по тарелкѣ, на которой лежала на половину очищенная груша. Мысль его съ неотвязною настойчивостью возвращалась къ только что составленной объяснительной запискѣ. Онъ припоминалъ ее строку за строкой, и вся эта искусная ткань казалась ему ненадежной и негодной.

«Пустые доводы... развѣ повѣрять на слово? Отписка, жалкая отписка...» вертѣлось у него въ умѣ, и онъ чувствовалъ, какъ угнетеніе давить его всё больше и больше. И ему рисовалась величавая фигура Николая и суровый взглядъ его большихъ, выпуклыхъ, грозныхъ глазъ.

Разсѣянно проводивъ гостей, Политковскій прошелъ въ спальную и раздѣлся. Камердинеръ Василій подобралъ снятое платье и понесъ его, но сейчасъ же вернулся.

— Сткляночку-то позабылъ совѣзмъ,—сказалъ онъ и осторожно поставилъ ее на ночной столикъ.—Спокойной ночи, Александръ Гавриловичъ.

Политковскій сѣлъ на постель, свѣсивъ ноги.

«Эхъ, эти вещи надо разомъ дѣлать», сказалъ онъ самъ себѣ.

На ночномъ столикѣ горѣла свѣча подъ синимъ абажуромъ. При свѣтѣ ея содержимое въ стклянкѣ имѣло темный, коричневый цвѣтъ.

«Лѣтъ пятнадцать уже ношу ее всегда при себѣ,—припомнилъ Политковскій.—Пятнадцать лѣтъ! Сколько я за это время прожилъ? сколько укралъ? Рыбкинъ считаетъ—милліонъ съ чѣмъ-то. Оселъ! Два милліона, можетъ быть, даже три... И никогда не доберутся, сколько именно. А мнѣ развѣ не все равно? Я свою роль сыгралъ широко... будутъ помнить! А теперь пора уходить».

Онъ схватилъ стклянку, быстро выдернулъ пробку, приставилъ горлышко къ губамъ и высосалъ всю жидкость, до послѣдней капли.

XIX.

Судьба, надъ которой всю жизнь смѣялся Политковскій, въ свою очередь, теперь посмѣялась надъ нимъ. Она спутила надъ нимъ двѣ коварныя шутки. Во-первыхъ, объяснительная записка Политковскаго была доложена въ такое время, когда государь, до крайности озабоченный восточными дѣлами, не былъ расположенъ тщательно вникнуть въ возбужденный имъ вопросъ о расходѣ 18 тысячъ изъ инвалиднаго капитала. Объясненіе, повидимому, удовлетворило его, и такимъ образомъ опасность, которой больше всего страшился директоръ канцеляріи, была устранена.

Во-вторыхъ, рѣшившись отравиться значительнымъ приемомъ дигиталина, Политковскій не рассчиталъ, что за пятнадцать лѣтъ ядъ уже выдохся и утратилъ свою силу. вмѣсто мгновенной пріостановки дѣятельности сердца, наступило медленное разрушеніе организма. Политковскій не вставалъ съ постели, испытывалъ возрастающую слабость, съ трудомъ дышалъ, но не терялъ сознанія.

Въ этомъ ужасномъ положеніи онъ опять обнаружилъ все тотъ же настойчивый, не отступающій предъ взятымъ рѣшеніемъ характеръ. Какъ раньше онъ не остановился передъ задачею создать себѣ во что бы то ни стало такую жизнь, какая его прельщала, такъ теперь онъ съ удивительной твердостью и терпѣніемъ домогался разрыва съ жизнью.

Никому онъ не подалъ никакого намека на случившееся.

— Боленъ, ну и все тутъ. А какая болѣзнь—почему я могу знать?—говорилъ онъ домашнимъ.—Вотъ и докторъ не понимаетъ.

Дѣйствительно, постоянный врачъ Политковскихъ, наблюдая больного, совсѣмъ терялся, и сознавался, что еще не можетъ опредѣлить болѣзни. Противоположные признаки сбивали его съ толку.

«А ядъ все-таки сдѣлалъ свое дѣло», говорилъ самъ себѣ Политковскій и, не допуская даже мысли о противоядіи, съ угрюмымъ спокойствіемъ выжидалъ, когда сердце перестанетъ биться.

Только одного онъ настойчиво требовалъ: чтобъ къ нему никого не допускали ни изъ знакомыхъ, ни изъ сослуживцевъ.

Черезъ жену ему передали, что дѣло о 18 тысячахъ благополучно разрѣшилось. Это его удивило, но не измѣнило его отношенія къ жизни и смерти.

«Вывернулся одинъ разъ, не вывернусь въ другой. Не отравляться же вторично», думалъ онъ.

Прошелъ день Новаго года—тихо, безъ встрѣчи, безъ обычнаго пиршества. Пріѣзжавшіе съ поздравленіемъ расписывались у швейцара или оставляли карточки. Не пустили даже Рыбкина, сколько тотъ ни настаивалъ.

Политковскій удивлялся, что все-таки ему придется прожить нѣсколько дней въ новомъ году. Это нарушало его расчеты...

Эрнестина очень о немъ беспокоилась, писала къ нему. Политковскій посылалъ ей деньги, но отвѣтить не могъ. Наконецъ она уговорила Наршина побывать у m-me Политковской и разузнать что-нибудь.

Наршинъ былъ мало знакомъ въ домѣ, и прихватилъ съ собою Пржецлавскаго, чаще тамъ бывавшаго. Оба они были крайне удивлены, что Политковскій, находясь въ такомъ тяжеломъ положеніи, не обращается ни къ кому изъ извѣстныхъ врачей.

— Но къ кому же, къ кому?—спросила растерявшаяся хозяйка.

— Да хотя бы къ Мянновскому. Это первая знаменитость по внутреннимъ болѣзнямъ.

— Ахъ, пришлите его. А то мы тутъ совсѣмъ потеряли голову.

Пржецлавскій служилъ въ канцеляріи по дѣламъ царства Польскаго, гдѣ Мянновскій числился врачомъ. Онъ сейчасъ отправился туда и привезъ медицинскую знаменитость къ Политковскому.

Но и Мянновскій ничего не понялъ въ загадочной болѣзни пациента. Прописавъ кое-что на всякій случай, онъ сказалъ, что будетъ продолжать наблюденія. Политковскій молчалъ...

Прошло еще нѣсколько дней. Слухъ, что петербургскій Монтекресто тяжело боленъ, что онъ при смерти, распространился по городу. Гостепріимный подъѣздъ въ домѣ Батюшкова на Театральной площади осаждался посѣтителями. Швейцаръ говорилъ всѣмъ:

— Перемѣны нѣтъ. А генеральша не принимаетъ.

Больше всего волновались, конечно, въ канцеляріи комитета о раненыхъ.

Вѣсть, что директоръ умираетъ, произвела тамъ настоящіи переполохъ. Таракановъ и Путвинскій совсѣмъ потеряли голову. Они уже знали, что въ денежномъ ящикѣ комитета лежали расписки Политковскаго на 1.120,000 рублей. Какъ завѣдующіе счетною частью, они подлежали уголовной отвѣтственности. Они теперь сами не понимали, какъ могли допустить растрату. Началось, конечно, съ пустяковъ. Не хотѣлось поднимать исторію изъ-за суммы, которую, конечно, Политковскій могъ пополнить: не станетъ же онъ губить себя. Потомъ, когда растрата разрослась, ничего другого не оставалось, какъ прикрывать ее. Выгородить себя уже не было возможности, а между тѣмъ Политковскій съ такою увѣренностью ссылался на миллионъ, который долженъ получить отъ Яковлева, что представлялось болѣе выгоднымъ ждать и надѣяться, чѣмъ доносить.

Но слухъ, что Политковскій умираетъ, обрывалъ всѣ надежды. Назначать новаго директора, произойдетъ сдача кассы, растрата обнаружится—и тогда судъ, лишеніе правъ, Сибирь...

При видѣ Рыбкина Таракановъ и Путвинскій чуть не скрипѣли зубами.

— А все ты! Ты бралъ деньги, ты первый и въ отвѣтъ будешь,—говорили они ему.

Рыбкинъ и самъ зналъ, что не миновать ему суда и Сибири. Но въ немъ еще жила вѣра въ Политковскаго.

— Не выдастъ Александръ Гавриловичъ. Онъ, можетъ быть, и распоряженія уже сдѣлалъ, — утѣшалъ онъ себя и сослуживцевъ.— А поправится, такъ и того лучше.

— погоди, сдѣлаютъ тебѣ распоряженіе... — грозился Путвинскій:—какъ пройдешься по владимиркѣ съ бубновымъ тузомъ на спинѣ...

— Не иначе, какъ съ вами вмѣстѣ... — огрызнулся Рыбкинъ.— Вы вѣдь начальство, зачѣмъ же допускали?

Относительное спокойствіе Рыбкина объяснялось тѣмъ, что въ его спальнѣ, въ кіотѣ за образами, припрятанъ былъ цѣлый капиталъ, тысячъ до шестидесяти наличными деньгами. Маленькому чиновнику представлялось, что съ такимъ богатствомъ можно и въ Сибири недурно устроиться. И онъ чувствовалъ что-то даже въ родѣ признательности къ Политковскому.

Таракановъ каждый день ходилъ въ домъ Батюшкова справляться о здоровьѣ директора и, получая отъ швейцара все тотъ же отвѣтъ, догадался наконецъ обратиться къ дворнику. Для вѣрности онъ даже сунулъ ему въ руку тогдашнюю ходячую монету въ три четвертака.

— Сказываютъ, совсѣмъ кончается; уже и за попомъ послали,— сообщилъ дворникъ.

Тараканова это извѣстіе точно обухомъ по головѣ ударило. Онъ машинально перекрестился, поправилъ висѣвшій у него на шеѣ орденъ и, пошатываясь, вышелъ за ворота.

Изъ подъѣзда какъ разъ въ эту минуту выходили священникъ съ дьякономъ. Таракановъ проводилъ ихъ помутившимися глазами, постоялъ, кутаясь въ енотовую шинель, и, словно надумавъ окончательное рѣшеніе, подозвалъ извозчика, взлѣзъ бочкомъ на такъ называвшуюся тогда «гитару» и назвалъ улицу, въ которой жилъ председатель комитета о раненыхъ.

XX.

Старый, походившій уже на мумію генераль Ушаковъ только что позавтракалъ, когда ему доложили, что пріѣхалъ чиновникъ изъ канцеляріи по важному дѣлу.

— А? что? какой чиновникъ? Ну, проводи,—приказалъ глуховатый генераль, надѣвая огромныя золотыя очки.

Таракановъ, войдя въ кабинетъ, тщательно притворилъ за собою дверь.

— По дѣлу службы и вѣрноподданнической присягѣ имѣю честь доложить вашему высокопревосходительству... въ канцеляріи комитета о раненыхъ неблагополучно...—началъ онъ прерывающимся голосомъ.

— Что такое? почему?—встревожился генераль.

— Произведена растрата суммъ инвалиднаго капитала... — до-сказалъ Таракановъ.

— Какая растрата? почему? кто смѣлъ? когда?—засыпалъ его вопросами Ушаковъ.

— По вѣдомостямъ счетнаго отдѣленія и по наличности денежнаго ящика видно, что растрата простирается до милліона ста

двадцати тысячъ рублей серебромъ. На такую же сумму имѣются расписки въ позаймствованіи директора канцеляріи, тайнаго со- вѣтника Политковскаго.

Ушаковъ откинулся въ креслѣ и посмотрѣлъ на чиновника сначала черезъ очки, потомъ сдвинувъ стекла на лобъ.

— Какъ? что такое? Повторите громче...—приказалъ онъ.

Таракановъ повторилъ.

— Милліонъ! Милліонъ сто двадцать тысячъ? Да не ошибаетесь ли, мой милый? Или не сошли ли вы съ ума?

— Увы, ваше высокопревосходительство: ни то, ни другое. Растрата несомнѣнная, и никакъ не менѣ этой суммы. Производилась же она въ теченіе пятнадцати лѣтъ, начавшись еще при предмѣстникѣ моемъ Васильевѣ.

Ушаковъ побагровѣлъ; на голомъ черепѣ его выступили крупныя капли холоднаго пота.

— Почему же вы не донесли ранѣе?—строго спросилъ онъ.

Таракановъ объяснилъ, что вначалѣ, по неопытности, не сознавалъ своей обязанности, а потомъ былъ удержанъ малодушіемъ и довѣріемъ къ начальнику.

— А обо мнѣ, главномъ-то начальникѣ, позабыли?

— Готовъ отвѣтить по закону, ваше высокопревосходительство.

— А я-то, я-то за что буду отвѣчать!—вскричалъ генераль.— Вы тамъ крали, а съ меня государь вензеля сорветъ! Подъ судъ васъ всѣхъ, на каторгу, мошенниковъ... Объясни, какъ вы грабили.

Таракановъ сослался на Рыбкина.

— У меня и у Путвинскаго были только вѣдомости, а деньги у Рыбкина. Мы, конечно, обязаны были донести, но помѣшать не могли,—выгораживался онъ.

Ушаковъ всталъ и, позвонивъ, приказалъ подать себѣ мундиръ.

— Отправляйтесь немедленно въ канцелярію и передайте Путвинскому и Рыбкину мое распоряженіе тотчасъ явиться на гауптвахту, и сами отправляйтесь вмѣстѣ съ ними, — отдалъ онъ приказъ Тараканову.—А я сейчасъ же ѣду доложить обо всемъ военному министру.

Графъ Чернышевъ, выслушавъ докладъ Ушакова, въ тотъ же день довелъ обо всемъ до свѣдѣнія государя. Пришло вмѣстѣ съ тѣмъ и извѣстіе о смерти Политковскаго.

Николай Павловичъ былъ потрясенъ и разгнѣванъ въ высшей степени. Его ужаснули не только громадныя по тому времени, прямо небывалыя размѣры растраты, но и то, что преступники не пощадили именно инвалиднаго капитала, который императоръ признавалъ священнымъ. Глаза строгаго царя какъ бы заглянули въ глубину растлѣнія, притаившагося за видимымъ благополучіемъ государственнаго строя... И впечатлѣніе было тѣмъ тягостнѣе, что тучи на политическомъ горизонтѣ все болѣе сгущались, и яснѣе обозначался призракъ близкой, тяжелой войны.

Главный преступникъ избѣгъ земного правосудія. Почему смерть поразила его именно въ ту минуту, когда долженъ былъ обрушиться на него карающій гнѣвъ царя? Признаки отравленія не были установлены, тѣло умершаго не вскрывали. Докторъ Мянвскій говорилъ потомъ, что для него ясенъ фактъ отравленія дигиталиномъ, принятымъ въ выдохшемся видѣ, и потому потерявшимъ часть своей силы. Но официального разслѣдованія не было, и возможно, что самые слухи объ отравленіи не дошли до государя. Во всякомъ случаѣ, въ его глазахъ самоубійство не было бы смягчающимъ обстоятельствомъ для преступника.

Другая мысль заняла вниманіе государя. Ему припомнились обширныя связи Политковскаго въ петербургскомъ обществѣ и его расточительная роскошь. Неужели похороны этого человѣка, такъ дерзко обманувшаго его довѣріе, будутъ обставлены съ тою же надменною пышностью, и весь городъ потянется за погребальной колесницею, чтобы отдать незаслуженный почетъ памяти преступника?

Съ этимъ издѣвательствомъ надъ правдой и честью, съ этимъ послѣднимъ фальшивымъ актомъ комедіи мысль государя не могла примириться. Принимая наканунѣ дня похоронъ докладъ генералъ-губернатора, Николай Павловичъ отдалъ ему личное распоряженіе по этому поводу.

Въ роскошной квартирѣ Политковскаго шли приготовленія къ печальной церемоніи. Въ большой залѣ съ завѣшенными чернымъ сукномъ зеркалами стоялъ катафалкъ, и на немъ богато убранный гробъ. На атласныхъ подушкахъ лежало тѣло покойника, въ расшитомъ мундирѣ, съ разложенными около гроба орденами, лентами, звѣздами, съ пряжкой за тридцатилѣтнюю безпорочную службу. Смерть почти не измѣнила смуглое, обрюзглое лицо покойнаго; только закрытые глаза отняли у него обычное жизне-радостное, смышенное выраженіе...

Весь соборный притчъ церкви Николы Морского служилъ панихиду. Въ залѣ и смежныхъ комнатахъ тѣснилась толпа знакомыхъ, еще недавно весело пировавшихъ въ этомъ домѣ. И какъ будто недоумѣніе отражалось на ихъ лицахъ—словно они еще не умѣли примирить своихъ недавнихъ впечатлѣній съ жуткою тайною смерти и земного ничтожества...

При пѣніи «вѣчной памяти» въ залу тихо вошелъ генералъ-губернаторъ. Дождавшись, когда окончилась панихида и разошлись посторонніе, онъ приблизился къ вдовѣ и попросилъ ее отойти съ нимъ въ сторону.

— Государь императоръ приказалъ мнѣ передать вамъ его непремѣнную волю, — сообщилъ онъ. — Его величество желаетъ, чтобъ вашъ покойный мужъ былъ похороненъ самымъ скромнымъ образомъ, не въ мундирѣ, и безъ всякихъ орденовъ и знаковъ отличія.

*

Лицо m-те Политковской выразило крайнее изумленіе.

— Воля государя? Но какая причина?—спросила она.

— Подробности мнѣ неизвѣстны; знаю только, что въ комитетѣ о раненыхъ обнаружена крупная растрата,—отвѣтилъ генераль.—Понимаю ваше горе, но долженъ исполнить приказъ государя.

Къ вечерней панихидѣ въ залѣ были сдѣланы превращенія. Богатый гробъ былъ унесенъ, и вмѣсто него поставленъ другой, совсѣмъ простой, черный. Трупъ Политковскаго переодѣтъ былъ во фракъ. Панихиду служилъ одинъ старый священникъ съ дьякономъ.

Между съѣхавшимися все время шло шушуканье. Вѣсть о растратѣ и о приказаніи государя облетѣла всѣхъ, и къ ночи уже весь Петербургъ говорилъ о необыкновенномъ событіи.

Общество, и въ особенности служебный міръ, были поражены какъ громомъ. И такъ какъ въ этомъ обществѣ не было мужества припомнить свою связь съ опальнымъ человѣкомъ, то на похороны никто не приѣхалъ.

За гробомъ Монтекристо, пятнадцать лѣтъ наполнявшаго столицу шумомъ своей безумной расточительности, шли только его вдова съ дочерью и зятемъ, да трое братьевъ...

Гнѣвъ императора Николая обрушился на всѣхъ, сколько-нибудь прикосновенныхъ къ дѣлу. Ушаковъ и члены комитета были лишены званія генераль-адъютантовъ и отданы подъ судъ. Наряжена была чрезвычайная слѣдственная комиссія, подъ предсѣдательствомъ фельдмаршала Паскевича, изъ генераловъ Анненкова и Игнатъева. Эта комиссія отнеслась, впрочемъ, къ своей задачѣ довольно поверхностно, остановившись на показаніяхъ Рыбкина и Тараканова; справки изъ почтамта и отъ другихъ учреждений и частныхъ лицъ не были затребованы, и настоящіе размѣры растраты, превышавшіе два милліона, никогда не были установлены.

Рыбкинъ не догадался припрятать свои сбереженія, и у него отобрали прикопленные сорокъ семь тысячъ. Попали вмѣстѣ съ нимъ подъ судъ и Таракановъ съ Путвинскимъ.

Къ общему удивленію, отобрано было и все имущество у вдовы и дочери Политковскаго. Не ожидая такой кары, онѣ ничего не спасли. Роскошная мебель, рѣдкости, драгоценности, экипажи, лошади— все было продано съ торговъ и обращено на пополненіе растраты.

Это составило, конечно, каплю въ морѣ. Тѣмъ не менѣе растрата была пополнена самымъ неожиданнымъ образомъ: когда началась Восточная война, Яковлевъ, желая очистить память своего друга, внесъ въ инвалидный капиталъ милліонъ рублей. За такое щедрое пожертвованіе его удостоили званія камергера. Тогда онъ внесъ второй милліонъ. Все было крупно въ этой крупной исторіи!

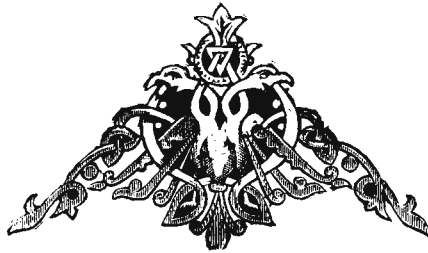
Эрнестина по смерти Политковского осталась навсегда въ Петербургѣ: ей удалось осуществить свою завѣтную мечту — выйти замужъ за русскаго бояра. Такимъ бояриномъ оказался тотъ самый Наршинъ, который уже два года за ней ухаживалъ.

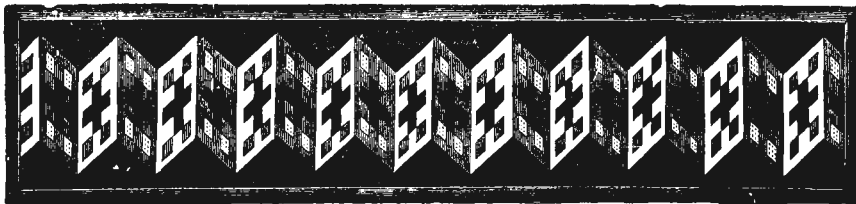
Печальна была судьба вдовы и дочери Политковского. Оставшись безъ всякихъ средствъ, онѣ, привыкшія къ баснословной роскоши, принуждены были терпѣть крайнюю бѣдность. Съ перемѣной царствованія онѣ обратились къ великодушію императора Александра II, который нѣсколько разъ приказывалъ выдавать имъ пособія, и въ послѣдствіи назначилъ вдовѣ небольшую пенсію.

Петербургское общество совсѣмъ потеряло ихъ изъ виду.

Но не скоро забыли въ Петербургѣ самого Политковского. Много лѣтъ еще занимали всѣхъ рассказы о его расточительной роскоши, легендарныхъ праздникахъ и двухмилліонной растратѣ.

В. Авѣенко.

ПОБѢГЪ БАКУНИНА ИЗЪ СИБИРИ.

А ИРКУТСКОМЪ горизонтѣ появилась въ 1857 году довольно замѣчательная по своему уму личность, обратившая на себя вниманіе всего иркутскаго аристократическаго общества, въ которое она была введена, по желанію генералъ-губернатора графа Николая Николаевича Муравьева-Амурскаго, состоявшимъ при немъ по особымъ порученіямъ полковникомъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка Иоселианомъ. У графа Муравьева-Амурскаго эта личность бывала во всякое время дня и ночи, ихъ часто видѣли гуляющими вмѣстѣ, что порождало разговоры и сужденія, такъ какъ всѣхъ не мало удивляло такое сближеніе Муравьева, къ которому доступъ былъ не для каждаго возможенъ. Впослѣдствіи оказалось, что Михайль Александровичъ Бакунинъ,—такъ звали эту загадочную личность,—состоялъ въ близкомъ родствѣ съ Муравьевымъ, и поэтому всѣ стали заискивать его расположенія, не зная, что онъ анархистъ и ссыльно-каторжный.

Спустя годъ, у члена главнаго правленія Восточной Сибири, Ксаверія Васильевича Квятковскаго, назначенъ былъ балъ, на который были приглашены всѣ лица высшаго иркутскаго общества по случаю помолвки его дочери Антонины съ М. А. Бакунинымъ, причемъ сватомъ былъ самъ Муравьевъ. Черезъ мѣсяцъ состоялась и свадьба.

Полной біографіи М. А. Бакунина, конечно, никто не зналъ хорошо, она тщательно хранилась въ кабинетѣ Муравьева, а доискиваться никто не рѣшался, боясь попасть въ опалу Муравьева,

что было равносительно гибели. Тайна обнаружилась лишь въ 1860 году, когда Муравьевъ былъ сдѣланъ членомъ государственнаго совѣта и покинулъ Сибирь, а Бакунинъ, благодаря содѣйствію бывшаго военнаго губернатора Забайкальской области, генераль-майора Михаила Семеновича Корсакова, вступившаго послѣ Муравьева въ исправленіе должности генераль-губернатора Восточной Сибири, и начальника штаба войскъ Восточной Сибири полковника генеральнаго штаба Болеслава Казимировича Кукеля, бѣжалъ за границу изъ Николаевска. Подробностей же и правдивой исторіи побѣга до сихъ поръ никто не зналъ, хотя и писалось объ этомъ побѣгѣ въ журналахъ, писалъ о немъ и самъ Бакунинъ; но во всѣхъ этихъ описаніяхъ очень мало правды (она и сейчасъ бы не открылась, если бы не свобода печати). Бакунинъ почему-то не хотѣлъ спасти того несчастнаго офицера, отъ котораго онъ бѣжалъ и который за чужіе грѣхи понесъ незаслуженную кару, былъ исключенъ изъ службы съ запрещеніемъ выѣзда изъ Сибири и бѣдствовалъ сорокъ пять лѣтъ.

Этотъ офицеръ былъ я, здравствующій и посейчасъ, котораго на порогѣ могилы пожалѣла судьба. Нашелся добрый, христіанской души человекъ въ лицѣ начальника края, который вошелъ въ мое несчастное положеніе, исходатайствовалъ возвращеніе мнѣ правъ и помогъ съ семействомъ выѣхать изъ Сибири въ Россію на свою родину.

Подробности всего этого, скрытаго отъ царя и правительства, дѣла были слѣдующія.

Въ 1860 году прибылъ въ Иркутскъ грузъ съ подарочными вещами, посылаемыми чрезъ генераль-губернатора отъ нашего императорскаго двора японскому микадо. Сопровождать грузъ выпало на мою долю, тогда только что произведенному въ полковники. Мнѣ было приказано принять этотъ грузъ и отправиться на Амуръ до Николаевска, а тамъ сдать его находившемуся въ командировкѣ по дѣламъ службы состоявшему при графѣ Н. Н. Муравьевѣ-Амурскомъ по особымъ порученіямъ полковнику лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка Юсселиану.

Я принялъ пересылаемый грузъ, и для его сопровожденія команду, состоящую изъ 9-ти человекъ рядовыхъ, при одномъ ефрейторѣ и унтеръ-офицерѣ, которую съ грузомъ отправилъ впередъ; а самъ, получивъ документы и деньги, на другой день, надѣвъ походную форму, поджидалъ привода почтовыхъ лошадей. Въ это время раздался въ передней звонокъ; мой денщикъ отперъ парадную дверь и впустилъ пришедшаго. Я въ это время былъ въ кабинетѣ, приводилъ въ порядокъ кое-какія вещи на кабинетномъ столѣ и, окончивъ, вышелъ изъ кабинета; къ удивленію моему я увидѣлъ передъ собой фигуру М. А. Бакунина, который, поздоровавшись, вдругъ выпалилъ:

— Угадайте, С. А., причину моего прихода къ вамъ?

— Я не могу знать ваши мысли и намѣренія, М. А., — отвѣчалъ я, — и поэтому прошу объяснить.

— Я ѣду съ вами до Николаевска!

Удивленный этимъ, я, въ свою очередь, его спросилъ:

— Зачѣмъ вы надумали пуститься въ такую даль и глушь съ молодой вашей супругой?

— Я ѣду одинъ, изъ любопытства, посмотрѣть на историческій край, когда-то принадлежавшій Россіи съ городомъ Албазиномъ и 200 лѣтъ тому назадъ взятый у насъ манчжурами, но, благодаря смѣлымъ и энергичнымъ дѣйствіямъ графа Н. Н. Муравьева, снова возвращенный и присоединенный къ Россіи. Эта идея давно была у меня въ головѣ, и однажды я высказалъ ее графу, вскорѣ послѣ того, какъ былъ заключенъ Айгунскій трактатъ. Въ то время онъ мнѣ на это отвѣтилъ: когда представится удобный случай, то мое желаніе онъ исполнитъ. Случай этотъ, къ моему удовольствію, въ настоящее время представился хорошій. Мнѣ напомнилъ объ этомъ вчера Б. К. Кукель и сказалъ, что графъ, уѣзжая для ревизіи въ Якутскую область, поручилъ ему дать мнѣ отпускъ до Николаевска; отпускъ я сегодня отъ Кукеля получилъ и пріѣхалъ къ вамъ, чтобы уговориться о нашей поѣздкѣ. Какъ разъ вижу, что вы уже готовы въ путь, поэтому считаю себя очень счастливымъ; я тоже готовъ, багажъ мой очень несложенъ, состоитъ только изъ небольшого чемодана и ручного саквояжа, вотъ и все, да еще развѣ возьму одну подушку съ одѣяломъ; надѣюсь, что вы мнѣ это разрѣшите, и я васъ не стѣсню.

— Послушайте, М. А., мнѣ очень пріятно имѣть васъ своимъ спутникомъ, но долженъ сказать, что дорожный мой экипажъ — очень маленькая повозочка, въ которой я едва могу помѣститься съ денщикомъ, и поэтому едва ли будетъ удобно вамъ, привыкшему къ комфорту, ѣхать со мной.

На это Бакунинъ въ самоувѣренномъ тонѣ сказалъ, что если только экипажъ служитъ препятствіемъ, то Кукель можетъ дать намъ свой, просторнѣе. Во время этого разговора подходитъ мой денщикъ и докладываетъ, что присланъ вѣстовой отъ начальника штаба. Я велѣлъ его позвать.

— Здравствуй, братецъ, что скажешь?

— Здравія желаю, ваше высокоблагородіе! Его высокоблагородіе, г. начальникъ штаба, просятъ, чтобы ваше высокоблагородіе пожаловали сейчасъ въ квартиру его высокоблагородія.

Я приказалъ вѣстовому идти и сказать, что сейчасъ буду.

Надѣвъ шапку и приказавъ денщику позвать извозчика, я извинился предъ Бакунинымъ, сказавъ, что если онъ желаетъ, то можетъ подождать моего возвращенія. Съ этими словами я вы-

шелъ изъ квартиры, сѣлъ на ожидавшаго меня извозчика и поѣхалъ къ Кукелю.

Кукель, вѣроятно, меня ждалъ, потому что, когда я подѣхалъ къ парадному крыльцу, то замѣтилъ, что онъ стоялъ у отвореннаго кабинетнаго окна. Кукель встрѣтилъ меня очень любезно, поздоровавшись, ввелъ меня подъ руку въ свой кабинетъ и, усадивъ въ кресло, сказалъ:

— Я вижу васъ въ походной формѣ, слѣдовательно, вы уже совсѣмъ собрались въ дорогу?

Я отвѣтилъ, что лошади уже готовы, а принятый грузъ вмѣстѣ съ командой вышелъ изъ Иркутска въ 5 часовъ утра, вѣроятно, уже прибылъ въ Лиственичную и, погруженный на пароходъ, ожидаетъ меня для слѣдованія чрезъ Байкаль.

— А М. А. Бакунинъ у васъ былъ?

— М. А. сейчасъ остался въ моей квартирѣ и ждетъ моего возвращенія.

— Вотъ что, С. А.: графъ, уѣзжая въ Якутскъ, поручилъ мнѣ дать отпускъ Михаилу Александровичу на Амуръ до города Николаевска. Вы, вѣроятно, знаете, или слышали, можетъ быть, біографію Бакунина; но все равно, я только долженъ вамъ сказать, что онъ ввѣряется подъ вашъ личный надзоръ; вы незамѣтно, не подавая виду, наблюдайте за всѣми его поступками и дѣйствіями и для памяти ведите дневникъ, который по возвращеніи вашемъ мнѣ покажите. А теперь желаю вамъ добраго пути. Скажу еще, если вамъ придется остаться зимовать въ Николаевскѣ, то попросите отъ меня Петра Васильевича Козакевича, чтобы онъ Бакунина отправилъ обратно съ однимъ изъ офицеровъ, находящихся въ служебной командировкѣ, которые будутъ возвращаться въ Иркутскъ, такъ какъ срокъ отпуска ему данъ только до октября мѣсяца. До свиданія!

Съ этими словами онъ подалъ мнѣ руку, и мы разстались.

Вслѣдствіе прежней строгой дисциплины и опасаясь навлечь на себя неприятность, я не рѣшился попросить отъ Кукеля формальную на этотъ предметъ бумагу. Въ то время это сочли бы недоувѣрчивостью къ начальнику и старались бы мнѣ на каждомъ шагу вредить, а тѣмъ болѣе на такой далекой окраинѣ, гдѣ главный начальникъ края былъ и богъ и царь; телеграфа и желѣзной дороги тогда не было, и выходила вѣрная пословица: «до Бога высоко, а до царя далеко».

Выйдя въ переднюю, я тотчасъ же вернулся обратно въ залу и, попросивъ извиненія, сказалъ:

— Позвольте мнѣ, Болеславъ Казимировичъ, выразить вамъ мое сожалѣніе въ томъ, что я М. А. взялъ съ собою затрудняюсь по той простой причинѣ, что ему, какъ барину, привыкшему къ комфорту, въ особенности, когда онъ женился на Анто-

нинъ Ксаверьевнѣ, неудобно и безпокойно будетъ ѣхать въ простой бричкѣ, донельзя тѣсной и тряской. Это только я могу переносить, какъ боевой солдатъ, привыкшій ко всякимъ походамъ и лишениямъ. (Думаю, слава Богу, мысль нашлась, авось отдѣлаюсь).

— Да, если только нежеланіе ваше взять съ собой Бакунина заключается въ неудобствѣ экипажа, такъ возьмите мой экипажъ до Срѣтенска и тамъ оставьте его у станичнаго атамана, приказавъ ему отправить его немедленно ко мнѣ обратно. Слѣдовательно, болѣе никакихъ препятствій нѣтъ. Итакъ, еще разъ желаю вамъ счастливаго пути, до свиданія!

Послѣ всего, мною выслушаннаго, оставалось одно: скрѣпя сердце, откланяться и выйти, что я и сдѣлалъ.

Возвратившись домой, я приказалъ денщику Осламу ѣхать на квартиру Кукеля, перепрячь лошадей въ указанный ему экипажъ и, переложивъ вещи, немедленно возвратиться обратно.

Въ мое отсутствіе Бакунинъ распорядился о своей дорожной кладѣ, пославъ о томъ записку къ своей женѣ, которая, приславъ ему для дороги вещи, вслѣдъ за ними пріѣхала и сама съ своимъ отцомъ К. В. Квятковскимъ. Они проводили насъ съ Бакунинымъ до Лиственичной, гдѣ мы, выйдя на дожидавшій насъ пароходъ, распрощались и отправились въ дальнѣйшій путь. Погода была прекрасная, день выдался довольно жаркій, такъ что вся публика вышла изъ каютъ на палубу, но отъ сильной жары собралась подъ тентъ 3-го класса. Къ нашему благополучію, Байкаль на этотъ разъ былъ тихъ, и вода въ немъ стояла, какъ зеркало, прозрачная, что въ это время года бываетъ очень рѣдко; обыкновенно въ августѣ мѣсяцѣ онъ изрядно бушуетъ отъ сильныхъ вѣтровъ, волны на немъ вздымаются, какъ горы; не разъ мнѣ приходилось слышать отъ моряковъ, что Байкаль несравненно бурнѣй и страшнѣй Чернаго моря. Но мы, къ счастью нашему, переправились къ слѣдующему берегу безъ всякихъ приключеній, и моя команда, сопровождавшая грузъ, перенесла его съ парохода на ожидавшія одноконныя подводы, которымъ я, осмотрѣвъ и тщательно провѣривъ ихъ, приказалъ двинуться въ путь.

Мы же съ Бакунинымъ размѣстились поудобнѣе въ поданномъ намъ экипажѣ и покатили.

На третій день мы пріѣхали въ Читу, и вслѣдствіе распоряженія военнаго губернатора Забайкальской области и наказнаго атамана Забайкальскаго казачьяго войска, генералъ-майора М. С. Корсакова, остановились въ его атаманской ставкѣ (такъ именовался занимаемый имъ домъ), гдѣ расположились въ отведенныхъ для насъ двухъ комнатахъ. Обмывъ дорожную пыль и перемѣнивъ свои костюмы, мы представились его превосходительству, который принялъ насъ очень любезно и, послѣ краткаго

съ обѣихъ сторонъ привѣтствія, пригласилъ въ столовую, гдѣ былъ сервированъ завтракъ, состоявшій изъ довольно вкусныхъ трехъ блюдъ. Окончивъ завтракъ, мы были приглашены въ угло-

Сергій Леонидовичъ Казариновъ.

вую гостиную, меблированную по-турецки, гдѣ и расположились на мягкихъ диванахъ съ круглыми подушками, къ которымъ были подставлены низкіе круглые столики. Сюда поданъ былъ кофе, а затѣмъ на длинныхъ черешневыхъ чубукахъ трубки съ жуковскимъ табакомъ.

Надо сказать, что М. С. Корсаковъ въ то время былъ холостъ, жилъ большимъ баринѣмъ, ни въ чемъ себѣ не отказывая, и былъ большой хлѣбосоль, такъ что не проходило ни одного дня, чтобы у него не обѣдало по нѣскольку человѣкъ изъ его штаба, а также и постороннихъ лицъ.

Дождавшись прихода моего транспорта и простившись съ радужнымъ хозяиномъ, мы тронулись далѣе въ Срѣтенскъ, гдѣ насъ ожидалъ пароходъ «Лена», на которомъ мы, погрузивъ съ подводъ вещи и посадивъ команду, отправились по рѣкамъ Шилкѣ и Амуру въ городъ Благовѣщенскъ, куда прибыли на третій день нашего плаванія и также остановились въ домѣ военнаго губернатора Амурской области, генералъ-майора Николая Васильевича Буссе, которому представились и также были приняты радушно.

Въ Благовѣщенскѣ, по желанію Бакунина и съ разрѣшеніемъ генерала Буссе, мы оставались 6 дней для осмотра только что возникшаго города и его окрестностей. Мы ѣздили съ генераломъ Буссе въ манджурскій городъ Айгунъ, расположенный на правомъ берегу Амура, въ 30 верстахъ ниже Благовѣщенска, въ гости къ амбаню (айгунскому губернатору), который насъ принялъ очень гостепріимно, съ большимъ почетомъ и китайскими церемоніями, угощалъ обѣдомъ, состоявшимъ изъ множества разныхъ кушаній, подаваемыхъ на маленькихъ тарелочкахъ вродѣ чайныхъ блюдцевъ. Послѣ обѣда, осмотрѣвъ городъ съ его непролазной грязью и вонючими улицами, мы возвратились къ вечеру въ Благовѣщенскъ.

На шестой день нашего пребыванія, откланявшись генералу Буссе, мы съ Бакуниномъ отправились далѣе на пришедшемъ изъ Николаевска пароходѣ «Амуръ», который на третій день остановился для нагрузки дровъ у селенія Хабаровки, гдѣ былъ расположенъ 3-й линейный батальонъ съ командиромъ полковникомъ Дьяченко. По случаю ночнаго времени, мы съ Бакуниномъ на берегъ не сходили, а остались на пароходѣ, да и интереснаго было мало, такъ какъ вся Хабаровка была окружена большимъ таежнымъ лѣсомъ.

Въ Николаевскѣ мы прибыли на четвертый день вечеромъ, въ 10 часовъ, и остановились въ единственной въ то время гостиницѣ «Россія». Команда же съ грузомъ была до утра оставлена на пароходѣ. Къ моему удовольствію, я узналъ отъ коридорнаго, что рядомъ съ нашимъ номеромъ квартируетъ полковникъ Иосселианъ, котораго въ этотъ разъ не было дома, поэтому мы съ Бакунинымъ, напившись чаю, легли спать. На слѣдующій день я въ 10 часовъ утра сдѣлалъ визитъ Иосселиану, который немало былъ удивленъ появленіемъ моимъ въ Николаевскѣ, а еще болѣе съ Бакунинымъ. Объяснивъ ему причину моего прибытія, я пригласилъ его на пароходъ, гдѣ показалъ ввѣренный мнѣ грузъ и

сопровождавшую его команду, которые вмѣстѣ съ документами и деньгами тутъ же и передалъ ему. Затѣмъ, пригласивъ Бакунина, я отправился съ нимъ представиться военному губернатору и начальнику флотилии Восточнаго океана контръ-адмиралу Петру Васильевичу Козакевичу, которому я вручилъ письменный рапортъ съ объясненіемъ о моей въ Николаевскѣ командировкѣ. Хотя Козакевичъ и былъ съ нами любезенъ, но все-таки показалъ себя начальникомъ, и между прочимъ интересовался подробностями о сдачѣ и приѣмѣ груза съ командой и спрашивалъ, когда думаетъ Юсселианъ отправиться въ Японію. Отпуская отъ себя насъ, Козакевичъ предложилъ мнѣ познакомиться съ его моряками, сказавъ, что они будутъ очень рады видѣть новыхъ лицъ и послушать новостей, которыя по дальности разстоянія не скоро доходятъ до Николаевска,—хотя и получаютъ нѣкоторыя газеты и періодическія изданія, но довольно поздно.

По выходѣ отъ Козакевича мы всѣ втроемъ отправились съ визитомъ къ начальнику порта капитану 1-го ранга Балтину, гдѣ были приняты очень радушно. Семья его состояла изъ жены и свояченицы-барышни, весьма милыхъ и любезныхъ; онѣ такъ были намъ рады, какъ будто старымъ знакомымъ, уговорили насъ остаться на обѣдъ и вечерній чай, чему, разумѣется, мы и сами были рады. Такимъ образомъ, мы пробыли у нихъ до 11 часовъ ночи и настолько имъ понравились, что онѣ взяли съ насъ слово бывать у нихъ каждый день на завтракъ, на что мы изъявили свое полное согласіе.

На другой день дѣлали визитъ еще нѣкоторымъ семействамъ; я и Бакунинъ познакомились, а Юсселианъ прощался.

Спустя нѣсколько дней, я вздумалъ пойти къ Балтинымъ одинъ, такъ какъ Бакунинъ мнѣ сказалъ, что сегодня будетъ составлять путевой журналъ и поэтому останется дома. Прежде всего мнѣ захотѣлось посмотрѣть на бухту и пройти на плавучую батарею, которая поставлена какъ разъ противъ входа въ лиманъ изъ океана, а вооружена чугунными большого калибра орудіями. Болѣе всего меня привлекъ довольно красивый видъ окружающихъ по обѣимъ сторонамъ лимана горъ, и я набросалъ его карандашомъ на картонѣ, а затѣмъ по отдѣлкѣ рѣшилъ подарить Балтинымъ на память.

Возвращаясь домой, я встрѣтился съ контръ-адмираломъ Козакевичемъ, который предложилъ мнѣ съ нимъ пройтись въ только что насажденный скверъ. При разговорѣ онъ замѣтилъ у меня въ рукѣ папку и спросилъ:

— Что это у васъ?

— Папка съ рисункомъ на картонѣ,—отвѣтилъ я и, вынувъ, показалъ ему рисунокъ, очень ему понравившійся. Когда онъ услышалъ отъ меня, что я хочу его подарить Балтинымъ, то, погрозивъ пальцемъ, сказалъ:

— Не моей ли крестницѣ Еленѣ? Да, она милая дѣвушка и не такого подарка заслуживаетъ. А вы холостъ или женатый?

Я отвѣтилъ, что холостъ.

— Не хотите ли, я вамъ предложу ее въ невѣсты? Прекрасная барышня, съ рѣдкой душой и характеромъ!

За такую любезность я поблагодарилъ адмирала и сказалъ, что отъ этого не прочь, но прежде всего нахожу нужнымъ спросить на то благословеніе моей матери. Если она мнѣ разрѣшитъ, то тогда я готовъ.

— Такъ вотъ что мы сдѣлаемъ. Къ вашей матушкѣ вы напишите письмо, и, чтобы скорѣе дѣло уладить, я пошлю это письмо съ эстафетой. Завтра вы его въ 12 часовъ сами ко мнѣ принесете, и у меня позавтракаемъ, тутъ будутъ и Балтины.

Возвратившись въ гостиницу, я засталъ въ комнатѣ Бакунина какого-то господина, котораго онъ мнѣ отрекомендовалъ, какъ своего стараго знакомаго, но о его званіи ничего не сказалъ. Такъ какъ было уже 7 часовъ вечера, то я приказалъ денщику приготовить чай, а самъ, взявъ бумагу и перо, принялся за письмо къ моей матери.

На слѣдующій день, въ назначенное время, я съ письмомъ пришелъ къ адмиралу, у котораго засталъ и Балтиныхъ. Передавъ ему письмо и поздоровавшись съ Балтиными, я замѣтилъ, что нашъ разговоръ съ адмираломъ имъ уже извѣстенъ, потому что, когда я подошелъ къ Еленѣ Григорьевнѣ (такъ звали сестру м-мъ Балгиной), то она, подавая мнѣ руку, вся вспыхнула. Въ эту минуту вдругъ подходитъ адмиралъ, схватываетъ наши руки и соединяетъ ихъ, говоря: «Вотъ вамъ кольца, прошу обмѣняться ими и быть помолвленными женихомъ и невѣстой». При этихъ словахъ онъ надѣлъ намъ кольца и, крикнувъ «ура!» приказалъ подать шампанское.

Такая внезапность меня ужасно поразила, такъ что я не могъ ничего сообразить и сказать. Въ тотъ же день былъ у Балтиныхъ танцевальный вечеръ, на который былъ приглашенъ въ числѣ другихъ гостей и Бакунинъ, а на другой день былъ официальный обѣдъ и также танцевальный вечеръ у адмирала; такимъ образомъ, по поводу столь неожиданнаго событія (если можно его такъ назвать) каждый день пошли даваемые разными знакомыми обѣды и вечера, на которыхъ бывалъ со мною и Бакунинъ.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, устроенный морскими офицерами въ военномъ собраніи, я не замѣтилъ, когда съ него ушелъ Бакунинъ. Я возвратился въ гостиницу въ 5 часовъ утра и, сильно утомленный, легъ спать, ничего не думая и не подозрѣвая относительно Бакунина.

Нужно сказать, что нашъ номеръ состоялъ изъ двухъ комнатъ, изъ которыхъ большую занималъ я, а другую, меньше, Бакунинъ.

Каково было мое удивленіе, когда, проснувшись въ 11-ть часовъ утра и крикнувъ съ постели: «М. А., мы встаемъ, или еще полежимъ», я не получилъ отвѣта. Предполагая, что онъ крѣпко спитъ, я изъ любопытства всталъ и заглянулъ въ комнату Бакунина; въ ней его не оказалось, и постель была совсѣмъ не помята. Тотчасъ я позвалъ денщика и на вопросъ: «давно ли всталъ М. А. и гдѣ онъ?» получилъ отвѣтъ, что Бакунинъ во второмъ часу ночи приходилъ, накинулъ на себя плащъ и, ничего не сказавъ, ушелъ и болѣе не возвращался. Предполагая, что онъ у кого-либо изъ офицеровъ, я приказалъ себѣ подать чаю, выпилъ два стакана и, одѣвшись, пошелъ къ лейтенанту Леонтьеву, какъ къ человѣку холостому и любителю играть въ шахматы, съ которымъ Бакунинъ нерѣдко игралъ. Не найдя его здѣсь, я высказалъ Леонтьеву свое удивленіе и вкрапшееся безпокойство и попросилъ его послать своего денщика къ двумъ-тремъ офицерамъ узнать, нѣтъ ли тамъ Бакунина. Денщикъ, возвратившись, доложилъ, что, по словамъ офицеровъ, Бакунинъ у нихъ не былъ и они его не видали, кромѣ какъ вчера въ собраніи. Отъ такого отвѣта денщика безпокойство мое еще болѣе увеличилось, и я немедленно возвратился въ гостиницу и, надѣвъ парадную форму, пошелъ къ контръ-адмиралу Козакевичу, которому и доложилъ обо всемъ подробно. Козакевичъ, выслушавъ меня, не мало былъ также удивленъ, потребовалъ къ себѣ полицеймейстера, которому и приказалъ тотчасъ же произвести по городу розыскъ; такъ какъ въ то время Николаевскъ былъ очень небольшою, то и приказано было это сдѣлать въ два часа, не болѣе. Полицеймейстеръ уѣхалъ исполнить приказаніе, а меня адмиралъ оставилъ у себя завтракать.

По прошествіи назначеннаго времени явился полицеймейстеръ и доложилъ, что Бакунина нигдѣ въ городѣ не оказалось, но что въ три часа утра снялось съ якоря коммерческое судно американца Петерсена и береговая цѣпь часовыхъ видѣла, что кто-то съ берега садился въ поданную шлюпку, которая и отвезла его на судно; неизвѣстный былъ въ сѣромъ плащѣ.

Когда въ комнатѣ Бакунина былъ открытъ имъ оставленный чемоданъ, въ немъ оказалась газетная бумага съ разными отбросами и сверху запечатанное письмо, адресованное на мое имя. Въ письмѣ Бакунинъ прощается со мной, желаетъ здоровья и проситъ никакихъ розысковъ по немъ не дѣлать, объявляя, что онъ будетъ безуспѣшенъ, ибо онъ уплываетъ за границу.

По распоряженію адмирала, мнѣ былъ данъ для погони за Бакунинимъ почтовый пароходъ «Надежка», на которомъ я съ лейтенантомъ Леонтьевымъ и 10 человѣками строевыхъ матросовъ, командированныхъ ко мнѣ въ помощь, въ тотъ же день отправились до залива де-Кастри, гдѣ стоялъ на якорѣ паровой фрегатъ «Аскольдъ», на который пересѣвъ съ «Надежки», мы пошли до

Ситхи (россійско-американская колонія) и только на два часа опоздали захватить Бакунина. Судно, на которомъ онъ бѣжалъ, нагружалось углемъ и дѣлало починку оказавшихся на немъ поврежденій. Плыть далѣе мы находили невозможнымъ въ виду того, что не знали курса, взятаго судномъ съ бѣглецомъ, крейсировать также не могли, и поэтому я съ растерзанной душой принужденъ былъ вернуться въ Николаевскъ, откуда и послалъ обо всемъ происшедшемъ рапортъ въ штабъ войскъ въ Иркутскъ; самъ же я, въ ожиданіи распоряженія, остался зимовать въ Николаевскѣ.

Вскорѣ меня постигло новое горе. Невѣста моя, потрясенная случившимся со мною несчастіемъ, вдругъ заболѣла и настолько серьезно, что лечившіе ее доктора не могли спасти ее, и она, проболѣвъ мѣсяцъ, умерла.

Дождавшись навигаціи, я на первомъ же пароходѣ, откланявшись контръ-адмиралу Козакевичу и распрощавшись съ Балтийскими и прочими знакомыми, покинулъ Николаевскъ и прибылъ въ Иркутскъ. Графа Муравьева-Амурскаго я уже не засталъ, онъ былъ отозванъ въ Петербургъ и назначенъ членомъ государственнаго совѣта. Въмѣсто него вступилъ въ отправленіе должности генераль-губернатора и командующаго войсками Восточной Сибири генеральнаго штаба генераль-майоръ М. С. Корсаковъ, которому я и представился. Несмотря на то, что онъ получилъ мой рапортъ, въ которомъ были изложены всѣ обстоятельства побѣга Бакунина и моя за нимъ погоня до Ситхи, Корсаковъ захотѣлъ еще лично меня разспросить, для чего и пригласилъ въ свой кабинетъ, въ которомъ находился и начальникъ штаба, полковникъ Кукель, бывшій у Корсакова съ докладомъ. Оба со вниманіемъ слушали мой рассказъ, наружно выражали свое ко мнѣ сожалѣніе и обсуждали, какъ и въ какомъ видѣ послать о такомъ, яко бы неожиданномъ обстоятельствѣ, донесеніе въ Петербургъ.

Наконецъ Корсаковъ поручилъ Кукелю составить объ этомъ происшествіи всеподданнѣйшій докладъ. Затѣмъ пригласилъ меня и Кукеля въ столовую къ завтраку, за которымъ я позволилъ себѣ выпить лишнюю рюмку и, находясь въ сильномъ возбужденіи, сказалъ Кукелю, что не допускаю себѣ той мысли, чтобы онъ не зналъ ранѣе о намѣреніи Бакунина бѣжать; это я заключаю изъ того, что, поручая моему надзору Бакунина, что-то хотѣлъ мнѣ сказать, и началъ было его біографію, но почему-то оборвалъ такими словами: «но все равно». Поэтому я и позволяю себѣ такъ думать.

Тутъ Корсаковъ, назвавъ меня по имени, сказалъ: «Я удивляюсь такому вашему нелѣпому подозрѣнію». Съ этими словами мы всѣ встали изъ-за стола и вышли въ залу; Кукель, схвативъ фуражку и портфель, откланялся Корсакову и, не прощаясь со мной, поспѣшно ушелъ; за нимъ вышелъ и я.

Когда я прошелъ генераль-губернаторскій домъ и повернулъ за уголъ къ Амурской улицѣ, вдругъ откуда-то вывернулся Кукель и, проходя мимо меня, сказалъ: «Словъ, сказанныхъ вами, я не забуду и вамъ не прощу!» На другой день я подалъ рапортъ о болѣзни и двѣ недѣли не выходилъ никуда, обдумывая, какъ и чѣмъ это дѣло о побѣгѣ окончится.

Въ день, который я подалъ рапортъ о моемъ выздоровленіи, вечеромъ зашелъ ко мнѣ капитанъ Б. и сказалъ, что надо мною назначено слѣдствіе, которое поручено произвести дежурному штабъ-офицеру штаба майору Орлову, съ которымъ я долженъ буду ѣхать въ Николаевскъ, о чемъ на дняхъ будетъ отданъ приказъ.

Приказъ состоялся, и мы съ Орловымъ отправились въ Николаевскъ, гдѣ пробыли мѣсяцъ и по окончаніи слѣдствія отплыли обратно. По прибытіи въ Благовѣщенскъ генераль-майоръ Б. уже объявилъ мнѣ, что я отчисленъ отъ штаба съ откомандированіемъ въ его распоряженіе, о чемъ и показалъ мнѣ приказъ. Такимъ образомъ я неожиданно остался въ Благовѣщенскѣ, изъ чего и понялъ, что Кукель намѣренно удалилъ меня изъ штаба. Прощаясь съ Орловымъ, я просилъ его выслать изъ Иркутска моего денщика и вещи, оставленные въ моей квартирѣ.

Новый мой начальникъ Н. В. Буссе былъ ко мнѣ очень благосклоненъ. Мы часто бесѣдовали и обсуждали побѣгъ Бакунина. Онъ сердечно жалѣлъ меня въ постигшемъ несчастіи и говорилъ, что, можетъ быть, все кончится безъ важныхъ послѣдствій. Но я выражалъ сомнѣніе, ссылаясь на высказанную мнѣ Кукелемъ угрозу, хотя, кромѣ этой угрозы, я зналъ затаившуюся въ его польской душѣ давнюю противъ меня месть за его родственниковъ, бывшаго градоначальникомъ въ Кяхтѣ Деспотъ-Зеновича и бывшаго командира Красноярскаго городского казачьяго полка Галашевскаго, о которыхъ будетъ рассказано ниже.

Спустя годъ времени, былъ присланъ изъ штаба генералу Буссе приказъ о приведеніи въ порядокъ дѣлъ военнаго управленія Амурской области въ виду скорого прибытія въ Иркутскъ командированнаго по высочайшему повелѣнію генераль-адъютанта Лутковскаго, для обревизованія военныхъ управленій Восточной Сибири. Произведя ревизію, Лутковскій пожаловалъ и въ Благовѣщенскъ, гдѣ, обревизовавъ управленіе и сдѣлавъ инспекторскій смотръ войскамъ, при своемъ отъѣздѣ далѣе, просилъ генерала Буссе назначить къ нему офицера, хорошо знающаго Амурскій край. Буссе назначилъ меня. Такимъ образомъ я съ генераль-адъютантомъ Лутковскимъ отправился въ Хабаровку, Софійскъ, Николаевскъ, Камчатку и Ситху и обратно въ Благовѣщенскъ, гдѣ Лутковскій, поблагодаривъ генерала Буссе и меня, прослѣдовалъ обратно въ Иркутскъ только съ своимъ адъютантомъ, оставивъ меня при Буссе въ Благовѣщенскѣ.

Послѣ отъѣзда Лутковскаго чрезъ полгода получился приказъ, въ которомъ мнѣ была объявлена высочайшая благодарность за энергичное, честное и точное исполненіе всѣхъ возлагавшихся на меня генераль-адъютантомъ Лутковскимъ порученій, за время состоянія моего при обревизованіи военныхъ управленій и осмотрѣ войскъ, съ награжденіемъ орденомъ св. Анны 2-й степени.

Весною 1862 года я былъ вызванъ въ Иркутскъ, въ штабъ войскъ. Начальникъ штаба Кукель находился гдѣ-то въ отъѣздѣ, а вмѣсто него исправлялъ должность начальникъ топографовъ полковникъ Будаговскій, которому я и представился. Генераль-губернаторъ же Корсаковъ подъ предлогомъ болѣзни меня не принялъ. Черезъ 4 дня по моемъ прибытіи я былъ вызванъ въ штабъ, гдѣ оберъ-аудиторъ объявилъ мнѣ, что я за самовольное взятіе, при моей служебной командировкѣ, ссыльнаго государственнаго преступника, Михаила Александрова Бакунина, до Николаевска Приморской области, съ цѣлью дать ему случай къ побѣгу, по высочайшему повелѣнію, исключаясь изъ службы безъ лишенія чиновъ, но съ запрещеніемъ выѣзда изъ Восточной Сибири въ прочіе города Западной Сибири и Россіи, въ чемъ и была отобрана отъ меня подписка.

Отъ такого неожиданнаго удара я не помню, что со мною было и какъ я вышелъ изъ штаба и очутился въ госпиталѣ. Послѣ мнѣ говорили, что я будто бы, придя на свою квартиру, выпилъ чайный стаканъ водки и, взявъ револьверъ, хотѣлъ застрѣлиться, направивъ его себѣ въ грудь, но произошла осѣчка, а когда я хотѣлъ сдѣлать повтореніе, то былъ удержанъ вошедшимъ въ это время капитаномъ Б., который сзади схватилъ меня за руку и вырвалъ револьверъ, съ помощію денщика уложилъ меня на кровать, на которой я въ безсознательномъ положеніи пролежалъ не вставая, безъ всякой пищи двое сутокъ, затѣмъ былъ помѣщенъ въ госпиталь, въ которомъ и пробылъ два съ половиной мѣсяца.

По выходѣ изъ госпиталя я нѣсколько разъ добивался приѣма у генерала Корсакова, съ которымъ хотѣлъ объясниться по поводу случившагося со мною несчастія, но каждый разъ подъ различными предлогами мнѣ въ приѣмѣ отказывали. Много разъ я писалъ и посылалъ объясненія черезъ моихъ добрыхъ знакомыхъ и лицъ, мнѣ сочувствовавшихъ, но также безрезультатно и въ концѣ концовъ мнѣ было приказано чрезъ полицеймейстера выѣхать изъ Иркутска въ другой какой-либо городъ Восточной Сибири, что и былъ я вынужденъ исполнить, избравъ себѣ мѣстомъ жительства сначала Енисейскъ, а затѣмъ Красноярскъ.

Неоднократно обращался я за содѣйствіемъ къ бывшимъ послѣ Корсакова генераль-губернаторамъ: Синельникову, барону Фридериксу, Анучину и Горемыкину и ни отъ одного изъ нихъ не

получалъ рѣшительно ничего, и такимъ образомъ всѣ мои просьбы были гласомъ вопіющаго въ пустынь.

Наконецъ я узналъ, что прибылъ въ Западную Сибирь, въ Омскъ, новый генераль-губернаторъ Хрущовъ. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, оказалось, что это тотъ самый Хрущовъ, Александръ Петровичъ, командовавшій бригадою въ Севастополь, въ Крымскую войну, который меня зналъ лично по Севастополю и по представленію котораго я былъ награжденъ Анною 4-й степени на саблю. Хотя я былъ обязанъ подпискою о невыѣздѣ изъ Восточной Сибири, но все-таки рискнулъ инкогнито поѣхать къ нему въ Омскъ, въ видахъ получить отъ него какое-нибудь облегченіе въ моемъ несчастномъ положеніи. Дѣйствительно, когда я представился, онъ принялъ меня очень любезно; выслушалъ внимательно и когда я ему рассказалъ о случившемся со мною несчастіи, сердечно пожалѣлъ и общалъ, когда будетъ въ Петербургѣ, лично доложить государю и просить за меня.

Былъ ли генераль Хрущовъ въ Петербургѣ и просилъ ли государя за меня, я не знаю.

Во время посѣщенія Сибири великимъ княземъ Владимиромъ Александровичемъ, я обращался къ нему съ прошеніемъ чрезъ графа Перовскаго, бывшаго при его высочествѣ. Хотя прошеніе и было принято, но результатовъ никакихъ почему-то не послѣдовало.

Въ 1889 году я пріѣхалъ снова въ Иркутскъ, женился тамъ на учительницѣ, которая, выйдя за меня замужъ, съ разрѣшенія начальства, открыла въ Иркутскѣ частное училище. Черезъ пять лѣтъ, въ 1895 году, по желанію іріамурскаго генераль-губернатора Духовскаго, оно было переведено въ городъ Хабаровскъ, но, просуществовавъ одинъ только годъ и не имѣя обѣщанной Духовскимъ поддержки, было закрыто, а вмѣсто него я открылъ фотографію, которая и существовала 10 лѣтъ, до моего выѣзда въ Россію въ 1905 году.

Чтобы лучше освѣтить всѣ сдѣланныя противъ меня со стороны Кукеля козни, я долженъ возвратиться къ 1894 году; въ этотъ годъ я неожиданно встрѣтился и познакомился въ Иркутскѣ съ чиновникомъ Красавцевымъ, который былъ ранѣе при Кукелѣ старшимъ писаремъ казачьяго отдѣленія въ штабѣ войскъ Восточной Сибири. Отъ него я узналъ, что Кукель со всѣхъ мѣстъ и частей, гдѣ я служилъ и числился, вытребовалъ не копіи, а подлинныя документы о моемъ воспитаніи и прохожденіи службы, которые и сжегъ вмѣстѣ съ дѣломъ о побѣгѣ Бакунина и дѣломъ о дуэли Беклемишева съ Неклюдовымъ. Этотъ жестокій челоуѣкъ продѣлалъ такую штуку для того, чтобы лишить меня возможности возстановленія моихъ служебныхъ правъ; дѣло же о побѣгѣ Бакунина сжегъ для того, чтобы не было никакихъ

уликъ въ его подлогахъ, такъ какъ тутъ находилась и та подложная бумага, которая въ себѣ содержала якобы высочайшее повелѣніе объ исключеніи меня изъ службы. Это былъ подлогъ, въ чемъ Красавцевъ увѣрялъ меня клятвенно, такъ какъ нѣкоторыя бумаги были писаны имъ, Красавцевымъ.

Такимъ образомъ, благодаря неблагоприятнымъ дѣяніямъ Кукеля, я понесъ незаслуженную кару и униженіе, которое продолжалось 43 года, хотя я и носилъ званіе полковника, но безъ всякой пенсіи, почему и скрывалъ свое военное званіе и гдѣ только ни жилъ, вездѣ именовалъ себя художникомъ.

Я уже упомянулъ выше, что мною будетъ разсказано о бывшемъ градоначальникѣ Кяхты Деспотъ-Зеновичъ и командирѣ Красноярскаго городского полка есаулѣ Галашевскомъ. Изъ этого разсказа будетъ видно, изъ-за чего началъ мнѣ мстить начальникъ штаба полковникъ Кукель.

Во время градоначальства въ Кяхтѣ Деспотъ-Зеновича распространились слухи, дошедшіе и до графа Муравьева-Амурскаго, что въ Кяхтѣ существуетъ шайка грабителей, занимающихся контрабандой, о которой знаетъ градоначальникъ, но къ поимкѣ ея не принимаетъ никакихъ мѣръ.

Однажды явился секретно къ графу Муравьеву чиновникъ изъ Кяхты и донесъ о существованіи означенной шайки, представивъ при томъ доказательство: именно кинжалъ въ серебряныхъ ножнахъ съ инициалами градоначальника, объяснивъ при томъ, что эту шайку содержитъ Деспотъ-Зеновичъ, и вручилъ графу небольшой, но подробный чертежъ плана того мѣста, гдѣ скрывается вся шайка. Разсказалъ онъ также, какъ нѣсколько дней тому назадъ казачій разъѣздъ, наткнувшись въ ночное время на эту шайку, везшую на 30-ти вьючныхъ лошадяхъ въ цыбикахъ чай, хотѣлъ задержать контрабандистовъ, при чемъ произошла схватка, въ которой было ранено два казака и пять разбойниковъ; но это дѣло было замято, раненымъ казакамъ отъ градоначальника выдали въ видѣ награды по 10 руб., а раненые разбойники помѣщены въ больницу и затѣмъ выпущены.

По поводу этого случая я былъ секретно командированъ графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ для разслѣдованія въ Кяхту, куда и выѣхалъ инкогнито съ жандармскимъ офицеромъ, капитаномъ Г., подъ видомъ московскихъ купцовъ для покупки чаю. Проживъ въ Кяхтѣ 7 дней, мы, кромѣ означенной контрабанды, еще много кое-что узнали, а затѣмъ, снявъ съ себя личину купцовъ и пригласивъ понятыхъ, произвели обыскъ въ занимаемомъ Деспотъ-Зеновичемъ домѣ, гдѣ въ подземныхъ тайникахъ открыли 800 цыбиковъ чаю и 100 тюковъ съ собольими и чернубурой лисы шкурками и захватили 17 человекъ контрабандистовъ, имѣвшихъ помѣщеніе подъ оранжереей, изъ которой былъ проведенъ свѣтъ

и выходъ изъ подземелья. Все было такъ устроено и замаскировано, что не будь у насъ въ рукахъ означеннаго чертежа, представленнаго графу Н. Н. и переданнаго мнѣ, то мы ничего бы не нашли. Это громкое и вопиющее дѣло, по разслѣдованіи, было мною представлено графу Муравьеву-Амурскому со всѣми вещественными доказательствами. Графъ вызвалъ Деспотъ-Зеновича изъ Кяхты, наложилъ на него домашній арестъ, но дѣло куда-то исчезло, а по отъѣздѣ графа Муравьева-Амурскаго въ Петербургъ наложенный арестъ былъ снятъ и вмѣсто каторги Деспотъ-Зеновичъ получилъ назначеніе на постъ тобольскаго губернатора. Здѣсь, между прочимъ, проѣзжавшему чрезъ Тобольскъ сосланному въ каторжную работу политическому преступнику Чернышевскому онъ разрѣшилъ, по просьбѣ тобольскихъ барынь, быть въ собраніи на вечерѣ, устроенномъ этими же дамами въ честь Чернышевскаго, который, раскованный, но съ подвязанными кандалами, и былъ привезенъ изъ тюрьмы въ каретѣ въ собраніе, гдѣ былъ всѣми барынями торжественно встрѣченъ и освобожденъ ими отъ кандаловъ, изъ которыхъ наши аристократки впослѣдствіи заказали себѣ сдѣлать броши, браслеты, кольца и серьги, которыя и носили съ гордостью.

А что онъ дѣлалъ для поляковъ, ссылаемыхъ въ 1863 году! Если все рассказать, то подумаютъ, что это арабскія сказки Шахерезады, а между тѣмъ все это голая правда.

Состоявшій же при немъ во время губернаторства чиновникъ особыхъ порученій, Василій Ивановичъ Мерцаловъ, который въ бытность Деспотъ-Зеновича градоначальникомъ былъ правителемъ его канцеляріи, по увольненіи изъ губернаторовъ Деспотъ-Зеновича, получилъ должность управляющаго контрольной палаты въ Омскѣ, а затѣмъ постъ томскаго губернатора, но чрезъ годъ за благія его дѣянія былъ уволенъ въ отставку и сдѣлался управляющимъ винокуреннымъ заводомъ у Поклевскаго-Козелль.

Есаулъ Галашевскій былъ командиромъ Красноярскаго городского казачьяго полка, и надъ нимъ за растрату полковыхъ денежныхъ суммъ было назначено слѣдствіе, которое производилъ есаулъ Матвѣевскій, но, получивъ отъ Галашевскаго цѣнный подарокъ, дѣло замаскировалъ и представилъ въ иномъ видѣ, вслѣдствіе чего я былъ командированъ для переслѣдованія. Для добытія истины я, переодѣтый скотопромышленникомъ, подъ видомъ покупки рогатаго скота, объѣхалъ всѣ станицы полка и, собравъ нужныя мнѣ свѣдѣнія, пріѣхалъ въ Красноярскъ, явился въ надлежавшей мнѣ формѣ въ полковое управленіе, тотчасъ же потребовалъ къ себѣ есаула Галашевскаго (который не ожидалъ такого для себя сюрприза) и, собравъ всѣхъ состоявшихъ налицо офицеровъ полка, приступилъ къ производству слѣдствія, на время котораго отстранилъ отъ командованія полкомъ Галашевскаго съ

арестованіемъ его на гауптвахтѣ и назначилъ командующимъ полкомъ войскового старшину Маляренко. По окончаніи слѣдствія я отправилъ есаула Галашевскаго за конвоемъ въ Иркутскъ, гдѣ по прибытіи онъ былъ помѣщенъ на главной гауптвахтѣ и преданъ суду и затѣмъ разжалованъ въ рядовые, несмотря на всѣ ходатайства за него начальника штаба Кукеля.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ сказать, что на другой годъ послѣ побѣга Бакунина за границу жена его Антонина Ксаверіевна уѣхала изъ Иркутска въ Петербургъ, а оттуда за границу къ мужу.

С. А. Казариновъ.

ВЪ ЧОРТОВОМЪ ГНѢЗДѢ.

(Разсказъ изъ жизни русскихъ пионеровъ въ Манчжуріи) ¹⁾.

III.

Широкая масленица.

«Вся жизнь «манчжурца» — какой-то чадъ, угаръ, сплошная вакханалія. Тамъ же.

ВЪ ПОЛОВИНѢ февраля установилась такая чудная погода, что трудно было усидѣть въ душныхъ комнатахъ. При небольшихъ морозцахъ, дни стояли солнечные; воздухъ сталъ прозраченъ и легко дышалось въ немъ. Приближалась масленица, которую на Руси издавна празднуютъ широкими пирами. И въ далекомъ уголку Манчжуріи, въ Чортовомъ гнѣздѣ, собирались русскіе пионеры встрѣтить и проводить ее блинами и шампанскимъ, настойкой, наконецъ простою очищенной, все глядя по средствамъ. Раньше другихъ начали справлять масленицу рабочіе въ Маломъ Чортовомъ гнѣздѣ.

Съ ранняго утра въ четвергъ около магазина Коровицкаго виднѣлись группы рабочихъ. Тутъ были каменщики, плотники, землекопы, десятники и всякій другой рабочей людъ. Въ самомъ магазинѣ биткомъ набилось народу. Въ облакахъ табачнаго дыма трудно было различить Кубинцева, Карпова и Костю, которые спѣшили удовлетворить требованія публики.

Въ воздухѣ, густомъ и спертомъ, ежеминутно слышались просьбы: — Эй, молодецъ, отпустите-ка бутылочку коньяку!

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХ, стр. 498.

— Будь ласковъ, Семенычъ, нацѣди-ка четвертную да заверни съ пятокъ кѣты копченой николаевской, только скорѣича!

— Дайте, купцы почтенные, гвоздочка, — бутылочку нечѣмъ откупорить.

Къ полудню всѣ покупатели были удовлетворены. Благодаря теплой погодѣ, пировали на открытомъ воздухѣ, усѣвшись на бревнахъ, на старыхъ ящикахъ и просто обрубкахъ. Пили изъ металлической кружки, которая обходила по очереди всѣхъ участниковъ кутящей артели. Скоро забренчала балалайка, запищала «тальянская» гармоника, и полилась безконечная, пьяная русская пѣсня, въ которой дикое разгулье смѣнялось щемящею тоской, чтобы снова перейти въ молодецкую, беззаботную удаль...

И такъ пили и пѣли до конца недѣли: группа смѣняла группу, выпивая и поѣдая запасы лавочки Коровицкаго.

— Ловко сегодня работали!—говорила довольная Инна Гавриловна, принимая ежедневно вечеромъ отъ Ивана Семеновича выручку и пряча ее въ сундукъ подъ кроватью:—больше четырехъ сотъ уторговали!

— Торговишка идетъ-съ! Ужъ одну бочку-съ, что получили изъ Староцурухайтуя отъ Пюнтковскаго, всю распродали. Завтра начинаемъ новую!—заявилъ Кубинцевъ.

— Придется къ Святой снова выписывать,—подтвердилъ Карповъ.

— И вытребуемъ, пусть себѣ мѣръ крещеный угощается!—замѣтилъ Иванъ Семенычъ.—Почему рабочему и не выпить, ежели заработки хороши-съ! Вѣдь здѣсь самый обычный заработокъ три, три съ половиной въ день!

Довольная своими дѣлами, Инна Гавриловна объявила, что на субботу она съ мужемъ приглашены на блины къ начальнику участка, куда съѣдутся служащіе со всѣхъ станцій. Поэтому она распорядилась отдать служащимъ на вечеръ свое помѣщеніе и устроить имъ блины.

— Оставляю вамъ хозяйками Катю и Груню: онѣ васъ и будутъ угощать!

— Премного благодарны! — отвѣтили на ея заявленіе служащіе.

Въ субботу утромъ Груня вбѣжала въ магазинъ и сунула Карпову небольшой клочокъ бумаги. Развернувъ его по уходѣ Груни, Карповъ прочиталъ: «Милый Карпушечка! Папа и мама ѣдутъ сегодня на гору и останутся тамъ ночевать. Приходи безпремѣнно вечеромъ къ намъ на блины съ Иванъ Семенычемъ. Я и Катя оставимъ его и тебя ночевать у насъ. Съ тобою обсудимъ тогда наше дѣло. Приходи жъ непременно. Ахъ, скорѣе бы вечеръ наступалъ! Закрывайте пораньше лавочку и къ намъ. Т. н. в. к. ц. и л. Г. К.»

Сильно забилося сердце у Карпова отъ этой записки. Забывъ покупателей, онъ старался объяснить загадочныя буквы, стоявшія въ концѣ письма. Наконецъ онъ рѣшилъ, что онѣ значатъ: «твоя навѣки крѣпко цѣлующая и любящая Груня Коровицкая».

Только что стемнѣло, а въ домѣ подрядчика за столомъ шла оживленная игра въ «шестьдесятъ шесть», слышался веселый смѣхъ, говоръ.

Кромѣ семьи Коровицкаго и Кубинцева съ Карповымъ, за столомъ сидѣлъ конторщикъ Петръ Кузьмичъ, блѣдный старикъ съ длинною бородою и нависшими бровями, изъ-подъ которыхъ сверкали еще живые глаза. Противъ конторщика расположился коренастый, небольшой человѣчекъ лѣтъ поды пятьдесятъ, но еще сохранившій и черныя жесткіе волосы, и лукавыя карія очи; собравшіяся у глазъ и краевъ рта морщинки дѣлали лицо его вѣчно смѣющимся. Это главный десятникъ—Лопозовъ. Раздавался тутъ и пискливый голосокъ Петина.

— Нечего вамъ горевать, Константинъ Александрычъ,—тянулъ глухимъ голосомъ Петръ Кузьмичъ:—денегъ за масленую наторговала мамаша много, есть чѣмъ расплатиться!

Рѣчь свою обращалъ онъ къ своему партнеру Костѣ, который свободно курилъ папироску за папироской, пользуясь отсутствіемъ мамы и учителя Ляпунова.

— Аль не везетъ Константину Александрычу?—спросилъ Лопозовъ, съ шумомъ втягивая съ блюдечка чай.

— Здорово не везетъ: уже который разъ обыгрываю!—протянулъ Петръ Кузьмичъ.

— Погодите хвалиться, еще отыграюсь!—заявилъ ему Костя, весь красный отъ неудачи.—Слушай, Петинъ, подсядь-ка ко мнѣ на помощь!

Петинъ перемѣнилъ мѣсто и подсѣлъ къ Костѣ, который вручилъ ему карты, а самъ принялся хлебать чай.

— Вы, Константинъ Александрычъ, какъ я вижу, не годитесь въ игроки: горячи шибко!—сказалъ Лопозовъ.

— Вы это по себѣ судите?—не безъ усмѣшки отвѣтилъ Костя.

— А что же, ежели и по себѣ! Мало ли я этимъ баловствомъ на приискахъ занимался?

— Кстати, Платонъ Васильевичъ,—пристали къ нему Катя и Груня, суетившіяся у самовара:—разскажите что-нибудь изъ приисковой жизни. Мы съ удовольствіемъ послушаемъ.

— И въ самомъ дѣлѣ, Платоша, побреши намъ маленечко!—ласково протянулъ конторщикъ.

— Чего брехать-то?—возразилъ Лопозовъ:—и брехать нечего, коли много пережито. Вотъ хотя бы касательно этихъ самыхъ картъ... Давно уже это было... Я былъ тогда вотъ почти Костиныхъ лѣтъ или старше немного. Послалъ меня золотопромышлен-

никъ Прейнъ въ N-скую волость рабочихъ на пріиски нанимать. Дѣло это затяжное. Скучно стало. Сталъ я для развлечения съ товарищами и знакомыми въ вистъ по маленькой дуться. Горячился я и рисковалъ страхъ какъ шибко! Ну, не безъ проигрыша былъ, скажу прямо. Тутъ пріѣхалъ приказчикъ отъ хозяина. Ему кто-то и наговори, что я азартничаю въ картахъ: какъ бы, молъ, хозяйскихъ деньжонокъ не проигралъ! Тотъ донесъ хозяину, да еще съ прибавкою: будто я спустилъ уже изъ хозяйскихъ денегъ двѣ тысячи! Ладно. А я ничего не знаю, что тамъ обо мнѣ писали. Вдругъ получаю отъ Прейна письмо: бросить наемъ рабочихъ и немедленно ѣхать домой! Возвращаюсь въ Иркутскъ. Зоветъ меня хозяинъ и требуетъ отчета, провѣряетъ, что истрачено на задатки рабочимъ, потребовалъ сдачи оставшихся денегъ. Я сдалъ все до единой копейки, потому что я, по правдѣ сказать, проигралъ сотню изъ своихъ денегъ. Меня хотя и удивила неожиданная провѣрка со стороны хозяина, но я не придавалъ ей особенной важности: мало ли что можетъ прійти хозяину въ голову! Ладно. Прихожу вечеромъ домой, а зять мой и спрашиваетъ:

— Что, все благополучно съ отчетомъ сошло?

— А ты почему знаешь, что хозяинъ отъ меня отчетъ бралъ?— спрашиваю его.

— Чего не знать-то, коли вся контора только и разговоры ведетъ о тебѣ, о томъ, что ты въ N-ской волости проигралъ въ карты двѣ тысячи изъ хозяйскихъ денегъ, что даны тебѣ на наемъ рабочихъ!

«Эге, вонъ оно что вся сія оказія значитъ!» подумалъ я про себя.

Меня, понимаете, какъ молотомъ въ голову ударило! Стыдно и больно стало: подумать только, что десять лѣтъ честно служилъ, тысячи хозяинъ мнѣ довѣрялъ, никогда копейка изъ нихъ не пропадала—и вотъ по чьему-то доносу хозяинъ тайно провѣряетъ меня! Закицѣло у меня на сердцѣ: молодъ былъ, горячая кровь лилась въ жилахъ!

Въ тотъ же вечеръ явился къ хозяину и спрашиваю:

— Вы почто съ меня отчетъ-то прежде времени потребовали?

— Это мое дѣло,—отвѣчаетъ.—Сегодня мнѣ понадобилось провѣрить тебя, а завтра отправлю, и въ три раза больше денегъ получишь!

Вижу, и тутъ финтитъ, правды не сказываетъ. Совсѣмъ зло меня взяло.

— Конечно, хозяинъ, вы вольны свои интересы блюсти, но не вольны людей, что десятки лѣтъ вамъ вѣрою и правдою служили, по первому доносу заподозрѣвать и худую славу про нихъ пускать. Теперь вотъ, когда моя правда вышла, вы собираетесь до-вѣрить мнѣ тысячи; но я вамъ говорю спасибо за ваше довѣріе: я вамъ больше не слуга, уйду къ Кузнецову служить.

И что вы думаете—ушелъ, на худшее мѣсто ушелъ, лишь бы хозяину въ отместку сдѣлать!

Такъ вотъ съ той поры я въ руки картъ не беру, ни-ни! Черезъ нихъ, можетъ, всю жизнь свою испортилъ.

— Неужто у Кузнецова не пофартило?—спросилъ Карповъ.

— Какъ-то не служилось у Кузнецова, потому что старикъ-хозяинъ пріисковъ разбогатѣлъ, дѣломъ не занимался, больше съ господами знакомства заводилъ...

— А богатый онъ былъ?—спросилъ Костя.

— Богатѣющій мужикъ! Домъ, что твои царскія палаты, все картины, зеркала да ковры. Великій князь съ адмираломъ Посьетомъ у него останавливались, какъ Сибирью ѣхали. Тутъ случай такой вышелъ. Великій князь пожелалъ съ Посьетомъ водки выпить. Надо вамъ сказать, что у Кузнецова завсегда въ столовой водка стояла въ большихъ графинахъ. Вотъ слуга впопыхахъ схватилъ графинъ, а въ немъ вода, а не водка была: перепутали графины! Великій князь съ дороги сразу рюмку опрокинулъ въ ротъ—и недоумѣваетъ: вмѣсто водки чистѣйшую воду дали! Однако не разгнѣвался, а позвалъ хозяина и предлагаетъ ему попробовать той водки, которою въ его домѣ гостей угощаютъ. Кузнецовъ попробовалъ—и весь посинѣлъ отъ гнѣва и стыда. Не сдержалъ своего гнѣва, смазалъ слугу по уху и закричалъ: «Варнакъ, мерзавецъ! опозорилъ меня передъ высокими гостями, передъ всею Сибирью! Теперь вся округа смѣяться мнѣ въ глаза будетъ! Его императорское высочество честь мнѣ оказалъ, не побрезговалъ моимъ хлѣбомъ-солью, а у меня хозяйство-то какое, слуги-то какіе! Рюмку водки подать не смогли! Ахъ, Господи, грѣхи-то какіе!»

Насилу успокоилъ старика адмиралъ Посьеть, сказавъ, что великій князь понимаетъ волненіе слуги и его невольную ошибку.

За блинами бесѣда оживилась; послѣ блиновъ пѣли пѣсни, играли на гитарѣ. Лопозовъ потѣшалъ молодежь фокусами: пряталъ двугривенный и затѣмъ находилъ его то въ носу, то въ ухѣ Петина...

Къ двумъ часамъ ночи потухли огни въ домикѣ подрядчика. Кубинцевъ и Карповъ остались ночевать съ дѣтьми Коровицкаго. Карповъ расположился на полу въ большой комнатѣ для охраны Кати и Груни, которыя спали въ своей крохотной, темной комнаткѣ, а Кубинцевъ легъ на жесткой постели Ляпунова въ комнатѣ Кости.

Давно уже всѣ спали крѣпкимъ сномъ послѣ сытныхъ блиновъ и весело проведеннаго вечера. Но вотъ въ комнатѣ дѣвухекъ послышался сперва неясный шорохъ, потомъ скрипъ кровати, наконецъ по полу залы мелькнула фигура Груни, кравшейся къ разметававшемуся во снѣ Карпову.

— Степа, ты уже заснул?—спросила она тихимъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ, припавъ ртомъ къ уху его.

Отвѣтомъ былъ тяжкій вздохъ спавшаго юноши.

Груня легла рядомъ съ Карповымъ и прижалась къ нему своимъ теплымъ дѣвичьимъ тѣломъ.

— Кто тутъ? что так...?

Сильная рука Груни закрыла ротъ раскричавшемуся со сна Карпову.

— Не кричи, глупый!—страстно прошептала она, цѣлуя его въ щеку.

— Ахъ, это ты, моя лапочка!—шопотомъ, еще не отогнавъ сна, проговорилъ Карповъ.—Я ждалъ, ждалъ тебя и не замѣтилъ, какъ соснулъ. Почему ты такъ долго не пла?

— Нельзя было: Катя все не спала, ворочалась.

— Ну, и за то спасибо тебѣ, моя милая!—сказалъ Карповъ и сильными руками обхватилъ крѣпкое тѣло Груни.

Прошло нѣсколько времени, пока влюбленные цѣловались и миловались.

— Такъ все скажешь?—спросилъ Карповъ.

— Непремѣнно скажу,—выжду удобную минуточку и скажу.

— Ты проси отца не противиться.

— Отецъ-то не страшень,—страшна мать!—грустно вздохнувъ, сказала дѣвушка.—Вѣдь она и тебя, и меня ненавидитъ. Кромѣ того, она не дозволитъ, чтобы я раньше ея Катеньки замужъ вышла. Вотъ ежели бы Иванъ Семенычъ посватался къ ней...

— Не таковскій онъ, чтобы доброю волею въ петлю лѣзть!—воскликнулъ Карповъ.—Инна Гавриловна ее мѣтитъ выдать за инженера или офицера, а нашему брату она не годится: капризна больно!

— Ну, я попробую просить мамочку. А папочкѣ прямо скажу, что мама меня не любитъ, бранитъ постоянно, щиплетъ... что лучше мнѣ уйти изъ дому...

— Оно, конечно, можно было бы тайкомъ отсюда уйти,—не понявъ дѣвушку, проговорилъ Карповъ:—да не хочется ссориться и бросать дѣло. Здѣсь важнѣющія дѣла можно дѣлать. Гляди, года черезъ два-три большую деньгу зашибемъ! Тогда и поѣдемъ на Уссуру жить припѣваючи...

Въ окна мелькнули бѣлесоватая полосы приближающагося дня. Костя громко заговорилъ во снѣ.

— Прощай, надо уходить, а то кто еще увидитъ!—цѣлуя Карпова, встревоженно и грустно проговорила Груня, вся разбитая сладкой истомой.

— Смотри жъ, не позабудь поговорить съ отцомъ и матерью!—напомнилъ ей Карповъ.

— Да, не забуду, лишь бы времечко удобное выбрать! Я тебѣ казначу свиданіе послѣ разговора съ родителями...

Быстро скользнула дѣвушка въ темную комнату. Скоро и Груня, и Карповъ спали крѣпко, улыбаясь во снѣ сладкимъ грезамъ о молодой, счастливой жизни...

Въ тотъ же вечеръ «на горѣ», въ домѣ начальника участка, собралось на блины блестящее общество. Здѣсь были инженеры и строители со всѣхъ станцій участка, офицеры охранной стражи, Коровицкій съ женой и Ляпуновымъ, дѣлопроизводитель канцеляріи начальника, докторъ съ женой и случайно пріѣзжавшій манчжурскій нойонъ съ двумя чиновниками.

Пріятель Горячова, полковникъ охранной стражи, два-три инженера повліятельнѣе и нѣсколько офицеровъ увивались около «временной» жены хозяина дома, извѣстной въ обоихъ «Чортовыхъ гнѣздахъ» подъ именемъ «Тосички».

Эта была красивая, съ ясными признаками семитизма, брюнетка, лѣтъ двадцати пяти-шести, одѣтая просто, но изящно въ сѣрое теплое платье. Въ маленькихъ ушахъ и черныхъ, какъ смоль, волосахъ ея сверкали настоящіе бразильскіе брильянты, выписанные Горячовымъ къ 12 января, дню ея ангела, изъ Нью-Йорка.

Пока она поддерживаеетъ съ кавалерами разговоръ о текущихъ новостяхъ Чортова гнѣзда—гдѣ кого убили манзы, гдѣ, играя револьверомъ, застрѣлился молодой офицеръ, скоро ли проѣдетъ черезъ Чортово гнѣздо новый начальникъ охранной стражи генераль Генгроссъ,—разскажемъ интересную страничку изъ «Манчжуріады», которая объяснитъ намъ, какъ «Тосичка» очутилась въ Манчжуріи, связавъ на время свою судьбу съ судьбою Горячова.

Термины: «временно», «временный»—получили свое крещеніе, собственно говоря, съ первыми шагами русскихъ на Далекое Востокѣ. Но окончательное закрѣпленіе и узаконеніе ихъ принадлежитъ, безспорно, первой партіи «манчжурцевъ».

Передовая партія «манчжурцевъ», эти пионеры русско-европейской культуры въ дѣбряхъ Манчжуріи, по самому существу дѣла были люди «временные»: ихъ задача—построить магистраль до Тихаго океана, соединить указанные пункты линіей, пустить первые поѣзда, а затѣмъ уйти съ яснымъ сознаниемъ исполненной задачи, съ высокимъ титуломъ «строителей». Они хорошо сознавали, что за ними придетъ въ Манчжурію вторая партія дѣятелей, которымъ суждено начать второй періодъ въ жизни китайско-восточной желѣзнодорожной эпопеи—періодъ эксплуатаціи. Періодъ постройки—это праздникъ, требующій людей съ извѣстнымъ размахомъ, съ сильными аппетитами... Будни эксплуатаціи, безъ изумительно-громадныхъ ассигновокъ, безъ баснословной дороговизны жизни, безъ «кругленькихъ» окладовъ, потребуютъ иныхъ дѣятелей, съ болѣе скромными требованіями и аппетитами.

«Манчжурцы-строители», гордясь сознаниемъ своего калифства на часъ, «все дѣлали временно»: и дорогу строили «времен-

ную», лишь бы соединить концы, и жилища сооружали «временныя», и туннели рыли «временные», и, наконецъ, весь свой внутренній міръ настраивали «временно», на особый ладъ. Этотъ «манчжурскій» ладъ заключался въ томъ, чтобы, переступая порогъ Манчжуріи, оставить за нимъ всѣ европейскія идеи, всѣ человѣческія чувства, всѣ стѣсненія совѣсти, всяческія обязанности...

Словно густой паръ, охватывала эта временная манчжурская атмосфера всякаго, соприкасавашагося съ нею. «Ничего не подѣлаешь,—говорили манчжурцы въ свое оправданіе:—здѣсь климатъ такой, что иголочка рупь стоитъ!»

И этотъ «рупь» развращалъ человѣка до потери человѣческаго образа.

Въ свое время на страницахъ владивостокскихъ газетъ много писалось объ одной четѣ «манчжурцевъ» удивившихъ своею прямолинейностью и откровенностью даже ничему не удивлявшихся собратій...

Мужъ, двадцатипятилѣтній инженеръ, сперва очаровалъ начальство изданіемъ изящной книжки съ фотографическими снимками мѣстностей Манчжуріи, имъ развѣданныхъ; потомъ отличился и получилъ благодарность за необыкновенно быструю постройку до того «временной костоломки», что черезъ недѣлю поѣзда срывались на подъемѣ, и пассажиры гибли сотнями... Пожилая инженерскіе лавры въ качествѣ строителя, сей гениальный манчжурецъ не упускалъ удобнаго случая нажить деньгу: онъ обсчитывалъ подрядчиковъ на тысячи, торговалъ пищевыми продуктами на казенныя деньги, беря себѣ барыши за труды.

Рядомъ съ нимъ подвизалась его супруга, молоденькая «смолянка», промѣнивая обыкновенныя пивныя бутылки на китайскихъ чушекъ, забирая у орочонъ соболей, лисицъ, вымѣнивая ихъ за рисъ и табакъ, которыхъ было много въ магазинѣ мужа...

До такого разврата доводила временная манчжурская обстановочка «податливыя натуры»!

«Временная жена»—одинъ изъ самыхъ пышныхъ цвѣтковъ въ букетѣ манчжурскихъ безобразій...

Въ исторіи «временнаго брака», узаконеннаго «манчжурцами», слѣдуетъ различать два момента. Первый можно назвать «японскимъ», ибо тогда въ качествѣ «временныхъ женъ» выступали японки, вывозимыя по контрактамъ инженерами-строителями изъ Нагасаки. Наши желтолицыя сосѣди на Дальнемъ Востокѣ, столь восхищающіе своею культурою нашихъ передовыхъ людей, представляютъ разительный примѣръ народа, для котораго «рупь» сталъ девизомъ жизни. Въ «Странѣ восходящаго солнца» за долларъ можно купить все. Мечта всякой красивой японки попасть или въ публичный домъ, или временною женою, чтобы заработать

долларовъ и затѣмъ устроиться семьей, купивъ себѣ мужа-японца. Если бы японцы отличались красотою, то барыни-европейки не тратились бы на дорогихъ итальянцевъ, татаръ, а за сто долларовъ покупали бы себѣ любовниковъ-японцевъ. При этомъ не пришлось бы тратить лишнія деньги на сводницъ и сводниковъ: японцы повели бы эту процедуру необыкновенно просто и дѣловито, какъ просто и дѣловито теперь отцы торгуютъ своими дочерьми. Но Тосичка принадлежала ко второму моменту, которому по справедливости надо присвоить эпитетъ «еврейскій».

Творцомъ этого момента слѣдуетъ считать нѣкоего юриста, который въ девяностыхъ годахъ прошлаго вѣка появился во Владивостокѣ въ качествѣ агента многихъ страховыхъ, транспортныхъ и другихъ обществъ. Подружившись и заручившись поддержкою мѣстнаго аристократическаго органа печати «Дальневостокскія сплетни», этотъ мужъ основалъ свою резиденцію въ извѣстной гостиницѣ «Тихоокеанскій кабакъ».

Здѣсь одно маленькое приключеніе, одна небольшая, но обидная исторія съ «манчжурцемъ» внушила Гаузенбауму геніальный коммерческій планъ...

Транспортируя клади изъ Одессы во Владивостокъ, Хабаровскъ и другіе города Пріамурья, почтенный агентъ выписалъ для собственнаго развлеченія плохенькую шансонетную пѣвичку, французенку. Эту пѣвчую птичку сманилъ у него проѣзжіи инженеръ-строитель, прельстивъ ее картиною широкой манчжурской жизни, положеніемъ барыни-хозяйки, тогда какъ у Гаузенбаума она занимала скромное амплуа «племянницы». «Дяденькѣ» обиднымъ показалось не то, что пѣвичка промѣняла его на манчжурца, а то, что на прощаньи она обобрала его до ниточки, воспользовавшись его поѣздкою по дѣламъ въ Хабаровскъ.

Этотъ первый урокъ и наблюденія надъ «манчжурцемъ» ясно показали Гаузенбауму, какой товаръ теперь могъ итти бойчѣе всего...

И вотъ потребовали присылки изъ Одессы «евреечекъ» съ гимназическимъ образованіемъ, которыя во Владивостокѣ при помощи учительницъ и учителей превращались во французенокъ.

Товаръ пошелъ шибко, и Гаузенбаумъ получалъ солидныя комиссіонныя, не забывая и «племянницъ».

Одною изъ такихъ «племянницъ» была и Тосичка, случайно «нареченная дочь» Гаузенбаума. Выѣхавъ яснымъ октябрьскимъ утромъ изъ Одессы на «добровольцѣ» бѣдною папиросницей, Хиль Рузенбергъ черезъ годъ показывалась въ театрѣ «Тихоокеанскаго кабака» во Владивостокѣ, какъ нареченная дочь Гаузенбаума Татьяна Викторовна.

Высокая, стройная брюнетка, съ матовымъ лицомъ, съ глазами газели, съ густыми прядями темныхъ, какъ ночь, волосъ,

она невольно привлекала взоры моряковъ, офицеровъ и другой молодежи, когда появлялась въ ложѣ съ «папенькою».

Здѣсь же, въ театрѣ, въ числѣ прочихъ былъ представленъ Хили Рузенбергъ и Аркадій Павловичъ Горячовъ. Послѣдній только что получилъ назначеніе быть начальникомъ самаго труднаго на всей линіи участка Китайско-Восточной желѣзной дороги и переживалъ періодъ сборовъ къ отъѣзду въ Чортово гнѣздо.

— Говорятъ, вашъ участокъ порядочная даже для пустынной Манчжуріи труппа?—спросила Горячова молодая красавица, оказывавшая ему больше вниманія, чѣмъ другимъ штатскимъ и военнымъ.

— Очень можетъ быть,—отвѣчалъ хладнокровно Горячовъ.— Впрочемъ, за періодъ развѣдокъ я попривыкъ къ уединенію, притомъ же нельзя думать только о себѣ и своихъ удобствахъ, когда предстоитъ поработать дѣлу великой важности. Намъ зоветъ Россія осуществить предпріятіе, передъ которымъ вся Европа и даже Америка придутъ въ восторгъ и удивленіе.

— Мнѣ очень пріятно слышать отъ васъ, начальника участка, такія рѣчи, только боюсь, что вы не найдете себѣ помощниковъ, которые такъ же смотрѣли бы на постройку громадной магистрали,—поддержала еврейка мысль Горячова.

— У насъ вообще трудно найти убѣжденныхъ работниковъ, но надѣюсь, что, какъ начальникъ, дамъ надлежащій тонъ работамъ,—замѣтилъ убѣжденно Горячовъ.

— Въ такомъ случаѣ всегда хорошо имѣть вблизи человѣка, который поддержалъ бы въ минуту утомленія и упадка энергіи,—бросила будто вскользь хитрая еврейка...

— О, да, въ такихъ случаяхъ вѣрный другъ, притомъ женщина—безцѣнный кладъ!—легко пошелъ на заброшенную удочку инженеръ.

— Разъ вы такого убѣжденія, то поищите себѣ преданнаго друга-женщину.

— Зачѣмъ искать? Я суевѣренъ и вѣрю неожиданностямъ. Вотъ, напримѣръ, бесѣдую съ вами, а въ головѣ неотвязная дума: изъ всѣхъ женщинъ, которыхъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ владивостокской моей жизни встрѣчалъ я, вы первая заинтересовались моею службою, значитъ, если бы кто раздѣлилъ со мною уединеніе въ дебряхъ Манчжуріи, то это—вы и никто болѣе!

Горячовъ самъ не давалъ себѣ отчета, почему это онъ съ перваго раза такъ просто и смѣло началъ говорить съ этой красивой еврейкой.

— Благодарю за откровенность, — вся покраснѣвъ, сказала еврейка.—Буду и съ вами откровенна, такъ какъ «долгъ платежомъ красенъ». Я съ радостью ушла бы куда-нибудь далеко-далеко отъ этого страннаго кавардака, который называется обще-

ственной жизнью Владивостока! При томъ же я прекрасно вижу, что меня ожидаетъ впереди...

Она остановилась и, опустивъ глаза внизъ, нѣсколько минутъ молчала...

— Если бы вы дѣйствительно пожелали уединиться со мною, то я всегда къ вашимъ услугамъ,—прервалъ молчаніе Горячовъ.

— Вы скоро уѣзжаете?—спросила тихо Хиль.

— Черезъ мѣсяць-два, смотря по ходу дѣла.

— Я дамъ скоро вамъ письменный отвѣтъ,—сказала Хиль и крѣпко пожала руку Горячова.

На другой день она заявила Гаузенбауму, что желаетъ креститься и просить его быть воспріимнымъ отцомъ.

— Что это тебѣ за фантазія такая пришла?—удивился Гаузенбаумъ.

— Ужъ это мое дѣло. Ваше дѣло съѣздить къ архіерею и ускорить это. Черезъ мѣсяць я должна снять съ себя позорное имя еврейки, слышите,—строго приказала Рузенбергъ.

Черезъ недѣлю то же требованіе повторилось.

— Послушай, Хиличка,—попытался убѣдить ее Гаузенбаумъ:—ты съ нѣкотораго времени что-то таишь отъ меня и завела какія-то тайны. По правдѣ сказать, мнѣ непонятна эта твоя затѣя креститься, эта поспѣшность... Наконецъ, я замѣчаю, что ты собираешься покинуть меня...

— Вы угадали, Викторъ Анатольевичъ: я уѣду скоро съ Горячовымъ въ Манчжурію...

— А, вотъ гдѣ ключъ ко всему, что меня озадачивало!—воскликнулъ Гаузенбаумъ:—поздравляю Аркадія Павловича съ побѣдою! Но васъ не могу поздравить,—съ усмѣшкою сказалъ онъ.—Горячовъ взять васъ съ собою возьметъ, но на марьяжъ съ нимъ вы не рассчитывайте...

— Это ужъ моя, а не ваша забота,—рѣзко остановила его Хиль.—Ваша забота похлопотать у архіерея о моемъ скорѣйшемъ крещеніи...

— Что это за тонъ со мною?—вспылил Гаузенбаумъ.—Кажется, ты не дитя и должна сознавать свою зависимость отъ меня. Захочу, то никогда не увидишь ни своего Горячова, ни Манчжуріи...

— А ну, попробуйте помѣшать мнѣ, такъ за меня будетъ говорить съ вами губернаторъ, которому я расскажу, какимъ промысломъ вы занимаетесь и откуда берете «племянницъ»...

Хиль вся поблѣднѣла, глаза ея сверкали холоднымъ блескомъ.

Гаузенбаумъ, посовѣтовавшись съ своимъ другомъ, редакторомъ «Дальневостокскихъ сплетенъ», рѣшилъ поскорѣе разстаться съ безпокойною «евреечкой».

Черезъ мѣсяцъ Хиль Рузенбергъ была окрещена и получила послѣ крещенія новое имя, отчество и фамилію: она уѣхала съ Горячовымъ подъ именемъ Татьяны Викторовны Гаузенбаумъ.

Едва зажгли огонь, какъ всѣ гости вслѣдъ за хозяйкою двинулись въ столовую, гдѣ уже давно былъ сервированъ огромный столъ. Среди безчисленнаго количества бутылокъ съ разноцвѣтными напитками отливала различными цвѣтами всевозможная закуска, которая собственно и краситъ это тяжелое блюдо: икра, сельди, анчоусы, семга, кетовыя брющки, строганина изъ свѣжей замороженной кеты— все здѣсь манило поскорѣе выпить и закусить!

— Очень, очень сожалѣю, что Софья Абрамовна не могла явиться на блины, — говорила Тосичка, обращаясь къ коротенькому и толстенькому мужу ея, инженеру Декальскому, съ характернымъ еврейскимъ лицомъ.

— Въ этомъ виновенъ нашъ докторъ, который уложилъ ее въ постель!—тихо отвѣчалъ Декальскій.

— Нѣтъ, Викторъ Львовичъ, я виню васъ: вы очень слабый мужъ и балуете свою жену!

— Не вижу изъ нашей компаніи ни Павла Павловича, ни Якова Эрнестовича,—громко сообщилъ докторъ, любившій посплетничать о ближнихъ.

— Яковъ Эрнестовичъ явится нѣсколько позднѣе: онъ задержанъ работами, — вступился за своего сосѣда и помощника Декальскій.

— Ну, а Павелъ Павловичъ, какъ преданный другъ Софьи Абрамовны, остался ухаживать за больною, — съ нескрываемою улыбкою замѣтила Тосичка, не любившая красивой Декальской, которая составляла свой кружокъ и очень правилась Горячову.

— Я и самъ съ удовольствіемъ побылъ бы сестрою милосердія при такой интересной больной! — воскликнулъ Горячовъ, чокаясь рюмкою съ Николаемъ Николаевичемъ, командиромъ охранной сотни.

— Какъ жаль, что тебя не пригласили!—съ нескрываемою злобою произнесла Тосичка, которая, проживъ съ Горячовымъ около года, убѣдилась, что выйти за него замужъ нѣтъ никакой надежды, и старалась мучить его, чтобы поскорѣе разойтись.

Маленькая пикировка между хозяиномъ и хозяйкой смутила гостей, но тутъ выручилъ Ляпуновъ.

Онъ сидѣлъ по срединѣ стола, имѣя сосѣдами съ одной стороны офицера, съ другой—полнаго инженера, начальника станціи Бухату. У нихъ шла оживленная бесѣда и еще оживленнѣе выпивка.

— Честное слово, господа, не вру!—воскликнулъ Ляпуновъ, красный отъ водки и блиновъ.

— Какъ же вы могли уклоняться отъ карауловъ при такомъ адмиралѣ, который слыветъ грозою моряковъ?—спрашивали его собесѣдники.

— А такъ, очень просто: только что получу приказъ отправиться въ караулъ, сейчасъ рапортъ: «Честь имѣю донести вашему превосходительству, что тяжкая болѣзнь и пр. и пр.» Ну, ляжешь въ постель и ждешь врачей для освидѣтельствованія...

Гости невольно прислушались къ его рѣчи, чтобы не слушать взаимныхъ упрековъ Тосички и Горячова.

Увидѣвъ общее вниманіе, Ляпуновъ разошелся окончательно.

— Да что тамъ караулы! Я и не такія пули отливалъ адмиралу—и съ рукъ свободно сходило.

— Однако онъ васъ донялъ-таки въ концѣ концовъ!—замѣтилъ Коровицкій.

— Какое донялъ, самъ вышелъ въ отставку!—отвѣчалъ Ляпуновъ.—И знаете ли, господа, какую я пулю отлилъ адмиралу передъ уходомъ?

Всѣ ждали, что онъ скажетъ.

— Знаете, дѣло было въ іюлѣ. Мы только что возвращались на «Якутѣ» съ Командорскихъ острововъ, куда ходили для охраны котиковъ. Само собою, что послѣ трехмѣсячнаго рейса соскучился по сушѣ. Вотъ завалились мы въ «Тихоокеанскій кабакъ», и пошла писать... Пили безъ просыпу чуть не недѣлю. Въ это время дважды назначали меня въ караулъ, но я запынствовалъ и не могъ распечатать и прочитать угрожающихъ приказовъ, рапортовъ по болѣзни также не представлялъ, словомъ, совѣмъ дѣло швахъ! Черезъ недѣлю пришелъ въ чувство и жду, что будетъ. Наконецъ получаю приказъ явиться къ адмиралу. Передъ отправленіемъ къ адмиралу, сознавая, что разговоръ предстоитъ не изъ веселыхъ, я для храбрости выпилъ рюмку-другую. Прихожу въ полной формѣ. Доложили. Пригласили въ кабинетъ.

— Я пригласилъ васъ, лейтенантъ Ляпуновъ,—встрѣтилъ меня адмиралъ сурово, не пригласивъ садиться и самъ стоя противъ меня,—по дѣламъ службы: вы не исполняете своихъ обязанностей, приказовъ не читаете. На что это похоже!

Я молчу, да и что сказать въ свое оправданіе!

— Если вы болѣете, и здѣшній климатъ вреденъ вамъ, то просите перевода въ черноморскій или каспійскій флотъ.

— Не имѣю возможности поступить такъ, ваше превосходительство,—отвѣчаю ему кратко.

— Какъ не имѣете возможности? У вашей матушки въ Петербургѣ большія связи и ей легко устроить васъ, гдѣ угодно... Наконецъ я готовъ оказать вамъ протекцію...

— Ваше превосходительство!—сказалъ я ему спокойно:—мнѣ всѣ сослуживцы много говорили о васъ, какъ самомъ строгомъ

исполнителейъ законовъ. Но что же я слышу отъ васъ, строгаго законника? Вы говорите о протекціи, которую законы считаютъ зломъ и противъ которой считаетъ долгомъ бороться всякій честный служака! И вы совѣтуете мнѣ, своему подчиненному, прибѣгнуть къ этому беззаконію!..

Эффектъ получился необычайный! Адмиралъ стоялъ передо мною, молча и совершенно бессмысленно уставившись въ меня глазами...

— И какъ онъ не догадался, что ты—пьянъ!—замѣтилъ ему Горячовъ.

Въ это время дверь изъ столовой въ коридоръ съ шумомъ раскрылась, и передъ пирующими появилась необыкновенная процессія, при видѣ которой только у одного Декальскаго скользнула едва замѣтная улыбка.

Впереди шелъ китаецъ съ огромнымъ вѣеромъ въ рукахъ и длинною сѣдою бородою; на плечахъ его покоились длинныя ручки изящнаго паланкина, обитаго ярко-краснымъ китайскимъ шелкомъ. Другія двѣ ручки паланкина держалъ на своихъ плечахъ второй китаецъ, въ богатомъ костюмѣ, также въ бородѣ и усахъ. Въ паланкинѣ полулежала красивая китайка въ чудовищной прическѣ изъ роскошныхъ черныхъ волосъ...

— Здластуй, мадама, здластуй, капитана, цу-лэй-ла, ходя!—привѣтствовалъ передній китаецъ пирующихъ, низко кланяясь и опуская носилки на землю.—Позвольте, капитаны, отдохнуть нашей «бабушкѣ»¹⁾ съ дороги. Мы идемъ изъ Сисикала и утомились...

— Bravo, bravissimo!—заоралъ упившійся Ляпуновъ:—господа, это Павелъ Павловичъ, Яковъ Эрнестовичъ и Софья Абрамовна, честное слово они!—оралъ онъ, вставъ изъ-за стола.

— Вотъ великолѣпный сюрпризъ! — воскликнули нѣкоторые гости.

— Я здѣсь чжангуйда!²⁾—громко сказалъ, подходя шаткою походкою къ китайцамъ, Горячовъ.—Я желаю быть вашимъ братомъ. Мой домъ—вашъ домъ; пейте, ѣшьте все, что здѣсь стоитъ. Прошу вашу бабушку выйти изъ паланкина и сѣсть съ нами за столъ.

— Лусска капитана ша-ша-шанго!³⁾—сказалъ ему въ отвѣтъ, низко кланяясь, передній китаецъ и дружески трепля Горячова по плечу.—Моя тоже твоя блата!—И онъ подаль хозяину руку.

Затѣмъ подошелъ онъ къ окошечку паланкина и, какъ ребенокъ, вынулъ оттуда разодѣтую въ различнаго цвѣта шелка и нарумяненную «бабушку». Декальска была очаровательна. Всѣ

¹⁾ Жена, женщина по-манзовски.

²⁾ Хозяинъ.

³⁾ Очень, очень добръ!

невольнo любовались, когда она, поддерживаемая подѣ руки своими носильщиками, осторожно ступала деревянными башмачками по натертому воскомъ полу...

— Ахъ, какая у ходи «бабушка!»—восклицалъ Горячовъ, усаживая китайку у стола и обращаясь къ китайцамъ. — Я охотно помѣняюсь съ ходюю своею «бабушкою» и еще денегъ дамъ...

— Не мели глупостей!—сердито остановила его Тосичка, которую брала досада, что «противная жидовка» обращаетъ на себя общее вниманіе своею удачною затѣею.

— Твоя «бабушка» молчитъ: она ша-шанго, а моя «бабушка» все говоритъ: она пу-шанго!¹⁾ — шутилъ Горячовъ, не обращая вниманія на Тосичку. Онъ пришелъ въ восторгъ отъ маскарада, устроеннаго Декальскою.

— Эй, папашечка!—скомандовалъ онъ полному инженеру, сосѣду Ляпунова:— ну-ка, валяй на роялѣ веселую полечку, потанцуетъ съ хорошенькою китайкою и забудетъ свою старость!

Скоро весь домъ задрожалъ подѣ ногами танцующихъ. Танцовали всѣ, кто съ дамою, кто съ пріятелемъ. Китайку положительно носили на рукахъ: Горячовъ, Николай Николаевичъ и даже «папашечка», становились передъ нею на колѣни, цѣловали ручки ея, хватали ее за ножки, колѣни.

Гости разѣхались отъ начальника участка только къ полудню слѣдующаго дня...

IV.

П а с х а .

«Впрочемъ, среди этой манчжурской атмосферы дѣло дѣлалось, дорога строилась.

Тамъ же.

Къ половинѣ марта горячѣе становились лучи ярко сверкающаго солнца; съ горъ потекли дружные ручейки; по дорогѣ стояли лужи; грачи унизывали еще голыя деревья и вели свой громкій разговоръ, составляя пары и обновляя старыя гнѣзда.

Съ приближеніемъ весны все оживленнѣе, шумнѣе и люднѣе становилось Чортово гнѣздо. Изъ Цицикара и Харбина почти ежедневно приходили транспорты съ товарами и припасами: за-контракованные китайцы-возчики спѣшили до наступленія распутицы доставить все подряженное Коровицкому, Либровичу и «казнѣ». Въ тепломъ, тихомъ воздухѣ стоялъ неумолчный скрипъ китайскихъ двуколесныхъ арбъ, глухое погромыхиваніе манзовскихъ бубенчиковъ, хлопанье бичей и понукательные крики:— «тха-тха!»

¹⁾ Нехорошая, вляя.

Работы съ каждымъ днемъ становились интенсивнѣе. Сотни русскихъ и китайцевъ расчищали на участкѣ Коровицкаго изъ-подъ мелкаго лѣса долину, по которой должна была пройти «петля» временной дороги.

Тамъ рубили и корчевали лѣсъ, тамъ кирками и лопатами равняли еще мерзлую землю, а тамъ отогрѣвали ее, раскладывая огромные костры.

Большая артель плотниковъ съ русскими пѣснями спѣшно рубила изъ лиственницы большой домъ для подрядчика, контору съ магазиномъ и амбаръ.

Рядомъ шли оживленные работы у Слоновскаго. Доставленные Пионтковскимъ изъ Забайкалья «семейскіе» долбили гранитныя щеки ущелья, пролагая по нимъ путь для «временки», а внизу «тальянцы» медленно, но упорно, долбили штольню за штольней, рвали скалы динамитомъ, а паровой насосъ выкачивалъ чистую, какъ слеза, воду, что сочилась сквозь поры гранита и наполняла штольни.

Наступилъ тихій и грустный весенній вечеръ. Послѣдніе лучи заходящаго солнца еще дрожали на коричневой листвѣ мелкаго дубняка, покрывающаго склоны впадины, гдѣ временно поселился Коровицкій. Въ это время между деревьями замелькала быстро шедшая фигура. Это былъ Степанъ Емельяновичъ Карповъ. Добравшись до гребня горы, онъ усѣлся на краю выдававшегося камня и закурилъ папирску.

Вскорѣ возлѣ него очутилась Груня, закутанная въ теплый платокъ.

— Вотъ и хорошо, что ты такъ скоро явилась сюда!—сказалъ ей Карповъ, усаживая ее за руки возлѣ себя.

— Мнѣ надо скорѣе домой возвращаться, а то хватятся,—тяжело дыша, говорила Груня.

— Ну, такъ сказывай, что такое случилось, что ты меня сюда вызвала!

— Ахъ, Степочка, тебѣ предстоитъ дѣло важное, и если ты его хорошо выполнишь, такъ, можетъ, на красной горкѣ и зарученье наше состоится.

— Какое дѣло? Сказывай толкомъ!—нетерпѣливо остановилъ ее Карповъ.

— Вчера послѣ обѣда папа съ мамой говорили о дѣлахъ. Сейчас послѣ Святой папа ѣдетъ въ Цицикаръ за покупкою «майцзы»¹⁾, овса, котораго нѣтъ въ «казнѣ». Папа взялся доставить въ казну пять тысячъ пудовъ по рублю, когда овесъ обойдется съ доставкою не дороже пятидесяти копеекъ. Кромѣ того, Аркадій Павловичъ отдалъ папѣ подрядъ на поставку мяса для семейскихъ. Вотъ

¹⁾ Китайская пшеница

папочка и думаетъ послать тебя въ Хайларъ за скотомъ. Онъ, можетъ быть, сегодня будетъ съ тобой говорить объ этомъ. Мама пробовала отговаривать его, чтобы тебя не посылалъ. Но онъ за тебя. Постарайся, мой голубокъ, оборудуй это дѣльце хорошо, тогда и мама тебя полюбитъ!

— На кой чортъ мнѣ ея любовь! — воскликнулъ съ досадою Карповъ.—Пусть только не мѣшаетъ нашей свадьбѣ.

— Вотъ о томъ же и я говорю! Я бесѣдовала съ папочкой; онъ ничего противъ нашей любви не имѣетъ, но не можетъ рѣшить дѣло безъ согласія мамочки. Обѣщаль поговорить съ нею.

— Когда же онъ съ нею переговоритъ?

— Не сказалъ точно, но онъ переговоритъ. Я такъ думаю, что когда ты съ покупкою скота дѣло хорошо обдѣлаешь, тогда онъ и убѣдитъ маму не противиться нашей свадьбѣ.

— Не безпокойся, я свое дѣло сдѣлаю, лишь бы прогоны хорошіе положили.

— Груня! Груня! гдѣ ты?—раздался внизу голосъ Кати.

— Ахъ, Господи, эта Катька такъ и бѣгаетъ слѣдомъ замною!—тревожно и съ досадою проговорила Груня.—Прощай! исполни же мою просьбу!

— До свиданія!—отвѣтилъ Карповъ.

Они крѣпко поцѣловались и пошли въ разныя стороны.

Быстро летѣло время. По календарю считалось восьмое апрѣля. Стоялъ канунъ Пасхи, но погода вдругъ закапризничала: повалилъ неожиданно мокрый снѣгъ, подулъ холодный вѣтеръ.

Въ поселкѣ Коровицкаго съ ранняго утра кипѣла работа.

Въ конторѣ толпились рабочіе, которымъ длиннородый Петръ Кузьмичъ вписывалъ въ заборныя книжки сумму заработка и то, что можно было взять на заработанныя деньги въ магазинѣ подрядчика.

— Тебѣ чево вписать-то? — тянулъ Петръ Кузьмичъ, беря книжку у одного рабочаго.

— Чево?—переспросилъ рабочій.—А сколько заработку за мною числится?

— Рублей тридцать слишкомъ.

— Ну, такъ приписывай: рубаху, шаровары, картузь. Теперя пиши провизію: десять фунтовъ свинины, фунтъ чаю, пять фунтовъ сахару, хлѣба полпуда и три бутылки вина.

— Сапогъ не надо ли?—снова тянетъ конторщикъ.

— Сапогъ? Нѣтъ, эти еще добрые! — отвѣчаетъ рабочій, оглядывая свои довольно прочные «деттевики».

— А тебѣ, паря, немного причитается заработку-то; все почитай позабиралъ въ магазинѣ,—говорилъ черезъ пять минутъ Петръ Кузьмичъ низкому, бѣдно одѣтому каменотесу.

— Уважь ради праздничка Христова, Кузьмичъ! — хриплымъ голосомъ заговорилъ рабочій:—вѣдь успѣю за лѣто все отработать.

— Ну, ваши-то заработки и отработки во гдѣ сидятъ-то! — улыбаясь, отвѣчалъ Петръ Кузьмичъ и ткнулъ перомъ себя въ загорбокъ.

— Вѣрно тебѣ сказываю: все до единой копеечки отработаемъ, а ты не осрами передъ людьми и пропиши всего, что требуется къ праздничку: и мяса, и одеженки, и винца!—настаивалъ каменотесъ.

— Ты меня не проси: мое дѣло не хозяйское, сходи къ хозяину и принеси отъ него записку, на сколько тебѣ можно отпустить изъ магазина кредиту.

Съ заборными книжками изъ конторы всѣ устремлялись въ лавочку, гдѣ толпилась густая, оживленная и шумная рабочая масса. Всѣ эти каменотесы, землекопы, пильщики, дровосѣйки, возчики, десятники, вся эта рабочая желѣзнодорожная рать собралась изъ разбросанныхъ на десятки верстъ станцій и полустанковъ, чтобы запасть къ великому празднику обновками, яствами и питіями. Кубинцевъ, Карповъ, Катя, Груня и сама Инна Гавриловна едва успѣвали удовлетворять требованія многочисленныхъ покупателей.

До глубокой ночи свѣтился огонекъ въ лавочкѣ Коровицкаго. Тамъ Иванъ Семеновичъ, стоя у конторки, провѣрялъ по книгамъ записи отпущенному товару и на счетахъ подводилъ итоги выручкѣ.

А въ это время надъ погруженнымъ во мракъ Чортовымъ гнѣздомъ высоко и далеко мигали звѣзды, эти вѣчныя лампы... Молчаніе суровыхъ горъ нарушалось тихимъ бѣніемъ жизни, которое чуялось въ легкомъ журчаньи тысячи ручейковъ, несшихъ воды съ горъ въ небольшую безыменную рѣчку, въ таинственныхъ звукахъ, своею загадочностью тревожащихъ воображеніе человѣка... «Великая ночь», ночь радости христіанъ, тамъ, на далекой родинѣ, при торжественномъ трезвонѣ колоколовъ, при мерцаньи тысячи разноцвѣтныхъ огоньковъ, при неумолчномъ шумѣ движущейся радостной толпы, заставляла усиленно биться сердце, и уста любовно шептали брату-ближнему: «Христосъ воскрес!» А здѣсь... въ дебряхъ Манчжуріи, гдѣ ни колоколовъ, ни храмовъ, ни поповъ... О! жутка была «великая ночь» среди мрачныхъ и угрюмыхъ горъ Манчжуріи!..

«Ужъ подлинно чортово гнѣздо тутъ!» — невольно подумалось Кубинцеву, когда онъ, затушивъ лампочку, ложился на свою жесткую постель...

Зато шумно и пьяно начался пасхальный день, хотя солнце скупо свѣтило на сырую землю.

Къ полудню въ домѣ Коровицкаго собралась веселая компанія: тутъ были все «свои люди», такъ какъ пиръ у начальника участка назначенъ былъ на завтра. На почетномъ мѣстѣ за сто-

ломъ сидѣлъ Либровичъ, рядомъ съ нимъ фельдшеръ Пробочкинъ, далѣе находились десятники Фатѣевъ и Лаврентьевъ, не считая подрядчика. Гости сидѣли за рюмками, курили и говорили весело и шумно.

— На «горѣ» у насъ говорятъ, что передъ праздниками вы знатно торговали,—сказалъ Либровичъ, весело поглядывая на Коровицкаго и думая, что доставляетъ хозяину большое удовольствіе.

— Ужъ и знатно!—подхватила, довольная въ душѣ, но притворно спокойная, Инна Гавриловна.—И есть же охотники считать чужой карманъ! Мы этимъ не занимаемся и не допытываемся, почему продавали бутылку водки «поповки»¹⁾ «на горѣ».

— Не допытываетесь, иначе знаете, что бутылочка ея шла по полтора рублика!—возразилъ ей Либровичъ.—Да, можно было бы хорошую денгу зашибить, если бы не циркуляръ Аркадія Павлыча!

Лицо Либровича сразу затуманилось при воспоминаніи о циркулярѣ начальника участка.

— Какой такой циркуляръ?—спросилъ у него Коровицкій.

Вмѣсто отвѣта Либровичъ вынулъ изъ объемистаго бумажника поль-листа сѣрой бумаги и положилъ его, развернувъ, передъ подрядчикомъ.

— Читайте, это и для васъ нужное,—сказалъ онъ, тяжело вздохнувъ.

Коровицкій, съ трудомъ разбирая неясную литографію, громко прочиталъ:

«Циркулярно.

«Всѣмъ торговцамъ N-скаго участка Китайско-Восточной желѣзной дороги».

«Объявляю всѣмъ торговцамъ, торгующимъ спиртными напитками на N-скомъ участкѣ, для свѣдѣнія и строгаго исполненія, чтобы торговля въ будничные дни продолжалась до 8-ми часовъ; продажа напитковъ людямъ пьянымъ строго воспрещается. Въ кредитъ напитки возбраняется отпускать. Если будетъ обнаружено, что кто-либо изъ торговцевъ беретъ подъ залогъ вещи или заключаетъ другія подобнаго характера сдѣлки, то это строго будетъ преслѣдоваться: за неисполненіе торговцами циркулярнаго предписанія виновные подвергаются въ первый разъ штрафу въ размѣрѣ 25 руб., второй разъ—100 руб., а въ третій разъ рус-

¹⁾ Водка, которую нѣкій Поповъ приготавливалъ въ Харбинѣ изъ китайской сули путемъ лучшей очистки. Эксплоатація этою «поповкою» была настолько нагла, что Попову начальство В.-К. ж. д. приказало оставить Харбинъ и предѣлы Манчжуріи. Такъ говорили всѣ въ Чортовомъ гнѣздѣ.

скіе торговцы въ недѣльный срокъ будутъ водворены въ предѣлы русскихъ владѣній, съ воспрещеніемъ вторично заниматься торговлею, а китайцы отправлены будутъ въ Цицикаръ въ распоряженіе китайскихъ властей».

«Инженеръ Горячовъ.

«Старшій счетоводъ Сутягинъ».

— Ну, и что вы скажете на этотъ циркуляръ?—спросилъ Либровичъ подрядчика, когда тотъ окончилъ чтеніе.

— Распоряженіе разумное,—отвѣтилъ Коровицкій.

— Нѣтъ, по-моему, это смерть намъ, торговцамъ!—закипятился Либровичъ.—Вы то сообразите, что рабочій свободенъ только вечеромъ, а торговля прекратиться должна въ 8 часовъ!

— Ну, въ праздникъ-то до 8-ми часовъ вечера, кто захочетъ, можетъ пропить и мѣсячный заработокъ!—вставила подрядчица, желая подразнить конкурента.

— То въ праздники! Ежели только праздниками жить, то съ голоду умрешь!—кинулъ ей взволнованный Либровичъ.

— Вотъ ужъ и умрешь! Тутъ съ голоду не умрешь!—замѣтилъ хозяинъ.

— Вамъ, конечно, такъ можно говорить: у васъ туточка нѣтъ конкурентовъ. Поторговали бы вы «на горѣ»—не то сказали бы!

— Кто жъ у васъ хлѣбъ перебываетъ?—спросила Инна Гавриловна, вся полная любопытства.

— Извѣстно кто—артельщики! Они, пользуясь кредитомъ, набираютъ изъ харбинскаго склада ликеровъ, коньяку, водокъ и доставляютъ сюда съ казенными грузами.

Либровичъ почти кричалъ отъ гнѣва.

— Вотъ ужъ вы въ гнѣвѣ напраслину взвели на артельщиковъ,—заступился Коровицкій, имѣя въ виду присутствующихъ гостей.

— Какую напраслину? Нѣтъ, вы такъ не говорите, ежели не знаете нашихъ дѣловъ!

Либровичъ нервно выхватилъ изъ бокового кармана свой бумажникъ, перебралъ въ немъ нѣсколько бумажекъ и развернулъ одну изъ нихъ.

— Это напраслина на артельщиковъ?!—торжествующе сказалъ онъ, подавая листокъ Коровицкому, который началъ читать:

«Циркулярно.

«Черезъ начальниковъ дистанцій N-скаго участка Китайско-Восточной желѣзной дороги.

«Объявляю всеѣмъ служащимъ N-скаго участка и артельщикамъ, что, несмотря на дѣлаемые мною распоряженія о воспрещеніи служащимъ, а артельщикамъ въ особенности, торговать спиртными напитками, нѣкоторые изъ нихъ все-таки продол-

жають торговлю и привозъ напитковъ съ казеннымъ грузомъ, а потому предлагаю въ двухдневный срокъ всѣмъ, у кого имѣются спиртные напитки, водку сдать въ казенный складъ или купцамъ, а вина и прочее кушамъ; при чемъ объявляю, что на будущее время, если только будетъ обнаружено, что кто-либо изъ служащихъ занимается запрещенною торговлею, то таковой немедленно будетъ мной уволенъ отъ службы съ объявленіемъ и воспрещеніемъ ему вторично поступать на Кит.-Вост. ж. д., товаръ будетъ конфискованъ, а артельщики будутъ отправляемы обратно въ артель. Настоящій циркуляръ прошу старшихъ агентовъ принять къ свѣдѣнію и слѣдить за точнымъ исполненіемъ».

— Да, циркуляръ сильный!—сказалъ Коровицкій, окончивъ чтеніе.

— И что вы думаете, изъ этого циркуляра выйдетъ толкъ?—саркастически улыбаясь, спросилъ Либровичъ.—Никакого послѣдствія не получится! Аркадій Павловичъ добрый человекъ, а кругомъ него жулья собралось много. Вы думаете, кто вызвалъ этотъ строгій циркуляръ?

— Не могу ни на кого подумать.

— И не думайте, потому что никогда не отгадаете! Его вызвалъ вѣрный человекъ Аркадія Павловича, его слуга преданный, артельщикъ Старогоновъ, Вадимъ Стратониковичъ, вотъ кто!

— Гуда злочестивый, серебрюлюбіемъ недугующій, змія адова, ядъ велій изъ языка своего на ближняго изливающая, почто и нынѣ, въ праздниковъ праздникъ, не престаеши отъ гнѣва своего на мя!—произнесъ незамѣтно для бесѣдовавшихъ вошедшій новый гость, плотный мужчина, съ огромной темно-русою бородою, съ тѣмъ благообразіемъ во всей фигурѣ, какимъ отличаются монастырскіе служки или начетчики.

Неожиданное восклицаніе смутило всѣхъ, а Либровичъ сразу умолкъ и сильно поблѣднѣлъ.

— Вотъ ужъ подлинно, Вадимъ Стратониковичъ, вы легки на поминѣ!—вывела всѣхъ изъ затрудненія подрядчица.—Пожалуйте, присаживайтесь да новости намъ расскажите!

Гость, не обращая вниманія на ея рѣчи, обвелъ пьяными глазами комнату, остановилъ ихъ на иконѣ, висѣвшей въ углу, истово трижды перекрестился на нее и потомъ поклонился на три стороны, приговаривая: «Христосъ воскрес!»

— Что сей еретикъ злоязычилъ про меня?—спросилъ онъ, усаживаясь за столъ, предварительно перехристосовавшись со всѣми.

— И почему я еретикъ? и почему я злоязычилъ?—произнесъ въ свое оправданіе Либровичъ, приходя въ себя отъ смущенія.

— Мы тутъ читали циркуляръ Аркадія Павловича насчетъ артельщиковъ, провозящихъ водку и вина съ казеннымъ гру-

зомъ...—началъ было Коровицкій, но Старогоновъ перебилъ его, замахавъ руками.

— Буде, довольно съ этимъ циркуляромъ! Нынѣ, въ день ликованія земли и неба, повинихся въ беззаконіи моемъ передъ господиномъ своимъ, зѣло плакахся передъ владыкою своимъ, и онъ простилъ меня...

— Ну, и что вы скажете, Александръ Александровичъ, какъ исполняются наши циркуляры!—ядовито замѣтилъ Либровичъ.

— А ты цыцъ, молчи, Иуда сребролюбецъ!—погрозился на него пальцемъ Старогоновъ.—Тебѣ все мало, ненасытная душа!

— Будетъ вамъ ссориться ради праздника!—успокоила его хозяйка.—Лучше выпьемъ за ваше здоровье да потолкуемъ о дѣлахъ.

Инна Гавриловна налила огромную рюмку водки и поставила ее передъ гостемъ.

Въ это время съ шумнымъ смѣхомъ ворвались въ комнату Катя, Груня и Костя.

— А, Вадимъ Стратониковичъ здѣсь!—радостно закричали они, увидѣвъ Старогонова.

— Христось воскресе, мои дитяточки, мои цыпляточки!—отвѣчалъ онъ имъ, цѣлуясь троекратно съ каждымъ:—все вы, мои дорогіе, растете да цвѣтете!

— А гдѣ жъ намъ писанки?—спросили они.

— Онъ писанокъ не привезъ изъ Харбина: у него голова водкою была налита!—отвѣтилъ злобно Либровичъ.

— Ахъ, ты псище лаляй!—воскликнулъ Старогоновъ.

— Ладно, писанокъ нѣтъ, такъ прочтите намъ стихи про адъ!—сказалъ Костя.—Господа! вы не знаете, вѣдь, стиховъ про адъ, такъ послушайте!—обратился онъ ко всѣмъ присутствующимъ.

— Ну-ка, ну-ка, что это за стихи адскіе?—подзадорилъ его и Лаврентьевъ:—не зналъ я, что вы, Вадимъ Стратониковичъ, и стихи мастеръ читать!

— И еще какой мастеръ, мое почтеніе!—похвалила хозяйка.

Всѣ замолчали, приготовясь слушать Старогонова, который молчалъ, опустивъ голову, точно что припоминая.

— «Вѣдомость изъ ада»,—произнесъ онъ, окидывая взглядомъ молчавшихъ слушателей.—«Съ того, значить, свѣта какъ пришла новая газета. Пришли, значить, отъ сатаны бѣсы, отъ его чести принесли новыя вѣсти, гдѣ будетъ грѣшнымъ тамо, во адѣ, сѣсти... Отъ Божія сотворенія денницы издревле приготовлены адовы темницы. Тамо грѣшныя вси человекѣ будучъ мучитися въ безконечны вѣки... Сатана, предвидя кончину сихъ дней, приказалъ аду наполниться огней, послалъ бѣсовъ размѣрить адскую глубину, гдѣ бы можно грѣшныхъ посадить за вину...»

— Тутъ появляются къ сатанѣ грѣшники. «Во-первыхъ, представились предъ него монахи-чернецы, которые были пьяницы и под-

лецы. Онъ, видя ихъ, усмѣхнулся, едва съ трона не свернулся. Онъ рекъ имъ велегласно: «Что будетъ вамъ здѣсь свѣтло и ясно? Зачѣмъ вы, святіи отцы, сюда зашли? Или въ царство небесное пути не нашли?» Тутъ бѣсъ подскокилъ безъ хвоста и сказалъ, что они не соблюдали поста. Сатана повелѣ съ нихъ мантии скинуть и во тьму кромѣшную навѣки вринуть.

«И еще пришли къ сатанѣ во адъ гордые купцы и бояре-господа. Тутъ проклятой бѣсъ самъ съ престола къ нимъ слѣзъ и кланяется весьма низко, потому что они пришли къ нему близко, привѣтствуетъ ихъ ласковыми словами, называетъ господами: «Честнѣйшіе господа! пожалуйте и вы къ намъ сюда! Я буду самъ васъ угощать—огнь горящъ и жупель возгнещать. Милостивіи мои государи! я и здѣсь велю про васъ ставить самовары...»

— Bravo! Ай да дьявольская любезность!—заговорили Костя и Ляпуновъ.

Долго еще сидѣли и бесѣдовали у Коровицкаго гости. Старогоновъ долженъ былъ подробно рассказать, какъ онъ вмѣсто инструмента, за которымъ его послали въ Харбинъ, привезъ водки, которая вся была заарестована.

Давно уже стояла глубокая ночь, а въ Чортовомъ гнѣздѣ не улегался праздникъ: то слышалась пьяная пѣсня, то хрипѣла утомленная за день гармоника, то раздавался громкій говоръ и смѣхъ молодежи. Но, наконецъ, все уснуло, утомленное праздничнымъ разгуломъ.

V.

Тревога.

«Въ 1900 году, во время боксерскаго движенія, работы по сооруженію дороги не только были приостановлены, но значительная часть подготовительныхъ работъ была китайцами разрушена и повреждена».

Тамъ же.

На четвертый день праздниковъ въ домѣ подрядчика Коровицкаго шли спѣшныя сборы въ дорогу.

Начальникъ участка поручилъ Александру Александровичу доставить изъ Цицикара нѣсколько тысячъ пудовъ майцзы. Кстати самому подрядчику надо было встрѣтить идущій изъ Никольска-Уссурийскаго транспортъ съ пожитками для строящагося новаго дома.

Въ семь часовъ утра Коровицкій, одѣтый въ шведскую куртку и высокіе сапоги, спѣшно пилъ чай. Тутъ же Инна Гавриловна

суетливо укладывала въ ручной сакъ разную мелочь: спички, папирасы, носовые платки.

— Папа, не забудь купить пороху и дробь, — просилъ отца Костя. — Теперь тутъ утокъ и другой дичи — гибель, а стрѣлять нечѣмъ.

— Запиши, пожалуйста, на бумажкѣ и брось записку въ сакъ, иначе забуду. А еще лучше, сбѣгай въ лавочку и попроси, чтобы Иванъ Семенычъ записалъ дробь и порохъ въ реестръ товаровъ, да поторопи его со спискомъ, такъ какъ мнѣ надо трогаться.

Черезъ полчаса у лавочки, на дорогѣ, стоялъ громоздкой, но крѣпкій тарантасъ, запряженный парюю темногнѣдыхъ, крѣпкихъ коней.

Еще черезъ полчаса Инна Гавриловна, Костя, Груня, Катя, Кубинцевъ, Карповъ и другіе служащіе провожали хозяина.

— Смотри жъ, Александръ Александрычъ, не трать даромъ времени въ Цицикарѣ, — наставляла Инна Гавриловна: — самъ знаешь, время теперь горячее, и здѣсь нуженъ твой глазъ.

— Ну, трогай! — приказалъ Коровицкій, кланяясь провожавшимъ, и тарантасъ весело покатилъ по подсыхающей дорогѣ.

Со второго дня Пасхи погода установилась солнечная, теплая. Таившая въ нѣдрахъ своихъ растительную силу земля быстро гнала изъ себя шелковистую травку, пестрые цвѣты, молодую листву на деревьяхъ.

Воздухъ оглашался немолчными криками летящей изъ своихъ зимнихъ квартиръ дикой птицы. По ясной лазури то тянулись треугольники журавлей, то неслись крикливыя стада гусей, то чернѣли тучею крыжни и чирки. На горахъ спокойно щипали молодую травку козули, между ними и въ долинахъ прыгали крохотные, темно-сѣрые манчжурскіе зайцы.

Костя совсѣмъ оставилъ скучныя книги; дѣвушки ушли въ хозяйственныя хлопоты, и Лянуновъ постепенно превратился въ надсмотрщика за постройкой дома.

Не радовала весна Карпова и Груню. Планъ ихъ разстроила Инна Гавриловна. Груня часто плакала и задумывалась во время работы. Она сама не знала, что ей дѣлать и какъ быть. Но случай перевернулъ верхъ дномъ всѣ ея думки, и дѣло ея пошло по новому, болѣе благоприятному руслу.

На пятый или четвертый день по отъѣздѣ Коровицкаго Груня сидѣла у окна съ работою: шила себѣ лѣтнюю блузку. Воспользовавшись тѣмъ, что въ домѣ никого не было, она дала волю своимъ грустнымъ думамъ, и слезы незамѣтно наворачивались на ея глазахъ, съ глазъ росинками текли по щекамъ и исчезали въ складкахъ матеріи. Дѣвушка казалась самой себѣ страшно одинокой и несчастной.

— Ты, язва тебя язви, нюни не разводи! — крикнула на нее Инна Гавриловна, входя въ комнату и замѣтивъ Груню съ сле-

зами на глазахъ. — У окна сѣла, чтобы людей разжалобить! Чего бы добраго выдумала, а она замужъ захотѣла! Я тебѣ, язва тебя язви, такого замужа пропишу, что ты недѣлю не сядешь!.. Совсѣмъ отъ рукъ отбилась въ этомъ Чортовомъ гнѣздѣ. Али забыла, какъ на Бикинѣ учила?

— На Бикинѣ вы тиранили меня, потому что я дура была и своихъ правъ не знала!—оборотясь къ Иннѣ Гавриловнѣ, твердо сказала Груня.

— Какъ?! Это кто жъ тебѣ такія рѣчи внушилъ? Не Карпуша ли твой? Ахъ ты, стерва этакая!.. Да я тебя на мѣстѣ тутъ уложу!..

Инна Гавриловна бросилась съ кулаками къ дѣвушкѣ.

— Не тронь меня! — закричала Груня не своимъ голосомъ и, сжавъ въ правой рукѣ ножницы, подняла ихъ противъ матери.— Только подойди ближе—и тебя и себя убью!—трясаясь отъ гнѣва и глотая слезы, нервно говорила она.

Инна Гавриловна отступила: такъ испугаль ее необычайно-гнѣвный видъ Груни.

— Ты ужъ давно мою кровь пьешь, вѣдьма лихая! — продолжала, сама не сознавая смысла рѣчей своихъ, дѣвушка:—ты мнѣ все тѣло искалѣчила, на тѣлѣ и головѣ у меня рубцы отъ твоихъ побоевъ!

— Ого, ты вотъ какая теперь стала, язва тебя язви! — безсильно прошептала Инна Гавриловна, опускаясь на табуретъ.

— Долго я терпѣла все, думала, что выйду за Карпова, избавлюсь отъ твоихъ мучительствъ, а ты не хочешь отпустить меня, тебѣ жаль разстаться съ своей жертвой!..

— Будь ты проклята, провались въ таръ-тарары съ своимъ Карповымъ, потаскуха дерзкая!—крикнула Инна Гавриловна.

— Сама подохни скорѣе, а я сегодня же, сейчасъ уйду отъ тебя!

Дѣвушка быстро ушла въ свою комнату и еще быстрѣе вышла изъ нея съ небольшимъ узелкомъ.

Инна Гавриловна точно сонъ передъ собою видѣла: она не вѣрила, что Груня уйдетъ. Дѣвушка ушла «на гору» къ десятнику Фатѣеву, сынъ котораго былъ ея крестникомъ.

Скоро всѣ узнали объ уходѣ Груни. Костя не удержался, чтобъ не сказать матери:

— Эхъ, мама, за что ты Груню обидѣла!

— Молчи, язва тебя язви! — крикнула на него мать.— Иди къ этой чертовкѣ и ты, если тебѣ ее жаль.

Однако въ дунѣ подрядчицы возникла тревога, что скажетъ Аркадій Павловичъ, если узнаетъ эту «исторію».

На другой день къ вечеру появилась новая неприятность, и въ поселкѣ Коровицкаго воцарилось уныніе.

Ляпуновъ, ѣздившій за почтою «на гору», вечеромъ сообщилъ:

— Подъѣзжаю къ канцеляріи и вижу огромную толпу рабочихъ, китайцевъ и охранниковъ. Вижу: два стражника окружили бойку инженера Слоновскаго. Смотрю я на него, а онъ весь забрызганъ кровью, одежда въ грязи, мѣстами разорвана, лѣвая скула сбита, руки скручены назадъ и связаны его же длинною косою. Спрашиваю, что такое случилось, и кто избилъ китайца.

— Какой дьяволъ его трогалъ! — отвѣчаетъ мнѣ Якимаха, десятникъ съ Бухату:—онъ самъ, этотъ косолапый чортъ, нашего кладовщика зарѣзалъ ночью въ субботу.

— Подъ Пасху? За что же онъ его?

— Кто жъ его знаетъ за что? Развѣ можно у этихъ азіатовъ толкомъ что-нибудь узнать!

— Да какъ же это случилось?

— Видите ли, дѣло такъ было. Мы съ покойникомъ въ одномъ домѣ жили: у него комната и кухня и у меня комната и кухня, а посерединѣ сѣнцы. Какъ разъ утромъ въ страстную пятницу отъ кладовщика ушелъ, расчелся бойка. Утромъ въ субботу явился вотъ этотъ дьяволъ. Просится переночевать, говоритъ, расчелся у инженера Слоновскаго и идетъ въ Хайларъ. Покойникъ и говоритъ: «Ночуй, ходя, у меня: вдвоемъ веселѣе спать будетъ!» Вечеромъ я съ товарищемъ напились чайку и пошли по своимъ угламъ спать... Проснулся я это утромъ, слушаю—тихо у сосѣда-кладовщика. «Чтой-то разоспался!» подумалъ я про себя и пошелъ по хозяйству. Прошло сколько тамъ время, а кладовщикъ все спитъ.

— Нонче долго ради праздника валяется въ кровати нашъ кладовщикъ!—смѣюсь я кучеру Ивану.

— И вѣрно, что прокладается!—отвѣчаетъ Иванъ. — Бойка, что ночевалъ, рано ушелъ отъ него. Подите, поднимайте его!

— Я пошелъ къ кладовщику. Гляжу, а онъ, братцы мои, лежитъ, покрытый съ головой одѣяломъ, а подъ кроватью лужа крови. Я крикъ поднялъ. Сбѣжались наши служащіе. Отдернули одѣяло и видимъ: лежитъ бѣдняга на боку, лицомъ къ стѣнѣ, а на головѣ, шеѣ, спинѣ—раны, всего десять ранъ! Сейчасъ рѣшили: никто, какъ бойка, убійца. Иванъ на лошадь, казакъ на другую и айда за нимъ въ погоню! Поѣхали въ разныя стороны и черезъ три часа нашли его въ юртѣ ороchonъ-охотниковъ въ семи верстахъ отъ Бухату.

— Грабить ничего не грабилъ. Говоритъ, убилъ такъ. Легли спать; вотъ бойкѣ снится, будто кладовщикъ хочетъ убить его. Вотъ бойка и думаетъ: «Лучше я его убью, чѣмъ онъ меня!» И убилъ топоромъ, что лежалъ на кухнѣ у кладовщика.

— Брехалъ все, проклятый манза! — воскликнулъ Кубинцевъ, выслушавъ рассказъ Ляпунова.—Они, подлецы, злы на русскихъ,

что хозяйничаютъ въ ихъ землѣ. То сообразили бы, хунхузы, что русскіе имъ денегъ уйму привезли, что многіе изъ нихъ богачами стали!

Прошло дня два. Вечеромъ, во время чая, появился Петинъ въ домѣ подрядчика и доложилъ хозяйкѣ:

— Боюсь, Инна Гавриловна, чтобы съ кучеромъ и Степаномъ не случилось чего въ лѣсу.

— А что такое?

— Да, видите ли, уѣхали они съ утра туда, чтобы для лошадей сѣна набрать изъ запасныхъ стоговъ; пора бы имъ давно и вернуться, а ихъ нѣтъ какъ нѣтъ!

— Почему жъ ты не послалъ верхового?

— И то правда—не смекнулъ.

— Лучше всего, возьми ружье и поѣзжай самъ!—предложилъ Костя.

— Ладно!

Спустя два часа, которые всѣ провели въ тревогѣ, появился снова Петинъ и донесъ, что по дорогѣ на рабочихъ напали манзы. Только благодаря желѣзнымъ виламъ, рабочіе счастливо отдѣлались, не то ихъ избили бы до смерти.

— Что это такъ расходились эти проклятые азіаты? — спросила хозяйка.

— Кто ихъ знаетъ,—отвѣчалъ Петинъ.

— Говорятъ, зачѣмъ русскіе трогаютъ наше добро,—замѣтилъ Ляпуновъ.

— Но, вѣдь, мы платимъ за все: за сѣно платимъ, за лѣсъ платимъ, чего жъ имъ еще надо?

Никто не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ, а манчжурская дѣйствительность съ каждымъ днемъ ставила русскимъ піонерамъ одну задачу за другою. Въ тотъ же вечеръ появился на порогѣ комнаты японецъ-поваръ и просилъ хозяйку:

— Ко мнѣ изъ Благовѣщенска пришелъ братъ мой. Позволь ему пожить въ кухнѣ.

— Что жъ онъ умѣетъ дѣлать? — спросила Инна Гавриловна, надѣясь эксплуатировать вновь прибывшаго.

— Онъ хочетъ завести прачечную, если здѣсь будетъ это выгодно.

— Пусть живетъ.

На другой день вечеромъ Карповъ уединился въ знакомый читателю лѣсокъ, близъ поселка Коровицкаго. Онъ утромъ получилъ отъ Груни «съ горы» письмо и теперь на свободѣ хотѣлъ почитать его. Прошло всего недѣли три-четыре со времени послѣдняго свиданія его съ Грунею, а мѣстность трудно было узнать: лѣсъ погустѣлъ отъ молодой листвы, а трава бархатнымъ ковромъ покрыла землю.

«Милый Степа!—писала Груня:—ежели попрежнему любишь меня, постарайся черезъ Костю собрать всѣ мои книги, платья и перешли мнѣ все сюда. Мнѣ скучно здѣсь одной, но я жду возвращенія папочки изъ Цицикара, тогда расскажу ему все... Аркадій Павловичъ и Татьяна Викторовна приняли во мнѣ большое участіе. Я имъ все про себя и тебя рассказала; они обѣщали уговорить папочку сыграть нашу свадьбу, не откладывая...

«Вѣдьма испугается Аркадія Павлыча и тогда... Хоть бы пріѣхалъ въ праздникъ повидаться: ужасно соскучилась. Т. Г. Р. S. Фатѣевъ получилъ изъ Благовѣщенска отъ знакомыхъ письмо. Пишутъ, что въ Айгунѣ-городѣ китайцы собираютъ огромныя войска, цѣлый день стрѣляютъ изъ ружей и пушекъ, по вечерамъ трубятъ въ свои длинныя трубы. Никто не знаетъ, съ кѣмъ они собираются воевать».

Влюбленному Карпову мало интересна была новость изъ Благовѣщенска: его интересовало свиданіе съ Груней, и онъ ломалъ голову надъ предлогомъ уѣхать въ Большое Чертово гнѣздо... Вдругъ онъ услышалъ чьи-то шаги. Быстро припалъ онъ къ травѣ и поползъ къ кусту за камнемъ... Подходилъ японецъ-поваръ и его братъ, японецъ-прачка. Карповъ, долго проживъ въ Корей, немного понималъ по-японски, ибо языки родственны... Японцы сѣли тамъ, гдѣ недавно сидѣлъ Карповъ, и горячо заговорили.

— Ты спрашиваешь, почему мы отдаемъ войну съ русскими, натравливая косоглазыхъ зайцевъ ¹⁾ на рыжихъ чертей? ²⁾—спросилъ поваръ прачку.

— Да, потому что не вижу ясно цѣли этого натравливанія,—отвѣтилъ гость.

— Пойми, что намъ не слѣдуетъ рисковать, не слѣдуетъ, очертя голову, бросаться въ войну съ русскими. Во-первыхъ, намъ необходимо испробовать, какъ быстро смогутъ русскіе перебросить свои войска сюда. Во-вторыхъ, прикинувшись во время боксерскаго движенія друзьями европейцевъ, мы неотступно будемъ держаться въ походѣ русскихъ, чтобы на практикѣ изучить силу ихъ оружія, родъ войска, команду и прочее, что будетъ пригодно впослѣдствіи, когда мы начнемъ войну съ Россіей...

— Все это прекрасно, но при чемъ тутъ китайцы и другіе рыжіе дьяволы?—спросилъ гость.

— Поднять китайцевъ противъ однихъ русскихъ нельзя: китайцы большіе друзья русскимъ. Ихъ можно поднять противъ всѣхъ европейцевъ, а потомъ натравимъ и на русскихъ.

— Къ чему жъ послужить эта ссора?

¹⁾ Презрительное, бранное для китайца прозвище.

²⁾ Такое же прозвище для европейцевъ.

— Мы обезпечимъ такимъ путемъ полный нейтралитетъ Китая въ будущей войнѣ съ русскими. Европейцы укротятъ Китай, обернутъ его: тогда ужъ онъ поневолѣ будетъ сидѣть мирно, когда война съ русскими подниметъ всю Японію... Иначе Китай помѣшаетъ намъ: онъ помнитъ нашу войну съ нимъ!

— О, это другое дѣло!—радостно воскликнулъ японецъ-прачка.— Значить, косоглазые зайцы—пробный камень.

— Именно. Скажи же, что тамъ, у нихъ дѣлается?

— Движеніе боксеровъ готово. Скоро начнется. У Благовѣщенска собралось достаточно силы...

— И здѣсь почва подготовлена: часто китайцы нападаютъ на русскихъ, часто происходятъ убійства.

— Въ такомъ случаѣ намъ нечего здѣсь дѣлать, уйдемъ къ болѣе важнымъ событіямъ.

— Ты уходи сегодня «на гору» и тамъ жди меня: я подожду хозяина, получу деньги и тогда уйдемъ.

Карповъ долго не могъ очнуться отъ рѣчей японцевъ, ушедшихъ по направленію къ дому Коровицкаго. Онъ зналъ теперь все, что ожидало въ недалекомъ будущемъ русскихъ піонеровъ въ Манчжуріи, видѣлъ опасность, но сознавалъ свое безсиліе помочь.

«Скажи имъ все такъ, какъ я слыхалъ тутъ, не повѣрятъ, за сумасшедшаго сочтутъ!—подумалъ онъ направляясь въ лавочку.— Опять же эти японцы: кто они такіе? Одинъ служитъ поваромъ, другой сказался прачкою и даве впрямь бѣлье стиралъ въ кухнѣ, но почему же они о войнѣ говорятъ? Ужъ не шпіоны ли они какіе?»

Но всѣ вопросы оставались безъ отвѣта. Пока Карповъ рѣшилъ одно: не говоря никому ни слова, слѣдить за поваромъ-япошкой, купить у сосѣда-грузина добраго коня съ повозкою и хорошенько почистить свой «маузеръ».

Прошла недѣля. Приказчики и хозяйка съ дѣтьми сидѣли за обѣдомъ.

— Инна Гавриловна, Костя!—закричалъ у окна Петинъ:—баринъ ѣдутъ!

Всѣ бросились къ окну и стали глядѣть на дорогу, по которой мчался знакомый тарантасъ.

— Ну, слава Богу, наконецъ-то тебя дождались!—упрекнула хозяйка мужа:—и чего ты такъ долго тамъ валандался?

— Моли Бога, что цѣль вернулся,—отвѣчалъ тихимъ голосомъ, цѣлуясь съ нею и дѣтьми, Коровицкій, осунувшійся и утомленный, точно перенесшій тяжкую болѣзнь.

— А что, болѣлъ, что ли?—съ тревогою спросила Инна Гавриловна.

— Нѣтъ, не болѣлъ, но пережилъ много страху. Въ Цицикарѣ китайская толпа, въ родѣ нашихъ золоторотцевъ, бунтъ подняла. Хотѣли бить и грабить всѣхъ иностранныхъ купцовъ. Я спасся

благодаря знакомому китайцу, который меня ночью отправилъ въ Фулярди. Ждалъ тамъ, думалъ, буря утихнетъ, и тогда куплю, что нужно; но такъ и не дождался: чѣмъ дальше, тѣмъ хуже становится.

— Что жъ это за наказаніе Божіе!—завопила подрядчица:—и тутъ проклятые манзы то дерутся съ русскими, то убиваютъ!

Во время вечерняго чая къ хозяину явился японецъ-поваръ.

— Хозяинъ,—сказалъ онъ:—я больше служить не могу: получилъ письмо, домой надо ѣхать.

— Что жъ тамъ случилось?—спросилъ хозяинъ.

— Правительство требуетъ на службу военную явиться.

— Развѣ ты служилъ солдатомъ?

— А какъ же, конечно, служилъ.

— Зачѣмъ же теперь тебя требуютъ, война будетъ съ кѣмъ, что ли?

— Ничего не знаю, но ѣхать надо мнѣ завтра.

На другой день рано утромъ съ подводами китайцевъ японецъ-поваръ и японецъ-прачка направились въ Цицикаръ.

Въ концѣ мая получено было извѣстіе, что имущество Коровицкаго идетъ на баржѣ по Сунгари въ Харбинъ.

— Вы бы, Александръ Александрычъ,—говорилъ хозяину Карповъ:—не сѣшьте посылать подводы въ Харбинъ. Когда-то еще прибудетъ ваше имущество, а здѣсь, того и гляди, манзы бунтъ противъ русскихъ поднимутъ, уходить, пожалуй, придется, такъ лошади пригодятся...

Карповъ уже давно приобрѣлъ повозку и коня у сосѣда-грузина и держалъ ихъ у Фатѣева «на горѣ», гдѣ продолжала жить Груня.

Дѣло послѣдней все разбиралось, потому что слабый Коровицкій все не рѣшался сказать послѣднее слово...

Между тѣмъ грозная туча боксерскаго движенія ширилась и захватывала Манчжурію.

Въ іюнѣ начальникъ участка Горячовъ получилъ изъ Харбина телеграфное предписаніе немедленно отправить людей, дѣла и все цѣнное, что возможно вывезти, въ Хайларъ, потому что въ Китаѣ и Манчжуріи поднялось возстаніе противъ европейцевъ.

Эта вѣсть, какъ громъ, поразила все населеніе Чортова гнѣзда.

Въ поселкѣ подрядчика цѣлый день и ночь слышались брань и крики Инны Гавриловны. Въ суматохѣ она собирала мелочи, менѣе цѣнное, забывая о крупномъ.

Пятнадцать подводъ не вмѣстили и четвертой части товаровъ, пожитковъ и запасовъ, хранившихся у подрядчика.

Карповъ, вызвавъ на помощь Груню, съ которой соединиться ему уже никто не мѣшалъ (не до того теньеръ было!), грузилъ свою телѣгу всякимъ добромъ.

Распрощавшись съ Коровицкимъ, онъ отправился въ Староцурухайтуй.

— Слава Тебѣ, Господи!—радно перекрестился онъ, когда выбрался изъ ущелья и минулъ «гору»:—теперь мы, Груня, съ тобою вольныя птицы! Не бойся, заживемъ на славу!

Онъ былъ доволенъ, что везъ невѣсту и приданое: при разставаньи онъ получилъ отъ Коровицкаго двѣ тысячи деньгами, да набралъ товаромъ на тысячу.

Онъ мечталъ о «своемъ дѣлѣ», о своей собственной лавочкѣ.

На другой день по отъѣздѣ Карпова собрались въ дорогу и Коровицкіе.

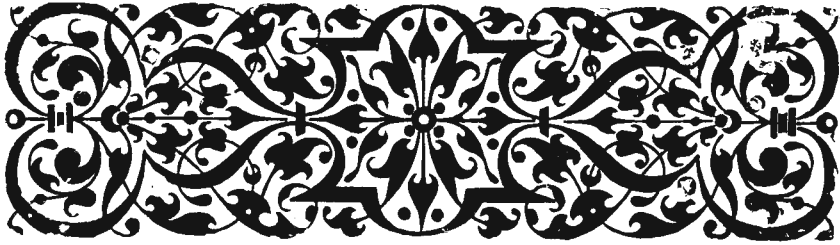
Двинулся цѣлый транспортъ. Къ подводамъ Коровицкаго присоединились подводы сосѣда-грузина, порядившагося везти служащихъ и ихъ скарбъ, которымъ не хватило мѣста на подводахъ подрядчика.

Кубинцевъ, Лапуновъ и Костя, вооруженные ружьями, шли около подводъ, оживленно переговариваясь съ хозяевами, сидѣвшими на передней подводѣ.

Едва только Коровицкіе оставили насиженное мѣсто въ Чортовомъ гнѣздѣ, какъ скрывавшаяся въ сосѣдномъ лѣсу толпа китайцевъ бросилась грабить лавочку и домъ. Черезъ часъ клубы густого дыма покрыли поселокъ подрядчика, и къ вечеру жадное пламя превратило въ смрадную тлѣющую кучу плоды столькихъ человѣческихъ заботъ, хлопотъ, чаяній и трудовъ!..

С. Н. Браиловскій.

ИНТЕРЕСНЫЙ СЕКТАНТЪ.

I.

ВЪ НАЧАЛѢ семидесятыхъ годовъ издававшійся мною журналъ «Всемирный Трудъ» былъ запрещенъ по высочайшему повелѣнiю за вредное направленiе, а я преданъ суду, впрочемъ, оправдавшему меня. Тогдашнiй начальникъ по дѣламъ печати, Лонгиновъ, призвалъ къ себѣ редактора «Петербургскаго Листка», у котораго я велъ отдѣлъ «Журналистики», и объявилъ со свойственною ему безцеремонностью, что если С. С. Окрейцъ (Номо Новус), даже и подъ инымъ какимъ-либо псевдонимомъ будетъ участвовать въ изданiи, его «Петербургскому Листку» не избѣжать неприяностей. Изданная мною книга «Отъ Петербурга до Двины» была уничтожена... Что оставалось дѣлать?

Ничего иного не оставалось, какъ уѣхать изъ Петербурга въ глушь Вѣлоруссiи и попытаться тамъ, какъ послѣднее прибѣжище, сохранить за собою остатки десятинъ отцовскаго наслѣдiя. Нѣкогда обширное имѣнiе къ этому времени сократилось до того, что границы моихъ владѣнiй я безъ затрудненiя могъ обозрѣвать изъ окна моего дома. Усадьба оказалась въ полномъ запустѣнiи. Во многихъ комнатахъ въ домѣ не было ни половъ, ни оконныхъ рамъ. Становой, арендовавшiй отъ опеки домъ подъ станъ-квартиру, пожегъ полы и рамы зимою, благоразумно соблюдая экононiю въ дровахъ. Службы стояли безъ крышъ, въ развалинахъ; на скотномъ дворѣ не было скота, а въ конюшнѣ лошадей. Пахотныя и сѣнокосныя земли оказались въ арендѣ у нѣко-

его Лейбочки. Приходилось жить бобылемъ въ полномъ уединеніи, тѣмъ болѣе, что и сосѣдей вблизи не было. Изъ прежнихъ знакомыхъ—которые умерли или уѣхали за Уралъ, а которые попросту, побросавъ родныя гнѣзда, сбѣжали, ища, гдѣ оскорбленому есть чувству уголокъ...

Подобно кошмару тяготѣлъ надъ краемъ кауфмановскій обрусительный, правильнѣе—разрушительный, режимъ ¹⁾. Стремительныя взысканія 10% контрибуціи (налога) съ лицъ польскаго происхожденія, всевластіе полиціи, жандармскіе посты, наблюдавшіе за усадьбами, за тѣмъ, куда кто поѣхалъ, съ кѣмъ знакомъ, дѣлали жизнь до крайности тяжелою. Обиліе дичи навело было меня на мысль охотиться, но и это оказалось невозможнымъ: огнестрѣльное и даже холодное оружіе католикамъ имѣть запрещалось. Прислуга изъ крестьянъ, правда, могла имѣть ружья; но въ нѣсколькихъ верстахъ отъ усадьбы, въ поселкѣ, былъ жандармскій постъ: два солдата и унтеръ. Выстрѣлы непременно обратили бы ихъ вниманіе; началось бы дознаніе: кто стрѣлялъ? Имѣлъ ли разрѣшеніе? Не передалъ ли ружье поляку (т. е. католику)? и т. д.

Исправникъ, человекъ пьяный, но добрый поповичъ, похлопавъ меня дружески по плечу, сказалъ:

— Я, пожалуй, дамъ вамъ разрѣшеніе имѣть ружье... Ну, тамъ на обиліе волковъ, что ли, сошлемся. Только совѣтую, какъ другъ, не стрѣляйте. Жандармы все равно привяжутся...

II.

Книги, привезенныя изъ Петербурга, были многожды разъ прочитаны, писать не хотѣлось. Солнце свѣтило ярко, погода стояла постоянно хорошая, и я пристрастился къ далекимъ прогулкамъ. Села мѣстныхъ бѣлоруссовъ не представляли для меня интереса; крестьяне въ нихъ малоразвитые, бѣдные, находились въ безысходной денежной кабалѣ у такихъ же нищихъ, какъ они сами, евреевъ ближайшихъ мѣстечекъ. Все, что выросло на полѣ, или рождалось въ хлѣвахъ у крестьянина, находилось подъ учетомъ еврея-кредитора. Продать кому-либо на сторону хлѣбъ или лишній скотъ хозяинъ-крестьянинъ если не юридически, то фактически не имѣлъ права. Кредиторъ-еврей бралъ самъ всякій товаръ, самъ устанавливая забираемымъ продуктамъ цѣну. Счеты велъ онъ же, нещадно эксплуатируя своихъ неграмотныхъ должниковъ. Но и мѣстечковые евреи, разоряя такимъ образомъ крестьянъ, сами не обогатились: за спиною ихъ стояли богатые городскіе евреи, снабжавшіе ихъ деньгами и выжимавшіе ихъ какъ

¹⁾ Послѣ Муравьева генералъ-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края былъ К. П. Кауфмана. Жить было не легко.

губку... Прибавьте къ этому хроническое мужицкое пьянство, лѣнь и скверную обработку надѣловъ, плутовство писарей и старшинъ съ одной стороны и полное ничегонедѣланіе навозныхъ ¹⁾ посредниковъ (пріѣхавшихъ изъ Россіи), незнакомыхъ ни съ хозяйствомъ, ни съ краемъ, съ другой стороны, и вы поймете, какой хаосъ царилъ въ бѣлорусскихъ деревняхъ и какую болѣзненную грусть навѣвала жизнь темныхъ деревень, населенныхъ якобы освобожденнымъ народомъ... Онъ не былъ освобожденъ потому, что свобода прежде всего обуславливается достаткомъ, а онъ былъ нищъ.

Но рядомъ съ бѣлорусскими деревнями, вкрапленные между ними, лежали поселки старовѣровъ, и жизнь въ нихъ текла и была устроена совсѣмъ иначе. Старовѣры, безпоповцы разныхъ толковъ, поселились въ Западномъ краѣ очень давно, но въ теченіе сотенъ лѣтъ не слились съ мѣстнымъ населеніемъ, сохранили неприкосновенными языкъ и обычаи Великой Россіи. Обѣ стороны, бѣлоруссы и старовѣры, не брачились и не сближались. Почти поголовно грамотные и бойкіе, старовѣры, презрительно смотрѣли сверху внизъ на халуеватыхъ бѣлоруссовъ. Даже религіозной пропаганды между ними не вели.

— Да что съ ними, мужичьемъ, о вѣрѣ толковать,—говорили старовѣрческіе начетчики.—Развѣ поймутъ... А баба у нихъ и вовсе глупая. Иная корова въ хлѣву, пожалуй, осмысленнѣе живетъ.

Со своей стороны, мужики боялись и не любили «русскихъ», какъ они называли старовѣровъ. Попы, опасаясь распространенія раскола, поддерживали это отчужденіе. Полиція не вмѣшивалась въ семейную распрю. Для приставовъ и исправниковъ было совершенно все равно, какъ тамъ живутъ въ селахъ люди. Попался кто, въ кутузку его, акто попался—халуй бѣлоруссъ, или старовѣръ, не все ли равно? Въ конокрадствѣ старовѣры попадались чаще крестьянъ. Появленіе бойкаго старовѣра, въ косовороткѣ и большихъ сапогахъ, на дворѣ помѣщицѣй усадьбы, всегда возбуждало опасенія за цѣлость лошадей. Попавшагося бродившимъ около ночлега пасшихся крестьянскихъ лошадей «русскаго» мужики нещадно били... Грабежей со взломомъ тоже немало лежало на старовѣрской совѣсти. Но слѣдовало брать во вниманіе и то, что населенію старовѣрскихъ поселковъ жить было не легко. Собственной земли у нихъ почти не было; сидѣли они на долгосрочныхъ арендахъ и хотя хозяйничали лучше бѣлоруссовъ, отличались трудолюбіемъ и трезвостью, не допускали у себя хозяйничать евреевъ,— все же послѣ 1863 году, когда они такъ энергично стали на сторону правительства, положеніе ихъ не улучшилось, а ухудшилось.

¹⁾ Навозныхъ отъ словъ: навезенныхъ, вызванныхъ изъ центральныхъ губерній.

Изданъ былъ, по чиновничьему обыкновенію, необдуманнѣй циркуляръ, по которому землевладѣлецъ, на землѣ котораго сидѣли старовѣры, когда кончался срокъ аренды, не только не могъ отказать старовѣру (русскому) въ пользованіи землею, но даже не имѣлъ права повысить арендную плату. Съ этой минуты несчастные «русскіе» нигдѣ, ни за какую цѣну, не могли уже найти новыхъ арендъ, а на старыхъ имъ давно уже было и голодно и тѣсно.

Таковъ, впрочемъ, всегда бываетъ результатъ вмѣшательства власти въ разрѣшеніе экономическихъ вопросовъ.

III.

Къ концу лѣта я былъ уже свой человѣкъ въ большомъ старовѣрскомъ поселкѣ, лежавшемъ верстахъ въ семи отъ моей усадьбы. Съ большой палкою отъ собакъ я уходилъ пыльнымъ проселкомъ и прямикомъ лугами въ поселокъ и проводилъ тамъ цѣлые дни, а иногда и ночевалъ. Простая рабочая крестьянская жизнь вліяла на меня освѣжительно; бесѣда съ практическими людьми, изъ которыхъ многіе не разъ исколесили всю Россію, видали и Кавказъ и Одессу, занимала меня. Туповатый и скрытный бѣлорусъ или отмалчивается, или пытается обмануть изслѣдователя; онъ совершенная противоположность съ откровеннымъ и смышленнымъ сектантомъ-великоруссомъ.

Не мало притѣсненій и неправдъ видѣли эти люди, поживая въ разныхъ углахъ Россіи, и однакоже не перестали любить свое, русское; не перестали быть русскими до послѣдняго склада своей мысли, до послѣдней складки на своей одеждѣ.

Старовѣрская женщина умна, энергична и свободна. Дѣвки и бабы хорошія грамотницы. Рабскаго подчиненія мужу, столь обычнаго у православныхъ, у старовѣрокъ и въ поминѣ нѣтъ. Дѣвки даже очень свободно ведутъ себя, но опять же не голый развратъ положенъ въ основу свободныхъ отношеній, а сектантское, почти полное отрицаніе церковнаго брака.

— А праотца Адама на Евѣ кто вѣнчалъ?—спрашивалъ меня иронически старый начетчикъ Карпъ Кирилловъ, когда я указывалъ ему на то, что ихъ молодежь свободно сходитъ и живетъ. По-твоему, попа тутъ надо, чтобы крѣпче было, а по-моему—попу тутъ дѣлать нечего. Въ Канѣ Галилейскомъ Христосъ былъ гостемъ и только. Вѣнчалъ онъ, что ли, молодыхъ въ Канѣ-то Галилейскомъ? То-то же!

— На вашу молодежь еще падаетъ другой упрекъ,—политично перевожу я разговоръ съ слишкомъ ужъ щекотливой религіозной темы.—Сказываютъ: крѣпко уведомъ лошадей ваши занимаютъ.

Сѣдобородый старый Карпъ, съ лицомъ крѣпкимъ, какъ яблоко, съ умными маленькими сѣрыми глазами, окруженными множествомъ мелкихъ морщинъ, нѣсколько минутъ не отвѣчаетъ и копаегъ песокъ концомъ кнута.

— Точно, уводить лошадей нехорошо: мужика разорить этимъ можно.

— Однакоже вы, старики, терпите конокрадовъ. Вотъ хотя бы Васька: на сто верстъ извѣстный конокрадъ; четыре раза въ острогѣ сидѣлъ.

— Въ узилицѣ агарянскомъ.

— Въ какомъ бы ни было узилицѣ, однако сидѣлъ за дѣло. Почему не запретите, или не отлучите его отъ общества?

— Эхъ! — воскликнулъ Карпъ и поднялъ на меня глаза. — А что ему дѣлать, Васькѣ этому самому!

— Какъ что дѣлать?

— А такъ же? Трое дѣтей у его, отецъ обезножившій старецъ, ни кола ни двора. Земли ни клочка. И за ту, что подъ избой, плати аренду. Нищій. Плотничаетъ малость, а больше чужими лошадьми занимается. Какъ быть? Кормить семью и самому питаться надо,—грѣхъ беретъ на душу. Грѣхъ Господь проститъ. Не легко ему жить: два ребра сломаны, нога попорчена—мужики били. Часто не ѣвши ходитъ. А ты говоришь: отлучить отъ общества, прогнать... Исправимъ, что ли, его этимъ?

— А заповѣдь: не укради. Запоматовали вы о ней?

— Да не онъ же крадетъ, а нужда крадетъ. Пойми ты: нужда крадетъ. Діаволы на погибель людямъ пустилъ по свѣту лиходѣйку—нужду ходить и учить грѣху; съ нею надо бороться. Ни узилица, ни ссылки, ни тѣмъ паче поповскія проповѣди не исправятъ грѣшника, пока будетъ онъ знаться съ нуждою—діаволицей. Такъ, что ли, петербургскій баринъ? По-нашему, такъ. Побогатѣетъ народъ—воровъ и убудетъ.

— Значитъ, ты, Карпъ Кирилловичъ, полагаешь, что однимъ экономическимъ путемъ лишь возможно уменьшить число преступленій?

— Не иначе. И сытая кошка не тронетъ крынки съ молокомъ.

Теплый лѣтній вечеръ. Блѣднѣютъ яркія краски дня. Даль заволакивается, точно дымкою, сухимъ туманомъ. Солнце уже сѣло за лѣсъ, но еще свѣтло.

Гдѣ-то вдали играетъ рожокъ выѣхавшихъ въ ночное съ лошадьми. Перелаиваютъ собаки. На дорогѣ еще не улеглась пыль отъ только что пришедшаго съ поля стада. Бабы суетятся загонять въ хлѣва и доить коровъ. Пришелъ съ мокрою сѣтью рыбакъ Маркель и зоветъ меня на уху. На темнѣющемъ небѣ робко проглядываютъ звѣзды. Одинъ за другимъ верхами на изморенныхъ лошаденкахъ ѣдутъ запоздалые пахотники съ поля. Хорошо

и покойно на душѣ. Петербургъ и его суета кажутся очень далекими почти не существующими.

Сижу я на завалинкѣ съ стариками, и мирно мы бесѣдуемъ о событіяхъ къ намъ близкихъ: говоримъ про станowego, который безъ пути и крѣпко дерется; о посредникѣ, присланномъ изъ губерніи, пустомъ и пьяномъ челоѣкѣ. Точно песь, онъ на дѣвокъ бросается. Попу тоже достается...

— Мы его паствы не трогаемъ,—говоритъ одинъ старикъ.—Никого въ расколъ не соблазняемъ. Пошто онъ вяжется? Доносъ за доносомъ. Вотъ Карпа требовали къ отвѣту: какъ ты, спрашивали, вѣру новую заводишь? Женщину отъ діавола производишь? А Карпъ нашъ не глупый. Видитъ, что все равно мыслей его не уразумѣютъ, сказалъ имъ въ отвѣтъ:

— Никакой я новой вѣры не завожу. Вѣра Христова отвѣчная. Мнѣ же восемьдесятъ лѣтъ давно минуло. Каки тутъ новшества заводитъ! А что попу пишетъ, такъ это пустяки. Онъ во святыхъ книги глядитъ, а по слѣпотѣ своей фигу видитъ, а я, можетъ, что и вижу. А что вижу, про себя соблюдаю... Продержали Карпа въ губерніи въ узилищѣ съ мѣсяць, взяли подписку: ереси не распространять и отпустили домой. Что со старика взять? Становой, правда, похвалялся, что онъ бы Карпа выпоролъ... Это старца-то восьмидесятилѣтняго! тьфу!

И старикъ плюнулъ съ омерзѣніемъ.

Дѣлаю кстати попутное замѣчаніе.

— Слыхалъ я, будто Карпъ Кирилловъ женщину отъ діавола производитъ. Правда ли?

Задавъ такой вопросъ, смотрю на моихъ собесѣдниковъ. Не торопятся отвѣчать. Слышится только чей-то возгласъ:

— Мечтанія. Заумствовался старикъ.

— А ты, баринъ, иди самъ, побесѣдуй съ нимъ. Лучше поймешь, чѣмъ мы, простецы.

И я встаю и иду въ избу къ Карпу Кириллову побесѣдовать о его возрѣніи на происхожденіе женщины отъ діавола. Онъ давно уже обѣщалъ мнѣ раскрыть сію великую тайну. На порогѣ избы меня встрѣчаетъ его внучка, пятнадцатилѣтняя шустрая дѣвочка Малаша. Бѣленькая, тоненькая, изъ-подъ грубой рубашки, отъ быстрого бѣга, у нея бурно подымается молодая, крѣпкая грудь. Въ сумеркахъ личико дѣвушки кажется блѣднымъ, почти идеальнымъ, глазенки блестятъ, а толстыя бѣлокурыя косы спадаютъ далеко ниже поясицы. Неужто и она происходитъ отъ діавола? думаю я и усмѣхаюсь.

— Къ дѣдушкѣ идете?—спрашиваетъ Малаша, притворясь застыдившеюся и отклоняясь въ уголь.

— Не къ тебѣ же, сорока-попрыгунья. Что мнѣ съ тобой говорить?

— А хотя бы шелъ и ко мнѣ. Дурного не увидишь. А дѣдушка васъ уже спрашивалъ.

Вхожу въ избу. Карпъ сидитъ подъ божницею и перелистываетъ старинную книгу. Сальный огарокъ тускло освѣщаетъ обширную свѣтелку, чисто выметенную, съ лавками вдоль оконъ, большою печью въ углу и низкимъ, нависшимъ потолкомъ. Царить тишина. Только шурчитъ бумага перекладываемыхъ страницъ книги, да по временамъ въ углахъ отзываются сверчки. Въ маленькія окна смотритъ уже тьма тихой лѣтней ночи. Въ этомъ старцѣ, сидящемъ въ раздумьи надъ книгою, что-то внушительное. Сажусь на скамью и ожидаю, пока заговоритъ и откроетъ мнѣ, по общанію, великую тайну.

Ученіе сектанта Карпа Кириллова, которое здѣсь попытаюсь передать, какъ любопытное «заумствованіе» простого религіознаго человѣка, я слышалъ отъ него въ цѣломъ рядѣ бесѣдъ. Но изложу его въ одномъ связномъ разказѣ. Въ такомъ видѣ оно будетъ цѣльнѣе и понятнѣе.

IV.

Карпъ Кирилловъ говорилъ:

Въ писаніи сказано: Господь величайшаго изъ ангеловъ, сатану, проклялъ и изгналъ за гордыню. Въ чемъ же выразилась эта гордыня? Не словомъ же дерзкимъ оскорбилъ Всемогущаго сатана. Захотѣлъ онъ быть ему равнымъ. Дѣлами восхотѣлъ съ Господомъ сравняться. Въ библии многое недосказано, многое искажено, Доходить до истиннаго смысла надо, а добавки позднѣйшія къ преданію, какъ ложное, слѣдуетъ отметить. Такъ, св. преданіе говоритъ: Господь, какъ вѣнецъ творенія, создалъ человѣка, Адама, по образу и подобию своему. Далѣе: нашелъ, что не добро человѣку быть одному... Изъ ребра его создалъ ему помощницу-жену, Еву.

Какъ это понимать? У человѣка съ обѣихъ боковъ одинаковое число реберъ. Значитъ, Господь не вынималъ ребра и не создавалъ изъ него Еву. Не могъ также Всевѣдущій Богъ, создавъ сперва человѣка, потомъ догадаться, что не добро быти человѣку одному, и создать Еву, т. е. испортить свое дѣло, такъ какъ отъ Евы пошелъ грѣхъ. Господь, создавая Адама, напередъ долженъ былъ знать, что Ева соблазнитъ его, и Онъ не могъ ее создать. Ева не Богомъ создана...

Кто же создалъ Еву?

Діаволь создалъ первую жену, желая въ творчествѣ сравняться съ Господомъ. Въ этомъ выразилась его гордыня, и за это онъ и проклятъ.

Разберемъ качества мужчины и женщины. Какъ будто похожи и совѣтъ они непохожи: вмѣсто мужественной красоты, силы, глубокаго ума, характера и сердца, исполненнаго мощи, у женщины прельстительная, сладострастіе будящая красота, умъ мятущійся, неглубокій, непостоянный, характеръ слабый, сердце сильнѣ воли и часто сильнѣе разсудка. Таковъ былъ, мнится мнѣ, по качествамъ и онъ, великій, мятежный духъ, прельстительный, гордый, заносчивый, неуравновѣшенный.

Адаму запрещено было Богомъ прикасаться къ Евѣ—созданію врага Божія. Онъ прельстился, не послушалъ и впалъ въ грѣхъ.

Возвратимся теперь снова къ сказанію библии.

Послѣ грѣха Адамъ и Ева застыдились...

Блудодѣяніе родило стыдъ и поднесъ тоже всегда блудъ рождаетъ стыдъ. Если допустимъ, что Адама и Еву создалъ Господь, то онъ, Всевѣдущій, напередъ вѣдь зналъ, что Ева соблазнитъ, и Адамъ чрезъ нее впадетъ во грѣхъ. Да развѣ это—мыслимо? Господь всемилосердый не могъ налагать испытаніе, котораго не могли выдержать испытуемые. Не могъ и проклинать Онъ, по своей справедливости, первую чету, а тѣмъ болѣе осуждать не родившіяся поколѣнія людей. Но если мы допустимъ, что въ писаніи недоговорено и искажено преданіе о происхожденіи перваго чловѣка; что Богъ создалъ только Адама по образу и по подобію своему, а дерзновенный сатана, подражая Богу своему, создалъ женщину и его созданіе взяло верхъ надъ Божиємъ твореніемъ, тогда все становится яснымъ, понятнымъ.

1) Богъ естественно долженъ былъ запретить Адаму прикасаться къ созданію дьявола—Евѣ.

2) За нарушеніе завѣта оба были прокляты. И это справедливо.

3) Родъ чловѣческій послѣ грѣхопаденія долженъ былъ, происходить не изъ одного чистаго источника, отъ созданія Божія—Адама, а непременно родиться чрезъ жену—сосудъ дьявольскій. Отсюда неизбѣженъ первородный грѣхъ, неизбѣжно и осужденіе неродившихся поколѣній, и

4) Прогоняя праотцевъ изъ рая, Господь сказалъ Евѣ: Изъ чреслъ твоихъ произойдетъ Тотъ, Который сотретъ главу змія-искусителя». Въ этомъ и была кара змія-искусителя. И кара не малая. Изъ чреслъ его созданія родится Тотъ, Который сотретъ ему главу.

Въ словахъ Господа, въ великую минуту изгнанія праотцевъ нашихъ изъ рая, такимъ образомъ открывается великій смыслъ. Но если вѣрить, что Еву создалъ Богъ, то въ словахъ о рожденіи изъ чреслъ ея Того, Который сотретъ главу змію-искусителю, не будетъ смысла. И какое, въ такомъ случаѣ, дѣло сатаны, какъ и какимъ путемъ придетъ Тотъ, Который сотретъ ему главу? Но если допустимъ, что Ева создана дьяволомъ, желавшимъ этимъ не

только поравняться съ Господомъ, но и подчинить его созданіе своему, тогда дѣйствительно велика кара діаволу въ завѣтѣ, что именно чрезъ его созданіе, Еву, родится Тотъ (Христосъ), Который сотретъ ему главу.

V.

До самаго пришествія Христа, въ древнемъ завѣтѣ, женщина не участвуетъ. Она какъ бы вовсе не существуетъ. Авраамъ роди Исаака, Исаакъ роди Исава и Іакова, Іаковъ роди двѣнадцать сыновей. Ни Сарра, ни Ревекка, ни Рахиль, ни Лія не упоминаются. Мужчинамъ въ завѣтѣ съ Богомъ предписано обрѣзаніе; женщинамъ—ничего. Они въ завѣтахъ съ Богомъ не участвуютъ. Моисей имъ тоже не предписываетъ даже обязательныхъ молитвъ. Въ жертвоприношеніяхъ онѣ не участвуютъ. Въ Египтѣ, изъ котораго евреи многое заимствовали, женщины, напротивъ, играли большую роль. Библия иначе смотритъ на женщину. Неоспоримо и ясно, что, по библейскому воззрѣнію, женщина не равна мужчинѣ,—нѣчто ниже стоящее, нечистое...

Сообщеніе съ женщиной—грѣхъ, блудъ предъ лицомъ Господа. Законъ допускаетъ такое сообщеніе только ради непрекращенія рода человѣческаго. Если мужчина и женщина равно творенія Божіи, тогда нѣтъ объясненія и оправданія, почему же сношеніе жены съ человѣкомъ—грѣхъ, блудъ?

Язычники не видѣли въ этомъ грѣха.

Не видѣли и заслуги передъ Господомъ въ воздержаніи отъ сношенія съ женщиною. Считали даже такое воздержаніе неразумнымъ. Да оно и явится таковымъ, разъ мы допустимъ, что Адамъ и Ева—равно созданія Божіи. Но если мы допустимъ, что Ева—діавольское созданіе, завѣты библейскіе, приказанія Моисея и пророковъ стануть намъ понятны и разумны.

VI.

Христосъ долженъ былъ прійти въ міръ и искупить.

Дѣло искупленія является яснымъ и понятнымъ опять же только при условіи, что Ева (женщина) создана не Господомъ, а его противникомъ—діаволомъ. И Христу необходимо было именно родиться изъ лона женщины, чтобы освятить женщину, приобщить ее къ Божіимъ созданіямъ. Христосъ могъ сойти съ небеси прямо, какъ онъ и вознесся на небо. Но онъ родился...

Древнее пророчество исполнилось: чрезъ женщину—діавольское созданіе—родился Тотъ, Который побѣдилъ смерть и грѣхъ.

Вдумайтесь въ притчу о сѣятелѣ.

Посѣялъ Господь пшеницу. Пришелъ врагъ и посѣялъ плевелы. Ангелы сказали: «Не Ты ли, Господи, сѣялъ пшеницу? Откуда же явились плевелы?» Господь отвѣтилъ: «Пришелъ врагъ и плевелы посѣялъ». — «Тогда, Господи,—возразили слуги (ангелы):—мы выполемъ плевелы». — «Нельзя!—отвѣтилъ Господь.—Вырывая плевелы вырвете и пшеницу. Надо ждать...»

Если смыслъ притчи, какъ обычно толкуютъ, означаетъ добрыхъ и злыхъ, то непонятно: почему, истребляя злыхъ грѣшниковъ, можно истребить праведныхъ? Богъ всевѣдущъ и всемогущъ. Онъ знаетъ все напередъ; отличаетъ праведниковъ отъ грѣшниковъ. Возможенъ же онъ истребить въ Египтѣ однихъ первородныхъ. Почему же Онъ не можетъ истребить грѣшниковъ и оставить праведниковъ? Да потому, что въ притчѣ рѣчь идетъ не о праведникахъ и грѣшникахъ, а о мужахъ—пшеницѣ, посѣянной Господомъ, и о женщинахъ—плевелахъ, посѣянныхъ діаволомъ. Родъ людской прекратился бы, если уничтожить плевелы—женщинъ. И Господь сего не изволилъ, а рожденіемъ Христа изъ чреслъ женщины освятилъ и искупилъ мужчинъ, которые, рождаясь до сего все же отъ женщины, не были истинными сынами Божьими, и женщину, ставшую чрезъ роженіе Христа восприсоединенной его Божьему стаду, къ человѣкамъ, созданнымъ Господомъ.

VII.

Ученіе Карпа Кириллова, показавшееся мнѣ интереснымъ, изложилъ я здѣсь возможно кратко. Сектантъ повѣствовалъ, сопровождая суть ученія длинными отступленіями, которыя здѣсь мною пропущены. Нѣкоторыя доказательства его были наивны, но основная идея была нова, оригинальна и интересна.

— Заумствовался старикъ, — говорили мнѣ жители поселка, когда я спрашивалъ, что они думаютъ объ ученіи Карпа.

— Не согласны вы, значить, съ нимъ?

— Какъ сказать: не согласны! Вразумительно говоритъ. Толкуетъ писаніе праведно. Точно, женщина какъ будто и не того корня, что и мы. Прельщеніе и блудъ и грѣхъ отъ нея. И Христосъ былъ мужчина, и апостолы и ученики были мужчины. Ни архіерея, ни священника женщины нѣтъ и не можетъ быть. Но опять же: страховито принять ученіе, что женщина — діавольское созданіе. Богородица—женщина; матери, сестры, дочери наши — женщины. Искупленіе ихъ, точно, оправдало и освятило. Такъ оно, а все же страшно. И велика тайна сія, какъ говоритъ Карпъ Кирилловъ.

— И нѣтъ, значить, между вами послѣдователей его ученія?

«истор. вѣстн.», декабрь 1907 г., т. сж.

11

— Какъ не быть, особливо между бабами—много такихъ. Видно, баба сама, по нутру своему, чувствуетъ, что она не одного корня съ мужчиною. А ты, господинъ, какъ думаешь? Вѣришь?

— Нѣтъ, не вѣрю.

— А можешь разбить умствование старика нашего?

— По писанію—нѣтъ, а по разуму—могу.

— По разуму намъ не нужно, по писанію говори.

VIII.

Взявъ съ сосѣда моего попа честное слово, что онъ не будетъ доносить на старца Карпа, я изложилъ ему ученіе о созданіи Господомъ только одного Адама, а діаволомъ—Евы. Попъ пришелъ въ страшное волненіе, разразился бранью, но по существу не могъ ничего возразить.

— Въ Соловки его (Карпа),—кричалъ онъ.—Въ ямы, что подъ стѣною монастырскою устроены. Безъ свѣта и воздуха пусть живетъ злой ересіархъ. Всякія есть расколоученія, а такого подлаго, вреднаго не бывало отъ начала міра. Далъ я слово, Богомъ клялся не доносить—и грѣхъ взялъ на душу. Надо бы донести и просить изъять ересіарха изъ числа живыхъ.

— Что вы, батюшка, видите въ умствованияхъ Карпа Кириллова страшнаго?

Попъ, багровый отъ гнѣва, поглядѣлъ на меня укоризненно.

— Вы не видите великой опасности?

— Не вижу. Мало ли существуетъ еще болѣе дикихъ сектантскихъ ученій.

— Болѣе страшнаго не существуетъ. Оно въ зародышѣ не разработано, но если великій умъ возьмется развить его—христіанство будетъ потрясено въ его основахъ. Вѣдь это же ученіе о двухъ началахъ—добромъ и зломъ, Ормуздѣ и Ариманѣ. Но тому персскому, древнему ученію трудно, невозможно вѣрить. Наука противъ ученія Зороастра. А тутъ вѣдь на основахъ библіи и евангелія и ставится злой духъ чуть не вровень съ Творцомъ. Карпа надо поскорѣе въ Соловки сослать.

— Что же это, батюшка, поможетъ? Его не будетъ, но мысль останется. Ни въ какія Соловки мысль не запрете. Вы лучше напишите опроверженіе.

— И напишу...

Но, кажется, строптивый попикъ никакого опроверженія не написалъ и даже въ преніе съ Карпомъ не пускался, хотя смѣлый ересіархъ не разъ говорилъ, что не прочь былъ бы потолковать о «великой тайнѣ», имъ открытой, съ хорошимъ, ученымъ духовнымъ лицомъ.

— Да только нельзя съ ними, духовными, говорить по душѣ,—заклучилъ старикъ.

— Отчего же? Они бы тебѣ, можетъ, разъяснили.

— Въ училище агарянское ввергли бы, и вся диспута тутъ закончилась. Зовутъ насъ раскольниками. Что же? Можетъ, иной и ошибается, а вразумить некому. Сейчасъ къ становому и въ острогъ. Все и вразумленіе.

IX.

Къ зимѣ я уѣхалъ изъ усадьбы: банкъ продалъ послѣднія десятины моего отцовскаго наслѣдія. Прошли года долгіе, тяжелые, и только въ концѣ девяностыхъ годовъ я снова попалъ въ старую селитьбу. Карпъ Кирилловъ давно умеръ, ученіе его заглохло и умерло, не пошло въ народъ. Не то и направленіе людского ума господствовало въ пятидесятыхъ годахъ: религіозность ослабѣла даже между сектантами-старовѣрами. Богословскія проблемы замѣнились социальными. Надвигались великія событія дальне-восточной войны; политическое сознаніе пробуждалось даже въ темныхъ массахъ.

Міръ перестраивался. Батюшки, желавшаго сослать Карпа Кириллова въ Соловки, въ яму подъ монастырской стѣною, тоже уже не было. Новый попъ духовными вопросами почти не занимался: правилъ требы, получалъ доходъ, рядилъ красавицу-матушку, какъ барыню, а на вопросъ: слышалъ ли объ ученіи Карпа? отвѣтилъ:

— Да, тамъ въ поселкахъ старовѣрскихъ существуютъ чортолюбцы. Вѣрятъ, особливо бабы, что чортъ женщину создалъ. Чепуха! Пустое дѣло, не стоитъ и связываться. Важнѣе будущее Россіи. А какъ думаете, будетъ у насъ парламентъ? Доживемъ до него? Пустятъ туда нашего брата поповъ?

— И жидовъ даже, вѣроятно, пустятъ,—говорю ему.

— Ну, жидовъ не слѣдъ пускать.

— Отчего же? Развѣ жида не люди, не граждане государства?

— Такъ-то такъ. Но вѣдь мы христіане. А евреи враги христіанства. Будутъ они намъ писать законы — конецъ тогда государству.

— Во Франціи евреи однако засѣдаютъ въ парламентѣ.

— И что же? Скажите по совѣсти; много во Франціи христіанства осталось. Ядра давно нѣтъ, одна скорлупа. Евреи опаснѣе всевозможныхъ ересіарховъ Карповъ Кирилловыхъ.

«А что,—подумалъ я.—Вѣдь батюшка-то, пожалуй, правъ. Евреи, виѣдряясь въ наше христіанское общество, вносятъ равнодушіе къ вѣрѣ, охлажденіе къ запросамъ духа; вносятъ сухой матеріализмъ. Въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ молодежь, правда, прямо не отрекается отъ христіанства, но зато безусловно игнорируетъ его. Самая злая ересь никогда не въ силахъ одолѣть вѣру, а матеріализмъ еврейства именно въ силахъ это сдѣлать».

С. С. Окрейцъ.

ТОЛПА.

(Изъ воспоминаній бывшаго судебнаго дѣателя).

ЕПЕРЬ часто приходится слышать то о дикой расправѣ, то о массовомъ сопротивленіи, то объ упорномъ неповиновеніи толпы. Идутъ разсужденія и изслѣдованія о ея психозѣ и гипнозѣ. На ряду съ мѣропріятіями административной власти стараются найти и научныя объясненія разнымъ движеніямъ народныхъ массъ.

По этому поводу мнѣ пришло на память три случая, когда я, какъ судебный слѣдователь, былъ поставленъ лицомъ къ лицу съ толпой.

Лѣтъ двадцать шесть тому назадъ командированъ я былъ къ исправленію должности судебнаго слѣдователя въ Астраханскую губернію. Меня тамъ ждало солидное дѣловое наслѣдство: я получилъ отъ моего предшественника около 400 неоконченныхъ слѣдственныхъ дѣлъ. Разбирая ихъ, я рѣшилъ закончить прежде всего дѣла объ убійствахъ и о нанесеніяхъ тяжелыхъ поврежденій. Въ числѣ такихъ дѣлъ я натолкнулся на одно, которое меня заинтересовало. Дѣло по существу было простое. Два крестьянина поссорились во время пирушки, и одинъ хватилъ другого по головѣ палкой такъ сильно, что пробилъ ему черепъ. Меня заинтересовало то обстоятельство, что, какъ видно было изъ полицейскаго дознанія, у потерпѣвшаго на другой день мѣстнымъ фельшеромъ былъ вынутъ четырехугольный кусокъ черепа, обнажившій мозгъ, и, несмотря на то, что со времени происшествія прошелъ уже годъ и четыре мѣсяца, потерпѣвшій не умеръ. Я имѣлъ полное основаніе такъ думать,

потому что никакого дальнѣйшаго увѣдомленія по этому дѣлу не было. Рѣшивъ тотчасъ же заняться этимъ дѣломъ, я пригласилъ уѣзднаго врача и поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ для освидѣтельствованія потерпѣвшаго въ степную полосу версты за полтораста отъ той слободы, въ которой я жилъ. На всякій случай врачъ захватилъ съ собой и инструменты для вскрытія трупа. Когда мы пріѣхали въ большую слободу, гдѣ жилъ потерпѣвшій, оказалось, что послѣ нанесенія ему удара онъ прожилъ только двѣ недѣли и тотчасъ же былъ похороненъ, при чемъ отпѣваніе совершалъ мѣстный священникъ. На вопросъ мой, какъ могли похоронить убитаго, не давъ знать объ этомъ начальству, сельскій староста объяснилъ, что становому приставу, который производилъ дознаніе, было извѣстно о полученіи потерпѣвшимъ удара палкой по головѣ, ударъ былъ нанесенъ при свидѣтеляхъ, и обвиняемый не отрицалъ своей виновности. Когда потерпѣвшій умеръ, всѣ знали, отъ какой причины онъ умеръ, и поэтому сообщать становому приставу о смерти считали излишнимъ и похоронили умершаго.

Объяснивъ сельскому старостѣ, что для суда необходимо установить причину смерти покойнаго и что съ этою цѣлью я вынужденъ вырыть тругъ и произвести судебно-медицинское вскрытіе, я велѣлъ ему пригласить родственниковъ на кладбище для указанія могилы покойнаго и назначить понятыхъ и нѣсколько чело-вѣкъ для разрытія могилы. Не теряя времени, сейчасъ же я написалъ приглашеніе и мѣстному священнику, который также на основаніи закона долженъ былъ указать могилу.

Часа черезъ два явился сельскій староста и заявилъ, что всѣ приготовленія сдѣланы и что фельдшеръ съ инструментами уже на кладбищѣ.

Былъ яркій, солнечный лѣтній день, и мы съ докторомъ рѣшили пойти пѣшкомъ, хотя насъ сельскій староста и предупреждалъ, что могила на новомъ кладбищѣ, въ степи, верстахъ въ двухъ отъ слободы. Пройдя около версты по горячему глубокому песку и не видя еще конца селенія, мы остановились и послали за лошадьми, которыя были поданы и остались во дворѣ дома, гдѣ мы остановились, въ такъ называемой «отводной» квартирѣ. Кстати я велѣлъ захватить и мой чемоданъ, рассчитывая въ случаѣ нужды воспользоваться имъ вмѣсто скамейки. Черезъ нѣсколько минутъ мы уже были подъ покровомъ кибитки. Хотя было душно, но все-таки не такъ жарко.

Въ степи, верстахъ въ трехъ отъ селенія, большое пространство голого песка было огорожено. Это было новое кладбище. На немъ было всего три или четыре маленькихъ креста безъ всякой насыпи. Вокругъ кладбища была толпа тысячи въ полторы народа¹⁾.

¹⁾ Въ селѣ этомъ, стоящемъ на Волгѣ, населенія было болѣе 10.000.

Прим. автора.

— Прикажете начать копать?—спросилъ сельскій староста, подходя къ мѣсту, гдѣ стоялъ деревянный столъ, два табурета и длинная скамья, сбитая по указанію фельдшера изъ двухъ досокъ для трупа.

— Да священника еще нѣтъ.

— Онъ сейчасъ будетъ. Я спрашиваю, не начинать ли копать, потому что копать придется часа два.

— Какъ часа два? Почему такъ долго?

— Да могила глубокая, большая, а песокъ сыпучій. У насъ, вѣдь, не для cadaго покойника отдѣльная могила,—рассказывалъ сельскій староста.—Чтобы вырыть у насъ могилу, надо добраться до грунта и поэтому надо глубоко копать. Обыкновенно, когда умираетъ богатый, родные копаютъ большую, глубокую могилу и платятъ за работу рублей 50. Потомъ, когда умираютъ другіе, просятъ разрѣшенія похоронить въ этой же могилѣ и за cadaго покойника платятъ рублей по 5 хозяевамъ могилы. Убитый былъ богачъ и похороненъ на самомъ днѣ, да еще въ траншеѣ сбоку, а потомъ похоронены были тутъ еще и другіе.

— Сколько же въ этой могилѣ покойниковъ?

— Кромѣ убитаго, еще семь человѣкъ. Одинъ надъ другимъ. Всѣхъ вынимать придется. Вотъ поэтому и собралась толпа. Это все больше родственники похороненныхъ. Любопытныхъ тоже не мало,—говорилъ сельскій староста.

Въ это время явился и священникъ. Молодой, сухощавый, съ испитымъ лицомъ, онъ быстро подошелъ ко мнѣ и громко сказалъ:

— Я вамъ, какъ священникъ, запрещаю тревожить покойниковъ. Запрещаю вырывать изъ могилы тѣла, надъ которыми мною уже совершенно отпѣваніе.

Толпа мгновенно загудѣла. «Зачѣмъ вырывать? Зачѣмъ тревожить?! Извѣстно всѣмъ, что убитъ, и обвиняемый сознался... Не надо рыть! Не позволяй, батюшка! Мы тоже не позволимъ!..»

— Молчать! Тихе!—крикнулъ я.—Сельскій староста, удали отсюда лишній народъ! Я никого не звалъ.

Толпа замолчала.

— Батюшка,—обратился я къ священнику:—вы не поняли меня. Я пригласилъ васъ сюда только для того, чтобы вы указали могилу, а разрѣшенія я у васъ не спрашиваю.

— Но это незаконно!

— Извольте, батюшка, я вамъ покажу законъ.

Я немедленно открылъ такъ кстаті захваченный чемоданъ, взялъ судебные уставы и показалъ соответствующую статью устава уголовного судопроизводства. Священникъ прочиталъ статью закона и вдругъ неожиданно сталъ на колѣни.

— Не погубите!—крикнулъ онъ, простирая ко мнѣ руки.

— Батюшка! что съ вами? Опомнитесь! Встаньте!

— Не встану, пока не оставите кладбище.

Толпа какъ-то загудѣла и стянулась вокругъ насъ плотнымъ кольцомъ.

— Батюшка, если вы не встанете, я стану тоже на колѣни и такъ буду разговаривать съ вами.

Въ толпѣ послышался хохотъ.

— Надъ нами смѣяться, вѣдь, будутъ. Неприлично. Встаньте же.

Батюшка всталъ.

— Поймите меня, господинъ слѣдователь, и не губите. Я нахожусь въ безвыходномъ положеніи. Если я послушаю васъ и разрѣшу вамъ раскопать могилу, меня притянетъ къ отвѣту консисторія. А развѣ вы не знаете, что такое консисторія! Если я не послушаю васъ, вы меня на основаніи закона предадите суду. Что же мнѣ дѣлать? Помогите! научите! Человѣкъ я неопытный, молодой.

— Сейчасъ, батюшка, я устрою такъ, что вы не будете ни въ какомъ случаѣ отвѣчать.

Я взялъ листъ бумаги и немедленно написалъ протоколъ, въ которомъ изложилъ, что явившійся священникъ и родственники указали могилу потерпѣвшаго и затѣмъ священникъ ушелъ. Прочитавъ протоколъ, я пояснилъ священнику, что, если онъ подпишетъ этотъ протоколъ и уйдетъ, онъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ отвѣчать, такъ какъ онъ только указалъ могилу, не зная, зачѣмъ это понадобилось судебному слѣдователю. Священникъ молча подписалъ и быстро зашагалъ съ кладбища.

— Что это у васъ батюшка такой странный?—не выдержалъ и спросилъ врачъ у сельскаго старосты.

— А это онъ съ горя. Его жена совсѣмъ молодая, а между тѣмъ пьетъ горькую. Должно быть, со скуки. Жила всегда въ городѣ и попала въ нашу степь. Ну, и завила.

Я между тѣмъ приказалъ сельскому старостѣ удалить подальше народъ и начать копать могилу. Нѣсколько человѣкъ переступили съ ноги на ногу, шевельнулись, и всѣ остались на мѣстѣ. Человѣкъ шесть начали разбрасывать песокъ. Сначала вынули маленькій гробикъ и отставили въ сторону, затѣмъ постепенно пошли одинъ за другимъ большіе гробы. Всѣ ихъ ставили рядомъ одинъ возлѣ другого.

Я ожидалъ плача и рыданій, но ихъ не было. Слышны были лишь замѣчанія вполголоса: «Это Бондаренко! Это Петренко!» и т. п. Семь гробовъ стояли уже въ сторонѣ. Вдругъ изъ глубокой ямы послышались крики. Къ ямѣ подскочило нѣсколько человѣкъ, нагнулись, протянули руки, и изъ ямы выскочили бывшіе тамъ три человѣка съ лопатами.

— Что такое?—спросилъ я.

— Песокъ осыпается. Едва не засыпалъ.

— А вы осторожниѣ!—сказаль я.

Выскочившіе люди стояли молча.

— Ну, что же вы! И такъ уже возились больше часа. Полѣзайте, доканчивайте!—приказаль я.

— Мы устали. Пусть другіе попробуютъ,—отвѣчали они.

— Староста, назначь другихъ.

Полѣзли еще три человѣка. Не прошло и пяти минутъ, какъ я увидѣль, что песокъ начинаетъ скатываться внутрь. Опять слышался крикъ, и крестьяне выскочили изъ могилы. Одинъ изъ нихъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ громко сказалъ:

— Ничего изъ этого не выйдетъ. Не дается. Священникъ не благословиль на работу, ну, покойникъ и не дается. Лучше отложить до другого раза.

— Что за вздоръ такой! Покойникъ тутъ ни при чемъ! Выброшенный песокъ лежитъ близко отъ могилы и поэтому осыпается. Отгребите песокъ подальше!—распорядился я.

Песокъ быстро былъ отобранъ въ сторону.

— Ну, теперь полѣзайте,—командоваль я.

Никто не шевельнулся. Работавшіе бросили лопаты и смѣшались съ толпой.

— Староста, назначь людей, кому копать,—приказаль я.

Староста подошелъ къ толпѣ и молча ткнулъ пальцемъ въ грудь троемъ. Тѣ молча, но съ рѣшительностью и упорствомъ на лицѣ не шевельнулись.

— Они не послушаютъ и не пойдутъ,—сказаль сельскій староста.—Потому что, дѣйствительно, покойникъ не дается. Это бываетъ.

— Конечно, бываетъ! Не дается, значитъ и шабашъ! Ставь назадъ гробы и зарывай могилу!—послышалось въ толпѣ. Два человѣка схватили близъ стоящій гробъ и стали подносить къ могилѣ.

Что было дѣлать?! Изъ властей былъ одинъ сельскій староста и тотъ былъ на сторонѣ толпы. Я понималъ, что крики и угрозы только подольютъ масла въ огонь и что нужно быть хладнокровнымъ. Врачъ струсиль и, подойдя ко мнѣ, шепнулъ: «Уйдемъ. Отложимъ. Потребуемъ становаго пристава!» Я сдѣлалъ видъ, что не слышу словъ врача, и крикнулъ:

— Тише!

Въ отвѣтъ на это толпа заволновалась, загудѣла, и сзади слышались крики: «не испугаешь!»

— Вотъ что я вамъ скажу!—громко и спокойно началъ я.— Я человѣкъ упрямый. Если что началъ, то и закончу, хотя бы пришлось конать до слѣдующаго утра. Вы, можетъ быть, думаете, что я буду ругаться, грозить, арестовывать...

— Да хоть въ тюрьму сажай, не полѣземъ, когда покойникъ не дается, — перебили голоса.

— Въ тюрьму я сажать не буду,—быстро отвѣтилъ я.—А съ тѣми, кто меня не послушаетъ, я сдѣлаю хуже. Не радъ потомъ будетъ тотъ, кто меня не послушаетъ. Я брошу и уѣду, а съ ослушниками что будетъ, только потомъ узнаете. Ну-съ, вотъ, что я сейчасъ сдѣлаю!

Я подошелъ къ столу, на которомъ была разложена бумага, взялъ листъ и карандашъ и подошелъ къ толпѣ.

— Сельскій староста! Я, какъ судебный слѣдователь, приказываю тебѣ назначить сейчасъ трехъ человѣкъ копать могилу и вынуть гробъ. Кто туда полѣзетъ, мнѣ все равно, и я фамиліи ихъ спрашивать не буду. Если же который откажется, я сейчасъ его за-пи-шу!—громко сказалъ я.

Староста ткнулъ одного пальцемъ въ грудь.

— Записывать тебя или пойдешь копать?—спросилъ я.

Тотъ потоптался на мѣстѣ, растерянно взглянулъ на другихъ и сказалъ: «зачѣмъ записывать, попробую!»

Вслѣдъ за нимъ спустились и остальные. Толпа молчала. Всѣ поняли серьезность угрозы. Можетъ быть, записанные и не будутъ потомъ наказаны, но ихъ могутъ потребовать для допроса къ становому приставу, жившему за 80 верстъ отъ слободы, потомъ въ уѣздный городъ за 140 верстъ и наконецъ, пожалуй, въ губернской городъ за 700 верстъ. Другими словами, «таскать стануть».

Минуть черезъ десять гробъ былъ вынутъ и раскрытъ. Въ гробу лежалъ черный скелетъ. Кости были покрыты, какъ бы замшей, тонкимъ слоемъ черной пыли.

— Почему это?—спросилъ я у врача.

— Черви съѣли все мясо, а затѣмъ сами погибли. Этотъ черный налетъ не болѣе, не менѣе, какъ остатки червей,—объяснилъ мнѣ врачъ.

На черепѣ съ одной стороны зіяло отверстие, отъ котораго шли трещины.

Составивъ протоколъ, мы съѣли въ кибитку и уѣхали, оставивъ на мѣстѣ сельскаго старосту слѣдить за порядкомъ при закапываніи гробовъ.

— Ну, и счастливо мы отдѣлались,—замѣтилъ докторъ.— Съ этимъ народомъ шутить нельзя. Это вѣдь поволжская вольница.

Обвиняемый былъ признанъ виновнымъ въ убійствѣ въ дракѣ и осужденъ на нѣсколько мѣсяцевъ тюремнаго заключенія.

Черезъ годъ послѣ описаннаго случая я былъ переведенъ на ту же должность судебного слѣдователя при окружномъ судѣ въ одну изъ центральныхъ губерній. Мѣстомъ моего жительства былъ уѣздный городъ.

Однажды получаю я увѣдомленіе, что въ одной изъ деревень открытъ тайный винокуренный заводъ и что тамъ меня ждутъ становой приставъ и акцизный надзиратель. Я немедленно выѣхалъ въ эту деревню. Встрѣтившіе меня становой приставъ съ акцизнымъ чиновникомъ объяснили, что въ деревнѣ извѣстно о цѣли ихъ пріѣзда и что безъ меня они не рѣшались сдѣлать осмотра, такъ какъ крестьяне, повидимому, хотятъ оказать сопротивленіе и стоятъ толпой около того крестьянскаго двора, въ которомъ подъ видомъ бани устроенъ заводъ.

— Я могъ бы пригласить нѣсколько полицейскихъ урядниковъ, взять сотскихъ и десятскихъ, но не хочу раздувать дѣла,—говорилъ становой приставъ. Можетъ выйти серьезное сопротивленіе. Васъ же, какъ судебного слѣдователя, не осмѣлятся послушаться. Имѣйте только въ виду, что крестьяне здѣсь очень часто прибѣгаютъ къ такому приему. Ставятъ въ воротахъ беременныхъ бабъ, которыя заслоняютъ вамъ дорогу. Вы отстраните ее, а она упадетъ и закричитъ, что вы ее толкнули въ животъ, что она сейчасъ родитъ. Выйдетъ такой скандалъ, что и не приведи Богъ. Въ соуднемъ уѣздѣ вышло изъ-за этого сопротивленіе, и въ концѣ концовъ пострадалъ становой приставъ. Вотъ мы васъ и ждали. Вы дѣйствуйте, а мы будемъ вамъ помогать.

Захвативъ понятыхъ, мы отправились къ дому крестьянина Тихона Иванова. Подойдя къ его двору, мы увидѣли, что не только ворота были заперты, но и окна въ домѣ были заставлены изнутри досками. Вся улица около дома была запружена народомъ.

Я подошелъ къ воротамъ и постучалъ. Никто не отозвался, хотя во дворѣ были слышны звуки голосовъ.

Толпа въ это время начала гудѣть. «Чего тамъ надо?! Зачѣмъ беспокоить стариковъ?! Чего это тутъ мѣшается акцизникъ! Да и становой тоже! Ребята, не давай нашихъ въ обиду!»—раздавалось въ толпѣ.

Я подозвалъ сотскаго и громко приказалъ ему: «Постучи въ ворота и скажи, что судебный слѣдователь требуетъ отворить ворота!»

— Зачѣмъ отворять!? Убіиство тамъ, что ли?—кто-то крикнулъ изъ толпы.

Сотскій, громко повторивъ мои слова, сталъ колотить ногой въ калитку.

— Что тамъ такое?—послышался женскій голосъ.

Калитка отворилась, и посреди ея стала съ рѣшительнымъ видомъ беременная женщина, выпятивъ свой животъ. Я сейчасъ же подошелъ къ ней и сказалъ:

— Я судебный слѣдователь. Позови-ка мнѣ, пожалуйста, хозяина, Тихона Иванова.

— Онъ боленъ. Лежитъ.

— Ну, такъ я самъ пойду къ нему поговорить съ нимъ.

— Его нельзя беспокоить. Помираетъ.

Я сдѣлалъ движеніе впередъ, какъ бы намѣреваясь войти въ калитку съ лѣвой стороны. Баба быстро подвинулась влѣво. Калитка была широкая, а я былъ тонокъ и сухощавъ; сейчасъ же я прошмыгнулъ во дворъ мимо бабы съ правой стороны. Очутившись сзади раскрывшей ротъ отъ изумленія бабы, я остановился и громко съ хохотомъ сказалъ:

— Эхъ, прозѣвала! Теперь уже тебѣ не стоитъ падать и кричать. Всѣ видѣли, что прошелъ съ другой стороны. Опоздала! Прозѣвала! Ха-ха-ха!

Въ толпѣ раздался дружный хохотъ. Я понялъ, что теперь всякая опасность столкновенія съ толпой миновала.

Посреди двора стоялъ старикъ, обтесывая колъ топоромъ, и какіе-то четыре молодца. Я подошелъ къ старику и сказалъ:

— Здравствуйте, Тихонъ Ивановъ. Я судебный слѣдователь. Говорятъ, что будто бы у тебя есть винокуренный заводъ. Я пріѣхалъ посмотрѣть его. Тебя я арестовывать не буду. Не буду сегодня и допрашивать тебя. Ты мнѣ только покажи, что это за заводъ такой. Акцизный говоритъ, что ты будто бы устроилъ настоящій винокуренный заводъ. Правда ли это?

— Вретъ акцизникъ.

— И отлично, если говорить неправду. Пойдемъ въ баню. Если тамъ ничего нѣтъ, тѣмъ лучше для тебя. Идемъ же!

Говоря это, я пошелъ по направленію къ банѣ, стоящей въ концѣ двора. Сейчасъ же за мною быстро зашагали четыре парня, собираясь опередить меня.

— Вотъ это кстати, что вы здѣсь, и идите со мною—сказалъ я.— Мнѣ больше никого не нужно, ни акцизнаго, ни становаго, такъ какъ я васъ запишу понятыми.

Парни моментально остановились и растерянно посмотрѣли на Тихона Иванова.

— Послушай, старикъ,—обратился я къ нему.—Говори лучше правду. Ты въ банѣ варилъ что-нибудь? Неужели правда, что это заводъ? Неважный по виду заводъ!

— Брагу варилъ для себя. Какой тамъ заводъ!

— Такъ чего же тебѣ бояться?! Выставишь свидѣтелей, что варилъ брагу, докажешь, что не виновать, и дѣлу конецъ. Ну, идемъ. Ты какъ желаешь? Этихъ парней взять понятыми, или другихъ позвать? Можно и этихъ.

Старикъ снялъ шапку и махнулъ рукой.

— Эхъ, ничего, видно, не подѣлаешь! Спокойнымъ словомъ взялъ ты меня, баринъ. Пойдемъ въ баню. Этимъ понятыми быть не годится, потому что это сыновья да зятя. Зови, баринъ, другихъ. Эй, ты, баба. Ступай въ избу! Ступай въ избу! Пропусти начальство и понятыхъ!

Пока я разговаривалъ съ Тихономъ Ивановымъ, баба продолжала стоять посреди калитки, взявшись обѣими руками за стороны калитки.

— Ты съ ума спятилъ, старый,—крикнула баба.

— Не твоего, бабьяго ума дѣло,—отвѣтилъ старикъ.—Ступай въ избу!

Баба, подперевъ щеку рукой, заголосила и ушла. Во дворъ тотчасъ же вошли становой приставъ, акцизный надзиратель и понятые во главѣ съ сотскимъ.

Старикъ молча подошелъ къ банѣ, отомкнулъ замокъ и широко отворилъ двери. Въ банѣ оказался очень искусно и тщательно устроенный небольшихъ размѣровъ винокуренный заводъ съ мѣдными трубами и чашками. Составивъ протоколъ осмотра, мы ушли. На улицѣ не было ни души, только изъ оконъ выглядывали любопытныя головы.

Тихонъ Ивановъ былъ приговоренъ къ тюремному заключенію.

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого случая получилъ я увѣдомленіе, что близъ большого села, въ полѣ, найденъ убитымъ неизвѣстный человѣкъ. Я немедленно выѣхалъ на мѣсто происшествія съ уѣзднымъ врачомъ. Дѣло было лѣтомъ. Остановившись въ волостномъ правленіи, я сталъ спрашивать мѣстныхъ деревенскія власти. Волостной старшина, сельскій староста, сотскіе, десятскіе—все твердили одно и то же: «Въ полѣ былъ найденъ мертвымъ совершенно голый человѣкъ. Кто онъ, никому неизвѣстно. Вѣроятно, пришлый. Предполагаютъ, что убитъ онъ, потому что голова въ крови. Кто и когда раздѣлъ его, тоже никто не знаетъ».

Приказавъ сдѣлать необходимыя приспособленія для вскрытія трупа, я съ докторомъ отправился въ поле. Тамъ уже стояла громадная толпа.

Трупъ лежалъ на разстояніи полуверсты отъ дороги на травѣ, которая хотя и была сильно потоптана народомъ, тѣмъ не менѣе на землѣ были замѣтны слѣды колесъ. Ясно было, что трупъ былъ привезенъ и брошенъ. Сейчасъ же я пригласилъ понятыхъ и пошелъ съ ними по слѣду колесъ. Слѣдъ привелъ къ селу. Понятые какъ-то странно молчали и ничего мнѣ не отвѣчали на высказываемыя мною вслухъ предположенія.

Когда я возвратился, врачъ мнѣ заявилъ, что по одному наружному осмотру онъ пришелъ къ заключенію, что неизвѣстный былъ убитъ. Нащупывались переломъ реберъ и спинного хребта. Внутренній осмотръ трупа подтвердилъ его предположеніе. Почти все ребра были перебиты, грудная клѣтка была вдавлена и спинной хребетъ сломанъ. Врачъ далъ заключеніе, что смерть послѣдовала отъ нанесенія тяжкихъ побоевъ.

Пока производилось вскрытіе, я наблюдалъ за толпой, которая поражала меня своимъ поведеніемъ. Она была молчалива необыкновенно. На всѣхъ лицахъ можно было прочесть упорство и скрытность. Впечатлѣніе получалось такое, что всѣмъ извѣстна не только личность убитаго, но и убійцы, что знаютъ всё и мотивъ преступленія.

То обстоятельство, что трупъ былъ привезенъ изъ села и что на трупъ не было оставлено даже бѣлья, доказывало, что крестьяне дѣйствовали по обдуманному плану и что, раздѣвъ убитаго догола, они предполагали этимъ самымъ скрыть слѣды къ обнаруженію личности убитаго.

Дѣлая разныя предположенія, я больше всего останавливался на мысли, что убитый, вѣроятно, былъ конокрадомъ, пойманъ былъ на мѣстѣ преступленія и жестоко избитъ. Бывали вѣдь случаи, что конокрадовъ избивали даже по общественнымъ крестьянскимъ приговорамъ. Не произошло ли этого и въ данномъ случаѣ? Чтобы найти какую-нибудь нить, съ помощью которой можно было бы добраться до истины, прежде всего необходимо было выяснитъ личность убитаго. Съ этою цѣлью я опять сталъ спрашивать разныхъ лицъ изъ толпы о томъ, не видѣлъ ли кто этого человека въ селѣ, не была ли совершена въ эти дни кража лошадей и т. д., но на всѣ мои вопросы получалъ одинъ отрывистый, короткий отвѣтъ: «не знаю». Я все больше и больше приходилъ къ убѣжденію, что обстоятельства дѣла хорошо всѣмъ извѣстны и что въ то же время никто не осмѣлится раскрыть преступленіе изъ опасенія новаго самосуда этой страшной, молчаливой толпы. Агентовъ сыскной полиціи въ уѣздѣ не полагалось, и я сознавалъ, что слѣдствіе ничего не откроетъ, если не поможетъ простой случай.

Придумывая разные способы, при посредствѣ которыхъ можно было бы раскрыть преступленіе, я случайно взглянулъ въ сторону и увидѣлъ довольно приличный гробъ. Если бы лежащій здѣсь трупъ былъ, дѣйствительно, неизвѣстнаго бродяги, на общественныя деньги былъ бы кое-какъ сколоченъ гробъ изъ некрашенныхъ досокъ, гробъ же былъ не только крашенный, но и обитый позументомъ. У меня сейчасъ же промелькнула мысль,—не сыграетъ ли этотъ гробъ роль того простого случая, о которомъ я только что думалъ. Я сдѣлалъ видъ, что не замѣчаю гроба.

Когда вскрытіе было окончено, трупъ былъ фельдшеромъ зашитъ и обмытъ, я, обращаясь къ толпѣ, громко сказалъ:

— Теперь все кончено. Я уѣзжаю. Родственники покойнаго и вдова могутъ обряжать покойника и класть его въ гробъ.

Сейчасъ же изъ толпы вышла женщина съ одеждою въ рукахъ, подошла къ покойнику и стала причитывать.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ я.

Женщина растерянно взглянула сначала на меня, а потом на толпу, которая какъ-то ахнула. Это былъ какъ бы вздохъ облегченія. Чувствовалось, что многіе и хотѣли бы открыть истину, да не смѣли, и это ихъ тяготило.

— Волостной старшина! — строго сказалъ я: — ты теперь не смѣешь отказать, что не знаешь этой женщины. Какъ ее зовутъ?

— Марья Петрова.

— Послушай, Марья Петрова, почему ты мнѣ не сказала раньше, что это твой мужъ?

— Да я его только теперь узнала.

— Какъ звали мужа?

— Иванъ Степановъ.

— Твой мужъ умеръ отъ тяжкихъ побоевъ. Кто его побилъ?

— А должно быть злые люди напали. Я ничего не знаю.

Я понялъ, что отъ нея добиться какихъ-либо указаній нельзя будетъ, и прекратилъ разспросы. Пока я разговаривалъ съ вдовой, вся толпа, какъ бы по безмолвному соглашенію, ушла съ поля въ село.

Возвратившись въ волостное правленіе, я потребовалъ у волостного писаря подробную справку изъ дѣлъ волостного суда объ Иванѣ Степановѣ. Оказалось, что онъ нѣсколько разъ былъ наказанъ розгами за простыя кражи и нѣсколько разъ заподозрѣвался въ кражѣ лошадей.

Такимъ образомъ я узналъ, что убить былъ Иванъ Степановъ и что убитый былъ конокрадомъ, но дальше этого я не пошелъ. Передопросилъ я чуть ли не цѣлое село и никакихъ уликъ къ обнаруженію убійцы не добылъ. Всѣ отзывались полнымъ незнаціемъ. Вѣроятно, такъ и не пришлось бы раскрыть преступленіе, если бы опять не помочь случай.

Недѣли черезъ двѣ послѣ убійства Ивана Степанова въ томъ же селѣ произошла драка, во время которой одному изъ крестьянъ была нанесена рана коломъ по головѣ. Потерпѣвшій обратился ко мнѣ съ жалобой. Рассказывая объ обстоятельствахъ происшествія и обвиняя въ нанесеніи ему удара крестьянина Дмитрія Петрова, онъ сказалъ:

— Онъ и меня хотѣлъ убить, какъ убилъ Ивана Степанова.

Я сейчасъ же попросилъ рассказать мнѣ откровенно объ убійствѣ Ивана Степанова. Жалобщикъ, повидимому, только и ждалъ этого.

По его словамъ, Иванъ Степановъ былъ извѣстный воръ. Въ селѣ у нихъ не было челоуѣка, котораго онъ не обокралъ бы. Сѣкли его много разъ. Въ послѣдній разъ на сходкѣ ему объявили, что если онъ еще совершитъ какую-либо кражу у кого-либо изъ односельчанъ, будетъ составленъ приговоръ о высылкѣ его въ Сибирь. Многіе изъ крестьянъ кричали въ это время, что не слѣ-

дуетъ тратить общественныхъ денегъ на его высылку и что просто его слѣдуетъ убить, если онъ попадется на кражѣ въ селѣ. Съ того дня Иванъ Степановъ скрылся, и въ селѣ его не видѣли мѣсяцевъ восемь. Ходили слухи, что онъ занимается конокрадствомъ въ другихъ мѣстахъ и что раза два или три онъ ночью приходилъ къ женѣ и приносилъ ей деньги! Вѣроятно, и въ послѣдній разъ онъ былъ у жены. Рано утромъ, уходя изъ села, онъ увидѣлъ на лугу жеребца Дмитрія Петрова, вскочилъ на него и уѣхалъ въ лѣсъ. Къ несчастью для него, онъ на узкой лѣсной дорогѣ встрѣтился съ крестьянами, которые его задержали и привели въ село. Тамъ уже искали жеребца. Какъ только узнали, что воръ пойманъ, собралась толпа и стала бить Ивана Степанова. Били его долго и больше всѣхъ билъ его Дмитрій Петровъ, который, когда Иванъ Степановъ лежалъ уже безъ движенія, съ ожесточеніемъ наносилъ ему удары ногами по бокамъ и по спинѣ. Когда убѣдились, что Иванъ Степановъ убитъ, собрался сходъ. Дмитрій Петровъ, зажиточный крестьянинъ, просилъ не губить его и не выдавать, обѣщая до конца жизни оказывать помощь вдовѣ. Убитаго всѣ ненавидѣли, какъ вора, а Дмитрія Петрова жалѣли, какъ человѣка молодого и хорошаго работника. Спросили вдову. Она заявила, что, съ своей стороны, прощаетъ ему, такъ какъ билъ не онъ одинъ, а и другіе. Тогда всѣ на сходѣ и рѣшили скрыть убійство отъ начальства.

Черезъ три мѣсяца приговоромъ присяжныхъ засѣдателей Дмитрій Петровъ былъ признанъ виновнымъ въ нанесеніи Ивану Степанову тяжкихъ побоевъ, отъ которыхъ послѣдовала смерть послѣдняго, и былъ приговоренъ судомъ къ ссылке въ Сибирь на поселеніе. Трое другихъ крестьянъ, обвинявшихся вмѣстѣ съ Дмитріемъ Петровымъ въ нанесеніи побоевъ Ивану Степанову, были присяжными засѣдателями оправданы.

Чу—цкій.

ЯКОВЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ЦВѢТКОВЪ.

(Изъ моихъ воспоминаній).

О ВРЕМЕНА моего студенчества Я. Я. Цвѣтковъ былъ профессоромъ физики и метеорологіи Петровской академіи и въ то же время читалъ лекціи по этимъ предметамъ, а также по механикѣ въ военномъ Александровскомъ училищѣ и въ Катковскомъ лицѣѣ.

Цвѣтковъ всегда ходилъ пѣшкомъ въ старомъ демисезонѣ пальто, несмотря на суровые морозы. Разстояніе отъ Катковскаго лица до Петровской академіи, помѣщающейся за городомъ, можно считать приблизительно около 13—14 верстъ, почему покойный профессоръ нанималъ квартиру на полдорогѣ, на Долгоруковской улицѣ, близъ Бутырскаго тюремнаго замка.

Помню, въ одно изъ воскресеній мы пошли къ покойному въ гости съ моимъ пріятелемъ, тоже студентомъ, но только медикомъ, Проферанскимъ.

Со двора, довольно грязнаго, по кривой и крутой деревянной лѣстницѣ мы поднялись въ кухню, за перегородкой которой ютился Я. Я. Цвѣтковъ. Говорить нечего объ обстановкѣ: кажется, были два стула, на тоненькихъ ножкахъ столъ и кровать, покрытая вмѣсто одѣяла знаменитымъ темно-клубчататымъ пальто. Видное мѣсто въ маленькой комнатукѣ (скорѣй «въ углѣ») занималъ большой красивый, кованный сундукъ, который можно вообще видѣть въ зажиточныхъ мѣщанскихъ и крестьянскихъ помѣщеніяхъ.

Такіе сундуки во множествѣ продаются на Сухаревскомъ рынкѣ въ Москвѣ. Никакой другой мебели, даже книгъ, «въ квартирѣ» профессора не было. Профферанскій по послѣднему обстоятельству даже выразилъ довольно деликатно свое удивленіе.

— Для своей бібліотеки я нанимаю другое, болѣе серьезное помѣщеніе,—сказалъ профессоръ.—Съ книгами надо быть осторожнымъ, тѣмъ болѣе, что такого рода товаръ въ страховку не принимается.

Бесѣда наша шла довольно вяло. Было часовъ около одиннадцати утра. Цвѣтковъ, видимо, волновался, къ чему-то прислушивался, поглядывая на свой сундукъ. Въ кухнѣ поднялась ссора, которая вотъ-вотъ перейдетъ въ драку. Сипѣлъ какой-то пьяный басъ и взвизгивалъ женскій голосъ.

— Это супруги объясняются,—добродушно сказалъ профессоръ.—Она солидная хозяйка, онъ почтенный сапожникъ, прекрасные оба люди, только вотъ изъ-за винища идутъ у нихъ горячія объясненія, да и то по праздникамъ, а по буднямъ тихо...

Въ это время раздался визгъ, послышался трескъ разбитой посуды, хлопнула дверь, и въ комнатѣ повисло и замерло крѣпкое русское слово. Я. Я. добродушно смѣялся, видимо, привыкшій къ подобнымъ сценамъ. Онъ всталъ съ постели, сдѣлалъ три шага по комнатѣ, подошелъ къ окну, отъ котораго быстро направился къ сундуку. Звякнулъ ключъ, открылась толстая крышка, и я невольно заглянулъ во внутрь. Въ сундукѣ вещей совѣмъ не было: въ одномъ углу помѣщалась полная четверть «зелена вина», около лежалъ кусокъ копченой колбасы, рядомъ какія-то коробки, а въ другомъ углу горкой воздвигались плитки шоколада. По срединѣ сундука блестѣло совершенно новое жестяное ведро.

— Зачѣмъ это ведро, Яковъ Яковлевичъ?—спросилъ я.

— Какъ зачѣмъ?!—отвѣтилъ Цвѣтковъ.—Ведро такая вещь, которая всегда пригодится.

Профессоръ поставилъ четверть на столъ, вынулъ два малыхъ граненыхъ стакана, положилъ на чистый листъ кусокъ копченой, затвердѣвшей колбасы, также перочинный ножикъ и довольнымъ голосомъ сказалъ:

— Ну, теперь іереи причастились и по закону церковному намъ, православнымъ, можно выпить...—Прошу, господа!

Я указалъ на отсутствіе хлѣба. Цвѣтковъ пошелъ въ кухню и возвратился тотчасъ же съ кускомъ ржаного хлѣба и съ солью.

Мы приступили къ оригинальному завтраку. Профессоръ скоро оживился и такъ и сыпалъ мѣткими цитатами изъ древнихъ и новыхъ классиковъ, а также изъ священнаго писанія. Онъ былъ человѣкъ вѣрующій, хотя и натуралистъ. Онъ доказывалъ тонкимъ математическимъ путемъ существованіе Бога. Однажды профессоръ подарилъ мнѣ съ обычной надписью составленный имъ

учебникъ механики для юнкеровъ Александровскаго училища. Вручая мнѣ эту книгу, Цвѣтковъ сказалъ: «Это руководство я составилъ по Евангелію».

Мы пили водку и закусывали хлѣбомъ: колбаса не поддавалась зубамъ. Дверь отворилась, и хозяйка внесла глубокую тарелку съ накрошенной вареной говядиной, посыпанной крупной солью.

Профессоръ поднесъ ей стаканчикъ, галантно чокнулся съ дамой, которая, качая головой, сказала: «Мало ты ѣшь, Яковъ Яковлевичъ, а при водкѣ это нехорошо... Вотъ и мой также, какъ запьетъ, такъ ему даже насильно куска въ ротъ не вложишь... Не одобряю я того; по-моему, пей и ѣшь, тогда и будешь настоящимъ человѣкомъ!»

Впослѣдствіи при болѣе близкомъ моемъ знакомствѣ съ покойнымъ профессоромъ, когда я узналъ всѣ его привычки, я узналъ тоже, что онъ рѣдко обѣдалъ, довольствуясь колбасой и... шоколадомъ.

Цвѣтковъ пилъ водку, что потомъ, когда онъ вышелъ въ отставку и пересталъ заниматься наукой и чтеніемъ лекцій, перешло въ болѣзненную привычку и, несомнѣнно, ускорило его кончину, хотя онъ умеръ въ преклонномъ возрастѣ, лѣтъ около семидесяти.

Я. Я. Цвѣтковъ скончался въ началѣ текущаго года въ своемъ собственномъ небольшомъ деревянномъ домѣ близъ Прѣсенской заставы, за которой расположилось популярное среди москвичей Ваганьковское кладбище. Когда я выразилъ изумленіе, что профессоръ сталъ домовладѣльцемъ, хотя не похвалилъ выбраннаго имъ мѣста, Цвѣтковъ, смѣясь, отвѣтилъ: «Это все Лѣнтяева совѣтовала домъ купить, а купилъ его именно въ этомъ мѣстѣ потому, что близко къ кладбищу, недалеко нести мой грѣшный прахъ!.. Ну, что? теперь довольна, Лѣнтяева?.. Принесите намъ винаща!»

Лѣнтяева была его кухаркой, экономкой. Рыхлая, пожилая уже женщина, она тоже любила выпить. Ее навѣщали друзья, которыхъ мнѣ пришлось видѣть: они представляли собой, несомнѣнно, московскую такъ называемую «рвань коричневую».

О смерти Цвѣткова, живя на Кавказѣ, я узналъ изъ московскихъ газетъ, въ которыхъ нѣсколько ранѣе я прочелъ о нападеніи на квартиру профессора экспроприаторовъ, этого типа вырожденія человѣчества, будь они революціонеры или «рвань коричневая!»

Экспроприація, впрочемъ, была отбита, кажется, крикомъ и визгомъ Лѣнтяевой, вообще шумомъ, привлечшимъ сосѣдей.

Въ послѣдніе два-три года я не видался съ покойнымъ, но думаю, что его жизнь не представляла ничего утѣшительнаго. Это была угрюмая, мрачная жизнь въ невеселой обстановкѣ собствен-

наго дома, безъ друзей, даже безъ порядочныхъ знакомыхъ, которыхъ профессоръ самъ сторонился. Запой въ сильной степени посѣщаль его временами, и такой періодъ Цвѣтковъ называлъ «хлюстомъ». Онъ временно погружался въ нирвану. По его приказу тогда часы не заводились, отрывной календарь оставался на роковомъ числѣ начала «хлюста», книги лежали съ раскрытыми страницами, начатое письмо или работа ждали автора, покрываясь пылью.

Цвѣтковъ приходилъ въ себя и считалъ по всѣмъ этимъ примѣтамъ довольно точно, сколько времени продолжался «хлюсть!»

А было время иное, свѣтлыхъ надеждъ, ученыхъ трудовъ, когда молодой профессоръ математики обратилъ на себя вниманіе ученаго міра. Отъ него ждали, его талантъ былъ внѣ сомнѣнія. Но все почему-то пошло не по торному, ученому пути. Цвѣтковъ скоро сталъ оригиналомъ и только профессоромъ. Я. Я. учился и въ гимназій и въ университетѣ съ извѣстнымъ критикомъ Д. И. Писаревымъ, котораго онъ хорошо зналъ и, видимо, любилъ. Но о своемъ студенчествѣ, о началѣ ученой дѣятельности онъ никогда не говорилъ и не вспоминалъ. Мнѣ кажется, что именно въ этотъ періодъ его жизни съ нимъ случилось нѣчто такое, что наложило глубокую печать на складъ его характера и отношенія ко внѣшнему міру и въ томъ числѣ къ людямъ. Повидимому, этотъ профессоръ теоретически любилъ людей, презирая ихъ практическія условности и тотъ строй, въ которомъ онъ не находилъ правды, а слѣдовательно и высшаго счастья, которое математически можетъ и могло быть осуществимо. Всѣ симпатіи Цвѣткова лежали на сторонѣ трудовой массы, въ особенности крестьянства и крестьянства русскаго, въ мірѣ котораго онъ находилъ широту чувствъ. Я. Я. не чуждъ былъ «достоевщины», какъ всякій русскій интеллигентъ съ больной душой.

Умъ Цвѣткова былъ точный, чрезвычайно наблюдательный, и память огромная, даже изумительная. Несмотря на излишества употребленія алкоголя, эту память онъ сохранилъ до послѣднихъ лѣтъ своей жизни. Я прекрасно помню такой случай. Лѣтомъ, еще въ 80-хъ годахъ, Цвѣтковъ проживалъ въ одномъ изъ номеровъ студенческаго общежитія. Какъ-то мы собрались у профессора и довольно весело проводили время. Компанія была немногочисленная, но довольно дружная, а главное безъ претензій. Кромѣ меня, были покойный поэтъ Ил. Ив. Пальминъ и бывший «петровецъ»-студентъ П.

Наканунѣ Пальминъ написалъ злое и оригинальное стихотвореніе «Чиновникъ». Оно не вошло въ общее собраніе его произведеній, было короткое, строкъ 12, а можетъ было и 16. Я попросилъ поэта прочесть стихи. Иліодоръ Ивановичъ покопался въ боковомъ карманѣ пиджака, вынулъ измятую бумажку и прочелъ.

Мы много смѣялись. Прошло немало времени. Въ бесѣдѣ кто-то къ слову привелъ строку изъ прочитаннаго «Чиновника». И что жъ вы думаете? Профессоръ, смотря въ окно, медленно и ясно продекламировалъ все, безъ малѣйшей ошибки, стихотвореніе. Всѣхъ больше былъ удивленъ самъ поэтъ, который долго послѣ этого смотрѣлъ на Цвѣткова, пока не проговорилъ: «Ну, и память же у человѣка!»

Мѣшали ли ему студенты, или по какой другой причинѣ, но Я. Я. не понравилось квартировать въ общежитіи и онъ съ разрѣшенія директора поселился въ подвальномъ зданіи академіи, гдѣ жили сторожа со своими семьями. Цвѣтковъ, повидимому, въ подвалѣ чувствовалъ себя хорошо и свободно, кромѣ того, лѣтомъ тамъ было прохладно и даже до нѣкоторой степени уютно. Красный сундукъ попрежнему хранилъ четверть и жестяное ведро. Профессоръ вообще не любилъ прибѣгать къ услугамъ, да и потребности его были болѣе чѣмъ ограниченныя. Не мудрено, что въ кабакъ за водкой ходилъ онъ самъ, ходилъ черезъ паркъ и цвѣтникъ ближайшей дорогой. Обыкновенно вечеромъ около цвѣтовъ по удобнымъ лавкамъ-диванамъ располагалась дачная фешенебельная публика, выходили также въ «пухъ и прахъ» разодрѣтыя жены профессоровъ. Вся эта компанія сидѣла или гуляла особенно чинно, важно и серьезно, занимаясь сплетнями и завистливыми замѣчаніями по части костюмовъ, которые, какъ извѣстно, у дамъ общества составляютъ высокій культъ, ихъ мечты, надежды одѣться лучше и «проще» всѣхъ. И вдругъ среди такого-то общества въ потертомъ пиджакѣ, въ старой шляпѣ-котелкѣ пробирается въ очахъ небольшого роста человѣкъ съ остренькой бородкой и пустой четвертью въ рукахъ. О, ужасъ! безсовѣстный даже не завернулъ въ бумагу позорную посуду!.. и это профессоръ-генералъ! Въ высокомъ обществѣ негодованіе, которое по-вышается, когда профессоръ хладнокровно возвращается съ полною четвертью водки!

— Смотрите! смотрите!—шипятъ жены профессоровъ, которые язвительно улыбаются.—Какое безобразіе!

О такомъ безобразіи было доложено директору, который, по ихъ мнѣнію, долженъ вмѣшаться въ ходженіе профессора въ кабакъ и обратно съ четвертью въ рукахъ. Директоръ нашелъ, въ свою очередь, поведеніе Цвѣткова нетактичнымъ и при встрѣчѣ выразилъ это покойному, указавъ, что за водкой онъ можетъ посылать сторожей.

— А развѣ по закону мнѣ самому не полагается ходить? Можете мнѣ показать такой законъ?—спросилъ серьезно Цвѣтковъ.

— Такого закона, конечно, нѣтъ, Яковъ Яковлевичъ, но, согласитесь, неловко для профессора..

— Профессоръ тоже человѣкъ и можетъ поступать по своему разумѣнію... Развѣ я кому мѣшаю или кого стѣсняю!?

Директоръ пожалъ плечами, а Цвѣтковъ на зло «цвѣтнику» не измѣнилъ своихъ привычекъ. Зачѣмъ? Онъ пилъ водку и этого не скрывалъ.

Я. Я. Цвѣтковъ былъ демократъ по убѣжденію и существу. Простому народу этотъ человѣкъ былъ, несомнѣнно, близокъ. Мнѣ приходилось его видѣть въ средѣ рабочихъ, которые искренно къ нему относились, считая, впрочемъ, за чудака, но только хорошаго. Цвѣтковъ очень уважалъ поэзію Некрасова, стихотворенія котораго почти всѣ зналъ наизусть. Да! странный былъ человѣкъ, который жилъ не для себя. Какъ сейчасъ помню его торжественную фигуру съ поднятой рукой, когда онъ декламировалъ «Рыцарь на часъ».

Странность Цвѣткова обнаружилась въ первые годы его профессорской дѣятельности.

По поводу увольненія нѣсколькихъ студентовъ за невзносъ платы за лекціи былъ собранъ совѣтъ. Вопросъ этотъ былъ поставленъ на баллотировку. Да или нѣтъ, уволить или освободить отъ платы? Одни профессора отвѣчали въ положительномъ, другіе въ отрицательномъ смыслѣ. Когда очередь дошла до Я. Я. Цвѣткова, онъ спросилъ: «Сколько должны внести денегъ увольняемые студенты?» Предсѣдатель далъ точную цифру. Молодой профессоръ вынулъ изъ кармана деньги и положилъ ихъ на столъ вмѣсто своего голоса.

Такое поведеніе произвело впечатлѣніе, особенно среди студентовъ.

Въ такомъ направленіи профессоръ Цвѣтковъ дѣйствовалъ въ послѣдствіи. Я уже упоминалъ, что онъ помимо академіи преподавалъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Его годовой заработокъ приблизительно выражался не менѣе 8 тысячъ, а на свою персону, т. е. на житье въ Москвѣ или академіи, онъ издерживалъ 300 или въ крайности не болѣе 400 рублей. Стало быть, ежегодный остатокъ равнялся порядочной суммѣ денегъ, которыя постепенно накапливались, образуя нѣкоторый капиталъ. Что же дѣлалъ съ этими деньгами Цвѣтковъ? куда онъ ихъ дѣвалъ? Жертвовалъ на студенческія стипендіи и на пособія. Я знаю, онъ помогъ устроиться нѣкоторымъ петровцамъ маленькими хуторами, спасъ отъ суда растратившаго казенныя деньги казначея, помогалъ между прочимъ нѣкоторымъ рабочимъ М.-Брестской дороги, бѣднякамъ, которыхъ подъ старость лѣтъ администрація вышвырнула на улицу. Помню одного такого слесаря, поселившагося у Цвѣткова (когда послѣдній купилъ домъ) со своимъ единственнымъ имуществомъ, довольно объемистымъ самоваромъ, который онъ берегъ страшно и никогда не закладывалъ. Не знаю, насколько благополучно кончились хлопоты покойнаго о пенсіи рабочему. Однимъ словомъ,

Цвѣтковъ не былъ скупымъ, какъ говорили нѣкоторые злые языки. Такой слухъ происходилъ, вѣроятно, на томъ основаніи, что Яковъ Яковлевичъ никогда не давалъ денегъ въ долгъ, а только жертвовалъ и помогалъ, и то не всякому, а кому находилъ нужнымъ: можетъ, въ этомъ послѣднемъ обстоятельстве былъ или проявлялся его капризъ—я не спорю. Но вѣдь благотворительность и вообще филантропія субъективна и капризна!

Въ послѣднія 10—15 лѣтъ Цвѣтковъ жилъ въ Москвѣ безвыѣздно, но когда онъ служилъ, особенно въ первую половину своего профессорства, покойный ежегодно при наступленіи ваканцій отправлялся за границу. Онъ путешествовалъ не какъ другіе и оригиналъ вездѣ оставался оригинальнымъ. Во-первыхъ, профессоръ тратилъ въ Европѣ мало денегъ, а во-вторыхъ, все видѣлъ и не изъ оконъ вагона.

— Обыкновенно дѣлалъ я такъ, и вамъ совѣтую, если отправитесь въ Западную Европу, а именно: не берите съ собой багажа, кромѣ ручного, и ходите по Европѣ пѣшкомъ...

— Какъ такъ?! Это интересно!

— Я дѣлалъ обыкновенно такъ: переѣхавъ границу и заранѣе, конечно, составивъ маршрутъ, слѣзалъ на намѣченной станціи и въ походъ, отъ кабачка до кабачка.

— Не можетъ быть!!

— Кабачки тамъ удобные, не похожіе на наши,—продолжалъ профессоръ:— въ иностранныхъ кабачкахъ, кромѣ того, что выпить, но пообѣдать, вообще закусить всегда можно, также и переночевать. Днемъ, особенно подъ вечеръ, найдете компанію мѣстныхъ жителей, отъ которыхъ все узнаешь объ условіяхъ и характерѣ мѣстной жизни, которая, наконецъ, сама передъ вашими глазами. На другой день дальше: дороги вездѣ удобныя, дремучихъ лѣсовъ и болотъ не имѣется, однимъ словомъ, вы совершаете интересную прогулку и знакомитесь на мѣстахъ съ народомъ. Изъ Германіи въ Швейцарію; а отсюда хотите во Францію, хотите въ Италію—воля ваша!

— И ничего? и съ вами не было никакихъ приключеній? неприятностей?

— Нѣтъ, паспорта нигдѣ не спрашивали,—отвѣчалъ, смѣясь, профессоръ.—Вотъ при Наполеонѣ III, когда онъ былъ президентомъ республики, я порядочно натерпѣлся горя, пришлось даже въ тюрьмѣ посидѣть!.. Порядки тогда были похуже нашихъ, русскихихъ...

Правда, Цвѣткову было удобно путешествовать запросто, «на своихъ двоихъ», онъ прекрасно зналъ не только европейскіе, но и латинскій и греческій языки. Я помню его разговоры по-еврейски съ нашими академическими Юдкой и Эскинымъ. Они были портные, шили на студентовъ и чинили костюмъ (по частямъ)

профессору, при каждомъ случаѣ убѣждая его заказать новые штаны или пиджакъ...

Горячая бесѣда съ русскаго языка переходила на еврейскій.

— И какъ можно! такого хорошаго, образованнаго профессора показывать публикѣ невозможны брюки... Я говорю, а мнѣ сто-зъ!..

И смѣшной жидъ съ огромной головой, сильной растительностью и на тоненькихъ ножкахъ, этотъ самый Юдка показывалъ на бахрому брюкъ Цвѣткова.

Но профессоръ былъ непреклоненъ и заставлялъ Юдку подрѣзывать ножницами низы брюкъ.

Жидъ повиновался, укоризненно качая большой, лохматой головой. Профессоръ и евреи пребывали всегда въ добрыхъ отношеніяхъ.

Вообще Цвѣтковъ былъ человѣкъ гуманный и справедливый. Передъ студентами онъ не заискивалъ и на экзаменахъ былъ очень строгимъ профессоромъ: чтобы получить у него удовлетворительную отмѣтку, нужно было дѣйствительно знать предметъ.

Многіе удивлялись его образу жизни, немногіе негодовали на его чудачества, но ни на тѣхъ, ни на другихъ покойный не обращалъ рѣшительно своего вниманія и привычекъ даже подъ старость не измѣнялъ.

Холодная дождливая осень! Желтые листья, качаясь, падаютъ на мокрую землю. Сѣрое небо, грязь, уныло, безпросвѣтно впереди. Плетется, широко помахивая правой рукой, въ мокромъ деми-сезонѣ нашъ профессоръ. Его шагъ твердый, размѣренный: остается версты три до академіи, пройдено десять. Пѣшехода перегоняетъ извозчичья пролетка. Студентъ, уступая большую часть мѣста и останавливая извозчика, предлагаетъ подвезти.

— Пожалуйте,—говоритъ онъ,—г. профессоръ...

— Благодарю!—отвѣчаетъ Цвѣтковъ, прибавляя шагу.

Мгла растеть, дождь увеличивается.

Я забылъ сказать, что Цвѣткову, какъ профессору, полагалась казенная, приличная, комната изъ пяти кварта, которой онъ не пользовался, заявивъ, конечно, объ этомъ. Съ профессорами онъ не былъ знакомъ коротко, отношенія были официальные. Вообще знакомство покойнаго было ограниченное.

Ко мнѣ онъ сталъ, видимо, относиться лучше и искреннѣе со времени моего батрачества у А. Н. Энгельгардта, а потомъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Цвѣтковъ говорилъ, что я дѣлаю правильно, если хочу серьезно изучить народъ: для этого хотя временно нужно пожить въ его шкурѣ.

Потомъ я жилъ въ Москвѣ, и профессоръ посѣщалъ меня за-просто, не стѣснялся моихъ гостей, бывалъ очень милъ и общителенъ.

Помню его на одной дружеской пирушкѣ, когда онъ энергично подтягивалъ хору, острилъ и не отказывался отъ угощенія. Время было далеко за полночь, и профессоръ, въ сущности довольно слабый человѣкъ, находился подъ порядочными парами Бахуса. Расходились наконецъ, но я просилъ Цвѣткова переночевать, потому что онъ далеко жилъ. Ни за что, какъ я ни убѣждалъ.

Было хмуро и холодно. Профессора я проводилъ за ворота и видѣлъ, что онъ пошелъ быстро, твердымъ шагомъ, широко по обыкновенію размахивая правой рукой.

Спустя нѣкоторое время я узналъ, что Я. Я. въ тотъ вечеръ пришлось переночевать въ участкѣ. Онъ такъ ослабѣлъ дорогой, что уснулъ около какого-то подъѣзда.

Профессоръ добродушно рассказывалъ: «Пришлось переночевать въ узилицѣ за желѣзными рѣшетками съ очень милой, но очень вольной компаніей. Впрочемъ, ничего!.. они относились ко мнѣ нельзя сказать, чтобы съ уваженіемъ, но не оскорбляли... нѣтъ! между собой бранились... это ихъ дѣло!»

Цвѣтковъ весело смѣялся, вспоминая, вѣроятно, нѣкоторыя сцены въ «холодной».

— Но какъ же потомъ... Васъ скоро выпустили, надѣюсь?—спрашивалъ я.

— Ну, нѣтъ! часу въ одиннадцатомъ,—отвѣчалъ онъ.—Начальство нельзя сказать, чтобы обошло со мной вѣжливо, очень раздражительное начальство! Я, конечно, никакого повода не давалъ... Кто знаетъ, можетъ, личность моя приставу не понравилась... Выстроили насъ передъ нимъ въ строй, когда онъ явился въ участокъ на службу. «Ты кто, пьяница? гдѣ живешь?»—началъ спрашивать съ краю, а я стоялъ по срединѣ. Вотъ очередь дошла и до меня. «А ты... кто? званіе?»—Дѣйствительный статскій совѣтникъ, отвѣчаю. «Ну, ну... смотрите, еще не проспался... Говори!» Я повторяю съ добавленіемъ «профессоръ». «Я тебѣ дамъ профессора! экій мерзавецъ! отвести его въ холодную!»

Меня отвели, но черезъ часъ опять привели. Пристава не было, спрашивалъ помощникъ, который говорилъ, почему я не открываю своего званія и фамиліи?—Про фамилію меня не спрашивали, а званіе свое я объявилъ. Начальство глядѣло на меня серьезно, рѣшивъ справиться по телефону. Когда все разъяснилооъ, то пошли всякія извиненія и меня съ честью выпустили.

Цвѣтковъ принадлежалъ къ числу людей, которыхъ ничто не могло раздражить: свою научную, критическую точку зрѣнія онъ никогда не оставлялъ. Правда, на весь міръ онъ смотрѣлъ, какъ древній философъ, въ немъ было нѣчто сократовское, если бы не его фигура, небольшая и слабой комплекціи.

Къ посѣщенію лекцій и вообще къ своимъ обязанностямъ Цвѣтковъ относился крайне аккуратно. Никакая погода, какъ ни

была она отвратительна, задержать его пѣшаго хожденія въ академію не могла.

Бывало студенты съ трудомъ проберутся съ выселокъ на лекціи, а онъ бредеть мокрый и холодный.

— Неужели придетъ?—спрашиваютъ студенты передъ его часами, посматривая въ окна.

— Непремѣнно!—отвѣчаютъ опытные.

— Примѣра такого не было, чтобы г. профессоръ не только не пришелъ, но и опоздалъ бы на пять минутъ. Этого не бываетъ,— съ гордостью говорилъ сторожъ физическаго кабинета.

И дѣйствительно, Цвѣткова лекціи начнались минута въ минуту.

Фракъ его съ ясными пуговицами хранился обыкновенно въ кабинетѣ. Профессоръ надѣвалъ его передъ лекціями и снималъ по окончаніи ихъ. Станный, во всемъ странный былъ человѣкъ!

Какъ-то, давно это было, когда не было водочной монополіи, мы брели съ Я. Я. подъ дождемъ изъ академіи. Пришли на Бутырки.

— Б-р-ръ!—сказалъ Цвѣтковъ.—Холодно что-то!..

— Промокли мы... оттого!—отвѣчалъ я.

— Зайдемъ въ «Капернаумъ!»—рѣшилъ мой спутникъ.

И мы вошли въ обыкновенный, довольно просторный кабакъ.

— Два стаканчика!—попросилъ Я. Я.

И когда цѣловальникъ наливалъ водку, Цвѣтковъ серьезно его спросилъ:

— А можно здѣсь прославить Господа?

— Отчего же?!—впрочемъ, въ нѣкоторомъ недоумѣніи проговорилъ начальникъ водки.

Цвѣтковъ быстро обернулся въ сторону образа и быстро, скороговоркой не то пропѣлъ, не то прочиталъ молитву.

Потомъ выпили, ушли и стали молча шагать по грязи.

И вотъ умеръ бывший профессоръ, скончался человѣкъ, не сдѣлавшій въ своей жизни не только дурного дѣла, но не сказавшій другому человѣку дурного слова! Миръ праху твоему, справедливый и честный гуманистъ!

Въ заключеніе долженъ еще прибавить. Когда Цвѣткову пришлось выйти въ отставку, то ему была назначена полная пенсія, отъ которой профессоръ отказался, написавъ, что по закону онъ заслужилъ лишь половинный окладъ... Не хватало, кажется, нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

С. Васюковъ.

МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ ОЗМИДОВЪ.

(Къ десятилѣтію смерти—1897—1907 гг.).

I.

ВЪ НАШЕ тяжелое время, когда сумракъ политической борьбы безнадежно окуталъ жизнь, какъ-то не вѣрится, что недавно еще были иныя времена, иная житейская атмосфера, когда царили чистые, высокіе идеалы. На томъ же русскомъ Югѣ, гдѣ кипить теперь кровавая борьба національностей, всего десять лѣтъ назадъ дышалось легче, спорилось русское дѣло, и въ космополитической обстановкѣ царицы Юга—Одессѣ—были свои русскіе богатыри, бодро выносившіе на своихъ плечахъ русское дѣло и творившіе созидательную работу на благо Россіи.

Объ одномъ изъ этихъ забытыхъ нынѣ богатырей я и поведу рѣчь. Такимъ богатыремъ былъ извѣстный одесскій дѣятель и одесскій редакторъ Михаилъ Павловичъ Озмидовъ. Въ то время не было въ Россіи политическихъ партій, но шла серьезная борьба и въ обществѣ и въ печати. Эта идейная борьба имѣла своихъ глашатаевъ. 30 лѣтъ подъ рядъ такимъ глашатаемъ и благороднымъ идейнымъ борцомъ въ своеобразной обстановкѣ космополитической Одессы былъ покойный Михаилъ Павловичъ Озмидовъ.

Въ нынѣшнемъ году исполнилось десятилѣтіе его смерти. Какъ бессильно время: изъ глубины промчавшихся лѣтъ, несмотря на всѣ мрачныя наслоенія жизни, выступаетъ передъ нами, какъ живая, благородная мощная личность Озмидова. Еще живы его дѣла,

еще витаетъ его духъ на родномъ ему Югѣ, гдѣ, со смертію Озмидова, нѣтъ уже равнаго ему по силамъ борца, который бы такъ же безстрашно и самоотверженно проповѣдывалъ русскія идеи и вразрѣзъ всѣмъ новѣйшимъ политическимъ заблужденіямъ звалъ къ свѣтлому будущему.

Въ восьмидесятыхъ годахъ не было города счастливѣе Одессы. Богатая, живописно раскинувшаяся у береговъ Чернаго моря, живая промышленная Одесса была настоящей жемчужиной Юга. Широкая жизнь текла здѣсь. Пушкинъ когда-то восторгался Одессой, описывая богатое одесское общество и одесскихъ красавицъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ, какъ и при Пушкинѣ, южная столица оставалась городомъ космополитическимъ, полу-иностраннымъ. Греки и итальянцы, построившіе здѣсь свои пышныя палатцы и участвовавшіе въ мировомъ хлѣбномъ экспортѣ Одессы, давали тонъ мѣстной жизни. Русское населеніе Одессы, весьма многочисленное, держалось какъ-то незамѣтно, разрозненно. Русскіе принадлежали преимущественно къ чиновному, служилому люду, кромѣ развѣ маленькой горсточки мѣстныхъ аристократовъ: Толстыхъ, Строгановыхъ и другихъ бывшихъ на виду.

Греческая колонія на ряду съ итальянской первенствовала. Греки широко торговали, были крупными собственниками имущества, и многіе изъ нихъ переходили въ русское подданство. Среди одесскихъ общественныхъ дѣятелей были видные представители греческой колоніи, какъ, напримѣръ, покойный Г. Г. Маразли, объединявшій въ своемъ лицѣ и городское представительство, и представительство и вліяніе въ дѣлахъ колоніи. Но замѣчательно, что греки, даже вполне акклиматизировавшіеся въ Россіи, не порывали связей со своей родиной. Маразли насаждалъ благотворительныя учрежденія въ Одессѣ: пріюты, школы, больницы, и въ то же время благотворилъ и въ Аѣинахъ. Онъ, между прочимъ, издалъ для своихъ соотечественниковъ бібліотеку русскихъ классиковъ въ переводѣ на греческій языкъ.

Греческая колонія въ Одессѣ процвѣтала. Она имѣла въ городѣ свою прекрасную церковь, свое благотворительное общество, училища, богадѣльню, каковыя существуютъ и сейчасъ.

Русское общество въ Одессѣ, даже высшее, какъ-то само себя уничтожало. Англійскій клубъ, карты и отсутствіе всякихъ серьезныхъ интересовъ. Объединенія не было ни въ чемъ, и даже въ городскихъ дѣлахъ Одессы ворочали всѣмъ больше греки и обрусѣвшіе иностранцы, чѣмъ русскіе. Евреи господствовали въ торговлѣ и въ банкахъ и продѣлывали сказочные подвиги ростовщичества, въ то время не наказывавшагося закономъ. Среди южнаго еврейства появились изумительные типы въ родѣ короля южныхъ ростовщиковъ Диманта, желавшаго «обратить русскихъ дворянъ въ холоповъ іерусалимскихъ дворянъ». Онъ во всю ра-

зорялъ помѣщиковъ, забиралъ имущества и земли, глумился надъ разоренными и, кромѣ своихъ лихвенныхъ захватовъ, достигалъ нѣкоторымъ образомъ рабовладѣнія. Этотъ ростовщикъ въ концѣ концовъ былъ убитъ однимъ изъ разоренныхъ имъ помѣщиковъ... Одни ростовщики-евреи специализировались на помѣщикахъ, другіе прибирали къ своимъ рукамъ дома и городскія имущества. Одесская печать была полуеврейская; когда было нужно, она горячо защищала интересы своихъ соплеменниковъ. Разоренные русскіе люди были слабы и инертны. Тиски еврейскаго рабовладѣнія сжимались крѣпко, и вдругъ въ этой обстановкѣ раздался смѣлый, энергичный протестующій русскій голосъ. Это былъ голосъ Озмидова, который въ первомъ номерѣ своего «Новороссійскаго Телеграфа» говорилъ: «Бороться съ общественнымъ зломъ наша обязанность. Во всѣ времена люди, искренно любившіе то общество, къ которому они принадлежали, указывали его недостатки».

Михаилъ Павловичъ Озмидовъ, уроженецъ Бессарабіи (родился въ 1836 году), приѣхалъ въ Одессу въ семидесятыхъ годахъ молодымъ архитекторомъ. Сильный духомъ и крѣпкій здоровьемъ, онъ сразу сталъ замѣтенъ въ столицѣ Юга, какъ только выступилъ въ роли издателя «Новороссійскаго Телеграфа». Судьба опредѣлила ему исключительную роль въ исторіи Одессы.

II.

Озмидовъ началъ изданіе «Новороссійскаго Телеграфа» за два года до турецкой войны, въ 1875 году. Въ то время въ Одессѣ былъ въ силѣ «Одесскій Вѣстникъ» — старѣйшая патриархальная газета, отличавшаяся высокимъ стилемъ и изумительно спокойнымъ тономъ. «Одесскій Вѣстникъ» былъ безцвѣтенъ до крайности, и горячій искренній тонъ «Новороссійскаго Телеграфа» сразу обратилъ на себя вниманіе. Особенно подняла одесскую печать русско-турецкая война 1877—78 гг., когда Одесса по своей непосредственной близости къ театру войны сдѣлалась центромъ военнаго движенія. Одесскій коммерческій флотъ, за отсутствіемъ у насъ въ то время военнаго флота, принялъ участіе въ военныхъ операціяхъ, и на коммерческихъ корабляхъ совершались даже геройскіе подвиги въ родѣ взрыва турецкаго броненосца капитанъ-лейтенантомъ Барановымъ.

Общественное вниманіе Юга во время войны было приковано къ печати, и это обѣщало хорошую будущность «Новороссійскому Телеграфу». Послѣ первыхъ шаговъ изданіе окрѣпло. Озмидовъ началъ газету, что называется, на бивуакѣ, въ чужомъ домѣ, не имѣя собственной типографіи. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ выстроилъ

собственный домъ въ лучшей части города — у Александровскаго парка. Этотъ причудливый домъ съ четырьмя башнями на крышѣ и съ устроенными въ нихъ цвѣтниками хорошо помнятъ старые

Михаиль Павловичъ Озмидовъ.

одесситы. Въ нижнемъ этажѣ дома помѣщалась типографія Озмидова, въ полуподвальномъ помѣщеніи стояли машины, верхній этажъ занимали редакція и квартира Озмидова. Последняя своими окнами и чудеснымъ, большимъ балкономъ, густо окутаннымъ

дикимъ виноградомъ, выходила къ Александровскому парку — къ главнымъ аллеямъ.

Озмидовъ по мѣрѣ развитія своего дѣла придавалъ газетѣ характеръ крупнаго политическаго и литературнаго органа. «Новороссійскій Телеграфъ» не уступалъ по своей программѣ и достоинству литературнаго матеріала столичнымъ газетамъ. Озмидовъ привлекалъ петербургскихъ сотрудниковъ. У него долгіе годы работали И. О. Василевскій-Буква, П. П. Гнѣдичъ, А. Н. Молчановъ, тогда еще молодые литераторы, только что пріобрѣтавшіе извѣстность, и старый, нынѣ почти забытый симпатичный петербургскій журналистъ П. С. Степановъ, не мало работавшій въ прежніе годы въ «Новомъ Времени» по отдѣлу библіографіи. Его любовь къ беллетристикѣ, его тонкое чутье и отличное знаніе русской литературы дѣлали его цѣннымъ работникомъ по этой отрасли.

П. С. Степановъ какъ-то сказалъ мнѣ:

— Озмидовъ интересуется петербургскими сотрудниками. Не согласились ли бы вы принять участіе въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ». Условія у него тѣ же, что и въ петербургскихъ изданіяхъ.

Я зналъ уже «Новороссійскій Телеграфъ» и охотно согласился. Черезъ нѣсколько дней я получилъ письмо изъ редакціи «Новороссійскаго Телеграфа» съ любезной припиской самого Озмидова, который въ нѣсколькихъ строкахъ выражалъ мнѣ признательность за вниманіе къ его газетѣ.

Объ Озмидовѣ я много слышалъ въ Петербургѣ отъ знакомыхъ, которые посѣщали Одессу, и отъ артистовъ петербургскихъ театровъ, бывавшихъ на Югѣ. Его рисовали важнымъ баринкомъ Одессы и симпатичнымъ человѣкомъ. Имя Озмидова было популярно на всемъ Югѣ, хотя помѣтная печать Юга и довольно непріязненно относилась къ «Новороссійскому Телеграфу». А послѣдній уже процвѣталъ, былъ крупной и самой вліятельной газетой въ Одессѣ. Старый «Одесскій Вѣстникъ» уступилъ ему первенство. Но, впрочемъ, въ это же время нарождались въ Одессѣ новыя газеты, и среди нихъ усиленно искала популярности уличная газетка «Одесскій Листокъ», преобразованная изъ «Листка объявленій».

Въ 1890 году я уѣзжалъ изъ Петербурга въ большую поѣздку по Россіи и долженъ былъ побывать и въ Одессѣ.

— Смотрите, если будете въ Одессѣ, непременно посѣтите Озмидова, — говорилъ мнѣ П. С. Степановъ задолго до моего отъѣзда.

И дѣйствительно, по пріѣздѣ въ Одессу, я поспѣшилъ повидаться съ Озмидовымъ, а впоследствии судьба свела меня съ нимъ совсѣмъ близко.

III.

Я попалъ въ Одессу ко дню открытія тамъ памятника Александру II, весной 1890 г. Какъ сейчасъ вижу эту лучезарную столицу Юга, изобильно залитую жаркимъ весеннимъ солнцемъ съ разбросаннымъ надъ морскими обрывами чуднымъ, тогда еще совѣмъ молодымъ Александровскимъ паркомъ. Въ этомъ паркѣ первое дерево, сохранившееся и донныѣ, лично посадилъ императоръ Александръ II, бывшій въ Одессѣ въ сентябрѣ 1875 года.

Въ ту минуту, когда я подъѣзжалъ къ редакціи «Новороссійскаго Телеграфа», неожиданно полилъ сильный дождь, и спугнутые дождемъ гимназисты и гимназистки бѣжали изъ парка въ прилегающія улицы. На балконѣ углового дома появился полный симпатичный господинъ, который хриповатымъ голосомъ кричалъ школьникамъ:

— Дѣти, скорѣе сюда, въ мой подъѣздъ, поднимайтесь по лѣстницѣ.

И группы школьниковъ и гимназистокъ бросились въ подъѣздъ озмидовскаго дома, укрываясь отъ усиливавшагося ливня.

— Бѣдныя дѣти,—сказалъ мнѣ М. П. Озмидовъ послѣ первыхъ привѣтствій.— Всѣ они были тамъ у памятника и попали подъ дождь. Какъ они измокли. Пусть переждутъ немного... Вы пріѣхали къ намъ,—продолжалъ М. П. Озмидовъ,—какъ разъ къ торжеству. Завтра открытіе памятника. Готовитесь цѣлое празднество. Будутъ депутаціи отъ города, отъ земскихъ учрежденій, отъ мѣстной печати. Присоединяйтесь къ депутаціи «Новороссійскаго Телеграфа».

Я поблагодарилъ за предложеніе и на другой день присутствовалъ въ семьѣ сотрудниковъ «Новороссійскаго Телеграфа» на торжествѣ. Озмидовъ и его помощникъ по редакціи И. П. Желиховскій, нынѣ покойный, возложили вѣнокъ на памятникъ. Среди насъ находилась и жена Михаила Павловича, Зинаида Константиновна Озмидова, тоже сотрудница «Новороссійскаго Телеграфа», помѣщавшая въ газетѣ свой беллетристическія произведенія.

Торжество, въ обстановкѣ красиваго Александровскаго парка, въ присутствіи войскъ, депутацій и безчисленной публики, вышло величественнымъ и картиннымъ.

Я разговорился съ М. П. Озмидовымъ, восхваляя ему Одессу. Онъ нетерпѣливо слушалъ мои похвалы.

— Вотъ всѣ пріѣзжіе восторгаются Одессой,—сказалъ онъ.— Я думаю, это только потому, что вы тамъ, въ Петербургѣ, отсырѣли, отвыкли отъ солнца и тепла. Но взгляните пристальнѣе, что хорошаго въ Одессѣ?—только море, а въ городѣ вы не считаете и десятка красивыхъ зданій. Я говорю о строгой архитек-

турной красотѣ. Всѣ дома здѣсь или казеннаго образца, или какія-то нескладныя, уродливыя, безъ всякаго стиля. Одесса непривлекательна во всѣхъ отношеніяхъ. Жизнь здѣсь складывается тяжело и ненормально. Сегодня вы застали у насъ праздничное настроеніе. Это исключительный день, но вообще вы почувствуете здѣсь иноплеменный гнетъ, чего вы не ощущаете ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ и ни въ одномъ русскомъ городѣ. Еврейство давитъ и разрушаетъ русскую жизнь. Въ Одессѣ настоящій узелъ еврейскихъ операций, здѣсь чувствуется экономическій гнетъ евреевъ. А вѣдь, замѣтите, евреевъ въ Одессѣ всего одна треть. Между тѣмъ торговыя компаніи, предпріятія, магазины, банки, все въ ихъ рукахъ. Евреи командуютъ кредитомъ, а безъ кредита чахнетъ всякое дѣло. Русская податливость передъ евреями прямо преступна. Къ сожалѣнію этого многіе не понимаютъ. Вѣдь каждой уступкой вы отдаете во власть евреевъ не только себя, но и всѣхъ тѣхъ, кто отъ васъ зависитъ или кто стоитъ у вашего дѣла. Вотъ путемъ такихъ безобидныхъ на видъ уступокъ незамѣтно достигается массовое порабощеніе русскихъ евреями, и русское дѣло на Югѣ трещитъ по всѣмъ швамъ. Замѣтите,—продолжалъ Озмидовъ,—экономическій гнетъ это только первая ступень еврейскаго могущества, за нимъ начнется гнетъ политическій, когда мы перестанемъ быть хозяевами въ своей странѣ. Вѣдь дѣло идетъ къ тому, и при нашей славянской мягкости и уступчивости недалеко до полнаго еврейскаго торжества. Не дай Богъ, чтобы мои слова когда-нибудь оправдались, но я вижу опасность и я веду борьбу съ еврействомъ. Весь югъ Россіи обращается въ еврейскую провинцію. Не уничтожать евреевъ надо, а надо противопоставить имъ сильное русское самосознаніе и русскую сплоченность. Вотъ это и есть задача русскаго дѣла и русской печати на югѣ.

IV.

Жизнь Михаила Павловича проходила въ Одессѣ среди безчисленныхъ терній. Частью онъ самъ вносилъ эту страстность въ отношенія къ себѣ. Прямодушный, искренній, часто рѣзкій, онъ выражалъ свое мнѣніе рѣшительно и не шелъ на компромиссы. Многимъ искренность Озмидова нравилась, но многихъ она и пугала, особенно тѣхъ одесскихъ дѣльцовъ, которые были замараны разными исторіями и которыхъ Озмидовъ открыто осуждалъ и разоблачалъ. Они по мѣрѣ возможности мстили ему изъ-за угла.

— Онъ невоспитанный, рѣзкій человѣкъ, -- говорили эти господа и прибавляли, какъ самую наивысшую хулу:—онъ ярый юдофобъ... Посудите: какой просвѣщенный человѣкъ можетъ въ наше время

питать ненависть къ евреямъ, евреи такіе же люди. Что они пронырливы, оборотисты—это дѣлаетъ имъ честь.

Могущественные въ Одессѣ евреи разнообразно мстили Озмидову за его юдофобство. Дальше я расскажу исторію во вкусѣ шейлоковскаго «фунта мяса». «Новороссійскій Телеграфъ» бойкотировался ими, былъ стѣсненъ въ кредитѣ и въ то время, какъ другіе оборотливые издатели юдофильскаго лагеря пользовались неограниченнымъ вниманіемъ еврейскихъ дѣльцовъ и строили свое благополучіе на еврейскихъ деньгахъ, Озмидовъ въ трудныя минуты изворачивался только при помощи двухъ-трехъ преданныхъ ему людей. Но это были настоящіе его друзья, не отказывавшіе ему въ содѣйствіи до конца его жизни.

Осуждать Озмидова за юдофобство можно было только по пристрастію къ нему и по незнанію его настоящихъ взглядовъ на еврейскій вопросъ.

— Вглядитесь въ жизнь,—говорилъ какъ-то Озмидовъ.—Какъ евреи замѣтны, какъ они на виду... Всѣ прибыльныя предпріятія, всѣ либеральныя профессіи—все въ рукахъ евреевъ... Адвокаты—евреи, журналисты—евреи... Если такъ пойдетъ дальше, то евреи захватятъ всѣ сферы интеллигентной дѣятельности въ Россіи, оставятъ намъ черную работу и будутъ командовать нами. Еврейскіе ростовщики держатъ здѣсь въ рукахъ всѣхъ среднихъ помѣщиковъ, помѣщики остаются таковыми только по названію, а настоящій владѣлецъ русскихъ имѣній—еврей, на него работаютъ и помѣщикъ и крестьяне. Еврей строитъ свое могущество на нашей безпомощности. Понимаете, получается опасное положеніе: и богатство и личность русскаго человѣка поработаются еврействомъ. Можно ли мириться съ этимъ? Расцвѣтъ еврейскаго могущества гибель для Россіи. Надо итти вразрѣзъ съ еврейскими поработительными стремленіями.

— Но какой вы рисуете выходъ изъ этого положенія?—спросилъ я.

— Есть этотъ выходъ,—горячо сказалъ М. П.—Пусть еврей переродится, пусть откажется отъ завѣтовъ Талмуда, отъ инстинктовъ хищничества и войдетъ въ жизнь новымъ человѣкомъ, вотъ вамъ и выходъ. Безъ этого все мертво и, конечно, лишь немногіе изъ евреевъ способны на такое перерожденіе.

— Но мало ли у насъ крещеныхъ евреевъ—очень плохихъ людей,—замѣтилъ я:—они остаются тѣми же евреями-талмудистами и послѣ перехода въ христіанство.

Михаилъ Павловичъ возражалъ:

— У насъ легко смотрятъ на этотъ вопросъ. Я не признаю одной переимѣны религіи. Переходъ въ христіанство долженъ быть полнымъ перерожденіемъ для еврея. Нужна не только переимѣна религіи, а переимѣна взглядовъ, усвоеніе новыхъ понятій и отрѣ-

шеніе отъ талмудическихъ наставленій... Вотъ выходъ и на него пойдутъ лучшіе искренніе евреи, которые сумѣютъ слиться съ христіанскимъ обществомъ. Но повторяю: немногіе, не всѣмъ это доступно. Эти немногіе, однако, будутъ цѣннымъ приобрѣтеніемъ. Это выдающіяся сильныя натуры, способныя на самопожертвованіе, на подвиги. Мы вотъ организовали общество, преслѣдующее идею перерожденія еврейства, надъ нами смѣются, но я увѣренъ, что для раскаивающихся, искреннихъ евреевъ стоитъ поработать.

Въ восьмидесятыхъ годахъ въ Одессѣ при ближайшемъ участіи М. П. Озмидова возникло такое гуманное общество, поставившее задачей перерожденіе еврейства. Въ общество вошли многія почтенныя лица, вѣрившія въ эту идею, сколько помню, примкнулъ къ обществу и тогдашній епископъ одесскій Густинъ. Отъ работы общества были результаты. Нѣкоторые евреи, подъ вліяніемъ настойчивой проповѣди горячихъ идеалистовъ общества сдѣлались христіанами не только по религіи, но и по взглядамъ на ближняго, по отношенію своему къ житейской борьбѣ. Изъ числа ихъ я могу назвать одного изъ одесскихъ журналистовъ, нынѣ покойнаго, О. М. Л—ра, и симпатичную труженицу-дѣвушку, служившую одно время въ конторѣ «Новороссійскаго Телеграфа». Въ этой дѣвушкѣ нельзя было признать еврейку, даже національность какъ-то пропала въ ней.

Михаилъ Павловичъ увлекался идеей общества. Въ моментъ народженія этого общества въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» печатались обстоятельныя статьи на эту тему, принадлежавшія перу убѣжденныхъ людей. Статьи составили потомъ цѣнный сборникъ мнѣній и взглядовъ по еврейскому вопросу. Интересно отмѣтить, что въ то же время въ сосѣднемъ Кишиневѣ горячо пропагандировалъ идею перерожденія еврейства замѣчательный еврей-идеалистъ Рабиновичъ, построившій на свои средства молитвенный домъ для обращаемыхъ и новообращенныхъ евреевъ, въ которомъ онъ произносилъ христіанскія проповѣди на еврейскомъ жаргонѣ и объяснялъ священное писаніе. Этотъ же Рабиновичъ потомъ хлопоталъ о подвижномъ вагонѣ-церкви для Юго-Западнаго края. Но труды Рабиновича не были оцѣнены евреями, и обращенныхъ насчитывались единицы. Дѣятельность Озмидова въ этомъ направленіи тоже была мало оцѣнена. Его враги, между прочимъ, упрекали его въ томъ, что онъ, антагонистъ еврейства, держитъ у себя въ газетѣ сотрудниковъ-евреевъ и, такъ сказать, эксплуатируетъ ихъ таланты на свою пользу.

— Какой это нелѣпый упрекъ!—говорилъ Михаилъ Павловичъ.— Если живешь въ городѣ, гдѣ столько евреевъ, то нѣтъ ничего мудренаго, что имѣешь въ газетѣ евреевъ-сотрудниковъ. Развѣ они проповѣдуютъ какіе-нибудь собственные взгляды, распинаются въ пользу еврейства. Ничуть не бывало. Они пишутъ

въ духѣ газеты и, можетъ быть, пишутъ и искренно... Я не умѣю читать въ сердцахъ. Предположимъ, они пишутъ не искренно—такъ вѣдь это же ихъ грѣхъ. Я питаю довѣріе къ своимъ сотрудникамъ и вовсе не хочу обижать ихъ предположеніемъ, что ихъ работа не искренняя. Полагаю, что если бы они не раздѣляли моихъ воззрѣній, то и не работали бы у меня.

V.

Михаилъ Павловичъ всегда относился къ сотрудникамъ мягко, гуманно, съ довѣріемъ. Онъ былъ человѣкъ неровный, горячій, но разъ онъ видѣлъ, что данное лицо предано его дѣлу, то онъ вполне полагался на него. Я помню многолѣтняго секретаря «Новороссійскаго Телеграфа» И. А. К—ха, сотрудниковъ С—ту и Ж—скаго, которые долгіе годы работали у Озмидова и пользовались почти родственнымъ его расположеніемъ. Онъ цѣнилъ людей. При вспыльчивомъ характерѣ Озмидова у него бывали непріятности и размолвки съ сотрудниками, но эти размолвки были кратковременны. Изъ дружеской семьи сотрудниковъ «Новороссійскаго Телеграфа», рѣдко кто уходилъ.

У меня тоже случилась характерная размолвка съ Михаиломъ Павловичемъ.

Когда я поселился въ Одессѣ, то вскорѣ сталъ издавать свой еженедѣльный журналъ.

М. П. Озмидовъ съ неудовольствіемъ встрѣтилъ вѣсть объ этомъ изданіи. Наши отношенія испортились.

— Охота ему издавать этотъ журналъ,—ворчалъ Михаилъ Павловичъ:—работалъ бы попрежнему въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ».

Мой журналъ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, и Озмидовъ вскорѣ примирился съ его существованіемъ. Мы какъ-то встрѣтились съ нимъ въ театрѣ, и онъ сказалъ мнѣ:

— Зачѣмъ вы затѣяли это дѣло?.. Мнѣ, положимъ, все равно, но иллюстрированный журналъ въ такомъ индифферентномъ, не литературномъ городѣ, какъ Одесса,—рискованная затѣя. Едва ли долго продержитесь. Вы перестали работать въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ». Сердитесь, что ли, на меня? Журналъ — журналомъ, но продолжайте свое сотрудничество.

— Помилуйте, Михаилъ Павловичъ,—отвѣчалъ я:—мнѣ передавали, что вы на меня сердитесь.

— Нѣтъ, теперь я не сержусь,—отвѣчалъ Озмидовъ.—Такъ возобновляйте же вашу работу у меня.

На этомъ мы разстались. Вопреки опасеніямъ Озмидова, я не прогорѣлъ съ журналомъ, но со мною случилось несчастье: во

время поѣздки изъ Одессы въ Нижній-Новгородъ я жестоко простудился и захватилъ сильный плевритъ; съ наступленіемъ осени болѣзнь осложнилась и приняла скверную форму. Я вернулся въ Одессу умирающимъ, работать не могъ и слегъ надолго, почти безъ надежды на выздоровленіе. Я долженъ былъ передать журналъ въ другія руки.

— Вотъ бѣдный,—говорилъ М. П. Озмидовъ про меня:— онъ уходилъ себя, измучился.

Въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» появилась теплая, сочувственная замѣтка обо мнѣ и моей болѣзни, которая меня очень тронула.

Послѣ мучительной болѣзни, послѣ долговременнаго леченія въ Крыму мнѣ суждено было поправиться и, помню, какой радостной была послѣ этого долгаго перерыва наша встрѣча съ М. П. Озмидовымъ.

— Поправились? Вотъ молодець,—говорилъ онъ:— а вѣдь мы надежду на васъ потеряли. Очень радъ, очень радъ...

И онъ смотрѣлъ на меня своими большими, удивленными глазами.

VI.

Съ 1885 года М. П. Озмидовъ принимаетъ видное участіе въ общественныхъ дѣлахъ Одессы, въ которыхъ долгое время командовали евреи и иностранцы. Новый въ то время законъ о городскихъ учрежденіяхъ сузилъ права евреевъ, допустивъ ихъ въ городскую думу только въ ограниченномъ числѣ съ утвержденія властей. Открывалось поприще русскимъ дѣятелямъ. Во время вступленія въ одесскую думу М. П. Озмидова еврейская опека надъ Одессой была еще очень сильна. Общественное дѣло находилось въ хаотическомъ состояніи, обнаруживались грандіозныя злоупотребленія, которыя прикрывались партійными комбинаціями. Озмидовъ негодовалъ:

— Злоупотребленій хоть отбавляй,—говорилъ онъ.—Съ городскихъ построекъ сносятъ новыя крыши, полы городскихъ зданій проваливаются, капитальныя стѣны городскихъ учрежденій оказываются наполненными мусоромъ, какъ это вышло съ городской психіатрической больницей. Строительныя, угольныя, больничныя, психіатрическія безобразія—нѣтъ конца! Это позорныя страницы прежней думы. Всѣмъ извѣстно, кто виновенъ, но виновные продолжаютъ сидѣть на своихъ мѣстахъ, какъ ни въ чемъ не бывало, городскія партіи имъ покровительствуютъ. Чтобы замазать старое, дѣлаютъ новыя передержки... Страшно за участь Одессы, она запутана по горло. А побывайте у насъ въ думѣ,—продолжалъ М. П.:—изумительная картина: самыя животрепещущіе вопросы обходятся

молчаніемъ, или гласные говорятъ другъ другу комплименты. Чуть что укажешь—сердятся. «Этого не можетъ быть», заявляетъ управа. А какъ «не можетъ быть», когда всѣ хищничества—фактъ! На дняхъ вотъ гласные подняли вопросъ о заболѣваніяхъ въ городѣ, указываютъ на загрязненіе фильтровъ. «Можетъ ли это быть,—кричитъ управа,—это оскорбленіе Александру Николаевичу». А какое мнѣ дѣло до Александра Николаевича, я говорю объ интересахъ города. Все у насъ кумовство. Всѣмъ городскимъ дѣломъ ворочаетъ банковская партія и ея ставленники. И выходитъ, что общественное дѣло обратилось въ погоню за жирнымъ кускомъ. Рѣдко кто протестуетъ противъ этого зла и на мои протесты косятся. Но что же дѣлать. Меня этими косыми взглядами не остановишь. Не даромъ же населеніе насъ избрало. Вотъ, Богъ дастъ, новые выборы освѣжатъ думу.

Съ мнѣніемъ Озмидова серьезно считались въ думѣ. Онъ говорилъ красиво, громко, открыто, но его антагонисты всегда старались обойти его на кривой.

Одинъ изъ упорныхъ антагонистовъ Озмидова управецъ Новиковъ говорилъ:

— Дума, видимо, желаетъ прекратить городское пособіе исправительнымъ пріютамъ, къ этому сводятся мнѣнія гласныхъ.

— Позвольте,—горячо возражалъ Озмидовъ:—если мой запросъ породилъ такое предложеніе, то вѣдь я же не такъ говорилъ. Я предлагалъ въ виду затратъ города на пріюты сдѣлать ихъ городскими, но прекращать пособіе такому хорошему, полезному учрежденію—прямо грѣшно. Я ничего подобнаго не предлагалъ.

Мнѣніе Озмидова на сей разъ восторжествовало, и городъ оставилъ пособія исправительнымъ пріютамъ.

М. П. Озмидовъ, сторонившійся крупныхъ своекорыстныхъ дѣльцовъ, былъ защитникомъ слабыхъ, обездоленныхъ, онъ горячо любилъ дѣтей, за которыхъ всегда вступался, когда городскія дѣла касались пріютовъ, школъ и проч. При угрюмой и жесткой внѣшности Озмидовъ имѣлъ чуткое и отзывчивое сердце. Но онъ былъ настойчивъ, рѣшителенъ. Чѣмъ большее встрѣчалъ онъ сопротивленіе въ думѣ, тѣмъ энергичнѣе звучала его защита за обездоленныхъ.

Обиженные, несправедливо обойденные на городской службѣ всегда обращались къ М. П. Озмидову за поддержкой, и онъ вступался за нихъ. Въ этой защитѣ онъ шелъ иногда противъ теченія и наживалъ себѣ враговъ...

— Михаилъ Павловичъ умѣетъ постоять за правду,—говорили про него.

— Но зато какъ онъ портитъ себѣ,—прибавляли другіе.

VII.

Что всегда огорчало М. П. Озмидова, какъ редактора, это постоянная борьба съ прежней цензурой. Цензура въ восьмидесятыхъ годахъ была въ Одессѣ строгой, придирчивой и даже въ сравнительно безвредныхъ статьяхъ неизмѣнно отыскивала злокозненные мысли авторовъ.

— Вотъ не угодно ли, — показывалъ мнѣ М. П. Озмидовъ перечеркнутую цензорскимъ перомъ статью. — Самое существенное, о чемъ слѣдуетъ кричать, говорить, исключили. Да вѣдь кому же неизвѣстно объ этихъ вещахъ... Всѣ знаютъ.

При строгости тогдашней цензуры получались изумительныя вещи. Можно было писать про министровъ, артистовъ, цирковыхъ наѣздниковъ, но называть кого-нибудь изъ мѣстныхъ дѣльцовъ и мѣстныхъ должностныхъ лицъ, хотя бы и самыхъ скомпрометированныхъ, — упаси Боже, цензорскій карандашъ тотчасъ вымарывалъ все, что могло не понравиться имъ.

Одинъ почтенный членъ одесской судебной палаты, нынѣ уже находящійся на покой, сдавалъ довѣрчивымъ людямъ такія сырыя квартиры въ своемъ домѣ, что вода текла со стѣнъ. Сдалъ онъ квартиру своему подчиненному, какому-то судебному приставу — тотъ крѣпился-крѣпился, не смѣлъ вознегодовать, но выразилъ свой протестъ только тѣмъ, что заболѣлъ и умеръ въ домѣ этого благодѣтеля. Квартира была сдана затѣмъ частному лицу, которое тоже такъ отсырѣло, что возроптало на могущественнаго домовладѣльца и обратилось въ редакцію «Новороссійскаго Телеграфа» съ письмомъ, въ которомъ раскрывались тайны судейскаго дома и продѣлки оборотливаго домовладѣльца, который заранѣе учитывалъ свою безответственность передъ мировыми судьями... Въ самомъ дѣлѣ, какой же мировой судья рѣшится посадить подъ арестъ члена судебной палаты.

— Не угодно ли? — говорилъ разсерженный М. П. Озмидовъ: — про этого господина все перечеркнуто... А вѣдь эти возмутительнѣйшіе факты всѣмъ извѣстны. Казалось бы, отъ такихъ разоблаченій опасности отечеству нѣтъ, но намъ запрещаютъ всегда, потому что домовладѣлецъ — персона! Нѣтъ! Надо жаловаться на цензора, — рѣшалъ Озмидовъ.

Озмидовъ горячо отстаивалъ свои редакторскія прерогативы и во всѣхъ случаяхъ, когда онъ видѣлъ придирчивость цензоровъ, его жалобы немедленно летѣли въ Петербургъ, при этомъ жалобы Озмидова бывали подкрѣплены основательными доводами. Многія изъ нихъ даже при старомъ бюрократическомъ усмотрѣніи имѣли успѣхъ.

— Михаилъ Павловичъ не жалѣетъ расходовъ на гербовыя марки,—ворчали цензора, и по поводу каждой озмидовской жалобы они должны были старательно «отписываться».

Былъ и такой случай. Одесскій цензоръ, прибавимъ, одинъ изъ лучшихъ одесскихъ цензоровъ, хлопоталъ о переводѣ въ Петербургъ на видное хорошее мѣсто; дѣло налаживалось. Вдругъ—озмидовская жалоба главному управленію по поводу перечеркнутой статьи сотрудника. Совсѣмъ не во время! Цензору было досадно.

— Знаете что, — говорилъ онъ автору злополучной статьи:—я разрѣшилъ бы вашу статью... Но сдѣлайте милость, переговорите съ Михаиломъ Павловичемъ, не возьметъ ли онъ жалобу обратно. Она можетъ мнѣ дѣло испортить.

Сотрудникъ поспѣшилъ къ М. П. Озмидову.

— Такъ и такъ,—говоритъ онъ:—статья пройдетъ, только не возьмете ли вы жалобу обратно..

— Знаю, знаю, — улыбаясь, говоритъ Михаилъ Павловичъ:—конечно, я не хочу ему портить. Если онъ разрѣшаетъ... беру жалобу обратно.

И жалоба была уничтожена Озмидовымъ, а одесскій цензоръ получилъ желанное мѣсто въ Петербургѣ.

VIII.

М. П. Озмидовъ былъ богатырь по виду, его рослая широкоплечая фигура и красивое лицо производили впечатлѣніе мужественности и силы. Хворалъ онъ рѣдко, но, что называется, мѣтко, и не разъ его жизнь была въ опасности. Въ восьмидесятихъ годахъ онъ страдалъ астмой — удушьемъ. Эта сердечная болѣзнь считается неизлечимой, у Озмидова она явилась слѣдствіемъ его порывистаго характера, его напряженной работы, вѣчные обостренные счеты съ врагами его дѣла обостряли болѣзнь. Но Озмидовъ все-таки поправился. Потомъ онъ заболѣлъ вторично въ 1896 году. Въ это же время случилось въ его жизни странное столкновение съ однимъ крупнымъ еврейскимъ адвокатомъ, которое надолго оставило слѣдъ въ душѣ Озмидова. Еврейскій адвокатъ считалъ себя оскорбленнымъ какой-то корреспонденціей въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ», описывавшей его подвиги; напечатали въ газетѣ опроверженіе, адвокатъ не удовлетворился и домогался непременно посадить больного Озмидова въ тюрьму.

— Я пробовалъ откупиться отъ него,—говорилъ Озмидовъ:—ничего пока не выходитъ. Еврей неумолимъ. У этого господина какая-то изумительная жестокость мстителя.

Здоровье Озмидова ухудшалось. Тяжелая сахарная болѣзнь подтачивала его силы. Мстительнаго адвоката увѣщевали, предлагали ему разныя условія мировой сдѣлки, но еврей былъ неумолимъ.

— Повидимому, это шейлоковская исторія: «фунтъ мяса»,— говорилъ озадаченный Озмидовъ.

Еврейскій адвокатъ упорно вель дѣло, выказывая ожесточенную энергію... Онъ соглашался на примиреніе лишь за громадный кушъ, который былъ не по силамъ Озмидову. Выходило такъ: или разоряться на ублаженіе адвоката, или тюрьма.

Озмидовъ въ послѣдніе годы его жизни былъ стѣсненъ въ кредитѣ и не могъ конкурировать съ другими одесскими издателями, которые вводили въ издательское дѣло новыя коммерческія приемы. Эти издатели не заботились объ идейномъ успѣхѣ своихъ органовъ и объ ихъ литературныхъ достоинствахъ. Они двинули въ публику по дешевой цѣнѣ дневныя и вечернія прибавленія, парижскія моды, открыли бесплатныя читальныя салоны и даже устроили безвозмездное страхованіе жизни своихъ подписчиковъ, которое, впрочемъ, не имѣло ожидаемаго успѣха. Одесскіе издатели отличались вообще изумительной изобрѣтательностью. Одинъ изъ нихъ даже промышлялъ аферами, несомвѣстимыми съ редакторскимъ званіемъ: негласно содержалъ ресторанъ съ арфистками и устраивалъ концерты заѣзжихъ знаменитостей.

Оборотливые субъекты оставались въ выигрышѣ и доходами отъ кафе-шантаннхъ операцій пополняли дефекты по идейнымъ операціямъ съ газетой.

— Извольте при такихъ условіяхъ конкурировать,— говорилъ Озмидовъ. — Кафе-шантана, конечно, я держать не буду, но вѣдь мои читатели тоже могутъ потребовать и парижскихъ модъ и вечернихъ прибавленій, а мыслимо ли, ведя дѣло чисто, затѣвать что-нибудь подобное. Новыхъ затратъ газета не окупитъ.

«Новороссійскій Телеграфъ», впрочемъ, стоялъ еще очень твердо, но Озмидовъ съ тревогой смотрѣлъ на возрастающую конкуренцію. Идейная публика «Новороссійскаго Телеграфа» оставалась пока вѣрна Озмидову.

Незамѣтно подкрадывалась къ М. П. другая бѣда.

Однажды, придя къ Озмидову послѣ продолжительнаго отсутствія изъ Одессы, я не узналъ его: онъ похудѣлъ, осунулся, живые глаза его потускнѣли. Какъ безпощадно подтачивалъ недугъ этого богатыря!

Я не сказалъ М. П. о произведенномъ имъ на меня впечатлѣніи, но, кажется, онъ самъ подмѣтилъ это и сказалъ мнѣ:

— Плохо, знаете... плохо. Силь нѣтъ, а работать надо: много хлопотъ и съ газетой и съ городскими дѣлами. Вотъ теперь выборы. Какъ-то пройдутъ они? Вѣдь у меня много враговъ. Они сильны, какія у насъ сплоченныя партіи... Я, впрочемъ, не забо-

чусь, пусть населеніе само разбирается и цѣнить работу каждаго изъ насъ. Главная бѣда—слабѣю; аллопатія мнѣ уже не помогаетъ, обратился къ гомеопатіи, но только и отъ нея что-то пользы не вижу... Доктора совѣтуютъ бросить работу, уѣхать, а какъ тутъ уѣдешь... Не на кого дѣло оставить.

— А Константинъ Михайловичъ, — упомянулъ я про сына Озмидова, уже оканчивавшаго университетъ.

— Костя молодъ, — отвѣтилъ М. П. — гдѣ ему управиться съ такой каторгой... Теперь трудное время.

Болѣзнь М. П. Озмидова скоро усложнилась воспаленіемъ легкихъ, положеніе его стало критическимъ, доктора настойчиво выпроваживали его изъ Одессы. Зима въ Одессѣ вообще сурова, Озмидова посылали въ теплый климатъ, на морскіе курорты—подальше отъ береговъ Россіи...

IX.

Хотя надежда на выздоровленіе Озмидова была смутной, но М. П. поѣхалъ, по настоянію врачей, на островъ Корфу, ухватившись за эту поѣздку, какъ за якорь спасенія. Его сопровождала въ поѣздкѣ жена—Зинаида Константиновна.

Очутившись вдали отъ дѣлъ, на просторѣ моря, на хорошемъ большомъ пароходѣ, М. П. Озмидовъ на время ожилъ, встрепенулся, но это продолжалось недолго. Приступы болѣзни возобновились, и М. П. не доѣхалъ до Корфу.

Озмидовы отправились въ ближе лежащій греческій курортъ Фалеръ, на берега Эгейскаго моря. Фалеръ—живописное мѣстечко близъ классическихъ Аѳинъ. Тамъ теплая осень, плескъ моря, чудные виды на историческіе холмы Греціи. Зима въ Фалерѣ перемѣнная. Улучшенія въ здоровьи Озмидова не послѣдовало, болѣзнь прогрессировала.

Въ концѣ января редакція «Новороссійскаго Телеграфа» получила изъ Фалера скорбную телеграмму отъ З. К. Озмидовой: «Михайль Павловичъ скончался».

Въ тотъ же вечеръ вся Одесса говорила объ этой печальной новости, она перелетала изъ устъ въ уста и, что грѣха таить, вызывала нескрываемую радость среди передового еврейства, которое учитывало исчезновеніе съ горизонта большой русской силы.

Вѣсть о смерти Озмидова застала меня въ одесскомъ театрѣ.

— Какой ужасъ! умеръ Михайль Павловичъ! — сказалъ мнѣ одинъ гласный думы.—Онъ умеръ въ день своего торжества. Сегодня происходили выборы, и онъ получилъ наибольшее число голосовъ. Онъ никогда не агитировалъ передъ выборами, не искалъ поддержки, само населеніе его оцѣнило.

Весь городъ облетѣла скорбная вѣсть. Русская Одесса отъ высшихъ до низшихъ знала Озмидова, и болѣзненно замерло сердце его единомышленниковъ и доброжелателей.

Въ одесскихъ юдофильскихъ газетахъ, обрадованныхъ исчезновеніемъ сильнаго соперника, появились лицемѣрные статьи, въ которыхъ между строкъ проглядывало что Озмидовъ хорошо сдѣлалъ, что умеръ, миссія его давно кончена и онъ только мѣшалъ осуществленію дорогого всѣмъ просвѣщеннымъ людямъ «безразличія національностей», при которомъ только и мыслимъ расцвѣтъ любимаго отечества.

Что думали русскіе люди, что они чувствовали въ минуту этой утраты?!

Это обнаружилось на похоронахъ Озмидова. Тѣло его привезли въ Одессу черезъ шесть дней послѣ кончины. Такихъ всенародныхъ похоронъ Одесса не видала со дня кончины героя русско-турецкой войны генерала Радецкаго.

Тысячи народа стояли по всему пути отъ одесской гавани до собора и на пути изъ собора къ новому христіанскому кладбищу на протяженіи десятка верстъ. Гробъ Озмидова утопалъ въ вѣнкахъ, на нихъ стояли надписи: «Борцу за правду», «Поборнику правды», «Честному русскому человѣку». Одинъ вѣнокъ имѣлъ георгіевскую ленту—синонимъ геройства и доблести. Одесскій соборъ во время прибытія тѣла Озмидова былъ переполненъ молящимися, толпа стояла на площади, вездѣ видны были скорбныя озадаченныя лица. Всѣ понимали другъ друга, и какая-то невидимая связь одинаковыхъ чувствъ объединяла тысячи незнакомыхъ людей.

Моментъ былъ особенный и, можетъ быть, послѣдній въ жизни Одессы, которая теперь уже не та.

Среди тревожнаго колыханія жизни, въ которой великаго мало, въ которой все заурядность и эгоизмъ, угасла драгоцѣнная, крупная величина. Носители Божьей правды, люди съ искрой Божьей въ душѣ—властелины міра, который иначе задохнулся бы въ своихъ порокахъ. Этотъ свѣточъ русской жизни угасъ въ лицѣ Озмидова.

Х.

Священникъ со слезами въ голосѣ говорилъ надгробное слово. Многие плакали.

Онъ, много потрудившійся, честный, смѣлый, доблестный работникъ, вѣдавшій много тревогъ, но и знавшій истинное счастье въ мирѣ совѣсти, лежалъ передъ нами въ наглухо заколоченномъ небольшомъ гробу, прибывшемъ сегодня изъ Греціи. Русскій богатырь отошелъ на покой туда, гдѣ въ свѣтѣ Божьяго дня царствуетъ вѣчная весна добродѣтели и гдѣ нѣтъ ей конца!

«Покойный былъ въ теченіе 30 лѣтъ единственнымъ русскимъ редакторомъ въ Одессѣ, русскимъ въ полномъ значеніи этого слова,—писали славянскія газеты Галиціи,—и находился въ безпрестанной борьбѣ съ печатью, выходящей хотя и на русскомъ языкѣ, но служащей еврейскому кагалу. Честный и добросовѣстный дѣятель, онъ имѣлъ много враговъ, но при этомъ всѣ его уважали за честный характеръ и неподкупность. Вѣчная ему память!..»

Какая въ этихъ строкахъ была святая правда!

Въ лицѣ Озмидова мы хоронили участь русскаго дѣла въ Одессѣ. Это показали позднѣйшія событія. Это подтверждается и теперь печальнымъ положеніемъ на югѣ печати и русскаго общества. Дни русскаго торжества въ Одессѣ миновали...

Дѣла «Новороссійскаго Телеграфа», который тридцать лѣтъ велъ Озмидовъ, съ его смертью пошатнулись. Первое время его редактировали и издавали вдова покойнаго, З. К. Озмидова, нынѣ тоже умершая, и сынъ его К. М. Озмидовъ. Дѣло у нихъ все-таки держалось. Затѣмъ газета перешла въ собственность одесскаго педагога Г. А. Липинскаго, который измѣнилъ «курсъ» и не шелъ уже вразрѣзъ съ общимъ теченіемъ.

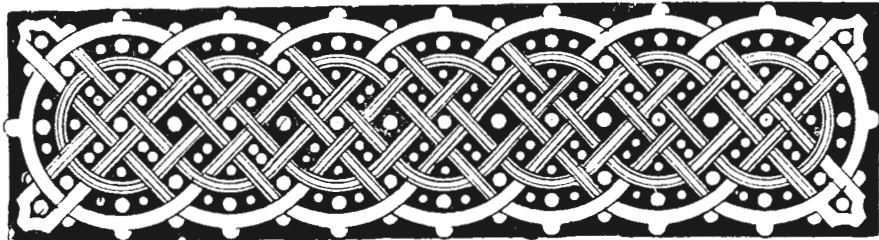
Дѣло упало.

Но все созданное М. П. Озмидовымъ не погибло, его идеи вѣчны, и даже тяжесть обрушившихся на Россію испытаній не вытравляетъ изъ русской души близкихъ ей воспоминаній и дорогихъ могилъ!

«Намъ нужны великія могилы!..» сказалъ поэтъ и пояснилъ: «если нѣтъ величія въ живыхъ!»

Н. Н. Лендеръ (Путникъ).

КУРБАНЪ-ДЖАНЪ-ДАТХА,

кара-киргизская царица Алая.

I.

Путешествіе въ Туркестанъ.—Остановка въ Ходжентъ.—Уличный рассказчикъ.— Еврейскій Кокандъ.—Возвращеніе мусульманскихъ паломниковъ.—Святѣя мѣста Ферганы.—Мѣстныя сказанія о Соломонѣ, Енохѣ и Іовѣ.—Страпная природа въ мартѣ мѣсяцѣ.—Городъ Ошъ.—Скобелевская площадка.

В ТОТЪ самый день, 1 февраля 1907 г., когда я, выѣхавъ изъ Оренбурга, вступилъ въ Азію, умерла такъ называемая «царица Алая», Курбанъ-Джанъ-датха. Тогда я не имѣлъ о ней никакого понятія и сообщеніе въ Ташкентѣ о ея смерти я пропустилъ мимо ушей.

Алай входилъ въ программу моей поѣздки по Туркестану, но поинтересоваться судьбою старой киргизки тогда мнѣ и въ голову не приходило. Если есть въ Туркестанѣ царственная особа, которая можетъ еще возбудить интересъ всякаго путешественника, то это, конечно, бухарскій эмиръ. И и повернулъ прежде всего въ Бухару и уже оттуда, въ концѣ февраля, сталъ подвигаться по линіи желѣзной дороги на востокъ, къ подножью величественнаго Памира.

Посѣтивъ попутные города Катта-Курганъ, Самаркандъ, Джизакъ, въ Черняевѣ я нанялъ лошадей и поднялся до Ура-Тюбе, этого яблока раздора между враждовавшими двумя ханствами, Бухарскимъ и Кокандскимъ.

Поинтересовался и Ходжентомъ, куда я прѣѣхалъ въ ночь на пятницу, 22 февраля. Правовѣрные еще не спали. Тѣсными группами вокругъ сандаловъ—ящичковъ съ горящими углями—они сидѣли на кошмахъ, пряча свои ноги и руки подъ общимъ ватнымъ одѣяломъ, и пили свой зеленый кокъ-чай или потягивали черезъ воду табачный дымъ чилима. Вся эта картина, залитая фантастическимъ свѣтомъ многочисленныхъ фонарей, особенно врѣзалась въ моей памяти. Нигдѣ я, кажется, не наблюдалъ столько своеобразныхъ восточныхъ обычаевъ, какъ здѣсь, въ Ходжентѣ. Между прочимъ, мнѣ случилось слышать уличнаго рассказчика-маддаха. Съ одной стороны базарной площади примыкалъ рядъ чай-хане, гдѣ на широкихъ кроватяхъ, покрытыхъ кошмами, важно возсѣдали сарты съ большими бѣлыми чалмами на головахъ и попивали изъ широкихъ чашекъ безъ ручекъ горячій чай. Часть площади была застлана паласами. На нихъ одиноко стоялъ уличный ораторъ и, энергично жестикулируя руками, горячо рассказывалъ или проповѣдывалъ что-то огромной аудиторіи. Въ сторонѣ сидѣлъ его агентъ, молодой сартъ, и апатично на каждую фразу проповѣдника выкрикивалъ: «да!.. такъ!.. вѣрно!.. дальше!.. хорошо!..» Такія поощрительныя восклицанія, какъ я потомъ узналъ, считаются въ Туркестанѣ необходимыми для публичныхъ ораторовъ.

Черезъ три дня здѣсь праздновался сеиль, «праздникъ весны», сопровождаемый музыкою, скачками, представленіями въ прѣѣзжающихъ на этотъ случай изъ Россіи циркахъ и балаганахъ. Но главная забава туркестанскихъ туземцевъ—скачки съ козломъ, или «улакъ». Удалцы - джигиты верхами на отличныхъ скакунахъ бросались къ зарѣзанному черному козлу, и каждый изъ нихъ старался захватить его, вырывая отъ другихъ. Нужны особенная ловкость, сила и отчаянная отвага, чтобы доставить козла на указанное мѣсто. Побѣдитель награждался халатомъ, а мясо козла раздавалось почетнымъ гостямъ. Въ ханскія времена давали наѣзникамъ живого козла, но русская администрація запретила это.

Ходжентъ особенно хранить древніе обычаи. Въ слѣдующемъ городѣ, въ Кокандѣ, бывшей столицѣ ханства, русская половина и европейскій характеръ ея жизни давитъ восточную. Здѣсь за коммерческой суетой не видно той патріархальной жизни, которую мы воображаемъ въ странѣ халатниковъ. Даже въ роскошномъ дворцѣ (урда) хановъ, среди поэтическихъ садовъ, устроены квартиры офицеровъ, прозаическіе склады, церковь. Все дворцовое мѣсто, окруженное стѣнами и бойницами, занято русскими солдатами. Кокандъ, какъ это часто слышишь въ Туркестанѣ, сталъ теперь еврейскимъ городомъ. Торговля хлопкомъ и шелкомъ притянула сюда множество предприимчивыхъ евреевъ. Проснулись и древніе, собственно кокандскіе, евреи. Раньше они здѣсь были въ жалкомъ положеніи. Ограниченіе гражданскихъ правъ простира-

лось и до внѣшняго ихъ вида: они не имѣли права носить чалмы, пестрые халаты, пѣтныя кушаки, ѣздить верхомъ на лошади и др. При русскомъ правленіи евреи получили здѣсь полную свободу, а съ приходомъ изъ Бухары своихъ единоплеменниковъ они быстро разбогатѣли и всю главную торговлю забрали въ свои руки.

Изъ слѣдующихъ городовъ — Чустъ, Наманганъ, два Маргелана — наиболѣе характеръ азіатскаго города сохранилъ Старый Маргеланъ со своимъ огромнымъ базаромъ.

Случилось такъ, что въ одномъ поѣздѣ со мною находились мусульманскіе паломники, возвращавшіеся изъ Мекки. На каждой станціи встрѣчали ихъ толпы правовѣрныхъ. Лишь только остановится поѣздъ, какъ вся эта масса народу бросается къ вагонамъ и съ крикомъ привѣтствуетъ своихъ земляковъ-паломниковъ. Имъ не дають сойти на землю, подхватываютъ прямо изъ вагона на руки и несутъ до лошади или до арбы. По дорогѣ каждый правовѣрный домогается прикоснуться хоть къ краю одежды хаджи-паломника. Которые поближе, тѣ цѣлуютъ руки, халатъ, выражая имъ свое благоговѣніе, какъ святымъ.

Въ придворной жизни у хановъ, извѣстно, какъ развиты были лести и лицемеріе; но здѣсь, казалось мнѣ, это было искреннее почтеніе къ счастливому мусульманину, побывавшему въ Меккѣ и дышавшему тамъ воздухомъ святыхъ.

Фергана тоже не можетъ пожаловаться на скудость святыхъ мѣстъ. Вамъ могутъ здѣсь разсказать про Еноха, Ноя, Іова, Давида, Соломона и другихъ библейскихъ лицъ и указать въ разныхъ мѣстахъ Ферганы, кто гдѣ молился, кто гдѣ погребенъ, какъ будто здѣсь-то и есть арена главныхъ священныя событій. Напримѣръ, покажутъ здѣсь гору Соломона — Сулейманъ-тагъ. Это небольшая гора, обрывающаяся у самаго города Оша. По туземному сказанію, царь Соломонъ, котораго считаютъ пророкомъ, равновеликимъ Адаму, Ною и Аврааму, велъ свое войско, а впереди его гналъ пару воловъ съ плугомъ. Когда онъ дошелъ до этой горы, то сказалъ: хошъ! то-есть «довольно». Отсюда будто бы и произошло названіе города. Къ Соломоновой горѣ стекаются правовѣрные не только съ кишлаковъ Ферганы, но и со всего Туркестана, для поклоненія святыхъ и излеченія отъ недуговъ. Одни вкладываютъ свои головы во впадины на вершинѣ холма, другіе скатываются съ него на спинѣ, третьи омывають свои глаза каплями воды изъ пещеры, чтобы только получить исцѣленіе отъ болѣзней.

Около Учъ-Кургана находится могила Даудъ-Мазара (Давидова могила), очень почитаемая окрестными киргизами.

Въ Каламъ-сарыкѣ покажутъ мѣсто, куда ходилъ молиться Енохъ, а въ Идрисъ-пей-гембаръ — его могилу, хотя еврейскія преданія говорятъ о взятіи его на небо.

Курбанъ-Джанъ-датха, кара-киргизская царица Алая
(† 1 февраля 1907 года).

На горѣ Аюбъ-тау, гдѣ теперь устроена санитарная станція, благодаря цѣлебнымъ минеральнымъ источникамъ, жилъ много-страдальный Іовъ. Мѣстное преданіе говоритъ, что когда прошло время испытанія Іова, Господь велѣлъ ему ударить о камень правою ногою, — и забилъ ключъ горячей воды. Потомъ онъ ударилъ лѣвою ногою, — вышла холодная вода. Въ горячей Іовъ выкупался, а холодной напился и совершенно выздоровѣлъ отъ ужасной проказы.

Приведенныя здѣсь и многія другія сказанія показываютъ, какъ правовѣрные изъ благоговѣнія къ священнымъ преданіямъ желаютъ перенести библейскую исторію на свою почву.

Въ Новомъ Маргеланѣ повидался съ военнымъ губернаторомъ Ферганской области. Отъ него снова слышу извѣстіе о смерти киргизской датхи—алайской царицы.

— Да чѣмъ же она такъ замѣчательна?

— Когда приѣдете въ городъ Ошъ, повидайтесь съ уѣзднымъ начальникомъ. Онъ созоветъ сыновей покойной датхи, и вы, такъ сказать, изъ перваго источника узнаете о ней.

Вечеромъ 15 марта изъ города Андижана, еще не приведшаго себя въ порядокъ послѣ страшнаго землетрясенія въ 1902 году, я выѣхалъ на лошадяхъ въ городъ Ошъ (46 верстъ). Странное впечатлѣніе производитъ природа въ это время года. Средина марта подъ сорокаградусной параллелью—вѣдь это весна! Солнце подымается до такой высоты, какая въ С.-Петербургѣ бываетъ только въ іюнѣ мѣсяцѣ; широта одна и та же съ Тифлисомъ и съ Константинополемъ. И что же мы видимъ здѣсь? Снѣгу, правда, давно нѣтъ; но и зелени не видно. На землѣ желтый выжженный покровъ. Деревья голыя, даже почки не распустились. Въ воздухѣ не видно ни мухъ, ни пчелъ, ни какой-либо мошки. Мертвая страна! А солнце жарить въ полдень во всю силу. Если бы не было этой желтой прошлогодней травы, не было этихъ стройныхъ тополей, то такая мертвечина въ голой пустынѣ была бы помятна. Но вѣдь кругомъ по аллеямъ стоятъ свидѣтели роскошной растительности, о которой въ Ферганѣ говорятъ съ такимъ восторгомъ. Эта безжизненность подъ горячимъ солнцемъ жутко дѣйствуетъ на нервы сѣвернаго человѣка, привыкшаго видѣть цвѣты и зелень сейчасъ же изъ-подъ снѣга.

Дорога въ Ошъ разнообразится холмами. Изрѣдка встрѣчаются кишлаки. Спереди и съ боковъ подымаются покрытые снѣгомъ отроги небесныхъ горъ Тянь-Шаня. Вотъ цѣлый горный кряжъ легъ поперекъ дороги. Не объѣзжать ли его придется? Нѣтъ! Ямщикъ-киргизъ сдѣлалъ нѣсколько поворотовъ между холмами, и я сразу очутился по ту сторону кряжа.

Наступили сумерки. Возшла полная красивая луна. Повѣяло прохладой. Въ кишлакахъ потухли огни. Горы какъ-то ближе

Курбань-Джань-датха показываеги вывѣщенное приданое своей внучки.

придвинулись къ дорогѣ. Упоенный тишиною и свѣжимъ воздухомъ, я сталъ дремать въ тарантасѣ. Въ Ошѣ прибылъ среди ночи и остановился въ единственной гостиницѣ на главной улицѣ города. Номера сравнительно чистые.

Рано утромъ я уже гулялъ по городу. За соборомъ разстлана большая площадь. Кругомъ казенныя зданія. Далѣе—военныя. Вдоль горной рѣки Акъ-Буры тянется большой садъ, но такой же нѣмой и безжизненный въ это время года, какъ и андижанскіе сады.

На быстрой Акъ-Бурѣ стоитъ деревянный мостъ съ искусственными насыпями на берегахъ. Плотины и дамбы показываютъ, какая борьба здѣсь идетъ съ рѣкою въ большіе разливы. Рѣдкій годъ, чтобы «силевая» (отъ таянія снѣговъ на горахъ) вода не снесла Акбуринскаго моста. Теперь надумали строить мостъ кессонный.

Меня направили на ту сторону каменистой рѣки, въ обширный паркъ уѣзднаго начальника. Его помѣстительный домъ расположенъ на горѣ среди красивой рощи деревьевъ. Мѣсто это, очень живописное и здоровое, принадлежало когда-то кокандскимъ ханамъ. Отсюда открывается прелестный видъ на всю долину верховьевъ рѣки Сыръ-Дарьи. Прямо на сѣверъ, на границѣ съ Семирѣченскою областью, отроги Тянь-Шаня. Они заворачиваютъ на востокъ къ китайскому Кашгару. На югѣ величественный снѣжный Алайскій хребетъ. На западѣ темнѣетъ Араванская гора. За рѣкой растянулся городъ.

На лужайкѣ около дома уѣзднаго начальника показалась зеленая травка. Кое-гдѣ мелькаютъ въ ней желтые, голубые и розовые цвѣточки.

Мы прошли по парку до «Скобелевской площадки»—расчищеннаго мѣста надъ обрывомъ холма, гдѣ стояла палатка Михаила Дмитриевича, перваго губернатора Ферганской области. Отсюда еще лучше видъ на долину горной рѣки Акъ-Буры. Бирюзовое небо почти со всѣхъ сторонъ подпирается ярко-снѣжными вершинами высокихъ хребтовъ. Воображаю себѣ, какъ красиво расцвѣтетъ здѣшняя панорама, когда покажется зелень въ долинѣ и по склонамъ горъ!

II.

У капитана Аврова.—Махмудъ-бекъ.—Курбанъ-Джанъ.—Кара-киргизы.—Мусульманская женщина.—Алимъ-бекъ.—Походъ въ Кашгаръ.—Смерть Алимъ-бека.—Курбанъ-Джанъ получаетъ титулъ датхи.—Движеніе русскихъ въ Туркестанъ.

— Ну, а что вы мнѣ скажете про Курбанъ-Джанъ-датху?

— О ней вамъ лучше расскажетъ капитанъ Авровъ да сыновья самой датхи.

Пошли къ капитану, извѣдившему Ошскій уѣздъ вдоль и поперекъ много разъ. Будучи страстнымъ охотникомъ, онъ заби-

Махмудь-бекъ у йхода въ юрту своей матери, Курбань-Джань-датхи.

рался съ киргизами на самыя опасныя мѣста снѣжныхъ горъ, до сихъ поръ еще богатыхъ дикими козами и баранами. Всѣ комнаты капитана украшены рогами, клыками и чучелами представителей мѣстной фауны. Всѣ эти кинки, архары, илики и кабаны свидѣтельствуютъ о его знакомствѣ съ горными высями Алая.

Вечеромъ къ нему были приглашены мѣстныя власти. Среди гостей мое вниманіе было сосредоточено на киргизѣ Махмудъ-бекѣ, сынѣ покойной Курбанъ-Джанъ-датхи. Онъ пріѣхалъ изъ сосѣдняго кишлака Мады (13 верстъ отъ Оша) вмѣстѣ съ переводчикомъ Джамшитъ-бекомъ, учителемъ русско-туземной школы.

Махмудъ-бекъ, плотный, здоровый мужчина, кажется еще толще отъ ватныхъ халатовъ. На головѣ цвѣтная вышитая тюбетейка. Вѣроятно, онъ не ожидалъ, что придется ему провести вечеръ у капитана въ качествѣ почетнаго гостя, и одѣлъ верхній халатъ простой ситцевый. Самъ онъ знаетъ немного словъ по-русски, а потому, при общемъ оживленномъ разговорѣ, онъ сидѣлъ неподвижно, безучастно, какъ мумія. На вопросы чрезъ переводчика (Джамшитъ — сынъ недавно умершаго Кара-бека, родственника Махмуда) онъ быстро давалъ отвѣты громкимъ безстрастнымъ голосомъ. Ему 59 лѣтъ, но на видъ онъ гораздо моложе. Судьба самого Махмудъ-бека тоже интересна. Вотъ онъ сейчасъ живетъ какъ простой кочевникъ-киргизъ, но при прежнихъ порядкахъ, когда Алай былъ въ слабой зависимости отъ Кокандскаго ханства, Махмудъ-бекъ самъ игралъ бы видную роль датхи, т. е. правителя всѣхъ кара-киргизовъ.

Прежде, чѣмъ рассказывать что-либо о жизни Махмудъ-бека, передамъ сперва, что я узналъ отъ него и отъ капитана Аврова о жизни его матери.

Курбанъ-Джанъ (жертвоприношеніе-душа) родилась въ 1811 г. среди гульчинскихъ кара-киргизовъ къ востоку отъ Оша. Ея отецъ, по имени Маматбай, былъ зауряднымъ киргизомъ изъ рода Мунгышъ и не выдѣлялся отъ своихъ сородичей ни положеніемъ, ни особеннымъ богатствомъ. На восемнадцатомъ году Курбанъ-Джанъ биби Маматбаева, какъ звалась дѣвицею, была выдана замужъ за Кулы-Садъ-Ярова, киргиза изъ рода Ювашъ.

Надо сказать нѣсколько словъ о кара-киргизахъ. Кромѣ того, что киргизы дѣлятся на три орды—большую, среднюю и малую,—они еще раздѣляются на киргизъ-кайсаковъ, или просто «казаконъ» и кара-киргизовъ. «Казаконъ» гордятся, что среди нихъ есть родовитая аристократія. Ихъ ханы и беки составляютъ людей «бѣлой кости», въ отличіе отъ простыхъ смертныхъ «черной кости». Кара-киргизы же не имѣли привилегированнаго сословія. За ихъ демократизмъ, за то, что они не признавали раздѣленія на бѣлую и черную кость, «казаконъ» прозвали ихъ обиднымъ словомъ кара, т. е. «черные», «чернь», и говорили, что они происходятъ отъ калмыковъ.

Къ исторіи перваго замужества Курбанъ-Джанъ примѣшиваютъ нѣкоторыя подробности, которыя плохо вяжутся съ нашимъ представлениемъ вообще о мусульманской женщинѣ. Курбанъ-Джанъ

Курбанъ-Джанъ-датха съ сыномъ Хасанъ-бекомъ. Слуга держитъ родовую шашку, пожалованную ханомъ.

была просватана еще ребенкомъ, какъ это въ обычаѣ въ Азіи у разныхъ народовъ, но познакомилась она со своимъ женихомъ лишь въ день свадьбы и осталась очень недовольна выборомъ своихъ родителей. Курбанъ-Джанъ считалась три года номиналь-

ной женой Ярова, оставаясь все это время въ кибиткѣ отца. Мы привыкли въ мусульманской женщинѣ видѣть безгласную рабу мужа, въ лицѣ же молодой дѣвушки Курбанъ-Джанъ представляется самостоятельная личность; она не только не подчиняется своему мужу, но и домогается съ нимъ развода. Все это понятно станетъ, если познакоимся поближе съ бытомъ киргизской женщины. Обычно въ Туркестанѣ мусульманская женщина не пользуется правами. На нее смотрятъ, какъ на принадлежность, собственность мужа, приобретенную за деньги. Ее онъ прячетъ отъ посторонняго глаза. Если она выходитъ на улицу, то лицо закрываетъ черною волосяною сѣткою (чимбатъ) и покрываетъ себя съ головы до пятъ накидкою въ видѣ халата (фаренджи). Длинные рукава сзади халата спущены до подола и прикрѣплены одинъ къ другому. Получается что-то ужасно безобразное, связанное, закутанное. Киргизка же, напротивъ, очень самостоятельна и дома и на улицѣ. Она никогда не закрываетъ лица своего, даже въ присутствіи постороннихъ мужчинъ. Костюмъ ея очень похожъ на мужской: тотъ же пестрый халатъ на плечахъ, тотъ же бѣлый тюрбанъ на головѣ, только онъ повязанъ нѣсколько иначе, со спускомъ подъ подбородкомъ. Киргизка—прекрасная наѣздница, отличная работница и разбитная женщина въ кругу гостей. Случалось, что киргизки выступали и на общественную дѣятельность

Во время разложенія Кокандскаго ханства, отъ котораго зависѣли кара-киргизы, выдѣляется среди нихъ Алимъ-бекъ, назначенный ханомъ датхою, или правителемъ Алая. Алимѣ понравилась умная, энергичная Курбанъ-Джанъ. Устроивъ разводъ ея съ первымъ мужемъ, въ 1832 г. онъ женился на ней. Курбанъ-Джанъ жила съ нимъ 29 лѣтъ, до его насильственной смерти, и во все это время была ему энергичной помощницей. Въ 1845 г. среди гульчинскихъ и алайскихъ кара-киргизовъ произошли беспорядки. Кокандскій мингбаши Мусульманъ-Куль отправился съ отрядомъ войскъ въ городъ Ошъ и захватилъ въ плѣнъ много киргизовъ. Только благодаря находчивости и распорядительности Курбанъ-Джанъ, Алимъ-беку удалось спастись отъ тогдашняго временщика Кокандскаго ханства.

Кара-киргизы, вольные кочевники дикихъ горъ Алая, хорошо помнятъ свое прежнее независимое положеніе и, понятно, при первой же возможности спѣшатъ стряхнуть съ себя вассальное подчиненіе кокандскому деспоту-хану. Когда въ 1847 г. Ходжа-Турѣ, объявившій себя претендентомъ на кашгарскій престолъ, собралъ въ Ферганѣ толпу искателей приключеній и легкой наживы и двинулся съ ними за Гульчу, къ нему присоединился и Алимъ-бекъ со своими киргизами. Кашгаръ былъ скоро отнятъ у китайцевъ, но Ходжа-Турѣ въ немъ не удержался и бѣжалъ. Ушли и киргизы съ Алимъ-бекомъ въ свой родной Алай. За ними потя-

нулись кашгарцы, боясь мести со стороны китайцевъ. При переходѣ черезъ переваль Терекъ-Даванъ въ январѣ мѣсяцѣ эмигранты были застигнуты холодной снѣжной бурей. Много дѣтей и женщинъ замерзло, инныя погибли отъ голода. Имущество было брошено или разграблено. Уцѣлѣвшіе кашгарцы продавали своихъ дочерей въ городѣ Ошѣ за 2 рубля, чтобы купить пищи.

Въ исторіи ханства В. П. Наливкина упоминается, что Алимъ-бій (или Алимъ-бекъ) былъ андижанскимъ хакимомъ, т.-е. правителемъ андижанскаго вилайета. Въ это время съ сѣвера подвигались русскія войска, захватывая одинъ городъ за другимъ. Осенью 1860 г. Малля-ханъ отдалъ приказъ своимъ саргамъ выступить въ походъ противъ русскихъ. Съ ними отправился отрядъ кара-киргизовъ съ Алимъ-бекомъ во главѣ. Наступили зимніе холода. Сарты мерзли и гибли отъ голода. Тогда Алимъ-бекъ ушелъ со своими киргизами въ Андижанъ. На слѣдующій годъ Малля-ханъ сталъ опять собираться на русскихъ, и киргизы наотрѣзъ отказались отъ новаго похода. Ханъ послалъ арестовать Алимъ-бека, но удалось только конфисковать его имущество. Самъ же Алимъ-бекъ бѣжалъ въ горы за Гульчу.

Алимъ-бекъ, по сказанію его сына, былъ убитъ во время дворцоваго заговора въ Кокандѣ въ 1861 году. По другимъ сказаніямъ, онъ умеръ отъ отравы, поднесенной ему въ 1863 году¹⁾.

Пятидесятилѣтняя Курбанъ-Джанъ осталась вдовою. Опасаясь возмущенія кара-киргизовъ, кокандскія власти утаили отъ нея, что Алимъ-бекъ погибъ насильственною смертью. Объ этомъ горестномъ событіи она узнала лишь нѣкоторое время спустя.

Чтобы поддержать кокандскаго хана Худояра, бухарскій эмиръ Саидъ-Музаффаръ-Эддинъ прошелъ съ своимъ войскомъ до Оша. Тутъ ему представилась Курбанъ-Джанъ. Эмиръ, узнавъ о ея вліяніи на кара-киргизовъ, вопреки мусульманскому обычаю, далъ ей почетное званіе датхи, снабдивъ ее надлежащимъ ярлыкомъ и одаривъ подарками. Пасынокъ ея, Джаркинбай, старшій сынъ уби-

¹⁾ Разсматривая литературу объ алайскихъ киргизахъ и въ частности о Курбанъ-Джанъ-датхѣ, поражаешься разногласіемъ свидѣтельствъ писателей. Кромѣ того, что мною приведено выше съ провѣркою по самымъ послѣднимъ свѣдѣніямъ («Туркестанскія Вѣдомости», 16 февраля 1907 г., «Голосъ Правды», 27 февр. 1907 г. и «Ферганскія Обл. Вѣдомости», 9 іюня 1907 г.), рассказываютъ, напримѣръ, какъ первый мужъ Курбанъ-Джанъ былъ убитъ памиро-алайскими кочевниками во время сбора податей, и юная киргизка стала правительницею Алая, какъ она избрала другого мужа, но и второй мужъ былъ скоро убитъ въ стычкѣ съ китайцами, оставивъ трехъ сыновей. Не стоитъ повторять всего того, что навязали на «царицу Алая». Очевидно, исторія Алимъ-бека и его жены требуетъ болѣе тщательнаго разсмотрѣнія и провѣрки фактовъ на мѣстѣ.

Интересующіеся литературою о Курбанъ-Джанъ-датхѣ см. К. К. Казанскаго «Вблизи Памировъ», Б. Л. Тагъева «Памирскій походъ», Ю. Д. Головиной «На Памирахъ» и А. С. «По Туркестану».

таго Алимъ-бека, непосредственный наслѣдникъ титула датхи, въ угоду своей мачехѣ, отказался отъ него. Его назначили въ 1864 г. ошскимъ хакимомъ.

Между тѣмъ, русскія войска упорно все подвигались впередъ и впередъ. Разные представители ислама, населяющіе обширное ханство по всему теченію Сыръ-Дарьи, были двинуты навстрѣчу генералу Черняеву, но противостоятъ русскому оружію, несмотря на свою безумную храбрость, они не могли. Въ одной изъ стычекъ съ русскими убитъ былъ и Джаркинбай.

Кокандскому Худояръ-хану снова удалось овладѣть престоломъ въ это сумбурное для Туркестана время. Курбанъ-Джанъ поспѣшила явиться къ нему въ Кокандъ. Ханъ подтвердилъ ея права на званіе датхи, а старшаго сына ея, Абдулла-бека, назначилъ ошскимъ хакимомъ вмѣсто убитаго Джаркинбая.

III.

Завоеваніе Кокандскаго ханства.—Возстаніе кара-киргизовъ.—Укрѣпленіе Янгй-Арыка.—Бѣгство Абдулла-бека.—Майоръ Іоновъ отыскиваетъ Курбанъ-Джанъ.—Свиданіе Скобелева съ датхою.—Окончаніе войны.—Датха и баронъ Вревскій.—Занятіе контрабандою.—Арестъ сыновей датхи.—Казнь Камчи-бека.

Кара-киргизы и всѣ ихъ сосѣди славили умную, энергичную Датху и охотно пріѣзжали къ ея юртѣ для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ. Нуженъ былъ большой тактъ и умѣнье править въ это смутное время свободолюбивыми кочевниками, когда Кокандское ханство разваливалось. Русскіе взяли Ташкентъ, Ходжентъ и Ура-Тюбе. Въ самомъ Кокандѣ постоянная смѣна хановъ. Муллы, ишаны и дуваны яро проповѣдуютъ священную войну (газавать) съ невѣрными кяфирами. Поднялся бухарскій эмиръ, но и онъ оказался безсильнымъ противъ русскихъ пушекъ, потерявъ Джизакъ, Самаркандъ и Катта-Курганъ.

Наконецъ, въ 1875 г. пало Кокандское ханство, и вся область Сыръ-Дарьи перешла во власть русскихъ. Послѣднихъ претендентовъ на кокандскій престолъ, Насръ-Эддина и Пулатъ-бека, повѣсили; одного въ Кокандѣ, другого — въ Маргеланѣ. Захватили въ плѣнъ и храбраго предводителя кипчаковъ Автобачи; другой же командующій кочевниками, старшій сынъ Курбанъ-Джанъ-датхи, Абдулла-бекъ, дѣйствовавшій въ интересахъ Пулатъ-бека, отступилъ къ Алаю. Кара-киргизы крѣпко надѣялись на свои скалистые горы, съ снѣжными бурями на высокихъ перевалахъ. Пойдутъ ли туда русскіе, гдѣ едва пробирается и природный житель Алая и Памира?! На всякій случай алайскіе и гульчинскіе киргизы откочевали со своими юртами-кибитками въ горы, а сама Курбанъ-Джанъ уѣхала въ Кокъ-су, на границу съ Кашгаромъ.

Ея сыновья-батыри рѣшились отстаивать свой родной Алай отъ вторженія русскихъ. Они собрали кочевниковъ и заняли всѣ главные перевалы и горныя ущелья.

Весною 1876 г. появляется въ Опѣ М. Д. Скобелевъ, тогда еще только восходящая звѣзда русской арміи. Киргизы сосредоточились около урочища Янги-арыка и укрылись въ неприступной позиціи. Къ тому же, ихъ охраняла большая вода въ горной рѣкѣ. 25 апрѣля они оказали отряду Скобелева серьезное сопротивление,

Магометъ-Али-Халифа, минь-тюбинскій Дукчи-ишанъ
(† въ маѣ 1898 года).

несмотря на то, что сѣверные богатыри знали, какъ брать «орлиныя гнѣзда».

Предводитель киргизовъ, старшій сынъ Датхи, отважный Абдулла-бекъ, считалъ себя недоступнымъ въ горномъ ущельѣ. Еще и теперь можно видѣть полуразрушенное укрѣпленіе, эти массивные каменные завалы, устроенные съ оборонительными цѣлями. Но и у кара-киргизовъ нашелся свой Эфіалтъ—Иманъ-Куль, который указалъ русскимъ обходный путь. Скобелевъ распорядился послать справа отъ киргизскаго укрѣпленія отрядъ майора Іонова.

Окруженные кочевники бросили укрѣпленіе и устремились къ Заалайскому хребту, растерявъ по дорогѣ свои стада. Абдулла-

бекъ направился къ перевалу Кизыль-артъ и скрылся въ горахъ Памира. За нимъ погнался было князь Витгенштейнъ, но самъ чуть не погибъ около озера Кара-Куль.

Зная вліяніе датхи на кара-киргизовъ, Скобелевъ поручилъ майору Іонову разыскать Курбанъ-Джанъ и вступить съ нею въ переговоры. Послѣ разныхъ приключеній Іоновъ нашелъ ее въ юртѣ ея брата Исмадіарбая. Датха попросила его дать ей возможность лично переговорить съ самимъ генераломъ Скобелевымъ, но соглашалась ѣхать къ нему только при условіи, что ее не арестуютъ и не подвергнуть какимъ-либо униженіямъ. Іоновъ гарантировалъ ей полную безопасность, закрѣпивъ свое обѣщаніе честнымъ словомъ. Датха повѣрила и въ сопровожденіи большой свиты изъ киргизовъ отправилась къ ставкѣ «главнаго генерала русскаго царя».

Всѣ описанія встрѣчи Скобелева съ датхою единогласно свидѣтельствуютъ о его любезномъ приѣмѣ «алайской царицы», какъ прозвали Курбанъ-Джанъ русскіе офицеры. Она пришла къ генералу въ сопровожденіи сына Камчи-бека и внука Мирза-Паяса. Скобелевъ черезъ переводчика выразилъ свое удовольствіе ее видѣть, отмѣтилъ ея огромное вліяніе на киргизовъ Алая и просилъ ее убѣдить ихъ склониться на требованія Россіи. Похваливъ храбрость ея сыновей, онъ обѣщалъ имъ полную безопасность, если они вернуться въ Алай къ мирной дѣятельности.

Правительницѣ побѣжденныхъ киргизовъ ничего не оставалось, какъ согласиться на всѣ предложенія русскихъ.

Соблюдая восточные обычаи, Скобелевъ угостилъ датху до-старханомъ (поднось съ горою разныхъ сластей) и собственно-ручно одѣлъ на нее парчевый халатъ.

Война кара-киргизовъ за свою независимость съ этого момента кончилась. Датха поняла бесполезность дальнѣйшаго кровопролитія и разослала возвращенныхъ ей плѣнныхъ киргизовъ по всему Алаю съ приказаніемъ, чтобы храбрые батыри, взявшіеся за оружіе, совершенно спокойно возвращались въ свои аулы. Она также упрашивала своихъ сыновей вернуться на родину къ мирной кочевой жизни. Три сына, Махмудъ, Хасанъ и Батырь, послушались своей матери и вернулись въ Ошскій уѣздъ, гдѣ ихъ пріѣхавшій къ тому времени начальникъ края, генераль Кауфманъ, назначилъ волостными управителями. Наслѣдственный же правитель Алая, старшій сынъ Алимъ-бека, Абдулла-бекъ, не захотѣлъ подчиниться невѣрнымъ кяфирамъ и снизойти до роли волостного старшины, чтобы собирать кибиточный сборъ для русской казны. Онъ изъ Памира пробрался въ Афганистанъ, а оттуда въ томъ же году предпринялъ паломничество въ Мекку, но по дорогѣ умеръ. По киргизскому обычаю, тѣло умершаго Абдуллабека перевезли на Алай и съ почетомъ похоронили въ Гульчѣ рядомъ съ его сородичами.

Первымъ опскимъ уѣзднымъ начальникомъ, или хахимомъ, былъ назначенъ майоръ Іоновъ. Съ нимъ часто видѣлась Курбанъ-Джанъ-датха, и у нихъ вскорѣ установились дружескія отношенія, которыя не прерывались до ея смерти.

У Махмудъ-бека до сихъ поръ хранится цѣлая пачка писемъ, адресованныхъ Курбанъ-Джанъ-датхѣ отъ разныхъ начальствующихъ лицъ въ Россіи. Больше же всего было писемъ отъ ея друга, военного губернатора Іонова, изъ которыхъ можно судить, что датха обмѣнивалась съ нимъ не одинъ разъ подарками и фотографіями.

Всѣ безъ исключенія представители русской власти въ Туркестанѣ старались оказать, каждый по-своему, свое вниманіе «ца рицѣ Алая», которую въ своихъ письмахъ или въ бесѣдахъ они попрежнему величали датхою. Такъ, въ 1892 г. она представлялась генераль-губернатору барону Вревскому въ укрѣпленіи Гульчѣ. Восьмидесятилѣтняя старуха пріѣхала верхомъ на лошади для свиданія съ нимъ изъ своей лѣтовки, отстоящей верстъ за восемьдесятъ. Одѣтая въ парчевую шубейку съ мѣховой оторочкой, она неловко сидѣла на непривычномъ для нея стулѣ въ гостяхъ у генерала и постоянно утирала рукавомъ слезящіеся глаза. Баронъ по обычаю также подарилъ ей парчевый халатъ. Съ своей стороны датха каждый разъ предлагала генераламъ въ подарокъ желтоватую лошадь. Всѣ они очень благодарили ее за вниманіе, но вѣжливо отказывались отъ подарка.

Въ своихъ длинныхъ красивыхъ рѣчахъ Курбанъ-Джанъ выказывала большой умъ и дипломатическія способности. Несмотря на старость, глаза ея сохраняли еще живые огоньки, а въ чертахъ лица проглядывала выдѣляющая ее отъ другихъ киргизокъ особенная миловидность.

Въ слѣдующихъ, 1893—1895 годахъ престарѣлой датхѣ пришлось выдержать жестокое испытаніе.

Горные орлы-киргизы Алая съ давнихъ временъ жили хищничествомъ. Забравшись на «небесныя горы» (Алай—отроги Тянь-Шаня) подъ «крышу неба» (Памиръ), они зорко слѣдили за добычею въ окрестныхъ горахъ. Съ востока отъ нихъ китайскій Кашгаръ, съ запада бухарскій Дарвазъ и Каратегень, съ сѣвера растягивается плодородная Ферганская долина. Есть гдѣ поживиться барантою! Но съ приходомъ русскихъ волей-неволей пришлось имъ сдерживать себя. Отряды солдатъ и казаковъ строго оберегали караванные пути. Тогда удалство киргизскихъ батырей вылилось въ другую форму—въ занятіе контрабандой.

Пылкій Камчи-бекъ, одинъ изъ сыновей Датхи, сосредоточилъ въ своихъ рукахъ всю перевозку контрабандныхъ товаровъ чрезъ границу Кашгара. Давно его подозрѣвала въ этомъ русская администрація, но изловить увертливаго киргиза не удавалось. Однажды

пропалъ таможенный объѣздчикъ съ двумя стражниками. Потомъ слѣдствіе выяснило, что они встрѣтились съ партией киргизовъ-контрабандистовъ, которые не успѣли скрыться отъ нихъ. Чтобы избавиться отъ ареста и суда, киргизы убили объѣздчиковъ и сожгли ихъ трупы. Кромѣ удалого, горячаго Камчи-бека и молодого внука датхи, совсѣмъ мальчика, Арсланъ-бека, какъ начальниковъ шайки контрабандистовъ, арестовали еще за укрывательство Махмудъ-бека, правителя гульчинскою волостью, и Мирза-Паяса, его племянника. Всего арестовано было по этому дѣлу 21 человекъ.

Престарѣлая мать бековъ, Курбанъ-Джанъ-датха, сама поѣхала въ Новый Маргеланъ хлопотать за нихъ предъ военнымъ губернаторомъ Повало-Швыиковскимъ. Ее допустили только въ областную тюрьму на свиданіе со своими сыновьями и внуками, но не вняли ея униженнымъ слезнымъ мольбамъ. Судъ состоялся надъ киргизами, и двое изъ нихъ—Камчи-бекъ и Палванъ, были приговорены къ смертной казни, а Махмудъ-бекъ, Мирза-Паясъ и Арсланъ-бекъ—въ ссылку въ Сибирь на каторжные работы.

Киргизы, еще такъ недавно подчинившіеся Россіи, не могли допустить, чтобы русскіе сурово расплатились съ ихъ любимыми батырями-беками за убійство объѣздчиковъ. Они рѣшили вернуть себѣ лихихъ джигитовъ силою. Но прежде, чѣмъ напасть на тюрьму и освободить дѣтей уважаемой Курбанъ-Джанъ-датхи, киргизы проникли къ заключеннымъ бекамъ—сговориться о времени и образѣ дѣйствія. Осторожный Махмудъ-бекъ едва могъ отговорить ихъ отъ этого рискованнаго предпріятія.

2 марта 1895 г. приговоренныхъ киргизовъ повѣсили на площади туземной части города Оша. Состояніе несчастной матери-старухи было ужасно. Она удалилась на лѣтовку въ небольшой аулѣ Алая и тамъ оплакивала горькую судьбу своихъ дѣтей.

Сосланный Махмудъ-бекъ и его товарищи провели въ дорогѣ два года. Они заболѣли и потому задержались въ Иркутскѣ. Между тѣмъ вліятельные друзья датхи и главнымъ образомъ генераль Іоновъ неустанно хлопотали за сосланныхъ дѣтей ея. И не безъ успѣха: въ 1897 г. Махмудъ-бекъ вмѣстѣ съ Мирзой-Паясомъ и Арсланъ-бекомъ были возвращены изъ Сибири на Алай, въ свои родные аулы.

Жестокую расправу съ кара-киргизами нѣкоторые представители администраціи оправдываютъ избитымъ мнѣніемъ, что азіаты признаютъ только грубую силу; а потому, для поддержанія престижа власти на Алаѣ, необходимо было произвести сильное впечатлѣніе на киргизовъ строгой карой преступниковъ. Другіе же объясняли тѣмъ, что дѣти датхи, опираясь на покровительство высшихъ русскихъ властей, очень зазнались, дѣлали въ своихъ волостяхъ, что хотѣли, налагали непомѣрные подати и безнаказанно грабили народъ. Нужно было побить немного спеси съ бековъ и указать имъ

надлежащее мѣсто. Какъ бы то ни было, но съ тѣхъ поръ прошло десять лѣтъ, и ни одинъ изъ нихъ не получилъ еще прежней должности волостного управителя.

Здѣсь кстати помянуть о судьбѣ другихъ сыновей датхи. Второй ея сынъ, Батырь-бекъ, послѣ безуспѣшнаго сопротивленія киргизовъ Скобелеву, бѣжалъ въ Кашгаръ, гдѣ и находился до 1877 года. Потомъ, по просьбѣ матери, вернулся въ Опскій уѣздъ и получилъ должность волостного управителя. Онъ умеръ въ 1895 г.

Предводитель киргизовъ, Омаръ-бекъ-дахта мулла Алимовъ,
въ арестантскомъ костюмѣ.

Четвертый сынъ датхи, Хасанъ-бекъ, также скрывался до 1877 г. въ Афганистанѣ, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ Абдулла-бекомъ. Потомъ его тоже назначили волостнымъ управителемъ въ Опскомъ уѣздѣ. Въ настоящее время Хасанъ-бекъ состоитъ мутевалиемъ медресе Алимъ-бекова, то-есть, управляющимъ доходами съ имущества (вакуфа), завѣщаннаго его отцомъ для духовнаго училища. Хасанъ женатъ на дочери Худай-кулы (Бель-бакчи-ханъ), который когда-то занималъ ханскій престолъ (14 дней), а теперь торгуетъ краснымъ товаромъ на опскомъ базарѣ.

IV.

Волненія кара-киргизовъ.—Дукчи-ишанъ.—Его проповѣдь и чудеса.—Послѣдователи-мюриды.—Авантюристъ Абдуль-Джалиль.—Андижанская рѣзня.— Возмездіе.—Свиданіе Духовскаго съ датхой.—Смерть Курбанъ-Джанъ.—Похоны.—Прощаніе съ Махмудъ-бекомъ.—Отъѣздъ.

Кто-то замѣтилъ, что народы, живущіе въ горныхъ странахъ, подверженныхъ частымъ землетрясеніямъ, сами находятся въ постоянной тревогѣ. Указываютъ, напримѣръ, на Дагестанъ, гдѣ народъ и земля ежегодно проявляютъ себя болѣе или менѣе сильными волненіями. Ошскій уѣздъ тоже не отстываетъ отъ этого правила. Землетрясенія въ этомъ краѣ очень часты. Еще такъ недавно сосѣдній городъ Андижанъ (46 верстъ) покрылся развалинами разрушенныхъ зданій. Народы этого края тоже неспокойны. Надо принять во вниманіе, что Алай лежитъ между прежнимъ Кокандскимъ ханствомъ и китайскимъ Кашгаромъ. Та и другая страна были полны политическихъ смутъ и междоусобныхъ войнъ. Безпокойные авантюристы, недовольные бѣглецы-начальники изъ Коканда или Кашгара, преслѣдуемые преступники и вообще разные отбросы сосѣднихъ странъ постоянно укрывались въ горахъ Алая. Понятно, что при такихъ условіяхъ киргизы поневолѣ будутъ вовлечены въ борьбу окружающихъ народовъ. Это мы и видимъ на самомъ дѣлѣ. Чтобы избавиться отъ китайскаго владычества въ Кашгарѣ, не одинъ разъ объявлялся тамъ мусульманами газаватъ, то-есть священная война съ невѣрными (напр., въ 1862 г.). Въ ней всегда принимали участіе и кара-киргизы. Съ владычествомъ русскихъ Ошскій уѣздъ какъ будто немного успокоился, но время отъ времени онъ все-таки давалъ себя знать разными безпорядками. Такъ, въ 1885 г. здѣсь образовалось нѣсколько шаекъ, которыя вошли въ связь съ афганскимъ эмиромъ и провозгласили своего предводителя, Дервишъ-ханъ-Тюря, кокандскимъ ханомъ. Въ 1891 г. безпорядки повторились, хотя въ меньшей степени. Въ урочищѣ Ходжа-Калянъ появился Имамъ-Магди, выходецъ изъ Каратегена, къ которому стали стекаться тысячи киргизовъ. Благодаря указаніямъ четвертаго сына Курбанъ-Джанъ-датхи, Хасанъ-бека, и распорядительности уѣзднаго начальника Іонова, виновникъ волненія былъ задержанъ и сосланъ въ каторжныя работы. Въ 1898 г. подготовлено было новое большое возстаніе и объявленъ газаватъ противъ русскихъ. Мнѣ придется остановиться на этомъ возстаніи нѣсколько дольше, ввиду ложнаго ходячаго мнѣнія, что военная администрація Туркестана, боясь потерять насиженные мѣста, съ предполагаемымъ переходомъ края въ распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ, будто бы умышленно вызвала андижанскую рѣзню, чтобы пока-

Могила казненного Камчи-бена и место погребения его матери, Курбанъ-Джанъ-дагхи.

зать необходимость еще здѣсь военной власти. На самомъ же дѣлѣ объявленіе газавата можно объяснить только религіознымъ фанатизмомъ населенія страны.

Мусульманскія духовныя лица, если они хотятъ остаться вѣрными ученію Корана, должны проповѣдывать непрестанную войну съ кяфирами. Если не побѣдить, то умереть въ борьбѣ съ невѣрными считается высокимъ религіознымъ подвигомъ, за который въ загробной жизни мусульманинъ награждается всякими райскими благами. Какъ легко, слѣдовательно, на этой почвѣ разнымъ имамамъ и мулламъ, ишанамъ и дуванамъ проповѣдывать священную войну!

Къ югу отъ Андижана, въ кишлакѣ Минь-Тюбе появился новый проповѣдникъ изъ таджиковъ. Звали его Магометъ-Али-Халифа, или просто—Дукчи-ишанъ. Сорокалѣтній проповѣдникъ, хотя неграмотный, зналъ Коранъ наизусть. Своими страстными рѣчами онъ умѣлъ собирать около себя толпы слушателей, жадно внимавшихъ ученію «святого». Ишанъ привлекалъ къ себѣ народъ еще обильными угощеніями и ложными чудесами. Въ его домѣ постоянно кипѣлъ гигантскихъ размѣровъ самоваръ для чая съ тремя кранами. Всегда былъ готовъ пловъ изъ баранины, приготовленный будто бы чудеснымъ образомъ безъ огня. Впослѣдствіи нашли въ стѣнахъ дома задѣланныя трубы для нагрѣванія котловъ. Простодушный народъ вѣрилъ чудотворцу и несъ ему обильные подарки. Ишанъ принималъ все, начиная отъ кусковъ холста и кончая верблюдами. Взамѣнъ подарковъ онъ раздавалъ своимъ посѣтителемъ собственноручно выточенные веретена, придавая имъ особое символическое значеніе. За это и прозвали его Дукчи, что значитъ «веретено».

Мюриды — послѣдователи ишана — всячески поддерживали его славу, рассказывали народу о его предсказаніяхъ и чудесахъ и вообще обманывали простодушныхъ мусульманъ. Объясняютъ теперь, что мюриды носили названія приносимыхъ подарковъ. Не успѣвъ еще приходящій въ сопровожденіи мюрида, носившаго названіе его подарка, войти къ ишану, какъ тотъ уже благодаритъ гостя за подарокъ, называя его какъ бы по дару прозорливости. Кромѣ того, по переговорнымъ трубкамъ, скрытымъ въ стѣнахъ дома, ему сообщали со стороны всѣ нужныя свѣдѣнія о приходящемъ лицѣ.

Благодаря щедрымъ приношеніямъ и многочисленнымъ помощникамъ, Дукчи-ишанъ велъ образцовое хозяйство и ежедневно кормилъ множество народу. Киргизки благоговѣли предъ нимъ. Онъ приводилъ къ нему своихъ дочерей-невѣстъ, чтобы онъ освятилъ ихъ передъ выходомъ замужъ. За такихъ невѣстъ родители брали большій калымъ.

Необходимо замѣтить, что нѣкоторые туркестанцы расположены видѣть въ минь-тюбинскомъ ишанѣ искренно увлекающагося,

глубоко вѣрующаго человѣка. Всѣ вышеупомянутыя продѣлки соверпались не столько имъ, сколько окружающей его кликой, во главѣ которой стоялъ извѣстный интриганъ при ханскомъ дворѣ въ Кокандѣ, мулла Зіяутдинъ Магзумъ, занимавшій тамъ должность писмоводителя, или мирзы. Ему главнымъ образомъ приписываютъ дальнѣйшее развитіе заговора.

Вдругъ пріѣзжаетъ изъ Турціи какой-то неизвѣстный авантюристъ Абдуль-Джалиль. Онъ визируетъ свой паспортъ въ Маргеланѣ и Ошѣ и ѣдетъ къ Дукчи-ишану въ качествѣ посланника съ письмомъ отъ турецкаго султана. Абдуль-Джалиль, передавъ ишану халатъ отъ владыки правовѣрныхъ, зеленое знамя и волосъ пророка Магомета, убѣждалъ его объявить газаватъ. Дукчи долго сомнѣвался въ подлинности грамоты отъ султана и скромно замѣчалъ: «какъ это я, ничтожный человѣкъ, могъ быть извѣстенъ султану?» Только со вторымъ пріѣздомъ Абдуль-Джалила онъ, наконецъ, поддакъ обману и сталъ проповѣдывать войну съ невѣрными. Возстаніе было разсчитано на легкомысліе фанатичнаго народа. Въмѣсто оружія были розданы чудесныя веретена, которыя должны были превратить непріятельскія пули и ядра въ воду.

О готовящемся газаватѣ знали чуть ли не весь мусульманскій Туркестанъ. Въ Самаркандѣ, въ ночь съ 17 на 18 мая, правовѣрные собрались въ мечеть молиться за успѣхъ дѣла. Въ Ташкентѣ на базарѣ разные мусульманскіе мульдеки открыто разжигали ненависть къ невѣрнымъ. Да и вообще во всемъ краѣ замѣтна была перемѣна отношеній мусульманъ къ своимъ завоевателямъ. Предупреждали и представителей русской администраціи. Но наши властители, хорошо помня, какъ легко они разбивали небольшими отрядами громадныя толпы халатниковъ, были совершенно спокойны и не предпринимали никакихъ мѣръ къ предупрежденію возстанія.

Въ ночь на 18 мая 1898 года фанатизированная толпа правовѣрныхъ, среди которыхъ особенно выдѣлялись своимъ возбужденіемъ мѣстные тюрки, подъ предводительствомъ сельскаго старшины Мулла-Касыма, двинулась изъ Минь-Тюбе въ гор. Андижанъ. Съ ними былъ и Дукчи-ишанъ. Одинъ изъ мюридовъ, одѣтый во все бѣлое, то-есть обрѣкшій себя на смерть, ѣхалъ верхомъ на лошади впереди, съ раскрытымъ кораномъ и съ зеленымъ знаменемъ въ рукахъ, окропленнымъ кровью перваго убитаго русскаго.

Между тѣмъ въ Андижанѣ, ничего не подозрѣвая, среди ночи разбудили молодыхъ солдатъ и отправили ихъ на стрѣльбище съ холостыми патронами. Въ двухъ баракахъ остались старые солдаты и крѣпко спали. Только въ сосѣднемъ офицерскомъ баракѣ бодрствовалъ дежурный офицеръ и читалъ книгу. Вдругъ онъ слышитъ на разсвѣтѣ страшный шумъ, крики, топотъ лошадей. Это

фанатизированная толпа мусульманъ стремительно ринулась на одинъ изъ солдатскихъ бараконъ и стала колотъ и рубить спящихъ кяфиронъ. Нѣкоторые горячіе джигиты ворвались на лошадахъ въ самый баракъ, другіе кололи снаружи чрезъ плетенку. Шумъ и крики разбудили солдатъ сосѣдняго барака. Они схватили ружья и быстро выскочили на площадь, но... патроновъ съ ними не было. Въ это время выбѣжалъ изъ барака неспавшій офицеръ съ револьверомъ въ рукѣ. Въ полутьмѣ по бѣлому костюму мусульмане приняли его за мюрида и дали ему возможность пробраться къ солдатамъ, которые сбились въ одну небольшую кучку и оцетинились штыками. Съ другой стороны выскакиваетъ фельдфебель и докладываетъ офицеру, что у него есть ящикъ съ караульными патронами.

— Давай скорѣй!

Въ одну минуту разбили прикладами ящикъ, патроны разобрали и дали залпъ по толпѣ мусульманъ. Все сборище ишана моментально обратилось въ бѣгство, кромѣ небольшой кучки фанатиковъ. Главное, что обезкуражило мусульманъ, это бездѣйствіе чудесныхъ вещей, розданныхъ ишаномъ. Мюриды увѣряли, что лишь стоитъ даннымъ имъ веретенонъ только прикоснуться къ невѣрному, какъ тотъ упадетъ мертвымъ. А если невѣрные будутъ стрѣлять, то изъ ихъ ружей полетятъ не пули, а полетятъ вода.

— А что, если бы сарты по дорогѣ на насъ напали,—соображали потомъ молодые солдаты, ходившіе на стрѣльбу въ полночь,—а мы бы ихъ хватили холостыми патронами? Тогда бы они были вполне увѣрены, что ишанъ заговорилъ наши ружья. И досталось бы намъ! Всѣхъ могли легко перерѣзать.

Киргизы Наукатской волости тоже приняли участіе въ общемъ возстаніи. Омаръ-бекъ датха мулла Алимовъ, бывшій ихъ управитель во времена хановъ, собралъ своихъ киргизовъ на возвышенностяхъ Атамерека, чтобы оттуда внезапно напасть на городъ Ошъ. Мѣсто сборища царило надъ окрестной страной. Отсюда зоркіе глаза киргиза могли отлично наблюдать, что дѣлается въ Минь-Тюбе и въ Ошѣ. Конечно, и сыновья Курбанъ-Джанъ-датхи знали о возстаніи и, можетъ быть, получили какое-либо назначеніе. Но въ самую послѣднюю минуту осторожный ихъ родственникъ, Кара-бекъ, далъ знать уѣздному начальнику въ Ошѣ о готовящемся нападеніи мусульманъ.

Ошскій уѣздный начальникъ, 17 мая, съ небольшою свитою тотчасъ же поскакалъ на Атамерекъ, не зная размѣровъ задуманнаго возстанія. Киргизы не могли допустить, чтобы начальникъ такъ легко самъ отдавался въ ихъ руки и предположили, что за нимъ скачетъ сотня казаковъ. Этотъ слухъ быстро распространился среди возставшихъ киргизовъ, и они скоро разсѣялись. Уѣздный начальникъ въ тотъ же день далъ знать губернатору

телеграммою въ Маргеланъ о готовящемся возстаніи; но, какъ говорятъ, телеграмма была прочитана только на другой день утромъ, когда андижанская рѣзня уже совершилась.

Возстаніе было быстро подавлено. Дукчи-ишана казнили. Абдуль-Джалиль безслѣдно скрылся, а мулла Зіяутдинъ убѣжалъ въ Кашгаръ.

Расплата была строгая. За 22 человѣка, зарѣзанныхъ мусульманами въ Андижанѣ, русскій военный судъ приговорилъ къ повѣшенію 22 туземца, принимавшихъ участіе въ миньтюбинскомъ походѣ. Предводители киргизовъ—Омаръ-бекъ датха мулла Алимовъ и Саттыбай Ракибевъ, бывший пансать при ханѣ,—были захвачены въ Ошѣ и сосланы въ каторжныя работы, гдѣ Омаръ-бекъ вскорѣ и умеръ. Миньтюбинскому предводителю Муллѣ-Касыму удалось убѣжать, но и онъ чрезъ два года былъ задержанъ. По восточному обычаю кишлакъ Минь-Тюбе совершенно разрушили, срыли и вычеркнули изъ списка селеній. Богатые выселились въ другія мѣста, а бѣдную голытьбу, которая за неимѣніемъ собственности служила въ наемникахъ у богачей, поселили по сосѣдству, давъ каждому по одной десятинѣ орошаемой земли. Голытьба была рада дарованному надѣлу и назвала свой новый кишлакъ Мархаматъ, что значитъ милость. Мѣсто бывшего кишлака Минь-Тюбе отдали русскимъ переселенцамъ, которые и образовали здѣсь такъ называемое «Русское Село» въ 200 дворовъ.

На этотъ разъ дѣтей датхи миновала гроза, а Кара-бека, предупредившаго ошское начальство, наградили золотою медалью, почетнымъ халатомъ и пенсіей. Кара-бекъ недавно умеръ. Но киргизы и послѣ его смерти не могутъ простить ему измѣны ихъ «священной войнѣ». Когда были первые выборы въ волостные управители, и сынъ Кара-бека выставилъ свою кандидатуру, все алайское киргизское населеніе ее отвергло.

Дукчи-ишанъ признался передъ смертью, что онъ всегда ясно сознавалъ превосходство силы русскихъ и не вѣрилъ въ успѣхъ возстанія. Тѣмъ не менѣе онъ не могъ ничего другого придумать, какъ объявленіе газавата. Правда, съ завоеваніемъ Туркестана русскими стало тише и спокойнѣе въ странѣ, сарты быстро богатѣютъ, не приходится теперь дрожать за свою жизнь, за жену, дѣтей или за имущество, какъ это было при ханахъ; но, съ другой стороны, русскіе, съ новыми порядками, вносятъ въ ихъ жизнь столько нечестиваго, столько развращающаго душу человѣка, что правовѣрные становятся неузнаваемыми. Пьянство, развратъ, обманъ, воровство и другіе пороки овладѣли мусульманами. Лучше теперь умереть въ священной войнѣ и войти въ Алъ-Джаннатъ (рай), чѣмъ измѣнить священному Корану и погибнуть вмѣстѣ съ невѣрными.

Послѣ возстанія новый генераль-губернаторъ С. М. Духовской совершилъ поѣздку въ Опскій уѣздъ и видѣлся съ Курбанъ-Джанъ-датхою. Поддерживаемая подъ руки сыномъ и внукомъ, престарѣлая киргизка явилась въ халатѣ изъ темно-голубой китайской канфы, съ бѣлымъ тюбаномъ на головѣ. На вопросъ генерала—не надо ли ей чего-нибудь, она отвѣтила:

— Нѣтъ, слава Богу, мнѣ ничего не надо. Я на старости лѣтъ молюсь за благоденствіе государя. Благодарю за милости, оказанныя моимъ дѣтямъ.

— А много ли у васъ всего потомства?

— Не знаю. Помню, что пять сыновей, да пріемышъ, да вотъ внуки, а сколько у нихъ — не знаю... Много! — добавила она, махнувъ рукою.

На самомъ дѣлѣ ея потомковъ исчисляють въ 183 человекъ, изъ нихъ живыхъ до сего дня 98 (два сына, двѣ дочери, 31 внукъ, 57 правнуковъ и 6 праправнуковъ), а умершихъ—85.

Упоминаніе Курбанъ-Джанъ-датхи о своихъ молитвахъ за русскаго государя не есть съ ея стороны простой актъ вѣжливости. Генераль-губернаторъ Ивановъ, чрезъ ея сына Махмудъ-бека, 9 мая 1901 года получилъ письмо, въ которомъ она извѣщаетъ, что на мазарѣ мусульманскаго святого Хазретъ-Асфи-Ибни-Эль-Баркія, при участіи всѣхъ пришедшихъ къ святому на поклоненіе, она молилась за государя.

Нынѣ царствующій государь императоръ также не оставлялъ ее своимъ высокимъ вниманіемъ. Одинъ разъ онъ пожаловалъ Курбанъ-Джанъ-датху дорогимъ перстнемъ съ драгоценнымъ камнемъ, въ другой же разъ подарилъ ей золотыя часы, осыпанные брилліантами. Почтенная старушка пережила восемь генераль-губернаторовъ. Каждый изъ нихъ, который постарался повидать ее въ Опскомъ уѣздѣ, оставилъ ей какой-либо подарокъ на память.

Все сказанное здѣсь, конечно, не даетъ полной картины жизни Курбанъ-Джанъ-датхи. Это, такъ сказать, только точки соприкосновенія ея съ русской администраціей. Ея дѣти мало говорятъ о ея будничной обыкновенной жизни среди киргизовъ, какъ она кочевала, подымаясь лѣтомъ все выше и выше въ Алайскія горы, а зимой спускаясь въ долины, какъ она работала, какъ управляла киргизами. Извѣстно только, что датха никогда не увлекалась городской жизнью, и зиму и лѣто она проводила въ войлочной юртѣ, кочуя по склонамъ Алайскихъ горъ. До послѣднихъ дней своей жизни она всѣ свои далекія передвиженія дѣлала всегда верхомъ на лошади.

Зимой текущаго года, 1 февраля, Курбанъ-Джанъ-датха, окруженная многочисленными родственниками, тихо скончалась на девяносто шестомъ году жизни въ селеніи Мады.

Махмудъ-бекъ, старшій наслѣдникъ датхи, сейчасъ же даль знать въ Гульчу своему другу капитану Аврову о смерти матери. Капитанъ не замедлилъ явиться къ юртѣ покойной «царицы Алая». Съ его словъ мнѣ извѣстна картина похоронъ датхи.

Покойницу положили не на полу, какъ это обыкновенно дѣлаютъ киргизы, а на столѣ и закрыли ее парчевымъ покрываломъ. Рядомъ съ нею лежали подарки государя и разныхъ начальствующихъ лицъ. Передъ входомъ въ юрту стояли въ два ряда многочисленные внуки и правнуки покойной датхи. Каждого прибывшаго встрѣчаетъ одинъ изъ сыновей, а всѣ родственники усопшей начинаютъ причитывать съ громкимъ плачемъ. Плачь раздавался и въ самой юртѣ, наполненной женщинами ближайшихъ родовъ. Капитанъ засталъ собравшихся около тысячи чело-вѣкъ, но киргизы все еще подѣзжали изъ окрестныхъ ауловъ.

Покойницу изъ юрты вынесли въ садъ на площадку. Въ это время вывели верблюда съ подарками для имама, который тутъ же совершилъ краткое моленіе. Затѣмъ носилки съ покойницею поставили на арбу. Около нея помѣстился младшій ея сынъ, Хасанъ-бекъ, а старшій, Махмудъ-бекъ, слѣдовалъ за нею верхомъ на лошади въ сопровожденіи большой свиты родныхъ и знакомыхъ. Похоронная процессія медленно направилась къ городу Ошу, гдѣ на главномъ кладбищѣ Сары-Мазаръ приготовлена была могила для датхи, рядомъ съ мѣстомъ погребенія казненнаго ея сына, любимаго ею Камчи-бека. Мады отстоятъ отъ Оша на тринадцать верстъ. Съ каждымъ шагомъ процессія увеличивалась прибывавшими со всѣхъ сторонъ почетными туземцами. Всѣ верхомъ на лошадяхъ. Впереди арбы ѣхали внуки и громко причитали.

— Ты была зеркаломъ нашимъ! — выдѣляется голосъ одного изъ плачущихъ родственниковъ.

Тутъ же ѣхалъ мулла и нараспѣвъ читалъ стихи изъ Корана, относящіеся къ погребенію.

При входѣ на кладбище арба остановилась. Носилки съ покойной подхватили на руки. Впереди шелъ одинъ изъ сыновей и разбрасывалъ серебряныя монеты. Махмудъ-бекъ самъ влѣзъ въ приготовленное мѣсто погребенія и внимательно осмотрѣлъ его. Послѣ новаго краткаго моленія покойницу опустили въ могилу. Всѣ присутствовавшіе бросили по горсти земли, какъ это дѣлаемъ и мы въ Россіи. Но почетнымъ лицамъ разносили землю въ полѣ халата. Они брали ее въ руки и снова бросали въ халатъ. Затѣмъ всю эту землю сразу высыпали въ могилу.

По окончаніи обряда погребенія всѣ разѣхались. Но еще долго потомъ приѣзжали киргизы изъ дальнихъ ауловъ въ Мады выразить свое соболѣзнованіе дѣтямъ усопшей.

Въ ноябрѣ 1907 г. назначены торжественныя поминки датхи, и опять соберутся въ Мады киргизы сосѣднихъ волостей. Вѣро-

ятно, среди нихъ найдется свой киргизскій бардъ-импровизаторъ, который, по обычаю страны, нарисуетъ въ своихъ пѣсняхъ рядъ картинъ изъ частной и общественной жизни Курбанъ-Джанъ-датхи.

Въ тотъ памятный вечеръ, когда я слушалъ рассказы Махмудъ-бека Алимбека Датхаева, какъ теперь его величаютъ, меня сильно потянуло въ горы Алая посмотрѣть на дикую природу, на страшныя ущелья съ стремительными потоками въ нихъ, мнѣ захотѣлось пожить въ юртѣ среди вольныхъ кочевниковъ, которые такъ гордятся своимъ образомъ жизни. Охота и скотоводство — вотъ главныя занятія киргиза въ мирное время.

Узнавъ о моемъ желаніи, Махмудъ-бекъ горячо сталъ упрашивать меня съѣздить съ нимъ на охоту въ горы.

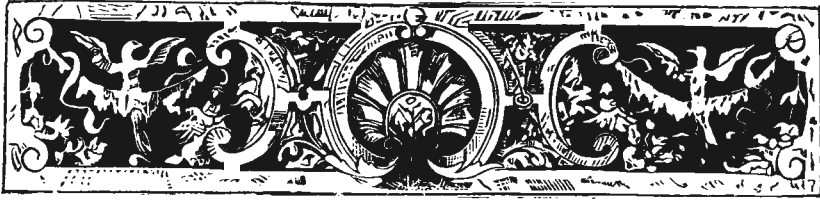
— Но сейчасъ еще рано: много снѣгу. Лучше всего въ маѣ мѣсяцѣ.

До мая я не могъ ждать. Поблагодаривъ его за любезное предложеніе, я подарилъ ему на прощаніе компасъ-брелокъ. Махмудъ-бекъ съ видимымъ удовольствіемъ принялъ мой подарокъ, но онъ не былъ для него новинкою. Оказывается, онъ всегда носитъ съ собою маленькій компасикъ для ориентировки во время охоты въ запутанныхъ горныхъ узлахъ, особенно ночью. Иногда онъ имъ пользуется въ туманную погоду для опредѣленія стороны, въ которую правовѣрный мусульманинъ долженъ обращаться во время молитвы.

Утромъ на разсвѣтѣ я выѣхалъ изъ Оша въ Андижанъ. Проѣзжая мимо туземнаго кладбища, я увидѣлъ двухъ женщинъ, усердно молящихся около высокаго мазара, то-есть могильнаго памятника, сложеннаго изъ кирпичей. Далѣе встрѣтилъ вереницу паломниковъ, поднимающихся на вершину Соломоновой горы, чтобы совершить благочестивый «саабъ». Еще далѣе услышалъ пѣвучій голосъ азанчи съ помоста на вершинѣ дерева, призывающей правовѣрныхъ на молитву, на утренній намазъ баумдаты. Чѣмъ не библейская страна?! Пожалуй, — какъ сказалъ почитаемый мусульманами нашъ Великій Пророкъ, — и въ Израилѣ не найдешь такой вѣры.

Ив. Ювачевъ.

ПО РѢКАМЪ ВОЛОГДѢ, СУХОИЪ И СЪВЕРНОЙ ДВИНѢ ¹⁾.

IX.

Тотьма.—Кладбищенская церковь.—Соборъ.—Историческая справка о городѣ.—
Спасо-Суморинъ монастырь.

ТОТЬМА красиво расположена по лѣвому, повышенному берегу Сухоны. На противоположномъ берегу одиноко стоитъ кладбищенская церковь, бывший женскій монастырь, въ которомъ, до постриженія ея въ Суздальскомъ монастырѣ, жила въ заточеніи первая супруга Петра Великаго, царица Евдокія.

Изъ городскихъ храмовъ выдается соборъ, который съ парохода кажется стоящимъ на отдѣльномъ холмѣ. Онъ имѣетъ пять главъ и довольно обширенъ внутри. Иконостасъ устроенъ въ стилѣ возрожденія; очень хорошъ образъ Тайной Вечери, помѣщенный надъ царскими вратами.

Надъ городомъ господствуетъ огромное, но некрасивое трехэтажное кирпичное зданіе ремесленнаго училища, выстроеннаго на средства мѣстнаго уроженца богача Токарева, постоянно живущаго въ Ростовѣ-на-Дону. Домъ этотъ такъ великъ по сравненію со всѣми остальными постройками Тотьмы, что кажется, будто это стоитъ громадный ящикъ, изъ котораго повинуты и кое-какъ разставлены всѣ эти остальные игрушечные домики.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХ, стр. 629.

Городокъ весь деревянный; каменныхъ домовъ въ немъ наберется едва ли болѣе двухъ десятковъ. Нѣкоторыя улицы мощены. Въ городскомъ садикѣ произрастаютъ типичная сѣверная корявая береза и акація.

На берегу, вблизи пристани, стоитъ на пригоркѣ бесѣдка-лавочка, въ которой продаются дорожныя корзины и стеклянныя коробочки, работа арестантовъ мѣстной тюрьмы. Корзины очень недурны и удивительно дешевы; коробочки же и дороги и плохи, но заготовлены въ такомъ количествѣ, что, надо думать, на нихъ-то, а не на корзинахъ, и держится торговля этой крохотной лавочки.

Первоначально городъ находился при устьѣ рѣки Тотьмы, впадающей въ Сухону на 15 верстъ ниже. Въ 1539 году казанскіе татары разрушили городъ до основанія, а жителей, не успѣвшихъ разбѣгнуться по лѣсамъ, подвергли жестокимъ пыткамъ. Послѣ ухода татаръ жители переселили къ солянымъ варницамъ, въ 22 верстахъ отъ нынѣшняго города. Когда-то городъ посѣтилъ Іоаннъ Грозный и стоялъ лагеремъ на лугу, и понынѣ носящемъ названіе «Царева», и тутъ же онъ чинилъ расправу надъ тотмеками, ради чего была поставлена висѣлица на мѣстѣ, теперь поросшемъ осинникомъ и называемомъ «Висѣлками». Послѣ того вскорѣ жителямъ пришла охота перебраться подальше отъ варницъ, къ берегу Сухоны, и при впаденіи въ нее рѣчки Песей Деньги основали они нынѣшній городъ. Петръ I Тотьму посѣщалъ три раза, но слѣдовъ пребыванія его здѣсь не осталось.

Въ 1½ верстахъ отъ города находится богатый Спасо-Суморинъ монастырь. Извозчикъ на допотопныхъ дрожкахъ за 80 коп. свозилъ М. М. и меня туда и обратно.

Монастырь былъ основанъ преподобнымъ Θεодосіемъ Суморинымъ въ 1554 году. Преподобный родился въ Вологдѣ и «отъ юности желаніе ко Христу Богу вперивъ, Его же ради градъ и отечество оставль и славу суетную яко прахъ вмѣнивъ, послѣдовалъ еси преподобному Димитрію (Прилуцкому) и обители его сожитель былъ еси». Потерявъ родителей, Θεодосій бросилъ жену и дочь и постригся въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ.

Неутомимо проходилъ преподобный Θεодосій разныя послушанія и, наконецъ, онъ былъ посланъ въ Тотьму надзирателемъ за монастырскими соляными варницами. Когда тотмеки перенесли городъ отъ варницъ на берегъ Сухоны, Θεодосій сталъ искать удобнаго мѣста для сооруженія монастыря. Такимъ мѣстомъ выбралъ онъ мысъ, образуемый рѣчками Ковдою и Песей Деньгою «Бѣ же мѣсто то во обдержаніи нѣкія вдовы именемъ Маріи Истоминскія жены Кисилева». Послѣдняя охотно уступила Θεодосію свое имѣніе, а тотмеки послали царю Іоанну «моленіе», въ коемъ просили о разрѣшеніи старцу Θεодосію воздвигнуть св. обитель и поручить ему настоятельство въ ней. 20 февраля 1554 года царемъ Іоан-

номъ была дана просимая грамота, и преподобный немедленно же приступилъ къ постройкѣ храма во имя Преображенія Господня и монастырскихъ зданій. Такъ возникла эта обитель.

28 января 1568 года преподобный Θεодосій скончался. Спустя около сорока лѣтъ послѣ этого начали совершаться при его гробѣ чудеса, а въ 1729 году, т. е. въ царствованіе Петра II, было уста-

Тотьма.

новлено ему мѣстное празднованіе въ его монастырѣ. Въ царствованіе же Павла I, 31 декабря 1798 года, мощи преподобнаго были совершенно открыты и было постановлено совершать празднованіе новоявленному чудотворцу 28 января, т. е. въ день преставленія его.

Соборная церковь Вознесенія Господня теперь каменная, трехъ-этажная, новой архитектуры. Храмъ очень благообразенъ и чрезвычайно свѣтелъ. Въ иконостасѣ церкви, между главнымъ храмомъ

и придѣломъ преподобнаго Феодосія, помѣщается чудотворная, глубоко чтимая населеніемъ, икона Божьей Матери, называемая Суморинскою, такъ какъ была принесена сюда самимъ преподобнымъ изъ Спасо-Прилуцкаго монастыря. Икона богато украшена драгоценными камнями.

Противъ иконы въ богато устроенной ракъ открыто почиваютъ мощи преподобнаго Феодосія. Рака сдѣлана изъ кипариса и снаружи обложена серебромъ; въ ней поставлена кипарисная гробница, обитая бархатомъ, а въ послѣдней поставленъ вытесанный изъ сосноваго бревна гробъ, въ которомъ были обрѣтены и нынѣ почиваютъ мощи преподобнаго.

При ракъ находятся желѣзные вериги, четки и вѣнцы. Вѣнцы сдѣланы изъ двухъ полосъ, крестообразно сложенныхъ, съ обручемъ вокругъ головы. По преданію, эти реликвіи принадлежали преподобному. Въ настоящее время богомольцы надѣваютъ ихъ на себя, съ вѣрою исцѣленія отъ недуговъ. По объясненію монаха, который показывалъ мнѣ вѣнцы, — у преподобнаго былъ лишь одинъ такой вѣнецъ; когда было замѣчено, что вѣнецъ, надѣтый на голову, избавляетъ вѣрующаго отъ головныхъ болей, то появился на вѣнецъ такой спросъ, что не всѣ желающіе успѣвали имъ пользоваться. Тогда монастыремъ было изготовлено, по тому же образцу, еще пять такихъ же вѣнцовъ, и который изъ нихъ настоящій,—теперь не знаютъ уже и сами монахи.

Мы были въ монастырѣ по окончаніи обѣдни. У раки служился молебень; стояло нѣсколько пассажировъ съ нашего парохода, горожане и много бабъ. Одна изъ нихъ, старенькая, съ изможденнымъ серьезнымъ лицомъ, съ платкомъ на головѣ, подошла къ ящику купить свѣчку. Какъ только М. М. увидалъ на ея головѣ одинъ изъ желѣзныхъ вѣнцовъ, тотчасъ же подошелъ къ ней и сталъ уговаривать выйти изъ храма на дворъ, не объясняя—зачѣмъ, но съ явнымъ намѣреніемъ снять съ нея фотографію.

Долго отмалчивалась баба отъ М. М., наконецъ огрызнулась:

— Не видишь развѣ, что свѣчу покупаю, иду на молебень. А ты съ непутевымъ пристаешь.

— Молебень-то только начался, ты успѣешь попасть къ нему; я вѣдь прошу тебя только на минутку выйти изъ церкви.

— Оставь, не пойду, — отвѣтила баба, отвернувшись въ сторону и широко перекрестилась.

М. М. тогда догадался обратиться къ благосклонному содѣйствію церковнаго старосты, который, дѣйствительно, воздѣйствовалъ на бабу и заставилъ ее итти во дворъ. По пути прихватили и другую бабу въ желѣзномъ вѣнцѣ. Нужно было видѣть то страданіе, которое выразилось на ихъ лицахъ, пока М. М. наводилъ на нихъ фокусъ своего аппарата.

Отпустивъ бабъ съ миромъ, М. М. обратился къ старостѣ:

— Нельзя ли на кого-нибудь надѣть вериги. Я еще сдѣлалъ бы снимокъ.

— Не угодно ли, я ихъ надѣну на себя.

— Пожалуйста. Кстати надѣньте на голову и желѣзную шапку. Староста скоро возвратился въ шапкѣ и веригахъ, надѣтыхъ на темный пиджакъ, изъ-подъ котораго видна была бѣлая рубаха.

— Не будете ли вы такъ добры снять пиджакъ и надѣть вериги прямо на рубаху, а то на темномъ онѣ плохо выйдутъ.

Поморщился староста, однако пиджакъ снялъ и вериги надѣлъ на рубаху. Нужно признаться, что и безъ пиджака староста мало походилъ на отшельника.

Подъ соборнымъ храмомъ осталась пещера, гдѣ были обрѣтены мощи преподобнаго Феодосія; въ 1844 году здѣсь была устроена церковь во имя всѣхъ вологодскихъ чудотворцевъ. На мѣстѣ обрѣтенія мощей стоитъ деревянная гробница, а возлѣ нея—большой деревянный восьмиконечный крестъ, на половину изгрызанный богомольцами, такъ какъ замѣчено, что частицы креста избавляютъ отъ зубной боли.

Мы не только не опоздали къ отвалу парохода, но успѣли еще переправиться на лодкѣ на противоположный берегъ и снять оттуда общій видъ города и «Преподобнаго Зосимы».

Ровно въ 12 час. дня пароходъ отвалилъ отъ тотемской пристани, протистившись нѣсколькими свистками съ городомъ.

X.

По Сухонѣ.—Камень «Лось».—Село Медвѣдево.—Берега Сухоны.—Село Брусеница.—Село Устье-Городищенское.—Частыя селенія.—Порогъ «Опока».—Красота мѣстности.

Немного ниже Тотмы въ Сухону впадаетъ справа рѣка Леденга, а слѣва — рѣка Единга; устье послѣдней настолько узко, что два карбаса въ немъ едва развѣдутся.

Ширится Сухона. Все быстрѣе становится ея теченіе. Изъ воды кое-гдѣ выступаютъ камни. Въ 9 верстахъ ниже Тотмы, у праваго берега, близъ какой-то незначительной деревушки, изъ воды смотритъ «Лось-камень», на которомъ, по преданію, когда-то обѣдалъ Петръ Великій. Ранѣе камень имѣлъ форму стола, до 1 саж: ширины; отъ осадки грунта и отъ подмыва водою онъ постепенно обламывался и теперь уже невеликъ и поверхность его наклонная.

По лѣвому берегу широко раскинулось село Медвѣдево; къ нему тянутъ нѣсколько деревень. Какіе хорошіе, большіе дома здѣсь! Какъ больно сжимается сердце, когда вспомнишь о тѣхъ убогихъ хаткахъ, въ которыхъ живетъ среднерусскій крестьянинъ.

Берега Сухоны становились все выше, живописнѣе, типичнѣе. Красавица-рѣка постепенно открывала намъ всю свою прелесть, всю свою мощь. Берега часто обрывались въ водѣ, обнажая то красные, то бѣлые слои. Лѣса становились все рослѣе, ель и сосна все больше захватывали первенство надъ другими породами. Временами мы шли чудной аллеей, гордо отражавшейся въ тихой водѣ. Къ правому берегу приткнулся буксирный пароходъ «Уница». Его названіе заинтересовало пассажировъ. Кто говорилъ, что по ошибкѣ пропущена буква м, кто увѣрялъ, что это искаженное слово—юница; смыслъ названія отъ этихъ догадокъ не сталъ яснѣй, зато отъ людей уже бывалыхъ мы узнали, что въ началѣ навигаціи «Уница» наскочила на камень и проломила дно; теперь изъ нея откачивали воду, но, кажется, мало успѣшно, такъ какъ корпусъ ея все еще былъ сильно накрененъ. На своемъ обратномъ пути я снова увидѣлъ этотъ пароходъ на томъ же мѣстѣ.

У небольшого села Коченги толпилась масса народа, шумъ стоялъ невообразимый: внизу съ карбасовъ шла раздача земскаго хлѣба населенію, сильно пострадавшему отъ недорода. Вся эта толпа привѣтствовала насъ громогласнымъ «ура». Впрочемъ, такъ привѣтствовали насъ съ берега неоднократно въ продолженіе всего плаванія.

Иногда Сухона сразу суживалась и начинала сильно крутиться, а потомъ снова выпрямлялась и расширялась. Замѣтна была близость пороговъ. Посмотришь съ командирскаго мостика назадь — такъ и кажется, что рѣка катится подъ гору: настолько значительны здѣсь паденіе воды и сила теченія.

Въ 78 верстахъ отъ Тотмы на обоихъ берегахъ находится большое село Брусеница. Правобережная часть его широкой зеленой долиной дѣлится на двѣ половины. Отъ села отдѣлилась лодка; съ нея намъ махали платками — значитъ везли пассажира; два парня усиленно работали веслами. «До-о-вай по-оскорѣй!—кричалъ имъ нашъ капитанъ:—до-о-вай на ко-орму».

Селенія пошли частыя. На лѣвомъ берегу—село Березовая Слободка. Дома здѣсь расположены въ два ряда по откосу берега. Внизу у подножія сельской церкви вливаетъ свои воды въ Сухону рѣка Уфтюга. Поодаль отъ церкви стоитъ деревянная колокольня. Напротивъ села правый берегъ чрезвычайно высоко поднялся, всхолмился, а потомъ сразу упалъ и поднялся снова у села Устья Городищенскаго. Пониже Березовой Слободки, на томъ же лѣвомъ берегу, находится большое селеніе Нюксеница съ прекраснымъ зданіемъ волостного правленія. Напротивъ, на большомъ мысу, при слияніи рѣкъ Городищны съ Сухоною, стоитъ село Устье-Городищенское. Въ былые дни край постоянно подвергался нападеніямъ чуди и вотяковъ. Жители села, по преданію, устроили насыпь, выкопали въ землѣ погреба, въ которые и прятали свое достояніе

Тотьма. Софійскій и Воскресенскій соборы.

Тотьма. Спасо-Суморинъ монастырь.

во время набѣговъ непріятеля, а потомъ на горѣ воздвигли деревянную крѣпость съ двумя башнями. Говорятъ, что еще лѣтъ двадцать тому назадъ вблизи села находили желѣзныя стрѣлы.

Немного ниже, на правомъ берегу, у излучины, прямо у подножія высокаго берега стоитъ село Бобровское. Часовенька служить памятникомъ посѣщенія села великимъ княземъ Алексѣемъ Александровичемъ въ 1870 году и великимъ княземъ Владимиромъ Александровичемъ въ 1885 году. На краю села видна казенная винная лавка. Противъ Востровскаго (отъ слова «острый») волостного правленія Сухона дѣлаетъ рѣзкій, почти подъ прямымъ угломъ, поворотъ. Здѣсь лѣвый берегъ очень высокъ, совсѣмъ отвѣсный, красный. Видно, какъ на берегу крестьяне «катаютъ новинки»: выжигаютъ лѣсъ и головешки катаютъ по землѣ, а потомъ это мѣсто будутъ засѣвать льномъ.

Наконецъ мы добрались и до знаменитаго порога, или, по мѣстному, перебора Опоки. Впереди рѣзко выступилъ страшно высокій лѣвый берегъ, совершенно отвѣсный, обнаженный, красноватосѣрый. Видъ берега напоминаетъ наши древнія кремлевскія стѣны. Высота берега—38 саж.

Свистокъ. Капитанъ командуетъ въ рупоръ «тихий ходъ». На палубу высыпали всѣ пассажиры. Рѣка дѣлаетъ крутой изгибъ, образуя букву S. У праваго берега вода бурлитъ, словно кипитъ въ котлѣ—это и есть самый опасный переборъ, носящій названіе «Носокъ». Передъ кремлевскою стѣною съ берега въ Сухону бросается ручей Гремячій, а послѣ стѣны—ручей Святой, у деревни Святой. На правомъ берегу село Никольское съ большимъ каменнымъ храмомъ, а немного ниже деревня Порогъ, возлѣ которой министерствомъ путей сообщенія устроена каменная дамба. Длина порога немного менѣе версты; теченіе здѣсь таково, что кашъ «Зосима» на обратномъ пути тутъ еле двигался. Рассказываютъ, что еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ пароходы, имѣвшіе машины менѣе сильныя, чѣмъ въ настоящее время, двигались здѣсь лишь при помощи буксировъ: на оба берега съ парохода подавались буксиры, которые тянули сотни людей изъ окрестныхъ селеній. За эту работу добровольцы-бурлаки иногда брали огромныя деньги и опредѣленную часть заработка всегда, по обычаю, жертвовали въ мѣстный храмъ.

Миновали Опоку, и жизнь на пароходѣ снова вошла въ свою колею. Большинство пассажировъ разбрелись по каютамъ спать. До Устюга оставалось всего 60 верстъ.

Мы шли коридоромъ. На насъ смотрѣли высокіе, отвѣсные красные берега, съ жолобами, по которымъ внизъ сбѣгали ручьи. Въ 12 часовъ ночи пароходъ остановился у какой-то деревушки для пріемки дрѣвъ. Эту операцію «Зосима» производилъ разъ въ сутки ночью, или рано утромъ, забирая каждый разъ 10—15 са-

Готъма. Спасо-Суморинъ монастырь. Пещера, гдѣ были обрѣтены мощи преп. Феодосія.

женъ. Стояла великолѣпная сѣверная ночь. Свѣтло было настолько, что самую мелкую печать можно было читать безъ труда. Воздухъ былъ неподвиженъ. Съ берега неся ароматъ свѣжей зелени и какихъ-то цвѣтовъ. Еще слышались голоса птицъ. Луна стояла высоко, но была блѣдна и свѣтилась какимъ-то болѣзненнымъ свѣтомъ.

XI.

Великій Устюгъ.—Набережнал.—Успенскій соборъ.—Прокопьевскій соборъ.—Церковъ св. Іоанна Юродиваго.—Городище.—Улицы, магазины, кустарныя издѣлія.—Село Дымково.—Историческая справка о городѣ.—Крестный ходъ.

Великій Устюгъ лучшій изъ уѣздныхъ городовъ Вологодской губерніи. Онъ стоитъ на лѣвомъ берегу, который здѣсь не очень высокъ, но круто упадаетъ до самой воды. И отъ этого, а также и оттого, что при быстромъ теченіи рѣка дѣлаетъ у города два изгиба, она, ударяясь въ лѣвый берегъ, словно съ разбѣга его размываетъ и обрываетъ. Чтобы бороться съ водою, на протяженіи почти всего города берегъ обшитъ деревянной броней изъ бревенъ, насланныхъ вплотную одно къ другому, почти отвѣсно къ водѣ. Эта обшивка, носящая здѣсь названіе «обруба» и дающая

набережной оригинальный видъ, очень тяжело ложится на городской бюджетъ и врядъ ли, въ концѣ концовъ, защититъ городъ отъ яростныхъ приступовъ рѣки. Кто знаетъ, не придется ли нашимъ внукамъ или правнукамъ быть свидѣтелями совершеннаго смыва города. Вѣдь церковь св. Пятницы пришлось уже перенести съ берега на другое мѣсто, а то мѣсто, на которомъ она стояла раньше, исчезло подъ водою.

На набережной находятся зданія городской управы и уѣзднаго съѣзда и лучшая въ городѣ гостиница «Добрецовскіе номера»; сюда же однимъ фасадомъ выходитъ Гостинный дворъ, одноэтажное квадратное зданіе, занимающее цѣлый кварталъ.

На набережной же находятся и три главныхъ устюжскихъ храма: Успенскій соборъ, Прокопьевскій соборъ и церковь св. Іоанна Юродиваго. Всѣ они обнесены общою оградой. Успенскій соборъ былъ построенъ въ концѣ XIII вѣка. Въ первыя триста лѣтъ существованія онъ былъ деревянный и пять разъ былъ истребляемъ пожаромъ. Нынѣшнее каменное зданіе было воздвигнуто въ 1657 году, а въ 1778 году къ нему пристроенъ былъ теплый храмъ. Лѣтній соборъ—во имя Успенія Божьей Матери, а зимній—во имя Ея Благовѣщенія. Лѣтній храмъ очень высокій, свѣтлый, имѣетъ прекрасную живопись. Здѣсь хранятся чтимыя чудотворныя иконы Благовѣщенія и Одигитріи Божьей Матери. Послѣдняя икона была прислана въ 1290 году въ даръ собору ростовскими князьями Димитріемъ и Константиномъ Борисовичами.

Первоначальный деревянный Прокопьевскій соборъ былъ построенъ въ 1471 году. Нынѣшній храмъ каменный; внутри онъ очень хорошъ, имѣетъ пятирусный деревянный рѣзной иконостасъ, въ мѣру золоченый. Здѣсь замѣчательны иконы Божьей Матери и св. Прокопія, вышитыя жемчугомъ. Образъ преподобнаго былъ пожертвованъ въ 1684 году московскимъ гостемъ, по прозвищу Скорая Запись. Надъ вхоа подъ деревянною золоченою сѣнью подъ спудомъ почиваютъ мощи преподобнаго Прокопія Устюжскаго, Христа ради юродиваго, скончавшагося въ 1303 году. Почитаніе его началось по частной инициативѣ. Въ 1458 году въ Устюгъ пришелъ изъ Москвы нѣкій «нищій человекъ» и заказалъ написать образъ Прокопія; надъ могилою его построилъ часовню и поставилъ въ ней написанный образъ. Къ такому самоволію устюжское духовенство отнеслось враждебно: оно прогнало «нищаго», разметало часовню и скрыло образъ Прокопія. Но въ 1471 году устюжскіе ратные люди, испытавшіе въ казанскомъ походѣ благодатную помощь Прокопія, вновь построили надъ его могилою цѣлый храмъ во имя его, и съ этого времени началось чествованіе памяти Прокопія.

Близъ вхоа въ соборъ на красивомъ пьедесталѣ находится камень овальной формы. По преданію, 25 іюня 1290 года надъ

лѣсомъ въ Котовальской волости, въ 20 верстахъ отъ Устюга, разразилась страшная каменная туча, грозившая истребленіемъ городу. Но, по молитвѣ преподобнаго Прокопія, туча пронеслась мимо. Описанный камень будто бы упалъ изъ той тучи. Въ память этого событія ежегодно 25 іюня изъ городскихъ церквей совершается торжественный крестный ходъ въ село Котовалово.

Каменный храмъ св. Іоанна Юродиваго, умершаго въ 1494 году, построенъ на мѣстѣ двухъ обветшавшихъ каменныхъ церквей въ

Тотьма. Спасо-Суморинъ монастырь. Богомолки въ вѣнцахъ.

1859 году. Здѣсь подъ спудомъ почиваютъ мощи угодника. Первоначальный храмъ былъ построенъ въ началѣ XVI вѣка.

Въ соборахъ я былъ во время литургіи; пѣвчіе въ нихъ такъ хороши, что могутъ соперничать съ столичными.

Вблизи пристани, на высокомъ, кругломъ холмѣ, носящемъ названіе «Городище», стоитъ храмъ во имя преподобнаго Варлаама Хутынскаго. Это городище—устюжскій Кремль и въ древности здѣсь была крѣпость, куда горожане спасались отъ набѣговъ непріятеля.

Всѣхъ церквей въ Устюгѣ двадцать двѣ и два монастыря.

Лучшія улицы въ городѣ—Преображенская и Успенская. Пслѣдняя тянется черезъ весь городъ. На этихъ улицахъ находится

большинство магазиновъ, изъ которыхъ нѣкоторые были бы у мѣста и въ губернскомъ городѣ. Туристамъ рекомендуется посѣтить магазинъ Дербенева: здѣсь, полагаясь на добросовѣстность магазина, не торгуясь и не переплачивая, между прочимъ можно приобрести очень практичныя коврики-половики изъ «свиного пуха», т. е. изъ щетины, не очень твердой, но далеко не похожей на пухъ; здѣсь же продаются дорожныя корзины (особенно хороши устьесольской работы) и разные бурачки. Къ сожалѣнію, въ городѣ прекратилось производство вещей изъ серебра съ чернью. Этимъ производствомъ въ теченіе многихъ лѣтъ занимался, если не ошибаюсь, нѣкій Кошковъ, который недавно умеръ и съ собою въ могилу унесъ секретъ особаго черненія. У барышни-вологжанки я видѣлъ браслетъ его работы: рисунокъ чернью на немъ былъ выполненъ удивительно тонко и художественно. Есть вещи съ чернью въ продажѣ и теперь, но и чернь, и рисунокъ аляповаты настолько, что не даютъ даже понятія о тонкости работы этого Кошкова.

Въ городѣ не мало каменныхъ домовъ, изъ которыхъ нѣкоторые обращаютъ на себя вниманіе своими размѣрами, какъ, напр., домъ пароходовладѣльца Н. В. Кострова на Преображенской улицѣ или домъ купца Чебаевского напротивъ собора. Еще больше ихъ и много красивѣе четырехъэтажное зданіе епархіальнаго училища, выстроенное близъ женскаго монастыря, на мѣстѣ сгорѣвшаго деревяннаго зданія.

Общественный садъ, находящійся на концѣ города, очень великъ и хорошъ тѣмъ, что сильно запущенъ, такъ что напоминаетъ рощу.

Смольниковское озеро, которое идетъ перпендикулярно Сухонѣ и отдѣляется отъ нея недалеко отъ пристани только узкимъ и длиннымъ перешейкомъ, дѣлитъ городъ на двѣ части. Это озеро въ сильной степени ухудшаетъ и безъ того неважное санитарное состояніе города.

На противоположномъ берегу находится село Дымково. Мнѣ рассказывали, что въ извѣстные дни служатъ молебны св. Николаю Чудотворцу на крышѣ храма. Лично проверить я этого не могъ и принимаю это на вѣру, зная, что бываютъ обычаи, обряды и постраниѣ.

Сухона передъ городомъ широко и красиво раздалась. Съ набережной открывается видъ на даль на многія версты.

На обратномъ пути я былъ въ Устюгѣ 22 іюня, т. е. въ день, посвященный памяти избавленія города, по молитвѣ пр. Прокопія, въ 1290 году отъ роковой каменной тучи. Какъ бы въ напоминаніе объ этомъ событіи около полудня, незадолго до отвала парохода, надъ городомъ пронеслась страшная грозовая туча, молнія сверкала непрерывно, бушевала буря, три громовыхъ удара были настолько сильны, что нашъ «Зосима» весь содрогался.

Въ этотъ день, по случаю крестнаго хода въ село Котовалово, всѣ магазины въ городѣ были заперты, а мнѣ нужно было купить себѣ чая, сахара и пр.. Я сказалъ объ этомъ извозчику.

— Это устроить можно. У насъ есть татарскіе магазины; тамъ съ задняго хода всегда можно достать.

Привезъ меня къ порядочной татарской лавкѣ. Вошелъ я на дворъ, взобрался на заднее крыльцо, встрѣтился съ хозяиномъ.

Тотьма. Спасо-Суморинъ монастырь. Староста въ желѣзныхъ веригахъ.

— Дайте мнѣ пожалуйста чаю, сахару, табаку,—обратился я къ нему.

Посмотрѣлъ татаринъ подозрительно на мое форменное платье.

— Никакъ, баринъ, не можно, строго запрещено нынче торговать до 3 часовъ дня; послѣ трехъ приходи.

— Вѣдь я съ парохода и сейчасъ же ѣду дальше. Не бойтесь—вѣдь не стану же я на васъ доносить.

Еле уговорилъ татарина... Какъ потомъ оказалось, и другіе пассажиры въ разныхъ магазинахъ съ задняго крыльца уговаривали приказчиковъ и не безъ успѣха.

Кѣмъ и когда былъ основанъ Устюгъ, достовѣрно неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ не позже XII вѣка. Первоначально городъ, носившій названіе Гледеня, находился ниже, при слияніи Юга съ Сухоною (отсюда Устюгъ = Устье Юга), гдѣ и нынѣ существуетъ упраздненный Троицко-Введенскій Гледенскій монастырь. Въ 1212 г. жители, угрожаемые ежегоднымъ размывомъ Гледенской горы, переселились на мѣсто, называвшееся Чернымъ Прилукомъ, и основали нынѣшній городъ. Будучи колоніей Новгорода и унаслѣдовавъ отъ послѣдняго духъ отваги и предприимчивости, Устюгъ въ экономической и политической жизни Россіи быстро занялъ одно изъ первенствующихъ мѣстъ и наравнѣ съ Новгородомъ и Ростовомъ получилъ почетный титулъ Великаго. Городъ не разъ выдерживалъ набѣги татаръ и польскихъ бандъ и принималъ участіе въ нашемъ поступательномъ движеніи на востокъ. Въ 1335—1340 гг. въ семьѣ причетника устюжскаго Успенскаго собора Симеона родился св. Стефанъ, епископъ пермскій, знаменитый просвѣтитель зырянъ. Открытіе въ XVI вѣкѣ морского пути черезъ Архангельскъ въ Европу вызвало широкое развитіе торговли и въ Устюгѣ. Для иноземныхъ гостей была отведена здѣсь особая слобода въ «Нѣмчиновомъ ручьѣ». Географическое положеніе города весьма выгодное: Сухоны соединяетъ его черезъ каналъ герцога Александра Бюртембергскаго съ Волгой, обѣими столицами и низовыми губерніями, а Вычегда съ необъятной Сибирью. Однако проведеніе желѣзной дороги отъ Перми на Котласъ значительно умалило значеніе Устюга. Въ 1843 году въ Устюгѣ родился нашъ извѣстный писатель Павелъ Владимировичъ Засодимскій.

ХII.

Слияніе Сухоны и Юга. — Малая Двина. — Грибановская фабрика. — Мѣсто раскопокъ профессора Амаліцага.

Въ 2—4 верстахъ ниже Великаго Устюга Сухоны сливается съ Югомъ и образуетъ Малую Двину, протяженіемъ въ 66 верстѣ. Послѣдняя близъ Котласа принимаетъ въ себя многоводную Вычегду, бѣгущую отъ Урала, и образуетъ уже Большую Сѣверную Двину—кормилицу нашего Сѣвера. Протяженіе Сѣверной Двины—614 верстѣ. Югъ значительно уже Сухоны и приноситъ съ собою огромное количество песку. Долгое время можно видѣть разграниченіе водъ этихъ двухъ рѣкъ: по правую сторону мутная желтоватая вода Юга, по лѣвую—синеватая вода Сухоны. Ниже Устюга долина рѣки чрезвычайно широка. Едва виденъ вдали рядъ селеній, отступившихъ отъ берега изъ опасенія быть потопленными.

У слиянія рѣкъ стояла землечерпательная машина, какъ бы свидѣтельствуя о неблаговидныхъ свойствахъ Юга. Короткій свистокъ. На носу парохода моментально появился матросъ съ шестомъ, крикнулъ: «есть», и началъ промѣръ, первый на нашемъ пути: «девять, девять, одиннадцать, двѣнадцать, двѣнадцать, подъ-табанъ, подъ-табанъ, не маячить, не маячить». Снова свистокъ. «Есть», кричитъ матросъ, бросая промѣръ.

Пошли характерные для Двины прибрежные пески, низменные острова, своенравные, причудливые рукава, носящіе здѣсь назва-

Тотьма. Типъ обывательскаго дома.

ніе «курьихъ». Таковъ характеръ двинскаго пейзажа вплоть до Архангельска.

Въ 26 верстахъ отъ Устюга, на лѣвомъ берегу рѣчки Синегѣ находится село того же названія, а за нимъ—извѣстная во всей Россіи льнопрядильная и полотняная фабрика Грибанова, основанная въ 1815 году. При фабрикѣ возникъ поселокъ, и ему, по красотѣ окружающей мѣстности, было дано названіе Красавино. Затѣмъ здѣсь былъ построенъ храмъ, и поселокъ обратился мало-по-малу въ значительное село. Фабрика находится въ долинѣ, въ 1 верстѣ отъ рѣки, храмъ же и домъ владѣльца стоятъ на холмѣ. Къ со-

жалѣнію, я ни въ селѣ Красавинѣ, ни въ мѣстности, его окружающей, особой красоты не нашель.

Напротивъ села Красавина на высококомъ обрывистомъ правомъ берегу стоятъ два храма во имя соловецкихъ чудотворцевъ свв. Зосимы и Савватія. Преданіе гласитъ, что на этомъ мѣстѣ святые, въ первый разъ плывя на сѣверъ, обѣдали.

Не доходя верстъ 10—12 до Котласа, мы видѣли на правомъ берегу мѣсто археологическихъ раскопокъ профессора варшавскаго университета Амалицкаго, произведенныхъ имъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Среди массы цѣнныхъ для науки предметовъ профессоромъ между прочимъ открыты были здѣсь гигантскія ископаемыя животныя пермской эпохи. За эти труды въ 1902 году профессоръ былъ награжденъ обществомъ естествоиспытателей при петербургскомъ университетѣ золотою медалью. Съ парохода отчетливо видно это мѣсто раскопокъ на высококомъ, отвѣсномъ, красноватомъ берегу. Вблизи находится деревня Мокречица.

ХІІІ.

По рѣкѣ Малой Двинѣ.—Село Котласъ.—Село Вандокурское.

Когда въ первый разъ приближаешься къ мѣсту, о которомъ приходилось много и читать и слышать, то невольно ждешь отъ него чего-то особеннаго, выдающагося. Такъ было и со мною, когда я издали увидаль храмъ села Котласа, находящагося на правомъ берегу. Подошли къ пристани, къ слову сказать, во время вечернихъ стоянокъ парохода освѣщаемой электричествомъ, проводимымъ съ парохода же. Берегъ очень высокій; на немъ поставленъ цѣлый рядъ товарныхъ складовъ, отъ которыхъ проведены къ рѣкѣ деревянные скаты для нагрузки грузовъ на суда. Внизу проложены желѣзнодорожные пути. Само село очень невелико, и наибольшее число построекъ принадлежитъ желѣзной дорогѣ. Каменный храмъ великъ, но самой ординарной архитектуры. Желѣзнодорожный вокзалъ, одноэтажное кирпичное зданіе, отстоитъ отъ пристани почти на версту; пассажирамъ переправляться приходится пѣшкомъ, а багажъ, конечно, некрупный, перетаскиваютъ мальчишки, во множествѣ толпящіеся на пристани. На противоположномъ берегу растянлось село Вандокурское, населеніе котораго въ огромномъ количествѣ возвращаетъ капусту, отправляемую въ Сольвычегодскъ, Устюгъ и Вологду.

На берегу, надъ пристанью воздвигнута высокая триумфальная арка въ честь посѣщенія села великимъ княземъ Сергѣемъ Александровичемъ. Надъ аркою устроенъ длинный балконъ съ башенками, откуда открывается чудный видъ на далеко убѣгающую задвинскую долину, окрестныя селенія и широкую стальную полосу рѣки.

Успенскій и Прокопьевскій соборы въ Великомъ Устюгѣ.

Объ экономическомъ и торговомъ значеніи Котласа, какъ конечнаго пункта Пермь-Вятской ж. д., дающей стокъ товарамъ съ Великой Сибирской дороги въ ближайшій къ ней морской портъ Архангельскъ, говорить здѣсь не приходится, такъ какъ объ этомъ уже имѣется не мало очерковъ и въ общей и въ специальной литературѣ.

Село Котласъ, древнее Пырасъ, было первымъ зырянскимъ селеніемъ, въ которомъ св. Стефанъ, просвѣтитель этого племени, началъ въ 1379 году свою апостольскую дѣятельность.

Въ 2 часа дня «Зосима» отвалилъ отъ котласской пристани.

XIV.

По Сѣверной Двинѣ.—Красноборскъ.—Художникъ А. А. Борисовъ.—Злоключеніе одного комми-вожера.—Старинныя церкви.—Толоконныя горы.—Село Черевково.—Село Верхняя Тойма.

Двина, принявъ въ себя Вычегду, беретъ сѣверо-западное направление и болѣе или менѣе сохраняетъ его до самаго Бѣлаго моря. Ширина ея здѣсь уже болѣе версты. Долина рѣки чрезвы-

чайно широка. Оба берега невысоки, покрыты некрупною зарослью.

Пристали на минутку къ пристани у незначительнаго села Комарицы. У берега разставлена масса помчъ для ловли рыбы. Впереди на высокомъ лѣвомъ берегу виденъ заштатный городокъ Красноборскъ. О ничтожествѣ городка, имѣющаго всего 671 жителя (по переписи 1897 года), можно судить уже по тому, что въ немъ не имѣется даже телеграфа. Населеніе занимается изготовленіемъ плетеныхъ изъ черемуховыхъ вѣтвей таранасовъ и расписныхъ бураковъ. Въ городкѣ бываетъ четыре ярмарки въ году, изъ которыхъ наибольшее значеніе имѣетъ ноябрьская—торгъ бѣличьимъ мѣхомъ. Близъ Красноборска въ д. Глубокій Ручей въ 1866 году родился недавно пріобрѣвшій извѣстность художникъ и путешественникъ А. А. Борисовъ. Около города этотъ поэтъ нашего крайняго Сѣвера построилъ себѣ домъ и студию. Съ парохода отлично виденъ выкрашенный въ коричневую краску домъ съ башенкой.

Въ Красноборскѣ нашъ пароходъ сдалъ мраморную надгробную плиту съ интересной надписью: «Подъ симъ камнемъ покоится тѣло непорочной дѣвицы Татіаны Петровны Маловой. Житія ея было 70 лѣтъ».

Въ салонѣ комми-вояжеръ извѣстной петербургской фирмы, ярославецъ по происхожденію, сѣвшій на пароходъ въ Котласъ, повѣствовалъ одному пассажиру о своихъ путевыхъ злоключеніяхъ.

— Представьте себѣ, въ прошломъ году я нарвался на ирбитской ярмаркѣ на шуллера. Онъ, с... с... (излюбленное его словечко—къ счастью, въ салонѣ не было дам!), меня и двухъ купцовъ объегорилъ въ банчокъ рубликовъ на шестьсотъ.

— А вы въ первый разъ наскочили на шуллера?

— Ну, этого я сказать не могу. Да вотъ, на послѣдней нижегородской ярмаркѣ со мной опять приключился грѣхъ: другой шуллеръ облегчилъ мои карманы почти на двѣсти цѣлковыхъ.

— Охота же вамъ садиться играть въ карты со всякими неизвѣстными лицами.

— Всему вина—подлый коньякъ. Хватишь его рюмашекъ пять, а то и больше, въ голову ударить, ну, тогда и подавай карты. Но не я буду, если этого с... с..., ирбитскаго жулика, не изловлю какъ-нибудь и не изувѣчу его.

— А суда и узилища не боитесь?

— Не безпокойтесь. Я ему паединѣ насажаю фонарей такъ, чтобъ онъ, с... с..., по крайней мѣрѣ съ мѣсяцъ просидѣлъ дома и чтобъ хоть за это время не обыгрывалъ честныхъ купцовъ.

Этотъ разговоръ представлялся мнѣ безцѣльнымъ, пока я не замѣтилъ, что изъ каюты второго класса къ намъ иногда навѣдывается подозрительнаго вида человекъ, а нашъ комм: возобновляетъ все тотъ же разговоръ всякій разъ, какъ замѣтитъ его близкое присутствіе. Не было ли это предупрежденіемъ съ его сто-

роны этому новому врагу, или, можетъ быть, это былъ тотъ самый врагъ, которому предстояло со временемъ сидѣть дома въ снѣгахъ.

Селенія, особенно на лѣвомъ берегу, идутъ караваномъ, одно за другимъ. Вотъ село Пермогорье на высокомъ, отвѣсномъ берегу. На откосѣ видна красивая группа сосенъ. Изъ двухъ храмовъ особенно интересенъ тотъ, который стоитъ ближе къ рѣкѣ. Во-

Великій Устюгъ. Базаръ.

обще по Сѣверной Двинѣ вы еще увидите не мало деревянныхъ церквей старинной затѣйливой архитектуры. Не даромъ покойный В. В. Верещагинъ совершилъ въ 1894 году путешествіе по Двинѣ на шнякѣ и зарисовалъ наиболѣе типичные старинные храмы, еще не успѣвшіе погибнуть и отъ времени и отъ руки человѣка.

У Пермогорья, стоящаго въ концѣ отроговъ Пермскихъ горъ, Двина сильно пошаливаетъ и образуетъ здѣсь небольшіе переборы, т. е. пороги.

Правый берегъ, долго бывшій низкимъ, сталъ подниматься и недалеко отъ села Черевкова поднялся настолько значительно, что образовалъ высокія бѣлопесчаныя горы, называемыя здѣсь «Толоконными».

Село Черевково на лѣвомъ берегу. Черевковская волость, состоящая изъ нѣсколькихъ селеній, одна изъ обширнѣйшихъ и бо-

гатыхъ волостей въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ. Черевковцы, потомки свободолюбивыхъ новгородцевъ, энергичныхъ и предприимчивыхъ ушкуйниковъ, никогда не знавшіе крѣпостного права, своею хозяйственностью и зажиточностью славятся по всему уѣзду. Благодаря тучнымъ пастбищамъ, здѣсь разводится прекрасный скотъ, въ большомъ количествѣ продаваемый въ Архангельскъ и въ обѣ столицы. Въ селѣ же сосредоточивается значительная торговля хлѣбомъ, льномъ, кожею, соленою рыбою. Часть населенія уходитъ на отхожіе промыслы, пильщиками.

Передъ селомъ Верхней Тоймой оба берега советѣмъ упали. По срединѣ рѣки вытянулись три типичныхъ двинскихъ островка: длинныхъ, низменныхъ, песчаныхъ, покрытыхъ мелкимъ кустарникомъ. На лѣвомъ берегу виденъ рядъ селеній, носящихъ собирательное имя Дядиныхъ, и среди нихъ погостъ Ягришь съ самыми жгучими брюнетками на нашемъ Сѣверѣ.

Село Верхняя Тойма, или Верхотоимскій погостъ, стоитъ на очень высокомъ правомъ берегу, при впаденіи въ Двину рѣки того же названія. Это очень древнее новгородское поселеніе, упоминаемое между прочимъ въ духовномъ завѣщаніи Іоанна III. Въ настоящее время Тойма является значительнымъ административнымъ и торговымъ центромъ въ уѣздѣ, обслуживающимъ окрестный районъ верстъ на 150. Въ лавкахъ, запертыхъ обыкновенно въ будничные дни и бойко торгующихъ въ дни воскресные и базарные, населеніе приобрѣтаетъ муку, говядину и прочіе жизненные продукты. Въ селѣ есть земская больница и земская школа. Больница, будучи первой на пути отъ Архангельска вверхъ по Двинѣ, приобрѣтаетъ особенное значеніе во время навигаціи, такъ какъ лишь здѣсь могутъ быть сданы заболѣвшіе на судахъ.

Зажиточная Тимошинская волость, тяготящая къ Верхней Тоймѣ, пользуется дурной славой: почти все ея населеніе, уходящее на заработки въ Архангельскъ на лѣсопильные заводы, заражено сифилисомъ. Земская медицина, энергично борющаяся съ этимъ зломъ, здѣсь пока является довольно безсильной.

Послѣ 2 часовъ ночи (говорю «ночи» только по привычкѣ, такъ какъ въ дѣйствительности ночи вовсе уже не было) «Преподобный Зосима» за Нижней Тоймой вступилъ въ предѣлы Архангельской губерніи.

XV.

По Сѣверной Двинѣ.—Село Березяни.—Алебастровыя горы.—Сійская пристань.— Орлецы.—Село Усть-Пинега.—Историческое село Вавчугъ.—Бахнины.—Село Чухчерема.—Богоявленскій протокъ.—Ширина рѣки.—Подходъ къ Архангельску.

Начало и конецъ четвертаго, послѣдняго дня нашего плаванія были неблагоприятны. Утромъ прошелъ сильный дождь, густыя облака заволокли небо, дулъ холодный вѣтеръ.

Въ 8 часовъ утра «Зосима» имѣлъ остановку у села Березняковъ, иначе называемаго Семеновскимъ. Это очень бойкое мѣсто, такъ какъ здѣсь имѣется телеграфъ и проходитъ трактъ на Шенкурскъ. Обыкновенно судовщики, пройдя переборы и вообще опасныя мѣста, телеграфируютъ отсюда своимъ хозяевамъ о благо-

Село Котласъ. Триумфальная арка на набережной.

получномъ плаваніи. Шенкурскъ—своего рода Ривьера нашего крайняго Сѣвера. Будучи расположенъ на высокомъ берегу рѣки Ваги, городокъ имѣетъ здоровый и прекрасный климатъ, весьма полезный для туберкулезныхъ больныхъ.

— Не прикажете ли къ обѣду семушки подать, — предложилъ намъ буфетчикъ.—Въ Березнякахъ пріобрѣли удивительную рыбу. Можно соорудить ботвинью, а можетъ быть, пожелаете скушать рыбки подь соусомъ провансаль.

Мы заказали семгу въ обоихъ видахъ: оказалась она на рѣдкость вкусная.

Ширина Двины чрезвычайна; острова исчезли; мощно катитъ она свои бурья воды между высокими берегами, поросшими густымъ еловымъ лѣсомъ. Облака разсѣялись, выглянуло солнце. Это было такъ кстати—мы подходили къ красивому мѣсту на Двинѣ.

Стѣной стоитъ отвѣсный правый берегъ. Какъ будто сложенъ онъ изъ огромныхъ плитъ великолѣпнаго мрамора—такъ сияетъ онъ своею бѣлизною. Лишь мѣстами, словно нарочно для того, чтобы еще больше оттѣнить бѣлизну мрамора, зияютъ въ немъ черныя щели. И кажется, будто грандіозную набережную надъ водою воздвигнула художница - природа. Это — знаменитыя алебастровыя горы, тянущіяся верстъ на пять. Вершина берега покрыта густой, непролазной чащей. Сколько елей и сосенъ повалилось тутъ, перепуталось между собою, сваялось, словно шерсть, и лежатъ никому не нужныя.

А навстрѣчу намъ неслась зловѣщая черная туча. Слышались уже отдаленные раскаты грома. Рѣка отливала свинцомъ, и надъ темною поверхностью ея еще рельефнѣе выдѣлялся бѣлый алебастръ берега. Наверху глухо шумѣли ели и сосны. Нельзя было не залюбоваться великолѣпной картиной величественнаго Сѣвера. Грозовую тучу скоро пронесло, но солнца въ этотъ день мы болѣе уже не видали.

Около 2 часовъ дня пристали къ правому берегу, къ Сійской пристани. Здѣсь одиноко стоитъ невзрачная желтая часовенка Сійскаго монастыря, находящагося на противоположномъ берегу, въ девяти верстахъ отъ рѣки. Монастырь съ парохода не виденъ.

За Сіей рѣка ширится чрезвычайно; оба берега ея, густо заселенные, покрытые густымъ боромъ, едва видны съ середины рѣки. За деревней Копачевой находятся развалины крѣпости Орлецы, построенной, по преданію, въ 1342 году новгородцемъ Лукою Варооломеевымъ. Какъ ни напрягалъ я зрѣніе, остатковъ стѣнъ разглядѣть не могъ. Тутъ берега сразу сильно сжали Двину, и она, будто желая поскорѣе снова выбиться на просторъ, дѣлаетъ нѣсколько рѣзкихъ излучинъ и быстро катитъ свои воды дальше отсюда. Слѣва въ Двину врѣзывается красивый мысокъ, на которомъ стоитъ огромная мачта; пристроившаяся тутъ деревенька только портитъ прелестный пейзажъ. Съ одного берега на другой высоко перекинута телеграфная проволока. Именно здѣсь, гдѣ ширина рѣки всего около двухсотъ сажень, и надлежало бы гг. инженерамъ перекинуть мостъ для Вологодско-Архангельской ж. д. За Орлецами на правомъ берегу, у самой воды, стоятъ двѣ старинныхъ церкви, изъ которыхъ особенно оригинальна по своей архитектурѣ наиболѣе древняя, деревянная, сильно уже покосившаяся; по преданію, она была построена Петромъ Великимъ. Нужно замѣтить, что по всему теченію Двины имя Великаго Петра связывается чуть не со всѣми преданіями. Видно, не мало проявились здѣсь во

Рѣка Сѣверная Двина.

Сѣверная Двина. Алебастровыя горы.

всемъ его широкая инициатива, его провидящія взгляды. Даже почтовые станціи по вологодскому тракту, идущему все время вдоль берега, — и тѣ до сихъ поръ удержались на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, на которыхъ, говорятъ, указаль имъ быть этотъ гениальный администраторъ.

За селомъ Товрой, на лѣвомъ берегу виднѣется бѣлая, съ красной крышею и куполками, церковка Холмогорскаго женскаго монастыря.

Около 7 часовъ вечера «Зосима» имѣлъ послѣднюю остановку у села Усть-Пинеги. Село, какъ показываетъ самое названіе, находится при устьѣ рѣки Пинеги, впадающей въ Двину справа. Пристань притулилась у высокаго обрывистаго берега, заросшаго соснами и елями. Видна небольшая старинная деревянная церковь. Пинега течетъ среди высокихъ, густолѣсныхъ береговъ и славится стерлядями и семгой. На ея берегахъ, въ селѣ Сурѣ, родился отецъ Іоаннъ Кронштадтскій.

Въ нѣсколькихъ верстахъ ниже села Усть-Пинеги, на томъ же правомъ берегу находится село Вавчугъ. Въ царствованіе Петра Великаго оно принадлежало посадскимъ людямъ Осипу и Ѳедору Баженинымъ, построившимъ здѣсь лѣсопильный заводъ для заграничнаго лѣснаго торгова, а затѣмъ и корабельную верфь. Съ нея въ 1694 году былъ спущенъ первый русскій корабль «Святой Петръ», отправленный въ Голландію съ русскимъ желѣзомъ. Въ 1702 году въ присутствіи Петра Великаго здѣсь были спущены на воду два первые фрегата — «Святой Духъ» и «Курьеръ». Съ колокольни мѣстнаго стариннаго храма открывается великолѣпный видъ на много десятковъ верстъ на окрестности. Рассказываютъ, что Петръ Великій взомель на эту колокольню съ Осипомъ Баженинымъ и предложилъ ему въ награду за великія его заслуги отечеству взять себѣ всѣ видимыя отсюда села, деревни, земли и воды.

— Твоими щедрыми милостями, великій государь, — отвѣчалъ хитрый Баженинъ, — я и такъ до скончанія вѣка моего възысканъ и доволенъ. Да и не слѣдъ мнѣ быть господиномъ себѣ подобныхъ.

Однако, по свидѣтельству современниковъ, Баженинъ въ дѣйствительности былъ далекъ отъ скромности, проявленной имъ передъ царемъ, и былъ, наоборотъ «самоволенъ, самосиленъ и самосуденъ».

Лѣтъ двадцать тому назадъ умеръ бездѣтнымъ послѣдній въ родѣ Бажениныхъ, и лѣсопильный заводъ перешель въ руки Телѣгина. Теперь заводъ остановленъ, такъ какъ хозяинъ при современномъ положеніи лѣснаго дѣла считаетъ дѣятельность его невыгодной. Въ послѣдній разъ заводъ работалъ при введеніи въ Архангельской губерніи винной монополіи, когда Телѣгинъ взялъ подрядъ на поставку казнѣ ящиковъ для вина.

При селѣ имѣются четыре озера, дающія даровую силу заводу. Вавчугъ легко узнать по большому, принадлежавшему еще Баженину, деревянному дому съ мезониномъ подъ красной крышей.

За Вавчугомъ обращаютъ на себя вниманіе два храма села Чухчеремы. Особенно оригинальна древняя церковь съ девятью

Берегъ Сѣверной Двины близъ Пинеги.

зелеными куполами, стоящая прямо на обрывистомъ берегу. Другая церковь, поменьше и также старинная, уже покосилась.

Противъ с. Чухчеремы отъ Двины отдѣляется протокъ Богоявленскій или Курья, омывающій Куростровскую волость съ селомъ Денисовкой (Ломоносовкой), родиной М. В. Ломоносова, и городъ Холмогоры. Четыре храма этого историческаго города, рас-

положеннаго на низинѣ, были видны намъ, когда «Зосима» пробѣжалъ внизъ еще верстѣ десять.

Могуче разлилась Двина; съ парохода иногда лѣвый берегъ еле можно разглядѣть. Непогода, отравлявшая намъ плаванье уже нѣсколько часовъ, наконецъ превратилась въ бурю, по рѣкѣ побѣжали зайчики, развелась такая сильная волна, что нашъ великанъ «Зосима» нѣтъ - нѣтъ да и качнется; навстрѣчу подулъ жестокой вѣтеръ «морянка», на палубу даже въ ватномъ пальто было холодно выйти; мы сразу почувствовали дыханіе студенаго моря, близость полярныхъ льдовъ. А Двина то суживалась, выдѣляя изъ себя рукава, протоки, то ширилась верстѣ до пяти, если не больше, совѣмъ скрывая съ нашихъ глазъ свои далекіе берега.

Лѣсовъ уже нѣтъ, берега покрываетъ лишь мелкій кустарникъ. Одно за другимъ слѣдуютъ села съ прекрасными, почти всегда двухъэтажными домами, выведенными въ линію.

Впереди вддали обрисовались купола архангельскихъ церквей. На правомъ берегу выросъ цѣлый городокъ, это — «шестая верста» — винокуренный и лѣсопильный заводы архангельскаго капиталиста, крупнаго и дѣятельнаго коммерсанта А. Ю. Суркова.

Наконецъ мы подходимъ къ городу. У берега цѣлая флотилія парусныхъ морскихъ судовъ — шхунъ.

У города Двина, выдѣливъ изъ себя новый протокъ, сузилась. Мы проходимъ мимо каменныхъ зданій пеньковаго, льняного и смоляного буяновъ и мимо Архангельскаго монастыря съ его пятью темными вздутыми куполами.

Ровно въ полночь «Преподобный Зосима» ошвартовался у архангельской пристани.

XVI.

Архангельскъ.—Улицы.—Свято-Троицкій соборъ.—Домикъ Петра Великаго.—Памятникъ М. В. Ломоносову.—Публичный музей.—Соломбала и пароходъ «Соловецкій».—Домъ.—Обратный путь.

Рано утромъ я началъ осмотръ города.

Архангельскъ удивительно расположенъ: онъ вытянулся узкою полосою по правому берегу Двины отъ Архангельскаго монастыря до Соломбалы не менѣе какъ верстѣ на восемь; ширится ему не дозволяетъ лежащая позади его тундра. Во всю длину города идетъ его главная улица, Троицкій проспектъ, который пересѣкается многочисленными поперечными короткими улицами, выходящими съ одной стороны на набережную, а съ другой въ тундру. Улицы недурно вымощены и имѣютъ деревянные тротуары, при чемъ послѣдніе на нѣкоторыхъ изъ нихъ устроены не по бокамъ,

а по срединѣ. Параллельно съ Троицкимъ проспектомъ тянутся Средній проспектъ и Новая дорога.

Свято-Троицкій кафедральный соборъ находится на Троицкомъ проспектѣ. Онъ былъ начатъ постройкою въ 1709 году и оконченъ въ 1743 году. Соборъ двухъэтажный, съ пятью главами, усѣян-

Прибой волнъ на Сѣверной Двинѣ.

ными вызолоченными звѣздами; на восточной стѣнѣ его двѣ большія картины: явленіе Аврааму трехъ странниковъ и чудо архистратига Михаила въ Хонѣхъ. Въ верхній этажъ собора ведетъ широкая лѣстница, на площадкѣ которой поставлены три пушки, пожалованныя въ 1701 году Петромъ Великимъ архіепископу Аванасію со взятыхъ въ томъ году подъ Архангельскомъ шведскихъ фрегата и яхты. Но мѣсто ли здѣсь этимъ историческимъ

«истор. вѣстн.», декабрь, 1907 г., т. сж.

17

реликвіямъ? Мнѣ казалось бы неумѣстнымъ помѣщать въ домѣ молитвы орудія смерти. Очень хорошъ по отдѣлкѣ и выдержкѣ стила возрожденія рѣзной золоченый иконостасъ. У правой отъ входа стѣны, близъ алтаря, подъ золоченымъ балдахиномъ, поддерживаемымъ тремя колоннами и двумя рѣзными изъ дерева въ человѣческой ростъ ангелами, находится огромный сосновый крестъ, собственноручно сработанный Петромъ Великимъ въ память спасенія отъ бури въ Унскихъ рогахъ, близъ Пертоминскаго монастыря, около котораго крестъ первоначально и былъ водруженъ на морскомъ берегу. На крестѣ царемъ вырѣзана по-голландски надпись: «Dat Kruus taken kaptein Piter van a Chr. 1694». Исторія сооруже- нія креста и перенесенія его въ Архангельскій соборъ изложена на щитахъ, поддерживаемыхъ ангелами. Приходящіе въ Архангельскъ богомольцы, считая и эту историческую памятку о Петрѣ чудотворно- ю, приложили не мало усердія, стараясь откусить себѣ частицу креста, и старанія не пропали напрасно: низъ креста глубоко изгрызанъ, хотя все же меньше, чѣмъ крестъ преп. Θεодосія въ Тотмѣ: видно, въ нарядномъ торжественномъ соборѣ чувствовалось больше стѣсненія, чѣмъ въ укронной пещерѣ отшельника.

Четыре открытые центральные столба собора и всѣ стѣны открыты свѣтлыми фресками работы «двухъ художниковъ академіи художествъ чиномъ XIV класса». Храмъ чрезвычайно свѣтелъ.

Недалеко отъ собора на набережной стоитъ бревенчатый домикъ Петра Великаго, перенесенный сюда изъ Новодвинской крѣпости. Но, Боже, въ какомъ видѣ хранится этотъ историческій памятникъ! Домикъ состоитъ изъ пяти маленькихъ комнатъ, нынѣ совсѣмъ пустыхъ: по полу жутко итти—того и гляди, что онъ провалится; нѣтъ ни оконъ, ни рамъ, ни дверей, такъ что каждый безпрепятственно можетъ войти въ домикъ и дѣлать въ немъ все, что ни вздумается ему. Домикъ стоитъ подъ навѣсомъ, подъ старымъ, грязнымъ, досчатымъ сараемъ, который грозитъ ежеминутнымъ паденіемъ. Я много путешествовалъ по Россіи, видѣлъ много памятниковъ старины, и много ихъ небрежно хранится, но, признаюсь, подобное безобразное, неряшливое, невѣжливое отноше- ніе къ предмету народной гордости я встрѣтилъ въ первый разъ. Мнѣ передавали, что генераль-адъютантъ А. Н. Куропаткинъ, въ бытность военнымъ министромъ, при посѣщеніи два или три года тому назадъ Архангельска, выразилъ городскому головѣ г. Лейцингеру свое изумленіе по поводу содержанія домика Великаго Преобразователя Россіи. Тогда отцы города устыдились и въ думскомъ засѣданіи постановили ассигновать три тысячи рублей на ремонтъ домика и устройства надъ нимъ новаго навѣса. Но...

На площади, пересѣкаемой Троицкимъ проспектомъ, противъ мужской гимназіи воздвигнутъ въ 1832 году памятникъ нашему первому ученому и поэту М. В. Ломоносову, и самая площадь на-

звана Ломоносовскою. Памятникъ не высокъ и вылитъ изъ мѣди по совершенно неудачному проекту ректора академіи художествъ И. П. Мартоса, вдохновившагося одою поэта «Вечернее размышленіе о Божіемъ величїи при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія». Ломоносовъ представленъ стоящимъ на сѣверномъ полушарїи, на которомъ помѣщена подпись: «Холмогоръ». Изображенъ онъ съ накинутой на плечи тогой, не закрывающей грудь, и эта тога на-

Архангельскъ. Свято-Троицкій соборъ.

столько неудачна, что дѣлаеть Ломоносова, по мѣткому замѣчанію Н. А. Лейкина, какъ бы выходящимъ изъ бани съ накинутой на плечи простыней. Колѣнопреклоненный геній, похожій на голодающаго индуса, подаетъ ему лиру съ изображеніемъ вензеля императрицы Елизаветы Петровны. Фигура этого крылатаго генія сильно смущаетъ простой народъ: иные принимаютъ нашего поэта за колдуна, которому поклоняется самъ дьяволъ, а другіе признають въ Ломоносовѣ святого, съ предстоящимъ передъ нимъ ангеломъ. Да, удивительно несуразный памятникъ!

Въ большомъ каменномъ зданіи городской думы, или ратуши, какъ называютъ ее нѣкоторые закоренѣлые архангелогородцы, помѣщается архангельскій городской публичный музей. Коллекціи музея составились главнымъ образомъ изъ предметовъ, находившихся ранѣе въ музеѣ губернскаго статистическаго комитета.

Пушки Петра Великаго въ Архангельскомъ соборѣ.

Много предметовъ пожертвованы ему бывшимъ архангельскимъ губернаторомъ А. П. Энгельгардтомъ, такъ много сдѣлавшимъ для русскаго Сѣвера. Обойдя залы этого прекраснаго музея, посетитель получаетъ вѣрное и довольно полное представленіе о бытѣ, занятіяхъ, промыслахъ жителей нашей сѣверной окраины и объ экземплярахъ животнаго царства. Такъ, въ первой залѣ помѣщаются модели всевозможныхъ судовъ, промысловыхъ орудій и снастей, чучела птицъ и звѣрей. Среди нихъ для насъ, жителей

россійской долины, особенный интересъ представляютъ чучела обитателей студенаго моря: тюленя, моржа, бѣлухи, акулы, морского зайца. Интересны модели предметовъ изъ жизни самоѣдовъ и зырянъ: ложки, салфетки и деревянные замки, настолько примитивные, что открыть ихъ можетъ каждый ребенокъ. Лопарскій дере-

Архангельскій соборъ. Крестъ Петра Великаго.

вянный рукомоиникъ сдѣланъ вмѣстѣ съ цѣпочкой, на которой онъ виситъ, изъ одного куска дерева. Здѣсь же хранятся и предметы, которые, казалось бы, не имѣютъ отношенія къ цѣлямъ, преслѣдуемымъ музеемъ: кресло Филарета Никитича Романова изъ Сійскаго монастыря, серебряная чашка, хрустальные бокалы и кружка принца Антона-Ульриха Брауншвейгскаго, старинный форменный фракъ городничаго. Въ музей ранѣе были выставлены оригинальные мѣстные мужскіе и женскіе костюмы, и между прочимъ полный костюмъ, плетеный изъ бересты. Теперь ихъ нѣтъ.

На мой вопросъ, куда же они дѣвались, старичокъ-сторожъ отвѣтилъ, ехидно улыбаясь:

— Нѣкоторые члены музея рѣшили, что они тутъ только даромъ мѣсто занимаютъ: въ губерніи вѣдь ихъ еще можно увидетьъ. Вотъ и приказано было всѣхъ ихъ убрать отсюда.

Въ музей можно покупать мѣстныя кустарныя издѣлія изъ моржевой, мамонтовой и «простой» кости: ихъ нельзя назвать достаточно изящными, ни въ мѣру дешевыми.

Послѣдній свободный часъ пребыванія въ Архангельскѣ я посвятилъ на посѣщеніе знаменитой въ исторіи нашего судостроенія слободы Соломбалы, которая отдѣлена отъ города р. Кузнечихою. Туда можно проѣхать на макаровскомъ пароходикѣ, бѣгающемъ каждый часъ отъ пристани, находящейся близъ домика Петра Великаго, или на извозчикѣ по длиннѣйшему мосту, который каждую осень разбирается и каждую весну снова наводится. Я ѣздилъ туда на извозчикѣ и поэтому видѣлъ весь Троицкій проспектъ, а слѣдовательно и ту часть его, которая носитъ названіе Нѣмецкой слободы. Это лучшая, самая зажиточная, самая тихая часть Архангельска, вся въ зелени садовъ, вся сверкающая чистотой оконныхъ стеколъ, чистотой занавѣсокъ за окнами, чистотой цвѣтовъ на подоконникахъ. Въ Соломбалѣ мнѣ интересно было посмотрѣть на тотъ пароходъ, который тысячи русскаго люда перевозитъ въ знаменитый Соловецкій монастырь. И я попалъ какъ разъ во время: подъ парами стоялъ пароходъ «Соловецкій», который вечеромъ долженъ былъ уйти въ плаваніе. Тяжелое впечатлѣніе произвело на меня помѣщеніе даже перваго класса этого парохода: несмотря на то, что всѣ иллюминаторы въ каютъ-компаніи были открыты, воздухъ въ ней былъ пропитанъ смѣсью ладана, кислой капусты и еще чего-то. Надо ли говорить, какая вонь, какая грязь была въ помѣщеніяхъ для простаго люда. И, держа людей въ этакомъ хлѣву, монашествующая братія вдобавокъ подвергаетъ своихъ пассажировъ невольному посту: монастырскіе пароходы не имѣютъ кухонь. А вѣдь даже при благопріятной погодѣ пароходъ совершаетъ рейсъ только въ шестнадцать часовъ! Соловецкая братія, получающая отъ богомольцевъ огромныя деньги и огромную даровую работу, не желаетъ взамѣнъ этого дать богомольцамъ даже самыхъ примитивныхъ, самыхъ насущныхъ удобствъ.

Громадное Соловецкое подворье, захватившее своими оградами гораздо больше земли, чѣмъ ему надо, расползлось по набережной, совѣмъ стѣснивъ пристань получастнаго, полуправительственнаго Мурманскаго пароходнаго общества, и гордо ширится громаднымъ двухъэтажнымъ корпусомъ, вмѣщающимъ до 1,000 богомольцевъ.

Архангельскъ—городъ по преимуществу деревянный, такъ же, какъ и Вологда, но гораздо красивѣе Вологды. Красивѣе и общій

видѣ, и отдѣльные дома. Особенно можно это сказать про дома Нѣмецкой слободы. Я былъ въ одномъ изъ такихъ домовъ, въ томъ, гдѣ остановился мой спутникъ М. М., у его друга М. А. К., и былъ восхищенъ не только любезнымъ гостепримствомъ хозяина, но и прекраснымъ устройствомъ этого стариннаго, богатаго, удобнаго дома, всей комфортабельной его обстановкой, отличной библиотекой, красивымъ зимнимъ садомъ. Въ оранжереѣ у К. я

Архангельскъ. Памятникъ Ломоносову.

видѣлъ между прочимъ сливу и антоновскую яблоню; несмотря на самый любовный уходъ, какими жалкими кажутся эти деревца здѣсь, подъ холоднымъ сѣвернымъ небомъ. Оно остается холоднымъ, это небо, даже и лѣтомъ, даже въ такіе жаркіе дни, какимъ былъ единственный день моего пребыванія въ Архангельскѣ,— когда на солнцѣ доходило до 32 по Реомюру. А небо все-таки остается суровымъ, холоднымъ, блѣдно-голубымъ, почти бѣлымъ; и все-таки, какъ оно здѣсь красиво, и какъ красивы небесные тона его облаковъ.

Въ пять часовъ дня «Преподобный Зосима» отвалилъ отъ пристани, отправляясь въ обратный путь. Въ этотъ разъ пароходъ былъ переполненъ пассажирами; часть каютъ перваго класса и большая часть втораго были заняты артистами малороссійской труппы М. Б.

Солнце ярко сіяло. Передъ нами могуче ширилась красивая, величественная Двина, гладкая, какъ зеркало. На палубѣ, особенно на кормовой ея части, защищенной отъ встрѣчнаго вѣтерка, было жарко, словно бы на далекомъ югѣ.

Въ полночь мы подходили къ Усть-Пинегѣ. Сзади краснорозовый закатъ игралъ тонкими нѣжными красками, которыя нельзя описать—надо ихъ видѣть.

Двина была попрежнему неподвижна, переливаясь бѣлыми и стальными полосами. А на востокѣ уже поднималось солнце. Такъ ночи и не было. Да, я пережилъ тутъ день, чудесный день, безъ ночи, безъ зари.

27 іюня я съ глубокимъ сожалѣніемъ оставилъ пароходъ, къ которому успѣлъ уже за 10 дней не только привыкнуть, но почувствовать какое-то особое расположеніе, какую-то, будто, благодарность за покой, за удобство, за красоту береговъ, которые онъ такъ радушно показывалъ мнѣ все это время, наконецъ и за то милое общество, которымъ я все время на немъ пользовался.

И послѣ такого десятидневнаго праздника не угодно ли сѣсть въ тѣсный, грязный, душный вагонъ!

Андрей Фирсовъ.

БАРОНЪ О. О. БУКСГЕВДЕНЪ.

Биографическій очеркъ.

Vor dem Tod erschrickst du? Du wünschest
unsterblich zu leben?

Leb'im Ganzen!.. Wenn du lange dahin
bist—es bleibt...

Schiller.

Нѣтъ, смерть не все взяла! Средь этихъ урнъ и плить
Неизгладимый слѣдъ минувшихъ дней таится:
Всѣ струны порвались,—но звукъ еще дрожить,
И жертвенникъ погасъ,—но дымъ еще струится...

А. Апухтинъ.

ПЕТЕРБУРГЪ облетѣла лѣтомъ этого года потрясающая вѣсть объ ужасной смерти барона Оттона Оттоновича Буксгевдена, убитаго 8 июня, въ 10 час. 30 мин. утра, у себя на квартирѣ своимъ психически больнымъ сыномъ Эдгаромъ.

Это трагическое извѣстiе было встрѣчено, какъ въ столицѣ, такъ и повсюду въ Россiи, съ величайшимъ огорченьемъ и сожалѣньемъ, такъ какъ у насъ немного людей, которые бы пользовались такой широкой популярностью, искренней любовью и глубокимъ уваженьемъ, какъ покойный баронъ О. О. Буксгевденъ.

Почившiй былъ, по истинѣ, филантропъ, въ широкомъ смыслѣ слова, какiе встрѣчаются далеко не на каждомъ шагу, неустанно изыскивавшiй въ продолженiе всей своей плодотворной жизни все новые и новые способы и пути для помощи неимущимъ, страждущимъ и нуждающимся въ поддержкѣ людямъ.

Такъ, покойный былъ инициаторомъ совершенно новаго, у насъ въ Россіи типа трудовой помощи — «домовъ трудолюбія», принимая живѣйшее и ближайшее участіе въ организаціи свыше 40 благотворительныхъ учрежденій этого образца; онъ же устраивалъ деревенскія «ясли», открывалъ школы, убѣжища для бездомныхъ дѣтей, придумалъ «пріюты-корабли» для нравственно испорченныхъ мальчиковъ и хлопоталъ объ учрежденіи въ Россіи «дѣтскихъ союзовъ»... Работа, которая хватила бы на многихъ!

Баронъ Отто-Бальтазаръ фонъ-Буксгевденъ родился 5 декабря 1839 г., на о. Моонѣ, въ Лифляндіи, гдѣ его отецъ имѣлъ помѣстье, также какъ и на о. Эзелѣ. Мать О. О. происходила изъ рода бароновъ Гойнингенъ-Гюне. Потерявъ шести лѣтъ отца, баронъ О. О. остался на попеченіи матери и старшей сестры, которая руководила его воспитаніемъ и трогательное воспоминанье о которой онъ сохранилъ въ теченіе всей своей жизни... Въ 1861 г. онъ окончилъ съ отличіемъ курсъ въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, откуда, для усовершенствованія въ наукахъ, отправился, вмѣстѣ съ нѣкоторыми товарищами своего выпуска, за границу. Въ 1861—1862 г. онъ слушалъ лекціи въ Лейпцигѣ, затѣмъ посѣтилъ Англію, Шотландію и Францію, а 1862—1863 г. провель въ Гейдельбергѣ. Здѣсь, въ гостепріимномъ домѣ извѣстнаго въ свое время Гейнриха фонъ-Гагерна, бывшаго тогда председателемъ нѣмецкаго національнаго кружка, онъ постоянно встрѣчался со многими своими пріятелями и соотечественниками по Балтійскому краю и находилъ здѣсь богатую пищу для умственнаго и духовнаго удовлетворенья. Въ то время гейдельбергскій университетъ былъ на высотѣ своей заслуженной славы, и баронъ О. О. имѣлъ возможность пользоваться руководствомъ такихъ выдающихся профессоровъ, какъ Миттермайера, читавшаго уголовное право, историка Генцера и профессора государственнаго права — знаменитаго Блунчли.

Въ сентябрѣ 1863 г. бар. О. Буксгевденъ возвратился въ Петербургъ и поступилъ на службу въ министерство юстиціи. Чрезъ годъ онъ былъ уже назначенъ оберъ-аудиторомъ Балтійскаго флота и переѣхалъ въ Кронштадтъ. Въ 1866 году онъ участвовалъ въ этой должности въ поѣздкѣ по Средиземному морю, на фрегатѣ «Ослябя», вмѣстѣ съ его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Алексѣемъ Александровичемъ, подъ командой контръ-адмирала К. Н. Посьета.

Немного позже баронъ Буксгевденъ былъ назначенъ морскимъ прокуроромъ.

Вскорѣ послѣ своего возвращенія изъ-за границы бар. Буксгевденъ познакомился съ профессоромъ А. Астафьевымъ, основателемъ русскаго библейскаго общества, которое, съ высочайшаго разрѣшенія государя императора Александра II, поставило своей задачей

печатанье св. писанія на русскомъ языкѣ, что до того времени не считалось дозволеннымъ. Несмотря на свою молодость, баронъ сдѣлался серьезнымъ и ревностнымъ членомъ вышеназваннаго общества и оставался имъ до послѣднихъ дней своей жизни.

За три года до своей кончины онъ былъ избранъ также въ члены главнаго комитета евангелическаго библейскаго общества въ Россіи и являлся его делегатомъ на 100-лѣтній юбилей британскаго и заграничныхъ библейскихъ обществъ, отпразднованный 23 марта 1904 г. въ Лондонѣ.

Въ 1883 году баронъ Буксгевденъ причислился къ собственной его императорскаго величества канцеляріи по учрежденіямъ императрицы Маріи, и вскорѣ затѣмъ, по порученію ея императорскаго высочества великой княгини Екатерины Михайловны, баронъ сопровождалъ за границу младшаго сына великой княгини, герцога Карла-Михаила Мекленбургъ-Стрелицкаго, гдѣ и оставался въ теченіе 3½ лѣтъ при его свѣтлости, слушавшемъ лекціи иностранныхъ профессоровъ въ Германіи.

По возвращеніи въ Россію онъ причислился къ министерству внутреннихъ дѣлъ, оставаясь одновременно и въ вѣдомствѣ императрицы Маріи.

Въ тогдашнемъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ, графѣ Д. А. Толстомъ, баронъ О. О. нашелъ сочувствіе и поддержку въ своихъ филантропическихъ предпріятіяхъ, что дало ему возможность посѣтить, по порученію министра, многія губерніи Россіи и положить начало въ организациі десяти домовъ трудолюбія.

Въ февралѣ 1890 г. онъ былъ назначенъ членомъ петербургской судебной палаты, а въ мартѣ того же года исполнялъ обязанности помощника генераль-прокурора морского вѣдомства. Затѣмъ мы видимъ его членомъ какъ петербургскаго совѣта, такъ и комитета главнаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства учрежденій императрицы Маріи, а въ мартѣ 1896 г.—членомъ консультаціи, про министерствѣ юстиціи учрежденной.

Со вступленіемъ на престолъ нынѣ царствующаго государя, юная императрица Александра Ѳеодоровна удостоила барона О. О. Буксгевдена милостивымъ вниманьемъ и по достоинству оцѣнила его дѣятельность на почвѣ общественной благотворительности, что дало этому послѣднему возможность осуществлять свои филантропическія идеи уже въ болѣе широкомъ, чѣмъ прежде, масштабѣ. Болѣе или менѣе обезпеченное служебное положеніе къ тому же давало ему необходимую свободу, чтобы вполне отдаваться работѣ на пользу отечества въ лицѣ его бѣднѣйшаго населенія.

Этой неустанной плодотворной дѣятельностью для блага ближняго всецѣло заполнены послѣднія двѣнадцать лѣтъ жизни барона, съ 1895 по 1907 г., при чемъ его энергія никогда не ослабѣвала. Здѣсь будетъ кстати припомнить, что желанье помочь каждому,

по мѣрѣ возможности, до того сроднилось съ душой покойнаго барона О. О., что онъ, напримѣръ, охотно сталъ дѣлать экономію въ своей частной жизни, чтобы тѣмъ дать возможность заплатить въ школу за одну бѣдную дѣвочку.

Возвращаясь къ главнѣйшей дѣятельности барона Буксгевдена въ области организаціи «домовъ трудолюбія» въ Россіи, коснемся здѣсь этого вопроса нѣсколько подробнѣе.

Первый русскій домъ трудолюбія былъ основанъ въ Кронштадтѣ въ январѣ 1882 года, гдѣ баронъ О. О., въ бытность на службѣ, могъ лично убѣдиться въ необходимости изыскать способъ пристроить такъ или иначе то громадное количество нищихъ, которое наполняло собою этотъ городъ.

Этотъ наплывъ нищихъ въ Кронштадтѣ вызвалъ въ то время, по почину кронштадтскаго военнаго губернатора, адмирала Лисовскаго, назначеніе особой комиссіи для упорядоченія мѣстнаго вопроса о нищихъ. Не касаясь больныхъ, комиссія признала необходимымъ передать судебной власти всѣхъ нищенствующихъ, которые окажутся трудоспособными. Въ виду этого было задержано 60 человекъ вполне трудоспособныхъ нищихъ, которыхъ мировой судья и приговорилъ, за профессію нищенствомъ, къ тюремному заключенію на полтора мѣсяца cadaго. На это осужденные принесли жалобу, въ которой убѣдительно просили разрѣшить имъ остаться въ заключеніи не полтора, а цѣлыхъ три мѣсяца, такъ какъ дѣло было зимой и они не рассчитывали въ эту пору найти себѣ въ городѣ какой-либо заработокъ.

Этотъ эпизодъ былъ первымъ толчкомъ къ осуществленію мысли, которую баронъ Буксгевденъ уже давно обдумывалъ и старался привести въ исполненіе.

Путемъ широкаго распространенія по городу вышеказанной жалобы нищихъ удалось привлечь кронштадтское общество къ устройству трудовыхъ убѣжищъ для нищихъ и организаціи временныхъ работъ для ихъ поденнаго заработка. Эти работы были организованы при участіи Буксгевдена, который приурочилъ бѣдняковъ къ очисткѣ улицъ отъ снѣга, укладкѣ льда въ погребъ и къ другимъ тому подобнымъ работамъ.

Послѣ ужаснаго событія 1 марта 1881 г. Буксгевденъ внесъ въ комитетъ о бѣдныхъ въ Кронштадтѣ, въ которомъ состоялъ предсѣдателемъ, предложеніе соорудить, въ память почившаго Царя-Мученика, домъ трудолюбія. Эта мысль встрѣтила всеобщее сочувствіе, а необходимыя для устройства вышеупомянутаго благотворительнаго учрежденія деньги были собраны по подпискѣ тѣмъ же Буксгевденомъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ его сочленовъ по названному комитету. Никогда не обращая большого вниманія на внѣшній блескъ, баронъ, отправляясь за сборами пожертвованій на кронштадтскій домъ трудолюбія, надѣвалъ обыкновенно свой

красивый оберъ-аудиторскій мундиръ съ чисто практической цѣлью, чтобы имѣть надежную гарантію, что предъ нимъ не закроютъ двери. Обаянье личности барона О. Буксгевдена, обладавшаго рѣдкимъ качествомъ внушать къ себѣ всеобщую симпатію, и увѣрен-

Баронъ О. О. Буксгевденъ.

ность, что онъ ничего не ищетъ для себя, но для другихъ, привлекало къ нему сердца и щедрыя пожертвованія.

Такимъ образомъ въ самое короткое время ему удалось собрать въ Кронштадтѣ, Москвѣ и Петербургѣ 50,000 руб.—сумму, достаточную для сооруженія дома трудолюбія.

Слѣдующій за этимъ былъ евангелической домъ трудолюбія въ Петербургѣ, въ попечительномъ совѣтѣ котораго баронъ сохранилъ предсѣдательское кресло до самой смерти.

Въ 1906 году былъ отпразднованъ 20-лѣтній юбилей этого дома, въ торжествѣ котораго участвовалъ и покойный его предсѣдатель. За этотъ промежутокъ времени евангелической домъ трудолюбія значительно развился и матеріально окрѣпъ: сначала онъ ютился въ 3-хъ комнатахъ, а теперь онъ помѣщается въ собственномъ, трехъэтажномъ, обширномъ каменномъ домѣ (по Самсоніевскому пр.), съ просторными мастерскими и дортуарами, и владѣетъ изряднымъ участкомъ земли.

Годы 1887 и 1888, какъ сказано, были благопріятны для благотворительной дѣятельности Буксгевдена. Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Толстой, былъ настроенъ въ его пользу. По его предложенію, въ октябрѣ 1887 г. баронъ Буксгевденъ посѣтилъ губернскіе города Новгородъ, Тверь, Тулу, Орелъ, Курскъ, Харьковъ и Кіевъ, а лѣтомъ слѣдующаго года, также по порученію министра, побывалъ въ Витебскѣ, Смоленскѣ, Одессѣ, Херсонѣ, Екатеринославѣ, Воронежѣ, Саратовѣ, Самарѣ, Симбирскѣ, Казани и Н.-Новгородѣ.

Министерское предписанье, конечно, давало ему свободу дѣйствій, и губернаторы шли охотно навстрѣчу его планамъ, но ему пришлось положить не мало упорнаго труда и энергіи въ борьбѣ съ апатіей нашего общества, такъ привязаннаго къ старымъ обычнымъ устоямъ жизни и такъ тяжело переходящаго къ новымъ взглядамъ на возможность уничтоженія нищенства и бродяжничества,—прежде, чѣмъ побѣдить всѣ препятствія и организовать дома трудолюбія въ сказанныхъ городахъ.

Замѣнившій графа Толстого, послѣ его смерти, статсъ-секретарь Дурново не проявлялъ сначала къ домамъ трудолюбія интереса своего предмѣстника, но доброе дѣло не погибло и, какъ здоровое зерно, упавшее въ землю, ждало только благодатнаго дождя, чтобы прорасти наружу тучнымъ колосомъ.

Вскорѣ, на счастье, снова подулъ благопріятный вѣтеръ. Буксгевденъ нашелъ себѣ поддержку въ министрѣ финансовъ, С. Ю. Витте, который снесся съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Этотъ послѣдній перемѣнилъ послѣ этого свой прежній взглядъ на дома трудолюбія и высказался въ ихъ пользу, что и дало возможность Буксгевдену снова предпринять, въ 1892 г., свои поѣздки по Россіи и публичныя бесѣды о пользѣ домовъ трудолюбія. Результатомъ этого было учрежденіе еще свыше 30 новыхъ домовъ трудолюбія въ разныхъ городахъ Россіи.

Вслѣдъ за тѣмъ, также благодаря С. Ю. Витте, было испрошено, чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, высочайшее соизволеніе на ассигнованіе изъ суммъ министерства единовременно получил-

ліона рублей для устройства домовъ трудолюбія, приче́мъ С. Ю. Витте исходатайствовалъ для той же цѣли 236.000 руб. ежегодной субсидіи.

Въ сборахъ пожертвованій въ пользу учрежденій трудовой помощи немалую роль игралъ также настоятель Андреевскаго собора въ Кронштадтѣ, протоіерей Іоаннъ Ильичъ Сергѣевъ, съ которымъ баронъ Буксгевденъ, въ бытность свою на службѣ въ Кронштадтѣ, былъ въ личныхъ дружественныхъ отношеніяхъ, находя въ немъ всегда живой сердечный откликъ и щедрую реальную помощь во всѣхъ своихъ благотворительныхъ начинаніяхъ. Въ то время это былъ еще незамѣтный и никому неизвѣстный священникъ, ставшій впоследствии извѣстнѣйшимъ и популярнѣйшимъ духовнымъ лицомъ въ Россіи.

Широкій притокъ въ Кронштадтъ денежныхъ средствъ со всѣхъ концовъ Россіи о. Іоаннъ всецѣло употреблялъ на дѣла благотворенія и всегда щедро рукою давалъ барону О. О. весьма значительныя суммы на дома трудолюбія, нуждавшіеся въ матеріальной поддержкѣ.

Съ 1892 по 1895 г. о. Іоанномъ было, въ разное время, передано барону О. О. Буксгевдену до 50.000 рублей.

Съ 1895 г. близкая сердцу барона О. О. судьба домовъ трудолюбія въ Россіи была, наконецъ, твердо обезпечена.

1 сентября 1895 г. высочайшимъ указомъ правительствующему сенату было учреждено «Попечительство о домахъ трудолюбія», поставленное подъ августѣйшее покровительство ея величества государыни императрицы Александры Феодоровны.

Въ главный комитетъ попечительства, состоящій изъ 10 членовъ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ юной царицы, былъ, конечно, назначенъ и баронъ Буксгевденъ.

Дѣятельность новаго попечительства была обезпечена тѣмъ же указомъ сенату, въ коемъ попечительству ассигновывалось 500,000 рублей единовременно.

Съ этого времени благотворительность барона Буксгевдена могла принять весьма широкіе размѣры въ различныхъ направленіяхъ. Такъ, во время постигшаго недавно Россію недорода онъ, въ числѣ прочихъ, командированныхъ комитетомъ попечительства, устраивалъ въ пострадавшихъ отъ неурожая губерніяхъ общественныя работы, въ заботахъ о доставленіи необходимыхъ средствъ къ жизни голодающимъ и въ борьбѣ съ бродяжничествомъ и нищенствомъ. Въ деревняхъ хлопоталъ онъ объ устройствѣ «яслей», гдѣ бы могли проводить крестьянскія дѣти время въ теченіе цѣлаго дня, вмѣстѣ, подъ специальнымъ наблюденіемъ смотрительницъ, въ то время, какъ ихъ родители были внѣ дома, уходя на работы. Одновременно достойны вниманія заботы барона объ арестантскихъ дѣтяхъ, содержащихся, обыкновенно при роди-

теляхъ, въ тюрьмахъ, гдѣ эти послѣдніе отбываютъ сроки своего наказанія. Этихъ несчастныхъ дѣтей, нравственно портившихся отъ тлетворной тюремной обстановки, устраивалъ баронъ на попеченье въ частныя семьи.

Слѣдуетъ отмѣтить также устройство барономъ О. О. совершенно доселѣ небывалаго у насъ въ Россіи типа дѣтскихъ пріютовъ—«пріюта-корабля» для бездомныхъ дѣтей, наподобіе видѣннаго имъ въ Генуѣ, гдѣ онъ возникъ по инициативѣ профессора Гаравента. Этотъ послѣдній пріурочилъ для этого въ гавани особый корабль, куда собиралъ безпріютныхъ мальчиковъ предназначивъ ихъ къ морской службѣ. У насъ такой «пріютъ-корабль» появился очень недавно, а именно въ Таганрогѣ, гдѣ онъ былъ вызванъ къ жизни трудами барона О. О., при содѣйствіи таганрогскаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ.

Изъ послѣдняго отчета вѣдомства дѣтскихъ пріютовъ учрежденій императрицы Маріи видно, что таганрогскій «пріютъ-корабль», носящій названіе «Св. Николай», успѣшно функціонировалъ за истекшій годъ и приноситъ несомнѣнную пользу.

Наконецъ, съ цѣлью возбужденія въ самихъ дѣтяхъ сочувствія къ судьбѣ своихъ несчастныхъ, обездоленныхъ жизнью сверстниковъ, баронъ Буксгевденъ занялся, въ самое послѣднее время, организаціей «дѣтскихъ союзовъ», по образцу лондонскихъ.

Въ Лондонѣ баронъ коротко ознакомился съ вышеупомянутыми дѣтскими лигами при посредствѣ одной англійской лэди, богатой благотворительницы графини Мисъ (Meath), поставившей своей задачей вселять въ дѣтскія души любовь къ добрымъ дѣламъ на пользу ближняго. Графиня Мисъ дала барону мысль устроить такія же дѣтскія сообщества и въ Россіи, предложивъ для этой цѣли денежныя средства.

Въ такихъ союзахъ дѣти, въ опредѣленное время, сходятся вмѣстѣ, получаютъ нужный матеріалъ и работаютъ, кто что можетъ, собственными силами. Изготовленныя вещи затѣмъ продаются, а вырученныя деньги идутъ въ помощь бѣднымъ дѣтямъ.

Такія дѣтскія лиги, благодаря лэди Мисъ, существуютъ у насъ въ Балтійскомъ краѣ, на примѣръ, въ гор. Гапсалѣ, Эстляндской губерніи. Дѣтская лига вызвала тамъ всеобщее сочувствіе и дала прекрасные результаты.

Находясь въ постоянномъ общеніи съ заграничными благотворительными учрежденіями, баронъ много разъ посѣщалъ таковыя въ Германіи, Швейцаріи, Бельгіи, Франціи, Англии и Италіи, изучая на мѣстѣ всѣ усовершенствованія въ практикѣ благотворительности, чтобы потомъ примѣнять ихъ съ пользою въ своемъ отечествѣ.

За послѣднія 10—20 лѣтъ не было почти ни одного благотворительнаго предпріятія, гдѣ бы баронъ О. О. Буксгевденъ не былъ

или его учредителемъ, или ревностнымъ сотрудникомъ, при чемъ въ изысканіи путей и способовъ благотворенія выказывалъ удивительную изобрѣтательность.

Такъ, въ 1898 г. имъ основанъ въ Петербургѣ «домъ трудолюбія для образованныхъ мужчинъ», впавшихъ въ бѣдность или лишившихся заработка. Главнѣйшая задача этого симпатичнаго благотворительнаго учрежденія была являться посредникомъ между обществомъ и образованной нищетой путемъ пріисканія трудолюбцамъ того или иного вида интеллигентнаго труда — уроки, переписка, секретарскія, конторскія занятія, переводы, корректура, всякаго рода компіляции и т. д. Затѣмъ предполагалось книгоиздательство для народа: темы по различнымъ научно-историческимъ вопросамъ современной жизни проектировалось раздавать для разработки наиболѣе нуждающимся слушателямъ высшихъ учебныхъ заведеній, а деньги для изданія были предложены членомъ правленія общества В. А. Ратьковымъ - Рожновымъ. Къ сожалѣнію, эта мысль не получила осуществленія. Затѣмъ было устроено бюро газетныхъ вырѣзокъ, съ абонементомъ на доставленіе справокъ по всевозможнымъ вопросамъ текущей жизни, на манеръ такого бюро въ Парижѣ, подъ названіемъ «Argus de la presse». Наконецъ, домомъ изготовленъ былъ обширный альбомъ (4 тома) всевозможныхъ иллюстрацій и газетныхъ статей, касающихся китайской войны, который былъ потомъ купленъ бывшимъ намѣстникомъ Квантунской области генералъ-адъютантомъ Алексѣевымъ за 1.200 рублей.

Нѣсколько ранѣе, въ 1896 г., учрежденъ былъ подобный же «домъ трудолюбія для образованныхъ женщинъ» съ уроками на пишущихъ машинахъ и курсами кройки и шитья, что давало очутившимся въ затруднительномъ положеніи интеллигентнымъ женщинамъ и дѣвушкамъ средства пріобрѣсти заработокъ и кусокъ хлѣба.

Вмѣстѣ съ этимъ баронъ не могъ, конечно, не признавать печальной, но существенной необходимости въ существованіи, наряду съ домами трудолюбія, также и учреждений для принудительнаго труда тамъ, гдѣ доброта и убѣжденіе являются бессильными. Имъ было осмотрѣно много «работныхъ домовъ» для принудительнаго труда за границей, предназначенныхъ для профессиональных нищихъ и бродягъ, какъ по собственному почину, такъ и по порученію правительства.

Этой весной посѣтилъ онъ, по порученію министра юстиціи, двѣнадцать губерній, побывавъ предварительно въ Ригѣ и осмотрѣвъ устроенный тамъ городомъ работный домъ. Онъ долженъ былъ затѣмъ изыскать на мѣстахъ пути и способы для устройства такихъ домовъ принудительнаго труда въ Россіи для бродягъ, содержаніе которыхъ должно было лечь частью на средства казны, частью на бюджетъ городовъ и земствъ.

Послѣдней заботой барона О. О. было выясненіе вопроса о введеніи у насъ въ Россіи вышеупомянутыхъ дѣтскихъ лигъ, въ смыслѣ разработки ихъ устава и приуроченія къ какому-либо вѣдомству.

По приглашенію графини Мисъ баронъ О. О. получилъ порученіе отъ вѣдомства учрежденій императрицы Маріи присутствовать на международномъ конгрессѣ дѣтскихъ союзовъ, который былъ назначенъ въ іюнѣ текущаго года въ Лондонѣ.

День отъѣзда былъ назначенъ на 9 іюня, а наканунѣ, 8 іюня, баронъ пріѣхалъ изъ Ганге, гдѣ проводила лѣто его семья, въ Петербургъ, чтобы на другой день отправиться въ путь.

Господь судилъ иначе: въ этотъ самый роковой день утромъ баронъ О. О. Буксгевденъ былъ убитъ изъ револьвера своимъ собственнымъ психически больнымъ сыномъ Эдгаромъ, тихое помѣшательство котораго въ теченіе многихъ лѣтъ не подавало никакого повода имѣть за нимъ какое-либо особое наблюденіе. Несчастнѣйшій больной имѣлъ странное предчувствіе, что съ его отцомъ случится во время поѣздки какое-то несчастье и рѣшилъ его убитъ, чтобъ навсегда избавить отъ этого несчастья.

Баронъ О. О. Буксгевденъ былъ балтійцемъ по крови, но это ничуть не помѣшало ему всю свою жизнь всецѣло посвятить русскому народу и помогать искони православному населенію Россіи. Онъ былъ весь полонъ желанья помогать людямъ и искалъ случая дѣлать это тамъ, гдѣ поддержка наиболѣе требовалась. Всякая узко-національная или вѣроисповѣдная условность была чужда его сердцу, которое билось сочувствіемъ къ горю каждаго, даже совершенно лично неизвѣстнаго ему человѣка. Чувство христіанина сочеталось въ немъ съ благородствомъ характера и дѣятельной любовью.

Баронъ Буксгевденъ былъ женатъ на дочери адмирала фонъ-Эрдмана и имѣлъ четырехъ сыновей и дочь, умершую вскорѣ послѣ рожденія. Второй сынъ барона, богато одаренный отъ природы и подававшій большія надежды по службѣ во флотѣ, скончался лейтенантомъ въ Пекинѣ, во время русско-китайской войны, отъ холеры.

Пожелаемъ же, чтобы дѣло, которому покойный отдалъ всю свою жизнь и неустанно служилъ, не переставало крѣпнуть, привлекать продолжателей и развиваться на тѣхъ же самыхъ основахъ, которыя были дороги его сердцу: въ мирѣ, братскомъ единеніи и любви.

Въ письмѣ къ брату покойнаго барона О. О. Буксгевдена, барону А. О. Буксгевдену, вышеупомянутая графиня Мисъ выразила желаніе пожертвовать, въ память широкой филантропической дѣятельности почившаго 500 ф. ст. (5.000 р.), съ цѣлью основать дѣтскій пріютъ его имени, при условіи, что такая же сумма будетъ собрана на этотъ же предметъ, по подпискѣ, въ Россіи.

Мы твердо увѣрены, что наши читатели сердечно отзовутся на это доброе и полезное дѣло.

* * *

ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ ГАЗЕТНЫХЪ И ЖУРНАЛЬНЫХЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ ВЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ.

ВСЯКІЙ русскій образованный читатель, когда-либо въ жизни державшій въ рукахъ иностранную газету либо журналъ, въ особенности на англійскомъ языкѣ, не могъ не замѣтить, что чуть не добрую половину ихъ содержанія составляютъ всевозможнѣйшія объявленія.

Нѣкоторое время тому назадъ нѣкій Wilcox подвергъ изслѣдованію 147 главнѣйшихъ газетъ, выходящихъ въ Соединенныхъ Штатахъ, и обнаружилъ, что въ этихъ ежедневныхъ изданіяхъ объявленія составляютъ въ среднемъ цѣлыхъ 32,1% всего ихъ печатнаго текста. Въ томъ числѣ объявленія по розничной торговлѣ разныхъ торговыхъ фирмъ равняются 13,4% всего текста, категория объявленій подъ общимъ наименованіемъ «ищутъ» либо «требуется» составляетъ 5,4% такого, объявленія медицинскія (о врачахъ и патентованныхъ лекарствахъ) равняются 3,9%, объявленія административнаго и судебнаго сорта (о лицахъ, просрочившихъ уплату налоговъ, аукціонахъ, публичныхъ торгахъ по просроченнымъ закладнымъ и т. п.)—2%, объявленія, относящіяся къ подписной платѣ на самую газету, ея циркуляціи, ея спеціальнымъ предложеніямъ подписчикамъ и т. п.—1,4% и наконецъ остальныхъ 6% всего газетнаго текста, идущаго подъ газетныя объявленія, занимаютъ такъ называемыя объявленія разнаго рода, а именно: желѣзнодорожныя, пароходныя, банковскія, финансовыя и промышленныя вообще, театральныя и по увеселительной части вообще,

объ учебныхъ заведеніяхъ, отеляхъ, ресторанахъ, лѣтнихъ убѣжищахъ и т. д. Среди всей этой громадной массы газетныхъ объявленій, составляющихъ въ среднемъ не менѣе одной трети всего газетнаго набора, ежедневно выбрасываемаго на рынокъ печатнаго слова безчисленными типографіями «страны свободы», весьма многія, въ особенности въ отдѣлѣ «ищутъ» либо «требуется», а равно въ отдѣлѣ объ учебныхъ заведеніяхъ, занимаютъ всего лишь нѣсколько строчекъ среди сплошныхъ газетныхъ столбцовъ имъ подобныхъ объявленій.

Три послѣднихъ ценза Соединенныхъ Штатовъ даютъ чрезвычайно интересныя цифровыя данныя, относящіяся къ газетнымъ и журнальнымъ объявленіямъ въ этой странѣ. Исключая малораспространенныя, малоизвѣстныя и малозначащія періодическія изданія, въ ней выходящія, общее число ея органовъ печати въ 1880 г. равнялось 10.132, въ 1890 г.—14.901 и въ 1900 г.—18.226. Общее число экземпляровъ этихъ періодическихъ изданій, вышедшихъ въ вышеозначенныхъ годахъ, равнялось послѣдовательно—2.067.000.000 (1880), 4.681.000.000 (1890) и 8.168.000.000 (1900). Общій размѣръ ихъ доходовъ отъ подписной платы и розничной продажи, вмѣстѣ взятыхъ, составлялъ всего 49.800.000 долларовъ въ 1880 г., 72.300.000 долларовъ въ 1890 г. и 79.900.000 въ 1900 г., между тѣмъ какъ ихъ доходъ отъ объявленій составлялъ въ то же время всего 39.100.000 въ 1880 г., 71.200.000 въ 1890 г. и 95.800.000 въ 1900 г. Такимъ образомъ, въ то время какъ доходъ американскихъ періодическихъ изданій отъ подписной платы и розничной продажи увеличился съ 1880 по 1890 г. на 45,1⁰/₁₀₀ и съ 1890 по 1900 г.—на 10,5⁰/₁₀₀, ихъ доходъ отъ объявленій увеличился съ 1880 по 1890 г. на 82⁰/₁₀₀ и съ 1890 по 1900 г.—на 34,6⁰/₁₀₀. Цифры эти могутъ быть недостаточно понятны русскому читателю, если не прибавить къ нимъ, что розничная продажа еженедѣльныхъ изданій и ежемѣсячныхъ журналовъ въ Соединенныхъ Штатахъ мало уступаетъ въ численномъ отношеніи розничной продажѣ ежедневныхъ газетъ. Внимательное разсмотрѣніе этихъ цифръ, въ особенности если принять во вниманіе чрезмѣрный ростъ спроса на бумагу для періодическихъ изданій въ Соединенныхъ Штатахъ въ послѣдніе годы, неизбѣжно приводитъ къ болѣе или менѣе безошибочному заключенію, что плата за печатаніе объявленій изъ года въ годъ становится для изданій этихъ все болѣе и болѣе главнѣйшимъ источникомъ ихъ дохода.

Такимъ образомъ при первомъ же, такъ сказать, прикосновеніи къ нашему предмету мы неизбѣжно встрѣчаемся съ вопросомъ объ экономическомъ значеніи газетныхъ и журнальныхъ объявленій вообще и ихъ роли въ общей системѣ издательства нашего времени въ частности. Несмотря на то, что въ современной экономической наукѣ и литературѣ мы напрасно стали бы искать

спеціальныхъ изслѣдованій или хотя бы только особыхъ главъ, посвященныхъ этому немаловажному экономическому фактору нашей эпохи, все его значеніе представляется очевиднымъ и не требуетъ особой аргументаціи. Не надо быть человѣкомъ особо свѣдущимъ либо особо проникательнымъ, чтобы видѣть и понимать изумительный ростъ системы объявленій въ позднѣйшіе годы, а равно и возрастаніе ихъ экономическаго вліянія. Вышеприведенныя цифры, относящіяся только лишь къ Соединеннымъ Штатамъ, служатъ достаточнымъ подтвержденіемъ какъ этого явленія, такъ и того точно также болѣе или менѣе общеизвѣстнаго обстоятельства, что современная газета и журналъ представляются первостепенными и наиглавнѣйшими органами въ системѣ объявленій нашей эпохи. Хотя на этотъ счетъ и не имѣется точныхъ цифръ, тѣмъ не менѣе однако приблизительныя вычисленія, отличающіяся наивысшей возможной степенью приближенія, обнаруживаютъ, что объявленія всевозможныхъ родовъ и видовъ въ Соединенныхъ Штатахъ съ 1850 г. по настоящій день въ количественномъ отношеніи увеличились по крайней мѣрѣ въ 20 разъ, удвоились въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ и возросли на 25⁰/₁₀₀ въ теченіе послѣдняго пятилѣтія. Извѣстный въ Соединенныхъ Штатахъ журналъ объявленій «Printer's Ink» исчисляетъ, что на всѣ роды и виды таковыхъ истрачивается въ этой странѣ ежегодно 600.000.000 долларовъ. Если однако принять въ расчетъ, что согласно официальнымъ статистическимъ даннымъ, мной выше уже приведеннымъ, доходъ американскихъ періодическихъ изданій отъ объявленій въ 1900 г. составлялъ 95.800.000 долларовъ и что объявленія журнальныя и газетныя составляютъ, несомнѣнно, наиглавнѣйшую и наиболѣе распространенную форму публикацій въ наши дни, то отсюда слѣдуетъ заключить, что вышеприведенная предположительная общая цифра суммъ, ежегодно затрачиваемыхъ на публикаціи во всѣхъ ихъ формахъ въ «странѣ свободы», т. е. 600.000.000 долларовъ, представляется нѣсколько преувеличенной. Въ связи съ этимъ небезынтересно замѣтить, что по позднѣйшимъ исчисленіямъ на всѣ виды «publicité» ежегодно затрачивается во Франціи свыше 1.000.000.000 франковъ. Въ то же время по новѣйшимъ англійскимъ статистическимъ даннымъ лондонскія ежедневныя газеты, содержа въ себѣ ежедневно 562¹/₂ колонны объявленій, заключающихъ въ общемъ 14.000 таковыхъ, выручаютъ за нихъ 5.625 фунтовъ стерлинговъ каждый день круглый годъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что значительное пониженіе подписной платы и розничной цѣны на лондонскія газеты въ послѣдніе годы является прямымъ послѣдствіемъ серьезнаго увеличенія доходовъ этихъ газетъ отъ объявленій. Что газеты американскія въ этомъ отношеніи не отстаютъ отъ лондонскихъ, по крайней мѣрѣ выходяція въ крупнѣйшихъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ, недалеко ходитъ за примѣромъ.

Такъ, извѣстная нью-йоркская газета «New-York Herald», нынѣ выходящая одновременно особымъ изданіемъ въ Парижѣ, въ первомъ номерѣ своемъ, появившемся въ 1835 г., заключала въ себѣ всего лишь 4 колонны объявленій, между тѣмъ какъ въ ноябрѣ 1900 г. та же газета содержала въ себѣ уже 2.192 колонны съ 85.557 платными объявленіями, а въ ноябрѣ 1901 г. находимъ въ ней 2.305 колоннъ съ 88.965 платными объявленіями. Такой же точно быстрый ростъ объявленій въ количественномъ отношеніи замѣчается и въ американскихъ еженедѣльныхъ изданіяхъ и ежемѣсячныхъ журналахъ. Такъ, въ извѣстномъ ежемѣсячномъ журналѣ «Harper's Magazine», въ которомъ объявленія появились впервые въ 1864 г., находимъ въ его книжкѣ за октябрь (типическій мѣсяць для американскихъ объявленій) $3\frac{1}{4}$ страницы объявленій, между тѣмъ какъ въ октябрѣ 1894 г. таковыя составляли уже $75\frac{3}{4}$ страницы, а въ октябрѣ 1903 года равнялись уже цѣлымъ 141 страницѣ.

Для лучшаго уясненія этого предмета необходимо принять въ расчетъ, что, начиная съ 1850 г. и въ особенности въ послѣднее пятнадцатилѣтіе, не только увеличилось въ громадной степени общее число страницъ, заполняемыхъ объявленіями въ отдѣльныхъ періодическихъ изданіяхъ Соединенныхъ Штатовъ, но точно также и количество самихъ изданій возросло до чрезвычайныхъ размѣровъ. Въ то время какъ въ 1850 г. приходилось въ этой странѣ въ среднемъ всего лишь 18 экземпляровъ періодическихъ изданій на одного получателя (подписчикъ либо розничный покупатель), въ 1860 г. приходилось уже 29 таковыхъ на одного получателя, въ 1870—39, въ 1880—41, въ 1890—74 и наконецъ въ 1900 году—цѣлыхъ 107.

Увеличеніе доходовъ американскихъ періодическихъ изданій отъ объявленій представляется настолько громаднымъ, что оно сдѣлало возможнымъ и повлекло за собой пониженіе подписной платы на бѣльшую часть этихъ изданій. Если въ 1900 г. доходы американскихъ періодическихъ изданій отъ объявленій значительно превышали ихъ доходы отъ подписной платы и различной продажи, вмѣстѣ взятыхъ, а именно: первые составляли 95.800.000 долларовъ, между тѣмъ какъ послѣдніе равнялись всего лишь 79.900.000 долларовъ, то такое пропорціональное возрастаніе доходовъ этихъ изданій отъ объявленій, несомнѣнно, изъ года въ годъ увеличивается. Въ 1904 году издавалось въ Соединенныхъ Штатахъ около 20.000 періодическихъ изданій, принимавшихъ къ напечатанію объявленія всевозможнѣйшихъ родовъ и видовъ. Въ каждомъ изъ нихъ число страницъ, посвященныхъ объявленіямъ, непрерывно увеличивается, а равно также быстро увеличивается и положенная за нихъ плата. Все это заставляеть прійти къ заключенію, что хотя, съ одной стороны, предположительно и прибли-

зительно исчисляемая журналомъ «Printer's Ink» сумма, ежегодно затрачиваемая въ Соединенныхъ Штатахъ на объявленія, а именно 600.000.000 долларовъ, и представляется, какъ нами упомянуто уже выше, нѣсколько преувеличенной, тѣмъ не менѣе, однако, съ другой стороны, официальные статистическія данныя, устанавливающія доходъ американскихъ періодическихъ изданій отъ объявленій въ размѣрѣ 95.800.000 долларовъ за 1900 г., представляются, несомнѣнно, недостаточными и неполными, а слѣдовательно и эта послѣдняя цифра является значительно пониженной противъ дѣйствительнаго размѣра вышеупомянутаго дохода американской журналистики.

Въ самомъ дѣлѣ, представляется общеизвѣстнымъ, что фирма, торгующая извѣстнымъ патентованнымъ медицинскимъ средствомъ «Regina», затрачиваетъ свыше 1.000.000 долларовъ въ годъ на объявленія всѣхъ родовъ и видовъ; на публикации объ извѣстномъ пищевомъ продуктѣ «Fogse» истрачивается ежегодно 1.000.000 долларовъ; на публикации объ извѣстныхъ патентованныхъ лекарствахъ фирмы Ayer затрачивается 600.000 долларовъ въ годъ; а на оповѣщеніе всѣхъ прелестей и превосходствъ извѣстныхъ пищевыхъ продуктовъ фирмы Post расходуется ежегодно 600.000 долларовъ. Кромѣ этихъ колоссальныхъ фирмъ, имѣются въ «странѣ свободы» тысячи таковыхъ, затрачивающихъ на объявленія о своихъ товарахъ десятки тысячъ ежегодно,—и десятки тысячъ, затрачивающихъ на тотъ же предметъ тысячи долларовъ изъ года въ годъ, не говоря уже о сотняхъ тысячъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, расходы которыхъ на объявленія не превышаютъ нѣсколькихъ сотенъ въ годъ. Между тѣмъ многіе американскіе журналы повысили плату за объявленія въ послѣдніе годы въ значительной степени. Такъ, извѣстный «Century Magazine», ранѣе взимающій съ объявленій по 100 долларовъ за цѣлую страницу, нынѣ взимаетъ за ту же страницу 250 долларовъ. Еженедѣльное изданіе «Ladies Home Journal» взимаетъ нынѣ съ объявленій по 6 долларовъ всего лишь за одну коротенькую строчку, а цѣлая страница, идущая подъ одно объявленіе, стоитъ въ немъ 4.000 долларовъ. Если взвѣситъ только что приведенныя цифры и принять въ расчетъ, что среди всѣхъ этихъ обыкновенныхъ афишъ, колоссальныхъ иллюстрированныхъ афишъ, брошюръ, альманаховъ, картонныхъ объявленій въ вагонахъ городскихъ дорогъ и т. д. объявленія газетныя и журнальныя составляютъ все-таки главнѣйшую и преобладающую форму объявленій, то нельзя не прийти къ заключенію, что вышепомянутые 95.800.000 долларовъ, официальной статистикой признаваемые размѣрами дохода американскихъ періодическихъ изданій отъ объявленій, въ сущности далеко не соответствуютъ дѣйствительнымъ размѣрамъ этого дохода.

Хотя задачей настоящаго очерка нашего представляется лишь воспроизведеіе системы газетныхъ и журнальныхъ объявленій въ Соединенныхъ Штатахъ, имѣющей, какъ во всякой иной странѣ, столь тѣсную связь съ періодической печатью и издательскимъ дѣломъ вообще, однако полное изображеніе и надлежащее уразумѣніе этой системы внѣ ея внутренней связи съ иными разновидностями публикаціоннаго дѣла оказывается невозможной. Приходится поэтому сказать нѣсколько словъ объ этихъ послѣднихъ, обнимая такимъ образомъ всю систему публикаціоннаго дѣла въ Соединенныхъ Штатахъ во всей ея цѣлокупности. Общій приблизительный размѣръ ежегоднаго расхода на всѣ роды и виды объявленій въ этой странѣ долженъ быть исчисленъ въ 500.000.000 долларовъ. Такимъ образомъ «страна свободы» ежегодно затрачиваетъ на публикаціонное дѣло столько же, сколько Россія, Германія, Франція, Австро-Венгрія и Испанія, вмѣстѣ взятыя, затрачиваютъ каждый годъ на свои арміи. Само собою разумѣется, что этотъ громаднѣйшій расходъ на публикаціи всевозможныхъ разновидностей составляетъ лишь незначительный процентъ общей суммы, ежегодно выручаемой отъ продажи публикуемыхъ товаровъ, представляющей поистинѣ колоссальной. Определить это процентное отношеніе между ежегоднымъ расходомъ на публикаціи всѣхъ видовъ и доходомъ отъ продажи публикуемыхъ въ нихъ предметовъ представляется дѣломъ далеко нелегкимъ. Такъ какъ вышеприведенная и приблизительная цифра годового расхода на всѣ виды объявленій въ Соединенныхъ Штатахъ составляетъ нѣсколько менѣе 5% дохода отъ продажи всѣхъ вообще предметовъ торговаго оборота въ этой странѣ, то отсюда слѣдуетъ заключить, что около 5% торговой выручки затрачивается въ ней торговыми и промышленными предпріятіями на объявленія всѣхъ видовъ. Колоссальные магазины наикрупнѣйшихъ городовъ «страны свободы», состоящіе изъ разныхъ «отдѣленій», заключающихъ въ себѣ товары совершенно различныхъ сортовъ, какъ, напр., «отдѣленіе обуви», «отдѣленіе носильнаго платья», «книжное отдѣленіе» и т. д. располагаютъ точными данными по этой части. Такъ, двадцать крупнѣйшихъ изъ такихъ, если можно такъ выразиться, универсальныхъ магазиновъ Нью-Йорка, ежегодно распродаютъ въ общей сложности на 50.000.000 долларовъ своихъ товаровъ, ежегодно расходуютъ на объявленія 2.000.000 долларовъ, т. е. 4% своего торговаго прихода, между тѣмъ какъ подобный же универсальный магазинъ Чикаго ежегодно тратитъ на публикаціи 500.000, дабы распродать товаровъ на 15.000.000 въ годъ, т. е., иными словами, публикаціонные его расходы составляютъ 3¹/₃% его годового торговаго прихода. Нерѣдко однако отдѣльныя торговыя и промышленныя предпріятія этой страны затрачиваютъ на объявленія всѣхъ видовъ значительно болѣе вышеприведенной процентной

нормы публикаціоннаго расхода, т. е. 5% своей годовой торговой выручки. Какая именно часть вышеприведеннаго громаднаго расхода «страны свободы» на объявленія всѣхъ сортовъ выпадаетъ на долю ея періодическихъ изданій, опредѣлить чрезвычайно трудно. Какъ нами упомянуто уже выше, официальные статистическія данныя, относящіяся къ этому предмету, представляются неполными и недостаточными, а потому и выводимая на ихъ основаніи общая цифра дохода этихъ изданій отъ объявленій является значительно ниже дѣйствительной. Такъ какъ отнюдь не менѣе 75% вышеприведеннаго общаго годового расхода этой страны на публикаціи всѣхъ разновидностей надо отнести на счетъ ея газетъ и журналовъ, то отсюда обнаруживается, что общій размѣръ дохода ея періодическихъ изданій отъ объявленій составитъ громадную сумму въ 375.000.000 долларовъ. Дабы цифра эта не показалась благосклоннымъ нашимъ читателямъ преувеличенной, скажемъ лишь, что общее число отдѣльныхъ нумеровъ всевозможныхъ періодическихъ изданій, ежегодно выходящихъ въ Соединенныхъ Штатахъ, нынѣ достигаетъ 4 билліоновъ, включая въ счетъ ежемѣсячные журналы и спеціальныя торговые органы. Такъ какъ на каждый отдѣльный экземпляръ всякаго періодическаго изданія, не исключая ежемѣсячныхъ журналовъ и спеціальныхъ торговыхъ органовъ, приходится среднимъ числомъ 100 объявленій, то такимъ образомъ общая ежегодная сумма всевозможныхъ объявленій, появляющихся въ органахъ періодической печати, достигаетъ въ Соединенныхъ Штатахъ во истину колоссальной цифры—400 билліоновъ, среди которыхъ особой экономической важностью отличаются объявленія, появляющіяся въ ежемѣсячныхъ журналахъ и спеціальныхъ торговыхъ органахъ. Что касается этой категоріи объявленій, то, если мы въ вычисленіяхъ нашихъ ограничимся лишь 160-ью главнѣйшими ежемѣсячными журналами этой страны, отличающимися наибольшей распространенностью среди ея населенія, то обнаружимъ, что эти 160 главнѣйшихъ американскихъ журналовъ обладаютъ циркуляціей (подписка и розничная продажа) въ 25.000.000 экземпляровъ въ годъ. Такъ какъ въ настоящее время эти главнѣйшіе американскіе ежемѣсячные журналы заключаютъ въ себѣ среднимъ числомъ пять страницъ объявленій на каждыя семь страницъ матеріала для чтенія, то по этому одному уже можно судить, что численность объявленій, появляющихся въ журналахъ этой категоріи и отличающихся особымъ экономическимъ значеніемъ какъ для производителей, такъ и для потребителей публикуемыхъ ими предметовъ торговаго оборота, должна составлять ежегодно нѣсколько тысячъ милліоновъ. Если такимъ образомъ общее ежегодное число объявленій, появляющихся во всѣхъ вообще періодическихъ изданіяхъ, выходящихъ въ Соединенныхъ Штатахъ, равняется приблизительно 400 бил-

ліонамъ, то отсюда обнаруживается, что выше нами вычисленная цифра годового дохода американскихъ періодическихъ изданій отъ объявленій, т. е. 375.000.000 долларовъ, не представляется преувеличенной либо произвольной.

Общее количество предпріятій и профессиональныхъ учреждений, публикующихъ о себѣ по всей странѣ въ главнѣйшихъ газетахъ и журналахъ всѣхъ крупнѣйшихъ ея городовъ, помимо выпуска въ свѣтъ своихъ особыхъ циркуляровъ, альманаховъ и т. п., въ настоящее время не представляется извѣстнымъ съ достаточной опредѣленностью. Во всякомъ случаѣ эти, такъ сказать, всеобщіе объявители составляютъ нынѣ въ Соединенныхъ Штатахъ не менѣе 15.000. Что же касается объявителей мѣстныхъ, т. е. ограничивающихся публикаціями лишь въ предѣлахъ опредѣленныхъ мѣстностей, то таковыхъ круглымъ числомъ не менѣе 1.000.000. Иными словами, въ этой странѣ семнадцать мѣстныхъ объявителей приходится на каждую тысячу ея обывателей. Всѣ эти объявители, какъ всеобщіе, такъ и мѣстные, прибѣгаютъ къ оглашенію объявленій во всѣхъ ихъ формахъ, хотя главнѣйшей и наиболѣе распространенной въ Соединенныхъ Штатахъ формой таковыхъ являются объявленія газетныя и журнальныя. Какъ мы имѣли уже случай указать выше, подобное возрастаніе объявленій въ органахъ американской періодической печати въ количественномъ отношеніи на счетъ всѣхъ иныхъ видовъ объявленій повлекло за собой болѣе или менѣе значительное пониженіе подписной платы на всѣ главнѣйшіе изъ этихъ органовъ. Представляется достойнымъ замѣчанія, что подобное возрастаніе числа объявленій замѣчается въ особенности въ вечернихъ газетахъ. Подобное явленіе объясняется попросту тѣмъ, что главнымъ читателемъ наиболѣе многочисленной категоріи газетныхъ объявленій, относящихся къ разнымъ предметамъ необходимости, удобства и роскоши, является американская женщина или, точнѣе говоря, американская хозяйка, которая, будучи обременена заботами и работами по хозяйству въ теченіе дня, пробѣгаетъ газету лишь вечеромъ, между тѣмъ какъ американскій мужчина пробѣгаетъ свою газету утромъ, по дорогѣ въ контору либо на работу и по полудни, возвращаясь изъ конторы либо съ работы.

Установивъ такимъ образомъ громадность суммъ, затрачиваемыхъ въ Соединенныхъ Штатахъ на объявленія всѣхъ родовъ и видовъ вообще и на объявленія газетныя и журнальныя въ особенности, а равно и фактъ колоссальнаго возрастанія этихъ послѣднихъ изъ года въ годъ, намъ неизбѣжно приходится выяснить тѣ многообразные факторы, которые породили подобное явленіе играющее столь видную роль въ современной экономической жизни всѣхъ цивилизованныхъ націй.

Прежде всего, накопленіе богатствъ и ростъ техническихъ усовершенствованій повлекли за собой небывалое увеличеніе потребленія предметовъ удобства и роскоши въ наши дни, въ особенности и преимущественно въ Соединенныхъ Штатахъ. Подобное увеличеніе потребленія предметовъ удобства и роскоши сдѣлало такъ называемую домашнюю экономію гораздо болѣе сложной и затруднительной, нежели было веденіе домашняго хозяйства въ такъ называемое доброе старое время. Въ то время какъ предметы необходимости представляютъ собой величину болѣе или менѣе установившуюся какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи, предметы удобства и въ особенности роскоши представляютъ собой нѣчто совершенно неустановившееся, болѣе или менѣе неопредѣленное, до крайности растяжимое. Привыкли, такъ сказать, испоконъ вѣковъ своевременно и болѣе или менѣе автоматически озабочиваться пріобрѣтеніемъ предметовъ необходимости въ родѣ дровъ каменнаго угля, хлѣба, муки, картофеля, масла и т. п., потребитель далеко не освоился еще съ своевременнымъ и надлежащимъ пріобрѣтеніемъ мясныхъ экстрактовъ, пахучихъ водъ, изысканнѣйшихъ сортовъ пахучаго мыла, новоизобрѣтенныхъ приспособленій для устройства горячихъ и холодныхъ душей въ обыкновенной домашней водопроводной ваннѣ и т. п. Приходится поэтому непрерывно напоминать ему о существованіи этихъ предметовъ и отгнѣять предъ нимъ многочисленнѣйшія ихъ качества и свойства. Вотъ почему объявленія объ углѣ, дровахъ, мукѣ, носильномъ платьѣ, обуви, обыкновенныхъ матеріяхъ и тому подобныхъ предметахъ въ американскихъ газетахъ и журналахъ (не говоря уже объ иныхъ видахъ публикацій) гораздо менѣе многочисленны, нежели объявленія о мясныхъ экстрактахъ, изысканнѣйшихъ принадлежностяхъ туалета, разныхъ кулинарныхъ деликатесахъ и изобрѣтеніяхъ, автомобиляхъ, электрическихъ лампахъ, электрическихъ комнатныхъ вѣерахъ, новоизобрѣтенныхъ гуттаперчевыхъ корсетахъ и тому подобныхъ предметахъ. Между тѣмъ какъ первые сами о себѣ заявляютъ гражданину «страны свободы» и его чадамъ и домочадцамъ чрезъ ихъ желудки и прочіе органы ихъ чувствъ, совершенно независимо отъ воздѣйствія какихъ бы то ни было газетныхъ, журнальныхъ либо наконецъ уличныхъ объявленій, послѣдніе представляется необходимымъ непрерывно преподносить его вниманію и возбудить къ таковымъ его надлежащій интересъ. По той же причинѣ публикаціи о школьныхъ учебникахъ, общеизвѣстныхъ авторахъ и распространенныхъ газетахъ и журналахъ встрѣчаются въ «странѣ свободы» (въ какой бы то ни было формѣ) неизмѣримо рѣже, нежели публикаціи о разныхъ энциклопедіяхъ и энциклопедическихъ словаряхъ, новообъявившихся авторахъ, новонародившихся газетахъ и журналахъ и новопоявившихся либо новопроектированныхъ изданіяхъ. Новые

предметы потребленія, новыя изданія всякаго рода изъ года въ годъ пропорціонально умножаются, а потому пропорціонально увеличивается и количество объявленій въ газетахъ и журналахъ.

Второй затѣмъ основной причиной подобнаго ежегоднаго возрастанія числа объявленій вообще, а газетныхъ и журнальныхъ въ особенности, въ Соединенныхъ Штатахъ, равно какъ, въ меньшей, однако, степени, и въ иныхъ цивилизованныхъ странахъ, представляется, несомнѣнно, существенное измѣненіе въ характеръ и приѣмахъ торговли. Концентрація и специализація, являющіяся основной движущей силой всей современной экономической жизни, наплы себѣ, конечно, надлежащее примѣненіе и соотвѣтственное выраженіе въ области торговаго обмѣна. Крупныя торговыя предприятия все болѣе и болѣе вытѣсняють мелкія, въ свою очередь сливаясь съ иными столь же крупными въ предприятия прямо колоссальныя. Въ то время какъ кругъ покупателей прежнихъ сравнительно ничтожныхъ торговыхъ предпріятій, будучи крайне ограниченнымъ, создавался привычкой и традиціями, эти новонародившіяся крупныя предприятия, самое существованіе которыхъ зависитъ отъ привлеченія и поддержанія возможно обширнаго круга покупателей, должны вновь сами для себя создать подобный кругъ. Этотъ кругъ нынѣ не ограничивается уже предѣлами города, какъ въ былыя времена: онъ обнимаетъ собой подгородныя мѣста, отдаленныя мѣстности и даже нерѣдко иностранныя государства. Объявленіе, и въ особенности объявленіе газетное и журнальное, представляется естественнымъ и едва ли не единственнымъ средствомъ къ постепенному созданію новотребующагося обширнаго круга покупателей. Это относится въ особенности къ специализировавшимся торговымъ предпріятіямъ, торгующимъ лишь однимъ опредѣленнымъ родомъ товаровъ, какъ, напр., хирургическіе инструменты, чай, траурные наряды и т. п. Увеличеніе и, такъ сказать, обостреніе торговой конкуренціи представляется, какъ извѣстно, основнымъ факторомъ современной соціальной эволюціи, порождающимъ все большую и большую неустойчивость отдѣльныхъ торговыхъ предпріятій. Эти послѣднія не въ состояніи дожидаться покупателей: необходимо улавливать и затѣмъ не терять таковыхъ, а для этого представляется необходимымъ вѣчно слѣдить за состояніемъ рынка, вѣчно дѣйствовать, вѣчно преподносить уловленному, а равно и возможному, ожидаемому покупателю всяческія новинки, возбуждать его къ нимъ интересъ, соблазнять его купить. Неудивительно поэтому, что система объявленій, а въ особенности объявленій журнальныхъ и газетныхъ, пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе и все большее и большее вліяніе на ходъ современной торговли. Представляется достойнымъ замѣчанія, что не кто иной, какъ знаменитый англійскій историкъ Маколей, съ особой выразительностью отмѣтилъ эту роль объявленій въ эконо-

мической жизни новѣйшихъ временъ. «Объявленія,—какъ-то выразился онъ,—являются тѣмъ же для торговли, чѣмъ паръ является для машины: великой движущей силой». Если еще изъ старыхъ прописей мы почерпали избитую истину, что кредитъ есть душа торговли, то истина эта нынѣ представляется уже окончательно устарѣвшей и должна уступить мѣсто иной, болѣе современной истинѣ, которая должна гласить, что объявления суть душа торговли. Такимъ образомъ помимо множества всяческихъ иныхъ значеній и вліяній современная газета и современный журналъ постепенно получили въ Соединенныхъ Штатахъ такое значеніе, какое для подавляющаго большинства читателей, въ особенности въ Старомъ Свѣтѣ, представится, несомнѣнно, совершенной неожиданностью: газета и журналъ «страны свободы» являются душой ея торговли. Явленіе это на издательское дѣло въ Соединенныхъ Штатахъ и въ особенности на приемы и методы редактированія ихъ безчисленныхъ періодическихъ изданій имѣетъ вліяніе столь громадное, какого самый просвѣщенный проникательный европеецъ не въ состояніи даже и подозрѣвать. О такомъ придется намъ сказать нѣсколько ниже.

Слѣдуетъ наконецъ имѣть въ виду, что объявительская дѣятельность или, точнѣе говоря, пропаганда, разъ начавшись и болѣе или менѣе утвердившись, развивается затѣмъ уже чисто автоматически. Конечно, подобная, такъ сказать, чисто дѣловая пропаганда имѣетъ своей прямой и непосредственной цѣлью лишь обратить или скорѣе остановить вниманіе публики на существованіи и достоинствахъ извѣстнаго предмета потребленія, удобства или роскоши, извѣстныхъ услугъ, извѣстныхъ приспособленій, извѣстныхъ изобрѣтеній и т. д., либо на существованіи и достоинствахъ извѣстнаго промышленнаго, торговаго или профессиональнаго учрежденія, поставляющаго извѣстные предметы потребленія или доставляющаго извѣстныя услуги, тѣмъ не менѣе, однако, успѣхъ подобной объявительской пропаганды часто зависитъ не отъ того, что именно ею сдѣлано, отъ абсолютной, такъ сказать, величины этой пропаганды, а отъ размѣровъ перевѣса объявительской дѣятельности одного изъ конкурентовъ надъ таковой же дѣятельностью другого. Съ непрерывнымъ обостреніемъ торговой конкуренціи въ наши дни естественно замѣчается постоянное и настойчивое стремленіе взять перевѣсъ надъ противникомъ также и въ сферѣ объявленій. Разъ одинъ предприниматель начнетъ «объявлять», другой не хочетъ отъ него отставать и точно также начинаетъ объявлять, а за этимъ послѣднимъ выступаетъ на поприще объявительской дѣятельности цѣлый рядъ иныхъ. Съ другой стороны, нѣкоторыя фирмы щедрой рукой рассыпаютъ объявления по разнымъ газетамъ вовсе не потому, что въ нихъ особенно нуждаются для привлеченія покупателей, а единственно

для того, чтобы самимъ количествомъ своихъ объявленій производить впечатлѣнїе перворазрядной фирмы и прослыть таковой. Во всякомъ случаѣ представляется очевиднымъ, что умѣренное публикованіе о себѣ многими однородными предпріятіями и профессиональными учрежденіями можетъ не вызвать ни малѣйшаго измѣненія въ ихъ относительномъ положеніи на торговомъ либо профессиональномъ рынкѣ, а потому наиболѣе дѣятельныя фирмы и учрежденія лѣзутъ изъ кожи вонъ, дабы перещеголять своихъ конкурентовъ живописностью, хлесткостью, зазывательностью и сногшибательностью своихъ объявленій. Неудивительно поэтому, что газетныя и журнальныя объявленія въ «странѣ свободы» въ значительной ихъ части отличаются громадными размѣрами, изысканнѣйшимъ литературнымъ стилемъ и множествомъ иллюстрацій. Расточительность, эпоооа характеризующая всю американскую жизнь, проникающая во всѣ сферы дѣловой дѣятельности страны, не преминула сказаться также и въ области объявленій и оказать на эту послѣднюю свое вліяніе.

Разъ такимъ образомъ столь громадныя суммы затрачиваются въ Соединенныхъ Штатахъ на объявленія вообще и на печатаніе таковыхъ въ журналахъ и газетахъ въ частности и особенности, то самъ собой естественно возникаетъ вопросъ: насколько всѣ эти объявленія оплачиваются, приносятъ ли они дѣйствительныя выгоды объявителямъ? Если, напр., торговая фирма Procter and Gamble Co, производящая извѣстное мыло Ivory Soap недавно заключила съ однимъ изъ распространенныхъ американскихъ журналовъ трехлѣтній контрактъ на печатаніе ея объявленія въ цѣлую страницу въ каждомъ номерѣ этого журнала съ уплатой сему послѣднему 4 тысячъ долларовъ въ мѣсяць, 48 тысячъ въ годъ и 144 тысячъ за всѣ три года, на которые заключенъ контрактъ, то спрашивается: можетъ ли вышеупомянутая фирма ожидать возмѣщенія столь громаднаго расхода и при томъ еще съ выгодой? Не подлежитъ сомнѣнію, что многія объявленія не оплачиваются. Можно сказать, что въ Соединенныхъ Штатахъ общимъ числомъ 75 объявленій на 100 не оплачиваются, но зато остальные 25 оплачиваются столь превосходно, т. е. приносятъ столь громадныя выгоды, что ни одинъ предпріимчивый торговецъ, предприниматель либо профессиональный дѣятель не рѣшится воздерживаться отъ объявленій, между тѣмъ какъ его конкурентъ щедрой рукой рассыпаетъ таковыя по журналамъ и газетамъ. Съ другой стороны, однако, съ обостреніемъ конкуренціи между различными предпріятіями и профессиональными учрежденіями и съ громаднымъ улучшеніемъ качественной, т. е. исполнительной стороны объявленій, расходы на эти послѣднія настолько возросли, что болѣе

осторожныя и менѣе рѣшительныя предпріятія и профессиональныя учрежденія воздерживаются отъ таковыхъ, хотя и считаютъ ихъ необходимыми для дѣла. Чувствуя себя не въ состояніи выступить на поприще публикаціонной пропаганды своего дѣла и конкурировать со своими болѣе счастливыми соперниками, они видятъ вокругъ себя не мало предпріятій и учреждений, понесшихъ огромныя убытки благодаря безуспѣшнымъ объявленіямъ. Слѣдуетъ сказать однако, что въ наиболѣе важной отрасли публикацій въ Соединенныхъ Штатахъ, а именно въ области объявленій журнальныхъ, замѣчается въ послѣднее время совершенное исчезновеніе объявленій рискованныхъ, безпапашныхъ, появляющихся въ неопредѣленные промежутки времени. Хотя количество страницъ, посвященныхъ объявленіямъ въ перворазрядныхъ американскихъ журналахъ, въ послѣднее десятилѣтіе значительно возросло, въ то же время количество фирмъ, объявляющихъ о себѣ въ этихъ самыхъ ежемѣсячныхъ журналахъ, значительно понизилось. Конкуренція между различными фирмами была до сего времени черезчуръ ожесточенною и лишь сильнѣйшія ее выдержали. Такимъ образомъ въ этомъ исчезновеніи безуспѣшныхъ объявителей со страницъ перворазрядныхъ американскихъ журналовъ сказывается попросту общій біологическій законъ борьбы за существованіе и уцѣленія сильнѣйшаго. Однако выразить дѣйствіе означеннаго закона переживанія сильнѣйшаго въ области публикаціоннаго дѣла въ Соединенныхъ Штатахъ въ опредѣленныхъ цифрахъ не представляется никакой возможности. Отсюда обнаруживается, что объявительская дѣятельность торговыхъ фирмъ и профессиональныхъ учреждений принимаетъ въ «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» все болѣе и болѣе капиталистическій характеръ, характеризующій собой весь современный экономическій строй американскаго народа. Частое и постоянное повтореніе однихъ и тѣхъ же объявленій представляется самымъ вѣрнымъ и обеспеченнымъ путемъ къ успѣху, а таковое, очевидно, представляется возможнымъ лишь для предпріятій, обладающихъ крупными средствами. Въ то же время объявительская пропаганда, вообще изъ года въ годъ требующая все большихъ и большихъ затратъ, даетъ возможность объявителю пріобрѣтать покупателей на дальнихъ разстояніяхъ и, давая широкую извѣстность его торговымъ дѣйствіямъ и его цѣнамъ, непрерывно расширять его обороты и его предпріятія. Все это неизбѣжно влечетъ за собой истребленіе мелкаго предпринимателя и образованіе все болѣе и болѣе крупныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій и профессиональныхъ учреждений. Такимъ образомъ, неизбѣжно подпавъ воздѣйствію капиталистическаго строя страны, система ея объявленій, въ особенности въ главнѣйшей своей отрасли, области объявленій журнальныхъ, сама служитъ нынѣ къ утвржденію и дальнѣйшему развитію этого строя.

Необычайно быстрое развитіе и изумительный ростъ системы объявленій въ Соединенныхъ Штатахъ, въ особенности объявленій газетныхъ и журнальныхъ, породили въ этой странѣ особый, совершенно новый, вполне своеобразный, весьма интересный родъ литературы. Если по вышеприведеннымъ вычисленіямъ Wilcox'a, нынѣ уже нѣсколько устарѣвшимъ, литература эта составляетъ 32,1% всего вообще печатнаго текста 147 главнѣйшихъ американскихъ газетъ, то, по позднѣйшимъ вычисленіямъ, сдѣланнымъ на основаніи 160 главнѣйшихъ американскихъ журналовъ, она выражается уже въ 5 страницахъ объявленій на каждыя 7 страницъ текста, т. е., иными словами, составляетъ 41,6% всего ихъ печатнаго текста. Эта объявительская литература, снабженная превосходными иллюстраціями, въ особенности въ ежемѣсячныхъ журналахъ, по своему стилю и слогу, по своему остроумію, по качеству своихъ иллюстрацій, по своей способности привлечь къ себѣ вниманіе читателя и возбудить въ немъ живой къ себѣ интересъ положительно соперничаетъ съ чисто литературной частью американскихъ періодическихъ изданій, въ особенности журналовъ. Ростъ этой объявительской литературы создалъ въ «странѣ свободы» особый классъ «писателей» и «артистовъ», посвящающихъ свои силы исключительно объявленіямъ и на нихъ изоцряющихъ свои таланты. Первые являются ихъ составителями, а вторые ихъ иллюстраторами. Искусство составленія и иллюстрированія объявленій нынѣ достигло въ Соединенныхъ Штатахъ такой степени совершенства, что составилось мнѣніе, будто бы для достиженія одного и того же результата требуется нынѣ гораздо болѣе объявленій, нежели требовалось всего лишь годъ-два тому назадъ. Между тѣмъ это совершенно невѣрно. Подобная ошибка порождена попросту тѣмъ фактомъ, что, благодаря своему постоянному усовершенствованію какъ въ литературномъ, такъ и въ иллюстраціонномъ отношеніи, тѣ же самыя объявленія производятъ большее впечатлѣніе на читателя, которое онъ и приписываетъ увеличенію ихъ въ количественномъ отношеніи. Между тѣмъ въ дѣйствительности замѣчается совершенно обратное явленіе. Въ общемъ американскія газетныя журнальныя объявленія, уменьшаясь въ относительныхъ, своихъ размѣрахъ, улучшаются въ качественномъ отношеніи и объявленіе скромныхъ экономныхъ размѣровъ, превосходно составленное и не менѣе превосходно иллюстрированное, все болѣе и болѣе входитъ въ обычай на страницахъ американскихъ періодическихъ изданій. Вышеуказанное увеличеніе американскихъ объявленій въ количественномъ отношеніи происходитъ не вслѣдствіе увеличенія размѣровъ отдѣльныхъ объявленій, а слѣдовательно и мѣста, ими въ общей сложности занимаемаго на страницахъ американскихъ періодическихъ изданій, а вслѣдствіе болѣе частаго, нерѣдко почти непрерывнаго появленія на этихъ

страницахъ объявленій средних и въ особенности малыхъ размѣровъ. Разсудительный объявитель нынѣ предпочитаетъ адресоваться къ газетному и журнальному читателю часто и настойчиво въ короткой, убѣдительной формѣ, нежели появляться предъ этимъ послѣднимъ случайно въ пространной формѣ, которая, сразу высыпая въ огромной порціи все, что онъ имѣетъ сказать и предложить, подвергаетъ его риску быть замѣченнымъ, но не выслушаннымъ, т. е. просмотрѣннымъ, но не прочитаннымъ. Нынѣшній американскій читатель либо черезчуръ занятъ, либо черезчуръ нетерпѣливъ, чтобы читать длинныя объявленія, требующія много свободнаго времени и становящіяся все болѣе и болѣе старомодными. Хотя въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ разновидностяхъ американскихъ газетныхъ и журнальныхъ объявленій размѣры печатнаго ихъ текста нѣсколько увеличились, въ общемъ короткое и бойкое, выразительное, такъ сказать, краснорѣчивое объявленіе все болѣе и болѣе укореняется въ періодической печати Соединенныхъ Штатовъ и приобретаетъ все бѣльшее и бѣльшее въ ней значеніе. Даже эти крупныя, огромныя, нерѣдко колоссальныя объявленія во всю журнальную либо газетную страницу, вообще заключающія въ себѣ немного печатнаго текста, отнюдь не отличаются многословіемъ.

Слѣдуетъ при этомъ имѣть въ виду, что въ тѣсной связи съ объявленіемъ журнальнымъ и газетнымъ стоятъ инныя формы печатныхъ объявленій, какъ-то: альманахи, календари, каталоги и афиши, въ особенности иллюстрированныя, разныхъ родовъ и видовъ. Календари являются излюбленной формой самопубликованія для страховыхъ обществъ въ Соединенныхъ Штатахъ, ибо въ нихъ представляется возможнымъ каждый день въ году и при томъ на видномъ мѣстѣ напоминать о существованіи даннаго общества и его операціяхъ. Нѣкоторыя американскія страховыя общества тратятъ ежегодно по 20 тысячъ долларовъ на печатаніе своихъ календарей. Альманахи употребляются въ Соединенныхъ Штатахъ для самопубликованія главнѣйшимъ образомъ фирмами изготовленія аптекарскихъ товаровъ, такъ какъ имъ приходится оповѣщать страждущему человѣчеству и публикѣ вообще о множествѣ всевозможныхъ патентованныхъ медикаментовъ и разныхъ приспособленій, предназначенныхъ для облегченія страданій и недуговъ человѣческой плоти, пересыпая эти сказанія и описанія различными исторіями и исторійками, нерѣдко воспроизводящими исцѣленіе страждущаго тѣмъ или инымъ недугомъ посредствомъ того или иного патентованнаго медикамента. Слѣдуетъ при этомъ имѣть въ виду, что американскій альманахъ есть собственно тотъ же календарь, но календарь не отрывной либо въ видѣ крохотной брошюрки, а календарь пространный, въ видѣ книжонки, въ которомъ всевозможныя свѣдѣнія и повѣствованія

пригнаны не ко днямъ, какъ въ календаряхъ страховыхъ обществъ, а къ опредѣленнымъ мѣсяцамъ, давая такимъ образомъ надлежащія медицинскія пособія для каждаго сезона въ году, обыкновенно характеризуемаго появленіемъ опредѣленныхъ недуговъ и недомоганій. Нѣкоторыя изъ этихъ, такъ сказать, медикаментскихъ компаній распространяютъ въ публикѣ свыше двухъ милліоновъ своихъ альманаховъ ежегодно, а одна подобная фирма изготовленія патентованныхъ медикаментовъ пускаетъ въ публичное обращеніе около 25 милліоновъ своихъ альманаховъ въ годъ. Неудивительно поэтому, что всѣ почти крупнѣйшія изъ подобныхъ компаній обладаютъ собственными типографіями, круглый годъ занятыми изготовленіемъ и печатаніемъ ихъ ежегодныхъ альманаховъ. Что касается каталоговъ разныхъ фирмъ ювелирныхъ, галантерейныхъ и т. д. товаровъ, то таковыя представляются обыкновенно попросту цѣлыми книгами, снабженными изысканнѣйшими иллюстраціями описываемыхъ въ нихъ товаровъ. Одинъ изъ подобныхъ каталоговъ содержитъ въ себѣ свыше тысячи страницъ печатнаго текста, въ которомъ описано и иллюстрировано свыше 75 тысячъ отдѣльныхъ предметовъ, а другой подобный каталогъ заключаетъ въ себѣ свыше 100 тысячъ такихъ иллюстрированныхъ описаній. Ко всѣмъ этимъ календарямъ, альманахамъ и каталогамъ слѣдуетъ прибавить всевозможныя объявительскія брошюры и брошюрки, картоны въ вагонахъ уличныхъ желѣзныхъ дорогъ и афиши всевозможныхъ сортовъ, въ особенности иллюстрированныя. Эти послѣднія, несмотря на то, что въ «странѣ свободы» онѣ отличаются колоссальными размѣрами и яркостью красокъ, представляютъ собой нерѣдко образецъ типографскаго, литографскаго и въ особенности иллюстраторскаго искусства. Не подлежитъ сомнѣнію, что относительное расширеніе либо сокращеніе этихъ родовъ объявленій оказываетъ прямое воздѣйствіе на расширеніе либо сокращеніе объявленій журнальныхъ и въ особенности газетныхъ, почему мы и не преминули о нихъ упомянуть. Равнымъ образомъ представляется несомнѣннымъ, что колоссальный ростъ газетныхъ и журнальныхъ объявленій въ Соединенныхъ Штатахъ въ послѣднее десятилѣтіе повлекъ за собой значительное сокращеніе количества такъ называемыхъ путешествующихъ продавцовъ, ибо эти послѣдніе, «*commis voyageurs*», не только способствуютъ сбыту товаровъ своей фирмы, но точно также являются живыми о ней и о таковыхъ публикаціями. Достаточно сказать, что въ 1898 году около сотни крупныхъ торговыхъ фирмъ перворазрядныхъ американскихъ городовъ совершенно упразднили весь свой штатъ комми-воажеровъ, замѣнивъ ихъ услуги печатаніемъ надлежащихъ объявленій въ наиболѣе распространенныхъ газетахъ и журналахъ. Такимъ образомъ, совершенно вопреки европейскому и въ особенности русскому предста-

вленію о просвѣтительномъ значеніи печатнаго слова, о высокихъ задачахъ періодической печати и т. д. въ «странѣ свободы» эта послѣдняя не только является однимъ изъ главнѣйшихъ орудій промышленности и торговли, но сверхъ сего вступаетъ въ конкуренцію съ арміей комми-вояжеровъ, постепенно сокращая число этихъ послѣднихъ, пока, однако, еще весьма значительное.

Если, такимъ образомъ, американская періодическая печать, въ особенности ежемѣсячная, отъ распространенія знаній и пропаганды идей все болѣе и болѣе переходитъ къ пропагандѣ коммерческой, до такой степени, что въ ежемѣсячныхъ журналахъ эта послѣдняя составляетъ, какъ мы видѣли уже выше, около 42% всего ихъ печатнаго текста, то не только умѣстно, позволительно, но даже и необходимо коснуться въ немногихъ словахъ какъ общаго характера, такъ и общественнаго и экономическаго значенія подобной коммерческой пропаганды.

Конечно, цѣлью таковой является прежде всего распространеніе свѣдѣній о предметахъ и услугахъ, предлагаемыхъ въ распоряженіе публики, въ особенности всевозможныхъ товарахъ, фабрикахъ и заводахъ, ихъ изготовляющихъ, и т. д. Подобное оглашеніе означенныхъ свѣдѣній можетъ быть уподоблено рынку, на которомъ выставлены всѣ эти товары. Такъ какъ, однако, подобный показъ товара происходитъ совершенно независимо отъ личнаго присутствія заинтересованныхъ лицъ и опредѣленнаго времени, то его значеніе гораздо шире, нежели обыкновенная рыночная выставка товаровъ. Будучи болѣе всесторонне освѣдомленъ о характерѣ и качествахъ предлагаемаго, потребитель имѣетъ болѣе большую возможность сдѣлать надлежащій выборъ, а слѣдовательно и болѣе шансы удовлетворить своимъ потребностямъ. Выразительный языкъ объявленій, въ особенности журнальныхъ, въ значительной степени устраняетъ препятствія ко введенію въ употребленіе новыхъ предметовъ. Благодаря имъ многіе устарѣвшіе предметы выходятъ изъ употребленія, равно какъ создается стремленіе ко всему гигиеническому, эстетическому и современному. Такимъ образомъ, современная система объявленій способствуетъ улучшенію качества предметовъ необходимости и расширенію примѣненія новыхъ изобрѣтеній и техническихъ усовершенствованій. Въ области потребленія она является факторомъ, способствующимъ общественному прогрессу, средствомъ введенія, такъ сказать, революціонныхъ реформъ во вкусахъ и привычкахъ народныхъ массъ, путемъ введенія въ обыденную жизнь этихъ послѣднихъ новизны, разнообразія и извѣстнаго комфорта.

Однако этимъ благое воздѣйствіе современной системы объявленій на общественную жизнь далеко не ограничивается. Она

отражается также благими послѣдствіями и на производствѣ и сбытѣ товаровъ и предметовъ торговаго оборота вообще, далеко не ограничиваясь лишь вышеозначеннымъ воздѣйствіемъ на область ихъ потребленія. Слѣдя за всѣми этими оповѣщеніями, отражающими въ себѣ состояніе рынка въ данную минуту, не только потребитель получаетъ возможность сдѣлать наилучшій выборъ, но точно также и производитель узнаетъ, что именно предлагается иными производителями, пользуется сдѣланными указаніями для улучшенія собственнаго производства и приходитъ къ ясному заключенію, что онъ долженъ предложить, дабы успѣшно бороться со своими конкурентами. Разъ такимъ образомъ благодаря гласности подобнаго сорта производство и сбытъ предметовъ необходимости, удобства и роскоши становятся подъ общественный контроль, то промышленникъ и торговецъ, предпріятіе котораго всецѣло построено на невѣдѣніи публики о существованіи лучшихъ предметовъ и характерѣ предложенія вообще, долженъ раньше или позже понести потери, между тѣмъ какъ предприниматель, предлагающій публикѣ что-либо дѣйствительно цѣнное, чувствуетъ свое положеніе болѣе прочнымъ и надежнымъ и въ концѣ концовъ выигрываетъ. Это въ особенности сказывается въ введеніи въ употребленіе новыхъ предметовъ и изобрѣтеній. Хотя эти послѣдніе могутъ далеко превосходить все существующее на рынкѣ сбыта по той же части, превосходство такое не имѣетъ никакого реальнаго значенія, доколѣ оно не станетъ извѣстнымъ. Такимъ образомъ возможность быстраго введенія новаго предмета несомнѣнныхъ достоинствъ посредствомъ объявленій поддерживаетъ и ободряетъ духъ предпримчивости и изобрѣтательности. Конечно, широкая коммерческая пропаганда посредствомъ печатанія массы объявленій даетъ возможность многимъ недобросовѣстнымъ предпринимателямъ сбывать негодные товары въ огромныхъ количествахъ. Тѣмъ не менѣе, однако, представляется несомнѣннымъ, что большія затраты на объявленія въ концѣ концовъ не оплачиваются и приносятъ недобросовѣстному либо безшабашному объявителю большія потери, если публикуемые имъ предметы торговаго обмѣна оказываются плохими и вообще не соответствующими качествамъ, имъ приписываемымъ въ объявленіяхъ. Разъ рекомендація лицъ, испробовавшихъ достоинства публикуемыхъ товаровъ либо дѣйствительныя качества исполненія предлагаемыхъ услугъ публикующими учрежденіями, не поддерживаетъ увѣреній, расточаемыхъ въ объявленіяхъ, дѣло раньше или позже падаетъ. Объявленіе можетъ создать спросъ, но оно никогда не въ состояніи превратить случайнаго или, точнѣе говоря, пробующаго покупателя въ покупателя постояннаго. Наоборотъ, осужденіе болѣе или менѣе значительнаго числа такихъ случайныхъ покупателей, такъ сказать, наклонувшихся на широковѣщательныя объявленія,

парализуетъ первоначальное дѣйствіе этихъ послѣднихъ и въ концѣ концовъ убиваетъ подобное дутое и обманное предпріятіе. Поэтому въ американской системѣ объявленій постепенно начинается утверждаться обычай дѣлать правдивыя заявленія о качествахъ предлагаемыхъ товаровъ. Такъ какъ эта относительная правдивость, понемногу входящая въ обычай въ «странѣ свободы» въ послѣднее время, порождена единственно обнаруженіемъ невыгодности лжи на болѣе или менѣе значительномъ протяженіи времени, то она представляется, несомнѣнно, не какимъ-либо торжествомъ нравственнаго принципа, не имѣющаго ничего общаго съ американской промышленностью и торговлей, а попросту торжествомъ новѣйшей системы объявленій, устраняющей старомодный принципъ «не обманешь, не продашь», единственно вслѣдствіе испытанной невыгодности сего послѣдняго. Поэтому въ торговой практикѣ Соединенныхъ Штатовъ начинается все болѣе и болѣе завоевывать себя права гражданства правило, что покупатель долженъ получить предметъ такимъ, какимъ этотъ послѣдній публикуется, ибо въ противномъ случаѣ довѣріе его къ объявителю теряется и онъ перестаетъ являться покупателемъ. Тѣмъ не менѣе это нововводимое правило въ новѣйшей системѣ американскихъ объявленій ограничивается лишь правдивымъ воспроизведеніемъ дѣйствительныхъ качествъ публикуемаго предмета, совершенно умалчивая въ то же время о его недостаткахъ, т. е. новорекомендуемая правдивость представляется лишь частичной и относительной. Составленное согласно этому новорекомендуемому и нововводимому принципу объявленіе представляется правдивымъ, поскольку оно говоритъ то, что оно желаетъ сказать, и неправдивымъ, поскольку оно умалчиваетъ о томъ, чего оно предпочитаетъ не высказывать.

На ряду съ вышеприведенными благопріятными чертами американской системы объявленій имѣется, конечно, не мало и совершенно неблагопріятныхъ въ экономическомъ отношеніи. Свѣдѣнія о состояніи рынка въ видѣ массы всевозможныхъ объявленій, доставляемыя лицами, заинтересованными единственно въ сбытѣ своихъ товаровъ, являются, конечно, источникомъ ознакомленія съ этимъ состояніемъ крайне одностороннимъ и ненадежнымъ. Изъ него можно почерпнуть дѣйствительно полезныя свѣдѣнія, но въ то же время онъ можетъ положительно сбивать съ толку ищущаго потребителя и привести его къ бесполезнымъ либо убыточнымъ покупкамъ. Вся эта подавляющая масса газетныхъ и журнальныхъ объявленій можетъ дѣйствительно предоставлять потребителю возможность надлежащаго ознакомленія съ рыночнымъ предложеніемъ на данные предметы или услуги, но въ то же время точно такъ же и умышленно вводитъ его въ обманъ. Поэтому нынѣшняя американская система объявленій, какой она

все-таки еще является, несмотря на слабыя попытки ея реформирования, нами выше уже приведенныя, въ известной степени угрожаетъ подорвать надежность промышленной, торговой и дѣловой дѣятельности страны вообще, а такъ какъ система эта находитъ свое главнѣйшее осуществленіе и наивысшее выраженіе въ американской періодической печати, то поэтому она естественно и неизбежно угрожаетъ подорвать также и надежность этой печати. Такимъ образомъ, вся эта система, а слѣдовательно, къ сожалѣнію, въ особенности и та важнѣйшая и наиглавнѣйшая часть ея, которая находитъ себѣ осуществленіе въ періодической печати Соединенныхъ Штатовъ, представляется недостаточной, неполной, дорогой, ненадежной и, съ точки зрѣнія интересовъ общественныхъ, полной совершенно бесполезныхъ расходовъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что всѣ эти крупныя расходы на объявленія лишь увеличиваютъ цѣну предметовъ необходимости, удобства и роскоши и ложатся всецѣло на потребителя, отнюдь не улучшая ихъ качества. Совершенно наоборотъ, нерѣдко производитель вмѣсто того, чтобы постараться превзойти своего конкурента качествомъ своего продукта либо привлечь покупателей на свою сторону удешевленіемъ цѣны этого продукта, попросту открываетъ противъ него войну объявленіями и старается превозмочь и обезсилить его подавляющей массой своихъ объявленій.

Если, такимъ образомъ, съ одной стороны, современная система объявленій въ «странѣ свободы», достигшая по истинѣ колоссальныхъ размѣровъ и находящая свое главнѣйшее и наивысшее выраженіе въ ея безчисленныхъ газетахъ и журналахъ, несомнѣнно, выполняетъ важную экономическую функцію; если она въ то же время выполняетъ также и важную культурную миссію; если она доставляетъ средства къ существованію множеству лицъ; если она тѣсно связана съ интеллектуальной жизнью просвѣщенныхъ націй; если, наконецъ, въ нѣкоторыхъ странахъ и въ особенности въ этой «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» она сдѣлала возможной современную газету и современный журналъ, — то зато, съ другой стороны, она представляетъ собой богатѣйшее и неистощимое поле для обмановъ всякаго рода, систематическихъ мошенничествъ и дерзкаго шарлатанства.

Въ особенности богатое и благодарное поле для этого послѣдняго представляетъ собою продажа разныхъ патентованныхъ лекарствъ. Этимъ безчисленнымъ патентованнымъ пилюлямъ, микстурамъ, каплямъ, порошкамъ и т. д., составъ которыхъ представляется не только непроницаемой тайной для обыкновенныхъ смертныхъ, но также неразрѣшимой загадкой даже и для представителей медицины, приписываются всевозможныя цѣлебныя свойства и способность врачевать многоразличные недуги. Суевѣріе и невѣжество представляются главной, основной причиною

широкаго сбыта этихъ патентованныхъ медикаментовъ, хотя въ то же время жажда поддержанія добраго здоровья, а равно и то отчаяніе, съ какимъ разные недужные хватаются за все, обещающее какую-либо, хотя бы отдаленнѣйшую надежду на облегченіе ихъ страданій, играетъ также немаловажную роль въ этой, если можно такъ выразиться, торговлѣ призрачными надеждами. Такъ какъ психическое состояніе подобныхъ недужныхъ, изнемогающихъ подъ бременемъ своихъ непрерывныхъ либо періодическихъ страданій, вообще говоря, представляется ненормальнымъ, то и неудивительно, что торговля патентованными медицинскими средствами является поприщемъ неимоверныхъ притязаній, безшабашныхъ зазываній и дикихъ, сногшибательныхъ, умопомрачительныхъ обѣщаній. Не зачѣмъ, конечно, и объяснять, что подавляющее большинство этихъ якобы изумительно цѣлебныхъ средствъ и снадобій представляется бесполезнымъ, нѣкоторыя изъ нихъ высоко вредными и даже заключающими въ себѣ сильнѣйшіе яды и наконецъ всѣ почти непомерно дорогими. По приблизительному исчисленію цѣны на всѣ такъ называемыя секретныя медицинскія средства отъ пяти до двадцати разъ превосходятъ дѣйствительную ихъ стоимость съ присовокупленіемъ къ таковой нормальной аптекарской прибыли. Извѣстный нью-іоркскій аптекарь Nembold тратилъ отъ 150 до 200 тысячъ долларовъ ежегодно на публикаціи о своихъ патентованныхъ медикаментахъ и, по слухамъ, оставилъ состояніе въ нѣсколько милліоновъ долларовъ. Такимъ образомъ, публикаціи компаній для изготовленія всѣхъ этихъ секретныхъ патентованныхъ медикаментовъ представляются, несомнѣнно, самымъ возмутительнымъ злоупотребленіемъ печатнымъ словомъ. Изъ всѣхъ общественныхъ экономическихъ функцій, какія нынѣ выполняетъ американская печать, печатаніе означенныхъ публикацій представляется, несомнѣнно, самой низменной и по своему общественному вреду уступаетъ лишь отвратительно ханжескимъ передовымъ и статьямъ, предназначеннымъ для каждаго и угожденія общественному невѣжеству и общественнымъ предразсудкамъ.

Для русскаго читателя, менѣе всякаго иного европейскаго читателя знакомаго съ новѣйшей системой объявленій въ періодической печати, а потому почти не имѣющаго возможности составить себѣ какое-либо приблизительное представленіе объ американскихъ газетныхъ и журнальныхъ публикаціяхъ, несомнѣнно, весьма интересно будетъ ознакомиться съ нѣсколькими по крайней мѣрѣ образчиками таковыхъ.

Вотъ, напр., газетное объявленіе размѣрами въ обыкновенную фотографическую карточку, все, конечно, иллюстрированное, ибо объявленія безъ иллюстрацій обыкновенно занимаютъ въ амери-

канскихъ газетахъ всего лишь нѣсколько строкъ. Въ чистомъ полѣ на заборѣ возсѣдаетъ фешенебельно одѣтый молодой человѣкъ съ выраженіемъ полнѣйшаго недоумѣнія въ лицѣ. Такимъ образомъ объявленіе это построено на идиоматическомъ выраженіи англійскаго языка, по которому «быть на заборѣ» значитъ быть въ недоумѣніи, находиться въ состояніи нерѣшительности, быть въ затруднительномъ положеніи. Позади забора, на которомъ находится этотъ молодой человѣкъ, имѣется дерево, среди вѣтвей котораго возсѣдаетъ сова, а вдали видѣется не то городъ, не то одна лишь усадьба. «Если вы находитесь на заборѣ, начинается объявленіе огромнымъ шрифтомъ,—сразу затѣмъ переходя къ обыкновенному шрифту,—въ нерѣшительности, какое пиво предпочесть, то стоитъ одинъ только разъ испробовать пиво Гюриха: послѣ этой пробы вы сразу сойдете съ этой неудобной позиціи, и его превосходное качество вдохнетъ въ васъ радикальный переходъ отъ нерѣшительности къ опредѣлительности, отъ безразличія къ восторгу. Телефонуйте по телефону 34, Западъ, заказъ на ящикъ Мерзена, Сената либо Лэгера. Пивоваренное товарищество Карла Гюриха».

А вотъ другое газетное объявленіе той же категоріи, размѣрами въ квадратную книжную страницу in octavo. На гору неизомѣрной высоты, на верхушкѣ которой виднѣются дома и сады, ползутъ три винныхъ бутылки на своеобразныхъ четырехъ коляскахъ, напоминая собой черепахъ. «Повсюду», гласитъ надпись на лѣвой сторонѣ горы съ указательнымъ перстомъ, указующимъ на ея вершину. Вдоль всей горы, сверху донизу, идетъ слѣдующій текстъ, воспроизведенный колоссальнымъ шрифтомъ: «достигаютъ наивысшаго въ свѣтѣ распространенія въ 4.013,684 бутылки въ 1903 году; отмѣнно высокое качество шампанскаго бѣлой головки фирмы Моэтъ и Шандонъ никогда не измѣняется; почему??? потому, что они владѣютъ бѣлымъ количествомъ виноградинокъ, нежели всѣ прочія фирмы, вмѣстѣ взятая, а это обезпечиваетъ продолженіе существованія наивысшаго качества шампанскаго съ бѣлой головкой. Жоржъ Кесслеръ и Комп., единственные импортеры, Нью-Йоркъ».

Конечно, эта категорія объявленій въ газетахъ и журналахъ Соединенныхъ Штатовъ, т. е. относящихся къ пиву, вину и т. п., представляется самой неинтересной.

Болѣе интересной оказывается категорія объявленій объ изданіяхъ разнаго рода, какъ-то: книгахъ, сборникахъ, альбомахъ и журналахъ. Вотъ, напр., по случаю происходившей всемірной выставки въ Сень-Луи издается фотографическій альбомъ ея видовъ. «Эйну» озаглавлено огромнѣйшимъ шрифтомъ газетное объявленіе объ этомъ изданіи, идущее во всю длину газетнаго листа и снабженное изображеніемъ мужчины, женщины и дитяти въ оригинальныхъ одѣяніяхъ, напоминающихъ пестрые халаты.

Подписи подъ этими тремя фигурами поясняютъ, что имена ихъ: Гимамура (мужчина), Шутратека (женщина) и (маленькій) Кико и что они изъ Японіи. Затѣмъ идетъ нижеслѣдующій текстъ: «Эйну это первобытные обитатели Японіи; они находились уже тамъ, когда туда пришли японцы, но теперь ихъ уцѣлѣло всего лишь нѣсколько тысячъ. Они вполнѣ замѣчательные дикари. Слово «эйну» означаетъ «человѣкъ». Они не вѣрятъ въ существованіе ада; у нихъ нѣтъ законовъ, нѣтъ тюремъ; они никогда не смѣются громко; между ними неизвѣстно самоубійство; они никогда не моютъ, не причесываютъ и не стригутъ волосъ, а потому и извѣстны подъ именемъ «волосатаго народа». Они презираютъ трусость, уважаютъ старость, и ихъ женщины любятъ своихъ дѣтей, но, странно сказать, не присматриваютъ за ними. Они никогда не покидаютъ своего родного острова Иезо, расположеннаго на крайнемъ сѣверѣ. Ихъ пришлось привезти на всемірную выставку при посредствѣ особаго уполномоченнаго, которому пришлось для сего воспользоваться существенной помощью японскаго правительства. Однако они находятся здѣсь — нѣсколько ихъ: мужчины, женщины и дѣти, занимая свое мѣсто въ этомъ изумительномъ мірѣ въ миньятюрѣ на всемірной выставкѣ въ Сентъ-Луи. Если вы посѣтите выставку, вы будете видѣть эйну и иностранцевъ со всѣхъ концовъ земного шара—филиппинцевъ, японцевъ, китайцевъ, патагонцевъ, аляскинцевъ, эскимосовъ, богемцевъ, египтянъ, мексиканцевъ, индѣйцевъ, русскихъ, испанцевъ, тирольцевъ, швейцарцевъ и т. д. и т. д. Всѣ они находятся тамъ. Но если вы не можете туда отправиться, дабы ихъ видѣть, то мы доставимъ ихъ къ вамъ и расскажемъ вамъ все положительно о нихъ въ этой роскошной серіи фотографическихъ снимковъ съ видовъ всемірной выставки».

Газетныя и журнальныя объявленія о разнаго рода проектированныхъ, заканчиваемыхъ печатаніемъ или новоизданныхъ словаряхъ, энциклопедическихъ словаряхъ и энциклопедіяхъ по своимъ размѣрамъ, витіеватости слога, зазывательнымъ ухищреніямъ, увѣреніямъ о дешевизнѣ и наконецъ заманчивости условій ихъ пріобрѣтенія съ разсрочкой платежа превосходятъ собой всѣ иныя публикаціи этого сорта, т. е. относящіяся къ издательскому дѣлу вообще.

Они далеко уступаютъ однако объявленіямъ о патентованныхъ медикаментахъ во многихъ отношеніяхъ, въ особенности по части сногшибательности слога, зазывательскимъ ухищреніямъ и изворотамъ и дерзкимъ маневрамъ къ уловленію страдающаго покупателя.

Представьте себѣ отрядъ пѣхоты, выстроившійся въ плотныя шеренги, присѣвъ на одно колѣно, и готовый ударить въ штыки, между тѣмъ клубы пушечнаго дыма витаютъ надъ его головами.

«Японія и Россія» гласить надпись крупнымъ шрифтомъ подъ этимъ изображеніемъ отряда японской арміи. «На боевой линіи», читаемъ далѣе меньшимъ шрифтомъ. «Дѣйствительная схватка,— начинается самый текстъ объявленія,— является кризисомъ войны. Всѣ тяжести быстрыхъ переходовъ, утомительныхъ ученій и всяческихъ лишеній представляются лишь средствомъ для этой цѣли, дабы солдатъ былъ готовъ къ бою въ надлежащемъ мѣстѣ и въ надлежащій моментъ. Отвага на бранномъ полѣ болѣе видна и обыкновенно оцѣнивается по достоинству, но есть въ то же время много истинныхъ героевъ, которые никогда не «нюхали пороха», а лишь поддались болѣзни и инымъ превратностямъ войны. Больной и расслабленный человѣкъ точно также не на своемъ мѣстѣ въ житейской борьбѣ, какъ былъ бы онъ и на бранномъ полѣ, а съ другой стороны, сильный, могучій человѣкъ, жилы котораго полны чистой, богатой крови, обладаетъ огромными преимуществами, какое бы положеніе ни суждено было ему занимать, на войнѣ ли, или въ дѣловой жизни.

«Кровь скажется». Это аксіома, которая во всѣ вѣка никогда не была пустою фразой. Всякій человѣкъ, который совершаетъ отважный, героическій поступокъ, носитъ въ своихъ жилахъ кровь того качества, которое ободряетъ и поддерживаетъ его. Представляется безразличнымъ, унаслѣдовалъ ли онъ эту кровь отъ цѣлой линіи знаменитыхъ предковъ, или же непосредственно отъ родителей своихъ, обладавшихъ крѣпкимъ и здоровымъ тѣлосложеніемъ, которыхъ единственнымъ отличіемъ является честный трудъ и простая, добродѣтельная жизнь: во всякомъ случаѣ чистая кровь является наилучшей гарантіей противъ болѣзней всякаго рода. Та гарантія, какую кровь даетъ противъ зародышей болѣзни, представляется одной изъ тайнъ современнаго медицинскаго искусства. Признано вообще и повсемѣстно, что кровь обладаетъ этимъ качествомъ, и единственнѣйшимъ вопросомъ, занимающимъ умы ученыхъ въ этомъ отношеніи, представляется лишь то, гдѣ именно это качество заключается...»

Послѣ цѣлаго еще столбца подобныхъ же доводовъ якобы научно-медицинскаго свойства приводится личное свидѣтельство лица, бывшаго въ военной службѣ и раненаго въ битвѣ въ легкое навзлетъ, какъ этотъ столь тяжело раненый воинъ послѣ цѣлаго ряда лѣтъ нестерпимыхъ страданій совершенно излечился наконецъ отъ своего тяжелаго недуга послѣ употребленія всего лишь двухъ бутылокъ рекомендуемой микстуры.

А вотъ иное медикаментское объявленіе, оглавленіе коего, воспроизведенное колоссальнымъ шрифтомъ, гласитъ: «Пожирается огонь, какого вода не угаситъ». Подъ нимъ женская рука, обьятая пламенемъ и испарапанная другой рукой, пытающейся сбить огонь. «Только тѣ,— читаемъ въ текстѣ,— которые испытали страш-

ную чесотку и ужасное воспаленіе экземы, въ состояніи знать, что значитъ быть пожираемымъ воспламененными, огненными кислотами, вылетающими изъ поръ кожи. Нѣтъ иной назожной болѣзни, которая по своей суровости могла бы сравняться съ экземой»... Въ заключеніе объявляется, конечно, что такое-то патентованное медицинское средство представляется единственнымъ путемъ излеченія отъ этой ужасной болѣзни, и приводится личное свидѣтельство якобы долго страдавшаго этой болѣзью, какъ по слѣдствію употребленія девяти бутылокъ даннаго медикамента онъ отъ нея совершенно излечился.

А вотъ въ овальной рамкѣ, очевидно воспроизводящей собой зеркало, виднѣется весьма миловидная молодая женщина. Внизу рамки стоятъ подлинныя ея имя и фамилія. «Что видѣла она въ зеркалѣ?» таково оглавленіе сего объявленія, текстъ котораго слѣдуетъ. «Она стояла передъ зеркаломъ въ своемъ будуарѣ. Дѣвушка, которую видѣла она тамъ, имѣла превосходно округленныя лицо и фигуру, выразительные глаза и щеки свѣжести розы; ея волосы были кудрявы и прекрасны. Она выглядѣла здоровой и сильной. Причину она приводитъ въ собственномъ своемъ письмѣ, которое слѣдуетъ»... Само собою разумѣется, что причиной такой является употребленіе извѣстнаго медицинскаго средства, которому и посвящается затѣмъ цѣлый рядъ газетныхъ столбцовъ.

А вотъ молоденькая японка, съ видимымъ упоеніемъ опорожняющая крохотную чашку чая. «Чашка чая въ старой Японіи» — стоитъ подъ рисункомъ. «Употребленіе возбуждающихъ напитковъ, дабы подтянуть утомленную и расшатанную нервную систему, становится черезчуръ обыкновеннымъ въ эти дни конкуренціи и истощающихъ дѣловыхъ хлопотъ и заботъ», читаемъ далѣе. Результатомъ двухъ столбцовъ подобнаго текста является, конечно, выводъ, что для укрѣпленія своей нервной системы и поддержанія здоровья вообще женщины должны употреблять не чай или кофе, а данныя патентованные медикаменты, причемъ, конечно, приводится точно также личное свидѣтельство одной такой страдавшей и исцѣлившейся.

Слѣдуетъ замѣтить здѣсь, что за всѣ эти личныя свидѣтельства, за ничтожными исключеніями завѣдомо ложныя, уплачивается отъ 2 до 5 долларовъ безъ фотографіи и отъ 4 до 10 долларовъ съ фотографіей. Кто вѣдь въ самомъ дѣлѣ можетъ да и захочетъ доказать, что такой-то вовсе не былъ боленъ или что такая-то вовсе не исцѣлилась?

Наконецъ еще одно объявленіе того же сорта—настолько интересное, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести его чуть не цѣликомъ, тѣмъ болѣе, что этотъ перлъ объявительской литературы «страны свободы» вовсе не страдаетъ длиннотой. Объявленіе въ два неполныхъ газетныхъ столбца, okay-

млено изображеніемъ восхитительнаго купидончика, утопающаго въ массѣ розъ и къ обоемъ ушамъ приткнувшаго огромныя для него телефонныя трубки; на одномъ концѣ телефоннаго провода возсѣдаетъ въ креслѣ молодой человекъ, а на другомъ—молодая дѣвушка; оба держатъ у уха телефонныя трубки; выраженіе лица молодого человека—довольное, а молодой дѣвушки—лукаво-восхищенное. Текстъ сего литературнаго произведенія слѣдуетъ.

ТЕЛЕФОННОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Объясненіе купидона.

«Здравствуйте, центральная станція! Соедините меня съ номеромъ 663-мъ главной линіи».—«Хорошо».—«Здравствуйте! Кто это, госпожа Поиндекстеръ?»—«Да».—«Что маленькій богъ любви говорить съ вами. Вѣдь вы узнали мой голосъ въ ту же минуту, не правда ли?»—«Да».—«Вы, конечно, считаете меня дорогимъ другомъ за то, что я для васъ сдѣлалъ?»—«Конечно».—«Отлично, вы, вѣдь, знаете, что л-ю-б-о-в-ь еще не означаетъ брака. Есть еще много прорѣхъ между чашкой и губами. Не думаете ли вы, что я позвалъ васъ для того, чтобы съ вами ссориться? Совсе нѣтъ. Все, чего я отъ васъ желаю, это чтобы вы сдѣлали себя «подходящей». Позвольте вашему дядюшкѣ дать вамъ нѣкоторый совѣтъ. Когда женщина нервна, раздражительна, почти что въ истерическомъ состояніи, то смѣется, то пускается въ слезы безъ достаточнаго повода, она должна ободриться, пребывать на чистомъ воздухѣ, вдыхать укрѣпляющій кислородъ и всякими иными путями привести свое тѣло въ такое физическое состояніе, чтобы она могла гордиться своей женской мощью и имѣть силы нести тяготы жизни. Что? Вы считаете меня очень забавнымъ! Такъ позвольте же мнѣ доложить вамъ, что сей Купидонъ по временамъ не имѣетъ ровно никакого дѣла по той простой причинѣ, что молодья дѣвушки настолько слабы и настолько деликатнаго здоровья, что не представляются «пригодными». Вы не знаете, дорогая, о чемъ я говорю? Ну, такъ я вамъ попросту скажу, что, если бы я былъ молодымъ человекомъ и обнаружилъ, что молодая женщина, за которой я приударяю, постоянно больна, недомогаетъ, блѣдна, страдаетъ разными слабостями, присущими женскому полу, я бы не сталъ долго съ этимъ мириться. Послѣдуйте же совѣту маленькаго врача Купидона и укрѣните себя любимымъ рецептомъ доктора Пирсъ, средства, прописываемаго именно для подобныхъ случаевъ, какъ съ вами, этимъ врачомъ, извѣстнымъ по всему свѣту».

Мѣсто для Купидона.

Купидонъ не находитъ себѣ мѣста въ сердцѣ дѣвушки, разъ она нервна и раздражительна, чувствуетъ себя истомленной и надломленной, не находя никакихъ для того причинъ. Въ подобныхъ случаяхъ тѣло ея нездорово. Нервность и прочіе симптомы передаются нервами какъ по телеграфу всему тѣлу,—ибо нервы являются телеграфной системой человѣческаго тѣла,—требуя должнаго вниманія для больной части. Боль въ спинѣ, припадки изнеможенія и черные круги подъ глазами являются лишь симптомами...

Какъ помочь молодымъ дѣвушкамъ.

«Переходъ отъ дѣвчества къ женской зрѣлости обнимаетъ собою все тѣло, онъ сказывается въ голосѣ и въ состояніи нервной системы», говоритъ докторъ Пирсъ. «Онъ долженъ быть постепеннымъ и въ дѣйствіи своемъ подобенъ постепенному переходу ко сну. Благодаря нынѣшнему образу жизни, однако, нервная энергія молодыхъ дѣвушекъ напряжена, такъ что недостаетъ питанія для тканей, нервовъ и крови, а потому молодая дѣвушка вянетъ, какъ цвѣтокъ въ смрадномъ воздухѣ. Затягиваніе въ корсетъ является другой причиной подобнаго состоянія. Давленіе на элементы, изъ которыхъ образуется кровь, можетъ быть черезчуръ велико. Неупорядоченность спеціально женскихъ функцій всегда является послѣдствіемъ недостаточнаго питанія. Гигіеническія мѣры чрезвычайно важны. Свѣжій воздухъ и солнечное сіяніе въ подобныхъ случаяхъ болѣе необходимы, чѣмъ когда бы то ни было, и я обнаружилъ, что въ таковыхъ мой «любимый рецептъ» является тѣмъ именно овощнымъ тоническимъ средствомъ, въ какомъ женская система въ это время нуждается».

Совершенно особую категорію газетныхъ и журнальныхъ объявленій составляютъ въ Соединенныхъ Штатахъ такъ называемыя редакціонныя объявленія. Да не подумаетъ, однако, мой благосклонный читатель, что это суть объявленія самихъ редакцій разныхъ періодическихъ изданій по предметамъ, относящимся къ ихъ компетенціи и кругу ихъ дѣятельности. Вовсе нѣтъ. Это суть тѣ же объявленія, но только писанныя не какимъ-либо изъ числа спеціальныхъ «писателей объявленій», нынѣ въ «странѣ свободы» уже довольно значительнаго, и публикуемыя не отъ имени самихъ объявителей, а составленныя самой редакціей даннаго періодическаго изданія, въ видѣ спеціальной статьи или даже передовой, и публикуемыя въ качествѣ таковыхъ. Виды такъ называемыхъ редакціонныхъ объявленій, за которыя уплачиваются объявителями

особо высокія цѣны, настолько разнообразны, что представляется совершенно невозможнымъ здѣсь съ нѣкоторой обстоятельностью о нихъ распространяться. Слѣдуетъ однако сказать, что въ отношеніи патентованныхъ медикаментовъ (очевидно, въ виду совершенной спеціальности предмета) роль редакціи изданія въ такъ называемомъ редакціонномъ объявленіи обыкновенно ограничивается лишь простымъ примѣчаніемъ ея подѣ текстомъ обыкновеннаго объявленія, печатаемаго отъ имени самого объявителя, въ родѣ нижеслѣдующаго:

«Редакціонное примѣчаніе. Насколько великъ успѣхъ «болотнаго корня» по части быстрого излеченія самыхъ тяжелыхъ видовъ болѣзней почекъ, печени и мочевого пузыря, что въ доказательство удивительныхъ качествъ этого цѣлебнаго средства вы можете получить по почтѣ, совершенно бесплатно, пробную бутылку этого средства вмѣстѣ съ книгой, заключающей въ себѣ цѣныя свѣдѣнія. Книга эта включаетъ въ себѣ многія тысячи свидѣтельскихъ писемъ, полученныхъ отъ исцѣлившихся мужчинъ и женщинъ. Достоинства и успѣхъ «болотнаго корня» настолько общеизвѣстны, что мы совѣтуемъ нашимъ читателямъ затребовать себѣ пробную бутылку. Посылая свой адресъ г-дамъ д-ръ Килмеръ и Комп., гор. Бингамтонъ штата Нью-Йоркъ, не премините упомянуть, что вы узнали объ этомъ щедромъ предложеніи изъ «Вашингтонской Утренней Почты». Собственники этой газеты гарантируютъ вамъ дѣйствительность этого предложенія».

Однако обыкновенно такъ называемыя редакціонныя объявленія пишутся кѣмъ-либо изъ состава или, выражаясь чисто по-американски, штаба газеты либо журнала по заказу желѣзнодорожныхъ либо пароходныхъ обществъ, компаній для разработки, распродажи и размежеванія новопріобрѣтенныхъ земельныхъ участковъ, нерѣдко заключающихъ въ себѣ сотни тысячъ акровъ, городскихъ управленій, морскихъ курортовъ, разныхъ лѣтнихъ убѣжищъ въ горахъ и т. п. Цѣлью ихъ естественно является привлеченіе публики къ поѣздкамъ по данной желѣзнодорожной либо пароходной линіи, къ пріобрѣтенію на предметъ постоянной осѣлости данныхъ земельныхъ участковъ, къ поселенію въ пригородахъ данныхъ городовъ, къ посѣщенію данныхъ курортовъ и т. п. Общества и компаніи для сооруженія жилыхъ домовъ для частныхъ лицъ и семействъ, съ разсрочкой платежа, въ Соединенныхъ Штатахъ крайне многочисленны и обладающія громадными капиталами, представляются една ли не наиболѣе щедрыми заказчиками подобныхъ, такъ называемыхъ, редакціонныхъ объявленій или, точнѣе говоря, статей-объявленій. Нерѣдко то же самое общество по сооруженію жилыхъ зданій, пріобрѣвъ громадный земельный участокъ по дешевой цѣнѣ или даже за безцѣнокъ, становится такимъ образомъ въ то же время и «обществомъ земель-

ной собственности» и не только предлагаетъ необычайно заманчивыя условія для пріобрѣтенія усадебъ съ жилыми на нихъ домами, но точно также и бесплатныя экскурсіи для обозрѣнія таковыхъ по желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ. Съ другой стороны, также нерѣдко сами желѣзнодорожныя общества пріобрѣтаютъ цѣлыя земельныя районы вдоль существующихъ или новопролагаемыхъ своихъ линій и для привлеченія населенія изъ ближайшихъ и даже болѣе отдаленныхъ мѣстностей къ осѣданію въ новопробрѣтенныхъ ими районахъ предлагаютъ публикѣ баснословно заманчивыя условія для поселенія въ таковыхъ. Слѣдуетъ замѣтить также, что въ движеніи населенія въ опредѣленныхъ направленіяхъ заинтересованы не только разныя вышепоименованныя общества и компаніи, но точно также и держатели гостиницъ, экипажей и т. д. разныхъ городовъ. Какъ это ни покажется страннымъ и даже изумительнымъ русскому читателю, въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ къ интересамъ гостиницъ, извознаго промысла, лавочной торговли и т. д. присоединяются также и интересы... какъ бы вы думали: чьи интересы?—интересы духовенства. Именно: увеличеніе числа бракосочетаній, за которыя въ «странѣ свободы» уплачивается священникамъ, вообще говоря, солидное вознагражденіе. Дѣло въ томъ, что для совершенія обряда бракосочетанія, церковнаго ли, или гражданскаго, законы разныхъ штатовъ одинаково и безразлично требуютъ представленія духовному или гражданскому лицу, уполномоченному совершать означенный обрядъ, особаго разрѣшительнаго на вступленіе въ бракъ свидѣтельства, выдаваемого каждой данной парѣ уполномоченными на то судебными или административными органами. Однако въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, число которыхъ, впрочемъ, все болѣе и болѣе уменьшается, подобнаго представленія разрѣшительнаго на вступленіе въ бракъ свидѣтельства для совершенія обряда бракосочетанія вовсе не требуется, а потому священники имѣютъ право совершать этотъ обрядъ по собственному своему усмотрѣнію, принимая на вѣру собственныя заявленія брачующихся о ихъ возрастѣ и несостояніи въ бракѣ. Несмотря на всю легкость вступленія въ бракъ въ Соединенныхъ Штатахъ, въ этой странѣ ежегодно вѣнчается «уходомъ» великое множество паръ всѣхъ возрастовъ и общественныхъ положеній, главнѣйшимъ образомъ однако совершенныхъ еще юнцовъ, не сморгшихъ добиться требующагося родительскаго разрѣшенія и успѣвшихъ ускользнуть отъ бдительнаго родительскаго ока. Вся эта армія естественно устремляется въ тѣ мѣстности или, точнѣе говоря, города, въ которыхъ или вовсе не требуется по закону означеннаго разрѣшительнаго свидѣтельства, или же за совершенной неизвѣстностью жаждущихъ вступить въ бракъ представляется возможнымъ для нихъ дать ложныя показанія объ ихъ возрастѣ, или же просто, наконецъ,

оказывается удобнымъ избѣжать родительской погони. На этомъ движеніи въ опредѣленныхъ направленіяхъ, въ особенности въ опредѣленные времена года, зашибаютъ деньгу желѣзныя дороги, пароходы, гостиницы, извозчики, лавочники и наконецъ въ особенности священники, до такой степени, что эти послѣдніе либо держатъ на комиссіонныхъ началахъ на станціяхъ опредѣленныхъ, своихъ извозчиковъ, либо даже сами находятся на комиссіи у желѣзнодорожныхъ обществъ, дежуря въ опредѣленные часы дня или ночи на станціяхъ.

Изъ вышеизложеннаго обнаруживается, что поле для заказа «редакціонныхъ» объявленій представляется весьма обширнымъ и крайне благодарнымъ. Обыкновенно эти такъ называемыя редакціонныя объявленія составлены столь искусно и столь тонко, что человѣкъ, даже весьма интеллигентный, но не посвященный во всё своеобразныя особенности американской жизни, американской дѣловой дѣятельности и американскаго бытового уклада, и не подозреваетъ, что данная статья, данный очеркъ, данный рассказъ является однимъ изъ подобныхъ объявленій. Мы ограничиваемся здѣсь приведеніемъ лишь одного образчика подобнаго литературнаго произведенія, предоставляя самому читателю судить, по чѣму именно заказу таковое написано, и поясняя, что оно появилось текущей весной въ главной ежедневной газетѣ столицы Соединенныхъ Штатовъ. Къ сказанному не мѣшаетъ прибавить, что способъ оглавленія этой статьи есть обыкновенный американскій способъ, общепринятый во всѣхъ американскихъ газетахъ и многихъ еженедѣльныхъ изданіяхъ.

ГИМЕНЕЙ, КУШДОНЪ И КОМПАНИЯ.

Роквильская вѣтвь старой фирмы ведетъ большое дѣло.

Вашингтонъ ея главнѣйшій клиентъ.

Священники и должностныя лица этого города штата Мэрилендъ образуютъ эту «компанію». Преподобный г-нъ Локэ, одинъ изъ главныхъ ея членовъ, сообщаетъ нѣкоторые интересные случаи, происшедшіе при веденіи дѣла. Бойкая весенняя торговля.

— Послушайте!—воскликнулъ агентъ роквильской станціи балтиморско-огайской желѣзной дороги, едва молодой человѣкъ и дѣвушка вышли изъ вагона и ступили на станціонную платформу:— вы ищете священника?

— Да, милостивый государь, — пробормоталъ юнецъ, изумленный, но въ то же время обрадованный представляющеюся возмож-

ностью воспользоваться посторонней помощью: — не знаете ли вы, гдѣ бы я могъ его найти?

— А вотъ здѣсь, въ самой конторѣ станціи,—отвѣчалъ предупредительный агентъ:—стоитъ лишь войти.

Бѣглецы были представлены священнику, который случайно тамъ находился. Этотъ послѣдній далъ имъ наставленія, какъ раздобыть разрѣшительное свидѣтельство, и вскорѣ было приступлено къ совершенію обряда бракосочетанія. Они прибыли въ Роквилъ изъ Вашингтона съ поѣздомъ, приходящимъ на эту станцію въ часъ и 34 минуты пополудни, а съ ближайшимъ поѣздомъ, отходящимъ изъ Роквиля въ Вашингтонъ, а именно въ 2 часа и 32 минуты, они отбыли обратно, не только соединенные узамъ тайнаго брака, но и сверхъ сего успѣвъ еще до нѣкоторой степени осмотрѣть достопримѣчательности города.

Священникъ, совершавшій обрядъ этого внезапнаго бракосочетанія, былъ преподобный В. Ф. Локэ, пасторъ методистской епископальной церкви въ южномъ Роквилѣ. Будучи навѣщенъ въ своемъ домѣ, который въ теченіе цѣлой четверти вѣка является приходскимъ домомъ этой церкви, г-нъ Локэ сказалъ:

— Да, я, полагаю, повѣнчалъ не мало-таки бѣглыхъ паръ въ теченіе двухъ лѣтъ, какъ я живу въ этомъ городкѣ. Конечно, сотни молодыхъ людей и дѣвицъ сочетались бракомъ въ этой комнатѣ. Видите ли, суду не дозволяется показывать въ чемъ-либо пристрастія. Если при выборкѣ разрѣшительнаго свидѣтельства парочка проситъ священника опредѣленнаго исповѣданія, то она и направляется судомъ къ таковому. Когда, однако, парочка не проситъ священника опредѣленнаго исповѣданія, то судебные чиновники стараются распределить эти бѣглыя пары по возможности поровну между всѣми священниками городка.

— Однако мы сталкиваемся съ этими бѣглыми парочками разными странными путями,—продолжалъ г-нъ Локэ.—Напримѣръ, я ожидаю сегодня пополудни нѣкую молодую парочку, съ которой, или, точнѣе говоря, съ однимъ молодымъ человѣкомъ я встрѣтился совершенно случайно. Когда я былъ въ городѣ вчера, ко мнѣ подошелъ молоденькій мальчикъ и попросилъ меня направить его къ какому-нибудь священнику.

— Я самъ священникъ,—отвѣтилъ я:—что вамъ угодно?

— Я желаю сочетаться бракомъ,—отвѣтилъ онъ, краснѣя до корней волосъ:—не можете ли вы сказать мнѣ, какъ это устроить?

— Конечно,—отвѣтилъ я:—прежде всего вы должны раздобыть невѣсту.

— О, она у меня уже есть — отвѣтилъ онъ: — только она въ Вашингтонѣ, я не привезъ ее сюда сегодня.

— Затѣмъ,—продолжалъ я,—вы должны получить разрѣшительное свидѣтельство и если дѣвушка, на который вы желаете жениться, моложе шестнадцати лѣтъ, вы должны доставить письменное согласіе ея родителей на этотъ бракъ.

— О, этому требованію я не могу удовлетворить—воскликнулъ онъ:—но ей шестнадцать, такъ что все въ порядкѣ.

— Я условился съ нимъ, что онъ придетъ сюда, въ приходскій домъ, сегодня. Онъ, видимо, безпокоился насчетъ полученія разрѣшительнаго свидѣтельства и попросилъ меня, не дамъ ли я ему рекомендательнаго письма къ секретарю суда, дабы онъ могъ навѣрняка получить таковое. Я сказалъ ему, что разъ судебные чиновники увидятъ представленнымъ серебряный долларъ за свидѣтельство, то все устроится въ порядкѣ. Его заботило, сколько я возьму за бракосочетаніе, и онъ спросилъ меня объ этомъ.

— Ну,—сказалъ я смѣясь,—этого я не могу вамъ сказать до тѣхъ поръ, пока не увижу невѣсты, однако могу васъ увѣрить, что изъ-за меня вы не станете банкротомъ.

— Конечно,—продолжалъ преподобный г-нъ Локэ:—мы увидимъ еще, придутъ ли они, или нѣтъ.

— Значить, у васъ иногда дѣло не выгораетъ? Иногда случается задержка?

— О, конечно, — послѣдовалъ отвѣтъ:—мы часто являемся совершить бракосочетаніе, но брачующихся не оказывается, когда придетъ назначенное время. Вчера должно было состояться бракосочетаніе въ этой комнатѣ, но оно не состоялось. Однако сегодня утромъ я получилъ отъ жениха письмо, въ которомъ выясняются причины, замедленія и таковое отложено до сегодняшняго вечера.

— Это бракосочетаніе,—продолжалъ преподобный г-нъ Локэ,—выпало на мою долю совершенно случайно. Я стоялъ на крыльцѣ зданія суда позавчерашняго дня, разговаривая съ однимъ изъ своихъ пріятелей, какъ ко мнѣ подошелъ проходившій мимо мужчина и спросилъ меня, гдѣ находится судъ.

— Вы стоите какъ разъ передъ зданіемъ суда,—отвѣтилъ я.

— Не можете ли вы сказать мнѣ, гдѣ могу я получить разрѣшительное на вступленіе въ бракъ свидѣтельство?— снова спросилъ онъ.

— Это зависитъ отъ того, къ какому священнику вы желаете обратиться,—отвѣтилъ я.

— Вы не священникъ ли?—спросилъ онъ.

— Да,—отвѣтилъ я.

— Видите ли, я не самъ собираюсь вступить въ бракъ, а лишь стараюсь помочь своимъ друзьямъ устроить бракосочетаніе.

Они—католики, но, я полагаю, это будетъ все равно, если ихъ обвѣнчаетъ и протестантскій священникъ.

На вопросъ, дѣлаетъ ли онъ когда-либо бѣглымъ парочкамъ какія-либо внушенія, преподобный г-нъ Локэ отвѣтилъ, что нѣтъ. Не рѣшается пренятствовать.

— У меня былъ въ мои молодые годы горькій опытъ по этой части,—сказалъ онъ,—вслѣдствіе котораго я порѣшилъ никогда не дѣлать впредь брачующимся никакихъ внушеній, разъ всѣ законныя требованія ими удовлетворены. Дочь одной дамы, которая была однимъ изъ столповъ моего прихода, желала обвѣнчаться съ молодымъ человѣкомъ, который въ особенности не нравился ея матери.

Она и ея любовникъ принялись устраивать тайное бракосочетаніе, и она пришла ко мнѣ попросить, чтобы я совершилъ таковое. Я попросилъ ее дать мнѣ возможность переговорить съ ея матерью, на что она, конечно, не согласилась. Я пояснилъ ей, что я желаю лишь сказать ея матери о томъ, что происходитъ.

— А затѣмъ,—сказалъ я:—если даже она и станетъ тому препятствовать, я все-таки васъ обвѣнчаю. Я желаю лишь, чтобы позволили мнѣ сказать ей объ этомъ.

Такъ какъ дѣвушка ни за что на это не соглашалась, то я чувствовалъ себя обязаннымъ по совѣсти отказаться отъ совершенія бракосочетанія. Въ результатѣ они отправились къ другому священнику и были имъ обвѣнчаны, а между тѣмъ мать невѣсты была настолько возбуждена противъ меня за подобный отказъ, что со мной не говорила нѣсколько мѣсяцевъ.

— Часто случается вамъ сталкиваться съ разъяренными родителями бѣглыхъ паръ?

— Иногда,—отвѣтилъ онъ,—даже вотъ недавно, выйдя на раздавшійся звонокъ отворить дверь моей квартиры, я впустилъ нѣкоего взбѣшеннаго господина.

— Вы священникъ, который обвѣнчалъ мою дочь? — грозно спросилъ онъ.

— Я не могу сказать вамъ, сударь,—отвѣтилъ я:—пока мѣсть я не узнаю, кто такая ваша дочь.

Онъ выдернулъ изъ кармана брачное свидѣтельство и показалъ мнѣ мою подпись.

— Это ваша подпись, сударь? —спросилъ онъ.

— Такъ точно, —отвѣтилъ я, — и если это ваша дочь, то я тотъ священникъ, который ее обвѣнчалъ.

Тутъ онъ началъ меня разносить, заявляя между разными иными вещами, что молодой человѣкъ солгалъ насчетъ ея возраста и что ей нѣтъ еще шестнадцати лѣтъ.

Я отвѣтилъ ему, что все это вовсе меня не касается и что онъ долженъ все это уладить съ молодымъ человѣкомъ. Они, молъ, пришли ко мнѣ съ разрѣшительнымъ свидѣтельствомъ, и я имѣлъ полное право ихъ обвинять. Если же они дали неправильныя показанія о своемъ возрастѣ въ канцеляріи суда, то ихъ бракъ является незаконнымъ. Это, повидимому, навело его на нѣкую мысль.

— Знаете ли,—сказалъ онъ:—я полагаю, я возвращусь домой и его арестую.

— Ну, я этого бы не сдѣлалъ,—возразилъ я:—не забывайте, что онъ вашъ зять.

— Но, ради Создателя, сударь—воскликнулъ онъ:—вѣдь она зарабатываетъ больше, нежели онъ! Она получаетъ цѣлыхъ 80 долларовъ въ мѣсяцъ въ конторѣ въ нашемъ городѣ!

Г-ну Локэ былъ заданъ затѣмъ вопросъ, почему именно столь много бѣглыхъ паръ прѣзжаетъ въ Роквилъ обвиняться: вслѣдствіе ли неполученія родительскаго согласія, или по какой-либо иной причинѣ.

— Я,—отвѣтилъ онъ,—никогда не былъ въ состояніи этого опредѣлить. Однако, я полагаю, что не въ этомъ причина. Я объясняю подобную популярность Роквиля въ этомъ отношеніи двумя соображеніями. Во-первыхъ, это нѣкоего рода модная фантазія, хотя я и не могу объяснить способа ея происхожденія, а во-вторыхъ, я дѣйствительно думаю, что многіе молодые люди просто не въ состояніи нести расходы, требующіеся для устройства свадьбы. Поэтому они и являются сюда, дабы, обвинчавшись здѣсь, избавиться отъ расходовъ, такъ что эта необходимость бѣжать является лишь предлогомъ. По крайней мѣрѣ ихъ приготовленія къ такому браку уходомъ подтверждаютъ мой выводъ.

Всегда почти они занасаются кольцомъ, хотя оно и не является абсолютно необходимымъ для совершенія обряда бракосочетанія.

Не такъ давно я обвинчалъ молодую парочку и послѣ того, какъ я объявилъ ихъ мужемъ и женой, молодой человѣкъ внезапно воскликнулъ: «Вотъ тебѣ на! А вѣдь кольцо у меня въ карманѣ. Что я стану съ нимъ дѣлать?»

— Надѣньте ей на палецъ,—сказалъ я:—вотъ и все.

— Конечно, иногда,—продолжалъ г-нъ Локэ—я совершаю бракосочетанія, которыя я не желалъ бы видѣть имѣющими мѣсто. Такъ, недавно явилась ко мнѣ молодая дѣвушка, ведя слѣпного старика, къ которому она по какой-то причинѣ восчувствовала любовь.

— Что касается платы за бракосочетаніе, какую бѣглыя парочки даютъ священнику, соединяющему ихъ узами супружества, то та-

ковая колеблется въ среднемъ между 3 и 5 долларами. Я получалъ отъ одного доллара до десяти. Однако размѣръ платы меня не интересуесть.

!?!?!?

— Потому что, — закончилъ преподобный г-нъ Локэ, вставая со своего мѣста, чтобы откланяться своей посѣтительницѣ, — вообще плата за совершеніе бракосочетаній, вы знаете, достается женѣ священника.

Маргарита Менеть.

Изъ вышеизложеннаго мой благосклонный читатель не могъ не убѣдиться, что система объявленій, утвердившаяся въ Соединенныхъ Штатахъ и изъ года въ годъ разрастающаяся съ почти немовѣрной быстротой, представляетъ собой неограниченное и крайне благодарное поле для злоупотребленій всякаго рода и самаго наглаго шарлатанства. Какъ мы видѣли уже, это послѣднее въ особенности процвѣтаетъ въ области объявленій о разныхъ патентованныхъ медицинскихъ средствахъ, якобы исцѣляющихъ отъ всевозможныхъ болѣзней. Не подлежитъ сомнѣнію, что подобныя злоупотребленія и подобное шарлатанство существуютъ точно также и въ иныхъ цивилизованныхъ странахъ. Нигдѣ, однако, на земномъ шарѣ таковыя не достигаютъ размѣровъ столь колоссальныхъ, не отличаются наглостью столь поразительной. Для уразумѣнія подобной колоссальности злоупотребленій системой объявленій вообще и объявленій газетныхъ и журнальныхъ въ частности, и особенно въ «странѣ свободы», необходимо принять во вниманіе характеристическія особенности ея государственнаго уклада. Этотъ послѣдній представляется укладомъ частнопровымъ, въ которомъ невмѣшательство государства въ экономическую жизнь и промышленную дѣятельность гражданъ доведено до самыхъ крайнихъ, почти абсурдныхъ предѣловъ, въ которомъ принципъ *laissez faire, laissez passer* въ его практическомъ примѣненіи граничитъ съ попустительствомъ со стороны правительства обмана и мошенничества всякаго рода. Въ то же время, если современный экономическій строй и представляется вообще ненормальнымъ и наибольшая его ненормальность заключается въ полномъ подчиненіи размѣровъ и способовъ производства частной спекуляціи и спекулятивнымъ интересамъ, то нигдѣ, ни въ одной странѣ на земномъ шарѣ права и прерогативы промышленной и коммерческой спекуляціи не представляются столь всеобъемлющими, столь всеподавляющими, столь священными, столь, если только можно такъ выразиться, самодержавными, какъ въ этой, такъ называемой, «странѣ свободы». Такимъ образомъ коренные недостатки утвердившейся въ Соединенныхъ Штатахъ системы объявленій и главнымъ образомъ

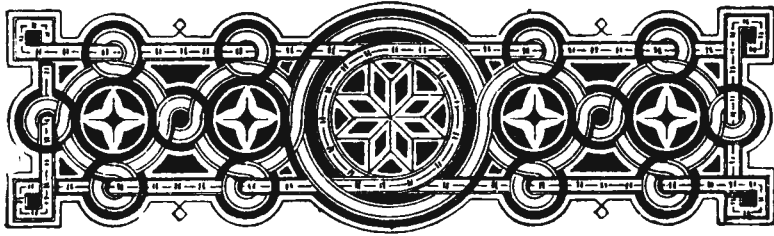
объявленій въ періодической печати, являются лишь простымъ, естественнымъ и болѣе или менѣе неизбежнымъ отраженіемъ ненормальнаго экономическаго строя этой страны, болѣе или менѣе отягчаемымъ основной чертой ея государственнаго уклада, выражающейся въ системѣ полнаго государственнаго невмѣшательства въ вышеозначенный строй и его функціи.

Разныя мѣры принимались въ иныхъ цивилизованныхъ странахъ къ пресѣченію и устраненію злоупотребленій посредствомъ припечатанія дутыхъ и фальшивыхъ объявленій. Мѣры эти, вообще говоря, сводятся къ двумъ категоріямъ: во-первыхъ, обложение всѣхъ вообще объявленій опредѣленнымъ налогомъ и, во-вторыхъ, воспрещеніе печатанія подобныхъ объявленій подѣ страхомъ наказанія. Такъ, напр., во Франціи всякія вообще афиши и объявленія о секретныхъ лекарствахъ были воспрещены двумя законами революціонной эпохи. Подобное же воспрещеніе существуетъ въ Пруссіи. Общегерманскій законъ 1896 года воспрещаетъ всякія фальшивыя заявленія въ публичныхъ объявленіяхъ, какъ-то: о качествахъ товара, способахъ его производства, причинахъ продажи и т. п. За нарушеніе означеннаго воспрещенія въ первый разъ виновные подвергаются штрафу и уплатѣ понесенныхъ ихъ конкурентами убытковъ, во второй разъ усиленному штрафу или даже тюремному заключенію. Что касается обложения публичныхъ объявленій всякаго рода особыми налогами, то таковыя существуютъ въ Великобританіи, Австріи, Франціи и Италіи. Не имѣя никакой возможности, по недостатку мѣста, войти въ разсмотрѣніе этой стороны нашего предмета, ограничимся здѣсь лишь общимъ замѣчаніемъ, что никакіе налоги не въ состояніи пресѣчь фальшивыхъ и мошенническихъ публикацій, для каковой цѣли они главнымъ образомъ и установлены. Единственной мѣрой, принятой въ этомъ направленіи въ Соединенныхъ Штатахъ, представляется изданный въ штатѣ Массачусетсъ законъ, подвергающій наказанію виновныхъ въ учиненіи ложныхъ заявленій въ публикуемыхъ ими объявленіяхъ. Такимъ образомъ законодатели этого маленькаго штата впервые отважились подвергнуть сомнѣнію и даже оспаривать священныя права и невыблемыя прерогативы самодержавной коммерціи «страны свободы» въ предѣлахъ его маленькой территоріи.

Въ заключеніе представляется необходимымъ отмѣтить еще одинъ результатъ столь колоссальнаго роста системы объявленій въ періодической печати Соединенныхъ Штатовъ. По мѣрѣ того, какъ эта послѣдняя все болѣе и болѣе становится орудіемъ промышленности, торговой и профессиональной практики, по мѣрѣ того, какъ ея роль, какъ распространительницы идей и просвѣти-

тельницы общества, все болѣе и болѣе упадаетъ, по мѣрѣ того, какъ ея доходы отъ объявленій начинаютъ все болѣе и болѣе превышать ея доходы отъ подписки и розничной продажи, по мѣрѣ того, короче говоря, какъ объявительская дѣятельность начинаетъ все болѣе и болѣе затмевать и, наконецъ, вытѣснять ея дѣятельность литературную, неизбѣжно происходитъ, или точнѣе говоря, произошла уже коренная перемѣна и въ организаціи, характерѣ и значеніи чисто редакціонной стороны дѣла. Нынѣшніе американскіе журналы и газеты, являясь почти исключительно уже предпріятіями коммерческими и черезчуръ мало предпріятіями литературными, пуше огня боятся чѣмъ-либо и какъ-либо задѣтъ и отшатнуть отъ себя своихъ объявителей, а потому литературная ихъ часть, все болѣе уменьшающаяся какъ въ своемъ относительномъ объемѣ, такъ и, въ особенности, въ своемъ относительномъ значеніи, подбирается и сортируется такимъ образомъ, чтобы угодить вкусамъ, понятіямъ, привычкамъ, наклонностямъ, предрасудкамъ, предубѣжденіямъ и низкому уровню познаній всемогущей, самодержавной коммерческой касты «страны свободы». Вотъ почему изъ ея печати нынѣ совершенно изгнано всякое честное и независимое мнѣніе, вотъ почему все болѣе и болѣе угасаютъ всякіе проблески истиннаго таланта, вотъ почему всѣ эти статьи и статейки во всѣхъ этихъ ея журналахъ и газетахъ носятъ на себѣ столь ясныя слѣды, такъ сказать, машиннаго литературнаго производства и, въ предѣлахъ одной и той же отрасли, такъ же похожи другъ на друга, какъ вытканныя на машинѣ фуфайки. По той же причинѣ роль редактора ежедневной газеты, еженедѣльнаго изданія и ежемѣсячнаго журнала въ этой «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» нынѣ представляется явно подчиненной и совершенно второстепенной. Директоръ издательской компаніи, ведущей изданіе, является для него той высшей редакціонной инстанціей, къ которой онъ обязанъ обращаться во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, т. е. тѣхъ случаяхъ, когда представляется какое-либо основаніе опасаться, что даннымъ литературнымъ трудомъ, одобреннымъ редакторомъ къ принятію, могутъ такъ или иначе быть задѣты «объявительскіе интересы», т. е. классъ объявителей вообще. Тотъ же директоръ можетъ во всякое время по собственному усмотрѣнію отмѣнить всякое вообще распоряженіе редактора, относящееся къ чисто редакціонной сторонѣ изданія. Всего значенія подобнаго перерожденія или, точнѣе говоря, вырожденія роли, значенія, вліянія и положенія редактора въ американской періодической печати, значенія какъ чисто литературнаго, такъ и общественнаго, не зачѣмъ объяснять.

Е. Н. Матросовъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Наказъ императрицы Екатерины II, данный комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія. Подъ редакціей Н. Д. Чечулина. Спб. 1907 г.

ВѢДНО изъ предисловія, академія наукъ, по предложенію А. С. Лаппо-Данилевскаго, идя навстрѣчу потребностямъ русской исторической науки, рѣшила предпринять научное изданіе важнѣйшихъ памятниковъ русскаго законодательства XVII—XIX вв. и, по мѣрѣ приготовленія, печатать ихъ отдѣльными выпусками въ видѣ особой серіи, подъ заглавіемъ: «Памятники русскаго законодательства 1649—1832 гг.». Изъ этой серіи первымъ выпущенъ «Наказъ императрицы Екатерины II». Но вмѣстѣ съ тѣмъ указано, что приготовляются къ печати слѣдующіе выпуски: «Уложеніе царя Алексѣя Михайловича», «Учрежденіе о губерніяхъ императрицы Екатерины II» и «Печатная кормчая 1650—1653 гг., изданная при патріархахъ Іосифѣ и Никонѣ».

Вновь вышедшій «Наказъ Екатерины II», изданный подъ редакціей Н. Д. Чечулина, по содержанію распадается на двѣ почти одинаковыя части: 1) на обширное введеніе (I—СІІV стр.) и 2) самый текстъ Наказа (1—166 стр.) съ дополненіями; въ качествѣ приложенія помѣщенъ «Генераль-прокурорскій наказъ при комиссіи о составленіи проекта новаго уложенія, по которому и маршалу поступать» (167—172). Въ концѣ указатель собственныхъ именъ и три снимка съ рукописи Наказа, писанной рукою императрицы Екатерины II.

Въ введеніи подробнѣйшимъ образомъ рассмотрѣнъ весь извѣстный рукописный матеріалъ, относящійся къ Наказу, именно рукописи, хранящіяся въ

академіи наукъ, государственномъ архивѣ, сенатѣ и Публичной бібліотекѣ. Всѣ эти рукописи полностью или въ тѣхъ частяхъ, которыя относятся къ тексту Наказа, обстоятельно, полистно описаны съ указаніемъ, какой части памятника соответствуетъ тотъ или другой листъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ описаніи напечатано полностью все то, относящееся къ Наказу, что находится въ рукописяхъ, но не вошло въ печатный текстъ. Такимъ путемъ, благодаря вариантамъ, указаннымъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ статьямъ текста, и благодаря указаніямъ во введеніи при описаніи рукописей, получается возможность возстановить процессъ работы Екатерины II надъ Наказомъ и разобратъ въ главныхъ измѣненіяхъ и разночтеніяхъ текста. Относительно императрицы Екатерины II и степени участія Козицкаго въ работахъ надъ Наказомъ, Н. Д. Чечулинъ, изучивъ всѣ рукописи, пришелъ къ такому заключенію: «все имѣющее какое-либо отношеніе къ Наказу въ черновикахъ писано сплошь рукою императрицы; ни въ рукописяхъ академіи наукъ, ни въ документахъ государственнаго архива мы не нашли ничего, что вошло бы впоследствии въ Наказъ и что было бы писано не рукою императрицы; мнѣніе объ участіи въ работахъ по Наказу Козицкаго должно быть сильно ограничено. Онъ переводилъ всегда только то, что уже написано было начерно самою императрицею» (введеніе, 122).

Въ введеніи же разсматривается вопросъ объ источникахъ Наказа. Здѣсь вопросъ разбирается не исторіографически и подробно, а прямо сообщаются окончательные результаты произведенныхъ ранѣе другими и самимъ редакторомъ (Ж. М. Н. Пр., 1902, апрѣль) изысканій; кромѣ Монтескье и Беккари, указываются, какъ источники, сочиненія нѣмецкихъ полицейстовъ, Бальфельда и Юсти, Энциклопедія и Кене. «Въ результатъ нашихъ наблюденій надъ источниками Наказа,—говоритъ Н. Д. Чечулинъ,—мы получаемъ: изъ числа 507 статей, содержащихся въ первыхъ 20 главахъ, т. е. составляющихъ собственно Наказъ,—мы не считаемъ 19 статей, составляющихъ только названія отдѣловъ,—заимствовано 408. Изъ всѣхъ 631 статьи заимствовано 469, т. е. три четверти всего числа статей; по объему же заимствовано не менѣе четырехъ пятыхъ. «Значеніе Наказа, какъ самостоятельнаго произведенія, такимъ образомъ, надо признать не весьма высокимъ. Нельзя утверждать, чтобы императрица Екатерина сама высказала въ немъ много замѣчательныхъ, цѣнныхъ мыслей». Однако это обстоятельство, по мнѣнію составителя введенія, не можетъ умалять значеніе Наказа. «Изданіе Наказа есть высоко замѣчательное дѣяніе Екатерины. . высоко замѣчательно стремленіе императрицы въ законодательной дѣятельности слѣдовать за передовыми умственными теченіями своего времени, поскольку они отразились въ лучшихъ научныхъ трудахъ эпохи»; «она понимала значеніе высокихъ идей и своимъ Наказомъ пыталась эти идеи распространить, сколько возможно» (введеніе, 144—146).

Самый текстъ Наказа напечатанъ въ два столбца: одинъ на русскомъ, другой на французскомъ языкѣ; внизу разночтенія текста и примѣчанія редактора.

Само собой понятно, что вновь изданный «Наказъ императрицы Екатерины» является лучшимъ изданіемъ памятника. Жаль только, что редак-

торъ въ столь обширномъ введеніи не нашелъ нужнымъ, если не критически разсмотрѣть, то хотя бы подробно перечислить прежнія изданія памятника; у него же мы встрѣчаемъ лишь случайныя и краткія замѣчанія о томъ (стр. 3 и 146). Вообще говоря, нельзя не привѣтствовать начинаній академіи наукъ въ дѣлѣ изданія важнѣйшихъ памятниковъ русскаго законодательства. Несомнѣнно, это изданіе принесетъ существенную пользу разработкѣ нашей отечественной исторіи. Желательно было бы только, чтобы дальнѣйшіе выпуски задуманной академіей серіи не заставили себя долго ждать.

М. К.

Проф. В. Нарбековъ. Третій областной историко-археологическій съѣздъ во Владимирѣ 1906 г., 20—26 іюня. Казань. 1907 г.

Молодой еще профессоръ казанской духовной академіи по кафедрѣ церковной археологіи и литургики, изслѣдователь «Номоканона константинопольскаго патріарха Фотія» (о немъ его главные труды: магистерская и докторская диссертации), В. А. Нарбековъ выступилъ въ своей новой небольшой книжкѣ, заглавіе которой мы выше привели, и которую онъ прислалъ въ редакцію «Историческаго Вѣстника» «для отзыва», строгимъ критикомъ и таковымъ же учителемъ всѣхъ россійскихъ историковъ и археологовъ, какъ настоящихъ, такъ и будущихъ. Держась строго того убѣжденія, что «изученіе мѣстной старины во всѣхъ ея формахъ должно составлять главную, если не исключительную, задачу (?) областныхъ историко-археологическихъ съѣздовъ» (стр. 144), онъ осудилъ дѣятелей первыхъ двухъ областныхъ съѣздовъ (ярославскаго и тверскаго), безпощадно напалъ на организаціонный комитетъ владимирскаго съѣзда, на своихъ же нѣсколькихъ однокашниковъ по его «alma mater» — владимирской духовной семинаріи, которой и посвящаетъ свой трудъ, — и строго предписалъ держаться его программы устроителямъ четвертаго областного историко-археологическаго съѣзда въ Костромѣ, имѣющаго быть въ 1909 году. Вѣдному организаціонному комитету владимирскаго съѣзда досталось даже и за то, что состоявшееся передъ открытіемъ молебствіе совершено было въ актовомъ залѣ мѣстной мужской гимназіи, гдѣ и происходили всѣ засѣданія, а не въ Успенскомъ соборѣ (стр. 8). Виноваты оказались устроители владимирскаго съѣзда и въ томъ, что обзоръ древностей въ Суздальѣ было произведено въ «нѣсколько часовъ», какъ будто бы собраніе въ 200 человекъ могло заниматься тамъ обзоромъ нѣсколько дней... Недостаточно, затѣмъ, были осмотрѣны участниками съѣзда и мѣстные важнѣйшіе памятники древности: Успенскій и Дмитріевскій соборы.

Не останавливаясь здѣсь на праздныхъ, на нашъ взглядъ, размышленіяхъ на тему о томъ, чтобы областные съѣзды главнѣйше и даже исключительно занимались мѣстной стариной, какъ будто бы не имѣющей ничего общаго съ исторіей другихъ частей Россійской имперіи; чтобы они, такимъ образомъ, являлись наполненными лишь небольшой группой лицъ, занимавшихся однимъ и тѣмъ предметомъ, на который яко бы не можетъ пролить свѣта ничто постороннее, — я укажу, какъ участникъ этого съѣзда, на непо-

нятную для меня несправедливость обвиненій со стороны проф. В. Нарбекова по адресу дѣятелей владимирской архивной комиссіи, единственныхъ устроителей сѣзда. Вѣдь они, прежде всего, снабдили всѣхъ участниковъ сѣзда своими многочисленными изданіями и другими печатными пособиями, знакомящими съ мѣстными древностями. Вѣдь они не могли же водить на арканѣ всѣхъ присутствующихъ для обозрѣнія того или другого памятника старины, придавъ къ нимъ какого-либо избраннаго руководителя. Многіе изъ участниковъ сознавали безцѣльность массоваго «обзора» п, вооруженные печатными пособиями, отдѣльными кучками снѣшили ознакомиться съ интересующими ихъ предметами. Наконецъ, вѣдь не обозрѣвіе мѣстныхъ древностей составляло и должно составлять главнѣйшую задачу сѣздовъ, а именно чтеніе и обсужденіе рефератовъ и вообще обмѣнъ мнѣній. Конечно, эти рефераты должны касаться мѣстной археологіи и исторіи по преимуществу, но отнюдь не быть посвящены имъ исключительно, иначе они будутъ малопоучительны для стороннихъ участниковъ. Но неужели же слѣдуетъ винить организаціонный и ученый комитеты сѣзда за то, что на засѣданіяхъ читались именно присланные рефераты, а не тѣ, которые готовилъ, да не приготовилъ (стр. 7) проф. В. Нарбековъ!...

Вѣрный своей основной точкѣ зрѣнія на главную задачу областныхъ историко-археологическихъ сѣздовъ, которую, по его мнѣнію, долженъ составлять лишь «подробный и внимательный осмотръ всѣхъ древнихъ памятниковъ, съ подробными при этомъ объясненіями специалистовъ» (стр. 10), проф. В. Нарбековъ болѣе чѣмъ критически отнесся ко всѣмъ рефератамъ (болѣе 30), читаннымъ на сѣздѣ, признавъ изъ нихъ «подавляющее большинство не имѣющимъ рѣшительно никакого отношенія къ мѣстной старинѣ» (стр. 6). Перечисляя ихъ по отдѣламъ, онъ даже не далъ себѣ труда назвать ихъ авторовъ, упомянувъ послѣднихъ, да и то полуименами, при указаніи совершенно непригодныхъ рефератовъ (стр. 10). Въ этотъ послѣдній перечень попалъ и рефератъ «Соболевскаго: «Двуперетіе, сугубая аллилуйя и хожденіе посолонь съ исторической точки зрѣнія», рефератъ высокой научной цѣнности академика А. П. Соболевскаго и безспорно пригодный и для исторіи Владимиро-Суздальскаго края, гдѣ было много раскольниковъ и старовѣровъ и гдѣ хранится множество дѣлъ о расколѣ, что доказываетъ и «Хронологическая опись дѣлъ» о расколѣ, хранящихся въ архивахъ губ. гор. Владимира, изданная владимирской архивной комиссіей какъ разъ ко времени сѣзда.

Справедливый по-своему проф. В. Нарбековъ не оставилъ безъ своей высокой похвалы слѣдующіе два реферата: 1) А. А. Дмитріевскаго—«Къ исторіи христіанской фресковой живописи XIV—XV в.в. по аѳонскимъ памятникамъ» и 2) М. Н. Бережкова—«О лѣтописи Владимирской со стороны состава и содержанія», гдѣ повторяются лишь извѣстные выводы академика А. А. Шахматова изъ его изслѣдованія о Радзивилловской или Кенигсбергской лѣтописи.

Высказывая сожалѣніе, что «за отсутствіемъ автора (г. Макаренко) не состоялся единственный рефератъ, посвященный владимирскимъ расколкамъ» (стр. 19), строгій критикъ членовъ комитета упустилъ изъ виду, правда, не

читанный, другой рефератъ: «О раскопкахъ въ Покровскомъ уѣздѣ Владимирской губ.» Ю. Г. Гендуке, который, несомнѣнно, войдетъ въ «Труды» съѣзда, и обширную напечатанную въ «Извѣстiяхъ Императорской археологической комисси» статью А. А. Сипцына о владимирскихъ курганахъ, которая была раздана всѣмъ участникамъ. Да и рефератъ г. Макаренки не состоялся, главнымъ образомъ, изъ-за того, что и нѣкоторыя вещи, найденныя при раскопкахъ, до сихъ поръ еще не возвращены изъ археологической комисси (см. «Справочный Листокъ» 3-го областнаго ист.-арх. съѣзда во Владимирѣ, по отдѣлу первобытныхъ древностей).

Послѣ этой, нельзя создать, чтобы очень приглядной, оцѣнки дѣятельности членовъ владимирскаго историко-археологическаго съѣзда, проф. В. Нарбековъ тономъ строгаго учителя, не терпящаго возраженiй, повѣствуетъ о владимирскихъ и суздальскихъ соборахъ и монастыряхъ, о Боголюбовѣ монастырѣ и о церкви Покрова на р. Нерли, подъ общимъ заглавiемъ: «Экскурси членовъ съѣзда во Владимирѣ», «Экскурсиа въ гор. Суздаль» и «Экскурсиа въ село Боголюбово». Что тутъ сообщается имъ изъ печатныхъ источниковъ, которыхъ онъ, впрочемъ, не называетъ, и что изъ даваемыхъ объясненiй нѣкоторыхъ профессоровъ, участниковъ съѣзда, разобрать трудно; но вѣрно только одно, что онъ не вездѣ и не все существенное умѣлъ выбрать изъ предложенныхъ организационнымъ же комитетомъ материаловъ и далеко не былъ точнымъ описателемъ «экскурси членовъ», какъ того желалъ (стр. 22). Несмотря на все это, проф. В. Нарбековъ такъ начинаетъ свое «заключенiе»: «Мы постарались представить результаты историко-археологическаго съѣзда во Владимирѣ». Постараться-то вы постарались, скажемъ мы на это, представить результаты, но только не владимирскаго историко-археологическаго съѣзда, стоящаго въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ не ниже общихъ съѣздовъ и могущаго быть оцѣненнымъ вполнѣ лишь по выходѣ въ свѣтъ его «Трудовъ», а особыхъ, присущихъ вамъ, «профессорскихъ объективности и широкой эрудици».

В. Рудаковъ.

Труды псковскаго археологическаго общества за 1906 годъ. Псковъ. 1907.

Псковское археологическое общество открыто въ 1880 г. Первое время своего существованiя оно проявляло большую дѣятельность. Имъ были изданы интересные историческiе матерiалы, между прочимъ «О пришествiи Пресвятой Богородицы Печерскiя въ градъ Псковъ»; повѣсть эта представляетъ вариантъ сказанiя «О прихожденiи литовскаго короля Стефана на Псковъ», которое было напечатано Бодянскимъ въ «Чтенiяхъ» 1847 г.; затѣмъ историко-статистическiй очеркъ Пскова, указатель историческихъ памятниковъ Пскова, книга исковитянина Поганкина, домашняя книга торговаго человѣка Ямскаго и т. д. Самое плодотворное время общества было 1881 г.; тогда при обществѣ открылся музей и библиотека, составленная преимущественно изъ пожертвованiй.

Болѣ пятнадцати лѣтъ дѣятельность общества была если не прекращена, то во всякомъ случаѣ совершенно незамѣтна, и только съ 1906 г., со времени избранія секретаремъ общества Н. Ѳ. Казарина, оно снова «воспріяло жизнь». Музей приведенъ въ должный порядокъ и пополняется, акты и свитки описываются, старинныя зданія и знаменитая историческая псковская стѣна, срыгнѣя части которой въ количествѣ 15 сажень домогался просвѣщенный директоръ псковскаго реального училища¹⁾, энергично охраняются, и это непонятное для культурнаго человѣка домогательство не достигло цѣли. Въ данномъ случаѣ г. директоръ ушелъ не дальше псковскихъ мѣщанъ и разныхъ хулигановъ, вынимающихъ камни и кирпичи изъ заповѣдной части этой стѣны, на что жаловался обществу членъ его г. Никифоровскій²⁾. Очевидно, только благодаря энергіи новаго секретаря, г. Казарина, общество издало въ 1907 г. книжку своихъ трудовъ. Въ ней помѣщены народныя пѣсни, записанныя въ Псковской губ. И. К. Конаневичемъ. Особенно любопытны пѣсни колядскія, которыя теперь поются очень рѣдко; «онѣ,—какъ говоритъ собиратель,— пока сохранились въ памяти стариковъ, но скоро, вѣроятно, будутъ забыты народомъ».

«Пришла коляда наканунѣ Рождества,
Мы ходили, мы некали господинова двора.
Господиновъ дворъ на восьми верстахъ;
На семи столбахъ широка двора
Стоитъ три терема»... и т. д.

Далѣе съ предисловіемъ г. Серебрянскаго помѣщена «Повѣсть о явленіи чудотворныхъ иконъ Пресвятой Богородицы на псковской Синичьей горѣ» — извлеченіе изъ рукописи Кіево-Софійскаго собора. Затѣмъ идутъ записи Никандрова монастыря, описи свитковъ и протоколы общества.

Но самымъ цѣннымъ документомъ, находящимся въ музейскомъ собраніи, представляется подлинная грамота царя Грознаго, принесенная обществу господами Окуневыми. Этой грамотой Грозный жаловалъ Леонтія Окунева вѣлою въ кормленье со всѣми доходами. Подлинность грамоты несомнѣнна. Къ сожалѣнію, редакторъ трудовъ въ предисловіи не указалъ, что списокъ съ этой грамоты съ небольшими вариантами уже былъ напечатанъ Новиковымъ въ XII части Древней Россійской Вивліюэки³⁾.

Изъ перечня свитковъ, находящихся въ псковскомъ музеѣ, особенно интересны: № 32-й—данная 1697 г. воеводы Салтыкова архимандриту Корнелію съ братьею на бѣглаго крестьянина Степашка Васильева съ семьею; № 61—жалованная грамота 1620 г. старцу Никандровой пустыни Герману на земли вмѣсто прежней жалованной грамоты царя Θεодора Ивановича, взятой нѣмецкими людьми во время разграбленія ими монастыря; № 80—завѣщаніе порховскаго дворянина Митрофана Лаврова 1738 г., коимъ онъ отдаетъ въ Никандрову пустынь своего крѣпостнаго человѣка съ матерью на поминъ души;

¹⁾ Труды псковскаго археологическаго общества за 1906 г., стр. 185.

²⁾ Ibid., стр. 186.

³⁾ 2-е изд., стр. 186.

№ 155.—указъ 1689 г. преосвященнаго Маркелла объ отдачѣ въ вотчину Николо-Песочнаго монастыря деревни съ двумя крестьянскими семьями.

Вообще этотъ первый выпускъ трудовъ псковскаго общества представляетъ историко-этнографическій интересъ и не для одного только Псковскаго края.

А. Титовъ.

Н. П. Лихачевъ. Лицевое житіе святыхъ благовѣрныхъ князей русскихъ Бориса и Глѣба по рукописи XV столѣтія. Спб. 1907.

Миніатюры русскихъ рукописей изучены гораздо менѣе другихъ отдѣловъ стариннаго русскаго искусства. Ихъ научное изслѣдованіе все еще находится въ первоначальномъ періодѣ разысканія и воспроизведенія памятниковъ. Объясняется это тѣмъ, что, кромѣ евангелій и въ некоторыхъ излюбленныхъ произведеній (напримѣръ, книги Козьмы Индикоплова, Апокалипсиса), древняя Русь сохранила намъ очень мало лицевыхъ рукописей, да и тѣ дошли до насъ большею частью въ единичныхъ экземплярахъ. Вслѣдствіе этого, замѣчается крайній недостатокъ матеріала для сравнительнаго изученія миніатуръ и даже опредѣленія времени и мѣста ихъ написанія, степени ихъ оригинальности, передѣлки или простого копирования. Болѣе или менѣе извѣстна исторія лицевыхъ рукописей лишь послѣ смутнаго времени — особенно миніатюры эпохи патріарха Филарета, царскія рукописи второй половины XVII вѣка и старообрядческіе сборники XVII вѣка.

А между тѣмъ въ исторіи миніатюры, какъ и въ исторіи всего искусства, и до смутнаго времени были свои періоды развитія, отличные одинъ отъ другого. Такъ, кievскій періодъ въ области искусства, а вмѣстѣ съ нимъ и миніатюры, характеризуется вліяніемъ византійскимъ и южно-славянскимъ. Эти вліянія заглохли съ татарскимъ разгромомъ, послѣ котораго русское искусство пережило пору упадка. Вліяніе прежнихъ образцовъ надаетъ, съ одной стороны, потому, что прекратился ихъ приливъ, съ другой — потому, что стала вторгаться струя самобытности, проявилось стремленіе къ русификаціи. И дѣйствительно, памятники XIII—XIV вѣковъ уже не точныя копіи ихъ византійскихъ и южно-славянскихъ образцовъ, а передѣлки, отличающіяся меньшей художественностью, грубыми техническими приемами. Другими словами, освободившись отъ указанія учителей, ученики впервые дѣлаютъ самостоятельныя робкіе опыты. Далѣе, на исходѣ XIV и въ началѣ XV вѣковъ вновь пробивается южно-славянское вліяніе, особенно въ области палеографіи, а въ концѣ XV вѣка цѣлая волна художественныхъ вліяній Италіи, Молдавіи и Аѳона. Наконецъ, эта амальгама вліяній въ слѣдующемъ вѣкѣ усваивается и перерабатывается въ національномъ духѣ, и въ результатъ этой работы складываются всѣ типичныя особенности московской иконописи.

Такой сложный процессъ развитія, мастерски набросанный авторомъ въ предисловіи, должны были пройти — и, несомнѣнно, прошли — и миніатюры, но о немъ пока извѣстно немногое. Потому каждая найденная лицевая рукопись, относящаяся къ періоду до смуты, представляетъ огромный научный интересъ. Особенно это относится къ лицевымъ житіямъ русскихъ святыхъ.

Талантливому изслѣдователю нашей старины и совершенно неподражаемому издателю ея памятниковъ Н. П. Лихачеву какъ разъ посчастливилось найти два такія житія. Одно, прекрасно воспроизведенное въ разсматриваемомъ изданіи общества любителей древней нисьменности и искусства — Бориса и Глѣба, другое — Иоанна Богослова, которое будетъ напечатано въ скоромъ времени. Обстоятельства, при которыхъ попала въ руки почтеннаго собирателя эта рукопись, лишній разъ подтверждаютъ ту мысль, что мы, русскіе, и до сихъ поръ являемся настоящими варварами по отношенію къ своей старинѣ. «Много уже лѣтъ тому назадъ, — рассказываетъ Н. П. Лихачевъ о своей счастливой находкѣ, — мнѣ встрѣтился на московскомъ книжномъ рынкѣ небольшой сборникъ, только что привезенный изъ провинціи, гдѣ какой-то невѣжественный старообрядческій переплетчикъ «украсилъ» рукопись новымъ кожанымъ переплетомъ и густой кинноварной окраской обрѣза съ варварствомъ, превосходящимъ всякое вѣроятіе. Сборникъ, очевидно, находился въ весьма зачитанномъ состояніи, безъ конца, со многими растрепанными и порванными листами. Переплетчикъ обрѣзалъ рукопись до крайнихъ предѣловъ, прошилъ тетради съ боку, чтобы листы не выпадали, и проклеилъ ихъ въ корешкѣ; прорванные мѣста проклеилъ обыкновенной толстой писчей бумагой, большими кусками. Такая «обработка» въ связи съ тѣмъ, что рукопись носила явные слѣды чрезвычайнаго пользованія ею, придавала кодексу невзрачный видъ, съ лихвой окупавшійся богатствомъ внутренняго содержания».

И дѣйствительно, въ этомъ сборникѣ изъ 246 листовъ оказалось больше сотни миниатюръ изящной работы, и помѣщались написанныя обычнымъ полууставомъ, кромѣ другихъ статей, житія Александра Невскаго (отрывокъ), Иоанна Богослова, которое скоро выйдетъ въ печати, и житіе Бориса и Глѣба, прекрасно воспроизведенное въ разсматриваемомъ изданіи фототипіей (два листа воспроизведены въ краскахъ). Последнее житіе особенно важно для исторіи миниатюры, такъ какъ извѣстны еще два списка его, и такимъ образомъ мы имѣемъ хорошій матеріалъ для сравненія. На основаніи палеографическихъ данныхъ — основного почерка, заглавныхъ и прописныхъ буквъ — и данныхъ филигранно-графическихъ, по бумагѣ, Н. П. Лихачевъ относитъ рукопись къ концу XV вѣка и лишь въ крайнемъ случаѣ — къ первымъ годамъ XVI вѣка. На основаніи изученія лицевыхъ изображеній сравнительно съ другими извѣстными издатель приходитъ къ выводу, что ихъ редакція довольно оригинальна для своего времени и не зависитъ отъ стараго цикла миниатюръ XIV вѣка, отразившагося на Сильвестровскомъ спискѣ. Благодаря своей самостоятельности и очень незначительному числу дошедшихъ до насъ лицевыхъ рукописей конца XV и начала XVI вв., житіе Бориса и Глѣба принадлежитъ къ очень цѣннымъ и рѣдкимъ памятникамъ русской миниатюры.

А. И. Яцимирскій.

Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изданіе великаго князя Николая Михайловича. Томъ третій, выпускъ третій. Спб. 1907.

Мы не будемъ повторять по поводу третьяго выпуска третьяго тома «Портретовъ» то, что уже говорили о предыдущихъ выпускахъ. Каждый новый выпускъ этого замѣчательнаго изданія обогащаетъ нашу иконографію множествомъ рѣдкихъ портретовъ, которые, безъ содѣйствія и вліянія великаго князя Николая Михайловича, остались бы, вѣроятно, совершенно неизвѣстными любителямъ и занимающимся отечественной исторіей. Третій выпускъ заключаетъ въ себѣ 52 портрета. Большинство ихъ воспроизведено въ первый разъ, напр., портреты: князя П. И. Тюфякина, Е. И. Молчановой, княгини Е. П. Гагариной, Д. П. Валуевой, М. А. Нарышкиной, Д. Л. Нарышкина, графини М. Д. Гурьевой, П. П. Кривцова, князя И. С. Гагарина, князя Г. И. Гагарина, М. А. Пушкина и его жены, В. А. Нарышкиной, княгини М. А. Гагариной, А. П. Корсакова, А. М. Римскаго - Корсакова, графа Г. Штапельберга и его жены, В. П. Потемкиной, Н. П. Мазовскаго, Я. А. Потемкина, Л. И. Депредратовича, Е. И. Козицкой, М. С. Талызиной, М. В. Талызина, А. Н. Радищева и его жены, Н. П. Новикова, С. П. Гамалеи, И. В. Лоухива, Е. А. Головина, В. А. Тропинина, В. Л. Боровиковскаго, А. П. Бахметева и его жены, Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго, графа Д. П. Хвостова, И. П. Дмитріева, графини Е. Л. Головиной, графа Ю. А. Головкина, М. Я. Нарышкиной, К. А. Нарышкина и др.

Біографіи къ портретамъ составлены, по обыкновенію, весьма обстоятельно, а о художественной сторонѣ достаточно сказать, что копіи воспроизведены въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

С. Ш.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1907 годъ, книга вторая. Двѣсти двадцать первая. Издана подъ завѣдываніемъ Е. В. Барсова. М. 1907.

Главное содержаніе вышеназванной книги составляютъ: 1) «Разрядныя записи за смутное время», собранныя С. А. Вѣлюковымъ (сюда вошли пока «записи» за 7113—7121 (1605—1613) по рукописямъ бібліотеки московскаго главнаго архива иностранныхъ дѣлъ № 98/129 и № 118/165 и «записи» за 1605—1606 г. по рукописи собранія князя М. А. Оболенскаго № 100); 2) «Псалтирь жидовствующихъ въ переводѣ Феодора еврея», съ довольно обширнымъ предисловіемъ М. Н. Сперанскаго, который, издавая впервые полный текстъ «Псалтири», сообщаетъ все, что до сихъ поръ писалось объ этомъ памятникѣ, дѣлая цѣлый рядъ самостоятельныхъ поправокъ и дополненій; 3) «Путешествія въ Московію Еремея Горсея. Переводъ съ англійскаго Юрія Толстого» (напечатано здѣсь окончаніе; начало печаталось въ первой книгѣ «Чтеній» за 1877 г.) и 4) окончаніе изслѣдованія А. С. Ха-

ханова — «Очерки по исторіи грузинской словесности», которые вышли отдельной книгой и вызовут самостоятельный отзывъ специалиста.

Въ заключительномъ отдѣлѣ настоящей книги: «Смѣсь» — обращаетъ на себя вниманіе прежде всего записка неизвѣстнаго лица, относящаяся къ 1733 г. и озаглавленная: «Представленіе объ утѣсненіяхъ народа отъ подушного сбора». «Записка эта, — говоритъ сообщившій ее проф. А. Филипповъ, — заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ по своему содержанію, касающемуся важныхъ вопросовъ, занимавшихъ русское дворянство въ первой половинѣ XVIII вѣка, такъ и по судьбѣ своей»... Въ ней, помимо основного, указанного въ заголовкѣ, содержанія, «говорится какъ о мѣрахъ къ поднятію благосостоянія помѣщиковъ и крестьянъ вообще, такъ и указываются въ частности источники увеличенія государственныхъ доходовъ, а равно способы уменьшенія расходовъ...» Сообщенія неизвѣстнаго автора «Представленія» оказали вліяніе на извѣстный манифестъ 31 декабря 1736 г., ограничивающій, между прочимъ, срокъ обязательной дворянской службы въ войскѣ двадцатью пятью годами. Затѣмъ интересны по своимъ новымъ свѣдѣніямъ документы: «О бумажной мельницѣ въ Москвѣ на р. Яузѣ (1673—1676 гг.)». О ней до сихъ поръ знали лишь по небольшимъ тремъ сообщеніямъ, находящимся въ книгѣ Н. П. Лихачева «Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы въ Московскомъ государствѣ» (Спб. 1891). В. Р.—овъ.

И. Н. Сугорскій. Въ туманахъ сѣдой старины. Спб. 1907.

Авторъ скорбитъ о равнодушіи русскихъ къ родному прошлому. Въ своей брошюрѣ онъ пытается обратить вниманіе русскаго общества на нѣсколько новыхъ капитальныхъ трудовъ иностранныхъ ученыхъ, затрагивающихъ и область нашей древней исторіи. Вопросы — интересные и захватывающіе, почти совершенно темные, какъ, наиримѣръ, варяжскій.

Послѣ знаменитаго диспута между Погодинымъ и Костомаровымъ вопросъ о варяжскомъ происхожденіи Руси попрежнему далекъ отъ окончательнаго рѣшенія. Не исчерпываетъ его и шведскій ученый Оскаръ Монтелиусъ, изъ послѣдняго труда котораго г. Сугорскій приводитъ нѣсколько свѣтлыхъ черточекъ изъ «тумана сѣдой старины». Въ своемъ собирательномъ трудѣ — «Kulturgeschichte Schweden's» (Лейпцигъ, 1907) Монтелиусъ касается и нашей исторіи, изображая эпоху Олафа Шведскаго, прадѣда Владимира Мономаха — любимѣйшій князь древней Руси былъ внукомъ дочери Олафа-Индигерды. Шведское вліяніе въ Приднѣпровьѣ должно было, несомнѣнно, сильно сказаться. «Издrevле казался цѣннымъ балтійскій янтарь для всего европейскаго юга, — красиво говоритъ объ этомъ г. Сугорскій. — Своего рода такую же драгоценностью тамъ являлось впоследствии (и?) каждая капля крови «сѣверныхъ витязей», съ первыхъ вѣковъ нашей эры оплодотворявшая энергіей и фантазіей пребывавшія до извѣстной степени въ летаргіи кельтскія, славянскія и финно-тюркскія народности».

Монтеліусъ не даетъ новыхъ данныхъ въ этой области. Онъ предлагаетъ старую теорію ориенталиста Марквардта, согласно которой предки Руси—загадочные герулы. Они жили первоначально у Тмутаракани, поссорились съ тогдашними владѣтелями южной Руси остготами, эмигрировали къ Балтійскому морю и снова вернулись уже въ качествѣ варяговъ лѣтописи. Г. Сугорскій съ восторгомъ присоединяется къ этой тмутараканской гипотезѣ. Но у Монтеліуса нѣтъ никакихъ фактическихъ доказательствъ ея, кромѣ внѣшняго сходства обычаевъ и быта древнихъ варяговъ съ извѣстнымъ изъ лѣтописи образомъ жизни молодой Руси. Безспорнымъ остается попрежнему только болѣе или менѣе значительное вліяніе варяговъ на княжеско-дружинныя отношенія древней Руси.

Остальную часть брошюры г. Сугорскій посвящаетъ еще болѣе темному вопросу—о русскихъ связяхъ въ древнѣйшія времена съ англо-саксами. Какъ извѣстно, Владимиръ Мономахъ былъ женатъ на дочери короля Гарольда, погибшаго въ битвѣ съ норманнами при Гастингсѣ. Настолько могъ вліять этотъ фактъ на культурныя отношенія Руси—трудно учестъ. Болѣе реально предположеніе, что воинственные англо-саксы, вмѣстѣ съ прибалтійскими славянами и другими близкими инородцами побережья, устанавливали частое общеніе Великобританіи съ померанскихъ берегомъ. Но насколько глубоко шло взаимное вліяніе, можно только догадываться. Очевидно, новыхъ фактовъ, освѣщающихъ туманъ англо-русской древней связи, нѣтъ ни у епископа Стѣбса, ни у Ходжкина, ни у Шора, труды которыхъ дали матеріалъ г. Сугорскому.

И. А.

Хронологическая опись дѣлъ о расколѣ, хранящихся въ архивахъ губ. г. Владимира. Ч. I. 1720—1855 гг. Составилъ Ѳ. К. Сахаровъ. Владимиръ губ. 1906. Приложение I къ VIII кн. Трудовъ владимирской ученой архивной комиссіи.

Несмотря на сравнительно обширную литературу о расколѣ и многочисленныхъ его изслѣдователей, очень многіе матеріалы по этому вопросу остаются неизвѣстными до сихъ поръ и покоятся нетронутыми въ различныхъ губернскихъ архивахъ. Нагляднымъ доказательствомъ этого является лежащая передъ нами «Опись», составленная мѣстнымъ архивнымъ дѣятелемъ Ѳ. К. Сахаровымъ. Въ теченіе XVIII и XIX ст., говоритъ въ своемъ предисловіи составитель, накопилось «громодное количество канцелярскихъ дѣлъ», свидѣтельствующихъ объ усиленной дѣятельности церковнаго и гражданскаго правительства противъ раскола и сектанства и хранящихся въ архивахъ правительственныхъ учрежденій Владимира. Но изъ нихъ использована мѣстными историками лишь незначительная часть, да и то съ превеликими трудностями, вслѣдствіе неустройства самихъ архивовъ и отсутствія болѣе или менѣе сносныхъ описей хранящихся въ послѣднихъ дѣламъ. Чтобы облегчить будущимъ историкамъ задачу собиранія матеріаловъ по расколу, Ѳ. К. Сахаровъ рѣшился предпринять тяжелый и крайне кропотливый трудъ. Онъ пересмотрѣлъ дѣла и описи болѣе чѣмъ двадцати архивовъ Владимирской

губернии и выбрали из них дѣла, относящіяся до раскола, къ которымъ и составилъ свою «Хронологическую опись». Вышла въ свѣтъ пока только первая ея часть, обнимающая время съ 1720 по 1855 гг. Въ этой части «Описи» означено заглавіе каждаго дѣла (всѣхъ дѣлъ—3327), потомъ, гдѣ только возможно, указаны его начало и конецъ, далѣе число листовъ, наконецъ въ скобкахъ поставлены цитаты, гдѣ показаны: номеръ дѣла, иногда номеръ вязки и проч. Для удобства пользованія къ ней приложены: 1) систематическій указатель, въ которомъ представлено содержаніе дѣлъ «Описи», 2) алфавитный указатель личныхъ именъ и 3) алфавитный списокъ названій городовъ и селеній, упоминаемыхъ въ «Описи».

Какъ видно изъ систематическаго указателя, «наибольшее число дѣлъ» касается внутренней жизни раскола, мѣръ свѣтскаго правительства противъ раскола и дѣятельности церкви противъ раскола: не мало также въ этихъ дѣлахъ и свѣдѣній о расколѣ и сектанствѣ вообще въ Россійской имперіи.

Безспорно, эта «Опись» Ѳ. К. Сахарова послужитъ большимъ подспорьемъ для нашихъ расколовѣдовъ, и нужно только желать, чтобы продолженіе ея не замедлило выходомъ въ свѣтъ.

В. Рудаковъ.

Сообщенія императорскаго православнаго палестинскаго общества. Вып. 1 и 2. Спб. 1907.

«Сообщенія Палестинскаго общества», издаваемыя по образцу заграничныхъ трехмѣсячниковъ, являются у насъ въ Россіи единственнымъ журналомъ, посвященнымъ вопросамъ востоковѣдѣнія въ обширномъ смыслѣ этого слова; задача его—изученіе ближняго Востока: Палестины, Сиріи, Византіи, Греціи, Египта, Аѳона, Синаи, Кипра и славянскихъ земель, въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ и на протяженіи всей многовѣковой его исторіи вплоть до настоящаго времени. Въ «Сообщеніяхъ», впрочемъ, помѣщаются не одніи только оригинальныя статьи и изслѣдованія, а и компіляціи. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ, напр., въ разсматриваемыхъ двухъ выпускахъ XVIII т. статья В. Н. Аничковой «Французскія католическія миссіи на Востокъ», составленная по книгѣ Piolet «Les missions catholiques françaises au XIX siècle. Paris, 1904». Изъ числа оригинальныхъ отмѣтимъ статью проф. А. А. Дмитриевскаго «Русскіе келліоты на Аѳонѣ», въ которой разоблачаются продѣлки келліотовъ, эксплуатирующихъ религіозное чувство простыхъ русскихъ людей; затѣмъ отмѣтимъ историческій очеркъ г. Померанцева «Пѣзбраніе іерусалимскихъ патріарховъ въ XVII и XVIII вв.». Статья г. Померанцева привлекаетъ къ себѣ вниманіе читателя тѣмъ болѣе, что вопросъ, затронутый ею, съ одной стороны, совершенно почти не разработанъ не только въ русской, но и въ иностранной литературѣ, а съ другой—«вслѣдствіе возникшаго въ русской церкви преобразовательнаго движенія, такая историческая справка можетъ оказаться небезполезной и въ практическомъ отношеніи» для насъ. Затѣмъ укажемъ еще на статью архим. Михаила «Духъ и стиль греческихъ обитателей на Аѳонѣ», «Ливанъ, его краткая исторія и современное состояніе» г. Жузе и «Смыслъ и

значеніе русскаго паломничества въ Св. Землю» священника Яновскаго. Не касаясь прочихъ статей, остановимся подробнѣе на статьѣ священника Яновскаго. Цѣль этой статьи—«обрисовать положительный идеаль русскаго народнаго паломничества, выяснитъ его мотивы и внутренній смыслъ», чтобы тѣмъ самымъ «защититъ его отъ несправедливыхъ нападокъ и отвѣтитъ на всѣ предъявляемыя къ нему обвиненія» въ нашей литературѣ — древней и новой, какъ свѣтской, такъ и духовной.

Въ литературѣ свѣтской «наиболѣе виднымъ представителемъ отрицательнаго отношенія къ паломничеству», говоритъ авторъ, «является графъ Л. Толстой» съ его разсказомъ «Два старика», а «въ духовной письменности такое значеніе», продолжаетъ онъ, «можно признать за писателемъ начала XV в. Епифаніемъ Премудрымъ», ученикомъ и біографомъ св. Сергія Радонежскаго. Къ числу «основныхъ типовъ», относящихся отрицательно къ паломничеству, свящ. Яновскій далѣе причисляетъ еще игумена Даніила, автора извѣстнаго «Хожденія», и произведеніе неизвѣстнаго автора «Вопрошаніе Кирика, Саввы и Ильи къ новгородскому архіепископу Нифонту». Послѣ разбора вышеупомянутыхъ произведеній свящ. Яновскій приводитъ «краткій итогъ тому, что въ разное, преимущественно—последнее, время людьми авторитетными (!) и вполне компетентными (!) было высказано по вопросу о смыслѣ и значеніи русскаго паломничества», и указываетъ на три мотива «религіозныхъ путешествій во Св. Землю». Это, во-первыхъ, «желаніе увидѣть и поклониться палестинскимъ святынямъ», рядомъ съ которымъ, во-вторыхъ, стоитъ «жажда духовнаго отдыха», т. е. желаніе облегчить душу, истерзанную земными скорбями и разными невзгодами, и, въ-третьихъ, «стремленіе къ духовному обновленію или исцѣленію». Само собой разумѣется, что обычно въ душѣ паломника, по словамъ автора, всѣ эти мотивы такъ тѣсно переплетаются между собою и объединяются, что выражаются, можно сказать, въ одномъ— «желаніи поклониться Св. Землѣ», и это желаніе бываетъ столь сильно, что не считается ни съ какими препятствіями. Вслѣдъ за этимъ идетъ и «защита» паломничества «отъ несправедливыхъ нападокъ». Первымъ, отъ котораго обороняетъ паломничество свящ. Яновскій, стоитъ «Вопрошаніе Кирика», гдѣ на вопросъ къ Нифонту, какъ нужно относиться къ паломничеству, послѣдній даетъ отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что нужно-де запрещать посѣщеніе Св. Земли нашими паломниками. Вотъ отвѣтъ Нифонта Кирику, запрещающему паломничать въ Іерусалимъ: «Вельми добро твориши: да того для идетъ, абы порозву ходячи ясти и пити, а то ино изло борони». Каковъ былъ вопросъ Кирика, объ этомъ ниже, а теперь займемся отвѣтомъ Нифонта. За что Нифонтъ одобряетъ поступокъ Кирика? Неужели и въ самомъ дѣлѣ Нифонтъ и Кирикъ, оба — лица духовныя, жившія въ XII в., значить спустя немного болѣе двухъ вѣковъ послѣ принятія христіанства Русью, могли такъ смотрѣть на паломничество? Вѣдь они не больше, не меньше, какъ обвиняютъ паломниковъ въ тунеядствѣ? Священникъ Яновскій такъ и дѣлаетъ; онъ вполне принимаетъ это положеніе именно какъ обвиненіе въ тунеядствѣ. «Съ грустью нужно признать,—говоритъ онъ, сопоставляя разсказъ Толстого и «Вопрошаніе»,—тотъ фактъ, что въ пониманіи смысла паломничества наше время

ушло не особенно далеко впередъ отъ Кирика». Съ высказанными словами свящ. Яновскаго нельзя однако вполнѣ согласиться. Нельзя потому, что въ XII вѣкѣ, дѣйствительно, масса такъ называемыхъ паломниковъ предиринимала свое путешествіе не только въ душеспасительныхъ цѣляхъ. Г. Келтуяла, напр., ясно указываетъ въ своемъ «Курсѣ», что такой праздношатающійся и тунеядствующій элементъ былъ, и въ довольно значительномъ числѣ. Священникъ Яновскій, надѣмая, не будетъ отрицать того, что такихъ паломниковъ и теперь изрядное число есть на Руси, предиринимających столь отдаленныя путешествія, какъ, напр., въ Кіевъ, Іерусалимъ, просто по склонности къ бродяжничеству съ его беззаботной жизнью на счетъ трудящагося класса. А разъ такое бродяжничество съ цѣлями, ничего не имѣющими общаго съ паломничествомъ, принимаетъ почти стихійный характеръ, то не естественно ли было запретить его? Такъ это на самомъ дѣлѣ и было въ XII вѣкѣ, и то же самое мы видимъ и въ «Вопрошаніи». Священникъ Яновскій просто не понялъ вопроса Кирика и потому причислилъ Нифонта и Кирика къ числу вообще отрицательно относящихся къ паломничеству во Св. Землю. Дѣйствительно, вопросъ Кирика вовсе не касается вообще паломничества, а только такого, которое именно преслѣдуетъ цѣли постороннія. Вотъ вопросъ Кирика и отвѣтъ Нифонта въ русскомъ переводѣ: Вопр. «Не грѣхъ ли возбранять странствованіе въ Іерусалимъ и по святымъ мѣстамъ?» — Отв. «Не только не грѣхъ, но и большое добро, когда идутъ для того, чтобы быть праздными и только ѣсть и пить» (См. Келтуяла, «Курсъ», т. I). Впрочемъ, повидимому, и самъ авторъ разсматриваемой статьи не очень настаиваетъ на своемъ положеніи — считать «Вопрошаніе», какъ памятникъ, отрицательно относящійся къ паломничеству. Далѣе, что еще болѣе удивительно, священникъ Яновскій, поставивъ игумена Даніила въ разрядъ отрицателей, говоритъ затѣмъ, что слова Даніила «нельзя принимать за выраженіе *принципiальнаго* несочувствія паломничеству или видѣть въ немъ осужденіе паломническаго подвига вообще». Изъ-за чего въ такомъ случаѣ, спрашивается, и огородъ городить? Вполнѣ ясно для всѣхъ, что «Несторъ нашей паломнической литературы» ни въ коемъ случаѣ не могъ быть поставленъ въ разрядъ противниковъ паломничества. Если же такъ нужно было свящ. Яновскому причислить Даніила къ числу отрицательно относящихся къ паломническому подвигу, то можно было сказать, что игумень Даніилъ неодобительно относился только къ такимъ паломникамъ, которые, возвратившись домой, «возносятся умомъ своимъ, яко нѣчто добро сотворише». Такимъ образомъ вышеприведенные 2 пункта отпадаютъ сами собой. Обратимся теперь къ Епифанію Премудрому, смыслъ осужденія паломничества котораго вкратцѣ можно формулировать такъ: «Для спасенія души необходимо пребываніе на одномъ мѣстѣ, вниманіе къ себѣ и благомысліе; далекія же странствованія производятъ разсѣяніе ума, выводятъ челоуѣка изъ состоянія самоуглубленія и потому они — *суетны и стропотны*, т. е. бесполезны и даже вредны». Послѣдующими словами авторъ и тутъ разбииваетъ себя. «Ясно, что авторъ «Похвальнаго слова» — говоритъ свящ. Яновскій — судить о паломничествѣ съ точки зрѣнія аскетическаго идеала и, осуждая путешествія ко св. мѣстамъ, имѣетъ въ виду паломниковъ изъ среды

иноковъ, паломниковъ-подвижниковъ. *Въ такомъ случаѣ его сужденія не могутъ имѣть прямого отношенія къ вопросу о нашемъ народномъ паломничествѣ и, въ смыслѣ возраженій противъ него, они, будучи наиболее рѣзкими по тону, являются наиболее слабыми по существу*¹⁾. Спрашивается опять: изъ-за чего же было и огородъ городить? Что же касается разсказа Толстого «Два старика», то касаться его не будемъ, ибо вопросъ, дѣйствительно ли хотѣлъ Толстой сказать этимъ разсказомъ, что паломничество «не только не нужный обрядъ для Бога, но и прямой грѣхъ противъ человѣка», весьма спорный, на которомъ можно не одинъ десятокъ перьевъ сломать.

Я. Вирюковъ.

С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Собраніе сочиненій. Часть I. Штундистъ Павелъ Руденко. Спб. 1907.

Нѣкоторыя изъ сочиненій революціонера-народника Степняка-Кравчинскаго вышли въ Россіи еще въ прошломъ году. Тѣмъ не менѣе изданіе собранія сочиненій его, предпринятое книгоиздательствомъ «Свѣточъ» подѣ редакціей С. А. Венгерова, заслуживаетъ большаго вниманія, во-первыхъ, потому, что отличается полнотой, тщательностью и изящной внѣшностью, во-вторыхъ — потому, что всѣ сочиненія Кравчинскаго въ своей совокупности представляютъ одно цѣлое. Его по справедливости можно назвать художникомъ, рельефно нарисовавшимъ картину революціоннаго движенія въ Россіи въ 70—80 годы. Въ своихъ романахъ и повѣстяхъ, въ воспоминаніяхъ, онъ даетъ блестящія характеристики революціонеровъ, въ большинствѣ — товарищей автора, съ которыми онъ былъ связанъ или узами тѣсной дружбы, или общностью убѣжденій и практической работой. Такъ же художественно воспроизводитъ Кравчинскій и отдѣльные эпизоды изъ революціоннаго прошлаго, прекрасно выясняетъ психологическій обликъ революціонныхъ дѣятелей. Вообще сочиненія Кравчинскаго даютъ богатый художественно-литературный матеріалъ для правильнаго пониманія революціоннаго движенія 70 и 80-хъ гг.

Среди сочиненій, посвященныхъ революціи, у Степняка есть бытоописательныя сочиненія, посвященные нашему сектантству. Изъ нихъ особенно выдѣляется по своей объективности и художественности романъ «Павелъ Руденко». Написанный вскорѣ послѣ тѣхъ преслѣдованій, какія русское правительство предприняло въ 1893—95 годахъ по отношенію къ штундистамъ, романъ появился въ 1895 году на англійскомъ языкѣ въ передѣлкѣ одной англійской писательницы. Затѣмъ онъ былъ изданъ на русскомъ языкѣ, но доступна въ Россію не получилъ, такъ какъ ни одна политическая организація не хотѣла брать на себя трудъ и рискъ контрабандной доставки въ Россію даже такого чисто художественнаго произведенія, какимъ является «Павелъ Руденко».

Материаломъ для этого романа Кравчинскому послужили, съ одной стороны, тѣ живыя впечатлѣнія, какія онъ получилъ еще въ періодъ своего хо-

¹⁾ Курсивъ нашъ.

жденія въ народъ въ 70-ые годы; когда онъ, между прочимъ, столкнулся и со штундистами, познакомился съ ихъ ученіемъ, проникъ въ ихъ психику, вторыхъ—газетныя извѣстія, преимущественно авглійскія, которыя появлялись въ періодъ преслѣдованія штундистовъ русскимъ правительствомъ въ 1893—95 годахъ.

Въ противоположность другимъ революціонерамъ и даже нѣкоторымъ ученымъ изслѣдователямъ, интересовавшимся и писавшимъ о штундистахъ, Кравчинскій относится къ нимъ очень объективно, не идеализируетъ ихъ революціонности, ихъ «сознательности». Наоборотъ, онъ подчеркиваетъ ихъ приниженность, забитость, покорность «волѣ монаршей», хотя бы она олицетворялась въ лицѣ исправника и урядника. Въ ссылкѣ штундисты сталкиваются съ революціонерами, и авторъ не скрываетъ, что они — чужды другъ другу, говорятъ на разныхъ языкахъ, почему и не могутъ понять другъ друга. Но въ то же время Кравчинскій наглядно выясняетъ, почему штундисты и старая русская государственная власть не могли ужиться рядомъ и вступили въ борьбу, одни—въ пассивную, другая—въ активную. Общая оцѣнка романа дана въ предисловіи С. А. Венгерова. «До романа Степняка,—говоритъ историкъ литературы,—мы знали штундистовъ только по изуродованнымъ газетнымъ отчетамъ о штундистскихъ процессахъ и представляли себѣ ихъ въ видѣ какихъ-то отрѣшенныхъ отъ жизни чудаковъ-мистиковъ. Здѣсь же предъ нами—живые люди, съ плотью и кровью, во всей реальности ежедневнаго быта. И вплоть до нашихъ дней за романомъ Степняка остается крупнейшая заслуга перваго и единственнаго изображенія одной изъ интереснѣйшихъ сторонъ русскаго сектантства». «Павель Руденко» годъ тому назадъ появился въ изданіи Врублевскаго. Помимо уже того, что изданіе разрѣшено вдовою автора лишь «Свѣточу», оно представляется и лучшимъ, такъ какъ пополнено отрывками и вариантами изъ рукописей Кравчинскаго, и къ нему приложена интересная характеристика Степняка, написанная Кропоткинымъ, дающая яркій образъ этого человѣка, соединявшаго въ себѣ, какъ выражается С. А. Венгеровъ, «железный закалъ съ почти женскою мягкостью и истинною поэтичностью».

Первый томъ украшенъ хорошо сдѣланнымъ портретомъ Кравчинскаго, изданъ изящно и стоитъ недорого.

И. Александровъ.

Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго подъ редакцію и съ примѣчаніями С. А. Венгерова Т. VIII, Спб. 1907.

Монументальное изданіе Бѣлинскаго, являющееся настоящимъ и, прибавимъ, лучшимъ памятникомъ великому критику, предпринятое С. А. Венгеровымъ, быстрыми шагами приближается къ концу: двѣ трети его (всего должно быть двѣнадцать томовъ) уже готовы. Въ вышедшій недавно восьмой томъ вошли статьи Бѣлинскаго изъ «Отечественныхъ Записокъ» 1843 и 1844 гг., за исключеніемъ знаменитыхъ статей о Пушкинѣ, которыя составляютъ одно цѣлое; онѣ печатались въ теченіе 1843, 1844, 1845 и 1846 г.г., но, не желая

дробить ихъ, издатель объѣщаетъ помѣстить ихъ, всѣ вмѣстѣ, въ одномъ изъ дальнѣйшихъ томовъ собранія. Изданіе Венгерова отличается абсолютной полнотой. Въ VIII томѣ перепечатано все, что вошло въ 7-ой томъ кетчеровскаго изданія (Солдатенкова. М., 1860 г.) и значительная часть помѣщеннаго въ 8 и 9 томахъ этого изданія. Всѣ статьи воспроизведены полностью, безъ пропусковъ, которые изобильно дѣлалъ Н. Х. Кетчеръ, и сверхъ того данъ цѣлый рядъ статей, отброшенныхъ Кетчеромъ «по незначительности». Изъ напечатанныхъ въ VIII томѣ венгеровскаго изданія 112 статей и рецензій только 46 были воспроизведены Кетчеромъ полностью; изъ остальныхъ 66 большая часть была напечатана съ сокращеніями, а многія были совсѣмъ исключены. Въ числѣ этихъ исключенныхъ статей были и весьма немаловажныя (не говоря уже о томъ, что все написанное Бѣлинскимъ имѣетъ для насъ высокое значеніе). Такъ, Кетчеръ отбросилъ двѣ рецензіи на стихотворные фельетоны Некрасова, интересную замѣтку о Еленѣ Ганъ (Зенеидѣ Р--вой); весьма важную для характеристики критическаго безпристрастія Бѣлинскаго рецензію на повѣсти Н. В. Кукольника, котораго Бѣлинскій обыкновенно порицалъ, но иногда считалъ нужнымъ и похвалить; нѣсколько рецензій на книги для дѣтей и простого народа, превосходно отражающихъ взгляды Бѣлинскаго на воспитаніе дѣтей и на такъ называемую «официальную народность», и т. д. Теперь изданіе С. А. Венгерова, вѣроятно, пойдетъ еще быстрее, потому что пригнѣбанія къ VIII—XI томамъ собранія будутъ даны въ послѣднемъ, XII томѣ.

Н. Л.

Дополнительный выпускъ къ «Сочиненіямъ Д. И. Писарева».
Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1907.

Такъ какъ до послѣдняго времени цензура не пропускала цѣлый рядъ статей, написанныхъ иногда тридцать-сорокъ лѣтъ тому назадъ, несмотря на то, что онѣ утратили тотъ жгучій интересъ, который вызывали въ моментъ появленія, то изданія сочиненій нашихъ писателей отличаются большими пробѣлами, часто затрудняющими изученіе ихъ литературной дѣятельности. Въ силу этого невозможно не привѣтствовать выходъ въ настоящее время дополнительнаго тома къ сочиненіямъ одного изъ «опальныхъ» писателей—Писарева.

Еще при жизни критика Ф. Павленковъ предпринялъ изданіе его сочиненій. Въ 1866 году вышла первая часть, а черезъ нѣкоторое время и вторая. Лишь только послѣдняя была выпущена, какъ она была арестована и противъ издателя было возбуждено дѣло, несмотря на то, что всѣ статьи, вошедшія въ эту часть, были напечатаны ранѣе въ «Русскомъ Словѣ». Этотъ фактъ весьма характеренъ для обрисовки той перемѣны въ настроеніи нашего правительства, которая произошла къ этому времени: то, что было пропущено цензурой четыре года тому назадъ, теперь было признано заключающимъ преступныя мысли. Мотивомъ преслѣдованія послужили двѣ статьи, напечатанныя впервые въ 1862 году: «Русскій Донъ-Кихотъ» и «Вѣдная русская мысль». Цензура признала, что въ первой статьѣ заключается «подъ формой

литературной критики осмѣяніе нравственно-религіозныхъ вѣрованій и отрицаніе необходимости религіозныхъ основъ въ просвѣщеніи и нравственности», обвиненіе противъ второй сводилось къ тому, что, по мнѣнію цензурнаго комитета, въ ней авторъ проводитъ мысль, что народные властители являются силой, стѣсняющей естественное развитіе жизни народа и что культурные успѣхи его обуславливаются не личной волей правителей, а естественнымъ ходомъ исторіи или бывають слѣдствіемъ крупныхъ политическихъ переворотовъ, въ чемъ было усмотрѣно «иносказательное порицаніе существующей у насъ формы правленія». Кроме того, цензура особенно указывала на мнѣніе Писарева, что «жизнь русскаго народа вовсе не измѣнилась бы въ своихъ отправленияхъ, если бы, напримѣръ, Шакловитому удалось убитъ молодого Петра». Къ этимъ главнымъ обвиненіямъ присоединялось то, что въ статьѣ «есть выраженіе, оправдывающее свободныя отношенія двухъ половъ». Дѣло разбиралось въ судебной палатѣ. Павленковъ защищалъ себя самъ, и такъ удачно, что былъ оправданъ. Прокуроръ остался недоволенъ этимъ рѣшеніемъ и подалъ протестъ. Дѣло было перенесено въ сенатъ, который оиять оправдалъ Ф. Павленкова, но, снявъ запрещеніе со статьи «Русскій Донъ-Кихотъ», опредѣлилъ уничтожить «Вѣдную русскую мысль». Такимъ образомъ, она не вошла въ собраніе сочиненій критика и появляется только теперь, въ настоящемъ дополнительномъ выпускѣ. Кроме этой статьи, помѣщены также не вошедшія въ собраніе сочиненій Писарева статьи «Мыслящій пролетаріатъ», «Наши усыпители» и, наконецъ, замѣтка о Шедо-Ферроти, которая, какъ извѣстно, повлекла за собой заключеніе критика въ крѣпость. Такъ какъ здѣсь онъ не стѣснялся цензурными рамками, и все сказанное въ данной замѣткѣ явилось въ силу этого непосредственнымъ выраженіемъ его мыслей, то она, хотя и носитъ поверхностный агитаціонный характеръ, весьма важна для характеристики воззрѣній писателя.

Въ видѣ приложенія мы находимъ стенографическій отчетъ судебного процесса, весьма любопытный для характеристики положенія печати въ то время, а также интересныя воспоминанія г. Черкасова о Ф. Павленковѣ, рисующія довольно ярко личность этого дѣятеля, изданіе книгъ для котораго было прежде всего идейнымъ дѣломъ, который былъ въ полномъ смыслѣ слова сыномъ своей эпохи, такъ какъ обликъ его вполне гармонировалъ съ идеями шестидесятыхъ годовъ.

А. Ф.—нъ.

В. Зелинскій. Критическій комментарий къ сочиненіямъ Ф. М. Достоевскаго. Сборникъ критическихъ статей. Части II и III. Москва. 1907.

«Критическіе комментарий» къ сочиненіямъ русскихъ классиковъ за сравнительно короткое время выходятъ не первымъ изданіемъ, что наглядно доказываетъ необходимость подобныхъ сборниковъ при изученіи ихъ произведеній. Особенно это относится къ произведеніямъ Достоевскаго.

Въ печати уже не разъ подробно трактовались значеніе и важность предпринятаго г. Зелинскимъ изданія. Поэтому мы перейдемъ къ разсмотрѣнію

содержанія третьей части «Комментарія», тѣмъ болѣе, что въ разсматриваемомъ изданіи помѣщены новые матеріалы, и ограничимся простымъ упоминаніемъ, что вторая часть содержитъ статьи разныхъ авторовъ о «Преступленіи и наказаніи», «Идіотѣ», «Запискахъ изъ Мертваго Дома» и «Униженныхъ и оскорбленныхъ».

Третья часть заключаетъ въ себѣ критическія статьи по поводу романовъ Достоевскаго «Бѣсы» и «Подростокъ» и его классической «Рѣчи объ А. С. Пушкинѣ». Здѣсь, на ряду со статьями извѣстныхъ публицистовъ и историковъ литературы—Михайловскаго, О. Миллера, Вольнскаго, Мережковскаго, Е. Маркова, В. Чижъ,—нашли себѣ мѣсто и небольшіе отзывы періодической прессы, характерные, какъ показатели взглядовъ разныхъ круговъ общества въ извѣстные моменты социальнаго самосознанія. Особенно много впечаталъ В. Зелинскій статей, посвященныхъ «Бѣсамъ». Сначала помѣщены одиннадцать отзывовъ о «Бѣсахъ» во всемъ ихъ объемѣ. Затѣмъ—цѣлый рядъ характеристикъ отдѣльныхъ героевъ романа: Ставрогина, Верховенскаго, Кириллова, Шатова, фонъ-Лембке, Эркеля, Кармазинова, матери Ставрогина, героинь романовъ Ставрогина и Дроздовой. Особенно характернымъ является здѣсь очень поверхностный отзывъ тогдашняго прогрессивнаго органа «Сіяніе» о новомъ произведеніи, какъ показатель того отношенія къ «Бѣсамъ», какое сложилось въ широкихъ прогрессивныхъ кругахъ общества. «Если вы имѣли терпѣніе—пишетъ безымянный обозрѣватель литературы,—дочитать до конца это произведеніе нашего, когда-то (!) чрезвычайно популярнаго беллетриста, то, кромѣ чувства досады и даже сильнѣе его (?), вы почувствуете сожалѣніе, можетъ, даже грусть... Вамъ будетъ больно видѣть паденіе писателя, безъ сомнѣнія, талантливаго, и паденіе челоѣка... Теперь мы имѣемъ дѣло съ совершенно другимъ челоѣкомъ. Къ нему критика можетъ отнести лишь равнодушно или съ презрѣніемъ и съ сожалѣніемъ. Единственное, не совсѣмъ пріятное, оправданіе его, да и то лишь въ виду прежнихъ заслугъ,—извѣстныя слова: «не вѣдаютъ, что творять». Далѣе критикъ говоритъ объ «ужасахъ и нелѣпостяхъ» романа, о «безцеремномъ обращеніи съ печатнымъ словомъ», о «клеветахъ» на молодое поколѣніе и т. д. Таково было настроеніе средняго прогрессиста того времени en masse. И, несмотря на эти «равнодушіе» (?), «презрѣніе» и «сожалѣніе» со стороны подобнаго жанра критики, «Бѣсы» читались и читались.

Въ концѣ статей, посвященныхъ разбору романа, г. Зелинскій помѣстилъ матеріалы къ роману «Бѣсы», выбранные изъ записныхъ книжекъ Достоевскаго Н. Н. Страховымъ, который редактировалъ полное собраніе сочиненій Достоевскаго 1883 г., и помѣщенные лишь въ шестомъ юбилейномъ изданіи сочиненій. Вышло оно въ прошломъ году. Обыкновенно Достоевскій записывалъ начерно сцены, характеристики, варианты, образы, записывалъ ихъ по мѣрѣ того, какъ они слагались въ процессѣ творчества, а затѣмъ уже приступалъ къ писанію романа набѣло, работая всегда съ большою снѣшностью, нервностью, безъ отдыха. Эти матеріалы заключаютъ въ себѣ много данныхъ для психологіи творчества Достоевскаго, съ одной стороны, и для творческаго генизиса нѣкоторыхъ героевъ «Бѣсовъ», съ другой. Нѣсколько инымъ, чѣмъ въ

романъ, представленъ здѣсь Шатовъ, а параллельно съ нимъ Достоевскій пытается обрисовать положительный типъ—Голубева, который, какъ и всѣ гоголевскіе положительные типы, не удался. Достоевскій слилъ его со Ставрогинимъ. Замѣчательны въ этихъ матеріалахъ бесѣды Ставрогина съ Шатовымъ, а также превосходная по силѣ и художественности изображенія и глубинѣ содержанія не вошедшая въ романъ сцена посѣщенія Ставрогинимъ старца Тихона (впрочемъ, она не вошла въ книгу Зелинскаго, какъ и въ полное собраніе сочиненій Достоевскаго по чисто внѣшнимъ мотивамъ). О происхожденіи ея существуетъ много апокрифовъ, но широкой публикѣ она извѣстна лишь по замѣчанію Мережковскаго въ его монографіи «Левъ Толстой и Достоевскій». Кромѣ того, матеріалы указываютъ на то, что главные герои «Бѣсовъ» выхвачены авторомъ изъ жизни. Здѣсь прямо названы Нечаевъ, Гр—инъ, Тургеневъ и другіе.

Меньше статей посвящено «Подростку» и «Рѣчи» Достоевскаго. Къ обѣимъ частямъ, по существующему у В. Зелинскаго обыкновенію, приложенъ алфавитный указатель именъ и предметовъ, относящихся къ литературѣ.

А. Я.

Записки И. И. Пущина о Пушкинѣ. Спб. 1907

Весьма популярныя въ нашей исторической литературѣ записки декабриста И. И. Пущина о его гениальномъ лицейскомъ товарищѣ, появившіяся впервые въ «Атенѣ» 1859 г., а затѣмъ переизданныя съ дополненіями Л. Н. Майковымъ (сборникъ «Пушкинъ», 1899 г.), въ новомъ изданіи воспроизведены въ окончательномъ дополненномъ видѣ. Добавленъ конецъ пушчинскихъ записокъ, касающійся отношеній поэта къ тогдашнему обществу, изъ котораго вышли декабристы. «Размышляя о ранней смерти друга»,—писалъ Пущинъ,—не разъ я задавалъ себѣ вопросъ: что было бы съ Пушкинымъ, если бы я привлекъ его въ нашъ союзъ, и если бы пришлось ему испытать жизнь, совершенно иную отъ той, которая пала на его долю?» На этотъ вопросъ Пущинъ отвѣтилъ: «положительно, сибирская жизнь, та, на которую мы были обречены въ теченіе тридцати лѣтъ, если бъ и не вовсе изсушила его могучій талантъ, то далеко не дала бы ему возможности достигъ того развитія, которое, къ несчастію, и въ другой сферѣ жизни несвоевременно было прервано... Можетъ быть, и самый рѣзкій переломъ въ существованіи, который далеко не всѣ могутъ выдержать, пагубно отозвался бы на его своеобразномъ, чтобы не сказать—капризномъ, существѣ». Приложенныя къ запискамъ Пущина документальныя данныя, касающіяся высылки Пушкина изъ Одессы и его послѣдней дуэли, давно извѣстны и ничего новаго не заключаютъ. Фототипическій портретъ Пущина, снятый съ акварели, работы Н. А. Бестужева, очень хорошъ.

Л.

1. «Послѣ войны». Военно-общественный сборникъ статей. Вып. 1—2. Спб. 1906—1907.
2. «Думы послѣ войны». Военно-общественный сборникъ статей. Вып. 1. Спб. 1907.

Судя по всему характеру содержанія этихъ сборниковъ, составители ихъ и авторы статей—изъ числа ближайшихъ сотрудниковъ появившейся было у насъ въ прошломъ году военно-общественной газеты «Военный Голосъ», прекращенной по административному распоряженію.

Сборники составлены разнообразно, отвѣчаютъ текущей минутѣ и возбуждаютъ къ себѣ несомнѣнный большой интересъ. Большая часть статей посвящена минувшей войнѣ и тѣсно связаннымъ съ нею чисто военнымъ и военно-общественнымъ вопросамъ. Имѣется, впрочемъ, немного и литературы и хроника современныхъ событій нашей государственной, общественной и военной жизни.

Въ отношеніи войны и военныхъ вопросовъ, на нашъ взглядъ, черезъ всѣ сборники проходитъ какъ бы красной нитью отчетливый и справедливый протестъ и затѣмъ стремленіе правдиво и, прежде всего, не обманывая самихъ себя, уяснить себѣ дѣйствительныя причины нашихъ неудачъ и поражений на войнѣ и отчего произошли и происходятъ всѣ наши военныя неурядицы и разстройство арміи, отчего, какъ бы логическимъ результатомъ ихъ, оказались возможными такія катастрофы, какъ Портъ-Артуръ, Мукденъ, Цусима, съ одной стороны, и Севастополь, Свеаборгъ, Кронштадтъ и проч.—съ другой.

Въ этомъ стремленіи видна пытливая мысль выискнуть какъ въ чисто внѣшнія причины, такъ и въ глубь, туда, гдѣ заложены корни всѣхъ этихъ неудачъ и злосчастія.

Къ несомнѣннымъ достоинствамъ сборниковъ надо отнести и то, что въ нихъ нѣтъ преувеличеній и тенденціозности, нѣтъ и желанія ослепать и унижить армію. Наоборотъ, въ нихъ невольно чувствуется искренняя любовь къ арміи и военному дѣлу, желаніе ее возвысить и поднять на присущую ей высоту въ сознаніи народа и общества; на ряду съ этимъ въ нихъ слышится незаслуженно оскорбленная гордость, свѣжая еще рана нанесенной обиды, первопричины которой не въ самой арміи, а въ безобразно сложившихся условіяхъ, въ долготѣннемъ царствѣ мрака, инертности и военной схоластики, въ торжествѣ въ арміи протекціонизма и привилегій, главенства надъ ней военно-бюрократическаго начала по преимуществу.

Обращаясь непосредственно къ самому содержанію сборниковъ, скажемъ прежде всего, что читатель, интересующійся арміей и военными вопросами, найдетъ въ нихъ указаніе, гдѣ нужно искать отвѣтовъ на вопросы, почему мы были побѣждены японцами, въ чемъ кроется секретъ ихъ боевыхъ успѣховъ и побѣды, и почему мы, какъ бы силою вещей, были обречены на постоянныя отступленія и пораженія, и даже въ тѣхъ случаяхъ (какъ въ Лаоянѣ), гдѣ, казалось, насъ ждала несомнѣнная побѣда.

Сборники открываются характерной и какъ нельзя болѣе умѣстной символической картиной: «Петръ Великій надъ Портъ-Артуромъ», съ его боевымъ завѣтомъ: «оборону флота и сего мѣста хранить до послѣдней капли

крови, какъ наибольшее дѣло». Выполнили ли мы этотъ завѣтъ? Вѣдь достаточно извѣстно, какъ мы его выполнили, несмотря на всю героическую храбрость нашихъ солдатъ и мужество рядовыхъ офицеровъ!.. А какъ мы отблагодарили и чтимъ память этихъ героев? Съ горечью въ сердцѣ надо признаться, что и въ этомъ лучшій примѣръ даютъ намъ тѣ же недавніе наши враги, воздвигнушіе памятники нашимъ павшимъ въ Артурѣ, въ то время какъ у насъ полное забвеніе ровно живыхъ, какъ и мертвыхъ.

Наше положеніе на Дальнемъ Востоку, то, которое привело и обусловило злосчастную манчжурскую эпопею, а равно и теперешнее, какъ несомнѣнный источникъ чреватаго послѣдствіями неизвѣстнаго будущаго и, весьма вѣроятно, новой войны, — обрисованы въ рядѣ статей знакомыхъ съ Востокомъ лицъ, изъ бывшихъ участниковъ минувшей войны.

На ряду съ этимъ очерченъ и вопросъ о государственной оборонѣ и значеніи крѣпостей, — вопросъ, правильное и скорѣйшее разрѣшеніе котораго насущно необходимо какъ на востокѣ, такъ и на западѣ.

Мы не имѣемъ возможности подробно останавливаться на отдѣльныхъ статьяхъ сборниковъ, отсылая читателя непосредственно къ нимъ. «Генералъ Фокъ и его «Замѣтки», «Куропаткинъ о причинахъ нашихъ неудачъ въ Манчжуріи», «100-лѣтній юбилей пораженія у Прейсишъ-Эйлау», процессъ Небогатова, статьи о Цусимѣ, «Военно-бюрократическіе этюды» и проч., все это богатое содержаніе съ яркостью обнаруживаетъ, гдѣ корень нашихъ неудачъ и пораженій, изъ него же самъ собою напрашивается тотъ выводъ, что нужно органическое обновленіе арміи, нужна коренная и общая реформа, разрывъ съ военно-бюрократическимъ управленіемъ арміей и обученіемъ и воспитаніемъ ея на старыхъ началахъ и переходъ къ новымъ, современнымъ и жизненнымъ принципамъ командованія и боевой подготовки.

Говоря о сборникахъ, нельзя не остановиться хоть немного на статьяхъ извѣстнаго и уважаемаго военного педагога А. Н. Макарова, подъ заглавіемъ «Военно-педагогическіе наброски». Въ этихъ скромныхъ по заглавію статьяхъ, еще не оконченныхъ, авторъ касается одного изъ наиболѣе важныхъ изъ указанныхъ выше корней современнаго положенія арміи — постановки у насъ военно-учебнаго дѣла. А. Н. Макаровъ, активный дѣятель и убѣжденный сторонникъ милютинской преобразовательной эпохи и ея системы нашего военнаго воспитанія и образованія, указываетъ на дефекты нынѣшней подготовки офицеровъ въ кадетскихъ корпусахъ и на тотъ безусловный вредъ, какой принесло уничтоженіе военныхъ гимназій и созданіе этихъ на старый манеръ военно-учебныхъ заведеній. Д.

Ипполитъ Тэнъ. Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи. Т. I. Старый порядокъ. Спб. 1907. Переводъ Германа Лопатина.

А. Шаховъ. Вольтеръ и его время. Съ портретомъ автора. Спб. 1907.

Если судить только по заглавію книгъ, то можетъ показаться, что сочиненіе Тэна, какъ болѣе широкое по плану, поглощаетъ книгу Шахова, которая относится къ нему, какъ часть къ цѣлому. Дѣйствительно, въ соотвѣт-

ствующихъ главахъ у Тэна мы найдемъ прекрасную характеристику литературныхъ корифеевъ предреволюціонной Франціи, строгую критическую оцѣнку идей, воспринятыхъ ими большею частью изъ Англіи и пущенныхъ ими въ оборотъ на континентѣ. Но у французскаго историка вольтерьянство, энциклопедизмъ и Руссо, какъ они ни важны сами по себѣ для опредѣленія эпохи переоцѣнки тогдашнихъ политическихъ цѣнностей, составляютъ лишь нѣсколько мозаикъ огромной картины и не на нихъ устремлено его главное вниманіе, У Шахова дѣятельность Вольтера, Дидро, Гольбаха и др. выдвинута на первый планъ и рассмотрѣна гораздо полнѣе и подробнѣе, чѣмъ это сдѣлано у Тэна. Такимъ образомъ книга нашего молодого, рано умершаго ученаго является полезнымъ дополненіемъ къ соотвѣтствующимъ главамъ Тэна. Обѣ работы тѣмъ ближе подходятъ другъ къ другу, что въ манерѣ письма, въ умѣньи представить дѣло ясно и отчетливо, наконецъ художественности изложенія въ нихъ замѣчается много общаго, хотя, конечно, научный удѣльный вѣсъ совершенно различенъ.

Капитальный трудъ Тэна, вышедшій въ концѣ 50-хъ годовъ, сразу возбуждалъ шумъ вокругъ имени автора. Одни привѣтствовали эту книгу, видѣли въ ней новую, истинно научную обработку исторіи, другіе готовы были свести ея автора на степень политическаго памфлетиста. За полвѣка, которые отдѣляютъ насъ отъ появленія «Происхожденія современной Франціи», о Тэнѣ накопилась огромная критическая литература, а самое произведеніе его выдержало двадцать четыре изданія. Одно это обстоятельство указываетъ на крупныя достоинства этой книги. Имя Тэна у насъ знакомо едва ли не всякому интеллигентному человѣку, но его трудъ читали, по всей вѣроятности, очень немногіе. Одной изъ причинъ этого явленія было то, что до сихъ поръ не существовало порядочнаго и полнаго перевода этой книги на русскій языкъ.

Сочиненіе Тэна вышло изъ его политическаго недоумѣнія. Въ 1849 г. ему впервые предстояло воспользоваться своимъ правомъ избирателя и подать свой голосъ за кандидатовъ той или другой политической партіи. И вотъ передъ Тэномъ возникъ вопросъ: откуда взялись эти партіи, какъ сложились проповѣдуемая ими теоріи? Стараясь разяснить себѣ эти вопросы, Тэнъ неминуемо пришелъ къ изученію величайшаго изъ политическихъ переворотовъ, перестроеннаго всѣмъ новѣйшимъ политическимъ и социальнымъ понятіямъ и породившаго современныя партіи. Не довольствуясь печатными источниками, онъ застѣлъ за сырой архивный матеріалъ и почерпнулъ тамъ множество свѣжихъ фактовъ, мимо которыхъ пренебрежительно проходили прежніе историки. Тэнъ приступилъ къ изученію революціи не съ готовыми взглядами, а съ готовымъ методомъ. Ему хотѣлось внести въ свое изученіе методологическіе принципы естественныхъ наукъ и наблюдать за политическимъ и социальнымъ превращеніемъ Франціи такъ же, какъ естественникъ наблюдаетъ за превращеніемъ червяка въ бабочку. Конечно, еще вопросъ, насколько такое сближеніе историческаго изученія съ естественными науками допустимо и достижимо, но во всякомъ случаѣ точка зрѣнія Тэна была нова, а примѣненіе его метода на практикѣ дало замѣчательную исторію 40 бурныхъ лѣтъ французской исторіи.

Располагая огромнымъ количествомъ фактовъ, Тэнъ, этотъ настоящій художникъ слова, одаренный строго систематическимъ умомъ, умѣетъ выбрать

изъ нихъ самыя характерныя съ его точки зрѣнія и поставитъ ихъ на надлежащее мѣсто въ книгѣ. Получается нѣсколько холодная, но зато удивительно отчетливая и тонко очерченная картина французской жизни послѣднихъ лѣтъ правленія Людовика XVI, бурнаго и страшнаго трехлѣтня революціи и эпохи Наполеона.

Въ русскомъ переводѣ явился пока первый отдѣлъ сочиненія Тэна, заключающій въ подлинникѣ 5 первыхъ книгъ. Тутъ читатель найдетъ рядъ блестяще написанныхъ главъ объ общественномъ устройствѣ дореволюціонной Франціи, о нравахъ и характерахъ, литературѣ, искусствѣ, научныхъ открытіяхъ, о распространеніи въ массахъ новыхъ идей, словомъ, тщательный анализъ почвы, на которую пали революціонныя сѣмена. Познакомиться съ этимъ анализомъ рѣшительно необходимо всякому, кто хочетъ уяснить себѣ, что же такое былъ этотъ пресловутый XVIII вѣкъ и какъ могла произойти такая грандіозная катастрофа, какъ великая революція.

Вольтеръ — одинъ изъ тѣхъ писателей, которые долгое время были у насъ подъ запретомъ. Когда покойный профессоръ Кириичниковъ вздумалъ въ 80-хъ годахъ перевести извѣстную книгу Морлея о Вольтерѣ, то солидный трудъ англійскаго историка превратился въ русскомъ переводѣ въ небольшую брошюрку. Да и теперь наша литература не можетъ похвалиться обиліемъ критическихъ сочиненій, посвященныхъ этому изумительно разностороннему и плодовитому уму, такъ много сдѣлавшему для позднѣйшихъ поколѣній. Тѣмъ большій интересъ пріобрѣтаетъ самостоятельная работа Шахова, составившаяся изъ лекцій, читанныхъ имъ въ московскомъ университетѣ въ средніе семидесятыхъ годовъ.

За послѣднюю четверть вѣка историческія изысканія расширились и умножились. Вопросы, считавшіеся во времена Шахова рѣшенными и не возбуждающими сомнѣнія, теперь получили совершенно иное освѣщеніе; такъ, напри- мѣръ, вѣчныя жалобы Руссо на враждебныя интриги и козни считались признакомъ охватившей его мании преслѣдованія. Но вотъ одна изъ фанатическихъ поклонницъ Руссо издаетъ два года тому назадъ въ Лондонѣ двухтомное сочиненіе, гдѣ архивными данными съ несомнѣнностью доказано, что Руссо былъ правъ въ своихъ жалобахъ, и что отношенія къ нему Дидро нуждаются въ нѣкоторомъ оправданіи.

Въ семидесятыхъ годахъ, когда Шаховъ вступилъ на кафедру, такія детальныя изслѣдованія еще только начинались, и потому теперь его книга кое въ чемъ устарѣла для спеціалиста. Укажемъ, ради примѣра, на его взглядъ на французское масонство, въ которомъ онъ видитъ исключительно мистическую сторону, никогда не имѣвшую во Франціи многочисленныхъ сторонниковъ. Теперь, послѣ работъ Уимпера Тальмейра и другихъ, нельзя сомнѣваться, что ко времени французской революціи масонство успѣло уже пріобрѣсти тотъ тайный политическій характеръ, которымъ оно отличается и въ наше время, и что оно принимало самое дѣятельное участіе въ революціи, дѣйствуя черезъ безчисленные тогда клубы.

Но для публики эта устарѣлость незамѣтна, и книга Шахова, благодаря блестящему изложенію, явится прекраснымъ подспорьемъ для знакомства съ французской предреволюціонной литературой.

А. Б.

Сто лѣтъ борьбы польскаго народа за свободу. По Б. Лимановскому, Л. Кульчицкому и др. составлено подъ ред. Ю. Подвинскаго. Спб. 1907.

Несмотря на тѣсную связь, какая существуетъ между Россіей и Польшей, мы плохо знаемъ послѣднюю. Интересъ къ ея исторіи, къ ея внутренней жизни вспыхивать среди русскихъ, какъ справедливо отмѣчаетъ Ю. Подвинскій, лишь тогда, когда поляки сами напоминали о своемъ существованіи... съ помощью вооруженныхъ возстаній. А между тѣмъ, знакомство какъ съ исторіей, такъ и съ современнымъ состояніемъ Польши необходимо особенно теперь, когда на очереди стоитъ пересмотръ русско-польскихъ отношеній.

Не давая почти ничего или очень мало въ области прошлой исторіи Польши, разсматриваемая книга заключаетъ въ себѣ богатый матеріалъ для ознакомленія съ тѣмъ, что представляла изъ себя Польша въ послѣднія 100 лѣтъ, и каково ея внутреннее положеніе въ настоящее время. Конечного научнаго освѣщенія судебъ польскаго народа въ XIX вѣкѣ читатель здѣсь не найдетъ, такъ какъ характеръ книги прежде всего — публицистическій, а освѣщеніе и оцѣнка нѣкоторыхъ историческихъ фактовъ страдаютъ иногда субъективностью и тенденціозностью. Но это не уменьшаетъ ея значенія. Дѣйствительно, вѣдь для того, чтобы узвать современное состояніе Польши, помимо однихъ фактовъ, нужно познакомиться и со взглядами, какіе распространены въ той или иной группѣ польскаго общества, и выразителями которыхъ являются авторы трудовъ, которыми пользовались составители книги. Съ этой оговоркой подобныя книги не только приемлемы, но и заслуживаютъ широкаго распространенія, какъ первыя вѣхи на пути русско-польскаго сближенія.

Основу послѣдней книги составляетъ напечатанное въ Краковѣ въ 1894 г. и недавно переизданное во Львовѣ сочиненіе Болеслава Лимановскаго «Stoletnia walka narodu polskiego o niepodległość (съ иллюстраціями. Изд. «Польскаго издательскаго общества»». Лимановскій извѣстенъ какъ видный польскій общественный дѣятель и публицистъ-соціологъ, и перу его принадлежитъ нѣсколько отдѣльныхъ монографій. Въ русскомъ изданіи его сочиненіе подверглось переработкѣ и сокращенію, и, по обыкновенію, такая переработка послужила не къ лучшему. По объясненію редактора, «съ одной стороны... были выпущены излишнія для русскаго читателя подробности и всѣ тѣ мѣста, гдѣ авторъ излагаетъ свои субъективные взгляды и симпатіи; съ другой стороны, нѣкоторыя главы были дополнены или даже совсѣмъ передѣланы», а двѣ заключительныя главы, посвященныя событіямъ послѣднихъ 40 лѣтъ, слѣдовавшимъ за польскимъ возстаніемъ 1863 года, составлены по работамъ Кульчицкаго и Плохоцкаго. Отъ такой передѣлки книга Лимановскаго, по нашему мнѣнію, лишь пострадала. «Субъективные взгляды и симпатіи» автора познакомили бы русскаго читателя со взглядами и политической программой извѣстныхъ польскихъ круговъ, выразителемъ которыхъ онъ является, а между тѣмъ они опущены. Точно также пропущено въ высшей степени интересное мѣсто книги, гдѣ говорится о реакціи, охватившей нѣкоторую часть польскаго обще-

ства въ царствованіе Александра I. Рѣшительно ничѣмъ не оправдываются и дальнѣйшія переработки и сокращенія труда В. Лимановскаго. Дополненія же, сдѣланныя къ его книгѣ на основаніи работъ Плохоцкаго и Кульчицкаго, намъ кажутся также излишними, такъ какъ и работа перваго, «Современная Польша», и работа втораго, «Исторія социалистическаго движенія въ русской Польшѣ», уже переведены на русскій языкъ. Кромѣ того, періодъ «ста лѣтъ», о которомъ говоритъ заглавіе, имѣлъ смыслъ въ первомъ изданіи монографіи В. Лимановскаго на польскомъ языкѣ, вышедшемъ въ 1894 году, такъ какъ изложеніе прошлаго польскаго народа у него начиналось съ 1794 г., съ Барской конфедераціи.

И только за неимѣніемъ полнаго перевода книги Лимановскаго приходится рекомендовать ея передѣлку всѣмъ, кто хочетъ составить себѣ мнѣніе о современной Польшѣ, такъ какъ, повторяемъ, въ ней заключается богатый фактическій матеріаль.

А. Я.

М. М. Покровскій. Очерки по римской исторіи и литературѣ. Спб. 1907.

Въ 1906 г. мы дали на страницахъ «Ист. Вѣст.» краткую замѣтку о сочиненіи И. И. Семенова «Иудеи и греко-римскій міръ» (Москва, 1905), причѣмъ старались доказать всю ненаучность этой работы, упорно проводящей юдофильскую тенденцію, будто на цѣломъ рядѣ памятниковъ римскаго законодательства, по преимуществу въ области брачнаго и семейнаго права, отразилось вліяніе еврейскихъ раввиновъ. Теперь къ вопросу этому вернулся профессоръ московскаго университета М. М. Покровскій и въ сочиненіи, заглавіе котораго приведено выше, съ неоспоримой точностью показалъ, какъ далеко отъ истины завели г. Семенова его юдофильскія симпатіи. Разбирая шагъ за шагомъ всю аргументацію г. Семенова, нашъ авторъ выясняетъ историческую и бытовую обстановку, вызвавшую появленіе въ Римѣ, и притомъ совершенно самостоятельное и независимое, тѣхъ законовъ, которые его предшественники считали вышедшими изъ раввинскихъ школъ. Если эти законы и испытали какое-нибудь вліяніе, то его можно видѣть только въ греческой философіи и поэзіи. Подробно авторъ разбираетъ брачное законодательство Августа (стр. 24—58), иллюстрируя свое изложеніе весьма тонкимъ юридическимъ анализомъ нѣсколькихъ случаевъ изъ судебной практики того времени. Особенно интересенъ анализъ напумѣвшаго при императорѣ Траянѣ дѣла Галитты. Изученіе законодательной дѣятельности Августа приводитъ г. Покровскаго къ тому писателю, надъ истолкованіемъ котораго онъ такъ много и такъ успѣшно поработалъ въ предшествующихъ своихъ трудахъ, — къ Овидію (стр. 58 сл.). Чрезвычайно остроумно сопоставляя тексты отдѣльныхъ произведеній Овидія съ законами Августа, авторъ доказываетъ, что Овидій весьма неосторожно и упорно высмѣивалъ тѣ мѣропріятія Августа, которымъ императоръ придавалъ особенное значеніе. Естественно, что Августъ не потерялъ такого непрощеннаго критика своихъ реформъ въ области правовъ, тѣмъ бо-

«Истор. вѣстн.», декабрь, 1907 г., т. сж.

22

лѣе опаснаго, что критикъ этотъ обладалъ громаднымъ талантомъ, и вотъ Августъ отправляетъ Овидія въ ссылку. Такимъ образомъ благодаря г. Покровскому исторія римской литературы наконецъ-то получила серьезное и строго провѣренное рѣшеніе такого важнаго вопроса, какъ ссылка Овидія, сдѣланныя же остроумнымъ авторомъ сопоставленія овидіевскихъ текстовъ съ памятниками римскаго права пролили совершенно новый свѣтъ на весьма многія стихотворенія Овидія. Изъ этого краткаго перевода содержанія новаго труда почтеннаго московскаго профессора видно, какъ важна его работа и для историковъ Рима, и для юристовъ, и для филологовъ. Нельзя также не признать, что любопытная полемика гг. Семенова и Покровскаго лишній разъ доказала справедливость извѣстнаго изреченія Гете: плохая и совершенно ложная по своей задачѣ работа г. Семенова оказалась очень полезной тѣмъ, что вызвала появленіе прекраснаго труда профессора Покровскаго. —р—

Памятная книжка Архангельской губерніи на 1907 годъ. Составлена секретаремъ статистическаго комитета Н. А. Голубцовымъ. Архангельскъ. 1907.

Помимо обычныхъ въ «памятныхъ книжкахъ» справочныхъ свѣдѣній по губерніи и адресъ-календаря, здѣсь находимъ еще статьи: г. Молчанова «Крестьянская свадьба въ южной части Шенкурскаго уѣзда» и Д. Зеленина «Архангельская губернія въ началѣ XIX-го вѣка».

Г. Молчановъ подробно описываетъ «истовую» свадьбу шенкурскихъ крестьянъ, замѣчая, что у бѣдняковъ многое изъ свадебнаго ритуала опускается, а у богачей-крестьянъ, напротивъ, привносятся городскіе, чуждые деревнѣ, обычаи и обряды. Въмѣстѣ съ описаніемъ ритуала въ статьѣ дается рядъ хорошо записанныхъ старинныхъ свадебныхъ пѣсенъ и небольшой приговоръ дружки.

Д. Зеленинъ описываетъ любопытную рукопись 1802 года, хранящуюся теперь въ библиотекѣ юрьевскаго университета, куда она поступила отъ знаменитаго естествоиспытателя К. Бэра. Рукопись официального происхожденія и посвящена главнымъ образомъ статистическому описанію губерніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ содержитъ въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ исторіи края, данныя о промыслахъ и торговлѣ губерніи, о мѣстныхъ инородцахъ и т. п. Наиболѣе интересныя данныя изъ рукописи приведены въ разсматриваемой статьѣ.

«Статистическій обзоръ Архангельской губерніи за 1905 годъ», составленный редакторомъ книжки, подробенъ и интересенъ. **З.**

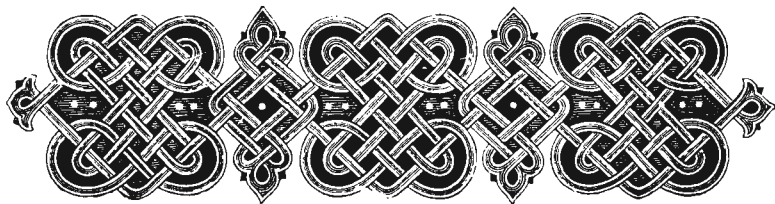
Historya Polski. Napisat Józef Balaban. Wydanie drugie rozszerzone i ozdobione 136 rycinami. Львовъ. 1906.

Историческій очеркъ, охватывающій всю исторію польскаго народа до нашихъ дней (вошли, напримѣръ, событія въ царствѣ Польскомъ самаго послѣдняго времени), написанъ сжато, опредѣленными штрихами, дѣльно, иногда съ очень крайней точки зрѣнія. Несмотря на послѣднее, въ книжкѣ не замѣтно того шовинизма, который, казалось бы, составлялъ всю основу историческаго очерка, — такъ какъ авторъ говоритъ просто и не подчеркиваетъ того, что подъ перомъ другого популяризатора накладывало бы извѣстную печать тенденціозности. Особенно благоприятное впечатлѣніе производятъ вводныя главы — небольшіе экскурсы, безъ которыхъ много въ исторіи Польши осталось бы читателямъ непонятнымъ. Изъ такихъ экскурсовъ отмѣтимъ слѣдующіе: Русь, Крестоносцы, Татары, внутреннія отношенія въ Польшѣ въ эпоху раздѣленія и затѣмъ въ слѣдующія эпохи, Литва, Турки, Москва, Казаки и др. Отдѣлъ новой исторіи, послѣ раздѣловъ, переданъ подробно, причѣмъ изъ него легко составить картину всего, сдѣланнаго поляками послѣ возстанія 1863 года въ области культурно-экономической.

I. Балабанъ обращаетъ вниманіе и на литературу, почему особая глава посвящена у него Сенкевичу и Конопницкой. Почему выборъ его палъ только на этихъ двухъ писателей, намъ нѣсколько непонятно, такъ какъ для польскаго дѣла имѣютъ значеніе и другіе. Между прочимъ, въ текстѣ приводятся тѣ самыя «революціонныя» пѣсни, которыя до самаго послѣдняго времени считались чѣмъ-то необыкновенно опаснымъ и за которыя исполнители нерѣдко подвергались преслѣдованіямъ. Это — «Z dymem rozarów» (сочиненіе извѣстнаго поэта Корнеля Уейскаго по поводу событій 1846 года), «Jeszcze Polska nie zginęła» (сочиненіе генерала Выбицкаго — обращеніе къ генералу Домбровскому, 1797 года), «Boże, coś Polskę przez tak liczne wieki» (сочиненіе А. Нелинскаго по поводу возстановленія королевства въ 1815 г.). Изъ этого русскому читателю будетъ видно, что всѣ эти пѣсни имѣютъ историческое значеніе и нѣсколько не связаны съ возстаніями, и т. д. Вообще, для того, чтобы судить о мирныхъ тенденціяхъ автора, достаточно привести эпитафій ко всей его «Исторіи», взятый изъ «Манифеста демократическаго общества 1836 года»: «Польша можетъ воскреснуть цѣлой и самостоятельной при помощи свободнаго польскаго народа., пойти въ народъ не съ косами и не съ ножомъ, а съ любовью и книгой историческихъ дѣяній въ рукѣ».

Предназначенная для широкаго распространенія, «Исторія Польши» I. Балабана написана доступно, всѣ иностранныя и научныя термины объясняются въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, текстъ богато иллюстрированъ видами городовъ, зданій, археологическихъ памятниковъ, портретами, историческими сценами и т. д. Многіе снимки сдѣланы съ картинъ извѣстныхъ художниковъ, но не всѣ клише отпечатаны удачно. Плохое впечатлѣніе оставляетъ масса пропущенныхъ опечатокъ; если онѣ недопустимы въ научномъ изданіи, то въ предназначенномъ для народа онѣ недопустимы еще въ большей степени.

А. Я.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

АНДРЭНЪ, генераль-капитанъ контрабандистовъ.—
Никогда французскій народъ такъ не страдалъ, изнывая подъ
тяжестью налоговъ на такіе необходимые предметы, какъ, на-
примѣръ, соль, и придумывая различныя хитрости для избѣ-
жанія уплаты, какъ во время царства откупщиковъ, появи-
вшихся во Франціи еще при Кольберѣ. Для увеличенія коро-
левскихъ доходовъ сборъ налоговъ былъ переданъ компаніи
капиталистовъ, которая въ половинѣ XVIII вѣка состояла изъ
сорока членовъ. Ихъ центральная администрація помѣщалась
въ Парижѣ, въ роскошномъ домѣ Суассонъ, въ улицѣ Гре-
нель Сентъ-Онорэ. Раздѣливъ Францію на тридцать де-
партаментовъ, въ которые входили тысяча бюро съ болѣе
чѣмъ четырьмя тысячами второстепенныхъ отдѣленій и во
времена Неккера съ 250.000 чиновниковъ, эти кровопийцы высасывали изъ
народа послѣдніе соки. Излишекъ, полученный сверхъ определенной суммы
въ пользу короля, шелъ въ личный доходъ компаніи, поэтому нечего гово-
рить, съ какимъ рвеніемъ собирались налоги, и пятидесятая, а затѣмъ ше-
стидесятая часть всего національнаго богатства переходила въ ея руки.
Откупщики подбирались изъ подонковъ общества, но крайней мѣрѣ въ по-
ловинѣ XVII вѣка, и хотя все относилось къ нимъ презрительно, но деньги
открывали имъ путь повсюду. Самые богатые и роскошные дома, самыя кра-
сивыя женнины принадлежали имъ. Эти вампиры, создававшіе свое бла-
гополучіе изъ народнаго пота, руководствуясь правиломъ: «чтобы подчи-
нить крестьянъ, надо ихъ отягчать налогами, и чтобы привести къ послуша-
нію дворянина, надо его сдѣлать бѣднѣе», не стѣснялись средствами и
безпопачно давили народъ налогами. Искать защиты ему было негдѣ:
все власть имущіе соблазнялись подкупомъ. Главный финансовый контро-
леръ, на обязанности котораго лежало оберегать народъ отъ произвола

откупщиковъ, получалъ при каждомъ возобновленіи договора между правительствомъ и откупщиками 300.000 франковъ. Другіе министры довольствовались ежегодными подарками на 200.000 франковъ, невзирая на колебаніе суммы дохода. Кромѣ того, изъ кассы откупщиковъ раздавались подачки и пенсіи всѣмъ вліятельнымъ при дворѣ лицамъ, начиная съ короля, кончая придворными и танцовщицами, фаворитками царедворцевъ.

Мало того, что налоги были чудовищно непомѣрны и произвольны, для каждой мѣстности различныя, смотря по желанію сборщика, но еще способъ взиманія ихъ вызывалъ въ народѣ негодованіе. Сборщики врываются въ дома, когда хотѣли, дѣлали обыскъ даже въ постеляхъ по ночамъ, срывали съ женщинъ одежды изъ контрабандной матеріи, кулаками разбивали трубки въ зубахъ курящихъ контрабандный табакъ. Приходилось платить, сколько бы ни потребовалъ сборщикъ налоговъ, безъ провѣрки и расписки, и Мальзербъ мѣтко прозвалъ законъ о взиманіи налоговъ—«окультурческой наукой». Начиная съ сорока членовъ капиталистовъ и кончая самыми мелкими служащими въ откупѣ, каждый стремился побольше набить себѣ карманы, и графъ Прованскій, будущій король Людовикъ XVIII, впоследствии мѣтко охарактеризовалъ настроеніе народа слѣдующей фразой: «Послѣдствія этихъ налоговъ настолько страшны, что нѣтъ такого добраго гражданина, который не хотѣлъ бы заплатить хотя бы своей кровью за уничтоженіе подобнаго порядка».

Дѣйствительно, такой гражданинъ явился: это былъ Луи Мандрэнъ, контрабандистъ и разбойникъ, какимъ его обыкновенно изображали прежніе историки. Этотъ герой, если и не могъ совершенно уничтожить царившій произволъ, то хотя временно облегчалъ горькую участь небольшой горсти гражданъ. Его популярность не только на его родинѣ, въ Дофинѣ, но и повсюду была такъ велика, гдѣ ему приходилось дѣйствовать съ своимъ отрядомъ, что ему посвящали книги, брошюры, стихи, героическія поэмы, эпическія и народныя пѣсни, пьесы-мандринады, памфлеты и проч. Художники просили у Мандрэна разрѣшенія дѣлать съ него портреты. Гравюры, на которыхъ увѣковѣчены самые выдающіеся факты его жизни, расходились въ тысячахъ экземпляровъ. Савояры, показывающіе по дворамъ сурковъ, продавали его портреты. Наконецъ, въ его честь были выбиты медали. Слава о немъ сохранилась до сихъ поръ, и за жителями мѣстечка Сентъ-Этьена де-Сентъ-Жуаръ и его окрестностей (мѣсто рожденія этого контрабандиста) такъ и осталось прозвище «мандриновъ». Домъ, гдѣ онъ родился, какъ памятникъ, заботливо оберегается горожанами, и его осматриваютъ пріѣзжіе, какъ историческую достопримѣчательность. Насколько жители Дофинѣ чтутъ память Мандрэна, считая его чуть не за святого, свидѣтельствуетъ Викторъ Адьенъ, секретарь подпрефекта, занимавшійся изслѣдованіемъ исторіи этого контрабандиста. Когда онъ спросилъ старуху, показывавшую ему этотъ домъ, что сдѣлалось съ Мандрэнномъ, то она, восторгаясь его геройскимъ поведеніемъ, съ горечью и гнѣвомъ отвѣтила: «Они его убили!»

Къ правдѣ примѣшивалась и неправда; много создалось о немъ ложныхъ легендъ, какъ, на примѣръ, будто сначала онъ дѣлалъ фальшивыя монеты, а

затѣмъ превратился въ разбойника, убивалъ людей и проч. Мало того, даже показывали Вальмскій гротъ, гдѣ онъ будто бы занимался поддѣлкой монетъ. Серьезное изслѣдованіе французскаго историка Функъ-Брентано, посвятившаго свой трудъ¹⁾ выясненію этой любопытной личности, уничтожаетъ эти легенды. Основательно ознакомясь съ массою документовъ, хранящихся въ министерскихъ архивахъ и собравъ всевозможныя о немъ сочиненія, Функъ-Брентано даетъ вѣрную характеристику этого контрабандиста и уничтожаетъ дурныя о немъ легенды. Въ его обрисовкѣ Мандрэнъ является не бандитомъ, а мстителемъ и защитникомъ народныхъ правъ.

Луи Мандрэнъ родился 11 февраля 1725 г. въ скромной семьѣ купца, женатаго на дѣвушкѣ изъ лучшей мѣстной купеческой семьи. Его дѣдъ, разбогатѣвшій купецъ, раздѣлилъ между сыновьями свое богатство, которое, раздробившись, не представляло уже крушой цифры. Поэтому, когда умеръ его отецъ, то на рукахъ семнадцатилѣтняго Луи осталась цѣлая семья: мать, четыре брата и четыре сестры. Какимъ образомъ изъ скромной семьи купца вышелъ легендарный бандитъ, авторъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ. Еще ребенкомъ Луи слышалъ въ лавкѣ отца, торговавшего также лошадьми, различные разговоры и жалобы на произволъ откупщиковъ, притѣснявшихъ торговцевъ. Его возмущала еще болѣе несчастная участь обремененныхъ непосильнымъ трудомъ, голодающихъ крестьянъ, за счетъ которыхъ разжирѣвшіе откупщики кутили и сорили деньгами на чудовищныя оргіи. Мандрэну было трудно содержать семью, и онъ старался развить дѣло, оставшееся послѣ отца: ѣздилъ по ярмаркамъ, арендовалъ пастбища и торговалъ скотомъ.

Послѣ смерти отца онъ вполне подчинился вліянію своей матери — женщины съ живымъ воображеніемъ, до крайности рѣшительной, но неразумительной. Полный энергіи и юнаго задора, Мандрэнъ не могъ примѣнить ихъ избытка ни къ какому серьезному дѣлу, живя среди провинціальной обстановки, и потому, какъ говорятъ легенды, онъ любилъ кутить: много пилъ, курилъ, заводилъ ссоры и проводилъ время въ кабакахъ. Въ 1747 г. двадцатилѣтній Луи взялся за поставку муловъ на пьемонтскую армію. На его несчастіе, онъ лишился почти всѣхъ ихъ при перевозкѣ фуража и тщетно просилъ откупщиковъ уплатить ему ихъ стоимость. Ему не только не уплатили за нихъ, но даже отказали выдать деньги за доставку провіанта. Потерпѣвъ такой убытокъ, Мандрэнъ еще болѣе возненавидѣлъ откупщиковъ, и эта ненависть дошла до высшей степени, когда по доносу одного агента откупщиковъ, Морэ, былъ казненъ братъ Луи за производство фальшивыхъ монетъ, — отсюда составила легенда о Луи, какъ о фальшивомъ монетчикѣ. Кромѣ того, его самого заочно приговорили къ колесованію за участіе въ одномъ кровавомъ столкновеніи между мѣстной молодежью. Въ немъ закипѣла злоба, и онъ рѣшился мстить откупщикамъ за народъ и за себя.

¹⁾ Mandrin, capitaine général des contrebandiers. Par Frantz Funck-Brentano, «Revue des deux Mondes», 1 août, 4 septembre 15 septembre, 1907.

Въ то время во Франціи разбойники, контрабандисты пользовались благоволеніемъ не только низшаго класса, но даже дворянъ и духовенства. Смѣлые бандиты всегда находили пріютъ у кабатчиковъ, фермеровъ и священниковъ. Фермеры доставляли имъ пищу и скрывали ихъ товары, давали въ проводники своихъ слугъ; контролеры откупщиковъ безпрестанно жаловались управляющимъ, что «священники употребляли контрабандный табакъ, ихъ дома служили пристанищемъ для контрабандныхъ товаровъ, которые они прятали даже въ церквахъ». Въ замкахъ дворянъ устраивались склады товаровъ, и они не отвращали своихъ вассаловъ отъ занятія контрабандой. Судьи гренобльскаго парламента не только покровительствовали контрабандистамъ, но даже вносили свои доли въ ихъ предпріятія. Солдаты относились къ нимъ сочувственно. И чѣмъ строже наказывали контрабандистовъ, тѣмъ они становились популярнѣе и считались друзьями народа. Конечно, откупщики жестоко преслѣдовали ихъ: они завели отряды изъ воровъ и самыхъ низкихъ разбойниковъ, которыхъ высылали противъ контрабандистовъ.

Однимъ изъ смѣлыхъ главарей шайки былъ въ это время Жанъ Белизаръ. Мандрэнъ уже давно прислушивался къ различнымъ разговорамъ объ его походахъ, а когда тотъ смѣло освободилъ изъ мѣста заключенія въ домѣ директора откупа одного своего товарища, то Луи вступилъ въ его банду и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ сдѣлался ея начальникомъ. Съ этимъ временемъ связанъ особый расцвѣтъ контрабандистскаго предпріятія. Свои банды Мандрэнъ организовалъ въ Савойѣ, въ то время не принадлежавшей Франціи.

Банды контрабандистовъ составлялись изъ начальниковъ, слугъ и поденщиковъ. Начальниками дѣлались люди со средствами, имѣвшіе возможность купить лошадей, оружіе, контрабандные товары и платить жалованье слугамъ и поденщикамъ. Каждымъ отрядомъ командовалъ отдѣльный начальникъ, но прежде, чѣмъ предпринять какую-нибудь кампанію, начальники собирались и устраивали выборы общаго предводителя, капитана. Съ того времени, какъ Мандрэнъ вступилъ въ банду Жана Белизара, его всегда выбирали предводителемъ, почему газеты того времени называли его главнымъ предводителемъ контрабандистовъ. Предводитель имѣлъ безусловную власть надъ всѣми, даже самими начальниками. Только по поводу очень важныхъ событій собирався совѣтъ, игравшій роль трибунала, когда надо было судить кого-нибудь изъ членовъ. Планъ кампаніи и прочія подробности предстоящаго похода рѣшались лично предводителемъ, который не сообщалъ другимъ начальникамъ своихъ рѣшеній, во избѣжаніе измѣны.

«Мандрэны» впервые появились во Франціи 2 января 1754 г. Сдѣлавъ набѣгъ на бригаду откупщиковъ, обезоруживъ ихъ и разбросавъ ихъ реестры, контрабандисты исчезли, какъ вѣтеръ, угрожая солдатамъ болѣе серьезной расправой, если они будутъ продолжать службу въ откупѣ. Чрезъ нѣсколько дней, 5 января, самъ Мандрэнъ, взявшій себѣ девизомъ «разбогатѣть, доставляя удовольствіе другимъ», вступилъ въ Шартрскія горы съ своей маленькой арміей, состоявшей изъ отборныхъ людей, отличавшихся хорошей репутаціей и вооруженныхъ съ головы до ногъ, съ маленькой пушкой, съ мулами, нагруженными товарами, главнымъ образомъ табакомъ, приобретеннымъ на швей-

царскихъ плантаціяхъ. Кромѣ того, у него была вышитая индѣйская кисея и матеріи, какихъ еще не дѣлали во Франціи, купленные на швейцарскихъ фабрикахъ или привезенныя изъ Индіи на англійскихъ корабляхъ. Каждый контрабандистъ былъ вооруженъ мушкетомъ, двумя сѣдельными пистолетами, двумя карманными, и у многихъ было еще по пистолету за полями шляпы, и, кромѣ того, охотничій ножъ. Они сидѣли на маленькихъ, быстрыхъ и сильныхъ лошадяхъ, разводимыхъ для нихъ въ горахъ, преимущественно священниками. Они были неувидимы на такихъ лошадяхъ.

Мандрэнъ расположился съ товарами недалеко отъ мѣстечка, гдѣ онъ родился, и, узнавъ, что его собираются атаковать стражники откупщиковъ, отправился къ нимъ навстрѣчу съ горстью людей. Съ перваго же раза онъ заслужилъ себѣ свою знаменитую капитанскую шляпу, черную съ золотымъ галуномъ. Подъ его командой находился и Белизаръ. Въ это время Луи Мандрэну было 29 лѣтъ. Послѣ первой удачи онъ началъ смѣло странствовать съ своими товарами, которые продавалъ по гораздо низшей цѣнѣ, чѣмъ откупщики, при чемъ у него были иностранные товары, какихъ не было у нихъ. Обыкновенно онъ располагался лагеремъ, который окружалъ вооруженными людьми, и объявлялъ мѣстнымъ жителямъ о выгодномъ случаѣ пріобрѣсти дешево товары. Къ нему являлись женщины, начиная съ владѣлицъ замковъ, кончая крестьянками. Стражники откупщиковъ издали любовались этой картиной, но не приближались. Распродавъ на одномъ мѣстѣ часть товаровъ, Мандрэнъ съ быстротою молніи направлялся въ другое мѣсто, и это дѣлалось такъ быстро, что производило впечатлѣніе, будто онъ былъ вездѣсущъ. Смѣлость этихъ бандитовъ доходила до того, что они не только ввозили въ государство запрещенные товары, но еще нападали на конторы откупщиковъ и отбирали у сборщиковъ налоговъ ихъ выручку.

Его бандиты вели себя безупречно, если не считать случайностей, за которыя ихъ судили свои же товарищи. Однажды какой-то пьяница оскорбилъ одного изъ контрабандистовъ, и тотъ, желая наказать грубіяна, погнался за нимъ въ домъ, куда тотъ скрылся, и выстрѣлилъ. На его несчастіе, пуля сразила неповинную молодую беременную женщину. По этому дѣлу было созванъ совѣтъ, и контрабандистъ долженъ былъ залатить двадцать два ливра за похороны.

Успѣхи Мандрэна испугали откупщиковъ, и они выхлопотали указъ, запрещавшій подъ угрозой строгихъ наказаній покупать запрещенные товары. Этотъ указъ былъ прочитанъ въ церквахъ и наклеенъ на деревьяхъ и углахъ улицъ. Такія мѣры только раздражили Мандрэна, и онъ рѣшилъ проучить откупщиковъ, заставивъ ихъ самихъ же купить его товары. Однажды въ день ярмарки, великолѣпно одѣтый, онъ вступилъ въ Риньявъ подъ звуки барабановъ и свирѣлей. Во то время, какъ часть его отряда занялась продажей товаровъ, онъ отправился въ контору откупщиковъ, сопровождаемый нѣсколькими бандитами и мулами, нагруженными табакомъ. Представитель откупщиковъ отказался открыть ему дверь, и Мандрэнъ принужденъ былъ ее выбить. Указывая на товары, онъ произнесъ: «Не думайте, что все это сновидѣніе. То, что вы видите, настоящій табакъ. Вапъ хуже; я вамъ

этотъ оставляю по сорока су за фунтъ и не хочу продавать никому, кромѣ васъ». Откупщикъ не могъ прийти въ себя и дѣйствительно думалъ, что грѣзять, но, увидѣвъ выстроенныхъ въ рядъ предъ его домомъ вооруженныхъ бандитовъ, онъ убѣдился, что все это дѣйствительность. Противорѣчить Мандрэну было невозможно, и онъ долженъ былъ уплатить ему, что тотъ потребовалъ. Мандрэнъ выдалъ ему форменную расписку. Подобныя сцены повторились въ различныхъ мѣстностяхъ.

На обратномъ пути Мандрэнъ узналъ отъ одного горожанина, что за нѣсколько дней предъ тѣмъ у бандитовъ были отобраны пять ружей и одинъ карабинъ, которые хранятся въ ратушѣ. Не долго думая, Мандрэнъ написалъ судѣ Сегюре записку, требуя выдать ему оружие, иначе угрожалъ поджечь его домъ. Сегюре струсилъ, отыскалъ оружие, прикупилъ одно ружье взамѣнъ затерявагося и вручилъ контрабандистамъ. Смѣлость Мандрэна дошла до того, что, раздавъ оружие тѣмъ изъ бандитовъ, у которыхъ его не хватало, онъ отправилъ оставшееся на храненіе въ жандармерію и потребовалъ расписку, предупреждая, что вскорѣ снова явится и тогда возьметъ его обратно.

Это была его первая удачная кампанія. Обыкновенно послѣ распродажи товара банда распускалась до слѣдующаго предиріятія, и начальники вручали свое оружіе довѣреннымъ слугамъ съ приказомъ возвратитъ его въ Савойю, гдѣ они должны были брать его изъ опредѣленнаго пункта. Поденщики также распускались, получивъ свою долю прибыли съ кампаніи, но вычетъ основного капиталъ съ процентами для возвращенія важнымъ лицамъ, которыя его давали на предиріятіе. Затѣмъ, избравъ съ общаго согласія мѣсто будущаго свиданія въ Савойѣ или Швейцаріи, бандиты расходились по домамъ, какъ самые смиренныя изъ подданныхъ французскаго короля.

Послѣ этого предиріятія Мандрэнъ не пошелъ домой: онъ рѣшилъ прежде всего отомстить за казненнаго брата и убить Морэ, предавшаго его палачамъ. Въ это время Морэ гулялъ на церковной площади съ своимъ полуторогодовалымъ ребенкомъ. Увидя Мандрэна съ карабиномъ въ рукахъ, несчастный упалъ на колѣни и, взявъ на руки ребенка, протягивалъ его къ бандиту, прося помилованія. Мандрэнъ спокойно посмотрѣлъ на него и спросилъ: «Не ты ли находился на службѣ въ то время? Не ты ли накинулъ петлю на шею моего брата?» Морэ продолжалъ кричать, прося пощады. Но Мандрэнъ его не слушалъ и произнесъ: «Отстрани ребенка, я буду стрѣлять». Но Морэ продолжалъ твердить: «пощади!» Тогда Мандрэнъ выстрѣлилъ, и ребенокъ съ отцомъ были убиты. Послѣ этого онъ вернулся въ Савойю, свое вѣрное убѣжище.

Публика съ перваго дня поняла, что Мандрэнъ врагъ только откупщиковъ, а питаемая всѣми классами ненависть къ нимъ заставляла относиться къ этому контрабандисту сочувственно. Однако, симпатизируя ему, нѣкоторые все-таки спрашивали его, зачѣмъ онъ убиваетъ столько служащихъ въ откупъ. На это Мандрэнъ всегда отвѣчалъ, что и самъ онъ не мало теряетъ товарищей. Удачныя набѣги мандринатовъ настолько встревожили откупщиковъ, что они отправили противъ нихъ цѣлый полкъ, съ полковникомъ

Магаллономъ дела-Морліеромъ во главѣ. Этотъ полкъ состоялъ изъ всякаго рода подонковъ общества всевозможныхъ національностей, до негровъ включительно, способныхъ на всякаго рода преступления. Имъ командовали офицеры, которые подчинялись уполномоченному откупщиковъ Бурэ д'Эрины. Губернаторъ Отэна писалъ военному министру, спрашивая, когда наконецъ перестанутъ оцѣплять унизительнымъ и дорого стоящимъ отрядомъ цѣлыхъ три или четыре провинціи, единственно изъ-за этого бандита.

Однако эти мѣры не могли остановить этого, по выраженію Вольтера, «великодушнѣйшаго изъ контрабандистовъ», и онъ продолжалъ свое дѣло. «У этого Мандрэна крылья, — писалъ Вольтеръ: — онъ быстръ, какъ свѣтъ. Всѣ кассиры откупщиковъ бѣжали въ Страсбургъ. Мандрэнъ заставляетъ трепетать членовъ фиска. Это вихрь, это градъ, опустошающій золотыя нивы откупа. Народъ безумно любитъ этого Мандрэна. Онъ восхищается тѣми, кто пожираетъ людодѣдовъ».

Дѣйствительно, популярность Мандрэна все болѣе и болѣе росла: его знали и въ замкахъ и въ хижинахъ. Когда онъ съ своими контрабандистами вернулся на берега Женевского озера, Вольтеръ писалъ герцогинѣ Саксен-Кобургъ-Готской: «Три мѣсяца тому назадъ Мандрэнъ былъ только воромъ, а теперь — побѣдитель. Онъ заставилъ королевскіе города платить ему контрибуцію и изъ прибыли даетъ своимъ солдатамъ больше, чѣмъ король своимъ. Народъ стоитъ за него, потому что усталъ отъ покоя и откупщиковъ. Этотъ разбойникъ можетъ сдѣлаться знаменитостью и имѣть важное будущее. Революція въ Персіи не иначе началась. Патеры молинисты говорятъ, что Богъ наказываетъ короля за то, что онъ возстаетъ противъ свидѣтельствъ объ исповѣди, а патеры-янсенисты говорятъ, что Богъ наказываетъ его за то, что у него есть любовница. Ни янсенисты, ни молинисты, Мандрэнъ грабитъ, что можетъ, въ ожиданіи, когда разъяснится вопросъ о помилованіи. Парижу все равно; онъ думаетъ только о своемъ удовольствіи».

Изъ церковныхъ книгъ кантона Сенъ-Кальмье видно, съ какой симпатіей относились къ Мандрэну жители; они приглашали его на свадьбы и крестины. Въ одинъ только годъ, совершивъ пять экспедицій, Мандрэнъ нажилъ 300.000 франковъ, которые хранились у маркиза Шомино, тестя президента гренобльскаго парламента, и у маркиза Северина, обладавшаго лучшимъ замкомъ въ странѣ. Мандрэна приглашали на свадьбы и празднества въ замки, и въ его честь устроены были обѣды въ замкѣ Навейзи, въ Савойѣ; въ другомъ замкѣ онъ провелъ нѣсколько дней весною вмѣстѣ съ своимъ помощникомъ. Его принимали въ лучшихъ савойскихъ семействахъ, и онъ обѣдалъ у председателя гренобльскаго суда даже послѣ того, какъ тотъ его приговорилъ заочно къ колесованію. Въ Шамбери его приговорили къ повѣшенію, но тѣмъ не менѣе всѣ продолжали его приглашать, и даже главный судья. Онъ умѣлъ вести блестящій разговоръ, вносилъ въ общество веселье, и всѣ смолкали за столомъ, когда онъ начиналъ говорить. Дамы въ салонахъ наперебой спѣшили овладѣть имъ, и съ своей стороны онъ былъ при всѣхъ обстоятельствахъ учтивъ и вѣжливъ съ ними; впрочемъ, однажды, ворвавшись въ домъ къ откупщику и заставъ тамъ только его хорошенькую жену,

онъ заставилъ ее пройти по городу въ нижней короткой юбочкѣ, спальныхъ туфляхъ и въ чепчикѣ на непричесанныхъ волосахъ въ домъ губернатора, чтобы достать 20.000 ливровъ за насильно проданный имъ контрабандный табакъ.

Тщетно Людовикъ XV просилъ швейцарскихъ властей помѣшать Мандрэну переступать французскую границу: Швейцаріи было выгодно сбывать черезъ него свои товары во Францію, и онъ продолжалъ силою навязывать откупщикамъ свои товары и освобождать изъ тюремъ заключенныхъ за покупку контрабанды. Мандрэну страстно хотѣлось бросить свое ремесло и поступить въ армію, за что онъ готовъ былъ отдать все свои деньги. Военный министръ думалъ воспользоваться этой слабостью, чтобы разставить ему ловушку, и сулилъ ему помилованіе, если онъ броситъ свое позорное ремесло. Но Мандрэнъ недоумчиво отнесся къ этому и не сдался на эту приманку. Король даже завелъ въ Швейцаріи шпионовъ ради него, и одинъ изъ нихъ предлагалъ Мандрэну устроиться въ австрійской арміи, но ему хотѣлось понасть во французскую.

Первая серьезная схватка Мандрэна съ королевскимъ отрядомъ была въ Генандѣ и окончилась для него несчастливо: онъ потерялъ часть своихъ товарищей, свою знаменитую шляпу съ галунами и получилъ раны. Неудачи сильно измѣнили его нравственное состояніе. Хотя онъ ускользнулъ отъ не-пріятеля, но это первое пораженіе совершенно его переродило: изъ веселаго онъ сталъ печальнымъ, сумрачнымъ, молчаливымъ и сторонился товарищей. Онъ былъ совершенно разочарованъ. Со дня своего выступленія на поприщѣ контрабандиста онъ думалъ, что отстаиваетъ права народа и враждуетъ съ его врагомъ, откупщиками, но вдругъ оказалось, что и самъ король враждебно относится къ нему. Стычка въ Генандѣ пробудила въ немъ сознаніе, что онъ поднимаетъ руку на короля. Теперь народъ сталъ отъ него сторониться и не хотѣлъ указывать ему дорогу. Ему стало ясно, что онъ находится не на пути къ славѣ и къ освобоженію народа, какъ онъ мечталъ. Прежде онъ остерегался выпить лишній стаканъ бордоскаго вина, чтобы имѣть всегда ясный умъ; теперь онъ сталъ напиваться. Послѣ схватки въ Генандѣ его отрядъ уменьшился до 50 человекъ, но его все еще боялись. Во вторую стычку въ день Рождества онъ потерялъ большую часть товарищей и едва ускользнулъ въ Савойю...

Откупщики начали терять терпѣніе и просили короля дать имъ цѣлую армію, на что получили согласіе. Легенда рассказываетъ, что его выдала одна владѣтельница замка, его пріятельница, но это невѣрно: солдаты сами ворвались въ замокъ Рошфоръ въ Новалезѣ (въ Савойѣ) и захватили Мандрэна и его товарища Сенъ-Пьера, заковали въ цѣпи и подъ охраной изъ шестидесяти драгунъ доставили въ Валансъ, гдѣ заключили его въ тюрьму. Сюда ему доставляли обширную корреспонденцію, и между различными письмами было одно очень трогательное, отъ актера, который на колѣняхъ просилъ у него прощенія, что подъ личиной арлекина изображалъ его. Мандрэнъ въ тюрьмѣ былъ спокоенъ и твердъ и никого не выдавалъ изъ товарищей. Онъ не сомнѣвался, что сардинскій дворъ потребуетъ его выдачи, и думалъ, что ему удастся понасть въ армію короля. Видя, что капитанъ

Ларъ, захватившій его въ замкъ, относится къ нему со вниманіемъ, онъ написалъ ему письмо, въ которомъ выражалъ желаніе попасть въ армию короля. Но капитанъ передалъ это письмо «не признаннаго генерала» военному министру, прибавивъ различныя шуточные замѣчанія, и министръ бросилъ его въ корзину.

По приговору суда Мандрэнъ подвергся смертной казни, которая совершилась 26 мая 1755 г. въ Валансъ. Когда его колесовали, то по обычаю въ переднихъ рядахъ помѣстили школьничковъ, чтобы внушить имъ ужасъ къ преступленіямъ, и Мандрэнъ, обратясь къ нимъ, сказалъ: «Молодежь, берите примѣръ съ меня!»

Пряммымъ послѣдствіемъ казни Мандрэна было дипломатическое униженіе Франціи: сардинское правительство, въ границахъ котораго находилось то мѣсто, гдѣ былъ захваченъ Мандрэнъ, потребовало, чтобы Франція торжественно извинилась за это посягательство на чужую землю. Послѣ долгихъ переговоровъ французское правительство согласилось на это требованіе и послало чрезвычайнаго посланника въ Туринъ съ повинной головой.

Что же касается откуничиковъ, то когда во время французской революціи были казнены двадцать пять ихъ представителей, весь народъ ликовалъ, относя эти казни къ отмщенію за несправедливую кару надъ генераль-капитаномъ контрабандистовъ.

— Конецъ Мальтійскаго ордена. Русскимъ читателямъ хорошо знакомъ Мальтійскій орденъ, пользовавшійся исключительной симпатіей Павла I. Появившійся въ «Revue Bleue» отрывокъ изъ на дняхъ выходящей книги Поля Гаффареля представляетъ нѣкоторый интересъ для исторіи ордена.¹⁾ Авторъ не касается начала исторіи этого военно-религіознаго ордена, но не лишне припомнить обстоятельства его возникновенія. Въ 1048 г. неаполитанскіе купцы изъ Амальфи устроили въ Іерусалимѣ бенедиктинскій монастырь съ больницей во имя св. Іоанна Крестителя для паломниковъ. Въ 1099 г. Готфридъ Бульонскій сдѣлалъ богатыя пожертвованія въ пользу этой больницы, и настоятель Джерардо, выйдя изъ-подъ опеки бенедиктинцевъ, основалъ отдѣльную конгрегацію, члены которой называли себя братьями больницы св. Іоанна Іерусалимскаго. Раймонъ Пюи составилъ имъ правила, которыя папа утвердилъ.

Въ 1113 г. Иннокентій II преобразовалъ этотъ новый орденъ, и его члены съ тѣхъ поръ должны были съ оружіемъ въ рукахъ защищать христіанъ противъ невѣрныхъ. Послѣ взятія Іерусалима Саладиномъ въ 1187 г. члены ордена овладѣли городомъ Акрой въ 1191 г., но, принужденные покинуть его, удалились на Кипръ. Черезъ пятнадцать лѣтъ, они завоевали Родосъ и стали называться родосскими рыцарями. Въ 1480 г. они прославились, выдержавъ осаду Магомета II, но черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1522 г., несмотря на геройскія усилія, принуждены были сдаться, подъ натискомъ сильной ар-

¹⁾ La Fin de l'ordre de Malte. Par Paul Gaffarel. «La Revue Bleue» 2 Novembre. 1907.

La Politique Coloniale en France de 1789 à 1830. Par Paul Gaffarel. Paris. 1907.

міи Солимана II, однако добившись почетной капитуляціи. Въ 1530 г. они стали называться мальтійскими рыцарями, когда Карлъ XII уступилъ имъ Мальту.

Орденъ, управляемый гросмейстеромъ, раздѣлялся на восемь языковъ, или національностей — провансальскую, овернскую, французскую, итальянскую, аррагонскую, нѣмецкую, кастильскую и англійскую. Каждая національность повиновалась своему главѣ, называвшемуся «столпомъ», и подраздѣлялась на опредѣленное число командорствъ, пріорствъ и областей. Къ тремъ монастырскимъ обѣтамъ мальтійскіе рыцари прибавили еще защиту паломникомъ и оказаніе имъ гостепріимства. Члены ордена раздѣлялись на благородныхъ, или рыцарей, носившихъ оружіе, патеровъ, или капелановъ, исполнявшихъ церковныя службы, и братьевъ-служителей, находившихся частью при рыцаряхъ, частью при духовныхъ. Всѣ они носили на груди крестъ изъ бѣлаго полотна, который впоследствии замѣнился золотымъ съ бѣлой эмалью.

Географическое положеніе Мальты въ Средиземномъ морѣ съ военной точки зрѣнія было превосходно. На подорогѣ отъ Сициліи и африканскихъ береговъ, почти на такомъ же разстояніи отъ Гибралтара, Александріи и Константинополя, Мальта представляла для ея обладателей удачный пунктъ для наблюдений и господства надъ всѣмъ побережьемъ Средиземнаго моря. И рыцари умѣли использовать это преимущество: они не только оберегали христіанскія суда отъ турецкихъ корсаровъ, но даже часто переходили изъ оборонительной въ наступательную позицію, перенося въ восточныя моря такой же ужасъ, какой такъ долго вселяли турки во внутреннихъ бассейнахъ Средиземнаго моря. Постоянныя потери турецкихъ судовъ, причиняемыя мальтійскими рыцарями, заставили султана Солимана дать клятву погубить Мальту, и съ колоссальными военными силами онъ произвелъ осаду острова. Рыцари, подъ начальствомъ своего гросмейстера Франциска Лавалетта заставили непріятеля постыдно отступить. Эта крупная побѣда послужила имъ впредь гарантіей спокойнаго существованія, ибо съ XVI по XVIII вѣкъ уже никто не рѣшался ихъ трогать. Но для ордена это имѣло и дурное послѣдствіе: спокойное существованіе возбудило въ рыцаряхъ дурныя наклонности. Теперь, вопреки правиламъ ордена, они отправлялись на своихъ судахъ не на защиту христіанскихъ кораблей, такъ какъ турки болѣе не рѣшались нападать на нихъ, а въ главныя гавани Италіи, при которыхъ находились города, полные различныхъ увеселеній, гдѣ на доходы ордена рыцари предавались всевозможнымъ развлеченіямъ. Въ орденъ стали вступать уже не съ прежней высоко-нравственной цѣлью защиты христіанъ, а изъ любви къ удовольствіямъ, какъ въ школу безнравственности. Вышней чертой въ орденѣ не было замѣтно, но внутренно онъ пришелъ въ совершенный упадокъ. Несмотря на обѣтъ цѣломудрія, рыцари далеко переступали допущенныя нравственностью границы, и скандальныя любовныя похожденія служили нищей для современной хроники и совершенно развращали жителей острова, которые вскорѣ сдѣлались самымъ развратнымъ народомъ на берегахъ Средиземнаго моря.

Расточительность рыцарей естественно довела Мальтійскій орденъ до разоренія. Самъ по себѣ островъ былъ бѣденъ; онъ не могъ удовлетворять нужды своихъ жителей и только неустаннымъ трудомъ можно было извлечь изъ его

скалистой почвы какіе-нибудь доходы. Рыцари умерли бы съ голоду въ первые же дни своего тамъ водворенія, если бы къ нимъ не пришли на помощь католическія государства. Имъ дали многочисленныя имѣнія во Франціи, Испаніи, Италіи, Австріи, Баваріи и даже Польшѣ, доходовъ съ которыхъ имъ не только хватало на существованіе, но даже немного оставалось. Однако такое благоденствіе длилось не вѣчно: мало того, что вспыхнувшая революція во Франціи декретомъ 19 сентября 1792 г. лишила орденъ всей недвижимости во Франціи, но, кромѣ того, онъ потерялъ командорства въ Эльзасѣ, Руссильонѣ и Наваррѣ, когда-то зависѣвшія отъ германской и арагонской національностей. Вступленіе въ коалицію противъ Франціи принудило Испанію и Португалію впервые потребовать съ ордена субсидію въ размѣрѣ десятой части дохода. Неаполь потребовалъ еще болѣе того, а Пьемонтъ послѣдовалъ его примѣру. Наконецъ, по трактату Кампо-Форміо, лѣвый берегъ Рейна уступался Французской республикѣ, и орденъ лишился своихъ владѣній въ этихъ областяхъ, а создавшіяся республики Цизальпинская, Лигурійская и Гельветическая окончательно его разорили, отнявъ многочисленныя прекрасныя помѣстья. Въ 1798 г. Мальтійскій орденъ потерялъ около двухъ третей своихъ доходовъ и вмѣсто трехъ милліоновъ сталъ получать только одинъ.

Но все это было бы не такъ важно, если бы къ матеріальнымъ затрудненіямъ не прибавилась вражда населенія Мальты къ рыцарямъ, которые мало-по-малу отняли у нихъ всѣ муниципальныя права и самымъ недобросовѣстнымъ способомъ вытаскивали изъ публичныхъ архивовъ акты, свидѣтельствовавшіе о ихъ гражданскомъ положеніи, конституціи и обычаяхъ страны. Если бы не страшное высокомеріе рыцарей, считавшихъ себя чѣмъ-то недосыгаемымъ и снисходившихъ до нихъ лишь для того, чтобы внести позоръ въ ихъ семьи, то жители, можетъ быть, простили бы имъ это, въ виду того, что островъ, благодаря имъ, все-таки обогатился и существованіе народа сдѣлалось болѣе обезпеченнымъ.

Это общее недовольство становилось тѣмъ сильнѣе, чѣмъ строже наказанія придумывало правительство: изгнаніе и тюремныя заключенія еще болѣе усилились, когда вспыхнула французская революція. Это пробужденіе произошло въ мальтійскихъ горожанахъ не оттого, что они были образованы и слѣдили за новыми идеями; напротивъ, образованіе они получали скудное, и безъ разрѣшенія Рима имъ не дозволялось читать сочиненій по философіи и политической экономіи. Только благодаря путешествіямъ и сравнивая государственный строй посѣщаемыхъ ими странъ со своимъ, мальтійцы дошли до того, что заговорили о своихъ правахъ. Крестьяне попрежнему оставались вѣрны ордену и не хотѣли слышать о новыхъ идеяхъ и принципахъ. Такимъ образомъ на Мальтѣ образовалось двѣ партіи, и угрожала вспыхнуть гражданская война, что еще болѣе ослабляло и вело къ паденію Мальтійскій орденъ. Ко всему этому, во главѣ его находился человекъ, не выдававшійся своими качествами, Фердинандъ Гомпешъ, открыто купившій голоса послѣ смерти своего предшественника, Рогана.

Вдобавокъ завидное географическое положеніе съ стратегической точки зрѣнія, основательныя фортификаціи острова, безопасная гавань—все это возбу-

ждало въ европейскихъ державахъ желаніе присвоить его себѣ. Одно время Испанія предполагала заставить рыцарей выбрать гротмейстеромъ будущаго «князя Мира», Мануэля Гадоа, не забывая о своихъ правахъ на сюзеренство. Еще менѣе забывалъ о своихъ правахъ неаполитанскій король и, зная слабость Гомпеша, онъ интриговалъ среди мальтійскаго духовенства, чтобы пріобрѣсть себѣ сторонниковъ. Австрія, желая сдѣлаться морской державою и по трактату въ Кампо-Форміо только что добившаяся большей части венеціанской территоріи, въ своихъ честолюбивыхъ надеждахъ уже перенеслась за Адриатическое море. Выборъ въ гротмейстеры австрійскаго подданнаго Гомпеша былъ ей на руку, и австрійскіе агенты сулили мальтійцамъ золотыя горы, если они переимѣнятъ господство ордена на покровительство Австріи.

Англія пошла еще далѣе: она предлагала еще Рогану, предшественнику Гомпеша, продать ей одну изъ гаваней острова, обѣщая за эту уступку уплатить всѣ потери, причиненныя ордену французской революціей. Роганъ ей отказалъ, но она, зная цѣну времени и важное значеніе случая, не отказалась отъ своего намѣренія и, подъ предлогомъ наблюденія за французской эскадрой въ Средиземномъ морѣ, ея корабли крейсировали недалеко отъ острова. Россія тоже не скрывала намѣренія захватить островъ въ свои руки. «Цари,— говоритъ авторъ,— инстинктивно понимали, что окончательная партія между христіанами и мусульманами разыграется въ Средиземномъ морѣ, и не хотѣли, чтобы ихъ засталъ врасплохъ дѣлежъ Турецкой имперіи. Петръ Великій, подъ предлогомъ завязать сношенія съ орденомъ, въ началѣ вѣка уже послалъ на Мальту посланника, который былъ не кѣмъ инымъ, какъ переодѣтымъ агентомъ. Преемники царя, хотя были православнаго вѣроисповѣданія, дарили рыцарямъ большія имѣнія. Павелъ I указомъ 15 января 1797 г. даже создалъ въ орденѣ русскую національность и добился, чтобы въ орденъ допускались его единовѣрцы. Эти ловкіе обходы отчасти удались, и у Россіи насчитывалось много друзей на Мальтѣ».

Ко всѣмъ этимъ претендентамъ на обладаніе Мальтой вскорѣ прибавился еще Наполеонъ. Онъ уже давно обратилъ вниманіе на этотъ островъ и задумалъ его завоевать, какъ пунктъ, болѣе необходимый для Франціи, чѣмъ для другихъ странъ, въ виду предполагавшейся египетской экспедиціи. «Почему бы намъ не захватить острова Мальты?— писалъ онъ Талейрану:— адмираль Брюи очень хорошо можетъ вкругъ него плавать и овладѣть имъ. Жители, которыхъ болѣе ста тысячъ, очень къ намъ расположены и довольно пресытились своими рыцарями, которые не могутъ болѣе существовать и умираютъ съ голоду. Я нарочно конфисковалъ всѣ ихъ владѣнія въ Италіи. Съ островами Сень-Пьеръ, Мальтой, Корфу мы будемъ господствовать на Средиземномъ морѣ».

Жители острова питали расположеніе къ французамъ болѣе, чѣмъ къ какой-нибудь другой націи, несмотря на строгій надзоръ совѣта ордена, который наказывалъ ихъ за эту симпатію, полагая, что строгими мѣрами можно остановить революціонную пропаганду. Однако никакими мѣрами ему не удалось помѣшать образованію тайнаго якобинскаго общества, къ которому понемногу примкнула большая часть мальтійцевъ. Гомпешъ зналъ о предполагаемомъ

захватъ Мальты французами и на всѣ предупрежденія спокойно отвѣчалъ: «Я все знаю», и не принималъ никакихъ мѣръ. Можетъ быть, онъ дѣлалъ это въ интересахъ Австріи, которая обѣщала отдать Мальту французамъ за Истрію и Далмацію, или онъ подписалъ съ Франціей тайную конвенцію, неизвѣстно, но только онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ развязки и болѣе всего заботился не о судьбѣ ордена, а о собственномъ благополучіи.

Наконецъ 6 іюня 1798 г. къ Мальтѣ приблизился французскій фрегатъ, подъ начальствомъ Вильнёва, съ первой французской дивизіей изъ Чивита-Веккіа, подъ командою Станделя. Черезъ два дня появилась вторая дивизія, многочисленнѣе первой, которая объявила о скоромъ прибытіи большого количества судовъ. Гомпешъ продолжалъ хранить хладнокровіе, несмотря на полученное письменное предупрежденіе слѣдующаго содержания: «Васъ навѣрно атакуютъ. Примите мѣры для хорошей защиты. Находящіеся здѣсь посланники всѣхъ дружественныхъ ордену державъ такъ же хорошо освѣдомлены, какъ и я, но они также знаютъ, что мѣстоположеніе Мальты недоступно или по крайней мѣрѣ она можетъ сопротивляться непріятелю три мѣсяца. Будьте осторожны. Дѣло идетъ о вашей чести и о сохраненіи ордена. Если вы сдадитесь, не защищаясь, вы обезчестите себя въ глазахъ Европы».

Вмѣсто того, чтобы представить письмо въ совѣтъ рыцарей, Гомпешъ скрылъ его. 9 іюня рано утромъ предъ Мальтой появилось болѣе 400 судовъ. Народъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на это зрѣлище; на лицахъ всѣхъ виднѣлись смущеніе и растерянность. Наступилъ день, но со стороны французовъ еще ничего не предпринималось. Только въ 4 часа близъ Лавалетта появился Наполеонъ и послалъ шлюпку съ письмомъ къ французскому консулу Карюзону. Въ этомъ письмѣ онъ просилъ у Гомпеша разрѣшенія войти въ гавань за водою и чтобы исправить нѣкоторыя суда, потерпѣвшія аварію. Гомпешъ даже не сумѣлъ отвѣтить, что Наполеонъ нарушаетъ нейтралитетъ, но что согласно Утрехтскому трактату онъ можетъ допустить только по четыре суда за разъ. Онъ совсѣмъ потерялъ голову и сначала отказалъ Наполеону, но затѣмъ сообщилъ объ этомъ совѣту. Поднялась настоящая буря: одни хотѣли отстаивать Мальту, другіе—сдаться. Рѣшено было отвѣтить, что суда будутъ внущены по четыре, но мальтійцы примутъ всѣхъ больныхъ и дадутъ французамъ провіанту и воды. Едва Наполеонъ получилъ такой отвѣтъ, какъ отдалъ распоряженіе высадить войска; война была объявлена. Оставалось только выбрать одну изъ трехъ системъ захвата—блокировать, дѣлать правильную осаду или внезапно нахлынуть послѣ неожиданнаго приступа. Блокировать было рисковано: англичане могли явиться съ минуты на минуту и разсѣять французскую эскадру. Правильная осада представляла еще болѣе трудностей и риска. Оставалось взять островъ приступомъ, что Бонапартъ и рѣшилъ сдѣлать.

Въ столицѣ поднялся невообразимый хаосъ: горожане оставались безучастны и хотя имъ было не по себѣ, но они не производили безпорядка. Напротивъ, крестьяне требовали оружія и протестовали противъ своей принадлежности къ ордену; однако ихъ желаніе было парализовано царившимъ общимъ смущеніемъ. Офицеры и солдаты точно ослѣпли и даже не дѣлали попытки отстаивать свой островъ. Всѣ чувствовали измѣну: оружіе

было въ безпорядкѣ, пули не того калибра, какой требовался, и т. д., по-этому бесполезно было дѣлать какія-либо попытки къ защитѣ, зная, что уже заранѣе ихъ измѣннически продали. Чувство недовѣрія настолько вселилось во всѣхъ, что солдаты не повиновались начальникамъ и даже обратили на нихъ свое оружіе. Отъ безпорядковъ жители перешли и къ анархіи. Въ то время, какъ орденъ лишился своей власти, его глава, Гомпешъ, заперся въ своемъ дворцѣ и, въ свою очередь, тоже думалъ объ измѣнѣ. Онъ получилъ письмо отъ казначея ордена Босредона де-Ранзижа, который увѣдомлялъ его, что не будетъ сражаться съ своими соотечественниками, и просилъ отставки. Гомпешъ вообразилъ, что это было сигналомъ къ возстанію, и заключилъ Босредона въ темницу. Ночью начались еще большіе безпорядки: два патруля по недоразумѣнію стрѣляли другъ въ друга и произвели невообразимый переполохъ: жители думали, что французы проникли въ городъ. Гомпешъ потерялъ голову и объявилъ при барабанномъ боѣ, что если кто приблизится къ его дворцу, то будетъ разстрѣлянъ. Это еще болѣе деморализировало народъ, и французамъ стоило только подойти къ городскимъ воротамъ, какъ ихъ впустили бы безъ одного выстрѣла.

Между тѣмъ, какъ рыцари съ своимъ главою ускорили конецъ существованія своего ордена, нѣсколько почетныхъ горожанъ держали совѣтъ, что предпринять. Одинъ изъ нихъ, Гвидо, помощникъ судьи въ уголовной палатѣ города Лавалетта, предложилъ подать главѣ ордена просьбу о прекращеніи военныхъ дѣйствій до другого утра, чтобы узнать окончательное намѣреніе французовъ. Это былъ настоящій государственный переворотъ, такъ какъ прежде никогда не осмѣлились бы обращаться къ гроемейстеру ордена отъ имени мальтійской націи. Гомпешъ настолько былъ растерянъ, что велѣлъ позвать батавскаго консула и просилъ его вести переговоры съ Бонапартомъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Консулъ самъ не могъ этого сдѣлать, а послалъ своего секретаря, и на другое утро Наполеономъ были вывѣшены бѣлые флаги, и на всѣхъ фортахъ Мальты возстановился кое-какой порядокъ.

Бонапартъ воспользовался ночью съ 10 на 11, чтобы увеличить ужасъ осажденных: онъ приказалъ производить шумъ, какъ будто строятъ большую батарею. 11-го утромъ отъ Наполеона явились уполномоченные и объявили, что онъ согласенъ пріостановить непріязненные дѣйствія на 24 часа съ условіемъ, что гроемейстеръ ордена сейчасъ же пришлетъ къ нему уполномоченныхъ для переговоровъ объ условіяхъ капитуляціи. Гомпешъ полагалъ, что онъ сдѣлаетъ лучше, пославъ къ Наполеону лицъ, симпатизирующихъ французамъ, и выбралъ изъ нихъ троихъ уполномоченныхъ. Наполеонъ любезно ихъ принялъ и объявилъ, что слово «капитуляція» будетъ непріятно звучать въ ушахъ ордена, который нѣкогда покрылъ себя славой, а потому предложилъ замѣнить его словомъ «конвенція». По первой ея статьѣ государство Мальта и подвластныя ей земли сдались Франціи. Секретарь ордена попробовалъ протестовать, но Наполеонъ коротко отвѣтилъ: «Мальта наша, никто ее отъ насъ не отниметъ». Секретарь добился, чтобы рыцари свыше шестидесяти лѣтъ получили 1.000 франковъ пенсіи, а другіе 700. Когда другой уполномоченный выразилъ желаніе, чтобы за мальтійцами были сохранены привилегіи,

то Бонапартъ сначала пробовалъ отдѣлаться шутками, а потомъ объявилъ серьезно, что привилегіи упразднены—законъ для всѣхъ одинаковъ.

Когда надо было подписывать конвенцію, одинъ изъ уполномоченныхъ просилъ сохранить права неаполитанскаго короля. Но Бонапартъ наотрѣзъ отказался и сказалъ, что если король заявитъ о своихъ правахъ на Мальту, то республика отвѣтитъ пушечными выстрѣлами. Другой уполномоченный отказался подписывать свое имя подъ актомъ, позорнымъ для ордена и бесполезнымъ для Франціи. Бонапарта это раздражило. «Вы такъ думаете?»—сказалъ онъ.—«Вашъ ничтожный флотъ оставляетъ Мальту въ распоряженіи Англіи, которая пришлетъ одну изъ своихъ эскадръ блокировать васъ прежде, чѣмъ вы отплывете въ Египетъ», замѣтилъ уполномоченный ордена. Секретарь Наполеона на это отвѣтилъ, что мальтійцы плохо знаютъ цѣну французскому флоту. Этимъ окончились переговоры. Судьба Мальтійскаго ордена была рѣшена, и послѣ семисотъ сорока девяти лѣтъ существованія, изъ которыхъ двѣсти шестьдесятъ восемь лѣтъ протекли на Мальтѣ, орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго покончилъ съ своимъ могуществомъ. Секретарь ордена умолялъ Гомпеша, чтобы совѣтъ отвергъ капитуляцію и объявилъ Бонапарту, что орденъ предпочитаетъ погибнуть подъ развалинами города, чѣмъ сдать, но Гомпешъ совѣтъ растерялся и ничего не могъ ему отвѣтить. Онъ собралъ совѣтъ и объявилъ ему о капитуляціи. Узнавъ, что они сдѣлались французскими подданными, жители Лавалетта безучастно отнеслись къ этому событію, но крестьянъ извѣстіе о сдачѣ сильно поразило. 12 іюня Наполеонъ вступилъ на Мальту, и Гомпешъ послалъ ему навстрѣчу коляску шестерней, но онъ отказался въ нее сѣсть и направился въ гостиницу пѣшкомъ. Гомпешъ долженъ былъ увизиться и явиться къ нему на аудіенцію. Когда онъ выходилъ отъ Наполеона, то адъютантъ послѣдняго догналъ его и объявилъ, чтобы онъ торопился отбѣздомъ. Въ ночь съ 17 на 18 іюня бывший гроемейстеръ удалился въ Тунисъ, увозя съ собою частицу Животворящаго Креста и руку св. Іоанна, которую султанъ Баязеть нѣкогда далъ гроемейстеру ордена, Обюссону. Гомпеша сопровождало только шесть рыцарей. Судьба остальныхъ была различна: одни изъ нихъ, увѣчные и старые, попросили у Наполеона разрѣшенія остаться на островѣ; другіе, французской національности, поступили во французскую армію. Сто пятьдесятъ рыцарей различныхъ національностей вернулись на родину или разсѣялись по разнымъ странамъ.

Такъ кончилось владычество рыцарей на островѣ Мальтѣ. Впрочемъ, жители немного потеряли, судя по словамъ автора, который говоритъ, что рыцари держали ихъ въ глубокомъ невѣжествѣ, и первой заботой Наполеона было распространить народное образованіе. У оставшихся на Мальтѣ рыцарей было отнято право судить и произносить обѣты ранѣе, чѣмъ имъ минеть тридцать лѣтъ, и не имѣть болѣе ни одного монастыря. Какъ извѣстно, слова Наполеона, что «никто не отниметъ отъ французовъ Мальты», не исполнились: въ 1800 г. ее заняли англичане.

Дальвѣйшая судьба ордена не блестяща. Послѣ смерти Гомпеша преемникомъ ему былъ избранъ Томази, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и онъ умеръ. Пій VII не захотѣлъ дать ему преемника, но рѣшилъ, что орденъ, ли-

пенный своих владѣній на Мальтѣ, долженъ состоять только изъ двухъ національностей: итальянской и нѣмецкой, а также назначилъ завѣдывать имъ временнаго намѣстника, избраннаго совѣтомъ рыцарей пожизненно и имѣвшаго резиденцію въ Италіи. Папа Пій IX утвердилъ статутъ ордена въ 1854 г., а Левъ XIII въ 1880 г. подарилъ ему церковь св. Василія въ Римѣ съ Авентинскимъ пріорствомъ.

Въ настоящее время этотъ орденъ существуетъ лишь какъ почетное учрежденіе. Въ его члены принимаются только лица, отличающіяся своею справедливостью и публичностью и давшія доказательство своего аристократическаго происхожденія.

— Графиня де-Буанъ во время реставраціи Бурбоновъ.¹⁾ — «Историческій Вѣстникъ» уже познакомилъ читателей съ первымъ томомъ мемуаровъ графини де-Буанъ и съ отрывкомъ изъ второго ея тома о г-жѣ Крюднеръ. Теперь скажемъ два слова вообще о второмъ томѣ и приведемъ описаніе главнѣйшихъ эпизодовъ только что вышедшаго третьяго тома. Что касается второй части воспоминаній, то она не такъ интересна, какъ остальные мемуары. Сначала графиня была съ своимъ отцомъ, Осмондомъ, въ Туринѣ и Лондонѣ, во Францію же вернулась послѣ Ватерлоо, въ самый разгаръ бѣлаго террора. Она была женщина съ сердцемъ и невольно сожалѣла жертвы Бурбоновъ, въ томъ числѣ Лабедуайера и Нея. Въ Парижѣ и провинціи казнили безконечное количество несчастныхъ, причемъ въ этомъ отношеніи усерствовалъ не столько король, сколько графъ Артуа. Графиня де-Буанъ негодовала на крайности бѣлаго террора и мечтала объ амнистіи.

Второй томъ ея мемуаровъ продолжается до 1819 года. Въ эту эпоху главная власть принадлежала брату короля, графу Артуа. Онъ руководилъ преимущественно ярыми ретроgrадами и своими дѣйствіями всячески подготавливалъ паденіе Бурбоновъ. Въ началѣ реставраціи первымъ министромъ былъ герцогъ Ришелье, а любимцемъ короля состоялъ Деказь, сдѣлавшійся, въ свою очередь, черезъ нѣсколько лѣтъ, первымъ министромъ. Онъ старался придерживаться лѣвой партіи и встрѣчалъ сопротивленіе, какъ графа Артуа, такъ и крайнихъ консерваторовъ. Реакція достигла самой крайности, когда былъ убитъ герцогъ Беррійскій, сынъ графа Артуа, въ 1820 г. Съ этого эпизода начинается третій томъ мемуаровъ графини де-Буанъ.

Лично она не присутствовала при этой катастрофѣ, но со словъ очевидцевъ подробно рассказываетъ о ней. Герцогъ Беррійскій съ женою присутствовали на представленіи въ оперѣ. По окончаніи онъ проводилъ жену въ карету и, желая вернуться въ театръ, чтобы встрѣтиться съ знакомой ему танцовщицею, былъ неожиданно убитъ рабочимъ, по имени Лувелемъ. «Этотъ человекъ меня убилъ! — воскликнулъ герцогъ. — Я умираю! Онъ поразилъ меня кинжаломъ». Герцогиня Беррійская тотчасъ бросилась къ мужу, но онъ остановилъ ее словами: «Бѣдная Каролина! Какое для тебя зрѣлище!» И, обращаясь къ окружающимъ, прибавилъ: «Поберегите ее: она беременна».

¹⁾ Mémoires de la comtesse de Boigne. Tomes II, III.

Дѣйствительно, герцогиня была беременна герцогомъ Бордо. Потомъ умирающій произнесъ едва слышно: «Задыхаюсь! Задыхаюсь! Воздуху! Воздуху!»

Узнавъ о несчастіи, король отправился въ театръ, гдѣ раненый оставался до самой смерти. «Обстоятельства, сопровождавшія эту катастрофу, — говоритъ графиня де-Буанъ, — увеличили популяриность королевскаго семейства въ глазахъ всей Франціи, и смерть герцога Беррійскаго была для Бурбоновъ полезнѣе, чѣмъ его жизнь. Если бы онъ такъ безконечно не поддавался крайностямъ своего характера, то, вѣроятно, онъ былъ бы очень хорошимъ и полезнымъ принцемъ, но теперь его смерть не была большой потерей ни для его семейства, ни для его страны. Передъ смертью онъ поручилъ своему брату, герцогу Ангулемскому, своего ребенка, незадолго предъ тѣмъ родившагося отъ одной танцовщицы. Вообще, онъ отличался очень развратнымъ характеромъ.

Смерть герцога Беррійскаго возбудила общее отчаяніе среди всѣхъ роялистовъ и особенно ретроградовъ, считавшихъ Деказа виновникомъ его смерти. Поэтому герцогъ Ришелье вторично былъ назначенъ первымъ министромъ и согласился на это только по просьбѣ графа Артуа, который далъ ему слово никогда не противодѣйствовать ему, какъ прежде. Король былъ очень недоволенъ отставкой Деказа и, чтобы вознаградить его, назначилъ его посланникомъ въ Лондонъ.

За отсутствіемъ Деказа Людовикъ XVIII не могъ обойтись безъ любимца, но на этотъ разъ его замѣстила фаворитка. «Судьбѣ было угодно, — рассказываетъ графиня де-Буанъ, — чтобы въ кабинетъ короля заглянула Зоэ Талонъ, графиня Калья, дочь тайнаго агента Людовика XVIII до революціи. Она сохранила остатки красоты и отличалась остроуміемъ и ловко интриговала, не останавливаясь ни предъ чѣмъ. Унизительные соблазны, которые она расточала старому королю, хорошо оплачивались имъ. Если бы министръ былъ болѣе освѣдомленъ объ ея продѣлкахъ, то можно было бы держать ее въ болѣе подчиненномъ положеніи. Впрочемъ, одного золота ей было недостаточно: она хотѣла добиться политическаго вліянія». Съ этой цѣлью она соединилась съ Виллелемъ. Въ этомъ имъ помогъ графъ Артуа, грубо объявивъ Ришелье, что въ немъ болѣе не нуждаются, и заставивъ его подать въ отставку.

Узнавъ объ этомъ, король съ отчаяніемъ сказалъ: «Боже мой! Что со мною теперь будетъ? Кого они заставятъ меня взять министромъ!» Но чрезъ нѣсколько часовъ онъ позвалъ къ себѣ Ришелье и сказалъ ему: «Любезный Ришелье; я видѣлъ брата и совершенно имъ доволенъ; онъ очень разуменъ и все устроилось къ лучшему. Вы можете уходить, когда хотите». Въ сущности, въ этотъ моментъ окончилось царствованіе Людовика XVIII, такъ какъ затѣмъ его власть перешла въ руки его фаворитки, Виллеля, сдѣлавшагося первымъ министромъ, и конгрегаціи. Первый министръ ничего не понималъ ни въ дипломатіи, ни въ финансахъ и только умѣлъ хитро управлять палатой, а главное — онъ былъ связанъ порукамъ и ногамъ конгрегаціей. Клерикалы и эмигранты, руководимые графомъ Артуа, господствовали надо всѣмъ. Среди этихъ интригъ наступила кончина Людовика XVIII.

Въ концѣ августа и въ началѣ сентября онъ началъ замѣтно умирать, и графиня Кайля послѣшила выпросить у него наканунѣ его смерти съ трудомъ подписанный приказъ о выдачѣ ей 800.000 франковъ за домъ герцога Миртѣ. Покончивъ съ этимъ послѣднимъ житейскимъ дѣломъ, Людовикъ XVIII пригласилъ къ себѣ все семейство и приютился Св. Тайнъ. Потомъ была совершена отходная, и онъ настолько сохранилъ полную память, что поправилъ одну ошибку, сдѣланную патеромъ въ священныхъ словахъ. Наконецъ престарѣлый король умеръ, и первый дворянинъ Франціи произнесъ, обращаясь къ графу Артуа: «Король». Съ этими словами Карлъ X спокойно вышелъ изъ комнаты.

Всѣ траурныя церемоніи были исполнены оберъ-церемоніймейстеромъ де-Брезе съ такою точностью, что новый король поблагодарилъ его за чрезвычайную аккуратность. «О, ваше величество, — сказалъ скромно Брезе, — вы слишкомъ добры: я пропустилъ много подробностей; въ другой разъ я сдѣлаю лучше». «Благодарю васъ Брезе, — отвѣтилъ съ улыбкою король: — я не тороплюсь».

Вскорѣ послѣ смерти Людовика XVIII послѣдовала кончина русскаго императора, и графиня де-Буанъ интересно описываетъ это событіе, произшедшее въ Парижѣ сильную сенсацію. «Императоръ Александръ, — пишетъ она, — умеръ въ Таганрогѣ въ 1825 г. отъ горячки, которою онъ занемогъ по своей неосторожности. Послѣдніе годы онъ страдалъ подозрительностью, доходившей до маниі и боровшейся въ глубинѣ его сердца съ чувствомъ болѣе благороднымъ. Неожиданная смерть его дочери отъ г-жи Нарышкиной повергла Александра въ отчаяніе и восстановила ихъ отношенія. Г-жа Нарышкина разсказывала мнѣ о настроеніи, въ которое впасть государь нѣкогда бывшій столь довѣрчивымъ. Онъ не только боялся за свою безопасность, но, слыша смѣхъ на улицѣ или видя улыбку на устахъ своихъ царедворцевъ, убѣждался, что надъ нимъ смѣялись, и просилъ г-жу Нарышкину, во имя ихъ старой дружбы, сказать ему, что въ немъ былъ смѣшного. Однажды вечеромъ у нея разливала чай ея молодая родственница, полька, и государь, стоя возлѣ подноса, поправилъ чашки. Нарышкина склонилась къ уху своей двоюродной сестры и сказала ей: «Когда вы приѣдете въ замокъ къ своему отцу, то разскажите ему, кто вамъ прислуживалъ». — «Конечно!» отвѣчала молодая дѣвушка. Императоръ былъ глухъ и не слышалъ этого разговора, но видѣлъ улыбки на ихъ лицахъ. Онъ побагровѣлъ и, когда молодая дѣвушка удалилась, то сказалъ: «Вы видите, всѣ надо мною смѣются, даже вы, которая меня любить, и которой я довѣряю. Скажите мнѣ, что я сдѣлалъ, чтобы возбудить ваши насмѣшки?» И только съ большими усиліями она могла успокоить его болѣзненное воображеніе».

По словамъ де-Буанъ, Александръ I вѣрилъ только одному Меттерниху: онъ поддерживалъ съ нимъ почти ежедневную переписку, и австрійскому министру онъ довѣрялъ болѣе, чѣмъ своимъ. Онъ вполне полагался на всѣ его совѣты и въ особенности на присылаемые имъ полицейскіе доклады. Императоръ всегда носилъ въ карманѣ маленькую справочную книжку, ко-

торую присылалъ ему Меттернихъ и гдѣ были занесены въ алфавитномъ порядкѣ имена всѣхъ подозрительныхъ личностей въ Европѣ, причемъ упоминалась степень подозрительности каждаго изъ нихъ. Когда произносили имя одного изъ нихъ при императорѣ, онъ тотчасъ вынималъ изъ кармана свою книжечку и только, когда находилъ означенную записъ, благосклонно выслушивалъ, что ему говорили. Если же, по несчастію, онъ находилъ въ своей книжкѣ это имя подъ рубрикой очень подозрительныхъ, то ничто не могло уничтожить его предубѣжденія противъ этой личности. Г-жа Нарышкина говорила г-жѣ Буанъ, что въ послѣднее время императоръ часто заглядывалъ на страницы этой книжки Сивиллы.

Въ 1827 году графиня де-Буанъ часто видѣлась съ русскимъ посланникомъ генераломъ Поццо ди-Борго и маршаломъ Мармономъ, который незадолго передъ этимъ вернулся изъ Россіи, восторгаясь коронаціей Николая Павловича. Однажды они вмѣстѣ зашли къ ней и сообщили о только что видѣнной ими любопытной сценѣ. На ихъ глазахъ на герцога Талеярана набросился какой-то неизвѣстный человѣкъ и нанесъ ему столь тяжелые удары, что тотъ упалъ на землю. Маршалъ приказалъ отнести его почти безъ чувствъ въ караульную, куда онъ и Поццо послѣдовали за нимъ. Неизвѣстный оказался шталмейстеромъ бонапартистомъ Монбрейлемъ, маркизомъ Орево, и Талеяранъ, оправившись отъ нанесеннаго ему увѣчья, постоянно говорилъ: «Меня хватили, какъ быка, въ голову». Онъ такъ боялся опять попасться Монбрейлю, что послѣ этого почти постоянно жилъ въ деревнѣ у своей племянницы г-жѣ Динно. О Монбрейлѣ ничего не было слышно впослѣдствіи и г-жа де-Буанъ полагаетъ, что онъ за деньги былъ удаленъ съ политической сцены.

Въ послѣдніе годы своего царствованія Карлъ X какъ бы нарочно дѣлалъ все возможное, чтобы заслужить народную непопулярность. Еще довольно миролюбиво было министерство Мартиньяка, но когда въ 1829 г. вступилъ въ управленіе страной Полиньякъ, то онъ всячески сопротивлялся палатѣ, и, наконецъ, въ 1830 г. палата была разогнана и свобода печати окончательно уничтожена. Июльская революція вспыхнула, благодаря безумному поведенію Карла X, Полиньяка и клерикальной конгрегаціи. Послѣднему Бурбону пришлось отказаться отъ престола и бѣжать въ Англію.

Описаніе трехъ славныхъ дней, какъ французы называютъ революцію 1830 г., одна изъ самыхъ блестящихъ страницъ въ мемуарахъ графини де-Буанъ и напечатано въ видѣ отрывка въ «Revue des deux Mondes» прежде своего появленія въ отдѣльномъ изданіи. Хотя графиня де-Буанъ была преданной легитимисткой, но по восшествіи на престолъ Луи-Филиппа она сдѣлалась столь же вѣрна Орлеанамъ. Поэтому она всячески защищаетъ новаго короля и увѣряетъ, что онъ пламенно старался удержать на французскомъ престолѣ Бурбоновъ, въ лицѣ герцога Бордо, сына герцогини Беррійской. Луи-Филиппъ будто бы не интриговалъ въ пользу своихъ правъ на престолъ и горячо отстаивалъ права царственнаго младенца. Но всѣ окружавшіе его, въ томъ числѣ его сестра Аделаида, Мармонъ, Лафайетъ, Одильонъ Барро, Лафитъ, Тьеръ и пр. хлопотали, чтобы вакантный престолъ

достался Орлеанамъ. Одна его жена, Марія-Амалія, не побуждала его сдѣлаться королемъ, но въ то же время она его и не отговаривала отъ этого предпріятія. По словамъ графини де-Буанъ, королева послѣ вступленія мужа на престолъ всячески старалась утвердить его на немъ и говорила ей: «Теперь, когда этотъ терновый вѣнецъ на нашемъ челѣ, мы не должны съ нимъ разставаться до смерти и, если будетъ необходимо, то мы умремъ, защищая его». Говоря это, королева не подозрѣвала, что черезъ восемнадцать лѣтъ королевскій вѣнецъ также упадетъ съ чела ея мужа, благодаря такимъ же обстоятельствамъ, при какихъ лишился престола Карлъ X.

Въ концѣ III тома своихъ мемуаровъ графиня де-Буанъ приводитъ очень любопытный анекдотъ о Шатобрианѣ, который въ первые дни іюльской монархіи писалъ съ ожесточеніемъ противъ Орлеановъ. Для того, чтобы примириться съ талантливымъ журналистомъ, новое правительство выбрало посредницей графиню де-Буанъ. вмѣстѣ съ г-жею Рекамье она отправилась къ нему на квартиру и застала его въ халатѣ, туфляхъ и съ пестрымъ фуляромъ на головѣ. Онъ встрѣтилъ своихъ гостей чтеніемъ новой статьи въ «Journal des Débats», направленной противъ Луи-Филиппа. Когда же графиня де-Буанъ начала его уговаривать перейти на сторону короля, доказывая, что для него будетъ лучше всего получить посольство въ Римѣ, то онъ воскликнулъ, указывая рукой на свою бібліотеку, въ которой были все его сочиненія: «Что же я отвѣчу на вопросъ этихъ тридцати томовъ? Нѣтъ, нѣтъ, они мнѣ не позволяютъ связать свою судьбу съ этими несчастными. Никто лучше меня ихъ не знаетъ, не презираетъ такъ и не ненавидитъ, какъ я». Такой неудачей кончилось посредничество графини де-Буанъ.

Все три тома ея мемуаровъ вполнѣ знакомятъ насъ съ ея трудомъ. Онъ, однако, не служитъ вкладомъ въ сокровищницу исторіи. Она смотритъ на все проходящія мимо нея событія болѣе съ точки зрѣнія забавы, чѣмъ серьезнаго вниманія. Ее скорѣе занимаетъ не историческая правда, а остроумная вѣроятность. Главную роль въ ея мемуарахъ играютъ анекдоты, иногда справедливые, но всегда любопытные и злорадные. Вообще ея трудъ заслуживаетъ полнаго вниманія, но къ нему надо относиться осторожно, недо-вѣрчиво.

— Подробности о жизни и смерти Эдгара По. — Октавъ Юзанъ помѣстилъ въ «Revue de France» добавочныя свѣдѣнія изъ американскихъ журналовъ объ оригинальномъ американскомъ поэтѣ, Эдгарѣ По. Въ этомъ отношеніи ему оказываютъ большую помощь письма, оставшіяся послѣ друга Эдгара По, Томаса Чайверса, который родился ровно сто лѣтъ тому назадъ. Съ самой молодости Чайверсъ писалъ стихи, хотя всю жизнь занимался медициной. Вообще онъ былъ многоушкой и славился талантомъ къ живописи и своимъ изобрѣтеніями различныхъ машинъ. Между прочимъ Эдгаръ По зналъ его поэмы и, собираясь издавать въ 1840 г. «Pens Magazine», просилъ его сотрудничать, на что Чайверсъ и согласился; но это предпріятіе не удалось. Черезъ три года По получилъ мѣсто у мэра Филадельфіи, но вскорѣ занемогъ и написалъ своему другу прекрасное письмо, въ которомъ поэтически жаловался на свою бѣдность. «Я дошелъ до того, мой любезный другъ, что отъ

меня недалеко смерть, но отчаяніе меня поразило хуже, чѣмъ смерть. У меня нѣтъ ни одного пріятеля, которому бы я могъ пожать руку, какъ вамъ. Вотъ уже пять мѣсяцевъ я не могу писать ни строчки въ журналахъ и по этому вы можете судить, до какой крайности я дошелъ. Но вы будете очень рады узнать, что уже давно мои губы не пропускаютъ ни капли возбуждающихъ напитковъ». Несмотря на этотъ отчаянный тонъ письма, По оканчиваетъ его словами: «Не думайте, чтобы я отчаивался и воображалъ, что никогда не буду счастливъ; напротивъ, при всей моей болѣзни и бѣдности у меня остается въ сердцѣ надежда». Чайверсъ отвѣчалъ на это очень любезнымъ письмомъ и приглашалъ своего друга навѣститъ его въ одномъ изъ южныхъ штатовъ. Онъ надѣялся, что По переживетъ его, но неожиданная смерть великаго поэта привела его въ отчаяніе и побудила напечатать сочувственную брошюру о немъ, въ которой онъ рисуетъ въ самыхъ радужныхъ краскахъ портретъ По. «Это былъ во всѣхъ отношеніяхъ великій геній,—говоритъ онъ.—Для его изображенія я могу только представить Прометея, прикованнаго къ Кавкаскимъ горамъ. Божественный умъ великаго поэта жилъ и умеръ среди нашего свѣта, какъ бы давая намъ испить въ кубкѣ боговъ божественную амврозію». Въ этой брошюрѣ Чайверсъ помѣщаетъ письмо второй невѣсты По, мистриссъ Шельтонъ, которая упоминаетъ о немъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ: «Конечно, для меня милый Эди былъ самымъ драгоценнымъ на свѣтѣ существомъ. О, мой бѣдный другъ, я не умѣю выразить, какое страшное горе причинила мнѣ его смерть».

Относительно смерти Эдгара По мы находимъ въ одномъ изъ американскихъ журналовъ очень любопытныя свѣдѣнія. Проѣзжая чрезъ Балтимору, По пошелъ гулять по улицамъ и вошелъ въ кабакъ, гдѣ по обыкновенію онъ началъ пить водку. Въ этомъ кабакѣ было много публики и между прочимъ избирательные агенты, такъ какъ въ это время происходили выборы. Часовъ въ двѣнадцать ночи По вышелъ пьяный съ нѣсколькими товарищами и попалъ въ шайку избирательныхъ агентовъ. Они затащили несчастныхъ пьяницъ въ одну изъ городскихъ трущобъ, гдѣ всю ночь угощали ихъ опиумомъ. Когда они дошли до совершеннаго умоизступленія, то ихъ заперли въ маленькую душную комнату, а утромъ, едва дождавшись, чтобы они пришли въ себя, ихъ повели въ тѣ избирательныя отдѣленія, гдѣ подавались голоса за извѣстную партію. Агенты хотѣли заставить По подать голоса въ тридцати или въ сорока отдѣленіяхъ, но, по всей вѣроятности, ему дали слишкомъ много опиума и онъ не могъ посѣтить болѣе трехъ или четырехъ отдѣленій. Съ нимъ сдѣлалось дурно, и, чтобы не имѣть дѣла съ полиціей, агенты стащили его въ больницу, гдѣ онъ и умеръ черезъ нѣсколько часовъ.

— Начало воспоминаній лэди Рэндольфъ Черчилъ. Мистриссъ Корнваллисъ Вестъ, по первому браку лэди Рэндольфъ Черчилъ, жена извѣстнаго англійскаго государственнаго дѣятеля, была дочерью американца Леоварда Джерома, который былъ нѣкоторое время консуломъ въ Триестѣ. Въ настоящее время она начала печатать въ «Century Magazine» любопытныя

воспоминанія¹⁾, первая часть которых посвящена концу декабрьской имперіи. Родившись въ Бруклинѣ, въ штатѣ Нью-Йоркъ, она впервые стала помнить себя въ Италіи и шести лѣтъ отъ роду она говорила почти только по-итальянски. Потомъ она вернулась съ своими родителями въ Нью-Йоркъ. Ея отецъ, богатый человекъ, основалъ Джеромъ-Паркъ и конейскій Жокей-клубъ, а также нѣсколько лѣтъ управлялъ пароходной компаніей Тихаго океана. Особенно онъ былъ извѣстенъ какъ спортсменъ, и всѣ его называли отцомъ американскаго конскаго ристалища. Въ 1867 г. ея мать занемогла и переѣхала съ семействомъ въ Парижъ, откуда лэди Черчилъ вернулась только чрезъ девять лѣтъ, уже замужней красавицей.

Никогда такой блестящей не казалась вторая имперія, какъ въ 1869 г., когда Джеромы пріѣхали въ Парижъ: никогда при дворѣ не было такихъ роскошныхъ празднествъ, и легкомысленные французы никогда такъ не любовались на императорскія процессіи и кавалькады, какъ въ то время. «Булонскій лѣсъ и Елисейскія поля, гдѣ мы жили,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ лэди Черчилъ,—были цѣлый день переполнены великолѣпными экипажами. Я помню, что часто видѣла императрицу Евгенію, тогда красивѣйшую женщину въ Европѣ; она каталась въ коляскѣ à la Daumont—четверней и съ жокеями въ зеленыхъ съ золотомъ ливреяхъ. Впрочемъ, не у нея одной былъ такой роскошный выѣздъ, и я часто видѣла принцессу Меттернихъ, австрійскую посланницу, въ такомъ же экипажѣ. Красавицы г-жи Конази, герцогиня Муши, закадычный другъ императрицы, и цѣлый легіонъ придворныхъ дамъ придавали Парижу роскошный и блестящій видъ, такъ что эту столицу ни одинъ городъ въ Европѣ не могъ перешеголять. «Я никогда не видалъ—говорилъ намъ недавній германскій посланникъ въ Англии, графъ Гацфельдъ, заѣхавъ къ намъ изъ Тюльери,—ихъ величествъ въ такомъ прекрасномъ расположеніи духа, какъ сегодня, а Богъ знаетъ, гдѣ они будутъ чрезъ годъ». Хотя я была слишкомъ молода, чтобы выѣзжать въ общество, но жадно слушала всѣ домашніе разговоры о придворномъ великолѣпнн, такъ какъ мою старшую сестру приглашали на придворные балы, потому что Наполеонъ III очень любилъ американцевъ и американокъ».

Изъ красавицъ Парижа славилась графиня Пурталесъ и княгиня Меттернихъ. Лэди Черчилъ говоритъ, что первую изъ нихъ она видѣла сначала молодой дѣвушкой и приходила въ восторгъ отъ ея мягкихъ каштановыхъ волосъ, прекрасныхъ выразительныхъ глазъ и лучезарной улыбки. Потомъ она ее знала, когда сама была уже замужемъ, и восхищалась ея красотой и живостью разговора. «До настоящаго дня,—прибавляетъ лэди Черчилъ,—хотя графиня Пурталесъ уже старая бабушка, но все еще красивая женщина, и французы говорятъ: «Oh la belle Melanie: elle est etonnante jusqu'au présent». Она была изъ самыхъ видныхъ представительницъ той группы бонапартистскихъ красавицъ, которую называли: «La vieille garde».

¹⁾ The Reminiscences of lady Randolph Cherchill. By m-rs George Cornwallis West. The «Century Magazine», November 1907 г.

Княгиня Меттернихъ, жена австрійскаго посланника, была такъ шикарна, что, несмотря на свои двадцать два года, когда она пріѣхала въ Парижъ, сразу заняла первое мѣсто при великолѣпномъ дворѣ второй имперіи. Она славилась, кромѣ своей очаровательной наружности, еще замѣчательнымъ остроуміемъ, находчивостью въ отвѣтахъ и умѣніемъ одѣваться. Десять лѣтъ она стояла во главѣ парижскаго общества, а послѣ паденія имперіи заняла то же мѣсто въ Вѣнѣ.

Принцесса Матильда, двоюродная сестра императора, была самой блестящей и умвѣйшей женщиной второй имперіи. До воцаренія Людовика-Наполеона, она исполняла въ Елисейскомъ дворцѣ должность хозяйки, а съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался императоромъ, принцесса продолжала держать въ Парижѣ открытый домъ, гдѣ собиралось великосвѣтское, литературное и ученое общество. Что же касается мужчинъ, то лэди Черчилъ упоминаетъ, что въ то время во главѣ свѣтскихъ людей Парижа стоялъ Талейранъ Перигоръ, князь де-Саганъ, впоследствии герцогъ де-Валансэ. Вмѣстѣ съ герцогомъ Морни и графомъ Грамонъ-Кадерусомъ онъ постоянно держалъ Парижъ въ волненіи и восторгѣ. Всѣ говорили объ его празднествахъ и всевозможныхъ кутежахъ. «Я видѣла его впервые послѣ войны въ 1872 г. — говоритъ лэди Черчилъ: — ему тогда было пятьдесятъ лѣтъ, и онъ отличался сѣдыми, курчавыми волосами, походившими на львиную гриву. Съ одноглазкой, въ безукоризненномъ костюмѣ и съ красной гвоздикой въ петлицѣ, онъ, безъ сомнѣнія, былъ идеальнымъ парижскимъ красавцемъ — «le dernier cri», — поэтому его постоянно рисовали въ юмористическихъ журналахъ. Но онъ былъ добрый человекъ и очень богатый, хотя наследовалъ громадное состояніе только подъ старость лѣтъ; всю же жизнь переходилъ изъ однихъ долговъ въ другіе. Онъ основалъ скачки въ Отейль и клубъ въ улицѣ Рояль. Многіе актеры и актрисы были обязаны своимъ успѣхомъ его покровительству. Если онъ много грѣшилъ, то и другіе не мало грѣшили въ отношеніи его. Онъ много лѣтъ жилъ одинокимъ, разоидясь съ женою, но, по ироніи судьбы, получивъ апоплексическій ударъ на улицѣ, былъ отнесенъ въ ея домъ, гдѣ оставался жить даже послѣ ея смерти. Я помню, что онъ устраивалъ много очаровательныхъ празднествъ для сестры и меня, какъ въ Парижѣ, такъ и за городомъ».

Осенью 1869 г. императрица ѣздила на блестящее открытіе Суэцкаго канала, а императоръ, оставаясь въ Парижѣ по государственнымъ причинамъ, давалъ въ Комьенѣ, подъ руководствомъ принцессы Матильды, рядъ празднествъ подъ названіемъ *serie de Compiègne*. Это были гораздо менѣе блестящія празднества, чѣмъ прежнія, потому что Наполеонъ III былъ постоянно нездоровъ и политическія дѣла принимали все болѣе и болѣе безпокойный характеръ. Сестра лэди Черчилъ, впоследствии вышедшая замужъ за американца Мартона Фревена, находилась въ числѣ приглашенныхъ и на одномъ изъ баловъ съ лотереей получила въ подарокъ чернильницу въ видѣ платка съ золотыми монетами; при этомъ императоръ любезно ей сказала: «*Made-moiselle, n'oubliez pas les Napoleons*».

Въ началѣ 1870 г. всѣ ожидали войны между Франціей и Пруссіей, такъ что генералъ Блюменталь, охотясь въ Англіи съ лордомъ Альбемарлемъ, въ

отвѣтъ на выраженное послѣднимъ желаніе присутствовать на берлинскихъ маневрахъ, сказалъ ему: «Для этого вамъ не нужно ѣхать въ Пруссію, мы скорѣй зададимъ парадъ на Марсовомъ полѣ». По мнѣнію лэди Черчилъ, неудивительно, что вторая имперія распалась такъ быстро. Самъ императоръ говорилъ со смѣхомъ: «Какъ можно вѣрить въ долгое существованіе имперіи: императрица—легитимистка, Морни—орлеанистъ, принцъ Наполеонъ—республиканецъ, я—соціалистъ, и только одинъ Персиньи имперіалистъ, но и тотъ сумасшедшій».

Герцогъ Персиньи и его жена, внучка знаменитаго маршала Нея, были закадычными друзьями семейства Джеромовъ. Герцогиня отличалась эксцентричностью и однажды, когда ея мужъ былъ посломъ въ Лондонѣ, она заставила долго ждать гостей, приглашенныхъ на торжественный обѣдъ, и явилась наконецъ съ распущенными волосами, говоря: «Извините меня, мои друзья, я только что изъ ванной! Этотъ дуракъ Персиньи не сказалъ мнѣ, который часъ». Вообще это была горячая и вспыльчивая женщина, такъ что она однажды на дѣтскомъ балу въ Парижѣ ударила миссъ Джени Джеромъ за то, что та не умѣла танцевать мазурки. Въ началѣ войны мистеръ Джеромъ перевезъ свое семейство въ Довилль, гдѣ они жили такъ уединенно, что не знали даже, что императрица проѣхала черезъ Довилль во время своего бѣгства изъ Франціи. Въ октябрѣ мѣсяцѣ они переехали въ Англію; тогда ихъ часто посѣщали мужъ и жена Персиньи, а въ августѣ 1871 г. совершенно неожиданно имъ сдѣлалъ визитъ неизвѣстный всему семейству графъ де-Пьерфонъ. На вопросъ Джерома, кто это такой, секретарь императрицы Пьетри отвѣчалъ: «Какъ не знаете: да это императоръ».

Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Лондонѣ лэди Черчилъ вернулась съ семьей въ Парижъ и была до слезъ растрогана разореннымъ видомъ ея любимаго города. Но если Парижъ пострадалъ матеріально, говоритъ она, то соціально онъ еще болѣе измѣнился. Мы рѣшительно не могли собрать своихъ старыхъ друзей: одни были убиты, другіе находились въ траурѣ, третьи—разорены и вообще всѣ были несчастны. Помню, осенью 1873 г. я ѣздила въ Версаль на судъ надъ Базеномъ. Меня всего болѣе поразило его хладнокровіе и странная защита маршала адвокатомъ Лапо, который въ концѣ рѣчи воскликнулъ: «Посмотрите только на него: это не измѣнникъ, а просто дуракъ!»

— Предложеніе Линкольна генералу Гарибальди командовать одной изъ сѣверныхъ армій.—Подъ этимъ заглавіемъ напечатанъ въ «Century Magazine» чрезвычайно интересный очеркъ Нельсона Гэя о мало извѣстномъ эпизодѣ изъ исторіи междоусобной войны въ Америкѣ. Зимой 1861 г. послѣ своего величайшаго подвига завоеванія Сициліи и передачи ея и Неаполя Виктору-Эмануилу, котораго онъ первый назвалъ итальянскимъ королемъ, Гарибальди скромно жилъ на своей маленькой Капрерѣ. Однажды онъ гостеприимно принималъ у себя общество итальянскихъ патріотовъ, въ томъ числѣ Векки, который незадолго предъ тѣмъ написалъ благодарственное письмо Генри Туккерману, напечатанному въ «North American Review» хвалебный этюдъ о славномъ героѣ. Кромѣ этого официальнаго письма, Векки послалъ

тому же Туккерману подробное посланіе съ выраженіемъ сожалѣнія о плачевномъ кризисѣ Америки и надежды, что американское правительство для удовлетворительнаго его окончанія пригласитъ Гарибальди къ командованію своей арміей. Эта идея принадлежала собственно Векки, но онъ не могъ ее скрыть отъ своихъ товарищей, итальянскихъ патріотовъ, гостившихъ вмѣстѣ съ нимъ у Гарибальди на Капрерѣ. Однажды вечеромъ они проговорились предъ героемъ объ этомъ вопросѣ и съ любопытствомъ ожидали его сужденія. Мысль о жестокомъ рабствѣ негровъ быстро промелькнула въ глазахъ Гарибальди, которые засвѣтились пламеннымъ огнемъ. «Благодарю васъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ Векки, — за письмо, которое вы написали нашему другу, но сѣверо-американцы народъ гордый и нецрѣзвенно приняли бы предложеніе чужой помощи безъ всякаго приглашенія. Однако наше предпріятіе было бы болѣе благороднымъ и великимъ, чѣмъ вы даже предполагаете. Война будетъ непродолжительна, — прибавилъ онъ, говоря объ этомъ предпріятіи, какъ уже о рѣшенномъ, — потому что враги обезоружены своими же пороками и совѣстью. Изъ Америки мы отправились бы на Антильскіе острова». И генераль продолжалъ рисовать картину дальнѣйшихъ кампаній за дѣло освобожденія.

Отвѣтъ Туккермана на письмо Векки до сихъ поръ не обнародованъ, но въ Соединенныхъ Штатахъ распространился слухъ, что Гарибальди предложилъ свои услуги сѣверному правительству, и всѣ газеты стали обсуждать этотъ вопросъ. 8 іюня 1861 г. американскій консулъ въ Антверпенѣ, Д. Квигель, уже давно знакомый съ Гарибальди, написалъ ему письмо, въ которомъ съ восторгомъ упоминалъ о слухѣ, будто онъ отправится командовать сѣверной арміей, и увѣрялъ, что десятки тысячъ итальянцевъ и венгерцевъ будутъ сопровождать «итальянскаго Вашингтона». Прося Гарибальди увѣдомить, справедливо ли это извѣстіе, Квигель прибавлялъ, что онъ въ такомъ случаѣ выйдетъ въ отставку и заищется волонтеромъ въ его отрядъ.

Гарибальди отвѣчалъ слѣдующими строками: «Любезный другъ, извѣстіе, напечатанное въ газетахъ, что я ѣду въ Америку, — несправедливо. Я желалъ и до сихъ поръ желаю отправиться туда, но мнѣ мѣшаютъ различныя причины. Если вы будете писать вашему правительству и оно вѣритъ въ пользу моихъ услугъ, то я поѣхалъ бы въ Америку, если только мое отечество не будетъ нуждаться въ моей помощи. Скажите мнѣ также: ваша война является ли борьбой за освобожденіе негровъ, или нѣтъ? Я былъ бы очень счастливъ сдѣлаться вашимъ товарищемъ въ войнѣ, въ которой я принялъ бы участіе по чувству симпатіи. Цѣлую руку вашей женѣ и остаюсь благодарный вамъ Д. Гарибальди».

Означенная переписка достигла американскаго министра иностранныхъ дѣлъ Сьюарда въ самую критическую эпоху междоусобной войны, и онъ тотчасъ написалъ Генри Сандфорду, посланнику въ Брюссель. «Я желаю, чтобы вы немедленно отправились на Капреру и вошли въ близкія сношенія съ знаменитымъ борцомъ за свободу. Скажите ему, что наше правительство увѣрено, что его услуги въ настоящемъ кризисѣ, переживаемомъ единствомъ и свободой американскаго народа, были бы чрезвычайно полезны, и потому мы ихъ искренно желаемъ и обращаемся къ нему съ приглашеніемъ. Скажите ему также, что

наше правительство знает о его желаніи принять это приглашеніе, потому что гибель американскаго союза была бы роковымъ ударомъ для человѣческой свободы не только въ Новомъ Свѣтѣ, но и во всемъ мірѣ. Наконецъ, скажите ему, что онъ получитъ чинъ генералъ-майора въ арміи Соединенныхъ Штатовъ съ опредѣленнымъ жалованьемъ и пріобрѣтетъ сердечное расположеніе всего американскаго народа. Прибавьте, что наши средства обильны, число нашихъ воиновъ — безконечно, а наша нація рѣшилась остаться единой и свободной».

Въ концѣ письма министръ просилъ Сандфорда войти въ сношенія съ посланникомъ въ Туринѣ Маршемъ и въ настоящемъ дѣлѣ дѣйствовать совмѣстно съ нимъ. Оба дипломата нашли необходимымъ предварительно написать письмо Гарибальди объ условіяхъ, на которыхъ онъ будетъ принять въ американскую армію. Славный воинъ отвѣчалъ, что онъ готовъ ѣхать въ Америку, но прежде долженъ списаться съ Викторомъ-Эмануиломъ, который, быть можетъ, имѣетъ въ немъ надобность для освобожденія Рима. Это письмо Гарибальди къ королю никогда не было напечатано, но извѣстно, что онъ отвѣчалъ Гарибальди очень любезно, увѣдомляя его, что онъ свободенъ ѣхать, — другими словами, что король не намѣренъ воспользоваться его помощію для освобожденія Рима. Векки тотчасъ написалъ Сандфорду, что генерала ничто не задерживало въ Италіи; что же касается его командованія сѣверной арміей, то это могло устроиться.

Сандфордъ немедленно нанялъ частный пароходъ и поѣхалъ на Капреру. Свое свиданіе съ Гарибальди онъ описалъ въ денешѣ къ Сьюарду.

«Я засталъ генерала еще больнымъ, но способнымъ выйти изъ комнаты, въ которой онъ находился уже нѣсколько мѣсяцевъ, и сегодня имѣлъ съ нимъ длинную бесѣду объ его отъѣздѣ въ Соединенные Штаты. Онъ сказалъ, что съ его стороны единственное средство оказать Соединеннымъ Штатамъ услуги, это назначеніе его главнокомандующимъ всей сѣверной арміи и что только подъ этимъ условіемъ онъ отправится въ Америку, а также, если, согласно обстоятельствамъ, будетъ объявлено освобожденіе негровъ. Безъ перваго и втораго условія онъ не можетъ принести никакой пользы и междоусобная война потеряетъ всякій человѣческій интересъ. Я объяснилъ ему, что у президента нѣтъ такой власти и что я не имѣю права разсуждать съ нимъ объ этомъ предметѣ. Если онъ согласенъ, я могъ ему предложить чинъ генералъ-майора, съ которымъ, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ связано командованіе большимъ отрядомъ войска, которымъ онъ могъ бы управлять безъ всякаго ограниченія, подъ условіемъ, чтобы, однако, онъ придерживался общаго направленія войны. Онъ все-таки настаивалъ на своемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ благодарилъ за выраженныя президентомъ и вами дружескія чувства къ нему».

Такимъ образомъ авторъ статьи, напечатанной въ «Century Magazine» находить, что порученіе, данное Сандфорду, очевидно, не удалось. Онъ видѣлся съ Гарибальди на слѣдующее утро, но храбрый воинъ требовалъ того, на что онъ не могъ согласиться. По американской конституціи президентъ состоитъ главнокомандующимъ арміи Соединенныхъ Штатовъ; въ то время его намѣстникомъ былъ Винфильдъ Скоттъ. Чинъ, который предлагался Гарибальди, былъ достаточно высокій, но все-таки подчиненный, и оба, какъ Сандфордъ, такъ и

Маршъ, соглашались, что Гарибальди былъ правъ, отказываясь отъ него. Что же касается до освобожденія негровъ, котораго требовалъ Гарибальди, то оно еще не входило въ программу Линкольна.

Прошелъ годъ. Лѣтомъ 1862 г. Гарибальди предпринялъ экспедицію въ Римъ, противъ желанія итальянскаго правительства, и при Аспромонте имѣлъ столкновение съ итальянскими войсками, которыя его разбили, взяли въ плѣнъ и арестовали. Тогда, 1 сентября американскій консулъ въ Римѣ, Теодоръ Каниси, безъ всякаго разрѣшенія американскаго правительства написалъ къ Гарибальди письмо, въ которомъ упоминалъ, что, въ виду невозможности болѣе служить интересамъ его возлюбленнаго отечества, не найдетъ ли онъ теперь подходящимъ планъ протянуть свою храбрую руку на помощь американской великой республикѣ въ борьбѣ за свободу и единство. Гарибальди отвѣчалъ, что онъ въ плѣну и серьезно раненъ, поэтому не можетъ располагать собою, но если его выпустятъ на свободу и раны исцѣлятся, то онъ будетъ готовъ служить великой американской республикѣ. Каниси послалъ копии этихъ обоихъ писемъ въ Вашингтонъ, и, къ общему удивленію, онъ былъ отставленъ Сьюардомъ отъ мѣста консула съ выговоромъ за переговоры, которые онъ велъ съ Гарибальди, не имѣя на то полномочія.

5 октября Гарибальди обратился къ американскому посланнику въ Римѣ Маршу съ письмомъ, увѣдомлявшимъ его объ извлеченіи пули изъ его раны и о желаніи возобновить переговоры съ американскимъ правительствомъ относительно его поступленія на службу къ сѣверянамъ подъ условіемъ, чтобы торжественно было объявлено объ освобожденіи негровъ. Однако эти переговоры были затруднительны для американскаго правительства. Хотя объявленіе Линкольна объ освобожденіи негровъ устраняло одно затрудненіе для вступленія Гарибальди на американскую службу, тѣмъ болѣе, что онъ болѣе не имѣлъ въ виду патріотической цѣли въ Италіи, но его тяжелая рана и положеніе плѣнника мѣшали ему служить американскому правительству. По этой причинѣ Маршъ уклончиво писалъ ему въ октябрѣ, что американское правительство все же питаетъ надежду вскорѣ воспользоваться его нравственной и физической помощью. Что же касается Сьюарда, то онъ уже болѣе не вступалъ въ сношенія съ храбрымъ воиномъ. Однимъ словомъ, часть поступленія на американскую службу итальянскаго героя прошелъ безвозвратно.

— Соединеніе католической и лютеранской церквей. — Вильгельмъ II продолжаетъ вести свою подлаживающуюся политику въ отношеніи католической церкви, начатую имъ съ тѣхъ поръ, какъ Франція порвала свою связь съ папскимъ престоломъ. Чѣмъ болѣе Франціи проявляла охлажденія къ католицизму и папскому престолу, тѣмъ нѣжнѣе становился къ нимъ Вильгельмъ изъ двойной политики—отбить у Франціи матеріальныя выгоды на Востокѣ и понемногу отмѣчить восемнадцать милліоновъ своихъ католическихъ подданныхъ. Сдѣлавъ нѣсколько предварительныхъ авансовъ, польстившихъ католикамъ, онъ убѣдился, что этого недостаточно, ибо его католическіе подданные не забыли словъ Гогенцоллерна: «Пруссія — дочь Лютера и реформъ, и Гогенцоллерны—представители и борцы германскаго протестантизма». Приходилось отречься отъ своихъ словъ и сдѣлать шагъ, ко-

торый заставилъ бы поляковъ не отождествлять болѣе словъ «овѣмеченіе» и «антикатоличество».

Этотъ шагъ былъ сдѣланъ въ день рожденія императора Вильгельма II, когда извѣстный лютеранскій богословъ, Адольфъ Гарнахъ, произнесъ по этому поводу торжественную рѣчь. Эта рѣчь полностью помѣщена на страницахъ «Preussische Jahrbücher».

Указавъ на то, что многіе считаютъ сближеніе обѣихъ церквей невозможнымъ, Гарнахъ напомнилъ, что во всѣ эпохи дѣлались, однако, попытки къ этому, и такими людьми, какъ Лейбницъ, Спенсеръ, Зензендорфъ и Деллинггеръ, — значитъ оно возможно. Сама сущность христіанской религіи — единство всѣхъ христіанъ или, по крайней мѣрѣ, согласіе между всѣми христіанами — говоритъ за возможность этого сближенія. Въ прежнія времена въ Германіи происходили еще болѣе жестокія распри лютеранъ съ кальвинистами, чѣмъ теперь протестантовъ съ католиками, между тѣмъ они прекрасно ужились въ Пруссіи и даже обѣ религіи слились въ одну — евангелическую государственную. Въ XVIII вѣкѣ католики и протестанты были болѣе близки другъ къ другу, чѣмъ теперь, со времени религиозныхъ споровъ и крайней нетерпимости вѣроисповѣданій, какую видѣлъ XIX вѣкъ, но даже и теперь совершаются браки между послѣдователями обоихъ культовъ, и общество не дѣлаетъ между ними различія.

Весь вопросъ, по мнѣнію Гарнаха, состоитъ теперь въ томъ, какъ должно совершиться это сближеніе. Слѣдуетъ ли, ради этой цѣли, все болѣе и болѣе сокращать роль религіи и заниматься ею исключительно только въ церкви, не перенося въ обыденную обстановку? На это Гарнахъ отвѣчаетъ отрицательно: «Это значитъ покушаться на религію, подъ предлогомъ служить ей». Надо ли сблизить и слить во едино догматы обѣихъ религій? «Тѣмъ менѣе, — отвѣчаетъ Гарнахъ: — это было бы безусловно химерическимъ предпріятіемъ: католицизмъ всегда былъ неподатливъ относительно догматовъ».

И Гарнахъ приходитъ къ тому, что слѣдуетъ развить въ послѣдователяхъ обоихъ культовъ внутреннюю религію, глубокое, душевное религиозное чувство. Онъ находитъ, что тѣ и другіе придаютъ значеніе больше догматамъ, чѣмъ христіанскимъ добродѣтелямъ и религиознымъ чувствамъ, и совѣтуетъ придавать больше важности послѣднимъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ обѣимъ сторонамъ необходимо разсѣять вѣками утвердившіяся недоразумѣнія и предрасудки. Въ этомъ отношеніи, по мнѣнію Гарнаха, развитіе историческихъ наукъ многое можетъ сдѣлать для достиженія благопріятнаго результата. Похваливъ труды многихъ католическихъ историковъ и экзегетовъ, Гарнахъ указалъ на разные вопросы, относительно которыхъ обѣ стороны все болѣе и болѣе приближаются къ обоюдному соглашенію. «Благодаря Бога, — заключилъ онъ свою рѣчь, — Германія не знаетъ болѣе религиозной борьбы, въ которую вступаютъ нѣкоторыя латинскія націи. Позволимъ себѣ надѣяться на искреннее сближеніе между различными вѣроисповѣданіями, для большаго блага христіанской религіи и германской родины!»

Будущее покажетъ, достигнетъ ли германскій императоръ намѣченныхъ имъ цѣлей съ помощью сближенія церквей.

— Отовсюду. Большого шума надѣлала въ Лондонѣ только что вышедшая книга сэра Ральфа Пейна-Гальвея: «Тайна Маріи-Стэллы, лэди Ньюборо». Эта тайна уже давно извѣстна и касается легенды о происхожденіи французскаго короля Луи-Филиппа. Дѣло заключается въ томъ, что его отецъ, герцогъ Орлеанскій, называвшійся во времена революціи «Эгалитѣ», путешествовалъ по Италіи въ 1772 г. съ своей женой, подъ псевдонимомъ графа и графини Жуанвильскихъ. Остановясь въ городкѣ Модильянѣ, графиня родила дочь, а высокопоставленной четѣ необходимо было по финансовымъ причинамъ имѣть сына. Поэтому они подмѣнили свою дочь новорожденнымъ мальчикомъ, сыномъ итальянскаго тюремнаго смотрителя, Лоренцо Чиаппини. Этотъ маленький Чиаппини сдѣлался герцогомъ Шартрскимъ, а впослѣдствіи королемъ Луи-Филиппомъ. Что же касается до Маріи-Стеллы, то она вышла замужъ, какъ дочь Чиаппини, за лорда Ньюборо, а потомъ за барона Унгернъ-Штернберга.

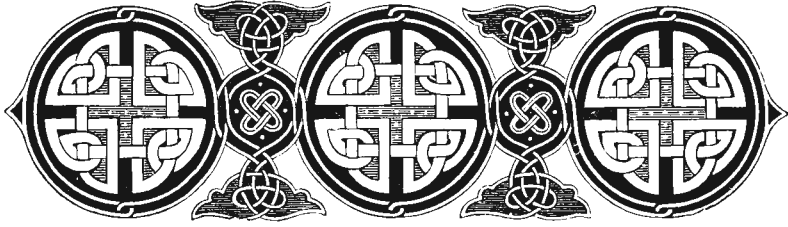
Эта легенда, подробно разсказанная сэромъ Ральфомъ Пейнъ-Гальвеемъ, однако признается имъ самимъ не безусловно доказанной, а нѣкоторые авторы, какъ, напримѣръ, П. Витракъ, утверждаютъ, что герцогъ Орлеанскій съ женою не ѣздили въ 1772 г. по Италіи и что Луи-Филиппъ родился въ декабрѣ мѣсяцѣ, а Марія-Стелла въ апрѣлѣ, слѣдовательно между временемъ рожденія того и другой была слишкомъ большая разница. Что же касается до случайнаго сходства Луи-Филиппа съ Чиаппини и Маріи-Стеллы съ Орлеанами, то этого недостаточно для историческаго доказательства. Во всякомъ случаѣ эта исторія возбуждаетъ значительный интересъ, хотя и не имѣетъ историческѣй вѣроятности.

Въ ноябрьской книжкѣ «Fortnightly Review» Арчибалдъ Калькунъ помѣстилъ очень симпатичную характеристику императора Франца-Иосифа, какъ монарха и человѣка. Замѣчательно, что молодымъ человѣкомъ онъ былъ клерикаломъ, аристократомъ, консерваторомъ, легкомысленнымъ, веселымъ франтомъ и неудачнымъ, несчастнымъ государемъ, но на шестидесятомъ году жизни сдѣлался либеральнымъ правителемъ, сохранившимъ свои территоріи. Однако, будучи счастливымъ монархомъ, онъ былъ очень несчастенъ, какъ частный человѣкъ, и только въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ ему улыбнулось счастье въ лицѣ г-жи Шратъ, бывшей актрисы. Она не отличается выдающейся красотой, но обладаетъ добрымъ характеромъ и благоразуміемъ. Она никогда не стремилась сдѣлаться Монтеспанъ или Помпадуръ, а всегда была скромной, буржуазной особой. Живя близъ вѣнскаго дворца или Ишля, лѣтняго мѣстопробыванія императора, г-жа Шратъ никогда не вмѣшивалась въ политику, не интриговала и вела себя съ замѣчательнымъ тактомъ. На одной фотографіи, чрезвычайно распространенной и популярной въ вѣнскомъ обществѣ, императоръ снятъ съ г-жой Шратъ за завтракомъ вмѣстѣ съ ея любимой собачкой, сидящей на стулѣ между ними. Францъ-Иосифъ ежедневно встаетъ въ пять часовъ, затѣмъ пьетъ кофе и гуляетъ съ своимъ старымъ другомъ, г-жою Шратъ. Окончивъ свою officialную работу и приемъ всѣхъ должностныхъ лицъ, императоръ отправляется обѣдать къ г-жѣ Шратъ и пьетъ съ нею, кромѣ пильзенскаго пива, еще стаканъ бордоскаго вина. Вечеромъ съ двумя или тремя пріятелями онъ

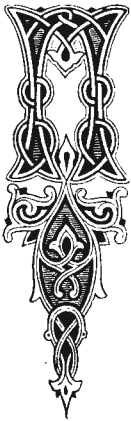
играетъ въ карты—въ вистъ или тарокъ, ничто въ родѣ виста. Въ юности Францъ-Иосифъ велъ дружбу съ аристократами, а подъ старость сталъ предпочитать средній классъ или даже низшій.

Испанскій журналъ «*Nuestro Tiempo*» въ ноябрьскомъ номерѣ помѣщаетъ любопытную статью дона Рафаэля Митханы, посвященную вопросу о шведскомъ воспитаніи. Только въ 1875 г. въ этой странѣ установилась опредѣленная полезная система воспитанія. Согласно первоначальному происхожденію въ Швеціи элементарныхъ школъ, онѣ частью муниципальныя, частью передвижныя, въ которыхъ странствующіе учителя. Общій расходъ правительства на воспитаніе составляетъ четырнадцать милліоновъ рублей, или около двухъ рублей на человѣка. Дѣти обязательно посѣщаютъ школы съ семи лѣтъ, и если у родителей нѣтъ средствъ прилично одѣвать своихъ дѣтей, то они могутъ испрашивать на это субсидію; учителя получаютъ жалованья четыреста пятьдесятъ рублей въ годъ, кромѣ квартиры, отопленія и фуража на одну корову. Школьный годъ состоитъ изъ восьми мѣсяцевъ или тридцати шести часовъ въ недѣлю. Шестидесятипятилѣтніе учителя получаютъ пенсію отъ трехсотъ до четырехсотъ рублей въ годъ. Въ 1902 г. въ Швеціи было пять тысячъ шестьсотъ шестьдесятъ двѣ школы. Замѣчательно, что въ шведскихъ школахъ обязательно обученіе физиологіи и что въ каждой изъ нихъ имѣются для мальчиковъ особыя мастерскія, которыя содержатся на счетъ муниципалитета. За работу въ этихъ мастерскихъ выдаютъ дѣтямъ не деньги, а пищу. Такихъ образцовыхъ рабочихъ мастерскихъ для дѣтей въ одномъ Стокгольмѣ двадцать, и въ нихъ учатся тысяча пятьсотъ дѣтей.

С М Ъ С Ъ.

УБЛИЧНОЕ засѣданіе академіи наукъ. (Присужденіе премій имени А. С. Пушкина и проф. А. А. Котляревскаго). 19 октября въ малой конференцъ-залѣ императорской академіи наукъ состоялось публичное засѣданіе отдѣленія русскаго языка и словесности и разряда изящной словесности для присужденія премій имени А. С. Пушкина и проф. А. А. Котляревскаго. Отчетъ о присужденіи премій былъ прочитанъ почетнымъ академикомъ Н. А. Котляревскимъ. Въ настоящемъ году разряду изящной словесности пришлось выступать съ оцѣнкой значительнаго числа произведеній, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ, поступившихъ на соисканіе премій имени А. С. Пушкина. Въ числѣ 36 сочиненій встрѣтились 12 сборниковъ оригинальныхъ стихотвореній, по преимуществу лирическаго характера, 4 собранія тихотвореній эпическихъ, 1 драматическое произведеніе, 5 сборниковъ оригинальныхъ новеллъ и повѣстей въ прозѣ, 1 историческій романъ, 1 историческая повѣсть для юношества и 3 историко-литературныхъ и критическихъ этюда, касающихся русской литературы XIX вѣка. Отдѣлъ переводной изящной литературы представленъ былъ не менѣе обильно, чѣмъ отдѣлъ оригинальныхъ произведеній. Однако, изъ числа 36 поступившихъ на конкурсъ сочиненій могли быть приняты весьма немногія, причѣмъ относительно 14 разсматривавшіе ихъ рецензенты дали отрицательные отзывы, и суду коммисіи подлежало всего 10 сочиненій. Полная пушкинская премія въ 1,000 р. присуждена за сочиненіе Д. Е. Мина: Данте-Алигieri «Божественная комедія». Т. I—«Адъ», 1902. Т. II—«Чистилище», 1902. Т. III—«Рай», 1904, переводъ съ итальянскаго. Спб. 8°. Оцѣнка новаго изданія этого перевода, исполненнаго еще въ половинѣ XIX-го вѣка покойнымъ Д. Е. Миномъ и представленнаго на

соисканіе сыномъ его, была любезно исполнена по предложенію академіи наукъ знатокомъ дантовскаго текста директоромъ императорскаго Александровскаго лицея А. П. Саломономъ. По мнѣнію послѣдняго, переводчикъ обогатилъ отечественную литературу вѣрной передачей одного изъ величайшихъ, всемірныхъ произведеній поэтическаго творчества. Достоинства перевода приобрѣтаютъ особую важность и значеніе, если принять во вниманіе, что переводъ Мина почти одинокъ въ русской литературѣ. Кромѣ того, академія наукъ постановила выдать почетные отзывы имени А. С. Пушкина за слѣдующія сочиненія: 1) А. и П. Гансенъ, «Полное собраніе сочиненій Генриха Ибсена. Переводъ съ датско-норвежскаго». Переводы были взяты на разсмотрѣніе сперва ординарнымъ академикомъ Н. А. Веселовскимъ, а послѣ его кончины почетнымъ академикомъ П. П. Вейнбергомъ; кромѣ того, академія наукъ обратилась къ профессору Олафу Броку, какъ природному норвежцу, поручивъ ему провѣрить близость перевода къ подлинному тексту Ибсена и точность передачи подлинника на русскій языкъ. Подъ правила о пушкинскихъ преміяхъ въ этихъ 5 томахъ подошли только 3 пьесы: «Перъ-Гюнтъ», «Брандъ», «Комедія Любви», переведенныя бѣлыми стихами. По мнѣнію обоихъ рецензентовъ, переводы г. Гансенъ, какъ вообще по своимъ качествамъ, такъ и со стороны точности перевода—безусловно хорошая работа, заслуживающая и у земляковъ великаго драматурга и хвалы, и искренней благодарности, несмотря на то, что многія пьесы представляютъ большія трудности для переводчика. 2) В. Г. Жуковскій—а) Хозе-Марія де-Эредія, «Сонеты въ переводѣ В. Жуковскаго»—б) «Памяти дорогаго отца. Стихотворенія». По просьбѣ разряда, оба труда г. Жуковскаго были разсмотрѣны г. почетнымъ академикомъ К. Р. По отзыву рецензента, въ стихотвореніяхъ автора встрѣчаются лишь около одной седьмой удачныхъ стихотвореній; однако, въ произведеніяхъ его наблюдается трезвое и здоровое міросозерцаніе, полное жизнерадостности и чуждое науесковой тоски, безпричиннаго лomanья. Насколько стихотворенія г. Жуковскаго не заслуживаютъ почетнаго отзыва, настолько, по мнѣнію рецензента, сонеты его заслуживаютъ полнаго вниманія, такъ какъ переводчику поэзіи Эредія представлялись почти непреодолимые препятствія, которыя онъ съ успѣхомъ побѣдилъ. 3) В. И. Крыжановская, «Свѣточи Чехіи».—историческій романъ изъ эпохи пробужденія чешскаго національнаго самосознанія. По отзыву академика В. И. Ламанскаго, авторъ съ любовью изучилъ состояніе Праги и Чехіи первой четверти XV вѣка, въ славную эпоху зарожденія и развитія такъ-называемаго гусситства, изобразивъ глубокой упадокъ нравственности въ католическомъ духовенствѣ и особенно у итальянскихъ прелатовъ, наѣзжавшихъ изъ Рима въ Чехію. 4) Б. Лазаревскій, «Повѣсти и рассказы». По отзыву почетнаго академика А. Θ. Кони, на всемъ сборникѣ г. Лазаревскаго лежитъ печать несомнѣннаго дарованія, искренняго и здороваго чувства и умѣнія «словомъ твердо править» и держать въ рукахъ свою мысль, не давая ей расплываться въ неясныхъ очертаніяхъ или намекахъ и не давая ей переступать за черту правдоподобности. 5) З. М. Милицына «Рассказы». Рецензентъ академикъ Н. П. Кондаковъ отмѣчаетъ, что представленные рассказы являютъ собою попытку построить, если не полную картину

крестьянской жизни, то хотя бы художественные ея эскизы. Отмѣчая въ разсказахъ любовное внимательное погруженіе автора въ разные виды безнадежнаго горя русской народной жизни, рецензентъ признаетъ опыты В. М. Милицыной крайне интересной литературной задачей. 6) И. И. Тхоржевскій, «Переводы изъ новѣйшей французской лирики». Рецензентъ почетный академикъ А. Ѳ. Кони отмѣчаетъ удачный выборъ произведеній для перевода, а также сжатый и гармоничный стихъ, несмотря на всю трудность передачи скорбныхъ думъ французовъ. 7) Н. Б. Хвостовъ, «Подъ осень», стихотворенія. Рецензентъ почетный академикъ К. Р. отмѣчаетъ вполне трезвое, ясное и спокойное міросозерцаніе, отсутствіе склонности развѣнчивать старые вѣчные идеалы или возводить въ добродѣтель то, что доннынѣ признавалось зломъ. Переводы съ французскаго, нѣмецкаго и персидскаго языковъ сдѣланы авторомъ мастерски. 8) М. П. Чеховъ, «Очерки и разсказы». А. Ѳ. Кони, сравнивая его произведенія съ произведеніями его брата, покойнаго Антона Павловича, — находитъ, что они имѣютъ свою собственную цѣну и являются плодомъ самостоятельной и творческой мысли труда. Большую половину разсказовъ слѣдуетъ признать написанными безусловно талантливо и интересно. 9) О. Н. Чюмина (Михайлова), «Стихотворные переводы и стихотворенія». Рецензентъ проф. кievскаго университета А. Н. Гиляровъ находитъ, что переводъ произведенія г. Теннисона — «Королевскія идилліи» — сдѣланъ такъ близко къ подлиннику и такъ оригинально, что большаго желать едва ли возможно; отмѣчается изящество, легкость и плавность перевода. Что касается стихотвореній О. Н. Чюминой, то наиболѣе удачны лирическія стихотворенія; переводы также очень искусны. Въ общемъ, представленныя стихотворенія указываютъ на несомнѣнность большого стихотворнаго таланта О. Н. Чюминой. Всѣмъ рецензентамъ академія наукъ постановила выдать установленныя пушкинскія золотыя медали. Слѣдующій ближайшій 18 пушкинскій конкурсъ послѣдуетъ въ 1909 г.; срокомъ для принятія сочиненій на этотъ конкурсъ назначено 29 января 1908 г. Отчетъ о присужденіи преміи имени покойнаго слависта А. А. Котляревскаго былъ прочитанъ академикомъ А. А. Шахматовымъ. На соисканіе этихъ премій было представлено всего 5 трудовъ. Академія наукъ, согласно отзыва П. А. Лаврова, присудила половинную премію въ 500 рублей за произведеніе: В. Н. Щепкинъ, «Балонская Псалтирь». Псалтирь эта — весьма важный памятникъ средне-болгарской письменности. Обширная работа В. Н. Щепкина состоитъ изъ четырехъ частей: обстоятельнѣйшаго палеографическаго описанія памятника сравнительно съ другими близкими къ нему по времени, подробнаго разсмотрѣнія его фонетики, извлеченія его особенностей въ морфологіи и приложеній, въ которыхъ помѣщены отрывки болѣе или менѣе рѣдкихъ средне-болгарскихъ текстовъ, до сихъ поръ не появлявшихся въ печати. Произведеніе это займетъ видное мѣсто въ литературѣ, посвященной изученію болгарскаго языка. Половинная премія въ 500 р. присуждена также за сочиненіе проф. И. Е. Евсева «Книга пророка Даниила въ древне-славянскомъ переводѣ». Рецензентъ проф. Г. А. Воскресенскій отмѣчаетъ заслугу автора по отношенію къ двумъ московскимъ греческимъ спискамъ книги пророка Даниила, неизвѣстнымъ доселѣ наукѣ и воспроизведе-

деннымъ у него въ лукіановскихъ и исихіевскомъ изводахъ, подъ строкою. Благодаря этому, трудъ г. Евсеѣва имѣетъ крупную научную цѣнность; самостоятельность и полнота изслѣдованія по отношенію къ рукописнымъ источникамъ и оригинальность метода проявлялись и въ настоящемъ его трудѣ. Наконецъ, половинная премія въ 500 руб. выдана также за сочиненія В. А. Францева: 1) «Польское славяновѣдѣніе конца XVIII и первой четверти XIX столѣтія. 2) «Korespondence Josefa Dobrovského». Опѣнка этихъ трудовъ была любезно исполнена проф. А. И. Александровымъ. Съ точки зрѣнія библиографической сочиненіе стоитъ на полной высотѣ и пропуски можно указать лишь самыя незначительныя. Вообще, весь трудъ свидѣтельствуетъ о замѣчательной ученой добросовѣтности автора и кропотливомъ его вниманіи ко всякой даже мелочи и точности. Сама же по себѣ тщательно написанная книга представляетъ обширный цѣнный матеріалъ по поставленному темой вопросу. Почетный отзывъ имени проф. А. А. Котляревскаго академія наукъ присудила Н. Петровскому за его произведеніе: «Первые годы дѣятельности В. Кошитаря». Рецензентъ В. И. Ламанскій, отмѣчая всю пользу прочитаннаго имъ труда, указываетъ, что онъ полонъ рѣдкихъ подробностей и заслуживаетъ всякихъ похвалъ. Трудъ этотъ явится подручною книгою для всѣхъ славистовъ и лицъ, интересующихся юго-западнымъ славянствомъ. Всѣмъ рецензентамъ выданы установленныя золотыя медали за представленныя ими рецензіи. Слѣдующее присужденіе премій имени А. А. Котляревскаго послѣдуетъ 19 октября 1909 г.

Въ литературномъ фондѣ. Въ залѣ географическаго общества 22 октября въ часъ дня подъ предѣлательствомъ П. И. Вейнберга состоялось общее собраніе литературнаго фонда. По прочтеніи протокола прошлаго общаго майскаго собранія былъ доложенъ отчетъ секретаря, за мѣсяцы съ апрѣля по сентябрь включительно, сводившійся къ тому, что за это время комитетъ имѣлъ 13 засѣданій, на которомъ было разсмотрѣно 407 дѣлъ. Изъ этого количества просьбъ о выдачѣ пособій и безсрочныхъ ссудъ было подано 212; изъ нихъ удовлетворено 112 на сумму 5,420 руб. и отклонено 93 просьбы. Просьбъ о назначеніи новыхъ и продолженіи старыхъ пенсій и продолжительныхъ пособій было 30. Изъ нихъ удовлетворено 27 и отклонено 3. Просьбъ о пособіяхъ на уплату за обученіе дѣтей разсмотрѣно 22. Изъ нихъ удовлетворено 21 на сумму 1095 руб., отклонена 1. Просьбъ о срочныхъ ссудахъ было 17; удовлетворено 10 на сумму 990 руб., и отклонено 7. Комитетъ выступалъ съ посредничествомъ между писателями и издателями въ 4 случаяхъ, хлопоталъ о поступленіи писателей и ихъ дѣтей въ лечебныя заведенія на льготныхъ условіяхъ въ 2 случаяхъ. Комитетъ между прочимъ пришелъ къ сознанию необходимости прекратить вовсе выдачу срочныхъ ссудъ—и это рѣшеніе его представляется на обсужденіе общаго собранія. Затѣмъ слѣдовало чтеніе казначейскаго отчета, изъ котораго видно, что капиталъ неприкосновенный и именные за 1 января 1907 г. выражались суммою 643,287 руб. 8 коп. По 22 октября поступило 7,259 руб. 62 коп.; процентовъ поступило 2,591 руб. Всего—10,850 руб. 62 коп. По 22 октября израсходовано 9,246 руб. 40 коп., а съ прочими выдачами всего 12,739 руб. 40 коп. На 22 октября состоитъ 641,398 руб. 30 коп. Капиталъ расходный къ 1 января 1907 г. числился

перерасхода 9,054 руб. 8 к. Поступило по 22 октября 24,318 руб. 31 коп., израсходовано 26,724 руб. 8 коп. Перерасходъ 11,459 руб. 85 коп. Капиталь ссудный на 1 января состоялъ изъ 514 руб. 45 коп. и къ 22 октября понизился до 163 руб. Капиталь фонъ-Дамича къ началу года состоялъ изъ 41,294 руб. 38 коп. и по отчетный день возросъ до 42,089 руб. 88 коп. Капиталь Голубева составляетъ 2,826 руб. 33 коп. Переходящія суммы съ 6,946 руб. 89 коп. возросли до 13,014 руб. 52 коп. Общие итоги: на 1 января состояло 685,915 руб. 5 коп. и на 22 октября состоитъ 688,032 руб. 63 коп.; въ томъ числѣ $\%$ бумагами 673,425 руб. и наличными 14,607 руб. 63 коп. Заканчивая отчетъ, кассачей присовокушили, что въ настоящее время положеніе денежных суммъ, которыя фондъ имѣетъ право раздавать, таково, что истекающій годъ свести будетъ трудно. Нуждающихся и подающихъ просьбы о пособіи чрезвычайно много, а средствъ не хватаетъ. Въ настоящемъ году министерство народнаго просвѣщенія отказало въ выдававшейся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ фонду постоянной субсидіи въ 1,000 руб. Точно также до сихъ поръ не получено еще постоянное пособіе изъ кабинета его величества, тоже въ 1,000 руб. и кромѣ того безнадежно пропадаетъ въ долгахъ около 5,000 руб., розданныхъ въ срочныя ссуды. Не получено также и много членскихъ взносов. Въ засѣданіи былъ также поднятъ вопросъ о томъ, чтобы принадлежащія фонду процентныя бумаги при выходѣ ихъ въ тиражъ и при всякихъ удобныхъ условіяхъ обмѣнивались бы на болѣе стойкія и болѣе доходныя. Рѣшено такъ и поступать впредь и приобретать по возможности бумаги, имѣющія цѣнность золота. П. И. Вейнбергъ доложилъ собранію, что спектакль, устроенный 13 октября въ пользу фонда при валовомъ сборѣ въ 3,497 руб. 25 коп., далъ чистой прибыли 2,612 руб. 48 коп. Кромѣ того, въ недалекомъ будущемъ предстоятъ двѣ лекціи проф. А. А. Исаева, одна лекція П. Д. Боборыкина и нѣсколько другихъ; доходомъ съ этихъ лекцій предполагается покрыть теперешніе дефициты фонда и усилить его благотворительную дѣятельность. Возлагаются надежды на проектированную лотерею. Теперь уже идетъ сборъ пожертвованій на нее книгами, произведениями искусства, канцелярскими принадлежностями и иного рода подходящими вещами. Приглашая къ дальнѣйшимъ пожертвованіямъ, П. И. Вейнбергъ упомянулъ и томъ, что въ настоящее время устройство вечеровъ и всякаго рода спектаклей стало весьма и весьма затруднительнымъ, а вужда растеть и растеть. Нуждающихся литераторовъ такъ много, что приходится разсматривать по 30—40 просьбъ о пособіи въ одинъ вечеръ. Въ комиссіи имени императора Николая II при академіи наукъ положеніе вещей такое же: просьбъ множество, а средства къ концу года изсякаютъ. Нужды же литераторовъ не уменьшаются. Для рѣшенія вопроса о дальнѣйшемъ существованіи дома писателей и объ упраздненіи выдачи срочныхъ ссудъ въ декабрѣ будетъ созвано чрезвычайное собраніе. За устройство вечера 13 октября Е. П. Султановой выражена благодарность фонда. Въ заключеніе состоялись выборы девяти новыхъ членовъ баллотировкою и двухъ дамъ—Е. Д. Кусковой и К. В. Лукашевичъ—безъ баллотировки.

Въ кассѣ взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. 4 ноября на собраніе членовъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ прибылъ впервые послѣ десятилѣтняго отсутствія оправившійся отъ продолжительной болѣзни учредитель кассы Г. К. Градовскій, встрѣченный дружными аплодисментами. Предсѣдателемъ собранія былъ избранъ П. Д. Боборыкинъ, при секретарѣ Я. Я. Полферовѣ. Единогласно избранный въ почетные предсѣдатели Г. К. Градовскій обратился къ собранію съ прочувствованной рѣчью, выразивъ благодарность всѣмъ членамъ кассы, такъ тепло встрѣтившимъ его. Вопросъ о недоимкахъ вызвалъ оживленные пренія, продолжавшіяся болѣе двухъ часовъ. За послѣдніе годы вслѣдствіе увеличившейся смертности участниковъ кассы и общихъ неблагопріятныхъ условий дѣятельности литераторовъ и ученыхъ многіе изъ нихъ не внесли обязательныхъ по кассѣ взносовъ. Поэтому обычная сумма недоимокъ въ размѣрѣ около 3.000 руб. возросла въ 1906 г. до 8.000, а въ 1907 г. уже до 12.000, между тѣмъ какъ правленіе кассы, согласно уставу, можетъ давать отсрочки во взносѣ недоимокъ не далѣе, какъ на шесть мѣсяцевъ. Накопленіе такихъ недоимокъ не представляетъ, по мнѣнію правленія, опасности для кассы, такъ какъ онѣ удерживаются при выдачѣ страховыхъ суммъ, безнадежные же недоимщики вовсе не вводятся въ расчетъ. Предсѣдателемъ правленія Я. Н. Колубовскимъ было предложено собранію предоставить, правленію полномочія по возможно льготному примѣненію мѣръ по взысканію недоимокъ, примѣняясь въ каждомъ случаѣ къ обстоятельствамъ дѣла. Около 20 ораторовъ говорило по поводу этихъ недоимокъ: предлагали избрать особую комиссію, предлагали массу практическихъ способовъ къ скорѣйшему взысканію недоимокъ, но въ концѣ концовъ приняли предложеніе Я. Н. Колубовскаго. За позднимъ временемъ обсужденіе остальныхъ вопросовъ отложено на 2 декабря, а сряду послѣ закрытія собранія состоялось засѣданіе комиссіи, избранной 14 октября въ помощь правленію для выработки программы чествованія исполняющагося въ текущемъ году сорокалѣтлѣтія литературной дѣятельности Г. К. Градовскаго. Комиссіей было постановлено устроить 11 ноября обѣдъ въ честь юбиляра по подпискѣ среди членовъ кассы и его почитателей, а также приѣмъ поздравленій, какъ отъ литературныхъ обществъ, такъ и отъ отдѣльныхъ лицъ. Въ виду исполнѣвшагося пятидесятилѣтія литературно-общественной дѣятельности одного изъ видныхъ участниковъ кассы К. К. Арсеньева общее собраніе постановило привѣтствовать юбиляра особымъ адресомъ.

Императорское военно-историческое общество. Въ воскресенье 4 ноября происходило торжественное засѣданіе императорскаго русскаго военно-историческаго общества. Въ залѣ собранія арміи и флота открылъ засѣданіе предсѣдатель общества ген. Скалонъ. Въ числѣ присутствовавшихъ были: совѣтъ общества (составляютъ: предсѣдатель ген. Скалонъ, товарищъ ген. Мышлаевскій, члены: ген. Каменскій, Колюбакинъ, Кротковъ, полк. Биговъ, Жерве, Симанскій, гг. Панчулидзева и Чечулинъ докторъ исторіи), а среди членовъ: генералы Рербергъ, Тутолминъ, Сухотинъ, Скугаревскій, начальникъ Николаевской академіи генеральнаго штаба Щербачевъ, Колюбакинъ, директоръ археологическаго института Покровскій, проф. Гондаковъ,

попечители спб. округа Латышевъ, рижскаго Левшинъ, основатель музея и владѣтель самаго большаго собранія наполеоновскихъ памятниковъ въ Березинѣ г. Колодѣевъ, гг. Соколовскій, Панчулидзевъ, Козляниновъ, художники Мазуровскій и Сафоновъ и множество другихъ извѣстныхъ лицъ, человекъ до 100. Открывая собраніе, ген. Скалонъ сообщилъ о милости, которою Государь Императоръ удостоилъ новое общество 20 минушаго октября, принявъ званіе почетнаго предсѣдателя и даровавъ обществу наименованіе императорскаго. Резолюція Государя Императора на докладѣ объ обществѣ была затѣмъ выслушана стоя и сопровождалась восторженнымъ, долго не смолкавшимъ «ура». Предсѣдатель предложилъ вознести молитву за почетнаго предсѣдателя Государя Императора. Священникъ Суворовской церкви о. Шавельскій совершилъ молебствіе и сказалъ прекрасное слово о томъ, что война хотя и есть зло, есть бѣдствіе народное, но она въ то же время обнаруживаетъ и высокія качества народа, какъ и язвы, его развѣдающія. Долгъ историка тяжелый—вскрывать эти язвы, но и высокій—великими образцами воспитывать народъ, возвышать его духъ. Проповѣдникъ призвалъ всѣхъ пожелать усѣха русскимъ дѣятелямъ на нивѣ исторіи и многихъ лѣтъ державному почетному предсѣдателю. Послѣ молебна, продолжая засѣданіе, ген. Скалонъ предложилъ подписать всеподданнѣйшій благодарственный адресъ для поднесенія Государю Императору и избрать депутацию для поднесенія этого адреса. Приступили къ подписи адреса. Адресъ заключенъ въ скромный по виду сафьянный бюваръ, на которомъ помѣщенъ исполненный эмалью и золотомъ на фабрикѣ Овчинникова російскій гербъ, двуглавый орелъ времени царя Ивана III, какъ мы тогда приняли этотъ гербъ, въ византійскомъ изображеніи, съ опущенными крыльями. Внутри бювара самый адресъ изъ двухъ листовъ, на одномъ текстъ, а на другомъ подписи. Оба листа расписаны акварелью—первый художникомъ Сафоновымъ—въ заглавіи красная виньетка-медальонъ съ эмблемами царской власти, а по борту идетъ колонна изъ военнаго орнамента, представляющая исторію русскихъ военныхъ формъ, оружія и головныхъ уборовъ отъ Петра Великаго до Павла I. Второй листъ, съ колонной такого же орнамента и съ исторіей формъ отъ Павла I до нашихъ дней, рисовалъ баталистъ-художникъ Мазуровскій. Заключительная заставка на послѣдней страницѣ аллегорически изображаетъ, какъ пишется исторія, — развернутая книга, на ней вмѣсто пера—мечъ, песочные часы и тутъ же лавры и шиповникъ. По закрытіи засѣданія состоялся завтракъ, первый гость на которомъ, возглашенный ген. Скалономъ за Государя Императора, покрылся неумолкаемымъ «ура». Ген. Туттолминъ поднялъ бокалъ за то чувство и тѣхъ его выразителей, которые разбудятъ дремлющихъ и зажгутъ вездѣ огонь любви къ Россіи. Ген. Бородинъ высказалъ, что рвеніемъ учредителей и царскою милостію создано новое общество; по уставу оно внѣ политики, но оно въ то же время не можетъ быть не патріотическимъ. Если бы въ Россіи не было патріотизма, развѣ мы могли бы пережить то, что теперь переживаемъ? Чѣмъ вызвано появленіе этого общества? Да, конечно, любовью къ родинѣ. Исторія можетъ и должна пробуждать патріотизмъ, и за процвѣтаніе русскаго самосознанія генераль поднялъ свой бокалъ. Были подняты бокалы за предсѣдателя ген. Скалона,

за ген. Мышлаевскаго; были вспомянуты и другіе трудившіеся надъ военной исторіей и первоначальное маленькое ядро организаторовъ, изъ котораго разрослось это дѣло, столь блестяще начавшее свое существованіе и съ первыхъ же дней получившее титулъ императорскаго. Въ послѣдовавшей послѣ трапезы бесѣдѣ и засѣданіи совѣта рѣшено организовать отдѣлы общества въ Ригѣ и Москвѣ.

Юбилей московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ. 1 ноября исполнилось высшимъ женскимъ курсамъ тридцатипятилѣтіе. 1 ноября 1872 г. были открыты въ Москвѣ «публичныя высшія женскія курсы», изъ которыхъ въ послѣдствіи образовались теперешніе «высшія женскія курсы». Въ февралѣ 1871 г. профессоромъ Герье былъ поданъ мотивированный докладъ на имя попечителя московскаго учебнаго округа объ открытіи двухлѣтнихъ высшихъ женскихъ курсовъ въ Москвѣ. «Обученіе дѣтей въ частныхъ домахъ,—говорилось въ докладѣ,—преимущественно поручается гувернанткамъ, нерѣдко совершенно неприготовленнымъ къ выполненію своего призванія; число домашнихъ наставницъ и учительницъ растетъ и будетъ расти съ каждымъ годомъ не только въ слѣдствіе естественно развивающейся все болѣе и болѣе потребности образованія въ Россіи, но и потому, что обычай приглашать иностранокъ для воспитанія дѣтей постепенно исчезаетъ; къ тому же возникаютъ постоянно многочисленныя женскія гимназіи и училища, требующія все большаго числа подготовленныхъ учительницъ». Правительство не нашло препятствій къ открытію курсовъ, и 6 мая 1872 г. послѣдовало высочайшее утвержденіе «положенія о высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ». Курсы учреждались въ видѣ опыта только на 4 года «подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и ближайшимъ наблюденіемъ попечителя московскаго учебнаго округа». Они «имѣли цѣлью дать дѣвицамъ, окончившимъ гимназическій или институтскій курсъ, возможность продолжать свое дальнѣйшее общее образованіе». Въ преподаватели курсовъ приглашались учредителемъ преимущественно профессора университета. Преподаватели составляли изъ себя педагогическій совѣтъ, избравшій себѣ изъ числа извѣстныхъ ученыхъ предсѣдателя, который несъ предъ правительствомъ отвѣтственность за дѣйствія курсовъ. Какъ предсѣдатель, такъ и преподаватели утверждались въ этомъ званіи попечителемъ московскаго учебнаго округа. Обязательными предметами были назначены: русская литература, всеобщая литература, всеобщая исторія, исторія Россіи, исторія цивилизаціи, исторія искусства и физика. Въ числѣ необязательныхъ были: иностранныя языки, математика и гигиена. «Посѣтительницы» курсовъ допускались въ качествѣ слушательницъ и «вольныхъ слушательницъ». По истеченіи 4-хъ лѣтъ учредителю предоставлялось право ходатайствовать «объ утвержденіи устава высшихъ женскихъ курсовъ съ тѣми измѣненіями, какія окажутся необходимыми». На такихъ началахъ и были открыты въ Москвѣ «публичныя высшія женскія курсы». Учредитель курсовъ въ своей рѣчи, произнесенной въ день открытія курсовъ, выразилъ надежду, что «срокъ, на который испрошено разрѣшеніе правительства для курсовъ, докажетъ ихъ необходимость и обезпечитъ за ними сочувствіе московскаго общества, и что черезъ четыре года эти курсы превратятся въ

постоянное учрежденіе, прочное и по своимъ средствамъ, и по общему убѣжденію въ его полезности». Надеждамъ учредителя не суждено было сбыться. Правда, со стороны московскаго общества курсы встрѣтили самое горячее участіе, выразившееся въ матеріальной ихъ поддержкѣ, но со стороны правительства начались преграды. Такъ, учреждавшееся «дамское общество для содѣйствія курсамъ» не получило разрѣшенія. Въ 1879 году предписано было принимать въ вольнослушательницы только лицъ, имѣющихъ постоянныя занятія или живущихъ въ семьяхъ въ томъ городѣ, гдѣ находятся курсы, и притомъ съ особаго каждый разъ разрѣшенія попечителя учебнаго округа. Въ 1886 году послѣдовало распоряженіе министерства о совершенномъ прекращеніи приема слушательницъ на всѣ высшіе женскіе курсы. Министерство мотивировало эту своеобразную мѣру пересмотромъ вопроса о высшемъ женскомъ образованіи. Въ силу этого распоряженія московскіе высшіе женскіе курсы должны были прекратить существованіе на 14 лѣтъ. Только 7 апрѣля 1900 года было высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта объ учрежденіи въ Москвѣ высшихъ женскихъ курсовъ. Курсы были открыты 15 сентября 1900 г. на тѣхъ же основаніяхъ, какія были приняты на петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ. Завѣдываніе курсами переходило въ руки директора и инспектриссы. Первый избиралъ преподавателей, вторая руководила воспитательною частью. Обществу была предоставлена только хозяйственная часть курсовъ. Директоръ и инспектрисса стали назначаться министромъ народнаго просвѣщенія. Учебные планы также утверждались министерствомъ. Изъ программы было исключено преподаваніе естественной исторіи, гистологій, физиологій человѣка и животныхъ. Курсамъ назначалась субсидія отъ министерства въ размѣрѣ 3.000 руб., но она вся шла на жалованье директору курсовъ. Плата за слушаніе лекцій была повышена до 100 рублей въ годъ. Но время брало свое. Въ 1903 году въ программу было включено преподаваніе политической экономіи и римскаго права — наукъ, считавшихся ранѣе «вредными». Въ сентябрѣ 1905 года на высшіе женскіе курсы было распространено дѣйствіе высочайше утвержденныхъ 27 августа 1905 года «временныхъ правилъ объ университетской автономіи». Число слушательницъ съ каждымъ годомъ увеличивалось. 35 лѣтъ тому назадъ профессоръ Герье открывалъ курсы при 58-ми слушательницахъ. Въ слѣдующіе годы число слушательницъ доходило до 110 человѣкъ, въ 1884 году ихъ было 213, въ 1903 году стало уже 1.073 человѣка. Въ настоящее время число слушательницъ доходитъ до 3-хъ тысячъ. Особенно сильный наплывъ наблюдался въ текущемъ году. Желających поступить на курсы оказалось 6.125 человѣкъ. Изъ нихъ принято только 924. Важно отмѣтить тотъ фактъ, что по всеобщей переписи Россіи въ 1897 г. всѣхъ учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ женщинъ было 6.979.

Юбилей К. А. Раухфуса. Торжественно, а что еще важнѣе — тепло, съ обиліемъ сердечныхъ привѣтствій праздновался 50-лѣтній юбилей научно-врачебной дѣятельности К. А. Раухфуса, доктора медицины, тайнаго совѣтника, лейбъ-педиатра, члена многочисленныхъ медицинскихъ обществъ и учреждений, главнаго врача и директора больницы принца Ольденбургскаго,

«спасителя дѣтей» и «стяжавшаго себѣ славу первокласнаго европейскаго ученаго», какъ говорилось въ адресахъ. Инициатива празднованія принадлежитъ обществу дѣтскихъ врачей. Оно устроило торжественное засѣданіе въ залѣ городской думы, украшенной зеленью и наполненной депутаціями, учениками и почитателями юбиляра, сотоварищами-врачами, сестрами милосердія, ученицами и благодарными родителями. Особенно много было дамъ-матерей; были тутъ и товарищи, профессора, врачи — медицинскія извѣстности столицы. Въ первыхъ рядахъ сидѣли ихъ высочества герцоги Георгій Георгіевичъ и Михаилъ Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрелицкіе и графиня Карлова. На эстрадѣ за столомъ помѣстились члены общества дѣтскихъ врачей, городской голова и др. Долго не смолкавшими аплодисментами встрѣтили юбиляра и усадили на почетномъ мѣстѣ на эстрадѣ. Предсѣдатель общества русскихъ врачей докторъ Руссовъ, поздравляя юбиляра, указалъ на его заслуги родивъ, какъ организатора, какъ профессора, какъ общественнаго дѣятеля, указалъ на его вклады въ науку по леченію дѣтскихъ болѣзней, на его заботы о дѣтяхъ. Передъ началомъ пріема депутацій д-ръ Руссовъ прочиталъ высочайшія телеграммы на имя юбиляра отъ Ея Величества Императрицы Маріи Феодоровны, отъ Ея Величества Императрицы Александры Феодоровны и прочтена привѣтственная телеграмма отъ его высочества принца Александра Петровича Ольденбургскаго. Затѣмъ начался пріемъ депутацій. 54 депутаціи читали свои адреса и приносили поздравленія, и на всѣ привѣтствія и рѣчи отвѣчалъ слушавшій ихъ все время стоя неутомимый юбиляръ, а продолжалось это 3 часа безъ перерыва. Въ числѣ поздравителей были депутаціи дѣтскихъ клиникъ, больницъ, обществъ врачей, медицинскихъ учреждений, ученыхъ обществъ и благотворительныхъ, редакцій и женщинъ-студентокъ. Назовемъ лишь нѣкоторыя выдающіяся. Представители городского управленія — городской голова г. Рѣзцовъ и г. Петровъ, графъ Бенигсенъ (отъ больничной комиссіи города) и докторъ Опенгеймъ (отъ санитарной комиссіи) поднесли адресъ въ серебряномъ ларцѣ и объявили постановленіе присвоить одному изъ бараконъ больницы въ память священнаго коронованія имя юбиляра и помѣстить его портретъ. Затѣмъ нѣмецкое училище св. Петра привѣтствовало юбиляра какъ своего ученика, также и военно-медицинская академія. Отъ воспитательнаго дома говорили привѣтствія и дѣти. Приносили поздравленія высшія медицинскія учрежденія: медицинскій совѣтъ, врачебное совѣщаніе учреждений императрицы Маріи, управленіе придворно-медицинской части во главѣ съ лейбъ-медикомъ Веляминовымъ, институтъ экспериментальной медицины (проф. Подвысоцкій), совѣтъ главныхъ врачей. Въ депутаціи отъ клиническаго института великой княгини Елены Павловны участвовалъ герцогъ Георгій Георгіевичъ. Отъ дѣтской клиники женскаго медицинскаго института поднесенъ адресъ, расписанный акварелью, представляющій собою «конвертикъ» для новорожденныхъ, а текстъ адреса написанъ на изображеніи спеленатаго младенца, которое вкладывается въ конвертикъ. Женскій медицинскій институтъ избралъ юбиляра въ почетные члены, также и сиб. медицинское общество и общество лечебницы для хронически больныхъ дѣтей, учредившее кровать имени д-ра Раухфуса. Адресъ отъ Максимилиановской лечебницы подписанъ

ея императорскимъ высочествомъ принцессой Евгеніей Максимиліановной. Въ депутаціи отъ Елизаветинской больницы участвовалъ герцогъ Михаилъ Георгиевичъ. Изъ Москвы поздравлялъ директоръ Голицынской больницы. Но особенно тепло и поэтично-трогательно высказано привѣтствие въ адресѣ отъ «матерей», который читала графиня Карлова. Подносили нѣкоторыя депутаціи юбиляру и букеты роскошныхъ цвѣтовъ. Потомъ читались телеграммы отъ разныхъ обществъ и медицинскихъ свѣтилъ Парижа, Вѣны, Мюнхена, Дрездена, гдѣ медицинское общество избрало юбиляра почетнымъ членомъ, изъ Италіи, изъ Будапешта, изъ Америки (Нью-Йорка и др.). Получена масса телеграммъ со всѣхъ концовъ Россіи, особенно много изъ Москвы, чуть ли не отъ всѣхъ московскихъ больницъ и медицинскихъ обществъ, изъ Кіева, изъ Харькова, изъ Новгорода и пр. Юбиляръ былъ очень растроганъ и, благодаря, высказалъ, что онъ не ожидалъ такого чествованія и такого, какъ сегодня, счастливаго дня.

Родившись въ 1835 году, К. А. получилъ среднее образованіе въ училищѣ св. Петра, а специальное медицинское — въ медико-хирургической академіи, которую окончилъ въ 1857 году, посвятить себя изученію специально дѣтскихъ болѣзней. Первые шаги его врачебной дѣятельности прошли въ сиб. воспитательномъ домѣ, гдѣ онъ проводилъ цѣлыя дни, вскрывая иногда до 1000 труповъ въ годъ. Ознакомившись, при содѣйствіи проф. Грубера, съ патологической анатоміей новорожденныхъ и грудныхъ дѣтей, онъ сталъ помѣщать въ «Архивъ» Вирхова свои научныя наблюденія. Какъ прозекторъ дома, онъ оставилъ по себѣ прочную память, положивъ основаніе патолого-анатомическому музею въ немъ, гдѣ имъ собрана была цѣнная коллекція препаратовъ, главнымъ образомъ врожденныхъ пороковъ сердца, и нынѣ составляющая цѣнное украшеніе этого музея. Занявшись рядомъ съ этимъ ларингологіей, К. А. долго являлся въ шестидесятыхъ годахъ единственнымъ представителемъ этой специальности въ Россіи. Въ 1864 г. принцъ П. Г. Ольденбургскій поручилъ К. А. составленіе плана для сооруженія дѣтской больницы его имени. Эта больница, заслужившая громадную извѣстность, является въ полномъ смыслѣ слова дѣтищемъ К. А. При сооруженіи и внутреннемъ устройствѣ дѣтской больницы имъ измѣнена система временной карантинной изоляціи сомнительныхъ, въ смыслѣ заразительности, случаевъ; еще въ большемъ совершенствѣ ему удалось провести приемы изоляціи и всего устройства дѣтской больницы при ввѣренномъ его руководствѣ сооруженіи дѣтской больницы св. Владимира въ Москвѣ, которая считается образцовымъ типомъ современныхъ дѣтскихъ больницъ. При дѣтской больницѣ принца Петра Ольденбургскаго К. А. Раухфусъ ввелъ впервые въ Россіи больничную ассистентуру для систематическаго совершенствованія молодыхъ врачей, подъ руководствомъ завѣдующихъ отдѣленіями старшихъ врачей. Амбулаторія при этой больницѣ была устроена на весьма широкихъ началахъ, и приходящіе больные могли здѣсь пользоваться ваннами, гимнастическими приспособленіями и пр., въ теченіе многихъ лѣтъ матерямъ раздавались здѣсь печатныя наставленія по разнымъ вопросамъ ухода за здоровыми и больными дѣтьми. К. А. при этой больницѣ была впервые въ Россіи устроена дезинфекціонная камера текущимъ па-

ромъ, послужившая затѣмъ образцомъ для другихъ больницъ. Изъ научныхъ трудовъ К. А. отмѣтимъ его классическій трудъ: «О врожденныхъ порокахъ сердца». Нечего уже говорить о массѣ его другихъ трудовъ, статей и докладовъ, посвященныхъ вообще устройству и организаціи дѣтскихъ больницъ, благодаря чему авторъ ихъ получалъ многочисленныя приглашенія принять консультативное участіе въ сооружеіи многихъ заграничныхъ дѣтскихъ больницъ. Съ 1891 года онъ сталъ одинъ изъ первыхъ въ Россіи лечить противодифтеритной сывороткой; еще черезъ нѣсколько лѣтъ онъ представилъ на московскомъ международномъ медицинскомъ съѣздѣ обширный трудъ объ успѣхахъ серотерапіи дифтерита, представляющей собою самый крупный и цѣльный статистическій матеріалъ всѣхъ странъ. Научные труды К. А., выдающиеся критическіе талантъ и опытъ доставили ему европейскую извѣстность. Въ 1894 г. онъ получилъ лестное предложеніе занять кафедру дѣтскихъ болѣзней въ Берлинѣ, но отклонилъ это предложеніе. Профессорская дѣятельность его на женскихъ врачебныхъ курсахъ длилась съ 1875 по 1884 г. Помимо этого онъ былъ учитель въ высшемъ смыслѣ этого слова. Онъ училъ у себя въ больницѣ стекавшихся сюда врачей, училъ въ обществѣ дѣтскихъ врачей, гдѣ ему принадлежало рѣшающее слово, училъ на совѣщаніи у постели больныхъ дѣтей. Ни одно начинаніе въ области педиатріи не предпринималось врачами безъ его совѣта. Какъ общественный дѣятель, онъ не мало силъ положилъ на устройство школьныхъ и дѣтскихъ колоній, которымъ онъ придавалъ большое значеніе, принималъ участіе въ организаціи фребелевскаго общества и въ учрежденіи школъ нянь Государыни Императрицы Александры Θεодоровны. Въ 1876 г. К. А. былъ назначенъ на должность лейбъ-педиатра, до того времени не существовавшую, кромѣ того, онъ состоитъ почетнымъ членомъ и членомъ-корреспондентомъ многочисленныхъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ.

Пропущенный юбилей. (По поводу 40-лѣтней литературной дѣятельности П. В. Засодимскаго). 20 іюля 1867 г. въ газетѣ «Голосъ» было напечатано воззваніе къ русскому обществу въ защиту болгаръ, съ которыми турки, при подавленіи возстанія, расправлялись звѣрски. Эта анонимная статья была первымъ литературнымъ дебютомъ П. В. Засодимскаго. Въ слѣдующемъ 1868 г. въ журналѣ «Дѣло» напечатаны двѣ его повѣсти: «Грѣшница» (№ 1—3) и «Волчиха» (№ 12), и съ тѣхъ поръ въ изданіяхъ: «Дѣло», «Отечественныя Записки», «Слово», «Русское Богатство», «Наблюдатель», «Сѣверный Вѣстникъ», «Русскія Вѣдомости», «День», «Русская Жизнь», «Историческій Вѣстникъ», «Міръ Божій», «Живописное Обзорѣніе» и др. печатались и печатаются произведенія П. В. Засодимскаго. Въ 1895 г. его сочиненія собраны и изданы въ двухъ томахъ, гдѣ въ предисловіи онъ пишетъ: «излишне распространяться, что всѣ мои горячія симпатіи всегда были и остались на сторонѣ бѣдныхъ, обездоленныхъ, на сторонѣ рабочихъ массъ. Ни въ одной строкѣ, написанной мною, читатель не найдетъ ни единого выраженія, которое противорѣчило бы этой основной идеѣ моей жизни и дѣятельности... едва ли, по всей справедливости, можно упрекать меня за то, что впечатлѣнія, получаемыя мною отъ наблюдаемой дѣйствительности, въ громадномъ боль-

пинствѣ окрашиваются въ темные тоны. Едва ли справедливо обвинять меня за то, что мои физическія и умственные очи рѣшительно не видятъ ничего свѣтлаго и радостнаго тамъ, гдѣ это видятъ другіе. Я сознательно не ищу ничего темнаго въ жизни; напротивъ, я бываю очень радъ, когда мнѣ удается отдохнуть душой на какомъ-нибудь свѣтломъ и отрадномъ явленіи. Но если такія явленія рѣдко встрѣчаются въ жизни, я въ томъ виноватъ не болѣе, чѣмъ вы, мой читатель». «Яркость колорита,—пишетъ М. К. Цебрикова по поводу собранія сочиненій П. В. Засодимскаго,—не далась ему; окраска образовъ его переходитъ иногда въ сѣрые тоны гравюры или рисунки карандашомъ; но и въ этихъ сѣрыхъ тонахъ видна жизненная правда. Въ талантѣ Засодимскаго есть сходство съ талантомъ Шеллера (А. Михайлова). Уступая второму въ плодовитости и искусствѣ занимательно вести интригу, первый глубже черпаетъ изъ жизни и больше захватываетъ... Сходство въ томъ, что у обоихъ писателей всего сильнѣе выдается тотъ элементъ творчества, который можно назвать воспитательнымъ, т. е. что оба глубоко проникнуты важностью ставить передъ читателемъ «проклятые» вопросы, выдвинутые общественною жизнью».

П. В. Засодимскій извѣстенъ и какъ писатель для дѣтей и юношества. «Здѣсь идеализація,—пишетъ А. М. Скабичевскій,—соединяясь съ врожденной автору задушевностью, какъ нельзя болѣе умѣстна, и дѣтскіе рассказы Засодимскаго представляютъ собою лучшее, что существуетъ въ нашей дѣтской литературѣ по беллетристикѣ». «Въ его рассказахъ этого рода—по словамъ П. В. Быкова — сквозитъ хорошая, чистая душа, теплое, отзывчивое сердце, видно стремленіе привить дѣтямъ уваженіе къ человѣческой личности, къ труду, внушить имъ все доброе, разумное». Его сочиненія для дѣтей изданы въ нѣсколькихъ книжкахъ, но болѣе славятся: «Задушевные рассказы», «Бывальщины и сказки». Павелъ Владимировичъ Засодимскій родился въ небогатой дворянской семьѣ въ Великомъ Устюгѣ, уѣздномъ городѣ Вологодской губерніи 1 ноября 1843 года. «Онъ почти не запомнитъ себя неграмотнымъ — пишетъ П. Н. Полевой — и уже съ дѣтства пристрастился къ чтенію и читалъ много, благодаря довольно обширной библіотекѣ, которая была у его отца». 10 лѣтъ П. В. Засодимскій хорошо владѣлъ языками: французскимъ, нѣмецкимъ и польскимъ. Въ 1856 году онъ поступилъ въ вологодскую гимназію, по окончаніи которой въ 1863 году поступилъ вольнослушателемъ въ петербургскій университетъ по юридическому факультету, но черезъ два года онъ оставилъ университетъ. Послѣ этого П. В. Засодимскій былъ нѣкоторое время домашнимъ учителемъ, потомъ учителемъ сельской школы въ Новгородской губерніи, но послѣднее мѣсто черезъ три мѣсяца принужденъ былъ, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, оставить, и съ тѣхъ поръ онъ всецѣло посвятилъ себя литературному труду. Изъ его сочиненій болѣе извѣстны: «Хроника села Смурна», «По городамъ и селамъ», «Стенныя тайны», «Грѣхъ», «Кто во что гораздъ», «Терехинъ сонъ», «Волчиха» и др. Многія произведенія его появились подъ псевдонимомъ «Вологдинъ». Въ 1892 г. праздновался его 25-лѣтній юбилей товарищескимъ обѣдомъ въ одномъ изъ столичныхъ ресторановъ, гдѣ были произнесены по адресу

юбиляра соотвѣтствующя привѣтствія, сдѣланы ему подношенія и произведена оцѣнка его дѣятельности на пользу родного народа.

Закладка дома императорскаго русскаго географическаго общества.

21 октября состоялась торжественная закладка собственного дома императорскаго русскаго географическаго общества въ Демидовомъ пер. На молебствіи по случаю закладки присутствовали вице-президентъ общества и председатель строительной комиссіи, членъ Государственнаго Совѣта П. П. Семеновъ-Тяньшанскій, помощникъ председателя В. О. Струве, начальникъ морскаго генеральнаго штаба к.-адм. Л. А. Брусиловъ, начальникъ главнаго гидрографическаго управленія ген. А. И. Вилькицкій, ген.-лейт. Скалонъ, непремѣнный секретарь академіи наукъ С. П. Ольденбургъ, извѣстный путешественникъ по Средней Азійи Г. Е. Грумъ-Гржимайло, профессора А. И. Войковъ, Н. П. Веселовскій, А. А. Пностранцевъ и мн. др. Послѣ чина закладки председатель строительной комиссіи П. П. Семеновъ-Тяньшанскій сказалъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ. Новое зданіе начато постройкой 20 минувшаго іюля и будетъ окончено къ осени 1908 года. Оно занимаетъ 218 кв. сажень на собственной землѣ общества, фасадъ на Демидовъ переулокъ будетъ въ 3 этажа, служебный флигель — въ 7 этажей. Къ постройкѣ примѣнены всѣ послѣднія усовершенствованія, въ архитектурномъ отношеніи это будетъ одно изъ самыхъ красивыхъ зданій столицы. Кромѣ канцеляріи, архива, служебныхъ помѣщеній и т. п. въ немъ три залы: одна на 512 человекъ, другая—на 216, третья — на 76. Смѣта расходъ по постройкѣ исчислена въ 155 тысячъ рублей, окончательное же оборудованіе обойдется до 15 тысячъ.

Охраненіе памятниковъ старины. 1 ноября въ залѣ совѣта академіи художествъ состоялось засѣданіе общества архитекторовъ-художниковъ подъ председательствомъ графа П. Ю. Сюзора, посвященное главнымъ образомъ рассмотрѣнію заявленія проф. Л. Н. Бенуа по поводу искаженія вида одного изъ лучшихъ памятниковъ русскаго зодчества, Инженернаго замка, которому угрожаетъ опасность подвергнуться окончательной застройкѣ проектируемыми флигелями, казармами юнкерскаго училища. Этотъ памятникъ, какъ и масса другихъ въ Петербургѣ, уже подвергся достаточному искаженію, благодаря сооруженію рядомъ съ нимъ безобразнаго зданія электрической станціи и застройкѣ знаменитой кленовой аллеи, которая, вмѣстѣ съ Коннетабльскимъ плацомъ съ растреліевской статуей Петра Великаго и нынѣ уничтоженнымъ подъемнымъ мостомъ черезъ каналъ, давала чудный видъ на этотъ дворецъ. Противъ дальнѣйшаго искаженія этого единственнаго въ мірѣ памятника зодчества возстали всѣ столичныя строительныя общества и главнымъ образомъ общество архитекторовъ-художниковъ, которое и выработало при посредствѣ особой комиссіи, въ составъ которой вошли: Э. А. Густавсенъ, М. М. Перетятковичъ, С. В. Бѣляевъ и А. И. Ѳоминъ, обращеніе къ лицамъ, имѣющимъ вліяніе на сохраненіе въ полной неприкосновенности этого рѣдкаго памятника зодчества и умаленіе вокругъ него уродующихъ его пристроекъ позднѣйшаго времени.

Статуя Рубинштейна. Г. Л. Гейзе принесъ въ даръ слб. консерваторіи статую Рубинштейна. Статуя работы художника К. А. Тавастшерна, сдѣланная

для конкурса постановки памятника композитору въ консерваторіи, отлита въ бронзѣ на гранитномъ пьедесталѣ. Рубинштейнъ изображенъ опирающимся на пюпитръ передъ началомъ дирижированія оркестромъ.

Размѣры эмиграціи. Съ 1 іюня 1906 г. по 1 іюня 1907 г. черезъ Либаву, — по свѣдѣніямъ «Вѣстн. Либ.» — эмигрировало изъ Россіи за границу 215,665 человекъ. Изъ нихъ русскихъ — 5,282 чел., нѣмцевъ — 10,279 чел., финляндцевъ — 13,401 чел., поляковъ — 46,204 чел., литовцевъ — 13,697 чел., и евреевъ — 125,234 чел. За время же съ 2 іюня по 2 сентября 1907 г. черезъ Либаву эмигрировало еще 15,580 человекъ.

НЕКРОЛОГИ.

БОБОРЫКИНЪ, М. А. 27 октября на Дорогомиловскомъ кладбищѣ похоронили тѣло одного изъ давнишнихъ, но скромныхъ газетныхъ тружениковъ Митрофана Александровича Боборыкина. Покойный, получивъ среднее образованіе въ первой и третьей московскихъ гимназіяхъ, въ 1873 г. поступилъ на военную службу и былъ зачисленъ въ шефскую роту 1-го лейбъ-гренадерскаго Екатеринославскаго Его Величества полка. Лѣтомъ 1876 года онъ былъ командированъ председателемъ славянскаго благотворительнаго комитета И. С. Аксаковымъ на театръ сербско-турецкихъ военныхъ дѣйствій и принималъ участіе во многихъ рекогносцировкахъ и стычкахъ съ непріателемъ. Затѣмъ, послѣ недолгой службы въ составѣ русской арміи, дѣйствовавшей на Дунаѣ, М. А. осенью 1877 г. по болѣзни вернулся въ Москву и занялъ мѣсто письмоводителя при канцеляріи университета, а съ 1883 года состоялъ однимъ изъ завѣдующихъ по приему объявленій въ конторѣ «Московскихъ Вѣдомостей». Почти съ этого же времени началось его сотрудничество въ нѣсколькихъ газетахъ въ отдѣлахъ «хроники» и «университетскихъ извѣстій». Покойный въ теченіе 25 лѣтъ, почти до самой смерти, велъ главнымъ образомъ отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ. Наряду съ этимъ онъ за послѣднее время служилъ при университетской библіотекѣ. Умеръ М. А. 55-ти лѣтъ, не оставивъ послѣ себя, какъ и большинство газетныхъ работниковъ, никакихъ средствъ. (Некрологъ его: «Московск. Вѣдом.», 1907 г., № 247).

† **Гудимъ-Левковичъ, П. К.** 24 октября вечеромъ въ Царскомъ Селѣ скончался членъ государственнаго совѣта, генераль-отъ-инфантеріи Павелъ Константиновичъ Гудимъ-Левковичъ. Покойный, воспитанникъ кіевскаго кадетскаго корпуса, въ молодости служилъ на Кавказѣ въ артиллеріи. Затѣмъ кончилъ курсъ двухъ академій, артиллерійской и генеральнаго штаба. Даль-

нѣйшая служба протекала въ Петербургѣ. Онъ быстро завоевалъ себѣ выдающееся положеніе среди товарищей по генеральному штабу и въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ преподавалъ тактику. Большія умственные способности, независимость характера, рѣдкая добросовѣстность въ работѣ притягивали къ нему вниманіе. Свои взгляды онъ отстаивалъ, не смущаясь положеніемъ оппонентовъ. Для карьеры это не всегда было пригодно, но подобныя соображенія не имѣли значенія для стойкаго въ своихъ убѣжденіяхъ П. К. Тѣмъ не менѣе онъ постепенно подвигался по военной іерархической лѣстницѣ, участвовалъ въ турецкой кампаніи, отправился и въ ахальтекинскую экспедицію. М. Д. Скобелевъ пригласилъ его туда начальникомъ штаба отряда. Оба самостоятельныя и неуступчивые, они не ужились вмѣстѣ и разстались. Послѣ войны П. К. продолжалъ службу въ штабахъ петербургскаго округа, но главная дѣятельность его сосредоточилась въ академіи генеральнаго штаба. Онъ занялъ кафедру профессора тактики и среди своихъ слушателей оставилъ прекрасную память. Составленный имъ курсъ тактики не потерялъ значенія и до сихъ поръ. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ П. К., занимавшій должность помощника штаба округа и профессора академіи, перешелъ на службу въ гражданское вѣдомство. Всегда не особенно крѣпкое его здоровье къ этому времени отъ усиленныхъ занятій особенно распаталось, вотъ почему онъ простился съ военной карьерой и принялъ предложеніе бывшаго своего начальника графа Воронцова-Дашкова и занялъ должность помощника начальника главнаго управленія удѣловъ. Здѣсь, несмотря на непродолжительное пребываніе, онъ оставилъ замѣтный слѣдъ, разработавъ планъ реформы учрежденія. Вскорѣ П. К. получилъ новое назначеніе на высокій постъ управляющаго кабинетомъ его величества. Труды его по преобразованію и устройству алтайскаго и нерчинскаго округовъ имѣютъ большое общегосударственное значеніе. Онъ запрягся въ громадную работу, умѣлъ подобрать сотрудниковъ и своимъ личнымъ примѣромъ воодушевлялъ лицъ, имѣвшихъ къ нему отношенія по службѣ. Послѣдніе годы П. К. состоялъ членомъ государственнаго совѣта. Первое время онъ усиленно принялся за работу въ своемъ департаментѣ, но недомоганіе все чаще стало давать себя знать и выводило его изъ строя активныхъ дѣятелей. Этой осенью П. А. вернулся изъ-за границы съ надеждой вновь приняться за работу. Суждено было иное: подкрадывавшаяся давно грудная жаба вновь проявилась и внезапно свела его въ могилу. (Некрологъ его: «Новое Время», 1907 г., № 11359).

† **Мкртичъ, армянскій католикосъ.** Скончавшійся 29 октября верховный патріархъ и католикосъ всѣхъ армянъ Мкртичъ I (Хримьянъ) представлялъ собой замѣчательнаго дѣятеля не только въ духовно-армянскомъ мірѣ, но и въ политической жизни армянскаго народа. Выдающійся своими природными дарованіями и высокими нравственными качествами, онъ всю свою дѣятельность посвятилъ заступничеству за угнетенныхъ армянъ, за что неоднократно самъ подвергался гоненіямъ со стороны турецкаго правительства. Армяне потеряли въ его лицѣ крупнѣйшаго своего покровителя, проявлявшаго всюду и всегда свою заботливость о нихъ и оказывавшаго имъ широкую нравственную и матеріальную поддержку.

Жизнь этого замѣчательнаго чловѣка была полна приключеній. Родился онъ въ 1820 г. въ турецкой Арменіи въ городѣ Ванѣ въ простой крестьянской семьѣ. Получилъ образованіе въ монастырской школѣ, занимался до своего совершеннолѣтія ткацкимъ ремесломъ, въ часы досуга изучалъ армянскую исторію и литературу и писалъ стихотворенія на родномъ языкѣ. Чуткій къ страданіямъ своихъ соплеменниковъ, онъ съ увлеченіемъ посвящалъ имъ свое поэтическое творчество. Въ началѣ пятидесятихъ годовъ переселился въ Константинополь и занялся тамъ учительствомъ. Въ 1854 г., потерявъ жену и дочь, принялъ монашество, былъ посвященъ въ священники, основалъ журналъ «Константинопольскій Орель» и выступилъ горячимъ проповѣдникомъ и талантливымъ публицистомъ-обличителемъ дурнаго направленія армянскаго духовенства и отуречившихся армянъ. Извѣстность его росла быстро. Вскорѣ онъ былъ назначенъ настоятелемъ Варагскаго монастыря въ Ванской области, куда и перенесъ свой журналъ, назвавъ его «Васпураганскій Орель» (Васпураганъ — древне-армянское названіе Варагской области). Въ качествѣ настоятеля о. Мкртичъ направилъ свои силы на борьбу съ армянскимъ невѣжествомъ. Онъ устроилъ при монастырѣ образцовую школу, музей, бібліотеку и типографію, на монастырскія средства посылалъ молодыхъ армянъ за границу для усовершенствованія въ агрономическихъ знаніяхъ. Въ 1862 г. покойный былъ уже епископомъ мушскимъ, черезъ семь лѣтъ избранъ константинопольскимъ патріархомъ. Въ Константинополѣ ему удалось прожить только четыре года. Турецкое правительство отнеслось съ полозрѣніемъ къ его дѣятельности и широкой популярности среди армянъ. Онъ былъ вынужденъ сложить съ себя санъ патріарха и удалился на покой въ ванское епископство. Здѣсь съ обычной энергіей продолжалъ заботиться объ армянахъ, и когда его родной городъ Ванъ былъ уничтоженъ пожаромъ, онъ написалъ горячій призывъ ко всѣмъ армянамъ помочь ванцамъ, оказавшимся въ безвыходномъ положеніи. Во время русско-турецкой войны 1877—78 гг. покойный съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ событій и, когда въ опустошенной Арменіи начался голодъ, выступилъ главнымъ организаторомъ помощи голодавшимъ, собралъ крупныя денежныя суммы, образовалъ благотворительныя комитеты и лично посѣщалъ пострадавшихъ и раздавалъ имъ пособія. По окончаніи войны отправился делегатомъ отъ армянъ на берлинскій конгрессъ, посѣтилъ Римъ, Вѣну, Парижъ, Лондонъ и Берлинъ и всюду умолялъ дипломатовъ облегчить участь армянскихъ христіанъ въ Турціи. Его политическая миссія не имѣла успѣха, но тѣмъ не менѣе не разочаровала его, и онъ съ прежней энергіей сталъ хлопотать за армянъ передъ турецкимъ правительствомъ. Въ Константинополѣ онъ былъ избранъ президентомъ армянскаго духовнаго собранія, но въ 1891 г. былъ вновь вынужденъ по требованію правительства, удалиться въ Іерусалимъ въ армянскій патріархатъ. Въ слѣдующемъ году онъ былъ единогласно избранъ католикосомъ всѣхъ армянъ и съ тѣхъ поръ являлся ихъ высшимъ духовнымъ представителемъ. Послѣ турецкихъ звѣрствъ въ Арменіи (сасунская рѣзня и др.) онъ посѣтилъ Петербургъ съ ходатайствомъ о заступничествѣ за армянъ-христіанъ. Это было въ 1895 г. Турецкія звѣрства, повторившіяся въ Арменіи въ 1901 и 1902 гг.,

1/225*

вызвали вновь его горячія заступничества. Изъ краткаго описанія дѣятельности покойнаго ярко выступаетъ его свѣтлая личность, чуждая своекорыстія и полная горячей любви къ угнетаемымъ сородичамъ. Патріархъ Мкртичъ въ частной жизни былъ необычайно простъ, носилъ грубую рясу и все свои личные средства отдавалъ бѣднякамъ. Среди армянъ онъ извѣстенъ также своими богословскими, литературными и педагогическими сочиненіями. Его «Сирахъ и Самуилъ» и «Райская семья» считаются классическими произведеніями армянской литературы. Умеръ онъ 87 лѣтъ отъ роду, оставивъ по себѣ среди армянскаго народа прекрасную память «айрика» — друга и народнаго заступника. (Некрологъ его: «Новое Время» 1907 г., № 11369).

† **Гр. Пратасовъ-Бахметевъ, Н. А.** Въ Берлинѣ скончался 25 октября почетный опекунъ, генераль-адъютантъ, генераль-отъ-кавалеріи графъ Николай Алексѣевичъ Пратасовъ-Бахметевъ. Имя покойнаго пользовалось обширной извѣстностью, какъ государственнаго дѣятеля, занимавшаго министерскій постъ главноуправляющаго собственной Его Величества канцеляріей по учрежденіямъ императрицы Маріи въ теченіе семнадцати лѣтъ. Это вѣдомство, какъ извѣстно, объединяетъ многочисленныя и разнообразныя благотворительныя и учебно-воспитательныя учрежденія, находящіяся подъ непосредственнымъ попеченіемъ Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, главнымъ и близкимъ сотрудникомъ которой и былъ покойный. Онъ, отличаясь замѣчательной сердечной добротой, внесъ въ дѣло управления вѣдомствомъ воспитанія и благотворенія много энергіи и заботливости, обративъ особенное вниманіе на упроченіе финансовой части вѣдомства. Принявъ на себя главное управленіе вѣдомствомъ при незначительныхъ средствахъ, онъ оставилъ его въ прошломъ году хорошо обеспеченнымъ. Графъ Н. А. сдѣлалъ блестящую карьеру. Окончивъ въ Пажескомъ корпусѣ, онъ началъ службу въ Кавалергардскомъ полку. Поручикомъ опредѣлился въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. На тридцать третьемъ году отъ роду, будучи уже флигель-адъютантомъ, получилъ въ командованіе Новгородскій драгунскій полкъ, черезъ два года л.-гв. кирасирскій ея величества и въ 1871 г., въ чинѣ генераль-майора свиты Его Величества, л.-гв. Конный полкъ, командуя одновременно съ 1873 г. первой бригадой первой гвардейской дивизіи. Въ составѣ свиты Его Величества отправился на театръ военныхъ дѣйствій съ турками и въ нѣсколькихъ дѣлахъ съ непріателемъ проявилъ военныя доблести, отмѣченныя золотымъ палашомъ съ надписью «за храбрость» и орденами св. Анны 1 степ. и св. Владимира 2 степ., оба съ мечами. Подъ его руководствомъ сводная казачья дивизія особенно выдѣлилась въ дѣлахъ при Козулбекѣ и при Еленѣ. Съ 1880 г. началась административная дѣятельность покойнаго. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ былъ астраханскимъ губернаторомъ, затѣмъ до 1889 г., когда было поручено ему главное управленіе вѣдомствомъ императрицы Маріи, состоялъ при министрѣ внутреннихъ дѣлъ и принималъ участіе въ разработкѣ нѣсколькихъ дѣлъ военно-административнаго характера (пересмотръ законоположеній о государственномъ ополченіи и др.). За свои заслуги въ учебно-воспитательномъ и благотворительныхъ дѣлахъ Н. А. былъ избранъ почетнымъ членомъ множества учреждений: сиб. женскаго па-

тріотическаго общества, общества попеченія о питомцахъ сиб. воспитательнаго дома, школьныхъ дачъ и др. Уроженецъ Подольской губ. и богатый мѣстный помѣщикъ, онъ обратилъ вниманіе на недостатокъ православныхъ храмовъ въ Подоліи и не щадилъ на это дѣло своихъ средствъ. Имъ въ его имѣніяхъ выстроено три каменныхъ храма и даны значительныя средства на нужды другихъ церквей подольской епархіи. Высшей наградой за заслуги покойнаго былъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. Скончался онъ 73 лѣтъ, оставивъ по себѣ добрую память среди всѣхъ знавшихъ его. (Некрологъ его: «Новое Время», 1907 г., № 11360).

† **Синицынъ, Ѳ. И.** 14 октября въ университетской церкви въ Москвѣ неожиданно скончался извѣстный заслуженный профессоръ московскаго университета, Ѳедоръ Ивановичъ Синицынъ. Покойный преклонилъ колѣна, чтобы сдѣлать земной поклонъ—и не поднялся болѣе. По заключенію врачей, смерть послѣдовала отъ старческаго перерожденія сердца. Въ лицѣ Ѳ. И. московскій университетъ и русская медицинская наука понесли тяжелую утрату. Несмотря на свой преклонный возрастъ, покойный не прекращалъ университетскаго преподаванія и еще наканунѣ смерти былъ въ своей клиникѣ. Ѳ. И. Синицынъ былъ единственнымъ выдающимся представителемъ своей науки въ Россіи. Въ лицѣ покойнаго сходитъ въ могилу глубокой патріотъ, скорбѣвшій о своей родинѣ, раздираемой внутреннею смутой и сынами-измѣнниками. Онъ опасался, какъ бы Россія не пошла по стопамъ Польши... и эти опасенія неоднократно высказывалъ своимъ друзьямъ, добавляя: «Пора умирать». Ѳ. И. былъ честнымъ и безпристрастнымъ человѣкомъ, руководившимся въ своей дѣятельности неуклоннымъ служеніемъ долгу. Это былъ истинно-православный христіанинъ, человѣкъ стойкихъ, непреклонныхъ убѣжденій, отличавшійся сердечною добротою. У покойнаго не было личныхъ враговъ, но враги родины—были и его врагами. До «освободительнаго движенія» лекціи Ѳ. И. пользовались громадною популяренностью среди студентовъ. Лишь въ послѣдніе два года врачамъ-инородцамъ, его товарищамъ по Ново-Екатерининской больницѣ, удалось возбудить слушателей противъ покойнаго профессора за его правыя русскія убѣжденія. Инородческая травля причинила много непріятностей почившему и даже, можетъ-быть, сократила дни его жизни. Покойный ученый—сынъ священника, родился въ 1836 году и, по окончаніи университетскаго курса со степенью лѣкаря (1864 г.), служилъ затѣмъ семь лѣтъ военнымъ врачомъ при 37-мъ пѣхотномъ Нейшлотскомъ, лейбъ-гвардіи Курляндскомъ и 4-мъ пѣхотномъ Капорскомъ полкахъ. Удостоенный въ 1871 г. степени доктора медицины за диссертацию «О вліяніи шейнаго симпатическаго нерва на питаніе глаза»,—покойный былъ тогда же приглашенъ читать, въ качествѣ приватъ-доцента, лекціи по теоретической хирургіи, а въ 1884 г. назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ этого предмета. Кромѣ диссертациі, перу Ѳ. И. принадлежала длинная вереница другихъ капитальныхъ и цѣнныхъ изслѣдованій, касавшихся различныхъ медицинскихъ вопросовъ, какъ, напр. «О переливаніи крови у людей» (1874 г.), «О новыхъ успѣхахъ хирургіи въ Германіи (1885 г.)», «О врожденномъ уродствѣ стопы» (1886 г.) и др. Какъ профессоръ, преданный всецѣло интересамъ

науки, превосходный врачъ-діагностъ и отзывчивый на все доброе человѣкъ, покойный оставилъ по себѣ среди своихъ многочисленныхъ пациентовъ и всѣхъ знавшихъ его самую свѣтлую память. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1907 г., № 236)

†. **Словцовъ, И. Я.** Скончался отъ кровоизліянія въ мозгъ Иванъ Яковлевичъ Словцовъ, бывшій директоръ тюменскаго Александровскаго реальнаго училища, одинъ изъ усердныхъ изслѣдователей Западной Сибири и Киргизской степи. Покойный—сынъ священника, родился въ 1844 г. въ гор. Тюмени. Первые годы по окончаніи казанскаго университета И. Я. провелъ на службѣ въ канцеляріи главнаго управленія Западной Сибири; съ 1869 года занялся преподаваніемъ естествовѣдѣнія и былъ воспитателемъ въ военной гимназіи въ гор. Омскѣ. Въ теченіе 10 лѣтъ, проведенныхъ въ Омскѣ, онъ занимается составленіемъ естественно-историческихъ коллекцій, привлекая къ этому дѣлу и своихъ учениковъ, предпринимаетъ отъ западно-сибирскаго отдѣла географическаго общества поѣздки въ Киргизскую степь для изученія ея флоры и фауны, степныхъ озеръ, а также и населенія. Нѣкоторое время былъ секретаремъ акмолинскаго статистическаго комитета и составилъ таблицы объ урожаяхъ хлѣбовъ этой области. Въ 1879 г. И. Я. былъ назначенъ директоромъ открывшагося въ Тюмени Александровскаго реальнаго училища, которому и были посвящены 27 послѣднихъ лѣтъ его жизни. За все это время покойный преподавалъ естественную исторію и географію, и результатомъ его преподаванія явились два учебника: «Краткая физическая географія» и «Обозрѣніе Россійской Имперіи сравнительно съ важнѣйшими государствами», вышедшіе первое въ 4-хъ, а второе въ 5-ти изданіяхъ. Въ каникулярное же время онъ предпринималъ нѣсколько разъ поѣздки въ Тавдинскій, Пелымскій и Туринскій края, въ «страну кедровъ и соболя», какъ озаглавлена одна изъ его статей, а также и на Богословскіе заводы Урала. Въ окрестностяхъ Тюмени онъ производилъ раскопки, обнаружившія обширное городище каменнаго вѣка, въ которомъ найденныя многочисленныя орудія и утварь составляютъ одну изъ достопримѣчательностей богатаго естественно-историческаго музея, заключающаго большое собраніе чучель птицъ и звѣрей Западной Сибири собственной работы покойнаго, а также гербаріевъ и различныхъ геологическихъ и палеонтологическихъ предметовъ. На составленіе этого музея въ теченіе долгихъ лѣтъ И. Я. положилъ много труда и средствъ. Къ нему, какъ извѣстному по всей округѣ собирателю достопримѣчательностей, несли отовсюду и старинныя книги, и археологическія находки, и кости, и черепа нрѣдко находимыхъ въ бассейнѣ рѣки Туры допотопныхъ животныхъ. Почти полные скелеты мамонта, первобытнаго быка и носорога являются украшеніемъ вышеупомянутаго музея; нѣсколько лѣтъ назадъ музей этотъ былъ пріобрѣтенъ у И. Я. извѣстнымъ тюменскимъ купцомъ, покойнымъ Н. М. Чукмадинымъ, который предполагалъ пожертвовать его городу Тюмени, но, за отсутствіемъ у города подходящаго помѣщенія, подарилъ его тюменскому реальному училищу. Среди разнообразной дѣятельности И. Я. находилъ время писать корреспонденціи и статьи по разнымъ вопросамъ въ екатеринбургскихъ газетахъ и въ «Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ его перу принадлежитъ рядъ

остроумныхъ фельетоновъ на различныя темы мѣстной общественной жизни. Въ воспоминаніи лицъ, близко знавшихъ покойнаго, онъ останется примѣромъ трудолюбія, одушевленнаго любовью къ родному краю и неослабѣвающими съ годами научными интересами. (Некрологъ его: «Новое Время» 1907 г., № 11.359).

† **Смирновъ, П. А., протоіерей.** 29 октября скончался въ Петербургѣ одинъ изъ заслуженнѣйшихъ представителей нашего блага духовенства, бывшій редакторъ «Церковныхъ Вѣдомостей» и предѣдатель духовно-учебнаго комитета при св. синодѣ, протоіерей Петръ Алексѣевичъ Смирновъ. Покойный былъ хорошо извѣстенъ москвичамъ по своей долготѣней предыдущей дѣятельности въ качествѣ настоятеля нѣсколькихъ московскихъ храмовъ. Уроженецъ Ярославской губерніи, онъ воспитывался въ мѣстной семинаріи (1844—1850 гг.), затѣмъ прослушалъ полный курсъ богословскихъ наукъ въ московской духовной академіи (1850—54 гг.) и, окончивъ здѣсь курсъ со степенью магистра, состоялъ около четырехъ лѣтъ въ этой академіи бакалавромъ по каѳедрѣ церковной археологіи. Въ 1858 г. покойный былъ рукоположенъ въ пастырскій санъ и назначенъ священникомъ при храмѣ въ московскомъ вдовьемъ домѣ, потомъ перешелъ на постъ настоятеля церкви Космы и Даміана, что на Покровкѣ, и, наконецъ, въ санѣ уже протоіерея, священнослужительствовалъ въ храмѣ Петра и Павла, что въ Басманной. Одновременно съ этимъ, о. П. А. въ теченіе 25-ти лѣтъ состоялъ законоучителемъ во второй московской мужской гимназіи (1860—1885 гг.). Перейдя съ 1886 г. на почетный постъ настоятеля петербургскаго Псаакіевскаго собора и занявъ должность главнаго редактора «Церковныхъ Вѣдомостей», покойный въ 1897 г. былъ назначенъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, предѣдателемъ духовно-учебнаго комитета при св. синодѣ. Всѣ эти три отвѣтственныя должности онъ совмѣщалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока по разстроенному здоровью не удалился на покой. Покойный пользовался большою извѣстностью, какъ духовный писатель и ораторъ. Многочисленныя статьи, помѣщенныя имъ главнымъ образомъ на страницахъ «Церковныхъ Вѣдомостей», отличались дѣловитостью, популярностью изложенія, правильнымъ и въ то же время простымъ языкомъ. Всѣ онѣ носили богословско-философскій характеръ. О. Смирновъ много писалъ также по вопросамъ дидактики и педагогики; много статей посвятилъ онъ и церковно-приходскимъ школамъ, ихъ исторіи и значенію. Собраніе его трудовъ вышло въ 1898 отдѣльнымъ изданіемъ и состоитъ изъ 4-хъ обширныхъ томовъ. Многочисленные учебники о. П. А. по Закону Божию для низшихъ и среднихъ школъ считаются въ настоящее время наиболѣе распространенными среди другихъ руководствъ по этому предмету. Въ разныхъ общественныхъ собраніяхъ покойный часто выступалъ въ качествѣ публичнаго оратора со своими яркими, строго продуманными рѣчамп, въ которыхъ рѣшалъ самыя сложные и трудныя вопросы изъ церковно-общественной жизни. Умеръ о. П. А. въ преклонномъ возрастѣ, 77-ми лѣтъ отъ роду. (Некрологъ его: «Московск. Вѣдом.», 1907 г., № 251)

† **Шмитгофъ, А. М.** Въ Кронштадтѣ передъ началомъ спектакля, за нѣсколько минутъ до подвѣтія занавѣса, умеръ талантливый драматическій

артистъ Анатолій Максимилановичъ Шмитгофъ. Покойный пользовался извѣстностью въ Москвѣ, гдѣ онъ восемь лѣтъ служилъ въ театрѣ Корша, и въ провинціи, гдѣ подвизался едва ли не во всѣхъ крупныхъ городахъ. Сынъ популярнаго въ свое время актера и капельмейстера Макс. Карл. Шмитгофа, онъ первоначальное образование получилъ въ казанской первой гимназійи, откуда затѣмъ перешелъ въ самарскую. Лѣтомъ 1879 года покойный, имѣя репутацію опытнаго любителя, былъ приглашенъ участвовать въ спектакляхъ лѣтняго казанскаго театра въ саду Панаева, а на слѣдующую зиму сдѣлался уже профессиональнымъ артистомъ, поступивъ въ саратовскую труппу на амшлуа «простака съ пѣніемъ». За 27 лѣтъ своей сценической дѣятельности А. М. Шмитгофъ успѣлъ побывать въ шестидесяти городахъ, исколесилъ всю Россію вдоль и поперекъ. Онъ написалъ цѣлый рядъ остроумныхъ монологовъ и куплетовъ, музыку къ нимъ и мастерски исполнялъ ихъ на сценѣ. Въ этой области у него въ настоящее время не было соперниковъ. Незадолго передъ смертью А. М. Шмитгофъ поселился въ Петербургѣ и, между прочимъ, арендовалъ театръ во Псковѣ для спектаклей петербургскихъ гастролеровъ. (Некрологъ его: «Московск. Вѣдом.» 1907 г., № 250)

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Къ разсказу «Петербургскій Монтекристо».

Въ напечатанномъ въ ноябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» разсказѣ г. Авсѣенки «Петербургскій Монтекристо» вкралась неточность: въ описываемую авторомъ эпоху петербургскимъ генераль-губернаторомъ былъ не генераль Катенинъ, а генераль Шульгинъ (см. напечатанное по распоряженію бывшаго петербургскаго градоначальника генерала Клейгельса изданіе подъ заглавіемъ: «1703—1903. С.-Петербургская столичная полиція и градоначальство», стр. 152).

Покойный генераль-адъютантъ Александръ Андреевичъ Катенинъ (другого генерала Катенина въ началѣ 50 годовъ прошлаго столѣтія на службѣ не было) командовалъ л.-гв. Преображенскимъ полкомъ, въ 1852 г. былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ главнаго штаба, а съ 1857 г. состоялъ оренбургскимъ генераль-губернаторомъ. Скончался въ Оренбургѣ въ 1860 году.

— Эту руку мнѣ!—сказала она надменно.

Это была красивая дѣвушка со жгучими глазами, обнаженной спиною и грудью. Викторіанъ покраснѣлъ, давая свою руку. Пiя сотворила подъ вуалью крестное знаменіе и пожалѣла о своемъ любопытствѣ.

Цыганка съ тревожнымъ вниманьемъ разсматривала руку. Она, повидимому, съ большимъ трудомъ разбирала по ней судьбу молодого человѣка.

— Сраженья, военные крики и много обманутыхъ радостей, много разбитыхъ надеждъ,—шептала она:—это прошлое. Потомъ все смѣшалось, и люди и предметы, много крови лилось около тебя, много ты видѣлъ ужасныхъ вещей, которыя совершаются вами, знатными военными синьорами; но конецъ линіи жизни такъ затерянъ, что я не могу больше говорить

Вдругъ она завладѣла дрожащей рукою Пiи и приложила ее къ рукѣ Викторіана.

— Теперь я понимаю, — воскликнула она. — Двѣ руки составляютъ одну.

— Объясни,—сказалъ Викторіанъ.

— Неясныя и неувѣренныя линіи твоей руки можно понять только при помощи линіи этой дѣтской ручки. Онѣ созданы одна для другой и останутся вмѣстѣ. Раньше вамъ предстоитъ цѣлое море слезъ и ужасные дни и ночи. Наконецъ смерть дастъ вамъ жизнь.

— Говори яснѣе,—снова почти умоляющимъ голосомъ попросилъ Викторіанъ.

— Мнѣ больше нечего тебѣ предсказать.

И она вдругъ стала совершенно равнодушна и безпечнымъ шагомъ подошла къ кошкѣ, которая, высоко поднявъ хвостъ, мурлыча бросилась къ ней навстрѣчу. Потомъ, взявъ пестрый шарфъ, она набросила его себѣ на плечи, не изъ стыдливости, а потому, что отъ стѣнъ повѣяло сыростью.

Возвращались воротами св. Іоанна, и всѣ были нѣсколько задумчивы. Іоакимъ первый прервалъ молчаніе.

— Я не знаю, такъ ли хорошо читаютъ будущее эти цыганки, какъ языческія сибиллы и пророчицы, о которыхъ упоминается въ священномъ писаніи. Для того, чтобы папа далъ мнѣ красную мантию, надо, чтобы три четверти духовной коллегіи погибло отъ меча или измѣнило святой церкви.

Еще цѣлый годъ, до начала 1080 года, длилось это безпечное счастье Викторіана и Пiи. Молодая дѣвушка съ каждымъ днемъ становилась все прелестнѣе. Григорій VII, несмотря на его суровость и монашескій предразсудокъ противъ красоты, не могъ не

улыбаться этой очаровательной дѣвушкѣ. Онъ понималъ, чѣмъ обязана душа его внучатной племянницы добродѣтелямъ Іоакима и благородству сердца Викторіана. Его не удивляло, что онъ встрѣчалъ въ ней, на ряду съ трогательной мягкостью, великодушную гордость. Ожидаемые имъ черные дни не должны были пугать Пію относительно ея собственной судьбы. Папа сорокъ лѣтъ провелъ въ борьбѣ, ждалъ теперь худшихъ несчастій, но утѣшалъ себя мыслью, что эта дѣвушка, послѣдній потомокъ его рода, останется достойной его имени и способной, если надо, на преданность и самопожертвованіе.

— Пія,—сказалъ онъ ей однажды: — я хотѣлъ бы дать тебѣ въ Италіи обширное помѣстье, правителя котораго ты выбрала бы по твоему вкусу; но я не увѣренъ, останется ли у меня скоро хоть камень, чтобы преклонить мою старую голову.

За послѣдніе мѣсяцы, проведенные Піей въ садахъ Латерана, въ ней появилась сосредоточенность въ мысляхъ и медленность въ движеніяхъ. Молодые люди стали рѣже заходить въ чащи, обвитыя цвѣтущими ліанами. Они уже не бѣгали за Фульво съ прежнимъ увлеченіемъ; удивленная козуля привыкла теперь слѣдовать за ними шагъ за шагомъ, когда они медленно ходили по саду. И напрасно черный дроздъ съ какимъ-то ироническимъ нетерпѣніемъ посвистывалъ, зазывая ихъ въ глубину парка. Викторіанъ говорилъ съ молодой дѣвушкой съ оттѣнкомъ уваженія; Пія отвѣчала иногда очень тихо, какъ будто хотѣла, чтобъ ея не слышали, или молчала, какъ бы очарованная ею одной видимымъ счастливымъ видѣніемъ, или же останавливала на своемъ другѣ такой взглядъ, который долго снился ему во снѣ.

Когда они приходили на свой обсервационный пунктъ у стѣны Рима, они могли по долгу молчать. Потомъ начинало казаться, что видъ этой дремлющей Кампаньи хранить въ себѣ, какъ въ могилѣ, исторію величайшаго въ мірѣ народа; это возбуждало въ нихъ обоихъ одно и то же чувство, и ихъ молодое воображеніе развивало картину героическихъ воспоминаній.

Тогда они начинали дружелюбно разговаривать. Викторіанъ привезъ изъ Тосканы много интересныхъ историческихъ легендъ, которыя изъ Франціи распространились по всему свѣту. Онъ рассказывалъ о Карлѣ Великомъ, священномъ императорѣ, о его племянникѣ Роландѣ, о рыцарскихъ нашествіяхъ императора въ Италію и Испанію, о страшныхъ битвахъ у стѣнъ языческихъ городовъ съ сверкающими, какъ солнце, куполами и минаретами, украшенными драгоценными каменьями, объ императорскомъ шествіи по улицамъ Рима, о непобѣдимомъ цезарѣ, распростертомъ на могилѣ апостоловъ. Онъ особенно любилъ рассказывать объ отчаянномъ призывѣ трубы Роланда, о благословеніи архіепископа, спустившагося къ умирающимъ и мертвымъ, о томъ, какъ Роландъ умиралъ, обернувшись лицомъ къ Франціи.

Пія съ восторгомъ слушала эти рассказы. Разъ, внимательно выслушавъ молодого человѣка, она взяла его руку и сказала:

— А теперь, Викторіанъ, расскажите мнѣ еще разъ о той Рождественской ночи въ замкѣ вашего отца, когда вы вошли безъ всякаго оружія въ темницу нашего владыки папы и хотѣли одни защитить его противъ всѣхъ.

Ей нравилось давать роль и мѣсто Викторіану въ этихъ героическихъ приключеніяхъ. Она не пугалась того, что живетъ въ такой трагической вѣкѣ. Сынъ Пензія будетъ играть въ немъ большую роль, а то восхищенье, съ какимъ она заранѣе относилась къ нему, скраситъ ему суровость судьбы. Молодая цыганка, конечно, вѣрно предсказала будущее, и Пія съ радостью готова была раздѣлить страданія и торжество того, кого она звала еще своимъ старшимъ братомъ.

Бѣдная аббатисса чувствовала себя совѣмъ сбитой съ толку, понимая, что эта молодая душа ускользаетъ отъ нея. Она потеряла способность возбуждать любопытство Піи. Напрасно искала она въ своихъ воспоминаніяхъ старой монахини рассказовъ о семи спящихъ въ Эфесѣ, которые благодаря двухсотлѣтнему сну въ недостижимомъ гротѣ избѣгли преслѣдованія язычниковъ, — Пія дѣлала пренебрежительную гримасу и, обращаясь къ Іоакиму, говорила:

— Мнѣ гораздо больше нравится чудо папы Льва, остановившаго Атиллу у стѣнъ Рима. Если бы среди рыцарей моего дѣда Григорія VII были только спящіе эфесцы, то онъ сегодня же вечеромъ могъ бы послать императору Генриху IV ключи отъ города.

Епископъ, въ свою очередь, былъ удивленъ и восхищенъ тѣмъ, что когда въ февралѣ 1080 года папа поручилъ Викторіану эскортированіе кардинала, посланнаго въ Салерно заключить союзъ съ Робертомъ Гюискаркомъ, Пія безъ огорченія отнеслась къ извѣстію о новомъ отъѣздѣ. Переговоры норманна съ папскимъ дипломатомъ тянулись очень долго. Только въ іюнѣ герцогъ далъ торжественную присягу въ вѣрности папскому престолу.

Григорій VII лично отправился въ Сепрано на Лирисѣ взять слово со своего вассала, которому онъ отдавалъ Салерно, Амальфи, часть Фермо, и котораго признавалъ отнынѣ герцогомъ Апуліи, Калабріи и Сициліи. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, Викторіанъ еще шесть мѣсяцевъ прослужилъ въ рядахъ норманской арміи. Пія терпѣливо относилась къ отсутствію своего друга.

— Папа дѣлаетъ это для того, чтобъ подготовить его къ опасностямъ, угрожающимъ Риму,—говорила она Іоакиму.

Дѣйствительно, небо вдругъ покрылось тучами. Папа, пользуясь возстаніемъ Саксоніи противъ императора, призналъ наконецъ Рудольфа Швабскаго и на торжественномъ засѣданіи синода объявилъ Генриха IV лишеннымъ императорской власти. Въ то

самое время, когда Робертъ Гюнскаръ клялся защищать папу и его метрополию, Генрихъ IV при поддержкѣ епископовъ сѣверной Италіи провозгласилъ въ Бриксенѣ папою архіепископа равенскаго.

Въ октябрѣ въ Саксоніи, на берегахъ Эльстера онъ сдѣлалъ вооруженную попытку усмиренія; но его соперникъ Рудольфъ Швабскій побѣдилъ его и умеръ на другой день своей побѣды. Тогда Генрихъ, чтобы остановить въ самой Италіи расколъ имперіи и утвердить въ Римѣ расколъ церкви, перешелъ Альпы съ остатками своей арміи около Пасхи 1081 года. Онъ провозгласилъ себя въ Павіи королемъ Италіи, заставилъ ломбардское духовное собраніе признать папой своего ставленника лже-папу Климента III, затѣмъ, разбивъ при нѣсколькихъ встрѣчахъ войска графини Матильды, двинулся къ Риму.

22-го мая онъ уже былъ у города Нерона, гдѣ къ нему присоединились бароны Тускулума, непокорное духовенство и прежніе приверженцы лже-папы Гонорія.

Всѣ окружавшіе папу Григорія VII не потеряли храбрости. Между тѣмъ Робертъ Гюнскаръ поставилъ своего новаго покровителя въ затруднительное положеніе. Онъ какъ будто ждалъ этого тревожнаго времени, чтобы начать на востокѣ, въ Албаніи, свои рыцарскія походы. Въ то время, какъ Генрихъ IV осаждалъ Римъ, Робертъ занимался Константинополемъ и свергалъ съ престола греческаго императора Алексѣя.

Викторіанъ по возвращеніи въ Римъ организовалъ отрядъ норманновъ и тосканцевъ, собиравшійся по его командѣ въ замкѣ св. Ангела; въ Капитоліи соединилась римская милиція; народъ, монахи и почти все дворянство были на сторонѣ Григорія. Императорскія войска сильно страдали отъ лихорадки; тогда послѣ сорокадневной слабой осады Генрихъ отступилъ и направился вмѣстѣ съ лже-папой на Тоскану, гдѣ въ возставшихъ противъ Матильды городахъ раздавалъ льготныя грамоты.

Когда опасность миновала, Викторіанъ пріѣхалъ въ Латеранъ. Со времени своего возвращенія изъ Салерно онъ видѣлъ Пію только издали, въ церквахъ, гдѣ папа служилъ обѣдни, окруженный преданными ему баронами. Молодой дѣвушка скоро должно было исполниться шестнадцать лѣтъ. Ея красота ослѣпляла Іоакима, возбуждала въ немъ нѣчто вродѣ поклоненія ей и составляла тайную муку старой аббатиссы.

— Она слишкомъ хороша для такого тяжкаго времени, когда антихристъ бродитъ вокругъ Рима, — вздыхала она. — Если императоръ и его новый сатанинскій папа разобьютъ наши укрѣпленія, то они унесутъ ее въ подземелье охотнѣе, чѣмъ всѣ сокровища святой церкви!

— Но они оставляютъ насъ съ вами, синьора, на развалинахъ ризницы, — отвѣчалъ епископъ: — и Римъ, по крайней мѣрѣ, потеряетъ не всѣ драгоцѣнные камни своей короны.

Разъ въ іюлѣ въ послѣобѣденный часъ молодые люди гуляли по старинному саду. Они медленно шли подъ тѣнью высокихъ деревьевъ; говорили они мало, но глаза ихъ сверкали краснорѣчивымъ огнемъ.

— Я хотѣла бы видѣть нашего стараго друга, чернаго дрозда,— сказала Пія.—Я не встрѣчала его съ прошлаго лѣта. Онъ, должно быть, постарѣлъ и не свиститъ больше.

— Быть можетъ, онъ сдѣлался отшельникомъ,— пошутилъ Викторіанъ.

Пія засмѣялась серебристымъ смѣхомъ, отъ котораго изъ гнѣздъ высунулись головки маленькихъ малиновокъ.

— Но реполовки и ласточки всегда вѣрны себѣ,—продолжала молодая дѣвушка.—Тамъ, около св. Іоанна Круглаго я знаю нѣсколько гнѣздъ. Пойдемте навѣстить ихъ.

Они молча шли паркомъ. На поворотѣ одной тропинки передъ ними вдругъ встала высокая тѣнь. Къ великому своему изумленію, Викторіанъ узналъ Эгидія.

Онъ состарѣлся еще больше, чѣмъ дроздъ Піи. Его духовная миссія въ Саксоніи взяла у него остатки сердечной твердости и ясности ума. Къ его прежнимъ мучительнымъ угрызениямъ совѣсти прибавился еще ужасъ сознанія, что онъ содѣйствовалъ нечестивому дѣлу раскола церкви и ускорилъ паденіе имперіи. Онъ медленно двигался въ черномъ капюшонѣ, съ помертвѣвшимъ лицомъ.

Онъ слабо улыбнулся своему ученику и неловко поклонился внучкѣ папы.

— Dominus vobiscum!—прошепталъ онъ, проходя мимо гуляющихъ.

Потомъ, полуобернувшись, прибавилъ:

— Викторіанъ, берегитесь змѣй, скрытыхъ здѣсь въ каждомъ кустарникѣ. Вѣдь вы знаете, что Господь часто скрываетъ опасныхъ животныхъ въ вѣткахъ цвѣтовъ.

И, удовлетворенный этимъ мрачнымъ и многозначительнымъ предупрежденіемъ, онъ удалился.

Съ этихъ поръ они часто встѣчали его, когда онъ осторожными шагами шелъ по уединеннымъ тропинкамъ. Онъ рѣдко говорилъ съ ними, довольствуясь какой-нибудь меланхолической сентенціей, или memento mori по адресу Викторіана. Онъ дѣлалъ огромные обходы, чтобъ избѣгнуть встрѣчи съ молодыми людьми, но скоро они замѣтили, что онъ слѣдитъ за ними изъ-за группы деревьевъ. Если Эгидій видѣлъ вдаль фіолетовую мантию епископа ассизскаго, то онъ бѣжалъ ко дворцу, низко опустивъ голову. Онъ подсматривалъ за Викторіаномъ и Піей ради спасенія своей души, думая, что угодитъ Бгу, помѣшавъ Адаму и Евѣ вкусить отъ плода познанія добра и зла.

Но молодые люди сумѣли разбить стратегию стараго монаха. Въ самой глубинѣ сада, по направленію къ Латинскимъ воротамъ былъ уголокъ, возбуждавшій особенное суевѣріе въ духовенствѣ. Это было нѣчто вродѣ большого, разрушеннаго почти до основанія цирка, гдѣ, какъ говорили, текла кровь мучениковъ на ступенькахъ алтаря Бахуса. Колючіе кустарники выросли между разбитыми мраморными плитами; бѣлый торсъ греческаго бога еще валялся на грудѣ упавшихъ колоннъ, полузакрытый вѣтвями плюща. Этотъ дикій уголокъ, гдѣ скользили тысячи ящерицъ, занималъ всю нижнюю часть папскаго парка. Викторіанъ замѣтилъ, что Эгидій никогда не показывается здѣсь, и съ этихъ поръ онъ и Пія стали особенно часто посѣщать его. Нерѣдко ихъ сопровождалъ и Іоакимъ. Его интересовало разыскивать среди этихъ развалинъ латинскія старинныя надписи. Въ сущности, не эта причина влекла его сюда; подсматриваніе Эгидія нѣсколько тревожило его совѣсть, и онъ, въ свою очередь, старался разыгрывать въ этомъ земномъ раю роль скорѣе милостиваго, чѣмъ бдительнаго ангела-хранителя.

Но онъ не заходилъ въ самую чащу, потому что по дорогѣ его останавливали разныя интересныя находки. Воспитанники же охотно оставляли епископа предаваться миеологическимъ изслѣдованіямъ и углублялись въ самую густую часть лѣса. Здѣсь они находили оригинальнѣйшую смѣсь кустовъ и деревьевъ, тѣсно и красиво сплетавшихся другъ съ другомъ. Алоэ, фйговыя деревья, гранатовыя, апельсиновыя, пальмы и розы, розы безъ конца—и бѣлыя, и красныя и полевыя; розы разстилались цѣлыми ароматными кущами, перекидывались тяжелыми гирляндами съ дерева на дерево и обвивали даже мрачныя кипарисы своими ароматными цвѣтами.

Пія никогда не возвращалась изъ этого цвѣтущаго лѣса безъ огромныхъ букетовъ розъ, отъ запаха которыхъ у аббатиссы кружилась голова. Эгидій, видя, какъ она поднимается по тропинкамъ съ свѣтлыми развѣвающимися кудрями и съ улыбкой на губахъ, весь дрожалъ и твердилъ про себя молитвы объ изгнаніи бѣсовъ.

Два огромныхъ розовыхъ куста—одинъ съ бѣлыми цвѣтами, другой съ красными—образовали собою фантастическую бесѣдку, къ которой вела единственная узкая тропинка. Это было любимымъ мѣстомъ молодыхъ людей. Красный кустъ назывался Викторіанъ, бѣлый—Пія. Вѣтви ихъ подъ тяжестью цвѣтовъ спускались до самой земли. Но между вѣтвями было достаточное пространство для того, чтобы Пія пряталась подъ кусты отъ Фульво, которая должна была ее отыскивать. Пія всегда оставляла здѣсь на вѣтвяхъ нѣсколько своихъ золотистыхъ волосъ и кусочки своей шелковой вуали, но утѣшалась тѣмъ, что похожа на истерзанную шипами святую древнихъ Фивъ. Иногда она приглашала къ себѣ и Викторіана, говоря:

— Здѣсь достаточно мѣста для насъ обоихъ, но, кажется, анахореты всегда проводятъ время въ одиночествѣ. Они умираютъ отъ скуки и попадаютъ прямо въ рай.

Въ одно изъ августовскихъ воскресеній, когда молодые люди были увѣрены, что Іоакимъ и Эгидій присутствуютъ на папской вечернѣ, они, счастливые тѣмъ что могутъ провести часокъ вдвоемъ, спустились къ розовой бесѣдкѣ. Викторіанъ, стоя на колѣняхъ въ розовой кельѣ, обрубалъ кинжаломъ нижнія вѣтки кустовъ, чтобъ сдѣлать просторнѣе это гнѣздышко Піи. Она ходила вокругъ и переплетала красные цвѣты съ бѣлыми. Вдругъ она вскрикнула отъ удивленья и испуга и съ поблѣднѣвшимъ лицомъ скользнула подъ кусты.

— Святой отецъ!—прошептала она.—Онъ подходитъ оттуда одинъ... Спрячемся здѣсь...

Въ испугѣ она обвила руками шею молодого человѣка и спрятала лицо на его плечѣ. Ея дыханіе обожгло Викторіана, онъ почувствовалъ, какъ на его груди бьется сердце Піи.

У нихъ не было времени укрыться въ иномъ мѣстѣ. Григорій VII приближался къ нимъ, медленно поднимая голову и глядя на небо, очевидно, озабоченный какими-то тяжелыми мыслями.

Онъ получилъ въ этотъ день тревожныя извѣстія. Его союзникъ Робертъ собирался провести всю зиму въ Дюраццо на Адриатическомъ морѣ. Императоръ покупалъ цѣною золота измѣну римлянъ и лонцевъ; отряды императорской арміи опустошали церковныя земли. Было несомнѣнно, что въ ближайшемъ будущемъ Риму грозитъ новая осада. И вотъ папа уединялся въ глубинѣ своихъ садовъ, чтобы подумать о будущемъ и испросить совѣта у Бога.

Они слышали мягкій шелестъ его красной мантии по выжженной солнцемъ травѣ. Викторіанъ увидалъ сквозь цвѣтушія вѣтки, какъ блеститъ золотой крестъ на его тіарѣ.

Папа остановился, залюбовавшись красотой розоваго куста. Въ эту минуту губы молодыхъ людей слились въ первомъ, горячемъ, молчаливомъ поцѣлуѣ... Папа дотронулся рукою до вѣтки бѣлыхъ розъ, и отягченные дневнымъ зноемъ лепестки ихъ сквозь его пальцы, подобно ароматному благословенію, упали на эту таинственную помолвку.

Думая о Богородицѣ, папа прошепталъ со слабой улыбкой:

— *Rosa mystica!*

— Я люблю тебя... я люблю тебя съ перваго же дня встрѣчи... шептали въ то же время два такихъ тихихъ голоса, что ихъ слышали только ближайшія розы...

А Григорій VII, грустный, устремивъ взоръ въ далекое небо, медленно шелъ по тропинкѣ и скрылся въ сторонѣ Латинскихъ воротъ.

VII.

Крушеніе папскаго престола.

Молодые люди въ сильномъ волненіи вышли изъ розовой бесѣдки, гдѣ только что поняли другъ друга. Они стали искать Іоакима и нашли его сидящимъ въ тѣни сикоморы съ закрытымъ требникомъ на колѣняхъ и бесѣдующимъ съ пчелами. Счастливая парочка наивно рассказала ему все, что сейчасъ случилось. Епископъ охватилъ голову руками, мысленно искренно произнесъ *mea culpa*, подумалъ, и наконецъ поднялъ лицо:

— Отнынѣ, дѣти мои,—сказалъ онъ строгимъ голосомъ,—мы всегда втроемъ будемъ рвать розы...

Онъ тревожнымъ взоромъ всматривался то въ Викторіана, то въ Пію. Понемногу онъ успокоился и даже сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы не показаться слишкомъ снисходительнымъ.

— Я васъ прощаю, но съ однимъ условіемъ,—продолжалъ онъ.—Викторіанъ сегодня же попросить у папы руку его внучки. Наша общая честность и порядочность вынуждаетъ насъ немедленно на этотъ поступокъ. Вы можете, мой другъ, ничего не говорить владыкѣ о вашемъ сегодняшнемъ безумствѣ.

Григорій VII медленно поднимался вдали по склонамъ сада. Черезъ нѣсколько минутъ онъ пройдетъ мимо нихъ, и судьба влюбленныхъ будетъ рѣшена. Викторіанъ сдѣлалъ умоляющій жестъ епископу; тотъ понялъ его.

— Ну хорошо,—сказалъ онъ:—я поговорю первый. Такъ будетъ лучше и для васъ, и для меня.

Папа Григорій былъ всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, но такъ глубоко задумался, что не видалъ никого передъ собою и вздрогнулъ, когда Іоакимъ заговорилъ.

— Я прошу новой милости у вашего преосвященства,—говорилъ ему епископъ.

— Милости, братъ мой? Для кого же?

— Для Піи и для Викторіана, вашихъ дѣтей передъ Богомъ, души которыхъ вы поручили мнѣ. Они любятъ другъ друга очень чистой любовью и просятъ васъ, черезъ меня, соединить ихъ.

Прелестная пара стояла около папы, готовая упасть къ его ногамъ. Онъ какъ будто не замѣчалъ ея; онъ даже не обернулся въ сторону Іоакима, онъ отвѣтилъ, какъ будто говоря съ самимъ собою.

— Наступающія времена не подходятъ ни для помолвокъ, ни для свадебъ. Счастливы дома, въ которыхъ не будетъ тогда колыбелей! Рука Божія тяготѣетъ надъ нашими головами. Молодые люди должны одѣть кирассу, молодыя дѣвушки—монашеское платье! Наступилъ часъ молиться и умереть за спасеніе церкви.

Онъ взглянулъ на плачущую Пію. Его голосъ смягчился:

— Не плачь, Пія; если мои слова были жестки, забудь ихъ. Надѣйся на то, что Господь поможетъ мнѣ скоро благословить вашу любовь. Викторіанъ достоинъ тебя и меня. Но я хочу, чтобы въ испытаніяхъ, предстоящихъ церкви, онъ сначала очистилъ честь своего имени и уплатилъ долгъ своего отца. Твой женихъ, дочь моя, долженъ быть очень благороденъ.

Затѣмъ, обращаясь къ Викторіану, папа сказалъ:

— Преступный король каждую минуту можетъ появиться подъ стѣнами Рима. Я знаю, что всѣ его помыслы направлены на Ватиканъ. Замокъ св. Ангела скоро сдѣлается истинной крѣпостью церкви. Твой долгъ рыцарски охранять его.

Дѣйствительно, съ осени замокъ оказался въ опасности. Развѣдчики императорской арміи, группы волонтеровъ, набранныхъ Климентомъ III и подкупленныхъ золотомъ греческаго императора Алексѣя, союзника Генриха IV, воздвигали временныя крѣпости по римской Кампанѣ до самаго подножья Монте-Марію. Викторіанъ во главѣ своего норманскаго отряда неоднократно выходилъ за городъ очищать ближайшія окрестности Рима.

Передъ Пасхой 1082 года появился императоръ со своей главной арміей. Онъ пытался осадить городъ у собора св. Петра, въ томъ слабомъ мѣстѣ укрѣпленія, которое въ XVI вѣкѣ избралъ для своего бѣгства коннетабль Бурбона. Чтобы отвлечь сражающихся наверху крѣпости подъ защитою навѣсовъ, императоръ велѣлъ поджечь базилику. При извѣстїи о пожарѣ Григорій VII собралъ военныя силы Рима и въ то время, когда самъ во главѣ жителей квартала св. Петра тушилъ пожаръ, послалъ за городскія стѣны всю свою кавалерію.

Императорскія войска отступили; Генрихъ собралъ свои силы у горы Соракты, перешелъ Тибръ и остановился у аббатства Фарфа, монахи котораго уже цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ смѣялись надъ папскимъ авторитетомъ и жили не по евангельскому ученію; они предложили императору свои церковныя сокровища для усиленія военныхъ средствъ. Генрихъ IV утвердилъ въ Тиволи престолъ своего лже-папы, разставилъ свои гарнизоны въ замкахъ Сабинны и поднялся къ Тосканѣ, чтобъ сражаться вдоль цѣпи Апеннинъ съ вассалами графини Матильды, которые вынуждены были запереться въ башняхъ Каноссы.

На другой день послѣ побѣды папа Григорій VII призвалъ въ Латеранъ сына Цензія и назначилъ его губернаторомъ крѣпости св. Ангела.

— Это только начало сраженія, только первый грохотъ грома,— сказалъ онъ ему.—Гроза будетъ ужасна. Мы будемъ твердо стоять до конца. Они хотятъ свергнуть меня и унижить. Я скорѣе соглашусь перенести апостольскую церковь съ тремя оставши-

мися вѣрными кардиналами на горы Калабрии, на Голгоѳу, если понадобится, къ язычникамъ Магомета.

Тогда онъ увидаль, что Викторіанъ раненъ въ правую руку ударомъ копья.

— Ахъ, сынъ мой,—воскликнулъ онъ:—ты былъ въ самомъ пылу сраженья! Богъ зачтетъ тебѣ кровь, пролитую ради меня. У аббатиссы Пии есть прекрасные бальзамы, секретъ которыхъ знаютъ однѣ старыя монахини. Поди къ ней и покажи ей твою руку.

Въ аптекѣ аббатиссы нашлись только амулеты и молитвы, но одинъ взглядъ Пии былъ цѣлительнѣе всякихъ бальзамовъ. Викторіанъ вышелъ изъ Латерана совсѣмъ здоровымъ.

Удаленіе Генриха IV не прекратило войны. Съ вершинъ Тиволи лже-папа Климентъ III, при поддержкѣ дворянъ Тускулума, посылалъ въ Римъ шайки жечь дома и вѣшать крестьянъ. Дальше, въ Апуліи свергнутые ломбардскіе князья и агенты византійскаго императора поднимали города противъ норманновъ. Робертъ Гюискаръ поторопился вернуться и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль установилъ порядокъ въ своихъ владѣніяхъ. Затѣмъ онъ снова отплылъ къ Илирии, вовсе не заботясь о Григоріи VII.

Графиня Матильда вынужденная скрываться изъ замка въ замокъ, могла посылать папѣ лишь священные сосуды и серебряные подсвѣчники изъ своихъ церквей. На самый Троицынъ день Викторіану пришлось снова поѣхать въ Салерно, чтобы собрать нѣсколько тысячъ норманновъ для защиты папскаго престола. Онъ вернулся въ концѣ лѣта съ маленькой арміей изъ сарацинъ Сициліи въ зеленыхъ турбанахъ и съ золотымъ полумѣсяцемъ на груди.

У подножья горы Альбано ему пришлось съ саблей наголо расчищать себѣ проходъ среди одного вражескаго отряда. Въ это время онъ замѣтилъ вдаль, на пригоркѣ, силуэты двухъ всадниковъ, скорѣе слѣдившихъ за отрядомъ, чѣмъ руководившихъ имъ. И съ быстротою молніи въ его воспоминаніи мелькнула церковь Каноссы, погруженная въ тьму, и при слабомъ мерцаньи восковыхъ свѣчей фигуры монаха и рыцаря, слѣдившаго, вытянувъ шею, за Генрихомъ IV, когда онъ лежалъ, распростертый передъ папой, державшимъ причастіе...

Въ послѣднихъ числахъ декабря 1082 года императоръ снова, въ третій разъ осадилъ Римъ у верхней части Тибра.

Въ теченіе шести мѣсяцевъ онъ не отступалъ отъ Ватикана. 2 іюня въ сумерки его саксонцы и ломбардцы разобрали осторожно стѣну близъ базилики св. Петра, перебили уснувшую стражу и завладѣли одною изъ башенъ. Открывъ брешь, императорскія войска съ радостными криками бросились въ городъ; говорятъ, что первымъ рыцаремъ, вошедшимъ въ городъ, былъ

Готфридъ Бульонскій. Милиція Григорія VII сражалась съ неприятелемъ на паперти церкви. Произошла страшная рѣзня: въ одну минуту площадь, ступени и портикъ базилики были залиты кровью. Римляне забаррикадировались внутри базилики св. Петра, гдѣ они могли продержаться только до завтрашняго дня.

При первыхъ крикахъ вторженія войскъ въ Римъ Викторіанъ поскакалъ на конѣ къ Латерану. Тревожные колокола уже звонили въ Капитоліи и въ базиликѣ св. Маріи Маджіоре. Папа шелъ въ свою капеллу служить обѣдню. Взглянувъ на взволнованное лицо Викторіана, онъ остановился и поблѣднѣлъ.

— Святой отецъ, врагъ въ городѣ. Торопитесь укрыться въ замокъ. Еще часъ—и будетъ поздно.

Папа въ ужасѣ, въ гнѣвѣ не зналъ, что предпринять. Сенаторъ Рима Пьермонъ умолялъ папу послѣдовать совѣту молодого человѣка; не ожидая приказаній, Викторіанъ велѣлъ сдѣлать всѣхъ лошадей папской конюшни и тотчасъ же отправился въ башню, гдѣ жили Пія и Іоакимъ. Молодая дѣвушка и епископъ въ это время спускались съ лѣстницы, таща за собою аббатиссу, перепуганную до полусмерти.

Немедленно составился кортежъ и поскакалъ галопомъ по дорогѣ Колизея, Капитолія и улицамъ вдоль Тибра. Впереди ѣхалъ сенаторъ, держа папскій крестъ, за нимъ Григорій VII между двухъ оруженосцевъ, съ обнаженной головою, потомъ Пія между Іоакимомъ и Викторіаномъ, наконецъ нѣсколько монаховъ; одинъ изъ нихъ держалъ на крупѣ лошади аббатиссу, а другой корзину съ наскоро собранными печатями римской церкви, пергаментами канцеляріи и сосудами, украшенными драгоцѣнными камнями.

Во всѣхъ церквахъ били въ набатъ; испуганный народъ смотрѣлъ, какъ бѣшено мчался по улицамъ старый папа; морской вѣтеръ доносилъ уже до Эквилина черный дымъ пожаровъ. Дорогой справа, слѣва кардиналы, епископы, дворяне, преданные папѣ, съ гнѣвными или испуганными криками присоединялись къ маленькому кортежу и скакали, не спуская глазъ съ обнаженной головы Григорія VII и съ папскаго креста.

У моста св. Ангела кортежъ былъ задержанъ ненадолго толпою жителей этого квартала, полуобнаженными женщинами, духовенствомъ, бѣжавшимъ, спасая церковную утварь и иконы, ранеными мужчинами, стремившимися укрыться въ центральныхъ улицахъ Рима. Съ противоположной, лѣвой стороны Тибра поднимались высокіе столбы пламени, слышался оглушительный шумъ разрушающихся подъ огнемъ зданій и отчаянный, несмолкавшій гулъ голосовъ. На правой сторонѣ у гавани Адриана, окутанной, какъ трауромъ, клубами дыма, стоялъ гарнизонъ норманскихъ стрѣлковъ, напряженно вытянутый въ линію и готовый стрѣлать; а выше, на дозорной башнѣ, надъ этою ужасной картиной развѣ-

вался бѣлый папскій флагъ съ золотыми перекрещенными ключами...

Пришлось цѣлыхъ полчаса переходить мостъ. Народъ, видя, какъ убиваютъ его дѣтей и жгутъ его дома, окружалъ Григорія VII и осыпалъ его оскорбленіями. Одинъ ремесленникъ съ обгорѣвшими волосами угрожалъ ему кулакомъ. Женщина, прижимавшая къ груди ребенка съ разбитой головою, схватила подъ уздцы лошадь, на которой ѣхалъ папа. Съ каждымъ шагомъ толпа увеличивалась и становилась грознѣе. Викторіанъ поддерживалъ за талию дрожавшую Пію, а когда начали летѣть въ кортежъ первые камни, Іоакимъ прикрылъ бѣлокурую головку дѣвушки своимъ капюшономъ.

Наконецъ вышелъ гарнизонъ замка; онъ отодвинулъ толпу къ сторонѣ площади св. Петра и освободилъ дорогу. Снова задвигался впереди папскій крестъ, и двинулась поруганная и побѣжденная римская церковь по узкому подъемному мосту крѣпости, который медленно подняли за послѣднимъ монахомъ.

На слѣдующій день Генрихъ IV вошелъ въ городъ черезъ брешь Ватикана и, идя по дымящимся развалинамъ предмѣстья, велъ лже-папу въ соборъ св. Петра, только что покинутый его послѣдними защитниками. Съ верха своей крѣпости Григорій VII видѣлъ, какъ вдали по дорогѣ, еще окрашенной кровью погибшихъ, торжественно ѣхали императоръ, измѣнникъ Каноссы, въ пурпуровой мантии и новый папа, богоотступникъ, въ сопровожденіи толпы итальянскихъ вельможъ и прелатовъ. Войдя въ базилику св. Петра, папа Климентъ III провозгласилъ «Те Деум».

Когда церковный колоколъ зазвонилъ при первыхъ словахъ «Те Деум» Григорій VII задрожалъ, и глаза его наполнились слезами. Но онъ сдержался, замѣтивъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя Викторіана и его норманскихъ офицеровъ. Обращаясь къ молодому губернатору крѣпости св. Ангела, папа сказалъ:

— Преступная комедія и дьявольское поруганіе священныхъ традицій! Императоръ можетъ получить корону лишь изъ рукъ папы, а пока я живъ, Жиберъ получитъ каноническій авторитетъ лишь при согласіи и одобреніи римскаго народа. А народъ — со мною.

Викторіанъ вспомнилъ о вчерашнихъ оскорбленіяхъ и камняхъ, летѣвшихъ изъ толпы. Онъ предчувствовалъ, что этотъ народъ, привыкшій въ теченіе столькихъ вѣковъ къ униженію папства, отречется отъ Григорія VII прежде, чѣмъ трижды пропоетъ пѣтухъ...

Нѣсколько недѣль Римъ представлялъ собою невиданное зрѣлище. Григорій VII былъ заключенъ въ темницу Адріана, оторванъ отъ всего христіанскаго міра, лже-папа отправлялъ богослуженія въ базиликѣ св. Петра, предсѣдательствовалъ въ синодѣ; императоръ завладѣлъ правымъ берегомъ Тибра; коммуна — лѣвымъ берегомъ и Капитоліемъ.

На улицахъ появлялись какія-то странныя процессіи. То посланники свергнутого греческаго императора, подъ предводительствомъ Жордана, графа Капуи, ѣхали просить Генриха IV идти на Апулію и прогнать итальянскихъ норманновъ; то аббатъ Монте-Кассино, самое высшее духовное лицо полуострова, окруженный свитой монаховъ, ѣхалъ попытаться примирить Григорія VII съ Генрихомъ IV. Дѣйствительно, между папой и императоромъ, а равно между императоромъ и римлянами велись какія-то странныя переговоры, которые не могли привести къ серьезному миру.

Долженъ былъ собраться совѣтъ, чтобы разрѣшить духовныя и свѣтскія недоразумѣнія. Римское дворянство вызвалось вымолить у Григорія VII прощеніе Генриху IV и коронованіе его. Чтобы облегчить дѣйствія совѣта, императоръ удалился въ Тоскану, оставивъ гарнизонъ около замка св. Ангела, а Климентъ III вернулся въ Тиволи.

Совѣтъ, состоявшій изъ епископовъ, прибывшихъ съ юга Италіи и изъ Прованса, вѣрныхъ Григорію и заранѣе враждебныхъ Генриху, собрался въ залахъ замка св. Ангела въ ноябрѣ 1083 года. Черезъ нѣсколько дней онъ распался, не сойдясь съ епископами, сторонниками императора. Римскіе бароны, отчаявшись получить отъ Григорія VII согласіе на торжественное коронованіе по обычаю, державшимся со временъ Карла Великаго, спросили императора, согласится ли онъ принять императорскую корону безъ священныхъ обрядовъ, поднесенную ему на жезлѣ, черезъ бойницу крѣпости. Генрихъ ничего не отвѣтилъ на это издѣвательское предложеніе и приготовился къ четвертому нападенію на Римъ.

21 марта 1084 года, въ день святого Бенедикта, онъ вмѣстѣ съ лже-папой вошелъ въ Римъ воротами св. Іоанна и водворился въ самомъ Латеранскомъ дворцѣ.

Эта долгая зима была очень мучительна для Григорія VII. Безполезный совѣтъ, собравшійся въ стѣнахъ его тюрьмы, показалъ ему его безсиліе въ дѣлахъ церкви. Апостольская церковь могучихъ папъ, Григорія Великаго, Льва III, Сильвестра II, ускользала изъ его слабыхъ рукъ. Казалось, Богъ покинулъ его. Съ каждымъ днемъ онъ узнавалъ о новыхъ и новыхъ побѣдахъ императорской партіи въ Римѣ.

Городъ обѣднѣлъ отъ отсутствія пилигримовъ, которымъ было запрещено въ теченіе трехъ лѣтъ показываться у могилы св. Петра; всюду появились нищета и скука. Развѣ любимый народомъ папа не былъ самъ причиной своихъ мукъ? Народная масса, равнодушная къ чистотѣ церкви и къ законности папства, подстрекаемая монахами, уже кричала о томъ, что только при Климентѣ, ставленникѣ императора, наступятъ, наконецъ, миръ, богатство и радость.

Ничто не предвѣщало скорой помощи со стороны норманновъ, хотя герцогъ Робертъ и находился въ Италіи. Дворянство, предан-

ное папѣ, владѣло теперь лишь нѣсколькими замками на Келіусѣ и въ Палатинѣ; Корси еще держались въ Канитоліи, Пьермони — на островѣ Тибра. Ежедневно феодальное значеніе Григорія VII уменьшалось, и вмѣстѣ съ этимъ ослабѣвало его духовное вліяніе. Онъ слышалъ, какъ вокругъ замка св. Ангела раздается мрачная переключка нѣмецкой стражи, онъ видѣлъ со своихъ высокихъ террасъ германскія войска на равнинахъ Нерона. Скоро лишь дворы и рвы крѣпости остались собственностью мистическаго королевства его христіанства.

Часто ночью онъ поднимался наверхъ башни св. Ангела въ сопровожденіи Викторіана, а иногда и Пін. Онъ смотрѣлъ на свою метрополию, на далекія башни своего дворца, на свои базилики, грустно прислушивался къ рокоту рѣки, къ гулу святого города. Онъ не препятствовалъ тогда любви молодыхъ людей, онъ позволялъ имъ облакачиваться рядомъ о перила и нѣжно говорить о будущемъ. Самъ онъ былъ весь въ прошломъ, вспоминалъ дни своего величія и часы побѣдъ, данныхъ имъ церкви.

Однажды звукъ поцѣлуя заставилъ его вздрогнуть, и онъ со строгимъ лицомъ обернулся назадъ. Но грустный звукъ колоколовъ, донесшійся изъ Капитолія, колоколовъ, призывавшихъ гражданъ запираеть на ночь свои дома, отвлекъ его вниманіе и, заслушавшись ихъ, онъ снова предался молчаливому созерцанію всѣхъ этихъ призраковъ базиликъ, потонувшихъ въ туманѣ, въ которыхъ ему уже нельзя было славословить Бога.

Теперь его папскому самолюбію каждый день наносилось новое, большое оскорбленіе. Парламентъ, составленный изъ дворянъ, римскихъ гражданъ и епископовъ-схизматиковъ, явился къ воротамъ замка, объявилъ папу Григорія VII сверженнымъ, а Жибера законнымъ папой. Въ Вербное воскресенье ломбардскіе епископы посвятили въ Латеранѣ патріарха равенскаго. Въ первый день Пасхи Климентъ III посвятилъ и короновалъ въ базиликѣ св. Петра императора Генриха IV и жену его Берту. Потомъ римляне провозгласили императора патриціемъ.

Генрихъ и Климентъ занялись дѣлами церкви, смѣняли римскихъ начальниковъ, назначали членовъ священной коллегіи и смѣнили семь епископовъ. Они чеканили монету, издавали постановленія за подписью лже-папы. Генрихъ осаждалъ въ Римѣ послѣднія крѣпости Григорія VII, жегъ дворцы преданныхъ ему людей и овладѣлъ Капитоліемъ. Оставался лишь замокъ св. Ангела, послѣдній апостольскій корабль, одиноко погибавшій во всемірномъ крушеніи католической Церкви.

Однажды утромъ римляне, тѣ самые кузнецы и мясники, которые когда-то вырвали папу Григорія VII изъ котей Цензія, подошли къ замку св. Ангела. Это было послѣдней каплей, переполнившей чашу. Съ бѣшенными криками осадили они крѣпость,

угрожали схватить святого отца или уморить голодомъ. На этотъ разъ непобѣдимый монахъ почувствовалъ, что слабѣетъ. Сидя въ сводчатой, полутемной залѣ замка, онъ опустилъ голову и прошепталъ слова еврейскаго пророка:

— *Popule meus, quid feci tibi?*

Между тѣмъ оставался еще одинъ свободный выходъ на крутомъ берегу Тибра, песчаная дюна, скрытая кустарниками и ветлами. Когда наступила ночь, Викторіанъ, переодѣтый монахомъ, спустился на веревкѣ на берегъ рѣки и переплылъ ее. Онъ пробрался по пустыннымъ улицамъ Реголы и Гетто до Форума и безпрепятственно дошелъ до воротъ Санъ-Себастіана. На разсвѣтѣ при помощи дуката онъ добился, что ему отперли ворота, охраняемая императорскою стражей, спокойнымъ шагомъ дошелъ до капеллы *Domine quo vadis*, затѣмъ побѣжалъ бѣгомъ къ одинокой башнѣ, стоявшей въ полѣ, гдѣ укрылись нѣкоторые члены семьи Пьермони. Здѣсь онъ досталъ лошадь и направился въ стороны Палестрины и Ананьи, гдѣ надѣялся встрѣтить посты норманской кавалеріи. Четыре дня спустя онъ прибылъ въ Салерно и передалъ Роберту Гюискару письмо Григорія VII.

Герцогъ не колебался болѣе. Къ тому же побѣда императора грозила цѣлости и его собственнаго герцогства. Если папа будетъ убитъ или заключенъ пожизненно въ монастырь, Генрихъ IV, предводитель внушительной коалиціи византійцевъ, ломбардцевъ, итальянскихъ дворянъ, когда-то изгнанныхъ норманнами, пойдетъ на Салерно.

Робертъ тотчасъ же собралъ всѣ свои военныя силы. Въ первыхъ числахъ мая онъ появился въ Кампанѣ съ 6.000 кавалеріи и 30.000 пѣхоты. Войско это представляло собою странную смѣсь наемныхъ воиновъ, собравшихся съ разныхъ сторонъ; тутъ были и горцы Калабріи и арабы Сициліи. Христіане шли къ Риму, движимые жаждой золота, сарапины—движимые таинственной прелестью религіознаго приключенія.

Аббатъ Монте-Кассине тайно предупредилъ папу о приближеніи его друзей и, играя двойную игру, съ тѣмъ же курьеромъ предупредилъ и императора. Генрихъ поторопился разбить башни Капитолія и окружающія крѣпости. Затѣмъ онъ созвалъ парламентъ и простился съ нимъ, ссылаясь на то, что дѣла имперіи требуютъ его присутствія за Альпами. Онъ обѣщалъ скоро вернуться, ободрялъ римлянъ къ упорству въ борьбѣ и желалъ имъ счастья. 21-го мая онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ лже-папою по Фламиньенской дорогѣ.

Въ этотъ самый часъ авангардъ норманской кавалеріи стучалъ копьями въ ворота св. Іоанна. Робертъ, послѣ трехдневной остановки въ *Aequa Marcia* въ тѣни большихъ водопроводовъ, чтобъ не быть застигнутымъ въ случаѣ внезапнаго возвращенія

императорской арміи, 28-го мая двинулся къ воротамъ Санъ-Лоренто и выломалъ ихъ.

Страшная армія, какъ потокъ, разлилась по Риму. Послышались крики: «Гюискаръ! Гюискаръ!» Прежде, чѣмъ римляне опомнились отъ этого нашествія и приготовились къ защитѣ, Робертъ направился черезъ Марсово поле къ мосту Тибра и гавани Адріана. Онъ почти безъ кровопролитія очистилъ себѣ путь къ замку св. Ангела. Опустили подъемный мостъ, и черезъ нѣсколько минутъ странный рыцарь, когда-то на полѣ битвы Сивителлы цѣловавшій руку побѣжденнаго папы Льва IX, униженно палъ на колѣни у ногъ Григорія VII и получилъ отпущеніе всѣхъ грѣховъ.

Вечеромъ того же дня Робертъ командовалъ эскортомъ, окружавшимъ папскія носилки. Григорій VII, ожидая радостныхъ привѣтствій со стороны простого народа, хотѣлъ немедленно вернуться въ свой Латеранскій дворецъ. Онъ выбралъ ту же дорогу, которой годъ тому назадъ бѣжалъ въ замокъ. Никто не распростерся на его пути. Женщины и дѣти отворачивались, завидя его приближеніе; мужчины устремляли на него взгляды ненависти. Викторіанъ, управлявшій арьергадомъ, гдѣ ѣхали Пія и епископъ ассизскій, вынужденъ былъ обнажить саблю на холмѣ Капитолія, чтобы разсѣять шайку бродягъ, расположившуюся у развалинъ домовъ, разрушенныхъ императоромъ.

— Не «*Te Deum*», а «*Dies irae*» долженъ будетъ пѣть завтра вашъ дѣдушка у алтаря своей папской церкви,—сказалъ Пія Іоакимъ.

Самъ Римъ подалъ сигналъ къ кантатѣ «*Dies irae*». На третій день послѣ прибытія норманновъ онъ съ бѣшеною яростью возсталъ противъ побѣдителей. Борьба была недолга. Робертъ, въ въ первую минуту растерявшійся отъ этого мятежа, охватившаго сразу весь городъ, велѣлъ убивать и жечь безъ сожалѣнья даже самые уважаемые монастыри, даже самыя древнія церкви. Началась грандіозная рѣзня: городъ Монти, Эквилинь и Квириналь, людныя улицы, примыкавшія къ аркѣ Януса, Колизей, портикъ Октавія, св. Петръ, Форумъ, Траянъ и все, что примыкало къ Марсову полю, яркимъ заревомъ заливали небо въ теченіе трехъ ночей. Возобновились празднества Нерона, огненные оргіи антихриста.

Улицы представляли собою кровавыя болота. Трупы тысячами бросались съ мостовъ въ Тибръ; грудныхъ дѣтей сбрасывали съ башенъ. Наступилъ ужасъ временъ Алариха. Когда городъ былъ выжженъ и опустошенъ, начался грабежъ тѣмъ болѣе ужасный, что Римъ въ то время сильно обѣднѣлъ, дворцы стояли опустѣлые, изъ церквей были вынесены всѣ сокровища.

Дикіе калабрійцы рубили топорами алтари, желая найти въ нихъ скрытое, по ихъ мнѣнію, золото; арабы ломали царскія врата, срывали со статуй святыхъ платья, украшенныя драгоценными

каменьями. Большія базилики св. Петра и св. Павла, св. Маріи Маджіоре и св. Лаврентія подверглись кощунству. Одинъ имамъ по пятницамъ совершалъ магометанское богослуженіе въ церкви св. Петра; другой съ колокольни Маріи Маджіоре надъ погребеннымъ подъ пепломъ Римомъ взывалъ къ правовѣрнымъ:

— Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ Его!

Въ эти ужасные часы Григорій VII не выходилъ изъ своей моленной, подавленный горемъ и стыдомъ. Напрасно онъ умолялъ Роберта ради спасенія души пощадить святыни; герцогъ смотрѣлъ, какъ плачетъ старый папа, и уходилъ, даже не удостоивъ его отвѣтомъ.

На четвертый день раздирающая душу сцена привела папу въ истинное отчаяніе. Онъ увидалъ изъ окна Латерана большую толпу плѣнныхъ, которую сарадины гнали, какъ стадо, за ворота св. Іоанна, въ лагерь Рожера, сына Гюйскара. Здѣсь были благородныя дѣвушки и женщины съ растрепанными волосами и связанными за спиною руками; молодые люди, бароны, императорскій префектъ Рима, епископы, приверженцы нѣмецкой партіи — шли съ веревками на шеѣ, испачканные грязью и кровью. Ихъ вели на продажу въ рабство; дѣвушкамъ предстояло быть посланными въ гаремы Сициліи, а молодымъ людямъ — на норманскія галеры. И все это совершалось на глазахъ ихъ общаго духовнаго отца-папы... Тогда Григорій VII вспомнилъ святого Льва, спасшаго Римъ отъ Аттилы и умилостивившаго Гензериха, и онъ рыдая спрашивалъ себя, какой отчетъ дастъ онъ Богу за ввѣренное ему стадо...

Наконецъ онъ добился того, что Робертъ прекратилъ рѣзню и простилъ опустошенный городъ. Но мысль, что его союзникъ оставитъ его здѣсь епископомъ, ужасала папу.

— Уведи меня въ твое королевство и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, — говорилъ онъ. — Мое папство въ Римѣ кончено. Вся эта кровь, пролитая твоими руками, вопіетъ противъ меня. Мои церкви разрушены, и отнынѣ имя мое будетъ предметомъ проклятія. Мой часъ близокъ. Уѣдемъ сегодня же. И да будетъ милосердѣ ко мнѣ Господь!..

Однако онъ собралъ наскоро еще послѣдній совѣтъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ кардиналовъ и епископовъ; на немъ снова была провозглашена анаѣема лжѣ-папѣ и императору и тѣмъ схизматикамъ-епископамъ, которые во время плѣна папы самовольно надѣли на себя митры. Затѣмъ Григорій VII началъ тайно готовиться къ отъѣзду. Постепенно главныя силы норманской арміи начали двигаться къ Тиволи, гдѣ герцогъ имѣлъ намѣреніе напасть на Климента III. Въ Римѣ, подъ командой Рожера, осталось лишь нѣсколько сотъ кавалеріи.

Въ одинъ іюньскій вечеръ Григорій VII, въ сопровожденіи Викторіана и епископа ассизскаго, хотѣлъ проститься съ церк-

вами, наиболѣе сохранившими воспоминаніе о времени его папства. Онъ вошелъ въ базилику св. Іоанна Латеранскаго и тамъ долго молился, распростершись на холодныхъ камняхъ, потомъ онъ направился къ св. Маріи Маджіоре. Онъ увидалъ, что двери базилики выломаны и изрублены въ куски, что ризница и алтарь разрушены; у него не достало храбрости войти въ церковь, гдѣ когда-то онъ былъ представителемъ Бога. Склонивъ голову на грудь, онъ молча вернулся со своими спутниками въ Латеранъ.

Въ полночь папскіе сады были свидѣтелями тяжелой сцены. Григорій VII въ простомъ монашескомъ одѣяніи, епископъ ассиискій, кардиналъ Альбано, Пія, опиравшаяся на руку Викторіана, аббатъ Сенъ-Бенинь-де-Дижонъ, аббатисса, поддерживаемая Эгидіемъ, нѣсколько слугъ и римскихъ патрицевъ спускались тайкомъ по лужайкамъ и дорожкамъ къ выходу близъ Латинскихъ воротъ. Это было теплою ночью, пропитанной ароматами липы, жасминовъ и розъ, полной трепещущихъ звуковъ подъ серебрянымъ свѣтомъ луны.

Грустный кортежъ двигался, подобно линіи тѣней, по аллеямъ кипарисовъ, испещреннымъ полосами луннаго свѣта. Время отъ времени слышалось пѣнье соловья на цвѣтущихъ кустахъ. Пія, окутанная черной вуалью, вздохнула, проходя мимо избушки ея дорогой Фульво, жившей лѣтомъ въ саду; бѣдная козуля умерла отъ горя или отъ старости во время пребыванія ея госпожи въ замкѣ св. Ангела. Эгидій вздрагивалъ каждый разъ, когда на зеленомъ коврѣ, освѣщенномъ луной, лежала причудливая тѣнь отъ вѣтки, колеблемой теплымъ ночнымъ вѣтромъ. Но онъ одинъ въ этомъ обществѣ изгнанниковъ вспоминалъ фантастическія легенды Латерана, боялся появленія папъ Тускулума или прославленныхъ куртизанокъ. Григорій и горсть его друзей думали только о позорномъ паденіи папскаго престола, о разрушенномъ Римѣ, о колебаніи церкви, о неизвѣстномъ завтрашняго дня.

Когда они дошли до площадки Бахуса, до тѣхъ двухъ высокихъ розовыхъ кустовъ, подъ которыми Пія и Викторіанъ обмѣнялись первымъ поцѣлуемъ, молодые люди грустно улыбнулись. Викторіанъ сдѣлалъ небольшой обходъ и дошелъ до кустовъ; ихъ аромат показался ему въ эту ночь особенно опьяняющимъ; онъ быстро сорвалъ нѣсколько розъ, и Пія приколола ихъ у себя на груди.

Двое носилокъ ждали въ глубинѣ сада,—однѣ для папы, другія для его внучки и аббатиссы. У Латинскихъ воротъ стояли осѣдланная лошадь для остальныхъ путниковъ и эскорта норманской кавалеріи подъ командой Рожера. Поѣхали шагомъ, группируясь у папскихъ носилокъ, вдоль укрѣпленій, потомъ сокращенной дорогой вышли на дорогу къ Аппіи, вблизи могилы Цециліи Метеллы. По мрачной дорогѣ, среди двухъ рядовъ гробницъ, ночью ѣхалъ папа Григорій VII къ равнинамъ римской Кампаньи.

На восходѣ солнца папа велѣлъ остановиться. Онъ сошелъ съ носилокъ и одинъ тяжелымъ шагомъ поднялся на холмъ, желая въ послѣдній разъ взглянуть на Римъ. Онъ устремилъ взоръ на Латеранъ. Снизу его спутники сосредоточенно наблюдали за нимъ. Папа стоялъ склонивъ голову и не то молился, не то размышлялъ,

Пѣсни жаворонковъ веселыми звуками неслись къ ясному небу, сіяла Кампанья, полная розъ и душистыхъ цвѣтовъ. Пія плакала; Эгидій, стоя на колѣняхъ въ придорожной пыли, шепталъ утреннюю молитву. Григорій VII обернулся въ сторону горы Тиволи, гдѣ находился въ это время лже-папа Климентъ, и какъ будто сдѣлалъ рукою жестъ анаемы. Потомъ онъ снова сталъ смотрѣть на колокольни Рима, на его крѣпости, украшенныя башнями, и, вдругъ поднявъ правую руку, благословилъ городъ послѣднимъ папскимъ благословеніемъ.

— Это благословеніе публичнаго отпущенія грѣховъ, дѣти мои,—сказалъ епископъ ассиизскій, обращаясь къ жениху и невѣстѣ:—Это Отче нашъ.

У подошвы горы Альбано свернули на Пренестинскую дорогу. Здѣсь они встрѣтили офицера, посланнаго Робертомъ Гюискаркомъ съ депешей къ папѣ. Герцогъ предупреждалъ святого отца, чтобъ онъ двигался впередъ съ большой осторожностью. Шайки солдатъ, отставшихъ отъ императорской арміи, бродятъ по Кампаньи. Робертъ отдавалъ сыну приказъ тщательно освѣщать путь, по которому идетъ его кавалерійскій эскортъ. Онъ просилъ папу подождать его нѣсколько дней въ монастырѣ Монте-Кассино. Онъ самъ собирался остановить осаду Тиволи и проводить папу изъ Монте-Кассино до Салерно.

Въ первый вечеръ путники остановились въ епископскомъ дворцѣ Веллетри, епископъ котораго былъ суфраганомъ кардинала Альбано. На слѣдующій день собирались ѣхать форсированнымъ маршемъ въ Ананьи.

За часъ до захода солнца норманская кавалерія переходила вбродъ почти пересыхающую лѣтомъ рѣчку, протекающую по узкой, мрачной долинкѣ. Носилки папы и Піи духовенство несло вдоль берега, отыскивая болѣе удобной переправы. Вдругъ изъ дубовой чащи выскочила на берегъ шайка вооруженныхъ людей и бросилась на нихъ. Въ одно мгновеніе ока разбойники окружили носилки, ударами сабель и желѣзныхъ палокъ отстранили носильщиковъ, которые перепугались и стали защищаться. Викторіанъ, ѣхавшій впереди отряда, такъ быстро повернулъ своего коня, что врѣзался въ толпу нападавшихъ; онъ ошеломилъ нѣсколько человѣкъ рукояткой сабли и подѣхалъ къ Піи въ ту самую минуту, когда одинъ разбойникъ въ странномъ костюмѣ полумонаха, полусолдата грубо вырывалъ дѣвушку изъ объятій лишившейся чувствъ аббатиссы. Молодой человѣкъ спрыгнулъ на

землю, выхватилъ свой кинжалъ и всадилъ его между плечъ похитителя; тотъ опрокинулся навзничъ и упалъ мертвымъ. Только тогда узналъ въ немъ Викторіанъ колдуна-священника изъ башни свв. Іоанна и Павла—Деодата.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этой сцены Іоакимъ, кардиналъ, Эгидій и аббатъ Сенъ-Бенинь укрывали собою Григорія VII, стоявшаго среди шайки нападавшихъ и защищаемаго своими слугами, главнымъ оружіемъ которыхъ были палки отъ носилокъ.

— Не падай духомъ, владыка!—крикнулъ молодой человѣкъ и съ обнаженной саблей бросился къ папѣ.

Но Рожеръ съ кавалеріей уже переходилъ рѣчку съ пиками наготовѣ. Разбойники, видя, что погибли, убѣжали въ лѣсъ. Только одинъ еще сражался смертнымъ боемъ съ Эгидіемъ. Это былъ, повидимому, военный человѣкъ, капитанъ, судя по хорошему оружію, глаза котораго сверкали изъ-подъ опущеннаго забрала. Эгидій какъ будто имѣлъ съ нимъ какіе-то личные счеты. Онъ вооружился желѣзной палкой, выпавшей изъ рукъ одного изъ сраженныхъ Викторіаномъ разбойниковъ, и со страшной силой наносилъ удары. Не съ разбойникомъ, состоявшимъ на жалованьѣ у императора или лже-папы, сражался такъ Эгидій, а съ богоотступникомъ, оскорбившимъ церковь въ лицѣ ея первосвященника папы.

Викторіанъ бросился на помощь монаху. Григорій VII рѣзко схватилъ его за руку и остановилъ.

— Вложи въ ножны саблю твою,—сказалъ онъ.—Приказываю тебѣ это именемъ Господа Іисуса-Христа. Не помогай, несчастный мальчикъ, совершить этому монаху правосудіе Божіе.

Сражавшійся воинъ, увидавъ Викторіана, запатался; въ эту минуту Эгидій нанесъ ему страшный ударъ, онъ поскользнулся и тяжело упалъ на землю. Монахъ навалился на него всѣмъ тѣломъ и, выхвативъ кинжалъ изъ его руки, всадилъ ему въ горло.

— А теперь, пусть сатана попробуетъ тронуть меня!—воскликнулъ онъ.

Потомъ онъ приподнялъ забрало таинственнаго воина, чтобы земля и небо видѣли лицо человѣка, осмѣливавшаго поднять руку на представителя Бога.

Тогда Викторіанъ отчаянно вскрикнулъ. На окровавленной травѣ умиралъ Цензіій...

Гордый своею побѣдой монахъ выпрямился и отбросилъ кинжалъ. Онъ обернулся къ папѣ съ лицомъ, сіявшимъ радостью.

Григорій VII скрестилъ дрожащія руки.

Молодой человѣкъ приподнялъ блѣдную голову Цензіія. Отецъ и сынъ обмѣнялись безконечно грустнымъ взглядомъ. Глубокое молчаніе воцарилось около умирающаго.

Цензіій, ища глазами взгляда Григорія, прошепталъ умоляющимъ голосомъ:

— Я согрѣшилъ... сжался надо мною еще разъ. Я боюсь. Я вижу адъ, здѣсь, около меня. Я умоляю, смило сердись! Деодать, этотъ демонъ, погубившій меня, демонъ, котораго сейчасъ убилъ мой сынъ, тянетъ меня за руку въ вѣчный огонь. Спаси мою душу, мой владыка!

— Слишкомъ поздно,—произнесъ Эгидій.—Для тебя пробилъ часъ смерти безъ разрѣшенія отъ грѣховъ.

— Пробилъ часъ прощенія!—сказалъ епископъ ассизскій.

И, устремивъ взоръ на Викторіана Іоакимъ прибавилъ:

— У папы Григорія VII слишкомъ великодушное сердце для того, чтобы онъ не простилъ!

Григорій въ свою очередь взглянулъ на молодого рыцаря церкви, на этого мальчика-героя Рождественской ночи; онъ разжалъ свои скрещенныя руки, осѣнилъ Цензія крестнымъ знаменіемъ и произнесъ слова, которыхъ ждалъ умирающій:

— Страданіемъ Иисуса Христа отпускаю тебѣ грѣхи твои.

Спокойствіе разлилось по лицу Цензія; его взоръ съ ласкою остановился на Викторіанѣ.

Скоро эскортъ кавалеріи сгруппировался около двухъ носилокъ и скрылся по дорогѣ къ Ананьѣ. Викторіанъ съ Іоакимомъ и нѣсколькими слугами остался около умирающаго отца.

— Слушай,—сказалъ Цензіи:—онъ простилъ меня, но Богъ меня не проститъ, если ты не выполнишь обѣта, нарушеннаго мною. Вечеромъ того ужаснаго дня я обѣщалъ идти въ Святую землю. Я нарушилъ клятву и съ тѣхъ поръ не переставалъ грѣшить. Викторіанъ, ты пойдешь немедля къ Святому гробу и поклонись ему отъ меня.

— Я пойду, отецъ, и твое желаніе будетъ исполнено,—отвѣтилъ Викторіанъ.

Они молча, сосредоточенно ждали, когда смерть освободитъ эту несчастную душу отъ ея земной оболочки. Когда Цензіи скончался, они отнесли его въ ближайшій монастырь.

Медленно въ фіолетовыхъ сумеркахъ двигалась процессія съ тѣломъ. Монахи предложили свою церковь для заупокойной службы. Въ полночь аббатъ вошелъ на кафедру и прочелъ *Lamentation*. Потомъ громко, на всю церковь онъ произнесъ слово Іеремиа:

— *Patres nostri peccaverunt et non sunt et nos iniquitates eorum portavimus!*

Викторіанъ и епископъ до утра молились у тѣла Цензія.

Еще два дня пробывъ Викторіанъ со старымъ другомъ въ монастырѣ, чтобы выполнить надъ своимъ отцомъ обрядъ христіанскаго погребенія. Потомъ они поѣхали въ Монте-Кассино, гдѣ остановился Григорій VII.

Папа одобрилъ намѣреніе молодого человѣка немедленно отправиться въ Палестину. Въ Пизѣ стояла галера, готовая отплыть черезъ ближайшій портъ Газты.

— Поѣзжай, сынъ мой, ты найдешь тамъ утѣшеніе въ твоемъ горѣ,—сказалъ ему папа.—Твои молитвы и слезы будутъ приняты Богомъ во спасеніе души твоего отца. Ты увидишь святую страну, куда въ дни моей юности такъ часто стремилась моя душа. Ты вернешься въ Салерно. И не забывай, что я не одинъ буду тамъ ждать тебя...

Прощаніе жениха и невѣсты происходило вечеромъ на террасѣ дома св. Бенедикта подъ яснымъ теплымъ небомъ. Они мало говорили, но сердца ихъ, полныя мучительныхъ воспоминаній прошлаго и надеждъ на будущее, никогда еще не сливались такъ тѣсно, какъ въ этотъ часъ торжественнаго прощанья.

Долго потомъ, при каждомъ поворотѣ тропинки, спускающейся со Святой горы, Викторіанъ видѣлъ прислоненную къ стѣнѣ бѣлую тѣнь Піи, глядѣвшей въ сторону моря, по которому долженъ былъ отплыть ея возлюбленный. И онъ вспоминалъ ихъ первое свиданье у воротъ Санъ-Лоренто; вспоминалъ маленькую королеву въ горностаевой далматикѣ съ развѣвающимися бѣлокуромы локонами, когда она, улыбаясь, бросила ему свой букетъ душистыхъ флорентійскихъ травъ, и какъ она удалялась въ золотистыхъ лучахъ заходящаго солнца, подъ знаменемъ Тосканы съ флорентійскимъ львомъ и знаменемъ папскаго престола съ ключами отъ рая.

VIII.

Исключительный бракъ.

— Я вернусь самое позднее къ Рождеству или къ празднику Епифаніи,—сказалъ Викторіанъ, прощаясь съ Піей.

Прошло лѣто, прошла осень. Звѣзда пастуховъ и волхвовъ высоко засіяла на небѣ и угасла за моремъ, а пилигримъ все не возвращался.

Каждый разъ, когда приходилъ корабль изъ Святой земли, изъ Архипелага или Египта и бросалъ якорь въ бухтѣ Салерно или у скалъ Амальфи, Іоакимъ бѣжалъ узнавать новости о своемъ воспитанникѣ. Каждый разъ онъ возвращался во дворецъ Григорія VII въ болѣе безнадежномъ настроеніи, съ серьезнымъ и грустнымъ лицомъ.

Отъ людей, прибывшихъ изъ далекихъ странъ, онъ слышалъ то, что заставляло его глубоко призадуматься. Говорили о страшныхъ буряхъ, о погибшихъ христіанскихъ галерахъ, о кровавыхъ сраженіяхъ сарацинскихъ пиратовъ съ христіанскими пилигримами.

Въ послѣдніе мѣсяцы греческій императоръ поднялся противъ латинцевъ. Онъ взялъ въ плѣнъ венеціанскіе и пизанскіе корабли, а матросовъ и пассажировъ посадилъ въ тюрьмы Константино-

поля и Салоникъ. Наконецъ страшная чума свирѣпствовала въ Сиріи, въ Іерусалимѣ и въ другихъ евангельскихъ городахъ.

Однажды венеціанскій корабль остановился у Салерно и сталъ давать тревожные сигналы. На его мачтѣ развѣвалось черное знамя въ знакъ того, что на борту есть чумные больные. Корабль просилъ доктора и исповѣдника. Капитанъ кричалъ въ рупоръ подплывшей къ кораблю норманской баркѣ:

— Въ Яффѣ, въ Гаифѣ, въ Акрѣ нѣтъ больше рукъ, чтобъ хоронить мертвыхъ!

Іоакимъ все-таки старался надѣяться; онъ скрывалъ отъ Пii тревожные слухи; онъ придумывалъ тысячи причинъ, чтобъ объяснить молчаніе Викторіана; онъ припоминалъ старые рассказы о пилигримахъ, которыхъ всѣ долго считали погибшими, и которые въ одно прекрасное утро являлись въ родительскій домъ съ вѣткою вербы, сорванной въ Геосиманскомъ саду. Онъ припомнилъ даже чудесное приключеніе съ однимъ изъ молодыхъ дворянъ Ассиза, который опустился на колѣни передъ гробомъ Спасителя и впалъ въ такой экстазъ, что въ теченіе цѣлаго года не могъ выйти изъ блаженнаго состоянія, забылъ все земное и свое собственное имя.

Пia слушала своего стараго друга, полузакрывъ глаза, молча, предаваясь мрачнымъ предчувствіямъ. Она не отвѣчала ему, боясь встревожить его своимъ отчаяніемъ. Иногда она ласково брала руку епископа, прижимала ее къ губамъ и обливала ее слезами. Потомъ она медленно подходила къ окну, выходившему на заливъ, у котораго она ежедневно простаивала долгіе часы, слѣдя за появленіемъ блага паруса на лазуревой глади водъ.

Въ срединѣ января папа написалъ собственноручное письмо епископу Смирны; онъ просилъ его поручить монахамъ сдѣлать разслѣдованіе изъ монастыря въ монастырь на Востокѣ всюду, гдѣ есть монахи римско-католической вѣры. По совѣту Іоакима, онъ сдѣлалъ приписку и по адресу епископа греческаго. Онъ изъ своего заточенія посылалъ свое апостольское благословеніе во имя общаго Спасителя обѣихъ церквей тому монаху, который найдеть слѣды пилигримства Викторіана.

Отвѣтъ пришелъ въ Салерно около Пасхи, въ первыхъ числахъ апрѣля. Никто не встрѣчалъ молодого барона; даже имя его не было извѣстно никому изъ восточныхъ христіанъ. Большія несчастія преслѣдовали на сушѣ и на морѣ пилигримовъ, монаховъ и купцовъ. Арабы, угрожаемые турками, завладѣвшими Смирной, надвинулись, какъ потокъ, на Палестину и проявляли необычайныя строгости по отношенію къ христіанамъ. Никогда еще путешествіе въ Святую землю не было такъ опасно, какъ теперь. Епископъ, алтарь котораго только что осквернили турки, просилъ у Григорія VII молитвъ за несчастныхъ, не находящихъ болѣе

покою въ странѣ, освященной стопами Спасителя, тамъ, гдѣ Онъ поучалъ своихъ первыхъ учениковъ, и гдѣ теперь царятъ смерть или рабство.

Въ это время папа чувствовалъ, что близокъ его конецъ. Въ Салерно онъ былъ одинокимъ и чужимъ. Почти всѣ его кардиналы остались въ Римѣ и признали папу Климента III. Хотя онъ и далъ пурпуровую мантию нѣсколькимъ аббатамъ города и епископу ассизскому, чтобы имѣть около себя иллюзію священной коллегіи, но норманскій кафедральный соборъ св. Матѳея не утѣшалъ его въ потерѣ св. Іоанна Латеранскаго.

Робертъ Гюискаръ вернулся къ своимъ воинственнымъ похождениямъ въ водахъ Корфу, затѣмъ въ Албаніи. Эгидій, снова охваченный религиознымъ ужасомъ и каждую ночь тревожимый появленіемъ окровавленнаго Цензія, удалился въ монастырь въ горахъ Салерно и изводилъ себя, чтобы искупить грѣхи, которыхъ онъ не совершалъ. Графиня Матильда, лишенная части своихъ владѣній, была безсильна. Іоакимъ переживалъ смертельную тревогу и не могъ уже придать бодрости старому папѣ. Вернется ли когда-нибудь Викторіанъ? Неужели этого мальчика, поддержку его послѣднихъ дней, жениха Піи, смерть подкараулила на пути въ Іерусалимъ?

Въ страстной четвергъ, когда папа спускался со ступенекъ алтаря, неся вечерю своимъ кардиналамъ, онъ сказалъ:

— Еще немного и не увидите меня больше.

Въ Свѣтлое воскресенье, изнеможенный суровымъ постомъ, онъ лишился чувствъ, читая послѣднее Евангеліе. Его отнесли въ ризницу св. Матѳея и устроили ему наскоро постель. Когда онъ пришелъ въ себя, Іоакимъ стоялъ у его изголовья.

— Братъ мой, Богъ призываетъ меня къ себѣ,—сказалъ папа.— Скоро мое паломничество окончится, но я покидаю этотъ міръ въ жестокой тревогѣ. Я такъ хотѣлъ бы оставить Пію на рукахъ того, кого она выбрала себѣ въ мужа...

— Это не было угодно Богу,—отвѣтилъ епископъ.— Да будетъ Его святая воля. Да пошлетъ онъ Піи силы перенести это горе.

— Но мнѣ остается выполнить священный долгъ,—продолжалъ папа.— Прежде, чѣмъ умереть, я хочу быть спокойнымъ относительно спасенія ея души.

Іоакимъ встревожился.

— Я не могу оставить ее одинокой сиротою на этомъ свѣтѣ. Мои враги, враги Бога отомстятъ ей послѣ моей смерти. Мнѣ слишкомъ больно сознавать, что она останется несчастной.

— А развѣ меня не будетъ около нея?—перебилъ его Іоакимъ.— А Робертъ, а Рожеръ развѣ не поклялись вамъ въ вѣрности, даже за могилой, разъ что они преданы неумирающей церкви?

— Вы стары, братъ мой, и ваши дни также сочтены. Что же касается норманскихъ герцоговъ, то ихъ планы слишкомъ ши-

роки для того, чтобъ они думали о бѣдной дѣвушкѣ, внучатной племянницѣ монаха, котораго похоронятъ завтра подъ плитами этой церкви. Скоро у Піи останется одно пристанище—монастырь.

— Монастырь для такой молоденькой дѣвушки—это могила!

— Это короткая ночь, предшествующая долгому дню вѣчности. Я самъ не разъ сожалѣлъ, что покинулъ мою келью ради блага воинствующей церкви. Вспомните, братъ мой, какіе ужасные годы пережили мы. И Пія останется одна на этомъ полѣ битвы! Нѣтъ, я поручу ее матери церкви и черный вуаль, который вы надѣнете на ея бѣлокурую голову, будетъ послѣднимъ доказательствомъ вашей и моей любви къ ней.

Іоакимъ съ грустнымъ лицомъ слушалъ слова папы. Онъ мечталъ сдѣлаться приемнымъ отцомъ Піи послѣ смерти ея дѣда, и удалиться съ нею подъ покровительство графини Матильды. Онъ чувствовалъ теперь, что у него вырываютъ молодую дѣвушку. Строгость монастырской жизни казалась ему слишкомъ тяжелымъ испытаніемъ для этой чуткой души. И добрый епископъ не находилъ въ себѣ силы похоронить сразу столько дорогихъ ему людей.

Григоріи VII былъ пораженъ глубокимъ горемъ своего друга. Значитъ, онъ причиняетъ великое огорченіе этому вѣрному спутнику въ его изгнаніѣ. И чтобы утѣшить его и въ то же время успокоить зарождающуюся тревогу своей собственной совѣсти, онъ сказалъ, что постриженіе Піи будетъ отложено на столько времени, сколько найдетъ нужнымъ Іоакимъ.

— Да хранить меня Богъ отъ какого-либо насилія надъ этой дѣвочкой, — сказалъ онъ. — Я вовсе не отдаю вамъ приказанія, поручаю вамъ только желаніе и надежду отца.

И два старика въ полумракѣ ризницы шопотомъ договорились хранить въ тайнѣ этотъ разговоръ; рѣшено было, что Іоакимъ лишь послѣ смерти папы спроситъ свою воспитанницу о влеченіи ея сердца. Быть можетъ, Пія и сама захочетъ тихой монастырской жизни.

Въ эту минуту она вошла въ траурѣ, который носила съ того дня, какъ епископъ смирскій написалъ письмо ея дѣду.

Со времени пребыванія Григорія VII въ Салерно она почти неотлучно находилась при немъ; она читала ему положенныя дневныя молитвы, гуляла вмѣстѣ съ нимъ по небольшому садiku дворца, сидѣла у его ногъ на мраморной скамейкѣ, на берегу моря. Прежде, до конца осени, они часто говорили о Викторіанѣ, со все большей и большей тревогой по мѣрѣ того, какъ протекали дни. Теперь, сидя рядомъ подъ лучами холоднаго зимняго солнца, они уже не смѣли больше говорить объ отсутствующемъ, хотя не переставая думали о немъ. Они молча глядѣли на спокойное, сіяющее море, и оба ждали появленія блага паруса на лазурной глади водъ.

Пія только что узнала объ обморокѣ дѣда и въ тревогѣ прибѣжала.

— Это ничего, Пія, ничего, это только слабость отъ суроваго поста послѣдней недѣли, — успокоилъ онъ ее. — Вотъ наступаетъ весна, время цвѣтговъ, и я чувствую, что воскресну, какъ Господь Иисусъ.

Стая воробьевъ съ громкими криками воевала на откосѣ открытаго окна; нѣкоторые изъ нихъ влетѣли въ ризницу, заматались подъ потолкомъ и озабоченно вылетѣли и исчезли. Пія вспомнила о красношейкахъ, своихъ пріятеляхъ въ Латеранѣ, о гнѣздахъ, полныхъ птенцовъ, и пчелахъ, жужжащихъ вокругъ Викторіана, о прежнемъ, умчавшемся счастьѣ. Она присѣла на край постели папы и разрыдалась...

Въ тотъ же день Іоакимъ и кардиналъ Альбано разослали пословъ къ Роберту Гюискару, къ аббату Дидье, къ аббату Ключи, къ графинѣ Тосканской; они предупреждали друзей Григорія VII о близкомъ траурѣ церкви. Пламя, оживлявшее эту великую душу, угасало. Но иногда оно бросало еще очень яркій свѣтъ, — силы какъ будто возвращались къ папѣ, и возвращалась надежда на его жизнь.

Тогда онъ возвращался къ проекту, который делѣялъ въ теченіе десяти мѣсяцевъ своего изгнанія. Онъ обѣщалъ своимъ вѣрнымъ друзьямъ походъ на Римъ во главѣ норманской арміи, пополненной волонтерами-христіанами, торжественный въѣздъ въ его метрополию среди привѣтственныхъ криковъ народа, всемірный соборъ, утверждающій хартію Латерана, Dictatus Papae свергающій одновременно лже-папу и императора. Но папа недолго развивалъ эту мечту. Онъ умолкалъ и, слушая нескончаемыя однообразныя молитвы, читаемыя у его изголовья, смотрѣлъ затуманеннымъ взглядомъ на игру солнечныхъ лучей на стеклахъ его окна.

Лучшіе истинно счастливые часы онъ проводилъ съ Піей. Въ теплые дни онъ приказывалъ выносить себя въ садъ, подъ сѣнь кустовъ, которые онъ съ грустной улыбкой называлъ своимъ папскимъ балдахиномъ. Пія садилась у его ногъ, открывала требникъ и начинала читать вечерню. Онъ прерывалъ ее на первыхъ же словахъ.

— Это хорошо, — говорилъ онъ. — Господь Богъ проститъ мнѣ эту службу. Поговоримъ лучше о прежнихъ временахъ, о давно прошедшихъ временахъ.

И онъ вспоминалъ свою молодость, свой первый монастырь, свою первую келью, своихъ престарѣлыхъ братьевъ, которые умерли на его глазахъ, молодыхъ послушниковъ, о которыхъ онъ уже по крайней мѣрѣ пятьдесятъ лѣтъ ничего не зналъ, и которые, быть можетъ, въ этотъ часъ молятся за него въ своихъ

монастыряхъ. Онъ заходилъ въ своихъ воспоминанiяхъ еще дальше. Онъ зналъ, что Пiя любитъ рассказы о Зоантѣ, объ его родительскомъ домѣ, о его сестрѣ, бабушкѣ Пii, о его улыбающемся дѣтствѣ. Она рассказывала ему о своей дѣтской жизни, и такимъ образомъ старикъ и молоденькая дѣвушка мысленно переживали судьбу Гильдебрандовъ.

Потомъ они умолкали, какъ бы прислушиваясь къ шуму моря, и глядѣли другъ на друга глазами, полными слезъ. Онъ также, дорогой отсутствующей Викторiанъ, посѣтилъ Зоану съ папскимъ эскортомъ, и Григорiй VII вспоминалъ, какъ за столомъ у барона ему пришла въ голову мысль, что этотъ молодой человекъ вмѣстѣ съ Пiей позаботится о его старомъ родовомъ домѣ.

Тогда вспоминалъ папа надежды, возлагавшiяся имъ на Викторiана, когда тотъ вернулся изъ Тосканы. Онъ представлялъ себѣ, что сынъ Цензiа сдѣлается со временемъ однимъ изъ выдающихся римскихъ вельможъ, будетъ награжденъ папою какимъ-нибудь большимъ помѣстьемъ, вступитъ во владѣнiе замками своего отца, сдѣлается главою дворянства, повелителемъ своего народа, губернаторомъ Латерана и примиритъ Римъ съ церковью. Владыки Тускулума долго унижали и угнетали папскую власть. Для потомства Григорiя VII было бы честью охранять престолъ святого Петра, заботиться о немъ и защищать его.

Папа не могъ оторваться отъ этой высокой мечты. Онъ привязался къ ней съ пыломъ души, которая скоро отрѣшится отъ всего земного. Постепенно въ немъ возникало туманное предствленiе о чудѣ и съ теченiемъ времени становилось все яснѣе. Одинъ старый отшельникъ рассказывалъ ему столько чудесъ! И потомъ, вѣдь Богъ попрежнему всемогущъ и милосердъ: почему бы кораблю, на которомъ возвращается Викторiанъ, не появиться сейчасъ съ бѣлымъ парусомъ, со священнымъ знаменемъ на мачтѣ вонъ тамъ, въ заливѣ Салерно? Тогда послѣ долгаго молчанiя онъ почти застѣнчиво говорилъ:

— Я еще жду его. Вѣдь Палестина очень далеко, и это страна, полная чудесъ. Я все еще жду его. Милосердый Богъ, несомнѣнно, готовитъ намъ радостный день.

И они глядѣли на море, на жестокое море, предававшееся лазуревымъ грезамъ.

Приходили дворцовые слуги и уносили папу. Она медленно шла за нимъ съ еще большимъ отчаянiемъ въ душѣ, чѣмъ наканунѣ, а дѣдъ, повернувъ къ ней голову, говорилъ:

— Подождемъ до завтра, Пiя. Вѣдь Палестина такъ далеко!

25-го мая утромъ папу нашли безъ чувствъ, дыханiя почти не было слышно, и лицо его пожелтѣло, какъ воскъ. Всѣ заволновались во дворцѣ. Иоакимъ тотчасъ же послалъ за арабскимъ докторомъ, ученикомъ алхимиковъ Толедо, который слылъ за

волшебника. Арабъ влилъ въ ротъ умирающаго нѣсколько капель какого-то эликсира. Папа сразу оживился. Онъ попросилъ Іоакима исповѣдать его и пріобщить.

— Онъ скончается при наступленіи ночи, — сказалъ доггоръ уходя:—и перейдетъ отъ жизни къ смерти безъ страданія, просто уснетъ.

Въ полдень онъ принялъ причастіе въ присутствіи салернскаго духовенства и нѣкоторыхъ дворянъ. Затѣмъ онъ велѣлъ одѣть себя въ одѣяніе св. Бенедикта, перенести въ длинномъ креслѣ къ открытому окну и посадить его лицомъ въ сторону Рима.

— Пусть послѣднія біенія моего сердца будутъ за Римъ и за римскую церковь,—сказалъ онъ.

И онъ сталъ думать о папствѣ и указалъ своимъ кардиналамъ преемника себѣ.

— Вы выберете аббата Дидье, хоть онъ и не надолго переживетъ меня,—проговорилъ папа.—Но я увѣренъ, что онъ войдетъ въ Римъ и въ этотъ день моя душа послѣдуетъ за нимъ въ базилику св. Іоанна—главу всѣхъ церквей міра.

Онъ снялъ со своего пальца папское кольцо и довѣрилъ его кардиналу Альбано, канцлеру римской церкви. Затѣмъ онъ сказалъ Іоакиму:

— Возьмите мой золотой крестъ, другъ мой. Это мое послѣднее богатство. Позовите ко мнѣ скорѣ Пію, чтобъ она не покидала своего умирающаго дѣда.

Пія пришла въ обычномъ траурномъ платьѣ. Она сѣла рядомъ съ папой. Онъ съ трудомъ поднялъ правую бѣлую и холодную руку и опустилъ ее на голову молодой дѣвушки, одновременно и благословляя и лаская ее.

— Пія, насталъ мой часъ...—проговорилъ онъ совѣмъ слабымъ голосомъ.

Она смотрѣла на него и сначала не поняла смысла этихъ словъ, произнесенныхъ такъ кротко. Потомъ она поняла, что святой отецъ покидаетъ ее навсегда, скрестила руки и стала умолять его не умирать. Поднявъ голову къ освѣщенному солнцемъ окну, она увидала море, улыбающееся ей лазуревое море.

Тамъ, еще очень, очень далеко, въ южной сторонѣ залива, гонимая африканскимъ вѣтромъ, приближалась къ порту Салерно галера...

Въ ту же минуту съ колокольни св. Матѳея раздался грустный звонъ, и изъ глубины норманскаго кафедральнаго собора послышались могучіе звуки органа и заунывное пѣніе монаховъ.

Это началось прощаніе церкви съ папой. Кардиналъ Альбано отыскалъ въ своемъ требникѣ и прочелъ первыя слова молитвы: «Proficiscere, anima christiana!»

Папа, не снимавшій руки съ головы Пии, на каждый стихъ произносилъ:

— Амен!

Но Пія не слыхала ни голоса кардинала, ни похороннаго пѣнія монаховъ, ни жалобъ органа, ни погребальнаго звона колоколовъ. Она видѣла только корабль, приближающійся къ ней въ свѣтлыхъ лучахъ майскаго солнца.

Это была высокая венеціанская галера; ея разбитые бурей паруса висѣли, какъ лохмотья; на сломанной мачтѣ на концѣ копья развѣвался красный флагъ святого Марка со львомъ, держащимъ въ когтяхъ открытую книгу евангелиста. Она плыла, приближаясь почти незамѣтно, вслѣдствіе весенняго вѣтра и сломанныхъ парусовъ.

И Іоакимъ тоже всматривался въ корабль. Онъ шелъ, очевидно, съ востока; быть можетъ, на немъ есть какой-нибудь пилигримъ, который слышалъ что-нибудь въ монастыряхъ Сиріи или на берегахъ озера Галилейскаго о пилигримѣ Викторіанѣ. И епископъ, охваченный какой-то мистической тоскою, слѣдилъ, какъ, подобно пурпуровому цвѣтку, качается на лазоревыхъ волнахъ флагъ святого Марка.

Кардиналъ закрылъ свой требникъ. Теперь христіанская душа могла свободно летѣть къ Богу.

Тогда до слуха папы, Піи и Іоакима долетѣло съ моря стройное громкое пѣніе, заглушившее псалмы монаховъ изъ-подъ сводовъ собора. На палубѣ галеры, сгруппировавшись подъ знаменемъ апостола, матросы, пилигримы и купцы пѣли благодарственный гимнъ за спасеніе отъ бури.

Папа приподнялся на подушкахъ и устремилъ взоръ на священный корабль. Онъ уже бросалъ якорь передъ папскимъ дворцомъ, и послѣдняя строфа кантики замерла подъ яснымъ небомъ.

— Это галера, отплывшая съ береговъ Святой земли,—сказалъ Іоакимъ.—Я вижу, какъ пилигримы торопятся сѣсть въ лодки нашихъ салернскихъ моряковъ. На груди многихъ изъ нихъ висятъ красные кресты, которые молодые рыцари-пилигримы стали носить въ послѣдніе годы.

— Вѣдь Палестина такъ далеко, а они все-таки вернулись!—прошептала Пія.

— Да,—отвѣтилъ Григорій VII:—вернулись пилигримы, которыхъ гроза носила по бурному морю. Но они теперь въ гавани и счастливы, потому что гавань — это уже родина. Я тоже, матросъ перкви, былъ разбитъ бурей. Но потому, что я любилъ справедливость и ненавидѣлъ низость, я умираю въ изгнаніи...

— Это не изгнаніе, отецъ мой, — сказала Пія: — такъ какъ Богъ вспомнилъ о насъ и ваши молитвы услышаны...

Онъ увидалъ, что она стоитъ въ трепетномъ ожиданіи, и на лицѣ ея сіяетъ надежда.

Послѣдній пилигримъ спускался съ мостика галеры.

Тогда Григорій VII понялъ, что совершилось чудо. Онъ раскрылъ объятія, прижалъ къ своей груди голову молодой дѣвушки и прижался къ ея волосамъ блѣдными губами.

— Справедливый Боже! — воскликнулъ онъ. — Неужели этотъ ребенокъ предчувствовалъ тайну Твоего милосердія? И неужели я умру, получивъ утѣшеніе за всѣ несчастія, которыми Ты испыталъ Твоего стараго слугу? Иоакимъ, бѣгите скорѣе на пристань! Я хочу дожить до вашего возвращенія.

Странный шумъ послышался за дверью комнаты. Кто-то порывался войти въ нее, несмотря на норманскую стражу, стоявшую у порога, несмотря на длинную линію монаховъ, молившихся въ коридорѣ. И вдругъ вошелъ Викторіанъ съ обнаженной головою, одѣтый пилигримомъ, съ краснымъ крестикомъ на груди...

Пія радостно вскрикнула. Григорій, поддерживаемый Иоакимомъ, приподнялся на постели и протянулъ руки къ молодому рыцарю.

— Наконецъ-то я иду по аллеѣ въ рай! — воскликнулъ онъ.

Викторіанъ прижалъ Пію къ своему сердцу и горячимъ поцѣлуемъ на глазахъ у папы стеръ съ лица своей невѣсты горечь тяжелой разлуки.

Папа Григорій, утомленный волненіемъ, откинулся на подушки. Молодые люди опустили на колѣни у его постели.

— Викторіанъ, мы потеряли всякую надежду... Почему ты такъ долго не возвращался?..

— Владыка, язычники увезли меня въ открытое море, скованнаго цѣпями, угрожали мнѣ смертью, если я не перемѣню вѣру Иисуса Христа на вѣру Магомета. Они отправили меня въ Дамаскъ и продали на городскомъ рынкѣ. Я былъ рабомъ цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ, но остался христіаниномъ. Пія была моей единственной мыслью, моей силой и душевной твердостью. Мнѣ удалось бѣжать и я бѣжалъ къ Іерусалиму. Я оплакивалъ на могилѣ Спасителя прошлое моего отца. Буря замедлила мой прїѣздъ вчера ночью, у береговъ Сициліи. И вотъ я здѣсь, у вашихъ ногъ, рядомъ съ Піей.

Папа слабо улыбнулся и долго глядѣлъ на молодыхъ людей съ тою дѣдовской добротой во взорѣ, съ какой онъ глядѣлъ въ первый разъ на маленькую Пію, когда она здоровалась съ нимъ на торжественномъ духовномъ засѣданіи въ Латеранѣ.

— Не покидай, сынъ мой, ни меня, ни ее, — сказалъ онъ Викторіану. — Я скоро умру. Я исполнилъ мой долгъ. Примите, дѣти мои, послѣднее таинство отъ папы Григорія VII. Это будетъ моей послѣдней радостью и прощаньемъ съ духовнымъ саномъ. Пія, положи твою руку въ руку Викторіана.

Иоакимъ помогъ ему поднять руки и положить ихъ на двѣ наклоненныя головы. Папа произнесъ съ глубокимъ чувствомъ:

— Во имя Святой Троицы, Отца, Сына и Святого Духа, соединяю васъ въ сей жизни и въ будущей.

Потомъ онъ скрестилъ руки на груди, закрылъ глаза и сосредоточился въ Богѣ.

День клонился къ вечеру. Солнце спускалось за море и золотыми лучами проникало въ комнату. То раздавалось, то умолкало пѣніе въ каедральномъ соборѣ. Слышались звуки прибоя волнъ, пѣніе ласточекъ, утопающихъ въ ясной лазури неба, голоса играющихъ на улицѣ дѣтей, пѣснь рыбака, плывшаго въ лодкѣ по заливу. Порою порывъ теплаго вѣтра приносилъ въ комнату запахъ моря и ароматъ весеннихъ цвѣтовъ.

Солнце скрылось за линіей пурпуроваго моря; его послѣдній лучъ озарилъ лобъ Григорія VII, умиравшаго, какъ желалъ: съ лицомъ, обращеннымъ въ сторону Рима.

— Святой отецъ, помолись за насъ!—прошепталъ дрожащимъ голосомъ старый епископъ ассизскій.

Тихими шагами вошли въ комнату норманскіе рыцари и образовали у постели усопшаго почетный караулъ. Монахи съ зажженными свѣчами стали вдоль стѣнъ. Они всю ночь не отходили отъ тѣла папы. У его изголовья стояли Викторіанъ, Пія и Іоакимъ и тихо молились.

Подъ утро, когда небо поблѣднѣло, Пія склонила на плечо Викторіана свою прелестную головку и уснула, какъ часто дѣлала это въ Римѣ, въ дѣтскіе годы, во дворцѣ св. Іоанна Латеранскаго.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1907 г. ¹⁾.

А.

А—ій и А—скій, прив. доц., *Рецензии его*: 1) «Монастыри, соборы, и приходскія церкви Владимірской епархіи, построенныя до начала XIX в. Издано подъ ред. В. В. Косаткина. Губ. г. Владиміръ. 1906», CVIII, іюнь, 1000—1001. 2) «П. Покрышкинъ. Православная церковная архитектура XII—XVIII столѣтій въ нынѣшнемъ Сербскомъ королевствѣ. Изданіе имп. Академіи художествъ. Спб. 1906», СІХ, іюль, 275—277.

А. В. *Рецензии его*: 1) «Н. Л. и Г. Бутми. Фран-масонство и государственная измѣна. Вып. I. Спб. 1906.—А. Нечволодовъ. Отъ разоренія къ достатку. Спб. 1906», CVII, январь, 336—340. 2) «Н. А. Рубакинъ. Среди борцовъ. Очерки и наброски публициста. Спб. 1906», CVII, февраль, 684—685. 3) «Вл. Череванскій. Исчезнувшее царство (эпоха Семирамиды). Историческая монографія. 2 тома. Спб. 1906», ів., 706—707. 4) «Н. Н. Страховъ. Философскіе очерки. Изданіе второе. Кіевъ. 1906», CVIII, апрѣль, 299—300. 5) «В. Владиміровъ. Очерки современныхъ казней.

М. 1906», CVIII, май, 638—639. 6) «А. Т. Снарскій. Объ участіи народа въ управленіи государствомъ. Историческій очеркъ. Спб. 1906», ів., 645. 7) «Старина и Новизна. Историческій сборникъ, изд. при Обществѣ ревнителѣ русскаго историческаго просвѣщенія въ память имп. Александра III. Книга 12. М. 1907», СХ, ноябрь, 659—660.

А. В—въ. *Рецензии его*: 1) «Викторъ Обнинскій. Полгода русской революціи. Сборникъ матеріаловъ къ исторіи русской революціи (октябрь 1906—апрѣль 1906 гг.). Вып. I. М. 1906», CVII, январь, 340—342. 2) «Томасъ Карлейль. Теперь и прежде. М. 1906», CVII, февраль, 707—709. 3) «Эрнестъ Ренанъ. Апостолы. Переводъ Э. Н. Латернера. Спб. 1906. Антихристы. Перев. Вл. Кауфмана. Спб. 1906», CVII, мартъ, 1057—1058.

А. В—ловъ. *Рецензии его*: 1) «Н. А. Морозовъ. Откровеніе въ грозѣ и бурѣ Спб. 1907», СХ, октябрь, 297—300. 2) «Ипполитъ Тэнъ. Исторія французской революціи. Ч. I. Харьковъ. 1906»

¹⁾ Въ «Указатель» не включены личныя имена, упоминаемыя въ историческихъ романахъ, беллетристическихъ статьяхъ и приложеніяхъ. — Римскія цифры означаютъ томъ,—арабскія—страницу.

ib., 304—305. 3) «Томасъ Кардейль. Французская революція. Исторія. Спб. 1907», СХ, ноябрь, 670—671.

А. Ив—ичъ. *Рецензія* его: 1) Профессоръ П. Жуковичъ. Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей (съ 1609 г.). Третій выпускъ (1620—1621 г.). Спб., 1906», CVII, январь, 322—324. 2) «М. Довнаръ-Запольскій. Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства въ XVI вѣкѣ. Киевъ. 1905», CVII, январь, 349—350.

А. К—ова. *Рецензія* «Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія И. А. Вахромѣву. Выпускъ VI. М. 1907», CVIII, апрѣль, 294—296.

А. К—о и А. К—ово. *Рецензія* его: 1) «А. Соболевскій. Москва и первый самозванецъ. Спб. 1906», CVII, январь, 321—322. 2) «Pamiętnik Stanisława Niemcewicza. Записки Станислава Немцевскаго 1606—1608. Изданіе И. А. Вахромѣва. М. 1907», CVIII, июнь, 998—999.

А. Н—скій, прив. доц. *Рецензія* его: 1) «Н. Я. Новомбергскій. I. Врачебная экспертиза въ до-Петровской Руси. Спб. 1906. II. Основы борьбы съ эпидеміями въ до-Петровской Руси. Спб. 1906. III. Колдовство въ Московской Руси XVII ст. Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи. Т. III, ч. I. Спб. 1906. IV. Матеріалы по исторіи медицины въ Россіи. Т. II. Спб. 1906», CVII, февраль, 698—701. 2) «Краткій историческій очеркъ Виленской комиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ. 1864—1906 г. Составилъ членъ комиссіи Ар. Турчевичъ. Вильна. 1906», CVII, мартъ, 1046—1047. 3) «Московская церковная старина. Труды комиссіи по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы и московской епархіи, издаваемые подъ ред. председателя комиссіи А. И. Успенскаго. Т. III, в. 2. М. 1906», CVIII, май, 637—638.

А. Р. *Его статья:* «Къ біографіи А. Н. Алухтина. CVII, февраль, 580—585.

А. Р—скій. *Рецензія* его: «Краткое описаніе новаго владѣнія императорскаго Россійскаго историческаго музея имени императора Александра III въ г. Москвѣ, составленное П. И. Щукинымъ. М. 1906», CVII, январь, 317—319.

А. Ф—въ и Ф. *Рецензія* его: 1) «Бирюковъ, П. Л. Н. Толстой. Біографія Т. I. М. 1906», CVII, январь, 330—331 2) «К. Военскій. Гончаровъ въ нежданыхъ письмахъ къ графу Валугеву. Спб. 1906», CVII, мартъ, 1051—1052. 3) «Му-

зей памяти О. М. Достоевскаго въ историческомъ музее въ Москвѣ. Составила А. Достоевская, съ портретами и видами. Спб. 1906», ib., 1052—1054. 4) «П. Симони. Матеріалы къ исторіи русской книжной торговли въ XVIII—XIX столѣтіяхъ. Вып. I. Н. И. Новиковъ и книгопродавцы Кольчугины. Спб. 1907», СІХ, августъ, 640—641. 5) «Евгеній Соловьевъ. Очерки изъ исторіи русской литературы XIX вѣка. Изданіе 3-е. Спб. 1907», ib., 651—652. 6) «Н. Жерве. Кадетскіе, юнкерскіе и офицерскіе годы С. Я. Надсона. Спб. 1907», СХ, ноябрь, 664—665. 7) «Н. Котляревскій. Старинные портреты. Спб. 1907», ib., 682—683. 8) «Дополнительный выпускъ къ «Сообщеніямъ Д. И. Писарева. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1907», СХ, декабрь, 1078—1079.

А. Х—въ и А. Хах—овъ. *Рецензія* его: 1) «Куранъ Мухаммеда. Грузинскій переводъ. Первое изданіе. Тифлисъ. 1906», CVII, мартъ, 1065. 2) «Исторія г. Дербента. Составилъ Е. И. Козубскій. Съ 26 рис. Темиръ-Ханъ-Шура. 1906», CVIII, июнь, 996—997. 3) «Матеріалы по археології Кавказа. Выпускъ XI, подъ редакціей графини Уваровой. М. 1907», СІХ, августъ, 648—649. 4) «Pierre Martino, professeur agrégé des lettres au lycée d'Alger, docteur des lettres. L'Orient dans la littérature française aux XVII et XVIII siècle. Paris. 1906», СХ, октябрь, 310. 5) «Историческая записка объ управленіи Кавказомъ. Т. I и II. Составилъ редакторъ военно-историческаго отдѣла окружнаго штаба Семенъ Эсадзе. Тифлисъ. 1907», СХ, ноябрь, 683—684.

А. Я. *Рецензія* его: 1) «В. О. Милдербъ. Отголоски смутнаго времени въ былинахъ. Спб. 1906», CVII, январь, 325—327. 2) «Н. О. Сумцовъ. О литературныхъ нравахъ южно-русскихъ писателей XVII столѣтія. Спб. 1906», CVII, январь, 347—349. 3) «Акты и документы, относящіяся къ исторіи кievской академіи. Отдѣленіе II (1721—1795). Т. III. Съ введеніемъ и примѣчаніями Н. И. Петрова. Киевъ. 1906», CVII, мартъ, 1043—1046. 4) «Проф. Н. О. Сумцовъ. Изъ украинской старины. Харьковъ. 1906», ib., 1049—1050. 5) «Н. Н. Виноградовъ. «Свиданіе двухъ тѣней». Политическая сатира начала XIX ст. Спб. 1906», CVIII, апрѣль, 296—297. 6) «А. Васильевъ. Среди народныхъ страданій. I. Черная Гора, Гердеговина и Боснія въ 1875—1878 гг. II. Бюка Которская въ 1797—1814. Спб. 1906», ib., 303—304. 7) «С. Г. Вилинскій. По-

славия старца Артемія (XVI вѣка). Одесса. 1906», СІХ, іюль, 284—286. 8) «А. А. Шахматовъ. Корсунская легенда о крещеніи Владимира. Спб. 1906», СІХ, августъ, 632—633. 9) «Вл. Рѣзавовъ. Изъ истории русской драмы. Дѣйствіе о князѣ Петрѣ Златыхъ Ключахъ. Спб. 1907», *ib.*, 641—642. 10) «Александръ Грушевскій. М. А. Максимовичъ (1804—1873). Изъ украинской историографіи XIX вѣка. Спб. 1906», СІХ, сентябрь, 1009—1010. 11) «Проф. Е. О. Будде. Посланіе шведскаго полковника Александра Лесли къ царю Михаилу Ѳеодоровичу изъ Нарвы о новоучрежденномъ рыцарскомъ польскомъ ордѣнѣ въ 1638 г. Спб. 1906», СХ, октябрь, 283—284. 12) «Д. К. Треневъ. Сохраненіе памятниковъ древне-русской иконописи. Спб. 1907, *ib.*, 290—291. 13) «Л. Никольскій. Историческій очеркъ авонской стѣнной живописи. Спб. 1907», *ib.*, 291—293. 14) «Dr. Konstanty Wojciechowski. Zwięzły podrecznik historyi literatury polskiej. Widanie drugie przerobione. Львовъ. 1906», СХ, ноябрь, 685—686. 15) «В. Зелинскій. Критическій комментарий къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго. Сборникъ критическихъ статей. Ч. II и III. М. 1907», СХ, декабрь, 1079—1081. 16) Сто лѣтъ борьбы польскаго народа за свободу. По Б. Лимановскому, Л. Кульчицкому и др. составлено подъ ред. Ю. Подвинскаго. Спб. 1907», *ib.*, 1086—1087. 17) «Historja Polski. Napisat Józef Balaban. Widanie drugie rozszerzone i ordo-bione 136 gusinami. Львовъ. 1906», *ib.*, 1089.

Аббасъ-Хильми, египетскій хедивъ, СХ, ноябрь, 705—709.

Абдуль-Гамидъ, турецкій султанъ, CVII, февраль, 728—740 (по поводу статьи о немъ Зеферъ-Бея въ «La Revue»).

Авсѣенко, В. Г., писатель. *Его*: 1) «Заговорщикъ. Историческій рассказъ», CVII, январь, 52—80. 2) «Петербургскій Монтекристо. (Историческій рассказъ)», СХ, ноябрь 433—461 и декабрь, 822—853.—*Поправка*: «Къ рассказу «Петербургскій Монтекристо», СХ, декабрь, 1142.

Аданъ, г-жа, СХ, ноябрь, 699—704 (по поводу ея воспоминаній).

Адикаевскій, Вас. Сем. *Некрологъ его*: CVIII, июнь, 1042.

Аксаковы:

— Иванъ Сергѣевичъ, CVII, мартъ, 1001—1002; СІХ, августъ, 559, 571—572.

— Константинъ Сергѣевичъ, СІХ, августъ, 556, 559.

Александра, великобританская королева, бывшая принцесса датская, СІХ, сентябрь, 979—988 (по поводу выхода въ свѣтъ новаго о ней биографическаго очерка).

Александра Ѳеодоровна, императрица, супруга Николая I, СІХ, июль, 34.

Александровскій, С. Вас., пензенскій губернаторъ, убитый 25 января 1907 г. *Некрологъ его*: CVII, мартъ, 1111.

Александровъ, И. *Рецензії его*: 1) «А. К. Двѣ поэтессы народнаго горя. (Ада Негри и Марія Конопницкая). Выпускъ издательства «Свобода и Христіанство», подъ ред. архимандрита Михаила. Спб. 1906», CVII, мартъ, 1058—1059. 2) «А. Зачиняевъ. Объ эпическихъ преданіяхъ Орловской, Курской и Воронежской губерній. Спб. 1906». CVIII, июнь, 1003. 3) «А. Фоминъ. Чеховъ въ русской критикѣ. Опытъ библиографическаго указателя. Спб. 1907», СІХ, сентябрь, 1002—1003. 4) «Петро Орси. Современная Италия. Перев. съ итал. О. Шенрокъ. Спб. 1907», СХ, октябрь, 309. 5) «С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Собраніе сочиненій. Часть I. Спб. 1907», СХ, декабрь, 1076—1077.

Александровъ, Ник. Александр., писатель. *Некрологъ его*: СІХ, августъ, 679—680.

Александръ I Павловичъ, императоръ. *О немъ въ статьѣ В. Т.*: «Взаимныя отношенія между Александромъ I и Людовикомъ XVIII въ 1804—7 гг.», CVII, февраль, 624—629.—*Упомят.*: *ib.*, 634—636; 650—654.—*Статья о немъ великаго князя Николая Михайловича*: «Легенда о кончинѣ императора Александра I въ Сибири въ образѣ старца Ѳедора Козьмича», СІХ, июль, 5—40.—*Статья о немъ М. К. Соколовскаго*: «Послѣдніе дни императора Александра I. (По архивнымъ документамъ)», СІХ, июль, 165—171.—*Замѣтка Павла Россіева*: «Живучая легенда», СІХ, августъ, 687—688. *Упомят.*: СІХ, сентябрь, 1018—1023 (въ мемуарахъ Жана Савари).

Александръ II Николаевичъ, императоръ, CVII, январь, 43, 45, 50, 51; 285—287 (письмо къ нему Искандера—А. И. Герцена); CVII, февраль, 418—427.—*Упомят.*: *ib.*, 652—655, 661, 663; CVII, мартъ, 789—798 (о путешествіи его въ Финляндію «Изъ дневника Н. П. Литвинова»); *ib.*, 856, 858; 956; 994—1000, 1005, 1009, 1012; CVIII, апрѣль, 225; CVIII, июнь, 744—745; СІХ, июль, 180—184, 187—191, 194—195; августъ, 556—557, 561—565, 568—569, 580—582; СХ, октябрь, 124—136 (въ статьѣ Н. Н. Фирсова: «Отношеніе императоровъ Ни-

колая I и Александра II въ объединенію Италіи»).

Александръ III Александровичъ, императоръ. *О немъ*: «Изъ дневника Н. П. Литвинова», CVII, январь, 41—51; февраль, 418—421 и мартъ, 790, 794—799.— *О музее его имени въ статьѣ кн. Б. А. Щетинина*: «Музей императора Александра III», CVII, февраль, 613—623.— *Упомин.*: CVII, мартъ, 873—874.

Александръ Обреновичъ, сынъ короля Милана, сербскій король, CX, ноябрь, 413—419 (по поводу его путешествія въ Петербургъ).

Алексѣевъ, А. А. *Статья его*: «М. Е. Салтыковъ въ Вяткѣ. (1848—1856)», CX, ноябрь, 600—609.

Алексѣенко, М. М., попечитель Харьковскаго учебнаго округа, CVII, январь, 144—145, 155.

Алихановъ, А. М., кутаискій губернаторъ, убитый 31 июля 1907 г. *Некрологъ его*: CIX, августъ, 680.

Алѣксингенъ, А. Н., CVII, январь, 385—386 (по поводу 25-лѣтняго юбилея).

Амалицкій, В. Н., проф. Варшавскаго университета, CX, декабрь, 996 (по поводу его раскопокъ въ Велико-Устюжскомъ уѣздѣ).

Амвросій, извѣстный старецъ Оптиной пустыни, CVII, январь, 84—85, 92—94; CVIII, апрѣль, 151—157.

Андреевскій, Иванъ Ефимовичъ, ректоръ Спб. Университета и директоръ Археологическаго Института, CIX, августъ, 393—394.

Анзимировъ, В. А. *Рецензія А. Фаресова о книгѣ его*: «Крамольники. М. 1907», CVIII, май, 640—641.

Анна, герцогиня Клевская, четвертая супруга англійскаго короля Генриха VIII, CVII, мартъ, 1070—1071.

Анненковы:

— Марія Михайловна, помѣщица, убитая въ 1769 г. своими крестьянами, CIX, августъ, 500—501.

— Г. П. *Его*: «Тринадцатый поросенокъ. (Изъ дневника чиновника особыхъ порученій)», CX, ноябрь, 528—541.

— П. В., CIX, августъ, 512.

Анненскій, Н. Ф., писатель, CVII, февраль, 659—661.

Аноповъ, Ив. Ал., извѣстный педагогъ. *Некрологъ его*: CVII, мартъ, 1111—1112.

Антроповъ, Л. Н., драматургъ, CIX, июль, 150—160.

Апраксинъ, А. С., графъ, CX, ноябрь, 468—483 (въ воспоминаніяхъ, Ф. А. П--ва).

Апухтинъ, А. Н., поэтъ. *О немъ статья А. Р.*: «Къ биографіи А. Н. Апухтина», CVII, февраль, 580—585.

Астафьевы:

— Н. А. *Некрологъ его*: CVII, январь, 390.

— П. Е., CVII, январь, 192—194.

Ашкенази, Симеонъ. *Рецензія Н. Любовича о книгѣ его*: «Rosya-Polska, 1815—1830. Lwów. 1907», CIX, августъ, 629—632.

Афанасьевы:

— Г. *Рецензія П. Б. о книгѣ его*: «Исторія Ирландіи. Спб. 1907», CVIII, июнь, 992—993.

— М. И., CVII, мартъ, 1108 (по поводу 30-лѣтія его врачебно-научной дѣятельности).

В

В—въ. *Рецензія его*: «Записки императрицы Еватерины Второй. Переводъ съ подлинника, изданнаго Император. Академіей Наукъ. Съ 12 портретами и 5 автографами Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1907», CIX, августъ, 625—629.

Вабенко, В. А., CVII, мартъ, 1026.

Важенины (Осмигъ и Федоръ), CX, декабрь, 1004—1005.

Вазаровъ, Ал. Ив., докторъ химіи и редакторъ журнала «Плодоводство». *Некрологъ его*: CVII, мартъ, 1112—1113.

Ваіовъ, А. *Рецензія В. Р—ва о трудѣ его*: «Русская армія въ царствованіе имп. Анны Іоанновны. Войны Россіи съ Турціей въ 1736—1739 гг. 4 тома. Спб. 1906», CVIII, апрѣль, 286—288.

Вакунянъ, М. А., писатель-эмигрантъ, другъ Герцена, CVII, январь, 270—274, 278; февраль, 564.—*О немъ въ статьѣ С. А. Казаринова*: «Побѣгъ Бакунина изъ Сибири», CX, декабрь, 854—870.

Валабанова, Е. В., CX, октябрь, 353—354 (по поводу 25-ти-лѣтія ея дѣятельности, какъ завѣдующей бібліотекой высшихъ женскихъ курсовъ).

Валмашовъ, С. В., убійца Д. С. Сипягина, CVII, февраль, 489—493.

Варановъ, Н. М., бывший нижегородскій губернаторъ, CIX, сентябрь, 747—749 (въ воспоминаніяхъ А. П. Чехова).

Варанцевичъ, К. С., писатель, CX, ноябрь, 423—426 (по поводу его 25-лѣтняго юбилея).

Варатаевъ, Михаилъ Петровичъ, авторъ извѣстнаго труда: «Нумизматическіе факты грузинскаго царства», CIX, августъ, 505—506.

Барсуковы:

— Александръ Плат., братъ послѣдующаго, CVII, январь, 209—212, 229.

— Ник. Плат., историкъ. *О немъ статья Б. Б. Глинскаго: «Памяти Н. П. Барсукова»,* CVII, январь, 209—229, и *статья Д. А. Корсакова: «Изъ воспоминаній о Н. П. Барсуковѣ»,* CVIII, июнь, 946—957.

Вартело, Марселенъ, великій французскій химикъ, умершій въ мартѣ 1907 г., CVIII, май, 686—687.

Ватуринъ, Яковъ, капитанъ Бутырскаго полка. *О немъ историческій рассказъ В. Г. Авсенько: «Заговорщикъ»,* CVII, январь, 52—80.

Ватюшковъ, Константинъ Николаевичъ, поэтъ, CX, ноябрь, 638.

Вебутовъ, Конст. Александровичъ, князь, общественный дѣятель. *Некрологъ его:* CX, сентябрь, 1043—1044.

Везобразовъ, М. А., камергеръ, CX, июль, 186—189 (по поводу его записки о крестьянскомъ вопросѣ).

Веккаревичъ, Н. *Его: «Народный театр. (Изъ скитаній по провинци),»* CX, ноябрь, 542—569.

Венкендорфъ, А. Х., графъ, извѣстный шефъ жандармовъ, любимецъ императора Николая Павловича, CVII, февраль, 570—574 (въ воспоминаніяхъ И. Н. Пономарева).

Венигсенъ, Леонтіи Леонтьевичъ, графъ, CVII, февраль, 715—718 (объ его «Запискахъ»).

Вераръ, Викторъ, CX, сентябрь, 955—964 (по поводу его книги: «La France et Guillaume II. Paris. 1907»).

Вергманъ, Карлъ, извѣстный нѣмецкій хирургъ, CVIII, апрѣль, 335—336 (по поводу его смерти).

Вердяевъ, Н. *Рецензія А. Фомина о книгѣ его: «Sub specie aeternitatis. Опытъ философскіе, социальныя и литературныя. Сборникъ статей.* Спб. 1907», CX, июль, 287—288.

Вернардаци, Ал-дръ Осиповичъ, архитекторъ. *Некрологъ его:* CX, октябрь, 358.

Вессель, Вас. Вас. *Некрологъ его:* CVIII, апрѣль, 347.

Вибиковы:

— Дмитрій Гавриловичъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, любимецъ Николая I, CX, ноябрь, 477—478.

— Илья Гавриловичъ, генералъ-адъютантъ, братъ предыдущаго, CX, ноябрь, 477—478.

Виденштейнъ, Августъ, докторъ философіи: *Некрологъ его:* CX, августъ, 680—681.

Вильбасовъ, В. А., историкъ, CVII, февраль, 755 (объ его библиотекѣ).

Вирюковы:

— П. *Рецензія А. Ф-на о книгѣ его: «Л. Н. Толстой. Біографія.* Т. I. М., 1906» CVII, январь, 330—331.

— Я. *Рецензіи его:* 1) «Сиповскій, В. В. Исторія литературы, какъ наука. Изданіе Т-ва Вольфъ, Спб. 1906», CVII, февраль, 705—706. 2) «Сообщенія имп. православнаго Палестинскаго общества, Т. XVII, вып. 3 и 4. Спб. 1906», CVIII, май, 646—648. 3) «Исторія человечества. Всемирная исторія, подъ общей редакціей Г. Гельмгольца. Т. VIII. Переводъ съ нѣмецкаго Я. А. Лурье. Спб. 1907», CX, августъ, 650. 4) «Сборникъ консульскихъ донесеній. Выпуски I и II. Изданіе министерства иностранныхъ дѣлъ. Спб. 1907», CX, сентябрь, 993—995. 5) «Деличъ, Ф. Библия и Вавилонъ. Переводъ съ нѣмецкаго барона А. А. Нольде. 2-е изд. А. С. Суворина. Спб. 1906.—Деличъ, Ф. Вавилонъ и Библия. Переводъ съ нѣмецкаго Э. Росен—на. Книгоиздательство «Свѣтъ». М. 1907», ib. 1007. 6) «Вьяляевъ, И. С. Слѣдственное дѣло объ убійствѣ царевича Дмитрія въ Угличѣ 15 мая 1591. М. 1907», ib. 1011. 7) «А. Росси. Крестьянское движеніе въ Сициліи. Изданіе «Популярно-научной библіотеки». Спб. 1907», CX, октябрь, 306. 8) «Трусевичъ, М. И. Западная и русская дипломатика и сфрагистика древняго Востока. Составлено по программамъ и чтеніямъ проф. Лихачева и по другимъ источникамъ. Спб. 1907», ib. 313—314. 9) «Сообщенія императорскаго православнаго Палестинскаго общества. Вып. 1 и 2. Спб. 1907», CX, декабрь, 1073—1074.

Влаговѣщенскій, Николай Александровичъ, писатель, 425—437 (въ воспоминаніяхъ Д. И. Стахѣва).

Влагосвѣтловъ, Григорій Евлампіевичъ, издатель «Русскаго Слова», CVIII, май, 407—408; CX, августъ, 424—437 (въ воспоминаніяхъ Д. И. Стахѣва).

Вланъ, Марія, французская писательница, умершая въ началѣ 1907 г., CVII, мартъ, 1098—1099.

Вларамбергъ, П. Ив., писатель. *Некрологъ его:* CVIII, апрѣль, 347—348. *О немъ статья князя В. А. Щетинина: «Идеалистъ - шестидесятникъ. (Памяти П. И. Вларамберга),»* CVIII, июнь, 97—945.

Влассъ, Фридрихъ, профессоръ-филологъ, CVIII, апрѣль, 335—336 (по поводу его смерти).

Вобковъ, Ф. Д. Его: «Изъ записокъ бѣшаго крѣпостнаго челоуѣка», CVIII, май, 446—474; июнь, 734—764; СІХ, июль, 143—164.

Воборыкинъ, Митрофанъ Александровичъ, публицистъ. Некрологъ его: СХ, декабрь, 1135.

Вобрецкій, Николай Вас., заслуженный проф. и ректоръ университета св. Владимира. Некрологъ его: СХ, октябрь, 359—360.

Вогдановичи:

— Ангелъ Ив., публицистъ. *Некрологъ его:* CVIII, май, 696—697.

— Е. В., генераль-лейтенантъ, CVIII, апрѣль, 340—342 (по поводу его 60-лѣтняго юбилея).

Вогдановъ, Пл. Ал., докторъ. Некрологъ его: CVIII, июнь, 1042—1043.

Воголюбовъ, Мелитонъ Петровичъ, докторъ медицины. Некрологъ его: СХ, октябрь, 358—359.

Вогоявленскій, Н. В. Рецензія В. Г.—рсаю о книжъ его: «Западный застѣнный Китай. Его прошлое состояніе и положеніе въ немъ русскихъ подданныхъ. Спб. 1906», CVIII, июнь, 999—1000.

Вогуславскій, Н. Дм., полковникъ, профессоръ. Некрологъ его: СІХ, июль, 326—327.

Воккачіо, знаменитый итальянскій поэтъ, СІХ, сентябрь, 1015—1018 (въ характеристикѣ Е. Родокоуаки).

Ворисовъ, А. А. художникъ, СХ, декабрь, 980.

Вородаевскій, С. В. Рецензія К. Х. о книжъ его: «Сборникъ по мелкому кредиту. Спб. 1907», октябрь, СХ, 303.

Вотевъ, Христъ, болгаринъ, писатель. О немъ въ статьѣ В. Уманова-Каплуновскаго: «Борцы за славянскую свободу», СІХ, августъ, 585—592.

Воткина, Людмила. Ея замѣтка: «По поводу статьи о П. П. Боткинѣ», СІХ, сентябрь, 1055—1056. — *На это князя Б. А. Щетинина:* «Отвѣтъ г-жѣ Людмилѣ Боткиной», СХ, октябрь, 367.

Воткины:

— В. П., писатель, CVII, февраль, 561, 563—554, 568—569; 616, 618.

— Петръ Петровичъ, умершій 3 июля 1907 г. *Статья о немъ князя Б. А. Щетинина:* «Петръ Петровичъ Воткинъ», СІХ, августъ, 547—554.

Вранловскій, С. Н. Его: «Въ Чертовомъ гнѣздѣ. Разсказъ изъ жизни русскихъ пюнерровъ въ Манчжуріи», СХ, ноябрь, 497—527 и декабрь, 871—902.

Врандтъ, В. Ф., писатель — финансистъ. Некрологъ его: CVIII, июнь, 1013.

Вронзовъ, А., проф. Рецензія его: «Ник. Глубоковскій, орд. проф. Спб. духовной академіи. По вопросамъ духовной школы (средней и высшей) и объ ученомъ комитетѣ при святѣйшемъ синодѣ. Спб. 1907», СІХ, августъ, 636—639.

Врусининъ, В. В. Его: «Бытковщина. (Изъ путевыхъ впечатлѣній)», СІХ, августъ, 438—445.

Врюсовъ, Валерій. Рецензія Н. Лернера о книжъ его: «Лицейскіе стихи Пушкина. Къ критикѣ текста. М. 1907», СІХ, сентябрь, 999—1002.

Врютенъеръ, Ферд., французскій писатель, CVII, январь, 380 (по поводу его смерти).

Врянчаниновъ, А. К. Рецензія В. Кузнецова о брошюрѣ его: «Роспускъ Государственной Думы, причины—послѣдствія. Псковъ. 1906», СІХ, августъ, 646—648.

Вуанъ, (де), графиня, CVII, мартъ, 1074—1081 (по поводу ея мемуаровъ); CVIII, апрѣль, 316 (ея «Разсказы теткы»); СІХ, июль, 294—297 (продолженіе ея мемуаровъ); СХ, декабрь, 1106—1109 (продолженіе ея мемуаровъ).

Вугга, Софусъ, извѣстный норвежскій филологъ, СІХ, сентябрь, 1033 (по поводу его смерти).

Вудде, Е. Ф., проф. Рецензія А. Я. о книжъ его: «Посланіе шведскаго полковника Александра Лесли къ царю Михаилу Теодоровичу изъ Нарвы о новоучрежденномъ рыцарскомъ польскомъ ордень въ 1638 г. Спб. 1906», СХ, октябрь, 283—285.

Вукананъ, Джорджъ, знаменитый латинскій поэтъ и гуманистъ XVI в., CVII, январь, 355—356.

Вуксгевденъ, Оттонъ Оттоновичъ, баронъ, извѣстный филантропъ. О немъ: «Биографическій очеркъ. Баронъ О. О. Вуксгевденъ», СХ, декабрь, 1015—1024.

Вулыгинскій, Ал-дръ Дм., проф. химіи. Некрологъ его: CVIII, июнь, 1043.

Вуняковскій, Викторъ Яковлевичъ, вице-президентъ академіи наукъ, извѣстный математикъ, СІХ, июль, 78—81 (по поводу его похоронъ).

Вуссе, Николай Вас., ген.-майоръ, военный губернаторъ Амурской области, СХ, декабрь, 860—861, 865.

Вутми, Г. Рецензія А. Б. о книжъ его: «Фран-масонство и государственная измѣна. Вып. I. Спб. 1906», CVII, январь, 336—340.

Вѣлиискій, В. Г. Рецензія Н. Л. о редактированномъ С. А. Венгеровымъ восьмомъ томѣ его: «Полнаго собранія сочиненій Спб. 1907», СХ, декабрь, 1077—1078.

Вѣловъ, Евг. Ал., историкъ, CVII, мартъ, 925.

Вѣлороссовъ, Ник. Дон., протоіерей. *Некроль его*: CVIII, апрѣль, 348—349.

Вѣляевы:

— Ив. Дм., проф. *Рецензія С. В.—скаго о книгѣ его*: «Судьбы земщины и выборнаго начала на Руси. М. 1906», CVIII, іюнь, 980—981.

— И. С.—*Его*: «Семейная драма. (Бытовой очеркъ изъ прошлаго)», СІХ, сентябрь, 807—827.—*Рецензія Я. Бирюкова о книгѣ его*: «Слѣдственное дѣло объ убіеніи царевича Дмитрія въ Угличѣ 15 мая 1591 года. М. 1907», СІХ, сентябрь, 1011.

В

В. *Рецензія его*: 1) «М. А. Грибовская. Римъ и его окрестности. Спб. 1906», CVII, январь, 345. 2) «Алексѣй Родосскій. Біографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII-ми курсовъ Спб. духовной академіи, 1814—1869 гг. Спб. 1907», CVIII, іюнь, 997—998. 3) «Ю. В. Руммель. Отечественный флотъ какъ средство обороны и международной политики. Спб. 1907», СІХ, августъ, 635—636.

В. А. *Рецензія Н. Л. о брошюрѣ его*: «Куропатки. Изъ воспоминаній о руско-японской войнѣ». Спб. 1907», CVII, февраль, 701—703.

В. В. *Рецензія его*: 1) «Н. Родниковъ. Греческій консерваторъ V вѣка до Р. Хр. Комикъ Аристофанъ. Казань. 1906», СІХ, августъ, 644—645. 2) «Ю. Кулаковскій и А. Сонни. Амміанъ Марцелинъ. Історія. Переводъ съ латинскаго. Вып. I. (Книги I—XIX). Кіевъ. 1906», ib., 652—653.

В. В. *Рецензія А. Фомина о книгѣ его*: «Отъ 70-хъ годовъ къ 90-мъ. Сборникъ статей. Спб. 1907», CVIII, апрѣль, 298—299.

В. Г. *Рецензія его*: 1) «А. Веснинъ. Сѣверо-Американскіе тресты. Спб. 1906», CVII, мартъ, 1059. 2) «Проф. В. Удинцовъ. Русское торгово-промышленное право. Кіевъ. 1907», СІХ, сентябрь, 995—996. 3) «Л. Дюпріе. Государство и роль министровъ въ Англіи, Германіи, Пруссіи и Франціи. Переводъ съ французскаго. Спб. 1907», СХ, октябрь, 303—304. 4) «Проф. Л. І. Петражицкій. Университетъ и наука. Опытъ теоріи и техники университетскаго дѣла и научнаго самообразования. Т. I. (Теоретическія основы). Спб. 1907», СХ, октябрь, 312—313.

В. Гр—скій. *Рецензія его*: 1) «Никоновъ, С. П., проф. Крестьянскій порядокъ и желательное будущее. Харьковъ, 1906», CVII, январь, 332. 2) «С. Г. Рункевичъ. Архіереи Петровской эпохи въ ихъ перепискѣ съ Петромъ Великимъ. Вып. I. Соб. 1906», CVII, февраль, 710—711. 3) «Н. В. Богоявленскій. Западный застѣнный Китай. Его прошлое состояніе и положеніе въ немъ русскихъ подданныхъ. Спб. 1906», CVIII, іюнь, 999—1000.

В. К. Е.—въ. *Рецензія его*: «Проф. И. Х. Озеровъ. Библіотека по общественно-экономическимъ вопросамъ. I. Что должны имѣть въ виду рабочіе. III. Фабричныя комитеты или какъ рабочему добиться лучшихъ условій труда. IV. Земельный вопросъ въ Россіи. V. Финансовая реформа въ Россіи. Откуда у насъ государство беретъ деньги и на что ихъ расходуетъ. М. 1906.—А. А. Исаевъ. Забастовки.—Смута и поземельный вопросъ.—Н. Баллодъ, проф. Берлинскаго ун. Грядущіе экономическіе вопросы Россіи. Изд. т-ва Глобусъ. Спб. 1906», CVII, февраль, 677—679.

В. Т. *Статья его*: «Иностранцы о Россіи. Взаимныя отношенія между Александромъ I и Людовикомъ XVIII въ 1804—07 гг.», CVII, февраль, 624—629.—*Рецензія его*: «С. Горянковъ. Босфоръ и Дарданеллы. Излѣдованіе вопроса о проливахъ по дипломатической перепискѣ. Спб. 1907», CVIII, апрѣль, 283—285.

В. Ш.—Статьи его: 1) «Иностранцы о Россіи. Проф. М. Веберъ. Переходъ Россіи къ призрочному конституціонализму», CVII, январь, 288—316. 3) «Иностранцы о Россіи. Наполеонъ I и поляки. Воспоминанія о московскомъ пленничествѣ. Западная литература въ восточныхъ странахъ», CVII, февраль, 629—649. 3) «Иностранцы о Россіи. Гоннаръ. Европейская эмиграція въ XIX в. Англія, Германія, Італія, Австро-Венгрія, Россія», СІХ, іюль, 249—272.—*Рецензія*: «Г. Г. Савичъ. Новый государственный строй. Справочная книга. Спб. 1907», іюнь, 988—989.

Вагнеръ:

— Знаменитый нѣмецкій композиторъ, СІХ, августъ, 667—668 (по воспоминаніямъ А. Неймана).

— Ник. Петровъ, извѣстный русскій зоологъ, снискавшій большую популярность беллетристическими произведеніями (подъ псевдонимомъ Кота-Мур-

льки). *Некрологъ его*: CVIII, май, 697—698.

Ваксель, Александръ Львовичъ, директоръ Импер. Воспитательнаго Дома. *Некрологъ его*: CX, ноябрь, 739—740.

Валуевъ, П. А., министръ внутреннихъ дѣлъ, СІХ, августъ, 563—564; СХ, ноябрь, 485.

Вамбери, Германъ, ориенталистъ, CVII, февраль, 642—649 (по поводу его сочиненія: *Westernceultur in eastern lands*. London. 1906).

Васильевы:

— Ав. В. *Рецензія А. Я. о книгѣ его*: «Среди народныхъ страданій. I. Черная Герцеговина и Боснія 1875—1878 гг. II. Бѣла Которская въ 1797—1814. Петербургъ, CVIII, апрѣль, 303—304.

— Вас. Ив., артистъ, CVII, февраль, 467—468.

— Пав. Фав., артистъ, CVII, февраль, 467—470.

Васюковъ: С. И. *Его*: 1) «Воспоминанія о М. В. Лентовскомъ», CVIII, апрѣль, 102—122. 2) «На трудовомъ пути. Рассказъ», СІХ, августъ, 398—423. 3) «Баритонъ русской оперы. Повѣсть», СІХ, сентябрь, 765—778; СХ, октябрь, 71—99. 4) «Яковъ Яковлевичъ Цвѣтковъ. (Изъ моихъ воспоминаній)», CVI, декабрь, 926—935.

Ватсонъ, Эд. Карл., литераторъ, CVII, январь, 115.

Вашингтонъ, Джоржъ, CVII, мартъ, 1084—1086.

Веберъ, Максъ, проф. Гейдельбергскаго университета, CVII, январь 238—300 (по поводу его статьи «*Russlands Uebergang zum Scheinconstitutionalismus*»).

Вейнбергъ, Петръ Исаевичъ, поэтъ, СІХ, сентябрь, 904—912 (по поводу его руководительства по управленію «Домомъ писателей»).

Великій, Семень Аоанасьевичъ, сынъ вел. князя Павла Петровича и вдовы Софьи Степановны Черторижской, урожденной Ушаковой, СІХ, июль, 39—40.

Венгеровъ, С. А. *Рецензія Н. Лернера о редактированныхъ имъ*: а) *I вып. I тома* «Библиотеки великихъ писателей. Пушкинъ. Спб. 1907», CVII, февраль, 687—690, и б) о «Гоголь. Д. Н. Овсянко-Куликовскаго. Спб. 1907», CVIII, май, 641—642. — *Рецензія А. Фомина о книгѣ его*: «Очерки по исторіи русской литературы. Спб. 1907», СІХ, сентябрь, 997—999. — *Рецензія о редактированныхъ имъ книгахъ*: И. А. Александрова. «С. М. Степнякъ Кравчинскій. Собраніе сочиненій. Часть I. Спб. 1907» и 2) Н. Л.:

«Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Томъ VIII. Спб. 1907», СХ, декабрь, 1076—1078.

Верещагинъ, Н. В. *Некрологъ его*: CVIII, апрѣль, 349—350.

Веснинъ, А. *Рецензія В. Г. о книгѣ его*: «Сѣверо-Американскіе тресты. Спб. 1906», CVII, мартъ, 1059.

Вилинскій, С. Г. *Рецензія о книгѣ его*: «Посланія старца Артемія (XVI вѣка). Одесса. 1906», СІХ, июль, 284—286.

Вилламовъ, Г. И., СІХ, июль, 166—167.

Вилліе, Яковъ Васильевичъ, баронетъ, лейбъ-медикъ, СІХ, июль, 12, 14, 27, 31, 37.

Вильгельмъ II германскій императоръ, CVII, январь, 377—379; CVIII, июнь, 1025—1028 (статейка о немъ: «Вильгельмъ II съ разныхъ точекъ зрѣнія», на основаніи свидѣтельствъ французскихъ и американскихъ писателей); СІХ, августъ, 680—671 (статейка о немъ: «Вильгельмъ въ качествѣ помѣщика», на основаніи новаго труда Лотера Вендэ); СІХ, сентябрь, 955—963; СХ, декабрь, 1116—1117.

Виноградовъ, Н. Н. *Рецензія А. Я. о книгѣ его*: «Свиданіе двухъ тѣней». Политическая сатира начала XIX ст. Спб. 1906», CVIII, апрѣль, 296—297.

Владиміровъ, В. *Рецензія А. Б. о книгѣ его*: «Очерки современныхъ казней. М. 1906». CVIII, май, 638—639.

Владимиръ Александровичъ, великій князь. *О немъ*: «Изъ дневника Н. П. Литвинова», CVII, январь, 41—42; февраль, 418—421, и мартъ, 790—791; 794—799.

Воевскій, К. А., CVII, февраль, 748—750 (по поводу 25 лѣтія его литературной дѣятельности). — *Рецензія А. Ф. о книгѣ его*: «Гончаровъ въ неизданныхъ письмахъ къ графу Валуеву. Спб. 1906». CVII, мартъ, 1051—1052.

Волконскіе:

— М. В. княгиня. *Ея рассказы*: «Одинокій» СХ, ноябрь, 487—497.

— Софья Михайловна, княгиня, супруга П. М. Волконскаго, СІХ, июль, 13, 27.

— Петръ Михайловичъ, князь, генераль-адъютантъ, СІХ, июль, 12—15, 24—26; 167—171.

Волокитинъ, Николай Ив., репортеръ, СІХ, июль, 85—88.

Волоцкій, Дм. Влад., устроитель историческаго музея въ Вологдѣ, СХ, ноябрь, 631—632.

Вольтеръ, CVII, мартъ, 1072—1074. *Рецензія Л. Б. о составленной А.*

Шаховымъ о немъ книгъ: «Вольтеръ и его время. Съ портретомъ автора. Спб. 1907», СХ, декабрь, 1083—1085.

Воробьевъ, Г. А., писатель. *Рецензія* его: 1) «Ign. Chrzanowski. Marcin Bielski. Studium literackie. Warszawa. 1906». СVII, январь, 350—351. 2) «Gomulicki, W. Rewolucja 1830—1831. Warszawa i Lwow. 1906. — Pawlowski, Bronislaw. Szkota podchorazych piechoty a wybuch rewolucji 29 Listopada 1830, Lwow. 1906». ib351. 3) «Tadeusz Korzon. Kosciuszko, biografia z dokumentow wysnuta w Krakow. Warszawa. 1906», ib., 351. *Некрологъ* его: СVIII, июнь, 1043—1044.

Врангель, П. М., баронъ. *Статья* его: «Въ передовомъ летучемъ отрядѣ генерала Ренненкамфа», СVIII, апрѣль, 158—203.

Врба, Рудольфъ, нѣмецкій публицистъ, СVII, январь, 300—316 (по поводу его книги: «Революція въ Россіи»).

Врѣнь-Люкъ, французскій фальсификаторъ книгъ и рукописей XIX в., СVIII, май, 667—669.

Вышнеградскій, И. А., министръ финансовъ, СIX, июль, 95—97 (въ воспоминаніяхъ А. П. Чехова).

Вяземскіе:

— П. А., князь, СVIII, июль, 950—951.

— Павелъ Петр., князь, СVIII, июль, 951—953; СХ, октябрь, 103—106; ноябрь, 463—464, 484.

Г

Г. Рецензія: «Вексельное право. Проф. Новороссійскаго унив. А. Ф. Федорова. Одесса. 1906», СVIII, июнь, 989—990.

Г. П. Рецензія его: «Ежегодникъ императорскихъ театровъ. Сезонъ 1904—1905. Выпускъ XV и приложение. Спб. 1907», СIX, августъ, 639—640.

Г—ій. Рецензія его: «И. И. Янжуль. Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва. Спб. 1906», СVII, мартъ, 1056—1057.

Гагаринъ, князь, ссыльный, СVII, февраль, 499—500.

Гаденко, А. П. *Его предисловіе къ статьѣ:* «Изъ дневника Н. П. Литвинова», СVII, январь, 41—42.

Галенинъ-Враской, М. Н., саратовскій губернаторъ (съ 1870 г.), СVII, мартъ, 930—937.

Ганъ (фонъ), Евгеній, главный попечитель колоній на югѣ Россіи (1845—1849), СIX, июль, 271.

Гарденъ, Максимилианъ, нѣмецкій журналистъ, СIX, июль, 303—306.

Гарибальди, СIX, июль, 309—311; СIX, сентябрь, 1029—1030 (по поводу столѣтія со времени его рожденія); СХ, декабрь, 1113—1116.

Гаринъ (Михайловскій), Н. Г., писатель. *Некрологъ* его: СVII, январь, 390—392.

Гаршинъ, Всеволодъ Михайловичъ, беллетристъ, СIX, августъ, 377—378.

Гацфельдъ, графъ, СVII, январь, 370—372 (по поводу его писемъ, напечатанныхъ въ 1906 г. въ Лейпцигѣ).

Гашо, Эдуардъ, французскій историкъ, СVII, мартъ, 1081—1083.

Ге, Александръ Генриховичъ, проф. казанскаго университета, докторъ медицины. *Некрологъ* его: СIX, августъ, 681.

Гедеоновъ, Ив. Мих., генералъ-отъ-инфантеріи, сенаторъ. *Некрологъ* его: СVII, мартъ, 1113—1114.

Гейденъ, П. А., графъ, *Некрологъ* его: СIX, июль, 327—328.

Гельмгольтъ, Г. *Рецензія Я. Бирюкова о редактированномъ имъ VIII томѣ «Исторіи человечества. Всемирной исторіи»*, въ переводѣ Я. А. Лурье (Спб. 1907), СIX, августъ, 650.

Генрихъ VIII, король англійскій (ум. въ 1546 г.), СVII, мартъ, 1070—1072.

Георгій Александровичъ, великій князь, СIX, июль, 13.

Гергардтъ, Павелъ, германскій писатель религиозныхъ гимновъ XVII ст., СVIII, июнь, 1021.

Герлахъ, фонъ, Леопольдъ, СIX, июль, 32 (по поводу его записокъ о погребеніи императора Александра I).

Герсвановъ, Мих. Ник., директоръ института путей сообщенія. *Некрологъ* его: СVIII, июнь, 1044—1045.

Герценъ, Александръ Ивановичъ (Искандеръ), СVII, январь, 270, 274—278, 285—287; февраль, 502; мартъ, 998—1000; СIX, августъ, 568—570, 579, 582—583.

Гизо, французскій историкъ, СVII, май, 662—665 (объ его любви къ княгинѣ Ливенъ).

Гиляровъ-Платоновъ, Н. П., цензоръ, СVII, мартъ, 965—967.

Гинтовтъ, Александръ, римско-католическій митрополитъ, СХ, октябрь, 64—70 (по поводу его погребенія).

Гиршъ, Г. И., лейбъ-хирургъ. *Некрологъ* его: СVIII, апрѣль, 950.

Глиаскій, Бор. Бор. — *Статьи* его: 1) «Памяти Н. П. Барсукова», СVIII, январь, 209—229. 2) «Очерки изъ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи. I. Ликвидация Николаевскаго режима», СVII, январь, 262—287; II. «Наканунъ реформъ», февраль, 660—670 и

мартъ, 994—1013; III. «Наканунѣ реформъ», СІХ, іюль, 180—204 и августъ, 545—584. 3) «Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ. (Матеріалы для біографіи)», СVІІІ, апрѣль, 248—274. 4) «Чествованіе А. С. Суворина въ Маломъ театрѣ», СVІІІ, іюль, 913—937.

Глубоковский, Ник., проф. *Рецензія проф. А. Бронзова о книгѣ его:* «По вопросамъ духовной школы (средней и высшей) и объ ученномъ комитетѣ при святѣйшемъ синодѣ. Спб. 1907», СІХ, августъ, 636—639.

Гогенлоэ Шиллингфюрстъ, Хлодвигъ, князь. *О немъ статья В. И. Штейна:* «Дипломатъ изъ державныхъ государей», СVІІ, мартъ, 989—993; СVІІІ, апрѣль, 224—246.

Гоголь, Н. В., СVІІ, февраль, 560—564, 568—569; СІХ, іюль 312—316 (по поводу закладки памятника ему въ Москвѣ). *О немъ:* въ «Замѣткахъ о Гоголѣ» барона Н. В. Дризна, СХ, октябрь, 164—168. *О немъ* въ I вып., изд. Академіи Наукъ: «Памяти В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя» (Спб, 1907), реценз. Ф., СХ, октябрь, 288—290.

Голицыны, князья:

— Александръ Николаевичъ, генералъ-лейтенантъ, СІХ, іюль, 33—35.

— Вас. Вас., фаворитъ царевны Софьи Алексѣевны, СХ, октябрь, 256—257.

— Дмитрій Владиміровичъ, московскій генералъ-губернаторъ, СІХ, іюль, 35—37; 166.

Голо, Поль. французскій писатель, СVІІ, январь 356—363 (по поводу его новой статьи о Корсиканскомъ королѣ Теодорѣ I).

Голубевъ, В. Ф., известный благотворитель, СІХ, сентябрь, 902—906, 914.

Голубовскій, П. В., профессоръ русской исторіи. *Некрологъ его:* СVІІІ, май, 698.

Гольдони, итальянскій комикъ, СVІІІ, апрѣль, 319—330 (по поводу 200-лѣтняго его юбилея).

Гольцевъ, Викторъ Александръ, писатель. *О немъ «Воспоминанія» князя Б. А. Штейнма,* СVІІ, январь, 185—199.—*Некрологъ его:* ib., 392—393.

Голяховскій, Петръ Власевичъ, писатель. *Некрологъ его:* СХ, октябрь, 360.

Гончаръ, К., проф., СІХ, іюль, 249 (по поводу его труда: «L'emigration au XIX siècle. Paris. 1906»).

Гончаровъ, И. А., писатель. *О немъ книга К. Военскаго:* «Гончаровъ въ неизданныхъ письмахъ къ графу Валуеву. Спб. 1906», рецензированная А. Ф., СVІІ, мартъ, 1051—1052.

Горбаневъ, подполковникъ. *Поправка его къ статьѣ князя М. Л. Шаховскаго:* «Смутное время въ Харьковѣ», СІХ, августъ, 686—687.

Горбуновъ, И. Ф. СVІІ, февраль, 469—473; СХ, октябрь, 46—61.

Горевъ, В. *Статья его:* «Мертвый городъ. Изъ путевыхъ впечатлѣній», СХ, октябрь, 207—229. *По поводу ея замѣтка Н. Казаринова,* СХ, ноябрь, 746—750.

Горленко, Вас. Петр., писатель. *Некрологъ его:* СVІІІ, іюнь, 1045.

Горчаковъ, Александръ Михайловичъ, князь, СІХ, іюль, 182—183 (его разговоръ съ Чевкинѣмъ въ присутствіи императора Александра II).

Гординовъ, С. *Рецензія В. Т. о книгѣ его:* «Босфоръ и Дарданеллы. Исслѣдованіе вопроса о проливахъ по дипломатической перепискѣ, хранящейся въ государственномъ и Спб. главныхъ архивахъ. Съ десятью портретами. Спб. 1907», СVІІІ, апрѣль, 283—285.

Граве, О. К.—*Рецензія А. Фаресова о книгѣ его:* «Женскій вопросъ. Спб. 1907». СVІІ, мартъ, 1062—1063.

Грагамъ, В. *Рецензія П. Б. о книгѣ его:* «Соціализмъ старый и новый. Спб. 1906», СVІІ, мартъ, 1059—1061.

Гребенщиковъ, Ян. Ал., генералъ отъ-инфантеріи. *Некрологъ его:* СVІІІ май, 698—699.

Гредескулъ, Н. А., проф., СVІІ, февраль, 515—519.

Грессеръ, П. А., петербургскій градоначальникъ, СХ, декабрь, 802—810 (въ воспоминаніяхъ А. П. Чехова по поводу его смерти).

Грибовская, М. А. *Рецензія В. о книгѣ ея:* «Римъ и его окрестности. Спб. 1906», СVІІ, январь, 845.

Грибовскій, В. М., прив.-доц. Спб. университета. *Рецензія М. о книгѣ его:* «Настоящее и будущее европейскаго парламентаризма. Спб. 1906», СVІІ, мартъ, 1061.—*Рецензія проф. М. Красножона о книгѣ его:* «Памятники русскаго законодательства XVIII в. Выпускъ I. (Эпоха Петровская). Спб. 1907», СІХ, сентябрь, 996—997.—*Рецензія его:* «Цареубійство 11 марта 1801 г. Записки участниковъ и современниковъ. Спб. 1907», СVІІІ, іюнь, 976—977.

Григоровичъ, А. *Рецензія М. П. о книгѣ его:* «Исторія 37-го драгунскаго военнаго ордена генералъ-фельдмаршала Миниха полка. Т. I. 1709—1809. Спб. 1907», СVІІІ, іюль, 982.

Григорьевъ, Арк. Дм. *Его статьи:* 1) «Полярная обитель» (Печевскій монастырь), СVІІ, январь, 250—261. 2) «По

островамъ и фюрдамъ Норвегіи», CVIII, май, 609—624.

Григъ, Эдуардъ, норвежскій композиторъ, CX, октябрь, 345—346 (по поводу его смерти).

Грингмутъ, Владимиръ Андреевичъ, публицистъ. *Некрологъ* его: CX, ноябрь, 740—743.

Гротъ, Яковъ Карловичъ, вице-президентъ Академіи Наукъ, CIX, июль, 79—80.

Груздевъ, А. М., педагогъ. *Некрологъ* его: CVIII, апрѣль, 350.

Грушевскій, Ал-дръ. *Рецензія* А. Я. о книгѣ его: «М. А. Максимовичъ (1804—1873). Изъ украинской исторіографіи XIX в. Спб. 1906», CIX, сентябрь, 1009—1010.

Гудимъ-Левковичъ, Павелъ Конст., генераль-отъ-инфантеріи. *Некрологъ* его: CX, декабрь, 1135—1136.

Гулевичъ, С. *Рецензія* Мих. Соколовскаго о трудѣ его: «Исторія л.-гв. Финляндскаго полка. 1806—1906. 3 части. Спб. 1906», CVIII, апрѣль, 288—289.

Гуртъ, Я. И., пасторъ, докторъ философіи. *Некрологъ* его: CVII, февраль, 758—759.

Гюго, Викторъ. *Статейка* о немъ: «Для кого Викторъ Гюго написалъ «Les Misérables?»» CX, октябрь, 328—330.

Гюисманъ, Карлъ, французскій романистъ, мистикъ, CVIII, июнь, 1032—1033 (по поводу его смерти 17 мая 1907 г.).

Д

Д. Рецензіи: 1) «Указатель важнѣйшихъ сочиненій по женскому вопросу. Изданіе «Союза равноправности женщинъ». М. 1907», CX, октябрь, 307. 2) «Послѣ войны». Военно-общественный сборникъ статей. Вып. 1—2. Спб. 1906—1907. — «Думы послѣ войны». Военно-общественный сборникъ статей. Вып. 1. Спб. 1907», CX, декабрь, 1032—1033.

Д—овъ. *Статья* его: «Что грозитъ общедворянскому архиву», CIX, июль, 213—220.

Д. Ф. Х. *Статья* его: «Запечатаніе алтарей Рогожскаго кладбища. (Историческая справка)», CVIII, май, 602—608.

Давыдовъ, Денисъ Вас., извѣстный партизанъ и писатель-поэтъ, CVIII, июнь, 1040 (по поводу его семейнаго архива):—*Замѣтка Петра Давыдова:* «По поводу архива партизана Д. В. Давыдова, CIX, сентябрь, 1054—1055.

Дандениль, Викторъ Деизеревичъ, генераль-отъ-инфантеріи. *Некрологъ* его: CX, октябрь, 360—361.

Данилевскій, Гр. Петр., писатель, CX, декабрь, 828—830.

Даниловъ, Вл. В. *Статьи* его: 1) «Екатеринославскій областной музей имени А. Н. Поля», CVII, мартъ, 1021—1032. 2) «Литературныя поминки», CIX, июль, 205—212 (по поводу прекращенія изданія «Кіевской Старины»).

Дашкова, Е. Р. княгиня, урожденная Воронцова. *Объ* ея «Запискахъ», изданныхъ въ 1906 г. Н. Врублевскимъ и въ 1907 г. А. С. Суворинымъ, рецензія Е. С. Шумигорскаго, CVII, февраль, 671—673.

Деккеръ, Эдуардъ, голландскій писатель, CX, ноябрь, 704—705.

Деличъ, Ф. *Рецензія* Я. Бюрикова о книгѣ его: «Библия и Вавилонъ», CIX, сентябрь, 1007.

Демяненковъ, Николай Аван., генераль-отъ артиллеріи. *Некрологъ* его: CIX, июль, 328.

Дершау-фонъ, Ник. Карл., инженеръ. *Некрологъ* его: CVII, мартъ, 1114.

Днѣвичъ-Забалканскій, Ив. Ив., графъ, ум. 1831 г., CIX, июль, 12, 31, 37; 165—171.

Дмитріевы:

— Александръ Ивановичъ, CIX, августъ, 509—510.

— Иванъ Ивановичъ, ib.

— Михаилъ Александровичъ, ib.

Доброславинъ, А. П., профессоръ военно-медицинской академіи, CIX, августъ, 385—387 (по поводу его смерти); 389—390.

Довнаръ-Запольскій, М., проф. *Рецензія* А. Ив—ича о книгѣ его: «Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства въ XVI вѣкѣ. Кіевъ. 1905», CVII, январь, 349—350.

Догановичъ, Анна. *Рецензія* г. Н—ій о книгѣ ея: «Три. Бытовые разсказы. М. 1906», CVII, январь, 346—347.

Доде, Эрнестъ, французскій историкъ, CVII, февраль, 624—629.

Долгоруковы:

— Владимиръ Андреевичъ, князь, московскій генераль-губернаторъ, CIX, августъ, 378—379 (по поводу его смерти, въ «Запискахъ» репортера А. П. Чехова).

— Юрій Владимировичъ, князь, CIX, июль, 35.

Долино-Иванскій, Пл. Андр. *Некрологъ* его: CVIII, апрѣль, 350—351.

Достоевская, А. *Рецензія* А. Ф—на о книгѣ ея: «Музей памяти Ѳ. М. Достоевскаго въ историческомъ музее въ Москвѣ. Спб. 1906», CVII, мартъ, 1052—1054.

Достоевскій, Фед. Мих. *О немъ въ статьѣ Д. И. Стахъева:* «Группы и портреты», CVII, январь, 81—88, 91. — *Упомят.*: СІХ, июль, 162. *О Музеѣ памяти его въ историческомъ Музеѣ въ Москвѣ* — отдѣльная книга Г. А. Достоевской, рецензированная А. Ф.—нымъ, CVII, мартъ, 1052—1054.

Драгомановъ, М. П., профессоръ, СІХ, июль, 209.

Драгомировъ, Мих. Ив., кievскій генераль-губернаторъ, СХ, декабрь, 812—815 (въ воспоминаніяхъ А. П. Чехова).

Дризень, Н. В., баронъ. *Его статьи:* 1) «Записная книжка П. А. Каратыгина», CVII, январь, 200—208. 2) «Арестъ и ссылка И. С. Тургенева. (Изъ цензурныхъ нравовъ прошлаго вѣка)», CVII, февраль, 559—569. 3) «Къ исторіи одного таланта», CVII, мартъ, 902—921. 4) «Замѣтка о Гоголѣ», СХ, октябрь, 164—168.

Дружининъ, П. А., писатель, CVIII, июль, 746.

Дубасовъ, Ф. В., генераль-адъютантъ. *О немъ въ статьѣ Е. А. Николіча:* «Взрывъ фрегата «Свѣтлана», CVIII, май, 540—549.

Дубельтъ, Л. В., CVII, февраль, 565—567.

Дьяченко, С. В., общественный дѣятель. *Некрологъ его:* CVII, февраль, 759—760.

Дюпріе, Л. *Рецензія В. Г. о книгѣ его:* «Государство и роль министровъ въ Англіи, Германіи, Пруссіи и Франціи. Переводъ съ французскаго. Спб. 1907», СХ, октябрь, 303—304.

Е

Евдокимъ, епископъ. *Рецензія проф. М. Красножена о брошюрѣ его:* «Царь и патриархъ. Св.-Троицкая Сергіева лавра. 1906», CVIII, май, 627—628.

Езерскій, Н. *Рецензія В. Кузнецова о книжкѣ его:* «Государственная дума перваго созыва. Пенза. 1907», СІХ, августъ, 646—647.

Екатерина I Алексѣевна, императрица. СХ, октябрь, 271—272. — *Оней въ статьѣ Т. А. Мартемыянова:* «Малынина свадьба. (Историческій ребусъ)», СХ, ноябрь, 610—612.

Екатерина II, императрица. *Рецензія М. К. объ ея «Наказѣ, данномъ комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія, подъ редакціей Н. Д. Чечулина.* Спб. 1907», СХ, декабрь, 1062—1064.

Екатерина Говардъ, пятая супруга англійскаго короля Генриха VIII, CVII, мартъ, 1071.

Екатерина Паръ, вдова лорда Лартимера, потомъ шестая супруга англійскаго короля Генриха VIII, CVII, мартъ, 1072.

Екатерина (святая) Сиенская, какъ государственный человѣкъ, CVIII, май, 656—661.

Елизавета Алексѣевна, императрица, супруга Александра I, СІХ, июль, 16—23 (ея «записка» на французскомъ яз.); 24—27, 36; 166.

Еремѣевъ, П. В., академикъ, минералогъ, СХ, ноябрь, 419—421.

Ермолова, Мар. Ник., артистка. *О ней статья бар. Н. В. Дризена:* «Къ исторіи одного таланта», CVII, мартъ, 902—921.

Ермоловъ, А. С., бывшій министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, СХ, ноябрь, 427—430.

Ерофѣева, М. Вас. *Замѣтка ея:* «По поводу 25-лѣтняго юбилея Геологическаго Комитета, СХ, ноябрь, 751—752.

Ерофѣевъ, Вас. Гавр., директоръ Геологическаго Комитета, СХ, ноябрь, 751—752.

Ж

Жадовскій, П. В. *Статья Д. Д. Лыкова объ его книгѣ «Житейскія сцены» (1859 г.):* «Запрещенная книга», CVII, мартъ, 965—968.

Жакмонъ, П. П. *Статья его:* «Хищеніе Башкирскихъ земель. (Изъ воспоминаній оренбургскаго старожила)», CVII, мартъ, 855—874. — *Замѣтка по поводу этой статьи Н. Сухина*, CVIII, май, 704. — *Его.* «Возраженіе на замѣтку г. Сухина, CVIII, июль, 1054—1056.

Жерве, Рецензія А. Ф.—на о книгѣ его: «Кадетскіе, юнкерскіе и офицерскіе годы С. Я. Надсона. Спб. 1907», СХ, ноябрь, 664—665.

Живаго, И. Мих., педагогъ, писатель, *Некрологъ его:* CVII, февраль, 760.

Животовъ, Н. Н., репортеръ, СІХ, июль, 81—85 (въ воспоминаніяхъ А. П. Чехова).

Жиркевичъ, А. В. *Его статья:* «Еще одинъ археологическій покойникъ» (по поводу Смоленскаго церковно-археологическаго музея), CVIII, июль, 958—964.

Жмакинъ, Вас. Ив., протоіерей, писатель. *Некрологъ его*, сост. В. Е. Рудаковымъ: СІХ, июль, 328—332.

Жуковичъ, П., проф. *Рецензія А. И. Ива—ича о книгѣ его:* «Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей (съ 1609 г.). Третій выпускъ — (1620 — 1621). Спб. 1906», CVII, январь, 322—324.

Жуковский, Вас. Андр. *О немъ книга В. Ръзанова: «Изъ розысканій о сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго. Спб. 1906», рецензировавшая А. Ф. СVIII, июнь, 982—983.— О немъ: «Памяти В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя. Вып. I. Изданіе имп. Академія наукъ. Спб. 1907», реценз. Ф., СХ, октябрь, 288—290.*

Жюба, Жакъ, католическій патеръ, бывший въ Россіи 1720-хъ годахъ, СХ, октябрь, 274—277.

В

Завьяловъ, Ал. Ал. извѣстный своими историко-археологическими трудами. *Некрологъ его: СVII, мартъ, 1114—1115.*

Закревскій, А. А., графъ, московскій генераль-губернаторъ, СVII, февраль, 563—564; СІХ, августъ, 558—561.

Заньковецкая, М. К., артистка, *О ней въ статьѣ В. В. Уманова-Каплуновскаго: «Два юбилея. (М. К. Заньковецкая и А. П. Затыркевичъ), СVIII, май, 550—560.*

Заозерскій, Н. *Рецензія проф. М. Краснопольскаго о книгѣ его: «Основныя начала желательнаго для русской церкви учрежденія патріаршества. Св.-Троицкая Сергіева лавра. 1906», СVIII, май, 626—627,*

Зарембо, Ал. Мар., ксендзъ-камоніеъ Плоцкой епархіи, домашній прелатъ папы Римскаго. *Некрологъ его: СVII, мартъ, 105.*

Зарицкій, Ян. Ив., педагогъ. *Некрологъ его: СVIII, июнь, 1355—1346.*

Засодимскій, П. В., писатель, СХ, декабрь, 1101—1103.

Затыркевичъ, А. П., артистка. *О ней въ статьѣ В. В. Уманова-Каплуновскаго: «Два юбилея. (М. К. Заньковецкая и А. П. Затыркевичъ), СVIII, май, 550—560.*

Зачиниавъ, А. *Рецензія И. Александрова о книгѣ его: «Объ эпическихъ преданіяхъ Орловской, Курской и Воронежской губерній. Спб. 1906», СVIII, июнь, 1003.*

Зеленинъ, Д. *Рецензіи его: 1) «Н. Сербрянскій. Къ вопросу о времени возникновенія г. Пскова. Псковъ. 1907», СІХ, августъ, 655. 2) «Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племень Кавказа. Вып. 37-я. Тифлисъ, 1907», СХ, ноябрь, 674—675.*

Зелинскій, В. *Рецензія А. Я. о книгѣ его: «Критическій комментарий къ сочиненіямъ Ф. М. Достоевскаго. Сборникъ критическихъ статей. Ч. II и III. М. 1907», СХ, декабрь, 1079—1081.*

Зиммель, Георгъ, СVIII, июнь, 1028—1029 (по поводу его новаго сочиненія: «Schopenhauer und Nietzsche»).

Золотовъ, С. И.; публицистъ. *Некрологъ его: СХ, ноябрь, 743.*

Зубковъ, В. П. *Его «Записки о заключеніи въ Петропавловской крѣпости по дѣлу 14 декабря 1825 г. Съ предисловіемъ и примѣчаніями В. Л. Модзалевскаго (Спб. 1906), рецензировавшая В. Рудаковымъ, СVII, мартъ, 1066.*

И

И. А. *Рецензія его о брошюрѣ И. Н. Суворскаго: «Въ туманахъ сѣдой старины. Спб. 1907», СХ, декабрь, 1071—1072.*

И. Г. *Рецензіи его: 1) «Князь С. Д. Урусовъ. Записки губернатора. Спб. 1907», СХ, октябрь, 293—297. 2) «Собраніе сочиненій кн. С. Н. Трубецкаго, Томъ I. Публицистическія статьи, напечатанныя съ 1896 по 1905 г. М. 1907», СХ, ноябрь, 667—668.*

И. Е. *Рецензія его: «Металловъ, В. М., свящ. Богослужбное пѣніе Русской Церкви (періодъ домонгольской, ч. I—II). М. 1906», СVII, февраль, 690—694.*

И. П. М. *Рецензія его: «Service book of the Holy Orthodox-Catholic Apostolic (Greco-Russian) Church. Compiled, translated and arranged by Isabel Florence Hargood. Roston and New-York. 1907», СVIII, май, 642—644.*

Ибсенъ, поэтъ, *О немъ замѣтка: «Влюбленный Ибсенъ», СVII, январь, 372—374.*

Ивановъ-Разумникъ, *Рецензія А. Фомина о трудѣ его: «Исторія русской общественной мысли. Т. I—II. Спб. 1907», СVII, февраль, 694—696.*

Игнатьевы:

— Ал. Дм., саратовскій губернаторъ (1854—1861), СVII, мартъ, 926—927.

— А. П., графъ, ген.-ад. *Некрологъ его: СVII, январь, 393—394.*

— Н. П., графъ, російскій посланникъ въ Турціи, СVII, мартъ, 991—992.

Издлеръ, Ив. Ив. СХ, декабрь, 826—827.

Иловайскій, Сергій Ив., профессоръ Новороссійскаго университета. *Некрологъ его: СVIII, июнь, 1046—1047.*

Илья (Байковъ), кучеръ императора Александра I, СІХ, июль, 13—14, 27, 38.

Иновъ, И. Н., генераль-лейтенантъ, СІХ, июль, 266—271.

Ипполитовъ, Фод. Инп., врачъ. *Некрологъ его: СVIII, июнь, 1047.*

Исидоръ, митрополитъ новгородскій и петербургскій, СХ, октябрь, 47—49 (по поводу его смерти); декабрь, 801—802.

Ишутинъ, Н. А., СVII, январь, 399.

И

Иаковъ, архіепископъ Ярославскій и Ростовскій. *Рецензія проф. М. Красножема о книгѣ его: «Ожидаемый соборъ всероссійской церкви 1906 г. и предметъ его занятій. Ярославль. 1906»*, СVII, мартъ, 1037—1038.

Іѣнгхѣбендъ, англійскій полковникъ, путешественникъ и знатокъ Центральной Азии, СVIII, май, 522—523, 534—538.

Іоаннъ, (Вѣроужскій), архимандритъ Александро-Невской Лавры. *Некрологъ его*: СVII, февраль, 758.

Іоллосъ, Григ. Бор., писатель-публицистъ. *Некрологъ его*: СVIII, апрѣль, 351—352.

Іонафанъ, архимандритъ Печенгскаго монастыря, СVII, январь, 255—261.

Іоновъ, маіоръ, сподвижникъ М. Д. Скобелева, СХ, декабрь, 978—960.

Іосифъ II, императоръ австрійскій. *О немъ книга П. Митрофанова: «Политическая дѣятельность Іосифа II. Спб. 1907»*, рецензир. П. Б., СХ, октябрь, 305—306.

Іустинъ (въ мѣрѣ Іоаннъ Охотинъ), архіепископъ. *Некрологъ его*: СІХ, июль, 332.

Ій. *Рецензіи*: 1) «Сборникъ учено-литературнаго общества при Импер. Юрьевскомъ университетѣ. Т. XI. Юрьевъ. 1907», СІХ, сентябрь, 989—993. 2) «Д. А. Червонецкій. Мошеничество по уголовному праву. Юрьевъ 1907», ів, 1011.

К

К. Х. *Рецензіи его*: 1) «Статистическо-экономическій очеркъ десяти губерній Царства польскаго. (Труды Варшавскаго статистическаго Комитета). Варшава. 1907», СVIII, апрѣль, 289—291. 2) «Сборникъ по мелкому кредиту. Составилъ С. В. Бородаевскій. Спб. 1907», СХ, октябрь, 303. 3) «В. В. Краинскій. Община и кооперация. Очерки по исторіи крестьянскаго хозяйства въ западной Европѣ и Россіи. Спб. 1907», СХ, ноябрь, 676—678.

Кавелинъ, К. Д., проф., СVII, февраль, 656—659, 666—667, 670; мартъ, 1002—1004.

Казариновы:

— Н. *Его замѣтка*: «По поводу статьи г. Горева: «Мертвый городъ» СХ, ноябрь, 746—750.

— С. А. *Его*: 1) «Изъ воспоминаній о графѣ Н. Н. Муравьевѣ-Амурскомъ», СVIII, апрѣль, 45—54. 2) «Побѣгъ Бакунина изъ Сибири», СХ, декабрь, 854—870.

Кайгородовъ, Д. Н., *Его*: «Изъ вренъ польскаго возстанія 1863 г. (Воспоминанія стараго кадета-ополченца)», СVIII, июль, 792—802.

Камбронъ, французскій генераль, СVII, январь, 363—365.

Капнистъ, Н. А., графъ, сенаторъ, СVII, февраль, 619.

Каразинъ, Н. Н., СVII, январь, 384—385 (по поводу 25 лѣтняго юбилея художественной и литературной дѣятельности).

Карамзинъ, Н. М., исторіографъ, СІХ, августъ, 507—509.

Карасевъ, А. *Замѣтка его*: «Происхожденіе Д. Л. Мордовцева», СVIII, апрѣль, 363.

Каратыгинъ, П. А. *Его* «записная книжка», сообщенная барономъ Н. В. Дризеномъ, СVII, январь, 200—208.

Кардуччи, Джозуе, итальянскій поэтъ, СVIII, апрѣль, 331—333 (некрологъ его).

Карлейль, Томасъ. *Рецензіи А. Б.—ва о книгѣхъ его*: 1) «Генеръ и прежде. М. 1906», (переводъ г. Горбова), СVII, февраль, 707—709; 2) «Французская революція. Исторія. Спб. 1907», СХ, ноябрь, 670—671.

Карль I, румынскій король, СVII, февраль, 726—728.

Карцовы:

— Андрей Николаевичъ, дипломатъ. *Некрологъ его*: СХ, ноябрь, 743—745.

— А. С. *Статья его*: «Развалины замка графа Паца», СІХ, августъ, 693—614.

— Н. С. *Рецензія В. Р.—ва о книгѣ его*: «Записки по педагогической психологіи. Спб. 1907», СХ, ноябрь, 672—673.

— Ю. С., дипломатъ, СІХ, августъ, 600, 710—613.

Катаевъ, И. *Рецензія М. К.—ва о книгѣхъ его*: «Учебникъ русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Вып. I. М. 1907», СХ, ноябрь, 653—655;

Катенинъ, Александръ Андреевичъ, генераль-адъютантъ, СХ, декабрь, 1142.

- Ватковъ**, Мих. Никиф., CVII, мартъ, 1004; СІХ, іюль, 147—148; августъ, 559, 575—576.
- Кауфманъ**, Вл. *Рецензія А. Б.—ва о переведенной имъ книгѣ Ренана: «Антихристъ»*. Спб. 1906», CVII, мартъ, 1057—1058.
- Келлеръ**, Конрадъ, пасторъ, авторъ труда: «Die Deutschen Kolonien im Südrussland. Odessa. 1905», СІХ, іюль, 256, 258, 262, 266. 271.
- Келтуяла**, В. А. *Рецензія А. И. Лидимирскаго о книгѣ его: «Курсъ исторіи русской литературы. Ч. I. Исторія древней русской литературы»*. Спб. 1906», CVII, январь, 327—330.
- Кетриць**, Валеріанъ Эрнестовичъ. *Некрологъ его*: СІХ, августъ, 681—682.
- Кипишъ**, Иннокентій Тимоѣ. *Некрологъ его*: СІХ, сентябрь, 1044.
- Киркоръ**, Адамъ Карловичъ, издатель «Новаго Времени», CVIII, апрѣль, 73—78, 84, 87—88.
- Клименко**, В. В., докторъ. *Некрологъ его*: CVII, январь, 394.
- Блокова**, О. С. *Некрологъ ея*: CVII, январь, 394.
- Блочковъ**, М. *Рецензія его: «Филипповъ, А. Н. Исторія русскаго права. Коспектъ лекцій, Ч. I, вып. I. М. 1905. Вып. II и III. Юрьевъ. 1906»*, CVIII, апрѣль, 280—283.
- Клячко**, Юліанъ, польско-французскій писатель, CVII, январь, 380 (по поводу его смерти).
- Кобеляцкій**, Алексѣй Ивановичъ, товарищъ министра путей сообщенія. *Некрологъ его*: СІХ, августъ, 782.
- Ковалевскіе:**
— Влад. Иван. СХ, ноябрь, 413.
— М. М., профессоръ, CVII, январь, 146.—*Рецензія П. Б. о трудѣ его: «Отъ прямого народоправства къ представительному»*. Томы II—III. М. 1906», CVII, январь, 342—343.
— П. И., проф. *Рецензія Л.—ва о книгѣ его: «Психіатрическіе эскизы изъ исторіи»*. Спб. 1906», CVIII, май, 633—635.
— Пав. Мих., поэтъ. *Некрологъ его*: СІХ, іюль, 332—333.
- Ковалевъ**, Е. П. *Статья его: «Убіиство Боку Чалкадыкова. (Очеркъ изъ быта Кара-Киргизовъ)»*, СІХ, сентябрь, 862—878.
- Ковалевскій**, М. *Рецензія М. К.—ва о книгѣ его: «Русская исторія (для средней школы)»*. Ч. I. Вып. I, съ 3 картами и 90 рисунками въ текстѣ. М. 1907», СХ, ноябрь, 652—656.
- Кодинецъ**, А. Г. *Его разсказъ: «Юсуфова пещера»*, CVIII, іюнь, 817—835.
- Козакевичъ**, Петръ, Вас., контръ-адмиралъ, СХ, декабрь, 861, 864.
- Козловъ**, П. К. *Его статьи: 1) «Тибетскій Далай-Лама», CVIII, январь, 230—249; 2) «Англійская экспедиція въ Тибетъ», CVIII, май, 522—539.*
- Козляниновъ**, Петръ Ѳедоровичъ, казанскій военный губернаторъ, СХ, октябрь, 100—122 и ноябрь, 462—484 (въ воспоминаніяхъ Ф. А. П.—ва).
- Козубскій**, Е. И. *Рецензія А. Ха—хова о книгѣ его: «Исторія города Дербента. Съ 26 рис. Темиръ-Ханъ-Шура. 1906»*, CVIII, іюнь, 996—997.
- Кокоревъ**, В. А., CVII, мартъ, 1004—1006; CVIII, іюнь, 743, 751; СІХ, августъ, 559—560.
- Колумбъ**, Христофоръ, CVII, январь, 354—355.
- Кольберъ**, великій французскій министръ финансовъ, СІХ, августъ, 657—664 (его характеристика по Лависсу).
- Кольчугины**, книгопродавцы. *О нѣкль книжка П. Симоны: «Матеріалы къ исторіи русской книжной торговли въ XVIII—XIX ст. Вып. I. Спб. 1907»*, рецензированная А. Ф., СІХ, августъ, 640—641.
- Комаровская**, Эмилія, графиня, урожденная Редеръ, виолончелистка. *Некрологъ ея*: CVIII, май, 699.
- Комаровъ**, В. В., CVII, февраль, 748 (по поводу 25-лѣтія издаваемой имъ газеты «Свѣтъ»).
- Комисаровъ**, Осипъ Ивановичъ, CVII, февраль, 419—421.
- Кондратенко**, Р. И., генералъ, герой русско-японской войны, СІХ, сентябрь, 1038—1039 (по поводу освященія памятника ему на Никольскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры).
- Кони**, Анат. Ѳед., извѣстный юристъ, СХ, декабрь, 811.
- Коноваловъ**, М. И., профессоръ. *Некрологъ его*: CVII, январь, 395.
- Конопницкая**, Марія, поэтесса. *О ней брошюра Л. К.: «Двѣ поэтессы народнаго горя (Ада Негри и Марія Конопницкая)»*. Спб. 1906», рецензированная И. Александровымъ, CVII, мартъ, 1058—1059.
- Константиновичъ Николаевичъ**, великій князь, СІХ, іюль, 181, 202; СХ, октябрь, 129—136.
- Контениусъ**, Самуилъ Христ., завѣдывавшій въ концѣ XVIII в. нѣмецкими колоніями на югѣ Россіи, СІХ, іюль, 266—268, 270, 272.

Копитарь, Вареломей, известный славистъ. *О немъ трудъ Н. Петровскаго*: «Первые годы В. Копитаря. Казань, 1906», рецензированный С. В-скимъ, CVIII, июнь, 994—996.

Корольковъ, М. Я. *Статья его*: «Чороты литеры. (Изъ дѣлъ тайной канцеляріи)», СІХ, июль, 172—179.

Корсаковы:

— Д. А. *Его*: «Изъ воспоминаній о Н. П. Барсуковѣ». CVIII, июнь, 946—957.

— Мих. Сем., генералъ-майоръ, военный губернаторъ Забайкальской обл., СХ, декабрь, 855, 858, 864—866.

Корфъ, С. А., баронъ. *Рецензія М. К. о книгѣ его*: «Дворянство и его сословное управленіе за столѣтіе 1762—1855 гг. Спб. 1906», CVII, февраль, 663—675.

Коршъ:

— В. Ф., редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей», CVIII, июнь, 761.

— О. А. *О немъ статья князя Б. А. Щетинина*: «О. А. Коршъ и его театръ», СХ, октябрь, 169—179.

Костенко, М. И.—*Рецензія М. Т. о книгѣ его*: «Осада и сдача крѣпости Портъ-Артуръ. Кіевъ. 1907», CVIII, июнь, 990—991.

Костомаровъ, Николай Ивановичъ, CVII, январь, 218—221; мартъ 925; CVIII, апрѣль, 74—75; CVIII, июнь, 947—948.

Костуринъ, Степанъ Дмитриевичъ, профессоръ военно-медицинской академіи, СІХ, сентябрь, 752—754 (по поводу его похоронъ).

Котляревскій, Н.—*Рецензія А. Ф. о книгѣ его*: «Старинные портреты. Спб. 1907», СХ, ноябрь, 682—683.

Кохъ, Г.—*Рецензія П. Б. о книгѣ его*: «Очеркъ по исторіи идей и государственнаго управленія. Спб. 1906», CVII, январь, 342—343.

Кочубинскій, А. А., проф.—*Рецензія А. К—ова о переведенныхъ имъ съ польскаго яз. «Запискахъ Станислава Немавскаго»*, CVIII, июнь, 998—999.—*Некрологъ его*: CVIII, июнь, 1047—1048.

Кошелевъ, А. Ив., CVII, февраль, 667—670.

Кранскій, В. В.—*Рецензія К. Х. о книгѣ его*: «Община и кооперація. Очеркъ по исторіи крестьянскаго хозяйства въ западной Европѣ и Россіи. Спб. 1907», СХ, ноябрь, 676—678.

Крамской, Ив. Никол., художникъ, СІХ, июль, 318—319 (о музеѣ его имени).

Красножентъ, М., проф. *Рецензія его*: 1) «Н. Д. Кузнецовъ, прис. пов. Церковь, духовенство и общество. М. 1906.—

Онъ же. Преобразование въ русскую церковь. Разсмотрѣніе вопроса по официальнымъ документамъ и въ связи съ потребностями жизни. М. 1906», CVII, мартъ, 1034—1037. 2) «Іаковъ, архіеп. Ярославскій и Ростовскій. Ожидаемый соборъ всероссійской церкви 1906 г. и предметъ его занятій. Ярославль. 1906», ib. 1037—1038. 3) «И. М. Лихвицкій. Освященный соборъ въ Москвѣ въ XVI—XVII вв. Спб. 1906», ib. 1038—1040. 4) «Проф. А. П. Лебедевъ. Объ участіи мірянъ на соборахъ. М. 1906.—С. В. Троицкій. Церковный соборъ и міряне. Спб. 1905», CVIII, май, 625—626. 5) «Н. Заозерскій. Основныя начала желательнаго для русской церкви учрежденія патриаршества. Св.-Троицкая-Сергіева Лавра. 1906», ib., 626—627. 6) «Епископъ Евдокимъ. Царь и патриархъ. (Къ характеристикѣ взаимныхъ отношеній). Св.-Троицкая-Сергіева Лавра. 1906», ib., 627—628. 7) «Памятники русскаго законодательства XVIII в. Выпускъ I (Эпоха Петровская). Составилъ В. Грибовскій. Спб. 1907», СІХ, сентябрь, 996—997. *Упомян.*: СІХ, сентябрь, 989—993.

Крестовскій, Всев. Вл., писатель, CVIII, май, 415—416.

Кропоткинъ, П.—*Рецензія А. Фомина о книгѣ его*: «Идеалы и дѣйствительность въ русской литературѣ. Изданіе Т-ва «Знаніе». Спб. 1907», СХ, ноябрь, 660—661.

Кругликовъ, Георгій Николаевичъ, общественный дѣятель. *Некрологъ его*: СХ, октябрь, 361—362.

Кругловъ, А. В., писатель. *Его разсказъ*: «Непутевый дьяконъ», СІХ, июль, 100—129.

Крузе, Ник. Фед., цензоръ, СІХ, июль, 201; августъ, 560.

Крыжановскій, Ник. Андр., генералъ-адъютантъ, Оренбургскій генералъ-губернаторъ (1866—1882), CVII, мартъ, 856—874 (по воспоминаніямъ П. П. Жакмона).

Крымскій, А. Е. *Рецензія г. З. о брошюрѣ его*: «Древне-кіевскій говоръ. Спб. 1907», СІХ, июль, 286—287.

Крюденеръ, баронесса, СІХ, июль, 294—297 (въ мемуарахъ графини де-Буанъ).

Кублицкій-Шотухъ, Л. І., военный педагогъ. *Некрологъ его*: CVII, февраль, 760—761.

Кузнецовы:

— В. К.—*Рецензія его*: 1) «Матеріалы по пересмотру установленныхъ для охраны государственнаго порядка зако-

ноположеній. Ч. 1. Франція. Ч. 2. Австрія. Ч. 3. Германія. Ч. 4. Работные дома. Спб. 1906», CVII, январь, 333—336. 2) «Крестьянскіе наказы Самарской губерніи (Опытъ собиранія матеріаловъ русской революціи). Самара. 1906. — Мих. Могилянскій. Первая Государственная Дума. Спб. 1907», CVII, мартъ, 1054—1055. 3) «П. Милуковъ. Годъ борьбы. Публицистическая хроника. 1905—1906. Спб. 1907», CVIII, апрѣль, 304—306. 4) «В. И. Храневичъ. Очерки экономического быта крестьянства въ царствѣ Польскомъ. Спб. 1906», CVIII, іюнь, 986—988. 5) «И. Н. Езерскій. Государственная Дума первого созыва. Пенза. 1907. — П. Партия демократическихъ реформъ. Спб. 1907. — III. А. К. Брянчаниновъ. Роспускъ Государственной Думы, причины — послѣдствія. Псковъ. 1907», СХ, августъ, 646—648. — Н. Д.—*Рецензія проф. М. Красножена о книгахъ его:* 1) «Церковь, духовенство и общество. М. 1905» и 2) «Преобразование въ русской церкви. М. 1906», CVII, мартъ, 1034—1037.

Кукель, Бол. Казим., СХ, декабрь, 855—858, 864—868.

Кулаковскій, Юліанъ проф. — *Рецензія П. В. о книгѣ его:* «Прошлое Тавриды. Кіевъ. 1906», CVII, январь, 345—346. — *Рецензія В. Б. о трудѣ его:* «Амміанъ Марцелинъ. Исторія. Переводъ съ латинскаго. Вып. I. (Книги I—XIX). Кіевъ. 1906», СХ, августъ, 652—653.

Курбанъ-Джанъ-дахта, кара-киргизская царица Алая. *О ней статья И. П. Ювачева*, СХ, декабрь, 954—980.

Курбатовъ, Апол. Апол., проф., СХ, іюль, 28, 30.

Куропаткинъ, А. Н., ген.-адъют. *О немъ брошюра В. А.:* «Куропаткинъ. Изъ воспоминаній о русско-японской войнѣ. Спб. 1907», CVII, февраль, 701—703.

Курочкины:

— Вас. Ст., СХ, августъ, 577—578. — Ник. Ст., CVIII, апрѣль, 82—83.

Куроѣдова, Надежда Ивановна, симбирская помѣщица, известная своею жестокостію по отношенію къ крѣпостнымъ, СХ, августъ, 496—500.

Куцшеба, Станиславъ. *Рецензія А. Яцимирскаго о книгѣ его:* «Очеркъ исторіи государственнаго и общественнаго строя Польши. Переводъ съ польскаго Ядвиги Пашковичъ. Спб. 1907», СХ, октябрь, 310—312.

Куцевскій, Ив. Аван. (1847—1876), писатель-беллетристъ, CVIII, май, 402.

Кюн, Цезарь Антоновичъ, инженеръ-генераль, извѣстный музыкальный критикъ и композиторъ, СХ, іюль 322—323 (50-л. юбилей).

Л

Л. — *Рецензія его:* «Записки И. И. Пущина о Пушкинѣ. Спб. 1907», СХ, декабрь, 1081.

Л—въ. — *Рецензія его:* «Проф. П. И. Ковалевскій. Психіатрическіе эскизы изъ исторіи. Спб. 1906», CVIII, май, 633—635.

Л. В. — *Рецензія его:* «Исполить Тэнъ. Происхождение общественнаго строя современной Франціи. Т. I. Старый порядокъ. Спб. 1907. Переводъ Германа Лопатина.—А. Шаховъ. Вольтеръ и его время. Съ портретомъ автора. Спб. 1907», СХ, декабрь, 1083—1085.

Л. Е. — *Рецензія И. Александрова о брошюрѣ ея:* «Двѣ поэтессы народнаго горя. (Ада Негри и Марія Конопницкая). Выпускъ издательства «Свобода и христіанство», подъ ред. архим. Михаила. Спб. 1906», CVII, мартъ, 1058—1059.

Л. Н. — *Рецензія его:* «Панъ. Изъ недавняго революціоннаго движенія. Спб. 1907», CVIII, май, 644—645.

Лаврецькій, Николай Акимовичъ, скульпторъ, проф. академіи художествъ. *Некрологъ его*, СХ, ноябрь, 745.

Лавровскій, П. А., CVII, мартъ, 868—869.

Лавровъ, Петръ Лавровичъ. *О немъ:* «Воспоминанія» Н. Н. Фирсова (Рускина), CVII, январь, 95—119; февраль, 494—510.

Ламенна, Фелисатъ-Робертъ, французскій писатель. *О немъ характеристика Л. Н. Толстого*, помѣщенная въ декабрьской книжкѣ «La Revue», CVII, февраль, 718—721. — *О немъ по поводу книги Фежера*, CVIII, апрѣль, 318—321.

Ламздорфъ, Вл. Ник., графъ, бывш. министръ иностранныхъ дѣлъ. *Некрологъ его:* CVIII, апрѣль, 352—353.

Лангъ:

— Андреасъ, СХ, іюль, 174—179. — Анна, жена предыдущаго, СХ, іюль, 175—179.

— Андрю, CVII, январь, 352, 352—354 (по поводу книги его: «Гомеръ, его поэтическія сочиненія»).

Латернеръ, Э. Н. — *Рецензія А. Б—ва о переведенной имъ книгѣ Ренана:* «Апостолы. Спб. 1906», CVII, мартъ, 1057—1058.

Латышевъ, Вас. Ал., помощникъ печатателя Спб. учебнаго округа, СХ, ноябрь, 734—735 (по поводу его 35-лѣтняго юбилея).

Лашкевичъ, А. С., черниговскій помѣщикъ, библиофилъ, издатель «Киевской Старины», СІХ, июль, 209—210.

Лашевъ, Николай Аполл., писатель, СІХ, июль, 8—9.

Лебедевы:

— Ал-дръ. *Статья его*: «Архіерей-самоубійца. Къ биографіи Моисея, епископа еодосійскаго и мариупольскаго. По неизданнымъ матеріаламъ», СІХ, сентябрь, 898—901.

— А. П., проф. *Рецензія проф. М. Красножеса о брошюрѣ его*: «Объ участіи міранъ на соборахъ. М. 1906», СVІІІ, май, 625—626.

— Мих. Ал. врачъ. *Некрологъ его*: СVІІІ, июль, 1048—1049.

Лебединцевъ, О. Г., издатель «Киевской Старины», СІХ, июль, 206—210.

Лейкинъ, Н. А., писатель, СVІІІ, май, 402—403.

Лендеръ (Путникъ), Н. Н. *Статьи его*: 1) «Потревоженная Россія, (Путевыя миніатюры)», СХ, октябрь, 188—206. 2) «Михаилъ Павловичъ Осмидовъ, (Къ десятилѣтію смерти—1897—1907)», СХ, декабрь, 936—953.—*Рецензія Ф. Ф. о книгѣ его*: «Путникъ (Н. Лендеръ). Потревоженная Россія. Картины русской революціи. Спб. 1906». СХ, ноябрь, 673—674.

Лентовскій, М. В., артистъ. *Некрологъ его*: СVІІ, январь, 395—396.—*Воспоминанія о немъ* С. И. Васюкова, СVІІІ, апрѣль, 102—122.

Леонтьевы:

— Кон. Ник., писатель. *О немъ въ статьѣ Д. И. Стахтеева*: «Группы и портреты», СVІІ, январь, 83—84, 89—91.

— П. М., проф., СVІІ, февраль, 615—616; СІХ, июль, 147—148.

Лернеръ, Н. О. *Рецензія его*: 1) «Сочиненія Пушкина. Изданіе императорской Академіи наукъ. Переписка, подъ ред. и съ прим. В. Н. Саятова. Т. I. (1815—1826). Спб. 1906», СVІІ, февраль, 681—683. 2) «Библиотека великихъ писателей, подъ ред. С. А. Венгерова. Пушкинъ. Т. I, вып. 1. Изданіе Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1907», *ib.*, 687—690. 3) «Д. Н. Овсянко-Куликовскій. Гоголь, Н. В. 2-е доп. изданіе. Библиотека «Свѣточа». Подъ ред. С. А. Венгерова. Спб. 1906», СVІІІ, май, 641—642. 4) «Валерій Брюсовъ. Лицейскіе стихи Пуш-

кина. По рукописямъ Румянцовскаго музея и другимъ источникамъ. Къ критикѣ текста. М. 1907», СІХ, сентябрь, 999—1002.

Ливень, княгиня, СVІІІ, май, 662—665 (объ ея любви къ Гизо).

Линкольнъ, президентъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ, СVІІ, мартъ, 1086—1087.

Линней, Карлъ, знаменитый естествоиспытатель, СІХ, августъ, 671—672 (по поводу 200-лѣтія со дня его рожденія).

Литвиновъ, Николай Павл., генерал-лейтенантъ, состоявшій помощникъ воспитателя великихъ князей Александра Александровича и Владиміра Александровича.—*Его*: «Изъ дневника Н. П. Литвинова», СVІІ, январь, 41—51; февраль, 418—427; мартъ, 789—799.

Лихачевъ, Н. П. *Рецензія А. Яцимирскаго о трудахъ его*: 1) «Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія. Альбомъ снимковъ. Часть I. Таблицы I—ССХ. Часть II. Таблицы ССХІ—СССХІХ. Спб. 1906», СVІІІ, июнь, 972—976; 2) «Манера письма Андрея Рублева. Спб. 1907», СХ, ноябрь, 665—667, и 3) «Лицевое житіе св. благовѣрныхъ князей русскихъ Бориса и Глѣба по рукописи XV ст. Спб. 1907». СХ, декабрь, 1068—1069.

Лихвицкій, И. М. *Рецензія проф. М. Красножеса о книгѣ его*: «Освященный соборъ въ Москвѣ въ XVI—XVII вѣкахъ. М. 1906», СVІІ, мартъ, 1038—1040.

Лобко, Левъ Львовичъ, генералъ-отъ-инфантеріи, братъ-близнецъ П. Л. Лобко, бывшаго государственнаго контролера. *Некрологъ его*: СХ, октябрь, 362.

Ломоносовъ, Мих. Вас., СХ, декабрь, 1005—1009, 1013.

Лонгиновъ, М. Н., СVІІІ, май, 603—604.

Лонгфелло, американскій поэтъ, СVІІІ, апрѣль, 329—331 (по поводу его столѣтняго юбилея со дня рожденія.)

Лопатинъ, Г. А, революціонеръ, СVІІ, февраль, 502—503.

Лопаткинъ, Мих. *Рецензія П. В. В. о переведенномъ имъ богословско-политическомъ трактатѣ Спинозы*, СVІІІ, апрѣль, 300—302. (см. Спиноза).

Лопухины:

— Евдокія Федоровна, первая супруга Петра Великаго, СХ, ноябрь, 652.

— П. В., князь, СІХ, июль, 165.

— Федоръ Авраамовичъ, боляринъ, отецъ, первой супруги Петра Великаго, СХ, ноябрь, 652.

Лузановъ, Петръ. *Рецензія Мих. Соловьевскаго о книгѣ его:* «Сухопутный шляхетный кадетскій корпусъ (нынѣ I-я кадетскій корпусъ). Историческій очеркъ. Періодъ графа Миниха. (Съ 1732 по 1741 гг.). Спб. 1907», CVIII, май, 631—633.

Луницъ, Мих. Григ., писатель. *Некрологъ его:* CVIII, май, 699—700.

Лурье, Я. А. *Рецензія Я. Бирюкова о переведенномъ имъ VIII томѣ:* «Исторіи человѣчества», подъ общей редакціей Г. Гельмгольца (Спб. 1907). СІХ, августъ, 650.

Лухманова, Над. Ал.-др., писательница. *Некрологъ ея:* CVIII, май, 700—701.

Лыткинъ, Георгій Степ., этнографъ. *Некрологъ его:* CVIII, май, 701.

Львовы:

— Александръ Дмитриевичъ, князь, СХ, декабрь, 818—821.

— Вас. Никол., профессоръ московскаго университета. *Некрологъ его:* CVII, мартъ, 1115—1116.

Львовъ-Рогачевскій, В. *Рецензія А. Ф.—на о книгѣ его:* «Борьба за жизнь. Сборникъ статей. Спб. 1907», СІХ, июль, 289—290.

Львовъ, А. М. *Статья его:* «Одинъ изъ убитыхъ министровъ. (Изъ воспоминаній о Д. С. Сипягинѣ)», CVII, февраль, 479—493.

Любовичъ, Н. *Рецензія его:* «Askepazu, Szymon. Rozuя — Polska. 1815—1830. Lwów. 1907», СІХ, августъ, 629—632.

Людовикъ XIV, французскій король, СІХ, августъ, 657—664, (по Лависсу).

Людовикъ XVIII, король французскій. *О немъ въ статьѣ В. Т.* «Взаимныя отношенія между Александромъ I и Людовикомъ XVIII въ 1804—7 гг.», CVII, февраль, 624—629.

М.

М. *Рецензія его:* «В. М. Грибовскій, прив. доц. Спб. унив. Настоящее и будущее европейскаго парламентаризма. (Общедоступный очеркъ). Спб. 1906», CVII, мартъ, 1061.

М—въ. *Рецензія его:* «Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ св. правительствующаго синода. Томъ XV—1735 годъ. Спб. 1906. Томъ XVI—1736 годъ. Спб. 1907», СІХ, августъ, 634—635.

М. А. Я.—въ. *Поправка его къ статьѣ князя М. Л. Шаховскаго:* «Къ исторіи смутнаго времени въ Харьковѣ», CVIII, апрѣль, 359—368.

М. К. и М. К.—въ. *Рецензіи его:* 1) «Корфъ, С. А., баронъ. Дворянство и его сословное управленіе за столѣтіе 1762—1855 г. Спб. 1906», CVII, февраль, 673—675. 2) «Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ, 1906 годъ. Книга четвертая. М. 1906». CVIII, май, 630—631. 3) «Скворцовъ, В. И. Русская исторія для старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній и самообразования. Спб. 1907.—Катаевъ И. Учебникъ русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Вып. I. М. 1907.—Коваленскій, М. Русская исторія для средней школы. Ч. I, вып. I. М. 1907, СХ, ноябрь, 653—656.—4) «Платоновъ, С. Ѳ. Лекціи по русской исторіи. Изданіе 5. Спб. 1907», ib., 656—657. 5) «Наказъ императрицы Екатерины II, данный комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія, подъ ред. Н. Д. Чечулина. Спб. 1907», СХ, декабрь, 1032—1034.

М. М. *Рецензія:* «Сочиненія и письма А. С. Пушкина. Т. VIII. Письма. Примѣчанія П. О. Морозова и В. В. Каллаша. Спб. 1906», CVII, январь, 349.

М. П. *Рецензія:* «Исторія 37-го драгунскаго военнаго ордена генераль-фельдмаршала графа Миниха полка. Т. I. 1709—1809. Составилъ ротмистръ А. Григоровичъ. Спб. 1907», CVIII, июнь, 982.

М. С. *Статья его:* «Изъ поволжской старины», СІХ, августъ, 493—514.

М. Т. *Рецензія:* «М. И. Костенко. Осада и сдача крѣпости Порть-Аргуръ. Кіевъ. 1906», CVIII, июнь, 990—991.

М—овъ. *Рецензіи его:* 1) «Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго вѣроисповѣданія Россійской имперіи. Т. IX. Царствованіе имп. Анны Іоанновны. 1735—1737. Спб. 1905. Т. I и II. Царствованіе имп. Елизаветы Петровны. 1741—1745. Спб. 1899 и 1907», СІХ, июль, 282—283. 3) «Описаніе документовъ архива западно-русскихъ униатскихъ митрополитовъ. Томъ I. 1470—1700 гг. Томъ II. 1701—1839. Спб. 1897 и 1907», ib., 283—284. 4) «Описаніе рукописей, хранящихся въ архивѣ святѣйшаго прав. синода. Т. I. Рукописи богослужебныя. Спб. 1904. Т. II, вып. I. Спб. 1906», CVIII, июнь, 1001—1002.

М. Чу—цкій. *Статья его:* «Политическій арестантъ. (Изъ воспоминаній бывшаго судебнаго дѣятеля)», СІХ, сентябрь, 891—897.

Мазуренко, Н. Н. *Статья его:* «Первая Харьковская университетская исто-

рія. (Изъ воспоминаній стараго студента)», СІХ, сентябрь, 879—890.

Майковъ, Аполлонъ Николаевичъ, поэтъ. *О немъ въ ст. Д. И. Стахъева: «Группы и портреты»*, СVІІ, январь, 87—88; мартъ, 848.

Майковъ, П. М. *Рецензіи Н. Н. о книгахъ его*: 1) «Финляндія, ея прошедшее и настоящее. Спб. 1906», СVІІ, мартъ, 1047—1049. и 2) «Второе отдѣленіе собственной Е. И. В. канцеляріи. 1826—1882. Историческій очеркъ. Спб. 1906», СVІІІ, апрѣль, 291—294.

Максимовичъ, М. А. (1804—1873), малороссійскій историкъ. Неольшой біографическій очеркъ о немъ А. Грушевскаго рецензировавъ А. Я. СІХ, сентябрь, 1009—1010.

Максимовъ, С. В. писатель, СVІІ, февраль, 467—473; мартъ, 846—847, 853—854; СХ, октябрь, 60—62 (по поводу празднованія его юбилея 20 ноября 1883 года).

Маленинъ, А. І. *Рецензія — р. — о книгѣ его*; «Латинскій церковный языкъ. Сергіевъ Посадъ. 1907», СХ, ноябрь, 671—672.

Мало, Гекторъ, извѣстный романистъ, СІХ, сентябрь, 1033 (по поводу его смерти).

Мало, Шарль, французскій военный историкъ, СVІІ, мартъ, 1081.

Малышевъ, Крон. Ив., юристъ, писатель. *Некрологъ его*: СVІІ, февраль, 761—762.

Мандрянь, Луи, генераль-капитанъ контрабандистовъ, СХ, декабрь, 1090—1098.

Марать, СVІІІ, іюнь, 1019—1021.

Марій, Кай, римлянинъ, СVІІІ, іюнь, 1012—1015 (по поводу новой монографіи о немъ Мисель Клера).

Марія Феодоровна, императрица, супруга Павла Петровича, СVІІІ, апрѣль, 205 и др. (въ статьѣ С. И. Уманца о вѣдомствѣ учрежденій ея имени).

Марія Феодоровна, императрица, бывшая принцесса Дагмара. *О ней*: «Изъ дневника Н. П. Литвинска», СVІІ, январь, 47—50.

Марковичъ, Андрей Ник. сенаторъ. *Некрологъ его*: СVІІІ, апрѣль, 353—354.

Марковичъ (Марко-Вовчокъ), Марья Александровна, писательница. *Некрологъ ея*: СІХ, сентябрь, 1044—1045.

Марксъ, Карлъ, извѣстный экономистъ. *О немъ замѣтка*: «Марксъ плагиаторъ», СVІІ, январь, 367—370.

Маркузе, И. К. *Статья его*: «Изъ практики сыщика. (По рассказамъ полицейскаго чиновника)», СVІІ, мартъ, 939—951.

Мартемьяновъ, Т. А. *Статьи его*: 1) «Изъ преданій о Стенькѣ Разинѣ», СІХ, сентябрь, 828—861. 2) «Малашкина свадьба. (Историческій ребусъ)», СХ, ноябрь, 610—622.

Мартыновъ, Н. Г., СVІІ, февраль, 751—753 (по поводу 50 лѣтія книгопродавческой и издательской его дѣятельности).

Масковъ, фельдъегерь, СІХ, іюль, 28, 30; 170.

Масперо, археологъ, СХ, ноябрь 687—691 (о результатахъ его раскопокъ въ Египтѣ).

Матвѣевъ, П. А. *Статья его*: «Л. Н. Толстой и Н. Н. Страховъ въ Оптиной пустыни», СVІІІ, апрѣль, 151—157.—*По поводу этой статьи замѣтка Павла Россѣева*: «Быль-ли Н. Н. Страховъ невѣрующимъ человѣкомъ», СVІІІ, іюнь, 1056.

Матросовъ, Е. Н. *Статьи его*: 1) «Общественное положеніе и матеріальное вознагражденіе американскихъ журналистовъ. (Соціологическ. очеркъ)», СVІІІ, май 569—601. 2) «Русская государственная дума и палата представителей Соединенныхъ штатовъ Сѣверной Америки. (Соціологическая параллель)», СVІІІ, іюнь, 873—912. 3) «Общественное значеніе газетныхъ и журнальныхъ объявленій въ Соединенныхъ Штатахъ», СХ, декабрь, 1025—1061.

Мегемень-Риза-Веги, первый персидскій посолъ во Франціи при Людовикѣ XIV, СVІІІ, апрѣль, 310—315.

Менандръ, греческій поэтъ, СХ, октябрь, 315—319 (по поводу вновь открытыхъ рукописей его сочиненій).

Менделѣевъ, Дм. Ив., извѣстный химикъ. *Некрологъ его*: СVІІ, февраль, 762—765.

Меншиковъ, Ал.—дръ Даниловичъ, свѣтлѣйшій князь, СХ, ноябрь, 611—612, 616.

Меншуткинъ, Н. Ал., извѣстный химикъ. *Некрологъ его*: СVІІ, февраль, 765—766.

Меримъ, Просперъ, французскій историкъ, СVІІІ, іюнь, 1021—1022 (по поводу его юбилея).

Металловъ, В. М., свящ. *Рецензія И. К. о книгѣ его*: «Богослужбное пѣніе Русской церкви. (Періодъ монгольскій ч. I—II). М. 1906», СVІІ, февраль, 690—694.

Мецерскій, В. И., ноябрь, СVІІІ, 251—262, 269—270 (его характеристика К. П. Побѣдоносцева).

Миллеръ, В. Ф. *Рецензія А. Я. о книгѣ его*: «Отголоски смутнаго времени

въ былинахъ. Спб. 1903, январь, 325—327.

Миллеръ, Ор. Фед., профессоръ, CVII, январь, 212; СІХ, июль, 162.

Мильтъ, Джонъ-Стюартъ, СІХ, августъ, 668—670 (по поводу его смертнаго труда).

Милюковъ, П. Н. *Рецензія В. Кузнецова о книгѣ его: «Годъ борьбы. Публицистическая хроника. 1905—1906. Спб. 1907»*, CVIII, апрѣль, 304—306.

Милютинъ, Иванъ Андреевичъ, череповецкій городской голова. *Некрологъ его, сообщенный В. Е. Рудаковымъ*: СІХ, августъ, 682—684.

Минаевъ, Дм. Дм., поэтъ, CVIII, май, 403, 409, СІХ, августъ, 512—514.

Мингалева, Любовь Сергѣевна, извѣстная своею педагогической дѣятельностью. *Некрологъ ея*: СІХ, сентябрь, 1045—1046.

Мироновъ, А. А. *Статейки его: «Изъ жизни археологическихъ учреждений»*, CVIII, апрѣль, 275—279 и СХ, ноябрь, 714—721.—*Рецензіи*: 1) «Записки нумизматическаго отдѣленія Имп. русскаго археологическаго общества, издаваемая подъ ред. М. Г. Деммени. Т. I, вып. I, съ 6 таблицами и рисунками въ текстѣ, Спб. 1907», CVIII, июнь, 978—979. 2) «Записки классическаго отдѣленія имп. русскаго археологическаго общества. Т. XV. Съ приложеніемъ 2 портретовъ, 19 таблицъ и съ 102 рис. въ текстѣ. Спб. 1907», СХ, октябрь, 285—287. 3) «Записки восточнаго отдѣленія имп. русскаго археологическаго общества. Т. XVII. Вып. IV. Спб. 1907», СХ, ноябрь, 678—680.

Митрофановъ, П. *Рецензія П. Б. о книгѣ его: «Политическая дѣятельность Юсифа II. Спб. 1907»*, СХ, октябрь, 305—306.

Михаилъ, архимандритъ. *Рецензія И. Александрова о редактированной имъ брошюрѣ: «Л. К. Двѣ поэтессы, народнаго горя (Ада Негри и Марія Конопницкая). Спб. 1906»*, CVII, мартъ, 1058—1059.

Михайлъ Николаевичъ, великій кн. *О немъ книга Д. П. Струкова: «Августѣйшій генералъ-фельцейхмейстеръ великій князь Михайлъ Николаевичъ. Очеркъ жизнеописанія его императорскаго высочества. Въ 2-хъ частяхъ, съ 77 рисунками и картою Кавказа. Спб. 1906»*, рецензировавшая В. Е. Рудаковымъ, CVII, январь, 319—321.

Михневичъ, В. О., извѣстный писатель, СІХ, сентябрь, 904—909.

Могилянскій, Мих. *Рецензія В. Кузнецова о книгѣ его: «Первал госу-*

дарственная Дума. Изданіе М. В. Пирожкова. Спб. 1907», CVII, мартъ, 1054—1055.

Модестовъ, Вас. Ив., профессоръ. *Некрологъ его*: CVII, мартъ, 1116—1117.

Модзалевскіе:

— Б. Л. *Рецензія В. Рудакова объ изданныхъ имъ: «Запискахъ Вас. Петр. Зубкова о заключеніи въ Петропавловской вѣрности по дѣлу 14 декабря 1825 г. Спб. 1906»*, CVII, мартъ, 1066.

— Вад. Л. *Рецензія В. Р.—ва о книгѣ его: «Очерки по исторіи Лохвицкой, Сенчанской, Чорнусской, Куренской и Варвинской сотенъ, вошедшихъ въ составъ Лохвицкаго уѣзда. Кіевъ. 1906»*. CVIII, июнь, 1002—1003.

Моисей, (Гимилевскій), епископъ Теодосійскій и Маріупольской. *О немъ статья Александра Лебедева: «Архіерей самоубійца»*, СІХ, сентябрь, 898—901.

Мольтке, графъ, германскій фельд-маршалъ, CVII, мартъ, 1083—1085.

Мординовъ, Н. Л. *Некрологъ его*: CVIII, апрѣль, 354—355.

Мордовцева, Анна Никаноровна, урожд. Залетаева, по первому браку Пасхалова, писательница, супруга Дан. Л. Мордовцева. *О ней въ статьѣ П. Л. Юдина: «Мордовцевы въ Саратовѣ»*, CVII, мартъ, 922—938.

Мордовцева, Вѣра Даниловна, дочь Д. Л. Мордовцева, CVII, мартъ 932—938.

Мордовцевъ, Дан. Лукичъ. *О немъ статья П. Л. Юдина: «Мордовцевы въ Саратовѣ. (Новые матеріалы къ биографіи)»*, CVII, мартъ, 922—938.—*О немъ замѣтка А. Карасева: «Происхожденіе Д. Л. Мордовцева»*, CVIII, апрѣль, 368.

Моренгеймъ, баронъ, русскій посланникъ во Франціи (1884—1898, CVIII, май, 669—680.

Морозовъ, Н. А., извѣстный шлесбургскій узникъ. *Рецензія А. Б.—лова о книгѣ его: «Откровеніе въ грозѣ и бурѣ. Спб. 1907»*, СХ, октябрь, 297—300.

Мостовскій, Мих. Ст., педагогъ. *Некрологъ его*: CVII, февраль, 766.

Мкртчичъ, армянскій католикосъ. *Некрологъ его*: СХ, декабрь, 1136—1138.

Музафферъ-Эддинъ, персидскій шахъ умершій 8 января 1907 г., CVII, февраль, 742—743 и CVIII, июнь, 1030—1032.

Муравьевъ, А. Н., нижегородскій губернаторъ, CVII, мартъ, 987.

Муравьевъ-Амурскій, Н. Н. графъ, CVII, февраль, 574—579 (въ воспоминаніяхъ И. Н. Пономарева). — *О немъ*

«Воспоминанія» С. А. Казаринова, CVIII, апрѣль, 46—54.— Упомян. CX, декабрь, 854—855, 864, 868—869.

Мурри, Ромоло, аббатъ, писатель, СІХ, августъ, 673—674.

Мусины-Пушкины:

— Мих. Ник. (1795—1862), CVII, февраль, 560—561, 564, 568.

— Семенъ Александровичъ, общественный дѣятель, писатель. *Некрологъ его*: СХ, октябрь, 362—363.

Мусогорскій, Модестъ Петровичъ, русскій композиторъ, CVII, февраль, 469.

Мухачева, урожд. графиня Нессельорде, по первому браку Калерджи, CVII, февраль, 725—726 (по поводу ея писемъ).

Мухановъ, П. М., профессоръ, CVII, январь, 145—147.

Мэтландъ, Фредерикъ, англійскій историкъ (1850—1906), CVII, февраль, 741—742 (біографическія данныя).

Н.

Н. К. *Рецензія его*: «В. В. Святловскій. Положеніе вопроса о рабочихъ организаціяхъ въ иностранныхъ государствахъ. Вып. I. Профессиональные рабочіе союзы. 2-е изд. Спб. 1907», СХ, октябрь, 300—302.

Н. Л. *Рецензія его*: 1) «Куропаткинъ. Изъ воспомананій о русско-японской войнѣ. В. А. Спб. 1907», CVII, февраль, 701—703. 2) «Щукинскій сборникъ. Выпускъ шестой. М. 1907», CVIII, апрѣль, 285—286. 3) «Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, подъ ред. и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Т. VIII, Спб. 1907», СХ, декабрь, 1077—1078.

Н. Н. *Рецензія его*: 1) «Финляндія, ея прошедшее и настоящее, П. М. Майкова. Спб. 1906», CVII, мартъ, 1047—1049. 2) «Второе отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи. 1826—1882. Историческій очеркъ П. М. Майкова. Спб. 1906», CVIII, апрѣль, 291—294.

Н-ій. *Рецензія*: «Анна Догановичъ. Три. Бытовые рассказы. М. 1906», CVII, январь, 346—347.

Нагуевскій, Д. И., проф. *Рецензія* — р — о *книжъ его*: «Исторія форума и его памятники. Казань. 1907», CVIII, июнь, 993—994.

Надсонъ, С. Я., поэтъ. *О немъ книга Н. Жерве*: «Кадетскіе, юнкерскіе и офицерскіе годы С. Я. Надсона. Спб. 1907», рецензировавшая А. Ф — нымъ, СХ, ноябрь, 664—665.

Назимовъ, В. П., генераль-адъютантъ, CVII, февраль, 563—564; мартъ, 994—997.

Наполеонъ I Бонапартъ, французскій императоръ, CVII, февраль, 629—636; мартъ, 1081—1083; СІХ, сентябрь, 1018—1023 (въ мемуарахъ Жана Савари); СХ, ноябрь, 693—697 (новыя сочиненія о Наполеонѣ на иностранныхъ языкахъ).

Нарбековъ, В. А., проф. *Рецензія В. Рудакова о книгѣ его*: «Третій областной историко-археологическій съѣздъ во Владимірѣ 1906 г. 20—26 июня. Казань. 1907», СХ, декабрь, 1064—1066.

Насловъ, Ив. Ив., проф. военно-медицинской академіи. *Некрологъ его*: CVIII, май, 702.

Науменко, В. П., издатель «Кіевской Старины», СІХ, июль, 210—212.

Наванантъ (Соборовъ), архангельскій епископъ. *Некрологъ его*: CVIII, июнь, 1049—1050.

Невоструевъ, Капитонъ Ивановичъ, СІХ, августъ, 514.

Негри, Ада, поэтесса. *О ней брошюра Л. К.*: «Двѣ поэтессы народнаго горя. (Ада Негри и Марія Конопицкая). Спб. 1906», рецензировавшая И. Александровымъ, CVII, мартъ, 1058—1059.

Нелидовъ, Ф. *Рецензія А. Фомина о книгѣ его*: «Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Ч. I. М. 1906», CVII, февраль, 703—705.

Немаевскій, Станиславъ. *Его*: «Рашіетникъ» (Записки), изд. И. А. Вахромѣевымъ, въ переводѣ проф. А. А. Кочубинскаго (М. 1907), рецензировавъ А. К — ово, CVIII, июнь, 998—999.

Непѣя, Іосифъ, вологжанинъ, первый русскій посолъ въ Англію при Іоаннѣ Грозномъ IV, СХ, ноябрь, 643—644.

Нечаевъ-Мальцевъ, Ю. С., CVII, февраль, 620—622.

Нечволодовъ, А. *Рецензія А. Б. о книгѣ его*: «Отъ разоренія къ достатку. Спб., 1906», CVII, январь, 336—340.

Никаноръ, архіепископъ варшавскій, создатель Смоленскаго церковно-археологическаго музея, CVIII, июнь, 959—960, 962—964.

Николаевъ, А. С., CVII, мартъ, 1102 (по поводу его доклада въ обществѣ древней письменности о сочиненіяхъ Ивашки Пересвѣтова).

Николай Александровичъ, великій князь, наследникъ-цесаревичъ. *О немъ*: «Изъ дневника Н. П. Литвинова», CVII, январь, 42—51.— Упомян. CVIII, апрѣль, 252.

Николай Миклашевичъ, великій князь. *Рецензія С. Ш. объ изданнмъ*

имъ книгъ: «Русскіе портреты XVIII и XIX ст. Т. II. вып. IV. Спб. 1906». CVII, февраль, 676—677; т. III, вып. I, Спб. 1907», CVIII, май, 636 и т. III, вып. III, Спб. 1907», CX, декабрь, 1070. — *Статья его:* «Легенда о кончинѣ императора Александра I въ Сибири въ образѣ старца Федора Козьмича», СІХ, июль, 5—40.

Николай I Павловичъ, императоръ, CVII, январь, 263—264, 267, 270—285; CVIII, июнь, 740; СІХ, августъ, 446—451, 465; CX, октябрь, 124—136 (въ статьѣ Н. Н. Фирсова: «Отношенія императора Николая I и Александра II къ объединенію Италіи»), CX, ноябрь, 459—460; декабрь, 822—823, 842—843, 850—852.

Николичъ, Е. А. *Статья его:* «Варьвъ фрегата «Свѣтлана», CVIII, май, 540—549.

Никольскіе:

— Дм. Петр., публицистъ. *Некрологъ его:* СІХ, сентябрь, 1046.

— Л. *Рецензія А. Я. о книгъ его:* «Историческій очеркъ авоиской стѣнной живописи. Сиб. 1907», CX, октябрь, 291—293.

Никоновы:

— Б. П. *Статья его:* «Картофельный бунтъ. (Картины прошлаго)», CX, октябрь, 151—163.

— С. П., проф. *Рецензія В. Гр—скаго о книгъ его:* «Крестьянскій правопорядокъ и его желательное будущее. Харьковъ. 1906», CVII, январь, 332.

Нитцше, CVIII, июнь, 1023—1029.

Новомбергскій, Н. Я. *Рецензія прив.-доц. А. Н—скаго о трудахъ его:* 1) «Врачебная экспертиза въ Россіи въ допетровской Руси», 2) «Основы борьбы съ эпидеміями въ допетровской Руси». 3) «Колдовство въ Московской Руси въ XVII столѣтіи» и 4) «Матеріалы по исторіи медицины въ Россіи. Т. II. Спб. 1906», CVII, февраль, 698—701.

О.

Обнинскій, Викторъ. *Рецензія А. Б—ва о книгъ его:* «Полгода русской революціи. Вып. I. М. 1906», CVII, январь, 349—342.

Овсянко-Куликовскій, Д. Н. *Рецензія Н. Лернера о книгъ его:* «Гоголь. 2-е дополненное изданіе. Библіотека «Свѣточа». Сиб. 1907», CVIII, май 646—642.

Оглоблинъ, Н. Н. *Статьи его:* 1) «Подъ думскимъ режимомъ. (Изъ провинціальныхъ настроеній)», CVII, январь, 120—141. 2) «Клинскія мощи. (Изъ деревенскихъ настроеній)», CVII, февраль, 546—558. 3) «Около мужика», CVIII, апрѣль, 123—150. 4) «Пятидневная республика. (Къ исторіи смуты 1905 г.)», CVIII, июнь, 803—816.—*Поправка къ ней и. Шадрина и Кюблота:* «По поводу статьи «Пятидневная республика», СІХ, сентябрь, 1050—1054.—*Отвѣтъ на нее Н. Оглоблина:* «По поводу замѣтки гг. Шадрина и Кюблота», CX, октябрь, 367—368.

Озеровъ, И. X., проф. *Рецензія В. Р. К—ва о книгъ его:* «Библіотека по общественно-экономическимъ вопросамъ. М. 1906», CVII, февраль, 677—679.

Озирисъ, Даніэль, французскій капиталистъ, умершій въ 1907 г., CVII, мартъ, 1098.

Озмидовъ, Михаилъ Павловичъ, одесскій публицистъ и дѣятель. *О немъ статья Н. Н. Лендера (Путника):* «Михаилъ Павловичъ Озмидовъ. (Къ десятилѣтію смерти 1897—1907 гг.)», CX, декабрь, 936—953.

Окрейць, С. С. *Его:* 1) «Изъ литературныхъ воспоминаній», CVIII, апрѣль, 73—96; май, 396—419. 2) «Интересный сектантъ», CX, декабрь, 902—913.

Ольдекопъ, Евстафій, цензоръ, представившій подробный рапортъ на франц. яз. о «Ревизорѣ» Гоголя, CX, октябрь, 164—166.

Орлицкій, С. С. *Статья его:* «Южно-русская республика. (Изъ исторіи освободительнаго движенія)», CVII, мартъ, 875—901.

Орловъ, А. Ф., графъ, шефъ жандармовъ, CVII, февраль, 563—567.

Орловъ-Денисовъ, Вас. Вас., графъ, генераль-адъютантъ, СІХ, июль, 31, 32

Орси, Пиетро. *Рецензія И. Александрова о книгъ его:* «Современная Италія». Перев. съ итал. О. Шенрокъ. Спб. 1907», CX, октябрь, 309.

Останковичъ, Н. Н. *Статья его:* «Экскурсія по Литвѣ. (Путевыя замѣтки)», CVII, февраль, 586—612.

Остенъ-Сакенъ, Дмитрій Ерошеевичъ, графъ, умершій въ 1881 г., СІХ, июль, 38—39.

Островскій, Ал—дръ. Ник., драматургъ, CVII, февраль, 469—474.

Острогорскій, А. Н. педагогъ, CX, ноябрь, 735—736 (по поводу его 25-лѣтняго юбилея).

Остроградскіе:

— Александръ Ѳеодоровичъ, педагогъ. *Некрологъ его*: СІХ, сентябрь, 1046—1047.

— М. В. академикъ, СVІІ, январь, 99—101, 105.

Остроглазовъ, В. Мих., докторъ медицины. *Некрологъ его*: СVІІ, мартъ, 1117—1118.

II.

П. В.—*Рецензіи его*: 1) «М. Ковалевскій. Отъ прямого народоправства къ представительному. Т. II—III. М. 1906.—Г. Кохъ. Очеркъ по исторіи идей и государственнаго управления. Спб. 1906», СVІІ, январь, 341—343. 2) «В. Грагамъ. Соціализмъ новый и старый. Спб. 1906», СVІІ, мартъ, 1059—1061. 3) «А. С. Трачевскій. Наполеонъ I. М. 1907», СVІІІ, апрѣль, 302—303. 4) «Г. Аенасевъ. Исторія Ирландіи. Спб. 1907», СVІІІ, июнь, 992—993. 5) «М. Хилквитъ. Исторія социализма въ Соединенныхъ Штатахъ. Спб. 1907», СІХ, августъ, 642—643. 6) «К. Тахтаревъ. Отъ представительства къ народовластію. Спб. 1907», ib. 645—646. 7) «П. Митрофановъ. Политическая дѣятельность Юсіфа II. Спб. 1907», СХ, октябрь, 305—306. 8) Луи Эртыгъ. Исторія французской революціи 1848 г. и второй республики. Спб. 1907», СХ, ноябрь, 669—670.

П. В. *Рецензія его*: «Юліанъ Кудавовскій. Прошлое Тавриды. Кіевъ. 1906», СVІІ, январь, 345—346.

П. В. В.—*Рецензіи его*: 1) «Вопросы религіи. Религіозно-общественная библіотека. Серія I. Выпускъ I. М. 1906», СVІІ, январь, 343—345. 2) «Бенедиктъ Спиноза. Богословско—политическій трактатъ... Казань, 1906», СVІІІ, апрѣль, 300—302 (см. Спиноза). 3) «Людвигъ Фейербахъ. Сущность христіанства. Съ біографіей автора, написанной М. Кроненбергомъ. Перев. съ 4-го нѣмец. изд. В. Д. Ульриха. Спб. 1906». СVІІІ, июнь, 991—992.

П. Д. *Рецензія его*: «Д. Д. Языковъ. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ. Десятый выпускъ. М. 1907», СХ, ноябрь, 683.

Павель I Петровичъ, императоръ. *О немъ* въ романѣ Н. А. Энгельгардта: «Окровавленный тронъ», СVІІ, январь, 5—40; февраль, 403—417; мартъ, 769—788; СVІІІ, апрѣль, 5—46; май, 369—395; июнь, 705—733; СІХ, июль, 41—69, августъ, 337—365; сентябрь, 689—725;

СХ, октябрь, 541; ноябрь, 369—407 и декабрь, 753—788.

Палацкій, Яцъ, чешскій общественный дѣятель, СVІІ, февраль, 636—642 (по поводу его воспоминаній о московскомъ паломничествѣ).

Палладій, с.-петербургскій митрополитъ, СХ, октябрь, 54—56, 59—60 (по поводу его смерти); декабрь, 801.

Панаевъ, Ив. Ив., СVІІ, февраль, 559.

Панинъ, В. Н., графъ, СІХ, июль, 202—203.

Панъ, Рецензія Л. Н. о книжкѣ его «Изь недавняго революціоннаго движенія. Спб. 1907», СVІІІ, май, 654—645.

Парвовъ, Ѳ. Ѳ., писатель, СVІІІ, май, 403—404.

Паскинъ, А. П., брандмаіоръ, СІХ, сентябрь, 728—729.

Пастернацкій, П. И., профессоръ военно-медицинской академіи, СХ, ноябрь, 426—431.

Пацъ, Льюовикъ, графъ, СІХ, августъ, 602—608.

Пель, Ал-дръ Вас., профессоръ, химикъ, СІХ, августъ, 387—395 (по поводу его спермина).

Пельгамъ, Генри, англійскій историкъ, СVІІІ, апрѣль, 834—835 (по поводу его смерти).

Перельгинъ, Н. Ив., художникъ и литераторъ. *Некрологъ его*: СVІІ, февраль, 766—767.

Пересвѣтовъ, «Ивашка», писатель, XVI вѣка, СVІІ, мартъ, 1102.

Перетерскій, С. Н., писатель. *Некрологъ его*: СVІІІ, май, 702.

Перовскій, Бор. Алексѣевичъ, графъ, бывший воспитатель великихъ князей: Александра и Владимира Александровичей. *О немъ*: «Изь дневника Н. П. Литвинова» СVІІ, январь, 41, 44—50; февраль, 421,—423.

Перцовъ, К. П., СХ, ноябрь, 479—485.

Перье, Жанъ-Казимиръ, извѣстный французскій государственный дѣятель, умершій въ мартѣ 1907», СVІІІ, май, 685—686.

Петипа, Мариусъ Ивановичъ. *О немъ статья А. А. Плещеева*: «М. И. Петипа (1847—1907). (Къ шестидесятилѣтію его хореографической дѣятельности въ Петербургѣ)», СVІІІ, май, 561—568.

Петражицкій, Л. I., проф. *Рецензія В. Г. о книгѣ его*: «Университетъ и наука. Опытъ теории и техники университетскаго дѣла и научнаго самообразованія. Томъ I. (Теоретическія основы). Спб. 1907», СХ, октябрь, 312—313.

Петрарка, Франческо, итальянскій поэтъ, гуманистъ, СІХ, сентябрь, 1013—1015 (въ характеристикѣ Е. Родоконаки).

Петровскій, Н. *Рецензія С. В.—скаго о книгѣ его*: «Первые годы дѣятельности В. Копитара. Казань. 1906», СVІІІ, іюнь, 994—996.

Петровъ, Н. И., проф. *Рецензія А. Я. о книгѣ его*: «Акты и документы, относящіеся къ исторіи кіевской академіи. Отдѣленіе II (1721—1795 гг.). Т. III. Съ введеніемъ и примѣчаніями Н. И. Петрова. Кіевъ. 1906», СVІІ, мартъ, 1043—1046.

Петръ I Алексѣевичъ, императоръ, СХ, октябрь, 256—279; ноябрь, 611—621; 643—644; декабрь, 1004, 1006—1008, 1010—1011.

Петръ II Алексѣевичъ, императоръ. СХ, октябрь, 272—277.

Петръ III Федоровичъ, императоръ, СІХ, августъ, 515—517 и слѣд.

Петръ, епископъ Смоленскій, разрушитель Смоленскаго церковно-археологическаго музея, СVІІІ, іюнь, 961—964.

Пигра, Константинъ, графъ, СІХ, сентябрь, 1032—1033 (по поводу его смерти).

Пирлингъ, католическій патеръ, авторъ извѣстнаго научнаго труда: «Россія и папскій престолъ», четвертый томъ котораго только что вышелъ въ свѣтъ, СХ, октябрь, 255—256, 378.

Пироговъ, Н. И., СVІІІ, январь, 383—384 (по поводу чествованія его памяти).

Писаревы:

— Д. И., извѣстный критикъ. *Рецензія А. Ф.—на о* «Дополнительномъ выпускѣ къ «Сочиненіямъ Д. И. Писарева. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1907», СХ, декабрь, 1078—1079.

— С. М., мѣстный историкъ смоленскаго края, СVІІІ, іюнь, 958—959.

Писемскій, Ал. Ѡ., писатель, СVІІ, февраль, 473—474, мартъ, 846—854 (въ статьѣ Д. И. Стахѣва: «Группы и портреты»); СІХ, іюль, 161.

Платоновъ, Сергѣй Фед., профессоръ. *Рецензія М. К. о книгѣ его*: «Лекціи по русской исторіи. Изданіе 5-е. Спб. 1907», СХ, ноябрь, 656—657.

Плетневъ:

— А. П. *Его*: 1) «Воспоминанія о П. А. Плетневѣ», СVІІ, мартъ, 962—964. 2) «Встрѣча съ русскими эмигрантами. (Отрывокъ изъ воспоминаній)», СVІІІ, іюнь, 836—850.

— П. А., ректоръ Спб. университета. *О немъ* «Воспоминанія» А. П. Плетнева, СVІІ, мартъ, 952—964.

Плещеевъ, А. А., СVІІ, январь, 386 (по поводу тридцатилѣтія его литературной дѣятельности). — *Статья его*: «М. И. Петипа. (1847—1907). (Къ шестидесятилѣтію его хореографической дѣятельности въ Петербургѣ)», СVІІІ, май, 561—568.

По, Эдгаръ - Алланъ, знаменитый поэтъ Новаго Свѣта, СХ, октябрь 325—328 и декабрь, 1109—1113.

Побѣдоносцевъ, Конст. Петровичъ. *О немъ статья Б. Б. Глинскаго*: «Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ. (Матеріалы для біографіи)», СVІІІ, апрѣль, 247—274. *Упомян.*: СІХ, іюль, 8; августъ, 380—381, СХ, октябрь, 47.

Повало-Швейковскій, Алдръ Влад., СІХ, іюль, 148, 151.

Погодинъ, Мих. Петр., историкъ., СVІІ, январь, 266—269; СVІІІ, іюнь, 751, 755—762; 952—956; СІХ, іюль, 146, 150, 154; августъ, 571—572, 580.

Покровскій, М. М. *Рецензія — р— о книгѣ его*: «Очерки по римской исторіи и литературѣ. Спб. 1907», СХ, декабрь, 1087—1088.

Покрышкинъ, П. *Рецензія прив.-доц. А.—скаго о книгѣ его*: «Православная церковная архитектура XII—XVІІІ столѣтій въ нынѣшнемъ Сербскомъ королевствѣ. Изданіе императорской Академіи художествъ. Спб. 1906», СІХ, іюль, 275—277.

Полиловъ, Н. Н., полковникъ. *Некрологъ его*: СХ, октябрь, 363—364.

Полятковскій, Александръ Гавриловичъ, директоръ канцеляріи комитета о раненыхъ. *О немъ статья В. Авсьенко*: «Петербургскій Монтекресто», СХ, ноябрь, 433—451 и декабрь, 822—853.

Поль, А. Ник. Екатеринбургскому музею его имени посвящена статья В. Данилова, СVІІ, мартъ, 1021—1032.

Понамаревъ, П. Н. *Его*: «Разказы изъ прошлаго», СVІІ, февраль, 570—579.

Понятовскій, Іосифъ, СVІІ, февраль, 631—632.

Попова, Ольга Николаевна, извѣстная издательница и писательница. *Некрологъ ея*: СХ, октябрь, 364.

Поповъ, Г., д-ръ. *Рецензія А. Фарсова о книгѣ его*: «Маринская больница для больныхъ въ С.-Петербургѣ. 1907», СVІІІ, май, 648—649.

Потапенко, И. Н., писатель. *Его*: «Широкая натура. (Повѣсть)», СVІІ, февраль, 428—463 и мартъ, 800—845.

Прокофьевъ, И. П., проф., СІХ, июль, 324—325. (Открытие помертвой выставки его рисунковъ).

Проскуринъ, Д. П. *Статья его: «Хищники. (Изъ воспоминаній)»*, СХ, октябрь, 137—150.

Протасовъ, Николай Александровичъ, графъ, генераль-отъ-кавалеріи, оберъ-прокуроръ св. Синода, СІХ, июль, 181—182.

Протасовъ - Вахметевъ, Николай Алексѣевичъ, графъ. *Некрологъ его*: СХ, декабрь, 1138—1139.

Прохницкій, Всев. Львовичъ, публицистъ. *Некрологъ его*: СІХ, июль, 333—334.

Прюдомъ, Сюлли, французскій поэтъ и мыслитель, СХ, октябрь, 345 346 (по поводу его смерти).

Псалмонадаръ, Джоржъ, извѣстный поддѣлыватель книгъ и рукописей въ первой половинѣ XVIII в., CVIII, май, 665—667.

Пушаревъ, Аркадій, СХ, ноябрь, 479—481.

Пушкаревъ, Н. Л., поэтъ и драматургъ. *Некрологъ его*: CVII, январь, 396.

Пушкинъ, А. С. *Рецензія Н. Лернера* 1) о редактированномъ В. И. Сантовымъ первомъ томѣ его сочиненій («Переписка»), изд. Академіи Наукъ, CVII, февраль, 681—683, и 2) о редактированномъ С. А. Венгеровымъ I вып. I т. «Библиотеки великихъ посетелей. Пушкинъ. Спб. 1907», ib., 687—690.—*Рецензія Н. Лернера о книгѣ Валеріа Брюсова: «Лицейскіе стихи Пушкина. М. 1907»*, СІХ, сентябрь, 999—1002.—*Рецензія Л. о «Запискахъ И. И. Пушкина о Пушкинѣ. Спб. 1907»*, СХ, декабрь, 1081.

Пушнинъ, И. И. *Рецензія Л. объ его: «Запискахъ о Пушкинѣ»*. Спб. 1907», СХ, декабрь, 1081.

Р

—р—. *Рецензія его*: 1) Проф. Д. И. Нагуевскій. *Исторія римскаго форума и его памятники. Казань. 1907»*, CVIII, июнь, 993—994. 2) «А. Малевичъ. Латинскій церковный языкъ. Сергіевъ Посадъ. 1907», СХ, ноябрь, 671—672. 3) «М. М. Покровскій. *Очерки по римской исторіи и литературѣ. Спб. 1907»*, СХ, декабрь, 1087—1088.

Радзивиллы:

— Стефанія, княгиня, CVII, мартъ, 978—979.

— Петръ, князь, CVII, мартъ, 979—980.

Разинъ, Степанъ Тимофеевичъ *Статья о немъ Т. А. Мартмянова «Изъ преданій о Стенькѣ Разинѣ»*. СІХ, сентябрь, 828—861.

Раковский (Стойковъ), Савва, болгаринъ, писатель. *О немъ въ статьѣ В. В. Уманова-Каплуовскаго: «Борцы за славянскую свободу»*, СІХ, августъ, 585—592.

Распайль, Венсанъ, французскій химикъ и естествоиспытатель, CVIII, апрѣль, 321—322.

Раухфусъ, К. А., извѣстный медикъ, СХ, декабрь, 1128—1131 (по поводу 50 лѣтнія научно-врачебной дѣятельности).

Рафальскій, Лука, цензоръ въ Киевѣ, СІХ, июль, 208—209.

Рейтенфельсъ, Яковъ. *Рецензія Х—ва объ его: «Сказаніяхъ свѣтлѣйшему герцогу тосканскому Козымъ III о Москвинѣ»*, переведенныхъ Алексѣемъ Станкевичемъ (М. 1906)», CVII, мартъ, 1066—1067.

Ремезовъ, М. Н., писатель, CVII, январь, 190—191.

Ренавъ, Эрнестъ. *Рецензія А. Б—ва о книгахъ его: «Апостолы. Переводъ Ф. Н. Латернера. Спб. 1906.—Антихристъ. Переводъ Вл. Кауефмана. Спб. 1906»*, CVII, мартъ, 1057—1058.

Ренненкампфъ - фонъ, генералъ. *О немъ въ статьѣ барона П. М. Врамеля: «Въ передовомъ летучемъ отрядѣ генерала Ренненкампфа»*, CVIII, апрѣль, 158—203.

Ришелье, Эммануилъ, герцогъ, СІХ, июль, 259, 265—267.

Робеспьеръ, СІХ, августъ, 664—66; (по поводу новаго о немъ изслѣдованія Деймъ-Дюмъ: «Les doctrines politiques de Robespierre. 1907»).

Родниковъ, Н., проф. *Рецензія В. В. о брошюрѣ его: «Греческій консерваторъ V вѣка до Р. X. Комикъ Аристофанъ. Казань. 1906»*, СІХ, августъ, 644—645.

Родоканаки, М., французскій писатель, авторъ сочиненія: «La femme italienne à Géroque de la Renaissance» («Итальянскія женщины эпохи возрожденія»), CVIII, июнь, 1015—1018.

Родосскій, Алексѣй. *Рецензія ч. В. о книгѣ его: «Биографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII-ми курсовъ Спб. духовной академіи, 1814—1869. Спб., 1907»*, CVIII, июнь, 997—998.

Рождественскій, Александръ Васильевичъ, «народный печальникъ». О немъ книга, изданная Александромъ Невскимъ обществомъ трезвости и рецензированная С. В., СІХ, сентябрь, 1008—1009.

- Розень, В. Р., баронъ.** *Рецензія А. Миронова* о редактированныхъ имъ «Запискахъ восточнаго отдѣленія имп. русскаго Археологическаго общества. Т. XVII. Вып. IV. Спб. 1907», СХ, ноябрь, 678—680.
- Росси, А.** *Рецензія Я. Бирюкова* о книгѣ о ево: «Крестыанское движеніе въ Сициліи. Изданіе «Популярно-научной библіотеки». Спб. 1907», СХ, октябрь, 306.
- Росіевъ, Павелъ, А.** *Его замѣтки:* 1) «Быль-ли Н. Н. Страховъ «невѣрующимъ человѣкомъ?», СVIII, іюнь, 1066. 2) «Живучая легенда», СІХ, августъ, 687—688. *Его статья:* «Свѣтлое поморье», СІХ, сентябрь, 917—954; СХ, октябрь, 230—254.—*Его замѣтки:* 1) «Старець Ѳедоръ Кузьмичъ», СІХ, сентябрь, 1049—1050. 2) «Нѣсколько словъ къ біографіи А. П. Чехова», СХ, ноябрь, 751.
- Ростовцевъ, Як. Ів., графъ,** извѣстный государственный дѣятель, СІХ, іюль, 191—193, 202.
- Рубецъ, А. Сав., докторъ медицины.** *Некрологъ ево:* СVII, февраль, 767—768.
- Рублевъ, Андрей,** знаменитый русскій иконописецъ конца XIV и начала XV вв. *О немъ книга Н. П. Лихачева:* «Манера письма Андрея Рублева». Спб. 1907», рецензирванная А. И. Яцимирскимъ, СХ, ноябрь, 665—667.
- Рудаковъ, Вас. Ег. Статьи ево:** 1) «В. И. Жмакинъ» (въ отдѣлѣ некрологовъ), СІХ, іюль, 328—332. 2) «И. А. Милотинъ» (въ отдѣлѣ некрологовъ), СІХ, августъ, 682—684. 3) Къ біографіи П. Я. Чаадаева», СХ, ноябрь, 623—628. *Рецензіи ево:* 1) «Августѣйшій генералъ - фельдцейхмейстеръ великій князь Михаилъ Николаевичъ. Очергъ жизнеописанія ево императорскаго высочества. Въ 2-хъ частяхъ, съ 77 рисунками и картою Кавказа. Составилъ Д. П. Струковъ. Спб. 1906», СVII, январь, 319—321. 2) «А. А. Титовъ. Рукописи славянскія и русскія, принадлежатія д. ч. императорскаго археологическаго общества И. А. Вахромѣеву. Выпускъ третій. М. 1906», ib, 324—325. 3) «Опытъ Родословнаго словаря русскаго древняго дворянства. Родословныя записи Л. М. Савелова. Вып. I. М. 1906», СVII, февраль, 679—681. 4) «М. Суперанскій. Начальная народная школа въ Сямбирской губерніи. Историко-статистическій очеркъ. Симбирскъ. 1906», ib., 786—687. 5) «Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ. 1903 г. Выпускъ 4-й. Годъ второй. М. 1906», СVII, мартъ, 1064—1065. 6) «Записки В. П. Зубкова о заключеніи въ Петропавловской крѣпости по дѣлу 14 декабря 1825 г. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Б. Л. Модзалевскаго. Спб. 1906», СVII, мартъ, 1066. 7) «А. Баювъ. Русская армія въ царствованіе имп. Анны Іоанновны. Войны Россіи съ Турціей въ 1736—1739 гг. Первые три года войны. Т. I.—Тоже. Приложенія. Т. II.—Тоже. Кампанія 1739 г. Т. III.—Тоже. Приложенія. Т. IV. Спб. 1906», СVIII, апрѣль, 286—288. 8) «Потомство Рюрика. Матеріалы для составленія родословій. Т. I. Князья Черниговскіе. Часть 1 и 2. Составилъ Г. А. Власъевъ. Спб. 1906», СVIII, май, 628—630. 9) «Описание славяно-русскихъ рукописей, находящихся въ собраніи А. А. Титова. Т. V. Исторія церкви. Описано собирателемъ А. А. Титовымъ. М. 1906, ib., 645—646. 10) «Воронежская Старина. Выпускъ шестой. Изданіе Воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Воронежъ. 1907», СVIII, іюнь, 979—980. 11) «В. Л. Модзалевскій. Очерки по исторіи Лохвицкой, Сенчанскій, Чорнувской, Куренской и Варвинской сотень, вошедшихъ въ составъ Лохвицкаго уѣзда. Кіевъ. 1906», ib., 1002—1003. 12) «Отчетъ Московскаго публичнаго и Румянцеваго Музея за 1906 годъ. М. 1907», СІХ, іюль, 273—275. 13) «Вѣстникъ археологій и исторіи, издаваемый Императорскимъ археологическимъ институтомъ. Выпускъ XVII. Спб. 1906», ib., 280—282. 14) «Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ. 1907 годъ. Выпускъ I. Годъ третій. М. 1907», СІХ, августъ, 633—634. 15) «Труды Полтавской ученой архивной комиссіи. Выпускъ III. Полтава. 1907», ib., 649—650. 16) «Памятная книжка Одонцевой губерніи на 1907 годъ. Составилъ секретарь комитета И. П. Благовѣщенскій Петрозаводскъ. 1907», ib., 650—651. 17) «Топографическое описание Владимирской губерніи, составленное въ 1784 г. Изданіе Владимирской архивной комиссіи, подъ редакціей и съ предисловіемъ Г. А. Рязскаго. Губ. г. Владиміръ. 1906», ib., 656. 18) «Труды Вятской ученой архивной комиссіи 1906 г.», СХ, октябрь, 287—288. 19) «Труды Владимирской ученой архивной комиссіи. Книга VIII. Губ. гор. Владиміръ, 1906», СХ, ноябрь, 657—659. 20) «Н. С. Карцовъ. Записки по педагогической психологіи. Спб. 1907», ib., 672—673. 21) «Алфавитный списокъ дворянъ Владимирской губерніи. Составилъ се-

кретарь дворянства М. И. Трегубовъ, подъ ред. А. В. Селиванова. Владимиръ губ. 1906», *ib.*, 680—682. 22) «Краткое описание рукописей церковно-историческаго древлехраняща при братствѣ св. Александра-Невскаго. Вып. I. Владимиръ, 1906», *ib.*, 684. 23) «Проф. В. Нарбековъ. Третій областной историко-археологическій съѣздъ во Владимирѣ 1906 г. 20—26 июня. Казань. 1907», СХ, декабрь, 1064—1066. 24) «Чтеніе въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ 1907 годъ. Книга вторая. Двѣсти двадцать первая. Издаана подъ завѣдываніемъ Е. В. Барсова. М. 1907», *ib.*, 1070—1071. 25) «Хронологическая опись дѣлъ о расколѣ, хранящихся въ архивахъ г. Владимира. Ч. I. 1720—1856. Составилъ Ѳ. К. Сахаровъ. Владимиръ. 1906», *ib.*, 1042—1043.—*Упомянется въ статьѣ Д—ова:* «Что грозитъ общедворянскому Архиву», СІХ, июль, 213—220.

Рудневъ, С. П. *Его* «Изъ жизни. (Изъ записокъ судьи)», СІХ, сентябрь, 796—806.

Рузевельтъ, Теодоръ, президентъ Северо-Американскихъ штатовъ, СVІІІ, мартъ, 1063—1070 (объ его литературной дѣятельности).

Руммель, Ю. В. *Рецензія В. о книгѣ его:* «Отечественный флотъ какъ средство обороны и международной политики. Спб. 1907», СІХ, августъ, 635—636.

Румянцевъ, Ал-дръ Ив., графъ, СІХ, июль, 174—177.

Рунгевицъ, С. Г. *Рецензія В. Гр—скаго о книгѣ его:* «Архіереи Петровской эпохи въ ихъ переплестѣ съ Петромъ Великимъ. Вып. I. Спб. 1906», СVІІ, февраль, 710—711.

Руссо, Жанъ-Жакъ, СVІІ, мартъ, 1072.

Рустовъ, Вильгельмъ, военный писатель, СVІІ, февраль, 721—724 (биографическія данныя о немъ).

Рылѣвъ, Ал-дръ Мих., генераль-отъинфантеріи, пожертвовавшій рядъ предметовъ въ музей Севастопольской обороны, СІХ, июль, 318—320.

Рѣдкинъ, П. Г. профессоръ, СІХ, июль, 97—99 (въ воспоминаніяхъ А. П. Чехова по поводу его смерти).

Рѣзановъ, В. *Рецензія А. Ф. о книгѣ его:* «Изъ розыскаій о сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго. Спб. 1906», СVІІІ, июль, 982—983.—*Рецензія А. Я. о книжкѣ его:* «Изъ исторіи русской драмы. Дѣйствіе о князѣ Петрѣ Златыхъ Ключахъ. Спб. 1907», СІХ, августъ, 641—

642.

Рѣпинъ, И. Е., извѣстный художникъ, СVІІ, мартъ, 1028.

Рѣшетниковъ, Ѳ. М., писатель, СVІІІ, апрѣль, 81—82.

С

С. В. *Рецензія его:* «Народный печальникъ, о Александрѣ Васильевичѣ Рождественскій. Изданіе Александроневскаго общества трезвости. Спб. 1907», СІХ, сентябрь, 1008—1009.

С. В—скій. *Рецензіи его:* 1) «Проф. Н. Н. Ѳирсовъ. Разиновщина какъ социологическое и психологическое явленіе народной жизни. Спб. 1907», СVІІ, февраль, 683—684. 2) «В. С. Якушкинъ. Государственная власть и проекты государственной реформы въ Россіи. Спб. 1907», СVІІ, мартъ, 1063—1064. 3) «Ив. Д. Бѣляевъ. Судьбы земщины и выборнаго начала на Русн. М. 1906», СVІІІ, июнь, 980—981. 4) «Н. Петровскій. Первые годы дѣятельности В. Копитара. Казань. 1906», СVІІІ, июль, 994—999.

С. С—въ. *Рецензія его:* «Наши дѣды купцы. Бытовые картины XIX столѣтія, Г. Т. Полилова—Сѣверцова. Спб. 1907», СVІІІ, май, 636—637.

С. Ш. *Рецензіи его:* 1) «Русскіе портреты XVIII и XIX ст. Изданіе великаго князя Николая Михайловича. Т. II. вып. IV. Спб. 1906», СVІІ, февраль, 676—677. 2) «Тоже. Т. III, вып. I. Спб. 1907», СVІІІ, май, 636. 3) Тоже. Томъ третій, выпускъ третій. Спб. 1907», СХ, декабрь, 1070.

Сабанинъ, Вл. Вас., общественный дѣятель. *Некрологъ его:* СVІІІ, июнь, 1060.

Савари, Жанъ, уполномоченный посланникъ Наполеона I въ Россіи, СІХ, сентябрь, 1018—1023 (по поводу появленія въ прибавленіи къ «Figaro» отрывка его мемуаровъ).

Саватѣевъ, Иванъ, вологжанинъ, вещь торговыя сношенія съ Китаемъ при Петрѣ Великомъ, СХ, ноябрь, 644.

Савеловъ, Л. М. *Рецензія В. Е. Рудакова о составленномъ имъ:* «Опытъ Родословнаго словаря древняго русскаго дворянства. Родословныя записи. Вып. I. М. 1906», СVІІ, февраль, 679—681.

Савельевъ, Ал. Ив., генераль-лейтенантъ. *Некрологъ его:* СVІІІ, май, 702—703.

Савичъ, Г. Г. *Рецензія В. Ш. о книгѣ его:* «Новый государственный строй.

Справочная книга. Спб. 1907», CVIII, июнь, 982—989.

Салтовъ, В. И. *Рецензія Н. Лернера о редактированномъ имъ I томъ: «Сочиненій Пушкина. Переписка (1815—1826)»*. Спб. 1906», CVII, февраль, 681—683.

Салтыковъ (Щедринъ), Михаилъ Евграфовичъ, СІХ, августъ, 367—368. *О немъ статья В. А. Алексѣева: «М. Е. Салтыковъ въ Вяткѣ (1848—1856)»*, СХ, ноябрь, 600—609.

Самаринъ, Ив. Вас., артистъ, CVII, мартъ, 910, 912.

Самаринъ, Юрій, СІХ, августъ, 569 (его характеристика, сдѣланная графомъ Закревскимъ).

Сахаровъ, Ѳ. К. *Рецензія В. Рудакова о книгѣ его: «Хронологическая опись дѣлъ о расколѣ, хранящихся въ архивѣ губ. г. Владимира. Ч. I. 1720—1855 г. Владимиръ. 1906»*, СХ, декабрь, 1042—1043.

Святловскій, В. В. *Рецензія Н. К. о книгѣ его: «Положеніе вопроса о рабочихъ организаціяхъ въ иностранныхъ государствахъ. Вып. I. Профессіональные рабочіе союзы. 2-е изд. дополн. и испр. Спб. 1906»*, СХ, октябрь, 300—302.

Сгамбати, Марія Мих., писательница. *Некрологъ ея*: СІХ, июль, 334—335.

Семевскій, В. И., историкъ, CVII, январь, 263, 264, 277.

Сементковскій, Р. И. *Его: 1) «Съ другого конца. Повѣсть»*, CVIII, апрѣль, 55—72; май, 420—445. июнь, 765—791. 2) «Домъ писателей. (Исторія одного литературнаго предпріятія)», СІХ, сентябрь, 902—916.

Сергіевъ, Іоаннъ, протоіерей Кронштадтскій, СІХ, июль, 88—94 (по поводу его 25-лѣтняго юбилея).

Сердобинская, А. Е., преподавательница, СХ, ноябрь, 736 (по поводу ея 25-лѣтняго юбилея).

Серебрянскій, Н. *Рецензія Д. Зеленина о брошюрѣ его: «Къ вопросу о времени возникновенія г. Пскова. Псковъ. 1907»*, СІХ, августъ, 655.

Середа, А. Н., вятскій губернаторъ, СХ, ноябрь, 601—603, 606.

Симони, П. К. *Рецензія А. Ф. о книгѣхъ его: «Матеріалы къ исторіи русской книжной торговли въ XVIII—XIX ст. Вып. I. Н. И. Новиковъ и книгопродавцы Кольчугины. Спб. 1907»*, СІХ, августъ, 640—641.

Синицынъ, Ѳедоръ Ивановичъ, профессоръ Московскаго университета. *Некрологъ его*: СХ, декабрь, 1139—1140.

Сиповскій, В. В. *Рецензія Я. Бирюкова о книгѣ его: «Исторія литературы, какъ наука. Изданіе т-ва Вольфъ. Спб. 1906»*, CVII, февраль, 705—706.

Сипягинъ, Д. С., министръ внутр. дѣлъ. *О немъ статья А. М. Льбова: «Одинъ изъ убитыхъ министровъ»*, CVII, февраль, 479—493.

Сиротининъ, Андрей. *Рецензія его: «Францевъ, В. А. Польское славяновѣдѣніе конца XVIII вѣка и первой четверти XIX ст. Прага Чешская. 1906»*, СІХ, июль, 277—280.

Скалонъ, Вас. Юрьевичъ, писатель. *Некрологъ его*: CVIII, июль, 1050—1052.

Скамони, Георгій Ник., художникъ. *Некрологъ его*: CVIII, апрѣль, 355.

Скворцовъ, И. А. *Рецензія М. К.—ва о книгѣхъ его: «Русская исторія для старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній и самообразованія. Спб. 1907»*, СХ, ноябрь, 553—654.

Скобелевъ, М. Д., извѣстный «бѣлый генералъ», CVII, февраль, 608, 610; СХ, декабрь, 967—968, 971.

Скороховскій, (де), К. О., общественный дѣятель. *Некрологъ его*: CVII, январь, 397—398.

Славянскій, Кронидъ Ѳедоровичъ, извѣстный профессоръ, акушеръ, СІХ, сентябрь, 750—752 (по поводу его похоронъ).

Словцовъ, Иванъ Яковлевичъ, изслѣдователь Сибири. *Некрологъ его*: СХ, декабрь, 1140—1141.

Смирновъ, В. Д., проф., СІХ, сентябрь, 1039 (докладъ его объ архивѣ крымскихъ хановъ).

Смирновъ, Петръ Алексѣевичъ, протоіерей, писатель. *Некрологъ его*: СХ, декабрь, 1111.

Снарскій, А. Т. *Рецензія А. В. о книгѣхъ его: «Объ участіи народа въ управленіи государствомъ. Историческій очеркъ. Спб. 1906»*, CVIII, май, 645.

Соболевскій, А. И., академикъ. *Рецензія А. К.—о о брошюрѣ его: «Москва и первый самозванецъ. Спб. 1905»*, CVII, январь, 321—322.

Соболевскій, В. М., проф., редакторъ «Русскихъ Вѣдомостей», СХ, октябрь, 351—353.

Соковнинъ, Мих. Ник., инженеръ, СХ, ноябрь, 408—413.

Соколовскій, Мих. К. *Поправка его: «Къ воспоминаніямъ И. А. Худякова»*, CVII, январь, 398—399. — *Статья его: «Послѣдніе дни императора Александра I. (По архивнымъ документамъ)»*, СІХ, июль, 165—171. — *Рецензія его: 1) «С. Гулевичъ. Исторія л.-гв. Финляндскаго полка. 1806—1905 гг. 3 части. Спб.*

1906», CVIII, апрѣль, 288—289. 2) «Сухопутный шляхетный кадетскій корпусъ. Историческій очеркъ. Вып. I. Периодъ графа Миниха съ 1732 по 1741 гг. Составилъ по архивнымъ даннымъ Петръ Лузановъ. Спб. 1907», ССIII, май, 631—633.

Соколовскій, П. А., писатель. *Некрологъ его*: CVII, январь, 396—397.

Соколовы:

— Н. Ал., извѣстный геологъ. *Некрологъ его*: CVII, мартъ, 1118.

— П. И. *Статья его*: «Нѣсколько дней въ китайскомъ городѣ Чугучагѣ и его окрестностяхъ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ)». СІХ, августъ, 615—624.

Солдатенковъ, Козьма Терентьевичъ, извѣстный московскій издатель, СІХ, августъ, 560 (его характеристика, сдѣланная графомъ Закревскимъ).

Соллертинскій, Ив. Ив., сенаторъ, товарищъ министра юстиціи. *Некрологъ его*: СІХ, августъ, 684—885.

Соловьевъ, покушавшіяся въ 1879 г. на жизнь императора Александра II, CVII, февраль, 422—425.

Соловьевы:

— Владимиръ Сергѣевичъ, философъ. *О немъ въ статьѣ Д. И. Стахѣева*: «Группы и портреты», CVII, январь, 82, 85—89.

— Евг. А. *Рецензія А. Ф. о книгѣ его*: «Очерки изъ исторіи русской литературы XIX вѣка. Изданіе 3-е. Спб. 1907», СІХ, августъ, 651—652.

— М. П., декабрь, CVII, январь, 197—198.

Софія Алексѣевна, царевна, СХ, октябрь, 256—257.

Спиноза, Бенедиктъ. Рецензія П. В. В. объ его: «Богословско-политическомъ трактатѣ, содержащемъ нѣсколько разсужденій, показывающихъ, что свобода философствованія можетъ быть допущена не только безъ вреда благочестію и спокойствію государства, но что она только со спокойствіемъ государства и самимъ благочестіемъ можетъ быть уничтожена. Переводъ съ латинскаго. Мих. Лопаткина. Казань. 1906», CVIII, апрѣль, 300—302.

Стааль, Георгій Георгіевичъ, дипломатъ. *Некрологъ его*: CVII, мартъ, 1118—1119.

Станкевичъ, Алексѣй. Рецензія Х—ва о переведенныхъ имъ: «Сказаніяхъ свѣтлѣйшему герцогу Тосканскому Козьмѣ III о Московіи», Якова Рейтенфельса (М. 1905), CVII, мартъ, 1066—1067.

Старынкевичъ, Е. С., харьковскій губернаторъ, CVII, февраль, 516, 532.

Стасовъ, В. В., CVII, іюль, 1039 (вспоминаніе о немъ академикомъ на публичномъ засѣданіи разряда изящной словесности Имп Академіи Наукъ).

Стахѣевъ, Д. И., писатель. *Его*: «Группы и портреты. (Листочки воспоминаній)», CVII, январь, 81—94; февраль, 464—478; мартъ, 846—864; СІХ, іюль, 130—142; августъ, 424—437. — *Упомян.*, CVIII, апрѣль, 161—157.

Степанъ Малый, сербъ, принявшій на себя имя императора Петра III, СІХ, августъ, 516—546.

Степякъ-Кравчинскій, С. М. Рецензія И. Александрова о книгѣ его: «Собраніе сочиненій. Часть I. Штундистъ Павелъ Руденко. Спб. 1907», СХ, декабрь, 1076—1077.

Стопановскій, писатель, CVIII, апрѣль, 84—86.

Стояновъ, А. Н., профессоръ Харьковскаго университета. *Некрологъ его*: СІХ, іюль, 335.

Страховъ, Н. Н., философъ. *О немъ въ статьѣ Д. И. Стахѣева*: «Группы и портреты», CVII, январь, 81—94. — *О немъ въ статьѣ П. А. Матѣева*: «Л. Н. Толстой и Н. Н. Страховъ въ Оптиной пустыни», CVIII, апрѣль, 51—57. — *Рецензія А. Б. о книгѣ его*: «Философскіе очерки. Изданіе второе. Кіевъ. 1906», CVIII, апрѣль, 299—300.

Стрепетова, Пелагія Антоновна, артистка, умершая въ 1903 г., CVII, мартъ, 850—852 (первая встрѣча ея съ А. О. Писемскимъ).

Струковы:

— Д. П. *Рецензія В. Е. Рудакова о книгѣ его*: «Августѣйшій генералъ-фельдцейхмейстеръ великій князь Михаилъ Николаевичъ. Очеркъ жизнеописанія его императорскаго высочества. Въ 2-хъ частяхъ, съ 77 рисунками и картою Кавказа. Спб. 1906», CVII, январь, 319—321.

— Н. Д., архитекторъ, СІХ, іюль, 321—322 (чествованіе по поводу 25-лѣтія его научно-художественной дѣятельности).

Стэнонъ, Гестеръ, племянница Вильяма Питта извѣстна своєю эксцентричностью, СІХ, сентябрь, 1023—1029 (въ вѣвой характеристикѣ Виктора де-Блэда).

Субботинъ, М. С., профессоръ военно-медицинской академіи, СХ, декабрь, 791.

Суворинъ, Ал. С. По поводу его юбилея статья Б. Г.: «Чествованіе А. С.

Суворина въ Маломъ театрѣ», CVIII, июнь, 913—937.

Сугорскій, И. Н. *Рецензія И. А. о книгѣ его: «Въ туманахъ сѣдой старины.* Спб. 1907», CX, декабрь, 1071—1072.

Судравскій, В. К. *Рецензія Е. С. Шумиоркаго о составленной имъ книгѣ: «Исторія лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка.* Т. I. Спб. 1906», CVII, февраль, 675—676.

Сумаковъ, Н. В., проф., CVIII, июнь, 1036 (по поводу его реферата: «Рукописный планъ Тихвинскаго монастыря XVII вѣка»).

Сумцовъ, Н. Ѳ., проф. *Рецензія А. Я. о книгѣ его: 1) «О литературныхъ нравахъ южно-русскихъ писателей XVII столѣтія.* Спб. 1906», CVII, январь, 347—349 и 2) «Изъ украинской старины. Харьковъ. 1906», CVII, мартъ, 1049—1050.

Суперанскій, М. *Рецензія В. Е. Рудакова о книгѣ его: «Начальная народная школа въ симбирской губерніи.* Историко-статистическій очеркъ. Симбирскъ. 1906», CVII, февраль, 686—686.

Сухинъ, Н. Ево замѣтке: «По поводу статьи «Хищенье башкирскихъ земель», CVIII, май, 704.—**П. Жакмона:** «Возраженіе на замѣтку г. Сухина», CVIII, июнь, 1054—1056.

Сущинскій, П. П., профессоръ, известный фармакологъ. *Некрологъ его:* CVIII, апрѣль, 355—356.

Сверцовъ, Г. Т. (Полиловъ). *Рецензія С. С.—ва о книгѣ его: «Наши дѣды-купцы. Бытовые картины XIX столѣтія.* Спб. 1907», CVIII, май, 636—637.

Т.

Тальони, Марія, знаменитая итальянская танцовщица, CX, ноябрь, 711.

Тарасовъ, Дмитрій Клементьевичъ, лейбъ-хирургъ, бывший при кончинѣ императора Александра I и оставившій записки о ходѣ его болѣзни, CIX, июль, 12, 27, 28, 30—33.—**См. о немъ замѣтку Павла Россіева:** «Живучая легенда», CIX, августъ, 687—688.

Тахтаревъ, К. Рецензія П. Б. о книгѣ его: «Отъ представительства къ народо-властью. Спб. 1907», CIX, августъ, 645—646.

Телль, Вильгельмъ, CVII, февраль, 713—714.

Теодоръ I, корсиканскій король, CVII, январь, 356—363.

Терье, Андре, поэтъ, CVIII, июнь, 1032 (по поводу его смерти въ апрѣлѣ 1907 г.).

Тизенгаузенъ, Викторъ Александръ, графъ, сенаторъ. *Некрологъ его:* CIX, августъ, 685—686.

Тимашевъ, А. Ег., ген.-адъютантъ, CVII, мартъ, 855—856.

Тимирязевъ, В. А. *Статья его: «Иностранцы о Россіи. Отношенія между Россіей и католической церковью при Петрѣ Великомъ и его ближайшихъ преемникахъ»,* CX, октябрь, 255—279.

Титовъ, А. А. *Рецензія В. Рудакова о книгахъ его: 1) «Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія д. ч. имп. Археологическаго общества И. А. Вахромѣеву.* Выпускъ V. М. 1906», CVII, январь, 324—325; 2) «Описание славяно-русскихъ рукописей, находящихся въ собраніи А. А. Титова. Т. V. Исторія церкви. Описано собирателемъ А. А. Титовымъ М. 1906», CVIII, май, 645—646.—*Его рецензія: «Труды Псковскаго археологическаго общества за 1906 годъ.* Псковъ. 1907», CX, декабрь, 1066—1068.

Тихомировъ, Л., CVII, февраль, 508.

Тія, фараонша, CVIII, май, 650—653 (по поводу найденной ея усыпальницы).

Тобилевичъ, (Карпенко-Карый), Ив. Карповичъ, драматургъ. *Некрологъ его:* CX, октябрь, 364—366.

Толстые:

— Александръ Васильевичъ, первый симбирскій гражданскій губернаторъ, CIX, августъ, 504.

— Дм. Андр., графъ, CVIII, апрѣль, 261—262, 269—270.

— Л. Н., графъ. *О немъ:* «Группы и портреты. (Листочки воспоминаній)» Д. И. Стахѣва, CVII, январь, 81, 91—94.—*Упомян.,* CVII, январь, 281; CVIII, июнь, 749.—*О немъ книга П. Бирюкова:* «Л. Н. Толстой. Биографія. Т. I. М. 1906», CVII, январь, 330—331.—*Его характеристика французскаго богослова и писателя Ламенна, напечатанная декабрьской книжкѣ «La Revue»,* CVII, февраль, 718—721.—*О немъ въ статьѣ П. А. Матвѣева:* «Л. Н. Толстой и Н. Н. Страховъ въ Оптиной пустыни», CVIII, апрѣль, 51—57.

— Николай Петровъ, графъ, CX, ноябрь, 624—628.

Трахтенбергъ, Густавъ Ив., докторъ. *Некрологъ его:* CVIII, июнь, 1052—1054.

Трачевскій, А. С. проф. *Рецензія П. Б. о книгѣ его: «Наполеонъ I. М. 1907»,* CVIII, апрѣль, 302—303.

Трегубовъ, М. И. *Рецензія В. Е. Рудакова о книгѣ его: «Алфавитный списокъ дворянъ Владимирской губерніи.*

Владимирь губ. 1906», СХ, ноябрь, 680—682.

Треневъ, Д. К. *Рецензія А. Я. о книгѣ его: «Сохраненіе памятниковъ древнерусской иконописи. Спб. 1907»*, СХ, октябрь, 290—291.

Троицкій, С. В. *Рецензія проф. М. Краскожева о брошюрѣ его: «Церковный соборъ и міряне. Сиб. 1905»*, СVIII, май, 625—626.

Трошневъ, Теодоръ. *женевскій докторъ XVIII вѣка*, СІХ, июль, 291—294.

Троценко, Г. І. *Статья его: «Русская церковь въ Мерсиджикъ»*, СХ, октябрь, 180—187.

Трояновъ, А. А., извѣстный хирургъ, СVII, февраль, 750—751 (по поводу 35-лѣтія его врачебной дѣятельности).

Трубачевъ, Сергій Сем. *Некрологъ его: СVIII, апрѣль, 356.*

Трубецкой, Серг. Николаевъ, князь, профессоръ. *Рецензія И. Г. о книгѣ его: «Собраніе сочиненій С. Н. Трубецкого. Томъ I. Публицистическія статьи, напечатанныя съ 1896 по 1905 г. включительно. М. 1907»*, СХ, ноябрь, 667—668.

Трубниковъ, Ал-дръ Николаевичъ, Орловскій губернаторъ, СХ, декабрь, 819—820.

Трусевичъ, Я. И. *Рецензія Я. Бирюкова о книгѣ его: «Западная и русская дипломатика и сфрагистика древняго Востока. Составлено по программѣ и чтеніямъ проф. Лихачева и по другимъ источникамъ. Спб. 1907»*, СХ, октябрь, 313—314.

Тургеневы:

— **И. С.**, *О немъ статья барона Н. В. Дризена: «Арестъ и ссылка И. С. Тургенева. (Изъ цензурныхъ нравовъ прошлаго вѣка)»*, СVII, февраль, 559—569.—*Утомил.*: СVII, мартъ, 962.

— **П. Ник.**, СVII мартъ, 959—960.

Турцевичъ, Ар. *Рецензія прив.-доц. А. Н.—скаго о книжкѣ его: «Краткій историческій очеркъ Виленской комиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ. 1864—1906 г. Вильна. 1906»*, СVII, мартъ, 1046—1047.

Тэнь, Ипполитъ. *Рецензія А. Б.—лова о книгѣ его: «Исторія французской революціи, Ч. I. Харьковъ. 1906»*, СХ, октябрь, 304—305.—*Рецензія Л. Б. о книгѣ его: «Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи. Т. I. Старый порядокъ. Спб. 1907. Переводъ Германа Лопатина»*, СХ, декабрь, 1083—1085.

У.

Уварова, П. С., графиня. *Рецензія А. Хал—ова о редактированномъ ею XI выпускѣ «Матеріаловъ по археологій Кавказа. (М. 1907)»*, СІХ, августъ, 648—649.

Удинцовъ, В., проф. *Рецензія В. Г. о книгѣ его: «Русское торгово-промышленное право. Кіевъ. 1907»*, СІХ, сентябрь, 995—996.

Ульрихъ, В. Д. *Рецензія П. В. В. о переведенной имъ книгѣ: «Людвигъ Фейербахъ. Сущность христіанства. Съ біографіей автора, написанной М. Кроненбергомъ. Спб. 1906»*, СVIII, июнь, 991—992.

Уманецъ, С. И. *Статья его: «Обездоленное дѣтство и вѣдомство учрежденій императрицы Маріи»*, СVIII, апрѣль, 204—223.

Умановъ-Каплуновскій, В. В. *Статьи его: 1) «Два юбилея. (М. К. Заньковецкая и А. П. Затыркевичъ)»*, СVIII, май, 550—560. 2) «Борцы за славянскую свободу», СІХ, августъ, 585—592.

Унковскій, А. М., СІХ, июль, 189, 190, 198, 199.

Урусовъ, С. Д., князь. *Рецензія И. Г. о книгѣ его: «Записки губернатора. Спб. 1907»*, СХ, октябрь, 293—297.

Успенскіе:

— **А. И.** *Рецензія прив.-доц. А. Н.—скаго о редактированномъ имъ: «Трудахъ комиссіи по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы и московской епархіи. Т. III, вып. 2. М. 1906»*, СVIII, май, 637—638.

— **Гл. Ив.**, писатель, СVIII, апрѣль, 70—83.

Утинъ, Евг. Ис. СVII, январь, 114—119.

Ушакова, Софья Степановна, въ первомъ бракѣ Черторижская и во второмъ графиня Раумовская, была въ связи съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ и отъ этой связи имѣла сына Семена, по фамиліи «Великій», СІХ, июль, 39—40.

Ушаковъ, СХ, декабрь, 849—552.

Ф.

Ф.—*Рецензія: «Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. Вып. I. Изданіе императорской академіи наукъ. Спб. 1907»*, СХ, октябрь, 288—290.

Ф. А. П.—въ. (Половцевъ). *Статья его: «Изъ воспоминаній 1859—1861 гг.»*, СХ, октябрь, 100—123; ноябрь, 462—486.

Ф. Ф. Рецензія его: «Н. Лендеръ (Путникъ)». «Потревоженная Россія». Картины русской революціи. Спб. 1907», СХ, ноябрь, 673—674.

Фадѣевъ, А. М., авторъ «Воспоминаній», СІХ, июль, 266—272.

Фаресовъ, А. И., писатель. *Рецензіи* его: 1) «О. К. Граве. Женскій вопросъ. Спб. 1907», СVІІ, мартъ, 1062—1063. 2) «В. А. Анзимировъ. Крамольники. М. 1907», СVІІІ, май, 646—641. 3) «Д-ръ Г. Поповъ. Маринская больница для бѣдныхъ въ С.-Петербурѣ. 1907», ів., 648—649. 4) «И. П. Ювачевъ (Миролюбовъ). Шлиссельбургская крѣпость. М. 1907», СVІІІ, июнь, 984—986.

Федоровъ, А. Ф., проф. *Рецензія* Г. о *книжѣ* его: «Вексельное право. Одесса. 1905», СVІІІ, июнь, 989—990.

Фейербахъ, Людвигъ, извѣстный философъ *Рецензія* П. В. В. о *книжѣ* его: «Сущность христіанства. Съ биографіей автора, написанной Н. Кроненбергомъ. Перев. съ 4-го нѣм. изд. В. Д. Ульрихъ. Спб. 1906», СVІІІ, июнь, 991—992.

Фердинандъ II, король обнхъ Сицилій, СХ, октябрь, 126—136.

Филаретъ, митрополитъ Московскій, СVІІІ, май, 604, 606, 608.

Филиповъ, А. Н., проф. *Рецензія* М. Ключкова о *трудѣ* его: «Исторія русскаго права. Конспектъ лекцій. Ч. I, вып. I. М. 1905. Вып. II и III. Юрьевъ. 1906», СVІІІ, апрѣль, 280—283.

Фильдингъ, Генри, англійскій романистъ, СVІІІ, май, 661—662. (По поводу 200-лѣтія со дня его рожденія).

Фирсовы:

— Андрей И. *Статьи* его: «По Окѣ», СІХ, июль, 221—248. 2) «По рѣкамъ Вологдѣ, Сухонѣ и Сѣверной Двинѣ», СХ, ноябрь, 629—652 и декабрь, 981—1014.

— Н. Н. (Русскія). *Статьи* его: 1) «Воспоминанія о П. Л. Лавровѣ», СVІІ, январь, 95—119 и февраль, 494—510. 2) «Отношенія императоровъ Николая I и Александра II къ объединенію Италіи», СХ, октябрь, 124—136.

Фишеръ, Куно, философъ, СІХ, сентябрь, 1031—1032 (по поводу его смерти).

Фоминъ, А. Г. *Статья* его: «Н. Г. Чернышевскій и его значеніе въ исторіи русской общественной мысли», СVІІІ, май, 503—521; июнь, 851—872. *Рецензіи* его: 1) «Иванъ Разумникъ. Исторія русской общественной мысли. Т. I—II. Спб. 1907», СVІІ, февраль, 694—696. 2) «Неидовъ, О. Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Ч. I. М. 1906», ів., 703—

705. 3) «Собраніе стихотвореній декабристовъ. Т. II. М. 1907», СVІІІ, апрѣль, 297—298. 4) «В. В. Отъ 70-хъ годовъ къ 90-мъ. Сборникъ статей. Спб. 1907», ів., 298—299. 5) «Рѣзановъ, В. Изъ розысканій о сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго. Спб. 1906», СVІІІ, июнь, 982—983. 6) «Бердяевъ, Н. Sub specie aeternitatis. Опыты философскіе, социальные и литературные. Сборникъ статей. Спб. 1907», СІХ, июль, 287—299. 7) «Львовъ-Рогачевскій, В. Борьба за жизнь. Сборникъ статей. Спб. 1907», ів., 289—290. 8) «С. Венгеровъ. Очерки по исторіи русской литературы. Спб. 1907», сентябрь, 997—999. 9) «П. Кропоткинъ. Идеалы и дѣятельность въ русской литературѣ. Изданіе Т-ва «Знаніе». Спб. 1907», СХ, ноябрь, 660—661. — *Рецензія* И. Александрова о *книжѣ* его «Чеховъ въ русской критикѣ. Опытъ бібліографическаго указателя. Спб. 1907», СІХ, сентябрь, 1002—1003.

Францевъ, В. А. *Рецензія* Андрея Сиротинина о *книжѣ* его: «Польское славяновѣднне конца XVIII и первой четверти XIX ст. Прага Чешская. 1906», СІХ, июль, 277—280.

Фришъ, Эд. Вас., предсѣдатель Государственнаго Совѣта. *Некрологъ* его: СVІІІ, май, 703—704.

X

X—въ. *Рецензія* его: «Яковъ Рейтенфельсъ. Сказанія свѣтлѣйшему герцогу тосканскому Козьмѣ III о Московіи. Падуа. 1680. Издженіемъ книгопродавца Петра-Маріи Фрамботти. Съ латинскаго перевелъ Алексѣй Станковичъ. М. 1905», СVІІ, мартъ, 1066—1067.

Хартулары:

— Вѣра Павл., благотворительница. *Некрологъ* ея: СVІІ, мартъ 1119.

— К. Ф., СVІІІ, апрѣль, 842—843 (по поводу сорокалѣтія его тюремно-филантропической дѣятельности).

Хах—овъ. *Рецензіи* его: 1) «Свяцъ. К. Цинцадзе. Историческая справка по вопросу объ автокефальности грузинской церкви. Тифлисъ. 1906», февраль, 709—710.

Хилквигъ, М. *Рецензія* П. В. о *книжѣ* его: «Исторія социализма въ Соединенныхъ Штатахъ. Спб. 1907», СІХ, августъ, 642—643.

Холодковскій, Ап. Дм., правитель канцеляріи оренбургскаго генералъ-губернатора Крыжановскаго, СVІІ, мартъ, 861—865, 874.

Хомяковъ, А. С., CVII, январь, 269—270.

Храмовы:

— Анна Семеновна, дочь послѣдующаго, СІХ, июль, 9.

— Семень Оеофановичъ, купецъ изъ Томска, въ домѣ котораго проживалъ старецъ Оедоръ Козьмичъ, СІХ, июль, 6, 9—10.

Храневичи.

— К. І. *Статья его:* «Въ дебряхъ Литвы. (Впечатлѣнія поѣздки по дѣламъ медкаго кредита)», СХ, ноябрь, 570—599.

— В. І. *Рецензія В. Кузнецова о книгѣ его:* «Очерки экономического быта крестьянства въ царствѣ Польскомъ. Спб. 1906», CVIII, июнь, 986—988.

Храповицкій, А. В., авторъ извѣстнаго «Дневника», CVIII, июнь, 950—951.

Хребтовъ, А. К. Статьи его: 1) «Достопримѣчательности Иркутска», CVII, мартъ, 1014—1020. 2) «Межгорье», CVIII, июнь, 965—971.

Худяковъ, И. А.—Поправка Мих. Соловского къ его «Воспоминаніямъ», CVII, январь, 398—399.

Хэнгудъ, Изабелла (Harwood Isable). *Рецензія И. П. М. о книгѣ ея:* «Service book of the Holy Orthodox-Catholic-Apostolic (Sroko-Qussian) Chureh», CVIII, май, 642—644.

Ц

Цвинчъ, Юванъ, проф. Рецензія А. Яцимирскаго о книгѣ его: «Македонскіе славяне. Этнографическія изслѣдованія. Петроградъ. 1906», CVII, февраль, 696—698.

Цвѣтаевы:

— Г. А. *Его:* «Геніальная мысль. (Памяти кievскаго митрополита Теогноста). Разсказъ», СІХ, августъ, 476—492.

— И. В., проф., CVII, февраль, 618, 622.

Цвѣтковъ, Яковъ Яковлевичъ, профессоръ физики и метеорологіи Петровско-Разумовской академіи. *О немъ статья С. И. Васюкова:* «Яковъ Яковлевичъ Цвѣтковъ. (Изъ моихъ воспоминаній)». СХ, декабрь, 926—935.

Циглеръ, иностранецъ, дѣятель по колонизаціи южной Россіи, СІХ, июль, 259—263.

Цингеръ, Вас. Як., профессоръ московскаго унив. *Некрологъ его:* CVIII, апрѣль, 356—357.

Цинцадзе, К., свящ. *Рецензія Хахова о брошюрѣ его:* «Историческая справка по вопросу объ автокефальности грузинской церкви. Тифлисъ. 1906», CVII, февраль, 709—710.

Ч

Чаадаевъ, Петръ Яковлевичъ. *О немъ въ статьѣ В. Е. Рудакова:* «Къ біографіи П. Я. Чаадаева», СХ, ноябрь, 623—628.

Чавчавадзе, Илья Григорьевичъ, князь, членъ Государственнаго Совѣта. *Некрологъ его:* СХ, октябрь, 366.

Чевкинъ, Константинъ Влад., министръ путей сообщенія (1803—1875 г.) СІХ, июль, 182—183 (его разговоръ съ княземъ Горчаковымъ въ присутствіи им. Александра II).

Червонецкій, Д. А. Рецензія —ій о брошюрѣ его: «Мошенничество по уголовному праву. Юрьевъ. 1906», СІХ, сентябрь, 1011.

Череванскій, Вл. Рецензія А. Б. о трудѣ его: «Исчезнувшее царство (эпоха Семирамиды). Историческая монографія. 2 тома. Спб. 1906», февраль, 706—707.

Черкасовъ, Ал-ръ Ал-дровичъ, сибирскій общественный дѣятель и авторъ: «Записокъ охотника Восточной Сибири», СІХ, сентябрь, 1050.

Черниговецъ (Вишневскій), Ф. В., писатель, СХ, ноябрь, 425.

Чернышевскій, Н. Г. О немъ статья А. Г. Фомина: «Н. Г. Чернышевскій и его значеніе въ исторіи русской общественной мысли», CVIII, май, 503—521; июнь, 851—872.

Чернышевъ, Александръ Ивановичъ, свѣтлѣйшій князь, военный министръ, генераль-адъютантъ, СІХ, июль, 12, 27.

Черняевъ, Мих. Григ., CVII, февраль, 464—467, 475—478 (въ воспоминаніяхъ Д. И. Стахѣва); мартъ, 860—861; СХ, октябрь, 56—57 (въ воспоминаніяхъ А. П. Чехова).

Чеховы:

— А. П. (Свѣдой). *Его:* «Записки репортера», СІХ, июль, 70—99; августъ, 366—397; сентябрь, 726—754; СХ, октябрь, 42—70; ноябрь, 408—432; декабрь, 789—821.

— Антонъ Павл., писатель. *О немъ Павла Россіева:* «Нѣсколько строкъ въ біографіи А. П. Чехова», СХ, ноябрь, 751.

Чечулинъ, Н. Д. Рецензія М. К. о редактированномъ имъ: «Наказъ императрицы Екательрины II, данномъ комис-

сія о сочиненіи проекта новаго уложєнія. Спб. 1907», СХ, декабрь, 1062—1064.

Чистяковъ, В., СХ, ноябрь, 623—627.

Чіальдини, генераль, СІХ, іюль, 309—311 (его мнѣніе о завоеваніи королевства обихъ Сициліи).

Чулицкій, М. *Его предисловіе къ статьѣ Ф. Д. Бобкова: «Изъ записокъ бывшаго крѣпостнаго человѣка»*, СVІІІ, май, 446—447.

Чу—цкій. *Его: «Топла. (Изъ воспоминаній бывшаго судебного дѣятеля)»*, СХ, декабрь, 914—926.

III

Шайкинъ, Ал. К., публицистъ. *Некрологъ его*: СVІІ, февраль, 768.

Шахматовъ, А. А., академикъ. *Рецензія А. Я. о книгѣ его: «Корсунская легенда о крещеніи Владимира. Спб. 1906»*, СІХ, августъ, 632—633.

Шаховской, М. Л., князь. *Статья его: «Смутное время въ Харьковѣ (матеріалы для исторіи русской революціи)»*, январь, 142—184; февраль, 511—545. *Поправка къ ней М. А. Я—ва: «Къ исторіи «смутнаго времени въ Харьковѣ»*, СVІІІ, апрѣль, 359—368. — *Вторая поправка къ ней подполковника Горбанева: «Къ статьѣ «Смутное время въ Харьковѣ»*, СІХ, августъ, 686—687.

Шаховъ, А. *Рецензія Л. Б. о книгѣ его: «Вольтеръ и его время. Съ портретомъ автора. Спб. 1907»*, СХ, декабрь, 1033—1036.

Шевыревъ, С. П., извѣстный проф. московскаго университета, СVІІ, февраль, 615—616.

Шекспиръ, СХ, ноябрь, 691—693.

Шеллеръ, Ал. К. (Михайловъ), писатель, СVІІІ, май, 409—411.

Шереметевъ, Борисъ Петр., графъ, извѣстный сотрудникъ Петра Великаго, СХ, октябрь, 258—259.

Шидловскій, Ник. Вл., членъ Государственнаго Совѣта. *Некрологъ его*: СVІІІ, апрѣль, 357—358.

Шиллингъ, Ник. Густ., баронъ, СVІІ, мартъ, 797.

Шильдеръ, Николай Карловичъ, историкъ, СІХ, іюль, 6—8, 10, 12, 28, 30, 31, 33.

Шлиппенбахъ, баронъ, шведскій полковонецъ, СІХ, іюль, 173—175, 179.

Шлякинъ, Илья Ал., проф., СVІІІ, іюнь, 1038—1039 (по поводу его 25-лѣтняго юбилея литературной дѣятельности).

Шмитгофъ, Анат. Максим., артистъ. *Некрологъ его*: СХ, декабрь, 1142.

Шольтъ, Антъ, нѣмецкій крестьянинъ-поэтъ, СVІІІ, іюнь, 1029—1030.

Шопенгауеръ, СVІІІ, іюнь, 1028—1029 (въ новомъ сочиненіи Георга Зиммеля: «Schopenhauer und Nietzsche. Leipzig. 1907»).

Шпилевскій, Сергѣй Михайловичъ, профессоръ. *Некрологъ его*: СІХ, сентябрь, 1047.

Шрамченко, М. Н., нижегородскій губернаторъ, СХ, октябрь, 204.

Шрейберъ, врачъ. *Некрологъ его*: СVІІІ, апрѣль, 358—359.

Шрейеръ, репортеръ Петербургскихъ газетъ, СІХ, іюль, 72.

Штейнъ, В. И. *Статья его: «Дипломатъ изъ державныхъ государей»*, СVІІ, мартъ, 969—993; СVІІІ, апрѣль, 224—246.

Шуляченко, А. Р., проф., СVІІ, январь, 386 (по поводу освященія ему памятника).

Шумигорскій, Е. С. — *Рецензія его*: 1) «Записки княгини Дашковой. Переводъ съ французскаго по изданію, сдѣланному съ подлинной рукописи. Съ приложеніемъ 4-хъ портретовъ, разныхъ документовъ, писемъ и указателя. Подъ ред. и съ предисл. Н. Д. Чечулина. Спб. 1907. — Записки княгини Дашковой. Спб. 1906. Изданіе Н. Врублевскаго», СVІІ, февраль, 671—673. 2) «Исторія лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка. Т. I. Составилъ В. К. Судравскій. Спб. 1906», ib., 675—676. *Рецензія о книгѣ его Н. Энгельгардта: «Императоръ Павелъ I. Жизнь и царствованіе. Спб. 1907»*, СVІІ, мартъ, 1010—1013.

Шумскій, К. — *Его статья: «Въ плѣну у японцевъ»*, СVІІІ, май, 475—502.

III

Щаповъ, Ав. Прок., профессоръ, СХ, ноябрь, 477.

Щегловъ, (Леонтьевъ), Иванъ Леонтьевичъ, писатель, СІХ, августъ, 367—368.

Щербатовъ, Вл. Ал., князь, саратовскій губернаторъ, СVІІ, мартъ, 928—930.

Щетиницъ, В. А., князь. *Его*: 1) «Воспоминанія о В. А. Гольцевѣ», СVІІ, январь, 185—199. 2) «Музей императора Александра III», СVІІ, февраль, 613—623. 3) «Идеализмъ - шестидесятникъ. (Памяти П. И. Бларамберга)», СVІІІ, іюнь, 938—945. 4) «Петръ Петровичъ Боткинъ», СІХ, августъ, 547—554. — *Поправка къ ней Людмилы Боткиной: «По поводу статьи о П. П. Боткинѣ»*,

3*

СІХ, сентябрь, 1055—1056. — *Его*: «Отвѣтъ г-жѣ Л. Боткиной», СХ, октябрь, 367.—5) «О. А. Коршъ и его театр», СХ, октябрь, 169—179.

Щукниъ, П. И. — *Рецензія А. Р—скаго о книгѣ его*: «Краткое описаніе новаго владѣнія императорскаго Россійскаго историческаго музея имени императора Александра III въ г. Москвѣ. М. 1906», СVII, январь, 317—319.

Щуцкій, М. М. *Его*: «Прежде и теперь. (Изъ воспоминаній)», СІХ, августъ, 446—474; сентябрь, 778—794.

Э

Эварнипкій, Д. И., профессор, СVII, мартъ, 1024—1031.

Эвраръ, Симона, подруга жизни Марата, СVIII, июнь, 1018—1021.

Эдуардъ VII, англійскій король, СІХ, августъ, 670—671 (характеристика его какъ хозяина по новому труду Констенса Бирба).

Эльслеръ, Фанни, знаменитая австрийская танцовщица, СХ, ноябрь, 711.

Эльсницъ, Ал-дръ Леонтьевичъ, докторъ медицины. *Некрологъ его*: СІХ, июль, 335—336.

Энгель, Ю, музыкальный критикъ, СVIII, июнь, 942—943.

Энгельгардты:

— А. Н., извѣстный агрономъ и писатель, отецъ послѣдующаго, СVII, февраль, 495.

— Н. А. *Его*: «Окровавленный тронъ. Историческій романъ изъ эпохи императора Павла I», СVII, январь, 7—40; февраль, 403—417; мартъ, 769—788; СVIII апрѣль, 5—45; май, 369—395; июнь, 706—733; СІХ, июль, 41—69; августъ, 337—365; сентябрь, 689—725; СХ, октябрь, 5—41; ноябрь, 369—407; декабрь, 753—788. — *Рецензія его*: «Е. С. Шумигорскій. Императоръ Павелъ I. Жизнь и царствованіе. Спб. 1907», СVII, мартъ, 1010—1013.

Эрятье, Луи. *Рецензія П. Б. о книгѣ его*: «Исторія французской революціи 1848 года и второй республики. Спб. 1907», СХ, ноябрь, 669—670.

Эсадзе, Семень. *Рецензія А. Хал-ова о составленной имъ «Исторической запискѣ объ управленіи Кавказомъ. Тифлисъ. 1907»*. СХ, ноябрь, 683—684.

Ю

Ювачевъ, И. П. (Миролюбовъ). *Рецензія Фаресова о книгѣ его*: «Шлиссельбургская крѣпость. М. 1907», СVIII, июнь, 984—986. — *Его статья*: «Курбанъ-Джанъ-дахта, кара-киргизская царица Алая», СХ, декабрь, 954—980.

Юзевовичъ, М. В., попечитель Кіевскаго учебнаго округа, СІХ, июль, 207, 210.

Юркевичъ, М. В., СVII, мартъ, 1107—1108 (по поводу 25-лѣтія его публицистической дѣятельности).

Юрєвъ, С. А., писатель, СVII, мартъ, 917—918.

Я

Языковы:

— Александръ Петровичъ, директоръ училища Правовѣдѣнія, СVII, февраль, 581.

— Д. Д. — *Его статья*: «Историко-литературныя розысканія. IV. Запрещенная книга», СVII, мартъ, 965—968. *Рецензія П. Д. о книжкѣ его*: «Обзоръ жизни и дѣятельности русскихъ писателей и писательницъ, умершихъ въ 1890 г. Десятый выпускъ. М. 1907», СХ, ноябрь, 683.

— Ник. Мих., поэтъ, СІХ, сентябрь, 991 (по поводу новой статьи о немъ проф. Е. Боброва).

— Сергій Дмитріевичъ, докторъ медицины. *Некрологъ его*: СІХ, сентябрь, 1047—1048.

Якушкинъ, В. С. *Рецензія С. В—скаго о книгѣ его*: «Государственная власть и проекты государственной реформы въ Россіи. Спб. 1907», СVII, мартъ, 1063—1064.

Якузь И. И., акад. *Рецензія Г. Г—ій о книгѣ его*: «Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва. Спб. 1907», СVII, мартъ, 1056—1057.

Ярцевъ, Алексій Алексѣевичъ, писатель. *Некрологъ его*: СХ, ноябрь, 745—746.

Яцимирскій, А. И. *Статья его*: «Лже-Петръ III у Черногорцевъ», СІХ, августъ, 515—546. — *Рецензія его*: 1) «В. А. Келтуяла. Курсъ исторіи русской литературы. Ч. I. Исторія древней русской литературы. Спб. 1906», СVII, январь, 327—330. 2) «Проф. Юванъ Цвничъ. Македонскіе славяне. Этнографическія изслѣдованія. Петроградъ. 1906», СVII, февраль, 696—698. 3) «Н. П. Лихачевъ. Матеріалы для исторіи русскаго иконо-

писанія. Алебомъ снимковъ. Часть I. Таблицы I—ССХ. Часть II. Таблицы ССXI—СССХIХ. Спб. 1906», CVIII, июнь, 972—976. 4) *Paleographisches Album enthaltend sechsundzwanzig Abbildungen rumänischer Urkunden aus dem XV Jahrh.* Von I. Bohdan, prof., an der Bukarester Universität. Букурешть. 1906», СIХ, августъ, 653—656. 5) «Искусство въ буржуазномъ обществѣ. Сборникъ статей Вандервильде, Вольтера, Райха, Берга и Марселя. Переводъ съ нѣм. подъ ред. В. Фриче. Спб. 1907.—В. Фриче. Художественная литература и капитализмъ. Ч. I. М. 1907.—В. Плехановъ. Пролетарское движеніе и буржуазное искусство. Спб. 1907.—Iiri Karásek ze Lvovic, Umění jako kritika života. Praga. 1906», СIХ, сентябрь, 1003—1007. 6) «Alexander Brückner. O literaturze rosyjskiej i naszym do ej stosunku dzini lat temu trzystu. Szkic literacki. Львовъ и Варшава. 1906», СХ, октябрь, 307—309. 7) «Д-ръ Станиславъ Кутшеба. Очеркъ исторіи государственнаго и общественнаго строя Польши. Переводъ съ польскаго Ядвиги Пашковичъ. Спб. 1907», ib., 310—312. 8) «Старые годы». Ежемѣсячникъ для любителей искусства и старины. 1907. Январь—сентябрь», СХ, ноябрь, 662—664. 9) «Н. П. Лихачевъ. Манера письма Андрея Рублева. Спб. 1907», ib. 665—667. 10) «Н. П. Лихачевъ. Лицевое житіе св. благовѣрныхъ князей русскихъ Бориса и Глѣба по рукописи XV ст. Спб. 1907», СХ, декабрь, 1068—1069.

Федоровъ, камердинеръ императора Александра I, СIХ, июль, 13—14, 27.

Федоровъ, Иванъ, русскій первопечатникъ, СХ, октябрь, 349 (по поводу сооруженія ему въ Москвѣ памятника).

Федоровы:

— Н. Д. *Статья его: «Кавалеръ. (Картинка съ натуры)»*, CVIII, апрѣль, 97—101.

— Федоръ, дворовый человекъ, записавшій до 51 «службъ» въ народъ по поводу кончины императора Александра I, СIХ, июль, 34—36.

Федоръ Козьмичъ, старецъ, въ образъ котораго, по легендѣ, скончался въ Сибири императоръ Александръ I. *О немъ статья великаго князя Николая Михайловича: «Легенда о кончинѣ императора Александра I въ образѣ старца Федора Козьмича»*, СIХ, июль, 5—40.—*Замѣтка о немъ Павла Россіева: «Старецъ Федоръ Кузьмичъ»*, СIХ, сентябрь, 1048—1050.

Феогностъ, митрополитъ Кіевскій, СIХ, августъ, 488—491.

Феодосій (Суморинъ), преп., скончавшійся 28 января 1568 г., СХ, декабрь, 982—985.

Феохтистовъ, Е. М., писатель, начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, CVII, февраль, 561—564, 568—569.

Фирсовъ, Н. Н., проф. *Рецензія С. В.—скаго о книгѣ его: «Разиновщина какъ соціологическое и психологическое явленіе народной жизни»*. Спб. 1907», февраль, 683—684.

З. Рецензія его: 1) «А. Е. Крымскій. Древне-кіевскій говоръ. Спб. 1907», СIХ, июль, 286—287. 2) «Памятная книжка Архангельской губерніи на 1907 годъ. Составлена секретаремъ статистическаго комитета Н. А. Голубцовымъ. Архангельскъ. 1007», СХ, декабрь, 1088.

УКАЗАТЕЛЬ
РИСУНКОВЪ,
ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ
„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“
1907 г.

I. Портреты:

Александръ I императоръ:

- Гипсовая масса съ лица Александра I, СІХ, іюль, 7.

Вакуининъ:

- Михаилъ Александровичъ, СVII, январь, 265.
- Михаилъ Александровичъ, СХ, декабрь. На отдѣльномъ листѣ.
- Валмашевъ, С. В.,** убійца Д. С. Спягина, СVII, февраль, 481.
- Варсуковъ, Николай Платоновичъ,** СVII, январь, 213.
- Вларамбергъ, Пав. Ів.,** СVIII, іюнь, 939.
- Воткинъ, Петръ Петровичъ,** СІХ, августъ, 549.
- Вуксгевденъ, О. О. баронъ,** СХ, декабрь, 1019.
- Герценъ, Александръ Ивановичъ,** СVII, январь, 268.

Ермолова:

- Марія Николаевна, СVII, мартъ, 903.
- М. Н. въ роли Евлаіи въ «Невольникахъ», Ів. 906.
- М. Н. въ роли Маріи Шотландской, Ів. 907.
- М. Н. въ роли Евлаіи въ «За право и правду», Ів. 909.
- М. Н. въ роли Долоресъ въ «Графъ Ризооръ», Ів. 911.
- Заньковецкая, Марія Константиновна,** СVIII, май, 553.
- Затыркевичъ, Анна Петровна,** СVIII, май, 557.
- Казариновъ, Семень Афиногеновичъ,** СІХ, декабрь, 859.
- Коршъ, Федоръ Адамовичъ,** СХ, октябрь, 173.
- Курбанъ-Джанъ-дахта,** каракиргизская царица Алая, СХ, декабрь, 957.
- Курбанъ-Джанъ-дахта** показывается вывѣщенное приданное своей внучки, Ів. 959.
- Курбанъ-Джанъ-дахта,** съ сыномъ Хасанъ-бекомъ, Ів. 963.

Лавровъ, Петръ Лавровичъ, CVII, январь. На отдѣльномъ листѣ.
Лентовскій, Михаилъ Валентиновичъ, CVIII, апрѣль, 105.
Магомедъ-Али-Халифа, минь-тюбинскій Дукчи-ишакъ, CX, декабрь, 967.
Махмудъ-бекъ у входа въ юрту матери, Курбанъ-джанъ-дахты, CX, декабрь, 961.
Муравьевъ-Амурскій, Н. Н., графъ, CVIII, апрѣль. На отдѣльномъ листѣ.
Озмидовъ, Михаилъ Павловичъ, CX, декабрь, 939.
Омаръ-бекъ-Дахта, мулла Алимовъ, предводитель киргизовъ, въ арестантскомъ костюмѣ, CX, декабрь, 971.
Павель I императоръ, CX, октябрь. На отдѣльномъ листѣ.
Пацъ Людовикъ, графъ, CIX, августъ. На отдѣльномъ листѣ.
Петина, Мариусъ Ивановичъ, CVIII, августъ, 568.
Плетневъ, Петръ Александровичъ, CVII, мартъ, 955.
Побѣдоносцевъ, Константинъ Петровичъ, CVIII, апрѣль, 249.

Разныя Стѣнка.

— Съ современной ему гравюры, CIX, сентябрь. На отдѣльномъ листѣ.
 — *Stephanus Razinus, perduellis Moscovitus*, CIX, сентябрь, 833.

Унковскій, А. М., CIX, июль, 195.

Чернышевскій, Николай Гавриловичъ, CVIII, июнь. На отдѣльномъ листѣ.

Федоръ Козьмичъ, старецъ, CIX, июль. На отдѣльномъ листѣ.

— Часовня на могилѣ старца Федора Козьмича, CIX, июль, 29.

II. Виды мѣстностей городовъ, зданій и памятниковъ.

Архангельскъ:

— Свято-Троицкій соборъ, CX, декабрь, 1009.
 — Пушки Петра Великаго въ Архангельскомъ соборѣ, Ib. 1010
 — Архангельскій соборъ. Крестъ Великаго, Ib. 1011.
 — Памятникъ Ломоносова, Ib. 1013.

Водъ (городъ), CVIII, май, 615.

Великй Устюгъ, базаръ, CX, декабрь, 999.

— Успенскій и Покровскій соборы въ Великомъ Устюгѣ, CX, декабрь, 997.

Вильна:

— Видъ съ рѣки Вили на Замоквую гору, CVII, февраль, 587.
 — Георгіевскій проспектъ въ Вильнѣ, Ib. 589.
 — Знаменская церковь въ Вильнѣ, Ib. 591.
 — Кафедральный соборъ въ Вильнѣ, Ib. 593.
 — Николаевскій кафедральный соборъ въ Вильнѣ, Ib. 595.
 — Часовня Остробрамской Богоматери въ Вильнѣ, Ib. 597.
 — Предмѣстье Снѣпишки въ Вильнѣ, Ib. 599.
 — Кальварія близъ Вильны, Ib. 601.

Вологда:

— Домикъ Петра Великаго въ Вологдѣ, CX, ноябрь, 635.
 — Спасовсеградскій обыденный соборъ и храмъ Николая Чудотворца, Ib. 637.
 — Угловая башня архіерейскаго дома, Ib. 641.
 — Рѣка Вологда у городской пристани, Ib. 645.
 — Устье сплавной рѣки близъ Вологды, Ib. 649.

Гаммерфестъ (площадь Оскара), CVIII, май, 611.

Гродна:

— Тысячелѣтняя Коложанская церковь въ Гроднѣ, CVII, февраль, 609.
 — Замокъ князей литовскихъ въ Гроднѣ, Ib. 611.

Дѣдовская Троицкая пустынь, CX, ноябрь, 651.

Екатеринославскій музей имени А. Н. Поля, CVII, мартъ, 1023.

Зашеекъ, CIX, сентябрь, 937.

Иркутскъ:

- Городской музей, CVII, мартъ, 1015.
- Домъ, бывший декабриста князя Волконскаго, Ib. 1017.
- Древнее кладбище, Ib. 1017.
- Московскія ворота, Ib. 1019.

Касимовъ:

- Видъ города и Окскаго моста, СІХ, июль, 227.
- Набережная, 229.
- Вознесенскій соборъ, 231.
- Базарная площадь, 233.
- Техническое училище, 235.
- Татарская мечеть, 237.
- Татарская теція, 239.
- «Острова», 241.
- Ледоходъ на Окѣ, 243.

Кемь:

- Городъ Кемь СІХ, сентябрь, 920.
- Главная улица въ Кемѣ, Ib.
- Рѣка Кемь, Ib. 924.
- Мостъ на срубкахъ въ Кемѣ, Ib.
- Старый Кемскій Успенскій соборъ, Ib. 927.
- Царскія врата въ предѣлѣ св. Николая Чудотворца въ старомъ Кемскомъ Успенскомъ соборѣ, Ib. 929.
- Новый соборъ въ Кемѣ, Ib. 931.
- Обѣтный деревянный крестъ въ Кемѣ, Ib. 933.
- Старообрядческое кладбище въ Кемѣ, Ib.
- Лѣнь-островъ съ часовней Ильи пророка въ Кемѣ, Ib. 936.

Кійскій крестный монастырь, СХ, октябрь, 233.

- Никоновъ крестъ въ крестномъ монастырѣ на Кій-островѣ, Ib. 239.

Корша театръ въ Москвѣ. СХ, октябрь, 175.**Котласть, село. Триумфальная арка на набережной. СХ, декабрь, 1001.****Лида. Развалины замка князей литовскихъ въ Лидѣ, CVII, февраль, 605.****Межигорье. Видъ, CVIII, июнь, 967.****Межигорскій историческій музей. CVIII, июнь, 969.****Мирожскій монастырь; въ центрѣ храмъ Преображенія, построенный въ XII вѣкѣ. СХ, октябрь, 217.**

- Фреска въ куполѣ Спасо-Преображенскаго храма. Ib. 219.
- Вторая фреска въ Спасо-Преображенскомъ храмѣ. Ib. 221.
- Третья фреска въ Спасо-Преображенскомъ храмѣ. Ib. 225.
- Четвертая фреска въ Спасо-Преображенскомъ храмѣ. Ib. 227.

Музей императора Александра III. (Гипсовая модель). CVII, февраль, 617.**Нижній-Новгородъ:**

- Вокзалъ Московско-Казанской желѣзной дороги. СІХ, июль, 246.
- Слияніе Оки съ Волгой. Ib. 247.

Нордкашь мысъ. CVIII, май, 611.**Ольгинская часовня и видъ на Псковскій Кремль. СХ, октябрь, 229.****Ораны. Памятникъ Скобелеву въ лагерѣ въ Оранахъ. CVII, февраль, 607.****Пацъ:**

- Развалины замка Паца. СІХ, августъ, 595.
- Замокъ графа Паца. Ib. 601.

Печенгскій монастырь:

- Монастырская гостинница на берегу р. Княжухи. CVII, январь, 253.
- Часовня надъ могилами убитыхъ иноковъ, Ib. 255.
- Храмъ монастыря, Ib. 257.
- Мѣстность около монастыря, Ib. 259.

Подужема, село. СІХ, сентябрь, 939.

— Старо-Преображенская церковь въ Подужемѣ. Ів. 941.

— Подужемское кладбище. Ів.

— Порогъ Ужма близъ Подужемы. Ів. 943.

Поморское село. СІХ, сентябрь, 948.

Потала, дворець далай-ламы. СVІІІ, май, 525.

Псковъ:

— Икона св. Всеволода-Гавриила, покровителя Пскова, съ древнимъ изображеніемъ Троицкаго собора. СХ, октябрь, 209.

— Одна изъ комнатъ Поганкиныхъ палатъ до реставраціи. Ів. 211.

— Комната въ Поганкиныхъ палатахъ послѣ реставраціи. Ів. 213.

Рафтзундъ. Видъ пролива и берега. СVІІІ, май, 613.

Ромсдальская долина. СVІІІ, май, 623.

Рязань:

— Успенскій соборъ. СІХ, июль, 225.

— Разливъ Оки. Ів.

Свартисенъ (глетчеръ). СVІІІ, май, 615.

Сухона, рѣка. СХ, ноябрь, 649.

Сѣверная Двина, рѣка. СХ, декабрь, 1003.

— Алебастровы горы, ів.

— Берегъ Сѣверной двины близъ Пинеги, ів., 1005.

— Прибой волнъ въ Сѣверной Двинѣ, ів. 1007.

Торкхаттенъ (островъ). СVІІІ, май, 617.

Тотьма. СХ, декабрь, 983.

— Софійскій и Воскресенскій соборы, ів. 986.

— Спасо-Суморинъ монастырь, ів. 986.

— Спасо-Суморинъ монастырь. Пещера, гдѣ были обрѣтены мощи преп. Θεодосія, ів. 989.

— Спасо-Суморинъ монастырь. Богомолен въ вѣнцахъ, ів. 991.

— Спасо-Суморинъ монастырь. Сторожа въ желѣзныхъ веригахъ, ів. 993.

— Тотьма. Типъ обывательскаго дома, ів. 995.

Троки. Развалины замка князей литовскихъ въ Трокахъ, СVІІ, февраль, 603.

Трондъемъ:

— Улица монаховъ въ Трондъемѣ, СVІІІ, май, 619.

— Кафедральный соборъ въ Трондъемѣ, СVІІІ, май, 621.

Ужма порогъ, СІХ, сентябрь, 937 и 944.

— Семужій заборъ на порогъ Ужмы. СІХ, сентябрь. 944.

— Малый Семужій заборъ на порогъ Ужма. Ів. 947.

Хромова заимка. СІХ, июль, 21.

— Келія Оедора Козьмича на заимкѣ Хромова. СІХ, июль, 15.

Чугучакъ:

— Домъ чугучакскаго губернатора. СІХ, августъ, 617.

— Кумирня на чугучакскомъ базарѣ. Ів. 619.

— Статуя привратника Будды, находящаяся внутри преддверія кумирни. Ів. 621.

Шуя, село. Церкви и колокольни близъ верха. СІХ, сентябрь, 949.

III. Разные рисунки:

Возвращеніе съ фуражировки. СVІІІ, апрѣль, 173.

Дѣтскій пріютъ и учительская семинарія великой княгини Александры Николаевны. СVІІІ, апрѣль, 213.

- Забайкальскіе казаки.** CVIII, апрѣль, 161 и 165.
**Китаецъ-переводчикъ, переодѣтый нищимъ, идетъ на развѣдку въ расположе-
ніе японцевъ.** CVIII, апрѣль, 169.
Лѣтнее помѣщеніе офицеровъ. CVIII, апрѣль, 189.
Меводіевскій дѣтскій пріютъ. CVIII, апрѣль, 221.
**Могила казненнаго Камчи-бека и мѣсто погребенія его матери, Курбанъ-Джанъ-
дахты,** CX, декабрь, 973.
На посту. CVIII, апрѣль, 181.
Николаевскій дѣтскій пріютъ. CVIII, апрѣль, 209.
Образцовый пріютъ барона Штиглица. CVIII, апрѣль, 217.
Пароходъ «Преподобный Зосима». CX, ноябрь, 647.
Постъ летучей почты. CVIII, апрѣль, 185.
Разграбленіе Разнымъ Астрахани. CIX, сентябрь, 837.
— **Разинъ бросаетъ въ Волгу свою любовницу.** Ib. 841.
Сцена изъ жизни офицеровъ передоваго отряда. CVIII, апрѣль, 177.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ МАГАЗИНОВЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемѣсячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, за пересылку въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ НОЯБРЬ 1907 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 11-й.

I. Богословіе.

Берсъ, А. А. Естественная исторія чорта (его рожденіе, жизнь и смерть). Религіозно-историческое изслѣдованіе. Спб. 1907. Ц. 30 к.

— Правственность, какъ неминувемый продуктъ общественныхъ истинностей. (Дарвинизмъ въ этикѣ и роль религіи въ эволюціи этики). Спб. 1908. Ц. 40 к.

Гладковъ, Б. И. Благовѣствованіе четырехъ евангелистовъ. Спб. 1908. Ц. 20 к.

Дмитріевскій, А. А. Державные защитники и покровители Святой Земли и августѣйшіе паломники у живоноснаго гроба. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Звонарь. Ежемѣсячный литературный и церковно-общественный журналъ. Августъ. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Золотое слово вселенскаго учителя нынѣшнему вѣку. Избранныя бесѣды св. Іоанна

Златоуста. Къ 1500-лѣтію со дня кончины святителя. Спб. 1907. Ц. 60 к.

изъ исторій равнаго христіанства. Религія и церковь въ свѣтѣ научной мысли и свободной критики. М. 1907. Ц. 90 к.

Лютостанскій, И. Талмудъ и Евреи. Жидъ Саулъ Юдичъ Вайль король польскій премьерникъ Стефана Баторія. Спб. 1907. Ц. 20 к.
Манушевъ, В. Великій вселенскій учитель Іоаннъ Златоустъ. Спб. 1907. Ц. 12 к.

Михаилъ архимандритъ. Свобода и христіанство. Т. I. «Христосъ въ вѣкѣ машинъ». Вопросы религіи и общественной жизни. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Ренанъ, Э. Исторія первыхъ вѣковъ христіанства. Томъ 4-й. Антихристъ. Спб. 1907. Ц. 80 к.

Христіанинъ. Ежемѣсячное изданіе для всѣхъ ищущихъ истину и любящихъ Господа. № 10. 1907. Спб. Ц. 25 к.

II. Философія, психологія, логика.

Генкель, Э. Борьба за свободу мысли, лекціи о происхожденіи чловѣка и его положеніи въ природѣ. Спб. 1907. Ц. 35 к.

Древняя высшая магія. Теорія и практическія формулы. Спб. Ц. 80 к.

Лютгенау, Ф. Естественная и социальная религія. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Свешотъ, И. Н. Ключъ къ тайнамъ египетской астрологіи и подробныя правила и наставленія къ составленію гороскоповъ. Спб. 1907. Ц. 35 к.

Храповицкій, А. Магнетическое письмо. Популярн. очеркъ и практическіе совѣты начинающимъ. М. 1907. Ц. 65 к.

III. Словесность.

- Альтенбергъ, П. На берегу озера. М. 1908. Ц. 35 к.
- Аннуцио, Г. Наслаждение. Собрание сочинений. Т. I. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Ардовъ, Т. Вечерній свѣтъ. Сборникъ стихотвореній. М. 1907. Ц. 1 р.
- Бальмонтъ, К. Д. Три расцвѣта. Драма. Театръ юности и красоты. Спб. 1907. Ц. 60 к.
- Богуславлевъ, М. Сборникъ отверженнаго. Т. I. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Бѣдный, А. Итоги прошлаго. Заключительныя страницы изъ дневника одной надшеи. Спб. 1908. Ц. 15 к.
- Ведениндъ, Ф. Собрание сочинений. Т. I. Лулу. Духъ земли. Ящикъ Пандоры. Пляска мертвыхъ. М. 1907. Ц. 1 р.
- Фейерверкъ. Избранные рассказы. М. 1907. Ц. 60 к.
- Мине-Гала или о физическомъ воспитаніи молодыхъ дѣвушекъ. М. 1907. Ц. 60 к.
- Религія красоты. Общество улучшения человѣческой породы. Пьеса въ 5 д. Спб. 1907. Ц. 50 к.
- Вербицкая, А. Духъ времени. Романъ. Ч. I. Москва. 1907. Ц. 1 р.
- Гамсунъ, К. Полное собраніе сочинений, т. 9. Загадки и тайны. М. 1907. Ц. 1 р.
- Гауптманъ, Г. Единобіе люди. Драма. М. 1907. Ц. 10 к.
- Грядущій день. Сборникъ, вып. II. Спб. 1907. Ц. 70 к.
- Добролюбовъ, Н. А. Сочиненія. Т. I. По подпискѣ цѣна за всѣ четыре тома 4 р. Спб. 1907.
- Зудерманъ, Г. Розы. Тетралогія. М. 1908. Ц. 1 р.
- Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской общественной мысли, индивидуализмъ и мѣщанство въ русской литературѣ и жизни XIX вѣка. Спб. 1908. Т. 1 и 2. Ц. за 2 тома 3 руб.
- Карасевичъ, С. (Ющенко). Повѣсти и рассказы. Спб. 1907. Ц. 1 р.
- Королевъ, Н. Записки больного. Спб. 1907. Ц. 40 к.
- Лагерлефъ, С. Легенды о Христвъ. М. 1907. Ц. 2 р.
- Лихтенбернеръ, А. Центавры. Романъ. М. 1907. Ц. 60 к.
- Мемуары Сарры Бернаръ съ послѣсловіемъ Катулла Мендеса. Спб. 1908. Ц. 80 к.
- Минлашевичъ, В. С. Село Михайловское. Романъ. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Мордовцевъ, Д. Л. Знаменія времени. Романъ. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.
- Муйель, В. Рассказы. Т. I. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Найденовъ, С. Пьесы. Т. 1-й. Спб. Изд. 2-е. 1907. Ц. 1 р.
- Похонденія молодого графа Потовскаго, Сердечный романъ. Спб. 1907. Ц. 50 к.
- Прессъ, А. Стружки. Рассказы. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Прусь, Б. Возвратная волна. Повѣсть. М. 1907. Ц. 50 к.
- Путникъ (Н. Лендеръ). Потревоженная Россія. Картины русской революціи. Спб. Изд. А. С. Суворина. Ц. 60 к.
- Рамакришна, Т. Падмини, рассказы изъ индійской жизни. Спб. 1907. Ц. 40 к.
- Ригеръ-Наликовская, С. Женщины. 1907. Ц. 1 р.
- Сергѣевъ-Ценскій, С. Рассказы. Т. 2-й. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Соловьевъ, А. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Біографія и разборъ его главнѣйшихъ произведеній. Спб. 1908. Ц. 80 к.
- А. С. Пушкинъ. Біографическія свѣдѣнія и разборъ его произведеній для учащихся. Спб. 1908. Ц. 80 к.
- Станюковичъ, В. Путевой альбомъ. Спб. 1907. Ц. 75 к.
- Стефаникъ, В. Рассказы. Спб. 1907. Ц. 60 к.
- Тиханъ, М. Демонстративная знаменитость (эпизодъ изъ русской междоусобной войны) и другіе очерки и рассказы. Спб. 1908. Ц. 70 к.
- Федоровъ, А. Рассказы. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Флоберъ, Г. Испушенія св. Антонія. Спб. 1907. Ц. 30 к.
- Чулновъ, Г. Весною на сѣверъ. Лирика. Спб. 1907. Ц. 90 к.
- Шевченко. Кобзарь. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
- *Шенспиръ, В. Юлій Цезарь. Трагедія. Перевелъ Н. А. Холодковскій. Изданіе А. С. Суворина. Ц. 30 к.
- Шеръ, А. Рассказы. Т. I-й. М. 1907. Ц. 1 р.
- Юшневичъ, С. Король. Пьеса въ 4 д. Спб. 1908. Ц. 60 к.
- Якобсенъ, П. Четыре новеллы. Спб. 1908. Ц. 50 к.

IV. Исторія, біографія и археологія.

- Агафоновъ, Н. Казань и казанцы. К. 1907. Ц. 75 к.
- Афанасьевъ, В. Гдѣ быть музею 1812 г. М. 1907. Ц. 30 к.
- *Бальцеръ, О. Къ исторіи общественно-государственнаго строя Польши. Переводъ съ польскаго. Изданіе А. С. Суворина. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
- Бѣляевъ, В. в. Исторія города Макарьева на Унжѣ и о пребываніи въ Макарьевскомъ монастырѣ царя Михаила Феодоровича. Спб. 1907. Ц. 1 р.
- Василчъ, Г. Междуцарствіе и возстаніе 1825 года. Историческій очеркъ. Виблютека декабристовъ. М. В. 6-й. 1907. Ц. 1 р.
- Денабриста. Матеріалы для характеристики. М. 1907. Ц. 1 р.
- Елишевъ, А. И. Октябрьское вооруженное возстаніе въ Одессѣ. М. 1908. Ц. 50 к.
- Иверсенъ, В. М. Нѣсколько рѣдкихъ и

- интересных русских монетъ изъ собранія В. М. Инверсена. Спб. 1907. Ц. 1 р. 30 к.
- Кульманъ, М. К. Къ исторіи масонства въ Россіи. Спб. 1907. Ц. 40 к.
- Легенда о кончивъ Императора Александра I въ Сибири въ образъ старца Феодора Козьмича. Спб. 1907. Ц. 35 к.
- Лемке, М. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. Спб. 1908. Ц. 3 р. 50 к.
- Луньяненко, А. М. О языкѣ Несторова житія преподобнаго Феодосія Печерскаго по древнѣйшему изъ дошедшихъ списковъ. Варшава. 1907. Ц. 50 к.
- Лыщинскій, Л. Родъ дворянъ Лыщинскихъ. Матеріалы для составленія 157 родословій (Фришей, Шустамскихъ, Гаугеровъ, Перфильевыхъ, Браммеровъ, Волковыхъ, бар. Таубе, гр. Толстыхъ, кн. Троекуровыхъ, кн. Одоевскихъ, гр. Ланскихъ, Всеволожскихъ, гр. Муравьевыхъ, Озеровыхъ и др.). Спб. 1907. Ц. 3 р.
- Московскій Некрополь. Т. I. Спб. 1907. Ц. 2 р. 50 к.
- Оссовскій, А. В. Александръ Константиновичъ Глазуновъ, его жизнь и творчество. Спб. 1907. Ц. 30 к.
- Памяти декабристовъ. Альбомъ. Ц. 4 р.
- Пыпинъ, А. Н. Вѣдинскій, его жизнь и переписка. Изд. 2-е. Спб. 1908. Ц. 3 р. 50 к.
- Русскіе портреты 18 и 19 столѣтій. Т. 3-й, в. 3-й по подпискѣ. Спб. 1907. Ц. за 4 выпуска 50 р.
- Соборное уложеніе царя Алексѣя Михайловича 1649 года. М. 1907. Ц. 75 к.
- Соколовская, Т. Русское масонство и его значеніе въ исторіи общественнаго движенія. Спб. 1907. Ц. 80 к.
- Филевичъ, И. П. Изъ исторіи Карпатской Руси. Очерки галицко-русской жизни съ 1772 г. Варшава. 1907. Ц. 60.
- *Царевѣдство 11 марта 1801 г. Записки участниковъ и современниковъ (Саблукова, Вельяминова-Зернова, графа Беннгсена, Фонъ-Ведела, графа Ланжерона, Фонвизина, княгини Ливенъ, князя Чарторыйскаго, барона Гейкинга. Коцебу). Съ 17 портретами, видами и планами. Изд. 2-е дополненное. Спб. 1908. Ц. 3 р.
- Шеръ, Э. Паденіе стараго режима (1787—1789). Т. I, в. 1 и 2. Спб. 1907. Ц. кажд. вып. 1 р. 25 к.
- Янушкинъ, И. Д. Записки. Полное изданіе съ двумя портретами. Библиотека декабристовъ. Вып. 7-й. М. 1908. Ц. 85 к.

V. Сельское хозяйство.

- Бюхеръ, К. Возникновеніе народнаго хозяйства. Публичныя лекціи и очерки. Спб. 1907. Ц. 75 к.
- Кельнеръ, О. Кормленіе сельско-хозяйственныхъ животныхъ. Кіевъ. 1907. Ц. 2 р. 50 к.
- Кировъ, А. Очерки по микробиологіи (примѣнительно къ винобуренію). Кіевъ. 1907. Ц. 1 р.
- Сладковскій И. Какъ нарастаетъ дерево. М. 1907. Ц. 10 к.
- Спасская, Е. В. Вегетеріанскій столъ. 60 обѣдовъ безубойнаго питанія для четырехъ временъ года. М. 1907. Ц. 60 к.
- Страховъ, П. С. Сельско-хозяйственная архитектура. Руководство къ проектированію и постройкѣ сельско-хозяйственныхъ зданій. Изд. 2-е. Спб. 1908. Цѣна съ атласомъ 6 р.
- Труды комитета овцеводства. Т. 1-й. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
- «Хуторъ», ежемѣсячный сельско-хозяйственный журналъ. № 11, 1907. Ц. 40 к.

VI. Технологія, строительное и инженерное искусства.

Ремесла.

- Астровъ А. И. Водяныя турбины. М. 1907. Ц. съ атл. 5 р.
- Бѣлякинъ, Д. С. Краткое руководство къ микрохимическому анализу минераловъ. Спб. Ц. 60 к.
- Вадивасовъ, Ф. Общедоступный спутникъ токаря. Подборъ зубчатыхъ колосъ при токарно-винторѣзныхъ станкахъ, для нарезанія винтовъ и гаекъ. Ч. I. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к. Подписная цѣна за обѣ части 3 р.
- Видеманъ, Э. и Эбертъ, Г. Электрическая измѣренія. Спб. 1908. Ц. 2 р.
- Горнозаводчикъ и фабрикантъ. Еженедѣльная газета. № 42—43. 1907. Ц. 15 к.
- Горнозаводчикъ и фабрикантъ № 46. 1907. Ц. 15 к.
- Натунъ, А. И. «Портной». Первый російскій художественный альбомъ - учебникъ для шитья дамскаго и мужскаго платья. Спб. 1907. Ц. 3 р. 50 к.
- Ниферъ, Л. Г. Грузоподъемныя машины. Атласъ конструктивныхъ чертежей и эскизовъ, исполненныхъ воротовъ, крановъ, подъемниковъ и ихъ деталей. 63 таблицы. М. 1907. Ц. 9 р. 50 к.
- Лоренцъ, Г. Элементы высшей математики. Томъ 2-й. М. 1908. Ц. 2 р. 50 к.
- Малышевъ, В. А. и Гавриленко, А. П. Технологія дерева. М. 1907. Ц. съ атл. 2 р.
- Погодинъ, А. Судовые двигатели. Спб. 1907. Ц. 4 р.
- Полный академическій курсъ кройки мужскаго платья, 2 части Спб. 1907. Ц. за обѣ части 7 р.

Самусь, А. М. Гидравлика и гидравлическіе двигатели. Изд. 2-е. Спб. 1908. Ц. 3 р.

Серговскій, Н. Г. Стоимость и оцѣнка машинъ. Спб. 1907. Ц. 4 р.

Снѣгиревъ, А. А. Къ вопросу о постановкѣ дѣла при производствѣ работъ по по-

стройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Спб. 1907. Ц. 15 к.

Современный техникъ. Объединительный органъ техниковъ всей Россіи. № 2. 1907. Ц. 15 к.

Тилингеръ, Ф. А. Балтійско-Черноморскій морской каналъ. Спб. 1908. Ц. 1 р.

VII. Правовѣдѣніе и общественныя науки.

Альшвангъ, А. Теорія статистики, краткій курсъ по лекціямъ проф. Ю. Э. Янсона. Елисаветградъ. 1907. Ц. 60 к.

Антоновичъ, А. Бакунинъ и Шараповъ объ автономіяхъ. М. 1908. Ц. 10 к.

Бабофъ. Ученіе равныхъ. Спб. 1907. Ц. 40 к.

Берзынь, П. Земельная собственность. Рига. 1907. Ц. 15 к.

Брюнелли, П. «Молодой адвокатъ». Настольная справочная книга для начинающихъ адвокатовъ, присяжныхъ стряпчихъ и частныхъ повѣренныхъ. 1908. Ц. 1 р. 75 к.

Вѣстникъ русскаго собранія № 24 и 25. 1907. Ц. по 5 к.

Владиміровъ, Л. Е. Курсъ уголовного права. Ч. I. Основы нынѣшняго уголовного права. М. 1908. Ц. 2 р. 50 к.

Владимірскій-Будановъ, М. Ф. Обзоръ исторіи русскаго права. Изд. 5-е, Кіевъ. 1970. Ц. 4 р.

Геллеръ, К. Половой вопросъ и школа. Спб. 1908. Ц. 50 к.

Головановъ, В. Земельный вопросъ во второй Государственной Думѣ. Спб. 1907. Ц. 20 к.

Гольдштейнъ, I. М. Экономическая политика. В. I. Союзы предпринимателей, исторія и теорія. М. 1908. Ц. 60 к.

Горемыкинъ, М. И. Аграрный вопросъ, нѣкоторые данныя къ обсужденію его въ Государственной Думѣ. Спб. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

Гроссенъ, Г. Въ заграничномъ университетѣ. Наброски. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Демченна, Я. Противорѣчія и несообразности въ нашей внутренней политикѣ. Кіевъ. 1907. Ц. 10 к.

Динанскій, М. Г. Квартирный вопросъ и социальныя опыты его рѣшенія. 1908. Ц. 2 руб.

Діонео. На темы о свободѣ, сборникъ статей, ч. 1 и 2. Спб. 1908 г. Ц. по 1 р. 25 к.

Дьякъ. Ограничена ли власть монарха по законамъ Россійской Имперіи. Спб. 1907. Ц. 30 к.

Есиповъ, В. В. «Революція» въ Россіи. Популярныя очерки. Варшава. 1907. Ц. 50 к.

Женская проституція, врожденныя и случайныя прѣстутки, ихъ свойства, нравы и привычки. М. 1908. Ц. 50 к.

За рубежомъ. Международный социалистическій конгрессъ въ Штутгартѣ. Спб. 1907. Ц. 60 к.

Ильинъ, В. За 12 лѣтъ. Собраніе статей. Т. I. Два направленія въ русскомъ марксист-

мъ и русской социаль-демократіи. Спб. 1908. Ц. 2 р. 50 к.

Каблуковъ, Н. Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи. Очерки по экономіи земледѣвнія и земледѣлія. Изд. 2-е. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Конституціонная хартія 1815 года и нѣкоторые другіе акты бывшаго царства Польскаго. (1814—1881). Спб. 1907. Ц. 75 к.

Кояловичъ, А. Къ вопросу о русско-польскомъ соглашеніи. Варшава. 1907. Ц. 20 к.

Красножень, М. Наканунѣ церковной реформы. Юрьевъ. 1907 г. Ц. 40 к.

— Его же. Церковное право, руководство для духовенства и гг. студентовъ. Юрьевъ. 1907. Ц. 2 р.

Кропоткинъ, П. Взаимная помощь, какъ факторъ эволюціи. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Левитскій, В. Ф. Къ вопросу объ экономическомъ значеніи крупныхъ и мелкихъ заводско-земледѣльческихъ хозяйствъ. Харьковъ. 1907. Ц. 30 к.

Леруа, А. Старое и новое право. Къ столѣтію кодекса Наполеона. Спб. 1907. Ц. 50 коп.

Лорія, А. Финансовая политика какъ результатъ и орудіе интересовъ владѣльческихъ классовъ. М. 1907. Ц. 50 к.

Люппенау, Ф. Естественная и социальная религія. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Лянченковъ, М. С. 1900—1906 гг. Распоряженія и циркуляры по эксплуатаціи и постройкѣ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Вып. 1. Спб. 1907. Ц. 2 р. 50 к.

Марисъ, К. и Энгельсъ, Ф. Литературное настѣдѣе. Одесса. Спб. 1908. Ц. 2 р. 25 к.

Науманъ, Ф. Демократія и императорская власть. М. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Озеровъ, И. X. Основы финансовой науки. Вып. II. Бюджетъ. — Формы взиманія. — Мѣстные финансы. — Государственный кредитъ. Изд. 2-е. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

— Его же. Что такое общество потребителей, какъ его основать и вести. Изд. 2 е. М. 1908. Ц. 35 к.

«Окраины Россіи». Еженедѣльная газета № 41. 1907. Ц. 10 к.

Португаловъ, О. В. Мужичья преступность. Саратовъ. 1907 г. Ц. 15 к.

Преображенскій, Я. На злобу дня. Кронштадтъ. 1908. Ц. 15 к.

Ринардо, Д. Собраніе сочиненій. Т. I. Начала политической экономіи и податного обложенія. Спб. 1908. Ц. 2 р.

Русановъ, И. С. Соціалисты Запада и Россіи. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

- Семеновъ, Л. У очага хищней. Политическая фантазія. Продолженіе Диктатора. М. 1907. Ц. 10 к.
- Смасырскій, И. И. Одинъ семестръ въ американскомъ технологическомъ институтѣ. Спб. 1908. Ц. 60 к.
- Стрельскій, П. Новая секта въ рядахъ социалистовъ. М. 1907. Ц. 1 р.
- Толстой, И. И. и Гессенъ, Ю. Факты и мысли Еврейскій вопросъ въ Россіи. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
- Трепицынъ, И. Н. Приобрѣтеніе движимостей въ собственность отъ лица, не имѣющихъ права на ихъ отчужденіе. Варшава. 1907. Ц. 3 р. 50 к.
- Troubetzkoj, G. La politique russe en orient le scisme bulgare. Paris. 1907. Prix 60 sor.
- Уголовное право. Конспектъ, составленный примѣнительно къ программѣ государственной юридической испытательной коммиссии 1907 г. въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ. М. 1907. Ц. 1 р.
- Цытовичъ, М. М. Принудительное отчужденіе и аграрный вопросъ. Кіевъ. 1907. Ц. 50 коп.
- Чуровъ, А. И. Статистика. Кіевъ. 1907. Ц. 2 р.
- Шараловъ, С. Соціализмъ, какъ религія ненависти. М. 1907. Ц. 5 к.
- Шечновъ, Г. О русской Россіи. М. 1908. Ц. 5 к.
- Шоффаль, Парламентаризмъ. М. 1907 г. Ц. 15 к.
- Штиръ-Зомло, Ф. Политика въ связи съ государственнымъ правомъ. Спб. 1907. Ц. 80 к.
- Юшкевичъ, В. А. Храненіе (custodia), какъ основаніе владѣнія движимостью. М. 1907 г. Ц. 25 к.

VIII. Медицина, гигиена и анатомія.

- Абрамовъ, С. С. Патогенные микроорганизмы. Ихъ роль въ этиологии, патологіи и эпидемиологии заразныхъ болѣзней. Краткое пособіе при изученіи бактериологіи для врачей и студентовъ. М. 1908. Ц. 3 р.
- Беренштейнъ, А. Н. Экспериментально-психологическая методика распознаванія душевныхъ болѣзней. М. 1908. Ц. 35 к.
- Бидеть, Дитя. Руководство по уходу за больнымъ и здоровымъ ребенкомъ со дня его рожденія до школьнаго возраста. Кіевъ. 1908. Ц. 2 руб.
- Бобровъ, А. А. Курсъ оперативной хирургіи. Изд. 6-е. М. 1908. Ц. въ перепл. 5 р. 25 коп.
- Браунъ, Л., Штрассеръ, А., Бумъ, А. Терапія болѣзней сердца. М. 1907. Ц. 1 р.
- Выходцевъ, И. П. Вожжомъ. Очерки и терапевтическія наблюденія у источника. Спб. 1907. Ц. 40 к.
- Давидъ, М. Основы ортопедической хирургіи. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
- Манель, В. Гигіена. М. 1908. Ц. 2 р.
- Менигъ, Учебникъ общей хирургіи. Т. II. Спб. 1907. Ц. 4 р.
- Носсмаръ, Р., и Вейссъ, Ю. Здоровье, его сохраненіе, разстройства и восстановленіе. Настольная книга для семьи. Т. I-й (первая половина). Спб. 1907. Ц. въ перепл. 3 р. 50 коп.
- Маларевскій, М. И. Онанизмъ и борьба съ нимъ съ точки зрѣнія врача-педагога. Спб. 1907. Ц. 30 к.
- Матюшенскій, А. И. Половой рынокъ и половая отношенія. Спб. 1908. Ц. 60 к.
- Пасельцаръ, А. А. Лечение почечныхъ заболѣваний климатомъ пустыни Гелуанъ. Спб. 1908 г. Ц. 25 к.
- Пьерри, В. Гигіена умственнаго труда. Спб. 1907. Ц. 80 к.
- Рыбальченко, Л. В. Къ вопросу объ оздоровленіи гор. Самары. (Медико-санитарное изслѣдованіе). Спб. 1907. Ц. 1 р. 20 к.
- Фишеръ, Ф. Ф. Лечение магическими, оккультическими симпатическими средствами (съ рецептами). Спб. 1907. Ц. 75 к.
- Фореель, А. Алкоголь, наслѣдственность и половая жизнь. Спб. 1907. Ц. 50 к.
- Эрбштейнъ, М. С. Анатомія, физиологія и гигиена дыхательныхъ и голосовыхъ органовъ, курсъ для пѣвцовъ и ораторовъ. Спб. 1908. Ц. 1 р.

IX. Искусство.

- Альбомъ исторической выставки предметовъ искусства 1904 г. въ С.-Петербургѣ. Спб. 1907. Ц. 30 р.
- Журналъ театра Литературно-Художественнаго общества № 5. Спб. Ц. 15 к.
- Тоже. № 6. Ц. 15 к.
- *Картины Императорскаго Эрмитажа въ С.-Петербургѣ, съ объяснительнымъ текстомъ А. И. Сомова, вып. 10-й. Спб. Изданіе А. С. Суворина. Цѣна по подпискѣ за 12 вып. 75 р.
- Клингеръ, М. Живопись и рисунокъ. Спб. 1907. Ц. 50 к.
- Плотель, X. Историческій очеркъ стенографіи, ея культурное, экономическое и общественное значеніе. Одесса. 1907. Ц. 10 к.
- Русскій музей Императора Александра III. Выпуски 18-й и 19-й. М. Цѣна по подпискѣ за 25 вып. 50 р.
- «Театръ и Искусство». Журналъ № 41. 1907. Ц. 20 к.
- Тоже. № 42. 1907. Ц. 20 к.
- Тоже. № 43. 1907. Ц. 20 к.

Х. Военное и морское дѣло.

- Винененъ. Русско-Японская война, Вып. I. Спб. 1908 г. Ц 2 р.
- Гершельманъ, Ф. Кавалерія въ войнахъ XX вѣка. Спб. 1908. Ц. 2 р.
- Лепко. Справочникъ старшаго офицера по внутренней жизни корабля. Спб. 1907. Ц. 1 р. 25 к.
- Мановры китайскихъ войскъ въ окрестностяхъ города Чжанъ-дэ-Фу въ Хенань-ской провинціи. въ 1906 г. Спб. 1908. Ц. 3 р.
- Монинъ, Е. Н. Последнее слово генералу Стесселю. Спб. 1907. Ц. 20 к.
- Олливе, Э. Уроки морскихъ войнъ Дальняго Востока и испано-американской. Спб. 1907. Ц. 1 р.
- Шпоиъ. Воспитаніе солдата для службы въ военное и мирное время. Спб. 1907. Ц. 1 р.

XI. Воспитаніе, обученіе и учебники.

- Березинъ, Н. Начальная географія. Спб. 1908. Ц. 60 к.
- Гартвигъ, А. Школьная реформа снизу. М. 1907. Ц. 50 к.
- Гертвигъ, Р. Учебникъ зоологіи. Изд. 4-е. 1908. Ц. 5 р.
- Иданова, С. Курсъ стенографіи. М. 1907. Ц. 75 к.
- Завьяловъ, В. В. Учебникъ анатоміи и физиологіи человѣка для средн. учебн. заведеній. Кіевъ. 1907. 90 к.
- Мамлашинъ, В. Начальная физика. Курсъ женскихъ гимназій. Орель. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
- Militsina, L. Le français pour tous. № 3. Саратовъ. 1907. Ц. 35 к.
- Мюнхъ, В. Родители, учителя и школы нашего времени. М. 1908. Ц. 50 к.
- Ноакъ, Н. Сборникъ задачъ для практическихъ работъ по физикѣ въ средней школѣ. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.
- Немыций, В. Краткій учебникъ зоологіи. Спб. 1907. Ц. 1 р. 25 к.
- *Палладинъ, В. И. Физиологія растений. Изд. 5-е. Спб. 1908. Ц. 2 р. 50 к.
- Песоцій, П. Пособіе къ ученію пространнаго христіанскаго катехизиса. Спб. 1907. Ц. 80 к.
- Промгольдъ, С. Игры со спичками, задачи и развлечения. Одесса. 1907. Ц. 50 к.
- Радванъ Рыпинскій, Е. В. Международный языкъ «Эсперанто». Полный практическій учебникъ. Спб. 1908. Ц. 15 к.
- Рашевскій, К. И. Основанія аналитической геометріи, учебникъ для дополнительнаго класса реальныхъ училищъ. М. 1908. Ц. 50 к.
- Ростовцевъ, С. И. Начальный курсъ практическихъ занятій по анатоміи растений для школъ и самообразованія. Ч. 1-я. Кляточка и ткани. М. 1907. Ц. 1 р.
- Рюле, О. Дѣти пролетаріата. М. 1907. Ц. 30 к.
- Симоновичъ, А. С. Дѣтскій садъ. Практическое руководство для дѣтскихъ садовницъ. Изд. 3-е. М. 1907. Ц. 3 р.
- Синюхаевъ, Г. Пособіе Гоголя. Пособіе и хрестоматія. Ч. 1-я. По исторіи русской литературы XIX вѣка. Спб. 1908. Ц. 1 р. 45 к.
- Успенскій, М. И. Обществовѣдніе въ начальной школѣ. Спб. 1908. Ц. 10 к.
- Флеугъ. Наши дѣти въ гимназій. Тѣло и душа ребенка. Ч. 1-я. Физическая жизнь. М. 1907. Ц. 40 к.
- Чернышевъ, В. Педагогическіе взгляды А. Н. Радищева. Спб. 1907. Ц. 10 к.
- Штиль, С. Обязанность матери. (О половой педагогикѣ). М. 1907. Ц. 20 к.

XII. Книги для дѣтей и юношества.

- *Вернь, Жюль. Восемьдесятъ тысячъ верстъ подъ водою, путешествія подъ волнами океана. Изданіе 4-е. Спб. 1907 г. Цѣна въ паукѣ 2 р. 25 к., въ переплетѣ 2 р. 75 к.
- Золотое дѣтство. Журналъ для дѣтей. № 1. 1907. Ц. 20 к.
- Пушкинъ, А. С. Русланъ и Людмила. Изданіе для дѣтей. Спб. 1907. Ц. 75 к.
- Рейнне-Лисъ-Хитродумъ. Передѣлано съ нѣмецкаго Н. И. Позняковымъ. Изд. 2-е. Спб. Ц. 2 р. 20 к.
- Сказки: Горшения. Свѣгурочка. Рисунки Г. Нарбута. Спб. 1907. Ц. 1 р.
- Союновина, Л. Въ помощь матерямъ, Собраніе разказовъ для дѣтей отъ 4 до 8 лѣтъ. М. 1907. Ц. 60 к.

XIII. Естествознаніе.

- Вальтеръ, I. Первые шаги въ наукѣ о землѣ. Общедоступное введеніе и наставленіе къ производству наблюденій. М. 1907. Ц. 70 к.
- Клоссовскій, А. Метеорологія, ч. 1. Статическая метеорологія. Одесса. 1908. Ц. 4 р.
- Нечаевъ, А. И. Извъ подземнаго міра. Разсказы о полезныхъ для человѣка камняхъ и о людяхъ, ихъ добывающихъ. М. 1908. Ц. 50 к.

При каждомъ № „НИВЫ“ независимо отъ другихъ приложений, подписчики получаютъ по одной книгѣ. Новые подписчики, выписывающіе также (за 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.) 10 книгъ соч. гр. А. К. Толстого за 1907 г., получаютъ ихъ при одномъ изъ первыхъ №№ „Нивы“ 1908 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1908 ГОДЪ
(39-й годъ изданія)

на еженедѣльный иллюстриро-
ванный

ЖУРНАЛЪ
со многими приложениями

НИВА.

Гг. подписчики „НИВЫ“ получаютъ въ течение 1908 года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала „НИВА“, заключающаго въ себѣ романы, повѣсти и рассказы, гравюры, рисунки и иллюстраціи современныхъ событий.

40 КНИГЪ „Сборника Нивы“, отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ на хорошо глазированной бумагѣ и содержащихъ:

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ ВЪ

28 КНИ-
ГАХЪ Глѣба Ив. УСПЕНСКАГО

Съ обширной критико-биографической статьёю Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Глѣбъ Успенскій—писатель-гражданинъ въ высшемъ смыслѣ этого великаго и близкаго намъ отнынѣ слова. Въ сочиненіяхъ его читатель встрѣтитъ всѣхъ представителей общественнаго слоёвъ дореформенной и пореформенной Россіи. Глѣбъ Успенскій, по мѣткому выраженію критики, протягиваетъ правую руку гр. Льву Толстому, а лѣвую Салтыкову-Щедрину, соединяя своимъ писательскимъ гениемъ этихъ двухъ корифеевъ нашей литературы. Общепризнанный всей русской критикой, истинный художникъ слова, Глѣбъ Успенскій, какъ тонкій психологъ, увлекательный и поучительный повѣствователь, по живости, мѣткости и типичности языка не имѣетъ себѣ равнаго.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ ВЪ

10 КНИ-
ГАХЪ Гергарта ГАУПТМАНА

Въ образцовыхъ переводахъ извѣстныхъ писателей, съ критико-биографич. очеркомъ.

Гауптманъ, стоящій во главѣ всей современной драматической литературы, какъ писателя, представляетъ собою рѣдчайшее соединеніе философа съ поэтомъ, безпощаднаго реалиста съ тонкимъ лирикомъ. Произведенія Гауптмана обошли весь миръ и ставились на всѣхъ выдающихся сценахъ Западной Европы и у насъ, въ Россіи. Пьесы Гауптмана глубоко интересны не только на сценѣ, но и въ чтеніи: онѣ читаются, какъ романы, полная драматическаго дѣйствія и движенія, всегда захватывающія искусно задуманной и выполненной фабулой.

ДНЕВНИКЪ И ПИСЬМА ВЪ

2 КНИ-
ГАХЪ гр. Алексѣя ТОЛСТОГО

Касаясь самыхъ основныхъ вопросовъ жизни, литературы и искусства, „Дневникъ“ и „Письма“ гр. А. К. Толстого явятся идейнымъ дополненіемъ къ его сочиненіямъ въ видѣ IV тома (11-й и 12-й книгъ) „Собранія Сочиненій“.

12 КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“, содержащихъ романы, повѣсти, рассказы, популярно-научныя и критическія статьи современныхъ авторовъ съ иллюстраціями и отдѣлы библиографіи, смѣси, шахматовъ и шашекъ, задачъ и разныхъ игръ.

12 №№ „ПАРИЖОНСХЪ МОДЪ“, до 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ на разнообразныя вопросы подписчиковъ.

12 ЛИСТОВЪ рисунковъ (около 300) для рукодѣльныхъ, выпильныхъ работъ и для вынганія и до 300 чертёжей выроекъ въ натуральную величину.

1 „СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1908 годъ, отпечатанный красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложениями на годъ:

въ С.-Пе- безъ доставки . . . 6 р. 50 к.
тербургѣ: | съ доставкой . . . 7 р. 50 к.
Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ конторѣ и, Печков-
ской — 7 р. 25 к.; 2) въ Одессѣ, въ книжн. магаз.
„Образованіе“—7 р. 50 к.

Съ пересылкою
во всѣ мѣста
Россіи. **8** р.
За границу—12 р.

Допускается разсрочка платежа въ 2, 3 и 4 срока. Новые подписчики, желающіе получить, кромѣ „Нивы“ 1908 г. со всѣми ея приложениями, еще 10 книгъ соч. гр. А. К. ТОЛСТОГО за 1907 г., доплачиваютъ одновременно при подпискѣ, безъ доставки въ СПБ. — 2 руб.; съ дост. въ СПБ. и съ пересылкой иногороднымъ и за границу—2 р. 50 к.

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается бесплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя, № 22.

«ВОТОР. ВОСТН.», ДЕКАБРЬ, 1907 г., т. сж.

XXXII ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1908 ГОДЪ

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1го НОЯБРЯ 1907 г.

ПЕРВЫЕ №№ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

МЛАДШАГО ВОЗРАСТА

Г. годовые подписочный журнал "З. С." для детей (отъ 9 до 9 лѣтъ) по рублю

52 №№ и 42 ПРЕМИИ.

Въ числѣ послѣднихъ: дѣтъ болѣе картинъ-панно въ журналахъ "ДУЗЬ-ВЯЖУШИИ" и "ЗАМОТЪ-ЛЮКОМЪ"; 12 новыя игръ и занятія на воскрес. и черн. доскахъ; 12 выд. "МАЛЕНЬКІИ РУССКІИ ИСТОРИИ"; 6 выд. "БИБЛИОТЕКИ МАЛЕНЬКАГО ЧИТАТЕЛЯ"; 12 выд. "МУРЛАДА МУРЪДИНИ" и ин. др.

Кромѣ того, при каждомъ изданіи будутъ высылаться: "ДЕДЛОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕЧКА" и "ДЕТСКІИ МОДЫ".

Подписная цѣна ежегодно изданаго "Задушевнаго Слова", со всѣми объявленными преміями и приложеніями, съ доставкой и перевозкой, — за годъ ПЯТЬСОТЪ РУБЛЕЙ.

Допускается распрочека на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) къ 1 февраля и 3) къ 1 мая — по взаимному согласенію съ редакціей. Адресъ: въ конторы "ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА", при Князьихъ мѣстечкахъ Т-ва М. О. Волковъ-С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Тост. Дворъ, 18, или 2) Невскій, 13.

ЗА ГОДЪ — 6 РУБЛЕЙ. РАЗСРОЧКА — ПО 2 РУБЛЯ.

СТАРШАГО ВОЗРАСТА

Г. годовые подписочный журнал "З. С." для детей (отъ 9 до 14 лѣтъ) по рублю

52 №№ и 37 ПРЕМИЙ.

Въ числѣ послѣднихъ: АНГАРЕДНЮ КАРТИНУ — "ЖЕРТВА ПИРАТОВЪ"; историческ. повѣсть Д. А. Черной "ДАНЬ ЦЕСА-РЕВНИ" съ илл.; трагед. "ГОЛОДЪ ВЪ МАЛОСТРАНЦАХЪ"; 12 картинъ изъ ПОВѢСТЕЙ "РАЗСКАЗОВЪ" и ПЬЕСЪ для юношества; "КАМЕНДАРЬ" съ замечат. и ин. др.

Подписная цѣна ежегодно изданаго "Задушевнаго Слова", со всѣми объявленными преміями и приложеніями, съ доставкой и перевозкой, — за годъ ПЯТЬСОТЪ РУБЛЕЙ.

Допускается распрочека на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) къ 1 февраля и 3) къ 1 мая — по взаимному согласенію съ редакціей. Адресъ: въ конторы "ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА", при Князьихъ мѣстечкахъ Т-ва М. О. Волковъ-С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Тост. Дворъ, 18, или 2) Невскій, 13.

ЗА ГОДЪ — 6 РУБЛЕЙ. РАЗСРОЧКА — ПО 2 РУБЛЯ.

XXXIII ГОДЪ ИЗДАНІЯ

II-й г. Изданія.

II-й г. Изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1908 Г.

НА

„ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“

Ежемесячный иллюстрированный журналъ, съ 48 безпл. приложеніями — «ДНЕВНИЧКИ» — и 1-й преміей-книгой беллетристическаго содержанія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе извѣстные писатели и ученые.

Программа журнала: романы, повѣсти, рассказы, этнографическіе, историческіе и біографическіе очерки, драматич. произведенія, этюды и статьи по вопросамъ этики, религіи, литературы, сельскаго хозяйства, науки, искусства, критика и библіографія, обзоры журналовъ, худож. музыкальн. и театральн. замѣтки, сатира, юморъ (тексты и рисунки, карикатуры) — и пр. Смѣсь, выдержки изъ печати, письма изъ разныхъ мѣстъ, отвѣты на запросы читателей. Въ каждой книжкѣ „ВЕСЬДА“ по текущимъ и „вѣчнымъ“ вопросамъ (этика, жизнь, литература, политика). Помимо постоянныхъ иллюстрацій въ текстѣ, по мѣрѣ надобности, къ книжкамъ журнала будутъ прилагаться картины и портреты на отдѣльныхъ листахъ (на толстой мѣловой бумагѣ), изъ которыхъ можно потомъ составить интересный кипсекъ на столѣ.

ВСѢ ГОДОВЫЕ подписчики (хотя бы и подпис. въ разсрочку) получаютъ:

12 №№ ежемѣс. иллюстрир. журнала.

48 №№ «ДНЕВНИЧКОВЪ» (безплатн. прилож.), изъ которыхъ

12 подъ назв. «ЗАПРОСЫ ДУХА», посв. религіозно-церковно-этической области (Истина и заблужденія духа въ поискахъ ея: статьи о церк. строѣ, о бытѣ дух., замѣтки, хроника, библіографія).

12 подъ назв. «СЕМЬЯ и ШКОЛА» посв. вопросамъ образованія, воспит., школьн. хрон., сельск. хоз., вообще обиходу, гигиенѣ, медицинѣ, дѣтск. и женск. вопрос. Изрѣдка разск. для дѣтей. Полезн. совѣты для дома, здоровыя развлеченія. Въ помощь воспит. и родит. указанія при выборѣ книгъ.

12 подъ назв. «РОДНАЯ СТАРИНА», посв. прошлому Россіи. (Статьи, замѣтки, рассказы, библіографія, жизнеоп. и пр.)

12 подъ назв. «ВОЕННЫЕ ОТГОЛОСКИ», посв. вопросамъ военного строя и быта. (Статьи, очерки, замѣтки, хроника и библіогр.)

1 Премія-книга беллетристическаго содержанія.

Всѣ подписчики, добав. къ подп. платѣ 5 к., получ. брошюру «Въ чемъ счастье».

Книжки «Дневника Писателя» будутъ выходить въ 20-хъ числахъ, причемъ май—іюнь и іюль—авг. двойными книжками, въ увеличенномъ объемѣ, равно какъ и «Дневнички» при нихъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	БЕЗЪ ДОСТАВКИ:	СЪ ДОСТ. въ МОСКВѢ и пер. по ИМПЕРІИ:
Годъ	3 р. 20 к.	3 р. 60 к.
½ года	1 » 80 »	2 » — »
3 мѣс.	не прин.	1 » 25 к.

Разсрочка для всѣхъ желающихъ: 2 руб. при подп. и 1 р. 60 к. къ 1-му марта. Для полков. и ротн. библіотекъ и для всѣхъ казен. и обществ. учрежденій, для лицъ подп. за поруч. гл. казначеевъ разср. по соглашенію съ редакціей, причемъ: на 10 оплачен. экз. 1 экз.—безплатный. Кн. маг. и конторамъ, приним. подписку, 20 к. уступки съ экз. при условіи годов. подп. и внесеніи подп. цѣны полностью.

АДРЕСЪ: Москва, Тверская, д. графини Олсуфьевой, контора журнала «Дневникъ Писателя» (Редакція тамъ же).

Редакторъ-Издатель **А. В. Кругловъ.**

4*

— Открыта подписка на 1908 годъ —

На еженедѣльный иллюстрированный журналъ
ПУТЕШЕСТВІЙ И ПРИКЛЮЧЕНІЙ НА СУШЬ И НА МОРЬ

ВОКРУГЪ СВѢТА

Изд. XXIV г.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

50 №№ иллюстрированного журнала.

Романы, повѣсти, очерки и рассказы новѣйшихъ европейскихъ и американскихъ писателей, изображающіе различныя приключенія на сушѣ и на морѣ. Необычайныя и живописныя путешествія по землѣ, подъ землею, по воздуху и вокругъ всей необъятной вселенной. — Диковинки животнаго и растительнаго міра. — Новѣйшія научныя открытія и изобрѣтенія человѣческаго гения. — Жизнеописанія выдающихся ученыхъ и друзей человечества. — Событія русской и иностранной жизни. — Зимній и лѣтній спортъ. — Шахматы. 1.200 столбцовъ иллюстрирован. текста.

Содержательныя и разнообразныя бесплатныя преміи:

14 КНИГЪ иллюстрированныхъ сочиненій

знаменитаго французскаго ученаго астронома, единственнаго въ своемъ родѣ современнаго популяризатора знаній о звѣздахъ и талантливаго писателя, уносящаго читателя на крыльяхъ живой фантазіи и смѣло научной мысли въ далекіе небесные міры.

КАМИЛЛА ФЛАММАРІОНА.

Многочисленность обитаемыхъ міровъ и условія существованія живыхъ твореній на этихъ мірахъ. — Люменъ. Разговоръ астронома съ душой умершаго друга. — Исторія одной кометы. Въ странствованія среди безконечности и встрѣча съ землею. — Въ безконечности. Фантастическій рассказъ. — Стелла. Звѣздный романъ. — Конецъ міра. Фантастическій очеркъ гибели нашей планеты. — Ураган. Звѣздный романъ. — Въ небесахъ и на землѣ. Очерки и рассказы. — Лунный свѣтъ. Повѣсть.

10 КНИГЪ „необыкновенные рассказы“
ЭДГАРА ПОЭ.

Эдгаръ Поэ — выдающійся американскій писатель. Всѣ его произведенія носятъ чрезвычайнo фантастическій характеръ и оставляютъ у читателя неизгладимое впечатлѣніе.

Кромѣ того, съ приплатою **ОДНОГО РУБЛЯ** подписчики «Вокругъ Свѣта» получаютъ

12 ВЫПУСКОВЪ (болѣе 1000 стр. текста и 200 рис. **ТЫСЯЧА**
полнаго богато иллюстрированнаго собранія восточныхъ сказокъ знаменитаго арабскаго эпоса **ШЕХЕ-ОДНА НОЧЬ**
РАЗАДЫ стоящихъ въ отдѣльной продажѣ 3 руб.)

Настоящее изданіе не имѣетъ ничего общаго съ тѣми многочисленными дѣтскими передѣлками и неполными переводами, которые обыкновенно предлагаются на книжномъ рынкѣ. Предлагаемое намѣ изданіе является полнымъ переводомъ съ позднѣйшаго исправленнаго и дополненнаго англійскаго изданія, сдѣланнымъ извѣстной переводчицей Л. Шелгуновой.

ЦѢНА НА ГОДЪ

Безъ сборника сказокъ
„ТЫСЯЧА

4 р. ОДНА НОЧЬ
съ ПЕРЕСЫЛ-
ной и ДОСТАВКОЙ.

РАЗСРОЧКА:

при подпискѣ 2 р.
къ 1 апрѣля 2 р.
къ 1 іюля 1 руб.

Адресъ конторы журн. «Во-
кругъ Свѣта»: Москва, Твер-
ская улица д. Т-ва И. Д. Сытина

Изд. Т-ва И. Д. СЫТИНА.

ЦѢНА НА ГОДЪ

Съ собр. сказокъ
„ТЫСЯЧА

5 р. ОДНА НОЧЬ
съ ПЕРЕСЫЛ-
ной и ДОСТАВКОЙ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Растовѣ-на-Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовья и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

